This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 1300.40

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

IN MEMORY OF
FRANKLIN TEMPLE INGRAHAM
CLASS OF 1914

SECOND LIEUTENANT
COAST ARTILLERY CORPS
UNITED STATES ARMY

WELLESLEY, MASSACHUSETTS
MAY 23, 1891 APRIL 11, 1918

TIFFANY & CO

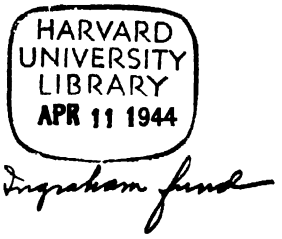
М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ
МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.
1867 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.
—
1897.

Slav 1380.40



Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда.

1867 годъ.

Указатель статей [1]).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2]).

Прогрессъ Россіи за послѣдніе шесть лѣтъ въ связи съ пробужденіемъ въ ней національнаго сознанія. 23.

Годовщина 4-го апрѣля 1866 г. (Покушеніе Каракозова). 75.

Неразрывная связь русскаго народа съ верховною властью. 88—А.

Цѣльность и однородность русскаго государства (по поводу открытія этнографической выставки въ Москвѣ). 89.

Московская этнографическая выставка. (Псевдореализмъ въ изображеніи крестьянскаго быта). 94.

Покушеніе Березовскаго. 115. 126—Б.

Добрыя отношенія между Россіей и Франціей соотвѣтствуютъ истиннымъ интересамъ обѣихъ державъ. 117.

Замѣтка о помилованіи Березовскаго сенскимъ ассизнымъ судомъ. 116—А.

Процессъ Березовскаго. Недостатки французскаго судопроизводства и неправильная постановка адвокатуры. 152.

Непріязнь Европы къ Россіи и причины ея. 188.

Бракъ Великой Княжны Ольги Константиновны съ королемъ Эллиновъ. 228—А.

Вопросъ о распространеніи учебнаго и литературнаго значенія инородческихъ языковъ. 267.

Привилегированное положеніе иностранцевъ пріобрѣтающихъ земли въ Россіи. 270.

Администрація.

Жалоба кн. Друцкаго-Соколинскаго на бездѣйствіе мѣстныхъ властей. 54.

Случаи злоупотребленія административною и полицейскою властью. 155.

По поводу злоупотребленія Бирскаго исправника. 192—Б.

Можетъ ли, и въ какой мѣрѣ можетъ, каждый гражданинъ слѣдить за исполненіемъ закона и соблюденіемъ общественнаго порядка. 219.

Военное дѣло.

Статья полковника Анненкова о примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ перевозкѣ войскъ. 7—Б.

Важность военнаго вопроса и необходимость участія въ немъ общества. Трудъ ген. Обадѣева „Вооруженныя силы Россіи“. 67.

Система резервовъ. 72.

Подвижныя боевыя силы Россіи и обезпеченіе ихъ резервомъ. Вопросъ о постоянномъ ополченіи. 87.

Частныя общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ за границей и въ Россіи. Предполагаемое учрежденіе подобнаго общества подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы. 107.

Устройство положенія отставныхъ и безсрочно отпускныхъ нижнихъ чиновъ. 160.

Первый выпускъ *Военно-Статистическаго Сборника*. 271.

Беззащитность нашей западной границы. 276—А.

Три элемента оборонительной силы государства: армія, желѣзныя дороги и система укрѣпленій. Необходимость проведенія Московско-Брестской ж. д. и постройки укрѣпленій подъ Вильной и Староконстантиновымъ. 277.

Необходимость укрѣпленій на западной границѣ. Понятіе активной обороны и роль, которую при ней играютъ укрѣпленія. 278.

Горное дѣло.

Положеніе горной промышленности въ Россіи. 237.

Вліяніе таможеннаго тарифа на горное дѣло. 279.

Еврейскій вопросъ.

По поводу предполагаемыхъ мѣръ къ упраздненію кагальнаго устройства еврейскихъ обществъ Западнаго края. 212—Б.

Западный край.

Обзоръ административныхъ мѣръ по землевладѣнію въ Западномъ краѣ за послѣднія 30 лѣтъ. 32.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первыя, вторыя или третьи статьи въ данномъ нумерѣ. Указаніе страницы при нумерѣ означаетъ часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы касающіеся Россіи затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Дѣятельность мировыхъ посредниковъ въ Западномъ краѣ. 33.
Положеніе дѣла по обрусенію землевладѣнія въ Западномъ краѣ и вліяніе на него бюрократіи. 50.
Объ усиленіи русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ. 56.
Причина неуспѣшности дѣла по водворенію русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ. 90.
Польское дѣло, его союзники и причина его смѣлости. Мѣра къ водворенію русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ. 120.
Товарищество Пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ и его дѣятельность. 121.
Польскія интриги въ административныхъ сферахъ. Судьба вопроса о русскомъ землевладѣніи въ Западномъ краѣ въ 40-хъ годахъ. 123.
Антиправительственная пропаганда въ Западномъ краѣ и водореніе русскаго землевладѣнія, какъ средство борьбы съ нею. 126.
Въ защиту самостоятельнаго существованія Товарищества Пріобрѣтателей имѣній въ Западномъ краѣ. 127.
Слухи объ отмѣнѣ указа 10 декабря 1865 г. Смыслъ и значеніе указа 10 декабря. 130. 217.
Необходимость усиленія русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ. Дѣятельность Товарищества Пріобрѣтателей имѣній и нежелательность поглощенія его Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. 137.
Закрытіе Товарищества Пріобрѣтателей имѣній. Результаты дѣятельности Виленской ссудной кассы Товарищества за время ея существованія. 138.
Затруднительно ли обрусеніе землевладѣнія въ Западномъ краѣ? Средства поставить дѣло выдачи ссудъ на прочныхъ основаніяхъ. 139.
Противъ передачи дѣла выдачи ссудъ на покупку имѣній въ Западномъ краѣ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. 143—Б.
Замѣтка о статьѣ г. Воейкова противъ передачи дѣла Товарищества Пріобрѣтателей имѣній Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. 148—Б.
Возраженія противъ закрытаго Товарищества Пріобрѣтателей имѣній. 149.
Возможность двоякаго употребленія пятимилліоннаго фонда Товарищества. 156.
Судьбы правительственныхъ распоряженій въ Западномъ краѣ. 158.
Исторія правительственныхъ мѣръ касательно преподаванія польскаго языка въ школахъ Западнаго края. 161.
Можетъ ли быть вредна свобода и при какихъ условіяхъ. 167—А.
Къ исторіи искусственной полонизаціи Западнаго края. 168.
Положеніе и дѣятельность русскихъ чиновниковъ въ Западномъ краѣ въ промежутокъ времени отъ 1831—1863. г. 174.
Товарищество Пріобрѣтателей имѣній и Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. 175. 177. 179. 180. 184. 195—Б. 196. 202. 246. 252.
Охлажденіе русскихъ людей къ службѣ въ Западномъ краѣ и причины этого. 182.
Стратегическія условія Сѣверо-Западнаго края. 190—А. 191. 192—А.
Разоблаченіе таинственныхъ сотрудниковъ газеты *Вѣсть*. 190—Б.
Новоучрежденное Общество Минскихъ Врачей. 195—А.
Заслуга русскихъ дѣятелей Западнаго края въ первое время послѣ возстанія. Упадокъ русскаго и усиленіе польскаго духа въ данное время. Дѣятельность польскихъ врачей въ Западномъ краѣ во время возстанія. 199.
Возникновеніе и ходъ украйнофильскаго движенія и борьба съ нимъ *Московскихъ Вѣдомостей*. 204.
Отвѣтъ газетѣ *Вѣсть* по поводу ея нападокъ на кн. Хованскаго и упрекъ *Московскимъ Вѣдомостямъ*. 213—А.
Вѣсть есть органъ Поляковъ Западнаго края. 213—Б.
Ретроспективный очеркъ законодательныхъ мѣръ по вопросу о поіезуитскихъ имѣніяхъ. 224.
Проекты къ облегченію предстоящей развязки по имѣніямъ подлежащимъ обязательной продажѣ. 235.
Параллель между ходомъ дѣла по заселенію Новороссійскаго края при Екатеринѣ II и водворенію русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ въ настоящее время. 241.
Затрудненія встрѣчаемыя русскими пріобрѣтателями имѣній въ Западномъ краѣ. 253.
Исторія вопроса объ изданіи народной газеты въ Вильнѣ. 258.
Объ основаніи духовной академіи въ Вильнѣ. 275.
Вопросъ о ленныхъ имѣніяхъ Западнаго края. 283.

Кавказъ и Закавказье.

Исторія присоединенія Грузіи. 6.
Крѣпостное состояніе въ Мингреліи. 86.
Значеніе Кавказа для Россіи и желательность заселенія его переселенцами изнутри Россіи. 264.
Богатства Кавказа и недоступность его русскому люду; колонисты нѣмцы и армяне. 282.

Морское дѣло.

Составъ матросовъ русскаго военнаго флота и его недостатки. 35—А.
Русскій торговый флотъ. 77. 88—Б. 100. 122. 178. 259.

Печать.

Газета *Вѣсть* и Петербургская консервативная партія. 59. 63. 73.
По поводу предостереженія газетѣ *Москва*. 151.
Ограниченіе гласности земскихъ, дворянскихъ и городскихъ собраній. 173. 189.
Несостоятельность системы правительственныхъ предостереженій. Признаки возвращенія печати къ прежнему стѣсненному положенію. 203.
Предостереженіе *Голосу* за порицаніе политики Наполеона III. 239.

Польскій вопросъ.

По поводу статьи капеллана Фелинскаго. 22.
Происки польской партіи въ Галиціи. 41.
По поводу присоединенія Каменецкой римско-католической епархіи къ Житомірской. 98.
Польская организація какъ источникъ политическихъ преступленій. 118.
Адресъ Варшавской депутаціи Государю Императору послѣ покушенія Березовскаго. 125.

Возобновленіе польскаго вопроса въ Европѣ и цѣль этого политическаго пріема. 238.

Государственное единство не есть церковное единство. Необходимость разъединенія католицизма съ полонизмомъ. 274.

Почтовое дѣло.

Новый порядокъ разноски почтовой корреспонденціи въ Москвѣ. 3—Б.

Прибалтійскій край.

Полемическая статья противъ *Рижской Газеты*. 39.

Переселенческое движеніе эстовъ и латышей и предполагаемое замѣщеніе ихъ нѣмецкими переселенцами. 43—А.

Перевѣсъ образовательныхъ средствъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Училища какъ орудія онѣмеченія эстовъ и латышей. 46. 66. 78. 79. 97.

Государственное единство Россіи и національная политика. (По поводу рѣчи Государя Императора въ Ригѣ). 143—А.

Малочисленность нѣмецкаго населенія въ Прибалтійскомъ краѣ и нѣмецкія притязанія. 144.

Единство государственныхъ законовъ и государственнаго языка. 145.

Ожиданіе реформъ въ Прибалтійскомъ краѣ. 154.

Измѣненіе выраженій въ рѣчи Государя Императора *Ревельской Газетой*. Государство и національность. 166—Б.

Невѣрный переводъ словъ Государя на латышскій языкъ пасторомъ Фиргуфомъ. Права и положеніе русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ. 169.

Государство и національность. 170.

Германизація балтійскихъ губерній. 181.

Жалобы балтійской печати. 201.

Полемика съ балтійскими газетами. 208—А.

Успѣхи германизаціи балтійскихъ губерній посредствомъ правительственнаго вліянія. 220.

Языкъ и національность. 222.

Покровительство мѣстныхъ властей балтійской агитаціи. 225. 232.

Нужна ли въ Ригѣ русская мужская гимназія? 233—Б.

Національность и государственное единство Россіи. 265.

Пути сообщенія.

Вопросъ о продажѣ Николаевской желѣзной дороги. 43—Б.

Проектъ Куреко-Азовской линіи. 68.

Вредъ Рижско-Шавельской линіи. 132.

Планы желѣзнодорожныхъ линій необходимыхъ для соединенія балтійскихъ гаваней съ центральными губерніями Россіи. 142.

Значеніе Шенкманской системы для русской торговли. 183.

Вопросъ о Пинско-Бѣлостокской линіи и его исторія. 186. 187. 211. 212—А. 216. 226. 231.

Значеніе Ковенско-Либавской линіи. 193.

Невыгода линіи Харьковъ-Кременчугъ-Балта. 198.

Религія и церковь.

Неопредѣленность отношеній единовѣрія къ церкви и необходимость объявленія его полноправности. 5.

Границы вѣротерпимости и переходъ ея въ покровительство иновѣрнымъ религіямъ. 101.

Неправильности въ положеніи православной церкви и православнаго духовенства въ Россіи. 162.

Къ 50-ти лѣтнему юбилею митрополита Филарета. 166—А.

Государственное значеніе митрополита Филарета. 172.

Кончина митрополита Филарета. 255.

По поводу погребенія митрополита Филарета. 262.

Столѣтняя годовщина дня рожденія митрополита Евгенія. 276—Б.

Самоуправленіе.

Земское.

Обзоръ дѣятельности губернскихъ земскихъ собраній. 4.

Проектъ Общества для пріобрѣтенія земель въ Сѣверо-Западномъ краѣ, составленный Смоленской губернской земской управой. 11.

Привычка недоброжелателей приписывать каждую частную неудачу въ проведеніи реформы несостоятельности самой реформы. 14.

Замѣтка по поводу отчетовъ о губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ Тамбовской губерніи. 15—Б.

По поводу закрытія С.-Петербургскаго земскаго собранія. 18.

Ненавистники земскихъ учрежденій и ихъ стремленія. 51.

Циркуляръ министра Внутреннихъ Дѣлъ по поводу закона 21 ноября и возможныя послѣдствія этого закона. 83. 84.

Замѣтка по поводу рѣшеній Московскаго губернскаго земскаго собранія. 208—Б.

Польза оказанная земскими учрежденіями и сфера дѣятельности доступная имъ въ будущемъ. 273.

Сословія.

Взаимныя отношенія крупнаго и средняго землевладѣнія. 1—Б.

Полемика газеты *Вѣсть* съ *Московскими Вѣдомостями* о дворянствѣ 73. стр. 165.

Статьи разнаго содержанія.

Дѣятельность кн. Горчакова. 133.

Статьи по поводу пріѣзда славянскихъ гостей въ Россію.

Поѣздка австрійскихъ Славянъ на Московскую этнографическую выставку и политическое значеніе приписываемое ей австрійской печатью. 104.

Въ чемъ состоитъ національная политика Россіи и какого отношенія она требуетъ къ Славянамъ. 105.

Славянскій міръ и Москва. 110.

Причина подчиненнаго положенія Славянъ. Опасность грозящая славянству. Смыслъ и сущность панславизма. 112.

Россія враждуетъ не съ Поляками, а съ польскою идеей. 113.

Славянство и русскій языкъ. 128.

Нѣмецкая и мадьярская печать по поводу поѣздки Славянъ въ Москву. 129.

Положеніе австрійскихъ Славянъ и преслѣдованія тѣхъ изъ нихъ, которые ѣздили въ Россію. Обязанность нравственной и матерьяльной поддержки Славянъ лежащая на Россіи. 247.

Судебное дѣло.

Вопросъ о непрерывности засѣданій суда. Различіе между грабежомъ и мошенничествомъ. 12.

Значеніе кассаціоннаго суда. 29—Б.

Замѣтка объ оправданіи крестьянки Мавры Волоховой обвинявшейся въ убійствѣ мужа. 35—Б. 36.

Успѣшность судебной реформы, какъ новое доказательство способности русскаго народа къ прогрессу и цивилизаціи. 40.

Всеподданнѣйшій отчетъ министра Юстиціи за первое полугодіе дѣятельности новыхъ судовъ. 69.

Критика новаго судоустройства газетою *Вѣсть*. 73. стр. 164.

Вопросъ о вмѣняемости. 74—А.

Дѣло итальянскаго подданнаго К. Мора. 74—Б.

Неясность въ отношеніяхъ новаго суда къ полиціи. 80.

Новое военное судоустройство. 157.

Открытіе новаго военнаго суда въ Москвѣ. Гласность въ новомъ военномъ судѣ. 194.

Противорѣчіе между приговоромъ присяжныхъ и рѣшеніемъ суда въ дѣлѣ О. Умецкой. 214.

Законныя права защиты и порядокъ устраненія защитниковъ. 244.

Рѣшеніе кассаціоннаго суда о правѣ удалять защитника. 269.

Соображенія и выводы относительно хода судебной реформы. 284.

Учебное дѣло.

Вопросъ объ обязательномъ устройствѣ и посѣщеніи школъ. Положеніе народнаго образованія въ Россіи. 30.

Значеніе народнаго образованія. Условія облегчающія дѣло народнаго обученія въ Россіи. Настоятельная потребность въ народныхъ школахъ въ Россіи. 52.

Польза школъ для взрослыхъ. Обученіе взрослыхъ во Франціи. 108.

Предполагаемая реформа духовныхъ училищъ и семинарій. 25.

Исторія вопроса о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Главная задача предполагающейся реформы. 42.

Историческій очеркъ положенія духовно-учебной части въ Россіи и задачи предполагаемой реформы. 64.

Новый уставъ духовныхъ семинарій и училищъ. 150.

Исторія духовныхъ училищъ въ Россіи. Вредъ раздвоенія учебной части на свѣтскую и духовную. Новый уставъ духовныхъ училищъ. 163.

Значеніе средней школы; надежды на улучшеніе ея въ Россіи. О сближеніи свѣтскаго и духовнаго вѣдомствъ. 34.

Цѣль и планъ основанія Лицея Цесаревича Николая. 209.

Недостатокъ учителей въ Россіи; причины его и средства къ его устраненію. Предположеніе относительно учрежденія Филологическаго института въ Петербургѣ. 106. 165.

Потребности училищнаго дѣла въ Россіи. 200.

Финансовые вопросы.

1. Пошлины.

Пересмотръ таможеннаго тарифа и агитація протекціонистовъ. 242.

Русскіе протекціонисты и ихъ цѣли. 248.

Отсрочка введенія новаго тарифа. 261.

Несоотвѣтствіе системы протекціонизма съ общими государственными видами. 279 (стр. 734).

Цѣль учрежденія и дѣятельность совѣта кредитныхъ установленій. Свѣдѣнія объ употребленіи суммъ вырученныхъ за 1865 г. по первому займу съ выигрышами. 17.

2. Финансы.

Необходимость фиксаціи кредитнаго рубля. 24.

Необходимость исправленія нашей денежной системы. 95.

Причина упадка вексельнаго курса. 96.

Полугодичная сводная таблица счетовъ Государственнаго Банка. 134.

Разборъ финансовыхъ статей Н. Х. Бунге въ *Русскомъ Инвалидѣ*. 206.

Пріемъ Государственнымъ банкомъ золота и серебра по биржевой цѣнѣ на кредитные билеты. 254.

Полугодовая сводная таблица отчетовъ Государственнаго Банка. 268.

3. Торговля и промышленность.

Опасна ли свобода торговли для развитія промышленности. 9.

Торговое значеніе Либавскаго порта и необходимость Ковно-Либавской линіи. 57. 92.

Невыгоды дифференціальной пошлины въ пользу сухопутной границы съ Пруссіей. 58.

Кустарная промышленность. 82.

Принесеніе русской торговли въ жертву прусскимъ интересамъ. 280. 281—А.

Финляндія.

Открытіе Финляндскаго сейма. Положеніе жителей православнаго исповѣданія въ Финляндіи. 16.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Начало русской торговли въ Средней Азіи и Западномъ Китаѣ. Средне-азіатскія области завоеванныя Россіей и характеръ, который въ нихъ должна принять русская администрація. 141.

Вредъ бюрократической организаціи управленія въ средне-азіатскихъ областяхъ. 146—Б.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Восточный вопросъ.

Критское возстаніе. Чѣмъ сильна Россія въ Восточномъ вопросѣ. Мстительность турецкаго фанатизма черпающаго силу въ европейской поддержкѣ. Приглашеніе къ пожертвованіямъ въ пользу Критянъ. 2—Б.

Воззваніе церкви о помощи восточнымъ христіанамъ. Вооруженная помощь и невмѣшательство въ Восточномъ вопросѣ. 3—А.

Возстаніе Эпира и Ѳессаліи. Характеръ турецкаго владычества и отношеній между турками и христіанами. Отношеніе Европы къ Турціи. 8.

Толки оффиціозной турецкой прессы о необходимости созвать національное собраніе составленное путемъ *свободныхъ выборовъ*. Пострадаютъ ли интересы англійскихъ капиталовъ затраченныхъ на Востокѣ отъ освобожденія христіанскихъ національностей изъ-подъ турецкаго ига? Тронная рѣчь королевы Викторіи. Обѣщанія мира и всеобщее вооруженіе. 20.

Пробужденіе греко-славянскаго міра и приближающееся разрѣшеніе Восточнаго вопроса. Значеніе этихъ событій для Россіи 29—А.

Русская и французская политика на Востокѣ. 31.

Дальнѣйшія событія на о. Критѣ. Политика европейскихъ державъ въ Восточномъ вопросѣ. 37.

Желательность болѣе гласной международной политики для Россіи. 38.

Обнародованіе актовъ дипломатической переписки Россіи съ Англіей и Франціей по Восточному вопросу. Отношенія всѣхъ трехъ державъ къ критскому движенію. 44.

Циркуляръ Оттоманской Порты къ своимъ дипломатическимъ агентамъ при иностранныхъ дворахъ. 45.

Интересы Россіи въ Восточномъ вопросѣ. 49.

Усилія западно-европейской политики подорвать довѣріе восточныхъ христіанъ къ Россіи. 53.

Восточный вопросъ въ 1856 г. Меморія кн. Горчакова на вѣнской конференціи 1855 г., отношеніе къ ней державъ, султанскій гатти-гумайюнъ 1856 г. Отношеніе державъ къ Восточному вопросу въ 1867 году. 65.

Отказъ Порты уступить Критъ Греціи и новыя мѣры для подавленія возстанія; вызывающій образъ дѣйствій Порты относительно Греціи. Отношеніе державъ къ восточнымъ событіямъ. Греческій заемъ. 85.

Значеніе св. Кирилла и Меѳодія для славянства. Значеніе церковно-славянскаго языка для Россіи. Болгары въ Восточномъ вопросѣ. 102.

Интересы Грековъ и Славянъ въ Восточномъ вопросѣ. 103.

Предполагаемая поѣздка султана Абдулъ-Азиса по Европѣ. Состояніе турецкихъ финансовъ. 109.

Европейскія слѣдственныя коммиссіи въ Турціи и ихъ результаты. 124.

Нежеланіе Турціи облегчить положеніе своихъ христіанскихъ подданныхъ. Благопріятная минута для турецкихъ Славянъ. Рѣшающая роль Сербіи въ дѣлѣ освобожденія Славянъ. 147.

Система обмановъ въ турецкой политикѣ. Смыслъ поѣздки султана по Европѣ. Интересы Франціи и Россіи на Востокѣ. 148—А.

Система политическихъ обмановъ и мистификацій. 153.

Путешествіе султана по Европѣ и ходъ событій въ Болгаріи и Критѣ. 159.

Недобросовѣстное отношеніе англійскаго правительства къ критскимъ дѣламъ. 167—Б.

Сходство между Австріей и Турціей. 171.

Ложныя извѣстія о несостоявшемся союзѣ Россіи съ Турціей. 207.

Поѣздка Фуадъ-паши въ Ливадію. Дальнѣйшій ходъ критскихъ дѣлъ. 210.

Корреспонденція въ *Indépendance Belge* опровергающая сообщенія австрійской печати о несостоявшемся союзѣ между Россіей и Турціей. 215—Б.

Исторія критскаго возстанія. 218.

Отказъ Порты допустить европейскихъ коммиссаровъ на слѣдствіе въ Кандіи порученное Аали-пашѣ. Дерзость и жестокости турокъ вслѣдствіе тайной поддержки европейскихъ державъ. 227.

Тайна мусульманскаго владычества надъ христіанами въ Европѣ. Декларація 4-хъ державъ. 230.

Отказъ Австріи отъ участія въ декларація державъ Портѣ и разоблаченіе ея истинной политики. Виды и намѣренія Россіи. 233—А.

Сочувствіе французскихъ клерикаловъ магометанскому игу. 236.

Неопредѣленность значенія декларація четырехъ державъ. Отставка сербскаго министра Гарашанина и Рущукское дѣло. 243.

Обнародованіе французской *Желтой Книги* и интересные документы по Восточному вопросу. 257 (стр. 670).

Непослѣдовательность Англіи и побужденія ея политики на Балканскомъ полуостровѣ. 260.

Документы обнародованные императорскимъ правительствомъ излагающіе политику Россіи по Восточному вопросу за послѣдніе два года. 272.

Положеніе и образъ дѣйствій русскихъ дипломатическихъ агентовъ на Востокѣ. 281—Б.

Значеніе достигнутое Россіей въ Европѣ благодаря національной политикѣ. Интересы Россіи въ Европѣ и на Востокѣ. 285.

Римская курія.

По поводу разрыва сношеній съ римскою Куріей и отмѣны Конкордата 1847 г. 10.

Римскій вопросъ.

Римскій вопросъ и значеніе его для Франціи и Австріи. 205.

Близость окончательнаго объединенія Италіи и рѣшенія Римскаго вопроса. Значеніе паденія свѣтской власти папы. 215—А.

Рѣшеніе и отмѣна французской экспедиціи въ Римъ. Исторія вмѣшательства Франціи въ итальянскія дѣла съ 1848 года. Необходимость примѣненія принципа невмѣшательства къ Римскому и Восточному вопросамъ. 221.

Народное движеніе въ Италіи какъ симптомъ ослабленія Франціи. Образъ дѣйствій, котораго должна держаться Россія. 228—Б. 229.

Предположеніе французскаго правительства о конференціи по Римскому вопросу; освобожденіе папской области отъ гарибальдійскихъ шаекъ и итальянскихъ войскъ. 234 (стр. 611).

Агитація ультрамонтановъ въ пользу поддержанія свѣтской власти папы и занятія Рима французскими войсками. 240.

Циркулярная депеша французскаго правительства къ своимъ дипломатическимъ агентамъ. 249.

Вооруженное вмѣшательство Франціи въ итальянскія дѣла и его печальный результатъ. 251.

Нерѣшительность великихъ державъ въ вопросѣ о согласіи на конференцію. Цѣли и требованія спорящихъ сторонъ. 256.

Интересные документы французской *Желтой Книги* по римскому вопросу. 257 (стр. 669).

Обозрѣніе иностранной политики.

Усиленіе численности войскъ въ Пруссіи, Австріи, Франціи и Италіи и общія характеристическія черты этого усиленія. 70.

Толки европейской печати о всеобщемъ разоруженіи. 114.

Политическое значеніе путешествія Государя Императора въ Парижъ. 136.

Общее положеніе Европы, напряженныя отношенія Франціи и Пруссіи, возрастающее движеніе Славянъ и Грековъ на Балканскомъ полуостровѣ, итальянскій вопросъ, раздоры въ Германіи. 164.

Свиданіе императоровъ Наполеона III и Франца-Іосифа въ Зальцбургѣ и слухи о союзѣ Франціи, Австріи и Англіи противъ Пруссіи и Россіи. 185.

Спокойный тонъ тронныхъ рѣчей европейскихъ государей и тревожное положеніе европейскихъ дѣлъ. Значеніе національной политики для Россіи. 245.

Новый патентъ императора Франца-Іосифа имѣющій взаимныя отношенія составныхъ частей имперіи. Ропотъ нѣмецко-славянскаго населенія и торжество Мадьяръ и Поляковъ. 1—А.

Положеніе Русскихъ въ Галиціи. 21. 61.

Внутреннія дѣла Австріи. 48.

Русскіе и Поляки въ Галиціи. Адресъ русскихъ Галичанъ австрійскому императору. 99.

Внутреннее разложеніе Австріи. 111.

Дѣятельность г. фонъ-Бейста и рѣчь произнесенная имъ въ рейхсратѣ. 119.

Новая фаза австрійской политики. Ложный слухъ о съѣздѣ трехъ государей въ Берлинѣ. 234.

Русскіе и прусскіе національные интересы въ вопросахъ о пограничныхъ отношеніяхъ и желѣзныхъ дорогахъ. 19. 27.

Успѣхи Пруссіи въ дѣлѣ объединенія Германіи подъ своей гегемоніей. 47.

Близость паденія мелкихъ нѣмецкихъ государствъ и сліянія ихъ съ Пруссіей. Пруссія и Россія на Балтійскомъ морѣ. 135.

Историческія преданія Пруссіи и ея стремленія. Работа Пруссіи надъ созданіемъ военнаго флота и урокъ который изъ этого должна извлечь Россія. 140.

Внутреннія и внѣшнія затрудненія Пруссіи. 176.

Измѣненіе состава французскаго министерства. 7—А.

Народное движеніе въ Россіи и Англіи въ пользу восточныхъ христіанъ и безучастіе Франціи. Преобразованія во французской конституціи и непригодность ея какъ общей нормы. 13.

Цѣль либеральныхъ реформъ Наполеона III. Истинные планы Наполеона. Отношенія Пруссіи къ Австріи и Россіи. Отношеніе Россіи къ усиленію Пруссіи въ Германіи, а Австріи на Востокѣ. 15—А.

Проектъ преобразованія Европы появившійся въ *Avenir National* и сопоставленіе его съ политическими видами Наполеона III высказанными имъ въ Лондонѣ въ 1847 году. 26.

Рѣчь Наполеона III при открытіи законодательнаго собранія. 28.

Политическая незрѣлость французовъ. Рѣчь Тьера объ ошибкахъ французскаго правительства и о взаимномъ положеніи державъ. 55.

Примѣненіе принципа національностей во французской внѣшней политикѣ. 60.

Переговоры Наполеона III о пріобрѣтеніи великаго герцогства Люксембургскаго. Чего хочетъ Россія въ восточномъ вопросѣ? 71.

Люксембургскій вопросъ и неудачная политика Тюльерійскаго кабинета. 76.

Лондонская конференція для рѣшенія Люксембургскаго вопроса. Вопросъ о всеобщемъ разоруженіи. 91.

Конецъ конференціи по Люксембургскому вопросу. Затрудненія въ европейской политикѣ. Предполагаемая поѣздка Государя Императора въ Парижъ. 93.

Вопросъ о разоруженіи рейнскихъ крѣпостей и возможность столкновенія между Франціей и Пруссіей. 131.

Враждебное настроеніе французской прессы къ Россіи и служба ея польской интригѣ. 197.

Колебаніе императора Наполеона III между династической и національной политикой. 223.

Разборъ брошюры „Наполеонъ III и Европа въ 1867 году“ появившейся въ Парижѣ. 250.

Обнародованіе французской *Желтой Книги*. 257.

Выводы французской печати послѣ изученія *Желтой Книги*. 266.

1867 годъ.

№ 1.

Москва, 31-го декабря.

А.

Читателямъ извѣстно, что новый патентъ австрійскаго императора, отъ 2-го января, созывающій чрезвычайную имперскую думу, устраняетъ цѣлый рядъ актовъ, составлявшихъ доселѣ такъ-называемую конституцію Австрійской имперіи. Октябрьскій дипломъ (1860 г.), февральскій патентъ (1861 г.) и сентябрьскій манифестъ (1865 г.) объявлены не существующими. Пытаясь четвертый разъ, въ продолженіе какихъ-нибудь шести лѣтъ, стать на путь, наиболѣе согласный съ ея оригинальнымъ политическимъ характеромъ, Австрія открываетъ новый годъ тѣмъ, что къ числу своихъ прежнихъ государственныхъ актовъ не принесшихъ ей ни внутренняго спокойствія, ни внѣшняго величія, присоединяетъ новый, едва ли лучше прежнихъ попадающій въ цѣль. По крайней мѣрѣ въ нѣмецко-славянскихъ земляхъ Австріи все, что̀ могло, ополчилось противъ этого патента: въ пользу его говорятъ лишь офиціальныя и нѣкоторыя изъ офиціозныхъ газетъ; съ ожиданіями къ нему обращаются только Мадьяры да Поляки. Въ то время какъ *Wiener Journal* и *Wiener Zeitung* всѣми мѣрами стараются превознести великодушіе и благоразуміе австрійскаго правительства, рѣшившагося приступить къ обсужденію вопроса о политическомъ составѣ имперіи и о взаимномъ отношеніи главныхъ частей ея: газеты нѣмецкія, издаваемыя централистами и автономистами, и всѣ газеты славянскія, за исключеніемъ только польскихъ, относятся къ новоизданному патенту съ рѣзкими порицаніями. *Presse* и *Neue freie Presse* проливаютъ потоки слезъ съ горя, что февральскій патентъ исчезъ навсегда въ пучинѣ, поглотившей великогерманскіе планы прежней Австріи. По ихъ мнѣнію, новый патентъ вовсе не полагаетъ конца такъ-называемой политикѣ пріостановки. При этомъ старая *Presse* обращается ко всѣмъ нѣмецкимъ депутатамъ съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы они, явившись въ чрезвычайную имперскую думу, поддерживали всѣми своими силами интересы нѣмецкой партіи. Газеты Чеховъ, которымъ еще недавно Францъ-Іосифъ намекнулъ на возможность коронованія его въ Прагѣ чешскою короной, пророчитъ январскому патенту еще менѣе долговѣчную жизнь, чѣмъ жизнь предшествовавшихъ ему государственныхъ актовъ; онѣ прямо говорятъ, что ни одинъ изъ чешскихъ депутатовъ не явится въ новую имперскую думу. Имъ вторятъ газеты сербскія, хорватскія, славянскія, словацкія, русскія. Особенно важенъ въ этомъ отношеніи голосъ газетъ хорватскихъ и русскихъ: и Хорваты, и Русскіе должны были перенести въ послѣднее время тяжкія оскорбленія. Депутація, явившаяся въ Вѣну съ отвѣтнымъ адресомъ отъ сейма Тріединаго королевства, была принята императоромъ болѣе чѣмъ немилостиво. Политическая самостоятельность Тріединаго королевства осталась вопросомъ; связь Далмаціи съ остальными землями этого королевства сохраняется только на бумагѣ; Военная Граница по прежнему управляется военными законами; различныя національныя учрежденія, задуманныя въ послѣднее время хорватскими патріотами, все еще ждутъ императорскаго утвержденія; благородныя усилія епископа Штроссмайера и адвоката Мразовича, примирившихъ на сеймѣ партіи національную и либеральную, и вызвавшихъ общій взрывъ

сочувствія къ себѣ между прочими Славянами, остались напрасными. Австрійское правительство жертвуетъ Мадьярамъ Хорватами, бившимися за него въ страшную годину венгерской революціи, и само принуждаетъ этотъ вѣрный народъ вспомнить, что узы соединяющія его съ сербами Княжества и Турціи крѣпче чѣмъ тѣ, которыми онъ связанъ съ Австріей, такъ мало справедливою къ нему. Пути исторіи разнообразны. Хорваты, говорящіе сербскимъ языкомъ, чуждались Сербовъ вслѣдствіе историческихъ недоразумѣній, поддерживаемыхъ различіемъ исповѣданія. Для будущности сербскаго народа всего важнѣе, чтобъ эти недоразумѣнія исчезли. Они уже и начали исчезать предъ болѣе яснымъ разумѣніемъ, и надобно думать, что теперешняя австрійская политика поможетъ этому ходу дѣлъ, отъ котораго зависитъ все будущее сербскаго народа. Такое же какъ къ Хорватамъ, если не большее, пренебреженіе обнаруживаетъ австрійское правительство и къ Русскимъ въ Галиціи. Отказывая Хорватамъ въ ихъ историческихъ привилегіяхъ, на которыя они имѣютъ несомнѣнное право, оно дружитъ, единственно въ видахъ интриги противъ Россіи, съ Поляками, давно утратившими эти права. Оно придаетъ себѣ въ глазахъ легковѣрнаго польскаго племени такой видъ будто оно въ самомъ дѣлѣ готово содѣйствовать обращенію Галиціи въ польское королевство. Смѣлость и дерзость галицкихъ Поляковъ, поощряемыхъ втайнѣ изъ Вѣны, достигла въ послѣднее время крайнихъ предѣловъ. Объ этомъ начинаютъ поговаривать даже чешскія газеты, всегда относившіяся болѣе или менѣе благосклонно къ Полякамъ. Причиной перемѣны были послѣднія засѣданія Львовскаго сейма, переступившія черезъ границу законности и справедливости. Мы помѣщаемъ ниже пространную мѣстную корреспонденцію объ этихъ засѣданіяхъ. Теперь они закрыты, и вотъ въ какихъ выраженіяхъ оцѣниваетъ прошлую дѣятельность Львовскаго сейма тамошняя русская газета *Слово:* „Оглянувшись на всю дѣятельность сейма, мы должны признаться, что онъ во время своего лишь сорокадневнаго существованія болѣе принялъ рѣшеній, чѣмъ во время послѣдней шести-мѣсячной сессіи. Не оспариваемъ того, что нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній могутъ принести для нашего края много выгодъ и что этимъ дѣломъ нашъ сеймъ истинно послужилъ странѣ. Къ сожалѣнію, этого никакъ нельзя сказать о всѣхъ сеймовыхъ рѣшеніяхъ. Именно не можемъ этого сказать о рѣшеніяхъ, касающихся дѣлъ не общеземскихъ, а народныхъ. Оставляя въ сторонѣ рѣшеніе объ адресѣ къ императорскому престолу, вовсе не выражающимъ чувствъ галицкорусскаго народа и даже вовсе не упоминающемъ о галицкихъ Русскихъ, укажемъ лишь на рѣшеніе объ установленіи школьнаго совѣта и объ учебномъ языкѣ въ низшихъ и среднихъ школахъ Галиціи. Этими рѣшеніями подкопана нынѣшняя независимость русскихъ учебныхъ заведеній отъ польскихъ властей и стѣснены права русскаго языка въ школахъ, чѣмъ подрывается самое сильное основаніе, на которое опиралось до сихъ поръ конституціонное австрійское правительство,—начало народной равноправности. Напрасно польскіе ораторы старались доказать полезность польскаго школьнаго совѣта для польскихъ и русскихъ учебныхъ заведеній въ Галиціи; напрасно разсуждали они о достоинствамъ польскаго языка и негодности русскаго для преподаванія въ высшихъ классахъ гимназій на Руси. Лучше было бы выступить явно и сказать, что они заботятся не о народномъ просвѣщеніи, не о школахъ въ Галиціи, а объ ополяченіи галицко русскаго народа и вытѣсненіи русскаго языка изъ школъ, давно проникнувшаго безъ вѣдома Поляковъ въ гимназіи и даже въ университетъ. Поможетъ ли отвлеченная аргументація тамъ, гдѣ существуютъ ясныя данныя? Наши русскіе депутаты не могли не читать плана, по которому школьный совѣтъ долженъ состоять изъ членовъ, избираемыхъ или польскимъ земскимъ комитетомъ, или польскими городскими думами во Львовѣ и Краковѣ, или намѣстникомъ края. Съ другой стороны могутъ войдти въ составъ школьнаго совѣта лишь одинъ инспекторъ, если онъ случайно будетъ русскій, и одинъ священникъ, если его величество императоръ благоволилъ избрать его въ члены сего совѣта изъ русскаго клира. Поэтому въ самомъ благопріятномъ случаѣ галицкая Русь можетъ разчитывать лишь на двухъ членовъ въ этомъ совѣтѣ изъ среды русскихъ Галичанъ. А что значатъ два голоса противъ девяти, если рѣшаетъ большинство голосовъ? Другимъ, впрочемъ незаконнымъ, рѣшеніемъ русскій языкъ допущенъ лишь

въ низшихъ гимназіяхъ, и то лишь подъ условіемъ, если родичи 25 учениковъ заявятъ желаніе, чтобы ихъ русскія дѣти на Руси обучались на русскомъ языкѣ. Грубая иронія! Почему же это самое не постановлено и для Поляковъ, и по крайней мѣрѣ для Поляковъ, ходящихъ въ школы галицкой Руси, поддерживаемыя деньгами русскаго населенія? Потому что польское большинство сейма не считаетъ русскую народность на Руси равноправною народностью? потому что польское большинство еще и нынѣ носится съ планомъ ополяченія Руси! И это большинство осмѣливается сверхъ того безсовѣстно кричать, что оно даже не думаетъ объ угнетеніи Руси и отъ-неніи ея народныхъ правъ, что оно считаетъ русскую народность равною польской. Повторяемъ опять, какая грубая иронія! И Русь должна съ молчаніемъ выслушивать эти насмѣшки, эти вызовы? Слышали ихъ наши русскіе депутаты въ сеймѣ и не молчали. Депутаты Павликовъ, Лозинскій, Наумовичъ, Гинилевичъ и пр. рѣзко протестовали противъ моральнаго насилія Руси; но что значитъ протестъ безсильнаго меньшинства противъ рѣшающаго на Львовскомъ сеймѣ польскаго большинства? Ихъ голосъ раздавался безъ успѣха, и польскія рѣшенія поданы австрійскому императору для утвержденія:“

Признаетъ ли Францъ-Іосифъ рѣшенія нынѣшняго Львовскаго сейма за постановленныя законнымъ, требуемымъ по конституціи, большинствомъ? Утвердитъ ли онъ своею императорскою подписью планы, составленные польской партіей на пагубу русской народности въ Галиціи, и дастъ ли имъ чрезъ то силу закона? Не говоря уже вообще о неправильномъ составѣ нынѣшняго Львовскаго сейма, дающемъ мало разумныхъ основаній для надежды на правильность его рѣшеній, нельзя не припомнить, что во время преній о новомъ уставѣ для выборовъ и о школьномъ совѣтѣ, имъ нарушены были самыя основныя требованія сеймоваго порядка. Такъ напримѣръ въ послѣднемъ засѣданіи, польскіе депутаты, видя, что по оставленіи русскими депутатами сеймовой залы, палата останется не полною и не способною для дальнѣйшихъ дѣйствій, ибо мазурскіе депутаты большею частію уже уѣхали, а прочимъ польскихъ депутатовъ было лишь 62, стали загораживать русскимъ депутатамъ выходъ изъ залы. Тутъ дошло между гр. Адамомъ Потоцкимъ и нѣкоторыми русскими депутатами до сценъ, какія происходили лишь на древнихъ польскихъ сеймикахъ. Среди шума и крика вставшихъ съ мѣстъ депутатовъ и борьбы въ дверяхъ залы, польскіе депутаты утвердили по предложенію депутата Голеевскаго ещ bl:c проектъ коммиссіи о школьномъ совѣтѣ, хотя палата и была уже не въ полномъ своемъ составѣ и имѣла менѣе $^2/_3$ всѣхъ членовъ своихъ, что строго требуется конституціей. Затѣмъ сеймовой маршалъ прервалъ на четверть часа засѣданіе, передавая всѣ остальныя предложенія земскому комитету, а послѣ перерыва явился графъ Голуховскій въ мундирѣ министра съ правительственнымъ коммиссаромъ г. Поссингеромъ и закрылъ сеймъ въ присутствіи лишь польскихъ депутатовъ рѣчью, въ которой онъ сказалъ, что теперешняя сессія закрывается такъ скоро лишь по той причинѣ, что приближается время, когда будутъ опредѣлены взаимныя отношенія имперіи и коронныхъ земель. Такое же нарушеніе устава и здраваго смысла совершила польская партія, постановивъ, что 82, а не 83 составляютъ требуемыя $^2/_3$ голосовъ, изъ общаго числа 124 голосовъ, коими располагалъ сеймъ въ засѣданіи, разсуждавшемъ о принятіи новаго устава о выборахъ, дающаго польской партіи возможность ввести въ сеймъ еще нѣсколько депутатовъ польскаго происхожденія. А между тѣмъ принятые такимъ неправильнымъ путемъ уставы о выборахъ и о школьномъ совѣтѣ подрываютъ права русской народности въ Галиціи въ самомъ корнѣ и возвращаютъ цѣлый край, населенный слишкомъ двумя милліонами Русскихъ, ко временамъ старой Польши, со всѣми ея сеймовыми неурядицами, со всѣми политическими и религіозными преслѣдованіями народностей, не считавшихся господствующими въ королевствѣ.

Австрію видимо наталкиваютъ ея нынѣшніе руководители на опасную роль, которую должна была выпустить изъ своихъ рукъ древняя Польша. На югѣ и востокѣ, въ Хорватскихъ земляхъ и въ Галиціи, австрійское правительство становится враждебно къ двумъ наиболѣе заявившимъ свою преданность Габсбургскому дому народностямъ. Мадьяры и Поляки, вотъ тѣ элементы, на которыхъ думаютъ теперь опереться австрійскіе государственные люди, сочиняя планы о переустройствѣ имперіи.

Не значитъ ли это строить зданіе на пескѣ, заранѣе подготовляя его паденіе?

Б.

Случилось то что̀ мы предвидѣли и предсказывали. Газета *Вѣсть* встрѣтила біографію графа Блудова, составленную г. Ковалевскимъ, обвиненіемъ въ уголовномъ преступленіи. Она обвиняетъ автора этой книги въ „желаніи возбудить враждебныя чувства между крупнымъ и среднимъ землевладѣніемъ:“ excusez du peu! Оскорбленный въ чувствѣ своего достоинства, г. Н. Юматовъ, который одинъ подписалъ свою фамилію подъ этимъ нумеромъ *Вѣсти*, спѣшитъ объявить своимъ читателямъ, что онъ „не имѣетъ чести знать г. Ковалевскаго“... Но г. Ковалевскій, нашъ извѣстный путешественникъ, авторъ столькихъ трудовъ, украсившихъ нашу литературу, одинъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ Востока и долго управлявшій азіятскимъ департаментомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, — мы полагаемъ, — съ несравненно бо́льшимъ правомъ могъ бы сказать что онъ не имѣетъ удовольствія знать г. Юматова...

Corpus delicti въ книгѣ г. Ковалевскаго извѣстенъ нашимъ читателямъ; онъ находится въ числѣ выдержекъ приведенныхъ изъ нея въ № 260 нашей газеты. Это именно то мѣсто гдѣ авторъ говоритъ о провинціальномъ дворянствѣ, „чуждомъ интригъ боярской думы и царскаго двора, и безусловно преданномъ престолу.„ Газета *Вѣсть*, играя словами, замѣчаетъ, что боярская дума,—названіе приведенное авторомъ съ намѣренною неточностію,—не существуетъ уже около двухъ сотъ лѣтъ и что пугать ея призракомъ теперь значитъ не знать исторіи. Что боярская дума отошла въ вѣчность болѣе полутора вѣка тому назадъ, это совершенно справедливо; но не менѣе справедливо и то, что верховный тайный совѣтъ существовалъ въ менѣе отдаленное время, что группы временщиковъ со свитой своихъ кліентовъ расхищали народное и государственное богатство при Елисаветѣ, что отъ нихъ не свободны были царствованія Екатерины и даже Александра I.

Вообще, кажется намъ, стремленіе стать выше массы свойственно натурѣ человѣческой, и напрасно было бы это отрицать. Въ этомъ стремленіи нѣтъ ничего предосудительнаго, но послѣдствія его могутъ быть и полезны и опасны,—смотря по обстоятельствамъ. Исторія Англіи открываетъ намъ, что нѣсколько „крупныхъ землевладѣльцевъ,“ не отдѣлявшихъ себя отъ своего народа, успѣли нѣкогда пріобрѣсть для себя важныя гражданскія и политическія права и что эти права они въ послѣдствіи распространили на „среднихъ землевладѣльцевъ,“ положивъ такимъ образомъ основаніе государственному устройству, которымъ Англія гордится и которому державы материка завидуютъ. Въ государствахъ европейскаго материка не бароны, а короли умѣли найдти союзниковъ въ средѣ прочихъ сословій—и бароны были раздавлены. Но присущее человѣческой природѣ стремленіе выдѣляться изъ окружающей среды осталось при нихъ: не имѣя ни возможности, ни самой надежды пріобрѣсти *права*, они пустились на добычу *привилегій*, и образовали уже не политическіе классы, какъ въ Англіи, а привилегированныя сословія, какъ во Франціи. Если газета *Вѣсть* не удовлетворится примѣромъ Англіи и Франціи, мы укажемъ ей на случаи изъ русской исторіи. Мы припомнимъ ей ту группу людей, которая замышляла воспользоваться неопредѣленностію престоло-наслѣдія послѣ смерти Петра II и образовать несмѣняемый совѣтъ при государѣ изъ представителей трехъ или четырехъ фамилій. Каковы были дальнѣйшія намѣренія *верховниковъ*, мы не знаемъ, какъ этого не знаетъ и вышеупомянутая газета, но всѣмъ извѣстно, что среднее дворянство,—то, про которое, г. Ковалевскій говоритъ, что оно никогда не разрывало связи съ прочими сословіями,—увидѣло въ замыслѣ верховниковъ дѣло враждебное своимъ интересамъ. Мы можемъ указать газетѣ *Вѣсть*, вдругъ почему-то спохватившейся и вдругъ горячо заговорившей о неразрывности и единеніи крупнаго и некрупнаго дворянства,—что если не было въ послѣдствіи попытокъ подобныхъ попыткѣ 1730 года, то ни для кого не тайна, что въ послѣдовавшее за тѣмъ царствованіе богатѣли и возвышались лишь нѣсколько фамилій, частію чисто-русскихъ, частію остзейскихъ, а остальное дворянство, за одно съ прочими сословіями, бѣдствовало: что нѣсколько другихъ фамилій обогащались и управляли судьбами Россіи съ 1742 по 1762 годъ, и что это обогащеніе производилось не весьма похвальными средствами, а интересы Россіи были

въ это время игралищемъ политики французскаго и цесарскаго дворовъ; что голоса порицавшіе наказъ Екатерины II и смягченія, которыя она старалась вводить въ русское законодательство, раздавались не изъ провинціи и что не провинціальное дворянство внушало императрицѣ подозрѣнія на счетъ дѣйствія земскихъ выборовъ во время существованія коммиссіи объ уложеніи. Мы можемъ привести на память газетѣ *Вѣсть*, что провинціальное дворянство горько оплакивало великую императрицу, и что не оно внушало ея внуку желаніе (по счастію, въ послѣдствіи оставленное) измѣнить отъ основанія до вершины l'édifice informe du gouvernement de l'empire, то зданіе надъ сооруженіемъ котораго столько потрудились и Екатерина и Петръ I; что тѣ, которые старались внушить Александру I неуваженіе къ памяти и дѣйствіямъ императрицы его бабки, представляли ему провинціальное дворянство, что это la classe la plus stationnaire и что его духъ le plus bouché; что на одобреніе или неодобреніе этого сословія нечего обращать вниманія, потому что il ne fera que bavarder.

Вотъ факты рѣзко противорѣчащіе сентиментальнымъ заявленіямъ петербургской газеты о неразрывности интересовъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія. Да притомъ точно ли рѣчь идетъ о крупномъ и мелкимъ землевладѣніи? Мы и безъ увѣреній *Вѣсти* знаемъ очень хорошо, что интересы ихъ между собой не враждебны. Г. Ковалевскій сопоставлялъ провинціальное дворянство небольшой группѣ людей витающихъ преимущественно въ Петербургѣ и которая, какъ мы видѣли, очень часто, чтобы не сказать всегда, стремилась отдѣлить себя отъ народа и выдѣлиться изъ среды того сословія, къ которому въ юридическомъ отношеніи она причисляется. *Вѣсть* негодуетъ противъ мысли о сліяніи дворянства съ народомъ, а между тѣмъ кому неизвѣстно, что аристократическое начало, о которомъ такъ хлопочетъ эта газета, только и возможно тамъ, гдѣ высшія сословія сливаются съ народомъ и разнятся отъ него только тѣмъ, что несутъ больше податныхъ и служебныхъ повинностей чѣмъ всѣ прочіе классы? Чѣмъ разнится наше дворянство отъ народа? Полною личною свободой и другими гражданскими правами, которыя постепенно распространяются на весь народъ. Къ этой цѣли направлены всѣ законодательныя мѣры нынѣшняго царствованія. Положеніе 19-го февраля даровало права русскихъ гражданъ крестьянамъ и уравняло ихъ въ этомъ отношеніи съ прочими сословіями. Земскіе учрежденія призвали къ управленію мѣстными хозяйственными интересами всѣ сословія; изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія распространяется на весь народъ; благоустроенный, нелицепріятный, ко всѣмъ равный судъ есть отнынѣ достояніе каждаго русскаго гражданина. Затѣмъ оставалось бы повидимому желать чтобъ изъ среды необразованныхъ и бѣдныхъ классовъ наибольшее число людей переходило къ классамъ богатымъ, образованнымъ и вліятельнымъ, и чтобъ интеллигенція страны, эта нравственная ея сила, становилась все шире и все болѣе спускалась отъ вершинъ къ основанію, захватывая въ свой кругъ все болѣе и болѣе пластовъ народной массы.

Таковъ ходъ дѣлъ во всемъ мірѣ и таковъ характеръ славныхъ реформъ настоящаго царствованія въ Россіи. Но и у насъ, какъ вездѣ, есть свои люди de l'ancien régime: и у насъ какъ вездѣ подобные люди, пользуясь не ими поднятымъ въ общественномъ мнѣніи охранительнымъ началомъ, подъ предлогомъ противодѣйствія мнимой прогрессивной революціи, не прочь бы возбудить революцію регрессивную...

Вѣсть особенно страдаетъ полицейскою подозрительностью своего воображенія. По поводу раздачи *Русскаго Инвалида* подписчикамъ пріостановленнаго *Голоса*, она возбуждаетъ вопросъ: „на сколько умѣстно редактору офиціальной газеты военнаго министерства поддерживать издателя газеты, которую пріостановило правительство?“ Какъ будто, вслѣдствіе пріостановки своей газеты, г. Краевскій не въ правѣ покупать какую ему вздумается изъ газетъ продаваемыхъ всякому желающему въ Петербургѣ! Не запрещены же ему *aqua et ignis*; петербургская вода и петербургскій огонь! Что для разсылки своимъ подписчикамъ онъ выбралъ газету, издаваемую правительствомъ, этому слѣдовало бы порадоваться. Этимъ дѣйствительно характеризуется доброе направленіе, которое, какъ всѣмъ слѣдящимъ за русскою печатью извѣстно, газета *Голосъ* приняла въ послѣднее время.

№ 2.

Москва, 2-го января.

А.

Минувшій годъ передаетъ наступившему наслѣдіе, обремененное долгами, и изъ нихъ самый тяжкій есть восточный вопросъ. Давно ли считали тѣхъ духовидцами, кто предусматривалъ появленіе этого вопроса? Много ли мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ всякое слово объ этомъ вопросѣ подвергалось осмѣянію какъ пустое опасеніе, и вызывало досаду какъ фальшивая тревога? Вотъ онъ всталъ, этотъ восточный вопросъ, и растетъ не по днямъ, а по часамъ! Онъ господствуетъ теперь надъ всѣмъ положеніемъ, и имъ уже полны газеты Европы. Еще ли будемъ не вѣрить въ близость событій, или будемъ сомнѣваться въ ихъ значеніи для Россіи, будемъ думать что они обойдутъ насъ, и что мы останемся въ сторонѣ? Пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мы снова увидимъ въ очію многое, что теперь намъ кажется и страннымъ, и смѣшнымъ. Къ концу этого года мы очутимся въ положеніи совершенно новомъ; волей-неволей мы должны будемъ признать дѣйствительность этого новаго положенія и найдтися въ немъ. *Кронштадскій Вѣстникъ* объясняетъ назначеніе судовъ остающихся въ черноморской флотиліи и ихъ достаточность для содержанія полиціи на томъ морѣ, которое въ первыя времена нашей исторіи носило имя Русскаго моря. Но сколько бы шкунъ и пароходовъ мы ни держали въ Черномъ морѣ, надежда, что возникающій восточный вопросъ не застанетъ насъ врасплохъ, основывается не на нихъ, а на явленіи иного порядка, на несомнѣнномъ подъемѣ духа въ русскомъ народѣ. При этомъ условіи мы можемъ смѣло смотрѣть въ будущее и быть увѣренными, что даже не приступая къ внѣшнему дѣйствію, будемъ приняты въ разчетъ. Россія неотразимо сильна въ восточномъ вопросѣ именно тѣмъ, что она не имѣетъ въ немъ никакихъ своихъ отдѣльныхъ интересовъ матеріальнаго свойства. Вся выгода ея положенія на этой облитой кровію почвѣ состоитъ именно въ томъ, что она никакихъ своихъ особыхъ выгодъ не ищетъ, ни въ какихъ завоеваніяхъ и покореніяхъ не нуждается. Чѣмъ лучше понимаетъ она свои потребности, тѣмъ менѣе она можетъ увлекаться духомъ властолюбія. Исторія такъ опредѣлила ея отношенія къ этимъ мѣстамъ, что ей ничего болѣе не нужно, какъ только того чтобы восторжествовало дѣло племенъ родныхъ ей по вѣрѣ и крови, чтобы ни одна живая сила между ними не была подавлена и чтобы ни одинъ изъ ихъ собственныхъ интересовъ не погибъ и не пострадалъ; ей нужно только того, чтобы всѣмъ и всему здѣсь была дана справедливость. Рѣшеніе восточнаго вопроса что это значитъ? Это значитъ появленіе новаго міра на свѣтѣ Божій, міра греко-славянскаго; это новыя силы, которыя должны вступить въ свои права и оказать свое дѣйствіе во всемірной цивилизаціи. Россіи суждено было снести стихіи этого міра, и торжество ихъ будетъ ея торжествомъ. Рѣшеніе восточнаго вопроса обозначитъ эпоху во всемірной исторіи и откроетъ для насъ глубокіе источники жизни, которыхъ мы такъ давно чаемъ. Не разъ, съ благодарностью къ Промыслу, указывали мы на счастливую звѣзду нынѣшняго царствованія, которому легко удаются дѣла самыя трудныя. Будемъ надѣяться, что подъ этою звѣздой Россія исполнитъ свое призваніе и въ великомъ вопросѣ православнаго греко-славянскаго міра.

Двѣ западныя державы, въ союзѣ съ Піемонтомъ и при двусмысленномъ нейтралитетѣ Австріи, вели съ нами тяжелую войну, результатомъ которой была искусственная поддержка турецкаго господства надъ христіанскими населеніями Балканскаго полуострова и принадлежащаго къ нему Архипелага. Въ теперешнихъ событіяхъ совершается судъ надъ этою политикой. Сами Турки, своимъ слѣпымъ фанатизмомъ, повидимому спѣшатъ сдѣлать невозможнымъ ея продолженіе, между тѣмъ какъ геройскіе подвиги нашихъ единовѣрцевъ исторгаютъ сочувствіе себѣ изъ сердецъ самыхъ каменныхъ. Защита Аркадійскаго монастыря есть одно изъ такихъ дѣлъ, передъ которыми умолкаютъ политическіе разчеты. Героизмъ Критянъ вопіетъ объ отвѣтственности тѣхъ, которые, ободряя Турцію въ борьбѣ съ христіанскими населеніями, ей подвластными, питаютъ въ Туркахъ надежду отмщенія и распаляютъ ихъ страсти. Въ европейской поддержкѣ Турки почерпаютъ отвагу и смѣлость, но эта самая отвага и смѣлость воплощаются въ дѣйствіяхъ, отнимающихъ у европейскихъ державъ всякую возмож-

ность поддерживать Турцію. Подъ рубрикой „Кандія и Эпиръ“ читатели найдутъ аѳинскую корреспонденцію *Indépendance belge*, разказывающую о томъ какъ Турки воспользовались намѣреніемъ русскаго фрегата *Генералъ-Адмиралъ* взять на бортъ переселенцевъ изъ критской провинціи Селиносъ. Несчастные переселенцы столпились на берегу, ожидая спасительнаго судна. Въ это время приближается къ берегу турецкій фрегатъ. Онъ не поднимаетъ флага. Полагая, что это фрегатъ русскій, переселенцы довѣрчиво идутъ къ нему на встрѣчу. Но какъ только онъ подходитъ на выстрѣлъ, съ него раздается залпъ, и нѣсколько рядовъ стариковъ, женщинъ и дѣтей остаются на мѣстѣ. Турецкій фанатизмъ мстителенъ и неразборчивъ на средства. Однажды возбужденный, онъ уже не поддастся контролю дипломатовъ, подающихъ свои совѣты въ Константинополѣ. Какъ бы они не заклинали восточный вопросъ, сами Турки выдвинутъ его впередъ своимъ звѣрствомъ, которое наложитъ наконецъ печать безмолвія на всякое туркофильство въ христіанской Европѣ, даже на дипломатское. Своекорыстная политика принуждена будетъ уступить мѣсто голосу христіанскаго человѣколюбія.

Могло ли это святое чувство не сказаться въ Россіи, какъ только дошли сюда вѣсти о подробностяхъ критскаго возстанія и о несчастномъ положеніи его жертвъ? Могли ли эти доблестные бойцы Христа, осѣнявшіе себя предъ битвами православнымъ крестомъ, не вызвать въ сердцахъ нашихъ дѣятельнаго состраданія? Въ Петербургѣ уже открыто нѣсколько подписокъ въ пособіе бѣжавшимъ изъ Крита; къ участію въ одной изъ нихъ приглашаютъ графини Н. Д. Протасова и А. Д. Блудова въ обращеніи помѣщенномъ вслѣдъ за симъ. Ниже читатели найдутъ описаніе общественнаго праздника, устроеннаго въ Петербургѣ для сбора пособій и встрѣченнаго самымъ живымъ выраженіемъ всеобщаго сочувствія. За нѣсколько дней передъ тѣмъ и еще до призыва сдѣланнаго въ нашей газетѣ, открыта здѣсь подписка московскимъ городскимъ головой, и однимъ изъ первыхъ подписавшихся былъ московскій генералъ-губернаторъ. Наконецъ и къ намъ начали поступать пожертвованія, какъ выраженіе потребности, которая сказалась сама собой въ разныхъ мѣстахъ. Доброе дѣло, ознаменовавшее собой въ нынѣшнемъ году праздники Рождества Христова, будетъ, конечно, продолжаться. Всякій пожелаетъ принести свою лепту, чтобъ отереть слезы несчастныхъ и усладить ихъ горе выраженіемъ дорогаго имъ сочувствія единовѣрцевъ.

Б.

Мы получили, въ видѣ дополненія къ отчету графинь Протасовой и Блудовой о полученіи и доставленіи вещей и денегъ въ пользу церквей, монастырей и школъ на Востокѣ, слѣдующее сообщеніе:

С.-Петербургъ, 23-го декабря (день, въ который церковь празднуетъ десяти мученикамъ иже во Критѣ).

„Русскій фрегатъ привезъ въ „Пирей“*) „1.200 женщинъ и дѣтей, бѣжавшихъ съ „острова Крита.“

Въ этой краткой телеграфской депешѣ, передающей намъ одинъ голый фактъ, безъ всякихъ подробностей, сколько ужасающаго горя, сколько невиннаго страданія, сколько слезъ, нищеты, отчаянія!

Эти сухія, безстрастныя слова, переданныя намъ телеграфомъ, однако краснорѣчивѣе всѣхъ воззваній. Христіане, православные, женщины, дѣти, бѣгутъ отъ исконныхъ враговъ христіанства, и беззащитные, разоренные, ищутъ убѣжища подъ русскимъ флагомъ, на кораблѣ, который считается (по международному праву) *Русской землей*, считается, такъ сказать, русскимъ плавучимъ островомъ на пучинѣ морской. Не намъ ли, Русскимъ, и особенно русскимъ женщинамъ и дѣтямъ, хотя издали, по возможности, по силамъ, протянуть имъ руку помощи?

Въ петербургѣ многіе уже начали съ разныхъ сторонъ, разные денежные сборы въ пособіе бѣжавшимъ изъ Крита (или Кандіи) и изувѣченнымъ, раненымъ, при взятіи Аркадіевскаго монастыря. Къ Москвѣ, ко всей Россіи обращаемся и мы, какъ обращались ко всѣмъ и всякому на помощь Сербамъ босніякимъ и Черногорцамъ, во времена тяжелыя для нихъ. Мы крѣпко вѣримъ, что откликнуться на наше призывное моленіе, на помощь мученикамъ критскимъ.

Всякое даяніе благо, какъ бы ни было оно скромно. Господь съ особенною любовію воззрѣлъ на лепту вдовицы!

---

*) Гавань или портъ Аѳинъ.

Вотъ циркуляръ аѳинскихъ дамъ, составившихъ комитетъ для вспомоществованія несчастнымъ жертвамъ кровавой борьбы:

На островѣ Критѣ народъ вооружился и твердо стоитъ за свою вѣру. До сихъ поръ Богъ не оставляетъ его. Раздраженные твердостью упорной защиты, враги начали нападать на слабыхъ; несмѣтное число беззащитныхъ, женщинъ и дѣтей, сдѣлались жертвой войскъ, присланныхъ изъ Турціи и Египта.

Множество семействъ, стариковъ, дѣтей, женщинъ, однимъ словомъ всѣ тѣ, которые не могли взять въ руки оружія, отправились искать убѣжища въ Греціи, гдѣ ихъ приняли съ восторгомъ. Но, по несчастію, ограниченныя средства нашей страны слишкомъ недостаточны, чтобы хотя нѣсколько помочь столькимъ бѣдствіямъ. Между прочими мѣрами для вспомоществованія бѣднымъ, въ Аѳинахъ, учредился комитетъ изъ дамъ, обязанныхъ собирать приношенія всѣхъ, что, движимый любовью къ ближнему, пожелаетъ что-нибудь пожертвовать.

Комитетъ этотъ обращается ко всякому, кто принимаетъ къ сердцу бѣдственное положеніе страждущихъ братьевъ во Христѣ. Во время войны за независимость Греціи, ей помогали дамы всѣхъ государствъ Европы и Америки. Она душевно благодаритъ ихъ и надѣется къ именамъ ихъ присоединить еще имена новыхъ благодѣтельницъ, которыя протянутъ руку помощи народу, доведенному до крайней нищеты и отчаянія, бѣжавшему изъ отечества отъ плѣна и смерти.

Обращаясь къ женщинамъ всѣхъ христіанскихъ земель мы смѣемъ надѣяться, что онѣ помогутъ облегчить ихъ горестное положеніе присылкой намъ своихъ подаяній, каждая отъ себя, или учрежденіемъ изъ своей среды комитетовъ для сбора.

Имена учредительницъ Аѳинскаго комитета:

Зоя Суццо, рожденная Музури.
Шарлотта Кундуріати, рожденная Калерджи.
Елиза Займисъ, рожденная Музури.
Анастасія Месинасси.
Екатерина Калифорна.
Елена Тфохари.
Хариклея Ботцарисъ.
Екатерина Трикупи.
Марія Калигасъ.
Пенелопа Кехніа.
Аспазія Міаулисъ.

Графиня Наталья Дмитріевна Протасова беретъ на себя *) вѣрную доставку въ дамскій Аѳинскій комитетъ подаяній, какія благоволятъ прислать ей въ пользу этого дѣла милосердія и любви. Начавшійся на дняхъ сборъ по этому циркуляру продолжается.

№ 3.

Москва, 3-го января.

А.

Какъ звонъ благовѣста, пронесется надъ нашею землею святое воззваніе „во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа“, которымъ открывается нынѣшній листокъ нашей газеты. Оно отзовется въ городахъ и въ селахъ, въ палатахъ и въ хижинахъ. Оно торжественно напоминаетъ намъ о людяхъ такъ отдаленныхъ отъ насъ и такъ близкихъ намъ во Христѣ, о ихъ борьбѣ, о ихъ страданіяхъ, — напоминаетъ намъ о томъ народѣ, отъ котораго пріяли мы свѣтъ христіанства и начало нашего историческаго бытія... Въ этомъ архипастырскомъ воззваніи, въ этомъ торжественномъ словѣ и дѣлѣ нашего духовенства, благовѣстительно слышится наше собственное обновленіе. Событія на Востокѣ уже оказываютъ свое живительное на насъ дѣйствіе; страданія нашихъ братьевъ уже отзываются для насъ благодатью: откажемъ ли имъ въ состраданіи? Съ большею чѣмъ когда-либо силой чувствуемъ мы теперь вселенское значеніе нашей церкви. Ничѣмъ дѣйствительнѣе не можемъ мы пособить теперь нашимъ братьямъ, какъ этимъ сочувствіемъ подъ знаменемъ церкви. Часто обнажала Россія мечъ свой на защиту христіанскихъ народовъ турецкаго востока, много было споровъ и битвъ на этой утученной кровію почвѣ; но блистательныя побѣды оставались безплодны и не вели къ торжеству, — не разрѣшался, а только запутывался восточный вопросъ. Чѣмъ настойчивѣе и сильнѣе было наше вооруженное дѣйствіе, тѣмъ ожесточеннѣе становилось сопротивленіе, тѣмъ ревнивѣе были наши соперники, тѣмъ тяжеле были страданія нашихъ бѣдствующихъ братій.

---

*) Въ Петербургѣ, въ собственномъ домѣ, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкина моста.

Теперь все наше дѣйствіе состоитъ только въ томъ чтобъ оградить ихъ отъ вмѣшательства со стороны, чтобы предоставить ихъ собственнымъ силамъ и Божіей волѣ. Невмѣшательство, вотъ что требуется теперь для разрѣшенія восточнаго вопроса, вотъ въ чемъ вся тайна столь давно чаемой развязки. Не вооруженной помощи требуютъ отъ насъ христіане Востока: такая помощь мало принесла бы имъ пользы даже въ томъ случаѣ, еслибъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Вооруженная помощь, чья бы то ни было, даже отъ самыхъ искреннихъ и безкорыстныхъ друзей, сопровождалась бы ослабленіемъ внутреннихъ силъ избавляемаго, и быть-можетъ лишила бы его способности къ самостоятельной жизни въ послѣдствіи. Отъ насъ требуется только даръ братскаго сочувствія и любви,—даръ, который еще болѣе чѣмъ пріемлющаго обогащаетъ дающаго. Только въ силу этого дара развяжется узелъ, котораго не могъ разрубить мечъ. Какъ ни прискорбно намъ вспоминать о неудачахъ послѣдней нашей войны на Востокѣ, мы примиримся съ ними, убѣдившись, что быть-можетъ этими самыми неудачами искупили мы торжество нашего дѣла на Востокѣ. Будь мы попрежнему сильны вооруженною силой, мы быть-можетъ не могли бы воздержаться отъ дѣйствія въ виду событій подобныхъ тѣмъ что теперь совершаются и еще быть-можетъ готовятся на Востокѣ. Но еслибы мы и воздерживались, то наши соперники въ Европѣ не могли бы довѣриться нашему самообладанію, и ихъ тревожными опасеніями подавлялось бы всякое движеніе среди христіанскихъ племенъ Турціи; о невмѣшательствѣ не могло бы быть и рѣчи; восточный вопросъ былъ бы попрежнему игралищемъ интригъ, и владычество оттоманское попрежнему держалось бы крѣпко на взаимномъ недовѣріи и враждѣ христіанскихъ народовъ между собою. Намъ грустно вспомнить о нашихъ севастопольскихъ твердыняхъ, теперь разрушенныхъ и запустѣлыхъ. Но кто бы могъ подумать, что въ то время какъ послѣ геройской защиты пали эти твердыни, побѣждены были не мы, а наши противники, что въ то время когда противники наши кичились одержанными надъ нами побѣдами, дѣло, которое мы защищали, торжествовало надъ ними болѣе чѣмъ когда-либо? Противъ насъ вооружились за то что мы больнаго признали больнымъ: кто же теперь считаетъ его здоровымъ? Историческое слово императора Николая, которое такъ злобно оспаривалось тогда, стало теперь выраженіемъ общаго убѣжденія. Англія отказалась отъ своей давней политики на Востокѣ, соперничество между европейскими державами въ Константинополѣ утратило свою прежнюю силу, владычество оттоманское поколебалось въ своихъ основаніяхъ, Турки остаются наединѣ съ христіанскими народами, надъ которыми тяготѣетъ ихъ иго; наконецъ православная вселенская церковь выходитъ изъ своей тѣсноты...

Б.

Наступающій годъ принесетъ съ собой для Москвы улучшеніе въ почтовой части, которое важно и само по себѣ и еще потому, что свидѣтельствуетъ объ измѣненіи взгляда почтовой администраціи на свое дѣло. Почта есть общественная служба, *service publique*; ея назначеніе—служить интересамъ общества, и чѣмъ лучше она служитъ имъ, тѣмъ удовлетворительнѣе исполняетъ свою обязанность. Но до сихъ поръ наша почтовая администрація смотрѣла на себя болѣе какъ на власть и на свои услуги публикѣ какъ на снисхожденія. Только изъ этого взгляда объясняется, что напримѣръ за доставку писемъ почтальйонами взимается у насъ болѣе высокая (впрочемъ добровольно даваемая публикой) плата чѣмъ въ другихъ большихъ городахъ Европы, а между тѣмъ до сихъ поръ еще не было введено общеупотребительнаго порядка разноски писемъ, хотя онъ не требуетъ отъ почты никакихъ лишнихъ расходовъ. Это упущеніе теперь будетъ исправлено. Сущность новаго порядка, предположеннаго московскимъ почт-директоромъ В. А. Инсарскимъ и уже утвержденнаго, состоитъ въ томъ, что Москва раздѣляется, по отношенію къ разноскѣ корреспонденціи, на 8 частей или отдѣловъ. Каждая изъ этихъ частей подраздѣляется на нѣсколько почтовыхъ округовъ. Общее число округовъ будетъ 36. Вся получаемая въ Москвѣ корреспонденція будетъ сосредоточиваться въ такъ-называемомъ центральномъ отдѣленіи, учреждаемомъ при почтамтѣ, откуда будетъ разсылаться въ почтовые отдѣлы, а оттуда разноситься состоящими при каждомъ изъ нихъ почтальйонами, по почтовымъ округамъ. Со-

образно времени прихода въ Москву различныхъ почтъ, разноска корреспонденціи по городу будетъ производиться на первый разъ по четыре раза въ день; если же надобность укажетъ,—и чаще. Практическое осуществленіе этого новаго дѣла потребуетъ, впрочемъ, времени,—по приблизительнымъ соображеніямъ, не менѣе трехъ мѣсяцевъ.

№ 4.

Москва, 4-го января.

Періодъ ординарныхъ сессій губернскихъ земскихъ собраній приближается къ концу. Обозрѣвая результаты совѣщаній, на сколько они уже извѣстны, можно съ увѣренностію сказать, что земское дѣло нигдѣ еще не успѣло вполнѣ организоваться, а потому и земскія учрежденія не могли еще принять на столько опредѣленный характеръ, чтобы высказывать о немъ какое-либо сужденіе. Все что мы видимъ только начатки, которыхъ дальнѣйшее развитіе можетъ быть весьма разнородное. Прежде всего надобно признать, что губернскія земскія собранія по большей части занимаются своимъ дѣломъ тщательно, не тяготятся продолжительностью преній, не обѣгаютъ серіознаго разсмотрѣнія вопросовъ подлежащихъ ихъ разрѣшенію. Ихъ никакъ нельзя упрекнуть въ равнодушіи къ дѣлу имъ ввѣренному; если обнаруживается иногда недостатокъ въ дѣловой опытности, то въ охотѣ трудиться недостатка не видно, а это даетъ право надѣяться, что и опытность будетъ мало-по-малу возрастать. Съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду и то, что многихъ можетъ интересовать новизна дѣла, и что потому было бы преждевременно считать равнодушіе къ общественнымъ интересамъ врагомъ окончательно побѣжденнымъ. Этотъ главный врагъ всякаго успѣха въ нашей средѣ еще очень опасенъ: слишкомъ долго набирался онъ силъ. Для борьбы съ нимъ наше общество еще очень нуждается въ доброжелательной поддержкѣ со стороны правительственныхъ лицъ. Земскія учрежденія должны совершить цѣлый рядъ общеполезныхъ дѣлъ прежде нежели окрѣпнетъ въ нихъ чувство ихъ призванія, и сознаніе принесенной пользы станетъ силой побуждающею къ дальнѣйшей полезной дѣятельности. До сихъ поръ губернскія земскія собранія занимались преимущественно формальными вопросами, которые были вызываемы принятіемъ дѣлъ изъ прежнихъ учрежденій и первыми приступами къ собственной дѣятельности. Этихъ вопросовъ по большей части нельзя было обойдти, а иногда трудно было уберечься отъ слишкомъ теоретическаго обращенія съ ними. Впрочемъ уже на первыхъ порахъ, кромѣ этихъ неблагодарныхъ, хотя неустранимыхъ вопросовъ, земства многихъ губерній успѣли взяться за практическіе интересы высокаго значенія. Прежде всего сказалась здѣсь та потребность, которая дѣйствительно господствуетъ надъ всѣмъ положеніемъ дѣлъ у насъ. Первыми удобствами, предоставленными для заявленія нуждъ, земство воспользовалось чтобы выставить на первый планъ потребность въ желѣзныхъ дорогахъ. Инициатива земствъ по этой части есть самый крупный фактъ въ исторіи земскихъ учрежденій, только что начавшейся. Прежде другихъ воронежское земство искусно воспользовалось, по выраженію воронежскаго губернатора на одномъ обѣдѣ, выпавшею на его долю счастливою минутой. Заслуга его руководителей, что они не упустили этой минуты. Концессія на воронежско-козловскую линію была исходатайствована съ чрезвычайною поспѣшностью. Благодаря полученному отъ казны авансу, работы на этой дорогѣ уже значительно подвинулись впередъ, прежде нежели были выпущены облигаціи, разрѣшенныя только теперь. Ободренное успѣхомъ, воронежское земство занялось вопросомъ о продолженіи воронежско-козловской линіи на югъ. Тутъ, какъ ближайшая цѣль, самъ собой представился сѣверный конецъ грушевско-аксайской дороги, а отсюда недалеко было до мысли о соединеніи Воронежа съ Ростовомъ-на-Дону. Руководители воронежскаго земства не замедлили снестись съ этимъ городомъ такъ быстро возрастающимъ въ благосостояніи и коммерческихъ оборотахъ, а ростовскій коммерческій совѣтъ съ своей стороны не замедлилъ выслать въ Воронежъ двухъ депутатовъ для соглашенія съ тамошнимъ земствомъ. Затѣмъ въ послѣдніе дни засѣданій губернскаго земскаго собранія вопросъ о воронежско-грушевской дорогѣ былъ разсмотрѣнъ, и результатъ разсмотрѣнія оказался удовлетворительнымъ. Земство опре-

дѣлило ходатайствовать объ этой концессіи. Нельзя не пожелать успѣха этому ходатайству, даже если, какъ надобно думать, состоится компанія для сооруженія желѣзной дороги изъ Курска на Харьковъ въ Таганрогъ. Эта послѣдняя дорога, которая пройдетъ черезъ Бахмутскія каменно-угольныя копи и въ скоромъ времени, конечно, дастъ отъ себя вѣтвь къ Бердичеву, нужна для Харькова и азовскихъ портовъ и кромѣ того будетъ снабжать каменнымъ углемъ весь районъ отъ Бахмута до Орла на сѣверѣ и Кіевъ на западѣ, между тѣмъ какъ дорога воронежско-грушевская соединитъ сѣверъ съ грушевскими копями и будетъ служить кратчайшимъ путемъ сообщенія Москвы и Петербурга съ Кавказомъ, а можетъ-быть и съ однимъ изъ незамерзающихъ портовъ на восточномъ берегу Чернаго моря, если удастся найдти тамъ такой портъ, который можно было бы сдѣлать достаточно безопаснымъ. Г. Гольцгауэръ, одинъ изъ ростовскихъ депутатовъ пріѣзжавшихъ въ Воронежъ, уже указывалъ на этотъ, хотя смѣлый, но совершенно раціональный планъ. Таково отношеніе воронежскаго земства къ желѣзнымъ дорогамъ. Не менѣе серіозно, если не ошибаемся, думаютъ отнестись къ этому дѣлу земства московское и смоленское. Они предполагаютъ ходатайствовать о постройкѣ желѣзной дороги отъ Москвы до Смоленска, которая, усиливъ въ значительной степени оборонительныя средства въ сѣверо-западномъ краѣ, совершенно открытомъ для нападеній, вмѣстѣ съ тѣмъ приблизила бы къ западной Европѣ и рижскому порту всю систему желѣзныхъ дорогъ, имѣющую Москву своимъ центромъ. Этой цѣли не достигла бы орловско-витебская линія, которая впрочемъ имѣетъ свое значеніе и можетъ принести огромную пользу для сбыта произведеній нашей черноземной полосы. Такъ какъ дарованная на эту послѣднюю линію концессія утратила, за несоставленіемъ капитала, свою силу, то заботу о дальнѣйшемъ движеніи дѣла беретъ на себя орловское земство. Если присоединить еще земство пензенское, замышляющее чрезвычайно полезную линію изъ Моршанска въ Пензу, то надобно будетъ признать, что земскія собранія никакъ не могутъ быть укорены за равнодушіе къ желѣзнодорожному дѣлу. Остается желать, чтобъ ихъ энергія не ослабѣла, чтобъ они не останавливались передъ препятствіями которыя могутъ имъ встрѣтиться, и чтобы всѣ средства находящіяся у нихъ подъ рукой были съ полнымъ разумѣніемъ употреблены въ дѣло для достиженія цѣли. А средствъ этихъ много и притомъ средствъ для земства нисколько необременительныхъ.

Заговоривъ о земскихъ собраніяхъ, нельзя не упомянуть о новомъ законѣ 21-го ноября, потребовавшемъ совершенной переработки составленныхъ земскими собраніями смѣтъ и раскладокъ. Этотъ законъ имѣетъ въ виду оградить промышленность отъ несправедливыхъ притязаній большинства, состоящаго въ земскихъ собраніяхъ изъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ. Какъ ни справедлива эта цѣль, и какъ ни несомнѣнны право и обязанность общаго законодательства имѣть эту цѣль въ виду, тѣмъ не менѣе однакоже въ данномъ случаѣ для публики не была достаточно очевидна потребность законодательнаго дѣйствія, столь настоятельная чтобы новый законъ непремѣнно долженъ былъ вступить въ силу именно въ промежутокъ времени между уѣздными и губернскими земскими сессіями. Справедливость требуетъ замѣтить, что земскія собранія въ огромномъ большинствѣ своемъ вовсе не заражены непріязненнымъ духомъ къ промышленности. Антагонизма между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью, къ чести русскаго быта, рѣшительно не было замѣтно. Жалобъ со стороны промышленности на несправедливыя притязанія земства не слышалось. Если были можетъ-быть случаи, подававшіе поводъ къ законодательному дѣйствію, то это были случаи совершенно исключительные, и слѣдовательно дѣло могло быть въ этихъ случаяхъ исправлено частными мѣрами, принимаемыми отдѣльно. Дабы устранить возможное столкновеніе земскаго сбора съ фискальнымъ интересомъ можетъ-быть и оказывалось желательнымъ установить мѣру обложенія патентовъ, дабы слишкомъ высокій сборъ, напримѣръ съ патентовъ на питейные дома, не уменьшилъ ихъ количества и не повлекъ за собой пониженія патентнаго сбора. Но патенты во всякомъ случаѣ дѣло особенное, которое могло быть разрѣшено внѣ связи съ вопросомъ о сборѣ съ промышленныхъ заведеній. Что же касается до этихъ послѣднихъ, то въ земскихъ учрежденіяхъ еще

только разрабатывались данныя для ихъ оцѣнки и изготовлялись правила для ихъ обложенія. Можно съ полною увѣренностью сказать, что эти правила во многихъ губерніяхъ были бы составлены справедливо. Въ странѣ, гдѣ земледѣльческій классъ несетъ на себѣ гораздо болѣе тяжестей чѣмъ всѣ остальные, гдѣ земледѣліе, основная промышленность, и такъ уже, въ видѣ тарифа, платитъ огромную премію въ пользу другихъ отраслей промышленности, справедливое обложеніе земскимъ сборомъ состояло бы, напримѣръ, въ томъ, чтобы сельское хозяйство несло *равномѣрную* повинность съ другими отраслями промышленности, то-есть чтобъ ему было не легче ихъ. Тогда осталось бы въ полной силѣ то предпочтеніе, которое отдается у насъ промысламъ не сельско-хозяйственнымъ. Но промыслы, которые уже и такъ пользуются покровительствомъ, не въ правѣ требовать, чтобъ имъ и по земскому сбору было удѣлено привилегированное положеніе. Что было бы дурнаго, еслибы земскія собранія составили правила обложенія промысловъ на основаніи полной равномѣрности съ сельскимъ хозяйствомъ? Общее законодательство могло бы воспользоваться этими правилами и установить нормы, обезпечивающія равномѣрность обложенія. Эти нормы были бы въ такомъ случаѣ эмпирическія, что въ финансовыхъ дѣлахъ всегда особенно важно, и онѣ были бы приложимѣе къ дѣйствительности чѣмъ опредѣленія теоретическія, на практикѣ часто неуловимыя или ведущія къ совершенной неравномѣрности обложенія, какъ ведетъ напримѣръ обложеніе *помѣщеній*, занимаемыхъ промышленными заведеніями. Дорогое помѣщеніе есть бремя для промысла. Взимая сборъ съ цѣнности и доходности помѣщеній, можно обременить обремененнаго и, что еще хуже, можно побудить фабрикантовъ скупиться на расходы полезные для здоровья рабочихъ. Впрочемъ тема эта такая сложная, что мы можемъ здѣсь только слегка коснуться ея, настаивая лишь на одномъ, что земля чрезмѣрно обременена у насъ и тѣмъ болѣе нуждается въ справедливомъ вниманіи къ себѣ, что классъ людей ее обрабатывающій, по многочисленности своей, принужденъ бываетъ являться на выручку государственнаго бюджета въ случаѣ затрудненій. Если состояніе государственныхъ финансовъ требуетъ возвышенія подушной подати съ крестьянъ, и если это возвышеніе неминуемо отзовется на поступленіи помѣщичьихъ доходовъ, то не слѣдуетъ ли желать, чтобы тяжесть возрастающаго съ необычною быстротой земскаго сбора не падала на крестьянъ и помѣщиковъ почти исключительно? Что земскій сборъ возрастаетъ, въ этомъ нѣтъ ничего само по себѣ дурнаго. Напротивъ нельзя было безъ радости за Россію видѣть, что многіе уѣзды опредѣлили значительныя суммы на улучшеніе сообщеній, на устройство медицинской части и наконецъ на учрежденіе школъ. Теперь почти всѣ эти предположенія рушились, за неимѣніемъ средствъ.

№ 5.

Москва, 5-го января.

Въ словѣ преосвященнаго Леонида, которое было сказано имъ при освященіи единовѣрческаго храма на Рогожскомъ кладбищѣ и напечатано третьяго дня въ нашей газетѣ, выражена важная для единовѣрія мысль, что между имъ и православною церковію нѣтъ иной разницы, кромѣ обряда. Обрядъ, если онъ не служитъ выраженіемъ чего-либо несогласнаго съ догматическимъ вѣроученіемъ церкви, не имѣетъ существеннаго значенія и не долженъ быть поводомъ къ церковному раздѣленію. Обрядъ, сохраняемый единовѣрцами, допущенъ церковью, какъ не противный православному догматствованію. Не только священники единовѣрческихъ церквей, рукополагаемые православными архіереями, но даже епископы, совершая божественную службу въ единовѣрческихъ церквахъ и пріобщаясь въ нихъ таинству Евхаристіи, исполняютъ эти обряды. Между тѣмъ, въ продолженіе шестидесяти шести лѣтъ со времени утвержденія императоромъ Павломъ такъ-называемыхъ „правилъ митрополита Платона,“ единовѣріе не имѣло успѣха, и раскольники не только не вступили всею массой въ общеніе съ православною церковью на условіяхъ единовѣрія, но напротивъ размножились, окрѣпли въ своихъ заблужденіяхъ и даже образовали собственную іерархію съ бѣлокриницкимъ митрополитомъ во главѣ. Лучшіе изъ старообрядцевъ, пребывающихъ донынѣ въ расколѣ, единогласно утверждаютъ, что единственная причина

того, что они чуждаются единовѣрія, въ которомъ строго соблюдаются свято-чтимые ими обряды внѣшняго богопочитанія, состоитъ въ томъ, что единовѣріе лишено церковнаго полноправія.

Въ нынѣшнемъ январѣ исполнилось ровно двѣсти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на ревнителей обряда, бывшаго при пяти патріархахъ московскихъ, московскій помѣстный соборъ, въ присутствіи трехъ патріарховъ, наложилъ грозную клятву: „Да будетъ, произнесъ этотъ соборъ о каждомъ непокорномъ ревнителѣ обряда, и по смерти отлученъ и не прощенъ...“ Какъ ни грозна была эта соборная клятва, она не оправдала однако ожиданій членовъ собора, не возвратила въ ограду церкви поборниковъ любезнаго имъ стараго обряда. На анаѳему они отвѣчали анаѳемой и отдѣлились отъ церкви. Такимъ образомъ совершился въ русской церкви расколъ. Не разномысліе въ ученіи о догматахъ, не разномысліе о канонахъ семи вселенскихъ и девяти помѣстныхъ соборовъ, не разномысліе о каноническихъ правилахъ св. отцовъ было причиной этого прискорбнаго событія, но разномысліе относительно нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ, не имѣвшихъ и не имѣющихъ столь существенной важности, чтобъ изъ-за нихъ необходимо было разрывать на части тѣло церковное и вносить вражду въ христіанское общество, соединившееся во имя любви, преподанной Спасителемъ.

Въ то время какъ въ концѣ прошлаго столѣтія шло дѣло объ устройствѣ единовѣрческой церкви, старообрядцы просили снятія клятвы на обряды и церковнаго полноправія. Они просили: „дабы святѣйшій синодъ разрѣшилъ прежде положенныя клятвы на двоеперстное сложеніе и другіе подобные сему обряды.“ Они просили разрѣшенія синода, яко помѣстнаго собора, имѣющаго власть отмѣнять постановленія равнаго ему собора. Но клятва была сложена не съ обрядовъ, а съ просителей, и не синодомъ, а лишь однимъ архіереемъ. Для цѣлаго милліона старообрядцевъ, которые тогда готовы были приступить къ единовѣрію, это было недостаточно, и они остались въ церковномъ расколѣ.

Старообрядцы просили равноправія. Въ одиннадцатой статьѣ прошенія, поднесеннаго митрополиту Платону, они говорили: „Если кто изъ сыновъ греко-россійской церкви пожелаетъ пріобщаться святыхъ таинъ отъ старообрядскаго священника таковому не возбранять. Равно жь если старообрядецъ пожелаетъ пріобщиться святыхъ таинъ въ греко-россійской церкви, не возбранять оному.“ Еслибъ это было тогда же дозволено, единовѣріе получило бы полное съ православною церковью общеніе и прочное основаніе. Оно бы составило съ церковью то желаемое единство, которое неминуемо бы подвинуло къ примиренію и тѣ милліоны старообрядцевъ, которые донынѣ остаются въ расколѣ. Но просьба старообрядцевъ не была исполнена. Митрополитъ Платонъ на одиннадцатой статьѣ просьбы старообрядцевъ написалъ: „сынъ православной греко-россійской церкви не иначе можетъ имѣть дозволеніе, развѣ то въ крайней нуждѣ въ смертномъ случаѣ, гдѣ бъ не случилось найдти православнаго священника и церкви, а старообрядцу дозволять то безъ всякаго затрудненія.“ Что жь изъ этого вышло? Православный архіерей, служа въ единовѣрческой церкви, можетъ пріобщиться св. таинъ, совершаемыхъ по единовѣрческому обряду, а простецъ къ тому не допускается.

Наконецъ объявленіе, что единовѣрческая церковь дозволена лишь какъ переходная, совершенно отклонило отъ нея ревнителей отъ старообрядства. Они прозвали ее „ловушкой“ и объявили, что она устроена не на основаніи каноническихъ правилъ. Цѣлая литература (разумѣется рукописная) образовалась у раскольниковъ по этому случаю. Въ ней болѣе всего указывается на неискренность, съ которою будто бы дозволено было учреждать единовѣрческія церкви, на несложеніе клятвы съ обрядовъ почитаемыхъ за святые старообрядцами, на отдѣленіе единовѣрія отъ православной церкви и на продолженіе поношеній на старые обряды, на оглашеніе ихъ еретичества въ *Псалтыряхъ*, *Часословѣ* и разныхъ полемическихъ книгахъ. Притомъ же опытъ показалъ, что не всѣ епархіальные епископы смотрятъ на единовѣріе, какъ смотрѣлъ Платонъ. Нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли на него какъ на отрасль раскола. Такимъ образомъ въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, единовѣрческая церковь въ Ярославѣ была по этой причинѣ отдана въ вѣдомство костромскаго преосвященнаго и въ 1848 году постановлены по сему особыя правила. (*Собранія постановленій по части раскола по вѣдомству св. синода* т. II стр. 461 и

слѣд.). Такъ продолжалось до 1851 г., когда на ярославскую каѳедру поступилъ другой преосвященный. Такіе случаи, какъ напримѣръ обращеніе старообрядскаго Высоковскаго монастыря въ единовѣрческій, не могли не охлаждать въ старообрядцахъ желаніе примириться съ церковью: 18 лѣтъ хлопотали раскольники о дозволеніи обратить этотъ монастырь въ единовѣрческій, но святѣйшій синодъ до 1820 года не соглашался на это, говоря что единовѣріе учреждено для приходскихъ только церквей, а не для монастырей.

Прошло восемнадцать съ половиной лѣтъ со временъ утвержденія правилъ митрополита Платона, и вотъ что писали старообрядцы министру духовныхъ дѣлъ, князю А. Н. Голицыну: „Правительство, успокоивая старообрядцевъ, позволило имъ имѣть церкви на пунктахъ митрополита Платона. Что же изъ сего вышло? Изъ церквей сихъ нѣкоторыя запустѣли, другія остались при нѣсколькихъ семействахъ... А еслибъ правительство тогда же позволило приблизиться болѣе къ коренному нашему положенію, не было бы ни единаго раздѣленія: тогда не только всѣ старообрядцы соединились бы съ первородною, древнею церковью, но и самые перекрещенцы, безпоповщина и прочіе...“ *)

Что же это за приближеніе къ коренному положенію старообрядцевъ, отъ котораго, по словамъ разумнѣйшихъ старообрядцевъ сказаннымъ за полвѣка предъ симъ, можно ожидать столь желаемаго церковнаго единенія всѣхъ русскихъ людей? Соборное снятіе клятвы, полноправіе единовѣрія, отмѣна указанныхъ выше выраженій въ предисловіи къ *Псалтыряхъ* и *Часословахъ* и объявленіе отъ святѣйшаго синода, что поправленія обрядовъ чтимыхъ единовѣрцами были неправильны по отношенію къ тому смыслу, который старообрядцы въ дѣйствительности съ этими обрядами соединяютъ.

Единовѣріе, признанное православіемъ, можетъ поставить его на ту степень, на которой оно будетъ привлекать къ себѣ массы раскольниковъ находившихся внѣ всякихъ отношеній въ церкви, даже порвавшихъ въ нѣкоторыхъ сектахъ, всякую связь съ христіанствомъ. Изъ раскольниковъ живущихъ въ Россіи менѣе десятой доли значится въ полицейскихъ спискахъ и церковныхъ росписяхъ раскольниками. Это такъ-называемые *записные* раскольники, потомки тѣхъ людей, которые въ XVIII столѣтіи платили за принадлежность къ расколу двойныя подати. Сто лѣтъ тому назадъ, когда съ переписью раскольниковъ соединялась фискальная цѣль, списки имъ велись правильно; не записывались въ нихъ лишь тѣ что, какъ бѣглые, жили въ дремучихъ лѣсахъ и пустыняхъ, но и тѣхъ правительство тщательно разыскивало въ видахъ увеличенія казенныхъ доходовъ. Правильность записи раскольниковъ (а не раскольницъ, податей не платившихъ) обусловливалась тогда поступленіемъ денегъ въ государственное казначейство. По отмѣнѣ, въ началѣ Екатерининскаго царствованія, двойнаго оклада платимаго раскольниками, на ихъ списки строгаго вниманія болѣе не обращалось. При изслѣдованіи численности раскольниковъ, произведенномъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, по Высочайшему повелѣнію, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ полицейскіе списки по иным уѣздамъ оказались составленными еще въ 1811 году; съ тѣхъ поръ они не дополнялись и не поправлялись. Церковныя росписи ведутся столь же неисправно и большинство раскольниковъ отмѣчается въ нихъ подъ рубрикой „не бывающихъ у св. причастія по нерадѣнію и по наклонности къ расколу.“ Эти люди, настоящіе раскольники, никогда не бывающіе въ церкви, тѣмъ не менѣе по книгамъ значатся православными. Если же эти мнимо-православные, сознавъ свои заблужденія, захотятъ присоединиться къ церкви съ сохраненіемъ почитаемыхъ ими обрядовъ, т. е. на условіяхъ единовѣрія, они по неопредѣлительности существующихъ правилъ, не могутъ исполнить свое желаніе. Имъ говорятъ: „вы не раскольники, вы записаны въ книгахъ православными, а отъ того въ единовѣріе вамъ поступить нельзя.“ Такимъ образомъ нашедшіе истину въ церкви, ищущіе единенія съ нею, удерживаются формализмомъ отъ исполненія благаго желанія и поневолѣ остаются въ расколѣ. Такимъ образомъ, лѣтъ восемнадцать тому назадъ, Нижегородской губерніи, Васильевскаго уѣзда, раскольники села Ахпаевки, принадлежавшіе къ безпоповщинѣ самаго изувѣрнаго толка, такъ-называемой *глухой пятовщины*, пожелали присоединиться къ единовѣрію и построить на свое иждивеніе

*) Письмо пятнадцати екатеринбургскихъ купцовъ къ князю А. Н. Голицыну въ мартѣ 1819 года.

церковь. Этого имъ не было дозволено мѣстнымъ духовнымъ начальствомъ, несмотря на долгія, слезныя ихъ просьбы. И сами они, и отцы ихъ всегда были раскольниками; но такъ какъ они не были записаны въ списки раскольниковъ, то и считались православными. Это и было препятствіемъ къ ихъ присоединенію. Хорошо, что въ положеніе Ахпаевцевъ вошелъ свѣтскій начальникъ, и несмотря на то что самъ принадлежалъ къ протестантскому исповѣданію, исходатайствовалъ согласіе св. синода на присоединеніе крестьянъ села Ахпаевки къ единовѣрію. Безъ того они, теперь усердные и преданные церкви единовѣрцы, доселѣ оставались бы въ грубой одичалости. Въ настоящее время одинъ богатый и вліятельный безпоповецъ, Иванъ Бобровъ, сознавъ необходимость іерархіи и Св. Таинствъ, проситъ присоединенія къ единовѣрію въ той же Ахпаевкѣ, но ему отказываютъ на томъ же основаніи, то-есть, что онъ не внесенъ въ списокъ раскольниковъ. Тщетно умоляетъ этотъ обратившійся къ истинѣ послѣдователь „глухой нѣтовщины“ о дозволеніи войдти въ ограду церковную единовѣрцемъ, — его не принимаютъ, и вотъ Бобровъ уже сталъ крестить дѣтей у поповъ бѣлокриницкаго постановленія, и если не отворятъ ему дверей церкви, онъ останется раскольникомъ поповщинскаго согласія. А это такой человѣкъ, за которымъ пойдутъ многіе послѣдователи „глухой нѣтовщины.“

Подобные случаи не рѣдки. Непосредѣленность отношеній единовѣрія къ церкви едва ли не самое главное препятствіе къ желанному возсоединенію съ церковью старообрядцевъ. Снисходительная къ ревнителямъ до-никоновскаго обряда, православная церковь, устранивъ это препятствіе объявленіемъ полноправности единовѣрія, безъ сомнѣнія привлекла бы къ себѣ милліоны людей, къ прискорбію находящихся доселѣ въ отчужденіи.

№ 6.

Москва, 7-го января.

Мы печатаемъ сегодня два Высочайшіе указа правительствующему сенату о введеніи въ Мингреліи русскаго управленія и о вознагражденіи владѣтельнаго князя Мингреліи Николая Дадіана съ семействомъ за отреченіе его отъ своихъ владѣтельскихъ правъ, Мингрелія есть одна изъ частей нѣкогда славнаго Грузинскаго Царства. Грузинское, или Иверское Царство, знаменитое въ XI и XII столѣтіяхъ, простиравшееся отъ Каспійскаго до Чернаго моря, владѣвшее значительною частію кавказскихъ горскихъ племенъ и распространившее нѣкогда между ними христіанство, раздѣлилось въ XV вѣкѣ на три главныя части: Кахетію, Карталинію и Имеретію, изъ которыхъ въ послѣдствіи выдѣлились независимыя владѣнія Сванетское, Абхазское, Гурійское и Мингрельское. Эти слабыя части нѣкогда сильнаго цѣлаго не замедлили сдѣлаться жертвою хищничества сосѣднихъ горскихъ племенъ и игралищемъ политики Турокъ и Персіянъ. Это были бѣдныя, угнетенныя христіанскія общества, обхваченныя со всѣхъ сторонъ мусульманскимъ міромъ,—общества, которыя никогда не въ состояніи были соединиться, чтобы дать отпоръ своимъ врагамъ. Въ такомъ положеніи цари Кахетіи и Карталиніи стали, начиная съ XVI вѣка, обращаться къ единовѣрнымъ имъ царямъ Россіи и просить защиты ихъ, предлагая имъ верховное надъ собою владычество. Въ теченіе двухъ сотъ лѣтъ эти просьбы и предложенія не приводили ни къ какимъ положительнымъ послѣдствіямъ, пока наконецъ царь Кахетіи и Карталиніи, Ираклій, не былъ принятъ подъ защиту и покровительство Россіи Екатериной. Но и то положеніе, которое приняла Грузія относительно Россіи,—положеніе вассальнаго государства, — оказалось неудовлетворительнымъ: грузинскіе цари требовали постояннаго присутствія русскихъ войскъ, чтобъ оградить ихъ владѣнія отъ вторженія Горцевъ и Персіянъ, и постояннаго присутствія русскихъ чиновниковъ, чтобы внушать уваженіе къ ихъ власти собственнымъ ихъ подданнымъ. Поэтому императоръ Павелъ призналъ за несоотвѣтствующее интересамъ Россіи иное подчиненіе Грузіи, какъ только полное и непосредственное, о чемъ, предвидя новыя бѣдствія для своего отечества отъ вражды раздѣлявшей многочисленное грузинское царское семейство, ходатайствовалъ съ своей стороны и царь Георгій XIII, сынъ Ираклія.

Такъ совершилось сліяніе съ Россіей отдѣльныхъ частей древняго Грузинскаго

царства. Нѣкоторые изъ членовъ царскаго семейства негодовали на договоры заключенные Ираклiемъ и Георгiемъ съ Россiей, отрицали ихъ силу и правильность, старались возбудить народъ противъ русскихъ начальствъ: но всѣ эти попытки не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Интересы массъ были на сторонѣ Россiи, на сторонѣ правильнаго управленiя, порядка и благоустройства. Императоръ Александръ, вступивъ на престолъ и чуждаясь пріобрѣтенiй имѣющихъ хотя тѣнь насилiя, прежде чѣмъ подтвердить актъ о присоединенiи наслѣдiя Георгiя XIII, хотѣлъ удостовѣриться, дѣйствительно ли Грузины желаютъ вступить въ непосредственное подданство Россiи,—и получилъ свѣдѣнiя полагавшiя конецъ всякому сомнѣнiю и колебанiю. Грузины желали только одного: чтобы царевичи и царевны, заводившiе смуты и грабившiе народъ, были поскорѣе удалены. Они лучше желали быть гражданами великой имперiи Русской и подданными мощнаго Государя Россiи, нежели рабами своихъ царей, ихъ князей и дворянъ, изъ коихъ каждый имѣлъ право взять у простолюдина все что ему нравилось. „Между подданными царя, говоритъ г. Дубровинъ, издавшiй на дняхъ очень интересную книгу объ утвержденiи русской власти за Кавказомъ, — все было Божiе, царское и княжеское. Самъ царь деньгами получалъ мало со своихъ подданныхъ, и притомъ не въ опредѣленные срока. Сборъ зависѣлъ отъ воли и нужды царя. Торгующiе Евреи и Армяне иногда платили дань по нѣскольку разъ. Съ народа же собиралась подать скотомъ, хлѣбомъ и виномъ для продовольствiя царя и его окружающихъ. Ведя постоянно кочующую жизнь, цари жили на счетъ тѣхъ селенiй, которыя посѣщали. Пока царь и окружающiе его находятъ пищу, жителями съ великимъ стараніемъ скрываемую, до тѣхъ поръ онъ съ того мѣста не выѣзжаетъ. Голодъ и жалобы народа въ насильствѣ и грабежѣ возвѣщаютъ царю о необходимости выѣхать.— Царь, несмотря на лицо, лишающiй безъ суда жизни своихъ подданныхъ, въ походахъ сихъ мало чѣмъ отличается: общiй столъ и общая постель со всѣми; разность состоитъ только въ томъ, что мужикъ прислуживаетъ дворянину, дворянинъ—князю, а князь царю.“ Такъ описываютъ современники положенiе царствъ составляющихъ нынѣ часть Закавказья. Къ этому надо присовокупить, что правители закавказскихъ царствъ и владѣнiй находились въ безпрестанной враждѣ между собою, и что при недостаткѣ собственныхъ силъ чтобъ одолѣть противника, они призывали на помощь Горцевъ, сосѣднихъ турецкихъ пашей и хановъ, находившихся въ номинальной зависимости отъ Персiи.

Въ подобномъ положенiи находилась Мингрелiя и ея владѣтель, Григорiй Дадiанъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтiя, когда онъ, по примѣру Карталинiи и Кахетiи, рѣшился просить императора Александра I о принятiи его въ подданство, съ огражденiемъ однакожъ владѣльческихъ правъ его и его потомства въ прямой нисходящей линiи. Еще недавно подобныхъ вассальныхъ владѣнiй было довольно много въ предѣлахъ нынѣшняго кавказскаго намѣстничества. Обремененное другими, болѣе неотложными заботами, высшее мѣстное начальство, кажется, находило удобными подобнаго рода отношенiя, снимавшiя съ него заботы о благосостоянiи покровительствуемыхъ владѣнiй; но интересы народонаселенiй были приносимы при этомъ въ жертву, съ другой же стороны, многочисленные примѣры доказали, что вассальные владѣтели остаются вѣрными лишь до тѣхъ поръ пока ихъ необузданному произволу не поставляется никакихъ преградъ; при первыхъ попыткахъ доставить нѣкоторыя гарантiи ихъ подданнымъ, они начинали роптать, а не рѣдко и явно возмущаться. Такъ напримѣръ, Григорiй Дадiанъ недоумѣвалъ, какимъ образомъ онъ будетъ управлять своимъ княжествомъ, если, какъ желалъ Императоръ Александръ, онъ лишится права казнить и увѣчить Мингрельцевъ. „Земля наша не есть регулярная, писалъ онъ главнокомандующему въ Грузiи, князю Цицiанову,—и для того смертная казнь, отрубленiе рукъ и ногъ и выбоденiе глазъ введено въ нашу землю.“

Послѣдствiя доказали, что оставленiе Мингрелiи подъ властiю особыхъ правителей не привело ее къ добру. Въ 1857 году въ этой области произошло сильное волненiе между крестьянами, вызванное неудовлетворительнымъ управленiемъ, вслѣдствiе чего тогдашнiй намѣстникъ на Кавказѣ князь Барятинскiй счелъ нужнымъ, по удаленiи правительницы, вдовы князя Давида, ввести въ Мингрелiи русское управленiе. Такое положенiе дѣлъ продолжалось до настоящаго времени. Нынѣ сынъ

послѣдняго владѣтельнаго князя, достигнувъ совершеннолѣтія, самъ отказался отъ дарованныхъ его предшественникамъ правъ; онъ получаетъ въ видѣ вознагражденія милліонъ рублей съ титломъ *свѣтлѣйшаго князя Мингрельскаго*; передаваемымъ наслѣдственно старшему въ родѣ. Независимо отъ того, изъ частныхъ имуществъ доставшихся ему по наслѣдству, образуется заповѣдное имѣніе, имѣющее переходить по первородству въ фамиліи князей Дадіановъ Мингрельскихъ. Такимъ образомъ полагается въ этой странѣ основаніе русскому землевладѣнію. Крупное русское землевладѣніе на окраинахъ Россіи, въ областяхъ свѣже-присоединенныхъ, есть дѣло первостепенной важности и которое въ настоящемъ случаѣ мы привѣтствуемъ съ живѣйшею радостію. Всемірный опытъ доказалъ, что это самое надежное средство утвердить ихъ незыблемымъ образомъ. Этимъ путемъ упрочивалось положеніе всѣхъ маркій, со временъ Карла Великаго; этимъ путемъ такъ долго удерживало и польское правительство господство надъ отторгнутыми отъ Россіи областями. При этомъ, правительства старались доставить осѣдлость во вновь занятыхъ земляхъ преимущественно тѣмъ лицамъ, которыя наиболѣе способствовали ихъ занятію. На этомъ основаніи, и благодаря подобной системѣ образовались въ обѣихъ украйнахъ, по ту и другую сторону Днѣпра, обширныя имѣнія Потоцкихъ и Вишневецкихъ. Съ обладаніемъ этими имѣніями, увлаженными кровію ихъ предковъ, для нихъ соединялись дорогія семейныя преданія; они дѣлались вполнѣ надежными и горячо заинтересованными проводниками политики своего правительства. Къ сожалѣнію, наше правительство не всегда держалось этой системы, которая могла бы принести особую пользу и получить особенно широкое приложеніе на Кавказѣ и за Кавказомъ,—въ этихъ краяхъ, гдѣ въ продолженіе болѣе полувѣка цѣлыя поколѣнія замѣчательныхъ людей подвизались за интересы Россіи и цивилизаціи, стяжали славу и сложили свои кости. Ихъ заслуга не пропадала для нихъ; они были награждаемы и почетными отличіями и недвижимыми имѣніями: но гдѣ? по большей части въ Самарской губерніи, между тѣмъ какъ за Кавказомъ имѣній не жаловалось, да и покупать было воспрещено служащимъ. Вотъ почему мы стоимъ тамъ какъ бы лагеремъ. Неужели это правильно? Если раздавать земли заслуженнымъ лицамъ, то не естественнѣе ли всего и не полезнѣе ли для государства раздавать ихъ тамъ, гдѣ находится театръ ихъ подвиговъ и гдѣ ихъ имя имѣетъ историческое значеніе? Не говоримъ о Циціановыхъ, Ермоловыхъ, Воронцовыхъ, имена которыхъ громки во всѣхъ частяхъ Россіи; но что значатъ Гулаковы, Котляревскіе, Бородины въ Самарской губерніи, между тѣмъ какъ ихъ имена на Кавказѣ имѣли бы вполнѣ историческое и стало-быть аристократическое значеніе въ лучшемъ смыслѣ этого слова? Строгановы не могутъ не дорожить своими при-уральскими имѣніями, потому что съ ними связано историческое значеніе самихъ этихъ фамилій; князь Воронцовъ не безъ причины держится Новороссійскаго края, такъ много обязаннаго его отцу; графы Евдокимовы едва ли покинутъ имѣніе, основанное ихъ родоначальникомъ въ краѣ, упроченію котораго за Россіей онъ такъ много содѣйствовалъ. Мы знаемъ одного бывшаго кавказскаго офицера, который купилъ на Сулакѣ именно то мѣсто, гдѣ ему удалось совершить подвигъ, составляющій лучшее изъ его боевыхъ воспоминаній; онъ устроилъ тамъ усадьбу, и его потомки сохранятъ ее въ своемъ родѣ вмѣстѣ съ памятью о заслугѣ своего предка.

Такимъ путемъ кладутся прочныя основанія исторической жизни; такъ сохраняются для грядущихъ поколѣній заслуги предковъ, еще прочнѣе можетъ-быть чѣмъ съ помощію книгъ.

№ 7.

Москва, 9-го января.

А.

Телеграфъ принесъ намъ изъ Парижа извѣстіе чрезвычайной важности, котораго значеніе еще нельзя впрочемъ оцѣнить вполнѣ. Тюльерійскій кабинетъ претерпѣлъ измѣненіе въ смыслѣ неблагопріятномъ для европейскаго мира. Г. Фульдъ, министръ мирныхъ финансовъ, вышелъ въ отставку, и замѣненъ г. Руэромъ, который остается попрежнему такъ-называемымъ государственнымъ министромъ, но присоединяетъ къ этой должности портфель финансовъ. Въ то же время получаютъ новыхъ начальни-

ковъ и два ex officio воинственныя министерства, морское и военное. Послѣдствія этой перемѣны можно предугадывать, но труднѣе объяснить себѣ, почему она произошла такъ рано.

Б.

Въ *Военномъ Сборникѣ* напечатана интересная статья флигель-адъютанта полковника Анненкова, изобилующая заботливо собранными и тщательно изложенными наблюденіями, о предметѣ спеціальномъ, но имѣющемъ большее значеніе для политическихъ соображеній, — а именно о примѣненіи желѣзныхъ дорогъ къ перевозкѣ войскъ. Если тайна побѣды, по выраженію маршала Саксонскаго, заключается въ ногахъ, и если справедливо слово Наполеона, что побѣда принадлежитъ количеству батальйоновъ, и если слѣдовательно побѣда бываетъ вообще на сторонѣ того, кто въ данный моментъ успѣетъ собрать на данномъ пунктѣ наибольшее число войскъ, то безъ дальнѣйшихъ объясненій всякому станетъ понятно какое вліяніе на ходъ военныхъ операцій могутъ оказать хорошо соображенная сѣть желѣзныхъ дорогъ и умѣнье извлечь изъ нихъ всю возможную пользу. Вотъ на это-то второе условіе, чисто техническое, но чрезвычайно важное, и обращаетъ вниманіе г. Анненковъ Исправляя, во время послѣдняго польскаго возстанія, должность военно-полицейскаго инспектора варшавско-вѣнской и варшавско-бромбергской желѣзныхъ дорогъ, онъ имѣлъ случай замѣтить, что на погрузку войскъ и ихъ тяжестей, при непривычкѣ къ этому дѣлу какъ со стороны войскъ, такъ и со стороны служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, тратится весьма много времени,—а экономія времени при передвиженіи большихъ массъ есть чрезвычайно важное условіе. Эскадронъ кавалеріи, напримѣръ, или сотня казаковъ, умѣющіе входить въ вагоны, употребляютъ на это не болѣе $^1/_4$ часа, между тѣмъ какъ тѣ же части, передвигаемыя по желѣзной дорогѣ въ первый разъ, тратятъ на нагрузку отъ $1^1/_2$ до 2 часовъ. Еще большая разница во времени оказывается при посадкѣ артиллеріи и нагрузкѣ обозовъ пѣхотныхъ частей. Пруссія показала въ прошломъ году, что по желѣзнымъ дорогамъ можно перевозить большія массы войскъ на значительныя разстоянія, но за то, говоритъ г. Анненковъ, она приготовлялась къ этому въ продолженіе восьми или девяти лѣтъ. Заранѣе соображены были средства для сосредоточенія на данномъ пунктѣ бо́льшаго числа локомотивовъ и вагоновъ, отъ войскъ отряжались особыя команды для состоянія при желѣзныхъ дорогахъ съ цѣлію имѣть на готовѣ значительное число нижнихъ чиновъ, изучившихъ обязанности кондукторовъ, стрѣльщиковъ и даже машинистовъ, такъ какъ безостановочнаго движенія, въ продолженіе сутокъ или болѣе, ординарная прислуга желѣзныхъ дорогъ не могла бы выдержать; наконецъ нагрузка тяжестей на платформы и постановка лошадей въ вагоны сдѣланы предметомъ постояннаго обученія въ войскахъ. Только благодаря тщательному изученію всѣхъ этихъ подробностей и принятію соотвѣтственныхъ мѣръ оказалось возможнымъ воспользоваться паромъ и рельсами для быстраго передвиженія большихъ массъ на стратегическіе пункты. Впрочемъ г. Анненковъ замѣчаетъ, что, несмотря на все превосходство прусской военной администраціи и отличное устройство управленія желѣзныхъ дорогъ въ этой странѣ, прусская армія не достигла еще всѣхъ тѣхъ результатовъ, какихъ можно ожидать. По мнѣнію г. Анненкова, подкрѣпленному обстоятельными разчетами, дѣло это можетъ быть развито далѣе.

Россія еще не богата желѣзными дорогами, но наши длинныя линіи представляютъ для вышепомянутой цѣли нѣкоторыя и даже очень важныя преимущества предъ короткими линіями другихъ странъ. Тамъ, для перевозки значительнаго числа войскъ, приходится собирать подвижной составъ съ различныхъ линій, входить въ сношенія съ различными управленіями; у насъ подвижной составъ варшавской линіи, по разчету г. Анненкова, можетъ одинъ поднять разомъ три дивизіи пѣхоты, дивизію кавалеріи и соотвѣтственное число артиллерійскихъ орудій съ ихъ прислугою и лошадьми, а равно и съ необходимымъ обозомъ этихъ частей войскъ. Затребовавъ изъ Варшавы телеграммою всѣ локомотивы и вагоны этой линіи, можно собрать ихъ у Варшавской станціи чрезъ 48 часовъ по отправленіи телеграммы; затѣмъ вся масса слишкомъ въ 45.000 солдатъ съ 80 орудіями и соотвѣтствующимъ числомъ лошадей, можетъ быть перенесена въ Ковно въ $39^1/_2$ часовъ, если всѣ приспо-

собленія, оговоренныя авторомъ статьи, будутъ усвоены нашими войсками и управленіями нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

Но передвиженіе войскъ между Варшавой и Ковномъ есть передвиженіе, такъ-сказать, въ самой боевой линіи, перемѣщеніе войскъ почти въ виду непріятеля и вызываемое потребностію минуты. Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на ходъ политическихъ событій этимъ не ограничивается. Основываясь на вышеприведенномъ разчетѣ, на западную границу нашу могли бы быть передвинуты въ три или четыре дня собранныя подъ Москвою войска. При самомъ быстромъ натискѣ непріятеля, нашъ главнокомандующій на Вислѣ могъ бы легко уклониться отъ рѣшительнаго боя въ теченіе этихъ трехъ или четырехъ дней, и принять его лишь тогда когда прибыли бы его резервы изъ-за 1.500 верстъ. Еслибы все дѣлалось съ совершенною точностью, то онъ могъ бы начать сраженіе еще прежде ихъ прибытія: пѣхотные батальйоны прямо изъ вагоновъ могутъ вступать въ дѣло, орудія, спустившись съ платформъ, могутъ выѣзжать на позицію, эскадроны — пускаться въ аттаку. Затѣмъ, полсутки спустя, могли бы прибыть войска выгрузившіяся въ Нижнемъ съ волжскихъ пароходовъ, и вся громадная военная сила Россіи, вся мочь ея глубокихъ нѣдръ, самые отдаленные гарнизоны, вызванные по телеграфу, одни за другими, — прибыть на угрожаемые пункты. Такимъ образомъ не только 350 пароходовъ плавающихъ по Волгѣ, но и Каспійская флотилія была бы въ состояніи оказать нѣкоторое вліяніе на судьбу военныхъ дѣйствій на Вислѣ. Въ этихъ видахъ требуется придвинуть полковыя штабъ-квартиры, расположенныя въ разныхъ мѣстахъ, къ линіямъ большихъ судоходныхъ рѣкъ и линіямъ желѣзныхъ дорогъ, дабы войско не теряло времени въ передвиженіяхъ по проселкамъ и такъ-называемымъ нашимъ большимъ дорогамъ.

Таково значеніе желѣзныхъ дорогъ, при умѣніи пользоваться ими. Что касается до послѣдняго, то появленіе статьи г. Анненкова въ *Военномъ Сборникѣ* есть уже ручательство въ томъ, что столь важное дѣло будетъ принято во вниманіе. Всѣмъ любящимъ свое отечество Русскимъ остается только пожелать, чтобы дѣятельность обнаружившаяся у насъ въ послѣдніе годы въ построеніи желѣзныхъ дорогъ не охладѣвала, и чтобы земства начавшія и предполагающія строить желѣзныя дороги, встрѣчали поддержку и ободреніе въ своихъ полезныхъ начинаніяхъ. Старанія земскихъ собраній и управъ распространить въ Россіи сѣть желѣзныхъ дорогъ есть заслуга, выкупающая многія недоразумѣнія, не разлучныя впрочемъ со всякимъ начинаніемъ. Не можемъ также не упомянуть, въ заключеніе этихъ строкъ, о первостепенной важности указанной фельдмаршаломъ графомъ Бергомъ линіи отъ Бреста черезъ Смоленскъ къ Москвѣ: безъ этой стратегической линіи наша старая система крѣпостей можетъ оказаться недостаточною, еслибы непріятелю удалось занять какой-нибудь пунктъ на Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ. Наши отношенія къ Пруссіи очень хороши (дай Богъ, чтобъ они были еще лучше); но это не помѣшало ей устроить нѣчто въ родѣ четыреугольника, на какой опиралась Австрія противъ Италіи, — и не мѣшаетъ ей все болѣе и болѣе укрѣплять эту позицію, болѣе наступательную чѣмъ оборонительную, обращенную именно противъ сообщеній Петербурга и Динабурга съ Варшавой.

№ 8.

Москва, 10-го января.

Новыя сообщенія *Кельнской Газеты* вполнѣ подтверждаютъ предположенія, высказанныя нами около двухъ недѣль тому назадъ. Постоянно внимательный къ тайнымъ лозунгамъ Тюльерійскаго дворца, г. фонъ-Бейстъ, со свойственнымъ ему усердіемъ, маневрируетъ въ аванпостахъ французской политики. Его предложеніе подвергнуть пересмотру трактатъ 1856 г., возвѣщенное съ такою торжественностью телеграфомъ, въ сущности ограничивается смѣшнымъ пуфомъ. Вѣнскій кабинетъ предлагаетъ великимъ державамъ соединиться для разсужденія.... О чемъ? О примѣненіи статьи 9 трактата 1856 г., то-есть объ исполненіи знаменитаго гатъ-гумайюна, который до сихъ поръ оставался мертвою буквой и — какъ всему свѣту самымъ лучшимъ образомъ извѣстно — не можетъ быть примѣненъ и выполненъ подъ владычествомъ оттоманскимъ. Европейскія державы напишутъ множество протоколовъ, и истощивъ всѣ средства дипломатической проволочки, выпустятъ новое изданіе какой-нибудь хартіи,

которую турецкое правительство подпишетъ не морщясь, съ твердою рѣшимостью никогда ея не исполнить. А между тѣмъ христіанская кровь течетъ потоками, борьба ежедневно болѣе и болѣе распространяется. Эпиръ и Ѳессалія, повидимому, возстали вполнѣ. Изъ содержанія прокламаціи христіанъ, населяющихъ эти провинціи, прокламаціи, полученной нами только теперь и почему-то не упоминаемой западными журналами, видно, что это не какое-либо частное возстаніе, которое легко смирить, но борьба на жизнь и смерть.

Обращаемъ вниманіе читателей на эту прокламацію, которой мы даемъ мѣсто вслѣдъ за симъ: она сама говоритъ за себя. Она показываетъ, что не только на островѣ Критѣ, гдѣ была начата борьба окончившаяся установленіемъ Греческаго королевства, но и въ тѣхъ двухъ провинціяхъ, которыя требовали тогда своего присоединенія къ Греціи, и лишь вслѣдствіе дипломатическихъ соображеній были предоставлены Турціи, явилась серіозная рѣшимость свергнуть съ себя оттоманское иго. Нельзя не усомниться чтобы помогъ тутъ циркуляръ Али-паши. Онъ написанъ какъ слѣдуетъ быть дипломатическому циркуляру цивилизованной державы, и мы готовы вѣрить, что видя волненія своихъ христіанскихъ подданныхъ, турецкое правительство въ Константинополѣ совѣщается о томъ какъ бы угомонить ихъ согласно съ европейскимъ международнымъ правомъ; но не подлежитъ также сомнѣнію, что въ турецкихъ населеніяхъ развивается изступленіе, которое столь же мало подчиняется международному кодексу, какъ и константинопольскимъ предписаніямъ, когда онъ нихъ пахнетъ Европой, и котораго звѣрскій характеръ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе выясняется, несмотря на усилія французской журналистики утаить его. Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что въ мечетяхъ Эпира, Ѳессаліи и Македоніи читался какой то фирманъ, повелѣвающій истреблять христіанъ. Равнымъ образомъ извѣстно, что Мегметъ-паша обѣщалъ Албанцамъ разграбленіе Пелопоннеса, какъ въ доброе старое время, когда властвовалъ янинскій тигръ Али-Тепелени. Мы знаемъ наконецъ изъ журналовъ, что и военные турецкіе корабли осмѣливаются поднимать англійскій флагъ, дабы обмануть несчастныхъ критскихъ бѣглецовъ, привлечь ихъ къ берегу и потомъ истреблять ихъ картечью.

Борьба между національностями есть явленіе обыкновенное. Продолжительныя войны, со времени среднихъ вѣковъ волновавшія Европу, оканчивались нерѣдко тѣмъ, что одинъ народъ покорялъ себѣ другой, и самымъ лучшимъ исходомъ въ этихъ случаяхъ обыкновенно бывало, если покоренный народъ совершенно сливался съ народомъ побѣдителемъ. Европейскіе народы, къ какому бы племени ни принадлежали они, всѣ исповѣдуютъ одну вѣру, всѣ озарены свѣтомъ христіанства; между ними можетъ существовать неравенство, различіе интересовъ, даже антипатіи, но не такія, которыя не могли бы быть примирены, а потому поводы къ враждѣ между ними изглаживаетъ время, и желательное сліяніе ихъ отнюдь не есть что-либо невозможное или крайне трудное.

Но между Турками и христіанами лежитъ пропасть непроходимая, безпрерывно увеличивающаяся. Это не двѣ національности, которыя хотя изъ нихъ одна господствуетъ надъ другою, однакожъ обѣ имѣютъ между собою что-нибудь общее, какія-нибудь точки соприкосновенія, какія-нибудь правила, одинаково уважаемыя и проповѣдуемыя обѣими. Напротивъ тутъ два элемента рѣшительно отрицающіе другъ друга. Христіанское населеніе Востока не требуетъ той или другой льготы, той или другой формы правительства, или какой-либо конституціи; оно проситъ только права существовать. Оно хочетъ просвѣщаться наукой, обогащаться трудомъ, хочетъ жить тою жизнію, которая называется просвѣщеніемъ, и которая невозможна подъ мусульманскимъ владычествомъ. Турки не допускаютъ чтобы управляющіе и управляемые могли быть подчинены одному и тому же закону. Существенное начало ихъ вѣрованія и ихъ преданій есть угнетеніе. Они во всѣ времена и всѣми средствами противились развитію національностей, ими порабощенныхъ. Въ ихъ глазахъ благоденствіе есть преступленіе, и если они не опустошаютъ, то стѣсняютъ всякую производительную силу, всякій прогрессъ, не только нравственный, но и матеріальный.

Сама христіанская, просвѣщенная Европа признала и неоднократно подтверждала эти истины. Оставила ли она своихъ подданныхъ подъ владычествомъ турецкихъ законовъ и подъ вѣдѣніемъ оттоманскихъ властей? Напротивъ, она создала въ самомъ сердцѣ Турецкой имперіи собствен-

ную юрисдикцію посредствомъ своихъ посланниковъ и своихъ консуловъ. Она не терпитъ, чтобъ ея соотечественники состояли подъ тѣмъ же управленіемъ какъ подданные султана. Иногда она дѣлаетъ еще болѣе,—усиливается вынудить правительство султана къ тому, чтобы оно уважало собственность, жизнь и честь своихъ собственныхъ подданныхъ. Провозглашая въ теоріи допущеніе Турціи въ европейскую семью, она ставитъ ее на практикѣ въ положеніе ненормальное, исключительное, не налагаемое даже на крошечную республику Либерію, населенную вольно-отпущенными неграми. Она заявляетъ этимъ, что Турція существуетъ посредствомъ насилія, и терпима только вслѣдствіе недовѣрія и соперничества между великими державами. Въ Европѣ нѣтъ ни одного разсудительнаго человѣка, который не былъ бы убѣжденъ, что Турція есть трупъ, гальванизируемый дипломатіей. Всѣ на свѣтѣ это знаютъ, всѣ это чувствуютъ, всѣ высказываютъ это шепотомъ, но дѣла сложились такъ, что европейскія державы боятся провозгласить это во всеуслышаніе и тѣмъ положить конецъ такой кровавой мистификаціи. Г. фонъ-Бейстъ, напримѣръ, съ любезною торопливостью предлагаетъ новый рецептъ, предписывающій возобновленіе гатъ-гумайюна. Несмотря на прежнія неудачи этого государственнаго человѣка, ему нельзя отказывать въ умѣ и прозорливости, и потому нельзя думать, чтобъ онъ прописывалъ какую-либо дѣйствительность средству, имъ предлагаемому. Тутъ дѣло идетъ не о спасеніи Турціи, а только о продолженіи ея искусственнаго существованія еще на два или на три года. Въ этотъ промежутокъ времени, г. фонъ-Бейстъ, конечно, позаботится объ успѣхѣ предпріятій, замышляемыхъ между Вѣной и Парижемъ съ цѣлью отмстить и вознаградить себя за военныя и дипломатическія пораженія, нанесенныя Пруссіей.

Эти разчеты могутъ быть очень искусны, очень хорошо соображены, но они зиждутся на почвѣ ненадежной. При нихъ не принята во вниманіе непреодолимая провиденціальная сила, влекущая человѣчество къ совершенію его судебъ. Нельзя распоряжаться исторіей по своей прихоти. Можно только—подъ страхомъ позднаго и горькаго раскаянія—продолжить бѣдствія человѣчества, увеличить его страданія, и наконецъ черезъ потоки крови придти всетаки къ тому же, чего хотѣли избѣгнуть.

Русская публика прочтетъ съ гордостью и умиленіемъ печатаемыя вслѣдъ за симъ возвышенныя слова *Journal de St.-Pétersbourg* о турецкомъ вопросѣ, а также сообщенныя ниже подробности о томъ, какъ русскій фрегатъ *Генералъ-Адмиралъ* исполнилъ благородное порученіе, возложенное на него въ водахъ Архипелага. Эти несчастные Критяне, преданные всѣмъ ужасамъ голода и стужи, загнанные мусульманскими войсками на омываемые бурнымъ моремъ утесы, эти священники, старцы, женщины, дѣти, избавленные отъ смерти славнымъ знаменемъ Монарха-Освободителя, представляютъ трогательное зрѣлище. Добрые матросы *Генералъ-Адмирала*, соревнуя въ благотвореніи своимъ офицерамъ, ухаживали за больными, раздѣляли свои раціоны съ голодающими, ласкали и лелѣяли дѣтей. Едва пристав къ берегу, они поспѣшили употребить немногія сбереженныя ими деньги на покупку крестовъ и одежды для малютокъ.

Пусть же вся Россія, посредствомъ мирныхъ подаяній и другихъ выраженій сочувствія, не возбраняемыхъ международными обычаями, приметъ участіе въ великомъ дѣлѣ спасенія восточныхъ христіанъ. Лица, имѣющія честь нести политическое знамя Россіи, съумѣютъ, мы вполнѣ увѣрены, исполнить свою обязанность столь же усердно, съ такою же преданностью, твердостью и успѣхомъ, какъ и достойный командиръ императорскаго фрегата *Генералъ-Адмирала*.

№ 9.

Москва, 11-го января.

Нашъ извѣстный экономистъ В. П. Безобразовъ былъ избранъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ почетные граждане Вознесенскаго посада (села Иванова). Извѣщая въ свое время объ этомъ избраніи, мы сказали нѣсколько словъ, которыя не могли понравиться людямъ, пугающимъ нашихъ фабрикантовъ экономистами и политической экономіей, какъ силами непріязненными интересамъ русской народной промышленности. Не беремся рѣшить, въ какихъ видахъ подобное запугиваніе можетъ оказываться

полезнымъ, но средства, которыми оно производится, у всѣхъ на виду, и состоятъ они не въ чемъ другомъ какъ въ извращеніи истины. На экономистовъ и ихъ науку, политическую экономію, взводятся небылицы, и въ особенности взводятся небылицы на русскихъ представителей экономической науки. Фабрикантовъ стараются увѣрить въ существованіи какой-то партіи, замышляющей имъ пагубу, и въ необходимости вести съ этою партіей борьбу для защиты своихъ законныхъ интересовъ. Такъ какъ это борьба съ призраками, то она можетъ повести лишь къ изобличенію алармистовъ, и въ этомъ отношеніи можно ожидать отъ нея только пользы. Недоразумѣнія всего лучше устраняются, когда выходятъ изъ области домашняго шушуканья, гдѣ ихъ настигать трудно, и высказываются въ печати, для всѣхъ открытой и явной. Мы ничего такъ не желаемъ какъ чтобы мнимые поборники русской народной промышленности поспѣшили исполненіемъ той обязанности, которая должна лежать на ихъ совѣсти, если они дѣйствительно увѣрены въ томъ, въ чемъ увѣряютъ и чѣмъ пугаютъ своихъ кліентовъ. Тогда сдѣлается общимъ явленіемъ то, что теперь, какъ исключительный случай, выпало на долю В. П. Безобразова Неоднократныя путешествія его по фабричнымъ мѣстностямъ въ окрестностяхъ Москвы и ея губерніи дали ему возможность войдти въ личныя сношенія со многими фабрикантами, а эти личныя сношенія повели къ тому, что многіе фабриканты узнали и оцѣнили въ немъ человѣка, серіозно и безпристрастно озабоченнаго пользой русской промышленности. Такое доброжелательство всегда цѣнится тѣми, кому случается убѣдиться въ немъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что Ивановцы избрали г. Безобразова въ почетные члены Вознесенскаго посада. Вотъ въ чемъ состоитъ простой фактъ, самъ себя объясняющій: г. Безобразову посчастливилось выказать себя въ истинномъ свѣтѣ, и предубѣжденія противъ него Ивановцевъ, какъ противъ экономиста, то-есть фритредера (кто усвоилъ себѣ политическую экономію, тотъ не можетъ не быть фритредеромъ), исчезли сами собой.

Г. Безобразовъ дѣйствительно приверженецъ свободной торговли, но онъ, вмѣстѣ со всѣми русскими экономистами, писавшими въ послѣднее время, постоянно высказывался въ пользу огражденія фабрикантовъ отъ какого-либо подрыва. Онъ говорилъ то что говорятъ всѣ экономисты, и что они постоянно говорили со временъ Адама Смита. Никто изъ нихъ не отстаивалъ такого пониженія пошлинъ, отъ котораго пострадала бы какая-либо отрасль промышленности. Не ущербъ, а процвѣтаніе промышленности имѣется въ виду, когда рѣчь идетъ объ освобожденіи торговли. Тотъ государственный человѣкъ погубилъ бы свою репутацію, кто повредилъ бы промышленности пониженіемъ пошлинъ, и наоборотъ, въ защиту мѣръ принятыхъ въ духѣ свободной торговли всегда приводится ихъ полезное вліяніе на производство. Чтобы подобная мѣра оправдалась, она должна не только не ослабить, но еще усилить то производство, къ которому она относится. Во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты мы напечатали блистательную рѣчь г. Г. де-Молинари, произнесенную имъ въ политико-экономическомъ отдѣленіи Русскаго Географическаго Общества. Ораторъ говорилъ сильно въ пользу свободной торговли, но посмотрите на какіе факты онъ опирался и какія цифры приводилъ онъ въ оправданіе! Онъ указывалъ на неожиданное развитіе французскаго отпуска, упразднившаго опасенія тѣхъ, которые ожидали, что съ пониженіемъ тарифа отпускъ уменьшится, и усилится привозъ Онъ привелъ краснорѣчивыя цифры, свидѣтельствующія что именно тѣ отрасли промышленности, которыя повидимому существовали во Франціи тарифомъ, увеличили свое производство, послѣ того какъ тарифъ былъ пониженъ. Еслибы на дѣлѣ оказалось противное, то никто не сталъ бы восхвалять произведенное французскимъ правительствомъ пониженіе тарифа, и всѣ признали бы эту мѣру за ошибку французскаго правительства. Когда г Гладстона укоряли въ англійской палатѣ общинъ за пониженіе пошлины на бумагу, будто бы чрезмѣрное, онъ защищался не тѣмъ, что фабрикація бумаги есть такая отрасль промышленности, которою можно пожертвовать въ видахъ удешевленія писчей и печатной бумаги, а тѣмъ что бумажныя фабрики въ Англіи расширили свое производство послѣ той мѣры, о которой оппоненты его утверждали, что она подрываетъ англійскія бумажныя фабрики. Вотъ какъ смотрятъ на освобожденіе торговли главные европейскіе авторитеты школы фритредерской. Освобожденіе торговли до-

пускается лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ быть полезно промышленности. Коль скоро нѣтъ увѣренности въ силахъ промышленности выдержать конкурренцію, экономисты совѣтуютъ уважить существующіе интересы и воздержаться отъ пониженія пошлинъ. Строго придерживаясь этого правила, приверженцы свободной торговли въ Россіи не только прилежно твердили о необходимости понижать пошлины постепенно и осмотрительно, но высказывали даже сомнѣнія относительно того, слѣдуетъ ли въ настоящую минуту и заводить рѣчь о возможности общаго пониженія пошлинъ въ Россіи. Что же тутъ было несогласнаго съ интересами промышленности, и какой былъ бы со стороны Ивановцевъ поводъ не довѣрять г. Безобразову, когда онъ и съ ними вѣроятно говорилъ, и въ печати всегда высказывался въ этомъ смыслѣ? Недовѣріе могло бы основываться только на ослѣпленіи, этомъ признакѣ неразумія и невѣжества, между тѣмъ какъ образъ дѣйствій Ивановцевъ былъ просвѣщенный.

Но именно за этотъ просвѣщенный образъ дѣйствій собиралась надъ Ивановцами гроза. Она разразилась напечатаннымъ сегодня въ газетѣ *Москва* письмомъ неизвѣстнаго, назвавшагося богородскимъ купцомъ. Цѣль письма—отдѣлать Ивановцевъ дабы вынудить у нихъ раскаяніе въ совершенномъ ими преступленіи. „Просимъ заявить это болѣе опредѣленнымъ образомъ," говоритъ имъ повелительно авторъ письма. Если же они не позволятъ ему застращать себя, то непремѣннымъ послѣдствіемъ ихъ неповиновенія будетъ введеніе въ Россіи свободной торговли, то есть, отмѣна тѣхъ пошлинъ, которымъ „Вознесенскій посадъ" и село Иваново обязано своимъ существованіемъ." Словомъ, богородскій купецъ подшучиваетъ надъ Ивановцами, словно надъ дикарями съ острововъ Отаити. Но шутки въ сторону. Тонъ письма такъ грубъ, его пріемы такъ невозволительны, что нельзя не удивиться тому, какъ могло оно найдти себѣ мѣсто въ столбцахъ газеты *Москва*. Какой поводъ имѣлъ авторъ письма высказывать свои предположенія о томъ какъ совершилось избраніе г. Безобразова, человѣка, который ничѣмъ не замаралъ себя и которому почетное гражданство не принесло ровно ничего? Какой смыслъ имѣютъ слова автора, что г. Безобразовъ пишетъ о свободной торговлѣ къ мѣсту и не къ мѣсту, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ? Для кого удобномъ и неудобномъ? Ужь не заинтересованъ ли г. Безобразовъ тѣмъ чтобы проповѣдывать свободную торговлю? Не внушены ли ему его взгляды какими-нибудь богатыми субсидіями? Мы тѣмъ менѣе понимаемъ появленіе этого письма въ газетѣ *Москва*, что редакція этой газеты, служащей, какъ слышно, органомъ нѣсколькихъ промышленниковъ, сама развернула знамя свободной торговли. Въ первомъ нумерѣ новой газеты, въ ея *profession de foi* мы читали: „Лучше нѣсколько обождать, лучше подвигаться осторожнѣе и медленнѣе по пути свободной торговли, дабы тѣмъ прочнѣе приближаться къ этому идеалу международныхъ сношеній." Эти слова какъ нельзя болѣе согласны съ здравою политическою экономіей. Правда, вслѣдъ затѣмъ видна маленькая неточность въ понятіяхъ: допускается, что свободная торговля не только идеалъ, но можетъ-быть и утопія. Съ этимъ нельзя согласиться, потому что идеалъ и утопія двѣ вещи совершенно разныя: идеалъ то къ чему должно стремиться; утопія то къ чему стремиться не должно. Но это относится къ логикѣ, а не къ политической экономіи. Что же касается до свободной торговли, то редакція газеты *Москва* предусматриваетъ даже такую эпоху, когда люди будутъ „бросаться, очертя голову, по пути полнаго и свободнаго соперничества въ международной торговлѣ." Такой смѣлой мысли никогда не высказывалъ и г. Безобразовъ, который, вѣроятно, усомнится, чтобы когда-нибудь настала предвидимая *Москвой* эпоха. Онъ такъ далеко не идетъ, онъ гораздо умѣреннѣе. Во всякомъ случаѣ „богородскій купецъ" дурно воспользовался гостепріимствомъ, напавъ на г. Безобразова въ газетѣ *Москва*, высказывающей въ сущности одни и тѣ же съ нами экономическіе взгляды.

№ 10.

Москва, 12-го января.

Сегодня оканчиваемъ мы печатаніе переведеннаго изъ *Journal S.-Pétersbourg* важнаго документа, первая половина котораго напечатана нами вчера.

До сихъ поръ Императорское правительство отвѣчало исполненнымъ достоинства молчаніемъ на шумливыя выходки Римскаго двора; теперь послѣ того какъ въ Римѣ изданъ сборникъ документовъ, имѣющій цѣлью обвинить Россію въ разрывѣ сношеній ея съ Римскою куріей и въ упраздненіи конкордата, оно сочло нужнымъ, не вступая въ препирательства, обнародовать исторію своихъ сношеній съ папскимъ правительствомъ и тѣмъ возстановить искаженную имъ истину. Нѣтъ ничего грубѣе факта, и Римскому двору не можетъ быть сдѣлано бо́льшаго укора какъ простымъ изложеніемъ фактовъ, которые его характеризируютъ. Кто виноватъ, если правдивое зеркало, въ которомъ мы видимъ нашъ собственный обликъ, не представляетъ намъ ничего пріятнаго?

Читая эту исторію сношеній Императорскаго правительства съ Ватиканомъ дивишься не тому, что разрывъ послѣдовалъ, а тому что онъ не послѣдовалъ ранѣе. Чѣмъ долготерпѣливѣе къ Риму было Императорское правительство, тѣмъ яснѣе обнаруживается невозможность соглашенія съ нимъ въ духѣ уступчивости.

Странная аномалія, это церковное управленіе, образующее особое государство посреди государствъ, и этотъ священникъ и свѣтскій государь посреди государей. Ничто въ современномъ мірѣ не представляетъ ни малѣйшей аналогіи съ этимъ остаткомъ давно минувшихъ эпохъ, забытымъ исторіей. Священникъ и вмѣстѣ государь, папа хочетъ пользоваться правами и того и другаго званія, не неся истинныхъ обязанностей ни того, ни другаго. Когда нужно дѣйствовать въ качествѣ государя, римскій первосвященникъ ссылается на свое смиреніе, на свою безащитность, на царствіе Божіе; когда нужно дѣйствовать въ качествѣ іерарха, римскій государь повелѣваетъ, грозитъ и громитъ. Онъ священникъ въ качествѣ государя, и государь въ качествѣ священника. Для того чтобы держать своихъ подданныхъ въ повиновеніи, онъ нуждается въ чужихъ войскахъ, но онъ содержитъ свои арміи въ чужихъ государствахъ. Онъ проситъ Христа ради какъ нищій, и требуетъ какъ завоеватель. Его военныя силы не годятся для битвъ, но онѣ достаточны для того чтобы колебать внутренній миръ государствъ и сѣять смуты въ народахъ.

Уступчивость съ Римомъ не ведетъ къ добрымъ результатамъ, это историческая истина, которая подтверждается и исторіей нашихъ сношеній съ папскимъ престоломъ. Религіозная свобода есть великое начало, но уступать римскимъ притязаніямъ всегда значило уступать не свободѣ, а духу нетерпимости. Именно интересъ свободы возбраняетъ уступчивость Риму; религіозный интересъ самихъ населеній исповѣдующихъ эту вѣру требуетъ чтобы притязаніямъ римскаго престола полагалась преграда. Когда рѣчь идетъ о притязаніяхъ римской церкви по отношенію къ государству, гдѣ господствуетъ другая церковь, обыкновенно отражаютъ эти притязанія во имя правъ господствующей церкви; но точно также требовалось отражать ихъ и тамъ, гдѣ господствуетъ римское исповѣданіе. Дѣло въ томъ что притязанія Рима суть притязанія властолюбія несовмѣстнаго съ религіей, и духа нетерпимости несовмѣстнаго съ свободой. Давать ходъ этимъ притязаніямъ значитъ вносить въ дѣло религіи начало смуты и превращать ее въ оружіе стремленій не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Правительства странъ, гдѣ господствуетъ римскій католицизмъ, заботятся о томъ, чтобъ ограничить притязанія римскаго государя, и тѣмъ освободить дѣло религіи отъ политической примѣси. Государство успокоивается, народъ оживаетъ и развитіе цивилизаціи совершается правильнымъ ходомъ въ тѣхъ католическихъ странахъ, гдѣ притязанія римскаго престола встрѣчаютъ себѣ должный отпоръ; только тамъ католицизмъ и принимаетъ характеръ свойственный христіанской церкви.

Въ исторіи сношеній Русскаго правительства съ Римскимъ дворомъ за послѣднее время особенно интересны переговоры о допущеніи папскаго нунція въ Россію, какъ по новости подробностей этого дѣла для публики, такъ и по его характеристичности. Императорскій кабинетъ самъ предложилъ папѣ учредить въ Петербургѣ постоянное посольство. Чего бы кажется лучше? Чего болѣе могъ бы пожелать папа отъ правительства православнаго? И въ то самое время когда между обоими правительствами шли дружественные переговоры, и когда папа, въ доказательство своего добраго расположенія къ Россіи, отзывался неодобрительно о дѣйствіяхъ польскаго духовенства, его святѣйшество въ то же самое время, секретнымъ посланіемъ, поощрялъ это самое духовенство и выра-

жалъ сочувствіе Полякамъ въ тѣхъ самыхъ дѣйствіяхъ, о которыхъ отзывался неодобрительно передъ Русскимъ правительствомъ. Когда существованіе этого секретнаго посланія было обнаружено, то на сдѣланный папскому правительству запросъ, кардиналъ Антонелли сказалъ въ оправданіе, что его святѣйшество былъ вынужденъ къ этому поступку дабы его не осуждали за нерадѣніе къ интересамъ церкви,—что это не было папское посланіе въ строгомъ смыслѣ слова, а только письмо отъ папы на латинскомъ языкѣ, и при томъ не на пергаментѣ, а на простой бумагѣ,—и что письмо это было послано изъ секретаріата латинскихъ писемъ, а не изъ канцеляріи папскихъ буллъ и бреве!

Но характеристическая особенность факта заключается не въ этой казуистикѣ и не въ этомъ двоедушіи, а въ томъ, что римское правительство, въ виду столь важной уступки, которая ему дѣлалась, тотчасъ же предъявило такія требованія, которыя сдѣлали ее невозможною. Принятію предложенной ему уступки оно поспѣшило дать характеръ милости, которую оно же оказывало Русскому правительству, и потребовало, чтобы нунцій въ С.-Петербургѣ пользовался преимуществами и правами, какими папскіе нунціи не пользуются и въ католическихъ государствахъ. Дѣло не состоялось только потому, что папское правительство на всѣ убѣжденія чтобъ его нунцій въ Россіи былъ подчиненъ тѣмъ же самымъ ограниченіямъ, какія признаны необходимыми во Франціи, гдѣ католицизмъ есть религія господствующая, отвѣчало обычнымъ „non possumus“.

Разрывъ сношеній съ Римскимъ дворомъ, отмѣна конкордата и свобода дѣйствій, которую возвратило себѣ Русское правительство, послужатъ, должно надѣяться, на благо самихъ населеній, исповѣдующихъ римско-католическую вѣру въ Россіи. Вѣротерпимость нашего законодательства остается въ своей силѣ; религіознымъ вѣрованіямъ и обрядамъ не будетъ притѣсненія; но правительство уже не несетъ на себѣ никакихъ обязательствъ относительно чуждой власти.

Предоставлять свободу не значитъ давать власть, и давать власть не значитъ предоставлять свободу. Вѣротерпимость относится только къ совѣсти людей; не предоставлять людямъ исповѣдывать ту или другую вѣру не значитъ давать той или другой вѣрѣ обязательную власть надъ людьми, а тѣмъ менѣе давать власть духу исключительности и нетерпимости.

№ 11.

Москва, 13-го января.

Нельзя считать за простую случайность, что изъ губернскихъ земскихъ собраній, состоявшихся нынѣшнею зимой, сколько извѣстно, смоленскому принадлежитъ первенство въ заботахъ о водвореніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Смоленская губернія, и по географическому положенію, и по историческимъ преданіямъ, должна идти въ этомъ дѣлѣ впереди другихъ губерній. Она естественный центръ русскихъ интересовъ въ сѣверо-западномъ краѣ, и въ этомъ значеніи своемъ со времени Екатерины II она долго пользовалась особеннымъ вниманіемъ правительства. Лишь съ недавняго времени этотъ взглядъ на политическое призваніе Смоленска началъ было утрачиваться. Проведеніе брестскаго шоссе мимо Смоленска много повредило ему и вмѣстѣ съ тѣмъ ослабило сношеніе его съ бѣлорусскими и литовскими губерніями. Но желѣзныя дороги, надобно надѣяться, исправятъ эту политическую ошибку. Смоленскъ поднимется на свою прежнюю степень и даже превзойдетъ ее, если будетъ соединенъ рельсами съ Москвой и Орломъ, чего нельзя не пожелать ему не только въ его интересѣ, но и въ общемъ государственномъ. Впрочемъ, хотя и умаленный противъ прежняго, Смоленскъ, какъ видно, и теперь живо сознаетъ свое національное призваніе. Повторяемъ, нельзя видѣть простую случайность въ томъ, что изъ Смоленска услышали мы первый земскій голосъ о необходимости содѣйствовать водворенію русскаго землевладѣнія въ сѣверо-западномъ краѣ.

Въ Смоленской губернской земской управѣ составленъ весьма замѣчательный проектъ Общества для пріобрѣтенія имѣній въ сѣверо-западномъ краѣ. Мысль его такъ вѣрна и вмѣстѣ такъ проста, что безъ сомнѣнія будетъ подхвачена и въ другихъ губерніяхъ смежныхъ съ западнымъ краемъ. Она состоитъ въ томъ, чтобъ устроить въ одной изъ губерній сѣверо-западнаго края, гдѣ окажется удобнѣе, русскую землевладѣльческую колонію изъ смоленскихъ жи-

телей, съ тѣмъ чтобъ эта колонія сохранила постоянную связь съ обществомъ своей смоленской метрополіи и получала изъ нея расширеніе и поддержку въ средствахъ и духѣ. Такая колонія дала бы возможность людямъ, знающихъ другъ друга, связаннымъ между собой привычками и общими интересами, селиться въ новомъ краѣ вблизи другъ отъ друга, не разрывая прежнихъ связей, не отрѣшаясь отъ своего общества, отъ прежнихъ преданій и стремленій, не растериваясь въ дальней сторонѣ среди незнакомыхъ людей и чуждыхъ элементовъ. Кто не согласится съ смоленскою губернскою земскою управой, что безъ такого соединенія силъ и средствъ многихъ лицъ, знающихъ другъ друга и тѣсно связанныхъ между собой преданіями, общими интересами и привычками, водвореніе русскихъ землевладѣльцевъ на огромномъ пространствѣ девяти губерній западнаго края представляло бы безполезную растрату усилій? Сохраняя свои связи съ Смоленскою губерніей, Смольяне, переселившіеся въ западный край, составляли бы и тамъ крѣпко сплоченную группу. Ежегодно по два раза собирались бы они тамъ на совѣщательные съѣзды, во время которыхъ разсматривались бы хозяйственныя дѣла членовъ общества; обсуждались бы общія мѣры, которыя могутъ быть приняты для успѣха въ дѣлахъ переселенцевъ; избирались бы мѣста и изыскивались бы средства для устройства православныхъ приходовъ и для открытія русскихъ народныхъ школъ; сообщались бы всѣ наблюденія по мѣстному сельскому хозяйству и замѣчанія о наиболѣе выгодныхъ способахъ вести его, и вообще разсматривались бы всѣ вопросы касающіеся интересовъ переселенцевъ изъ Смоленской губерніи.

Такова нравственная сторона предполагаемаго Общества, и отъ читателей, конечно, не укроется какъ велико ея значеніе для успѣшнаго переселенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западный край. Экономическая сторона разбираемаго нами проекта состоитъ въ томъ, что предполагаемое Общество будетъ кредитнымъ обществомъ и въ этомъ качествѣ будетъ не что иное какъ мѣстное вспомогательное отдѣленіе Высочайше утвержденнаго 10-го августа 1866 года Товарищества пріобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Трудность, съ которою должно встрѣтиться это Товарищество, заключается въ невозможности выдавать ссуды превышающія двѣ трети оцѣнки покупаемаго имѣнія, и въ малочисленности такихъ покупателей, которые имѣютъ средства выплатить недостающую треть оцѣнки изъ собственнаго свободнаго капитала. Увеличивать размѣры ссудъ было бы нерацiонально: еслибы ссуды были увеличиваемы сверхъ двухъ третей оцѣнки безъ дополнительнаго обезпеченія, отъ этого пострадало бы довѣріе публики къ облигаціямъ, а потому объ этомъ не можетъ быть рѣчи, и стало-быть требуется какое-нибудь дополнительное обезпеченіе. Вопросъ въ томъ, кѣмъ оно можетъ быть дано. По слухамъ, Общество Взаимнаго Кредита предполагаетъ ходатайствовать, чтобы дополнительное обезпеченіе было даваемо правительствомъ и заключалось въ казенныхъ земляхъ, которыя поступали бы въ залогъ по общимъ правиламъ на всю сумму выданныхъ дополнительныхъ ссудъ. Но, во-первыхъ, такая комбинація сопряжена съ большимъ рискомъ для казны; во-вторыхъ, она можетъ привлечь къ покупкѣ имѣній авантюристовъ или по меньшей мѣрѣ людей несостоятельныхъ; втретьихъ при правительственномъ обезпеченіи дополнительная ссуда ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть такъ велика, чтобы покупщику не пришлось вовсе прилачивать своихъ денегъ. А между тѣмъ операція покупки имѣній въ западномъ краѣ можетъ идти успѣшно именно только въ томъ случаѣ, если найдутся средства получать въ ссуду все то количество денегъ сполна, которое нужно для покупки. Покупатель серіозный захочетъ вложить въ новое имѣніе столько оборотнаго капитала, сколько необходимо для полученія съ него удовлетворительнаго дохода. Смотря по имѣнію, этотъ оборотный капиталъ можетъ быть довольно значителенъ. При теперешнихъ обстоятельствахъ найдется мало людей, которые имѣли бы средства затратить въ покупаемое имѣніе не только необходимый оборотный капиталъ, но и часть покупной цѣны. Вотъ почему даже при выдачѣ въ ссуду $^4/_5$ оцѣнки, дѣло покупки едва ли пойдетъ впередъ очень быстро. Для успѣха требуется, чтобы въ ссуду выдавалась покупная сумма сполна, а это невозможно при обезпеченіи дополнительныхъ ссудъ казенными имѣніями. Смоленскій проектъ указываетъ на единственное раціональное средство, чтобы выйдти изъ затрудненія: обезпеченіемъ дополнительной ссуды должно

быть собственное имѣніе покупщика, находящееся въ одной изъ внутреннихъ губерній.

Членъ предполагаемаго смоленскаго общества получилъ бы въ ссуду двѣ трети оцѣнки покупаемаго имъ имѣнія на основаніи правилъ товарищества 10-го августа. Затѣмъ недостающую треть онъ получилъ бы подъ свое смоленское имѣніе, за круговою порукой всѣхъ Смольянъ участвующихъ въ смоленскомъ обществѣ для пріобрѣтенія имѣнія въ западномъ краѣ. Что можетъ быть проще этого?

№ 12.

Москва, 14-го января.

Засѣданіе Московскаго Окружнаго Суда по дѣлу о похищеніи сундука съ деньгами изъ бородѣленнаго дома Рогожскаго кладбища длилось двадцать часовъ, но могутъ возникнуть дѣла еще болѣе сложныя, которыя потребуютъ для своего разсмотрѣнія не двадцать часовъ, а гораздо болѣе. Не далѣе какъ послѣ завтра, 16-го января, предстоитъ разбирательство дѣла объ убійствѣ капитана Попова и его кухарки, въ которомъ обвиняется бывшій студентъ Даниловъ. Неужели судъ и въ этомъ случаѣ будетъ считать себя обязаннымъ вести засѣданіе непрерывно, лишь съ небольшими роздыхами на полчаса или часъ?

Уставъ, какъ намъ кажется, вовсе не такъ требователенъ. Въ ст. 639-й сказано слѣдующее: „Судебное засѣданіе по каж„дому дѣлу должно происходить непрерыв„но, за исключеніемъ времени необходи„маго для отдохновенія.“. Если понимать здѣсь слово *непрерывно* въ его буквальномъ смыслѣ, то, конечно, пришлось бы согласиться съ тѣми что утверждаютъ, будто судъ не имѣетъ права прерывать засѣданіе болѣе чѣмъ на полчаса или на часъ. Но, во-первыхъ, законодатель самъ объяснилъ намъ въ какомъ смыслѣ должно понимать требованіе непрерывности. Вотъ что сказано въ разсужденіяхъ къ этой статьѣ въ изданіи Уставовъ Государственной Канцеляріи: „Понятіе о *непре„рывности суда* не заключаетъ въ себѣ „того стѣснительнаго условія, что судъ не „можетъ быть прерванъ по встрѣтившим„ся къ продолженію его препятствіямъ, или „для собранія какихъ-либо дополнитель„ныхъ свѣдѣній. Единственное условіе, ко„торое заключается въ этомъ понятіи, со„стоитъ въ томъ, что судъ не долженъ „смѣшивать разсмотрѣніе одного дѣла съ „разсмотрѣніемъ другаго.“ Вовторыхъ, въ *Уставѣ* есть прямое указаніе на то, что законодатель предвидѣлъ надобность отсрочить засѣданіе по одному и тому же дѣлу до другаго дня, лишь бы, какъ указано выше, судъ въ промежуткахъ между двумя засѣданіями не приступалъ къ разбору новаго дѣла. Въ ст. 615-й *Устава Угол. Судопр.* сказано слѣдующее: „Въ „промежуткахъ судебнаго засѣданія пред„сѣдатель суда принимаетъ мѣры къ на„блюденію за присяжными засѣдателями и „къ предупрежденію внѣшняго на нихъ „вліянія, могущаго служить источникомъ „предубѣжденія.“ Въ слѣдующей 616-й ст. читаемъ: „Въ дѣлахъ особенной важности „предсѣдатель суда можетъ преградить всѣ„кія сношенія съ присяжными засѣдате„лями, предложивъ имъ для отдохновенія „особыя комнаты въ помѣщеніи суда.“ Изъ сопоставленія этихъ двухъ статей ясно не только то, что закономъ допускается отсрочка засѣданій, но и то, что стѣсненіе въ этомъ случаѣ личной свободы присяжныхъ, задержаніемъ ихъ до окончанія дѣла въ стѣнахъ суда, допускается закономъ *лишь въ дѣлахъ особенной важности*. Въ дѣлахъ же, которыя не представляютъ особенной важности, предсѣдателю вмѣняется только въ обязанность принять мѣры къ *наблюденію* за присяжными и къ предотвращенію внѣшняго на нихъ вліянія. Въ чемъ должны состоять эти мѣры наблюденія, законъ не указываетъ, и мы не беремся рѣшить какое другое средство, кромѣ задержанія присяжныхъ въ стѣнахъ суда до окончанія процесса, можетъ быть дѣйствительно.

Мы старались только доказать, что засѣданія могутъ быть отсрочены, въ случаѣ надобности, до другаго дня. А такая надобность, полагаемъ, настоитъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда разбирательство должно затянуться долѣе чѣмъ на 12 или даже на 10 часовъ. Что чрезмѣрная продолжительность судебнаго засѣданія сопряжена съ опасностію для здоровья участвующихъ лицъ доказывается случаемъ изъ самаго процесса 11-го января. Одинъ изъ защитниковъ подсудимыхъ почувствовалъ себя дурно съ самыхъ первыхъ словъ своей защитительной рѣчи, до которой очередь

дошла въ 3-мъ часу пополуночи, такъ что предсѣдатель долженъ былъ пріостановить засѣданіе на 1/4 часа. Мы слышали, что на другой день послѣ засѣданія помянутый адвокатъ серіозно заболѣлъ.

Относительно сущности дѣла, на рѣшеніе котораго потребовалось столь чрезмѣрное напряженіе силъ, возникаетъ юридическій вопросъ, не лишенный нѣкотораго интереса. Тѣ изъ нашихъ читателей, которые поинтересовались прочесть помѣщенный въ №№ 9 и 10 нашей газеты отчетъ, знаютъ, что подсудимые Семеновъ, Счастневъ, Егоровъ и Герасимовъ оказались виновниками того ловкаго и смѣлаго мошенничества, которое въ сентябрѣ 1865 года возбудило всеобщіе толки въ Москвѣ. Извѣстно, что съ этою цѣлью разыграна была съ большимъ искусствомъ комедія, и что за это представленіе дорого заплатили простодушные обитатели богадѣленнаго дома. Преступленіе это выходитъ далеко изъ ряда обыкновенныхъ мошенничествъ; но оно предусмотрѣно нашимъ Уложеніемъ о Наказаніяхъ. Этого мало: повидимому, рѣдкій случай изъ уголовной практики такъ совершенно подходитъ подъ соотвѣтственныя статьи Уложенія какъ настоящій подъ ст. 1668 и 1669. Однако обвинитель далъ этому преступленію другое опредѣленіе, квалифируя его какъ грабежъ. Грабежомъ, по Уложенію, признается „всякое у кого-либо отнятіе принадлежащаго ему или же находящагося у него имущества съ насиліемъ „или угрозами," а также „всякое, хотя „безъ угрозъ и насилія, но открытое похищеніе какого либо имущества, въ присутствіи самого хозяина или другихъ „лицъ." (Улож. о Нак. ст. 1687). Мошенничествомъ же признается „всякое, посредствомъ какого-либо обмана учиненное, похищеніе чужихъ вещей, денегъ „или инаго движимаго имущества." (Тамъ же ст. 1665.) Мошенничествомъ квалифированнымъ, то-есть такимъ которое отягчаетъ вину, признается, если виновный въ этомъ преступленіи „для учиненія онаго „выдавалъ себя за лицо, дѣйствующее по „порученію какого-либо присутственнаго мѣста или начальства." (Тамъ же ст. 1668). Обстоятельствомъ еще болѣе отягчающимъ вину признается, если виновный въ мошенничествѣ, выдавая себя за лицо дѣйствующее по порученію правительства, для приведенія намѣреній своихъ въ дѣйствіе, надѣвалъ на себя мундиръ (тамъ же ст. 1669). Грабежъ наказывается строже чѣмъ кража или мошенничество, ибо грабежъ заключаетъ въ себѣ преступленіе не только противъ собственности другаго лица, но и противъ его самого. Съ другой стороны мошенничество именно потому причислено къ разряду преступленій менѣе важныхъ, что въ немъ не заключается нарушенія правъ личности. Мошенникъ создаетъ для лица, которое онъ имѣетъ намѣреніе обмануть, ложное представленіе. Преступное намѣреніе его направлено не къ тому, чтобы безусловно подчинить своей волѣ волю обманываемаго субъекта, а лишь къ тому чтобы воля послѣдняго подчинилась ложному представленію, которое въ немъ создано. Но стоитъ только обманываемому не даться въ обманъ, угадать намѣреніе мошенника, и тогда ему придется или отказаться отъ совершенія преступленія, или же прибѣгнуть къ грабежу или разбою. Имѣя такимъ образомъ одну общую цѣль—похищеніе чужаго имущества,—грабежъ и мошенничество существенно разнятся между собою средствами исполненія. Это два разнородныя преступленія, и преступленіе „грабежъ-мошенничество" не предусмотрѣно законодательствомъ. А между тѣмъ если разобрать вопросы поставленные судомъ для разрѣшенія присяжнымъ, то выходитъ, что именно въ такомъ преступленіи и обвинены подсудимые. Первый вопросъ гласитъ такъ:

Виновенъ ли мѣщанинъ Иванъ Семеновъ въ похищеніи изъ Рогожскаго богадѣленнаго дома сундука съ деньгами, для учиненія чего онъ выдалъ себя за лицо дѣйствующее по распоряженію правительства, съ присвоеніемъ не принадлежащаго ему званія?

Присяжные отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно и признали остальныхъ трехъ подсудимыхъ виновными въ томъ же преступленіи, то-есть въ мошенничествѣ по ст. 1668 Уложенія о Нак. Затѣмъ вопросъ 10-й гласитъ, въ противорѣчіи съ первымъ, такъ:

Если всѣ подсудимые, или кто-либо изъ нихъ виновны въ означенномъ похищеніи, то было ли это похищеніе совершено открыто, въ присутствіи другихъ лицъ?

Присяжные и на этотъ вопросъ отвѣчали утвердительно, и вышло, что подсудимые признаны виновными и въ мошенничествѣ, и въ грабежѣ. Вопросъ, очевидно, былъ поставленъ невѣрно и ввелъ присяж-

ныхъ въ заблужденіе. Похищеніе сундука, во мнѣніи обманутыхъ, не было похищеніемъ: предъ ними были агенты правительства, исполнявшіе служебную обязанность. Но было открытаго похищенія, было взятіе обманомъ.

Однако сущность дѣла опредѣляется не одними лишь общими признаками, но и его индивидуальными чертами. Чтобы судить о дѣлѣ, не всегда бываетъ достаточно поставить его подъ извѣстную категорію, а требуется войти въ его особенности, въ его индивидуальность, которая не всегда подходитъ подъ общее опредѣленіе. И прокурорскій надзоръ, и присяжные и судьи, отказываются видѣть въ фактѣ преступленія, о коемъ идетъ рѣчь, только мошенничество, но признаютъ въ немъ и грабежъ. Обвинитель, въ подкрѣпленіе доводовъ въ пользу признанія преступленія грабежомъ, сослался на угрозы мнимаго полковника эконому богадѣленнаго дома арестовать его. Наглое мошенничество разыгранное въ прошломъ году надъ жителями богадѣленнаго дома Рогожскаго кладбища, хотя и не грабежъ, но имѣетъ съ нимъ то общаго, что при немъ воля обманутыхъ была связана до того, что ей не оставлено было ни малѣйшаго простора. Жители богадѣленнаго дома могли не выдать желѣзнаго сундука и требовать, чтобы мнимые представители власти ограничились наложеніемъ печатей и приставили до утра часоваго. Но мошенники знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло; они приняли въ разчетъ запуганность обитателей Рогожскаго кладбища и то дѣйствіе, которое должны были произвести на нихъ слова „жандармскій полковникъ,“ „тайная полиція.“ Пользуясь силою этихъ магическихъ словъ, мошенники дѣйствовали почти навѣрное.

№ 13.

Москва, 16-го января.

Движеніе, вызванное въ Россіи событіями на островѣ Критѣ, растетъ и распространяется во всѣхъ общественныхъ слояхъ. Оно будетъ имѣть всю силу движенія народнаго. Не безплодно будетъ оно для дѣла христіанъ на Востокѣ, какъ не будетъ оно безплодно и для нашей собственной жизни. Ничто такъ не оплодотворяетъ и не возвышаетъ народныя силы какъ движеніе подобнаго свойства. Сколь бы ни были обильны вещественныя пособія, которыя принесемъ мы нашимъ братьямъ на Востокѣ, еще полезнѣе будетъ для нихъ та нравственная сила, которая таится въ сочувствіи цѣлаго великаго народа. Никакое дипломатическое дѣйствіе не сравнится съ этими выраженіями народнаго сочувствія, въ искренности которыхъ нельзя сомнѣваться. Дай Богъ, чтобы вновь пролитая христіанская кровь на Востокѣ была не напрасною жертвой, и чтобы такъ называемый восточный вопросъ подвинулся замѣтно къ благополучному разрѣшенію? Но что бы ни готовилось впереди, вѣрно по крайней мѣрѣ то, что народное движеніе въ пользу восточныхъ христіанъ возвыситъ значеніе Россіи и дастъ ей новый вѣсъ въ совѣтахъ Европы.

Замѣчательно, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ только въ Россіи, да еще отчасти въ Англіи, страданія Критянъ вызвали дѣйственное сочувствіе. Что же касается до Франціи, то она до сихъ поръ остается недоброжелательною зрительницей борьбы. Офиціальныя дѣйствія ея правительства, въ виду теперешнихъ событій на Востокѣ, уличаютъ во лжи тѣ громкіе принципы, которыми такъ любитъ щеголять французская политика. Ни принципъ національностей, ни интересы цивилизаціи, ни права человѣчества, ничто не дѣйствуетъ, когда рѣчь идетъ о событіяхъ въ Критѣ.

Посреди нынѣшнихъ затрудненій своей политики, императоръ Наполеонъ III нашелъ полезнымъ занять общественное мнѣніе подвластной ему страны преобразованіями конституціи, которую онъ даровалъ ей, и которая, какъ повѣствуетъ одна изъ парижскихъ офиціозныхъ газетъ, доставила Франціи пятнадцать лѣтъ глубочайшаго спокойствія и благоденствія. Въ то время, когда столько серіозныхъ событій совершается и готовится въ Европѣ, странно и смѣшно читать эти многорѣчивые толки, наполняющіе французскую печать, о великихъ реформахъ, завершающихъ зданіе наполеоновской имперіи и состоящихъ въ томъ, что пренія объ адресѣ замѣняются правомъ интерпелляціи, или запроса. Европа будетъ лишена зрѣлища тѣхъ потѣшныхъ боевъ, которые происходили во французскомъ сенатѣ и законодательномъ сословіи между министрами безъ портфеля и полдюжиной витязей оппозиціи; но вмѣсто

преній объ адресѣ даруется право интерпелляціи. Итакъ, вотъ что во Франціи называется важными преобразованіями! Вотъ политическій прогрессъ, который тамъ совершается! Во французской печати давно уже была рѣчь о готовившемся расширеніи политическихъ льготъ. Творецъ нынѣ дѣйствующей конституціи, полагая основу этому величественному зданію, давалъ предвидѣть, въ туманѣ будущаго, завершеніе зданія. Время завершенія наконецъ наступило, и вотъ вмѣсто адреса даруется интерпелляція. Французскіе либералы недоумѣваютъ, зачѣмъ было нужно отнимать пренія объ адресѣ, дабы даровать право запроса; имъ кажется страннымъ, что для возведенія купола надъ зданіемъ потребовалось низложить стѣны, надъ которыми онъ долженъ выситься. Но вѣрно то, что Франція ничего не проиграла чрезъ отмѣну преній объ адресѣ, точно также какъ она ничего не выиграетъ съ правомъ запроса, которое даруется ея законодательнымъ собраніямъ. Одна пустота замѣняется другою. Разница между адресомъ и интерпелляціей только та, что безсильная, ничтожная, хотя и шумливая оппозиція въ подобранныхъ камерахъ, будетъ имѣть менѣе случаевъ упражняться въ ораторскомъ искусствѣ. Запросъ будетъ допускаемъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда само правительство пожелаетъ сдѣлать какую-либо демонстрацію для Франціи или для Европы, что повидимому и предполагается въ началѣ наступающей сессіи. Дабы сдѣлать запросъ, необходимо въ законодательномъ сословіи согласіе четырехъ отдѣленій, или бюро, а въ сенатѣ двухъ. Извѣстно, что члены французскихъ государственныхъ собраній распредѣляются по отдѣленіямъ, коихъ въ законодательномъ сословіи десять, а въ сенатѣ пять. Члены какъ того, такъ и другаго собранія не имѣютъ никакой самостоятельности и ничего не представляютъ собою; за ничтожными исключеніями, они подаютъ голосъ въ томъ смыслѣ какъ имъ указывается правительствомъ. Согласіе четырехъ отдѣленій въ законодательномъ корпусѣ и двухъ въ сенатѣ возможно только въ томъ случаѣ, если правительство само пожелаетъ, чтобъ его запрашивали. Неужели подобная поддѣлка была бы нужна въ странѣ, находящейся въ условіяхъ правильнаго развитія? Неужели expédients такого рода могутъ служить образцомъ политическаго благоустройства?

Франція, относительно своего политическаго устройства, находится въ положеніи совершенно исключительномъ, и однако, благодаря распространенности французскаго языка, французскихъ модъ и обычаевъ, именно въ ней ищутъ образцовъ законодательства и политическихъ учрежденій. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе мысли, будто французскія учрежденія или доктрины, на которыхъ они основаны, могутъ служить общею и повсюду годною нормой. Что значитъ правительство нынѣшней французской имперіи? Откуда оно произошло, и чѣмъ оно держится? Оно произошло изъ революціи, и можетъ держаться только тѣми средствами, какія предопредѣляются его происхожденіемъ. Власть, управляющая Франціей не есть спокойная, законная, неоспоримая власть; это власть захваченная, которая всѣ усилія свои должна полагать на то, чтобы себя же поддерживать. Ея задача состоитъ не въ томъ, чтобы вести страну, а въ томъ, чтобъ охранять и отстаивать свое собственное существованіе. Французскія доктрины имѣютъ смыслъ только во Франціи; перенесенныя на другую почву, онѣ были бы сугубо фальшивы; онѣ ослабляли бы власть находящуюся въ иныхъ условіяхъ и не имѣющую надобности бороться за свое существованіе. Дѣйствія власти во Франціи суть дѣйствія военнаго свойства; либеральныя учрежденія тамъ суть не что иное, какъ военныя хитрости, употребляемыя захватившимъ власть правительствомъ, въ борьбѣ съ другими возможными правительствами, которыя ежеминутно готовы подняться и перехватить власть при малѣйшей оплошности руки, ее держащей.

Какъ бы то ни было, открытіе законодательной сессіи во Франціи, которое, какъ сообщаетъ сегодня телеграфъ, должно послѣдовать недѣли черезъ двѣ, будетъ въ этомъ году не лишено интереса. Правительство императора Наполеона III намѣрено, въ первыхъ же засѣданіяхъ, возбудить запросъ о своей иностранной политикѣ, съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить свои отношенія къ поднятымъ нынѣ въ Европѣ вопросамъ. Важныя перемѣны, происшедшія въ Германіи, равно какъ и событія, пробивающіяся на Востокѣ, не могутъ быть обойдены въ этихъ объясненіяхъ, которыя дадутъ основанія если не для прямыхъ, то для косвенныхъ заключеній о дальнѣйшихъ видахъ французской политики.

№ 14.

Москва, 17-го января.

Все на свѣтѣ имѣетъ свои слабыя стороны, все, даже самое лучшее, подлежитъ пополненію, улучшенію, развитію. Нѣтъ, сомнѣнія, что наши реформы, которыя займутъ собою одну изъ самыхъ блистательныхъ страницъ русской исторіи, имѣютъ каждая что-либо подлежащее дальнѣйшему развитію или улучшенію. Весьма естественно, что каждая изъ этихъ великихъ реформъ задѣвала тотъ или другой изъ существующихъ интересовъ, вызывала какія-либо жалобы и сѣтованія, сопровождалась какими-либо неудобствами и затрудненіями, подавала поводы къ замѣчаніямъ и возраженіямъ касательно подробностей своего исполненія. Созданныя для жизни, новыя учрежденія, дарованныя Россіи, подлежатъ закону всего живаго. Они будутъ жить,—значитъ, они будутъ развиваться и примѣняться все болѣе къ условіямъ и потребностямъ жизни,—значитъ, начала положенныя имъ въ основу будутъ раскрываться все полнѣе и дѣйствительнѣе.

Но какъ все на свѣтѣ, такъ и наши реформы имѣютъ своихъ ненавистниковъ. Не всѣ во всякомъ дѣлѣ смотрятъ впередъ, не всѣ желаютъ его улучшенія въ смыслѣ положенныхъ ему въ основу началъ; всегда бываютъ люди, которымъ ненавистны самыя начала. Эти горькіе мечтатели, которые не знаютъ исторіи или забыли ее, и которые, вопреки ея урокамъ, вѣрятъ въ возможность бывшее сдѣлать небывшимъ, готовы пожелать, чтобы наша эпоха, вмѣсто ряда великихъ преобразованій, представила рядъ напрасныхъ, лишенныхъ смысла, самоуничтожительныхъ попытокъ.

Наша крестьянская реформа, безъ сомнѣнія, имѣла своихъ ненавистниковъ. Какими бѣдствіями не угрожали Россіи, когда эта великая реформа еще только готовилась! и потоками крови, и всеобщимъ разореніемъ, и разрушеніемъ государства. И потомъ, при всякой неловкости и неудобствѣ, которыя могли оказаться въ столь громадномъ дѣлѣ или къ которымъ могло оно подать поводъ, не случалось ли слышать глухихъ повтореній того же ропота? Только блистательный успѣхъ, поразившій всѣхъ удивленіемъ, обезоружилъ этихъ попятныхъ радикаловъ, которые помышляли не о томъ, чтобъ улучшить то что въ образовавшемся положеніи вещей можетъ подлежать улучшенію, а о томъ чтобы возвратить прежнее, хотя бы въ новомъ видѣ, возвратить сущность крѣпостнаго права, хотя бы въ видѣ вотчинной полиціи.

Вотъ другая реформа не менѣе важная, которая только-что вступила въ жизнь,—реформа судебная. Когда эта реформа была задумана, можно ли было ожидать, чтобъ она могла совершиться такъ успѣшно, какъ совершается теперь? Ничего подобнаго нынѣшнимъ судамъ не бывало у насъ въ прежнее время. Никто повидимому не былъ къ нимъ приготовленъ. Въ нашемъ обществѣ не было воспитано чувство законности. Никакихъ, казалось, не было элементовъ для образованія судебнаго сословія. И однакожь, несмотря на всѣ наши недостатки и неприготовленность, судебная реформа пошла, и сразу дала почувствовать свое благотворное дѣйствіе. Несмотря на совершенную новость созданныхъ ея учрежденій, несмотря на закоренѣлые навыки, не совсѣмъ согласные съ ихъ духомъ, все одно къ другому приладилось и устроилось съ неимовѣрною успѣшностью. Отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы въ этомъ дѣлѣ не оставалось ничего желать, чтобъ организація судебнаго дѣла не подлежала дальнѣйшему улучшенію, чтобы не чувствовалась потребность то тамъ, то тутъ, въ людяхъ, которые лучше бы соотвѣтствовали своему назначенію. Но вмѣсто того чтобы радоваться успѣху и видѣть въ немъ залогъ лучшаго, надобно ли злорадно сосредоточивать вниманіе на оплошностяхъ неизбѣжныхъ во всякомъ, а тѣмъ болѣе въ новомъ, едва начавшемся дѣлѣ? Прислушайтесь по сторонамъ, и окажутся люди, которые готовы взыскивать съ нашихъ судовъ всѣ человѣческія несовершенства. Слушая этихъ ревнителей, можно подумать что они явились въ нашъ дальній міръ прямо изъ царства небеснаго, и что ни въ жизни, ни въ мысляхъ своихъ, они не знавали ничего кромѣ совершенствъ. Въ странахъ, гдѣ правильное судоустройство существуетъ въ продолженіи многихъ столѣтій, гдѣ судебная практика имѣетъ великія преданія, и тамъ правосудіе не обезпечено отъ ошибокъ и погрѣшностей. Только у насъ до судебной реформы не было извѣстно никакихъ погрѣшностей, въ дѣ-

лѣ правосудія, ибо публика не знала что происходило въ нашихъ съѣзжихъ домахъ, замѣненныхъ теперь мировою юстиціей, и за запертыми дверьми нашихъ старыхъ надворныхъ судовъ, нашихъ старыхъ гражданскихъ и уголовныхъ палатъ. Именно то въ чемъ заключается великое преимущество новыхъ судовъ, ихъ публичность, она-то и даетъ видѣть всякому всякую оплошность, которая въ нихъ случится, и есть люди, которые пользуются указаніемъ на всякій промахъ въ ихъ практикѣ, для того чтобы прямо или косвенно протестовать противъ нихъ въ томъ что они имѣютъ самаго существеннаго, и безъ чего они утратили бы всякій смыслъ.

Тоже и съ печатью. Появится ли въ печати что-либо неодобрительное, всегда найдутся люди, которые изъ частнаго случая готовы сдѣлать вопросъ о самомъ существованіи печати, хотя, казалось бы, каждый случай, какъ во всемъ, такъ и въ печати, долженъ отвѣчать самъ за себя, и хотя никто не требуетъ отмѣны, напримѣръ, человѣческаго общежитія за ежедневные случаи печальныхъ столкновеній между людьми.

Телеграмма изъ Петербурга, которую мы получили сегодня и передаемъ нашимъ читателямъ, извѣщаетъ о закрытіи петербургскаго земскаго собранія, о пріостановленіи дѣйствія земскихъ учрежденій въ С.-Петербургской губерніи и объ отрѣшеніи и увольненіи предсѣдателей земскихъ управъ. Но правительство, вызванное на эти мѣры, не поставило къ отвѣту земскія учрежденія вообще за неправильность дѣйствій петербургскаго земства. Напротивъ, осуждая дѣйствіе земскихъ управъ С.-Петербургской губерніи и закрывая собраніе, правительство свидѣтельствуетъ о полезномъ дѣйствіи этихъ учрежденій во всей Россіи. Распоряженіе ограничивается петербургскими земскими учрежденіями, и отнюдь не касается основы ихъ и не даетъ повода опасаться за ихъ существованіе. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ разныхъ сферахъ найдутся люди, которые отъ частнаго случая поспѣшатъ сдѣлать заключеніе къ общему. Если земское дѣло оказалось несостоятельнымъ въ такой-то губерніи и въ такой-то управѣ, значитъ скажутъ эти люди, оно не состоятельно и вездѣ, и надобно повсюду положить ему конецъ. Недоброжелатели самаго принципа земскихъ учрежденій весьма естественно готовы будутъ взвести на земство вообще отвѣтственность за то что произошло въ земствѣ петербургскомъ, которое менѣе чѣмъ какое-либо другое можетъ служить въ этомъ отношеніи образцомъ.

Въ земскихъ учрежденіяхъ надобно различать основную мысль, которая вызвала ихъ на свѣтъ и ту организацію, въ которой они явились, подъ вліяніемъ разныхъ соображеній, быть-можетъ не находящихся въ прямомъ соотношеніи съ главною мыслію. Эта главная мысль есть мѣстное самоуправленіе; ею слѣдуетъ дорожить, ее удерживать. Что касается до организаціи земскихъ учрежденій, то было бы, безъ сомнѣнія, всего желательнѣе, чтобы тѣ преобразованія, которыя въ ней потребуются, могли основываться на указаніяхъ учителя ничѣмъ не замѣнимаго,—опыта. Но для этого нужно время, и кромѣ того нужно, чтобы нововведенныя учрежденія успѣли обнаружить свои дѣйствительныя свойства на всемъ пространствѣ Имперіи и по возможности на свободѣ отъ какихъ-либо общихъ мѣръ, измѣняющихъ характеръ и порядокъ ихъ занятій, къ которому они только что начинаютъ привыкать. Въ Высочайшемъ повелѣніи, которымъ петербургское земское собраніе закрыто, прямо указано, что на земскія собранія другихъ губерній не простирается сила того правительственнаго воспрещенія, которому подверглось петербургское собраніе. Законъ 21-го ноября, изданный послѣ того какъ уѣздныя собранія уже составили повсюду свои смѣты и раскладки, не могъ не затруднить хода дѣлъ въ губернскихъ собраніяхъ. Нигдѣ, правда, кромѣ Петербурга, не возникло недоразумѣніе, что если уѣздныя смѣты были правильно составлены, и если въ нихъ нѣтъ отступленія отъ законовъ дѣйствовавшихъ во время ихъ составленія, то онѣ должны быть утверждены, несмотря на законъ изданный хотя и послѣ ихъ составленія, но прежде ихъ утвержденія. Такого очевидно натянутаго умозаключенія не дѣлали другіе губернскія собранія, но многія изъ нихъ высказывались о своемъ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе изданія закона 21-го ноября въ промежутокъ времени, отдѣлявшій уѣздныя собранія отъ губернскихъ; многіе сѣтовали на то, что имъ привелось урѣзывать свои смѣты и исключить изъ нихъ почти всѣ полезные расходы; иныя собранія недостаточно, повидимому, взвѣсивъ существенную сторону указа

21-го ноября, просили не объ измѣненіяхъ въ немъ, а о совершенной его отмѣнѣ. Тѣмъ не менѣе однакожь эти заявленія, сдѣланныя тономъ умѣреннымъ и безъ притязаній выходящихъ за предѣлы предоставленныхъ земскимъ собраніемъ правъ, не вызвали правительственнаго дѣйствія. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что правительство отнюдь не на сторонѣ недоброжелательныхъ порицателей этихъ едва вступившихъ въ дѣйствіе учрежденій?

№ 15.

Москва, 18-го января.

А.

Отмѣна преній объ адресѣ, дарованная Франціи въ числѣ прочихъ политическихъ щедротъ, получаетъ нѣкоторое значеніе, если сообразить, что она приходится именно къ тому времени что̀ называется „le quart d'heure de Rabelais," то-есть когда дѣло идетъ о томъ, чтобы свести политическіе счеты, которыхъ балансъ оказывается рѣшительно не въ пользу счетчика. Можно было предвидѣть, что несмотря на тщательное составленіе отчета о дѣлахъ въ Мексикѣ, Германіи, Италіи и на Востокѣ, законодательное сословіе не очень будетъ довольно ихъ грустнымъ для Франціи исходомъ. Могло даже статься, что одушевясь цитатами, которыя г. Эмиль де-Жирарденъ недавно еще почерпнулъ изъ сочиненій самого Наполеона III, редакторы адреса законодательнаго сословія вставили бы въ него нѣсколько варіантовъ на слѣдующія замѣчанія знаменитаго автора *Наполеоновскихъ идей*, адресованныя имъ къ іюльской династіи, но не къ ней одной приложимыя: „Правительство не побѣждало „представлявшихся затрудненій; оно только „откладывало ихъ въ сторону, безпрерывно громоздя ихъ одно на другое, и „вотъ, такъ какъ ни одинъ вопросъ не „разрѣшенъ, то наступитъ день, когда эта „масса накопившихся затрудненій и пре„пятствій, прорвавъ плотину, затопитъ не„искусную политику Французскаго кабине„та... Вы испортили будущность Фран„ціи, оставивъ ее одинокою въ Европѣ и „истощивъ страну военными работами, не „имѣющими цѣлью даже войну. Вы соеди„нили противъ насъ всѣхъ нашихъ вра„говъ, вселивъ въ нихъ равное къ намъ „недовѣріе и равную ненависть. Вы оста„вили нерѣшенными всѣ великіе вопросы, „а между тѣмъ, вы знаете, есть вопросы „независимости и чести, которые нельзя „обойдти и надобно рѣшить рано или позд„но... Франція потребуетъ отъ васъ отчета „за людей, погибшихъ со славой, но безъ „надобности, въ вашихъ безплодныхъ экс„педиціяхъ, ибо хотя человѣчество дозво„ляетъ жертвовать милліонами людей на „боевыхъ поляхъ для защиты національ„ности и независимости, но оно проклина„етъ войны безнравственныя, въ кото„рыхъ губятся люди только затѣмъ чтобы „подѣйствовать на общественное мнѣніе, „и поддержать какъ-нибудь власть, кото„рая не знаетъ какъ ей быть." Трудно противиться дѣйствію истинъ столь очевидныхъ и мѣткихъ, высказанныхъ авторитетомъ столь высокимъ и столь компетентнымъ, какъ самъ императоръ. Эти замѣчательныя цитаты изъ его книги, писанной когда онъ еще не былъ императоромъ, нашли бы многихъ комментаторовъ между членами законодательнаго корпуса. Вотъ что̀ именно очень кстати предупреждается отмѣной адреса.

Правда, *Moniteur Universel* увѣряетъ, что правительство имѣетъ „живѣйшее желаніе" представить на обсужденіе высшихъ государственныхъ собраній побужденія, которыми оно руководилось въ своей внѣшней политикѣ, но есть поводы полагать, что удовлетвореніе этого „желанія" будетъ достаточно затруднено благоразумными формальностями, которыми ограничено пользованіе правомъ запроса. Говорятъ, что по поводу новыхъ реформъ долженствующихъ увѣнчать зданіе наполеоновской конституціи во Франціи, г-нъ Тьеръ сказалъ характеристическое словцо: „Все это комедія, но мы обратимъ ее въ дѣйствительность." Авторъ *Исторіи Консульства и Имперіи* обладаетъ знаніемъ людей и вещей въ своей странѣ, и, конечно, черпаетъ свои сужденія изъ своей обширной политической опытности. Что касается до насъ, то мы можемъ какъ бы только инстинктивно судить о послѣдствіяхъ поворота, происходящаго во Франціи. Мы не прочь думать, вмѣстѣ съ г. Тьеромъ, что эти парламентскія реформы не болѣе какъ комедія, но не ясно видимъ, какъ г. Тьеръ и его товарищи обратятъ ее въ дѣйствительность. Въ то же время мы подозрѣваемъ, что подъ комедіей таится замыселъ большаго трагиче-

скаго представленія, котораго театромъ можетъ сдѣлаться Европа и что быть-можетъ намъ самимъ придется испытывать его потрясающія перипетіи.

Таково было наше первое впечатлѣніе, которое мы высказали, при полученіи телеграфныхъ извѣстій изъ Парижа о происшедшихъ тамъ перемѣнахъ. Министръ финансовъ, г. Фульдъ, представлявшій въ Тюльерійскомъ кабинетѣ политику умѣренности и мира, удаленъ, несмотря на свои спеціальныя свѣдѣнія въ финансовомъ дѣлѣ и на личное довѣріе, какое онъ снискалъ въ финансовомъ мірѣ. Его портфель ввѣренъ г. Руэру, самому покорному орудію воли Наполеона III, что между прочимъ доказывается и тою готовностью, съ какою онъ согласился содѣйствовать той самой политикѣ, противъ которой въ прошломъ году такъ положительно высказался въ законодательномъ сословіи. Но есть можетъ-быть мнѣнія, въ которыхъ г. Руэръ будетъ болѣе стоекъ. Не слѣдуетъ терять изъ виду, что онъ заявилъ и открыто поддерживалъ мысль о займѣ въ тысячу милліоновъ будто бы для общественныхъ работъ, мысль, осуществленію которой до сихъ поръ препятствовалъ г. Фульдъ, и хотя французскія газеты говорятъ теперь, что заемъ въ тысячу милліоновъ предполагается замѣнить займомъ въ 300 милліоновъ, предназначаемымъ исключительно для промышленности, но едва ли кто поручится, что прежняя мысль не будетъ пущена въ ходъ, какъ только выставка 1867 г. привлечетъ во Францію капиталы.

Въ то же время военный министръ, маршалъ Рандонъ, очень холодно расположенный къ преобразованію арміи, замѣненъ самымъ ревностнымъ приверженцемъ этой реформы, маршаломъ Ніелемъ, который принадлежитъ къ лучшимъ французскимъ генераламъ и болѣе всякаго другаго способенъ довести армію до желаемой цифры въ 1.200.000 человѣкъ. Министры, морской, г. Шаселу Лоба, и общественныхъ работъ, г. Бегикъ, оба преданные идеямъ г. Фульда, замѣщены: первый адмираломъ Риго-де-Женульи, болѣе войнолюбивымъ морякомъ чѣмъ хорошимъ администраторомъ, а второй г-нъ Форкадомъ, другомъ г. Руэра. Наконецъ, и маркизъ Мутье, котораго политика такъ страстно враждебна дѣлу освобожденія восточныхъ христіанъ и явно неблагопріятна упроченію единства Германіи подъ знаменемъ Пруссіи, остался министромъ иностранныхъ дѣлъ и съ усиленною ревностью подвигается по пути, ему предначертанному, котораго онъ постоянно держался, несмотря на нѣкоторыя мнимыя уклоненія.

Программу такого министерства не трудно разгадать.

Развлекая вниманіе Франціи и Европы призракомъ либеральныхъ реформъ и завершенія зданія, не отступая между тѣмъ ни предъ какими средствами, чтобы подавить движеніе на Востокѣ съ цѣлью сохранить для Австріи полную свободу дѣйствія до поры до времени, французское правительство между тѣмъ расширитъ кадры своей арміи и снабдитъ ее ружьями Шасспо или Винчестера. Между тѣмъ, промышленное празднество въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ дастъ случай къ новымъ мирнымъ заявленіямъ, для того чтобъ обезпечить успѣхъ предположеннаго займа въ милліардъ, который, благодаря какому-нибудь подготовленному политическому случаю, будетъ потомъ отвлеченъ отъ своего мирнаго назначенія и потраченъ на потрясеніе Европы.

Дабы отвратить эти опасности, самымъ дѣйствительнымъ средствомъ было бы поставить преграду безчеловѣчному подавленію движенія на Востокѣ. Возвращенное самому себѣ и свободному развитію своихъ нравственныхъ и вещественныхъ силъ, христіанское населеніе Востока окажетъ въ пользу равновѣсія и общаго спокойствія весьма серіозное дѣйствіе, котораго важность доказывается уже усиліями подавить самую его возможность. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ дѣла на Востокѣ не получаютъ должнаго направленія. Принципъ невмѣшательства не приводится въ дѣйствіе какъ бы слѣдовало ожидать; сколько извѣстно, онъ не примѣненъ еще и къ египетскому пашѣ, котораго войска продолжаютъ избивать Критянъ. Ни одна англійская шлюпка не рѣшается послѣдовать благородному, хотя и безплодному примѣру капитана Пима, и несчастные, привлеченные къ берегу надеждой спасенія, осыпаются картечью съ турецкихъ кораблей, которые чтобы заманить ихъ выставляютъ безнаказанно англійскій флагъ. Гордый Альбіонъ благодушно терпитъ, что его знаменемъ пользуются для такихъ цѣлей. Телеграфъ сообщилъ намъ, что въ водахъ Архипелага появился и французскій военный корабль не для того, разумѣется, что-

бы спасать бѣжащихъ христіанъ, раненыхъ, женщинъ и дѣтей (это могло бы не понравиться Мустафѣ-Киритли, или Серверу-эффенди, только что присланному изъ Константинополя для *управленія* Кандіотами), а для того, чтобы въ благородномъ сотовариществѣ двухъ турецкихъ кораблей отвести эллинскихъ волонтеровъ обратно въ Пирей и тѣмъ хоть сколько-нибудь содѣйствовать приближенію того времени, когда г. фонъ-Бейстъ, этотъ человѣкъ инициативы, примется перекраивать и перешивать гатъ-гумайюнъ, занимая антръ-акты какими-нибудь дипломатическими интермедіями, пока не созрѣютъ событія съ другой стороны.

Въ чемъ однако должны, въ чемъ могутъ состоять эти событія, имѣющія созрѣть? По нашему мнѣнію, значило бы попадаться въ ловушку, еслибы вѣрить тѣмъ нѣмецкимъ газетамъ, которыя, чтобы напугать насъ, пускаютъ слухи будто бы императоръ Наполеонъ съ одной стороны, и г. фонъ-Бейстъ съ другой, ни о чемъ такъ не думаютъ, какъ о возстановленіи Польши. Какъ оружіе въ политической игрѣ, польскій вопросъ очень можетъ быть употребляемъ и Австріей противъ насъ и нами противъ Австріи, еслибы мы того захотѣли. Только хотѣть этого намъ менѣе удобно чѣмъ Австріи, потому что въ Австріи теперь внутреннія отношенія не ясны, а это уже само по себѣ вызываетъ въ Полякахъ разнородныя надежды. Эти надежды есть; онѣ плодъ тѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ Австрія еще не выпуталась; ловкая политика требуетъ, чтобы *на время* эти надежды поддерживались. Это нужно въ интересѣ внутренней политики: отчего же не воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ, чтобъ извлечь изъ него какую-нибудь выгоду и по политикѣ внѣшней? Какъ временный пріемъ, это отнюдь не дурно, но было бы совершенною нелѣпостью полагать, что со стороны Австріи тутъ есть что-нибудь серіозное, и что она не для вида только, а дѣйствительно готова поддерживать польскія притязанія. Австрія, а также и Франція, озабочены отнюдь не этими притязаніями; серіозною цѣлью ихъ дѣйствій въ настоящее время можетъ быть только Пруссія. Если восточный вопросъ задерживается Франціей и Австріей, то единственно съ тѣмъ, чтобы выиграть время, и этимъ временемъ приготовиться къ борьбѣ съ Пруссіей. Прусскіе государственные люди очень хорошо понимаютъ это, и въ виду такой случайности всячески стараются обезпечить себѣ доброе расположеніе со стороны Россіи. Для Пруссіи союзъ съ Россіей при этихъ обстоятельствахъ въ высшей степени желателенъ, а также весьма желательно и то, чтобы восточный вопросъ принималъ все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры. Но какъ то, такъ и другое предписывается прусскими интересами лишь на время, именно до тѣхъ поръ пока Пруссіи не удастся окончательно вытѣснить Австрію изъ Германіи, а какъ только была бы достигнута эта цѣль, интересъ Пруссіи состоялъ бы въ томъ, чтобы предоставить Австріи фактическое господство на Балканскомъ полуостровѣ. Припомнимъ, что тѣ же самыя прусскія офиціозныя газеты, которыя теперь сочувственно высказываются о національномъ движеніи христіанскихъ населеній Балканскаго полуострова, не задолго передъ симъ то-и-дѣло твердили Австріи, что ея призваніе сдѣлаться *Ostreich* вмѣсто *Oesterreich*. Что касается до отношеній Пруссіи къ Россіи, то не слѣдуетъ намъ забывать, что напримѣръ столь справедливая къ намъ теперь *Ostsee-Zeitung*, издающаяся на прусскія казенныя деньги, не такъ давно признавала самымъ вопіющимъ фактомъ въ Европѣ принадлежность къ Россіи нашихъ прибалтійскихъ губерній. Не слѣдуетъ намъ также забывать, что прусское правительство еще на дняхъ принимало участіе въ насмѣшкѣ надъ дипломатическими приличіями, имѣвшей результатомъ теперешнее устройство Дунайскихъ Княжествъ, причемъ, какъ сознаются англійскія газеты, имѣлось въ виду не благомѣстныхъ населеній, а положеніе преграды русскому вліянію въ Турціи, чрезъ изолированіе ея отъ Россіи. Если же всего этого и многаго другаго подобнаго мы забыть не можемъ и слѣдовательно безкорыстной дружбы къ намъ со стороны Пруссіи предполагать не въ правѣ, то и наша дружба къ Пруссіи очевидно не должна быть безкорыстная, а должна опредѣляться нашими государственными интересами. Вопросъ, перенесенный на эту почву, становится совершенно яснѣ. Наше положеніе было бы самое печальное, еслибы Пруссія усилилась въ Германіи, а Австрія на Востокѣ. Эти оба результата, совершенно согласные съ прусскою политикой, для насъ невыносимы. Но если выбирать одинъ изъ этихъ двухъ результатовъ, то усиленіе Пруссіи въ Германіи для

насъ несомнѣнно лучше чѣмъ превращеніе Австріи въ Восточную Римскую имперію. При томъ, нельзя не замѣтить, въ этомъ случаѣ то, что̀ лучше для насъ, лучше и для всеобщаго прогресса, потому что для христіанскихъ населеній Востока истиннымъ прогрессомъ была бы только ихъ полная самостоятельность, а отнюдь не подчиненіе ихъ австрійской политикѣ, которая не можетъ быть ничѣмъ инымъ кромѣ балансировки, состоящей въ попеременномъ угнетеніи одной національности другою.

Б.

Считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе читателей на помѣщенные ниже отчеты о губернскомъ и уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ Тамбовской губерніи. Въ нихъ между прочимъ видно, какъ несправедливо было бы строгое сужденіе о земскихъ учрежденіяхъ, основанное на неизбѣжныхъ въ первое время промахахъ, которые въ послѣдствіи будутъ исправлены сами собой, и какъ полезно для дѣла доброжелательное отношеніе между земствомъ и губернскою администраціей, при чемъ обѣ стороны могутъ удерживать за собой въ полнотѣ предоставленныя имъ по закону права. Читатели замѣтятъ также отзывъ тамбовскаго губернскаго земскаго собранія по поводу закона 21-го ноября: дѣльность и искренность этого отзыва нисколько не пострадали отъ его скромности.

№ 16.

Москва, 19-го января.

Въ минувшую субботу, 14-го января, былъ открытъ Финляндскій сеймъ. Въ телеграммѣ, напечатанной нами въ нумерѣ отъ 15-го января, сообщено главное содержаніе тронной рѣчи, полный текстъ который печатаемъ сегодня. Рѣчь произнесена генералъ-губернаторомъ по-*русски:* обстоятельства этого нельзя не замѣтить. Это одно изъ знаменій времени, одинъ изъ признаковъ того общаго направленія дѣлъ и государственныхъ воззрѣній, которымъ ознаменуется нынѣшнее царствованіе и въ которомъ заключается главный залогъ будущаго Россіи. Кстати припомнить, что еще за недѣлю до открытія сейма, какъ читателямъ нашимъ извѣстно (*Московскія Вѣдомости* № 5), было обнародовано Высочайшее повелѣніе, коимъ даруются въ нѣкоторой степени гражданскія права русскому языку въ Финляндіи, гдѣ до сихъ поръ онъ былъ лишенъ всякихъ правъ: съ марта нынѣшняго года въ судебныхъ административныхъ учрежденіяхъ Великаго Княжества Финляндскаго должны быть принимаемы просьбы, написанныя на русскомъ языкѣ, чего теперь не дѣлается, несмотря на то что въ составъ Великаго Княжества Финляндскаго включены владѣнія, издавна принадлежавшія Россіи и отчасти заселенныя кореннымъ русскимъ народомъ.

Гораздо бо́льшую важность имѣютъ нѣкоторыя упоминанія въ самой тронной рѣчи. Въ основныхъ законахъ Великаго Княжества Финляндскаго есть многое, что̀ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ни духу времени, ни его отношеніямъ къ Россійской Имперіи. Въ тронной рѣчи заявлена необходимость пересмотра этихъ законовъ, хотя въ нынѣшнее собраніе сейма не вносится по этому предмету никакого проекта на обсужденіе. Проектъ необходимыхъ поясненій и дополненій не достигъ еще достаточной зрѣлости и требуетъ времени. Прежде чѣмъ будутъ возможны вполнѣ удовлетворительныя преобразованія основныхъ законовъ Финляндіи, нужно чтобы многое разъяснилось въ положеніи дѣлъ вообще и въ отношеніяхъ соединяющихъ этотъ край съ Имперіей. Никто не можетъ пожелать какихъ-либо измѣненій, которыя причинили бы населеніямъ этого края какой-либо ущербъ; напротивъ, слѣдуетъ желать только такихъ измѣненій, которыя требуются справедливостью и духомъ времени, и которыя должны послужить въ пользу какъ Финляндіи, такъ и тому великому государству, съ которымъ она соединена неразрывно и реально. Имѣя это въ виду, нельзя не признать мудрымъ рѣшеніе короны отсрочить на нѣкоторое время, необходимыя въ финляндскомъ законодательствѣ преобразованія, пока созрѣютъ условія для того чтобъ эти преобразованія были вполнѣ успѣшны и благотворны

Положеніе дѣлъ въ Финляндіи представляетъ многое что̀ бросается въ глаза своею несообразностію и своимъ несоотвѣтствіемъ съ отношеніями этого края къ Россіи. Въ ожиданіи общихъ и широкихъ преобразованій, возможны и теперь нѣкоторыя частныя измѣненія къ лучшему въ гражданскомъ быту этого края. Между прочимъ

нельзя не обратить вниманія на тотъ духъ религіозной нетерпимости, который финляндское законодательство наслѣдовало отъ Швеціи, и который столько же несогласенъ съ духомъ времени, сколько съ теперешнимъ положеніемъ Финляндіи въ соединеніи съ Россіей. Православное вѣроисповѣданіе въ Финляндіи находится въ положеніи религіи почти гонимой. Трудно повѣрить, что уроженцы этого края, исповѣдующіе православную вѣру, въ силу только этого обстоятельства, лишены полноты политическихъ правъ. Финляндскіе уроженцы православнаго исповѣданія не могутъ быть избираемы въ члены сейма, хотя бы они удовлетворяли всѣмъ необходимымъ для этого гражданскимъ условіямъ.

Вообще положеніе жителей православнаго исповѣданія въ Финляндіи громко вопіетъ о себѣ. Положеніе это тѣмъ хуже, что вслѣдствіе ненормальности въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ этого края къ Россіи, все русское стало здѣсь предметомъ чувства непріязненнаго и презрительнаго. Мы имѣемъ много достовѣрныхъ свидѣтельствъ отъ лицъ испытавшихъ на себѣ тягость этого положенія, и считаемъ не безполезнымъ обратить на нѣкоторыя его черты вниманіе теперь, когда финляндскіе чины находятся въ сборѣ.

Лица православнаго исповѣданія, живущія въ Финляндіи, стали данниками лютеранскаго духовенства, съ которымъ у нихъ нѣтъ ничего общаго. Мѣстная полиція обязываетъ ихъ платить въ пользу лютеранскаго духовенства оброкъ, который тѣмъ обременительнѣе для нихъ, что русскій рубль принимаютъ за полтину, такъ что они не только платятъ оброкъ иновѣрному духовенству, но оброкъ двойной. Притомъ, они обязаны сами доставлять деньги пасторамъ; въ противномъ случаѣ, пасторъ пріѣдетъ за оброкомъ, и тогда съ замедлившихъ платою взыщутся двойные въ пользу пастора прогоны. Мало того, лицъ православнаго исповѣданія обязываютъ платить лютеранскому причту даже въ случаѣ смерти кого-нибудь въ семьѣ: будто случилось какое-нибудь благополучіе, за которое они обязаны признательностію лютеранскимъ пасторамъ! Вотъ одинъ характеристическій фактъ: въ приходѣ Новая Кирка (Выборгской губерніи) умеръ помѣщикъ В—въ, отецъ большаго и весьма недостаточнаго семейства. Семейство, опечаленное тяжкою для него утратой, должно было непремѣнно принести ради такого случая жертву лютеранскому пастору, но не имѣло средствъ. Тогда явилась полиція и взяла у В—выхъ корову. Справедливость обязываетъ замѣтить, что и въ отношеніи къ своимъ единовѣрнымъ прихожанамъ лютеранскіе пасторы отнюдь не снисходительнѣе. Финны низшихъ классовъ буквально закабалены своими духовными отцами. Безъ ихъ освященія, всегда дорого стоящаго, ничего не можетъ произойдти въ ежедневномъ житьѣ-бытьѣ Чухонца.

Платя лютеранскимъ пасторамъ не только за *здорово живешь*, но и за то, что умрешь, жители православнаго исповѣданія лишаются средствъ оказывать довлѣющее вспоможеніе своему духовенству, которое остается при одномъ скудномъ жалованьи, совершенно недостаточномъ для его содержанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они лишены возможности поддерживать и храмъ съ его принадлежностями.

Въ 1854 году, Высочайшею волей жителямъ православнаго исповѣданія было разрѣшено платить, вмѣсто лютеранскаго причта, православному. Такъ и велось до 1859 года. Но лютеранскіе пасторы успѣли снова закрѣпостить ихъ. Финляндскій сенатъ нашелъ какія-то причины къ отмѣнѣ этого постановленія, и полиція обязала православныхъ землевладѣльцевъ не только платить лютеранскимъ пасторамъ попрежнему оброки, но удовлетворить ихъ и за прошедшіе годы, съ 1854 по 1859 г., несмотря на то что платежъ за эти годы былъ уже сдѣланъ въ пользу причта православнаго.

Не можемъ не выписать нѣсколькихъ строкъ изъ частнаго письма выражающихъ чувство православныхъ жителей Финляндіи, возбуждаемое такимъ ненормальнымъ и несправедливымъ положеніемъ дѣлъ:

„Болѣе насъ счастливые единовѣрцы и единоплеменники наши, Русскіе, живущіе въ Россіи, а не внѣ ея (можемъ ли иначе сказать про Финляндію?), поймутъ, съ какимъ скорбнымъ чувствомъ приходится намъ обращать взоры на свою церковь какъ бы сиротствующую, лишаемую самой законной и справедливой поддержки. Лютеранскіе пасторы утверждаютъ свое право на томъ, что мы поселились на финляндской, благословляемой ими землѣ; но, вопервыхъ, развѣ земля эта не куплена

нашею кровію, въ неотъемлемое достояніе Русскаго Царя? Вовторыхъ, бываетъ ли гдѣ-нибудь на Руси, чтобы съ поселяющихся въ ней лютеранъ брали какую-либо плату въ пользу духовенства православнаго?“

№ 17.

Москва, 20-го января.

Когда, послѣ наполеоновскихъ войнъ, русское правительство серіозно приступило къ исправленію русскихъ финансовъ и въ особенности русской денежной системы, потрясенной чрезмѣрными выпусками ассигнацій, доходившими до того, что ассигнаціонный рубль цѣнился вчетверо ниже противъ *pari*, тогда сама собой сказалась потребность въ публичномъ контролѣ надъ дѣйствіемъ финансовой администраціи по кредитной части, и учрежденъ былъ совѣтъ кредитныхъ установленій, изъ нѣсколькихъ сановниковъ и изъ двѣнадцати выборныхъ членовъ, по шести отъ петербургскаго дворянства и отъ петербургскаго купечества, а министру финансовъ вмѣнено въ обязанность ежегодно представлять этому совѣту отчетъ по всѣмъ кредитнымъ операціямъ, казной предпринимаемымъ. Это предписаніе закона постоянно исполнялось начиная съ 1817 г., но такъ какъ финансовыя операціи ближайшаго за тѣмъ времени отличались безукоризненною правильностью, а съ другой стороны на членахъ совѣта не лежало серіозной отвѣтственности за результаты производимой ими повѣрки, и наконецъ такъ какъ публичное контролированіе дѣйствій администраціи было въ Россіи дѣломъ непривычнымъ, то порядокъ заведенный въ 1817 году скоро превратился въ формальность, и потерялъ бы всякое серіозное значеніе, еслибы не былъ сопряженъ съ обнародованіемъ какъ отчетовъ по кредитнымъ операціямъ казны, такъ и той рѣчи министра финансовъ, которою каждый разъ сопровождалось внесеніе этихъ отчетовъ въ совѣтъ кредитныхъ установленій. Но что могло долго исполняться какъ формальность, пока денежная система была въ порядкѣ, въ томъ оказывается существенная и крайняя надобность теперь, когда возвратились тѣ самыя обстоятельства, среди которыхъ правительство нашлось въ необходимости учредить совѣтъ кредитныхъ установленій. Цѣль, съ которою былъ учрежденъ этотъ совѣтъ, заключается въ прочномъ обезпеченіи исполненія закона по отношенію къ кредитнымъ операціямъ. Совѣтъ не превысилъ бы, конечно, своей обязанности, еслибы напримѣръ, видя накопленіе безсрочныхъ вкладовъ въ кредитныхъ установленіяхъ, и раздачу этихъ вкладовъ въ срочныя ссуды, обратилъ вниманіе правительства на неправильность такой организаціи казенныхъ банковъ и на необходимость консолидаціи или отверженія нѣкоторой части помянутыхъ безсрочныхъ вкладовъ. Тѣмъ не менѣе нельзя однакоже ставить совѣту кредитныхъ установленій въ прямую вину что онъ этого не сдѣлалъ: онъ имѣлъ право на это, но нельзя утверждать, чтобъ это отъ него требовалось какъ наименьшая мѣра его обязанностей. Главное призваніе совѣта кредитныхъ установленій есть контроль, вслѣдствіе чего государственный контролеръ и состоитъ непремѣннымъ его членомъ. Но между тѣмъ какъ по другимъ частямъ управленія повѣрка отчетности предоставлена контрольнымъ учрежденіямъ, находящимся въ вѣденіи государственнаго контролера, для кредитной части и для денежной системы учреждена совмѣстная повѣрка отчетности чрезъ государственнаго контролера съ одной стороны и выборныхъ людей отъ дворянства и купечества съ другой. Полагаясь на контрольное вѣдомство во всѣхъ другихъ дѣлахъ, законъ не считалъ его надзора достаточнымъ въ дѣлѣ кредита и денежнаго обращенія, и понятно почему: контрольное вѣдомство есть часть администраціи, а никакая администрація не можетъ сама по себѣ служить обезпеченіемъ точнаго исполненія законовъ, касающихся скользкой области кредита и денежнаго обращенія. Правительство, имѣя въ виду особенность этой области государственнаго хозяйства и желая предотвратить навсегда повтореніе тѣхъ неправильностей, которыя въ началѣ нынѣшняго столѣтія (отчасти впрочемъ уже въ концѣ прошлаго) были въ ней допущены, и повели къ нескончаемымъ финансовымъ затрудненіямъ, сочло нужнымъ усилить контроль по этой части и возложило его совмѣстно на государственнаго контролера и выборныхъ людей. Спрашивается, въ чемъ долженъ состоять этотъ контроль? Если государственный контроль наблюдаетъ вообще за тѣмъ, чтобы

финансовыя дѣйствія администраціи по всѣмъ ея отраслямъ основывались на законныхъ полномочіяхъ, то совѣтъ кредитныхъ установленій обязанъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы по части кредита и денежнаго обращенія не дѣлалось никакихъ распоряженій, на которыя законъ не даетъ полномочія административнымъ властямъ и въ особенности казеннымъ банкамъ. Тутъ нѣтъ ничего труднаго; требуется только не утаивать нарушенія полномочій. Органъ для такого контроля необходимъ въ государствѣ, какъ въ интересѣ общественномъ, такъ и въ интересѣ правительства, а тѣмъ паче въ высшемъ интересѣ короны.

Нельзя не пожалѣть, что отчеты министра финансовъ совѣту кредитныхъ установленій утратили у насъ въ теченіе времени не малую долю своего первоначальнаго значенія. Это видно уже изъ того, что представленіе этихъ отчетовъ мало-по-малу все болѣе и болѣе оттягивалось. Прежде они представлялись весной, потомъ лѣтомъ, затѣмъ осенью, и наконецъ нынѣ промедленіе перешло за предѣлы цѣлаго года. Лишь 7-го января текущаго года представленъ отчетъ за 1865 годъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что съ учрежденіемъ государственнаго банка эти отчеты раздѣлились. Объ операціяхъ государственнаго банка представляется особый отчетъ. Въ истекшемъ 1866 году онъ былъ представленъ 3-го іюня, и для обревизованія его была назначена коммиссія изъ членовъ, имена которыхъ приведены въ официальномъ отдѣлѣ нашего вчерашняго нумера. Эта коммиссія, повидимому, еще не представляла своего доклада, и мы не знаемъ, обратила ли она вниманіе на извѣстное читателямъ уклоненіе государственнаго банка отъ законовъ, допущенное при выпускѣ кредитныхъ билетовъ для такъ-называемаго подкрѣпленія кассъ въ конторахъ и отдѣленіяхъ. О результатахъ занятій коммиссіи ничего не сказано въ официальномъ, вчера у насъ напечатанномъ предувѣдомленіи къ рѣчи г. министра финансовъ. Что касается до этой рѣчи, то она обозрѣваетъ всѣ другія кредитныя операціи въ государствѣ, кромѣ производимыхъ государственнымъ банкомъ. Наиболѣе интересное свѣдѣніе, сообщаемое ею, относится къ употребленію суммъ вырученныхъ по первому займу съ выигрышами. Изъ отчета государственнаго банка за 1865 годъ было уже извѣстно, что 80.000.000 изъ этого займа поступило въ государственный банкъ, въ видѣ уплаты казеннаго долга бывшимъ кредитнымъ установленіямъ. Рѣчь г. министра финансовъ сообщаетъ что банку предоставлены всѣ суммы перваго лотерейнаго займа. Всѣхъ этихъ суммъ, за исключеніемъ издержекъ по займу, поступило 98.500 000 р. сер. Изъ нихъ банкъ употребилъ на свои операціи, то-есть всего болѣе на выдачу ссудъ подъ государственныя бумаги,—20.500.000, на обратную выдачу вкладовъ, которые были потребованы преимущественно для покупки лотерейныхъ билетовъ,—16.000.000, на переводы за границу для покрытія тамошнихъ казенныхъ расходовъ—32.500.000, на авансъ государственному казначейству до продажи накопившихся въ кассахъ банка серій—500.000 и наконецъ на постройку желѣзныхъ дорогъ — 24.000.000. Этими данными объясняется, почему такъ скоро понадобился второй лотерейный заемъ послѣ перваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ объясняется и то, почему онъ не могъ идти успѣшно: онъ былъ объявленъ, прежде нежели былъ окончательно помѣщенъ первый заемъ. Могутъ ли считаться правильно помѣщенными фонды, скупленные для спекуляціи на деньги, изъ казенныхъ кассъ полученныя, отчасти подъ залогъ этихъ же самыхъ фондовъ, отчасти въ возвратъ вкладовъ?

№ 18.

Москва, 21-го января.

Теперь предметъ всеобщихъ толковъ—земскія учрежденія. Со всѣхъ сторонъ получаемъ мы письма и замѣтки относящіяся къ этому предмету. Выражается тревожное сомнѣніе въ прочности нашихъ новыхъ порядковъ, тяжелое чувство людей потерявшихъ путь назадъ и неувѣренныхъ въ пути ведущемъ впередъ. Мы не считаемъ полезнымъ давать ходъ всѣмъ этимъ опасеніямъ и тревогамъ и становиться для нихъ органомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь высказываются, болѣе похожія на междометія, нежели на ясное слово. Сколько мы можемъ судить, нѣтъ достаточныхъ причинъ предаваться паникѣ, да и никогда паника не бывала доброю совѣтницей. Намъ кажется, что опасенія, возбужденныя въ публикѣ катастрофой постигшею петербургское земство,

слишкомъ отзываются пессимизмомъ и идутъ слишкомъ далеко. Напротивъ, есть основаніе надѣяться, что событія, какого бы они ни были свойства, послужатъ въ пользу дѣла и поведутъ, рано или поздно, къ разъясненію запутанностей и недоразумѣній неизбѣжныхъ во всякомъ начинаніи.

Въ числѣ получаемыхъ нами заявленій есть такія, которыя относятся отчасти къ намъ самимъ, въ связи съ этимъ общимъ возбужденнымъ въ публикѣ вопросомъ. Насъ укоряютъ за неодобрительный отзывъ о петербургскомъ земскомъ собраніи, который выразился въ нѣсколькихъ строкахъ статьи нашей (№ 14) появившейся тотчасъ послѣ того какъ это собраніе, равно какъ и всѣ земскія учрежденія С.-Петербургской губерніи, подверглось удару, прекратившему ихъ существованіе. Но въ основаніи нѣсколькихъ словъ, нами сказанныхъ, не было ни малѣйшаго притязанія на судейскую роль. Мы никого не осуждали, и не имѣли въ виду объяснять изъ дѣйствій собранія постигшую его участь. Что могло казаться намъ не совсѣмъ одобрительнымъ въ его дѣйствіяхъ, то не можетъ быть причиной его участи. Не болѣе остальной публики знаемъ мы о дѣйствительныхъ причинахъ, вызвавшихъ противъ петербургскаго земства мѣры строгости, которыя пали не на одно собраніе и даже не на одинъ только личный составъ учрежденій, но и на земство въ обширномъ смыслѣ, то-есть на все населеніе цѣлой губерніи. Тѣ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ вмѣстѣ съ публикой черезъ печать о дѣйствіяхъ петербургскаго земскаго собранія равно какъ и земскихъ управъ, не заключаютъ въ себѣ достаточнаго объясненія событій встревожившихъ общество. Неодобреніе еще не значитъ осужденіе. Можно не соглашаться съ какимъ-либо мнѣніемъ, можно не одобрять какого-либо образа дѣйствій; но отъ этого еще очень далеко до осужденія или до объясненія необходимости чрезвычайныхъ мѣръ въ родѣ тѣхъ, которыя положили конецъ земскимъ учрежденіямъ С.-Петербургской губерніи. Изъ дѣйствій собранія намъ кажется неправильнымъ отказъ его примѣнить законъ 21-го ноября къ уѣзднымъ раскладкамъ составленнымъ на 1867 годъ; но нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельство это само по себѣ не было достаточно дабы вызвать мѣры столь чрезвычайнаго свойства. Въ Положеніи о земскихъ учрежденіяхъ предусматривается неправильность ихъ дѣйствій и указанъ законный путь, которымъ должны разрѣшаться ихъ разногласія съ губернаторами. Кромѣ того, члены земскихъ учрежденій, за неправильныя дѣйствія, подлежатъ суду, предоставляющему обвиняемымъ право защиты. Чрезвычайныя мѣры, которымъ подверглось петербургское земство, могутъ быть объяснимы лишь какими-либо чрезвычайными соображеніями, которыя публикѣ неизвѣстны и о которыхъ судить мы не можемъ.

Лица, укоряющія насъ за неблагопріятный отзывъ о петербургскомъ земскомъ собраніи, приглашаютъ насъ пересмотрѣть безпристрастно журналы его засѣданій, дабы убѣдиться что всѣ постановленія и рѣшенія собранія оставались въ предѣлахъ строгой законности. Прочитанный въ собраніи отчетъ губернской управы за 1866 г., пишутъ намъ, представляетъ по документамъ примѣры незаконныхъ и иногда совершенно непонятныхъ притязаній со стороны различныхъ административныхъ мѣстъ и лицъ. Въ докладѣ управы рѣчь шла о предположеніяхъ по земскому хозяйству, и лишь въ концѣ доклада предлагалось собранію, на основаніи статьи 11-й Полож. о Земск. Учрежд., принести жалобу въ 1-й департаментъ сената на г. министра внутреннихъ дѣлъ, который изъ 26 прошлогоднихъ ходатайствъ возвратилъ 12 съ отзывомъ, что не считаетъ нужнымъ давать имъ дальнѣйшій ходъ. Земская управа полагала, что такъ какъ ходатайства были обращены къ „высшему правительству,“ то отдѣльный министръ, представляющій собою только одинъ изъ органовъ высшаго правительства, не имѣлъ права собственною властію отказывать земству въ его ходатайствахъ или не допускать ихъ до высшаго правительства, особенно послѣ Высочайшаго рескрипта 13-го мая, который предписываетъ властямъ обращать особенное вниманіе на ходатайства земства и вообще на мѣстныя потребности и нужды. Предложеніе, сдѣланное управой, пишутъ намъ далѣе, могло быть принято или отвергнуто собраніемъ; но управа не поступила противозаконно, заключивъ свой докладъ этимъ предложеніемъ. И отчетъ, и докладъ, какъ свидѣтельствуютъ наши возражатели, были выслушаны безъ всякихъ шумныхъ выраженій сочувствія, и вообще собраніе отличалось спокойствіемъ и единодушіемъ какъ никогда прежде.

Такъ или иначе, но мы считаемъ долгомъ откровенно высказать наше мнѣніе не въ осужденіе или въ укоръ кому бы то ни было, а въ интересѣ общаго дѣла. Всегда и вездѣ старые порядки не скоро и не охотно уступаютъ мѣсто новымъ. Отъ новыхъ порядковъ прежде всего требуется положительныхъ доказательствъ ихъ пользы и достоинства; отъ нихъ требуются также благоразуміе въ оцѣнкѣ обстоятельствъ, зрѣлость въ сужденіяхъ и тактъ въ дѣйствіяхъ. Земскія учрежденія только вчера появились на свѣтъ, и было бы неосновательно съ ихъ стороны ожидать, чтобы положеніе, которымъ опредѣлены ихъ права и обязанности, могло осуществиться само собою, и изъ буквы закона непосредственно перейдти въ жизнь. Новая общественная сила должна сама создать себѣ положеніе; она должна завоевать свое мѣсто положительными заслугами. Придираться къ недостаткамъ другихъ легче нежели доказать на дѣлѣ свое достоинство. Слово осужденія и порицанія, хотя бы оно было и вполнѣ справедливо, не можетъ имѣть дѣйствительной силы, если ему не предшествуютъ труды и дѣла, достоинство которыхъ несомнѣнно и польза очевидна. Вотъ почему желательно, чтобы новыя силы, начинающія дѣйствовать въ нашемъ быту, дѣйствовали не столько отрицательными, сколько положительными способами, и чтобъ эти послѣдніе всегда были впереди. Надобно, чтобы душой дѣйствій было не раздраженіе и злорадство, а плодотворное желаніе добра. Особенно важно для успѣха всякой новой нравственной силы, чтобъ она дѣйствовала не столько изъ сознанія права, сколько изъ чувства долга. То же самое слово звучитъ иначе, когда исходитъ изъ чувства долга и въ этомъ случаѣ оно бываетъ всегда и плодотворнѣе, и дѣйствительнѣе.

На этихъ дняхъ мы представляли нашимъ читателямъ рѣчь графа Бисмарка на запросъ одного изъ членовъ прусской палаты депутатовъ, касавшійся пограничныхъ сношеній съ Россіей. При передачѣ, рѣчь прусскаго министра-президента, за неимѣніемъ мѣста, подверглась значительнымъ сокращеніямъ. Между прочимъ опущено представленное имъ объясненіе тѣхъ непріятностей, которымъ подвергаются прусскіе подданные въ Россіи. „Прусскій „подданный въѣзжая въ Россію," говорилъ графъ Бисмаркъ, „воображаетъ себѣ, что „онъ можетъ съ русскимъ таможеннымъ „чиновникомъ говорить такъ, какъ бы сталъ „онъ говорить, напримѣръ, съ прусскимъ „министромъ. Но это ошибка: чиновникъ „чувствуетъ себя оскорбленнымъ, а путе„шественникъ, ссылаясь на свой паспортъ. „быть-можетъ слишкомъ громко заявляетъ, „что онъ человѣкъ порядочный, что о немъ „можно получить самыя удовлетворитель„ныя справки въ Калисѣ или въ Шталу„пенемъ, и вотъ его сажаютъ подъ арестъ, „хотя онъ не ясно понимаетъ за что. Въ „своей жалобѣ, конечно, онъ не говоритъ: „я вель-де себя буйно, какъ привыкъ ве„сти себя дома. Русскій чиновникъ, въ „свою очередь призванный къ отвѣту, не „скажетъ: я находилъ что онъ поднималъ „свой голосъ слишкомъ высоко для моего „достоинства. Но въ неисчерпаемомъ ар„сеналѣ *Свода Законовъ* всегда найдется „какое-нибудь положеніе, по отношенію къ „которому путешественникъ не всегда мо„жетъ быть признанъ правымъ."

Что случается съ пріѣзжими иностранцами, то весьма не рѣдко бываетъ и съ людьми новыхъ порядковъ въ самой Россіи. Мы разумѣемъ, конечно, не послѣдній случай съ петербургскимъ земскимъ собраніемъ, который имѣетъ слишкомъ серіозный характеръ.

Но давно ли начались у насъ новые порядки? Давно ли положенъ конецъ крѣпостному праву? Давно ли появился у насъ судъ правильный и благоустроенный? Давно ли стала возможна рѣчь объ общественномъ самоуправленіи? Давно ли русскому слову предоставлена свобода? И вотъ мы хотимъ, чтобы въ нѣсколько лѣтъ, даже въ нѣсколько мѣсяцевъ, измѣнились укоренившіяся воззрѣнія, переладились вѣками воспитанные навыки. Нѣтъ, сѣтовать на задержки и случайности было бы грѣшно, когда надобно съ благоговѣйною признательностью удивляться поразительной быстротѣ и успѣшности съ какими совершается обновленіе Россіи?

№ 19.

Москва, 23-го января.

Графъ Бисмаркъ, въ извѣстной читателямъ рѣчи, высказалъ надежду что пограничныя сношенія между Россіей и Пруссіей будутъ постепенно улучшаться по мѣ-

рѣ того какъ русское правительство будетъ уразумѣвать, что теперешніе порядки болѣе вредятъ русскимъ чѣмъ прусскимъ подданнымъ. Намъ непріятенъ тутъ докторальный тонъ, но какъ общая мысль, это заявленіе графа Бисмарка было бы и совершенно вѣрно, и весьма сочувственно. Зачѣмъ поддерживать порядки болѣе вредные своимъ нежели чужимъ? Такіе порядки надобно стараться какъ можно скорѣе устранить. Но графъ Бисмаркъ — не русскій, а прусскій министръ, и потому средства имъ предлагаемыя для осуществленія благой мысли не могутъ не оказаться односторонними. Онъ возлагаетъ между прочимъ свои надежды на того прусскаго агента, который единственно съ тою цѣлію и живетъ въ Петербургѣ, чтобы просвѣщать тамошнихъ вліятельныхъ людей въ истинахъ политической экономіи. Что же? Учиться никогда не худо, и если упомянутый прусскій агентъ распространяетъ въ петербургской административной средѣ здравыя политико-экономическія понятія, то отъ этого обѣ стороны могутъ только выиграть. Однако при ближайшемъ взглядѣ на дѣло, само собой возникаетъ сомнѣніе о томъ, можно ли съ русской точки зрѣнія раздѣлять взглядъ прусскаго министра на его агента. Не даромъ же въ Германіи политическая экономія очень часто носитъ названіе *національной* экономіи, а прусскій агентъ имѣетъ, конечно, своимъ спеціальнымъ порученіемъ блюсти прусскіе національные интересы. Станетъ ли онъ учить насъ уваженію къ нашимъ національнымъ интересамъ? Мы можемъ сослаться на письмо Х. М. Вольдемара, напечатанное въ предыдущемъ нумерѣ нашей газеты. Характеръ прусскаго вліянія на нашу таможенную политику виденъ изъ этого письма какъ нельзя болѣе ясно. Графъ Бисмаркъ различаетъ политическія отношенія двухъ государствъ отъ существующихъ между ними отношеній экономическихъ. Противъ этого можно было бы возразить, что почему-нибудь да называется экономическая наука *политическою* экономіей, и что это названіе не могло бы произойдти, еслибы политическій элементъ не считался ни во что при экономическихъ сношеніяхъ двухъ государствъ. Но въ данномъ случаѣ вліяніе политическихъ отношеній на экономическія бросается въ глаза. Графъ Бисмаркъ держится, правда, той остроумной теоріи, что политическая дружба между Пруссіей и Россіей не препятствуетъ Пруссіи покровительствовать открытой контрабандѣ, ведомой изъ Пруссіи въ подрывъ и русскому производству, и русскимъ финансамъ. Но опытъ удостовѣряетъ насъ, что петербургскіе политико-экономическіе агенты прусскаго правительства отнюдь не позволяютъ себѣ убѣждать нашихъ администраторовъ чтобъ они держались этой же теоріи по отношенію къ Пруссіи. Письмо г. Вольдемара заключаетъ въ себѣ неопровержимыя доказательства того, что они ссылаются напротивъ на политическую дружбу Россіи съ Пруссіей какъ на такой мотивъ, который долженъ располагать Россію къ уступкамъ въ пользу дружеской державы. Тутъ политическая экономія ужъ отбрасывается въ сторону. Еслибы напримѣръ прусскіе экономисты преподавали намъ только ученіе о свободной торговлѣ, то они не могли бы, при наибольшей ревности, присовѣтовать намъ что-либо другое какъ только то, чтобы мы не покровительствовали нашимъ гаванямъ. Далѣе этого нейдетъ ученіе о свободной торговлѣ. Какимъ же ученіемъ наставляютъ они насъ къ тому чтобы мы не только воздерживались отъ покровительства нашимъ гаванямъ, но оказывали покровительство прусскимъ гаванямъ въ ущербъ своимъ, чтобы мы напримѣръ отталкивали торговлю отъ Риги и Либавы и искусственно привлекали ее къ Мемелю и Кенигсбергу? А это именно и было достигнуто пониженіемъ пошлинъ въ сухопутныхъ таможняхъ сравнительно съ морскими таможнями. Нашъ Полангенъ — мѣстечко приморское, но въ немъ нѣтъ гавани, вслѣдствіе чего таможня тамъ сухопутная. При льготѣ предоставляемой сухопутному ввозу, было выгоднѣе ввозить товары черезъ Полангенскую таможню чѣмъ черезъ Либавскую, а потому иностранные корабли вмѣсто того чтобъ идти въ русскую гавань, должны были направляться въ Мемель или Кенигсбергъ, и выгрузивъ тамъ товары, ввозить ихъ въ Россію сухимъ путемъ. Г. Вольдемаръ указываетъ на нѣсколько подобныхъ случаевъ, и нельзя не сознаться, что они какъ нельзя лучше подходятъ подъ категорію упоминаемыхъ графомъ Бисмаркомъ мѣръ, болѣе вредныхъ русскимъ, чѣмъ прусскимъ подданнымъ. Эти случаи суть безспорно признаки нашей болѣзни, но исцѣленіе отъ нея можетъ быть, конечно, слѣдствіемъ лучшаго знакомства не съ по-

литической экономіей, а съ національными интересами Россіи.

Мы упомянули о Мемелѣ и Палангенѣ. Только совершенное невниманіе къ національнымъ интересамъ могло повести къ тому что при всеобщей передѣлкѣ европейской карты, во время наполеоновскихъ войнъ и послѣ нихъ, Россія не выговорила себѣ естественной границы съ Пруссіей, по рѣкѣ Нѣману. Можно было бы уступить Пруссіи вдвое и втрое болѣе земли въ другомъ мѣстѣ, лишь бы получить отъ нея правый берегъ Нѣмана. Нѣмцевъ живетъ тутъ какихъ-нибудь 10 или 12 тысячъ человѣкъ, населеніе литовское, историческія преданія говорятъ что Мемель не есть чисто прусскій городъ, а нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Экономическіе интересы самой этой мѣстности требуютъ присоединенія къ Россіи, потому что только при этомъ условіи Мемель могъ бы сдѣлаться большимъ торговымъ городомъ. Но иронія судьбы хотѣла, чтобы рѣка Нѣманъ, именно въ той своей части гдѣ она называется Руссъ, не принадлежала Россіи. Тутъ случилось то же самое, что̀, какъ разказываетъ г. Сидоровъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, случилось на дальнемъ Сѣверѣ, гдѣ также низовья рѣкъ и гавани ни за что̀ ни про что̀ были уступлены Россіей. Не болѣзненные ли это признаки и не лежитъ ли ихъ причина въ слабости національной политики гораздо болѣе чѣмъ въ непониманіи политико-экономическихъ истинъ?

Возьмемъ еще вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Русскій національный интересъ требуетъ проведенія рельсоваго пути отъ Ковно къ Либавѣ и дальнѣйшаго продолженія ковенской вѣтви на югъ. Съ прусскимъ національнымъ интересомъ это требованіе несогласно; онъ состоитъ въ томъ чтобъ ограничить по возможности районъ Либавскаго порта и значительную часть этого района связать съ Кенигсбергомъ. Съ этою цѣлью надобно построить желѣзную дорогу изъ Кенигсберга на Лыкъ, Бѣлостокъ и далѣе, захватывая какъ можно восточнѣе, идя, наримѣръ, отъ Бѣлостока на Пинскъ и на Кіевъ, какъ предполагалось въ 1862 году. Эта линія подорвала бы ковенскую вѣтвь Главнаго Общества, отняла бы у Либавы всякую будущность, а отчасти даже повліяла бы и на рижскій отпускъ. Тѣмъ не менѣе эту пагубную для насъ линію надѣялись тогда строить съ правительственною гарантіей. Теперь, если не ошибаемся, тотъ же проектъ вынырнулъ снова, хотя въ болѣе скромномъ и исправленномъ видѣ. Предполагается вести дорогу изъ Лыка на Бѣлостокъ и Брестъ, слѣдовательно избрать болѣе западное направленіе. Тутъ нѣтъ прямаго посягательства на интересы Либавы, но повидимому и тутъ не можетъ быть сомнѣнія, что предприниматели дороги не въ правѣ просить о русской правительственной гарантіи, а русское правительство не имѣетъ повода дать имъ эту гарантію. Мы говоримъ такъ на томъ основаніи, что рѣшительно не видимъ предполагаемой стратегической важности этой линіи для Россіи. Она имѣла бы серіозное значеніе только на случай отступленія русскихъ военныхъ силъ отъ Варшавы, причемъ соединеніе Варшавско-Петербургской и Варшавско-Брестской желѣзныхъ дорогъ могло бы достаться въ руки непріятеля. Тогда Брестъ остался бы безъ рельсоваго сообщенія съ Вильной, еслибы не было Брестско-Бѣлостокской линіи. Но война противъ Россіи на Вислѣ не возможна безъ участія Пруссіи, а Пруссія не начнетъ, конечно, съ нами войны на Вислѣ, не отрѣзавъ предварительно Царства Польскаго отъ Петербурга посредствомъ нападенія на Бѣлостокъ и Вильну, мѣста совершенно открытыя, которыми такъ-сказать командуютъ прусскія крѣпости Кенигсбергъ и Летценъ. Желѣзная дорога, соединяющая Кенигсбергъ съ Бѣлостокомъ, должна пройдти черезъ Летценъ. Въ стратегическомъ отношеніи она имѣетъ для Пруссіи совершенно ясное наступательное назначеніе. Въ случаѣ войны, повторяемъ, Пруссія не можетъ не напасть прежде всего на Бѣлостокъ и Вильну. А тогда къ чему послужитъ желѣзная дорога изъ Бѣлостока въ Брестъ? Если же эта дорога изъ Лыка на Бѣлостокъ въ Брестъ должна высоко поднять какъ въ экономическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи, значеніе Кенигсберга, то не ясно ли, что она должна быть строима не на русскіе, а на прусскіе капиталы, и если для нея нужна гарантія, то съ гарантіей отнюдь не русскаго, а развѣ прусскаго правительства? Въ русскомъ интересѣ для этого края желательны двѣ дороги, одна коммерческая къ Либавѣ, другая стратегическая изъ Бреста въ Смоленскъ. Первая изъ этихъ дорогъ уже издавна предположена правительствомъ; за вторую

говоритъ высокій авторитетъ фельдмаршала намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Объ имѣютъ полное право на правительственную гарантію, что же касается до линіи изъ Лыка на Бѣлостокъ въ Брестъ, то ея рискъ можетъ быть по всей справедливости возложенъ на предпринимателей, причемъ съ нихъ также по всей справедливости слѣдуетъ потребовать обѣщанія, что они доведутъ дорогу до Бреста, а не остановятся на Бѣлостокѣ.

№ 20.

Москва, 24-го января.

Еслибы можно было шутить тамъ, гдѣ дѣло идетъ о судьбѣ милліоновъ людей, то нельзя было бы не посмѣяться надъ удивительнымъ пуфомъ, родившимся на берегахъ Босфора, и переданнымъ по телеграфу во всѣ концы Европы. Одинъ изъ офиціозныхъ органовъ Порты, газета, о которой упоминалось въ письмѣ изъ Константинополя помѣщенномъ въ послѣднемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей Courrier d'Orient* объявляетъ, что „мусульмане, равно какъ и христіане, признаютъ въ Турціи необходимость созвать національное собраніе составленное путемъ свободныхъ выборовъ."

Совпаденіе этой оттоманской импровизаціи съ поворотомъ яко бы парламентарнаго свойства происшедшимъ во Франціи, быть-можетъ, не совсѣмъ есть дѣло случая и быть-можетъ изобличаетъ самое происхожденіе этого великолѣпнаго пуфа. Итакъ, вотъ какое лѣкарство подносится теперь умирающему Турку, и вотъ въ чемъ быть-можетъ заключается тайна инструкцій, которыми снабженъ новый французскій посолъ, столь пышно принятый въ Константинополѣ. Поневолѣ спросишь вмѣстѣ съ однимъ персонажемъ французской комедіи: *„ah! ça, mais de qui se moque-t-on ici?"* Въ самомъ дѣлѣ, надъ кѣмъ эта насмѣшка? Найдется ли гдѣ-нибудь хоть одинъ человѣкъ со смысломъ, кто счелъ бы подобную нелѣпость за что-нибудь серіозное? „Свободные выборы" въ виду убіеній, которыя творятся въ Критѣ, въ продолженіе цѣлаго полугода, въ виду возстаній въ Эпирѣ, Ѳессаліи, Македоніи, въ виду неопредолимаго порыва Грековъ Эллинскаго королевства, и наконецъ въ то время, когда священная война провозглашена Султаномъ-Калифомъ, и когда во всѣхъ мечетяхъ читается фирманъ взывающій къ истребленію! Собрать, — то-есть соединить и слить элементы, которые такъ къ тому и стремятся чтобъ отдѣлиться отъ среды, съ которою ни время ни усилія человѣческія не могли сродинть ихъ!

Но устраняя всѣ коренныя невозможности, допуская посредствомъ, самой чудовищной гипотезы, что подобное собраніе могло бы дѣйствительно состояться, можно ли хотя на минуту сомнѣваться, что первымъ дѣяніемъ, первымъ и послѣднимъ рѣшеніемъ громаднаго большинства такого собранія было бы рѣшеніе отправить Турокъ въ Малую Азію, съ ихъ султаномъ во главѣ? Нѣтъ надобности ни въ выборахъ, ни въ парламентскихъ формальностяхъ, дабы знать, что *свободное* выраженіе желанія всѣхъ христіанскихъ населеній Востока непремѣнно имѣло бы такой смыслъ. Сколько уже вѣковъ питаютъ и высказываютъ они это желаніе, съ постоянствомъ и единодушіемъ, въ которыхъ никто не можетъ усомниться!

Греческія газеты упоминаютъ объ одномъ очень характеристическомъ фактѣ. Въ 1848 году, когда въ одной болгарской провинціи вспыхнуло возстаніе, вслѣдствіе невыносимыхъ притѣсненій, которымъ несчастные жители подвергались со стороны паши, прославившагося своимъ хищничествомъ и жестокостями, Порта, которая въ то время боролась съ Мегметомъ-Али, сочла нужнымъ явить Болгарамъ милость: отозвала пашу и пригласила лучшихъ людей прибыть въ Константинополь, и обѣщала удовлетвореніе по всѣхъ ихъ жалобамъ. Одобренные обѣщаніями, а также обнадеженные иностранными консулами, Болгары отправили въ Константинополь до двадцати своихъ старшинъ. Ни одинъ изъ нихъ не вернулся домой, всѣ перемерли „самою естественною" смертію, въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, и бѣдственное положеніе страны, гдѣ насчитывается 4—5 милліоновъ нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, съ тѣхъ поръ становилось все хуже и хуже.

Такъ разказываютъ греческія газеты. Если мы не можемъ вполнѣ ручаться за достовѣрность этого факта, то не можемъ не считать его весьма вѣроятнымъ. Изъ того что въ настоящее время творится въ Эпирѣ, можно заключить, что политическіе

пріемы Турокъ мало измѣнились въ промежутокъ 27 лѣтъ. Губернаторъ Янины, Ахметъ-паша, желая предотвратить возстаніе въ провинціи ввѣренной его управленію, созвалъ, за нѣсколько недѣль предъ симъ, старшинъ населенія и возвѣстилъ имъ, что султану угодно поручить имъ оборону страны отъ нападеній со стороны Грековъ сосѣдняго королевства, а дабы они могли лучше исполнить эту обязанность, онъ, заботливый губернаторъ, желаетъ освободить ихъ отъ всякаго опасенія за ихъ семейства, и съ этою цѣлію приглашаетъ ихъ выслать въ Янину, подъ его покровъ, ихъ женъ и дѣтей. Наконецъ, въ довершеніе этихъ изъявленій своего къ нимъ довѣрія и заботливости о нихъ, Ахметъ-паша, изъяснивъ выгоды игольчатыхъ ружей, предложилъ доставить къ нему все имѣющееся у нихъ оружіе, дабы немедленно превратить его въ наилучшаго свойства игольчатыя ружья. Не столь довѣрчивые какъ бѣдные Болгары, Эпироты разсыпались предъ Ахметъ-пашей въ изъявленіяхъ благодарности, обѣщали исполнить все чего онъ желалъ, но возвратившись поскорѣе домой, забрали свои семейства и оружіе и бѣжали въ горы.

Едва ли можно сомнѣваться, что внушаемыя Портѣ конституціонныя затѣи встрѣтили бы въ христіанскихъ населеніяхъ Востока такой же пріемъ, какъ и хитрыя предложенія паши Янинскаго. Серферъ-эффенди точно также не успѣетъ убѣдить Критянъ къ высылкѣ въ Константинополь депутатовъ, или, вѣрнѣе сказать, амонитовъ, которыхъ предписано ему забрать во что бы то ни стало. Итакъ, комбинація, которую предлагаетъ *Courrier d'Orient*, не имѣетъ ни малѣйшаго практическаго значенія. Но она заслуживаетъ вниманія въ другомъ отношеніи: замѣчателенъ именно тотъ фактъ, что такая нелѣпость высказывается серіозно и что такимъ грубымъ образомъ издѣваются надъ участью болѣе чѣмъ двѣнадцати милліоновъ людей, равно какъ и надъ интересами всѣхъ державъ, болѣе или менѣе замѣшанными въ восточномъ вопросѣ.

Нѣкоторые органы французской офиціозной печати стараются доказать, что въ интересѣ англійскихъ капиталовъ затраченныхъ на Востокѣ, Великобританія должна во что бы то ни стало противиться освобожденію различныхъ національностей, изнемогающихъ подъ оттоманскимъ игомъ. Цѣль этой аргументаціи ясна, но можетъ ли она подѣйствовать на людей съ здравымъ практическимъ смысломъ? Не очевидно ли для всякаго, что капиталъ тѣмъ выгоднѣе помѣщенъ чѣмъ болѣе обезпеченности и производительныхъ силъ представляетъ та среда, гдѣ онъ помѣщенъ? Что касается до обезпеченности, то можетъ ли хотя сколько-нибудь похвалиться ею это варварское государство, котораго не стало бы въ 24 часа, еслибы несчастныя населенія, живущія въ немъ, не находились въ безсиліи, связанныя соперничествомъ европейскихъ державъ между собою? Вѣковой опытъ доказалъ, что гдѣ оттоманское правительство сохранялось нерушимо и неприкосновенно, тамъ люди и вещи оставались въ жалкомъ и бѣдственномъ положеніи. Никакія усилія дипломатіи, никакія попытки самихъ Турокъ не смогли побѣдить препятствія, не допускающія никакого прогресса въ странахъ подвластныхъ Корану и Османовой саблѣ. Доказательства обратнаго точно также предъявляются исторіей: развитіе нравственное и вещественное населеній, успѣвшихъ освободиться отъ этого владычества, совершалось въ прямомъ отношеніи къ степени ихъ независимости. Сербія, которая не была вполнѣ покорена Турками, и которая прежде другихъ успѣла завоевать себѣ почти полную независимость, есть, безъ сомнѣнія, край цвѣтущій и самый сильный въ европейской Турціи, точка опоры для славянскихъ населеній Турціи. Другой центръ возрожденія на Востокѣ есть это маленькое Эллинское королевство, которое героизмомъ своихъ дѣтей вынудило Европу признать его существованіе и которое, благодаря мелкому соперничеству державъ между собою, было поставлено въ самыя неблагопріятныя условія, неизбѣжными послѣдствіями которыхъ являются возстанія въ Критѣ и Эпирѣ. Это ничтожное, лишенное своихъ естественныхъ границъ королевство, находившееся подъ управленіемъ баварскаго принца, который назначался въ кардиналы прежде чѣмъ сѣлъ на эллинскій престолъ,—доказало свою жизненность, что бы ни говорили противъ него французскіе офиціозные органы. Надобно, напротивъ, удивляться его успѣхамъ, если взять во вниманіе тѣ всякаго рода трудности, съ которыми приходилось ему бороться съ перваго дня его существованія. Одинъ изъ

болѣе безпристрастныхъ органовъ французской печати поставлялъ на видъ, что начиная съ 1831 года Греки королевства возобновили 23 города, основали 10 новыхъ городовъ, подняли таможенный сборъ отъ трехъ съ половиной милліоновъ драхмъ до шести милліоновъ, построили 5.000 мореходныхъ судовъ, учредили 30 страховыхъ обществъ и до такой степени развили свой морской флотъ, что въ немъ числится болѣе 23 тысячъ матросовъ.

Телеграфъ сейчасъ извѣстилъ насъ о тронной рѣчи королевы Викторіи. Ея британское величество высказываетъ надежду, что замѣшательства на Востокѣ будутъ разрѣшены безъ ущерба для власти султана. Мы узнаемъ, что такова по крайней мѣрѣ цѣль, которую имѣютъ въ виду *западныя* державы, и что стало-быть между Франціей и Англіей существуетъ соглашеніе по восточному вопросу. Вмѣстѣ съ тѣмъ англійская тронная рѣчь обѣщаетъ Европѣ величайшее благо, продолжительный миръ. Было бы пріятно, еслибы можно было вполнѣ довѣриться этому обѣщанію.

Никогда такъ много не говорили о необходимости сохраненія мира какъ въ настоящее время; но это овладѣвшее всѣми миролюбіе не мѣшаетъ однако всѣмъ готовиться къ какой-то громадной войнѣ. Дѣло доходитъ до того, что даже Швеція считаетъ необходимымъ имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе полумилліона войска. Когда пришла сообщенная нами вчера телеграмма о проектѣ военныхъ преобразованій въ этой странѣ, мы сочли показанную въ ней цифру за ошибку, и переспрашивали заграничное телеграфное агентство, отъ котораго получили это извѣстіе. Справка дала ту же цифру, и вотъ намъ остается только привѣтствовать новую военную державу съ полумилліономъ войска, готовую бросить свой мечъ на вѣсы европейской политики. Какъ объяснить себѣ эти неестественныя напряженія, которыя дѣлаются не только великими державами, но и такимъ государствомъ какъ Швеція, гдѣ числится лишь съ небольшимъ четыре милліона всего населенія? 550.000 военной силы въ Швеціи, это значитъ почти поголовное возстаніе. Для чего же эти страшныя усилія? Что возбуждаетъ повсюду такую тревогу? Что побуждаетъ всѣхъ вооружаться до истощенія силъ?

№ 21.

Москва, 25-го января.

Подписка и пожертвованія всякаго рода въ пользу Кандіотовъ принимаютъ широкіе размѣры; сочувствіе къ этимъ добрымъ страдальцамъ за доброе дѣло обнаруживается повсюду въ Россіи. Но кромѣ Кандіотовъ есть еще населенія, которыя тоже имѣютъ право на сочувствіе и пособіе въ Россіи, тѣмъ болѣе что только въ ней и могутъ они надѣяться найдти и то, и другое. Мы говоримъ о жителяхъ восточной Галиціи. Относительно ихъ мы не дождемся примѣра Англичанъ; если мы не пособимъ, то и никто не пособитъ имъ. Ихъ не истребляютъ огнемъ и мечомъ, голодъ и обращенные въ пепелъ селенія не принуждаютъ ихъ покидать родину и искать спасенія на чужихъ корабляхъ; но положеніе ихъ достойно живаго участія. Вспомнимъ, что эти жители восточной Галиціи суть Русскіе, что они находятся въ борьбѣ съ національностію, утратившею государственное значеніе и стремящеюся насчетъ ихъ поддержать свое призрачное существованіе. Русскіе въ Галиціи составляютъ часть государства не имѣющаго національности, и рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ они пожертвовали своими племенными особенностями и историческими воспоминаніями въ пользу государства, въ которое включены они судьбой, а о томъ, чтобъ отстоять себя отъ національности, лишившейся политическаго бытія и не имѣющей на нихъ никакого политическаго права. Господствующая теперь въ Галиціи польская партія стремится сдѣлать ихъ Поляками. Всякому извѣстно, что Львовъ, Перемышль, Галичъ были отчинами Владиміра Святаго и Ярослава, что они были удѣлами Даніила и Романа Галицкаго; на картахъ Польскаго королевства Львовъ, Галичъ, Замостье, Красностанъ, съ принадлежавшими къ нимъ повѣтами, составляли воеводство Русское, то-есть признаваемы были какъ бы по преимуществу русскими; а въ настоящее время у жителей этихъ областей отрицаютъ право именоваться ихъ племеннымъ именемъ; людей, чьи предки жили одною общею жизнію съ населеніями обѣихъ сторонъ Днѣпра, и вмѣстѣ съ ними сражались подъ Богданомъ Хмѣльницкимъ, стараются увѣрить что они не Русскіе, а какіе-то Рутены,

что они принадлежатъ вовсе не къ тому племени, которымъ создано Русское государство. Пагубная затѣя раздвоить русскій народъ и двѣ его особенности составляющія его богатство и равно для него дорогія, поставить какъ двѣ разныя народности, такъ-называемое украйнофильство, которое стремилось изъ мѣстнаго нарѣчія съ помощію польской примѣси образовать языкъ отдѣльный отъ обще-русскаго,—нашло не только пріютъ, но и покровительство у властей Галицкаго королевства, которыя сдѣлали изъ него орудіе политической интриги: господствующая въ Галиціи польская партія желала бы прервать всякую духовную связь тамошнихъ Русскихъ съ великою народностью, которой они отпрыскъ, чтобы тѣмъ легче усвоить ихъ польскому элементу. Такимъ образомъ, эта несчастная историческая ошибка, этотъ анахронизмъ, называемый польскою національностію, сильно потрясенный на Днѣпрѣ и даже на Вислѣ, стремится вознаградить себя у подножія Карпатовъ, усилиться поглощеніемъ слишкомъ двухъ милліоновъ русскихъ Галичанъ, съ тѣмъ чтобы снова начать дѣйствовать наступательно и внѣ предѣловъ Галиціи какъ противъ Россіи, такъ и противъ той же самой Австріи, которая теперь его пригрѣваетъ.

Можемъ ли мы равнодушно взирать на эту борьбу? Что положеніе нашихъ братьевъ въ Галиціи очень горько, въ этомъ не оставляютъ сомнѣнія всѣ печатаемыя оттуда корреспонденціи и еще болѣе тѣ, которыя не печатаются. Русское дворянство Галиціи давно покинуло свой народъ и точно также, какъ въ нашемъ западномъ краѣ, усвоило себѣ національность государства погибшаго отъ внутренней несостоятельности. Оно ищетъ вчерашняго дня, добивается не знаетъ чего. Священники и учителя,—вотъ единственные борцы за народное дѣло въ Галиціи, которые отстаиваютъ его на сеймѣ, въ школахъ, въ бѣдной литературѣ на испорченномъ мѣстномъ нарѣчіи. Сомнительно, чтобъ еще надолго, безъ русскаго сочувствія и пособія, могли продлиться эти отчаянныя усилія. Вслѣдствіе искусной махинаціи, русскіе депутаты на сеймѣ постоянно составляютъ ничтожное меньшинство и могутъ лишь протестовать противъ узаконеній установляющихъ новыя стѣсненія для русскаго языка и русской народности; лишенный поддержки образованныхъ и богатыхъ классовъ русскій театръ во Львовѣ едва дышетъ; народныя школы, подчиненныя польско-католическому духовенству, легко могутъ стать орудіемъ изгубленія русской народности въ самомъ корнѣ; людей довольно просвѣщенныхъ и имѣющихъ довольно досуга, чтобы писать книги для небольшой мѣстной публики, слишкомъ мало, а выписывать книги изъ Россіи не позволяютъ средства. Съ другой стороны, всякаго рода и поддержки, и пособія возбуждаютъ дѣятельность польскихъ газетъ, польскихъ литераторовъ и польскихъ актеровъ; измѣнники остающіеся въ народномъ лагерѣ, такъ называемые украйнофилы, приглашаются на банкеты намѣстника, получаютъ видныя должности; поощряется замѣна кириллицы латинскимъ алфавитомъ, поощряется литература, отдаляющаяся по языку отъ русскаго и приближающаяся къ польскому; самъ графъ Голуховскій пишетъ на полупольскомъ жаргонѣ пригласительныя письма къ русскимъ депутатамъ на свои балы и обѣды...

При такихъ условіяхъ борьба нашихъ галицкихъ братій не можетъ быть продолжительна безъ сильной помощи изъ Россіи. Видя что Львовскимъ университетомъ овладѣла польская партія, пусть Галичане отправляютъ свое юношество въ русскіе университеты, и на нихъ возлагаютъ свою надежду: „васъ, писалъ недавно одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ галицкихъ патріотовъ своимъ юнымъ землякамъ, находящимся въ Москвѣ, двадцать отборныхъ молодцовъ, чтобы неусыпно работать и перомъ, и дѣломъ; вы не устанете, пока не сотрете главъ гидры губящей нашу родину.“ Подобнымъ же образомъ, не имѣя средствъ ставить новыя піесы на львовской сценѣ, Галичане, шлютъ въ Москву произведенія своихъ драматическихъ писателей, и хлопочутъ, какъ мы слышали, чтобъ ихъ приняли на здѣшнюю сцену; такъ по поводу одной небольшой піесы съ куплетами, препровождавшее ее лицо пишетъ: „Пусть отзовется галицкая пѣсня въ Москвѣ; пусть услышитъ Москва родные звуки дальнихъ Карпато-Россовъ“....

Какъ же отзовется Москва на всѣ эти томительно-грустные призывы? Нельзя сказать, чтобы судьба Галичанъ не обратила уже здѣсь на себя вниманія. Мы имѣли уже случай говорить однажды о рядѣ литературныхъ бесѣдъ имѣющихъ цѣлію ока-

зать имъ пособіе, и въ нынѣшнемъ нумерѣ печатается объявленіе о литературномъ утрѣ имѣющемъ быть 29-го января; мы слышали, что съ тою же цѣлію будетъ данъ въ Москвѣ большой концертъ. Отъ имени лицъ, устраивающихъ въ Москвѣ сборы въ пользу Галичанъ, мы уполномочены объявить, что цѣль ихъ состоитъ единственно въ оказаніи матеріальнаго пособія нѣкоторымъ изъ наиболѣе нуждающихся галицкихъ литераторовъ и въ доставленіи русскихъ книгъ лицамъ и мѣстамъ въ нихъ нуждающимся. Такая цѣль очевидно, не заключаетъ въ себѣ ничего политическаго, и въ желаніи помочь людямъ искренно преданнымъ своему императору никто не можетъ видѣть демонстрацію противъ австрійскаго правительства, которое, какъ извѣстно, признало національныя права всѣхъ австрійскихъ народовъ однимъ изъ основныхъ началъ своей конституціи.

№ 22.

Москва, 26-го января.

Гласность имѣетъ много противниковъ: что же не имѣетъ ихъ? Опытъ всѣхъ временъ свидѣтельствуетъ, что чѣмъ полезнѣе какое-либо дѣйствіе, тѣмъ болѣе встрѣчаетъ оно противниковъ. Гласность въ Россіи есть дѣло очень недавнее. Серіозная гласность, проливающая ясный свѣтъ и приносящая дѣйствительную пользу, появилась въ Россіи только вслѣдствіе польскаго мятежа, и оказала свое дѣйствіе преимущественно по вопросамъ имъ возбужденнымъ. Кто можетъ сказать, что безпрепятственное оглашеніе фактовъ и свободное о нихъ сужденіе повредили дѣламъ посреди затрудненій вызванныхъ польскимъ мятежомъ? И съ другой стороны, кто можетъ сказать, что эти опасности, посреди которыхъ очутилась Россія, были послѣдствіемъ чрезмѣрнаго развитія гласности? Никакой гласности, ничего похожаго на печать въ европейскомъ смыслѣ этого слова, ни тѣни общественнаго мнѣнія не было въ Россіи, когда скоплялось зло; нигдѣ въ русскомъ обществѣ не обнаруживалось никакого участія въ дѣлахъ по вопросамъ имѣющимъ столь жизненное для Россіи значеніе; никто ни о чемъ не вѣдалъ, никто ни о чемъ не имѣлъ опредѣленнаго понятія и серіознаго сужденія.

Изъ Царства Польскаго все рѣже и рѣже проникаютъ извѣстія въ русскую печать, и даже западный край, который еще ближе къ намъ, все болѣе и болѣе застилается туманомъ. Что бы ни было тому причиной, послѣдствій нельзя не предвидѣть: вопросъ только въ томъ, могутъ ли быть они желательны. Заглушить общественный интересъ не трудно, гораздо труднѣе возбудить его и направить должнымъ образомъ. Какъ гласность, такъ и негласность, извѣданы на опытѣ въ своихъ дѣйствіяхъ, и въ настоящую пору тотъ или другой путь можетъ быть избранъ съ достаточнымъ разумѣніемъ, къ чему онъ ведетъ.

Если въ русскую печать проникаетъ изъ Царства Польскаго мало извѣстій, за то сыплются оттуда корреспонденціи въ заграничныя газеты. О томъ что дѣлается въ этомъ краѣ, о предположеніяхъ, которыя тамъ возникаютъ, о слухахъ, которые тамъ ходятъ, обо всемъ, кромѣ официальныхъ актовъ, узнаемъ мы не изъ русской печати, которой ближе было бы интересоваться дѣлами этого края, а изъ *Allgemeine Zeitung*, изъ *National-Zeitung*, изъ *Kölnische Zeitung* и проч. Какія-то таинственныя лица, пребывающія на польской границѣ разсылаютъ свои корреспонденціи по нѣмецкимъ газетамъ, и благодаря этимъ нѣмецкимъ корреспонденціямъ съ польской границы, мы кое-что узнаемъ о происходящемъ въ этой не безъинтересной для Россіи области. Весьма естественно, что дѣло въ этихъ корреспонденціяхъ бываетъ перемѣшано съ бездѣльемъ, что рядомъ съ правдой попадается въ нихъ ложь. Но теряя все болѣе и болѣе руководящую нить въ оцѣнкѣ дѣлъ, сбиваясь все болѣе и болѣе въ понятіяхъ и сужденіяхъ, лишенное собственныхъ свѣдѣній, русское общественное мнѣніе съ трудомъ можетъ разбирать, гдѣ правда и гдѣ неправда. Въ полумракѣ вещи принимаютъ странный и неестественный видъ, и неправда кажется правдой, а правда неправдой.

Въ послѣднихъ нумерахъ нѣмецкихъ газетъ сообщается изъ Варшавы странное извѣстіе, которому невозможно вѣрить, но которое тѣмъ не менѣе съ настойчивостію, будто дѣло несомнѣнное, повторяется разными газетами.

Читателямъ нашимъ извѣстно о статьѣ капеллана Фелинскаго, напечатанной въ № 7 *Варшавскаго Дневника*, и изъ которой одинъ весьма характеристическій от-

рывокъ былъ приведенъ въ № 17 нашей газеты. Въ появленіи этой статьи нельзя не видѣть признака весьма утѣшительнаго въ средѣ самой непріязненной. По крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія русскаго правительства нельзя было бы не порадоваться этому столь рѣшительному голосу, который поднялся изъ среды самого римско-католическаго духовенства противъ злоупотребленій, въ которыхъ оно виновно, противъ недуговъ, которыми оно страдаетъ. На русское правительство сыпались всевозможныя укоризны за мѣры, которыя принимало оно по отношенію къ римско-католическому духовенству въ этомъ краѣ. Что дѣлалось и дѣлается правительствами тѣхъ странъ, гдѣ господствуетъ римско-католическое исповѣданіе, то вмѣнялось русскому правительству въ преступленіе. Упраздненіе монастырей, существовавшихъ въ противность канонамъ самой римско-католической церкви, было встрѣчено благочестивыми воплями не только въ ультра-монтанскомъ лагерѣ, но и въ партіяхъ враждебныхъ всякому церковному началу. Но вотъ мы дождались наконецъ, что въ самомъ Царствѣ Польскомъ, среди его фанатическаго и испорченнаго духовенства, гдѣ дѣло религіи утратило свое религіозное значеніе и превратилось въ орудіе революціи, ставъ лживымъ символомъ національности, подобно тому какъ въ умахъ нѣкоторыхъ мнимыхъ ревнителей православія, православная вѣра теряетъ значеніе религіи и превращается въ предметъ полицейскаго управленія,—наконецъ, повторяемъ, изъ среды самого римско-католическаго духовенства послышалось слово благодарности за предпринятыя правительствомъ реформы, и осужденіе тѣхъ злоупотребленій, которыми реформы эти вызваны. Вотъ что писалъ капелланъ Фелинскій въ вышеупомянутомъ нумерѣ *Варшавскаго Дневника*.

„За нѣкоторое время до минувшаго польскаго повстанья, я былъ присланъ изъ западнаго края начальствомъ на должность военнаго капеллана въ городъ Люблинъ (1862 года по 26-го сентября), и находясь по настоящее время въ Царствѣ Польскомъ, объѣзжая ежегодно войска, расположенныя въ трехъ епархіяхъ, Варшавской, Подлясской и Люблинской, имѣлъ случай и время хорошо присмотрѣться и узнать каково польское духовенство, и на что нужно обратить вниманіе. Видя же въ настоящее время дѣлаемыя правительствомъ полезныя реформы, считаю долгомъ написать нѣсколько словъ о духовенствѣ. Число католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ такъ велико, что церкви и правительству не приноситъ настоящей пользы, а только вредъ, какъ оказалось на дѣлѣ. Польшу можно назвать гнѣздомъ темнаго фанатизма, потому что духовенство распространяло въ народѣ вражду и ненависть ко всему некатолическому; кромѣ того, оно всегда вмѣшивалось въ дѣла политики, и принимало сильное участіе во время повстанья. Итакъ, разными своими продѣлками оно сдѣлало изъ христіанской римско-католической религіи какую-то новую польско-католическую. Въ Люблинѣ считается 19.000 жителей, половину которыхъ составляютъ Евреи, а остальная часть состоитъ изъ католиковъ, православныхъ, уніатовъ и лютеранъ. Костеловъ же католическихъ 14; при нихъ находилось семь мужескихъ и три женскихъ монастыря. Какіе люди были въ польскихъ монастыряхъ? По большей части люди низшаго сословія, часто уходившіе отъ наборовъ въ войска, безъ образованія и воспитанія; малое только число изъ нихъ соотвѣтствовало значенію духовнаго сана. Чѣмъ же они занимались? Кружали головы женщинамъ на исповѣди, фанатизировали легковѣрныхъ и вели политическія тайныя интриги. Честь правительству, что оно наконецъ рѣшилось уничтожить эти зловредныя общества.“

Еслибы даже въ этихъ словахъ, какъ и вообще въ статьѣ священника Фелинскаго, оказалось что-либо несогласное съ обычаями его церкви, еслибы нѣкоторыя мнѣнія его оказались не совсѣмъ основательными, а нѣкоторыя свѣдѣнія не совсѣмъ точными, то русское правительство, которое не несетъ на себѣ обязанности блюсти догматы или правила всѣхъ церквей и религій на свѣтѣ, не имѣло бы причины быть недовольнымъ. Но священникъ Фелинскій имѣлъ своею цѣлію только выразить свое сочувствіе и признательность правительству за принятыя имъ мѣры.

Недавно, вмѣстѣ съ депешей вице-канцлера князя Горчакова по поводу разрыва Императорскаго правительства съ Римскимъ дворомъ, было обнародовано историческое обозрѣніе дѣйствій, которыя повели къ этому разрыву и къ отмѣнѣ конкордата 1847 г. Въ числѣ многихъ важныхъ документовъ, приводимыхъ въ этомъ обозрѣніи, находится письмо Государя Императора въ отвѣтъ

на письмо папы, исполненное жалобъ на преслѣдованія, которымъ будто бы подвергается римско-католическая церковь въ Царствѣ Польскомъ. Въ ограниченіяхъ, поставлявшихся дѣйствіямъ ея духовенства, папа видѣлъ главную причину безпорядковъ и смутъ, между тѣмъ какъ этою причиной было, напротивъ, поведеніе духовенства. Государь Императоръ, указывая на истинную причину зла, присовокупилъ: „Я это сдѣлалъ не для изъявленія моего неудовольствія, но съ твердою увѣренностію, что достаточно увѣдомить ваше святѣйшество о столь постыдныхъ злоупотребленіяхъ, чтобы возбудить въ вашей совѣсти негодованіе противъ нихъ.“

Это негодованіе начинаетъ теперь сказываться, если не въ Римѣ, то въ средѣ римско-католическаго духовенства подвластнаго Россіи, и выраженіемъ этого чувства явилась вышеупомянутая статья капеллана и почетнаго каноника Фелинскаго. Но едва она появилась въ свѣтъ, какъ въ нѣмецкія газеты извѣстили изъ Варшавы, будто главный редакторъ *Варшавскаго Дневника*, г. Павлищевъ, который въ то же время завѣдывалъ цензурой въ Варшавѣ, уволенъ 29-го января отъ должности именно за то, что онъ допустилъ въ печать статью, о которой идетъ рѣчь. Сначала извѣстіе это было сообщено въ *Данцигскую Газету*, но то же самое извѣстіе также подтверждается и въ нынѣ полученномъ нумерѣ *Кельнской Газеты*, при чемъ изъ статьи священника Фелинскаго сообщаются тѣ мѣста, которыя приведены выше, и дѣлается это съ явнымъ умысломъ бросить тѣнь на дѣйствія правительства, которое будто бы отставило цензора за то, что онъ пропустилъ статью, писанную въ смыслѣ правительства. Умыселъ клонится къ тому, чтобы выставить русское правительство исполненнымъ необъяснимыхъ противорѣчій, и тѣмъ обнадежить его противниковъ, привести въ уныніе тѣхъ, кто изъ нихъ перешелъ на его сторону, и поддержать дѣло смуты, которое начало было терять свою силу. Мы были бы рады противодѣйствовать подобнымъ клеветамъ, но что можемъ мы сказать въ опроверженіе, не имѣя ничего положительнаго и опираясь только на общихъ соображеніяхъ или на убѣжденіяхъ здраваго смысла, котораго свидѣтельство не всегда бываетъ достаточно для опроверженія того что выдается за фактъ? Намъ кажется, что подобныя нареканія на дѣйствія административныхъ властей не должны оставляться безъ разъясненія. Все что можетъ обнаружить истинное направленіе администраціи, не только уничтожаетъ выдумки этого рода, но и отниметъ у выдумщиковъ всякій поводъ впредь сочинять что-либо подобное. Устраненіе сомнѣній относительно послѣдовательности въ дѣйствіяхъ администраціи столько же важно въ интересахъ государства, сколько и въ разумно-понятомъ интересѣ римско-католическихъ населеній.

№ 23.

Москва, 27-го января.

Какъ ни мало соотвѣтствуетъ теперешнее состояніе Россіи тому что было бы для патріота желательно и чего требуетъ ея международное положеніе, нельзя не сознать однако-же, что она идетъ по пути улучшеній съ замѣчательною быстротой, и что эти улучшенія глубоко проникаютъ въ народную жизнь, возвышая ее и облагораживая. Если мы перенесемся мыслью не далѣе какъ за шесть лѣтъ назадъ, то наше отечество предстанетъ намъ въ такомъ видѣ, что мы въ немъ едва узнаемъ теперешнюю Россію. Въ самомъ дѣлѣ за шесть лѣтъ передъ симъ въ Россіи господствовало еще крѣпостное право и его спутникъ, всеобщій застой, отражался на всѣхъ проявленіяхъ государственной и народной жизни. Достаточно припомнить, что тогда не было даже желѣзной дороги связывающей Россію съ западною Европой, и только между Москвой и Петербургомъ существовало сообщеніе посредствомъ рельсоваго пути, не задолго передъ тѣмъ открытое. Въ этой глуши царствовало унылое равнодушіе къ государственнымъ интересамъ, а немногіе принимавшіе въ нихъ участіе взирали на ближайшее будущее съ тревожнымъ опасеніемъ, которое было внушаемо и крестьянскою реформой, и польскимъ возраставшимъ волненіемъ, и наконецъ признаками разложенія, явственно видѣвшимися и въ литературѣ, и въ настроеніи общества и въ колебаніяхъ администраціи, не обнаруживавшихъ ясной программы дѣйствій. Теперь, правда, еще не вполнѣ устранены всѣ эти недостатки, но какой громадный шагъ уже неоспоримо сдѣланъ къ ихъ устраненію! Польскій

мятежъ стоилъ Россіи тяжелыхъ жертвъ, но онъ протрезвилъ Россію еще болѣе чѣмъ протрезвила ее крымская война. Та подѣйствовала болѣе отрицательно; она обличила несостоятельность существовавшаго порядка вещей, но стремленія къ лучшему, ею вызванныя, были неопредѣленны; въ нихъ было болѣе недовольства чѣмъ одушевленія, болѣе лихорадочнаго раздраженія чѣмъ здороваго чувства дѣйствительныхъ потребностей. Акціонерная лихорадка, такъ несчастно окончившаяся, болѣе или менѣе повторилась и въ другихъ сферахъ народной и государственной жизни. Почва, на которой совершался нашъ прогрессъ въ то недавнее и тѣмъ не менѣе такъ далеко позади насъ оставшееся время, была зыбкая почва именно потому, что она была не наша національная почва. Какъ Антей древнихъ сказаній вбиралъ въ себя непреодолимую силу каждый разъ какъ прикасался къ своей матери Землѣ, такъ и прогрессъ нашъ долженствовалъ быть возвращенъ на свою національную почву чтобы войдти въ дѣйствительную силу. Судьбы Россіи избрали орудіемъ для осуществленія этой цѣли польскій мятежъ. Онъ пробудилъ съ небывалою прежде силой русское національное чувство и тотчасъ же наши прогрессивныя стремленія освободились отъ своего прежняго фантастическаго характера. Нельзя не удивляться тому, какъ быстро совершилось это превращеніе, какъ скоро повсюду распространилось сознаніе о томъ, въ чемъ заключаются дѣйствительныя потребности Россіи. Общій голосъ, идущій изо всѣхъ частей Россіи—по нашему положенію намъ всего удобнѣе слышать его—съ поразительнымъ единодушіемъ указываетъ теперь на существенныя условія прогресса въ Россіи. Національная политика, училища, суды и желѣзныя дороги,—вотъ на чемъ сосредоточиваются общія желанія, соединяющія и одушевляющія всѣхъ мыслящихъ людей изо всѣхъ классовъ русскаго народа. Кто теперь будетъ отрицать соотвѣтствіе этихъ желаній съ дѣйствительными потребностями Россіи? А между тѣмъ много ли было шесть лѣтъ тому назадъ людей, которыми сознавались бы эти потребности съ достаточною ясностью и силой? Мы въ полномъ правѣ сказать, что за послѣдніе годы общественное сознаніе въ Россіи сдѣлало неимовѣрный успѣхъ.

Дѣло впрочемъ не ограничивается общественнымъ сознаніемъ; оно переходитъ уже въ исполненіе. По отношенію къ западному краю національная политика провозглашена съ высоты престола, и ея сила мало-по-малу распространяется на весь польскій вопросъ Россіи. По училищной части предстоитъ еще не мало трудной работы, но училища вѣдомства народнаго просвѣщенія какъ ни многаго оставляютъ еще желать, видимо оживаютъ уже отъ одного провозглашенія правильнаго начала, а ожидаемое въ самомъ скоромъ времени преобразованіе духовныхъ училищъ, конечно, не потрѣшитъ противъ здравыхъ требованій времени по отношенію къ школамъ, приготовляющимъ народу его духовныхъ пастырей. Новые суды введены въ округахъ Московскомъ и Петербургскомъ и вводятся въ округѣ Харьковскомъ. При многосложности, можетъ-быть чрезмѣрной, ихъ личнаго состава, замѣщеніе ихъ представляетъ серіозныя трудности, но публичность судебныхъ дѣйствій напрягаетъ силы дѣятелей, а независимость ихъ отъ администраціи отнимаетъ у этой послѣдней всякое побужденіе препятствовать гласному обсужденію самомалѣйшихъ уклоненій отъ точнаго исполненія судейской обязанности, чѣмъ въ значительной степени обезпечивается успѣшный ходъ судебной реформы. Наконецъ по желѣзно-дорожному дѣлу, послѣ довольно продолжительнаго застоя, обнаружилось такое оживленіе, какого нельзя было и ожидать не только за шесть лѣтъ, но и за два года передъ симъ. Нынѣшнею весной будутъ производиться работы на всей линіи между Москвой и Одессой, и можно надѣяться, что черезъ два года, за исключеніемъ моста черезъ Днѣпръ у Кіева, откроется движеніе по всей этой главной артеріи нашего государства. Между тѣмъ компанія имѣющая соединить Курскъ, черезъ Харьковъ, съ сѣвернымъ угломъ Азовскаго моря, повидимому готова образоваться. Не менѣе близко къ осуществленію и дѣло желѣзной дороги изъ Витебска черезъ Смоленскъ въ Орелъ, а для дороги смоленско-московской, настоятельно требуемой интересами Москвы, дѣлаются, хотя и предварительныя, но весьма серіозныя приготовленія. Въ то же время счастливая Рязанско-Козловская дорога успѣла дать два отпрыска, находящіеся въ построеніи, одинъ въ Моршанскъ къ Пензѣ, другой въ Воронежъ

къ землѣ Войска Донскаго, уже имѣющей Грушевскую дорогу идущую на встрѣчу къ Воронежу. Можно сказать съ увѣренностью, что Россія наконецъ вполнѣ сознала ту важность, которую имѣютъ для нея, болѣе чѣмъ для какой-нибудь другой страны, желѣзныя дороги, могущія вознаградить ее и за отдаленность отъ морей, и за невыгодное теченіе ея главныхъ рѣкъ, и наконецъ за ея климатъ, лишающій ее въ продолженіи полугода возможности пользоваться даже тѣми рѣками, которыя у нея есть. Физическія условія задерживавшія русскій народъ въ его историческомъ движеніи, поставили Россію позади западной Европы. Они не могутъ быть побѣждены ничѣмъ инымъ кромѣ желѣзныхъ дорогъ и лучшаго пользованія русскимъ югомъ, къ чему дадутъ намъ возможность опять-таки только желѣзныя дороги. Газета *Globe* на дняхъ справедливо замѣтила, что желѣзныя дороги—главная потребность Россіи, и что эта потребность теперь вполнѣ сознана ею. Въ этомъ главный залогъ нашего успѣха, какъ матеріальнаго, такъ и умственнаго и политическаго.

№ 24.

Москва, 28-го января.

Вчерашняя депеша изъ Нью-Йорка требуетъ поясненія. Она говоритъ о резолюціи нижней палаты конгресса Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ по дѣлу денежнаго обращенія. Цѣль резолюціи, если телеграфъ вѣрно передалъ смыслъ ея,—пріостановить на одинъ годъ изъятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія. Мы опасаемся, чтобъ это извѣстіе не подало повода нашимъ доморощеннымъ экономистамъ къ ошибочнымъ разглагольствіямъ противъ упроченія русской денежной единицы. Въ Соединенныхъ Штатахъ изъятіе бумажныхъ денегъ изъ обращенія производилось очень спѣшно. Лажъ на золото падалъ, вексельный курсъ поднимался; вмѣстѣ съ тѣмъ падали цѣны на всѣ предметы купли и продажи; говоря иначе, деньги дорожали, и все это происходило съ поразительною быстротой. Понятно, что при такомъ ходѣ дѣлъ сильно выигрывали заимодавцы и столь же сильно страдали заемщики. Равнымъ образомъ были въ выгодѣ чиновники, получающіе жалованье опредѣленное въ дол-

ларахъ, и поставщики, имѣвшіе получить съ казны или частныхъ людей опредѣленныя по контракту суммы, а наоборотъ страдали плательщики податей, которые принуждены были вносить въ кассы государства такое же количество вздорожавшихъ долларовъ, какое прежде вносили долларовъ дешевыхъ. Это, говоримъ, совершенно понятно. Кто занималъ, когда бумажный долларъ стоилъ вдвое дешевле теперешняго, тотъ, уплачивая теперь свой долгъ долларами вдвое болѣе цѣнными противъ прежняго, уплачиваетъ вдвое болѣе чѣмъ сколько занялъ. Тоже самое относится и къ плательщикамъ податей: для нихъ удвоеніе цѣнности бумажнаго доллара какъ разъ столько же чувствительно, сколько было бы чувствительно удвоеніе налоговъ при сохраненіи за бумажнымъ долларомъ его прежней цѣны. Не трудно представить себѣ, что должно произойдти въ государствѣ, гдѣ налоги почти разомъ удвоились и всѣ заемщики обязаны уплачивать своимъ кредиторамъ вдвое болѣе чѣмъ сколько у нихъ занимали. Примѣръ того мы видѣли въ нынѣшнемъ году на Финляндіи: обнищаніе всѣхъ небогатыхъ плательщиковъ податей и банкротство большинства людей, занимавшихъ деньги даже для выгодныхъ оборотовъ. Тоже самое было въ Англіи послѣ наполеонскихъ войнъ, когда возстановлялась первоначальная цѣнность фунта стерлинга; то же самое должно быть вездѣ, гдѣ вынимается изъ обращенія избытокъ бумажныхъ денегъ, успѣвшій уронить цѣнность ходячей и узаконенной денежной единицы.

Чтобъ избѣжать этихъ бѣдствій, есть одно средство, не вездѣ впрочемъ доступное. Оно состоитъ въ томъ, чтобы вмѣсто возстановленія первоначальной цѣнности денежной единицы ограничиться ея упроченіемъ или фиксаціей. Это средство возможно только тамъ гдѣ бумажныя деньги были выпущены исключительно государствомъ, какъ у насъ въ Россіи. Но гдѣ оно возможно, тамъ было бы странно не воспользоваться имъ. Выпускъ бумажныхъ денегъ, если производится въ такихъ размѣрахъ, что звонкая монета получаетъ лажъ а вексельный курсъ падаетъ, сопровождается несправедливымъ перемѣщеніемъ цѣнностей изъ рукъ въ руки, при чемъ одни, кредиторы, незаслуженно теряютъ, другіе, дебиторы, незаслуженно выигрываютъ. Несправедливость этого перемѣще-

нія цѣнностей увеличивается тѣмъ, что какъ скоро оно совершилось, за него уже нѣтъ возможности вознаградить потерпѣвшихъ. Когда вслѣдъ за тѣмъ правительство начинаетъ возстановлять свою денежную систему и съ этою цѣлью прибѣгаетъ къ изъятію всѣхъ излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ, то происходитъ такое-же потрясеніе собственности, только въ обратномъ смыслѣ. Цѣнности вторично перемѣщаются изъ рукъ однихъ лицъ въ руки другихъ безъ всякой вины или заслуги съ ихъ стороны; разница только въ томъ, что при выпускѣ бумажныхъ денегъ незаслуженно пользуются заемщики, а при изъятіи заимодавцы, или выражаясь точнѣе при выпускѣ пользуются всѣ тѣ, которые обязаны что-либо уплатить, а при изъятіи всѣ тѣ, которые имѣютъ право на какую-либо уплату. Еслибы при изъятіи бумажныхъ денегъ могли выиграть именно тѣ лица, которыя пострадали отъ выпуска, то справедливость требовала бы безропотно подчиниться всѣмъ неудобствамъ этой мѣры; правительство не имѣло бы права спасать на чужой счетъ отъ банкротства тѣхъ людей, которые прежде, при выпускѣ бумажныхъ денегъ, получили незаслуженныя выгоды. Но плательщики времени изъятія не одни и тѣ же лица съ плательщиками времени выпуска, какъ равно не тождественны и получатели этихъ двухъ временъ. Перемѣщеніе цѣнностей, долженствующее происходить при возстановленіи денежной единицы, не есть возстановленіе цѣнностей за тѣми, кто имѣетъ на нихъ право. Этихъ послѣднихъ, пострадавшихъ при паденіи денежной единицы, отыскать нѣтъ возможности; несправедливость имъ причиненная вознаграждена быть не можетъ, и новое перемѣщеніе цѣнностей есть не что иное какъ новая несправедливость. Вотъ почему, въ тѣхъ странахъ гдѣ, какъ въ Россіи, бумажныя деньги были выпущены исключительно государствомъ (то-есть совокупностью плательщиковъ податей), нѣтъ никакого основанія требовать отъ государства (то-есть отъ совокупности плательщиковъ податей) тѣхъ жертвъ, которыя необходимы для возстановленія денежной единицы, и которыя не только не выкупали бы несправедливостей, причиненныхъ выпусками бумажныхъ денегъ, но напротивъ повели бы къ новымъ несправедливостямъ и новымъ бѣдствіямъ. Въ такихъ странахъ исправленіе потрясенной денежной системы должно заключаться не въ возстановленіи, а упроченіи денежной единицы, и изъятіе бумажныхъ денегъ должно ограничиваться только тѣми размѣрами, которые необходимы для того, чтобы ввести въ обращеніе сколько-нибудь звонкой монеты, безъ чего правильность денежнаго обращенія была бы невозможна.

На основаніи этихъ соображеній мы, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими опытными въ этомъ дѣлѣ лицами, высказывались противъ возстановленія первоначальной цѣны, русскаго кредитнаго рубля и въ пользу упроченія такой его цѣны, которая немногимъ бы превышала средній, за послѣднее время существовавшій вексельный курсъ. До размѣна мы предлагали фиксировать кредитный рубль въ цѣнѣ равной 375 сантимамъ или прусскому талеру; послѣ размѣна мы находили, что такая фиксація была бы сопряжена съ тягостными потрясеніями и предпочитали норму въ 350 сантимовъ или 28 прусскихъ серебряныхъ грошей ($33^{3}/_{8}$ англ. п.) Эта норма и теперь еще кажется намъ достижимою. Она представляетъ то удобство, что при ней не потребовалось бы измѣнять теперешнюю размѣнную монету. Для успѣшности фиксаціи кредитнаго рубля по этой нормѣ или, другими словами, для успѣшнаго упроченія за кредитнымъ рублемъ цѣны равной 350 французскимъ сантимамъ необходимы были бы слѣдующія условія:

1. Освобожденіе государственнаго бюджета отъ дефицита, безъ чего исправленіе денежной системы невозможно.

2. Передача государственнаго банка въ частныя руки, со складочнымъ капиталомъ не менѣе 100 милліоновъ рублей, вносимыхъ серіями и металлическими 4% билетами, въ видахъ уменьшенія количества этихъ бумагъ, замѣняющихъ собою кредитные билеты.

3. Открытіе размѣна, но въ первое время не на звонкую монету, а на металлическія процентныя бумаги по такому курсу, который соотвѣтствовалъ бы нормѣ, предположенной для фиксаціи кредитнаго рубля.

4. Замѣнъ теперешнихъ кредитныхъ билетовъ новыми, менѣе удобными для поддѣлки.

Въ Соединенныхъ Штатахъ уже достигнуто все то, что заключается въ этихъ условіяхъ, но трудность состоитъ тамъ именно въ томъ, что съ одной фиксаціей денежной единицы обойтись тамъ нельзя, а тре-

буется ея полное возстаиовленіе. Тамъ неизбѣжны всѣ тѣ потрясенія, которыми, какъ мы говорили выше, должно сопровождаться возстановленіе денежной единицы. Все что можно тамъ сдѣлать для смягченія кризиса ограничивается тѣмъ чтобъ его растянуть на нѣсколько лѣтъ, и въ этомъ-то смыслѣ, если вѣрить телеграфу, высказалась вашингтонская палата представителей. Несправедливое перемѣщеніе цѣнностей изъ кармановъ плательщиковъ въ карманы получателей произойдетъ неминуемо; отъ него уйдти нельзя, но несправедливость его будетъ менѣе чувствительна, если оно произойдетъ медленнѣе. Съ другой стороны однакоже и этотъ исходъ сопряженъ съ серіозными неудобствами. Чѣмъ болѣе разсрочивается возстановленіе денежной единицы, тѣмъ болѣе долженъ тянуться тотъ порядокъ вещей, при которомъ цѣнность ея подлежитъ колебаніямъ вслѣдствіе случайныхъ вліяній, а такой порядокъ дѣйствуетъ убійственно на всѣ долгосрочныя предпріятія и сдѣлки, вноситъ элементъ азарта во все производство страны и ставитъ туземную торговлю въ зависимость отъ иностранной.

№ 25.

Москва, 30-го января.

Сколько намъ извѣстно, въ нынѣшнемъ году предполагается реформа духовныхъ училищъ и семинарій. Скудныя средства этихъ учебныхъ заведеній должны получить значительное приращеніе изъ суммъ государственнаго казначейства. На предметы разныхъ потребностей по ихъ содержанію будетъ отпускаться вдвое, втрое, вчетверо, впятеро больше чѣмъ теперь. Достаточно принять въ соображеніе размѣры этихъ прибавокъ, чтобъ оцѣнить всю важность улучшеній, которыя предстоятъ этимъ учебнымъ заведеніямъ. Признаемся откровенно, намъ думается, что на первый разъ было бы совершенно достаточно одного этого капитальнаго улучшенія. Необходимо при этомъ только измѣнить учебную программу соотвѣтственно здравымъ педагогическимъ началамъ, которыя признаны наконецъ и нашимъ законодательствомъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія, хотя еще не вполнѣ проведены въ новомъ гимназическомъ уставѣ. Что же касается до дальнѣйшихъ преобразованій въ устройствѣ духовныхъ училищъ и семинарій, то вопросы относящіеся къ этому предмету слишкомъ сложны и недостаточно созрѣли для удовлетворительнаго разрѣшенія. Эти вопросы требуютъ предварительнаго всесторонняго публичнаго обсужденія. Полное переустройство духовныхъ учебныхъ заведеній есть дѣло не уступающее по своей важности всѣмъ другимъ реформамъ нынѣшняго царствованія: надобно, чтобъ оно соотвѣтствовало имъ и по способу, и по духу своего рѣшенія. Съ этимъ вопросомъ непосредственно связанъ и вопросъ объ общественномъ положеніи нашего духовенства, и о нашей церковной организаціи. Реформа учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства не можетъ быть правильно совершена, если не имѣть въ виду этого послѣдняго вопроса.

Однимъ изъ самыхъ характеристическихъ признаковъ всякихъ законодательныхъ мѣръ послѣдняго времени было публичное обсужденіе, которому онѣ предварительно подвергались. И отмѣна крѣпостнаго права, и судебное устройство, и земскія учрежденія, и преобразованіе гимназій, все было предметомъ предварительной разработки, къ которой призывалось все мыслящее и заинтересованное дѣломъ. Чѣмъ обширнѣе и безпрепятственнѣе были обсуждаемы вопросы поднятые законодательствомъ, тѣмъ лучшіе получались результаты, и наоборотъ стѣсненіе или подавленіе общественнаго мнѣнія оставляло въ самихъ реформахъ послѣдствія неблагопріятныя. Но можно ли допустить мысль, чтобы преобразованіе такъ-называемыхъ духовныхъ учебныхъ заведеній, столь тѣсно связанное съ самыми важными вопросами нашего церковнаго быта и народнаго просвѣщенія, и притомъ совершаемое администраціей, которая своею энергіей уже засвидѣтельствовала о своей преданности дѣлу, — чтобъ это преобразованіе составляло исключеніе, и въ противность ходу нынѣшняго законодательства, подготовлялось келейно, въ запертой коммиссіи, которая, какъ бы ни была хорошо составлена, никогда не можетъ замѣнить собою дѣлаго общества, — точно также какъ комнатный воздухъ не можетъ замѣнить собою открытаго? Намъ приходилось нерѣдко высказываться несогласно со многимъ что исходило изъ прежней администраціи народнаго просвѣщенія; но тѣмъ не менѣе съ полною признательностію свидѣтельствовали мы о либеральности, съ

которою она допускала публичное обсужденіе всѣхъ относившихся къ ея вѣдомству вопросовъ. Русская публика помнитъ какому всестороннему, продолжительному обсужденію подвергался проектъ новаго устава среднихъ учебныхъ заведеній по министерству народнаго просвѣщенія, и всѣмъ извѣстно, какую значительную пользу принесло это обсужденіе. Оно способствовало разъясненію основаній вопроса и происходя публично, оно точно также способствовало установленію здравыхъ педагогическихъ понятій въ самомъ обществѣ. Это фактъ въ исторіи нашего образованія. Что же кромѣ пользы могло бы принести публичное обсужденіе и тѣхъ вопросовъ, которые связаны съ реформой духовныхъ учебныхъ заведеній? Если какой-либо вопросъ нуждается въ публичности для своего успѣшнаго разрѣшенія, то именно этотъ. Дѣло это такъ велико, что менѣе всякаго другаго можетъ оно служить предметомъ для законодательныхъ экспериментовъ. Боже сохрани, если въ настоящее время, когда все вокругъ измѣняется, вопросы относящіеся къ церкви будутъ оставаться въ небреженіи или примутъ направленіе недостаточно опредѣленное, недостаточно ясное,—не говоримъ уже фальшивое! Мы теперь наканунѣ религіозной свободы. Долго отсрочивать ее нельзя, безъ крайней опасности и для государства, и для самой церкви. Нельзя полагать, что церковь наша можетъ еще долѣе оставаться въ томъ несвойственномъ ей положеніи, положеніи противномъ ея духу и ея канонамъ, которое образовалось вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій. Всякая реформа, болѣе или менѣе касающаяся церкви, причинитъ только смуту, если не будетъ достаточно соображена съ общимъ направленіемъ, въ какомъ впредь должны идти наши церковныя дѣла соотвѣтственно своей сущности и въ удовлетвореніе настоятельныхъ требованій жизни. Во что бы то ни стало, духовенство наше должно быть изведено изъ египетской неволи своего кастообразнаго быта. Церковь не можетъ долѣе терпѣть, чтобъ ея служители продолжали составлять особую породу, особое юридическое сословіе, и чтобы такъ-называемое духовное званіе было принадлежностію не только тѣхъ лицъ, которыя дѣйствительно состоятъ на службѣ церкви, но и дѣтей ихъ. Церковь не можетъ долѣе терпѣть въ своей организаціи недостатокъ того великаго начала, котораго тайна заключается въ чувствѣ призванія. Если ей пора дѣйствовать (а дѣйствовать ей давно уже пора), то ей надобно выйдти изъ условій, которыя не соотвѣтствуютъ не только православной, но вообще христіанской церкви.

Преобразованіе учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства не можетъ въ настоящее время совершиться сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ не имѣя въ виду этой самой существенной потребности церкви и общества. Но для того чтобы преобразованіе было удовлетворительно, необходимо войдти во всѣ подробности вопроса, а это возможно только при открытомъ обсужденіи достаточномъ для того чтобы каждая сторона дѣла могла вполнѣ раскрыть себя и выйдти изъ недоразумѣній и неясностей. Безъ такой предварительной разработки было бы опасно предпринимать слишкомъ коренное преобразованіе. Новая организація дала бы себя почувствовать не какъ прочный порядокъ вещей, а какъ временное и притомъ крайне неловкое положеніе, которое бы только затруднило и замедлило удовлетвореніе истинныхъ потребностей церкви, а съ тѣмъ вмѣстѣ и народное просвѣщеніе и гражданское благоустройство.

Вотъ почему многіе справедливо по нашему мнѣнію, думаютъ, что дѣло кореннаго преобразованія духовныхъ училищъ и семинарій могло бы быть отложено на нѣкоторое время, пока не созрѣютъ и не разъяснятся всѣ связанные съ нимъ вопросы, и что на первыхъ порахъ было бы достаточно ввести лишь новые штаты въ существующія заведенія, не разрушая и не передѣлывая ихъ, и ограничиваясь только измѣненіемъ учебной программы соотвѣтственно болѣе правильнымъ педагогическимъ началамъ.

Что значатъ духовныя учебныя заведенія? То ли, что они состоятъ въ завѣдываніи духовенства, или то, что въ нихъ воспитываются дѣти духовныхъ лицъ, или то, что въ нихъ воспитываются будущіе священнослужители? Надобно ясно различать эти вопросы. Учебныя заведенія могутъ находиться въ завѣдываніи духовенства, и воспитывать дѣтей всякаго званія, сообщая имъ основное общее образованіе. Среднія учебныя заведенія, гдѣ воспитываются дѣти отъ 8 и 9-лѣтняго до 17-лѣтняго возраста, могутъ быть только обще-

образовательными школами. А потому какъ духовныя училища, такъ и тѣ классы семинаріи, которыя носятъ названіе „риторики“ и „философіи,“ отнюдь не могутъ называться духовными школами въ томъ отношеніи, что въ нихъ приготовляются будущія духовныя лица. Эти классы могутъ исполнять свое значеніе лишь въ томъ случаѣ, если будутъ свободны отъ всякаго фальшиваго притязанія на спеціальность и ограничатся только предметами общеобразовательными, имѣя въ виду развить и укрѣпить умъ своихъ воспитанниковъ, пріучить ихъ къ самостоятельному умственному труду, и сообщить имъ способы для учебнаго занятія спеціальною наукой. Богословское, какъ и всякое другое спеціальное призваніе, можетъ сказаться только въ возрастѣ болѣе или менѣе зрѣломъ. Спеціально-богословская школа должна быть отдѣлена отъ средняго общеобразовательнаго заведенія, какое бы названіе оно ни носило, чьи бы дѣти въ немъ ни воспитывались, въ какомъ бы ни состояло оно вѣдомствѣ. Богословскіе классы открытые для людей зрѣлаго возраста, вотъ спеціальная школа, гдѣ могутъ дѣйствительно приготовляться будущіе священнослужители. Доступъ въ эти спеціальныя богословскія учебныя заведенія долженъ быть открытъ молодымъ людямъ умственно-зрѣлымъ, получившимъ полное, соотвѣтственное ихъ возрасту образованіе. Впрочемъ, мы полагаемъ что доступъ сюда можетъ быть съ пользой открытъ при извѣстныхъ условіяхъ и для людей не получившихъ полнаго методическаго образованія школы, но зрѣлыхъ жизнію, умудренныхъ опытомъ и обрѣтшихъ въ глубинѣ души незамѣнимое никакимъ образованіемъ чувство призванія къ служенію церкви.

№ 26.

Москва, 31-го января.

Одна изъ тѣхъ второстепенныхъ парижскихъ газетъ, контрабандными услугами которыхъ иногда пользуется Тюльерійскій кабинетъ, чтобы пробовать общественное мнѣніе, явила на свѣтъ обширный проектъ преобразованія Европы, заслуживающій нѣкотораго вниманія.

Дѣло идетъ о томъ чтобъ устроить въ Европѣ, на ряду съ Англіей, которая осталась бы тѣмъ что она есть, съ Франціей значительно увеличенною и съ Россіей порядочно урѣзанною,—двѣ великія державы: Австрію, державу католическую, а Пруссію, державу протестантскую. Дабы придти къ этому результату, великое княжество Познанское и польскія владѣнія въ Россіи должны быть присоединены къ Галиціи, и все вмѣстѣ предоставлено императору Австрійскому. Сей же послѣдній въ свою очередь уступилъ бы Пруссіи свои нѣмецкія провинціи, а Тироль отдалъ бы Италіи. Франція сдѣлала бы для нейтральныхъ государствъ, которыя ее *окружаютъ*, то же что Пруссія сдѣлала для Германіи. Испанія и Португалія составили бы одно королевство чрезъ бракосочетаніе между двумя царствующими домами и черезъ лишеніе королевы Изабеллы престола. Наконецъ, императоръ Австрійскій, соединивъ на главѣ своей три короны: венгерскую, богемскую и польскую, пріялъ бы съ тѣмъ вмѣстѣ протекторатъ надъ тѣмъ что получило бы наименованіе христіанскихъ Соединенныхъ Государствъ Востока.

Объ этомъ планѣ *le Nord* разсказываетъ своимъ читателямъ съ свойственнымъ этой газетѣ благодушіемъ. Она даже пользуется этимъ случаемъ для того чтобъ обнаружить свое остроуміе, замѣчая что такъ какъ *Avenir National*, повидимому, взялся распредѣлить роли въ обратномъ отношеніи ихъ важности къ способностямъ дѣйствующихъ лицъ, то было бы еще лучше предоставить султану или экс-королю Неаполитанскому роль возлагаемую на императора Австрійскаго. Не вдаваясь въ противоположную крайность, и не принимая въ буквальномъ смыслѣ планъ, на который поручено газетѣ *Avenir National* намекнуть публикѣ, мы находимъ, что планъ этотъ подаетъ поводъ не къ однимъ насмѣшкамъ, но и къ нѣкоторымъ серіознымъ соображеніямъ. Конечно, надобно полагать, что Россія не такъ-то легко дастъ себя урѣзать: исходъ попытокъ 1863 и 1864 годовъ не предрасполагаетъ насъ сильно тревожиться за эти „польскія владѣнія,“ которыми хотятъ столь великодушно надѣлить императора Франца-Іосифа. Есть также основаніе думать, что Франція встрѣтила бы нѣкоторыя затрудненія, еслибы вздумала увеличить себя и совершить для нейтральныхъ окружающихъ ее государствъ что Пруссія совершила для Саксоніи или Ганновера. Наконецъ про-

текторатъ императора Австрійскаго надъ Соединеннымъ Государствомъ христіанскихъ народовъ Востока есть чистая химера. Мы спѣшимъ оговорить все это чтобы не подвергнуться упрекамъ въ пессимизмѣ. Въ успѣхъ этого проекта мы не вѣримъ; но что тайныя усилія двухъ великихъ державъ, именно Франціи и Австріи, клонятся къ достиженію результатовъ болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ этой программѣ, этому мы вѣримъ, это, какъ намъ кажется, выдается довольно ясно изъ общаго положенія дѣлъ.

Кстати вотъ что: недавно вышла въ Берлинѣ брошюра, подъ заглавіемъ: *Пруссія и Франція, соображенія по поводу циркуляра г. де-Лавалетта*. Авторъ этой брошюры припоминаетъ одно интересное обстоятельство, которое очень подходитъ къ планамъ развиваемымъ вышеупомянутою услужливою парижскою газеткой. Дѣло въ томъ, что нынѣшній императоръ Французовъ, когда еще онъ не былъ императоромъ, въ 1847 году высказывалъ на одномъ митингѣ въ Лондонѣ свои политическіе виды относительно будущаго такимъ образомъ:

„.....Сначала разорвать трактаты 1815 года, дабы возвратить Франціи полную свободу въ выборѣ союзовъ; присоединить къ ней Савоію и валлонскую часть Бельгіи. Взамѣнъ того отказаться навсегда отъ мысли завладѣть лѣвымъ берегомъ Рейна,— мысли, осуществленіе которой было бы себѣ дороже. Вовторыхъ, освободить и соединить Италію. Соединить Испанію и Португалію. Положить преграду между романскими племенами и южною Америкой и англо-саксонскимъ сѣверомъ посредствомъ водворенія европейскихъ династій на Югѣ, и черезъ прорытіе Панамскаго перешейка, что открыло бы для Франціи и Англіи сообщеніе съ Тихимъ Океаномъ. Образовать потомъ союзъ между всѣми народами Романскаго племени подъ руководствомъ Франціи.... Сильная Пруссія, которая могла бы стать ядромъ сѣверо-германской федераціи, южная Германія, плотно соединенная и простирающаяся до Майна. Полное исключеніе Австріи изъ Германіи и изъ Италіи дабы вынудить ее къ тому, чтобъ она наконецъ стала повстинѣ Ost-Reich,—государствомъ имѣющимъ центромъ тяжести Венгрію. Возстановить Польшу изъ частей принадлежащихъ Россіи и Галиціи, и чрезъ то образовать оплотъ противъ Россіи. Еще болѣе свободное положеніе въ дѣлѣ личнаго соединенія Россіи съ Финляндіей, образованіе сильнаго и цѣльнаго государства въ Дунайскихъ Княжествахъ, увеличеніе Греціи насчетъ Турціи, возрожденіе Египта и прорытіе Суэзскаго перешейка, дабы привлечь торговлю Китая, Японіи и Остъ-Индіи въ Алжирію и Францію.“

Сравнивая эти категорическія заявленія, которыя принцъ Лудовикъ Наполеонъ, по увѣренію берлинской брошюры, дѣлалъ на митингѣ въ Лондонѣ, съ проектомъ, набросанномъ въ *Avenir National*, нельзя не признать аналогіи между обоими планами. Съ другой стороны, если лондонскіе слушатели Лудовика-Наполеона могли находить изложенные предъ ними планы химерическими, то двадцать лѣтъ, раздѣляющія насъ отъ того времени, значительно измѣнили положеніе дѣлъ и, осуществивъ однѣ изъ химеръ, научаютъ насъ смотрѣть серіознѣе и на химеры неосуществившіяся. А въ систему „наполеоновскихъ идей“ проектъ *Avenir National* входитъ не менѣе чѣмъ планъ, провозглашенный на лондонскомъ митингѣ и уже въ значительной мѣрѣ исполненный. Трактаты 1815 года изорваны въ клочки, и эти клочки разсѣяны на всѣ стороны: послѣ Кениггреца въ словахъ сказанныхъ въ Оксеррѣ нѣтъ ничего самонадѣяннаго или невѣрнаго. Франція вполнѣ воспользовалась свободой союзовъ. Савоія присоединена къ ней съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ искусства, и если валлонская часть Бельгіи остается еще подъ владычествомъ династіи Леопольда, то произошло это, кажется, лишь потому, что нѣкоторыя предложенія въ Біаррицѣ не были приняты, и кабинетъ Тюльерійскій оказался жертвой своего промаха насчетъ завладѣнія лѣвымъ берегомъ Рейна, что, повидимому, такъ облегчали событія въ Германіи. Италія освобождена окончательно; можно полагать, что цѣль была тутъ не только достигнута, но и перейдена. Иберійское единство находится на пути къ осуществленію, и свирѣпствующая теперь въ Испаніи реакція свидѣтельствуетъ только о непрочности власти, которая, повидимому, не замедлитъ перейдти отъ послѣдней изъ Бурбоновъ къ юной браганцской династіи.

Все что было человѣчески возможно сдѣлать для отдѣленія романскихъ населеній Америки отъ англо-саксонскихъ и для осно-

ванія на югѣ Сѣверной Америки европейской династіи, было сдѣлано. Мексиканская экспедиція похожа съ виду на искапіе приключеній, но надобно замѣтить, что она была задумана въ надеждѣ на содѣйствіе Англіи, и что для этой надежды были достаточныя основанія, такъ какъ Англія несомнѣнно желаетъ и не можетъ не желать чтобы могущество ея соперницы, республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, было ограничено. Сближеніе народовъ романскаго происхожденія подъ руководствомъ Франціи совершается неуклонно, и еще надняхъ въ печати шла рѣчь о трактатѣ, который предоставлялъ бы въ распоряженіе Франціи 100 тысячъ человѣкъ испанскихъ солдатъ на случай какихъ-нибудь событій въ Европѣ. Пруссія сильная, можетъ-быть слишкомъ сильная съ точки зрѣнія французскихъ интересовъ, устроилась въ Германіи, хотя майнская линія, указанная, какъ видно, еще въ 1847 году, и была принята „изъ уваженія“ къ императору Наполеону, какъ выразился графъ Бисмаркъ предъ прусскимъ сеймомъ. Австрія совершенно вытѣснена изъ Италіи, а въ сущности и изъ Германіи. Она приготовляется свершить тотъ метаморфозъ, изъ котораго она должна выйдти съ характеромъ Восточной имперіи. Изо всѣхъ идей, высказанныхъ, какъ насъ увѣряютъ, на митингѣ 1847 года, наименѣе осуществились тѣ, которыя были направлены противъ Россіи, хотя немногаго не доставало чтобъ ихъ осуществленію былъ принесенъ въ жертву европейскій миръ. То что теперь происходитъ въ Галиціи, необъяснимыя безъ того усилія Австріи вызвать призракъ польской національности, и постоянныя, все еще не прекращающіяся сношенія *Hôtel Lambert* съ нашими новыми десятью губерніями Царства Польскаго, несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что политика питающая замыслы противъ Россіи не совсѣмъ устранена, а только отсрочена. Восточная политика Франціи была, правда, до сихъ поръ въ противорѣчіи съ программой 1847 года. Хотя Дунайскія Княжества и превратились въ государство „сильное и единое,“ а обновленіе Египта доведено даже до учрежденія тамъ парламентарнаго управленія, и суэзскій каналъ скоро будетъ прорытъ окончательно; но Грецію остается безъ своихъ естественныхъ границъ, и Франція старается подавить греческое движеніе. Не есть ли это однакожь вопросъ времени болѣе нежели системы, и не слѣдуетъ ли ожидать рѣшительнаго поворота во французской политикѣ на Востокѣ? Не приметъ ли она программы изложенной г. Беле въ *Revue des deux Mondes*, гдѣ Наполеонъ III чествуется, какъ будущій созидатель обширнаго Эллинскаго государства, имѣющаго главнымъ назначеніемъ — вредить Россіи?

Имѣя все это въ виду, трудно согласиться съ квіетистами *le Nord*, находящими что упомянутая выше статья *Avenir National* очень забавна. Есть много попытокъ, которыя не осуществляются, но тѣмъ не менѣе ведутъ къ большимъ затрудненіямъ. Иныя утопіи обходятся очень дорого тѣмъ кто призванъ бороться съ ихъ притязаніями поставить вверхъ дномъ весь свѣтъ.

№ 27.

Москва, 1-го февраля.

Пруссія находится въ весьма дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Нельзя этому не радоваться, и нельзя не желать, какъ съ той такъ и съ другой стороны, чтобъ именно въ настоящее время эти дружелюбныя отношенія приняли характеръ болѣе опредѣленный и рѣшительный, насколько того требуютъ взаимные интересы обѣихъ державъ. Быть-можетъ, никогда не повторится то стеченіе обстоятельствъ, благодаря которому именно въ настоящее время, весьма скупо отмѣренное и невозвратно съ каждымъ мгновеніемъ улетающее, возможенъ взаимно выгодный дѣятельный союзъ между этими двумя сосѣдними державами. Но мы на этотъ разъ имѣемъ въ виду говорить не о томъ какъ быстро и невозвратно пролетаетъ время, когда Россія можетъ съ успѣхомъ и пользой для себя дѣйствовать въ союзѣ съ Пруссіей. Объ этомъ предметѣ надобно говорить собравшись съ духомъ, а теперь иныя соображенія занимаютъ насъ невольно.

Дружелюбныя отношенія, въ которыхъ Пруссія находится къ нашему отечеству, никогда не мѣшали и теперь не мѣшаютъ ей держать, что говорится, камень за пазухой, какъ впрочемъ и подобаетъ всякой державѣ, заботящейся о своей безопасности, о поддержаніи своего могущества, объ огражденіи своей независимости. Грозными

укрѣпленіями обращена Пруссія къ дружелюбной державѣ сопредѣльной ей съ восточной стороны. Кенигсбергъ есть крѣпость первоклассная. Между Россіей и Пруссіей, въ послѣднее время не было никакихъ поводовъ ко взаимному недовѣрію, однакожь именно въ послѣднее время прусское правительство особенно дѣятельно, не жалѣя издержекъ, усиливало свои, и безъ того грозныя, укрѣпленія въ Кенигсбергѣ. Еще ближе къ русской границѣ высится, словно Мантуя, посреди озеръ, другая прусская крѣпость, Лецень, стягивающая къ себѣ всѣ пути сообщенія этой части Пруссіи. Не требуется быть военнымъ человѣкомъ дабы оцѣнить всю важность этихъ крѣпостей, и понять, что онѣ имѣютъ здѣсь значеніе угрожающее, а не просто оборонительное. Это не значитъ, что Пруссія, возводя свои укрѣпленія, помышляла непремѣнно вести когда-нибудь войну съ Россіей; это значитъ только то, что Пруссія желаетъ пользоваться достодолжнымъ уваженіемъ сосѣдней державы, ибо государства только въ той мѣрѣ и пользуются взаимнымъ уваженіемъ, въ какомъ способны принимать относительно другъ друга угрожающее положеніе. Какъ извѣстно, Россія на этой части границы не имѣетъ не только угрожающихъ, но и оборонительныхъ пунктовъ. Если Россія пользуется въ этихъ мѣстахъ безопасностію, если она можетъ чувствовать себя здѣсь достаточно сильною и незаботиться о случайностяхъ будущаго, то единственно лишь при условіи непоколебимой увѣренности, что сосѣдняя держава будетъ всегда благосклонно расположена къ ней и никогда не воспользуется своими стратегическими надъ ней преимуществами. Величайшіе интересы Россіи обезпечиваются только доброю волей Пруссіи и находятся въ полной отъ нея зависимости. Какой ходъ приняли бы наши дѣла, напримѣръ въ 1863 году, еслибы Пруссія была заинтересована дѣйствовать непріязненно по отношенію къ Россіи! Всѣмъ извѣстно, какъ среди тогдашнихъ обстоятельствъ было для нашего правительства важно то, что оно уже имѣло въ своемъ распоряженіи Петербургско-Варшавскую желѣзную дорогу. Но дорога эта идетъ параллельно съ границей, въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи, и совершенно беззащитна. Пруссія, опираясь на свои крѣпости и пользуясь своими желѣзными дорогами можетъ, если захочетъ, ежечасно перехватить эту линію. Прошлогодняя австро-прусская кампанія показала, въ поразительномъ примѣрѣ, какое могущественное орудіе пріобрѣла война въ желѣзныхъ дорогахъ. До сихъ поръ рельсы прославлялись только во имя торговли, промышленности, мирныхъ искусствъ, благосостоянія народовъ; теперь и Тиртей нашего времени могутъ точно также гремѣть имъ въ честь своими пѣснопѣніями. Мрачная Беллона успѣла овладѣть ими для своихъ разрушительныхъ цѣлей, и по сведеніи счетовъ окажется, что съ распространеніемъ желѣзныхъ дорогъ война не останется въ проигрышѣ противъ мира. Благодаря столь могучимъ военнымъ орудіямъ, каковыми оказываются желѣзныя дороги, Пруссія можетъ въ 24 часа сосредоточить значительныя силы на нашей границѣ и безпрепятственно завладѣть Вильной, которую мы, при нынѣшнемъ положеніи нашихъ оборонительныхъ средствъ, серіозно защищать не въ состояніи. Представимъ же себѣ, что при такихъ то обстоятельствахъ вдругъ сдѣлали бы Россіи предложеніе окончательно отдать себя въ опеку доброй сосѣдкѣ; представимъ себѣ, что къ намъ обратились бы съ такого рода убѣжденіями: „такъ какъ вы не имѣете никакихъ противъ Пруссіи укрѣпленій, такъ какъ ваша единственная стратегическая линія находится отъ ней въ зависимости, то предоставьте прусскому правительству соорудить въ Ковнѣ или въ Вильнѣ значительную крѣпость; чтобъ избавиться отъ всякихъ тревожныхъ заботъ, предоставьте сосѣдней державѣ содержать свои гарнизоны въ вашихъ владѣніяхъ: имѣя для своего могущества достаточное обезпеченіе въ вашихъ собственныхъ предѣлахъ, она еще болѣе будетъ расположена къ сохраненію дружескихъ къ вамъ отношеній.“ Всякій конечно сочтетъ это за галиматью или за грубую шутку. Но не все то невозможно, что кажется таковымъ, и Араго былъ правъ, говоря, что невозможность возможна только въ предѣлахъ чистой математики. Правда, прусское правительство еще не обращалось къ Россіи съ предложеніемъ, чтобъ она отвела ему въ своихъ владѣніяхъ приличное мѣсто для сооруженія прусской крѣпости; однако нашлась же въ Пруссіи желѣзно-дорожная компанія, которая, какъ слышно, желаетъ, чтобы Россія дозволила ей проложить внутрь своей территоріи

прусскую стратегическую линію. Эта компанія строитъ дорогу отъ Кенигсберга на Леценъ до Лыка, мѣстечка находящагося у самой русской границы: казалось бы, достаточно продолженія столь грозной стратегической линіи до русской границы, чтобы напомнить Россіи о необходимости укрѣпить свою позицію, и подумать о собственныхъ стратегическихъ линіяхъ; но компанія, о которой идетъ рѣчь, думаетъ не такъ; она желаетъ сказать намъ слѣдующее: „такъ какъ вы не имѣете здѣсь стратегической линіи, которая обезпечивала бы васъ со стороны сосѣдней державы, то предоставьте ей въ вашихъ предѣлахъ проложить свою военную линію. Учредители Лыкской дороги желаютъ довести ее до Бѣлостока, гдѣ находится одна изъ станцій Петербургско-Варшавской линіи. Всякій сразу усмотритъ важность этой дороги для Пруссіи; но не представляется никакихъ соображеній, которыя могли бы объяснить, зачѣмъ бы путь этотъ понадобился для Россіи, или какими выгодами могло бы окупаться то преимущество, которое Россія черезъ этотъ путь дала бы надъ собою державѣ такъ быстро возрастающей въ силѣ и уже соединившей въ себѣ всю сѣверную Германію. Учредители Лыкской дороги, предполагая довести ее до Бѣлостока, желали бы при томъ, чтобы русское правительство еще уступило имъ даромъ казенныя земли, которыя потребуются подъ дорогу, чтобъ оно предоставило имъ право безплатнаго добыванія лѣсныхъ матеріаловъ въ казенныхъ дачахъ, право строить и эксплуатировать дорогу безъ представленія подробныхъ проектовъ русскому правительству и безъ предварительнаго съ его стороны утвержденія оныхъ. Они желали бы также, чтобъ имъ предоставленъ былъ произволъ въ измѣненіи направленія, кривыхъ, склоновъ и т. п., а главное, чтобъ имъ дозволено было проложить до Бѣлостока путь *прусской ширины*. Впрочемъ, какъ бы въ награду за то что Россія позволитъ проложить въ своихъ владѣніяхъ чужую военную линію, дастъ даромъ земли и лѣсной матеріалъ, предоставитъ льготы, какими не пользуется ни одна изъ компаній строящихъ въ Россіи русскія дороги, учредители готовы дозволить намъ положить еще третій рельсъ по русской ширинѣ. Учредители, повидимому, полагаютъ, что въ Россіи никто не можетъ догадаться, что это снисходительное дозволеніе не имѣетъ смысла, такъ какъ подвижной составъ долженъ быть приспособленъ къ прусской ширинѣ, и третій рельсъ оставался бы только для вида, безъ всякаго употребленія, и не было бы никакой надобности поддерживать его, какъ нѣтъ никакой надобности класть его. Итакъ, будучи непосредственнымъ продолженіемъ прусской сѣти въ предѣлахъ Россіи, эта замышляемая Лыко-Бѣлостокская дорога была бы совершенно оторвана отъ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Учредители, желающіе столь очевиднымъ образомъ облагодѣтельствовать Россію, сверхъ того, какъ слышно, имѣютъ въ виду просить, чтобъ имъ было предоставлено преимущественное право продолжать въ послѣдствіи эту дорогу внутрь Россіи на тѣхъ же условіяхъ. Оставалось бы только благодарить ихъ за то, что они не намѣрены требовать гарантіи; но, къ сожалѣнію, и эта снисходительность не принесла бы никакой пользы русскому правительству: еслибы, предполагая невозможное, Лыко-Бѣлостокская дорога осуществилась, то она своимъ соперничествомъ съ Ковенскою вѣтвію уменьшила бы и безъ того крайне недостаточный сборъ съ Петербургско-Варшавской дороги, что потребовало бы приплаты по гарантіи, которая лежитъ тяжелымъ бременемъ на нашихъ финансахъ. Съ этой точки зрѣнія Лыко-Бѣлостокская линія есть шутка болѣе грубая чѣмъ сооруженіе иностранной крѣпости въ предѣлахъ Россіи. Она не только давала бы военное положеніе чужой державѣ въ русскихъ владѣніяхъ, но и потребовала бы для этого болѣе или менѣе чувствительныхъ пожертвованій со стороны русскихъ финансовъ, чего вѣроятно не стали бы просить для сооруженія крѣпости. Если Черновицкая линія, которую предлагали Россіи въ 1865 году, не могла быть допущена, то можетъ ли быть серіозная рѣчь о предложеніи довести Лыкскую дорогу до Бѣлостока? Черновицкая дорога представлялась воображенію въ заманчивомъ окруженіи разныхъ блестящихъ выгодъ: она обѣщала привлечь къ нашему одесскому порту всю левантскую торговлю, оживить всемірнымъ движеніемъ глухія захолустья имперіи, она сулила изъ своихъ транзитныхъ вагоновъ сыпать пригоршнями золото направо и налѣво; къ тому же она являлась съ опредѣленною торговою цѣлью, дѣйствительно обѣщавшею обильныя выгоды, если не для Россіи, то для учредителей дороги. Лык-

ская же линія является съ безцеремонностію, для которой трудно прінскать сравненіе. Бѣлостокъ не представляетъ никакихъ торговыхъ выгодъ; уголъ Россіи, черезъ который долженъ пройдти этотъ участокъ прусской желѣзной дороги, не представляетъ никакой особенной приманки для спекуляціи. Лыкская дорога является, весьма откровенно, какъ продолженіе прусской военной дороги, и ея учредители находятъ, что это ея качество есть достаточное для Россіи основаніе допустить эту дорогу и даже способствовать ея сооруженію.

Россія не можетъ протестовать противъ проведенія какой бы то ни было дороги до ближайшаго къ ея границѣ пункта, точно также какъ не можетъ протестовать противъ сооруженія обращаемыхъ противъ насъ крѣпостей. Но она можетъ на крѣпость отвѣчать крѣпостію, и на чужую стратегическую линію—своею равносильною. Желѣзная дорога связующая прусскія обращенныя противъ Россіи крѣпости съ пунктомъ пограничнымъ какъ Лыкъ есть уже угроза, есть положительный ущербъ для русскаго могущества, для русской безопасности, и Россіи остается только искать вознагражденія за этотъ ущербъ въ соотвѣтственномъ усиленіи своихъ оборонительныхъ средствъ. На дорогу отъ Кенигсберга до Лыка отвѣтомъ можетъ быть только линія отъ Бреста до Смоленска, и съ тѣмъ вмѣстѣ укрѣпленный лагерь въ Вильнѣ. А намъ безцеремонно предлагаютъ продлить внутрь Россіи эту самую Лыкскую дорогу, на которую Россія должна primo quoque tempore отвѣчать продолженіемъ своей западной стратегической линіи! Только проложеніе Брестъ-Смоленской линіи можетъ обезпечить и укрѣпить Россію на западѣ, и въ то же время послужить надежнымъ залогомъ прочности ея дружескихъ отношеній къ Пруссіи на будущія времена.

№ 28.

Москва, 8-го февраля.

Послѣ того какъ высказались другіе вѣнценосцы Европы, и императоръ Французовъ наконецъ сказалъ въ заключеніе свою рѣчь при открытіи своихъ преобразованныхъ законодательныхъ собраній. Мы передаемъ нашей публикѣ телеграмму, гдѣ сообщается сущность этой рѣчи, на сколько имѣетъ она общій интересъ. Какъ заявленія прочихъ уже успѣвшихъ высказаться государей, такъ и рѣчь императора Французовъ исполнена мирныхъ увѣреній. Все обстоитъ благополучно: прошлогодніе германскія событія ни въ чемъ не измѣнили европейскаго положенія Франціи; честь Франціи не была ими затронута, и ея правительство остается въ наилучшихъ отношеніяхъ и къ Пруссіи, и къ Австріи; тѣмъ болѣе что ему пришлось въ прошломъ году разыграть роль мощнаго и великодушнаго суперъ-арбитра, успѣвшаго остановить побѣдителя предъ воротами Вѣны. Что касается до поднявшихся смутъ на Востокѣ, то между европейскими державами, какъ удостовѣряетъ вѣнчанный ораторъ, установилось полное согласіе въ видахъ. Россія ни въ чемъ по этому вопросу не отдѣляется отъ французской политики, такъ что сохраненіе мира и съ этой стороны можетъ считаться вполнѣ обезпеченнымъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, если событія въ Германіи не измѣнили и не клонятся къ тому чтобъ измѣнить европейское положеніе Франціи; если Пруссія дошедшая до линіи Майна, должна спокойно остановиться на этой границѣ своего могущества и вліянія, довольствуясь только объединеніемъ Сѣверной Германіи; если Австрія должна сохранить безъ ущерба европейское положеніе великой державы, несмотря на то что она вытѣснена изъ Германіи и выброшена изъ Италіи; если наконецъ, дѣла на Востокѣ должны уладиться согласно съ видами спеціально французской политики; если все это такъ, — то императоръ Наполеонъ III не имѣетъ никакихъ поводовъ опасаться за сохраненіе мира или грозить его нарушеніемъ.

Европейское равновѣсіе требуетъ, чтобъ Австрія сохранила свое величіе: такъ выразился императоръ Французовъ объ интересномъ европейскомъ вопросѣ, какой представляетъ собою Австрія послѣ битвы при Кениггрецѣ. Быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ требуется, чтобъ имперія Габсбурговъ сохранила свое европейское значеніе безъ всякаго ущерба; быть можетъ, съ какой-либо точки зрѣнія, дѣйствительно является желательнымъ чтобъ эта держава не только осталась безъ ущерба, но и возросла къ своемъ могуществѣ и вліяніи. Но, допуская все это, тѣмъ не менѣе мы остаемся въ недоумѣніи: какимъ образомъ эта держава можетъ остаться

тѣмъ чѣмъ была, несмотря на всѣ понесенныя ею пораженія и утраты? Австрія, прежде всемогущая на Апеннинскомъ полуостровѣ, не только утратила тамъ всякое вліяніе, но и лишилась своихъ послѣднихъ итальянскихъ провинцій, а съ ними и того знаменитаго четвероугольника крѣпостей, которымъ отсюда такъ прочно обезпечивалось ея военное положеніе; Австрія, первенствовавшая въ Германіи, не только утратила свое первенство и всѣ сопряженныя съ нимъ преимущества, но и самое значеніе Германской державы, значеніе которымъ опредѣлялось съ одной стороны ея положеніе въ системѣ европейскаго равновѣсія, а съ другой характеръ ея внутренней политики; Австрія лишенная всего, что доселѣ давало чувствовать ея вѣсъ въ Европѣ, лишилась съ другой стороны и силы того элемента, который до сихъ поръ связывалъ ея разнохарактерныя части и служилъ для нихъ центромъ. Какимъ же образомъ столь огромная сумма такихъ великихъ утратъ можетъ превратиться въ нуль, и ничего не значить? До сихъ поръ всегда и во всемъ минусъ былъ минусомъ, и утрата оставалась утратой, если не вознаграждалась чѣмъ-нибудь равносильнымъ. Странно, что Австріи предстоитъ явить собою примѣръ блистательнаго исключенія изъ общихъ правилъ и логики, и математики, и дѣйствительнаго міра. Если эта держава, вопреки столькимъ испытаннымъ ею лишеніямъ, оборванная внѣ, потрясенная и лишенная связи внутри, должна сохранить свое положеніе, то неизбѣжно требуются для ней равносильныя утратамъ вознагражденія. Гдѣ-нибудь и въ чемъ-нибудь должна она найдти замѣну тому, чего она лишилась въ Италіи, чего лишилась въ Германіи, чего наконецъ лишилась внутри. Австрія какъ великая держава необходима для равновѣсія Европы: положимъ, что это не подлежитъ никакому спору; но властитель Франціи не говорилъ этого въ 1859 году, когда вознамѣрился вытѣснить ее изъ Италіи, гдѣ вѣсъ ея былъ такъ ощутителенъ и гдѣ она сталкивалась съ Франціей; точно также ее вытѣсняли изъ Германіи, гдѣ она имѣла столь большой вѣсъ, не съ тѣмъ чтобы доказать этимъ ея необходимость для европейскаго равновѣсія. Если, по мнѣнію императора Наполеона III, Австрія нужна для равновѣсія Европы, то очевидно по крайней мѣрѣ, что вѣсъ ея требуется не въ ущербъ Франціи, и не для ограниченія Пруссіи. Если Австрія, несмотря на всѣ свои утраты, должна сохранить свое европейское положеніе, то ея значеніе должно возрасти въ другомъ направленіи и по отношенію къ другимъ державамъ. Къ какимъ же? Если имперія Габсбурговъ перестала быть соперницей Франціи и становится ея естественною союзницей, если точно также она не должна находиться въ антагонизмѣ съ Пруссіей, то какую же державу, въ видахъ предполагаемаго европейскаго равновѣсія, должна Австрія тѣснить собою? съ кѣмъ приходится ей имѣть счеты? Наконецъ, гдѣ и въ чемъ имперія Габсбурговъ могла бы найдти для себя хоть бы приблизительно равносильное вознагражденіе за понесенныя ею утраты?

Благополучное разрѣшеніе восточнаго вопроса есть дѣло великой важности, и конечно, нельзя не порадоваться удостовѣренію, что наконецъ между всѣми европейскими державами установилось полное согласіе въ видахъ. Но *благополучное* разрѣшеніе этого вопроса не можетъ быть равно согласно съ политическими видами всѣхъ державъ. Еслибы вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ напримѣръ въ видахъ политики австрійской или французской, то едва ли такое рѣшеніе могли бы мы считать удовлетворительнымъ и желать его. Либо въ словахъ сфинкса есть какая-либо относительно этого пункта неясность, либо краткое сообщеніе телеграфа чего-нибудь не досказало или не выразило точно: въ противномъ случаѣ трудно понять, какимъ образомъ Россія могла бы по восточному вопросу слѣдовать по пути французской политики, которая существенно разнится съ установившимися интересами русской политики. Для того чтобы возможно было при разрѣшеніи восточнаго вопроса согласное дѣйствіе между Россіей и Франціей, надобно прежде всего, чтобы французская политика не имѣла здѣсь спеціально французскаго характера, чтобъ она измѣнилась въ своемъ направленіи и отказалась отъ своихъ особенныхъ видовъ.

Что рѣчь императора Французовъ, при открытіи нынѣшней законодательной сессіи, имѣетъ мирный характеръ, это никого не можетъ поразить неожиданностію. Никто въ Европѣ не ожидалъ, чтобы Наполеонъ III могъ произнести воинственную рѣчь именно теперь, когда всѣ интересы его правительства требуютъ задержки событій, пока Франція недостаточно изгото-

вилась къ нимъ, и пока условія, среди которыхъ пришлось бы ей дѣйствовать, недостаточно созрѣли. Да и какъ можно было бы говорить о близкой возможности важныхъ европейскихъ столкновеній, когда въ Парижѣ готовятся мирныя празднества промышленности, на которыя приглашаются всѣ народы для дружелюбнаго состязанія?

№ 29.

Москва, 4-го февраля.

А.

Исторія совершаетъ свое великое шествіе, и каждый человѣкъ живущій въ ея сферѣ есть столько же сынъ своей страны, сколько и сынъ своего времени. Историческая эпоха имѣетъ также свои права надъ людьми, какъ и отечество. Эти права не стѣсняютъ той духовной свободы, которая возносится надъ временами, но они даютъ людямъ опредѣленныя цѣли и твердую почву для дѣятельности. Мы — дѣти нашей эпохи, и не можемъ не радоваться ея радостью, не скорбѣть ея горемъ; мы должны обладать смысломъ къ уразумѣнію началъ вводимыхъ ею въ жизнь; мы должны быть вѣрны ея цѣлямъ, и по силамъ работать для ихъ достиженія. Жертвуя жизнію за безопасность и благо своей страны, люди являются такими же борцами и за дѣло своей эпохи, тѣмъ болѣе что сыновнія обязанности людей и къ своей странѣ, и къ своему времени, понятія разумно и вѣрно, суть одни и тѣ же.

Наступающая эпоха наконецъ обозначается. Для насъ, именно для насъ Русскихъ, ея знаменія имѣютъ особенную силу. Эпоха, которая теперь обозначается, есть по преимуществу наша эпоха. Несомнѣнно то, что она призываетъ къ жизни новый міръ, который доселѣ оставался, покрытый мракомъ, въ ожиданіи своихъ судебъ. Это міръ греко-славянскій, — міръ вмѣстѣ древній и новый, точно также представляющій собою историческую Европу, какъ и міръ латино-германскій, который до сихъ поръ исключительно былъ поприщемъ жизни и гражданственности. Двойство исторической Европы было намѣчено въ двойствѣ той всемірной имперіи, чрезъ которую совершился переходъ отъ древняго міра къ новому, христіанскому, и изъ которой развились государства Европы; это же двойство выразилось потомъ и въ раздѣленіи церкви. Протекло много вѣковъ неволи и чаяній, — и вотъ наступаетъ пора обновленія; забытое и подавленное выходитъ на свѣтъ, и готовится къ жизни и дѣйствію. Историческія начала не теряются, не уничтожаются; они только ждутъ своей очереди, чтобъ изъ области темныхъ чаяній перейдти въ дѣйствительность.

Все свидѣтельствуетъ, что мы теперь наканунѣ того дня, когда явится на свѣтъ призываемый къ жизни и къ дѣйствію міръ греко-славянскій. На призывъ наступающей эпохи должны явиться, и явятся, сильные дѣятели. Живущія теперь поколѣнія будутъ свидѣтелями великихъ перемѣнъ, образованій и совершеній. Появленіе новыхъ силъ на исторической аренѣ не можетъ остаться безъ послѣдствій и для дѣйствовавшихъ доселѣ, и если когда-либо бывали рѣшительныя въ жизни историческаго человѣчества эпохи, то къ такимъ принадлежитъ и наступающая нынѣ.

Разрѣшеніе восточнаго вопроса стало необходимостью, которую теперь остановить невозможно. День развязки приближается быстро. Уже обозначились очерки народныхъ силъ, надъ которыми такъ долго тяготѣлъ этотъ мрачный вопросъ. Для насъ, Русскихъ, событія, которыя готовятся на Балканскомъ полуостровѣ, имѣютъ всю силу нашего народнаго дѣла. Затѣмъ три группы уже явственно обозначаются подъ падающими затворами Оттоманской неволи: эллинская, славянская и румынская, тѣсно между собою связанныя единствомъ вѣры и исторической судьбы, точно также какъ всѣ вмѣстѣ тѣсно связаны нравственными узами съ нашимъ народомъ, принадлежащимъ къ одному съ ними міру. Россія впервые получила свѣтъ историческаго бытія и христіанство отъ греко-восточной имперіи и грековосточной церкви, и въ продолженіе всей своей исторіи она тяготѣла къ своему началу, она работала для его торжества; ему посвящены были ея усилія, ея страданія и жертвы, и ему обязана она своимъ величіемъ: въ его торжествѣ она видитъ свое будущее, свое духовное обновленіе и исполненіе своихъ всемірныхъ судебъ.

Наши противники и чужіе люди въ нашей собственной средѣ хотѣли чтобы Россія устранилась отъ всякаго участія въ разрѣшеніи восточнаго вопроса. Такъ какъ развязка была неизбѣжна, то противники

наши хотѣли чтобъ она сдѣлалась помимо Россіи, которая болѣе всѣхъ въ ней заинтересована, и вопреки ей. Всѣ усилія и хитрости клонились къ тому чтобы разобщить Россію съ этимъ міромъ, столь ей родственнымъ, столь съ ней единымъ, но все оказалось напраснымъ, и дѣла идутъ своимъ естественнымъ ходомъ. Когда наши противники, надѣясь запутать Россію въ противорѣчіяхъ, начали съ автономіи Румынскихъ княжествъ, и взяли ихъ подъ свое покровительство, съ тѣмъ чтобы вынудить ее къ какимъ-либо фальшивымъ дѣйствіямъ, она не далась въ обманъ, и не дозволила ни устранить, ни опередить себя. Провозглашеніе румынской независимости она приняла за сигналъ независимости и для другихъ племенъ находившихся подъ оттоманскимъ владычествомъ. Признавъ совершившіеся въ Румыніи факты и упредивъ въ этомъ своихъ противниковъ, она съ тѣмъ вмѣстѣ потребовала предоставить и прочимъ христіанскимъ племенамъ Востока свободу дѣйствій и провозгласила по отношенію къ нимъ признанное въ Европѣ начало невмѣшательства. Вслѣдъ за румынскою независимостью, должна вступить въ свои права независимость сербоболгарская, должна войдти въ полную силу независимость эллинская столь дорогая своими преданіями для человѣчества и для насъ особенно. Новыя государства возникающія на Востокѣ подъ блѣднѣющимъ полумѣсяцемъ могутъ жить самостоятельно только въ тѣсномъ союзѣ между собой, имѣя каждое свою династію и управляясь внутри.

Россія до сихъ поръ была одиночною и чуждою силой, на которую всѣ смотрѣли съ недовѣріемъ. Въ ней видѣли громадное матеріальное могущество, временно и случайно образовавшееся, лишенное духа и будущности; боялись ея возрастанія, и принимали мѣры противъ ея захватовъ; въ ея тяготѣніи къ единовѣрнымъ ей народамъ Востока видѣли движеніе властолюбія. Вслѣдствіе такого недоразумѣнія, образовалась въ Европѣ, столь долго бывшая въ силѣ, та политическая система, главнымъ догматомъ которой было охранять Турецкую имперію въ видахъ европейскаго равновѣсія. Отношенія и союзы между державами опредѣлялись этою главною, надъ всѣмъ стоявшею заботой. Христіанская Европа всѣми своими силами, всею своею цивилизаціей, заботливо и опасливо группировалась вокругъ варварскаго, дикаго и безсильнаго государства, поставляя задачей всѣхъ своихъ усилій охраненіе его безопасности и цѣльности. Одна изъ самыхъ благословенныхъ странъ Европы оставалась впустѣ, оторванная отъ цивилизованнаго міра; христіанскіе народы, исполненные жизненныхъ силъ, были окованы, подавлены и лишены всѣхъ условій гражданственности и всѣхъ правъ человѣческихъ. Но вотъ приближается конецъ роковому недоразумѣнію. Возстановленіе этихъ народовъ, такъ тяжко испытанныхъ несчастіемъ, направитъ на лучшіе пути политическую систему Европы. Съ возстановленіемъ этихъ народовъ когда оно совершится вполнѣ, и Россія явится остальной Европѣ въ новомъ свѣтѣ. Пробужденіе греко-славянскаго міра обнаружитъ въ ней тѣ стороны, которыя доселѣ оставались бездѣйственны и скрыты. Не только не можетъ она имѣть властолюбивыхъ видовъ на своихъ братьевъ на Востокѣ, но ея собственное благо требуетъ, чтобъ они были независимы и самостоятельны. Съ ихъ независимостію и самостоятельностію, она не будетъ болѣе одинока въ мірѣ и не будетъ казаться чуждою силой въ Европѣ. Вмѣсто темнаго азіятскаго могущества, какимъ она казалась, она явится силой нравственною, безъ которой остальная Европа, латино-германская, есть только односторонность. Пробужденіе къ жизни христіанскихъ народовъ Востока, и во главѣ ихъ эллинскаго, будетъ началомъ высшаго историческаго развитія и для нашего народа. Благополучное разрѣшеніе восточнаго вопроса болѣе нежели что-нибудь успокоитъ европейскую цивилизацію на счетъ Россіи.

Б.

Обращаемъ вниманіе читателей на рѣшеніе уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената, по дѣлу о крестьянахъ Ѳедорѣ Леонтьевѣ и Маркѣ Даниловѣ, судившихся въ Московскомъ окружномъ судѣ по обвиненію ихъ убійствѣ унтеръ-офицера Терентьева и его жены на Рязанской желѣзной дорогѣ. Мы въ свое время сообщили подробности этого дѣла и разобрали состоявшееся по нему рѣшеніе окружнаго суда. Мы сообщили также и о кассаціи этого рѣшенія.

Теперь мы имѣемъ возможность познакомить читателей съ подробнымъ мотивированнымъ постановленіемъ кассаціоннаго суда, помѣщеннымъ въ Сборникѣ Рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ. Дѣло, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, возбудило въ свое время много толковъ. Нашлись добрые люди, которые воспользовались этимъ единичнымъ случаемъ изъ нашей новой, едва зараждающейся судебной практики, чтобы забить тревогу. Они предостерегали публику противъ „опасностей“ представляемыхъ новыми судами, какъ будто въ старыхъ судахъ, гдѣ все было шито и крыто, никогда не случалось промаховъ, какъ будто въ странахъ, гдѣ правильное судопроизводство установилось съ давнихъ временъ, суды не дѣлаютъ ошибокъ. Дѣло не въ промахахъ и ошибкахъ, которые не могутъ не встрѣчаться повсюду и особливо тамъ, гдѣ правильное судопроизводство введено лишь со вчерашняго дня, а въ томъ, чтобы промахи и ошибки не проходили безслѣдно для опытности, и чтобы въ судебномъ механизмѣ имѣлся надежный регуляторъ противъ уклоненій. Такимъ регуляторомъ, по мысли Судебныхъ Уставовъ, должны быть кассаціонные департаменты сената, какъ верховнаго судилища, которому принадлежитъ высшій надзоръ за всѣми судебными мѣстами въ особомъ кассаціонномъ порядкѣ, и которое не столько судитъ, сколько управляетъ судомъ и блюдетъ за однообразнымъ примѣненіемъ законовъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Другое преимущество этого новаго у насъ учрежденія состоитъ въ томъ, что съ нимъ вносится въ нашу юридическую практику чрезвычайно важный элементъ судебнаго прецедента, до сихъ поръ, ни по закону, ни на практикѣ не имѣвшій у насъ примѣненія. Скажемъ болѣе: рѣшенія кассаціоннаго суда, печатаемыя во всеобщее свѣдѣніе „для руководства къ единообразному исполненію и примѣненію законовъ,“ положатъ у насъ начало настоящей судебной практикѣ; они внесутъ живую струю въ науку русскаго права и упрочатъ ея самостоятельность и самобытное развитіе.

Изъ числа рѣшеній кассаціоннаго суда опубликованныхъ до сихъ поръ уже есть нѣсколько такихъ, которыя, по важности разрѣшенныхъ вопросовъ, даютъ право надѣяться, что кассаціонный нашъ судъ, несмотря на новизну свою и недостатокъ судейскаго преданія и авторитета, будетъ соотвѣтствовать своему высокому призванію.

№ 30.

Москва, 6-го февраля.

Какъ судить о намѣреніи нѣкоторыхъ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній содѣйствовать введенію обязательнаго посѣщенія народныхъ школъ? Почитать ли это намѣреніе похвальнымъ и полезнымъ, или нѣтъ? Хотя обязательность элементарнаго обученія введена не во всѣхъ европейскихъ государствахъ и именно не введена въ самыхъ цивилизованныхъ изъ нихъ, Англіи и Франціи, но въ принципѣ это мысль правильная, ибо если законъ требуетъ отъ родителей чтобъ они кормили дѣтей своихъ, то онъ въ правѣ ограждать малолѣтнихъ отъ безпечности старшихъ и по отношенію къ ученью, какъ питанію умственному, при чемъ, конечно, законъ долженъ ограничиваться мѣрой необходимаго, предписывая родителямъ и опекунамъ, и послѣднимъ съ большею строгостію чѣмъ первымъ, чтобъ они доставляли находящимся на ихъ попеченіи дѣтямъ по крайней мѣрѣ извѣстный *minimum* образованія. Если же обязательность ученія правильна въ принципѣ, то законодательство не только можетъ, но и должно прибѣгать къ ней во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безъ нея нельзя надѣяться на успѣхъ народнаго образованія. Пруссія возвысилась именно вслѣдствіе того что держалась этого здраваго взгляда. Но на практикѣ одна и та же цѣль можетъ достигаться разными средствами. Нѣтъ сомнѣнія, что самое полное примѣненіе помянутаго принципа есть обязанность родителей и опекуновъ посылать дѣтей въ школу подъ опасеніемъ штрафа, какъ въ Пруссіи; но тотъ же принципъ можетъ найдти нѣкоторое осуществленіе и въ принужденіи общинъ къ заведенію элементарныхъ школъ, какъ принято во Франціи; наконецъ законъ можетъ просто поощрять распространеніе ученія отчасти денежными пособіями, какъ въ Англіи, отчасти требованіемъ грамотности для пользованія тѣми или другими правами. Какой путь слѣдуетъ предпочесть, это нельзя рѣшить теоретически, а въ такой обширной и такъ неравномѣрно цивилизованной странѣ какъ Россія, успѣха можно ожидать лишь отъ разнообразныхъ мѣръ, примѣнен-

ныхъ къ отдѣльнымъ мѣстностямъ. Вотъ почему особенно важно въ этомъ дѣлѣ участіе земскихъ собраній. Если и допустить, что губернскія собранія могутъ теряться иногда въ теоретическихъ разсужденіяхъ о народномъ образованіи, и занимаясь преніями о принципахъ, забывать о тѣхъ народныхъ школахъ, которыя уже существуютъ и которымъ грозитъ упраздненіе по недостатку средствъ именно въ то время, когда собраніе толкуетъ о самыхъ широкихъ мѣрахъ въ пользу народнаго образованія; если, говоримъ, и допустить это относительно губернскихъ сословій, то въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ вопросъ о народныхъ школахъ можетъ стоять лишь на практической почвѣ, и все что тутъ будетъ сдѣлано, мы вправѣ считать не кажущимся, а дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ. Въ столь важномъ народномъ дѣлѣ, и особенно послѣ потери столь многаго времени, надобно принимать лишь практически полезныя и безспорно плодотворныя мѣры. Въ настоящее время нельзя отрицать, что введеніе всеобщей обязанности посѣщать школы во всей Россіи есть дѣло невозможное. Но съ другой стороны, кажется, очень возможно ввести эту мѣру въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, уѣздахъ, приходахъ и деревняхъ, а гдѣ это возможно, тамъ всякій благомыслящій будетъ радостно привѣтствовать такую мѣру. Россія велика, но отъ того не менѣе пріятно видѣть, когда жителямъ какой-нибудь одной деревни удается основать школу, и не менѣе отрадно, если мѣстное духовенство, при помощи своей паствы и администраціи, успѣваетъ завести возможно большее число школъ въ какомъ-нибудь околодкѣ. Этого мало. Совершенно правда, что одна учрежденная школа несомнѣнно лучше и въ тысячу разъ лучше чѣмъ самыя обстоятельныя теоретическія пренія о народномъ образованіи, но даже теоретическое постановленіе уѣзднаго или губернскаго собранія, имѣющее цѣлью споспѣшествованіе народнымъ школамъ, можетъ оказаться полезнымъ, потому что можетъ ободрить того или другаго священника, того или другаго приходскаго попечителя, наконецъ того или другого волостнаго старшину или сельскаго старосту, которые безъ этого постановленія, несмотря на все вліяніе и уваженіе какимъ они пользуются, не могли бы склонить деревенскихъ жителей къ устройству школы и къ принятію на себя нужныхъ для этого расходовъ.

Было бы невѣрно, если бы мы вообще сказали, что крестьяне въ Россіи хотятъ или не хотятъ школъ, такъ какъ между столь многими милліонами должно существовать весьма большое различіе во мнѣніяхъ. Не легко даже найти одну деревню, гдѣ *всѣ* жители хотѣли бы имѣть школу. Тѣ крестьяне, которые въ молодости не пользовались ученіемъ, большею частью не будутъ понимать значеніе школы; ожидать иного было бы неестественно. Но массы легко подчиняются авторитету, а потому весьма желательно, чтобы въ этомъ направленіи съ большею чѣмъ доселѣ энергіей дѣйствовали съ одной стороны духовенство посредствомъ причтовъ, съ другой стороны—земскія учрежденія, посредствомъ гласныхъ, въ особенности гласныхъ изъ крестьянскаго званія, а также мировые судьи и мировые посредники, которыхъ вліяніе на народъ очень велико.

Лучшимъ средствомъ по этой части всегда было и всегда будетъ, во всѣхъ странахъ міра, благовременное распространеніе въ массѣ народа мысли, что на родителяхъ лежитъ *долгъ* доставлять своимъ дѣтямъ болѣе свѣдѣній, чѣмъ сколько они сами въ прежнее время могли пріобрѣсть. Эта мысль, распространяемая людьми съ авторитетомъ, есть уже принужденіе, хотя только нравственное. Когда сельскій людъ будетъ такимъ образомъ подготовленъ, принужденію можетъ быть дана форма закона: законъ успѣшно дѣйствуетъ только когда его желаетъ большинство подчиненныхъ ему лицъ.

Что касается до обязательнаго учрежденія школъ, то оно теперь же примѣнимо къ большимъ селамъ. Было бы несправедливо заводить эти школы исключительно на счетъ уѣзднаго земства или волостей (если село не составляетъ волости): тутъ требуется законъ, повелѣвающій утроить школы во всѣхъ большихъ селахъ и деревняхъ, напримѣръ въ 300 или 400 жителей, и обязывающій всѣ живущія тамъ семейства, чтобъ они содержали эти школы и посылали въ нихъ дѣтей своихъ. Безъ этого закона даже и въ большихъ деревняхъ будетъ чрезвычайно трудно основать хорошія школы: расходы, требующіеся на это, будутъ не по силамъ немногихъ умныхъ семействъ, понимающихъ пользу ученія.

Можетъ-быть спросятъ, полно нужно ли спѣшить этими мѣрами? На это мы отвѣтимъ, что изо всѣхъ европейскихъ государствъ *безъ исключенія*, для народныхъ училищъ, то-есть для самаго полезнаго и плодотворнаго учрежденія новѣйшихъ временъ, въ Россіи сдѣлано наименѣе. По даннымъ, относящимся къ 1865 году, въ Турціи считается вообще 15.000 школъ съ 600.000 учениковъ, которые, правда очень не равномѣрно, распредѣляются на общее населеніе въ 25.000.000 жителей. Россія, при населеніи въ 75 милліоновъ, имѣетъ около 20.000 школъ и отъ 8—900.000 учениковъ, если считать вѣрными наиболѣе благопріятныя показанія. Испанія, гдѣ народныя школы заведены въ 1845 году Нарваэсомъ, теперешнимъ реакціонеромъ, на основаніи общей обязанности посѣщать школы, имѣемъ, при населеніи въ 16 милліоновъ, болѣе 22.000 школъ и болѣе милліона учащихся. Въ Италіи, какъ извѣстно, усилія правительства и націи поднять общественное обученіе достигли теперь весьма большихъ размѣровъ. Эти государства принадлежатъ къ самымъ необразованнымъ въ Европѣ; во всѣхъ другихъ странахъ нашей части свѣта, равно какъ въ Сѣверной Америкѣ, народныя училища, то-есть единственный масштабъ, которымъ можно измѣрять образованность всего народа, находятся въ положеніи еще болѣе цвѣтущемъ. Въ Сѣверной Америкѣ съ давнихъ временъ существуетъ болѣе 100.000 народныхъ школъ, и въ образованнѣйшихъ сѣверныхъ штатахъ, напримѣръ Массачусетсѣ и Коннектикутѣ, изъ тысячи человѣкъ найдется едва 20 не умѣющихъ писать и читать, да и тѣ почти всѣ переселенцы изъ другихъ странъ. Тамъ каждый штатъ считаетъ обязанностью открыть своимъ жителямъ доступъ къ первоначальному ученью, и непопечительные, безнравственные родители не имѣютъ тамъ права удерживать своихъ дѣтей отъ посѣщенія школы. О высшихъ училищахъ штаты заботятся лишь послѣ того какъ повсюду въ достаточномъ числѣ устроены элементарныя школы. Впрочемъ, о высшихъ школахъ самимъ штатамъ вообще рѣдко приходится печись: этимъ занимаются богатѣйшіе города, разныя общины, корпораціи и частныя лица.

У насъ совсѣмъ наоборотъ. У насъ государство тратитъ на обученіе гораздо болѣе чѣмъ какая бы то ни было другая держава въ Европѣ, именно отъ всѣхъ вѣдомствъ въ совокупности не менѣе 17 милліоновъ рублей серебромъ. Но изъ такой огромной суммы на народныя школы не идетъ почти ничего. Государство печется только о высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (число среднихъ учебныхъ заведеній впрочемъ крайне недостаточно); оно основало и содержитъ эти училища преимущественно въ видахъ обезпеченія государственной службы. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что низшій классъ народа, предоставленный своимъ собственнымъ средствамъ и притомъ преимущественно предъ другими классами несущій тягость податей, не въ силахъ достигнуть той степени образованія, которая требуется для благоденствія и славы Россіи. Тутъ рѣшительно необходима поддержка, и поддержка серіозная, со стороны государственнаго бюджета и бюджетовъ мѣстныхъ, городскихъ и земскихъ. Эта послѣдняя тѣмъ неоцѣненнѣе чѣмъ скуднѣе отмѣрены государственныя средства. Она неоцѣненна впрочемъ не въ одномъ финансовомъ отношеніи, и даже при значительныхъ денежныхъ пожертвованіяхъ со стороны государства не можетъ быть замѣнена дѣйствіемъ администраціи. Въ школьномъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ другихъ, лучшая порука за успѣхъ—довѣріе общинъ къ собственнымъ силамъ; это довѣріе надобно повсюду возбуждать и воспитывать, ограничивая стороннюю помощь предѣлами необходимаго и пользуясь всякимъ благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ, какъ напримѣръ урожайный годъ, выгодный заработокъ и т. п. Такъ какъ расходъ на школы дѣйствительно очень великъ, то надобно съ величайшимъ вниманіемъ принимать въ разсчетъ обстоятельства каждой общины. Кто же, кромѣ земскихъ, и въ особенности уѣздныхъ земскихъ собраній, можетъ войдти во всѣ эти обстоятельства и ихъ правильно взвѣсить?

№ 31.

Москва, 7-го февраля.

Сегодня печатаемъ мы въ нашихъ столбцахъ полный текстъ тронной рѣчи императора Наполеона III. Сжатое изложеніе ея содержанія, за нѣсколько дней предъ симъ сообщенное намъ по телеграфу, ока-

зывается совершенно точнымъ, и недоразумѣнія, которыя мы тогда высказали, остаются во всей силѣ. Намъ сообщаютъ по телеграфу содержаніе замѣтки появившейся сегодня въ *Journal de St.-Pétersbourg* и возстановляющей истинный смыслъ дѣла. Не Россія присоединилась къ французской политикѣ по восточному вопросу, а въ политикѣ императора Французовъ произошла перемѣна.

Наполеонъ III любитъ поражать міръ неожиданностями. Въ рѣчахъ, произносимыхъ имъ при торжественныхъ случаяхъ, всегда бываетъ какой-нибудь сюрпризъ. Такъ какъ на этотъ разъ, послѣ недавняго увѣнчанія зданія французской конституціи, царственному оратору нельзя было изумить своихъ слушателей, членовъ законодательнаго корпуса, какимъ-нибудь изреченіемъ относительно своей внутренней политики, то сюрпризъ достался на долю Россіи. „Россія, сказалъ онъ, одушевляемая миролюбивыми намѣреніями, расположена не отдѣлять своей политики на Востокѣ отъ французской.“ Въ самомъ дѣлѣ, трудно было бы сказать что-нибудь болѣе неожиданное. Никому конечно не пришло бы въ голову ожидать подобнаго увѣренія послѣ столькихъ разногласій и противорѣчій въ политикѣ обѣихъ державъ, Россіи и Франціи, на Востокѣ. Самому Императорскому правительству предлежитъ найдти слово этой загадки, и принять или не принять солидарность провозглашенную столь громко; что же касается до насъ, то мы можемъ искать разъясненія только въ анализѣ общеизвѣстныхъ фактовъ. Для этого намъ нѣтъ надобности восходить слишкомъ далеко по теченію событій. Не далѣе какъ за годъ предъ симъ паденіе князя Кузы послужило началомъ кризиса, который совершается теперь на Востокѣ. Съ самыхъ первыхъ дней послѣ катастрофы разыгравшейся въ Букарештѣ, виды обоихъ кабинетовъ обрисовались какъ нельзя яснѣе. Виды эти не просто расходились, но были діаметрально противоположны. Россія держалась на почвѣ трактатовъ, не видя пользы ни для себя, ни для христіанскихъ населеній, въ торопливомъ рѣшеніи восточной задачи посредствомъ отдѣльной и преждевременной эманципаціи Молдо-Валаховъ. Вполнѣ сочувствуя ихъ желаніямъ и потребностямъ, Россія желала, чтобъ эти желанія, эти потребности, выразились свободно и искренно, безъ подготовленныхъ *coups d'états* и безъ уловокъ подачи голосовъ французскаго привоза. Наконецъ, коль скоро Европа сочла своевременнымъ нанести рѣшительный и непоправимый ударъ цѣлости Османскаго царства созданіемъ независимой Румыніи, Россія потребовала соотвѣтственныхъ уступокъ въ пользу Сербовъ и Черногорцевъ. Кабинетъ Тюльерійскій высказывался и дѣйствовалъ въ смыслѣ обратномъ. Не стѣсняясь трактатами, онъ объявилъ себя за ненависимость Молдо-Валаховъ, и подготовилъ на Дунаѣ *les faits accomplis*, которые должны были лишить всякаго серіознаго значенія теоретическія рѣшенія Парижской конференціи. Тюльерійскій кабинетъ не отступалъ ни предъ какимъ средствомъ, чтобы дать видамъ своимъ перевѣсъ надъ мнѣніемъ большинства европейскихъ державъ. Молдаване, послѣ испытанныхъ ими благодѣяній совокупнаго съ Валахіей управленія князя Кузы, были мало склонны къ соединенію, и вотъ французскіе агенты устроили въ Яссахъ „государственный ударъ“ точь въ точь по образцу 2-го декабря, и подготовили народное постановленіе, прибѣгнувъ къ мѣрамъ устрашенія для сбора потребнаго числа голосовъ. Какъ только принцъ Гогенцоллернскій водворился въ Букарештѣ, французскій посолъ въ Константинополѣ употребилъ все свое вліяніе, дабы запугать Порту и вынудить ее къ признанію румынской автономіи, между тѣмъ какъ Друэнъ-де-Люисъ умывалъ себѣ руки въ черниильницѣ Парижской конференціи. За то Франція явила себя неумолимою для всѣхъ другихъ христіанскихъ народовъ Востока. На Сербовъ и Черногорцевъ она обращала вниманіе какъ бы только за тѣмъ, чтобы совѣтовать Туркамъ выместить на нихъ свои ущербы на Дунаѣ. Случай къ тому не замедлилъ представиться. Когда черногорскій посланецъ прибылъ въ Константинополь требовать очищенія лагеря расположеннаго въ Новомъ селѣ, возстановленія границы согласно Цетинскому протоколу и разрушенія блокгаузовъ, г. маркизъ де-Мутье подбивалъ Порту къ отказамъ, и не прежде какъ по его отъѣздѣ настойчивыя убѣжденія русскаго посланника и британскаго посла успѣли восторжествовать надъ сопротивленіемъ турецкаго правительства и привели къ результатамъ, заслугу которыхъ, когда дѣло уже было сдѣлано, французское правительство, чрезъ свою официозную печать, поспѣшило присвоить себѣ.

Между тѣмъ,—что легко было предвидѣть—на Востокѣ скоро обнаружились послѣдствія событій совершившихся въ Дунайскихъ Княжествахъ. Критское возстаніе, эллинское движеніе и требованія Сербовъ, все это послѣдовало разомъ, и все это совершенно иначе оцѣнялось въ Парижѣ и въ Петербургѣ.

Кандіоты взялись за оружіе съ отчаянія, послѣ того какъ всѣ ихъ старанія склонить Порту къ удовлетворенію ихъ жалобъ оказались безуспѣшны: печальная необходимость, которую Россія не вызывала, ни поощряла, хотя она не могла не признать, что относительно Кандіи, какъ и относительно Эпира, Ѳессаліи и греческой части Македоніи, продолженіе невыносимаго гнета османской управы было бы несправедливостію и вмѣстѣ невозможностію. Россія не могла, Россія не хотѣла противодѣйствовать стремленіямъ эллинскимъ въ томъ что они заключали въ себѣ справедливаго и неоспоримаго. Коль скоро Европа рѣшилась создать греческое государство, надобно было поставить его въ территоріальныя условія практическія и возможныя. Это высказала Россія въ 1829 году, это повторяла она во всѣхъ случаяхъ, когда неправильность данныхъ Греціи границъ обнаруживала свое вредное дѣйствіе на судьбу этого государства, поддерживая въ немъ смуты и стѣсняя развитіе эллинскаго народа. Что касается до сербскихъ требованій, то они имѣли полное право на поддержку со стороны Россіи. Съ самаго бомбардированія Бѣлграда, Россія не переставала утверждать, что занятіе сербскихъ крѣпостей турецкими гарнизонами есть нарушеніе международнаго права и напрасное заявленіе силы, чему Турки должны положить конецъ.

Сколько фактовъ свидѣтельствуетъ, что по всѣмъ этимъ вопросамъ между Россіей и Франціей были разногласія, и разногласія глубокія, коренныя! Тюльерійскій кабинетъ явилъ доказательства неумолимой суровости, можно сказать жестокости, относительно Критянъ. Греческія газеты сообщаютъ множество въ этомъ отношеніи знаменательныхъ подробностей. Всѣмъ извѣстно какъ держалъ себя французскій консулъ въ Канеѣ при началѣ возстанія, какъ оскорбительны были слова сказанныя имъ православному епископу, который прибылъ къ нему въ домъ съ поздравленіемъ 15-го августа, въ Наполеоновъ день. „Ступайте, сказалъ онъ преосвященному, и скажите этой сволочи, которой вы пастырь, что мы всѣхъ ихъ перестрѣляемъ, если они тотчасъ же не положатъ оружія.“ Маркизъ де-Мутье гнѣвался на Грековъ въ Константинополѣ не хуже чѣмъ г. Дерше въ Канеѣ. Въ *Желтой Книгѣ*, выложенной французскимъ правительствомъ въ законодательномъ корпусѣ, подобраны депеши г. де-Мутье, гдѣ Туркамъ совѣтуется умѣренность; но теперь съ достовѣрностію можно сказать, что отъ французскаго посла зависѣло предотвратить тѣ прискорбныя столкновенія, которыя болѣе полугода обагряютъ кровью островъ Критъ, еслибы только онъ захотѣлъ воспользоваться своимъ вліяніемъ на Порту и посовѣтовалъ ей удовлетворить справедливымъ жалобамъ Кандіотовъ, еще въ то время когда взаимныя уступки были возможны. Напротивъ, своимъ вліяніемъ пользовался онъ болѣе для того чтобы побуждать Турокъ къ дѣйствіямъ суровымъ.

Повидимому, именно этимъ заслугамъ своимъ маркизъ де-Мутье обязанъ портфелемъ министра иностранныхъ дѣлъ въ то время, когда восточный вопросъ выдвигался силой вещей въ первый рядъ великихъ европейскихъ вопросовъ. Отправляясь къ своему назначенію, новый министръ императора Наполеона не преминулъ заглянуть въ Аѳины, дабы объяснить Грекамъ, что въ нынѣшніе виды французскаго правительства вовсе не входитъ удовлетвореніе какого-либо изъ ихъ стремленій, которыя они должны подавить и сидѣть смирно, подъ опасеніемъ навлечь на себя неудовольствіе императора Наполеона III. Суровый, иногда оскорбительный тонъ официальной газеты французскаго правительства подкрѣплялъ эти угрозы. Не безъ удивленія замѣтили всѣ въ Европѣ невозмутимую увѣренность, съ которою *Монитеръ* возвѣщалъ девять разъ сряду о мнимыхъ побѣдахъ Турокъ и полномъ подчиненіи Критянъ, между тѣмъ какъ эти послѣдніе мужественно держатся и досель противъ двухъ регулярныхъ армій. Официальный органъ французскаго правительства отзывался въ выраженіяхъ оскорбительныхъ даже о герояхъ аркадійскихъ, которыхъ доблестная смерть поразила ужасомъ и удивленіемъ весь христіанскій міръ. Французское правительство было также неприклонно къ женщинамъ, къ дѣтямъ, къ раненымъ Критянамъ, которые молили ино-

странные корабли о помощи, чтобъ избѣгнуть отъ мукъ холода и голода, и отъ свирѣпости турко-египетскихъ солдатъ. Между тѣмъ какъ флаги Россіи и Англіи исполняли этотъ долгъ человѣколюбія, флагъ французскій появился только за тѣмъ чтобы прикрыть сдѣлку устроенную Мустафой-пашей и г. Дерше и обмануть общественное мнѣніе переправой нѣсколькихъ греческихъ дезертировъ, встрѣченныхъ въ Пиреѣ выраженіями негодованія отъ своихъ согражданъ.

Съ тѣхъ поръ, повидимому, произошелъ поворотъ въ политикѣ Тюльерійскаго кабинета. Недѣли двѣ тому назадъ мы заявляли это, и языкъ парижской печати подтвердилъ наши догадки касательно силы и значенія этого переворота.

Мы не знаемъ, какой рецептъ имѣетъ въ своемъ запасѣ политическая фармакопея императора Наполеона, „чтобы создать, какъ онъ выразился въ рѣчи своей, положеніе, которое удовлетворило бы законнымъ желаніямъ христіанскихъ населеній, поддержало бы права султана и предотвратило бы опасныя столкновенія.“ Въ такихъ же точно выраженіяхъ поставлена была задача въ 1856 году: мы видѣли, какъ она была рѣшена или, вѣрнѣе сказать, какъ она была запутана. Согласить *status quo* съ тѣмъ что соперничество европейскихъ державъ называетъ *законными желаніями* христіанскихъ населеній, это просто-на-просто значитъ, что не имѣется въ виду ничего практическаго и что предполагается только выпустить новое изданіе Танзимата или Гать-Гумаюна. Догадка эта подтверждается тѣмъ, что благодаря французскому вліянію въ Константинополѣ призванъ ко власти Фуадъ-паша, мастеръ обѣщать и мастеръ ставить на сцену дипломатическія комедіи какія разыгрываются на Востокѣ. Вопросъ только въ томъ, удадутся ли въ другой разъ эти мистификаціи, и легко ли будетъ предотвратить „опасныя столкновенія“ послѣ выставки, послѣ того какъ будутъ готовы ружья Шасно, и послѣ того какъ будетъ заключенъ заемъ для „общественныхъ работъ.“ Едва ли христіанскія населенія, послѣ сдѣланнаго опыта, подадутся на эту пагубную комедію, которая играется на ихъ счетъ. Надобно надѣяться, что Греки, несмотря на весь пылъ своего характера, не дадутъ увлечь себя обманами программы въ родѣ той, какую изложилъ недавно г. Бэле въ *Revue des Deux Mondes*, что они не отдѣлятъ своего дѣла отъ дѣла своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ, что они не повредятъ успѣху своихъ законныхъ требованій примѣсью притязаній несправедливыхъ или чрезмѣрныхъ. Во всякомъ случаѣ, мы убѣждены въ томъ, что Россія, какъ никогда не принимала, такъ и не приметъ жалкой роли статистки или наперсницы, которую хотятъ навязать ей.

№ 32.

Москва, 8-го февраля.

Мы заимствовали вчера изъ *Виленскаго Вѣстника* извѣстіе объ открытіи въ Вильнѣ съ 1-го февраля ссудной кассы Товарищества пріобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ. Хотя эта мѣра сама собой вытекаетъ изъ установленія Товарищества и кромѣ того была даже обѣщана его правленіемъ, но тѣмъ не менѣе публика приметъ ее какъ ободрительный знакъ среди безмолвія и застоя, которые, по крайней мѣрѣ по мнѣнію публики, знающей только то что оповѣщается, держатъ въ оцѣпененіи столь жизненное для государства дѣло водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ. Съ недовѣрчивымъ нетерпѣніемъ—нельзя скрывать этого—ожидаетъ публика, чтобъ это дѣло выступило наконецъ изъ того очарованнаго круга, въ которомъ она привыкла видѣть его. Только дѣйствительное открытіе ссудъ можетъ побѣдить пессимизмъ публики, надобно признаться, совершенно законный. Въ объясненіе этого пессимизма, парализующаго общественныя силы, мы считаемъ нелишнимъ бросить ретроспективный взглядъ на административныя мѣры по землевладѣнію въ западномъ краѣ за послѣднія тридцать лѣтъ.

Политическая необходимость возстановленія въ западномъ краѣ русской народности—истина, сдѣлавшаяся теперь для всѣхъ очевидною, была столько же очевидна и послѣ мятежа 1831 года. Уже тогда предлагались и принимались разныя мѣры по этому предмету, но ни одна изъ нихъ не была доведена до осуществленія сколько-нибудь серіознаго. Не только интересно, но и весьма поучительно ознакомиться съ странною судьбой этихъ мѣръ.

Началось съ того, что бывшій виленскій генералъ-губернаторъ, князь Долгоруковъ возбудилъ вопросъ о водвореніи въ центрѣ нынѣшней Ковенской губерніи русскихъ поселянъ. Эта мысль, полезная именно въ тѣхъ предѣлахъ, какъ была высказана княземъ Долгоруковымъ, показалась слишкомъ скромною и получила „развитіе.“ Рѣшено было селить великорусскихъ выходцевъ на казенныхъ земляхъ не только Ковенской губерніи, но всего сѣверо-западнаго края вообще. Выходцамъ правительство предоставило весьма значительныя преимущества: восьми-десятинный надѣлъ, пятилѣтнюю льготу въ платежѣ податей и въ отправленіи рекрутской и натуральной повинностей, десятилѣтнюю льготу отъ воинскаго постоя, сложеніе недоимокъ, безденежный отпускъ лѣса и заимообразную выдачу хлѣба на обсѣмененіе полей и первоначальное продовольствіе. Но эта щедрость не могла поправить дѣло. По произведенному счисленію свободныхъ казенныхъ земель оказалось въ сѣверо-западномъ краѣ на $10^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Что могли значить эти $10^1/_2$ тысячъ человѣкъ разсѣянные на весь край и къ чему было селить ихъ между крестьянами, которые и сами Русскіе? А между тѣмъ первоначально предложенная мѣра была рациональна. Она была предложена не для русскихъ уѣздовъ западнаго края, а для уѣздовъ, занятыхъ сплошною массой литовскаго племени. Здѣсь нѣсколько пунктовъ, населенныхъ Великоруссами, были бы опорой для администраціи въ отношеніи къ мѣстному населенію, и ежели бы русскіе поселяне дѣйствительно были водворены въ Ковенской губерніи, то они оказали бы незамѣнимую услугу въ 1863 г. Всѣмъ извѣстна польза принесенная во время послѣдняго мятежа старообрядческими поселеніями. Со времени присоединенія къ Россіи Ковенской губерніи мы оставили въ ней такъ мало слѣдовъ, что, напримѣръ, нѣмецкій элементъ (не говоря уже о польскомъ и еврейскомъ) тамъ гораздо сильнѣе русскаго, въ особенности въ пограничныхъ Пруссіи Тельшевскомъ и Россіенскомъ уѣздахъ, то-есть тѣхъ самыхъ уѣздахъ, которые тогдашнее правительство такъ заботливо желало избавить отъ германизаціи, что предполагало переселить часть тамошнихъ жителей во внутреннія губерніи, а въ замѣнъ ихъ перевести туда Русскихъ. Но это были предположенія, а въ дѣйствительности именно Ковенская губернія осталась въ сторонѣ при исполненіи проекта князя Долгорукова. На первый же вызовъ со стороны правительства въ губерніяхъ Курской, Псковской и Орловской, оказалось желающихъ 688 человѣкъ, и изъ этого числа дѣйствительно поселено въ губерніяхъ Виленской и Минской, и въ Бѣлостокской области всего 180. Поселенія были ведены разсѣянно, малыми группами, а вскорѣ совсѣмъ пріостановлены и замѣнились, въ 1838 году, другимъ проектомъ князя Долгорукова,—именно учрежденіемъ на прусской границѣ поселенной таможенной стражи изъ великорусскихъ уроженцевъ,—проектомъ, который только остановилъ уже начинавшееся переселеніе крестьянъ, а самъ тоже оказался неисполнимымъ.

Между тѣмъ привлекъ на себя вниманіе и вопросъ о землевладѣніи. Первая мысль о водвореніи русскихъ помѣщиковъ въ западномъ краѣ принадлежитъ Ѳ. Я. Мирковичу, бывшему послѣ князя Долгорукова генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ. Онъ ясно видѣлъ, что поселеніе крестьянъ, происходившее въ небольшихъ размѣрахъ при его предмѣстникѣ, не оказало никакого вліянія на образъ мыслей и чувство польскаго населенія, не принадлежащаго къ крестьянскому сословію, и что водвореніе въ краѣ русскаго дворянства принесло бы въ этомъ отношеніи несравненно болѣе пользы. То же думалъ и доказывалъ тогдашній генералъ-губернаторъ юго-западнаго края, Д. Г. Бибиковъ. Рѣшено было ввести русское дворянство въ западный край: 1) раздачей конфискованныхъ имѣній кореннымъ русскимъ дворянамъ, 2) продажей Русскимъ состоящихъ тамъ казенныхъ имѣній, 3) образованіемъ изъ этихъ имѣній наслѣдственныхъ майоратовъ, и 4) предоставленіемъ казенныхъ имѣній въ западномъ краѣ въ безотчетную администрацію заслуженнымъ лицамъ изъ дворянъ губерній внутреннихъ и прибалтійскихъ. Планъ былъ широкій. Посмотримъ же, что съ нимъ сталось.

Во-первыхъ, министерство государственныхъ имуществъ нашло неудобнымъ раздачу бывшихъ старостинскихъ и государственныхъ имѣній въ вѣчное помѣщичье владѣніе съ какими бы то ни было ограниченіями, дабы не произвести невыгоднаго впечатлѣнія на крестьянъ, причемъ особенно имѣлось въ виду будто „*русскіе*

дворяне вообще столь проникнуты мыслью о крѣпостномъ владѣніи людьми, что еще долгое время невозможно ожидать точнаго исполненія съ ихъ стороны предписываемыхъ правительствомъ мѣръ ограниченія въ пользу крестьянъ." Вслѣдствіе того, въ іюнѣ 1842 года, было приказано составлять майораты не изъ государственныхъ имѣній, а изъ имѣній помѣщичьихъ, пріобрѣтаемыхъ покупкой, изъ имѣній конфискованныхъ, находившихся въ нераздѣльномъ владѣніи сонаслѣдниковъ, изъ имѣній выходящихъ изъ владѣнія леннаго и поіезуитскаго, обращаемыхъ въ казну за неплатежъ фундушевыхъ капиталовъ и принадлежащихъ банкамъ за неплатежъ долговъ. Но и это исполнено не было. Не далѣе какъ мѣсяцъ спустя вышло приказаніе обращать и конфискованныя имѣнія, и долженствовавшія поступить изъ пожизненнаго, заставнаго и нераздѣльнаго владѣнія, въ составъ государственныхъ имуществъ. Впрочемъ, мысль о майоратахъ не сразу была оставлена. Съ цѣлью образованія майоратовъ все еще предполагалось скупать имѣнія, и на этотъ предметъ былъ назначенъ весь излишекъ съ арендъ государственныхъ имѣній противъ росписанія 1840 года. Это предположеніе оставалось въ силѣ почти два года. Въ 1844 году помянутому излишку дано другое назначеніе, и покупка имѣній для майоратовъ совсѣмъ пріостановлена.

Мысль о предоставленіи казенныхъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ въ безотчетную администрацію заслуженнымъ лицамъ изъ дворянъ губерній внутреннихъ и прибалтійскихъ не была счастливѣе мысли о майоратахъ. Когда стали ее приводить въ исполненіе, она оказалась неисполнимою: въ имѣніяхъ облюстрованныхъ—потому что крестьяне были переведены уже на оброкъ, и надобность въ администраторахъ прекратилась; въ имѣніяхъ необлюстрованныхъ—потому что „едва ли найдутся люди, которые на короткій срокъ управленія рѣшатся пожертвовать своимъ капиталомъ, необходимымъ для улучшенія хозяйства," а также потому что для крестьянъ выгоднѣе поступить на оброкъ, нежели въ распоряженіе администраторовъ.

Такъ окончились предначертанія правительства къ водворенію русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ. За весь этотъ періодъ времени устроены были только два майората для князя Васильчикова, бывшаго предсѣдателемъ государственнаго совѣта.

Правительство однако и позже не отказалось отъ своей основной идеи. Когда изъ оставшихся, отъ надѣла государственныхъ крестьянъ, земель были образованы въ началѣ 1847 года оброчныя фермы, то рѣшили отдавать ихъ за исчисленный доходъ или на двѣнадцатилѣтіе тѣмъ изъ дворянъ внутреннихъ или прибалтійскихъ, и тѣмъ изъ заслуженныхъ чиновниковъ, кои обязались бы имѣть постоянное жительство на фермахъ и лично управлять ими. Польскіе уроженцы, прежніе арендаторы имѣній, если хорошо управляли ими, были также допущены какъ арендаторы на срокъ отъ 6 до 12 лѣтъ. Еслибы не нашлось достаточно покупщиковъ на этихъ условіяхъ, то фермы должны были отдаваться съ торговъ, на общемъ основаніи.

Въ высшей степени стѣснительное обязательство безвыѣздно жить на взятой въ аренду фермѣ, обязательство примѣнявшееся только къ Русскимъ, а не къ Полякамъ (за которыми были оставлены прежнія аренды), недостаточное распубликованіе и разъясненіе внутри Россіи означенной мѣры, недостатокъ знакомства съ краемъ и наконецъ, что главное, слишкомъ строгій разборъ лицъ вызывавшихся брать фермы, повели къ тому, что въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Минской и Гродненской Русскіе получили въ аренду только 13 фермъ.

Съ 1858 года, при повѣрочной люстраціи, изъ оставшихся разбросанными запасныхъ и вакантныхъ участковъ и мелкихъ угодій не представлявшихъ прежде необходимыхъ условій для веденія правильнаго хозяйства, были устроены министерствомъ государственныхъ имуществъ сплошныя фермы. Съ образованіемъ этихъ новыхъ фермъ, число фермъ въ западныхъ губерніяхъ возросло свыше 1.625. Такое огромное число фермъ еслибъ онѣ были розданы Русскимъ, могло бы значительно измѣнить характеръ землевладѣнія въ западномъ краѣ и во всякомъ случаѣ предотвратить многія печальныя событія, постигшія его въ 1861 — 1863 годахъ. Оба тогдашніе генералъ-губернаторы западнаго края, виленскій и кіевскій, пользуясь счастливою минутой и видя въ то же время начинавшееся уже въ средѣ польской шляхты волненіе, вошли съ рѣшительнымъ ходатайствомъ. Генералъ-адъ-

ютантъ Назимовъ, въ 1860 году, ходатайствовалъ объ образованіи изъ государственныхъ земель майоратовъ и о раздачѣ ихъ и казенныхъ фермъ русскимъ дворянамъ и заслуженнымъ чиновникамъ, а князь Васильчиковъ въ слѣдующемъ году объ отдачѣ казенныхъ фермъ Русскимъ по люстраціонной оцѣнкѣ на 99 лѣтъ, чтобы тѣмъ сколько-нибудь усилить въ краѣ русскій элементъ и дать ему хотя слабыя средства противодѣйствія элементу польскому. Но эти представленія не были одобрены тогдашнимъ министромъ государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьевымъ, который не призналъ возможнымъ основывать майораты, а относительно фермъ находилъ, что онѣ по незначительности своей (ибо въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ только по 41-й было исчислено болѣе 500 рублей дохода, 700 же имѣли менѣе 300 десятинъ земли, а въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ только 65 фермъ имѣли болѣе 300 десятинъ земли) едва ли привлекутъ русскихъ дворянъ, обладающихъ высшимъ образованіемъ и нѣкоторымъ денежнымъ достаткомъ, чтобы поселиться въ западномъ краѣ и заняться фермернымъ хозяйствомъ. При этомъ министръ отрицалъ вліяніе подобныхъ фермеровъ на мѣстное населеніе.

Результатомъ было то, что всѣ 1.625 фермъ достались въ руки польской шляхты и чрезвычайно усилили собою революціонный элементъ края. Въ послѣдствіи, уже будучи начальникомъ сѣверо-западнаго края, графъ Муравьевъ, какъ бы въ исправленіе своего распоряженія, съ особою силой старался лишить неблагонадежныхъ арендаторовъ дарованной имъ громадной льготы. Еслибы эти 1.625 фермъ въ 1860 и 61 годахъ были розданы, или хотя бы просто подарены Русскимъ (въ этомъ случаѣ это была бы мудрая щедрость со стороны правительства; весь доходъ съ фермъ, по люстраціи, былъ исчисленъ въ 235.000); то притокъ въ такое короткое время 1.625 русскихъ семействъ, среднимъ числомъ по 18 на уѣздъ *), быть-можетъ совсѣмъ предотвратилъ бы развитіе мятежа на Литвѣ, и во всякомъ случаѣ далъ бы западнымъ губерніямъ отличный контингентъ русскихъ чиновниковъ. Нельзя при этомъ случаѣ не вспомнить, сколько офицеровъ ежегодно увольняется въ отставку, безъ всякихъ средствъ къ существованію, сколько чиновниковъ обремененныхъ семействами, остается, за увольненіемъ отъ службы, безъ куска хлѣба. Сколько изъ нихъ охотно отказались бы отъ пенсіи за предоставленіе имъ въ аренду земли! Правда, они не имѣютъ средствъ, у нихъ нѣтъ капитала на заведеніе хозяйства, но не богаче же ихъ десятки тысячъ мелкихъ шляхтичей, арендующихъ фольварки у министерства государственныхъ имуществъ, а эти шляхтичи были въ періодъ 62 и 63 годовъ сильнымъ орудіемъ въ рукахъ то бѣлыхъ, то красныхъ польскихъ патріотовъ и ксендзовъ. Теперь эти самыя фермы назначены уже и частью розданы въ надѣлъ безземельнымъ или малоземельнымъ крестьянамъ, бобылямъ и отставнымъ солдатамъ, которые, съ сожалѣнію, не могутъ имѣть никакого вліянія на политическое положеніе края.

Послѣ минувшаго мятежа всѣ ясно увидѣли, что сила польскаго дѣла въ западномъ краѣ кроется въ исторически развившемся тамъ шляхетствѣ, и что не водворивъ тамъ русскаго землевладѣнія, Россія не будетъ свободна отъ періодически повторяющихся мятежей и не можетъ считать этотъ край вполнѣ своимъ. Около полугода тому назадъ, мы показывали, что число дворянъ Поляковъ несравненно болѣе числа дворянъ не только русскихъ дворянъ, но и вообще всѣхъ остальныхъ дворянъ Имперіи; мы показывали кромѣ того, что переходъ такъ называемой шляхты въ русское потомственное дворянство совершился въ послѣднее время *не только вопреки прямой и ясно высказанной волѣ покойнаго государя, но и сопровождался поражающими злоупотребленіями.* Пожелаемъ, чтобы не случилось того же съ указомъ 10-го декабря.

Точное, разумное и настойчивое приведеніе его въ исполненіе можетъ упрочить русское землевладѣніе въ западномъ краѣ. Съ каждымъ годомъ число польскихъ землевладѣльцевъ очевидно должно убывать, такъ какъ лица польскаго происхожденія не имѣютъ права пріобрѣтать покупкою земли. Въ какомъ размѣрѣ будутъ пріобрѣтать земли Русскіе и какъ сильно будетъ наше движеніе на западъ, это будетъ преимущественно зависѣть отъ того какъ будетъ правленіе товарищества пріі-

*) Въ общемъ счетѣ не приняты уѣзды Луцкій и Козельскій, гдѣ въ то время люстрація не была еще окончена.

обрѣтателей имѣній понимать Высочайше возложенную на него задачу. Въ продолженіе 1866 года Русскими пріобрѣтено, какъ намъ пишутъ, всего только 27 имѣній въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ всѣхъ польскихъ имѣній считается до двадцати одной тысячи.

№ 33.

Москва, 9-го февраля.

То что принято вообще называть польскимъ вопросомъ уже достаточно уяснилось въ своихъ главныхъ основаніяхъ; никто уже не позволитъ себѣ спорить о нихъ, хотя еще не перевелись охотники противодѣйствовать ихъ примѣненію. Для этого обыкновенно обходятъ прямой вопросъ и стараются замаскировать дѣло политическое экономическимъ. Западный край, говорятъ эти искусники, долженъ быть русскимъ, это внѣ спора; виды правительства вѣрны и благодѣтельны, но мелкіе исполнители его видовъ извращаютъ ихъ; стая соціалистовъ сознательно разоряетъ край, колеблетъ право собственности и прямымъ путемъ ведетъ его къ анархіи!... Вотъ какіе ужасы разказываются о западномъ краѣ, чтобы сбить добрыхъ людей съ толку, и не только разказываются, но и печатаются, впрочемъ почти исключительно въ газетѣ *Вѣсть*.

По извѣстіямъ *Кіевлянина*, мѣстныя мировыя учрежденія окончили все порученное имъ дѣло; составленные и повѣренные ими акты представлены въ высшія инстанціи. Что же именно и, главное, какъ дѣлали мировыя учрежденія юго-западнаго края?

Мировыми посредниками, прибывшими въ юго-западный край въ теченіе зимы 1864—1865 года (которые именно заподозрѣны въ соціализмѣ), прежде всего повѣрено было количество земель отходившихъ къ крестьянамъ по уставнымъ грамотамъ. При этой операціи разница между количествомъ земель показанныхъ въ грамотахъ и въ инвентаряхъ вышла немаловажная. Мы находимъ въ *Кіевлянинѣ* извѣстіе, что въ Могилевскомъ уѣздѣ Подольской губерніи по 81 акту пришлось прибавить крестьянамъ слишкомъ 6.237 десятинъ или 16⅛ процента всей отведенной имъ земли. Какъ это могло случиться? Произошло ли это вслѣдствіе самоуправства мировыхъ учрежденій или вольныхъ и невольныхъ ошибокъ землемѣровъ? Изъ той же могилевской корреспонденціи *Кіевлянина* мы узнаемъ, что отбираніе инвентарной земли, въ этомъ сравнительно глухомъ уѣздѣ, дѣлалось въ колоссальныхъ размѣрахъ: „сколько-нибудь значительныя хозяйственныя предпріятія помѣщиковъ, какихъ было не мало въ промежуткѣ между инвентарными правилами и повѣркой уставныхъ грамотъ, всегда вели за собой существенныя измѣненія въ крестьянскомъ надѣлѣ.“ Поля обмѣнивались и при этомъ подвергались сокращенію. Чтобы скрыть это отъ повѣрочной коммиссіи представлялись поддѣльные планы и поддѣльные инвентари. Авторъ могилевской корреспонденціи, г. Воронковъ, приводитъ нѣсколько подобныхъ случаевъ. Къ тому же помѣщики имѣли право жаловаться и на жалобы не скупились. Но кто же виноватъ, если вмѣсто предъявленія документовъ они только ссылались на рескриптъ 13-го мая? Далѣе слѣдуетъ вопросъ объ оцѣнкѣ выкупныхъ надѣловъ и о назначеніи выкупныхъ платежей. На этотъ предметъ имѣются возможно точныя постановленія и первое изъ нихъ — правила Высочайше утвержденныя 8-го октября 1863 года, пунктъ 5-й которыхъ повелѣваетъ отнюдь не возвышать платежей противъ назначенныхъ помѣщиками въ уставныхъ грамотахъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ особыхъ случаевъ), но не запрещаетъ понижать ихъ. Очевидно, законодатель не желалъ допустить налагать на русскихъ крестьянъ слишкомъ большіе платежи, не опасаясь, съ другой стороны, чтобы помѣщики, по большей части польскаго происхожденія, сдѣлали въ уставныхъ грамотахъ невыгодные для себя разчеты. Кромѣ того, 2-го сентября 1864 года, повелѣно было сообразоваться при назначеніи выкупныхъ платежей и съ состоятельностію крестьянъ. Руководствуясь всѣми этими постановленіями, мировые посредники, прибывшіе изъ внутреннихъ губерній, значительно понизили платежи противъ первоначально исчисленныхъ помѣщиками и мѣстными мировыми посредниками. Такъ по 81 уставной грамотѣ Могилевскаго (на Днѣстрѣ) уѣзда, общая сумма выкупныхъ платежей понижена съ 84.117 р. 21 коп. до 56.132 р. 18 к., то-есть уменьшена на одну треть. Опять спрашивается: произвольно ли сдѣлано такое значительное пониженіе? вслѣдствіе

ли соціалистскихъ стремленій и желанія причинить анархію, или вслѣдствіе точнаго исполненія данныхъ въ руководство правилъ? Мы видимъ корреспонденціи, присылаемыя въ газету *Вѣсть* изъ западнаго края, но эти корреспонденціи вообще безыменныя; читаемъ въ нихъ горькія жалобы на разореніе, но не находимъ указаній на законы, которые при этомъ обойдены или нарушены. Съ другой стороны, напротивъ, мы видимъ, напримѣръ въ корреспонденціи изъ Могилева, напечатанной въ №№ 12 и 13 *Кіевлянина*, подробное указаніе на правила, которыми рукодствовался тамошній мировой съѣздъ, и на данныя, которыя были приняты имъ въ основаніе. Чтобъ опредѣлить цѣнность земель, назначавшихся крестьянамъ, собраны были свѣдѣнія о цѣнѣ казенныхъ земель, а также о вольнонаемной цѣнѣ, обыкновенной въ уѣздѣ. Высшая плата за десятину усадебной и пахатной земли высшаго разряда въ казенныхъ селеніяхъ Могилевскаго уѣзда, по люстраціи, оказывается 1 р. 92 к., а средняя цѣна 1 р. 42 к. Обыкновенно встрѣчаемая плата за землю—1 р. 80 к. Правда, въ предыдущіе годы цѣнность земель была выше; по свѣдѣніямъ, изданнымъ отъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ, продажная средняя въ Могилевскомъ (на Днѣстрѣ) уѣздѣ цѣнность земель была 42 р. 74 к., которая соотвѣтствуетъ ежегодному платежу (по капитализаціи изъ 6%) 2 руб. 54 копѣйки. Но показанная цѣнность земли была выведена изъ купчихъ крѣпостей за 1854—1859 годы, когда была обязательная барщина и когда въ цѣну земли входила и цѣна крѣпостнаго труда; сверхъ того, при продажѣ имѣній вмѣстѣ съ землей, цѣнились и особыя угодья, заводы, мельницы, постройки и лѣса, что все не можетъ входить въ оцѣнку крестьянскаго надѣла. Первоначальные, мѣстнаго происхожденія, мировые посредники находили справедливымъ не только не понижать выкупныхъ цѣнъ земли противъ тѣхъ, кои соотвѣтствуютъ продажнымъ цѣнамъ 1854—1859 годовъ, но и возвышать ихъ; а именно, вмѣсто 2 р. 54 к. годовой ренты выведенной изъ среднихъ цѣнъ, по купчимъ крѣпостямъ, они обложили могилевскихъ крестьянъ, не получившихъ ни лѣсовъ, ни мельницъ, ни заводовъ, 2-мя р. 73-мя коп. выкупной повинности. Новые члены мировыхъ учрежденій, вызванные изъ внутреннихъ губерній, не могли, конечно, послѣдовать за своими предшественниками, и установили новую среднюю цѣну; но какую?—все еще высшую противъ той которая установлена для казенныхъ имѣній (1 р. 42 к.,) а именно 1 р. 54 к. тамъ гдѣ оставались сервитуты, а гдѣ земля выкупалась вполнѣ—1 р. 61 к.

Жалобами на прибавку земель крестьянамъ противъ первоначальныхъ уставныхъ грамотъ и на уменьшеніе выкупныхъ платежей не изчерпываются претензіи на мѣстную администрацію. Она подвергается обвиненію въ потачкѣ крестьянамъ и въ умышленно-слабомъ взысканіи съ нихъ повинностей. Что сказать на это обвиненіе? Еще памятны тѣ времена, когда изъ юго-западнаго края долетали до публики глухіе стоны тамошнихъ крестьянъ, только что обезоружившихъ возникавшій мятежъ; мы знали только часть истины. Но вотъ что свидѣтельствуетъ теперь кіевская газета, основываясь на офиціальныхъ данныхъ, о томъ времени, когда выкупные платежи еще не были понижены.

Кромѣ продажъ крестьянскаго имущества, кромѣ отдачи въ заработки, и другихъ законныхъ мѣръ, принимались мѣры крайней строгости. Свѣдѣнія доставленныя очевидцами и непосредственными участниками въ дѣлѣ взысканія съ крестьянъ неномѣрныхъ платежей, рисуютъ состояніе края до 1865 года близкимъ къ междоусобной войнѣ. Увѣщанія на крестьянъ не дѣйствовали. Бо́льшая часть ихъ повторяли: „Богу и Государю готовы платить и служить,“ но платежей не могли внести. Крестьяне во всѣхъ почти селеніяхъ были наказываемы тѣлесно; послѣднее средство взысканія нѣкоторые находили даже лучшимъ и болѣе легкимъ чѣжели продажи имущества. Въ одномъ донесеніи стоитъ поразительная по своей откровенности фраза: „сколько въ каждомъ селеніи было наказанныхъ я упустилъ отмѣчать.“ Въ другомъ офиціальномъ донесеніи сказано, что изъ недоимки въ нѣсколько тысячъ взыскано только 300 р., „а болѣе взыскать оказалось невозможнымъ по бѣдности крестьянъ.“ Было получено донесеніе, что съ присланной кавалеріей ничего нельзя сдѣлать, и что нужно замѣнить ее пѣхотою. Можно было ожидать даже, что потребуется артиллерія. Въ одной губерніи въ теченіе 6 мѣсяцевъ экзекуціи были въ 99 селеніяхъ и 5 волостяхъ. Въ одномъ уѣз-

дѣ для экзекуцій постоянно употреблялось 10 ротъ пѣхоты и сотня казаковъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, до 900 человѣкъ крестьянъ томилось въ тюрьмахъ за невзносъ платежей, а Богъ знаетъ еще вполнѣ ли точны эти свѣдѣнія! Уже въ началѣ 1865 года въ десяти уѣздныхъ тюрьмахъ находилось въ каждой болѣе крестьянъ, содержавшихся за неплатежъ повинностей и неповиновеніе властямъ, нежели повстанцевъ, хотя большинство дѣлъ по мятежу не было еще рѣшено. Крестьяне разбѣгались, скрываясь въ лѣсахъ; поля зачастую встрѣчались необработанными.

Вотъ картина, которую рисуетъ *Кіевлянинъ* на основаніи официальныхъ данныхъ. Мы понимаемъ, что эти драгоннады устремленныя противъ русскихъ крестьянъ, такъ много содѣйствовавшихъ усмиренію мятежа, должны были нравиться польскимъ помѣщикамъ и что они желали бы подобныхъ же мѣръ взысканія и въ настоящее время: но чтобы того же могли желать и русскіе мѣстные землевладѣльцы, чтобы корреспонденты *Вѣсти* были Русскими, какъ они себя называютъ,—этого мы не понимаемъ и не можемъ этому вѣрить. Какъ бы ни было велико уваженіе къ земледѣлію въ западномъ краѣ, нельзя сказать, чтобы мало было принесено ему жертвъ: когда въ одной губерніи въ теченіе шести мѣсяцевъ экзекуціи производятся въ 99 селеніяхъ и 5 волостяхъ, когда въ одномъ уѣздѣ для экзекуцій постоянно употребляютъ „до 10 ротъ пѣхоты и сотня казаковъ," когда для взысканія недоимокъ недостаточными оказываются пѣхота и конница, и когда краю „начинаетъ угрожать междоусобная война," то всякій, кто не врагъ своей страны, долженъ благословлять Небо, что оно предотвратило послѣдствія такой системы....

№ 34.

Москва, 10-го февраля.

Вопросы, связанные съ народнымъ просвѣщеніемъ и имѣющіе всегда и вездѣ великую важность, имѣютъ теперь для нашего отечества первенствующее значеніе. Правильное, дѣятельное и успѣшное движеніе въ этой сферѣ есть для Россіи необходимость, съ которою ничто сравниться не можетъ. Послѣ долгихъ колебаній, задержекъ и уклоненій наступила наконецъ пора, когда всякое промедленіе въ этомъ дѣлѣ можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Образованіе и наука стали теперь повсюду главнымъ двигателемъ, главною силой. Нѣтъ ничего ни въ общественномъ, ни въ государственномъ быту, что не становилось бы съ каждымъ днемъ все въ бо́льшую зависимость отъ умственной энергіи. Нѣтъ такой силы, которая могла бы теперь считать себя сколько-нибудь обезпеченною безъ пособія науки. Нашъ вѣкъ называютъ вѣкомъ матеріализма; но не было въ исторіи человѣчества поры, когда бы всякое дѣло такъ много зависѣло отъ условій чисто-нравственнаго и умственнаго свойства, какъ наша. Въ дѣлахъ человѣческихъ, по скольку они зависятъ отъ человѣческихъ усилій, ничто теперь не рѣшается развитіемъ одной вещественной силы. Какъ бы не велика была таковая; она оказывается ничтожною предъ цивилизаціей имѣющею во главѣ своей науку. Но наука можетъ обнаруживать свою силу только тамъ, гдѣ она имѣетъ свой корень, гдѣ она не есть случайность и прихоть, гдѣ она есть существенная основа. И вотъ самая настоятельная потребность нашего народа въ настоящее время есть та, чтобы наука пріобрѣла въ немъ корень, чтобъ она была самостоятельна въ своихъ интересахъ, уважена въ своемъ развитіи и въ своихъ учрежденіяхъ, сильна въ способахъ своего дѣйствія. Теперь именно наступила пора, говоря словомъ поэта, „сѣять просвѣщеніе" смѣлою рукою,—смѣлою и вмѣстѣ твердою, разумною, способною различать и качество сѣменъ, и потребности почвы. Медлительность въ этой сферѣ ни съ какой точки зрѣнія не можетъ, посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, быть дѣломъ благоразумія въ Россіи: чѣмъ больше, тѣмъ лучше, но въ разумномъ, ясно понятомъ направленіи. Какъ медлительность, такъ и ошибки въ способахъ для достиженія цѣли были бы пагубны для ближайшаго будущаго нашей страны, для историческихъ задачъ, которыя возложены на нашъ народъ.

Корень науки въ странѣ, начало самостоятельнаго просвѣщенія въ народѣ, это тѣ учебныя заведенія гдѣ воспитываются дѣти для высшаго образованія. Сколько бы средствъ ни полагалось на дѣло просвѣщенія, если эти заведенія недостаточны и не въ порядкѣ, плодовъ ожидать нельзя. Только при надлежащемъ устройствѣ

и развитіи этого рода учебныхъ заведеній можетъ наука отуземиться и просвѣщеніе стать народнымъ. Въ странѣ могутъ быть академіи и факультеты, но коль скоро приготовительныя къ нимъ заведенія находятся въ небреженіи, если ихъ недостаточно, если они не удовлетворяютъ своему назначенію, то вся организація народнаго просвѣщенія будетъ явленіемъ поверхностнымъ, лишеннымъ правды и силы, тепличнымъ растеніемъ: мы можемъ призывать къ себѣ знаменитѣйшихъ ученыхъ, дабы они процвѣтали въ нашей странѣ, можемъ искусственною выгонкой изготовлять собственныхъ ученыхъ, но все это останется безплоднымъ для народнаго просвѣщенія, и наши искуственно подготовленные ученые окажутся либо пустоцвѣтами, либо примкнутъ къ сферѣ тяготѣнія чужихъ цивилизацій. Итакъ, главная доля заботливости должна быть обращена на эти, такъ-называемыя, среднія учебныя заведенія, которыя полагаютъ основу всему, и безъ которыхъ никакія мѣры въ интересѣ народнаго просвѣщенія не могутъ повести къ успѣшнымъ результатамъ. Но сколько бы мы не заводили школъ, какія бы средства ни полагали на нихъ, даже какихъ бы искусныхъ и опытныхъ педагоговъ ни пріискивали для нихъ, они не могли бы приносить ожидаемой пользы, еслибы не были утверждены на разумныхъ основаніяхъ, еслибъ устройство ихъ учебнаго дѣла не не было приспособлено къ ихъ истинному назначенію. Какую пользу могъ бы принести наилучшій педагогъ, еслибъ ему было поставлено въ обязанность, вмѣсто преподаванія воспитывающихъ умъ предметовъ, забивать головы и подавлять ихъ умственный ростъ? У насъ имѣется едва одна гимназія на милліонъ жителей и до сего времени не было ни одной, которая бы вполнѣ соотвѣтствовала своему назначенію и была бы такимъ же мощнымъ орудіемъ образованія, какимъ являются заведенія этого рода въ странахъ цивилизованныхъ, гдѣ наука есть дѣло туземное и плодотворное. Можно ли было бы при подобныхъ условіяхъ надѣяться на успѣшное развитіе народнаго просвѣщенія у насъ и на удовлетворительные результаты состязанія нашего на этомъ поприщѣ съ другими народами? Можно ли было бы, при такихъ условіяхъ, ожидать, чтобы русская народность пріобрѣла почетное мѣсто въ средѣ другихъ цивилизованныхъ народовъ и Россія удержала свое положеніе въ мірѣ? Слава Богу, предубѣжденія и недоразумѣнія, которыя относительно этого предмета заставляли колебаться правительство и уклоняли наше законодательство на пути столь неблагопріятные для успѣховъ нашего народнаго просвѣщенія, теперь рушилось; колебаній нѣтъ, и законодательство наше съ полною рѣшимостію признало основанія правильной системы воспитанія молодыхъ умовъ для высшаго образованія, той системы, которую обыкновенно называютъ классическою, и которая есть единственно годная для этой цѣли. Это шагъ великій, и съ измѣненіемъ нашего законодательства по этому столь важному пункту, Россія уже пріобрѣла безконечно много. Но время, въ которое мы живемъ, не терпитъ въ этомъ отношеніи отлагательствъ, ни замедленія, ни уклоненій; пріобрѣтенное начало должно сколь можно скорѣе, полнѣе и рѣшительнѣе вступить въ дѣйствіе. Вопіющая необходимость нашего ближайшаго будущаго требуетъ, чтобъ это начало было примѣнимо дѣятельно, чтобъ оно все болѣе и болѣе разъяснялось въ общественныхъ понятіяхъ, и все болѣе и болѣе уподобляло себѣ организацію нашего учебнаго дѣла. Къ счастію, мы имѣемъ всѣ основанія надѣяться, что это дѣло бывшее у насъ въ такомъ запущеніи и небреженіи, обремененное столькими долгами, послѣдствіями столькихъ ошибокъ, станетъ теперь предметомъ усердной заботливости, и что просвѣщеніе будетъ сѣяться у насъ рукою столько же смѣлою, сколько и разумною. Нѣтъ болѣе опасеній, что признанныя нашимъ законодательствомъ европейскія начала умственнаго воспитанія останутся втунѣ и, еще менѣе, что они будутъ обойдены въ своемъ примѣненіи.

Въ двухъ послѣднихъ нумерахъ *Сѣверной Почты* перепечатана изъ 1-й книжки *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* (недавно вышедшей и къ сожалѣнію еще не полученной нами), обширная статья, подъ заглавіемъ: *Мѣры и предположенія относительно гимназій и начальнаго народнаго образованія.*

Быть-можетъ, мы не могли бы согласиться съ почтенною редакціей въ нѣкоторыхъ дѣлаемыхъ ею заключеніяхъ; но изъ общаго тона и направленія упомянутой статьи нельзя было бы не извлечь самыхъ благопріятныхъ видовъ относительно нашего народнаго просвѣщенія, еслибъ и безъ того

не имѣли мы достаточныхъ основаній ожидать всего лучшаго по этой части при нынѣшнемъ управленіи ею и при поднявшемся въ послѣднее время уровнѣ общественныхъ понятій. Если въ теперешнюю пору народное просвѣщеніе у насъ по преимуществу требуетъ заботливости, энергіи, разумнаго усердія, уваженія къ наукѣ, то, слава Богу, есть ручательство, что всѣ эти условія есть у насъ налицо именно въ теперешнюю пору.

Въ Московскомъ университетѣ, въ сферахъ къ нему примыкающихъ, бьется сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо жизненный пульсъ нашего народнаго просвѣщенія; нигдѣ такъ не чувствовались невзгоды, его постигавшія, и нигдѣ такъ не чувствуется всякая перемѣна къ лучшему. Все что мы видимъ вокругъ свидѣтельствуетъ теперь о такой перемѣнѣ. Если вездѣ отъ администраціи требуется разумная разборчивость, справедливость и чувство законности, то эти условія по преимуществу требуются отъ администраціи имѣющей дѣло съ учрежденіями посвященными наукѣ. Испытанный Московскимъ университетомъ образъ дѣйствій нынѣшней администраціи народнаго просвѣщенія, правдивый и исполненный достоинства, всего успѣшнее можетъ облагородить и поддержать на высотѣ духъ учрежденій посвященныхъ наукѣ.

Намъ придется не разъ касаться тѣхъ вопросовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ упомянутой статьѣ редакціи *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*. Но мы не можемъ не выразить теперь же нашего сочувствія къ справедливому замѣчанію о пользѣ какая должна проистекать изъ согласія правительственныхъ дѣйствій по двумъ учебнымъ вѣдомствамъ, свѣтскому и духовному. До сихъ поръ оба эти вѣдомства были разрознены, и даже, какъ заявлено въ статьѣ, обнаруживали нѣкоторый антагонизмъ между собою, но теперь, какъ можно предвидѣть, полагается плодотворное начало ихъ сближенію. Какое бы ни было различіе въ административномъ устройствѣ тѣхъ и другихъ заведеній, педагогическій типъ, какъ тамъ, такъ и тутъ, долженъ быть одинаковъ; одни и тѣ же начала, признанныя законодательствомъ за единственно вѣрныя въ дѣлѣ умственнаго воспитанія, должны дѣйствовать тамъ и тутъ. Нельзя не видѣть счастливаго предзнаменованія въ томъ обстоятельствѣ, что оба эти вѣдомства ввѣрены заботамъ и отвѣтственности одного правительственнаго лица, именно въ настоящее время, когда учебное дѣло у насъ подвергается глубокому преобразованію и утверждается на лучшихъ началахъ. Это, какъ есть основаніе надѣяться, не останется безъ обильныхъ и важныхъ послѣдствій. Сближеніе этихъ двухъ, доселѣ разрозненныхъ отраслей учебныхъ заведеній будетъ способствовать тому, чтобы вывести нашу церковь изъ необходимости опираться на чуждое ей и несовмѣстное съ ея духомъ и канонами учрежденіе левитства, съ другой же стороны оно поведетъ къ усиленію нашего народнаго просвѣщенія вообще. Между прочимъ мысль, высказанная въ статьѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* о томъ, чтобы лица посвящающія себя служенію церкви, по окончаніи полнаго общеобразовательнаго и богословскаго курса, предварительно служили въ качествѣ народныхъ учителей, есть мысль какъ нельзя болѣе вѣрная и плодотворная. И нельзя не порадоваться, что это не просто мысль, а уже начатокъ дѣла въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ, какъ свидѣтельствуетъ статья. Надлежащее развитіе этого предположенія можетъ принести неисчислимую пользу какъ для организаціи нашего церковнаго дѣла, такъ и для народнаго просвѣщенія.

№ 35.

Москва, 11-го февраля.

А.

Печатаемый сегодня въ *Современной Лѣтописи* уставъ Сѣверо-Германскаго Союза, какъ и слѣдовало предполагать, содержитъ въ себѣ подробныя постановленія относительно военнаго флота. Въ § 50 сказано между прочимъ слѣдующее: „Все мореходное населеніе Союза, со включеніемъ машинныхъ мастеровыхъ и кораблестроительныхъ рабочихъ, освобождается отъ службы въ сухопутной арміи, но за то обязывается служить въ союзномъ флотѣ.“ На этомъ постановленіи мы считаемъ не лишнимъ остановиться.

Прошло лишь двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Пруссія положила первое основаніе для самостоятельнаго военнаго флота. Въ такой краткій промежутокъ времени Пруссія и находящаяся подъ ея гегемоніей Сѣверная Германія нашли уже воз-

можнымъ привести въ исполненіе тѣ простыя и здравыя правила, которыя выражены въ приведенномъ выше § 50 устава, — правила которыхъ польза очевидна, но которыя въ другихъ странахъ, и именно въ Россіи, считаются неосуществимыми. Положимъ, что теперь Пруссія располагаетъ всѣмъ населеніемъ ганзейскихъ городовъ и Ганновера, но практическимъ людямъ въ Пруссіи и съ самаго начала не приходило въ голову составлять экипажъ военныхъ кораблей изъ земледѣльцевъ, а рыболововъ и моряковъ помѣщать въ ряды сухопутной арміи. Въ самыхъ *первыхъ* королевскихъ приказахъ было повелѣно опредѣлять на службу во флотъ преимущественно дѣйствительныхъ моряковъ и рыболововъ. Это правило осталось въ силѣ до сихъ поръ, и оно безъ сомнѣнія будетъ лучшею опорой для преуспѣянія нѣмецкаго военнаго флота, все равно будутъ ли со временемъ играть на моряхъ главную роль панцырныя суда той или другой конструкціи, или деревянные корабли.

Къ сожалѣнію, у насъ морское вѣдомство не вполнѣ слѣдуетъ этому важнѣйшему правилу при снабженіи военныхъ кораблей экипажемъ. У насъ господствуетъ мнѣніе, что Россія страна не мореходная, и что матросовъ по необходимости приводится брать изъ земледѣльцевъ. Это положеніе можетъ-быть отчасти и вѣрно: при извѣстныхъ размѣрахъ военнаго флота, Россія принуждена брать въ матросы земледѣльцевъ. Но не ясно ли, что къ этому можно прибѣгать лишь послѣ того какъ всѣ рекруты изъ населеній привычныхъ къ водѣ уже поступили во флотъ и число ихъ оказывается недостаточнымъ для укомплектованія экипажей? Чѣмъ меньше у насъ населеній занимающихся мореходствомъ, судоходствомъ и рыболовствомъ, тѣмъ болѣе, кажется, слѣдуетъ дорожить тѣми, которыя есть, употребляя рекрутовъ, съ нихъ взимаемыхъ, исключительно для службы во флотѣ. Будетъ ли правильно, если мы, видя, что у насъ природныхъ моряковъ мало, махнули бы на нихъ рукой? Матросовъ-де нужно много, а природныхъ моряковъ у насъ очень мало: стоитъ ли же обращать вниманіе на эту каплю въ морѣ? Еслибы мы дѣлали такое заключеніе, то ошибка была бы очевидна. А надобно сознаться, что если такой явной ошибки у насъ и не дѣлается, то дѣлается нѣчто на нее довольно похожее. По существующему съ 1853 года положенію о наборѣ рекрутъ въ морскую службу, для укомплектованія флота назначаются рекруты слѣдующихъ губерній: изъ Архангельской и Астраханской всѣ безъ исключенія, а изъ Олонецкой, Эстляндской, *Таврической*, *Вологодской*, и изъ при-волжскихъ уѣздовъ Саратовской губерніи всѣ за выборомъ подлежаго числа для гвардіи, кирасиръ и конной артиллеріи.

Если сличить эти два правила съ прусскими, то окажутся два важныя различія. Вопервыхъ, прусскій проектъ сѣверо-германской союзной конституціи говоритъ просто о мореходномъ населеніи Союза, не указывая областей его, а въ нашихъ правилахъ предписывается обращать во флотъ рекрутъ цѣлыхъ губерній: въ Архангельской и Астраханской губерніяхъ заселены не одни прибрежья. Вовторыхъ, въ правилахъ Сѣверо-Германскаго Союза не дозволяется отвлекать отъ морской службы и опредѣлять въ гвардію, кирасиры или артиллерію такихъ людей, которые занимались мореходствомъ. У насъ, напротивъ, земледѣлецъ губерній Астраханской и Архангельской непремѣнно поступаетъ въ матросы, а, наоборотъ, мореходецъ Эстляндской губерніи, если высокъ ростомъ, берется въ гвардію.

Въ № 10 *Морскаго Сборника* за 1863 годъ покойный редакторъ этого журнала высказалъ по занимающему насъ предмету замѣчанія, которыя мы считаемъ полезнымъ привести здѣсь цѣликомъ. Обсуждая приведенное нами распредѣленіе рекрутъ, онъ замѣчаетъ: „Не говоря уже о томъ, что какой-нибудь рослый, бравый лоцманъ, рыбакъ или мореходъ, на основаніи этого распредѣленія, вмѣсто свойственной ему морской службы, попадаетъ въ кавалерію, нельзя не замѣтить, что не всѣ же обитатели Архангельской, а тѣмъ болѣе Астраханской губерніи, подлежащіе рекрутскому набору, моряки или судоходы по ремеслу. Напротивъ, многіе изъ нихъ, особенно изъ жителей отдаленныхъ отъ моря уѣздовъ, на столько же моряки и судоходы, какъ и какой-нибудь степнякъ внутренней Россіи, ни разу не видавшій не только моря, но даже большой рѣки или озера. То же самое, и еще въ болѣшей мѣрѣ, можно сказать о Вологодской и прочихъ губерніяхъ, поименованныхъ за губерніями Архангельскою и Астраханскою. Въ особенности замѣчательно, что изъ всѣхъ

приволжскихъ губерній на долю флота безусловно досталась (кромѣ Астраханской) только *одна* Саратовская, гдѣ по берегамъ Волги очень мало русскаго населенія, а живутъ преимущественно нѣмецкіе колонисты, освобожденные отъ рекрутской повинности и судоходствомъ не занимающіеся. Почти то же можно сказать о губерніи Эстляндской, гдѣ, судя по таблицамъ г. Вольдемара, и за исключеніемъ острововъ,—рыболовство развито меньше, чѣмъ на всемъ остальномъ прибрежьѣ Финскаго залива. А изъ этого остальнаго прибрежья, Курляндское и Лифляндское вовсе не поставляетъ своихъ рекрутъ во флотъ. Далѣе, въ дѣйствующемъ у насъ законѣ сказано: „Еслибы потребность морскаго вѣдомства, при какомъ-либо наборѣ, не могла быть удовлетворена рекрутами изъ означенныхъ губерній и уѣздовъ поступающими, то въ добавокъ назначать изъ губерній:

Новгородской С.-Петербургской Херсонской Екатеринославской Костромской Ярославской	За выборомъ въ гвардію, кирасиры, конную артиллерію, гренадеры, а также въ кавалерію или пѣшую артиллерію сообразно съ потребностію сихъ послѣднихъ двухъ частей войскъ.

„Изъ этихъ шести губерній, Новгородская напримѣръ, изобилуетъ озерами, на которыхъ рыбаки большею частію — не Новгородцы, а Осташи (приписные мѣщане города Осташкова, Тверской губерніи), и мы знаемъ нѣсколько случаевъ поступленія подобныхъ рыбаковъ не во флотъ, а въ кавалерію и артиллерію конную и пѣшую, потому что Осташи по большей части народъ бравый и грамотный. Рекруты прибрежій двухъ *приморскихъ* губерній, Лифляндской и Курляндской, флоту не отданы. Точно также флотъ лишенъ хорошихъ матросовъ изъ самыхъ населенныхъ и наиболѣе судоходныхъ приволжскихъ губерній: Нижегородской, Казанской, Симбирской; прибрежные жители столь обширнаго воднаго бассейна, каково озеро Селигеръ (Тверской губ.), снабжающіе своими рыбаками всю Россію, не исключая Кронштадта и вообще береговъ Финскаго залива, также не включены въ источникъ комплектованія флота людьми.“

Къ этимъ словамъ прибавлять много не нужно. Великая держава не можетъ обойдтись безъ флота, а потому Россія всегда будетъ держать его. Но хорошій флотъ немыслимъ безъ хорошихъ матросовъ, а потому первою заботой должно быть привлеченіе въ матросы людей, наиболѣе къ тому способныхъ. Недавній опытъ, сдѣланный Италіей на глазахъ всего міра, какъ нельзя болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Италіянцы, занятые своими переворотами и реформами, при снабженіи кораблей экипажемъ, не обратили достаточнаго вниманія на преимущества настоящихъ моряковъ въ морскомъ дѣлѣ, и австрійское, привыкшее къ морю побережное населеніе Истріи и Далмаціи доказало въ битвѣ при Лисѣ, происходившей въ бурное время, что и въ теперешнихъ морскихъ сраженіяхъ дѣйствуютъ не одни пушки и корабли, а преимущественно люди.

Современемъ морскія битвы будутъ рѣшаться въ нѣсколько часовъ; десятки лѣтъ, а можетъ-быть и цѣлыя полустолѣтія, надобно будетъ оплачивать ежегодные морскіе бюджеты, прежде чѣмъ случится морское сраженіе. Что будетъ, если въ роковую минуту подуетъ сильный вѣтеръ и экипажъ великолѣпнаго военнаго флота подвергнется морской болѣзни? А между тѣмъ несомнѣнно извѣстно, что люди, родившіеся вдали отъ моря и большихъ озеръ, состоя въ службѣ на военныхъ корабляхъ, необыкновенно долго, даже лѣтъ по десяти и болѣе, не бываютъ свободны отъ морской болѣзни, и наоборотъ не одни только рыболовы морей и большихъ озеръ, но и люди живущіе по берегамъ большихъ рѣкъ, занимающіеся судоходствомъ, рыбною ловлей и проч., гораздо рѣже подпадаютъ морской болѣзни. Къ тому же люди, практически свыкшіеся съ жизнью на водѣ, предпочтительно любятъ службу во флотѣ и скорѣе другихъ проходятъ рекрутскую школу матроса.

Какъ же неразчетливо поступаемъ мы, принуждая нашихъ немногихъ естественныхъ моряковъ служить въ сухопутныхъ войскахъ, и сажая ихъ на степныхъ лошадей, гдѣ они должны чувствовать себя только несчастливыми, между тѣмъ какъ удалыхъ всадниковъ Таврической и Екатеринославской губерніи и лѣсныхъ жителей губерніи Вологодской посылаемъ мы на колеблемые волнами корабли, гдѣ они несчастнѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было!

Зло, которое проистекаетъ для нашего флота изъ этого противуестественнаго распоряженія, едва ли можетъ быть вознаграждено прибавкой къ годовому бюджету 3 или 4 милл. рублей. Въ нѣкоторыхъ

случаяхъ это зло не можетъ быть ничѣмъ исправлено. Русскій флотъ на Балтійскомъ морѣ есть единственный флотъ въ мірѣ, имѣющій матросами на своихъ судахъ преимущественно не-моряковъ.

Б.

Ниже, въ *Судебной хроникѣ*, читатели найдутъ первую половину отчета о замѣчательномъ уголовномъ процессѣ, разбиравшемся вчера и сегодня въ московскомъ окружномъ судѣ. Засѣданіе, пріостановленное вчера въ часъ пополуночи, возобновлено сегодня въ 10 ч. утра; присяжные ночевали въ стѣнахъ суда. Засѣданіе кончилось сегодня въ 6 ч. вечера. Присяжные оправдали подсудимую, крестьянку Мавру Егорову Волохову, подвергшуюся обвиненію въ убійствѣ мужа. Зала суда во все продолженіе разбирательства была переполнена публикой, въ томъ числѣ множествомъ дамъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ за развитіемъ потрясающей судебной драмы. Оправданная подсудимая сдѣлалась предметомъ живѣйшаго общественнаго участія; всѣ тѣснились около рѣшетки, поздравляли ее, дарили деньгами. Заключительныя пренія ведены были блистательно съ обѣихъ сторонъ. Особенное вниманіе и сочувствіе привлекалъ къ себѣ молодой защитникъ подсудимой, который обнаружилъ при исполненіи своей обязанности замѣчательный талантъ.

№ 36.

Москва, 18-го февраля.

Помѣщаемый нами отчетъ объ уголовномъ процессѣ, разбиравшемся въ здѣшнемъ окружномъ судѣ 10-го и 11-го февраля, побуждаетъ насъ высказать нѣсколько замѣчаній. Прежде всего считаемъ нужнымъ оговориться, что какъ ни объемистъ этотъ отчетъ, но мы, къ сожалѣнію, отнюдь не можемъ ручаться за то, чтобы въ немъ воспроизведены были всѣ тѣ мелкія, иногда неуловимыя черты, изъ которыхъ слагается общее впечатлѣніе, выражающееся въ приговорѣ присяжныхъ. При спѣшности, съ которою составляются подобнаго рода отчеты, въ нихъ могутъ встрѣтиться даже существенныя упущенія. Впечатлѣніе вынесенное всѣми присутствовавшими на судѣ было то, что приговоръ присяжныхъ вполнѣ справедливъ, и что другаго приговора они не могли произнести. Живое сочувствіе публики къ оправданной подсудимой служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Въ этомъ отношеніи общественная совѣсть можетъ вполнѣ успокоиться: присяжные сдѣлали свое дѣло какъ слѣдуетъ. Но тутъ является другой вопросъ. Виновникъ звѣрскаго преступленія остался не найденнымъ, и правосудіе не удовлетворено; теперь, по прошествіи полугода, нити этого темнаго дѣла, быть-можетъ, совершенно ускользнутъ изъ рукъ правосудія: отвѣтственность за подобныя упущенія не должна ли падать на тѣхъ дѣятелей судебной организаціи, которые собираютъ и подготовляютъ матеріалъ служащій основаніемъ для судебнаго рѣшенія? Сыскная и слѣдственная часть очевидно не освободились отъ тѣхъ недостатковъ, которыми страдало у насъ все судебное дѣло до реформы. Это весьма понятно. Недостатки гораздо труднѣе исправить тамъ гдѣ публичности предоставлено меньше простора. При слѣдствіи у насъ гласность почти вовсе исключена, по примѣру большей части законодательствъ Европы; но нельзя отрицать, что въ судебной практикѣ часто встрѣчаются случаи, когда чувствуется потребность въ гласности, и приходится признать превосходство англійскаго публичнаго слѣдствія: публично производимое дѣло всегда совершается съ бо́льшимъ напряженіемъ силъ, и въ случаѣ неуспѣха, бываютъ очевиднѣе упущенія причинившія его. Надобно впрочемъ замѣтить, что и при тайномъ слѣдствіи гласность, допущенная въ судѣ, должна оказать вліяніе на улучшеніе слѣдствій. Прежде всего позволительно ожидать, что судебные слѣдователи будутъ заботиться болѣе о существенномъ чѣмъ о наружномъ исполненіи своихъ обязанностей, и обратятъ вниманіе на то, что формализмъ на судѣ и формализмъ при слѣдствіи имѣютъ далеко не одинаковое значеніе. Каждое дѣйствіе суда обставлено формальностями; но эти формальности существенны какъ необходимая гарантія безпристрастнаго отправленія правосудія. Къ тому же судъ дѣйствуетъ коллегіально; напротивъ, въ предварительномъ слѣдствіи, личной иниціативѣ данъ большой просторъ. Дѣйствія судебнаго слѣдователя уставомъ 20-го ноября лишь настолько подчинены

формальностямъ насколько это необходимо, чтобы предоставленная ему обширная власть не могла перейдти въ злоупотребленіе, въ произволъ. Но внутри рамки очерченной закономъ слѣдователю дана бо̀льшая свобода дѣйствій чѣмъ даже предсѣдателю суда. И такая свобода необходима для успѣшной подготовки судебнаго слѣдствія. Зато на слѣдователя должна падать и вся отвѣтственность за неуспѣхъ судебнаго слѣдствія, вслѣдствіе неполноты подготовленнаго для него матеріала. Присяжные основываютъ свой приговоръ исключительно на голосѣ собственной совѣсти; а совѣсть позволяетъ имъ произнести обвинительный приговоръ только тамъ, гдѣ улики собранныя противъ подсудимаго исключаютъ всякую возможность допустить, что подсудимый невиновенъ и что преступленіе совершено не имъ. Изъ этого не слѣдуетъ, конечно, чтобы слѣдователь обязанъ былъ взвѣшивать *силу* уликъ и привлекать къ слѣдствію лишь такихъ лицъ, въ чьей виновности не остается ни малѣйшаго сомнѣнія. Но изъ этого вытекаетъ то, что слѣдователь обязанъ собрать *всѣ* улики, представляющіяся по данному дѣлу, противъ кого бы эти улики ни были направлены. Ошибки слѣдователя большею частью въ томъ и состоятъ, что разъ задавшись мыслью о виновности заподозрѣннаго имъ лица, онъ упускаетъ все то что̀ не клонится прямо къ уличенію *этого* лица. А между тѣмъ признаки преступленія, не захваченные по горячимъ слѣдамъ, изглаживаются и пропадаютъ, и когда обнаруживается ложное направленіе, принятое слѣдствіемъ съ самаго начала, обыкновенно уже трудно бываетъ поправить первоначальную ошибку.

Въ настоящемъ дѣлѣ, судебнымъ слѣдствіемъ обнаружено, что одно изъ лицъ явившихся на судъ въ качествѣ свидѣтеля было заподозрѣно при самомъ обнаруженіи преступленія и арестовано. Этотъ свидѣтель на судѣ далъ одно очевидно невѣрное показаніе, опровергнутое прочими свидѣтелями. Всѣ показали, что утромъ 17-го августа онъ былъ въ трактирѣ съ мужемъ подсудимой,—это подтвердилъ и содержатель трактирнаго заведенія,—а онъ съ поразительною настойчивостью утверждалъ, что онъ въ тотъ день пробылъ до 2-хъ часовъ въ Москвѣ. Кромѣ того, онъ поспѣшилъ заявить о томъ, что въ ту ночь онъ не выходилъ изъ дому, несмотря на то что служилъ въ томъ селѣ ночнымъ сторожемъ. Мы упомянули объ этомъ обстоятельствѣ, потому что и присяжные обратили на него вниманіе и пожелали узнать на какомъ основаніи и по чьему распоряженію упомянутое лицо освобождено изъ-подъ стражи на четвертый день послѣ ареста̀нія; но акты предварительнаго слѣдствія оставили этотъ пунктъ безъ всякаго разъясненія. Нельзя не повторить высказаннаго нами уже однажды замѣчанія, что наказаніе назначенное закономъ за клятвопреступленіе не должно оставаться мертвою буквой.

Вообще слѣдствіе хорошо только тогда, когда оно представляетъ собою не грубый намекъ на преступленіе, но тщательно и во всѣхъ подробностяхъ проведенную мысль. Слѣдователь долженъ останавливаться на каждомъ обстоятельствѣ, задавать себѣ тѣ вопросы, къ какимъ можетъ оно подавать поводъ, и добиваться возможно болѣе полнаго и опредѣленнаго отвѣта на каждый. Раскрытіе подробностей дѣла либо окончательно утвердитъ слѣдователя въ его подозрѣніяхъ и соберетъ улики неотразимыя, либо убѣдитъ его въ неосновательности подозрѣнія и выведетъ слѣдствіе на другіе пути.

№ 37.

Москва, 14-го февраля.

Сейчасъ полученная черезъ Корфу телеграмма о событіяхъ на Критѣ, которую мы сообщаемъ читателямъ, въ сотый разъ свидѣтельствуетъ о лживости передаваемыхъ изъ Константинополя и распространяемыхъ французскою печатью извѣстій о подавленіи возстанія въ Кандіи. Оно продолжается, и повидимому не слабѣетъ, а усиливается и становится увѣреннѣе въ себѣ. Не далѣе какъ за двѣ недѣли предъ симъ инсургенты въ двухъ мѣстахъ разбили Турокъ, а попытки этихъ послѣднихъ завладѣть снова Селиносскою провинціей оказались безуспѣшными. Кандіотское національное собраніе не понижаетъ своихъ требованій, и полагаетъ единственнымъ условіемъ для удовлетворенія возставшихъ населеній Крита присоединеніе его къ Греціи. Программа г. фонъ-Бейста, несмотря на всю заботливость этого новаго государственнаго мужа уладить удовлетворительнымъ образомъ дѣла на Востокѣ,

повидимому не совсѣмъ удачна. Христіанскія племена въ Турціи, если только имѣется въ виду удовлетвореніе ихъ желаній, вовсе не склонны довольствоваться новымъ изданіемъ гатъ-гумаюна; повидимому, ихъ не плѣняетъ и перспектива турецкаго парламента въ Константинополѣ, которую открываетъ имъ находчивая изобрѣтательность французской политики. Недавно императоръ Наполеонъ III, при торжественномъ случаѣ, выразилъ убѣжденіе, что Россія по дѣламъ Востока не отдѣляетъ своей политики отъ французской: для многихъ это можетъ казаться сомнительнымъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что съ политикой Франціи совершенно совпадаетъ теперь австрійская, какъ по дѣламъ Востока, такъ и по всѣмъ другимъ, и всѣ усилія этихъ обѣихъ державъ клонятся къ тому чтобы заглушить начавшееся на Востокѣ движеніе, которое, какъ всѣмъ извѣстно, первоначально возбуждено было преимущественно дѣйствіями французской политики, разчитывавшей тогда завладѣть элементами для рѣшенія восточнаго вопроса. Политика возбудившая событія въ Дунайскихъ Княжествахъ не ожидала, что они такъ скоро и такъ сильно отзовутся въ другихъ христіанскихъ населеніяхъ Турціи и повлекутъ за собою рядъ новыхъ событій: Кандія и ея нынѣшнее возстаніе не входили въ тотъ планъ, на основаніи котораго дѣйствовали двигатели событій въ Букарештѣ, когда было рѣшено раздѣлаться съ княземъ Кузой, и основать въ Румынскихъ княжествахъ порядокъ вещей въ противность трактатамъ, вызваннымъ у Россіи въ 1856 году. А между тѣмъ, въ Германіи быстро совершила свой циклъ военная эпопея, такъ глубоко измѣнившая положеніе европейскихъ дѣлъ и лишившая Францію на нѣкоторое время свободы располагать своими дѣйствіями. Вотъ въ этотъ-то промежутокъ времени начались на Востокѣ движенія, съ которыми не знаютъ теперь что начать. Несмотря на всѣ усилія подавить эти движенія или по крайней мѣрѣ умалить ихъ значеніе, они продолжаются; они ростутъ, и значеніе ихъ становится все шире и яснѣе. Они не расположены ждать того времени, когда Франція выйдетъ изъ своихъ затрудненій и возвратитъ себѣ полную свободу дѣйствій. Кризисъ на Востокѣ приближается, въ то время когда всѣ европейскія державы чувствуютъ себя связанными, и когда ни одна изъ нихъ не можетъ дѣятельно вмѣшиваться въ событія. Россія вовсе устранила себя отъ такого вмѣшательства, и никто не можетъ сказать, чтобъ она хотя издали угрожала теперь Турціи своимъ оружіемъ. Почему же западныя державы не считаютъ этотъ моментъ благопріятнымъ для рѣшенія восточнаго вопроса? Почему особенно Франція измѣняетъ здѣсь началамъ своей политики, и изъ революціонной, возбуждающей движенія державы превращается въ самую консервативную по отношенію къ Турціи? Почему она, такъ мало стѣснявшая себя какими бы то ни было соображеніями въ Италіи, обнаруживаетъ въ настоящее время столь великую заботливость о сохраненіи statu quo въ Турціи, которою дышатъ всѣ дипломатическіе документы, наполняющіе такъ-называемую *Синюю Книгу* французскаго правительства? Если государства, на которыя была раздѣлена Италія, должны были пасть жертвами идей прогресса и цивилизаціи, во имя которыхъ дѣйствовала Франція, почему же эти начала являются теперь безсильными и безмолвными предъ лицомъ Оттоманской Имперіи? Неужели турецкое *statu quo* менѣе противорѣчитъ этимъ началамъ нежели, напримѣръ, бывшее великое герцогство Тосканское или даже королевство Обѣихъ Сицилій? Дѣло въ томъ, что не требованія прогресса и цивилизаціи и не такъ-называемый принципъ національностей, управляютъ политикой державъ, которыя выставляютъ ихъ на своемъ знамени; точно также не изъ опасенія завоевательныхъ видовъ Россіи поддерживается существованіе восточнаго вопроса, не они заставляютъ заботиться о сохраненіи турецкаго владычества надъ племенами, которыя такъ давно, во имя христіанства и человѣчества, рвутся изъ своей тяжкой неволи. Въ основаніи противной намъ на Востокѣ политики лежитъ непріязнь не къ намъ однимъ, но и къ самимъ населеніямъ находящимся подъ мусульманскимъ игомъ. Опасаются не столько Россіи, которая въ этомъ случаѣ служитъ только предлогомъ, сколько самой независимости этихъ народовъ, ихъ развитія, ихъ гражданственности; не хотятъ не только завоеваній Россіи въ этихъ мѣстахъ, но и блага самихъ народовъ, которые такъ томятся. Для того чтобы примирить съ собою державы, такъ заботливо охраняющія существованіе Турецкой имперіи, христіанскіе народы, надъ которыми она тяготѣетъ,

должны были бы отказаться отъ самихъ себя. Въ надеждѣ задобрить Россію на время и отвлечь ее отъ сближенія съ Пруссіей, г-нъ фонъ-Бейстъ льститъ ей выраженіемъ своего доброжелательства и обѣщаніями ходатайствовать о нѣкоторыхъ для нея уступкахъ изъ условій трактата 1856 года, лишь бы только на Востокѣ по возможности, до поры до времени, сохранилось *statu quo*. Въ силу политической программы, заявленной императоромъ Наполеономъ III, Австрія въ интересѣ европейскаго равносѣсія, должна быть могущественна, а для этого такъ или иначе она должна возвратить снова утраченное ею значеніе. Гдѣ же можетъ быть она могущественна и на чей счетъ должна она возвратить себѣ значеніе, если возвратъ въ Германію и Италію долженъ остаться для ней возбраненнымъ? Гдѣ какъ не на Балканскомъ полуостровѣ можетъ она надѣяться на возобновленіе своего потрясеннаго могущества, а на чей счетъ какъ ни Россіи могла бы она возвратить свое утраченное значеніе? А если такъ то можно ли ожидать, чтобы Франція продолжала не отдѣлять своей политики отъ Россіи, и по истеченіи того времени, когда ей выгодно тянуть дѣло и бездѣйствовать?

№ 38.

Москва, 15-го февраля.

Надобно сознаться, что бо́льшая часть европейскихъ кабинетовъ имѣютъ огромную выгоду предъ нашимъ. Оглашая въ опредѣленные сроки собраніе своихъ документовъ, тщательно подобранныхъ и соображенныхъ, они могутъ имѣть сильное вліяніе на общественное мнѣніе, направлять его по своему желанію, приготовлять успѣхъ своихъ замысловъ въ будущемъ и оправдывать или прикрывать прежнія ошибки. *Желтыя*, *синія* и *зеленыя* книги, періодически предъявляемыя, что̀ это какъ не дипломатическія машины, искусное устройство которыхъ дѣятельно способствуетъ успѣхамъ тѣхъ, кто ими пользуется? Конечно, не съ полнымъ довѣріемъ принимаются эти офиціальныя сообщенія, но ихъ читаютъ, съ ними справляются, на нихъ указываютъ, и отъ того происходитъ, что мнѣнія, которымъ хотятъ дать ходъ, распространяются повсюду и проникаютъ въ народныя массы.

Старательность, съ какою въ Лондонѣ, Парижѣ, Флоренціи составляются эти книги, свидѣтельствуетъ о выгодахъ, которыя извлекаются изъ нихъ западными кабинетами.

Одни мы лишаемъ себя орудія столь дѣйствительнаго. Предоставляя нашимъ противникамъ всѣ выгоды слова, мы отваживаемся лишь на робкія пантомимныя попытки. Только чрезвычайная важность обстоятельствъ или крайняя нахальность клеветъ могутъ вынудить у насъ какое-нибудь возраженіе или объясненіе. Но и въ этихъ случаяхъ мы лишь со многими умолчаніями и предосторожностями отваживаемся высказать нѣсколько словъ, укрываясь за оградой офиціозныхъ изданій и сколько возможно измѣняя свой голосъ.

А между тѣмъ правота нашего дѣла, безукорность нашихъ намѣреній, неизмѣнная добросовѣстность нашихъ международныхъ дѣйствій, должны бы поощрять насъ къ тому что молвить подъ-часъ и наше слово. Мы возвысили бы нашъ голосъ не затѣмъ чтобы ходатайствовать за неправое дѣло. Напротивъ, мы стали бы говорить, дабы высказать мысль честную и безкорыстную; мы могли бы, мы должны бы, оглашать нашу политику во всеобщее свѣдѣніе, дабы разоблачить ложь и доставить торжество истинѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что не въ талантѣ терпятъ недостатокъ органы нашей политики. Опытъ послѣднихъ десяти лѣтъ доказалъ, что каждый разъ какъ Императорскій кабинетъ хотѣлъ говорить, онъ успѣвалъ наложить молчаніе на уста своихъ противниковъ и вызвать всеобщую хвалу. Недавно еще это доказано впечатлѣніемъ, которое произвели депеша и меморандумъ вице-канцлера Имперіи о римскихъ дѣлахъ. Не только журналы французскіе, англійскіе и нѣмецкіе отдали справедливость достоинствамъ этого документа, но мы знаемъ, что газета *Unità Cattolica*, конечно преданная дѣлу Ватикана, выразилась по этому поводу слѣдующимъ образомъ: „Сознаемся „откровенно, что столь умѣренный языкъ „князя Горчакова обезоруживаетъ насъ, „и что зрѣлище могущественнаго импера„тора, который, защищаясь, объявляетъ, „что не чувствуетъ никакой вражды къ „*безоружному ватиканскому герою* (!), „вырываетъ у насъ изъ глубины сердца „слово похвалы и удивленія.“

Мы не станемъ здѣсь разбирать, прав-

да ли что нашъ Государь хотѣлъ защищаться, или только имѣлъ въ виду возстановить истину относительно образа дѣйствій какъ своего, такъ и *безоружнаго ватиканскаго героя;* намъ нужно только поставить на видъ, что „*мы вырвали слово хвалы и удивленія*“ у нашихъ противниковъ, самыхъ неподатливыхъ и особенно наклонныхъ къ препирательству.

Если таково было послѣдствіе официальнаго обнародованія по дѣлу совершенно спеціальнаго свойства, то какъ выгодно было бы для Россіи общее изложеніе столь возвышенной и широкой политики, принятой нашимъ Государемъ? Политическія изложенія могутъ быть оглашаемы при всякой формѣ правительства. У насъ нѣтъ политическихъ собраній, но исполнители воли Монарха могутъ отдавать отчетъ Его августѣйшей особѣ въ исполненіи Его повелѣній. Это доставило бы многочисленныя и весьма большія выгоды какъ внѣ, такъ и внутри государства. Мы не оставили бы нашимъ противникамъ возможности вооружать противъ насъ общественное мнѣніе Европы. Мы расположили бы въ нашу пользу массу людей честныхъ, но колеблющихся въ нерѣшимости и вводимыхъ въ заблужденіе невѣдѣніемъ обо всемъ что до насъ касается. Наконецъ, и Россія была бы пріобщена, по мѣрѣ возможности, къ ходу нашей внѣшней политики, и не была бы вынуждена почерпать свѣдѣнія о ней въ противорѣчивыхъ и часто злоумышленныхъ показаніяхъ иностранной журналистики. Именно по искреннему убѣжденію, что наша политика не имѣетъ никакихъ причинъ опасаться гласности и свѣта, и было бы желательно разсѣять мракъ или невыгодный для нея полусвѣтъ, которымъ она окружена.

Эти размышленія внушены намъ показаніемъ, очевидно неточнымъ, содержащимся въ англійской *Синей Книгѣ*, и заявленнымъ въ британскомъ парламентѣ.

Во всѣхъ иностранныхъ газетахъ воспроизведены двѣ депеши лорда Станлея къ лорду Коулею; въ этихъ депешахъ нашему послу при англійскомъ дворѣ приписываются языкъ и образъ дѣйствій, которыхъ не могъ усвоить себѣ дипломатъ столь искусный и опытный. Сообщая подробности своего свиданія съ барономъ Брунновымъ, лордъ Станлей пишетъ, между прочимъ, отъ 18-го сентября 1866 г., слѣдующее:

„Я прибавилъ, что мы должны быть „очень осторожны въ нашемъ образѣ дѣй„ствій, ибо въ противномъ случаѣ можемъ „снова навязать себѣ на шею весь восточ„ный вопросъ. Баронъ Брунновъ раздѣ„ляетъ это воззрѣніе, и онъ съ большимъ „жаромъ увѣрялъ меня, что его прави„тельство никакъ не хочетъ разшевели„вать этотъ вопросъ, что Императору ни„сколько не приходитъ на мысль пріобрѣ„сти для Россіи какія-либо территоріаль„ныя выгоды, и что *единственное жела„ніе Россіи состоитъ въ томъ, чтобы въ „Турціи установилось правительство спо„собное держаться собственными силами*, „и что это могло бы всего лучше устроить„ся при совокупномъ дѣйствіи европей„скихъ державъ.“

12-го октября 1866 года, лордъ Станлей въ другомъ письмѣ, также къ лорду Коулею, сообщаетъ показаніе также неточное:

„Я нашелъ, что баронъ Брунновъ со„вершенно отказался отъ мысли, на кото„рой неоднократно настаивалъ сначала, „именно, что кандійское возстаніе причи„нено мѣстными неудовольствіями; онъ счи„таетъ это возстаніе стремленіемъ къ не„зависимости и желаніемъ Кандіотовъ со„единиться съ Греческимъ королевствомъ.“

Нашъ посолъ могъ, безъ сомнѣнія, раздѣлять мнѣніе лорда Станлея о необходимости дѣйствовать осторожно, онъ могъ съ жаромъ отвергать всякую мысль о территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, но нельзя допустить, чтобъ онъ считалъ себя уполномоченнымъ сказать, *что единственное желаніе Россіи состоитъ въ томъ, чтобы въ Турціи установилось правительство, способное держаться собственными силами.* Россія не чувствуетъ на себѣ обязанности во что бы то ни стало поддерживать турецкое правительство. Она желаетъ, желала и всегда будетъ желать болѣе всего благоденствія и развитія всѣхъ христіанскихъ народностей на Востокѣ. Невѣроятно также, чтобы баронъ Брунновъ допустилъ убѣдить себя доводами лорда Станлея до такой степени, что вдругъ отказался отъ убѣжденій основанныхъ на положительныхъ фактахъ, и возложилъ на Грековъ всю отвѣтственность за кандійское возстаніе. Что Кандіоты желаютъ независимости и соединенія съ Греціей, это несомнѣнно, и едва ли они помирятся теперь на чемъ-либо иномъ; но что возста-

ніе было причинено крайними притѣсненіями, въ этомъ также нельзя сомнѣваться. Очевидно, что англійскій министръ не позаботился о точномъ выраженіи высказанной ему мысли.

Эти неточныя показанія, которыя не преминутъ произвести прискорбное впечатлѣніе на нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ, да и на самихъ Русскихъ, конечно, не могли бы быть сдѣланы, еслибы не принималось въ разчетъ наше всегдашнее безмолвіе. Это безмолвіе имѣетъ своимъ послѣдствіемъ, съ одной стороны, клеветы, вредныя для нашихъ интересовъ, а съ другой—и то, что никому въ Европѣ неизвѣстны самыя почетныя дѣйствія Императорскаго кабинета,—дѣйствія, которыя нашими противниками умалчиваются или толкуются ими по своему.

Такъ, напримѣръ, изъ депеши лорда Станлея, отъ 6-го сентября, къ лорду Лайонсу, англійскому послу въ Константинополѣ оказывается, что съ августа мѣсяца прошлаго года наше правительство съ жаромъ ходатайствовало за Критянъ, что оно и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, настоятельно предлагало предотвратить общимъ и благовременнымъ участіемъ Европы бѣдственныя послѣдствія отказовъ Порты, не соглашавшейся оказать удовлетвореніе Критянамъ въ самыхъ законныхъ жалобахъ. Изъ этой депеши видно также, что Англія отказалась присоединиться къ этому предложенію. Въ интересахъ нашей политики было бы какъ можно болѣе оглasить это доказательство нашей заботливости и политическаго разумѣнія. И теперь извѣстно о немъ лишь то что угодно было обнаружить англійскому статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ, и ни восточные христіане, ни Россія не знаютъ, что Императорскій кабинетъ, еще полгода назадъ, первый ходатайствовалъ за дѣло христіанъ и предостерегалъ Европу отъ опасныхъ замѣшательствъ, которыя неминуемо должны проистечь отъ политики равнодушія и бездѣйствія.

Нѣтъ сомнѣнія, дипломатическія дѣла не всегда могутъ быть оглашаемы. По отношенію къ нимъ, иногда вѣрна поговорка: „слово—серебро, а молчаніе—золото.“ Бываютъ однакожъ обстоятельства предписывающія соблюдать поменѣе скромности. Когда видишь, что искажаютъ истину, когда сознаешь правоту своего дѣла, чувствуешь, что исполнилъ свой долгъ, то слово становится золотомъ, а молчаніе не только теряетъ свою цѣну, но и становится очень убыточнымъ.

№ 39.

Москва, 16-го февраля.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ *Рижской Газетѣ* былъ сдѣланъ намъ упрекъ, что *Московскія Вѣдомости* называютъ лютеранское исповѣданіе сектой. Мы не могли припомнить, чтобы подобное выраженіе было когда-нибудь употреблено въ нашей газетѣ, но полагали, что *Рижская Газета* не могла бы упрекать насъ, еслибы не отыскала какого-нибудь случайноускользнувшаго отъ нашего вниманія мѣста, а потому сочли нужнымъ заранѣе извиниться за выраженіе, которое мы не хотѣли и не хотимъ относить къ лютеранскому исповѣданію, но извиняясь, присовокупили просьбу объ указаніи того мѣста нашей газеты, которое подало поводъ къ упреку. Эта просьба не была и, какъ видно, не могла быть исполнена. На дняхъ мы нашли однакоже въ *Рижской Газетѣ* статью подъ заглавіемъ: „Либерализмъ *Московскихъ Вѣдомостей*,“ гдѣ рижскіе публицисты между прочимъ объясняютъ, какимъ путемъ дошли они до того, что взвели на насъ упомянутое обвиненіе оказывающееся ложнымъ. Они даютъ это объясненіе очень развязно. Вонервыхъ, они забываютъ содержаніе обвиненія. Оно состояло въ томъ что мы будто бы *называемъ* лютеранское исповѣданіе сектой; но память имъ измѣняетъ, и по ихъ теперешнему мнѣнію мы обвинялись только за то, что *трактуемъ* лютеранское исповѣданіе какъ секту. Это не одно и тоже; во второй своей формѣ обвиненіе теряетъ прежнюю опредѣленность, а потому даетъ возможность уклониться отъ категорическаго отвѣта: да или нѣтъ. Но этого мало. Оказывается, что мы и не трактуемъ и не трактовали, а только готовы или лучше должны быть готовы трактовать лютеранское исповѣданіе какъ секту. *Рижская Газета* очень хорошо знаетъ, что мы искренніе поборники свободы совѣсти и исповѣданій, но она также знаетъ—ея собственныя слова—„что для насъ выше всего однообразіе, что ему охотно приносимъ мы въ жертву наши личныя симпатіи и жела-

нія," а потому, заключаетъ эта газета, рижскіе публицисты „очень могутъ или по крайней мѣрѣ могли придти къ предположенію (sic!), что *Московскія Вѣдомости* ради однообразія желаютъ низвести лютеранскую церковь на степень секты." „Иначе, говоритъ *Рижская Газета*, мы не могли понять намеки на то что лютеранская церковь въ прибалтійскихъ губерніяхъ *eine fremdgläubige und geduldete sei.*" Словомъ *fremdgläubig* очевидно переводится тутъ наше *инославный*, а словомъ *geduldet* наше *терпимый*. Итакъ вотъ въ чемъ нашъ промахъ. Мы назвали лютеранское исповѣданіе инославнымъ и терпимымъ. Но развѣ оно не инославное съ точки зрѣнія православной церкви? Развѣ не правда, что оно пользуется у насъ терпимостію? Просимъ покорнѣйше *Рижскую Газету* научить насъ, какіе эпитеты должны быть относимы къ лютеранскому исповѣданію, чтобы въ нихъ нельзя было видѣть намековъ на неуваженіе. Въ русскомъ языкѣ мы не знаемъ болѣе почтительныхъ выраженій. Нѣмецкое *fremdgläubig* не вѣрно передаетъ смыслъ нашего *инославный*; ужь если ковать новыя слова, то слѣдуетъ сказать *andersgläubig*; это будетъ точнѣе, и тогда исчезнетъ всякій намекъ на то, что повидимому, кажется *Рижской Газетѣ* обиднымъ,—на иностранный характеръ лютеранскаго исповѣданія въ Россіи. Мы съ своей стороны именно и стараемся избѣгать того неправильнаго намека или оттѣнка, который заключается въ словѣ *fremd*, иностранный. Именно потому мы и употребляемъ церковное выраженіе *инославный* для обозначенія исповѣданій, которыя официально называются у насъ *иностранными*. Странное дѣло: существуетъ департаментъ иностранныхъ исповѣданій, и вѣдѣнію этого департамента подлежитъ лютеранская церковь въ Россіи, но *Рижская Газета* не находитъ вслѣдствіе того, чтобы лютеранская церковь была низводима на степень секты. Намъ кажется неправильнымъ признавать всякое неправославное исповѣданіе иностраннымъ, и мы предпочитаемъ другой эпитетъ, который впрочемъ не придумывается нами самими, а берется изъ богословскаго употребленія — эпитетъ *инославный* (heterodoxos), указывающій только на фактъ исповѣднаго различія и слѣдовательно совершенно безобидный, — и что же? Именно эта внимательность къ исповѣданіямъ не православнымъ (замѣтьте: не называемымъ даже неправославными) служитъ *Рижской Газетѣ* поводомъ обвинить насъ въ неуваженіи къ лютеранской церкви.

Мы не хотимъ называть лютеранское исповѣданіе иностраннымъ, какъ оно называется официально: *Рижской Газетѣ* кажется на оборотъ, что мы настаиваемъ на его иностранномъ характерѣ, и изъ этого выводится заключеніе, что мы расположены трактовать его какъ секту и называть его сектой, а это заключеніе незамѣтно превращается въ басню, что мы уже и называли гдѣ-то въ нашей газетѣ лютеранское исповѣданіе сектой. То же самое и съ землевладѣніемъ. Мы никакъ не можемъ войдти въ доводы защитниковъ общиннаго землевладѣнія, которое однако же признается законодательствомъ въ большей части Россіи. Мы убѣждены въ неизмѣримой пользѣ, которую должно принесть Россіи распространеніе личнаго землевладѣнія, и потому желаемъ торжества ему. *Рижская Газета* сознается, что это ей очень хорошо извѣстно, но тѣмъ не менѣе она находитъ естественнымъ свое предположеніе, что мы будто бы желаемъ насильственнаго распространенія общиннаго землевладѣнія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. *Рижская Газета* лелѣетъ это предположеніе до того, что оно начинаетъ представляться ей уже какъ фактъ и она считаетъ долгомъ заявить объ этомъ фактѣ своей публикѣ, которая, разумѣется, принимается бить тревогу противъ вандальской газеты, издающейся въ полуазіатской Москвѣ.

Рижская Газета утверждаетъ, что если вводитъ своихъ читателей въ такія заблужденія, то дѣлаетъ это добросовѣстно. По ея мнѣнію, мы имѣемъ два мѣрила: для цѣлаго государства мы предлагаемъ весьма полезныя вещи, для прибалтійскихъ губерній—вредныя. И дѣлаемъ мы это не изъ ненависти или чего-нибудь подобнаго, а въ силу системы, система же наша состоитъ въ томъ, что для насъ выше всего однообразіе. По мнѣнію *Рижской Газеты*, нѣтъ жертвы, предъ которой мы остановились бы, когда замѣшанъ въ дѣлѣ вопросъ объ однообразіи. *Рижская Газета* входитъ въ наши мысли и, становясь на нашу точку зрѣнія, считаетъ себя не въ правѣ упрекать насъ за то что мы хотимъ уничтожить все что для прибалтійскихъ губерній священно. Благодаримъ за великодушіе, но принуждены сказать, что оно

не умѣстно, такъ какъ мы не только ничего священнаго, но даже ничего и сколько-нибудь полезнаго въ прибалтійскихъ губерніяхъ уничтожать никогда не намѣревались и ничего подобнаго никогда не высказывали. Если *Рижская Газета* увѣрена въ существованіи такихъ намѣреній съ нашей стороны, то эта ея увѣренность можетъ быть только плодомъ ея соображеній, основанныхъ опять на томъ, что мы готовы жертвовать всѣмъ системѣ однообразія. Что же еслибъ удалось доказать, что эта система отнюдь не наша система „Либерализмъ *Московскихъ Вѣдомостей*, говоритъ *Рижская Газета*, встрѣчаетъ непреодолимую преграду въ стремленіи къ однообразію, въ тѣхъ понятіяхъ, которыя *Московскія Вѣдомости* составили себѣ о потребностяхъ государственнаго единства, и благодаря которымъ эта газета была принуждена выслушать отъ *Сѣверной Почты* напоминаніе, что историческое развитіе Риги и Ревеля не можетъ быть отождествляемо съ историческимъ развитіемъ Ярославля или Костромы.“ Намъ какъ нельзя болѣе пріятно, что это напоминаніе *Сѣверной Почты* понравилось *Рижской Газетѣ*. Въ *Сѣверной Почтѣ* оно напечатано въ № 277-мъ 1865 года декабря 17-го. Но за три недѣли до того въ № 262 нашей газеты (отъ 28-го ноября) было напечатано слѣдующее:

„Высшее единство, которое должно обнять всѣ части возсоединеннаго русскаго народа и связать въ одинъ цѣльный составъ всѣ мелкіе внѣдрившіеся въ него инородческіе элементы, не должно быть мертвящею силой, стирающею всѣ особенности. Напротивъ, чѣмъ характернѣе элементы входящіе въ составъ одного цѣлаго, тѣмъ полнѣе и богаче результаты, тѣмъ выше, могущественнѣе и плодотворнѣе единство, связующее все вмѣстѣ. Нѣтъ ни одного великаго историческаго народа, который былъ бы сплошною, однообразною массой, который не слагался бы изъ разнородныхъ элементовъ, связанныхъ вмѣстѣ творческою силой жизни. Итакъ, задача висящая надъ западнымъ краемъ состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы сдѣлать тамошняго крестьянина похожимъ на владимірскаго, или *Вильну на Тамбовъ, а Кіевъ на Вологду*, и не въ томъ, чтобы пуговки священническихъ ризъ точь въ точь походили на московскія, или чтобъ иконы въ тамошнихъ церквахъ были непремѣнно суздальскаго пошиба, также не въ томъ,—упаси Боже,—чтобы туда перешло общинное землевладѣніе съ круговою порукой, это мрачное наслѣдіе тяжкой фискальной необходимости, которую долженъ былъ вытерпѣть русскій народъ восточной половины и отъ которой пора ему самому освобождаться, а не навязывать ее другимъ. Не перемѣны декорацій, не случайная обстановка, не маскарадная поддѣлка наружныхъ формъ, необходимы теперь русскому дѣлу для того чтобы выйдти съ торжествомъ изъ затрудненій и опасностей, которыми окружила его въ западномъ краѣ ошибочная политика нынѣшняго столѣтія. Истинная задача состоитъ въ томъ, чтобъ искоренить сѣмена этой политики и уничтожить то въ чемъ заключается не мнимое, а дѣйствительное зло. Здѣсь не должно быть призрака какого-либо иного государства, кромѣ русскаго, не должно быть дворянства, которое могло бы считать себя польскимъ, никакихъ учрежденій, которыя были бы символами иной политической національности..... Одно цѣльное государство и одинъ признаваемый государствомъ языкъ, или, что то же, одна политическая національность, — вотъ въ чемъ вся сила вопроса, вотъ что должно быть поставлено внѣ всякихъ сомнѣній и колебаній. Нравы и обычаи, соціальныя формы, физіономія городовъ и селъ, могутъ разнится, но тѣмъ несомнѣннѣе должно быть единство политической національности, тѣмъ тѣснѣе должны быть связи соединяющія обѣ половины Россіи, тѣмъ живѣе общеніе между ними.“

Вотъ что мы писали относительно западнаго края, и ужь конечно никогда не могли требовать чего-либо большаго для прибалтійскихъ губерній. Наша рѣчь была вовсе не о томъ, что для нихъ священно, даже не о томъ что для нихъ привычно: мы всегда высказывались въ пользу децентрализаціи, и *Рижская Газета* не можетъ не знать этого. Наша рѣчь была о нововведеніяхъ, и клонилась къ тому, чтобъ эти нововведенія не отдѣляли прибалтійскихъ губерній отъ остальной Россіи и не создавали государствъ въ государствѣ.

№ 40.

Москва, 17-го февраля.

Непосредственно одинъ за другимъ происходили въ Московскомъ окружномъ судѣ

два въ высшей степени важные уголовные процесса. Отчеты о нихъ представлены въ нашей газетѣ, и сегодняшній нумеръ едва могъ вмѣстить изложеніе судебныхъ преній, которыми заключился страшный процессъ по дѣлу объ убійствѣ капитана Попова и его служанки. Оба процесса были для нашего новаго суда первою серіозною пробой, изъ которой выходитъ онъ съ честію. Вотъ новое доказательство, что реформы, совершаемыя теперь въ нашемъ быту, принимаются успѣшно. Три, четыре года тому назадъ когда судебная реформа была еще впереди, трудно было представить себѣ какъ осуществится она на дѣлѣ. Мысль о возможности въ Россіи суда, основаннаго на началахъ высокой гражданственности и возведенныхъ въ систему современною наукой,—суда со всевозможными обезпеченіями для закона, для общества и для личности подсудимаго, суда публичнаго при соучастіи народа въ лицѣ присяжныхъ, суда независимаго отъ партій и относящагося во имя правды, съ равнымъ безпристрастіемъ, и къ обвиненію, и къ защитѣ,—эта мысль казалась слишкомъ отважною, несбыточною, почти химерическою. Опытъ показываетъ теперь, что эта мысль была столько же мудрая, сколько великодушная, и что жизнь, къ которой она относилась, обладала достаточною силой для ея осуществленія. Гдѣ, казалось, при скудости нашего образованія, при нашей гражданской незрѣлости, возьмемъ мы судей, которые были въ уровень съ требованіями новаго судопроизводства, обвинителей и защитниковъ, которые могли бы съ достоинствомъ и успѣхомъ дѣйствовать на новомъ поприщѣ, гдѣ требуется какъ общее, такъ и юридическое образованіе, зрѣлость сужденія, находчивость и опытность, способность пользоваться доказательствами, умѣнье наносить и отражать удары въ публичномъ состязаніи благороднѣйшимъ и труднѣйшимъ орудіемъ человѣка, — словомъ! Дѣйствительно, условія были крайне неблагопріятныя. Никакого приготовленія къ тому не было у насъ ни въ школѣ, ни на практикѣ, ни въ общественной жизни; никакихъ элементовъ не представлялось для маломальски удачнаго осуществленія предположенной реформы; ни въ чемъ повидимому не угрожало намъ такое печальное фіаско, какъ въ судебномъ дѣлѣ. Опытъ, который предстоялъ намъ, казался тѣмъ рискованнѣе, что на этомъ новомъ для насъ поприщѣ, къ которому такъ мало были мы приготовлены намъ приходилось подвергнуться сравненію съ народами стоящими на высотѣ цивилизаціи, богатыми опытомъ и средствами образованія, и издавна обладающими тою судебною практикой, которую мы намѣревались завести у себя. Не слишкомъ ли было самонадѣянно заводить при нашей неприготовленности тѣ судебные порядки, которые впервые на нашихъ глазахъ введены были въ самой Германіи, да и то не во всей Германіи, столь далеко опередившей насъ въ образованіи и наукѣ? И однакожь, почва оказалась благодарною; при всѣхъ возможныхъ невыгодныхъ условіяхъ, оказалось у насъ достаточно способовъ для того чтобы въ этомъ новомъ для насъ дѣлѣ стать не краснѣя на ряду опередившихъ насъ народовъ. Къ собственному нашему удивленію, мы оказались и способными, и готовыми. Сразу нашлись дѣятели, которые съ успѣхомъ поддержатъ новое учрежденіе. Достоинство реформъ заключается не въ томъ, чтобы ставить людей въ какія-либо мудреныя условія и затруднять для для нихъ дѣло, а напротивъ, въ томъ и заключается достоинство высшихъ формъ цивилизаціи, что онѣ облегчаютъ дѣло, возвышаютъ силы дѣятелей и ставятъ ихъ въ условія болѣе благопріятныя для исполненія своего призванія. Чѣмъ несовершеннѣе порядки, тѣмъ они затруднительнѣе для правильнаго веденія дѣла. Великія нововведенія нынѣшняго царствованія блистательно свидѣтельствуютъ о могучихъ способахъ которыми обладаетъ нашъ народъ, и его способности къ прогрессу и цивилизаціи. Если и при тѣхъ невыгодныхъ условіяхъ, среди которыхъ находилось наше образованіе, мы успѣли выдержать испытанія слѣдовавшія одно за другимъ, чего же можемъ ожидать въ послѣдствіи, при новыхъ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ общественнаго развитія, въ которыя мы теперь вступили и которыя съ каждымъ годомъ должны возрастать въ силѣ и въ дѣйствіи?

Въ процессѣ Данилова нельзя не обратить вниманія на столь тщательно и искусно веденное предварительное слѣдствіе, чего, къ сожалѣнію, нельзя было сказать о предварительномъ слѣдствіи по дѣлу Мавры Волоховой. Слѣдствіе, произведен-

ное такъ мастерски, какъ по дѣлу Данилова, есть уже судъ въ половину. Вооруженный такимъ актомъ, обвинитель не отразимъ. Замѣчательное дарованіе, обнаруженное въ обоихъ процессахъ товарищемъ прокурора г. Громницкимъ, могло раскрыться здѣсь во всей своей силѣ, и показать какое надежное обезпеченіе имѣютъ законъ и общество въ здѣшнемъ прокурорскомъ надзорѣ. При такихъ условіяхъ роль защитника становилась только исполненіемъ формальности. Нельзя не отдать справедливости и присяжному повѣренному, взявшему на себя защиту Данилова, въ томъ отношеніи, что онъ воздержался отъ всякой напрасной декламаціи въ пользу своего кліента, къ какой любятъ прибѣгать адвокаты во французскихъ судахъ въ томъ случаѣ когда защищаемое дѣло безнадежно; защитникъ Данилова сдѣлалъ все что было нужно для очистки совѣсти. Судебная защита должна воспользоваться всѣмъ, что въ обстоятельствахъ дѣла можетъ быть истолковано въ пользу подсудимаго, и г. Доброхотовъ сдѣлалъ все что только было возможно.

Присяжные дали по дѣлу Мавры Волоховой очистительный вердиктъ, и никогда общество не сочувствовало въ большей мѣрѣ судебному приговору какъ въ настоящемъ случаѣ. Бывшіе при этомъ процессѣ вышли съ чувствомъ живѣйшаго удовлетворенія, какое испытываютъ люди видѣвшіе спасеніе погибавшаго человѣка. Честь и слава новому суду, который вышелъ съ торжествомъ изъ дѣла столь запутаннаго, гдѣ съ перваго взгляда представлялось такъ много уликъ. Въ нашихъ старыхъ судахъ, при самомъ лучшемъ исходѣ, Мавру Волохову оставили бы въ подозрѣніи, а это въ иныхъ случаяхъ бываетъ хуже чѣмъ ссылка въ Сибирь и ни въ какомъ случаѣ не приносило бы обществу пользы.

Присяжные по дѣлу Данилова нашли обстоятельства, по которымъ признали его заслуживающимъ снисхожденія, и послѣдствіемъ было то, что срокъ каторги, къ которой присуждаетъ преступника законъ, сокращенъ на три или четыре года. Но въ вопросѣ о снисхожденіи, къ которому рекомендуется присяжными виновный, важно не пониженіе степени кары, а впечатлѣніе производимое рѣшеніемъ суда на общественную совѣсть. Если въ дѣлѣ не оказывается обстоятельствъ дѣйствительно уменьшающихъ степень вины, то чувство правды въ обществѣ бываетъ оскорблено, какъ было бы оно оскорблено, хотя и въ меньшей мѣрѣ, еслибы человѣкъ, очевидно виновный, былъ судомъ совершенно оправданъ.

№ 41.

Москва, 18-го февраля.

Послѣ того какъ вооруженная сила подавила польскій мятежъ, высшая мѣстная администрація, какъ извѣстно, обратила особенное вниманіе на положеніе уніатовъ Царства Польскаго. Событія показали, что въ нихъ еще не утрачено сознаніе родства своего съ остальнымъ русскимъ народомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ было замѣчено, что уніатское духовенство почти столь же враждебно расположено къ Россіи какъ и католическое; нѣсколько уніатскихъ священниковъ были скомпрометированы болѣе или менѣе серіознымъ образомъ; бо́льшая часть ихъ оказались вообще неблагонадежными; іерархія — тоже. Очевидною необходимостію сдѣлалось измѣнить личный составъ уніатскаго духовенства. Людей иного свойства можно было найдти въ сосѣдней съ Люблинскою губерніей, восточной Галиціи. По ту и другую сторону границы населеніе русское и уніатское; это двѣ провинціи тождественныя въ этнографическомъ отношеніи, это двѣ епархіи одного и того же обряда. Перемѣщеніе уніатскихъ священниковъ изъ Львовской и Перемышльской епархіи въ Холмскую не представляло никакихъ затрудненій, и дѣло пошло-было на ладъ; нѣсколько достойныхъ священниковъ перешли въ Холмскую епархію. Но вотъ союзное и дружелюбное намъ вѣнское правительство начало дѣлать препятствія. Оно воспрещало инымъ духовнымъ лицамъ принимать приглашеніе русскихъ властей. Власти въ Галиціи не только не обнаружили расположенія содѣйствовать видамъ русскаго правительства на благо уніатской церкви, но всячески затрудняли переходъ уніатскихъ священниковъ въ Россію, такъ что не болѣе 5 или 6 изъ нихъ было пріобрѣтено для Холмской епархіи, не взирая на всѣ старанія бывшаго главнаго директора коммиссіи духовныхъ дѣлъ въ Царствѣ и на желаніе, обнаруженное весьма многими Галичанами принять русское подданство.

Холмская духовная семинарія находилась до 1864 года въ рукахъ людей явно враждебныхъ Россіи, изъ нея именно и выходили тѣ священники, которые были не пастырями, а волками для своей паствы. На ряду съ семинаріей оказалось нужнымъ устроить нѣсколько свѣтскихъ училищъ. Администрація Царства Польскаго обратилась въ Галицію и за учителями, тѣмъ болѣе что и въ прежніе годы она нерѣдко получала ихъ оттуда. Но въ прежніе годы Галиція высылала въ Царство,—и высылала съ величайшею готовностію,—рьяныхъ польскихъ патріотовъ; теперь потребовались люди другаго рода—и явились затрудненія. Охотниковъ оказалось много, но весьма небольшому числу изъ нихъ удалось преодолѣть препятствія, которыя умѣла сгруппировать администрація Галицкаго королевства. Польская партія старалась, съ своей стороны, представить подобные переходы какъ явную измѣну предъ австрійскимъ правительствомъ. Читатели вѣроятно не забыли, какой шумъ былъ недавно поднятъ во Львовѣ по поводу задатковъ и денегъ на путевые расходы присланныхъ начальствомъ варшавскаго учебнаго округа нѣкоторымъ лицамъ, рѣшившимся принять учительскія должности въ учебныхъ заведеніяхъ Царства Польскаго. Намъ пишутъ о новыхъ затрудненіяхъ воздвигнутыхъ недавно графомъ Голуховскимъ. Прежде онъ отказывалъ въ дозволеніи переселяться въ Россію лишь тѣмъ изъ Галичанъ, которые не отбыли еще военной повинности, что̀ не лишено основанія, но даже имъ, хотя не безъ затрудненій, выдавалъ паспорты временные, для поѣздокъ въ Варшаву, Холмъ или иные города Россіи. Теперь, какъ насъ увѣряютъ, онъ отказываетъ въ паспортахъ лицамъ, къ которымъ нѣтъ никакой придирки, которые военной службѣ неповинны, казенныхъ стипендій не получали, а если и получали, то отслужили за нихъ узаконенный въ Австріи срокъ (6 лѣтъ). Даже этимъ послѣднимъ не выдаютъ теперь паспортовъ и требуютъ отъ нихъ возврата стипендій, уже ими отслуженныхъ. Наши корреспонденты увѣряютъ насъ, что это дѣлается вопреки всѣмъ австрійскимъ законамъ. Мы отказываемся пока безусловно вѣрить столь удивительному извѣстію. Переѣздъ изъ одного государства въ другое воспрещается лишь въ случаѣ явнаго разрыва между ними; каковы бы ни были взаимныя чувства между правительствами, если находящіеся при нихъ аккредитованные представители не отозваны, если не объявлена между ними война, установившійся обычай имѣющій силу права не допускаетъ, чтобы частнымъ лицамъ воспрещалось дѣлать поѣздки изъ одного государства въ другое, а между тѣмъ не только нѣтъ ничего похожаго на формальный разрывъ между дворами Петербургскимъ и Вѣнскимъ, но напротивъ Австрія свидѣтельствуетъ въ Петербургѣ о своихъ добрыхъ чувствахъ относительно Россіи, г. фонъ-Бейстъ печется о нашихъ интересахъ на Востокѣ, и иностранная печать еще недавно распространялась о полномъ будто бы согласіи обоихъ императорскихъ дворовъ по восточному вопросу.... Какъ же согласовать дружескія заявленія г. фонъ-Бейста съ принятіемъ столь недружелюбныхъ мѣръ какъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь? Какъ объяснить себѣ безнаказанное нарушеніе намѣстникомъ въ Галиціи законовъ имперіи, разрѣшающихъ ея подданнымъ свободный и безпрепятственный выѣздъ? Мы стараемся придумать какую-нибудь разумную причину запрещенію выпускать въ Россію учителей и священниковъ изъ Галиціи, какое-нибудь основаніе указываемое интересами Австрійской монархіи, и не находимъ. Россія бѣднѣе (говоря относительно) населеніемъ чѣмъ Австрія, но русское правительство не отказываетъ въ паспортахъ лицамъ желающимъ съѣздить въ Вѣну или совсѣмъ переселиться туда. Или графъ Голуховскій опасается, что нѣсколько десятковъ учителей и священниковъ вывезутъ изъ Австріи огромные капиталы? Или можетъ быть вся наука и весь уніатскій обрядъ уйдутъ за Кардонъ? Словомъ, съ какой бы стороны ни смотрѣть на эту странную мѣру, мы ничего не можемъ открыть въ ней кромѣ самаго мелкаго шиканства, достойнаго какого-нибудь эмиграціоннаго клуба, а не правительства великой державы.

Но въ этомъ-то и заключается объясненіе всей странности. Дѣло тутъ идетъ не объ интересахъ Австріи, а о мечтаніяхъ польской справы. Извѣстно, что Галиціей теперь управляетъ партія польскихъ коноводовъ, партія, выбитая изъ Россіи и нашедшая себѣ пріютъ подъ покровомъ австрійскаго правительства. Эта партія устроила въ Галиціи батарею, которою она собирается дѣйствовать противъ Россіи; но мы позволяемъ себѣ думать, что ея сна-

ряды могутъ причинить менѣе вреда намъ нежели тѣмъ, кто покровительствуетъ дѣйствію этой батареи. Мы даже увѣрены, что Австрія тутъ уже черезчуръ понадѣялась на свои политическія хитрости.

№ 42.

Москва, 20-го февраля.

Наши читатели, безъ сомнѣнія, раздѣлятъ то удовольствіе, съ которымъ мы встрѣтили въ *Сѣверной Почтѣ* свѣдѣнія о дѣйствіяхъ комитета, Высочайше утвержденнаго для преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Статью эту перепечатываемъ мы въ нашемъ нынѣшнемъ нумерѣ. Она разсѣиваетъ тѣ опасенія, которыя проглянули недавно въ одной изъ нашихъ статей по этому предмету. Такъ какъ преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній ожидается въ теченіе настоящаго года, то мы опасались, что для полнаго и всесторонняго обсужденія дѣла не оказалось бы достаточно времени, между тѣмъ какъ въ современномъ быту нашемъ едва ли есть другой вопросъ, который былъ бы такъ важенъ и въ то же время былъ бы окруженъ столькими недоразумѣніями и неясностями, какъ вопросъ объ общественномъ положеніи нашего духовенства, тѣсно связанный съ преобразованіемъ духовно-учебныхъ заведеній. Мыслью объ этомъ преобразованіи уже давно озабочено правительство, и еще въ 1850 году былъ поднятъ этотъ вопросъ, а въ 1860 году былъ учрежденъ при святѣйшемъ синодѣ комитетъ, который въ продолженіи двухъ лѣтъ работалъ надъ составленіемъ проекта устава епархіальныхъ семинарій. Труды этого комитета были подвергнуты обсужденію лицъ, отъ которыхъ можно было ожидать полезныхъ замѣчаній относительно подробностей. Отзывы и замѣчанія собирались съ разныхъ сторонъ въ 1863, 1864, 1865 и даже въ первой половинѣ 1866 года, и изъ нихъ былъ составленъ краткій экстрактъ, который и былъ напечатанъ. При этомъ оказалась необходимость въ новомъ пересмотрѣ вопроса, и въ 1866 году было Высочайше повелѣно вновь образовать комитетъ для составленія проекта устава духовно-учебныхъ заведеній. Комитетъ началъ свои занятія въ апрѣлѣ минувшаго года, а въ декабрѣ окончилъ свой трудъ въ главныхъ частяхъ. Въ настоящее время комитетъ занятъ окончательною обработкой предполагаемаго устава и имѣетъ въ виду опубликовать въ непродолжительномъ времени болѣе подробное развитіе и разъясненіе соображеній своихъ по всѣмъ частямъ проекта уставовъ какъ училищъ, такъ и семинарій.

Итакъ, времени для обсужденія предполагаемаго преобразованія было достаточно, и отнюдь нельзя сказать, чтобы не было принято мѣръ къ надлежащему разъясненію дѣла. Тѣмъ не менѣе остается въ силѣ то, что вопросъ этотъ былъ слишкомъ мало разъясненъ для общественнаго мнѣнія, что относящіеся къ нему понятія недостаточно разработаны, и вина въ этомъ отношеніи падаетъ на печать, которая мало способствовала своими средствами разъясненію общественныхъ понятій относительно столь важнаго и сложнаго дѣла. Вопросъ о духовно-учебныхъ заведеніяхъ остался для публики вопросомъ слишкомъ спеціальнымъ, не оживленнымъ соображеніями болѣе общаго свойства. Слава Богу, время еще не совсѣмъ ушло, и гласность, которую комитетъ намѣренъ сообщить своимъ трудамъ, дастъ возможность вознаградить упущенное.

Статья *Сѣверной Почты* достаточно свидѣтельствуетъ о широтѣ воззрѣнія, которымъ руководствуется синодальное вѣдомство въ своихъ предположеніяхъ о преобразованіи духовно-учебныхъ заведеній. Въ основаніе трудовъ учрежденнаго въ минувшемъ году комитета положена мысль обнимающая задачу по всей ея силѣ и соображенная съ настоятельными потребностями нашей церковной организаціи. Остается только желать, чтобы проектъ, который, долженъ быть выработанъ комитетомъ, вполнѣ осуществилъ эту мысль, а этому можетъ не мало способствовать публичное обсужденіе дѣла.

Духовныя учебныя заведенія служатъ теперь подспорьемъ для духовенства, скудно обезпеченнаго въ своемъ содержаніи, открывая дѣтямъ священно- и церковно-служителей даровыя средства образованія. Это обстоятельство имѣетъ большую важность, и синодальное вѣдомство не упускаетъ его изъ виду, хотя совершенно справедливо полагаетъ необходимымъ отдѣлить благотворительное назначеніе духовно-учебныхъ заведеній отъ ихъ существеннаго назначенія. За духовными лицами должны быть обезпечены средства безмезднаго воспитанія ихъ дѣтей, но учебныя заведенія тѣмъ

не менѣе предполагается устроить такъ, чтобъ они какъ можно лучше соотвѣтствовали своей главной, то-есть воспитательной цѣли. Имѣя своею цѣлію вопервыхъ общее образованіе, а затѣмъ спеціально-богословское, духовно-учебныя заведенія должны, при этомъ, способствовать тому, чтобы духовенство наше перестало быть кастой, и чтобы церковныя должности были достояніемъ не происхожденія, а приготовленія и призванія. Духовно-учебныя заведенія должны быть открыты для всѣхъ сословій, а дѣтямъ духовныхъ, которыя въ нихъ воспитываются, долженъ быть предоставленъ свободный выходъ на другія поприща.

Нельзя вѣрнѣе поставить задачи для преобразованія учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства. Остается только обдумать и сообразить все что можетъ способствовать ихъ наилучшему разрѣшенію. Разъясняя цѣль, мы прольемъ свѣтъ на нашъ путь и предохранимъ себя отъ случайныхъ уклоненій.

Вопросъ заключается только въ томъ, будетъ ли достигнута главная цѣль преобразованія при разобщеніи устава духовныхъ училищъ съ уставомъ семинарій. По предположенію комитета, въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ должны воспитываться преимущественно дѣти духовенства. Пріемъ дѣтей другихъ званій для духовныхъ училищъ не обязателенъ. Усмотрѣнію духовенства предоставляется только *право* допускать въ духовныя училища дѣтей другихъ сословій, съ обязанностью, впрочемъ, открывать параллельные классы въ случаѣ еслибъ училище переполнилось, и въ отдѣльныхъ классахъ оказалось больше чѣмъ по 40 учениковъ. Что касается до семинарій, то онѣ должны быть открыты для всѣхъ безъ исключенія сословій, какъ въ своихъ общеобразовательныхъ классахъ, такъ и въ спеціально-богословскихъ. Послѣднее безспорно полезно, но нельзя ожидать, чтобы въ богословскіе классы семинарій поступало много молодыхъ людей. Что же касается до общеобразовательныхъ классовъ семинарій, то масса юношества въ нихъ будетъ состоять изъ молодыхъ людей, переходящихъ туда изъ духовныхъ училищъ; съ другой стороны, духовныя училища, по разнымъ причинамъ, трудно будетъ приладить къ какимъ-либо другимъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, кромѣ семинарій, и ученики этихъ училищъ, если пожелаютъ продолжать свое образованіе, будутъ поступать почти безъ исключенія въ семинаріи. Вообще очевидно, что семинарія есть не что иное какъ продолженіе училища, которое относится къ ней какъ въ Австріи унтеръ-гимназія относится къ оберъ-гимназіи, или какъ у насъ прогимназія относится къ высшимъ классамъ гимназіи. Семинарія будетъ брать своихъ воспитанниковъ съ того самаго пункта, до котораго духовныя училища доведутъ своихъ; курсъ семинаріи долженъ быть согласенъ съ курсомъ духовныхъ училищъ, такъ что только изъ духовныхъ училищъ будетъ легко поступать въ семинаріи. Какъ скоро духовныя училища останутся существенно сословными заведеніями, то этотъ же характеръ неизбѣжно сообщится и семинаріямъ. Уставъ можетъ предписывать пріемъ воспитанниковъ всѣхъ сословій въ семинаріи; но это предписаніе будетъ мертвою буквой, и цѣль преобразованія останется въ сторонѣ, если уставъ духовныхъ училищъ не обяжетъ ихъ отворять свои двери для дѣтей всѣхъ сословій за умѣренную плату. Духовенство ничего не потеряло бы отъ этого. Оно сохранило бы всѣ свои теперешнія удобства сполна. Бурсы остались бы въ прежнемъ числѣ, и право на нихъ принадлежало бы исключительно лицамъ духовнаго званія. Теперешнее даровое ученіе тоже продолжало бы составлять привилегію дѣтей священно- и церковно-служителей; но вмѣстѣ съ ними воспитывались бы и дѣти свѣтскихъ родителей, и плату, съ нихъ собираемую, дѣлили бы между собой наставники училища, находя въ ней награду за свои труды и средства къ лучшему обезпеченію своего быта. Духовныя училища оставались бы въ завѣдываніи духовенства и приготовляли бы своихъ воспитанниковъ къ поступленію въ семинарію, но они освободились бы отъ того сословнаго характера, который имѣютъ они въ большой части Россіи теперь, но котораго они еще весьма недавно нигдѣ у насъ не имѣли. Число учениковъ въ духовныхъ училищахъ увеличилось бы и могло бы постепенно возрастать; вмѣстѣ съ тѣмъ могло бы возрастать и число духовныхъ училищъ. Отъ этого выиграло бы и общее просвѣщеніе и еще болѣе выиграли бы семинаріи, потому что получили бы возможность выбирать своихъ воспитанниковъ изъ большаго числа учащихся.

Въ богословскіе классы предполагается

допускать молодыхъ людей окончившихъ курсъ въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также людей зрѣлаго возраста до 30 лѣтъ, безъ экзамена и аттестата въ окончаніи полнаго общеобразовательнаго курса ученія, если они могутъ доказать свою начитанность въ церковной литературѣ. Повторяемъ, что это очень полезно. Но почему же только до 30-лѣтняго возраста? При такомъ ограниченіи превосходная цѣль едва ли будетъ достигнута: въ спеціальные классы явятся не столько люди призванія, сколько люди безъ опредѣленнаго призванія. Предстоитъ опасность, что на богословскіе курсы будутъ являться недоучившіеся воспитанники тѣхъ же семинарій и духовныхъ училищъ, которые, попытавъ счастія на разныхъ путяхъ и потерпѣвъ неудачи, возвратятся въ семинарію, чтобы черезъ богословскіе курсы добиться священства.

№ 43.

Москва, 21-го февраля.

А.

Читателямъ извѣстно, что несмотря на малочисленность населенія балтійскихъ губерній, и на благопріятныя условія, въ которыхъ находится тамошнее сельское хозяйство, — по причинѣ близости морскихъ гаваней произведенія его всегда могутъ быть продаваемы очень выгодно, — сельское населеніе упомянутыхъ губерній постоянно обнаруживаетъ желаніе переселяться. Весьма многіе Эсты, напримѣръ, переселились въ Самарскую губернію; тамошній степной климатъ былъ не по нимъ, и значительная часть ихъ болѣе 1.000 душъ, перешли въ Крымъ, гдѣ имъ, кажется, также не повезло. Вообще незнаніе русскаго языка, своеобычные нравы и религіозное различіе, а также совершенный недостатокъ въ образованныхъ землякахъ, которые были бы расположены и способны подать имъ руку помощи,—вотъ препятствія, до крайности затрудняющія этимъ людямъ переселеніе изъ Лифляндіи и Эстляндіи. Но тѣмъ, которые уже выселились, конечно, нечего болѣе дѣлать какъ странствовать далѣе, если они не нашли желаемаго тамъ, куда прибыли. Такъ случилось съ тѣми изъ Эстовъ, которые, не имѣя нужныхъ свѣдѣній, перешли изъ Самарскихъ степей въ Крымъ, гдѣ имъ отвели отчасти хорошія, отчасти весьма неплодородныя земли. Толпа ихъ, увеличенная нѣсколькими послѣ прибывшими съ родины, опять раздѣлилась, и часть ея перешла на Кавказъ. Это странствованіе, столь изумительное, что примѣровъ ему можно искать только въ среднихъ вѣкахъ, заслуживаетъ вниманія уже по своей оригинальности. На дняхъ мы нашли о немъ въ *Ревельской Газетѣ* интересныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ одного церковнаго листка. Вотъ эти свѣдѣнія.

„80 семействъ Эстовъ получили на правахъ казенныхъ крестьянъ землю въ Казинской долинѣ, въ 80 верстахъ на югъ отъ Ставрополя почти въ прямомъ направленіи къ Пятигорску и въ срединѣ между этими городами, но въ уѣздѣ послѣдняго. Другой, изъ 20 эстскихъ семействъ состоящей общинѣ земля еще не отведена, вѣроятно потому, что они просили поселить ихъ на правахъ колонистовъ. Они держатся большею частью также къ югу отъ Ставрополя, въ 70 верстахъ отъ него, но на лѣвомъ берегу Кубани. Съ полверсты оттуда живутъ Нѣмцы въ числѣ болѣе 1.000 душъ. У Эстовъ въ Казинской долинѣ мѣста для домовъ, по указанію землемѣра уже отмѣчены плугомъ, но готовы лишь не многія мазанки, и большею частію еще только что строятся стѣны изъ необожженнаго кирпича, а вблизи ихъ расположены кибитки. Нѣтъ ни деревца, ни кустарника: всѣ лѣса были вырублены чтобы въ нихъ не могли укрываться хищные горцы. Равнымъ образомъ въ новой колоніи нѣтъ ни церкви, ни школы; при солнечномъ зноѣ совершать богослуженіе подъ открытымъ небомъ почти невозможно. До сихъ поръ на постройку они получили только по 17 рублей. Этихъ денегъ недостаточно для заготовленія матеріала, на кровли, двери, окна и т. д. Самая община, по крайней бѣдности своей, при всемъ своемъ желаніи можетъ изготовлять только кирпичъ, высушенный на солнцѣ, и исполнять работы.“

Нельзя сомнѣваться, что современемъ эти Эсты обживутся на Кавказѣ и зажинутъ припѣваючи. Изъ весьма вѣрныхъ русскихъ, также какъ изъ мѣстныхъ нѣмецкихъ источниковъ мы знаемъ, что Эсты, поселившіеся въ Самарской губерніи, и сперва сильно жаловавшіеся на климатъ (отъ котораго необразованные и бѣдные всегда болѣе зависятъ чѣмъ образованные

и зажиточные) скоро свыклись съ нимъ и совершенно довольны своею судьбой. Они оказались весьма хорошими работниками и какъ своею нравственностію, такъ и своимъ хозяйствомъ пріобрѣли весьма значительный кредитъ въ околоткѣ. При мягкости своего нрава и при своемъ трудолюбіи, эти дисциплированные люди могутъ быть очень хорошимъ элементомъ, среди туземныхъ и казачьихъ населеній.

Что касается до переселенія Латышей то нѣкоторые изъ нашихъ читателей можетъ-быть еще помнятъ, что въ 1841 — 1845 годахъ, незадолго предъ тѣмъ временемъ, когда 100.000 Латышей и Эстовъ перешли въ православіе, въ Лифляндіи происходило всеобщее народное движеніе, вызванное повсемѣстнымъ желаніемъ крестьянъ переселяться въ „Россію.“ Весьма замѣчательно, что это крестьянское движеніе происходило въ то время, когда крѣпостное право еще господствовало во внутреннихъ губерніяхъ Россіи и когда уже по этому одному слѣдовало бы ожидать, что прибалтійскимъ крестьянамъ не могло бы быть пріятно переселеніе во внутреннія губерніи. Точно то же можно бы сказать и о главномъ переселеніи Эстовъ въ 1857 — 58 годахъ. Народное движеніе въ Лифляндіи, какъ подробно описано въ майской книжкѣ 1865 года *Чтеній Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей*, было тогда подавлено съ большою строгостью; Латышамъ и Эстамъ вовсе было воспрещено переселяться. Тѣмъ не менѣе и въ то время нѣсколько латышскихъ семействъ выселились въ Ейскъ, въ землѣ Черноморскихъ казаковъ, куда въ послѣдствіи прибыло еще нѣсколько семействъ. Эти Латыши живутъ частію по близости города какъ земледѣльцы, частію въ самомъ городѣ, занимаясь ремеслами и торговлей; матеріальное положеніе многихъ изъ нихъ весьма удовлетворительно. Въ послѣдствіи образовалась значительная колонія лифляндскихъ Латышей въ Костромской губерніи, гдѣ они самостоятельно пріобрѣли земли. Но важнѣйшими мѣстностями для переселенія Латышей и Эстовъ являются безспорно прилегающія къ балтійскимъ губерніи Псковская и Петербургская, а на югѣ Ковенская; въ Псковской губерніи, гдѣ латышскихъ колоній всего болѣе, они уже начинаютъ оказывать существенное вліяніе на производительность края. Переселенія Латышей въ Новогородскую губернію, о чемъ было такъ много рѣчи въ газетахъ, простираются въ настоящее время, какъ намъ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, до 800 душъ. Наконецъ изъ *Рижской Газеты* и по другимъ показаніямъ мы знаемъ что въ прошломъ году колонія, состоящая изъ нѣсколькихъ сотъ душъ, покинула родину и поселилась отчасти въ Могилевской губерніи, близъ помѣстья гофъ-маршала графа Толстаго.

Размѣры этой эмиграціи направленной отъ прибрежья внутрь страны и притомъ отчасти въ такой губерніи, которая, какъ Псковская, менѣе плодородна чѣмъ родина, — размѣры этой оригинальной эмиграціи, какъ читатели видятъ, довольно велики. Этимъ повидимому должно объяснять, по крайней мѣрѣ отчасти, тотъ разительный фактъ, что народонаселеніе въ балтійскихъ губерніяхъ прибываетъ въ половину медленнѣе чѣмъ въ остальной Россіи, хотя было бы естественно ожидать обратнаго отношенія. При этомъ само собой приходитъ на умъ часто дѣлаемое сравненіе балтійскихъ губерній съ Мекленбургомъ имѣющимъ такое же устройство, столь же мало населеннымъ и также доставляющимъ порядочный контингентъ для эмиграціи, хотя онъ и принадлежитъ къ плодороднѣйшимъ странамъ Германіи. Мекленбургъ вспоминается при этомъ случаѣ еще и потому, что стѣсненное положеніе тамошнихъ сельскихъ рабочихъ подало въ Лифляндіи, если не ошибаемся, поводъ къ мысли вызвать оттуда переселенцевъ, для замѣщенія выселяющихся Латышей, причемъ дѣло не обошлось безъ мечтаній объ устройствѣ въ балтійскомъ краѣ такъ-называемой *Транснарвской* Германіи, какъ выражаются въ Петербургѣ ученые Нѣмцы. До сихъ поръ это переселеніе еще не осуществилось, и нельзя ожидать, чтобы при теперешнихъ обстоятельствахъ оно приняло заслуживающіе вниманія размѣры. Кто хочетъ выселиться изъ Германіи, можетъ изъ Бремена или Гамбурга отправиться за какіе-нибудь 35 — 40 талеровъ на парусномъ суднѣ и за 60 талеровъ на пароходѣ въ сѣверную Америку, гдѣ тотчасъ по прибытіи находитъ у Нѣмцевъ работу и задѣльную плату вдвое болѣе той, какую онъ могъ бы получить въ балтійскихъ губерніяхъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ отношеніи балтійскимъ губер-

ніямъ конкуррировать съ Америкой нельзя, а потому переселеніе къ намъ Нѣмцевъ возможно покамѣсть только въ города и будетъ состоять лишь изъ нѣмецкихъ ремесленниковъ. Нѣмецкіе поселяне могли бы быть привлечены къ переселенію въ Россію только даровою землей и тѣми чрезвычайными привилегіями, какія были дарованы въ прежнія времена нѣмецкимъ колонистамъ. Позволительно думать, что время такихъ привилегій миновало. Зачѣмъ стали бы мы создавать у себя новые привилегированные классы къ неудовольствію и стѣсненію русскаго крестьянина, обремененнаго податьми, и потому не могущаго конкуррировать съ иностранцемъ, который, имѣя болѣе знанія и не платя податей, можетъ вдвое болѣе добывать денегъ? Что касается до знанія, то опытъ показалъ, что этимъ путемъ нельзя распространять лучшія познанія между русскими крестьянами. Можетъ ли примѣръ привилегированнаго нѣмецкаго колониста быть поучителенъ для русскаго крестьянина, пока колонистъ свободенъ отъ податей, между тѣмъ какъ Русскій, пользующійся вдобавокъ меньшимъ надѣломъ земли, долженъ платить всѣ государственныя подати и нести самую тяжелую изъ повинностей — военную? Мудрено ли, что колонистъ живетъ бариномъ? Переселенцамъ, которые, приходя къ намъ, пріобрѣтаютъ сами себѣ землю, и получая права русскихъ гражданъ, вмѣстѣ съ тѣмъ принимаютъ на себя и бремя, ими несомое, мы будемъ рады, а о тѣхъ что ищутъ привилегій мы положительно скажемъ, что они не только не полезны, но даже положительно вредны, особенно если привилегіямъ не полагается срока, послѣ котораго онѣ должны прекратиться. Всего же вреднѣе было бы содѣйстіе переселенію нѣмецкихъ колонистовъ въ балтійскія губерніи, гдѣ они, замѣняя собой и вытѣсняя туземцевъ латышскаго и финскаго племени, подвигали бы впередъ германизацію края. Это было бы тѣмъ опаснѣе теперь, когда землевладѣніе въ балтійскихъ губерніяхъ освобождается отъ сословныхъ ограниченій и слѣдовательно становится доступно покупщикамъ, приходящимъ изъ Пруссіи.

Б.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенную ниже биржевую корреспонденцію изъ Петербурга. Она трактуетъ о вопросѣ первостепенной важности — продажѣ Николаевской желѣзной дороги — и трактуетъ многосторонно, знакомя съ главными доводами и *за* и *противъ*. Вопросъ этотъ сложенъ, и мы не имѣемъ въ виду достаточныхъ данныхъ чтобы составить себѣ о немъ опредѣленное сужденіе. При непонятной, не только для финансовъ, но и для репутаціи нашего государства крайне невыгодной убыточности казенной эксплуатаціи Николаевской дороги, всего ближе было бы подумать объ отдачѣ ея въ аренду, но необходимая въ этомъ случаѣ долгосрочность контракта лишила бы правительство надолго права продать дорогу, еслибъ неожиданно встрѣтилась настоятельная надобность въ экстренномъ финансовомъ ресурсѣ. Къ тому же, при сдачѣ въ аренду остался бы, вѣроятно, въ силѣ контрактъ съ г. Вайненсомъ, а при этомъ контрактѣ нельзя получить настоящую цѣну съ арендаторовъ. Съ другой стороны, продать дорогу теперь, когда капиталы въ Европѣ дороги, когда еще не открыто движеніе по южной линіи, значитъ продешевить. Не было ли бы всего выгоднѣе сдать дорогу въ аренду, но съ предоставленіемъ правительству права продать ее до истеченія срока контракта, выдавъ арендаторамъ опредѣленное заранѣе вознагражденіе за нарушеніе контракта?

№ 44.

Москва, 22-го февраля.

Читатели найдутъ вслѣдъ за симъ тѣ документы о появленіи которыхъ въ *Journal de St.-Pètersbourg* мы были извѣщены вчера по телеграфу. Ихъ четыре: одна депеша (тождественная), адресованная къ русскимъ посламъ въ Лондонѣ и Парижѣ, и три письма къ барону Бруннову. Всѣ они относятся къ критскому дѣлу и писаны въ промежутокъ времени между концомъ августа и концомъ ноября. Какъ сказано въ *Journal de St.-Pétersbourg*, они проливаютъ свѣтъ на положеніе принятое за это время русскимъ правительствомъ, и спѣшимъ прибавить, что проливаемый ими свѣтъ есть свѣтъ благотворный, какъ для русской публики, такъ и для всего Востока. Въ *Journal de St.-Pétersbourg* сказано также, что однимъ изъ побужденій къ обнародованію этихъ

актовъ дипломатической переписки послужилъ живой интересъ, который принимаетъ Россія въ судьбѣ своихъ единовѣрцевъ на Востокѣ: нѣтъ сомнѣнія, что этотъ неотъемлемый историческій интересъ Россіи будетъ удовлетворенъ и вмѣстѣ оживленъ соотвѣтствіемъ тона этихъ документовъ съ русскимъ національнымъ чувствомъ. Цѣль обнародованія очевидно состоитъ въ томъ, чтобы разъяснить только направленіе дипломатическихъ сношеній Россіи по вопросу возбужденному критскимъ движеніемъ, а не ихъ ходъ и не ихъ подробности. Поэтому документы нынѣ обнародованные нашимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ не представляютъ собой полной коллекціи, подобной тѣмъ дипломатическимъ сборникамъ, которые приготовляются въ Англіи и Франціи къ открытію сессій. Они не идутъ въ сравненіе съ этими сборниками, но слученные съ ними пополняютъ и свѣдѣнія о ходѣ переговоровъ и о томъ участіи, которое принимали двѣ западныя державы въ распоряженіяхъ и сношеніяхъ опредѣлившихъ теперешнее положеніе дѣлъ.

Первый изъ обнародованныхъ документовъ, депеша вице-канцлера къ баронамъ Брунову и Будбергу отъ 20-го августа, есть очевидно первая серіознаго значенія депеша по критскому дѣлу. Указывая на невыгоды коллективныхъ заявленій Европы по внутреннимъ дѣламъ Оттоманской имперіи, указывая также на безплодность ссылокъ на общіе трактаты, теряющіе значеніе при отсутствіи общей воли великихъ державъ поддерживать уваженіе къ нимъ, русское правительство находитъ однакоже необходимымъ обратиться къ чувству общей солидарности Европы и предлагаетъ кабинетамъ Лондонскому и Парижскому войдти съ нимъ въ соглашеніе для сосредоточенія усилій съ цѣлію умиротворенія острова Кандіи. Основаніемъ для общаго дипломатическаго дѣйствія могъ бы служить Парижскій трактатъ, но послѣ безцеремонныхъ нарушеній, которымъ онъ подвергся, совершенно понятно, что Петербургскій кабинетъ предпочелъ обратиться не къ державамъ подписавшимъ Парижскій трактатъ, а къ подписавшимъ протоколъ 1830 года, которымъ островъ Критъ былъ предоставленъ Турціи, на извѣстныхъ, точно опредѣленныхъ условіяхъ, въ число коихъ входила обязанность оградить жителей Крита отъ произвола и утѣсненія со стороны турецкихъ властей. Неисполненіе этой обязанности и было поводомъ къ волненіямъ на островѣ Критѣ, и если державы, именно Россія, Великобританія и Франція, предоставившія въ 1830 году Критъ Турціи, хотѣли нынѣ воспрепятствовать переходу этихъ волненій въ открытое возстаніе, котораго въ августѣ мѣсяцѣ нельзя было не предвидѣть, то онѣ должны были воспользоваться своимъ правомъ вступательства, и этимъ они исполнили бы только свою обязанность, чего въ равной мѣрѣ никакъ нельзя сказать о державахъ подписавшихъ Парижскій трактатъ и не подлежащихъ за положеніе христіанъ на островѣ Критѣ никакой спеціальной отвѣтственности. Такимъ образомъ шагъ сдѣланный Россіей, будучи согласенъ съ тѣмъ новымъ отношеніемъ, въ которое сама Европа поставила ее къ Парижскому трактату, былъ въ то же время согласенъ съ существомъ спеціальнаго дѣла подлежавшаго рѣшенію. Европа должна была въ этомъ случаѣ явиться въ лицѣ трехъ державъ, Россіи, Великобританіи и Франціи, создавшихъ Греческое королевство и ему покровительствующихъ. Связь критскаго вопроса съ судьбами Греческаго королевства была указана въ архивахъ европейской дипломатіи. Что она не была придумана Россіей изъ одного неудовольствія на Парижскій трактатъ и на обращеніе съ нимъ Европы, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ обнародованная въ *Желтой Книгѣ* французская депеша, отправленная изъ Парижа въ Константинополь 24-го августа н. ст., слѣдовательно еще за 8 дней до русской депеши отъ 20-го августа ст. ст. Въ этой чрезвычайно любопытной депешѣ г. Друэна-де-Люиса указывается именно на необходимость совокупнаго вмѣшательства Россіи, Великобританіи и Франціи, какъ державъ покровительствующихъ Греціи и подписавшихъ тотъ протоколъ, по которому Критъ возвращенъ подъ оттоманское владычество. Если Франція 12-го августа ст. ст. говорила то же самое, что Россія сказала 20-го августа ст. ст., то не слѣдуетъ ли признать, что предложеніе Россіи было какъ нельзя болѣе естественно? Дальнѣйшія событія показали, что оно было и столько же необходимо, сколько естественно: если бы три державы вступились за Критянъ въ началѣ сентября, то дѣла на островѣ Критѣ не приняли бы

теперешняго оборота; кровь не была бы пролита, мусульманскія звѣрства не были бы совершены, и сама Турецкая имперія находилась бы теперь въ меньшей опасности. Что же попрепятствовало предложенному Россіей шагу? Франція, какъ мы видѣли, предприняла тотъ же самый шагъ. Между двумя изъ трехъ державъ оказалось на этотъ разъ полное согласіе: мы принуждены заключить, что дѣло стало за Англіей, было не кѣмъ другимъ какъ Англіей разстроено. Въ письмѣ отъ 12-го сентября къ барону Бруннову князь Горчаковъ упоминаетъ о равнодушіи Англіи къ дѣламъ материка и высказываетъ мысль, что это равнодушіе не должно простираться на такія событія, отъ которыхъ зависитъ всеобщій миръ. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что Англія должна была сослаться на свое равнодушіе къ материку именно по случаю своего отказа отъ совокупнаго вступательства за Критянъ. Мы отнюдь не хотимъ умалять славу англійскихъ государственныхъ людей, которою они пользуются издавна и заслуженно за свою проницательность и ловкость, опирающіяся на короткое знакомство съ положеніемъ дѣлъ. Но восточная Европа, какъ юго-, такъ и сѣверо-восточная, составляетъ повидимому исключеніе изъ этого правила. Какъ ошибалась Англія насчетъ Россіи, показалъ 1863 годъ, укрѣпившій Россію, тогда какъ Англія ожидала, что онъ будетъ для насъ роковымъ годомъ. Точно также ошиблась она и насчетъ критскаго христіанскаго населенія, отъ котораго она не чаяла ничего похожаго на развитую имъ энергію. Этотъ промахъ Англіи весьма поучителенъ, но можетъ быть еще поучительнѣе поведеніе Франціи. Сдѣлавъ безъ вѣдома для себя тождественный шагъ съ Россіей, Франція тотчасъ же измѣнила политику, лишь только узнала какъ Россія и Англія смотрятъ на дѣло. Весьма замѣчательно также, что французскій военный флагъ первый появился въ водахъ Кандіи. Въ депешѣ князя Горчакова отъ 20-го августа ст. ст. упоминается о французскомъ военномъ суднѣ стоящемъ въ гавани Канеи, когда тамъ еще не показывался ни русскій, ни англійскій флагъ. Нашъ вице-канцлеръ сообщаетъ, что это послужило поводомъ къ отправкѣ въ воды Кандіи русскаго судна стоявшаго въ Пиреѣ, и приглашаетъ англійское правительство къ такому же шагу. Повидимому однако англійское правительство не дожидалось совѣта съ нашей стороны. Русская депеша датирована отъ 20-го августа ст. ст., то-есть 1-го сентября н. ст., а между тѣмъ о появленіи англійскаго военнаго судна у Кандіи говоритъ уже 29-го августа французская депеша изъ Константинополя, и жалуется на впечатлѣніе, которое произведено въ средѣ инсургентовъ этимъ появленіемъ. Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что русское военное судно прибыло въ воды Крита не только послѣ французскаго, но и послѣ англійскаго. Затѣмъ въ *Желтой Книгѣ* мы находимъ депешу маркиза Лавалетта, временнаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 6-го сентября, гдѣ этотъ временный министръ говоритъ что узналъ *изъ газетъ* о нахожденіи французскаго военнаго судна у Канеи, и предписываетъ отозвать оное изъ уваженія къ Турціи. Изъ газетъ узнано то, что было предметомъ дипломатической переписки! И узнано кѣмъ же? авторомъ знаменитаго циркуляра 16-го сентября, гдѣ сдѣланъ такой небывалый въ лѣтописяхъ дипломатіи *volte-face* по главнымъ вопросамъ европейской политики! Не естественнѣе ли видѣть и здѣсь столь же рѣзкій поворотъ французской политики? Вслѣдъ за этимъ поворотомъ французскія газеты, съ *Монитеромъ* во главѣ, принялись надоѣдать европейской публикѣ увѣреніями о побѣдахъ Турокъ надъ мятежниками, о подавленіи возстанія и окончательномъ замиреніи острова. Франція, очевидно, столь же мало ждала отъ Критянъ, какъ и Англія, но это не мѣшало Франціи поддерживать волненіе на островѣ, пока не выступила Россія съ депешей 20-го августа. На сколько же послѣ того можно довѣрять Франціи въ восточномъ вопросѣ?

№ 45.

Москва, 23-го февраля.

За нѣсколько дней предъ симъ мы передали нашимъ читателямъ замѣчанія, которыми *Journal de St.-Pétersbourg* сопровождалъ полученную имъ телеграмму о циркулярной депешѣ разосланной Оттоманскою Портой къ своимъ дипломатическимъ агентамъ при европейскихъ дворахъ. Вскорѣ затѣмъ иностранныя газеты принесли довольно подробное изложеніе сущ-

ности этой циркулярной депеши, и мы третьяго дня передали это изложеніе читателямъ.

Когда пропасть подъ ногами, трудно уберечься отъ головокруженія. Что ни слово въ этой турецкой депешѣ, какъ ее излагаетъ *Шарфова Корреспонденція*, то вопіющее противорѣчіе несомнѣнымъ, положительнымъ фактамъ: ничѣмъ вѣрнѣе нельзя повредить своему дѣлу, какъ подобною защитой. Стоитъ лишь немного всмотрѣться въ содержаніе этого документа, чтобы судить о той страшной умственной нескладицѣ, которая царствуетъ теперь въ Константинополѣ.

„Высокая Порта," сказано въ циркулярѣ „полагаетъ, что предупредительность, ока„занная ею недовольнымъ, достигла пре„дѣловъ возможнаго и потому рѣшилась „не дѣлать никакихъ новыхъ уступокъ, „въ томъ убѣжденіи, что онѣ не будутъ „имѣть иного послѣдствія кромѣ поощре„нія недовольныхъ въ ихъ непрерывно воз„растающихъ притязаніяхъ. Теперешній „моментъ, впрочемъ, всего менѣе удобенъ „къ тому, чтобы сдаваться на истерпѣли„выя требованія уступокъ, хотя бы даже „эти требованія и казались основательны„ми, ибо это значило бы признать притя„занія, которыя не могутъ сослаться въ „свою пользу ни на какое право, ниже на „естественную справедливость, — а при„знать эти притязанія было бы все то же „что подорвать основы, на которыхъ по„коится Оттоманская Имперія!"

Что касается до „предупредительности, то всѣмъ извѣстно, что первое и мирное заявленіе Критянъ не было даже принято къ свѣдѣнію, а только были отправлены турко-египетскія войска. Прошеніе Критянъ на имя султана было передано генералъ-губернатору острова, Измаилъ-пашѣ, 14-го мая 1866 года. Лишь 11-го іюля, ровно два мѣсяца спустя, великій визирь отправилъ къ генералъ-губернатору отвѣтъ съ категорическимъ отказомъ на всѣ просьбы Критянъ и съ приказаніемъ дѣйствовать противъ нихъ силой. Офиціальный документъ, исходящій изъ источника самаго пристрастнаго къ Туркамъ, даетъ оцѣнить значеніе этихъ проволочекъ. Именно въ французской *Желтой Книгѣ* находимъ мы, что пресловутый г. Дерше, французскій консулъ въ Канеѣ, писалъ отъ 25-го августа прошлаго года, въ Парижъ къ министру иностранныхъ дѣлъ слѣдующее: „справедливо было бы упрекнуть турецкое „правительство въ томъ, что оно дало та„кимъ образомъ осложниться дѣлу ибо „оно могло бы и должно было бы послать „уполномоченное лицо для произведенія „слѣдствія"

Итакъ, вотъ въ чемъ состояли эти мнимыя поблажки, которыми Порта упреждала желанія христіанъ на островѣ Критѣ! Что же касается до уступокъ, то не жестокая ли иронія говорить о нихъ въ виду избіеній, которыя болѣе десяти мѣсяцевъ безпрерывно творятся въ Критѣ, — въ виду этого множество несчастныхъ женъ и дѣтей, жертвъ упорной жестокости, съ которыми Турки, подсобляемые въ этомъ нѣкоторыми такъ-называемыми христіанскими державами, сопротивляются тому чтобъ эти несчастные были спасены удаленіемъ изъ мѣстъ пагубы и безпощадной борьбы.

Притязанія христіанъ на Востокѣ столько же законны, сколько и всѣмъ извѣстны. Они клонятся къ тому, чтобы наступилъ конецъ вѣковому мусульманскому гнету надъ ними, они домогаются только права существованія, которое въ оттоманскомъ владычествѣ встрѣчаетъ полное отрицаніе.

Что же! Быть-можетъ, и въ самомъ дѣлѣ для удовлетворенія этихъ требованій, пришлось бы подорвать основы, на которыхъ покоится Оттоманская имперія. Во глубинѣ своей совѣсти, всѣ убѣждены, хотя и не всѣ рѣшаются признаться въ томъ, что всякое другое средство было бы только отсрочкой существующихъ затрудненій, и что при томъ положеніи, въ какомъ находятся нынѣ дѣла, остается выбирать одно изъ двухъ: или спасеніе христіанскихъ населеній, или поддержаніе оттоманскаго владычества. Трудно было однакоже ожидать, чтобы сама Порта первая поставила, во всей безпощадной рѣзкости, эту дилемму восточной задачи; трудно было ожидать, чтобы Порта сама поспѣшила заранѣе обратить въ ничто всѣ попытки европейской дипломатіи оттянуть рѣшеніе этого вопроса, и возгласила на весь міръ: „выбирайте между Магометомъ и Христомъ, между двумя милліонами Турокъ, стоящихъ лагеремъ въ Европѣ, и двѣнадцатью милліонами христіанъ, надъ которыми эта орда властвуетъ„.

Нельзя не подивиться однако, что въ ту самую пору, когда даже тѣ изъ европейскихъ кабинетовъ, которые до сихъ поръ были не только совершенно равнодушны, но и враждебны къ христіанамъ Востока,

внезапно перевернувшись, признали по крайней мѣрѣ въ теоріи настоятельную необходимость серіозныхъ уступокъ, — что именно въ эту пору Порта свидѣтельствуетъ предъ лицомъ міра, что она въ своихъ уступкахъ уже дошла до крайнихъ предѣловъ возможнаго и что она не хочетъ дѣлать ни шага еще въ этомъ смыслѣ. Этого мало: тщетно пытавшись въ продолженіи десяти мѣсяцевъ подавить сорокапяти-тысячною арміей горсть людей заморенныхъ голодомъ, плохо вооруженныхъ, обремененныхъ заботами о своихъ семействахъ, — тщетно пытавшись высылкою тридцати шести кораблей султанскаго флота положить конецъ баснословнымъ подвигамъ геройскаго маленькаго пароходца, носящаго имя *Панэллиніона*, министры султана хвастливо объявляютъ теперь, что „Высокая Порта чувствуетъ себя достаточно сильною подавить всякое возстаніе противъ своей власти,“ и относится къ державамъ-покровительницамъ только съ однимъ настояніемъ, справедливость котораго отрицать невозможно, именно съ тѣмъ, чтобъ оставили ее одну расправляться съ безпорядками, буде таковые впредь возникнутъ.

Эта гордая оборонительная осанка показалась еще недостаточно эффектною авторамъ циркуляра. Они сочли должнымъ принять наступательное положеніе, и ни на кого, какъ на Россію, Фуадъ-паша возымѣлъ блажную мысль бросить перуны своего пера: „Что касается до критскаго вопроса,“ сказано въ циркулярѣ, по сообщенію *Шарфовой Корреспонденціи*, „то Порта хочетъ пользоваться тѣмъ же правомъ, на которое Россія сочла должнымъ сослаться по поводу польскаго вопроса.“ Нѣтъ сомнѣнія, что императорское правительство не замедлитъ воздать должное за эту неприличную выходку, и не откажется объяснить министрамъ Высокой Порты всю грубость заблужденія, въ которое они дали себя ввести, выставляя аналогію, которую польскія и полонофильскія газеты старались выставить еще прежде ихъ.

Но нѣтъ надобности въ обширной аргументаціи дабы доказать, что принципъ, на который сослалась Россія въ польскомъ вопросѣ, и право, на которое она опирается въ немъ, не только не могутъ послужить въ пользу Туркамъ, но падаютъ имъ же на голову. Стоитъ только привести на память нѣсколько цифръ. Болѣе 60.000.000 народа говорящаго однимъ языкомъ, исповѣдующаго одну вѣру, подъ скипетромъ одного Государя, которому всѣ они преданы какъ одинъ человѣкъ, увидѣли себя въ необходимости противодѣйствовать шайкѣ изъ нѣсколькихъ сотенъ, даже десятковъ тысячъ крамольниковъ, старавшихся удержать за собою захваченныя ими феодальныя права, увлеченныхъ химерами и поджигаемыхъ извнѣ, для того чтобы плодить губительную язву этой такъ-называемой польской національности, которая въ сущности, безъ этой примѣси, ничѣмъ почти не отличалась бы отъ русской. Діаметрально противоположное явленіе, только въ меньшихъ размѣрахъ, представляется на Востокѣ. 12.000.000 христіанъ, исповѣдующихъ одну вѣру, равно стремящихся къ цивилизаціи, соединенныхъ между собою взаимностію желаній и страданій, угнетенныхъ и измученныхъ, постоянно тревожимыхъ варварскимъ владычествомъ двухъ милліоновъ Турокъ, вторгшихся въ эту страну, которую сами они не осмѣливаются называть „европейскою Турціей,“ какъ честимъ ее мы христіане, а называютъ Румеліей. Эти паши, эти беи, наконецъ всѣ эти полудикіе фанатики Ислама, гнѣздящіеся въ христіанскихъ населеніяхъ Востока и пожирающіе ихъ силы, — что они такое какъ не та же *шляхта*, обзывающая свои жертвы *гяурами* или *раіями*, какъ польская шляхта честитъ свои — *быдломъ*? И что такое эти улемы, поджигающіе мусульманскій фанатизмъ, какъ не тѣ же польскіе *ксендзы*? Итакъ, если есть какая-либо аналогія между польскимъ вопросомъ и турецкимъ, то она обращается не въ выгоду Туркамъ, и авторы турецкаго циркуляра напрасно сослались на нее; въ силу того же самаго права, тѣхъ же самыхъ началъ, той же самой логики, общественной и исторической, подобныя причины должны вести къ подобнымъ послѣдствіямъ....

Есть, дѣйствительно, глубокое сродство и внутреннее сочувствіе между дѣломъ турецкимъ и польскимъ. Посмотрите, съ какимъ рвеніемъ польскіе витязи поступаютъ на службу къ Османліямъ, и предлагаютъ свои услуги для подавленія христіанъ на Востокѣ. Кстати: еще на этихъ дняхъ въ *Познанскомъ Дневникѣ* польскіе публицисты старались доказать, что христіанскіе жители Турціи совершенно неправы въ своихъ жалобахъ на Турокъ, и что жалобы ихъ идутъ большею частію отъ празднолюбцевъ, которые сами не знаютъ чего хо-

тятъ и о чемъ кричать: „Естественно,“ такъ замѣчаютъ по этому поводу въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, „что органы „полонизма не видятъ возможности иного „рѣшенія Восточному вопросу, какъ посред„ствомъ возстановленія Польши, которая, „говорятъ они, всегда была наилучшимъ „щитомъ для Турціи противъ Россіи.“

Но возвратимся, въ заключеніе, къ турецкому циркуляру. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ циркуляръ этотъ утверждаетъ, что турецкое правительство „всегда добросовѣстно исполняло обязанности, принятыя имъ на себя въ силу Парижскаго трактата, равно какъ и тѣ, которыя возлагаются на него наилучшимъ разумѣніемъ блага населеній состоящихъ въ подданствѣ и подъ покровительствомъ Порты.“ Стóитъ только привести эти слова и сличить ихъ съ исторіей, или, лучше сказать, съ мартирологіей христіанъ на Востокѣ, начиная съ 1856 года, чтобъ обратить ихъ въ ничто. Единственное заключеніе, которое можно извлечь изъ этого тона принятаго Портою, состоитъ въ томъ, что *больной человѣкъ* на Востокѣ теперь въ отчаянномъ положеніи. То, что мы слышимъ теперь, очень походитъ на предсмертный бредъ....

№ 46.

Москва, 27-го февраля.

Обращаемъ вниманіе читателей на приводимое ниже письмо архіепископа Платона, адресованное имъ въ *Рижскую Газету*. Многіе у насъ скандализуются при малѣйшемъ словѣ о религіозной свободѣ; многимъ кажется невѣроятнымъ, чтобы въ Россіи когда-нибудь было признано самое внутреннее, самое неотъемлемое достояніе человѣка, — его совѣсть; полагается невозможнымъ допустить, чтобы человѣкъ, записанный въ метрикѣ православнымъ, могъ исповѣдывать другую вѣру, хотя безъ всякаго притязанія на ея пропаганду: таковой долженъ быть лишенъ правъ гражданства, самого имени Русскаго и изгнанъ изъ отечества, или же заключенъ въ монастырь, пока не отречется отъ заблужденія. Все это дѣйствительно такъ водилось и еще водится у насъ; но едва ли можно думать, чтобы такое положеніе, при современномъ развитіи общества, могло держаться долго какъ нормальное. Во всякомъ случаѣ вопреки людямъ, полагающимъ что въ интересѣ православной церкви и русской народности необходимо поддерживать такое отрицаніе правъ человѣческой совѣсти, у насъ уже обнаруживаются признаки явленій, представляющихъ собою религіозную свободу въ обратномъ смыслѣ. Мы не замедлимъ представить убѣдительныя доказательства, что если у насъ нѣтъ свободы предоставляющей человѣку право самому заботиться о благѣ своей души и исповѣдывать про себя ту или другую изъ допускаемыхъ въ государствѣ религій, то у насъ есть насильственное и искусственное поддержаніе религій, не имѣющихъ ничего общаго съ Русскимъ государствомъ, и могущихъ претендовать у насъ только на свободу отправленія, а отнюдь не на власть: факты, которыми характеризуется это странное образовавшееся у насъ положеніе, непререкаемы и разительны. Теперь мы ограничиваемся лишь двумя словами по поводу объясненія архіепископа Платона; мы хотимъ указать только на признаки явленія, которое, по мнѣнію нѣкоторыхъ консерваторовъ, и черезъ тысячу лѣтъ не наступитъ въ Россіи. Увы, явленіе это уже наступило и при томъ въ смыслѣ наименѣе благопріятномъ. Если гдѣлибо нужна политическая поддержка церкви, то именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ церковный вопросъ есть вмѣстѣ и политическій. Но мы видимъ напротивъ: относительно православія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно слабо и гдѣ въ то же время оно есть единственная русская сила, охранительныя мѣры считаются излишними и даже недостойными. Этого мало: православному архипастырю ставится въ вину, если въ поученіяхъ къ своей паствѣ онъ коснется полемически иновѣрія, которое со всѣхъ сторонъ окружаетъ его паству, гнететъ ее и вторгается въ нее для хищеній. Пастырскія посланія православнаго епископа подвергаются опасности быть захваченными полиціей, какъ мятежныя прокламаціи, между тѣмъ какъ изъ письма архіепископа Платона, напечатаннаго въ *Рижской Газетѣ*, мы видимъ, что лютеранскіе богословы въ балтійскихъ провинціяхъ не затрудняются издѣваться надъ православною церковію и возбуждать противъ нея грубыя предубѣжденія въ Латышскихъ и Эстонскихъ населеніяхъ, употребляя религію какъ политическое средство германизаціи этихъ населеній.

Письмо изъ Пернавы, которое читатели тоже найдутъ ниже, привлекаетъ наше вниманіе къ другому вопросу, который находится съ церковнымъ въ тѣсной связи,—къ вопросу объ училищахъ, какъ могущественномъ орудіи онѣмеченія Латышей и Эстовъ.

Опытные въ политикѣ англійскіе журналы употребляютъ въ важныхъ государственныхъ вопросахъ тактику, которую можно назвать тактикой преувеличенія. Если, напримѣръ, Франція усиливаетъ свой флотъ, или устраиваетъ новую военную гавань, то англійская журналистика считаетъ патріотическимъ долгомъ увѣрять нѣсколько времени публику, будто англійскій военный флотъ крайне слабъ и береговыя укрѣпленія нисколько не обезпечиваютъ обороны. И въ печати и въ парламентѣ, на всѣ лады, раздается: „videant consules,"—и все это для того чтобы возбудить общественное мнѣніе, чтобъ оно не предавалось опасной безпечности. Намъ рѣшительно слѣдовало бы примѣнить тактику преувеличенія къ школьному дѣлу балтійскихъ губерній. Но тутъ фактическое положеніе таково что преувеличивать нечего: простое изображеніе дѣйствительности будетъ пожалуй принято за злую филиппику или за набатъ. Можно ли напримѣръ считать вѣроятнымъ, что мы употребляемъ большія деньги на онѣмеченіе губерній, находящихся въ такомъ географическомъ положеніи какъ балтійскія? Кто найдетъ вѣроятною нашу надежду, что когда онѣмеченіе совершится, то въ послѣдствіи мы успѣемъ насильственно обрусить ихъ? Преувеличеніе могло бы быть еще умѣстно, еслибы факты были недостаточно явны, еслибъ они сами собою не бросались въ глаза. А тутъ что мы видимъ? Балтійское населеніе состоитъ не изъ Нѣмцевъ; это намъ говорятъ теперь изъ Германіи, отчасти по человѣколюбивой заботливости о нашей безопасности, отчасти для того, чтобы мы не мѣшали политическому объединенію Германіи. Но для этого не-германскаго населенія, изъ котораго только 6—8 процентовъ именуютъ себя Нѣмцами, у насъ есть нѣмецкій университетъ, стоящій государству ежегодно около 210.000 рублей. Такъ какъ населеніе, выдающее себя за нѣмецкое и гордящееся этимъ характеромъ, простирается въ упомянутыхъ губерніяхъ только до 150.000 душъ, то оказывается что изъ означеннаго казеннаго расхода приходится на душу невѣроятная цифра—1 рубль 40 коп., тогда какъ въ Россіи вообще на университеты расходуется только по $1^1/_2$ копѣйки съ души. Нельзя предположить, чтобы государство выдавало изъ общихъ податныхъ денегъ такую огромную сумму лишь въ пользу 150.000 Нѣмцевъ. Это тѣмъ болѣе невѣроятно, что изъ нѣмецко-балтійскаго дворянства, которое доставляло и еще доставляетъ Россіи такъ много государственныхъ людей, лишь весьма незначительный процентъ воспитывается въ Дерптскомъ университетѣ. Съ другой стороны трудно, кажется, допустить, чтобъ университетъ, первоначально основанный Густавомъ Адольфомъ по особенной попечительности этого государя о Латышахъ и Эстахъ Лифляндіи, былъ предоставленъ только „нѣмецкому" бюргерству теперь, по протествіи 200 лѣтъ, когда всѣ жители балтійскаго побережья давно уже сдѣлались людьми свободными. Итакъ, остается только сдѣлать логическій выводъ, что Дерптскій университетъ содержится какъ для нѣмецкаго, такъ и для не-нѣмецкаго населенія балтійскихъ губерній,—для послѣдняго стало-быть въ тѣхъ видахъ, чтобъ онѣмечивать его на податныя деньги, платимыя всѣмъ населеніемъ Имперіи.

Далѣе въ балтійскихъ губерніяхъ имѣется 8 казенныхъ нѣмецкихъ гимназій, на которыя правительство издерживаетъ ежегодно 100.000 руб., и сверхъ того считается одна вновь заведенная нѣмецкая прогимназія, одна нѣмецкая реальная школа и 18 нѣмецкихъ уѣздныхъ училищъ съ ежегоднымъ содержаніемъ въ 35.000 рублей. О дерптской ветеринарной школѣ, стоящей казнѣ также около 30.000 рублей, мы упоминаемъ лишь кстати, дабы показать въ какомъ обиліи балтійскія губерніи надѣлены *нѣмецкими* учебными заведеніями, содержимыми на общія деньги Русскаго государства. Существуя почти уже 20 лѣтъ, дерптская ветеринарная школа едва имѣетъ 15—20 учениковъ, тогда какъ основанная позже ея и обходящаяся казнѣ гораздо дешевле, ветеринарная школа въ Харьковѣ имѣетъ учениковъ впятеро больше. Перенесенная въ такое мѣсто, гдѣ есть значительное скотоводство или значительный прогонъ скота, гдѣ случаются не рѣдко скотскіе падежи, и гдѣ вообще практическое примѣненіе ветеринарной науки было бы не только шире, но и гораздо полезнѣе, дерптская ветеринарная школа была

бы истиннымъ благодѣяніемъ для населенія.

Кромѣ того, въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ содержится на казенный счетъ 75 приходскихъ и элементарныхъ школъ, гдѣ обучаются 3.300 мальчиковъ и 1.000 дѣвочекъ; изъ этихъ школъ, если не ошибаемся, только въ двухъ или трехъ преподаваніе производится на русскомъ языкѣ, а во всѣхъ прочихъ языкъ преподаванія—нѣмецкій. Наконецъ есть еще 18 общественныхъ дѣвичьихъ школъ съ 1.400 ученицами, и 7 еврейскихъ школъ съ 300 учениками: въ этихъ школахъ преподаваніе производится также на нѣмецкомъ языкѣ. Затѣмъ есть еще нѣсколько отдѣльныхъ общественныхъ заведеній, о которыхъ мы не упоминаемъ.

Частныхъ нѣмецкихъ учебныхъ заведеній, равныхъ гимназіямъ, въ балтійскимъ губерніяхъ считается около 14 съ 400 учениками и 600 ученицами; 30 нѣмецкихъ училищъ, равныхъ уѣзднымъ, съ 500 учениками и 600 ученицами; 85 нѣмецкихъ училищъ соотвѣтственныхъ приходскимъ, съ 1.000 учениками и 1.500 ученицами.

Мы не будемъ говорить о народныхъ школахъ, къ сожалѣнію до сихъ поръ слишкомъ далеко стоящихъ отъ правительства и ему неизвѣстныхъ. Мы привели вышеизложенныя цифры за тѣмъ, чтобы сравнить ихъ съ данными извѣстными также изъ офиціальныхъ источниковъ и относящимися къ другимъ частямъ Россіи, гдѣ очевидно гораздо труднѣе заводить частныя школы, нежели жителямъ балтійскихъ провинцій, которые за умѣренныя деньги могутъ пріискивать хорошихъ учителей изъ Германіи, и гдѣ притомъ частныя школы, въ особенности мужскія, испытывали отъ администраціи больше стѣсненій чѣмъ въ балтійскихъ провинціяхъ, вслѣдствіе чего теперь во внутреннихъ губерніяхъ гораздо меньше частныхъ мужскихъ пансіоновъ чѣмъ сколько было тридцать лѣтъ тому назадъ.

Возьмемъ для примѣра Вятскую губернію, гдѣ 2.200.000 жителей, стало-быть гораздо болѣе чѣмъ въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ вмѣстѣ. Въ этой губерніи есть всего одна гимназія, на которую казна выдаетъ ежегодно 12.000 рублей; далѣе въ ней 11 уѣздныхъ училищъ; на нихъ отпускается 25.000 рублей; они естественно круглымъ числомъ содержатъ гораздо болѣе учениковъ чѣмъ уѣздныя училища балтійскихъ губерній. Итакъ, въ Вятскую губернію отпускается изъ казны 37.000 р. или по $1^{1}/_{8}$ коп. на душу для тѣхъ потребностей народнаго обученія, для удовлетворенія которыхъ 150.000 балтійскихъ *Нѣмцевъ* идетъ 135.000 рублей, или почти по рублю на душу. Но сверхъ того, эта частичка балтійскаго населенія имѣетъ университетъ, гдѣ преподаваніе производится на ея языкѣ и на который отпускается ежегодно 210.000 рублей, что въ совокупности доводитъ деньги, отпускаемыя казною для обученія балтійскихъ Нѣмцевъ, до невѣроятной цифры—2 р. 30 коп. на душу. Распредѣленная даже на все балтійское населеніе, эта совокупная сумма составитъ 19 копѣекъ на душу, чего не выдается ни на одну изъ внутреннихъ губерній имперіи. А 2 рубля 30 копѣекъ на душу для школъ не отпускаетъ изъ казны ни одна страна въ мірѣ, Германія же и подавно; только въ Швейцаріи и Соединенныхъ Штатахъ приходится ежегодно на душу отъ 1—$1^{1}/_{2}$ рубля. Во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ, если распредѣлить университетскія суммы между губерніями ихъ округовъ, придется расходовъ на училища отъ 4—8 копѣекъ на душу, а безъ университетскихъ суммъ отъ $1^{1}/_{2}$—4 копѣекъ. Итакъ, если даже взять общую цифру населенія, то въ балтійскихъ губерніяхъ Русское государство тратитъ по народному просвѣщенію на каждую душу втрое болѣе чѣмъ въ губерніяхъ внутреннихъ, и надобно имѣть въ виду, что эти издержки идутъ въ пользу латышскаго и эстскаго населеній балтійскаго края лишь на условіи ихъ онѣмеченія.

Люди, заинтересованные въ поддержаніи этого неестественнаго порядка вещей, ссылаются обыкновенно на то, что балтійскіе Нѣмцы болѣе образованы чѣмъ русскіе обитатели внутреннихъ губерній, а потому и потребность въ училищахъ, чувствуютъ сильнѣе. Здѣсь, говорятъ, въ русской глуши, правительство навязываетъ училища народу; тамъ оно только удовлетворяетъ потребности уже возбужденной и сильно сказавшейся. Нѣтъ ничего безсмысленнѣе этихъ толковъ, если они наивны, и ничего безчестнѣе, если они сопровождаются сознаніемъ. Что касается до уровня образованія, то само собой разумѣется, что чѣмъ больше школъ, тѣмъ онъ долженъ быть выше, и внутреннія губерніи никогда не поравняются съ западными и балтій-

скими, пока наше правительство не сочтетъ нужнымъ возстановить справедливость и не рѣшится, наконецъ, дѣлать для коренной Россіи, по крайней мѣрѣ, все то, что дѣлается для окраинъ. Что же касается до потребности въ образованіи, то совершенная ложь, чтобъ она была слаба внутри Россіи. Если правительство навязываетъ гдѣ-либо училища сверхъ потребности, то именно въ балтійскихъ губерніяхъ; во внутреннихъ оно даетъ гораздо меньше того, въ чемъ чувствуется потребность. Въ уѣздныхъ училищахъ Вятской губерніи напримѣръ среднее число учениковъ гораздо значительнѣе, чѣмъ въ балтійскихъ губерніяхъ, и слѣдовательно можно доказать математически, что въ Вятской губерніи существующая потребность въ учебныхъ заведеніяхъ удовлетворена менѣе чѣмъ въ балтійскомъ краѣ. Среднее число гимназистовъ въ балтійскихъ губерніяхъ гораздо менѣе средняго числа гимназическихъ учениковъ во всей имперіи; тутъ среднее число учениковъ на гимназію 300 человѣкъ, а въ балтійскомъ краѣ только 200 человѣкъ. Это весьма краснорѣчивое различіе цифръ. О числѣ студентовъ въ университетахъ нечего и говорить.

Говорятъ еще, что нѣмецкій университетъ въ Дерптѣ нуженъ Россіи въ тѣхъ видахъ, дабы Россія имѣла высшее училище, въ которомъ науки преподавались бы съ нѣмецкою основательностью: иначе нельзя водворить науки въ Россіи. Не споримъ, можетъ-быть въ началѣ текущаго столѣтія это и было нужно, потому что тогда русскій языкъ не былъ еще приспособленъ ко всѣмъ потребностямъ науки, хотя позволительно усомниться, чтобъ и въ началѣ столѣтія употребленіе нѣмецкаго языка въ Дерптскомъ университетѣ могло много способствовать развитію языка русскаго. Но кто станетъ утверждать теперь, что русскій языкъ, также мало, какъ въ 1802 году, приспособленъ къ преподаванію наукъ, теперь, когда мы уже болѣе столѣтія имѣемъ Московскій университетъ и сверхъ того пять другихъ университетовъ, въ которыхъ лекціи читаются по-русски? Одно изъ несчастій нашего отечества состоитъ въ неподвижности нашихъ учрежденій. Когда то, что временно въ первыя 5—10 лѣтъ было полезно, въ послѣдствіи, по невнимательности, удерживается цѣлыя столѣтія, то плохія послѣдствія неизбѣжны. Извѣстенъ забавный анекдотъ, что въ какомъ-то городкѣ на Руси въ продолженіе 30 лѣтъ ставили часоваго на такомъ мѣстѣ гдѣ его вовсе не нужно, потому только, что забыли снять будку, поставленную тутъ въ незапамятныя времена. Нѣчто подобное случилось и съ организаціей учебнаго вѣдомства въ балтійскомъ краѣ какъ относительно университета, такъ и относительно гимназій. Что касается до университета, то еще можно сослаться на удобство приглашенія изъ Германіи опытныхъ профессоровъ за дешевую плату, хотя противъ этого легко замѣтить, что русскіе студенты охотнѣе ѣздятъ въ заграничные университеты, чѣмъ въ свой нѣмецкій, и что въ иностранныхъ университетахъ они даже менѣе усвояютъ себѣ враждебныхъ къ Россіи идей, чѣмъ въ русскомъ нѣмецкомъ университетѣ. Но по отношенію къ гимназіямъ нельзя сослаться и на этотъ доводъ. Тутъ переходный порядокъ вещей, который долженъ бы оставаться въ силѣ самое короткое время, продержался цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ, въ продолженіи которыхъ давно уже предстали совершенно иныя цѣли и нужно было для ихъ достиженія прибѣгнуть совершенно къ инымъ средствамъ. Теперь расходуется такъ много денегъ на балтійскія гимназіи, очевидно, въ силу надежды, что съ помощію этихъ гимназій можно будетъ обрусить край. На словахъ и бумагѣ было принято не мало мѣръ, чтобы русскій языкъ былъ успѣшно изучаемъ въ балтійскихъ гимназіяхъ и Дерптскомъ университетѣ и затѣмъ вводимъ въ официальное употребленіе. Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно, всѣ эти учебныя заведенія, вопреки возлагаемымъ надеждамъ, служатъ только для онѣмеченія края, и сказать правду, было бы несправедливо приписывать безуспѣшность правительственныхъ усилій отдѣльнымъ лицамъ. Виной тутъ не люди, а система. Какъ можно ожидать успѣха въ русскомъ языкѣ отъ гимназій, которыя находятся въ связи съ низшими нѣмецкими школами и высшею тоже нѣмецкою школой? Можно ли ожидать, чтобы при такихъ обстоятельствахъ немногіе часы, посвящаемые въ балтійскихъ гимназіяхъ на преподаваніе русскаго языка, доставили какую-нибудь серіозную пользу учащимся? Надобно уразумѣть опасность теперешняго хода дѣлъ и измѣнить систему: тогда русскій языкъ будетъ всякому нуженъ на всемъ пространствѣ Россіи, и рус-

скому языку будутъ выучиваться всѣ русскіе подданные; принадлежащіе къ образованнымъ классамъ.

№ 47.

Москва, 28-го февраля.

Сколь ни важны вопросы поднятые теперь на Востокѣ, они не должны однако поглощать исключительно все наше вниманіе. То что происходитъ въ Германіи требуетъ также вниманія серіознаго и заботливаго. Не худо оглянуться на тѣ продварительныя мѣры, которыя завершились созваніемъ этого федеральнаго парламента, который уже присвоилъ себѣ наименованіе имперскаго сейма, а не болѣе года тому назадъ, въ самой скромной формѣ, для самыхъ дальновидныхъ умовъ, казался химерою, хотя впрочемъ иные и теперь не хотятъ еще вѣрить ни въ прочность его, ни въ практическое его значеніе.

Прежде всего нельзя не согласиться, что графъ Бисмаркъ исполняетъ свою обширную программу съ настойчивостію, энергіей и точностію удивительными. Цѣлая Германія маневрируетъ по его командѣ, будто пѣхотная дивизія. Есть ли это только обаяніе силы и военныхъ успѣховъ прошлаго лѣта, какъ утверждаютъ иные органы французской печати? Едва ли. Считая такъ, можно очень ошибиться въ разчетѣ. Успѣхи грубой силы непрочны; если эта сила не усвоилась въ мощной и народной идеѣ, она ничего создать не въ состояніи. Роль тріумфатора, безъ сомнѣнія, не мало способствовала исполненію видовъ г. фонъ-Бисмарка; политическія ошибки его противниковъ, непредусмотрительность или недоумѣніе большей части европейскихъ кабинетовъ также содѣйствовали тому: но главная причина успѣховъ прусской политики состоитъ въ томъ, что она соотвѣтствовала національнымъ стремленіямъ германскаго большинства, и дала имъ то, чего имъ до сихъ поръ не доставало, — вещественную силу хорошо организованную и разумно направляемую. Вотъ почему все такъ удивительно удавалось г. фонъ-Бисмарку и внутри, и внѣ. Даже прусская палата депутатовъ, которая такъ упорно и непримиримо воевала съ нимъ, сдалась ему безъ капитуляціи. Въ продолженіе всей истекшей сессіи, графу Бисмарку стоило лишь появиться, чтобы всякое дѣло рѣшилось въ его смыслѣ. Слова его ждали какъ оракула; каждый разъ какъ начиналъ онъ говорить, все становилось вниманіемъ; ему рукоплескали и, что еще лучше, ему повиновались, даже когда не рукоплескали. На призывъ его, представители двадцати двухъ вступившихъ, волею или неволею, въ Прусскую конфедерацію государствъ, поспѣшили въ Берлинъ; переговоры были ведены такъ удачно, что менѣе чѣмъ въ два мѣсяца были подписаны 22 трактата, которые явлены теперь федеральному парламенту. Въ одномъ французскомъ журналѣ шутливо замѣчено что г. фонъ-Бисмаркъ поступилъ съ этими мелкими государствами безцеремоннѣе, чѣмъ Калигула съ римскимъ сенатомъ, ибо римскій императоръ созывалъ сенаторовъ для обсужденія, подъ какимъ соусомъ кушать ему рыбу, между тѣмъ какъ прусскій министръ обязывалъ представителей федеральныхъ государствъ разсуждать о соусѣ подъ какимъ они должны быть скушаны сами. Это затѣйливо, но едва ли вѣрно. Дѣло въ томъ что мелкономѣстная Германія сама желаетъ, чтобы ее скушали. И вотъ почему она безъ всякаго отвращенія обдумывала приготовленіе сего велико-германскаго соуса, составныя части коего копились въ продолженіе вѣковъ. А между тѣмъ южно-германскія государства, которыя еще не были захвачены сѣверною конфедераціей, добровольно тянули на встрѣчу самымъ задушевнымъ желаніямъ прусской политики, уступая силѣ притяженія, вовлекающей ихъ въ прусскую орбиту. По странной случайности, именно то изъ этихъ южно-германскихъ государствъ, что понесло самые чувствительные удары, что менѣе всѣхъ обнаруживало германскія наклонности, что въ послѣднюю войну призывало даже Францію, сдѣлало первый шагъ къ сближенію. Какъ съ горенью выразилась одна изъ вѣнскихъ газетъ, именно Баварія, въ лицѣ принца Гогенлоэ, отреклась отъ Австріи, своей старинной союзницы, „чтобы лобызать руку, которая такъ жестоко поражала ее.“ Большая часть государствъ южной Германіи поспѣшили послѣдовать этому примѣру, какъ свидѣтельствуютъ конференціи, происходившія между представителями Баваріи, Виртемберга, Гессенъ-Дармштадта и Бадена: всѣ на этихъ совѣщаніяхъ согласились въ необходимости военной реформы, направленной къ тому, чтобы военныя силы этихъ государствъ слились съ прусскими.

Не компрометтируя успѣха своихъ замысловъ неблаговременною поспѣшностію, графъ Бисмаркъ оказалъ этимъ встрѣчнымъ заявленіямъ добрый, но сдержанный пріемъ, приберегая пока всѣ свои усилія на сѣверную задачу. Прежде всего, съ особеннымъ жаромъ занялся онъ упроченіемъ прошлогоднихъ завоеваній и приготовленіемъ къ случайностямъ будущаго, и дабы внести въ свою армію сколь можно бо́льшую однородность, онъ размѣстилъ въ прусскихъ полкахъ значительное число солдатъ разныхъ государствъ, вошедшихъ въ сѣверо-германскую конфедерацію: тутъ они должны освоиться съ прусскимъ военнымъ ученіемъ и потомъ распространять его у себя дома. Это распоряженіе имѣетъ двойную выгоду: оно сформируетъ хорошихъ солдатъ и отнимаетъ послѣдній остатокъ значенія у государей оставшихся до новаго распоряженія въ союзныхъ государствахъ. Выгоды эти для прусскаго правительства усиливаются еще тою непопулярностію, которая падаетъ на этихъ номинальныхъ государей вслѣдствіе двойной повинности, которую подданные ихъ должны отбывать какъ для общей федеральной арміи, такъ и для мѣстной военной службы. Дѣйствія этой ловкой тактики уже даютъ себя чувствовать въ Саксоніи и Веймарѣ, гдѣ начинаютъ жаловаться на эту двойную плату для поддержанія призрака независимости и самостоятельной монархіи, и гдѣ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе выражаютъ желаніе не оставаться „Пруссаками втораго ранга.“

Система энергическаго объединенія, развиваемая графомъ Бисмаркомъ, не ограничивается собственною политическою и военною сферами, но оказываетъ свое дѣйствіе и въ умственномъ мірѣ. Идетъ рѣчь объ учрежденіи большой германской академіи, на подобіе французской, которая имѣла бы своимъ назначеніемъ освободить національный языкъ отъ всѣхъ оттѣнковъ „партикуляризма.“ Многіе, притомъ самые вліятельные литературные органы, единогласно требуютъ этой академіи, и офиціозныя берлинскія газеты поддерживаютъ этотъ тезисъ, объясняя что единство, совершившееся въ государственной области, должно совершиться также въ языкѣ и въ понятіяхъ. . . . . .

Посреди столь благопріятныхъ обстоятельствъ, не озабоченное пока никакимъ затрудненіемъ извнѣ, прусское правительство могло на всей своей волѣ открыть выборы для федеральнаго парламента. Горячая борьба завязалась на этой почвѣ между двумя началами, въ которыхъ исчезли всѣ прежніе оттѣнки партій. Одно, начало демократическое и федералистское, выражается въ такъ-называемой „народной партіи,“ Volks-partei; другое начало, объединяющее и централизующее, представляется „нѣмецкою партіей,“ Deutsche partei. Эта послѣдняя партія, состоящая изъ прусскихъ консерваторовъ, изъ юнкеровъ, которые находятся въ полномъ распоряженіи г. фонъ-Бисмарка, изъ чиновниковъ государственной службы, получила новое значеніе, когда къ ней присоединилось огромное большинство National-Verein'а и многіе либералы, которые хотятъ чтобы германское единство осуществилось во что бы то ни стало, и которые, послѣ ежесточенной войны съ г. фонъ-Бисмаркомъ, стали теперь горячими приверженцами его политики, убѣдившись что никто лучше не сумѣетъ осуществить идею единства. Между этими новообращенными есть такіе что́ идутъ еще далѣе г. фонъ-Бисмарка, упрекаютъ его за излишнюю умѣренность и протестуютъ противъ линіи Майена. Богу извѣстно, однако, что линія эта есть плохая граница, болѣе воображаемая нежели дѣйствительная, и прусскій министръ не стѣсняется высказывать это, при всѣхъ возможныхъ случаяхъ, въ выраженіяхъ вовсе не двусмысленныхъ. Еще недавно, въ томъ засѣданіи, котораго описаніе помѣщаемъ мы ниже, намекнулъ онъ на это въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Опредѣленію „нашихъ отношеній къ южнымъ государ„ствамъ будетъ существенно способствова„вать быстрое и окончательное устройство „сѣверной Германіи. Чѣмъ рѣшительнѣе „будемъ мы идти къ нашей цѣли и чѣмъ „она будетъ ближе къ осуществленію, тѣмъ „болѣе будетъ возрастать довѣріе южно„германскихъ государствъ необходимое для „соединенія ихъ съ государствами сѣвер„ной Германіи.“ По всѣмъ вѣроятіямъ воззваніе это не останется безъ послѣдствій, и несмотря на разности въ мнѣніяхъ, на остатокъ неудовольствія, на столкновенія интересовъ, которые могутъ обнаружиться въ союзномъ парламентѣ, дѣло германскаго единства подъ гегемоніей прусскою будетъ продолжаться безостановочно и согласно.

Но не встрѣтитъ ли оно какого-нибудь препятствія извнѣ? Это колоссальное со-

бираніе Нѣмецкой земли будетъ ли съ пріятностію допущено императоромъ Наполеономъ, вопреки совпаденію этого событія съ предсказаніями острова Св. Елены? Ружья Шассепо и 1.200.000 солдатъ, которые будутъ вооружены ими, назначаются ли единственно только для парада предъ всемірною выставкой? Прусскій министръ не можетъ сомнѣваться въ значеніи всѣхъ этихъ приготовленій: онъ не можетъ не видѣть, что его дѣлу готовится великое и рѣшительное испытаніе. Отъ его дальновидности не можетъ также ускользнуть, что есть великое сопредѣльное Пруссіи государство съ 80.000.000 жителей, которое ждетъ и наблюдаетъ, и которое въ рѣшительную минуту можетъ оказать свое вліяніе въ пользу той стороны, гдѣ найдетъ наибольшее обезпеченіе и содѣйствіе своимъ дѣйствительнымъ и дорогимъ интересамъ. Нельзя долго пробавляться простодушіемъ другихъ, да и не всѣ же дадутъ себя провести. Кто ничего не даетъ, тотъ ничего и не получитъ. И въ политикѣ, какъ въ торговлѣ, кто лучше платитъ, тотъ и въ большей выгодѣ.

№ 48.

Москва, 1-го марта.

Между тѣмъ какъ объединеніе Германіи подвигается быстрыми шагами впередъ подъ предводительствомъ побѣдоносной Пруссіи, съ побѣжденною соперницей ея, выброшенною изъ Германіи Австріей, совершается иной процессъ,—процессъ перерожденія, по мнѣнію г. фонъ-Бейста, который находится теперь у ея кормила, а на взглядъ со стороны—процессъ разложенія. Этотъ процессъ совершается также съ замѣчательною быстротой. Теперешняя фаза его состоитъ въ томъ, что Австрія расцалась на два государства. Той Австріи, которая до сихъ поръ была извѣстна въ Европѣ какъ великая держава, уже нѣтъ. Въ географіяхъ должны появиться два новыя имена: Цислейтанія и Транслейтанія, которыми обозначаются двѣ половины прежней Австріи, сколько ея ущѣлѣло послѣ приключившагося нынѣшнимъ лѣтомъ погрома. Эти половины раздѣлены рѣчкой Лейтой, и ту изъ нихъ, которая лежитъ на западъ отъ Лейты, австрійскіе публицисты прозвали Цислейтаніей, а которая на востокъ—Транслейтаніей. Послѣдняя теперь ликуетъ, празднуя свою побѣду не меньшую Кёниггрецкой. Но въ тотъ же самый день когда императоръ Францъ-Іосифъ изливалъ свои щедроты на Венгрію въ приведенномъ ниже рескриптѣ, онъ распускалъ, другимъ рескриптомъ, богемскій сеймъ, а вскорѣ затѣмъ послѣдовали подобныя же мѣры относительно другихъ двухъ сеймовъ *Цислейтаніи*, моравскаго и краинскаго. Дѣло въ томъ, что многія части монархіи Габсбурговъ знаютъ себя какъ части Австріи, но не хотятъ быть частями какой-то Цислейтаніи. Сеймы Богеміи, Моравіи, Тироля, Крайны, Буковины и городской совѣтъ Тріеста высказали это довольно ясно, а Горица (Гёрцъ) выбрала въ имперскую думу рѣшительныхъ автономистовъ. На сторонѣ системы фонъ-Бейста стали обѣ Австріи, Зальцбургъ, Силезія, Штирія, Каринтія, Форарльбергъ и—Галиція. Этого мало. Богемія, Моравія и Крайна такъ рѣзко выразили привязанность къ своимъ историческимъ правамъ, что вѣнское правительство нашло себя вынужденнымъ распустить ихъ сеймы. Эта борьба и та роль, которую приняли въ ней галицкіе Поляки, принадлежатъ къ весьма интереснымъ явленіямъ въ современной политикѣ Австріи.

Всѣхъ поразило сходство въ адресахъ, составленныхъ на чешскомъ, моравскомъ и краинскомъ сеймахъ. Въ этомъ были очевидны результаты конференціи федералистовъ, которая происходила предъ открытіемъ сеймовъ, но была окружена доселѣ таинственностію. Тотчасъ послѣ закрытія чешскаго сейма, органъ мѣстной національной партіи, *Národní Listy*, оплакивая это событіе, заявилъ, что „на конференціи федералистовъ пренія тянулись долго и вяло, но привели, наконецъ, къ согласію на счетъ принциповъ, которые внесены въ адресъ чешскаго сейма.“ Въ адресѣ было сказано, что Богемія не хочетъ видѣть себя поглощенною Цислейтаніей.

Подготовленное единство дѣйствія встрѣтило въ Вѣнѣ единство противодѣйствія; два рескрипта, которыми закрыты сеймы моравскій и краинскій, списаны одинъ съ другаго. Изъ этого ясно, что „министръ на все,“ какъ въ Австріи зовутъ г. фонъ-Бейста, намѣренъ настаивать на той системѣ *двойственнаго централизма*, въ которой австрійскіе Славяне справедливо видятъ систему двойственнаго угнетенія. Между тѣмъ какъ на востокѣ отъ Лейты будетъ угнетать ихъ гордый и легко увле-

кающійся Мадьяръ, на западѣ тѣмъ же дѣломъ хочетъ заняться основательный Нѣмецъ.

Намъ не разъ уже случалось говорить, обращаясь къ австрійскимъ Славянамъ, что ихъ мечты о федеральномъ устройствѣ Австріи неосуществимы. То или другое вѣнское министерство можетъ для своихъ цѣлей пользоваться этими мечтами и даже питать ихъ, но въ сущности этотъ пресловутый федерализмъ есть не что иное какъ ловушка, разставляемая для политической неопытности. Точно также и принципъ равноправности національностей былъ не что иное какъ средство доставить перевѣсъ малочисленному нѣмецкому элементу. Австрійское правительство поднимало венгерскихъ Славянъ противъ Мадьяръ, а галицкихъ русскихъ противъ Поляковъ, когда это было нужно чтобы посбить спѣси у Мадьяръ и Поляковъ и сдѣлать ихъ ручнѣе, но коль скоро эта цѣль достигнута и соглашеніе состоялось, Австрія была бы не вѣрна себѣ, еслибы не насмѣялась надъ принципомъ національностей. Опытъ показываетъ какъ неосмотрительно поступали напримѣръ Чехи, ожидая пользы для своего дѣла отъ торжества Мадьяръ, вмѣсто того чтобы поддерживать Словаковъ и Сербовъ. Опытъ показываетъ также, что сблизившись съ угнетателями галицкихъ Русскихъ, Поляками, Чехи нашли себѣ лишь ненадежныхъ союзниковъ, тогда какъ поддерживая галицкихъ Русскихъ и по возможности защищая ихъ отъ польскихъ притязаній, они шли бы прямѣе къ своей цѣли. Изъ упомянутой выше статьи *Народныхъ Листовъ* видно, что еще до открытія областныхъ Сеймовъ Чехи боялись остаться одинокими ратниками въ полѣ. Уже на конференціи федералистовъ они замѣтили, что „Поляки страшатся только потерять своего Голуховскаго.“ Но имъ тяжко было не вѣрить Полякамъ, которые усердно кокетничали съ ними; они говорили: „вскорѣ мы останемся, по всей вѣроятности, одиноки-ми: насъ не поддержутъ братья *Моравцы* и *Словенцы* и даже, *быть-можетъ*, Поляки.“ Они больше надѣялись на Поляковъ чѣмъ на Моравцевъ и Словенцевъ, которые оказались вѣрными имъ, тогда какъ Поляки имъ измѣнили. Но около того же времени, когда Чехи такъ обманывались насчетъ своихъ союзниковъ, *Слово*, органъ галицкихъ Русскихъ, высказывало иной взглядъ на дѣло. Съ вѣрнымъ политическимъ чутьемъ, *Слово* привѣтствовало открытіе Львовскаго сейма въ слѣдующихъ грустныхъ выраженіяхъ: „Къ сожалѣнію, мы должны сказать, что галицкіе Поляки, именующіе себя также Славянами, доселѣ ни однимъ дѣломъ не заявили сочувствія къ своимъ братьямъ Славянамъ.... Доказательствомъ тому служатъ многія выходки галицко-польскихъ газетъ, напримѣръ *Часа* и *Газеты Народовой*, противъ Хорватовъ, Сербовъ, Словаковъ и Русскихъ. Сеймовая зала во все время минувшаго шести-лѣтняго періода была лишь ареной споровъ между защитниками Руси и Польши. Теперь положеніе измѣняется. Поляки начинаютъ вступать въ союзъ съ Чехами и Хорватами.... Но нынѣ, какъ всегда, польскіе корифеи, маскируя свои истинныя намѣренія, останутся прежними непримиримыми врагами славянскаго міра. Нынѣшнее ихъ кокетничанье съ другими Славянами, безъ сомнѣнія, лицемѣрно.“ Факты оправдали это предсказаніе. Два-три дня по открытіи Львовскаго сейма Поляки дѣйствовали сообразно условленной программѣ. Особенный комитетъ составилъ проектъ адреса, о которомъ полонофильская чешская газета *Politik* поспѣшила заявить, что онъ подобенъ адресамъ, чешскаго, моравскаго, крайнскаго и тирольскаго сеймовъ. Онъ, дѣйствительно, представлялъ безпощадную критику дуализма и системы г. фонъ-Бейста. Въ этомъ же тонѣ заговорила и польская журналистика. Начались пренія объ адресѣ, въ которыхъ нѣсколько Поляковъ стяжали популярную славу *оппозиціонныхъ* правительству ораторовъ, и не попадили ни г. фонъ-Бейста, ни его системы. И что же? Непосредственно затѣмъ коммиссія взяла назадъ свой проектъ адреса, и *сеймъ согласился съ нею*. Затѣмъ сеймъ тотчасъ приступилъ къ избранію депутатовъ въ имперскую думу. Они уже выбраны теперь, и въ числѣ ихъ мы видимъ Константина Чарторыйскаго, Альфреда и Адама Потоцкихъ.

Это случилось такъ: въ награду за любезности, которыя были высказаны г. фонъ-Бейстѣ, вмѣсто того чтобы закрыть Львовскій сеймъ, вѣнское правительство принялось осыпать его знаками милости. 2-го марта обнародованы во Львовѣ правительственные указы, которые вводятъ *польскій* языкъ въ преподаваніи римскаго права и предметовъ, необходимыхъ для экзамена на государственную должность, а равно и

въ самый этотъ экзаменъ. Сверхъ того, правительство ассигнуетъ 2.400 гульденовъ ежегодно (изъ школьнаго фонда Галиціи) на прибавленіе каѳедръ во Львовскомъ университетѣ. Къ тому же, по свидѣтельству полонофильской газеты *Politik*, польское большинство Львовскаго сейма хотѣло воспользоваться выгодами своего положенія, чтобы принять цѣлый рядъ мѣръ противъ русскихъ галичанъ. Вотъ что побудило Поляковъ рѣшиться на сдѣланный имъ *volte-face*. Они оставили Богемію, Моравію и Крайну на милость поддержали систему г. фонъ-Бейста, противъ которой обѣщали дѣйствовать. Нѣтъ сомнѣнія, что они тоже разыграли въ этомъ дѣлѣ роль орудія, и что г. фонъ-Бейстъ ловко воспользовался ихъ всегдашнимъ легковѣріемъ для своихъ видовъ. Г. фонъ-Бейстъ, повидимому, разчитываетъ и на наше легковѣріе, разточая въ то же время любезности Россіи и изъявляя великую заботливость о ея интересахъ на Востокѣ....

№ 49.

Москва, 2-го марта.

Завтра почта принесетъ намъ цѣлый рядъ документовъ, напечатанныхъ въ сегодняшнемъ нумерѣ *Journal de St.-Petersbourg* и относящихся къ восточному вопросу за 1860 и 1861 годы. Еще не успѣли высохнуть чернила подписей на Парижскомъ трактатѣ, какъ на востокѣ снова началось броженіе и снова запевелился этотъ роковой восточный вопросъ который считался если не окончательно, то надолго рѣшеннымъ послѣ Севастопольскаго погрома. Столько усилій и жертвъ, столько пролитой крови,—и все оказалось напраснымъ! Тогда хитрые политики вознамѣрились открыть дѣйствія новаго рода противъ Россіи, гдѣ они мнили видѣть источникъ этого вопроса, главный фокусъ его возбужденія. Плохими результатами тяжкой войны не убѣдившись въ безполезности своихъ усилій, противники Россіи вздумали достигнуть своихъ цѣлей возбужденіемъ революціи въ ея собственныхъ нѣдрахъ. Этимъ видамъ, казалось, благопріятствовали громадныя соціальныя преобразованія, которыя были въ ней предприняты. Вѣчное орудіе политической интриги, польскіе патріоты были подняты на ноги; была раскинута сѣть обмановъ для уловленія правительства Россіи; была разыграна, въ громадныхъ размѣрахъ, мистификація, какой примѣра не представляетъ исторія. Эта чудовищная мистификація не удалась; сѣть обмановъ была растерзана, безсмысленное возстаніе было подавлено, и Россія вышла изъ этого опыта побѣдительницею, съ обновленными и укрѣпленными силами, съ болѣе яснымъ чѣмъ когда-либо разумѣніемъ своихъ цѣлей и способовъ. А между тѣмъ восточный вопросъ продолжалъ свою подземную работу, и вотъ теперь, послѣ всѣхъ усилій подавить его или извратить его смыслъ, онъ снова поднимается, во всей своей силѣ, обращая въ ничто всѣ попытки заглушить или сбить съ пути его требованія. Предъ Европой, истрясенною въ основаніяхъ своего равновѣсія, онъ возстаетъ грозный, несговорчивый, неотразимый.

Нами противники привыкли обвинять въ коварствѣ русскую политику на Востокѣ. Судя по себѣ, политики западныхъ державъ повидимому полагали, что затрудненія, съ которыми имъ такъ тяжко приходилось бороться на Востокѣ, суть поддѣлка Россіи и что такъ называемый восточный вопросъ есть ея выдумка. Они не хотѣли видѣть, что виною этихъ затрудненій были они сами, что восточный вопросъ есть созданіе ихъ собственныхъ недоразумѣній, послѣдствіе глубокихъ неправильностей, лежавшихъ въ основаніи европейскаго равновѣсія. Турецкая имперія была поставлена замкомъ свода, обезпеченіемъ цивилизаціи, нормою политическихъ отношеній. Съ этимъ умирающимъ тѣломъ, или вѣрнѣе, съ этимъ гальванизуемымъ трупомъ, фальшивая политика связала жизненные интересы европейскихъ націй и лишила ихъ, по отношенію къ Востоку, нравственной свободы. Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе она запутывала себя. И вотъ свои грѣхи возлагаетъ она на единственную изъ соприкосновенныхъ восточному вопросу державъ, которая, по самой сущности своихъ интересовъ здѣсь совершенно безкорыстна въ своихъ видахъ и намѣреніяхъ. Ея интересы, понятые въ своей истинѣ, состоятъ только въ томъ, чтобы христіанскіе народы Востока, близкіе и родственные ей, пріобрѣли свободу и возможность развитія, и чтобы прекратилась наконецъ чудовищная необходимость возвращаться къ безсильнымъ и неискреннимъ совѣщаніямъ между могущественны-

ми христіанскими правительствами о томъ, въ какой мѣрѣ можно допустить, чтобы христіанскимъ населеніямъ, въ государствѣ варварскомъ и лишенномъ всякой внутренней силы, были предоставлены права существованія. Россія не могла, еслибъ и хотѣла, быть въ этомъ вопросѣ своекорыстною, по образцу другихъ державъ, потому что большей корысти не можетъ быть для нея какъ независимость и совмѣстительность подавленныхъ христіанскихъ народностей Востока. Въ этомъ все преимущество положенія Россіи и въ этомъ, быть-можетъ, причина того озлобленія, съ которымъ къ ней относятся ея запутавшіеся соперники.

Напечатанные въ *Journal de St.-Pétersbourg* документы свидѣтельствуютъ, что Россія, еще въ 1860 и 1861 годахъ, предвидѣла то что происходитъ нынѣ. Она усильно искала соглашенія съ державами, дабы побудить Порту къ исполненію данныхъ ею обѣщаній, и не ея вина, если соглашеніе не состоялось. Была пора, когда полумѣры и палліативы могли казаться пригодными, продленіе бытія Турецкой имперіи могло казаться совмѣстнымъ съ нѣкоторыми обезпеченіями ея христіанскихъ населеній. Пора эта миновала и Россія, какъ справедливо замѣчаетъ *Journal de St.-Pétersbourg* имѣетъ полное право сложить съ себя всякую отвѣтственность за нынѣшнее положеніе дѣлъ, не допускающее никакихъ полумѣръ и сдѣлокъ. Россія до конца исчерпала всѣ попытки къ соглашенію. Даже въ послѣднее время, въ виду столь нагло и вмѣстѣ столь коварно нарушеннаго въ Румынскихъ княжествахъ трактата навязаннаго Россіи, она еще пыталась дѣйствовать путемъ соглашенія. Когда послѣ Букарештскихъ событій, на всемъ Востокѣ поднялось броженіе и прорвалось возстаніемъ въ Критѣ, Россія не только не раздувала пожара, но приглашала обѣ западныя державы, соединенныя съ нею общими обязанностями относительно этой части турецкихъ владѣній, къ совокупному дѣйствію, дабы благовременными мѣрами успокоить движеніе и отсрочить катастрофу. Ея усилія были безуспѣшны. До послѣдняго времени политика западныхъ державъ была исполнена непріязни къ дѣлу христіанскихъ населеній Востока, и на Россію, особенно во французской журналистикѣ, сыпались градомъ обычныя клеветы. Вдругъ императору Франц[illegible]зовъ угодно было, при торжественномъ случаѣ, возвѣстить своимъ палатамъ, что Россія изъявляетъ готовность слѣдовать по стопамъ Франціи на Востокѣ. Съ тѣхъ поръ пошли слухи о переговорахъ, которые французское правительство ведетъ съ Россіей въ видахъ соглашенія по Восточному вопросу; около того же времени, и г. фонъ-Бейстъ, взявшій въ свои руки судьбы монархіи Габсбурговъ, этого втораго послѣ Турецкой имперіи недуга современной Европы, выпустилъ извѣстный циркуляръ свой, въ которомъ онъ изъявляетъ заботливое желаніе освободить Россію отъ невыгодныхъ послѣдствій войны, заключившейся трактатомъ 1856 года. Подумаешь, Россія никогда не имѣла лучшихъ друзей и болѣе усердныхъ радѣтелей о своихъ интересахъ, какъ Францію и Австрію въ настоящее время. Но избытокъ добрыхъ услугъ, къ которымъ вдругъ возымѣлась столь усердная готовность, мало свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ искренности. Если есть поводы къ толкамъ о сближеніи Франціи съ Россіей по восточнымъ дѣламъ, то, въ сущности, они могутъ означать только желаніе выгадать время. Конечно, нельзя отрицать возможность добраго соглашенія между Россіей и Франціей. Возможны обстоятельства, посреди которыхъ между этими державами могутъ оказаться взаимные интересы достаточные для союза. Но между Россіей и Франціей едва ли возможно сближеніе при союзѣ той или другой изъ этихъ державъ съ Австріей. Сколько мы понимаемъ положеніе дѣлъ, нѣтъ для Россіи противоестественнѣе союза, въ которомъ Франція или Австрія была бы третьимъ членомъ А эти обѣ державы, послѣ того что совершилось, стали теперь, изъ естественныхъ противницъ, столь же естественными союзницами. У нихъ одна политика, и въ смыслѣ ихъ общей политики на Востокѣ нельзя сомнѣваться. Нынѣшняя телеграмма изъ Вѣны удостовѣряетъ, что обѣ державы по восточному вопросу въ эту минуту существенно сблизились. Но сближеніе между ними—не новость; новымъ въ этомъ извѣстіи можетъ быть развѣ только то, что между этими державами установилась опредѣленная программа.

№ 50.

Москва, 31-го марта.

Важный государственный интересъ потребовалъ отъ правительства и общества соединенныхъ усилій къ обрусенію землевладѣнія въ западномъ краѣ. Исправить пагубныя послѣдствія ложной системы господствовавшей въ продолженіе семидесяти лѣтъ,—задача колоссальная. Пессимисты указывали на невозможность успѣха правительственныхъ мѣръ, если общество не обнаружитъ достаточной способности дѣйствовать, а такъ какъ русское общество, говорили они, лишено духа инициативы, то и на правительственныя мѣры плохи надежды. Дѣйствительность не оправдала этихъ опасеній. Общественная инициатива обнаружилась въ довольно сильной степени. Въ разныхъ губерніяхъ составились кружки людей готовыхъ пуститься въ край далекій и незнакомый; образовались складочные капиталы; изъ разныхъ мѣстъ отправлялись *ходаки* чтобъ осмотрѣть имѣнности, узнать цѣны, ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ; частные люди вызывались открыть конторы для доставленія свѣдѣній о продающихся имѣніяхъ. Готовность двинуться на западъ, была въ 1864 и 1865 годахъ, дѣйствительно велика въ нашемъ обществѣ. Казалось бы, нужно было со стороны административныхъ властей лишь нѣкоторое содѣйствіе и ободреніе, чтобы дѣло пошло на ладъ, несмотря на его трудность. У насъ нѣтъ такого обилія капиталовъ какъ въ Пруссіи; нѣтъ той тѣсноты, которая побуждаетъ тамъ къ переселенію въ Познань, но и тамъ нѣмецкое землевладѣніе не сдѣлало бы теперешнихъ успѣховъ, еслибы не помогала администрація. А у насъ дѣйствіе администраціи было охлаждающаго свойства. Въ 1864 году образовалось въ Могилевѣ общество помѣщиковъ для покупки польскихъ имѣній, но въ Вильнѣ присовѣтовали ему повременить. Такіе же совѣты подавали и въ Кіевѣ. Ждать необходимо было и потому, что и правительство пожелало взять въ свои руки дѣло землевладѣнія въ западномъ краѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ ожидались льготы для покупщиковъ. Эти льготы давались въ видѣ временныхъ мѣръ и не сопровождались гласностью. Наконецъ послѣдовалъ Высочайшій указъ опредѣлившій условія и порядокъ водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Но законъ 10-го декабря 1865 года только начерталъ программу узаконяемаго дѣла; осуществленіе его зависитъ отъ многихъ условій, которыя должны быть предметомъ совокупныхъ усилій законодательства и администраціи. Въ этомъ случаѣ, однимъ изъ первыхъ условій было умноженіе путей, связующихъ центръ государства съ его западною окраиной. Именно послѣ указа 10-го декабря проектъ Московско-Кіевской желѣзной дороги предсталъ во всемъ своемъ значеніи. Пока это дѣло не было рѣшено окончательно, то-есть въ продолженіе всего 1866 года, въ публикѣ не могло быть правильнаго взгляда на виды правительства, и она должна была колебаться въ своихъ сужденіяхъ о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла по водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Теперь обстоятельства приняли въ этомъ отношеніи оборотъ болѣе благопріятный, особенно въ виду предполагаемаго построенія Московско-Смоленской желѣзной дороги. Но путя сообщенія еще не все. Передвиженіе собственности въ размѣрахъ сколько-нибудь серіозныхъ не возможно безъ содѣйствія кредита, удовлетворительнымъ образомъ организованнаго, чему примѣромъ можетъ служить опять Пруссія, уже издавна употребляющая поземельный кредитъ какъ средство онѣмеченія Познанской провинціи. Учрежденіе ссуднаго банка для западнаго края, тоже замедлившееся сверхъ ожиданій, есть въ этомъ дѣлѣ *conditio sine qua non*, и всѣ заинтересованные естественно соображаютъ свои дѣйствія съ тѣмъ довѣріемъ, которое новоучреждаемый банкъ способенъ внушать къ себѣ: пока онъ не откроетъ своихъ дѣйствій, бо́льшая часть лицъ имѣющихъ въ виду воспользоваться указомъ 10-го декабря не трогаются съ мѣста, что совершенно естественно. Хотя наиболѣе удобная минута упущена, и цѣны имѣній западнаго края уже значительно поднялись послѣ 1864 года, но нельзя сомнѣваться, что въ покупщикахъ имѣній недостатка не было бы, разумѣется, если администрація будетъ привлекать ихъ, а не отталкивать. Въ Смоленскѣ напримѣръ готово составиться товарищество покупателей на основаніяхъ, весьма счастливо комбинированныхъ и вполнѣ обезпечивающихъ успѣхъ. Мѣстные люди бодро взялись за это дѣло, и нельзя не пожелать чтобъ оно не за-

глохло въ Петербургѣ. Осуществленіе указа 10-го декабря 1865 года было бы еще болѣе обезпечено, если бы наряду съ пособіями кредита было приведено въ дѣйствіе весьма важное въ практическомъ отношеніи предположеніе о предоставленіи дворянскихъ правъ лицамъ недворянскаго происхожденія, которыя купятъ въ западномъ краѣ имѣнія извѣстной величины и образуютъ изъ нихъ майораты. Такія трудныя мѣры, какъ водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, не могутъ быть приводимы въ исполненіе иначе какъ при употребленіи въ дѣло всѣхъ средствъ, какія только могутъ вести къ цѣли, и чѣмъ разнообразнѣе эти средства, тѣмъ больше надежды на успѣхъ, а надобно помнить, что успѣхъ этого дѣла есть успѣхъ призыва обращеннаго къ Россіи съ высоты трона...

Но подобныя положительныя мѣры не могли бы, конечно, увѣнчаться желаемыми послѣдствіями, еслибы въ осуществленіи своемъ встрѣчались съ препятствіями, хотя и мелкими, но способными парализовать ихъ силу. Какого свойства и происхожденія могутъ быть эти препятствія, читатели увидятъ изъ печатаемаго ниже разказа о затрудненіяхъ и невзгодахъ, которыя испыталъ одинъ Москвичъ, г. Фроловъ, при попыткѣ своей купить имѣніе въ Витебской губерніи. Обращаемъ вниманіе читателей на этотъ любопытный разказъ, въ которомъ заключается много поучительнаго. Изъ него оказывается что не одна систематическая злонамѣренность Поляковъ встрѣчается на пути подобныхъ попытокъ, но *плюсъ* наши бюрократическіе порядки. Г. Фроловъ пожелалъ купить одно витебское имѣніе, но въ здѣшней гражданской палатѣ отказались совершить ему купчую, на томъ основаніи что онъ не имѣлъ узаконеннаго свидѣтельства о своемъ непольскомъ происхожденіи. Покупщикъ представлялъ свой аттестатъ о службѣ, свое метрическое свидѣтельство, указъ объ отставкѣ отца своего; онъ могъ бы представить сто свидѣтелей, которые показали бы подъ присягой, что онъ никогда не былъ ни католикомъ, ни Полякомъ,—но всѣ эти доказательства остаются ничего не значащими предъ лицомъ россійской Фемиды: для нея гораздо важнѣе удостовѣреніе виленскаго генералъ-губернатора, который въ лицо не знаетъ г. Фролова, и никогда о немъ ничего не слыхалъ. Весьма замѣчательно, что г. прокуроръ не находилъ законныхъ причинъ отказать г. Фролову; тѣмъ не менѣе нелицепріятный судъ все-таки настоялъ на своемъ. Надобно замѣтить, что подобный образъ дѣйствій принадлежитъ къ числу привычекъ бюрократіи. Къ свойствамъ ея, говорятъ, принадлежитъ, что у нея на глазахъ можно сдѣлать любое злоупотребленіе, лишь бы не просить разрѣшенія на то, а разрѣшеніе получить трудно даже на самое полезное дѣло. Въ былыя времена въ интересѣ кормленія, теперь болѣе въ тѣхъ видахъ чтобъ удержать за собой значеніе и выказать свою важность,—бюрократія считала прежде и теперь считаетъ своимъ призваніемъ дѣлать трудности всему безъ различія, и хорошему болѣе чѣмъ дурному. Какова же должна быть вліяніе бюрократіи на водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, гдѣ къ общему тормозящему свойству ея присоединяются польскія національныя тенденціи?

Вообще исторія покупки г. Фроловымъ имѣнія въ Витебской губерніи, надобно признаться, не очень ободрительнаго свойства. Его заключенія еще разительнѣе чѣмъ разказанныя въ прошломъ году г. Зиновьевымъ. Нельзя и понять, что значитъ изгнаніе его управляющаго изъ имѣнія, законно имъ пріобрѣтеннаго. Ужь не за то ли опорочена его купчая, что онъ купилъ имѣніе безъ согласія отъ правительства?

№ 51.

Москва, 4-го марта.

Преобразованія послѣдовавшія въ Россіи, начиная съ 19-го февраля 1861 года, такъ тѣсно связаны между собой, что нельзя задѣть ни одного изъ нихъ, не задѣвая другихъ. Ненавистники земскихъ учрежденій, въ самомъ началѣ ихъ, не могутъ питать лучшихъ чувствованій ко всѣмъ другимъ, восходя до того, которое всему глава и начало; то-есть до событія, которымъ ознаменовано 19-е февраля. Будьте увѣрены, враги этихъ великихъ льготъ дарованныхъ Русскому народу и впервые вводящихъ его въ кругъ цивилизованныхъ націй, не могутъ не быть врагами самаго народа. То что мы говоримъ не есть только предположеніе: всякій наблюдавшій за мнѣніями и дѣйствіями въ послѣднее время, знаетъ, что это есть фактъ, и при томъ

общеизвѣстный, падающій въ область публичной оцѣнки То направленіе, о · которомъ мы теперь говоримъ, уже достаточно заявило себя теоретически и практически, оно сгруппировалось, приняло осанку партіи и не только нашло себѣ органы въ печати, но и обнаружило стремленіе завладѣть ею, дать ей камертонъ и пресѣчь пути всякому себѣ противодѣйствію. Являясь въ люди, оно, разумѣется, принимаетъ мѣры, чтобы не распознали его истинной натуры, и прикрываетъ себя разными цвѣтами, особенно консервативными. Но не прибѣгали ли къ консервативнымъ цвѣтамъ даже польскіе патріоты въ самый разгаръ возстанія? Мы помнимъ посланія, которыя доводилось намъ, въ 1863 году, получать отъ польскихъ патріотовъ изъ западныхъ губерній, и въ которыхъ противодѣйствіе, оказанное государственной измѣнѣ и революціи, съ удивительною наглостію обзывалось соціализмомъ и анархіей. Мы сообщали тогда публикѣ выдержки изъ этихъ посланій: въ нихъ было то самое, что̀ высказывается теперь въ петербургскихъ, такъ-называемыхъ, консервативныхъ кружкахъ и что̀ печатается въ газетѣ *Вѣсть*. Эта газета, надобно отдать ей справедливость, служитъ весьма вѣрнымъ органомъ направленію, которое дало ей существованіе и дѣятельно поддерживаетъ ее. Въ ней выразилось это направленіе съ достаточною послѣдовательностію, и сущность его не можетъ оставаться тайной для тѣхъ, кто не лишенъ способности соображенія. Эта партія прикрываетъ себя титуломъ консервативной; но нѣтъ ни одной основы новаго порядка вещей въ Россіи созданнаго нынѣшнимъ царствованіемъ, нѣтъ ни одного начала введеннаго имъ въ жизнь, которое не находило бы въ ней тайной, и даже не тайной вражды. Она ни съ чѣмъ не мирится въ этомъ новосозданномъ порядкѣ. Если реакція, въ самомъ своекорыстномъ и пагубномъ для государства смыслѣ, можетъ именоваться охранительнымъ направленіемъ, то мы имѣемъ здѣсь дѣло съ направленіемъ архи-охранительнымъ. Дабы сбивать съ толку безголовыхъ людей, эта партія не прочь принимать замашки и либерализма: она заговариваетъ объ англійскихъ мировыхъ судьяхъ, хотя на умѣ держитъ гминныхъ войтовъ; она бросаетъ въ глаза пыль политическими правами, общественною свободой, парламентаризмомъ, хотя въ сердцѣ своемъ хранитъ только завѣты крѣпостнаго права, и не хочетъ знать иной основы для общественной организаціи, кромѣ *кнутобойства*; она ратуетъ противъ произвола администраціи и злоупотребленій бюрократіи, но только тамъ гдѣ бюрократія есть пока единственная русская государственная сила, то-есть въ западныхъ губерніяхъ, и въ то же время она неутомимо подкапывается на русской почвѣ подъ тѣ начала, которыя введены Преобразователемъ, за послѣднія шесть лѣтъ, въ русскую жизнь, и въ развитіи которыхъ заключается главнѣйшее доброе противовѣсіе бюрократическому началу. Она не снимаетъ доспѣховъ для защиты начала собственности, но имѣетъ въ виду только свою собственность, и лишь на словахъ провозглашаетъ ее, какъ великое общее начало цивилизаціи, отрицая все чѣмъ оно существенно обезпечивается, какъ напримѣръ судъ независимый и самостоятельный; она проповѣдуетъ о началѣ аристократическомъ какъ будто не зная, что при сословной организаціи общества не можетъ быть здравой рѣчи о таковомъ началѣ; она протестуетъ противъ демократіи и разумѣетъ подъ этимъ общее гражданское полноправіе, безъ котораго невозможна никакая цивилизація и безъ котораго гибнутъ народы, какъ погибъ польскій, и рушатся государства, какъ то было въ революціонныхъ буряхъ Франціи.

Изъ какихъ же *существенныхъ* стихій создалась эта партія? Сколько мы знаемъ, она есть смѣсь крѣпостничества и столь еще обильныхъ у насъ элементовъ вражды и презрѣнія къ русскому народу, которые полагаютъ своимъ призваніемъ пресѣкать пути его развитію, и сознательно или безсознательно подкапываться подъ государство, которое имъ держится. Вотъ консервативныя и либеральныя начала этой партіи, которая почему-то чуетъ себя въ силѣ и замышляетъ, чрезъ фальшивое возбужденіе общественнаго мнѣнія, преобразовать по своему тѣ преобразованія, которыя составляютъ гордость, славу и благо нашего времени, и безъ которыхъ мы явились бы предъ потомствомъ нищи, наги и жалки.

Пріѣзжіе изъ Петербурга разсказываютъ о какихъ-то негласныхъ *конціонабулахъ*, гдѣ куются планы новыхъ земскихъ учрежденій. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ справедливы всѣ эти разсказы, но замѣчаемъ нѣкоторые признаки этой подземной работы, и знаемъ, что нѣтъ выдумки, кото-

рая не пускалась бы въ ходъ для того чтобы сбивать съ толку общественное мнѣніе и завлекать въ сѣти людей некрѣпкихъ соображеніемъ и слишкомъ податливыхъ на грубыя приманки. Земскія учрежденія, дѣйствительно, поставлены въ условія не совсѣмъ благопріятныя для оказанія всей той пользы, которую должно ожидать отъ нихъ; но тѣмъ не менѣе, они дѣйствуютъ повсюду какъ благонадежная сила. Видѣть въ нихъ сѣмена какого-то революціоннаго демократизма можетъ только партія тѣхъ особаго рода преобразователей, о которыхъ мы теперь заговорили. За исключеніемъ печальной исторіи съ земскими учрежденіями Петербургской губерніи, не было въ цѣлой Россіи ни одного случая, который могъ бы навлечь на нихъ подозрѣніе даже самыхъ ревнивыхъ и мрачно настроенныхъ властей. И развѣ случай бывшій съ петербургскимъ земствомъ имѣетъ своею причиной какія-либо демократическія свойства этихъ учрежденій? Или предсѣдатель петербургскаго губернскаго земскаго собранія есть демагогъ, выбранный пролетаріями? Или всѣ тѣ, кто говорилъ и дѣйствовалъ въ этомъ собраніи и велъ дѣла петербургскаго земства, были крестьяне, въ которыхъ вышеозначенная партія видитъ вредный и опасный элементъ, и желаетъ ихъ устраненія отъ земскаго дѣла, въ видахъ будто бы консервативныхъ? Увы! сколько намъ извѣстно,—а мы слѣдимъ довольно пристально за ходомъ земскаго дѣла, хотя и воздерживались до сихъ поръ въ сужденіяхъ о немъ, считая ихъ преждевременными, — увы, и при теперешнемъ устройствѣ земскихъ учрежденій, не крестьянскіе интересы по преимуществу находятъ въ нихъ для себя поддержку! Вездѣ ли, напримѣръ, натуральныя повинности переложены на деньги, какъ того требовала бы самая элементарная справедливость.

Въ земскихъ учрежденіяхъ есть условія развитія и усовершенія на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя положены имъ въ основу. Всего полезнѣе для земскихъ учрежденій полное примѣненіе Высочайшаго рескрипта 13-го мая. Они должны служить опорою правительству, а чтобъ исполнять это столь важное назначеніе, они должны пользоваться уваженіемъ администраціи и надлежащею самостоятельностію, какъ сила, по преимуществу, благонадежная. Этимъ опредѣляется цѣлая система отношеній, которая можетъ оживить ихъ и оплодотворить ихъ дѣятельность.

Планъ этихъ учрежденій обдумывался не совокупно съ другими преобразованіями, который совершались въ нашемъ быту, но параллельно съ ними, и потому быть-можетъ они недостаточно соображены съ другими учрежденіями, возникшими съ ними на ряду. Такое соглашеніе, не разрушающее основы учрежденій, было бы полезно; но оно должно быть предпринято совсѣмъ не въ томъ духѣ, въ какомъ высказывается партія, замышляющая преобразовать по своему всѣ преобразованія нынѣшняго царствованія. Ничто не мѣшало бы, напримѣръ, мировую юстицію привести въ связь съ земскими управами: совершенное искусною и доброжелательною рукой, это соединеніе принесло бы значительную пользу; оно упростило бы земскія учрежденія, и облегчило бы земство, которое содержитъ и членовъ управъ, и мировыхъ судей; сокративъ издержки, оно дало бы также возможность обойдтись меньшимъ числомъ способныхъ людей, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. Для уѣздныхъ земскихъ управъ было бы вполнѣ достаточно имѣть предсѣдателя, на которомъ лежало бы все дѣлопроизводство, съ тѣмъ чтобы членами управы были члены мироваго съѣзда. Это, какъ замѣчено, дало бы возможность отчасти сократить напрасныя издержки, а отчасти усилить, тамъ гдѣ нужно, число участковыхъ мировыхъ судей. Вообще же соединеніе земскаго дѣла съ должностью мироваго судьи было бы полезно для обоихъ учрежденій. Но такія измѣненія и улучшенія, не колебля основъ учрежденія, не имѣютъ ничего общаго съ замыслами тѣхъ попятныхъ радикаловъ, которые неперемѣнно рядятся въ консервативные и либеральные цвѣта.

Да сохранитъ насъ Богъ отъ всякой вещи во тьмѣ преходящей!

Недавно въ газетѣ, о которой мы упомянули, заявлено съ торжествомъ, что два уѣзда Псковской губерніи ходатайствуютъ о предоставленіи почетнымъ мировымъ судьямъ права выдѣлять себѣ участки, гдѣ они желаютъ безмездно чинить судъ и расправу. Какъ вы думаете, что̀ подъ этимъ скрывается, или лучше, что̀ выглядываетъ изъ этого великодушнаго предложенія безмездныхъ услугъ? Ни болѣе, ни менѣе какъ вотчинная полиція. Сто́итъ только перестроить земскія собранія такъ, чтобы пе-

ревѣсъ въ нихъ имѣли почетные мировые судьи; тогда они и предоставятъ другъ другу имѣть своимъ участкомъ собственное имѣніе. *Вѣсть* поясняетъ какимъ образомъ почетные мировые судьи могутъ нести безмездно трудныя обязанности этого званія. Она говоритъ: „можно быть судьей по одной волости, по одной деревнѣ.“ Чего же лучше? Къ этому она великодушна прибавляетъ, что имѣвшими въ виду такое преобразованіе не заявлялось желанія уничтожить сразу участковыхъ судей.“

№ 52.

Москва, 6-го марта.

Ниже приводимъ мы изъ прусской *Провинціальной Корреспонденціи* очень поучительную выдержку, гдѣ блистательные успѣхи Пруссіи въ прошлогоднюю кампанію официально поставляются въ связь съ дѣломъ народнаго обученія и воздается честь тѣмъ скромнымъ труженикамъ, которые посвящаютъ свою жизнь этому важному дѣлу. Еще недавно мы сообщали о заявленіи австрійскаго правительства, что для усиленія Австріи въ военномъ отношеніи непремѣнно нужно поднять народныя школы: это убѣжденіе куплено дорогимъ опытомъ. При сравненіи военныхъ силъ Франціи и Германіи, неоднократно высказывалось, что въ этомъ отношеніи Франція поставлена менѣе выгодно чѣмъ Германія. Но Франція въ послѣднее время старалась помочь этому горю. Изъ офиціальнаго донесенія обнародованнаго дѣятельнымъ французскимъ министромъ народнаго просвѣщенія, г. Дюпюи (который постоянно хлопочетъ о постепенномъ введеніи обязательнаго посѣщенія школъ), видно, что теперь изъ числа 37.548 общинъ, на которыя раздѣляется Франція, только въ 634 нѣтъ народныхъ училищъ, а изъ 4 милліоновъ дѣтей, отъ 7 до 13 лѣтъ, 440.000, слѣдовательно 11 процентовъ, остаются безъ обученія; но около 2 милліоновъ обучаются въ школахъ безплатно. И однакоже теперь это считается недостаточнымъ. Учебные курсы для взрослыхъ благодѣтельно и сильно способствовали въ Англіи распространенію образованія между рабочими. Франція, гдѣ въ 1864 году было 5,600 такихъ учебныхъ курсовъ для взрослыхъ, имѣетъ ихъ теперь около 30.000, и ими пользуются 600.000 человѣкъ.

Россія, для образованія своего народа, имѣетъ передъ Франціей и Англіей то большое практическое преимущество, что русская орѳографія очень проста, а предъ Германіей то, что русскія письменныя и печатныя буквы болѣе сходны между собою. Эта весьма важная для начальныхъ школъ выгода дала бы русскому народу возможность догнать западные народы въ дѣлѣ народнаго обученія черезъ какія-нибудь два поколѣнія. Сколько затрудненій представляетъ англійское правописаніе, въ народныхъ школахъ Англіи и Сѣверной Америки, для первоначальнаго образованія, и сколько времени, а слѣдовательно и денегъ, надобно истратить тамъ на то, чтобы выучиться читать и правильно писать! У Нѣмцевъ, правда, правописаніе проще, но въ народныхъ школахъ нѣмецкій учитель долженъ ознакомить учениковъ сперва съ крупнымъ и мелкимъ готическимъ алфавитомъ, а потомъ съ письменнымъ, вовсе не похожимъ на печатный (поэтому у нихъ изученіе чтенія и письма—два различныя занятія); къ этому присоединяется еще письменный и печатный, крупный и мелкій, латинскій алфавитъ, составляющій необходимое условіе нѣмецкой грамотности. Русскому же крестьянскому мальчику, въ сущности, достаточно затвердить буквы одной азбуки, такъ какъ печатныя буквы очень сходны съ письменными, а прописныя съ строчными. Вслѣдствіе этого, русскій ученикъ, и у плохаго учителя, можетъ въ два мѣсяца уйдти впередъ далѣе чѣмъ нѣмецкій ученикъ чуть не въ теченіе года.

Вотъ причины, почему у насъ, несмотря на всѣ затрудненія, *возможно* въ короткое время и повсемѣстно открыть *первоначальное* обученіе. Само собой впрочемъ разумѣется, что и для перваго, въ сущности легкаго, шага, должны быть приняты нѣкоторыя чрезвычайныя мѣры, частію губернскими и уѣздными земскими учрежденіями, частію министерствомъ народнаго просвѣщенія и святѣйшимъ синодомъ, частію приходскими и сельскими общинами, при чемъ весьма многое зависѣло бы отъ содѣйствія мировыхъ посредниковъ. Ничѣмъ лучшимъ не могъ бы этотъ институтъ увѣнчать свою дѣятельность, которой уже такъ многимъ обязана Россія.

Для Россіи народное обученіе есть одна изъ главнѣйшихъ потребностей и должно

быть предметомъ нашихъ самыхъ настоятельныхъ заботъ. Оно для насъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ многочисленнѣе у насъ крестьянское населеніе сравнительно съ другими классами. Доселѣ умственная жизнь русскаго народа питалась силами самой незначительной части его. Изъ официальныхъ свѣдѣній видно, что изъ числа 28.429 воспитанниковъ, состоявшихъ 15-го сентября 1864 года въ 96 гимназіяхъ, 19.640, слѣдовательно почти 70 процентовъ, были изъ дворянъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, 6.020 (21 процентъ) изъ мѣщанъ, 1.114 крестьянскаго происхожденія, 984 духовнаго званія и 671 изъ иностранцевъ. Цифры за позднѣйшее время оказываютъ почти тотъ же результатъ. Не свидѣтельствуетъ ли это о крайне неравномѣриомъ распредѣленіи образованія въ Россіи, какому нѣтъ примѣра во всей Европѣ, особенно если примемъ во вниманіе, что и домашнее обученіе у насъ наиболѣе распространено только въ небольшомъ классѣ помѣщиковъ и чиновниковъ? Необходимымъ слѣдствіемъ такого неестественнаго положенія дѣлъ оказывается та односторонность въ общемъ ходѣ нашего развитія, которой отрицать нельзя? Положеніе это улучшается весьма медленно. Въ 1833 г., въ 39 гимназіяхъ, считалось между 7.495 учениками 79 процентовъ изъ дворянъ, 2 процента изъ духовнаго званія, и 19 изъ податныхъ сословій; въ 1863 году первыхъ 72 процента, вторыхъ 3 процента, третьихъ 25 процентовъ. Вездѣ въ другихъ образованныхъ государствахъ дѣти помѣщиковъ и чиновниковъ давно уже составляютъ меньшинство учениковъ въ общественныхъ школахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ университетскихъ факультетовъ, каковъ напримѣръ юридическій. Но у насъ къ 15-му сентября 1864 года, между 4.084 студентами всѣхъ русскихъ университетовъ было 2.744 (то-есть 68 процентовъ) дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ сыновей, 388 ($9^1/_2$ процентовъ) изъ духовнаго званія, 364 (9 процентовъ) горожанъ, 570 (14 процентовъ) поселянъ; да и изъ этой послѣдней цифры почти $^2/_3$ приходятся только на университеты Дерптскій (199) и Московскій (162). Откуда же, при такомъ ходѣ развитія, могутъ взяться у насъ годные учители, которые съ молодости назначили бы себя къ этому званію и серіозно готовились бы къ нему въ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ? Педагогическое сословіе нигдѣ не пополняется изъ высшихъ и достаточныхъ классовъ. Скромный трудъ этого сословія, его скромное общественное положеніе не могутъ служить приманкой для молодыхъ людей, ищущихъ карьеры. Въ особенности теперь, когда гражданская служба получаетъ все большее и большее значеніе, и когда частныя предпріятія начинаютъ доставлять блистательное вознагражденіе за трудъ не очень тяжелый, учебная часть нуждается въ расширеніи круга лицъ, которыя были бы расположены посвящать себя ей и ею довольствоваться, не засматриваясь на другія карьеры. У насъ часто удивляются, почему наши филологическіе факультеты такъ малочисленны. Кромѣ другихъ причинъ довольно легко устранимыхъ, есть еще несомнѣнная, на которую указываютъ данныя о происхожденіи учениковъ въ нашихъ гимназіяхъ.

Въ уѣздныхъ училищахъ замѣчается легкое направленіе къ естественному порядку вещей; здѣсь, въ упомянутый моментъ времени, мы находимъ въ 413 учебныхъ заведеніяхъ, между 25.658 учениками, 57 процентовъ мѣщанъ, 28 процентовъ дворянъ, 13 процентовъ крестьянъ и 2 процента дѣтей духовныхъ лицъ. Но при этомъ надобно замѣтить, что $^5/_6$ долей учениковъ въ уѣздныхъ училищахъ (21.000) не доходятъ далѣе втораго низшаго класса, и 50 проц. далѣе перваго низшаго класса, и при недостаткахъ воспитанія въ нашемъ мѣщанскомъ и крестьянскомъ сословіяхъ весьма немногіе изъ учениковъ могутъ получить правильное развитіе своихъ умственныхъ силъ. При такихъ обстоятельствахъ, у насъ болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было необходимы народныя школы, изъ которыхъ могли бы выходить дѣльные, способные педагоги. При хорошихъ способностяхъ и та малая доля образованія, которую даетъ народная школа, достаточна для того чтобъ одушевить ученика, какъ нѣкогда Ломоносова, мужественнымъ желаніемъ искать средствъ для дальнѣйшаго образованія; безъ народной школы и величайшіе геніи должны пропадать даромъ, если имъ не поможетъ чудесное стеченіе случайностей.

№ 53.

Москва, 7-го марта.

Телеграмма страннаго свойства была пущена на этихъ дняхъ изъ Петербурга въ газету *Nord*: „Генералъ Игнатьевъ," сказано въ этой телеграммѣ, „получилъ приказаніе настаивать на точное примѣненіе „гатти-гумайюна 1856 года, такъ какъ Россія соединилась съ Франціей и Австріей „дабы дѣйствовать въ этомъ смыслѣ." Офиціозные органы Парижа и Вѣны, съ согласіемъ, которое не можетъ быть случайнымъ, подхватили и принялись разрабатывать эту вѣсть, такъ что въ эту минуту большинство европейской публики воображаетъ себѣ, что наше правительство отреклось отъ святаго дѣла восточныхъ христіанъ и перешло на сторону той скаредной и жесткой политики оторочекъ, которая длитъ и усиливаетъ страданія нашихъ единовѣрцевъ, предоставляя Портѣ издѣваться надъ ними и обманывать міръ либеральными реформами. Въ какой столицѣ придуманъ этотъ новый маневръ? Какими путями и чрезъ какія посредства переданъ онъ на берега Невы, чтобы пустить его тамъ въ ходъ, когда понадобится? Объ этомъ можно различно догадываться, но вѣрно то, что эта новая продѣлка не русскаго происхожденія. По обнародованіи депешъ вице-канцлера Имперіи, которыми русская дипломатія можетъ справедливо гордиться, невозможно сомнѣваться и въ томъ, что Императорскій кабинетъ обратитъ въ ничто этотъ маневръ. Послѣ того какъ въ продолженіе десяти лѣтъ, съ прозорливостію не измѣнившею себѣ ни разу, была держана рѣчь, которую вся Россія узнала теперь съ чувствомъ удовлетвореннаго достоинства, — послѣ того какъ еще въ 1861 году было сказано Европѣ, что „всякая оторочка будетъ принята восточными христіанами за отказъ, и подъ этимъ впечатлѣніемъ было бы достаточно трехъ мѣсяцевъ для развитія кризиса, въ предотвращеніе котораго ничего не было бы сдѣлано" (депеша князя Горчакова къ барону Бруннову отъ 12-го января 1861 года), — послѣ того наконецъ, какъ на этихъ дняхъ, въ официальномъ органѣ было категорически объявлено, что при нынѣшнемъ положеніи Востока „палліативы безсильны, полумѣры безплодны и сдѣлки недѣйствительны," — возможно ли было бы перервать себя такимъ образомъ и присоединиться къ полумѣрѣ столь безплодной, безсильной и недѣйствительной, какъ новое изданіе гатти-гумайюна, практическая невозможность котораго столь же ясна для здраваго смысла, какъ и доказана опытомъ?

Впрочемъ, маневръ этотъ не есть неожиданность. Не требовалось большой прозорливости, чтобы предвидѣть его, и мы предсказывали его нашимъ читателямъ еще 30-го декабря прошлаго года. Позволяемъ себѣ выписать изъ этой статьи нѣсколько строкъ, которыя теперь приходятся кстати:

„Изъ этой общности видовъ (между Австріей и Франціей), или лучше сказать, изъ этой общности политическихъ страстей проистекаетъ неизбѣжная общность дипломатическихъ пріемовъ и изворотовъ. Желая, во что бы ни стало, обуздать движеніе на Востокѣ вышедшее изъ-подъ контроля г. де-Мутье, и усматривая невозможность достигнуть этого прямымъ сопротивленіемъ, Тюльерійскій кабинетъ выступилъ на косвенные пути. Онъ переговаривается, изъявляетъ даже сочувствіе къ участи Сербовъ и Критянъ, совѣтуетъ Туркамъ дѣйствовать умѣренно, Сербамъ потерпѣть, Грекамъ оставаться въ спокойствіи и пещись о „развитіи своихъ матеріальныхъ средствъ," — короче, прибѣгаетъ къ рецептамъ давно уже извѣстнымъ, которые такъ охотно предлагаются нынѣшними государственными людьми несчастнымъ населеніямъ Востока. А между тѣмъ, при помощи переговоровъ, конференцій, протоколовъ, дѣло затянется въ даль... Добьются можетъ быть какого-нибудь новаго гатти-гумайюна, котораго „высокое значеніе" засвидѣтельствуютъ европейскія державы, и дипломатическій фокусъ-покусъ будетъ счастливо разыгранъ въ ущербъ нашимъ восточнымъ единовѣрцамъ, также какъ и въ ущербъ Россіи."

Согласіе, мы готовы сказать: сообщничество, Вѣнскаго кабинета съ Тюльерійскимъ, не можетъ теперь подлежать ничьему сомнѣнію. Это фактъ совершенно очевидный. Убѣдившись, что возставшихъ Критянъ легче побѣждать статьями *Монитера* нежели турко-египетскими войсками, французское правительство, въ то самое время какъ воспрещало своимъ кораблямъ спасать отъ гибели кандійскихъ женщинъ и дѣтей, разыграло къ Грекамъ внезапное благоволеніе, которое дошло наконецъ до того, что имъ подаются надежды на пріі-

обрѣтеніе не только Крита, но даже Эпира и Ѳессаліи. А между тѣмъ официозная французская печать начала толковать о „серіозныхъ“ переговорахъ, начавшихся между Парижемъ и Петербургомъ, и французскій законодательный корпусъ былъ неожиданно увѣдомленъ, что Россія никогда не переставала идти на буксирѣ Франціи въ мутныхъ водахъ ея политики на Востокѣ. Всѣ эти маневры, имѣвшіе цѣлію только дать время Туркамъ раздавить Критское возстаніе, удались развѣ отчасти. Если время было выгадано, то Турки воспользовались имъ лишь для того чтобы доказать безсиліе свое и превосходство надъ ними дѣла христіанъ. На этотъ конецъ въ резервѣ имѣлось это новое изданіе гатти-гумайюна, которое можно было предусматривать и которое должно довершить рядъ политическихъ фокусовъ имѣющихъ цѣлію отклонить, во что бы ни стало, рѣшеніе вопросовъ созрѣвшихъ на Востокѣ. Дабы этотъ планъ имѣлъ всѣ вѣроятія успѣха, дабы уныніе восточныхъ христіанъ было полное и глубокое, надобно было заставить ихъ подумать, что Россія измѣняетъ ихъ дѣлу, и распространить слухъ, что какъ только сербскія крѣпости будутъ очищены, то правительство Россіи удовольствуется новою турецкою выставкой реформъ, чѣмъ только усиливаются страданія ея единовѣрцевъ. А дабы слухъ этотъ былъ правдоподобенъ, надобно было чтобъ онъ казался выходящимъ изъ Петербурга...

Повторимъ, не дозволительно ни минуты сомнѣваться, что Императорскій кабинетъ не покинетъ столь дорогаго для Россіи дѣла христіанъ на Востокѣ, и въ какую бы фазу, повидимому, ни вступила его дипломатія, онъ не уклонится отъ своей задачи столь ясно имъ понятой, столь высоко поставленной. Что же касается до гатти-гумайюна, то Императорскому кабинету болѣе чѣмъ кому-либо въ Европѣ очевидна вся несостоятельность попытки уладить дѣла на Востокѣ посредствомъ этой турецкой хартіи. Изъ всѣхъ существующихъ и возможныхъ хартій, нѣтъ ни одной столь нелѣпой, столь лживой и столь исполненной противорѣчій. Почти каждая статья гатти-гумайюна стипулируетъ совершенную невозможность. Выдавая своею цѣлію установить равноправіе между христіанами и мусульманами, гатти-гумайюнъ лишь утверждаетъ господство и преобладаніе сихъ послѣднихъ. Подъ видомъ соединенія народовъ и соглашенія интересовъ, онъ сдерживаетъ и подавляетъ развитіе всѣхъ жизненныхъ силъ въ народахъ христіанскихъ. Подъ фальшивымъ подобіемъ судебной гарантіи, онъ какъ бы узаконяетъ насиліе и произволъ. Эти суды, эти провинціальные совѣты, всѣ эти разнородныя учрежденія, которыя такъ парадно выставлены въ немъ на показъ, суть въ дѣйствительности только новыя машины для угнетенія христіанскихъ населеній. Да еслибы министры Порты и въ самомъ дѣлѣ захотѣли исполнить наималѣйшее изъ обѣщаній гатти-гумайюна, то они не могли бы сдѣлать этого, не ставя себя въ противорѣчіе съ вѣроученіемъ, нравами и преданіями магометанскими.

Говорятъ, что Оттоманская имперія остается и по сію пору европейскою необходимостью. Но кто убѣжденъ въ этомъ, тѣ должны по крайней мѣрѣ согласиться, что необходимость эта можетъ быть удовлетворена не иначе какъ самымъ рѣшительнымъ разграниченіемъ мусульманскихъ и христіанскихъ населеній, такъ чтобъ этимъ послѣднимъ предоставлено было управляться самимъ собою. Пусть не ссылаются на слова сказанныя недавно лордомъ Дерби, будто подобная мѣра повлекла бы за собою пожертвованіе и экспропріацію двухмилліоннаго мусульманскаго населенія. Это жалкій и самъ себя изобличающій парадоксъ: равенство, которое возбраняется закономъ мусульманскимъ, есть напротивъ требованіе закона христіанскаго. Въ Алжиріи, въ Индіи, на Кавказѣ, мы видимъ, что благосостояніе мусульманскихъ населеній не только совмѣстно съ господствомъ христіанской цивилизаціи, но и упрочивается подъ нимъ.

Очевидно, что ни интересы наши, ни наше достоинство не дозволяютъ намъ присоединиться къ политикѣ лицемѣрнаго и жестокаго отказа, которымъ хотятъ вновь отвѣчать на вопли отчаянія христіанскихъ населеній Востока.

Россія сдѣлала все что было въ ея возможности. Заявивъ свою заботливость о судьбѣ своихъ единовѣрцевъ и предупредивъ Европу о пагубныхъ послѣдствіяхъ новой отсрочки, она въ правѣ теперь, какъ въ 1860 году, отклонить отъ себя „упрекъ въ храненіи молчанія при видѣ столькихъ страданій“ (циркуляръ князя Горчакова 20-го мая 1860 г.), и готовиться къ траги-

ческой развязкѣ этой комедіи, гдѣ хотѣли бы заставить ее сыграть роль обманутой жертвы и вмѣстѣ сообщницы обмана.

№ 54.

Москва, 8-го марта.

О фактѣ спорить нельзя; спорятъ между собою лишь разные способы толкованія факта, разныя направленія, которыя ищутъ найдти себѣ опору или оправданіе въ немъ. Фактъ тотъ, что многое въ нашемъ быту неудовлетворительно. Народъ, говорятъ, пьянствуетъ, общественная нравственность въ большомъ упадкѣ, нѣтъ чувства законности, нѣтъ уваженія къ праву; ни собственность, ни личность не уважаются. Въ нравахъ дикость, въ умахъ невѣжество, въ трудѣ недобросовѣстность, въ досугѣ развратъ: вотъ картина, которую живописуютъ намъ наблюдатели нашего народнаго быта. Допустимъ, что всѣ подобныя живописанія правдивы и непреувеличены, и что въ нихъ съ чертами дѣйствительно характеризующими нашъ современный бытъ не смѣшаны черты общаго свойства, которыя неразлучны съ человѣческимъ бытомъ даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ и въ самомъ облагороженномъ его состояніи. Мы полагаемъ, что не только нѣтъ надобности скрывать дурное, но что есть польза даже въ преувеличенномъ представленіи зла. Нашъ умъ такъ созданъ, что ему нуженъ усиленный свѣтъ, сосредоточенный на тѣхъ чертахъ факта, которыя подлежатъ его оцѣнкѣ; нашъ умъ поступаетъ посредствомъ отвлеченій, которыя собираютъ подъ одинъ уголъ зрѣнія сходныя черты, и сосредоточивая на нихъ вниманіе, скрываютъ болѣе или менѣе все остальное. Но важно то въ какомъ духѣ изучаемъ мы данный фактъ: имѣется ли цѣлію узнать истину и найдти средство къ улучшенію и исправленію, или уже усиленно выставляются нѣкоторыя черты факта лишь затѣмъ чтобъ исказить его представленіе и воспользоваться фальшивыми преувеличеніями для какихъ-нибудь недобрыхъ цѣлей. Вотъ примѣръ: наше образованіе представляетъ не совсѣмъ утѣшительную картину. Скрывать этого не должно; напротивъ, слѣдуетъ во всей силѣ сознать и принять къ сердцу все что есть печальнаго въ фактѣ. Но что говоритъ онъ? Не то ли, что дѣло образованія было у насъ въ крайнемъ небреженіи, что школа у насъ не удовлетворяла своему назначенію, что наука у насъ не пользовалась тѣмъ уваженіемъ, безъ котораго она не можетъ ни развиваться, ни оказывать пользу, что дѣло воспитанія было ведено безъ всякаго вниманія къ его истиннымъ цѣлямъ, а потому на фальшивыхъ основаніяхъ? А какое поученіе должны мы извлечь отсюда? То ли что надобно удерживать и даже усиливать причины зла, оставлять дѣло воспитанія въ прежнемъ небреженіи, въ прежней скудости и несамостоятельности, въ прежнемъ подчиненіи чуждымъ наукѣ цѣлямъ? Или, напротивъ, надобно вывести это дѣло на новый и лучшій путь, и уразумѣвъ его истинныя потребности, сообщить ему то, чего ему не доставало, и оградить его отъ тѣхъ условій, которыя его губили?

То же самое и въ вопросѣ о нашемъ народномъ бытѣ. Откуда произошли тѣ характеризующія его свойства, которыя дѣйствительно требуютъ врачеванія? Шесть лѣтъ только протекли съ тѣхъ поръ какъ положено начало всѣмъ нынѣшнимъ преобразованіямъ отмѣной крѣпостнаго права, на которомъ держался весь прежній порядокъ и которое было душой нашего быта во всѣхъ его сферахъ. Все дурное, что мы теперь видимъ, чѣмъ огорчаемся и что желаемъ исправить, есть очевидно наслѣдіе этого стараго порядка, и только грубое неразумѣніе или злонамѣренность могутъ винить преобразованія нынѣшняго царствованія въ этихъ печальныхъ явленіяхъ. Въ народѣ нѣтъ твердой нравственности, нѣтъ чувства законности, нѣтъ ясныхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ: фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о порядкѣ вещей, который до сихъ поръ господствовалъ, а не о томъ, который еще не совсѣмъ вступилъ въ силу,—онъ свидѣтельствуетъ о прошедшемъ, а конечно не о будущемъ. Старый порядокъ упраздняется въ принципѣ, но онъ еще держится въ нравахъ. Изъ нашего прошедшаго мы не вынесли чувства законности и правды, и теперь когда наступило новое время, мы еще не раздѣлались на практикѣ съ прежними понятіями. Вопросъ въ томъ, назадъ ли намъ идти, или впередъ, соотвѣтственно требованію новыхъ началъ, внесенныхъ Преобразователемъ въ нашъ бытъ? Должны ли мы усиливать пріемы принадлежащіе

старому порядку, дабы противодѣйствовать тому что̀ этими самыми пріемами создано? Въ этой ли системѣ, отрицавшей всякую законность, надобно искать врачеванія тѣхъ золъ, въ основѣ коихъ находится рабство, не знающее законности и не понимающее требованій благоустроеннаго общежитія.

Говорятъ, что народъ у насъ распущенъ, и вину этого видятъ въ слабости власти. Но власть отнюдь не слаба у насъ; она пользуется неменьшею и быть-можетъ еще большею чѣмъ когда-либо силой. И администрація, и полиція, не терпятъ недостатка ни въ агентахъ, ни въ средствахъ исполненія. Если же оказывается слабость въ дѣйствіяхъ властей, то виной тому можетъ быть только способъ употребленія власти. Не всегда только слабая власть дѣйствуетъ слабо: напротивъ, чаще бываетъ, что сильная власть бездѣйствуетъ, тамъ гдѣ нужно дѣйствовать, и наоборотъ. Если власть бездѣйствуетъ, тамъ гдѣ должно дѣйствовать, это признакъ, что она склонна дѣйствовать тамъ, гдѣ не должно. Истинное достоинство власти не въ томъ, чтобы показывать себя, а въ томъ чтобъ она всегда была облечена въ справедливость и законность, и скрывалась за ними. Много наслышались мы о либеральности и гуманности; но истинная либеральность и гуманность состоятъ не въ томъ, чтобы власть бездѣйствовала или потворствовала, а въ томъ напротивъ, чтобъ она неослабно дѣйствовала, по требованію долга, къ огражденію безопасности.

Великія преобразованія нынѣшняго царствованія клонятся не къ тому, чтобы разнуздать противуобщественныя страсти; нѣтъ, все ихъ величіе заключается въ томъ, что они полагаютъ начало порядку вещей, въ которомъ должно быть обезпечено всякое законное право. Льготы, предоставленныя народу, который доселѣ находился въ состояніи безправія и рабства, не значатъ льготы ворамъ, грабителямъ и разбойникамъ. Чѣмъ выше поднимается уровень гражданственности, тѣмъ строже и рѣшительнѣе долженъ быть законъ въ своихъ требованіяхъ.

Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашемъ помѣщаемъ мы письмо князя Друцкаго-Соколинскаго о преступленіи, выходящемъ изъ ряда обыкновенныхъ и требующемъ серіознаго вниманія. Систематическій грабежъ, продолжавшійся два года, постоянный, непрерывный, замѣченный, заявленный, но не встрѣчавшій себѣ должнаго противодѣйствія и остававшійся безнаказаннымъ,— грабежъ, который чинился цѣлымъ населеніемъ, какъ дѣло самое естественное, и который наконецъ завершился убійствомъ, исполненнымъ открыто, съ какою-то торжественностію, какъ дѣло тоже совершенно естественное! Въ продолженіе двухъ лѣтъ безмолствовалъ законъ и бездѣйствовали власти: мудрено ли, что злоупотребленіе, которое въ началѣ казалось ничтожнымъ, а съ точки зрѣнія иныхъ господъ, полагающихъ, что прогрессъ состоитъ въ потворствѣ грабежу и разбою, даже и не злоупотребленіемъ, а дѣломъ правымъ и либеральнымъ, развилось въ цѣлую исторію, которая кончилась такъ ужасно? Дача, имѣющая слишкомъ 2.500 дес. строеваго лѣса, опустошена грабителями на половину; ворованный лѣсъ продавался открыто; управляющій имѣніемъ вынужденъ былъ отстрѣливаться и бѣжать отъ грабителей, хотѣвшихъ убить его, когда онъ некстати для нихъ явился на мѣсто: мудрено ли, что наконецъ совершилось и убійство? О разбоѣ было заявлено въ волостное правленіе, которое и не подумало остановить подводы нагруженныя ворованнымъ лѣсомъ. Подавались прошенія къ мѣстнымъ властямъ. „Я самъ лично,“ пишетъ князь Друцкой-Соколинскій, „имѣлъ „честь представить записку пензенскому „губернатору. Какъ въ этой запискѣ, такъ „въ прошеніяхъ и отзывахъ г. Миляницкаго (управителя) были указаны поименно многіе изъ крестьянъ села Пурдашей. „Все это рѣшительно не имѣло никакого „вліянія. Мѣстныя власти не дѣлали никакого распоряженія къ прекращенію грабежа, который въ прошлую осень и въ „нынѣшнюю зиму достигъ большихъ размѣровъ. Чтобы дать понятіе о величинѣ „воровства, приведу одинъ примѣръ: вначалѣ зимы за одинъ разъ было вырублено 1.000 деревъ. Управляющій, несмотря „на предложенное ему мною увеличеніе содержанія, отказался управлять имѣніемъ, „и на мѣсто его я назначилъ крапивенскаго мѣщанина Александра Ѳедорова Панова.“ Этотъ въ свою очередь продолжалъ жаловаться мѣстнымъ властямъ также безуспѣшно, и кончилъ тѣмъ, что былъ убитъ въ лѣсу грабителями, что̀ случилось 9-го минувшаго февраля. Разказъ свой князь Друцкой-Соколинскій оканчиваетъ извѣ-

стіемъ, что по крайней мѣрѣ судебный слѣдователь, органъ новаго судебнаго порядка, который въ этихъ мѣрахъ еще не вступалъ въ силу, обнаружилъ должную энергію, и слѣдствіе объ убійствѣ производится дѣятельно. Преступники арестованы, и нѣкоторые изъ нихъ уже сознались въ преступленіи. Карою, которой подвергнутся преступники, будетъ удовлетворенъ законъ; но будетъ ли, спрашиваетъ нашъ почтенный корреспондентъ, ограждена на будущее время безопасность и сохраненіе лѣса отъ открытаго грабежа? „Наконецъ, прибавляетъ онъ, позволю себѣ сдѣлать еще вопросъ: дошли ли бы крестьяне Пурдашинской волости до душегубства имѣющаго послѣдствіемъ тяжкія наказанія если-бы мѣстныя власти остановили въ самомъ началѣ кражу лѣса?"

Найдутся однако люди, одаренные особою логикой, которые изъ описаннаго факта, пожалуй, выведутъ то заключеніе, что крестьянъ надобно обратить въ крѣпостное состояніе, или то что мѣстной администраціи надобно дать больше власти, какъ будто въ этомъ есть недостатокъ. Судъ, начиная съ мировой юстиціи, которой не худо было бы подчинить крестьянскія учрежденія и вообще дать болѣе обширный кругъ служенія, строгая законность въ дѣйствіяхъ административныхъ властей, полиція, — которая пріобрѣла въ послѣднее время средства какихъ прежде никогда не имѣла,—полагающая свое призваніе въ томъ чтобы служить законнымъ интересамъ общества, а не командовать надъ ними, правильное развитіе мѣстнаго самоуправленія, пріучающаго людей интересоваться общественнымъ дѣломъ и блюсти его, наконецъ народное просвѣщеніе,— вотъ что̀ подниметъ общественную нравственность и утвердитъ въ народѣ чувство законности, и вотъ тѣ пути, которые предначертаны великими преобразованіями послѣднихъ шести лѣтъ.

№ 55.

Москва, 9-го марта.

Много толкуютъ о политической зрѣлости народовъ. Но чѣмъ измѣряется эта политическая зрѣлость? Вотъ, напримѣръ, нація, за которою нельзя не признать и славнаго прошедшаго, и богатства, и цивилизаціи,—нація, которая повсюду распространила свой языкъ, свои общественные нравы, моды своихъ салоновъ и даже свою кухню: можетъ ли французская нація считаться политически зрѣлою? Лучшіе люди изъ ея собственной среды часто сомнѣвались въ этомъ, и катастрофы, которыя происходили во Франціи на глазахъ живущаго поколѣнія, мало свидѣтельствуютъ въ пользу ея политической зрѣлости. Это бросаніе изъ одной крайности въ другую, эта анархія и деспотизмъ вмѣстѣ, эта неспособность къ общественной организаціи, это малодушіе и тщеславіе, это фразерство не только въ словахъ, но въ мысли и дѣйствіяхъ,—конечно, все это не признаки зрѣлости. Только во Франціи возможно было возымѣть мысль объ увѣнчаніи политическаго благоустройства постройкой трибуны въ залѣ законодательнаго корпуса. Тонкій знатокъ въ людяхъ и вещахъ своей страны, императоръ Наполеонъ III считалъ рядъ торжественно возвѣщенныхъ имъ преобразованій не заключеннымъ безъ этого дополнительнаго драгоцѣннѣйшаго дара, — безъ этой трибуны, которой Франція лишилась въ наказаніе за свои смуты и которая возвращается ей теперь послѣ шестнадцатилѣтняго покаянія, искуса и приготовленія. Фигуральное выраженіе стало дѣломъ: для увѣнчанія зданія потребовалась плотничная работа. Въ самомъ дѣлѣ, изъ реформъ, которыми императоръ Наполеонъ III ознаменовалъ начало нынѣшняго года, всего лучше принята была трибуна. И право интерпелляціи, и новый законъ о печати, и законъ о сборищахъ,—все подверглось большей или меньшей критикѣ, ироніи и злословію: только трибуна была принята, какъ дѣло безспорной важности, единодушными и восторженными рукоплесканіями. Какое счастіе! Отнынѣ открывается возможность не просто высказывать мысль въ собраніи людей призванныхъ къ серіозному дѣлу, а витійствовать съ возвышеннаго мѣста. Снова воздвиглась эта знаменитая трибуна, на которой, въ былыя времена, головами сталкивались ораторы, въ горячности взбѣгавшіе на нее съ противныхъ сторонъ.

Знаменитый ораторъ тѣмъ давнишнихъ временъ обновилъ возстановленную трибуну. Г. Тьеръ говорилъ не съ мѣста, а съ высоты столь знакомой ему трибуны. Чего же болѣе для политической свободы

Франціи? Въ рѣчи своей, длившейся около четырехъ часовъ, *l'illustre orateur*, говоря о событіяхъ, измѣнившихъ лицо Европы, между Италіей и Германіей, между Римомъ и Константинополемъ,—вставилъ слово хвалы и умиленной благодарности за драгоцѣнную утварь, поставленную въ залѣ законодательнаго корпуса.

Много прекрасныхъ вещей наговорилъ г. Тьеръ, видимый и слышимый равно со всѣхъ сторонъ амфитеатра. Недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ сегодня сообщить извлеченіе изъ его рѣчи. Въ ней есть все, не исключая противорѣчій и неизбѣжнаго въ торжественныхъ случаяхъ лапидарнаго изреченія, которое должно войдти въ исторію и которое уже выставлено во всѣхъ газетахъ: „il n'y a plus une seule faute à commetre." Это изреченіе, въ которомъ сжатъ весь духъ четырехчасовой рѣчи, звучитъ горькимъ укоромъ для правительства императора Наполеона III: ни единой ошибки нельзя теперь сдѣлать ему. Знаменитый ораторъ не хотѣлъ однако сказать, что правительство могло бы сдѣлать еще одну ошибку, взявъ его рѣчь въ руководство своей дальнѣйшей политики.

Императору Наполеону III, доказывалъ г. Тьеръ, слѣдовало бы остановиться на результатахъ крымской компаніи, а не возбуждать событій, которыя послѣдовали затѣмъ и которыя представляютъ рядъ ошибокъ одна другой злополучнѣе. Этого мы оспаривать не будемъ. Франція не стала сильнѣе отъ того, что въ ея сосѣдствѣ сложилась единая Италія, несмотря на расширеніе французской территоріи присоединеніемъ Ниццы и Савоіи. Выгоды объединенной Италіи достались не Франціи. Сверхъ того, сокрушительный ударъ, который палъ при этомъ на Австрію, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ еще новое великое объединеніе, которое такъ ощутительно теперь для европейскаго положенія Франціи. Ея исконная соперница, Австрія, потрясенная, разстроенная, ослабленная, изгнанная изъ Италіи, выброшенная изъ Германіи, не знающая, гдѣ найдти себѣ центръ тяжести, почти утратившая свое европейское положеніе, становится теперь единственною опорой для Франціи на континентѣ. Думала ли Франція, поражая войска своей соперницы при Маджентѣ и Сольферино, что этими ударами она поражала себя, приготовляя торжество Пруссіи и на столько же ослабляя свою будущую союзницу?

Г. Тьеръ видитъ Европу уже раздѣленною на два лагеря. Съ одной стороны, Франція и Англія, возобновляющія свое „сердечное согласіе," Австрія вступающая въ союзъ съ ними и всѣ второстепенныя государства, примыкающія къ этому союзу; съ другой стороны, Пруссія, во главѣ объединенной ею Германіи, и Россія,—двѣ державы, исполненныя завоевательныхъ стремленій. Итакъ, съ одной стороны, консервативныя силы Европы предводимыя Франціей; съ другой, двѣ революціонныя державы, Россія и Пруссія. Всѣ движенія, всѣ событія, потрясавшія Европу, прямо или косвенно, суть дѣло Франціи,—и вотъ она является державой консервативною. Россія, систематически устранялась отъ всякаго вмѣшательства въ европейскія дѣла,—и вотъ она оказалась державой наступательною, революціонною, кипящею страстями опасными для спокойствія міра.

Что французская политика надѣлала много ошибокъ, съ этимъ только г. Руэръ не долженъ соглашаться. Но едва ли кто пойметъ, почему Россія должна быть въ отвѣтѣ за ошибки французскаго правительства. Восточный вопросъ! Но восточный вопросъ есть исторія старая, и не Россія виновна въ томъ, что на Востокѣ поддерживается положеніе, которое есть вопросъ; а въ настоящую минуту развѣ Россія возбудила этотъ вопросъ? Она ли сдѣлала революцію въ Букарештѣ, и тѣмъ подала сигналъ къ движенію взволновавшему весь Востокъ,—движенію, съ которымъ приходится теперь считаться? Можно ли серіозно подозрѣвать Россію въ завоевательныхъ видахъ? Можно ли здравомысленно думать, чтобы при ея громадномъ, безпримѣромъ въ исторіи протяженіи, она еще нуждалась въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ? Что называютъ завоеваніями Россіи, то большею частію было лишь возвращеніемъ искони принадлежавшаго ей и намѣченнаго мечомъ ея князей за тысячу лѣтъ предъ симъ, при самомъ началѣ ея государственнаго бытія. Она пріобрѣтала лишь свое и, что характеризуетъ почти всѣ ея завоеванія, пріобрѣтала обороняясь и дѣйствуя по вынужденію. Вина ли ея въ томъ, что всѣ войны, на которыя ее вынуждали, обращались ей въ пользу? Крымская война

стоила ей большихъ жертвъ, хотя не меньшихъ жертвъ стоила она и ея противникамъ; но всѣ убѣдились теперь, что несчастная война не только не ослабила ея, а усилила. Несмотря на временное устраненіе Россіи отъ европейскихъ дѣлъ, ея европейское положеніе не поколебалось, ея значеніе не умалилось, и на Востокѣ, несмотря на всѣ понесенныя ею невзгоды, обаяніе ея имени не исчезло. Двѣнадцать лѣтъ новаго царствованія придали ей значеніе, какого она еще не имѣла въ глазахъ міра. Сохранивъ все свое могущество, она является въ Европѣ какъ нравственная сила. И великій вопросъ на Востокѣ привязываетъ ее къ себѣ не надеждами на расширеніе границъ, которое ей не нужно, которое было бы ей вредно и о которомъ никто въ Россіи не помышляетъ: восточный вопросъ важенъ для ней, потому что съ нимъ связана душа ея, потому что онъ есть вопросъ о ея нравственномъ существованіи, о ея цивилизаціи, о высшихъ задачахъ ея историческаго призванія, въ которомъ ея интересы суть интересы человѣчества. Развитіе ея внутренней жизни, судьбы ея цивилизаціи требуютъ, чтобы солнце наконецъ показалось на Востокѣ.

№ 56.

Москва, 10-го марта.

Съ истеченіемъ шести лѣтъ послѣ обнародованія Положенія объ упраздненіи крѣпостной зависимости, крестьянское дѣло вступило въ новую фазу, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили бо́льшую твердость поземельныя права. Съ одной стороны прекращаются принудительныя переселенія, которыми крестьяне такъ тяготились, и въ которыхъ выражалась неполнота крестьянскаго права пользованія землей отведенною въ крестьянскій надѣлъ. Съ другой стороны—именно въ западномъ краѣ—упрочивается и помѣщичье право собственности вслѣдствіе прекращенія права крестьянъ ходатайствовать о возвращеніи имъ инвентарной земли, самовольно отобранной помѣщиками послѣ изданія инвентарныхъ правилъ. Объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ мы упоминаемъ въ особенности потому, что оно должно имѣть весьма благопріятное вліяніе на ходъ покупки имѣній въ западномъ краѣ русскими пріобрѣтателями. Опасеніе, что часть купленной ими земли будетъ неожиданно отъ нихъ отсуждена въ пользу крестьянъ, останавливало многихъ отъ покупки имѣній; теперь это опасеніе исчезаетъ, по скольку оно относится къ инвентарной землѣ. Статьей 4-й Мѣстнаго Положенія на вчинаніе исковъ по этому предмету положенъ шестилѣтній срокъ со времени обнародованія Положенія 19-го февраля, то-есть съ разныхъ чиселъ марта мѣсяца 1861 года, срокъ истекающій въ нынѣшнемъ мартѣ. Это постановленіе оставлено въ силѣ и при введеніи обязательнаго выкупа въ западномъ краѣ; въ статьѣ 19-й правилъ Высочайше утвержденныхъ 8-го октября 1863 года для обращенія уставныхъ грамотъ въ выкупные акты прямо сказано, что составленіе выкупныхъ актовъ не отмѣняетъ права крестьянъ ходатайствовать въ теченіи шести лѣтъ о возвращеніи имъ отобранной инвентарной земли; изъ этого ясно слѣдуетъ, что шестилѣтній срокъ найденъ нужнымъ оставить въ силѣ и послѣ обязательнаго выкупа. Для нѣкоторыхъ другихъ дѣйствій введенъ тогда новый срокъ,—девятилѣтній, но эти дѣйствія въ точности обозначены. Тамъ напримѣръ положеніе главнаго комитета Высочайше утвержденное 3-го сентября 1864 года опредѣляетъ, чтобы при составленіи выкупныхъ актовъ была крестьянамъ возвращена вся мірская земля, которая признана неизмѣнною и неприкосновенною инвентарными правилами 1847 и 1848 года; но крестьянамъ предоставлено право отказаться отъ выкупа части инвентарной земли подлежащей возвращенію имъ, и въ такомъ случаѣ за ними оставлено до 19-го февраля 1870 года право выкупить ту землю, отъ которой они прежде отказались. Это право выкупа инвентарной земли уже отысканной нельзя смѣшивать съ правомъ отыскиванія инвентарной земли. Первое остается въ силѣ до 1870 года; второе прекращается въ мартѣ нынѣшняго года. Границы всей инвентарной земли, какъ той, которую крестьяне выкупаютъ, такъ и той, на выкупъ которой имъ предоставлено право до 1870 года, приводятся въ извѣстность и означаются какъ въ выкупномъ актѣ, такъ и въ натурѣ. Согласно съ этимъ въ выкупныхъ актахъ всегда означается: предоставлено ли крестьянамъ право выкупить до 1870 года какую-ни-

будь часть земли, или они уже выкупили весь инвентарный надѣлъ. Тутъ рѣчь идетъ объ инвентарномъ надѣлѣ отысканномъ, измѣренномъ и обозначенномъ въ выкупномъ актѣ. Въ этомъ случаѣ право крестьянъ на выкупъ не можетъ быть неожиданностью для покупателя, отъ котораго вполнѣ зависитъ принять это право въ разчетъ при назначеніи цѣны за имѣніе. Что же касается до отыскиванія инвентарной земли, которая не была означена въ выкупномъ актѣ, то Положеніе 19-го февраля дозволило вчинать иски объ ея отобраніи лишь въ теченіи шести лѣтъ. Законъ этотъ отмѣненъ не былъ; онъ несомнѣнно имѣетъ еще полную силу, и такъ какъ опредѣленный имъ срокъ прошелъ, то пріобрѣтатели имѣній въ западномъ краѣ могутъ быть съ этой стороны покойны.

Интересъ, внушаемый вопросомъ о водвореніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, сказывается въ доходящихъ до насъ сообщеніяхъ, имѣющихъ въ виду разъяснить условія этого дѣла и въ особенности тѣ препятствія, которыя оно встрѣчаетъ на пути своемъ. На дняхъ мы получили между прочимъ записку отъ лица, близко ознакомившагося съ дѣломъ землевладѣнія въ юго-западномъ краѣ, и въ этой запискѣ, которою мы пользуемся сегодня и надѣемся воспользоваться еще разъ приводится одно распоряженіе, правильность котораго повидимому подвергается сомнѣнію. Это распоряженіе состоитъ въ слѣдующемъ: Въ 1866 году по селу Пищики, Васильковскаго уѣзда, и по селу Колодистому, Уманскаго уѣзда, Кіевской губерніи, поступили иски крестьянъ на участки земли, о которыхъ ими не было заявлено при составленіи выкупныхъ актовъ; иски эти были однакоже приняты, и хотя въ актахъ было означено, что крестьяне выкупили весь инвентарный надѣлъ, но земля, которой они требовали, была имъ отведена, и на нее составлены дополнительные выкупные акты. Намъ кажется, что такой образъ дѣйствія совершенно правиленъ: въ приведенной выше статьѣ Высочайше утвержденныхъ правилъ 8-го октября 1863 года прямо сказано, что обращеніе уставныхъ грамотъ въ выкупные акты не лишаетъ крестьянъ права отыскивать отобранную у нихъ инвентарную землю. Если въ томъ или другомъ актѣ означено, что крестьяне выкупили весь инвентарный надѣлъ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ: помянутое обозначеніе выражаетъ собой только то, что весь крестьянскій надѣлъ, сколько его отыскано ко времени составленія выкупнаго акта, выкупленъ, и крестьяне не отказались ни отъ какой его части. Первоначальный выкупный актъ относился къ отысканному первоначально; что было отыскано въ послѣдствіи, то получили крестьяне по дополнительнымъ актамъ. Но что было совершенно правильно до истеченія шестилѣтія съ обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года, то было бы уже неправильно теперь. Если и теперь еще принимаются иски отъ крестьянъ объ отобранной у нихъ инвентарной землѣ, то изъ этого должно, кажется, заключить, что мѣстное толкованіе смѣшиваетъ два разныя законоположенія: о срокѣ для отысканія инвентарной земли и о срокѣ выкупа инвентарной земли уже отысканной, но крестьянами, по ихъ доброй волѣ, не принятой къ выкупу.

Легко оцѣнить удобства того положенія, которое создается для покупщика имѣній вслѣдствіе истеченія перваго изъ помянутыхъ сроковъ. До этого времени никто не былъ увѣренъ въ неприкосновенности купленнаго помѣстья: каждый день могло поступить заявленіе крестьянъ о томъ, что у нихъ 10 или 15 лѣтъ тому назадъ отобранъ участокъ земли; покупщику, конечно, ничего объ этомъ не можетъ быть извѣстно, и при самомъ безпристрастномъ разборѣ дѣла, онъ почти всегда останется неправъ; потому что, какъ новичокъ, не будетъ имѣть что возразить противъ доказательствъ крестьянъ.

Впрочемъ, если, какъ мы полагаемъ, право отыскивать инвентарную землю прекратилось для крестьянъ, то не слѣдуетъ думать, что прекратилось и право ихъ отыскивать земли, которыми они владѣли на правѣ собственности.

Въ правилахъ приложенныхъ къ 32 статьѣ Общаго Положенія 19-го февраля 1861 года указанъ порядокъ утвержденія за крестьянами земель пріобрѣтенныхъ ими въ прежнее время на имя помѣщиковъ. Въ послѣдствіи возникъ вопросъ о примѣнимости этихъ правилъ въ юго-западномъ краѣ, потому что бо́льшая часть документовъ на право собственности выданы крестьянамъ самими помѣщиками и были нерѣдко не что иное какъ данныя на уступ-

ленный помѣщикомъ крестьянину участокъ земли. Главный комитетъ, журналомъ Высочайше утвержденнымъ 30-го іюня 1865 года, положилъ: предоставить губернскимъ присутствіямъ рѣшать подобные иски въ качествѣ сословнаго суда на основаніи правилъ Положенія 19-го февраля, не стѣсняясь лишь давностью пріобрѣтенія. Никакого срока началу такихъ исковъ не опредѣлено. Въ этомъ отношеніи слѣдовательно покупщикъ тоже не обезпеченъ отъ непріятныхъ неожиданностей и, въ добавокъ, теряетъ при этомъ землю даромъ. Хотя случаи этого рода гораздо рѣже чѣмъ случаи отысканія инвентарной земли, но въ видахъ огражденія покупателей, не излишнимъ будетъ кажется предложить вопросъ: нельзя ли назначить какой-либо по возможности краткій срокъ, послѣ котораго никакіе иски объ отысканіи крестьянами права собственности на помѣщичью землю допускаемы не будутъ? При своевременномъ объявленіи, такое назначеніе срока не можетъ стѣснить крестьянъ.

Вообще необходимы категорическія толкованія закона во всемъ что можетъ представлять поводъ къ столкновеніямъ новыхъ пріобрѣтателей съ прежними порядками въ краѣ. Съ другой стороны—и на это мы настаиваемъ не менѣе—при дальнѣйшихъ мѣрахъ въ краѣ по крестьянскому дѣлу слѣдуетъ избѣгать всего что могло бы, при спорахъ съ крестьянами, ставить новыхъ пріобрѣтателей въ привилегированное положеніе по сравненію съ помѣщиками польскими. Ходъ крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ былъ вызванъ политическими обстоятельствами. Лица невинныя въ нихъ имѣютъ право на вниманіе и снисхожденіе, точно также какъ новые пріобрѣтатели имѣній имѣютъ право на разныя льготы, но съ другой стороны, нельзя же наказывать и крестьянъ за то, что они поселены на землѣ русскаго, а не польскаго, или благонамѣреннаго, а не мятежнаго владѣльца. Исходя изъ этого взгляда, надобно придти къ заключенію, что тѣ мѣры, въ которыхъ сколько нибудь затронутъ интересъ крестьянъ, должны бы быть примѣняемы не иначе какъ для всѣхъ имѣній края не различая русскихъ и польскихъ.

Изъ такихъ мѣръ, кромѣ указанныхъ выше, слѣдуетъ упомянуть еще объ обязательномъ разверстаніи, введеніе котораго, конечно со всевозможными условіями ограждающими права крестьянъ, представляется настоятельнымъ особенно въ юго-западномъ краѣ. Крестьянскіе сѣнокосы тамъ нерѣдко находятся въ помѣщичьемъ лѣсу, что легко можетъ повести къ быстрому истребленію лѣсовъ; крестьянамъ предоставлено также (Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го апрѣля 1865 года) право пасти на помѣщичьемъ паровомъ полѣ скотъ, что останавливаетъ бо́льшую часть улучшеній въ хозяйствѣ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ повторить одно замѣчаніе автора упомянутой выше записки: у насъ нерѣдко желаютъ находить противорѣчіе въ двухъ дѣлахъ, которыя оба равно необходимы для края и составляютъ вмѣстѣ одно русское дѣло,—въ устройствѣ быта крестьянъ и въ водвореніи русскаго землевладѣнія. Противоположеніе это въ существѣ своемъ невѣрно: кто рѣшится утверждать, что русскіе землевладѣльцы не могутъ водвориться въ краѣ лишь потому, что русскіе крестьяне выведены тамъ наконецъ изъ того отчаяннаго положенія, въ которомъ держала ихъ бо́льшая часть польскихъ пановъ, положенія, подобнаго которому конечно нельзя отыскать во всей остальной Россіи?

№ 57.

Москва, 11-го марта.

Мы получили нѣсколько писемъ изъ Либавы, по поводу замѣчаній нашихъ въ № 19, вызванныхъ извѣстною рѣчью графа Бисмарка 26-го января, сказанною въ прусской палатѣ депутатовъ на запросъ г. Валигурскаго. Либавское купечество изъявляетъ намъ полное по этому предмету сочувствіе, и высказывается еще сильнѣе чѣмъ мы о невыгодахъ дифференціальной пошлины въ пользу сухопутной границы. Одно изъ полученныхъ нами оттуда писемъ, весьма обстоятельное и писанное свѣдущею рукой, мы полагали было помѣстить въ сегодняшнемъ нумерѣ, но принуждены отложить до одного изъ слѣдующихъ нумеровъ, хотя оно касается предмета имѣющаго большую для нашей торговли важность. Рѣчь въ этомъ письмѣ идетъ о преимуществахъ Либавскаго порта и о настоятельной необходимости наконецъ воспользоваться его выгодами проведеніемъ къ нему желѣзной дороги отъ Ковна.

Печальная участь постигаетъ всѣ проекты желѣзныхъ дорогъ, имѣющіе цѣлію направить къ Либавѣ морскую торговлю сѣверо-западной Россіи. Вообще нельзя не замѣтить, что по отношенію къ Балтійскому морю наша западная граница легла очень неловко. Рѣка Нѣманъ, служащая единственнымъ водянымъ путемъ для всего нашего сѣверо-западнаго края, то есть для губерній Ковенской, Виленской, Августовской, Гродненской, Минской и, черезъ посредство каналовъ, даже Волынской, впадаетъ въ Балтійское море за нашею границей, и въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи. Какое благотворное вліяніе имѣла бы эта рѣка на все экономическое развитіе этого столь обширнаго края! Но устье Нѣмана находится въ Пруссіи, и такая неестественная граница не обусловливается даже національностію населенія, ибо на этой узкой полоскѣ земли, отдѣляющей низовье Нѣмана отъ нашей границы, живутъ Литовцы говорящіе не только однимъ языкомъ, но и однимъ нарѣчіемъ съ тѣми что̀ живутъ на русской сторонѣ. Какъ прусскій городъ, Мемель едва-ли когда можетъ воспользоваться всѣми выгодами своего положенія. Несмотря на контрабанду и дифференціальныя пошлины, онъ остается крошечнымъ, глухимъ городкомъ; а если бы вся система рѣки находилась въ одномъ государствѣ, Мемель своимъ торговымъ значеніемъ не только не уступалъ бы Ригѣ и Данцигу, но во многихъ отношеніяхъ превзошелъ бы эти цвѣтущіе города. Будь это городъ русскій, онъ могущественно оживилъ бы земледѣліе во всѣхъ губерніяхъ принадлежащихъ къ бассейну Нѣмана. Ничѣмъ Россія не могла бы такъ поднять свой западный край, какъ давъ ему ближайшую морскую гавань, и при такихъ обстоятельствахъ, Либава является для нашей торговли неоцѣненнымъ пунктомъ. Всѣ согласны въ этомъ, и когда впервые возникла рѣчь о построеніи большой желѣзной дороги отъ Курска или Орла къ Балтійскому морю, выборъ весьма естественно остановился сначала на Либавѣ. Важность географическаго положенія Либавы не была правительствомъ упущена изъ вниманія. Прежде незначительная, гавань эта теперь совершенно перестроена и приведена въ такой видъ, какой можетъ соотвѣтствовать лишь городу ведущему большую морскую торговлю. На устройство Либавской гавани правительство издержало въ послѣдніе годы до 2.000.000 рублей. Но можетъ ли Либава стать важнымъ торговымъ пунктомъ, можетъ ли ея новоустроенная гавань соотвѣтствовать своему назначенію, если ей не поможетъ въ этомъ желѣзная дорога? Находясь между Ригой, Мемелемъ и Кенигебергомъ, которые пользуются и рѣчными путями, и желѣзными дорогами, Либава лишена теперь всякой жизненной силы, и остается безъ значенія и пользы для Россіи. Желѣзная дорога отъ Риги до Либавы доставила бы ту пользу, что обширная торговля, которая посредствомъ нашихъ внутреннихъ желѣзныхъ дорогъ устремится къ Ригѣ, могла бы, при помощи Рижско-Либавской линіи, производиться весь годъ, потому что Либавскій рейдъ замерзаетъ лишь на короткое время, во всякомъ случаѣ бываетъ открытъ мѣсяца на два долѣе чѣмъ рижскій рейдъ,—и между тѣмъ какъ Петербургъ и Кронштадтъ ежегодно бываютъ заперты льдами около шести мѣсяцевъ, Рига на четыре мѣсяца, Либава и Балтійскій Портъ никогда долѣе двухъ мѣсяцевъ не бываютъ закрыты для судоходства. Изъ этого очевидно какъ важна была бы для Россіи Либавская гавань, на которую уже потрачены столь значительныя суммы, когда наши внутреннія губерніи, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, придутъ въ связь съ Ковенскою вѣтвію ведущею за границу. Торговля этимъ путемъ неудержимо устремится къ иностраннымъ и восточно-прусскимъ гаванямъ, если мы не дадимъ ей своей гавани. Въ торговой дѣятельности бываютъ положенія, не дозволяющія ждать 5—6 мѣсяцевъ, пока растаютъ льды у Петербурга и Кронштадта. Къ тому же, перевозка каждой четверти пшеницы изъ Москвы въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ стоитъ теперь $1\frac{1}{2}$ рубля, а по обнародованному недавно росписанію платы на Рижско-Витебской желѣзной дорогѣ (500 верстъ) положено за провозъ десяти пудовъ 1 рубль. Зная сколько перегрузка товаровъ стоитъ и должна стоить въ Петербургѣ, принимая въ соображеніе, что и корабельный фрахтъ съ застраховкой на Петербургъ обходятся гораздо дороже чѣмъ на Либаву, особенно послѣ углубленія Либавской гавани, нельзя сомнѣваться, что при желѣзной дорогѣ изъ Либавы окажется огромный отпускъ, сначала черезъ рижскихъ, петербургскихъ, московскихъ и другихъ торговцевъ, а потомъ и

черезъ самихъ либавскихъ, когда они войдутъ въ силу.

Уже съ 1839 года была рѣчь о Либавско-Юрбургской желѣзной дорогѣ; въ 1849-мъ эта линія была разрѣшена правительствомъ, но послѣдовавшія затѣмъ финансовыя затрудненія помѣшали исполненію этого предпріятія. Еслибъ эта линія проведена была тогда, мы имѣли бы теперь въ Либавѣ русское торговое мѣсто, которое уже потому заслуживало бы вниманія, что Либава есть единственный городъ (за исключеніемъ финскихъ), имѣющій удовлетворительное торговое судоходство, которое, въ малыхъ размѣрахъ, не уступаетъ прусскому, то есть производитъ по крайней мѣрѣ половину (50 процентовъ) морской торговли этого мѣста, чего нельзя сказать ни объ одномъ русскомъ городѣ, какой бы онъ ни былъ, большой, средній или малый.

Теперь рѣчь идетъ уже не о Либавско-Юрбургской желѣзной дорогѣ, но о Ковно-Либавской, которая могла бы въ послѣдствіи быть продолжена изъ Вильны къ Минску и далѣе внутрь имперіи. Эта линія, на протяженіи 250 верстъ, благодаря различію между русскою и прусскою шириной рельсоваго пути, тотчасъ же дала бы русскимъ гаванямъ возможность состязаться съ прусскими. Либавская корреспонденція, о которой мы упомянули въ началѣ, указываетъ на вредъ причиняемый нашей торговлѣ вѣтвію идущею теперь отъ Вильны черезъ Ковно на Кенигсбергъ: вредъ этотъ былъ бы устраненъ, ибо тогда стало бы вообще возможно соперничество нашихъ городовъ съ восточно-прусскими. Рига, Петербургъ, Москва и Нижній-Новгородъ могли бы въ зимнюю пору вести морскую торговлю черезъ Либаву. Такъ какъ по желѣзной дорогѣ Москва отъ Риги и Ковна находится въ равномъ разстояніи (въ 1.000 верстахъ), Ковно же находится въ равномъ разстояніи какъ отъ Пиллау, гавани Кенигсбергской, такъ и отъ Либавы, то не подлежитъ сомнѣнію, что Либавѣ можно было бы успѣшно состязаться съ Кенигсбергомъ. Быть-можетъ, отъ предполагаемой Ковенско-Либавской дороги отдѣлится боковая линія къ Мемелю; но и и эту конкурренцію Либава могла бы выдержать, благодаря различію въ ширинѣ русскихъ и прусскихъ желѣзныхъ дорогъ: необходимость перегрузки товаровъ перетягивала бы то преимущество, которое Мемель имѣетъ предъ Либавой, находясь верстахъ въ 40 или 50 ближе къ Ковну.

№ 58.

Москва, 13-го марта.

Печатая либавскую корреспонденцію, о которой мы предупредили читателей третьяго дня, не можемъ не сказать еще нѣсколько словъ по ея поводу. Россія съ страшными усиліями пробивалась къ морю; пока она его не имѣла, она знала его цѣну, но достигнувъ цѣли, она какъ будто готова довольствоваться одною формальностью обладанія. Мы мало заботимся о развитіи національнаго судостроенія и національнаго флага, объ улучшеніи гаваней и соединеніи ихъ съ внутреннею страной посредствомъ удобныхъ путей сообщенія. Не то чтобы мы не дѣлали никакихъ попытокъ къ тому, но наши попытки рѣдко бываютъ на столько выдержаны, чтобъ увѣнчаться успѣхомъ, а между тѣмъ изъ нихъ извлекаютъ пользу для себя наши сосѣди. Было время, когда, при общей передѣлкѣ карты Европы, ничего не стоило бы намъ выговорить себѣ отъ Пруссіи устья Нѣмана, но мы этого не сдѣлали, конечно, по той же причинѣ, въ силу которой, поплатившись за Царствомъ Польскимъ, мы уступили Австріи Тарнопольскій округъ Галиціи, хотя населеніе этого округа чисто русское. Потомъ мы хотѣли вознаградить этотъ недосмотръ, проведеніемъ желѣзной дороги отъ Юрбурга на Нѣманѣ до Либавы, и подумали объ этомъ дѣлѣ прежде чѣмъ о другихъ желѣзныхъ дорогахъ, но тѣмъ не менѣе это дѣло затянулось, а между тѣмъ Пруссія обратила вниманіе на опасность для нея такого нашего предпріятія, и поспѣшила сооруженіемъ своихъ восточныхъ желѣзныхъ дорогъ. Наконецъ, когда, при проектированіи сѣти желѣзныхъ дорогъ, съ новою силой почувствовалась необходимость воспользоваться Либавскимъ портомъ и возникло превосходное предположеніе соединить его съ Курскомъ желѣзною дорогой, то лучшая, наиболѣе для насъ выгодная часть этого предположенія осталась не осуществленною, и вмѣсто Либавской дороги построена Рижско-Динабургская, конкурирующая съ Западною Двиной и потому неспособная приносить удовлетворительный

доходъ, и что̀ хуже, мы еще соорудили дорогую вѣтвь Ковенскую, направленную къ иностранному портовому городу Кенигсбергу. Во всѣхъ отношеніяхъ было бы лучше, еслибъ эта вѣтвь вовсе не строилась. Варшавская дорога давала бы больше дохода; движеніе совершалось бы на большемъ протяженіи въ русскихъ предѣлахъ; сношенія между Петербургомъ и Варшавой были бы оживленнѣе, что̀ весьма не мало значило бы въ политическомъ отношеніи, и не мало содѣйствовало бы благосостоянію Варшавы; наконецъ, нельзя было бы тогда забыть о Либавѣ. Но Ковенско-Верболовская линія была выгодна Пруссіи,—и она состоялась.

Чтобы поправить это зло, нужны двѣ мѣры: вопервыхъ, сооруженіе желѣзной дороги изъ Ковна въ Либаву, и вовторыхъ, предоставленіе національнымъ гаванямъ того же таможеннаго тарифа, который введенъ на сухопутной границѣ и которымъ пользуются гавани прусскія. Отъ Ковна до Пиллау (гавани Кенигсберга) и отъ Ковна до Либавы разстояніе одно и то же. Если бы различіе въ пошлинахъ было устранено, то Либава могла бы конкурировать съ Кенигсбергомъ и Пиллау. Справедливость къ русскому порту была бы возстановлена. Какъ неправильно теперешнее положеніе дѣлъ, читатели могутъ судить отчасти по слѣдующей корреспонденціи изъ Пиллау отъ 2-го марта, напечатанной въ *Данцигской Газетѣ*: „Мы имѣемъ позади себя три мѣсяца такой оживленной торговли, какой никогда еще не было. Съ начала ноября пришло сюда 34 парохода съ грузомъ, изъ нихъ 16 съ чаемъ, 28 съ хлопкомъ, желѣзнодорожными принадлежностями и машинами. Уже изъ этихъ указаній видно, что бо́льшая часть прибывшихъ сюда товаровъ будутъ отправлены транзитомъ въ Россію.“ Затѣмъ корреспонденція говоритъ о недостаткѣ въ вагонахъ, о томъ что тюки хлопка лежатъ на улицѣ, и что ежели движеніе не усилится, то прибывающіе корабли будутъ лишены возможности разгружаться. Передавая эту корреспонденцію, *Либавская Газета* прибавляетъ: „Между тѣмъ какъ прусскій Пиллау сдѣлался гаванью для русской торговли и не можетъ осилить массу предназначенныхъ для Россіи товаровъ, въ русской Либавѣ прекрасная, съ затратой 2-хъ милліоновъ построенная и болѣе значительныя natürliche преимущества представляющая гавань стоитъ пустая. Сознаемся, мы не въ состояніи объяснить такой рѣзкій контрастъ. Странное впечатлѣніе выносишь, когда видишь, что наши собственныя суда, прибывающія издалека, выгружаются не въ туземной, а въ иностранной гавани. Русскій пароходъ *Александръ II* изъ Мессины съ плодами, назначенный въ Петербургъ, еще недавно значился на Пиллаускомъ каталогѣ кораблей.“

Сѣтовать ли на Пруссію за такой ходъ дѣлъ? Это было бы несправедливо. Прусское правительство должно заботиться о своихъ національныхъ интересахъ, и заботясь о нихъ, исполняетъ свою обязанность. Не сѣтовать на него слѣдуетъ намъ, а брать съ него примѣръ, за что оно въ свою очередь тоже не въ правѣ будетъ сѣтовать на насъ. Теперь напримѣръ идетъ рѣчь о желѣзной дорогѣ изъ Таурогена въ Ригу. Эта дорога выгодна Пруссіи; если тамъ работаютъ въ пользу этой дороги, что̀ тутъ удивительнаго? Но было бы, разумѣется, крайне удивительно, еслибы *мы* предпочли эту дорогу Ковенско-Либавской и тѣмъ нанесли двойной ударъ какъ Либавѣ, такъ и Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ или, лучше, русскому государственному казначейству, платящему гарантированные проценты по этой линіи. Если Петербургско-Варшавская линія не доставляетъ гарантированнаго дохода, то какой былъ бы смыслъ строить параллельно съ ней и притомъ еще ближе ея къ морю новую линію, имѣющую еще менѣе шансовъ?

Нельзя однако не сказать, что въ Пруссіи имѣется крайне невыгодное понятіе о нашей сообразительности. Хотя мы вѣроятно сами подали къ тому поводъ, но безцеремонность обращенія переходитъ иногда всякую границу. Въ подтвержденіе приводимъ отзывъ берлинскаго корреспондента *Кельнской Газеты* на нашу передовую статью въ № 19. Вотъ любопытный отрывокъ изъ газеты, по справедливости первенствующей въ нѣмецкой журналистикѣ:

Московскія Вѣдомости, 30-го января, сообщивъ рѣчь министра-президента графа фонъ-Бисмарка, произнесенную имъ 25-го января въ отвѣтъ на запросъ депутата Валигурскаго о замкнутости русской границы и о другихъ пунктахъ состоящихъ съ этимъ предметомъ въ связи,—присовокупляютъ замѣчанія доказывающія какъ

малы свѣдѣнія этой газеты въ политической экономіи. *Московскимъ Вѣдомостямъ* до чрезвычайности не нравится, что прусское правительство съ давняго уже времени прикомандировало къ своему посольству въ Петербургѣ особеннаго агента, которому поручено убѣждать тамошнихъ вліятельныхъ людей въ правильности торговой политики Таможеннаго Союза. „Пруссія „сдѣлала бы гораздо болѣе для несомнѣн„ныхъ политико-экономическихъ истинъ, „еслибы не высылала въ Россію такихъ „преподавателей," говорятъ *Московскія Вѣдомости*, не подумавъ о томъ что эти слова не имѣютъ никакого значенія. Упомянутая газета указываетъ на русскій тарифъ 1846 года, въ силу котораго съ товаровъ, привозимыхъ въ Россію сухимъ путемъ, взимается менѣе высокая пошлина чѣмъ съ доставляемыхъ моремъ. Этимъ, по ея словамъ, наносится большой ущербъ русскимъ приморскимъ городамъ, а Пруссіи доставляется значительная выгода. Города Рига и Либава, сказано въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ тщетно входили съ предложеніями противъ этой мѣры. Затѣмъ доказывается цифрами, что вслѣдствіе тарифа 1857 года привозъ сухимъ путемъ въ Полангенъ уже теперь втрое превышаетъ привозъ моремъ въ Либаву. Въ этой мѣрѣ *Московскія Вѣдомости* видятъ неестественное предпочтеніе прусскихъ гаваней, вслѣдствіе котораго образовался неестественный торговый путь изъ Кенигсберга въ Ригу, и полагаютъ, что упомянутая мѣра принята только изъ вниманія къ Пруссіи. *Московскія Вѣдомости* ошибаются. Русское правительство приняло упомянутую мѣру потому, что зимою прусскія приморскія гавани, какъ извѣстно, гораздо долѣе чѣмъ прусскія бываютъ заперты льдами. А для того, чтобы торговля не остановилась совсѣмъ, надобно было возить товары внутрь Россіи сухимъ путемъ. Сверхъ того сухопутный провозъ товаровъ изъ русскихъ прибалтійскихъ городовъ, по причинѣ ихъ большаго отдаленія отъ внутреннихъ мѣстностей, Россіи обошелся бы дороже, а потому и цѣны на товаръ повысились бы. Сравните разстояніе Штеттина къ Русской границѣ въ познанской провинціи, и отъ Риги къ этому мѣсту. Слѣдовательно эта мѣра русскаго тарифа совершенно выгодна для Россіи. О предпочтеніи прусскихъ гаваней русскимъ русскій министръ торговли безъ сомнѣнія не могъ и подумать."

Вотъ какая аргументація считается достаточною для насъ, Москвитянъ! „Такъ какъ прусскія гавани долѣе русскихъ остаются свободны отъ льда, то прусскія гавани должны быть предпочтены Русскимъ!" Недолжны ли бы, напротивъ, русскія гавани, довольно долго запираемыя льдами, получить, по русскому тарифу, нѣкоторыя преимущества предъ иностранными, почти всегда открытыми? Кажется, это было бы справедливѣе и согласнѣе съ логикой. Что же касается политической экономіи, то она отсовѣтуетъ всякое покровительство, а слѣдовательно и покровительство прусскимъ гаванямъ на счетъ Россіи. Забавно также, что *Кельнская Газета* говоритъ о Штеттинѣ, а о Мемелѣ, Кенигсбергѣ и Пиллау умалчиваетъ.

№ 59.

Москва, 14-го марта.

Статья наша въ № 51 *Московскихъ Вѣдомостей* не понравилась въ той средѣ, которая имѣетъ своимъ органомъ газету *Вѣсти*. Это весьма естественно; но гораздо интереснѣе то, что вдохновляющіе эту газету политическіе мужи, выражая свое противъ насъ негодованіе, невольно обнаружили самихъ себя, какъ нерѣдко случается съ людьми при сильныхъ душевныхъ движеніяхъ. Они объявляютъ нашу статью выраженіемъ самаго *краснаго* образа мыслей, издѣліемъ эмиссаровъ соціализма и революціи, называютъ ее *колокольною*, привозною этимъ эпитетомъ блаженной памяти *Колокола*, и видятъ въ насъ сообщниковъ Отрызка и Сѣраковскаго, ревнителей нигилизма, продолжателей Чернышевскаго. Но въ запальчивости своей эти господа не замѣтили, что, характеризуя такимъ образомъ статейку, которая имъ не понравилась, они выставили на видъ только самихъ себя. Въ статьѣ, вызвавшей ихъ неудовольствіе, идетъ рѣчь объ агитаціи, которую ведутъ люди старыхъ порядковъ противъ преобразованій, составляющихъ всю славу нашего настоящаго и заключающихъ въ себѣ все наше будущее. Мы высказывались противъ вотчинной полиціи, которая была бы возобновленіемъ крѣпостнаго права въ самомъ худшемъ его смыслѣ, безъ патріархальности

отношеній, которыя были въ его основаніи и безъ взаимныхъ экономическихъ интересовъ, которыя соединяютъ господина съ рабомъ. Въ этомъ, и только въ этомъ, состоялъ весь смыслъ нашей статьи. Понятны были бы протестаціи этихъ господъ, именующихъ себя консервативною партіей, противъ уликъ, съ которыми мы противъ нихъ вышли; они могли бы называть наши улики ложью, а насъ клеветниками, но они провозгласили насъ красными демократами: не значитъ ли это удостовѣрить собственноручною подписью въ справедливости обвиненій, которымъ эта партія подвергается?

Если протестовать противъ вотчинной полиціи, противъ духа сословной исключительности, противъ привилегій основанныхъ на рабствѣ или гражданскомъ безправіи народа, если все это есть революція, соціализмъ, нигилизмъ, то мы всегда были соціалистами, нигилистами и революціонерами. Никто съ болѣе искреннимъ сочувствіемъ не привѣтствовалъ отмѣны крѣпостнаго права и другія реформы, которыя за ней слѣдовали и вытекали изъ ней какъ изъ своего начала. *Вѣсть* замѣчаетъ, что въ прежнюю пору насъ самихъ называли крѣпостниками: мало ли какъ называли насъ? Вотъ и теперь *С.-Петербургскія Вѣдомости*, съ своимъ обычнымъ простодушіемъ, утверждаютъ, что мы были орудіемъ въ рукахъ лицъ, имѣющихъ *Вѣсть* своимъ органомъ: этимъ лицамъ лучше нежели кому-нибудь извѣстно, какъ мало въ этомъ смысла и какъ далеко это отъ истины. Каковы бы ни были наши мнѣнія и результаты нашей дѣятельности, вѣрно по крайней мѣрѣ то, что мы не служили органомъ не только партіи стоящей за *Вѣстью*, но и никакой партіи ни въ обществѣ, ни въ администраціи. Въ послѣднемъ нумерѣ этой послѣдней газеты сказано, въ похвалу нашей дѣятельности, будто она служила органомъ дворянству, землевладѣльческимъ интересамъ: ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого. Успѣшно или нѣтъ, мы служили органомъ только тому что казалось намъ справедливымъ и разумнымъ. Если намъ приходилось защищать интересы землевладѣнія, то мы защищали не ихъ, а справедливость и здравый смыслъ. Мы желали видѣть сохраненнымъ все что въ нашемъ дворянствѣ есть достойнаго и полезнаго для страны, но никто сильнѣе насъ не высказывался противъ сословной организаціи дворянства, и ни въ комъ не найдетъ себѣ болѣе рѣшительныхъ противниковъ всякая тенденція къ удержанію или пріобрѣтенію привилегій основанныхъ на гражданскомъ неравноправіи народа или на вотчинной полиціи. Напрасно *Вѣсть*, или стоящія за ней лица хватаютъ наши выраженія дабы прикрывать ими сущность своихъ мыслей и тяготѣній: мы столь же мало принадлежимъ къ ихъ кругу, какъ и мало заслуживаемъ тѣ рукоплесканія, которыми, съ голоса *Вѣсти*, привѣтствуютъ насъ *С.-Петербургскія Вѣдомости* какъ своихъ. Мы не имѣемъ чести принадлежать ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Какъ никакія ругательства, такъ и никакая лесть никогда на насъ не дѣйствовали, и чѣмъ мы были въ началѣ нашей дѣятельности, тѣмъ остаемся и теперь. Мы начинали нашу дѣятельность не только не поощряемые телеграммами и адресами, какъ свидѣтельствуютъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*, но вопреки направленіямъ, подъ властію которыхъ находилось общественное мнѣніе. Выраженія общественнаго сочувствія пріобрѣтала наша дѣятельность всегда послѣ,—въ началѣ же мы были одиноки, и публикѣ извѣстно, легко ли было намъ удерживать нашу позицію. Люди, стоящіе за *Вѣстью*, считаютъ себя теперь въ силѣ, и изъ „убогой газетки," какъ ее прежде называли, она играетъ теперь роль большаго пана; но если мы прежде не подавали ей руки, потому что не замѣчали ея, то она еще менѣе можетъ сказать, чтобы мы спѣшили подать ей руку теперь, когда она стала замѣтна.

Говоря о *Вѣсти*, мы отнюдь не разумѣемъ издателей этой газеты, имена которыхъ значатся на ней и изъ которыхъ теперь, какъ мы замѣчаемъ, остался лишь одинъ. Имя этой газеты есть только символъ для обозначенія партіи, которая сформировалась за послѣднее время въ Петербургѣ, и которая имѣетъ способы дѣйствовать гораздо опаснѣе помимо печати. Мы далеки отъ того, чтобы заподозривать чьи-либо намѣренія, и хотимъ вѣрить, что въ числѣ лицъ идущихъ въ этомъ направленіи есть весьма добросовѣстные и благонамѣренные, которымъ надобно только протереть свои глаза, чтобъ иначе взглянуть на вещи; но мы убѣждены, что въ настоящее время нѣтъ у насъ направленія менѣе совмѣстнаго съ благомъ страны,—скажемъ рѣшительнѣе,—болѣе вреднаго, какъ это. Мы никому не навязываемъ нашего убѣ-

ждения, но, имѣя его, мы считаемъ своимъ долгомъ высказать его прямо. Эта партія ратуетъ противъ нигилизма; но она не замѣчаетъ того, что стоитъ на одной съ нимъ почвѣ, что между нигилизмомъ и ею есть, говоря нѣмецкимъ словомъ, *Zusammengehörigkeit*, что эта партія и нигилизмъ относятся другъ къ другу какъ положительный и отрицательный полюсы одной и той же силы. *Консервативная* партія такого рода какъ та, что скрывается за *Вѣстью*, не заслуживаетъ имѣть на ряду съ собою иныхъ либераловъ, кромѣ нигилистовъ. Еслибы въ самомъ дѣлѣ эта самозванно-консервативная партія успѣла осуществить свои планы и вполнѣ раскрыть себя въ нашей внутренней политикѣ, то красный демократизмъ получилъ бы у насъ смыслъ и право бытія, *raison d'être*.

Вѣсть, укоряя насъ за статейку въ № 51, приводитъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* за 1863 годъ наши слова: „Бывшіе „крѣпостники легко могутъ оказаться въ „скоромъ будущемъ самыми полезными и „самыми надежными членами земства.“ Что же? Мы не ошиблись; громадный опытъ доказалъ, что мы не ошиблись. Наше дворянство, которому принадлежало крѣпостное право, показало себя способнымъ не только предать его полному забвенію, но и дать достойныхъ дѣятелей новому земству, въ организаціи котораго нѣтъ сословнаго начала, нѣтъ дворянства. Но тогда мы говорили о *бывшихъ* крѣпостникахъ, теперь же, говоря о партіи *Вѣсти*, намъ доводится говорить о *настоящихъ*, и объ этихъ мы иного мнѣнія. Хотя *Вѣсть* выдаетъ себя за органъ дворянства; но дворянство не давало ей этого права, и всѣмъ извѣстно, что она пользуется дворянствомъ только какъ удобнымъ предлогомъ для своей агитаціи.

Повторимъ, мы готовы вѣрить, что не всѣ примыкающіе къ тому направленію, которое высказывается въ *Вѣсти*, ясно сознаютъ что оно значитъ и къ чему оно ведетъ. Изъ этой среды выглядываютъ лица, которыя обнаруживаютъ, быть-можетъ, искреннее желаніе способствовать тому или другому полезному дѣлу; но мы не думаемъ, чтобъ они могли внушить къ себѣ довѣріе, пока не выйдутъ изъ своего двусмысленнаго положенія, не пересмотрятъ своихъ понятій и не откажутся отъ всякой связи съ тенденціями, въ значеніи которыхъ нельзя сомнѣваться.

№ 60.

Москва, 16-го марта.

Нельзя не подивиться, что ни г. Руэръ, ни другой кто-либо изъ оффиціальныхъ и оффіозныхъ защитниковъ французскаго правительства въ законодательномъ сословіи, не возразилъ г. Тьерру, когда онъ упрекалъ политику императора Наполеона въ томъ, что она всѣмъ жертвовала принципу національностей и была водима только имъ однимъ. Показаніе голословное, ни на чемъ не основанное: многіе факты гласятъ о противномъ, именно, что въ большей части дѣйствій французскаго правительства начало національностей, въ его истинномъ и серіозномъ значеніи, приносилось въ жертву соображеніямъ, или лучше сказать, импровизаціямъ совершенно личнаго и исключительнаго свойства. Даже въ то время, когда принципъ этотъ былъ торжественно провозглашаемъ, онъ служилъ въ сущности только предлогомъ, формулой, уловкой. Это былъ флагъ, который выбрасывался для прикрытія политическихъ товаровъ иного характера, и если въ нѣкоторыхъ случаяхъ конечный результатъ обращалъ въ ничто разчеты, если случайное средство брало перевѣсъ надъ цѣлію, предлогъ надъ намѣреніемъ, то можно ли приписывать французскому правительству то что совершалось помимо его и быть-можетъ вопреки ему?

Была ли, напримѣръ, италіянская война въ 1859 году дѣйствительно предпринята съ тою цѣлію, чтобы дать торжество сему столь громко провозглашенному началу? Точно ли имѣлась въ виду Италія собранная воедино, цѣльная, великая, такая, какою создала ее сила вещей и искусство Кавура? Всѣмъ извѣстно, что нѣтъ. Война эта была затѣяна для того чтобы развлечь Францію, и оттого что въ это время императору Наполеону было надобно нанести ударъ Австріи, сорвать самолично нѣсколько лавровъ на тѣхъ поляхъ, гдѣ прославилось имя Бонапартовъ, наконецъ еще оттого что интересы Франціи побуждаютъ ее не пренебрегать никакимъ случаемъ обращать Средиземное море все болѣе и болѣе во французское озеро. Что же касается до принципа народностей, то онъ только для парада былъ выставленъ между причинами этой войны. Это доказывается тѣмъ, что Тюльерійскій кабинетъ

не упускалъ ничего, дабы помѣшать объединенію Италіи, что онъ направлялъ всѣ свои усилія, какъ это доказывается множествомъ документовъ и официальными заявленіями, къ образованію нѣсколькихъ федеративныхъ государствъ, то-есть къ удержанію прежняго порядка вещей, съ тѣмъ только различіемъ, что французское владычество долженствовало заступить мѣсто австрійскаго. Италія однакожъ создалась, „fatta da se.“ Она воспользовалась содѣйствіемъ французской арміи, дабы отдѣлаться отъ Австрійцевъ; потомъ настойчивымъ маневрамъ французской политики она противопоставила традиціонную тонкость своихъ государственныхъ людей. Не давая устрашить себя угрозами, ни соблазнить дипломатическими уловками, Италія возобладала надъ препятствіями, и имѣла удовольствіе видѣть какъ послѣдній французскій солдатъ вышелъ изъ истинной столицы Италіи, гдѣ Пій X царствуетъ только временно; наконецъ, она воспользовалась обстоятельствами чтобы безъ вѣдома императора Наполеона, и въ противность ему, совершить этотъ быстрый и искусный маневръ, который, несмотря на неудачи ея оружія, далъ ей Венецію.

Въ томъ же самомъ порядкѣ идей слѣдуетъ искать побужденій къ крестовому походу затѣянному въ 1863 году французскимъ правительствомъ противъ Россіи, подъ фальшивымъ предлогомъ возстановить мнимую польскую національность. Впрочемъ, въ одной изъ тѣхъ брошюръ, которыя обыкновенно предлетаютъ Наполеоновскимъ импровизаціямъ, дабы заготовлять имъ пути въ общественномъ мнѣніи, было сказано: „Императоръ Наполеонъ „знаетъ, что ничто такъ не можетъ упрочить его династію какъ война для возстановленія Польши.“ Это было возвѣщено міру въ брошюрѣ появившейся въ Парижѣ, въ іюнѣ 1863 года, подъ заглавіемъ *l'Empereur, la Pologne et l'Europe*. Итакъ, поднимая польскій вопросъ, французское правительство имѣло въ виду упрочить династію, польстивъ національному тщеславію Французовъ, да еще, быть-можетъ, создать въ тылу Германіи вассальное ко Франціи государство, которое въ послѣдствіи помогло бы исправить ея границу на Рейнѣ. Что же касается до принципа національностей, то его вызвали здѣсь только затѣмъ, чтобы наругаться надъ нимъ, чтобы открыть поприще клерикальнымъ и феодальнымъ притязаніямъ крамольнаго меньшинства, и возвратить девять милліоновъ чисто русскаго народа подъ ярмо, отъ котораго они освободились и о которомъ безъ содраганія не могутъ помыслить.

Наконецъ, не въ Мексикѣ же дѣлались дѣла въ пользу принципа національностей, а также не въ отношеніи къ Германіи, объединеніе которой причиняетъ столько прискорбія политическимъ людямъ Франціи и побуждаетъ ея правительство принять на себя всю непопулярность новой военной реформы, лишь бы имѣть возможность,— что бы тамъ ни говорили официальные ораторы,—поддержать милліономъ двумя стами тысячъ штыковъ тѣ территоріальныя притязанія, которыя теперь благоразумно припрятаны, но отнюдь не брошены.

На восточной окраинѣ Европы лежатъ прекрасныя, щедро одаренныя природой страны, гдѣ въ продолженіе почти четырехъ столѣтій племена, исполненныя жизненныхъ силъ, страдаютъ, борются, изнемогаютъ. Благодаря героизму этихъ племенъ, Европа была избавлена отъ великихъ бѣдствій: еслибъ эти племена перешли на сторону своихъ угнетателей, еслибъ они не легли плотиной на окраинѣ Европы, ни что не могло бы остановить страшный потокъ. Если гдѣ-либо можно провозглашать и поддерживать начало народностей, то именно на Востокѣ; въ пользу этихъ исполненныхъ будущности славянскихъ племенъ, заселяющихъ Балканскій полуостровъ, начиная отъ береговъ Чернаго моря до самой Адріатики, и въ пользу этой столь богатой своимъ прошедшимъ, столь живучей народности эллинской, частное освобожденіе которой героизмомъ дѣтей ея было вынуждено у недоброжелательства европейскихъ державъ. Еслибы французское правительство придавало хотя малѣйшую цѣну этому принципу національностей, которымъ будто бы оно руководилось, то оно воспользовалось бы теперешними обстоятельствами и тѣмъ неудержимымъ движеніемъ, которое возбуждено на Востокѣ, чтобы дать торжество этому началу,—а вмѣсто того, что оно дѣлало и что дѣлаетъ теперь? Непреклонная суровость къ этимъ населеніямъ, подавленіе ихъ во что бы то ни стало, угрозы,— вотъ какъ сначала обозначила себя ея политика; затѣмъ послѣдовали дипломатическіе переговоры, переливаніе изъ пустаго

въ порожнее, мнимыя уступки, продѣлки неимѣющія другой цѣли какъ только протянуть время обѣщаніями такъ-называемыхъ реформъ, танзиматовъ и гатти-гумаюновъ...

Итакъ, нѣтъ ничего несправедливѣе обвиненія, будто Франція пожертвовала чѣмъ-нибудь принципу національностей, или что она руководствовалась имъ въ своей политикѣ. Г. Тьеръ гораздо съ бо́льшимъ основаніемъ могъ бы сказать это о каждой изъ европейскихъ державъ, не исключая Россіи. Она не возглашала этого принципа такъ торжественно какъ Франція, но она дѣйствительно слѣдуетъ ему въ своей политикѣ на Востокѣ. Она поддерживаетъ его, защищая дѣло христіанскихъ народностей Турціи и стараясь согласить ихъ благосостояніе съ верховною властію султана, на сколько это необходимо для европейскаго равновѣсія, посредствомъ административной автономіи, безъ которой невозможно никакое серіозное облегченіе участи народовъ Балканскаго полуострова. На этой системѣ и должны мы настаивать въ Турціи; политика наша не можетъ отказаться отъ ней, не противорѣча самой себѣ. Быть-можетъ противодѣйствіе европейской дипломатіи возьметъ еще разъ верхъ надъ справедливостью защищаемаго Россіей дѣла на Востокѣ, но и въ виду такой возможности Россія все-таки не можетъ послѣдовать политикѣ жалкихъ уловокъ, какъ возвѣщаютъ фальшивыя телеграммы подсылаемыя изъ Петербурга въ иностранныя газеты, и гласящія будто бы Россія присоединяется къ политикѣ гатти-гумаюна. Какіе-нибудь авантюристы-космополиты, подъ видомъ политики благоразумія, пожалуй, будутъ совѣтовать Россіи идти по слѣдамъ ея противниковъ и облегчать имъ исполненіе ихъ плановъ, направленныхъ противъ нея же.

Раскрывая во всей ясности свои виды, отказываясь отъ всякой солидарности съ политикой уловокъ и отсрочекъ, въ которую пытаются вовлечь ее, Россія будетъ въ полномъ правѣ повторить то что Императорскимъ кабинетомъ было сказано въ 1861 году: „Когда Турція (и Европа, можемъ мы прибавить) наконецъ навлечетъ „на себя бѣдствія, которыя мы давно пред„видѣли, тогда наступитъ день, въ кото„рый мы напомнимъ прочимъ державамъ, „что мы старались нашими предостереже„ніями упредить катастрофу.“ (Депеша барона Брунова отъ 7-го апрѣля 1861 года.)

№ 61.

Москва, 15-го марта.

Дѣла русскихъ Галичанъ становятся все хуже и хуже. Гоненіе возбужденное на нихъ въ послѣдніе три или четыре года достигло теперь крайнихъ предѣловъ: „Еще годъ или два подобной системы, пишутъ намъ съ горькимъ чувствомъ оттуда, и здѣсь не останется ни русскаго человѣка, ни русскаго звука.“ Этими словами характеризуется степень отчаянія тамошнихъ русскихъ населеній подъ гнетомъ политики разсчитанной на искорененіе русской народности. Какъ ни велико это отчаяніе и какъ оно ни понятно, мы однако можемъ и должны быть увѣрены, что опасенія, имъ внушаемыя, не сбудутся: въ Галичѣ не только останутся русскіе люди и будутъ слышаться русскіе звуки, но онъ не перестанетъ быть и напереворъ гоненіямъ будетъ все болѣе и болѣе становиться русскою землей. Прежняя исторія галицкихъ Русскихъ порукой въ томъ, что польскія козни не увѣнчаются успѣхомъ.

Не болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ могло казаться, что народное единство между Русскими, живущими по сю и по ту сторону *кордона*, исчезло; но такъ только казалось. Въ дѣйствительности, несмотря на вѣковую рознь, корни общей національной жизни подточены не были, и появленія русскихъ войскъ, недавно спасать Австрію, было достаточно, чтобы воскресить дремлющее чувство съ новою силой. Русскія войска не безъ удивленія, помнится, узнали, что у подошвы Карпатъ живутъ нѣсколько милліоновъ человѣкъ кореннаго русскаго племени. Въ Галиціи также съ этого времени живѣе сказалось стремленіе возвратиться къ своему первоначальному историческому типу; образовалась партія такъ-называемыхъ *святокрещевъ*, которая пожелала примкнуть къ общо-русскому литературному языку и возстановить чистоту своего церковнаго обряда, обезображеннаго польско-латинскимъ вліяніемъ. Во главѣ этого движенія стояли нѣсколько лицъ, пользующихся всеобщимъ уваженіемъ, и между прочимъ митрополитъ Якимовичъ, опора и надежда всего галицко-русскаго населенія. Въ это время польскія идеи были при Вѣнскомъ дворѣ „не въ авантажѣ,“ и руководители національнаго движенія сумѣли этимъ воспользоваться: Львовскій уни-

верситетъ наполнился русскими профессорами и студентами, въ селеніяхъ возникли народныя школы, грамотность, и грамотность русская, сдѣлала между сельскимъ сословіемъ значительные успѣхи. Словомъ, Русскіе въ Галичѣ могли ожидать событій съ большею твердостью чѣмъ прежде. Съ тѣхъ поръ не разъ случалось, что вѣтеръ дулъ въ другую сторону, но никогда не дулъ онъ такъ стремительно какъ нынѣ. По соображеніямъ политическимъ, какъ мы увѣрены, совершенно ошибочнымъ, вѣнское правительство нашло теперь нужнымъ ласкать Поляковъ; между тѣмъ Якимовичъ умеръ, графъ Голуховскій вторично поселился въ намѣстническомъ дворцѣ. Времена для нашихъ братій Галичанъ настали тяжкія.

Галичанъ не истребляютъ огнемъ и мечемъ какъ Кандіотовъ. Но Кандіоты осмѣлились потревожить спокойствіе падишаха жалобами на чинимыя имъ насилія; выведенные изъ терпѣнія, и не видя ни защиты, ни справедливости, они наконецъ взялись за оружіе. Въ глазахъ султана они мятежники. Галичане, напротивъ, не предъявляли своему правительству никакихъ требованій, никакихъ желаній; они его не озабочивали никакими ходатайствами; они жили тихо и смирно, благословляя своего цезаря, и увѣренные въ его благоволеніи къ себѣ. За что же на это мирное населеніе вдругъ посыпались удары? За что отнимаютъ у нихъ школы, преслѣдуютъ ихъ вѣру, тѣснятъ ихъ священниковъ, единственныхъ руководителей ихъ, хранителей ихъ слова, представителей ихъ разумѣнія? За что лишенъ своего мѣста уважаемый профессоръ Я. Ѳ. Головацкій, и оставленъ безъ куска хлѣба съ женой и дѣтьми? За что дѣлаютъ всевозможныя непріятности людямъ, которые предпочитаютъ кириллицу польско-латинскому алфавиту, и свой русскій языкъ навязанному польскому? Почему, если они занимаютъ должности священниковъ или учителей, ихъ лишаютъ приходовъ и выгоняютъ изъ школъ, почему въ то же время затрудняютъ всевозможными шиканами даже кратковременную поѣздку ихъ *за кордонъ*, то-есть въ Россію, почему дѣлаютъ непріятности родителямъ тѣхъ молодыхъ людей, которые учатся въ русскихъ университетахъ, и наконецъ вовсе не выпускаютъ тѣхъ кто хочетъ переселиться въ Россію? Почему, какъ выражается нашъ корреспондентъ, „насъ бьютъ и утекать не позволяютъ?“ Развѣ все это преступленіе противъ австрійскихъ законовъ? Ничуть. Это есть преступленіе противъ господствующей нынѣ въ Галиціи польской партіи. Австрійское правительство не издаетъ ни какихъ утѣснительныхъ для Галичанъ законовъ: оно дало имъ особливый сеймъ и поручило управленіе этимъ краемъ извѣстному государственному человѣку. Но этотъ человѣкъ есть глава одной изъ двухъ враждующихъ между собою партій, на этомъ сеймѣ господствуетъ та же партія, и деспотизмъ, который она налагаетъ на своихъ противниковъ, есть самый тяжкій изъ деспотизмовъ, потому что при такомъ положеніи дѣлъ всякій Полякъ есть угнетатель, а всякій Русскій жертва угнетенія. Вотъ напримѣръ, случай, который разказываетъ львовская газета *Слово*. Въ мѣсточкѣ Магеровѣ, Жолковскаго уѣзда, проживаетъ русскій священникъ отецъ Ясинскій, человѣкъ навлекшій на себя непріязнь польской партіи смѣлымъ образомъ дѣйствій на сеймѣ, и тѣмъ что онъ отдалъ одного изъ своихъ сыновей въ холмскую семинарію, а другаго—въ русскую службу; и что онъ самъ, съ остальнымъ своимъ семействомъ, замышляетъ, какъ ходятъ слухи, переселиться въ Россію. Всѣ эти поступки согласны съ закономъ Австрійской имперіи, и никоимъ образомъ не могутъ быть признаны преступными; поэтому отца Ясинскаго преслѣдуетъ не правительство, а партія: его ославили „московскимъ агентомъ;“ ему подбрасывали угрожающія письма съ фразами подобными, напримѣръ, слѣдующей: „на висѣлицѣ сгинешь;“ передъ его домомъ строили, въ видѣ сюрпризовъ ему, висѣлицы, и наконецъ въ ночь съ 26-го на 27-е февраля на этотъ домъ сдѣлано было вооруженное нападеніе. Предупрежденный однимъ изъ участниковъ заговора, о. Ясинскій поспѣшилъ увѣдомить объ опасности ему угрожавшей нѣкоторыхъ изъ своихъ прихожанъ, но прежде чѣмъ они успѣли собраться къ нему, священническій домъ окружаютъ 15 человѣкъ вооруженныхъ кольями; они выламываютъ заборъ, и среди многолюднаго селенія начинается крикъ, драка, разбой... Австрійскій императоръ тутъ ни при чемъ; не онъ, конечно посылалъ разбойниковъ противъ священника Ясинскаго; не онъ конечно, внушитъ слѣдователямъ объявить, что нѣтъ достаточныхъ поводовъ для судебнаго дѣла, и если

дѣло будетъ предоставлено суду, не императоръ повелитъ рѣшить его противъ священника Ясинскаго. Вѣнское правительство въ этомъ не будетъ непосредственно виновато, но каково жить въ странѣ, гдѣ есть двѣ мѣры, два вѣса и два закона! Гдѣ одни увѣрены въ своемъ безнаказаніи, а другіе въ своемъ безправіи! Гдѣ вѣрное исконное населеніе подвергается притѣсненіямъ, а кромольное безнародное дворянство получаетъ всю силу и власть?

Правительство императора Франца Іосифа есть правительство просвѣщенное; оно не запрещаетъ партіямъ высказываться въ печатномъ словѣ и не вмѣшивается въ газетную полемику. Но отчего же случается такъ, что славянскія газеты, на всемъ пространствѣ Имперіи, закрываются теперь одна за другою? Почему еще на дняхъ получено извѣстіе о прекращеніи сербской газеты *Србобран*, и почему это обстоятельство подаетъ нѣкоторымъ австрійскимъ же газетамъ поводъ видѣть въ немъ указаніе на положеніе вопроса о національностяхъ въ странѣ? „Добровольное прекращеніе *Србобрана*, замѣчаетъ *Zukunft*, достаточно свидѣтельствуетъ о настоящемъ состояніи вопроса о національностяхъ въ Венгерскомъ королевствѣ.“ Дѣйствительно, это фактъ знаменательный. Не менѣе знаменателенъ тонъ, которымъ ведется полемика между польскими газетами издающимися въ Галиціи и газетой русскою *Слово*. *Слово* постоянно находится въ оборонительномъ положеніи; оно едва поспѣваетъ отражать сыплющіеся на него удары и опровергать клеветы взводимыя на кружокъ людей идущихъ подъ его знаменемъ,—а каковы аллюры польскихъ газетъ, объ этомъ дадутъ понятіе нѣсколько выдержекъ изъ листка, который издается при *Газетѣ Народовой*, подъ названіемъ *Tygodnik niedzielny*. Въ № 9 этого листка, нѣкто Иванъ Сускій, на мѣстномъ нарѣчіи, написанномъ польскими буквами, ведетъ рѣшительную атаку противъ русскихъ священниковъ. „Panowe Hromada,“ восклицаетъ Иванъ Сускій въ этой статьѣ похожей и по внѣшнему виду на прокламацію: „Я уже говорилъ вамъ о тѣхъ лихихъ священникахъ, которые ходятъ въ жидовскихъ кафтанахъ (въ рясѣ), которые отпускаютъ бороду и прокладываютъ дорогу московской схизмѣ. Такихъ священниковъ, продолжаетъ проповѣдникъ, добрые христіане опасаются какъ черта; изъ-за нихъ посылаются на насъ холера, болѣзни и всякія вообще бѣды. Васъ стараются увѣрить, что это неправда, но скажите же добрые люди, по чьему попущенію, если не попущенію Божію, падаютъ на насъ всѣ эти бѣдствія? Или Господь долженъ былъ бы попускать свои оскорбленія чтобы люди еще больше грѣшили, еще жесточе оскорбляли Его? Или же такъ и слѣдуетъ, чтобы люди еще болѣе болѣли, чтобъ ихъ имѣнія и ихъ души гибли? Но имущество, и здоровье, и самая жизнь, все это вещи тлѣнныя, а кто погубитъ свою душу, тотъ погубитъ ее навсегда! И все это губить ради лихихъ священниковъ? ради ихъ бородъ и жидовскихъ кафтановъ? ради того, что имъ хотѣлось бы ввести между нами московскую вѣру и правленіе московское, и заставить васъ цѣлый вѣкъ служить въ рекрутахъ московскихъ? Слушать такихъ священниковъ—значитъ наносить Господу новыя оскорбленія, а на народъ накликать новыя бѣды... Для нихъ грѣши крестьянина — орѣховое ядро, а его душа—шелуха; зерно не худо сѣять, а шелуху можно и въ огонь выбросить, хотя то былъ бы и огонь вѣчный!... Пусть же эти лихіе священники отправляются сами въ Москву, гдѣ имъ вольно будетъ и бороды носить и гдѣ московская вѣра требуетъ чтобы человѣкъ стоялъ предъ причастіемъ какъ предъ чаркою горѣлки въ корчмѣ....“

Вотъ обращики полемики польской партіи, которая теперь властвуетъ въ Галиціи. Мы видимъ здѣсь знакомые намъ пріемы, тѣ самые которые обнаруживались въ годы предшедшіе послѣднему мятежу въ Польшѣ, и которыми, сто лѣтъ назадъ, когда еще было Польское королевство, Поляки вынудили было бѣлорусскія и малороссійскія населенія искать защиты у Россіи. Какія послѣдствія будетъ имѣть это возмутительное глумленіе надъ вѣрою Галичанъ, эта грубая клевета и это насиліе, эта терроризація—не знаемъ. Но въ нашей средѣ это не можетъ не усилить сочувствія къ братьямъ нашимъ въ Галиціи. На насъ лежитъ долгъ поддержать ихъ въ неравной борьбѣ, и помочь имъ отстоять свои дорогія народныя стихіи, которыя они, въ продолженіе столькихъ столѣтій, оторванные отъ своего корня, сохранили до нашихъ дней отъ самаго начала Русскаго государства.

№ 62.

Москва, 17-го марта.

Сообщая петербургскія извѣстія о Шуйско-Ивановской желѣзной дорогѣ, нашъ петербургскій биржевой корреспондентъ сопровождаетъ ихъ замѣчаніемъ, которое, конечно, у многихъ просилось на языкъ. Шую и Иваново принято у насъ называть русскимъ Манчестеромъ, а между тѣмъ туда до сихъ поръ нѣтъ желѣзной дороги. Тамъ центръ нашего хлопчато-бумажнаго производства. Азіатскій хлопокъ идетъ туда изъ Нижняго, американскій изъ Москвы; въ Москву и въ Нижній вывозится оттуда бо́льшая часть тамошнихъ фабрикатовъ. Потребность въ желѣзной дорогѣ была бы самая настоятельная, даже еслибъ этотъ русскій Манчестеръ лежалъ на копяхъ каменнаго угля. Но этого нѣтъ, машины топятся тамъ дровами, и дрова тамъ въ цѣнѣ, почти равной съ московскою. Желѣзная дорога убавила бы издержки производства на 10% и болѣе, смотря по фабрикату, и тѣмъ не менѣе желѣзной дороги до сихъ поръ нѣтъ какъ нѣтъ. Не разительное ли это доказательство, что ивановскіе фабриканты, защищенные отъ иностранной конкурренціи высокимъ тарифомъ, внутренней конкурренціи не боятся, а потому не заботятся объ удешевленіи своихъ произведеній? Отсутствіе желѣзной дороги есть убѣдительнѣйшее доказательство того, что даже въ такомъ большомъ государствѣ какъ Россія одна внутренняя конкурренція не ограждаетъ промышленности отъ усыпленія и слѣдовательно не служитъ достаточнымъ обезпеченіемъ ея успѣховъ. При болѣе серіозной иностранной конкурренціи надобно было бы серіознѣе подумать объ удешевленіи производства, и Иваново было бы тотчасъ же по сооруженіи Нижегородской желѣзной дороги соединено съ нею рельсами. Отъ этого оно, конечно, выиграло бы весьма много; стало-быть можно сказать, что оно выиграло бы отъ допущенія серіозной иностранной конкурренціи. Вотъ въ какомъ смыслѣ люди, желающіе успѣховъ русской промышленности, могутъ высказываться за ослабленіе чрезмѣрнаго покровительства. Не только для потребителей, но и для самихъ производителей оно болѣе вредно нежели полезно. Иваново могло бы значительно развить свое производство, еслибъ озаботилось удешевленіемъ его, къ чему самое главное средство—желѣзная дорога. Защитники чрезмѣрныхъ, усыпляющихъ пошлинъ приводятъ въ свою пользу, какъ доказательство съ виду весьма убѣдительное, отсутствіе условій дешеваго производства и въ ряду этихъ условій указываютъ на желѣзныя дороги. Примѣняя это свое доказательство къ селу Иванову, они говорятъ, что прежде нежели говорить о чрезмѣрности пошлинъ надобно построить для Иванова желѣзную дорогу. Съ перваго взгляда это требованіе кажется очень мѣткимъ, а между тѣмъ оно въ сущности само себя разрушаетъ. Что̀ такое желѣзная дорога въ село Иваново и городъ Шую? Это ничто иное какъ выгоднѣйшее изъ выгоднѣйшихъ предпріятій, конечно болѣе доходное чѣмъ многія изъ ивановскихъ фабрикъ. Не страдай Ивановцы усыпленіемъ, они ухватились бы за это предпріятіе и заботались бы только о томъ, какъ бы не выпустить его изъ своихъ рукъ. Никому не дозволили бы они внѣ своей среды принять участіе въ подпискѣ на акціи и между собой распредѣлили бы ихъ по разверсткѣ. Иногородной публикѣ, а пожалуй и иностраннымъ капиталамъ предложили бы они облигаціи, но ни одна акція не вышла бы изъ ихъ рукъ иначе какъ съ значительною преміей. Если дѣло идетъ иначе, то въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, надобно признать очевидное упущеніе.

Доказывать это мы теперь не будемъ. Мы только что получили и на будущей недѣлѣ поспѣшимъ напечатать статью В. П. Безобразова, излагающую въ нѣкоторой подробности условія этого дѣла. Съ своей стороны мы воздадимъ только честь учредителямъ этой дороги за ихъ труды и усилія и посовѣтуемъ имъ открыть публичную подписку на акціи. По ихъ вычисленію, номинальный капиталъ, требующійся на эту вѣтвь, не превыситъ $5^1/_2$ милліоновъ рублей, со включеніемъ расхода на пріобрѣтеніе капитала. На версту дороги это составитъ 66.000 рублей кредитныхъ, то-есть приблизительно столько же сколько стоила Троицко-Сергіевская желѣзная дорога. Но доходность Шуйско-Ивановской дороги должна быть много выше чѣмъ Троицко-Сергіевской. Она не можетъ быть меньше чѣмъ доходность Московско-Рязанской дороги. При разумномъ хозяйствѣ Шуйско-Ивановская вѣтвь непремѣнно должна дать не менѣе 5.000 р. чистаго дохода съ версты. Изъ этого числа на платежъ по об-

лигаціямъ (съ 44.000 р. по 5%) должно быть отчислено 2.200 р., а остальные 2.800 р. приходятся на акціи (22.000 р.), что составитъ по $12^3/_4$% на номинальный капиталъ акціи. Мы не знаемъ какъ цѣнили учредители расходъ на пріобрѣтеніе капитала; если они принимали дѣйствительный капиталъ въ 70% номинальнаго, то 12 р. 75 к. будутъ дивидендомъ съ 70 р. Въ такомъ случаѣ акціонеры получатъ болѣе 18% съ капитала дѣйствительно внесеннаго.

Въ этомъ разчетѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго, а потому, повторяемъ, трудно понять какъ могло случиться, что Шуйско-Ивановская дорога уступила предъ собой первенство такимъ дорогамъ, которыя разсчитаны преимущественно на казенную гарантію.

На сколько желательно построеніе такихъ вѣтвей какъ Шуйско-Ивановская,—вѣтвей, которыя и дешевы по своей поверстной стоимости и сулятъ акціонерамъ весьма значительныя выгоды, такъ наоборотъ опасны для желѣзно-дорожнаго дѣла мелкія линіи, требующія высокой гарантіи и нерѣдко получающія ее. Эти мелкія предпріятія, исключительно на гарантію опирающіяся, бываютъ принуждены привлекать капиталистовъ чрезмѣрными уступками. Обыкновенно они обращаются къ заграничнымъ банкирамъ и продешевляя свои бумаги, роняютъ заграницей кредитъ бумагъ, гарантированныхъ русскимъ правительствомъ. Каждое изъ такихъ предпріятій бываетъ принуждено сбывать свои бумаги дешевле своихъ предшественниковъ. По слухамъ, дѣло уже теперь доходитъ до того, что пятипроцентныя бумаги, гарантированныя русскимъ правительствомъ, попадаютъ въ руки банкировъ по 60 съ небольшимъ за 100. Понятно, какъ вредно это должно дѣйствовать на цѣну русскихъ бумагъ вообще и облигацій русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ особенности. Понятно также, что тѣмъ ниже будутъ стоять эти послѣднія, тѣмъ затруднительнѣе будетъ становиться дальнѣйшій ходъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Это опасность весьма серіозная. Желѣзно-дорожная промышленность только начинаетъ у насъ развиваться. Надобно желать, чтобъ это развитіе шло правильно, не подвергаясь кризисамъ, столь пагубно дѣйствующимъ на всякую еще только возникающую отрасль промышленности. Припомнимъ, что неудачи Главнаго Общества остановили наше желѣзно-дорожное дѣло на нѣсколько лѣтъ, лишивъ его кредита до такой степени, что за него никто не хотѣлъ взяться. Нельзя не предвидѣть съ боязнью, что заграничныя похожденія нашихъ мелкихъ компаній могутъ гибельно отозваться на пріисканіи капиталовъ для большихъ линій, составляющихъ потребность Россіи. Пока эти главныя линіи не окончены или по крайней мѣрѣ пока капиталъ для нихъ не обезпеченъ, осторожнѣе было бы, кажется, вовсе не выдавать мелкихъ концессій за исключеніемъ такихъ, которыя или вовсе не требуютъ правительственной гарантіи или требуютъ ея въ маломъ размѣрѣ. Построеніе желѣзныхъ дорогъ нигдѣ не признается за частное дѣло. Вездѣ требуются концессіи, то-есть спеціальныя разрѣшенія правительства, дающія ему возможность регулировать общій ходъ этой отрасли промышленности. Цѣлью правительства при этомъ можетъ быть только содѣйствіе ея правильному развитію, которому равно вредны и застой и лихорадочное возбужденіе. Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ соблюденіе мѣры важно еще и по отношенію къ рабочимъ. Насчитываютъ, что въ нынѣшнемъ году потребуется для желѣзныхъ дорогъ въ Россіи около ста тысячъ рабочихъ. Такого расхода у насъ никогда не было. Еслибы къ числу теперь строящихся желѣзныхъ дорогъ присоединилось еще нѣсколько новыхъ, то рѣзко обнаружился бы недостатокъ въ рабочихъ, вслѣдствіе чего непомѣрно возросла бы плата за ихъ трудъ, и не одинъ подрядчикъ, а можетъ-быть и не одинъ строитель подверглись бы разоренію. Тогда произошла бы реакція, а за ней опять послѣдовалъ бы застой на нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не только невозможны были бы новыя предпріятія, но было бы трудно свести къ концу и начатыя дѣла.

Теперь, сколько мы можемъ судить, вниманіе должно быть сосредоточено на большихъ линіяхъ. На первомъ планѣ стоитъ линія курско-таганрогская. Это путь къ каменно-угольному бассейну и вмѣстѣ путь къ тому морю, которое, по окончаніи строящихся теперь керченскихъ укрѣпленій, получитъ значеніе громаднаго рейда, недоступнаго для непріятельскихъ нападеній, и къ тому же не подлежащаго дѣйствію Парижскаго трактата, въ той мѣрѣ въ какой подлежитъ ему Черное море; наконецъ это

путь на Кавказъ: учредители имѣли полное основаніе ходатайствовать о наименованіи этой дороги Александровскою. Вторая линія, уступающая первой, но также имѣющая первостепенную экономическую и государственную важность, есть линія изъ Москвы въ Смоленскъ, о которой въ послѣднее время было не мало говорено въ нашей газетѣ; она сближаетъ съ Ригой и западомъ всю систему внутреннихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющихъ Москву своимъ центромъ; въ то же время она полагаетъ начало прямому соединенію Москвы съ Варшавой, то-есть тому пути, который одинъ можетъ вполнѣ обезпечить Россію на ея западной границѣ. Вотъ двѣ линіи, на которыя должны пойдти наши ближайшія средства по пріисканію капиталовъ и рукъ. Всѣ другія предпріятія лучше на время придержать. Исключеніе можно бы сдѣлать только для такихъ выгодныхъ дѣлъ какъ шуйско-ивановское или для такихъ отдаленныхъ отъ центра, какъ либавская или сибирская дорога.

№ 63.

Москва, 18-го марта.

Мы возвращаемся къ потаеннымъ преобразователямъ нашихъ преобразованій. Они вошли въ силу не далѣе какъ въ прошломъ году, и присвоили себѣ титулъ консервативной партіи. Этимъ они выдали себя за выраженіе здравыхъ инстинктовъ общества, и какъ бы стали на стражѣ существующаго порядка противъ безумныхъ разрушителей. Но обыкновенно партіи зовущія себя консервативными хлопочутъ не о томъ чтобы возбуждать вопросы о преобразованіяхъ, а напротивъ, въ случаѣ преобразованій, отстаиваютъ основы существующаго порядка. Сформированная въ Петербургѣ *консервативная* партія, имѣющая своимъ органомъ газету *Вѣсть*, напротивъ такъ и дышитъ преобразованіями. Весь установившійся въ нынѣшнее царствованіе порядокъ вещей подвергается ею вопросу, во все въ этомъ порядкѣ желаетъ она внести духъ движенія и реформы. Почему же она консервативная,—почему не назвалась она либеральною или прогрессивною партіей?

Духъ и свойство ея таковы, что ея интересамъ какъ нельзя лучше способствовало то печальное и безсмысленное броженіе, которое, за нѣсколько лѣтъ предъ ея появленіемъ, оказывалось на поверхности нашей общественной жизни, и которое получило характеристическое прозвище нигилизма. Пытливымъ наблюдателямъ нерѣдко приходилъ на умъ вопросъ, откуда брало силу это ничтожество называемое нигилизмомъ? Какъ могло оно пріобрѣсти значеніе въ обществѣ сколько-нибудь цивилизованномъ, и почему оно такъ мало встрѣчало себѣ противодѣйствія изъ тѣхъ сферъ, гдѣ должны бы быть особенно крѣпки понятія общественной нравственности, и это самое начало собственности которое такъ пестритъ теперь столбцы *Вѣсти*?

Вѣсть требуетъ насъ къ отвѣту, укоряя насъ въ непослѣдовательности и въ противорѣчіи собственнымъ мнѣніямъ, которыми, какъ она ретроспективно ублажаетъ насъ, стяжали мы себѣ славу. Она свидѣтельствуетъ, что мы прежде дѣйствовали въ томъ самомъ смыслѣ, въ какомъ теперь дѣйствуетъ она. Еслибъ это было такъ, то намъ оставалось бы только поздравить себя съ перемѣной образа мыслей, и славу, въ которую руководителямъ *Вѣсти* угодно облекать наше прошедшее, возвратить имъ съ благодарностію.

Въ улику намъ, *Вѣсть* приводитъ нѣсколько выраженій изъ того что нами было писано въ 1863 году, когда обсуждался проектъ земскихъ учрежденій. Эти выхваченныя изъ нашихъ статей безсвязныя и отрывочныя фразы сосредоточиваютъ, по мнѣнію *Вѣсти*, всю нашу дѣятельность, весь образъ мыслей нашъ, отъ котораго мы теперь, по ея свидѣтельству, отказались и поступили въ нигилисты.

Еслибъ и въ самомъ дѣлѣ при обсужденіи проекта земскихъ учрежденій мы высказывали соображенія, которыя потомъ оказались бы въ нашихъ собственныхъ глазахъ несостоятельными, то мы не сочли бы этого постыднымъ для себя, и охотно сознались бы въ своихъ ошибкахъ Мы могли бы утѣшить себя тѣмъ, что ошибки наши были ошибками людей добросовѣстно искавшихъ лучшаго. Преобразователемъ была указана цѣль, и къ ней могли вести разные пути; видя цѣль достигнутою, хотя бы и не тѣмъ путемъ, который намъ казался болѣе надежнымъ и вѣрнымъ, мы тѣмъ не менѣе, во имя собственныхъ стремленій, должны были бы считать себя удовлетворенными. Интересъ честныхъ людей въ

вопросахъ общественныхъ не въ томъ чтобы настоять на своемъ, а чтобы способствовать лучшему.

Но мы отнюдь не находимся въ томъ положеніи, въ какомъ желаютъ представить насъ вожди *консервативной* партіи *Вѣсти*. Если мы ополчаемся противъ этой soi-disant консервативной партіи, то не вопреки тѣмъ началамъ, которыхъ всегда держались, а именно въ силу этихъ началъ. Наше прошедшее имѣетъ столь же мало общаго съ направленіемъ этой партіи, сколько и настоящее, и солидарность, въ которую ей угодно ставить себя съ воззрѣніями высказанными нами въ 1863 году, есть совершенно мнимая. Съ несравненно бо́льшимъ правомъ можетъ эта *охранительная* партія, сформировавшаяся въ прошломъ году въ Петербургѣ, претендовать на связь съ образомъ мыслей польской консервативной партіи, которая въ самый разгаръ возстанія, въ 1863 году съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа совѣтовала русскому правительству опереться на Польшу противъ революціонныхъ страстей кипящихъ въ русскомъ народѣ и сосредоточенныхъ главнымъ образомъ въ Москвѣ. Эту теорію польскихъ патріотовъ бѣлой кости подтверждали въ началѣ прошлаго года краснорѣчивыя перья во французскихъ журналахъ, и эту же теорію неумолкаемо развиваетъ теперь *Вѣсть*, приноравливаясь къ обстоятельствамъ и стараясь подѣйствовать на наше дворянство соотвѣтственными цѣли идеями, какъ въ прежнюю пору ловкіе люди дѣйствовали на нашу учащуюся молодежь другими идеями, которыя также соотвѣтствовали цѣли. Теперь въ интересахъ этой мнимо-консервативной партіи раздувать значеніе нигилизма и пугать имъ общественное мнѣніе. По ея ученію, русскій народъ есть сосудъ нигилизма, и давать ему жизнь значитъ разнуздывать противуобщественныя страсти и способствовать развитію всего дурнаго. Начало всего дурнаго есть начало создаваемаго нынѣ порядка вещей: это крестьянская реформа, которая есть архи-нигилизмъ; затѣмъ мировые посредники—нигилизмъ, мировые судьи—нигилизмъ, новое судоустройство—нигилизмъ, земскія учрежденія—нигилизмъ, національная политика—нигилизмъ. Посреди столь великихъ нигилизмовъ и намъ, въ свою очередь, досталась честь быть маленькимъ нигилизмомъ.

Не только наши бѣдныя мнѣнія, но и самые возвышенные предметы могутъ подвергаться злоупотребленіямъ. Развѣ тѣ лжеученія, которыя губили нашу молодежь, не были злоупотребленіемъ самыхъ великодушныхъ чувствованій, и не во имя ли любви къ ближнему и состраданія къ неимущимъ прокладывалъ нигилизмъ доступъ себѣ къ молодымъ и незрѣлымъ умамъ? Самыя дикія ученія коммунизма не суть ли въ основѣ своей извращенные инстинкты религіознаго свойства?

Начало собственности есть великое начало; безъ него не можетъ стоять гражданское общество, безъ него невозможна цивилизація; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ оно не могло быть предметомъ злоупотребленія и орудіемъ обмана.

Смѣемъ увѣрить господъ руководящихъ *консервативною* партіей *Вѣсти*, что мы ни мало не измѣнились въ нашемъ образѣ мыслей, и каковы мы были въ 1863, таковы и теперь. Что мы говорили въ ту пору, то можемъ повторить и теперь, за исключеніемъ развѣ того что утратило практическое значеніе и перестало быть умѣстнымъ. Если мы ошибались, то развѣ въ лицахъ, но и то не надолго.

Вѣсть полагаетъ, что такъ-называемая консервативная партія, которой она служитъ органомъ, помышляетъ только о томъ, чтобъ осуществить нашу программу земскаго устройства, которую развивали мы въ 1863 году. Много чести! Но полно такъ ли?

Въ дворянствѣ мы видѣли силу созданную историческимъ развитіемъ русскаго народа, и полагали, что силу эту слѣдуетъ не губить, а возвратить народу, отъ котораго она была оторвана особою организаціей, и поставить ее въ условія, чтобъ она могла успѣшно дѣйствовать на пользу народа какъ его живая сила.

Когда возникъ вопросъ о новой организаціи нашего земства, мы прежде всего, и съ особенною настойчивостію, развивали мысль, что земство должно упразднить собою дворянскую организацію и наслѣдовать ей въ ея правахъ. Вотъ основная мысль нашей программы, которую старались мы въ нашихъ мысляхъ согласовать какъ съ общею пользой, такъ и съ правильно понятыми интересами самихъ лицъ дворянскаго сословія. Съ той точки зрѣнія, которой мы держались, требовалось не уничтоженіе дворянскихъ правъ, но обобщеніе ихъ. По отмѣнѣ крѣпостнаго права, сумма дворянскихъ правъ, за исключеніемъ весьма не-

многихъ и несущественныхъ привилегій, болѣе ослабляющихъ нежели усиливающихъ положеніе дворянства и дающихъ ему несвойственное ему подобіе польской шляхты,—обозначаетъ лишь свободнаго человѣка, какимъ призванъ быть весь русскій народъ. Тѣхъ ли мнѣній газета *Вѣсть?*

Развивая наши мнѣнія о земской организаціи, мы встрѣчали наибольшее противодѣйствіе изъ тѣхъ самыхъ сферъ, которымъ *Вѣсть* служитъ органомъ. Лица того направленія, которое она представляетъ собою, какъ тогда такъ и теперь, тщательно разграничиваютъ *le zemstvo* и *le dvorianstvo*, и хлопочутъ о томъ, чтобы похѣрить *le zemstvo* и наградить *le dvorianstvo* вотчинною полиціей, тѣмъ болѣе что этимъ преобразованіемъ какъ нельзя лучше разрѣшились бы и всѣ вопросы затрудняющіе Россію, особенно польскій. Улучшеніе крестьянскаго быта, вотъ начало всѣхъ реформъ нынѣшняго царствованія; вотчинная полиція и порядокъ вещей, тѣсно съ нею связанный, отъ котораго Россія, осѣнившись 19-го февраля 1861 года крестнымъ знаменіемъ, считала себя освобожденною,—вотъ вѣнецъ зданія, который готовитъ намъ *консервативная* партія *Вѣсти*.

Высказывая наши мнѣнія, мы никогда не имѣли претензіи навязывать ихъ правительству или общественному мнѣнію. Не все что казалось намъ яснымъ и убѣдительнымъ, было ясно и убѣдительно для другихъ. Новая земская организація не упразднила дворянскую, и окончательное сліяніе сословій осталось вопросомъ будущаго. Но мы имѣли утѣшеніе видѣть, что во внутреннюю организацію земства не внесено сословное начало. Въ земствѣ, какъ оно создано законодателемъ, ничего не основано на юридическомъ различіи общественныхъ состояній; въ земствѣ нѣтъ ни дворянства, ни крестьянства, ни мѣщанства; въ немъ есть только различныя степени собственности, различные виды землевладѣнія. Вотъ почему считаемъ мы должнымъ дорожить земскою реформой, наряду съ другими великими преобразованіями нашей эпохи. Съ теченіемъ времени, многое въ земскихъ учрежденіяхъ измѣнится и улучшится согласно съ дѣйствительными потребностями жизни и благоустройства; но всякое измѣненіе будетъ къ лучшему лишь при сохраненіи и развитіи того начала, которое положено въ основу этихъ учрежденій. Вотъ слова, которыми мы привѣтствовали земскія учрежденія, тотчасъ по обнародованіи закона, ихъ создавшаго. „Мы „не можемъ“,—такъ говорили мы,—„не указать на одно, по нашему мнѣнію, самое „важное значеніе новаго закона. Онъ впер„вые призываетъ у насъ къ жизни земство „какъ великую, всеобъемлющую, обще„ственную силу. Это одно уже сообщаетъ „новому закону высокую цѣну. Впервые „теперь является у насъ цѣльное земство, „свободное отъ существовавшей доселѣ ор„ганизаціи по правамъ состоянія, и впервые „является общественная группа землевла„дѣльцевъ. Это великій шагъ. Регламентъ „учрежденій можетъ измѣниться, они мо„гутъ уступить свое мѣсто другимъ, но „это останется. Останется земство, какъ „типическая физіономія русскаго народа. „Въ этомъ главная сила закона. Да здрав„ствуетъ же русское земство! Слава Мо„нарху призывающему его къ жизни!“

Это ли возврѣніе берутъ вожди *Вѣсти* въ основу своихъ преобразовательныхъ плановъ?

Вѣсть, въ улику нашего непостоянства, приводитъ слова наши изъ 1863 года о томъ что въ земскихъ собраніяхъ большинству придется состоять изъ дворянъ. Но что мы говорили тогда, то оправдалось потомъ на дѣлѣ. Въ губернскихъ земскихъ собраніяхъ, составъ которыхъ не предустановленъ законодательно, а выходитъ изъ свободнаго выбора уѣздныхъ собраній гдѣ уравновѣшены закономъ различные элементы земства, громадное большинство членовъ состоитъ вездѣ изъ дворянъ, и лишь самая незначительная часть изъ лицъ другихъ сословій. Разница только въ томъ, что по нашему предположенію дворяне были бы въ земскихъ собраніяхъ не пришельцами изъ другаго міра, какими они являются теперь, что ставитъ ихъ не рѣдко въ фальшивое положеніе, а коренными членами самого земства. Русское дворянство, слава Богу, еще не приняло того характера, какой замышляютъ сообщить ему попятные радикалы. Оно находится на пути къ народу, съ которымъ должно составлять единое цѣлое, а не къ разнымъ шляхтамъ, съ которыми, по ученію *Вѣсти*, должно оно быть солидарно помимо и противъ своего народа.

Когда обсуждался проектъ земскихъ учрежденій, мы имѣли въ виду русское дворянство, которое тогда болѣе чѣмъ когда-либо было проникнуто чувствомъ своей на-

піональности,—мы имѣли передъ собою то самое дворянство, которое достославно понесло на себѣ всѣ тяготы сопряженныя съ улучшеніемъ крестьянскаго быта и выставило для этой великой реформы цѣлый рядъ честныхъ и самоотверженныхъ дѣятелей,—которое въ своихъ собраніяхъ выражало горячее сочувствіе судебной реформѣ, возвѣщавшей Россіи судъ равный для всѣхъ, хотя съ новымъ судоустройствомъ дворянство лишалось одной изъ своихъ главныхъ привилегій,—которое желало свободы печати,—которое наконецъ желало упраздненія своей сословной организаціи; мы имѣли въ виду дворянство, которое въ чувствѣ объявшаго весь русскій народъ патріотизма готовилось всѣмъ жертвовать для охраненія государственнаго единства Россіи отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. То ли это дворянство, которое имѣютъ въ виду вожди *консервативной* партіи *Вѣсти?* Предоставляемъ имъ самимъ рѣшить этотъ вопросъ.

№ 64.

Москва, 20-го марта.

Въ *Сѣверной Почтѣ* печаталось въ продолженіе послѣднихъ четырехъ недѣль изложеніе основаній предполагаемой реформы духовныхъ училищъ и семинарій. Начало этого ряда статей мы перепечатали въ нашей газетѣ и не замедлимъ довести перепечатку до конца. Но по обширности статей *Сѣверной Почты* исполненіе этого намѣренія во всякомъ случаѣ потребуетъ времени. Сверхъ того, публикѣ было бы, думаемъ, удобнѣе, если-бы перепечатка извѣстнаго отдѣла статей *Сѣверной Почты* сопровождалась въ нашей газетѣ каждый разъ тѣми замѣчаніями, къ которымъ перепечатываемый отдѣлъ, по нашему мнѣнію, подастъ поводъ, а эти замѣчанія, касаясь подробностей дѣла, должны опираться на общія основанія, предварительно установленныя. Поэтому намъ кажется полезнымъ начать теперь съ того, чтобы, не входя пока въ подробности, заняться разъясненіемъ главныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ, по существу дѣла, слѣдуетъ смотрѣть на возбужденный нынѣ вопросъ о реформѣ духовныхъ учебныхъ заведеній православнаго вѣдомства въ Россіи.

Прежде всего очевидно, что предпринимаемая нынѣ реформа вызвана неудовлетворительностью того положенія духовно-учебной части, которое было послѣдствіемъ произведеннаго въ ней въ 1839 году преобразованія. Это послѣднее преобразованіе, сколько извѣстно, было навязано духовнымъ семинаріямъ извнѣ; многое въ немъ условливалось совершенно случайными обстоятельствами, напримѣръ видами тогда только-что возникавшаго министерства государственныхъ имуществъ. Отъ сельскихъ священниковъ тогда ожидали, что они будутъ распространять между крестьянами разныя полезныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и о народномъ здравіи, а подчасъ будутъ даже лѣчить крестьянъ. Съ другой стороны опасались, чтобъ агрономія и медицина не отвлекли семинаристовъ отъ изученія богословія, а потому введя въ семинарскій курсъ новые свѣтскіе предметы, сочли нужнымъ одновременно усилить и богословское преподаваніе, пополнивъ его предметами, не преподававшимися въ семинаріяхъ въ то время, когда богословіе было единственнымъ предметомъ занятій въ ихъ высшемъ отдѣленіи. Курсъ богословскихъ наукъ увеличенъ былъ преподаваніемъ: истолкованія Св. Писанія, патрологіи, каноническаго права, гомилетики, обрядословія, ученія о богослужебныхъ книгахъ и катихизиса Петра Могилы; сверхъ того отъ богословія отдѣлена была въ видѣ особой науки герменевтика, а отъ церковной исторіи исторія библейская. Такая спеціализація богословскихъ наукъ принудила отнести нѣкоторыя изъ нихъ въ тѣ низшія отдѣленія семинаріи, которыя прежде были посвящены общему образованію; но такъ какъ преподаваніе главныхъ богословскихъ предметовъ осталось сосредоточеннымъ попрежнему въ высшихъ отдѣленіяхъ, то пришлось допустить разныя несообразности,—напримѣръ, преподавать патрологію (ученіе объ отцахъ церкви) не только прежде богословія, но и прежде церковной исторіи, безъ которой патрологія рѣшительно не понятна; точно также пришлось объяснять историческія книги Ветхаго Завѣта 12-лѣтнимъ дѣтямъ, которыя лишь много послѣ того должны были выслушивать герменевтику (ученіе о толкованіи Священнаго Писанія) и библейскую исторію. Теперь не подлежитъ спору; каковы были результаты преобразованія 1839 года. Ученье въ семина-

ріяхъ низко упало и особенно низко упало изученіе богословскихъ наукъ, которыхъ преподаванію дано было формально столь значительное развитіе; знакомство съ Священнымъ Писаніемъ теперь между семинаристами рѣдкость, и почти никто изъ нихъ не въ состояніи читать отцовъ церкви. Едва ли когда-нибудь разительнѣе обнаруживался вредъ много-ученія.

Нынѣ проектируемая реформа, которой главныя начертанія обнародованы въ *Сѣверной Почтѣ*, касается многихъ вопросовъ, весьма сложныхъ и спорныхъ, такъ что иногда бываетъ трудно уловить ея руководящую мысль. Но то не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что она имѣетъ въ виду освободить наши семинаріи отъ послѣдствій крушенія, постигшаго ихъ въ 1839 году. Въ какомъ же положеніи были наши семинаріи до 1839 года? Это были училища съ вѣковыми преданіями, принадлежавшія къ общей европейской системѣ образованія, нуждавшіяся, правда, въ улучшеніяхъ, но страдавшія не столько планомъ своимъ, сколько его исполненіемъ. Путь, по которому должны были слѣдовать улучшенія, былъ путь разработанный опытомъ западной Европы. Каждый шагъ на этомъ пути могъ быть шагъ вѣрный, несомнѣнно ведущій къ успѣху. Ничего не можетъ быть и теперь для насъ желательнѣе, какъ опять пробиться на этотъ широкій путь черезъ обломки 1839 года, которыми для насъ загроможденъ доступъ къ нему. Духовныя училища и семинаріи составляли одну систему. Для духовныхъ училищъ были назначены шесть лѣтъ: два первые года были приготовительные; здѣсь обучались русской грамотѣ, начальнымъ правиламъ ариѳметики и первымъ основаніямъ латинскаго и греческаго языковъ; за этими двумя годами соотвѣтствовавшими приходскому училищу слѣдовали два класса, изъ которыхъ въ каждомъ ученики оставались по два года, и которые были посвящены, первый—такъ-называемой грамматикѣ, то-есть этимологіи, второй—синтаксису, латинскаго и греческаго языковъ. Этимъ двумъ предметамъ было отдано все время, за исключеніемъ одного урока закона Божія, одного урока географіи, одного или двухъ уроковъ ариѳметики и одного урока церковнаго пѣнія. Изъ древнихъ языковъ на каждый положено было не менѣе 12 часовъ, а въ нѣкоторыхъ училищахъ по 14 часовъ въ недѣлю. Изъ синтаксиса ученики переходили въ реторику, которая принадлежала уже къ семинаріи и гдѣ преподаваніе происходило на латинскомъ языкѣ: здѣсь, кромѣ реторики и связанныхъ съ нею упражненій въ древнихъ языкахъ и языкѣ русскомъ, проходилась только гражданская исторія. Пробывъ здѣсь два года, молодые люди, называвшіеся уже студентами, переходили, также на два года, въ такъ-называемую философію, причемъ подъ философіей разумѣлись не только науки собственно философскія, но и математика съ физикой, какъ и теперь въ Англіи. Наконецъ ученіе завершалось двухъ-лѣтнимъ богословскимъ курсомъ, гдѣ всѣ занятія были сосредоточены на богословіи, какъ предметѣ главномъ, и церковной исторіи, какъ предметѣ вспомогательномъ. Такъ какъ преподаваніе во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ семинаріи происходило на латинскомъ языкѣ, то особыхъ уроковъ для этого языка не полагалось, но черезъ всѣ три отдѣленія шло преподаваніе языка греческаго, и сверхъ того въ высшемъ отдѣленіи семинаріи, богословіи, преподавался языкъ еврейскій, а въ двухъ низшихъ, реторикѣ и философіи, языки французскій и нѣмецкій. Этотъ обзоръ показываетъ, что еслибъ исполненіе соотвѣтствовало плану, то два высшія отдѣленія семинаріи имѣли бы характеръ университетскій. Это видно изъ свойства наукъ, ибо философія и богословія—науки не среднихъ, а высшихъ учебныхъ заведеній. Это видно также изъ продолжительности курса, который обнималъ собой въ училищѣ и семинаріи двѣнадцать лѣтъ. Это видно наконецъ изъ того, что окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ семинаріяхъ назывались въ старину баккалаврами, а это званіе, тамъ гдѣ за нимъ сохранилось его первоначальное значеніе, какъ напримѣръ въ Англіи, есть первая ученая степень, даваемая окончившимъ университетскій курсъ наукъ. Тому, что называется среднимъ учебнымъ заведеніемъ, соотвѣтствовали два высшіе класса училища и нижній классъ семинаріи, то-есть грамматика, синтаксисъ и реторика, гдѣ курсъ ученья продолжался въ совокупности шесть лѣтъ. Изъ такого же шестилѣтняго курса развились въ Германіи тамошнія гимназіи, которыя и доселѣ состоятъ изъ шести классовъ, хотя увеличившіяся требованія заставляютъ выдерживать тамъ бо́льшую часть учениковъ по два года въ каждомъ изъ трехъ высшихъ

классовъ; вслѣдствіе чего гимназическій курсъ въ Германіи обыкновенно продолжается отъ 8 до 9 лѣтъ. Въ Англіи гимназическій курсъ точно также расширился и тоже обнимаетъ собой отъ 8 до 9 лѣтъ, такъ что университетское ученіе начинается тамъ съ 18 или 19-лѣтняго возраста. Благодаря такому расширенію гимназическаго курса, англійскія коллегіи сохранили за собой университетскій характеръ, между тѣмъ какъ во Франціи соотвѣтствующіе имъ лицеи низошли на уровень среднихъ учебныхъ заведеній и принуждены были понизить требованіе отъ оканчивающихъ курсъ до того, что одна и та же степень баккалавра означаетъ въ Англіи окончаніе университетскаго курса, а во Франціи—окончаніе курса гимназическаго. У насъ произошло то же что во Франціи. Уровень требованій не шелъ въ гору съ теченіемъ времени, а понижался, и уже въ 1814 году найдено необходимымъ признать семинаріи средними учебными заведеніями, а въ, качествѣ высшихъ, учредить надъ ними духовныя академіи. Совершенно правильно были взяты тогда за основаніе для устройства академіи два высшія отдѣленія семинаріи, философія и богословія, но совершенно неправильно тѣ же самыя отдѣленія оставлены подрѣжему и въ семинаріяхъ. Не менѣе не правильно, хотя весьма естественно было, что вмѣстѣ съ тѣмъ въ реторику стали принимать уже не 14-ти и 15-лѣтнихъ, какъ прежде, а 12-лѣтнихъ мальчиковъ, и что слѣдовательно съ 14-лѣтними дѣтьми теперь проходились философскія науки, не только логика и психологія, но и исторія философіи и метафизики. Таковы несообразности, оказавшіяся вслѣдствіе учрежденія духовныхъ академій, безъ соотвѣтственнаго преобразованія семинарій. Духовныя академіи были шагомъ впередъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ произошла странность, которой примѣра нигдѣ не видимъ: съ тѣхъ поръ въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ двукратно проходится философія и двукратно богословіе, одинъ разъ въ семинаріи, другой разъ въ академіи. Духовное начальство повидимому сознавало безполезность такого двукратнаго ученія: въ академію принимали лучшихъ учениковъ не только изъ богословскаго, но и изъ философскаго класса семинарій; первому ученику философскаго класса давали при пріемѣ въ академіи предпочтеніе предъ четвертымъ или пятымъ ученикомъ богословскаго класса. Изъ этого, кажется, явно слѣдуетъ, что само духовное начальство, наиболѣе компетентный судья въ дѣлѣ, не считало необходимымъ двоекратное прохожденіе богословія, а стало-быть не считало въ сущности необходимымъ и весь богословскій классъ семинарій, послѣ того какъ были учреждены академіи.

Двукратное прохожденіе богословія отнюдь не нужно. Два академическіе года совершенно достаточны для выслушанія богословскихъ наукъ. Въ Германіи для слушанія философскихъ и богословскихъ наукъ въ богословскихъ факультетахъ считается достаточнымъ трехъ лѣтъ. Въ Англіи спеціально на богословіе полагается обыкновенно два года. Мы не будемъ говорить объ университетахъ Оксфордскомъ и Кембриджскомъ, о которыхъ у насъ нерѣдко судятъ ошибочно, полагая что въ нихъ сохранилось слишкомъ много средневѣковыхъ порядковъ, которые удерживаются лишь по слѣпой привязанности къ старинѣ. Мы приведемъ для примѣра учебное заведеніе возникшее въ наше время, именно Королевскую коллегію въ Лондонѣ (*Kings College*), основанную въ 1828 году. Въ этой коллегіи есть богословскій факультетъ, приготовляющій священниковъ почти для всѣхъ епархій въ Англіи, и слѣдовательно пользующійся общимъ уваженіемъ. Какъ же онъ устроенъ? Въ немъ ученье продолжается два года (конечно, только лучшіе студенты рѣшаются держать экзаменъ черезъ два года), но чтобы поступить туда надобно пробыть на философскомъ факультетѣ той же коллегіи не менѣе трехъ лѣтъ (изучая преимущественно древніе языки и математику). Таково отношеніе богословскаго ученья къ общеобразовательному въ Англіи, а въ Англіи богословскія науки процвѣтаютъ, и священники славятся богословскою ученостью. Итакъ, мы въ правѣ, кажется, придти къ заключенію, что двукратное преподаваніе богословія въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ есть неправильность, происшедшая случайно вслѣдствіе того что при учрежденіи духовныхъ академій, замѣнившихъ собой упраздніе въ семинаріяхъ философское и богословское отдѣленія, эти отдѣленія не были, какъ бы слѣдовало, обращены на усиленіе общаго образованія, а остались въ своемъ прежнемъ видѣ. Но если двукратное прохожденіе богословія не можетъ

быть защищаемо, то еще нерациональнѣе было двукратное преподаваніе философіи, въ особенности послѣ того какъ въ философское отдѣленіе семинарій стали принимать 13-лѣтнихъ дѣтей. Въ 1839 году поступили правильно, сокративъ преподаваніе философскихъ наукъ въ семинаріи, но огромная ошибка преобразованія 1839 г. состояла въ томъ, что въ замѣнъ сокращенной философіи были развиты не общеобразовательные предметы, а богословскія науки. На бумагѣ семинаріи превратились тогда въ богословскіе факультеты; въ дѣйствительности это развитіе богословскихъ наукъ оказалось минусомъ. Обвинять ли въ томъ профессоровъ семинарій, или епископовъ, или духовно-учебное управленіе? Не лежитъ ли вся вина на программѣ? Есть ли на свѣтѣ столь высоко образованная страна, которая была бы въ силахъ содержать столько богословскихъ факультетовъ, сколько у насъ семинарій? Не ясное ли дѣло, что богословское преподаваніе въ семинаріяхъ должно идти тѣмъ хуже, чѣмъ притязательнѣе планъ его?

Что сказать еще о преобразованіяхъ 1839 года? Тогда же отмѣнено было правило, требовавшее изложенія уроковъ по главнымъ наукамъ на латинскомъ языкѣ. Эту мѣру считали необходимою многія духовныя лица съ высокимъ авторитетомъ; въ ней, кажется, нельзя не видѣть шага къ лучшему; въ ея пользу говоритъ всеобщій опытъ, повсюду отдающій предпочтеніе преподаванію на языкѣ отечественномъ. Но помимо этого улучшенія, въ планѣ гимназическаго курса духовно-учебныхъ заведеній много мѣнять было нечего. Всего болѣе бросается въ глаза, что математика вовсе не преподавалась въ реторическомъ отдѣленіи семинарій. Это, конечно, должно признать за недостатокъ, и преподаваніе математики надобно было усилить, чего также добивалось духовенство, хотя бы уже только для того, чтобъ облегчить воспитанникамъ семинарій вступленіе въ университеты. Но не отсутствіе математики было слабостью семинарій: еще не такъ давно въ Итонской школѣ вовсе не учили математикѣ, а Итонская школа была по праву и тогда столько же знаменита какъ теперь. Слабость нашихъ семинарій заключалась не въ планѣ преподаванія, а въ самомъ преподаваніи, которое шло крайне неудовлетворительно, потому что педагогическое сословіе духовно-учебныхъ заведеній было неправильно поставлено. Требовались обширныя мѣры для подготовки дѣльныхъ преподавателей и въ то же время требовалось вывести не только наставниковъ, но и учениковъ изъ той личной зависимости отъ своего вѣдомства, которую многіе не безъ основанія сравниваютъ съ крѣпостнымъ правомъ. Но этихъ мѣръ реформа 1839 года не коснулась: онѣ были не по плечу тому времени; онѣ завѣщаны имъ нашей болѣе счастливой эпохѣ; онѣ всего удобнѣе могутъ быть исполнены управленіемъ, соединяющимъ духовное вѣдомство съ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія.

Усиленіе и расширеніе обще-образовательнаго курса; возвращеніе философско-богословскому преподаванію его первоначальнаго университетскаго характера черезъ перенесеніе его изъ семинарій въ академіи, усиленныя численно; энергическія мѣры для приготовленія преподавателей; наконецъ, разрѣшеніе сословныхъ узъ, въ которыхъ глохнетъ чувство призванія не только наставническаго, но и священнослужительскаго: вотъ задачи, стоящія явственно предъ реформой 1867 года.

№ 65.

Москва, 21-го марта.

Въ газетѣ *Nord*, отъ 27-го марта, напечатанъ весьма важный историческій документъ, который мы незамедлимъ воспроизвести in extenso въ нашихъ столбцахъ. Это меморія сообщенная княземъ Горчаковымъ въ 1855 году представителямъ великихъ державъ собравшимся въ Вѣнѣ на конференцію, предъ заключеніемъ мира 1856 года. Предложенія, составляющія содержаніе этого документа, который какъ нельзя болѣе кстати является теперь на свѣтъ, раскрываютъ средства, какія Императорскій кабинетъ въ то время считалъ необходимыми для удовлетворенія христіанскихъ населеній Востока въ самыхъ существенныхъ требованіяхъ ихъ, и для согласованія этихъ требованій съ поддержаніемъ Оттоманской имперіи.

Основная мысль этого замѣчательнаго труда изложена въ ст. 8 слѣдующимъ образомъ:

„Такъ какъ разность народовъ, религій „и обрядовъ, обычаевъ, льготъ и мѣстныхъ

„привилегій, должна быть принята въ ува-
„женіе при административномъ устройствѣ
„каждой провинціи Османской имперіи, то
„правительству надобно стараться о томъ,
„чтобы въ каждой провинціи элементы ад-
„министраціи соотвѣтствовали желаніямъ
„населеній и чтобы каждый народъ или
„община были ограждены отъ угнетеній
„со стороны другаго народа какъ въ граж-
„данскомъ, такъ и въ религіозномъ отно-
„шеніи."

Статьи 9 и 12 указываютъ какъ должно быть примѣняемо это правило и какихъ обезпеченій оно требуетъ. „Вышеизложенный принципъ," сказано тутъ, „тѣмъ паче „долженъ быть соблюдаемъ и развиваемъ „въ тѣхъ провинціяхъ, или ихъ частяхъ, „которыя сплошь заселены христіанами" (ст. 9). „Внутреннее управленіе каждой „христіанской общины, ея права и приви-„легіи, должны быть обезпечены отъ вся-„каго незаконнаго вмѣшательства властей „и ограждены отъ притѣсненій со стороны „вліятельныхъ лицъ не принадлежащихъ „къ общинѣ."

Единственнымъ и серіозымъ практическимъ средствомъ успокоить Востокъ, положить конецъ страданіямъ христіанскихъ населеній и наконецъ подпереть колеблющійся авторитетъ султана было бы въ 1856 г., какъ было бы можетъ-быть и теперь, принятіе этого правила и строгое, добросовѣстное соблюденіе его. Однако большинство европейскихъ державъ въ то время не захотѣло этого. Эти державы не совсѣмъ хотятъ этого и теперь, и какъ справедливо замѣчаетъ петербургскій корреспондентъ газеты *Nord**), тѣ, на чьихъ заботахъ лежитъ всесвѣтная политическая гигіена, находятъ и теперь естественнымъ, чтобы Востокъ пребывалъ въ состояніи агоніи. Этого мало. Эти державы не только сами ничего не хотятъ дѣлать, но не хотятъ чтобъ и другіе что-либо дѣлали; онѣ какъ бы приняли себѣ за правило упрочить страданія христіанскихъ населеній, въ то же время систематически ослабляя и безъ того столь слабый организмъ Турецкой имперіи. Мы говоримъ это не на обумъ, но опираясь на положительныхъ фактахъ.

Изъ протокола № 1 актовъ конгресса 1856 г. явствуетъ, что вопросъ о гарантіяхъ для разныхъ народностей, находящихся подъ османскою властію, былъ въ 1855 г предметомъ предварительныхъ и спеціальныхъ обсужденій между Австріей, Франціей, Великобританіей и Портой. Эти обсужденія происходили въ самомъ Константинополѣ подъ предсѣдательствомъ Алипаши, бывшаго тогда великимъ визиремъ. Результатомъ ихъ былъ гатти-гумаюнъ 18-го февраля, который и былъ сообщенъ Парижскому Конгрессу; но тамъ онъ не былъ предметомъ обсужденія, и представители Россіи тщетно старались о томъ, чтобъ этому акту было придано явное международное значеніе, и слѣдовательно обязательная сила. Большинство державъ принимавшихъ участіе въ конференціи едва допустило упомянуть о немъ въ текстѣ трактата, и то лишь для засвидѣтельствованія, что актъ этотъ произошелъ изъ свободнаго султанскаго рѣшенія, и что достоинство его выше всякой оцѣнки.

Если сравнить текстъ этого гатти-гумаюна, который еще и теперь Англія и Франція рекомендуютъ какъ единственное общее средство для успокоенія Востока, если, повторяемъ, сравнить текстъ и духъ этого акта съ предложеніями высказанными княземъ Горчаковымъ въ 1855 г., то всякій убѣдится какъ систематически обходилось все что въ этихъ предложеніяхъ могло обезпечить дѣйствительность гатти-гумаюна, и какъ старательно устранялось начало общинной автономіи и отдѣльной администраціи провинцій, съ тѣмъ чтобы до крайности сосредоточивать всѣ власти въ мусульманской рукѣ; всякій увидитъ, что результатъ вышеупомянутыхъ обсужденій, отъ которыхъ Россія была устранена, есть плохой сшивокъ нѣсколькихъ мыслей, высказанныхъ въ русскихъ предложеніяхъ, но лишенныхъ своего существеннаго основанія, то-есть принципа областной самостоятельности. Невозможно однако допустить, чтобы государственные мужи, имѣвшіе печальную честь участвовать въ этомъ политическомъ произведеніи, не замѣчали сами его коренныхъ пороковъ, — чтобъ они сколько-нибудь обольщали себя касательно послѣдствій этого жестокаго отказа на требованія столь справедливыя, столь жизненныя, — чтобъ эти государственные мужи сами не сознавали, что они головой выдавали Турку восточныхъ христіанъ. Не значило ли бы оскорблять здравый смыслъ и

*) Y, котораго должно отличать отъ другаго корреспондента, который обозначаетъ себя буквою X, — также какъ и отъ московскаго корреспондента, которымъ эта газета обзавелась недавно и съ которымъ никакъ нельзя поздравить ее.

прозорливость столь искусныхъ и опытныхъ политиковъ, еслибы допускать мысль, что они добродушно вѣрили въ возможность упрочить власть султана и застраховать цѣлость его владѣній, удерживая и отягощая положеніе вещей столь бѣдственное, столь несостоятельное? Правда, въ 1856 году дѣло шло о томъ, чтобъ утолить ненависть къ Россіи, и до извѣстной степени можно понять, почему западные кабинеты такъ легко жертвовали участью христіанскихъ населеній. Но изъ какихъ побужденій упорствуютъ они и теперь въ томъ же образѣ дѣйствій? Теперь нѣтъ рѣчи о войнѣ противъ Россіи. Общее положеніе Европы таково, что пока не представляется условій для коалиціи противъ нея; къ тому же уроки 1854 г. были для Россіи не безплодны. Она не подаетъ ни малѣйшаго повода къ сомнѣнію относительно ея безкорыстія. Съ другой стороны самые податливые на обольщеніе умы не могутъ долѣе обманываться относительно положенія дѣлъ въ Турецкой имперіи и настоятельной необходимости обезпечить жизнь и свободу восточныхъ христіанъ посредствомъ раздѣленія того что̀ между собою несовмѣстимо, ибо христіане и мусульмане могутъ жить подъ властію султана только при полной независимости другъ отъ друга.

До извѣстной степени можно еще понять нынѣшнюю политику Франціи. Ее заботитъ теперь Пруссія, а такъ какъ всякое движеніе на Востокѣ могло бы стѣснить свободу Австріи ея единственной союзницы, то она считаетъ нужнымъ во что бы то ни стало подавлять это движеніе на материкѣ Балканскаго полуострова. Можно судить объ этой политикѣ какъ угодно, но нельзя отрицать, что въ ней есть, хотя и не очень широкій, разчетъ; за то вовсе невозможно понять положеніе принятое британскимъ правительствомъ. Ни съ какой точки зрѣнія нельзя объяснить его сколько нибудь раціональнымъ образомъ. Англія не хочетъ никакихъ потрясеній на Востокѣ; она хочетъ, какъ объявилъ недавно лордъ Дерби, чтобы Турція была предоставлена своей агоніи, и спокойно близилась къ своему концу. Повидимому, между воззрѣніями Россіи и Англіи нѣтъ существеннаго различія. Точно также, и еще болѣе чѣмъ лордъ Дерби, Россія не желаетъ потрясеній на Востокѣ? они были бы ощутительны для нея прежде чѣмъ для всѣхъ другихъ, такъ какъ они произошли бы въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ. Если Англія поглощена своей избирательною реформой, то Россія несравненно болѣе занята своими преобразованіями, польскимъ вопросомъ, необходимостью исправить свой бюджетъ и привести въ порядокъ свою монетную систему, а потому никакъ не менѣе Англіи заинтересована тѣмъ, чтобъ агонія „больнаго человѣка“ обошлась безъ тревогъ. Именно потому что Россія близка къ театру событій и лучше другихъ знаетъ что̀ тамъ происходитъ, она приглашала и приглашаетъ Европу принять серіозныя и дѣйствительныя мѣры, дабы положить конецъ этимъ безпрестаннымъ и неизбѣжнымъ потрясеніямъ, которыя не просто только тревожатъ оттоманскую агонію, но непремѣнно и скоро приведутъ послѣднюю катастрофу, если все будетъ оставаться попрежнему и Европа будетъ совѣтовать правительству султана только выпускать гатти-гумаюны. Если же нынѣшняя политика Англіи внушается ей неизлѣчимымъ недовѣріемъ къ Россіи, то еще труднѣе объяснить себѣ побужденія этой политики. Пусть такъ,—пусть Россія домогается Константинополя, пусть она хочетъ съ береговъ Балтики перебраться на Босфоръ, пусть она алчетъ поглотить всѣ національности, которыя метутся на Востокѣ,—единственное средство пособить этимъ мнимымъ домогательствамъ Россіи, облегчить исполненіе этихъ химерическихъ проектовъ, заключается въ томъ, чтобы длить страданія народовъ Востока и оставлять ихъ въ убѣжденіи, что только отъ Россіи могутъ ожидать они защиты и спасенія. Главный органъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, *Times*, недавно говорилъ, что Великобританія можетъ оставаться равнодушною ко всему что̀ бы ни происходило на Востокѣ, лишь бы только не касались Египта; но положеніе принимаемое вице-королемъ египетскимъ, его возрастающія притязанія, виды его на островъ Критъ, которыя быть-можетъ находятъ себѣ поощреніе въ Парижѣ, хотя въ нотахъ идущихъ оттуда и совѣтуютъ отдать Критъ Греціи, не доказываетъ ли все это, что именно Египетъ-то и будетъ тронутъ, если Великобританія будетъ упорствовать въ своей теперешней политикѣ?

№ 66.

Москва, 22-го марта.

Противъ замѣчаній о балтійскихъ училищахъ, высказанныхъ въ № 46 *Московскихъ Вѣдомостей*, возражаютъ намъ и въ Ригѣ, и въ Ревелѣ. Чему же дивиться? Люди получающіе отъ государства круглымъ числомъ въ 40—60 разъ болѣе чѣмъ внутреннія и восточныя губерніи средствъ для обученія своего юношества, естественно должны прибѣгать ко всевозможнымъ доводамъ дабы удержать за собою положеніе столь для нихъ благопріятное, и особенно въ политическомъ отношеніи столь важное. Спеціозные доводы не трудно пріискать. *Ревельская Газета* говоритъ, что мы, какъ поборники умственнаго и политическаго прогресса, должны бы добиваться увеличенія суммъ отпускаемыхъ на народное просвѣщеніе во всемъ государствѣ, а еслибъ это было неудобно, то справедливаго уравненія балтійскихъ губерній со внутренними, но что вмѣсто этого мы признаемъ только одну потребность —обрусить балтійскія губерніи, а въ школахъ видимъ лишь средство для достиженія національныхъ и политическихъ цѣлей.

Вотъ три пункта, на которые должны мы отвѣчать. Добиваться новыхъ суммъ на народное просвѣщеніе? Въ какихъ же размѣрахъ? Въ такихъ ли, чтобы на каждую душу приходилось по 2 р. 30 к.? Но это чистая невозможность. Впрочемъ, общій бюджетъ по учебному дѣлу въ Россіи не малъ. Кромѣ 6—7 милліоновъ, употребляемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на учебныя заведенія, съ тою же цѣлью издерживаетъ еще военное министерство болѣе 5 милліоновъ рублей, морское министерство около 800.000, министерство государственныхъ имуществъ (большею частію на сельскія школы) около $1^1/_2$ милл., министерство финансовъ 350.000, почти столько же министерство юстиціи, 200.000 министерство путей сообщенія и публичныхъ зданій; наконецъ, на учебныя заведенія состоящія подъ покровительствомъ Государыни Императрицы, расходуется 3 милліона, да на учебныя заведенія, управляемыя святѣйшимъ синодомъ, почти $1^1/_2$ милліона, кромѣ новыхъ прибавокъ, разрѣшенныхъ въ прошломъ году. Слѣдовательно общій ежегодный расходъ на учебныя заведенія простирается отъ 19 до 20 милліоновъ рублей. Въ виду столь значительныхъ суммъ остается желать болѣе производительнаго употребленія и болѣе правильнаго распредѣленія расходуемыхъ денегъ, ибо тогда при нашемъ бюджетѣ можно было бы достигнуть весьма значительныхъ результатовъ. Необходимо время отъ времени присматриваться нѣтъ ли чего такого что лѣтъ 50 или 30 назадъ было можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ полезно, а теперь уже не соотвѣтствуетъ своей цѣли. Въ этомъ случаѣ лучшимъ примѣромъ можетъ служить балтійская система казенныхъ училищъ. Тамъ еще удержалась организація, которая имѣла еще смыслъ въ началѣ текущаго столѣтія, когда массы сельскаго люда были въ крѣпостной зависимости, и нѣмецкія казенныя школы искусственно и на казенныя деньги отчуждали отъ государства только нѣкоторыя части балтійскаго населенія, нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Конечно, не слѣдовало въ послѣдствіи дивиться тому, что эти мѣстности, вмѣсто того чтобы болѣе и болѣе сближаться съ Россіей, становились ей чужды. Но теперь обстоятельства измѣнились: въ мѣстахъ, гдѣ прежде мы имѣли дѣло менѣе чѣмъ съ 200.000 свободныхъ гражданъ, въ настоящее время есть уже нѣсколько милліоновъ свободныхъ людей, которыхъ нельзя упускать изъ виду, не причиняя государству величайшаго вреда.

Ревельская Газета признаетъ справедливость уравнительнаго распредѣленія государственныхъ расходовъ на учебное вѣдомство между всѣми частями государства. Признавая это, она должна бы предложить соотвѣтствующія этой справедливой цѣли практическія мѣры. Но сдѣлавъ подобную попытку, она сама увидѣла бы, съ какими затрудненіями сопряжено тутъ возстановленіе справедливости, и наконецъ безъ сомнѣнія сама задала бы себѣ вопросъ: не слѣдуетъ ли, вмѣсто того чтобы переносить уже существующія учебныя заведенія съ запада на востокъ, подумать прежде о ближайшемъ? А ближайшее безъ всякаго сомнѣнія состоитъ въ томъ, что громадное большинство балтійскаго населенія, Латыши и Эсты, остаются внѣ благотворнаго вліянія суммъ, выдаваемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на учебную часть балтійскаго края, и мало того: этими суммами искусственно поддерживается и укрѣпляется политическое неравенство, отчуждающее нѣмецкихъ гражданъ отъ латыш-

скихъ и эстскихъ къ невыгодѣ послѣднихъ. Что Русское государство не можетъ имѣть намѣренія на свои деньги германизовать Латышей и Эстовъ—это смогутъ, наконецъ, понять и нѣмецкія газеты. Равнымъ образомъ личная свобода главнаго балтійскаго населенія, свобода, которая между 1818 и 1860 могла казаться непрочною, теперь, послѣ реформы 1861 года, должна считаться фактомъ неотмѣнимымъ и приниматься въ разчетъ при всѣхъ правительственныхъ распоряженіяхъ. Министерство народнаго просвѣщенія, а равно и мѣстная администрація не могутъ не соображать своихъ мѣръ съ этимъ фактомъ. Какой смыслъ можетъ въ настоящее время имѣть этотъ остатокъ старины, что на обученіе нѣмецкаго башмачника или портнаго выдается отъ государства 2 рубля серебромъ, а на сосѣда его, латышскаго башмачника или портнаго, не выдается ни копѣйки? Очевидно это не имѣетъ смысла, а едва ли можно утверждать, чтобъ это не имѣло на практикѣ весьма важнаго значенія. Въ балтійскихъ губерніяхъ имѣются теперь только два скромныя высшія народныя училища, которыя можно почитать назначенными преимущественно для Латышей и Эстовъ, именно дерптская семинарія для учителей первоначальнаго преподаванія, на которую выдается не болѣе 1.500 руб., и православная духовная семинарія въ Ригѣ. То и другое изъ этихъ заведеній доставило нѣсколько образованныхъ и въ русскомъ языкѣ достаточно свѣдущихъ Латышей и Эстовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что кромѣ чисто-латышскихъ и эстскихъ низшихъ народныхъ школъ, дабы наверстать упущенное, и постепенно изгладить искусственное неравенство между нѣмецкимъ и ненѣмецкимъ населеніемъ балтійскаго края, должны быть назначены для Латышей и Эстовъ уѣздныя училища и гимназіи, и что если въ низшихъ классахъ этихъ заведеній преподавательный языкъ долженъ быть преимущественно латышскій и эстскій, то въ высшихъ классахъ преимущественно русскій; несомнѣнно также, что такимъ распоряженіемъ Латыши и Эсты были бы совершенно довольны. Вообще государственная цѣль, для которой несомнѣнно назначенъ былъ высокій балтійскій учебный бюджетъ, можетъ быть у насъ столь же легко достигнута, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ. Напоминаемъ, какъ поступали въ прошлое время и поступаютъ теперь еще во всей восточной Пруссіи; напоминаемъ также о западной границѣ Германіи, гдѣ не учреждалось французскихъ народныхъ школъ и гимназій, какъ средства возвысить нѣмецкій патріотизмъ населенія; напоминаемъ также объ Альзасѣ. Повсюду при государственныхъ расходахъ на учебное вѣдомство имѣется вмѣстѣ съ тѣмъ въ виду содѣйствовать единству государства. *Ревельская Газета* дѣлаетъ намъ слишкомъ много чести, утверждая что мы хотимъ обратить въ орудіе государственныхъ цѣлей сравнительно слишкомъ высокій балтійскій учебный бюджетъ. Эта заслуга принадлежитъ не намъ. Со времени учрежденія казенныхъ балтійскихъ школъ, русскіе государи рѣшительно и неоднократно объявляли, что обрусеніе балтійскихъ губерній необходимо, и что продолжающаяся германизація Латышей и Эстовъ есть въ государственномъ отношеніи зло. Тѣ суммы, которыя выдаются на учебное вѣдомство въ этихъ губерніяхъ, были постепенно увеличены именно въ видахъ распространенія русскаго языка.

Какой смыслъ имѣютъ фразы о „сочетаніи западной культуры съ восточною чрезъ посредство балтійскихъ губерній“ мы рѣшительно не понимаемъ! такъ эти фразы не ясны. Неужели газеты *Рижская* и *Ревельская* въ самомъ дѣлѣ думаютъ, что наука, подобно тому какъ въ прошломъ столѣтіи путешественники пріѣзжавшіе съ запада въ Петербургъ, приходитъ въ Россію только черезъ Кенигсбергъ, Мемель, Полангенъ, Митаву, Ригу, Дерптъ и Нарву? Или эти газеты полагаютъ, что напримѣръ Московскій университетъ, получивъ что-нибудь ученое изъ Берлина, Парижа, Праги или Вѣны, долженъ прежде справляться съ мнѣніемъ Дерпта?

Не болѣе этого основательны и утвержденія *Рижской Газеты*, что Дерптскій университетъ есть неприкосновенное учрежденіе Густава Адольфа, ибо шведское правительство, по существовавшему въ то время обычаю, отпустило на содержаніе университета не денежную сумму, а доходы съ нѣкоторыхъ казенныхъ имѣній. Петръ Великій, овладѣвъ этимъ краемъ, раздарилъ съ величайшею щедростію казенныя имущества въ Лифляндіи и Эстляндіи тамошнимъ баронамъ, и еще прискорбнѣе вспомнить при этомъ, какія послѣдствія для свободы Латышей и Эстовъ имѣла эта щедрость Петра Великаго. Вмѣсто того

чтобы свято хранить послѣ завоеванія древнія, Петромъ Великимъ подтвержденныя права и вольности всѣхъ жителей балтійскаго края, чины балтійскіе въ короткое время допустили „предать совершенному забвенію“ или, говоря проще, совсѣмъ уничтожить важнѣйшее право балтійскихъ крестьянъ. При Карлѣ XI, королѣ Шведскомъ, эти крестьяне были почти совершенно свободны; но въ 1739 году лифляндское дворянство препроводило въ Петербургъ объясненіе, въ которомъ было иначе объяснено *законное* положеніе лифляндскихъ крестьянъ. Не только крѣпостная зависимость, но *jus vitae et necis*, невольничество, какого никогда не было въ остальной Россіи, было объявлено законнымъ положеніемъ крестьянъ въ Лифляндіи.

Рижская Газета, сверхъ того, сосчитала, что пользующіяся огромными привилегіями балтійскія губерніи болѣе доставляютъ дохода государству чѣмъ, напримѣръ, Вятская губернія. Положимъ, что такъ (чего однако нѣтъ): развѣ вслѣдствіе этого правительство обязано выдавать на обученіе нѣмецкихъ ремесленниковъ по 2 рубля на душу, а латышскимъ и эстскимъ не давать ни копѣйки, и оставлять въ силѣ то, что на каждаго жителя Вятской губерніи приходится лишь нѣсколько копѣекъ?

Ни въ какомъ государствѣ суммы отпускаемыя на обученіе народа не распредѣляются сообразно доходу, доставляемому тою или другою провинціей. Такое мѣрило было бы противно здравому смыслу. Милліоны дохода, доставляемые Рижскою таможнею, вносятся не городомъ Ригою, но всею полосою Россіи, которая ведетъ торговлю черезъ Ригу, и отдаленнѣйшія губерніи вносятъ наиболѣе, такъ какъ имъ приходится оплачивать транспортъ и купеческія преміи, обогащающія множество промежуточныхъ мѣстъ. Если Петербургская губернія, при населеніи въ милліонъ, вноситъ ежегодно отъ 30 до 40 милліоновъ въ казну, то не подлежитъ сомнѣнію, что не сами же жители этой губерніи вносятъ по 30—40 рублей съ души, но что въ этотъ доходъ внесли свой участокъ и губерніи Рязанская, Тамбовская, и т. д.

№ 67.

Москва, 24-го марта.

Мы живемъ наканунѣ имѣющаго установиться въ Россіи новаго органическаго военнаго закона. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ наборомъ, приближается время, когда всѣ послѣдовательно исполненныя военныя преобразованія будутъ сведены къ постановленію, которымъ опредѣлится на будущее время система военныхъ учрежденій Россіи, соотвѣтствующая ея нынѣшнему положенію и соглашенная съ новымъ входящимъ у насъ въ силу порядкомъ.

Очевидно, что преобразованія военнаго дѣла предоставляютъ интересъ не для однихъ военныхъ; на государственную сторону военной реформы должно быть устремлено вниманіе всего общества. Къ сожалѣнію, мѣры военнаго вѣдомства, долженствующія отозваться и на положеніи всего государства, и на положеніи каждаго гражданина, не обращаютъ на себя въ обществѣ должнаго вниманія, и военная реформа, въ ея общихъ и главныхъ чертахъ, не была не только правильно, но и вовсе никакъ оцѣнена общественнымъ мнѣніемъ. Теперь, когда военныя преобразованія не достигли еще заключительнаго акта, эта оцѣнка болѣе своевременна и умѣстна чѣмъ въ то время, когда новая организація вооруженныхъ силъ страны уже вступитъ въ законную силу и утвердится на продолжительный срокъ.

Кромѣ своего постояннаго значенія, военная реформа должна интересовать общество и въ виду современныхъ политическихъ обстоятельствъ. Въ эти послѣдніе годы лицо Европы измѣнилось, такъ что нельзя узнать его. Все грозитъ событіями, все въ движеніи, все подъ вопросомъ; наконецъ, все вооружается. Вооружаются съ ногъ до головы не только великія державы, но и малыя; вездѣ преобразуется военная организація, вводится новое оружіе, глубоко измѣняющее характеръ войны; въ стратегическія соображенія входятъ совершенно новые элементы. Въ такую эпоху общество не можетъ быть равнодушнымъ къ устройству вооруженныхъ силъ страны.

Итакъ, интересы первостепенной важности, какъ постоянные, такъ и временные, требуютъ, чтобы наша публика слѣдила

за русскимъ военнымъ вопросомъ и принимала живое участіе во всемъ что его касается. Можно надѣяться, что въ печати нашей оживленію военнаго вопроса будетъ немало способствовать обширный и блестящій трудъ генерала Фадѣева, печатаемый въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ: *Вооруженныя силы Россіи*, котораго начало уже появилось въ февральской книжкѣ.

Талантливый авторъ *Тифлисскихъ Писемъ*, предпринявъ изученіе всѣхъ элементовъ нашей военной организаціи, обращается съ соображеніями своими не къ однимъ спеціалистамъ, но къ цѣлому обществу, и съ особенною силой настаиваетъ на важности участія публики въ вопросахъ военнаго дѣла. „Безъ сомнѣнія, говоритъ онъ, военное дѣло составляетъ спеціальность, но въ такомъ же смыслѣ какъ спеціальность инженеровъ строящихъ желѣзныя дороги. Люди наилучше понимающіе нужды страны въ распредѣленіи желѣзныхъ путей часто не имѣютъ никакого понятія объ инженерномъ искусствѣ... Превосходство военнаго устройства происходитъ главнѣйше отъ его соотвѣтственности съ общественнымъ складомъ, можно сказать, отъ безыскусственности, ненатянутости, отъ того, на сколько вѣрно вооруженныя силы націи представляютъ ея дѣйствительныя, живыя силы и ея общественныя отношенія, во всей ихъ естественности.... Если же правда, что вооруженныя силы націи должны быть вѣрнымъ воспроизведеніемъ ея самой, то правда и то, что вопросъ объ основаніяхъ военной системы становится вопросомъ о самой націи, объ ея духовныхъ и матеріальныхъ основахъ, то-есть, обращается въ вопросъ политическій и входитъ въ область общественнаго сознанія, какъ его неотъемлемое право и потребность."

Мысль, что вооруженныя силы націи должны представлять ея дѣйствительныя, живыя силы, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ настоящему положенію дѣлъ. Въ прежнія времена, даже не далѣе какъ въ минувшемъ столѣтіи, арміи рѣдко превосходили численность 40 - 50 тысячъ человѣкъ: Карлъ XII началъ войну противъ Россіи имѣя никакъ не болѣе пятнадцати тысячъ человѣкъ, Румянцевъ одержалъ рѣшительную побѣду при Кагулѣ съ восьмнадцати-тысячною арміей. Подобныя арміи можно было формировать и переформировывать по какимъ угодно образцамъ; но для того чтобы государство въ тридцать милліоновъ жителей, какъ нынѣшняя Пруссія, могло выставить въ данную минуту милліонъ двѣсти тысячъ и болѣе солдатъ и чтобы подъ тяжестію содержанія подобной арміи не обрушился бюджетъ или не поглотилъ разомъ всѣхъ средствъ страны, нужны мѣры основанныя на глубокомъ изученіи не только экономическаго ея положенія, но и особенностей духа самой націи. По мнѣнію г. Фадѣева, духъ французскаго народа способенъ къ усиліямъ и жертвамъ для созданія громадной арміи, но арміи исключительно регулярной и дисциплинированной, существующей какъ особливое органическое тѣло; ополченіе же, какъ народная сила, невозможно во Франціи. Въ Пруссіи, напротивъ, между націей и войскомъ болѣе внутреннихъ узъ, и вотъ почему прусское правительство можетъ содержать въ мирное время относительно небольшую армію, но имѣетъ возможность раздвигать ее до громадныхъ размѣровъ въ случаѣ надобности. Подобное же свойство имѣетъ, по мнѣнію г. Фадѣева, и Россія, въ которой ни одна большая, а особенно оборонительная война, не оканчивалась безъ призыва народнаго ополченія. И ополченіе, плохо вооруженное, почти вовсе не обученное, оказывало большую пользу въ Отечественной Войнѣ 1812 года и храбро умирало подъ Севастополемъ: какова же могла бы быть приносимая имъ польза, еслибы люди, призываемые въ ополченіе, были заранѣе подготовлены и пріучены владѣть оружіемъ! Въ самомъ дѣлѣ: русскій крестьянинъ обладаетъ неоцѣненными свойствами для образованія истинно-народной арміи, которая могла бы принять необъятные размѣры, не отягощая бюджета. „Государство въ восемьдесятъ милліоновъ жителей, говоритъ г. Фадѣевъ, изъ которыхъ четыре пятыхъ составляютъ одно племя и живутъ однимъ сердцемъ, никогда не можетъ быть побѣждено безвозвратно. Завтрашній день всегда принадлежитъ ему... Несмотря на временныя затрудненія, нравственныя и матеріальныя, силы нынѣшней Россіи неизмѣримо велики, не то что въ 1853 году. Надобно только, чтобы силы эти не оставались силами стихійными, чтобы къ нимъ прибѣгали не въ самую минуту крайности, когда изъ нѣдръ народа можно почерпнуть только сырой матеріалъ, но чтобъ они

были признаны и распредѣлены заранѣе, были организованы постоянно."

Во вступительныхъ главахъ своего труда, г. Фадѣевъ касается соединенія системы регулярной арміи съ системою народнаго ополченія. Онъ, разумѣется, признаетъ всю необходимость постоянной, дисциплинированной и безпрерывно обучаемой арміи; но онъ полагаетъ что она должна быть доведена въ мирное время до возможно малыхъ размѣровъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ опасности, возрастать соотвѣтственно необходимости, и наконецъ находитъ опору въ организованномъ народномъ ополченіи. Доставить странѣ возможно сильную военную организацію, не обременяя ея бюджета, вотъ задача, на которую г. Фадѣевъ обращаетъ вниманіе своихъ читателей.

„Теперь страшенъ не тотъ, выразительно замѣчаетъ онъ, кто всегда сильно вооруженъ, — напротивъ тотъ ослабляетъ себя, — а тотъ, кто бережетъ свои средства для того чтобъ имѣть возможность сильно и скоро вооружиться, когда придетъ надобность. Чѣмъ меньше тѣмъ больше — стало военною аксіомой новѣйшаго времени. Чѣмъ меньше государство содержитъ войска въ мирное время, тѣмъ больше оно можетъ выставить въ военное."

№ 68.

Москва, 24-го марта.

Въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ наступаетъ затишье. Концессій дано такъ много, концессіонерамъ такъ трудно достается пріисканіе капитала, а скоро и рабочіе будутъ такъ дороги, что въ интересахъ дѣла необходима нѣкоторая его пріостановка, такъ-сказать передышка, чтобы предотвратить чрезмѣрное напряженіе силъ, которое могло бы повести къ ихъ упадку, въ родѣ того, что мы испытали послѣ акціонерной лихорадки 1858 и 1859 годовъ. Нынѣшнимъ лѣтомъ будутъ производиться усиленныя работы по линіямъ Кіевско-Курской (до 30.000 рабочихъ), Орловско-Витебской (до 25.000 рабочихъ), Кіевско-Балтской, Козловско-Воронежской, Елецко-Грязовской, Ряжско-Моршанской, и кромѣ того будутъ оканчиваться работы по линіи Московско-Курской и Балтско-Елизаветградской. Всѣ эти работы, какъ полагаютъ, займутъ до 100.000 человѣкъ, то-есть рабочую силу, которая можетъ въ продолженіе одного лѣта окончить земляныя и каменныя работы на 1.250 верстахъ средней трудности. Всякій оцѣнитъ эту цифру и всякій пойметъ какъ было бы важно для Россіи, еслибъ и слѣдующіе годы ознаменовались такою же энергическою дѣятельностью по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. На вышепоименованныхъ дорогахъ работы подвинутся нынѣшнимъ лѣтомъ настолько, что для продолженія и окончанія ихъ въ будущемъ году потребуется не болѣе 50.000 человѣкъ, а слѣдовательно освободившихся 50.000 человѣкъ можно будетъ поставить на другія работы. Колебаться ли въ выборѣ этихъ другихъ работъ, которыя желательно видѣть энергически подвинутыми лѣтомъ 1868 года? Кажется, что тутъ не можетъ быть ни колебанія, ни спора. На первомъ планѣ стоятъ двѣ линіи, Курско-Азовская и Московско-Смоленская, которыя было бы въ высшей степени желательно видѣть начатыми уже въ текущемъ году. Если лѣтомъ 1868 года будетъ окончено не менѣе 600 верстъ земляного полотна и каменныхъ сооруженій по этимъ двумъ линіямъ, все-таки лишь въ 1870 году будетъ открыта вся основная сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ, долженствующая преобразить Россію. Но такой ходъ дѣлъ былъ бы невозможенъ, еслибы выдача концессій была безусловно пріостановлена. Итакъ, требуется не пріостановка концессій, а разборчивая выдача ихъ.

Затрудненіе для желѣзно-дорожнаго дѣла можетъ возникнуть либо отъ недостатка рукъ, либо отъ недостатка капиталовъ. Въ первомъ отношеніи покамѣсть не настоитъ еще большой опасности. Рабочіе вздорожали, но не чрезмѣрно; нѣкоторыя работы могли бы быть начаты по двумъ упомянутымъ выше линіямъ, Курско-Азовской и Московско-Смоленской, въ теченіе нынѣшняго лѣта, чтобы подготовить усиленное веденіе главной части работъ лѣтомъ 1868 года. Немедленная выдача концессіи по этимъ двумъ линіямъ можетъ казаться опасною только по отношенію къ сбору капитала. Взглянемъ же на условія этого дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что выдача новыхъ концессій затрудняетъ составленіе капитала по концессіямъ уже выданнымъ, а потому въ интересѣ линій разрѣшенныхъ и строящихся можно желать, чтобы, пока не

будутъ помѣщены ихъ акціи и облигаціи, новаго спроса на желѣзно-дорожный капиталъ изъ Россіи не было. Такое желаніе совершенно основательно, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оно можетъ быть въ значительной мѣрѣ ограничено. Всѣ находящіяся у насъ въ стройкѣ желѣзныя дороги разчитываютъ по сбору капитала исключительно на Германію, вслѣдствіе чего собственно и сдѣлалось затруднительнымъ составленіе капиталовъ. Къ германскимъ рынкамъ шелъ съ русской стороны столь обильный запросъ на капиталы, предназначаемые для желѣзныхъ дорогъ, что цѣна этихъ капиталовъ не могла не возвыситься. Посредники между русскими строителями и германскою публикой стали все выше и выше цѣнить свои услуги и теперь уже далеко не считаютъ достаточнымъ коммиссіоннаго платежа даже въ 5% съ капитала. Между тѣмъ какъ русскіе 5% фонды стоятъ въ цѣнѣ около 86 и 86 за сто, облигаціи, гарантированныя тѣмъ же самымъ русскимъ правительствомъ, идутъ дешевле на 10 и 15%, а можетъ-быть и еще дешевле. Очевидно, что такой ходъ дѣла долженъ быть пріостановленъ уже въ интересахъ русскаго государственнаго кредита. Но сужденіе было бы совершенно иное, еслибы вновь составляющіяся общества обращались за капиталомъ не въ Германію, а напримѣръ въ Англію. Такія общества не конкуррировали бы съ своими собратами, и вообще не могли бы сдѣлать никакого подрыва нашему государственному кредиту. Напротивъ, если бы напримѣръ въ Англіи можно было найдти капиталъ по болѣе дешевой цѣнѣ чѣмъ какая теперь платится за него въ Германіи, то успѣхъ подобной подписки въ Англіи отозвался бы и въ Германіи возвышеніемъ курса нашихъ желѣзно-дорожныхъ облицій. Учредители Курско-Азовской, или Александровской, какъ они желаютъ наименовать ее, желѣзной дороги совершенно подходятъ подъ это условіе. Они вошли въ сношенія съ англійскими капиталистами, а потому, что̀ касается капитала, ихъ дѣло не можетъ быть помѣхой ни для одной изъ компаній, ведущихъ теперь тягостные переговоры съ германскими банкирами. Къ тому же эти англійскіе капиталисты намѣреваются открыть подписку не только на облигаціи, но и на акціи по курсу 80 за 100, тогда какъ въ Германіи подписка и на однѣ облигаціи не можетъ состояться по этой цѣнѣ, не можетъ даже при условіи гарантіи облигацій со для ихъ выпуска, какого условія, какъ насъ увѣряютъ, нѣтъ въ концессіи Курско-Азовской линіи; что̀ же касается до акцій, то ихъ нельзя сбыть въ Германіи ни по какой цѣнѣ. Итакъ, акцій Курско-Азовской дороги въ Германіи помѣстить нельзя, а на облигаціи можно открыть подписку по всему вѣроятію не выше 76 за 100, если правительство согласилось бы на то условіе, которымъ пользуется Курско-Кіевская и о которомъ ходатайствуетъ теперь Витебско-Орловская дорога. Безъ этого условія едва ли состоялась бы въ Германіи подписка на значительный капиталъ даже по 70 за 100; тамъ цѣны уже испорчены обращавшимися туда нашими строителями, показавшими тамошнимъ капиталистамъ примѣры того, что можно выжать изъ русскаго строителя, если хорошенько прижать его. Въ Англіи этихъ опытовъ еще не было сдѣлано; къ тому же характеръ націи, любящей предпріятія соединенныя съ рискомъ, сказывается на томъ, что тамъ неохотно подписываются на однѣ облигаціи, а спрашиваютъ также акціи и слѣдовательно принимаютъ на себя и рискъ строительной части. Первоклассные банкирскіе дома Лондона намѣреваются, въ случаѣ дарованія имъ концессіи, открыть подписку и на акціи, и на половину облигацій по 80 за 100 и увѣрены въ успѣхѣ этой подписки. Акцій, какъ сообщаютъ намъ, они предполагаютъ выпустить на одну треть капитала, облигацій на двѣ трети. Половина облигацій назначается на удовлетвореніе поставщиковъ подвижнаго состава и рельсовъ, а также строителей земляного полотна и каменныхъ сооруженій; на другую половину облигацій предполагается открыть публичную подписку и при томъ, что̀ съ нѣмецкой точки зрѣнія не понятно, вмѣстѣ съ подпиской на акціи, такъ что всякій подпищикъ на облигаціи обязанъ подписаться и на акціи. Эту подписку они намѣреваются открыть какъ сказано, по 80 за 100, и притомъ выдавать въ процентъ не полные 5, а 4,8 на 100, остальные же 0,2%, а также особо назначаемые по концессіи $^1/_{12}$% употребить на погашеніе. Многіе сомнѣваются въ успѣхѣ такой подписки, но если она не будетъ имѣть успѣха, то компанія просто-на-просто не состоится, и это не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій для дальнѣйшихъ подписокъ въ Гер-

маніи, потому что въ Германіи бывали уже неудачи съ подписками по 77 и 76 за 100. Если же англійская подписка состоится, то это будетъ урокъ нѣмецкимъ банкирамъ, чтобъ они впередъ не преувеличивали цѣны своихъ услугъ. Итакъ, сдѣлать опытъ съ пріисканіемъ капитала въ Англіи ни въ какомъ случаѣ не мѣшаетъ: не удастся онъ, наше положеніе не будетъ хуже теперешняго; если же онъ удастся, мы значительно выиграемъ, потому что поправимъ дѣло испорченное чрезмѣрною уступчивостью нашихъ строителей, которые получали слишкомъ высокія гарантіи, а потому и имѣли возможность уступать капиталистамъ слишкомъ высокіе барыши.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи условія, просимыя для Курско-Азовской линіи страдаютъ общимъ недостаткомъ: требуемая гарантія также слишкомъ высока,—именно 78.947 металлическихъ рублей съ версты. Если принять въ разчетъ, что концессія предполагаетъ устроить полотно и каменныя сооруженія для двухъ путей, и обратить вниманіе на сравнительную дороговизну работъ на югѣ Россіи, то гарантія, требуемая для Курско-Азовской линіи окажется не выше той, которая дана на Витебско-Орловской линіи, гдѣ техническія трудности почти одинаковы. Въ защиту гарантіи, просимой на Курско-Азовскую линію можно привести аргументъ равенства: что дано по Витебско-Орловской линіи, то можетъ быть дано и по Курско-Азовской, которая гораздо важнѣе ея и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи. Но въ интересѣ самаго дѣла приходится всегда быть въ пользу пониженія. Чтобы за предпріятіемъ оставался коммерческій характеръ, оно должно сулить акціонерамъ барыши сверхъ гарантированнаго дохода. Только при этомъ условіи эксплуатація можетъ идти успѣшно. А потому кто желаетъ прочной будущности желѣзно-дорожному дѣлу въ Россіи, тотъ долженъ желать, чтобъ его выгодность была поставлена внѣ сомнѣнія. Чтобы дорога, получившая гарантію въ 79.000 металлическихъ рублей приносила доходъ, превышающій гарантированные 5%, она должна давать чистаго дохода болѣе 4.000 металлическихъ или болѣе 5.000 кредитныхъ рублей на версту, и валовой доходъ ея долженъ быть болѣе 10.000 руб. кредитныхъ. Но такой валовой сборъ достижимъ не на всѣхъ линіяхъ. Мы думаемъ, что только тѣ изъ нашихъ главныхъ линій могутъ считаться поставленными въ коммерческомъ отношеніи правильно, по которымъ гарантія не превышаетъ 60.000 или въ крайнемъ случаѣ 70.000 металлическихъ рублей съ версты. Тогда гарантированный доходъ не превзойдетъ 3.500 р. металлическихъ или, по среднему вѣроятному курсу, 4,400 р. кредитныхъ,—цифра, правда, все еще высокая, но по крайней мѣрѣ достижимая на желѣзной дорогѣ въ одинъ путь, находящейся въ такихъ благопріятныхъ условіяхъ, въ какихъ будутъ несомнѣнно находиться наши главныя линіи.

Но какъ достигнуть пониженія гарантіи, пока еще не доказана доходность желѣзныхъ дорогъ въ Россіи? Тутъ есть *circulus vitiosus*. Капиталисты будутъ довольствоваться умѣренною гарантіей когда будутъ увѣрены въ доходности предпріятія, но доходность желѣзныхъ дорогъ можетъ быть доказана только при экономномъ веденіи дѣла, а экономіи нельзя ожидать на дорогахъ, получившихъ высокую гарантію. Какъ же быть? гдѣ найдти выходъ изъ этого фальшиваго круга? Отъ капиталистовъ, въ особенности иностранныхъ, тутъ нельзя ожидать помощи; ихъ можетъ побудить къ уступкамъ только конкурренція. Усилія должны быть сдѣланы съ нашей стороны,—со стороны правительства и земства. Земство, вмѣстѣ съ городами, черезъ которые желѣзная дорога проводится, можетъ принять на себя, или безмездно или за извѣстную опредѣленную цѣну пріобрѣтеніе земель отходящихъ подъ желѣзную дорогу. На версту дороги, требуется около шести десятинъ земли. На протяженіи Курско-Азовской линіи средняя цѣна десятины должна быть не выше 35 рублей. Но компаніи желѣзныхъ дорогъ, принимая въ разчетъ сносимыя строенія, переходы черезъ города, требовательность землевладѣльцевъ, считаютъ на всякій случай гораздо больше, — иногда въ десять разъ больше. Намъ напримѣръ извѣстно изъ газетъ, что городъ Харьковъ назначилъ изъ городской казны сумму достаточную для покупки тѣхъ участковъ, которые отойдутъ подъ желѣзную дорогу, но англійскіе капиталисты этого не знаютъ. Еслибы харьковское земство, котораго депутація сегодня проѣхала черезъ Москву въ Петербургъ для ходатайства о Курско-Азовской желѣзной дорогѣ, еслибы, говоримъ, харьковское земство взялось поставить компа-

нiи всю землю, отходящую подъ дорогу (со строенiями и т. д.), безмездно или за умѣренную цѣну, напримѣръ по 400 или 500 р. съ версты, то компанiя согласилась бы вѣроятно понизить гарантiю на 2 или на 3 тысячи р. мет. Вотъ одно средство добиться пониженiя гарантiи. Другое средство заключается въ казенной субсидiи. Казнѣ гораздо выгоднѣе дать 4.000 руб. субсидiи на версту чѣмъ гарантировать 5% дохода съ 6.000 р. Субсидiя возвратится при хорошей эксплуатацiи черезъ нѣсколько лѣтъ, между тѣмъ какъ лишняя гарантiя усыпитъ компанiю и лишитъ ее выгодъ хорошей эксплуатацiи, вслѣдствiе чего казна будетъ принуждена ежегодно приплачивать недочетъ чистаго дохода. Въ данномъ случаѣ, по отношенiю къ Курско-Азовской линiи, назначенiе субсидiи было бы тѣмъ умѣстнѣе, что компанiя, обязываясь уплатить правительству свои долги изъ барыша сверхъ 6% на капиталъ, кромѣ того предоставляетъ правительству половину всего барыша сверхъ 8%.

№ 69.

Москва, 27-го марта.

На этихъ дняхъ, въ *Сѣверной Почтѣ*, появилось извлеченiе изъ всеподданѣйшаго отчета министра юстицiи за первое полугодiе дѣятельности нашихъ новыхъ судовъ: сегодня воспроизводимъ мы первую половину этого важнаго документа, отлагая окончанiе до завтрашняго нумера. По истинѣ, едва вѣрится, чтобы въ столь короткое время такъ крѣпко и такъ успѣшно принялось у насъ дѣло столь великое и столь мало похожее на прежнiе наши порядки, начиная съ основной идеи до мельчайшихъ подробностей. То, о чемъ года два тому назадъ можно было только мечтать, что возбуждало столько повидимому справедливыхъ сомнѣнiй,—теперь находится въ полномъ дѣйствiи на значительномъ пространствѣ нашего отечества, и уже первое полугодiе въ итогѣ своемъ представляетъ столь блистательные результаты. Судъ присяжныхъ, лучшая гарантiя гражданской свободы, совершается у насъ во очiю, и въ немъ принимаютъ участiе крестьяне, тѣ самые крестьяне, которымъ только шесть лѣтъ тому назадъ дарована свобода, и успѣхъ превосходитъ самыя смѣлыя ожиданiя. „Присяжные засѣдатели,“ сказано въ отчетѣ, „состоящiе иногда преимущественно изъ крестьянъ (напримѣръ, „въ Ямбургѣ изъ 12 засѣдателей было 11 „крестьянъ), оправдали возложенныя на „нихъ надежды: имъ часто предлагались „весьма трудные для разрѣшенiя вопросы, „надъ которыми обыкновенно затрудняются люди пріученные опытомъ къ правильному разрѣшенiю уголовныхъ дѣлъ, и всѣ „эти вопросы, благодаря поразительному „вниманiю, съ которымъ присяжные засѣдатели вникаютъ въ дѣло, разрѣшались, „въ наибольшей части случаевъ, правильно и удовлетворительно.“

Кстати замѣтить при этомъ, что изъ общаго числа уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенныхъ до сихъ поръ съ участiемъ присяжныхъ въ Московскомъ и С.-Петербургскомъ окружныхъ судахъ, число кассированныхъ сенатомъ рѣшенiй не превышаетъ *пяти*. Кассацiонный судъ, какъ извѣстно, не входитъ въ разсмотрѣнiе дѣла по существу, и если верховное судилище не нашло до сихъ поръ, за весьма малымъ исключенiемъ, поводовъ къ отмѣнѣ рѣшенiй состоявшихся съ участiемъ присяжныхъ, то это всего лучше свидѣтельствуетъ о томъ какъ скоро вошли въ силу наши новые судебные порядки и какъ хорошо усвоились всѣ ихъ условiя, соблюденiе которыхъ необходимо для обезпеченiя правильности судебнаго приговора.

Говорить ли о мировой юстицiи занимающей столь важное мѣсто въ ряду учрежденiй введенныхъ новыми судебными уставами, которыми законодатель удовлетворилъ самую насущную потребность нашего народа? „Съ перваго же приступа мировыхъ судей къ новому дѣлу“, сказано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ министра юстицiи, „простота мироваго разбирательства, „допущенная при отправленiи онаго, полная гласность и отсутствiе обременительныхъ формальностей вызвали всеобщее „къ мировому институту довѣрiе. Въ особенности, простой народъ, найдя въ мировомъ судѣ судъ скорый и справедливый „для мелкихъ ежедневныхъ своихъ интересовъ, не перестаетъ благословлять верховнаго законодателя за дарованiе Россiи суда, столь близкаго народу и вполнѣ соотвѣтствующаго его потребностямъ. „Довѣрiе къ мировымъ судьямъ доказывается въ особенности тѣмъ, что со времени открытiя дѣйствiй мировыхъ судеб-

ныхъ установленій, возбуждалось громад-„ное число такихъ гражданскихъ исковъ, „которые, или по своей малоцѣнности, или „по неимѣнію у истцовъ формальныхъ до-„казательствъ, въ прежнихъ судахъ вовсе „не возникали. Равнымъ образомъ прине-„сено мировымъ судьямъ множество жалобъ „на такія притѣсненія и обиды, а также „на мелкія кражи и мошенничества, кото-„рыя прежде обиженные оставляли безъ „послѣдствій". Вотъ до какой степени вѣрно высказанное не разъ мнѣніе, что наша судебная реформа есть не столько реформа, сколько созданіе судебной власти! Самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ вышеприведенныхъ словъ служатъ слѣдующія цифры о движеніи дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ обѣихъ столицъ. Съ 17-го мая по 17-е ноября у 28 мировыхъ судей С.-Петербурга производилось 56.114 дѣлъ (18.487 уголовныхъ и 37.657 гражданскихъ), то-есть среднихъ числомъ на каждаго мироваго судью приходилось болѣе 2.000 дѣлъ. Къ 17-ти мировымъ судьямъ въ Москвѣ поступило, за тотъ же періодъ времени, 31.688 дѣлъ (уголовныхъ 12.784 и гражданскихъ 18.823) то-есть по 1.800 дѣлъ къ каждому мировому судьѣ. На сколько мировые судьи добросовѣстно исполняли свою обязанность и съ какимъ уваженіемъ относятся къ ихъ приговорамъ сами стороны, объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: изъ 13.178 дѣлъ въ Петербургѣ, по которымъ возможна была апелляція, въ мировой съѣздъ перенесено 1.510 дѣлъ, и изъ нихъ только по 124 мировой съѣздъ отмѣнилъ рѣшеніе мировыхъ судей. Въ Москвѣ изъ 7.081 подлежащихъ апелляціи дѣлъ перенесены въ съѣздъ 978 дѣлъ, а отмѣнены рѣшенія только по 151. Вотъ факты объясняющіе то живое сочувствіе, съ которымъ общество повсюду отозвалось на благотворную реформу и которое выразилось многими матеріальными пожертвованіями.

Важны также свѣдѣнія, сообщаемыя отчетомъ по предмету ускоренія дѣлъ въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ. Несмотря на усиленныя работы по введенію судебныхъ уставовъ, министерство юстиціи не покинуло доживающій свое время старый судебный механизмъ, но посвятило ему усугубленныя заботы, имѣя въ виду, что введенію новаго порядка должна предшествовать старательная очистка и подготовка почвы, долженствующей принять сѣмена новаго, и что съ дѣломъ правосудія связано слишкомъ много интересовъ, не допускающихъ и минутной остановки въ его отправленіи. Министерство юстиціи и въ этомъ отношеніи обнаружило дѣятельность столько же неутомимую, сколько и успѣшную.

Здѣсь на первомъ планѣ является законъ 11-го октября 1865 года, внесшій столь много важныхъ улучшеній въ отживающій порядокъ судопроизводства, улучшеній, которыя обезпечиваютъ возможность будущаго повсемѣстнаго введенія судебныхъ уставовъ, ибо правила 11-го октября и дополнительныя къ нимъ узаконенія, какъ справедливо сказано въ отчетѣ, суть рѣшительный поворотъ прежняго судопроизводства къ лучшему. Результаты достигнутые дѣятельнымъ примѣненіемъ этихъ временныхъ, но вмѣстѣ столь существенныхъ улучшеній, важны во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря упрощенію судопроизводства, сокращеніе сроковъ и числа инстанцій и другимъ мѣрамъ, означеннымъ въ отчетѣ министра юстиціи, количество рѣшенныхъ въ 22 палатахъ въ теченіе $5^1/_2$ мѣсяцевъ 1866 года почти равняется количеству дѣлъ рѣшенныхъ въ теченіе цѣлаго 1865 года, а въ нѣкоторыхъ палатахъ вдвое, втрое, даже вчетверо превосходитъ количество рѣшеній, состоявшихся въ тѣхъ же палатахъ въ предшедшемъ году. И не смотря на столь усиленную дѣятельность и при содержаніи двойнаго комплекта судовъ, общая сумма расходовъ по министерству юстиціи не только не увеличивается, но въ 1867 году, еще предвидится сбереженіе на 574.000 р., которое, какъ сказано въ отчетѣ, „вызвано необ-„ходимостью сокращенія общей смѣтной „суммы по министерству юстиціи."

Отчетъ заключается заявленіемъ, что министерство озабочено точнымъ исполненіемъ Высочайшей воли о введеніи судебнаго преобразованія во всѣхъ частяхъ Имперіи въ теченіе четырехъ лѣтъ, и что на основаніи огромнаго запаса статистическихъ свѣдѣній собранныхъ министерствомъ, уже составленъ общій планъ введенія судебной реформы въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ.

Само собой разумѣется, что при столь обширномъ и многосложномъ дѣлѣ примѣненія на практикѣ теоретическихъ началъ положенныхъ въ основаніе судебныхъ уставовъ возникаетъ много всякого рода вопросовъ. Никто не рѣшится утверждать,

чтобы всѣ безъ исключенія подробности новыхъ судебныхъ учрежденій одинаково соотвѣтствовали идеѣ цѣлаго, и чтобы на практикѣ не встрѣчалось ни сомнѣній, ни затрудненій. Еще менѣе можно утверждать, что наши уголовные и гражданскіе законы не требуютъ пересмотра, дабы придти въ должное соотвѣтствіе съ новыми началами судебнаго дѣла. Но пока полагались только начала новаго порядка, пока самой сущности его могла грозить опасность, было не благовременно противопоставлять хорошему лучшее. Теперь когда новый порядокъ, повидимому, обезпеченъ въ своихъ основаніяхъ, и когда открывается возможность наблюдать дѣйствіе судебнаго механизма во всѣхъ его подробностяхъ, обсужденіе отдѣльныхъ вопросовъ нашей судебной реформы становится и умѣстнымъ, и желательнымъ.

Честь и слава правительственному вѣдомству, которое такъ дѣятельно и вѣрно приводитъ въ исполненіе зиждительную мысль Преобразователя, оберегая ее отъ явнаго и тайнаго недоброжелательства партій неохотно входящихъ въ условія новаго гражданскаго порядка. Исторія не забудетъ ни одного изъ именъ связанныхъ съ этимъ великимъ дѣломъ гражданскаго обновленія Россіи.

№ 70.

Москва, 28-го марта.

Военный вопросъ—вопросъ первостепенной важности для государства, желающаго сохранить свою самостоятельность и значеніе въ средѣ другихъ державъ. Благоденствіе и величіе, честь и слава, настоящее и будущее государства много зависятъ отъ организаціи его военныхъ учрежденій, отъ того въ какой мѣрѣ эти учрежденія стоятъ въ уровень съ требованіями времени.

Въ чемъ же выражаются требованія нашего времени, этого вѣка могущественныхъ изобрѣтеній, вѣка желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ? Оправдываются ли тѣ сужденія, весьма часто встрѣчавшіяся въ печати, которыя новѣйшимъ изобрѣтеніямъ приписывали то достоинство, что они приведутъ къ сокращенію войска,—оправдываются ли тѣ ожиданія, что вѣкъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ облегченія военныхъ тягостей падающихъ на населенія Европы? Нѣтъ; сужденія эти оказываются невѣрными, ожиданія эти обмануты дѣйствительностію. Событія показали, что ошибался и экономистъ, который разчитывалъ на сокращеніе численности вооруженныхъ силъ въ виду удобствъ представляемыхъ желѣзными путями къ ихъ сосредоточенію; они обнаружили, что ошибался и моралистъ, мечтавшій о томъ, что болѣе дѣятельное общеніе народовъ, сближеніе въ ихъ интересахъ, смягчитъ столкновенія между ними, и если не устранитъ войны навсегда, то сдѣлаетъ ее явленіемъ рѣдкимъ. Новѣйшія изобрѣтенія, эти могучіе двигатели цивилизаціи, оказались и могучими орудіями войны. При ихъ посредствѣ явилась возможность сосредоточивать въ краткій срокъ, содержать и направлять массы войскъ съ такими удобствами, какъ никогда доселѣ. 1866 годъ не оставляетъ болѣе сомнѣнія въ направленіи военныхъ преобразованій: впереди другихъ заботъ въ государствахъ Европы стоитъ забота объ устройствѣ вооруженныхъ силъ не только въ смыслѣ улучшенія ихъ качества, но прежде всего въ смыслѣ увеличенія ихъ численности.

Остановимся нѣсколько на этомъ интересномъ явленіи современной исторіи, и приведемъ изъ источниковъ, заслуживающихъ довѣріе, нѣкоторыя числа, могущія обрисовать его наилучшимъ образомъ.

Въ войну 1866 года Пруссія вооружила полмилліона; въ этомъ числѣ было болѣе 350 т. дѣйствующихъ войскъ, до 150 т. запасныхъ, 77 т. ландвера 1-го призыва и 20 т. ландвера 2-го призыва. Всего по спискамъ числилось 557 т.; за вычетомъ 10% на больныхъ, некомплектъ и командировки, наличное число опредѣляется въ 494 т. Изъ этой силы составились четыре арміи и два резервные корпуса, и—обстоятельство заслуживающее особаго вниманія—за границу выступили не только всѣ дѣйствующія войска, но часть запасныхъ баталіоновъ и батарей, и часть ландвера. Гарнизонную службу отправляла другая часть запасныхъ войскъ и ландвера 1-го призыва вмѣстѣ съ ландверомъ 2-го призыва, изъ котораго, кстати сказать, были сформированы 50 баталіоновъ вмѣсто 116, опредѣленныхъ военнымъ устройствомъ Пруссіи.

Война окончилась: Пруссіи подчинилась вся сѣверная Германія. И вотъ прусскіе

государственные люди, эти Par-force-Einiger, принимаютъ немедленно всѣ мѣры къ новому увеличенію численности вооруженныхъ силъ: забота о томъ отпечатлѣвается на самыхъ листахъ мирныхъ трактатовъ, которые они заключаютъ съ нѣмецкими властителями. Новому устройству военныхъ силъ, состоящихъ въ распоряженіи короля Прусскаго, положено начало: средства отдѣльныхъ государствъ сѣверной Германіи вносятся въ прусскую армію. Два кобургскіе баталіона, и одинъ Липпе, 3 баталіона ольденбургскіе, 2 гамбургскіе, 1 любекскій, 1 бременскій, 1 вальдекскій, 1 шварцбургскій, 5 мекленбургскихъ, и 2 ангальтскіе, — вотъ то пестрое и жалкое войско, которое если не помогало, то и не мѣшало Пруссіи въ послѣднюю войну. Къ началу 1867 года картина эта совершенно измѣнилась. Въ новоприобрѣтенныхъ провинціяхъ сформированы, хотя еще не вполнѣ, три корпуса,—существенное дополненіе къ имѣющимся девяти, приводящее число дѣйствующихъ войскъ до цифры превышающей 400 т. Далѣе: мелкіе контингенты такъ-называемыхъ государствъ Сѣверо-Германскаго Союза включены уже въ составъ прусскихъ корпусовъ. Ангальтскій полкъ пѣхоты, пять съ половиной баталіоновъ мекленбургскихъ, баталіонъ зондерсгаузенскій, и остальныя войска тринадцати другихъ владѣній покончили съ своимъ самостоятельнымъ существованіемъ и распредѣлены теперь въ пяти корпусахъ прусской арміи. Наконецъ, на дняхъ телеграфъ сообщилъ намъ извѣстіе, что саксонскій наслѣдный принцъ прибылъ въ Берлинъ съ докладомъ о сформированіи новаго корпуса саксонскаго; принцъ былъ въ мундирѣ сѣверо-германской арміи.

Въ этой арміи, такимъ образомъ, числится теперь дѣйствующихъ войскъ 370 баталіоновъ, 366 эскадроновъ и 215 батарей съ 904 орудіями по мирному и 1.290 орудіями по военному положенію. Сопоставьте эти числа съ 253 баталіонами, 200 эскадронами и 144 батареями съ 864 орудіями дѣйствующихъ войскъ побѣдоносной прусской арміи 1866 года, прибавьте къ тому, что и численность ландвера должна увеличиться, и тогда станетъ очень ясно какимъ воинственнымъ народомъ сдѣлали событія нѣмецкій народъ.

Неудивительно, что ни Франція, ни Австрія не могли остаться равнодушными при видѣ такого преобразованія прусскихъ силъ. Дѣйствующія войска во Франціи доходили въ мирное время до 400.000, въ Австріи до 300.000; въ военное время, при значительныхъ усиліяхъ, числа эти возрастали свыше 600.000, но значительная часть ихъ не могла быть двинута противъ непріятеля. Число орудій во французской артиллеріи теперь почти на 500 менѣе настоящаго состава прусской артиллеріи. Отсюда ясна до очевидности затруднительность положенія Франціи, внушившая Наполеону III мысль о новомъ устройствѣ его арміи.

Но мы не покончили еще съ арміей короля Прусскаго. Вслѣдъ за Пражскимъ миромъ, въ государствахъ южной Германіи замѣчена была особая ревность къ преобразованію ихъ войскъ по прусскому образцу, и притомъ съ существеннымъ увеличеніемъ дѣйствующихъ силъ. Разчитываютъ, что со введеніемъ проектированныхъ мѣръ Бавaрія, Виртембергъ и Баденъ будутъ въ состояніи выставить въ поле до 225.000. Недавно обнаружено, что военная горячка юга причинена настояніями сѣвера, и что вооруженныя силы юга подчинены на случай войны королю Прусскому.

Съ 1852 года Франція вела двѣ европейскія войны; два раза ставила она свои войска на военную ногу. Въ 1854 году численность французской арміи была въ началѣ года 400.000, въ сентябрѣ она возрасла до 680.000; для дѣйствія противъ Россіи въ началѣ войны назначена армія въ 63.000. Въ январѣ 1859 года во французской арміи состояло налицо 398.000; 164.000 отпускныхъ можно было призвать къ оружію въ нѣсколько дней. Такимъ образомъ, за исключеніемъ убыли, къ 31-му декабря, можно было разчитывать на 516.000. Если прибавить къ тому конскриптовъ 1857 и 58 г., то общая численность могла дойдти до 639.000. Какъ же много рѣшено было отдѣлить изъ этой арміи для военныхъ дѣйствій? Въ половинѣ мая французская армія въ Италіи доходила до 120.000 боевыхъ войскъ при 312 орудіяхъ; къ концу войны до 130.000 при 432 орудіяхъ. Эти отношенія между общимъ числомъ войскъ и частями, принимавшими участіе въ борьбѣ, теперь нельзя признать выгодными. Не подлежитъ сомнѣнію, что французская армія будетъ существенно усилена, въ какомъ бы видѣ ни прошелъ новый военный законъ. Въ

Монитеръ, какъ извѣстно, было заявлено, что Франція, для поддержанія своего значенія въ Европѣ, въ случаѣ войны должна имѣть возможность выставить противъ непріятеля 800.000. По проекту коммиссіи, при арміи въ 407.000 должны быть учреждены резервы 1-го и 2-го призывовъ каждый въ 212.000, и подвижная національная гвардія въ 390.000; всего 1.232.000. Подвижная гвардія предназначается для поддержанія порядка внутри страны, для занятія крѣпостей и охраны береговъ, когда дѣйствующая армія съ резервами будетъ двинута на границу.

Въ Австріи послѣ пораженія при Садовой также рѣшительно приступаютъ къ военнымъ реформамъ. Какъ одна изъ причинъ пагубнаго исхода войны 1866 года выставлена военнымъ министромъ недостаточная численность войскъ. 28-го декабря прошлаго года утвержденъ императоромъ новый законъ, которымъ установляются резервы 1 и 2 разрядовъ и всеобщее ополченіе. Въ печати высказано предположеніе, что австрійская дѣйствующая армія съ резервомъ 1-го разряда дойдетъ до 900.000, резервъ 2-го разряда будетъ заключать въ себѣ около 200.000, да войска Военной Границы до 50.000; всего войскъ до 1.150.000. Штаты австрійской пѣхоты уже утверждены 24-го февраля сего года; по этимъ штатамъ насчитывается до 550.000 строевыхъ чиновъ, увеличеніе около 100.000. Ополченіе, въ которое должны войдти всѣ способные носить оружіе въ возрастѣ отъ 18 до 45 лѣтъ, не попавшіе въ ряды арміи, составитъ по соображеніямъ австрійскихъ газетъ 3 милліона. Въ докладѣ барона Іона относительно ополченія выражена мысль, что устройство ополченія во время самой войны не приноситъ пользы, что только заранѣе сформированное ополченіе Тироля служило дѣлу въ критическія минуты борьбы.

Въ той же книжкѣ австрійскаго военнаго журнала, гдѣ напечатаны новые военные законы, помѣщенъ приказъ италіянскаго военнаго министра Куджи, отъ 1-го декабря прошлаго года, которымъ учреждается особая коммиссія для обсужденія преобразованій, настоятельно вызываемыхъ опытомъ послѣдней войны. Соображенія министра, которыми сопровождается означенный приказъ, указываютъ на необходимость увеличенія арміи. Къ началу послѣдней войны она доходила до 400.000 при 480 орудіяхъ.

Вотъ краткій очеркъ того, что сдѣлано и что предполагается по военному вопросу относительно численности войскъ въ Пруссіи, Австріи, Франціи и Италіи. Въ военныхъ учрежденіяхъ, долженствующихъ отвѣчать требованіямъ времени, есть для всѣхъ этихъ государствъ общія черты. Вездѣ стремятся къ усиленію численности войска — устройствомъ резервовъ; вездѣ стремятся къ тому, чтобы возможно бо́льшая часть этого войска могла быть направлена противъ непріятеля, — устройствомъ ландверовъ, ландштурма и подвижной національной гвардіи, всеобщаго ополченія. Это обязываетъ и Россію озаботиться устройствомъ своихъ резервовъ, или лучше сказать, своего ополченія. Въ 1863 г. вопросъ о постоянномъ ополченіи былъ горячо поднятъ въ нашей газетѣ. Мы не можемъ не порадоваться, что этотъ вопросъ снова возбужденъ теперь генераломъ Фадѣевымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, въ статьѣ, о которой мы недавно упоминали, и къ которой еще не разъ доведется намъ возвращаться.

№ 71.

Москва, 29-го марта.

Съ самаго начала Никольсбургскаго мира и съ появленія того философическаго циркуляра, которымъ французское правительство отрекалось отъ мысли о территоріальныхъ исправленіяхъ, такъ неласково принятой графомъ Бисмаркомъ, война между Франціей и Пруссіей казалась дѣломъ неизбѣжнымъ, и не безъ основанія можно было думать, что миролюбія императора Наполеона станетъ лишь на столько времени сколько нужно для введенія новой военной реформы и для изготовленія милліона скорострѣльныхъ ружей; тѣмъ не менѣе была увѣренность, что Европѣ предстоитъ еще годъ отдыха, и что грозное столкновеніе не грянетъ ранѣе 1868 года, то-есть пока длится промышленное празднество, долженствующее привлечь во Францію иностранные капиталы и иностранныхъ зѣвакъ.

Событія, однако, идутъ быстрѣе всякихъ предусмотрѣній. Съ необъяснимою поспѣшностію императоръ Наполеонъ III, зая-

завъ переговоры о пріобрѣтеніи Люксембурга, подалъ сигналъ къ борьбѣ, исходомъ которой должна рѣшиться будущность Европы на многіе годы. Въ тотъ самый день, когда была открыта выставка, сей „Аустерлицъ мира," какъ заранѣе величали ее французскіе журналисты, въ ту самую минуту, когда сотни тысячъ иностранцевъ (и въ числѣ ихъ, увы! не мало и нашихъ соотчичей) спѣшили собрать сколь можно болѣе наличныхъ денегъ, чтобъ повезти ихъ въ Парижъ,—въ то самое время какъ, по сказаніямъ французскихъ газетъ, и король Прусскій, и принцъ Оранскій, и многія другія высокія особы собирались отправиться туда же, дабы присоединиться къ свитѣ тріумфатора мира,—императоръ Наполеонъ рѣшился учинить одинъ изъ самыхъ неожиданныхъ и самыхъ опасныхъ своихъ политическихъ *coups de théatre*. Что толкнуло его къ тому, не легко разсмотрѣть въ нынѣшнемъ *тогу-богу*. Рѣшимость ли это отчаянія, вызванная растущимъ приливомъ внутреннихъ затрудненій? Намѣреніе ли это застигнуть Пруссію въ расплохъ и нанести ударъ съ силой и быстротой перуна небеснаго? Или, наконецъ, это есть желаніе воспользоваться всеобщимъ разладомъ и неясностію?

Но какія бы ни были причины, зловѣщее дѣйствіе на лицо. Императоръ Наполеонъ III, конечно, не ожидалъ чтобы Пруссія спокойно согласилась на сдѣлку, которая отдала бы въ руки Франціи одинъ изъ угловъ Рейнскаго четырехсторонника и легко пожертвовала бы столь недавно пріобрѣтеннымъ ею обаяніемъ, которое такъ необходимо ей для окончательнаго объединенія Германіи. Очевидно также, что императоръ Наполеонъ не разчитывалъ на воображаемую линію Майна для раздѣленія Германіи на два лагеря. Наконецъ, великое герцогство Люксембургское было бы само по себѣ столь малоцѣннымъ территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ, что трудно допустить лукавое толкованіе одной изъ бельгійскихъ газетъ, недавно уподоблявшей императора Наполеона III охотнику, который, ничего не застрѣливъ, покупаетъ первую попавшуюся ему на пути штуку битой дичи, чтобы не съ пустыми руками возвратиться домой. При всей своей покорности, Франція не могла бы почувствовать себя удовлетворенною при такомъ пріобрѣтеніи. Люксембургъ не стоитъ 100 милліоновъ франковъ.

Не худо теперь же оглядѣться вокругъ и сообразить какую роль въ кровавой драмѣ будутъ играть другія державы, слѣдуя своимъ интересамъ и повинуясь требованіямъ своего положенія. Вѣрная своей системѣ, Англія не приметъ участія въ борьбѣ, но судя по тону ея печати, уклоненіе ея имѣетъ знаменательный характеръ. Англія не только не сопротивляется пріобрѣтенію Франціей Люксембурга, но какъ бы даже поощряетъ ее къ этой сдѣлкѣ; она хочетъ казаться простодушною и беззаботною, и быть-можетъ тѣмъ самымъ изобличаетъ затаенную мысль натолкнуть императора Французовъ на опасный для него путь. По всѣмъ признакамъ, Англія будетъ присутствовать при кровопролитіи въ центральной Европѣ съ тѣмъ же равнодушіемъ, съ какимъ она присутствовала при разграбленіи Даніи и избіеніи Критянъ. Можно ожидать, что въ самый разгаръ катастрофы, Англія ускоритъ агонію Наполеоновскаго правленія, вмѣсто того чтобы дать ему спокойно скончаться, какъ желаетъ она дать мусульманскому владычеству въ нынѣшней Турціи. Положеніе Англіи въ виду предстоящаго столкновенія на материкѣ можетъ быть выражено въ двухъ словахъ: нейтралитетъ тайно недоброжелательный относительно Франціи и холодно равнодушный относительно Пруссіи.

Австрія, хотя и выброшенная изъ Германіи, поспѣшила однако заявить, что въ случаѣ столкновенія приметъ ея сторону. Признаемся, упредительность австрійскихъ увѣреній мало свидѣтельствуетъ въ пользу ихъ искренности. Трудно думать, чтобы раны нанесенныя при Садовой и Кениггрецѣ уже совсѣмъ зажили, и чтобы школа несчастія дѣйствительно обратила Вѣнскій кабинетъ къ евангельскому чувству прощенія обидъ. Во главѣ этого кабинета стоитъ личный врагъ г. фонъ-Бисмарка, государственный человѣкъ пламенѣющій помѣряться съ симъ послѣднимъ въ политической ловкости и набравшійся въ Парижѣ вкуса къ политикѣ импровизацій: очень возможно, что въ эту минуту Австрія играетъ въ отношеніи къ Пруссіи ту же роль, какую Англія въ отношеніи къ Франціи, то-есть обнадеживаетъ и поощряетъ свою соперницу къ борьбѣ. Личина будетъ сброшена, когда столкновеніе послѣдуетъ. Вѣнскій кабинетъ постарается воспользоваться его перипетіями, чтобъ ударить во флангъ

Пруссіи, а не то, посреди всеобщаго смятенія, захватить Боснію и Герцеговину. Допуская послѣднее предположеніе, нельзя не вспомнить объ Италіи, интересы которой вовсе не требуютъ чтобъ Австрія усилилась въ Адріатикѣ, и также не находятся на сторонѣ Франціи, слишкомъ тяготѣющей надъ Италіей, недоброжелательной къ ея единству и не пускающей ее въ Капитолій...

Но особенно важно значеніе, которое посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ достается Россіи. На нее всѣ смотрятъ теперь съ напряженнымъ вниманіемъ, изучая всѣ ея движенія и соображая куда она болѣе склонится. Предстоящая Россіи роль ясна, ибо она можетъ быть основана только на интересахъ самой Россіи, которыми нынѣ желаетъ исключительно руководствоваться ея правительство. Эта политика требуетъ, чтобы мы не принимали участія въ борьбѣ ни за Пруссію, ни за Францію, пока интересы Россіи не будутъ затронуты или пока европейское равновѣсіе не покачнется въ ущербъ имъ; а между тѣмъ не худо помнить намъ, что враги послѣ войны становятся нерѣдко тѣснѣйшими союзниками, и принимать свои мѣры. Интересы Россіи также требуютъ, чтобы борьба въ центральной Европѣ имѣла сколь можно тѣснѣйшіе предѣлы, чтобы случайности этой борьбы не коснулись владѣній Россіи или тѣхъ вышеупомянутыхъ провинцій Турціи, въ которыхъ Австрія вздумала бы искать себѣ вознагражденія за свои недавнія утраты. Въ этомъ отношеніи интересы Россіи сближаютъ ее съ Италіей для того чтобъ удерживать Австрію отъ борьбы, которая готова завязаться между Франціей и Пруссіей. Предстоящая Россіи роль обозначается выразительнымъ словомъ римскаго историка: „займемся нашею безопасностію и предоставимъ богамъ заботу отомстить за насъ.“ Но соблюдая мудрую мѣру и слѣдя внимательно за ходомъ борьбы въ центральной Европѣ, Россія не можетъ упустить изъ виду Востокъ и отказаться отъ своей политики столько же національной, сколько и человѣческой, которой слѣдовала она до сихъ поръ на Востокѣ. Скажемъ болѣе: именно въ виду важности нынѣшнихъ обстоятельствъ мы не можемъ оставить христіанскія населенія Востока въ ихъ теперешнемъ положеніи, на всей волѣ турецкаго правительства. Судьбы Россіи связаны съ судьбами Востока, и весьма возможно, что предстоящая теперь въ Европѣ борьба будетъ имѣть своимъ результатомъ освобожденіе нашихъ единовѣрцевъ. Но слова эти вовсе не значатъ, чтобы мы совѣтовали Россіи воспользоваться европейскими смутами, съ цѣлью ускорить паденіе Турціи и удовлетворить своимъ небывалымъ завоевательнымъ замысламъ на Востокѣ. Такого смысла слова наши не имѣютъ. Что бы ни произошло въ Европѣ, Россія не имѣетъ въ виду дѣлать захваты на Востокѣ; ей нужно только вѣрное и дѣйствительное освобожденіе восточныхъ христіанъ, посредствомъ примѣненія того начала самоуправленія, которое давно уже выставила она въ своей программѣ. Россія не можетъ также не желать, чтобы кровопролитіе въ Кандіи прекратилось и чтобъ этотъ островъ былъ возвращенъ Греціи. Для себя же Россія желаетъ только должнаго, то-есть отмѣны тѣхъ постановленій трактата 1856 года, которыми нарушены ея права и оскорблено ея достоинство. Вотъ почему не можемъ мы молчать въ виду упорныхъ отказовъ, которыми Порта встрѣчаетъ совѣты европейскихъ державъ. Не внося новыхъ затрудненій въ нынѣшнее и безъ того столь трудное положеніе Европы, не принимая угрожающей относительно Турціи осанки, ничего не дѣлая чтобъ ускорить паденіе этой имперіи, которая развивается сама собою, Россія не можетъ оставаться безгласною при отказахъ Порты и въ виду назначенія Омеръ-паши въ Критъ „дабы дѣйствовать тамъ съ большею энергіей:“ ей остается объявить съ своей стороны, что она считаетъ этотъ островъ принадлежностію Греціи и пригласить другія союзныя ей государства присоединиться къ ней для спасенія этихъ несчастныхъ кандіотскихъ семействъ, которыя уже болѣе двухъ мѣсяцевъ страдаютъ и гибнутъ, между тѣмъ какъ христіанскія державы не могутъ сойдтись между собою въ программѣ для исполненія самаго простаго человѣческаго долга. Должны ли мы отказываться отъ нашего образа дѣйствій въ виду принесеннаго телеграфомъ извѣстія, что г. Буре, французскій посолъ въ Константинополѣ, отступился отъ коллективнаго требованія державъ, которому, впрочемъ, онъ оказывалъ лишь весьма двусмысленное содѣйствіе?

№ 72.

Москва, 30-го марта.

Вопросъ о вооруженныхъ силахъ — мы возвращаемся къ нему — служитъ въ нѣкоторомъ смыслѣ мѣриломъ отношеній существующихъ между властью и страной, между правительствомъ и народомъ. Тамъ, гдѣ правительство довѣряетъ націи, оно можетъ содержать въ мирное время относительно менѣе войска, а въ военное — выводить противъ внѣшняго врага всѣ вооруженныя, по крайней мѣрѣ регулярныя, силы, которыми оно располагаетъ; напротивъ того, въ странѣ, гдѣ правительство не считаетъ себя прочнымъ и гдѣ есть политическія или другія причины броженія, тамъ въ военное время, еще болѣе чѣмъ въ мирное, нужно войско для охраненія внутренняго порядка. Во Франціи, напримѣръ, говоритъ г. Фадѣевъ, на котораго мы опять ссылаемся, нужна значительная часть всѣхъ ея боевыхъ силъ „чтобы защищать ее отъ Французовъ;“ Ліонъ охраняется цѣлымъ корпусомъ, Парижъ — арміей. Совершенно другое въ Англіи. Тамъ регулярная армія имѣетъ прямымъ и единственнымъ назначеніемъ дѣйствовать, въ случаѣ надобности, противъ внѣшнихъ враговъ; охраненіе же порядка внутри ввѣрено преимущественно земскимъ силамъ.

Въ какомъ положеніи находится съ этой стороны Россія? Имѣются ли въ ней элементы революціонные, противуобщественные? Есть ли въ ней династическій вопросъ, какъ во Франціи, или взаимно раздраженныя другъ противъ друга народности какъ въ Австріи, или наконецъ, ожесточенныя политическія партіи, какъ въ Испаніи? Если вѣрить нѣкоторой петербургской газетѣ, то дѣйствительно Россія находится наканунѣ революціи, и всѣ военныя силы русскаго Государя должны быть направлены противъ русскаго народа. Но въ дѣйствительности ничего этого нѣтъ. Въ прежнія времена, когда слово *воля*, неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно гдѣ отъ времени до времени произнесенное, возбуждало толки и даже безпорядки въ крестьянскихъ населеніяхъ, необходима была военная сила для того чтобъ охранять Россію отъ Русскихъ, но теперь нѣтъ ни малѣйшаго повода затрудняться какими средствами можно на будущее время, въ случаѣ войны, содержать караулы при общественныхъ зданіяхъ, конвоировать арестантскія партіи и т. п. На эти средства указала Москва, когда въ виду дипломатическаго похода на Россію, въ 1863 году, она вызвалась составить внутреннюю стражу изъ своихъ гражданъ. Тогда подобная мѣра была еще ненужна; но можетъ явиться минута, когда въ ней окажется надобность.

Въ самомъ дѣлѣ, окинемъ взоромъ границы Россіи. Тысячеверстное пространство, отъ устьевъ Нѣмана до устьевъ Дуная есть всегда открытая дверь для непріятельскаго вторженія: какая же масса войскъ нужна, чтобъ не дать ему прорваться на какомъ-либо пунктѣ этого необъятнаго пространства, — а подобное вторженіе значительно облегчилось въ послѣднее время, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, искрестившимъ всю среднюю Европу. Но кромѣ того, наши морскіе берега во многихъ мѣстахъ открыты, и наши морскія силы недостаточно сильны, а въ Черномъ морѣ мы и вовсе лишены силъ. Еслибы въ нѣкоторыхъ доступныхъ непріятелю пунктахъ сдѣланы были простыя военныя демонстраціи, онѣ неизбѣжно принудили бы отдѣлить туда особые отряды, къ явному ущербу нашей силы на главномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Нѣтъ страны въ мірѣ, которую было бы труднѣе обезоружить и покорить чѣмъ Россію, за то нѣтъ страны болѣе Россіи открытой ударамъ, болѣе уязвимой чѣмъ она. А при такихъ условіяхъ позволительно ли отдѣлить хоть одного человѣка, безъ крайней необходимости, изъ числа обученныхъ военному дѣлу для того чтобы занимать ихъ содержаніемъ карауловъ у присутственныхъ мѣстъ, у магазиновъ, у тюремъ и т. п.! Эту повинность можетъ совершенно удовлетворительно отправлять земская сила. Задача состоитъ лишь въ томъ какъ сдѣлать что-бы земская сила была въ состояніи оказать возможно бо́льшую дѣйствительную помощь регулярной арміи, какъ организовать ее въ связи съ этою послѣднею и, наконецъ, какъ достигнуть всего этого, не обременяя бюджета и не возлагая на народъ чрезмѣрныхъ повинностей натурой? Въ этомъ отношеніи сдѣлано уже весьма много. „Общее преобразованіе нашихъ военныхъ учрежденій, говоритъ генералъ Фадѣевъ, начавшееся съ 1862 года, справедливо можетъ быть названо *Девятнадцатымъ февраля*

русской арміи." До этого времени предъ наступленіемъ войны формировались новыя части, новыя дивизіи, полки и т. п.; но опытъ показалъ, что подобныя формированія плохо удаются. Какъ цѣлыя арміи, такъ и дробныя ихъ части держатся преданіемъ, духомъ въ нихъ издавна вселившимся, взаимнымъ довѣріемъ начальствующихъ и подчиненныхъ: но ничего подобнаго не можетъ, очевидно, быть въ части, наскоро составленной изъ собранныхъ отовсюду офицеровъ и солдатъ, наскоро и — какъ показалъ тоже опытъ — плохо снабженныхъ оружіемъ и всякими другими предметами. Совершенно иное дѣло расширить кадры существующаго полка. Въ пѣхотѣ особенно, „была бы голова, — хвостъ не мудрено придѣлать." Гдѣ есть старые офицеры и нѣкоторое количество старыхъ солдатъ, тамъ новобранцы скоро проникнутся ихъ духомъ. На этомъ свойствѣ арміи — сжиматься посредствомъ сокращенія, а не уничтоженія частей, и расширяться посредствомъ пополненія кадръ безсрочно-отпускными, — основанъ введенный у насъ порядокъ.

Но какъ бы ни были велики боевыя силы, которыя можемъ мы собрать подъ знамена благодаря ново-устрояемой военной организаціи нашей, ихъ, по мнѣнію генерала Фадѣева, все-таки окажется недостаточно въ случаѣ войны съ обширною европейскою коалиціей, особенно въ настоящее время, при повсемѣстномъ увеличеніи арміи и при превосходствѣ, которое имъ даютъ находящіяся въ ихъ распоряженіи желѣзныя дороги. Онъ полагаетъ что регулярнымъ нашимъ полкамъ будетъ довольно дѣла на главныхъ театрахъ военныхъ дѣйствій именно; прочіе же пункты подверженные нападенію и доступные занятію непріятелемъ, хотя бы и временному, равно какъ занятіе крѣпостей, ближайшихъ къ театру военныхъ дѣйствій и завоеванныхъ непріятельскихъ провинцій, въ случаѣ наступательной войны, онъ желалъ бы возложить на *временныя*, а именно *земскія войска*, вполнѣ или въ соединеніи съ регулярными. Наконецъ, генералъ Фадѣевъ полагаетъ возможнымъ замѣщать людьми не принадлежащими къ регулярнымъ войскамъ всѣ нестроевыя должности въ арміи (фурлейтовъ, лазаретныхъ служителей и т. п.) и даже нѣкоторыя строевыя, — а на всѣ эти обязанности требуется весьма много войска.

Съ объявленіемъ войны приходится формировать не одни войска, болѣе или менѣе подвижныя; надобно въ то же время сотнями тысячъ созывать и обучать рекрутъ, безъ которыхъ армія растаетъ въ одинъ походъ, учетверять матеріяльную часть и пр. Потребность въ офицерахъ не только хорошихъ, а какихъ-нибудь, которымъ можно дать это званіе по какому бы то ни было предлогу, становится въ это время жгучею; вновь формируемыя части, стоившія такихъ трудовъ, внезапно поглощаются нежданными, вдругъ открывающимися потребностями, не удовлетворивъ тѣмъ, для которыхъ онѣ были первоначально назначаемы. Нигдѣ переходъ на военное положеніе такъ не облегченъ какъ въ Пруссіи. Расписавъ напередъ мѣсто каждому человѣку, — офицеру и солдату, — въ своей народной арміи, она безъ малѣйшей суматохи созываетъ одинъ за другимъ свой резервъ и ландверы разныхъ призывовъ, выставляя ихъ стройною массой, не для того чтобы затыкать прорѣхи, когда онѣ уже оказались (что никогда не проходитъ даромъ), а для того чтобы предупреждать потребности. Превосходство прусской организаціи сознано теперь всѣми; всѣми признана невозможность создавать мгновенно полумилліонныя регулярныя резервныя арміи, и всѣ правительства усвоиваютъ систему резервовъ, разумѣется, съ тѣми измѣненіями, какія обусловливаются особенностями страны и народа. Коммиссія, составлявшая проектъ преобразованія французской арміи, постановила резервы двухъ категорій и кромѣ того подвижную національную гвардію. Въ Австріи предполагается тоже образовать резервы двухъ категорій, иррегулярныя войска Военной Границы и наконецъ ополченіе, которое одно, по соображеніямъ австрійскихъ газетъ, должно составить трехмилліонную массу вооруженныхъ людей... Что же будетъ дѣлать Россія? Безъ сомнѣнія, она не остановится на полдорогѣ.

Вотъ мѣры, которыя предлагаетъ генералъ Фадѣевъ, для того чтобы, въ случаѣ надобности, создавать быстро и безъ суматохи надежную вооруженную земскую силу, способную оказать дѣйствительную помощь регулярной арміи, даже отчасти замѣнять ее въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Выключая области, къ которымъ, по особливому ихъ устройству, учрежденіе ополченія не подходитъ (Финляндію, Казачьи

области, Закавказскій край и кочевыя племена, а также Царство Польское), генералъ Фадѣевъ предполагалъ бы раздѣлить Россію на 480 участковъ, соотвѣтственно проектированнымъ имъ 480 дружинамъ ополченія, въ 1.000 человѣкъ каждая, что и составило бы цифру 480.000 человѣкъ земской рати. Въ этомъ пространствѣ Россіи, народонаселеніе котораго можетъ простираться до 64 милліоновъ, онъ желалъ бы предназначить для ополченія три категоріи молодыхъ людей, а именно 20, 21, 22-хъ-лѣтковъ. На 64 милліона жителей можно полагать молодыхъ людей каждой изъ этихъ категорій до 400.000 изъ коихъ въ ополченный контингентъ вписывалось бы 160.000 что и составило бы требуемые для земской рати 480.000 человѣкъ. По этому разчету, отношеніе ополченцевъ къ населенію будетъ 15‰ на 1.000 мужескаго пола душъ, что составляетъ еще весьма сносное напряженіе силъ для народа, поставленнаго въ необходимость вести серіозную войну: въ 1855 году это отношеніе было у насъ какъ 28 : 1.000. Но разница между ополченіемъ 1855 года и тѣмъ, которое проектируетъ г. Фадѣевъ, должна быть въ военномъ отношеніи громадная. Всѣ эти молодые люди, каждый въ продолженіе трехъ лѣтъ должны были бы въ мирное время призываться къ военнымъ занятіямъ въ продолженіе трехъ недѣль, въ своемъ уѣздномъ городѣ (такъ какъ предполагаемые ополченскіе участки заключали бы каждый 133.000 душъ населенія и слѣдовательно соотвѣтствовали бы уѣзду), или же въ двухъ различныхъ пунктахъ, если участокъ слишкомъ обширенъ. Сюда же должны были бы собираться и ополченскіе офицеры, которыхъ слѣдовало бы назначать изъ мѣстныхъ дворянъ, какъ полагаетъ г. Фадѣевъ, — изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ извѣстнаго образованія и ценза, какъ по нашему мнѣнію слѣдовало бы сказать. Тѣ и другіе получали бы, за время нахожденія своего въ сборѣ, жалованье, и этого ежегоднаго трехнедѣльнаго сбора было бы, по мнѣнію г. Фадѣева, достаточно для того, чтобы подъ руководствомъ опытныхъ инструкторовъ, превратить нашихъ крестьянскихъ парней, разумѣется, не въ совершенныхъ солдатъ, но въ людей привыкшихъ къ артельной, гуртовой жизни, къ подчиненности и къ употребленію ружья, котораго, по совершенному съ нимъ незнакомству, нашъ рекрутъ, какъ замѣчаетъ г. Фадѣевъ, боится, хотя и не боится направленныхъ въ него пуль.

№ 73.

Москва, 31-го марта.

Говоря о такъ-называемой партіи, имѣющей своимъ органомъ газету *Вѣсть*, мы спрашивали, почему эта партія, дышащая преобразованіями и перемѣнами, зоветъ себя консервативною? Почему она не либеральная, не прогрессивная?

Въ этомъ замѣчаніи нашемъ *Вѣсть* хочетъ видѣть простодушіе или недобросовѣстность, и повидимому склоняется къ послѣднему члену дилеммы: она находитъ, что мы лживо толкуемъ значеніе консервативныхъ партій, и объясняетъ намъ, что значеніе таковыхъ заключается въ томъ, чтобъ „охранять вѣчныя охранительныя начала.“ Охранять вѣчныя начала! Охранять охранительныя начала! Какое изобиліе охранительности! Эти вѣчныя начала, охранительныя и охраняемыя, суть собственность, семейство, религія, а въ Россіи, сверхъ того, монархія и династія.

Итакъ, намъ доводится теперь узнать, что вѣчныя начала, на которыхъ зиждется весь міръ, суть дѣло партіи. Собственность есть дѣло партіи, семейство — дѣло партіи, религія — дѣло партіи, наконецъ, сверхъ того, спеціально въ Россіи, монархія и династія суть дѣло партіи. И эта партія стоящая на стражѣ собственности, семейства, религіи, и, сверхъ того, монархіи и династіи въ Россіи, есть новосформированная въ Петербургѣ консервативная партія *Вѣсти*. Какой простодушный разчетъ на несообразительность ближнихъ! И такимъ-то образомъ объясняя значеніе свое, какъ партіи консервативной, messieurs de la *Вѣсть* весьма развязно упрекаютъ другихъ въ недобросовѣстности...

Опредѣленіе консервативной партіи, предлагаемое *Вѣстью*, имѣетъ одно несомнѣнное достоинство, — достоинство оригинальности. Оно такъ оригинально, что въ цѣломъ мірѣ не встрѣчаетъ ничего себѣ подобнаго. Мудрые политики, ведущіе *Вѣсть*, то и дѣло ссылаются на Англію. Въ вопросѣ о политическихъ партіяхъ, дѣйствительно, Англія есть страна классическая. Тамъ все распредѣляется между двумя проходящими черезъ весь народъ великими

партіями, консервативною и либеральною, существующими въ продолженіи вѣковъ; и самое правленіе тамъ есть правленіе партій: одна смѣняется у государственнаго кормила другою, и во взаимномъ дѣйствіи партій, въ ихъ борьбѣ и въ ихъ чередованіяхъ заключается все движеніе политической жизни страны. Либеральная партія въ Англіи есть партія по преимуществу правительственная, между тѣмъ какъ консервативная сидитъ большею частію въ оппозиціи: слѣдуетъ ли отсюда заключать, что въ Англіи управляютъ дѣлами враги собственности, семейства, религіи и династіи, и что графъ Дерби стоитъ на стражѣ вѣчныхъ началъ, а графъ Россель штурмуетъ ихъ, и что вся политическая жизнь Англіи заключается въ борьбѣ между людьми благомыслящими и разбойниками?

Консервативная партія есть политическій терминъ, имѣющій твердое значеніе. Вносить въ употребленіе подобныхъ терминовъ неопредѣленность есть злоупотребленіе Брать слово съ опредѣленнымъ значеніемъ и въ то же время подлагать ему значеніе произвольное есть подлогъ недозволительный ни для какой партіи, хотя бы охраняющей вѣчныя охранительныя начала. Консервативная партія, какъ политическій терминъ, означаетъ ту сторону политической жизни, которая въ общемъ движеніи заботится о томъ, чтобы не поколебались основы существующаго порядка, предоставляя противоположной партіи возбуждать вопросы объ измѣненіяхъ и преобразованіяхъ, въ которыхъ заключается весь смыслъ исторіи и въ которыхъ обнаруживается „вѣчный“ законъ человѣческихъ обществъ. Если *Вѣсть* есть партія консервативная, то ей много дѣла и за тѣмъ, чтобъ охранять основы законно-утвержденнаго порядка, а не возбуждать вопросы о дальнѣйшихъ онаго измѣненіяхъ. Но дѣло въ томъ, что кромѣ партій, стоящихъ на одной почвѣ и имѣющихъ въ виду общую пользу, могутъ быть партіи другаго рода, которыя относятся съ ненавистію къ существующему. Партія *Вѣсти*, какъ мы понимаемъ ее, ошибается въ своемъ значеніи и неправильно именуетъ себя. Она хлопочетъ о перемѣнахъ и преобразованіяхъ, но предпочитаетъ называть себя охранительною: въ сущности же она ни то, ни другое. Она есть партія реакціи, понятнаго движенія, точно также враждебная существующему, какъ и всякая революціонная. Партіей *Вѣсти* провозится контрабанда подъ флагомъ охранительныхъ началъ, точно также какъ противуобщественныя ученія вносятся въ незрѣлые умы подъ прикрытіемъ либеральнаго флага. Торжество тайныхъ стремленій партіи *Вѣсти*, неправильно именующей себя консервативною, было бы торжествомъ не какихъ-либо вѣчныхъ или охранительныхъ началъ, а началъ весьма враждебныхъ Россіи,—враждебныхъ ея народу, ея государству, ея цивилизаціи. Еслибъ эта такъ-называемая партія добилась своего, то она дала бы право на существованіе всѣмъ дурнымъ элементамъ... Такъ-называемая партія *Вѣсти* уже и теперь по собственному сознанію, дѣйствуетъ въ солидарности съ антирусскими партіями, и если она выражается не тѣмъ языкомъ, какимъ изъяснялись наши нигилисты, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы то искусственное броженіе умовъ, которое обнаруживалось на поверхности нашей общественной жизни, не условливалось въ извѣстной степени правиломъ: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.“

Возвращаясь къ намъ въ каждомъ своемъ нумерѣ, *Вѣсть* полагаетъ, что мы чувствуемъ себя огорченными и оскорбленными вслѣдствіе того, что она отнесла насъ къ области нигилизма. Смѣемъ увѣрить ея почтенныхъ водителей, что мы ни мало ни огорчены, ни оскорблены этимъ ихъ распоряженіемъ; напротивъ, мы приняли его съ тѣмъ удовольствіемъ, какимъ обыкновенно сопровождается ощущеніе комическаго. Это забавно и отнюдь не огорчительно. Но это было нѣсколько и поучительно, ибо обнаружило сущность сей, такъ-называемой, консервативной партіи, которая въ сочувствіи реформамъ нынѣшняго царствованія, начиная съ освобожденія крѣпостныхъ, видитъ признакъ нигилизма. Если намъ что-либо могло показаться оскорбительнымъ въ сужденіяхъ о насъ *Вѣсти*, то развѣ только то, что она считала возможнымъ затянуть насъ въ солидарность съ собою. Пусть она трактуетъ насъ нигилистами: этому мы посмѣемся; но пусть только она не смѣшиваетъ нашихъ мнѣній со своими стремленіями: это было бы дѣйствительно обидно.

Послѣдній нумеръ *Вѣсти* появился съ двумя передовыми статьями, изъ коихъ одна посвящена новому судоустройству, а другая — полемикѣ съ нами о значеніи дворянства.

Недавно въ этой газетѣ было перепечатано изъ *Московскихъ Вѣдомостей* письмо князя Друцкаго-Соколинскаго о томъ, какъ, въ имѣніи порученномъ его надзору, безнаказанно чинился въ продолженіе двухъ лѣтъ открытый разбой и какъ наконецъ эта долгая исторія завершилась смертоубійствомъ: *Вѣсть* лишь мимоходомъ коснулась этого вопіющаго дѣла, и не сочла нужнымъ посвятить ему особую статью. Почему? Во-первыхъ потому что дѣло происходило не въ Виленской и не въ Волынской губерніи (какой бы гвалтъ подняла она, если-бы нѣчто подобное случилось тамъ!), да еще потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершилось это дѣло, нѣтъ ни мировыхъ судей, ни окружнаго суда, ни публичнаго процесса, ни присяжныхъ, и стало-быть придраться было не къ чему. За то *Вѣсть* не упускаетъ ничего что можетъ быть истолковано въ неблагопріятномъ для новаго судоустройства смыслѣ. Здѣсь каждое лыко ставитъ она въ строку, и теперь удары ея падаютъ на институтъ присяжныхъ. Въ Петербургскомъ окружномъ судѣ присяжные отпустили чиновника Протопопова, который судился за занесеніе руки на своего начальника. Мы не имѣемъ достаточно данныхъ для того чтобъ убѣдиться въ справедливости или несправедливости *вердикта* даннаго по этому дѣлу присяжными. Они признали дѣйствіе подсудимаго припадкомъ умопомѣшательства. Дѣйствіе помѣшаннаго не подлежитъ вмѣненію, это очевидно; но дѣйствительно ли было тутъ умопомѣшательство, объ этомъ могутъ быть различныя мнѣнія. *Вѣсть* негодуетъ на присяжныхъ, зачѣмъ они, признавъ поступокъ Протопопова умопомѣшательствомъ, не приговорили подсудимаго къ врачебному пользованію. Вотъ до чего доходитъ эта партія въ своей враждѣ къ новымъ учрежденіямъ! Какъ будто присяжные могутъ присуждать не только наказаніе, но и способъ лѣченія, въ которомъ подсудимый можетъ нуждаться. Въ своей ревности противъ института присяжныхъ, составляющихъ столь существенную и дорогую часть новаго суда, *Вѣсть* находитъ, что составъ нашихъ присяжныхъ слишкомъ демократиченъ. Она имѣетъ духъ утверждать, что въ другихъ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ имѣется судъ присяжныхъ, именно въ Англіи, списки составляются изъ элементовъ высшаго чѣмъ у насъ разбора, и что у насъ будто бы, напротивъ, въ присяжные берется всякій уличный бродяга. Но цензъ и общественное положеніе нашихъ присяжныхъ не только не ниже, но выше чѣмъ въ Англіи, на которую *Вѣсть* по этому случаю ссылается. Въ качествѣ присяжныхъ, засѣдаютъ въ англійскихъ судахъ люди самые простые и не имѣющіе политическихъ правъ; у насъ же большинство присяжныхъ, напротивъ, состоитъ изъ людей, принадлежащихъ къ высшимъ общественнымъ слоямъ. Безцеремонность, съ которою *Вѣсть* обращается съ своими читателями, доходитъ до того, что въ этой же самой статьѣ, гдѣ она упрекаетъ составъ нашихъ присяжныхъ въ крайнемъ демократизмѣ и этимъ объясняетъ исходъ Протопоповскаго дѣла, она сообщаетъ, что судившіе это дѣло присяжные были большею частію изъ чиновниковъ. Изъ какихъ же элементовъ составлять списки присяжныхъ дабы угодить *Вѣсти*? Не изъ однихъ ли крупныхъ землевладѣльцевъ? Но вѣдь служба присяжныхъ есть повинность, а не право, и повинность эта была бы дѣйствительно невыносимо тяжкою, еслибы нести ее пришлось столь малочисленному классу, какъ господа крупные землевладѣльцы. Не проще ли просто-на-просто покѣрить присяжныхъ, и кстати подчинить суды канцеляріямъ и полицейскимъ управленіямъ, которыя были всевластны при прежнихъ порядкахъ и съ которыми умѣли очень хорошо ладить прежніе обладатели крѣпостнаго права, особенно крупные?

Что касается до значенія дворянства, то *Вѣсть* убѣждается наконецъ, что во взглядахъ своихъ на этотъ предметъ она совершенно расходится съ нами. Она находитъ, что мы проповѣдуемъ ломку существующаго, говоря о несостоятельности особой дворянской организаціи. Но если партія *Вѣсти* не сочувствуетъ намъ въ этомъ отношеніи теперь, то мы и прежде точно также не заслуживали ея сочувствія. Не принадлежа ни къ консервативнымъ, ни къ либеральнымъ партіямъ, мы трактовали вопросы о дворянствѣ и съ консервативныхъ и съ либеральныхъ точекъ зрѣнія: мы трактовали его и въ интересѣ самихъ лицъ дворянскаго сословія и въ общемъ интересѣ государственной пользы и народнаго блага, и съ какой стороны ни подходили мы къ этому вопросу, мы всегда убѣждались въ несостоятельности особой дворянской организаціи, и всего болѣе высказывались противъ особыхъ

юридическихъ состояній, или особыхъ гражданскихъ породъ, которыя занесены къ намъ изъ чужи и отъ которыхъ всѣ другія европейскія страны уже успѣли давно освободиться

Вѣсть смѣется надъ своими читателями, говоря, что сочувствуетъ юридическому равенству народа, и протестуя въ то же время противъ сліянія сословій, противъ упраздненія сословной организаціи. Сословная организація и есть то, что называется юридическимъ неравенствомъ. Потомственныя сословія суть не что иное какъ особыя, неравныя между собою, юридическія состоянія. *Вѣсть* отличаетъ юридическое (гражданское) равенство отъ политическаго: первое будто бы она допускаетъ, а протестуетъ только противъ послѣдняго. Что же въ сущности? Въ сущности она подъ консервативнымъ флагомъ провозитъ контрабандный товаръ. Распространяясь о политическихъ правахъ, партія *Вѣсти* протестуетъ противъ обобщенія тѣхъ элементарныхъ правъ, которыми опредѣляется полнота личной свободы въ гражданскомъ обществѣ и которыя у насъ остаются еще исключительною принадлежностью одного состоянія, между тѣмъ какъ во всѣхъ прочихъ цивилизованныхъ странахъ они давно уже стали общимъ достояніемъ.

Водители *Вѣсти* изъявляютъ сочувствіе юридическому равенству: хорошо, — какъ же они протестуютъ напримѣръ противъ переложенія натуральной повинности на денежную? Юридическое равенство есть вмѣстѣ и финансовое. Или они думаютъ, что дѣло юридическаго равенства у насъ совсѣмъ окончено, и что въ этомъ отношеніи ничего не остается дѣлать? Что лица всѣхъ другихъ сословій должны всегда пребывать въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ своимъ обществамъ, и что подушная подать нигдѣ не существующая, должна на вѣки оставаться типомъ русской финансовой системы?

Ссылаясь на Англію, эти господа должны были бы повѣрнѣе ознакомиться съ бытомъ этой страны. Именно въ этой-то странѣ политическихъ градацій нѣтъ и слѣдовъ чего-либо похожаго на особыя юридическія состоянія или потомственныя сословія, между тѣмъ какъ въ нравахъ демократической и революціонной Франціи еще живутъ преданія дворянства, а ея финансовая система сильно грѣшитъ противъ равенства. Идеалъ, который носится предъ мысленными взорами водителей *Вѣсти*, есть не иное что какъ польская шляхта, которая была народомъ въ народѣ, государствомъ въ государствѣ, и которая заѣла народъ и погубила государство.

Вѣсть почему-то особенно восторгается тѣми мнѣніями, которыя мы высказывали въ 1863 году, но эти же самыя мнѣнія высказываемъ мы и теперь. Вотъ что писали мы въ 1863 году, разсматривая вопросъ о дворянствѣ съ самой консервативной точки зрѣнія, когда рѣчь шла о земскихъ учрежденіяхъ.

„Что такое дворянство? Если взять дворянство какъ политическое сословіе, то есть если взять ту часть дворянства, которая имѣетъ право участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ, то это не что иное какъ соединеніе людей, которые отличаются отъ своихъ согражданъ родовыми преданіями, извѣстною мѣрою землевладѣнія и образованія, наконецъ привычкой управлять, пріобрѣтенною на государственной службѣ. Всѣ эти черты дѣлаютъ людей принадлежащихъ къ дворянству особенно полезными членами политическаго общества; но въ общемъ гражданскомъ быту этотъ классъ людей сливается съ дворянствомъ какъ однимъ изъ узаконенныхъ состояній, пользующимся опредѣленными преимуществами.... Это выдѣляетъ дворянъ изъ среды прочихъ земскихъ сословій и образуетъ изъ дворянъ особую группу, имѣющую свои отдѣльные интересы и потому неспособную дѣйствовать именемъ земства и въ интересахъ земства.... Думаютъ дѣйствовать консервативно, сохраняя за дворянствомъ сословную организацію. Но развѣ стоитъ сохранять форму, не сохраняя содержанія? Развѣ самому дворянству пріятно сдѣлаться призракомъ? Не лучше ли позаботиться о сохраненіи сущности дѣла, не вѣрнѣе ли позаботиться о томъ, чтобы дворяне, освободившись отъ сословной замкнутости, могли остаться съ пользой для земства на томъ мѣстѣ гдѣ поставила ихъ исторія? Исторія поставила этихъ людей во главѣ русскаго общества; много перенесъ Русскій народъ, много лишеній претерпѣлъ онъ, чтобы въ средѣ его образовался классъ людей обезпеченныхъ въ своемъ положеніи и способныхъ заниматься не только своими частными, но и общественными дѣлами.... Но съ другой стороны Россія очевидно не можетъ пользоватъ-

ся этимъ классомъ какъ слѣдуетъ, и законодательство никакъ не можетъ предоставить ему всѣ тѣ дѣла, которыми управлять онъ способенъ, если сохранится за нимъ характеръ организованнаго сословія. Было бы вопіющею несправедливостію отдать дѣла земства въ руки одного сословія. Эта организація была умѣстная, когда дворяне представляли, собою двадцать милліоновъ людей совершенно безгласныхъ. Теперь эти безгласные люди получили голосъ, который долженъ быть слышенъ наряду съ голосомъ дворянства, и потому теперь необходимо измѣнить прежнюю сословную организацію дворянъ-землевладѣльцевъ. Эта организація оказывается не соотвѣтствующею новому порядку вещей, и вся сила преобразованія должна быть направлена сюда."

№ 74.

Москва, 1-го апрѣля.

А.

Въ сегодняшнемъ № нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* перепечатанъ изъ петербургскихъ газетъ отчетъ о засѣданіи Петербургскаго окружнаго суда по дѣлу о чиновникѣ Протопоповѣ, которое возбудило въ разныхъ сферахъ такъ много толковъ. Печатая этотъ отчетъ, мы старались вникнуть во всѣ подробности процесса, чтобы вѣрно оцѣнить степень основательности приговора присяжныхъ. Задача суда въ дѣлѣ обнаруженія и каранія преступника бываетъ двоякая: по имѣющимся фактамъ и доказательствамъ указать виновника даннаго преступнаго дѣянія, и потомъ, когда преступникъ изобличенъ, опредѣлить на сколько его дѣяніе можетъ быть вмѣнено ему въ вину. Въ весьма рѣдкихъ случаяхъ суду приходится устремлять свои силы къ разрѣшенію обоихъ этихъ вопросовъ по одному и тому же дѣлу. Въ большинствѣ случаевъ стоитъ только найдти совершившаго дѣяніе, чтобы безошибочно признать его виновность; вопросъ о вмѣняемости по большей части не представляетъ никакихъ затрудненій, ибо самый составъ преступленія носитъ на себѣ несомнѣнные признаки преступности виновнаго. Нѣкоторыя категоріи преступленій, какъ напримѣръ воровство и мошенничество, даже немыслимы безъ злаго умысла. Суду приходится въ этихъ случаяхъ опредѣлить лишь степень преступной воли. Но бываютъ случаи, когда недостаточно бываетъ опредѣлить составъ преступленія и найдти лицо, его совершившее; ибо подлежитъ сомнѣнію вопросъ о томъ, существуетъ ли прямая связь между фактомъ преступленія и волею лица, которая одна подлежитъ взысканію.

Понятно, что эти двѣ различныя задачи суда,—съ одной стороны обнаруженіе матеріяльнаго состава преступленія, а съ другой психическая оцѣнка преступной воли подсудимаго,—глубоко разнятся между собой и по цѣли и по пріемамъ; понятно также, что вторая задача несравненно труднѣе и сложнѣе первой. Когда представляется необходимость разрѣшить этотъ вопросъ о вмѣняемости, когда возникаетъ сомнѣніе въ томъ, можетъ ли данное дѣйствіе быть вмѣнено въ вину извѣстному лицу, сомнѣніе это должно быть устранено совершенно, прежде чѣмъ можетъ быть рѣчь о законной карѣ. Есть цѣлая наука, судебная психіатрія, посвященная разработкѣ сложныхъ вопросовъ объ участіи воли въ преступленіи. Одинъ изъ такихъ вопросовъ подлежалъ разрѣшенію суда и присяжныхъ въ дѣлѣ Протопопова. Законъ караетъ не только прямое и сознательное участіе воли въ преступномъ дѣяніи, но и отрицательную вину, имѣющую мѣсто въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ не съумѣлъ или не хотѣлъ побороть зародившуюся въ немъ преступную мысль порочнаго влеченія, и только тогда преступное дѣяніе не вмѣняется въ вину и не влечетъ за собою наказанія, когда доказано, что между фактомъ и волей не было ни прямой, ни косвенной связи. Идея правосудія въ подобныхъ случаяхъ не требуетъ возмездія. Fati infelicitas excusat. Фактъ преступленія въ Протопоповскомъ дѣлѣ есть тотъ, что Протопоповъ занесъ руку на своего непосредственнаго начальника. По вопросу о вмѣняемости, то-есть о томъ на сколько воля подсудимаго участвовала въ этомъ поступкѣ его, который никѣмъ не оспаривается, возможно было троякое разрѣшеніе: или Протопоповъ вполнѣ сознавалъ все значеніе своего поступка и воля его была вполнѣ свободна, или же онъ въ минуту преступленія не владѣлъ собою и отдался слѣпой вспышкѣ, но имѣлъ возможность предвидѣть эту вспышку, ибо поводы къ раздраженію были дав-

но, и онъ чувствовалъ, что они могутъ разразиться въ бѣшеный порывъ, но ничего не сдѣлалъ, чтобы подавить въ себѣ постепенно возраставшее страстное настроеніе. Внѣ этой двоякой возможности невозможно было никакое вмѣненіе, и оставалось признать, что подсудимый находился, выражаясь словами закона, въ припадкѣ умоизступленія. Теперь спрашивается, на сколько обстоятельства дѣла обнаруженныя на судѣ подтвердили то и другое изъ этихъ предложеній? Чтобы подсудимый дѣйствовалъ съ полнымъ сознаніемъ и обдуманнымъ намѣреніемъ, на это нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Точно также нѣтъ ни одного указанія на то, что онъ имѣлъ какіе-либо разумные поводы питать неудовольствіе противъ лица понесшаго оскорбленіе. На судѣ обнаружено только, что Протопоповъ впалъ въ крайне раздраженное состояніе вслѣдствіе того, что его обошли мѣстомъ, которое ему было обѣщано и на которое онъ полагалъ себя въ правѣ разчитывать вслѣдствіе 23-лѣтней службы, и раздраженіе это достигло крайнихъ предѣловъ, когда онъ узналъ, что директоръ департамента, графъ Сиверсъ, получилъ какое-то анонимное письмо оскорбительное для его, Протопопова, чести. Ему представилось, безъ малѣйшаго повода къ тому, что письмо это писано вице-директоромъ департамента графомъ Коскулемъ. Уже это одно предположеніе указываетъ на ненормальное состояніе умственныхъ способностей Протопопова, ибо кому же какъ не маніаку могла придти въ голову мысль, что вице-директоръ департамента станетъ прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, чтобы повредить—кому же? своему канцелярскому чиновнику,—не говоря ужь о томъ, что ничто не указываетъ на причину столь враждебнаго расположенія, а напротивъ по всему видно, что графъ Коскуль пользовался уваженіемъ своихъ подчиненныхъ, а къ Протопопову былъ даже особенно внимателенъ. Но помимо этого указанія на ненормальное состояніе умственныхъ способностей Протопопова, въ дѣлѣ имѣется цѣлый рядъ ничѣмъ неопровергнутыхъ фактовъ, которые всѣ подтверждаютъ, что онъ былъ жертвой одного изъ тѣхъ несчастныхъ и таинственныхъ разстройствъ ума и души, противъ которыхъ нѣтъ въ уголовныхъ кодексахъ каръ. Мы указываемъ не на заключенія врачей-экспертовъ, изъ которыхъ бо́льшая часть высказывались въ этомъ смыслѣ, а именно на самые факты, которые послужили основаніемъ къ такому заключенію, ибо хотя мнѣніе экспертовъ и требуется въ дѣлахъ подобнаго рода, но присяжные и судъ не могутъ, и не должны, принимать заключенія спеціалистовъ на вѣру, а обязаны провѣрять ихъ на основаніи данныхъ судебнаго слѣдствія. Здѣсь важно указаніе на нѣкоторыхъ членовъ изъ семейства Протопоповыхъ, страдавшихъ разстройствомъ умственныхъ способностей: всѣмъ извѣстно, что душевныя болѣзни, по преимуществу, принадлежатъ къ числу болѣзней наслѣдственныхъ. Затѣмъ всѣ показанія согласны въ томъ, что Протопоповъ за нѣсколько недѣль до совершенія имъ преступленія впалъ въ крайне ненормальное состояніе, близкое къ помѣшательству. Но самымъ важнымъ доказательствомъ того, что преступленіе дѣйствительно совершено въ припадкѣ изступленія, является то состояніе, въ которое впалъ подсудимый тотчасъ послѣ происшествія. Его мучитъ страшная жажда, съ нимъ дѣлаются судороги и рвота, и вслѣдъ затѣмъ онъ погружается въ крѣпкій сонъ. Никто не скажетъ, что подобные болѣзненные симптомы слѣдуютъ за простымъ припадкомъ гнѣва, какъ бы силенъ онъ ни былъ. А между тѣмъ спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ заявляетъ предъ присяжными, что таковы именно признаки припадка умоизступленія. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ для присяжныхъ не было мѣста ни сомнѣніямъ, ни колебаніямъ. Не милость, не состраданіе къ участи подсудимаго сказались въ ихъ приговорѣ, а обязанность присяжнаго, предписывающая отпустить подсудимаго, если есть сомнѣніе въ его виновности, и мы увѣрены, что тѣ, кто порицаютъ приговоръ присяжныхъ, сами не рѣшились бы взять на свою совѣсть обвинительный приговоръ, еслибъ имъ привелось сидѣть на ихъ мѣстѣ.

Неблагопріятное впечатлѣніе произведенное этимъ процессомъ, сколько мы можемъ судить, должно было сложиться подъ вліяніемъ непростительнаго поведенія публики въ залѣ суда. Она довела себя до того, что предсѣдатель принужденъ былъ выгнать ее изъ залы. Это фактъ характеристическій и непріятный, но съ судомъ онъ не имѣетъ ничего общаго, и смѣемъ сказать рѣшительно, что онъ не возможенъ нигдѣ кромѣ Петербурга. Понят-

но, что видя въ поведеніи публики политическій оттѣнокъ, легко было перенести это сужденіе и на присяжныхъ, и приписать ихъ приговору особенные мотивы. Но подобныя заключенія, основанныя на наведеніи, не слѣдуетъ дѣлать безъ критики, а въ настоящемъ случаѣ безпристрастный критическій взглядъ на дѣло показываетъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній для взводимаго на присяжныхъ обвиненія. Имъ приписываются постороннія побужденія, но пусть обвиняющіе ихъ анализируютъ собственные свои мотивы, и намъ кажется, что въ нихъ-то, они и найдутъ постороннюю примѣсь. Пусть они спросятъ себя, показался ли бы имъ приговоръ присяжныхъ въ такой же мѣрѣ какъ теперь предосудительнымъ, еслибы судъ происходилъ надъ начальникомъ, поднявшимъ руку на своего подчиненнаго безъ малѣйшаго повода съ его стороны, и притомъ, еслибъ объ этомъ начальникѣ было извѣстно, что въ его семействѣ есть сумасшедшіе, что предъ преступленіемъ онъ обнаруживалъ явственные признаки душевнаго разстройства, послѣ преступленія заснулъ какъ убитый, и на судѣ показывалъ, что о своемъ преступленіи ничего не помнитъ? Не сказали ли бы тогда теперешніе порицатели присяжныхъ, что честь оскорбленнаго не подверглась ни малѣйшему ущербу, а слѣдовательно не нуждается и въ судебномъ отмщеніи, и что оскорбившій, приговоромъ суда признанный подпадавшимъ умопзступленію, уже тѣмъ самымъ поставленъ въ положеніе, равное для неповрежденнаго тяжкому судебному наказанію?

Б.

Подъ рубрикой „Судебная Хроника," читатели найдутъ сообщенную намъ отъ вице-президента окружнаго суда, г. Арсеньева, оговорку касательно дѣла италіянскаго подданнаго Карла Мора. Печатая эту оговорку, мы обязаны однако заявить, что она только подтверждаетъ точность нашего краткаго отчета объ этомъ засѣданіи суда. Весь вопросъ заключается въ томъ какое выраженіе употребилъ г. Мора: „полиція тутъ ничего не сто́итъ," или „полиція ничего не значитъ." Г. Арсеньевъ подтверждаетъ, что подсудимый, плохо знающій по-русски, именно такъ передалъ на французскомъ языкѣ свое выраженіе, какъ оно значится въ нашемъ отчетѣ. Сущность дѣла врядъ ли измѣняется оттого, какое выраженіе навернулось на языкѣ человѣка плохо знающаго по-русски; суду подлежалъ только смыслъ его словъ и дѣйствій. Сколько можно заключать изъ объясненій товарища предсѣдателя окружнаго суда, онъ полагаетъ, что общественное мнѣніе не можетъ сочувствовать судебному рѣшенію по дѣлу Карла Мора, если проступокъ его состоялъ только въ томъ, что въ своемъ столкновеніи съ полицейскимъ чиновникомъ, который распоряжался въ его лавкѣ, онъ сказалъ: „Полиція тутъ ничего не значитъ." Не думаемъ, чтобы публика перемѣнила свое мнѣніе о рѣшеніи суда, узнавъ что подсудимый, вмѣсто вышесказаннаго выраженія, употребилъ слѣдующее: „полиція тутъ ничего не сто́итъ," которое, очевидно, имѣетъ ту же силу и не вноситъ ничего новаго въ дѣло. Если бы приговоръ суда показался публикѣ несправедливымъ на основаніи первой редакціи словъ подсудимаго, то онъ не покажется ей болѣе справедливымъ, въ виду варіанта, на который товарищъ предсѣдателя обращаетъ ея вниманіе. На публику, несравненно сильнѣе чѣмъ то или другое выраженіе иностранца, должна подѣйствовать, обнаруженная судебнымъ слѣдствіемъ невѣрность въ содержаніи акта, предъявленнаго противною стороною. Судъ долженъ быть правдивъ и нелицепріятенъ: въ этомъ его высшій долгъ, и къ этому прежде всего призванъ онъ Державною Волей, его создавшею.

№ 75.

Москва, 3-го апрѣля.

Надъ историческою страной почіетъ міръ воспоминаній, и они-то, а не очертанія и краски, даютъ ей душу и нравственный обликъ. Ея равнины, ея горы, ея рѣки суть вмѣстѣ съ тѣмъ и урочища жизни, памятники событій, знаменія идей. Исторія какъ бы осуществляетъ народную фантазію, населяя мѣстности своими невидимыми силами, своими геніями добрыми и недобрыми. Торжество и бѣдствіе, миръ и битва, позоръ и слава кладутъ свой выразительный отпечатокъ на мѣстностяхъ исторической страны и заставляютъ природу, слѣпую и безгласную, краснорѣчиво свидѣтельство-

вать о судьбахъ и дѣлахъ человѣческихъ.

Но если есть памятныя мѣстности, то есть и памятныя числа. Если исторія оживляетъ пространства, то она оживляетъ и время. Надъ круговратною смѣной однихъ и тѣхъ же явленій природы, она создаетъ рядъ безконечно новыхъ и безконечно разнообразныхъ временъ, запечатлѣнныхъ каждое своею физіономіей, своимъ значеніемъ. И есть эпохи въ жизни народа особенно творческія, богатыя не только годами, но и днями великихъ воспоминаній.

Кто не согласится, что время, въ которое суждено жить теперь нашему народу, особенно богато такими днями великихъ воспоминаній? Кто не подтвердитъ, что въ эти послѣдніе годы его исторической жизни выдвинулся цѣлый рядъ славныхъ чиселъ, которыя также неизгладимо будутъ жить въ его памяти, какъ неистощимы будутъ для его жизни послѣдствія запечатлѣнныхъ въ нихъ дѣяній. Оборотъ русскаго года никогда такъ обильно не оживлялся столь знаменательными *урочищами*, столь достопамятными числами какъ въ эти послѣдніе годы. Сколько славы и сколько благословеній въ одномъ этомъ числѣ *19-го февраля*! И сколько еще другихъ годовщинъ, изъ которыхъ каждая есть великій праздникъ для народа, такъ долго и такъ терпѣливо ждавшаго своихъ праздниковъ.

И вотъ въ ряду великихъ преобразованій, такъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ и предначинавшихъ новую жизнь для нашего отечества, въ ряду этихъ славныхъ чиселъ, вдругъ навернулся черный день. Это было въ прошломъ году. Памятный день! Дѣло нечестія и безумія готово было совершиться. Одинъ мигъ, и цѣлая страна была бы ринута въ бездну бѣдствій, которую трудно измѣрить. Какимъ позоромъ остался бы въ нашей исторіи этотъ 1866 годъ, какимъ проклятіемъ было бы осквернено это число 4-го апрѣля! Да, памятенъ этотъ день! Ужасомъ и негодованіемъ изъ конца въ конецъ потрясена была Русская земля; но вотъ, вслѣдъ за тѣмъ, народныя ликованія въ городахъ и селахъ, торжественныя молебствія подъ открытымъ небомъ посреди тысячъ колѣнопреклоненнаго народа, всеобщій энтузіазмъ, какому мало примѣровъ въ исторіи, эти неподкупленныя горячія выраженія любви и преданности, которыя въ самомъ дѣлѣ превращали милліоны людей въ одну тѣсную семью.... Черный день превратился въ радостный праздникъ. Никогда зло не обращалось такъ явно и разительно въ орудіе блага.

Завтра годовщина этого дня, завтра 4-е апрѣля. Темное дѣло осталось въ прошедшемъ, и воспоминаніе о немъ не омрачитъ настоящаго. Годовщина 4-го апрѣля есть день Промысла бдящаго надъ Россіей, есть знаменіе Его благословенія почіющаго надъ нынѣшнимъ царствованіемъ, есть благодать народнаго энтузіазма, который никогда не остается безъ благихъ послѣдствій, есть новая связь любви и вѣрности между народомъ и его вѣнценоснымъ Вождемъ.

Будущій историкъ, изучая нынѣшнее время, остановится не на однихъ благотворныхъ замыслахъ, которыми оно ознаменовано и которые выразились рядомъ славныхъ преобразованій; его вниманіе остановится также и на нѣкоторыхъ печальныхъ явленіяхъ, которыя повели къ счастливымъ и блистательнымъ результатамъ. Что хорошее выходитъ хорошимъ, это неудивительно; поразительнѣе добро, къ которому слѣпо ведетъ дурное. Въ этомъ прежде всего усмотритъ будущій историкъ благословеніе Промысла, и это же должно одушевлять живущія поколѣнія новою бодростію въ трудѣ и новою вѣрой въ судьбы нашей страны, въ призваніе нашего народа, въ звѣзду нынѣшняго царствованія. Какія бы трудности ни окружали насъ, какія бы ни приближались событія, какія бы опасности ни грозили намъ, мы должны благоговѣйно чувствовать, что „съ нами Богъ.“ Много совершилось великаго на нашихъ глазахъ, но еще многое впереди, и никогда знаменія къ добру не говорили такъ ясно. Въ виду великаго что̀ вокругъ насъ совершилось, мы должны быть выше мелкихъ случайностей. Грѣхъ унывать и еще грѣшнѣе роптать людямъ живущимъ въ эпоху подобную нашей.

Завтра будетъ въ Петербургѣ открытіе и освященіе часовни, народнымъ усердіемъ сооруженной на мѣстѣ покушенія. Завтра же поднимется на молитву и наша старая Москва.

№ 76.

Москва, 5-го апрѣля.

Можно сказать, что съ тѣхъ поръ какъ возникъ люксембургскій вопросъ, то-есть

въ продолженіе двухъ—трехъ недѣль, Европа подверглась припадкамъ перемежающейся лихорадки. Вѣроятности мира и войны смѣняются день за днемъ. То какой-нибудь изъ солидныхъ французскихъ журналовъ положительно объявляетъ, что Франція не можетъ уступить, что она слишкомъ далеко завязалась въ дѣло и должна пріобрѣсти Люксембургъ во что бы то ни стало; то *Монитеръ* разсыпается въ нѣжностяхъ предъ г. фонъ-Бисмаркомъ и сладенькимъ голоскомъ ставитъ ему на видъ, что съ его стороны не любезно такъ упрямиться съ французскимъ правительствомъ, которое въ послѣднюю войну явило относительно Пруссіи столь трогательное добродушіе. Маршалъ Ніель объявляетъ, что французская армія наготовѣ; телеграфъ извѣщаетъ, что маршалъ Макъ-Магонъ поспѣшно призванъ изъ Алжиріи въ Парижъ, и что маршалъ Форей почти прибылъ въ Шалонскій лагерь. Потомъ, совершенно неожиданно, г. де-Мутье всходитъ на новую трибуну законодательнаго корпуса, и объявляетъ, что его августѣйшій повелитель одушевленъ намѣреніями самыми миролюбивыми и хотя желалъ бы пріобрѣсти Люксембургъ, но не иначе какъ съ согласія жителей этого герцогства и державъ подписавшихъ трактатъ 1839 года. Наконецъ, въ самые послѣдніе дни, этотъ вопросъ вступилъ, повидимому, въ новую фазу. Французское правительство уже не требуетъ болѣе Люксембурга, и кажется, расположено удовлетвориться только выводомъ прусскихъ войскъ изъ Люксембургской крѣпости, хотя между тѣмъ продолжаетъ свои военныя приготовленія съ большою дѣятельностью, о чемъ свидѣтельствуютъ журналы. Этимъ новымъ оборотомъ нисколько однакожь не ослабляется опасное положеніе дѣла. Пруссія не хочетъ допустить и этихъ умаленныхъ притязаній, послѣ того какъ требованія Франціи были такъ шумно оглашены. Самый фактъ вывода прусскихъ войскъ изъ Люксембургской крѣпости не могъ бы имѣть значительнаго вліянія на матеріяльное могущество Пруссіи. Этой державѣ все равно, казалось бы, держать или не держать три или четыре тысячи гарнизона въ маленькой землѣ, о жителяхъ которой г. фонъ-Бисмаркъ недавно еще долженъ былъ сознаться въ Сѣверо-Германскомъ союзномъ сеймѣ, что они вовсе не расположены къ Германіи, и которая можетъ понадобиться только въ случаѣ наступательной войны противъ Франціи. Нельзя полагать, чтобы Пруссія собиралась нападать на Францію, но послѣ всего что случилось, и несмотря на мирныя рѣчи маркиза Мутье, она боится уступить, дабы не повредить высокому мнѣнію, которое имѣютъ о ней въ Германіи, и не уронить своего авторитета въ ней. Національное чувство такъ расходилось теперь въ Германіи, что оно даже напи прибалтійскія провинціи во всеуслышаніе объявляетъ принадлежащими къ Германіи. Какъ же при такихъ обстоятельствахъ г. фонъ-Бисмарку соглашаться на требованія Франціи и выводить гарнизонъ изъ Люксембургской крѣпости, только для *успокоенія* французской публики? Къ тому же надобно признаться, что французское правительство руководится въ своихъ требованіяхъ теоріей очень растяжимою. Сегодня Францію безпокоитъ Люксембургская крѣпость, завтра точно также могутъ встревожить ее крѣпости Майнцкая, Трирская и Кобленцкая.

Увы, звѣзда наполеоновской Франціи меркнетъ и склоняется къ закату. Ея исторія за послѣдніе годы есть рядъ неудачъ и разочарованій. Какъ поразительно замѣтно понизился тонъ ея властителя въ обращеніяхъ къ Европѣ! Гдѣ это таинственное величіе, или эта величавая таинственность, въ которую, казалось, былъ облеченъ властитель Франціи назадъ тому нѣсколько лѣтъ, когда бывало къ новому году или къ открытію законодательной сессіи всѣ ждали, что-то промолвитъ тюльерійское прорицалище, и когда съ такимъ тревожнымъ вниманіемъ всѣ наблюдали какъ взглядывалъ императоръ Французовъ на того или другаго изъ представителей европейскихъ державъ при представленіяхъ дипломатическаго корпуса? Какимъ олимпійскимъ тономъ говорила императорская Франція въ тѣ дни, когда она брала Италію подъ свое покровительство и грозила имперіи Габсбурговъ! А теперь доводится нищенски упрашивать чтобы пощадили ея самолюбіе и не доводили ея до отчаянія.

Невзгода, постигшая Францію, начинается именно съ того времени, когда она вздумала поднять противъ Россіи этотъ несчастный польскій вопросъ, причинившій столько бѣдствія Полякамъ и завлекшій ея политику на ложные пути. Франція хотѣла нанести ударъ державѣ, съ которою была въ союзѣ и чью дружбою должна была бы всего болѣе дорожить въ своихъ соб-

ственныхъ интересахъ, и нанесла ударъ самой себѣ, и способствовала торжеству Россіи. Она хотѣла поднять старую Польшу и сдѣлала только то, что и нынѣшнее призрачное Царство Польское прекращаетъ свое существованіе. Сегодня печатаемъ мы Высочайшій указъ правительствующему сенату, который не только въ Россіи, но и въ мирныхъ сельскихъ населеніяхъ этого несчастнаго края отзовется благотворно, какъ общій политическій принципъ, высказанный съ полною ясностью и энергіей, и какъ спеціальная мѣра высокой важности.

Но для Франціи несравненно важнѣе то что именно въ этомъ польскомъ вопросѣ стерегла ее Немезида, и что съ этихъ поръ изъ одной ошибки падала она въ другую, отъ неудачи переходила къ неудачѣ, отъ униженія къ униженію, и дошла наконецъ до того положенія, въ которомъ видимъ ее теперь. Все что ни затѣвала тюльерійская политика дабы оправиться и подняться на ноги, лишь глубже роняло ее. Напрасно она протестуетъ теперь противъ перемѣнъ совершившихся въ Германіи: перемѣны эти были послѣдствіемъ собственныхъ ея ошибокъ, какъ хорошо было доказано ея собственными политиками въ законодательномъ корпусѣ. Въ прошломъ году, послѣ австро-прусской войны, тюльерійскій сфинксъ, ставшій ручнымъ, учтиво попросилъ себѣ Саръ-Луи у побѣдоносной Пруссіи какъ бы въ награду за поздравленіе, и, получивъ рѣзкій отказъ, замолкъ изъявивъ ей чувства своего почтенія и преданности. Теперь возникла рѣчь о присоединеніи Люксембурга,—снова отказъ, и снова изъявленія миролюбія, и скромное желаніе чтобы для безопасности Франціи это крошечное герцогство было признано нейтральнымъ и чтобы Люксембургская крѣпость была очищена прусскимъ гарнизономъ. Изъ новѣйшихъ заявленій маркиза Мутье явствуетъ, что онъ на всякій случай приготовляетъ себѣ тропинки для непостыднаго по возможности отступленія. Нѣкоторые офиціозные парижскіе журналы поступаютъ еще лучше; они приберегаютъ Французамъ самыя неожиданныя утѣшенія на случай если ихъ національной славѣ будетъ нанесенъ какой-либо ущербъ. Такъ, напримѣръ, недавно одинъ парижскій журналъ въ напыщенныхъ выраженіяхъ возвѣстилъ, что во Францію прибыли „его императорское высочество принцъ Мимбу-„Тагу, братъ и чаемый наслѣдникъ тайку-„на, свѣтскаго японскаго императора, и „его величество Бонни I, король одного „изъ важнѣйшихъ государствъ западной „Африки.“ Сообщивъ множество подробныхъ свѣдѣній объ этихъ знаменитыхъ личностяхъ, извѣстивъ что принцу Мимбу-Тагу не болѣе пятнадцати лѣтъ отъ роду, что онъ малъ ростомъ, имѣетъ, повидимому, весьма серіозный и наблюдательный умъ, что на немъ юбка фіолетоваго цвѣта и чулки съ бѣлыми прошивками, упомянувъ кстати, что его величество король Бонни уже съ 1861 года пересталъ кушать человѣчье мясо, упомянутый журналъ очень величаво прибавляетъ: „мы съ гордостью „указываемъ на эти нравственныя побѣды, „одержанныя вліяніемъ Франціи.“

Нѣтъ сомнѣнія, что прибытіе принца Мимбу-Тагу и короля Бонни случилось очень кстати, дабы замѣнить королей Прусскаго и Португальскаго и принца Вельскаго, которые, повидимому, вовсе не примутъ участія въ праздествахъ великой парижской выставки.

А г. фонъ-Бисмаркъ, между тѣмъ, торжествуетъ. Къ нему пишетъ исполненное дружелюбнѣйшихъ изъявленій письмо король Викторъ-Эммануилъ, котораго императоръ Французовъ считалъ почти своимъ вассаломъ,—и въ то время, когда все повидимому измѣняетъ Франціи, ея соперникъ сумѣлъ устроить дѣла такъ, что въ Москвѣ, которую даже и *Кельнская Газета* не причисляетъ къ Германіи, вотъ именно въ нынѣшній вечеръ дается концертъ въ пользу прусскаго инвалиднаго фонда.

№ 77.

Москва, 8-го апрѣля.

Въ прошломъ мѣсяцѣ появилось, въ видѣ дополненія къ англійской газетѣ *Economist*, обозрѣніе англійскаго судоходства въ разныхъ частяхъ земнаго шара за 1866 годъ. Изъ этого интереснаго обозрѣнія мы усматриваемъ, что за провозъ сырыхъ русскихъ товаровъ, именно зернового хлѣба, изъ морей Азовскаго и Чернаго, была взимаема самая высокая плата, какой не платилось нигдѣ на свѣтѣ въ упомянутомъ году. Фрахтовыя цѣны за пудъ товара въ Англію были: въ Бомбеѣ отъ 24 до 26 копѣекъ; въ Калькуттѣ отъ 24 до 36 копѣекъ, большею частію однако 24 коп.; въ Мадрасѣ 15—30 коп.; на островѣ Цей-

лонѣ 24 — 40 коп. На такой же высотѣ стоялъ фрахтъ изъ Китая. Но фрахтъ за перевозку хлѣба изъ Одессы въ Англію поднялся до невѣроятной высоты, отъ 60—65 шиллинговъ съ тонны, то-есть отъ 35—40 копѣекъ съ пуда, а изъ Азовскаго моря даже до 75—80 шиллинговъ, то-есть отъ 45—50 копѣекъ съ пуда.

Всѣмъ извѣстно, что важнѣйшій отпускъ нашъ, отпускъ хлѣба, смотря по результату урожая и по запросу всемірнаго рынка, долженъ выдерживать непосредственное соперничество съ разными пунктами земли. Матеріальное благосостояніе земледѣльца, воздѣлывающаго свою пашню въ Тамбовской или Подольской губерніи, зависитъ отъ конкурренціи, въ которую можетъ вступить съ нимъ земледѣлецъ въ штатѣ Иллинойсѣ или Висконсинѣ: такъ развиты теперь сообщенія со всѣми пунктами земнаго шара. Прошлый 1866 годъ былъ для насъ особенно выгоденъ; американскій хлѣбъ пошелъ въ значительной части на внутреннія потребности; въ Германіи былъ неурожай, вслѣдствіе майскаго мороза, и къ тому же свирѣпствовала война, разорившая особенно Богемію, гдѣ потребовался венгерскій хлѣбъ, направившійся съ другой стороны и въ Италію. Вотъ почему, несмотря на высокіе фрахты, мы въ прошломъ году хорошо торговали хлѣбомъ. Будетъ ли то же въ нынѣшнемъ году? Виды на урожай въ западной Европѣ неудовлетворительны, и въ Англіи, какъ читателямъ извѣстно изъ нашихъ торговыхъ телеграммъ и корреспонденцій, цѣны на пшеницу, овесъ и ячмень возрастаютъ. Но надобно предвидѣть, что въ нынѣшнемъ году намъ придется выдержать болѣе серіозную конкурренцію, если только не будетъ въ западной Европѣ продолжительной войны. Естественно приходятъ на мысль непомѣрные фрахты, платимые въ нашихъ южныхъ портахъ. Отчего происходитъ это явленіе? Прежде всего представляется тарифъ, ограничивающій нашу торговлю съ иностранными государствами и особенно ограничивающій количество привозимыхъ къ намъ товаровъ. Чѣмъ скромнѣе размѣры нашей международной торговли, тѣмъ меньше приходитъ къ нимъ кораблей и тѣмъ менѣе привыченъ для мореходцевъ путь къ намъ; поэтому когда усиливается нашъ отпускъ, то насъ посѣщаютъ суда незнакомыя съ нашими морями, а такія суда заставляютъ дорого платить себѣ за свой страхъ. Къ тому же какъ эти суда, такъ и значительная часть обычныхъ посѣтителей нашихъ портовъ приходятъ къ намъ съ балластомъ, и принуждены брать на нашемъ хлѣбѣ двойные фрахты. Нашъ отпускъ состоитъ, правда, изъ громоздкихъ товаровъ, какихъ не можетъ быть въ нашемъ привозѣ, и въ этомъ отношеніи наши фрахты всегда будутъ оставаться въ нѣкоторой невыгодѣ, каковъ бы ни былъ нашъ тарифъ, но съ другой стороны не надо упускать изъ виду, что Англія въ бо́льшую часть странъ посылаетъ корабли съ неполнымъ грузомъ, потому что отвсюду получаетъ преимущественно суровье. Стало-быть наши громоздкіе товары не могутъ подлежать главному обвиненію за высоту фрахтовъ. Кто же виноватъ? Кромѣ тарифа, наши внутреннie сельскіе хозяева должны при каждомъ корабельномъ фрахтѣ расплачиваться наличными деньгами и за предразсудки иностранцевъ противъ Россіи и ея учрежденій, предразсудки, которые, можно надѣяться, будутъ ослабѣвать по мѣрѣ того какъ суды и гласность будутъ входить у насъ въ силу. Далѣе, незнаніе иностранцами русскаго языка и внутреннихъ путей сообщенія въ Россіи, нѣкоторыя ненужныя формальности и задержки кораблей, мелкія и крупныя портовыя пошлины, не совсѣмъ удовлетворительныя мѣры, принимаемыя у насъ для оказанія помощи претерпѣвающимъ кораблекрушеніе у нашихъ береговъ, не очень достаточное маячное освѣщеніе и показаніе отмелей и проч. и проч., за все это производитель долженъ расплачиваться звонкою монетой, и притомъ не по абсолютно справедливой оцѣнкѣ, а по той, какую заблагоразсудятъ опредѣлить иностранный мореходецъ и судохозяинъ, а также морскія страховыя общества иностранныхъ государствъ. Надобно всячески желать, чтобы все устранимое изъ этихъ обстоятельствъ было постепенно и энергически устраняемо, но затѣмъ останется еще одна изъ коренныхъ причинъ непомѣрности фрахтовъ,—ихъ зависимость отъ произвола иностранцевъ и отъ тѣхъ неудобствъ, которымъ всегда подвергается иностранецъ въ чужомъ для него портѣ, и которыя неустранимы. Вотъ почему нормальныя фрахтовыя цѣны никакъ не могутъ установиться у насъ, пока у насъ не будетъ своего довольно значительнаго торговаго флота.

На конкурренцію иностранцевъ не должно возлагать преувеличенныя надежды. Справедливо говорятъ, что корабли всѣхъ націй стекаются туда, гдѣ фрахты по соразмѣрности наиболѣе представляютъ выгодъ. Но при ежедневныхъ торговыхъ сношеніяхъ оказывается гораздо болѣе выгоднымъ положеніе той націи, которая не имѣетъ надобности исключительно разчитывать на услуги иностранныхъ мореходцевъ. Каждая изъ иностранныхъ націй имѣетъ свои собственные интересы, которыхъ выпустить изъ виду не захотятъ и не могутъ ея мореходцы. Предположимъ случай, что два сельскіе хозяева или два фабриканта производятъ одинакій товаръ, и что одинъ изъ нихъ имѣетъ собственныхъ лошадей, а другой не имѣетъ. Послѣдній очевидно будетъ вынужденъ нанимать у перваго лошадей каждый разъ, когда ему понадобится отвезти свои произведенія, обработать свое поле, навозить себѣ дровъ и воды, и т. д. Въ этомъ случаѣ послѣдній очевидно не только будетъ во всѣхъ своихъ движеніяхъ вполнѣ зависѣть отъ перваго, но и потерпитъ большой матеріальный ущербъ: ему дадутъ лошадей не прежде какъ въ такое время, когда онѣ не будутъ нужны ихъ владѣльцу, и его заставятъ дорого заплатить за нихъ, такъ какъ владѣлецъ долженъ получить съ нихъ какой-нибудь барышъ сверхъ того что̀ сто́итъ ихъ работа. Это положеніе много не измѣнится, если десять сосѣднихъ сельскихъ хозяевъ будутъ имѣть нужныхъ имъ лошадей, а у одиннадцатаго ихъ не будетъ, ибо всѣ десять будутъ прежде всего имѣть въ виду собственное производство, и своему конкурренту, одиннадцатому производителю, не пособятъ безъ хорошаго съ его стороны вознагражденія. Поэтому нѣтъ нигдѣ такихъ неразумныхъ крупныхъ сельскихъ хозяевъ, которые захотѣли бы поставить свое хозяйство въ совершенную зависимость отъ милости своихъ сосѣдей; каждый изъ нихъ держитъ нужное ему число лошадей и телѣгъ и нанимаетъ ихъ у сосѣдей только въ исключительныхъ случаяхъ. Почти то же самое слѣдуетъ сказать и о повозкахъ государствъ и народовъ, о ихъ мореходныхъ судахъ. Оттого, что сельскій хозяинъ, производящій вывозимые продукты, не есть одно лицо съ тѣмъ, кто продаетъ ихъ въ чужихъ краяхъ, нисколько не измѣняется общій выше изложенный законъ. Изъ числа большихъ образованныхъ государствъ (маленькія государства, напримѣръ Бельгія, могутъ обойдтись и безъ собственнаго флота, какъ самые мелкіе сельскіе хозяева безъ лошадей), въ настоящее время только Россія остается неблагоразумнымъ хозяиномъ, ищущимъ себѣ пособія отъ сосѣдей. Можно себѣ представить какъ при этомъ разстраиваются ея финансовые источники, и какъ она чѣмъ болѣе развивается внутри, то есть чѣмъ болѣе производитъ отпускныхъ товаровъ, тѣмъ болѣе впадаетъ въ зависимость отъ иностранцевъ. Расходы на фрахтъ ложатся на производителя, не на купца. По этому сельскіе хозяева внутренней Россіи преимущественно заинтересованы въ томъ чтобы современемъ завелся русскій торговый флотъ. Бѣдный сельскій хозяинъ Пензенской или Харьковской губерній несетъ огромные расходы за перевозку своего хлѣба въ Петербургъ или Таганрогъ, и грустно видѣть, что доходъ его, и безъ того скудный, еще значительно сокращается вслѣдствіе высокихъ фрахтовыхъ цѣнъ, потому что и наши петербургскіе фрахты обыкновенно слишкомъ высоки, хотя въ Балтійскомъ морѣ это зло нѣсколько ослабляется удобствами моря, бо́льшимъ привозомъ и конкурренціей многихъ сосѣдственныхъ иностранныхъ флотовъ.

Жители внутреннихъ странъ Америки и Германіи давно уже понимаютъ, что ихъ собственные интересы охраняются національнымъ торговымъ флагомъ; и у насъ сознаніе этой истины должно распространиться прежде чѣмъ будетъ возможно отвратить зло, проистекающее отъ недостатка торговаго флота. Вѣрное пониманіе вопросовъ государственной важности есть драгоцѣнный умственный капиталъ, почти болѣе нужный народамъ чѣмъ капиталъ матеріальный. Нельзя пожаловаться, чтобы Россія скупилась на средства для достиженія важныхъ государственныхъ цѣлей, но конечно это относится къ *тѣмъ* только цѣлямъ, которыя уже всѣми признаны. Прошло много времени прежде чѣмъ необходимость желѣзныхъ дорогъ вошла въ общее сознаніе, а когда эту необходимость всѣ сознали, то прошли опять многіе годы, пока было пріобрѣтено вѣрное понятіе о томъ какъ добыть средства для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, какъ взяться за ихъ постройку, и какъ вести ихъ эксплуатацію. То же самое будетъ и въ вопросѣ о нашемъ торговомъ флотѣ, ко-

торый послужитъ какъ бы продолженіемъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ заморскія государства. Но этотъ медленный ходъ развитія общеполезныхъ идей ставитъ насъ въ положеніе весьма невыгодное относительно другихъ государствъ, которыя пользуются всѣми преимуществами своего положенія и своихъ свѣдѣній. Уже теперь, когда внутри Россіи такъ еще мало готовыхъ желѣзныхъ дорогъ, и слѣдовательно отпускъ еще не могъ значительно развиться, мы платимъ разнымъ иностраннымъ кораблямъ ежегодно около 30 милліоновъ фрахта за отпускаемые изъ Россіи и привозимые въ нее товары. Еслибъ у насъ было столько собственныхъ судовъ, чтобы мы могли высылать на нихъ хоть одну треть или одну четверть нашихъ произведеній, то для людей свѣдущихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что фрахтъ понизился бы по крайней мѣрѣ на 10 или 20 процентовъ. Но при торговой самостоятельности, какою мы могли бы пользоваться имѣя свой національный торговый флотъ, наши сельскіе хозяева получили бы вознагражденіе, еще болѣе соотвѣтственное ихъ тяжкимъ трудамъ въ странѣ, гдѣ климатъ такъ суровъ. Въ Англіи, напримѣръ, въ концѣ прошлаго года, платилось около 60 шиллинговъ, а по днямъ и болѣе, за квартеръ пшеницы; при тогдашнемъ курсѣ отъ 30—32 пенсовъ это составляетъ не менѣе 16—17 рублей серебромъ за четверть пшеницы. Наши сельскіе хозяева внутренней Россіи могутъ удивиться незначительной долѣ того что они получили изъ этой суммы. Остальная, гораздо болѣе значительная часть суммы, которую Англія заплатила въ этотъ разъ за нашу пшеницу, пошла на сухопутный и морской провозъ, и сверхъ того составила часть оброка иностраннымъ купцамъ, платимаго нами вслѣдствіе несамостоятельности нашей заморской торговли. Это послѣднее неудобство проистекаетъ главнѣйшимъ образомъ также отъ того, что мы не имѣемъ національнаго торговаго флота. Недостатокъ его вредитъ всей нашей сельской и фабричной промышленности въ мѣрѣ гораздо большей, нежели мы обыкновенно воображаемъ. Для того чтобы промышленность жила, развивалась, совершенствовалась, она должна состоять въ частыхъ сношеніяхъ съ иностранными пріемами и требованіями, а нужно ли говорить на сколько эти сношенія оживляются при активной торговлѣ? Самыми лучшими посредниками сношеній служатъ моряки каждаго народа, посѣщающіе важнѣйшіе торговые города всего міра. Они подобятся посольствамъ отъ всей массы народа къ другимъ народамъ. Это свойство моряковъ во всѣ времена дѣлало ихъ распространителями культуры и торговаго, также какъ промышленнаго, прогресса. Мы поддерживаемъ нашу промышленность покровительственными пошлинами, которыя обходятся населенію въ десятки милліоновъ, но болѣе правильнаго и либеральнаго поощренія, посредствомъ торговаго флота, мы ей до сихъ поръ не доставляемъ.

Кто же создастъ у насъ національный торговый флотъ? На этотъ вопросъ есть много хорошихъ отвѣтовъ, но мы дадимъ только одинъ: устройству торговаго флота должны содѣйствовать всѣ тѣ, кто въ настоящее время отъ неимѣнія его терпитъ ущербъ. Очевидно, что въ существованіи національнаго торговаго флота заинтересованы всѣ классы общества, все государство.

№ 78.

Москва, 7-го апрѣля.

Г. Ширренъ, нѣмецкій профессоръ русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, находящійся теперь въ Москвѣ, прислалъ намъ на дняхъ возраженіе на нѣкоторыя изъ замѣчаній высказанныхъ въ №№ 46 и 66 нашей газеты объ училищахъ балтійскихъ губерній. Г. Ширрену пожелалось сказать нашимъ читателямъ, что мы позволили себѣ самое колоссальное изъ преувеличеній, когда-либо дѣлавшихся въ печати, и выставили данную, которая болѣе чѣмъ въ сорокъ разъ превышаетъ дѣйствительность, изъ внушеннаго политическими стремленіями желанія доказать то, что доказано быть не можетъ. Газеты балтійскихъ губерній очень часто обвиняютъ насъ предъ своими читателями въ недостаткѣ безпристрастія. Въ томъ же, помнится, упрекала насъ и газета *Dorpater Tagesblatt*, главнымъ участникомъ которой былъ, если не ошибаемся, г. Ширренъ. Теперешняя присылка служитъ намъ удовлетвореніемъ въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ о его увѣренности въ нашемъ безпристрастіи и при томъ въ безпристрастіи преувеличенномъ. Зная приличія, обычаи и законы печати, только

при этой увѣренности могъ онъ ожидать, что его возраженіе найдетъ гостепріимство въ нашей газетѣ. Къ сожалѣнію мы далеко не увѣрены, что этотъ „образецъ преувеличенія“ въ безпристрастіи съ нашей стороны хотя сколько-нибудь воздержитъ газеты балтійскихъ губерній отъ той недобросовѣстности, съ которою онѣ ведутъ полемику противъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Какъ мы не благодаримъ г. Ширрена за высокое мнѣніе, которое онъ имѣетъ о нашемъ безпристрастіи, и какъ бы мы ни желали оказать его присылкѣ гостепріимство, которое всегда находятъ въ нашей газетѣ фактическія возраженія на то что въ ней напечатано, мы принуждены сдѣлать оговорку. Намъ кажется, что по всѣмъ вопросамъ общаго интереса доставляемое въ газету возраженіе должно быть подкрѣплено чѣмъ-нибудь другимъ кромѣ подписи возражателя, и что слѣдовательно г. Ширренъ былъ обязанъ указать источникъ приводимыхъ имъ цифръ. Онъ предпочелъ вызвать насъ на указаніе нашего источника, не связывая себя ничѣмъ и предоставляя себѣ свободу дѣйствовать смотря по тому, что будетъ сказано нами. Эта литературная странность объясняется въ нашихъ глазахъ дурными привычками прибалтійскихъ литераторовъ. Но г. Ширренъ, какъ дошло до нашего свѣдѣнія, командированъ въ Москву по дѣламъ службы, и изъ этого мы заключили, что его показанія должны идти отъ дерптскаго учебнаго округа. Лишь послѣ этой оговорки можемъ мы сообщить г. Ширрену, что наши цифры не выдуманы нами, а взяты изъ изданій министерства народнаго просвѣщенія, именно: цифра касающаяся Вятской губерніи изъ *Памятной Книжки* этого министерства на 1865 годъ, а цифры касающіяся балтійскихъ губерній изъ брошюры: *Объ учебныхъ заведеніяхъ прибалтійскаго края*, напечатанной по распоряженію министерства народнаго просвѣщенія въ январѣ 1866 года. Дальнѣйшей отвѣтственности за эти цифры мы нести не можемъ, и будемъ очень рады, если этотъ случай подастъ г. Ширрену, какъ представителю дерптскаго учебнаго округа, поводъ къ исправленію официальной статистики того министерства, по которому онъ служитъ. Частное изданіе, какъ наша газета, средствъ къ тому не имѣетъ.

Итакъ, догадки о политическихъ стремленіяхъ, будто бы помрачающихъ нашу способность къ статистическому счисленію, исчезаютъ. Мы считали на основаніи цифръ, въ вѣрности которыхъ не было повода сомнѣваться. Эти цифры были слѣдующія: Въ прибалтійскихъ губерніяхъ отпускается на нѣмецкія гимназіи 100.000, на нѣмецкія уѣздныя училища 35.000, на университетъ, тоже нѣмецкій, 210.000, итого 345.000 р. Такъ какъ невозможно предполагать, что эти издержки дѣлаются русскимъ государственнымъ казначействомъ въ видахъ онѣмеченія нѣмецкихъ населеній, то необходимость велитъ признать весь этотъ расходъ спеціальнымъ расходомъ на образованіе тѣхъ жителей края, которые по происхожденію Нѣмцы. Таковыхъ оказывается въ прибалтійскихъ губерніяхъ, круглымъ числомъ, 150.000. Слѣдовательно, на образованіе каждаго изъ нихъ расходуется $^{345}/_{150}$ р. или 2 р. 30 к. Если же не принимать въ разчетъ университета, то на каждаго изъ Балтиковъ нѣмецкаго происхожденія придется $^{135}/_{150}$ или 90 к. Съ другой стороны, мы имѣемъ, напримѣръ, Вятскую губернію съ населеніемъ въ 2.200.000 жителей и школами русскими, а потому предоставленными всѣмъ жителямъ, стоящими 37.000 въ годъ. Тамъ стало-быть на каждаго жителя приходится $^{37}/_{2200}$ р. или 1,68 к. Эти выводы безупречны.

Теперь положимъ, что цифры г. Ширрена вѣрнѣе тѣхъ, которыми мы пользовались какъ официальными. Они могутъ быть вѣрнѣе, конечно, только по отношенію къ Дерптскому учебному округу. Для Вятки онѣ очевидно ошибочны: хотя добраться до источника ошибки намъ не легко, если только г. Ширренъ, говоря о Вятской губерніи, не находитъ удобнымъ брать въ основаніе новый штатъ, съ нѣсколько увеличеннымъ противъ прежнихъ содержаніемъ, между тѣмъ какъ приводимыя имъ цифры Дерптскаго учебнаго округа основаны на прежнихъ штатахъ. Если брать для Вятской губерніи увеличенные штаты, то надобно взять также увеличенные штаты и для прибалтійскихъ губерній. Г. Ширренъ, можетъ-быть, уполномоченъ говорить за балтійскія губерніи, но мы не видимъ, почему былъ бы онъ въ правѣ голословно перемѣнять официальныя цифры по Вятской: эта губернія должна считаться не съ 42.000 р., какъ у него, а съ 37.000 какъ у насъ и въ *Памятной Книжкѣ*. Затѣмъ онъ принужденъ будетъ согласиться и на то, что нѣмецкія школы балтійскихъ гу-

берній не могутъ содержаться государствомъ завѣдомо въ смыслѣ орудій германизаціи, и слѣдовательно предназначаются исключительно для лицъ нѣмецкаго происхожденія. Таковыхъ, какъ указано выше, насчитывается въ балтійскихъ губерніяхъ не болѣе 150.000. На каждаго изъ нихъ приходится, если принимать бюджетъ г. Ширрена, по $^{103}/_{150}$ р. или по $68^{2}/_{3}$ к., тогда какъ въ Вятской губерніи приходится на каждаго жителя по $1^{2}/_{3}$ коп. Что же? развѣ такой расходъ равномѣренъ? Развѣ менѣе вѣрнымъ становится наше положеніе, что элементарная справедливость побуждаетъ склонять устройство училищъ въ балтійскихъ губерніяхъ къ тому, чтобъ они были годны для всего прибалтійскаго населенія, то-есть, чтобъ Эсты и Латыши имѣли возможность учиться въ нихъ не онѣмечиваясь?

Вотъ прямой смыслъ нашего вывода, и мы полагаемъ, что его нельзя поколебать никакими счисленіями. Г. Ширренъ старается, правда, ослабить его слѣдующимъ софизмомъ. Онъ говоритъ, что гимназіи и уѣздныя училища суть среднія учебныя заведенія (хотя уѣздныя училища относятся у насъ официально къ низшимъ), а среднія учебныя заведенія назначаются для некрестьянъ (хотя законъ не воспрещаетъ крестьянскимъ дѣтямъ учиться въ нихъ, и число крестьянскихъ дѣтей обучающихся въ гимназіяхъ и особенно въ уѣздныхъ училищахъ, съ каждымъ годомъ возрастаетъ во всей Россіи, не исключая и прибалтійскихъ губерній). Стало-быть, заключаетъ онъ, надобно брать въ разчетъ только некрестьянское населеніе двухъ мѣстностей, и тогда окажется, что въ остзейскихъ провинціяхъ выходитъ по $40^{1}/_{2}$ к., а въ Вятской губерніи по $28^{1}/_{2}$ к. на человѣка для устройства среднихъ учебныхъ заведеній. Натянутость этого заключенія такъ очевидна, что не стоитъ на немъ останавливаться. Чтобъ оно было вѣрно, для этого нужны три условія. Первое, чтобы крестьянамъ было запрещено учиться въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Второе, чтобъ упоминаемые г. Ширреномъ не-крестьяне Вятской губерніи превратились въ какихъ-нибудь иностранцевъ и чтобы въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ той губерніи было введено преподаваніе на языкѣ этихъ иностранцевъ. Третье, чтобы всѣ не-крестьяне прибалтійскаго края, которые родомъ Эсты, Латыши или Евреи, наконецъ Русскіе въ *тѣснѣйшемъ* значеніи этого слова, превратились въ Нѣмцевъ.

Показанный софизмъ не привелъ однакоже г. Ширрена къ доказательству равномѣрности расходовъ на училища въ Балтійскихъ и въ Вятской губерніяхъ. Даже и у г. Ширрена выходитъ, что на школы Балтійской губерніи издерживается $40^{1}/_{5}$ коп. на человѣка, а на школы Вятской губерніи $28^{1}/_{2}$ коп. Чтобъ оправдать эту, послѣ всѣхъ усилій остающуюся неравномѣрность, г. Ширренъ спрашиваетъ: „чувствуетъ ли само собой не-крестьянское сословіе Вятской губерніи настоятельную потребность принять участіе въ расходахъ на школы, подобно тому какъ это находимъ въ остзейскихъ провинціяхъ?“ Что Вятская губернія чувствуетъ потребность въ школахъ это доказывается числомъ учениковъ, которые относительно выше чѣмъ въ балтійскомъ краѣ. Что же касается до участія въ расходахъ, то нельзя сказать, чтобъ его совсѣмъ не было, но ожидать его развитія можно только послѣ возстановленія равномѣрнаго распредѣленія бюджетныхъ пособій. Какъ вездѣ, такъ и въ этомъ, l'appétit vient en mangeant. Къ тому же *не-крестьяне* Вятской губерніи не имѣютъ такихъ политическихъ интересовъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, которые такъ сильно способствовали напримѣръ въ западномъ краѣ умноженію учебныхъ заведеній, какъ средству къ его полонизаціи. Напротивъ, если допускать предпочтеніе однѣхъ мѣстностей предъ другими, то государственная помощь требуется преимущественно тамъ, гдѣ меньше матеріяльныхъ и умственныхъ силъ для улучшенія учебнаго дѣла частными средствами. Въ этомъ отношеніи Вятская губернія поставлена гораздо неблагопріятнѣе чѣмъ прибалтійскій край, а потому и гораздо болѣе ихъ нуждается въ поддержкѣ.

№ 79.

Москва, 8-го апрѣля.

Недавно (въ №№ 46 и 66) мы говорили объ устройствѣ балтійскихъ школъ и о нѣкоторыхъ только главныхъ возраженіяхъ, сдѣланныхъ намъ тамошнею журналистикой. Теперь мы намѣреваемся обсудить и прочія возраженія, соблюдая серіозный тонъ, подобающій дѣлу столь важному.

Вопервыхъ, *Рижская Газета* представляетъ намъ счетъ нѣкоего г. Вилькена, — счетъ, имѣющій цѣлію доказать, будто балтійскія губерніи, на училищное вѣдомство которыхъ выдается гораздо болѣе денегъ отъ казны чѣмъ въ прочихъ губерніяхъ имперіи, — платятъ государству болѣе податей нежели прочія части Россіи. Во всѣхъ балтійскихъ газетахъ этотъ счетъ перепечатанъ. Мы уже говорили, что еслибъ это показаніе было и справедливо, все-таки оно не доказываетъ того что эти газеты, вѣроятно, надѣются доказать. Намъ не извѣстно ни одного государства, которое свой бюджетъ народнаго обученія соразмѣряло бы съ доходомъ, какой получается отъ той или другой провинціи. Но еще труднѣе, основываясь на значительномъ доходѣ отъ цѣлаго края, выводить заключеніе, что нѣмецкое городское населеніе въ балтійскихъ губерніяхъ должно получать изъ школьнаго бюджета такую сумму, какой ни въ одномъ государствѣ цѣлаго міра не отпускается, тогда какъ латышскіе и эстскіе городскіе и сельскіе жители не получаютъ ни копѣйки на душу, — а мы принуждены считать, что они не получаютъ ни копѣйки, пока государство содержитъ въ ихъ краѣ только *нѣмецкія* школы, вмѣсто того чтобы содержать, согласно съ государственнымъ интересомъ, русско-латышскія и русско-эстскія. Но какъ бы то ни было, взглянемъ на цифры, которыми хотятъ доказать, что балтійскія губерніи доставляютъ государству дохода болѣе другихъ губерній. 1.800.000 жителей балтійскихъ губерній — такъ считаетъ г. Вилькенъ — платятъ государству ежегодно 8.500.000 руб. Стóитъ только напомнить читателямъ, чтобъ они вычислили сколько каждый человѣкъ изъ населенія всей Россіи платитъ въ казну, и это исчисленіе тотчасъ покажетъ дѣйствительно ли балтійскія губерніи платятъ болѣе государственныхъ податей чѣмъ прочія губерніи Россіи. Взглянемъ однако на подробности. Главные доходы доставляемые балтійскими губерніями слѣдующіе: Водочный акцизъ около 3 милліоновъ рублей, слѣдовательно менѣе чѣмъ круглымъ числомъ въ большей части прочихъ губерній. Таможенныхъ пошлинъ преимущественно въ Ригѣ, $2^1/_2$ милліона рублей. Причислять этотъ доходъ къ мѣстнымъ странно: онъ вносится внутренними областями, которыя притомъ еще вдвое противъ того платятъ за транспортъ; города, черезъ которые ввозятся заграничные товары и производится заграничный отпускъ, весьма не много вносятъ въ эту статью дохода. Когда домъ Штиглицъ и К° занимался торговлей и провозилъ ежегодно черезъ таможню въ обѣ стороны на 30 милліоновъ руб. товара, то онъ навѣрное платилъ до милліона руб. пошлинъ, но кто же когда утверждалъ, что г. Штиглицъ обложенъ податьми неравномѣрно, и что государство обязано содержать особыя училища для воспитанія членовъ его семейства? Далѣе къ доходамъ балтійскихъ губерній причисляются: 1 милліонъ съ государственныхъ имуществъ; почти 1 милліонъ подушнаго оклада (отъ котораго нѣмецкое городское населеніе освобождено): наконецъ налогъ на промыслы, акцизъ съ табака, почтовые доходы, плата за совершеніе крѣпостныхъ актовъ и штемпельная пошлина, всего $1^1/_2$ милліона. Возможно ли изъ такихъ данныхъ выводить заключеніе подобное тому, которое пытаются вывести балтійскія газеты! Всѣ вышеисчисленныя подати очевидно большею частію вносятся Латышами и Эстами, а затѣмъ внутренними губерніями Россіи. Изъ этихъ доходовъ, по словамъ г. Вилькена, $5^1/_2$ милліоновъ предоставляются въ распоряженіе правительства, на общіе государственные расходы, а $1^1/_2$ милліона идутъ на провинціальные или мѣстные расходы, въ томъ числѣ болѣе 1 милліона идетъ на общинное управленіе, остальная же часть расходуется на сборъ и взиманіе податей. Въ этихъ числахъ можно видѣть только чрезвычайно благопріятствуемое положеніе даже и относительно податей: но мы не будемъ развивать эту тему. Правда, г. Вилькенъ насчитываетъ еще около $1^1/_2$ милліона денегъ, выдаваемыхъ по его словамъ, на церкви и пасторовъ, на дороги и почтовыхъ лошадей, на общинное управленіе, и проч., но всѣ эти расходы, если не сполна, то наибольшею частію, несутся крестьянами. Какъ бы они ни были велики, для восьмипроцентнаго нѣмецкаго населенія изъ нихъ не возникаетъ никакого права.

Рижская Газета находитъ невозможнымъ, чтобы въ Дерптскомъ университетѣ преподаваніе велось на русскомъ языкѣ, такъ какъ для протестантскаго богословскаго факультета необходимъ нѣмецкій языкъ. Сколько намъ извѣстно, протестантскій богословскій факультетъ нигдѣ не со-

стоитъ въ необходимой зависимости отъ нѣмецкаго языка, ни въ Финляндіи, ни въ Швеціи или Даніи, ни въ Голландіи, ни во Франціи, Англіи или Сѣверной Америкѣ. Сверхъ того, студенты, слушающіе курсъ богословія, составляютъ лишь $^1/_6$ долю всего числа дерптскихъ студентовъ. Наконецъ, естественное постепенное распространеніе русскаго языка въ балтійскихъ губерніяхъ, въ томъ видѣ какъ оно нужно и полезно, нисколько не требуетъ того, чтобъ употребленіе нѣмецкаго языка было отмѣнено въ преподаваніи по всѣмъ предметамъ обученія. Но въ качествѣ университета *русскаго*, Дерптскій университетъ можетъ имѣть прямое значеніе для губерній Псковской и Витебской. Уже при императорѣ Александрѣ I было опредѣлено, чтобы Псковская губернія принадлежала къ Дерптскому учебному округу, какъ скоро въ послѣднемъ русскій языкъ достаточно разовьется.

Что потребность ученія, соразмѣрно съ имѣющимися казенными учебными заведеніями, во внутреннихъ губерніяхъ гораздо сильнѣе чѣмъ въ балтійскихъ, доказываютъ неоспоримо цифры, обнародованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія. Напримѣръ, въ 96 гимназіяхъ всѣхъ учебныхъ округовъ Россіи, кромѣ Польши, Финляндіи и Кавказа, въ концѣ 1864 года обучалось 28.429 учениковъ; изъ этихъ 96 общественныхъ гимназій, въ балтійскихъ губерніяхъ 9, и въ нихъ только 1.813 учениковъ. (Мы занимаемся не частными заведеніями.) Если вычесть это число изъ общаго числа учениковъ во всѣхъ губерніяхъ Имперіи, то окажется, что на каждую изъ 9 балтійскихъ гимназій круглымъ числомъ приходится по 201 ученику, а въ остальныхъ 87 гимназіяхъ Россіи на каждую по 306 учениковъ. Черезмѣрная многочисленность учениковъ въ гимназіяхъ, далеко одна отъ другой отстоящихъ, есть вѣрное свидѣтельство о недостаточности ихъ числа. Но такое положеніе могли бы гораздо удобнѣе перенести балтійскія губерніи, имѣющія возможность получать изъза границы дешевыхъ учителей для преподаванія въ домахъ и частныхъ пансіонахъ, такъ благопріятно обставленныхъ тамъ, между тѣмъ какъ во внутреннихъ губерніяхъ частныя учебныя заведенія принуждены бороться съ трудностями едва преодолимыми. Поэтому справедливость не была бы нарушена, еслибы внутреннимъ губерніямъ было дано нѣсколько болѣе казенныхъ училищъ чѣмъ балтійскимъ. А такъ какъ въ дѣйствительности господствуетъ отношеніе обратное, то справедливость нарушается вопіющимъ образомъ. Недостаточность числа гимназій во внутреннихъ губерніяхъ легко доказывается посредствомъ цифръ: примѣръ читатели могутъ найдти въ сегодняшнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ* къ нашей газетѣ, въ статьѣ о предполагаемой земской гимназіи въ Вязьмѣ. Эта же статья можетъ служить доказательствомъ и того, что наши некрестьянскія населенія, въ противность вчерашнему намеку г. Ширрена, весьма готовы принимать участіе въ казенныхъ расходахъ на училищную часть. Если наши внутреннія губерніи отстали въ этомъ отношеніи отъ балтійскихъ, то виной тому недавность первыхъ опытовъ самоуправленія въ губерніяхъ внутреннихъ и широкій просторъ, который издавна былъ данъ ему въ балтійскомъ краѣ. Съ какой стороны стало-быть ни подойдти къ дѣлу, несправедливость распредѣленія бюджетныхъ пособій между центромъ и окраинами бросается въ глаза. Что же дѣлать? Уменьшать ли число школъ, содержимыхъ правительствомъ въ балтійскомъ краѣ? Ограничить ли выдаваемыя на ихъ содержаніе казенныя деньги? И то и другое было бы справедливо, но мы не предлагали ни того, ни другаго. Что разъ дано, то пусть и остается, но пусть тѣмъ, что дано на балтійскія губерніи, эти губерніи пользуются въ цѣломъ своемъ составѣ. Всего естественнѣе и проще казалось бы намъ постепенно освобождать тамошнія казенныя учебныя заведенія отъ исключительно-нѣмецкаго характера; а нѣкоторыя изъ нихъ совершенно преобразовать для латышскаго и эстскаго населенія, съ тѣмъ чтобы въ низшихъ классахъ этихъ заведеній преподаваніе производилось на латышскомъ и эстскомъ языкахъ, а въ высшихъ классахъ на русскомъ.

Дабы показать, какъ несправедливо, по привычкѣ, ведущейся изстари, отчасти со временъ Петра Великаго, мы относимся, слѣдуя нашей черезъ-чуръ добродушной природѣ, ко всему не русскому, даже когда стараемся дѣйствовать безпристрастно,— приведемъ слѣдующій разительный примѣръ. Одинъ достойный уваженія педагогъ офиціально осматривалъ недавно балтійскія школы; естественно онъ нашелъ, что русскій языкъ тамъ преподаютъ дурно, и

по этому, само собою разумѣется, повсюду прослылъ у Нѣмцевъ *врагомъ нѣмечины*, исполненнымъ духа руссификаціи, и слѣдовательно незаслуживающимъ довѣрія. Но этотъ такъ-называемый *врагъ нѣмечины* написалъ въ своемъ докладѣ слѣдующее: „Въ прибалтійскихъ уѣздныхъ училищахъ не видно того грустнаго явленія, которое замѣчается въ подобныхъ же училищахъ въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ, а именно, что третій высшій классъ бываетъ почти пустъ: очевидно, здѣсь населеніе болѣе дорожитъ пріобрѣтаемыми въ этомъ классѣ свѣдѣніями.“ Воздаваемая такимъ образомъ балтійскому населенію похвала очень велика, и отзывъ о коренныхъ русскихъ губерніяхъ весьма прискорбенъ. Посмотримъ же справедливъ ли этотъ отзывъ. Въ дерптскомъ учебномъ округѣ къ концу 1865 года имѣлось 20 уѣздныхъ училищъ съ 1.400 учениками, изъ которыхъ 61 процентъ обучались въ низшихъ классахъ, 29 процентовъ въ среднихъ, и едва 10 процентовъ въ высшихъ, а въ 96 уѣздныхъ училищахъ московскаго учебнаго округа изъ 5.727 обучавшихся было 56 процентовъ въ низшихъ классахъ, 29 процентовъ въ среднихъ и 15 въ высшихъ. Въ учебныхъ округахъ петербургскомъ и казанскомъ, круглымъ числомъ было также 15 процентовъ обучающихся въ высшихъ классахъ, въ харьковскомъ 17 процентовъ, въ одесскомъ 19 процентовъ, въ кіевскомъ и виленскомъ по 24 процента, и даже въ Сибири 16 процентовъ. Вотъ что говорятъ цифры. Если же такъ-называемые отъявленные враги Нѣмцевъ письменно высказываютъ подобныя сужденія, несмотря на неопровержимыя цифры доказывающія совершенно противное, то не смѣшно ли утверждать, хотя и на словахъ только, будто Русскіе вообще недруги *нѣмечины!* Еслибы кто-либо потрудился подвергнуть *строжайшему* изслѣдованію то что сказано нами выше о государственномъ доходѣ, доставляемомъ балтійскими губерніями, то онъ навѣрное убѣдился бы, что и мы не отдѣлались еще отъ крайне добродушной русской природы.

При такомъ положеніи дѣлъ мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, полное право требовать, чтобы балтійскія газеты не вводили Европу въ заблужденіе, утверждая, будто Петръ Великій, несмотря на его щедрость къ балтійскому дворянству – къ которой онъ былъ увлеченъ дѣйствіями Паткуля противъ Шведовъ—ограбилъ балтійскихъ нѣмцевъ. При шведскомъ королѣ Карлѣ XI пять шестыхъ долей поземельной собственности въ Лифляндіи принадлежали коронѣ, а теперь пять шестыхъ этой собственности принадлежатъ балтійскому дворянству. То же самое произошло и въ Эстляндіи; и только въ Курляндіи, которая гораздо позднѣе была присоединена къ Россіи, сохранились государственныя имущества, къ величайшей выгодѣ крестьянъ.

На наши выводы о балтійскомъ учебномъ вѣдомствѣ *Вѣсть* говоритъ, что нѣтъ важности въ томъ, что нѣмецкое населеніе пользуется отъ казны столь многими средствами для своего обученія, лишь бы только балтійскія учебныя заведенія не попали въ руки тамошнихъ литераторовъ и гражданъ. Но какое же изъ упомянутыхъ учебныхъ заведеній находится въ другихъ рукахъ, кромѣ Ревельской *Ritter- und Domschule?*

Теперешнее устройство балтійскихъ казенныхъ училищъ не только совершенно противоположно интересамъ государства, но не благопріятно даже дворянскимъ идеямъ газеты *Вѣсть*. Консервативная часть высшаго балтійскаго дворянства, дабы избѣгнуть соприкосновенія въ казенныхъ училищахъ съ тамошнимъ городскимъ и литературскимъ сословіями, посылаетъ своихъ сыновей въ дорогія *частныя* гимназіи въ Верро, Феллинѣ и другихъ мѣстахъ, и еще предпочтительнѣе въ петербургскія военно-учебныя заведенія.

Употребленіе нѣмецкаго языка въ училищахъ теперь уже недостаточно для поддержанія различія сословій; оно не сохраняетъ за Нѣмцами качества урожденныхъ аристократовъ, а за Латышами и Эстами качества рабочихъ. Личная свобода послѣднихъ уже внѣ спора; они не исключены ни изъ какой отрасли государственной службы. Правда, не далѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ была еще сдѣлана попытка не допускать Латышей и Эстовъ, какъ поселянъ, то-есть „какъ низшій классъ,“ даже въ уѣздныя училища, до тѣхъ поръ, пока для помѣщенія въ этихъ училищахъ есть достаточное число горожанъ, то-есть Нѣмцевъ, почитаемыхъ людьми высшаго сословія; но такъ какъ, разумѣется, нельзя было прямо сказать, что доступъ въ училища запрещается „Латышамъ и Эстамъ,“ и такъ какъ съ другой стороны большинство мѣщанскаго или го-

родскаго сословія во многихъ городахъ, напримѣръ въ Митавѣ, состоитъ изъ онѣмеченныхъ Латышей, то это средство не помогло. Но благоразумно ли въ политическомъ отношеніи и справедливо ли въ юридическомъ дѣлать изъ національности сословіе?

Сами балтійскіе Нѣмцы говорятъ, что Латыши и Эсты *жаждутъ просвѣщенія и прогресса*. Эту жажду даже и теперешняя балтійская школьная система не можетъ вполнѣ заглушить. Но вмѣсто того чтобы создавать образованныхъ Латышей и Эстовъ, для которыхъ языки латышскій и эстскій оставались бы языками родными, а русскій былъ бы языкомъ государства и высшей культуры, упомянутая система создаетъ людей насильственно германизованныхъ, которыхъ уже теперь не мало встрѣчается во всѣхъ сословіяхъ и должностяхъ и которые, будучи чужды Россіи, отдѣлились и отъ своего племени до такой степени, что отрекаются отъ принадлежности къ нему. Лишая ихъ возможности выучиваться по-русски, мы имъ затрудняемъ всякій успѣхъ въ государственной службѣ, въ войскѣ, по части учебной, въ торговлѣ и промышленности. Балтійскія школы навязываютъ учащимся прежде всего нѣмецкій языкъ, а *потомъ уже* кое-какъ, весьма несовершенно, сообщаютъ понятіе о русскомъ, между тѣмъ какъ наоборотъ изученіе послѣдняго было бы для большинства гораздо полезнѣе. Съ другой стороны балтійскому Нѣмцу стоило бы выучиться *только* русскому языку и для него тотчасъ были бы открыты всѣ отрасли государственной службы во всей Россіи.

Недавно *Кельнская Газета* отнесла наши населенныя Латышами и Эстами балтійскія губерніи къ Германіи, подобно Люксембургу. Зачѣмъ же намъ на государственныя деньги приводить эти губерніи въ такое положеніе, чтобы современемъ *Кельнская Газета* повторила это увѣреніе уже съ полнымъ правомъ? Принципъ національностей, преимущественно основанный на тождествѣ языка, пріобрѣтаетъ въ Европѣ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе значенія: это ясно для всякаго политическаго человѣка.

№ 80.

Москва, 10-го апрѣля.

Великое значеніе судебной реформы состоитъ не въ томъ, что она даетъ извѣстныя преимущества судьямъ, а въ томъ, что она даетъ извѣстныя льготы цѣлому обществу. Новое судоустройство есть народное благо, и въ правахъ судебной власти всякій цѣнитъ права дарованныя цѣлому обществу. Самостоятельность и независимость суда означаютъ только то, что правосудіе водворяется посреди народной жизни во всей своей чистотѣ, что дѣло правосудія обезпечивается отъ всякихъ постороннихъ вліяній. Независимость судейскаго положенія есть только средство для обезпеченія чистоты правосудія. Если бы лица, облеченныя въ судейское званіе, сами становились органомъ посторонникъ дѣлу правосудія соображеній, то оно нисколько не выиграло бы, а быть-можетъ напротивъ очутилось бы въ положеніи худшемъ, чѣмъ при опредѣленной и узаконенной зависимости судебной власти отъ администраціи.

Каждое дѣло имѣетъ свои цѣли и средства, каждое имѣетъ свои интересы и соображенія. Въ благоустроенной средѣ каждому интересу указывается его законная сфера, и не допускается чтобы соображенія, хотя бы и вполнѣ уважительныя, вносились въ сферу имъ несвойственную. Но гдѣ старые порядки вытѣсняются новыми, требуется нѣкоторое время для того, чтобъ умы, поставленные въ новыя условія, могли вполнѣ приспособиться къ нимъ и выработать соотвѣтственныя имъ понятія. Необходимо, чтобы новыя условія дѣятельно разъяснялись въ обществѣ, и чтобы всякая сбивчивость въ общественныхъ понятіяхъ была старательно устраняема.

Мы отъ всей души привѣтствовали нашу судебную реформу и были усердными органомъ общественной признательности за это великое благо, дарованное Россіи и поставившее ее въ среду цивилизованныхъ націй. Въ обезпеченномъ правосудіи заключается залогъ всего лучшаго, и никто съ большею чѣмъ мы ревностью не отстаивалъ новаго судоустройства, стараясь по силамъ разъяснять его сущность въ виду неправильныхъ воззрѣній и недоброжелательныхъ попытокъ. Чистотѣ правосудія можетъ угрожать опасность не только со сто-

роны, но и въ собственныхъ стѣнахъ его, и общество, которому оно дорого, и которое призвано къ непосредственному участію въ его дѣлѣ, должно обращать зоркое вниманіе на судебную практику. Въ интересѣ новаго судоустройства требуется не только противодѣйствовать всѣмъ клонящимся во вредъ ему стремленіямъ извнѣ, но и всякимъ уклоненіямъ въ его собственной практикѣ.

Первые шаги новаго судебнаго дѣла у насъ были его первыми успѣхами. Мы пользовались каждымъ случаемъ, чтобъ отдать справедливость не только самому устройству судовъ, но и лицамъ, которымъ досталась честь быть первыми въ нихъ дѣятелями. Мы не были не только недоброжелательными, но и придирчивыми критиками. Но мы не исполнили бы своего долга, еслибы стали закрывать глаза на тѣ случаи, которые, при частомъ повтореніи, могли бы внести въ дѣло правосудія начало ему несвойственное.

О злоупотребленіяхъ въ родѣ тѣхъ, какими отличались наши прежніе, смѣненные преобразованіемъ, порядки, не можетъ быть рѣчи при новомъ судоустройствѣ. Никакихъ признаковъ чего-либо подобнаго не могло усмотрѣть въ новой судебной практикѣ самое подозрительное и недоброжелательное вниманіе, которое не преминуло бы ими воспользоваться для того чтобы бросить тѣнь на все учрежденіе. Вопросъ не въ томъ, чтобы подыскиваться подъ судебныя рѣшенія для того чтобъ открыть въ нихъ какія-либо злоупотребленія безнравственнаго свойства; вопросъ только въ томъ, чтобы въ судебныя рѣшенія не проникали соображенія, быть-можетъ и уважительныя съ той или другой точки зрѣнія, но несовмѣстныя съ строгими требованіями правосудія.

Вотъ соображеніе, которое нельзя не признать уважительнымъ: надобно поддерживать авторитетъ полиціи. Всякій согласится, что полиція, столь необходимая для всѣхъ интересовъ общества, должна пользоваться надлежащимъ авторитетомъ. Интересы всѣхъ и каждаго требуютъ чтобы полиція была уважаема,—и чтобъ она заслуживала уваженіе. Въ прежнія времена авторитетъ полиціи поддерживался палкой; въ благоустроенномъ же обществѣ полицію уважаютъ за добро, которое она оказываетъ, и всякій порядочный человѣкъ считаетъ своимъ долгомъ не только не затруднять ея, но способствовать ей всемѣрно: за то въ благоустроенномъ обществѣ полиція поставлена такъ что не выходитъ изъ предѣловъ своихъ обязанностей и ея служители далеки отъ того, чтобы считать себя начальниками всѣхъ и каждаго, и стараются подавать своими дѣйствіями примѣръ законности, справедливости и самообладанія. Весьма, впрочемъ, естественно, что полицейскія власти склонны смотрѣть на все съ точки зрѣнія своего авторитета, и тамъ, гдѣ полиція господствуетъ исключительно, гдѣ она не встрѣчается съ независимою отъ нея судебною властью, гдѣ она является и партіей, и судьей, тамъ главнымъ обезпеченіемъ нерѣдко появляется безусловное подчиненіе всякаго общественнаго интереса полицейскому авторитету. Но гдѣ есть самостоятельный судъ, гдѣ правосудіе обезпечено въ своей чистотѣ, тамъ случаи столкновенія полицейскихъ властей съ законными правами частныхъ лицъ не могутъ быть рѣшаемы въ томъ смыслѣ, чтобы поддержать авторитетъ полиціи quand même; тамъ авторитетъ ея допускается и поддерживается не помимо требованій чистаго правосудія, а только во имя ихъ, и не вопреки, а въ силу законности. Судебная власть не можетъ давать предпочтеніе той или другой сторонѣ на какомъ-либо иномъ основаніи кромѣ закона и справедливости. Этимъ, и только этимъ, судебная власть можетъ способствовать авторитету и полицейскихъ властей. Если притязанія полицейской власти оказались бы несправедливы и незаконны, судебные приговоры ни въ какомъ случаѣ не должны подчиняться соображенію, что для поддержанія авторитета полиціи надобно признавать справедливыми и такія съ ея стороны притязанія, коихъ справедливость сомнительна. Въ спорѣ между полицейскимъ агентомъ и частнымъ лицомъ, судъ долженъ равно относиться къ обѣимъ сторонамъ, безъ всякаго лицепріятія, точно также какъ еслибы дѣло шло между двумя частными лицами. Только при этомъ условіи судъ можетъ исполнять свое святое назначеніе, только этимъ онъ можетъ поднять общественную нравственность, и только этимъ можетъ самому авторитету параллельныхъ властей сообщить значеніе поистинѣ уважительное и безспорное.

Авторитетъ полиціи, слава Богу, не подвергается у насъ никакимъ колебаніямъ, полицейская власть у насъ такъ сильна,

какъ только можно пожелать, а потому нѣтъ никакой надобности поддерживать ее искусственными способами и внушать уваженіе къ ней насчетъ правосудія. По нашему убѣжденію, судебное рѣшеніе, внушаемое такою излишнею заботливостію о поддержаніи авторитета полиціи, не достигаетъ этой цѣли, а можетъ только уронить авторитетъ суда, и еслибы дѣйствительно въ судебной практикѣ утвердилось подобное воззрѣніе, то оно повело бы только къ тому, что судебная власть утратила бы свою самостоятельность, свое характеристическое отличіе, свое дорогое для общества значеніе, и превратилась бы въ органъ полиціи. Не того ли самаго и хотятъ непріязненныя новому судоустройству партіи?

Въ судебной практикѣ, московской и петербургской, было нѣсколько случаевъ, подававшихъ поводъ къ заключеніямъ о нѣкоторой неясности въ отношеніяхъ новаго суда къ полицейскимъ чиновникамъ. Хотя вѣрность этихъ заключеній подтверждалась иногда сужденіемъ апелляціонной инстанціи, но мы не торопились высказывать ихъ, имѣя въ виду, что члены общей и мировой юстиціи, дозволяя себѣ иногда склонять вѣсы правосудія на сторону полицейскихъ чиновниковъ, руководились не только желаніемъ избѣжать докучливыхъ апелляціонныхъ протестовъ, но и опасеніями вполнѣ уважительными, чтобы полицейскія неудовольствія не дали пищи недоброжелательнымъ обвиненіямъ, могущимъ повредить суду, какъ учрежденію еще не укрѣпившемуся въ народной жизни. Мы полагаемъ однакоже, что вообще пора этихъ опасеній прошла, что дѣло правосудія у насъ обезпечено, что наши новыя судебныя установленія тверды и незыблемы, и что эту твердость и незыблемость своего существованія находятъ они въ самой Верховной Власти, которая создала ихъ и для которой они дороги. Гораздо болѣе слѣдуетъ опасаться, чтобы случаи подобные вышеупомянутымъ, чрезъ частое повтореніе, не обратились въ привычку, съ которою потомъ самому суду трудно будетъ бороться.

За недѣлю предъ симъ, въ № 74, намъ пришлось сказать два слова о судебномъ рѣшеніи по дѣлу объ италіянскомъ поддан-номъ Мора. Онъ былъ осужденъ за то, что въ объясненіяхъ своихъ съ полицейскимъ чиновникомъ позволилъ себѣ выразить свое мнѣніе о предѣлахъ полицейской власти. Ему поставлено въ вину выраженіе: „полицейская власть тутъ ничего не стóитъ,“ впрочемъ незасвидѣтельствованное самимъ преслѣдователемъ. Слово: „не стóитъ“ истолковано какъ оскорбленіе нанесенное полиціи или ея агенту. Но вся фраза есть либо совершенная безсмыслица, либо въ устахъ человѣка плохо знающаго языкъ, можетъ означать только то что онъ и показывалъ на судѣ и что согласуется со всѣми обстоятельствами дѣла, — то-есть, что полиція въ данномъ случаѣ была не компетентна. Судебнымъ слѣдствіемъ не доказано, чтобы подсудимый оказалъ сопротивленіе чиновнику въ его распоряженіи; онъ ограничился выраженіемъ весьма законнаго желанія чтобы вещь, за отобраніемъ которой явился въ его лавку полицейскій чиновникъ, была вынесена безъ скандала. Законъ осуждаетъ фактическое сопротивленіе дѣйствіямъ исполнительныхъ властей, но онъ не отнимаетъ у людей права высказывать общее мнѣніе о ихъ компетенціи. Иностранецъ Мора могъ высказать ошибочное мнѣніе о сферѣ полицейской власти, но мнѣніе не подвергается судебному взысканію только за то, что оно ошибочно. Наконецъ предъ судомъ обнаруживался фактъ, который не можетъ быть оставленъ безъ вниманія при оцѣнкѣ свидѣтельскихъ показаній, — фактъ, слишкомъ рѣзко говорившій объ образѣ дѣйствій противной стороны. Истцомъ былъ не г. Мора. Онъ подвергся распоряженію полицейскаго агента, который, не довольствуясь этимъ, привлекъ его еще къ суду. Обвиненія въ томъ что онъ оказывалъ ему сопротивленіе и даже грозилъ кулаками, обвиненія эти оказались несправедливыми; этого мало, преслѣдователь въ своихъ показаніяхъ опирался на мѣстное „постановленіе“ за подписью нѣсколькихъ свидѣтелей, но при судебномъ слѣдствіи свидѣтели подъ присягою показали противное, при чемъ обнаружилось, что они подписались подъ актомъ, котораго они не читали.

Итакъ, предъ судомъ были двѣ стороны, изъ которыхъ виною одной, по тщательномъ разсмотрѣніи, оказалось лишь не свойственное русскому языку выраженіе или общее мнѣніе о предѣлахъ полицейской власти, между тѣмъ какъ другая сторона была уличена не только въ несправедливыхъ показаніяхъ, но и въ невѣрно составленномъ актѣ. Судъ же былъ призванъ судить не обѣ стороны, а только одну и

все дѣло его состояло только въ томъ, чтобы признать справедливость или несправедливость показаній возводимыхъ одною стороной на другую. Самой полиціи нельзя оказать болѣе существенной услуги, какъ поддержаніемъ требованій законности, ибо отъ неправильной притязательности агентовъ какъ полицейской, такъ и всякой другой власти, прежде всего терпитъ ея собственные интересы.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что, заявляя фактъ и высказываясь о немъ съ полною откровенностью, мы далеки отъ всякаго притязанія настаивать на объясненіи его въ томъ или другомъ смыслѣ. Мы вполнѣ допускаемъ, что судебное рѣшеніе какъ въ дѣлѣ, о которомъ рѣчь, такъ и вообще, можетъ быть, свободно отъ тѣхъ соображеній, которое оно даетъ поводъ предполагать.

№ 81.

Москва, 11-го апрѣля.

Вопросъ о снабженіи экипажемъ военнаго флота есть вопросъ, очевидно, важный, и его значеніе растетъ по мѣрѣ того какъ вникаешь въ этотъ предметъ. У насъ есть военный флотъ въ Балтійскомъ морѣ; что онъ необходимъ для насъ, въ этомъ мы всѣ убѣждены, но въ продолженіе пятидесяти лѣтъ онъ не имѣлъ случая показать насколько онъ годенъ въ дѣло въ своемъ полномъ составѣ. Теперь, когда на томъ же морѣ явился у насъ сосѣдъ, который съ самаго начала показалъ свое превосходство надъ нами въ искусномъ устройствѣ военныхъ морскихъ учрежденій, теперь должна съ новой силой воспрянуть забота объ органическомъ устройствѣ нашего военнаго флота.

Военный флотъ Англіи возрасталъ вмѣстѣ съ ея торговымъ флотомъ, а возрастанію послѣдняго особенно благопріятствовали: географическое положеніе Англіи, какъ острова, многочисленные бухты и мысы, большое число маленькихъ острововъ и обилующихъ рыбой песчаныхъ отмелей, воспитавшихъ многочисленное рыболовное населеніе. Не диво было, что эти привычные къ морю рыбаки, перемѣстясь на юный флотъ королевы Елизаветы, легко побѣдили испанскую непобѣдимую армаду: на англійскихъ корабляхъ были истинные моряки, способные дѣйствовать въ бурную погоду, при которой происходило сраженіе. Въ послѣдствіи англійскій купеческій флотъ, каботажное судоходство и рыболовный промыселъ постоянно служили такимъ обильнымъ источникомъ для королевскаго флота Англіи, что и при сильнѣйшемъ развитіи своего состава, военный флотъ никогда не имѣлъ надобности забирать всѣхъ годныхъ для моря людей. При такомъ порядкѣ вещей Англія не нуждается въ особенной морской организаціи дабы привлекать привычныхъ къ морю людей на военный флотъ, точно также какъ не нуждается въ подобной организаціи изъ другихъ странъ, напримѣръ, Грецію: при наборѣ, какъ въ Греціи, каждый морякъ охотнѣе поступаетъ на военный флотъ нежели въ сухопутную армію, а при вербовкѣ охотниковъ, какъ въ Англіи, стоитъ только повысить жалованье морякамъ. Но не одна Греція можетъ идти въ параллель съ Англіей. Всѣмъ извѣстно, что Американскіе Соединенные Штаты и скандинавскія государства; Швеція, Норвегія и Данія, относительно снабженія своихъ военныхъ кораблей экипажемъ, находятся точно въ такомъ же положеніи какъ Англія и Греція. Повсюду въ этихъ государствахъ мореходное и рыболовное населеніе такъ многочисленно, что военному флоту нужна лишь часть этого населенія даже въ случаѣ особеннаго напряженія силъ этихъ государствъ. Мы не станемъ перечислять прочія государства Европы, но скажемъ, что въ сущности остаются только три великія континентальныя державы, Германія, Франція и Россія, гдѣ приготовленіе людей, нужныхъ для снабженія военныхъ флотовъ экипажемъ, требуетъ особенной рачительности и осторожности.

Къ числу первыхъ задачъ, которыя прусское правительство предложило себѣ съ цѣлью устроить сильный нѣмецкій военный флотъ, принадлежитъ, какъ извѣщаютъ въ журналахъ, подробное исчисленіе мореходнаго и рыболовнаго населенія какъ въ новоприобрѣтенныхъ провинціяхъ, такъ и въ странахъ, принятыхъ по трактатамъ въ Сѣверо-Германскій Союзъ. Несомнѣнно, что при такихъ обстоятельствахъ Пруссія не будетъ имѣть недостатка въ хорошихъ матросахъ, такъ какъ нѣмецкій купеческій флотъ, по величинѣ, есть третій въ цѣломъ мірѣ и значительно превышаетъ французскій, не смотря на то что по-

слѣднему весьма много благопріятствуютъ гораздо большее чѣмъ у Германіи морское побережье, весьма выгодное торговое положеніе, обладаніе нѣсколькими колоніями и основанное на трактатахъ право участвовать въ рыбныхъ довляхъ на Ньюфаундлендскихъ отмеляхъ. Причиной недостаточнаго развитія купеческаго флота Франціи нельзя считать недостатокъ лѣсовъ—въ Англіи и Голландіи лѣсовъ еще меньше—или недостатокъ грузовъ во Франціи, потому что болѣе высокіе фрахты за гораздо болѣе тяжелые (круглымъ числомъ) товары падаютъ естественно на потребителей, а не на судохозяевъ и мореходцевъ. Главная причина недостаточнаго развитія французскаго купеческаго флота — едва равняющагося $^{2}/_{3}$ нѣмецкаго — состоитъ въ такъ-называемой *inscription maritime* (морская запись), искусственной системѣ, которой основныя начала придуманы министромъ Лудовика XIV, Кольбертомъ (въ 1863), съ цѣлью извлечь по соразмѣрности наиболѣе выгоды для военнаго флота изъ туземнаго мореходнаго и рыболовнаго населенія. Эта *морская запись*, отпугивающая прибрежное населеніе отъ мореходнаго дѣла, причиной того, что въ настоящее время французскій торговый флотъ, несмотря на всѣ свои привилегіи, для прочихъ жителей Франціи отяготительныя, можетъ снабжать собственными кораблями только $^{1}/_{3}$ своей морской торговли, тогда какъ Германія снабжаетъ ими $^{2}/_{3}$ своей, а сѣверная Америка, Англія, скандинавскія государства (Норвегія, Швеція и Данія) болѣе двухъ третей. За то организація *морской записи* предоставляетъ, въ случаѣ морской войны, въ безусловное распоряженіе французскаго правительства все способное къ морской службѣ населеніе государства, и притомъ такъ, что правительство не обязано вознаграждать ихъ (въ чемъ и состоитъ важнѣйшій недостатокъ этой системы). Поэтому *инскрипты* (занесенное въ запись населеніе), составляющіе почти одинъ процентъ всего населенія Франціи, вынуждены, въ случаѣ морской войны, нести чуть ли не цѣлую треть всѣхъ военныхъ расходовъ, то-есть въ 30 разъ болѣе чѣмъ остальное населеніе Франціи *). Пока Франція пользуется продолжительнымъ миромъ, *инскрипты* несутъ гораздо менѣе бремени чѣмъ прочіе французы и пользуются сверхъ того многими привилегіями (напримѣръ пошлины, взимаемыя съ привозимой изъ другихъ странъ рыбы, установлены съ цѣлію благопріятствовать рыболовному населенію Франціи), но за то ихъ дѣятельность и весь бытъ ихъ стѣснены строгимъ военнымъ контролемъ *записи* и подчиненіемъ всѣхъ прибрежныхъ странъ произволу флотскихъ офицеровъ. Отсылая читателей, которые пожелаютъ имѣть болѣе подробныя свѣдѣнія о французской *морской записи*, къ статьѣ князя Львова въ *Морскомъ Сборникѣ* (1859 года) и къ сочиненію г-на В. Доргобужинова: *О торговомъ мореплаваніи во Франціи* (1863), извлечемъ изъ вышесказаннаго важные для насъ результаты. Мы видимъ, что изо всѣхъ упомянутыхъ нами государствъ одна только Россія держитъ военный флотъ, не имѣя экипажа взятаго изъ населенія привычнаго къ мореходству (о чемъ мы уже говорили въ № 35 нашей газеты). Вотъ обстоятельство крайне невыгодное и опасное. Несмотря на большія суммы, расходуемыя у насъ на военный флотъ, намъ, какъ замѣчаетъ нашъ петербургскій корреспондентъ (№ 234-й 1866 года), не удалось еще собрать статистическія свѣдѣнія о нашемъ болѣе или менѣе способномъ къ мореходству населеніи, хотя эти статистическія свѣдѣнія, еслибы собираніе ихъ было ввѣрено добросовѣстнымъ и свѣдущимъ людямъ, могли бы быть добыты при затратѣ лишь *немногихъ тысячъ рублей*, а при издержкѣ какихъ-нибудь десяти тысячъ могли бы достигнуть высокой степени точности и практической примѣнимости. Только въ 1860 году въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ было сдѣлано министерствомъ статистическое дознаніе о рыболовномъ населеніи, но и тамъ оно не повело къ практическимъ мѣрамъ, ибо—какъ извѣщалось въ № 35-мъ нашей газеты—только набранные въ Эстляндской губерніи люди, и при томъ набранные во всей губерніи, а не въ при-

*) *Инскрипты* въ 1850–1852 съ особенною энергіей противились возобновленію во Франціи наполеоновской династіи. Съ другой стороны, во Франціи многіе утверждаютъ, что именно это преимущество и есть тайная причина того, что бремя морской войны до сихъ поръ еще неизмѣнено отягощаетъ *инскриптовъ*. Еслибы главная часть этого бремени, согласно съ законами справедливости, была перенесена на общій бюджетъ государства, то тягостный контроль былъ бы облегченъ, привилегированное положеніе инскриптовъ устранено, и постепенно образовался бы во Франціи цвѣтущій купеческій флотъ.

морскихъ только мѣстностяхъ и на островахъ, могутъ при случаѣ поступить во флотъ.

Правда, въ офиціальныхъ сферахъ возражаютъ—возраженія всегда легко найдти,—что „у Эстовъ пища такъ дурна, и „сами они такъ слабы тѣломъ и малорослы, „что ихъ лучше бы и вовсе не помѣщать „во флотъ.“ Это увѣреніе надобно бы вполнѣ доказать, не только относительно всей Эстляндской губерніи, и *прибрежья* Эстляндскаго, Лифляндскаго и Курляндскаго, а также относительно острововъ всего латышскаго берега Лифляндской и Курляндской губерній, безъ чего нельзя дѣлать такихъ важныхъ выводовъ. Но относительно всей указанной нами мѣстности увѣреніе это ничѣмъ не доказано. Скудное матеріяльное существованіе массы балтійскихъ батраковъ, конечно, не рѣдко наноситъ ущербъ ихъ тѣлесной силѣ и росту, но привычка къ морю съ избыткомъ вознаграждаетъ эти недостатки. Если вслѣдствіе того, что они привыкли дома къ соленой пищѣ, и поэтому—какъ утверждаютъ—ихъ здоровье разстраивается въ военной службѣ отъ несоленой пищи русскаго солдата, то это неудобство можно самымъ лучшимъ образомъ отвратить: стóить толѣко бóльшую часть рыбаковъ принимать во флотъ, а не въ армію. Точно такой же отвѣтъ слѣдуетъ дать и на приводимое очень часто замѣчаніе, что смертность между солдатами изъ Эстовъ и Латышей весьма значительна.

Еще менѣе, разумѣется, поводовъ не принимать предпочтительно въ морскую службу рыбаковъ и судовщиковъ съ побережій Азовскаго, Чернаго, Каспійскаго и Бѣлаго морей, съ береговъ озеръ Ладожскаго, Онежскаго, Бѣлаозера, Ильменя, Пейпуса (Чудскаго), Селигера и изъ жителей побережья большихъ рѣкъ. Считаемъ излишнимъ еще болѣе доказывать, что эти люди гораздо способнѣе къ морской службѣ, чѣмъ жители степей, что они гораздо лучше переносятъ качку на волнахъ и суровый морской воздухъ, что они по привычкѣ соблюдать хладнокровіе и презирать смерть, естественно могутъ быть столь же хорошими матросами, какъ наши лѣсные стрѣлки хорошими пѣхотинцами. Но въ заключеніе не можемъ не упомянуть, что съ естественнымъ ходомъ дѣлъ несообразна и развитію русскаго купеческаго и военнаго флота крайне неблагопріятна обязательная кавалерійская служба прибрежныхъ казаковъ, которые, какъ извѣстно, такъ охотно и ловко *рыбалятъ*, а въ старину славились отвагой своихъ морскихъ набѣговъ.

№ 82.

Москва, 12-го апрѣля.

Въ каждой странѣ изъ всѣхъ отраслей промышленности особенно заслуживаютъ сочувствія тѣ, которыя, истекая изъ мѣстныхъ особенностей народной жизни, переходятъ отъ поколѣнія къ поколѣнію и укоренившись въ населеніяхъ, доставляютъ имъ вѣрное пропитаніе. Въ Германіи, Франціи, Англіи, Италіи, Швейцаріи, многія изъ этихъ мѣстныхъ отраслей промышленности, достигнувъ высокой степени усовершенствованія, составляютъ источникъ благосостоянія и славы для областей, служившихъ имъ колыбелью. У насъ въ Россіи, отъ сѣвера до юга, отъ запада до востока, промышленный духъ населенія проявляетъ на каждомъ шагу свою оригинальность въ самыхъ разнообразныхъ ремеслахъ. Можетъ-быть мало найдется во всемъ свѣтѣ странъ, которыя въ этомъ отношеніи представляли бы такое обиліе производствъ какое представляетъ Россія, начиная отъ предметовъ, выдѣлываемыхъ въ окрестностяхъ Архангельска изъ кости и моржовыхъ клыковъ, отъ кожаныхъ издѣлій Торжка, отъ екатеринбургскихъ работъ изъ твердыхъ камней, отъ матеріи изъ шерсти оренбургскихъ козъ и стальныхъ произведеній Тулы до издѣлій изъ дерева, до кружевъ и парчей, изготовляемыхъ въ нашихъ центральныхъ губерніяхъ даже по деревнямъ и наконецъ до многочисленныхъ отраслей промышленности на Кавказѣ, не говоря о разныхъ другихъ, на исчисленіе которыхъ потребовалось бы слишкомъ много времени и мѣста. Народная смѣтливость съ давнихъ временъ пользовалась мѣстными произведеніями растительнаго и животнаго царства, дабы ихъ обработкой наполнить досугъ столь продолжительнаго у насъ зимняго времени, и не рѣдко эта обработка бываетъ весьма замѣчательна по затѣйливости исполненія или изобрѣтенія, достаточно опровергающей ложное мнѣніе, будто русскій народъ можетъ только подражать.

Эти мѣстныя отрасли промышленности важны въ соціальномъ и экономическомъ

отношеніи. Допуская рядомъ многихъ хозяевъ, работающихъ самостоятельно, они наиболѣе способны распространять зажиточность въ массѣ народа; ими можно заниматься по деревнямъ и мѣстечкамъ, гдѣ молодые мущины и дѣвушки работаютъ оставаясь въ своихъ семьяхъ, къ великой выгодѣ для нравственности и для домашняго очага. Вообще, при отсутствіи соблазновъ фабричной жизни, пріобрѣтенный тутъ заработокъ и сбереженныя деньги гораздо рѣже чѣмъ въ другихъ мѣстахъ уходятъ въ кабакъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти отрасли промышленности, для развитія своего, не имѣютъ надобности въ покровительственномъ тарифѣ; что также не лишено важности.

Въ чемъ же имѣютъ онѣ надобность для своего процвѣтанія? Еслибъ онѣ нуждались въ значительномъ приливѣ капитала, то нельзя было бы обѣщать имъ блистательную будущность. Въ настоящее время у насъ такъ много крупныхъ дѣлъ, разность между требованіемъ и предложеніемъ произведеній такъ велика, поприще открытое предпріятіямъ первой необходимости столь обширно, капиталъ такъ отвсюду требуется, что нельзя думать о сообщеніи этимъ мѣстнымъ промышленностямъ посредствомъ капитала той эксплуатаціи, которая могла бы сдѣлать ихъ элементомъ національной производительности и богатства. Но, по счастью, капиталъ тутъ далеко не первое условіе. Онъ почти не нуженъ именно въ тѣхъ отрасляхъ, которыхъ, очевидно, предстоитъ богатая будущность. Многіе полагаютъ, что эти отрасли промышленности вообще падаютъ, и притомъ падаютъ быстро. Теперь, говорятъ, онѣ находятся уже не въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, въ какомъ были еще пятнадцать лѣтъ назадъ. Съ этимъ нельзя отчасти не согласиться. Дѣйствительно, есть мѣстныя производства, которыя видимо чахнутъ; съ каждымъ днемъ люди ими занимавшіеся покидаютъ ихъ, дабы пріискивать на фабрикахъ или въ столицахъ средства существованія менѣе нравственныя, можетъ-быть даже менѣе полезныя съ точки зрѣнія экономической *). Но это относится только къ тѣмъ ручнымъ и вообще мелкимъ производствамъ, которыя соперничаютъ съ большими фабриками. Тутъ конкурренція рѣдко бываетъ возможна. Обширный капиталъ, доставляющій суровье по болѣе дешевой цѣнѣ, механическія средства, облегчающія его обработку, удобства сбыта при возможности постоянно распространять сѣть сношеній, все это даетъ крупному фабричному производству такой перевѣсъ, что было бы совершенно неправильно, если бы мелкая производительность тратила силы на конкурренцію съ нимъ, или еслибъ эта конкурренція была поддерживаема какими-нибудь искусственными мѣрами поощренія. Забота можетъ быть не о тѣхъ отрасляхъ, которыя невозможно спасти отъ упадка, а о тѣхъ, которыя не имѣютъ конкурентовъ въ крупной фабрикаціи.

Эти мѣстныя промышленности не должны пасть. Имъ не нужны ни монополіи, ни привилегіи, ни покровительственныя пошлины. Имъ нужно только то поощреніе, которое заключается въ облегченіи сбыта и вообще въ сближеніи съ потребителями. Если промыслы этого разряда глохнутъ, то единственно отъ того, что должны уступать весь барышъ посредникамъ, и притомъ не могутъ даже узнать отъ нихъ чего собственно требуетъ потребитель.

Область мелкаго производства естественно ограничивается тѣми предметами, которые или не могутъ быть потребляемы въ обширныхъ размѣрахъ, или не могутъ выдержать издержекъ перевозки. Къ послѣднимъ принадлежитъ, напримѣръ, дѣланіе простой мебели и утвари, приготовленіе нѣкоторыхъ строительныхъ матеріаловъ и т. п. Эти производства совершенно обезпечены сбытомъ, имѣя своихъ потребителей вокругъ себя. Но другое дѣло мелкія производства перваго разряда. Они могутъ процвѣтать лишь при значительномъ и обезпеченномъ сбытѣ, но такой сбытъ они могутъ найдти только въ большихъ центрахъ, гдѣ скучено населеніе: для распространенія ихъ продуктовъ по цѣлой странѣ потребовалось бы множество посредниковъ; они могли бы дойдти до потребителя не иначе какъ изъ десятыхъ рукъ, и слѣдовѣтельно по такой цѣнѣ, которая сдѣлала бы ихъ малодоступными для большинства, а трудность сбыта, увеличивая рискъ посредниковъ, побуждала бы ихъ всячески вымогать у производителей пониженіе цѣнъ. Напротивъ продукты ремеслъ этого рода

*) Здѣсь мы имѣемъ въ виду только тѣхъ праздныхъ людей и многочисленныхъ продавцовъ ничтожныхъ бездѣлушекъ, которые обилуютъ въ большихъ городахъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ они не приносятъ никакой пользы ни себѣ, ни публикѣ.

весьма легко могутъ быть доставляемы въ большіе города, и здѣсь продаваться дешево, доходя до потребителя чрезъ руки одного или много двухъ посредниковъ. Въ то же время посредникъ, состоящій въ непосредственныхъ сношеніяхъ и съ производителями, и съ потребителями, можетъ сообщить первымъ требованія послѣднихъ, что при многочисленности посредниковъ невозможно. Вотъ почему значительная часть мелкихъ сельскихъ производствъ могутъ найдти удобный сбытъ своимъ продуктамъ только въ большихъ городахъ, а такъ какъ ихъ продукты обыкновенно не боятся издержекъ перевозки, то искать сбыта они могутъ не только въ большихъ городахъ своей страны, но и въ иностранныхъ. Для ихъ поддержки и поощренія ничего лучшаго нельзя сдѣлать какъ открыть имъ путь въ главные центры населенія возможно бо́льшаго числа странъ.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ особеннаго вниманія проектъ, о которомъ недавно шла рѣчь въ газетѣ *Москва* (№ 67) и который принадлежитъ Н. П. Поггенполю, основателю и бывшему издателю газеты *le Nord*. Нынѣшнимъ лѣтомъ г. Поггенполь ѣздилъ на Нижегородскую ярмарку и накупилъ тамъ образцовъ разныхъ русскихъ товаровъ, какъ-то: мѣховъ, кожи, кружевъ, вещей изъ лебяжьяго пуха, разныхъ издѣлій ремесленной промышленности — кавказской, оренбургской, новоторжской и др. Все было отправлено въ Парижъ, и несмотря на то что, по неимѣнію магазина, онъ долженъ былъ сбывать товары ограниченному числу оптовыхъ торговцевъ, а не публикѣ, все-таки онъ выручилъ валоваго барыша отъ 30 до 40%. До какихъ размѣровъ можетъ современемъ дойдти за границей сбытъ нѣкоторыхъ нашихъ національныхъ произведеній, служитъ доказательствомъ то, что, какъ сказано въ *Москвѣ*, на многіе предметы сдѣланы были г. Поггенполю заказы въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ, на трехъ и четырехнедѣльные сроки, и дѣло не состоялось только потому, что не было средствъ и возможности удовлетворить эти требованія въ столь короткое время. Въ Парижѣ теперь вкусъ на азіятскій стиль комнатныхъ украшеній, и на эти украшенія тратятся безумныя деньги. Г. Поггенполь полагаетъ, что многія изъ нашихъ національныхъ произведеній могли бы войдти въ большую моду въ Парижѣ, особенно онъ указываетъ на парчи. Мы такъ много отпускаемъ суровья, что эти мысли и указанія не могутъ не возбудить у насъ большаго интереса. Г. Поггенполь не остановился при одной мысли; онъ составилъ и проектъ ея осуществленія. Считаемъ не лишнимъ перепечатать то, что̀ сказано объ этомъ проектѣ въ газетѣ *Москва:*

„Проектъ г. Поггенполя состоитъ въ слѣдующемъ. Онъ предлагаетъ основать, пользуясь всемірною выставкой, сначала въ Парижѣ, а потомъ въ Лондонѣ, въ центрѣ города, на многолюдномъ бульварѣ, *Русскую контору* съ депо образцовъ сырыхъ русскихъ товаровъ и съ постоянною выставкой русскихъ мануфактурныхъ и ремесленныхъ издѣлій. Контора будетъ состоять: а) изъ большихъ магазиновъ или лавокъ, составленныхъ изъ разныхъ отдѣловъ для выставки и продажи произведеній, высылаемыхъ изъ Россіи, съ означеніемъ имени русскаго фабриканта или производителя, за помѣщеніе которыхъ контора получаетъ ежегодно отъ всякаго фабриканта незначительную плату; б) изъ бельэтажа, въ которомъ будутъ помѣщаться: касса и бюро конторы, складъ для образцовъ и для продажи товаровъ оптомъ по всей Франціи; русскій кабинетъ для чтенія съ объявленіями о русскихъ рыночныхъ и денежныхъ цѣнахъ, о движеніи нашихъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ, выставка картинъ русскихъ художниковъ и проч.; в) изъ мѣняльной лавки для покупки, распространенія и продажи русскихъ государственныхъ и частныхъ кредитныхъ бумагъ, что̀ въ Парижѣ и въ Лондонѣ уже давно составляетъ большой пропускъ.“

Нынѣшнимъ лѣтомъ весьма многіе изъ нашихъ значительныхъ купцовъ и фабрикантовъ посѣтятъ Парижъ. Нельзя не пожелать, чтобъ эти поѣздки оставили слѣдъ по себѣ въ серіозной попыткѣ проложить на западъ Европы путь предметамъ нашей обработки.

№ 83.

Москва, 13-го апрѣля.

Во вчерашнемъ № нашей газеты напечатано циркулярное предложеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ отъ 17-го февраля нынѣшняго года по вопросу о земскихъ учрежденіяхъ. Оно посвящено главнымъ образомъ разъясненію за-

кона 21-го ноября прошлаго года, или лучше не столько самаго закона 21-го ноября (наиболѣе трудный для толкованія пунктъ его, какъ опредѣлять доходность фабричныхъ помѣщеній, остался пока не разъясненнымъ), сколько причинъ, почему изданіе его показалось „стѣснительнымъ для земства и возбудило столько несогласныхъ съ нимъ (закономъ 21-го ноября) толковъ, сужденій и даже ходатайствъ." Циркулярное предложеніе указываетъ на три причины, а именно:

1. „Неблаговременное изданіе закона, когда всѣ уѣздныя и почти всѣ губернскія смѣты были уже составлены," и „внезапность этого изданія, которая не могла не произвести неблагопріятнаго впечатлѣнія и не возбудить цѣлаго ряда болѣе или менѣе существенныхъ затрудненій." Таковы слова, коими выражена эта первая причина въ циркулярномъ предложеніи. Неблаговременность и внезапность изданія закона 21-го ноября объясняются „разными, большею частью неизбѣжными обстоятельствами и между прочимъ тѣмъ обстоятельствомъ, что необходимость изданія помянутаго закона обнаруживалась по мѣрѣ поступавшихъ изъ разныхъ губерній *свѣдѣній* о дѣйствіяхъ земскихъ учрежденій." Выписываемъ эти слова, какъ подтвержденіе высказаннаго нами предположенія, что, по всему вѣроятію, жалобъ на дѣйствія земскихъ учрежденій было не много со стороны заинтересованныхъ лицъ. Это предположеніе основывалось на нашихъ частныхъ корреспонденціяхъ, а также на томъ, чему мы сами были свидѣтелями въ Москвѣ, этомъ главномъ промышленномъ центрѣ, гдѣ всякій промышленный и торговый интересъ сказывается такъ громко. Теперь мы видимъ, что и циркуляръ ссылается лишь на свѣдѣнія поступавшія изъ губерній, т.-е., конечно, отъ губернской администраціи, а не отъ заинтересованныхъ лицъ. Это было бы согласно съ нашими наблюденіями. Ничего подобнаго на общее неудовольствіе торгующаго сословія не было замѣтно. Въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*, напримѣръ, поступаетъ множество заявленій по дѣламъ иногда самымъ незначительнымъ, но до насъ не доходило ни одного по поводу обложенія купеческихъ капиталовъ; о неправильномъ обложеніи фабрикъ было два-три письма, и между прочимъ, какъ слухъ, было сообщено, что два-три сахарные заводчика, не изъ купцовъ, а изъ крупныхъ помѣщиковъ, намѣревались обратиться къ центральной администраціи съ жалобой на слишкомъ высокое обложеніе ихъ заводовъ. Лишь послѣ изданія закона 21-го ноября, слѣдовательно заднимъ числомъ, появилось нѣчто въ родѣ протеста противъ прежняго порядка со стороны городскаго головы въ Ростовѣ-на-Дону. Вышеупомянутому предположенію нашему противорѣчитъ, правда, другое мѣсто циркуляра, гдѣ сказано, что „жалобы торговцевъ и промышленниковъ возникали въ постепенно возраставшемъ числѣ," но тутъ сказано *возникали*, а не *поступали*, и слѣдовательно можно еще не считать ошибочнымъ предположенія о малочисленности жалобъ документальныхъ.

2. Неправильныя понятія, обнаруженныя земскими учрежденіями, по многимъ существеннымъ пунктамъ, какъ-то:

а) мнѣніе о правѣ земства облагать патенты и фабрики наравнѣ съ недвижимыми имуществами, причемъ упускалось изъ виду, что торговли и промысла уже платятъ разные казенные налоги, тогда какъ землевладѣніе свободно отъ нихъ;

б) мнѣніе, что земство въ правѣ облагать сборомъ движимые капиталы помѣщенные въ торговлѣ или промышленности; между тѣмъ какъ денежные капиталы землевладѣльцевъ, могущіе принадлежать имъ сверхъ поземельной собственности, не подлежатъ никакому сбору;

в) стремленіе относить къ предметамъ ближайшаго попеченія земства такія потребности, которыя, „какъ напримѣръ народное образованіе," подлежатъ прямому вѣдѣнію правительства.

Циркуляръ находитъ, что такъ какъ эти мнѣнія были распространены повсюду въ земствѣ, то законъ 21-го ноября, устранившій ихъ, не могъ не вызвать неудовольствія.

3. Непомѣрное возвышеніе расходовъ земства, причемъ не обращалось вниманіе на то дополнительное и весьма значительное бремя, которое налагалось на земство въ видѣ издержекъ на содержаніе управъ, и которое для 28 губерній выражается цифрой 2.200.000 р. „Кромѣ того, говоритъ циркуляръ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ былъ возбужденъ вопросъ о переложеніи на деньги натуральныхъ повинностей и по этой статьѣ занесены въ смѣты новые весьма значительные расходы." Для возобновленія нарушеннаго равновѣсія между потребно-

стями и средствами, земскія учрежденія были вынуждены изыскивать новые источники доходовъ, облагая торговлю и промыслы, при чемъ каждое изъ 306 уѣздныхъ и 28 губернскихъ собраній признавало себя властнымъ установлять въ этомъ отношеніи свое отдѣльное законодательство. Циркуляръ приводитъ примѣры совершеннаго произвола въ обложеніи торговли и промышленности. Отмѣна этого произвола уменьшила средства земскихъ учрежденій, остающіяся за покрытіемъ обязательныхъ расходовъ и расхода на содержаніе управъ, и вотъ третья причина неудовольствій на указъ 21-го ноября.

Таковы три причины указанныя въ циркулярѣ. Мы можемъ дополнить это изложеніе изъ сообщеній имѣющихся у насъ во множествѣ. Земство, по смыслу нашего положительнаго законодательства и по народнымъ понятіямъ, не есть только землевладѣніе и обнимаетъ собой не однихъ владѣльцевъ недвижимой собственности. Законодательство и народныя понятія выражаютъ собой только то, что есть въ дѣйствительности, что слагалось и жило въ продолженіе тысячи лѣтъ. Существующее въ натурѣ земство есть не что иное какъ русская земля, со всѣми ея общественными слоями, во всѣхъ ея городахъ и селахъ. Нашему времени принадлежитъ попытка дать организацію русскому земству и призвать его къ дѣятельности. Земскія учрежденія, какъ первый опытъ всеобъемлющей организаціи нашихъ общественныхъ силъ, возникли на нашихъ глазахъ. Прошло всего три года съ тѣхъ поръ, когда земскія учрежденія были проектомъ на бумагѣ, когда они соображались, составлялись, сочинялись, создавались. Земскія учрежденія были наконецъ созданы и введены въ жизнь; организованное ими земство по уѣздамъ и губерніямъ начало дѣйствовать въ предѣлахъ и формахъ, установленныхъ законодательствомъ. Еслибъ оказалось, что въ томъ или другомъ отношеніи организація земства, установленная новыми учрежденіями, дѣйствуетъ неудовлетворительно, то нельзя ставить этого въ вину самому земству. И еслибы напримѣръ показалось, что уѣздныя и губернскія управы стоятъ дорого, то винить въ этомъ пришлось бы отнюдь не земство, а земскія учрежденія созданныя законодательствомъ. Съ другой стороны, если дѣйствительно оказалось, что нѣкоторыя изъ земскихъ учрежденій впадали въ ошибки напримѣръ по обложенію гильдейскихъ свидѣтельствъ, или фабрикъ и заводовъ, или складовъ хлѣба и пеньки, то въ этихъ частныхъ заблужденіяхъ нельзя еще винить ни земство вообще, ни земскія учрежденія созданныя законодательствомъ, а слѣдуетъ просто устранять эти заблужденія, для чего законъ предоставляетъ администраціи и административному суду сената обыльныя средства. Въ учрежденіяхъ однажды созданныхъ желательно измѣнять только то что оказалось на практикѣ совершенно несостоятельнымъ, что рѣшительно неисправимо тѣми средствами, которыя даны въ самыхъ учрежденіяхъ. Судящіе такимъ образомъ, повидимому, не выступаютъ изъ предѣловъ правильнаго сужденія, а потому позволительно кажется, примѣнить это сужденіе къ возможнымъ послѣдствіямъ закона 21-го ноября. Послѣдствія, которыя мы разумѣемъ, касаются вопервыхъ круга дѣятельности земскихъ учрежденій, вовторыхъ самаго состава, самой организаціи земства.

Въ первомъ отношеніи представляется вопросъ, не было ли возможности исправлять частныя уклоненія земскихъ собраній губернаторскими протестами и рѣшеніями 1-го департамента правительствующаго сената, не принимая общей мѣры, которая неминуемо должна подѣйствовать на земскія учрежденія въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ подѣйствовало сокращеніе мировыхъ участковъ на мировыя учрежденія по крестьянскому дѣлу. Классъ землевладѣльцевъ, имѣющій преобладаніе въ земскихъ учрежденіяхъ, показалъ себя въ нихъ съ сочувственной стороны. Земскія учрежденія обнаружили живую заботливость о народномъ здравіи, о народномъ образованіи, во многихъ мѣстахъ они высказались въ пользу справедливаго распредѣленія натуральной повинности, до сихъ поръ почти исключительно лежащей на одномъ классѣ общества, хотя дорогами пользуются всѣ классы, и торгующіе гораздо болѣе чѣмъ землепашцы. Дѣйствуя въ этомъ направленіи, большинство членовъ земскихъ собраній ставило справедливость и общую пользу выше своихъ эгоистическихъ интересовъ. Не заслуживаетъ ли это честное, это не на словахъ, а на дѣлѣ патріотическое направленіе полнаго сочувствія и доброжелательной поддержки? Лучше ли было бы, еслибы земскія учрежденія, про-

должая стоить странѣ 2.200.0000 р. въ годъ (эта дороговизна зависитъ отъ особенностей ихъ устройства, ими самими неустранимыхъ), ограничили свои занятія сборомъ денегъ для обязательныхъ расходовъ и для своего собственнаго содержанія? Нѣтъ спора, что весьма важно установить точныя правила для раскладки сборовъ, но эти правила могутъ всего лучше выработаться въ самой же земской практикѣ. Не будетъ ли полезно выждать ея результатовъ, а покамѣсть ограничиться исправленіемъ частныхъ случаевъ, подающихъ поводъ къ жалобамъ, не принимая общихъ предупредительныхъ мѣръ, бывающихъ всегда и стѣснительными мѣрами?

Но еще важнѣе общая организація земства въ его настоящемъ смыслѣ, какъ совокупность земскихъ силъ. Между тѣмъ къ числу послѣдствій закона 21-го ноября принадлежитъ фактическое исключеніе изъ земства цѣлаго сословія, — сословія торгующаго. Въ земскихъ дѣлахъ можетъ принимать должное участіе только тотъ, чьи интересы связаны съ ихъ удовлетворительнымъ ходомъ, или иначе чьи взносы на земскія потребности могутъ уменьшиться или возвыситься смотря по тому какъ ведется земское хозяйство. До закона 21-го ноября въ такомъ положеніи были всѣ классы земства; послѣ этого закона торгующіе классы будутъ принадлежать къ нему только номинально; вліяніе, которое предоставлено имъ, утратитъ всякое основаніе; будучи обложены опредѣленнымъ сборомъ, они будутъ наклонны къ вотированію ненужныхъ расходовъ, и элементарная справедливость будетъ требовать, чтобъ они были лишены права голоса въ земскихъ дѣлахъ, то-есть исключены изъ земства.

Вотъ, сколько мы знаемъ, тѣ соображенія, которыя главнѣйшимъ образомъ побуждаютъ недоумѣвать о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ закона 21-го ноября. Неравномѣрности и произволу обложенія никто сочувствовать не можетъ, но весьма многіе мыслящіе люди полагаютъ, что справедливость можетъ быть достигнута и плодотворное развитіе земскихъ учрежденій можетъ быть обезпечено посредствомъ установленія земской податной единицы, о чемъ уже думали многія земскія собранія. Податная единица есть необходимое условіе того, чтобы, какъ сказано въ циркулярѣ, право установленія земскихъ сборовъ было правомъ самообложенія.

№ 84.

Москва, 14-го апрѣля.

Въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ къ губернаторамъ, о которомъ была рѣчь въ послѣднемъ нашемъ нумерѣ, устраняется мысль, что закономъ 21-го ноября можетъ быть возбужденъ антагонизмъ въ средѣ земства. Дай Богъ, чтобъ это было такъ. Между нашими сословіями, дѣйствительно, до сихъ поръ не обнаруживалось противоборства въ интересахъ и стремленіяхъ. Въ городскихъ думахъ и въ земскихъ собраніяхъ, сословія группировались вокругъ одного общаго дѣла, и сколько намъ извѣстно, ни въ одной мѣстности между ними не возникало ничего похожаго на борьбу. Высказывались въ печати болѣе или менѣе эксцентрическія мнѣнія, бывали споры между противоположными мнѣніями; но никогда не было ничего похожаго на борьбу сословныхъ интересовъ, даже въ тѣхъ случаяхъ гдѣ все заставляло ожидать или опасаться ея. Въ мирномъ характерѣ нашего земства сомнѣваться нельзя: это фактъ, который доказывать нечего, на который достаточно только указать. Несмотря на то что сословія наши не достигли еще полнаго юридическаго равенства и что между ними дѣйствительно есть причины располагающія къ антагонизму и способныя вести къ столкновеніямъ, причины эти, слава Богу, пока не дѣйствовали; онѣ дремали и не возмущали нашего земскаго мира. Всѣ виды собственности, всѣ части земства встрѣтились дружно въ новыхъ учрежденіяхъ; вмѣсто антагонизма, напротивъ, усматривалось расположеніе не только ко взаимной уступчивости, но иногда и къ пожертвованію сословными интересами въ виду общаго земскаго. Мы говоримъ въ прошедшемъ времени, ибо какъ ни были мирны до сихъ поръ отношенія между составными частями нашего земства, нельзя отрицать, что духъ антагонизма, столь вредный и опасный, можетъ быть возбужденъ въ ихъ средѣ какъ направленіемъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, такъ и разными общественными агитаціями.

Теперь особенно замѣтно, что вопреки истиннымъ интересамъ и собственнымъ стре-

мленіямъ дворянства, дѣлаются усилія разобщить его съ прочими земскими элементами, закрѣпить его отдѣльную организацію, и возбудить въ немъ напрасныя воспоминанія, лживыя надежды и искусственные, лишенные почвы интересы. Нельзя также отрицать, что теперь являются поводы также къ разногласію между городскими и сельскими сословіями, между земледѣліемъ и промышленностію, между земледѣліемъ и торговлей. До послѣдняго времени въ земскіе интересы не вносилась рознь интересовъ; возникали разногласія во мнѣніяхъ, но интересы не были систематически направлены въ противныя стороны. Теперь же, если брошенныя въ земство сѣмена сословнаго антагонизма взойдутъ въ силу, онъ будетъ обнаруживаться въ каждомъ вопросѣ, и въ земскихъ обсужденіяхъ послышится совершенно новый мотивъ. Повторительныя и усиленныя возбужденія сословнаго эгоизма не преминутъ возбудить и сословную рознь.

Въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ, несмотря на преобладаніе въ нихъ земледѣльческаго элемента, былъ возбужденъ вопросъ о переложеніи натуральныхъ повинностей на денежную; не только уѣздныя, но и губернскія собранія, какъ напримѣръ въ Полтавѣ, настойчиво поддерживали это предположеніе: превосходная характеристическая черта, убѣдительно говорящая какъ мало въ нѣдрахъ нашего земства было антагонизма! Что можетъ быть лучше такого настроенія общественныхъ классовъ? Этого нельзя ни купить, ни искусственно сдѣлать: за то можно искусственно возбудить въ обществѣ инстинкты противнаго свойства, которые поведутъ къ тому, что сословія сожмутся въ себѣ, и утративъ чувство общаго дѣла, распадутся на враждебные лагери. Разрознить легче нежели соединить. При антагонизмѣ сословій общее дѣло падаетъ, и всякое мѣстное самоуправленіе становится невозможностію.

Находятъ теперь, что наши земскія учрежденія и дорого обходятся земству, и слишкомъ сложны, и не заключаютъ въ себѣ всѣхъ условій необходимыхъ для успѣшной дѣятельности. Противъ организаціи земскихъ учрежденій можно сказать многое теперь, какъ многое было сказано въ то время, когда они еще были въ состояніи проекта. Однако, каковы бы они ни были, духъ, которымъ, къ счастію, было до сихъ поръ оживлено наше земство, могъ бы при благопріятныхъ условіяхъ оплодотворить ихъ, воспользоваться ими, приладить ихъ къ жизни и сообщить имъ способность къ развитію. Но для этого требуется именно поддержать духъ въ земствѣ, и давая направленіе его дѣятельности, не парализовать ее въ ея жизненныхъ условіяхъ. Никакое учрежденіе, даже наилучшимъ образомъ сформированное, не можетъ удовлетворительно дѣйствовать, если оно не находится въ полномъ обладаніи всѣми нужными для него условіями, если оно лишено увѣренности въ себѣ и не видитъ въ себѣ нѣчто серіозное. Необходимо чтобъ оно чувствовало прокъ отъ своей дѣятельности, чтобъ оно на дѣлѣ сознавало свою пользу, чтобъ оно не приходило въ уныніе въ виду безуспѣшности своихъ усилій, и не сбивалось съ толку, теряясь въ противорѣчіяхъ и затрудняясь уразумѣть къ чему оно призвано. Въ противномъ случаѣ, никто и ѣздить не будетъ въ земскія собранія.

Наши земскія учрежденія съ первыхъ шаговъ обнаружили готовность приносить всякую ожидаемую отъ нихъ пользу. Въ настоящее время одна изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей, особенно сильно ощущаемыхъ и требующихъ неотложнаго удовлетворенія, заключается въ народномъ просвѣщеніи. Наши народныя массы, при всѣхъ добрыхъ качествахъ своихъ, невѣжественны и темны; просвѣщенія ихъ требуютъ настоятельно всѣ интересы: и церковь, и общественная нравственность, и государственное благоустройство; дальнѣйшее косненіе ихъ въ первобытномъ невѣжествѣ, при нынѣшнихъ условіяхъ, было бы сопряжено съ великими опасностями. Но центральное правительство, при всѣхъ заботахъ, отнюдь не могло бы лишь одними свойственными ему способами двинуть это важное дѣло, которое у насъ, при его запущенности, требуетъ чрезвычайныхъ усилій. Ни матеріяльныя, ни нравственныя средства центральнаго правительства не были бы достаточны для того чтобъ удовлетворить столь повсемѣстной потребности, насколько требуютъ того духъ и обстоятельства времени. Но вотъ явилось земство, и одною изъ первыхъ заботъ его были народныя школы. Если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ наше земство обнаружило относительно этого дѣла усердіе столь же горячее, сколько и просвѣщенное. Только организованныя мѣстныя силы могутъ въ этомъ

отношеніи оказать дѣятельное и успѣшное пособіе центральному правительству; только содѣйствіе мѣстныхъ средствъ можетъ въ цѣлой странѣ равномѣрно и успѣшно повести дѣло народнаго обученія; только попеченія и контроль близко поставленныхъ къ дѣлу мѣстныхъ людей можетъ обезпечить его правильный ходъ. Усердіе обнаруженное въ этомъ отношеніи земствомъ было неоцѣнимо. При малѣйшемъ поощреніи и поддержкѣ оно могло бы еще усилиться и принести самые лучшіе плоды. Но мы боимся, что усердіе это сильно ослабѣло бы, еслибы, вмѣсто того чтобъ ожидать поощренія и возбужденія, земство должно было, какъ сказано въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ, предусматривать лишь затрудненія сопряженныя съ этимъ дѣломъ. Интересъ къ общему дѣлу можетъ быть легко угашенъ; несравненно труднѣе снова возбудить его.

№ 85.

Москва, 19-го апрѣля.

На коллективныя настоянія Россіи, Франціи, Пруссіи, Италіи и Австріи Порта отвѣчала формальнымъ *non possumas*. Она объявила, что не хочетъ уступить островъ Критъ Греціи и даже не согласится спросить его жителей о ихъ желаніяхъ, что ей совѣтовалъ сдѣлать французскій посолъ, поставлявшій ей на видъ, что она имѣетъ возможность выраженію этихъ желаній дать такой ходъ, что отъ нея зависѣло бы и не исполнить ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ турецкій главнокомандующій Омеръ-паша былъ посланъ въ Критъ съ предписаніемъ дѣйствовать самымъ энергическимъ образомъ и усмирить возстаніе во что бы то ни стало. Тѣмъ не менѣе Кандіоты не впали въ уныніе. Съ несокрушеннымъ мужествомъ воспротивились они первымъ усиліямъ сердарь-экрема. Они не терпятъ недостатка въ подкрѣпленіяхъ людьми, боевыми снарядами и съѣстными припасами. Жители Эллинскаго королевства, понимая крайнюю важность кризиса, не покидаютъ своихъ критскихъ единовѣрцевъ и не щадятъ пожертвованій всякаго рода, дабы помочь имъ, хотя имъ самимъ угрожаетъ опасность. Пароходъ *Аркадіонъ*, достойный соревнователь *Панэллиніона*, продолжаетъ свои отважные рейсы, ускользая отъ бдительности османскихъ крейсеровъ. Но всему есть предѣлъ, и нѣтъ героизма, который могъ бы долго держаться противъ столь несоразмѣрныхъ силъ какія Турція въ состояніи выставить для подавленія подвластныхъ ей христіанъ. Вотъ уже почти цѣлый годъ, какъ горсть Критянъ противится двумъ большимъ арміямъ, дѣйствующимъ при пособіи многочисленнаго флота. Кромѣ убыли, которая при такой упорной борьбѣ была неизбѣжна въ рядахъ возставшихъ христіанъ, плохо вооруженныхъ, нерѣдко страдавшихъ отъ голода и холода въ зимнее время, надобно еще вспомнить что женщины и дѣти этихъ достославныхъ страдальцевъ остались по власти турецко-египетскихъ солдатъ, всячески надъ нами ругавшихся, и что стало быть тутъ къ тревогамъ военной жизни присоединились самыя язвительныя страданія, какія только можетъ испытывать человѣческое сердце. Въ послѣднемъ донесеніи своемъ контръ-адмиралъ Бутаковъ официально свидѣтельствуетъ о грубыхъ жестокостяхъ совершенныхъ Турками надъ женщинами и дѣтьми, которыхъ страданія заставили пожать плечами и вздохнуть даже англійскаго консула. При такомъ положеніи дѣлъ, надобно ожидать, что наши единовѣрцы изнемогутъ. Христіанская Европа должна приготовиться къ тому позору и той скорби, что ей придется въ девятнадцатомъ вѣкѣ быть свидѣтельницею торжества полумѣсяца надъ крестомъ. Венгерскій ренегатъ Омеръ-паша, какъ извѣщаетъ сегодняшняя телеграмма изъ Корфу, идетъ съ 56 баталіонами на инсургентовъ, которыхъ осталось подъ ружьемъ не болѣе 6.000 человѣкъ. Можно предвидѣть, что онъ устелетъ островъ Критъ трупами, а его другъ и покровитель, просвѣщенный и либеральный Фуадъ-паша, извѣститъ европейскіе кабинеты тщательно выработанною дипломатическою нотою, что все идетъ къ лучшему въ Турціи. Мало того, Порта не только отвѣчаетъ рѣшительнымъ отказомъ на всѣ представленія пяти великихъ державъ, но кажется намѣрена явно выказать, что хочетъ положить конецъ долготерпѣнію Европы. Она посылаетъ Греціи оскорбительныя ноты, оспариваетъ у нея право поднимать свой флагъ въ Артскомъ заливѣ, котораго воды омываютъ преимущественно греческій берегъ и входа въ который, по трактату 1832 года, Порта обязалась не воспрещать греческимъ судамъ. Наконецъ, турецкія вла-

сти на эпирской границѣ извѣстили греческое правительство, что не поцеремонятся вступить съ оружіемъ въ рукахъ на греческую территорію.

Потерпитъ ли Европа эти угрозы Порты? Станетъ ли она безпрекословно сносить отказы турецкаго правительства? Признавъ необходимость обратиться къ Портѣ съ серіозными представленіями, спрячутъ ли европейскіе дипломаты обратно въ карманъ свои дипломатическія ноты и допустятъ ли мусульманъ безнаказанно довершать свои неистовства въ Турецкой имперіи, существующей единственно по милости европейской политики? Къ сожалѣнію, сколько можно судить по наружности о намѣреніяхъ державъ, участвовавшихъ въ послѣдней, безплодной попыткѣ предъ Портою, надобно полагать, что такъ и поступятъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ. Къ повороту совершившемуся въ образѣ дѣйствій французскаго правительства, очевидно, подало поводъ желаніе обезпечить себѣ нашъ нейтралитетъ въ случаѣ войны съ Пруссіей, а по минованіи причины, вызвавшей этотъ поворотъ, Франція очень можетъ возвратиться къ своей прежней политикѣ, и двусмысленное содѣйствіе, оказанное намъ въ послѣднее время французскимъ посломъ при Портѣ можетъ очень скоро перейдти въ явное сопротивленіе политикѣ благопріятной для христіанъ. Равнымъ образомъ надобно опасаться, что и г. фонъ-Бисмаркъ, по минованіи надобности въ нашихъ услугахъ, не будетъ уже вмѣшиваться въ Константинополѣ въ пользу дѣла, въ которомъ онъ заинтересованъ лишь косвенно. Что касается до Австріи, которая и теперь едва скрываетъ свое желаніе поживиться Босніей и Герцеговиной, то, по всему вѣроятію, имперія Габсбурговъ, понуждаемая силою вещей, сама поспѣшитъ обратиться на востокъ, дабы тамъ искать своей будущности, виды которой столь непріязненны тамошнимъ христіанскимъ населеніямъ.

Россія не вызывала движенія, волнующаго нынѣ Востокъ. Она даже старалась, держась трактатовъ, предотвратить и отсрочить это движеніе. Не намъ, а кабинетамъ Парижскому и Берлинскому благоугодно было нарушить трактатъ, даровавъ независимость Румыніи, что по необходимости должно было и въ другихъ христіанскихъ населеніяхъ Турціи возбудить желаніе такой же независимости. Когда движеніе началось, и фактъ возстанія совершился, Россія не могла поощрять избіеніе Критянъ; она громко ходатайствовала за нихъ, также какъ и за всѣхъ своихъ единовѣрцевъ безъ различія національности. Наше правительство оказало Грекамъ ту услугу, что привлекло къ своему мнѣнію пять великихъ державъ и побудило ихъ высказать это мнѣніе офиціально предъ Портою. Теперь, когда послѣдовалъ отказъ Порты, призваніе Россіи состоитъ не въ томъ, чтобы нарушить общій миръ. Великая сопредѣльная держава, какъ Россія, можетъ произвести гнетъ на Турцію, и не прибѣгая къ послѣднему аргументу грубой силы. Истощивъ дружескіе совѣты, она можетъ заключиться въ безмолвіи, означающемъ неодобреніе, она можетъ внять жалобнымъ воплямъ критскихъ жертвъ, умоляющихъ чтобъ императорскій флагъ принялъ ихъ подъ свое покровительство, наконецъ, она несетъ на себѣ обязанность, возложенную на нее трактатами, обезопасить Грецію отъ нападенія Турокъ.

Помимо правительственнаго дѣйствія, общественное сочувствіе Россіи къ своимъ единовѣрцамъ можетъ также оказать благопріятное вліяніе на дѣла Востока. Повсюду въ Россіи происходящіе сборы въ пользу христіанъ острова Крита помогутъ имъ не однѣми деньгами, но еще болѣе тою нравственною поддержкой, которой значеніе не укрывается ни отъ Блистательной Порты, ни отъ европейскихъ державъ.

Теперь представляется случай оказать Греціи содѣйствіе и безъ тѣхъ жертвъ, которыя требуются отъ участниковъ въ подпискѣ въ пользу несчастныхъ Кандіотовъ. Въ виду враждебнаго положенія Турціи, Эллинское королевство вынуждено вооружаться. Съ этою цѣлью эллинское правительство объявило заемъ въ 28.000.000 драхмъ (почти 7 милліоновъ рублей), котораго подробности мы сообщаемъ ниже. Въ финансовомъ отношеніи, дѣло это весьма выгодно для подпищиковъ. Заемъ заключается по 8%, и притомъ требуется взносъ не *al pari*, а 80 за 100. Такимъ образомъ кредиторы будутъ получать 10 процентовъ со внесеннаго ими капитала, и получатъ его обратно съ приращеніемъ 20 на 80. Погашеніе назначено усиленное; въ 28 лѣтъ будетъ погашенъ весь долгъ, по его нарицательной цѣнѣ, то-есть съ накидкой 25% на сумму внесенную кредиторами. Какое же опасеніе могло бы оста-

новить отъ помѣщенія капитала на столь выгодныхъ условіяхъ! Существованіе Греціи гарантировано Россіей, Англіей и Франціей. Даже въ случаѣ несчастной войны, Порта не была бы вправѣ отнять у Греціи ни одной пяди земли. Съ этой стороны нѣтъ опасенія. Въ точности уплатъ также нельзя сомнѣваться. До какого бы ни дошли замѣшательства греческіе финансы, уплата процентовъ и погашенія по новому займу отъ того не потерпитъ: по условіямъ займа, для покрытія уплатъ назначается доходъ съ трехъ главныхъ таможенъ, дающій значительно болѣе чѣмъ сколько требуется для этой цѣли. Словомъ, греческій заемъ дѣло во всѣхъ отношеніяхъ выгодное и вѣрное; отъ участія въ немъ могутъ удерживать не опасенія за точность уплатъ, а политическія антипатіи къ Греціи и нежеланіе видѣть восточный вопросъ возбужденнымъ. Такъ какъ русскіе капиталисты этихъ мотивовъ не имѣютъ, то имъ нѣтъ причины упускать дѣло выгодное и притомъ патріотическое. Судьба Греціи близко касается насъ. Мы содѣйствовали ея созданію и проливали за нее нашу кровь. Наконецъ Грецiя есть одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ дѣятельныхъ средоточій христіанства на Востокѣ.

№ 86.

Москва, 20-го апрѣля.

Сегодня печатаемъ мы, взятое изъ газеты *Кавказъ*, описаніе торжественнаго объявленія въ Зугдиди Высочайшаго указа о прекращеніи крѣпостнаго права въ Мингреліи. Это событіе въ отдаленномъ уголкѣ Россійской Имперіи имѣетъ особенную важность, потому что имъ замыкается рядъ освобожденій ознаменованныхъ днемъ восшествія Государя Императора на престолъ, — славнымъ днемъ 19-го февраля. Уже одно это обстоятельство сообщаетъ Мингреліи неожиданный интересъ и привлекаетъ вниманіе къ этому своеобычному краю, котораго еще такъ мало коснулась европейская гражданственность.

Только что прочли мы интересную монографію о крѣпостномъ состояніи въ Мингреліи, напечатанную въ послѣдней книжкѣ *Записокъ* Кавказскаго Отдѣла Географическаго Общества, и спѣшимъ воспользоваться ею, для того чтобы характеризовать тѣ отношенія, въ которыхъ находились между собою помѣщики и крестьяне мингрельскіе: она даетъ понятіе, имѣли ли основаніе радоваться новому закону крестьяне, да и сами помѣщики, получившіе, какъ извѣстно, во вниманіи къ мѣстнымъ особенностямъ, нѣкоторое вознагражденіе за потерю права на даровой трудъ. Монографія, которою мы руководствуемся, составлена г. Бороздинымъ, знающимъ, какъ видно, описываемый имъ край не по слухамъ.

Нигдѣ, быть-можетъ, въ цѣломъ Закавказскомъ краѣ рабство не было такъ сурово, какъ въ Мингреліи (да еще въ Гуріи),—провинціи, постоянно находившейся въ зависимости отъ Турціи. Торговля „живымъ товаромъ“ сдѣлалась въ ней, говоритъ г. Дубровинъ (въ своемъ сочиненіи объ управленіи Закавказья кн. Циціановымъ), всеобщимъ и самымъ выгоднымъ занятіемъ. Французскій путешественникъ Шарденъ, двѣсти лѣтъ тому назадъ, говорилъ то же самое, и между прочимъ, разказывалъ объ одномъ дворянинѣ, который, зазвавъ къ себѣ 12 священниковъ для молебствія, приказалъ ихъ схватить и продалъ Туркамъ. Дадіаны мингрельскіе посылали въ Константинополь ежегодно дань женщинами, которыя, сказать мимоходомъ, въ Мингреліи вообще еще красивѣе чѣмъ въ Грузіи.

Рабство въ Мингреліи ограничивалось только физическою невозможностью идти далѣе. Личная услуга составляла господствующій видъ служенія низшихъ классовъ высшимъ. По свѣдѣніямъ, которыя г. Бороздинъ сообщаетъ въ цитованной выше статьѣ своей, изъ общаго числа крестьянскихъ дворовъ (дымовъ) въ Мингреліи, простирающагося до 22.614, не менѣе 17.060 обязаны были снабжать своихъ владѣльцевъ личною прислугой. Каждый дымъ этого несчастнѣйшаго разряда крестьянъ, называемыхъ *глехи*, былъ обязанъ: 1) давать одну мужскую прислугу и освобождался отъ этой обязанности только тогда, когда въ дымѣ не оставалось болѣе одного работника; 2) высылать одного работника на барщину по требованію господина, безъ всякаго опредѣленія числа рабочихъ дней въ недѣлю; 3) приносить помѣщику натуральную подать, состоявшую изъ *а*) свиньи и курицы, *б*) извѣстнаго количества гоми, *в*) извѣстнаго количества вина. Кромѣ того, на каждомъ дымѣ лежали мелкія приношенія хлѣбомъ, сыромъ, козлятами и т.

п. Не довольствуясь всѣмъ этимъ, нѣкоторые помѣщики брали съ *глеховъ* еще и женскую прислугу, которая оставалась у нихъ навсегда и была въ полномъ смыслѣ слова *вещью* своего владѣльца, во знаменіе чего ей на шею надѣвался шелковый шнурокъ. Наконецъ *глехи* были обязаны очищать три раза въ лѣто господскій посѣвъ кукурузы и гоми, и переносить на себѣ вещи помѣщика, при его переѣздахъ изъ одной деревни въ другую.

Второй, болѣе счастливый разрядъ крестьянъ былъ освобожденъ отъ дачи женской прислуги и отъ барщины; всѣ же прочіе повинности *глеховъ* онъ былъ обязанъ отбывать. Этотъ разрядъ состоялъ изъ 3.989 дымовъ. Разумѣется, помѣщикъ имѣлъ право освобождать своихъ крестьянъ отъ тѣхъ или другихъ изъ вышеприведенныхъ повинностей, но это случалось не часто; такихъ *освобожденныхъ* (*азатовъ*) было всего 575 дымовъ. За то, съ другой стороны, помѣщики иногда пользовались обычаемъ,— а обычаи въ этой первобытной странѣ имѣютъ силу закона,— состоящимъ въ томъ, что повинность, добровольно исполненная крестьяниномъ дважды, становилась обязательною для него навсегда: такъ напримѣръ, если крестьянинъ приносилъ помѣщику гостинецъ, онъ могъ не дѣлать того же въ другой разъ, но сдѣлавъ это, онъ уже налагалъ на себя обязанность постоянно приносить подобные гостинцы. Независимо отъ этихъ трехъ разрядовъ крѣпостныхъ крестьянъ, мингрельскіе помѣщики имѣли еще полныхъ рабовъ, не имѣвшихъ никакой собственности, даже полученнаго при крещеніи имени: имъ, говоритъ г. Бороздинъ, обыкновенно давали какую-нибудь вымышленную кличку. Въ эту же категорію поступали и женщины взятыя изъ семействъ *глеховъ*. Съ своей стороны, помѣщичьи крестьяне нерѣдко имѣли своихъ по праву имъ принадлежавшихъ крестьянъ и рабовъ, а помѣщики, въ свою очередь, составляли прислугу (хотя и почетную) князей, которые находились въ такомъ же отношеніи къ владѣтелю Мингреліи... Такимъ образомъ, цѣпь личнаго служенія обнимала всю Мингрелію безъ исключенія, сообщая какой-то феодально-патріархальный характеръ тамошнему общественному строю. Оружіе, которое неизмѣнно имѣли при себѣ эти различнаго ранга слуги, дѣйствительно могло переносить воображеніе наблюдателя ко временамъ феодализма, тогда какъ, съ другой стороны, нѣкоторыя черты говорили о временахъ первобытной простоты: такъ напримѣръ, крестьяне не обинуясь садились за трапезу своего владѣльца, когда заставали его за трапезой, а владѣлецъ, съ своей стороны, совершалъ ежегодные и часто повторяемые объѣзды по своимъ владѣніямъ, при чемъ каждый крестьянскій дворъ обязывался оказывать ему гостепріимство и снабжать его самого, его семейство и прислугу всѣми незатѣйливыми впрочемъ, припасами для стола, и кормить лошадей. Въ заключеніе характеристики этого поразительнаго въ наше время общественнаго строя, замѣтимъ что лишь въ 1841 году мѣстное духовенство вышло само изъ крѣпостной зависимости, но дѣти священниковъ, рожденныя до этого года, такъ и остались крѣпостными до нынѣшняго 19-го февраля.

Могли ли быть довольны такимъ положеніемъ, не говоря о крестьянахъ, сами князья и дворяне, наконецъ духовенство? Едва ли. На 22.646 крестьянскихъ дворовъ, насчитываемыхъ въ Мингреліи, изъ коихъ 2.747 принадлежали князю-владѣтелю, числится 2.745 дымовъ или семействъ княжескихъ, дворянскихъ и священно-служительскихъ, изъ коихъ, говоритъ г. Бороздинъ, не болѣе 200 могутъ быть причислены къ болѣе крупнымъ помѣщикамъ; можно себѣ представить, какое малое число крестьянъ приходилось на каждое лицо дворянскаго званія. Нѣкоторыя мѣстныя особенности дѣлали еще болѣе затруднительною и эту убогую собственность. Поземельное владѣніе помѣщиковъ, пишетъ г. Бороздинъ, однофамильцевъ и родственниковъ весьма рѣдко въ Мингреліи бываетъ раздѣльное, а большею частію общее, нераздѣльное. При этомъ поселяне обыкновенно распредѣляются между господами, а земли и лѣса остаются и въ общемъ пользованіи. Послѣдствіемъ этого обычая бывало нерѣдко то, что, напримѣръ, на десять помѣщиковъ приходилось всего пять дымовъ, изъ коихъ каждый слѣдовательно зависѣлъ отъ двухъ господъ. Встрѣчаются и такіе случаи, что одинъ дымъ служилъ семи господамъ. Послѣдній владѣтель Давидъ постановилъ за правило во всѣхъ подобныхъ случаяхъ одному изъ владѣльцевъ покупать крестьянина у остальныхъ соучастниковъ и такимъ образомъ избавлялъ его отъ *семибоярщины*, но на практикѣ это распоряженіе мало примѣнялось. При-

томъ помѣщичье право было очень стѣснено глубоко вкоренившимся обычаемъ, въ силу котораго крестьянинъ дѣлалъ лишь ту работу, которою онъ искони занимался, и новаго дѣла на него невозможно было возложить. Одинъ князь, разсказываетъ г. Бороздинъ, хотѣлъ завести у себя воздѣлываніе суходольнаго риса, но крестьяне рѣшительно отказались приняться за это новое для нихъ дѣло, исправно между тѣмъ обрабатывая кукурузу, гоми и исполняя всѣ прочія повинности.

„Однажды, продолжаетъ нашъ авторъ, мнѣ случилось видѣть у одного значительнаго помѣщика, какъ съ кухни его 13 человѣкъ несли обѣдъ въ разныхъ горшечкахъ въ домъ, и вся эта толпа была въ отвратительныхъ отрепьяхъ. Невольно родился вопросъ: зачѣмъ столько людей для переноски одного обѣда на двухъ человѣкъ? Но помѣщикъ со вздохомъ отвѣчалъ, что это его *самзаровло*, т.-е. повара, которыхъ у него накопилось 13 человѣкъ, ничего не соглашающихся дѣлать, кромѣ какъ готовить у него на кухнѣ; прокормить ихъ стоитъ не меньше 50 р. въ мѣсяцъ, а если прогнать ихъ со двора, то они откажутся послѣ того отъ всякой службы,—вотъ онъ и держитъ ихъ поневолѣ.“

Эти обветшалыя и стѣснительныя формы общественныхъ отношеній громко требовали обновленія, и послѣдній владѣтель, отецъ нынѣшняго князя Дадіана-Мингрельскаго, нанесъ имъ нѣсколько чувствительныхъ ударовъ; но такъ какъ законъ имѣлъ мало обязательной силы въ этой заглохшей странѣ, то старые обычаи не прекращались. Русскимъ чиновникамъ приходилось, своимъ посредничествомъ и авторитетомъ, сдерживать, съ одной стороны, неудовольствіе крестьянъ противъ помѣщиковъ, съ другой—неудовольствіе дворянства противъ владѣтеля. Г. Бороздинъ приводитъ нѣсколько случаевъ по истинѣ возмутительныхъ, которымъ только во вниманіи къ крайней неразвитости мѣстнаго высшаго сословія и къ стародавнимъ обычаямъ не дано было уголовнаго характера. Послѣ смерти Давида Дадіана, именно въ 1857 году,—когда за малолѣтствомъ наслѣдника управляла его мать, вдовствующая княгиня,—неудовольствіе крестьянъ приняло довольно серіозный характеръ. Владѣтельная фамилія получила приглашеніе переселиться въ Петербургъ, а страна была подчинена непосредственно кавказскому намѣстнику (князю Барятинскому). Десять лѣтъ спустя, Августѣйшій преемникъ князя Барятинскаго положилъ конецъ и всѣмъ поводамъ ко внутреннимъ смутамъ въ Мингреліи, и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ органомъ окончательнаго завершенія на всемъ пространствѣ Имперіи великаго дѣла—упраздненія крѣпостнаго права.

Г. Бороздинъ рисуетъ картину цвѣтущей будущности, которая ожидаетъ Мингрелію. Дѣйствительно, природа соединила здѣсь всѣ благопріятныя условія. Мингролія прилегаетъ къ Черному морю и прорѣзана судоходною на всемъ пространствѣ этой страны рѣкою Ріономъ. По климату ее надобно отнести къ самымъ пріятнымъ во всемъ Закавказьи мѣстностямъ, если забыть свирѣпствующія здѣсь лихорадки, которыя происходятъ отъ покрывающихъ всю Мингрелію непроходимыхъ лѣсовъ, задерживающихъ испаренія ея низменной почвы: когда часть этихъ лѣсовъ будетъ вырублена и на открывшихся пространствахъ заведутся хлѣбопашество, винодѣліе, шелководство и воздѣлываніе хлопка, лихорадки несомнѣнно исчезнутъ и сюда преимущественно прильютъ свѣжія силы Закавказья, какъ въ область, имѣющую непосредственную связь, при помощи моря, съ цивилизованнымъ міромъ. Прибавимъ къ этому, что, по свидѣтельству г. Бороздина, мингрельскіе крестьяне отличаются передъ своими закавказскими собратами трудолюбіемъ и понятливостью, такъ что нигдѣ не открывается предпринимателю земледѣльческаго или фабричнаго промысла такихъ удобствъ относительно пріисканія рабочихъ рукъ.

№ 87.

Москва, 21-го апрѣля.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что въ военныхъ преобразованіяхъ, производимыхъ въ настоящее время съ такою энергіей во всѣхъ государствахъ Европы, выдаются двѣ общія основныя черты, въ которыхъ выразилось стремленіе увеличить численность боевой силы государствъ. Повсюду заботятся о такомъ устройствѣ резервовъ, при которомъ представлялась бы возможность съ переходомъ на военное положеніе въ короткій срокъ развернуть численную силу дѣйствующаго войска; принимаются мѣры къ тому, чтобы въ военное вре-

мя дѣйствующее войско могло быть направлено противъ непріятеля всею своею силою, чтобъ оно служило дѣйствительно военнымъ цѣлямъ и не отвлекалось отъ своего главнаго назначенія цѣлями второстепенными, чтобы въ отправленіи внутренней, гарнизонной службы оно замѣнялось особымъ видомъ военныхъ учрежденій въ родѣ земскихъ ополченій, или милицій, и земской стражи. Каковы бы ни были различія въ организаціи резервовъ, ландверовъ и ландштурмовъ, подвижной національной гвардіи и народныхъ ополченій, по каждому государству въ отдѣльности,— вездѣ сознается необходимость имѣть въ запасѣ обученыхъ людей для пополненія численнаго состава арміи содержимой въ мирное время, и вездѣ также сознается потребность имѣть такое учрежденіе, которое приходило бы, преимущественно въ военное время, на помощь постоянной арміи, освобождая ее отъ лежащей на ней обязанности охранять внутреннее спокойствіе въ государствѣ.

Если обратиться къ совершающимся нынѣ и отчасти уже совершеннымъ преобразованіямъ военныхъ учрежденій нашего отечества, то нельзя не видѣть съ чувствомъ довольства, что по отношенію къ увеличенію численности войска устройствомъ резерва, допускающаго быструю мобилизацію, Россія сдѣлала очень много,—значительно болѣе чѣмъ тѣ государства Европы, которыя спѣшатъ теперь пополнить свою военную организацію. По всей вѣроятности, въ непродолжительномъ времени представится возможность привести наши военныя реформы въ этомъ смыслѣ къ опредѣленной, установленный закономъ, системѣ. Главная особенность этой системы та, что число частей регулярнаго войска, полковъ, баталіоновъ, эскадроновъ, батарей, опредѣлено одинаковое для мирнаго и военнаго времени, а измѣняется только число членовъ въ каждой части увольненіемъ людей въ безсрочный и временные отпуски и призывомъ ихъ изъ отпусковъ. Наиболѣе крупныя мѣры, проведенныя уже съ этою цѣлію, состояли съ одной стороны въ установленіи ежегодныхъ рекрутскихъ наборовъ, въ устройствѣ особыхъ резервныхъ баталіоновъ, эскадроновъ и батарей, исключительно назначенныхъ для приготовленія рекрутъ, съ тѣмъ чтобы боевыя войска въ военное время не были обременяемы новобранцами, въ увольненіи значительнаго числа нижнихъ чиновъ въ отпускъ для образованія запаса, призывомъ котораго можно будетъ довести части войскъ до состава опредѣленнаго военнымъ положеніемъ; съ другой стороны, въ сформированіи значительнаго числа новыхъ частей. При началѣ Восточной войны, въ нашей арміи считалось 28 дѣйствующихъ пѣхотныхъ дивизій, теперь ихъ 47; тогда считалось 112 пѣхотныхъ полковъ, теперь ихъ 188; число нижнихъ чиновъ подвижнаго войска въ 1853 году составляло по спискамъ около 580 тыс., теперь оно возросло до 800 тыс. Вотъ тѣ главныя мѣры послѣдняго времени, которыми достигнуто существенное увеличеніе численности подвижнаго регулярнаго войска.

Къ началу настоящаго года въ нашей регулярной арміи числилось 26.600 офицеровъ, 705.799 нижнихъ чиновъ и 29.632 деньщика. Съ началомъ серіозной войны этотъ составъ, по соображеніямъ военнаго вѣдомства, можетъ развиться до 1.180 тыс., которыя съ 300 тысячъ иррегулярнаго войска доводятъ вооруженныя силы Россіи почти до полутора милліона.

Итакъ, устройство подвижной боевой силы и обезпеченіе ея резервомъ было уже предметомъ особаго вниманія военнаго вѣдомства еще нѣсколькими годами ранѣе того всеобщаго движенія къ военнымъ преобразованіямъ, которое охватило Европу съ окончаніемъ прошлогодней войны. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, дѣло подвинуто настолько, что вооруженныя силы Россіи приведены на дѣлѣ къ извѣстной системѣ.

Но сличая эту систему съ совокупностью задуманныхъ въ разныхъ государствахъ преобразованій, замѣчаемъ, что въ ней пока еще не отведено мѣста тому учрежденію, которое можетъ служить и подспорьемъ для арміи, и облегченіемъ населенію въ несеніи военныхъ тягостей; въ ней пока еще нѣтъ мѣста тому что всего удобнѣе, кажется, назвать организованнымъ ополченіемъ. Спрашивается, нуженъ ли намъ этотъ видъ военной организаціи? Въ кругу спеціалистовъ есть мнѣніе, что вся наша сила должна заключаться въ постоянной арміи и что отъ введенія постоянныхъ ополченій едва ли можно ожидать успѣшнаго результата даже въ экономическомъ отношеніи. Мнѣніе это поддерживается указаніемъ на слабую населенность страны и на другія причины. Для насъ не-

спеціалистовъ эти доводы не имѣютъ такой силы, чтобъ безъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія отвѣчать отрицательно на поставленный выше вопросъ. Указываемые доводы кажутся намъ не спеціально-военнаго, а болѣе общаго свойства; къ тому же они отчасти устраняются и дѣйствительностію. Ополченіе не есть нѣчто новое для Россіи; не разъ созывалось оно во времена серіозныхъ политическихъ затрудненій. Всеобщее или частное, въ видѣ ли дружинъ, полковъ или сельской стражи, ополченіе встрѣчается въ текущемъ столѣтіи въ составѣ вооруженныхъ силъ Россіи довольно часто. Въ привывахъ ополченія выражается признаніе его необходимости; польза его засвидѣтельствована событіями; но она далеко не та, какую слѣдовало бы ожидать въ томъ случаѣ, когда ополченіе было бы собираемо и устраиваемо не предъ послѣднимъ часомъ борьбы, а заблаговременно, словомъ когда оно вошло бы въ систему вооруженныхъ силъ Россіи.

Вотъ почему мысль генерала Фадѣева объ устройствѣ постояннаго ополченія кажется намъ заслуживающею серіознаго критическаго разсмотрѣнія, и вотъ почему съ удовольствіемъ встрѣтили мы и въ *Русскомъ Инвалидѣ*, въ статьѣ разбирающей начало труда генерала Фадѣева, одобреніе этой мысли и такое рѣшительное заявленіе: „спору нѣтъ, намъ нужны ополченія.“

Эта же самая статья *Русскаго Инвалида* не оставила безъ вниманія „тѣхъ неточностей, противорѣчій и невѣрностей, которыми преисполнены,“ по ея мнѣнію, и статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, по военному вопросу, и въ особенности трудъ генерала Фадѣева печатаемый въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и подавшій поводъ къ нашимъ замѣткамъ. Но критикъ приводитъ, въ подтвержденіе своего столь снисходительнаго отзыва, доказательства поражающія въ свою очередь обиліемъ „неточностей, противорѣчій и невѣрностей,“ во всемъ что касается основныхъ принциповъ устройства русскихъ вооруженныхъ силъ, при сужденіи о которыхъ „даже и отъ неспеціалиста требуется извѣстная критика и послѣдовательность мнѣній.“ Мы должны сказать объ этомъ нѣсколько словъ въ интересѣ дѣла.

„Армія принесена въ жертву ополченію,“—вотъ главное обвиненіе взводимое критикомъ на автора *Вооруженныхъ силъ Россіи*. По этому поводу въ *Русскомъ Инвалидѣ* серіозно доказывается, что армію слѣдуетъ сохранить, что она поистинѣ полезна, что она не должна уступать мѣсто ополченію и служить ему лишь кадрами. А между тѣмъ, конечно, ни въ статьѣ генерала Фадѣева, ни въ статьяхъ *Московскихъ Вѣдомостей*, написанныхъ по ея поводу, нѣтъ и мысли о жертвоприношеніи арміи ополченію, что съ совершенною ясностію усматривается даже въ выдержкахъ изъ статьи г. Фадѣева приведенныхъ самимъ критикомъ. Ополченіе, по мысли автора, назначается для внутренней службы, для второстепенныхъ военныхъ цѣлей, для замѣщенія нестроевыхъ должностей и т. д. Но авторъ не назначаетъ его ни для того чтобы „забросать непріятеля шапками,“ ни для того чтобы замѣнить регулярную армію въ столкновеніяхъ съ непріятелемъ; можетъ-быть приписывать автору мысли подобнаго рода и очень остроумно, но во всякомъ случаѣ невѣрно и неточно. Недоразумѣнія критика произошли отъ неправильнаго объясненія мнѣнія г. Фадѣева о томъ, что ополченіе дозволило бы распустить, за малыми исключеніями, нестроевыхъ и всѣ внутреннія войска, кромѣ полковыхъ депо, и доставило бы возможность въ мирное время ограничиться кадрами дѣйствующихъ войскъ. Кто внимательно прочтетъ эти строки, тотъ пойметъ, что въ мирное время авторъ предполагаетъ кромѣ кадровъ дѣйствующихъ войскъ содержать еще и полковыя депо. Гораздо труднѣе вывести изъ предыдущихъ строкъ заключеніе, что регулярная армія должна ограничиться одними полковыми депо. Умѣнье читать—великое умѣнье! Оно избавило бы въ данномъ случаѣ критика отъ необходимости печатать столбцы невѣрностей и неточностей.

Всѣ неспеціалисты, которые читали статьи *Военнаго Сборника* о преобразованіяхъ въ нашей арміи, припомнятъ, что подъ полковымъ депо слѣдуетъ разумѣть тѣ части войска, которыя названы теперь резервными баталіонами; подъ кадрами же дѣйствующей арміи — полки и баталіоны, приведенные къ составу по кадровому положенію, въ которомъ уже состоитъ теперь четвертая часть нашихъ пѣхотныхъ дивизій. Тутъ слѣдовательно нѣтъ ничего поразительнаго и подлежащаго порицанію: наше военное вѣдомство поставило себѣ

цѣлію сокращать армію въ мирное время до предѣла обезпеченнаго кадровымъ положеніемъ.

Итакъ, какую же армію г. Фадѣевъ „приноситъ въ жертву“ ополченію? Онъ приноситъ ему въ жертву главнымъ образомъ войска, изъ которыхъ отнюдь нельзя составить армію, которыя не можетъ сдвинуть съ мѣста ни самая жестокая война, ни самое страшное пораженіе, и которыя самимъ военнымъ вѣдомствомъ относятся въ разрядъ частей не предназначаемыхъ къ боевымъ цѣлямъ. Мы говоримъ о губернскихъ баталіонахъ и уѣздныхъ командахъ, скрывающихъ подъ новыми названіями прежніе гарнизонные баталіоны и инвалидныя команды. Въ то время, когда ополченецъ съ топоромъ отстаивалъ отъ непріятеля ограду Севастополя, по губернскимъ и уѣзднымъ городамъ нашего обширнаго отечества было раскидано болѣе 150 тысячъ солдатъ, обмундированныхъ обученныхъ, вооруженныхъ, но прикованныхъ къ своимъ городамъ. Тогда солдаты эти служили еще, хотя отчасти, боевымъ цѣлямъ, подготовляя рекрутъ. Теперь и эта обязанность передана резервнымъ баталіонамъ; губернскимъ же баталіонамъ и уѣзднымъ командамъ остается только исполнять обязанности караульной службы въ городахъ и конвоировать людей и транспорты. Но этого мало: въ то время какъ солдаты регулярныхъ полковъ раскиданы по деревнямъ и не имѣютъ возможности въ теченіи долгой зимы собираться на строевое ученіе, войска, которымъ вѣкъ не приведется увидѣть непріятеля, пользуются помѣщеніемъ въ городахъ, способствующихъ развитію военнаго воспитанія.

Численность губернскихъ баталіоновъ и уѣздныхъ командъ, опредѣляемая числомъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, по штатамъ мирнаго времени слишкомъ 100 тысячъ, а на военное время пополняется еще 20 тысячами. Чѣмъ болѣе эта численность, измѣняющаяся отчасти числомъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, тѣмъ менѣе, при одинаковомъ военномъ бюджетѣ, численность боевой подвижной части арміи. Изъ 705 т. нижнихъ чиновъ (безъ деньщиковъ) состоявшихъ въ нашей арміи къ началу года, въ Европейской Россіи было расположено около 525 т. и почти пятая часть этого числа (около 100 т.) приходилась на долю губернскихъ баталіоновъ, уѣздныхъ командъ и жандармовъ; за вычетомъ же другихъ мѣстныхъ войскъ на долю полевыхъ приходилось всего 352 т.

Гарнизонные баталіоны и инвалидныя команды пополняются такъ-называемыми неспособными 1-го разряда, которыхъ при долгосрочной службѣ и при другихъ, всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствахъ, набиралось не мало. Теперь съ сокращеніемъ сроковъ, съ увольненіемъ во временные отпуски и съ постепеннымъ устраненіемъ встрѣчавшихся по этой части злоупотребленій, число неспособныхъ должно уменьшиться и комплектованіе губернскихъ баталіоновъ и уѣздныхъ командъ будетъ подходить къ условіямъ комплектованія другихъ частей. Но тутъ самъ собой возникаетъ вопросъ: есть ли надобность пополнять ряды гарнизоннаго войска рекрутами, призываемыми на долгіе сроки, и такимъ образомъ увеличивать тягости рекрутской повинности? Есть ли надобность въ ежегодномъ удаленіи 10 т. рекрутъ съ своихъ мѣстъ, для водворенія ихъ, по истеченіи нѣкотораго времени, на постоянномъ мѣстѣ жительства въ какомъ-либо другомъ, отдаленномъ городѣ?

Вотъ войска, которыя г. Фадѣевъ главнымъ образомъ „приноситъ въ жертву“ ополченію, причемъ оставались бы въ выигрышѣ и остальная армія, дремлющая полгода по деревнямъ, и населеніе, ежегодно поставляющее до 10 т. на пополненіе частей не имѣющихъ боеваго назначенія.

Гораздо большею основательностію отличаются замѣчанія *Русскаго Инвалида* на проектъ устройства ополченія предложенный генераломъ Фадѣевымъ. По вычисленіямъ *Русскаго Инвалида*, на исполненіе этого проекта потребуется ежегоднаго расхода до 6 милл., и расходъ этотъ признается для устройства ополченія высокимъ. Весьма серіозными кажутся намъ также возраженія противъ трехнедѣльнаго сбора ополченцевъ; противъ такихъ сборовъ подвижной національной гвардіи высказывается и генералъ Шангарнье въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux Mondes*, въ оживленной статьѣ о реорганизаціи французскаго войска. Оставляя спеціалистамъ обсуживать подробности устройства постояннаго ополченія, достаточно ли въ мирное время вести только списки ополченцамъ, не призывая ихъ на службу, или слѣдуетъ собирать ихъ въ теченіи трехъ лѣтъ на трехнедѣльный срокъ, или наконецъ должно предпочесть прикомандиров-

ку ихъ къ резервнымъ баталіонамъ на годовой срокъ для строеваго обученія и отправленія внутренней стражи и т. д., мы считаемъ полезнымъ не покидать общей мысли, что введеніемъ ополченія въ систему вооруженныхъ силъ могутъ быть пріобрѣтены, и для постоянной арміи, и для населенія, многія весьма существенныя выгоды.

№ 88.

Москва, 22-го апрѣля.

А.

Въ Россіи, къ несчастію, держатся и по сіе время группы людей, ничтожныя по своей численности, но чувствующія себя на столько значительными и сильными, что считаютъ возможнымъ противополагать себя русскому народу и даже оспаривать у него государственныя права. Изъ этихъ группъ выходятъ тѣ фальшивыя и лукавыя ученія, которыя выставляютъ русскій народъ не только неспособнымъ къ высшей цивилизаціи и обреченнымъ служить лишь матеріяломъ и орудіемъ для чуждыхъ ему цѣлей, но исполненнымъ противогосударственныхъ и мятежныхъ стремленій. Наглость этихъ ученій доходитъ до того, что они полагаютъ возможнымъ привести къ разрыву или по крайней мѣрѣ возбудить прискорбныя недоразумѣнія между русскимъ народомъ и верховною властью, которая вышла изъ его исторіи и есть его единственное благо упроченное и возвеличенное имъ цѣной тяжкихъ страданій и пожертвованій. Нѣтъ порицанія, которому не подвергался бы бѣдный русскій народъ съ разныхъ сторонъ. Ему отказываютъ во всемъ; у него отнимаютъ даже его исторію и происхожденіе; все въ его жизни и свойствахъ предается поруганію; ему приписываются несовмѣстимыя, отрицательныя свойства, смотря по тому съ какой стороны требуется клеветать на него Пусть же клевещутъ на русскій народъ, пусть отрицаютъ у него все что угодно, пусть соревнующіе ему возвышаютъ себя надъ нимъ въ какихъ угодно качествахъ; но пусть по крайней мѣрѣ не оскорбляютъ простаго здраваго смысла, пусть по крайней мѣрѣ не посягаютъ на очевидность...

Кто сколько-нибудь знаетъ русскую исторію, кто не вовсе лишенъ смысла для разумѣнія окружающихъ явленій, тотъ не можетъ сомнѣваться въ свойствахъ русской народности, по крайней мѣрѣ по отношенію къ государственному порядку и къ верховной власти, которою онъ держится,—тотъ не можетъ думать, что въ интересѣ этого порядка надобно стѣснять и подавлять русскую народность. Еслибъ она дѣйствительно соотвѣтствовала тѣмъ ученіямъ, которыя о ней разглашаются, русское государство не могло бы существовать, оно неминуемо должно было бы распасться, и дѣйствительно—все искусство нашихъ политическихъ противниковъ состоитъ въ томъ, чтобы вооружать насъ самихъ противъ нашей народности. Взаимное недовѣріе и разъединеніе между русскимъ народнымъ чувствомъ и русскою верховною властію, вотъ цѣль этихъ стремленій, и еслибы цѣль эта могла быть прочнымъ образомъ достигнута, то дѣло ихъ было бы сдѣлано.

Напрасно хотятъ увѣрить насъ что можно быть честнымъ гражданиномъ, отвергая и отрицая національность государства, что можно быть вѣрнымъ подданнымъ, не будучи честнымъ гражданиномъ; напрасно хотятъ увѣрить насъ, что можно служить государю, не служа его государству. Гдѣ же могутъ быть права и интересы государя какъ не въ его государствѣ? Россія сильна именно тѣмъ что народъ ея не отдѣляетъ себя отъ своего Государя. Не въ этомъ ли единственно заключается то священное значеніе, которое русскій Царь имѣетъ для русскаго народа? Не въ этомъ ли душа и смыслъ всѣхъ проявленій народнаго чувства, обращеннаго къ царскому престолу?

Кто въ Россіи по истинѣ, а не для виду только изъявляетъ вѣрность и преданность русскому Государю, тому остается только слиться съ русскимъ народомъ. Притязаніе отличаться предъ нимъ въ этомъ отношеніи можетъ свидѣтельствовать только о неискренности побужденій, о фальшивости чувства. Дѣло не въ видимости, а въ сущности. О смыслѣ и свойствѣ русскаго народнаго чувства говоритъ убѣдительно вся русская исторія. Это не есть чувство наемника, который соблюдаетъ свои обязательства, пока ему это выгодно; это сила природная, семейная, созданная исторіей, воспитанная церковію,—сила, отъ которой народъ нашъ не можетъ отложиться, не отрекаясь отъ собствен-

наго бытія. Въ Россіи не могло бы возникнуть никакихъ внутреннихъ недоразумѣній и опасностей, если бы все что̀ живетъ въ ней было одушевлено русскимъ гражданскимъ чувствомъ, и еслибъ ея политика постоянно слѣдовала только тѣмъ побужденіямъ и идеямъ, которыя изъ этого чувства почерпаются. Указываютъ на нѣкоторыя печальныя явленія возникающія въ нашей общественной жизни: но стоитъ только присмотрѣться къ нимъ, чтобъ убѣдиться, какъ мало общаго между ими и русскимъ народомъ; стоитъ только немного отдать себѣ отчетъ въ этихъ явленіяхъ, чтобъ удостовѣриться въ свойствѣ тѣхъ чуждыхъ и враждебныхъ русскому народу вліяній, которыя создаютъ и поддерживаютъ ихъ. Дабы противодѣйствовать этимъ вліяніямъ, нѣтъ другаго средства, какъ бодрое и полное развитіе русской народности, которая только и можетъ поддерживать здоровье и жизнь въ нашемъ государственномъ организмѣ.

Ничто такъ выразительно и сильно не свидѣтельствуетъ о той нравственной неразрывной связи, которая соединяетъ русскій народъ съ главой его государственной жизни, какъ выраженія народнаго чувства во дни подобные переживаемымъ теперь нашею Москвой. Въ искренности этихъ выраженій невозможно сомнѣваться, невозможно въ нихъ ошибиться. Въ этихъ восторженныхъ кликахъ, которыми Москва встрѣтила своихъ Августѣйшихъ Посѣтителей, дѣйствительно слышалась вся исторія русскаго народа.

Б.

Пріятно видѣть, что вопросъ объ устройствѣ русскаго торговаго флота, столь важный для Россіи, началъ въ послѣднее время обращать на себя вниманіе. Разными журналами и обществами предлагаются средства къ тому, и мы также получили нѣсколько интересныхъ статей по этому предмету которыя не замедлимъ напечатать. Но предварительно мы желали бы содѣйствовать твердому установленію наиболѣе существенныхъ общихъ понятій сюда относящихся. Хотя у насъ уже есть начатки торговаго флота, но взятое въ цѣломъ, дѣло это у насъ новое, и какъ нельзя болѣе желательно, чтобъ оно развивалось при правильной обстановкѣ, чтобъ его развитіе было свободно отъ вліянія предубѣжденій и предразсудковъ.

Недостатокъ самостоятельнаго торговаго флота есть язва, чрезъ которую совершенно безполезно истекаютъ лучшіе соки нашей промышленности и нашего производства. Но въ то же время это есть язва всего торговаго міра. Лишь самая небольшая часть утраты, претерпѣваемой нами вслѣдствіе недостатка торговаго флота, обращается въ пользу прочимъ государствамъ, а наибольшая часть пропадаетъ даромъ. Наше земледѣліе, наша промышленность и торговля страждутъ отъ недостатка торговаго флота, а въ чужихъ краяхъ отъ этого никто не выигрываетъ настолько, насколько могло бы выиграть все человѣчество отъ промышленнаго преуспѣянія великой страны какъ Россія. Можно положительно сказать, что господствующія на Западѣ неблагопріятныя сужденія о Россіи значительно измѣнились бы, еслибы русскій купеческій флагъ, занялъ на моряхъ мѣсто соотвѣтствующее политическому вѣсу Русской державы.

Вотъ сторона вопроса, которую мы прежде всего должны имѣть въ виду, дабы не впасть при нашихъ выводахъ въ несправедливость относительно иностранцевъ. Несомнѣнно, и весьма естественно, что нѣкоторыя страны и нѣкоторыя корпораціи стараются извлекать выгоду изъ нашей слабости, пока она продолжается, но точно также несомнѣнно, что упомянутый нами общій интересъ нисколько не лишается своей силы вслѣдствіе этихъ частныхъ стремленій. Наши успѣхи не только доставятъ прибытокъ нашимъ землевладѣльцамъ, хлѣбопроизводителямъ и промышленникамъ, но и въ торгующихъ съ нами странахъ западной Европы всѣ классы населенія найдутъ себѣ въ этихъ успѣхахъ непосредственную выгоду. До сихъ поръ въ благодѣяніяхъ всемірной торговли мы, Русскіе, принимали участіе менѣе другихъ народовъ; нашъ ежегодный привозъ и отпускъ простираются не болѣе какъ до 4—5 р. на каждую душу всего нашего населенія, между тѣмъ какъ въ Англіи привозъ и отпускъ доходятъ до 100 рублей на каждую душу населенія, въ Соединенныхъ Штатахъ Америки до 30—35 рублей, во Франціи отъ 25—30 рублей, въ Германіи отъ 20—25 рублей ежегодно. Но тѣмъ не менѣе и у насъ уже теперь каждый чувствуетъ благодѣянія всемірной торговли, безъ которой мы не имѣли бы ни чая и кофе, ни хлопка, ни весьма мно-

гихъ потребностей образованной жизни. А кто болѣе пользуется всемірною торговлей, тотъ и болѣе чувствуетъ ея значеніе. Вотъ чѣмъ объясняется всеобщее стремленіе народовъ нашего времени къ международной торговлѣ, а вовсе не желаніемъ одного народа вредить интересамъ другаго. Конкурренція не есть вражда, и враждебность иностранныхъ конкуррентовъ нельзя приводить въ объясненіе малыхъ успѣховъ нашего торговаго флота. Здравый смыслъ говоритъ, что если иностранная конкурренція можетъ быть опасна туземной производительности, то это относится лишь къ тѣмъ отраслямъ производства, которыя сравнительно маловыгодны. Чѣмъ выгоднѣе дѣло, тѣмъ легче выдержать на немъ конкурренцію, и все искусство въ международномъ свободномъ соперничествѣ состоитъ въ томъ, чтобы каждый народъ занимался самъ наиболѣе выгодными для него промыслами, не предоставляя ихъ иностранцамъ. Слабость русскаго торговаго флота происходитъ отъ нашей слабости въ этомъ искусствѣ выбирать для себя выгодныя занятія,— отъ той же самой слабости, которая выражается напримѣръ въ томъ, что значительная часть мелкихъ городскихъ промысловъ и ремеслъ, сравнительно наиболѣе легкихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе выгодныхъ, находится у насъ въ рукахъ иностранцевъ, между тѣмъ какъ на долю національнаго труда падаетъ тяжесть очень часто неблагодарной черной работы. Мореходство есть промыселъ не трудный и даже привлекательный. Выгодность его не подлежитъ сомнѣнію. Недавно мы упоминали, на основаніи англійскихъ показаній, что Россія въ Черномъ и особенно въ Азовскомъ морѣ платитъ фрахты какихъ не платится нигдѣ, даже въ Индіи, за товары отправляемые въ Англію. Присоединяемъ, относительно каботажа тѣхъ же морей, слѣдующее, заимствованное изъ № 25 *Николаевскаго Вѣстника* замѣчательное показаніе: „Для доказательства насущной необходимости каботажа на Черномъ и Азовскомъ моряхъ приведемъ цифры изъ тарифа Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Положимъ, что въ Поти посылается 12.400 пудовъ сахару и вина. За это Русское Общество взимаетъ 6.240 рублей, между тѣмъ какъ каботажное судно такою платой можетъ окупиться. Но въ томъ-то и дѣло что у насъ нѣтъ настоящаго каботажа. Пароходное Общество хотя и взимаетъ значительный фрахтъ, иногда превышающій фрахтъ въ Лондонъ, за то пріучило купцовъ къ постоянной благополучной доставкѣ груза, что весьма рѣдко случается съ каботажными генерешними судами, по причинѣ ихъ неблагонадежной постройки и совершенной неспособности къ плаванію въ морѣ.“ Но каботажъ, какъ извѣстно, пользуется покровительствомъ. Отъ иностранной конкурренціи онъ страдать не можетъ, потому что она *запрещена*.

Пусть же читатели произнесутъ справедливое сужденіе о томъ что намъ нужно, дабы создать въ упомянутыхъ моряхъ хорошій торговый флотъ. Дѣйствительно ли первое условіе состоитъ въ томъ, чтобы государство дало тамошнимъ судоходамъ привилегіи, дабы ограничить конкурренцію иностраннаго судоходства, или помочь имъ, строя на казенный счетъ суда? Но денежныя условія здѣсь такъ благопріятны для предпринимателей, что государство при величайшихъ усиліяхъ едва могло бы искусственно создать столь же выгодныя условія, еслибы таковыя не существовали естественно. Мореходство, какъ въ Черномъ, такъ въ Балтійскомъ и Бѣломъ морѣ, есть дѣло, безъ сомнѣнія, столь важное, что государство могло бы съ выгодой пожертвовать для него милліонами, еслибы только при помощи этихъ пожертвованій могла быть достигнута цѣль. Но на это надѣяться никакъ нельзя. Правительство такою растратой своихъ средствъ наложило бы пластырь не на больное, а на здоровое мѣсто. Больное мѣсто нашей промышленной жизни не можетъ быть такимъ образомъ уврачевано. Намъ нужно не увеличеніе прибылей, получаемыхъ отъ мореходства; намъ нужно *пробужденіе свободной дѣятельности населенія, развитіе дремлющихъ еще въ народѣ матеріальныхъ и умственныхъ средствъ и силъ*. Казенныхъ милліоновъ тутъ вовсе не требуется, а нужно, вопервыхъ, распространеніе во всемъ, если можно, прибрежномъ населеніи необходимыхъ элементарныхъ свѣдѣній: письма, чтенія, ариѳметики, географіи; вовторыхъ, облегченіе въ прописке паспортовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ формальностяхъ относительно составленія артелей и коммерческихъ товариществъ между крестьянами, горожанами и купцами для постройки судовъ. Къ артельнымъ предпріятіямъ русскій народъ

особенно способенъ, чему доказательство можно найдти въ устройствѣ крестьянскаго приморскаго рыболовства. При доброжелательномъ вниманіи администраціи и даже при одномъ устраненіи стѣсненій, судостроительныя и судоходныя артели могли бы получить быстрое развитіе, еслибы подвинулось впередъ народное образованіе и еслибы прибрежныя населенія научились ясно понимать свои интересы и пользоваться существующими, чрезвычайно благопріятными обстоятельствами на общую пользу государства. Все здѣсь сводится къ освобожденію труда и къ народному просвѣщенію, при чемъ надо замѣтить, что если первое зависитъ исключительно отъ законодательства, то для втораго многое можетъ быть сдѣлано частными и общественными усиліями. Издержки, которыя тутъ требуются, по истинѣ, невелики. Всякое дѣло, естественно развивающееся, начинается съ малаго. Пусть напримѣръ приморскіе города южной Россіи, изъ коихъ иные такъ щедры, опредѣлятъ по небольшой суммѣ на пополненіе курса городскихъ приходскихъ училищъ (именно приходскихъ, а не уѣздныхъ) практическимъ преподаваніемъ судоходства; пусть въ преподаватели возьмутъ они не теоретиковъ, которымъ простой народъ мало вѣритъ, а старыхъ шкиперовъ, опытныхъ въ дѣлѣ и всѣмъ извѣстныхъ своею опытностью; пусть городскіе головы сдѣлаютъ съ своей стороны возможное, чтобы пріискать годныхъ для этой цѣли шкиперовъ, и пусть этихъ шкиперовъ обяжутъ, кромѣ преподаванія въ училищѣ, устроить зимніе курсы для взрослыхъ матросовъ. Это не будетъ много стоить, но это уже будетъ хорошимъ первымъ шагомъ въ національномъ дѣлѣ первостепенной важности.

На свѣтѣ нѣтъ и не было ни одного государства (а государствъ, народовъ и ихъ учрежденій такъ много и такъ они разнообразны), гдѣ существовалъ бы цвѣтущій торговый флотъ при невѣжествѣ народа. На оборотъ у каждаго народа торговый флотъ процвѣтаетъ соразмѣрно со степенью его образованности. Нельзя отрицать, что многія обстоятельства имѣютъ вліяніе на развитіе морской торговли; но легко доказать, что личная свобода и просвѣщеніе всегда служили и еще болѣе служатъ нормой въ настоящее время, при свободной конкурренціи народовъ.

№ 89.

Москва, 24-го апрѣля.

Открытіе такъ-называемой этнографической выставки въ Москвѣ получаетъ особенное значеніе отъ обстоятельствъ, среди которыхъ оно совершилось. Давно уже съ большимъ усердіемъ дѣлались къ ней приготовленія, и публика давно съ нетерпѣніемъ ожидала, когда откроется это столь оригинальное зрѣлище, этотъ столь новый предметъ общественнаго интереса въ нашей жизни, все еще довольно скудной интересами не только теоретическаго, но и практическаго свойства. И во всякое другое время открытіе этой выставки не могло бы остаться не замѣченнымъ и не произвести движенія въ публикѣ; но открытіе послѣдовало въ незабвенные для Москвы дни, которые не могли не бросить своего отблеска и на эту выставку. Она была открыта августѣйшимъ почетнымъ предсѣдателемъ своимъ, Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, только что отпраздновавшимъ день своего совершеннолѣтія и принесшимъ присягу на службу Государю и отечеству. На другой день по ея открытіи, она была посѣщена Государемъ Императоромъ, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и его Августѣйшею Супругой, впервые ступившею на историческую почву теперь уже родной ей Москвы, — Москвы съ такою любовью ее встрѣтившей. Выставка есть попытка представить разнообразные типы населеній, живущихъ на безмѣрномъ пространствѣ нашего отечества, и сверхъ того, обращики славянскихъ племенъ, чуждыхъ намъ въ политическомъ отношеніи, но близкихъ по племенному происхожденію и языку: что же могло бы придать ей бо́льшую знаменательность, какъ не присутствіе царственнаго хозяина Русской земли, верховнаго представителя русскаго народа, со всѣми его симпатіями и связями, опредѣляющими не только его домашнее, но и всемірное положеніе? Съ одной стороны, выставка берется представить намъ образъ государственнаго или національнаго единства Россіи, которое объемлетъ собою множество разнородныхъ элементовъ; съ другой,—единства племеннаго, которое не совпадаетъ съ національнымъ и выходитъ изъ предѣловъ одного государства.

Инородческіе элементы, которыми такъ

обильна Россія и которыхъ разнообразіе давало часто поводъ къ фальшивымъ и злонамѣреннымъ заключеніямъ, отнюдь не нарушаютъ государственнаго, или національнаго единства Россіи. Эти инородческіе элементы не представляютъ собою ничего похожаго на то, что соединяется съ понятіемъ политическаго народа, или націи. Это, во-первыхъ, дикари живущіе внѣ всякихъ условій человѣческаго быта, обитатели сѣверныхъ тундръ и лѣсовъ, которые въ такомъ же отношеніи находятся къ Россіи, въ какомъ дикари Австраліи находятся къ Англіи, имѣющей тамъ свои колоніи; во-вторыхъ, это племена, хотя и возвышающіяся надъ дикимъ состояніемъ, но не знавшія исторической жизни, никогда не составлявшія прочнаго политическаго единства и лишенныя всякой внутренней связи, племена разбитыя столкновеніями, разрозненныя и разбросанныя мелкими, чуждыми и нерѣдко враждебными другъ другу частями; втретьихъ, это обрывки народовъ, хотя и имѣвшихъ нѣкогда самостоятельное политическое положеніе, но утратившихъ его и раздробленныхъ между разными государствами; вчетвертыхъ, наконецъ, это отдѣльныя группы забравшіяся силой въ среду чуждыхъ имъ племенъ, не слившіяся съ ними, и образовавшія въ ихъ средѣ особое господствующее надъ ними сословіе. Инородцы въ Россіи составляютъ въ сложности большую цифру, но цифра эта не имѣетъ значенія, потому что инородческіе элементы, изъ которыхъ слагается эта сумма, не составляетъ въ дѣйствительности чего-либо цѣльнаго, и распадаются на множество ничтожныхъ, по своей численности, группъ.

Кстати, мы припоминаемъ книгу, вышедшую года за четыре передъ симъ, на которую случилось намъ какъ-то ссылаться въ спорахъ съ политическими аферистами, пытавшимися отуманить наше общественное мнѣніе въ вопросѣ о національномъ единствѣ Россіи. Это трудъ иностраннаго статистика, Француза по національности и Нѣмца (Эльзасца) по племенному происхожденію, г. Шнитцлера, трудъ посвященный Россіи подъ заглавіемъ: *L'Empire des Tsars, au point de vue de la science.* При нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ для иностранца неточностяхъ, трудъ этотъ отличается весьма солидными качествами, основательностію и добросовѣстностію. Сообразивъ численныя отношенія между племенными особенностями, которыми изобилуетъ Россія, статистикъ ставитъ вопросъ: „отличается ли русское народонаселеніе цѣльностію и однородностію?“ И отвѣчаетъ такъ: „Съ перваго взгляда, нѣтъ; но послѣ нѣсколькихъ размышленій убѣждаемся, что нѣтъ на свѣтѣ національности болѣе связной, какъ эти 55 милліоновъ Русскихъ, которые составляютъ громадное большинство народонаселенія Имперіи, и суть для ней истинный центръ тяжести. Эта національность обладаетъ большою расширительною силой, она уподобляетъ себѣ мало-по-малу всѣ другіе элементы, между которыми одинъ польскій, сосредоточенный въ западныхъ губерніяхъ, имѣетъ еще нѣкоторое замѣтное значеніе, тогда какъ всѣ другіе представляютъ собою дробности одна другой менѣе, и нисходящія до цифры совершенно ничтожной.“ И въ самомъ дѣлѣ изъ этихъ племенныхъ особенностей есть такія, которыя насчитываютъ въ себѣ не болѣе нѣсколькихъ тысячъ, нѣсколькихъ сотенъ, даже нѣсколькихъ десятковъ душъ.

Разнообразіе элементовъ входящихъ въ составъ русскаго народонаселенія, отнюдь не нарушая его національнаго единства, можетъ, при здравой политикѣ, только способствовать богатству его развитія и крѣпости его государственнаго состава, потому что, какъ свидѣтельствуетъ исторія, народы, состоящіе изъ одного сплошнаго племени и не принимавшіе въ себѣ инородной закваски, всегда были безсильны и не способны къ крѣпкой государственной организаціи. Надобно желать только, какъ для Россіи, такъ и для человѣчества, чтобы великая народность, въ которой заключается истинный центръ ея тяжести и которою условливается ея государственное единство, становилась все болѣе нравственною силой и элементомъ просвѣщенія и гражданственности.

№ 90.

Москва, 25-го апрѣля.

Давно уже не доводилось намъ говорить о вопросахъ нашего западнаго края. Сколько намъ извѣстно, ходъ дѣлъ въ этихъ несчастныхъ девяти губерніяхъ, пораженныхъ одною судьбой, представляетъ мало успѣшныхъ результатовъ, а намъ не хотѣлось продолжать играть роль Кассанд-

ры. Мы не могли сказать ничего успокоительнаго и предпочитали хранить молчаніе, сознавая что западный край остается попрежнему однимъ изъ самыхъ тревожныхъ вопросовъ, касающихся будущности нашего отечества. Но вотъ, изъ этого полувольнаго и полуневольнаго усыпленія будятъ насъ голоса изъ-за границы. Французская печать снова начинаетъ оказывать заботливое вниманіе къ нашимъ внутреннимъ дѣламъ. На этихъ дняхъ почта принесла намъ листокъ *Journal des Débats* (отъ 30-го апрѣля), гдѣ общее суммарное обозрѣніе текущихъ событій, обыкновенно дѣлаемое въ началѣ нумера, прерывается съ первыхъ словъ и захватывается длинною и патетическою выходкой по вопросу о землевладѣніи въ западномъ краѣ. Французскій обозрѣватель, обнаруживая замѣчательною начитанность въ русскихъ газетахъ, не только столичныхъ, но и провинціальныхъ, приходитъ къ заключеніямъ весьма неутѣшительнымъ для русскаго правительства и возбуждающимъ всѣ надежды противниковъ Россіи, связанныя съ вопросомъ о землевладѣніи въ западномъ краѣ. Мы не можемъ сомнѣваться въ истинномъ происхожденіи строкъ прочтенныхъ нами въ *Journal des Débats*. Онѣ очевидно присланы въ редакцію этой газеты изъподъ сѣвернаго пасмурнаго неба. Сочинитель ихъ, прилежно слѣдящій за русскою печатью и читающій *Московскія Вѣдомости*, *Русскій Инвалидъ* и *Виленскій Вѣстникъ*, дѣлаетъ нѣсколько фактическихъ неточностей, которыя не иначе можно объяснить какъ изъ желанія замаскировать происхожденіе этихъ сообщеній, предназначенныхъ конечно для назиданія не столько парижской, сколько петербургской публики.

Авторъ замѣтки въ *Journal des Débats* негодуетъ противъ указа 10-го декабря 1865 г., и вмѣстѣ радуется тому, что онъ не приходитъ въ исполненіе. Онъ съ удовольствіемъ считаетъ себя увѣреннымъ, что наше правительство потерпитъ здѣсь фіаско и будетъ вынуждено отказаться отъ справедливой и разумной мѣры: съ другой же стороны, онъ надѣется увѣрить своихъ читателей въ жестокости, варварствѣ и безуміи этой мѣры, которая будто бы отнимаетъ у Россіи право сочувствовать христіанскимъ населеніямъ Турціи, тогда какъ, напротивъ, серіозныя мѣры къ устраненію въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ язвы, худшей чѣмъ османское владычество, только и можетъ дать намъ истинное право заботиться объ участи нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ. Ничего нѣтъ страннаго встрѣтить подобныя сужденія о русскихъ дѣлахъ во французской газетѣ; но печально то, что такого же рода сужденія высказываются иногда и у насъ, и притомъ лицами принадлежащими къ сферамъ офиціальнымъ.

Всякій мыслящій и добросовѣстный человѣкъ пойметъ, что нѣтъ ничего справедливѣе и необходимѣе правительственныхъ заботъ, клонящихся къ измѣненію національнаго характера землевладѣльческихъ классовъ въ западномъ краѣ. Если можетъ быть какое-либо разногласіе въ этомъ вопросѣ, то оно отнюдь не касается самой сущности его, а развѣ тѣхъ или другихъ способовъ, пригодныхъ къ его разрѣшенію. Точно также всякій долженъ сознаться, что это столь важное дѣло, предуказанное Преобразователемъ Россіи, — единственное какое когда-либо было предпринято въ видахъ прочнаго умиротворенія края и обезпеченія въ немъ общей государственной безопасности, — не оказываетъ должныхъ успѣховъ или, лучше сказать, вовсе не подвигается впередъ. Съ каждымъ днемъ, надобно сознаться, дѣйствительно возрастаютъ надежды приверженцевъ *statu quo* въ западномъ краѣ, и польскіе патріоты, которые справедливо видятъ въ вопросѣ о землевладѣніи вопросъ о своемъ *быть или не быть*, дѣйствительно ободряются духомъ и перестаютъ сомнѣваться, что они и на этотъ разъ одержатъ верхъ въ своей борьбѣ съ правительствомъ Россіи. А между тѣмъ принятое правительствомъ рѣшеніе обѣщало въ началѣ блистательный успѣхъ. Общественное мнѣніе приняло основанія правительственнаго плана съ живѣйшимъ сочувствіемъ и съ яснымъ разумѣніемъ необходимости и пользы подобной мѣры для общаго блага. Сколько мы можемъ судить, въ обществѣ и теперь не угасло это разумѣніе и не изсякла готовность способствовать дѣлу. Требовалось и требуется только одного, — убѣжденія, что правительство дѣйствительно имѣетъ въ виду осуществленіе своего плана. Къ сожалѣнію, убѣжденіе это недостаточно сильно въ публикѣ, и нельзя отрицать, что есть нѣкоторыя причины препятствующія такому убѣжденію утвердиться въ публикѣ, а напро-

тивъ, утверждающія приверженцевъ *statu quo* въ надеждахъ на безуспѣшность задуманной реформы. Дабы эта реформа могла пойдти успѣшно, необходимо чтобы въ административныхъ сферахъ, по отношенію къ ней, не было серіознаго разномыслія, и чтобы всѣ партіи были равно искренно убѣждены въ ней и соревновали одна другой въ изысканіи средствъ къ дѣйствительному исполненію Высочайшей воли, торжественно изъявленной по предмету столь несомнѣнной жизненной важности. Для успѣшнаго разрѣшенія такого вопроса, необходимо, чтобы теченіе дѣлъ не подавало повода ни къ какому сомнѣнію касательно ихъ направленія, и чтобы съ видами правительства совершенно согласовалось ихъ исполненіе. Вопросъ, съ которымъ Россія борется въ своемъ западномъ краѣ, не есть что-либо небывалое; подобныя затрудненія возникали въ разныя времена и въ другихъ странахъ, но успѣшно побѣждались они только тамъ, гдѣ правительство не разнилось въ своихъ предположеніяхъ и въ ихъ исполненіи. Пруссія успѣшно германизовала не только землевладѣніе въ пріобрѣтенныхъ ею областяхъ, никогда не бывшихъ германскими, но и самыя населенія ихъ, иноплеменныя, иновѣрныя и совершенно антипатическія къ германской національности. Задача прусскаго правительства была несравненно труднѣе, а средства его въ прежнія времена, когда задачи эти подлежали рѣшенію, отнюдь не были обильнѣе чѣмъ тѣ, которыми располагаетъ наше правительство въ настоящее время. Прусскія правительственныя лица несомнѣнно хотѣли того что прусское правительство признавало необходимымъ и полезнымъ, и оно дѣйствовало успѣшно, потому что правительственныя лица дружно направляли свои усилія къ достиженію цѣли. Въ кабинеты и канцеляріи прусскихъ администраторовъ не проникали противныя предположенной цѣли воззрѣнія, и виды правительства не встрѣчали себѣ замаскированнаго противодѣйствія. Прусское правительство дѣятельно и неослабно помогало тѣмъ операціямъ, которыя быстро измѣнили національность землевладѣнія въ прежде-бывшихъ польскихъ провинціяхъ и навсегда упрочили ихъ за Германіей, утвердивъ въ нихъ общественное спокойствіе и государственную безопасность; прусское правительство всячески привлекало къ нимъ людей, уравнивая имъ пути, облегчая имъ способы организоваться для совокупнаго дѣйствія и обезпечивая ихъ интересы. При исполненіи своихъ плановъ, оно старалось сочетать всѣ условія необходимыя для успѣха дѣла, и избѣгало напротивъ всего что могло бы затруднить или испортить его въ исполненіи.

Политическая опытность учитъ, что успѣху въ важныхъ реформахъ бываетъ опасно не столько явное противодѣйствіе, которое онѣ могутъ встрѣтить съ какой-либо стороны, сколько недостатокъ убѣжденія при его исполненіи. Открытое противодѣйствіе не всегда бываетъ возможно, а весьма часто оно ведетъ только къ тому, что предпринятое дѣло лучше разъясняется въ своихъ средствахъ, и вѣрнѣе обезпечивается въ своемъ успѣхѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что важная государственная реформа, предпринятая въ западномъ краѣ, можетъ и должна, вопреки всѣмъ лживымъ навѣтамъ, увѣнчаться полнымъ успѣхомъ, если только все препятствующее успѣху, на сколько то зависитъ отъ самого правительства, будетъ рѣшительно устранено имъ, а равно если все находящееся въ его средствахъ будетъ также рѣшительно приведено въ дѣйствіе, чтобъ успѣху способствовать. Во всякомъ случаѣ, дѣйствительно, нельзя надѣяться, чтобы дѣло пошло успѣшно при тѣхъ условіяхъ, въ которыя оно поставлено.

№ 91.

Москва, 26-го апрѣля.

Предлагаемое ниже письмо одного изъ нашихъ парижскихъ корреспондентовъ переливается всѣми цвѣтами радуги мира. Дѣйствительно, всѣ теперь убѣждены, что Лондонская конференція, которая вчера приступила къ совѣщаніямъ, успѣетъ мирно разрѣшить Люксембургскій вопросъ и предотвратить бѣдствія войны, которая не болѣе десяти дней назадъ казалась неизбѣжною. Предварительныя основы рѣшенія разглашены теперь печатью, и оказывается, что обѣ спорящія стороны готовы, хотя и не очень добровольно, на уступки крайне тяжелыя для ихъ самолюбія. Франція вынуждена отказаться отъ пріобрѣтенія великаго герцогства Люксембургскаго, хотя недавно еще объявляла, будто оно

ей необходимо для удовлетворенія ея чести и въ видахъ ея національной безопасности. Она должна рѣшиться на срытіе крѣпости построенной Вобаномъ, которую она уже готовилась осѣнить своимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Она вынуждена была сама пойдти на встрѣчу требованіямъ Пруссіи, объявивъ, что съ удовольствіемъ соглашается на нейтрализацію Люксембурга. Съ своей стороны, Пруссія рѣшается на пожертвованія не менѣе чувствительныя для нея, если принять въ разчетъ ея упоеніе своими послѣдними успѣхами и диктатуру г-на фонъ-Бисмарка, которая легла теперь кошемаромъ на всю Германію. Правда, крѣпость Люксембургская не имѣетъ такой важности, чтобы Пруссія не могла обойдтись безъ нея не подвергаясь значительной опасности. Но то что всего важнѣе, что должно ужасно язвить самолюбіе германскаго диктатора, состоитъ въ моральномъ пораженіи, въ обязательствѣ вывести прусскія войска изъ крѣпости, занимаемой ими съ 1816 года, вывести, потому что этого хотѣлъ императоръ Наполеонъ, который объявилъ, что держась за рукоятку меча, такъ или иначе, онъ непремѣнно добьется очищенія крѣпости. Несмотря на всѣ перифразы, на всѣ дипломатическія осторожности, на всѣ ограниченія, къ которымъ Франція была вынуждена предъявляя это требованіе, фактъ обязательнаго вывода войскъ остался у всѣхъ на виду, и онъ не таковъ, чтобы могъ упрочить распространившееся теперь между, все-таки еще слишкомъ добродушными, Нѣмцами мнѣніе, будто г. фонъ-Бисмарку никто не можетъ противиться.

Не питая безпредѣльной вѣры въ успѣхъ Лондонской конференціи, и принимая въ соображеніе могущія возникнуть непредвидимыя обстоятельства, а также тайныя мысли заинтересованныхъ сторонъ, мы не можемъ однако отрицать, что вѣроятности мира значительно увеличились и что принятіе предварительныхъ основаній, предложенныхъ посредствующими дворами, уже составляетъ результатъ столь же положительный какъ и неожиданный.

Одинъ изъ главнѣйшихъ органовъ общественнаго мнѣнія въ Англіи, лондонскій *Times*, видитъ въ этомъ столь серіозное обезпеченіе мира, что пускается въ такія размышленія. „Мы такъ убѣждены,“ говоритъ этотъ журналъ, непривыкшій, впрочемъ, вдаваться въ область утопій, „мы такъ убѣждены, что Лондонской конференціи, предстоитъ дѣло возможное, хотя исполненное затрудненій, что мы желали бы расширить сферу ея дѣйствія, и спросить: не лучше ли было бы, еслибы конференція, вмѣсто того чтобъ ограничиться улаженіемъ мира на скорую руку, вмѣсто того чтобы сказать только враждовавшимъ сторонамъ: „обнимитесь и будьте друзьями,“ склонила ихъ совсѣмъ сложить оружіе? Ожиданіе зла часто бываетъ хуже самаго зла, и вооруженный миръ даже заставляетъ желать войны, дабы положить конецъ агоніи, болѣе мучительной чѣмъ самая смерть. Величайшее желаніе нашего времени состоитъ во всеобщемъ разоруженіи, и было бы очень основательно, еслибы конференція разошлась не прежде какъ опредѣливъ условія, на основаніи которыхъ можетъ быть достигнутъ столь желательный результатъ.“

Въ тотъ же день, когда органъ лондонскаго Города, высказывалъ это желаніе въ своей передовой статьѣ, въ парижской газетѣ *Temps* было напечатано нѣсколько писемъ отъ разныхъ извѣстныхъ во Франціи лицъ, заявляющихъ свое согласіе на проектъ устройства „мирной лиги“ (Ligne de la paix), имѣющей цѣлью предотвратить пагубное употребленіе грубой силы посредствомъ приступа ко всеобщему разоруженію.

Мысль о разоруженіи есть прекрасная мысль, и вотъ уже десять лѣтъ какъ Россія подала на дѣлѣ первый примѣръ разоруженія, сокративъ на половину составъ своихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ. Хотя послѣ того она и увидѣла себя въ необходимости отчасти снова увеличить свое вооруженіе, но сдѣлала это потому что иностранныя державы сочли дозволительнымъ вмѣшаться въ ея внутреннія дѣла, и возбудили мятежъ, предлогомъ къ которому была Польша, а истинною цѣлью желаніе сокрушить вліяніе Россіи на Востокѣ и вообще ея національное величіе. Въ Россіи, какъ и вездѣ, чувствуется потребность въ мирѣ, и, конечно, всѣ въ ней порадовались бы всеобщему разоруженію. Но не слѣдуетъ обольщать себя относительно трудностей подобнаго дѣла. Нельзя успокоиться мѣрами къ поверхностному залѣченію европейскихъ язвъ. Допустимъ даже, что желаніе газеты *Times* исполнится, что кругъ дѣйствія Лондон-

ской конференціи расширится и конференція провозгласитъ всеобщее разоруженіе: это провозглашеніе пробудетъ лишь въ состояніи теоріи, до тѣхъ поръ пока не устранятся поводы къ вооруженіямъ, къ недовѣрію и взаимному зложелательству. Императоръ Наполеонъ, заявивъ предварительно, что его имперія есть миръ, сказалъ въ Бордо: „Когда Франція довольна, то Европа спокойна.“ Но это лишь часть истины Для того чтобъ Европа была спокойна нужно чтобы были довольны не только Франція, но и другія державы. Лишь при этомъ условіи возможно было бы помыслить о серіозномъ и прочномъ мирѣ, и проекты о всеобщемъ разоруженіи перестали бы казаться утопіями.

А между тѣмъ, положеніе дѣлъ какъ между государствами, такъ и въ самихъ государствахъ, далеко не таково, чтобы могло послужить основаніемъ для надеждъ на водвореніе въ Европѣ прочнаго мира. Порядокъ вещей, созданный событіями послѣднихъ лѣтъ, представляетъ мало элементовъ для удовлетворительной формулы мира. Есть поводы опасаться, что роздыхъ, который будетъ послѣдствіемъ Лондонской конференціи, послужитъ не къ упроченію мира, не къ осуществленію проектовъ всеобщаго разоруженія.

№ 92.

Москва, 27-го апрѣля.

Въ №№ 57 и 58 нашей газеты мы указали на важность Либавской морской гавани въ государственномъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ съ другихъ сторонъ были высказаны другіе взгляды, и въ особенности *Рижская Газета* старалась всякаго рода неосновательными фразами умалить значеніе Либавы. Дѣло это очевидно весьма серіозное: при надлежащемъ пользованіи Либавскимъ портомъ можно оказать матеріяльное пособіе пяти прилегающимъ къ ней губерніямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удержать за Россіей важную часть ея торговли, которая безъ того должна перейдти въ чужіе краи и послужить въ пользу не нашимъ морскимъ гаванямъ, а прусскимъ. Не знаемъ, ухитрятся ли *Рижская Газета* и *St.-Petersburger Zeitung* найдти въ нашихъ стараніяхъ въ пользу Либавы новое доказательство нашей вражды къ нашему прибалтійскому краю; думаемъ, что это будетъ трудно, хотя наше предложеніе и имѣетъ цѣлью уменьшить экономическую зависимость Россіи отъ прибалтійскихъ портовъ принадлежащихъ Пруссіи. Либава не просто городъ прибалтійскаго края, но безспорно самый нѣмецкій изъ нашихъ прибалтійскихъ городовъ, и если мы принуждены вступаться за вполнѣ справедливыя требованія Либавы противъ *Рижской Газеты*, то какое еще нужно свидѣтельство, что между стремленіями *Рижской Газеты* и другихъ подобныхъ ей, и между истинными и законными интересами прибалтійскаго края бываетъ иногда не малое различіе? Что наша газета послужила вѣрнымъ органомъ интересовъ Либавы, тому служитъ доказательствомъ помѣщенное ниже отношеніе либавскаго торговаго комитета, извѣщающее насъ о рѣшеніи тамошняго купечества выразить намъ благодарность. Читатели оцѣнятъ причину, побуждающую насъ напечатать это присланное намъ заявленіе. Мы дѣлаемъ это не изъ похвальбы и не потому, чтобы придавали особенное значеніе нашимъ статьямъ, вызвавшимъ сочувствіе въ этомъ крайнемъ городкѣ Курляндіи, но въ доказательство, что вопреки распространяемымъ въ прибалтійскомъ краѣ клеветамъ на русскую печать, она не дѣлаетъ различія между разными частями Россіи и готова служить каждой изъ нихъ, коль скоро дѣло идетъ о дѣйствительныхъ интересахъ, а не о притязаніяхъ несовмѣстимыхъ съ государственною пользой.

Въ № 40 *Либавской Газеты* текущаго года сообщены подробныя показанія о приходѣ кораблей въ Либавскую гавань и объ отходѣ ихъ изъ нея во всю прошлую зиму. Этими свѣдѣніями вполнѣ подтверждается, что въ Либавѣ судоходство возможно, когда оно совершенно прекращается въ другихъ русскихъ гаваняхъ Балтійскаго моря. Вотъ вкратцѣ нѣкоторыя данныя. Либавскій корабль *Гентъ* отошелъ 20-го декабря 1866 изъ Либавы въ Лондонъ, прибылъ оттуда 8-го февраля 1867 назадъ, а 19-го марта отплылъ опять съ хлѣбомъ въ Голландію. Другой либавскій корабль, *Карлъ Рудольфъ*, прибылъ въ Либаву 13-го декабря 1866 года съ солью, отплылъ 17-го февраля въ Дунди съ грузомъ льна, и оттуда воротился 27-го марта въ Либаву съ грузомъ угля. Третій корабль прибылъ 13-го января 1867 г. изъ

Англіи и отплылъ 14-го февраля обратно въ Англію. Одинъ датскій корабль вошелъ 22-го февраля въ гавань и вышелъ изъ нея 27-го февраля; другой датскій корабль прибылъ 4-го декабря, 18-го того же мѣсяца вышелъ, а потомъ снова вступилъ въ гавань 23-го марта и отплылъ изъ нея 28-го марта. Не приводимъ другихъ данныхъ, которыя въ *Либавской Газетѣ* изложены подробно, ибо полагаемъ что и приведенныхъ достаточно. Пусть читатели сами обсудятъ какъ выгодно было бы всему нашему купеческому флоту въ Балтійскомъ морѣ, еслибы суда его, вмѣсто того чтобы стоять зимніе мѣсяцы въ Ригѣ, Петербургѣ и Кронштадтѣ во льду, имѣли возможность продолжать всю зиму морскіе рейсы. Но для этого необходимо именно то, противъ чего такъ возстаетъ *Рижская Газета;* необходима желѣзная дорога, которая могла бы снабжать либавскій портъ отпускнымъ товаромъ изъ мѣстностей или вовсе лишенныхъ сбыта, или принужденныхъ посылать свои продукты въ прусскія гавани для дальнѣйшей отсылки ихъ моремъ. Этимъ условіямъ какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ линія Ковенско-Либавская, служащая продолженіемъ ковенской вѣтви Главнаго Общества, которая въ послѣдствіи въ свою очередь будетъ, конечно, продолжена внутрь Россіи. Только эта линія можетъ дать либавскому порту самостоятельное значеніе, и въ то же время одна эта линія можетъ окупиться, тогда какъ линія Рижско-Либавская, предлагаемая недоброжелательною къ Либавѣ стороной, могла бы снабжать либавскую гавань только въ продолженіи тѣхъ четырехъ мѣсяцевъ въ году, когда рижскій портъ замерзаетъ, а остальные восемь мѣсяцевъ и сама оставалась бы безъ грузовъ и оставляла бы либавскую гавань безъ отпускнаго товара. Словомъ, при Рижско-Либавской дорогѣ, Либава была бы такъ-сказать второю гаванью города Риги и не могла бы подняться надъ значеніемъ рижскаго предмѣстья, а съ другой стороны сама эта дорога, будучи построена только для четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ, въ экономическомъ отношеніи была бы, по всему вѣроятію, еще менѣе выгодна чѣмъ едва покрывающая расходы своей эксплуатаціи дорога Волжско-Донская. Либаву нужно соединить не съ гаванью, какова Рига, а съ удаленною отъ моря внутренностью страны. Рижскій портъ не потерпитъ отъ того никакого ущерба: онъ имѣетъ свой районъ; тѣ мѣстности, которыя были бы соединены съ Либавой черезъ Ковно, рижскимъ портомъ не пользуются, никогда не пользовались и не могутъ пользоваться. Въ зимніе же мѣсяцы рижскій районъ могъ бы пользоваться Ковенско-Либавскою дорогой почти съ тѣмъ же удобствомъ, какъ и дорогой Рижско-Либавскою. Точно то же слѣдуетъ сказать и о петербургскомъ районѣ, а съ помощію Смоленской желѣзной дороги, Либавскій портъ получилъ бы возможность служить и торговлѣ московской, нижегородской и воронежской. Разстояніе между Москвой и Ригой черезъ Смоленскъ и между Москвой и Ковномъ, также черезъ Смоленскъ, одинаково, именно нѣсколько болѣе 900 верстъ; желѣзная дорога отъ Ковна въ Либаву прибавитъ къ этому разстоянію 250 верстъ; а дорога отъ Риги въ Либаву 200 верстъ. Вся разница стало-быть въ 50 верстахъ лишняго пути,—разница столь ничтожная, что ее невозможно принимать въ разчетъ въ виду тѣхъ преимуществъ, которыя имѣетъ Ковенско-Либавская линія.

Орловско-Витебская линія опредѣленно указываетъ то направленіе, въ которомъ будутъ идти въ Ригу продукты внутреннихъ губерній, точно также какъ Рязанско-Козловская опредѣляетъ естественный районъ Петербургскаго порта. Параллельно этимъ двумъ линіямъ западнѣе отъ нихъ должна идти линія естественно примыкающая къ Либавскому порту. Предполагалось соединить Москву съ Курскомъ: предположеніе весьма полезное, но которому теперь слѣдуетъ предпочесть другое, естественно возникающее послѣ утвержденія Орловско-Витебской линіи. Къ Либавѣ должна примыкать линія болѣе западная, отправляющаяся изъ Ковна и имѣющая своею цѣлью Кіевъ. Чтобъ оцѣнить значеніе этой послѣдней линіи, надобно припомнить громадное превосходство гаваней Балтійскаго моря предъ гаванями морей Чернаго и Азовскаго. Въ № 77 мы сообщили по англійскимъ источникамъ, что въ прошлую осень перевозка четверти пшеницы изъ Одессы въ Англію обходилась почти въ 4 рубля, а изъ Азовскаго моря въ Англію же въ $4^1/_2$ рубля и до 5 рублей одним только корабельнымъ фрахтомъ, и что эта четверть пшеницы покупалась въ Англіи за 16—18 рублей, тогда какъ наши земледѣльцы внутреннихъ черноземныхъ губерній должны были довольствоваться

платою лишь 4 — 5 рублей за четверть. Но изъ Балтійскихъ гаваней за перевозку четверти пшеницы въ Англію платится обыкновенно не болѣе рубля. Къ тому же колебанія фрахта въ Черномъ морѣ бываютъ сильнѣе нежели въ Балтійскомъ; близость нѣмецкаго, шведско-норвежскаго, датскаго, голландскаго и англійскаго торговыхъ флотовъ и ихъ взаимное соперничество не дозволяютъ балтійскимъ фрахтовымъ цѣнамъ повышаться даже въ самое горячее время заграничнаго отпуска, между тѣмъ какъ по близости къ Черному морю есть только одинъ, и то не очень значительный иностранный торговый флотъ, греческій; а сами мы къ сожалѣнію ни въ Черномъ, ни въ Балтійскомъ морѣ не имѣемъ торговаго флота. Отсюда происходитъ, что напримѣръ въ Азовскомъ морѣ фрахты колеблются отъ 3 до 5 р. за четверть. Это не можетъ, разумѣется, не оказывать вреднаго вліянія на торговлю нашихъ южныхъ портовъ. Вотъ почему хлѣбъ и другіе продукты внутреннихъ губерній предпочтутъ сдѣлать лишнихъ 700, 800 и даже до 1.000 верстъ, лишь бы направиться не къ южнымъ, а къ балтійскимъ портамъ: фактъ, достойный вниманія и который при нашихъ экономическихъ разчетахъ долженъ играть главную роль; онъ показываетъ, что послѣ устройства сѣти желѣзныхъ дорогъ, естественная торговая область Петербурга будетъ достигать до половины пути между Воронежемъ и Азовскимъ моремъ, и лишь оттуда можетъ начаться свободная конкурренція между капиталистами Петербурга и Таганрога. Точно также естественная торговая граница рижскаго порта должна достигать Харькова и можетъ-быть будетъ даже переходить на югъ, нѣсколько далѣе Харькова, а торговая граница Либавы должна лежать къ югу отъ Кіева и Житоміра, Вотъ почему между прочимъ такъ вредна была бы для Россіи предлагавшаяся прежде Бѣлостоко-Пинская линія; продолженная отъ Пинска къ Житоміру или Кіеву, она привлекла бы продукты всѣхъ этихъ мѣстностей къ прусскимъ портамъ и такимъ образомъ искусственно усилила бы ту выгоду, которую уже имѣетъ Пруссія предъ Россіей вслѣдствіе того, что обладаетъ устьями Нѣмана. Если мы не построимъ своевременно Либавско-Ковенской линіи, то рано или поздно Пинская линія осуществится, и тогда западный край будетъ отрѣзанъ отъ Россіи. Неужели мы это допустимъ? Неужели мы захотимъ быть на столько же виноваты предъ своею страной и своимъ народомъ, на сколько были виноваты Поляки, уступивъ Нѣмцамъ балтійское побережье?

Мы говорили до сихъ поръ о громоздкихъ товарахъ; болѣе цѣнные гораздо менѣе дорожатъ кратчайшимъ путемъ: провозъ на нѣсколько сотъ верстъ болѣе или менѣе по желѣзной дорогѣ не увеличиваетъ и не удешевляетъ ихъ цѣны. Эти дорогіе товары, болѣе выгодные для торговли, сосредоточиваются обыкновенно въ богатѣйшихъ и обширнѣйшихъ торговыхъ мѣстахъ; они будутъ и впредь стремиться изъ-за границы въ Петербургъ и Москву. Прерывать выписку этихъ товаровъ на шесть мѣсяцевъ, пока льды Финскаго залива препятствуютъ тамъ судоходству, наши торговцы еще менѣе захотятъ нежели откладывать до лѣта отправку такъ-называемыхъ громоздкихъ товаровъ. Дорогіе товары будутъ выписываться для всей Россіи изъ лучшей открытой гавани Балтійскаго моря. Если же не будетъ русской открытой гавани, то вся эта громадная торговля должна будетъ обратиться въ восточные, у моря лежащіе, города Пруссіи, что теперь уже и осуществляется.

Есть и другіе доводы въ пользу Либавскаго порта, но мы не будемъ сегодня распространяться о нихъ. Скажемъ одно: если либавскому купечеству удастся то ходатайство, о которомъ оно сообщаетъ въ прилагаемомъ при семъ письмѣ, мы искренно тому порадуемся, такъ какъ этимъ не только всему государству будутъ оказаны важныя услуги, но и нашъ балтійскій край получитъ значительныя выгоды отъ болѣе тѣснаго сближенія съ внутренностью Россіи.

Само собой разумѣется, что мы рѣшительно отвергаемъ Рижско-Кенигсбергскую желѣзную дорогу, столь усердно рекомендуемую *Рижскою Газетой* (№ 65); наше *русское* сужденіе объ этой дорогѣ не можетъ быть снисходительнѣе *нѣмецкаго* сужденія, высказаннаго въ *Либавской Газетѣ* (приложеніе къ №№ 38 и 45).

№ 93.

Москва, 28-го апрѣля.

Наконецъ этотъ жалкій Люксембургскій вопросъ покончонъ и сданъ въ архивъ.

Лондонская конференція сразу пришла къ желанному результату. Едва открылись ея совѣщанія, какъ уже дѣло оказалось конченнымъ. Министры британской короны, какъ сообщаетъ сегодняшняя телеграмма изъ Лондона, возвѣстили въ обѣихъ законодательныхъ палатахъ, что дѣло уладилось, благодаря умѣренности и сговорчивости причастныхъ ему сторонъ. Въ сущности конференціи нечего было и дѣлать; она была нужна лишь какъ формальность. Требовалось покончить дѣло съ возможнымъ для обѣихъ сторонъ приличіемъ, и для этого всего пригоднѣе была европейская конференція. Нужно было помочь противникамъ выйдти изъ затруднительнаго положенія, и державы-посредницы исполнили какъ слѣдуетъ свою обязанность. Онѣ сформуловали условія, на которыя обѣ стороны уже были согласны, затрудняясь только принять ихъ другъ отъ друга. Изъ посредствующихъ державъ болѣе всѣхъ способствовала такому исходу Россія. Отъ положенія, какое она могла принять, зависѣло главнымъ образомъ мирное рѣшеніе вопроса. Оказалось еще разъ, что Россія къ чему-нибудь пригодна Европѣ, изъ которой недавно желали ее вытѣснить; оказалось еще разъ, что Россія есть необходимость въ системѣ европейскаго равновѣсія, и что ея участіе въ дѣлахъ Европы нужно именно въ интересахъ мира. Держава, которую систематическая клевета провозглашала какъ опасность постоянно грозящую цивилизованному міру, въ сущности была всегда мощнымъ элементомъ устойчивости и мира въ Европѣ. Противъ нея возбуждали ненависть народовъ какъ противъ мрачнаго властолюбія ежеминутно готоваго разлиться пожаромъ и все превратить въ хаосъ, между тѣмъ какъ она постоянно оказывала дѣйствіе предѣла и мѣры, и обезпечивала Европу отъ хаоса. Въ настоящемъ случаѣ также Россія не преминула оказать свойственное ей дѣйствіе. Мирный исходъ люксембургскаго вопроса не есть дѣло Лондонской конференціи: исходъ этотъ былъ уже предопредѣленъ тою мудрою политикой, которой держалась Россія посреди возникшихъ въ Европѣ столкновеній.

Но съ устраненіемъ Люксембургскаго вопроса не оканчиваются затрудненія, въ которыхъ находятся теперь европейскія дѣла. Нельзя придавать большой важности миротворному результату Лондонской конференціи уже и потому что вопросъ послужившій къ ней поводомъ, не имѣетъ самъ по себѣ важности. Всѣ очень хорошо знаютъ, что этотъ Люксембургскій вопросъ есть только предлогъ или то что въ болѣзняхъ называется симптомомъ. Симптомъ исчезъ, но нельзя сказать, чтобы съ нимъ исчезла и болѣзнь. Смѣшно было бы думать, что Люксембургскимъ вопросомъ исчерпываются всѣ элементы нынѣшней смуты, и что съ рѣшеніемъ его все рѣшается. Благодаря посредству державъ, удаленъ поводъ грозившій Европѣ немедленнымъ столкновеніемъ; но причины, которыя предрасполагаютъ и нудятъ къ нему, остаются въ силѣ, и опасность, при данныхъ условіяхъ, можетъ считаться лишь не надолго отсроченною. Для того чтобъ европейскій миръ могъ быть прочнымъ образомъ обезпеченъ, необходимо нѣчто болѣе нежели нейтрализація этого маленькаго великаго герцогства и очищеніе его крѣпости отъ прусскаго гарнизона. Въ центральной Европѣ явились *совершившіеся факты*, которые еще не скоро могутъ принять спокойный характеръ права и приноровиться къ условіямъ всеобщаго равновѣсія. Новыя силы, являясь на свѣтъ, окончательно устанавливаются не прежде какъ пройдя испытаніе и помѣрившись съ окружающимъ. Только тѣ отношенія между силами оказываются прочными, которыя для нихъ взаимно вынудительны. Къ тому же происшедшія въ Германіи перемѣны возбудили много вопросовъ, и на совершившихся фактахъ движеніе, по всей очевидности, остановиться не можетъ. Германія разрозненная и о двухъ головахъ была твердою системой, которая давно держалась въ Европѣ и на которой былъ основанъ цѣлый порядокъ вещей; теперь является Германія собранная воедино. Но это новое положеніе не есть еще полная дѣйствительность; это есть еще только требованіе, только вполовину совершившійся фактъ, только еще вопросъ, — вопросъ чреватый случайностями. Германія есть пока не что иное какъ кризисъ, исполненный опасностей и не близкій къ концу. Австрія, въ ея теперешнемъ положеніи, есть еще болѣе трудный кризисъ, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ способствовать общему здоровью и спокойствію Европы. Никогда еще эта искусственная держава не представлялась въ такомъ проблематическомъ видѣ какъ теперь. А между тѣмъ,

возбужденный недавними событіями, требуетъ неукоснительнаго рѣшенія грозный Восточный вопросъ, въ которомъ скопилась такая страшная масса недоразумѣній и ложно понятыхъ интересовъ. Вопросы встаютъ повсюду, куда бы мы ни оглянулись. Прежнее международное право утратило силу; старыя нормы пали; всѣ отношенія измѣнились; все колеблется и чувствуетъ себя въ состояніи переходномъ. Едва ли конференція, собравшаяся въ Лондонѣ по Люксембургскому вопросу, можетъ разойдтись со спокойною увѣренностью, что миръ Европы упроченъ и что ближайшее будущее Европы обезпечено благодаря мирному исходу этого Люксембургскаго вопроса. Никто не можетъ ожидать этого, и заинтересованныя стороны менѣе чѣмъ кто-нибудь. Но въ то время какъ собиралась Лондонская конференція, готовилось нѣчто болѣе серіозное.

Дѣло въ томъ, что Парижская выставка обѣщаетъ теперь стать политическимъ событіемъ великой важности. На время проясняющійся европейскій горизонтъ даетъ столицѣ Франціи надежду стать мѣстомъ свиданія могущественныхъ государей Европы. Давняя мечта императора Наполеона III обѣщаетъ сбыться по крайней мѣрѣ отчасти. Свиданіе государей, хотя бы и не на конгрессѣ съ предустановленною программой, не можетъ не имѣть послѣдствій въ виду столькихъ возбужденныхъ вопросовъ. Миротворному дѣйствію Россіи предстоитъ раскрыться во всей своей силѣ, и дѣйствіе это можетъ быть тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе сама Россія запутана въ нынѣшнихъ европейскихъ затрудненіяхъ. Россія не ищетъ себѣ опоры; она подаетъ руку для опоры другимъ. Если состоится, какъ предполагаютъ, поѣздка Государя Императора въ Парижъ, то, съ Божіею помощію, при данныхъ обстоятельствахъ, она можетъ возвысить положеніе Россіи и возвратить ей всю силу свойственнаго ей вліянія на европейскія дѣла. Государю Россіи нечего просить и искать у другихъ. Его поѣздка въ Парижъ можетъ быть только рѣшеніемъ спокойной и увѣренной въ себѣ силы. Благодаря политикѣ, принятой императорскимъ правительствомъ въ послѣдніе годы, а также вслѣдствіе событій столь глубоко измѣнившихъ положеніе Европы, обстоятельства сложились такъ, что преимущественно къ Россіи обращены чаянія правительствъ и встревоженныхъ общественныхъ интересовъ. Только ея Государю Европа можетъ быть обязана, въ эту смутную эпоху, предотвращеніемъ кровавыхъ столкновеній по крайней мѣрѣ на ближайшее будущее. Во Франціи особенно должно быть цѣнимо предполагаемое посѣщеніе ея столицы Императоромъ Всероссійскимъ. Послѣдніе годы были для ея правительства рядомъ тяжкихъ неудачъ. Знакъ личнаго дружелюбія, являемый властителю этой волканической страны, подверженной періодическимъ потрясеніямъ, не можетъ не имѣть для него высокой цѣны посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ.

Трудно теперь предсказывать что-нибудь съ нѣкоторою увѣренностію; но несомнѣнно то, что если повсюду возраждается теперь надежда на сохраненіе мира, столь для всѣхъ дорогаго, то причиною тому не конференція по Люксембургскому вопросу, а неожиданная и внезапно пронесшаяся по Европѣ вѣсть о предстоящемъ свиданіи коронованныхъ особъ въ столицѣ Франціи.

№ 94.

Москва, 29-го апрѣля.

Давно уже замѣчено, что одна изъ отличительныхъ чертъ русскаго общества есть самоуниженіе. Говорятъ въ этомъ заключается критическая сила русскаго ума: можетъ-быть; но въ этомъ же заключается и то оружіе, которое весьма удобно обращать противъ насъ самихъ, противъ того народа, въ которомъ, повидимому, столько не привлекательнаго, и о хорошихъ сторонахъ котораго никто не хочетъ знать. Посмотрите, съ какою заботливостію одна извѣстная петербургская газета подбираетъ все что только можетъ бросить тѣнь на вводимое у насъ судебное устройство или на земскія учрежденія, какъ тщательно она отмѣчаетъ каждый случай говорящій о неловкостяхъ нашего такъ-называемаго самоуправленія, о неясномъ пониманіи крестьянами права и о ихъ пьянствѣ. Всѣ эти факты могутъ, пожалуй, въ глазахъ однихъ служить доказательствомъ, что нужно идти впередъ и улучшить то что требуетъ улучшеній; но какъ легко, съ другой стороны, вооружившись подобными фактами, проповѣдывать, что нашъ крестьянинъ не заслуживаетъ дарованныхъ ему правъ, что мы не созрѣли для правильнаго

суда и для самоуправленія, не служащаго декораціей,—какъ легко утверждать, что частный приставъ есть единственная сила могущая дѣйствовать въ Россіи! Мы увѣрены, что не всѣ обличители суть враги прогрессивнаго развитія тѣхъ началъ, которыя положены въ основаніе возраждающейся Россіи, но несомнѣнно, что они часто оказывали и еще оказываютъ весьма плохія услуги своему народу.

На подобныя мысли—мы должны признаться съ сожалѣніемъ—наводитъ московская этнографическая выставка. Къ кому или къ чему главнѣйше долженъ относиться этотъ упрекъ—мы не беремся рѣшать, но не можемъ не выразить его. Учредители выставки имѣли и должны были имѣть въ виду типы и одѣянія различныхъ мѣстностей Россіи, типы и одѣянія дѣйствительные, не вымышленные, не украшенные, но такіе однакожь, которые не ниже дѣйствительности. Въ коллекціи, имѣющей ученую цѣль, не могутъ конечно найдти мѣста *пейзаны*, какіе нѣкогда выводились на сцену, и крестьянки какихъ можно видѣть на костюмированныхъ балахъ; но мы не видимъ никакой надобности, чтобъ одежды крестьянина и крестьянки предназначаемыя для храненія въ музеѣ были именно тѣ самыя, въ которыхъ крестьянинъ или крестьянка проработали цѣлое лѣто. Развѣ Хорваты, Далматинцы, Словаки и Чехи унаваживаютъ свои поля, сѣютъ и косятъ въ чулкахъ и башмакахъ, въ красныхъ, малиновыхъ и бѣлыхъ тонкаго сукна одеждахъ, въ какихъ мы видимъ ихъ въ московскомъ Экзерциргаузѣ? Развѣ ихъ одежды всегда новы и чисты, подобно тѣмъ, которыя мы видимъ на нашей выставкѣ? Развѣ Киргизы и Башкиры всегда въ галунахъ, и халаты ихъ развѣ всегда съ иголочки? Нѣтъ; но видно и Башкиры держатся французской пословицы что не прилично предъ публикой *развѣшивать грязное бѣлье*; они прислали костюмы вѣрные дѣйствительности, но не въ лохмотьяхъ и грязи. Неужели всѣ и всегда сторожевыя будки Граничаръ также новы и опрятны, какъ та, на которой стоитъ въ московскомъ Экзерциргаузѣ манекенъ въ великолѣпномъ гусарскомъ нарядѣ? Разумѣется, нѣтъ; но эта будка построена русскимъ архитекторомъ безъ всякой задней мысли и потому построена изящно, между тѣмъ какъ онъ считалъ своею обязанностію срубить криво и безобразно русскую избу: это-де ближе къ дѣйствительности! Русскіе плотники должны были *нарочно* работать дурно, чтобы быть *ближе къ дѣйствительности*.... Вотъ реализмъ доведенный до оригинальной нелѣпости!

И почему же эта жалкая лачуга должна быть признана главнымъ типомъ нашихъ крестьянскихъ построекъ? Вопервыхъ, положительно не имѣется избъ (иначе какъ въ новыхъ выселкахъ) безъ сѣней и клѣти; вовторыхъ, избы такъ-называемыя бѣлыя далеко не рѣдкость теперь въ степныхъ мѣстностяхъ, не говоря уже о мѣстностяхъ не степныхъ, хотя и черноземныхъ; наконецъ, въ сѣверныхъ лѣсныхъ, но также земледѣльческихъ мѣстностяхъ, особенно посреди населеній новгородскаго корня, крестьяне строятъ обширныя, нерѣдко двухъ-ярусныя избы, о двухъ и притомъ просторныхъ комнатахъ, съ обширными подклѣтями или подвалами. Отчего же именно самый безобразный изъ всѣхъ типовъ жилища великорусскаго земледѣльца признанъ типомъ изъ типовъ, единственно достойнымъ явиться предъ глазами десятковъ тысячъ зрителей, отечественныхъ и иностранныхъ, достойнымъ исключительно обратить на себя вниманіе Августѣйшихъ Посѣтителей выставки? и юной прибывшей къ намъ Царевны? При этомъ зрѣлищѣ должно было стѣсниться Ея сердце, въ которомъ, мы вѣримъ, уже зажглось чувство любви къ Ея новому отечеству. Почему же, если при устройствѣ этой избы въ такой степени господствовалъ духъ псевдореализма, что изображенъ голый ребенокъ (что мы отказываемся признать типическою чертой), почему же, говоримъ, въ обстановкѣ этой избы, принадлежащей къ степнымъ мѣстностямъ, нѣтъ указанія на несчетные скирды рши и пшеницы, которыя составляютъ черту степной деревни по крайней мѣрѣ столь же типическую, какъ пѣтухъ помѣщенный на телѣгѣ? Мы спрашиваемъ, что могъ бы болѣе сильнаго сказать о русскомъ мужикѣ какой-нибудь публицистъ *Вѣсти* или французскій туристъ готовый изобразить русскаго крестьянина троглодитомъ? А между тѣмъ, по всему вѣроятію устроители этой злосчастной избы не желаютъ имѣть ничего общаго ни съ *Вѣстью*, ни съ заграничными туристами пишущими о Россіи. Но таковы слѣдствія псевдореализма!

Посмотримъ на главную великорусскую группу. Учредители выставки съ тактомъ, которому нельзя не отдать справедливости,

отвели ей обширное мѣсто: эта группа, вмѣстѣ съ малорусскою и бѣлорусскою, должна изображать всю силу Русской имперіи. По тщетно стали бы мы искать въ великорусской группѣ симптомовъ тѣхъ силъ, которыя притянули къ себѣ всѣ распавшіяся было части русскаго народа и которыя могущественно ассимилируютъ окружающихъ инородцевъ. Мы останавливаемся въ недоумѣніи предъ этою безличною массой, предъ этими лицами безъ выраженія и смысла. Какъ! ни одного, рѣшительно ни одного красиваго женскаго лица, изъ числа по крайней мѣрѣ тридцати собранныхъ здѣсь женскихъ экземпляровъ, ничего кромѣ какихъ-то выпученныхъ, безсмысленныхъ глазъ и картофельныхъ носовъ! Ничего, кромѣ грубаго гротеска въ нѣкоторыхъ представителяхъ мужской половины этого племени, создавшаго могущественное государство! Малорусская группа несравненно лучше и по типамъ, и по отдѣлкѣ; но она очень не полна, и въ ней встрѣтите вы великолѣпную, тщательно выработанную фигуру чумака—не просто въ дегтярной, а въ запачканной грязью и дегтемъ рубахѣ. Оставалось пойдти дальше и изобразить мужика въ томъ костюмѣ какъ онъ парится банѣ. Требовалось представить типы населенія, а не образцики разныхъ видовъ рабочаго люда. Трубочистъ въ сажѣ былъ бы фигурой согласною съ дѣйствительностію,—но было ли бы это этнографическимъ типомъ?

Не одна случайная небрежность или поспѣшность тому виною; тутъ непремѣнно въ долѣ и тотъ духъ самоотрицанія, которымъ страдаетъ наше общество. Ни одною понятною и совершенно умѣстною внимательностію къ дальнимъ жертвователямъ, не однимъ добрымъ гостепріимствомъ объясняется такая несправедливость къ своему народу: спѣшимъ прибавить, что эта несправедливость не есть черта, которую слѣдовало бы признать за особенность одной нынѣшней выставки. Не къ учредителямъ и даже не къ исполнителямъ выставки относится нашъ укоръ, а къ общему настроенію, оказавшему на нѣкоторыхъ изъ нихъ вліяніе безъ ихъ воли. Пусть не думаютъ, что этотъ недобрый духъ преувеличеннаго, не къ стремленію впередъ, а къ унылому бездѣйствію ведущаго отрицанія, исчезъ, потому что онъ съ нѣкотораго времени примолкнулъ въ печати. Онъ повсемѣстно господствуетъ съ прежнею силой, и вотъ почему такъ пусты и такъ лишены смысла тѣ отвлеченныя самовосхваленія, которыя недавно стали заступать мѣсто самооплеваній прежняго времени. Мы увѣрены что между посѣтителями московской выставки найдется много такихъ, которые будутъ умиляться предъ изысканнымъ безобразіемъ избы, предъ ея взъерошенною крышей и голымъ ребенкомъ: „вотъ она, наша родная Русь,“ будутъ они восклицать, задыхаясь отъ радостнаго волненія: „вотъ эти рубища, вотъ эти грязныя избы, гдѣ люди живутъ съ телятами и свиньями, и спятъ всѣ вмѣстѣ въ повалку! все это наше родное, кровное!“ Для подобныхъ юродивыхъ, крестьянинъ обутый въ сапоги и живущій подъ тесовою крышей уже потерялъ часть своей народности и лишился ихъ сочувствія. Они, пожалуй, не признаютъ Русскимъ крестьянина съ береговъ Ильменя, потому что онъ красивъ сообой, живетъ въ хорошемъ домѣ, одѣтъ чисто, и не рѣдко отличается замѣчательною образованностію; или изъ подъ Архангельска; потому что онъ пьетъ кофей, или изъ Владимірской губерніи и многихъ мѣстъ Сибири, потому что онъ выписываетъ себѣ газеты.

Но дѣло сдѣлано. Да принесетъ по крайней мѣрѣ выставка ту пользу, которую иногда приноситъ горькая сатира. У насъ много съ нѣкотораго времени говорятъ о пьянствѣ русскаго крестьянина, но рѣдко о его кровавомъ и неисходномъ трудѣ; часто говорятъ о размноженіи кабаковъ, но не довольно часто повторяютъ о необходимости увеличить число сельскихъ школъ; утверждаютъ, что веселье крестьянина безобразно, но не открываютъ ему способовъ занять лучше свой досугъ. У насъ есть отдѣльныя лица, не уступающія ни въ богатствѣ, ни въ умственномъ развитіи лучшимъ представителямъ западной Европы; но пока еще много осталось на Руси лачугъ, подобныхъ той, которая устроена въ московскомъ Экзерцигаузѣ, богатство и силы Россіи сомнительны и просвѣщеніе въ ней стоитъ на зыбкомъ основаніи.

Что у насъ есть хорошаго, останется при насъ и не будучи выставлено на показъ; а выставка, изобразивъ съ невыгодной стороны русскій бытъ, пусть популяризуетъ убѣжденіе, что намъ надобно побольше заняться своимъ народомъ. Пусть ея наслѣдіе, Этнографическій Музей, разростается, и пусть еще на нашемъ вѣку возникнетъ потребность во второй выставкѣ,

на которой даже и псевдореализмъ не имѣлъ бы повода помѣщать то, что теперь такъ болѣзненно дѣйствуетъ на русское сердце.

№ 95.

Москва, 1-го мая.

Надежда на предотвращеніе, по крайней мѣрѣ временное, европейской войны невольно заставляетъ вспомнить о той въ высшей степени настоятельной потребности нашего государства, которая можетъ быть удовлетворена только въ мирное время. *Si vis pacem, para bellum*, говоритъ пословица, и если на ея основаніи не слѣдуетъ еще среди мира усиливать вооруженія, потому что они истощаютъ силы страны, то не подлежитъ сомнѣнію, что надобно пользоваться миромъ для принятія такихъ мѣръ, безъ которыхъ странѣ было бы очень трудно вынести, въ случаѣ войны, ея бремя и которыя въ то же время не стѣсняютъ, а напротивъ облегчаютъ и государственное финансовое управленіе, и плательщиковъ податей. Финансовыя средства безъ нравственной силы народа ничего не значатъ въ международной борьбѣ. Казна можетъ быть переполнена золотомъ, но если въ войскѣ нѣтъ патріотизма, дисциплины и мужества, на успѣхъ войны плохая надежда. Сила націй въ ихъ духѣ и деньгами не измѣряется. При всеобщей готовности жертвовать, можно вести тяжелую войну и съ пустою казной. Но теперь въ такой войнѣ можно отстоять только свое существованіе; страшное истощеніе силъ, которое было бы ея слѣдствіемъ, неминуемо должно уменьшить могущество государства. Въ наше время едва ли возможно повтореніе такихъ событій, какъ 1812 годъ и послѣдовавшія за нимъ кампаніи. Извѣстное, теперь уже старинное изреченіе, что для войны нужны во-первыхъ деньги, во-вторыхъ деньги и въ-третьихъ деньги, пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе силы, по мѣрѣ того какъ совершенствуется техническая сторона военнаго дѣла. Не преувеличивая значенія денегъ, надобно признать ту истину, что въ настоящее время держава съ разстроенными финансами не можетъ считаться готовою къ войнѣ, и если хочетъ обезпечить себѣ прочный миръ, должна спѣшно пользоваться временнымъ миромъ для исправленія своихъ финансовъ. Браться за это дѣло невозможно, когда угрожаетъ война, но коль скоро предвидится сколько-нибудь значительный промежутокъ мирнаго времени, государство должно употребить всѣ усилія, чтобы не упустить его для возстановленія своихъ финансовыхъ силъ, и чѣмъ съ большею энергіей будутъ сдѣланы эти усилія, тѣмъ болѣе государство выиграетъ и тѣмъ больше будетъ вѣроятности, что миръ временный превратится въ миръ прочный.

Въ бюджетъ Россійской имперіи на 1867 годъ внесены сверхсмѣтные расходы, а потому должно надѣяться, что главная причина разстройства нашихъ финансовъ—расходованіе денегъ помимо бюджета—съ нынѣшняго года исчезнетъ. Хотя нашъ бюджетный дефицитъ еще весьма великъ, и хотя онъ былъ бы гораздо больше, еслибы не было принесено такихъ жертвъ какъ возвышеніе прямыхъ налоговъ и значительное сокращеніе морскихъ силъ, но видя легкую возможность сократить многіе весьма широкіе расходы по администраціи, а также предвидя возрастаніе государственныхъ доходовъ (безъ введенія новыхъ налоговъ и возвышенія старыхъ) отъ успѣховъ народнаго благосостоянія, позволительно считать равновѣсіе государственнаго бюджета весьма скоро осуществимымъ, если будетъ устранено главное препятствіе и къ приведенію въ порядокъ финансовъ государства и къ развитію народнаго благосостоянія. Читатели понимаютъ, что мы говоримъ объ исправленіи денежной системы. При колебаніяхъ денежной единицы невозможно точное исполненіе бюджета, при дороговизнѣ нельзя ожидать сбереженій на подрядахъ и заказахъ, и слѣдовательно нельзя ожидать, чтобы дѣйствительный дефицитъ оказался по истеченіи года меньше бюджетнаго; деньги которыя государство переплачиваетъ на своихъ заказахъ внутреннихъ и заграничныхъ и на процентахъ и погашеніи по своимъ иностраннымъ долгамъ, вмѣстѣ съ тѣми деньгами, которыхъ оно не добираетъ на своихъ оброчныхъ статьяхъ, единственно вслѣдствіе неудовлетворительности денежнаго обращенія, по всему вѣроятію, равняются бюджетному дефициту текущаго года, если не превышаютъ его. Но всего пагубнѣе то вліяніе безпорядочности нашей денежной системы, которое она оказываетъ на производительность страны. Неправильно было бы утверждать, что наша про-

изводительность падаетъ, но успѣхи ея нейдутъ въ ровень съ государствами иноземными и нисколько не соотвѣтствуютъ тѣмъ улучшеніямъ, которыя совершаются вокругъ нея, и должны живительно на нее дѣйствовать. Иные объясняютъ замѣчаемый въ производствѣ застой реформами нынѣшняго царствованія. Но эти реформы оживили русскій народъ и не могутъ вести къ застою. Безъ нихъ дѣла шли бы еще хуже теперешняго, и застой обнаружился бы еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Онѣ не увеличиваютъ, а смягчаютъ дурное положеніе дѣлъ, происходящее отъ разстройства денежной системы. Еслибъ это зло было устранено, ихъ благотворность была бы очевиднѣе, и то оживленіе народныхъ силъ, которое ими причинено, принесло бы гораздо болѣе плодовъ. Надобно серіозно вникнуть въ дѣло, чтобы дать себѣ отчетъ въ томъ губительномъ дѣйствіи, которое производитъ на всю экономическую жизнь страны порча денежной системы. Будетъ ли кто утверждать, что успѣхи экономической жизни были возможны прежде нежели были изобрѣтены деньги, и что это изобрѣтеніе не есть необходимое условіе того что́ мы зовемъ благосостояніемъ? Но если промышленность и торговля не могутъ развиваться въ странахъ не знающихъ употребленія денегъ, то онѣ не могутъ развиваться и въ такихъ странахъ, гдѣ употребленіе денегъ извѣстно, но деньги перестали исполнять свое назначеніе, что́ случается повсюду, когда денежное обращеніе приходитъ въ безпорядокъ. Деньги должны быть мѣриломъ цѣнностей; все ихъ достоинство въ томъ, что ихъ цѣнность не подвергается такимъ же колебаніямъ, какія постоянно происходятъ въ цѣнности другихъ предметовъ. На этомъ свойствѣ денегъ основано ихъ употребленіе для экономическихъ сдѣлокъ всякаго рода, какъ краткосрочныхъ, такъ и заключаемыхъ на долгіе сроки. Но наша денежная единица не имѣетъ этого существеннаго свойства денегъ; она не можетъ служить обезпеченіемъ ни при куплѣ и продажѣ, ни тѣмъ еще менѣе при кредитѣ. Наши новоучреждаемыя кредитныя общества испытываютъ на себѣ губительное вліяніе этого положенія дѣлъ. Въ другихъ отрасляхъ промышленной дѣятельности оно не такъ явно, но оно вездѣ дѣйствуетъ, увеличивая рискъ всякаго предпріятія и обманывая самые благоразумные разчеты; наконецъ, какъ показываетъ всеобщій опытъ, оно развиваетъ роскошь и препятствуетъ накопленію капиталовъ, въ которыхъ мы такъ нуждаемся. При оцѣнкѣ этихъ явленій не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что именно теперь въ большей части Россіи происходитъ замѣна натуральнаго хозяйства денежнымъ, что́ всегда сопряжено съ затрудненіями, а при отсутствіи неизмѣнно-цѣнной денежной единицы не можетъ не отзываться болѣзненно на весьма многихъ лицахъ безо всякой вины съ ихъ стороны. Этого не было во время Наполеоновскихъ войнъ, когда наши старинныя ассигнаціи падали въ цѣнѣ, какъ не было тогда и теперешняго множества процентныхъ бумагъ, дающихъ доходъ денежными единицами. Безъ довѣрія къ цѣнности этихъ бумагъ, теперь невозможно у насъ ни правильное экономическое движеніе, ни даже осуществленіе многихъ самыхъ важныхъ видовъ правительства, каковы напримѣръ поземельный кредитъ и успѣшная постройка желѣзныхъ дорогъ. Эта послѣдняя начинаетъ поправляться у насъ во мнѣніи публики, вслѣдствіе быстро развивающагося движенія на подмосковныхъ дорогахъ, но если бы вексельный курсъ сталъ падать, то самыя доходныя дороги тратили бы бо́льшую часть своего дохода на платежъ процентовъ по своимъ заграничнымъ облигаціямъ. Словомъ, нѣтъ отрасли промышленности, сколько-нибудь серіозной, которая не страдала бы отъ неопредѣленности денежной системы, и потому, повторяемъ, только оживляющими страну преобразованіями можно объяснить себѣ, что совершеннаго застоя у насъ еще нѣтъ, и Россія еще кое-какъ пробивается въ борьбѣ съ пагубными послѣдствіями разстройства своей денежной системы. Но не жалко ли видѣть, что наше промышленное прозябаніе покупается цѣной умаленія благодѣтельныхъ результатовъ новѣйшаго либеральнаго законодательства?

Скажутъ: никто не споритъ, что исправить денежную систему желательно, но вопросъ въ томъ, гдѣ средства, чтобъ это сдѣлать? Дѣло это таково, что начать его и не исполнить значитъ еще болѣе испортить его: чѣмъ же обезпечить себѣ его совершеніе? Дѣйствительно, нисколько не желательно видѣть повторенною неудачную попытку 1863 года, но вопервыхъ эта попытка была основана на ошибочномъ мнѣніи объ отсутствіи у насъ избытка бумаж-

ныхъ денегъ и слѣдовательно о возможности возстановить номинальную цѣнность рубля посредствомъ затраты 100 милліоновъ рублей, полученныхъ отъ седьмаго займа; вовторыхъ, самое средство, избранное для этой цѣли—размѣнъ по заранѣе назначеннымъ цѣнамъ—было неправильно; втретьихъ, и это главное, операція была начата въ то время, когда польскій край былъ почти въ явномъ возстаніи. Совершенно справедливо, что нельзя, какъ уже сказано выше, браться за исправленіе денежной системы когда угрожаетъ война. Но если предвидится промежутокъ мирнаго времени, то можно ли медлить дѣломъ, безъ котораго финансовыя силы страны развиваться не могутъ и за которое черезъ годъ можетъ-быть уже нельзя будетъ взяться? Что касается до операціи 1863 года, то если она была неудачна, развѣ она не послужитъ намъ урокомъ и не оградитъ насъ отъ повторенія прежней ошибки? развѣ не долженъ оградить насъ примѣръ Австріи, Соединенныхъ Штатовъ, а теперь и Италіи, и наконецъ нашей Финляндіи отъ другихъ ошибокъ? Обстоятельства, въ которыхъ мы теперь находимся, напротивъ весьма благопріятны для того, чтобъ избрать правильный, наименьшихъ пожертвованій стоящій и наименьшихъ издержекъ требующій путь для устраненія зла, подтачивающаго въ корнѣ и государственные финансы, и народное хозяйство.

№ 96.

Москва, 2-го мая

Вопросу объ исправленіи денежной системы у насъ не посчастливилось. Порча денежной системы выражается въ колебаніи внутреннихъ цѣнъ, въ дороговизнѣ, въ ощущеніи безденежья и застоѣ, но всего виднѣе выражается она въ вексельномъ курсѣ. Вексельный же курсъ зависитъ въ извѣстной степени и отъ торговаго баланса, на который между нашими протекціонистами принято ссылаться какъ на аргументъ въ пользу протекціонизма. Такимъ образомъ денежная система и тарифъ сошлись вмѣстѣ, къ обоюдной невыгодѣ: вопросъ о денежной системѣ запутался, а протекціонисты нажили себѣ лишнихъ противниковъ.

Самая ссылка ихъ на торговый балансъ основана на недоразумѣніи. Торговому балансу придавалось значеніе лишь въ то время, когда господствовалъ такъ-называемый меркантилизмъ. Это такая старина, что ссылаться на нее теперь анахронизмъ, и протекціонисты нашего времени роняютъ свое дѣло, приводя его въ связь съ меркантилизмомъ. Какъ не судить о протекціонизмѣ, онъ имѣетъ въ свою пользу доводы гораздо лучшіе чѣмъ старинная теорія меркантилизма, не имѣющая теперь ни одного защитника между людьми сколько-нибудь свѣдущими. При нѣкоторой разборчивости на средства, нельзя ссылаться на балансъ, точно также какъ нельзя напримѣръ, въ интересѣ протекціонизма, мистифировать публику агитаціей, которая будто бы происходитъ въ средѣ фабричныхъ рабочихъ. Вчера прочитали мы въ *Торговомъ Сборникѣ*, что какой то неизвѣстный подавалъ двумъ изъ нашихъ министровъ просьбы отъ имени осьмнадцати тысячъ рабочихъ, якобы пожелавшихъ удостовѣриться въ томъ, что эти два министра несогласны съ мнѣніями г. де-Молинари, высказанными на одномъ частномъ обѣдѣ въ С.-Петербургѣ. *Торговый Сборникъ* напечаталъ даже отвѣты, которые дали эти два министра для сообщенія осьмнадцати тысячамъ рабочимъ, и которые этимъ рабочимъ будто бы уже и объявлены. Эта штука характеризуетъ людей. Если теперь сочиняются и даже разыгрываются такія комедіи въ надеждѣ на успѣхъ, то удивительно ли, что прежде иные агитаторы обращались къ торговому балансу для подтвержденія своихъ притязаній на право защищать интересы отечественной промышленности? Въ настоящемъ случаѣ сыграна комедія безвредная, хотя и не совсѣмъ приличная, но агитація о торговомъ балансѣ была обращена не къ осьмнадцати тысячамъ рабочихъ, а къ читающей публикѣ, и сбила съ толку не малое число лицъ.

Пріемы этой агитаціи были до крайности грубы. Вексельный курсъ, какъ сказано, зависитъ въ извѣстной степени отъ торговаго баланса. Когда балансъ не въ пользу какой-нибудь страны, вексельный курсъ ея падаетъ, по тому что отъ нея требуется много *римессъ* для уплаты за ввезенные товары, непокрываемые цѣнностью товаровъ вывезенныхъ. Это бываетъ повсюду, и вслѣдствіе того, а также по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, вексельный курсъ вездѣ колеблется. Но эти колебанія выражаются

въ разности одного, двухъ, много трехъ процентовъ, по большей же части бываютъ меньше одного процента. Нигдѣ не видно и съ здравымъ смысломъ несогласно, чтобы торговый балансъ понижалъ или повышалъ вексельный курсъ на 10 и 20%. Вообще нѣтъ примѣра, чтобы вексельный курсъ повышался такъ сильно; значительныхъ размѣровъ достигаетъ только пониженіе, и уже изъ этого одного разумный наблюдатель долженъ былъ бы вывести заключеніе, что значительныя пониженія вексельнаго курса не могутъ быть причинены балансомъ: здравый смыслъ говоритъ, что еслибы невыгодный балансъ могъ понизить вексельный курсъ на 20%, то выгодный балансъ могъ бы настолько же процентовъ и возвысить его, чего, какъ сказано, не бываетъ. Когда пониженіе вексельнаго курса переходитъ за извѣстный предѣлъ, оно отнюдь не можетъ быть объясняемо балансомъ. Гдѣ только оно ни случалось, повсюду оно бывало слѣдствіемъ излишняго выпуска неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и если хотѣть, чтобы курсъ поправился, надобно возстановить ихъ размѣнность. Это заключеніе не есть какой-либо отвлеченный или утонченный выводъ науки: это—дважды два четыре. Но нѣкоторые хлопотуны протекціонизма, мечась во всѣ стороны за новыми доказательствами въ пользу своего дѣла, напали на вексельный курсъ; они знали, что правительство озабочено его паденіемъ, и это внушило имъ наивную мысль какъ-нибудь убѣдить правительство въ томъ, что вексельный курсъ падаетъ не отъ размѣнности бумажныхъ денегъ, а отъ того напримѣръ что у насъ ввозъ машинъ не обложенъ пошлиной. Наложите по 1 руб. и 1 руб. 50 коп. на пудъ машинъ, и финансы наши поправятся. Поэтому рѣшено увѣрять всѣхъ и каждаго въ совершенной безвредности неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Но на этомъ не остановились. Для вящаго удостовѣренія публики въ твердости этого убѣжденія, принялись доказывать не только безвредность, но даже пользу неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, и обращаться къ правительству съ воззваніями чтобъ оно благоволило побольше выпускать ихъ для блага дорогаго отечества. Къ этому хору присоединились задолжавшіе промышленники, знавшіе по недавнему опыту, что во время выпуска новыхъ бумажныхъ денегъ бываетъ легко уплачивать долги, и также тѣ у кого былъ на рукахъ залежавшійся товаръ, а въ головѣ воспоминаніе, что въ послѣднее время Крымской войны и вслѣдъ за нею всѣ товары, и хорошіе и дурные, шли съ рукъ какъ по маслу. Наконецъ къ тому же хору примкнули прожектеры, мечтавшіе о предпріятіяхъ и учрежденіяхъ неосуществимыхъ при обычномъ правильномъ ходѣ дѣлъ; они видѣли въ бумажныхъ деньгахъ средство облагодѣтельствовать Россію и желѣзными дорогами, и баснословно дешевымъ кредитомъ, и другими весьма полезными или пріятными вещами. Увлекаясь доброжелательными мечтаніями, они видѣли однако же ихъ несогласіе съ тѣмъ что дѣлается повсюду на свѣтѣ; они не могли отрицать, что повсюду на свѣтѣ замышляемыя ими дѣла осуществляются съ помощію сбереженій называемыхъ капиталами, а не посредствомъ печатанія разноцвѣтныхъ лоскутовъ въ типографіи заготовленія государственныхъ бумагъ. Но вотъ имъ въ утѣшеніе противъ суровыхъ указаній дѣйствительности явилась извѣстная теорія, что Святая Русь есть свой отдѣльный міръ, управляемый своими особыми законами, и что Русскому здорово что Нѣмцу смерть.

Изъ такихъ-то элементовъ сложилось дикое ученіе о необходимости для Россіи не возстановлять и не исправлять своей денежной системы, а еще болѣе разрушать ее новыми выпусками бумажныхъ денегъ. Частыя повторенія разныхъ доводовъ въ пользу этого ученія, искусственно и не безъ ревности отовсюду набранныхъ, не остались безъ нѣкотораго вліянія на публику, тѣмъ болѣе что всеобщее опущеніе неправильности экономическаго положенія дѣлало ее воспріимчивою къ толкамъ этого рода, а ощущеніе безденежья—явленіе обычное послѣ излишнихъ выпусковъ бумажныхъ денегъ—даже убѣждало ее въ предположеніи, что въ Россіи въ самомъ дѣлѣ ихъ мало. Такъ случилось, что иные защитники и землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ начали твердить о необходимости увеличить количество обращающихся кредитныхъ билетовъ; они не успѣли сообразить, что это было бы лучшимъ средствомъ убить землевладѣльческіе классы въ Россіи, заплативъ имъ ничего не стоящими бумажками за отошедшіе отъ нихъ крестьянскіе надѣлы. Такъ случилось напримѣръ и то, что противъ сокращенія денежнаго обращенія высказы-

вались здѣсь въ Москвѣ торгующіе люди, которые въ то же время требовали возстановленія полной наминальной цѣнности кредитнаго рубля и не хотѣли слышать объ его фиксаціи не только на средней, но даже на нѣсколько возвышенной цифрѣ вексельнаго курса за послѣдніе годы!

Подобной непослѣдовательности, кажется намъ, не могло бы быть, еслибы вопросъ о вексельномъ курсѣ и бумажныхъ деньгахъ не былъ съ самаго начала приведенъ въ произвольную связь съ вопросомъ о протекціонизмѣ. Эти два вопроса не имѣютъ между собой ничего общаго. Убѣдиться въ этомъ наши протекціонисты могутъ на примѣрѣ Соединенныхъ Штатовъ. Тамъ протекціонизмъ господствуетъ. Побѣда Сѣвера надъ Южанами была и его побѣдой. Земледѣльческій Югъ боролся съ протекціонизмомъ, пока имѣлъ вліяніе: при его теперешнемъ безсиліи и при антипатіи къ нему на Сѣверѣ, тамошніе промышленники нещадятъ его интересовъ. Съ точки зрѣнія протекціонизма можно было бы только желать, чтобы наши протекціонисты поравнялись съ ними. Но ни одинъ протекціонистъ не требуетъ тамъ новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, и всѣ согласны въ необходимости возстановленія денежной системы; разногласіе относится только къ тому, съ какою быстротой слѣдуетъ идти въ дѣлѣ изъятія излишне выпущенныхъ бумажныхъ денегъ. Было бы важнымъ шагомъ впередъ, еслибы наши протекціонисты убѣдились въ вѣрности этого образа дѣйствій и послѣдовали ему.

Не менѣе было бы важно, еслибы выступили съ большею энергіей тѣ интересы, которые спеціально связаны съ вопросомъ о бумажныхъ деньгахъ. Сюда относятся акціонеры всѣхъ желѣзныхъ дорогъ, платящихъ проценты по своимъ облигаціямъ на звонкую монету и сильно страдающихъ отъ колебаній курса, всѣ фабриканты получающіе изъ-за границы часть своихъ матеріаловъ, всѣ владѣльцы внутреннихъ фондовъ (а также пятипроцентныхъ билетовъ, выкупныхъ свидѣтельствъ и рентъ), которые должны значительно подняться въ цѣнѣ, какъ скоро будутъ приняты мѣры,—не говоримъ къ возстановленію, что и невозможно и не желательно,—но къ упроченію денежной единицы; наконецъ, сюда относятся и всѣ тѣ кто нуждается въ поземельномъ кредитѣ или заботится о водвореніи его въ Россіи; при необходимой выдачѣ ссудъ на звонкую монету, дѣло поземельнаго кредита не можетъ идти успѣшно, если вексельный курсъ будетъ колебаться. Всѣ они спеціально заинтересованы въ томъ, чтобы совершилось это дѣло, въ сущности вовсе не такъ трудное, какъ оно кажется, и какъ увѣряютъ наши многочисленные набатчики.

№ 97.

Москва, 3-го мая.

Недавно и не разъ была у насъ рѣчь о несоразмѣрности суммъ отпускаемыхъ на Дерптскій учебный округъ въ сравненіи съ бюджетомъ другихъ учебныхъ округовъ Имперіи. Мы приводили наиболѣе достовѣрныя изъ доступныхъ намъ цифръ. Это подало г. Ширрену поводъ къ доставленію намъ другихъ цифръ. Мы напечатали и эти цифры, хотя г. Ширренъ не захотѣлъ указать источникъ откуда онъ ихъ заимствовалъ. Общій нашъ выводъ, въ чемъ все дѣло, нисколько не измѣнялся, еслибъ и признать цифры г. Ширрена за безусловно вѣрныя. Тѣмъ не менѣе мы сочли не лишнимъ справиться въ офиціальныхъ бюджетныхъ данныхъ. По этой справкѣ оказывается,—что въ 1867 году на Дерптскій университетъ назначено 224.197 рублей 45 копѣекъ; на всѣ четыре старыя гимназіи Рижскую, Митавскую, Ревельскую и Дерптскую въ совокупности 69.904 руб. 80 коп.; на двадцать училищъ 38.839 р. 62 к.; на элементарныя школы 3.894 р. 36 к.; на Дерптскую учительскую семинарію 3.179 р.; на окружное управленіе 11.565 р. 60 к.; сверхъ того, около 9.000 рублей ассигновано на обыкновенныя мелочныя издержки для поправокъ и ремонта зданій училищъ и гимназій и т. д. Этотъ бюджетъ, простирающійся почти до 388.000 руб., значительно превышаетъ наши прежнія показанія. Но сюда слѣдуетъ прибавить еще правительственныя пособія тремъ новымъ гимназіямъ: Пернавской, Аренсбургской, Либавской, о которыхъ во мнѣніи государственнаго совѣта отъ 12-го мая 1865 года сказано: „Государственный совѣтъ, опредѣляя возвышеніе Либавской, Пернавской и Аренсбургской прогимназій въ гимназіи, мнѣніемъ положилъ: въ счетъ исчисленныхъ по означеннымъ штатамъ отпускать изъ государственнаго казначейства

на Пернавскую гимназію 2.986 р., на Либавскую 4.196 р., и на Аренсбургскую 2.941 р., всего 10.124 р. пособіемъ къ суммамъ поступающимъ на штатное сихъ гимназій содержаніе изъ городскихъ источниковъ, изъ суммъ эзельскаго дворянства и изъ сбора за ученіе." Сюда же должно присоединить Ritter- и Domschule въ Ревелѣ съ казеннымъ пособіемъ въ 1.500 р. Слѣдовательно общая сумма бюджетныхъ назначеній простирается до 400.000 руб., въ чемъ еще не заключаются чрезвычайныя награды, расходы на постройки, пенсіи, и наконецъ многіе не малозначащіе привилегированные, въ сущности государству принадлежащіе источники доходовъ разныхъ учебныхъ заведеній до самаго университета. Имѣя это въ виду, можно, кажется, утверждать, что еслибы вслѣдствіе теперешней системы составленія смѣтъ, бюджетныя назначенія и заключали въ себѣ нѣкоторую долю не собственно казенныхъ денегъ, все же общая сумма государственнаго расхода на учебную часть Дерптскаго округа будетъ не ниже 400.000 руб. Если распредѣлить эти 400.000 руб. на все нынѣшнее населеніе балтійскихъ губерній, состоящее изъ 1.820.000 человѣкъ, то окажется по 22 копѣйки на душу. Изъ общаго, на основаніи одинаковой системы составленнаго бюджета министерства народнаго просвѣщенія (7.103.000 руб. почти на 65 милліоновъ людей) приходится на душу вдвое менѣе, то-есть по 11 копѣекъ. На балтійское же населеніе нѣмецкаго элемента, состоящее изъ 150.000 человѣкъ, приходится теперь почти $2^{2}/_{3}$ рубля, тогда какъ прежде (въ № 46) мы насчитывали только 2 р. 30 к. (На все балтійское населеніе вообще мы вычисляли тогда по 17 копѣекъ вмѣсто оказывающихся теперь 22). Изъ 400.000 р. выдается едва 5.000 на учебныя заведенія, гдѣ преподаваніе производится на русскомъ языкѣ, а на латышско-русскія и эстско-русскія ничего; остальныя 395 тысячъ идутъ въ самомъ точномъ смыслѣ слова на *нѣмецкія* учебныя заведенія, ибо въ этихъ заведеніяхъ русскій языкъ считается *мертвымъ языкомъ*, о чемъ г. Егоръ Сиверсъ такъ безцеремонно объявилъ въ своей извѣстной брошюрѣ: *Apell an die europäische Oeffentlichkeit*. Дабы этотъ мертвый языкъ сдѣлать живымъ въ балтійскихъ губерніяхъ, не требуется новыхъ пожертвованій отъ казны сверхъ этого сравнительно огромнаго бюджета: нужно только *правильное*, или лучше сказать, болѣе *справедливое* распредѣленіе училищнаго бюджета. Если людямъ тевтонскаго племени придется выдерживать конкурренцію съ тамошними Латышами и Эстами, которые, очевидно, не чувствуютъ отвращенія отъ русскаго языка, то русскій языкъ вдругъ перестанетъ быть и для тамошнихъ нѣмецкаго происхожденія людей мертвымъ языкомъ. Они оцѣнятъ какія выгоды проистекли для нихъ изъ того, что въ продолженіе многихъ десятилѣтій они получили на свое обученіе нѣсколько милліоновъ болѣе чѣмъ прочіе подданные государства, и что имъ тогда только можно будетъ *вполнѣ* воспользоваться этими выгодами, когда они будутъ знать свой государственный языкъ. Тогда мы не только не позавидуемъ ихъ успѣхамъ, но будемъ рукоплескать имъ, цѣня образованіе всюду гдѣ оно оказывается. Письмо либавскаго купечества, напечатанное нами (въ № 92), лучше всего свидѣтельствуетъ о нашей готовности отстаивать законные интересы обитателей балтійскихъ губерній, не справляясь съ ихъ племеннымъ происхожденіемъ и вѣроисповѣданіемъ. Этотъ городъ во всякомъ случаѣ *болѣе* нѣмецкій чѣмъ самая Рига; однакожь *Рижская Газета* не только не защищаетъ законныхъ интересовъ Либавы, но заставляетъ насъ защищать ихъ отъ ея нападенія. Вотъ замѣчательный и характеристическій фактъ!

Точно такъ же какъ въ либавскомъ дѣлѣ, *Рижская Газета* возстаетъ (умышленно или нѣтъ, не знаемъ) и противъ нашихъ предположеній о реформѣ балтійскихъ учебныхъ заведеній. Недавно разсказывали случай, какъ человѣкъ шесть балтійскихъ студентовъ нѣмецкой рѣчи, уже кончившихъ курсъ въ Дерптѣ, перешли въ Петербургскій университетъ единственно потому что понимали какъ полезно будетъ имъ знаніе отечественнаго языка, и что въ Дерптѣ, при нѣмецкомъ преподаваніи, они по-русски выучиться не могутъ. Это, впрочемъ, не единственный случай; несомнѣнно что такъ поступали бы весьма многіе дерптскіе студенты, еслибы каждый изъ нихъ могъ легко располагать собою. Итакъ, разумно ли со стороны *Рижской Газеты* утверждать, будто наши предположенія угрожаютъ опасностью Дерпту? Нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ и въ особенности нѣкоторымъ для всѣхъ сторонъ равно вреднымъ фантазіямъ такая реформа можетъ

быть помѣхой,—это несомнѣнно,—но здравомысленнымъ, дѣльнымъ и добросовѣстнымъ людямъ, какого бы то ни было племеннаго происхожденія, усвоеніе государственнаго языка можетъ быть только полезно.

Кстати сказать здѣсь нѣсколько словъ о куріозной статейкѣ въ *St.-Petersburger Zeitung* (№ 112). Она приводитъ слѣдующую фразу нашего пернавскаго корреспондента, напечатанную въ № 84 *Московскихъ Вѣдомостей:* „Не достойно ли вниманія, что Эльзасцы, не пользующіеся никакими преимуществами предъ Французами, такъ преданы Франціи и гордятся именемъ Французовъ, тогда какъ въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ Нѣмцы, составляющіе лишь восемь процентовъ населенія, пользуются всякаго рода преимуществами предъ прочимъ населеніемъ, и между тѣмъ съ нѣкотораго времени, именно съ тѣхъ поръ какъ увеличились ихъ льготы, считаютъ обиднымъ для себя называться Русскими?“ Затѣмъ, предавъ предварительно проклятію всѣхъ вообще „балтійскихъ корреспондентовъ“ *Московскихъ Вѣдомостей*, а вмѣстѣ съ ними и слѣпаго мужичка Ширяева, который года за два предъ тѣмъ высказалъ въ Географическомъ Обществѣ нѣчто о балтійскихъ губерніяхъ, *St.-Petersburger Zeitung* продолжаетъ слѣдующимъ образомъ: „Въ этихъ строкахъ пернавскаго корреспондента проявляется крайній недостатокъ научнаго образованія, умственной зрѣлости и честности; но его слова достигаютъ своей цѣли, состоящей въ политическомъ возбужденіи.“ Потомъ слѣдуетъ длинное и пустословное изложеніе различія между положеніемъ Эльзаса и балтійскихъ губерній, при чемъ пропущено, comme de raison, самое главное отличіе Эльзаса отъ нашихъ балтійскихъ губерній,—именно то, что Эльзасъ есть край искони германскій и заселенъ исключительно нѣмецкимъ народомъ, а балтійскія губерніи искони значительною частью своею входили въ составъ Русскаго государства и заселены племенами чуждыми и антипатическими германскому,—а указано лишь на то, что Эльзасцы съ самаго начала удивлялись Франціи, балтійскіе же Нѣмцы всегда и справедливо смотрѣли на Россію свысока. Сдѣлавъ это замѣчаніе, почтенная газета прибавляетъ: „Нѣмцы „балтійскихъ провинцій *(губерній)* не хо„тятъ отказаться отъ своей національности, „*чего вообще не сдѣлаетъ никакой честный, уважающій себя человѣкъ.*“

Сказано какъ нельзя болѣе прилично въ газетѣ издаваемой подъ русскимъ орломъ и не получающей предостереженій! Съ достодолжною откровенностью объявляетъ она безчестными тѣхъ лицъ, нѣмецкаго происхожденія, которые точно также считаютъ себя *Русскими*, какъ Эльзасцы *Французами*. Почему же такое различіе? Потому что эльзасскіе Нѣмцы взираютъ на Францію съ почтеніемъ, а балтійскіе Нѣмцы будто бы смотрятъ на Россію свысока и пренебрежительно! Нельзя сильнѣе выражаться въ русской столицѣ еще не причисленной къ Германіи. Но мы спросимъ только: сдѣлались ли Латыши и Эсты массами онѣмеченные, безчестными потому что отказались отъ своей народности въ пользу національности чужаго государства? Въ этомъ случаѣ фраза петербургско-нѣмецкой газеты имѣла бы смыслъ. Или, если Евреи изъ Вальдека, либо Франкфурта признали себя Нѣмцемъ, перестали ли онъ поэтому быть честнымъ человѣкомъ, имѣющимъ къ себѣ уваженіе? Есть много Славянъ, Французовъ, Датчанъ и пр., которые признали себя за Нѣмцевъ, и потомство которыхъ носитъ фамиліи, напоминающія о ихъ ненѣмецкомъ происхожденіи: сдѣлались ли всѣ они безчестными людьми? Или безчестны только тѣ, которые называютъ себя *Русскими?*

Нѣтъ сомнѣнія, что до тѣхъ поръ, пока подобныя воззрѣнія держатся въ нѣкоторыхъ кружкахъ, и высказываются безъ всякой застѣнчивости въ газетѣ, составляющей собственность Академіи Наукъ и украшенной русскимъ государственнымъ гербомъ,—самыя благонамѣренныя сужденія о необходимѣйшихъ для государства реформахъ естественно будутъ обзываемы „безсовѣстными подстреканіями.“

Что такое національность? Не состоитъ ли она главнѣйше и почти исключительно въ гражданскомъ чувствѣ людей? На свѣтѣ нѣтъ государства, которое не составилось бы изъ многихъ разнородныхъ племенъ, и во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ допускается разнообразіе вѣрованій и обычаевъ. Отъ своихъ подданныхъ государство въ правѣ требовать, чтобъ они всѣ, при всемъ различіи племеннаго происхожденія, религіи и обычаевъ, признавали себя людьми одной національности. Не требуется, чтобы кто-нибудь отрекался отъ своей религіи или дѣлалъ насилія своимъ обычаямъ и быту или забывалъ языкъ сво-

ихъ родителей; требуется только, чтобы Россіи не навязывали государственныхъ теорій пригодныхъ только для Австріи или Турціи, и чтобъ у насъ не было особыхъ государствъ въ государствѣ. Петербургская нѣмецкая газета прикидывается не понимающею всего этого, и усиливается заглушить вопросъ.

Въ заключеніе своей статьи, *St.-Petersburger Zeitung* высказываетъ слѣдующую благозвучную угрозу: „Нѣмецкая вѣрность никогда еще не измѣняла себѣ *тамъ гдѣ она признана* (это и по-нѣмецки напечачано съ разбивкой); въ Эльзасѣ она признана (какимъ образомъ? полнымъ уравненіемъ съ прочими подданными), и потому Эльзасцы вѣрны Франціи. Но если отчужденіе могло бы послѣдовать – чего никакъ нельзя предполагать,—то *само собою разумѣется* отъ направленія распространяемаго *Московскими Вѣдомостями*".

Хорошо,—но не слишкомъ ли рано пускаться въ такія заявленія? Нѣмецкое населеніе еще составляетъ только 5 или 6 процентовъ, а съ онѣмеченными туземцами только 8 или 10 процентовъ всѣхъ жителей балтійскаго края, да и онѣмеченные, объявленные безчестными, едва ли останутся въ полномъ согласіи съ Нѣмцами. Слѣдовательно, еще рано грозить. Вѣдь и въ астрійскихъ провинціяхъ мнѣніе большинства имѣетъ значеніе, по крайней мѣрѣ, когда это большинство такъ велико какъ въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ. Слѣдовательно, можно ожидать, что и у насъ на балтійскомъ побережьи большинство съ каждымъ днемъ будетъ получать болѣе и болѣе значенія. Если отреченіе Латышей и Эстовъ отъ своей народности, въ пользу національности сосѣдняго государства, можетъ только обезчестить ихъ, съ чѣмъ мы согласны, то тѣмъ паче надобно стараться, чтобъ изъ средствъ несоразмѣрно-большаго учебнаго бюджета на балтійскія школы было устроено какъ можно болѣе такихъ заведеній, гдѣ Латыши и Эсты могли бы воспитываться не передѣлываясь въ Нѣмцевъ. Мы знаемъ, что такой образъ дѣйствій нисколько не отвратитъ отъ насъ Латышей и Эстовъ и что въ цѣломъ мірѣ отдадутъ ему справедливость.

А между тѣмъ вотъ еще куріозная статья только что замѣченная нами въ извѣстномъ нѣмецкомъ изданіи *Unsere Tage* подъ заглавіемъ: *Werth der Ostseeprovinzen an sich, für Russland und für Preussen* (Значеніе балтійскихъ провинцій самихъ по себѣ, для Россіи и для Пруссіи). Статья оканчивается, между прочимъ, слѣдующими словами:

„Но самую значительную и весьма высокую цѣну имѣютъ оствейскія провинціи для Пруссіи въ политическомъ отношеніи Хотя населеніе страны, по языку своему, большею частію не принадлежитъ къ нѣмецкому племени, но господствующій классъ составляютъ тамъ Нѣмцы, и притомъ уже болѣе 600 лѣтъ. Привычка съ незапамятныхъ для народа временъ, тамошнее право, протестантская вѣра—все это связываетъ даже простолюдина съ германскою націей и розпитъ съ Русскими. Нѣтъ сомнѣнія, что этой странѣ немного нужно было бы времени, чтобы тѣснѣйшимъ образомъ слиться съ нѣмецкою и по преимуществу протестантскою Пруссіей и безусловно увеличить собою ея государственныя силы. Кромѣ матеріала для увеличенія ея войска, она въ особенности послужила бы ей новымъ источникомъ для пріобрѣтенія привыкшихъ къ морю матросовъ. Но самою важною выгодой было бы то, что колоссальный и опасный сосѣдъ потерпѣлъ бы отъ потери этихъ провинцій огромный и невознаградимый уронъ въ своемъ могуществѣ. Унизить Россію и отбросить ее назадъ значило бы произвесть въ европейскихъ отношеніяхъ гораздо болѣе глубокій переворотъ нежели какой произведенъ Богемскимъ и Майнскимъ походомъ 1866 г.; тогда, безъ всякаго сомнѣнія, не Франція, а Пруссія сдѣлалась бы предводящею державой міра. Нельзя опустить безъ вниманія, напримѣръ; того, что Швеція, которая доселѣ только со стороны Россіи была доступна и подвергалась опасности, вступила бы въ кругъ вліянія Пруссіи, какъ скоро къ ней придвинулись бы Прусскія владѣнія. Пріобрѣтетъ ли опа снова Финляндію, или нѣтъ, у ней теперь только одинъ врагъ, котораго она можетъ бояться—Россія. Напротивъ, съ присоединеніемъ Эстляндіи къ Пруссіи, въ сосѣдствѣ съ нею явилась бы другая великая держава и притомъ столько сильная, что Швеція не въ состояніи была бы слѣдовать предъ нею самостоятельной политикѣ; а такъ какъ можно предвидѣть, что интересы ихъ нигдѣ не столкнулись бы, то она могла бы найдти выгоду единственно въ твердомъ союзѣ съ Пруссіей, особенно противъ Россіи. Черезъ это

также усилилось бы положеніе Пруссіи на сѣверо-востокѣ и въ Европѣ...“

Вотъ уже какимъ языкомъ поговариваютъ теперь въ Германіи! Нѣмецкая газета издаваемая подъ русскимъ орломъ въ Петербургѣ ничего не возражаетъ на это.

На страницѣ 519, говоря о морской торговлѣ и торговомъ флотѣ, авторъ той же статьи предлагаетъ слѣдующую табличку:

	Корабли
Рига	29
Либава	28
Ревель	9
Другія *нѣмецкія* гавани . . .	11
Итого гаваней *нѣмецкихъ* остзейскихъ провинцій.	77

Итакъ, подъ *deutsche Hafenplätze* подразумѣваются наши Виндава, Пернава и пр.!! Впрочемъ, чему же удивляться? Это согласно съ проповѣдью нѣкоторыхъ газетъ въ самой Россіи...

№ 98.

Москва, 4-го мая.

Въ то время, когда дѣло шло объ упраздненіи Каменецкой римско-католической епархіи и о соединеніи ея съ Житомірскою, нашлись у насъ люди и даже въ кругахъ вліятельныхъ, которые подъ предлогомъ вѣротерпимости, гуманности и вниманія къ тому „что скажутъ“ на Западѣ, громко вопіяли и усиливались помѣшать мѣрѣ столь раціональной и предписанной потребностями положенія.

На этотъ разъ здравый смыслъ взялъ верхъ надъ интригой и легкомысленными сужденіями. Вопреки воплямъ и усиліямъ болѣе или менѣе явныхъ защитниковъ ультрамонтанскаго, или точнѣе сказать, польскаго дѣла, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Каменецкая епархія была упразднена.

Вынужденные покориться непремѣнному рѣшенію, наши „гуманные“ защитники римской куріи излились въ сѣтованіяхъ, оплакивая послѣдствія этой мѣры и тѣ безпорядки и смуты, къ которымъ, по ихъ словамъ, она должна повести въ дѣлахъ церковнаго управленія и въ совѣсти римско-католическихъ подданныхъ Императора. Особенно же они ставили на видъ, что его святѣйшеству папѣ невозможно согласиться на эту мѣру и признать юрисдикцію Житомірскаго епископа надъ древнею Каменецкою епархіей. Эти іереміады, которыми злоупотребляли до того, что онѣ уже не производятъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, теперь кругомъ посрамлены. Римско-католическое богослуженіе ни на минуту не переставало совершенно свободно отправляться въ Каменецкой епархіи. Совѣсть католическихъ подданныхъ Императора не была смущена ничѣмъ, кромѣ угрызеній возбуждаемыхъ воспоминаніями о прежнихъ преступленіяхъ и можетъ-быть приготовленіями къ будущимъ кознямъ. Наконецъ Римскій дворъ, когда Императорское правительство обращалось къ нему, постоянно воздвигалъ непреодолимыя препятствія дружелюбному рѣшенію этого дѣла, но какъ разъ смирился предъ фактомъ, видя, что мы имѣли духъ и здравый смыслъ совершить его. Не будучи нисколько приглашенъ нашимъ правительствомъ, которое со времени отмѣны конкордата и послѣ меморандума, отъ 7-го января текущаго года, не входитъ ни въ какія сношенія съ Римомъ, папа добровольно провозгласилъ присоединеніе Каменецкой епархіи къ Житомірской, и рѣшаясь на это, онъ даже объявилъ, что оповѣщаетъ объ этомъ чрезъ посредство печати потому только, что ему пресѣчены всякія другія средства сообщенія съ римско-католическими епископами въ Россійской имперіи. Это послѣднее заявленіе тѣмъ замѣчательнѣе, что оно является косвеннымъ признаніемъ права, которое Римскій дворъ постоянно оспаривалъ у насъ, и обязательства, отъ исполненія котораго этотъ дворъ всегда уклонялся вопреки трактатамъ и конкордату. Въ меморандумѣ 7-го января именно доказано, что къ числу главныхъ и самыхъ важныхъ жалобъ нашихъ на Римскій дворъ принадлежали тайныя прямыя сношенія его съ римско-католическимъ духовенствомъ въ Россіи. Всѣ наши представленія по этому предмету оставались безплодны, и въ настоящее время несомнѣнно обнаружено, что мятежу въ 1863 году наиболѣе содѣйствовало препровожденное Піемъ IX къ архіепископу Фіалковскому *breve*, поощрявшее революціонные происки римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ, и въ которомъ были названы законными мнимыя „желанія“ мнимаго „польскаго народа“. Приглашенный нашимъ представителемъ объяснить поводы къ препровожденію этого *breve* неофиціальнымъ путемъ, кардиналъ Антонелли прибѣгнулъ къ іезуитскимъ тонкостямъ

и отвѣчалъ, что это *breve* „не собственно „такъ-называемое *breve*, такъ какъ оно на„писано не на пергаменѣ, а на бумагѣ, и „что оно было послано изъ секретарства „латинскаго письмоводства, а не изъ кан„целяріи изготовляющей акты, именуемые „*breve*“. Въ то время мы содержали, повидимому, очень дружескія сношенія съ Римскимъ дворомъ; конкордатъ 1847 года былъ въ полной силѣ, и поэтому такія тайныя сношенія были очевиднымъ нарушеніемъ существующихъ обязательствъ, плохо прикрытымъ увертками вызывающими сожалѣніе. Теперь не то: конкордатъ отмѣненъ. Мы не держимъ миссіи въ Римѣ, и папа дѣйствительно не иначе можетъ сноситься съ римско-католическимъ духовенствомъ какъ посылая ему прямо буллы и письма на пергаменѣ или бумагѣ. Тѣмъ не менѣе Римскій дворъ теперь затрудняется поставить членовъ своего духовенства въ необходимость либо не принимать его посланія, либо нарушить законы имперіи, воспрещающіе епископамъ прямыя сношенія съ Римомъ. Онъ прибѣгаетъ къ печати для повѣщенія о распоряженіяхъ чисто церковныхъ и дѣлаетъ это съ умилительнымъ смиреніемъ.

Слѣдуетъ ли отсюда заключить, что въ Римѣ совершилось чудо и что глава латинской церкви отказался пользоваться католическимъ духовенствомъ какъ орудіемъ для водворенія въ Россіи фанатизма и безпорядковъ? Императорское письмо отъ 29-го апрѣля 1863 года, существованіе котораго Римскій дворъ пытался отрицать, обнародованное однако въ меморандумѣ 7-го января, не отыскалось ли въ картонахъ Ватикана и не воспользовался ли имъ Пій IX, дабы признать, „что союзъ служителей ал„таря Божія съ поборниками безпорядковъ, „угрожающихъ обществу, есть одно изъ „самыхъ возмутительныхъ явленій нашего „вѣка?“

Къ несчастію, обращеніе столь желательное едвали совершилось. Факты положительные говорятъ намъ что въ Римѣ еще тщательно поддерживаются польскіе происки, направленные противъ нашей безопасности.

Въ доказательство этого увѣренія приведемъ, вопервыхъ, недавнее изданіе въ самомъ Римѣ брошюры на италіянскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Insurrezione polacca nel 1863 e 1864*, исполненной драгоцѣнными уроками. Священникъ, которому было поручено составленіе этой брошюры, открылъ часть тайнъ римской политики, и этими разоткровеніями вполнѣ подтверждаются обвиненія, возводимыя нами на папскій дворъ и предъявленныя нашимъ правительствомъ въ официальномъ документѣ на судъ общественнаго мнѣнія. Изъ брошюры оказывается, что съ самаго начала мятежа 1863 г. Римскій дворъ вступилъ въ прямыя, постоянныя и, можно сказать, официальныя сношенія съ тою шайкой злодѣевъ, которая устроилась въ Варшавѣ подъ именемъ національнаго правительства: что посланецъ отъ этого правительства жилъ (да можетъ-быть и теперь еще живетъ) въ Римѣ и состоялъ въ правильныхъ сношеніяхъ съ „его преосвященствомъ кардиналомъ статсъ-секретаремъ и съ его преосвященствомъ монсиньйоромъ секретаремъ конгрегаціи духовныхъ дѣлъ“ (*Insurr. pol.*, стр. 7); что вслѣдствіе циркуляра тайнаго правительства, епископы и всѣ духовныя власти посылали прямыя донесенія папѣ и испрашивали его *благословенія на мятежъ*; что эти донесенія принимались очень благосклонно и что „поэтому-то папа приказалъ въ Римѣ публично молиться за Польшу.“ (Тамъ же, стр. 5.) Изъ этой же брошюры мы узнаемъ еще, что съ „цѣлію вліянія на духъ населенія въ Литвѣ и Рутеніи“ подпольный жондъ просилъ усиленно Пія IX о причисленіи къ лику святыхъ Іосафата Кунцевича, и что это причисленіе замедлилось только потому, что паны польской эмиграціи не внесли 40 тысячъ екудовъ, безъ которыхъ папа не можетъ никому открыть доступъ въ рай, но что *оно совершится въ то время, какъ соберутся созываемые папой въ Римъ 400 епископовъ.*

Очень еще недавно Пій IX прибѣгъ и къ тѣмъ невоздержнымъ выраженіямъ, которыя обычны ему когда дѣло идетъ о Россіи и ея правительствѣ. Мальчикъ Мортара, похищеніе котораго латинскимъ духовенствомъ надѣлало, лѣтъ 7 или 8 назадъ, такъ много шума, обращенъ къ католичеству, и 12-го апрѣля ему было поручено привѣтствовать папу, посѣтившаго семинарію, гдѣ держатъ этого молодаго человѣка разлученнаго съ родителями. Пій IX отвѣчалъ на его привѣтствіе рѣчью, очевидно назначавшеюся для разглашенія, которую римскія газеты и поспѣшили напечатать.

Папа сказалъ молодому Мортарѣ: „Я до-

рожу тобою особенно по причинѣ всеобщаго раздраженія, вспыхнувшаго противъ римскаго престола за то, что онъ извлекъ тебя изъ мрака, въ которомъ погрязло твое семейство;" потомъ, поставивъ на видъ негодованіе *правительствъ, народовъ, королей и журналистовъ* „принадлежащихъ теперь также къ сильнымъ міра," папа прибавилъ:

„Болѣе всего жаловались на несправедливость будто бы оказанную твоимъ родителямъ тѣмъ, что ты возрожденъ святымъ крещеніемъ, и что получилъ образованіе, которое Богу было угодно даровать тебѣ, и однако, никто не пожалѣлъ обо мнѣ, отцѣ всѣхъ вѣрныхъ, у котораго милліоны дѣтей въ Польшѣ схизма отрываетъ или старается погубить своимъ зловреднымъ ученіемъ.

„Народы и правительства безмолвствуютъ, когда я вопію, скорбя о судьбѣ этой части Христова стада, расхищаемой разбойниками среди бѣлаго дня. Никто не трогается, чтобы поспѣшить на помощь отцу и его дѣтямъ".

Безполезно обсуждать этотъ языкъ, самъ себя посрамляющій. Нечего доказывать, что у папы никто не отнималъ ни одного дѣтеныша въ Польшѣ, гдѣ римско-католическая религія пользуется такою свободой, что въ самомъ дворцѣ императорскаго намѣстника латинскіе священники безпрепятственно каждый день служатъ обѣдню, причащаютъ, исповѣдуютъ и пр. по правиламъ римской церкви. Мы желаемъ только вывести изъ предыдущаго тѣ заключенія и поученія, которыми пренебрегать не слѣдуетъ.

Вопервыхъ, римскій дворъ никогда ни на что не соглашается, но часто не споритъ, если ватиканскому *non possumus* противопоставляютъ *volumus* логическаго рѣшенія и *possumus* силы основанной на правѣ.

Вовторыхъ, зложелательство, или, лучше сказать, фанатическая ненависть Рима къ Россіи, къ сожалѣнію, еще не ослабѣваетъ, и потому всякое уклоненіе отъ спасительнаго пути, на который наше правительство вступило, было бы событіемъ пагубнымъ, которое немедленно повело бы къ возстановленію такъ-называемаго „польскаго" вопроса.

Мы не можемъ и не должны измѣнять наши отношенія къ римскому двору прежде нежели будутъ исполнены два условія: римская церковь должна отказаться въ русскихъ владѣніяхъ отъ своихъ непомѣрныхъ притязаній, которыя не допускаются и въ тѣхъ государствахъ, гдѣ римское исповѣданіе есть религія большинства и считается господствующимъ, и — что не менѣе важно — римская церковь не должна имѣть никакого національнаго характера, а тѣмъ менѣе удерживать свое тождество съ польскою національностью. Пока эта церковь остается въ Россіи силой политическою, будучи ничѣмъ инымъ какъ знаменемъ польской національности, до тѣхъ поръ Русское государство и русское правительство, поскольку оно дѣйствуетъ согласно съ интересами государства, не можетъ не находиться въ антагонизмѣ съ ней, хотя съ другой стороны нельзя не сознаться, что и она вынуждена дѣйствовать какъ революціонное начало до тѣхъ поръ пока русское правительство не откроетъ ей возможности сложить съ себя національный характеръ и не будетъ воспрещать рожденнымъ въ католицизмѣ русскимъ подданнымъ быть Русскими.

№ 99.

Москва, 5-го мая.

Надняхъ откроется имперская дума въ Вѣнѣ. Что-то принесетъ она съ собой, какую новую фазу въ австрійской внутренней политикѣ вызоветъ? О колебаніяхъ этой политики нельзя судить очень строго: появленіе самостоятельной Венгріи поставило вѣнское правительство въ трудное, не испытанное еще имъ положеніе, а на появленіе самостоятельной Венгріи пришлось поневолѣ согласиться. Но нельзя отрицать и того, что именно теперь, когда соберется представительство не-венгерской половины имперіи, австрійскому министерству предстоитъ самому произнести судъ надъ собой. Теперь должно обнаружиться, на чемъ думаетъ оно основать будущность Австріи, на справедливости ли и вѣрности даннымъ обѣщаніямъ, или на безцеремонной политикѣ авантюризма, лишь изъ вѣжливости называемой политикой *de l'à propos*. Безцеремонность увѣнчивается иногда успѣхомъ, какъ показываетъ примѣръ графа Бисмарка, но это бываетъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда она обращена къ иностраннымъ землямъ, если же она направляется на своихъ подданныхъ, то весьма позволительно предсказываютъ ей неудачу.

Галицкіе Поляки являются самымъ характеристическимъ выраженіемъ броженія происходящаго въ имперіи Габсбурговъ. Теперь въ Вѣнѣ принято восхвалять мадьярскую вѣрность. Пусть такъ, хотя еще болѣе заслуживаетъ вѣнскихъ похвалъ вѣрность Чеховъ, галицкихъ русскихъ и многихъ другихъ Славянъ, подданныхъ австрійскаго императора. Но почему же, послѣ Мадьяръ, особенными симпатіями вѣнскаго правительства пользуются только Поляки? Вѣнскіе политики очень хорошо знаютъ, чего домогаются галицкіе Поляки, и что въ химерическихъ видахъ возстановленія Сигизмундовской Польши Австрія для нихъ не болѣе какъ средство. Играть такими дѣлами опасно, и Австрія неизбѣжно проиграетъ, если оказывая фаворъ галицкимъ Полякамъ, будетъ тѣснить Чеховъ, доводить до отчаянія галицкихъ Русскихъ. Такая политика можетъ быть очень хитра, но успѣшна она быть не можетъ. Сами Поляки не повѣрятъ въ прочность того права, которое имъ всего дороже,—права душить подданныхъ австрійскаго императора, гораздо болѣе чѣмъ они вѣрныхъ ему.

Нашихъ братьевъ, такихъ же какъ мы Русскихъ, населяющихъ Галицію, историческій рокъ издавна связалъ съ Поляками. Минуты несчастій для Поляковъ были отдыхомъ для галицкихъ Русскихъ: сюда относятся царствованія Маріи Терезіи и Іосифа II, сюда относится и послѣдній польскій мятежъ. Но теперь Поляки, оставивъ на время въ покоѣ Россію, обратили все свое вниманіе на Галицію. Обстоятельства благопріятствуютъ имъ, и еще болѣе благопріятствуютъ имъ политическія недоразумѣнія, господствующія въ Вѣнѣ. Перепробовавъ всѣ системы, тамъ повидимому пришли къ странной мысли, что вѣрныхъ подданныхъ можно оскорблять, а ласкать должно сомнительныхъ, чтобы найдти въ нихъ новыхъ союзниковъ, хотя бы и временныхъ. Вѣрные не измѣнятъ, думаютъ въ Вѣнѣ, что бы съ ними ни дѣлать, и вотъ чисто-польскій Краковъ административно соединяется съ русскимъ Галичемъ, а полу-русская и полу-румынская Буковина отдѣлена отъ львовскаго намѣстничества. Земскій сеймъ во Львовѣ такъ устроенъ, что служитъ лишь къ поддержанію польскаго властолюбія. Въ прошломъ году онъ почти вовсе не допускалъ русскихъ депутатовъ въ сеймовыя коммиссіи, даже въ тѣ, гдѣ обсуждались чисто-русскіе интересы. Онъ дозволялъ польскимъ ораторамъ (Грохольскій, Зыбликевичъ, Потоцкій) поносить и чуть не бить русскихъ депутатовъ. Онъ составилъ адресъ императору, въ которомъ Австріи рекомендовалась та же миссія, какую долго исполняла Польша, и доказывалось, что Руси и русскаго народа не существуетъ вовсе. Онъ устроилъ извѣстное порожденіе политическаго іезуитизма, *коммиссію эдукаційную* (учебную), девять членовъ коей (конечно, Поляки) должны захватить въ свои руки все дѣло народнаго воспитанія въ болѣе чѣмъ 2.000 народныхъ школахъ, основанныхъ Русскими на собственный счетъ и бывшихъ доселѣ подъ управленіемъ консисторіи, то-есть русскаго духовенства. Не иначе шли дѣла и во Львовскомъ сеймѣ нынѣшняго года, созванномъ для избранія депутатовъ въ имперскую думу. Довольно указать на результатъ этого избранія: въ собирающейся нынѣ имперекой думѣ *два съ половиною милліона* русскаго населенія, будутъ представлены только *пятью* членами, изъ коихъ лишь одинъ принадлежитъ къ русской интеллигенціи въ странѣ; а *два милліона* польскаго населенія будутъ имѣть *тридцать трехъ* депутатовъ!.. Въ то же время приводятся въ исполненіе намѣренія, вызвавшія учрежденіе эдукаційной коммиссіи. Недавно отставленъ инспекторъ школъ Кульчицкій и на мѣсто его назначенъ не умѣющій ни говорить, ни читать по-русски Полякъ для управленія школами, въ которыхъ Русскихъ вдесятеро больше чѣмъ Поляковъ. Всего болѣе Поляки, разумѣется, придираются къ русскому уніатскому духовенству. Они кричатъ, что русскіе ординаріаты насажали по попу въ каждомъ селѣ, и что это сильно стѣсняетъ крестьянъ. Они обязательно предлагаютъ соединить понѣскольку приходовъ въ одинъ для облегченія участи этихъ бѣдныхъ сельчанъ!... А на дѣлѣ оказывается совсѣмъ противное. Почти во всей горной Галиціи и мѣстами въ низменной два, три, даже четыре села составляютъ одинъ приходъ; *за недостаткомъ* духовныхъ лицъ недавно принуждены были въ ущербъ службы, по четыре, по шести, и болѣе приходовъ поручать одному священнику и упразднять приходы тамъ, гдѣ они были издревле. Поляки кричатъ про опасную силу русскаго духовенства, этой интеллигенціи Русскихъ въ Галиціи,

а между тѣмъ успѣли при помощи правительства отмѣнить *терн* (право назначенія трехъ кандидатовъ на вакантное священническое мѣсто), то-есть отдать уніатскую церковь въ руки партіи фанатическихъ поляколюбцевъ. Галицко-русская газета *Слово* извѣщала недавно, что митрополитальная консисторія получила отношеніе отъ управленія намѣстничества со внушительнымъ совѣтомъ обратить вниманіе на то (вѣроятно, противозаконное или революціонное) обстоятельство, что какіе-то „русскіе“ священники носятъ широкую верхнюю одежду (рясы) и „схизматическія“ шапки, а также косы и бороды по *русскому* образцу.

Мы отъ души рады, что, положа руку на сердце, можемъ отдать честь образу дѣйствій галицкихъ Русскихъ. Они люди скромные и неиспорченные; въ нихъ нѣтъ властолюбивыхъ порывовъ заѣдать чужой вѣкъ; они не мстятъ око за око. Въ томъ же самомъ Магеровѣ, гдѣ пострадалъ Ясинскій, крестьянинъ ограничивается слѣдующимъ отвѣтомъ на пошлую брань жены корреспондента *Народовки* (*Gazeta Narodowa*): „Еслибы мнѣ кто приказалъ покинуть мою родину, я пойду; пожалуй, къ Москалямъ, ибо тамъ мнѣ не чужая сторонка, тамъ и въ церковь ходятъ и говорятъ точно также, какъ мы... Но здѣсь, въ Галичинѣ, мы свои, а вы пришельцы...“ Русская интеллигенція дѣйствовала лишь законными средствами въ сеймѣ. Такъ въ февралѣ русскіе депутаты составили провалившійся, конечно, адресъ императору, въ которомъ выражали надежду увидѣть расширеніе автономіи края и равноправности его національностей. Въ отвѣтъ на требованіе депутата Барковскаго о томъ, чтобы въ Галиціи два университета принадлежали Полякамъ и чтобы въ обоихъ, какъ Краковскомъ, такъ и Львовскомъ, преподаваніе происходило на польскомъ языкѣ, русскіе студенты Львовскаго университета представили въ сеймъ петицію о введеніи русскаго языка въ университетское преподаваніе. Въ петиціи приведены вполнѣ справедливыя и весьма серіозныя основанія: „Львовъ городъ чисто-русскій; конституція имперіи признаетъ равноправность народовъ, обезпечивая имъ свободное развитіе ихъ естественныхъ правъ; исторія доказываетъ, что въ просимомъ нѣтъ ничего новаго, необычайнаго: уже въ 1785 году началось во Львовѣ преподаваніе на русскомъ языкѣ съ нѣкоторыхъ богословскихъ каѳедръ, а потомъ и философскихъ; такъ было до 1806 года; потомъ въ 1848 г. былъ возстановленъ этотъ обычай на богословскихъ каѳедрахъ и основана каѳедра исторіи русской литературы. Теперь, кромѣ того, преподаются на русскомъ языкѣ уголовное право и судебный процессъ.“

Но всего важнѣе недавній шагъ, на который рѣшились русскіе Галичане,—представленіе адреса самому императору Францу-Іосифу, помимо сейма. Этотъ адресъ или „письмо,“ какъ они его называютъ, былъ составленъ еще предъ германскимъ столкновеніемъ прошлаго года. Въ депутацію были выбраны три члена. Желая придать болѣе торжественности своимъ честнымъ заявленіямъ и справедливо считая своего митрополита своимъ истиннымъ представителемъ, русскіе депутаты обратились къ нему съ просьбою отправиться въ Вѣну вмѣстѣ съ депутаціей. Митрополитъ киръ-Спиридонъ заявилъ полное сочувствіе дѣлу и каждый день обѣщалъ собраться въ путь. Но за этими сборами дѣло протянулось вплоть до начала прусско-австрійской войны. Митрополитъ совѣтовалъ подождать болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ для поднесенія „письма“ монарху. А между тѣмъ Поляки побывали у графа Белькреди и вскорѣ послѣ того получили себѣ новаго намѣстника, графа Голуховскаго... Наконецъ прекратилась война; осенью минувшаго года Львовскій сеймъ собрался снова, ярко окрашенный тѣмъ чисто-польскимъ колоритомъ, который коротко знакомъ нашимъ читателямъ. Русскіе депутаты, особенно сельскіе, усиленно настаивали, какъ во львовскомъ клубѣ „Русская Бесѣда,“ учрежденномъ при Русскомъ Народномъ Домѣ, такъ и у митрополита, на отправленіе „письма“ въ Вѣну, и его преосвященство обѣщалъ имъ торжественно, что это совершится тотчасъ по закрытіи сейма. Въ тотъ же день, когда истекъ срокъ сеймовыхъ засѣданій, 31-го декабря, адресъ былъ подписанъ всѣми русскими депутатами, которые тутъ же собрали деньги для расходовъ на депутацію. Но опять неудача: появилось распоряженіе графа Белькреди о выборахъ въ новый сеймъ для высылки депутатовъ въ чрезвычайную имперскую думу. Три прежніе депутата, выбранные въ члены депутаціи, естественно, должны были остаться дома для дѣйствія въ русскомъ избирательномъ

комитетѣ. Такимъ образомъ русское дѣло снова разстраивалось. Составители адреса прибѣгли къ послѣднему средству: скрѣпя сердце, они рѣшились отправить адресъ въ Вѣну частнымъ путемъ. Предварительно они обратились снова къ митрополиту, подписи котораго еще не было на этой важной бумагѣ. Его преосвященство вполнѣ согласился съ содержаніемъ адреса, благословилъ депутатовъ на добрый подвигъ, но не подписалъ бумаги, замѣчая что пока управляетъ графъ Бельгреди, ему всего приличнѣе стоять въ сторонѣ отъ всякихъ партій... Вотъ какой терроръ господствуетъ теперь въ Галиціи. Адресъ, о которомъ мы теперь говоримъ, напечатанъ недавно отдѣльною брошюрой на нѣмецкомъ языкѣ; русская газета *Слово* также помѣстила его на своихъ столбцахъ въ полномъ его составѣ. Этотъ замѣчательный историческій документъ раздѣляется на двѣ части: на краткое, сжатое *Письмо русскихъ пословъ* (депутатовъ) *къ его цесарско-королевскому апостольскому величеству* составляющее собственно адресъ, и на обширное приложеніе къ нему подъ именемъ *Пропамятное письмо* (промеморія) *русскихъ пословъ, предложенное его величеству*.

Въ адресѣ русскій народъ въ Галиціи заявляетъ, что рѣшился *непосредственно* повергнуть свои просьбы и жалобы къ подножію престола, ибо иного пути не находитъ: „между особой императора и русскимъ народомъ стало сеймовое большинство, непріязненное къ послѣднему и не допускающее до слуха государя даже скромнѣйшаго его желанія.“ Далѣе, замѣчая что нѣлію всѣхъ высочайшихъ распоряженій послѣдняго времени было равноправное представительство всѣхъ областныхъ и національныхъ интересовъ, русскіе депутаты доказываютъ, что только въ Галичинѣ все совершается вопреки этой превосходной и спасительной для монархіи мысли. „Здѣсь двѣ области, различныя въ историческомъ и національномъ отношеніяхъ, именно прежнее *русское княжество Галичъ и Володимиръ* (восточная Галичина) и бывшая *Малая Польша* съ Заторомъ и Освѣтимомъ (западная Галичина), заселенныя двумя народностями, отдѣленными другъ отъ друга различнымъ происхожденіемъ, языкомъ, письмомъ, церковнымъ обрядомъ, нравами и обычаями, и наконецъ, международною борьбой, длившеюся въ теченіе многихъ столѣтій: и эти-то двѣ области, эти двѣ народности сплочены въ одну коронную землю, а представители ихъ соединены въ одномъ земскомъ сеймѣ.“ Русскій народъ видитъ въ этомъ противоестественномъ соединеніи лишь продолженіе борьбы, которой не устранили ни Люблинская унія (1569 г.), ни Гадяцкій договоръ (1658 г.), потому что въ силу этого соединенія и несправедливой организаціи сеймовыхъ выборовъ, въ первомъ же галицкомъ земскомъ сеймѣ польскій элементъ захватилъ большинство въ свои руки. Впрочемъ, долготерпѣливый русскій народъ все еще надѣялся на измѣненіе дѣлъ къ лучшему и потому самъ подалъ руку польскому большинству для согласнаго дѣйствія въ интересѣ Галичины и всей монархіи, вскорѣ однако Поляки отняли у него послѣднюю свѣтлую надежду: угнетеніями русской національности они принудили русскихъ депутатовъ уже 13-го октября 1864 года обратиться къ вѣнскому министерству съ просьбой объ административномъ и политическомъ раздѣленіи Галичины на двѣ части, польскую и русскую. „На это прошеніе, говоритъ далѣе адресъ, вѣрноподданнѣйшимъ заступникамъ русскаго народа не было дано благосклоннаго отвѣта; тѣмъ менѣе можемъ мы ожидать его послѣ того какъ ваше величество призвали къ себѣ на совѣтъ другихъ людей, имѣющихъ односторонніе свѣдѣнія о внутреннихъ отношеніяхъ нашего края и руководящихся другими взглядами, совершенно непріязненными нашей народности.“ „Заступники русскаго народа, продолжаетъ адресъ, уже не разъ въ глубочайшемъ смиреніи приходили къ вопросу: не разумнѣе ли и не выгоднѣе ли было бы для русскаго народа въ Галичинѣ, еслибъ они отстранились отъ дальнѣйшаго общаго обсужденія дѣлъ и покинули несчастный сеймъ, гдѣ нарушены и поруганы ихъ священнѣйшія народныя права, гдѣ со злобой смотрятъ на русскій народъ за его церковный обрядъ, за его рѣчь и письмо, гдѣ была заподозрѣна даже его преданность императору и монархіи? Но не желая ко многимъ затрудненіямъ внѣшнимъ прибавлять еще внутреннія, мѣстныя, они рѣшились испить горькую чашу до дна.“ Только по закрытіи Галицкаго сейма Русскіе Галичане сочли себя въ правѣ съ упованіемъ обратиться къ священной особѣ своего императора и умолять его, чтобы „при окончательномъ пересозданіи всей монархіи было дано коронному краю Галицкому слѣдующее устройство: 1) чтобъ

объ народности Галиціи рѣшали свои церковныя и народныя дѣла въ двухъ отдѣльныхъ мѣстныхъ представительствахъ; 2) чтобы не было удовлетворено прошеніе, составленное на сеймѣ 27-го декабря 1866 года и требующее устройства для Галичины особеннаго школьнаго совѣта, весьма вреднаго русской народности и несогласнаго съ закономъ; 3) чтобы было отказано въ высочайшемъ утвержденіи сеймовому опредѣленію насчетъ учебнаго языка въ низшихъ и среднихъ школахъ, принятому среди шума, при неполномъ составѣ сейма и вопреки обычному ходу дѣлъ въ немъ; 4) наконецъ, чтобы русскому языку и письму въ школѣ, въ управленіи и въ судѣ русской половины Галичины было дано такое же право, какимъ пользуется польскій не только въ польской, но даже и въ русской части края."

Таковы нужды и желанія русской народности въ Галиціи въ настоящее время. Баронъ фонъ-Бейстъ очень благосклонно принялъ русскаго депутата Галицкаго сейма, о. Куземскаго, представившаго ему этотъ адресъ, и даже далъ торжественное обѣщаніе сдѣлать все возможное для удовлетворенія желаній русской національности. Но въ то же самое время графъ Голуховскій радостно передавалъ своимъ соплеменникамъ увѣреніе того же г. фонъ-Бейста въ желаніи правительства даровать Галиціи возможно-широкую автономію въ *польскомъ* духѣ... Объ этомъ извѣщаютъ съ нескрываемою радостію и *Dziennik Poznanski*, и *Dziennik Polski*, и *Gaseta Narodowa*.

№ 100.

Москва, 6-го мая.

Мысль о торговомъ флотѣ встрѣчается у насъ сочувственно, но ея удобоисполнимость весьма многимъ кажется сомнительною. Обыкновенно полагаютъ, что для развитія мореходства необходимы значительныя пособія отъ правительства: взглядъ весьма понятный въ странѣ, которая пріучена всего ожидать сверху. Чего однако можно ожидать сверху въ этомъ случаѣ? Покровительства посредствомъ портовыхъ сборовъ и т. п.? Но такой путь поощренія національнаго торговаго флота намъ пресѣченъ, такъ какъ мы со всѣми важнѣйшими государствами заключили трактаты на основаніи полной свободы и взаимности судоходства. Къ тому же усиленные сборы съ иностранныхъ судовъ легли бы въ первое время всею своею тяжестію на наши отпускные продукты и лишили бы насъ возможности конкуррировать съ Америкой, Австраліей, Дунайскими землями, а это первое время могло бы оказаться весьма продолжительнымъ, потому что судоходство и въ особенности плаваніе въ дальнихъ моряхъ развиваются не быстро: мы могли бы между тѣмъ потерять всѣ наши главные рынки. Остаются стало-быть субсидіи, и дѣйствительно на этотъ пунктъ обращено вниманіе весьма многихъ, и даже имѣются въ виду положительные проекты прямаго пособія судоходству и судостроенію со стороны правительства. Въ № 12-мъ *Кронштадтскаго Вѣстника* (по поводу того, что о необходимости торговаго флота было высказано въ одной передовой статьѣ газеты *Москва*) сказано слѣдующее: „Пусть правительство, или какое-либо общество выдаетъ ежегодно, въ „продолженіе десяти лѣтъ, по 100.000 рублей, всего милліонъ рублей, на постройку каждый годъ десяти купеческихъ кораблей; управленіе этими кораблями слѣдовало бы поручить заслуженнымъ офицерамъ военнаго русскаго флота, съ тѣмъ, „чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ они „выплачивали затраченный капиталъ съ „процентами, а затѣмъ суда обращались „бы въ ихъ собственность." *Николаевскій Вѣстникъ*, въ № 25, доказываетъ ясно и убѣдительно, что подобный планъ никакъ не можетъ увѣнчаться желаемымъ успѣхомъ. Постройка судовъ на казенный счетъ обойдется чрезвычайно дорого, „и правительство, затративъ капиталъ, не разовьетъ ни торговли, ни искусства коммерческаго судостроенія, и пр." Съ этимъ мнѣніемъ *Николаевскаго Вѣстника* мы совершенно согласны. Въ этой газетѣ приведено достаточно показаній, изъ которыхъ, также какъ изъ другихъ источниковъ можно удостовѣриться, что Русское Общество Пароходства и Торговли, поддерживаемое съ такими большими пожертвованіями правительствомъ, изумительно мало сдѣлало для увеличенія нашего торговаго флота въ моряхъ Черномъ и Азовскомъ. Мы и съ этимъ совершенно согласны, хотя упомянутое Общество, строящее свои суда за границей и снабжающее ихъ принудительно набранными *вольными* матросами, не-

смотря на весьма дорогую фрахтовую плату, все-таки приноситъ несомнѣнную пользу, содержа правильное и надежное сообщеніе между различными береговыми пунктами Чернаго моря. Дабы оказать прямое пособіе торговому флоту и доставить ему надежную основу, *Николаевскій Вѣстникъ* предлагаетъ учредить русскій Ллойдъ въ Николаевѣ. Этотъ Ллойдъ, вмѣсто 100.000 рублей, предложенныхъ въ *Кронштадтскомъ Вѣстникѣ*, пусть получаетъ отъ привительства только 71.500 рублей ежегодно въ продолженіе десяти лѣтъ, и обяжется за это выставлять каждый годъ по десяти кораблей хорошей конструкціи, частію большихъ для дальняго плаванія, до 500 тоннъ; частію средней величины, шхунъ, бриговъ, по 200 тоннъ, сидящихъ въ водѣ на 10 футовъ и болѣе; частію мелкихъ судовъ во 100 тоннъ для каботажнаго и рѣчнаго плаванія. Для этого русскаго Ллойда, *Николаевскій Вѣстникъ* въ свою очередь тоже желаетъ, кромѣ денежнаго пособія, еще *принудительнаго снабженія* судовъ *вольными* матросами и воспитанниками херсонскаго училища торговаго мореплаванія. Наконецъ въ этомъ проектѣ также „*предполагается отдавать новопостроенныя суда въ команду отставнымъ или резервнымъ флотскимъ и штурманскимъ офицерамъ.*“ Весь проектъ сводится преимущественно къ построенію средней величины судовъ до 200 тоннъ, о которыхъ въ статьѣ сказано, что они въ настоящее время обходятся постройкой частнымъ людямъ въ 6.000 рублей, но устраиваются очень дурно и неправильно, а дабы строить ихъ хорошо, нужно пособіе отъ правительства по крайней мѣрѣ въ 7.000 руб. на каждое судно.

Посмотримъ, чтобъ оцѣнить этотъ проектъ, на состояніе нашего купеческаго флота.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ отъ департамента торговли и мануфактуръ министерства финансовъ, число судовъ, приписанныхъ къ портамъ Россійской Имперіи, простирается до 2.132 съ 90.496 ластовъ емкости; въ этомъ числѣ 84 парохода. Общее число судовъ и ластовъ распредѣляется такъ: въ Черномъ и Азовскомъ моряхъ 1.144 судна и 48.897 ластовъ, то-есть по 43 ласта на судно (въ томъ числѣ 56 пароходовъ и 1.088 парусныхъ судовъ), а въ Балтійскомъ морѣ 174 судна въ 16.114 ластовъ, то-есть по $92^1/_2$ ласта на судно (9 пароходовъ и 165 парусныхъ судовъ). О Бѣломорскомъ флотѣ (въ которомъ, по другимъ источникамъ, находится не болѣе 50 судовъ дальняго плаванія) показано, что онъ состоитъ изъ 361 судна въ 10.591 ластовъ (6 пароходовъ); о флотѣ Каспійскаго моря, что въ немъ 453 судна въ 14.901 ластъ (13 пароходовъ), такъ что на бѣломорскомъ флотѣ приходится среднимъ числомъ 30 ластовъ, а на Каспійскомъ 33 ласта на судно. Какъ бы ни были скудны и очевидно неточны эти цифры (гораздо болѣе 9 пароходовъ находится въ одномъ Петербургѣ), но все-таки эти официальныя данныя доставляютъ возможность усмотрѣть чѣмъ можетъ быть поднятъ нашъ флотъ и чѣмъ не можетъ. Мы видимъ, напримѣръ, какъ незначительно было бы приращеніе нашего весьма малаго торговаго флота, еслибы, согласно проекту *Николаевскаго Вѣстника*, правительство рѣшилось выдавать обществу „Русскаго Ллойда“ по 71.500 рублей въ годъ, на ежегодную постройку десяти кораблей средней величины въ 200 тоннъ (нашъ ластъ болѣе 2 и менѣе 3 тоннъ). Среднимъ числомъ корабль бываетъ годенъ десять лѣтъ, много пятнадцать. Правительство выдало бы въ десять лѣтъ слишкомъ 700.000 руб., не говоря уже о насильственномъ взятіи на корабли Ллойда вольныхъ матросовъ Чернаго моря, а между тѣмъ существующій въ этихъ водахъ собственными силами торговый флотъ увеличился бы едва на одну десятую долю. Но этого мало: тѣ изъ теперешнихъ владѣльцевъ нашихъ черноморскихъ торговыхъ судовъ, которые не очень отважны, вовсе отказались бы отъ мореходства, или по крайней мѣрѣ перестали бы строить суда вновь (а ихъ строится ежегодно до сотни). Гдѣ же *намъ*, разсуждали бы они, людямъ несвѣдущимъ, не получающимъ пособія отъ казны, заниматься мореходствомъ, когда мужи образованные, умные, имѣющіе, по ихъ словамъ, столь огромныя мореходныя свѣдѣнія, не могутъ обойдтись безъ большой поддержки отъ казны!

Привилегіи и государственныя субсидіи частнымъ обществамъ только тамъ умѣстны, гдѣ имѣется въ виду какая-нибудь особая отрасль судоходства, о которой достовѣрно извѣстно, что она не можетъ существовать безъ государственнаго пособія. Если, напримѣръ, должно быть содержимо,

на дешевыхъ условіяхъ, между нѣкоторыми пунктами пароходное сообщеніе, выгодное въ государственномъ и народно-хозяйственномъ отношеніи, но не могущее доставить хорошаго дохода, то въ этомъ случаѣ субсидія полезна. На такія субсидіи Соединенные Штаты Сѣверной Америки, также какъ Англія, Франція и Австрія, съ большою выгодой тратили многіе милліоны. Временныя государственныя пособія рыболовнымъ товариществамъ также могутъ принести пользу. Но помимо этихъ исключительныхъ случаевъ правительство *можетъ* и даже *должно* довольствоваться общимъ содѣйствіемъ мореходству. Что касается до Россіи, то намъ не столько надобно заботиться о линіяхъ пароходства или объ открытіи новыхъ источниковъ промышленности, сколько о томъ, чтобы *пользоваться* старыми, издавна для насъ открытыми и чрезвычайно обильными источниками пріобрѣтенія, заключающимися въ перевозкѣ нашихъ продуктовъ за море собственными національными силами, а также въ развитіи нашего каботажа. Для этихъ цѣлей 1.000 новопостроенныхъ, дешевыхъ, хорошій доходъ доставляющихъ судовъ несравненно пригоднѣе, чѣмъ 10 или 50, или даже 1.000 кораблей, мастерскихъ, красивыхъ, но дорогихъ, получающихъ субсидіи отъ государства, построенныхъ можетъ-быть либо въ чужихъ краяхъ, либо иностранцами, никакой чистой прибыли не доставляющихъ и потому естественно предназначенныхъ къ продажѣ за границу, какъ скоро субсидіи прекратятся. Повторяемъ: намъ надобно желать только такихъ мѣръ поддержки, которыя возвышали бы и укрѣпляли то, что уже само собой выростаетъ на нашей почвѣ, и оказывали бы это благотворное дѣйствіе равномѣрно. Всего ближе представляется тутъ забота о народномъ образованіи: главнымъ условіемъ успѣховъ судоходства вездѣ считается многочисленность людей, по своему первоначальному воспитанію годныхъ въ судостроители и моряки. Для этого не требуется большихъ издержекъ; надобно только искренно пожелать добра прибрежнымъ населеніямъ и серіозно о нихъ позаботиться. Не нужно даже большихъ судостроительныхъ училищъ: развѣ наши шкипера не видятъ ежедневно всякаго рода иностранныхъ судовъ? Стóитъ только снабжать денежными пособіями особенно даровитыхъ людей, дабы они могли поучиться судостроенію въ чужихъ краяхъ. Когда мы поднимемъ общій уровень образованности нашихъ моряковъ посредствомъ народныхъ навигаціонныхъ школъ, то и судостроеніе разовьется гораздо лучше нежели при помощи спеціальныхъ училищъ. Наши судостроители постепенно будутъ строить все болѣе и болѣе удовлетворительные корабли, соотвѣтственно увеличившимся свѣдѣніямъ своимъ, сообразно съ своими денежными средствами и съ условіями доходности. *Николаевскій Вѣстникъ* (№ 25) утверждаетъ, что для постройки хорошихъ купеческихъ кораблей нужны дорого стóящія верфи, и что для этого должно давать деньги правительство; но и въ этомъ позволительно усомниться. Въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ, въ Мекленбургѣ, Ганноверѣ и другихъ мѣстахъ строятъ корабли очень хорошей, средней и плохой конструкціи, смотря по желанію судохозяина, *безъ* дорого стóящихъ корабельныхъ верфей, въ малыхъ деревняхъ, даже почти въ нежилыхъ мѣстахъ, въ лѣсу.

№ 101.

Москва, 8-го мая.

Въ вопросахъ политическихъ необходимо различать двѣ стороны: учрежденія и лица. Всѣ подданные государства имѣютъ право на доброжелательство государственной власти и покровительство законовъ, и чѣмъ менѣе полагается между лицами разницы, чѣмъ болѣе обезпечивается свобода каждаго, тѣмъ лучше. Въ этомъ состоитъ истинный прогрессъ политическихъ обществъ. Что называется гуманностію и либеральностію въ политикѣ, то здравомысленно относится только къ лицамъ, и наиболѣе цивилизованное государство есть то, которое обезпечиваетъ наибольшую законную свободу личности. Что же касается до учрежденій, то правительство можетъ здравомысленно поддерживать, развивать и усиливать только свои національныя, а не чужія учрежденія. Поступать въ противномъ смыслѣ и полагать въ томъ гуманность и либеральность было бы признакомъ глубокаго варварства и самаго грубаго смѣшенія понятій. Предоставлять свободу и давать власть — двѣ разныя вещи, которыя между собою сталкиваются. Цивилизованное государство предоставляетъ лицамъ свободу совѣсти и допускаетъ въ своихъ предѣлахъ разныя, свободно существующія ре-

лигіозныя общества. Но совсѣмъ иное дѣло—давать этимъ обществамъ власть, дѣлать ихъ существованіе обязательнымъ. Это значило бы нарушать свободу лишь, и притомъ не въ пользу государства, а въ ущербъ и подрывъ ему. Стѣсненіе личной свободы допускается здравомысленно лишь въ видахъ какой-либо государственной необходимости; но здравый смыслъ отступитъ въ смущеніи при видѣ дѣйствій вынужденія совершаемыхъ правительствомъ во вредъ своему государству.

Исторія Россіи, преимущественно за нынѣшнее столѣтіе, полна поразительныхъ явленій, которыя будутъ предметомъ вѣчнаго изумленія для людей мыслящихъ. Приходится думать, что народъ нашъ одаренъ сверхъ-естественною крѣпостію, если въ немъ не совсѣмъ изсякла жизнь при тѣхъ испытаніяхъ, которымъ онъ подвергался. За то и нѣтъ надобности искать иныхъ причинъ, кромѣ господствовавшей у насъ правительственной практики, для объясненія тѣхъ золъ, которыми народъ нашъ страдаетъ, и тѣхъ опасностей, которыя въ нашемъ государственномъ организмѣ гнѣздятся. Не въ укоръ нашему прошлому, а изъ живой преданности пользамъ и славѣ настоящаго, должны мы говорить съ полною откровенностію.

Въ Россіи есть національная церковь. Русскою слѣдуетъ называть нашу церковь не потому, что она пользуется государственною привилегіей, а потому что она присутствовала при началѣ нашего историческаго бытія, при рожденіи нашего государства. Какъ только можемъ мы запомнить себя, она уже свѣтилась въ нашей тьмѣ и сопутствовала намъ во всѣхъ превратностяхъ исторической жизни. Она поддерживала и спасала насъ; она проникла во всѣ изгибы нашего существованія и на все положила свое знаменіе. Всѣ наши воспоминанія связаны съ нею, вся наша исторія исполнена ею. Нельзя представить себѣ возможность какой-либо иной изъ существующихъ нынѣ церквей, которая могла бы называться русскою, хотя, съ другой стороны, никогда не должно упускать изъ виду, что истинное значеніе нашей церкви состоитъ не въ томъ чтобъ быть національною. Связывать ее съ какою-либо народностію значило бы унижать и безславить ее. Она признаетъ себя вселенскою, и въ этомъ ея истинный характеръ. Значеніе же русской имѣетъ она для насъ не по существу своей, а лишь потому что мы усвоили ее себѣ изначала, и что она существуетъ у насъ какъ наше національное учрежденіе. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что для поддержанія ея не требуется государственной привилегіи и полицейской опеки, и что напротивъ привилегія и опека только вредятъ ея чистотѣ, подавляютъ ея жизнь и подрываютъ ея внутреннюю силу. Только тѣ заботы о ней хороши, которыя клонятся къ тому, чтобы въ ней самой была жизнь, и чтобъ она по возможности обладала собственными средствами для поддержанія своего достоинства и своихъ учрежденій. Если же правительство считаетъ себя обязаннымъ заботиться о національномъ учрежденіи, какимъ признается православная церковь въ Россіи, то оно ни въ какомъ случаѣ не несетъ на себѣ обязанности давать силу и власть всякимъ другимъ религіознымъ учрежденіямъ, не имѣющимъ національнаго значенія. Въ предѣлахъ Россійской Имперіи существуетъ, напримѣръ, римско-католическое церковное учрежденіе. Такъ какъ есть въ Россіи населенія, исповѣдующія римскій католицизмъ, то правительство не можетъ не допускать и даже не признавать его въ извѣстной мѣрѣ. Но оно отнюдь не можетъ брать на себя обязанность блюсти его чистоту, поддерживать господствующія въ немъ нормы, обезпечивать его отъ внутреннихъ ересей или принуждать принадлежащихъ къ нему людей строго покоряться его чину. Еще менѣе можетъ правительство поддерживать какое-либо религіозное учрежденіе въ смыслѣ чужаго національнаго учрежденія. Допускать какое-либо вѣроисповѣданіе въ предѣлахъ государства лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ оно было чужимъ національнымъ учрежденіемъ, — католицизмъ обязательно польскимъ, протестантизмъ обязательно нѣмецкимъ,—это ничѣмъ не можетъ быть разумно объяснено, ни съ какой точки зрѣнія оправдано.

Умы, не способные къ серіозному и отчетливому мышленію, яко бы изъ ревности къ православію, крикливо отрицаютъ у христіанъ другихъ вѣроисповѣданій право признавать себя Русскими, полагая, повидимому, что это могло бы опоганить русскую народность. По ихъ теоріи, слѣдуетъ либо изгнать всякое иновѣріе изъ государства и облечься въ религіозный фанатизмъ давно минувшихъ временъ, либо покрыть государство чужими національными учреж-

деніями, и вмѣстѣ съ каждымъ допускаемымъ вѣрованіемъ вводить въ силу новую политическую національность и дѣлать такимъ образомъ для государства необходимостію, чтобы въ его нѣдрахъ жили разныя чужія политическія силы, расторгающія его единство и вносящія смуту и зложелательство во всѣ отправленія его жизни.

Національная церковь въ Россіи есть церковь православная, и ни какая иная не можетъ быть русскимъ національнымъ учрежденіемъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы люди, исповѣдующіе вѣру не признаваемую въ качествѣ русской національной, не могли быть Русскими. Національность въ христіанскомъ мірѣ есть дѣло свѣтское, и опредѣляется не религіей, а государствомъ. Въ Англіи есть національная церковь; но тамъ господствуетъ полная свобода совѣсти, и тѣ изъ Англичанъ, которые уклоняются отъ англійской церкви, диссиденты ли то или католики, остаются во всей силѣ Англичанами. Въ Пруссіи господствуетъ лютеранская церковь, но тамъ никому не придетъ въ голову отнимать у людей исповѣдующихъ католицизмъ право на прусскую національность и на употребленіе нѣмецкаго языка. Въ Россіи есть чисторусскія, не успѣвшія ополячиться населенія, принадлежащія къ римско-католической церкви: черезъ нихъ эта церковь отнюдь не становится русскимъ національнымъ учрежденіемъ, но здравая политика не будетъ заставлять ихъ отрекаться отъ званія Русскихъ.

Люди, выдающіе себя за ревнителей православія и русской народности, но не отдающіе себѣ отчета въ собственныхъ словахъ, съ ужасомъ вопіяли, когда въ нашей печати поднимался вопросъ объ эманципаціи Евреевъ. Но что такое эманципація Евреевъ? Не есть ли это прежде всего освобожденіе ихъ отъ еврейства? Гражданская полноправность должна освободить милліоны людей, именуемыхъ Евреями, отъ крѣпостнаго подчиненія еврейскому религіозному учрежденію. Что можетъ быть справедливѣе, гуманнѣе и либеральнѣе всякой подобной мѣры, что согласнѣе съ здравою политикой и достойнѣе правительства христіанской страны? Не давать Евреямъ гражданской полноправности, это значитъ не что иное какъ поддерживать въ силѣ еврейство и давать ему въ его сферѣ авторитетъ правительственной власти. Что же лучше и справедливѣе, свобода ли лицамъ, или власть учрежденію, которое страшнымъ гнетомъ тяготѣетъ на людяхъ и есть въ то же время великое государственное затрудненіе? Ни въ одной странѣ міра еврейская вѣра не имѣетъ силы государственнаго закона и обязательной власти, а у насъ имѣетъ; у насъ она есть государство въ государствѣ, у насъ она гарантируется всею силой Россійской Имперіи, собранною въ теченіе вѣковъ кровію и трудомъ христіанскаго народа; у насъ еврейство имѣетъ не только приверженцевъ, но и подданныхъ. Государство слѣдующее здравой политикѣ не можетъ удѣлять принадлежащей ему обязательной силы никакому существующему въ его нѣдрахъ обществу, или допускать существованіе какихъ-либо другихъ, кромѣ единой государственной власти, обязательныхъ властей. Въ Сводѣ Законовъ Россійской имперіи доселѣ остаются вписанными особые налоги, коробочный, свѣчной и пр., обязательные для Евреевъ, и до сихъ поръ эти русскіе подданные относятся къ государству не прямо, а черезъ свои особыя общества, отъ которыхъ они болѣе зависятъ чѣмъ отъ правительства.

Въ этомъ году, въ прусской палатѣ депутатовъ, шла рѣчь о затрудненіяхъ въ пограничныхъ сношеніяхъ съ Россіей. Депутатъ поднявшій объ этомъ вопросъ свидѣтельствовалъ, что съ прусскихъ подданныхъ пріѣзжающихъ въ Россію взимаются подати на поддержку еврейскихъ синагогъ: эти прусскіе подданные суть Евреи, которые, переступая русскую границу, видятъ себя какъ бы въ еврейскомъ царствѣ.

Сейчасъ получили мы бюллетень Императорской Академіи Наукъ, въ которомъ помѣщенъ доставленный академикомъ Дорномъ хронологическій каталогъ напечатанныхъ въ нынѣшнее столѣтіе въ Казани татарскихъ и арабскихъ магометанскихъ книгъ для народнаго употребленія. Обильная литература! Подумаешь, что въ Казанской губерніи со славою возстаетъ павшее за три столѣтія предъ симъ дикое Татарское царство. Въ то же время приходятъ изъ Казани свѣдѣнія о глубокомъ упадкѣ, въ которомъ находится тамъ христіанство: цѣлыя населенія доселѣ считавшіяся православными переходятъ въ исламъ, и церковь видитъ себя лишенною самыхъ необходимыхъ средствъ для поддержанія своихъ учрежденій. Вотъ странное поло-

женіе! Что же такъ высоко подняло духъ магометанства въ Казанской губерніи? Въ магометанскихъ государствахъ исламъ слабѣетъ и никнетъ предъ цивилизаціей христіанскою: какъ же могло случиться, что между казанскими Татарами, подъ православною русскою державой, образовался пламенѣющій очагъ магометанства? Дѣло въ томъ, что могущественное правительство Россіи стало въ этихъ мѣстахъ татарско-магометанскимъ. Еслибъ оно только не стѣсняло свободы магометанъ и предоставляло имъ полное право дѣлать все на пользу своей вѣры безъ взаимнаго принужденія и свободно, оно оставалось бы въ предѣлахъ справедливости и разумной политики; зато магометанство не пріобрѣло бы никакой силы въ Казанской губерніи и не оказало бы фальшивой жизненности. Надобно было чтобы великая государственная власть Россійской Имперіи отожествила себя съ магометанствомъ, и примѣшала къ нему свою силу. Какъ на западныхъ окраинахъ Имперіи, русское правительство принимало образъ нѣмецкаго и польскаго, такъ здѣсь оно усвоило себѣ характеръ татарско-магометанскаго, и дѣйствовало въ подрывъ своей національности и своему государству какъ могли бы дѣйствовать лишь его злѣйшіе противники.

Татары полагали грѣхомъ употреблять печатный *Коранъ*: ихъ убѣдили совершить этотъ грѣхъ. На вопросы академика Френа, почему, вопреки своему убѣжденію, употребляютъ они печатный *Коранъ*, они между прочимъ отвѣчали: „такова царская воля.“ И вотъ съ необыкновенною дѣятельностію начало распространяться въ магометанскихъ населеніяхъ Россійской Имперіи изученіе мусульманскаго закона. Едва ли въ какомъ-либо европейскомъ государствѣ, пишетъ академикъ Дорнъ, могло бы, соотвѣтственно числу населенія, разойдтись столько экземпляровъ книгъ религіознаго содержанія, напримѣръ Библіи и христіанскаго катехизиса, какъ здѣсь въ теченіе семи лѣтъ (1853 — 1859 г.) разошлось вѣроучительныхъ магометанскихъ книгъ: 82.300 экземпляровъ *Корана*, 165.900 экземпляровъ *Гефтъека* (извлеченія изъ Корана) и 77.000 *Шераитъ эль-Имана* (мусульманскаго катехизиса). Эта послѣдняя книжка продается по двѣ копѣйки за экземпляръ. Есть книги, которыя продаются даже по $^1/_4$ коп. за экземпляръ,—и это посреди христіанскихъ населеній безграмотныхъ и темныхъ. Духъ магометанской пропаганды не замедлилъ развиться; появились во множествѣ и учители, и школы; образовались татарско-магометанскіе писатели. Муллы, какъ разсказывалъ въ 1844 г. Фуксъ въ своемъ сочиненіи: *Казанскіе Татары въ статистическомъ и географическомъ отношеніяхъ*, распространяютъ ученіе *Корана* не только въ городахъ, но и въ самыхъ бѣдныхъ поселкахъ; каждый мулла содержитъ школу, гдѣ обучаетъ мальчиковъ и дѣвочекъ за малую плату арабскому языку, читаетъ и объясняетъ имъ *Коранъ* и нравственное ученіе его суроваго закона, которое, къ сожалѣнію, прибавляетъ авторъ книги *Казанскіе Татары*, не смягчаетъ ихъ сердецъ и не облагораживаетъ ихъ нравовъ. Простой крестьянинъ читаетъ каждый день въ своемъ семействѣ духовныя мусульманскія книги, и къ вечеру надѣваетъ свою чалму и идетъ къ мечети, гдѣ обыкновенно мулла сидитъ со стариками и ведетъ серіозную бесѣду. Мудрено ли, что казанскій Татаринъ точно также презрительно смотритъ на бѣдный и темный вокругъ него живущій православный русскій народъ, какъ преврительно смотритъ на него иной *нѣмецкій* профессоръ въ Дерптѣ? Между тѣмъ какъ токи народнаго просвѣщенія татарско-магометанскаго льются обильно и все ему понудительно помогаетъ и способствуетъ,—земству, которое приняло бы къ сердцу дѣло русско-христіанскаго народнаго просвѣщенія, напомнятъ, что дѣло это сопряжено съ затрудненіями. Недавно въ одномъ уѣздѣ Полтавской губерніи, гдѣ съ ужасающею силой распространяется въ деревенскихъ населеніяхъ заносимая войсками заразительная болѣзнь, земство между другими санитарными мѣрами предполагало устроить братство для поданія врачебной помощи страждущимъ: предположеніе это встрѣтило непреодолимыя препятствія, и не состоялось.

Русское правительство въ восточныхъ областяхъ дѣйствовало не только въ качествѣ вообще магометанскаго, но ревностно держалось суннитскаго толка. Оно считало своею обязанностію оберегать чистоту этого толка, и преслѣдовать, какъ пагубную ересь, толкъ шіитскій. Нѣкто Бурашевъ, родомъ Татаринъ, промысломъ купецъ, издалъ въ 1802 г. мусульманское писаніе *Фаусъ уль Наджатъ*, и, въ видахъ спекуляціи свойственной его промыслу,

присовокупилъ къ этому писанію нѣсколько листковъ въ смыслѣ шіитскаго толка, дабы привлечь къ изданной имъ книгѣ тароватыхъ покупателей изъ Персіянъ. Несчастный Бурашевъ подвергся за это восьмилѣтнему преслѣдованію какъ осквернитель святыни, и включенные въ книгу шіитскіе листы были вырваны и торжественно сожжены чиновниками русскаго правительства.

Многочисленное племя Киргизовъ, кочующее на громадномъ протяженіи степей, которыя обозначаются ихъ именемъ, не имѣетъ опредѣленной религіи. Религіозный бытъ Киргизовъ представляетъ грубую смѣсь шаманства съ нѣкоторыми магометанскими и искаженными христіанскими вѣрованіями. Киргизы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть подданные Россійской Имперіи, державы христіанской, правительство которой поставляетъ своимъ долгомъ заботиться о поддержаніи православной церкви, какъ національной. И что же? Вмѣсто мирной христіанской проповѣди, русскіе Киргизы подверглись насильственному обращенію въ магометанское правовѣріе. Дѣло доходило до того, что въ 1830 году они энергически протестовали противъ направленной на нихъ магометанской пропаганды, и черезъ нарочно отправленныя ими въ Петербургъ депутаціи, просили: „мечетей и школъ у нихъ не заводить, ахуновъ и *указныхъ* муллъ не опредѣлять (текстуально)." Какія же послѣдствія имѣла эта просьба кочевниковъ?

Именно въ то самое время была учреждена Алтайская духовная миссія, которая съ самаго начала предположила себѣ дѣйствовать и на Киргизовъ. 25-го іюня 1835 года предназначено было ей отправиться въ Кокчетавскій округъ. Но тогдашній генералъ-губернаторъ западной Сибири остановилъ Высочайшимъ именемъ исполненіе этого плана, на томъ основаніи, какъ объявляетъ онъ въ своемъ отзывѣ архіепископу томскому, что Киргизы просили не ставить у нихъ мечетей и не опредѣлять къ нимъ магометанскихъ муллъ. Такимъ образомъ христіанской миссіи была воспрещена проповѣдь на томъ основаніи что Киргизы протестовали противъ насильственнаго просвѣщенія ихъ мусульманствомъ; а магометанская пропаганда продолжалась съ усиленною ревностію между Киргизами, такъ что теперь во всѣхъ окружныхъ городахъ и укрѣпленіяхъ киргизской степи имѣются поставленныя правительствомъ мечети и магометанскія училища. Училище помѣщается въ нижнемъ этажѣ каждой мечети, и въ каждой волости поставленъ указный мулла; почти въ каждомъ аулѣ, гдѣ числится 10—20 юртъ, имѣется мулла не указный, обучающій киргизскихъ дѣтей татарской грамотѣ. Такимъ образомъ въ пяти округахъ принадлежащихъ Томской епархіи, куда не была допущена христіанская духовная миссія, Киргизы вполнѣ предоставлены, въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, руководству и обученію магометанскихъ муллъ. „Какая „можетъ быть столь важная нужда въ хри„стіанскомъ православномъ государствѣ," пишетъ одно почтенное духовное лицо имѣвшее возможность ознакомиться на мѣстѣ съ положеніемъ дѣла, — „ради которой „вопреки прошенію Киргизовъ умножаютъ„ся у нихъ мечети, заводятся магометан„скія школы и поставляются указные мул„лы? Ужели это вѣротерпимость? Но въ „видахъ вѣротерпимости и для утвержде„нія Киргизовъ въ магометанствѣ, каза„лось, было бы достаточно одного вліянія „на нихъ муллъ и муфтіевъ свободно при„ѣзжающихъ съ этою цѣлію изъ Ташкен„та, а для постояннаго практическаго ру„ководства и обученія — поселенныхъ ме„жду ними магометанъ, такъ-называемыхъ „чало-казаковъ; для другихъ же, хотя бы „даже и политическихъ цѣлей, несравнен„но полезнѣе было бы постепенно распо„лагать Киргизовъ къ христіанству." Трудно не согласиться съ этимъ. Но прошло 36 лѣтъ послѣ несостоявшейся попытки начать евангельскую проповѣдь между Киргизами, а дѣло остается въ прежнемъ положеніи. Киргизы, несмотря на всѣ усилія магометанскихъ вѣроучителей, все еще обнаруживаютъ нѣкоторую антипатію или по крайней мѣрѣ равнодушіе къ магометанству; но христіанскіе проповѣдники не появляются между ними. Въ 1859 году, одинъ изъ уважаемыхъ православныхъ миссіонеровъ обратилъ было на это вниманіе важнаго административнаго лица, и получилъ такой отвѣтъ: „*опоздали* здѣсь: ступайте лучше за озеро Иссыкъ-Куль (то-есть за границу, въ китайскія владѣнія): тамъ магометанство еще не утвердилось, а у насъ оно засѣло крѣпко и съ христіанскою проповѣдью нечего здѣсь дѣлать."

Въ послѣднемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* (№ 16) преосвященный

Веніаминъ, излагая дѣйствія Забайкальской духовной миссіи въ 1866 г., пишетъ: „Всѣ дѣйствія мѣстной власти, по отно„шенію къ христіанамъ и язычникамъ, на„мѣренно перетолковывались въ томъ смы„слѣ, чтобы доказать Бурятамъ, что какъ „духовное начальство заботится о распро„страненіи христіанской вѣры, такъ граж„данское о поддержаніи ихъ языческой... „Права и льготы инородцевъ-язычниковъ, „которыхъ лишено большинство крещеные, языческое начальство и общество, „отказъ въ землѣ для осѣдлаго водворе„нія и т. д., и безъ кривыхъ толкованій, „слишкомъ даютъ чувствовать, что поло„женіе язычника лучше обезпечено нежели православнаго христіанина."

Увы, то же, mutatis mutandis, чувствовалось на всѣхъ окраинахъ нашего обширнаго отечества! Тѣмъ съ большею признательностію должны мы привѣтствовать начало новой правительственной системы, которая въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи составитъ вѣчную славу нынѣшняго царствованія. Безъ великаго поворота въ нашемъ государственномъ быту, ничто у насъ не могло бы пойдти въ прокъ и развиваться съ пользой. Уже мы подходили къ опасной катастрофѣ. Жизнь изсякала, духъ падалъ, разложеніе и немощь оказывались повсюду. Послѣдствія прежнихъ началъ еще кое-гдѣ держатся на практикѣ, самыя эти начала еще не совсѣмъ прекратили свое дѣйствіе; умы еще не успѣли освободиться отъ старыхъ навыковъ, и новыя понятія еще не вошли въ должную силу. Но великое дѣло сдѣлано: новое начало положено державною волей Преобразователя Россіи. Отнынѣ русское правительство, свободное отъ всякаго узкаго и мертвящаго доктринерства, должно быть русскимъ, и только русскимъ, предоставляя каждому безъ различія исповѣданій и племеннаго происхожденія возможность быть честнымъ *русскимъ* гражданиномъ, не придавая государственной обязательной силы никакимъ учрежденіямъ кромѣ чисто государственныхъ, расширяя сферу законной свободы и прекращая повсюду крѣпостныя отношенія, какой бы характеръ они ни имѣли и подъ какимъ бы именемъ ни скрывались.

№ 102.

Москва, 10-го мая.

Завтра, 11-го мая, празднуется память первоучителей славянскихъ, святыхъ Кирилла и Меѳодія. Святыя и великія имена! Въ исторіи міра мало равныхъ имъ по значенію. Съ крестомъ и Евангеліемъ Кириллъ и Меѳодій стоятъ во главѣ судебъ не одного какого-либо народа, а цѣлой стихіи человѣчества, цѣлаго племени, которое имѣетъ въ нихъ залогъ своего единенія и символъ своего историческаго призванія. Съ Кирилла и Меѳодія славянскій міръ впервые обозначился явственно и вошелъ въ исторію; они внесли въ него безсмертное начало, они освятили и ввели въ силу его языкъ. Гдѣ окажется еще другое племя, которое имѣло бы, въ началѣ своей исторической жизни, такія же надъ всѣмъ возносящіеся и все примиряющія въ себѣ имена? Вотъ съ нами рядомъ живетъ тевтонское племя: исторія застала его уже раздѣленнымъ на народы, и нѣтъ у него историческаго дѣянія, въ которомъ собиралось бы оно всею совокупностію своихъ вѣтвей; его единство за предѣлами исторіи, и народы изъ него происшедшіе совершенно чужды другъ другу. Еще менѣе связи между такъ-называемыми романскими народностями, которыя лишены и племеннаго единства.

Благодаря Кириллу и Меѳодію, славянское племя, несмотря на все разнообразіе своихъ народностей, является какъ бы единымъ народомъ; благодаря имъ, славянская племенная стихія является живою исторической индивидуальностію. Много вѣковъ пронеслось надъ посѣвомъ святыхъ братьевъ, давшихъ Славянамъ письмена и языкъ запечатлѣнный неизгладимымъ знаменіемъ; не всему посѣянному ими суждено было взойдти: многое погибло, не принятое каменистою почвой или потоптанное проходящими. Медленно и трудно зрѣлъ ихъ посѣвъ; племя, призванное ими къ жизни, долго и мучительно боролось за свое существованіе. Славянскому племени суждено было пройдти рядъ испытаній прежде чѣмъ приспѣла его пора; ему суждено было пережить всѣ виды безславія, униниженія и рабства. Въ эти долгіе вѣка Кириллъ и Меѳодій оставались какъ бы въ забвеніи; но съ пробужденіемъ славянскаго міра, память ихъ воскресаетъ съ новою силой, и

каждый шагъ впередъ не удаляетъ насъ отъ славянскихъ первоучителей, а приближаетъ къ нимъ.

При какихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ приходится намъ въ нынѣшнемъ году праздновать день свв. Кирилла и Меѳодія! Событія неудержимымъ потокомъ возбудили въ это послѣднее время великій Восточный вопросъ, который есть вмѣстѣ и вопросъ славянскій. Удивительный случай устроилъ такъ, что въ эту самую пору праздникъ Кирилла и Меѳодія совпалъ съ прибытіемъ къ намъ представителей всего славянскаго міра. Неужели ничего нѣтъ знаменательнаго въ этомъ еще не бывалomъ у насъ движеніи, огласившимъ берега Невы кликами *слава*? Неужели ничего нѣтъ знаменательнаго въ томъ что весь разрозненный славянскій міръ соберется завтра чествовать память Кирилла и Меѳодія въ одномъ и томъ же храмѣ, и именно въ томъ, гдѣ раздается то самое нарѣчіе на которомъ они благовѣствовали Славянамъ, и гдѣ въ полной сохранности произносится сложенная ими священная рѣчь?

Языкъ Кирилла и Меѳодія, языкъ нашего богослуженія, первое для всѣхъ вѣковъ и на весь міръ произнесенное славянское слово! Откуда же взяли они это слово? Которымъ изъ славянскихъ нарѣчій они воспользовались для благовѣсти Славянамъ? Этотъ столь дорогой намъ, этотъ столь священный для насъ языкъ принадлежалъ, — ученые уже не спорятъ объ этомъ, — тому изъ славянскихъ племенъ, которое пострадало всѣхъ болѣе, — племени болѣе всѣхъ покинутому, обездоленному и забытому. Церковно-славянскій языкъ есть нарѣчіе древне-болгарское. Для насъ, Русскихъ, имѣетъ онъ сугубое значеніе: въ первоначальномъ видѣ своемъ онъ остается и понынѣ языкомъ нашей церкви; но войдя въ нашу жизнь и слившись съ нарѣчіемъ обитавшихъ въ Россіи Славянъ, нашихъ предковъ, онъ образовалъ нынѣшній русскій языкъ — языкъ государства, которому нѣтъ равнаго по протяженію и котораго населеніе, быстро и мощно растущее, уже достигаетъ цифры 80 милліоновъ. Русскій языкъ есть, по крайней мѣрѣ на половину, то древне-болгарское нарѣчіе, котораго звуки уловилъ Св. Кириллъ и на которое братъ его перелагалъ Писаніе. Въ русскомъ языкѣ слились, могущественнымъ дѣйствіемъ исторіи, двѣ противоположныя стихіи славянскаго міра, и потому-то русскій языкъ имѣетъ по преимуществу право на значеніе языка всеславянскаго.

Вспоминая о Кириллѣ и Меѳодіи, нельзя не помянуть того славянскаго племени, которое дало вещество для ихъ святаго и творческаго дѣла. А между тѣмъ, именно теперь, въ виду приближающагося рѣшенія великой восточной задачи, о комъ менѣе всѣхъ рѣчи? О Болгарахъ. Да сохранитъ насъ Богъ отъ такого рѣшенія Восточнаго вопроса, при которомъ Болгары были бы пожертвованы! Хуже этого ничего нельзя придумать. Это было бы и великою неправдой, и пагубною ошибкой. Что Болгары не входятъ въ программу нашихъ противниковъ, это въ порядкѣ вещей; но съ нашей стороны было бы непонятнымъ ослѣпленіемъ и измѣной самимъ себѣ, еслибы мы и теперь забыли объ этомъ многочисленномъ народѣ, съ которымъ связаны самые существенные интересы Россіи на Востокѣ. Это значило бы, что мы въ нашемъ кровномъ дѣлѣ лишены своего инстинкта, и дѣйствуемъ по чужой, подсунутой намъ программѣ.

Интересы нашей политики на Востокѣ — дѣло ясное. Намъ не нужно прибѣгать ни къ какимъ изворотамъ, хитросплетеніямъ и многосложнымъ комбинаціямъ. Чѣмъ проще мы будемъ дѣйствовать, тѣмъ лучше,—и чѣмъ справедливѣе относительно всѣхъ заинтересованныхъ въ вопросѣ сторонъ, тѣмъ безопаснѣе и благопріятнѣе для себя. Только строго соблюдая справедливость, можемъ мы соблюсти здѣсь русскіе интересы. Каждому свое, вотъ истинный лозунгъ нашей политики на Востокѣ. Ни въ чемъ, ни для кого не должны мы здѣсь жертвовать, а всего менѣе Болгарами: въ ихъ независимости ключъ того равновѣсія на Востокѣ, которое столько же желательно въ интересѣ справедливости, сколько необходимо въ интересахъ Россіи. Къ сожалѣнію, дѣла на Востокѣ грозятъ инымъ оборотомъ; уже зрѣютъ планы порѣшить дѣло не только помимо Болгаръ, но даже на счетъ ихъ существованія Слышно, противъ нихъ уже состоялось соглашеніе между ихъ соплеменниками и единовѣрцами, связанными вмѣстѣ съ ними въ судьбахъ Восточнаго вопроса: Греки и Сербы будто бы уже заранѣе подѣлили между собою наслѣдіе „больнаго,“ и Болгары исчезли въ этомъ дѣлежѣ. По условію, которое лежитъ въ основѣ

этого заговора, поощряемаго нашими противниками, Болгаръ нѣтъ, а должны быть только Сербы, которые за то готовы отдать Грекамъ часть Болгаръ, съ Константинополемъ въ придачу. Но это не рѣшитъ Восточнаго вопроса,—это только осложнитъ его и послужитъ началомъ новыхъ пагубныхъ смутъ. Можетъ ли Россія допустить такую сдѣлку, можетъ ли потворствовать такимъ планамъ? Сербское княжество можетъ простирать свои виды и на сѣверъ, и на западъ отъ своихъ предѣловъ: тамъ оно найдетъ своихъ; но Болгары не менѣе Сербовъ имѣютъ право на самостоятельное существованіе. Правда, Болгары изъ всѣхъ племенъ европейской Турціи самое беззащитное, у нихъ нѣтъ средоточія, нѣтъ представителей съ громкимъ голосомъ; ихъ не знаетъ общественное мнѣніе Европы, противъ нихъ направлены разчеты нашихъ политическихъ противниковъ; но все это только причины для Россіи не забывать Болгаръ при разрѣшеніи Восточнаго вопроса и, чего бы это ни стоило, оберегать ихъ интересы. Вся будущность Россіи на Востокѣ зависитъ отъ того, будетъ ли болгарская независимость признана на ряду съ румынскою, сербскою и эллинскою.

№ 103.

Москва, 11-го мая.

Въ самомъ дѣлѣ есть что-то какъ будто предопредѣленное въ совпаденіи двухъ повидимому случайныхъ событій, которыя въ настоящую минуту одушевляютъ и наполняютъ веселіемъ Петербургъ, и безъ сомнѣнія, встрѣтятъ горячее сочувствіе повсюду въ Россіи. Помолвка короля Эллиновъ съ одною изъ русскихъ Великихъ Княженъ празднуется въ то самое время, когда въ столицу Россіи стеклось отовсюду около 80 славянскихъ депутатовъ, дабы скрѣпить съ нами союзъ братства. Между тѣмъ какъ король Георгій осѣняетъ себя крестомъ, вступая объ руку съ своею православною невѣстой въ греческую церковь, и этимъ свидѣтельствуетъ о своемъ твердомъ намѣреніи посвятить себя вполнѣ своему православному народу, залы петербургскаго Дворянскаго Собранія готовятся къ празднеству, которое справедливо можетъ быть названо торжественною „вечерію братства“ (ἀγάπη) всего славянскаго міра....

Это случайное совпаденіе какъ бы устроено самимъ Промысломъ, который руководитъ нами среди нашихъ треволненій,— устроено съ цѣлію предостеречь насъ отъ исключительныхъ стремленій и замкнуть уста умамъ узкимъ и зловѣщимъ, утверждающимъ будто Россія должна дѣлать выборъ между своими греческими единовѣрцами и Славянами, и не можетъ благопріятствовать Эллинамъ, не причиняя ущерба Славянамъ, либо наоборотъ.

Нѣтъ ни малѣйшей причины считать невозможнымъ параллельное удовлетвореніе всѣхъ истинныхъ симпатій русскаго народа, коими обозначается призваніе и всемірное положеніе Русской державы. Намъ не только нѣтъ надобности жертвовать Славянами для Грековъ или Греками для Славянъ, но мы не можемъ иначе удовлетворить истиннымъ интересамъ однихъ, какъ удовлетворяя интересамъ и другихъ, а вмѣстѣ требованіямъ своего политическаго положенія и своему національному сочувствію. Внѣ всякаго духа партій, обсудивъ безпристрастно законныя потребности какъ Грековъ, такъ и Славянъ, нельзя не убѣдиться, что эта тройственная цѣль очень легко можетъ быть достигнута. Эта увѣренность основывается не на одномъ влеченіи чувства, но и на логикѣ положительныхъ интересовъ.

Дабы рѣшить могутъ ли быть согласованы желанія Грековъ и Славянъ, надобно прежде всего дать себѣ точный отчетъ въ свойствѣ этихъ желаній. То чего громадное большинство Славянъ на Востокѣ требуетъ, къ чему оно стремится уже нѣсколько вѣковъ со свойственною нашему племени, настойчивостью, есть, вопервыхъ, освобожденіе отъ ига оттоманскаго, и вовторыхъ, политическая независимость, соединенная со всѣми условіями благосостоянія и правильнаго развитія; о властвованіи друга надъ другомъ, а тѣмъ паче надъ Греками, не помышляли до сего дня ни Сербы, ни Болгары. Каковы же должны быть ихъ взаимныя отношенія? Обѣ славянскія національности Балканскаго полуострова жили нѣкогда самостоятельною жизнію и были сильными государствами еще во времена Византійской имперіи. Ихъ нельзя насильственно смѣшать: результаты выйдутъ противные ожидаемымъ Вмѣсто единства, образуется внутренній, съ теченіемъ

времени все болѣе и болѣе, озлобляющійся антагонизмъ. Два народа близкіе и дружелюбные превратятся въ непримиримыхъ враговъ. Къ тому же они будутъ искусственно соединены въ государство, не имѣющее ни удобныхъ границъ, ни удобной для управленія столицы. Напротивъ, желаемое и какъ для огражденія политической независимости, такъ и для свободнаго государственнаго развитія необходимое единство между обѣими народностями утвердится несомнѣнно при внутренней автономіи той и другой. Вникая въ положеніе дѣлъ, не трудно предусмотрѣть, что это единство должно состоять въ однообразномъ устройствѣ военной силы и въ военной конвенціи, въ родѣ той, которая заключена Пруссіей съ южно-германскими государствами. Болѣе тѣсный союзъ встрѣтилъ бы теперь непреодолимыя трудности, а личное соединеніе было бы источникомъ нескончаемыхъ смутъ и сдѣлало бы обѣ народности неспособными къ либеральнымъ учрежденіямъ, несовмѣстимымъ съ такъ-называемою *unio personalis*. Либо въ скоромъ времени послѣдовало бы расторженіе, либо повторилась бы исторія люблинской уніи, погубившей Польшу и до сихъ поръ принуждающей Поляковъ быть не только всегдашними отщепенцами въ славянскомъ мірѣ, но и орудіемъ его германизаціи. Кто рѣшится пожелать, чтобы стремленіе Сербовъ и Болгаръ къ свободѣ было запятнано властолюбіемъ? Чѣмъ независимѣе взаимно будутъ ихъ правительства, тѣмъ крѣпче и неразрывнѣе будетъ военный союзъ между ними, и совокупная сила ихъ будетъ какъ бы сила одного большаго, могущественнаго государства, простирающагося отъ Адріатическаго моря до Чернаго, съ населеніемъ почти въ 10 милліоновъ, которое со стороны Сербіи будетъ оказывать сильное притяженіе на сродныя сопредѣльныя славянскія группы. Турецкіе Сербы должны быть обращены фронтомъ на сѣверъ и западъ, а не истощать своихъ силъ на то, чтобы сербить Болгаръ, предавая часть кровныхъ Сербовъ на онѣмеченіе или, что еще хуже, на мадьяризацію.

Точно также не трудно понять что нужно Грекамъ. Они хотятъ почти того же чего и Славяне, то-есть они хотятъ устроиться государствомъ сильнымъ, свободнымъ и независимымъ въ тѣхъ предѣлахъ, которые указаны имъ географическими и этнографическими условіями. Сверхъ того, они хотятъ владѣть Константинополемъ. Въ совокупности желанія эти составляютъ то что называется „великою эллинскою идеей.“ Ядро этого государства растетъ, укрѣпляется и дѣйствуетъ неоспоримо притягательнымъ образомъ на элементы, которыхъ сліянію мѣшаетъ только западная дипломатія. Подобно всѣмъ южнымъ племенамъ, Греки отличаются недостатками, свойственными ихъ положительнымъ качествамъ. Живость воображенія часто увлекаетъ ихъ къ преувеличеніямъ, и вотъ почему Греки посягали иногда на законныя права своихъ единовѣрцевъ Славянъ, вотъ почему они, повидимому, не прочь простирать примѣненіе своей великой идеи далѣе ея естественныхъ границъ. Но хотя Греки пылки, однако они гибки и умны. Они не упорствуютъ въ заблужденіяхъ и не замедлятъ признать, что первое условіе общаго освобожденія состоитъ во взаимномъ уваженіи правъ и независимости. Притомъ теперешнее Эллинское королевство съ Эпиромъ, Ѳессаліей, греческою частью Македоніи и Ѳракіи, владѣя Критомъ и островами Іонійскими, Кикладскими и Спорадскими, составитъ государство, котораго размѣры, торговыя и мореходныя средства и политическая роль будутъ достаточны для удовлетворенія широкихъ національныхъ притязаній.

Хотя нѣсколько духовныхъ лицъ изъ Фанара оказались виновными въ злоупотребленіяхъ, которыми наши политическіе и религіозные противники поспѣшили воспользоваться, дабы посѣять раздоры въ станѣ православія, хотя нѣсколько Болгаръ, вовлеченныхъ въ заблужденіе католическими интригами, отреклись отъ вѣры своихъ отцовъ, желая избавиться отъ притѣсненій нѣсколькихъ лицъ греческаго духовенства, наконецъ, хотя нѣкоторыя пылкія головы въ Аѳинахъ, подстрекаемыя иностранными дипломатами, проповѣдуютъ панэллинизмъ, однакожъ изъ этого не слѣдуетъ заключать, чтобъ освобожденіе Грековъ непремѣнно значило угнетеніе Славянъ. Злоупотребленія и пылкія головы бываютъ вездѣ: въ Бѣлградѣ, какъ въ Аѳинахъ, въ Парижѣ, какъ и въ Петербургѣ. Но ни въ Бѣлградѣ, ни въ Аѳинахъ эти пылкія головы не составляютъ большинства, а что касается до злоупотребленій фанаріотскаго духовенства, то, вопервыхъ, слухи о нихъ преувеличены; вовторыхъ, надобно

взять во вниманіе интриги латинства, и особенно не терять изъ виду, что фанаріотское духовенство воспитаніе свое получало главнѣйшимъ образомъ въ турецкихъ тюрьмахъ и въ передникъ пашей.

Не подлежитъ сомнѣнію, что соглашеніе между Греками и Славянами возможно. Греческое королевство могло бы вступить въ военный союзъ славянскихъ государствъ Балканскаго полуострова, и въ совокупности они составили бы силу весьма уважительную въ Европѣ, тѣмъ болѣе, что къ нимъ, вѣроятно, примкнули бы и Румынскія княжества. Но для того, чтобы дѣйствительно образовалась сила, надобно, чтобы между членами военной федераціи не было никакихъ недоразумѣній, никакихъ поводовъ къ столкновеніямъ, а для этого необходимо, чтобы каждый былъ независимъ и самостоятеленъ въ своемъ внутреннемъ управленіи и имѣлъ во главѣ своей свою особую династію. Природные моряки, Греки весьма естественно въ этой военной федераціи представляли бы собою преимущественно морской элементъ.

Константинополь! Вотъ имя, которое трудно даже вымолвить: такъ долго онъ былъ предметомъ грознаго вопроса. При томъ порядкѣ вещей, который водворился бы на Балканскомъ полуостровѣ, еслибы Турецкой Имперіи пробилъ когда-нибудь часъ, вопросъ о Константинополѣ рѣшается самъ собой: если наслѣдіемъ Турціи должны по всей справедливости воспользоваться всѣ христіанскія національности Востока, то Константинополь не можетъ принадлежать исключительно которому-нибудь одному изъ государствъ, долженствующихъ появиться на мѣстѣ Турціи. Константинополь не можетъ быть столицей ни Болгарскаго, ни Сербскаго, ни даже Эллинскаго государства, онъ могъ бы быть столицей лишь одного цѣльнаго государства, которое образовалось бы на Балканскомъ полуостровѣ. Но если такого государства не имѣется и не можетъ имѣться въ виду, то Константинополь можетъ быть между государствами Балканскаго полуострова лишь нейтральнымъ, общимъ для всѣхъ пунктовъ. Содержаніе военныхъ силъ долженствующихъ занять его было бы общимъ дѣломъ всѣхъ членовъ военной конфедераціи, а въ своемъ внутреннемъ управленіи и муниципальности онъ былъ бы независимъ. Его нейтральное положеніе условливается и тѣмъ, что онъ есть мѣстопребываніе патріарха. При новомъ порядкѣ вещей на Балканскомъ полуостровѣ, патріархъ, сдѣлавшись подданнымъ одного изъ имѣющихъ возникнуть тамъ государствъ, не могъ бы сохранить свои нынѣшнія отношенія ко всѣмъ православнымъ національностямъ находящимся или находившимся въ завѣдываніи Великой Церкви: это неизбѣжно повело бы къ смутамъ и столкновеніямъ, которыя могли бы угрожать самому православію; во всякомъ случаѣ Великая Церковь перестала бы существовать. Напротивъ, гражданинъ вольнаго города на нейтральной почвѣ, патріархъ не только не утратилъ бы своего теперешняго значенія, но еще пріобрѣлъ бы новое, и будущность Великой Церкви была бы обезпечена прочно.

Кто обладаетъ Босфоромъ, того влечетъ туда непреодолимая сила. Константинополь не можетъ не быть столицей того государства, къ которому будетъ принадлежать. Если это государство не будетъ единственнымъ на полуостровѣ, оно не можетъ не угрожать другимъ, и само не упасется отъ притязаній на присоединенія. Нужно ли говорить къ какимъ пагубнымъ смутамъ это подастъ поводъ? Нужно ли говорить, что эти смуты испортятъ не только взаимныя отношенія тамошнихъ народностей, но и положеніе Россіи на Востокѣ? Другимъ державамъ приходится дѣйствовать на основаніи правила: *divide et impera*. Россія, благодаря Бога, въ другихъ условіяхъ. Для нея требуется не рознь національностей Востока, а ихъ согласіе, потому что только при согласіи ихъ она можетъ находиться къ нимъ въ равно-дружественныхъ отношеніяхъ. Чтобъ убѣдиться, въ какой мѣрѣ интересъ Россіи связанъ съ справедливымъ разрѣшеніемъ Восточнаго вопроса, стоитъ представить себѣ послѣдствія, которыя имѣла бы для Россіи какая-либо несправедливость тамъ допущенная.

Положимъ, напримѣръ, что Болгары не получили бы должной самостоятельности, а были бы подѣлены между двумя смежными имъ государствами. Положимъ, что Россія рѣшилась бы принести крайнюю возможную жертву ради спокойствія и дружбы съ этими государствами, и сдѣлавъ надъ собой усиліе, совсѣмъ забыла бы о существованіи Болгаръ. Развѣ это послужило бы къ чему-нибудь? Развѣ опасенія, что Россія *можетъ* когда-нибудь принять

ихъ сторону, не внушали бы дурныхъ чувствъ къ Россіи тѣмъ государствамъ, къ которымъ Болгары были бы приписаны? А эти опасенія побуждали бы эти государства искать опоры въ другихъ державахъ противъ Россіи, на случай ея вмѣшательства или заступничества за Болгаръ. Положеніе было бы фальшивое, и отъ этой фальши пострадало бы положеніе Россіи на Востокѣ. Нѣтъ, или должно отсрочить рѣшеніе Восточнаго вопроса, или рѣшить его такъ, чтобъ устранились поводы къ ссорамъ и смутамъ, и чтобы наши друзья и братья не могли быть искусственно превращаемы въ нашихъ враговъ.

Въ событіяхъ важныхъ, Провидѣніемъ посылаемыхъ, содержатся вѣщіе признаки, которыхъ нельзя отрицать. Не въ одномъ только мореходствѣ надобно изучать силу теченій, но и въ политикѣ. Въ волненіяхъ на Востокѣ уже болѣе тридцати лѣтъ можно различать силы токовъ славянскаго и эллинскаго, которые оба не враждебны намъ и должны повести къ результатамъ вполнѣ для насъ благопріятнымъ.

№ 104.

Москва, 12-го мая.

Московская этнографическая выставка послужила поводомъ къ интересному эпизоду въ австрійской печати, съ которымъ считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей, приводя собственныя слова австрійскихъ газетъ.

Мѣсяца два тому назадъ, извѣстная нашимъ читателямъ по имени, въ Петербургѣ выходящая (и въ Россіи совершенно неизвѣстная) литографированная *Русская Корреспонденція* упомянула о предстоявшей тогда московской этнографической выставкѣ и объ ожидаемомъ посѣщеніи ея нѣсколькими Славянами. Привѣтливо обращаясь къ славянскимъ гостямъ, она позволила себѣ замѣтить, что они пріѣдутъ къ братскому народу, „отъ котораго имъ можно всего ожидать, ничего не опасаясь.“ Это показалось чуть не подстрекательствомъ къ бунту газетѣ *Debatte*, поддерживающей дуализмъ, которому, дѣйствительно, кажется, суждено подарить Австрію всякими смутами. „Мы не вѣрили,“ говоритъ *Debatte*,

— не вѣрили нашимъ глазамъ, когда читали эти строки. Какъ! Въ чешскихъ кружкахъ въ Богеміи понимаютъ значеніе, которое придаютъ въ Москвѣ предстоящему собранію, и ихъ вожди рѣшаются безъ дальнихъ размышленій принять въ немъ участіе! Они прямо ѣдутъ въ панславистское сборище (Konventikel) безъ всякаго благовиднаго предлога: сдѣлано ли ими какое-либо заявленіе съ тѣмъ чтобы въ Австріи и за границей не перетолковали въ дурную сторону ихъ путешествія въ Мекку панславизма? Побратимство на панславистской основѣ—это заговоръ противъ Австріи; кто въ немъ участвуетъ, тотъ вызываетъ всю Австрію, и вопль негодованія,— вотъ единственный отвѣтъ, который могутъ дать народы Австріи тѣмъ, кто примыкаетъ къ преступному покушенію на ея существованіе! Господамъ, сидящимъ въ Прагѣ, предстоитъ свободный выборъ; они могутъ отправляться, даже не принявъ никакихъ мѣръ противъ подозрѣній въ ихъ вѣрноподданствѣ; но въ такомъ случаѣ они должны устроить дѣла такъ, чтобъ и остаться тамъ, куда ихъ влечетъ сердце.

Почти въ одно слово съ дуалистами разразились гнѣвомъ и централисты. Заявивъ что Россія, будто бы вѣчно работающая всѣми способами для распространенія идеи панславизма, теперь дошла до попытки, превосходящей все прежнее дерзостію и презрѣніемъ къ сосѣднимъ государствамъ,— органъ централистовъ, вѣнскал *Presse*, разсуждаетъ такъ:

Какъ ни безцеремонно поступаетъ русское правительство съ Австріей и Турціей, возбуждая и поддерживая въ чужихъ подданныхъ стремленіе къ отпаденію, тѣмъ не менѣе Австріи ничего больше не остается въ эту минуту какъ слѣдить за враждебнымъ для нея настроеніемъ Русскаго кабинета и дѣйствовать на основаніи этого сознанія какъ можно осторожнѣе. Но что сказать на то, что нѣкоторые изъ наиболѣе уважаемыхъ Славянъ пользуются приглашеніемъ и, не шутя, хотятъ отправиться въ панславистскую Мекку? Что подумать о томъ, что славянскія газеты съ радостію привѣтствуютъ это приглашеніе? Подобныя извѣстія должны произвести подавляющее впечатлѣніе на каждаго патріота, потому что доказываютъ отсутствіе въ этихъ людяхъ всякаго австрійскаго чувства. Но кто изъ этихъ господъ идетъ въ Москву, тому лучше было бы не возвращаться.

Presse не безъ горькой иронiи описываетъ какъ Русскiе готовятся встрѣтить Славянъ, и обращается съ слѣдующимъ желчнымъ пожеланiемъ къ этимъ *австрiйскимъ депутатамъ на славянскомъ конгрессѣ*, которыхъ никто ни выбиралъ и не посылалъ: „Nun, glückliche Reise, schönes Wetter und auf Nimmerwiedersehen!“

Въ другой статьѣ подъ названiемъ *Оболщенiя панславизма* та же газета обрушивается особенно на Чеховъ, которые взбиваютъ этнографическiй конгрессъ въ Москвѣ до значенiя панславистскаго пугала. „Федералистскiя бредни не удались, чешскiй левъ оказался не очень страшнымъ, и вотъ еще разъ изъ шкатулки рѣдкостей вынимается Колярово чудище.“ Органъ централистовъ поучаетъ свою публику, что *Рутеновъ* (Русскихъ въ Галицiи) открылъ впервые графъ Стадiонъ, а Славянами призналъ Чеховъ русскiй посланникъ Татищевъ, когда проѣзжалъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, изъ Вѣны въ Карлсбадъ, что Россiя благоволитъ теперь къ Чехамъ лишь для того чтобы затруднить Австрiю и выиграть въ Восточномъ вопросѣ, и проч. *Presse* съ трогательно-нѣжнымъ сочувствiемъ задумывается о несчастныхъ Полякахъ, въ груди которыхъ долженъ особенно тяжко отозваться Московскiй конгрессъ, устроенный въ ту минуту, „когда угасаетъ послѣднее мерцанiе ихъ национальной и международной самостоятельности.“

Съ другой стороны довольно ловко подходитъ къ нашей выставкѣ органъ г. Деака, венгерская газета *Pesti Naplo*. Она убѣждена въ вѣрности извѣстнаго изреченiя: „чѣмъ хуже, тѣмъ лучше,“ и по ея мнѣнiю, столь явная измѣна австрiйскихъ Славянъ только тѣснѣе соединитъ тѣ элементы, которые должны сгруппироваться въ борьбѣ съ Славянами,—Мадьяръ, Нѣмцевъ и Поляковъ. Она говоритъ:

Въ основанiи взаимнаго сближенiя этихъ трехъ племенъ вовсе не лежитъ мысль о нападенiи; эти племена не намѣрены отнимать у Славянъ ни одного атома изъ того, на что они имѣютъ справедливыя притязанiя (!) и что было бы рацiонально уступить имъ. Но кто открыто или тайно становится подъ знамя Бѣлаго Царя, тѣ будутъ считаться врагами упомянутыхъ трехъ нацiй (Мадьяръ, Нѣмцевъ и Поляковъ). Эти панслависты ошибаются, если думаютъ, что міръ посмотритъ на ихъ движенiе тѣми же глазами, какими смотритъ на стремленiе къ единству Италiянцевъ и Нѣмцевъ; изъ ихъ движенiя можетъ произойдти лишь одинъ результатъ—сосредоточенiе колоссальной физической силы въ рукахъ Царя, который употребитъ ее на задержанiе успѣховъ образованiя и свободы въ остальной Европѣ. Такое движенiе не только не найдетъ себѣ симпатiи среди образованныхъ нацiй мiра, но создастъ изъ нихъ великую лигу, которая станетъ плотиной противъ новыхъ вторженiй варварства.

Органъ г. Деака говоритъ правду, говоря объ *entente cordiale* между Мадьярами, Нѣмцами и Поляками. Третья струна въ аккордѣ не замедлила зазвучать. Польскiе органы лишь въ первое мгновенiе хранили молчанiе, которое услужливая *Presse* объясняла тогда великодушнымъ нежеланiемъ подвергать „осужденiю своихъ федералистскихъ союзниковъ.“ Но уже скоро краковскiй *Часъ* объявилъ московскую выставку „великою демонстрацiей панславизма направленною противъ Австрiи“ и прослезился надъ участiю Чеховъ и Хорватовъ, а издающiйся во Львовѣ *Dziennik Polski* вызвалъ сочувствiе венгерскихъ газетъ слѣдующими предсказанiями:

Этнографическая выставка въ Москвѣ устроена съ тѣмъ чтобы выказать предъ Европою солидарность всѣхъ славянскихъ племенъ. Она имѣетъ чисто-политическую цѣль, ибо наука при этомъ нисколько не выиграетъ. Основа всякой науки есть истина, а руководящая мысль этой выставки, какъ и всѣхъ русскихъ учрежденiй, есть ложь. Ложь есть эта солидарность славянскихъ племенъ подъ русскимъ протекторатомъ. Такой солидарности не признаютъ ни Поляки, ни Чехи, ни Рутены (галицкiе Русскiе!) Даже турецкiе Славяне не слѣдуютъ за Россiей столь слѣпо, какъ она старается представить Европѣ, ибо они знаютъ хорошо, что русское покровительство можетъ принести имъ лишь деспотизмъ. Поэтому въ сущности московская выставка будетъ значить то же что значили размалеванныя деревни на Днѣпрѣ, представленныя Потемкинымъ Екатеринѣ. Мы знаемъ, что она не удастся, но каждый шагъ въ этомъ направленiи обращаетъ на себя вниманiе наше и Австрiи.

Едва ли однако повѣрили этимъ предсказанiямъ даже тѣ, кто имъ рукоплескалъ.

Вѣнская *Presse*, очевидно, усомнилась въ антипатіи Славянъ къ Россіи, и принялась доказывать имъ, что они должны бояться Россіи, что Русскіе будутъ терпѣть ихъ лишь *подъ* своею властію, а не *подлѣ* себя, и въ подтвержденіе приводила „измученную Польшу и руссифированныхъ *Рутеновъ* и Самогитовъ (!!)“. Запугивая Славянъ, она грозила имъ, что за мгновеннымъ увлеченіемъ послѣдуетъ долгое раскаяніе. Она утверждала, что гг. Ригеръ и Палацкій отказались отъ поѣздки въ Москву, по совѣту графа Кламъ-Мартиница. Обращикомъ той правдивости, съ которою ведется это обличеніе „русской лжи,“ можетъ служить показаніе газеты *Debatte*, сдѣланное ею въ отпоръ галицкому *Слову* и его редактору, г. Дѣдицкому, что тѣ Русскіе въ Галиціи, которые находятся внѣ вліянія русской пропаганды, не хотятъ имѣть ничего общаго съ московскою выставкой, и что объ этомъ свидѣтельствуетъ вновь основанная въ Галиціи русская газета, именующая себя *Русью*. Какъ будто въ Галиціи не извѣстно, что эта газета *Русь* есть польскій органъ!

Положеніе дѣлъ показалось впрочемъ въ Вѣнѣ столь серіознымъ, что г. фонъ-Бейстъ счелъ нужнымъ нѣсколько посвирѣпствовать. Одна за другою, были закрыты пражскія газеты *Národní Listy* и *Politik*. Вызывающій тонъ обвиненій въ государственной измѣнѣ встрѣтилъ въ первой слѣдующій отвѣтъ: „Если будетъ къ тому поводъ, никто изъ Чеховъ не поколеблется сказать, въ Москвѣ ли, въ Петербургѣ ли, то же что говорилось такъ часто и въ Прагѣ: что народъ чешскій не дозволитъ лишить свою страну ея политической самостоятельности, что онъ не захочетъ, въ виду какихъ бы то ни было неожиданныхъ событій, утонуть въ нѣмецкомъ морѣ. И скажетъ это Чехъ тѣмъ открытымъ, громкимъ голосомъ, который можетъ дойдти также ясно до слуха Русскаго и Французскаго императоровъ, какъ онъ дойдетъ до слуха императора Австрійскаго. Чья вина, если этотъ голосъ останется долѣе въ памяти одного изъ трехъ монарховъ? Представители всѣхъ славянскихъ племенъ, которые сойдутся въ Москвѣ, не замышляютъ заговора противъ Австріи, а потому и не побоятся, что мощный духъ Австріи расточитъ ихъ. Тамъ они лишь поздороваются между собою и, познавъ другъ друга, познаютъ мощный духъ славянскій, который расточитъ своего супостата, какъ бы гордъ и упоренъ онъ ни былъ въ своей ненависти.“ Газета *Národní Listy* была закрыта за статью, въ которой прямѣе выражалась возможность, при данныхъ условіяхъ, быстраго развитія между Чехами симпатій къ Россіи. *Národní Noviny*, которыми мѣнены *Národní Listy*, не понижая тона, заявили, что общій всѣмъ Славянамъ интересъ, привязывающій ихъ къ Россіи, есть стремленіе найдти, послѣ долгихъ испытаній, защиту отъ тѣхъ притѣсненій, которыя они претерпѣваютъ на всѣхъ концахъ земли, и что въ этихъ повсемѣстныхъ притѣсителяхъ Славянъ должно искать истинныхъ творцовъ панславизма.

Южно-славянскія газеты дали противникамъ не менѣе сильный отпоръ. Выходящая въ Загребѣ хорватская (кроатская) газета *Пóзоръ* говоритъ.

Славяне тѣмъ менѣе имѣютъ надобности защищать себя отъ вѣнскихъ газетъ, что они въ нихъ самихъ ежедневно читаютъ о германскомъ родствѣ, налагающемъ политическія обязанности. Главная изъ этихъ обязанностей, по ихъ мнѣнію, состоитъ въ томъ, чтобы поборать всякое движеніе и развитіе славянскихъ народовъ. Изъ Вѣны день ото дня все болѣе требуется и провозглашается согласіе нѣмецкихъ племенъ. Къ этому согласію привлекаются и два варварскія племени—горстъ Мадьяръ и Турокъ. Нѣмцы желаютъ и ищутъ согласія и дружбы съ цѣлымъ міромъ противъ Славянъ, а для насъ грѣхъ посмотрѣть на Московскую выставку, познакомиться съ людьми своего племени, и притомъ въ то время, когда Италія сплотилась въ одно цѣлое и когда родственная кровь влечетъ ее къ союзу съ Франціей, противъ прошлотодняго ея союзника, Пруссіи: когда вся Германія объединяется и когда австрійскіе Нѣмцы съ трибуны, съ профессорской каѳедры и изъ редакцій газетъ заявляютъ во всеуслышаніе о своей симпатіи къ прусскому народу вопреки еще невысохшей крови жертвъ павшихъ подъ Садовой? Кто задумалъ и можетъ ѣхать въ Москву, того не остановитъ ярость вѣнскихъ газетъ; тотъ съ спокойнымъ духомъ станетъ между братьями чтобы высказать имъ всѣ свои скорби и печали. Въ Австріи дѣйствительно есть заговоръ; но этотъ заговоръ не Московская выставка, а согласіе Нѣмцевъ и Мадьяръ противъ дру-

гихъ народовъ монархіи. Событія положатъ конецъ этому заговору. Мы же не были бы искренними людьми, еслибы страха ради стали скрывать, что мы вѣтвь на великомъ славянскомъ стеблѣ, который только началъ разрастаться, но уже столь силенъ и вѣтвистъ, что своею плодоносною влагой можетъ питать половину Европы. Славяне, наученные своимъ горькимъ опытомъ и уроками другихъ народовъ, увидятъ, что и для нихъ прежде всего необходима духовная связь, если только они желаютъ отразить предназначаемую имъ погибель.

Хорватская газета не оставила безъ отвѣта и Мадьяръ. Указавъ на то что люди здравомыслящіе, знающіе Русскихъ и умѣющіе понимать пути, по которымъ государства и народы развиваются, уже перестали говорить о варварствѣ Россіи, *Пѣзоръ* говоритъ между прочимъ:

Смѣшно было бы сравнивать Венгрію съ Россіей и горсть Мадьяръ съ пятидесятимилліоннымъ народомъ. Борьба между ними во всѣхъ отношеніяхъ не равная и напередъ безнадежная. Другіе народы, когда подумаютъ о будущности Россіи, не могутъ стряхнуть съ себя печаль и страхъ, а Мадьяръ они вовсе и не видятъ. Мадьяры могутъ сердиться и кричать сколько имъ угодно; а это все таки сущая правда. Мадьярскій народъ не имѣетъ того высшаго призванія, о которомъ онъ мечтаетъ. Вся его задача заключается въ томъ, чтобы спасти себя отъ смерти. На его цивилизацію, на его литературу могъ бы обратить вниманіе остальной міръ только тогда, когда удалось бы омадьярить всѣ народы Венгрія. Но именно этимъ-то они не подпора, а помѣха цивилизаціи. Между ними и остальными народами будетъ идти борьба *мотая* до тѣхъ поръ, пока она не окончится катастрофой болѣе ужасною чѣмъ катастрофа при Вилагошѣ.

Надо замѣтить, что не однѣ только хорватскія газеты возражали Нѣмцамъ и Мадьярамъ; то же самое писали новосадская газета *Напредакъ* и издаваемая въ Пештѣ *Застава*, равно какъ и сербскія газеты издаваемыя въ Бѣлградѣ....

Къ этимъ отзывамъ прибавлять нечего. Мы заключимъ вопросомъ: скромное путешествіе нѣсколькихъ десятковъ Славянъ въ Москву болѣе ли представляетъ опасности для Австріи, чѣмъ тѣ движенія, которыя совершаются среди ея Нѣмцевъ и даже не скрываютъ своего *прямо политическаго* характера? Не для общей ли *всенѣмецкой* идеи австрійскіе Нѣмцы посѣщали *турнферейны* и *національферейны?* Не о политической ли цѣлости *всей* Германіи проговаривались нѣмецкіе ораторы на послѣднихъ сеймахъ Верхней и Нижней Австріи и Зальцбурга? Не та же ли мысль лежала на днѣ прозрачнаго смысла рѣчей произнесенныхъ недавно нѣмецкими журналистами, пившими за здоровье г. Куранды? Не нѣмецкое ли унитерситетское юношество въ Вѣнѣ пересылалось адресами подобнаго же смысла съ сѣверогерманскимъ сеймомъ въ лицѣ одного изъ его депутатовъ? Наконецъ, не Нѣмцами ли издается газета *Vaterland*, которая упрекаетъ въ эту минуту австрійскихъ Нѣмцевъ въ явномъ стремленіи къ сліянію съ Германіей, съ ихъ дорогимъ *Gesammtvaterland?...* Эти *общенѣмецкія* стремленія не явная ли измѣна Австрійской монархіи и Габсбургскому трону?...

№ 103.

Москва, 13-го мая.

Что такое національная политика, этотъ жизненный законъ всякаго благоустроеннаго государства? Политика ли это эгоизма, властолюбія и завоеваній? Преобладаніе ли это матеріяльныхъ интересовъ? Нѣтъ, національная политика состоитъ только въ томъ, чтобы правительство было правительствомъ своей страны, чтобъ оно было силою только своего народа: Іерархія интересовъ остается въ своей силѣ; напротивъ, только при условіи истинно національной политики возможно соблюденіе всѣхъ интересовъ страны въ ихъ правильной постепенности. Свойство національности опредѣляетъ характеръ ея политики, и нѣтъ страны, интересы которой, правильно понятые, были бы такъ безопасны для сохраненія мира, такъ мало соединялись бы съ ущербомъ чьихъ-либо иныхъ уважительныхъ интересовъ, такъ мало требовали бы насилія и нарушенія справедливости, какъ Россія. Ея естественное положеніе есть чисто оборонительное, и никогда по собственному побужденію, въ чувствѣ своихъ дѣйствительныхъ интересовъ, не можетъ она перейдти въ положеніе наступательное. Каждая изъ остальныхъ великихъ державъ

Европы имѣетъ какіе-либо виды далѣе своихъ предѣловъ или нуждается въ какомъ-нибудь стѣсненіи чужихъ интересовъ. Англія была постоянно заинтересована поддержаніемъ порядка вещей на Востокѣ, противнаго всѣмъ интересамъ цивилизаціи, справедливости, человѣчества. Франція доселѣ ищетъ своихъ естественныхъ границъ, и династіи, падая одна за другою на ея зыбкой почвѣ и стараясь поддержать себя возбужденіемъ народнаго тщеславія, развили въ ней духъ завоеваній, который причиняетъ столько бурь въ Европѣ. Недавно видѣли мы, къ какимъ дѣйствіямъ насилія была увлечена Пруссія. Было ли что-нибудь подобное съ Россіей? Въ такомъ ли положеніи она находится? Требуется ли ея выгодами какое-либо расширеніе ея границъ? Можетъ ли она нуждаться въ захватахъ или присвоеніи чужаго? Въ ея національныхъ инстинктахъ нѣтъ и тѣни тщеславія, котораго никто и не возбуждалъ въ ней; она не имѣетъ ни малѣйшихъ выгодъ въ поддержаніи гдѣ бы то ни было насильственнаго или фальшиваго порядка вещей. Если она въ былое время заботилась о поддержаніи такого гнилаго политическаго существованія какимъ всегда была Австрія, то, какъ всѣмъ извѣстно, она поступала такимъ образомъ не въ пользу, а во вредъ себѣ, и слѣдовала политикѣ, которая менѣе всего можетъ быть названа національною. Такъ называемый Священный Союзъ, въ который посажена была тогда Россія, держалъ ее въ сферѣ совершенно чуждыхъ ей интересовъ, разобщалъ ея правительство со страной и дѣлалъ его орудіемъ другихъ правительствъ, которымъ оно приносило въ жертву и вещественныя и нравственныя силы своего народа. Ничего не можетъ быть забавнѣе возгласовъ о завоевательности Россіи, которыя такъ часто слышатся и во Франціи, и въ Германіи. Вотъ что по-русски называется: „съ больной головы на здоровую!“ Наконецъ, имѣетъ ли Россія какую-нибудь надобность препятствовать или недоброхотствовать прогрессу, матеріяльному или нравственному, какой бы то ни было страны, подобно тому какъ постоянно оказывалось недоброхотство дѣлу русскаго просвѣщенія и гражданственности со стороны другихъ національностей, которыя въ этомъ отношеніи доходили до возмутительной безнравственности, начиная съ тѣхъ давнихъ, еще до-Петровскихъ временъ, когда въ Ригѣ перехватывались и не пропускались и художники, и ремесленники, направлявшіеся съ запада въ Москву?

Только благодаря національной политикѣ, которую усвоила себѣ Россія въ послѣднее время, она становится разумною силой и пріобрѣтаетъ нравственное значеніе; только благодаря этой политикѣ, она начинаетъ привлекать къ себѣ искреннія сочувствія, и уже собираетъ вокругъ себя соплеменный ей, пробуждающійся къ политической жизни, славянскій міръ. И чѣмъ болѣе будутъ раскрываться ея національные интересы и дѣйствительныя потребности, чѣмъ болѣе будетъ она становиться собою, чѣмъ яснѣе будетъ она и для себя и для другихъ, тѣмъ живѣе и глубже будутъ сочувствія, которыхъ она становится теперь предметомъ, тѣмъ менѣе будетъ причинъ не довѣрять ей. Интересы Россіи не только не могутъ угрожать самостоятельному существованію соплеменныхъ ей славянскихъ народностей, но напротивъ ей было бы тѣмъ выгоднѣе, чѣмъ самостоятельнѣе была бы каждая изъ нихъ въ политическомъ отношеніи. А Поляки?.. Но между Польшей и Русью издавна поставленъ былъ вопросъ на жизнь и смерть, и поставленъ не Русью. Судьбы исторіи такъ рѣшили, что Польское и Русское государство не могли стоять рядомъ. Да и теперь не на своей ли стародавней, вплоть до Вислы и Сана идущей землѣ еще отбивается Русь отъ своихъ исконныхъ враговъ,—не отъ народа польскаго, а отъ его злаго генія, польской шляхты, этихъ вѣчныхъ измѣнниковъ не только славянству, но и собственному отечеству, покидавшихъ на полѣ битвы королей своихъ и нещадно губившихъ свой добрый славянскій народъ?

Русскій народъ ничего не выигралъ бы отъ того, еслибы какими-нибудь судьбами вошли въ его государство тѣ славянскія народности, которыя изнываютъ теперь подъ османскимъ владычествомъ или мечутся въ разлагающейся Австріи; напротивъ, Россія только ослабила бы свой государственный составъ введеніемъ въ него элементовъ, хотя близкихъ и родственныхъ ей, но еще въ до-историческую пору выступившихъ изъ племеннаго единства; она утратила бы всякую мѣру и стала бы въ тягость себѣ; наконецъ, она очутилась бы еще болѣе одинокою въ мірѣ

чѣмъ была до сихъ поръ. Несравненно выгоднѣе для нея находиться въ кругу дружелюбныхъ ей независимыхъ политическихъ существованій, которыя естественно тяготѣли бы къ ней и находили бы въ ея могуществѣ вѣрнѣйшее обезпеченіе своей независимости. Россіи нужно не расширеніе своей территоріи, которая и безъ того безмѣрно громадна, и даже не приращеніе своего населенія, которое и безъ того растетъ съ пугающею всѣхъ быстротой; ей нужно, напротивъ, взаимнодѣйствіе, которое возможно только между силами, существующими самостоятельно и отдѣльно, но на одной почвѣ. Племенная связь еще жива и сильна между славянскими народами, и они отзываются другъ другу будто части одного народа; однакожь они явственно различаются между собою, и каждый знаетъ себя какъ особую народность. Что же это значитъ? Не то ли, что каждый изъ нихъ можетъ и долженъ жить своимъ дворомъ и имѣть свое хозяйство, въ полной независимости другъ отъ друга, но составляя нѣчто цѣлое, нѣчто единое, какъ родственныя семьи? Не то ли, что единство между ними не должно быть государственное, а являться выраженіемъ только ихъ племенной связи, еще сохранившей всю свою жизненность? То, чего Россія могла бы желать и въ собственномъ своемъ интересѣ, и въ интересѣ родственныхъ ей славянскихъ національностей, и въ общемъ интересѣ цивилизаціи, ограничивается только общеніемъ умственнымъ, которое главнымъ органомъ своимъ имѣетъ языкъ. Если бы между славянскими народностями начало мало-помалу устанавливаться непосредственное разумѣніе другъ друга, одинъ понятный для всѣхъ языкъ, или еслибы славянскія нарѣчія могли возвратиться на столь близкое другъ къ другу разстояніе, въ какомъ находились между собою діалекты древнихъ Эллиновъ, при всей политической разрозненности своей никогда не переставшихъ живо чувствовать свое племенное единство, то совершилось бы дѣло великое и плодотворное въ исторіи всемірной цивилизаціи....

№ 106.

Москва, 15-го мая.

Въ послѣдней, надняхъ вышедшей книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*, напечатана статья подъ заглавіемъ: „Предположеніе относительно учрежденія филологическаго института въ С.-Петербургѣ.“ Этотъ институтъ, сказано тамъ, предполагается устроить *безотлагательно*, для приготовленія гимназическихъ учителей по тѣмъ предметамъ, по которымъ оказывается недостатокъ въ учителяхъ. Предметы эти, какъ видно изъ самаго названія института, филологическіе, и потребность въ институтѣ сама собой объясняется реформой гимназій, усилившею преподаваніе древнихъ языковъ: новый гимназическій уставъ не можетъ дѣйствовать успѣшно, если не будетъ приготовлено достаточное число людей для увеличеннаго числа учительскихъ мѣстъ по древнимъ языкамъ. Нельзя не благодарить министерства народнаго просвѣщенія за то, что оно обращаетъ вниманіе на важный вопросъ о приготовленіи учителей. Этимъ оно засвидѣтельствовало серіозность своего взгляда на введеніе новаго устава, — свое желаніе, чтобы новый уставъ былъ введенъ не на бумагѣ только, а на дѣлѣ, — свое намѣреніе не довольствоваться формальнымъ исполненіемъ его, а имѣть въ виду сущность задачи, возложенной нынѣ на учебное вѣдомство. Правильнѣе было бы поставлено дѣло, еслибъ эти заботы предшествовали или сопутствовали изданію новаго гимназическаго устава, еслибы средства для приведенія его въ дѣйствіе были заранѣе приготовлены съ тою предусмотрительностью, которая столь естественна въ администраціи, систематически дѣйствующей. Но у насъ, къ сожалѣнію, вѣдомство народнаго просвѣщенія, начиная съ 1848 г., слишкомъ часто мѣняло своихъ начальниковъ, и сверхъ того изданію новаго гимназическаго устава предшествовали такіе фантастическіе проекты, что учебное дѣло, повидимому, должно было подвергнуться катастрофѣ, которой характеръ и размѣры нельзя было и предусматривать. Вотъ почему то что слѣдовало сдѣлать прежде новаго устава, дѣлается черезъ два года послѣ его изданія. Реформа гимназій застала врасплохъ наше учебное вѣдомство, и нынѣшней админи-

страціи предстоитъ одновременно и приводить гимназическій уставъ въ дѣйствіе, и заготовлять средства, безъ которыхъ онъ не можетъ быть серіозно приведенъ въ дѣйствіе. Понятно, что мѣры сюда относящіяся слѣдуетъ принять *безотлагательно*.

Нельзя также не благодарить министерство народнаго просвѣщенія за то, что не взирая на безотлагательность оказывающихся необходимыми мѣръ, оно рѣшилось идти путемъ ихъ гласнаго обсужденія и обнародовало тѣ предположенія, которыя, какъ надобно заключать, должны въ самомъ непродолжительномъ времени стать предметомъ офиціальнаго обсужденія въ министерствѣ и затѣмъ въ высшихъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Публичное обсужденіе предположеній этого рода есть незамѣнимое ничѣмъ условіе ихъ успѣшнаго осуществленія: какое предположеніе выдержало пробу публичнаго обсужденія, на то стоитъ возлагать надежды и полагать усилія безъ опасенія растратить даромъ столь дорогой для насъ запасъ средствъ и силъ.

Цѣль, имѣющаяся въ виду у министерства народнаго просвѣщенія, стоитъ внѣ сомнѣній и спора. Гимназіи наши преобразуются на классическомъ основаніи; въ нихъ будетъ усилено преподаваніе древнихъ языковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ должна усилиться и потребность въ учителяхъ этого предмета. Если и до сихъ поръ чувствовался у насъ недостатокъ въ учителяхъ древнихъ языковъ, а отчасти и въ учителяхъ русской словесности и исторіи, то тѣмъ паче долженъ онъ чувствоваться теперь и тѣмъ сильнѣе должна сказываться потребность въ мѣрахъ для его восполненія. Итакъ, цѣль этихъ мѣръ не подлежитъ вопросу; разногласія возможны только по отношенію къ средствамъ. Гдѣ же должно искать твердой почвы для разрѣшенія вопроса о средствахъ? Очевидно, всего вѣрнѣе—въ своемъ и чужомъ опытѣ. Что же говоритъ намъ свой опытъ? Отчего у насъ мало кандидатовъ на учительскія должности вообще и въ особенности на должности учителей древнихъ языковъ? Еще недавно указывали обыкновенно на недостаточное жалованье. Утверждали, что способные для занятія этихъ должностей люди у насъ есть, но они не избираютъ учительской карьеры по ея невыгодности: о приготовленіи учителей заботиться не нужно, а надобно только прибавить имъ жалованья. Еслибъ это было такъ, то съ увеличеніемъ штатовъ измѣнилось бы и положеніе дѣла. Но мы этого не видимъ. Учительскія должности теперь довольно привлекательны, особенно для молодыхъ людей только что вступающихъ на службу. Еслибы могли, весьма многіе пожелали бы идти въ учителя, или по крайней мѣрѣ начинать службу въ учительской должности, чтобы потомъ перейдти на другія болѣе выгодныя мѣста, доступныя только по полученіи извѣстнаго чина. Но дѣло въ томъ, что не многіе видятъ себя въ состояніи готовиться къ учительской карьерѣ. Отчего же это происходитъ? Ограничиваясь причинами главными, можно указать на двѣ, изъ коихъ одна временная, другая — постоянная. Временная причина заключается въ учрежденіи педагогическихъ курсовъ, за которымъ непосредственно послѣдовала отмѣна стипендій для такъ-называемыхъ казенно-коштныхъ студентовъ по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Эти стипендіи были отмѣнены въ 1858 году, между тѣмъ какъ на медицинскомъ факультетѣ прежнія стипендіи остались. Слѣдствіемъ этого было, что число студентовъ историко-филологическаго факультета стало уменьшаться противъ прежняго, а приливъ молодыхъ людей къ медицинскому факультету, и безъ того переполненному, возрасталъ. Недостаточные молодые люди были принуждены идти на медицинскій факультетъ, гдѣ они поступали на казенный счетъ; историко-филологическій факультетъ избирали только тѣ кто могъ обойдтись безъ стипендіи, а изъ такихъ весьма многіе обыкновенно не имѣютъ въ виду идти въ учителя. Число студентовъ историко-филологическаго факультета, и безъ того оскудѣвшаго вслѣдствіе разгрома постигшаго наши гимназіи въ 1849 году, окончательно упало, и еще болѣе упало число тѣхъ студентовъ этого факультета, которые приготовляютъ себя къ учительскому званію. И именно въ это самое время, какъ *coup de grâce*, явились педагогическіе курсы, въ которыхъ эти немногіе молодые люди были принуждаемы оставаться въ продолженіи двухъ лѣтъ по окончаніи курса на стипендіяхъ довольно скудныхъ. Ихъ товарищи, избиравшіе другія отрасли государственной службы, получали мѣста тотчасъ по выходѣ изъ университета, а кто шелъ въ учителя, тотъ долженъ былъ приготов-

ляться къ тому еще въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ, и притомъ посредствомъ занятій безплодныхъ, подъ надзоромъ руководителей, которые по большей части уклонялись отъ руководительства. Какъ же было не предпочесть другихъ отраслей службы. Теперь эти неудобства отчасти отмѣнены, отчасти ихъ отмѣна ожидается. Отмѣненныя было историко-филологическія стипендіи (такъ-называемыя казеннокоштныя) возстановлены, въ учителя дозволено опредѣлять и помимо педагогическихъ курсовъ, наконецъ заявлено и о предстоящемъ вскорѣ закрытіи этого неудавшагося учрежденія. Если число студентовъ историко-филологическаго факультета еще не дошло до прежнихъ размѣровъ, то происходитъ это отъ того, что возстановленіе стипендій еще не успѣло оказать свое полное дѣйствіе. Но затѣмъ остается другая, болѣе постоянная причина недостатка въ учителяхъ, не менѣе рѣзко бросающаяся въ глаза, — неприготовленность нашихъ студентовъ къ учительскому званію, происходящая въ свою очередь отъ неудовлетворительности гимназическаго образованія. Кто не прошелъ черезъ хорошую классическую школу, тому крайне трудно выработать изъ себя настоящаго учителя какъ вообще, такъ особенно древнихъ языковъ, и на томъ почти всегда будетъ замѣтно, что онъ автодидактъ. Противъ этого нѣтъ другаго средства, какъ поднять уровень гимназическаго преподаванія, но тутъ мы встрѣчаемся съ серіознымъ затрудненіемъ. Университеты не могутъ приготовлять хорошихъ учителей, пока не улучшатся гимназіи, а гимназіи не могутъ улучшиться, пока не получатъ хорошихъ учителей. Повидимому, это такой *circulus vitiosus*, изъ котораго нѣтъ выхода. Однакожъ выйдти можно и для этого надобно немедленно взяться за то и за другое. Такъ министерство народнаго просвѣщенія и намѣрено поступить: оно не откладываетъ преобразованія гимназій и принимаетъ дѣятельныя мѣры для снабженія ихъ учителями. Но какъ взяться за дѣло приготовленія учителей? Очевидно требуется, чтобы молодые люди, не получившіе надлежащаго гимназическаго образованія, наверстали упущенное усиленными занятіями, чтобы съ одной стороны они были поставлены въ необходимость рѣшиться на эти усиленныя занятія, а съ другой, чтобъ имъ были доставлены нужные къ тому способы. Вотъ въ чемъ состоитъ вся задача.

Упомянутыя упущенія относятся преимущественно къ древнимъ языкамъ. Нельзя не согласиться, что въ университетахъ довольно трудно наверстать эти упущенія. Курсъ историко-филологическаго факультета въ нашихъ университетахъ слишкомъ многопредметенъ. Студенты обязаны слушать такъ много разнообразныхъ наукъ или лучше частей и частичекъ разныхъ наукъ, сполна не прочитываемыхъ, и эти частички наукъ, избранныя случайно, излагаются иногда съ такими подробностями, что для усиленныхъ занятій древними языками рѣшительно не остается времени. Въ этомъ отношеніи предполагаемый въ Петербургѣ филологическій институтъ могъ бы быть поставленъ выгоднѣе университетскихъ факультетовъ. Но для этого необходимы условія коихъ мы въ „Предположеніяхъ“ не видимъ. Филологическій курсъ филологическаго института долженъ бы быть обширнѣе университетскаго, а преподаваніе другихъ наукъ должно бы быть сокращено и ограничено размѣрами необходимыми для общаго образованія. Между тѣмъ стран. 69 и 70 „Предположеній“ даютъ поводъ заключать, что въ филологическомъ институтѣ будетъ удѣлено на древніе языки не болѣе времени чѣмъ въ университетахъ. Филологическій институтъ, судя по своему имени, долженъ бы сосредоточить всѣ свои усилія на филологіи, то-есть на древнихъ языкахъ, и это совершенно соотвѣтствовало бы потребности вызванной новымъ уставомъ. Имѣя въ виду исключительно эту цѣль, онъ могъ бы, конечно, успѣшнѣе подвинуть впередъ дѣло классическаго образованія въ Россіи чѣмъ принимая на себя обязанность приготовлять учителей по всѣмъ предметамъ историко-филологическаго факультета. Для успѣшнаго дѣйствія всегда требуется отличать болѣе существенное отъ менѣе существеннаго. Нѣтъ спора, что полезно приготовлять хорошихъ учителей по всѣмъ предметамъ гимназическаго ученія (хотя еще вопросъ, будетъ ли филологическій институтъ лучше университетовъ приготовлять учителей исторіи или русской словесности), но успѣхъ гимназической реформы зависитъ не отъ этой общей мѣры, а отъ удовлетворительнаго приготовленія учителей по древнимъ языкамъ. Прежде надобно достигнуть главнаго, и лишь потомъ

можно будетъ браться за остальное. Къ тому же, приготовляя учителей по многимъ предметамъ, филологическій институтъ долженъ будетъ раздѣлить свой курсъ по спеціальностямъ, что̀ и предполагается. Но при этомъ возникаетъ вопросъ: если въ высшемъ отдѣленіи института будутъ три спеціальные разряда (древняя словесность, русская словесность, исторія), то будетъ ли предоставленъ выборъ разряда свободному рѣшенію каждаго студента, и если будетъ, какъ и должно быть, то не слѣдуетъ ли ожидать такихъ случайностей, что большинство студентовъ распредѣлится по разрядамъ совсѣмъ не въ той пропорціи, въ какой было бы это распредѣленіе желательно для успѣшнаго замѣщенія учительскихъ вакансій? Достигнетъ ли филологическій институтъ той цѣли, для которой онъ учреждается, если большинство воспитанниковъ его изберетъ напримѣръ разрядъ исторіи? Но еслибъ эта случайность и была устранена, то-есть еслибъ исключительною цѣлью института было поставлено приготовленіе учителей по древнимъ языкамъ, мы все-таки сильно опасаемся за успѣхъ дѣла при томъ количествѣ времени, которое, по плану института оказывается возможнымъ удѣлить занятіямъ древними языками. По этому плану, весьма значительная часть времени пойдетъ на практическіе опыты преподаванія, для чего студенты въ продолженіи двухъ лѣтъ должны будутъ давать уроки въ особенной, при институтѣ состоящей гимназіи. Не говоря уже о неудобствѣ педагогическихъ экспериментовъ надъ учащимися дѣтьми, можно навѣрное сказать, что этимъ путемъ не будетъ достигнута искомая цѣль. Чтобъ изъ молодаго человѣка, учившагося въ нашихъ гимназіяхъ, вышелъ хорошій учитель древнихъ языковъ, для этого ему надобно очень много работать. При усиленной, на древнихъ языкахъ сосредоточенной работѣ онъ едва будетъ въ силахъ наверстать упущенное въ продолженіе четырехъ-лѣтняго курса. О практическихъ упражненіяхъ въ искусствѣ преподаванія ему нечего и думать, да это вовсе и не нужно для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ учителемъ. Ссылаемся на всѣ авторитеты учебнаго міра и на практику всѣхъ образованныхъ странъ. Въ той же самой книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* приводится (въ статьѣ г. В. И. „О приготовленіи учителей для гимназій и прогимназій“) мнѣніе знаменитаго филолога Ричля, профессора въ Боннѣ, которое говоритъ рѣшительно противъ необходимости подобныхъ педагогическихъ упражненій. Еслибъ они были полезны, неужели не ввели бы ихъ въ Германіи, Англіи, Франціи? Въ послѣдней изъ этихъ странъ есть спеціальная школа для приготовленія учителей, такъ-называемая *Ecole normale*, но и тамъ молодые люди не тратятъ по два года на упражненіе въ преподаваніи: всего *одинъ мѣсяцъ* дается имъ на то, чтобы присутствовать на урокахъ опытныхъ преподавателей. Чтобы быть хорошимъ учителемъ древнихъ языковъ, для этого, правда, мало слушать лекціи, а нужно упражняться, но въ чемъ? въ самостоятельномъ рѣшеніи разныхъ филологическихъ задачъ, въ искусствѣ побѣждать трудности, въ умѣньи работать отчетливо. Но всѣ эти неоцѣненныя свойства пріобрѣтаются самымъ вѣрнымъ образомъ въ такъ-называемыхъ филологическихъ семинаріяхъ, учреждаемыхъ при университетахъ и дополняющихъ университетское преподаваніе. Университетское преподаваніе, по всей своей обстановкѣ, имѣетъ преимущества, недоступныя для какого бы то ни было спеціальнаго заведенія. Никакъ нельзя желать, чтобы студенты предполагаемаго филологическаго института были совершенно отстранены отъ университета. Этого нельзя желать для ихъ собственныхъ успѣховъ, не говоря уже о томъ, что учрежденіе двухъ факультетовъ въ одномъ городѣ несообразно ни съ нашими финансовыми средствами, ни съ личнымъ составомъ нашего педагогическаго сословія. Возьмемъ въ примѣръ ту же *Ecole normale*, заведеніе, подобное проектируемому у насъ и которое стоитъ въ Европѣ совершенно одиноко: воспитанники этого заведенія слушаютъ лекціи по многимъ предметамъ въ *Collége de France* и въ университетскихъ факультетахъ. Какая можетъ быть причина поступать иначе у насъ въ Россіи? „Предположенія“ указываютъ на характеръ нашего университетскаго преподаванія, будто бы разчитанный на людей ищущихъ только общаго образованія. Но еслибъ и можно было съ этимъ согласиться, и еслибы допустить, что университетскимъ лекціямъ позволительно придавать характеръ публичныхъ популярныхъ чтеній, то указаніе на *Ecole normale* не утратитъ своей силы: посѣщаемыя воспитан-

никами этой школы лекціи *Collége de France* читаются для самой разнородной публики и имѣютъ въ виду преимущественно общее образованіе. Намъ кажется поэтому, что нѣтъ никакой надобности и даже нисколько не желательно преподавать въ предполагаемомъ филологическомъ институтѣ всѣ предметы, указанные въ „Предположеніяхъ.“ Питомцы этого института могли бы съ большею пользой для себя слушать извѣстную долю университетскихъ лекцій и посѣщать университетскую филологическую семинарію, институтъ же могъ бы устраивать у себя лишь дополнительное къ университетскому преподаваніе, и въ особенности доставлять своимъ питомцамъ то, чего университетъ не даетъ у насъ, именно индивидуальный надзоръ за ходомъ занятій и развитіемъ каждаго изъ нихъ. Польза такого надзора несомнѣнна; только при его помощи могутъ быть успѣшно пополнены пробѣлы гимназическаго образованія. Этотъ надзоръ можно назвать какимъ угодно именемъ; если употребить англійскую терминологію, его можно назвать туторствомъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ онъ былъ возможенъ только въ Англіи. Въ филологическомъ институтѣ предполагаются же преподаватели, которые будутъ заниматься со своими учениками практически, предполагаются и воспитатели, которые будутъ помогать занятіямъ питомцевъ своими указаніями или совѣтомъ. Почему же эти самые люди не въ состояніи заниматься тѣми же самыми предметами въ дополненіе къ университетскимъ лекціямъ? А такія занятія и были бы приблизительно то самое, что въ Англіи называется туторствомъ, и что можно было бы также назвать репетиторствомъ,

Еще одно замѣчаніе. Когда попечителямъ учебныхъ округовъ былъ предложенъ вопросъ о возстановленіи бывшаго главнаго педагогическаго института, всѣ они высказались противъ этого предположенія. Они имѣли полное основаніе на то. Педагогическій институтъ стѣснялъ свободу учебныхъ округовъ въ замѣщеніи учительскихъ должностей. Воспитанники его имѣли предпочтительное право на полученіе мѣстъ предъ воспитанниками университетовъ, и это право дѣйствовало крайне вредно. Только Московскій учебный округъ, благодаря самостоятельности своего попечителя графа С. Г. Строганова, не испыталъ на себѣ этого вреда, и только въ Московскомъ учебномъ округѣ, какъ извѣстно, гимназіи были доведены до состоянія сравнительно весьма удовлетворительнаго. Тому же, такъ-сказать временно привилегированному положенію Московскаго учебнаго округа слѣдуетъ приписать сравнительно бо́льшую чѣмъ въ другихъ университетахъ удовлетворительность преподаванія древнихъ языковъ въ Московскомъ университетѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли идти преподаваніе на историко-филологическомъ факультетѣ успѣшно, если въ числѣ студентовъ нѣтъ людей желающихъ и надѣющихся получить учительскія мѣста? Безъ этого элемента въ университетскихъ аудиторіяхъ, слушаніе лекцій получаетъ болѣе или менѣе дилеттантскій оттѣнокъ, которымъ неизбѣжно портится преподаваніе. Можно предполагать, что и во Франціи незначительность провинціяльныхъ университетовъ (называемыхъ факультетами) имѣетъ свою причину отчасти въ существованіи *Ecole normale*, преграждающей воспитанникамъ факультетовъ путь къ учительской должности. Это обстоятельство весьма серіозно и вызываетъ желаніе, чтобы предполагаемый филологическій институтъ, если учрежденіе его состоится, не лежалъ тяжестью на учебныхъ округахъ и чтобъ его питомцы не оттѣсняли питомцевъ университетскихъ отъ учительскихъ должностей. Если суждено этому институту осуществиться, то повидимому было бы лучше, еслибъ онъ имѣлъ непосредственныя связи только съ Петербургскимъ учебнымъ округомъ, а въ другой округъ посылалъ своихъ воспитанниковъ лишь по требованію окружныхъ попечителей. Мы высказываемъ эту мысль тѣмъ съ большею увѣренностію, что, какъ намъ достовѣрно извѣстно, министерство народнаго просвѣщенія не предполагаетъ ни въ какомъ случаѣ удовольствоваться учрежденіемъ филологическаго института въ Петербургѣ, а имѣетъ въ виду и при университетахъ, по крайней мѣрѣ при Московскомъ, устроить учительскія семинаріи, —на то время, пока не окажутся на гимназіяхъ благотворныя послѣдствія новаго устава и не оперятся наши историко-филологическіе факультеты. Въ такой временной подмогѣ собственно и настоитъ крайняя надобность.

№ 107.

Москва, 16-го мая.

Въ 3-й день сего мая удостоилось Высочайшаго утвержденія предположеніе о сформированіи, подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, частнаго Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ. До сихъ поръ всѣ попеченія и заботы о нихъ лежали исключительно на правительствѣ. Учрежденіе для этой цѣли частнаго Общества у насъ, какъ и въ другихъ государствахъ Европы, вызвано тѣмъ кровопролитнымъ характеромъ, который приняли войны послѣдняго времени. Не говоря уже о такихъ битвахъ народовъ, какъ подъ Бородинымъ и Лейпцигомъ, въ сраженіяхъ второстепенныхъ, какъ Альма, Инкерманъ, севастопольскіе штурмы, Сольферино, Кениггрецъ, число раненыхъ въ одинъ день съ каждой стороны доходило отъ 10 до 20 т. человѣкъ. Можно себѣ представить, сколько людей должно быть занято одною уборкой раненыхъ, сколько медиковъ, сколько матеріаловъ для перевязки ранъ должно быть вдругъ сосредоточено въ данномъ пунктѣ. Военная администрація до сихъ поръ не разрѣшила задачи быстрой и энергической уборки раненыхъ, въ случаѣ неожиданнаго скопленія ихъ на полѣ сраженія, и столь же быстраго помѣщенія ихъ въ удобные госпитали, а потому, въ войнахъ нашего времени, цѣлыя массы раненыхъ людей обыкновенно умираютъ единственно отъ недостатка помощи.

Забота о раненыхъ есть одна изъ священнѣйшихъ обязанностей правительства. Въ видахъ исполненія ея благоустроенныя арміи снабжаются въ наше время правильною организаціей медицинской части, приноровленною ко времени мирному и военному: корпорація медиковъ при войскахъ, постоянные госпитали внутри государства, военно-временные, возникающіе въ случаѣ необходимости на театрѣ военныхъ дѣйствій, и подвижные, всюду сопутствующіе войскамъ, относятся къ этой организаціи. Сверхъ того, для уборки раненыхъ съ поля сраженія, въ нѣкоторыхъ арміяхъ существуютъ особыя санитарныя команды, спеціально подготовленныя для этого дѣла и приносящія несомнѣнную пользу. У насъ онѣ еще не заведены, хотя и сдѣланъ уже первый опытъ учрежденія подобныхъ командъ при войскахъ гвардіи.

Возложить попеченіе о раненыхъ на частное общество, то-есть, снять эту заботу, хотя бы въ малой части, съ правительства — невозможно. Частная благотворительность, частная дѣятельность, какъ и всякое частное дѣло, ни для кого не обязательны: сдѣлано — хорошо, не сдѣлано — никто не можетъ обязывать. А между тѣмъ всякій воинъ долженъ быть увѣренъ, что въ случаѣ раны или болѣзни онъ будетъ пользованъ надлежащимъ образомъ. Правительство въ этомъ случаѣ отвѣчаетъ не только морально: нарушеніе этой его обязанности прямо ведетъ къ деморализаціи арміи. Если въ большихъ сраженіяхъ, особенно неожиданныхъ, когда сразу является масса раненыхъ, не оказывается въ достаточномъ количествѣ ни медиковъ, ни медикаментовъ, а въ лазаретахъ помѣщенія, то трудно допустить, чтобы частное общество въ тѣхъ же случаяхъ имѣло возможность развить свои дѣйствія шире.

Но если уходъ за ранеными долженъ лежать на обязанности и отвѣтственности правительства, это отнюдь не устраняетъ ни частной дѣятельности, ни частной благотворительности. Въ послѣднюю австро-прусскую войну, прусское общество выказало въ этомъ отношеніи замѣчательную дѣятельность. По всему государству сформировались отдѣльныя общества или комитеты для сбора пожертвованій, и число ихъ въ самое короткое время достигло до 200. Многія частныя лица и медики, одни на свой счетъ, другія на счетъ обществъ двинулись къ арміи. Іоанниты являлись на поле сраженія и на перевязочныхъ пунктахъ и обращали на себя своею ревностію всеобщее вниманіе. При такихъ условіяхъ въ Берлинѣ образовалось центральное общество, уставъ котораго былъ утвержденъ королемъ 7-го мая 1866 года. Главное управленіе этого общества связало съ собою всѣ существовавшіе дотолѣ мѣстные частные комитеты, образовавшіеся въ провинціяхъ, въ одно общее для всего государства учрежденіе. Это учрежденіе, назвавшееся „Прусскимъ Обществомъ Попеченія о Раненыхъ,“ имѣло во все продолженіе войны при арміи своихъ уполномоченныхъ и нашло даже возможность, благодаря своимъ энергическимъ дѣйствіямъ, содержать на свой счетъ большее число раненыхъ и больныхъ, нежели правитель-

ство. Организація Прусскаго Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ, столь блистательно проявившаго свою дѣятельность, въ главныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Главное управленіе Общества, изъ 27 выборныхъ членовъ, расположенное въ Берлинѣ, руководитъ дѣломъ и имѣетъ правильныя постоянныя сношенія съ мѣстными обществами. Правительство назначаетъ отъ себя въ главное управленіе трехъ комиссаровъ, участвующихъ въ засѣданіяхъ наравнѣ съ членами и содѣйствующихъ направленію средствъ Общества соотвѣтственно потребностямъ арміи. Каждый провинціальный комитетъ (управляющій дѣлами какого-либо провинціальнаго общества) имѣетъ право назначить одного изъ своихъ членовъ для участія въ засѣданіяхъ главнаго управленія. Дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ. Главное управленіе ведетъ всю переписку съ присутственными мѣстами, заключаетъ именемъ общества всякаго рода условія и договоры, заботится о приращеніи его средствъ, завѣдуетъ центральною главною кассой и разрѣшаетъ всѣ расходы какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Провинціальныя или мѣстныя общества имѣютъ свои уставы, приноровленные къ мѣстнымъ обычаямъ. Уставы эти утверждаются главнымъ управленіемъ.

При открытіи военныхъ дѣйствій и во время ихъ, главное управленіе сообщаетъ мѣстнымъ обществамъ, что должно быть преимущественно заготовлено на счетъ ихъ капиталовъ и гдѣ именно встрѣчается надобность въ помощи. Въ этихъ видахъ главное управленіе находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ главными военными управленіями и пользуется донесеніями своихъ агентовъ, командированныхъ на театръ военныхъ дѣйствій. Средства общества состоятъ въ мирное время исключительно изъ денежныхъ пожертвованій; въ военное же время принимаются и всѣ матеріялы и припасы, могущіе съ пользой служить къ размѣщенію и пользованію раненыхъ и больныхъ и вообще къ облегченію ихъ участи. Въ капиталъ главной (центральной) кассы, находящейся въ завѣдываніи главнаго управленія, поступаетъ не менѣе трети взносовъ членовъ всѣхъ мѣстныхъ обществъ; остальною частью своихъ взносовъ они могутъ распоряжаться сами, выдавая пособія раненымъ и изувѣченнымъ ихъ околотка и семействамъ убитыхъ на войнѣ. Ежегодно бываетъ общее собраніе Общества, на которомъ разсматривается дѣятельность его за истекшій годъ.

По объявленіи войны, главное управленіе приглашаетъ всѣхъ и каждаго къ пожертвованіямъ и входитъ въ непосредственное сношеніе съ военнымъ министерствомъ, для соображенія способа наивыгоднѣйшаго содѣйствія военнымъ учрежденіямъ, существующимъ для попеченія о раненыхъ и заболѣвающихъ. Съ открытіемъ театра военныхъ дѣйствій, Общество по соглашеніи съ военнымъ министерствомъ, посылаетъ въ армію (а также въ каждый изъ отдѣльно дѣйствующихъ корпусовъ) своего уполномоченнаго, который долженъ находиться при главной квартирѣ и войдти въ непосредственныя сношенія съ интендантомъ и военно-медицинскимъ инспекторомъ арміи. Онъ получаетъ отъ нихъ свѣдѣнія о потребностяхъ госпиталей и лазаретовъ, и рѣшаетъ, что можетъ быть передано въ нихъ Обществомъ изъ его складовъ или депо, учреждаемыхъ каждый разъ, въ военное время, вблизи дѣйствующей арміи, на пополненіе средствъ правительства. Затѣмъ самыя требованія идутъ отъ главныхъ врачей отдѣльныхъ госпиталей, на имя управляющихъ складами, которые удовлетворяютъ требованіямъ и сообщаютъ о томъ уполномоченному отъ Общества, поддерживающему въ свою очередь постоянныя сношенія съ главнымъ управленіемъ. Сестры милосердія и медики, присланные отъ Общества, представляются въ распоряженіе медицинскаго начальства, для распредѣленія ихъ по госпиталямъ сообразно съ надобностію.

Въ минувшую войну наибольшая дѣятельность Прусскаго Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ была выказана не на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, а въ госпиталяхъ, болѣе или менѣе отъ него удаленныхъ. Дѣятельность эта выразилась въ наймѣ удобныхъ для больныхъ помѣщеній, въ заготовленіи госпитальныхъ принадлежностей, въ опредѣленіи врачей и госпитальной прислуги, а также сестеръ милосердія, въ содѣйствіи перемѣщенію больныхъ, во вспоможеніи при пользованіи раненыхъ и больныхъ минеральными водами и т. п. На самомъ же театрѣ военныхъ дѣйствій дѣятельность Общества была ограничена, дабы правительственныя учрежденія имѣли возможность дѣйствовать съ полною энергіею.

Частныя общества для пособія раненымъ и больнымъ воинамъ учредились не въ одной Пруссіи, но и въ другихъ европейскихъ государствахъ, во Франціи, Швейцаріи, Бельгіи, Даніи. Въ Америкѣ, во время послѣдней междуусобной войны, подобное Общество, широко организованное, оказало важныя услуги. Агенты Общества являлись всюду, гдѣ требовалось ихъ присутствіе, и снабжали армію разными предметами госпитальнаго довольствія, жизненными припасами, теплою одеждою и пр. Для транспортировки раненыхъ и больныхъ Общество устроило значительныя перевозочныя средства, въ числѣ которыхъ были не только повозки, но и вагоны и пароходы, приспособленные для этой цѣли. Во многихъ мѣстахъ для раненыхъ были учреждены особые пріюты. Дѣйствіями своими Общество спасло здоровье и жизнь десяткамъ тысячъ людей.

Въ крымскую войну мы не имѣли никакихъ обществъ для пособія заболѣвшимъ и раненымъ на войнѣ, хотя повсемѣстно высказывалась готовность облегчить ихъ участь. Деньги, разные медикаменты и необходимые для перевязки ранъ припасы тысячами и пудами поступали въ военное министерство и пересылались въ дѣйствующую армію черезъ посредство департаментовъ инспекторскаго, медицинскаго и коммиссаріатскаго. Пожертвованія эти усиливали средства правительства, распредѣлялись имъ равномѣрно, по мѣрѣ надобности, и безспорно оказали ему значительную помощь, но далеко не ту, которую могли бы оказать, если бы само Общество приняло участіе въ доставленіи своихъ пожертвованій въ армію. За недостаткомъ общественнаго контроля жертвователи не знали даже какъ распредѣлены были ихъ пожертвованія и точно ли они достигли своего назначенія. Большая помощь раненымъ была оказана пріѣздомъ на театръ военныхъ дѣйствій сестеръ милосердія. Содѣйствіемъ Великой Княгини Елены Павловны, въ 1854 году, сформировалась даже новая община сестеръ милосердія, Крестовоздвиженская, пославшая въ 1855 году въ разныя части арміи и преимущественно въ Крымъ болѣе 200 сестеръ. Тѣмъ не менѣе члены женскихъ общинъ Сердоболія (учрежденіе императрицы Маріи Ѳеодоровны) и Крестовоздвиженской, находившіяся въ Крыму, были посланы туда отъ правительства и на его счетъ. Распредѣленныя по госпиталямъ, онѣ должны были заботиться о лучшемъ уходѣ за ранеными и больными, за своевременною подачей пищи и возможною чистотой. Здѣсь впервые русскій солдатъ испыталъ на себѣ благотворность женскаго ухода и присмотра, и въ сердцахъ инвалидовъ севастопольскихъ живутъ имена самоотверженныхъ сестеръ Бакуниной, Кардевой, Ворониной, Пашковской и др. Мы имѣли въ Крыму около 30 т. убитыхъ и 90 т. раненыхъ. Болѣзненность въ нѣкоторыхъ частяхъ арміи простиралась до того, что, напримѣръ, одинъ гренадерскій корпусъ изъ 30 т. человѣкъ потерялъ на походѣ въ Крымъ больными 12 т. Въ нѣкоторыхъ дружинахъ ополченія погибло отъ болѣзней болѣе половины всѣхъ ратниковъ. Число раненыхъ собранныхъ въ одномъ Симферополѣ простиралось до 18 тысячъ, и ими завалены были всѣ госпитали и множество частныхъ домовъ. Средства правительства оказывались рѣшительно недостаточными. Отправленіе больныхъ внутрь имперіи производилось по испорченнымъ дорогамъ, въ простыхъ неприспособленныхъ для спокойной ѣзды телѣгахъ. Повсемѣстно въ странѣ появилось желаніе облегчить участь раненыхъ и больныхъ, но не было правильно организованнаго общества, не было ни членовъ, ни уполномоченныхъ отъ такового при арміи, а потому со стороны общества все и ограничилось лишь благими пожеланіями да присылкою въ казну пожертвованій.

Частное Общество Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ, нынѣ учреждаемое у насъ людьми заслуживающими полнаго уваженія, предполагаетъ первоначально открыть свои дѣйствія въ двухъ столицахъ Имперіи, при посредствѣ 60 учредителей въ Петербургѣ и 60 въ Москвѣ, принимающихъ на себя заботу о его составленіи. Чрезъ посредство духовенства, предводителей дворянства, членовъ земскихъ учрежденій и городскихъ головъ будутъ приглашены къ участію въ Обществѣ обыватели всѣхъ городовъ и уѣздовъ Имперіи. Общество будетъ состоять изъ учредителей, почетныхъ членовъ, дѣйствительныхъ членовъ и соревнователей, различающихся между собою количествомъ ежегоднаго взноса. Въ числѣ особыхъ правъ, Обществу предоставленныхъ, оно будетъ освобождено отъ употребленія гербовой бумаги и взноса установленныхъ пошлинъ при заключеніи актовъ и договоровъ, будетъ имѣть особые

печать и штемпель для переписки, особый флагъ для указанія своихъ складовъ, транспортовъ и лазаретовъ, и особую повязку для ношенія на лѣвомъ рукавѣ, во время войны, лицамъ принадлежащимъ къ Обществу или служащимъ ему (флагъ и нарукавная повязка присваиваются Обществу по образцу международно-условленному). Завѣдываніе дѣлами Общества будетъ лежать на главномъ и мѣстныхъ управленіяхъ. Главное управленіе будетъ находиться въ Петербургѣ и состоять изъ 25 членовъ (въ томъ числѣ предсѣдатель, два товарища его и казначей, по выбору). Главное управленіе будетъ имѣть обязанностью способствовать всѣми, дозволенными закономъ мѣрами, распространеніе круга дѣйствій Общества, заботиться объ увеличеніи его средствъ, и какъ въ военное, такъ и въ мирное время направлять дѣйствія Общества сообразно его цѣли. Мѣстныя управленія образуются въ тѣхъ губернскихъ городахъ, гдѣ число учредителей будетъ не менѣе тридцати. Въ Москвѣ для учрежденія мѣстнаго управленія должно быть не менѣе 120 человѣкъ учредителей. Мѣстныя управленія состоятъ изъ членовъ числомъ отъ 8 до 16. Сверхъ того, могутъ быть учреждаемы по уѣздамъ отдѣлы, если въ томъ окажется надобность. Наконецъ, къ органамъ Общества принадлежатъ дамскіе комитеты, учреждаемые въ губерніяхъ и ихъ отдѣлы по уѣздамъ. Высочайше утвержденный уставъ даетъ всѣмъ этимъ учрежденіямъ значительную долю самостоятельности. Мѣстныя управленія сами распоряжаются своими средствами, главному управленію предоставлено только право въ случаѣ надобности перемѣщать капиталы изъ одного мѣстнаго управленія въ другія. Въ Пруссіи однако, сколько мы знаемъ, этого права главному управленію не предоставлено. Тамъ провинціальные комитеты обязаны высылать въ главное управленіе одну треть своихъ денежныхъ средствъ, но сохраняютъ свободу располагать остальными по своему усмотрѣнію. Должно думать, что чѣмъ болѣе свободы дѣйствій будетъ предоставлено и нашимъ мѣстнымъ обществамъ, тѣмъ болѣе будетъ оказано ими пользы, хотя съ другой стороны необходимо, чтобъ одно центральное управленіе давало отдѣльнымъ мѣстнымъ обществамъ общее направленіе.

№ 108.

Москва, 17-го мая.

Съ недѣлю тому назадъ, 8-го (20-го) мая, въ Парижѣ происходила торжественная раздача премій, которыми тамошнее политехническое общество ежегодно награждаетъ наиболѣе отличившихся учениковъ вечернихъ и воскресныхъ школъ, этимъ обществомъ основанныхъ и направляемыхъ. Министръ просвѣщенія, г. Дюрюи, оказавшій столь много услугъ учебному дѣлу во Франціи, произнесъ рѣчь, въ которой между прочимъ сказалъ, что международные присяжные десятой группы теперешней Парижской выставки, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый химикъ г. Либихъ, почти единогласно присудили большую золотую медаль французскому учительскому сословію, но не школамъ, которыя стоятъ еще позади соотвѣтственныхъ заведеній въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ. Французскій министръ хотѣлъ этимъ воздать хвалу заслугамъ, которыя оказаны сословіемъ французскихъ учителей внѣ ихъ должностной дѣятельности. Факты обнаружившіеся при этомъ случаѣ доказываютъ, что хвала эта вполнѣ заслуженная. Именно въ текущемъ году, благодаря всерхъ-должностной дѣятельности этихъ почтенныхъ педагоговъ, во Франціи имѣется до 32.383 вечернихъ школъ для взрослыхъ, а въ этихъ школахъ обучаются 830.000 человѣкъ, остававшіеся прежде почти безъ всякаго образованія, и всѣ эти люди обучаются безплатно у 40.000 учителей. Очень многіе изъ учителей не получаютъ никакого вознагражденія, и даже 9.000 изъ нихъ отдѣляютъ на пособіе школамъ часть своего скуднаго казеннаго оклада, такъ что въ совокупности жертвуемая ими сумма простирается до 235.000 франковъ. Правда, въ 10.000 общинъ мѣстное управленіе поставило для себя честью назначать учителямъ, за ихъ сверхъ-должностной трудъ, вознагражденіе, что̀ составляетъ въ итогѣ около двухъ милліоновъ франковъ; но 38 милліоновъ жителей Франціи распредѣлены почти на 38.000 общинъ, слѣдовательно наибо́льшая часть учителей преподаютъ въ этихъ новыхъ школахъ все-таки безмездно.

Во Франціи были изумлены результатами этихъ новыхъ, за исключеніемъ Англіи, нигдѣ не существовавшихъ школъ для

взрослыхъ изъ рабочаго люда. Въ прошломъ году, такихъ учащихся было 600.000, а теперь число ихъ возросло до 830.000. Для одного года это громадно. Съ такою же быстротой, какъ возросло число учениковъ, улучшились и способы обученія. Французскій министръ, при упомянутомъ случаѣ, указалъ на результаты посѣщенія школъ взрослыми, исключительно сельскими и фабричными рабочими, взявъ въ примѣръ лишь одинъ департаментъ. Въ мартѣ 1865 года, въ этомъ департаментѣ, происходило письменное испытаніе во всѣхъ учебныхъ курсахъ для взрослыхъ: изъ 1.267 предетавленныхъ рукописей, 371 оказались совершенно безъ ошибокъ. Чего же лучше если взять въ разчетъ, что ученики суть простые рабочіе, имѣвшіе притомъ дѣло съ трудною французскою орѳографіей? При испытаніи 11-го февраля прошлаго года, рукописей было представлено уже 4.480, и изъ нихъ 980 безъ ошибокъ. Въ текущемъ же году, на испытаніе, происходившее 24-го февраля, рукописей было представлено 5.128, и изъ нихъ оказалось 1.409 безъ ошибокъ. Нельзя не подивиться такимъ результатамъ въ столь короткое время, достигнутымъ безъ всякаго отягощенія казны. Бо́льшая часть заслуги въ этомъ дѣлѣ принадлежитъ самому г. Дюрюи. Конечно, развитію его полезной дѣятельности много способствовало то что̀ бываетъ и причиной многихъ золъ,—орудіе обоюдуострое,—сильная централизація. Въ другихъ рукахъ усиленная централизація препятствовала развитію образованія во Франціи; но въ настоящемъ случаѣ она была употреблена въ несомнѣнную пользу.

Какое благо было бы для Россіи, еслибы въ ней распространилось обученіе взрослыхъ! У насъ въ этомъ обученіи имѣютъ надобность не милліонъ людей какъ во Франціи, а въ десять разъ болѣе.

Для Россіи представляется превосходное средство исправить этимъ простымъ и удобнымъ путемъ самый важный порокъ своихъ населеній—невѣжество. Нѣтъ ничего проще и дешевле какъ обучать взрослыхъ по деревнямъ, особенно же чрезъ посредство сельскаго духовенства, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, которыхъ у насъ такъ много и которыми постоянно попрекаютъ насъ экономисты. Если мы обратимъ праздничные дни въ дни общаго обученія народа, то, не нарушая ихъ характера, мы имъ сообщимъ новое прекрасное назначеніе. Съ праздникомъ соединилась бы благодарственная мысль о возвышеніи и улучшеніи нашей народной жизни. Для взрослыхъ людей изъ простаго народа, обреченныхъ на тяжкій мозолистый трудъ, ученье не есть работа, какъ для дѣтей, а скорѣе отдыхъ, но плодотворный и благородный.

Какъ только начнется обученіе взрослыхъ, то сама собою устранится и бо́льшая часть слабыхъ сторонъ нашего учебнаго вѣдомства. Въ №№ 52 и 30 мы уже говорили, что школьное народное обученіе въ Россіи есть необходимость, и что его не трудно организовать. Именно этотъ способъ обученія можетъ быть примѣненъ у насъ съ бо́льшимъ чѣмъ въ другихъ странахъ удобствомъ. Вопервыхъ наша орѳографія проще другихъ европейскихъ языковъ, а это главная выгода при школахъ для взрослыхъ, у которыхъ память обыкновенно слабѣе чѣмъ у дѣтей, а умъ развитъ несравненно болѣе. Съ другой стороны, число вовсе безграмотныхъ у насъ такъ велико, что именно во взрослыхъ надобно возбудить желаніе учиться, если мы не хотимъ, чтобъ обученіе дѣтей, то-есть *будущаго* поколѣнія, встрѣтило непреодолимыя препятствія. Тамъ гдѣ большинство рабочаго люда еще мало цѣнитъ благо просвѣщенія, родители естественно будутъ отзываться, что недостатки и бѣдность препятствуютъ имъ посылать своихъ дѣтей въ школу, и что вообще ихъ дѣтямъ нѣтъ надобности учиться грамотѣ. Предубѣжденія рухнутъ разомъ, какъ только охота къ ученью распространится между взрослыми обоего пола. Способные окажутъ быстрые успѣхи, и черезъ годъ-два, будутъ въ состояніи сами обучать первоначальнымъ предметамъ. Такимъ образомъ, въ немногіе годы народное обученіе можетъ быть распространено во всей Россіи съ самыми небольшими расходами, и уже тогда можно будетъ до нѣкоторой степени обязывать родителей, чтобъ они заботились объ обученіи своихъ дѣтей. Вопросъ только въ томъ, имѣются ли у насъ условія, при которыхъ успѣхъ этого способа обученія сталъ возможенъ во Франціи?

Мы увѣрены, что условія для этого и у насъ благопріятны.

Духовенство, какъ надобно думать гораздо охотнѣе принялось бы за обученіе

взрослыхъ нежели дѣтей, такъ какъ ему, при его прочихъ обязанностяхъ, гораздо тягостнѣе заниматься непрерывнымъ ученіемъ дѣтей по крайней мѣрѣ всю зиму. Священнику приходилось бы жертвовать или своими обязанностями, или школой. Лишь самая небольшая часть нашего сельскаго духовенства въ состояніи успѣшно исполнять обѣ должности. Гораздо лучшихъ результатовъ можно ожидать отъ школъ для взрослыхъ. Обучать ихъ гораздо удобнѣе и пріятнѣе. Взрослые гораздо легче понимаютъ что имъ говорятъ; на нихъ рѣчь священника можетъ производить болѣе впечатлѣнія нежели на дѣтей, за которыми надобно ежеминутно присматривать. Послѣ первыхъ успѣховъ оказанныхъ взрослыми, имъ въ обученіи послужитъ большимъ пособіемъ чтеніе книгъ, которыя можно давать имъ съ пользой гораздо болѣе ощутительною чѣмъ дѣтямъ. Наконецъ, такъ какъ для преподаванія взрослымъ священникъ употребляетъ бы лишь нѣкоторые дни, то ему было бы гораздо удобнѣе исполнять свои прямыя обязанности чѣмъ при ежедневномъ преподаваніи въ теченіе полугода. Можно также ожидать, что найдутся крестьяне, которые охотно станутъ учиться, особенно если священникъ постарается объяснить имъ дѣло, ссылаясь при этомъ на желаніе правительства видѣть ихъ не только свободными, но и образованными.

Мы помнимъ рѣчь, произнесенную г. министромъ народнаго просвѣщенія, въ сентябрѣ прошлаго года, въ Казанскомъ университетѣ. „Если распространеніе просвѣ„щенія необходимо во всѣхъ концахъ им„періи," сказалъ графъ Д. А. Толстой, „то едва ли гдѣ эта необходимость чув„ствуется болѣе, чѣмъ именно здѣсь на „окраинѣ востока... Я знаю, что скорыхъ „успѣховъ здѣсь ждать невозможно, но „была бы большая заслуга положить на„чало просвѣщенію этихъ восточныхъ пле„менъ, а за ними и дальнѣйшаго восто„ка. Вотъ достойныя Россіи завоеванія „на востокѣ, завоеванія цивилизаціи, са„мыя прочныя, и при томъ самыя деше„выя изъ всѣхъ завоеваній."

Если этимъ словамъ суждено исполниться, то столь важный результатъ не можетъ быть достигнутъ безъ возвышенія учебныхъ средствъ съ одной стороны, и народныхъ школъ, дѣйствующихъ на массы, съ другой. Равнымъ образомъ, и просвѣщеніе внутренней Россіи будетъ истиною только при общемъ распространеніи грамотности въ народѣ.

№ 109.

Москва, 18-го мая.

Съ незапамятныхъ временъ преемники Османа отлучались изъ Стамбула только на войну. Въ былую пору одна мысль о томъ, что повелитель правовѣрныхъ намѣревается ѣхать въ Парижъ или Лондонъ, заставила бы вздрогнуть отъ негодованія всѣхъ поклонниковъ Магомета. Дипломатъ, который отважился бы предложить султану подобную прогулку, былъ бы немедленно посаженъ въ Семи-Башенную тюрьму, и въ возмездіе за такую дерзость немалое число христіанскихъ головъ слетѣло бы съ плечъ. Но времена измѣнились, и теперь про султана можно сказать то же что латинскій поэтъ сказалъ про Ніобею:

Heu quantum haec Niobe, Niobe distabat ab illa
Quae mediam tulerat gressus resupina per urbem.

. . . . . .

Теперь не только г. Бурре не былъ посаженъ въ Семи-Башенную крѣпость, и не только не рубили головъ гяурамъ, но Абдулъ-Азизъ поспѣшилъ принять приглашеніе императора Наполеона и просилъ у него позволенія привести съ собою своего племянника и наслѣдника, такъ какъ путешествія развиваютъ молодыхъ людей, и для Турціи очень важно, чтобы будущій султанъ ея усвоилъ себѣ европейскую цивилизацію, позавтракавъ у братьевъ Прованс и удостовѣрясь на балѣ Мабиль, что и у гяуровъ есть подражатели вертящихся дервишей. Только одно ничтожное обстоятельство препятствовало осуществленію этого путешествія: кошелекъ Великаго Турка совсѣмъ опустѣлъ; послѣднія его *каимѣ* ушли на жалованье посланнымъ въ Критъ войскамъ. Но это препятствіе было предусмотрѣно: г. Бурре тотчасъ устранилъ его, предложивъ султану 10 милліоновъ піастровъ въ качествѣ дружеской ссуды. Можно себѣ представить съ какою поспѣшностью было принято это предложеніе! Десять милліоновъ піастровъ, то-есть около 700.000 рублей серебромъ, плата конечно не важная, а въ послѣдствіи она вѣроятно еще понизится, такъ что современемъ можетъ-быть и г. Ротшильдъ вздумаетъ до-

ставить своимъ гостямъ въ Ферръерѣ удовольствіе побесѣдовать съ султаномъ.

Все это было бы очень забавно, еслибы послѣдствія этого путешествія, которое захватитъ собою и Лондонъ, а если вѣрить телеграммѣ, и Берлинъ и Вѣну, не могли отозваться самымъ жестокимъ образомъ на десяти милліонахъ людей, которые борются, страдаютъ и будутъ еще разъ обмануты въ надеждахъ внушенныхъ имъ Европой.

Въ *Journal de St.-Pétersbourg*, гдѣ до извѣстной степени отражаются воззрѣнія нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, недавно было сказано: „Въ виду горест„ныхъ событій происходящихъ въ Критѣ „и могущихъ возникнуть въ другихъ мѣ„стахъ, достаточно было только объявле„нія объ этомъ путешествіи, дабы воспольвоваться имъ, какъ предлогомъ, для от„срочки спасительныхъ и такъ настоятель„ныхъ мѣръ.“

Нѣтъ сомнѣнія, эти „спасительныя мѣры“ никакъ бы не слѣдовало отлагать, а между тѣмъ, къ сожалѣнію, надобно думать, что онѣ не только отложены, но и окончательно покинуты. Нельзя приглашать кого бы то ни было въ гости затѣмъ чтобы давать наставленія. Когда празднества, которыя будутъ даны въ честь султана, кончатся, то христіане въ Кандіи, несмотря на геройскую оборону свою, уже успѣютъ всѣ погибнуть отъ голода, болѣзней и изнеможенія. Али-паша успѣетъ поощрить усердіе Омеръ-паши и помочь ему крохами отъ новаго займа, а иностраннымъ дипломатамъ, если они потревожатъ его своими настояніями, будетъ отвѣчать, что онъ съ величайшимъ удовольствіемъ сдѣлалъ бы все на свѣтѣ, дабы угодить имъ, но что это невозможно за отсутствіемъ падишаха. Спокойствіе, гробовое спокойствіе, водворится въ Критѣ, Эпирѣ, Болгаріи, повсюду гдѣ теперь еще смѣютъ стенать и сражаться Совершившіеся факты будутъ выдвинуты противъ тѣхъ неугомонныхъ филантроповъ, которые вздумаютъ опять ходатайствовать за христіанъ и напоминать о данныхъ обѣщаніяхъ или принятыхъ обязательствахъ.

Но это еще не все. Кромѣ христіанъ избиваемыхъ, есть еще христіане платящіе подати, а чтобы составить себѣ точное понятіе о бремени, какимъ лягутъ прогонныя деньги Абдулъ-Азиса на восточныхъ христіанъ стоитъ только припомнить тѣ свѣдѣнія о финансовомъ положеніи Турціи, которыя идутъ изъ офиціальнаго документа, имѣющаго неоспоримый авторитетъ, и которыми мы отчасти уже воспользовались въ нашей газетѣ.

Недавно секретарь англійскаго посольства въ Константинополѣ представилъ англійскому министерству иностранныхъ дѣлъ донесеніе, изъ котораго оказывается слѣдующее:

Съ тѣхъ поръ какъ въ совѣтахъ Европы рѣшено было признать „больнаго человѣка“ за здороваго, то-есть съ 1854 года по 1865, Турція заняла въ чужихъ краяхъ 73.400.850 фунтовъ стерлинговъ, которые составляютъ консолидованный долгъ, и по которымъ приходится платить 3.670.238 ф. ст. процентовъ и 1.137.105 ф. ст. погашенія. По всему вѣроятію, никогда не будетъ извѣстно, какая по этому нарицательному долгу сумма дѣйствительно поступила въ оттоманское казначейство. Судя по цифрѣ объявленной при выпускѣ облигацій шести иностранныхъ займовъ по общему долгу, казначейство должно было получить 44.971.627 ф. ст., но, по мнѣнію секретаря англійскаго посольства, оно получило никакъ не болѣе 40.000.000 ф. ст. Такимъ образомъ, Турція уже въ продолженіе тринадцати или двѣнадцати лѣтъ живетъ только лихоимными займами. На ряду съ этимъ отвержденнымъ долгомъ есть еще неотвержденный, котораго сумма неизвѣстна; но въ послѣднемъ офиціальномъ отчетѣ показано, что по этому долгу казна уплачиваетъ ежегодно 629.075 ф. ст. Казна султана находится въ такомъ затруднительномъ положеніи, что для уплаты по истекшимъ въ январѣ сего года купонамъ отвержденнаго долга Порта была принуждена занять у галатскихъ банкировъ небольшія суммы въ семьсотъ и тысячу меджидіевъ, на пять мѣсяцевъ, почти по 27 процентовъ.

Въ донесеніи своемъ секретарь англійскаго посольства указываетъ на причины такого ужаснаго положенія турецкихъ финансовъ. Наибольшая сумма государственнаго дохода Турціи, говоритъ онъ, простирается до 14.000.000 ф. ст. Изъ этой суммы 5 436.000 идутъ на уплаты по двумъ разрядамъ долга; 5.393.000 ф. ст. издерживаются на администрацію въ провинціяхъ, и наконецъ 1.085.400 ф. ст. на содержаніе султанскаго двора. Поэтому, на другіе государственные расходы, то-есть на содержаніе арміи, флота и личнаго состава

администраціи остается только 2.085.600 ф. ст., чего едва достаточно на одинъ мѣсяцъ, а въ году ихъ двѣнадцать.

Вотъ какими словами секретарь англійскаго посольства заключаетъ свое офиціальное донесеніе:

„Это положеніе до крайности плохое, и оно должно съ каждымъ годомъ становиться все хуже. Правительство всячески усиливается вѣрно оплачивать своимъ иностраннымъ кредиторамъ, но страна начинаетъ изнемогать подъ бременемъ столь безпечно на нее возложеннымъ. Кромѣ поддержанія мира, первое условіе состоятельности турецкаго казначейства состоитъ въ томъ, чтобы воздерживаться отъ всякаго новаго займа... Нечего болѣе и говорить о національномъ кредитѣ Турціи; нація уже проклинаетъ тотъ день, когда ей навязали этотъ опасный даръ, эти 40.000.000 ф. ст., которые сгнили въ тринадцать лѣтъ, оставивъ только одну ужасную дѣйствительность: громадный долгъ, превышающій почти вдвое капиталъ въ самомъ дѣлѣ занятый.“

Затѣмъ въ донесеніи поставлены на видъ „характеристическая безпечность Османліевъ во всемъ что касается будущаго, безнаказанность административныхъ грабителей, полная безуспѣшность попытокъ, сдѣланныхъ въ 1860 году англо-французскими коммиссарами для установленія дѣйствительнаго контроля.“ Вполнѣ признавая, что Турція богата источниками дохода, секретарь англійскаго посольства объявляетъ, что эти средства не принесутъ никакой пользы до тѣхъ поръ, пока въ государствѣ не будетъ хорошаго управленія. Но если нѣтъ въ государствѣ хорошаго управленія, надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы была въ немъ возможность когда-нибудь строить таковое: при какихъ же условіяхъ возможно оно въ Турціи? Не при тѣхъ ли, чтобы Турція исчезала изъ своихъ областей? Такъ отпалъ отъ Турціи Египетъ, такъ отдѣлились Румынскія княжества, такъ старается упрочить свою независимость Сербія, откуда на дняхъ вышелъ послѣдній турецкій солдатъ. Можно ли долѣе отказывать въ томъ же и другимъ населеніямъ Турціи, когда, по сознанію самыхъ ревностныхъ ея защитниковъ, она находится въ положеніи столь критическомъ? Неужели путешествіе султана въ Парижъ упрочитъ еще на нѣкоторое время это положеніе для христіанскихъ населеній, гдѣ Турція еще не исчезла?

№ 110.

Москва, 19-го мая.

Москва продолжаетъ чествовать своихъ славянскихъ гостей. Сегодня университетъ, послѣ своего вчерашняго торжественнаго собранія, давалъ въ честь имъ обѣдъ, и благодаря радушію хозяевъ и неутомимой заботливости почтеннаго ректора, его всегда готовому и одушевленному слову, при всеобщей также непринужденности, при оживленномъ размѣнѣ мыслей, пиръ удался на славу. Мы не преминемъ сообщить всѣ его подробности публикѣ, которая не можетъ не интересоваться всѣмъ, что касается этихъ столь же знаменательныхъ, сколько и неожиданныхъ празднествъ.

Въ самомъ дѣлѣ, это всеславянское собраніе,—и притомъ въ Москвѣ,—явленіе поразительное. Ничего подобнаго никогда не бывало, ибо съѣзды австрійскихъ Славянъ не могутъ идти ни въ какое съ этимъ сравненіе. Люди разныхъ народностей, разныхъ государствъ, разныхъ религій, разныхъ образованій и общественныхъ положеній, свободно собираются какъ люди, у которыхъ есть одно общее чувство и одно общее дѣло. И всѣ эти собравшіеся съ разныхъ сторонъ люди оказываются не случайною толпой, а выраженіемъ чего-то цѣлаго, какой-то великой единицы, которая до сихъ поръ въ дѣйствительный счетъ не входила, а держалась только въ умѣ. Оказывается, что есть нѣчто называемое славянскимъ міромъ, который существуетъ не въ одномъ воображеніи или отвлеченномъ представленіи, а въ дѣйствительности, и обнаруживаетъ нѣкоторыя явленія какой-то общей ему жизни, какихъ-то общихъ ему тяготѣній. Тотъ призракъ, которымъ политики Священнаго Союза, бывало, пугали дѣтей, является воочію. То, что лѣтъ двѣнадцать, пятнадцать тому назадъ, было подъ страшнымъ запретомъ и не дерзало показываться на свѣтъ, теперь разливается въ воздухѣ, овладѣваетъ умами и у всѣхъ на языкѣ. Этотъ несчастный панславизмъ, загнанный въ область непозволительныхъ утопій, становится формулой, быть-можетъ еще не совсѣмъ ясною, но формулой чего-то очень жизненнаго и практическаго. Чѣмъ незначительнѣе случай, вызывающій проявленіе идеи, тѣмъ болѣе обнаруживается ея дѣйствительность и сила. Лишь то, что созрѣло и обладаетъ силой практическаго интереса,

можетъ такъ легко овладѣвать всякимъ предлогомъ, даже самымъ незначительнымъ, чтобы заявить себя. Дѣйствительность и сила идеи, о которой теперь рѣчь, доказывается именно тѣмъ что приводится въ доказательство ея безсилія и ничтожества. Именно отсутствіе всякаго другаго интереса и побужденія свидѣтельствуетъ о ея силѣ. Еслибъ этотъ разрозненный и разбросанный міръ составлялъ одно государство, то славянская идея исчезла бы въ интересахъ совершенно иного свойства; то единство, которое ею знаменуется, было бы закрыто силою другаго рода. Точно также, она не могла бы обнаружиться явственно, еслибы весь славянскій міръ былъ исключительно одного вѣроисповѣданія, которое отличало бы его отъ всего окружающаго. Сила собирающая людей заключалась бы тогда не въ славянствѣ. Ни государственнаго, ни церковнаго единства славянскій міръ не представляетъ. Но именно тѣмъ и поразительнѣе та sui generis сила, которая опредѣляетъ его и которою онъ держится. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе тѣхъ интересовъ, которые собираютъ людей принадлежащихъ къ одной политической національности, къ какому-нибудь одному политическому цѣлому, точно также нѣтъ ничего удивительнаго въ общеніи людей исповѣдующихъ одну вѣру; но мысль невольно задаетъ себѣ вопросъ, что такое даетъ себя чувствовать въ массахъ и людяхъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго кромѣ племеннаго происхожденія, да еще одного историческаго преданія, воплощеннаго въ двухъ святыхъ образахъ первоучителей славянскихъ, равно чествуемыхъ всѣми Славянами, несмотря на церковную рознь, которая развилась и усилилась въ послѣдствіи. Какое разнообразіе! И Болгаръ и Сербъ изъ Турціи, первый еще согбенный подъ ярмомъ, а послѣдній уже стоящій прямо; и Сербъ изъ Венгріи, и Хорватъ, и Далматинецъ, и Славонецъ, перемѣшанные съ Нѣмцами и Италіянцами и хотя сами Сербы, но разрозненные съ Сербами и исторіей, и обычаями, и отчасти литературой, всего же болѣе вѣроисповѣданіемъ; и Русскій изъ-за Карпатъ, живущій подъ мадьярскою управой, и Русскій изъ Галиціи, подавляемый Поляками, которыхъ сильное слово поэта назвало Іудою славянства; и Русскій Россіи, государства самаго громаднаго и одного изъ самыхъ могущественныхъ на земномъ шарѣ; и Чехъ съ Моравомъ, игравшій нѣкогда столь значительную роль въ судьбахъ Европы, Чехъ, которому такъ много обязана Германія развитіемъ своей культуры и которому она платитъ теперь такою благодарностію; и Словакъ, столь близкій къ Чеху и столь близкій къ намъ, — живое звено связующее обѣ половины славянства, — но раздѣленный между римско-католическимъ и протестантскимъ вѣроисповѣданіями, не имѣющій никакой своей власти и живущій подъ властію мадьярской; и Лужичанинъ охваченный будто на маломъ островѣ нѣмецкимъ моремъ; и даже Кошубъ изъ глубины Пруссіи, осталокъ давно угасшихъ славянскихъ племенъ, не совсѣмъ стертый Польшей, которая владѣла нѣкогда большею частію нынѣшней Пруссіи, но еще въ свою цвѣтущую пору предала чужому племени всѣ эти славянскія земли, ставшія теперь главною силой Германіи, но не сохранившія отъ славянства почти ничего кромѣ искаженныхъ именъ и урочищъ. Въ этомъ всеславянскомъ собраніи, которое такъ неожиданно импровизовалось въ Москвѣ, встрѣчаются люди разнящіеся между собой и по степенямъ, и по характеру образованія, будто самые разноплеменные народы, какъ разнятся Нѣмецъ и Италіянецъ или какъ Французъ и Арнаутъ, и гдѣ встрѣчаются между собою священники православные и священники римско-католическіе разныхъ славянскихъ народностей. И все это лишь во имя славянской идеи. Должно же что-нибудь заключаться въ этой идеѣ, должна же она что-нибудь значить, должна же быть въ ней какая-нибудь своя сила, если она можетъ дѣйствовать сама собою и проходить черезъ столько разнородныхъ элементовъ, собираетъ столько чуждыхъ одна другой силъ и пересѣкаетъ столько противоборныхъ влеченій и національныхъ, и церковныхъ, и соціальныхъ!

Исторія Москвы есть исторія суровая. Она не говоритъ воображенію и не влечетъ къ себѣ горячихъ симпатій со стороны. Политика Московскаго государства была безпощадная и жестокая. Всякій имѣетъ чѣмъ-нибудь упрекнуть ее, и мало кому она по сердцу. Но не будь этого суроваго прошедшаго, гдѣ былъ бы теперь славянскій міръ и что значила бы славянская идея? Разобщенный съ цѣлымъ міромъ, страдалъ и боролся Русскій народъ за свое существованіе, но не спасалъ ли онъ съ тѣмъ вмѣстѣ и будущность славянскаго племени, которому теперь не оставалось бы ничего кро-

мѣ гибели, еслибы въ ту давнюю пору не устояла Москва!

№ 111.

Москва, 20-го мая.

Есть государство, которое находится въ положеніи, быть-можетъ, еще худшемъ чѣмъ Турція. По крайней мѣрѣ пути Оттоманской имперіи ясны, и есть политика естественно ей свойственная. Эта свойственная Турціи политика есть та самая, которую такъ недавно, къ стыду нашему, считали возможнымъ предлагать Россіи. Внутреннее разложеніе Турецкой имперіи на ея составныя части, вотъ что всегда казалось единственнымъ средствомъ предотвратить катастрофу и рѣшить такъ-называемый Восточный вопросъ безъ потрясеній и кровопролитія. Этимъ путемъ Турція уже издавна по тихоньку шествуетъ. Провинція, съ которою трудно сладить, освобождается отъ турецкой власти и становится особымъ государствомъ, съ особымъ правительствомъ, даже съ своею династіей, и всѣ ея отношенія къ Турецкой имперіи ограничиваются лишь номинальнымъ верховенствомъ султана. Такъ выдѣлились Египетъ, Румынія и Сербское княжество, которое добилось теперь очищенія крѣпостей своихъ отъ турецкаго гарнизона.

Положеніе Австріи гораздо труднѣе. Габсбурги изъ всѣхъ династій Европы имѣютъ самые пышные титулы и самыя гордыя преданія; ихъ имперія чтитъ въ себѣ продолженіе имперіи Римской, и числится великою европейскою державой, которая еще такъ недавно казалась на верху могущества и величія. Правда, она никогда не выдерживала съ успѣхомъ ни одной войны; за то она всегда умѣла съ большою ловкостію пользоваться плодами чужихъ побѣдъ. Знаменитые трактаты, которыми послѣ Наполеоновскихъ войнъ перестроена Европа, были заключены и подписаны въ Вѣнѣ. Священный Союзъ, который тогда образовался, палъ всею своею тяжестію на Россію, а всѣми своими выгодами достался Австріи. Опираясь на Россію, первенствуя въ Германіи, имперія Габсбурговъ господствовала въ Италіи, которая отчасти была ея провинціей, отчасти совершенно покорнымъ ей васеальнымъ владѣніемъ. Австрія, дѣйствительно, была бы тѣмъ чѣмъ она оказалась, государствомъ мощнымъ и несокрушимымъ, еслибъ она не имѣла одного небольшаго недостатка. Она не есть нація: въ ней нѣтъ единаго народа, а есть только народы. Австрія, также какъ и Турція, есть государство сборное, безъ всякой внутренней связи. Въ составъ Австріи, большею частью посредствомъ династическихъ браковъ, вошли страны бывшія когда-то самостоятельными государствами и населенныя каждая особымъ народомъ. Нѣмецкій элементъ въ Австріи представляетъ собою слабое меньшинство, и не будучи въ состояніи растворить въ себѣ громаду другихъ народностей, господствовалъ надъ всѣми въ качествѣ начала правительственнаго. Въ Австріи главнымъ образомъ выработался взглядъ на правительство какъ на силу чуждую народу и непріязненную всякому движенію народной жизни, выработался именно потому, что въ Австріи нѣтъ народа, а есть только подавленныя нѣмецкою властію разныя народности. Удары, понесенные Австріей въ 1859 году, обнаружили все внутреннее безсиліе ея государственнаго тѣла, и заставили ее искать спасенія въ либеральныхъ учрежденіяхъ. Въ виду опасности угрожавшей бытію государства, рѣшено было прибѣгнуть къ конституціи, въ надеждѣ, что она послужитъ средствомъ болѣе дѣйствительнымъ и успѣшнымъ онѣмечить народы Австріи и слить ихъ въ одну политическую націю. Но централизмъ Шмерлинговъ оказался не болѣе успѣшнымъ чѣмъ системы Баховская и Меттерниховская. Политическая жизнь раскрыла еще явственнѣе недостатокъ истинно-національнаго единства, безъ котораго правильное и плодотворное развитіе политической жизни невозможно. Послѣдовала новая перемѣна декорацій: систему централизма, стремившагося искусственно придать Австріи видъ цѣльнаго государства, смѣнилъ федерализмъ. Связь правительства съ нѣмецкимъ элементомъ была ослаблена, и коронимъ землямъ имперіи предоставлена была большая свобода. Утративъ искусственную поддержку, нѣмецкій элементъ самъ по себѣ малосильный, но привыкшій господствовать въ Австріи, почувствовалъ себя оскорбленнымъ и униженнымъ, а надежды славянскихъ народовъ Австріи оживились и поднялись какъ никогда прежде. Былъ краткій мигъ самообольщенія, которому предались наши

славянскіе соплеменники въ Австріи. Казалось, была наконецъ найдена формула, которая дѣлала возможнымъ существованіе и процвѣтаніе Австріи, при полномъ удовлетвореніи всѣхъ ея народовъ. Славяне радовались ослабленію германскаго значенія Австріи, и уже составляли программу ея будущихъ судебъ какъ державы славянской и ея успѣховъ въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса. Посторонніе, но неравнодушные наблюдатели происходившихъ въ Австріи движеній, мы сожалѣли объ этихъ напрасныхъ увлеченіяхъ весьма вкрочемъ, естественно овладѣвшихъ нашими соплеменниками, мы откровенно высказывали наши сомнѣнія, которыя тогда не очень нравились въ Прагѣ. Тѣсный союзъ независимыхъ государствъ для взаимной обороны есть дѣло понятное; но федерація между разными, политически-организованными національностями въ составѣ одного государства есть невозможность. Мы отрекались вѣрить въ будущность Австріи и въ ея призваніе на Востокѣ. Мы не думали, однакожъ, чтобы такъ скоро должна была оправдаться та увѣренность, съ которою мы въ этомъ смыслѣ высказывались. Новые сильные удары постигли имперію Габсбурговъ; въ теченіе трехъ недѣль она потерпѣла рядъ страшныхъ пораженій, и ея бытіе уже находилось подъ взмахомъ меча побѣдителя. Она совсѣмъ была выброшена изъ Германіи. И вотъ вскорѣ за тѣмъ послѣдовала новая перестройка государственнаго зданія. Министерство Белькреди пало, и во главѣ правительства императора Франца-Іосифа сталъ бывшій саксонскій министръ, г. фонъ-Бейстъ, побѣжденный г. фонъ-Бисмаркомъ. Комедія съ федерализмомъ кончилась, и Австрія не ославянилась. Кромѣ централизма и федерализма, въ арсеналѣ австрійскихъ государственныхъ идей еще оставался дуализмъ, и новый министръ положилъ его въ основу новой системы. Австрія распалась на два государства: Транслейтанію, то-есть Венгрію съ ея коронными землями, и Цислейтанію, то-есть остальную Австрію. Всю тяжесть новой передѣлки должны теперь понести славянскіе народы Австріи, составляющіе въ совокупности большинство ея населенія. Эта главная сила Австріи, безъ которой она теряетъ всякое значеніе въ Европѣ, была вдвойнѣ принесена въ жертву. Нѣмецкій элементъ оказался недостаточнымъ для подавленія славянства, и вотъ, для большей успѣшности, Австрія раздѣлила дѣло подавленія между элементами нѣмецкимъ и мадьярскимъ. Вмѣсто одной Австріи, явились двѣ, одна съ господствующимъ нѣмецкимъ элементомъ, другая съ господствующимъ мадьярскимъ, ибо Венгрія представляетъ собою не иное что какъ повтореніе Австрійской имперіи, гдѣ должность нѣмецкаго элемента отправляетъ мадьярскій. Въ маломъ видѣ, тотъ же типъ повторился и въ восточной Галиціи, гдѣ польскому меньшинству дана власть надъ тремя милліонами народности русской.

Федерализмъ, который мелькнулъ на минуту передъ нашими соплеменниками, есть химера; химера также и та мысль, что имперія Габсбурговъ можетъ когда-нибудь превратиться въ державу славянскую.

Говорятъ, что существованіе Австріи есть необходимость; говорятъ, что еслибъ Австрія не имѣлась на лицо, то надобно бъ было ее выдумать. Пусть такъ! Но еслибы когда-нибудь пришлось выдумывать Австрію, то не лучше ли выдумать что-нибудь другое?

Испытанія, чрезъ которыя проходятъ теперь соплеменныя намъ народности въ Австріи, мы надѣемся, послужатъ имъ въ пользу. Отъ испытаній живое дѣло очищается и растетъ духомъ и силой.

.....Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ.

Федерализмъ хуже чѣмъ откровенный дуализмъ г. фонъ-Бейста. Этотъ возбуждаетъ, а тотъ усыплялъ, этотъ вноситъ правду въ положеніе дѣлъ, а тотъ туманилъ умы и вносилъ въ нихъ смуту. Г. фонъ-Бейста слѣдуетъ, намъ кажется, внести въ списокъ самыхъ ревностныхъ и успѣшныхъ двигателей славянства.

№ 112.

Москва, 22-го мая.

Славяне въ Австрійской имперіи многочисленнѣе чѣмъ всѣ прочія племена вмѣстѣ взятыя. Почему же Австрія не есть славянское государство? Почему въ этой имперіи славянскій элементъ не первенствуетъ? Почему Славяне вездѣ унижены, подавлены, вездѣ обречены на подчиненное положеніе, вездѣ какъ бы оправдываютъ

тотъ оскорбительный смыслъ, въ какомъ употребляется ихъ имя другими народами; Sclave, esclave, slave? Если таковъ законъ ихъ существованія, то имъ нечего отстаивать свое славянство. Если славянская стихія есть рабство, то Славянамъ нѣтъ разумнаго повода желать оставаться Славянами. При такомъ воззрѣніи, чѣмъ скорѣе и полнѣе Славянинъ перестанетъ быть Славяниномъ, тѣмъ для него лучше; перейдти въ другой элементъ значило бы для него облагородить и возвысить себя, и германизація должна была бы казаться для Славянъ благомъ, и имъ слѣдовало бы не избѣгать, а искать ея. Но, слава Богу, Славяне еще такъ не думаютъ о своемъ племени, а сохраняютъ за своимъ именемъ его первоначальное значеніе и гордятся имъ. Однако, и враги имѣли же нѣкоторое основаніе *обезславить* Славянъ. Славянскія племена, дѣйствительно, влачатъ существованіе порабощенное, и ничто, повидимому, не спасаетъ ихъ отъ этой участи. Чешскій народъ, взятый въ массѣ, есть, быть-можетъ, самый образованный въ Европѣ. Нѣмецкой культурѣ нечѣмъ похвалиться предъ нимъ. Окраины Богеміи заселены Нѣмцами, и всѣ невыгоды сравненія между ими и Чехами оказываются на сторонѣ первыхъ, всѣ преимущества на сторонѣ послѣднихъ. И что же? Чехи, точно также какъ и другія славянскія племена, находятся въ положеніи подчиненномъ, и ихъ славянство лежитъ на нихъ будто клеймо проклятія.

Какая же тому причина? Всякая народность пріобрѣтаетъ уваженіе и пользуется честью только подъ условіемъ, что она имѣетъ свою власть. Люди пользуются уваженіемъ по своимъ личнымъ преимуществамъ и достоинствамъ; народность же ихъ только въ томъ случаѣ, когда она живетъ своимъ государствомъ. Безъ этого условія, народность унижаетъ, а не возвышаетъ людей, носящихъ ея имя, и люди стыдятся ея и охотно отъ нея отрекаются. Народъ безъ власти подчиняется власти другого народа, и таково положеніе славянскихъ народностей. Ихъ несчастіе состоитъ въ томъ, что они не просто племена, но и въ извѣстной степени опредѣленныя національности. Было время когда они составляли независимыя государства, но государства эти были слишкомъ слабы для того чтобы выдержать испытаніе исторіи, и они подпали чужой власти, оставаясь тѣмъ не менѣе особыми политическими группами, мелкими, безсильными, разрозненными, въ положеніи двусмысленномъ, промежуточномъ, лишенномъ достоинства, но полномъ притязаній, раздраженій и жалобъ. При такихъ обстоятельствахъ, все что выходитъ изъ массы по необходимости чуетъ себя нравственно нездоровымъ и недовольнымъ. Австрія есть государство неимѣющее достаточно сильнаго національнаго элемента дабы объединить эти разрозненныя славянскія группы. Но за предѣлами Австріи нѣмецкій элементъ составляетъ теперь сильное государство которое растетъ и раздвигается. Германія, уже проглотившая столько славянскихъ населеній, подступаетъ и къ тѣмъ, которыя еще уцѣлѣли въ предѣлахъ Австріи. Чехи ближе всѣхъ: на нихъ давно уже зарится нѣмецкая жадность. Богемія уже входила въ составъ Германскаго Союза, и ее уже опоясали нѣмецкія населенія. Высокая культура, которой достигли Чехи, придаетъ особую цѣнность пріобрѣтенію, которое могла бы сдѣлать въ нихъ Германія. Къ тому же складъ ихъ литературнаго языка сильно подчинился германскому вліянію. Его словообразованіе и словосочиненіе совершенно нѣмецкія. Вещество словъ осталось славянское, но весь языкъ есть просто переводъ съ нѣмецкаго. Захваченные Пруссіей, Чехи легко могутъ переработаться въ Нѣмцевъ, тѣмъ болѣе что всѣ высшіе и средніе классы и теперь уже на столько германизованы, что нѣмецкій языкъ есть для нихъ столько же природный, сколько и чешскій. За Чехами легко подпали той же участи и всѣ прочія славянскія группы. На прочность Австріи, поддерживающей своимъ безсиліемъ существованіе славянскихъ народностей, полагаться нельзя. Дѣла центральной Европы не могутъ долго оставаться въ томъ положеніи, въ какомъ оставили ихъ послѣднія событія. Рано или поздно имперіи Габсбурговъ придется опять сводить счеты съ ея побѣдоносною соперницей,—и славянскія племена должны заранѣе готовиться къ тому чтобы стать добычей германизаціи.

Если же Славяне не отказались отъ вѣры въ свою будущность, если они хотятъ удержаться въ виду угрожающихъ опасностей, то имъ прежде всего надобно стараться выйдти изъ своей разрозненности, поднять въ себѣ то что можетъ всѣ славянскія группы собрать въ одну общую группу, то-есть усилить славянство въ славянскихъ

народахъ. Одно изъ двухъ: либо отказаться отъ своего славянства, безсильнаго и рабскаго, либо возвысить его значеніе и поставить его въ возможность успѣшной борьбы. Чехи просто какъ Чехи, точно также какъ и Хорваты просто какъ Хорваты, не могутъ дать никакого отпора набѣгающимъ волнамъ; силу для борьбы и жизни могутъ они почерпнуть только въ своемъ обще-славянскомъ элементѣ. Только тогда они будутъ что-либо значить; когда они будутъ живыми частями славянскаго міра, но дѣйствительнаго, а не идеальнаго. Одна идея славянскаго міра не много поможетъ; надобно чтобъ этотъ міръ какъ-нибудь обозначился въ дѣйствительности.

Слово *міръ* прекрасно выражаетъ задачу. Міръ предполагаетъ множественность; славянскія группы, исторически образовавшіяся, не должны терять свою индивидуальность; напротивъ, чѣмъ самостоятельнѣе организуется то что способно къ самостоятельной организаціи, тѣмъ лучше. Желательно только чтобы выработалась дѣйствительная связь между отдѣльными группами, чтобы между ними было дѣйствительное общеніе. Выразимся опредѣленнѣе: желательно чтобы Славяне могли непосредственно, легко и вполнѣ разумѣть другъ друга, то-есть чтобы между ними былъ одинъ общій и всѣмъ равно понятный языкъ. Единство духа, братство, нравственныя связи и т. п., все это прекрасно, но все это оставляетъ Славянъ не при чемъ; если же мы хотимъ сказать что-нибудь положительное, то должны просто сказать: языкъ. Средство общенія между людьми есть языкъ. Славянскіе народы не въ такомъ находятся между собою отношеніи, въ какомъ народы германскаго корня: между Датчаниномъ, Нѣмцемъ, Голландцемъ, наконецъ Англичаниномъ, нѣтъ ничего общаго, и они совершенно другъ другу чужды. Ихъ племенное родство не выражается ни въ чемъ, и есть только предметъ для этнографа. Каждый изъ нихъ имѣетъ не только свое государство, чуждое для другаго, но и свой языкъ, для другихъ непонятный. Они не могутъ даже назвать себя какимъ-нибудь общимъ именемъ. Что же касается славянскихъ народовъ, то при всевозможномъ разнообразіи быта и политическаго положенія, они все-таки остаются славянскими. Ихъ языки не на столько разошлись и окрѣпли въ своемъ разобщеніи, чтобъ они не могли установить между собою непосредственное и полное разумѣніе. Говоря объ этомъ предметѣ назадъ тому недѣли двѣ, мы упомянули о древнихъ Грекахъ. Намъ казалось, что славянскія нарѣчія могутъ поставить себя въ столь же близкое соотношеніе, въ какомъ находились діалекты древнихъ Грековъ, будучи не болѣе какъ оттѣнками одного языка и составляя его богатство. На древнихъ Грековъ указалъ и одинъ изъ нашихъ славянскихъ гостей, говорившихъ за университетскимъ обѣдомъ 19-го мая. Г. Ригеръ находитъ, что тотъ идеалъ, къ которому должны стремиться славянскія племена, находится въ древней Греціи. Чего же лучше? Но развѣ дѣйствительность соотвѣтствуетъ этому? Развѣ славянскія народности находятся между собою въ такихъ отношеніяхъ, какъ древніе Греки, которые распадались на различныя, независимыя и даже чуждыя другъ другу гражданства, но тѣмъ не менѣе составляли одинъ народъ, имѣя одинъ языкъ, одни письмена, одну литературу? Аналогія не есть тождество: славянскій міръ не можетъ быть повтореніемъ древняго эллинскаго; но и при самыхъ глубокихъ различіяхъ можетъ быть сходство. Г. Ригеръ ставитъ Славянамъ въ образецъ также бывшій Германскій Союзъ. Это еще сильнѣе чѣмъ указаніе на древнюю Грецію. Германскій Союзъ былъ вопервыхъ союзъ, а вовторыхъ, въ Германскомъ Союзѣ господствовалъ одинъ языкъ, который вносилъ не только гармонію, но и единство въ разнообразіе германской жизни.

Враги Славянъ дѣйствуютъ не только насиліемъ, но и обманомъ. Они пугаютъ ихъ... ими же самими. Единеніе между славянскими народами, это, говорятъ они, есть панславизмъ, а панславизмъ есть всемірная монархія. И вотъ лучшіе люди изъ Славянъ, патріоты славянскихъ народовъ, вмѣсто того чтобы дружно соединять свои усилія въ одномъ направленіи, смущаются призракомъ панславизма, и нерѣдко, сами не замѣчая того, отдаютъ себя въ распоряженіе своихъ враговъ. Они перестаютъ бояться пангерманизма, который не есть призракъ, а дѣйствительность, и который грозитъ искорененіемъ ихъ народнаго бытія; за то ихъ научили бояться панславизма, и они избѣгаютъ всего что можетъ спасти остатки славянскаго племени на западѣ и сами бросаются въ пасть раскрытую поглотить ихъ. Дѣло въ томъ, что

кромѣ этихъ мелкихъ славянскихъ племенъ, подавленныхъ и порабощенныхъ, оказался на окраинѣ Европы великій народъ славянскаго корня, который имѣетъ несчастіе быть независимою и сильною державой. Нашихъ соплеменниковъ пугаютъ имъ, какъ страшнымъ Молохомъ готовымъ поглотить ихъ. И вотъ, вопреки убѣжденіямъ исторіи, вопреки очевидности и здравому смыслу, выставляются на видъ завоевательныя стремленія Россіи, долженствующія будто бы вести ко всемірной монархіи, если только западные и восточные Славяне не откажутся отъ всякаго единенія другъ съ другомъ и съ Россіей.

Но соображенія и разчеты, опасенія и надежды, надобно основывать не на случайныхъ предположеніяхъ, а на фактѣ и разумѣ. Можно ли ожидать, чтобы Россія, въ разумномъ сознаніи своихъ истинныхъ интересовъ, какого бы то ни было свойства, таила въ себѣ замыслы всемірной монархіи, или чтобъ она нуждалась въ расширеніи своей государственной области? Пора собиранія государства уже окончилась для русскаго народа, и силы его, затребованныя на это тяжкое дѣло, теперь постепенно освобождаются. И для него, наконецъ, наступаетъ великій день отдохновенія и празднованія. Не расширеніе государственной области, а расширеніе простора для человѣческой жизни и развитіе внутренняго благоустройства, вотъ истинно національная потребность ощущаемая всѣми въ Россіи. Общеніе съ близкими, но отдѣльными и независимыми народами одного языка, всего успѣшнѣе могло бы способствовать ходу дѣлъ въ этомъ направленіи. Опасеніе всемірной славянской монархіи лишено всякаго основанія; но нельзя назвать лишенною всякаго основанія надежду, что языкъ славянскаго корня, рядомъ съ языками латинскаго и германскаго корня, пріобрѣтетъ значеніе всемірное, въ которомъ и теперь уже нельзя отказать русскому языку. Неужели надобно опасаться, а не радоваться, въ интересѣ человѣчества, тому, что изъ глухихъ и темныхъ закоулковъ славянское слово выйдетъ на свѣтъ Божій и станетъ слышно въ цѣломъ мірѣ, возвышая и обогащая собою каждаго кто имъ владѣетъ?

№ 113.

Москва, 23-го мая.

Сегодня печатаемъ мы въ нашихъ столбцахъ описаніе обѣда 21-го мая даннаго Москвою въ честь ея славянскихъ гостей, вмѣстѣ съ рѣчами, которыя были произнесены при этомъ случаѣ. Международный характеръ этого пира, одушевленіе, которое на немъ господствовало, интересные эпизоды, которыми онъ былъ обиленъ, и особенно та удивительная сцена, когда, въ концѣ обѣда, въ порывѣ одушевленія, наши гости, взявъ хоругвь святыхъ первоучителей славянскихъ, подъ сѣнію которой совершалась братская трапеза, вынесли это священное знамя изъ залы предъ народомъ, покрывавшій поле, и каждый, отъ имени своей далекой родины, возглашалъ привѣтъ Москвѣ и Русскому народу: все это производило дѣйствіе потрясающее, и оставило впечатлѣніе, которое не изгладится Какъ самый съѣздъ славянскихъ гостей въ Москвѣ былъ неожиданностію, такъ и эта сцена, которая, лучше всякихъ рѣчей, давала ему смыслъ, была вдохновенною случайностію. Именно тутъ-то впервые почуялось дыханіе новой широкой жизни пронесшейся надъ Москвою, до сихъ поръ коснѣвшею въ разобщеніи съ остальнымъ міромъ. Ничто такъ не оживляетъ народнаго духа, какъ международное общеніе, особенно такого свойства какъ въ настоящемъ случаѣ. Всѣ эти гости—иностранцы, и въ то же время представители племенъ близкихъ и родственныхъ намъ. Особенное впечатлѣніе производили на народъ привѣтствія отъ Русскихъ изъ Галиціи и изъ-за Карпатовъ. Въ толпѣ слышались при каждомъ отъ гостей возглашеніи отзывы, которые доказывали, что народъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло и кто обращался къ нему съ привѣтомъ.

Мы не можемъ не обратить вниманія на другой эпизодъ, которымъ ознаменовался праздникъ 21-го мая. Нѣсколько словъ сказанныхъ г. Погодинымъ о Полякахъ, яко отсутствующихъ на славянскомъ праздникѣ, вызвали рѣчь чешскаго оратора, г. Ригера, который, ставъ у хоругви Свв. Кирилла и Меѳодія и схватившись за ея древко, своимъ звучнымъ голосомъ и выразительнымъ словомъ, которымъ онъ такъ мастерски владѣетъ, взывалъ къ любви и

милосердію и молилъ о примиреніи съ Поляками. Произнесенная по-чешски рѣчь его не всѣмъ была вполнѣ понятна; однакоже на столько была она вразумительна, что произвела въ собраніи большое движеніе и ропотъ. Но съ нею всѣ помирились, послѣ того какъ она вызвала побѣдоносный отвѣтъ князя В. А. Черкасскаго. Читатели оцѣнятъ сами эту блистательную импровизацію, которая дала полное удовлетвореніе возбужденному общественному чувству, поставивъ вопросъ въ его истинномъ свѣтѣ и обозначивъ его сущность яркими и сильными чертами.

Мы сожалѣемъ о недоразумѣніи, въ которое вовлеченъ былъ нашъ почтенный гость; но не видимъ въ этомъ недоразумѣніи ничего такого что̀ могло бы бросить тѣнь на̀ теперешнія московскія празднества. Слово любви и примиренія такъ само по себѣ хорошо; что оно вездѣ какъ будто кстати. Мы цѣнимъ въ полной мѣрѣ побужденія одушевлявшія оратора. Вожди общественнаго мнѣнія въ своей странѣ, гг. Палацкій и Ригеръ, въ самый разгаръ польскаго мятежа, не увлеклись общимъ движеніемъ противъ Рòссіи; они оставались тверды и не потворствовали польскимъ патріотамъ, которые, пользуясь фальшивымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ, успѣли завладѣть почти всѣми его органами. Намъ пріятно выразить теперь нашимъ почтеннымъ гостямъ признательность за ихъ честный образъ дѣйствій, за ихъ твердость и справедливость въ ту пору смутъ и увлеченій. Если кто-либо, то именно они имѣли право высказываться Москвѣ съ полною откровенностію и искренностію. Но искренность за искренность: между людьми, ищущими только истины и справедливости, не должно быть затаенныхъ мыслей и намѣренныхъ умолчаній.

При всемъ желаніи быть справедливыми, наши соплеменники не всегда могутъ оцѣнивать надлежащимъ образомъ лица и вещи въ Россіи, находясь въ отдаленіи и зная обо многомъ лишь по наслышкѣ. Дабы вѣрно судить о дѣлѣ надобно пережить его, или по крайней мѣрѣ узнать его во всѣхъ его существенныхъ элементахъ. Только непосредственная близость къ дѣлу или живое принимаемое въ немъ участіе даютъ людямъ возможность правильно судить о немъ.

Мы не думаемъ, чтобы Русскимъ нужно было примиряться съ Поляками, — не думаемъ, потому что примиреніе предполагаетъ вражду и ненависть; но вражды и ненависти къ людямъ польскаго происхожденія въ нашей общественной средѣ не было даже въ то время, когда кипѣло возстаніе, когда русское имя предавалось на всѣхъ площадяхъ Европы поруганію; когда плевали въ лицо нашимъ солдатамъ и измѣнически рѣзали ихъ, когда разсылались жандармы-вѣшатели и поджигатели, и когда повсюду въ нашемъ отечествѣ обнаруживалась сѣть предательства и обмана, которою были опутаны и правительство, и общество. Русское общество напротивъ подвергалось болѣе упрекамъ въ апатіи или излишнемъ благодушіи. И въ самомъ дѣлѣ, во всякой странѣ общественное мнѣніе выразилось бы при такихъ обстоятельствахъ очень сурово и неразборчиво, какъ у насъ оно не выражалось. Въ самый разгаръ мятежа, лица польскаго происхожденія наполняли у насъ администрацію и не терпѣли ущерба ни въ какихъ правахъ своихъ; общество же въ тѣхъ мѣстахъ, куда ссылались повстанцы на жительство, не только не обнаруживало никакого къ нимъ озлобленія, но въ своемъ добродушіи, можетъ-быть, слишкомъ забывало обязанности налагаемыя на всякаго національнымъ достоинствомъ, и въ виду ежедневно раскрываемыхъ обмановъ легко вдавалось въ новые. Если такъ было въ то время, то еще менѣе можно предполагать излишнюю суровость и памятозлобіе теперь. Наконецъ, дѣйствія нашего правительства относительно громаднаго большинства населеній Царства Польскаго, встрѣтившія сочувствіе въ нашей публикѣ, вовсе не свидѣтельствуютъ о враждѣ къ польскому племени. Кто въ Россіи когда-нибудь зложелательствовалъ этимъ добрымъ Мазурамъ и другимъ населеніямъ Царства Польскаго, которыхъ забыла Европа, хотя ихъ милліонныя и хотя въ нихъ то и состоитъ вся масса польскаго племени? Очень жаль, что никто изъ этихъ простыхъ людей, носящихъ польское имя, но не имѣющихъ ничего общаго съ польскою идеей, не случился посреди этого всеславянскаго собранія: г. Погодину не довелось бы тогда скорбно сѣтовать на отсутствіе Поляковъ и намекать имъ въ утѣшеніе на 1815 годъ, а г. Ригру не пришлось бы взывать къ русскому обществу о милосердіи и прощеніи. Года три тому на-

задъ, когда еще не было и рѣчи о какомъ-нибудь всеславянскомъ съѣздѣ въ Россію,— крестьяне изъ Царства Польскаго пріѣзжали густою толпой въ Петербургъ и братались тамъ за однимъ пиромъ съ русскими крестьянами. Въ племенномъ отношеніи между Русскими и Поляками нѣтъ не только антагонизма, но и розни. Оба элемента легко сходятся, дружатся и сливаются. Изъ славянскихъ племенъ, по волѣ судебъ, всѣхъ ближе стало къ намъ польское. Не будь въ началѣ нынѣшняго столѣтія возбуждена польская политическая идея великодушною, но ошибочною политикой, не будь она поддержана въ послѣдующія времена новыми ошибками, братское единеніе между обоими племенами давно бы совершилось, несмотря на различія въ характерѣ, бытѣ и вѣрѣ. Отъ сліянія этихъ двухъ родственныхъ племенъ, именно вслѣдствіе многихъ различій въ ихъ бытѣ, можно было бы ожидать самыхъ лучшихъ результатовъ. Пополняя другъ друга, они вносили бы въ жизнь цѣлаго то разнообразіе и вмѣстѣ гармонію, о которыхъ говорилъ намъ г. Ригеръ на одномъ изъ московскихъ праздниковъ.

Но если, славу Богу нѣтъ у насъ ни вражды, ни ненависти къ племенамъ, съ которыми суждено намъ составлять одно великое политическое цѣлое, то мы должны постоянно и неуклонно бороться съ тѣмъ что несетъ зло и пагубу нашему отечеству, что грозитъ опасностію нашему національному бытію, что уклоняетъ его отъ прямыхъ и широкихъ путей гражданственности и благоустройства, что разливаетъ въ нашей общественной жизни смуту и отраву, что вноситъ бѣдствія въ тысячи семействъ, что омрачаетъ наше небо и колеблетъ нашу землю, что вызываетъ тяжкія, никому нерадостныя мѣры государственной необходимости, которыми останавливается свободное теченіе жизни и возбуждается въ государствѣ духъ военной диктатуры. Полякъ есть терминъ этнографическій, но также и политическій терминъ. Въ этнографическомъ отношеніи между Русскими и Поляками нѣтъ не только антагонизма, но и существенной разницы. Но Полякъ, какъ терминъ политическій, есть естественный и непримиримый врагъ Россіи. Противъ польскаго племени никогда не было и нѣтъ у насъ ненависти; но ненависть есть и должна быть, противъ польской идеи въ Россіи. Не мы держимся за польскую землю, а Поляки прицѣпились къ русской землѣ, и не хотятъ отъ нея оторваться. Лучше, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ допускать польскую политическую національность подъ Русскою державой было бы отпустить чисто-польскія части на полную волю.

Все зло нашей народной жизни, все что возбуждало болѣе или менѣе справедливую антипатію къ Россіи въ европейскомъ мірѣ съ тѣхъ поръ какъ она заняла въ немъ положеніе великой державы, вся наша тьма, все наше угнетеніе, были послѣдствіемъ того, что въ русскомъ государствѣ дѣйствовали силы враждебныя русскому народу, что въ его нѣдрахъ гнѣздились будто чужеядныя тѣла, разныя привилегированныя политическія національности, и что русское правительство въ своей политикѣ принимало характеръ нерусскаго. Одно и то же мѣсто не можетъ быть занято двумя вещами; въ одномъ и томъ же государствѣ не могутъ быть многія политическія національности. Русскій народъ борется не съ народомъ польскимъ, а съ польскими правительственными классами, съ польскимъ государствомъ, которому нѣтъ мѣста подъ Русскою державой: итакъ, борьба наша не съ людьми, а съ началами, по слову Евангелія. Человѣколюбіе относится только къ людямъ, и именно человѣколюбіе обязываетъ насъ непримиримою враждой ко враждебнымъ началамъ. И вражда наша къ польской идеѣ тѣмъ справедливѣе, что не только съ русской, но и съ общей точки зрѣнія, она не обѣщаетъ ничего прочнаго, и можетъ вести только къ разрушеніямъ, а не къ созиданіямъ.

№ 114.

Москва, 24-го мая.

Многіе иностранные журналы снова принимаются за толки о разоруженіи, дѣлѣ столь прекрасномъ въ теоріи, но увы! столь неудобоисполнимомъ на практикѣ. Оптимисты говорятъ: „Съѣздъ многихъ государей не долженъ остаться безъ пользы, онъ долженъ привести къ тому, чего такъ пламенно желаетъ міръ,—къ общему умиротворенію, обезпеченному положительными фактами, а не увѣреніями, которыми не успокоиваются ни умы, ни интересы“. Но эти pia desideria, на сторонѣ которыхъ стано-

вится, какъ показываетъ сегодняшняя телеграмма, и французскій *Вечерній Монитеръ*, внушаютъ официозному органу Берлинскаго кабинета, газетѣ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, слѣдующія размышленія: „Время отъ времени, особенно же вслѣдъ за войнами, постоянно возникаютъ воздушные проекты, создаваемые мечтателями, которые почитаютъ возможнымъ обезпечить въ Европѣ постоянный миръ посредствомъ мѣръ прямо направленныхъ къ этой цѣли. Очень прискорбно намъ, но мы вынуждены къ этому же разряду проектовъ причислить и возникшую въ недавнее время мысль о всеобщемъ разоруженіи, и при этомъ намъ кажется весьма характеристичнымъ то обстоятельство, что инціативу этого проекта общественное мнѣніе приписываетъ такому государству, которое, благодаря своему положенію на островахъ, обезпечено гораздо болѣе всѣхъ другихъ государствъ отъ случайностей войны..."

Сдѣлавъ этотъ намекъ на Великобританію и вычисливъ причины, препятствующія практическому исполненію проекта всеобщаго разоруженія *Norddeusche Allgemeine Zeitung* подтверждаетъ и пополняетъ свои доказательства слѣдующими словами: „Желая опредѣлить кто долженъ бы прежде всѣхъ другихъ приняться за исполненіе этого проекта, не надобно выпускать изъ виду, что съ 1815 года, за изъятіемъ нѣсколькихъ незначительныхъ событій (?), Европа пользовалась продолжительнымъ миромъ до тѣхъ поръ, пока Франція не затѣяла сперва восточной войны, а потомъ войны съ Австріей за Италію. Стало-быть Франціи и слѣдовало бы первой приступить къ разоруженію. Не кто другой какъ Франція, въ силу своего такъ-называемаго цивилизаторскаго признанія, сочла своею обязанностію вести войны на Востокѣ и въ Италіи; слѣдуя тому же призванію, она предприняла военныя экспедиціи въ Китай, Кохинхину и Мексику, и спрашивается, будетъ ли Франція расположена представить Европѣ обезпеченія, о которыхъ мы говоримъ?"

Никто не можетъ оспаривать несомнѣнную справедливость обвиненій, которыя *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* возводитъ на Францію. Положительно извѣстно, что войны италіянская и восточная, а также экспедиціи въ Китай, Мексику и Кохинхину затѣяны Франціей. Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ 1848 года сигналы ко многимъ тревогамъ въ Европѣ исходили именно изъ Парижа. Нѣмецкая газета забыла прибавить, что въ 1863 г. Тюльерійскій кабинетъ, далеко опередивъ Англію, прибѣгалъ ко всевозможнымъ усиліямъ, чтобы затѣять войну еще гораздо болѣе ужасную, такъ какъ она заявленною цѣлію имѣла бы раздробить имперію, считающую 70 милліоновъ жителей, которые готовы сражаться на смерть для сохраненія цѣлости своего государства и для поддержанія своей національной чести. Все это совершенно неопроверженно. Но соблюдая справедливость, нельзя одной Франціи приписывать воинственныя увлеченія. Нельзя, по примѣру *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, причислить къ незначительнымъ событіямъ занятіе датскихъ герцогствъ и прошлогоднюю насильственную передѣлку карты Германіи, совершенную вопреки всѣмъ международнымъ договорамъ, и единственно ad majorem Prussiae gloriam. Очень можетъ быть, что евангельская притча не вполнѣ прилагается къ этому положенію дѣлъ, и что Пруссія имѣетъ право видѣть въ глазу Франціи болѣе чѣмъ *сучецъ;* но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобъ она не должна была замѣтить въ своемъ глазу цѣлое *бревно*. Съ какой стати органъ Берлинскаго кабинета сваливаетъ съ своего правительства обязанность разоружиться прежде другихъ? Извѣстно, что численнымъ составомъ прусская армія значительно превышаетъ французскую, и причины, по которымъ Пруссіи слѣдовало бы разоружиться прежде Франціи, состоятъ въ точной соразмѣрности съ численнымъ превосходствомъ милліона людей надъ шестью стами тысячами. Извѣстно, что наша Вильна не имѣетъ необходимѣйшихъ на случай войны укрѣпленій, и что тѣмъ не менѣе Пруссія именно теперь усиѣшно трудится надъ укрѣпленіемъ не только Кюля, но и Кенигсберга, и притомъ въ видахъ не только обороны, но и наступательныхъ дѣйствій.

За то мы совершенно согласны съ упомянутою берлинскою газетой, что Англіи очень легко совѣтовать всеобщее разоруженіе, и даже подать къ тому примѣръ, такъ какъ вслѣдствіе ея положенія на островахъ ни ея безопасность, ни ея интересы не потерпятъ ущерба отъ разоруженія. Лордъ Станлей можетъ очень спокойно витійствовать о драгоцѣнныхъ выгодахъ, доставляемыхъ всеобщимъ миромъ, о поль-

зѣ, какая могла бы проистечь отъ того, что сотни тысячъ штыковъ будутъ превращены въ сохи, а солдаты въ земледѣльцевъ; соотечественники благороднаго лорда охотно слушаютъ его и рукоплещутъ ему, тѣмъ болѣе что у нихъ никогда не было слишкомъ много ни штыковъ, ни солдатъ, но не очень вѣроятно чтобы слова его произвели на нихъ благопріятное впечатлѣніе, еслибъ Англія не была отдѣлена отъ Франціи Британскимъ каналомъ, еслибы вмѣсто широкаго канала она прилегала къ морю, не имѣющему исхода, а подъ бокомъ у себя имѣла десять милліоновъ единовѣрцевъ, задыхающихся подъ трупомъ Турціи, и, наконецъ, еслибъ у Англіи былъ съ одной стороны честолюбивый, склонный къ насилію сосѣдъ, который подъ предлогомъ объединенія своихъ соплеменниковъ захватываетъ все что для него годно, а съ другой сосѣдомъ ея было государство, никакихъ условій прочности не имѣющее, постоянно въ своей политикѣ колеблющееся и ищущее себѣ спасенія въ искусственномъ возбужденіи стремленій, распространяющихъ смуту въ сопредѣльныхъ краяхъ. Сверхъ того, почему человѣколюбивые англійскіе государственные люди заботятся только о материкѣ Европы и сухопутныхъ войскахъ? Почему имъ не приходитъ въ голову и матросовъ превратить въ земледѣльцевъ, разоружиться и на морѣ какъ на сушѣ?

Если настанетъ время когда великія державы серіозно и добросовѣстно рѣшатся на великое дѣло общаго примиренія и разоруженія, то не станетъ каждая изъ нихъ требовать, чтобы примѣръ для этого дѣла подали другія державы. Тогда не ограничатся онѣ фразами, не будутъ предлагать только палліативныя средства; онѣ займутся сущностію дѣла, исторгнутъ самый корень зла и прежде чѣмъ приступить къ *разоруженію*, устранятъ причины къ *вооруженіямъ*. Такъ, напримѣръ, если Англія дѣйствительно пожелаетъ обезпечить миръ, то она перестанетъ поддерживать въ Турціи такой порядокъ вещей, который постоянно угрожаетъ нарушить спокойствіе Европы. Что касается до Франціи, то коль скоро она будетъ одушевлена столь же искреннимъ желаніемъ мира, то она торжественно откажется отъ всякихъ исправленій своей границы, и также измѣнитъ свою политику на Востокѣ,—перестанетъ поселять тамъ раздоръ съ цѣлью утвердить свое исключительное вліяніе. Наконецъ, Пруссія могла бы доказать свое миролюбивое намѣреніе, начертавъ серіозные и добросовѣстные предѣлы своему честолюбію. Если же искусственное поддержаніе такихъ государствъ какъ Турція или Австрія, государствъ, основанныхъ на подавленіи всего того, что дѣйствительно способно къ прогрессу, можетъ считаться необходимостью для европейскаго равновѣсія, то не доказываетъ ли это, что пора разоруженій еще не наступила для материка Европы?

№ 115.

Москва, 26-го мая.

Московскій генералъ-губернаторъ получилъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ слѣдующія телеграммы:

1.

25-го мая получено мною изъ Парижа отъ графа Адлерберга слѣдующее телеграфическое извѣстіе: Божій промыслъ охранилъ Государя Императора. Сегодня около 5 часовъ по полудни, на возвратномъ пути чрезъ Булонскій паркъ, послѣ военнаго смотра, выстрѣлъ изъ пистолета былъ направленъ на экипажъ, въ которомъ находились оба Императора и Великіе Князья Наслѣдникъ Цесаревичъ и Владиміръ Александровичъ. Выстрѣлъ, сдѣланный со стороны Императора Наполеона, никого не коснулся, но ранилъ лошадь штальмейстера, сопровождавшаго экипажъ. Преступникъ былъ немедленно схваченъ и почти растерзанъ народною толпою. Подлежащія власти, въ руки которыхъ онъ переданъ, производятъ слѣдствіе. Подробности будутъ сообщены, какъ скоро изслѣдованіе ихъ приведетъ въ надлежащую извѣстность.

2.

Дополнительное телеграфическое извѣстіе изъ Парижа, полученное отъ графа Шувалова 26-го мая. Преступникъ уроженецъ Волынской губерніи, Полякъ, по имени Березовскій, онъ эмигрировалъ два года предъ симъ, но двадцать лѣтъ проживалъ въ Парижѣ; онъ уже нѣсколько дней искалъ удобнаго случая для покушенія на жизнь Государя Императора. Двухствольный пистолетъ его разорвался отъ

слишкомъ сильнаго заряда, а при этомъ уклонилось и направленіе пули. Березовскій сдѣлалъ полное признаніе, обнаруживая признаки фанатизма.

Еще разъ страшный ударъ угрожалъ нашему Отечеству, и еще разъ явленъ знакъ, что Провидѣніе бодрствуетъ надъ его судьбами и охраняетъ его отъ потрясеній и бѣдствій.

Теперь, когда событіе совершилось, мы можемъ сказать откровенно, что при первомъ извѣстіи о предположенной Государемъ Императоромъ поѣздкѣ въ Парижъ у всѣхъ на душѣ раждалось тревожное чувство, заставлявшее невольно и безотчетно чего-то опасаться. Всѣ чувствовали, что со стороны Государя Россіи то была жертва приносимая для спокойствія Европы. Это было великодушное рѣшеніе, котораго не можетъ не оцѣнить Европа и которое особенно должны цѣнить въ Парижѣ, а также и въ Берлинѣ. Императоръ Александръ II отправлялся въ столицу Франціи не предписать, но даровать ей миръ, и избавить Европу отъ опасностей войны, размѣры и послѣдствія которой не возможно было предвидѣть и которая казалась неизбѣжною безъ посредства Россіи, безъ ея участія доброжелательнаго и безкорыстнаго. Національные интересы Россіи, болѣе нежели какой другой державы, совпадаютъ въ нынѣшнюю пору со всеобщими интересами; она какъ бы занимаетъ теперь центральное между всѣми положеніе, и несмотря на ея непритязательность, на скромность и воздержность ея тона въ европейскихъ дѣлахъ, она была рѣшительницей судебъ Европы, отъ нея зависѣлъ исходъ затрудненій, происшедшихъ именно отъ того, что она держала себя слишкомъ въ сторонѣ и слишкомъ мало участвовала въ европейскихъ дѣлахъ; отъ одного ея манія рѣшился вопросъ о войнѣ или мирѣ Европы, хотя не ей непосредственно угрожали опасности столкновенія.

Въ Парижѣ Его Величество былъ принятъ достойнымъ образомъ не только императоромъ Французовъ, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, но и самими Французами. Народъ восторженно привѣтствовалъ нашего Государя, и парижскія улицы огласились русскимъ *ура*. Покушеніе на почвѣ Франціи, въ ея столицѣ, противъ вѣнценоснаго гостя, довѣрившагося чести Французскаго народа, должно было глубоко взволновать его. Злоумышленникъ едва не былъ растерзанъ толпою. Не такъ какъ въ прошломъ году въ Петербургѣ, личность злоумышленника была немедленно узнана и никто конечно не сомнѣвался изъ какого источника произошелъ преступный замыселъ. Преступникъ оказался Полякомъ, выходцемъ Волынской губерніи. Да и что иное могло бы быть источникомъ подобнаго покушенія противъ Россіи, въ лицѣ ея Государя, какъ не польское дѣло? Какой Французъ могъ бы самъ по себѣ возымѣть такой замыселъ? Изъ какого французскаго побужденія могъ бы онъ выйдти? Помѣшанный мальчишка совершившій покушеніе 4-го апрѣля былъ слѣпымъ орудіемъ того же самаго дѣла, которое въ Парижѣ нашло себѣ прямаго исполнителя. Надобно надѣяться, что покушеніе 25-го мая не будетъ замято, и броситъ свѣтъ на многое, что доселѣ оставалось въ туманѣ для нашего общества. Въ преступленіяхъ подобнаго рода политическая сторона имѣетъ особенную важность, и раскрыть истинную причину зла здѣсь гораздо нужнѣе нежели просто подвергнуть заслуженной карѣ исполнителей, дѣйствовавшихъ сознательно или безсознательно. Скрывать или не стараться раскрыть зло, изъ котораго проистекаютъ замыслы колеблющіе государство мятежами и всякаго рода преступными дѣйствіями, было бы хуже чѣмъ укрывать преступниковъ отъ кары правосудія. Преслѣдованіе виновныхъ, безъ искорененія причинъ зла, только усиливаетъ его. Правительство и общество должны дружно соединиться въ усиліяхъ, направленныхъ противъ польскаго зла въ его корнѣ. Оно гнѣздится въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, и болѣе всего всякая задержка, всякое колебаніе и уклоненіе въ исполненіи мѣръ необходимыхъ дабы край этотъ сталъ вполнѣ русскимъ, будетъ только усиливать зло и плодить его жертвы.

Но теперь не до разсужденій. Теперь только благодареніе Богу за новое явленное Имъ знаменіе Его Промысла. Жизнь, съ которою для отечества нашего соединено столько благихъ начинаній, спасена, и мы вѣруемъ, что эта дорогая жизнь также ограждена отъ случайностей, какъ и судьбы Русскаго народа. Опасности, которымъ она подвергалась, какъ будто для того и попущены, чтобы мы чтили бдящее надъ нею Провидѣніе.

Извѣстіе объ опасности, которой подвергалась жизнь нашего Государя въ Парижѣ прибыла въ Москву посреди ея славянскихъ праздниковъ. Сегодня купеческое собраніе давало славянскимъ гостямъ большой обѣдъ. Многочисленное общество, собравшееся по этому случаю, тутъ только впервые узнало о событіи, возобновившемъ мрачную память апрѣля минувшаго года. Вмѣсто того чтобы садиться за веселый пиръ, послали за священникомъ, и было отслужено благодарственное, съ колѣнопреклоненіемъ молебствіе, въ которомъ наши славянскіе гости принимали усердное участіе. Все смолкло предъ этою потрясающею вѣстью; всѣ были полны одною мыслію, одушевлены однимъ чувствомъ. Никакихъ иныхъ рѣчей не слушали, ни на какой иной тостъ не было отзыва.... Когда одинъ изъ славянскихъ гостей, выражая чувство, возбужденное внезапною вѣстію, сказалъ взволнованнымъ голосомъ, что она поражаетъ не только Россію, но и весь славянскій міръ, громъ восклицаній нашихъ соплеменниковъ, былъ ему отвѣтомъ, но когда онъ прибавилъ затѣмъ, что негодованіе возбужденное покушеніемъ на жизнь Императора Александра, и радость о избавленіи Его жизни отъ опасности, съ особенною силой отзовутся въ Сербахъ, то остальные настойчиво прерывали его, восклицая: „равно во всѣхъ Славянахъ, во всемъ славянскомъ мірѣ.“

Г. генералъ-губернаторъ поспѣшилъ телеграммой засвидѣтельствовать предъ Государемъ Императоромъ о чувствахъ Его старой и вѣрной столицы. Московское городское общество, въ лицѣ своего головы и старшинъ, не могло также отказать себѣ въ удовлетвореніи потребности излить предъ Государемъ свое чувство, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ полученнаго изъ Парижа извѣстія.

Повсюду слышатся желанія, чтобы поѣздка Государя Императора пришла скорѣе къ концу, и чтобъ Его Величество возвратился прямо въ среду своего вѣрнаго и неизмѣнно-преданнаго Ему народа.

№ 116.

Москва, 27-го мая.

А.

St.-Petersburger Zeitung, издаваемая подъ русскимъ орломъ и подъ редакціею знаменитаго вестфальскаго мужа, не болѣе какъ года два тому назадъ грознаго громителя русскихъ дворянъ и защитника нигилистовъ, а теперь союзника *Вѣсти* (знаетъ, гдѣ и когда стать), хватается за всякій случай, чтобы возбуждать чувство ненависти и презрѣнія ни къ одному какому-нибудь сословію, а къ цѣлому Русскому народу. Недавно еще газета поучала свою публику, что всякій не русскій, принявшій русскую національность, теряетъ честь и всѣ права на уваженіе, а теперь она опредѣляетъ эту мысль точнѣе, говоря что Латышамъ и Эстамъ (а стало-быть и Русскимъ) позволительно онѣмечиваться въ видахъ стяжанія высокой культуры. Чтобъ явить образцахъ своей культуры, *St.-Petersburger Zeitung* называетъ *Московскія Вѣдомости* крайне безсовѣстными и нахальными (gewissenlos und roh!) За что же?—за то что мы (въ № 86 *Московскихъ Вѣдомостей*) осмѣлились взять изъ частнаго полученнаго нами письма нѣсколько строкъ о прискорбномъ случаѣ, нарушившемъ общественный порядокъ при празднествѣ 4-го апрѣля въ Вейсенштейнѣ. Въ *St.-Petersburger Zeitung* напечатано теперь *другое частное письмо* изъ Вейсенштейна отъ какого-то Нѣмца, который, не отрицая факта, утверждаетъ, что онъ не имѣетъ въ себѣ ничего важнаго; правда, было нѣсколько человѣкъ арестовано, двѣ женщины не могли воздержаться отъ невиннаго смѣха, и т. д. Теперь спрашивается: почему же нѣмецкая газета въ Петербургѣ поступаетъ не „безстыдно“ дѣлая то же что сдѣлали мы? Мы напечатали русское изъ Ревеля письмо, а *St. Petersburger Zeitung* печатаетъ нѣмецкое. Судя непрежнему, мы въ правѣ конечно ожидать, что на нашъ краткій вопросъ она также кратко будетъ отвѣчать, что имѣть въ балтійскихъ провинціяхъ нѣмецкаго корреспондента дѣло почтенное, но имѣть тамъ корреспондента русскаго и вѣрить ему столько же какъ нѣмецкому есть дѣло безстыдное. Она вполнѣ вѣритъ присланному ей письму; это ясно доказывается ея словами: „соглашаемся, что въ самомъ дѣлѣ нѣкоторые *не могли* воздержаться отъ невиннаго смѣха при торжественномъ случаѣ.“ Почему же намъ запрещено вѣрить нашему корреспонденту?

Вестфальская газета, издаваемая подъ русскимъ орломъ, не только разбранила нашего корреспондента, но даже выразила

подозрѣніе, что корреспонденція сочинена нами самими. Считаемъ не лишнимъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы показать какъ тщательно мы избѣгаемъ всякихъ рѣзкостей даже когда онѣ сказаны тономъ гораздо болѣе приличнымъ порядочному обществу чѣмъ тотъ, которымъ отличается наша вестфальская газета. Корреспондентъ нашъ, сообщивъ то что напечатано нами въ № 86, и заявивъ, что кромѣ губернскаго воинскаго начальника и управляющаго таможнею, всѣ высшія и почти всѣ низшія должности заняты, какъ онъ выражается, Нѣмцами, продолжаетъ такъ: „Дай Богъ, чтобы дѣло это было правиль„но изслѣдовано. Всѣ здѣсь руководятся „одною заповѣдью: береги *Нѣмецъ Нѣмца*. „Вѣроятно о случившемся 4-го апрѣля въ „Везенбергѣ (Вейсенштейнѣ) не напишетъ „ни одна изъ газетъ балтійскаго края. Слу„чись, что Нѣмецъ могъ бы похвалить „себя, на первыхъ столбцахъ здѣшнихъ „газетъ, вы нашли бы все въ страшно пре„увеличенномъ видѣ.“

Надобно однако замѣтить, что въ первое послѣ нашего сообщенія время, *Ревельская Газета*, поправляя что случай 4-го апрѣля былъ въ Вейсенштейнѣ, а не въ Везенбергѣ, *изъявляла* о немъ сожалѣніе, и еще не соблазненная тогда примѣромъ и указаніемъ изъ Петербурга, не пускалась въ ругательства, но даже присовокупила, что дѣло это побудило губернатора послать въ Вейсенштейнъ, для изслѣдованія, жандармскаго штабъ-офицера, чиновника тамошняго уголовнаго суда и делегата отъ Островскаго полка, также штабъ-офицера.

Итакъ, тотъ самый фактъ, о которомъ сообщалось въ напечатанной нами корреспонденціи, подтвержденъ и въ *Ревельской Газетѣ* и въ *St.-Petersburger Zeitung*. За что же эти газеты теперь гнѣваются на насъ, въ чемъ наша вина? въ чемъ наша *Rohheit?* Корреспондентъ *St.-Petersburger Zeitung* находитъ только, что баталіонный командиръ поступилъ дурно, арестовавъ при этомъ случаѣ нѣкоторыхъ лицъ, между тѣмъ какъ въ нашей корреспонденціи этого нѣтъ, а сообщался лишь несомнѣнный фактъ.

Замѣчаніе нашего корреспондента о заповѣди „береги Нѣмецъ Нѣмца,“ въ настоящемъ случаѣ оправдывается тѣмъ, что всѣ наши нѣмецкія газеты вдругъ подняли гамъ противъ злоумышленности *Московскихъ Вѣдомостей*, помѣстившихъ въ своихъ столбцахъ извѣстіе, о которомъ идетъ рѣчь. Онѣ находятъ, будто бы мы этимъ сообщеніемъ оскорбили честь *всѣхъ* Нѣмцевъ, хотя въ напечатанныхъ нами строкахъ не только ни слова не было сказано обо всѣхъ Нѣмцахъ, но не было даже сказано, что люди участвовавшіе въ безпорядкѣ были именно Нѣмцы. Мы желали бы знать, что заговорили бы эти газеты, еслибы въ голословномъ обвиненіи баталіоннаго командира въ Вейсенштейнѣ, какое взведено на него корреспондентомъ *St.-Petersburger Zeitung*, мы нашли оскорбленіе для *Русскихъ?*

Въ рѣчи произнесенной въ Петербургѣ однимъ изъ нашихъ славянскихъ гостей, г. Политомъ, *St.-Petersburger Zeitung* находитъ опасныя анти-австрійскія мысли, какія по отношенію къ Россіи „не пригрезились бы никакому Нѣмцу у насъ.“ Надобно думать, что этими намеками имѣется въ виду дать австрійскимъ газетамъ поводъ ссылаться на газету издаваемую въ Петербургѣ какъ на авторитетъ въ ихъ злостныхъ обвиненіяхъ противъ нашихъ славянскихъ гостей? Чего же еще нужно,— такъ могутъ сказать въ Австріи, — если даже газеты, издаваемыя въ Петербургѣ и притомъ пользующіяся повидимому особеннымъ расположеніемъ русскаго правительства, замѣчаютъ опасныя для Австріи стремленія Славянъ?

А между тѣмъ въ одной уже указанной нами выходкѣ *St.-Petersburger Zeitung*, будто Нѣмецъ, усвоивая себѣ русскую національность, лишается правъ на уваженіе и становится безчестнымъ, заключается несравненно болѣе оскорбительнаго и опаснаго для Россіи нежели во всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, спичахъ нашихъ гостей для Австріи. Какого племеннаго происхожденія была напримѣръ императрица Екатерина II? А кто въ ея время былъ на Руси болѣе Русскій чѣмъ она? Желательно было бы знать, въ какой мѣрѣ лишена она правъ на уваженіе во мнѣніи ревнителей германской народности въ Россіи?

Мудрено ли, что въ нѣдрахъ Россіи, между ея гражданами, плодятся люди и цѣлыя населенія исполненныя вражды къ ней, когда подъ крыльями русскаго орла можно систематически оскорблять и позорить русскую національность, и открыто служить органомъ чуждестранной политики? Не далеко то время, когда сѣмена, которыя

теперь такъ обильно сѣются нѣмецкою интригой, взойдутъ и дадутъ плоды.... На кого тогда будемъ мы пенять? Неужели только писаки изъ Вальдека или Франкфурта должны быть въ отвѣтѣ?

Кстати. Ратуя противъ національнаго направленія русской политики *St.-Petersburger Zeitung* находитъ, что Россія дѣйствуетъ слишкомъ наступательно противъ Турціи и Австріи, и въ доказательство приводитъ новѣйшія пріобрѣтенія Россіи на Кавказѣ, въ Средней и даже Восточной Азіи. Петербургская газета идетъ далѣе въ своихъ обвиненіяхъ противъ Россіи чѣмъ даже иностранные органы, которые въ распространеніи русскаго владычества въ Азіи не видятъ ничего опаснаго для Европы.

Б.

Тысячи народа наполняли сегодня кремлевскую площадь предъ соборами и колѣнопреклонно молились за спасеніе жизни Царя-Освободителя, еще разъ подвергавшейся столь близкой опасности, и еще разъ столь чудесно спасенной. Какъ быстро разнеслась эта потрясающаяся вѣсть во всѣ концы Москвы и во всѣхъ слояхъ ея населенія! Первое чувство, сказавшееся повсюду, было испугъ и тревога, но оно скоро исчезло въ благодарной торжественной радости. Нѣтъ и тѣни того мрачнаго уныній, которое невольно овладѣло всѣми въ первыя минуты послѣ 4-го апрѣля въ минувшемъ году и долго боролось съ радостнымъ чувствомъ избытаго бѣдствія. Теперь духъ народный поднятъ высоко, исполненный живаго убѣжденія, что Провидѣніе бодрствуетъ надъ его судьбами. Убѣжденіе и вѣра создаютъ нравственную силу; вѣрою бываютъ крѣпки и сильны народы; въ ней залогъ и знаменіе почіющей надъ ними благодати, съ которою никакія испытанія не страшны. Минуты, когда народъ убѣждается, что онъ не одинъ, что съ нимъ Богъ, обильны благими послѣдствіями; въ нихъ тайна творческихъ проявленій народнаго духа.

Да укрѣпится еще болѣе, если только это возможно, святое единеніе нашего народа съ его Боговѣнчаннымъ Вождемъ: только въ этомъ единеніи ихъ сила, только на этомъ единеніи почіетъ благодать, избавляющая отъ опасностей и дарующая успѣхъ и побѣду.

Нынѣшнее царствованіе пріучило насъ къ поразительнымъ обращеніямъ зла во благо. Что угрожало страшными бѣдствіями, то всегда вело къ новой славѣ для нашего Государя, къ новому торжеству для нашего отечества.

Сейчасъ только получили мы телеграмму съ новыми подробностями о событіи угрожавшемъ одною опасностью обоимъ Императорамъ. Пріостанавливаемъ выпускъ нумера, чтобы помѣстить эту телеграмму.

№ 117.

Москва, 29-го мая.

Никогда вѣсти изъ чужихъ и дальнихъ странъ не ожидались съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ теперь у насъ телеграммы изъ Парижа. Благодаря электрическому току, то что было въ Парижѣ вчера и даже сегодня, сегодня же узнается въ Петербургѣ и Москвѣ, и разносится по всей Россіи. Надъ всѣмъ господствуетъ событіе 25-го мая, ужасное въ своемъ замыслѣ и столь счастливое въ своемъ исходѣ. Общественное, можно сказать народное движеніе, къ которому оно подало поводъ во Франціи, какъ бы чудомъ соединило на время двѣ между собою далекія страны, слило двѣ одна другой чуждыя націи. Это мигъ, который пролетитъ, но пролетитъ, будемъ надѣяться, не безъ слѣда; нѣчто, быть-можетъ, останется отъ него не только между правительствами обѣихъ странъ, но и между ихъ народами. Такіе случаи не забываются, ими творится исторія. Русскій народъ помнитъ добро: это его свойство, и ничѣмъ нельзя было бы вѣрнѣе снискать его признательность и пріязнь, какъ честію и сочувствіемъ, оказанными его нынѣшнему Государю, Освободителю и Преобразователю. Никто въ такой силѣ не есть Русскій, какъ Государь Россіи, представляющій въ лицѣ своемъ весь Русскій народъ. Все что оказано Государю Россіи, оказано Русскому народу, и всякій, въ комъ бьется пульсъ народной жизни, всякій Русскій чувствуетъ это и въ глубинѣ своей души отзывается на это. Обѣ великія націи, мгновенно слившіяся въ общемъ движеніи, имѣютъ каждая свои интересы, свои задачи, свое положеніе въ мірѣ, свою политику. Все потомъ пойдетъ своимъ обычнымъ ходомъ; но позволительно думать, что эти дни, проведенные Русскимъ Государемъ въ столицѣ Франціи, не

останутся безъ послѣдствій, и что эти послѣдствія будутъ не къ худу, а къ добру, что они прибавятъ собою не то что розницъ, а то что сближаетъ. „Эти событія," сказалъ Государь Императоръ, при пріемѣ французскихъ министровъ, „могутъ только „тѣснѣе скрѣпить связи соединяющія Меня „съ Франціей и императоромъ."

Ничего не можетъ быть соотвѣтственнѣе истиннымъ интересамъ обѣихъ державъ какъ добрая пріязнь между ними. Нѣтъ ни одной уважительной причины, ни одного серіознаго и разумно понятаго интереса, которые могли бы возбуждать распри между этими двумя націями. Онѣ нигдѣ не соприкасаются своими владѣніями и между ними никогда не было и не можетъ быть спора о границахъ; если ихъ стремленія не вездѣ совпадаютъ, то ни на одномъ пунктѣ земнаго шара, ни въ одномъ вопросѣ имѣющемъ дѣйствительную важность, они не пересѣкаются и не сталкиваются между собою, такъ чтобы нельзя было поладить при доброй волѣ съ обѣихъ сторонъ. Рознь и непріязнь, возникавшія между этими великими націями европейскаго материка, порождались обстоятельствами случайными, ошибками правительствъ и недоразумѣніями общественнаго мнѣнія. Что сближаетъ ихъ, то для обѣихъ существенно, что приводило ихъ когда-либо въ столкновеніе и вооружало ихъ другъ противъ друга, то истекало изъ побужденій фальшивыхъ, и было для обѣихъ вредно. Истинно-національная политика, ясное разумѣніе своихъ задачъ, и здравая оцѣнка своихъ интересовъ должны предрасполагать ихъ, если не къ какому-либо исключительному и глухому союзу, — что не нужно и что могло бы тревожить другихъ и казаться опаснымъ для европейскаго равновѣсія, — то ко взаимному доброжелательству. Событія, сопровождавшія паденіе первой Французской имперіи, глубоко разрознили Россію и Францію, и открыли просторъ для тѣхъ недоразумѣній, которыя потомъ расплодились между обѣими державами и составили силу, увлекавшую ихъ на пути мало согласные съ собственными интересами той и другой державы. Въ Европѣ созданной Вѣнскими трактатами, Россія приковала себя къ обѣимъ германскимъ державамъ союзомъ, который былъ угрозой и униженіемъ для Франціи и который повидимому возвеличивалъ Россію, въ сущности же былъ для нея еще бо́льшимъ зломъ, порабощая ее чужимъ цѣлямъ, отталкая ея правительство отъ народа и подавляя ея внутреннее развитіе. Россія, находясь во главѣ Священнаго Союза, была поставлена въ непріязненныя отношенія къ Франціи, но съ тѣмъ вмѣстѣ она была поставлена въ разладъ и съ собою, и стала символомъ самыхъ ненавистныхъ въ Европѣ началъ. Этотъ союзъ держался долго, но онъ не выдержалъ первой серіозной пробы, и рушился вслѣдствіе войны, гдѣ Россія была покинута своими союзниками, которымъ она всѣмъ жертвовала, и если Франція имѣетъ основаніе радоваться его паденію, то еще болѣе основаній къ тому имѣетъ Россія, освободившись отъ роли унизительной и пагубной для ея національности. Въ свою очередь, Франція едва ли что выиграла вслѣдствіе политики ставившей ее во враждебныя къ Россіи отношенія. И она также лишилась самостоятельности и свободы дѣйствій, и должна была во многомъ порабощать себя чужой политикѣ. Ея entente cordiale съ Англіей имѣетъ много сходства съ тѣмъ положеніемъ, какое Россія занимала въ Священномъ Союзѣ. Повидимому, она первенствовала, но на дѣлѣ она была исполнительницей чужихъ плановъ, которымъ жертвовала своими существенными интересами, также какъ и Россія на службѣ чужимъ и противнымъ себѣ началамъ забывала о себѣ какъ о народѣ, призванномъ къ жизни и имѣющемъ будущность. Вынуждаемая необходимостію положенія, Франція должна была часто идти туда куда не хотѣла, и дѣйствовать вопреки самой себѣ. Недавно одинъ изъ ея первоклассныхъ политическихъ людей, обозрѣвая событія послѣдняго времени, свидѣтельствовалъ, что правительство Франціи истощило весь запасъ ошибокъ какія только могло сдѣлать. Такъ или нѣтъ, но нельзя не согласиться, что Франція потерпѣла въ своей политикѣ тяжкія неудачи, и принуждена была видѣть какъ дѣла, ею возбужденныя, ускользали изъ ея рукъ и въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ обращались противъ нея. Наконецъ, она была врасплохъ застигнута событіями измѣнившими видъ Европы, и очутилась въ затрудненіяхъ, которыя отнимали у ней всякую свободу выбора и изъ которыхъ ей было приходилось пробиваться мечомъ. Что же было причиной всему этому? Произошло ли все это отъ недальновидности

или неискусства ея политики? Нѣтъ, никто не можетъ отказать въ великихъ государственныхъ достоинствахъ нынѣшнему властелину Франціи; никто не скажетъ, чтобы руководимое имъ правительство было не способно или не соотвѣтствовало своему призванію. Эти ошибки, эти *минусы* французской политики за послѣднее время, были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ того положенія, которое было создано въ Европѣ Восточной войной и устраненіемъ Россіи; они были послѣдствіемъ того вынужденнаго союза, который приковалъ Францію къ политикѣ Англіи, и той разобщенности, въ которой Франція очутилась, когда совокупное дѣйствіе западныхъ державъ прекратилось. Дабы могло вступить въ силу то политическое начало, которое недавно было провозглашено французскимъ правительствомъ, — дабы возможна была свобода союзовъ, или что то же, свобода дѣйствій, — необходимо чтобы недоразумѣнія между Россіей и Франціей исчезли, чтобы между ними установились отношенія дружелюбныя, хотя и не исключающія возможности столкновеній, но дающія чувствовать ее для того чтобъ еще болѣе цѣнить взаимныя выгоды пріязни и согласія. Только Россія, производя подобающее ей дѣйствіе въ Европѣ, можетъ освобождать Францію отъ вынужденныхъ союзовъ; только Франція, обладающая полною свободой дѣйствій, можетъ въ свою очередь условливать свободу дѣйствій для Россіи, и только благодаря такого рода отношеніямъ между этими двумя державами, каждая изъ остальныхъ можетъ слѣдовать своей естественной политикѣ, отвѣчая за нее собственными силами.

№ 118.

Москва, 30-го мая.

Амнистія Высочайше дарованная Полякамъ высланнымъ подъ надзоръ полиціи во внутреннія губерніи знаменуетъ, какъ можно заключать, важную перемѣну въ системѣ правительственныхъ дѣйствій по польскому вопросу. Палліативныя мѣры направленныя противъ лицъ, находимыхъ опасными или вредными, могутъ имѣть лишь временное значеніе. Чѣмъ скорѣе и рѣшительнѣе совершается переходъ отъ такихъ мѣръ, имѣющихъ дѣло лишь съ послѣдствіями и признаками, къ такимъ которыя имѣютъ дѣло съ причинами, тѣмъ лучше. Всякій пойметъ что, пока остаются въ силѣ причины, послѣдствія неизбѣжны, и что дабы предотвратить ихъ необходимо устранять причины.

Человѣкъ подлежитъ вмѣненію. Но кара постигающая виновнаго не приноситъ пользы обществу, если не сопровождается измѣненіемъ того порядка вещей, который ставитъ людей часто въ необходимость дѣйствовать пагубнымъ для себя и для общества образомъ. Правительственная мудрость состоитъ именно въ томъ, чтобы предупреждать преступныя и вредныя дѣйствія, устраняя причины, которыя порождаютъ ихъ. Страхъ каръ не всегда отклоняетъ людей отъ пагубнаго пути, на который влечетъ ихъ сила вещей. Часто самое ничтожное или очевидно дурное дѣло получаетъ силу и обаяніе для людей именно вслѣдствіе опасностей и жертвъ, которыя бываютъ сопряжены съ нимъ.

Какъ вообще побужденія, а не фактъ, опредѣляютъ преступный характеръ дѣяній, такъ и собственно политическій характеръ преступленія существенно опредѣляется не фактомъ, а причинами, которыя порождаютъ его. А потому, когда рѣчь идетъ о политическихъ преступленіяхъ, то въ виду можно имѣть только тѣ дѣйствія, которыя достаточно объясняются причинами политическаго свойства. Пьяная толпа можетъ надѣлать всякаго буйства, но что бы она ни надѣлала и какой бы отвѣтственности не подлежали виновные, такого рода дѣйствіе не можетъ имѣть серіознаго политическаго значенія, если нѣтъ причинъ, которыя имѣли бы такое значеніе.

Страшная память покушенія 4-го апрѣля никогда не изгладится въ нашемъ народѣ. Къ несчастію, оно осталось не разъясненнымъ въ своемъ политическомъ значеніи. Если оно было дѣломъ только полупомѣшаннаго и испорченнаго мальчишки, то серіознаго политическаго характера оно не имѣетъ. Здравый смыслъ отказывается допустить, чтобы въ кружкѣ недоучившихся студентовъ и гимназистовъ, посреди народа, духъ и настроеніе котораго обнаруживаются съ поразительною очевидностію, и притомъ въ такую пору, когда преданность и любовь къ Государю проявлялась въ русскомъ обществѣ съ особенною силой и патріотическое одушевле-

ніе овладѣвало старымъ и малымъ, и сливало всѣхъ воедино,—могъ не только возникнуть планъ цареубійства, но и войдти въ силу рѣшенія. Это неестественно, это невозможно, это выходитъ изъ всякаго вѣроятія, и ничего подобнаго не оказывается въ обстоятельствахъ дѣла, сколько оно извѣстно публикѣ. Фанатизмъ, если онъ не простое помѣшательство, долженъ имѣть достаточныя причины, ибо безъ причины ничего не бываетъ. Какой же политическій фанатизмъ могъ развиться въ вышесказанной средѣ нѣсколькихъ почти несовершеннолѣтнихъ нигилистовъ не только не возбужденный и не поддержанный ничемъ въ окружающемъ обществѣ, но долженствовавшій ежеминутно и на каждомъ шагу чувствовать свое одиночество? Для чего вдругъ могло понадобиться этой средѣ школьниковъ, оторванныхъ отъ народа и ни къ чему не примыкавшихъ, совершеніе такого страшнаго преступленія, и притомъ именно въ 1866 году? Итакъ, если это покушеніе имѣло серіозное политическое значеніе, то искать это значеніе слѣдуетъ не въ той средѣ, откуда оно вышло, а въ какихъ-либо другихъ причинахъ, которыя остались не раскрытыми. Только какими-либо искусственными вліяніями могла быть возбуждена въ кружкѣ нѣсколькихъ потерянныхъ молодыхъ людей преступная мысль дошедшая въ одномъ изъ нихъ до дѣла, которое привело въ ужасъ всю Россію. Если это не было явленіе чисто патологическаго свойства, если, повторимъ, въ немъ было что-нибудь политическое, то истинныя, хотя и отдаленныя, причины покушенія 4-го апрѣля надобно искать въ другихъ общественныхъ средахъ, и объяснять происхожденіе его дѣйствіями какихъ-либо интересовъ, которымъ нужна всякая смута и потрясеніе въ Русскомъ государствѣ. Преступленіе, орудіемъ котораго явился нигилизмъ, можетъ быть объясняемо тѣми же самыми политическими интересами, которымъ было пріятно и полезно развитіе самого нигилизма въ русской недоучившейся молодежи, какъ и вообще распространеніе разлагающихъ ученій въ русскомъ обществѣ. Очевидно, что интересы эти не могутъ быть русскіе интересы, и что, напротивъ, они могутъ быть лишь какими-либо враждебными Русскому народу интересами. Можемъ ли мы не знать, что такіе интересы, къ величайшему несчастію нашему, имѣются въ нашемъ отечествѣ, и что они созданы нашею собственною политикой? Въ Россіи есть много отрывочныхъ и мелкихъ, безконечно разнообразныхъ племенъ: но политическая національность въ ней можетъ быть только одна, какъ можетъ быть только одно государство. Въ Россіи можетъ быть допущена всякая свобода, но не можетъ быть допущено никакой другой власти, кромѣ русской. Всякая *обязательная* организація не-русской національности въ Русскомъ государствѣ всегда будетъ источникомъ дурныхъ политическихъ интригъ, а наконецъ и политическихъ преступленій. Другаго источника серіозныхъ политическихъ преступленій въ Россіи нѣтъ.

Обильнымъ источникомъ политическихъ преступленій всякаго вида и всѣхъ размѣровъ всегда было въ нашемъ отечествѣ польская организація. Преступленіе 25-го мая не требуетъ никакихъ разъясненій, и политическій характеръ его совершенно очевиденъ. Покушеніемъ Березовскаго у Булонскаго лѣса въ Парижѣ завершается безчисленное множество преступныхъ дѣйствій, отдѣльныхъ и совокупныхъ, которыми ознаменовалось возбужденіе польскаго вопроса и которыя у всѣхъ въ свѣжей памяти. Предъ нашими глазами разыгрался безумный мятежъ, который стоилъ столько крови и причинилъ столько бѣдствій. Всѣмъ извѣстны гнусные способы, какими дѣйствовали агенты тайнаго польскаго правительства; всѣмъ извѣстно какое множество жертвъ погибло отъ кинжала и веревки палачей этого правительства; всѣмъ извѣстенъ цѣлый рядъ покушеній въ Варшавѣ на жизнь намѣстниковъ Царства, въ томъ числѣ Государева Брата. Покушеніе Березовскаго только завершило собою этотъ рядъ. Здѣсь нечего искать причинъ, онѣ очевидны; но если не требуется искать ихъ, то надобно тѣмъ не менѣе стараться ихъ уразумѣть, дабы принять наконецъ съ полною рѣшимостію всѣ разчитанныя къ устраненію ихъ мѣры.

№ 119.

Москва, 31-го мая.

Г. фонъ-Бейстъ произнесъ на дняхъ въ рейхсратѣ рѣчь, которая по многимъ причинамъ заслуживаетъ вниманія. Счастли-

вый государственный мужъ, умѣвшій обратить въ пользу себѣ бѣдствія своей родины, въ продолженіе почти пятнадцати лѣтъ ввѣрявшей ему свои судьбы, выступилъ на австрійскую трибуну со свойственною ему самоувѣренностью, при помощи которой, къ общему удивленію, онъ успѣлъ остановить на себѣ выборъ императора Франца-Іосифа. Если бы для политическаго успѣха нужна была только эта самоувѣренность, то австрійское правительство не могло бы вѣрить свои интересы въ лучшія руки; оно немедленно возмѣстило бы всѣ свои внѣшнія утраты и вмѣстѣ съ тѣмъ преодолѣло бы всѣ внутреннія затрудненія; но опытъ доказываетъ, что недостаточно имѣть о самомъ себѣ высокое мнѣніе, а надобно оправдать его на дѣлѣ серіозными способностями и результатами своей дѣятельности. Что касается до государственныхъ дарованій г. фонъ-Бейста, то они при немъ, но нельзя не сознаться, что доказательства этихъ дарованій мы напрасно стали бы искать въ результатахъ его дѣятельности въ Саксоніи и въ Австріи. Извѣстно только, что суетясь безпрерывно, и являя собой подобіе орла запертаго въ курятникѣ, г. фонъ-Бейстъ успѣлъ послѣ пятнадцати-лѣтней дѣятельности своей сдѣлать изъ Дрездена пруоскую префектуру, а изъ Саксонскаго короля нѣкотораго рода генералъ-губернатора снабженнаго весьма ограниченнымъ полномочіемъ и дѣйствующаго по соизволенію Отона графа Бисмарка. Сколько можно судить о дѣлахъ еще текущихъ, то изъ государственной дѣятельности г-на фонъ-Бейста въ Австріи оказывается ясно только то, что онъ поставилъ Вѣнскій кабинетъ въ необходимость объявить, что *Славянъ надобно припереть къ стѣнѣ*, то-есть, что надобно притѣснять большинство подданныхъ австрійскаго императора въ пользу меньшинства, которое и само разъединено на двѣ группы готовыя схватиться одна съ другою. Не менѣе явствуетъ и то, что со времени вступленія г. фонъ-Бейста въ должность первенствующаго министра Австріи, эта держава еще болѣе утратила свое вліяніе въ Германіи, и что второстепенныя германскія государства все болѣе и болѣе подвергаются притягательной силѣ Пруссіи, которой стоитъ только растворить свою пасть чтобы проглотить этихъ бѣдныхъ южно-германскихъ птичекъ. Наконецъ, Вѣнскій кабинетъ не умѣлъ и хорошо скрыть свое желаніе отмстить Пруссіи. Удивляться ли, что въ Восточномъ вопросѣ, австрійское правительство, показавъ сначала видъ хлопотливой заботливости о христіанахъ, поспѣшило отречься отъ нихъ какъ скоро убѣдилось, что Россія не допуститъ Австрію проглотить Боснію и Герцеговину?

Таковы факты, которые неумолимая исторія впишетъ въ послужной списокъ г. фонъ-Бейста. Эти-то факты, вѣроятно, и побудили его сказать въ приступѣ къ произнесенной имъ рѣчи, „что принятая имъ на себя обязанность не легкое бремя.“ Онъ сказалъ бы правду, и никто не сдѣлалъ бы ему упрека въ *излишней скромности*, упрека, который онъ старался отразить заранѣе, еслибъ онъ прямо сознался, что взялся за дѣло не только трудное, но рѣшительно невозможное.

Это дѣло г. фонъ-Бейстъ опредѣлилъ очень ясно, сказавъ: „что положеніе Австріи относительно иностранныхъ государствъ, ея вліяніе и кредитъ могутъ „быть возстановлены только въ томъ случаѣ, когда осуществится соглашеніе съ „Венгріей, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ конституціонный порядокъ вещей будетъ „обезпеченъ для прочихъ земель монархіи и вступитъ въ силу либеральное „управленіе.“

Было бы слишкомъ долго исчислять все что въ этой программѣ есть химерическаго, противорѣчиваго и практически-невозможнаго. Достаточно сказать, что соглашеніе съ Мадьярами достижимо только при обезпеченіи за ними права притѣснять и гнести Словаковъ, Русскихъ, Хорватовъ, Сербовъ, Румыновъ и Саксовъ, живущихъ отчасти въ самой Венгріи, отчасти въ странахъ, на которыя предъявляетъ притязаніе мадьярское властолюбіе. При такихъ условіяхъ не можетъ быть соглашенія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Много-много если образуется временная стачка мадьяро-нѣмецкая, за несправедливости и насилія коей Австріи придется въ послѣдствіи дорого поплатиться. Это соглашеніе одного свойства съ тѣмъ, о которомъ г. фонъ-Бейстъ умышленно ни слова не молвилъ въ своей рѣчи,—съ тѣмъ котораго онъ имѣлъ въ виду достигнуть въ Галиціи, предавъ во власть графа Голуховскаго и его польскихъ поборниковъ два съ половиной милліона Русскихъ, съ

безразсудным намѣреніем прижать их къ нашей стѣнѣ. Венгрія, въ силу этого соглашенія, представляетъ собой теперь точное повтореніе того, что мы видимъ въ цѣлой Австрійской монархіи, и если этой монархіи трудно существовать, то нѣтъ причины, почему было бы легче существовать Венгріи, и тѣмъ паче нѣтъ причины, почему улучшилось бы положеніе Австріи вслѣдствіе того что ея затрудненія придется помножить на затрудненія Венгріи, Галиціи и т. д. Г. фонъ-Бейстъ обѣщаетъ встрѣтить строгимъ взглядомъ тѣхъ австрійскихъ подданныхъ, которые надняхъ были нашими гостями, но положеніе Австріи было бы завидное, еслибъ австрійскимъ государственнымъ людямъ было достаточно строгихъ взглядовъ чтобы выпутываться изъ самыхъ грубыхъ своихъ ошибокъ.

Впрочемъ, мы сообщимъ рѣчь г. Бейста in extenso, предоставляя читателямъ самимъ измѣрить всю широту его оптимизма. Но мы не можемъ не указать теперь же на одно забавное мѣсто этой рѣчи. Г. фонъ-Бейстъ три или четыре раза упоминаетъ о Люксембургскомъ дѣлѣ, выставляя на видъ успѣшное *посредничество* въ немъ Австріи, и приписывая съ невѣроятною безцеремонностью Вѣнскому кабинету всю заслугу мирнаго разрѣшенія этого вопроса. Чтобы говорить такимъ языкомъ съ парламентской трибуны, чтобы высказывать подобныя увѣренія о дѣлѣ, столь недавнемъ, какъ Люксембургское, тогда какъ всякій знаетъ, что всѣмъ европейскимъ кабинетамъ и даже всѣмъ газетамъ, почерпающимъ свои показанія изъ надежныхъ источниковъ, вполнѣ извѣстны наимельчайшія подробности переговоровъ, которые предшествовали Лондонской конференціи и повели къ ней, на это, безспорно, нужно необыкновенное дарованіе...

Единственное участіе австрійской политики въ Люксембургскомъ вопросѣ состояло въ предложеніи, которое никакъ не могло быть принято Пруссіей, которое было исполнено опасностей для европейскаго равновѣсія и клонилось только къ удовлетворенію французскихъ притязаній, а это удовлетвореніе послужило бы сигналомъ къ тѣмъ захватамъ, къ которымъ Австрія уже приготовлялась сосредоточивая свои войска на границѣ Герцеговины. Предложеніе Австріи, истекавшее изъ неисчерпаемой инициативы г. фонъ-Бейста, состояло въ слѣдующемъ: уступить Люксембургъ Бельгіи, выведя, разумѣется, прусскія войска изъ крѣпости, а бывшее герцогство Бульойнское и нѣкоторые пограничные округи Бельгіи отдать Франціи, то-есть произвести произвольный размѣнъ земель, людей, интересовъ теперешнихъ и будущихъ! И все это великія державы должны были бы утвердить изъ уваженія къ изобрѣтательному уму г. Бейста! Нечего и говорить, что это предложеніе послужило только къ забавѣ телеграфистовъ, которымъ пришлось сообщать его во всѣ европейскія столицы. Оно было отвергнуто всѣми голосами, за изъятіемъ одного, и прежде еще открытія Лондонской конференціи уже покоилось на обширномъ кладбищѣ, которое исторія посвятитъ неживущимъ, но многочисленнымъ порожденіямъ г. фонъ-Бейста.

Покойный лордъ Пальмерстонъ любилъ приправлять свои парламентскія рѣчи острыми словцами, которыя иногда доходили до балагурства, но онъ не вдавался въ область шутки такъ далеко, какъ г. фонъ-Бейстъ; онъ умѣлъ остановиться во время и принять снова серіозный тонъ. Остроумному премьеру Австріи не худо было бы и въ этомъ отношеніи не отставать отъ англійскаго министра.

№ 120.

Москва, 1-го іюня.

Что такое польское дѣло? Такъ-называемые польскіе патріоты дѣлятся на два лагеря, Чарторыйскаго и Мѣрославскаго, и эти два лагеря на ножахъ между собою: мы видимъ, что польское дѣло не въ силахъ соединить даже своихъ защитниковъ; посмотримъ же, съ кѣмъ соединяются они внѣ польской среды. Въ Австріи они дѣйствуютъ въ союзѣ съ Мадьярами, и притомъ именно съ тѣхъ поръ какъ Мадьяры выступили враждебно противъ австрійскихъ Славянъ, коимъ принадлежитъ большинство въ Австріи и должна очевидно принадлежать будущность. Точно также на Австрію, въ ея теперешнемъ видѣ, они стали возлагать надежды особенно послѣ того, какъ битва при Садовой обнаружила ея несостоятельность. Но всего разительнѣе отношенія, въ которыхъ такъ-назы-

ваемые патріоты польскіе находятся къ Турціи. Теперь наступаетъ пора, когда весь свѣтъ начинаетъ признавать за турецкими христіанами право на существованіе, и именно въ это время польскіе патріоты, не только красные, но и бѣлые, или полубѣлые, какъ напримѣръ, Лянгевичъ, переходятъ въ исламъ, чтобы подъ турецкимъ знаменемъ оспаривать у христіанъ, отчасти своихъ единоплеменниковъ, это право на существованіе. Поляки спѣшатъ въ Турцію, чтобы подавлять геройскія усилія христіанскихъ племенъ и поддерживать агонію „больнаго человѣка," уже успѣвшаго убѣдить почти всѣхъ прежнихъ защитниковъ своихъ въ своей неспособности жить изъ собственныхъ силъ. Чѣмъ объяснить эту симпатію ко всему, что враждебно прогрессу и жизни, ко всему, что подвергается разложенію и тлѣнію? Есть пословица: *скажи съ кѣмъ ты водишься, и я скажу тебѣ кто ты таковъ*. По тому, что привлекаетъ къ себѣ сочувствіе витязей польской идеи, можно судить о ея значеніи въ политическомъ мірѣ и ея внутреннемъ достоинствѣ. Такого банкротства не могло бы быть, еслибъ она имѣла какую-нибудь дѣйствительную почву, еслибъ она въ какомъ-нибудь смыслѣ была народною идеей. Польщизна до такой степени отдѣлилась отъ народной жизни, что собственно народъ вездѣ враждебенъ польщизнѣ. Не говоримъ о Царствѣ Польскомъ, гдѣ народъ преданъ Россіи, несмотря даже на крамолы духовенства, но въ самой Галиціи, и притомъ не восточной, заселенной народомъ русскимъ, а въ такъ-называемой польской, или западной Галиціи, можно каждый день опасаться возстанія Мазуровъ противъ Поляковъ. Польская идея есть идея псевдо-національная, и вотъ почему инстинктъ влечетъ ее къ союзу со всѣмъ, что фальшиво и лишено задатковъ жизни, и вотъ почему она ищетъ себѣ опоры во лжи, клеветѣ и измѣнѣ, въ этой *галенродычности*, какъ сами Поляки называютъ эту несчастную принадлежность польскаго патріота, по имени одного изъ героевъ больной поэзіи Мицкевича.

А между тѣмъ, должно сознаться, эта безсильная, всякой почвы лишенная польская идея служитъ не малымъ затрудненіемъ для Россіи. Народъ ея великъ и исполненъ жизненной силы; Русское государство могущественно, и всегда выходило изъ испытаній сильнѣе и здоровѣе прежняго: откуда же беретъ польская идея смѣлость вступать въ неравную борьбу? Въ самой себѣ она не можетъ почерпать эту смѣлость, а иностранная поддержка достаточно обнаружила въ 1863 году свой истинный характеръ, и потому польская идея не можетъ возлагать на нее серіозныя надежды, въ настоящую же минуту не возлагаетъ никакихъ. Откуда же берется живучесть польской идеи, столь пагубная для своихъ адептовъ и такъ чувствительно вредящая Россіи? Польская идея не имѣетъ корней, не имѣетъ и силы. Она порождена собственною ошибочною политикой Россіи, и сила ея зависитъ отъ того, какъ относятся къ ней вліятельные люди въ Россіи. Мы не говоримъ о тѣхъ немногихъ изъ русской среды, которые благопріятствуютъ польской идеѣ, потому что компрометтированы и боятся разоблаченій. По большей части ошибочныя отношенія къ польской идеѣ происходятъ отъ смѣшенія понятій о гуманности. Предметомъ гуманности, человѣчности, можетъ быть только человѣкъ. Гуманность къ идеѣ есть безсмыслица. Потворство идеѣ несостоятельной и неосуществимой есть жестокость, а не гуманность; точно также, какъ жестокость, а не гуманность возбуждать въ людяхъ ожиданія и надежды, которыя исполнить мы не можемъ. Фальшивая гуманность къ идеѣ исключаетъ истинную гуманность, относящуюся къ лицамъ: многія суровыя мѣры противъ лицъ не были бы, конечно, приняты, еслибы въ то же время не было дѣлаемо идеѣ уступокъ препятствующихъ умиротворенію западныхъ окраинъ Русской державы. Люди, въ которыхъ живетъ польская идея, очень хорошо знаютъ, что ея осуществленіе несовмѣстимо съ Русскимъ государствомъ: что же должны они думать о тѣхъ Русскихъ, которые стараются ввести въ правительственныя дѣйствія терпимость къ польской идеѣ? Могутъ ли они отказаться отъ своихъ притязаній, видя, что даже изъ Русскихъ иные потворствуютъ этимъ притязаніямъ, а другіе смотрятъ на нихъ сквозь пальцы? Что кромѣ раздраженія и долженъ вносить такой ходъ дѣлъ въ польскую среду?

Остановимъ вниманіе на одной изъ главнѣйшихъ мѣръ къ умиротворенію западнаго края, на той, которая имѣетъ цѣлію содѣйствовать водворенію тамъ русскаго

землевладѣнія. Эта мѣра состоитъ вопервыхъ въ томъ, что лица участвовавшія въ мятежѣ, приблизительно двадцатая доля всѣхъ тамошнихъ землевладѣльцевъ польскаго языка, обязаны продать свои имѣнія въ двухгодичный срокъ, истекающій 10-го декабря сего года, послѣ чего эти имѣнія должны поступить въ казну съ выдачей ихъ владѣльцамъ оцѣночной суммы въ государственныхъ бумагахъ, вовторыхъ въ томъ, что всѣ остальныя имѣнія того края отнынѣ не могутъ быть покупаемы лицами, причисляющими себя къ польской національности. Обѣ эти мѣры безукоризненны въ юридическомъ отношеніи, и если обратить вниманіе на то, что онѣ приняты вслѣдствіе вооруженнаго возстанія и сопровождавшихъ его неслыханныхъ злодѣяній, то онѣ должны быть признаны весьма льготными для подвергшихся имъ лицъ. Участіе въ мятежѣ ведетъ по существующему у насъ закону къ конфискаціи, и ея замѣна обязательною продажей въ продолжительный двухгодичный срокъ есть важная льгота. Остальные помѣщики-Поляки, которыхъ участіе въ вооруженномъ возстаніи не доказано, всѣ безъ исключенія, какъ достовѣрно извѣстно, содѣйствовали мятежу взносомъ *народной офяры;* они подвергнуты единственно тому стѣсненію, что отнынѣ не въ правѣ распространять свои владѣнія въ западномъ краѣ покупкой новыхъ. Такой исходъ они должны считать тѣмъ болѣе для себя льготнымъ, что имъ предоставляется полное право покупать имѣніе гдѣ угодно въ остальной Россіи, которая, какъ извѣстно, гораздо больше чѣмъ западный край, а потому даетъ достаточный просторъ для выбора на основаніи экономическихъ соображеній. Но эти мѣры, столь льготныя для лицъ, поражаютъ въ сердцѣ польскую идею: коль скоро въ западномъ краѣ водворится смѣшанное землевладѣніе, то исчезнетъ предлогъ притязаній на польское владычество въ этомъ краѣ, а безъ господства надъ Литвою и Русью польское дѣло утратитъ все то, что въ немъ есть особенно привлекательнаго для его поборниковъ. Вотъ почему указъ 10-го декабря 1865 года такъ озлобилъ умы, одержимые польскою идеей или ей сочувствующіе. Видя, что польскому дѣлу будетъ положенъ конецъ, какъ только этотъ указъ осуществится, они напрягли всѣ усилія, пустили въ ходъ всѣ интриги, рѣшились всѣмъ пренебречь и пожертвовать, лишь бы воспрепятствовать приведенію указа 10-го декабря въ дѣйствіе. Это съ ихъ стороны понятно. Понятно также и то, что непріязненная намъ часть иностранной печати представляетъ этотъ указъ въ фальшивомъ свѣтѣ: она видитъ, что съ исполненіемъ его навсегда устранится главная причина внутренней слабости Русскаго государства, весьма желательной для его сосѣдей и соперниковъ. Все это понятно, но совершенно не понятно, что въ нѣкоторыхъ русскихъ вліятельныхъ сферахъ указъ 10-го декабря не находитъ необходимой для его осуществленія поддержки, что въ однихъ онъ не вызываетъ должнаго сочувствія, а другими не оцѣнивается въ мѣру своей важности. Разительнымъ доказательствомъ тому служитъ странная исторія Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ. Мы не замедлимъ поговорить о ней нидіяхъ отдѣльно, по поводу интересной статьи, напечатанной въ сегодняшнемъ и вчерашнемъ №№ *Русскаго Инвалида*: „По вопросу о ссудахъ для покупки имѣній въ западномъ краѣ“.

№ 121.

Москва, 2-го іюня.

Мы давно обирались поговорить о Товариществѣ Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ; но это дѣло почти совсѣмъ заглохло: оно было ведено до того вяло, что было больно упоминать о немъ. Мы не знаемъ, правда, какъ пойдетъ оно и впредь; но статья *Русскаго Инвалида* „По вопросу о ссудахъ для покупки имѣній въ западномъ краѣ“ напечатана въ защиту и разъясненіе его дѣйствій, а это во всякомъ случаѣ можетъ быть принято за признакъ благопріятный. Вспомнимъ, что съ успѣхомъ Товарищества связано достоинство русскаго правительства, и будемъ надѣяться, что серіозность замѣшанныхъ въ этомъ дѣлѣ интересовъ возьметъ верхъ надъ затрудненіями и равнодушіемъ. Товариществу приходится наверстать не мало упущеній. Вотъ уже полтора года какъ дѣятельность его требуется настоятельно. Указъ 10-го декабря 1865 года долженъ бы немедленно вызвать его къ жизни, но что же мы видѣли? Послѣ 10-го декабря 1865 года прошло цѣлые восемь мѣсяцевъ,

прежде нежели уставъ Товарищества былъ составленъ и разсмотрѣнъ. Затѣмъ потребовалось безъ малаго три мѣсяца на то, что, какъ всѣ ожидали, должно было послѣдовать на другой или третій день по утвержденіи устава: лишь 1-го ноября 1866 года было открыто центральное правленіе Товарищества, составленное, какъ извѣстно, изъ лицъ назначенныхъ правительствомъ, такъ что никакихъ съѣздовъ, никакихъ общихъ собраній не было нужно для его составленія. Тутъ ничто не зависѣло отъ общественной инициативы, какъ не зависѣло отъ нея и направленіе занятій вновь открытаго центральнаго управленія. Къ сожалѣнію, оно сочло нужнымъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ только приготовляться къ открытію ссудныхъ кассъ въ Кіевѣ и Вильнѣ: все это время оно занималось составленіемъ инструкціи о дѣятельности ссудныхъ кассъ, о порядкѣ ихъ дѣлопроизводства и отчетности, а равно формъ для ихъ счетоводства. Лишь къ 1-му февраля воспослѣдовало „окончательное," какъ сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, составленіе этихъ инструкцій, и лишь въ февралѣ открыты ссудныя кассы. Но и это еще не значило что открыты операціи. Выдача ссудъ отложена, за небольшими исключеніями, еще на пять мѣсяцевъ: она назначена на 1-е іюля. Вдобавокъ объявлено, что 1-го іюля выдадутся ссуды только тѣмъ кто обратится въ ссудныя кассы съ ходатайствомъ о ссудѣ не позже 1-го мая, то-есть ранѣе того времени года, когда становится возможнымъ осматривать имѣнія. Само собой разумѣется, что при этихъ условіяхъ до 1-го мая ходатайствъ поступило мало, всего лишь на сумму 600.000 р. с. съ небольшимъ. Эти ссуды будутъ выданы, какъ надобно надѣяться, 1-го іюля, и затѣмъ опять наступитъ время роздыха. Вторая выдача ссудъ послѣдуетъ лишь 1-го января, то-есть когда имѣнія подлежащія обязательной продажѣ будутъ уже отобраны въ казну. Впрочемъ, можетъ-быть ссуды, назначаемыя къ выдачѣ на этотъ срокъ, будутъ утверждаться въ продолженіе всего полугодія; тогда операціи Товарищества получатъ, конечно, иной характеръ.

И еслибы время ушедшее на всѣ эти томительныя приготовленія оказалось достаточнымъ по крайней мѣрѣ на то, чтобъ обставить дѣло всѣмъ необходимымъ въ законодательномъ отношеніи! Но мы и этого не видимъ. Правда, нѣкоторые совершенно ясные вопросы получили свое разрѣшеніе. Сюда относится Высочайше утвержденное 26-го февраля положеніе комитета министровъ о томъ, что покупающій имѣніе съ аукціоннаго торга не подвергается потерѣ задатка отъ невысылки ему ссуды въ узаконенный 15-ти-дневный срокъ, а также и обнародованное вчера въ нашей газетѣ Высочайше утвержденное 29-го апрѣля положеніе того же комитета, предписывающее производить торги, вмѣсто девяти разныхъ губернскихъ городовъ, въ Кіевѣ и Вильнѣ, и притомъ производить ихъ періодически въ январѣ и іюлѣ. Польза этихъ постановленій очевидна, но то условіе, которое всего болѣе нужно для успѣшности дѣла, и котораго отсутствіе набрасываетъ на него самую невыгодную тѣнь, до сихъ поръ еще остается неисходатайствованнымъ, и какъ справедливо замѣчено въ *Русскомъ Инвалидѣ*, остается неисходатайствованнымъ единственно по недоразумѣнію. Мы имѣемъ въ виду правительственную гарантію процентовъ и погашенія по закладнымъ листамъ Товарищества. Эти закладные листы будутъ выпущены 1-го іюля. Размѣръ перваго выпуска будетъ весьма незначительный, но дабы кредитъ всего дѣла не пострадалъ въ глазахъ публики, курсъ, по которому они будутъ продаваться, не долженъ быть очень низокъ. Правда, что отъ низкаго курса не пострадаютъ заемщики. Тѣмъ изъ нихъ, которые возьмутъ ссуду изъ первыхъ пяти милліоновъ, она будетъ выдана наличными деньгами, по нарицательной цѣнѣ закладныхъ листовъ. Это привилегія важная, и за нее нельзя не благодарить министерство государственныхъ имуществъ, которое даетъ Товариществу средства предоставить эту привилегію первымъ заемщикамъ. По выдачѣ первыхъ пяти милліоновъ, дальнѣйшія ссуды будутъ дѣлаться уже закладными листами; заемщики сами должны будутъ продавать ихъ, подобно тому какъ это дѣлается въ городскихъ кредитныхъ обществахъ, во Взаимномъ банкѣ, въ поземельномъ банкѣ Херсонскомъ и т. д. Но къ тому времени цѣна закладныхъ листовъ западнаго Товарищества установится, и заемщики будутъ знать на что разчитывать. Примѣнять теперь же, на первыхъ порахъ, этотъ порядокъ къ Товариществу значило бы оттолкнуть отъ него заемщиковъ, и,

новторяемъ, нельзя не благодарить министерство государственныхъ имуществъ за ту поддержку, которая даетъ Товариществу возможность положить серіозное начало своимъ операціямъ. Нельзя сомнѣваться, что покупщики имѣній западнаго края поспѣшатъ воспользоваться этою важною льготой, что они будутъ другъ предъ другомъ стараться о скорѣйшемъ исходатайствованіи ссудъ, дабы ихъ ссуды попали въ число первыхъ пяти милліоновъ. Но чтобы Товарищество могло продолжать свою дѣятельность и далѣе, оно не должно подвергаться значительнымъ потерямъ на приплатѣ къ биржевой цѣнѣ тѣхъ закладныхъ листовъ, которые оно будетъ продавать за свой счетъ. Равнымъ образомъ и для довѣрія публики къ дальнѣйшему ходу операцій Товарищества необходимо чтобъ его закладные листы пользовались на биржахъ хорошимъ пріемомъ. Раздача пяти милліоновъ ссудъ есть незначительная доля того что должно быть сдѣлано Товариществомъ, дабы оно достигло своей цѣли, а оно непремѣнно должно достигнуть ея, потому что иначе поколебался бы авторитетъ не только Товарищества, но и русскаго правительства, которому въ этомъ дѣлѣ невозможно отступать. Правительство тутъ заручилось. Оно само учредило Товарищество и само, изъ государственныхъ средствъ, снабдило его основнымъ капиталомъ, состоящимъ изъ пяти милліоновъ 5 проц. билетовъ. Въ уставѣ Товарищества сказано, что оно должно выпустить подъ этотъ основный фондъ на 50 милліоновъ рублей закладныхъ листовъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Товарищество только тогда исполнитъ свое назначеніе, когда выдастъ ссудъ не менѣе 50 милліоновъ, и лишь послѣ того, какъ будутъ выданы въ ссуду всѣ эти 50 милліоновъ, можно будетъ сказать съ спокойнымъ сердцемъ, что русское правительство оказалось состоятельнымъ въ дѣлѣ, которое имъ было начато и принято на свою отвѣтственность. Но чтобъ это совершилось, закладные листы Товарищества должны имѣть удовлетворительный ходъ на биржахъ, а для этого они должны пользоваться довѣріемъ публики. Но мы спрашиваемъ, можетъ ли публика имѣть довѣріе къ дѣлу, которое пущено въ ходъ правительствомъ и имъ же завѣдуется, но къ которому само правительсто тѣмъ не менѣе заявляетъ свое недовѣріе, лишая его бумаги характера бумагъ, выпущенныхъ правительствомъ? Никто не можетъ имѣть притязанія, чтобы правительство гарантировало закладные листы городскихъ кредитныхъ обществъ. Эти общества пользуются полнымъ самоуправленіемъ и сами за себя отвѣчаютъ. Равнымъ образомъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не имѣло права требовать правительственной гарантіи по своимъ листамъ: это общество частное, частными людьми основанное и частными людьми управляемое. Не тѣмъ не менѣе извѣстно, что правительственная гарантія дана Обществу Взаимнаго Кредита, а Товариществу Пріобрѣтателей Имѣній западнаго края до сихъ поръ въ ней отказывается. Что же послѣ того должна думать публика, видя, что правительство колеблется гарантировать бумаги Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній западнаго края, хотя это Товарищество основано правительствомъ и управляется людьми, отъ правительства назначенными? Можно ли вѣрить этимъ людямъ, когда правительство само заявляетъ, что не вѣритъ имъ,—по крайней мѣрѣ, не вѣритъ имъ на столько, на сколько вѣритъ управленію Взаимнымъ Кредитомъ? Всѣ желающіе успѣха Товариществу съ особеннымъ удовольствіемъ прочли тѣ строки *Русскаго Инвалида*, въ которомъ говорится о гарантіи по бумагамъ Товарищества, какъ о дѣлѣ возможномъ и не осуществившемся до сихъ поръ лишь вслѣдствіе недоразумѣній.

Въ упомянутой статьѣ *Русскаго Инвалида* очень убѣдительно показано, что для правительства нѣтъ ни малѣйшаго риска гарантировать закладные листы Товарищества. Многіе недовольны тѣмъ, что ссуды дѣлаемыя Товариществомъ незначительны, и нерѣдко приходится слышать мнѣніе, что при теперешнихъ размѣрахъ ссудъ дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ не можетъ идти успѣшно. Не подлежитъ сомнѣнію, что чѣмъ больше можно занять денегъ подъ покупаемое имѣніе, тѣмъ легче купить его. Но банкъ основанный на круговомъ ручательствѣ испортилъ бы все свое дѣло, еслибы сталъ слишкомъ щедро выдавать ссуды: покупщики опасались бы обращаться къ нему за ссудами, чтобы не принять на себя отвѣтственности за другихъ. Развитіе операцій банка было бы подсѣчено въ самомъ основаніи. Если можно желать измѣненія

нѣкоторыхъ теперешнихъ правилъ оцѣнки, то развѣ только въ тѣхъ видахъ, чтобы губерніи многоземельныя и малолюдныя не имѣли преимущества предъ губерніями населенными гуще. Что же касается до общаго размѣра ссудъ, то онъ никакъ не долженъ быть возвышаемъ, и облегченія для заемщиковъ надобно искать не въ щедрой выдачѣ ссудъ, а въ другихъ комбинаціяхъ, могущихъ содѣйствовать покупщикамъ въ пріисканіи капиталовъ. Одною изъ наиболѣе полезныхъ комбинацій этого рода слѣдуетъ признать ту, которая предложена обществомъ смоленскихъ помѣщиковъ, и нельзя не благодарить центральное управленіе Товарищества за упомянутую въ *Русскомъ Инвалидѣ* готовность его вступить въ связь съ смоленскимъ обществомъ и выдавать его членамъ ссуды не только подъ покупаемыя ими имѣнія западнаго края, но и подъ ихъ смоленскія имѣнія. Эта комбинація достигаетъ цѣли, указываемой требователями щедрыхъ ссудъ, но въ то же время нисколько не увеличиваетъ страха круговой отвѣтственности. Только въ подобныя комбинаціи можетъ входить Товарищество. Заемщики должны быть вполнѣ обезпечены отъ риска потерь по круговой отвѣтственности. Но если заемщикамъ нечего опасаться круговой отвѣтственности, то тѣмъ менѣе можетъ правительство считать для себя опасною гарантію по закладнымъ листамъ. Эта гарантія существенно необходима. Она необходима, потому что только она можетъ дать всему дѣлу печать солидности. Она необходима для того, чтобы закладные листы имѣли удовлетворительный курсъ, но не менѣе необходима она и для того, чтобы заемщики не боялись круговой отвѣтственности. Если правительство отвѣчаетъ за закладные листы, то заемщики могутъ быть увѣрены, что правительство не допуститъ рискованныхъ ссудъ. При этомъ условіи круговая отвѣтственность будетъ только номинальная, а слѣдовательно и правительственная гарантія будетъ ни чѣмъ инымъ какъ нравственною поддержкой предпріятія. Смѣемъ думать, что эта нравственная поддержка должна быть дана Товариществу какъ можно скорѣе. Времени и такъ уже довольно упущено. Только быстротой и энергіей дѣйствій можно изгладить теперь тѣ неблагопріятныя впечатлѣнія, которыя оставлены въ публикѣ тѣмъ страннымъ ходомъ, который доселѣ имѣло это столь важное государственное дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ

№ 122.

Москва, 3-го іюня.

Обращаемся еще разъ къ вопросу объ усиленіи нашего купеческаго флота, по поводу помѣщеннаго въ нашихъ сегодняшнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ* заявленія Х. М. Вольдемара, издавна занимающагося этимъ важнымъ для нашей будущности вопросомъ. Тутъ прочные результаты могутъ быть достигнуты лишь при помощи твердо установленной и долгое время настойчиво выдерживаемой системы. Посредствомъ привилегій, субсидій и премій достигаются, хотя и очень легко, только обманчивые результаты: можетъ быть созданъ съ большими расходами флотъ, который, правда, до тѣхъ поръ пока привилегіи продолжаются, будетъ ходить подъ русскимъ флагомъ, но въ сущности останется болѣе или менѣе иностраннымъ. Свободное состязательство съ иностранными судами при теперешнемъ колоссальномъ развитіи всемірной морской торговли есть вообще дѣло отважное. Чтобъ имѣть тутъ успѣхъ, надобно положить прочное основаніе національному мореходству. Вотъ почему, помѣстивъ въ предыдущихъ нумерахъ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* статью г. Шаврова, которая высказывается за систему субсидій, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей на другой рядъ мѣръ, дѣйствующихъ менѣе быстро, но за то никогда не обманывающихъ. Къ этому ряду мѣръ принадлежатъ хорошо устроенныя морскія школы, практическое обученіе и разнаго рода мелкія поощренія. Эти средства не поглотятъ милліоновъ, а могутъ и должны постепенно вызвать свободную *національную* дѣятельность, которая современемъ войдетъ въ силу, сдѣлается прочнымъ пріобрѣтеніемъ Русскаго государства и надежнымъ основаніемъ для его международныхъ сношеній. Если бросить взглядъ на исторію мореходства, то легко замѣтить, что оно вездѣ развивалось лишь на основѣ личной свободной предпріимчивости. Правительство можетъ поддерживать эту предпріимчивость, но вызвать ее и управлять ею оно не въ силахъ, если въ при-

брежныхъ населеніяхъ не развита бодрая самодѣятельность и привычка стоять на своихъ ногахъ. Съ этимъ совершенно согласно, что тѣ мѣры, на которыя мы указываемъ какъ на всего болѣе дѣйствительныя и надежныя, по самому свойству своему не поддаются контролю правительства. Этотъ контроль не можетъ не быть бюрократическимъ контролемъ. Еслибы правительство захотѣло имѣть достаточный надзоръ за полезнымъ употребленіемъ мелкихъ суммъ, то на контроль во многихъ важнѣйшихъ случаяхъ пришлось бы израсходовать болѣе того, что̀ дается въ пособіе предпріятію. Но дѣло принимаетъ совершенно иной видъ, если за него берутся частныя лица. Частная общественная дѣятельность можетъ быстро исправлять ошибки, столь легко случающіяся въ новыхъ дѣлахъ; она можетъ даже правительственнымъ органамъ оказывать поддержку и предостерегать ихъ отъ безполезныхъ, дорого обходящихся попытокъ.

Предположеніе, возникшее на дорогихъ для насъ берегахъ Чернаго моря, обращается тоже къ пособію публики для сбора приблизительно 15.000 р., нужныхъ на изученіе вспомогательныхъ средствъ въ томъ морѣ, предпринимаемое обществомъ офицеровъ военнаго флота. Хотя цѣль эта очевидно полезная, и сумма на нее требуемая весьма незначительна въ сравненіи съ важностью для насъ морскаго дѣла, однако мы не можемъ согласиться съ основными принципами упомянутаго предположенія. Вмѣсто того чтобы требовать свободной народной дѣятельности для этой отрасли промышленности, которая, какъ научаетъ опытъ всего міра, преуспѣваетъ лишь при возможно-полной свободѣ всѣхъ классовъ народа,—въ упомянутой статьѣ предлагается основать мореходное развитіе на неволѣ мореходнаго люда, давъ прибрежному населенію разныя привилегіи, снабдивъ его землею, но за это обязавъ его матросскою службою. Даже старые матросскіе цехи въ новѣйшее время повсюду оказались дѣломъ непрактическимъ и теперь упразднены во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ въ наше время торговый флотъ пріобрѣлъ изумительное развитіе. Въ Сѣверной Америкѣ, Норвегіи, Греціи и т. д., не терпится ни малѣйшее ограниченіе личной свободы матроса. Въ наше время нельзя уже ожидать торговаго флота, способнаго къ *конкурренціи*, въ такой странѣ, гдѣ одному человѣку со дня его рожденія предписывается быть матросомъ всю его жизнь, а другому — штурманомъ или судостроителемъ. Положеніе каждаго моряка должно быть опредѣлено его личнымъ искусствомъ, его нравственнымъ достоинствомъ, его знаніями и наконецъ его капиталомъ. Впрочемъ, кто обладаетъ первыми качествами въ достаточной степени, тотъ найдетъ и капиталъ, который даже въ самыхъ бѣдныхъ деньгами странахъ легко составляется частію посредствомъ артельнаго соединенія моряковъ между собою, частію посредствомъ займа у людей, которые не могутъ сами строить корабли и плавать по морямъ, но могутъ содѣйствовать мореходству, дабы участвовать въ значительныхъ доставляемыхъ имъ выгодахъ. Мореходцы — ядро всего дѣла, и русское общество должно отыскивать ихъ тамъ, гдѣ они есть, гдѣ обстоятельства благопріятны для ихъ размноженія, и гдѣ вообще мѣстныя условія подаютъ наиболѣе надежды на развитіе судостроенія и мореходства. Распространять необходимѣйшія свѣдѣнія о чуждой намъ морской торговлѣ между населеніями рыболововъ и судостроителей, распространять особенно тамъ, гдѣ достаточно кораблестроительнаго лѣса—вотъ надежнѣйшая программа дѣйствій по этому важному государственному дѣлу. Съ этою цѣлью мы усердно рекомендуемъ вниманію читателей предложеніе Х. М. Вольдемара, которое помѣщено въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей *Современной Лѣтописи* и которое при весьма скромныхъ требованіяхъ обѣщаетъ сравнительно наиболѣе успѣха.

Недавно *Кронштадтскій Вѣстникъ* предложилъ въ своей передовой статьѣ, чтобы правительство даровало нѣсколькимъ отставнымъ флотскимъ офицерамъ въ продолженіе десяти лѣтъ по 100.000 рублей въ годъ, дабы они на полученныя ими деньги выстроили и такимъ образомъ завели непосредственно на казенный счетъ торговый флотъ. Принятіемъ предложеній подобнаго рода едва ли можно достигнуть чего-либо долговѣчнаго. Такими вспоможеніями изъ казны, несмотря на ихъ огромность, можно создать только призрачные результаты. Намъ всего нужнѣе прочное возбужденіе частной смышлености и дѣятельности. Зло проистекающее отъ недостатка свѣдѣній, можетъ быть устранено только пріобрѣтеніемъ свѣдѣній, и вотъ почему самымъ основательнымъ, если и не

самымъ эффектнымъ путемъ къ усиленію русскаго мореходства мы не обинуясь признаемъ вмѣстѣ съ г. Вольдемаромъ популяризацію свѣдѣній по этой части въ мѣстностяхъ представляющихъ удобную почву для ихъ воспріятія, и затѣмъ учрежденіе навигаціонныхъ школъ тамъ, гдѣ скажется сама собой потребность въ нихъ.

№ 123.

Москва, 6-го іюня.

Къ стыду нашему, есть у насъ вліятельные люди, которые прямо или косвенно стараются противодѣйствовать рѣшенію польскаго вопроса и готовы всѣмъ воспользоваться чтобы поколебать рѣшимость нашего правительства въ направленіи принятомъ имъ съ 1863 г. Эти интриги, впрочемъ, у насъ явленіе не новое. Когда въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія поднялся вопросъ о введеніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, дѣло это не пришло ни къ какимъ результатамъ, благодаря тому, что и тогда въ нашей административной средѣ нашлись люди пособившіе польской партіи отстоять польское дѣло.

Необходимость водворить въ западномъ краѣ русское землевладѣніе представилась въ сороковыхъ годахъ съ ясностью свойственною лишь вопросамъ не допускающимъ двухъ рѣшеній. Съ 1840 года, кіевскій и виленскій генералъ-губернаторы дѣлали настойчивыя представленія о необходимости этой мѣры. Время было тогда весьма благопріятное. Въ губерніяхъ Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской (не говоримъ о другихъ) находилось въ то время 840 казенныхъ имѣній, которыя могли быть тогда же розданы русскимъ дворянамъ дарственно, въ замѣнъ ли пенсій или на эмфитевтическихъ правилахъ имѣвшихъ силу при корольхъ польскихъ. Изъ названныхъ 840 имѣній, 430 имѣли менѣе 100 душъ, 285 отъ 100 до 500 душъ, 77 отъ 500 до 1.000, и 48 имѣній имѣли болѣе 1.000 душъ. Быстрое введеніе въ край тысячи или болѣе русскихъ фамилій, ознаменовавшихъ себя заслугами отечеству, произвело бы въ этомъ краѣ огромный нравственный переворотъ. Представленіе генералъ-губернаторовъ не получило однако надлежащаго развитія, благодаря примирительному движенію, которое обнаружилось въ средѣ польскаго дворянства тотчасъ же вслѣдъ за возникновеніемъ вопроса о введеніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Это движеніе, мало кому извѣстное въ наше время, выразилось тогда во внезапномъ стремленіи польскаго дворянства вступать на русскую государственную службу и отдавать дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, а также въ денежныхъ пожертвованіяхъ на учрежденіе этихъ заведеній и на надобности войскъ.

Извѣстно, что до 1840 года шляхта избѣгала государственной службы, такъ что правительство сочло нужнымъ обязать службой молодыхъ дворянъ западнаго края. Съ 1840 года, дворяне польскаго происхожденія вдругъ начали искать государственной службы. Во время квартированія въ западномъ краѣ 2 и 3 пѣхотныхъ корпусовъ, съ 1840 по 1846 годъ, опредѣлилось туда на службу болѣе 440 дворянъ мѣстныхъ уроженцевъ; въ Александровскій Брестскій и Полоцкій кадетскіе корпуса, съ 1842 по 1845, поступило 180 малолѣтнихъ дворянъ, и 505 человѣкъ получили паспорты на выѣздъ въ Петербургъ для опредѣленія на службу и поступленія въ разныя учебныя заведенія столицы. Въ то же время мѣстное дворянство западныхъ губерній сдѣлало добровольныя пожертвованія на содержаніе воспитанниковъ Александровскаго Брестскаго кадетскаго корпуса (по 57.000 ежегодно), на постройку дома для пансіона при Минской гимназіи (15.000 р.), на содержаніе изъ процентовъ при этомъ пансіонѣ воспитанниковъ изъ бѣднѣйшихъ дворянъ (15.000 р.), въ пользу Минскаго дѣтскаго пріюта (3.000 р.), на учрежденіе въ Ковнѣ института благородныхъ дѣвицъ (40.000 р.), на сооруженіе въ Ковнѣ лѣтняго лазарета для войскъ (22.000 р.), на устройство тамъ же бараковъ для кавалеріи (10.500 р.), на постройку въ Вильнѣ экзерцигауза (11.500 руб.), и т. д. Явился рядъ пожертвованій или на образованіе юношества къ правительственныхъ видахъ, или на доставленіе войскамъ, охранявшимъ внутреннее спокойствіе въ краѣ, удобства и успокоенія. Казалось бы, чего лучше! Подобное похвальное стремленіе въ гражданахъ честныхъ могло бы внушить полное довѣріе и къ будущимъ ихъ дѣйствіямъ. Но люди проницательные замѣчали, что обнаружившееся въ шляхтѣ движеніе происходило

единственно изъ желанія обмануть правительство. Тогдашній виленскій генералъ-губернаторъ, Ѳ. Я. Мирковичъ, повторялъ не однократно, что это шляхетское движеніе едва ли принесетъ добрые плоды и едва ли будетъ содѣйствовать перерожденію польскаго чувства и образа мыслей. По его мнѣнію, стараніе привлекать молодыхъ людей къ государственной службѣ тогда бы только могло принести плодъ, когда бы въ западномъ краѣ получила осѣдлость часть кореннаго русскаго дворянства, которая послужила бы ядромъ для присоединенія къ нему мѣстныхъ уроженцевъ. Но нашлись господа, которые въ этомъ броженіи польской шляхты увидѣли необходимость *примиренія съ Поляками, дабы не ожесточить ихъ дѣйствіями въ русскомъ смыслѣ*. Эти защитники польскаго дѣла сумѣли отодвинуть на задній планъ вопросъ о введеніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, и не захотѣли понять тайнаго смысла дѣйствій польской партіи.

Какіе же мы получили результаты отъ казеннаго воспитанія шляхты и наполненія ею нашихъ присутственныхъ мѣстъ? Посылая дѣтей своихъ въ правительственныя учебныя заведенія и жертвуя деньгами на ихъ учрежденіе, польская партія создала особую теорію, быстро распространившуюся въ западномъ краѣ, о томъ, какъ и чему должна учиться польская молодежь. Въ трактатѣ объ этомъ предметѣ, имѣющемъ видъ чего-то въ родѣ воззванія, подъ заглавіемъ *Будемъ учиться (Uczmy się)*, излагаются наставленія для учащейся молодежи примѣнять каждую науку къ планамъ возстанія, и непрестанно съ дѣтства помышлять о заговорахъ и возмущеніяхъ. Что могло выйдти изъ дѣтей, которыя или сами получали подобныя наставленія, или жили въ средѣ проникнутой ими? Что могло сдѣлать воспитаніе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, когда молодые люди возвращались въ край гдѣ все землевладѣніе, все вліятельное и сильное представляло собою погибшую Польшу и жило ея духомъ?

Въ періодъ 1840—1846 годовъ, масса дѣтей поступила въ правительственныя учебныя заведенія. Въ слѣдующіе годы движеніе это еще усилилось. Какой же вышелъ результатъ? Какихъ людей дали намъ ученики 1840—1850 годовъ? Отвѣтъ на лицо. За исключеніемъ Мѣрославскаго, Ляпеновича и Гауке, всѣ остальные *довудцы* мятежа 1863 года, Гальэнзовскій, Сѣраковскій, Ружицкій, Рудницкій, Гейденрейхъ, Жвирждовскій были русскіе офицеры, ученики военно-учебныхъ заведеній или русскихъ гимназій и университетовъ. Наконецъ, случай неслыханный въ нашей арміи, до 120 офицеровъ польскаго происхожденія перебѣжали въ повстанскія банды, а втрое большее число были переведены внутрь имперіи при началѣ мятежа, такъ какъ они заявили, что не желаютъ бороться съ мятежниками.

Поступая на государственную службу, шляхта не искала примиренія; но она поняла, что овладѣвъ административными мѣстами въ нашемъ самодержавномъ государствѣ, она можетъ надѣлать всевозможнаго вреда Россіи, парализовать дѣйствія законодательной власти, разобщить правительство съ народомъ и развратить русское общественное мнѣніе. Вожди польской партіи высказывали неоднократно мысль, что Поляки должны стараться занимать мѣста на русской государственной службѣ, дабы de facto *въ Россіи властвовали не Русскіе, а Поляки*. Чарторыйскій первый показалъ примѣръ, какъ можетъ дѣйствовать Полякъ, прикрывшійся русскимъ мундиромъ, и зло имъ причиненное до сихъ поръ остается въ силѣ. Масса другихъ лицъ, менѣе извѣстныхъ, но не менѣе вредныхъ, состояли въ одно и то же время на службѣ русскаго царя и польскаго тайнаго правительства, и Богъ знаетъ когда бы разсѣялся туманъ охватившій русское общество въ періодъ 59—63 годовъ, еслибы рьяные повстанцы не начали рѣзать нашихъ сонныхъ солдатъ и вѣшать непокорныхъ имъ крестьянъ.

Польская знать, въ сороковыхъ годахъ, начала появляться въ Петербургѣ, и нужно ли говорить, какому дѣлу она служила? Въ то самое время когда русскіе пособники польскаго дѣла толковали о примиреніи съ Поляками и вступали въ сдѣлки съ польскою партіей, князь Адамъ Чарторыйскій, въ рѣчи своей 17-го ноября 1844 года въ засѣданіи польскаго историко-литературнаго общества въ Парижѣ, на основаніи полученныхъ имъ изъ западнаго края свѣдѣній, говорилъ: „Мысль о возстаніи, никогда громко не произносимая, извивается по всѣмъ направленіямъ, распространяется, утверждается и повсюду входитъ въ силу; постоянно умалчиваемая,

она тѣмъ не менѣе охватываетъ всѣхъ, носится надъ всѣми, и не даетъ никому ни покоя, ни отдыха."

Польскіе маневры, при помощи нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ, имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что правительственныя мѣры, предначертанныя покойнымъ государемъ для измѣненія высшихъ слоевъ западнаго края, остались безъ исполненія. О введеніи русскаго землевладѣнія на широкихъ началахъ была рѣчь, были собраны свѣдѣнія, но не было дѣла; русскій языкъ введенный повсемѣстно въ краѣ послѣ 1831 года, мало-по-малу сталъ замѣняться польскимъ; русскіе крестьяне испытали еще сильнѣйшій нежели прежде гнетъ польскихъ помѣщиковъ. Русскіе люди, содѣйствовавшіе тогда Полякамъ и доведшіе ихъ до мятежа 1863 года, могли оправдываться по крайней мѣрѣ тѣми наружными заявленіями со стороны польской шляхты, о которыхъ упомянуто выше и которымъ могли они придавать нѣкоторую цѣну по незнанію. Но чѣмъ могутъ оправдывать себя нынѣшніе благопріятели польскаго дѣла?

№ 124.

Москва, 7-го іюня.

Телеграфъ извѣстилъ насъ вчера о коллективной нотѣ европейскихъ державъ, настаивающей на необходимость послать на островъ Критъ европейскую слѣдственную коммиссію. Если вѣрить показанію вѣнской *Presse*, которое телеграфъ сообщаетъ намъ сегодня, то не только Англія не участвовала въ этомъ шагѣ, но и остальныя четыре державы не сошлись между собой на столько, чтобы сдѣлать тождественное предложеніе. Неужели въ этомъ заключается послѣднее слово дипломатіи, единственный результатъ вмѣшательства христіанскихъ державъ въ пользу несчастныхъ христіанъ Востока? Хотя къ такому исходу мы уже достаточно были приготовлены двусмысленнымъ характеромъ предыдущихъ переговоровъ, но нельзя не скорбѣть о немъ въ интересѣ человѣчества. Вотъ уже болѣе года Кандіоты борются геройски; воплями отчаянія, коими они требуютъ, чтобъ ихъ присоединили къ Греціи, оглашаются всѣ углы міра. Книги желтыя и синія, газеты всѣхъ оттѣнковъ, агенты всѣхъ державъ, свидѣтельствуютъ и возглашаютъ, что послѣ всѣхъ бѣдствій, вызвавшихъ теперешнее возстаніе христіанъ, послѣ пролитой въ теченіе цѣлаго года крови, поддержаніе турецкаго владычества на островѣ невозможно.

Слѣдовало бы, кажется, ожидать, что дѣло считается доведеннымъ до полной ясности, что въ немъ ужь нечего болѣе дознаваться, что въ немъ все уже извѣстно и доказано положительно и неопровержимо. О чемъ же будетъ освѣдомляться европейская коммиссія, которую дипломатія придумала въ Лондонѣ и Парижѣ? О желаніяхъ Критянъ? Но эти желанія они высказываютъ уже болѣе года самою единодушною, самою изступленною подачей голосовъ. О желаніяхъ Турціи? Но въ нихъ нечего сомнѣваться. Турки хотятъ мести или по меньшей мѣрѣ продолженія того самаго порядка вещей, которымъ вызваны теперешнія бѣдствія. Итакъ, европейской коммиссіи нечего будетъ дѣлать, кромѣ того только, чтобы заняться пріятною обязанностію исчислить сколько избито христіанъ, сожжено деревень, изнасиловано женщинъ, осквернено церквей, уморено голодомъ дѣтей и стариковъ. Намъ кажется, что съ цѣлью собиранія статистическихъ данныхъ этого рода европейскимъ державамъ неприлично нарядать коммиссію; для этого имъ достаточно ихъ консуловъ. Очевидно, что еслибъ европейское большинство *хотѣло* положить конецъ избіеніямъ на островѣ Критѣ и доставить его жителямъ освобожденіе, котораго они желаютъ, то державы объявили бы рѣшительно свою волю, предписали бы ее Туркамъ, не стали бы облегчать Омеру-пашѣ истребленіе христіанъ, прибѣгая къ ничтожнымъ дипломатическимъ увертамъ дабы затянуть дѣло.

Этотъ образъ дѣйствій очень похожъ на тотъ, котораго до судебной реформы такъ любили держаться подъячіе, разорявшіе тяжущихся тѣмъ, что затягивали дѣло ссылаясь на необходимость *справокъ*.

Недавнее минувшее доказываетъ намъ что бываетъ слѣдствіемъ этихъ европейскихъ *справокъ* и дипломатическихъ *отписокъ*. Не прошло еще семи лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ, по настоянію Россіи, державы подписавшія трактатъ 1856 года обязали Порту произвести слѣдствіе о положеніи христіанскаго населенія, порабощеннаго Турціи. Это слѣдствіе было поручено самому Мехмету-Киприсли-пашѣ, великому

визирю, при содѣйствіи иностранныхъ консуловъ. Онъ исполнилъ порученіе съ изумительною быстротой и обнародовалъ временный уставъ, состоявшій изъ двадцати одной статьи, уставъ, котораго анализъ лучше всевозможныхъ разглагольствій показываетъ размѣры зла, съ тѣкъ поръ еще постоянно возраставшаго, и въ то же время свидѣтельствуетъ къ какимъ средствамъ, при наилучшихъ условіяхъ, прибѣгаетъ Порта для уврачеванія зла.

1-я статья этого устава гласитъ:

„Въ виду множества разбойниковъ опу„стошающихъ страну, жители разныхъ „мѣстностей обязаны отвѣчать другъ за „друга и должны доносить правительству „о разбойникахъ и укрывателяхъ.“

Это сознаніе въ безсиліи турецкой администраціи положить конецъ разбойничеству повело только къ тому, что на мирныхъ христіанскихъ земледѣльцевъ стали сваливать отвѣтственность за злодѣйства совершаемыя мусульманами, и такимъ образомъ христіанъ, кромѣ обыкновеннаго разбойничества, котораго они и прежде всегда бывали жертвой, подвергли еще разбою административному.

Статьей 2-ю установлено взаимное ручательство съ тѣмъ: „Чтобы положить ко„нецъ насилію, которому молодыя дѣвуш„ки подвергаются отъ негодяевъ.“

Что сказать о такомъ общественномъ положеніи гдѣ честь молодыхъ дѣвушекъ приходится обезпечивать круговою порукой всего населенія?

Въ 4-й статьѣ постановлено: „законы перевести на разные туземные языки и обнародовать во всѣхъ частяхъ страны,“ — что однако до сихъ поръ не сдѣлано, вопреки 11-й статьѣ галти-гуммайюна, и доказываетъ, что допущеніе христіанъ въ турецкіе суды имѣетъ цѣлію только обмануть Европу, такъ какъ невозможно творить судъ не зная закона, на основаніи коего судъ долженъ совершаться.

Въ 5-й статьѣ снова подтверждается сборщикамъ податей и откупщикамъ „чтобъ „они не жили на счетъ деревень ими по„сѣщаемыхъ, и не принуждали крестьянъ „ни къ какимъ работамъ.“

Въ этой статьѣ за нарушеніе закона опредѣлены строгія наказанія, но не сборщикамъ податей и откупщикамъ, а „всѣмъ „кто дадутъ этимъ лицамъ безплатно пи„щу или что-нибудь другое,“ то-есть вся строгость закона за злоупотребленія падаетъ на христіанъ, страждущихъ отъ этихъ злоупотребленій.

Мы ограничиваемся этими извлеченіями, относящимися къ сферамъ соціальной, административной и финансовой, дабы доказать къ какимъ результатамъ приводятъ европейскія слѣдственныя коммиссіи въ Турціи. Но считаемъ однако не безполезнымъ пополнить наши доказательства фактомъ не подлежащимъ сомнѣнію и бросающимъ мрачный оттѣнокъ на случайности, къ коимъ эти слѣдствія подаютъ поводъ. По прибытіи своемъ въ Болгарію, великій визирь Мехмедъ-Киприсли-паша велѣлъ повѣсить четырехъ христіанъ въ деревнѣ Власотницѣ, принадлежащей къ Лесковацкому округу (Нишскаго пашалыка). Эти несчастные были: священникъ Стано Янковичъ, Георгъ Стоилковичъ, иначе Єточковъ, Архангелъ Милковичъ и Хаджи-Стаменко-Йовановичъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ они купили у Турка, по имени Сатифъ-бея, нѣкогда служившаго спагомъ, землю, за которую заплатили сто двадцать пять тысячъ піастровъ. Всѣ требуемыя закономъ формальности по этой покупкѣ были въ точности исполнены, и права покупателей были подтверждены спеціальнымъ фирманомъ. Пользуясь прибытіемъ великаго визиря, Сатифъ-бей задумалъ возвратить въ свое владѣніе проданную землю, но такъ какъ права новыхъ владѣльцевъ были слишкомъ очевидны и неоспоримы, то онъ обвинилъ ихъ въ заговорѣ и сношеніяхъ съ Сербіей. Несмотря на совершенный недостатокъ доказательствъ, его доноса было достаточно, чтобы невинныхъ христіанъ приговорили къ смертной казни.

Новые документы, которые англійское правительство само должно было представить парламенту, свидѣтельствуютъ въ сущности только о томъ, что съ 1860 года положеніе христіанъ въ Турціи съ каждымъ годомъ становится хуже и хуже.

№ 125.

Москва, 8-го іюня.

Адресъ представленный Государю Императору депутаціей прибывшею изъ Вар-

навы есть документъ весьма замѣчательный. Мы печатаемъ его ниже и приглашаемъ читателей обратить на него серіозное вниманіе. Нѣсколько представителей польской аристократіи въ Россіи испрашиваютъ у Государева намѣстника въ Варшавѣ разрѣшенія отправиться въ Парижъ, чтобы предъ лицомъ своего Государя протестовать противъ злодѣйскаго умысла на Его жизнь со стороны одного изъ своихъ „соотечественниковъ". Послѣ того что совершилось, каждое слово этого протеста должно краснорѣчиво свидѣтельствовать о настроеніи среды, изъ которой онъ выходитъ. Что же высказываютъ составители адреса? Они говорятъ прежде всего о „народахъ" подвластныхъ Его Величеству и о радости Поляковъ Царства Польскаго, что Провидѣніе сохранило жизнь Государя, драгоцѣнную для всѣхъ этихъ народовъ. Хотя это чувство радости должно само собой вытекать изъ вѣрности подданства, но тѣмъ не менѣе оно дорого и священно, и намъ больно его анализировать. Мы весьма желали бы хранить на этотъ разъ про себя убѣжденіе, что освобожденные хлопы, еще и до указа 19-го февраля 1864 года вѣрные и преданные своему Государю, явились бы болѣе искренними и безкорыстными истолкователями чувствъ народа привислянскихъ губерній, чѣмъ магнаты, къ сожалѣнію слишкомъ компрометтированные или въ мятежѣ, или во враждебности къ Русскому народу и государству. Думаемъ это мы на основаніи очень недавняго прошлаго, которое пока далеко не заглажено. Увлекательныхъ словъ было сказано съ той стороны слишкомъ много, но къ сожалѣнію дѣйствительность имъ не соотвѣтствовала? И Великому Князю намѣстнику, послѣ покушенія въ 1862 году, дѣлаемы были польскими дворянами горячія заявленія своего отвращенія къ злодѣю, что не мѣшало однако польскимъ же дворянамъ возвести злодѣя въ санъ мученика и въ послѣдствіи служить по немъ торжественныя панихиды; послѣ несостоявшагося покушенія на жизнь Цесаревича Константина Павловича, въ день открытія тогдашней революціи, паны тоже старались загладить неблагопріятное впечатлѣніе сентиментальными заявленіями. При всемъ томъ мы, повторяемъ, воздержались бы отъ подобныхъ сопоставленій, и не обратили бы вниманія даже на то, что Поляки составляли свой адресъ въ Варшавѣ отдѣльно отъ тамошнихъ Русскихъ, еслибы только эта демонстрація не сопровождалась такими особенностями, которыхъ мы давно не видывали, по крайней мѣрѣ съ 1862 года. Особенностей этихъ не мало. Вопервыхъ, варшавскіе магнаты, въ настоящемъ случаѣ, хотятъ явиться представителями не только польской шляхты той или другой губерніи Царства Польскаго; на что они могли получить полномочіе, даже не только польской націи въ предѣлахъ конгрессовки, къ чему они имѣютъ развѣ только географическій поводъ, и на чемъ они наружнымъ образомъ настаиваютъ, а того яко бы польскаго дворянства, которое обитаетъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ и къ которому принадлежитъ преступникъ. Они оправдываются отъ обвиненія въ солидарности съ нимъ, хотя никто не взводитъ на нихъ этого обвиненія: они протестуютъ такъ, какъ могло бы протестовать только развѣ дворянство Волынской губерніи. Такая спеціальная солидарность между Варшавой и Волынскою губерніей находится въ прямомъ противорѣчіи съ государственнымъ правомъ Россіи. Вовторыхъ, составители адреса съ очевиднымъ намѣреніемъ совсѣмъ упускаютъ изъ виду перемѣну, совершившуюся въ русской политикѣ послѣ мятежа 1863 года. Для нихъ эта перемѣна какъ бы не происходила. Они отвергаютъ всякую солидарность, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени своихъ „соотечественниковъ" (коихъ представительство они самовластно присвоиваютъ себѣ и предъ кѣмъ же? — предъ Монархомъ), съ тѣми разрушительными стремленіями, которыми были парализованы „великодушныя намѣренія Государя Императора относительно ихъ отечества" и вообще со всѣми тѣми, которые, „злоупотребляя гостепріимствомъ заграницей," занимаются революціонными кознями направленными противъ ихъ страны, то-есть съ польскою эмиграціей. Но что другое, спрашиваемъ, могли бы сказать подписавшіеся подъ адресомъ, еслибъ они оставались, и послѣ всего того, что совершилось, на той же самой точкѣ зрѣнія, которой представителемъ былъ до мятежа маркизъ Велёпольскій? Неужели всѣ пережитыя нами событія должны пройдти безслѣдно? Въ великодушіи намѣреній Государя Императора могутъ сомнѣваться только люди недобросовѣстные; эти намѣренія были столь же великодушны до мятежа, какъ

они великодушны теперь. Но измѣнившееся положеніе дѣлъ потребовало иныхъ способовъ дѣйствія, и развѣ мѣры принятыя послѣ мятежа,—мѣры оживляющія и обновляющія весь край, именуемый Царствомъ Нольскимъ, мѣры впервые дозволившія народу этого края порадоваться своей жизни, почувствовать надъ собою власть дѣйствительно доброжелательную, чего онъ въ продолженіи многихъ вѣковъ не зналъ вовсе,—неужели эти мѣры менѣе великодушны, чѣмъ та, по намѣренію своему безспорно столь же великодушная, но въ исполненіи оказавшаяся пагубною система, которая привела къ возстанію 1863 года? Неужели послѣ всѣхъ этихъ мѣръ и послѣ амнистіи объявленной лицамъ участвовавшимъ въ мятежѣ 1863 года, вѣрноподданные Варшавы не могли сказать по поводу событія 25-го мая ничего болѣе кромѣ повторенія старинной программы *бѣлой* партіи нольскихъ агитаторовъ, кромѣ столь же старинаго протеста противъ безтактности *красныхъ*, протеста, за которымъ довольно прозрачно сказывается апотеоза системы маркиза Велёпольскаго? Что иное можетъ значить этотъ выразительный намекъ „на великодушныя намѣренія“ относительно Польши, разрушенныя революціонерами, какъ не восхваленіе системы господствовавшей въ Царствѣ Польскомъ до 1864 года, системы устраненія русскихъ учителей и чиновниковъ, изгнанія изъ школъ русскаго языка, изъ суда и администраціи русскихъ законовъ, оплеванія русскихъ войскъ и медленнаго созиданія отдѣльнаго государства Польскаго подъ державой польскаго короля, которымъ до времени, правда, могъ быть и Русскій Императоръ? Мы были бы рады, еслибъ это толкованіе оказалось невѣрнымъ, и было устранено собственными объясненіями составителей адреса, но словами адреса оно вполнѣ оправдывается. Адресъ ясно говоритъ о той системѣ мыслей, изъ которой онъ возникъ. Выраженіе: „народы,“ подвластные Императору Александру, не есть ли прямое указаніе на эту злокозненную федеративную систему, которую такъ усердно проповѣдывали у насъ предъ взрывомъ польскаго мятежа и съ помощью которой ея проповѣдники надѣялись приравнять Россію къ Австріи и Турціи?

Итакъ, вотъ съ какими мыслями и съ какими внушеніями приходятъ польскіе депутаты къ Государю, который выше нежели кто-либо изъ Его Августѣйшихъ предмѣстниковъ поднялъ знамя русскаго единства и цѣлымъ рядомъ правительственныхъ мѣръ заявилъ о своемъ непремѣнномъ намѣреніи объединить и тѣ части ввѣренной Ему Богомъ державы, которыя, вслѣдствіе историческихъ причинъ, могли питать въ себѣ чувство отчужденія по отношенію къ Русскому государству. Варшавскіе депутаты протестуютъ, правда, противъ убійцъ и революціонеровъ: но противъ Березовскихъ и Каракозовыхъ протестуютъ всѣ честные люди; противъ нихъ протестуютъ не только подданные того Государя, на котораго эти злодѣи или безумцы поднимали пистолетъ, — противъ нихъ громко протестовали парижскіе блузники; притомъ никто никогда и не предполагалъ чтобы когда-либо существовала полная солидарность между подобными людьми и напримѣръ княземъ Адамомъ Чарторыйскимъ, полагавшимъ сѣмена вкушаемыхъ нами плодовъ въ нашемъ западномъ краѣ или графомъ Старжинскимъ, требовавшимъ отдѣльнаго управленія для этого края, или наконецъ тѣми подольскими дворянами, которые ходатайствовали о присоединеніи ихъ губерніи къ управленію Царства Польскаго, — а развѣ тѣ начала, которыми руководствовались эти агитаторы высшаго полета, менѣе „разрушительны“ для Россіи чѣмъ начала, проповѣдуемыя генераломъ Мѣрославскимъ, и развѣ не въ этихъ началахъ почерпаютъ свои мотивы тѣ преступники, которыхъ клеймитъ разбираемый нами адресъ, послѣ того какъ ихъ заклеймилъ весь свѣтъ? *Красные* польскіе патріоты, противъ которыхъ протестуетъ адресъ, всегда выражали не соціальныя, а только національныя стремленія. Соціализмъ они старались распространять между русскою молодежью, пользуясь встрѣчавшимися для нихъ благопріятными обстоятельствами; пропаганда соціалистическихъ и коммунистическихъ бредней въ Россіи входила въ ихъ систему, и они прямо высказывали это, но они, эти же самые красные, прибавляли, что готовятъ висѣлицу тому изъ своихъ адептовъ, кто вздумалъ бы проповѣдывать герценизмъ на польской почвѣ. Не соціальный, а политическій характеръ имѣютъ стремленія польской красной партіи, и внушены они не соціальною идеей, а тою самою польскою идеей, отъ которой не отказываются и бѣлые. Различіе между ними

и бѣлыми состоитъ лишь въ способѣ дѣйствій. Красные идутъ на проломъ; но дѣйствуя открыто, они менѣе опасны чѣмъ интрига, дающая имъ силу и въ то же время старающаяся обольстить насъ своимъ кажущимся миролюбіемъ. Интрига требуетъ тонкости, разчета, связей. Кто располагаетъ этими средствами, тотъ предпочтетъ ими пользоваться, пока можетъ надѣяться на ихъ успѣшное дѣйствіе: это вопросъ удобства. Но совершенно несправедливо, будто преступные способы дѣйствія составляютъ исключительную принадлежность красныхъ. Жандармы-вѣшатели брались изъ красныхъ, но деньги на ихъ содержаніе шли отъ бѣлыхъ, которые платили *обяру* безпрекословно. Наконецъ самый преступный и позорный изъ способовъ революціоннаго дѣйствія, цареубійство, отнюдь не отметался и бѣлыми, какъ видно изъ дрезденскаго совѣщанія, которое описано въ отчетѣ генерала Трепова и въ которомъ бѣлые принимали участіе. Отреченіе отъ солидарности съ красными не имѣетъ смысла, если не заключаетъ въ себѣ отреченія отъ польской идеи, заключающейся въ притязаніи поставить Польшу на мѣсто Россіи. Точно также не имѣетъ смысла, безъ этого условія, и отреченіе отъ солидарности съ эмиграціей. Значительная часть ея, и часть именно теперь наиболѣе вліятельная, состоитъ изъ бѣлыхъ. Варшавскіе депутаты протестуютъ противъ всякой солидарности съ эмигрантами; но въ заявленіяхъ, сдѣланныхъ тѣми и другими послѣ покушенія 25-го мая, не видно чувствительнаго различія. Въ заявленіи, подписанномъ генераломъ Замойскимъ, и во множествѣ другихъ заявленій наполняющихъ иностранныя газеты, точно также отвергается всякая солидарность съ цареубійцей, но говорится о Польшѣ какъ объ особой странѣ, не имѣющей ничего общаго съ Россіей, о народѣ польскомъ, какъ о народѣ не имѣющемъ ничего общаго съ народомъ Русскимъ, о польскомъ отечествѣ въ противуположность русскому отечеству. Весьма многіе изъ лицъ этого разряда, состоящихъ въ русскомъ подданствѣ, мы увѣрены, никогда не посягнутъ на жизнь своего Государя, не станутъ стрѣлять по Его намѣстникамъ и даже не вступятъ въ сношеніе съ уличными негодяями, чтобы вѣроломнымъ образомъ предавать смерти сонныхъ русскихъ солдатъ; но они не пренебрегутъ средствами чтобы склонить на сторону польской идеи этихъ намѣстниковъ и другихъ вліятельныхъ лицъ; ихъ симпатіи, желанія и надежды не имѣютъ ничего общаго съ симпатіями желаніями и надеждами остальныхъ подданныхъ ихъ Государя; поэтому они всегда постараются сбить съ толку тѣхъ, которыхъ можно сбить съ толку; они постараются обаять своимъ польскимъ консерватизмомъ наши высшіе классы, дабы отвлечь ихъ отъ русскаго національнаго дѣла и тѣмъ обезнародить ихъ; они будутъ называть варварствомъ и злодѣйствомъ то что вредно польской идеѣ и великодушіемъ то что гибельно для Россіи. Вотъ эти люди, съ которыми намъ совѣтуютъ примириться и про которыхъ намъ говорятъ, что они жаждутъ мира съ нами! Они можетъ-быть и дѣйствительно желаютъ мира, но на какихъ условіяхъ? Польша отъ Балтійскаго моря до Чернаго, восклицаютъ бѣлые эмигранты (въ адресѣ эмиграціи къ императору Наполеону), и варшавскій адресъ ни однимъ словомъ не протестуетъ противъ солидарности съ этимъ восклицаніемъ, какъ не протестуетъ и противъ другихъ упомянутыхъ нами ухищреній такъ-называемой бѣлой партіи между польскою шляхтой...

По счастію, подобныя идеи не имѣютъ ничего общаго съ массой жителей привислянскаго края. По свѣдѣніямъ, которыя къ намъ доходятъ черезъ газеты и частнымъ путемъ, масса тамошняго народа искренно радуется счастливому спасенію жизни своего Государя, и къ этой радости не примѣшивается никакой фальши, никакой задней мысли. Эти населенія, по полученіи извѣстія о покушеніи 25-го мая, и не подумали, что ихъ могутъ заподозрить въ солидарности съ злодѣемъ; они, точно также какъ и мы внутри Россіи, поспѣшили въ свои храмы и также какъ мы пѣли *Боже Царя храни*. Для нихъ опасность, которой подвергался нашъ общій Государь, послужила поводомъ не для обозначенія еще разъ стремленій къ сепаратизму, а для единенія съ нами въ общей какъ имъ, такъ и намъ преданности къ Государю, котораго имя сопровождается благословеніями всей Россіи.

Мы не можемъ не сочувствовать дозволенію данному нѣкоторымъ изъ именитыхъ гражданъ Варшавы представить Государю Императору, только что избавившемуся отъ удара убійцы, выраженіе своихъ вѣрноподданическихъ чувствъ; подобное заявленіе сдѣ-

ланное предъ лицомъ Европы могло бы дѣйствительно имѣть благодѣтельное вліяніе; но мы думаемъ что подобное заявленіе, уже изъ одного приличія, не должно было бы содержать въ себѣ выраженій и фразъ, дающихъ ему видъ демонстраціи противъ правительственной системы, избранной, одобренной и неоднократно подтвержденной тою же самою Высочайшею волей, къ которой этотъ адресъ дерзаетъ обращаться.

№ 126.

Москва, 9-го Іюня.

Одно изъ самыхъ существенныхъ затрудненій для высшей администраціи западнаго края заключалось издавна въ томъ, что тамошнее мѣстное населеніе получало превратныя и всегда преднамѣренно искаженныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ правительства. Причина такого явленія понятна: безчисленное мѣстное дворянство, ксендзы, Поляки-чиновники и ополяченная челядь, при постоянномъ столкновеніи своемъ съ народомъ, являлись въ качествѣ то офиціальныхъ исполнителей, то офиціозныхъ истолкователей правительственныхъ распоряженій. Эти сословія западнаго края никогда не упускали удобнаго случая къ возбужденію въ мѣстномъ населеніи недовѣрія и нерасположенія къ правительству, находя въ этихъ чувствахъ народа залогъ успѣха польскаго дѣла въ будущемъ, которое, по ихъ понятіямъ, не можетъ не принадлежать полонизму. Такъ велось искони, такъ продолжается и теперь, только съ большею противу прежняго силой. Надо удивляться здравой логикѣ и теплому чувству русскаго человѣка, въ которомъ эти внушенія, выслушиваемыя имъ нерѣдко отъ колыбели до могилы, при постоянной матеріальной зависимости то отъ пана, то отъ Еврея, не только не въ силахъ были потрясти его народность и поколебать его преданность Престолу и Отечеству, но побудили его, при первой возможности, самоотверженно принять зависящія мѣры къ усмиренію вооруженнаго мятежа. Припомнимъ энергію при захватѣ шаекъ витебскими раскольниками, крестьянами минскими, могилевскими, кіевскими.

Съ возбужденіемъ у насъ крестьянскаго вопроса и съ послѣдовавшимъ за тѣмъ манифестомъ 19-го февраля, усилія Поляковъ къ поддержанію своего пагубнаго вліянія на умы мѣстнаго русскаго населенія, удвоились, и нѣтъ сомнѣнія, что усилія, эти примутъ еще бо́льшіе размѣры въ будущемъ по развертаніи угодій и прекращеніи хозяйственныхъ разчетовъ между крестьянами и ихъ прежними владѣльцами; нѣтъ сомнѣнія, что усилія эти могутъ со временемъ увѣнчаться гораздо бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ это было до сего времени, когда крестьянъ и помѣщиковъ раздѣляли многіе поводы къ антагонизму въ экономическомъ отношеніи.

Вникая въ характеръ антиправительственной пропаганды, чинившейся до и послѣ возбужденія крестьянскаго вопроса, нельзя не убѣдиться, что съ того времени какъ мѣстное населеніе стало пріобрѣтать личную независимость отъ пановъ, пропаганда эта приняла новый и, надобно сознаться, болѣе опасный для насъ видъ. До реформы дворянство западныхъ губерній, одушевленное тѣми же чувствами къ Россіи какъ и въ періодъ 1861—1863 годовъ, но также какъ теперь прикидывавшееся преданнымъ ей, смотрѣло на свое *быдло* свысока, видя въ немъ не столько безгласное орудіе для своихъ политическихъ цѣлей, сколько рабочую силу, панскія права надъ которою ревностно отстаивались правительствомъ. Для помѣщика всего важнѣе было извлекать изъ этой рабочей силы возможныя матеріальныя выгоды; интересъ его требовалъ держать ее въ почтительномъ отдаленіи и страхѣ, а не отвлекать ее, хотя бы изъ патріотическихъ разчетовъ, отъ сохи въ школу или возбуждать въ ней чувства пріязни къ Полякамъ гуманностью и уступками. Оттого польская пропаганда, къ счастію нашему, ограничивалась главнѣйше ополяченіемъ и окатоличиваніемъ приближенной къ панамъ дворовой челяди; крестьянскаго же населенія она почти не коснулась. Отсюда не слѣдуетъ конечно, чтобы большинство польскихъ помѣщиковъ упускало удобный случай пустить въ ходъ, непосредственно или чрезъ своихъ клевретовъ, между крестьянами тотъ или другой слухъ для насъ не благопріятный; но это было чаще дѣломъ привычки, душевной потребности злобно отнестись къ русскому правительству, чѣмъ систематическимъ стремленіемъ вести политическую пропаганду. Бывали, правда, случаи и политической пропаганды, въ родѣ, напримѣръ, извѣстной попытки Розенгейма во время Крым-

ской войны произвести волненіе между кіевскими крестьянами, или въ родѣ обширнаго заговора въ то же время минскихъ дворянъ; но первое изъ этихъ дѣлъ не встрѣчало сочувствія между помѣщиками, послѣднее же было дѣломъ чисто-дворянско-ксендзовскимъ, въ родѣ мятежа 1863 года, и крестьянинъ оставался при немъ совершенно въ сторонѣ.

Съ возбужденіемъ крестьянскаго вопроса, польскіе помѣщики замѣтили свою ошибку. Они принуждены были смиренно сносить горькіе упреки со стороны заграничной эмиграціи и собравшихся тогда въ край изъ западной Европы, Сибири, Кавказа и Оренбурга эмигрантовъ и ссыльныхъ; но тѣмъ съ бо́льшимъ усердіемъ принялись они поправлять дѣло: въ періодъ 1860—1862 годовъ западный край покрылся цѣлою сѣтью народныхъ школокъ, гдѣ исключительное вниманіе обращено было на распространеніе между крестьянами польскаго языка и польскихъ понятій; въ крайности только, при совершенномъ непониманіи мужикомъ польской рѣчи, заставляли его учиться по русскимъ учебникамъ, написаннымъ польскими буквами (такіе букварн встрѣчались даже въ послѣднее время, и недавно еще въ сѣверо-западномъ краѣ одинъ ксендзъ былъ уличенъ въ ихъ употребленіи). Мировые посредники пустили въ ходъ все свое вліяніе, чтобы вовсе вытѣснить русскій языкъ изъ мѣстнаго употребленія; намъ извѣстенъ даже случай, что одинъ изъ нихъ, при вопросѣ, на какомъ основаніи онъ ведетъ офиціальную переписку по-польски, сослался на словесное разрѣшеніе мѣстной администраціи. Ксендзы съ своей стороны стали то открыто, съ амвоновъ, то тайно, посредствомъ костельныхъ братствъ, разжигать въ народѣ, во имя религіи, страсти противъ всего схизматыцкаго, москевскаго. По краю разсыпались для подготовленія крестьянъ къ дѣлу *великаго будованія* цѣлыя стаи пропагандистовъ, поддѣлывавшихся подъ мужицкую рѣчь и уже не гнушавшихся наряжаться въ хлопское платье. Уѣзды покрылись сѣтью тайныхъ обществъ, которыхъ въ иныхъ уѣздахъ было по нѣскольку. Какъ образецъ заботливости этихъ дворянскихъ обществъ о перевоспитаніи того самаго *быдла*, надъ которымъ паны столько лѣтъ безнаказанно тѣшились, приведемъ факты описываемаго нами періода. Въ Ошмянахъ организовалось изъ помѣщиковъ, ксендзовъ и чиновниковъ общество *Пивтковичовъ* (названное такъ потому что члены его собирались по пятницамъ), въ программу котораго входило, между прочимъ, всѣми мѣрами располагать простой народъ къ сближенію съ помѣщиками, дабы прекратить существующую между ними сословную вражду. Примѣнялась же эта программа такъ: мировымъ посредникамъ поручено было превратно истолковывать слова Государя Императора, произнесенныя тогда крестьянамъ въ одной изъ внутреннихъ губерній: „Не ждите отъ Меня другой свободы, кромѣ той, которую Я вамъ даровалъ, и исполняйте обязанности ваши.“ Это общество имѣло удовольствіе удостовѣриться, что мировые посредники, своими объясненіями, произвели *большое впечатлѣніе въ народѣ*. Другое общество, свѣнцянское, уже къ концу 1861 года успѣло довести свою пропаганду до того, что тамошніе крестьяне стали выражать недовольство своимъ положеніемъ. Подпольныя типографіи и литографіи заготовляли для народа тысячами книжки и даже періодическія изданія, на русскомъ языкѣ, съ мѣстнымъ акцентомъ, но польскими буквами; изъ послѣднихъ *Hutorka dvóch susiedov* (въ стихахъ) и *Muźickaja pravda* (въ прозѣ), вышедшія въ нѣсколькихъ нумерахъ, тысячами наводнили край, завѣряя населенія, что свобода дарована народу по волѣ Французовъ, что русское правительство вовсе не желаетъ ея, что, по требованію этихъ Французовъ, крестьяне не должны ни платить въ казну податей, ни отбывать рекрутской повинности.... Даже *Boże coś Polskę* переведено было на русскій языкъ для пѣнія въ костелахъ....

Что дѣлали мы для успокоенія крестьянъ противъ этой усиленной пропаганды? Мы ограничивались пассивнымъ наблюденіемъ и пресерізнымъ требованіемъ, отъ времени до времени, чтобы чиновники-Поляки и Поляки мировые посредники, строго слѣдили за нераспространеніемъ зловредныхъ слуховъ и возваній; требуя этого, мы очень хорошо знали, что Поляки-чиновники и мировые посредники сами-то и были дѣятельнѣйшими пособниками при распространеніи нелѣпыхъ вѣстей и возмутительныхъ прокламацій, но тѣмъ не менѣе мы показывали полное безпристрастіе, и внушали православному духовенству, чтобъ оно старалось поддерживать доброе согласіе между помѣщиками и крестьянами. По-

ложеніе наше было дѣйствительно критическое; надежды на окончательное и скорое торжество польской идеи не могли не принимать фактическихъ размѣровъ, и отъ *великаго будованія* весьма многіе въ Литвѣ серіозно ожидали, что оно отброситъ русскій народъ за Уралъ.

Забавно было бы думать, что съ усмиреніемъ мятежа, эти надежды могутъ исчезнуть сами собой, если не будетъ принято органическихъ мѣръ, способныхъ удостовѣрить, что пора колебаній миновала. Приверженцы польской идеи пугаютъ насъ теперь тѣмъ, что такія мѣры будто бы приведутъ Поляковъ въ отчаяніе. Употребляя извѣстное выраженіе барона Бейста, они говорятъ, что Поляковъ не слѣдуетъ припирать къ стѣнѣ. Этимъ они хотятъ сказать, что не слѣдуетъ приводить въ исполненіе указъ 10-го декабря 1865 года, а надобно непремѣнно отсрочить его еще года на два, чтобы потомъ совсѣмъ предать его забвенію. Но что разумѣютъ эти крамольники подъ словомъ *отчаяніе?* Отчаяніе есть потеря послѣднихъ надеждъ, а въ данномъ случаѣ вся бѣда состоитъ именно въ томъ, что еще не потеряны послѣднія надежды на осуществленіе польской идеи, а еслибъ эти надежды были потеряны, то замираніе западнаго края можно было бы считать совершившимся. Тогда пресѣклись бы всѣ поводы къ тѣмъ преступленіямъ и злодѣйствамъ, въ которыхъ ищетъ себѣ орудій польская идея, и можно было бы не опасаться болѣе за будущность западнаго края. Эта будущность, мы не должны скрывать того отъ себя, представляется теперь далеко не въ свѣтломъ видѣ Польское землевладѣніе, послѣ развязки крестьянскаго вопроса, получитъ гораздо больше прежняго средствъ полонизировать западный край и оказывать враждебное русскому правительству вліяніе на мѣстное населеніе; не даромъ такъ усердно ратуютъ друзья польщизны противъ дѣйствительнаго водворенія тамъ русскаго землевладѣнія. Помѣщики, ксендзы, городскія сословія, шляхта, все это, несмотря на недавній погромъ, и теперь весьма часто стоитъ въ болѣе близкомъ соприкосновеніи съ крестьяниномъ, чѣмъ мѣстная администрація. Притомъ же и въ составѣ этой администраціи до сего времени сохранилась еще весьма почтенная цифра польскихъ чиновниковъ, несмотря на доказанную горькимъ опытомъ ихъ неблагонадежность; даже *въ самой Вильнѣ* называютъ учрежденія составленныя до сихъ поръ *исключительно* изъ Поляковъ: таковы напримѣръ тамошнее человѣколюбивое общество, дворянское депутатское собраніе, приказъ общественнаго призрѣнія, въ составѣ которыхъ нѣтъ, говорятъ, ни одного Русскаго. Понятно, что при такихъ условіяхъ, невзгоды, обрушившіяся на нѣкоторыхъ пановъ и ксендзовъ уличенныхъ въ участіи въ мятежѣ, не лишили Поляковъ ихъ вліянія на жизнь края, въ особенности въ средѣ крестьянскаго населенія, находящагося съ ними, волей-неволей, въ прямыхъ сношеніяхъ. При затруднительности пока вести столь же усиленную пропаганду какъ въ 1861—1862 годахъ, они не переставали тревожить мѣстное населеніе распространеніемъ всякаго рода тревожныхъ слуховъ, искаженнымъ толкованіемъ правительственныхъ начинаній, искусственнымъ развитіемъ фанатизма противъ православія и другими дѣйствіями, отзывавшимися иногда затруднительнымъ положеніемъ, въ которое ставилась наша администрація. Такъ напримѣръ съ увольненіемъ генерала Кауфмана и съ распространеніемъ по краю, по вчинанію *Вѣсти*, слуховъ о реакціи, первый опытъ *усиленной* пропаганды сдѣланъ былъ противъ православныхъ, обратившихся изъ католицизма. Интрига внушала крестьянамъ, будто перемѣна въ личномъ составѣ высшей администраціи была слѣдствіемъ *нежеланія самаго Царя*, чтобы католики переходили въ православіе, Что же будетъ, если значительная часть русскихъ чиновниковъ покинетъ западный край, а это послѣдуетъ неминуемо при замедленіяхъ въ водвореніи тамъ тамъ русскаго землевладѣнія. Въ этомъ случаѣ, какъ увѣряютъ всѣ знающіе западный край по собственному наблюденію, русскихъ чиновникамъ тамъ житья не будетъ. Какихъ же должно ожидать послѣдствій, если составъ администраціи измѣнится въ смыслѣ благопріятномъ для польской идеи, и въ то же время развязка крестьянскихъ отношеній дастъ польскому землевладѣнію возможность оказывать небывалое доселѣ вліяніе на крестьянъ того края?

№ 127.

Москва, 10-го іюня.

Въ Петербургѣ сильно распространенъ слухъ, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита ходатайствуетъ о предоставленіи ему тѣхъ 5 милліоновъ пятипроцентными билетами, которые предназначены для Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ Западномъ краѣ. Если это ходатайство будетъ уважено, то едва сформированное Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній въ Западномъ краѣ перестанетъ существовать и его обязанности перейдутъ на Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Спрашивается, слѣдуетъ ли желать, чтобъ эта перемѣна состоялась? Читателямъ нашимъ извѣстно, что мы далеко не были довольны ходомъ дѣлъ въ Товариществѣ Пріобрѣтателей Имѣній. Къ этому учрежденію мы отнюдь не пристрастны. Ссудный банкъ Западнаго края (такъ, для краткости, будемъ мы называть въ этой статьѣ Товарищество) рождался съ неимовѣрными муками, и еще теперь ждетъ онъ послѣдняго акушерскаго пособія,—правительственной гарантіи закладныхъ листовъ его, отказъ въ которой для него, какъ правительствомъ учрежденнаго банка, равносиленъ отказу въ правѣ на существованіе. Не станемъ спорить, что и послѣ этого пособія, условія его существованія еще не будутъ вполнѣ благопріятны, но какъ бы то ни было, онъ уже готовъ вступить въ жизнь, а это будетъ важное событіе для всей Россіи и въ особенности для русскаго правительства, котораго кредитъ будетъ поддержанъ и достоинство сохранено. Вотъ почему съ особенною силой возникаетъ вопросъ: теперь ли время бросать дѣло, болѣе чѣмъ на половину сдѣланное, чтобы снова подвергать неизвѣстности всѣ связанные съ нимъ, столь значительные, и частные, и государственные интересы? Что было бы можетъ-быть умѣстно годъ тому назадъ, то теперь, кажется намъ, будетъ совершенно не кстати. Годъ тому назадъ еще предстояло преодолѣть множество препятствій, большею частью искусственныхъ, чтобъ устроить наконецъ правильную выдачу ссудъ на покупку имѣній въ Западномъ краѣ: теперь, что бы ни говорили, выдача ссудъ устроена, и ея нельзя не назвать правильною. Годъ тому назадъ заинтересованныя лица мечтали только о томъ какъ бы поскорѣе дождаться отзыва на проектъ устава со стороны тѣхъ вѣдомствъ, которыя, по нашимъ порядкамъ, имѣли право высказать о немъ свое мнѣніе, ибо безъ соблюденія этой формальности уставъ не могъ поступить на окончательное законодательное разсмотрѣніе: теперь затрудненія этого рода замедляютъ лишь осуществленіе проектированнаго при банкѣ вспомогательнаго учрежденія—общества смоленскихъ помѣщиковъ, и какъ не прискорбны замедленія по этому, весьма много пользы обѣщающему, дополненію банка, но они могутъ препятствовать лишь болѣе широкому развитію его операцій, а открытіе его операцій отъ нихъ не зависитъ. Много было, сказываютъ, затрудненій и при выборѣ предсѣдателя центральнаго правленія банка, и при открытіи дѣйствій этого правленія: теперь эти затрудненія такъ или иначе преодолѣны. Затѣмъ, какъ узнали мы изъ *Русскаго Инвалида*, много труда положено было на составленіе инструкціи ссуднымъ кассамъ, и дѣйствительно надо было предусмотрѣть, чтобы ссуды назначались въ размѣрѣ достаточномъ для привлеченія покупщиковъ, не располагающихъ большими капиталами, но и не столь великомъ, чтобы можно было когда-либо опасаться убытковъ по круговой отвѣтственности. Послѣднее изъ этихъ условій особенно важно, потому что безъ его соблюденія все дѣло оказалось бы мертворожденнымъ. Теперь это условіе вполнѣ обезпечено, и заемщики, обращающіеся въ ссудный банкъ Западнаго края, освобождены отъ всякаго страха за свое участіе въ круговой отвѣтственности. Съ этимъ согласны самые строгіе критики. Они упрекаютъ ссудный банкъ Западнаго края въ противоположномъ недостаткѣ. По ихъ мнѣнію, размѣры ссудъ, назначаемыхъ этимъ банкомъ, слишкомъ ничтожны, и преимущественно на этомъ-то основаніи они и высказываются въ пользу сліянія ссуднаго банка Западнаго края со Взаимнымъ Кредитомъ, который можетъ выдавать значительныя ссуды, хотя и за болѣе высокій процентъ.

Мы не споримъ, что можетъ-быть въ правилахъ опредѣляющихъ размѣръ ссудъ банка Западнаго края желательны нѣкоторыя измѣненія, но развѣ эти измѣненія не могутъ быть сдѣланы послѣ того какъ банкъ уже начнетъ выдавать ссуды? Пусть льготность условій по выдачѣ ссудъ по-

степенно увеличивается, лишь бы не возрасталъ рискъ круговой поруки: зачѣмъ же этою возможностью и, скажемъ болѣе, этою желательностью расширенія льготъ пользоваться какъ аргументомъ для того, чтобы лишать ссуды тѣхъ заемщиковъ, которые желаютъ получить ее и на теперешнихъ, менѣе льготныхъ условіяхъ? Не очевидно ли, что подобная аргументація грѣшитъ крайнимъ недостаткомъ послѣдовательности? Мы считаемъ себя въ правѣ утверждать за достовѣрность что ссудный банкъ Западнаго края назначаетъ теперь ссуды въ количествѣ, съ каждымъ днемъ увеличивающемся. Стало-быть нѣтъ недостатка въ людяхъ, испрашивающихъ ссуду на теперешнихъ условіяхъ. Дайте же имъ то, чего они просятъ, на что они разчитываютъ и на что въ правѣ разчитывать. Не отказывайте имъ въ малой, по вашему мнѣнію, ссудѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что она слишкомъ мала Успокойте ихъ отъ опасеній, вызываемыхъ слухами о столь чрезмѣрномъ вниманіи къ ихъ интересамъ. Сколько намъ извѣстно, они всего болѣе боятся этого вниманія. Они приняли свои мѣры и сдѣлали свои разчеты въ виду извѣстныхъ имъ условій. Очень можетъ быть что они не вполнѣ довольны этими условіями; можно сказать навѣрное что имъ было бы пріятно получить ссуды болѣе значительныя. Но лучше получить малую ссуду чѣмъ не получить никакой, а они именно этой опасности подвергаются вслѣдствіе слишкомъ ревностныхъ заботъ объ ихъ интересахъ. Спросите у нихъ, чего они боятся. Они выражаютъ опасеніе, чтобы не пришлось имъ ждать выдачи ссудъ до зимы, если ссуды не будутъ назначены до 1-го іюля. Вотъ чего они опасаются, и успокоить ихъ можно лишь объявленіемъ, которое, если не ошибаемся, уже сдѣлано, хотя и не черезъ печать (что очень жаль),—объявленіемъ, что выдачи ссудъ изъ іюльскаго выпуска закладныхъ листовъ могутъ быть не только производимы, но и вновь назначаемы въ теченіе всего іюля и первой половины августа, но что онѣ затѣмъ, по заключеніи іюльскаго выпуска, прекращены не будутъ, такъ какъ нѣтъ никакихъ препятствій выдавать ссуды въ сентябрѣ мѣсяцѣ *авансомъ* изъ будущаго январскаго выпуска, подобно тому какъ уже выданы авансомъ ссуды г. Карпову и Эшману изъ выпуска іюльскаго. Ссудный банкъ Западнаго края долженъ, кажется намъ, сдѣлать это объявленіе, чтобы поправить свою репутацію и защитить себя отъ нападокъ, отчасти справедливыхъ, и ведущихъ къ тому, что заходитъ рѣчь о совершенномъ упраздненіи его, какъ учрежденія будто бы мертворожденнаго. Въ денежныхъ средствахъ онъ не долженъ бы, кажется, терпѣть недостатокъ: онъ можетъ занимать деньги для своихъ операцій у министерства государственныхъ имуществъ; сверхъ того, военное министерство, достигая однимъ разомъ и финансовой выгоды эмеритальной кассы военнаго вѣдомства, и возможности оказать патріотическую поддержку великому государственному дѣлу водворенія русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ, предполагаетъ, согласно Высочайшей волѣ Государя Императора, помѣстить въ шестипроцентныхъ закладныхъ листахъ банка Западнаго края слѣдующія этой кассѣ изъ министерства финансовъ суммы, а до выпуска закладныхъ листовъ ставить означенныя суммы на текущій счетъ банка Западнаго края въ государственномъ банкѣ. Наконецъ ссудный банкъ Западнаго края будетъ постепенно выручать значительныя суммы отъ продажи своихъ закладныхъ листовъ, что будетъ поддерживать его обороты. Если онъ обезпечитъ себя этими средствами и воспользуется ими для непрерывной выдачи ссудъ въ теченіи всего второго полугодія нынѣшняго года, то справедливыя ожиданія заемщиковъ будутъ удовлетворены. Вотъ на чемъ должны быть сосредоточены, сколько мы понимаемъ, усилія; вотъ въ чемъ заключается главная потребность. Если сверхъ того банкъ озаботится такимъ расширеніемъ льготъ, которое не усилитъ риска круговой поруки, то общая благодарность будетъ его удѣломъ. Но эта вторая задача можетъ имѣть цѣну только въ томъ случаѣ, если будетъ вполнѣ разрѣшена первая. Разрѣшеніе второй задачи можетъ быть желательно, между тѣмъ какъ разрѣшенія первой заинтересованная публика *въ правѣ ожидать*.

Статья *Русскаго Инвалида*, о которой мы уже не разъ говорили, даетъ поводъ думать, что ссудный банкъ Западнаго края сознаетъ свое положеніе и намѣренъ исполнить свои обязанности. И въ эту то минуту, когда по преодолѣніи столькихъ трудностей, готова миновать для него томительная пора промедленій, и онъ собирается начать свою дѣятельность въ бо́ль-

шихъ размѣрахъ и съ бо́льшимъ вѣроятіемъ успѣха чѣмъ можно было еще недавно ожидать и надѣяться, распространяются слухи о предполагаемой будто бы передачѣ его основнаго фонда Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Разговоры о сліяніи этихъ двухъ учрежденій не что иное какъ игра словъ: въ сущности это сліяніе есть упраздненіе ссуднаго банка Западнаго края. Взаимный Кредитъ имѣетъ и безъ этого „сліянія“ право выдавать ссуды покупщикамъ имѣній Западнаго края. Выдача ссудъ этого рода входила даже какъ одно изъ главныхъ основаній въ соображенія объ учрежденіи Взаимнаго Кредита, и если мы не ошибаемся, то въ виду этихъ ссудъ Взаимному Кредиту были предоставлены нѣкоторыя важныя привилегіи. Но до сихъ поръ неизвѣстно, чтобы покупщики имѣній Западнаго края разчитывали на помощь Взаимнаго Кредита, а изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что Взаимный Кредитъ долженъ предпринять нѣкоторыя измѣненія въ самомъ уставѣ своемъ для того чтобы содѣйствовать пріобрѣтателямъ имѣній Западнаго края. Необходимость этихъ измѣненій признается и представителями Взаимнаго Кредита. Итакъ, что же мы видимъ? Съ одной стороны предъ нами ссудный банкъ Западнаго края, уставъ котораго нуждается, правда, въ усовершенствованіяхъ, но который уже, какъ онъ теперь устроенъ, несомнѣнно можетъ открыть операціи и удовлетворить тѣхъ, которые ожидаютъ ихъ открытія: тутъ нужны измѣненія не для открытія операцій, а для ихъ болѣе широкаго развитія. Съ другой стороны, предъ нами Взаимный Кредитъ, которому не возбраняется конкуррировать съ банкомъ Западнаго края, но который желаетъ не конкуррировать съ нимъ, а поглотить его, хотя, въ случаѣ успѣха, самъ будетъ принужденъ предпринять продолжительный трудъ внутренняго преобразованія прежде нежели окажется способнымъ только открыть тѣ операціи, для которыхъ учрежденъ банкъ Западнаго края: Взаимному Кредиту нужны не частныя измѣненія въ правилахъ выдачи ссудъ, а общее преобразованіе устава, и притомъ все это нужно не для расширенія операцій, а только для ихъ открытія.

Еслибы состоялось такъ-называемое „сліяніе“ банка Западнаго края со Взаимнымъ Кредитомъ, то вотъ что можно предвидѣть: ожидаемая столь многими въ нынѣшнемъ году выдача ссудъ окажется невозможною, и по меньшей мѣрѣ еще цѣлый годъ будетъ потерянъ для содѣйствія водворенію русскаго землевладѣнія въ Западномъ краѣ; множество лицъ, отыскивающихъ имѣнія въ этомъ краѣ и тратящихъ на то собственныя деньги, получатъ право жаловаться на правительство, что оно вовлекло ихъ въ тщетныя издержки; тѣ, которые уже совершили запродажныя условія въ надеждѣ на скорое полученіе ссуды по 6% интереса съ $^1/_2$% погашенія, очутятся на мели, и нѣкоторые изъ нихъ могутъ разориться; завопятъ покупщики имѣній; завопятъ и продавцы, и наконецъ, что всего пагубнѣе, правительство будетъ почти вынуждено продолжить двугодичный срокъ, опредѣленный въ указѣ 10-го декабря 1865 г. для обязательной продажи имѣній лицами, компрометтированными въ мятежныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, ибо найдутся люди, которые будутъ изображать эту льготу, какъ естественное послѣдствіе передачи дѣлъ банка Западнаго края Взаимному Кредиту, и указывать на то что условія займа во Взаимномъ Кредитѣ совершенно иныя, и что слѣдовательно надобно дать время не только переустроиться самому Взаимному Кредиту, но и русскимъ покупщикамъ имѣній ознакомиться съ этими новыми для нихъ условіями. Неужели такой позоръ ожидаетъ русское дѣло въ Западномъ краѣ? Неужели не ясно какъ день, что именно въ настоящую минуту, болѣе нежели когда-либо, правительство лишено возможности измѣнить хоть іоту въ указѣ 10-го декабря 1865 года?

№ 128.

Москва, 12-го іюня.

Читатели, вѣроятно, уже обратили вниманіе на замѣчательную статью чешской газеты *Народныя Новины*, напечатанную во вчерашней *Современной Лѣтописи*. Мы привѣтствуемъ эту статью, какъ признакъ того, что скоро минуетъ, наконецъ, то роковое предубѣжденіе, которое отвращало чешскую печать отъ столь естественнаго сочувствія русскому народу, и чрезъ то ослабляло силу славянскаго дѣла какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея предѣловъ. Превратность этого направленія была замѣчаема самими Чехами; въ 1863 г. гг. Па-

лацкій и Ригеръ сочли даже нужнымъ лишить своей поддержки наиболѣе распространенную чешскую газету *Народныя Листы* и основать новую — *Народъ*, чтобы противудѣйствовать столь ошибочному увлеченію, но ихъ газета не имѣла достаточнаго числа подписчиковъ и вскорѣ принуждена была опять уступить поле *Народнымъ Листамъ*. Съ тѣхъ поръ разумный и справедливый голосъ о Россіи вовсе не могъ доходить до чешской публики. Это было тѣмъ болѣе прискорбно, что чешская печать имѣетъ значительное вліяніе на славянскія племена въ Австріи. Относясь къ намъ враждебно, она если и не охлаждала нашей симпатіи къ австрійскимъ Славянамъ, то не позволяла намъ выражать ее явно, а съ другой стороны, внося въ славянскій міръ рознь, ни на чемъ не основанную, она внушала австрійскимъ Нѣмцамъ и Мадьярамъ презрительное о Славянахъ мнѣніе, выражавшееся на практикѣ возрастаніемъ ихъ притязаній на господство надъ Славянами. Интересъ этого господства требуетъ, чтобъ австрійскіе Славяне были по возможности разъединены, согласно правилу: *divide et impera*. До сихъ поръ, надобно сознаться, эта политика находила себѣ въ самихъ Славянахъ сильное орудіе. Въ особенности Чехи, такъ много говорившіе о славянствѣ, усердно содѣйствовали тому, что единство славянскаго племени было изгоняемо изъ міра дѣйствительности въ міръ мечтаній. Казалось, что чѣмъ болѣе шло рѣчи о славянскомъ единствѣ, тѣмъ дальше суждено было ему отходить отъ своего осуществленія въ тѣхъ сферахъ, гдѣ оно могло бы оказать австрійскимъ Славянамъ серіозную пользу. Панславизмъ въ теоріи и разобщенность Славянъ на практикѣ, это было явленіе смѣшное и жалкое. Надъ нимъ смѣялись и въ то же время, видя его упорство, надъ нимъ недоумѣвали. Въ области языка онъ не обнаруживалъ никакого дѣйствія: естественно было предполагать, что сфера его дѣйствія должна быть иная, что онъ имѣетъ въ виду не племенное единство, которое выражается только въ языкѣ, а единство государственное. Едва ли не это мечтательное направленіе стремленій къ славянскому единству было причиной того, что при всей ихъ практической слабости, имъ приписывали преувеличенное политическое значеніе и въ нихъ подозрѣвали затаенную мысль, которая всѣхъ пугала, и прибавимъ, не могла не пугать. Въ политическомъ мірѣ нѣтъ ничего хуже праздныхъ мечтаній: они изнуряютъ мечтателей и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаютъ ихъ предметомъ совершенно законныхъ опасеній.

Мы привѣтствуемъ упомянутую статью *Народныхъ Новинъ* не только потому, что она свидѣтельствуетъ о свободѣ отъ предубѣжденій противъ Русскаго народа. Не менѣе важно то, что она выводитъ стремленія къ славянскому единству изъ этого міра мечтаній и указываетъ имъ опредѣленную и понятную практическую цѣль. Панславизмъ, какъ мечта, естественно представляется стремленіемъ къ неосуществимому въ дѣйствительности всеславянскому государству; какъ противъ всего неосуществимаго, противъ панславизма въ этомъ смыслѣ должна была возстать дѣйствительная государственная жизнь повсюду, не только въ Австріи, но и въ Россіи, что и было на дѣлѣ и должно было быть. Напротивъ панславизмъ, какъ племенное единство, есть фактъ, противъ котораго никто возставать не можетъ, какъ не возстаютъ противъ явленія природы. Но племенное единство есть единство языка и никакого другаго значенія не имѣетъ. Надобно было выставить на первый планъ вопросъ о языкѣ и отвести въ его область стремленія къ славянскому единству, чтобъ эти стремленія, не могущія имѣть государственное значеніе, нашли естественную почву для своего развитія. Только при этомъ условіи панславизмъ перестаетъ быть пугаломъ для окрестныхъ народовъ, и только при этомъ условіи онъ получаетъ право жить и дѣйствовать. У австрійскихъ Славянъ обособленіе и дробленіе нарѣчій доведено до крайности. Народный говоръ тамъ разнится гораздо менѣе чѣмъ литературные языки, разошедшіеся между собой преимущественно тѣмъ, что въ нихъ есть книжнаго, и пользовавшіеся даже оттѣнками народнаго говора лишь для своего дальнѣйшаго обособленія. Пора положить конецъ такому ходу дѣлъ, который велъ не къ единству и силѣ, а къ розни и слабости: еслибъ онъ продержался еще одно столѣтіе, то славянскія племена Австріи на столько же разошлись бы между собой, на сколько разошлись Французы, Италіянцы и Испанцы, причемъ была бы только та разница, что это были бы малые народы, не имѣющіе средствъ даже

поддерживать своихъ писателей покупкой ихъ книгъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что сближенію славянскихъ нарѣчій можетъ быть положено прочное основаніе изученіемъ русскаго языка, которое *Народныя Новины* рекомендуютъ австрійскимъ Славянамъ. Чтобы литературные языки не расходились, а сближались, для этого нужна сближающая сила, и эта сила можетъ быть найдена только въ языкѣ, — въ такомъ языкѣ, который могъ бы служить средоточіемъ для другихъ славянскихъ языковъ. Этой цѣли не соотвѣтствуетъ ни одинъ изъ славянскихъ языковъ, кромѣ языка русскаго, и *Народныя Новины* поступаютъ совершенно правильно, совѣтуя Славянамъ употреблять русскій языкъ какъ средство для своихъ взаимныхъ сношеній. Это предложеніе, мы твердо убѣждены въ томъ, есть ключъ къ національной самостоятельности австрійскихъ Славянъ. Пока оно не осуществится, до тѣхъ поръ племенное единство славянское останется пустымъ словомъ, на которое никто не будетъ обращать вниманія. Говоря это мы отнюдь не увлекаемся русскимъ патріотизмомъ. Мы не можемъ, конечно, не желать, чтобы значеніе русскаго языка ширилось и возвышалось. Распространеніе круга русскихъ читателей за предѣлы русскаго народа и государства, не можетъ не оказать пользы русской литературѣ. И русская литература и русскій языкъ не могутъ не выиграть, если въ ихъ разработкѣ примутъ участіе всѣ славянскія племена: большія богатства мысли и слова были бы такимъ образомъ внесены въ общую сокровищницу. Мы не имѣемъ причины скрывать, что смотримъ радостными глазами на такое будущее, открывающееся для русской словесности и для русской цивилизаціи, съ нею тождественной. Но все это еще въ большей мѣрѣ требуется въ интересѣ австрійскихъ Славянъ. Если имъ суждена будущность, чему мы не можемъ не вѣрить, то они должны усвоить себѣ одинъ общій языкъ, который служилъ бы выраженіемъ ихъ племеннаго единства и освободилъ бы ихъ отъ необходимости искать объединяющаго элемента въ языкѣ нѣмецкомъ, какъ было доселѣ и какъ всегда будетъ, пока останется въ силѣ теперешнее разъединеніе австрійскихъ Славянъ. Усвоеніе русскаго языка для общихъ сношеній, какъ сказано въ *Народныхъ Новинахъ*, отнюдь не стѣснитъ развитія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій. Они будутъ развиваться еще плодотворнѣе теперешняго уже потому, что подъ объединяющимъ вліяніемъ языка русскаго перестанутъ расходиться. Теперь многіе славянскіе ученые издаютъ свои книги на двухъ языкахъ, на своемъ славянскомъ и сверхъ того на нѣмецкомъ, какъ болѣе распространенномъ. При знакомствѣ съ русскимъ языкомъ, онъ могъ бы въ этихъ случаяхъ замѣнить собою нѣмецкій, къ выгодѣ для всего славянскаго міра. А сколько частныхъ удобствъ возникло бы вслѣдствіе того, что знакомство съ русскимъ языкомъ открываетъ въ Россіи широкое поприще для дѣятельности всѣмъ тѣмъ австрійскимъ Славянамъ, которые не находятъ прибыльныхъ или почетныхъ занятій у себя дома!

Говорить ли, что такой успѣхъ въ дѣлѣ славянской взаимности не заключаетъ въ себѣ ни для кого никакой политической опасности? *Народныя Новины* игриво предполагаютъ, что русскій языкъ уже усвоенъ образованными классами у австрійскихъ Славянъ и получилъ у нихъ значеніе языка дипломатическаго. Труня надъ изумленными такою новостью и готовыми кричать о государственной измѣнѣ Нѣмцами, *Народныя Новины* замѣчаютъ, что если говорить въ австрійской имперской думѣ понѣмецки не значитъ выдавать Австрію Пруссіи, то точно также и говорить въ ней по-русски не можетъ значить выдавать Австрію Россіи. Но этого мало. Мы должны усилить эти неопровержимыя слова *Народныхъ Новинъ* и можемъ говорить на этотъ разъ весьма серіозно. Въ нѣмецкихъ газетахъ, издающихся на сѣверъ отъ Австріи, мы встрѣчали мнѣніе, что Австрія обязана нѣмечить Богемію, если не хочетъ, чтобы за это дѣло взялась сѣверная Германія. Мы спрашиваемъ, дружескимъ ли или враждебнымъ Австріи разчетомъ продиктовано это требованіе? Не заключается ли въ немъ признаніе видовъ сѣверной Германіи на захватъ Богеміи, этой естественной крѣпости въ сердцѣ Европы? Пусть всякій политическій человѣкъ, заслуживающій этого имени, скажетъ, было ли бы въ такой же мѣрѣ противно интересамъ сѣверной Германіи присоединеніе къ ней Богеміи и нѣкоторыхъ другихъ частей Австріи, въ какой мѣрѣ противно интересамъ Россіи расширеніе ея политическихъ притязаній за предѣлы собственно рус-

скаго народа. Россія, конечно, не можетъ желать онѣмеченія австрійскихъ Славянъ, но еслибы предстоялъ выборъ между ихъ онѣмеченіемъ и ихъ присоединеніемъ къ Россіи, то всякій русскій патріотъ, скрѣпя свое славянское сердце, предпочелъ бы первое. Австрійскіе политики это очень хорошо знаютъ; они лицемѣрятъ, когда утверждаютъ противное. Но еслибъ они и не имѣли довѣрія къ здравому смыслу русской политики, еслибъ они опасались, чтобы Россія не увлеклась какъ-нибудь, въ противность своимъ очевиднымъ интересамъ, слѣпою страстью присоединеній и завоеваній, то неужели они не увѣрены, что тогда Россія имѣла бы противъ себя весь цивилизованный міръ? А будетъ ли весь цивилизованный міръ защищать Богемію отъ захвата со стороны Германіи?

Истинныя отношенія русской національной политики къ Австріи ясны какъ день, и ихъ можно высказывать съ полною откровенностью.

Послѣ той черной неблагодарности, которою Австрія собиралась удивить весь міръ и которая повела къ злоключеніямъ, удивившимъ австрійское правительство, не позволительно ли намъ Русскимъ желать, чтобы положенъ былъ когда-нибудь конецъ этимъ незаслуженнымъ съ нашей стороны отношеніямъ? Мы желаемъ этого въ своихъ интересахъ, которые въ извѣстной степени страдаютъ отъ австрійскаго недоброжелательства къ намъ, но поистинѣ мы въ этомъ дѣлѣ гораздо менѣе заинтересованы чѣмъ сама Австрія, и какъ государство, и какъ совокупность народовъ, состоящихъ подъ австрійскимъ скипетромъ. Эти народы, ужь конечно, не радуются тому, что взыскиваемые съ нихъ налоги непрерывно возрастаютъ и что, несмотря на то, австрійскіе финансы грозятъ катастрофой всѣмъ подданнымъ монархіи Габсбурговъ. Всего менѣе можетъ теперь радоваться Богемія, которая, кромѣ налоговъ, понесла на себѣ всѣ послѣдствія несчастной войны и всю тяготу прусскихъ реквизицій. Что жь можетъ избавить австрійскіе народы отъ продолженія этихъ бѣдствій какъ не добрыя отношенія къ ихъ восточному сосѣду, равнодушіе котораго къ судьбамъ Австрійской имперіи, ею самою ему навязанное, есть главный источникъ того мрака, который дѣлаетъ столь страшною для австрійскихъ народовъ перспективу австрійскаго будущаго? Между нашими интересами и интересами австрійскихъ народовъ нѣтъ противорѣчія. Мы ничего болѣе не желаемъ, какъ такой политической комбинаціи на Дунаѣ, которая дозволила бы намъ жить въ дружбѣ съ тамошними населеніями; мы желаемъ тамъ торжества тѣмъ интересамъ, которымъ невыгодно удивлять міръ неблагодарностью къ Россіи. На осуществленіе этого желанія мы надѣемся, потому что истинный интересъ австрійскихъ народовъ гораздо настоятельнѣе требуетъ того же, чѣмъ нашъ собственный интересъ. Мы не хотимъ навязывать имъ политику для насъ выгодную, а для нихъ въ какомъ-либо отношеніи опасную. Въ политикѣ, для насъ только желательной, заключается для нихъ единственное спасеніе. Опытъ показалъ, что мы можемъ жить и безъ этой политики, сами выпутываясь изъ затрудненій и сохраняя свое положеніе въ Европѣ: та политическая комбинація, которая возникла вслѣдствіе прошлогодней австро-прусской войны и надняхъ выразилась въ парижскихъ свиданіяхъ государей Европы, возвысила цѣну существующаго въ Европѣ политическаго равновѣсія, которое очевидно рушилось бы, еслибы Россія потерпѣла въ своемъ европейскомъ положеніи ущербъ, хотя издалека похожій на то, что въ послѣднее десятилѣтіе выпало на долю Австріи. Будетъ ли или нѣтъ держаться въ силѣ австрійская враждебность къ намъ, ни на чемъ кромѣ недоразумѣній не основанная, это для насъ отнюдь не вопросъ жизни и смерти, но это несомнѣнно вопросъ жизни и смерти для австрійскихъ Славянъ. Какъ же намъ не надѣяться, что эти недоразумѣнія должны наконецъ разсѣяться? Какъ намъ не надѣяться на это въ виду повсемѣстнаго торжества начала національности, которое признано въ Австріи на бумагѣ и должно быть признано въ дѣйствительности, чтобы преображенная Австрія могла протянуть намъ руку на вѣчную дружбу, основанную не на случайныхъ комбинаціяхъ дипломатіи, а на силѣ вещей столь же неизмѣнныхъ и неискоренимыхъ, какъ неизмѣнны и неискоренимы физическія данныя, опредѣляющія собой границы государствъ и ихъ тяготѣнія? Недоразумѣнія, влекущія Австрію къ явной гибели, основаны на недостаткѣ вѣры въ историческое призваніе славянскаго племени. Мы далеки отъ того, чтобы ви-

нить въ этомъ недостаткѣ вѣры австрійскихъ правителей, тѣмъ болѣе что многіе изъ австрійскихъ Славянъ сами подавали къ тому сильный поводъ, выступая слишкомъ робко въ своемъ качествѣ Славянъ и какъ бы конфузясь своего славянства. Въ этой застѣнчивости, препятствовавшей австрійскимъ Славянамъ смотрѣть на Русскихъ открыто и честно, какъ на своихъ единоплеменниковъ и естественныхъ доброжелателей, другіе народы Австріи не могли не видѣть раболѣпства и не могли не приходить къ заключенію, что Славяне не имѣютъ будущности, когда сами отъ себя отрекаются. Кто въ самомъ дѣлѣ уважаетъ раболѣпныхъ, кто принимаетъ въ разчетъ разъединенныхъ, кто дѣлаетъ уступки, когда требующіе ихъ сами тщательно утаиваютъ свою силу? Австрійскіе Славяне, разбитые на отдѣльныя, все болѣе и болѣе дробящіяся племена и нарѣчія, — песокъ изъ котораго можно сдѣлать что угодно, *arena sine calce*. Они могутъ пользоваться уваженіемъ и получить голосъ только въ соединеніи. Песокъ долженъ быть связанъ известію, а эта известь для австрійскихъ Славянъ — ихъ славянство, та самая известь, которая связываетъ ихъ и съ нами. Пока они чуждались связей съ нами, не могло быть у нихъ связей и между собой. Ихъ племенная близость съ нами есть истина очевидная. Пока они отрекались отъ этой истины въ угоду господамъ своимъ, можно ли было удивляться, можно ли было сѣтовать, что господа ихъ господствовали надъ ними? Но другое дѣло не сѣтовать, не укорять, не обвинять, и другое дѣло сочувствовать или помогать. Мы, Русскіе, не могли сочувствовать австрійской политикѣ, не вѣрившей въ славянское будущее, въ которое мы твердо вѣрили, и тѣмъ менѣе могли мы помогать этой политикѣ своею дружбой, когда наша дружба содѣйствовала бы угнетенію того, что намъ родственно и сочувственно, и что, по нашимъ понятіямъ, способно къ богатому, для всего человѣчества плодотворному развитію въ будущемъ. Стомилліонное племя не могло быть помѣщено въ Европѣ только для того, чтобы быть предметомъ онѣмеченія, и если этотъ аргументъ не имѣлъ убѣдительной силы для политиковъ нѣмецко-жидовской, какъ выражаются *Народныя Новины*, національности, то изъ этого не слѣдовало, чтобъ и мы, Русскіе, были расположены отрицать его. Но чѣмъ менѣе могли мы сочувствовать австрійской политикѣ, тѣмъ болѣе должны были мы сѣтовать на австрійскихъ Славянъ, ее поддерживавшихъ своимъ отчужденіемъ отъ насъ, и тѣмъ съ бо́льшимъ восторгомъ должны мы были встрѣтить тотъ шагъ ихъ, который свидѣтельствовалъ, что наконецъ истина пробивается и въ Австріи на свѣтъ Божій. Вотъ причина тѣхъ овацій, которыхъ предметомъ были наши славянскіе гости и которыя были для нихъ самихъ столь неожиданны. Это были овація народныя. Русское правительство не принимало въ нихъ ни малѣйшаго участія. Достаточно было ихъ видѣть, чтобъ убѣдиться, что никакое правительство въ мірѣ не можетъ искусственно вызвать ничто подобное.

№ 129.

Москва, 13-го Іюня.

Въ статьѣ *Народныхъ Новинъ*, о которой мы говорили вчера, упоминается одна статья вѣнской газеты *Debatte*. Эта послѣдняя статья очень интересна. Въ ней заключаются не одни совѣты и не одни ожиданія, приводимыя *Народными Новинами*. Въ ней между прочимъ, остроумно и весьма опредѣленно обозначается тотъ грѣхъ, который совершили австрійскіе Славяне посѣтившіе Москву. Хотя и аристократическій венгерскій органъ, *Debatte*, какъ видно, натуралистка и не признаетъ фальшивой *pruderie*. Гг. Палацкій, Ригеръ и т. д., это, говоритъ она, Хамы Австріи. Они раскрываютъ наготу Австріи предъ Россіей и цѣлымъ міромъ. И когда! Они измѣняютъ Австріи въ ту минуту, когда она, „усталая послѣ цѣлаго ряда несчастныхъ событій и неудачныхъ экспериментовъ, приступаетъ къ тому, чтобы водворить между своими народами благодатное согласіе.“ „И есть ли основаніе вамъ, Славянамъ,“ роптать? Если, быть-можетъ, да и то не безъ вашей собственной вины, нѣкоторыя ваши національныя преданія подорваны, то вы, по крайней мѣрѣ, совершенно свободны, какъ граждане и люди, вездѣ, и по ту, и по сю сторону Лейты. Нѣмцы и Мадьяры никогда ничего другаго не требовали отъ Славянъ, кромѣ уваженія ихъ собственныхъ твердыхъ правъ, которыми никогда не нарушались права

Славянъ (!). Но мы, Нѣмцы и Мадьяры, не хотимъ преклоняться предъ дѣтскимъ тупоголовіемъ, которое, напримѣръ, теперь приноситъ такіе прекрасные плоды въ Загребѣ, и вотъ насъ объявляютъ закляты-ми врагами Славянъ!“ „Вы, австрійскіе Славяне, патетично заключаетъ *Debatte*, потянувшіеся въ Москву, отряхните послѣ вашего возвращенія русскій прахъ съ вашей дорожной обуви и постарайтесь, что-бы были забыты ваши русскіе лавры? Радуйтесь, что подъ кроткимъ скипетромъ Австріи вы можете оставаться Славянами и людьми, и русское прижиманіе къ сердцу да не исполнится надъ вами: въ этихъ объятіяхъ вы бы задохлись!“

Debatte — венгерскій органъ, но выходитъ она въ Вѣнѣ. Наканунѣ того дня, когда появилась упомянутая статья въ *Debatte*, въ Пештѣ ту же тему развивалъ *Pester Lloyd*: совпаденіе, достаточно свидѣтельствующее о томъ, что вылазка сдѣлана на Славянъ не случайно, а по соглашенному плану. Что же говоритъ *Pester Lloyd*? Онъ находитъ, что „*славянскій конгрессъ* въ Москвѣ носитъ на себѣ рѣзко-выдающійся политическій характеръ,“ и что г. Ригеръ провозгласилъ единство славянскаго міра подъ скипетромъ Россіи (!!), а за тѣмъ нѣжно упрекаетъ Чеховъ за предразсудокъ, будто Нѣмцы, Мадьяры, Италіянцы и Татары питаютъ ненависть къ Славянамъ. „Этой ненависти, продолжаетъ газета графа Андраша, вовсе не существуетъ. Гдѣ Славянинъ былъ отстраненъ отъ общины, отъ службы и почестей, потому что онъ Славянинъ? Гдѣ въ монархіи по этой причинѣ что-либо претерпѣла славянская индивидуальная личность? Мы не знаемъ никакого закона, относящагося исключительно къ Славянамъ. Г. Ригеръ можетъ-быть имѣетъ въ виду, что для развитія славянскихъ нарѣчій въ Австріи дѣлается слишкомъ мало, что австрійскія государственныя учрежденія не дозволяютъ Славянамъ пріобрѣсти полновѣсное вліяніе. Но въ предѣлахъ Австрійской имперіи Славяне пользуются такимъ же свободнымъ поприщемъ для пріобрѣтенія вліянія и силы, какое предоставлено и другимъ національностямъ (!). Никто не препятствуетъ имъ духовнымъ оружіемъ пропагандировать свое дѣло, они могутъ, если пожелаютъ, выступить и на политическую арену, чтобы защищать тамъ свои требованія. Если доселѣ полной побѣды не было на ихъ сторонѣ, причиной тому не заговоръ противъ славянства, не угнетеніе и не ненависть, но, вѣроятно ихъ неискусность въ политической стратегіи и недостатокъ силъ. . Демонстраціи, подобныя московской, приведутъ къ тому, что въ Австріи на всякаго Славянина будутъ смотрѣть какъ на слугу Россіи. Этого не должно быть. Всего пламеннѣе мы желаемъ, напротивъ, чтобы Славяне чувствовали себя здѣсь счастливыми и старались пріобрѣсти законное значеніе въ живомъ политическомъ состязаніи. Панславизмъ же, еслибъ онъ дѣйствительно пустилъ корни, есть опасность, противъ которой должна вооружиться вся Европа, ибо тутъ дѣло идетъ уже не о принципѣ національности, но о свободѣ, правѣ и образованіи, объ всемъ томъ, что добыто цѣлою исторіей человѣчества. Поглощеніе всѣхъ человѣческихъ стремленій *одною* идеей было бы гибелью всѣхъ высшихъ интересовъ. Если Славяне желаютъ пользоваться довѣріемъ и симпатіями народовъ, живущихъ подлѣ нихъ, то не должны идти съ Россіей, не должны обращать взоры къ Москвѣ.“

Мы имѣемъ на столько чувства приличія предъ здравымъ смысломъ, что не станемъ опровергать старую арлекинаду касательно двухъ историческихъ полюсовъ, славяно-русскаго варварства и европейско-мадьярской цивилизаціи. Мы не станемъ даже совѣтовать графу Андрашу и его газетѣ выучиться хоть одному изъ славянскихъ нарѣчій въ Венгріи, чтобы не ронять своего министерскаго достоинства превратнымъ пониманіемъ рѣчи г. Ригра, въ чемъ большинство читающей славянской публики можетъ видѣть лишь беззастѣнчивую недобросовѣстность. Не имѣемъ мы намѣренія вдаваться и въ изслѣдованіе ветхозавѣтнаго преданія о сынѣ Ноевѣ, хотя не можемъ не замѣтить, что Хамъ обнажилъ, по преданію, дѣйствительность, а не свою лживую выдумку. Смыслъ нѣмецко-мадьярской рѣчи во всякомъ случаѣ для насъ очень ясенъ; мы знаемъ изъ какого побужденія все это говорится. Но мы позволимъ себѣ спросить: *для кого* пишутся въ Австріи подобныя строки? Судя по ясно начертанному адресу передовой статьи въ *Debatte* (она озаглавлена: *Пилигримствующимъ въ Москву*), для западныхъ и южныхъ Славянъ. Но, сколько намъ извѣстно, одни врачи тѣлесные предлагаютъ изнѣженному паціенту одною рукой горь-

кое лѣкарство, а другою — конфекту для закуски. Врачи политическіе явили бы отсутствіе человѣческаго смысла, еслибы поступали такимъ образомъ. Изъ уваженія къ здравому смыслу *Debatte* мы не думаемъ, чтобъ она надѣялась убѣдить австрійскихъ Славянъ, что „благодатное согласіе австрійскихъ народовъ," о которомъ она говоритъ, обнимаетъ собой и ихъ, Славянъ Транслейтаніи и Цислейтаніи; не думаемъ также что и *Poster Lloyd* разчитывалъ на удовлетворительность своего приглашенія, чтобъ австрійскіе Славяне дѣйствовали *духовнымъ* оружіемъ въ пользу славянскаго дѣла. Не мнятъ ли можетъ-быть эти рѣчи подѣйствовать на общественное мнѣніе въ Россіи, предъ которымъ Славяне сдѣлали нѣсколько легкихъ намековъ на свои безвинныя страданія? Въ такомъ случаѣ пусть будетъ извѣстно нѣмецко-мадьярскимъ публицистамъ, что русское общество имѣетъ довольно твердую память. Оно помнитъ, что происходило въ сѣверныхъ комитатахъ Венгріи, въ Великой Ревуцѣ и Банской Быстрицѣ, для подавленія народнаго духа въ словацкихъ школахъ. Оно помнитъ, какъ пріятно было путешествовать мадьярскому комиссару среди трансильванскихъ Румынъ. Оно помнитъ либеральныя дѣянія другаго мадьярскаго комиссара въ Рѣкѣ. Оно никогда не забудетъ имени „дѣтскаго тупоголовія," которымъ эта вѣнская офиціозная газета называетъ загребскій сеймъ, гдѣ 11-го мая цѣлый сербскій народъ пришелъ къ благодатному согласію. Оно не забудетъ также ни гуманнаго выраженія г. фонъ-Бейста о Славянахъ, ни почетнаго имени *рацъ*, которымъ графъ Андрашъ оскорбилъ Сербовъ. Оно помнитъ закрытіе сеймовъ пражскаго, бернвнскаго, люблянскаго, загребскаго, и пружины, которыми поддерживаютъ въ Галиціи разлагающійся польскій элементъ ради угнетенія Русскихъ той мѣстности. Наконецъ оно не можетъ не знать, что напримѣръ въ Богеміи законъ о языкѣ въ среднихъ училищахъ почти не исполняется, и въ особенности, что регламентъ выборовъ въ Австріи отнимаетъ власть у славянскаго большинства въ явную насмѣшку надъ равноправіемъ. Русское общество все это знаетъ и все это помнитъ; соглашается же съ нѣмецко-мадьярскими заклинаніями только въ одномъ, что „славянскія національныя преданія въ Австріи подорваны," и что „австрійскія государственныя учрежденія препятствуютъ австрійскимъ Славянамъ достигать законнаго вліянія," то-есть что сдѣлано невозможнымъ существованіе и развитіе славянской національности въ предѣлахъ монархіи Габсбурговъ, провозгласившей равноправность національностей.

Въ виду нынѣшняго союза Пешта и Вѣны, имѣющаго явною цѣлью нѣмечить и мадьярить Славянъ, мы не можемъ не согласиться съ *Debatte* и еще въ одномъ пунктѣ: дѣйствительно то что происходило въ Москвѣ сравненное съ тѣмъ, что происходитъ въ Вѣнѣ и Пештѣ, очень можетъ „убѣдить сыновъ матери Славы, что только внутри пространныхъ предѣловъ Россіи бьются горячія сердца для страданій и радостей славянскихъ племенъ." Чѣмъ враждебнѣе и грознѣе выступаетъ противъ „пилигримствовавшихъ въ Москву" нѣмецко-мадьярская журналистика, тѣмъ болѣе должно укрѣпляться въ нихъ это убѣжденіе. Австрійскій дуализмъ разъяснилъ для нихъ многое; онъ разрушилъ не мало надеждъ. Его защитники доверщаютъ дѣло. Славянская атмосфера становится чище отъ благонамѣренныхъ, но неисполнимыхъ мечтаній. Кто не отчаивается за будущность славянскаго дѣла въ средѣ австрійскихъ народовъ, тотъ долженъ радоваться тому, что дѣйствительное положеніе дѣлъ обнаруживается безъ всякихъ прикрасъ и въ стремленія славянскаго міра вносится необходимая въ политическихъ дѣлахъ трезвость.

Статьи *Debatte* и *Pester Lloyd* писаны съ венгерской точки зрѣнія и писаны до появленія статьи *Народныхъ Новинъ*. Вслѣдъ за этою статьей появился протестъ противъ нея со стороны органа нѣмецкой централистической партіи въ Австріи, газеты *Presse*. Послѣ австрійскаго дуализма высказался и австрійскій централизмъ, теперь впрочемъ, увы! сильно общипанный. Вѣнская *Presse* нашла поводъ къ нападкамъ на австрійскихъ Славянъ въ одной статьѣ той *Силезской Газеты*, которая такъ любезна къ Россіи, что печатаетъ въ своихъ столбцахъ всякій нѣмецко-польскій вздоръ съ удивительною ревностью. Дѣло въ томъ, что *Силезская Газета* стала изыскивать причины „непонятнаго" для нея появленія Чеховъ въ Россіи, хотя она и знаетъ, что „начиная съ возрожденія національно-чешскихъ стремленій, высказавшихся въ двадцатыхъ и тридцатыхъ го-

дахъ нынѣшняго столѣтія въ научной сферѣ, Чехи по преимуществу питали симпатію къ Россіи, которая отвѣчала имъ взаимностію.“ Въ этомъ изысканіи она какъ-то наткнулась на весьма здравую мысль, что въ этомъ виноваты, кромѣ вѣнскаго правительства, которое „своею политическою системой и въ особенности своимъ финансовымъ хозяйствомъ уничтожило благосостояніе Богеміи, болѣе нежели какой-либо другой провинціи, и довело Чеховъ до совершеннаго отчаянія,“ — что кромѣ вѣнскаго правительства, виноваты и сами австрійскіе Нѣмцы, которые всегда обращались съ Чехами чрезвычайно презрительно. Она указываетъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, на извѣстную брошюру *Будущее Австріи*, которая столько клоповъ доставила австрійской полиціи, обрекшей ее на ауто-да-фе: въ этой брошюрѣ прямо сказано, что Чехи почти насильственно были кинуты въ объятія Россіи. Кромѣ того бреславльская газетка ловко замѣтила, что „маленькая кучка Чеховъ, составляющая крайній западный побѣгъ славянства въ Европѣ, справедливо болѣе страшится консолидаціи нѣмецкаго національнаго государства, чѣмъ старой Германіи временъ союзнаго сейма.“ „Но, прибавляетъ *Силезская Газета*, если Чехи теперь дѣйствительно хотятъ возстановить солидарность съ восточными Славянами, если они среди надвигающагося славянства станутъ коломъ въ нѣмецкомъ тѣлѣ, то Германія имѣетъ полное основаніе принять участіе въ воспрепятствованіи этому процессу. *Покамѣсть* эта задача выпала на долю Австріи, и послѣдняя должна доказать, *имѣетъ ли* она довольно силъ и способностей для ея рѣшенія?“ Вѣнская *Presse* отвѣчаетъ, что для рѣшенія этой задачи въ Австріи силъ достаточно да и доброй воли не мало, „ибо г. фонъ-Бейстъ съ особенною энергіей заявилъ, что правительство сумѣетъ воспрепятствовать внесенію волненій извнѣ.“ Вслѣдъ затѣмъ, органъ австрійскихъ централистовъ, повторяя пѣсню газетъ венгерскихъ, и умалчивая о разореніи Богеміи, замѣчаетъ, что *ненависть* Нѣмцевъ къ Чехамъ чистая сказка: „Нѣмцы борются не противъ славизма, а противъ панславизма, этого форпоста Россіи въ западной Европѣ. Послѣднее доказывается тѣмъ, что надняхъ русское правительство пожертвовало милліонъ рублей серебромъ на южно-славянскую академію (!), а главный органъ чешской журналистики въ Прагѣ совѣтуетъ Чехамъ учиться русскому языку. Все это должно убѣдить Нѣмцевъ внѣ нашихъ границъ, что они должны нравственно поддержать насъ въ нашей борьбѣ съ притязаніями славянскаго элемента. Многіе убѣждены, что побѣда панславизма была бы равнозначительна погибели нынѣшней культуры Восточной Европы. На сколько можемъ, мы желаемъ содѣйствовать тому, чтобы дѣло не дошло до этого испытанія.“ На сколько можемъ! Нужна намъ нравственная поддержка Германіи для того чтобъ онѣмечить Богемію, врѣзавшуюся коломъ въ нѣмецкое тѣло! Но если такъ, то зачѣмъ же было говорить, что въ Австріи достаточно силъ для рѣшенія этой задачи?

Не наше дѣло анализировать мѣру благоразумія вѣнскихъ публицистовъ, которые пишутъ такого рода статьи, надѣясь повидимому умиротворить ими Чеховъ, доведенныхъ до отчаянія разореніемъ своей страны. Пусть и *Debatte*, и *Pester Lloyd*, и вѣнская *Presse* изобличаютъ себя сами сколько имъ угодно по отношенію къ австрійскимъ Славянамъ: отъ этого доброе дѣло можетъ только выиграть. Но сдѣлавъ вышеприведенныя выписки, мы обязаны изобличить эти газеты, на сколько ихъ показанія касаются Россіи. Все что говорятъ они объ отношеніяхъ русскаго правительства къ панславизму есть такая же басня какъ и тотъ милліонъ рублей, который русское правительство, по словамъ *Presse*, будто бы подарило южно-славянскому университету. Никакого *славянскаго конгресса* у насъ не было, а были славянскіе гости, пріѣхавшіе въ Москву по поводу этнографической выставки. Если это посѣщеніе имѣетъ политическое значеніе, то виной тому не Россія, а Австрія. Съ русской стороны было только оказано гостепріимство, но и въ этомъ гостепріимствѣ русское правительство не принимало ни малѣйшаго участія и не истратило на него ни одной казенной копѣйки. Что же касается до пуганья панславизмомъ, угрожающимъ цѣлому человѣчеству, то отъ обязанности отвѣчать на эти насмѣшки австрійскихъ газетъ надъ здравымъ смысломъ своихъ читателей освобождаетъ насъ сама *Debatte*, въ словахъ которой, нечаянно для ней самой, прорвалась наружу истина. Въ *Debatte* сказано (на 3 столбцѣ 1 стр. № 142), что Россія никогда ничего не дѣ-

лала для національной идеи славизма. Если Россія ничего не дѣлала для этой идеи, то какъ же обвинять Россію въ томъ, что она этою идеей пользуется какъ орудіемъ своего властолюбія? Въ завоевательныхъ видахъ всего болѣе подозрѣвали императора Николая I, но кому неизвѣстно, что императоръ Николай I относился къ панславизму даже враждебно? Панславизмъ есть дѣйствительно орудіе властолюбія, только не русскаго, а нѣмецко-мадьярскаго. Онъ выдуманъ для того чтобы заподазривать австрійскихъ Славянъ въ небылицахъ и подъ этимъ предлогомъ угнетать ихъ.

№ 130.

Москва, 14-го Іюня.

Ни для кого не тайна, что въ послѣдніе дни стали разсѣваться повсюду въ Петербургѣ, Варшавѣ, Вильнѣ, наконецъ у насъ въ Москвѣ слухи, повидимому совершенно противорѣчащіе дѣйствительному положенію дѣлъ. Если имъ вѣрить, польскому вопросу опять предстоитъ возстать изъ той летаргіи, въ которую онъ, несмотря на происки полонофиловъ, сталъ было мало-по-малу погружаться въ русскихъ предѣлахъ и которая ожидаетъ его теперь даже за предѣлами Россіи, не исключая и Франціи, — возстать съ тѣмъ, конечно, чтобы въ недалекомъ будущемъ снова потребовать отъ насъ жертвъ и на этотъ разъ, безъ сомнѣнія, болѣе тяжкихъ чѣмъ въ 1863 году. Неизвѣстные вѣстовщики не ограничиваются темными намеками: они съ точностію формулуютъ даже въ чемъ именно будетъ заключаться предстоящій ударъ русскому дѣлу. Зная лучше нашего, что указъ 10-го декабря 1865 г. представляетъ собой пока единственную и главную органическую мѣру, принятую Россіей въ видахъ обрусенія. Западнаго края не на бумагѣ, а на дѣлѣ,— мѣру, которая необходима чтобъ и рѣшеніе крестьянскаго вопроса оказалось въ русскомъ національномъ смыслѣ плодотворнымъ и которая послужитъ основаніемъ для цѣлой системы дальнѣйшихъ мѣръ, безъ нея невозможныхъ и имѣющихъ клониться къ окончательному упраздненію польскаго вопроса въ Западномъ краѣ, — эти вѣстовщики настойчиво увѣряютъ, что именно указъ 10-го декабря подлежитъ если не совершенной отмѣнѣ, то радикальному измѣненію, состоящему въ продленіи срока обязательной продажи имѣній компрометтированныхъ въ мятежѣ лицъ еще на два года

Къ счастію, упомянутая нами интрига такъ прозрачна, что можно опредѣлить безошибочно не только ея источникъ, но и сокровенныя побужденія. Событіе 25-го мая отозвалось на русской польщизнѣ бѣлаго оттѣнка — какъ и слѣдовало ожидать — сначала испугомъ, чтобы дѣло *великаго будованія* не затормозилось пуще прежняго. Но эти господа бѣлые должны были вскорѣ оправиться, когда увидѣли, что, теряя союзниковъ въ западной Европѣ, они еще не теряютъ ихъ въ Россіи, и что здѣшніе печальники польщизны, несмотря даже на событіе 25-го мая, пребываютъ ей вѣрными до такой степени, что какъ въ апрѣлѣ прошлаго года высказывали они желаніе сдѣлать изъ Каракозовскаго дѣла — дѣло русское, такъ и теперь, при положительной невозможности взвалить всю бѣду на внутреннія губерніи, прилагаютъ однако самую нѣжную заботливость, чтобы подъ видомъ огражденія Поляковъ, невинныхъ въ покушеніи Березовскаго, оградить и польщизну отъ справедливаго окончательнаго суда русскаго общественнаго мнѣнія, то противодѣйствуя, на сколько хватаетъ силъ, распространенію вѣсти, что злодѣй — польскій патріотъ, то стараясь завѣрить насъ Москалей, что его преступленіе есть либо продуктъ парижскихъ эмиграціонныхъ и революціонныхъ кружковъ, бѣлымъ враждебныхъ, либо дѣло личнаго фанатизма, чуждое и вообще польскому вопросу; то наконецъ проповѣдуя, что этотъ фанатизмъ происходитъ отъ отчаянія пораждаемаго въ Полякахъ, слишкомъ будто бы быстрымъ обрусеніемъ Западнаго края (къ чему на дѣлѣ мы еще только собираемся приступить, хотя въ принципѣ оно рѣшено безповоротно), такъ что Березовскій, по этой теоріи, является чуть ли не несчастною жертвой, за которую должны отвѣчать русскіе дѣятели Западнаго края, не помогающіе попрежнему Полякамъ русскою силой передѣлывать русскую исторію и не ополячивающіе для нихъ населенія западныхъ губерній. Правда, что всѣ эти аргументы придуманы очень грубо, но развѣ превосходитъ ихъ своею тонкостью недавняя выдумка бывшаго издателя *Отголосковъ русской печати*, буд-

то русскій нигилизмъ, процвѣтавшій преимущественно въ 1861 и 1862 годахъ, есть порожденіе чрезмѣрнаго развитія русскаго патріотизма въ 1863 году и слѣдующихъ? Надобно думать, что, какъ бы то ни было, подобные толки успокоили бѣлую польщизну отъ ея испуга и внушили ей смѣлость сдѣлать шагъ впередъ, чтобы роковое событіе обратить даже въ свою пользу: для поддержанія духа въ польскихъ кругахъ распускаются слухи, приписывающіе нашему правительству намѣреніе отступить отъ національной политики, которой оно до сихъ поръ слѣдовало и которая будто бы равно порицается и Пруссіей, и Франціей; въ то же время въ русской средѣ ведется пропаганда на ту тему, что Высочайше дарованныя амнистіи свидѣтельствуютъ о радикальномъ измѣненіи видовъ русскаго правительства по польскому дѣлу, — объ измѣненіи имѣющемъ привести къ замѣнѣ мѣръ карательныхъ мѣрами органическими, причемъ не забываютъ и сослаться на нашу газету, также говорившую въ пользу этой замѣны, но какъ само собою разумѣется, повторяютъ на всѣ лады, что указъ 10-го декабря, вопреки мнѣнію *Московскихъ Вѣдомостей*, на этотъ разъ слишкомъ увлекающихся русскимъ фанатизмомъ, есть *мѣра вовсе не органическая, а только карательная*, и слѣдовательно подлежащая, раньше или позже, отмѣнѣ *въ силу* амнистій, органическою же мѣрой можетъ быть признано лишь сближеніе съ Ватиканомъ по религіозному вопросу и съ польскимъ землевладѣніемъ, въ смыслѣ *Вѣсти*, по вопросу политическому. Это, говорятъ господа бѣлые, были бы органическія мѣры могущія отнять у польскаго дѣла революціонный характеръ, а землевладѣльческая реформа есть мѣра карательная, питающая озлобленіе и держащая *en éveil* революціонныя страсти. Неужели послѣ всего что было писано о польскомъ вопросѣ, пониманіе его въ нашей средѣ такъ шатко, что требуется подробно разбирать подобныя аргументаціи? Мы не говоримъ объ ожидаемой въ Римѣ демонстраціи противъ православія, состоящей въ канонизаціи Іосафата Кунцевича, котораго память облита такими обильными потоками крови защитниковъ православія. Мы не говоримъ и о томъ, что въ самомъ Ватиканѣ готовится значительный переворотъ, который можетъ-быть измѣнитъ дальнѣйшія судьбы римской патріаршеской каѳедры, и что не мы конечно призваны поддерживать ее въ тяжую критическую для нея пору. Но и помимо всего этого, есть ли намъ вообще надобность думать о сближеніи съ Ватиканомъ, которое отнюдь не требуется интересами самой полной вѣротерпимости (примѣромъ можетъ служить Англія), и во всякомъ случаѣ можно ли думать объ этомъ сближеніи, пока католицизмъ на русской почвѣ Западнаго края, вслѣдствіе своихъ ли или нашихъ ошибокъ, имѣетъ враждебный намъ національный оттѣнокъ и почти тождественъ съ полонизмомъ? Что же касается до польскаго землевладѣнія, или собственно, до польской партіи *бѣлыхъ*, то развѣ не очевидна невозможность нашего сближенія съ нею, пока она отстаиваетъ *польское* землевладѣніе? Развѣ ея усиленная оппозиція указу 10-го декабря 1865 года не свидѣтельствуетъ о томъ, что подъ предлогомъ защиты землевладѣнія, она имѣетъ въ виду охранить въ Западномъ краѣ землевладѣніе польское? Выдумка, будто бы указъ 10-го декабря направленъ противъ землевладѣнія вообще и колеблетъ его повсюду въ самомъ основаніи, не находитъ себѣ защиты даже въ столбцахъ *Вѣсти*, рѣшающейся нападать только на мировыхъ посредниковъ Западнаго края, — тѣхъ самыхъ людей, которыхъ, какъ сообщаетъ наша сегодняшняя телеграмма изъ Вильны, Государь Императоръ удостоилъ милостиваго слова благодарности. Указъ 10-го декабря напротивъ доказываетъ, что русское правительство придаетъ землевладѣнію весьма высокое значеніе. Еслибъ оно не уважало землевладѣнія и не желало ему прочности, оно не имѣло бы побужденія такъ усиленно заботиться объ измѣненіи національности въ землевладѣніи Западнаго края. Другая выдумка, будто указъ 10-го декабря есть мѣра карательная, точно также есть соломенка, за которую можетъ хвататься только утопающая польщизна. Неужели можно назвать наказаніемъ требованіе русской Верховной власти, чтобы въ среду нынѣшняго интеллигентнаго сословія въ Западномъ краѣ, доказавшаго свою непримиримую вражду ко всему русскому, проникло нѣсколько грушъ русскихъ помѣщиковъ, дабы въ этомъ краѣ не было сплошнаго польскаго землевладѣнія, внушающаго Полякамъ мысль о господствѣ надъ краемъ? Кто изъ польскихъ помѣщиковъ Западна-

го края отказывается отъ этой мысли о господствѣ, тотъ долженъ быть радъ промѣнять свое имѣніе въ Западномъ краѣ, гдѣ онъ подвергается притязаніямъ своихъ соотчичей отъ этой мысли еще не отказавшихся, на имѣніе либо во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, либо наконецъ въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ къ тому же такіе покупатели имѣній, защитили бы землевладѣніе отъ нѣмецкаго наплыва, готоваго тамъ онѣмечить еще одну добрую полосу славянской земли.

Обязавъ польскихъ владѣльцевъ, принимавшихъ непосредственное участіе въ мятежѣ и злоумышлявшихъ противъ цѣлости нашего государства, продать свои имѣнія въ двухгодичный срокъ, правительство наше не воспретило имъ покупать земли на всемъ остальномъ пространствѣ Россіи и Царства Польскаго, несмотря на доказанный вредъ ихъ образа мыслей и дѣйствій. Правительственныя ссуды русскимъ покупщикамъ имѣній въ Западномъ краѣ въ 1864 и 1865 годахъ и учрежденіе ссуднаго банка—Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній—естественно вызвали бы втрое возвышеніе цѣнности тамошнихъ земель. Въ послѣдніе два-три года цѣнность имѣній въ Западномъ краѣ, несмотря на раззореніе отъ мятежа, на контрибуціи и другіе усиленные поборы, не только не упала, но даже возросла. Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что нѣкоторые помѣщики польскаго происхожденія, переставшіе мечтать о господствѣ надъ Русью, смотрятъ на продажу своихъ имѣній какъ на выгодную операцію, какъ на средство промѣнять непостоянный доходъ съ имѣнія на постоянную и совершенно достаточную ренту съ капитала, приносящаго нынѣ въ Россіи весьма высокій процентъ. Что же это за карательная мѣра, которая скорѣе содѣйствуетъ матеріяльному благосостоянію польскихъ землевладѣльцевъ, чѣмъ разрушаетъ его?

Указъ 10-го декабря не заключаетъ въ себѣ ничего карательнаго; онъ есть мѣра государственной необходимости. Безъ его точнаго исполненія Западный край навсегда останется волканомъ, готовымъ къ изверженію при первомъ стеченіи неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствъ, а несчастное мѣстное русское населеніе будетъ лишено, за чужую вину, возможности пользоваться, во всей широтѣ, благими преобразованіями нынѣшняго царствованія. Указъ этотъ столько же мѣра карательная какъ сооруженіе крѣпости въ пунктѣ, подверженномъ постоянному непріятельскому нападенію. Кого же думаютъ провести наши ловкіе паны бѣлые и ихъ покровители, называя естественную мѣру необходимой государственной обороны—мѣрой карательною?

№ 131.

Москва, 16-го іюня.

Несмотря на исполненныя мирныхъ увѣреній оговорки, которыми г. Руэръ сопровождалъ свои увѣщанія чтобы законодательное сословіе поспѣшило рѣшеніемъ вопроса о преобразованіи французской арміи, самый фактъ этихъ увѣщаній не заключалъ въ себѣ ничего успокоительнаго и въ особенности не согласовался съ тѣми слухами о разоруженіи, которые были пущены въ обращеніе, и которымъ мы придавали вѣру весьма ограниченную, въ чемъ наши читатели могли удостовѣриться изъ нашихъ отзывовъ. Сегодняшняя телеграмма о дополнительномъ кредитѣ 158 милліоновъ франковъ къ французскому бюджету текущаго года и о томъ, что въ будущемъ году предстоятъ другія передержки съ тою же цѣлію вооруженій, подтверждаетъ наши опасенія. Но еще важнѣе тотъ слухъ, что при свиданіи въ Парижѣ шла рѣчь о германскихъ союзныхъ крѣпостяхъ: французское правительство, повидимому, предлагало г. фонъ-Бисмарку запросъ, не согласится ли онъ примѣнить къ Майнцу, Раштадту и Ландау принципъ разоруженія, который онъ согласился допустить относительно Люксембургской крѣпости. Бываютъ вопросы до такой степени серіозные и щекотливые, что стоитъ къ нимъ только прикоснуться, и они уже вторгаются на политическую почву, и ничто не въ силахъ остановить ихъ естественное движеніе.

Намъ неизвѣстно въ какомъ размѣрѣ была высказана эта мысль, и мы не увѣрены даже, чтобъ она была заявлена офиціально, но мы знаемъ, что органы болѣе или менѣе офиціозные самого французскаго правительства начинаютъ заговаривать о нѣмецкихъ союзныхъ крѣпостяхъ, а это уже достаточно доказываетъ, что миръ въ Европѣ, на упроченіе котораго всѣ такъ на-

дѣялись по поводу свиданій въ Парижѣ, не слѣдуетъ почитать весьма прочнымъ.

Пруссія, очевидно, не согласится на удовлетвореніе этихъ новыхъ притязаній и не захочетъ по мелочамъ растратить то обаяніе и вліяніе, которыя она разомъ пріобрѣла въ прошломъ году своими военными удачами. Оглашенные недавно документы по Люксембургскому вопросу свидѣтельствуютъ о крайней неохотѣ, съ какою Берлинскій кабинетъ рѣшился на мирное окончаніе этого дѣла. Война едва не вспыхнула, и Прусскій король уступилъ только великодушнымъ настояніемъ нашего кабинета. Если Пруссія оказала такое колебаніе въ дѣлѣ, по которому вопросъ о правѣ былъ сомнителенъ, и изъ котораго ей давали возможность выпутаться съ честью, то позволительно ли предполагать, что она такъ легло согласится на разореніе какой-нибудь крѣпости несомнѣнно нѣмецкой? Г. фонъ-Бисмаркъ не пріучилъ Европу ожидать отъ него чудесъ умѣренности; судя по его теперешнему положенію относительно Даніи, а также по допущенію имъ, подъ предлогомъ таможеннаго объединенія, второстепенныхъ южно-германскихъ государствъ въ сѣверо-германскій парламентъ, надобно думать, что въ настоящее время онъ менѣе чѣмъ когда-либо намѣренъ дѣйствовать воздержно. Нѣкоторые журналы увѣряютъ даже, что онъ лукаво доставилъ себѣ удовольствіе препроводить изъ самаго Парижа депешу, которой содержаніе никакъ не можетъ быть пріятно Франціи, свидѣтельствуя о невнимательности прусской политики если не къ буквѣ, то по крайней мѣрѣ къ духу Пражскаго трактата.

Съ другой стороны почти столь же очевидно, что какъ скоро императоръ Наполеонъ счелъ нужнымъ затронуть подобный жгучій вопросъ, то значитъ онъ рѣшился добиться его рѣшенія со свойственною ему смѣсью гибкости и твердости. Но рѣшеніе тутъ возможно не иначе какъ силой оружія, и промышленный Аустерлицъ, который наконецъ заманилъ къ себѣ короля Вильгельма, очень можетъ, повидимому, привести къ Іенѣ или къ Ватерлоо, вовсе не промышленнымъ и не мирнымъ.

Столкновеніе представится даже неизбѣжнымъ, если безпристрастно взглянуть на затруднительность взаимныхъ отношеній Пруссіи и Франціи. Припомнимъ себѣ, на какомъ пути достигла Пруссія своего теперешняго положенія. Прежде чѣмъ успѣла она сложиться въ сильное государство, она прошла черезъ горнило бѣдствій. Она вынесла тяжкую семилѣтнюю войну, и войны Наполеона I легли на нее большею тяжестью нежели на какую-либо другую изъ европейскихъ державъ. Благодаря этимъ войнамъ, Пруссія сложилась въ воинственный народъ, пришедшій первымъ изо всѣхъ народовъ Европы къ поголовному вооруженію, сжившійся съ нимъ, какъ съ своимъ народнымъ дорогимъ учрежденіемъ, и почти не чувствующій того бремени, которое онъ несетъ на себѣ. Въ тоже время прусское правительство, болѣе нежели какое-нибудь другое, заботилось о народномъ образованіи, которое доведено въ Пруссіи до замѣчательной высоты, и наконецъ сумѣло до сихъ поръ сохранить привычки къ бережливости, пріобрѣтенныя въ тяжкія времена. Такая нація имѣетъ много задатковъ успѣшнаго политическаго дѣйствія, а теперь во главѣ ея стоитъ король, избравшій себѣ истинно-геніальнаго и патріотическаго министра и вполнѣ довѣрившійся ему, что удесятеряетъ силы государства. Германія еще не объединилась подъ эгидой Пруссіи, но уже и теперь Франціи заданъ вопросъ о томъ: первенствовать ли ей на западѣ Европы, или удовольствоваться скромною второстепенною ролью? Каково же положеніе Франціи? Восточная война ослабила Россію, но усилила ближайшихъ сосѣдей Франціи, Германію, Австрію и Англію. Война 1859 года, въ свою очередь, ослабила Австрію, но создала Италію. Вмѣсто мелкихъ государствъ находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ Франціи, явилось у подножія ея сильное Италіянское государство, которое уже успѣло сказаться Франціи. Когда возникла послѣдняя австро-прусская война и когда противъ всѣхъ ожиданій императора Французовъ и Французскаго народа, Пруссаки, вмѣсто того чтобы понести пораженіе, вышли изъ нея полными побѣдителями, имъ уже протягивала руку Италія, обязанная Франціи своимъ существованіемъ. Вмѣсто малозначащихъ сосѣдей, предъ которыми Франція являлась не иначе какъ въ образѣ величія, она имѣетъ о бокъ у себя два сильныя государства, могущія уже и теперь угрожать ей. Упустивъ время, не должна ли она съ удвоенными усиліями воспрепятствовать теперь объединенію Германіи? Но можетъ ли и Пруссія, сдѣлавъ такъ много, остановиться на полупути,

когда все готово для этого объединенія, ставшаго въ послѣднее время лозунгомъ всего ея будущаго?

Вопросъ о крѣпостяхъ занятыхъ Пруссаками или союзными войсками на Рейнѣ есть для Франціи вопросъ первостепенной важности. Пока Пруссія владѣетъ Майнцемъ, Раштадтомъ и Ландау, или, что почти все равно, пока онѣ въ случаѣ войны должны быть подъ прусскою командой, шансы борьбы между Пруссіей и Франціей далеко не равны. При посредствѣ названныхъ крѣпостей (особенно Майнца), построенныхъ сообразно съ новѣйшими требованіями военнаго искусства и занимающихъ важные стратегическіе пункты, переправа Французовъ черезъ Рейнъ будетъ стоить неимовѣрныхъ усилій или громаднаго риска. Подъ защитой этихъ крѣпостей и нейтралитета Швейнаріи, Германія почти не досягаема для французской арміи. Франція не можетъ не ожидать что ея борьба съ Германіей будетъ происходить на ея территоріи, опустошая не только ея финансы, но и ея кровныя земли. Чтобы довести до этого Францію, въ 1814 году нужно было ополченіе противъ нея всей Европы, а теперь чуть ли не довольно того германскаго союза, который Наполеонъ I перекраивалъ безпрестанно какъ игрушку въ своихъ мощныхъ рукахъ, и который теперь графу Бисмарку удалось перекроить такъ, что у другихъ закройщиковъ совсѣмъ отнята работа.

Какая роль предстоитъ Россіи въ томъ случаѣ, если міру суждено вновь быть свидѣтелемъ великой европейской борьбы? Россія отстаивала въ 1805 году отъ Французовъ Австрію, тогда нѣмецкую державу, отстаивала въ 1806 году Пруссію и отстояла ее, могла прекратить войну въ 1812 году, на условіяхъ для себя не только выгодныхъ, но и почетныхъ, но предпочла громадныя лишенія и пожертвованія дабы избавить Германію отъ Французовъ, и утвердила существованіе сильной Пруссіи, которой дружбу, доселѣ намъ неизмѣнновѣрную, мы высоко цѣнимъ, и сильной Австріи, которой заблагоразсудилось удивить міръ своею неблагодарностью къ намъ. Мы не находимся въ положеніи Франціи: пока мы стоимъ на Вислѣ, и если мы къ тому же укрѣпимъ Вильну, намъ не можетъ грозить серіозными опасностями теперешнее положеніе дѣлъ въ средней Европѣ, но мы можемъ ожидать весьма серіозныхъ затрудненій въ будущемъ, если характеръ прусскаго правительства измѣнится, что очень возможно. Напротивъ сильная Франція представляетъ гораздо болѣе затрудненій для средней Европы нежели для насъ. Невольно вспоминается при этомъ знаменитый вождь 12-го года князь Кутузовъ, доселѣ достаточно неоцѣненный, стоявшій всегда противъ войны съ Франціей, хотя судьба и привела его, по странному стеченію обстоятельствъ, командовать въ 1805 году арміей, въ войнѣ, которой онъ вовсе не сочувствовалъ.

Что сказать о Востокѣ? Для него парижскія празднества имѣли, повидимому, послѣдствія самыя печальныя. Коллективная нота 15-го іюня есть важный успѣхъ, если подавшія ее державы будутъ крѣпко стоять вмѣстѣ. А что мы видимъ? Турція не приняла даже къ обсужденію не только прямой спросъ населеній, но и слѣдственную коммиссію, о которой мы недавно еще говорили, доказывая ея достойную посмѣянія безполезность. Фуадъ-паша презрительно отвергъ ее, объявивъ, что Омеръ-паша въ скоромъ времени покончитъ съ критскимъ возстаніемъ, и что поэтому нѣтъ никакой надобности справляться о томъ, что происходило на островѣ Кандіи.

Этотъ отвѣтъ замѣчательно дерзкій, былъ данъ въ ту самую минуту, когда султанъ, въ сопровожденіи великаго визиря и французскаго посла, вступилъ на пароходъ, который долженъ отвезти его въ Тулонъ, подъ прикрытіемъ англо-французской эскадры...

№ 132.

Москва, 16-го Іюня.

Мы посвятили третьяго дня краткую замѣтку слухамъ о предстоящей будто бы концессіи по Рижско-Шавельской желѣзной дорогѣ. Постараемся разъяснить это дѣло, чтобы не подавать повода къ недоразумѣніямъ. Въ Курляндіи мы имѣемъ два отличные порта, Виндаву и Либаву, но первый изъ этихъ портовъ слишкомъ далеко врѣзывается въ море и потому неудобенъ для сношеній со внутреннею страной. Этимъ условіямъ гораздо болѣе отвѣчаетъ Либава. Этотъ портъ не могъ издавна получить то значеніе, которое теперь желательно дать ему: онъ и теперь не имѣлъ бы особенной важности, еслибы

теченіе Нѣмана было въ рукахъ одного государства. Только владычество Пруссіи надъ Мемелемъ придаетъ Либавскому порту большую цѣну для сбыта продуктовъ Нѣманскаго бассейна. Но и эту цѣну Либавскій портъ можетъ пріобрѣсти лишь чрезъ построеніе желѣзной дороги. Портъ самъ по себѣ безсильный, Либава имѣетъ всѣ данныя, чтобы при желѣзной дорогѣ, соединяющей ее со внутреннею страной, достигнуть высокой степени торговаго процвѣтанія. Желѣзная дорога въ Либаву, замѣняя собой отсутствіе внутренняго водянаго пути, но сверхъ того поддерживая движеніе и въ то время, когда водяные пути бываютъ покрыты льдомъ, дала бы Россіи возможность извлечь полную выгоду изъ незамерзающаго либавскаго порта. На этотъ портъ могла бы направиться значительная часть грузовъ не только Нѣманскаго, но и Днѣпровскаго и даже Окскаго бассейновъ. Что же касается до привозныхъ товаровъ, вообще не громоздкихъ, то ихъ было бы очень выгодно получать черезъ Либавскій портъ, открытый въ теченіе круглаго года: для большей части привозныхъ товаровъ издержки провоза почти ничего не значатъ сравнительно съ аккуратностью и скоростью доставки. Поэтому-то вслѣдъ за соединеніемъ Москвы и Петербурга Николаевскою желѣзною дорогой и возникла мысль о проведеніи желѣзной дороги изъ Либавы въ глубь страны, именно до Курска. Эта мысль была совершенно правильная, и исполненіе ея доставило бы значительныя выгоды Россіи. Но тутъ возникла сильная оппозиція со стороны Риги, соперничествующей съ Либавой и испугавшейся за свою будущность. Пугаться въ сущности было нечего, потому что будущность Риги достаточно обезпечена достоинствами ея порта и теченіемъ Западной Двины: ущербъ былъ бы только кажущійся и состоялъ бы въ томъ, что зимой, въ случаѣ внезапнаго требованія, грузы тѣхъ мѣстностей, которыя теперь имѣютъ Ригу своимъ исключительнымъ мѣстомъ сбыта, получили бы возможность двинуться на Либаву; это былъ бы ущербъ кажущійся и отнималъ бы торговлю собственно не у Риги, а у тѣхъ иностранныхъ портовъ, куда обращаются заграничные покупатели въ тѣ мѣсяцы года, когда Рига, за зимними льдами, не можетъ исполнить ихъ требованіе. Для Риги, повторяемъ, ущербъ былъ бы кажущійся,—онтическій обманъ, не болѣе,—но Россія дѣйствительно расширила бы свой отпускъ, потому что отпускала бы изъ своего порта сверхъ того, что̀ отпускаетъ теперь, еще значительную массу грузовъ, идущихъ теперь на Мемель, слѣдовательно черезъ портъ прусскій, и могла бы вообще усилить свой отпускъ на все то количество продуктовъ, которое, въ случаѣ надобности, не выписывается зимой изъ русскихъ отпускныхъ портовъ Балтійскаго моря только потому, что эти порты замерзаютъ. Опасенія Риги, что ея отпускъ могъ бы пострадать отъ Курско-Либавской желѣзной дороги, были основаны единственно на мнительности, и такая же мнительность, въ коммерческомъ городѣ впрочемъ весьма понятная, но тѣмъ не менѣе преувеличенная, внушала Рижанамъ опасеніе что Курско-Либавская желѣзная дорога отобьетъ у Риги и часть ея привозной торговли. Рижскій привозъ, какъ извѣстно, вовсе незначителенъ и имѣетъ для сбыта опредѣленный районъ. Еслибы Курско-Либавская могла нанести ущербъ какому-нибудь порту, то развѣ Петербургскому, а навѣрное уменьшила бы только ввозъ чрезъ Вержболовскую таможню. Но тѣмъ не менѣе Ригѣ удалось разстроить дѣло Курско-Либавской желѣзной дороги и исходатайствовать гарантію сперва на Рижско-Динабургскую линію, а потомъ на Динабургско-Витебскую, что̀ повело естественно и къ третьей гарантіи—на линію Витебско-Орловскую. Эти линіи строятся не въ интересѣ государства, для котораго Курско-Либавская линія была гораздо выгоднѣе, а въ интересѣ Риги, получающей чрезъ нихъ расширеніе своего района въ ущербъ не только Либавѣ и Нѣманскому бассейну, но и Петербургу и Москвѣ, интересы которыхъ сходятся на линіи Курско-Либавской. И этого мало: рельсовый путь изъ Орла въ Ригу не только не требовался интересами государства; онъ и имъ былъ въ прямой ущербъ, какъ былъ онъ въ прямой ущербъ интересамъ Либавы, всего Нѣманскаго бассейна, Петербурга и Москвы. Россія не такъ густо населена, какъ Франція, и главное, русскія рѣки не имѣютъ такого выгоднаго для страны теченія, какъ французскія. Если во Франціи можно было строить желѣзныя дороги вдоль рѣкъ, то изъ этого не слѣдуетъ чтобъ это было возможно и въ Россіи безъ чувствительнаго ущерба для народнаго богат-

ства и государственнаго бюджета. Путь, на большей части своего протяженія идущій берегомъ Западной Двины, не можетъ не быть въ убытокъ, а такъ какъ государство приняло на себя гарантію по издержкамъ сооруженія этого пути, то убытокъ палъ тутъ на все государство. Въ замѣткѣ напечатанной третьяго дня, мы привели цифры валоваго дохода съ версты на нѣсколькихъ русскихъ дорогахъ. Между тѣмъ какъ Рязанская дорога дала 1.500 р., Сергіевская 650 р., Козловская 550 р., Рижско-Динабургская дала только 270 р., а Динабургско-Витебская 170 р. Понятно, что акціонеры и владѣльцы облигацій двухъ послѣднихъ дорогъ должны получать свои проценты не изъ дохода ими приносимаго, а изъ государственнаго казначейства. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, сколько государственная казна приплатила въ прошломъ году по гарантіи этихъ двухъ дорогъ, но дѣло очевидное, что приплата должна быть громадная, а эта приплата есть не что иное какъ жертва, приносимая цѣлымъ государствомъ въ пользу развитія рижской торговли. Впрочемъ дѣло сдѣлано, и мы поминаемъ о немъ только для того, чтобы показать, какъ мало права имѣетъ Рига ожидать отъ государственной казны дальнѣйшихъ жертвъ въ своихъ исключительныхъ интересахъ. Наши финансы страдаютъ отъ дефицита: ихъ отнюдь нельзя считать неисчерпаемыми. А если будетъ дано много гарантій по дорогамъ невыгоднымъ, то потерпятъ не только финансы, но потерпитъ и желѣзнодорожное дѣло, потому что не будетъ средствъ давать гарантіи по дорогамъ болѣе выгоднымъ, каковыми оказываются внутреннія дороги Россіи, которыхъ однако же нельзя строить безъ правительственной гарантіи. Мы, къ сожалѣнію, предвидимъ, что газеты прибалтійскаго края не преминутъ обвинить насъ въ недоброжелательствѣ къ этому краю, которое намъ совершенно чуждо. Но изъ опасенія подобныхъ нареканій не позволительно скрывать истину, и мы увѣрены что логика нашихъ словъ достаточно сильна, чтобы защитить насъ. Наша тема состоитъ въ томъ, что русское государственное казначейство не имѣетъ средствъ для гарантированія линій малодоходныхъ, и что подобная гарантія была бы препятствіемъ къ постройкѣ дорогъ полезныхъ для всего государства и обѣщающихъ гораздо большій доходъ. Ни одна мѣстность не въ правѣ ожидать отъ государственной казны такихъ разорительныхъ пожертвованій, и тѣмъ еще менѣе въ правѣ ожидать ихъ мѣстность, интересамъ которой уже принесена государствомъ тяжкая жертва. Что же такое проектируемая теперь дорога изъ Риги въ Шавли? Дѣло вотъ въ чемъ: для государства было бы всего выгоднѣе, если-бы вмѣсто Орловско-Рижской линіи была построена линія Курско-Либавская; не будь первой, эта послѣдняя была бы теперь уже почти готова, и оживила бы собой весь Нѣманскій бассейнъ и все огромное пространство между имъ и Курскомъ, не причинивъ притомъ ни малѣйшаго ущерба ни Москвѣ, ни Петербургу, ни Ригѣ; она прорѣзала бы весь сѣверо-западный край и связала бы его и Курляндію съ такою центральною губерніей какъ Курская; словомъ, мы имѣли бы тогда два рельсовые пути къ Балтійскому морю, совершенно раціонально расположенные, и между ими одинъ естественный путь—Западную Двину. Но это не состоялось: мы имѣемъ теперь отчасти въ готовѣ, отчасти въ стройкѣ два рельсовые пути къ Балтійскому морю, слишкомъ близко одинъ къ другому лежащіе, и изъ которыхъ одинъ, западный, конкуррируетъ съ Западною Двиной, а потому не имѣетъ значительнаго движенія и слѣдовательно мало содѣйствуетъ развитію торговыхъ сношеній, между тѣмъ какъ страны, лежащія отъ него далѣе на западъ, лишены правильнаго сбыта чрезъ національную гавань. Чтобы поправить дѣло, необходимо соорудить еще третій путь, параллельный двумъ первымъ, но болѣе западный,—путь на Либаву. Первымъ основаніемъ для этого пути можетъ всего удобнѣе служить Ковенская вѣтвь Варшавско-Петербургской желѣзной дороги. Сѣверный пунктъ ея долженъ быть очевидно соединенъ съ Либавой; отъ южнаго пункта, Ландварова, должна быть проведена дорога внутрь страны, но уже конечно не на Курскъ—тогда она шла бы слишкомъ близко къ своей параллели, линіи Орловско-Рижской,—а нѣсколько западнѣе, именно по направленію къ Кіеву: тутъ больше физическихъ препятствій чѣмъ на прямомъ пути между Либавой и Курскомъ, но дѣлать нечего. Начать построеніе этой линіи, очевидно, надобно съ участка Ковенско-Либавскаго, имѣющаго въ длину около 250 верстъ, и вотъ почему всѣ единогласно признаютъ, что гарантію по этому участку даровать

необходимо. Но даже и тутъ Рижане, изъ чрезмѣрной мнительности, оказываются въ оппозиціи. Съ рижской стороны приводилось не мало доводовъ противъ Ковенско-Либавской линіи, доводовъ одинъ другаго слабѣе. Были выставлены и контръ-проекты: предлагались то линія Рижско-Либавская, то линія Рижско-Таврогенская, которыхъ несостоятельность была очевидна. Пришлось допустить линію Ковенско-Либавскую, но мирясь на ней, рижскіе интересы предложили сдѣлку. Рижско-Шавельская линія и есть эта сдѣлка. Разсмотримъ же, что̀ эта послѣдняя линія заключаетъ въ себѣ. Для ея проведенія надобно, вопервыхъ, нѣсколько покривить, выгнуть на востокъ, Ковенско-Либавскую линію, которой главное достоинство должно бы однако состоять въ томъ, чтобъ она была пряма какъ стрѣла. Затѣмъ изъ ближайшаго къ Ригѣ пункта этой линіи предполагается провести дорогу на соединеніе съ получившею нынѣ концессію дорогой Рижско-Митавскою. Этотъ пунктъ есть Шавли, и у насъ должна идти рѣчь собственно объ участкѣ между Шавлями и Митавой. Значеніе его будетъ слѣдующее:

1. Онъ не позволитъ Либавѣ войдти въ силу. Такъ какъ разстояніе отъ Шавлей до Риги и Либавы почти одинаково, то въ продолженіи лѣта для грузовъ Ковенской вѣтви будетъ все равно, отправляться ли на Либаву или на Ригу, и они конечно будутъ предпочитать Ригу, гдѣ издавна ведется обширная отпускная торговля, есть много купеческихъ домовъ и всѣ приспособленія для большихъ дѣлъ. Если мы хотимъ поднять Либаву, то не должны ставить ее въ такія условія,—не должны не только въ интересахъ Либавы, но и въ интересахъ всего района, который будетъ пользоваться либавскимъ портомъ для отпуска въ зимнее время. Или Либава не нужна намъ,—и тогда нѣтъ надобности проводить до нея желѣзную дорогу, или она нужна,—и тогда нельзя искусственно отнимать у ней возможность отпуска во всѣ тѣ мѣсяцы, когда рижскій портъ не покрытъ льдомъ. Какія фирмы согласятся основать дѣло въ портѣ, дѣйствующемъ только три или четыре мѣсяца въ году? Какіе поборы придется взимать въ такомъ портѣ съ судовъ, чтобы покрыть издержки всего года сборомъ трехъ-или четырехъмѣсячнымъ?

2. Доходность Ковенско-Либавской линіи уменьшится вслѣдствіе того, что грузы, идущіе отъ Ковна, будутъ во время навигаціи слѣдовать по этой линіи только до Шавель, а оттуда сворачивать на вѣтвь Шавельско-Рижскую. Участокъ Шавельско-Либавскій будетъ имѣть много дѣла только въ тѣ немногіе мѣсяцы года, когда навигація прекращается. Это будетъ своего рода Волжско-Донская дорога, съ тою только разницей къ невыгодѣ Шавельско-Либавскаго участка, что на немъ движеніе будетъ совершаться въ теченіе времени вдвое менѣе продолжительнаго чѣмъ на Волжско-Донской дорогѣ.

3. Что касается до Шавельско-Митавскаго участка, то онъ будетъ имѣть три дѣла: вопервыхъ, во время прекращенія навигаціи онъ повезетъ грузы изъ Риги въ Либаву; вовторыхъ, онъ будетъ перевозить во время навигаціи въ Ригу грузы идущіе отъ Ковна; втретьихъ, онъ будетъ служить для сообщеній Риги и Митавы съ Пруссіей. По скольку онъ будетъ исполнять первое назначеніе, къ нему примѣняется то, что̀ сейчасъ сказано объ участкѣ Шавельско-Либавскомъ: онъ будетъ находиться въ положеніи Волжско-Донской дороги, но вдвое менѣе выгоднымъ; по скольку онъ исполнитъ второе назначеніе, онъ повредитъ имѣющей получить гарантію Ковенско-Либавской линіи, а по скольку исполнитъ третье,—повредитъ уже гарантированнымъ Рижско-Динабургской линіи и Динабургско-Эйдткуненскому участку Варшавской линіи. Съ точки зрѣнія гарантіи, доходность его ограничится зимнею перевозкой изъ Риги въ Либаву, но эта доходность такъ незначительна, что убытокъ казны непремѣнно будетъ громадный.

4. Прямымъ результатомъ Шавельско-Митавской линіи было бы болѣе тѣсное сближеніе Риги и Митавы съ Пруссіей. Но въ торговыхъ видахъ оно не составляетъ необходимости, потому что Рига есть портъ и уже имѣетъ дешевое сообщеніе съ Пруссіей—моремъ, да сверхъ того имѣетъ къ своимъ услугамъ для сухопутныхъ сообщеній съ Пруссіей Рижско-Динабургскую дорогу съ Динабургско-Эйдткуненскимъ участкомъ Варшавской дороги. Рига ужь и теперь поставлена не только для морскихъ, но и для сухопутныхъ сношеній съ западною Европой гораздо выгоднѣе чѣмъ Москва, ходатайствующая, отчасти для этой цѣли, о рельсовомъ соединеніи со

Смоленскомъ. Что же касается до Митавы, то разрѣшенная нынѣ желѣзная дорога, имѣющая соединить ее съ Ригой, дастъ ей удобныя сношенія черезъ Ригу и со всѣмъ свѣтомъ. Шавельская вѣтвь служила бы не вообще для сближенія Риги и Митавы съ западною Европой—тутъ море незамѣнимо,—а спеціально для сближенія ихъ съ Германіей. Но есть ли какое-нибудь основаніе желать, чтобы именно Рига и Митава вступили, и при томъ цѣной пожертвованій всего государства, въ усиленныя сношенія съ Германіей? Всѣ согласны, что желѣзная дорога изъ Риги въ Таврогенъ сильно содѣйствовала бы германизаціи прибалтійскаго края, но не всѣ замѣчаютъ, что Митавско-Шавельская вѣтвь есть не что иное какъ замаскированный шагъ къ той же дорогѣ Рижско-Таврогенской, которая должна была идти на Шавли.

Вотъ неопровержимые доводы, убѣждающіе, что о Митавско-Шавельскомъ участкѣ не слѣдовало бы и думать. Служа германизаціи края и подрывая гарантированныя правительствомъ дороги, онъ не имѣетъ права даже и на концессію безъ правительственной гарантіи.

№ 133.

Москва, 17-го іюня.

Случайность была виной тому, что мы не успѣли еще отозваться словомъ сочувствія на юбилей князя А. М. Горчакова. Мы не могли не принимать живѣйшаго участія въ этомъ торжествѣ, котораго значеніе не ограничивается офиціальными сферами. Имя князя Горчакова пользуется въ Россіи особенною популярностію, несмотря на то что поприще его государственнаго служенія менѣе чѣмъ всякое другое открыто, въ своей спеціальности, для общей оцѣнки. Общественное мнѣніе въ Россіи лишь недавно проглянуло на Божій свѣтъ, лишь недавно стало оно различать лица и вещи и получило возможность слѣдить за дѣлами своей страны не только въ ея всемірныхъ сношеніяхъ, но и въ домашнемъ быту. Въ прежнюю пору о канцлерѣ имперіи знали бы только какъ о важномъ правительственномъ лицѣ занимающемъ высокій постъ и достигшемъ высокихъ почестей, и знали бы только люди принадлежащіе къ офиціальнымъ сферамъ или близко къ нимъ поставленные; но теперь имя князя Горчакова извѣстно въ самыхъ обширныхъ кругахъ и со смысломъ произносится въ народѣ. Нынѣшнее славное царствованіе, совершившее столь много для Россіи, совершило также и то что ей возвращены ея государственные дѣятели, что имена ихъ являются символами, что характеръ ихъ дѣятельности становится предметомъ народной оцѣнки. Пятьдесятъ лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ какъ нынѣшній канцлеръ Россійской имперіи вступилъ впервые на поприще государственнаго служенія. Въ теченіе столь долговременнаго служенія было, конечно, совершено имъ не мало блистательныхъ заслугъ, оказано не мало усердія, обнаружено не мало дарованій; но то значеніе, которымъ пользуется теперь имя князя Горчакова, есть дѣло лишь послѣднихъ годовъ. Къ личнымъ достоинствамъ государственнаго дѣятеля присоединились обстоятельства созданныя нынѣшнимъ царствованіемъ. Есть имена очень громкія, но ничего для народа не говорящія; имя же князя Горчакова, благодаря упомянутымъ обстоятельствамъ, принадлежитъ къ числу говорящихъ, и говорящихъ съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ.

Князю Горчакову выпалъ жребій начать русскую національную политику и послужить первымъ органомъ тому, что̀ составитъ вѣчную славу нынѣшняго царствованія. Монархъ положившій въ Россіи конецъ узаконенному рабству и призвавшій къ гражданской жизни цѣлый народъ не могъ не быть въ то же время и первоначальникомъ русской національной политики, потому что въ сущности и то и другое есть одно и то же. При первомъ случаѣ коснувшемся жизненнаго для Россіи вопроса, ея новое положеніе обозначилось само собою, и къ счастію именно въ это самое время, во главѣ ея европейскихъ дѣлъ, оказался государственный дѣятель вполнѣ соотвѣтствовавшій требованіямъ новаго положенія. Никогда министру иностранныхъ дѣлъ въ Россіи не представлялось столь славное поприще, столь блистательныя задачи, и къ счастію, повторимъ, требованія времени не застали насъ въ расплохъ, и на стражѣ интересовъ Россіи уже стояло лицо и достойное, и способное послѣдовать призыву. Прекрасно поприще, которое съ зрѣлымъ опытомъ долговременной службы соединяетъ живую

силу начинанія. Гдѣ обыкновенно коснѣетъ старое при отблескѣ вечерѣющаго дня, здѣсь мы привѣтствуемъ начало новаго, и празднуемъ юбилей увѣнчанный не поблекшими воспоминаніями, но живымъ, свѣжимъ и сильнымъ цвѣтомъ, которому принадлежитъ будущее и который теперь уже начинаетъ давать свой плодъ.

Пятидесятилѣтній юбилей князя Горчакова былъ бы во всякомъ случаѣ почтеннымъ юбилеемъ. Но лишь новое взошедшее надъ Россіей солнце могло придать ему то значеніе, которое онъ теперь по справедливости имѣетъ, лишь оно сообщило тотъ народный блескъ имени государственнаго человѣка, съ которымъ память объ немъ войдетъ въ исторіи, лишь оно оплодотворило его достоинства, возвысило условіе его дѣятельности и открыло ей возможность завершить себя патріотическою заслугой, которая дала ей высшій смыслъ.

Патріотическая заслуга князя Горчакова, которому суждено было послужить первымъ государственнымъ органомъ начинающейся у насъ національной политики, важна еще въ томъ отношеніи, что представляетъ собой живое указаніе на то, въ чемъ собственно состоитъ сила національной политики. Примѣръ князя Горчакова лучше всего свидѣтельствуетъ, что національная политика не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемымъ *квасным* патріотизмомъ, который уживается со всякимъ урономъ народныхъ интересовъ и достоинства, какъ ханженство уживается съ безвѣріемъ,—что сила національной политики заключается не въ какихъ-либо вычурныхъ доктринахъ народности, ни въ какихъ-либо сочиненныхъ теоріяхъ возводящихъ въ мертвящій идеалъ statu quo народнаго быта или ищущихъ оригинальности въ гримасахъ, что сила ея заключается въ живомъ дѣлѣ, исполненномъ чувства народной чести и пользы Князь Горчаковъ явился двигателемъ и исполнителемъ такого дѣла въ одну изъ самыхъ трудныхъ для нашего отечества минутъ, явился исполнителемъ достойнымъ и двигателемъ успѣшнымъ. Слово народнаго достоинства оказалось побѣдоноснымъ; слово, провозгласившее закономъ для правительства Россіи ея національные интересы и симпатіи, слово, вмѣсто лживой и лукавой формулы о какихъ-то народахъ Россіи, провозгласившее единую русскую націю, какъ едино русское государство, оказалось животворнымъ. Въ этомъ словѣ, сказанномъ рѣшительно и торжественно, заключалось болѣе силы чѣмъ во многочисленной арміи; оно подняло духъ въ великомъ народѣ; извнѣ оно не замедлило отозваться внутри; оно установило норму не только для нашихъ иностранныхъ сношеній, но и для рѣшенія внутреннихъ вопросовъ. Какіе бы ни случились въ дѣлахъ нашихъ задержки, недоразумѣнія, умышленныя или неумышленныя сопротивленія, великое начало, внесенное въ нашу правительственную практику Царственнымъ Преобразователемъ Россіи и нашедшее себѣ впервые столь достойный органъ въ лицѣ князя Горчакова, будетъ дѣйствовать, неуклонно все подчиняя себѣ и все направляя въ своемъ смыслѣ. Нѣтъ вѣрнѣе совѣтника какъ чувство національнаго достоинства. Съ нимъ всѣ вопросы разрѣшаются легко.

Остается пожелать чтобы служеніе нашего юбиляра и послѣ столь долгаго, достославно пройденнаго имъ поприща длилось еще многія лѣта, и чтобы Россія, при содѣйствіи его услугъ, достойно воспользовалась въ смыслѣ своихъ національныхъ интересовъ и симпатій, тѣми благопріятными условіями, въ которыхъ она теперь находится и которыми она обязана національной политикѣ принятой ея правительствомъ. Если національная политика даетъ правительству всегда самые надежные совѣты, то она же, какъ и всякій жизненный инстинктъ, должна давать смѣлость его рѣшеніямъ и успѣхъ его дѣйствіямъ.

№ 134.

Москва, 19-го іюня.

Мы имѣемъ обыкновеніе въ маѣ и ноябрѣ каждаго года помѣщать сводную таблицу, сопоставляющую цифры шести предшествующихъ ежемѣсячныхъ балансовъ государственнаго банка *). Въ нынѣшнемъ году мы предпочли отложить майскую таблицу до іюня. Навигація нынче началась позднѣе обыкновеннаго; кромѣ того, пред-

*) Такія таблицы помѣщены въ №№ 102 и 244 1864 года, въ №№ 96 и 248—1865 и въ №№ 102 и 241 — 1866 года. Кромѣ того, въ № 244 1866 года помѣщены сравнительные результаты баланса государственнаго банка за три года (съ декабря 1863 по ноябрь 1866 г.).

стояли значительныя негоціаціи по крупнымъ желѣзно-дорожнымъ займамъ (кіевско-курскому и орловско-витебскому) и по продажѣ Николаевской желѣзной дороги; наконецъ, было желательно выждать обѣщаннаго сокращенія ссудъ подъ государственныя бумаги и акціи, и находящагося въ очевидной зависимости отъ этихъ ссудъ пониженія цифры такъ-называемыхъ „суммъ отпущенныхъ на подкрѣпленіе конторъ и отдѣленій банка," то-есть другими словами выждать изъятія временныхъ, на дѣйствующемъ законѣ не основанныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ. Объ этихъ временныхъ выпускахъ кредитныхъ билетовъ мы подробно говорили въ №№ 177, 241, 242 и 249 *Московскихъ Вѣдомостей* прошлаго года и старались доказать, что они сдѣланы не для подкрѣпленія конторъ и отдѣленій банка и вообще не въ интересахъ русской торговли. Хотя это наше замѣчаніе было встрѣчено возраженіемъ со стороны *Сѣверной Почты* (въ №250 *), но, къ сожалѣнію, послѣдствія свидѣтельствуютъ о его основательности. Они повели теперь къ той мѣрѣ, которая изложена въ напечатанномъ выше объявленіи государственнаго банка съ прописаніемъ объявленнаго государственному банку министромъ финансовъ Высочайшаго повелѣнія о разрѣшеніи банку временно выпустить до 35 милліоновъ кредитныхъ билетовъ подъ накопившіеся въ банкѣ и массами поступающіе нынѣ въ платежи билеты государственнаго казначейства. Въ таблицѣ, которую читатели найдутъ на 1-й страницѣ сегодняшняго листа нашей газеты, сведены балансы государственнаго банка за семь мѣсяцевъ съ ноября 1866 года по май нынѣшняго. Данныя тутъ заключающіяся могутъ послужить и къ объясненію упомянутаго Высочайшаго повелѣнія.

Изъ нашей таблицы прежде всего видно, что цифра суммъ „отпущенныхъ на подкрѣпленіе конторъ и отдѣленій банка," дѣйствительно понизилась въ теченіе послѣднихъ семи мѣсяцевъ. Если присоединить къ этимъ семи мѣсяцамъ еще первые четыре мѣсяца втораго полугодія прошлаго года, за которые тѣ суммы тоже показаны отдѣльно въ ежемѣсячныхъ балансахъ банка (въ первомъ полугодіи прошлаго года онѣ отдѣльно не показывались и повидимому значились подъ рубрикой пассивнаго счета съ кредитными установленіями), то получимъ слѣдующее движеніе:

Къ 1-му августа 1866 года было отпущено кредитныхъ билетовъ на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій банка.	29.755.871
Къ 1-му сентября 1866 г.	33.755.871
Къ 1-му октября	52.055.871
Къ 1-му ноября.	63.550.000
Къ 1-му декабря	59.800.000
Къ 1-му января 1867 г.	59.500.000
Къ 1-му февраля	53.400.000
Къ 1-му марта.	49.150.000
Къ 1-му апрѣля	39.200.000
Къ 1-му мая.	38.000.000
Къ 1-му іюня	38.000.000

Какъ видно, цифра временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ остановилась съ 1-го мая на суммѣ 38 милліоновъ. Банковые балансы показываютъ, что банкъ долженъ затрудняться пріисканіемъ средствъ для ея дальнѣйшаго пониженія

Въ балансахъ напечатано, что эти суммы *отпущены* конторамъ и отдѣленіямъ банка для ихъ операцій, и въ *Сѣверной Почтѣ* было сказано, что эти отпуски были вызваны преимущественно необходимостью поставить конторы и отдѣленія банка въ возможность производить безъ задержки платежи по его переводнымъ билетамъ. При правильности операцій, дѣйствительно можно было бы допустить, чтобы конторы и отдѣленія банка, для уплатъ по его переводнымъ билетамъ, были снабжены нѣкоторымъ запасомъ вновь напечатанныхъ кредитныхъ билетовъ, но въ такомъ случаѣ государственный банкъ, получивъ въ С.-Петербургѣ извѣстную сумму для перевода напримѣръ въ Одессу, долженъ бы полученные имъ кредитные билеты уничтожить, а одесская контора выдала бы въ ихъ замѣнъ новые кредитные билеты изъ имѣющагося у нея запаса: тогда общее количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ въ обращеніе не увеличилось бы, и только были бы сбережены издержки перевоза кредитныхъ билетовъ въ Одессу. Такой порядокъ дозволилъ бы конторамъ и отдѣленіямъ банка исполнять его приказы по выдачѣ денегъ, дѣлаемые телеграфнымъ путемъ. Но коль скоро государственный банкъ, получивъ извѣстную сумму, выдаетъ переводъ на нее въ одну изъ своихъ конторъ, и этой конторѣ предписываетъ взять кредитные

*) Эта статья *Сѣверной Почты* перепечатана въ № 249 *Моск. Вѣдом.* за прошлый годъ.

билеты изъ типографскаго запаса, а самъ оставляетъ полученные имъ кредитные билеты въ своей кассѣ, то очевидно, что происходитъ увеличеніе обращенія. Въ дѣйствительности банкъ такимъ образомъ и поступалъ. Конторы и отдѣленія выдавали по его переводамъ новенькіе кредитные билеты, а старые кредитные билеты, полученные банкомъ, были употребляемы имъ на его разнообразныя операціи и потребности. Изъ этого слѣдуетъ, что новые кредитные билеты только номинально выпускались для подкрѣпленія кассъ конторъ и отдѣленій, а въ сущности служили для подкрѣпленія кассы главнаго петербургскаго банка. Мы именно на это и указывали. Что торговля внутреннихъ губерній нисколько отъ такого порядка не выигрывала, и что вообще конторы и отдѣленія государственнаго банка нисколько этой торговли не поддерживаютъ, это всего убѣдительнѣе доказывается счетами банка съ его конторами и отдѣленіями. Еслибы банкъ снабжалъ свои конторы и отдѣленія средствами для оживленія торговли и предпріимчивости, то конторы и отдѣленія были бы должны банку, но мы видимъ наоборотъ, что банкъ имъ долженъ и слѣдовательно пользуется для своихъ петербургскихъ операцій тѣми средствами, которыя онъ, посредствомъ своихъ конторъ и отдѣленій, извлекаетъ изъ внутреннихъ губерній. Долгъ петербургскаго банка конторамъ и отдѣленіямъ значится въ балансахъ подъ двумя рубриками: а) подъ рубрикой переводныхъ билетовъ на конторы и отдѣленія и б) подъ рубрикой счета съ конторами и отдѣленіями. Обѣ эти рубрики стоятъ въ пассивѣ банка и означаютъ его долгъ конторамъ и отдѣленіямъ. Мы видимъ, что банкъ былъ долженъ имъ:

	Перев. бил.	Счетъ.	Итого.
Къ 1 декабря 1866 г. . .	14.331.304	1.908.621	16.234.925
Къ 1 января 1867 г. . .	10.168.241	2.897.428	13.065.669
Къ 1 февраля „ „	10 993 835	8..78.222	19.272 057
Къ 1 марта „ „	14.144.141	4.461.727	18.605.868
Къ 1 апрѣля . .	10.353.418	13.513.114	3.916.532
Къ 1 мая „ „	10.787.746	13.730.890	24.578.126
Къ 1 іюня „ „	16.040.325	11.107.812	27.148.137

Такъ какъ капиталъ конторъ и отдѣленій, отпущенный имъ изъ банка, составляетъ 9.450.000 р. и такъ какъ кромѣ того въ активѣ банка никакихъ издержекъ въ пользу конторъ, кромѣ совершенно незначительныхъ мелочей (расходы по содержанію конторъ и отдѣленій и можетъ-быть что-нибудь изъ рубрики: „разныя“ въ активѣ банка), не показано, то ясно, что банкъ выбралъ изъ конторъ и отдѣленій не только весь ихъ основный капиталъ, но и значительную часть средствъ, доставляемыхъ мѣстными вкладами и по всей справедливости долженствовавшихъ идти на оживленіе мѣстной предпріимчивости и торговли. При такомъ свойствѣ отношеній банка къ конторамъ и отдѣленіямъ, весьма понятно, что внутри страны чувствуется недостатокъ средствъ для полезныхъ предпріятій и выгодныхъ торговыхъ оборотовъ: эти средства такъ-сказать вытягиваетъ государственный банкъ. Слѣдовательно не только суммы, значащіяся въ балансахъ государственнаго банка отпущенными на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій, служатъ въ дѣйствительности лишь для подкрѣпленія центральной кассы государственнаго банка, но та же центральная петербургская касса, не довольствуясь этими суммами, извлекаетъ изъ конторъ и отдѣленій банка многіе милліоны (теперь 27 милліоновъ), слагающіеся изъ мѣстныхъ сбереженій. Сопоставимъ эти послѣднія суммы, заимствованныя петербургскою кассой государственнаго банка изъ конторъ и отдѣленій, съ суммами, заимствованными тою же кассой изъ типографскаго запаса кредитныхъ билетовъ (въ балансахъ: „суммы отпущенныя на подкрѣпленіе кассъ, конторъ и отдѣленій“). Банкъ имѣлъ:

	Отъ врем. вып. кред. бил.	Изъ конт. и отдѣл.	Итого.
Къ 1 декабря 1866 г. . .	59.800.000	16.234.925	76.034.925
„ 1 января 1867 г. . .	59.500.000	13 065.669	72 665.669
„ 1 февраля „	58.400.000	19.272.057	72.672.057
„ 1 марта „	49.150.000	18.605.868	67.755.868
„ 1 апрѣля „	39.200.000	23.916.532	63.116.532
„ 1 мая „	38 000.000	24.578.126	62.578.126
„ 1 іюня „	38.000.000	27.148 137	65.148.137

Посмотримъ теперь, какая доля этихъ средствъ была удѣлена Петербургскою кассой государственнаго банка интересамъ петербургской торговли. Было выдано ссудъ:

	Подъ векселя.	Подъ товары.	Подъ гос. бум.	Подъ акціи.	Итого.
1866 г.					
Къ 1 декаб.	14.248.076	332.998	29.558.279	5.180.827	49.320.180
1867 г.					
„ 1 янв .	13.928.772	354.197	26.905.069	4.943.452	46.131.490
„ 1 февр..	10.666.627	350.777	24.590.235	4.708.107	40.315.746
„ 1 марта.	8.555.868	327.205	18.284.229	4.490.980	31.658.282
„ 1 апр. .	6.874.894	339.878	13.685 689	3.831.185	24.731.646
„ 1 мая. .	6.620.988	277.034	10.280.310	3.084.635	21.262.967
„ 1 іюня .	6.956.992	306.749	8.574.788	2.481.685	18.320.214

Эти цифры показываютъ, что банкъ съ большою энергіей сокращалъ ссуды, конечно дабы сократить количество временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Но тутъ бросается въ глаза, что пониженіе

итога второй изъ послѣднихъ двухъ таблицъ (ссуды) идетъ далеко не соразмѣрно пониженію итога первой (временныхъ выпусковъ и заимствованій изъ конторъ и отдѣленій). Въ истекшіе семь мѣсяцевъ итогъ ссудъ понизился съ 49.320.180 руб. до 18.320.214 р., то-есть уменьшился на 30.999.966 р., между тѣмъ какъ итогъ временныхъ выпусковъ и заимствованій изъ конторъ и отдѣленій банка понизился съ 76.034.925 р. до 65.148.137, то-есть уменьшился только на 10.886.788 р. Даже если взять одинъ итогъ временныхъ выпусковъ, то и онъ понизился лишь съ 59.800.000 р. до 38.000.000, то-есть уменьшился только на 21.800.000 руб., между тѣмъ какъ итогъ ссудъ за это же время уменьшился безъ малаго на 31 милліонъ. Причина такой несоразмѣрности заключается отчасти въ томъ, что параллельно съ сокращеніемъ ссудъ, публика, какъ и естественно, стала довольно настойчиво вытребывать изъ банка свои вклады, которые такимъ образомъ значительно понизились. Этотъ процессъ, который было бы и легко и для казны выгодно остановить возвышеніемъ процента, платимаго по вкладамъ, особенно долгосрочнымъ *), но который остановленъ не былъ, выразился въ слѣдующихъ цифрахъ.

Вкладовъ было:	Вклады и т. 2%	Вклады гос. банка	Итого.
Къ 1 декабря 1866 г. . .	38.045.681	78 510.216	116.555.897
„ 1 января 1867 г. . .	37.092.123	76.696.336	113.788.459
„ 1 февраля „	36.991.002	74.367.825	111.258.827
„ 1 марта „	86.836.785	72.287.921	108.626.706
„ 1 апрѣля „	35.567.215	69.806.547	105.373.762
„ 1 мая „	35.415.154	69.006.932	104.422.086
„ 1 іюня „	34.451.145	68.266.232	102.718.377

Общій итогъ такимъ образомъ понизился съ 116.555.897 р. до 102.718.377 р. или уменьшился на 13.837.520 р. Поэтому если банкъ сокращеніемъ ссудъ увеличилъ свои средства на 31 милліонъ рублей, то востребованіе вкладовъ уменьшило средства банка безъ малаго на 14 милліоновъ. Впрочемъ и за этимъ у банка осталось бы около 17 милліоновъ рублей, которые онъ могъ бы употребить на уменьшеніе своего долга по временнымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ и по суммамъ заимствованнымъ изъ конторъ и отдѣленій, а мы видѣли сейчасъ, что этотъ долгъ уменьшился не на полные 11 милліоновъ. Гдѣ же искать недостающихъ 6 милліоновъ?

На это балансы не даютъ прямаго отвѣта. Высочайшее повелѣніе, напечатанное въ сегодняшнемъ официальномъ отдѣлѣ; указываетъ на скопленіе въ банкѣ билетовъ государственнаго казначейства (такъ-называемыхъ серій), которыми поступаютъ въ банкъ весьма многіе платежи. Неправильность чрезмѣрнаго размноженія билетовъ государственнаго казначейства должна была раньше или позднѣе сказаться на казенныхъ кассахъ, и надобно желать, чтобы то неудобство, которое испытывается теперь отъ нихъ въ государственномъ банкѣ, не только повело къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, но и побудило обратить серіозное вниманіе на это зло, которое можетъ сдѣлаться источникомъ важныхъ затрудненій для государства. Но для разъясненія банковыхъ балансовъ теперешнее скопленіе серій въ банкѣ недостаточно. Если принимать за серіи даже всѣ тѣ процентныя бумаги, которыя въ ежемѣсячныхъ балансахъ банка значатся принадлежащими ему, то надобно признать, что серій въ банкѣ накопилось къ 1-му іюня не болѣе 25.128.340 р., а между тѣмъ къ 1-му декабря ихъ было уже 22.410.610 р., слѣдовательно за семь мѣсяцевъ прибавилось ихъ не болѣе 2.717.730 руб. Поэтому позволительно полагать, что банкъ имѣетъ еще гдѣ-нибудь затраченными слишкомъ 3 милліона рублей, которые могутъ пойдти на погашеніе временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ и понизить ихъ теперешнюю цифру съ 38 милліоновъ на 35 милліоновъ. Изъ Высочайшаго повелѣнія мы видимъ, что именно эта цифра 35 милліоновъ и предназначается для узаконяемыхъ нынѣ временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, и приходимъ къ несомнѣнному, какъ кажется, заключенію, что этими, нынѣ узаконяемыми временными выпусками кредитныхъ билетовъ только замѣняются прежніе безъ законнаго полномочія произведенные выпуски, съ тѣмъ однакоже, что вмѣсто временно выпущенныхъ теперь 38 милліоновъ будетъ дозволено выпустить только 35 милліоновъ, и что слѣдовательно три милліона будутъ изъяты. Въ этомъ предположеніи убѣждаютъ еще слѣдующія соображенія.

*) Казна платитъ по банковымъ вкладамъ отъ 3 до 4½%, между тѣмъ какъ та же самая казна занимаетъ деньги изъ 6 процентовъ, и займами производитъ пониженіе курса всѣхъ своихъ фондовъ. Не выгоднѣе ли ей платить отъ 3½ до 5½% по вкладамъ чѣмъ занимать по 6 для доставленія банку возможности возвращать дешевые вклады?

Временные выпуски кредитныхъ билетовъ въ 1864, 1865 и 1866 годахъ—эти выпуски, въ отличіе отъ нынѣ разрѣшенныхъ, можно называть нелегальными,—были произведены не въ интересѣ торговли и не для подкрѣпленія кассъ конторъ и отдѣленій. Тою своею частью, которая теперь уже изъята изъ обращенія, эти временные выпуски дали государственному банку возможность усилить выдачу ссудъ подъ государственныя бумаги, преимущественно подъ билеты лотерейныхъ займовъ, и тѣмъ содѣйствовали сбыту билетовъ втораго лотерейнаго займа. Теперь, какъ мы видѣли выше, эти ссуды въ большей своей части поступили обратно въ банкъ, вслѣдствіе чего и оказалась возможность изъять въ полгода съ 1-го ноября 1866 года по 1-е мая 1867 г. 21.800.000 временно-выпущенныхъ билетовъ. Но дальнѣйшаго значительнаго сокращенія ссудъ ожидать нельзя, потому что онѣ пришли теперь въ такіе размѣры, которые по опыту прежнихъ лѣтъ и въ виду увеличившагося количества государственныхъ процентныхъ бумагъ, слѣдуетъ, кажется, признать нормальными. Съ этой стороны все возможное, или почти все возможное сдѣлано. Если и за тѣмъ остается еще временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ 38 милліоновъ, и если балансъ банка показываетъ, что эта сумма, при теперешнихъ средствахъ банка, можетъ сократиться лишь до 35 милліоновъ, то-есть не болѣе какъ на 3 милліона рублей, то причиной тому затрата временно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ за счетъ государственнаго казначейства, каковая затрата и оказывается стало-быть (въ противность тому, что было сказано въ № 250 *Сѣверной Почты* за прошлый годъ) истинною причиной временныхъ выпусковъ. Они дѣлались не столько для подкрѣпленія кассъ конторъ и отдѣленій банка, сколько отчасти для подкрѣпленія петербургской кассы банка, и отчасти для подкрѣпленія государственнаго казначейства. Поскольку они пошли на первую цѣль, они теперь изъяты или почти изъяты, а потому объ этой ихъ части можно сказать, что она была дѣйствительно выпущена временно. Но по скольку эти кредитные билеты послужили на подкрѣпленіе государственнаго казначейства, по стольку ихъ изъятіе оказалось, разумѣется, не по силамъ банку. Какъ же велика эта сумма? Балансы банка показываютъ ее. Изъ нихъ мы видимъ, что банкъ произвелъ расходовъ за государственное казначейство 39 милліоновъ рублей. Вотъ разгадка того, что банкъ не можетъ изъять изъ обращенія сполна эти свои временные выпуски, которые онъ показывалъ доселѣ подъ именемъ суммъ, отпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій, и которыхъ изъятіе составителю статьи *Сѣверной Почты* казалось дѣломъ „естественнымъ“.

Это дѣло надобно было привести въ порядокъ, и Высочайшее повелѣніе, нынѣ объявленное, представляется средствомъ легализовать неправильное положеніе дѣлъ, бывшее послѣдствіемъ нелегальныхъ выпусковъ и ихъ затраты за счетъ государственнаго казначейства, лишившей банкъ возможности изъять ихъ изъ обращенія. Понимаемое такимъ образомъ, это Высочайшее повелѣніе не ведетъ къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, а только узаконяетъ, впрочемъ и то только временно, выпуски уже произведенные. Невозможно предполагать, чтобы послѣ того какъ правительство узаконило временный выпускъ 35 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, на счетахъ банка остались другіе временные выпуски подъ рубрикой суммъ отпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій, подъ рубрикой, не находящей теперь уже себѣ никакого оправданія. Въ Высочайшемъ повелѣніи сказано, что новые узаконяемые имъ выпуски кредитныхъ билетовъ разрѣшаются не для подкрѣпленія государственнаго казначейства, а для предоставленія банку возможности исполнять „возложенныя на него уставомъ обязанности въ отношеніи воспособленія торговлѣ.“ Изъ этого прямо слѣдуетъ, что узаконяемыми новымъ Высочайшимъ повелѣніемъ временными выпусками кредитныхъ билетовъ не имѣется въ виду подкрѣплять средства государственнаго казначейства, уже воспользовавшагося деньгами, которыя банкъ израсходовалъ за его счетъ и которыя были возмѣщены банкомъ посредствомъ нелегальныхъ временныхъ выпусковъ. А если такъ, то нѣтъ никакого повода опасаться, чтобы банкъ нашелся въ необходимости удерживать въ обращеніи, на ряду съ новыми узаконенными, и прежніе неузаконенные выпуски, и слѣдовательно нѣтъ повода опасаться возрастанія дороговизны, упадка вексельнаго курса и всѣхъ тѣхъ раз-

стройствъ, которыя были бы причинены двухстепеннымъ выпускомъ временныхъ, узаконенныхъ и не узаконенныхъ, кредитныхъ билетовъ.

Намъ пишутъ однако изъ Петербурга, что тамошній коммерческій банкъ началъ усиленно скупать заграничные векселя и тѣмъ не только пріостановилъ возвышеніе вексельнаго курса, но даже причинилъ нѣкоторое паденіе его на послѣднихъ биржахъ. Балансъ этого банка на 1-е іюня не показываетъ чрезвычайнаго избытка свободныхъ денежныхъ средствъ. Наличность доходила до 781.000 р., къ которымъ слѣдуетъ присоединить 675.000 р. въ государственномъ банкѣ, въ Обществѣ Взаимнаго Кредита и здѣсь въ Москвѣ, всего слѣдовательно 1.456.000 противъ 3.910.000 р. пассива по текущему счету и 863.000 р. другихъ вкладовъ. Особенной необходимости сбывать наличность, подрывая ея цѣнность, стало быть не оказывалось, и въ покупкѣ векселей петербургскимъ коммерческимъ банкомъ должно видѣть спекуляцію, разчитанную на дальнѣйшее пониженіе курса. Но откуда взялся бы такой пессимистскій взглядъ на будущій вексельный курсъ, когда предстоитъ продажа Николаевской желѣзной дороги, и когда казна не имѣетъ никакой надобности покупать векселя, потому что іюльскій купонъ можетъ быть временно покрытъ деньгами, полученными Курско-Кіевскою и Орловско-Витебскою желѣзными дорогами? Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что спекуляція петербургскаго коммерческаго банка вызвана распространившимся въ Петербургѣ (и упомянутымъ еще въ середу въ *Голосѣ*) слухомъ о предполагаемомъ выпускѣ временныхъ кредитныхъ билетовъ и увѣренностью, что дѣло не остановится на легализованіи прежняго временнаго выпуска. Если для такой зловѣщей увѣренности есть основаніе, то въ самомъ дѣлѣ нельзя не опасаться за будущее. Бумажныя деньги, надобно помнить это, держатъ государство на краю пропасти, и на краю очень скользкомъ. Правительство объявило послѣ восточной войны, что новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ дѣлать не будетъ; въ 1862 году оно заключило большой заемъ въ видахъ размѣна. Но что же мы видимъ? Въ размѣнномъ фондѣ числится теперь 24 милліона такъ-называемыхъ фондовъ, которые фиктивно признаются за металлъ и подъ которые, на основаніи этой фикціи, были выпущены кредитные билеты. Затѣмъ послѣдовали выпуски по поводу обмѣна ветхихъ кредитныхъ билетовъ на новые и крупныхъ на мелкіе, и такимъ способомъ выпущено еще 38 милліоновъ рублей. Если бы на ряду съ этими нелегализованными выпусками, было выпущено еще 35 милліоновъ подъ серіи, то дѣйствительно исчезла бы надежда на исправленіе нашей денежной системы. Всякій видитъ, что теперешнее положеніе рынка должно побуждать къ противоположному образу дѣйствій,—къ заботамъ о консолидаціи, а не деконсолидаціи кредитныхъ билетовъ. При теперешней наклонности вексельнаго курса къ повышенію можно бы считать дѣло исправленія денежной системы тѣмъ болѣе близкимъ къ цѣли, что бюджетъ на 1867 годъ, благодаря займу 1866 года, приведенъ въ равновѣсіе, и что сверхъ того продажа Американскихъ колоній и Николаевской желѣзной дороги доставитъ государственной казнѣ экстраординарные ресурсы. Позволительно ли думать, что всѣ эти столь рѣшительныя финансовыя операціи окончатся не улучшеніемъ государственнаго кредита, а его истощеніемъ?

№ 135.

Москва, 20-го Іюня.

Естественная политика или жизненныя условія Прусскаго государства, какъ ближайшаго нашего сосѣда, представляютъ для насъ въ своихъ отдѣльныхъ явленіяхъ большой интересъ. Нечего почти и говорить, что идеи нѣмецкаго народа о соединеніи всей Германіи, воспитанныя въ продолженіи цѣлаго полустолѣтія нѣмецкою печатью, не были совершенно тождественны съ идеями теперешняго руководителя прусской политики, графа Бисмарка. Но разница теперь очень не велика. Задолго до битвы при Садовой нѣмецкія либеральныя партіи считали этого прусскаго министра опаснѣйшимъ врагомъ нѣмецкаго народа. Удача при Садовой произвела сильный переворотъ въ умахъ. Нѣмецкій народъ сталъ смѣлѣе или практичнѣе въ своихъ политическихъ планахъ, а г. фонъ-Бисмаркъ либеральнѣе чѣмъ сколько полагалъ самъ и сколько могли ожидать его прусскіе друзья въ палатѣ господъ. Но

какіе поводы къ этому политическому сближенію противниковъ, прежде, повидимому, почти непримиримыхъ? Дѣло познается по его признакамъ. Взглянемъ же на главные признаки.

Прежнее Прусское королевство даже въ самыхъ затруднительныхъ для себя обстоятельствахъ было до крайности честолюбиво. Нѣмецкая печать ставила это честолюбіе въ особенную славу Пруссіи: за то мелкія нѣмецкія государства видѣли въ Пруссіи своего естественнаго врага, а въ Австріи естественнаго защитника. Преемственная политика Пруссіи не отличается особенною умѣренностью. Новѣйшія удачи вовсе не клонятся къ тому чтобы побудить прусскихъ государственныхъ людей быть умѣреннѣе, а между тѣмъ въ нѣмецкомъ народѣ возникаютъ и входятъ въ силу идеи временъ имперіи Гогенштауфеновъ, явно поддерживаемыя прусскимъ первымъ министромъ.

Значеніе вопросовъ Люксембургскаго и Шлезвигскаго возможно понять только съ этой точки зрѣнія: нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы Пруссія, только что сокрушившая Германскій Союзъ, ограничилась въ своей наступательной политикѣ территоріей бывшаго союза. Шлезвигъ никогда не принадлежалъ ни къ Германскому Союзу, ни вообще къ Германіи. Восточная часть Прусской монархіи только въ текущемъ году, вслѣдствіе принятія сѣверогерманскаго союзнаго устава, сдѣлалась частію Германіи. Вотъ какъ далеко за одинъ годъ распространилась Германія на сѣверъ!

Возвращеніе сѣвернаго Шлезвига Даніи безъ всякихъ лукавыхъ условій относительно живущей тамъ кучки Нѣмцевъ (8.000 душъ), противопоставило бы на будущее время многія препятствія для дальнѣйшихъ покушеній Пруссіи на сѣверъ. Поэтому ей необходимо, для ея посягательныхъ намѣреній, избѣгать всякой *ясно-опредѣленной* сдѣлки съ Даніей. То же самое относится и къ Люксембургу. Что Голландія съ своими богатыми колоніями и своимъ военнымъ флотомъ могла бы быть чрезвычайно выгоднымъ пріобрѣтеніемъ для Германіи, что обладаніе устьями Рейна имѣло бы весьма важную цѣну для южной Германіи, извѣстно всѣмъ и каждому, и въ новѣйшее время объ этомъ толковали не только въ печати, но и въ засѣданіяхъ Сѣверо-Германскаго союзнаго сейма. Поэтому оставить Люксембургскій вопросъ относительно Голландіи въ положеніи неопредѣленномъ было бы очень желательно для прусской политики, и теперешній исходъ этого дѣла не можетъ быть ей пріятенъ. Вотъ чѣмъ объясняется упорство съ какимъ графъ Бисмаркъ дѣйствовалъ въ этихъ двухъ вопросахъ. *Кельнская Газета* не понимаетъ, правда, этого упрямства относительно сѣвернаго Шлезвига (хотя понимаетъ относительно Люксембурга), но эта газета считаетъ, повидимому, задачею Пруссіи только соединеніе территоріи всего бывшаго Германскаго Союза. Если относительно сѣвернаго Шлезвига дѣло кончится неблагопріятнымъ для будущихъ посягательствъ Пруссіи образомъ, то въ Берлинѣ это возбудитъ сначала большое неудовольствіе, но за то ускоритъ внутреннее объединеніе Германіи, въ чемъ прусскому министру очень много поможетъ теперешнее настроеніе народнаго чувства и общественнаго мнѣнія въ Германіи. По новѣйшимъ извѣстіямъ, вскорѣ, съ согласія народа, князь Вальдекскій передастъ права верховной власти надъ своимъ княжествомъ королю Прусскому. Какъ далеко въ этотъ отношеніи дѣло зашло въ Германіи, доказываетъ положеніе принятое Кобургомъ, котораго герцогъ долгое время слылъ самымъ нѣмецкимъ изъ всѣхъ нѣмецкихъ государей, такъ что энтузіасты прочили его даже въ будущіе германскіе императоры.

Въ брошюрѣ озаглавленной: *Что должно статься съ герцогствомъ Кобургомъ?* одинъ кобургскій гражданинъ объявляетъ, къ особенному удовольствію либеральной берлинской *National-Zeitung* (посвятившей этой брошюрѣ и положенію мелкихъ нѣмецкихъ государствъ интересную статью), что герцогство Кобургское должно изчезнуть и слиться съ Пруссіей. Почему же? Потому (и это, по увѣренію *National-Zeitung*, относится ко всѣмъ вообще мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ), что подати въ мелкихъ государствахъ сдѣлаются невыносимы или по крайней мѣрѣ чрезвычайно высоки, какъ скоро расходы на армію достигнуть тѣхъ размѣровъ, которые Пруссія назначила черезъ посредство Сѣверо-Германскаго союзнаго сейма, то-есть до 225 талеровъ на каждаго солдата. Доходы и расходы Кобурга до сихъ поръ простирались ежегодно до 480.000 гульденовъ, а при упомянутомъ новомъ узаконеніи къ этой суммѣ надобно будетъ прибавлять еще по 140.000 гульденовъ въ годъ, или вхо-

дить въ долги, или наконецъ отмѣнить существующія въ герцогствѣ многочисленныя ученыя и художественныя заведенія, на содержаніе которыхъ до сихъ поръ щедро отпускались значительныя суммы: будто бы идетъ даже рѣчь отказаться отъ содержанія Іенскаго университета. Полагаясь на защиту Пруссіи, мелкія нѣмецкія государства взваливали на эту большую державу всѣ непріятные расходы (по военному вѣдомству), а на себя принимали расходы на искусства и науки. Но при этомъ мелкіе государи не забывали и о себѣ, да сверхъ того и администрація обходилась очень дорого (въ Вальдекѣ, напримѣръ, администрація стоила, относительно, втрое дороже прусской). *National-Zeitung* находитъ, что Пруссія можетъ пока не приневоливать мелкія государства къ присоединенію, а предоставить это доброй волѣ самихъ населеній, но требуетъ, чтобъ она подвергала ихъ высокому военному бюджету, ибо вслѣдствіе этой мѣры слияніе скоро сдѣлается необходимостью.

Итакъ, если популярнѣйшій изъ нѣмецкихъ государей, герцогъ Кобургскій, который давно уже *добровольно* оказалъ единству Германіи важныя услуги какъ военною конвенціею съ Пруссіей, такъ и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій, если и этотъ государь, благодаря нѣсколькимъ процентамъ разницы въ бюджетѣ, подвергается опасности лишиться своихъ владѣній или необходимости продать ихъ Пруссіи, то что же предстоитъ *другимъ* мелкимъ нѣмецкимъ государямъ? Конечно, лучшей участи они не могутъ ожидать. Напротивъ, съ прочими мелкими государствами, гдѣ по самой ихъ мелкости нѣтъ мѣстнаго патріотизма, еще не угасшаго въ среднихъ государствахъ (какъ напримѣръ въ Ганноверѣ), можно будетъ поступать рѣшительнѣе ссылаясь съ бо́льшимъ правомъ на желанія населеній. Не подлежитъ кажется, сомнѣнію, что мы будемъ свидѣтелями весьма скоротечнаго процесса паденія мелкихъ государствъ Германіи и медіатизаціи ихъ государей, имѣющихъ превратиться въ перовъ Прусско-Германской имперіи.

Когда такимъ образомъ внутреннее объединеніе земель составившихъ Германскій Союзъ завершится успѣшно,—тогда прусской политикѣ, предписанной ей ея натурою и ея исторіей, будетъ возможно возвратиться къ своимъ тенденціямъ простирающимся за предѣлы Германіи. Въ видахъ будущаго она работаетъ теперь надъ усиленіемъ своего морскаго значенія, и въ вопросѣ о нѣмецкомъ военномъ флотѣ сходятся всѣ партіи. Надобно отдать справедливость той прозорливости, послѣдовательности и заботливости, съ какими прусская политика трудится въ видахъ будущаго.

Въ одной книгѣ, вышедшей въ Германіи еще въ 1858 году (*Балтійское море* г. Антона Этцеля) читаемъ: „Съ тѣхъ поръ „какъ Данія и Швеція отказалась отъ при„тязаній сдѣлаться великими державами, „надежды Пруссіи на господство въ Бал„тійскомъ морѣ совершенно основательны: „во всемірной торговлѣ и въ мореплаваніи „дѣятельны только народы германскаго пле„мени; славянскіе народы никогда не уча„ствовали дѣятельно во всемірной торгов„лѣ; и Русское государство никогда не „будетъ прочно господствовать на морѣ.“ Но въ той же книгѣ въ другомъ мѣстѣ справедливо сказано слѣдующее: „Примѣръ „Россіи именно доказываетъ, что Балтій„ское море есть несомнѣнный проводникъ „культуры. Безъ небольшаго побережья „своего на Балтійскомъ морѣ Россія, еслибъ „она и еще далѣе отодвинула предѣлы свои „къ западу на материкѣ, все еще осталась „бы громаднымъ колоссомъ азіатскаго типа „и никогда не добилась бы значенія въ „средѣ европейскихъ государствъ. Но Рос„сія пророчески предусмотрѣла это, и со „времени Петра Великаго каждый государь „ея проявлялъ своею политикой стремле„ніе быть повелителемъ на Балтійскомъ морѣ.“

Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ полное основаніе внимательно слѣдить за всѣмъ, что дѣлается на Балтійскомъ морѣ. Мы желаемъ нашему сосѣду удачи въ его морскихъ замыслахъ, и мы даже рады имъ, такъ какъ они побуждаютъ и насъ къ дѣятельности. Мы спали слишкомъ долго и всякими искусственными средствами устраняли отъ морской дѣятельности способныя къ ней населенія наши. Дай Богъ, чтобы примѣръ нашего дѣятельнаго сосѣда пробудилъ насъ изъ усыпленія.

№ 136.

Москва, 21-го іюня.

Благополучное возвращеніе Государя Императора изъ путешествія имѣетъ на этотъ разъ особое значеніе. Торжество, радость

и молитва, съ которыми встрѣтилъ своего Государя вѣрный народъ Его, послѣ всего чѣмъ путешествіе это ознаменовалось, имѣютъ особую силу.

Кому извѣстно современное положеніе дѣлъ въ Европѣ, тотъ съ самаго начала не могъ не цѣнить великодушной рѣшимости, съ которою было предпринято это путешествіе, тотъ не могъ не признать въ немъ событія великой важности какъ по результатамъ, къ которымъ оно должно было вести, такъ и по соображеніямъ, изъ которыхъ оно вышло. Это было добровольною тягостью, принятою на себя могущественнымъ Монархомъ въ широкихъ видахъ общаго блага; это было дѣломъ мудрости, избавившимъ Европу отъ страшныхъ потрясеній, по крайней мѣрѣ отсрочившимъ ихъ; это было выраженіемъ могущества Россіи, ибо только безспорное могущество способно оказывать миротворное дѣйствіе и внушать уваженіе къ своему миролюбію; это было пробой того вліянія, которое принадлежитъ Россіи въ настоящее время, и того вѣса, который она имѣетъ въ общей системѣ государствъ, вѣса, который, еще года за три, за четыре предъ симъ, казался такъ сомнительнымъ. Никогда быть-можетъ посѣщеніе одного монарха другимъ не было такъ многозначительно и не имѣло такой силы какъ путешествіе Государя Императора въ Парижъ, при обстоятельствахъ, среди которыхъ оно было предпринято. Политическій горизонтъ былъ мраченъ и грозенъ; европейская война казалась неизбѣжною; всѣ интересы находились въ тревогѣ, всѣ умы были въ броженіи; во Франціи, гдѣ обыкновенно зараждаются кризисы потрясающіе европейскій материкъ, уже обнаруживались, для внимательнаго наблюдателя, зловѣщіе признаки, и ея правительство находилось въ положеніи крайне затруднительномъ. Общее положеніе дѣлъ было таково, что съ каждою минутой оно запутывалось все болѣе и ничѣмъ изъ собственныхъ нѣдръ не могло пособить себѣ. Россія не была непосредственно замѣшана въ эти общія затрудненія: послѣ Восточной войны она постоянно находилась въ положеніи болѣе или менѣе разобщенномъ, и быть-можетъ изо всѣхъ державъ только она одна могла столь долго выносить эту разобщенность, не только не слабѣя, но еще усиливаясь, какъ обнаружили послѣдствія. Помощь Европѣ могла придти только со стороны Россіи, и она пришла въ лицѣ ея Государя. То ли теперь въ Европѣ, что было за мѣсяцъ или полтора предъ симъ? Пусть *condottieri* нашего времени, въ угоду разнымъ партіямъ стараются уменьшить значеніе этого событія спасшаго Епропу, —пусть даже тѣ самые интересы, которые наиболѣе при этомъ выиграли, позабудутъ о сдѣланномъ добрѣ,—несомнѣнно то, что великое добро было сдѣлано, и что Европа была избавлена отъ бѣдствій, угрожавшихъ всѣмъ жизненнымъ ея интересамъ. Еслибы даже было отплачено закомъ за добро, это не уменьшило бы цѣны дѣйствительно оказаннаго добра. Какія бы ни были непосредственныя для самой Россіи послѣдствія отъ того миротворнаго дѣйствія, которое было совершено ею въ Европѣ, она во всякомъ случаѣ пріобрѣла въ немъ новую для себя силу, которая скажется, когда придетъ пора. Еслибы русская политика въ текущихъ европейскихъ вопросахъ не получила того удовлетворенія, какого въ правѣ ожидать она, то отъ Россіи зависитъ поставить себя въ лучшее, чѣмъ когда-либо положеніе для удовлетворенія своихъ справедливыхъ требованій. Россія не можетъ ждать отъ снисхожденія другихъ того, въ чемъ она видитъ справедливое удовлетвореніе своихъ національныхъ интересовъ, и тотъ плохо понялъ бы значеніе путешествія, предпринятаго ея Монархомъ въ столицу Франціи, кто сталъ бы цѣнить важность этого событія какими-нибудь случайно пріобрѣтенными при этомъ выгодами. Оно было нравственною побѣдой Россіи надъ державами, которыя недавно оспаривали самое существованіе ея, —вотъ въ чемъ истинная важность этого событія, вотъ та выгода, которая непосредственно истекаетъ изъ него для нашего отечества. Всякая побѣда есть пріобрѣтеніе, а тѣмъ болѣе побѣда нравственнаго свойства. Въ иностранной печати упоминалось нерѣдко о пересмотрѣ трактата 1856 года, будто бы входившемъ въ программу совѣщаній между монархами въ Парижѣ. Мы не можемъ знать была ли рѣчь о чемъ-либо подобномъ, и весьма сомнѣваемся, чтобы политическія бесѣды, которыми могло сопровождаться свиданіе коронованныхъ особъ, имѣли въ настоящемъ случаѣ какую-нибудь программу; но несомнѣнно то, что дѣйствіе, успокоившее встревоженную Европу и уладившее затрудненія, съ которыми она боролась, заключаетъ въ са-

момъ себѣ свою высшую цѣну и несравненно болѣе даетъ Россіи чѣмъ какія-либо выгоды, которыми была бы она обязана чьему бы то ни было благорасположенію. Если въ томъ положеніи, которое создано для Россіи Парижскимъ трактатомъ 1856 г., заключаются условія несовмѣстныя съ ея достоинствомъ и ея развитіемъ въ будущемъ, то они должны быть устранены собственною силой этого развитія, а не чьимъ-либо снисхожденіемъ. Государства какъ Россія могутъ только самимъ себѣ быть обязаны освобожденіемъ отъ какихъ-либо стѣснительныхъ или недостойныхъ условій, точно также какъ самимъ себѣ могутъ они быть обязаны своими торжествами, своими успѣхами и удовлетвореніемъ своихъ національныхъ интересовъ Россія не есть случайность; ея дѣйствительные интересы суть въ то же время интересы всемірные, и систематическое противодѣйствіе ей можетъ рано или поздно повредить самимъ ея противникамъ еще болѣе чѣмъ ей самой.

Провидѣнію было угодно, чтобы путешествіе Государя Императора пріобрѣло еще новое значеніе вслѣдствіе покушенія угрожавшаго Его столь дорогой для Россіи жизни. Дважды въ теченіе съ небольшимъ года поднималась рука убійцы противъ Государя-Освободителя, воскресившаго русскій народъ и призвавшаго Россію къ новому неизвѣданному ею доселѣ развитію. Если въ первый разъ были обстоятельства затемнившія смыслъ злодѣйскаго покушенія, то во второй разъ смыслъ его очевиденъ для всякаго. Государю Россіи грозила опасность за Россію, и какъ ни глубоко отозвалась бы въ сердцѣ Русскаго народа всякая опасность, угрожавшая его Государю, тѣмъ глубже и святѣе становится народное чувство при убѣжденіи, что опасности подвергался Государь за свой народъ, и что руку цареубійцы вооружила вражда противъ Россіи.

Все въ Россіи дохнуло свободно, когда Государь Императоръ, на возвратномъ пути, переступилъ наконецъ границу своихъ владѣній. Въ русскихъ предѣлахъ продолженіе этого достопамятнаго путешествія было не менѣе знаменательно. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего пути, Государь Императоръ ясно выразилъ свой взглядъ и свою державную волю по предметамъ жизненной для Россіи важности, подававшимъ поводъ ко многимъ недоразумѣніямъ и лжетолкованіямъ. Слова, запечатлѣнныя верховнымъ авторитетомъ и сказанныя предъ всею Россіей, заключаютъ въ себѣ начала цѣлой правительственной системы и полагаютъ конецъ вредному въ государственномъ дѣлѣ разномыслію, которымъ такъ часто пользовалась интрига. Они твердо обозначаютъ путь, которымъ должны слѣдовать наши дѣла въ духѣ истинно-національной политики, и даютъ критерій для повѣрки суждений по относящимся къ ней государственнымъ вопросамъ.

№ 137.

Москва, 22-го іюня.

Въ напечатанномъ нами третьяго дня письмѣ братчика Свято-Кирилло-Меѳодіевскаго братства на Волыни,—письмѣ, по указанію котораго мы съ большею готовностью открываемъ у себя подписку въ помощь братству для учрежденія „Царской стипендіи“ при училищѣ графа Блудова,—говорится о распространяющемся въ томъ краѣ убѣжденіи, что для отвращенія проявленій зла, подобныхъ покушенію 25-го мая, необходимо дѣйствовать на самый *корень зла*, теперь уже достаточно обнаружившійся. „Усиленіе русскаго землевладѣнія и русской интеллигенціи—вотъ единственный исходъ для насъ,“ совершенно вѣрно говоритъ почтенный братчикъ; къ этому мы только прибавимъ, что сверхъ того необходимо прекратить то обязательное значеніе, которое имѣетъ въ томъ краѣ польскій языкъ вслѣдствіе запрета положеннаго на русскій языкъ для иновѣрцевъ. Ниже приведена выписка изъ статьи *Кіевлянина*, гдѣ г. Юзефовичъ также высказалъ мысль о невозможности уступокъ польской идеѣ, которая есть корень зла въ западномъ краѣ. Не противъ отдѣльныхъ лицъ польскаго происхожденія надобно дѣйствовать, а противъ польской идеи, съ которою для насъ Русскихъ, „примиренія нѣтъ и быть не можетъ.“ Она должна быть упразднена, чтобы люди одного съ ними племени могли жить въ мирѣ съ нами и сдѣлаться полезными и вѣрными нашими сопражданами. Всякая уступка, всякая поблажка, оказываемая польщизнѣ, какъ польщизнѣ, вызываетъ только надежды, которыя удовлетворить не возможно, не отказываясь отъ Русскаго государства, и которыя, безъ этой невозможной для насъ

жертвы, должны порождать въ предающихся имъ людяхъ раздраженіе, ведущее ихъ къ преступленіямъ. Для умиротворенія этихъ людей нужны мѣры не карательныя, лишь временно пресѣкающія проявленіе зла, но въ то же время питающія злобу и плодящія ненависть, а мѣры органическія, упраздняющія все то, что̀ служитъ для польской идеи опорой и почвой, что̀ можетъ внушать мысль о ея осуществимости что̀ должно оправдывать ее въ глазахъ ея адептовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что польское землевладѣніе въ западномъ краѣ, почти сплошное, всего болѣе питаетъ тѣ притязанія на господство польскаго элемента въ этомъ краѣ, которыя даютъ польской идеѣ почти всю ея силу. Если бы мы колебались приводить въ дѣйствіе органическія мѣры, клонящіяся къ постепенному водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, мы какъ бы сами заявляли о себѣ, что не хотимъ или не считаемъ себя въ добромъ правѣ, или наконецъ что мы по нашему политическому образованію неспособны положить конецъ польскимъ притязаніямъ на господство надъ населеніями западной Руси. Эти населенія теперь освобождены отъ обязательныхъ отношеній къ польскимъ помѣщикамъ, но именно для того чтобы благодѣтельная крестьянская реформа принесла въ западномъ краѣ добрые плоды русскому дѣлу, скажемъ болѣе, чтобъ она не оказалась оружіемъ обоюдуострымъ и не была направлена противъ насъ, настоятельно требуется усилить въ этомъ краѣ русскую интеллигенцію и прежде всего усилить русское землевладѣніе, къ которому могли бы примкнуть тамошнія населенія и которое могло бы уравновѣсить собой вліяніе польскаго элемента, располагающаго теперь, именно благодаря освобожденію крестьянъ, бо́льшими чѣмъ прежде способами дѣйствія. Будущее западной Россіи зависитъ единственно отъ русской въ этомъ краѣ политики. Оно чревато неисчислимыми опасностями, еслибы тамошняя русская политика обнаружила на себѣ вліяніе элементовъ расположенныхъ потворствовать польщизнѣ; но съ другой стороны оно можетъ легко и скоро очиститься, лишь только окончательно разъяснится направленіе правительственныхъ дѣйствій и въ нихъ проявится единство цѣли и строгая послѣдовательность стремленій къ ея достиженію, и когда не будетъ повода подозрѣвать въ правительственныхъ агентахъ тайное противодѣйствіе ясно выраженной волѣ Государя и несомнѣннымъ интересамъ государства. Кто слѣдилъ за ходомъ дѣлъ и могъ проникнуть до его пружинъ, иногда сокровенныхъ, тотъ знаетъ, что въ этомъ заключается главная потребность и главное условіе лучшаго будущаго.

Нашимъ читателямъ уже извѣстны слухи о предположеніи Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита поглотить новоучрежденное Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ, воспользоваться дарованнымъ этому Товариществу основнымъ фондомъ въ 5 милліоновъ рублей пятипроцентными билетами и принять на себя его обязанности, которыя оно, какъ говорятъ, исполняетъ не совсѣмъ удовлетворительно. Мы уже много разъ въ послѣднія двѣ недѣли возвращались къ этой темѣ и особенно подробно говорили о ней въ передовой статьѣ № 121 *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы принадлежимъ къ числу людей желающихъ, чтобы Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній дѣйствовало впредь съ большею энергіей чѣмъ доселѣ и чтобы во главѣ его находилось лицо способное и пользующееся полнымъ и заслуженнымъ довѣріемъ общества; но по справедливости не можемъ не признать, что сравнительная малоуспѣшность его дѣйствій условливалась тѣми многочисленными препятствіями, съ которыми ему приходилось бороться. Главное изъ этихъ препятствій остается въ силѣ и до сихъ поръ, и невозможно понять по какой причинѣ: мы разумѣемъ то крайне неблагопріятное впечатлѣніе, которое производитъ на публику дурная постановка его закладныхъ листовъ, не дозволяющая даже выпустить ихъ, и причиняемая тѣмъ, что правительство не рѣшилось еще гарантировать по нимъ теченіе процентовъ и погашенія, хотя Товарищество учреждено правительствомъ, завѣдуется назначенными имъ лицами, находится въ полнѣйшей отъ него зависимости и притомъ выдаетъ ссуды въ размѣрѣ весьма ограниченномъ, не оставляющемъ мѣста для страха. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о Кіевской ссудной кассѣ Товарищества, но за югозападный край никто не боится: тамъ земля дорога и малыя ссуды, даваемыя Товариществомъ, не могутъ представлять ни малѣйшаго риска. Когда рѣчь идетъ о рискѣ, то имѣется въ виду сѣверо-западный край.

Но что же оказывается изъ разсмотрѣнія ссудъ, выданныхъ тамъ ссудною кассой Товарищества? Доселѣ выдано тамъ ссудъ 613.100 р. и подъ эти ссуды куплено, за круговою отвѣтственностью, имѣній по покупной цѣнѣ на 1.535.411 руб., причемъ количество купленной земли простирается до 105.275 десятинъ *). Такимъ образомъ ссуды не достигаютъ даже 6 р. на десятину, а лица получившія ихъ приплатили изъ своихъ средствъ 922.311 р. или какъ разъ въ полтора раза больше чѣмъ сколько получили въ ссуду. При такомъ размѣрѣ ссудъ весьма понятно, что они не боятся круговой отвѣтственности, которую они на себя приняли. Но если они ея не боятся, то спрашивается, какъ можетъ бояться ея правительство, котораго отвѣтственность, при гарантіи закладныхъ листовъ, шла бы лишь вслѣдъ за отвѣтственностью заемщиковъ, состоящихъ въ круговой порукѣ? И какъ ожидать чтобы люди частные, Товариществомъ не управляющіе, оказывали ему довѣріе и принимали на себя круговую отвѣтственность за его дѣйствія, еслибы правительство сочло нужнымъ заявить ему свое недовѣріе, отказавъ ему въ своей гарантіи? Нельзя сомнѣваться, что правительственная гарантія заставляетъ ждать себя лишь вслѣдствіе общей медленности нашего дѣлопроизводства, но публика, и особенно публика западнаго края, объясняетъ это иначе. Она понимаетъ очень хорошо, что правительственная гарантія закладныхъ листовъ, обезпеченныхъ имѣніями купленными на такихъ, какъ сказано, совершенно свободныхъ отъ риска условіяхъ, не возлагаетъ на казну никакого страха, но чѣмъ лучше это понимается, тѣмъ ближе заключеніе, что, значитъ, правительство измѣнило свои прежніе взгляды, что оно уже не намѣрено содѣйствовать водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ и готово оставить его попрежнему за Поляками. Но даже несмотря на столь неблагопріятную обстановку свою, Товарищество начало свои дѣйствія и уже выдало въ одномъ сѣверо-западномъ краѣ 613.000 руб. ссудъ, облегчивъ тѣмъ покупку имѣній слишкомъ на полтора милліона рублей, и теперь требованія ссудъ постоянно возрастаютъ, и если обстановка Товарищества улучшится, для чего не требуется отъ государственной казны никакихъ жертвъ, будутъ возрастать еще сильнѣе, такъ что къ концу года уже можно будетъ увидѣть ихъ благотворное вліяніе на весь край. Неужели теперь время помышлять о закрытіи ссудныхъ кассъ въ Вильнѣ и Кіевѣ, и о сліяніи Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній съ Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, что, навѣрное, погубитъ все дѣло! Это Общество едва только начало свои операціи въ губерніяхъ внутреннихъ. Для покупщиковъ имѣній западнаго края, оно, сколько извѣстно, до сихъ поръ не сдѣлало ровно ничего, хотя и обѣщало сдѣлать весьма много. Не упустимъ изъ виду, что Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній въ Западномъ краѣ открыло свои дѣйствія послѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита и только становится на ноги. При тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ оно дѣйствовало, отъ него нельзя многаго требовать, но тѣмъ не менѣе оно уже принесло пользу. Должно желать, чтобъ оно усугубило свою дѣятельность и чтобъ устранились внѣшнія, по большей части искусственныя препятствія, стоящія ему поперекъ дороги, но нельзя пренебрегать и тѣмъ что уже сдѣлано, и въ особенности нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита сдѣлало бы на его мѣстѣ больше. Покупка имѣній на полтора милліона рублей въ цѣломъ сѣверо-западномъ краѣ, конечно, не много значитъ, но какъ первый шагъ хорошо и это, тѣмъ болѣе что эти имѣнія расположены группами. Въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, куплено напримѣръ имѣній на 638.000 р. и въ этихъ имѣніяхъ заключается 50.000 десятинъ земли. Это уже что-нибудь значитъ; это уже не только чувствительный, но и большой шагъ къ водворенію русскаго землевладѣнія въ Брестскомъ уѣздѣ, весьма для того благопріятномъ. Въ смежномъ Кобринскомъ уѣздѣ куплено слишкомъ 10.000 десятинъ и за нихъ заплачено слишкомъ 112.000 р. что также не лишено серіознаго значенія. Въ этихъ двухъ уѣздахъ уже образовалась группа русскаго землевладѣнія, которой слѣды, надѣемся, никогда не исчезнутъ. Вообще желательно, чтобы русскіе покупщики не разбрасывались по всему западному краю, и чтобы первыя усилія къ водворенію русскаго землевладѣнія сосредоточивались на мѣстно-

*) Подробныя свѣдѣнія о ссудахъ виленской кассы напечатаны въ № 69 *Виленскаго Вѣстника*.

стяхъ болѣе западныхъ и потому болѣе важныхъ. Обрусенію западнаго края будетъ положено прочное основаніе, если русское землевладѣніе водворится преимущественно въ губерніяхъ: Ковенской, Гродненской, Волынской и Подольской. Объ остальныхъ губерніяхъ теперь нечего заботиться; ихъ обрусеніе пойдетъ само собой, коль скоро совершится обрусеніе помянутыхъ болѣе западныхъ губерній. Не знаемъ, случайно ли, или вслѣдствіе раціональнаго плана, но дѣятельность Товарищества соотвѣтствуетъ этимъ требованіямъ. Она выражается, по отношенію къ сѣверо-западному краю, въ слѣдующихъ данныхъ:

	Выдано ссудъ.	Куплено десятинъ.	Всего заложено.
Въ Гродненск. губ.	369.700	61.563	778.800
„ Минской „	88.400	23.017	270.473
„ Ковенской „	78.300	5.953	237.200
„ Виленской „	45.900	5.112	141.250
„ Могилевской „	18.000	4.687	44.486
„ Витебской „	12.800	2.944	63.202
Итого	613.100	105.276	1.535.411

Такому распредѣленію можно бы только порадоваться, еслибы было куплено больше имѣній въ Ковенской губерніи. Это самая выгодная для сельскаго хозяйства губернія сѣверо-западнаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ она особенно важна въ политическомъ отношеніи. Надобно всячески стараться чтобъ она не осталась позади другихъ, и чтобы въ ней водворялось землевладѣніе чисто-русское. Общество смоленскихъ помѣщиковъ желающихъ покупать имѣнія въ сѣверо-западномъ краѣ совершенно вѣрно избрало Ковенскую губернію для своихъ дѣйствій, и нельзя не пожелать, чтобъ его уставъ, отличающійся высокими практическими достоинствами, былъ утвержденъ въ возможно скоромъ времени, и чтобы смоленскіе покупщики успѣли воспользоваться для своихъ цѣлей нынѣшнимъ лѣтомъ. Этотъ уставъ основанъ на весьма практической мысли, уже извѣстной нашимъ читателямъ. При ограниченномъ размѣрѣ ссудъ, выдаваемыхъ Товариществомъ Пріобрѣтателей Имѣній (что необходимо дабы не увеличивать страха, сопряженнаго съ круговою порукой, и дабы правительство могло безъ всякаго риска для себя гарантировать закладные листы Товарищества), нѣтъ другого средства снабжать покупщиковъ имѣній западнаго края значительнымъ капиталомъ, какъ выдавая имъ ссуды не только подъ имѣнія западнаго края, ими покупаемыя, но и подъ ихъ собственныя имѣнія во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Не менѣе того важно, чтобы покупались имѣнія западнаго края группами русскихъ помѣщиковъ, и чтобы группы эти составлялись изъ людей не случайно сошедшихся, а другъ друга издавна знающихъ, и связанныхъ между собой интересами не только по купленнымъ въ западномъ краѣ имѣніямъ, но и по сосѣдству имѣній, владѣемыхъ ими въ одной изъ внутреннихъ губерній. Смоленскіе помѣщики это именно и имѣютъ въ виду. Избравъ Ковенскую губернію и собравъ свѣдѣнія о продающихся тамъ имѣніяхъ, они хотятъ устроить въ Ковенской губерніи Смоленскую колонію, и только ожидаютъ утвержденія представленнаго ими устава, дабы приступить къ осуществленію своей мысли, которая несомнѣнно найдетъ себѣ подражателей во многихъ другихъ изъ внутреннихъ губерній. Смоленскій проектъ, во всѣхъ отношеніяхъ превосходный, особенно дорогъ и потому что можетъ сильно содѣйствовать весьма желательному водворенію русскаго землевладѣнія въ Ковенской губерніи. Утвержденіе устава Смоленскаго Общества, вслѣдъ за которымъ появится цѣлый рядъ подобныхъ обществъ въ другихъ внутреннихъ губерніяхъ, есть второе послѣ гарантіи закладныхъ листовъ, и также безъ всякаго риска осуществимое условіе успѣшности дѣйствій Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній. Эти два условія, вмѣстѣ съ благонадежностью лицъ, ставимыхъ правительствомъ во главѣ Товарищества, могли бы обезпечить правильное и даже широкое развитіе его операцій.

При этихъ условіяхъ Товарищество можетъ выдать ссудъ, на своихъ льготныхъ правилахъ, до 50 милліоновъ рублей, то-есть до такой суммы, которая достаточна для того, чтобы отъ 6 до 8 милліоновъ десятинъ перешли въ русскія руки. Такой результатъ сопровождался бы весьма чувствительнымъ измѣненіемъ въ характерѣ всего края; сплошнаго польскаго землевладѣнія въ большей части уже не было бы, и польскому вопросу былъ бы положенъ мирнымъ образомъ конецъ къ вѣчной славѣ нынѣшняго царствованія. Не мы одни такъ думаемъ; въ этомъ увѣрены всѣ знающіе дѣло люди, а потому и оказалось, подъ разными личинами, такъ много порицателей Товарищества.

Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, сказали мы, до сихъ поръ ничего не

сдѣлало для русскаго дѣла въ западномъ краѣ. Въ желаніи, думаемъ мы, не было недостатка, но оказалось не выгоднымъ занимать деньги по правиламъ Общества для покупки имѣній въ западномъ краѣ. Чтобы приспособить Общество къ этой цѣли, надобно преобразовать его, и если даже предположить что это преобразованіе будетъ произведено съ полнымъ успѣхомъ, все же оно потребуетъ времени, въ продолженіе котораго будутъ пріостановлены ссуды. Что же скажутъ покупщики, уже сдѣлавшіе значительныя затраты въ надеждѣ получить ссуды по правиламъ Товарищества? Что подумаютъ польскіе землевладѣльцы западнаго края, узнавъ о прекращеніи ссудъ за нѣсколько мѣсяцевъ до 10-го декабря, и можетъ ли эта мѣра представиться имъ иначе какъ въ видѣ торжества ученій, проповѣдуемыхъ любезною польщизнѣ *Вѣстью*, которая, скажемъ мимоходомъ, находится въ несомнѣнно сочувственныхъ отношеніяхъ къ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита? Если даже дѣйствіе указа 10-го декабря не будетъ отсрочено, что было бы позоромъ и пагубой для русскаго дѣла, какое впечатлѣніе произведетъ прекращеніе ссудъ на всѣ населенія западнаго края! Не удесятерятся ли тогда затрудненія русскаго правительства?

Но мы предположили, что преобразованіе Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита совершится съ полнымъ успѣхомъ, а въ правѣ ли мы ожидать того? Припомнимъ, что это Общество учреждено для всей Россіи. Оно не можетъ, не измѣнивъ своему назначенію, заниматься исключительно западнымъ краемъ; въ особенности оно не можетъ и не должно прекращать выдачу ссудъ во внутреннихъ губерніяхъ. Если, какъ говорятъ, оно рѣшится выдавать ссуды закладными листами, писанными на кредитные билеты, то оно закроетъ для своихъ закладныхъ листовъ возможность заграничнаго сбыта; въ такомъ случаѣ русскій рынокъ будетъ слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія на немъ закладныхъ листовъ выдаваемыхъ въ ссуду подъ имѣнія не одного западнаго края, но и всей Россіи. Придется, стало-быть, либо ограничивать ссуды, либо выпустить столько закладныхъ листовъ, что ихъ цѣна сильно упадетъ, а упадокъ цѣны закладныхъ листовъ не только повлечетъ за собой паденіе всѣхъ русскихъ процентныхъ бумагъ, но и остановитъ полученіе ссудъ, чрезмѣрно возвысивъ платимый по нимъ процентъ. Если же Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита останется при своемъ теперешнемъ совершенно правильномъ порядкѣ выдачи ссудъ закладными листами, писанными на звонкую монету, то ссудами его не будутъ въ состояніи воспользоваться покупщики имѣній западнаго края, какъ они не въ состояніи пользоваться ими теперь по соединенному съ ними слишкомъ значительному риску.

Такое кредитное учрежденіе какъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, распространяющее свои операціи на всю Россію, не можетъ дѣйствовать сколько-нибудь успѣшно, пока остается въ ненормальномъ положеніи русская денежная система. То вліяніе, повидимому значительное, которымъ это Общество располагаетъ, оно должно бы употребить на содѣйствіе исправленію русской денежной системы. Дѣло это вовсе не невозможное, даже вовсе нетрудное, а для Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита оно есть условіе жизни. Усилія, сдѣланныя въ этомъ направленіи, были бы усилія благодарныя и обезпечили бы будущность Общества. Но пока эти усилія не увѣнчаются успѣхомъ, до тѣхъ поръ вмѣшательство Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита въ дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ можетъ вести лишь къ вреднымъ послѣдствіямъ.

№ 138.

Москва, 28-го іюня.

Въ офиціальной части сегодня полученнаго № *Виленскаго Вѣстника* напечатано:

„По Высочайшему повелѣнію, сообщенному г. министромъ государственныхъ имуществъ его сіятельству г. главному начальнику края, Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній въ западныхъ губерніяхъ закрыто, и дѣйствіе ссудныхъ кассъ пріостановлено; но лица, коимъ ссуда уже назначена, получатъ послѣднюю наличными деньгами и въ размѣрѣ, опредѣленномъ правленіемъ ссудныхъ кассъ.“

Офиціальное объявленіе ограничивается этими немногими словами. Экстренный характеръ его, достаточно указывая на эк-

стренность вызвавшихъ эту мѣру причинъ, объясняетъ и неизвѣстность этихъ причинъ публикѣ, и то для насъ весьма непріятное обстоятельство что мы не далѣе какъ вчера разсуждали о закрытіи Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній, какъ о предметѣ слуховъ бродящихъ въ обществѣ, но еще далекихъ отъ своего осуществленія. Эти слухи утверждали, что лица, коимъ ссуда уже назначена, получатъ ее, согласно тому что̀ имъ обѣщано, наличными деньгами, но что за тѣмъ прекратится назначеніе ссудъ и предположеніе выдать всѣ первые пять милліоновъ рублей ссудъ наличными деньгами не будетъ исполнено, чѣмъ собственно и тревожились лица имѣвшія въ виду воспользоваться ссудами январьскаго выпуска и уже сдѣлавшія съ этою цѣлію нѣкоторыя затраты. Спѣшимъ заявить, что *Виленскій Вѣстникъ* сопровождаетъ приведенное нами краткое офиціальное объявленіе передовою статьей, въ которой между прочимъ говоритъ:

„Въ вопросѣ объ обрусеніи водвореніе „русскаго землевладѣнія представляетъ наи„большія трудности. Но трудности, встрѣ„чаемыя на практикѣ исполненіемъ указа „10-го декабря, такъ или иначе, будутъ „преодолѣны, и Высочайшая воля, требо„ваніе исторіи и общественнаго мнѣнія „всей Россіи будутъ непремѣнно испол„нены,—это фактъ, не подлежащій ни ма„лѣйшему сомнѣнію,—дѣло, рѣшенное без„поворотно.... Закрытіе Товарищества не „значитъ прекращеніе выдачи ссудъ рус„скимъ покупщикамъ имѣній въ краѣ: ссуды „будутъ выданы не только тѣмъ, коимъ „онѣ уже назначены; но, сколько намъ „извѣстно, операція эта будетъ передана „особому финансовому учрежденію, на дру„гихъ, болѣе прочныхъ началахъ, несо„мнѣнно выгоднѣйшихъ для русскихъ по„купщиковъ.“

Полагаемъ, что это заявленіе, хотя и не офиціальное, но сдѣланное въ офиціальной газетѣ, должно подѣйствовать успокоительно на встревоженные интересы. Не можемъ не сожалѣть, что вмѣстѣ съ этимъ заявленіемъ, столь полезнымъ, виленская офиціальная газета сочла нужнымъ сдѣлать укоръ русской печати. „Публицистика,“ говоритъ *Виленскій Вѣстникъ*, „права, когда горячо настаиваетъ на ско„рѣйшее исполненіе указа 10-го декабря: „таково желаніе всѣхъ честныхъ русскихъ „людей. Но она не права въ томъ, что „не ищетъ экономическихъ и иныхъ пре„пятствій въ той жизни, которая должна „сюда перейти, не указываетъ на эконо„мическія выгоды здѣшняго землевладѣнія, „не обращается, наконецъ, къ патріотиче„скому чувству русскихъ людей.“ Этотъ укоръ мы не можемъ признать справедливымъ: русская печать указывала на выгоды землевладѣнія въ западныхъ губерніяхъ и опровергла польскую выдумку, будто сѣверо-западный край есть край бѣдный, а къ патріотическому чувству русскихъ людей она обращалась такъ часто, что подвергается за то съ разныхъ сторонъ обвиненіямъ, напоминающимъ ей, что патріотизмъ есть такая струна, которую не слѣдуетъ слишкомъ туго натягивать. Въ дѣлѣ покупки имѣній западнаго края патріотизмъ, впрочемъ, долженъ оказаться безсильнымъ безъ того содѣйствія, которымъ одинъ оно можетъ быть подвинуто впередъ и которое заключается въ ссудномъ банкѣ. *Виленскій Вѣстникъ* замѣчаетъ далѣе, что администрація „не мо„жетъ ничѣмъ измѣнить экономическое на„правленіе русскихъ капиталовъ по сво„ему желанію, не можетъ ничѣмъ при„влечь въ край русскія производительныя „(земледѣльческія и торговыя) силы, если „онѣ у себя находятъ выгоднѣйшія заня„тія.“ Мы не знаемъ, что̀ разумѣетъ *Виленскій Вѣстникъ* подъ словомъ „администрація,“ но администрація вообще имѣетъ весьма много средствъ для направленія капиталовъ по своему желанію: главнѣйшія изъ этихъ средствъ суть пути сообщенія и кредитныя учрежденія, а самое главное средство — ясная, внушающая полное довѣріе система дѣйствій и строгая забота о томъ, чтобъ агенты власти не позволяли себѣ ни явно ни тайно дѣйствовать наперекоръ политикѣ, основанной, какъ говоритъ *Виленскій Вѣстникъ*, на Высочайшей волѣ, на требованіяхъ исторіи и на голосѣ общественнаго мнѣнія всей Россіи.

Путей сообщенія скоро не устроишь, но кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что будь уже у насъ напримѣръ Московско-Смоленская желѣзная дорога, то покупка имѣній въ сѣверо-западномъ краѣ пошла бы гораздо быстрѣе теперешняго? Сѣверо-западный край поставленъ впрочемъ и теперь въ этомъ отношеніи лучше нежели юго-западный, и мы видимъ, что несмотря на огромныя экономическія выгоды, представляемыя

юго-западнымъ краемъ для покупки имѣній, она идетъ тамъ не шибче, а даже можетъ быть вялѣе чѣмъ въ краѣ сѣверо-западномъ. Чѣмъ неудовлетворительнѣе пути сообщенія, тѣмъ неизбѣжнѣе помощь кредита, и кто станетъ спорить, что гораздо болѣе имѣній въ западныхъ губерніяхъ перешло бы въ русскія руки, еслибы нынѣ закрытое Товарищество приступило къ своимъ операціямъ не два мѣсяца, а полтора года тому назадъ, чего всѣ и ожидали послѣ того какъ состоялся Высочайшій указъ 10-го декабря? Проволочка въ открытіи ссудныхъ кассъ охладила многихъ и подала поводъ къ самымъ невѣроятнымъ слухамъ, которые должны быть лучше нашего извѣстны *Виленскому Вѣстнику*. Несправедливо было бы отрицать, что русская печать (за исключеніемъ, разумѣется, газеты *Вѣсть*, получающей свои внушенія извѣстно откуда) усиленно боролась съ этими слухами и что ея труды повели къ нѣкоторымъ результатамъ, всѣми теперь чувствуемымъ въ западномъ краѣ, хотя устранять поводы къ вреднымъ слухамъ не во власти публицистики. Мы не сомнѣваемся, что закрытіе Товарищества не есть упраздненіе или отсрочка указа 10-го декабря, и что правительство имѣетъ въ виду замѣнить упраздненное учрежденіемъ другимъ лучшимъ и желаетъ ввѣрить это новое учрежденіе надежнымъ или, по выраженію *Виленскаго Вѣстника*, вполнѣ честнымъ рукамъ, но мы и теперь опасаемся, что убѣжденія, которыми *Виленскій Вѣстникъ* хочетъ подѣйствовать на публику западнаго края, сопровождая ими извѣстіе объ этой мѣрѣ, не произведутъ желаннаго дѣйствія въ виду факта, что упраздненное нынѣ учрежденіе почти полтора года не дѣйствовало, потому что не было организовано, а какъ только приступило къ дѣйствіямъ, оказалось заслуживающимъ закрытія. Истинное положеніе дѣлъ по отношенію къ водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ состоитъ въ томъ, что если не будетъ подобныхъ поводовъ къ слухамъ, сбивающимъ съ толку и покупщиковъ и продавцовъ западныхъ имѣній, и если то „особое финансовое учрежденіе“, о которомъ говоритъ *Виленскій Вѣстникъ* безъ ближайшаго указанія на его характеръ, немедленно начнетъ дѣйствовать на основаніяхъ не менѣе льготныхъ чѣмъ закрытое нынѣ Товарищество и будетъ продолжать свою дѣятельность неослабно и честно, состоя внѣ вліянія людей, имѣющихъ *Вѣсть* своимъ органомъ, то дѣло пойдетъ вполнѣ успѣшно, и одна изъ важнѣйшихъ задачъ, предлежащихъ русскому правительству, будетъ благополучно разрѣшена. Новое финансовое учрежденіе, на которое перейдутъ обязанности Товарищества, будетъ поставлено выгоднѣе его уже и потому, что можетъ воспользоваться результатами его опыта, хотя и кратковременнаго.

Покамѣсть считаемъ не лишнимъ сдѣлать обзоръ этихъ результатовъ, поскольку они относятся къ виленской ссудной кассѣ, обнародовавшей на дняхъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* свѣдѣнія о разрѣшенныхъ ею ссудахъ.

Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые не получаютъ *Виленскаго Вѣстника*, мы увѣрены, будетъ пріятно узнать изъ нашей газеты имена главныхъ покупателей воспользовавшихся ссудами изъ виленской кассы. Самую большую покупку сдѣлалъ г. Бруевичъ (имѣнія Руда и Ковербзяки, оба Брестскаго уѣзда, 20.401 десятина, за 200.000 руб., ссуды 87.900 р.), за нимъ слѣдуютъ: г. Дурново (Красный Боръ и Ганевичи, Борисовскаго уѣзда, 11.706 десятинъ, за 144.848 р., ссуды 27.600 р.), г. Ивановъ (Каменецъ-Литовскій, Брестскаго уѣзда, 4.931 дес. за 141.000 р., ссуды 27.900 р.), г. Афанасьевъ (Павлополь, Кобринскаго уѣзда, и Орѣхово, Брестскаго, 11.321 десятина, за 112.000 р., ссуды 64.600 р.), г. Драшковскій (Билевичи, Россіенскаго уѣзда, 2.151 дес., за 103.700 р., ссуды 27.000 р.), г. Канторовъ (Бронны, Адамово, Овзичи, Пуховая, Людвиново, Кобринскаго уѣзда, и Колонекъ, Пинскаго, 7.174 десят., за 101.800 руб., ссуды 48.400 р.), г. Штеръ (Городецъ, Брестскаго уѣзда, 6.610 дес., за 100.000 р., ссуды 68.400 р.), г. Вилькенъ (Холопеничи, Борисовскаго уѣзда, 8.600 дес., за 87.500 р., ссуды 42.500 р.), г. Шелькингъ (Ебуражъ, Брестскаго уѣзда, 8.077 дес., за 75.000 р., ссуды 47 000 р.), г. Савинъ (Добыкино, Шавельскаго уѣзда, 1.965 дес., за 60.000 руб., ссуды 30.000 руб.), г. фонъ-деръ-Брюггенъ (Санники, Дисненскаго уѣзда, 958 дес., за 50.000 руб., ссуды 13.700 руб). Остальныя покупки ниже 50.000 руб. По уѣздамъ всѣ покупки, состоявшіяся при пособіи виленской ссудной казны Товари-

щества, распредѣляются слѣдующихъ образомъ *):

	Число имѣній.	Число десят.	Покупн. цѣна.	Ссуды.
Гродненская губ.				
Брестскій уѣздъ. .	7	50.699	638.000	298.300
Кобринскій уѣздъ .	6	10.205	122.800	65.700
Бѣлостокск. уѣздъ.	1	659	18.000	5.700
Минская губ.				
Борисовскій уѣздъ.	3	20.306	232.348	70.100
Новогрудск. уѣздъ.	2	2.206	19.125	13.000
Пинскій уѣздъ. . .	1	1.505	19.000	5.300
Ковенская губ.				
Россіенскій уѣздъ .	2	3.310	144.200	40.500
Шавельскій уѣздъ.	2	2.546	90.000	36.100
Вилькомірск. уѣздъ.	1	97	3.000	1.700
Виленская губ.				
Дисненскій уѣздъ. .	2	2.201	90.000	25.700
Виленскій уѣздъ. .	2	1.015	14.000	7.800
Ошмянскій уѣздъ. .	1	1.510	22.750	10.600
Троскій уѣздъ . .	1	386	14.500	1.800
Могилевская губ.				
Могилевскій уѣздъ .	1	2.016	19.755	8.000
Сѣнненскій уѣздъ. .	1	1.227	16.000	4.000
Оршанскій уѣздъ. .	1	1.444	8.731	6.000
Витебская губ.				
Рѣжицкій уѣздъ .	2	2.944	63.202	12.800
Итого. .	36	104.276	1.535.411	613.100
Имѣній подлежавшихъ обязательной продажѣ было въ томъ числѣ. . . .	9	35.478	486.600	308.500
Съ публичныхъ торговъ куплено. . .	2	3.716	41.875	23.600

Эта таблица подаетъ поводъ ко многимъ соображеніямъ. Весьма замѣчательно, что слишкомъ половина общей суммы ссудъ выдана подъ имѣнія подлежавшія обязательной продажѣ, хотя эти имѣнія и по числу десятинъ и по покупной суммѣ составляютъ лишь одну треть въ общемъ числѣ купленныхъ имѣній. Не свидѣтельствуетъ ли это о той льготѣ, которую находятъ въ ссудахъ имѣнія подлежащія обязательной продажѣ? Не есть ли это одно изъ многихъ доказательствъ того что указъ 10-го декабря нельзя называть мѣрой карательною? Далѣе бросается въ глаза поразительно малое число имѣній, купленныхъ съ публичныхъ торговъ при пособіи ссудъ. Товарищество поступило совершенно правильно, обративъ, съ нѣкотораго времени, особенное вниманіе на этотъ разрядъ имѣній и предположивъ опредѣлять еще до торговъ размѣръ ссуды, которую покупатель можетъ получить подъ продающееся съ аукціона имѣніе. Еслибы нашлись средства опредѣлить такимъ образомъ заранѣе ссуду и подъ имѣнія, подлежащія обязательной продажѣ, то покупка ихъ пошла бы гораздо успѣшнее теперешняго. Но всего бы лучше было, конечно, заранѣе же произвести и оцѣнку, по которой каждое изъ этихъ имѣній должно быть принято въ казну, если не будетъ продано до 10-го декабря: это поставило бы все дѣло разомъ въ совершенную ясность, и продавцы были бы за то столько же благодарны, какъ покупатели. Такая работа довольно обширна и едва ли можетъ быть произведена разомъ во всѣхъ девяти губерніяхъ, на которыя простирается сила указа 10-го декабря, но почему бы не начать ея теперь же въ одной изъ губерній сѣверо-западнаго и въ одной изъ губерній юго-западнаго края? Въ такомъ случаѣ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что начать дѣло слѣдуетъ съ губерній Ковенской и Подольской. Впрочемъ, чѣмъ скорѣе будетъ сдѣлана эта работа, тѣмъ болѣе правильный ходъ получитъ исполненіе указа 10-го декабря. Надобно же будетъ производить оцѣнку имѣній, не проданныхъ къ 10-му декабря и вслѣдствіе того имѣющихъ отойдти въ казну съ вознагражденіемъ ихъ владѣльцевъ процентными бумагами. Приступивъ къ этой оцѣнкѣ теперь (очень можетъ быть, что къ этому дѣлу уже приступлено, но намъ это неизвѣстно), администрація облегчитъ себѣ трудъ въ послѣдствіи и вмѣстѣ съ тѣмъ окажетъ сильное содѣйствіе продажѣ этихъ имѣній до 10-го декабря по вольной цѣнѣ, что и въ политическомъ и въ экономическомъ отношеніи гораздо болѣе желательно чѣмъ отобраніе ихъ въ казну.

До сихъ поръ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, бо́льшая часть покупокъ, сдѣланныхъ при пособіи виленской кассы, состоялись не только по вольнымъ цѣнамъ, но и по доброй волѣ продающихъ. Изъ купленныхъ 36 имѣній, только 2 пріобрѣтены съ аукціоннаго торга и только 9 относятся къ разряду имѣній подлежавшихъ обязательной продажѣ. Это фактъ весьма замѣчательный: значитъ, что еслибы владѣльцы имѣній подлежащихъ обязательной продажѣ хотѣли продать ихъ, то могли бы найдти покупателей, которые въ такомъ случаѣ пріобрѣли бы имѣній этого разряда не 35, а 100 тысячъ десятинъ. Мы просимъ *Виленскій Вѣстникъ* вдуматься въ этотъ фактъ и задать себѣ вопросъ, чего

*) Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* итоги разнятся съ нашими, но тамъ, какъ мы теперь замѣчаемъ, они подведены невѣрно.

ждутъ владѣльцы имѣній подлежащихъ обязательной продажѣ, и на что они надѣются. Еще замѣчательнѣе, что цѣна, заплаченная за имѣнія, которыя проданы по доброй волѣ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, въ среднемъ выводѣ ниже той, по которой пошли имѣнія подлежавшія обязательной продажѣ или купленныя съ торговъ.

Вообще интересно прослѣдить, въ какую цѣну обошлась десятина разныхъ мѣстностей. Оказывается, что десятина продана:

	Ковенская губернія.		
Въ	Россіенскомъ уѣздѣ по . . .	44	руб.
„	Шавельскомъ уѣздѣ по . . .	40	„
„	Вилькомирскомъ уѣздѣ по . .	31	„
	Виленская губернія.		
„	Дисненскомъ уѣздѣ по. . . .	41	„
„	Трокскомъ уѣздѣ по	37½	„
„	Ошмянскомъ уѣздѣ по. . . .	15	„
„	Виленскомъ уѣздѣ по	14	„
	Витебская губернія.		
„	Рѣжицкомъ уѣздѣ по	21½	„
	Гродненская губернія.		
„	Бѣлостокскомъ уѣздѣ по. . .	37½	„
„	Брестскомъ уѣздѣ по	12⅜	„
„	Кобринскомъ уѣздѣ по . . .	11	„
	Минская губернія.		
„	Пинскомъ уѣздѣ по.	12½	„
„	Борисовскомъ уѣздѣ по . . .	11½	„
„	Новогрудскомъ уѣздѣ по . . .	9½	„
	Могилевская губернія.		
„	Сѣнницкомъ уѣздѣ по. . . .	13	„
„	Могилевскомъ уѣздѣ по . . .	9¾	„
„	Оршанскомъ уѣздѣ по. . . .	6	„

Всего дороже обошлись земли въ уѣздахъ Россіенскомъ (44 р.), Дисненскомъ (41 р.), Шавельскомъ (40 р.), Бѣлостокскомъ и Трокскомъ (по 37½ р.); всего дешевле въ Оршанскомъ (6 р.), Новогрудскомъ (9½ р.) и Могилевскомъ (9¾ р.).

Что касается до ссудъ, то нельзя не замѣтить ихъ несоотвѣтствія съ покупною цѣной, но это неизбѣжно при выдачѣ ссудъ по общей нормѣ. Только дальнѣйшій опытъ можетъ указать на тѣ измѣненія въ ней, которыя могутъ быть безъ риска допущены къ выводѣ заемщиковъ. Въ среднемъ выводѣ ссуды относятся къ покупной цѣнѣ какъ 6.131 : 15.354 или приблизительно какъ 3 : 7½, составляя ⅖ покупной цѣны; онѣ превосходятъ половину ея только въ уѣздахъ Оршанскомъ (6.000 противъ 8.731), Новогрудскомъ (13.000 противъ 19.125 р.), Кобринскомъ (657.000 противъ 112.800) и Виленскомъ (7.800 противъ 14.000). Изъ этого слѣдуетъ, что вообще ссуды выданы въ вѣрныя руки, но что нужна осмотрительность при выдачѣ ссудъ подъ многоземельныя имѣнія. Впрочемъ, надобно замѣтить, что подъ имѣніе въ Оршанскомъ уѣздѣ выдано ссуды 4 р. съ небольшимъ на десятину, что, конечно, не представляетъ опасности. Вообще можно быть совершенно увѣрену въ состоятельности покупщиковъ, воспользовавшихся до сихъ поръ ссудами Товарищества. Имѣнія достались имъ по меньшей мѣрѣ изъ десяти процентовъ, а такъ какъ они заняли среднимъ числомъ только ⅖ доли затраченныхъ ими денегъ, платить же по ссудамъ должны не болѣе 6½%, въ годъ, то ежегодные платежи ихъ будутъ составлять лишь около ¼ ихъ доходовъ.

№ 139.

Москва, 24-го іюня.

Въ упомянутой нами вчера передовой статьѣ *Виленскаго Вѣстника* сказано между прочимъ, что въ вопросѣ объ обрусеніи западнаго края водвореніе русскаго землевладѣнія представляетъ наибольшія трудности. Эти слова могутъ быть признаны вѣрными въ томъ смыслѣ, что прочія мѣры необходимыя для обрусенія западнаго края, какъ-то отнятіе обязательнаго религіознаго значенія у польскаго языка, улучшеніе быта православнаго духовенства матеріяльными пособіями, возвышеніе уровня его образованности учрежденіемъ православной духовной академіи въ Вильнѣ, распространеніе и надлежащее устройство народныхъ училищъ, наконецъ замѣна польскихъ чиновниковъ русскими, что всѣ эти мѣры еще скорѣе осуществимы чѣмъ водвореніе русскаго землевладѣнія. Но и эта послѣдняя мѣра можетъ быть названа трудною только по сравненію съ другими необходимыми мѣрами обрусенія края, а разсматриваемая безотносительно, она вовсе не представляетъ серіозныхъ трудностей. Пруссіи было дѣйствительно трудно водворять нѣмецкій элементъ въ провинціяхъ: Познанской, Силезской и Западной-Прусской, потому что тамъ приходилось имѣть дѣло со сплошнымъ иноплеменнымъ населеніемъ. Задача предлежащая намъ въ западномъ краѣ не имѣетъ и десятой доли тѣхъ трудностей, которыя должна была побѣждать Пруссія, а потому и усилій отъ насъ требуется безъ всякаго сравненія меньше. Наше положеніе чрезвычайно выгодно, и съ нашей

стороны нужно весьма немногое чтобы достигнуть цѣли, указуемой первостепеннымъ государственнымъ интересомъ. Мы не въ правѣ обвинять свою судьбу; судьба наша совершенно въ нашихъ рукахъ.

Равнымъ образомъ неосновательно повторять внушаемыя намъ крамолой сѣтованія на нежеланіе русскаго капитала идти въ западный край. Нигдѣ на свѣтѣ операція, подобная водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, не можетъ совершиться безъ пособія кредита и безъ увѣренности что въ административныхъ сферахъ нѣтъ ни колебаній, ни разномыслія по вопросу столь существенной важности. Чтобы подвинуть это дѣло впередъ, слѣдуетъ прежде всего сознать, что для него были неблагопріятны обстоятельства, отъ русскаго общества независѣвшія. Какъ случалось, что обстоятельства выходили неблагопріятны, это другой вопросъ, сюда не относящійся, но фактъ тотъ, что въ 1864 году было объявлено объ открытіи ссудъ, и какъ только явились желающіе получить ихъ, выдача ссудъ была прекращена. Выдано было не сполна 700.000 р. и затѣмъ сказано, что дальнѣйшая выдача будетъ производиться на новыхъ основаніяхъ. Эти новыя основанія были осуществлены въ Товариществѣ Пріобрѣтателей Имѣній, которому съ этою цѣлью былъ отпущенъ, въ видѣ пособія, основный фондъ въ 5 милліоновъ рублей пятипроцентными билетами. Прошло около трехъ лѣтъ прежде нежели оказалось возможнымъ приступить къ назначенію ссудъ на этихъ новыхъ основаніяхъ, но покупщики еще не успѣли получить назначенную имъ ссуду, какъ оказалась несостоятельность Товарищества, вынудившая закрыть его и объявить о пріостановкѣ дальнѣйшихъ ссудъ. Назначено ссудъ около 800.000 р. сер., но охотниковъ занимать прибывало, и не ходатайства о ссудахъ пріостановились, а ихъ выдачи. Мы не знаемъ какъ это случилось, но вѣренъ фактъ что это случилось, и притомъ во второй разъ. Не менѣе вѣрно то, что этотъ вторичный случай не можетъ остаться безъ нравственнаго дѣйствія на покупателей, точно также какъ и на продавцовъ.

Если скажутъ, что основанія, на которыхъ предполагало дѣйствовать Товарищество, несостоятельны, то и въ этомъ нельзя винить публику. Товарищество было учреждено правительствомъ и съ правительственнаго разрѣшенія объявило, что выдастъ первые 5 милліоновъ ссуды наличными деньгами. Оно могло исполнить это безъ истощенія своего основнаго фонда, но для этого ему нужно было выпустить закладные листы, а закладные листы не могли быть выпущены въ публичное обращеніе безъ гарантіи правительства. Такимъ образомъ Товарищество было поставлено въ безвыходное положеніе, и ему предстояло выдавать ссуды казенными деньгами, что для казны невозможно. Вполнѣ признавая невозможность для казны выдать 5 милліоновъ руб. ссудъ наличными деньгами изъ текущихъ доходовъ, нельзя не признать съ другой стороны, что затрудненіе произошло отъ негарантировки закладныхъ листовъ Товарищества, объ учрежденіи котораго нельзя было бы и думать, еслибы предвидѣлась невозможность гарантировать закладные листы его. Но поистинѣ говоря, этой невозможности не было: при ограниченныхъ размѣрахъ ссудъ и круговой порукѣ, гарантія закладныхъ листовъ не была сопряжена ни съ малѣйшимъ рискомъ. Этимъ мы впрочемъ отнюдь не отрицаемъ слабыхъ сторонъ въ учрежденіи Товарищества: это было учрежденіе полу-казенное, полу-частное, и долгаго вѣка ему никто не прочилъ.

Слова передовой статьи *Виленскаго Вѣстника* внушаютъ увѣренность, что дѣло выдачи ссудъ не только не потерпитъ ущерба отъ закрытія Товарищества, а еще выиграетъ. Обѣщанія, соединенныя съ учрежденіемъ Товарищества, будутъ стало-быть исполнены, и притомъ всему дѣлу будутъ даны *прочныя* основанія, такъ что его уже не придется передѣлывать въ третій разъ. Въ чемъ состоятъ обѣщанія? Они гласили, что первые пять милліоновъ ссудъ будутъ выданы наличными деньгами съ платежомъ $6\frac{1}{2}\%$ въ годъ интересовъ и погашенія, и что затѣмъ будетъ выдано еще 45 милліоновъ закладными листами, приносящими 6% дохода, но со взиманіемъ съ заемщиковъ также лишь по $6\frac{1}{2}\%$ въ годъ интереса и погашенія. Дабы возстановилось потрясенное довѣріе, надобно чтобы по меньшей мѣрѣ эти обѣщанія были исполнены, если не буквально, то въ сущности. Сверхъ того надобно, чтобы дѣлу были даны такія основанія, которыхъ прочность была бы очевидна. *Виленскій Вѣстникъ* и указываетъ какъ на то, такъ и на другое. Мы предвидимъ, однако и хо-

тимъ предупредить вопросъ: возможно ли это?

Отвѣчаемъ рѣшительно: весьма возможно, и притомъ безъ дальнѣйшаго со стороны казны пожертвованія, кромѣ тѣхъ 5 милліоновъ, которые уже дарованы для этой цѣли. Говоримъ это весьма рѣшительно, хотя не менѣе рѣшительно полагаемъ, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита никакъ не въ состояніи одно совладать съ этимъ дѣломъ. Выпускать изъ рукъ правительства столь важный государственный интересъ было бы во всякомъ случаѣ рискованно, еслибы правительство и не было связано обнародованнымъ обѣщаніемъ выдать 50 милліоновъ ссудъ на льготныхъ условіяхъ. Для русскихъ покупщиковъ имѣній чрезвычайно важно имѣть увѣренность что будетъ выдано ссудъ никакъ не менѣе 50 милліоновъ. Только при этой увѣренности они могутъ быть спокойны за будущность края и его окончательное обрусеніе. Кому охота идти во вражій край, чтобы покупать тамъ имѣніе, хотя бы и выгодное? Но все дѣло измѣняется, коль скоро обезпечена непремѣнная выдача по меньшей мѣрѣ 50 милліоновъ ссудъ. Русскіе получаютъ тогда довѣріе, а Поляки должны убѣдиться что ихъ мечтанія упразднены окончательно. Но возможно ли такое твердое довѣріе, если водвореніе русскаго землевладѣнія будетъ зависѣть отъ измѣнчивыхъ взглядовъ и средствъ частнаго акціонернаго общества? Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* заявлено, что это дѣло будетъ устроено „на болѣе прочныхъ началахъ, несомнѣнно выгоднѣйшихъ для русскихъ покупщиковъ.“ Вникая въ смыслъ этихъ словъ, сказанныхъ, конечно, не безъ правительственнаго полномочія, и задавая себѣ вопросъ о средствахъ къ ихъ осуществленію, нельзя не придти къ мысли, что тутъ рѣчь не можетъ идти о такомъ еще не прочномъ учрежденіи, какъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, коего закладные листы, писанные на звонкую монету, цѣнятся на биржѣ не выше 80—85 р. за 100, хотя въ то же время правительственные фонды, писанные на звонкую монету, стоятъ отъ 95 до 100 р., то-есть на 15% дороже. Дабы выдавать ссуды на льготныхъ условіяхъ и обходиться при томъ безъ потерь, надобно выдавать ихъ казенными бумагами. Тогда дѣйствительно выдача ссудъ будетъ основана на болѣе прочныхъ началахъ чѣмъ при Товариществѣ, и тогда закрытіе Товарищества окажется дѣйствительно серіознымъ шагомъ къ лучшему.

О финансовыхъ операціяхъ можно вообще сказать, что онѣ тогда бываютъ устроены прочно, когда основаны на ясныхъ и простыхъ, для многочисленной публики совершенно понятныхъ началахъ. Такимъ свойствомъ у насъ отличается только одна операція, выкупная, а потому сама собой представляется мысль, что ссуды пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ могли бы быть всего удобнѣе выдаваемы выкупными бумагами. Эти бумаги что̀ называется на биржахъ большія бумаги; курсъ ихъ низокъ, но проченъ; ихъ финансовыя особенности установлены на основаніи предусмотрительныхъ соображеній законодательства; ежегодная прибавка какихъ-нибудь 5 или 10 милліоновъ—капля въ морѣ и на курсъ не окажетъ никакого дѣйствія; публика съ ними достаточно ознакомилась, и цѣна ихъ извѣстна во всѣхъ углахъ Россіи. Съ точки зрѣнія правительственной весьма естественно примѣнить ихъ къ дѣлу, конечно не меньшей государственной возможности чѣмъ выкупъ крестьянскихъ надѣловъ, а правильное поступленіе платежей по нимъ можетъ быть вполнѣ обезпечено ограниченнымъ размѣромъ ссудъ и допущеніемъ такихъ же мѣръ взысканія, какія приняты напримѣръ въ уставѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Тутъ все готово: и характеръ бумаги, и способъ ея выдачи, и размѣры платежей, и мѣры взысканія; наконецъ правила оцѣнки могутъ быть взяты приблизительно тѣ же, какія уже одобрены правительствомъ для бывшаго Товарищества. Правительству тутъ все легко и сподручно, и остается только разсмотрѣть, выгодно ли такое устройство дѣла для заемщиковъ. Съ ихъ стороны можетъ быть только одно возраженіе—дешевизна курса выкупныхъ свидѣтельствъ и пятипроцентныхъ билетовъ, но противъ этого есть совершенно достаточное средство въ фондѣ 5 милл. пятипроцентныхъ билетовъ, уже предоставленныхъ правительствомъ на помощь водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Изъ этого фонда можно было бы, въ видѣ преміи, выдавать прибавки къ производимой выкупными бумагами ссудѣ, вознаграждающія за ихъ дешевизну. При этомъ очень важно было бы допустить градацію. Такъ напримѣръ къ первымъ пяти милліонамъ

можно было бы прибавлять по 25 коп. на рубль пятипроцентными билетами, ко вторымъ пяти милліонамъ по 20 коп. на рубль, къ третьимъ пяти милл. по 15 коп. на рубль, къ четвертымъ пяти милл. по 10 коп. на рубль и наконецъ къ остальнымъ 30 милл. по пяти коп. на рубль. Пяти милліоннаго фонда такимъ образомъ достало бы на преміи къ 50 милл. ссуды; было бы выдано пятипроцентныхъ билетовъ изъ этого фонда:

Къ первымъ	5 милл.	ссуды. . . .	1.250.000
Ко вторымъ	5 „	„ . . .	1.000.000
Къ третьимъ	5 „	„ . .	750.000
Къ четвертымъ	5 „	„ . . .	500.000
Къ остальнымъ	30 „	„ . . .	1.500.000
Итого. .	50 милл.	ссуды. . . .	5.000.000

Этимъ было было достигнуто, что заемщики первыхъ пяти милліоновъ получили бы, какъ и обѣщано, ссуду такими бумагами, за которыя по ихъ биржевому курсу приблизительно можетъ быть сполна выручена наличными деньгами нарицательная цифра ссуды. Затѣмъ премія постепенно понижалась бы, но именно это пониженіе побуждало бы и покупщиковъ и продавцовъ спѣшить сдѣлками дабы воспользоваться высшею преміей.

Что касается размѣровъ ссудъ, то онъ долженъ быть, разумѣется, ограниченный и никакъ не превосходить половины покупной цѣны. Остальное долженъ приплатить изъ своихъ средствъ покупатель. Въ сущности только такіе покупатели и полезны для дѣла. Тутъ же это необходимо и для того, чтобъ освободить казну отъ всякаго риска. Для доставленія средствъ покупателямъ не капитальнымъ всего лучше можетъ служить комбинація, придуманная смоленскими помѣщиками, то-есть выдача ссудъ не только подъ имѣніе покупаемое въ западномъ краѣ, но и подъ имѣніе, принадлежащее покупателю въ губерніяхъ внутреннихъ. Лишь одна эта комбинація приведетъ въ западный край наиболѣе нужныхъ тамъ, среднихъ и мелкихъ покупателей, на которыхъ собственно только и можетъ быть прочно основано обрусеніе тамошняго землевладѣнія. Для казны, такіе покупатели, вступающіе съ ней въ сдѣлку группами, желательны и въ томъ отношеніи, что могутъ принять на себя круговую отвѣтственность, которая въ другихъ случаяхъ была бы и несправедлива, и неосуществима. Въ виду этого, весьма важнаго для казны удобства, землевладѣльческимъ компаніямъ, въ родѣ смоленской, берущимъ ссуду подъ круговую поруку, могли бы быть, по нашему мнѣнію, съ выгодой для дѣла и казны предоставлены нѣкоторыя льготы, какъ напримѣръ надбавка нѣсколькихъ процентовъ къ оцѣнкѣ и сбавка до $^3/_4$ процента изъ платежей. Такія компаніи, поселившись группами, могли бы потомъ принимать въ свое общество и отдѣльныхъ покупщиковъ, которымъ можно было бы въ этомъ случаѣ оказывать тѣ же льготы. Такимъ образомъ было бы введено экономическое побужденіе къ круговой порукѣ, и черезъ нѣсколько лѣтъ само собой возникло бы нѣсколько товариществъ, отвѣчающихъ предъ казной за вѣрность платежей круговою порукой.

Пятьдесятъ милліоновъ рублей ссудъ выданныхъ на такомъ основаніи, не только подъ имѣнія покупаемыя въ западномъ краѣ, но и подъ имѣнія, принадлежащія покупщикамъ въ губерніяхъ внутреннихъ, повели бы къ переходу имѣній изъ польскихъ рукъ въ русскія, цѣнностью, какъ можно полагать, приблизительно на 60 милліоновъ. Это былъ бы несомнѣнно важный шагъ, но этого было бы все-таки мало для девяти губерній западнаго края: на прочное водвореніе русскаго землевладѣнія въ цѣломъ западномъ краѣ потребуется вдвое болѣе. Поэтому, если правительство имѣетъ въ виду ограничиться пожертвованіемъ для этой цѣли тѣхъ 5 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ, которые уже дарованы имъ, то, думается намъ, было бы полезнѣе для дѣла ограничить казенную операцію тѣми изъ западныхъ губерній, которыя должны служить авангардомъ русскаго землевладѣнія и уже по отдаленности своей отъ центральныхъ губерній нуждаются для своего обрусенія въ болѣе дѣятельной правительственной помощи. Таковы губерніи: Ковенская, Гродненская, Волынская, Подольская. Къ нимъ мы предложили бы присоединить только два уѣзда, Кіевскій и Виленскій, въ которыхъ также требуется усиленное водвореніе русскаго землевладѣнія. Остальныя же мѣстности западнаго края можно было бы предоставить дѣятельности Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, если оно заявляетъ желаніе предпринять операцію въ западномъ краѣ. Эти остальныя мѣстности ближе къ центральной Россіи; обрусеніе ихъ пойдетъ само собою, коль скоро совершится обрусеніе губерній болѣе западныхъ. Тутъ нѣтъ большаго риска предоставить дѣло и част-

ному обществу. Будетъ оно дѣйствовать энергически, тѣмъ лучше, но если ему и не повезетъ дѣло обрусенія будетъ все-таки обезпечено 50 милліонами ссудъ, которыя правительство, по изложенному нами плану, роздало бы въ губерніяхъ болѣе западныхъ.

№ 140.

Москва, 26-го іюня.

Коренной край Пруссіи есть, какъ извѣстно, не коренная нѣмецкая земля, а самая сѣверная изъ прусскихъ провинцій, лишь съ нынѣшняго года вошедшая въ составъ Германіи, — Восточная Пруссія. Этотъ прибрежный край, населенный латышско-литовскимъ племенемъ, именно третьею главною отраслію этого племени, храбрыми Борруссами (Пруссами), былъ насильственно онѣмеченъ послѣ страшной, почти цѣлое столѣтіе продолжавшейся истребительной борьбы, при которой, по сказанію лѣтописцевъ, погибло до полумилліона людей. Въ продолженіе многихъ поколѣній, повинуясь религіозному, Римомъ возбужденному призыву, непрерывно стремились туда новые борцы изо всей Германіи и даже изо всей западной Европы. Римскіе папы объявили войну за христіанство въ Прибалтійскихъ странахъ такимъ же средствомъ пріобрѣсть царство небесное какимъ объявляли они, за столѣтіе предъ тѣмъ, войну въ Палестинѣ. Такому безостановочному приливу силъ малочисленное латышское племя Борруссовъ не могло противиться, за совершеннымъ отсутствіемъ помощи со стороны Россія тогда еще только слагалась и сама принуждена была бороться за свое существованіе, а Польша, уже достаточно сильная, не заботилась, какъ извѣстно, о своемъ будущемъ и дѣлала все что было нужно ея нѣмецкимъ сосѣдямъ. Поляки въ своей слѣпотѣ даже вызвали братьевъ нѣмецкаго ордена изъ Палестины въ восточную Пруссію, и этимъ навсегда сокрушили развитіе своего государства, кому побережье Балтійскаго моря было бы необходимо нужно, еслибъ ему суждено было продолжать независимое существованіе.

Позднѣйшее соединеніе Бранденбурга съ Пруссіей перенесло центръ тяжести государства въ Германію, но и самая Бранденбургская марка есть первоначально славянская область, которая утратила свою національность частію вслѣдствіе распространенія христіанства нѣмецкимъ огнемъ и мечомъ, но еще болѣе вслѣдствіе обаянія и блеска Священной Римской имперіи, предъ которою все тогда преклонялось въ центральной Европѣ. Обязанное самымъ существованіемъ своимъ Германской имперіи, Бранденбургское курфирштество вовсе не дорожило однако связями съ Германіей, а весьма охотно опиралось на свои прусскія земли, дѣлавшія его положеніе нѣсколько менѣе зависимымъ. Преобразившись потомъ въ королевство, оно взяло и титулъ, и названіе отъ своей восточной провинціи. Тогда даже и нѣмецкое имя потеряло свою привлекательность для бранденбургскихъ, хотя и онѣмеченныхъ населеній. Но счастіе везло имъ; они имѣли по большей части способныхъ правителей, съ неимовѣрною жадностью стремившихся къ расширенію своихъ предѣловъ. Скоро слова: „Я Пруссакъ; знаешь ли ты мое знамя?“ какъ гласитъ патріотическая прусская пѣсня, гордо раздавались отъ нѣмецкаго Рейна до польской Вислы и литовскаго Нѣмана. Королевскій домъ особенно дорожилъ (и дорожитъ до сихъ поръ) своими „литовскими“ драгунами, всѣмъ что напоминаетъ *коренной* прусскій край; бранденбургское нѣмечество съ его непріятными воспоминаніями о зависимости отъ вѣнскаго императора было систематически отодвигаемо на задній планъ. Величайшій король Пруссіи, Фридрихъ II, питалъ даже точно такое же презрѣніе къ нѣмецкому языку, который казался ему совершенно несовмѣстнымъ съ цивилизаціей, какое теперь многіе Нѣмцы питаютъ или притворно оказываютъ къ языку русскому, находя сочувствіе, что очень странно, въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ административныхъ лицъ. Замѣчательно, что черезъ два какія-нибудь поколѣнія послѣ Фридриха II, оказалось уже возможнымъ выдавать нѣмецкій языкъ и такъ называемую *нѣмецкую культуру* за синонимъ *образованности вообще*, а Пруссія сдѣлалась почти центромъ умственной жизни Германіи, не утрачивая въ то же время и своихъ солдатскихъ замашекъ.

Таковы историческія преданія Пруссіи. Національно-нѣмецкое чувство, оживившееся во время наполеоновскихъ войнъ,

должно было нерѣдко и притомъ безуспѣшно бороться съ этими преданіями. Тѣнь загубленныхъ борусскихъ и славянскихъ населеній витала и еще витаетъ надъ всею сѣверною Германіей, и даже пламенный духъ барона фонъ-Штейна (въ первомъ десятилѣтіи текущаго года) не могъ утвердить въ прусскомъ государственномъ бытѣ національно-нѣмецкое направленіе въ его чистотѣ. Старинная безпощадность власти и алчность къ захватамъ, эта отличительная черта прусской исторіи, и теперь еще по временамъ проявляется, какъ во внутреннихъ дѣлахъ Прусской монархіи, такъ и въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ, чему можетъ служить примѣромъ образъ дѣйствій Пруссіи по исполненію 5 параграфа Пражскаго трактата, образъ дѣйствій, которому чистые Нѣмцы, не исключая и рейнскихъ Пруссаковъ, далеко не сочувствуютъ.

Въ настоящую минуту, проводя соединеніе всего Нѣмецкаго народа подъ прусскимъ знаменемъ, столь желательное въ интересахъ берлинскаго правительства, Пруссія еще дѣлаетъ разныя уступки общe-германскому національному чувству. Но она и теперь не считаетъ ни возможнымъ, ни желательнымъ замѣнить свое имя „Пруссія“ именемъ „Германіи,“ и это совершенно понятно: каждое государство само по себѣ расположено и силой вещей побуждается крѣпко хранить свое историческое наслѣдіе. Даже такой великій государственный человѣкъ какъ графъ Бисмаркъ не могъ бы безнаказанно отстранить преданія своего государства, но еще вопросъ въ томъ, хочетъ ли онъ этого. Вся Германія должна *сама собою* примкнуть къ Пруссіи: этотъ естественный процессъ не можетъ быть препятствіемъ къ тому, чтобы прусское правительство, соблюдая вѣрность своему историческому характеру, продолжало поддерживать свои виды и внѣ Германіи. Прусская феодальная партія во всякомъ случаѣ тѣмъ упорнѣе будетъ держаться этого стремленія, чѣмъ дешевле обойдется Пруссіи присоединеніе Германіи.

Нѣтъ спора, что въ противоположность этому правительственному воззрѣнію либеральныя партіи Германіи, и вообще всѣ партіи въ южной и западной Германіи, должны дорожить понятіемъ о Германіи и давать этому понятію силу во всѣхъ практическихъ стремленіяхъ. Эта противоположность современемъ выразится еще ярче чѣмъ теперь, когда объединеніе Германіи только что совершается. Германскій патріотизмъ не можетъ отождествлять себя съ прусскимъ правительствомъ и будетъ зорко слѣдить за возрастаніемъ его могущества. Бюджетный вопросъ не разъ еще возникнетъ по отношенію къ арміи и будетъ умѣрять честолюбіе юнкерскихъ элементовъ. Примѣръ Священной Римской Имперіи, захватившей слишкомъ много разноплеменныхъ странъ и потому распавшейся, будетъ также воздерживать прусскихъ политиковъ и въ свою очередь подкрѣплять національныя германскія стремленія въ Прусскомъ государствѣ. Но въ одномъ пунктѣ всѣ стороны повидимому сойдутся,—и этотъ пунктъ есть созданіе прусскаго („нѣмецкаго“) военнаго флота. Припомнимъ нѣмецкій энтузіазмъ 1848 года (когда довольно значительныя суммы были собраны для флота добровольными пожертвованіями, несмотря на отсутствіе удобной для того организаціи). Тогда имѣлось въ виду только показать кулакъ маленькому Датскому королевству и отнять у него, если можно, Шлезвигъ-Гольштейнъ; теперь Германія захочетъ пріобрѣсти значеніе и въ отдаленныхъ моряхъ, и въ распоряженіи морскаго бюджета прусскому правительству, надобно думать, отказа не будетъ. Пруссія же, старая Пруссія, не упуститъ изъ виду, и съ своей точки зрѣнія весьма основательно, возможности достигнуть болѣе близкихъ цѣлей.

Созданіе большаго военнаго флота потребуетъ, правда, очень много времени и денегъ, но за то Германія уже имѣетъ въ достаточномъ числѣ нужнѣйшій для этой цѣли матеріялъ, — привычный къ морю, опытный (и притомъ весьма образованный) экипажъ, уже приготовленный ея цвѣтущимъ торговымъ флотомъ. Въ случаѣ морской войны Германія безъ труда въ силахъ выставить 50—80 тысячъ настоящихъ матросовъ. Вотъ почему мы не можемъ не обращать самаго усиленнаго вниманія на прусскій военный флотъ (его нѣмецкая сторона менѣе интересуетъ насъ). Нѣтъ надобности заранѣе много гадать о томъ времени, когда, какъ мы сказали однажды въ прошломъ году, Балтійское море сдѣлается *тѣсно* для двухъ большихъ военныхъ флотовъ, нашего и прусскаго. Возрастаніе прусскаго флота полезно имѣть въ виду уже только для того, чтобы научиться (вѣдь и безъ того учимся же мы многому

у Нѣмцевъ) тому что и какъ слѣдуетъ дѣлать для нашего флота. Было бы въ высшей степени странно, еслибы съ нашей стороны было оставлено безъ должнаго вниманія такое важное событіе какъ созданіе большаго прусско-нѣмецкаго военнаго флота на Балтійскомъ морѣ, гдѣ до сихъ поръ всѣ почитали нашъ флотъ господствующимъ. Не однѣ войны и не одно политическое дѣйствіе выражаютъ собой могущество государства. Въ сущности медленная, но вѣрно созидающая дѣятельность въ сферѣ государственныхъ и народныхъ силъ не менѣе важна, чѣмъ блистательнѣйшіе военные успѣхи. Очень справедливо, по поводу послѣдней войны Пруссіи съ Австріей, докторъ Браунъ сказалъ недавно въ сѣверо-германскомъ сеймѣ: „Война есть только послѣднее средство, которымъ ясно доказывается болѣе быстрое или медленное, въ мирное время достигнутое приращеніе силъ одного народа и государства предъ другимъ. Война безошибочно подводитъ итогъ, говоря: *quod erat demonstrandum.*“ Глубокая истина этихъ словъ яснѣе всего обнаруживается въ вопросѣ о флотѣ. Для того чтобы создать хорошій военный и купеческій флотъ, нуженъ продолжительный трудъ. То что подготовлено мало-по-малу въ продолженіе многихъ десятилѣтій (масса матеріяльныхъ средствъ, физическія и умственныя силы народа и годность его учрежденій), все это обнаруживается въ случаѣ войны въ сраженіи продолжающемся лишь нѣсколько часовъ и притомъ среди такихъ обстоятельствъ, которыя обыкновенно благопріятнѣе для искуснѣйшаго противника. Если же въ такомъ сраженіи *quod erat demonstrandum* будетъ доказано всему міру, то съ желѣзною послѣдовательностію обыкновенно выступаетъ за побѣдой цѣлый рядъ другихъ, новыхъ фактовъ ко вреду побѣжденнаго и къ выгодѣ побѣдителя.

До сихъ поръ завѣдываніе прусскимъ военнымъ флотомъ, по весьма похвальной бережливости и совершенному отсутствію хвастовства въ прусской администраціи, все еще поручено сухопутному военному министерству, но какъ видно изъ газетъ, въ Пруссіи уже предполагаютъ учредить особое морское министерство. Впрочемъ, и теперь уже мѣры принимаемыя для прусскаго флота могутъ быть изучаемы съ пользой. Особеннаго вниманія заслуживаетъ обнаруженное при этомъ умѣнье рачительно пользоваться человѣческими силами. Недавно въ Пруссіи издана инструкція о принятіи въ службу, обученіи и повышеніи флотскихъ машинистовъ и ремесленниковъ. Эта инструкція отличается чрезвычайно разумною и точною экономіей относительно пользованія умомъ и практическими знаніями каждаго новобранца. У насъ, къ сожалѣнію, издавна ведется привычка *только считать* людей, но *не оцѣнивать* ихъ, извѣдывая и возвышая ихъ способности и годность посредствомъ правильнаго распредѣленія занятій. Малѣйшій трудъ и расходъ для распознанія и опредѣленія качествъ моряковъ и рыболововъ все еще почитаются у насъ дѣломъ излишнимъ и безполезнымъ, тогда какъ въ Пруссіи, послѣ пріобрѣтенія Шлезвигъ-Гольштейна и послѣ присоединенія областей Сѣверо-Германскаго Союза, *прежде всего* было предписано въ видахъ пользы для военнаго флота заняться исчисленіемъ и опредѣленіемъ способностей и качества мореходовъ, рыбаковъ и рѣчныхъ судоходовъ. Неужели эта опасная противоположность между нами и Пруссіей будетъ вѣчно оставаться въ силѣ? Въ морскихъ битвахъ побѣждаютъ не желѣзо, не дерево и не другіе какіе матеріялы, но преимущественно побѣждаютъ люди. Какъ же мы можемъ ожидать правильнаго употребленія матеріяловъ, обходящихся государству ежегодно во столько милліоновъ, если будемъ плохо пользоваться благороднѣйшимъ матеріяломъ, способностями человѣка и его силами? Удивительно, что эта простая истина во многихъ важныхъ случаяхъ нынѣшняго столѣтія оставалась у насъ почти не замѣченною! Дай же Богъ, чтобъ образцовая дѣятельность Пруссіи скорѣе разбудила насъ изъ этого усыпленія.

Точно то же слѣдуетъ сказать и вообще о ходѣ внутреннихъ дѣлъ въ мирное время. Успѣхи сосѣдей не должны приводить насъ въ уныніе, сказывающееся безплодными сѣтованіями. Не сосѣди опасны, а опасно самодовольство, безпечность, усыпленіе. Успѣху сосѣдей можно даже радоваться, смотря на него какъ на силу побуждающую къ живому соревнованію. Припомнимъ слова уже приведенныя въ № 130 нашей газеты изъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*: „Чѣмъ сильнѣе національная или государственная жизнь развивается у сосѣднихъ народовъ, тѣмъ болѣе каждый патріотъ долженъ заботиться о національ-

номъ и государственномъ объединеніи собственнаго народа, какъ о самомъ прочномъ оборонительномъ средствѣ противъ внѣшнихъ опасностей."

№ 141.

Москва, 27-го іюня.

Нѣсколько дней тому назадъ (№ 138) мы помѣстили статью г. В. Хлудова: „Наше торговое положеніе въ средней Азіи." Вѣроятно, наши читатели не оставили ея безъ вниманія. Торговый домъ Хлудовыхъ былъ въ числѣ первыхъ двинувшихъ значительную массу товаровъ въ Ташкентъ, тотчасъ по покореніи Туркестанской области и въ то время, когда военныя дѣйствія еще продолжались. Прикащики г. Хлудова были первыми Европейцами открыто явившимися въ Коканѣ и Бухарѣ. Результатъ торговыхъ сдѣлокъ, по свѣдѣніямъ сообщеннымъ *Русскимъ Инвалидомъ*, превзошелъ всѣ ожиданія: торговые барыши были таковы, что расчитывать на что-либо подобное въ правильной европейской торговлѣ невозможно. Вслѣдъ за г. Хлудовымъ, и другіе наши мануфактуристы отправили въ Среднюю Азію произведенія русской промышленности на значительныя суммы. Торговое движеніе, возникшее тамъ въ послѣднее время, пролагаетъ прямой путь для сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій, не только въ Бухару и Коканъ, но и въ западный Китай, страну, имѣющую, какъ замѣчаетъ г. Хлудовъ, 58 милліоновъ жителей и почти совершенно недоступную англійскимъ товарамъ. Г. Хлудовъ справедливо говоритъ, что вызвать собственно привозъ массы русскихъ товаровъ можетъ не такъ-называемая Средняя Азія, то-есть Ташкентъ, Хива, Бухара и Коканъ, населенные всего тремя, четырьмя милліонами человѣкъ съ мало развитыми потребностями, а ближайшая къ ней западная часть Китая, извѣстная подъ общимъ именемъ китайскаго Туркестана. Западный Китай успѣлъ уже отчасти выказать намъ выгоды, которыхъ мы въ правѣ отъ него ожидать. Въ Коканѣ торговля Хлудовыхъ шла успѣшно именно потому, что тамъ требовалась значительная масса товаровъ для пограничнаго Китая, несмотря на существовавшее уже тамъ, въ это время, возмущеніе. Съ этой стороны вновь покоренная Туркестанская область имѣетъ для насъ особенное значеніе.

Занятіе нашими войсками городовъ Ауліэ-ата, Туркестана, Чемкента, Ташкента, Нау, Ніазбека, Ходжента, Ура-Тюбе, Джузака, и др. было вызвано силой обстоятельствъ и ходомъ дѣлъ, а не заранѣе начертаннымъ планомъ со стороны правительственной власти. Весной 1864 года изъ Западной Сибири былъ отправленъ небольшой отрядъ войскъ подъ командой генералъ-майора (тогда еще полковника) Черняева. Цѣлью экспедиціи было соединить пограничную Сибирскую линію, заканчивавшуюся въ Вѣрномъ, съ пограничною линіей Оренбургскою, шедшею по Сыръ-Дарьѣ до форта Джулекъ. Между укрѣпленіемъ Вѣрнымъ и фортомъ Джулекомъ, на пространствѣ около 800 верстъ, не было ни одного русскаго форта или поста; на практикѣ мы не имѣли тамъ никакой границы, и не разъ администрація приходила вслѣдствіе этого къ значительнымъ затрудненіямъ при кочевомъ населеніи степи и безпрестанныхъ притязаніяхъ и набѣгахъ Коканцевъ. Дѣйствуя самоотверженно и рѣшительно, генералъ Черняевъ, взялъ не только Ауліэ-ату и Чемкентъ (послѣдній послѣ взятія генераломъ Веревкинымъ Туркестана), но въ слѣдующемъ 1865 году 15-го іюня несмотря на ничтожныя силы бывшія у него подъ рукой, овладѣлъ Ташкентомъ, центромъ среднеазіатской торговли, и подчинилъ владычеству Россіи обширную область съ милліоннымъ населеніемъ. Благодаря этому завоеванію, мы пріобрѣли твердое положеніе относительно среднеазіатскихъ ханствъ, сильное вліяніе на нихъ и полную возможность развить тамъ нашу торговлю къ великой выгодѣ національнаго мануфактурнаго производства. Но, съ другой стороны, мы стали лицомъ къ лицу съ массой мусульманскаго населенія, чуждаго намъ происхожденіемъ, преданіями и обычаями, и которое однакожъ само пожелало остаться подъ нашею властью, находя въ ней наилучшую для себя защиту. Это желаніе было согласно если не съ нашими видами, то съ нашими интересами. Теперь предлежитъ разрѣшенію вопросъ, какого характера должна быть наша власть въ этомъ азіатскомъ краѣ.

Интересъ Россіи въ Средней Азіи есть интересъ исключительно торговый, промышленный. Благодаря генералу Черняеву, мы заняли тамъ такое положеніе, что спо-

койствіе края можетъ быть легко обезпечено, и среднеазіатскіе ханы должны быть послушными орудіями въ нашихъ рукахъ. Для этого нѣтъ надобности ни въ большихъ учрежденіяхъ, ни въ средствахъ, превышающихъ доходы, собираемые или могущіе быть собираемыми съ Туркестанской области. Но опытъ показалъ, что зависимость этой области отъ Оренбургскаго генералъ-губернаторства сопряжена съ крайними неудобствами, и что во главѣ русскаго Туркестана должно стоять лицо съ достаточными полномочіями для скораго дѣйствія. Еслибы бухарскій эмиръ былъ увѣренъ, что грабежи, произведенные на этихъ дняхъ Садыкомъ, поведутъ къ немедленному наказанію, онъ никогда бы не допустилъ до нихъ Садыка, ибо пріостановить ихъ было въ его власти. Чтобы держать Азіатцевъ въ страхѣ, для этого не нужно много войска. Генералъ Черняевъ съ четверо меньшимъ числомъ войскъ, нежели сколько ихъ теперь находится въ области, сумѣлъ завоевать край и держалъ его въ должномъ порядкѣ. Но то было экстренное положеніе дѣлъ, допущенное въ видѣ исключенія. Теперь надобно исключеніе сдѣлать правиломъ и снабдить начальника области законными полномочіями, приблизительно равными генералъ-губернаторскимъ. Изъ этого однакожъ отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ управленіе Туркестанскою областію было намъ выгодно организовать въ видѣ генералъ-губернаторства по европейскимъ понятіямъ, съ полною русскою администраціей, съ чиновничествомъ, которое будетъ искать себѣ дѣла уже ради повышеній и расширяя кругъ своего вѣдѣнія, осложнить отношенія къ намъ туземцевъ. На эту область нельзя смотрѣть какъ на составную часть Россіи. Она должна только принадлежать Россіи, но при этомъ она можетъ состоять на правѣ колоніи. Пусть, напримѣръ, туземцы сами себя судятъ, сами заботятся объ ирригаціи и т. д., мы можемъ только побуждать ихъ къ правильному исполненію этихъ обязанностей и наказывать виновныхъ для очевидной пользы всего туземнаго населенія. Наше призваніе въ Средней Азіи вовсе не перерабатывать насильственно складъ мѣстной жизни. Эта переработка должна совершиться сама собой, безъ усилій. Какъ рядомъ съ азіатскимъ Ташкентомъ возникаетъ новый европейскій городъ, имѣющій скоро затмить его, ничуть его не стѣсняя, такъ на ряду съ тамошними порядками могутъ существовать русскіе порядки, заведенные для Русскихъ, а туземцамъ не навязываемые, въ ожиданіи что они сами будутъ добровольно прибѣгать къ нимъ, видя ихъ превосходство. Тогда у туземцевъ не будетъ повода жаловаться на наши распоряженія, и мы не будемъ нести ту отвѣтственность, которая легла бы на насъ, еслибы мы забрали всѣ дѣла въ свои руки. Пусть туземцы живутъ какъ было доселѣ, а наше вмѣшательство пусть ограничится устраненіемъ несправедливостей и насилій. Русская администрація и русскія войска въ Средней Азіи не могутъ имѣть иного назначенія или иныхъ обязанностей, какъ быть блюстителями спокойствія въ краѣ, защитниками русскихъ торговыхъ людей и торговаго движенія. Пребываніе ихъ въ краѣ должно быть ручательствомъ всеобщей тамъ безопасности, отъ чего выиграютъ и туземцы.

Болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, всякій шагъ нашъ въ Средней Азіи долженъ обсуждаться и оцѣниваться по мѣрѣ того на сколько онъ будетъ выгоденъ для интересовъ Россіи. Никто не желаетъ такой системы управленія въ Средней Азіи, чтобы дорогія деньги нашей государственной казны тратились на эту новую окраину, и чтобы тамошніе расходы не оплачивались цѣликомъ изъ ея мѣстныхъ средствъ. Этого и не можетъ случиться, если не будетъ допущено административное вмѣшательство въ коренной бытъ Азіатцевъ.

№ 142.

Москва, 26-го іюня.

„Правда ли это или нѣтъ?“ Подъ этимъ заглавіемъ въ *Ревельской Газетѣ* сообщаютъ, вопервыхъ, распространившійся 11-го іюня въ Ревелѣ слухъ, что Николаевская желѣзная дорога окончательно продана, и вовторыхъ объявленное въ мартѣ текущаго года въ Петербургѣ въ отвѣтъ эстляндскому дворянству рѣшеніе, что Николаевская желѣзная дорога должна быть продана прежде чѣмъ правительство дозволитъ сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ за своею гарантіей, и что потомъ прежде всего будетъ принята во вниманіе линія отъ Петербурга къ Балтійскому Порту. Въ по-

лученномъ сегодня нумерѣ *Ревельской Газеты* отъ 20-го іюня напечатано подтвержденіе этой вѣсти, которое генералъ-губернаторъ прибалтійскаго края сообщилъ депутатамъ города Ревеля, имѣвшимъ счастіе представляться Государю Императору въ Ригѣ 15-го іюня: „Его Величество, передалъ генералъ-губернаторъ, изволилъ повторить милостивое увѣреніе, что какъ скоро приступятъ къ дарованію новыхъ концессій, то-есть послѣ продажи Николаевской желѣзной дороги, то *въ числѣ первыхъ* будетъ дарована концессія на Эстляндскую дорогу." Поэтому-то жители Ревеля такъ обрадовались, услышавъ, что продажа Николаевской дороги наконецъ состоялась.

Намъ пріятно при этомъ случаѣ напомнить, что *Московскія Вѣдомости* постоянно высказывались въ пользу желѣзной дороги къ Балтійскому Порту, хотя и склонялись къ мнѣнію тѣхъ капиталистовъ, которые предпочитали проведеніе желѣзной дороги къ Балтійскому Порту въ такомъ направленіи, чтобы ея продолженіе могло послужить прямымъ соединеніемъ Балтійскаго Порта съ Рыбинскомъ. Съ этимъ послѣднимъ направленіемъ связанъ серіозный торговый интересъ. Впрочемъ, нельзя надѣяться на удовлетворительную доходность даже этой дороги. При ней, правда, будетъ возможна въ зимнее время (за вычетомъ одного или двухъ мѣсяцевъ) торговля товарами, идущими нынѣ черезъ Петербургъ лишь лѣтомъ, а это такое обстоятельство, которое, напримѣръ, въ прошлую зиму доставило бы русскимъ производителямъ милліона два прибыли. Но года, какъ прошлый, составляютъ исключеніе, и сравнительная близость Рыбинска къ Петербургскому порту не позволяетъ ожидать, чтобы регулярная торговля когда-нибудь предпочла Балтійскій Портъ Петербургу. Важнѣе въ Эстляндской дорогѣ значеніе стратегическое, какъ средства защиты отъ могущей случиться на эстляндскомъ берегу высадки въ видахъ нападенія на Петербургъ помимо Кронштадта, теперь, какъ кажется, неприступнаго. Наша сѣверная столица лежитъ, къ сожалѣнію, на самой границѣ государства, чего мы не видимъ ни въ одномъ большомъ государствѣ Европы. При первой серіозной войнѣ, которую союзныя западныя державы предпримутъ противъ Россіи, очень легко можетъ статься, что онѣ направятъ свои усилія на Петербургъ, и противъ этого желательно принять мѣры. Первое значительное развитіе пароходства на западѣ Европы сказалось высадкою въ Крымъ. Послѣ этого опыта (и при его помощи) западно-европейское пароходство усилилось, по крайней мѣрѣ, въ три раза; англійскіе пароходы поднимаютъ теперь въ совокупности до милліона тоннъ груза. Высадить внезапно на иностранный берегъ значительную армію сдѣлалось теперь возможно, и такъ какъ нашъ военный флотъ едвали будетъ въ состояніи прикрыть всѣ берега Финскаго залива, то желѣзныя дороги вдоль по южному и сѣверному берегу этого залива должны быть признаны весьма важными въ стратегическомъ отношеніи. Но при этомъ, кажется, все-таки предстоитъ еще взвѣсить должна ли южная изъ этихъ дорогъ идти совершенно вдоль берега (отъ Петербурга въ Балтійскій Портъ) или стратегическая цѣль ея можетъ быть достигнута болѣе отдаленнымъ отъ моря и въ экономическомъ отношеніи гораздо болѣе выгоднымъ направленіемъ отъ Луги на Балтійскій Портъ. Въ послѣднемъ случаѣ эта желѣзная дорога могла бы быть продолжена внутрь страны на Новгородъ до Рыбинска, и тогда она оживила бы собой губерніи: Эстляндскую, С.-Петербургскую, Новгородскую, Тверскую и Ярославскую. При такомъ направленіи она была бы полезна на зимнее время не только въ такіе исключительные года какъ прошлый, но и всегда. Иные утверждаютъ, что линія изъ Луги въ Балтійскій Портъ была бы и въ стратегическомъ отношеніи выгоднѣе чѣмъ прямая линія изъ Петербурга въ Балтійскій Портъ.

Всѣ эти соображенія будутъ, конечно, подробно обсуждены, когда желѣзная дорога въ Балтійскій Портъ будетъ принята во вниманіе. Извѣстію, сообщенному *Ревельскою Газетой*, можетъ вмѣстѣ съ Ревелемъ радоваться вся Россія и радоваться безусловно. Въ немъ не заключается ни малѣйшаго указанія на какую-либо отсрочку концессій по другимъ линіямъ, уже принятымъ во вниманіе, и между которыми, какъ по экономической, такъ и по стратегической важности, первое мѣсто занимаютъ Курско-Азовская и Московско-Смоленская, (послѣдняя имѣетъ сверхъ того и огромную политическую важность). Извѣстіе сообщенное *Ревельскою Газетой*, не даетъ основанія опасаться и за осуществленіе Ковенско-Либавской желѣзной

дороги, которая также во многихъ отношеніяхъ желательна.

Балтійскій Портъ естественно приводитъ на память двѣ другія превосходныя гавани русскаго балтійскаго берега, Либаву и Виндаву. Ни одною изъ этихъ трехъ гаваней Россія не могла досель воспользоваться: эту возможность призваны открыть ей лишь желѣзныя дороги. Упомянутыя три гавани теперь почти не существуютъ для насъ; извлечь изъ нихъ выгоду—дѣло будущаго, и нельзя не видѣть что эта выгода можетъ быть очень велика, если мы воспользуемся ими правильно, то-есть въ общемъ интересѣ государства. Особенно спорнымъ представляется вопросъ о Либавѣ, вслѣдствіе соперничества Риги, не мало запутывающаго дѣло. По счастію, тутъ возможно однако же достигнуть полной гармоніи разнородныхъ интересовъ.

Относительно Рижско-Шавельской желѣзной дороги мы уже высказались въ №№ 130 и 132 нашей газеты. Если наши доводы вѣрны, то эта дорога не только безполезна, но даже вредна. Мы, конечно, не скажемъ того же о дорогѣ Рижско-Митавской, если она не будетъ продолжена до Шавлей. Рижско-Митавская дорога есть чисто-мѣстная дорога, и правительство поступило весьма справедливо, не даровавъ ей гарантіи (см. *Сѣверную Почту* № 134), но въ ней нѣтъ ничего вреднаго. Для пополненія извѣстія объ этой дорогѣ мы должны теперь прибавить, что вслѣдствіе объявленной *Рижскою Газетой* поправки, капиталъ предназначенный на постройку этой дороги простирается не до 2.052.000 рублей, а до 2.652.000 руб., и стоимость версты обходится въ 66.300 рублей; стало-быть дорога будетъ имѣть 40 верстъ протяженія. Неизвѣстно еще включены ли въ эту сумму расходы на два моста въ Митавѣ черезъ рѣку Аа и черезъ Дриксу (рукавъ Аа), да при Ригѣ черезъ Двину; надобно предполагать, что первые два включены, а третій нѣтъ. Для государства и государственной торговли эта дорога имѣетъ гораздо менѣе важное значеніе, чѣмъ какая бы то ни была изъ гарантированныхъ правительствомъ дорогъ. Никакъ нельзя предположить, чтобы и естественномъ весьма хорошемъ водяномъ сообщеніи существующемъ между Ригой и Митавой, движеніе товаровъ значительною своею частью перешло на Рижско-Митавскую желѣзную дорогу. Въ Рижскомъ заливѣ теперь есть множество латышскихъ каботажныхъ судовъ, которыя нагружаются товарами въ Митавѣ для Риги или обратно по $1\frac{1}{2}$ — 2 копѣйки съ пуда. По желѣзной дорогѣ едва ли можно будетъ возить товары дешевле; что же касается до важнѣйшаго условія при такихъ незначительныхъ разстояніяхъ, именно до нагрузки и выгрузки товаровъ, то ее гораздо удобнѣе производить на корабли съ ботовъ, нежели изъ вагоновъ желѣзной дороги. Стало-быть для Рижско-Митавской дороги остается только перевозка пассажировъ, да небольшаго количества товаровъ въ зимнее время. Поэтому доходность дороги очень сомнительна, если не будутъ приниматься относительно торговли принудительныя мѣры, съ цѣлію прямо или косвенно прекратить водяное сообщеніе. Рижско-Митавская дорога привлекательна только потому, что очень коротка.

Но продолженіе Рижско-Митавской дороги до Шавлей было бы вредно. Рига вовсе не имѣетъ надобности отнимать у Либавы возможность процвѣтанія, къ чему повела бы Митавско-Шавельская вѣтвь. Имѣя въ виду желаніе Риги продолжать заморскую торговлю зимой, не надобно забывать, что ближе всего къ Ригѣ лежитъ Виндава (въ 150—160 верстахъ), городъ съ гаванью, которая также какъ Либава почти во всю зиму не замерзаетъ и притомъ представляетъ выгоду, что въ случаѣ войны купеческіе корабли могутъ укрыться въ глубокой рѣкѣ Виндавѣ далеко отъ устья. Поэтому весьма желательно, чтобы Виндавская гавань была устроена, даже если къ ней сейчасъ же и не проведется желѣзная дорога. Это тѣмъ желательнѣе, что на устройство Виндавской гавани понадобится едва ли болѣе полумилліона рублей. Ей можетъ еще предстоять блестящее будущее. Во второй половинѣ XVII вѣка въ 4 верстахъ отъ города Виндавы герцогъ Іаковъ курляндскій выстроилъ много военныхъ и въ томъ числѣ линейныхъ кораблей; здѣсь онъ держалъ значительный военный флотъ, вслѣдствіе котораго Курляндія причислялась тогда къ европейскимъ морскимъ державамъ, и имѣла колоніи въ Вестъ-Индіи и на западномъ берегу Африки.

Виндавская гавань лежитъ по крайней мѣрѣ на 25 верстъ ближе къ Ригѣ чѣмъ Либавская, но прямое направленіе и въ Либаву, и въ Виндаву идетъ сѣвернѣе Ми-

тавы, такъ что Рижско-Митавская вѣтвь не доставляетъ ни для одной изъ этихъ дорогъ никакой пользы. Нельзя упускать изъ виду, что съ государственно-экономической точки зрѣнія требуется возможная прямизна дорогъ балтійскаго края. Стóитъ только спросить себя, кому придется въ послѣдствіи платить за безполезные крюки на балтійскихъ желѣзныхъ дорогахъ? Купцы рижскіе, либавскіе, виндавскіе, даже московскіе не потерпятъ отъ этихъ крюковъ непосредственнаго, а смотря по обстоятельствамъ, и никакого ущерба. Но сельскіе хозяева внутри имперіи, крестьяне и землевладѣльцы, калужскіе и смоленскіе, орловскіе и витебскіе, ковенскіе и минскіе, и многіе другіе, а также фабриканты, и вообще производители и потребители должны будутъ наличными деньгами платить за каждую излишнюю версту желѣзной дороги, по которой будутъ провезены проданные или купленные ими товары. Интересы производителей внутренней Россіи требуютъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы дороги къ балтійскимъ гаванямъ были проводимы по кратчайшему, наиболѣе прямому направленію, дабы производителямъ не пришлось потомъ платить безполезно каждый годъ въ продолженіе жизни многихъ поколѣній лишнія деньги за провозъ продуктовъ. А производителямъ пришлось бы платить за 25 лишнихъ верстъ, еслибы дорога изъ Риги была проведена, вмѣсто Виндавы, въ Либаву, хотя бы и по самому прямому пути (не черезъ Митаву). Обязательный путь продуктовъ удлинится на 35 не нужныхъ верстъ, если дорога въ Виндаву пойдетъ изъ Риги не прямо, а на Митаву. Если же дорогу поведутъ отъ Риги черезъ Митаву и Шавли въ Либаву, то производителю придется каждый разъ безполезно приплачивать лишнія деньги за провозъ почти уже цѣлыхъ ста не нужныхъ верстъ. Издержки эксплуатаціи по желѣзнымъ дорогамъ составляютъ около половины валоваго дохода съ этихъ дорогъ; на хорошей дорогѣ каждая ненужная верста потребуетъ ежегодно около 5.000 рублей лишняго расхода на эксплуатацію. При 20 верстахъ не нужнаго удлиненія окажется до 100 тысячъ рублей ежегодной лишней траты, а при 100 верстахъ (по Рижско-Либавской дорогѣ черезъ Шавли) до полумилліона рублей въ годъ, не считая процентовъ съ капитала потраченнаго на ненужное удлиненіе дороги. Изъ этого ежегоднаго лишняго расхода рижскій или либавскій купецъ, правда, не заплатитъ почти ничего, а развѣ только Рига или Либава, какъ торговыя мѣста, пострадаютъ отъ того, что другія соперничествующія гавани (Петербургъ, Кенигсбергъ) перетянутъ къ себѣ часть торговли. Но всѣ эти издержки, и притомъ вдвое, заплатятъ производители и потребители привозимыхъ по желѣзной дорогѣ товаровъ.

По этимъ причинамъ и дорогу отъ Ковна къ Либавѣ было бы нужно вести сколь можно прямѣе и никакъ не допускать крюка въ 30 верстъ чрезъ Шавли. Либавскіе купцы предлагаютъ это направленіе изъ страха, что въ послѣдствіи, пожалуй, можетъ быть проведена отъ этой дороги вѣтвь на Мемель, лежащій ближе Либавы къ Ковну, и что эта вѣтвь можетъ отвлечь торговлю отъ Либавы къ Мемелю. Эти опасенія совершенно основательны, но должны быть устранены другимъ путемъ. Еслибы дорога отъ Ковна къ Либавѣ была проведена по прямой линіи, и еслибы боковая вѣтвь на Мемель угрожала отвлеченіемъ торговли къ этому городу, то наше правительство вольно сдѣлать то же, что̀ непремѣнно сдѣлало бы въ этомъ случаѣ всякое западное правительство, а именно: или вовсе не дозволить такую боковую вѣтвь, или установить для этой дороги такія пошлины, которыя могли бы удержать за Либавой важнѣйшую часть торговли.

Ниже мы печатаемъ письмо, полученное нами изъ Ревеля и высказывающееся въ пользу проведенія желѣзной дороги изъ Либавы не въ Ковно, а въ Динабургъ. Мы охотно даемъ мѣсто этому предложенію, чтобы вызвать его обсужденіе, но не можемъ съ нимъ согласиться. По нашему мнѣнію, всего естественнѣе соединить Либаву съ Ковномъ и затѣмъ продолжить эту линію внутрь страны изъ Ландварова чрезъ Минскъ до Березины, дабы посредствомъ водянаго сообщенія по Днѣпру и его притокамъ привлечь къ Либавѣ бóльшую часть отпускныхъ товаровъ не только изъ губерній Курляндской, Ковенской, Гродненской, Виленской, и Минской, но изъ болѣе отдаленныхъ, а именно Кіевской и Черниговской. Въ послѣдствіи эта западная линія можетъ быть продолжена чрезъ Бобруйскъ до Кіева: это будетъ для общаго торговаго движенія еще полезнѣе, и ни одна верста Либавско-Березинской линіи

не сдѣлается черезъ это продолженіе излишнею. Вся дорога отъ Ландварова до Березины была бы едвали длиннѣе 250 верстъ; болѣе длинная и вѣроятно долженствующая обойдтись дороже линія до Кіева могла бы быть предоставлена будущему. Такъ какъ и теперь даже дешевые сорты дерева съ выгодой могутъ быть сплавляемы до Риги изъ губерній Калужской и Орловской по Деснѣ и потомъ вверхъ по системѣ каналовъ Березинскаго и Лепельскаго (на сколько масса воды этого канала дозволяетъ), то не подлежитъ сомнѣнію, что другіе, нѣсколько болѣе цѣнные товары пойдутъ и изъ Кіева вверхъ по теченію до станціи желѣзной дороги у Березины. Ихъ привлекали бы въ Либавскій портъ болѣе высокія цѣны продуктовъ: въ этомъ портѣ, по причинѣ разности морскихъ фрахтовъ, будутъ охотно платить на 2—3 рубля съ четверти дороже чѣмъ въ гаваняхъ Чернаго моря.

Желѣзная дорога прямо отъ Динабурга къ Либавѣ, предлагаемая нашимъ ревельскимъ корреспондентомъ, конечно, была бы благопріятнѣе для интересовъ внутренней Россіи, еслибы не была уже построена дорога Рижско-Динабургская. Но теперь значило бы требовать слишкомъ большихъ пожертвованій отъ государственной казны, еслибы желать, чтобъ она, сдѣлавъ уже значительныя пожертвованія для Рижско-Динабургской дороги, понесла новый расходъ на построеніе подрывающей ее, на 350 верстъ простирающейся дороги Либавско-Динабургской, которая при томъ не удовлетворила бы настоятельной потребности Вильны и Ковна въ отечественной гавани. По сооруженіи Ковенско-Либавской линіи, мы можемъ быть увѣрены, что впредь товары наши обильно будутъ идти и зимою въ чужіе краи не черезъ Кенигсбергъ, а черезъ Либаву. Удостовѣреніе въ этомъ представляетъ намъ то обстоятельство, что желѣзная дорога отъ Ковна до Пиллау, глубокой Кенигсбергской гавани, даже въ самомъ прямомъ направленіи будетъ, по крайней мѣрѣ, на 20 верстъ длиннѣе дороги до Либавы. Сверхъ того при переходѣ нашихъ товаровъ по желѣзной дорогѣ на прусскую территорію необходима перегрузка въ другіе вагоны (такъ какъ на прусскихъ желѣзныхъ дорогахъ ширина рельсовъ другая чѣмъ на нашихъ). Расходы на эту перегрузку, по $^1/_2$ копѣйкѣ съ пуда, уже равняются расходамъ за перевозку по 20 верстамъ желѣзной дороги, а для болѣе дорогихъ товаровъ нуженъ при перегрузкѣ присмотръ, который обойдется еще дороже. Этими двумя обстоятельствами исключается даже несравненно болѣе опасная конкурренція Мемеля съ Либавой, еслибы Пруссаки и провели самую прямую линію черезъ Тельши до Либавы. Говорить ли, что линія черезъ Тильзитъ въ Мемель не опасна для Либавы, будучи не короче *прямой* Ковно-Либавской линіи? Не ясно ли, что Либава не имѣетъ повода требовать удлиненія этой дороги извилиной на Шавли? Какъ въ интересѣ Либавы, такъ и въ общемъ интересѣ государства, нужна *прямая* Ковенско-Либавская желѣзная дорога.

Для Москвы было бы, разумѣется, всего выгоднѣе имѣть сообщеніе съ Либавой чрезъ Смоленскъ, Витебскъ, Динабургъ и потомъ по прямой линіи изъ Динабурга въ Либаву. Такая связь съ незамерзающею гаванью была бы чрезвычайно важна для всего центральнаго и восточнаго края, котораго пути сосредоточиваются въ Москвѣ. Но для того и Москвѣ и всему этому краю нужна прежде всего Московско-Смоленская желѣзная дорога, имѣющая соединить Москву съ Динабургомъ. Вотъ теперь главная потребность подмосковнаго края, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и главная политическая, а также и весьма чувствительная стратегическая потребность всего государства. Затѣмъ изъ Динабурга до Либавы чрезъ Ковно будетъ 520 верстъ, а прямымъ путемъ было бы 350, но за то отъ Динабурга же до Виндавы будетъ прямымъ путемъ лишь около 360 верстъ. Итакъ, Виндава есть для внутренней Россіи самый выгодный изъ портовъ мало замерзающихъ. На Рижско-Виндавской вѣтви сходятся интересы внутренней Россіи и Риги, какъ сходятся они и на дорогѣ Московско-Смоленской, которая доставитъ Ригѣ весьма значительныя выгоды.

Не говоря о Витебско-Орловской дорогѣ, уже строящейся, главнѣйшій интересъ Риги состоитъ теперь въ томъ, чтобы чрезъ Московско-Смоленскую дорогу получить прямое сообщеніе со всѣми тѣми губерніями, откуда сходятся въ Москву желѣзныя дороги: Рязанско-Козловско-Воронежская съ вѣтвью Моршанскою и Нижегородская съ вѣтвью Шуйско-Ивановскою. По удовлетвореніи этой потребности, будетъ очередь за дорогой Рижско-Виндав-

скою. Эти оба интереса Рига можетъ отстаивать безъ ущерба для кого бы то ни было: они совершенно гармонируютъ съ общими интересами государства.

№ 143.

Москва, 30-го іюня.

А.

Рѣчь сказанная Государемъ Императоромъ 15-го іюня въ Ригѣ есть событіе Такія слова, произнесенныя съ такой высоты, полагаютъ эпоху въ жизни государства и сопровождаются неисчислимыми послѣдствіями. Относясь непосредственно къ прибалтійскому краю, составляющему столь жизненную часть Русской имперіи, они имѣютъ значеніе еще болѣе обширное. Выводя этотъ край изъ двусмысленнаго положенія, въ которомъ онъ до сихъ поръ находился, слово Монарха выводитъ и вообще нашу государственную политику изъ двусмыслія, которымъ удобно пользовалась злонамѣренная интрига. Пока еще было вопросомъ то что теперь нашло себѣ столь царственно-ясное разрѣшеніе въ рижской рѣчи 15-го іюня, наша государственная жизнь не могла принять правильнаго хода и заключала въ себѣ сѣмена смутъ и опасностей. Эти достопамятныя слова должны ободрить и подкрѣпить все что только есть честнаго и благомыслящаго какъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, такъ и вообще въ Россіи; съ силою непререкаемаго авторитета, они устанавливаютъ истинное понятіе о государственномъ единствѣ Россіи по отношенію къ этому балтійскому краю, гдѣ оно болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь казалось сомнительнымъ; они увѣнчиваютъ прошедшее этого края и открываютъ для него будущность. Торжественно отдавая справедливость вѣрности и преданности, которую всегда отличались уроженцы этого края на службу Россіи, и выражая свое непоколебимое довѣріе къ патріотизму его населеній, Государь Императоръ какъ бы запечатлѣлъ и освятилъ неразрывную связь соединяющую ихъ съ Россіей, какъ бы возвратилъ ей гражданъ, которыхъ она, по прискорбному недоразумѣнію, до сихъ поръ отталкивала отъ себя, чуждаясь ихъ и не признавая за своихъ. Одно помогало другому: неправильное отношеніе, въ которомъ провинціи эти находились къ цѣлому государству, дѣйствовало за одно съ тѣми грубыми понятіями о національности, которыя у насъ господствовали. Прибалтійскія губерніи составляютъ нераздѣльную часть Россіи, уроженцы ихъ пользовались полнотою правъ русскаго гражданства; изъ нихъ многіе занимаютъ самые отвѣтственные мѣста въ русской арміи, самыя вліятельныя должности въ русской администраціи, и представляютъ собою національные интересы Россіи при иностранныхъ дворахъ: могутъ ли люди находящіеся въ такомъ положеніи считаться чужими, могутъ ли чужіе имѣть столь открытый доступъ ко всему въ государствѣ, и быть въ немъ вездѣ на полномъ хозяйскомъ правѣ? Могутъ ли люди чужіе для націи, быть двигателями ея дѣлъ и представителями ея интересовъ? И однакожъ, вслѣдствіе грубаго предразсудка, проникшаго отчасти и въ законодательство, мы отталкивали ихъ какъ чужихъ, мы не хотѣли называть ихъ Русскими, мы называли ихъ Нѣмцами, и заставивъ ихъ самихъ считать себя таковыми. У насъ господствовали воззрѣнія быть-можетъ имѣвшія смыслъ за многія столѣтія предъ симъ, но теперь лишенныя всякаго смысла и несовмѣстныя съ правильнымъ и здоровымъ развитіемъ государственной жизни. Въ силу этихъ воззрѣній мы между своими соотечественниками, русскими подданными, полноправыми русскими гражданами, различали еще Русскихъ и не-Русскихъ, какъ будто въ дѣлѣ національности нужно еще что-нибудь кромѣ принадлежности къ государству, какъ будто Русскій есть какое-то особое существо, а не просто подданный *Русскаго* государя, гражданинъ *Русскаго* государства, сынъ *Русскаго* отечества, и какъ будто служба этому отечеству, полноправное участіе въ его дѣлахъ и въ его власти не есть достаточная натурализація. Въ полнотѣ правъ русскаго гражданства заключается и право русской національности. Между гражданами великаго государства, между безчисленными членами великой націи, живущей историческою жизнію, не можетъ быть полнаго единства племени, обычая, вѣрованія; между ними возможно всякое разнообразіе, возможенъ даже антагонизмъ; но государство, къ которому они принадлежатъ, должно быть едино, и національность государства должна быть общимъ достояніемъ всѣхъ его подданныхъ. Какого бы ни были племеннаго происхожденія, какимъ бы ни

отличались обычаемъ, и какую бы вѣру ни исповѣдывали тѣ или другіе уроженцы балтійскаго края, никто изъ нихъ, а также никто въ цѣлой Россіи, не должен отнынѣ забывать, что всѣ они принадлежатъ „къ единой русской семьѣ."

Но едва смолкло это царственное слово, которое должно быть для насъ закономъ, тѣмъ болѣе обязательнымъ и вмѣстѣ легкимъ, что оно постановляетъ только то чего требуетъ сила вещей и въ чемъ каждаго убѣждаетъ собственная совѣсть и разумъ,—какъ уже послышалась, въ отзывъ на него, другая рѣчь, обращенная тоже къ уроженцамъ балтійскихъ губерній. Мы говоримъ о петербургской корреспонденціи въ *National-Zeitung* отъ 5-го іюля. Корреспондентъ угрожаетъ балтійскимъ баронамъ приближающеюся бѣдой, и преподаетъ имъ мудрые совѣты какъ избѣжать ея, если не совсѣмъ, то по крайней мѣрѣ отчасти. Бѣда эта, какъ онъ объясняетъ, есть лишеніе привилегій, которыми балтійское дворянство пользуется, и лишеніе нѣмецкаго характера, который эти провинціи имѣютъ. Чтобы не потерпѣть обоихъ лишеній разомъ и сохранить по крайней мѣрѣ свое Deutschthum, балтійскіе бароны должны, по ученію петербургскаго наставника, добровольно отказаться отъ своихъ привилегій, стать во главѣ либеральныхъ реформъ, которыя въ этихъ провинціяхъ теперь неизбѣжны, овладѣть ими и направить ихъ такъ, чтобы балтійскихъ уроженцевъ уже нельзя было впредь причислять „къ русской семьѣ." Если же бароны будутъ упорствовать въ сопротивленіи либеральнымъ реформамъ и отдадутъ ихъ въ руки русскому правительству — русской бюрократіи, какъ выражается корреспондентъ,—то ихъ постигнетъ „національный напоръ (der nationale Drang), который, съ 1863 г. возобладалъ въ Россіи надъ либеральными стремленіями." „Гдѣ тѣ и другія стремленія, продолжаетъ корреспондентъ, по крайней мѣрѣ съ виду находятся въ связи, тамъ для угрожаемыхъ ничего иного не остается какъ расторгнуть эту связь, захвативъ въ свои руки либеральныя реформы."

Вотъ какая мудреная и изворотливая тактика преподается честному дворянству прибалтійскихъ губерній; вотъ къ какимъ способамъ прибѣгаетъ интрига дабы снова затемнить и запутать дѣло, на которое теперь съ высоты трона палъ столь яркій свѣтъ. Корреспондентъ, о которомъ идетъ рѣчь, повидимому не новичекъ въ своемъ дѣлѣ; изъ собственныхъ его показаній значится, что онъ давно уже подвизается на поприщѣ политической мудрости, и еще въ 1862 г. преподавалъ такіе же совѣты балтійскимъ баронамъ, съ какими счелъ за нужное обратиться къ нимъ теперь. „Такъ говорили мы, показываетъ онъ, еще въ 1862 г., и должны тѣмъ настоятельнѣе повторить это теперь." Дѣйствительно, мы припоминаемъ, что та же самая тактика, еще въ 1862 году, развивалась весьма подробно и съ большимъ цинизмомъ въ письмѣ нѣкоего курляндскаго дворянина, проживавшаго въ Брюсселѣ, къ своимъ роднымъ домой о томъ какъ слѣдовало дѣйствовать, дабы воспользоваться тогдашними обстоятельствами и обмануть Россію. Посланіе это, не безъ нѣкоторой ловкости написанное, ходило въ балтійскихъ губерніяхъ по рукамъ, и наконецъ попало въ сборникъ интересныхъ документовъ напечатанныхъ около того же времени въ Лейпцигѣ. Задача, которую ставилъ этотъ курляндскій Одиссей, заключалась именно въ томъ, чтобы балтійскіе дворяне, въ виду будто бы угрожавшей имъ опасности, сами добровольно отказались отъ своихъ привилегій въ пользу своихъ *нѣмецкихъ согражданъ*, то-есть мѣстныхъ городскихъ сословій, дабы такимъ образомъ составить въ балтійскихъ губерніяхъ то чего еще пока въ нихъ нѣтъ,—организованную нѣмецкую націю. Лучше вамъ,—такъ говорилъ наставникъ,—подѣлиться вашими правами съ нѣмецкими обывателями Риги и другихъ балтійскихъ городовъ нежели очутиться въ въ необходимости признавать своими согражданами обывателей Орла и Курска; вы обязаны, поучалъ онъ, поступиться вашими привилегіями въ пользу германской національности, дабы сохранить за нею этотъ край и дабы въ послѣдствіи не быть принужденными отказаться отъ вашихъ привилегій въ пользу національности русской. Въ то время, опасность, которою пугали балтійскихъ бароновъ, называлась демократическими стремленіями русскаго правительства; теперь она именуется стремленіями національными, „nationaler Drang?" Дабы запутать дѣло, эти національныя стремленія характеризуются какъ нѣчто весьма ненавистное, какъ начало злое, böses Element, и противоположное либеральному началу. Русское правительство

будто бы благопріятствуетъ національному движенію изъ макіавеллизма, дабы подавить имъ движеніе либеральное. „Наше правительство, пишетъ петербургскій корреспондентъ, поступаетъ какъ и всѣ другіе, благопріятствуя національному движенію въ ущербъ либеральному.“ Если такъ, то чего же бояться балтійскимъ дворянамъ, которые будто бы ничего такъ не опасаются, какъ либеральныхъ реформъ? Однако что же такое либеральное движеніе, которое не есть въ сущности движеніе національное? Либеральная политика, которая не есть въ тоже время политика національная, не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ разрушеніемъ государства. Для всѣхъ реформы и прогрессъ значатъ созиданіе, возвышеніе, усиленіе; для Россіи они должны значить ослабленіе, разложеніе, разрушеніе.

Но какая несообразительность, или какой грубый разчетъ на несообразительность своихъ читателей! Не обязаны ли мы всѣми нашими либеральными реформами иниціативѣ нашего Государя, Его высокому патріотизму, Его любви къ своему народу? Не изъ этихъ ли реформъ родилась у насъ національная политика, и, съ другой стороны, не подъ вліяніемъ ли пробудившагося національнаго духа совершаются ко благу всѣ наши либеральныя реформы? Не въ немъ ли онѣ находятъ свою силу и залогъ успѣха? Всѣ эти великія пріобрѣтенія сдѣланныя русскою жизнію въ краткій промежутокъ времени, начиная съ 19-го февраля 1861 года, совпадаютъ съ постепеннымъ развитіемъ того въ чемъ корреспондентъ видитъ ненавистный ему nationaler Drang. Наконецъ, въ этихъ самыхъ дорогихъ, столь знаменательныхъ словахъ сказанныхъ въ Ригѣ Государемъ, котораго Русскій народъ зоветъ освободителемъ, не выражается ли полное тождество тѣхъ движеній, которыя интрига хотѣла бы разрознить? Не въ этихъ ли словахъ напоминается торжественно о единой русской семьѣ и о нераздѣльности русской государственной области, и не въ нихъ ли съ тѣмъ вмѣстѣ возвѣщается рядъ мѣропріятій и нововведеній, необходимыхъ и полезныхъ въ этомъ краѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что испытанные въ вѣрности и патріотизмѣ (конечно не въ нѣмецкомъ, а въ русскомъ) дворяне этого края, къ которымъ вздумалъ тоже обратиться съ рѣчью петербургскій корреспондентъ берлинской газеты, послѣдуютъ не его указаніямъ, а призыву своего Государя, помня что реформы, въ которыхъ край ихъ нуждается, должны быть совершены не въ интересахъ какой-либо чужой національности, а той великой семьи, которой они члены.

Что такое это “Deutschthum,“ этотъ нѣмецкій характеръ, о сохраненіи котораго такъ заботятся таинственные друзья нашего прибалтійскаго края, и лишеніемъ котораго они пугаютъ тамошнихъ бароновъ? Національное движеніе въ Россіи вовсе не имѣетъ того значенія, которое злонамѣренно хотятъ придать ему; оно не заключаетъ въ себѣ ничего страшнаго, ничего подавляющаго, ничего насильственнаго. Оно допускаетъ всякое разнообразіе, кромѣ государственнаго; оно совмѣстимо со всякою свободой, — оно только противъ чужихъ властей въ Россіи. Возможно болѣе полная свобода лицъ,—и ничего для нихъ обязательнаго кромѣ общихъ государственныхъ учрежденій и законовъ, — вотъ лозунгъ столько же національнаго, сколько либаральнаго движенія. Разнообразіе элементовъ входящихъ въ составъ одной національной семьи есть ея богатство, и нѣтъ ни одного великаго историческаго народа въ мірѣ, который не слагался бы изъ многихъ разнообразныхъ элементовъ. Люди германскаго происхожденія не могутъ пожаловаться, чтобъ элементъ, который они вносятъ съ собою въ русскую жизнь, не достаточно цѣнился; но всякій пойметъ, что въ Россіи не могутъ и не должны властвовать какія-либо національныя германскія учрежденія, что изъ русскихъ населеній какого бы то ни было племени не можетъ вырабатываться нѣмецкая нація, что изъ русскихъ провинцій не можетъ созидаться германское государство. Никто никогда не подумаетъ нарушать въ чемъ-нибудь свободу обычая и особенности быта жителей Прибалтійскаго края; никто никогда не подумаетъ насильственно отрывать ихъ отъ вѣры, которую они исповѣдуютъ; никому не придетъ въ голову отучать людей, говорящихъ по-нѣмецки, отъ этого языка. Если только въ этомъ заключается тотъ нѣмецкій характеръ, сохраненіемъ котораго могутъ дорожить тамошніе жители, то имъ нечего опасаться, никто этого не придетъ отнимать у нихъ. Что касается до языка, то въ высшихъ слояхъ нашего общества доселѣ еще господствуетъ французскій языкъ, на которомъ эти господа

гораздо охотнѣе и легче выражаются чѣмъ по-русски; это не дѣлаетъ ихъ однако французами, и никому изъ нихъ не приходитъ въ голову желаніе, чтобы французскій языкъ сталъ въ какомъ-либо отношеніи языкомъ офиціальнымъ въ Россіи. Зачѣмъ же можетъ требоваться, чтобы нѣмецкій языкъ, и безъ того уважаемый какъ языкъ науки и культуры, былъ въ балтійскомъ краѣ языкомъ офиціальнымъ, языкомъ администраціи и судовъ? И зачѣмъ можетъ быть нужно онѣмечивать тамошнія населенія, или зачѣмъ русскимъ подданнымъ, полноправнымъ русскимъ гражданамъ, членамъ великой русской семьи, въ которую не даромъ введены они Провидѣніемъ, зачѣмъ было бы имъ надобно созидать въ Россіи Германію и причислять себя къ чужой политической національности? Слово Нѣмецъ, особенно въ настоящее время, не есть только этнографическій терминъ,—это терминъ политическій,—а потому русскому подданному, стало-быть просто Русскому, нельзя быть еще Нѣмцемъ, какъ нельзя быть Французомъ и Англичаниномъ. Одинъ изъ комическихъ персонажей, кажется, у Гоголя, называя себя Нѣмцемъ, говорилъ: „У меня есть свой король въ Германіи.“ Намъ кажется, что это изреченіе имѣетъ гораздо болѣе смысла чѣмъ именованіе Нѣмцами людей, не имѣющихъ своего короля въ Германіи.

Б.

Мы печатаемъ ниже два письма, одно изъ Харьковской, другое изъ Вятской губерніи, свидѣтельствующія о желаніи писавшихъ принять участіе въ покупкѣ имѣній западнаго края, еслибы продолжалась выдача ссудъ на прежнемъ основаніи. Мы имѣемъ много подобныхъ заявленій, но безъ полномочія печатать ихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что дѣло это имѣло бы ходъ, соотвѣтствующій провозглашеннымъ видамъ русскаго правительства, и даже превосходящій ожиданія, при обезпеченной ясною финансовою комбинаціей выдачѣ ссудъ на условіяхъ подобныхъ тѣмъ, которыя были приняты правительствомъ въ уставѣ Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній, то-есть на условіяхъ пониженнаго процента по ссудамъ и непремѣннаго обѣщанія выдать такихъ ссудъ не менѣе 50 милліоновъ.

Чѣмъ сильнѣе увѣренность въ возможности полнаго успѣха по этому дѣлу, тѣмъ прискорбнѣе узнать изъ письма г. Н. К—ва, что въ Петербургѣ все еще ходятъ слухи о передачѣ 5 милліоновъ пяти-процентныхъ билетовъ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита съ возложеніемъ на него всей операціи по выдачѣ ссудъ въ западномъ краѣ. Этотъ планъ, мы утверждаемъ это самымъ положительнымъ образомъ, не можетъ не вести къ пагубнымъ во всѣхъ отношеніямъ послѣдствіямъ. Мы вызываемъ защитниковъ его на объясненіе: судъ исторіи нынѣ скоръ, онъ не замедлитъ произнести приговоръ свой. Мы не обвиняемъ этихъ господъ въ дурныхъ намѣреніяхъ и рады повѣрить что они дѣйствуютъ безсознательно. Но планъ, приводимый ими, клонится ко вреду Россіи. Мы слышали объ этомъ планѣ еще зимой, и весьма опасаемся что комбинація предполагаемая нынѣ тождественна съ тѣмъ, что̀ мы тогда слышали и что̀ представлялось намъ тогда неосуществимою выдумкой нѣсколькихъ польскихъ господъ изъ бѣлой партіи, разчитанною на излишнюю мнительность балтійскихъ землевладѣльцевъ. Дабы успокоить послѣднихъ насчетъ государственныхъ имуществъ балтійскихъ губерній, было придумано средство стѣснить правительство въ свободномъ распоряженіи этими имуществами. Для этой цѣли надобно заложить ихъ; со временемъ залогъ можетъ повести къ ихъ продажѣ, и тогда казенныхъ имуществъ въ Балтійскомъ краѣ убавится, но и до того времени балтійскимъ ипохондрикамъ пріятно будетъ знать, что эти имущества, ихъ *bête noire*, по крайней мѣрѣ останутся въ неподвижности и оцѣпенѣніи. Но какъ подвинуть правительство къ столь странному шагу? Всего удобнѣе, конечно, потребовать этой жертвы во имя патріотизма, а какая изъ финансовыхъ операцій отличается патріотическимъ характеромъ, если не ссуды пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ? Надобно однакоже устроить дѣло такъ, чтобы жертва, на которую казна рѣшится, не пошла въ прокъ. Надобно раздать ссуды неосновательнымъ и безразсуднымъ пріобрѣтателямъ, которые скоро прогорятъ къ удовольствію Поляковъ и повлекутъ вслѣдъ за своими имѣніями и казенныя имущества балтійскаго края, къ удовольствію тѣхъ балтійскихъ землевладѣльцевъ, которыхъ воображеніе напугано улучшеніемъ быта балтійскихъ государственныхъ крестьянъ. Но гдѣ же взять такихъ пріобрѣтателей и чѣмъ при-

влечь ихъ къ покупкѣ имѣній западнаго края? Тутъ уже не могло быть сомнѣнія, какъ надобно дѣйствовать. Основательныхъ пріобрѣтателей надобно оттолкнуть возвышеніемъ процента платимаго по ссудамъ, и увеличеніемъ расхода достигаемымъ чрезъ требованіе платежей по разчету на звонкую монету: серіозный человѣкъ не станетъ покупать имѣніе изъ 10 процентовъ дохода, когда по ссудѣ надобно платить 9 и $9^1/_2$ процентовъ, а если курсъ начнетъ падать вслѣдствіе выпуска кредитныхъ билетовъ либо серій, то и по 10, 11 и т. д. А безразсудныхъ, безденежныхъ пріобрѣтателей ничѣмъ нельзя такъ приманить какъ возвышеніемъ размѣра ссуды. И вотъ зимой дѣйствительно говорили, что кто-то внушилъ кому-то въ банкѣ графа Бобринскаго странную въ финансовомъ отношеніи мысль выдавать подъ покупаемое въ западномъ краѣ имѣніе $^4/_5$ оцѣнки его, да сверхъ того выдавать подъ имѣніе покупателя, находящееся во внутреннихъ губерніяхъ, еще $^4/_5$ оцѣнки этого имѣнія. Такимъ образомъ можно и купить имѣніе, и положить на него нѣкоторый капиталъ, и отложить часть ссуды на удовольствія. Такія привлекательныя удобства не можетъ доставить никакой поземельный банкъ на свѣтѣ, если выпускаетъ облигаціи обезпеченныя имѣніями своихъ заемщиковъ. Но тутъ-то и предполагается дополнительное обезпеченіе казенными имуществами балтійскихъ губерній, имѣющими поступить въ залогъ вслѣдствіе ожидаемой отъ правительства жертвы на великое дѣло обрусенія западнаго края. Какъ однако правительство рѣшится на столь громадную жертву, когда оно затруднялось номинальною гарантіей облигацій Товарищества, выдававшаго ссуды весьма умѣренныя и нисколько не рискованныя?

№ 144.

Москва, 1-го іюля.

Наша нѣмецкая журналистика отличается необычайными свойствами. Ей возможно то что̀ простому здравому разсудку кажется совершенно невозможнымъ. Недавно (въ № 97), говоря о вопіющей необходимости преобразовать балтійское учебное вѣдомство, мы сказали слѣдующее:

„Изъ 400.000 рублей (ежегоднаго расхода казны для балтійскихъ школъ) выдается едва 5 000 на учебныя заведенія, гдѣ преподаваніе производится на русскомъ языкѣ, а на латышско-русскія и эсто-русскія—ничего; остальныя же 395 тысячъ идутъ въ самомъ точномъ смыслѣ слова на нѣмецкія учебныя заведенія, ибо въ этихъ заведеніяхъ русскій языкъ считается *мертвымъ языкомъ*, что̀ г. Егоръ фонъ-Сиверсъ такъ безцеремонно высказываетъ въ своей извѣстной брошюрѣ.“

По поводу этихъ словъ, г. Егоръ фонъ-Сиверсъ открылъ въ *Рижской Газетѣ* походъ противъ насъ, какъ будто мы совершили величайшую неправду. Онъ приводитъ мѣсто изъ своей брошюры, гдѣ сказано: „Потому только, что весьма многіе, долгое время живущіе въ балтійскихъ губерніяхъ, Русскіе не могли и не хотѣли уклониться отъ вліянія нѣмецкаго языка и нравовъ, и это дошло до того, что недавно еще одинъ уважаемый русскій писатель объявилъ русскій языкъ мертвымъ,—публику внезапно тревожатъ отчаяннымъ воплемъ: русскій языкъ преслѣдуется въ балтійскихъ провинціяхъ!“ Выписавъ это мѣсто, г. Егоръ фонъ-Сиверсъ находитъ, что мы поступили безсовѣстно, даже по-іезуитски, сказавъ то что̀ значится въ вышеприведенной выпискѣ. Статью свою въ *Рижской Газетѣ* онъ озаглавилъ словами *Мертвый языкъ*, и въ заключеніе этой самой статьи подтверждаетъ, что въ балтійскихъ губерніяхъ русскій языкъ есть „языкъ мертвый и *останется мертвымъ*, несмотря на школы и на какое бы то ни было принужденіе, къ которому русскіе журналы взываютъ.“ Итакъ, этотъ господинъ, за простое указаніе на сдѣланное имъ заявленіе, съумѣлъ разомъ и наговорить грубостей, и негодуя на насъ за то что мы сочли его раздѣляющимъ приведенное имъ мнѣніе, въ то же самое время, какъ будто на смѣхъ, снова высказываетъ это мнѣніе, но уже прямо отъ своего имени и еще съ большею силой выраженія чѣмъ прежде. Публикѣ, конечно, не извѣстно, что г. Егоръ фонъ-Сиверсъ есть не только публицистъ, но и поэтъ балтійскій. Вотъ образчикъ его вдохновеній: „Я увѣренъ въ „томъ, что нѣкогда патріоты, одаренные „болѣе глубокимъ взглядомъ чѣмъ demi-„monde теперешнихъ панславянскихъ под-„жигателей, произнесутъ строгій судъ надъ „развращенною котеріей (entartete Sippe), „которая волнуетъ своихъ современниковъ „и соотечественниковъ *національными су-*

„масбродствами." Въ отвѣтъ мы посовѣтуемъ вдохновенному балтійскому публицисту отправиться въ Берлинъ къ ближайшему засѣданію сѣверо-германскаго сейма, и своею гнѣвною музой разогнать это развращенное скопище, волнующее своихъ современниковъ и соотечественниковъ національными сумасбродствами. Если это удастся ему, то мы обязуемся прочесть всѣ его стихотворенія, и сверхъ того обѣщаемъ ему, что его краснорѣчіе будетъ имѣть успѣхъ и въ другихъ мѣстахъ, но не прежде. Желаемъ ему удачи въ этомъ путешествіи, и чтобъ ему было спокойно, желаемъ также, чтобъ онъ возвратился къ намъ не прежде какъ благополучно исполнивъ присвоенную имъ себѣ миссію и доказавъ Нѣмцамъ, что ихъ національныя стремленія смѣшны и пагубны, и что они суть eine entartete Sippe.

Это желаніе внушаютъ намъ заключительныя слова его брошюры. Г. Егоръ фонъ-Сиверсъ, не только поэтъ и членъ различныхъ обществъ, но и президентъ одного сельско-хозяйственнаго общества, и еще лифляндскій землевладѣлецъ, о чемъ онъ напыщенно заявляетъ въ своей брошюрѣ, написалъ это твореніе очевидно только затѣмъ, чтобы поставить въ концѣ онаго слѣдующія, напечатанныя толстыми литерами, слова: „Желательно, чтобы ревнители обрусѣнія балтійскихъ провинцій затвердили пословицу: *Не въ ту сторону вѣтеръ гонитъ, откуда дуетъ.*" Это значитъ, что гнѣвный, но милый поэтъ грозитъ улетѣть отъ насъ. Какое несчастіе для Россіи! Что же? Въ настоящее время очень не трудно изъ одного подданства перейдти въ другое. Но что за очаровательная insolentia! Онъ думаетъ, что Россія крайне озабочена тѣмъ, чтобъ удержать его! Дабы *европейской печати*, къ которой онъ обращается, выставить сноу удаль, г. Егоръ фонъ-Сиверсъ, собираясь къ отлету, присовокупляетъ въ брошюрѣ точный адресъ своего мѣстожительства въ Лифляндіи. Полное заглавіе задорной брошюры гласитъ: „Апелляція къ европейской „гласности противъ русскихъ журналовъ. „Къ характеристикѣ московскихъ и петер„бургскихъ попытокъ обрусить балтійскія „провинціи. Сочиненіе Нѣмца, который, „какъ природный Лифляндецъ, состоитъ „русскимъ подданнымъ. Лейпцигъ, 1865. „Издано одновременно на французскомъ „языкѣ въ Брюсселѣ." Но какъ ни забавенъ въ своемъ задорѣ этотъ памфлетъ лифляндскаго поэта, публициста и землевладѣльца, отнюдь не забавно то обстоятельство, что этотъ памфлетъ преспокойно вышелъ въ свѣтъ въ то самое время, когда г. Бесбардисъ за бумагу, имъ написанную отъ имени нѣсколькихъ почтенныхъ и образованныхъ соплеменниковъ своихъ Латышей, былъ высланъ подъ надзоръ полиціи въ Калугу, или, какъ въ нѣмецкихъ газетахъ было тогда сказано: „*Landes verwiesen*" (изгнанъ изъ страны). Преступленіе г-на Бесбардиса, — какъ въ то время было заявлено въ нашей газетѣ, — состояло въ томъ, что написанный имъ документъ прямо противорѣчилъ смыслу брошюры г. Егора фонъ-Сиверса, и въ скромныхъ, но согрѣтыхъ искреннимъ патріотизмомъ, выраженіяхъ изъявлялъ наклонность Латышей примкнуть сколь можно тѣснѣе именно къ той сторонѣ, отъ которой г. Егоръ фонъ-Сиверсъ грозитъ умчаться въ даль на крыльяхъ урагана. Къ сожалѣнію, эта прискорбная политика еще продолжалась и послѣ. Очень недавно, одного образованнаго балтійскаго уроженца, племенемъ Эста, по имени Петерсона, за преступленіе такое же какъ и Бесбардисово, постигла подобная же кара, подъ тѣмъ предположеніемъ, будто его вліяніе на Эстовъ *опасно* для балтійскихъ губерній. Изъ этого естественно слѣдуетъ, что стремленія г. Егора фонъ-Сиверса, какъ противоположныя, принадлежатъ къ самымъ *безопаснымъ*. По истинѣ, мы измѣряемъ политическія направленія въ нашемъ отечествѣ такимъ удивительнымъ масштабомъ, что въ чужихъ краяхъ насъ просто понять не могутъ, а потому и блужданія гг. Егоровъ фонъ-Сиверсовъ и вообще нашей балтійской журналистики представляются тамъ въ ослабленномъ свѣтѣ. По старому обычаю, и теперь еще у насъ, официально и полуофиціально, нерѣдко называютъ наши балтійскія губерніи *нѣмецкими остзейскими провинціями Россіи*, и съ недовѣрчивою улыбкой выслушиваютъ увѣренія свѣдущихъ людей, что глаголемые Нѣмцы составляютъ лишь незначительный процентъ жителей въ этихъ губерніяхъ, и что остальное громадное большинство населенія (90 — 95 процентовъ) принадлежитъ къ опасному классу тѣхъ, кои хотятъ присоединиться къ русской семьѣ, откуда дуетъ вѣтеръ грозящій умчать отъ насъ г. Егора фонъ-Сиверса.

Правда, у кого взглядъ, по природѣ или по навыку, скользитъ только по верхамъ, тотъ, посѣщая балтійскіе города, видитъ только глаголемыхъ Нѣмцевъ или онѣмеченныхъ жителей этого края. Авось повѣрятъ эти господа,—не намъ, мы этого не хотимъ, но нѣмецкой балтійской журналистикѣ. По сдѣланному, въ текущемъ году въ Лифляндіи исчисленію жителей, оказалось, что въ Ригѣ изъ 102.000 жителей 46 процентовъ было Нѣмцевъ, 25 процентовъ Русскихъ, а остальные Латыши и пр.; въ Дерптѣ изъ 20.800 жителей 47 процентовъ Эстовъ, 42 процента Нѣмцевъ, 9 процентовъ Русскихъ; въ Перновѣ изъ 9.300 жителей 50 процентовъ Эстовъ, 40 процентовъ Нѣмцевъ и 10 процентовъ Русскихъ, и что въ малыхъ городкахъ огромное большинство населенія состоитъ, разумѣется, изъ Латышей въ южныхъ и изъ Эстовъ въ сѣверныхъ. На какомъ же основаніи при этомъ народоисчисленіи однихъ именовали Нѣмцами, другихъ Русскими, Латышами, Эстами? Было постановлено правиломъ принимать за отличительный признакъ національности ежедневный обычный языкъ частныхъ лицъ и семействъ. При такомъ способѣ исчисленія, разумѣется, не могло случиться, чтобы глаголемые Нѣмцы были записаны Латышами или Эстами, напротивъ, при лихорадочномъ стремленіи выдавать намъ балтійскія губерніи за *нѣмецкую* землю, выставлены Нѣмцами тысячи и даже многія тысячи людей, которыхъ нельзя иначе назвать какъ Латышами. Вотъ разительный примѣръ: всѣ, подписавшіе Бесбардисово заявленіе, въ качествѣ *Латышей*, по этому исчисленію, nolens volens, приписаны къ Нѣмцамъ. Въ одной Ригѣ, безъ сомнѣнія, найдется 10.000 другихъ Латышей, богатыхъ или образованныхъ, изъ коихъ часть охотно назвала бы себя Латышами, если-бы такая наклонность не считалась у насъ преступленіемъ. Но и совершенно помимо этого, эти данныя должны очень удивить тѣхъ, кто до сихъ поръ все еще видитъ въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ *нѣмецкую* землю; если даже въ городахъ, единственныхъ мѣстахъ, гдѣ живетъ много глаголемыхъ Нѣмцевъ, они составляютъ меньшинство, то можемъ ли мы угрозамъ людей, подобныхъ г. Егору фонъ-Сиверсу, приписывать то серіозное значеніе, въ которомъ этимъ господамъ хотѣлось бы увѣрить насъ дабы, съ помощію правительства, теперь же онѣмечить эти губерніи? Если г. Егоръ фонъ-Сиверсъ желаетъ отлетѣть отъ насъ, то пусть онъ не медлитъ: громаднѣйшее большинство балтійскаго населенія склонится именно въ ту сторону, откуда вѣетъ „бурный вѣтеръ“ имѣющій унести отъ нихъ милаго поэта и члена разныхъ полезныхъ обществъ.

Ураганъ умчитъ только палую листву, а деревья останутся, и между тѣмъ никакой насильственной руссификаціи, о которой умышленно кричатъ германизаторы, не предполагается и не будетъ. Желательно только, чтобы деньги, которыя казна русская выдаетъ до сихъ поръ въ балтійскихъ губерніяхъ на германизацію края, были впредь выдаваемы на русское обученіе, какъ это дѣлается и въ Пруссіи, и во Франціи. Если г. Егоръ фонъ-Сиверсъ опять пожалуется за это европейской публикѣ, то его публично осмѣютъ; тамъ даже не поймутъ, какимъ образомъ 10 процентовъ населенія говорящаго по-нѣмецки могутъ требовать, чтобы въ содержимыхъ при пособіи казны школахъ языкомъ преподаванія былъ только нѣмецкій языкъ. Само собою разумѣется, что въ этихъ мѣстахъ, гдѣ общій языкъ Имперіи такъ мало еще распространенъ, нужны уступки мѣстнымъ языкамъ иного корня, но эти уступки должны быть сдѣланы преимущественно языкамъ *латышскому* и *эстскому*, которые въ низшихъ классахъ балтійскихъ школъ могутъ быть, по справедливости и съ пользою, допущены въ подмогу преподаванію. Европейская публика должна будетъ похвалить это распоряженіе, и даже въ Германіи едва ли найдутъ какое-либо дѣльное возраженіе противъ этого, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ пока число жителей говорящихъ по-нѣмецки будетъ такъ незначительно какъ теперь. Но если мы будемъ еще лѣтъ десять терпѣть онѣмеченіе, принявшее въ послѣднее время столь широкіе размѣры, то угрозы, теперь такъ забавныя въ устахъ г. Егора фонъ-Сиверса, получатъ серіозный характеръ. Въ десять лѣтъ судьба балтійскихъ губерній относительно языка можетъ быть рѣшена окончательно, и чтобы скрыть на эти десять лѣтъ отъ взоровъ нашихъ государственныхъ людей *онѣмеченіе* края, ловкіе люди будутъ вопить и дома, и заграницей, объ ураганѣ насильственной руссификаціи.

Возражая на выходки г-на Егора фонъ-

Сиверса, мы имѣемъ кое-что, хотя немногое, сказать по адресу *St.-Petersburger Zeitung*.

Газета, не считающая нужнымъ держаться въ предѣлахъ самаго общаго приличія, и прибѣгающая, за неимѣніемъ аргументовъ, къ выраженіямъ *erstunken und erlogen*, да еще съ похвальбою, что это нѣмецкій Kraftausdruck, не можетъ быть партіей въ какомъ-нибудь спорѣ, а развѣ только предметомъ наблюденія и притомъ издали. Эта газета, будучи собственностью Императорской Академіи Наукъ, украшенная гербомъ Россійской Имперіи, возведенная нашею администраціей въ органъ почти исключительный всего судебнаго вѣдомства въ Россіи, да еще получающая, какъ сказываютъ, отъ какого-то вѣдомства казенное пособіе (какъ должно-быть смѣется надъ нами г. фонъ-Бисмаркъ!!), въ своемъ усердіи къ Нѣмечинѣ позволила себѣ такія относительно Россіи заявленія, какихъ даже и за границей не бывало, и чтобы русская печать не позвала ее къ отчету, зарылась въ грязь своихъ нѣмецкихъ Kraltausdrücke.

Какъ мы и угадывали, выходки этой газеты противъ нашихъ славянскихъ гостей очень понравились въ Вѣнѣ, а аугсбургская *Allgemeine Zeitung* объявила эту нашу привилегированную вестфальскую въ Петербургѣ газету „столь же разсудительною, какъ и храброю противницей славянства.“ Habeat sibi.

Что касается до случая бывшаго въ Вейсенштейнѣ въ Эстляндіи, то мы имѣемъ теперь болѣе подробныя свѣдѣнія въ рукахъ, и должны сказать, что объ этомъ случаѣ было умѣстно отозваться рѣзче и строже. Но мы коснулись его слегка, и пользуясь этимъ обстоятельствомъ, балтійскія газеты принялись упрекать насъ въ „грубости и фанатизмѣ.“ Мы остаемся нечувствительны ко всѣмъ этимъ любезностямъ, но очень желаемъ чтобы въ этомъ дѣлѣ неправда не восторжествовала окончательно: потому что изъ полученныхъ нами свѣдѣній явствуетъ, что есть уже лица, на которыхъ очень тяжело обрушилось это дѣло. Намъ было бы тѣмъ желательнѣе, чтобъ оно окончилось справедливо, что мы были бы избавлены отъ непріятнаго труда выводить его на чистую воду.

№ 145.

Москва, 3-го іюля.

Возвращаемся къ тому впечатлѣнію, которое должна была произвести и въ балтійскихъ губерніяхъ, и въ цѣлой Россіи достопамятная всемилостивѣйшая рѣчь Государя Императора, сказанная 15-го іюня, въ Рижскомъ дворцѣ административнымъ лицамъ и дворянству балтійскихъ губерній. Каждый Русскій во внутреннихъ областяхъ имперіи съ радостью увидитъ въ этой рѣчи изъявленіе твердой воли Монарха еще тѣснѣе слить со всею имперіей купленное потоками крови морское побережье, столь важное для нынѣшняго и будущаго преуспѣянія имперіи, ибо это побережье получитъ для внутреннихъ областей истинную цѣнность свою только сплавясь со всѣмъ государствомъ. До тѣхъ поръ пока балтійскія губерніи отчуждены отъ Россіи своими средневѣковыми учрежденіями и языкомъ, Россія лишается лучшихъ плодовъ, какіе она могла бы получить отъ этихъ областей.

Но и балтійскіе жители точно также имѣютъ важныя причины радоваться возвѣщеннымъ нововведеніямъ. Что полезно всей Россіи, то и для нихъ есть самое полезное. Географическое положеніе этихъ губерній доставляетъ имъ тѣ же выгоды, какими Голландія пользуется относительно западной части европейскаго материка. Въ скоромъ времени онѣ будутъ соединены желѣзными дорогами со внутреннею Россіей отъ Кіева до Саратова. При такомъ благопріятномъ положеніи, что можетъ для ихъ жителей быть полезнѣе какъ не возможно болѣе полное единеніе съ великимъ отечествомъ въ законодательствѣ и обладаніе языкомъ этого столь выгоднаго и громаднаго торговаго рынка? Отъ единства законодательнаго Рига, Ревель и Митава еще не сдѣлаются Ярославлемъ, Кіевомъ или Одессой; это также хорошо знаютъ на берегахъ Двины, какъ и Москвы-рѣки. Русскія губерніи совсѣмъ не такъ однообразны и сходны между собою, какъ балтійскія газеты до сихъ поръ увѣряли свою публику; общее законодательство нисколько не лишаетъ ихъ особенностей, а напротивъ даетъ условія еще болѣе живаго и плодотворнаго развитія ихъ особенностей въ будущемъ, какъ одно и то же солнце, однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ, произво-

дить безчисленно разнообразныя явленія. Балтійскія нѣмецкія газеты толкуютъ о русскомъ „варварствѣ," требующемъ единства государственныхъ законовъ и государственнаго языка. Варварство! такъ ли это? Монгольская орда, завоевавшая Россію, оставила учрежденія, языкъ и нравы народа въ такой неприкосновенности, въ какой образованныя государства никогда не оставляютъ вошедшихъ въ составъ ихъ народовъ. Точно то же сдѣлали Турки, проникнувъ завоевателями въ Европу: они губили людей, грабили, сажали на колъ, но щадили покоренныя національности гораздо болѣе чѣмъ нѣмецкія государи и рыцари ордена щадили покоренныхъ ими Славянъ. Только въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ они воздержались отъ германизаціи,—отчасти потому, что не хотѣли возвышать покоренныя племена до одного съ ними уровня и находили болѣе для себя выгоднымъ оставлять ихъ въ положеніи рабочаго скота, отдѣленнаго бездной отъ своихъ обладателей; отчасти же потому, что были слишкомъ малочислены въ сравненіи съ покоренными массами, составляли только дружину оторванную отъ своего народа, а при такихъ обстоятельствахъ было трудно измѣнить національность покоренныхъ. Для этого нужно гораздо болѣе труда и гораздо болѣе тонкая политика чѣмъ для простаго завоеванія и эксплуатаціи побѣжденныхъ. Кто эту эксплуатацію поставляетъ себѣ главною цѣлью, тотъ не заботится о томъ, чтобъ уподобить себѣ покоренныхъ, тѣмъ болѣе что на это нужны усилія, которыя могутъ дать плоды свои только въ будущемъ. Этимъ удовлетворительно объясняется политика Монголовъ, Турокъ, балтійскихъ средневѣковыхъ завоевателей, и даже старая политика Австріи въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ ея. Этимъ же достаточно доказывается, что уподобляя себѣ покоренныхъ, вводя въ ихъ среду новыя умственныя, соціальныя и политическія потребности, государственная нація дѣйствуетъ человѣколюбивѣе и дружелюбнѣе чѣмъ дѣйствовали Турки и рыцари балтійскаго побережья. Кто въ покоренныхъ племенахъ видитъ невольниковъ, тотъ высасываетъ ихъ, оставляя такими же какими они были; но кто хочетъ сдѣлать ихъ причастными всѣмъ правамъ какими самъ пользуется, тотъ устраняетъ все что можетъ быть элементомъ отчужденія и розни.

Безотрадное однообразіе (öde Uniformität) законодательства, на которое въ балтійскихъ губерніяхъ указываютъ какъ на доказательство *варварскихъ началъ русскаго быта*, есть принципъ новаго времени. Во всѣхъ образованныхъ государствахъ устраняется пестрое средневѣковое законодательство, которое надѣляло особенными узаконеніями каждую провинцію, даже каждый городъ сколько-нибудь обширный и многолюдный. Такое средневѣковое устройство еще держится въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ; каждый большой и малый городъ имѣетъ тамъ свои особенныя привилегіи и законы, которые конечно согласуются съ привычками тамошняго *нѣмецкаго* населенія, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ частей его, но такъ мало соотвѣтствуютъ новому времени, что даже самимъ привилегированнымъ лицамъ часто оказываются болѣе вредными чѣмъ полезными. Въ *Рижскихъ письмахъ*, напечатанныхъ въ 1865 году, въ №№ 29, 79, 81, 82 и т. д. нашей газеты, подробно характеризуются возмутительныя особенности средневѣковыхъ городскихъ установленій Риги. Таково же вышло бы описаніе устава ревельскаго и другихъ балтійскихъ городовъ. Въ наиболѣе рѣзкихъ особенностяхъ этихъ уставовъ мы не находимъ ничего порожденнаго прогрессомъ, ничего запечатлѣннаго цивилизаціей, ничего сколько-нибудь уважительнаго, тѣмъ менѣе священнаго. Изумительно только то обстоятельство, что правительство Россіи такъ долго допускало сохраненіе этихъ уставовъ, враждебныхъ Россіи и вредныхъ мѣстнымъ населеніямъ, тогда какъ сама Германія давно уже отмѣнила ихъ у себя на югѣ, востокѣ, западѣ и даже сѣверѣ, и отмѣнила именно по причинѣ ихъ вреднаго вліянія на ремесла, промыслы и вообще народную жизнь. Не странно ли было бы, еслибы ничтожное меньшинство балтійскаго населенія, именующее себя нѣмецкимъ, стало требовать, чтобъ одни только мы, и притомъ еще *въ интересѣ цивилизаціи*, продолжали поддерживать законодательство, въ самой Германіи отмѣненное? Какую причину имѣемъ мы быть еще болѣе Нѣмцами чѣмъ сами Нѣмцы въ Германіи, поддерживая одни во всей Европѣ, и къ ущербу нашей собственной имперіи, эти вредныя всему обществу учрежденія, поддерживая единственно потому что насъ увѣряютъ будто эти учрежденія суть *священ-*

ныя пріобрѣтенія нѣмецкаго духа! Это даже и неправда. Нѣмцы не были изобрѣтателями среднихъ вѣковъ съ ихъ учрежденіями. Въ Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи въ средніе вѣка имѣлись точно такія же учрежденія.

Важнѣйшая для городовъ и селъ часть этихъ средневѣковыхъ балтійскихъ учрежденій есть судебная. Она вся находится въ рукахъ привилегированнаго меньшинства. Отмѣна привилегированнаго судебнаго сословія сдѣлалась теперь ощутительною потребностью, и балтійскіе *нѣмецкіе* (или онѣмеченные нами самими) горожане почти единогласно требуютъ реформъ. Въ этомъ отношеніи и балтійскія газеты будутъ на нашей сторонѣ, потому что онѣ неоднократно по этому предмету требовали реформъ. Но какъ далеко пойдемъ мы рука объ руку съ этими новыми для насъ политическими друзьями?

Петербургскій корреспондентъ *National-Zeitung* зналъ, что хотѣлъ сказать, совѣтуя балтійскому дворянству добровольно и немедленно отказаться отъ привилегій, дабы русскому правительству не осталось никакого предлога лишить эти провинціи ихъ *нѣмецкаго* характера. Что либеральная реформа юстиціи при удержаніи въ судахъ нѣмецкаго языка повлекла бы за собою быструю германизацію балтійскихъ губерній, это хорошо понимаетъ корреспондентъ *National-Zeitung;* людямъ, мыслящимъ за одно съ нимъ, требуется повернуть дѣло такъ, чтобы вопреки только что сказанному слову Монарха, которое, какъ корреспондентъ свидѣтельствуетъ, произвело впечатлѣніе потрясающее, провинціи эти, въ настоящее время только поверхностно имѣющія нѣмецкій характеръ, стали дѣйствительно, всею массой своего населенія, совершенно нѣмецкою землей и навсегда забыли о своей принадлежности къ единой русской семьѣ; требуется, чтобъ именно тѣ самыя реформы, которыя должны путемъ льготъ и улучшеній слить этотъ край съ Россіей, положили бездну между ними. Бумажный судъ касается преимущественно лишь адвокатовъ и судей; онъ могъ происходить на нѣмецкомъ языкѣ, не онѣмечивая ни Латышей, ни Эстовъ, ни Русскихъ. Но еслибы случилось невозможное, еслибы при судопроизводствѣ публичномъ, устномъ и съ присяжными, былъ признанъ судебнымъ языкомъ въ балтійскихъ губерніяхъ языкъ нѣмецкій, то германизація всего края совершилась бы съ поразительною быстротой и безповоротно, и лѣтъ черезъ десять, черезъ двадцать, все что̀ напомнило бы этимъ губерніямъ, что онѣ суть нераздѣльная часть Россіи, не было бы, какъ теперь, словомъ правды, милости и освобожденія, а словомъ суровымъ и жестокимъ.

№ 146.

Москва, 4-го Іюля.

А.

Съ тяжелымъ чувствомъ печатаемъ мы сегодняшнюю телеграмму изъ Парижа. Она поразитъ всѣхъ,—мы думаемъ, не только въ Россіи, но и вездѣ въ Европѣ; она отзовется одинаково во всѣхъ неиспорченныхъ умахъ. Присяжные Сенскаго ассизнаго суда въ Парижѣ присвоили себѣ не имъ принадлежащее право помилованія, давъ смягчающія обстоятельства виновнику злодѣйскаго покушенія 25-го мая, осужденному приговоромъ цѣлаго міра. Въ чемъ же французскіе присяжные нашли смягчающія обстоятельства? Не въ томъ ли что рука злодѣя была направлена противъ Государя, великодушно довѣрившагося чести Франціи, съ тѣмъ чтобы подать руку помощи ея же правительству среди затрудненій и опасностей, въ которыхъ оно находилось? Будетъ время, и оно не далеко, когда Франція пожалѣетъ объ этомъ новомъ доказательствѣ глубокаго упадка ея общественной нравственности и той лжи въ которой воспитано ея общественное мнѣніе.

Б.

Не дай Богъ, чтобы къ затрудненіямъ Россіи на ея западныхъ окраинахъ присоединились еще затрудненія на нашемъ дальнемъ Востокѣ! Въ послѣдніе годы владѣнія Русской державы значительно расширились на Востокѣ; мы углубились въ Среднюю Азію; у насъ явилась Туркестанская область. Не честолюбіе, не властолюбіе были виною этого завоеванія; оно было необходимостію нашего положенія съ этой стороны. Мы сосѣдимъ здѣсь съ варварскими и разбойничьими владѣніями, а потому не имѣли, и до сихъ поръ не имѣемъ здѣсь твердой государственной границы. Горсть солдатъ и казаковъ, подъ командою даровитаго и отважнаго генерала, нѣ-

сколько быстрыхъ переходовъ, нѣсколько схватокъ, и вотъ завоеваны обширныя земли со многими населеніями. Но наша новая граница съ этой стороны также зыбка какъ и прежняя, также мало замкнута, и ежеминутно можетъ быть вынуждена двинуться еще далѣе. По безмѣрному протяженію, которое занимаетъ уже Россія, эти новыя пріобрѣтенія могутъ стать ей скорѣе въ тягость нежели въ пользу. Недостатокъ твердой границы, необходимость раздвигаться и расширяться, можетъ вести къ изнуренію и стать самымъ опаснымъ для государства недугомъ. Нетвердость границы, по какой бы то ни было причинѣ, есть уже начало недуга, и чтобъ онъ не получилъ развитія, нужна политическая мудрость, нужна своего рода гигіена.

Что мы будемъ дѣлать съ этими громадными землями, которыя такъ быстро стали русскими владѣніями, съ этими населеніями такъ чуждыми намъ во всѣхъ отношеніяхъ, и которыя такъ неожиданно стали нашими любезными соотчичами?

Кромѣ Россіи, отчасти въ такомъ же положеніи относительно своихъ границъ находятся Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Какъ Россія въ Средней Азіи, такъ Сѣверо-Американская республика въ разныя стороны волею или неволею расширяетъ свои границы, захватываетъ новыя земли. Но не смотря на свою молодость, она выработала въ этомъ отношеніи, водимая инстинктомъ жизни, политическую мудрость, благодаря которой она своими пріобрѣтеніями не ослабляетъ, а усиливаетъ себя. Расширяясь, Сѣверо-Американская республика не тотчасъ вводитъ въ свою конституцію новопріобрѣтенныя земли; онѣ держатся въ особыхъ отношеніяхъ къ государству, подъ именемъ территорій, въ противоположность организованнымъ штатамъ. Лишь съ теченіемъ времени при извѣстныхъ условіяхъ, особымъ законодательнымъ актомъ, возводится территорія на степень штата, и получаетъ соотвѣтственную организацію и права. Что же касается до нашихъ пріобрѣтеній въ Средней Азіи, которая лежитъ предъ нами безсильная замкнуть нашу границу, то эти земли, столь далекія отъ нашихъ центровъ, могутъ, не отягощая Россіи, находиться къ ней въ отношеніяхъ еще менѣе тѣсныхъ чѣмъ территоріи къ штатамъ; онѣ могутъ съ пользою и безъ отягощенія принадлежать ей только въ качествѣ владѣній зависимыхъ, но отдѣльныхъ, въ качествѣ владѣній колоніальныхъ, или того что Англія зоветъ своими *dependencies*. Правда, насъ не отдѣляютъ отъ Туркестана моря и океаны, но это обстоятельство не измѣняетъ сущности отношеній, въ коихъ Россія можетъ естественно находиться къ этимъ новымъ владѣніямъ своимъ. Насъ не отдѣляютъ моря отъ этихъ новыхъ владѣній нашихъ, но насъ отдѣляютъ отъ нихъ безмѣрныя пустыни, которыя еще долго не будемъ мы въ состояніи сколько-нибудь населить, оживить и цивилизовать. Эти страшные пустыри, служащіе пріютомъ для первобытныхъ кочевниковъ, пустыри, коими Европа отдѣляется отъ Азіи, не тѣ ли же моря, и можемъ ли мы помышлять о томъ чтобы владѣнія лежащія за этимъ сухимъ океаномъ могли органически войти въ нашъ государственный составъ? Когда эти новыя области поступили подъ Русскую державу, вскорѣ оказалась необходимость дать имъ самостоятельное управленіе. Стало очевидно, что этимъ отдаленнымъ краемъ, съ открытою границей невозможно управлять издали, и что въ немъ самомъ долженъ быть свой центръ управленія. Но изъ того что главное управленіе этого края не можетъ находиться отъ него на разстояніи почти цѣлаго мѣсяца ѣзды, отнюдь не слѣдуетъ чтобы нужно было создавать тамъ кадры нашей губернской администраціи. Требуется поставить этотъ край въ независимость отъ далекаго генералъ-губернаторства Оренбургскаго, но отнюдь не требуется учреждать въ немъ свое оренбургское генералъ-губернаторство.

Недавно нѣкоторыя петербургскія газеты сообщали объ имѣющемъ образоваться, въ непродолжительномъ времени, изъ нынѣшней Туркестанской области, по присоединеніи къ ней небольшой части Семипалатинской области, особаго генералъ-губернаторства. Что главный начальникъ этого края будетъ называться генералъ-губернаторомъ, это еще не значитъ, чтобъ организація самаго края была воспроизведеніемъ того что у насъ называется генералъ-губернаторствомъ. А потому мы не придаемъ значенія распространившемуся въ послѣднее время слуху, будто Туркестанскую область предполагается снабдить обширною организацією высшихъ и низшихъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Подобные слухи — не праздная ли мечта самихъ же чиновниковъ?

Управленіе этимъ краемъ будетъ тѣмъ лучше, чѣмъ будетъ оно проще и дешевле. Нельзя вносить туда никакого готоваго механизма, тѣмъ менѣе такого сложнаго какъ наша бюрократія. Тамъ все должно родиться на мѣстѣ, по требованію и мѣрѣ текущихъ потребностей. Главный начальникъ края, будетъ ли онъ носить титулъ генералъ-губернатора или какой другой, можетъ управлять съ пользою только при обширныхъ полномочіяхъ, которыя во многихъ отношеніяхъ должны по необходимости простираться и далѣе чѣмъ обыкновенныя генералъ-губернаторскія полномочія. Ему нельзя поминутно списываться съ отдаленнымъ правительственнымъ центромъ, и просить разрѣшенія на каждое дѣйствіе, которое ежедневно могутъ вынуждать обстоятельства. Обязанный къ строгой отчетности въ своихъ дѣйствіяхъ и не закрываясь отъ общественнаго наблюденія всегда полезнаго для добросовѣстнаго дѣятеля, онъ тѣмъ не менѣе можетъ съ успѣхомъ дѣйствовать только при возможно-полной свободѣ дѣйствій не стѣсняемый предустановленнымъ планомъ управленія, или предустроенною организаціей края. Но за то бюрократія, въ томъ развитіи своего механизма, какъ мы видимъ ее у себя, убила бы всѣ выгоды этого края для Россіи, которыя дѣйствительно могутъ быть очень значительны, и создала бы здѣсь большія затрудненія въ то самое время когда у Россіи есть столько неиорѣшенныхъ вопросовъ, столько неулаженныхъ затрудненій, столько неудовлетворенныхъ потребностей, въ то время когда ея западныя окраины и морскія побережья, въ которыхъ состоитъ вся ея сила, въ которыхъ заключается вся ея будущность, находятся подъ тяжкимъ и изнурительнымъ сомнѣніемъ. Бюрократія, гдѣ она получила слишкомъ большое развитіе, видитъ во всемъ только себя и на все смотритъ только какъ на средство для своего продовольствія; она создаетъ тьму своихъ собственныхъ дѣлъ не находящихся ни въ какомъ отношеніи къ дѣламъ, для которыхъ она призвана, и бо́льшая часть ея дѣятельности, а стало-быть и бо́льшая часть государственныхъ средствъ на нее употребляемыхъ, идутъ главнымъ образомъ на нее же самое, на ея питаніе, на ея развитіе. Если здѣсь, внутри, въ органическихъ частяхъ нашего государства, бюрократія далеко не представляетъ удовлетворительнаго баланса между своими *kredit и debet*, и если всѣ наши преобразованія клонятся къ тому чтобъ отвести ее въ должные предѣлы, если самыми лучшими учрежденіями нашими считаются тѣ кои упрощаютъ механизмъ управленія и являются въ отмѣну бюрократическихъ порядковъ, то какое же значеніе имѣли бы эти порядки въ Средней Азіи, посреди ея населеній, отчасти полудикихъ, отчасти обладающихъ своею особою варварскою цивилизаціей, съ которою мы такъ мало имѣемъ общаго? Оградить общественную безопасность, обезпечить правильность и свободу торговыхъ сношеній, вотъ первая обязанность администраціи этого края. Повторимъ, владѣнія эти могутъ имѣть для Россіи лишь колоніальное, чисто-торговое значеніе; чѣмъ меньше будетъ тамъ бюрократіи, тѣмъ будетъ для Россіи лучше. Требуется чтобы личная предпріимчивость встрѣчала здѣсь сколь можно менѣе формальностей и заминокъ, чтобъ она не подвергалась вмѣшательствамъ бюрократическаго свойства, даже тогда когда таковыя имѣютъ характеръ поощренія, ибо бюрократическія поощренія дѣйствуютъ мертвящимъ образомъ и по самой натурѣ своей противны духу живой и плодотворной личной предпріимчивости. Что же касается до мѣстныхъ населеній, то администрація края будетъ дѣйствовать тѣмъ удовлетворительнѣе, чѣмъ менѣе будетъ шевелить ихъ и заботиться о ихъ цивилизаціи и преобразованіи ихъ быта. Всякое неосторожное вмѣшательство въ этотъ чуждый и замкнутый міръ непремѣнно поведетъ къ результатамъ противнымъ ожиданію: либо возбудитъ фанатизмъ и гальванизуетъ мертвецовъ, либо искусственно создастъ фальшивыя силы, съ которыми послѣ пришлось бы считаться. Всего вѣрнѣе и надежнѣе не касаться мѣстныхъ вѣрованій, порядковъ и обычаевъ, но не поддерживать ихъ ни въ какомъ отношеніи, и мало-по-малу лишать ихъ обязательной силы, ограждая и обезпечивая свободу каждаго лица отъ вынужденій.

Въ этомъ отношеніи первые шаги генерала Черняева въ управленіи этимъ краемъ заслуживаютъ полнаго вниманія. По мѣрѣ покоренія Туркестанской области, генералъ Черняевъ, замѣняя коканскихъ бековъ (назначавшихся отъ хана вообще въ весьма ограниченномъ числѣ) русскими начальниками, нигдѣ не разрушалъ ни туземной, выборной администраціи, существующей тамъ

издавна, ни мѣстнаго суда,—у Киргизовъ, по обычаю, у Сартовъ, по Корану. Но каждый изъ мѣстныхъ жителей, если хотѣлъ самъ, могъ судиться у русскихъ уполномоченныхъ къ тому начальниковъ, при чемъ самъ генералъ былъ доступенъ каждому, какъ популярнѣйшій бій или казы. Такая доступность гарантировала честность его подчиненныхъ. И вотъ рядомъ съ мусульманскимъ судомъ явился неофиціальный русскій, который постепенно пріобрѣталъ довѣріе населенія. Въ Ташкентѣ результатъ оказался тотчасъ же: черезъ шестъ мѣсяцевъ по занятіи его, имя высшаго духовнаго судьи, казы-келяма, произносилось уже не безъ иронiи, и Ташкентцы добровольно ломали старую мечеть для планировки мѣста подъ походную церковь.

Ничто не мѣшаетъ намъ смотрѣть на наши владѣнія въ Средней Азіи какъ на неотъемлемую принадлежность Имперіи, но было бы странно сравнивать ихъ нынѣ съ нашими западными окраинами или съ Кавказомъ и Закавказьемъ. Тутъ не дороги никакія жертвы, лишь бы онѣ были не безплодны, а средне-азійскія владѣнія не должны стоить никакихъ жертвъ. Что это возможно, убѣждаетъ статья „Ташкентца," о доходахъ и расходахъ Туркестанской области, помѣщенная нами третьяго дня въ *Современной Лѣтописи*, и на которую мы обращаемъ вниманіе читателей интересующихся нашимъ положеніемъ въ Средней Азіи. Что же касается до цивилизаціи, то она разовьется тамъ сама собой, безъ искусственныхъ мѣръ, — разовьется ужь по одному тому, что варварство не можетъ выдерживать съ нею соперничества; но навязывать цивилизацію черезъ канцеляріи значило бы только замедлять и затруднять ея дѣйствительные успѣхи.

№ 147.

Москва, 8-го іюля.

Представляя около двухъ мѣсяцевъ тому назадъ государю Турецкой имперіи вѣрительныя грамоты свои въ качествѣ посла, генералъ Игнатьевъ произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Я имѣлъ счастіе, при двухъ торжественныхъ случаяхъ, слышать изъ устъ вашего величества увѣреніе, что всѣ ваши подданные, безъ различія племени и религіи, будутъ пользоваться одинаковыми попеченіями, и что благоденствіе ихъ будетъ предметомъ постоянныхъ заботъ вашего правительства. Развитіе естественныхъ богатствъ этой прекрасной страны и благосостояніе ея населеній были бы обезпечены въ тотъ день, когда упомянутыя отеческія намѣренія вашего величества были бы приведены въ исполненіе, какъ въ центрѣ имперіи, такъ и на ея окраинахъ." Сказанныя дипломатомъ, при торжественной аудіенціи, эти слова очень сильны, и силу ихъ призналъ самъ султанъ, отвѣтившій, что сосредоточиваетъ все свое вниманіе на благосостояніи *всѣхъ* подданныхъ его имперіи. Каковы же результаты этого сосредоточеннаго вниманія къ благосостоянію всѣхъ подданныхъ султана „безъ различія племени и религіи?" Они на лицо. О нихъ свидѣтельствуютъ донесенія англійскихъ консуловъ, представленныя англійскому парламенту и отчасти уже извѣстныя нашимъ читателямъ, которые, конечно, обратили особенное вниманіе на то какъ, даже по показаніямъ этихъ агентовъ пристрастнаго къ Турціи англійскаго правительства, осуществляется на дѣлѣ прекрасная фраза: „безъ различія племени и религіи." О томъ же краснорѣчіемъ крови свидѣтельствуетъ возстаніе въ Кандіи, продолжающееся около года и подавить которое не въ состояніи самъ Омеръ-паша, такъ давно подвизающійся противъ христіанскихъ подданныхъ султана; въ Эпирѣ и Ѳессаліи мы видимъ если не открытое возстаніе, то волненіе очень похожее на возстаніе; въ Босніи и Герцеговинѣ положеніе дѣлъ, принуждающее усиливать тамъ войска и наскоро подвозить на пароходахъ военные припасы. Наконецъ въ Болгаріи въ разныхъ пунктахъ уже вспыхнуло возстаніе; руководимое комитетомъ находящимся въ Валахіи и имѣя центръ въ Балканахъ, движеніе болгарскаго воскресающаго народа распространяется во всѣ концы Балканскаго полуострова, прикасаясь съ одной стороны къ провинціямъ дѣйствующимъ подъ знаменемъ Греціи, а съ другой къ Дунайскимъ и Сербскимъ княжествамъ. Среди этого движенія даже и фраза: „безъ различія племени и религіи," получаетъ оригинальное осуществленіе: къ земляхъ сербскихъ и арнаутскихъ мусульмане наравнѣ съ христіанами, а иногда и въ соглашеніи съ ними, поднимаютъ знамя сопротивленія турецкимъ по-

рядкамъ, противъ которыхъ съ другой стороны между коренными Турками тоже возникаетъ волненіе, выражающееся въ заговорахъ такъ называемой Юной Турціи. Что могло быть сказано серіозно, хотя и съ характеромъ дипломатическаго протеста, два мѣсяца тому назадъ, то было бы теперь принято за иронію, еслибы было повторено русскимъ посломъ. Серіозно не говорятъ этого и тѣ дипломаты, которые имѣютъ порученіе содѣйствовать подавленію христіанскихъ населеній, возставшихъ безъ подталкиванія изъ Лондона, Вѣны или Парижа: въ устахъ этихъ дипломатовъ подобныя фразы не что иное какъ обыкновенное условное лицемѣріе.

Судьба іоньской коллективной ноты, повидимому, достаточно раскрыла отношенія дипломатіи къ вопросу о благосостояніи турецкихъ христіанъ. Не только благосостоянія, но и права жить не должны ожидать они ни отъ турецкаго правительства, не могущаго исполнить отеческія намѣренія падишаха, ни отъ дипломатіи. Возлагать свои надежды они могутъ только на то, что и притѣснители ихъ едва ли дождутся со стороны своихъ благопріятелей чего-нибудь больше дипломатическихъ хитростей. Въ этомъ отношеніи положеніе дѣлъ благопріятно для христіанъ Востока. Они ошиблись бы, еслибы разчитывали на европейское вмѣшательство въ ихъ пользу: Европа доказываетъ имъ, что она не хочетъ пользоваться тѣмъ драгоцѣннымъ правомъ покровительства, которое она отняла у Россіи по Парижскому трактату. Но турецкіе христіане не ошибутся, если будутъ разчитывать на отсутствіе въ Европѣ не только желанія, но и возможности оказать покровительство разлагающейся Турціи.

Для успѣха того движенія, которое нынѣ замѣчается на всемъ юго-востокѣ Европы, едва ли когда-нибудь можетъ найдтись минута болѣе благопріятная настоящей. Если даже допустить что извѣстіе о безпокойствахъ обнаружившихся во всей Европейской Турціи преувеличены, то правительство султана должно все-таки быть сильно озабочено и силы его развлечены. Положеніе принятое Грецій таково, что эти силы ни какъ не могутъ быть употреблены безъ остатка на подавленіе внутреннихъ смутъ. Съ другой стороны Франція совершенно парализована относительно восточныхъ дѣлъ замыслами Пруссіи довершить объединеніе Германіи: эти два государства стоятъ какъ два гладіатора, изъ коихъ одному стóитъ только на мгновеніе спустить взоры съ своего противника, чтобы дать ему несомнѣнный перевѣсъ надъ собою. Англія одна, безъ союза съ Франціей, никогда не рѣшится принять дѣятельное участіе въ восточныхъ дѣлахъ, ибо первый шагъ ея въ этомъ направленіи принудилъ бы и Россію вмѣшаться въ борьбу. Еще въ большей мѣрѣ слѣдуетъ сказать это объ Австріи. Между тѣмъ и для Пруссіи и для Италіи выгодно, чтобы дѣла на Востокѣ приняли возможно серіозный оборотъ. Такимъ образомъ теперь Грекамъ и Славянамъ пришлось бы одинъ на одинъ перевѣдываться съ полчищами ренегатовъ, въ родѣ Омеръ-паши, Садыкъ-паши и т. п. Но, повторяемъ, для этого надо ловить минуту, которая можетъ не повториться и которая пройдетъ, если удастся перебить турецкихъ христіанъ порознь, однихъ за другими. Еслибы силы геройскихъ Кандіотовъ наконецъ истощились, еслибы, какъ лжесвидѣтельствуютъ турецкія офиціальныя извѣстія, обезоруженіе ихъ дѣйствительно произошло во всѣхъ округахъ, то силы Турціи не замедлили бы обрушиться на Болгаръ, и тогда Грекамъ пришлось бы только оплакивать потраченныя ими усилія, а руководителямъ движенія въ Ѳессаліи, Босніи и Герцеговины поскорѣе, если можно, удалиться за границу. Чтобы дѣла приняли такой невыгодный для христіанъ оборотъ, надобно раздѣлить силы ихъ и съ этою-то цѣлію Портѣ былъ данъ совѣтъ отвлечь Сербію существенными уступками отъ общаго дѣла. Этотъ совѣтъ не можетъ быть доброжелателенъ Сербіи, какъ видно уже изъ того, что онъ не встрѣтилъ ни въ комъ противодѣйствія. Это не болѣе какъ ловушка. Поддастся ли Сербія на эту хитрость? Если поддастся, то исторія не замедлитъ спросить у князя Михаила, точно ли онъ „сдѣлалъ все зависящее отъ него," какъ сказалъ онъ славянскимъ студентамъ въ Вѣнѣ. „Еслибы, заключилъ онъ, я чего и не сдѣлалъ, то знайте, что это не зависѣло отъ меня и что мнѣ невозможно было дѣйствовать иначе." До сихъ поръ князю Михаилу точно невозможно было дѣйствовать иначе чѣмъ какъ онъ дѣйствовалъ. Но теперь отношенія разъяснились; теперь нельзя не видѣть въ чемъ состоитъ призывъ минуты,

которую упустить легко, но воротить будетъ крайне трудно.

Въ Сербіи, Черногоріи и Греціи всѣ понимаютъ, что настоящее положеніе этихъ маленькихъ государствъ есть лишь переходное, что они суть не окончательно сложившіеся политическіе организмы, а зародыши государствъ съ серіознымъ историческимъ призваніемъ; но должно сознаться, что не всѣ правительства этихъ странъ, такъ же хорошо какъ правительство Греціи, доказали, что готовятся исполнить эту задачу. „Сербія на пути великихъ событій," справедливо замѣтила недавно газета *Zukunft*. Нельзя не желать чтобъ оправдались газетныя извѣстія, что въ Крагуевцѣ безостановочно льютъ пушки и закупаютъ игольчатыя ружья. Не безъ причины же такъ настойчиво повторяется въ мѣстныхъ газетахъ совѣтъ сербскому князю добиваться хотя временнаго управленія Босніей и Герцеговиной, въ которыхъ безъ того, по увѣренію этихъ газетъ, неминуемо вспыхнетъ такое же возстаніе, какъ и въ Болгаріи; не безъ основаній же турецкое правительство сосредоточило въ этихъ областяхъ до 30.000 войска и переселяетъ туда Черкесовъ; должны же, наконецъ, быть какія-нибудь послѣдствія того, что, какъ намъ писали недавно, турецкія власти не находятъ средствъ удержать Босняковъ и Герцеговинцевъ отъ пѣсенъ въ честь сербскаго князя, отъ тостовъ за его здоровье. Недавно мы были свидѣтелями съ какимъ энтузіазмомъ принятъ былъ, особенно Сербами княжества, тостъ провозглашенный въ честь князя Михаила на обѣдѣ въ залѣ Московскаго университета. Что значитъ этотъ энтузіазмъ? Дань ли это личнымъ качествамъ его свѣтлости? Намъ кажется, что независимо отъ преданности теперешнему князю, такъ горячо заявленной на славянскомъ обѣдѣ въ Московскомъ университетѣ, подданные князя Михаила Обреновича привѣтствовали его санъ, связанное съ его именемъ понятіе о государствѣ, о политической самостоятельности своего народа. Глядя на одушевленныя,—можно сказать, вдохновенныя лица нашихъ гостей княжеской Сербіи, намъ казалось, что они привѣтствовали не столько настоящее, сколько будущее своего *народа*. И что же? Сербы молодаго княжества рукоплескали не одни. При тостѣ въ честь князя Михаила въ залѣ Московскаго университета совершалось *побратимство* между представителями разныхъ вѣтвей сербскаго племени, подобно тому какъ оно почти въ то же самое время совершалось въ Загребѣ, Люблянахъ и Новомъ Садѣ. Это было вдохновительное зрѣлище, а оно только отражало въ себѣ всеобщій народный порывъ. Какъ шесть недѣль тому назадъ въ Москвѣ, такъ недавно и въ Вѣнѣ, къ князю Михаилу Сербскому обращались южные Славяне безъ различія племенныхъ подраздѣленій; студенты изъ Сербовъ, Хорватовъ и Славонцевъ, какъ сообщали мы на дняхъ, общею славянскою семьей поздравляли его съ освобожденіемъ сербскихъ крѣпостей отъ турецкихъ гарнизоновъ, какъ радостною и общею для нихъ всѣхъ побѣдой. „Вы, свѣтлѣйшій князь, наша лучшая надежда," говорили они ему, провозглашая себя и всю учащуюся славянскую молодежь служителями „великой идеи народности." Если эта идея народности понимается во всей ея широтѣ, безъ мелкихъ провинціализмовъ, если идея Тріединаго королевства, благодаря нѣмецко-мадьярскому дуализму — да здравствуетъ онъ!—уступаетъ нынѣ въ умахъ южныхъ Славянъ мѣсто идеѣ о Сербскомъ царствѣ, опирающемся на Дунай и Адріатическое море, то мы понимаемъ что высоко должны биться сердца людей готовыхъ ринуться въ бой за эту идею.

Мы, Русскіе, не въ силахъ оставаться равнодушными къ движенію нашихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ на Востокѣ. „Россія, какъ выразился ея достойный представитель въ Константинополѣ, не преслѣдуетъ никакой корыстной цѣли, но, будучи соединена узами религіи, преданія и племеннаго единства съ значительною частію населеній, подчиненныхъ скипетру султана, она питаетъ живое, пламенное сочувствіе ко всему, что можетъ дѣйствительно обезпечить ихъ благоденствіе." Какъ русская печать и русская публика, такъ и въ особенности правительство русское съ живѣйшимъ сочувствіемъ слѣдятъ за всѣми перипетіями этой великой драмы, которой суждено дать новый видъ всей юговосточной Европѣ. Россія, какъ государство, не можетъ принять непосредственное участіе въ тамошнихъ дѣлахъ: ея вмѣшательство вызвало бы европейскую войну и слѣдовательно не пособило бы, а повредило бы дѣлу. Но она должна знать и она знаетъ, что па-

денiе этого дѣла было бы и ея паденiе, что ея судьбы нераздѣльны съ судьбами православныхъ населенiй Востока, что ихъ освобожденiе есть лучшее обезпеченiе плодотворнаго развитiя силъ Русскаго народа и лучшее огражденiе самостоятельности, величiя и славы Русскаго государства. Она не можетъ и не должна быть равнодушною зрительницей происходящаго; она обязана содѣйствовать охватившему Востокъ Европы движенiю всѣми тѣми средствами, которыя открыты для великаго государства безъ нарушенiя европейскаго мира. Благопрiятная минута не должна быть упущена и Россiей.

№ 148.

Москва, 6-го iюля.

А.

Борьба на островѣ Критѣ продолжается съ неслабѣющимъ геройствомъ и самоотверженiемъ. Турецкiе бюллетени оказываются постоянно ложью, хотя они, также не ослабѣвая, продолжаютъ трубить о небывалыхъ побѣдахъ, одержанныхъ войсками султана надъ непокорными христiанскими населенiями этого несчастнаго острова. Мы не знаемъ, усвоитъ ли себѣ когда-нибудь Турцiя европейскую цивилизацiю, но ея министры, полувоспитанные въ Парижѣ, и ея генералы-ренегаты, хорошо усвоили систему ей обмановъ, въ которыхъ полагаютъ главнымъ образомъ свое искусство политическiе герои нашего времени. Нужды нѣтъ, что обманъ вскорѣ открывается, и что рядъ открытыхъ обмановъ лишаетъ вѣры источникъ, откуда они исходятъ; разчитано, что и самый грубый обманъ можетъ оказывать дѣйствiе и что нѣтъ такихъ дискредитованныхъ людей и партiй, которые не могли бы надѣяться на нѣкоторый, хотя бы минутный успѣхъ своихъ увѣренiй. Дѣло въ томъ, что часто только и требуется подѣйствовать на минуту. Цѣль политическаго обмана уже въ извѣстной степени достигнута, если общественное мнѣнiе хотя на минуту займется имъ, ибо часто бываетъ нужно только занять или отвлечь умы, и причинить какую-либо задержку или уклоненiе въ дѣлахъ, особенно если интересы раздѣлены и рѣчь идетъ о вопросѣ, дающемъ поводъ къ разнороднымъ столкновенiямъ.

Путешествiе султана Абдулъ-Азиза въ гости къ христiанскимъ государямъ,—происшествiе небывалое въ исторiи турецкихъ султановъ и смутившее весь правовѣрный мусульманскiй мiръ,—есть фактъ характеристическiй. Султанъ предпринялъ эту поѣздку въ то самое время когда въ одной части его владѣнiй кипитъ упорное возстанiе, которое въ продолженiе почти цѣлаго года не могутъ преодолѣть всѣ силы его имперiи, когда почти во всѣхъ остальныхъ его владѣнiяхъ замѣтны признаки тревожныхъ движенiй, когда возникаетъ вопросъ о самомъ существованiи Оттоманской имперiи. Самъ по себѣ владыка правовѣрныхъ не могъ бы рѣшиться на эту поѣздку, особенно посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, еслибы поѣздка его, именно въ силу этихъ самыхъ обстоятельствъ, не входила въ политическiе планы, которыхъ концы находятся не въ его рукахъ. Путь ему былъ углаженъ, и рѣшенiе ему было продиктовано, потому что надобно было, именно въ эту самую пору, подлержать колеблющiйся авторитетъ султана въ его собственныхъ владѣнiяхъ и сколь можно разительнѣе заявить солидарность его имперiи съ европейскою системой и дружелюбныя отношенiя соединяющiя его съ государями великихъ европейскихъ державъ. Предполагается, что этотъ фактъ подѣйствуетъ сильнѣе чѣмъ всякаго рода дипломатическiя представленiя, дѣлаемыя часто только для вида; предполагается, что этотъ фактъ можетъ болѣе понизить нежели возвысить духъ метущихся христiанскихъ населенiй Востока и во всякомъ случаѣ заставитъ ихъ обратить свои взоры къ тѣмъ европейскимъ державамъ, которыя всегда враждебно сталкивались съ Россiей въ восточномъ вопросѣ. Бюллетени Омеръ-паши объ успѣшномъ дѣйствiи войскъ его султанскаго величества даютъ предлогъ оттягивать дальнѣйшiя объясненiя и принимать султана какъ государя возсѣдающаго на одномъ изъ самыхъ прочныхъ въ мiрѣ троновъ. Пусть слѣдующiй день приноситъ другiя извѣстiя: впечатлѣнiе сдѣлано, и оно подновится въ публикѣ новою ложью, и публика останется, на нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, въ сомнѣнiи относительно истиннаго положенiя дѣлъ, а часто только это и бываетъ нужно, и дѣйствительно только это оказывается въ настоящее время нужнымъ для политики обѣихъ западныхъ державъ, на-

сколько онѣ остаются между собою солидарны.

Особенно интересна роль, которую играетъ теперь французское правительство. Очевидно для всякаго, что роль эта болѣе чѣмъ двусмысленна. Дѣла сложились такъ, что для французскаго правительства особенно важно, чтобы въ его отношеніяхъ къ Россіи не было антагонизма, но оно не оставляетъ занятаго имъ положенія въ тѣхъ вопросахъ гдѣ до сихъ поръ его политика сталкивалась съ самыми существенными интересами Россіи. Чувствуя необходимость ладить съ Россіей, оно потому ли, что недостаточно увѣрилось въ ней, или потому что не находитъ возможнымъ согласить съ нею свои интересы, продолжаетъ дѣйствовать на Востокѣ въ духѣ прежней своей политики, но старается избѣгать всякой рѣзкости и дѣлаетъ различныя для вида уступки Россіи, желая, повидимому, достигнуть ими двоякой цѣли, — съ одной стороны усыпить политику Россіи, съ другой, обязать ее ко взаимнымъ добрымъ услугамъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что участіе Франціи въ коллективной нотѣ, адресованной къ Высокой Портѣ по поводу критскихъ дѣлъ, не есть серіозное участіе, и французскій посолъ въ Константинополѣ, конечно, далъ это выразумѣть министрамъ султана еще до поѣздки его въ Парижъ.

Россія не можетъ надѣяться, чтобъ у нея когда-нибудь на Востокѣ были одинаковые съ Франціей интересы. Прежде всего, Франція вовсе и не имѣетъ на Востокѣ, именно въ европейской Турціи, собственныхъ интересовъ и симпатій, и тамошнія дѣла суть для ней постороннее дѣло. Франція заинтересована въ восточномъ вопросѣ лишь на столько, на сколько заинтересована въ немъ почти всякая другая великая держава: для Россіи же это вопросъ первой важности, съ которымъ связаны ея самые жизненные интересы. Положеніе Франціи въ восточномъ вопросѣ можетъ зависѣть и зависитъ болѣе или менѣе отъ политическихъ комбинацій чуждыхъ ему, и можетъ всячески измѣняться, между тѣмъ какъ для Россіи всѣ прочіе европейскіе вопросы имѣютъ значеніе лишь по отношенію къ этому, и направленіе ея политики, равно какъ и ея интересы на Востокѣ, не могутъ измѣниться ни при какихъ обстоятельствахъ. Франція можетъ дѣйствовать на Востокѣ въ противность намъ и въ согласіи съ нами не столько потому, чтобы того или другаго требовали ея собственные имѣющіеся тамъ интересы, сколько побуждаемая какими-либо иными интересами или соображеніями. Для Франціи дѣла на Востокѣ только средство, никогда не цѣль. Если Франція именно при своемъ нынѣшнемъ императорѣ враждебно сталкивалась съ Россіей въ восточномъ вопросѣ, то это объясняется особенными обстоятельствами, въ которыхъ находилось ея правительство. Оно было вынуждено искать себѣ опоры въ союзѣ съ Англіей, и Франція вопреки всѣмъ преданіямъ своей политики дѣйствовала вездѣ въ союзѣ съ этою державой. Событія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ у всѣхъ въ памяти, и всякій можетъ судить, на сколько эта комбинація соотвѣтствовала дѣйствительнымъ интересамъ Франціи. Союзъ этотъ былъ необходимостію для правительства императора Наполеона III, но необходимостію тяжкою и дорого стоившею для самой Франціи. Дабы поддержать себя, вторая имперія нуждалась въ союзѣ, и союзъ съ Англіей оказался единственно для нея возможнымъ; за то Франція нашлась вынужденною служить орудіемъ въ видахъ чужой политики, жертвовать своими силами болѣе въ чужомъ чѣмъ въ своемъ интересѣ, и участвовать въ предпріятіяхъ, которыя обращались болѣе во вредъ ей чѣмъ въ пользу. Самымъ разительнымъ примѣромъ тому служитъ эта несчастная, такъ страшно трагически кончившаяся мексиканская экспедиція, которую въ такихъ яркихъ чертахъ изобразилъ на этихъ дняхъ г. Тьеръ въ законодательномъ корпусѣ.

Германскія дѣла принявшія столь невыгодный для Франціи оборотъ были послѣдствіемъ господствовавшей въ Европѣ англо-французской комбинаціи. Во Франціи хорошо поняли также, что и дѣла италіянскія, въ которыхъ Франція принимала столь дѣятельное участіе, приняли оборотъ не совсѣмъ соотвѣтственный видамъ французской политики. Вообще положеніе Европы, образовавшееся подъ созвѣздіемъ англо-французскаго союза, едва ли таково, чтобы Франція съ точки зрѣнія своихъ особыхъ интересовъ была имъ совершенно довольна. Что же пріобрѣла Франція вслѣдствіе восточной войны, которая стоила ей такъ дорого? И какихъ благъ можетъ она ожидать, продолжая слѣдовать тамъ той же политикѣ, то-есть продолжая попреж-

нему дѣятельно работать въ интересѣ союза, въ который она входитъ элементомъ подчиненнымъ и служитъ орудіемъ для цѣлей нерѣдко противныхъ ея дѣйствительнымъ и ближайшимъ интересамъ? Союзъ съ Англіей, этою классическою страной парламентскаго правленія, могъ, казалось бы, льстить стремленіямъ либеральной партіи во Франціи. Но всѣмъ извѣстно, что союзъ этотъ не имѣлъ никакого вліянія на ея внутреннее государственное устройство, и что Франція никогда такъ мало не сближалась духомъ своихъ учрежденій съ Англіей, какъ именно въ ту пору, когда *entente cordiale* съ нею достигала наибольшаго развитія. Союзы между державами никогда не предопредѣляются характеромъ ихъ внутреннихъ учрежденій.

Но что намъ за дѣло до французской политики? Предоставимъ самимъ Французамъ рѣшать: всѣ ли возможныя ошибки испытаны правительствомъ ихъ страны или ему остается еще довольно мѣста сдѣлать ни одинъ ошибочный шагъ. Для насъ въ тысячу разъ важнѣе, чтобы намъ самимъ не сдѣлать какого-нибудь ошибочнаго шага, или не потерять драгоцѣннаго быстро летящаго времени, благопріятнаго для успѣшнаго дѣйствія. Никогда созвѣздія не были такъ благопріятны для русской политики по вопросамъ особенно для нея важнымъ, какъ въ настоящее время, и никогда Россія не обладала такою свободой дѣйствій, никогда она такъ мало не нуждалась въ союзахъ. Европа раздѣлена, а у Россіи есть союзники, на которыхъ политика ея можетъ надежно опираться, и которыхъ интересы совершенно солидарны съ ея собственными. Эти союзники суть родственныя ей населенія Востока. Она можетъ смѣло разчитывать на нихъ, но подъ условіемъ, чтобъ и они точно также могли надежно разчитывать на нее, что она не упуститъ изъ виду собственныхъ интересовъ своихъ, въ которыхъ она солидарна съ ними. Дипломатія дипломатіей, но мы можемъ поддержать на Востокѣ наше національное дѣло, которое, слава Богу, есть въ то же время и дѣло человѣчества, только возвышая духъ и бодрость тамошнихъ населеній, и обнаруживая твердую рѣшимость отстоять ихъ до конца.

Б.

Обращаемъ вниманіе читателей на замѣчательную статью г. Воейкова, помѣщенную ниже. Она разъяснитъ то, что можетъ-быть еще было не совсѣмъ понятно въ вопросѣ о водвореніи русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Она отвѣчаетъ на главныя изъ косвенныхъ возраженій—прямыхъ теперь уже не принято дѣлать—противъ правильнаго веденія этого дѣла, и опредѣляя его размѣры, совершенно вѣрно и вполнѣ убѣдительно указываетъ на условія, необходимыя для его успѣха, и на легкую осуществимость этого успѣха, если только обязанности закрытаго нынѣ Товарищества не будутъ возложены на Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, которое можетъ возвысить размѣръ ссуды (возлагая рискъ на государственныя имущества), но не доставитъ заемщикамъ того, что всего болѣе нужно,—ссуды за умѣренный процентъ. Къ банку гр. Бобринскаго могутъ съ пользой для себя прибѣгать только люди, обремененные частными дѣлами, и притомъ только тѣ изъ нихъ, которые платятъ своимъ кредиторамъ весьма высокіе проценты. Занимать въ такомъ банкѣ деньги на покупку имѣній нельзя. Никто этого не дѣлаетъ и не будетъ дѣлать, кромѣ безразсудныхъ. Гораздо лучше совсѣмъ не выдавать ссудъ для покупки имѣній въ западномъ краѣ, чѣмъ выдавать ихъ на правилахъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита: тогда по крайней мѣрѣ пять милліоновъ останутся въ казнѣ и нельзя будетъ ссылаться на русское общество, что оно не воспользовалось предоставленными ему пособіями.

№ 149.

Москва, 7-го іюля.

Когда требуется или улучшить какое-нибудь учрежденіе или замѣнить его другимъ лучшимъ, то прежде всего надобно изучить учрежденіе улучшаемое или замѣняемое, дабы устранить только недостатки его, но никакъ не утратить того что̀ есть въ немъ хорошаго и цѣннаго. Вотъ, по пунктамъ, все то что̀ было приводимо съ разныхъ сторонъ въ доказательство несостоятельности бывшаго Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ:

1. Закладные листы Товарищества, въ гарантіи которыхъ правительствомъ было такъ рѣшительно отказываемо, что, по мнѣнію пріобрѣтателей имѣній, *о ней и думать было нельзя*, не могли, разумѣется,

имѣть почти никакой цѣнности на биржѣ. Капиталисты недоумѣвали, какая причина заставляла правительство оказывать такое недовѣріе къ закладнымъ листамъ, которые разрѣшено было выпускать учрежденію, основанному правительствомъ, для важной государственной цѣли, состоящему изъ лицъ правительствомъ назначенныхъ и находящемуся подъ особымъ завѣдываніемъ министерства государственныхъ имуществъ. Всякій спрашивалъ: если правительство въ цѣломъ составѣ своемъ считаетъ надзоръ министерства государственныхъ имуществъ недостаточно обезпечивающимъ точное исполненіе Высочайше утвержденнаго устава Товарищества, то зачѣмъ оно оставляетъ Товарищество въ завѣдываніи этого министерства? Но этотъ вопросъ самъ собой устранялся тѣмъ фактомъ, что министерству государственныхъ имуществъ ввѣрены дѣла гораздо большей важности чѣмъ повѣрка, по большей части ариѳметическая, соразмѣрности оцѣнокъ съ предписанною для нихъ нормой. Такимъ образомъ оставалось придти къ заключенію, что правительственныя лица, отказывающія закладнымъ листамъ Товарищества въ гарантіи, не довѣряютъ самимъ основаніямъ устава Товарищества. Но и къ этому заключенію придти было нельзя въ виду недавняго и весьма продолжительнаго обсужденія этого устава въ разныхъ высшихъ учрежденіяхъ, при участіи этихъ самыхъ лицъ правительственныхъ. Что же могло слѣдовать изо всѣхъ этихъ, для всякаго доступныхъ соображеній, какъ не догадка, что стало-быть въ правительствѣ есть сомнѣніе насчетъ пригодности мѣры составляющей непремѣнное условіе водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ? Люди ходатайствовавшіе о ссудахъ не могли освободиться отъ этой догадки особенно вслѣдствіе того, что уже при самомъ учрежденіи Товарищества, его громко называли въ нѣкоторыхъ административныхъ сферахъ банкомъ мертворожденнымъ. Подобные отзывы, конечно, не могли привлекать покупателей имѣній въ западный край, а тѣмъ менѣе могли они внушить биржѣ довѣріе къ закладнымъ листамъ Товарищества. Покупка имѣній есть дѣло публичное; точно также и выпускъ закладныхъ листовъ есть дѣло публичное. Чтобы подобныя дѣла шли успѣшно, надобно заботиться о томъ, чтобы публика имѣла хорошее о нихъ мнѣніе. Что было бы, еслибы финансовыя лица завѣдывающія напримѣръ заключеніемъ займовъ, сами, предъ ихъ заключеніемъ, высказывали мнѣніе о несостоятельности или невыгодности фондовъ, предлагаемыхъ публикѣ? Обыкновенно въ такихъ случаяхъ дѣлаются всѣ возможныя усилія къ устраненію неблагопріятныхъ толковъ и къ разъясненію дѣла. Если какое-нибудь условіе можетъ быть истолковано въ невыгодную сторону, то стараются представить его въ его дѣйствительномъ значеніи, дабы публика имъ не пугалась. Но было ли обнародовано какое-нибудь объясненіе, почему правительство не можетъ гарантировать закладные листы выпускаемые учрежденными имъ самимъ ссудными кассами? Въ *Русскомъ Инвалидѣ*, за нѣсколько дней до закрытія Товарищества, была напечатана статья, по своимъ даннымъ очевидно офиціозная, въ которой утверждалось, что по всему вѣроятію гарантія будетъ дарована закладнымъ листамъ Товарищества, а между тѣмъ покупщики имѣній увѣряли положительно, что, судя по полученнымъ ими отъ высоко-поставленныхъ лицъ указаніямъ, о гарантіи нельзя и думать, и далее намъ совѣтовали бросить вопросъ о гарантіи какъ неосуществимый: такъ они были убѣждены въ невозможности достигнуть того, что въ *Русскомъ Инвалидѣ*, и притомъ офиціозно, изображалось какъ дѣло не только возможное, но и близкое къ осуществленію. Что, кромѣ совершенной путаницы понятій, могли производить въ публикѣ такія противорѣчивыя сужденія о существенномъ пунктѣ дѣла, въ которомъ участвовать она приглашалась? Надобно еще удивляться, что несмотря на все это нашлись люди, купившіе въ одномъ сѣверо-западномъ краѣ на полтора милліона рублей имѣній и согласившіеся принять на себя круговую отвѣтственность по оцѣнкамъ произведеннымъ чиновниками правительства, хотя этимъ оцѣнкамъ само же правительство не хотѣло вѣрить. Но тутъ съ другой стороны возникаетъ вопросъ: не всѣ же эти лица, рѣшавшіяся подчиниться круговой отвѣтственности, суть люди совершенно безразсудные; вѣроятно, они освѣдомились объ оцѣнкахъ и признали ихъ неопасными для себя, а если они не убоялись круговой отвѣтственности, то какъ понять, что правительство затруднялось принять на себя гарантію, которая возлагала бы на него отвѣтствен-

ность только въ случаѣ несостоятельности всѣхъ заемщиковъ, отвѣчающихъ другъ за друга круговою порукой? Неужели, говорила публика, въ правительствѣ преобладаетъ убѣжденіе, что лица, купившія въ сѣверо-западномъ краѣ на полтора милліона имѣній, пойдутъ всѣ до единаго по міру? А вѣдь еслибъ это убѣжденіе не преобладало въ правительствѣ, то въ гарантіи закладныхъ листовъ не было бы причины отказывать.

2 По Высочайше утвержденному правилу, первые пять милліоновъ ссудъ слѣдовало выдать наличными деньгами. Это правило было бы легко исполнимо, еслибы закладные листы были гарантированы. Тогда можно было бы продавать ихъ на биржѣ, и министерство государственныхъ имуществъ, въ силу этого правила, должно было бы только приплачивать изъ своихъ средствъ разницу между биржевою и номинальною цѣной закладныхъ листовъ. Эти листы предполагалось выпустить шестипроцентные; еслибы правительство гарантировало ихъ, то по одному *слову* о томъ (*на дѣлѣ* никогда бы не дошло до гарантіи, потому что нельзя же думать, что всѣ заемщики до единаго окажутся когда-либо несостоятельными) цѣна закладныхъ листовъ должна была установиться въ 90 р., и тогда министерству государственныхъ имуществъ слѣдовало бы всего на все приплатить къ первымъ пяти милліонамъ ссудъ 10%, то-есть 500.000 руб., но и тутъ значительная доля, именно около 175.000 руб., могла бы быть взята изъ остатковъ отъ процентовъ съ основнаго фонда Товарищества (оно получало съ предоставленныхъ ему 5 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ по 250.000 руб. въ годъ, а расходовало на свое управленіе хотя и слишкомъ много, но все-таки не болѣе 75.000 руб.), и дѣйствительная приплата не превышала бы 325.000 р., что весьма исполнимо. Но какъ скоро въ гарантіи закладныхъ листовъ было отказано, то исполненіе Высочайше утвержденнаго правила о выдачѣ первыхъ 5 милліоновъ ссудъ наличными оказалось невозможнымъ, о чемъ въ управленіи Товарищества громко говорили, да и не говорить не могли, чтобы не ввести заемщиковъ въ невознаградимые убытки. Какое же, спрашиваемъ, впечатлѣніе выносили покупщики имѣній изъ управленія Товарищества, гдѣ имъ объявляли, чтобъ они не надѣялись на полученіе первыхъ пяти милліоновъ ссудъ наличными деньгами? Удивляться ли, что покупщиковъ было не много? Не удивляться ли напротивъ тому, что несмотря на эти объявленія покупщики все-таки отыскивались и дѣло водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ все-таки не остановилось, пока не было пріостановлено прямымъ распоряженіемъ правительства? Вездѣ на свѣтѣ при такихъ обстоятельствахъ подобная операція была бы подавлена въ корнѣ, и если этого не случилось и не случится въ Россіи, то единственною причиной тому слѣдуетъ признать несокрушимую вѣру, которую имѣетъ русское общество во всякое слово своего Государя. Покупщики твердо надѣялись и теперь твердо надѣются, что дѣло возвѣщенное съ высоты Престола минуетъ всѣ затрудненія, и либо такъ, либо иначе, непремѣнно восторжествуетъ.

3. Два предыдущія возраженія направлены противъ устава Товарищества только въ томъ смыслѣ, что при утвержденіи его не была исходатайствована правительственная гарантія закладнымъ листамъ его. Но кромѣ того слѣдуетъ привести нѣсколько возраженій противъ нѣкоторыхъ пунктовъ самаго устава. Указывали на неудовлетворительность нормальныхъ оцѣнокъ, введенныхъ имъ, и на желательность сближенія этихъ оцѣнокъ съ дѣйствительною цѣнностью имѣнія, но какъ слѣдуетъ производить болѣе правильныя оцѣнки, объ этомъ намъ не удалось слышать ничего, кромѣ одного замѣчанія, которое кажется дѣльнымъ. Это замѣчаніе состоитъ въ слѣдующемъ: выдавать ссуду по нормальной оцѣнкѣ, предоставляя получившему ее доказать достаточными данными, что купленное имъ имѣніе, какъ по капитальной цѣнности своей, такъ и по доходности, а равно и по покупной цѣнѣ, можетъ служить залогомъ для ссуды большаго размѣра, при чемъ постановить за правило, что больше половины дѣйствительной капитальной цѣнности имѣнія не должно быть выдаваемо, и что слѣдующій съ заемщика годовой платежъ долженъ быть никакъ не больше половины обыкновеннаго приносимаго имѣніемъ дохода. Эти дополнительныя ссуды могли бы идти либо на улучшеніе имѣнія, либо на покупку смежныхъ имѣній. Далѣе указывалось на чрезмѣрную краткость сроковъ, назначенныхъ уставомъ Товарищества для продажи имѣній, въ случаѣ просрочки платежей: при регуляр-

номъ взносѣ платежей за прежніе годы можно бы, полагаютъ, въ случаѣ неурожая, давать отсрочку до іюля или августа слѣдующаго года, когда можно выручить деньги за новый хлѣбъ. Наконецъ, иные претендовали на то, что при Товариществѣ не было учреждено справочнаго отдѣленія, гдѣ могли бы легко сосредоточиваться вѣрныя свѣдѣнія о продающихся имѣніяхъ, еслибы доставленіе этихъ свѣдѣній было возложено на обязанность мировыхъ посредниковъ. Вотъ въ сущности всѣ возраженія противъ устава Товарищества, которыя могутъ быть признаны заслуживающими вниманія. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить общее возраженіе, относящееся къ тому, что Товарищество было задумано, какъ нѣчто среднее между казеннымъ и частнымъ учрежденіемъ, тогда какъ, по существу дѣла, банкъ, предназначенный для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, не можетъ уже съ самаго открытія своего быть частнымъ учрежденіемъ. На это обстоятельство мы также не разъ указывали, и когда еще только шла рѣчь объ учрежденіи Товарищества, напечатали проектъ, выработанный для него знатокомъ по части поземельнаго кредита В. П. Безобразовымъ. Въ этомъ проектѣ, почему-то не обратившемъ на себя того вниманія, котораго онъ заслуживалъ, было принято за основаніе, что на первыхъ порахъ ссудный банкъ западнаго края долженъ быть учрежденіемъ казеннымъ; но условія выдачи ссудъ должны быть такъ соображены, чтобы заемщикамъ каждаго района было выгодно образовать изъ себя въ послѣдствіи особое и тогда уже частное отдѣленіе банка, послѣ чего они принимали бы въ свою среду новыхъ заемщиковъ на правилахъ частныхъ кредитныхъ обществъ, то-есть безъ гарантіи правительства и по оцѣнкѣ, одобренной остальными заемщиками или уполномоченнымъ имъ правленіемъ.

4. Всѣ благоразумные возражатели согласны въ томъ, что круговая порука есть условіе въ подобномъ банкѣ неизбѣжное, и что если на первыхъ порахъ не совсѣмъ справедливо подвергать заемщиковъ отвѣтственности за оцѣнки, производимыя не ими самими или не агентами отъ нихъ избранными, а лицами назначенными правительствомъ, то уставъ банка долженъ все-таки клонить дѣло къ тому чтобы заемщики вступили послѣ нѣкотораго времени въ круговую другъ за друга поруку, при чемъ, какъ предлагалъ В. П. Безобразовъ, и какъ предлагали мы вмѣстѣ съ нимъ, вознагражденіемъ для заемщиковъ могло бы служить пониженіе ежегодныхъ платежей. Какъ бы то ни было, при круговой порукѣ, съ самаго ли начала введенной или только имѣющейся въ виду, ссуды должны быть умѣренныя, ибо чѣмъ размѣръ ихъ меньше, тѣмъ меньше риска представляетъ круговая порука. Но, говорили возражатели, при ограниченномъ размѣрѣ и при нашемъ безденежьи, нельзя надѣяться на удовлетворительный ходъ операціи и на достиженіе цѣли указанной правительствомъ. Это возраженіе приходилось намъ слышать отъ добросовѣстныхъ людей, утверждавшихъ, что при томъ размѣрѣ ссудъ, который принятъ въ Товариществѣ, *никто не станетъ покупать имѣнія* въ западномъ краѣ. Подъ этимъ *никто*, если даже не принимать его за гиперболу, разумѣлось, конечно, только: никто изъ моихъ знакомыхъ, и совершенно забывалось неизмѣримое различіе между кругомъ самаго обширнаго знакомства и цѣлою Россіей. Пессимисты, твердившіе это *никто*, были въ комическомъ положеніи, когда припоминали какъ велика та страна, за которую они говорили съ такою рѣшимостью. Дѣйствительность показала, что покупщики находились несмотря даже на тѣ крайне неблагопріятныя обстоятельства, о которыхъ мы говорили выше въ первыхъ двухъ пунктахъ. Товарищество уже назначило ссудъ на 800 тысячъ рублей, а оно открыло ссудныя кассы только въ февралѣ и только до 1-го мая принимало просьбы о ссудахъ. Еслибъ оно не было закрыто, къ январскому выпуску было бы навѣрное назначено въ ссуду не менѣе 5 милліоновъ рублей. Итакъ ограниченные размѣры ссудъ не были рѣшительнымъ препятствіемъ къ покупкѣ имѣній. Но и въ этомъ отношеніи не трудно было пособить дѣлу, не усиливая риска, сопряженнаго съ увеличеніемъ размѣра ссудъ, и въ особенности не возлагая этого риска на правительство. Мы уже говорили о дополнительныхъ ссудахъ. Кромѣ того была предложена превосходная комбинація въ проектѣ общества покупщиковъ имѣній западнаго края, составленномъ въ Смоленскѣ. Мы предполагаемъ основанія этого проекта извѣстными нашимъ читателямъ изъ нашихъ многократныхъ упоминаній.

5. Къ возраженіямъ, которыя высказывались покупщиками, присоединимъ кстати и тѣ, которыми старались вредить Товариществу его недоброжелатели не изъ разряда покупщиковъ. Одно изъ этихъ возраженій опровергнуто г. Всейковымъ въ статьѣ помѣщенной нами вчера. Оно состоитъ въ томъ, что Товарищество, уполномоченное выдать ссудъ лишь на 50 милліоновъ рублей, не могло бы много содѣйствовать водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, для чего нужны суммы гораздо бо́льшія. Это возраженіе напоминаетъ тѣхъ доброжелателей русской печати, которые на заявленія желаній чтобъ она была поставлена въ положеніе, сколько-нибудь сносное, обыкновенно отвѣчали, что не понимаютъ ничего средняго между полною свободой печати, предметомъ будто бы ихъ сочувствія, и цензурой, съ которою они мирятся по необходимости: такъ какъ для полной свободы печати, заключали они, не приспѣло еще время, то о чемъ-либо среднемъ не сто́итъ и думать. То же самое и тутъ. У насъ теперь появились господа (именно въ сферахъ близкихъ къ *Вѣсти*), которые находятъ для себя нужнымъ *говорить* съ большимъ азартомъ въ пользу водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Если вѣрить словамъ этихъ господъ, то они готовы сжить со свѣта все польское землевладѣніе того края. Но они хороши тѣмъ, что сами облегчаютъ критическую оцѣнку своихъ словъ: сто́итъ только взглянуть на то что́ они дѣлаютъ. Газета *Вѣсть* можетъ напримѣръ распинаться за русское землевладѣніе въ западномъ краѣ и за точное исполненіе указа 10-го декабря, но было бы ребячествомъ повѣрить, чтобъ ея издатели или патроны отложили желаніе противодѣйствовать и тому, и другому: въ такомъ случаѣ они перестали бы издавать газету *Вѣсть*, или покровительствовать ей. Другихъ примѣровъ не приводимъ, по правилу: *exempla sunt odiosa*. Но не можемъ не сказать, что выдумка будто 50-ти милліоновъ крайне мало для указанной правительствомъ цѣли появилась на свѣтъ Божій не спроста. Въ дѣйствительности выдача 50 милліоновъ ссудъ, при точномъ исполненіи указа 10-го декабря, совершенно рѣшаетъ дѣло. Теперь нечего и думать о чемъ-либо большемъ. Послѣ выдачи 50 милліоновъ и при оставленіи въ силѣ указа 10-го декабря, всякій поземельный банкъ, даже сочувственный *Вѣсти* банкъ гр. Бобринскаго, можетъ взять на себя дальнѣйшія операціи безо всякой опасности для интересовъ государства. Теперь требуется обезпечить выдачу именно этихъ 50 милліоновъ, потому что пока это обезпеченіе, заключавшееся въ учрежденіи Товарищества, не возстановлено, до тѣхъ поръ нельзя требовать, чтобы русскіе покупщики являлись въ западный край: они должны знать что за ними непремѣнно послѣдуютъ другіе покупщики, и только въ этой надеждѣ могутъ они рѣшиться на роль первыхъ піонеровъ: застрѣльщики должны знать что за ними идетъ армія. Но изъ необходимости обезпечить выдачу 50 милліоновъ ссудъ отнюдь не слѣдуетъ, чтобы всѣ эти 50 милліоновъ могли быть выданы разомъ. Еслибы всѣ противодѣйствія, стоявшія до сихъ поръ поперекъ этому дѣлу, разомъ прекратились, то и тогда, можно сказать навѣрное, выдача 50 милліоновъ ссудъ распредѣлялась бы не менѣе какъ на шесть или на семь лѣтъ. Мы приглашаемъ доказать противное всѣхъ тѣхъ, которые пугаютъ довѣрчивую публику куріозною выдумкой, что выпускъ процентныхъ бумагъ нужныхъ для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ можетъ уронить курсъ всѣхъ прочихъ процентныхъ бумагъ. Мы назвали эту выдумку куріозною, хотя, насъ увѣряютъ, она повторяется иными финансовыми людьми. Не куріозно ли въ самомъ дѣлѣ утверждать, что въ странѣ, гдѣ обращается слишкомъ милліардъ, то-есть слишкомъ тысяча милліоновъ процентныхъ бумагъ, какъ въ Россіи, выпускъ какихъ-нибудь 6 или 8 милліоновъ можетъ оказать сколько-нибудь чувствительное вліяніе на курсъ остальныхъ бумагъ? Еслибы даже и настояла подобная опасность, то не слѣдовало бы останавливаться предъ нею: развѣ не выпускаются процентныя бумаги для покрытія разныхъ потребностей государства, начиная съ желѣзныхъ дорогъ до какихъ-нибудь новыхъ штатовъ, не всегда отличающихся жалостью къ казеннымъ деньгамъ? Развѣ упраздненіе польскаго вопроса менѣе важно для государства? Развѣ не стоилъ онъ казнѣ 70 милліоновъ въ 1863 году, не говоря уже о томъ, что онъ стоилъ не однѣхъ денегъ? Но для того что́ теперь требуется сдѣлать по польскому вопросу, для того, что́ прави-

тельство уже предположило сдѣлать, вовсе не нужно тѣхъ колоссальныхъ выпусковъ процентныхъ бумагъ, которые могутъ подорвать ихъ биржевой курсъ. Повторимъ: когда предстоитъ присоединить какіе-нибудь 6 или 8 милліоновъ къ существующей въ обращеніи тысячѣ милліоновъ процентныхъ бумагъ, биржевой курсъ остальныхъ бумагъ не можетъ упасть отъ того болѣе чѣмъ на 6 или на 8 тысячныхъ, т.-е. на величину, не идущую ни въ какое сравненіе съ другими вліяніями на курсъ процентныхъ бумагъ.

Мы кончили. Длинный перечень возраженій противъ Товарищества, которыя мы отыскивали съ фонаремъ въ рукахъ, исчерпанъ. Дѣйствительныхъ недостатковъ оказалось немного, и они весьма легко поправимы, при желаніи со стороны лицъ, отъ которыхъ исполненіе этого дѣла зависитъ. Но чѣмъ пристальнѣе мы вникали въ недостатки учрежденія, подлежащаго нынѣ замѣнѣ другимъ лучшимъ, тѣмъ явственнѣе возвышается предъ нами достоинство тѣхъ главныхъ основаній его, за которыя должно всѣми силами держаться. Эти основанія суть: обезпеченіе выдачи не менѣе 50 милліоновъ ссудъ спеціально для покупки имѣній въ западномъ краѣ, низкій процентъ назначенный по этимъ ссудамъ и предоставленіе дополнительныхъ льготъ тѣмъ, которые первые проложатъ путь въ этомъ великомъ національномъ и государственномъ дѣлѣ.

Ни одно изъ этихъ коренныхъ условій успѣха не можетъ быть достигнуто при передачѣ наслѣдства Товарищества Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Чѣмъ обезпечитъ это Общество, что на спеціальное дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ оно выдастъ ссудъ не менѣе 50 милліоновъ? Откуда возьметъ оно средства для дополнительныхъ льготъ въ пользу первыхъ покупщиковъ? Ни о томъ, ни о другомъ не можетъ быть съ его стороны и рѣчи, а между тѣмъ и то и другое обѣщано правительствомъ. Но Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не можетъ обѣщать даже и умѣреннаго процента по своимъ ссудамъ. Оно будетъ взимать не менѣе 9 процентовъ, а при пониженіи вексельнаго курса, взимаемые имъ проценты будутъ еще возрастать. Когда оно учреждалось, мы высказывали о немъ только сущую правду, хотя *Вѣсть* и обвиняла насъ за то въ равнодушіи къ русскому землевладѣнію и сельскохозяйственнымъ успѣхамъ Россіи. Это Общество можетъ несомнѣнно принесть пользу русскимъ помѣщикамъ, но только тѣмъ изъ нихъ, которые по частнымъ долгамъ платятъ чрезмѣрные проценты. Кто занимаетъ въ частныхъ рукахъ по 12 и 15 процентовъ безъ погашенія, тому выгодно платить 9, 10 и даже 12 процентовъ съ погашеніемъ. Но занимать въ этомъ Обществѣ деньги для покупки имѣній, а тѣмъ паче для сельскохозяйственныхъ улучшеній никто не станетъ. Мы утверждали также, и теперь утверждаемъ, что курсъ закладныхъ листовъ этого Общества не можетъ быть удовлетворителенъ, потому что оно имѣетъ назначеніемъ своимъ безпрерывно выпускать ихъ: какъ только ихъ курсъ началъ бы поправляться, тотчасъ усилились бы займы, а слѣдовательно и выпускъ закладныхъ листовъ, что опять повело бы къ паденію ихъ курса. Чтобы предотвратить это зло, большіе поземельные банки, напримѣръ польскій, выпускаютъ свои листы серіями черезъ промежутки въ 10, 15 и 20 лѣтъ. Такіе листы могутъ имѣть хорошій курсъ. Почему англійская трехпроцентная рента продается по 95, а французская по 68 за сто? Никто не сомнѣвается въ томъ, что французское правительство будетъ столь же вѣрно платить проценты, какъ и англійское, но разница въ томъ, что Англія не имѣетъ надобности занимать, а Франція занимаетъ. Только въ этомъ и состоитъ все различіе за французскую ренту опасно платить дорого, потому что при первомъ займѣ она должна будетъ упасть, и владѣльцы ея потеряютъ тогда на капитальной цѣнности своихъ бумагъ. Но французское правительство занимаетъ періодически, а такіе банки, какъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, по уставу своему, обязаны выпускать свои бумаги безъ перерыва. Какія же тутъ могутъ быть средства для улучшенія курса? Что тутъ сдѣлаетъ усиленное погашеніе? Смѣшно ожидать чего-нибудь отъ такого гомеопатическаго средства.

А между тѣмъ, по слухамъ, проникшимъ и въ печать, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита желаетъ получить, на вѣки или на время не знаемъ, 5 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ, назначенныхъ правительствомъ на спеціальное дѣло обрусенія западнаго края, и употреб-

лять проценты съ этихъ 5 милліоновъ на усиленное погашеніе своихъ закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ подъ имѣнія всей Россіи. Имѣя, по ежемѣсячнымъ отчетамъ этого Общества, нѣкоторое понятіе о его дѣлахъ, мы знаемъ, что ему весьма нужна субсидія. На покрытіе его текущихъ расходовъ, по незначительности выданныхъ до сихъ поръ ссудъ, не достаетъ процентовъ, платимыхъ заемщиками. Въ нынѣшнемъ году Общество не можетъ свести концы съ концами, если не получитъ экстренныхъ средствъ, его уставомъ не предусмотрѣнныхъ. Со стороны Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита весьма понятно, что оно мѣтило въ наслѣдники Товарищества и поддерживало агитацію противъ него. Предоставленные Товариществу 5 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ даютъ 250.000 рублей дохода. Это субсидія крупная. Кромѣ того для Общества важно выдать разомъ какъ можно болѣе ссудъ, чтобъ увеличить доходы, идущіе на издержки управленія: Вотъ почему Обществу, уже съ финансовой стороны, такъ желательно увеличить до крайней возможности размѣры выдаваемыхъ ссудъ, разумѣется, если правительство приметъ по нимъ на себя дополнительную гарантію. Какое дѣло до того, что Товариществу было отказано въ гарантіи, имѣвшей войдти въ силу лишь при всеобщемъ разореніи всѣхъ заемщиковъ, а Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита хочетъ возложить на правительство отвѣтственность *равную* отвѣтственности каждаго отдѣльнаго заемщика? Отъ чего же и не попытать счастія? Если дѣло удастся, можно будетъ пожалуй обратить субсидію и на погашеніе закладныхъ листовъ. Выгода будетъ и тутъ: помощь, которую правительство хотѣло оказать дѣлу обрусенія западнаго края, пойдетъ на поддержку курса закладныхъ листовъ, выпускаемыхъ подъ имѣнія всей Россіи. Правда, что эта помощь будетъ безсильна для того чтобъ упрочить курсъ этихъ листовъ. Правда, что 250.000 р., какъ средство погашенія, капля въ морѣ, но вѣдь и капля, падающая въ море, не уменьшаетъ его водъ; и слѣдовательно вредить не можетъ. Капля все-таки лучше чѣмъ ничего. Итакъ нельзя удивляться, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита дѣлаетъ представленія въ этомъ смыслѣ. Какъ согласить ихъ съ интересомъ государственнымъ, это другой вопросъ, на который пусть отвѣтятъ сами читатели.

Мы коснулись сегодня только финансовой стороны предложеній, приписываемыхъ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. О политической сторонѣ ихъ мы говорили уже прежде (вторая передовая статья въ № 143 *Московскихъ Вѣдомостей*) и не имѣемъ причины брать назадъ свои слова.

№ 150.

Москва, 8-го Іюля.

Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* печатаемъ мы полный текстъ новаго устава духовныхъ семинарій и не можемъ не сказать нѣсколько словъ въ сопровожденіе, имѣя въ виду еще не разъ возвратиться къ этому предмету.

Во всякомъ преобразованіи надобно прежде всего отличать направленіе: слѣдующіе за тѣмъ вопросы касаются того какъ далеко въ данномъ направленіи простирается преобразованіе, на сколько начертанный планъ соотвѣтствуетъ намѣренію, что въ этомъ планѣ есть постояннаго и что временнаго, условленнаго обстоятельствами.

Направленіе, въ которомъ совершается реформа духовныхъ учебныхъ заведеній, не можетъ подлежать сомнѣнію или недоразумѣнію, и всякій кто понимаетъ дѣло не можетъ не отдать полной справедливости тому государственному взгляду, изъ котораго исходитъ эта важная реформа. Но въ то же время нельзя не признать, что преобразованіе духовныхъ училищъ и семинарій есть только какъ бы отдѣльная глава изъ сочиненія еще остающагося въ замыслѣ, есть какъ бы отрывокъ обширной системы, о которой можно лишь дѣлать заключенія, только часть плана, котораго развитіе находится еще въ будущемъ. Частная реформа можетъ получить окончательный видъ свой лишь когда займетъ надлежащее мѣсто въ общемъ рядѣ мѣръ, къ коему относится. Тутъ только окажется что есть въ ней постояннаго и что подлежитъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ, дабы соотвѣтствовать основному намѣренію.

Духовныя учебныя заведенія—вотъ предметъ подлежащій реформѣ. Ея ходъ опредѣляется тѣмъ что взято за начало: учебная ли часть вопроса, или церковная. Рѣ-

шивъ вопросъ относящійся къ положенію духовенства, мы имѣли бы предъ собою совершенно ясную перспективу, и все остальное слѣдовало бы одно за другимъ въ правильномъ соотвѣтствіи. Но пришлось, по обстоятельствамъ, начинать не съ начала, пришлось начинать преобразованіе съ учебной части заведеній, которыхъ значеніе не опредѣлилось окончательно и которымъ быть-можетъ предстоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ или болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ испытать новую перемѣну въ своемъ положеніи и устройствѣ. Вслѣдствіе этого, дѣло значительно осложнилось: нужно было преодолѣвать многія трудности и принимать мѣры, которыя могутъ имѣть лишь временное значеніе. Такъ какъ сразу нельзя было возвести все зданіе, то къ капитальнымъ стѣнамъ надобно было приспособить нѣкоторыя временныя пристройки.

При данныхъ условіяхъ, законодательство сдѣлало все что̀ могло. Учебный планъ семинарій вышелъ весьма удовлетворительный; къ сожалѣнію, нельзя того же вполнѣ сказать о духовныхъ училищахъ, уставъ которыхъ будетъ напечатанъ въ слѣдующемъ № *Современной Лѣтописи*.

Общеобразовательную часть заведеній, о которыхъ идетъ рѣчь, составляютъ духовныя училища и четыре первые класса семинаріи. Четыре класса духовныхъ училищъ и четыре первые класса семинаріи составляютъ въ совокупности среднее учебное заведеніе, которое, при нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, могло бы соотвѣтствовать восьми-классной гимназіи. Все то, что можетъ показаться здѣсь не совсѣмъ удовлетворительнымъ или недостаточнымъ, имѣетъ своею виной лишь неразрѣшенный вопросъ о положеніи духовенства, а стало-быть и о характерѣ этихъ заведеній въ качествѣ духовныхъ. Должны ли эти учебныя заведенія служить мѣстомъ воспитанія дѣтей духовнаго званія? Законодательство, имѣя въ виду существующее у насъ особое юридическое состояніе именуемое духовнымъ званіемъ, было видимо затруднено рѣшеніемъ этого вопроса и должно было оставить его въ нѣкоторой неопредѣленности. Оно положило въ этомъ отношеніи различіе между духовными училищами и семинаріями: первыя предназначаются собственно для дароваго обученія дѣтей духовнаго званія, хотя не возбраняется принимать туда, по усмотрѣнію, дѣтей изъ другихъ сословій за плату; но учащіяся въ этихъ училищахъ дѣти духовныхъ лицъ не обязываются непремѣнно готовить себя къ церковнымъ должностямъ. Отринувъ это въ принципѣ, законодательство тѣмъ не менѣе должно было имѣть въ виду фактъ остающійся въ силѣ. Коль скоро есть дѣти духовнаго званія, то весьма естественно, что они съ самаго начала предназначаются къ должностямъ этого званія. Духовныя училища устроены такъ, что изъ нихъ удобно переходить только въ семинаріи.

Семинаріи, какъ замѣчено выше, новый уставъ предназначаетъ для образованія будущихъ священнослужителей. Но собственно богословскіе классы, гдѣ дѣйствительно преподаются предметы спеціально относящіеся къ духовному званію, суть только два высшіе: пятый и шестой, куда поступаютъ уже молодые люди, достаточно созрѣвшіе какъ физически, такъ и умственно. Первые четыре класса семинаріи суть не что иное какъ продолженіе курса духовныхъ училищъ и имѣютъ лишь общеобразовательное значеніе, соотвѣтственное возрасту воспитанниковъ. Изъ первыхъ четырехъ семинарскихъ классовъ уставъ устраняетъ все что̀ давало бы спеціальный, факультетскій характеръ учебнымъ занятіямъ. Только по достиженіи 18-ти или 20-тилѣтняго возраста и пройдя полный общеобразовательный курсъ, молодой человѣкъ признается достаточно зрѣлымъ для избранія себѣ поприща и для занятія спеціальными науками. Семинарія существенно распадается на два учебныя заведенія, находящіяся между собою какъ бы въ случайной связи. Первые четыре семинарскіе класса не имѣютъ основанія именоваться духовными учебными заведеніями, такъ какъ въ нихъ предположено открыть широкій доступъ молодымъ людямъ всякаго сословія, и такъ какъ въ нихъ разумно устранено все спеціально богословское, не соотвѣтствующее ни возрасту, ни степени развитія воспитанниковъ. Два же высшіе, собственно богословскіе класса, суть не что иное какъ сокращенный факультетъ или академія. То самое обстоятельство, которое вообще препятствовало полному развитію реформы согласно намѣренію законодателя, было виною и того неопредѣленнаго характера, который остался за семинаріей.

Дай Богъ этимъ новымъ учебнымъ заведеніямъ процвѣтать и приносить плоды

свои въ изобиліи. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ у насъ законодательныхъ актовъ за послѣднее время,—тѣмъ болѣе заслуживающій признательности, что въ немъ просвѣщенная мысль и зрѣлая обдуманность соединяются съ живымъ желаніемъ истинной пользы, не упускавшимъ ничего, что можетъ ей способствовать и старавшимся сдѣлать все возможное, при данныхъ условіяхъ Средства, ассигнованныя на преобразованіе семинарій, даютъ всю возможность устроить ихъ такъ чтобъ онѣ вполнѣ соотвѣтствовали благимъ видамъ устава. Надобно надѣяться, что епархіальныя начальства, въ вѣдѣніе коихъ поступаютъ эти заведенія, не упустятъ съ своей стороны ничего, чтобы преобразованіе было дѣйствительное, и чтобы подъ новыми формами не поддерживались старые порядки. Новый учебный уставъ остался бы мертвою буквой и только уронилъ бы кредитъ признанныхъ имъ педагогическихъ началъ, еслибы въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣло науки, попрежнему, оставалось дѣломъ второстепеннымъ и было подчинено какого бы то ни было свойства постороннимъ цѣлямъ. Въ прежнихъ семинаріяхъ водилось такъ, что для преподаваній назначались лица вовсе не потому что они признавались къ тому достаточно способными, а потому что съ одной стороны открывалась вакансія, а съ другой требовалось дать кому-либо мѣсто, и наставники распредѣлялись по каѳедрамъ въ силу соображеній, не имѣющихъ ничего общаго съ учебнымъ дѣломъ. Дабы предметы вводимые въ новую силу уставомъ могли дѣйствительно приносить ту пользу, какая отъ нихъ ожидается, необходимы наставники, стоящіе сколько-нибудь въ уровень съ своею задачей. Древніе языки, составляющіе главное основаніе учебной системы, принятой нашимъ законодательствомъ какъ для учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства, такъ и для свѣтскихъ, не пользуются, сколько намъ извѣстно, должнымъ кредитомъ въ нашемъ духовенствѣ, и не безъ основанія: въ томъ видѣ какъ они доселѣ велись въ нашихъ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ, они не могли приносить должной пользы и по большей части были только балластомъ. Дабы преподаваніе древнихъ языковъ было плодотворно, въ него долженъ быть внесенъ новый духъ и новые пріемы, какихъ семинарское преподаваніе не знаю. Семинаріи съ духовными училищами, въ этомъ отношеніи, находятся въ положеніи еще болѣе трудномъ чѣмъ гимназіи; но хорошо, что въ эту трудную пору какъ тѣ, такъ и другія заведенія состоятъ въ завѣдываніи одного и того же правительственнаго лица. Главная забота при введеніи новаго устава въ школы синодальнаго вѣдомства — та же самая что и при введеніи новаго устава въ гимназіи, именно взысканіе способовъ неукоснительно обезпечить какъ тѣ, такъ и другія учебныя заведенія хорошими учителями древнихъ языковъ. Мы убѣждены, что при искреннемъ и живомъ желаніи пользы способы эти найдутся. Сколько намъ извѣстно, министерство народнаго просвѣщенія принимаетъ для этого самыя дѣятельныя мѣры, въ успѣхѣ которыхъ мы не сомнѣваемся.

Но объ учебныхъ заведеніяхъ, слывущихъ подъ именемъ духовныхъ, еще не сказано послѣдняго слова; имъ предстоятъ еще измѣненія, которыми должно завершиться начатое дѣло, вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ вопроса о положеніи православнаго духовенства въ Россіи, не соотвѣтствующемъ канону православной церкви, вредномъ для народа и тягостномъ для самого духовенства. Путь, который предлежитъ развитію духовныхъ учебныхъ заведеній, долженъ неминуемо вести ихъ къ сближенію съ свѣтскими. Новый уставъ семинарій и духовныхъ училищъ долженъ уравняться съ новымъ уставомъ гимназій и прогимназій; кое въ чемъ синодальныя учебныя заведенія должны будутъ приноровиться къ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія, а съ другой стороны многое зрѣло обдуманное въ новомъ учебномъ устройствѣ семинарій должно перейдти въ гимназіи.

Вслѣдъ за преобразованіемъ семинарій и духовныхъ училищъ, синодальное вѣдомство уже приступаетъ къ пересмотру устава духовныхъ академій. Преобразованіе духовныхъ академій не можетъ, какъ надобно думать, остаться безъ обратнаго дѣйствія на семинаріи. Богословскіе классы этихъ послѣднихъ соотвѣтствуютъ въ сущности тому же назначенію, какое принадлежитъ и академіямъ. При вопросѣ объ академіяхъ снова возникаетъ вопросъ о двухъ высшихъ классахъ семинаріи, выходящихъ за предѣлы средняго общеобразовательнаго заведенія. Нужно ли имѣть столько спеціальныхъ богословскихъ клас-

совъ, сколько числится у насъ семинарій? Есть ли надобность содержать при каждомъ среднемъ общеобразовательномъ учебномъ заведеніи сокращенный богословскій факультетъ? Наконецъ можно ли достигнуть того, чтобъ у насъ было 40 — 50 удовлетворительныхъ богословскихъ факультетовъ, чего нельзя достигнуть ни въ какой странѣ и ни при какомъ богатствѣ учебныхъ средствъ? Зачѣмъ могутъ быть нужны богословскіе классы въ семинаріяхъ, когда есть академіи, или за чѣмъ нужно было бы содержать нѣсколько особыхъ академій, имѣя такое множество спеціальныхъ богословскихъ заведеній въ связи съ семинаріями? Вопросъ, очевидно, долженъ быть рѣшенъ въ пользу академій: онѣ должны остаться, а богословскіе классы, по крайней мѣрѣ въ большей части семинарій, подлежатъ упраздненію. Всякій согласится, что если не возможно имѣть 50 хорошихъ спеціальныхъ богословскихъ училищъ, то весьма возможно содержать шесть, семь духовныхъ академій, удовлетворительно устроенныхъ.

№ 151.

Москва, 1-го іюля.

Распоряженіемъ министра внутреннихъ дѣлъ, вслѣдствіе трехъ такъ-называемыхъ *предостереженій*, изданіе газеты *Москва* было въ началѣ минувшаго апрѣля, пріостановлено на три мѣсяца. Съ 1-го іюля оно возобновилось, но едва прошла недѣля, какъ редакція этой газеты вновь получила предостереженіе. Текстъ онаго, напечатанный въ *Сѣверной Почтѣ* и въ самой газетѣ *Москва*, возбуждаетъ вопросъ, имѣющій нѣкоторое значеніе независимо отъ случая, о коемъ идетъ рѣчь. Въ текстѣ предостереженія, по обычаю, высказаны тѣ соображенія, которыя побудили г. министра внутреннихъ дѣлъ сдѣлать это распоряженіе, и соображенія сіи суть слѣдующія: 1) „въ передовой статьѣ газеты „*Москва*, въ № 71, по поводу выпуска ея „послѣ трехмѣсячнаго пріостановленія, на „основаніи правительственнаго распоряже„нія, оказано неуваженіе къ этому ра„споряженію, а равно къ закону, въ силу „котораго оно послѣдовало;“ 2) „подобные „отзывы печати, какъ несовмѣстные съ до„стоинствомъ правительства, терпимы быть „не могутъ;“ 3) „главное управленіе по „дѣламъ печати впредь намѣрено охранять „твердою рукой силу и достоинство за„кона.“

Итакъ, редакція газеты *Москва* подверглась новой административной карѣ за то что, оказавъ неуваженіе къ правительственному распоряженію и закону, она поколебала его силу, между тѣмъ какъ главное управленіе о печати намѣрено твердою рукой охранять эту силу.

Мы не имѣемъ повода входить въ разборъ мнѣній и выраженій, которыя найдены главнымъ управленіемъ печати предосудительными; мы ограничиваемся только общимъ смысломъ вышеприведенныхъ соображеній.

О какомъ законѣ идетъ въ нихъ рѣчь? Очевидно, рѣчь идетъ о Высочайше утвержденномъ, 6-го апрѣля 1865 г., мнѣніи государственнаго совѣта, коимъ создано нынѣшнее положеніе печати. Этимъ закономъ дарованы печати извѣстныя права; имъ предусмотрѣны также тѣ проступки, въ которыхъ печать можетъ оказаться виновною и за которые опредѣлены по суду взысканія и кары. Независимо отъ предусмотрѣнныхъ закономъ преступленій и проступковъ печати, подвергающихъ ее суду и слѣдующимъ по суду взысканіямъ, тотъ же законъ предоставилъ министру внутреннихъ дѣлъ давать такъ-называемыя предостереженія, кои сопровождаются весьма *тяжкими* для печати послѣдствіями. Итакъ, въ силу дѣйствующаго нынѣ закона, печать наша подчинена, вопервыхъ, твердымъ правиламъ самого закона и вѣдѣнію судовъ; вовторыхъ, административной власти, дѣйствующей по усмотрѣнію и несвязанной въ своихъ распоряженіяхъ закономъ. Министру внутреннихъ дѣлъ дано право преслѣдовать печать и принимать противъ нея извѣстнаго рода мѣры не на основаніи закона, а посверхъ его. Наше законодательство въ этомъ случаѣ слѣдовало, почти съ буквальною точностію французскому законодательству о печати, вошедшему въ силу при нынѣшнемъ императорѣ, когда ему приходилось бороться съ враждебными ему партіями, которыя господствовали во Франціи и у которыхъ онъ вырвалъ власть. Дѣйствительно, предоставленное администраціи право дѣйствовать по усмотрѣнію, независимо отъ закона, имѣетъ смыслъ только въ томъ предположеніи, что въ обществѣ могутъ пріоб-

рѣсти силу партіи враждебныя династіи, государству или ограждаемому имъ порядку вещей. Предполагается, что подобныя партіи могутъ дѣйствовать съ большимъ искусствомъ и ловкостію, избѣгая всякаго нарушенія установленныхъ закономъ правилъ и ускользая такимъ образомъ отъ судебнаго контроля. Законъ самъ себѣ противорѣчить не можетъ: очевидно, что право администраціи дѣйствовать по произволу не можетъ относиться къ отдѣльнымъ проступкамъ, которые закономъ предусмотрѣны и которые подлежатъ опредѣленнымъ по суду карамъ; администраціи могло быть предоставлено преслѣдованіе только того чего законъ предусмотрѣть не могъ, то-есть искусно замаскированныхъ направленій анти-династическихъ, измѣнническихъ, революціонныхъ, и вообще признаваемыхъ по чему-либо вредными.

Газета *Москва*, сказано въ предостереженіи г. министра внутреннихъ дѣлъ, оказала неуваженіе къ правительственному распоряженію и къ закону. Если это оказанное ею неуваженіе есть нѣчто дѣйствительно преступное, то она подлежала бы опредѣленной по суду карѣ. Судъ не могъ бы не подвергнуть ея должному взысканію, коль скоро въ ней есть предусмотрѣнныя въ законѣ оскорбительныя выраженія, или если она взываетъ къ неповиновенію законамъ или возбуждаетъ серіозное противленіе законнымъ властямъ. Но закономъ 6-го апрѣля 1865 г., предоставляющимъ министру внутреннихъ дѣлъ право предостереженій, предоставлено точно также и право частнымъ лицамъ высказываться объ административныхъ распоряженіяхъ, а равно и о дѣйствующихъ законахъ. Еслибы печать не имѣла этого права, то она не имѣла бы и смысла, или лучше сказать, она бы не существовала. Отнимать у нея это право или стѣснять его значило бы именно дѣйствовать вопреки закону и нарушать его въ томъ, что онъ имѣетъ самаго существеннаго.

Безсмысленно было бы отрицать, что министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право дѣлать газетамъ предостереженія. Но законъ не воспрещаетъ обсуждать это учрежденіе или оспаривать его пользу. Что касается до распоряженія, сдѣланнаго министромъ, то газета, о которой идетъ рѣчь, испытала во всей силѣ его дѣйствіе. Требовать бо́льшаго едва ли можно. Справедливо или несправедливо, благоразумно или неблагоразумно, полезно или вредно дѣлаемое администраціей распоряженіе, оно во всякомъ случаѣ дѣйствительно. Министръ внутреннихъ дѣлъ не просто только печатаетъ свои предостереженія, но и пріостанавливаетъ изданія; онъ по своему усмотрѣнію, и безъ всякаго суда, поражаетъ частныя лица въ ихъ существенныхъ интересахъ, и можетъ довести ихъ до разоренія: нельзя сказать, чтобы такого рода власть не была уважительна. Но законъ не даетъ права требовать, чтобъ административныя распоряженія, столь грозныя и дѣйствительныя, непремѣнно и во всякомъ случаѣ были уважаемы какъ справедливыя или безошибочныя. Распоряженія эти могутъ быть и несправедливы, и ошибочны, и каждому свободному лицу предоставлено право имѣть о томъ или другомъ изъ нихъ свое мнѣніе.

Газета *Москва* полагаетъ, что административныя предостереженія не столько полезны, сколько вредны: это ея мнѣніе, которое ни мало не лишаетъ г министра внутреннихъ дѣлъ права дѣлать предостереженія. Означенная газета, какъ кажется, не совсѣмъ убѣждена въ безошибочности или справедливости сдѣланнаго относительно ея распоряженія, коимъ изданіе ея было пріостановлено; но сколько мы знаемъ, нѣтъ такого закона, который предписывалъ бы благословлять и чтить въ сердцѣ всякое распоряженіе, сдѣланное всякимъ административнымъ лицомъ; нѣтъ закона, который бы требовалъ, что человѣкъ подвергшійся всѣмъ послѣдствіямъ административнаго распоряженія, долженъ быть непремѣнно доволенъ. Такого священнаго значенія никогда не имѣли и имѣть не могутъ распоряженія административныхъ властей, какъ бы ни были онѣ высоко поставлены. Извѣстно, что административныя распоряженія могутъ подавать поводъ даже къ судебнымъ противъ казны искамъ, и весьма часто тяжбы съ казною рѣшались не въ ея пользу, и административныя распоряженія, подавшія къ нимъ поводъ, отмѣнялись какъ ошибочныя и несправедливыя. Въ то время когда закономъ всякому предоставлено право высказывать въ печати свое мнѣніе о дѣлахъ по всѣмъ отраслямъ управленія, не возможно думать, чтобы главное управленіе по дѣламъ печати считало себя исключительно неприкосновенною святыней и тре-

бовало отъ всѣхъ благоговѣйнаго сочувствія своимъ распоряженіямъ.

Повторимъ, мы желали только разъяснить общую сторону вопроса и отнюдь не считаемъ себя въ правѣ разыскивать мотивы, которымъ руководствуется главное управленіе по дѣламъ печати или министръ внутреннихъ дѣлъ въ своихъ распоряженіяхъ направленныхъ противъ печати. Мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобы несправедливость была въ данномъ случаѣ на сторонѣ административной власти дающей распоряженія. Быть-можетъ, преслѣдуя газету *Москва*, власть эта имѣетъ въ виду какое-либо систематически вредное направленіе этой газеты. Быть-можетъ, есть поводы заключать, что означенная газета не чужда направленіямъ въ родѣ тѣхъ, которыя замѣчаются, напримѣръ, въ петербургскихъ газетахъ *Вѣсть* и въ *St.-Petersburger Zeitung*.

№ 152.

Москва, 11-го іюля.

Жалкое было положеніе тѣхъ присяжныхъ сенскаго ассизнаго суда, которые, призванные произнести приговоръ въ процессѣ Березовскаго, принуждены были выслушивать фразеологію г. Эммануила Араго и выслушивать ее безъ возможности защитить свою совѣсть отъ искаженій истины которыми преисполнена его рѣчь. Эти присяжные принадлежали къ тому самому парижскому населенію, которое, какъ утверждаютъ всѣ очевидцы, было возмущено глубокимъ негодованіемъ, когда разнеслась вѣсть о покушеніи 25-го мая, и которое, какъ показывали всѣ свидѣтели во время судебнаго слѣдствія, хотѣло даже учинить на мѣстѣ народный судъ надъ преступникомъ, такъ что полиція должна была болѣе четверти часа бороться съ толпой, чтобы высвободить его изъ ея рукъ и передать въ руки правосудія. Тогда былъ во Франціи одинъ голосъ негодованія на преступленіе и самаго живаго сочувствія къ лицу Государя Императора. О Французахъ идетъ молва, что они легкомысленны, но какъ не велико ихъ легкомысліе, невозможно думать, чтобъ общее настроеніе перемѣнилось такъ скоро, и чтобы парижскіе присяжные принесли съ собой въ зданіе ассизнаго суда какой-нибудь неправильный взглядъ. Но тутъ была вылита на нихъ такая масса лжи и фразерства и они были оставлены въ такомъ беззащитномъ положеніи, что произнесенный ими приговоръ по справедливости не можетъ быть поставленъ имъ въ вину. Защитникъ не счелъ возможнымъ возражать противъ обвинительнаго акта; онъ не отрицалъ что преступленіе, за которое судился его кліентъ, есть покушеніе на убійство, подлежащее наказанію по общему праву; онъ не утверждалъ, что оно относится къ разряду политическихъ нарушеній законнаго порядка, по которымъ во Франціи нынѣ совершенно отмѣнена смертная казнь. Этого онъ утверждать не могъ, потому что такое утвержденіе нельзя было бы оставить безъ опроверженія, а опроверженіемъ было бы разъясненіе дѣло, и тогда истина не укрылась бы отъ присяжныхъ. Но принимая составъ преступленія, какъ онъ былъ опредѣленъ въ обвинительномъ актѣ, защитникъ старался извратить дѣло такъ сказать подъ рукой, и ни предсѣдатель суда, ни обвинитель ему въ томъ серіозно не воспрепятствовали. Когда читаешь судебныя пренія, конхъ окончаніе мы печатаемъ въ сегодняшнемъ нумерѣ, то дѣйствительно кажется, что на скамьѣ подсудимыхъ находился не преступникъ, съ умысломъ и коварствомъ покусившійся на убійство, а находилось русское правительство и русское государство, съ его законами и внутренними распоряженіями, вѣдѣнію французскихъ судовъ, слава Богу, не подлежащими. Въ этомъ странномъ перемѣщеніи предмета суда виноваты не присяжные, которые были его жертвой; въ немъ виноваты преловутая французская магистратура, французскій паркетъ (прокурорскій надзоръ) и въ особенности французская адвокатура, продолжавшая въ этомъ судебномъ засѣданіи ту мальчишескую сцену, которую устроили во Дворцѣ Правосудія товарищи г-на Араго.

Во Франціи много говорятъ объ общественномъ мнѣніи и нерѣдко сѣтуютъ на то, что оно не имѣетъ тамъ должнаго значенія. Но какъ будетъ оно имѣть значеніе въ глазахъ правительственныхъ лицъ, когда напримѣръ даже въ такомъ громкомъ процессѣ какъ процессъ 15-го іюля вся защита могла быть основана на убѣжденіи, что адвокатъ можетъ смѣяться надъ общественною совѣстью и прибѣгать ко всякой лжи и фальсификаціи, безъ малѣйшаго

опасенія, что его репутація отъ того пострадаетъ? Г. Араго, конечно, не думалъ, что онъ не будетъ уличенъ, но онъ очевидно былъ увѣренъ, что эти обличенія либо не будутъ допущены до свѣдѣнія французской публики, либо не произведутъ на нее впечатлѣнія; онъ былъ увѣренъ, что публичный обманъ можетъ разчитывать во Франціи либо на поддержку и покровительство, либо на равнодушіе, и что такъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ безнаказанность ему обезпечена. При такомъ взглядѣ само собой разумѣется, что онъ могъ говорить о польскомъ возстаніи, нисколько не озаботившись изученіемъ тѣхъ многочисленныхъ матеріаловъ, которые были доступны ему на французскомъ языкѣ. Онъ не знаетъ даже, когда началось возстаніе и когда былъ извѣстный рекрутскій наборъ въ Варшавѣ, которымъ, по его увѣренію, возстаніе было вызвано. Онъ полагаетъ, что наборъ былъ 26-го іюня 1863 г. Впрочемъ очень можетъ быть что онъ притворяется. Какое ему дѣло до того, что его ошибка будетъ указана? Но она доставила ему риторскій эффектъ; ему нравилось сказать, что покушеніе совершено наканунѣ годовщины послѣдовавшаго за рекрутскимъ наборомъ избіенія, и вотъ избіеніе сонныхъ русскихъ солдатъ заговорщиками превращается въ избіеніе Поляковъ русскими солдатами, и ораторъ изображаетъ, какъ мысль объ этомъ злодѣяніи русскихъ варваровъ должна была придать его кліенту силу на покушеніе, совершенное имъ 25-го мая ст. ст. или 6-го іюня н. ст., хотя впрочемъ и этотъ день все-таки не приходится наканунѣ 26-го іюня, минимальнаго дня рекрутскаго набора. Другаго, еще бо́льшаго эффекта достигаетъ защитникъ, поднявъ пукъ русскихъ газетъ, полученныхъ имъ будто бы вечеромъ наканунѣ (все наканунѣ!) и изъ которыхъ онъ будто бы узналъ, что отецъ Антоина Березовскаго уже три или четыре года въ тюрьмѣ, а братъ въ Сибири. Эту страшную новость онъ сообщаетъ въ присутствіи суда своему юному кліенту, „нѣжнѣйшему изъ сыновей и лучшему изъ братьевъ.“ Въ *Вольтскихъ Вѣдомостяхъ* было дѣйствительно сказано, что братъ Антона Березовскаго, Станиславъ, сосланъ въ Сибирь, а отецъ, Іосифъ, преданъ суду (читатели знаютъ теперь что онъ былъ подъ судомъ за изнасилованіе своей дочери), но тамъ же сказано, что Іосифъ Березовскій *проживаетъ* въ Житомірѣ, занимаясь настраиваніемъ фортепіанъ и уроками музыки.*), изъ чего ясно и слѣдуетъ, что онъ не арестованъ и стало-быть никакъ не принадлежитъ къ лику мучениковъ святой Польши. Если извѣстныя нынѣ читателямъ подробности о семействѣ Березовскихъ остались неизвѣстными обвиненію, которое, вѣроятно, для предотвращенія русскихъ преслѣдованій, старалось изобразить семейство Березовскаго какъ *une honnête famille de la Volhynie*, то этимъ доказываются только неудовлетворительность свѣдѣній собранныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ, и привычка французскаго паркета не ограничиваться показаніями, основанными на достовѣрныхъ данныхъ.

Нельзя сомнѣваться, что матеріалы для рѣчи г-на Араго доставлены ему польскими эмигрантами проживающими въ Парижѣ. Крики о жестокостяхъ совершенныхъ и совершаемыхъ русскимъ правительствомъ въ западномъ краѣ лучше всего опровергаются этими матеріалами. Еслибъ упомянутые крики были основательны, то было бы достаточно изобразить дѣйствительность, а прибѣгать къ фальсификаціямъ и обману не было бы надобности. Но дѣйствительность, о которой такъ кричали, не подходитъ къ тому, что было нужно въ интересахъ защиты; дѣйствительности никто бы не удивился во французскомъ судѣ, и рѣчь г-на Араго произвела бы обратное дѣйствіе. Всякій зналъ, что онъ не попадетъ Россіи и не утаитъ никакой жестокости ею совершенной. Еслибы, привлекши Россію на скамью подсудимыхъ, онъ поступилъ съ нею честно, то общій приговоръ былъ бы въ ея пользу, и польское дѣло проиграло бы въ глазахъ Франціи, которая узнала бы что серіозныхъ обвиненій не могъ отыскать и такой другъ польскаго возстанія, какъ г. Араго. Чтобы предотвратить торжество истины, не оставалось ничего болѣе какъ прибѣгнуть къ старинному средству польской эмиграціи, подлогу. *Между показаніями г-на Араго и русскихъ законахъ и распоряженіяхъ нѣтъ ни одного вѣрнаго.* Вотъ нѣсколько примѣровъ.

8 и 9-го мая былъ посланъ циркуляръ къ военнымъ начальникамъ губерній Витебской, Могилевской и Минской, въ ко-

*) Эти извѣстія были перепечатаны въ *Современной Лѣтописи* (№ 22 и потомъ дополнены дальнѣйшими свѣдѣніями въ № 150) *Московскихъ Вѣдомостей*.

торомъ сказано, что имъ предоставляется право немедленно конфирмовать приговоры *надъ главнѣйшими преступниками*. Эти послѣднія слова выпущены у г. Араго, и по его изложенію выходитъ, что военнымъ начальникамъ губерній было дано право разстрѣливать всѣхъ *болѣе или менѣе участвовавшихъ* въ возстаніи. Но и этого казалось мало, а потому военные начальники, о которыхъ въ циркулярѣ сказано, что имъ подчиняются губернаторы и всѣ чины губерніи, превратились у г. Араго въ мелкихъ офицеровъ или уѣздныхъ начальниковъ, и для усиленія эффекта, этотъ циркуляръ, изданный, какъ сказано, 8-го и 9-го мая, приписанъ графу Муравьеву, хотя онъ прибылъ въ Вильну лишь 13-го мая.

Далѣе, въ виду того, что срокъ помилованія, дарованный манифестомъ 31-го марта 1863 года, истекъ, Высочайше повелѣно было *взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ* предводителей шаекъ, *дезертировъ*, членовъ *центральныхъ* комитетовъ, распоряжавшихся возстаніемъ и лицъ *совершившихъ надъ нашими чиновниками или беззащитными жителями убійства и истязанія*, если ихъ виновность ясно обнаруживается безъ предварительнаго слѣдствія, предавать военному суду и конфирмовать мѣстному военному начальнику (*военному губернатору, начальнику дивизіи или генералу временно назначенному для командованія войсками въ губерніи*) или уполномоченнымъ на то командирамъ отрядовъ, если же необходимо слѣдствіе, то *по разсмотрѣніи слѣдственнаго дѣла*, лицъ отнесенныхъ къ этой категоріи предавать суду *не ожидая окончанія дѣла о прочихъ*. Таково подлинное распоряженіе, искаженное въ передачѣ г. Араго пропускомъ всего того что мы отмѣтили курсивомъ.

Въ циркулярѣ 17-го іюля (ошибочно отнесенномъ въ рѣчи г. Араго къ 25-му іюля) предписано военнымъ начальникамъ *постоянно слѣдить за скитающимися еще въ лѣсахъ остатками отъ шаекъ*, преимущественно за *предводительствующими ихъ* ксендзами, помѣщиками и шляхтичами, и всѣхъ тѣхъ, которые будутъ взяты въ плѣнъ изъ этихъ бродячихъ *разбойническихъ* шаекъ, *ежели сіи послѣднія учинили какое-либо неистовство или насиліе надъ крестьянами или инымъ кѣмъ*, судить полевымъ уголовнымъ судомъ въ 24 часа. Въ приведенномъ изъ этого циркуляра мѣстѣ г. Араго опять выпустилъ все что мы отмѣтили курсивомъ.

Что касается до околицы Ибяны (у г. Араго Гіаны), то ея жители, какъ извѣстно, напали въ 1863 году въ ночь подъ Преображенье на жилища пяти семействъ старобрядцевъ и повѣсили изъ нихъ *одиннадцать* человѣкъ. За это околица Ибяны подверглась упоминаемому у г. Араго наказанію, но и при описаніи этого наказанія сдѣланъ пропускъ. Такъ напримѣръ не сказано, что престарѣлые изъ жителей не были сосланы, а помѣщены въ богадѣльни. Пособіе старообрядцамъ дано не изъ контрибуцій, наложенныхъ на *помѣщиковъ*, а изъ суммъ полученныхъ съ секвестрованныхъ имѣній, принадлежащихъ *мятежникамъ*. Имущество же сосланныхъ продано въ ихъ пользу и вырученныя деньги отосланы для раздачи имъ въ новое мѣсто ихъ жительства.

Цитаты изъ 2-й части XV тома Свода Законовъ приведены г-мъ Араго по изданію 1842 года, безъ вниманія къ тѣмъ перемѣнамъ, которыя произведены въ изданіи 1857 года. Но теперь, какъ извѣстно, ни одна изъ этихъ статей не имѣетъ силы въ тѣхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ введены новые судебные уставы, которыми 2-я часть XV тома, излагавшая законы о судопроизводствѣ, вполнѣ упразднена. Г. генералъ-прокуроръ высказалъ правильную догадку, что г. Араго можетъ-быть приводитъ законы прежнихъ временъ, но нельзя не посѣтовать, что и г. генералъ-прокуроръ, опасаясь вѣроятно какъ бы не приняли его за ретрограда, счелъ своимъ долгомъ отозваться свысока о русскихъ законахъ, а о распоряженіяхъ русскаго правительства даже съ порицаніемъ. Мы весьма сомнѣваемся, чтобъ это входило въ его обязанности, но всего болѣе, конечно, удивительно то мѣсто его рѣчи, гдѣ онъ порицая убійство *кинжаломъ*, приглашаетъ Поляковъ держать въ своихъ рукахъ *ружье* возстанія, возбуждать страсти своихъ соотечественниковъ и вызывать революцію. Когда такіе совѣты подаетъ императорская прокурорская власть и императорскій судъ спокойно выслушиваетъ ихъ, то удивляться ли дерзости адвоката-фразера, который извиняетъ злодѣяніе подсудимаго не молодостью лѣтъ его, не превратнымъ направленіемъ его мыслей и чувствъ, наконецъ не политическимъ фанатизмомъ, а энтузіазмомъ къ отечеству, справедливости и религіи?

Очень жаль, что и президентъ Сенскаго ассизнаго суда не даетъ возможности отозваться одобрительно о веденіи имъ процесса 15-го іюля. Гдѣ его вмѣшательство требовалось въ интересѣ правосудія, тамъ онъ дѣйствовалъ слабо, но за то онъ пошелъ дальше своей обязанности, когда старался вызвать свидѣтелей на показанія, которыя могли быть пріятны его величеству императору Французовъ, рисуя его присутствіе духа, но нисколько не относились къ предлежавшей суду задачѣ. Кажется, что и вообще веденіе этого процесса не осталось безъ вліянія со стороны политическихъ сферъ и ихъ измѣнчиваго настроенія. Есть признаки, что во Франціи чѣмъ-то недовольны со стороны Россіи, какъ будто ошиблись въ какихъ-то соображеніяхъ и разчетахъ...

Процессъ 15-го іюля даетъ живо почувствовать недостатки французскаго судопроизводства. Ведись онъ въ англійскомъ судѣ, русское правительство могло бы имѣть на судѣ своего адвоката, которому помогали бы и при которомъ, также на судѣ, находились бы представители русскаго правительства. Тогда рѣчь г. Араго была бы тотчасъ же опровергнута и вообще преслѣдованіе было бы ведено гораздо лучше, чѣмъ можно требовать отъ французскаго генералъ-прокурора, для котораго все это дѣло есть въ сущности дѣло чужое, исполняемое *ex officio*; между тѣмъ какъ защитникъ имѣлъ побужденія дѣйствовать изо всѣхъ своихъ силъ. Многіе считаютъ недостаткомъ суда присяжныхъ этотъ часто замѣчаемый перевѣсъ защиты надъ обвиненіемъ, но тутъ виноватъ не судъ присяжныхъ, а виновата неправильная постановка адвокатуры и прокурорскаго надзора во французскомъ судѣ. Они тамъ два отдѣльныя, въ постоянной взаимной борьбѣ находящіяся учрежденія, а такъ какъ прокурорскій надзоръ отстаиваетъ интересы государства и законнаго порядка, то адвокатура искусственно превращается въ какой-то странный, самимъ законодательствомъ учрежденный органъ оппозиціи противъ этихъ интересовъ. Въ адвокатскомъ сословіи само собой развивается и все болѣе и болѣе ослабляется чувство правды, которое должно быть выше всего, и внѣдряется наклонность къ слову безъ убѣжденія, къ риторству и софистикѣ. Многіе говорятъ, что адвокатское сословіе есть самая испорченная изъ либеральныхъ профессій. Это вообще несправедливо, но гдѣ начала французскаго судопроизводства успѣли обнаружить свое дѣйствіе, тамъ это говорится не безъ основанія. Напротивъ, ничего подобнаго нѣтъ въ Англіи: тамъ обвинители и защитники не составляютъ отдѣльныхъ сословій; тамъ одни тѣ же лица дѣйствуютъ сегодня въ качествѣ обвинителей, завтра въ качествѣ защитниковъ. Только подобнымъ устройствомъ можно обезпечить равносильность обвиненія и защиты, а безъ этого равновѣсія общество, ограждаемое прокурорскимъ надзоромъ, будетъ по необходимости постоянно въ проигрышѣ предъ нарушителями общественнаго порядка, защитой которыхъ адвокаты снискиваютъ себѣ извѣстность и славу.

№ 153.

Москва, 12-го іюля.

Исторія свидѣтельствуетъ, что во всѣ времена и во всѣхъ почти странахъ ловкіе и сильные міра сего считали себя въ правѣ прибѣгать къ хитростямъ дабы скрыть истину и тѣмъ содѣйствовать интересамъ дѣла, которому работали. Даже и добросовѣстные изъ нихъ не всегда считали себя обязанными помогать истинѣ выбраться на Божій свѣтъ изъ колодца, который лукавое сказаніе отвело для жительства этой богинѣ. Пуническое вѣроломство не было исключительною монополіей Карѳагенцевъ. Но смѣло можно утверждать, что никогда, даже въ самыя отдаленныя времена грубѣйшаго варварства, не пользовались такъ часто, какъ въ настоящее время, самою безстыжею ложью. Мало того, что истину скрываютъ ею жертвуютъ, надъ нею ругаются при каждомъ словѣ, при каждомъ движеніи. И это дѣлается безъ всякихъ церемоній, безъ всякихъ приличій, требуемыхъ вѣломудріемъ нравственности. Лгутъ безпрестанно, лгутъ безъ зазрѣнія совѣсти, безъ малѣйшаго колебанія, иногда просто потому только, что лгать привыкли. Даже не принимаютъ на себя труда прибѣгнуть къ хитрости; ложь выставляется на публичныхъ площадяхъ явно и съ возмутительнымъ цинизмомъ. Руководители клерико-піяхѣтскаго дѣла въ Польшѣ могутъ похвалиться, что они много способствовали къ увлеченію современныхъ поколѣній на этотъ путь развра-

та. Польскій мятежъ 1863 года, и все что ему предшествовало, и все что за нимъ послѣдовало, было длинною, кровавою ложью. Національность, во имя которой волновали и возбуждали Европу противъ насъ, имѣетъ только мечтательное существованіе. Это такъ-называемое народное возстаніе было въ сущности дѣломъ внѣшней интриги и пановъ, стремившихся удержать истинный народъ польско-русскихъ провинцій въ узахъ рабства, которыя должны были пасть. Эта колоссальная мистификація потерпѣла неудачу, благодаря патріотическому и единодушному движенію Русскаго Государя и Русскаго народа, но средства, которыя были употреблены для этой мистификаціи, остаются обычнымъ орудіемъ нѣкоторыхъ правительствъ и тѣхъ органовъ, которые состоятъ въ ихъ услугахъ.

Поученіями авторовъ польской мистификаціи воспользовались и въ Константинополѣ, гдѣ теперь, какъ извѣстно, тонъ даютъ европейскіе и преимущественно польскіе ренегаты. Съ самаго начала критскаго возстанія, то-есть, въ продолженіе болѣе чѣмъ года, каждыя двѣ недѣли упрямо, съ непоколебимою наглостью, извѣщаютъ насъ изъ Константинополя о новыхъ мнимыхъ побѣдахъ, тотчасъ опровергаемыхъ событіями. Держась этой системы безпрерывной лжи, турецкая печать совершила недавно маневръ поважнѣе чѣмъ простое объявленіе о мнимыхъ побѣдахъ. Такъ какъ министровъ королевы Викторіи пригласили представить парламенту всѣ консульскія донесенія о положеніи христіанъ въ Оттоманской имперіи, то лордъ Станлей волею-неволею былъ вынужденъ выложить на столъ палаты 26 донесеній, изъ коихъ въ *одномъ* только (отъ андріанопольскаго консула) говорится снисходительно о турецкой администраціи, тогда какъ въ остальныхъ содержатся самыя тяжкія обвиненія на нее, и положеніе христіанъ описывается въ ужасающемъ видѣ. Казалось, не было возможности извратить офиціальные документы, напечатанные въ числѣ нѣсколькихъ сотъ экземпляровъ и предъявленные парламенту великой европейской націи. Но по части политическихъ обмановъ въ наше время нѣтъ ничего невозможнаго. Едва была обнародована упомянутая Синяя Книга, какъ въ офиціальномъ журналѣ Константинопольскаго правительства явилась статья, утверждавшая съ неслыханною дерзостью, что „всѣ донесенія британскихъ консуловъ на Востокѣ свидѣтельствуютъ о превосходныхъ намѣреніяхъ турецкаго правительства относительно христіанскихъ подданныхъ султана, и объ огромныхъ успѣхахъ совершившихся послѣ 1856 г. или имѣющихъ вскорѣ совершиться.“ Эта статья, переданная по телеграфу, была послушно разнесена по свѣту всею европейскою журналистикою. За исключеніемъ одного *Nord* въ Брюсселѣ, ни одна газета не протестовала противъ этого удивительнаго извращенія факта публичною и безстыжею ложью, ни одинъ голосъ не вознесся, чтобы покрыть позоромъ эту продѣлку, и вступиться за дѣло 12 милліоновъ людей, которыхъ страданія съ каждымъ днемъ возрастаютъ.

Можетъ статься, впрочемъ, что правовѣрныхъ нѣкоторыя мѣста Корана уполномочиваютъ издѣваться надъ „собаками-христіанами“ и лгать безъ зазрѣнія совѣсти всѣмъ „гяурамъ.“ Но въ Евангеліи ничего подобнаго нѣтъ, и потому мы съ изумленіемъ видѣли, что недавно одинъ офиціальный и даже „универсальный“ журналъ державы „весьма-христіанской“ исказилъ рескриптъ Его Величества Императора Всероссійскаго князю Горчакову, выпустивъ изъ него милостивыя слова сказанныя въ похвалу канцлера имперіи за его благородный и энергическій образъ дѣйствій въ польскомъ вопросѣ. Не позволительно утверждать, чтобъ это искаженіе было умышленное; безъ сомнѣнія, упомянутый офиціальный органъ былъ еще разъ жертвою мистификаціи въ родѣ той, которая побудила его два года тому назадъ напечатать совершенно искаженный текстъ императорскаго указа относительно секуляризаціи польскихъ римско-католическихъ монастырей; однако нельзя не пожалѣть, что политическіе „мистификаторы“ имѣютъ возможность простирать свое дѣйствіе въ офиціальныя сферы, или что политическій обманъ проникаетъ даже въ святилище суда, какъ мы видѣли вчера изъ отчета о процессѣ Березовскаго.

Къ самымъ чудовищнымъ явленіямъ въ этомъ родѣ принадлежитъ недавно напечатанная въ *Аугсбурской Газетѣ* апокрифическая депеша, приписанная князю Горчакову. Дѣйствительно, нѣтъ возможности понять какимъ образомъ серіозный журналъ могъ принять въ свои столбцы такой явно поддѣльный документъ, такой грубый

подлогъ, какъ упомянутая депеша. Надобно быть совершеннымъ невѣждою, надобно не имѣть ни малѣйшаго понятія о политическихъ дѣлахъ, чтобы хотя минуту повѣрить подлинности подобнаго документа. Говорятъ, *Аугсбургская Газета* получаетъ внушенія отъ вѣнскаго правительства, по крайней мѣрѣ она выставляетъ себя поборницею г. фонъ-Бейста: какъ же она далась въ такой нелѣпый обманъ? Неужели, сочинивъ и пустивъ въ обращеніе такую безсмыслицу, мистификаторы имѣли въ виду возбудить тѣмъ недоразумѣнія между Россіей и Англіей? Но кто повѣритъ, чтобы нашъ государственный канцлеръ былъ способенъ поступить какъ шаловливый школьникъ, чтобъ онъ, ни съ того ни съ сего, вздумалъ поднять въ Европѣ Ирландскій вопросъ?

Всего грустнѣе то, что нравственное чувство европейской публики сдѣлалось, повидимому, уже совершенно равнодушно къ этимъ упорнымъ проявленіямъ систематической лжи, что духъ чести въ органахъ общественнаго мнѣнія совсѣмъ исчезъ. Вотъ результаты той политики заговора и интригъ, въ которой полагаютъ всю свою мудрость иныя правительства и которою одержима Европа послѣ несчастныхъ и позорныхъ переворотовъ 1848 и послѣдующихъ годовъ, когда была, всѣмъ извѣстными способами, похищена власть одной изъ великихъ европейскихъ державъ. Торгашъ не исполняющій обязанностей чести, не платящій долговъ, тотчасъ исключается изъ всякой честной торговой корпораціи. Съ офицера запятнавшаго свой мундиръ безнравственнымъ поступкомъ срываются его эполеты. Игрокъ подозрительный изгоняется изъ своего клуба. Почему же карьера публичнаго дѣятеля лишена этихъ гарантій, почему можно прибѣгать къ самымъ постыднымъ продѣлкамъ на томъ поприщѣ, которое недавно г. Гладстонъ такъ высоко превознесъ въ своей замѣчательной рѣчи?

№ 154.

Москва, 13-го Іюля.

О реформѣ предстоящей въ балтійскихъ губерніяхъ и о тамошнемъ дворянствѣ: подъ этимъ заглавіемъ *Рижская Газета* помѣстила на дняхъ передовую статью, въ которой ставитъ, вопервыхъ, на видъ, что по единогласному отзыву журналистики въ Германіи, историческому положенію балтійскихъ губерній угрожаетъ опасность, и что для отвращенія этой опасности упомянутые журналы совѣтуютъ балтійскому дворянству добровольно отказаться отъ своихъ сословныхъ привилегій. *Рижская Газета* говоритъ, что берлинская *National-Zeitung* и *Эльберфельдская Газета* подобными безразсудными предложеніями доказываютъ, что имъ вовсе неизвѣстно положеніе дѣлъ въ балтійскихъ губерніяхъ. Въ чемъ собственно состоитъ это невѣдѣніе упомянутыхъ газетъ, *Рижская Газета* не высказываетъ ясно, но мы, не имѣя обязанности умалчивать о чемъ бы то ни было въ отношеніи къ этому дѣлу, дополнимъ ея осторожныя показанія ясными словами. Газеты въ Германіи впадаютъ въ то самое заблужденіе, въ которое часто впадаетъ и русское общество, даже наша администрація; именно, онѣ считаютъ балтійскія губерніи дѣйствительно нѣмецкими провинціями, и думаютъ, что населеніе въ нихъ преимущественно нѣмецкое. Печать въ Германіи не знаетъ, что балтійское *нѣмечество* есть произведеніе искусственное, привилегіями и преимуществами съ трудомъ поддерживаемое, и полагаетъ, что это *нѣмечество*, это *Deutschthum*, по крайней мѣрѣ отчасти, опирается на естественную, національную почву, тогда какъ въ дѣйствительности этого вовсе нѣтъ, а есть лишь нѣчто противное тому. Посредствомъ поддѣльныхъ статистическихъ показаній, при которыхъ Латыши и Эсты живущіе въ городахъ и знающіе по-нѣмецки причислены къ „Нѣмцамъ“, тамъ успѣли въ новѣйшее время достичь только того, что въ центрахъ *нѣмечества*, въ городахъ, насчитали отъ 40 — 45 процентовъ „нѣмецкаго“ населенія. Вотъ ясное истолкованіе слѣдующихъ словъ *Рижской Газеты*:

„Побуждать балтійское дворянство къ добровольному отреченію отъ его сословныхъ привилегій можетъ лишь тотъ, кто не имѣетъ понятія о свойствѣ этихъ привилегій, и всего менѣе можетъ этого пожелать „просвѣщенное“ балтійское городское сословіе, о борьбѣ котораго съ дворянствомъ изложены совершенно ложныя понятія въ одной изъ помѣщенныхъ въ *Эльберфельдской Газетѣ* корреспонденцій, обсуждающей тотъ же предметъ. Конечно, легко видѣть, что въ Россіи въ настоящее

время господствуетъ національное направленіе, но неизвѣстно еще не опаснѣе ли для насъ либерализмъ юной русской школы чѣмъ воззрѣніе, котораго острѣйшія стрѣлы, противъ насъ направленныя, мы покамѣстъ можемъ искать не въ правительственной сферѣ, а въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*."

Рижская Газета дѣлаетъ намъ слишкомъ много чести, отъ которой мы отказываемся, давая уразумѣть своимъ заграничнымъ читателямъ, что мы особенно проницательны въ дѣлѣ національной политики, и успокоивая ихъ намекомъ что отъ правительства въ этомъ отношеніи можно легко отвертѣться. Надобно замѣтить, что въ сущности *Рижская Газета* говоритъ то же самое, что̀ и тѣ заграничные корреспонденты, которыхъ она какъ будто оспариваетъ. Она не хочетъ отмѣны привилегій балтійскаго дворянства, потому что всегда видѣла въ нихъ не сословныя привилегіи, Landes-privilegien, которыя давали всему балтійскому краю его Deutschthum, его германскій характеръ, и выдѣляли его изъ связи съ Русскою имперіей. Но она находитъ нужными реформы въ этихъ привилегіяхъ, и также какъ печать въ Германіи, желаетъ чтобъ эти реформы вели къ объединенію этихъ провинцій въ смыслѣ германскомъ и къ дальнѣйшему отчужденію ихъ отъ Россіи.

„Иностранные корреспонденты, ожидая поддержанія нашей автономіи отъ упраздненія сословныхъ дворянскихъ привилегій, сами не знаютъ что̀ они говорятъ, такъ какъ наше самоуправленіе тѣсно связано именно съ этими привилегіями, и послѣднія занимаютъ въ этомъ отношеніи то же самое мѣсто, какое привилегіи городовъ. Совсѣмъ другой вопросъ, не предстоитъ ли, подобно тому какъ въ городахъ, необходимость преобразовать старыя сословныя привилегіи и постановленія въ одно общинное устройство такъ какъ быстро идущія дѣла съ каждымъ днемъ усиленнѣе понуждаютъ къ преобразованію политическаго устройства страны (Landes-Verfassung)"...

Рижская Газета едва ли основательно увѣряетъ, что съ балтійскимъ дворянствомъ солидарно связано *просвѣщенное* нѣмецкое городское сословіе. *Рижской Газетѣ*, безъ сомнѣнія, извѣстно, что нѣсколько лѣтъ назадъ значительная часть курляндскихъ такъ называемыхъ „литератовъ" обращались къ правительству съ просьбой о самой коренной реформѣ; упомянутой газетѣ, безъ сомнѣнія, также не безызвѣстно, что главная масса низшаго городскаго сословія въ Ригѣ, нѣмецкой рѣчи, высказалась большинствомъ голосовъ не противъ, а *въ пользу* общаго русскаго городоваго положенія императрицы Екатерины II, но не смотря на то балтійское *мѣщанство* было въ послѣдствіи вынуждено снова подчиниться ненавистному для него бремени балтійско-нѣмецкихъ особенностей. Если не ошибаемся, то бо́льшая часть ревельскаго городскаго сословія была также, еще недавно, въ пользу русскаго городскаго устройства. Да и вообще вредныя сепаратныя постановленія этой балтійской *Verfassung* весьма мало укоренились въ балтійскихъ губерніяхъ. Но въ этомъ-то и вся сила дѣла: *естественный*, съ желаніями и благомъ всего населенія наиболѣе согласный порядокъ вещей держался бы самъ собою, и не представлялъ бы никакихъ затрудненій. Онъ былъ бы полезенъ для всей имперіи, организму которой сильно вредитъ существованіе въ ней чуждыхъ составныхъ частей; онъ былъ бы полезенъ и самимъ балтійскимъ городамъ, и наконецъ онъ доставилъ бы возможность справедливо поступать съ истиннымъ туземнымъ населеніемъ, Латышами и Эстами, которые вынуждены расплачиваться за привилегіи, сохраненныя нами для обезпеченія *германства* края въ такое время, когда во всѣхъ государствахъ Европы подобныя привилегіи давнымъ-давно упразднены. И какой смыслъ имѣетъ историческое балтійское развитіе, о которомъ толкуетъ тамошняя вдохновенная журналистика, вводя въ заблужденіе большинство нашихъ согражданъ говорящихъ по-нѣмецки? Не иной какъ систематически устранять каждаго нѣмецкаго балтійскаго уроженца отъ всякаго политическаго значенія до тѣхъ поръ, пока онъ не сдѣлается Нѣмцемъ. Обыватели балтійскихъ городовъ ежегодно въ въ значительномъ числѣ уѣзжаютъ оттуда, чтобы найдти въ другихъ мѣстностяхъ Россіи болѣе правильное существованіе; стало-быть, они находятъ возможность существовать *внѣ* балтійскихъ губерній, не занимаясь опекой надъ своими согражданами и не эксплуатируя ихъ: зачѣмъ же эта опека и эксплуатація нужны въ балтійскихъ губерніяхъ?

Что на сей разъ предстоящія въ балтій-

скомъ краѣ реформы будутъ серіознѣе, этому мы видимъ доказательство въ только что полученномъ нами нумерѣ *Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, гдѣ обнародовано предписаніе генералъ-губернатора балтійскихъ провинцій курляндскому губернатору, отъ 28-го іюня, и въ этомъ предписаніи сказано: „Вслѣдствіе частыхъ жалобъ, доходящихъ къ г. генералъ-губернатору балтійскихъ губерній отъ членовъ крестьянскихъ общинъ, что общинныя власти *отказываютъ* имъ въ возобновленіи паспортовъ или выдаютъ оные *лишь по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ*, что при выдачѣ паспортовъ съ нихъ взимаютъ *незаконную* подать и не *выдаютъ имъ* слѣдующей во взносѣ денегъ квитанціи,—его превосходительство предписываетъ начальнику Курляндской губерніи обязать курляндскія власти, чтобъ онѣ съ возможною скоростію выдавали паспорты и не взимали недозволенныхъ закономъ податей, а *виновныхъ* въ этомъ подвергали надлежащей отвѣтственности.“ Это предложеніе сопровождается въ *Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* даже вѣрнымъ латышскимъ переводомъ, что также весьма знаменательно. Законъ, исполненія котораго г. генералъ-губернаторъ требуетъ теперь съ такою настоятельностью, былъ изданъ уже 9-го іюля 1863 года; появленіе его тогда было названо въ *Сѣверной Почтѣ* событіемъ прогрессивнымъ, полагающимъ эпоху для балтійскихъ губерній. Главное содержаніе закона состояло въ томъ что балтійскіе крестьяне (свободные уже съ 1818) вольны ходить на работу куда они хотятъ за 30 верстъ отъ своего мѣстожительства безъ паспорта, а для отлучки на болѣе дальнее разстояніе должны брать паспортъ, въ которомъ имъ *отнюдь не должно отказывать*. Въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* текстъ этого закона, напечатаный въ нѣмецкомъ переводѣ, не былъ напечатанъ по-латышски, хотя во всѣхъ важныхъ случаяхъ предписано печатать распоряженія правительства на латышскомъ языкѣ, понятномъ для крестьянъ. Но *обычай* требовалъ именно совершенно противнаго, и потому этотъ законъ, который *Сѣверная Почта* объявила столь важнымъ, не былъ *Курляндскими Губернскими Вѣдомостями* удостоенъ даже той чести, чтобъ его обнародовать на простонародномъ языкѣ, между тѣмъ какъ правило это соблюдалось при обнародованіи неважныхъ предписаній. Новый законъ былъ обнародованъ по-латышски только въ полуофиціальной латышской *Митавской Газетѣ*, которой редакторомъ былъ лютеранскій пасторъ (вмѣстѣ съ тѣмъ президентъ Латышско-литературнаго общества). Но здѣсь этотъ законъ былъ переданъ въ смыслѣ совершенно противоположномъ тому, какой онъ имѣлъ въ оригиналѣ; тутъ было сказано, что крестьяне могутъ просить паспорта только въ такомъ случаѣ, когда отлучаются *не далѣе* 30 верстъ; тотъ пунктъ, что имъ въ паспортахъ не *можетъ быть отказано*, если они уплатили всѣ законныя подати, былъ совершенно выпущенъ. Словомъ, президентъ Латышско-литературнаго общества, который если не понималъ русскаго языка, то безъ сомнѣнія хорошо понималъ нѣмецкій, передѣлалъ законъ совершенно въ балтійскомъ „историческомъ“ смыслѣ. Этотъ политическій текстъ имѣетъ и теперь еще силу; онъ былъ лишь слегка улучшенъ въ 1864 году, а потомъ въ офиціальномъ объявленіи признанъ вѣрнымъ въ обѣихъ его формахъ, то-есть и въ совершенноложной и въ полу-ложной, и *предписанъ* для исполненія балтійскимъ властямъ. Вотъ одна изъ драгоцѣнныхъ балтійско-нѣмецкихъ особенностей!

№ 155.

Москва, 14-го іюля.

За два дня предъ симъ, въ № 152 нашей газеты, въ корреспонденціи изъ Уфы, разсказанъ случай поразившій своею чудовищностію. Должностное лицо, облеченное обширною и важною властію, блюститель спокойствія и законности, глава полиціи цѣлаго уѣзда, исправникъ, или какъ нынче исправники любятъ именовать себя, начальникъ уѣзда, учинилъ разбой и насиліе, не въ переодѣтомъ видѣ, ночью, на большой дорогѣ, но въ силу своей власти, въ качествѣ должностнаго лица, съ нѣкоторою торжественностью, при соучастіи другихъ должностныхъ лицъ и посредствомъ агентовъ подчиненныхъ ему въ огражденіе общественнаго спокойствія и въ обезпеченіе мирныхъ гражданъ. Дѣйствіе, учиненное Бирскимъ исправникомъ надъ купцомъ Севастьяновымъ, оставляетъ далеко за собою подобнаго рода случай, бывшій года за три или четыре предъ симъ

въ Рязанской губерніи. Рязанскій исправникъ, молодой человѣкъ съ небольшимъ двадцати лѣтъ, на котораго была возложена эта должность, совершилъ безаконное дѣло насилія по-крайней мѣрѣ при исполненіи служебныхъ обязанностей. Въ наше время подобные факты, какъ дѣло купца Севастьянова, есть дикая аномалія; но тѣмъ рѣзче выдается возмутительный характеръ этого факта, чѣмъ менѣе можно извинять его духомъ времени, учрежденіями и состояніемъ дѣйствующихъ законовъ. На этихъ дняхъ, вчера или нынче дѣло это должно было поступить къ докладу въ правительствующемъ сенатѣ въ порядкѣ стараго судопроизводства, ибо новыя судебныя учрежденія еще не введены въ томъ краѣ, гдѣ произошло это возмутительное дѣло.

Но какъ ни исключителенъ этотъ случай, онъ наводитъ на размышленія и напоминаетъ объ одной изъ главныхъ язвъ, которыя изнуряли наше отечество и которыя только въ наши дни дождались мощнаго врачеванія въ новыхъ законахъ и учрежденіяхъ, преобразующихъ Россію. Въ виду подобныхъ случаевъ, еще прорывающихся въ нашей жизни, подъ вліяніемъ такъ недавно упраздненныхъ порядковъ, съ особенною силой и признательностію должны мы чувствовать благодѣянія этихъ великихъ преобразованій, которыя вокругъ насъ совершились и совершаются. Конечно, и въ прежнія времена подобный случай явился бы аномаліей; но вспомнимъ, какъ трудно было при тогдашнихъ условіяхъ истинѣ пробиться на свѣтъ Божій и преодолѣть всѣ задержки и препятствія, дабы вызвать полное и торжественное дѣйствіе правосудія, возстановляющаго поруганное право! И теперь еще требуется нѣкоторая, и немалая, энергія, дабы вывести подобное дѣло на законный путь; и теперь еще начать судебный искъ противъ должностныхъ лицъ не совсѣмъ легко, и требуетъ предварительныхъ ходатайствъ. Надобно сообразить, что страшное насиліе, которому подвергся купецъ Севастьяновъ, выходитъ изъ ряда; въ такихъ размѣрахъ и въ такомъ чудовищномъ видѣ, оно и прежде не могло бы остаться совершенно незамѣченнымъ и безнаказаннымъ. Но отъ необыкновеннаго само собой дѣлается заключеніе къ обыкновенному, къ злоупотребленіямъ не столь чудовищныхъ размѣровъ, не столь поразительнымъ, которыхъ безобразіе и преступность не столь бросаются въ глаза. Не въ исключительныхъ и чрезвычайныхъ явленіяхъ состоитъ общественное зло, требующее дѣятельнаго врачеванія, ибо никакой порядокъ вещей, никакіе законы, никакое состояніе общества не можетъ совершенно обезпечить людей отъ злоупотребленій исключительнаго свойства; но великая задача гражданственности есть та, чтобы злоупотребленія не были обычнымъ явленіемъ, не были правиломъ. Отнимите у факта, о которомъ рѣчь, его размѣры, и вы получите явленіе, которое возможно ежедневно, во множествѣ случаевъ, повсюду гдѣ нѣтъ независимой судебной власти, къ которой доступъ открытъ для всякаго и которая окружена всѣми гарантіями публичности и общественнаго участія въ своихъ отправленіяхъ. Такой судъ даровалъ нынѣ Россіи,—судъ, который разомъ ставитъ ее на высоту гражданственности, и прикасается къ корню зла, пагубнаго столько же для прочности и здоровья государственнаго порядка, сколько для лицъ въ ихъ самыхъ дорогихъ интересахъ, въ ихъ самыхъ священныхъ правахъ. Великое преобразованіе, достойно послѣдовавшее за прекращеніемъ рабства,—совершилось, и остается только, благословляя его, желать ему укрѣпленія и дальнѣйшаго развитія на нашей почвѣ. Ни отъ чего такъ не можетъ улучшиться наша администрація и полиція, ничто такъ не можетъ способствовать водворенію законности и возвышенію нравственности въ нашемъ народѣ какъ утвержденіе и дальнѣйшее развитіе тѣхъ началъ, на которыхъ Царственный Преобразователь основалъ наши новыя судебныя установленія. Тѣмъ прискорбнѣе видѣть признаки недоброжелательства, съ которыми какъ это, такъ и другія славныя созданія нынѣшняго царствованія встрѣчаются въ нѣкоторыхъ сферахъ привыкшихъ къ старымъ порядкамъ; тѣмъ ненавистнѣе агитація, которая поднялась противъ новыхъ учрежденій едва они вступали въ дѣйствіе, и которая изыскиваетъ способы какъ бы обезсилить ихъ и оставить за ними только форму, дабы подъ нею тѣмъ привольнѣе могъ продолжать дѣйствовать духъ прежнихъ порядковъ. Придираются ко всякому случаю въ новой едва начавшейся судебной практикѣ,—начавшейся съ успѣхомъ столь неожиданнымъ и такъ блистательно,—чтобы подни-

мать вопросъ о томъ, что есть самаго существеннаго въ новомъ судоустройствѣ, какъ-то несмѣняемость или неперемѣстимость судей. Въ этомъ драгоцѣннѣйшемъ и надежнѣйшемъ обезпеченіи всякой законности и всякихъ интересовъ, какъ правительственныхъ такъ и общественныхъ, какъ общественныхъ такъ и частныхъ, каковъ судъ независимый, то-есть стоящій непосредственно подъ верховною властію и служащій органомъ ея правды и исходящаго отъ ней закона, — недовольные хотятъ видѣть чуть не якобинское нововведеніе, точно также какъ недовольные готовы были проклинать какъ безбожную и разрушительную революцію то „святое дѣло," которымъ положенъ въ Россіи конецъ узаконенному рабству. Побужденія заставляющія клеветать на водворяемый у насъ новый порядокъ вещей не всегда бываютъ злонамѣреннаго свойства; надобно признать значительную долю и за страстями, и за слабостями неразлучными съ человѣческою природой. Какъ помѣщику, прожившему весь вѣкъ свой подъ сѣнію крѣпостнаго права, трудно было войдти въ сферу новыхъ понятій, и ему казалось, что съ появленіемъ мировыхъ посредниковъ наступалъ конецъ міра, такъ равно и люди старыхъ административныхъ и полицейскихъ порядковъ, не знавшихъ рядомъ съ собою судебной, независимой отъ нихъ власти, не могутъ помириться съ нею, питаютъ къ ней недружелюбное чувство и считаютъ себя обязанными находиться въ ней въ отношеніяхъ постояннаго антагонизма, быть въ постоянной войнѣ съ нею какъ съ злымъ началомъ, грозящимъ все поколебать и все разрушить. Судъ организованный такъ чтобы не подлежать никакому стороннему вмѣшательству, публичный и долженствующій служить чистымъ органомъ закона, чувствуется въ упомянутыхъ сферахъ какъ *личная* обида, точно также какъ старый крѣпостникъ видѣлъ личную себѣ обиду въ освобожденномъ крестьянинѣ, вмѣсто того чтобы признать въ немъ своего лучшаго друга.

На этихъ дняхъ, въ Московскомъ окружномъ судѣ, рѣшалось дѣло купца Морозкина, который былъ привлеченъ къ суду полиціей за столкновеніе съ ея агентами. Обвинительный актъ требовалъ поступить съ нимъ какъ съ тяжкимъ уголовнымъ преступникомъ; но присяжные освободили подсудимаго. Публика слѣдившая за процессомъ вздохнула свободнѣе, когда присяжные дали свой очистительный приговоръ; но нѣтъ сомнѣнія, что этотъ же самый приговоръ возбудилъ неудовольствіе въ нѣкоторыхъ кругахъ, и подалъ поводъ къ новымъ нареканіямъ на новое судопроизводство. Люди чуждые духу того новаго порядка вещей, который у насъ водворяется, скандализуются когда судъ рѣшаетъ дѣла, начатыя по административному преслѣдованію, въ пользу частныхъ лицъ, освобождая и оправдывая ихъ: такія рѣшенія суда кажутся имъ чуть не бунтомъ. По ихъ убѣжденію, судъ долженъ рѣшать всегда подобныя дѣла такъ какъ ему продиктовано обвинительнымъ актомъ. Люди не дающіе себѣ отчета въ призваніи и обязанностяхъ суда готовы вторить этому мнѣнію. Но предполагать, что судъ непремѣнно долженъ рѣшать дѣло въ ту, а не въ другую сторону, значитъ уничтожать судъ въ самомъ принципѣ. Для чего же нужно имѣть судебную организацію столь сложную, требующую столькихъ пружинъ для обезпеченія правильности своего дѣйствія, если заранѣе предполагается что дѣло должно быть рѣшено такъ, а не иначе? Для чего нуженъ процессъ, когда въ исходѣ его долженъ непремѣнно появиться тотъ же самый обвинительный актъ, который поставленъ въ началѣ? Для чего содержать столько лицъ стоящихъ не дешево государству? Зачѣмъ тревожить столько людей для свидѣтельства и для присяжнаго суда? Не были ли бы странною комедіей всѣ эти допросы, пренія и присяга, даваемая „добрыми людьми," призванными для постановленія приговора о фактѣ? Напротивъ, судъ потому только и есть судъ, что дѣло не можетъ считаться рѣшеннымъ ни въ ту, ни въ другую сторону, пока не пройдетъ чрезъ всѣ фазы процесса. Самъ судья не только въ формальномъ, но и въ матеріяльномъ отношеніи не всегда можетъ даже про себя установить свое мнѣніе о дѣлѣ, прежде чѣмъ не раскроется оно во всѣхъ своихъ обстоятельствахъ и оттѣнкахъ судебнымъ слѣдствіемъ и основанными на немъ преніями сторонъ. Въ томъ-то и заключается великое преимущество правильнаго судопроизводства, что рѣшеніе не вносится въ него готовое, а вырабатывается постепенно развивающимся процессомъ. Если требуется правда, настолько она дается людямъ, а не что-либо другое, то нельзя

корить судъ за то что онъ рѣшитъ дѣло въ ту, а не въ другую сторону, за то что онъ оправдаетъ частное лицо, подвергшееся преслѣдованію со стороны какой-либо административной власти; укору подлежитъ онъ только въ томъ случаѣ, если дастъ рѣшеніе не по убѣжденію, а по соображеніямъ постороннимъ. Судебное рѣшеніе можетъ быть только справедливое или несправедливое, всякая другая категорія неумѣстна и несогласна съ сущностію суда; но рѣшеніе суда можетъ быть признано справедливымъ или несправедливымъ лишь въ виду всѣхъ обстоятельствъ, изъ которыхъ должно сложиться окончательное убѣжденіе въ совѣсти людей. Только варварская грубость понятій и нравовъ и тотъ духъ крѣпостнаго права, который господствовалъ не въ однихъ отношеніяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, но разливался на все общество, и давалъ столь извѣстный отпечатокъ всей нашей администраціи, могутъ оскорбляться судебною процедурой съ ея допросами и преніями.

Читатели знаютъ въ чемъ состоитъ дѣло мѣщанина Морозкина. Неизвѣстный человѣкъ врывается въ его жилище, не говоря что̀ ему нужно. Хозяинъ послалъ въ будку за полицейскимъ, а между тѣмъ, какъ будто по сигналу, явились еще трое, изъ нихъ одинъ въ полицейскомъ мундирѣ и съ орденами, а двое остальныхъ въ простонародныхъ полушубкахъ. Слова и образъ дѣйствій этихъ лицъ показались хозяину не менѣе подозрительными. Господинъ съ орденами выдавалъ себя за частнаго пристава Реброва; но него хотѣли эти господа, это было предметомъ недоумѣнія для хозяина. Онъ не хотѣлъ признать частнаго пристава, и припомнилъ недавнюю исторію на Рогожскомъ кладбищѣ, гдѣ ловкіе рыцари промышленности, переодѣвшись въ важныхъ полицейскихъ чиновниковъ, обобрали общественную кассу, будто бы по предписанію начальства. Не понимая чего хотятъ эти господа, онъ, для обезпеченія себя, прибѣгъ къ самому законному средству, которое показывало, что онъ имѣлъ къ полиціи и уваженіе, и довѣріе: онъ послалъ пригласить надзирателя своего квартала, съ тѣмъ чтобы составить актъ о происшедшемъ, и когда этотъ отказался за некомпетентностію, былъ приглашенъ приставъ той части, но и тотъ отказался составить актъ. Вотъ и все происшествіе. Судебное слѣдствіе не обнаружило какого-либо насильственнаго со стороны г. Морозкина дѣйствія. Говорили, что онъ, размахивая руками, вышибъ кепи изъ рукъ г. Реброва: свидѣтели этого не подтвердили. Не заперъ ли онъ ихъ? Нѣтъ; въ дверь безпрестанно входили и выходили будочники, равно какъ и переодѣтые въ полушубкахъ полицейскіе чиновники. Хозяинъ самъ былъ въ полной власти множества собравшихся у него полицейскихъ чиновъ, которые могли сдѣлать съ нимъ что хотѣли. Когда г. Ребровъ вышелъ черезъ заднюю дверь, то, скандализованный этимъ, хозяинъ замѣтилъ что такимъ уходомъ подтверждается его предположеніе и что такъ могъ скрыться только переодѣтый бѣглый солдатъ. Подобное замѣчаніе, будучи сказано въ глаза, могло бы считаться оскорбительнымъ, но сказанное за глаза теряетъ всякое значеніе и не могло бы послужить основаніемъ для судебнаго преслѣдованія.

Г. Морозкинъ, тѣмъ не менѣе, тотчасъ же былъ лишенъ свободы и преданъ суду по тяжкому уголовному обвиненію. Въ заключеніи находился онъ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, изъ коихъ два послѣдніе сидѣлъ въ острогѣ. Обвиненіе было такой силы, что обвиняемому предстояло подвергнуться лишенію гражданскихъ правъ и ссылкѣ въ Сибирь. Тюремное заключеніе, разстройство въ дѣлахъ, ожиданіе ужасной развязки,—все это можетъ потрясти и самый крѣпкій организмъ. Пусть всякій сообразитъ вину г. Морозкина, если только была за нимъ какая-нибудь вина, съ карою уже постигшею его еще до суда, по одному предварительному обвиненію. Допустимъ, что былъ совершенъ проступокъ. Не достаточно ли оплачетъ этотъ проступокъ, и могли ли бы присяжные, по совѣсти, подтвердить силу обвинительнаго акта и поставить судей въ необходимость приговорить подсудимаго къ лишенію гражданскихъ правъ и къ ссылкѣ въ Сибирь?

Въ чемъ же однако вина мѣщанина Морозкина? Ловили какого-то вора; показалось что онъ вошелъ къ Морозкину (слѣдствіемъ обнаружено, что это была ошибка). Въ извѣстныхъ случаяхъ сыщику разрѣшено входить въ дома частныхъ людей для обыска, но законъ постановляетъ правиломъ, чтобы въ такихъ случаяхъ сыщикъ сопровождаемъ былъ мѣстнымъ полицейскимъ чиновникомъ. Было ли соблюдено это правило? Нѣтъ. Кто же виноватъ? Под-

судимый не признаетъ частнаго пристава Реброва. Былъ ли въ этомъ отношеніи онъ искренекъ или нѣтъ, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшаемъ какъ кому угодно, но сущность дѣла заключается въ томъ, что Морозкинъ имѣлъ право не признать того кого не былъ обязанъ знать. Да наконецъ могло ли бы такое пустое обстоятельство быть предлогомъ серіознаго объясненія, не только суда? Въ полицейскихъ сферахъ, быть-можетъ, какъ мы замѣтили выше, многіе останутся недовольны окончаніемъ процесса Морозкина, потому что обвиняемаго не засудили, а оправдали. Намъ сказывали, что нѣкоторые изъ этихъ сферъ, съ большимъ презрѣніемъ отзываясь о судѣ, замѣчаютъ, что и безъ него обойдутся: „пусть тѣшатъ себя и изрекаютъ какіе угодно приговоры: дѣло не кончится этимъ; можно упрятать молодца административнымъ порядкомъ.“ Высказывается увѣренность, что у суда будетъ отнято право вызывать къ свидѣтельству полицейскихъ чиновниковъ замѣшанныхъ въ дѣлѣ, хотя бы судебное преслѣдованіе было начато самою полиціей. Вотъ какъ еще силенъ духъ стараго, и онъ-то поддерживаетъ тотъ плачевный антагонизмъ, въ которомъ полиція находится къ обществу, тогда какъ между ними должно бы быть полное единство и согласіе.

Исправникъ Бирскаго уѣзда, о которомъ рѣчь была выше, не есть же какое-нибудь исключительное существо. Это не извергъ, и его быть-можетъ, не легко было бы отличить отъ общей массы полицейскихъ чиновниковъ. Этого мало: по свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ, это человѣкъ получившій образованіе въ университетѣ. Какимъ же образомъ могъ онъ совершить столь ужасное дѣло, какъ то, которое описано въ нашей газетѣ? Оно не могло родиться совершенно случайнымъ фактомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ обычному ходу дѣлъ.

Намъ нечего скрывать нашихъ язвъ, особенно теперь, когда подаются столь обильные и дѣйствительные способы къ ихъ уврачеванію. Мы знаемъ, какая тьма всякаго рода злоупотребленій творилась на всѣхъ путяхъ и степеняхъ нашей администраціи, и какую славу пріобрѣла въ нашемъ народѣ полиція. Что же было виной тому? Виною тому, конечно, не природныя же качества лицъ, наполнявшихъ нашу администрацію и полицію, а неправильное положеніе, въ которомъ они находились, и которое ихъ портило. Они знали только права свои надъ обществомъ, но не имѣли побужденія сознавать въ такой же мѣрѣ свои предъ нимъ обязанности; а ничто такъ не портитъ людей какъ подобное положеніе.

Законность есть великое слово; но оно не имѣетъ смысла, если принимается односторонне. Полиція, какъ и вообще администрація, будетъ пользоваться у насъ полнымъ уваженіемъ тогда, когда перестанетъ повелительно требовать уваженія, а будетъ стараться заслуживать его; а это бываетъ только тамъ, гдѣ права и законные интересы частныхъ лицъ уважены и ограждены публичными обезпеченіями, какъ независимый и правильно организованный судъ.

№ 156.

Москва, 15-го іюля.

Обнародованнымъ на дняхъ Высочайшимъ повелѣніемъ о закрытіи Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ опровергается распространившееся было извѣстіе, что вопросъ о передачѣ дѣлъ и капитала Товарищества Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита рѣшенъ окончательно: рѣшено только войдти по этому предмету въ сношенія съ Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, и слѣдовательно все дѣло зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ будутъ признаны соотвѣтствующими цѣли тѣ условія, которыя предложитъ это Общество. Но само собой очевидно, что оно не въ состояніи предложить условія сколько-нибудь выгодныя. Судя по тому что извѣстно о его планахъ, для него вопросъ въ томъ что удастся ему извлечь въ свою пользу изъ наслѣдства Товарищества, между тѣмъ какъ по всей справедливости и по заявленнымъ взглядамъ правительства, это наслѣдство должно принадлежать безраздѣльно дѣлу водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ, и стало-быть не можетъ быть отчуждено отъ своего первоначальнаго назначенія и пойдти на иную цѣль, то-есть на усиленіе средствъ Общества Взаимнаго Кредита. Извѣстія, напечатанныя въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и *Вѣсти*, даютъ уже возможность составить себѣ понятіе о видахъ Общества въ этомъ отношеніи. Главный пред-

метъ его желаній очевидно состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться пятимилліоннымъ фондомъ Товарищества. Спрашивается, однако, какъ могутъ осуществиться эти желанія? Пятимилліонный фондъ назначенъ правительствомъ на спеціальную цѣль, которая и теперь нисколько не менѣе, а по всему вѣроятію еще болѣе чѣмъ прежде имѣется въ виду. Все убѣждаетъ, что Товарищество закрыто лишь потому что устройство его оказалось неудобнымъ, а вовсе не по тѣмъ побужденіямъ, которыя приписывались правительству въ слухахъ, имѣвшихъ своимъ источникомъ польскія и полонофильскія сферы, и также не съ тѣмъ чтобы пріискать средства для назначенія субсидіи Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Нѣтъ ни малѣйшаго признака перемѣны политики по такъ-называемому польскому вопросу. Она также тверда какъ была прежде, и самое закрытіе Товарищества вызвано желаніемъ усилить, а не ослабить средства водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, и поводомъ къ этой мѣрѣ послужили жалобы пріобрѣтателей имѣній на неудовлетворительность Товарищества. Но кто изъ пріобрѣтателей имѣній когда говорилъ и кто можетъ сказать, что опредѣленныхъ на ихъ поддержку средствъ слишкомъ много и что этими средствами можно подѣлиться? Прежде всего рѣчь идетъ о пятимилліонномъ фондѣ, который былъ дарованъ Товариществу. Еслибы закрытіе Товарищества было слѣдствіемъ измѣненія политики, то можно было бы полагать, что этотъ фондъ будетъ отвлеченъ отъ своего спеціальнаго назначенія и обращенъ на какое-нибудь другое; теперь это невѣроятно. Напротивъ, непозволительно сомнѣваться, что правительство озаботится извлечь изъ этого фонда наибольшую возможную пользу для того же самаго дѣла, на которое онъ дарованъ. Оно не имѣетъ никакого повода отнимать этотъ фондъ у дѣла обрусенія западнаго края, дабы поддержать Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Это послѣднее Общество можетъ, конечно, ходатайствовать о субсидіяхъ, но оно поступаетъ весьма неправильно, если ходатайствуетъ о присвоеніи ему субсидій, уже имѣющихъ столь важное спеціальное назначеніе. Оно не въ правѣ ссылаться на свои намѣренія содѣйствовать водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, и въ силу этихъ добрыхъ намѣреній требовать, чтобы субсидія, данная для облегченія пріобрѣтателей имѣній въ западномъ краѣ, послужила впредь для облегченія всѣхъ заемщиковъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Правда, что между этими заемщиками могутъ быть впредь и пріобрѣтатели имѣній западнаго края, но эти послѣдніе, по волѣ правительства, имѣютъ право на всю субсидію, а не только на участіе въ пользованіи ею вмѣстѣ со многими другими. Къ тому же и эти многіе другіе не получатъ отъ этой субсидіи ничего для нихъ сколько-нибудь чувствительнаго. По извѣстіямъ, наиболѣе благопріятнымъ для банка гр. Бобринскаго, онъ имѣетъ намѣреніе употребить эту ежегодную субсидію въ 250.000 р. на усиленное погашеніе своихъ закладныхъ листовъ съ тою цѣлію чтобы сдѣлать ихъ болѣе привлекательными для публики. Но развѣ эта сумма, такимъ образомъ употребленная, въ состояніи оказать такое вліяніе на цѣну закладныхъ листовъ, чтобъ этимъ могли заинтересоваться заемщики? Помѣщикъ внутреннихъ губерній закладывающій свое имѣніе получитъ въ этомъ случаѣ копѣйку тамъ гдѣ русскій пріобрѣтатель имѣнія въ западномъ краѣ потеряетъ рубль.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, кажется несомнѣнному, что пятимилліонный фондъ долженъ сохранить безъ ущерба свое первоначальное назначеніе. Посмотримъ же какое можетъ быть сдѣлано изъ него употребленіе теперь, по закрытіи Товарищества, для поддержки пріобрѣтателей имѣній въ западномъ краѣ. Употребленіе можетъ быть двоякое, смотря по тому, что собственно пойдетъ въ дѣло, самый ли капиталъ фонда, или только получаемые съ него проценты (250.000 р. въ годъ). И въ томъ и въ другомъ случаѣ совершенно все равно; какое бы кредитное учрежденіе ни было избрано правительствомъ для выдачи ссудъ пріобрѣтателямъ имѣній западнаго края, а потому мы будемъ разсуждать объ употребленіи фонда независимо отъ вопроса о томъ какое учрежденіе будетъ завѣдывать выдачей ссудъ (хотя всего выгоднѣе и проще, кажется, было бы передать это дѣло выкупному учрежденію).

А. Если правительство найдетъ возможнымъ отдать на дѣло водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ самый капиталъ фонда, что было бы всего желательнѣе, то само собой представляется то употребленіе его, о которомъ мы уже

однажды говорили, и которое состояло бы въ вознагражденіи пріобрѣтателей имѣній за низкій курсъ тѣхъ бумагъ, которыми они будутъ получать ссуды Какія бы ни были эти бумаги и какое бы учрежденіе ни выпускало ихъ, онѣ будутъ продаваться значительно ниже ихъ нарицательной цѣны: таково теперь состояніе денежнаго рынка, причиненное преимущественно двумя лотерейными займами. Возьмемъ напримѣръ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Оно выдаетъ въ ссуду $^{2}/_{3}$ оцѣнки своими закладными листами, которыя писаны на звонкую монету, но продаются теперь на кредитные рубли по 82 за 100; на звонкую монету это выходитъ 70 за 100; изъ этой суммы слѣдуетъ еще выключить 5%, которые по уставу Общества должны поступить въ складочный капиталъ его, и такимъ образомъ заемщику достанется только по 65 к. за рубль ссуды, то-есть не $^{2}/_{3}$ или 0,4 оцѣнки, а 0,26 или не много болѣе четверти оцѣнки, хотя проценты онъ будетъ платить съ $^{2}/_{3}$ оцѣнки. Очевидно, что для него было бы весьма чувствительною подмогой, еслибъ онъ былъ вознагражденъ за столь значительную потерю на курсѣ закладныхъ листовъ. Для этого-то вознагражденія и могъ бы весьма удобно служить пятимилліонный фондъ, еслибъ онъ былъ употребленъ на дополнительныя выдачи или добавки къ ссудамъ. Не забудемъ, что правительство уже обѣщало выдать получателямъ первыхъ пяти милліоновъ ссудъ полную нарицательную цѣну ссуды наличными деньгами. Это обѣщаніе было бы приблизительно исполнено, еслибы къ первымъ пяти милліонамъ ссудъ была произведена приплата по 25% пятипроцентными билетами изъ пятимилліоннаго фонда. На эту приплату потребовалось бы 1.250.000 р. по нарицательной цѣнѣ пятипроцентныхъ билетовъ. Тогда заемщикъ получилъ бы 65 коп. за рубль ссуды, да приплаты по 25 к. пятипроцентными билетами, что на наличныя деньги составитъ 20 коп. кредитными билетами или, по теперешнему вексельному курсу, около 17 коп. звонкою монетой. Заемщикъ получилъ бы тогда уже не 65 коп., а 82 копѣйки, если же присчитать 5% складочнаго капитала, то 87 копѣекъ за рубль, что хотя и не равняется *обѣщанной* нарицательной цѣнѣ, но по крайней мѣрѣ близко подходитъ къ ней. Если же выдавать не 25%, а 40% приплаты пятипроцентными билетами, то данное правительствомъ обѣщаніе было бы вполнѣ исполнено, и заемщики первыхъ пяти милліоновъ получили бы рубль за рубль. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ потребовалось бы уже къ первымъ пяти милліонамъ ссудъ приплатить 2 милл. руб. пятипроцентными билетами.

Такимъ образомъ, по выдачѣ первыхъ пяти милліоновъ ссудъ и при доплатѣ къ нимъ по 25% осталось бы въ пятимилліонномъ фондѣ 3.750.000 р.; а при доплатѣ по 40% — 3.000.000 р. пятипроцентными билетами. Въ первомъ случаѣ можно было бы продолжать подобную же доплату дальнѣйшимъ заемщикамъ, такъ чтобы къ слѣдующимъ, стало-быть вторымъ, пяти милліонамъ ссудъ приплачивалось по 20%, къ третьимъ пяти милліонамъ по 15%, къ четвертымъ по 10%, къ пятымъ и такъ далѣе до истощенія фонда по 5%, и пятимилліонный фондъ распредѣлился бы такъ:

Приплата къ первымъ	5 милл.	1.250.000	р.
„ ко вторымъ	5 „	1.000.000	„
„ къ третьимъ	5 „	750.000	„
„ къ четверт.	5 „	500.000	„
„ къ остальн.	30 „	1.500.000	„
Итого	50 милл.	5.000.000	р.

Во второмъ случаѣ, то-есть при добавкѣ къ первымъ 5 милліонамъ ссуды не по 25%, а по 40%, пятимилліонный фондъ распредѣлился бы такъ:

Приплата къ первымъ	5 милл.	2.000.000	р.
„ ко вторымъ	5 „	1.000.000	„
„ къ остальн.	40 „	2.000.000	„
Итого	50 милл.	5.000.000	„

то-есть къ первымъ пяти милліонамъ можно было бы добавлять по 40%, ко вторымъ пяти милліонамъ по 20%, и наконецъ къ остальнымъ ссудамъ до 50 милліоновъ по 5%. Такимъ порядкомъ было бы безукоризненно исполнено данное правительствомъ обѣщаніе, и первымъ піонерамъ русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ были бы предоставлены выгоды, которыя побудили бы многихъ поспѣшить покупать тамъ имѣнія дабы воспользоваться преимуществами первыхъ покупателей.

В. Если же правительство предпочтетъ ограничить свое содѣйствіе водворенію русскаго землевладѣнія только процентами съ пятимилліоннаго фонда, не касаясь самаго капитала, то дабы ограниченная такимъ образомъ субсидія досталась вся сполна пріобрѣтателямъ имѣній, само собой представляется слѣдующее средство: процен-

товъ съ пятимилліоннаго фонда получается 250.000 р., и вся эта сумма должна быть каждый годъ употребляема на уменьшеніе ежегодныхъ платежей, которые должны будутъ вносить пріобрѣтатели имѣній. Положимъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ выдано ссудъ на 1 милліонъ. Субсидія въ 250.000 р. даетъ возможность совсѣмъ не брать процентовъ съ заемщиковъ, и изъ субсидіи останется еще въ экономіи безъ малаго 200.000 руб. Въ слѣдующемъ году, положимъ, будетъ выдано ссудъ 5 милліоновъ; субсидія этого года сбавитъ изъ платежей 5% на рубль ссуды, и заемщикамъ придется внести, вмѣсто $6\frac{1}{2}$% съ номинальной суммы займа, всего только по $1\frac{1}{2}$%. На третій годъ, положимъ, количество выданныхъ ссудъ дойдетъ до 10 милліоновъ рублей; въ распоряженіи будетъ 250.000 р. того года, да остатка отъ нынѣшняго года безъ малаго 200.000 р., что дастъ возможность сдѣлать сбавку безъ малаго въ $4\frac{1}{2}$% и взыскать съ заемщиковъ вмѣсто $6\frac{1}{2}$%, по 2% съ небольшимъ. Когда количество ссудъ возрастетъ до 25 милліоновъ, то годовая субсидія въ 250.000 р. уменьшитъ платежи заемщиковъ на 1% съ капитальной суммы займа, (вмѣсто $6\frac{1}{2}$% они будутъ платить $5\frac{1}{2}$%), и наконецъ послѣ выдачи всѣхъ 50 милліоновъ, необходимыхъ для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, сбавка изъ ежегодныхъ платежей будетъ составлять $\frac{1}{2}$% съ капитальной суммы займа, что будетъ равняться уступкѣ ежегодной доли, взимаемой на погашеніе. Такая уступка все еще будетъ довольно чувствительна (несравненно чувствительнѣе чѣмъ усиленный тиражъ); первые же заемщики сначала будутъ вовсе освобождены отъ платежей, а потомъ отъ большей доли вносимыхъ ими процентовъ, и наконецъ правительство будетъ вполнѣ обезпечено, что принесенная имъ жертва пошла вся безъ ущерба въ пользу пріобрѣтателей имѣній западнаго края.

Вотъ двоякое употребленіе, которое можетъ быть сдѣлано изъ пятимилліоннаго фонда, если онъ долженъ, какъ предположено, дѣйствительно поддержать водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, а не что-либо иное. Газета *Вѣсть*, считающаяся органомъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, очень патетически говоритъ теперь за водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Было бы желательно чтобъ она объяснила, что можетъ служить препятствіемъ къ исполненію изложеннаго нами плана, который будетъ не на словахъ, а на дѣлѣ полезенъ водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ.

№ 157.

Москва, 17-го Іюля.

Необходимость преобразованія военно-судебной части была замѣчена у насъ еще въ тридцатыхъ годахъ. Полная подчиненность военно-уголовнаго суда строевой власти, отъ которой зависѣло и вчиненіе и веденіе и конфирмація процесса; медленность и канцелярская тайна при его веденіи и наконецъ совершенное отсутствіе для подсудимаго необходимой гарантіи въ законности приговора, — вотъ, по указанію *Русскаго Инвалида*, тѣ недостатки нашего прежняго, основаннаго еще на Воинскомъ Уставѣ Петра Великаго, военнаго суда, которые издавна обращали на себя вниманіе правительства. Они были причиной извѣстнаго паническаго страха къ суду, происходившаго отъ трудности добиться оправданія, несмотря даже на правоту дѣла, между тѣмъ какъ съ другой стороны, посредствомъ разнаго рода окольныхъ путей, оказывалось иногда возможнымъ давать процессу оборотъ слишкомъ выгодный для подсудимаго. По даннымъ, обнародованнымъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* (№№ 184, 185 и 186) видно, что правительство предположило однакоже снова приступить къ пересмотру военно-уголовнаго устава. Въ 1856 году это дѣло было возложено на сенатора Каптера, нынѣ умершаго, который и составилъ новый военно-уголовный уставъ. Редакція общей части этого устава уже окончательно отдѣлана и удостоилась Высочайшаго утвержденія, особенная же часть теперь разсматривается въ особомъ комитетѣ и вѣроятно будетъ приведена къ окончанію въ непродолжительномъ времени.

Вслѣдъ за переработкой военно-уголовнаго устава, которому въ общихъ законахъ соотвѣтствуетъ Уложеніе о Наказаніяхъ, долженъ былъ возникнуть вопросъ о военномъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ или о военно-судебномъ уставѣ: какъ военно-уголовный уставъ соотвѣтствуетъ общему уголовному уложенію, такъ уставъ военно-

судебный соотвѣтствуетъ общимъ судебнымъ уставамъ. Но за военное судоустройство и судопроизводство нельзя было серіозно взяться прежде окончательной выработки общихъ судебныхъ уставовъ. Въ этихъ видахъ военный министръ, въ январѣ 1862 года, вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ лишь о главныхъ началахъ преобразованія военно-судебной части. Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, было предположено учредить въ центральныхъ мѣстахъ расположенія войскъ постоянныхъ военно-судныя коммиссіи, ввести въ нихъ гласное и устное дѣлопроизводство и „предоставить судамъ полную самостоятельность, изъявъ приговоры ихъ отъ власти воинскихъ начальниковъ и подчинивъ ихъ ревизіи генералъ-аудиторіата.“ Хотя эти начала были предварительно уже одобрены Государемъ Императоромъ, но развивать ихъ предположено было лишь по утвержденіи основныхъ положеній преобразованія общей судебной части въ Россіи. Примѣнительно къ этимъ общимъ основнымъ положеніямъ, какъ только они были утверждены что произошло 29-го сентября 1862 года, и не ожидая утвержденія общихъ судебныхъ уставовъ, была и предпринята обработка военно-судебнаго устава, начавшаяся также съ основныхъ положеній.

Проектъ основныхъ положеній преобразованія военно-судебной части, составленный безъ промедленія, уже въ апрѣлѣ 1863 года въ особой коммиссіи, былъ разосланъ на заключеніе главныхъ воинскихъ начальниковъ. Изъ ихъ отзывовъ составленъ былъ подробный сводъ, который, вмѣстѣ съ проектомъ, разсматривался въ законодательномъ порядкѣ особымъ отъ общаго законодательства путемъ и обсуждался окончательно въ особомъ комитетѣ или, какъ выражается *Русскій Инвалидъ*, *совѣщаніи* подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества генералъ-адмирала, не восходя въ государственный совѣтъ. Въ этомъ совѣщаніи состоялись заключенія повергнутыя на Высочайшее усмотрѣніе и Высочайше утвержденныя 20-го ноября 1865 г. Эти заключенія послужили основными положеніями военно-судебной реформы, подобно тому какъ основныя положенія, Высочайше утвержденныя 29-го сентября 1862 г., получили свое развитіе въ судебныхъ уставахъ 20-го ноября 1864 года. Выработка военно-судебнаго устава могла идти тѣмъ скорѣе, что не только основныя положенія, но и самый уставъ не проходили чрезъ государственный совѣтъ. Уставъ былъ разсмотрѣнъ и окончательно обсужденъ въ особой коммиссіи, предсѣдаемой Его Императорскимъ Высочествомъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта. 15-го мая сего года Государь Императоръ соизволилъ утвердить всю эту работу. Новые уставы будутъ вводиться съ 1-го сентября, первоначально въ военныхъ округахъ С.-Петербургскомъ и Московскомъ. Съ сущностью ихъ читателей ознакомитъ помѣщаемое вслѣдъ за симъ извлеченіе изъ статей *Русскаго Инвалида* о военно-судебной реформѣ.

При новомъ военномъ судоустройствѣ устанавливаются три инстанціи или лучше степени судебныхъ учрежденій для арміи: судъ полковой, военно-окружной и главный.

Полковой судъ учреждается для однихъ нижнихъ чиновъ, судимыхъ за преступленія, не влекущія за собой для лицъ изъ привилегированныхъ сословій лишенія или ограниченія правъ состоянія, а для прочихъ — ссылки въ арестантскія роты; присуждаемыя полковымъ судомъ наказанія простираются однако отъ перевода подсудимаго въ разрядъ штрафованныхъ до одиночнаго заключенія въ военной тюрьмѣ, *во всѣхъ ея степеняхъ*. Личный составъ этого суда вполнѣ зависитъ отъ власти полковаго командира, который назначаетъ предсѣдателя суда и двухъ офицеровъ, на короткое время; дѣлопроизводство возлагается на оберъ-офицера и такимъ образомъ совершенно устраняется въ этомъ судѣ участіе бюрократическаго элемента въ лицѣ аудиторовъ и ихъ канцеляріи. При совершеніи нижнимъ чиномъ преступленія или проступка, полковому командиру предоставляется неограниченное право или взыскать съ виновнаго административнымъ порядкомъ, по дисциплинарной власти, или же предать его полковому суду. Въ послѣднемъ случаѣ приговоръ или конфирмуется полковымъ командиромъ и считается тогда окончательнымъ (при чемъ подсудимый не имѣетъ права на аппеляцію), или же, въ случаѣ несогласія, измѣняется въ предѣлахъ предоставленной командиру полка дисциплинарной власти, а буде переходитъ эти предѣлы, то представляется полковымъ командиромъ на ревизію въ военно-окружной судъ. Сличенный съ прежнимъ, этотъ новый порядокъ представляетъ: а) расширеніе круга предметовъ, подлежа-

щихъ суммарному суду, и б) расширеніе власти полковаго командира. И то и другое было почти необходимымъ слѣдствіемъ назначенія лишь по одному военному суду въ каждомъ военномъ округѣ и безъ всякаго сомнѣнія можетъ имѣть полезныя послѣдствія въ разныхъ отношеніяхъ, но съ другой стороны учрежденія полковыхъ судовъ, приговорамъ коихъ подлежатъ только нижніе чины, еще болѣе увеличиваетъ разстояніе, и такъ уже у насъ огромное, между нижними чинами и офицерами и слѣдовательно еще болѣе отдѣляетъ нашу армію отъ тѣхъ, гдѣ господствуетъ всеобщая военная повинность, какъ въ прусской, или даже гдѣ есть стремленіе къ сближенію съ прусскимъ устройствомъ, и гдѣ вслѣдствіе того званіе солдата по возможности возвышается.

Военно-окружнымъ судамъ подсудны всѣ военно-служащіе, состоящіе на дѣйствительной службѣ, за всѣ роды преступленій и проступковъ, даже еслибы дѣянія эти совершены были и помимо служебныхъ обязанностей, при чемъ эти суды не ограничиваются уголовною стороной дѣла, но постановляютъ приговоры и о претензіяхъ гражданскаго истца. Исключеніе составляютъ только тѣ случаи, когда нарушеніе закона совершено военно-служащими вмѣстѣ съ лицами не принадлежащими къ разряду военно-служащихъ, если эти нарушенія не касаются законовъ, ограждающихъ военную дисциплину: въ такихъ случаяхъ дѣло разсматривается и рѣшается общими судами. Въ составъ военно-окружныхъ судовъ входятъ два рода членовъ: постоянные, назначаемые отчасти Высочайшею властью, отчасти военнымъ министерствомъ, и временные начначаемые отъ войскъ на шестимѣсячный срокъ. Назначеніе временныхъ членовъ отъ войскъ дѣлается по распоряженію командующихъ войсками, по общимъ спискамъ, составленнымъ изъ списковъ, представленныхъ полковыми командирами. Кромѣ того постановлено, что въ военно-окружные суды будутъ назначаемы, въ число членовъ постоянныхъ, по одному чиновнику военнаго вѣдомства, изъ получившихъ юридическое образованіе. Начало несмѣняемости судей по отношенію къ этимъ судамъ отмѣнено какъ „противное условіямъ военной подчиненности и могущее стѣснить начальство въ распоряженіяхъ по военно-судной части.“ Нѣкоторою гарантіей для независимости постоянныхъ судей отъ вліянія мѣстныхъ воинскихъ властей служитъ впрочемъ то, что судьи удаляются отъ должности и увольняются отъ службы *безъ прошенія* не иначе какъ по постановленіямъ главнаго военнаго суда. Имѣвшаяся въ виду независимость суда отъ воинскихъ начальниковъ по возможности дополняется еще и тѣмъ, что военно-окружные суды состоятъ при военныхъ округахъ и слѣдовательно имѣютъ весьма обширный районъ подсудности. Это послѣднее обстоятельство можетъ быть признано главною характеристическою чертой новаго военнаго судоустройства. Во Франціи, напримѣръ, каждая дивизія имѣетъ свой особенный *conseil de guerre*, какъ первую инстанцію суда, и *conseil de révision*, какъ вторую инстанцію, куда дѣла достигаютъ лишь въ случаѣ протестовъ. Выгода этого устройства заключается въ быстротѣ судопроизводства, но у насъ, при широкомъ расквартированіи многихъ нашихъ дивизій, эта выгода не была бы достигнута, а между тѣмъ многочисленность постоянныхъ военныхъ судовъ потребовала бы весьма значительной траты и личныхъ и денежныхъ средствъ, коими у насъ надобно всячески дорожить. Поэтому отдано предпочтеніе и сколько мы можемъ судить, совершенно вѣрно, учрежденію постоянныхъ военныхъ судовъ по одному на округъ, съ тѣмъ чтобы члены этихъ новыхъ судовъ объѣзжали округъ, открывая временныя присутствія тамъ гдѣ окажется надобность. Сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, это устройство нисколько не поведетъ къ замедленію судопроизводства, а напротивъ, значительно ускоритъ его. Затрудненій можно ожидать, повидимому, не отъ этого устройства, какъ кажется совершенно соотвѣтствующаго и нашимъ мѣстнымъ особенностямъ и началамъ здравой экономіи силъ, а отъ подсудности, служащей вообще главнымъ камнемъ преткновенія въ вопросѣ о военномъ судѣ. Вполнѣ раціональнымъ и естественнымъ можно было бы признать только такой порядокъ, при которомъ военно-служащіе подлежали бы военному суду лишь за преступленія и проступки находящіеся въ связи съ военною службой, а во всемъ остальномъ были бы подсудны общимъ судамъ. Только перваго рода нарушенія требуютъ спеціальнаго суда, основаннаго не на общихъ юридическихъ началахъ, а на особенностяхъ ор-

ганизаціи войскъ, и на тѣхъ совершенно исключительныхъ понятіяхъ и взглядахъ, которые пріобрѣтаются лишь службой въ арміи и флотѣ, и на которыхъ эта служба зиждится. Чтобы вѣрно судить объ этихъ нарушеніяхъ съ точки зрѣнія военной дисциплины, не нужно юридической учености, не нужно тонкихъ различеній; надобно только проникнуться духомъ военной службы и быть вѣрнымъ выразителемъ его. Къ тому же въ нарушеніяхъ служебной обязанности естественно, чтобы старшій судилъ младшаго, вслѣдствіе чего и въ общемъ судопроизводствѣ подобныя дѣла вчинаются въ томъ или другомъ судѣ, судя по чину подсудимаго. Но совсѣмъ другое дѣло, когда суду подлежатъ общія нарушенія законовъ, ограждающихъ общественный порядокъ. Эти нарушенія весьма разнообразны. Чтобы судъ соотвѣтствовалъ усовершенствованнымъ понятіямъ нашего времени, требуется ввѣрить его ученымъ судьямъ, и только предъ ученымъ судьей могутъ правильно дѣйствовать ученые обвинители и защитники. Невозможно ожидать, чтобы военно-окружнымъ судамъ удалось удержать должное равновѣсіе между обвиненіемъ и защитой въ дѣлахъ этого рода, когда составъ преступленія будетъ нѣсколько сложенъ. Правда, съ этою именно цѣлью въ военно-окружныхъ судахъ полагается по одному чиновнику военнаго министерства, изъ получившихъ юридическое образованіе; и въ этихъ видахъ устроено въ войскахъ даже нѣчто въ родѣ юридическаго факультета, учрежденіе совершенно оригинальное, но будутъ ли эти чиновники-юристы имѣть достаточное вліяніе на судебные приговоры и будутъ ли сами они въ состояніи пріобрѣсти такую же ученость и опытность, какія должны быть доставляемы ученіемъ въ общихъ юридическихъ училищахъ и службой въ уголовныхъ отдѣленіяхъ общихъ судовъ? Наконецъ эти чиновники будутъ засѣдать только въ постоянномъ судѣ, учрежденномъ въ мѣстопребываніи командующаго войсками; а временныя отдѣленія, которымъ придется разсматривать большую часть дѣлъ, будутъ состоять изъ лицъ не имѣющихъ юридическаго образованія, и потому лишенныхъ средствъ охранить самостоятельность своего сужденія предъ ловкими защитниками или обвинителями. Въ иныхъ случаяхъ тутъ возможно также фальшивое примѣненіе духа товарищества, *esprit de corps*; въ Пруссіи бывали случаи безнаказанности, происходившіе отъ подобныхъ ошибокъ во взглядѣ. Эти опасенія получаютъ еще большую силу вслѣдствіе того, что подсудность нашихъ военно-окружныхъ судовъ распространена даже шире чѣмъ подсудность французскихъ *conseils de guerre*. Эти послѣдніе судятъ только уголовную сторону дѣла, а гражданская сторона (просьбы потерпѣвшихъ отъ преступленія о вознагражденіи за убытки и т. п.) предоставлена общимъ судамъ, у насъ же и гражданскій истецъ долженъ вести свое дѣло предъ военнымъ судомъ.

Весьма спорнымъ представляется также вопросъ о высшей инстанціи въ военномъ судѣ. По новымъ военно-судебнымъ уставамъ, эту высшую инстанцію составляетъ главный военный судъ, получающій значеніе кассаціоннаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ законодательной конференціи по вопросамъ касающимся военно-судной части. Мысль объ этомъ учрежденіи, которому подобнаго мы нигдѣ не видимъ, вызвана, какъ надобно думать, существованіемъ генералъ-аудиторіатовъ, которые представлялось естественнымъ сохранить, примѣнивъ ихъ къ новому судоустройству; но нельзя упускать изъ виду, что прежніе генералъ-аудиторіаты были ревизіонною инстанціей, и что такой ихъ характеръ при письменномъ производствѣ былъ весьма возможенъ, а при новомъ порядкѣ устраняется самъ собой. Если во вниманіи къ юридической неопытности судей нужна ревизія, то она можетъ быть удобно произведена лишь на мѣстѣ, какъ и дѣлается во Франціи, гдѣ есть столько же *conseils de révision*, сколько *conseils de guerre*. Но у насъ на военно-окружные суды возлагается надежда, что ихъ приговоры не будутъ нуждаться въ ревизіи, а если такъ, то не видно, почему бы прежніе генералъ-аудиторіаты должны были продолжать существованіе въ новой для нихъ формѣ кассаціонныхъ судовъ. Кассаціонный судъ имѣетъ своею цѣлью поддерживать единство въ отправленіи правосудія. По существу своему, кассаціонный судъ можетъ быть только одинъ, и его дѣятельность есть преимущественно теоретическая, заключающаяся въ толкованіи права и процесса. Но не возникнетъ ли противорѣчій въ толкованіи законовъ между главнымъ военнымъ судомъ и кассаціонными департаментами правительствующаго сената? Вѣдь

при широкой подсудности нашихъ новыхъ военныхъ судовъ, главному военному суду придется безпрестанно разъяснять тѣ же самые вопросы права, которые разъясняются кассаціонными департаментами сената. Не будутъ ли такія противорѣчія подрывать уваженіе къ обоимъ высшимъ судебнымъ учрежденіямъ? Еще болѣе неудобства можетъ, кажется, произойдти отъ того, что и въ сферѣ военнаго суда будутъ три учрежденія, одновременно толкующія всѣ военные уголовные, всѣ общіе уголовные и нѣкоторые общіе гражданскіе законы: одно въ Петербургѣ, одно въ Тифлисѣ, одно въ Сибири. Это такъ ново въ сферѣ юриспруденціи, что весьма трудно представить себѣ, какъ пойдетъ это дѣло на практикѣ. Не будемъ впрочемъ опережать опытъ, и пожелаемъ, чтобы, какъ сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, лица, призванныя осуществить на дѣлѣ нашу военно-судебную реформу, вполнѣ проникнутыя важностью возлагаемыхъ на нихъ обязанностей и святостью долга службы и присяги, явились вѣрными исполнителями благихъ предначертаній Государя Императора въ видахъ охраненія порядка и дисциплины въ арміи и флотѣ посредствомъ суда правнаго, нолицепріятнаго и не предубѣжденнаго.

№ 158.

Москва, 18-го іюля.

Послѣ мятежа 1831 года приступлено было въ западныхъ губерніяхъ къ кореннымъ преобразованіямъ, клонящимся къ обрусенію края, или, какъ тогда выражались, къ возвращенію тамъ русскихъ началъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сыше преобразованія эти задуманы были при самомъ искреннемъ убѣжденіи въ необходимости достичь желанной цѣли: факты говорятъ однако, что именно въ это самое время происходило усиленное ополяченіе западныхъ губерній, окончившееся мятежомъ 1863 года, какъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ прошлаго. Слагать всю вину исключительно на систему прежняго времени было бы несправедливо; система имѣла безспорно большіе недостатки (да могла ли и не имѣть ихъ система выработанная исключительно въ канцеляріяхъ, безъ всякаго участія общественнаго мнѣнія?); но еслибъ и такая система была послѣдовательно и добросовѣстно выдержана, въ западномъ краѣ полонизмъ по крайней мѣрѣ не развился бы, не усилился бы въ такихъ страшныхъ размѣрахъ, какъ онъ предсталъ Россіи въ 1863 году. Независимо отъ системы, тутъ дѣйствовало великое зло, которое могло парализовать наилучшую систему: оно заключалось въ томъ, что исполненіе предначертаній, исходившихъ отъ престола, ограничивалось въ большей части случаевъ одною формальностью, канцелярскою перепискою, а въ сущности принимались мѣры клонившіяся явно къ цѣли противоположной тому чего предполагалось достигнуть, и истина не доходила до свѣдѣнія верховной власти въ истинномъ видѣ.

Наша администрація въ западныхъ губерніяхъ послѣ 1832 года представляетъ цѣлый рядъ фактовъ, подтверждающихъ до какой степени мѣры, предначертанныя свыше, постоянно извращались при исполненіи.

Въ силу свыше предначертанныхъ мѣръ, требовалось упраздненіе въ западномъ краѣ неопредѣленнаго сословія, именуемаго шляхтой, и чтобы изъ него мѣстное дворянство не получало постоянныхъ приращеній; назначенъ былъ срокъ для предъявленія доказательствъ дворянскаго происхожденія, съ тѣмъ, чтобы лица не предъявившія таковыхъ зачислялись въ податныя сословія на общихъ основаніяхъ; съ 1835 года срокъ этотъ былъ неоднократно отодвигаемъ, но наконецъ съ 1-го января 1844 года было рѣшительно воспрещено вновь принимать доказательства о дворянскомъ происхожденіи, и приращеніе дворянства изъ шляхты должно было навсегда прекратиться. Такова была неоднократно и формально выраженная воля Государя. Что же послѣдовало? Именно послѣ 1844 года число дворянства въ западномъ краѣ начало возрастать въ невѣроятныхъ размѣрахъ, и въ краткій промежутокъ времени 1844—1857 возросло въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (напримѣръ Виленской) на 560%. Къ этому-то времени относится усиленная фабрикація дворянскихъ документовъ.

Верховною властью признано необходимымъ водвореніе въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія посредствомъ маіоратовъ; на дѣлѣ все ограничилось учрежденіемъ одного крупнаго маіората и нѣсколькихъ сотенъ казенныхъ фермъ,

отданныхъ Полякамъ въ аренду на 99 лѣтъ.

По Высочайшей волѣ, настойчиво и множество разъ предписывалось сосредоточивать администрацію западныхъ губерній исключительно въ рукахъ русскихъ чиновниковъ: на дѣлѣ, уже въ 1855 году, всѣ почти должности въ западномъ краѣ заняты были Поляками, и одинъ изъ начальниковъ края того времени официально поясняль, что такъ для правительства удобнѣе.

По указанію Государя, рѣшено было открыть въ западномъ краѣ возможность образованія не для одной польской шляхты, но и для другихъ частей мѣстнаго населенія, и сдѣлать учебныя заведенія проводникомъ русскихъ началъ: на дѣлѣ всѣ училища обратились въ исключительное достояніе польскаго дворянства и стали самыми сильными проводниками полонизма.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе послѣдній изъ приведенныхъ примѣровъ, ограничиваясь, при нашемъ обзорѣ, средними учебными заведеніями западнаго края, то-есть гимназіями и дворянскими уѣздными училищами.

Правительство того времени относилось недовѣрчиво къ домашнему воспитанію, опасаясь, что въ домѣ родителей юношество скорѣй проникнется чувствами польскаго патріотизма чѣмъ въ учебномъ заведеніи, подъ официальнымъ надзоромъ. Еще въ 1834 году графъ Протасовъ, обозрѣвавшій учебныя заведенія западнаго края, писалъ, что „не тамъ почерпается польскій духъ, а въ домахъ родителей“ и что „сами отцы развращаютъ дѣтей, стараясь искоренить въ нихъ чувства внушаемыя наставниками.“ Казалось бы естественнымъ, при такихъ условіяхъ и при очевидной невозможности разобщить дѣтей съ родителями, обратить главное вниманіе *на корень зла*, то-есть на причины побуждавшія родителей воспитывать дѣтей въ духѣ польскаго патріотизма, позаботиться объ устраненіи этихъ причинъ, отчего естественно упразднились бы сами собою и ихъ послѣдствія. Но мѣры въ этомъ смыслѣ или бы вопреки интересамъ польскихъ патріотовъ,—и вотъ ловкіе люди, пользуясь настроеніемъ правительства, побуждаютъ его чуть не силой тянуть шляхту, для полученія образованія, а съ нимъ и служебныхъ правъ, въ казенныя училища (то-есть продолжать систему Чарторыйскаго). Училища скоро доставляютъ намъ цѣлую массу чиновной шляхты, которая пользуясь правами по воспитанію, вламывается въ государственную службу, занимаетъ мѣста сначала въ западныхъ губерніяхъ по вытѣсненіи оттуда русскихъ чиновниковъ, затѣмъ переходитъ на службу во внутреннія губерніи, наполняетъ армію, повсюду распространяетъ духъ и организацію полученную въ казенныхъ училищахъ, откуда агитаторы 1861 и 1862 и повстанцы 1863 черпали столь обильный контингентъ.

Польское юношество западныхъ губерній предполагалось воспитывать въ „русскихъ началахъ.“ Выраженіе „русскія начала“ означало, въ первое время послѣ мятежа 1831 года, цѣлую политическую программу; но оно вскорѣ обратилось въ пустую фразу для прикрытія мѣръ, клонившихся иногда прямо къ ополяченію края.

Въ краѣ, населенномъ русскимъ племенемъ, хоть отчасти и окатоличеннымъ, но сохранившимъ свою народность, поддержаніе этой народности было дѣломъ первостепенной важности. „Намъ предстоитъ,“ писалъ графъ Уваровъ въ отчетѣ за 1843 годъ, „рѣшить вопросъ трехвѣковой борьбы двухъ началъ: одного сильнаго числительнымъ могуществомъ, другаго — ухитрившагося слабостью и угнетеніемъ своимъ, и ловкаго къ уловленію собственныхъ выгодъ.“ При такой постановкѣ вопроса, казалось бы дѣломъ первой необходимости предоставить сторонѣ сильной числительностью, но слабой по образованію, то же оружіе, которымъ владѣетъ меньшинство, то-есть, образованіе, по крайней мѣрѣ въ той степени, въ какой оно было открыто Полякамъ. Такъ было предположено въ началѣ; но администрація нашла нужнымъ ходатайствовать объ измѣненіи предположенія, превративъ всѣ уѣздныя училища въ *дворянскія*, то-есть польскія, расширивъ ихъ курсъ, а образованіе ополяченнаго населенія ограничить приходскими школами, гдѣ обучались русской грамотѣ, закону Божію и четыремъ правиламъ ариѳметики.

Преподаваніе польскаго языка было прекращено въ юго-западномъ краѣ въ 1835 году, а въ сѣверо-западномъ въ 1838 году, при чемъ должности учителей польскаго языка были упразднены и всѣ предметы предписано было преподавать по-русски. Но

это прекращеніе преподаванія польскаго языка было только номинальное, въ сущности же польскій языкъ попрежнему остался въ училищахъ, только преподавателемъ его сталъ не свѣтскій учитель, какъ прежде, а ксендзъ. Причина та, что законъ Божій для католиковъ предписано было преподавать *по-польски*, а потому воспитанникъ обязанъ былъ изучать польскій языкъ какъ священный. Польскій языкъ былъ обязательнымъ языкомъ для церковнаго употребленія, ибо католическія духовныя книги и молитвенники были обязательно польскія; на русскомъ языкѣ, какъ и теперь, лежалъ чудовищный запретъ для иновѣрцевъ. Еслибы какой воспитанникъ католическаго исповѣданія считалъ себя Русскимъ, онъ не былъ бы въ правѣ пользоваться русскимъ языкомъ для своихъ религіозныхъ требъ; въ *силу закона*, онъ долженъ былъ, какъ и теперь, молиться и исповѣдываться на польскомъ языкѣ. Очевидно, что при такомъ условіи юноша и не могъ считать себя иначе какъ Полякомъ.

Что касается до приглашенія въ училища западнаго края Русскихъ преподавателей, то мѣра эта скоро оказалась несостоятельною. Русскіе учители не пользовались никакими преимуществами; пріѣзжая въ западный край, они попадали въ среду открыто имъ враждебную, а во властяхъ находили лишь весьма сомнительную поддержку; понятно, что они оставались тамъ неохотно, и при первой возможности старались убраться восвояси.

Въ 1834 году, при преобразованіи училищъ западнаго края, правительство полагало необходимымъ открыть пути къ просвѣщенію не одному дворянству, враждебное настроеніе котораго было еще слишкомъ свѣжо въ памяти, но и другимъ элементамъ мѣстнаго населенія. Въ этихъ видахъ, собственно для мѣщанъ, учреждены были уѣздныя училища въ Вильнѣ, Гроднѣ, Новогродкѣ (Новогрудкѣ), Лидѣ, Слонимѣ, Пружанахъ, Дрогичинѣ и въ мѣстечкѣ Кейданахъ. Эти мѣщанскія училища, съ курсомъ почти гимназическимъ, могли бы послужить разсадниками образованнаго русскаго юношества изъ мѣстныхъ жителей. Польскіе патріоты были озадачены, но страхъ ихъ былъ непродолжительный: въ 1839 году упомянутыя мѣщанскія училища были преобразованы и переименованы въ *дворянскія*, а для другихъ сословій оставлены только приходскія училища.

При возстановленіи въ 1850 году Виленскаго учебнаго округа, тогдашній генералъ-губернаторъ въ этомъ краѣ исходатайствовалъ чтобы *пріемъ въ гимназіи былъ ограниченъ дѣтьми дворянъ и купцовъ первыхъ двухъ гильдій*, — и такимъ образомъ пути къ образованію для мѣстныхъ жителей изъ русскаго большинства были пресѣчены.

Польское дворянство ликовало: оно пользовалось теперь исключительными правами на образованіе, а ненавистное ему русское населеніе обречено было на невѣжество. Въ 1850 году въ сѣверо-западномъ краѣ изъ 5.876 учащихся въ гимназіяхъ 4.572, а изъ 3.790 учениковъ 33-хъ дворянскихъ училищъ 3.458, то-есть свыше $^9/_{10}$, принадлежали къ сословію потомственныхъ дворянъ. Радость польскаго дворянства раздѣляло и тогдашнее министерство народнаго просвѣщенія, заявлявшее съ особеннымъ удовольствіемъ въ одномъ документѣ, который мы имѣемъ подъ рукой, что „около 8.000 дворянъ сѣверо-западнаго края образуются подъ ближайшимъ руководствомъ правительства“. По поводу возбужденнаго въ томъ же году вопроса о сравненіи дворянскихъ уѣздныхъ училищъ по курсу съ уѣздными училищами имперіи, министерство стало горой за сохраненіе въ западныхъ губерніяхъ болѣе обширнаго курса противу губерній внутреннихъ. Оно находило, что, при сосредоточеніи образованія въ рукахъ правительства, необходимо сдѣлать сколь можно менѣе чувствительнымъ для дворянства упраздненіе прежнихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, при чемъ увѣряло, что *дворянство совершенно успековно* дѣйствовавшею тогда системой. Оно полагало, что въ случаѣ преобразованія дворянскихъ уѣздныхъ училищъ, дворяне *могутъ прибѣгнуть къ домашнему воспитанію*, и тогда спасительный правительственный контроль за воспитаніемъ былъ бы ослабленъ.

Теперь, послѣ мятежа, подготовленіе къ которому началось не далѣе какъ по истеченіи десяти лѣтъ послѣ этихъ соображеній, и дѣятелями котораго явились благородные юноши сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ, воспитанные подъ ближайшимъ наблюденіемъ администраціи, уяснилось истинное значеніе нѣжной заботливости о воспитаніи исключительно дворянства западныхъ губерній. Любопытно было бы знать чѣмъ именно польщизна того вре-

мени могла расположить къ себѣ тогдашнее правительство. Извѣстно напримѣръ, что около того времени, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть въ венгерскую войну, въ польской средѣ была довольно сильная агитація, и что изъ гимназій того края воспитанники уходили за границу; извѣстно, что въ 1851 году въ Минскомъ благородномъ пансіонѣ, при тамошней гимназіи, въ рекреаціонномъ залѣ, портретъ покойнаго императора найденъ былъ разрѣзаннымъ въ пяти мѣстахъ; въ томъ же году въ Тельшевскомъ дворянскомъ училищѣ ксендзъ Косаржевскій отказывался явиться на испытаніе воспитанниковъ на томъ основаніи, что предъ экзаменомъ православный священникъ осмѣлился отслужить молебенъ.

Такимъ образомъ даже въ тотъ суровоправительственный періодъ, когда, повидимому, все безусловно и слѣпо устремлялось къ исполненію указаній свыше, въ западныхъ губерніяхъ все дѣлалось вопреки этимъ указаніямъ и истина заботливо скрывалась или искажалась. Предначертанная свыше программа измѣнялась, по представленіямъ и ходатайствамъ ея исполнителей, въ нѣкоторыхъ частностяхъ: но всѣ эти частныя измѣненія были соображены и направлены не только къ фактическому упраздненію программы, но къ замѣнѣ ея другою, ей противоположною.

№ 159.

Москва, 19-го Іюля.

Пока императоръ Наполеонъ принималъ султана съ почестями, какъ бы умышленно скопированными съ предыдущихъ пріемовъ; пока султанъ выставлялся на Марсовомъ полѣ въ качествѣ замѣчательнѣйшаго произведенія дипломатической промышленности, пока королева Англійская, въ виду всего британскаго флота, возлагала на Абдулъ-Азиза орденъ Подвязки, имѣющей девизомъ *honny soit qui mal y pense*, пока и король Прусскій старался не отстать отъ другихъ въ изъявленіяхъ своей преданности владыкѣ правовѣрныхъ и внималъ изъ устъ его милостивый отзывъ: *sois heureux*, въ Болгаріи, какъ и въ Критѣ кровь льется потоками. Омеръ-паша вымещаетъ свои военныя неудачи, избивая и разоряя все что ему попадается подъ руку, а генералъ-губернаторъ Митгатъ-паша, слывущій за одного изъ самыхъ человѣколюбивѣйшихъ и образованнѣйшихъ въ семъѣ турецкихъ сановниковъ, беретъ изъ первой французской революціи образцомъ себѣ дѣйствія свирѣпаго Каррьера въ Нантѣ и топитъ людей въ Дунаѣ.

Безъ малѣйшаго преувеличенія можно утверждать, что никогда цивилизованная христіанская Европа не представляла болѣе грустнаго, болѣе скандалезнаго зрѣлища, и такъ какъ европейскія державы, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, устроивъ или допустивъ устроить Румынію самостоятельнымъ государствомъ, сами подали сигналъ къ движенію, на кровавое подавленіе котораго теперь смотрятъ онѣ такъ равнодушно, или лучше сказать, съ такимъ удовольствіемъ и сочувствіемъ, то невольно спрашивается, какому наказанію правосудіе Божіе подвергнетъ ихъ за подобное ни на что не нужное жестокосердіе? Болѣе же всего прискорбно то, что это безчеловѣчіе стараются прикрыть лицемѣрною политикой, притворнымъ человѣколюбіемъ, которымъ только усугубляются страданія христіанскихъ населеній и поощряется турецкое свирѣпство. Именно въ ту самую минуту, когда султанъ отправлялся вкушать почести, приготовлявшіяся для него въ Парижѣ, Тюльерійскій кабинетъ присоединялся къ четыремъ другимъ державамъ, дабы вмѣстѣ съ ними представить Портѣ тождественную ноту, которой отрицательный результатъ легко было предвидѣть. Полагали, что такимъ образомъ исполнятъ долгъ человѣколюбія и цивилизаціи, и продолжая для формы толковать о слѣдственной коммиссіи, остающейся до сихъ поръ въ видѣ проекта, и имѣющей заявленною цѣлью освѣдомиться о фактахъ и желаніяхъ христіанъ безъ того очевидныхъ; никакому сомнѣнію не подлежащихъ и всѣмъ совершенно извѣстныхъ, въ дѣйствительности думали только о томъ, чтобы какъ можно болѣе возвысить блескъ посѣщенія Парижа султаномъ. Теперь этому примѣру буквально послѣдовали и по ту сторону Ламаншскаго канала. Одушевленный безъ сомнѣнія звуками турецкаго національнаго гимна, разыгранаго въ Хрустальномъ дворцѣ двумя тысячами музыкантовъ, лордъ Стенлей выступилъ изъ равнодушія, которое хотя и было прискорбно, но имѣло по крайней мѣрѣ нѣкоторую внѣшнюю благовидность,

нѣкоторое извиненіе; онъ предложилъ съ своей стороны произвести слѣдствіе о происшествіяхъ въ Болгаріи. Но дабы вѣрно судить о значеніи и результатахъ этого британскаго слѣдствія, необходимо поставить на видъ мнѣнія и прошлое того лица, на которое англійское министерство иностранныхъ дѣлъ возложило столь важное порученіе. Лордъ Станлей ввѣрилъ его г. Лонгворту, генеральному консулу Англіи въ Бѣлградѣ.

Изъ всѣхъ консуловъ Англіи, только этотъ г. Лонгвортъ, да еще адріанопольскій, представили англійскому правительству благопріятное для Турокъ донесеніе, проникнутое очевиднымъ недоброжелательствомъ къ христіанскимъ населеніямъ, страждущимъ подъ оттоманскимъ владычествомъ. Это донесеніе, представленное парламенту три мѣсяца назадъ въ Синей Книгѣ, такъ длинно, что сообщить его вполнѣ нельзя, но для того чтобы дать о немъ понятіе, достаточно вкратцѣ изложить его содержаніе и сказать выводы къ какимъ пришелъ упомянутый англійскій консулъ

Исходнымъ пунктомъ своимъ г. Лонгвортъ принимаетъ мысль, „что гатъ-гумаюнъ есть только знакъ добраго расположенія Порты, но что онъ для нея нисколько не обязательный, и что принимая этотъ гатъ-гумаюнъ, представители великихъ державъ и не думали требовать отъ Порты, чтобъ она въ точности назначала когда и въ какой мѣрѣ гатъ-гумаюнъ будетъ приведенъ въ исполненіе, и не принимали на себя обязанности устранять затрудненія предстоящія этому исполненію.“

Подвергая потомъ обсужденію разные административные, судебные и соціальные вопросы, г. Лонгвортъ не колеблясь говоритъ противно докладамъ 24 товарищей своихъ, помѣщеннымъ въ той же Синей Книгѣ. Онъ утверждаетъ, что на Востокѣ, благодаря мудрости, либерализму и великодушію турецкаго правительства, совершены или готовятся замѣчательнѣйшіе успѣхи. Сочувствія, по ея мнѣнію, заслуживаютъ только мусульмане, и онъ съ величайшимъ усердіемъ изображаетъ ихъ достоинства. Отвѣтственность за все дурное возлагаетъ онъ исключительно на однихъ христіанъ, которыхъ величаетъ „презрѣнными,“ „раболѣпными,“ „жадными,“ „фальшивыми“ и проч. Консуловъ другихъ европейскихъ державъ г. Лонгвортъ также осыпаетъ упреками, утверждая, будто „они роняютъ мусульманскую власть, требуя примѣненія отвлеченныхъ правилъ правосудія.“ Болгаръ, Грековъ, Албанцевъ онъ титулуетъ попеременно разбойниками, ворами, глупцами и упрямцами. Страшныя подати, обременяющія народъ, онъ называетъ чрезвычайно умѣренными и утверждаетъ, будто онѣ распредѣлены болѣе благопріятнымъ для христіанъ чѣмъ для мусульманъ образомъ. Наконецъ, вотъ общій выводъ Лонгворта:

„Изъ этого проистекаетъ слѣдующее: „между тѣмъ какъ христіане преуспѣва„ютъ, что доказывается ихъ внѣшнимъ ви„домъ и тѣмъ, что въ большей части го„родовъ мною посѣщенныхъ, имъ преиму„щественно принадлежитъ недвижимость, „Турки какъ бы постепенно исчезаютъ изъ „общественной жизни и отгѣсняются въ „самые мрачные и забытые закоулки. Но „они оказываютъ спокойную покорность „судьбѣ? они дурно одѣты, живутъ въ пло„хихъ домахъ, довольствуются дурною пи„щей, однако всегда являютъ видъ пове„лительный, и этотъ порядокъ вещей не „можетъ быть измѣненъ ни ими самими, „ни христіанами. Тѣмъ не менѣе мусуль„мане должны съ мрачнымъ чувствомъ при„скорбія сравнивать свое теперешнее по„ложеніе съ прежнимъ, и имъ невольно „могутъ приходить въ голову мысли о тѣхъ „превратностяхъ, о тѣхъ униженіяхъ, кото„рыя судьба еще готовитъ имъ въ будущемъ. „Безъ сомнѣнія имъ извѣстно, что весь свѣтъ „считаетъ ихъ недужными, умирающими, не „имѣющими ни малѣйшаго законнаго пра„ва на области, въ которыхъ они только „стоятъ лагеремъ. Но они знаютъ, однако, „какою цѣною предки ихъ завоевали эти „области и пріобрѣли права столь же ува„жительныя, какъ и права другихъ хра„брыхъ народовъ. Еще хуже то, что имъ „опять приходится платить ту же цѣну, „и *почему имъ не прибѣгнуть снова къ „тѣмъ средствамъ, которыми Создатель „преимущественно надѣлилъ ихъ, то-есть „къ мужеству и силѣ (!!!)?* Почему не „возвратиться къ *доброй старой системѣ* „(why not revert to the good old plan that „those shall take who have power and those „shall keep who can), въ силу которой „власть должна оставаться въ рукахъ того „кто ею пользуется и можетъ удержать ее. „Не лучше ли это будетъ нежели медлен„ная смерть въ безплодныхъ усиліяхъ „*забыть самыя драгоцѣнныя преданія ми-*

„*нушаю (!!!)*. И что же имъ мѣшаетъ „въ этомъ? По моему убѣжденію, просто „одно то, что они народъ хотя и храбрый, „но послушный и религіозный, и что имъ „внушили, что ихъ государь, ихъ падиша „шахъ далъ европейскимъ правительствамъ „слово, которое честь его и добросовѣстность обязываетъ его выполнить, а потому хотя имъ дорого стоитъ это слово, „они хотятъ сдержать его."

По этому невѣроятному извращенію извѣстныхъ фактовъ, по этому столь парадоксальному и совершенно произвольному заступничеству за право мусульманъ рубить и рѣзать христіанскихъ подданныхъ своего падишаха, видно, что г. Лонгвортъ не ограничивается только усиліями поддержать оттоманское владычество. Онъ выставляетъ притѣснителей жертвами; не безъ сердечнаго чувства помышляетъ о возвращеніи къ *доброй старой системѣ* и подстрекаетъ Турокъ прибѣгнуть *къ силѣ и мужеству*. Впрочемъ, этотъ страстный поборникъ исламизма уже не въ первый разъ заявляетъ подобное расположеніе. Въ 1853—54 г., если не ошибаемся, онъ устроилъ полкъ баши-бузуковъ, или оттоманскихъ казаковъ, и командовалъ имъ. Порта наградила его за это, сдѣлавъ ему великолѣпный пріемъ въ 1860—61 г., когда онъ былъ посланъ въ Константинополь съ конфиденціальнымъ порученіемъ. Назначенный вскорѣ послѣ того генеральнымъ консуломъ въ Бѣлградъ, г. Лонгвортъ яростно враждовалъ противъ Сербовъ, оправдывалъ, какъ свидѣтельствуетъ тогдашняя Синяя Книга, бомбардированіе Бѣлграда и отчаянно сопротивлялся требованію вывести турецкіе гарнизоны изъ сербскихъ крѣпостей.

Таковъ господинъ, котораго министры королевы Викторіи выбрали изъ всѣхъ британскихъ агентовъ на Востокѣ для произведенія слѣдствія объ избіеніяхъ, совершаемыхъ Турками въ Болгаріи, между тѣмъ какъ султанъ произноситъ спичи за обѣдомъ у лорда-мера и при рукоплесканіяхъ своихъ именитыхъ слушателей витійствуетъ о братствѣ, прогрессѣ и свободѣ!

Въ числѣ дипломатическихъ документовъ, которые Императорско-Россійскій кабинетъ недавно обнародовалъ, есть депеша князя Горчакова къ нашему послу въ Лондонѣ, отъ 5-го августа 1860 года, гласящая слѣдующее:

„Мы далеки отъ намѣренія вынуждать кого-либо къ чему бы то ни было. Пусть всякій дѣйствуетъ согласно своимъ убѣжденіямъ, и по своему разумѣнію ожидаетъ результатовъ отъ времени; но пусть всѣ помнятъ: 1) что теперь время болѣе разрушаетъ чѣмъ упрочиваетъ; 2) что Турецкая имперія можетъ быть спасена только единодушнымъ рѣшеніемъ державъ обязать ее къ практическому вступленію на путь справедливости; 3) что мы не намѣрены уклоняться отъ коллективнаго дѣйствія, котораго желали съ самаго начала, но пусть не теряютъ изъ вида положенія, въ какое мы будемъ приведены, *если бы нашихъ единовѣрцевъ стали избивать у самой границы нашей и мы были бы должны смотрѣть на это сложа руки.*"

Предсказанія канцлера имперіи совершенно оправдались. Не только уже тринадцать мѣсяцевъ нашихъ единовѣрцевъ избиваютъ на островѣ Критѣ, но избиваютъ и Болгаръ „у самой границы нашей." Не „имѣя намѣренія вынуждать кого-либо къ чему бы то ни было", будемъ ли мы „сложа руки" смотрѣть на это избіеніе?

№ 160.

Москва, 20-го іюля.

Дѣло реформы, возсоздающей Россію, не прерывается и не ослабѣваетъ. Преобразованія, одно за другимъ, совершаются во всѣхъ сферахъ нашего быта. Нынѣшнее посѣщеніе Государемъ Императоромъ Своей первопрестольной столицы, такъ ожидавшей видѣть и привѣтствовать Его по возвращеніи изъ заграничнаго путешествія, сопровождалось обнародованіемъ новаго закона относящагося къ нашей военной организаціи и, вносящаго въ нее, а черезъ нее и вообще въ нашъ народный бытъ, новое начало, которое не замедлитъ обнаружиться обильными и благодѣтельными послѣдствіями, какъ прямыми, такъ и косвенными. Мы разумѣемъ Высочайшій указъ правительствующему сенату отъ 25-го іюня и Высочайше утвержденное въ тотъ же день Положеніе объ устройствѣ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ *). Въ этихъ законодательныхъ актахъ заклю-

*) Указъ помѣщенъ въ № 157. Положеніе въ № 158 *Московскихъ Вѣдомостей*.

чается одна изъ важнѣйшихъ мѣръ, служащихъ продолженіемъ и развитіемъ великаго дѣла 19-го февраля 1861 года.

Отнынѣ солдатъ нашъ не бездомное, оторженное отъ земли, отъ народа, отъ своей мѣстности существо. Солдатское званіе отнынѣ не лишаетъ человѣка его гражданскихъ правъ, и инвалидъ, потерявшій на службѣ способность жить своимъ трудомъ, отнынѣ обезпеченъ въ своей будущности болѣе прежняго. Что было суроваго и даже жестокаго въ участи человѣка постигнутаго рекрутскою очередью, то теперь смягчается или исчезаетъ.

Законодательные акты 25-го іюня весьма тѣсно связаны съ освобожденіемъ крестьянъ. Крѣпостное право—русскій народъ твердо вѣритъ въ это — миновало безвозвратно, и мы не будемъ тревожить его покоя горькими воспоминаніями; но еще не всѣ аналогическія ему положенія въ нашемъ быту исчезли, и нельзя не сказать, что однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ послѣдствій его была невозможность дать требуемое справедливостью общественное положеніе тѣмъ лицамъ крѣпостнаго состоянія, которыя брались въ войска, несли тяжкую нужду, утрачивали свое здоровье и проливали свою кровь за Престолъ и Отечество. Увольняемые въ отставку или безсрочный отпускъ, они чувствовали себя отчужденными отъ своей родины и даже отъ своей семьи, которая смотрѣла на нихъ какъ на „отрѣзанный ломоть.“ Ихъ принимали неохотно, отъ нихъ старались отдѣлаться, предоставляя ихъ судьбу волѣ Божіей. Нигдѣ на свѣтѣ отставной служивый не былъ поставленъ такъ дурно, такъ обидно дурно, какъ у насъ. Отставка или безсрочный отпускъ возвращали ему свободное распоряженіе своею личностью, но въ этой свободѣ было мало для него радости, несмотря на нѣкоторыя соединенныя съ нею льготы. Если ему и оказывались иногда вниманіе и участіе, то онъ долженъ былъ принимать ихъ какъ благотвореніе, а не какъ заслуженное право. Такое положеніе отставныхъ и безсрочноотпускныхъ солдатъ изъ разряда крѣпостныхъ было болѣе или менѣе положеніемъ всѣхъ прочихъ: всѣ они были отрываемы отъ своего быта, отъ своего гражданскаго положенія. Рѣзкое несоотвѣтствіе между службой и тѣмъ что за ней слѣдовало считалось какъ бы естественнымъ удѣломъ людей, поступавшихъ въ войска изъ низшихъ сословій. Тотъ же самый, въ крѣпостномъ правѣ коренящійся взглядъ, который позволялъ не видѣть въ русскомъ крестьянинѣ гражданина, имѣлъ своимъ послѣдствіемъ и то обстоятельство, что у насъ доселѣ такъ поразительно мало сдѣлано для народнаго образованія.

Замѣтимъ мимоходомъ о солдатскихъ пенсіяхъ. Пенсіи соразмѣряются съ получаемымъ на службѣ жалованіемъ, но офицерское жалованье покрываетъ собой или по крайней мѣрѣ должно покрывать собой всѣ издержки, между тѣмъ какъ солдатское жалованье есть въ сущности только прибавка къ провіантскому и коммиссаріатскому довольствію, имѣющая характеръ какъ бы карманныхъ денегъ. Поэтому, хотя солдатская пенсія и вдвое больше солдатскаго жалованья, она все-таки несоразмѣрно мала въ сравненіи съ пенсіями офицерскими. Нельзя сомнѣваться, что новое направленіе законодательства приведетъ и къ возстановленію равномѣрности военныхъ пенсій, и что не долго останется въ силѣ теперешній порядокъ, при которомъ изо всѣхъ нижнихъ чиновъ только унтеръ-офицеры гвардіи получаютъ пенсію, которая ихъ обезпечиваетъ. Пенсія особенно важна при сокращеніи сроковъ службы, какъ средство удерживать ветерановъ подъ знаменами.

Указъ и Положеніе 25-го іюня есть серіозный шагъ къ устраненію недостатковъ прежняго законодательства, развившагося отчасти вслѣдствіе крѣпостнаго права, отчасти подъ вліяніемъ воспитанныхъ имъ понятій.

За основаніе новаго законодательства принято, какъ сказано въ указѣ, что „солдатъ съ поступленіемъ на службу не долженъ утрачивать прежнія свои гражданскія права въ обществѣ, а по увольненіи изъ войскъ, возвращаясь въ первобытное свое положеніе, вступаетъ вновь въ пользованіе означенными правами, съ тѣми преимуществами, на которыя онъ пріобрѣлъ правомъ выслугой установленнаго срока.“

Этимъ основнымъ началомъ, которое не было возможно у насъ до освобожденія крестьянъ, прочно закрѣпляется связь солдата съ землей, въ чемъ мы до сихъ поръ отставали отъ остальной Европы. Наши солдаты будутъ числиться въ мѣстахъ своего жительства и записываться тамъ въ ревизію, хотя и не будутъ полагаться въ

окладъ по платежу подушной подати и сбора на земскія повинности, раскладаемаго по душамъ. Во время нахожденія нижнихъ чиновъ на службѣ, ихъ надѣлы будутъ оставаться въ пользованіи ихъ семействъ. Возвращаясь въ свои общества, они будутъ вступать въ пользованіе всѣми принадлежащими имъ въ сельскомъ обществѣ правами. Но признаніемъ за ними этихъ правъ нисколько не стѣсняется ихъ свобода въ избраніи мѣста жительства и рода занятій. Они могутъ приписаться куда захотятъ, и при томъ безъ прежнихъ ограниченій. Прежде дозволялось селиться на казачьихъ земляхъ только тѣмъ отставнымъ, которые взяты въ рекруты изъ мѣстныхъ крестьянъ: теперь казачьи земли открыты для всѣхъ нижнихъ чиновъ. Прежде нижніе чины изъ малороссійскихъ казаковъ обязаны были селиться на родинѣ: теперь для нихъ открыта вся Россія. Законодательство 25-го іюня не забыло и Евреевъ; и на ихъ долю досталась новая льгота: прежде, кромѣ мѣстъ, гдѣ Евреямъ позволяется осѣдлость, отставные изъ Евреевъ могли селиться только въ Николаевѣ (съ разрѣшенія мѣстнаго морскаго начальства), а если служили въ гвардіи, то и въ Петербургѣ; теперь солдаты изъ Евреевъ пріобрѣтаютъ своею службой право селиться во всей Россіи, гдѣ пожелаютъ.

Элементъ свободы, введенный законодательствомъ 25-го іюня, послужитъ къ болѣе правильному распредѣленію населенія въ Россіи и доставитъ новыхъ полезныхъ жителей богатымъ, но малонаселеннымъ краямъ, каковы казачьи земли и Закавказье. Въ послѣднемъ, скажемъ кстати, особенно желательно было бы видѣть поощреніе къ водворенію отставныхъ солдатъ. Тамъ много превосходныхъ земель лежитъ впустѣ; въ интересахъ народнаго богатства и въ политическомъ интересѣ было бы весьма важно колонизовать эти богатыя земли русскими переселенцами, но мирный крестьянинъ внутреннихъ губерній едва ли будетъ въ состояніи внушить къ себѣ должное уваженіе вооруженнымъ туземцамъ, а отставной солдатъ легко найдется тамъ и сумѣетъ поддержать достоинство русскаго имени.

По матеріальному обезпеченію отставныхъ нижнихъ чиновъ законодательство 25-го іюня также много сдѣлало, хотя упомянутый выше вопросъ о пенсіяхъ (конечно, за сроки дѣйствительной службы, равные офицерскимъ) предоставляется еще будущему времени.

Отставнымъ нижнимъ чинамъ, селящимся въ городахъ, имѣющихъ болѣе двухверстной пропорціи выгона (такіе города составляютъ, если не ошибаемся, около половины общаго числа), прежде безплатно отводилась земля въ городской чертѣ или на выгонѣ; это право остается въ силѣ, но прежде въ пособіе для постройки дома отпускалось 50 р. асс., причемъ построенный домъ не могъ быть отчуждаемъ, а при переходѣ его по наслѣдству взыскивалось обратно выданное казенное пособіе. На 50 р. асс. въ старину можно было купить срубъ; теперь этихъ денегъ уже почти нигдѣ въ Россіи недостаточно. Нынѣ денежное пособіе замѣнено безплатною выдачей лѣса, что гораздо важнѣе, и сверхъ того дома построенные на городской землѣ изъ безплатно отпущеннаго лѣса будутъ принадлежать нижнимъ чинамъ и ихъ наслѣдникамъ на правѣ полной собственности и могутъ быть отчуждаемы по истеченіи трехъ лѣтъ со времени постройки. Сверхъ того, всякій нижній чинъ, при водвореніи своемъ гдѣ бы то ни было, въ городѣ или деревнѣ, будетъ получать единовременное пособіе, размѣръ коего опредѣляется ежегодно, а въ нынѣшнемъ году назначенъ въ 20 или 40 р., смотря по тому обзаводится ли поселяющійся новою усадьбой или нѣтъ (прежде эта сумма выдавалась только унтеръ-офицерамъ, а рядовые получали меньше, именно 15 и 30 р.) и притомъ пособіе выдавалось только нижнимъ чинамъ изъ государственныхъ крестьянъ. Наконецъ, право отставныхъ нижнихъ чиновъ причисляться къ инвалиднымъ командамъ отмѣняется. Вмѣсто такъ-называемаго инвалиднаго содержанія, которое стоило казнѣ дорого, но до инвалидовъ не всегда доходило или доходило не сполна, назначается выдача на руки по 3 р. въ мѣсяцъ всѣмъ нынѣшнимъ инвалидамъ, которые не способны къ личному труду, и всѣмъ тѣмъ, которые впредь сдѣлаются на службѣ неспособными къ личному труду и не будутъ имѣть собственныхъ средствъ къ жизни, ни родственниковъ, желающихъ принять ихъ на свое иждивеніе. Вслѣдствіе этой перемѣны казна не будетъ издерживать болѣе теперешняго, а положеніе инвалидовъ значительно улучшится.

№ 161.

Москва, 21-го іюля.

Дня за два предъ симъ (№ 158), мы, припоминая прошлое, дивились судьбамъ правительственныхъ распоряженій и предположеній относительно польскаго вопроса въ западныхъ губерніяхъ. Ясно и рѣшительно выраженная воля верховной власти, столь обязательная для правительства, не только подъ разными предлогами не исполнялась, но еще давала поводъ къ мѣрамъ клонившимся прямо въ противную сторону. То же самое отчасти мы видимъ на исторіи правительственныхъ мѣръ касательно преподаванія польскаго языка въ школахъ западнаго края.

Преподаваніе польскаго языка въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ западныхъ губерній прекращено было въ юго-западномъ краѣ въ 1835, въ сѣверо-западномъ въ 1839 году; въ 1854 году оно было отмѣнено и въ училищахъ содержимыхъ частными лицами.

Спустя не болѣе какъ два года послѣ этого начинается обратное движеніе: въ 1856 году польскій языкъ снова вводится сначала въ женскія учебныя заведенія юго-западнаго края, въ 1857 году—во всѣ гимназіи и дворянскія уѣздныя училища Виленскаго учебнаго округа, въ 1858 году распространяется на учебныя заведенія всего западнаго края, за исключеніемъ губерній Витебской, Могилевской, Подольской и Волынской, а въ 1860—и на весь западный край. Въ этомъ же послѣднемъ году преподаватели польскаго языка вводятся въ штаты, и жалованье имъ ассигнуется не изъ экстраординарныхъ суммъ попечителей округовъ, какъ прежде, а изъ государственнаго казначейства.

Въ концѣ 1860 и въ началѣ 1861 года возбуждается наконецъ въ Вильнѣ вопросъ о введеніи преподаванія въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ на польскомъ языкѣ; но вопросу этому официальнаго хода еще не было дано, какъ наступилъ двухлѣтній періодъ демонстрацій, окончившійся воруженнымъ мятежомъ.

Окончательное прекращеніе въ западномъ краѣ преподаванія польскаго языка послѣдовало въ 1864 году. Вскорѣ за тѣмъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края законъ Божій преподавался католикамъ по-русски.

Приводя, въ хронологическомъ порядкѣ, этотъ перечень голыхъ фактовъ о судьбѣ польскаго языка въ школахъ нашей западной окраины, нельзя не остановиться съ любопытствомъ на вопросѣ, какими доводами убѣждено было правительство ввести польскій языкъ въ курсъ преподаванія, когда еще не задолго предъ тѣмъ сознаваема была необходимость окончательнаго упраздненія его въ школахъ.

Для разъясненія дѣла обратимся опять къ 1854 году, и посмотримъ какъ приняла польщизна извѣстіе объ изгнаніи ея языка изъ училищъ западнаго края и въ чемъ заключалось ея противодѣйствіе.

1854 годъ казался Полякамъ годомъ для нихъ рѣшительнымъ. Россія была вовлечена въ войну съ европейскою коалиціей, во главѣ которой стали державы, выказывавшія въ 1854 году то же бумажное сочувствіе Польшѣ, какъ и въ 1863 году. Польщизна зашевелилась, какъ шевелилась въ 1849 году, во время Венгерской кампаніи, и какъ будетъ шевелиться, при всякомъ стеченіи неблагопріятныхъ для Россіи обстоятельствъ, пока будетъ держаться въ западныхъ губерніяхъ; въ западномъ краѣ стали появляться отъ заграничной эмиграціи возмутительныя воззванія, между прочимъ прокламаціи князя Адама Чарторыйскаго, которыя были писаны химическимъ способомъ на носовыхъ платкахъ, такъ что буквы обнаруживались только послѣ стирки въ извѣстномъ растворѣ; до властей стали доходить изъ уважительныхъ источниковъ слухи о заготовляемомъ на Ковенской границѣ оружіи и о замыслахъ къ открытію возстанія по всей Литвѣ (общирный заговоръ минскаго дворянства обнаруженъ былъ лишь въ слѣдующемъ году), нѣсколько шляхтичей юго-западнаго края переселились, въ видахъ содѣйствія врагамъ Россіи, заграницу, а въ Кіевѣ открыты двѣ патріотки, служившія посредницами при этихъ переселеніяхъ; шляхта и ксендзы безпрестанно распускали вѣсти о мнимыхъ неудачахъ нашихъ войскъ. При такомъ настроеніи умовъ получено было въ краѣ извѣстіе о распоряженіи относительно окончательнаго упраздненія польскаго языка и нечего говорить, что оно произвело сильное впечатлѣніе на польщизну, видѣвшую что правительство неуклонно слѣдуетъ разъ принятымъ путемъ. Впечатлѣніе это было тѣмъ дѣйствительнѣе, что оно было

совершенно неожиданно, ибо въ краѣ, напротивъ, извѣстно было, что тогдашній кіевскій генералъ-губернаторъ энергически отстаивалъ сохраненіе преподаванія польскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, во имя идеи правительственнаго контроля за воспитаніемъ юношества, и заявляя, что съ отмѣной этого преподаванія дѣти польскаго дворянства не будутъ воспитываться въ общественныхъ заведеніяхъ.

Но польская партія не унывала: она знала, что путемъ ловкой интриги поправлялись и не такія дѣла. Дѣйствительно, въ томъ же 1854 году, когда, по *Высочайшему повелѣнію*, министерство народнаго просвѣщенія сдѣлало распоряженіе объ окончательной отмѣнѣ преподаванія польскаго языка даже въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, министерство государственныхъ имуществъ, *по собственной власти*, дало разрѣшеніе на преподаваніе польскаго языка въ сельскихъ приходскихъ училищахъ.

Указомъ 23-го ноября 1842 года въ казенныхъ селеніяхъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, учреждены были приходскія школы, гдѣ обученіе дѣтей, ограничивавшееся закономъ Божіимъ, русскою грамотой и четырьмя дѣйствіями ариѳметики, производилось лицами православнаго вѣроисповѣданія.

Въ 1854 году получено было свѣдѣніе, что въ приходскихъ школахъ Виленской губерніи, кромѣ закона Божія, русской грамоты и ариѳметики, преподается и польскій языкъ. На послѣдовавшій по этому предмету запросъ изъ Петербурга, виленскія власти министерства государственныхъ имуществъ отозвались, что это дѣлается на томъ основаніи, будто польскій языкъ есть *общеупотребительный между крестьянами*, и для $^4/_5$ изъ нихъ, слѣдующихъ римско-католическому исповѣданію, *необходимъ и по религіознымъ побужденіямъ*; преподаваніе же этого языка нисколько не препятствуетъ изученію католиками языка русскаго." Отвѣтъ этотъ, какъ видно, показался вполнѣ удовлетворительнымъ. Къ тому же и высшая администрація сѣверо-западнаго края высказалась въ этомъ же смыслѣ; она полагала преподаваніе польскаго языка въ сельскихъ приходскихъ школахъ оставить *въ томъ положеніи въ какомъ оно тогда находилось*." Министерство государственныхъ имуществъ вполнѣ согласилось съ этимъ мнѣніемъ, и такимъ образомъ, самовластно, узаконило такую мѣру, которая шла прямо вопреки тогдашнему требованію державной воли.

Чему же дивиться, что вслѣдъ затѣмъ западный край покрылся цѣлою сѣтью польскихъ школокъ, которыя содержались дворянами и ксендзами и энергически поддерживались въ послѣдствіи польскими мировыми посредниками,—школокъ, гдѣ шла самая дѣятельная измѣнническая пропаганда и противъ которыхъ раздавались только голоса іерарховъ виленскаго и кіевскаго? Можно ли не дивиться тому, какъ это несчастное западно-русское населеніе, послѣ всѣхъ подобныхъ испытаній, не только не утратило своей народности, но еще такъ сохранило ее, что приведенный выше отзывъ, будто въ 1864 году, въ Виленской губерніи, $^4/_5$ крестьянъ говорили по-польски, до сего времени не имѣетъ тѣни правды?

Однако, въ силу какой же аргументаціи польскій языкъ возстановленъ былъ въ учебныхъ заведеніяхъ западнаго края? Въ 1856 году, то-есть только два года спустя послѣ упраздненія польскаго языка въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, кіевскими властями возобновляется рѣчь о необходимости его возстановленія. На этотъ разъ домогательство встрѣтило поддержку въ министерствѣ народнаго просвѣщенія и было удовлетворено. Всего важнѣе доводы, на основаніи которыхъ сдѣлана эта перемѣна. Вотъ эти доводы: „Пресѣченіе въ „западномъ краѣ вреднаго направленія „умовъ наиболѣе зависитъ отъ упроченія „тамъ *преимущественно русскихъ началъ*; „на *этомъ* основаніи дозволеніе преподава„нія въ тамошнихъ учебныхъ заведеніяхъ польскаго языка, если въ то же время изученіе и языка русскаго будетъ тамъ „развиваться съ постоянствомъ и въ надлежащей степени, *скорѣе послужитъ къ „пользѣ, нежели ко вреду, и не только въ „учебномъ собственно, но и въ нравственномъ отношеніи*, такъ какъ западнымъ „уроженцамъ, принадлежащимъ къ латинскому вѣроисповѣданію, *для самаго исполненія религіозныхъ обязанностей необходимо знаніе польскаго языка*."

Итакъ, для пресѣченія въ западномъ нашемъ краѣ „вреднаго направленія умовъ" требовалось „упрочить тамъ преимущественно русскія начала," а потому оказы-

валось возможнымъ вновь допустить въ тамошнихъ школахъ преподаваніе польскаго языка, „полезнаго не только въ учебномъ собственно, но и въ нравственномъ отношеніи," ибо „для самаго исполненія религіозныхъ обязанностей необходимо знаніе польскаго языка."

Но почему польскій языкъ *необходимъ* для исполненія религіозныхъ обязанностей? Отъ кого имѣетъ онъ эту удивительную привилегію, какою не пользуется ни одинъ изъ употребляемыхъ на земномъ шарѣ языковъ? Отъ русскаго правительства. Оно само дѣлаетъ этотъ языкъ необходимымъ, и оно же отступаетъ предъ этою необходимостію. Безъ сомнѣнія, польскій языкъ надобно допустить и признать, коль скоро онъ необходимъ, и непонятно, почему онъ теперь не преподается во всѣхъ школахъ западнаго края, тѣмъ болѣе что русскіе крестьяне тамъ, исповѣдующіе латинскую вѣру, не достаточно знаютъ столь необходимый для нихъ польскій языкъ. Непонятно также, зачѣмъ преподаваніе римско-католическаго катехизиса введено теперь въ школахъ по-русски, когда польскій языкъ доселѣ остается *необходимымъ* языкомъ молитвы?

№ 162.

Москва, 24-го Іюля.

Церковь нашу зовемъ мы православною, и имѣемъ полное къ тому основаніе. Отъ православной церкви пріяли мы духовную жизнь; она положила начало историческому бытію нашего народа; мы всѣмъ обязаны ей: но что же сдѣлали мы сами въ прославленіе православной каѳолической церкви, которой мы всѣмъ обязаны? Ея достоинства — не наши достоинства, и мы не имѣемъ права вмѣнять ихъ себѣ въ заслугу. Напротивъ, чѣмъ выше мы ставимъ ее, тѣмъ болѣе, быть-можетъ, приходится намъ укрекать себя. Православная церковь есть церковь по преимуществу соборная: гдѣ же соборное начало въ нашей церкви? Православная церковь требуетъ себѣ служителей по призванію: по призванію ли имѣетъ она своихъ служителей у насъ? Она отвергла какъ іудейскій обычай все что можетъ способствовать образованію потомственнаго духовнаго званія: гдѣ же какъ не у насъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ имѣется потомственное духовное званіе? Православная церковь требуетъ, чтобы въ выборѣ священниковъ на приходы принимали непосредственное участіе сами прихожане: такъ ли у насъ? Не получались ли у насъ до послѣдняго времени священническія мѣста въ приданое за дѣвицами духовнаго званія? Православная церковь требуетъ, чтобы пастырями ея были люди достаточно зрѣлые, достаточно испытанные жизнію, и постановляетъ правиломъ, чтобы священниками могли быть лица не ранѣе 30 лѣтъ отъ роду: соблюдается ли у насъ это столь важное правило? Не у себя ли мы видимъ двадцати-двухъ-лѣтнихъ пастырей? Православная церковь допускаетъ въ священство лица находящіяся во бракѣ; но не налагая на своихъ служителей обязанности безбрачія, она еще менѣе налагаетъ на нихъ обязанность непремѣнно быть женатыми: такъ ли у насъ? Не установился ли у насъ, вопреки смыслу, обычай ставить бракъ условіемъ священства? Православная церковь чествуетъ иночество какъ высшее духовное призваніе, но не поставляетъ его въ обязанность и не требуетъ его какъ необходимаго для своихъ учрежденій условія, и потому въ древнія времена православія епископы поставлялись какъ изъ чернаго, такъ и изъ бѣлаго духовенства. Такъ ли у насъ? Не обратилось ли у насъ монашество въ средство для стяжанія церковной власти и почестей? Не создаемъ ли мы искусственно такъ-называемое ученое монашество?

Не скоро окончился бы этотъ рядъ вопросовъ, еслибъ имѣлось въ виду вполнѣ характеризовать то положеніе, въ которомъ находится ввѣренная намъ на храненіе и прославленіе православная церковь, и показать все въ чемъ нашъ обычай отступилъ отъ чистоты православія, или чему, вопреки духу истинной церкви Христовой, мы придали существенное значеніе.

Церковь Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста почти утратила въ нашей заглохшей средѣ даръ ученія и проповѣди. Это дошло до того, что иновѣрцы, незнакомые съ сущностью православной церкви, полагаютъ, смотря на насъ, что ей вовсе чуждъ духъ ученія и проповѣди, между тѣмъ какъ примѣръ и завѣтъ ея Божественнаго Главы поставляетъ ученіе и проповѣдь въ основу церковной жизни. Наше духовенство, за немногими блестящими исключеніями, почти не

пользуется этимъ столь обязательнымъ для него средствомъ дѣйствія на народъ къ возвышенію его нравственности, къ облагороженію его жизни, а только этимъ могло бы оно воздать за даръ таинодѣйствія пріемлемаго имъ отъ вселенской церкви, въ этомъ только могла бы выразиться его самодѣятельность къ ея прославленію. Недовѣріе къ силѣ истины, которое держало въ оковахъ нашу нравственную жизнь, начало ослаблять свое дѣйствіе въ нынѣшнее благословенное царствованіе, но еще не для пастырей церкви, которые безъ предварительной цензуры не могутъ молвить живаго слова къ своей паствѣ. Мы скудны въ дѣлѣ просвѣщенія и науки; но если наши свѣтскіе ученые довольствуются доселѣ положеніемъ учениковъ, не всегда заслуживающихъ порядочной отмѣтки отъ своихъ иностранныхъ учителей, то не можетъ не быть особенно прискорбнымъ, что въ такомъ же положеніи находятся и наши богословы: наши свѣтскіе ученые ничего за собою не имѣютъ, ничего не значатъ и ни чего собою не роняютъ, а наши богословы являются представителями церкви, обладающей сокровищемъ богопознанія и мудрости. Въ нашемъ духовенствѣ изсякло даже знаніе тѣхъ языковъ, которые полагаются вездѣ въ основу высшаго умственнаго образованія и служатъ необходимымъ орудіемъ всякой эрудиціи,— языковъ, которые особенно для богослова необходимы. Мы хотѣли изъ нашихъ священниковъ дѣлать фельдшеровъ и коноваловъ, повидимому находя эти послѣднія призванія полезнѣе, и въ этихъ видахъ перестраивали наши семинаріи. Слава Богу, эта пора миновала, но замѣтимъ кстати, что даже въ новомъ улучшенномъ уставѣ нашихъ духовно-учебныхъ заведеній, для богослововъ не положено обязательное изученіе еврейскаго языка.

Наконецъ церковь Христова, которая всякому духовному творчеству, посредственно или непосредственно, даетъ начало, у насъ превратилась въ полицейскій институтъ. Грубѣйшій расколъ развился изъ ея нѣдръ, и она остается предъ нимъ безсильна. Она не можетъ достаточно поддерживать свои учрежденія и бросаетъ безъ призрѣнія своихъ овецъ, не рѣдко привлекаемыхъ къ ней полицейскими чиновниками, иногда съ помощью Еврея или Татарина. Мы вынуждаемъ ее отступать даже предъ магометанствомъ и ламайствомъ.

Люди изъ дальнихъ странъ, ища истины и обращаясь къ Востоку, приходятъ къ намъ за незнаніемъ мерцающаго имъ издалека древняго православія; а мы спѣшимъ замереться, и на стукъ ихъ отвѣчаемъ: „Идите съ Богомъ мимо. Приходите когда-нибудь послѣ.“ Мы заботимся не о томъ чтобы церковь нашу узнали, чтобъ она восторжествовала; мы рады чтобы насъ оставили въ покоѣ и къ намъ не заглядывали.

Новый духъ, который вѣетъ теперь въ нашемъ отечествѣ, все возбуждая и все призывая къ жизни, не могъ не коснуться и церковной сферы. Въ нашемъ новомъ законодательствѣ замѣчаются признаки движенія вызываемаго какъ бы чувствомъ тѣсноты и оскудѣнія нашей церковной жизни и направляемаго какъ бы желаніемъ освободить ее отъ тѣхъ затрудненій, въ которыя она приведена судьбами нашего прошедшаго. Прежде всего, весьма естественно, чувствуя стѣсненное, неправильное, оскудѣнное положеніе нашего духовенства. Въ то время когда пала главная твердыня крѣпостнаго права, которымъ охваченна была наша народная жизнь, не могутъ долго оставаться нетронутыми и всѣ другіе виды того же начала. Это начало закрѣпощенія было необходимостью нашей исторіи и выразилось оно не въ одномъ собственно такъ-называемомъ крѣпостномъ правѣ; оно простерло свое дѣйствіе повсюду, имъ внесена гражданская рознь въ нашу общественную организацію; имъ созданы у насъ особыя юридическія состоянія; оно пріурочило людей къ разнымъ обществамъ, которымъ принесено въ жертву начало личной свободы; оно постепенно возлагало на всѣ созданныя имъ сословія тягло крѣпостнаго служенія. Духовенство подпало тому же началу, но подпало безъ всякой нужды, единственно только въ силу аналогіи. Начало закрѣпощенія, выразившись могущественно, не могло не подчинить себѣ и того что по существу своей ему не подлежитъ, и что не нуждалось бы въ его суровой опекѣ; оно подчинило себѣ и церковную жизнь нашу. Подъ вліяніемъ созданной имъ системы понятій, въ весьма недавнее время, сложилось особое крѣпостное состояніе подъ именемъ духовнаго званія. Церковь была понята какъ великая фабрика, которая нуждается въ рабочихъ и не можетъ разчитывать на вольный трудъ, и вотъ къ ней приписаны мно-

гія сотни тысячъ семей, которыя составили такимъ образомъ особое званіе, именуемое духовнымъ и имѣющее свои юридическія особенности. У насъ духовныя лица суть не тѣ только, что несутъ на себѣ духовныя должности, но и жены, и дѣти, и родственники ихъ.

Сила не въ томъ, что изъ нашего духовнаго званія возможенъ выходъ, а въ томъ что можетъ быть рѣчь о выходѣ изъ духовнаго званія тѣхъ кто не несетъ на себѣ никакого дѣйствительнаго духовнаго званія; сила въ томъ что у насъ есть гражданское, юридически обозначенное сословіе, именуемое духовнымъ, и что это духовное званіе состоитъ изъ семей, про запасъ приписанныхъ къ церкви и представляющихъ собою явленіе аналогическое тѣмъ крестьянскимъ населеніямъ, которыя до 19-го февраля 1861 года состояли въ крѣпостной зависимости отъ разныхъ казенныхъ учрежденій. Вслѣдствіе регламента Петра Великаго, а главнѣйше вслѣдствіе законодательныхъ мѣръ принятыхъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія и имѣвшихъ ближайшимъ предметомъ своимъ духовно-учебныя заведенія, наше духовенство очутилось въ положеніи поссессіонныхъ крестьянъ приписанныхъ къ церкви. Сотни тысячъ семей приписанныхъ къ церкви были изъяты изъ общихъ законовъ, подчинены особому управленію и, въ замѣнъ того, уволены отъ нѣкоторыхъ общихъ повинностей. Церковнымъ властямъ пришлось заѣдывать не только людьми состоящими на дѣйствительномъ церковномъ служеніи, но и ихъ женами, дѣтьми и родственниками, цѣлымъ народонаселеніемъ составляющимъ какъ бы государство въ государствѣ; епископамъ, помимо дѣлъ церкви, пришлось судить и рядить дѣла не имѣющія ничего общаго съ ихъ призваніемъ. Семьи, приписанныя къ церкви, распложаясь, неизбѣжно впадаютъ въ оскудѣніе и нищенство, и епископамъ пришлось заботиться о дѣвицахъ духовнаго званія и пріискивать имъ женіховъ изъ того же званія; въ ущербъ высшимъ интересамъ церкви, имъ пришлось заботиться о томъ какъ бы пристроить и прокормить пролетаріевъ. Церковь стала средствомъ обезпечивать какъ-нибудь судьбу множества семей, укрѣпленныхъ за ней для обезпеченія ея потребностей. Послѣдствія такого положенія дѣлъ у всѣхъ предъ глазами, и наше законодательство, какъ замѣчено выше, уже ясно имѣетъ въ виду причиняемое этимъ положеніемъ зло. Остается желать только, чтобы врачеваніе начиналось не съ послѣдствій, а съ причинъ, и чтобы законодательныя мѣры клонились къ упраздненію причинъ, а не послѣдствій. Пока остается въ силѣ господствующая система, надобно переносить ея послѣдствія, какъ бы ни были они безобразны и тягостны; и наоборотъ, если мы не можемъ и не хотимъ мириться съ дурными послѣдствіями, надобно спѣшить устраненіемъ причинъ.

Хороши и плодотворны лишь тѣ реформы, которыя не сопровождаются напрасными жертвами. Упраздненіе потомственнаго духовнаго званія какъ особаго юридическаго состоянія можетъ быть легко совершено безо всякой несправедливости относительно семействъ, которыя имъ охвачены. У насъ еще не образовалось одно общее, для всѣхъ равное, гражданское состояніе; у насъ еще имѣются особыя юридическія состоянія. Тѣ льготы и преимущества, которыми пользуются дѣти духовнаго званія, могли бы остаться при нихъ, но только не въ качествѣ какого-то духовнаго званія. Дѣти священно-служителей пользуются въ сущности тѣми же гражданскими правами, какія сопряжены съ состояніемъ почетнаго гражданства. Какъ для церкви, такъ и для государства, а равно и для самихъ духовныхъ лицъ, было бы истиннымъ благомъ, еслибъ это потомственное духовное званіе, недавно, вопреки преданіямъ и правиламъ, образовавшееся у насъ, исчезло изъ нашей общественной организаціи, и передало приписанныя къ нему семьи въ соотвѣтственныя по своимъ правамъ сословія. Съ этого необходимо начать, дабы въ нашихъ церковныхъ учрежденіяхъ пробудился духъ жизни, и дабы всѣ имѣющія ихъ своимъ предметомъ реформы могли совершаться успѣшно и благотворно.

№ 163.

Москва, 25-го Іюля.

Устройство учебной части вѣдомства православнаго духовенства, бывшее однимъ изъ главнѣйшихъ условій содѣйствовавшихъ у насъ замкнутости духовнаго состоянія, возникло не изъ церковныхъ, а изъ государственныхъ распоряженій. Оно

было слѣдствіемъ учрежденія, при Петрѣ Великомъ, а особенно послѣ него, свѣтскихъ училищъ рядомъ съ духовными и совершенно отдѣльно отъ нихъ. Въ остальной Европѣ вся училищная часть развилась изъ духовныхъ училищъ; тамъ связь между училищною частію и церковію сохранилась болѣе или менѣе вездѣ; служители церкви получаютъ тамъ доселѣ свое общее образованіе въ общихъ училищахъ, и потребность въ отдѣльныхъ заведеніяхъ, гдѣ съ ранняго возраста воспитывались бы будущіе служители церкви, тамъ вовсе не обнаруживалась за исключеніемъ такихъ случаевъ, когда, какъ напримѣръ во Франціи вслѣдствіе революціонныхъ движеній, церковь временно устранялась отъ участія въ общей системѣ учебныхъ заведеній государства. У насъ подобныхъ противоцерковныхъ движеній въ обществѣ не было, и раздвоеніе учебной части на свѣтскую и духовную произошло вслѣдствіе распоряженій, которыя, быть-можетъ, дѣлались отчасти подъ вліяніемъ не сочувствовавшихъ православной церкви и съ нею незнакомыхъ иностранцевъ. Оставивъ совершенно въ сторонѣ духовныя учебныя заведенія и взявшись за учрежденіе свѣтскихъ, правительство стало въ неестественныя отношенія къ первымъ. Только на послѣднія смотрѣло оно какъ на свои. Содержа ихъ на податныя деньги, оно оставляло безъ средствъ училища церковныя, которыя все болѣе и болѣе становились особнякомъ и наконецъ почти совсѣмъ потеряли свое прежнее значеніе заведеній учрежденныхъ для просвѣщенія всего народа подъ сѣнію церкви. Они стали воспитывать лишь будущихъ служителей церкви, а для воспитанниковъ свѣтскихъ училищъ совсѣмъ затворили двери. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого было то, что церковь потеряла возможность пользоваться всѣми классами общества для избранія своихъ служителей. Въ замѣнъ того она старалась приготовлять къ духовному служенію исключительно дѣтей священно- и церковно-служителей и приготовлять ихъ съ ранняго возраста. При такомъ порядкѣ не могло быть, конечно, рѣчи о призваніи къ духовному служенію, и даже не могло быть большой разборчивости въ опредѣленіи служителей церкви. Кругъ лицъ, изъ которыхъ регулярно пополнялось духовенство, крайне сузился; теперь оно составляетъ не многимъ болѣе сотой доли всего народа исповѣдующаго православіе. По тѣснотѣ этого круга нельзя было допустить, чтобы служеніе церкви обрекали себя только люди зрѣлаго возраста; надобно было устроить духовныя учебныя заведенія такъ чтобы бо́льшая часть ихъ воспитанниковъ поступали въ духовенство по обязанности. Забота состояла въ томъ, чтобы всѣ дѣти священно- и церковно-служителей непремѣнно учились въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и эта забота увѣнчалась успѣхомъ: ни въ одномъ классѣ нашего общества такъ не укоренился обычай посылать дѣтей въ школу, какъ въ такъ-называемомъ духовномъ состояніи. Но это ученье не могло развиваться естественно, коль скоро было принято за правило, что предназначеніе воспитанниковъ для служенія церкви опредѣляется съ самаго вступленія ихъ въ училище. Никакое спеціальное ученіе, а тѣмъ болѣе столь высокое какъ богословское, не можетъ идти правильно, если начало свободнаго личнаго выбора спеціальности не признается въ полной силѣ. А тутъ: успѣху ученія препятствовалъ еще недостатокъ средствъ, и не менѣе препятствовали многія другія неблагопріятныя обстоятельства. Правительственный надзоръ надъ духовными учебными заведеніями, производившійся въ послѣднее время чрезъ упраздненное нынѣ духовно-учебное управленіе, которое числилось при святѣйшемъ синодѣ, но въ сущности отъ синода весьма мало зависѣло, выражался преимущественно въ ломкѣ учебныхъ программъ, отъ которой страдало лишь то, что было въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ хорошаго, а недостатки не исправлялись.

Нынѣ сдѣланъ первый важный шагъ на пути къ лучшему. Новые уставы духовныхъ семинарій и духовныхъ училищъ свидѣтельствуютъ о коренномъ измѣненіи во взглядѣ государственнаго законодательства на духовно-учебную часть: эта часть уже не чужая. Теперь государству оно заявляетъ полную готовность сдѣлать для нея то же самое что дѣлается для свѣтскихъ училищъ; оно ставитъ оба разряда училищъ на равную ногу и обоимъ удѣляетъ средства съ одинаковою щедростью. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно сближаетъ оба разряда училищъ, ввѣряя ихъ общему завѣдыванію одного правительственнаго лица. Эти двѣ мѣры выводятъ наше учебное дѣло на новый путь и служатъ ручательствомъ, что

противоположности, бывшія отчасти слѣдствіемъ Петровой реформы, а главное — антинаціональной политики первой половины нынѣшняго столѣтія, — будутъ постепенно сглаживаться и оба разряда учебныхъ заведеній будутъ все болѣе и болѣе принимать характеръ училищъ предназначенныхъ для всего народа, а не для отдѣльныхъ взаимно замкнутыхъ частей его. Лишь успѣшный ходъ дѣлъ въ этомъ направленіи можетъ вывести церковь изъ тѣсноты, и возвратить ей возможность пользоваться силами всего православнаго народа. Лишь при такой широтѣ выбора можетъ получить должное значеніе элементъ личнаго призванія, въ церковномъ служеніи гораздо болѣе важный чѣмъ въ какой-либо другой специальности человѣческихъ занятій.

Но чтобы такой ходъ дѣлъ былъ возможенъ, низшія и среднія духовныя учебныя заведенія должны все болѣе и болѣе освобождаться отъ сословнаго характера и становиться училищами общими. Духовными они могутъ называться развѣ только въ томъ смыслѣ, что состоятъ въ вѣдѣніи духовныхъ властей, но они не должны быть духовными ни по личному составу своихъ воспитанниковъ, ни по своей учебной программѣ. Для достиженія этой цѣли учебныя заведенія, состоящія въ завѣдываніи духовенства, должны, въ своихъ общихъ, не богословскихъ классахъ, какъ можно болѣе сближаться съ учебными заведеніями министерства народнаго просвѣщенія.

Училища, именуемыя у насъ духовными, соотвѣтствуютъ, по возрасту воспитанниковъ, прогимназіямъ. Получивъ характеръ училищъ общихъ, они могутъ одѣлаться могущественнымъ средствомъ для народнаго просвѣщенія. Нынѣ ихъ числится 185, и надобно отдать новому ихъ уставу ту справедливость, что онъ не ограничилъ ихъ числа, какъ предлагали иные. У насъ такъ мало учебныхъ заведеній, что надобно не сокращать ихъ, а размножать. Нельзя также не признать совершенно правильнымъ, что новый уставъ удержалъ въ полной силѣ право священно-и-церковнослужителей на безплатное обученіе ихъ дѣтей: это право есть необходимая потребность при неудовлетворительномъ матеріальномъ обезпеченіи православнаго духовенства. Скажемъ болѣе: это право должно быть распространено на всѣ учебныя заведенія безъ изъятія. Но что касается до новой учебной программы духовныхъ училищъ, то она слишкомъ исключительно приспособлена къ духовнымъ семинаріямъ и слишкомъ мало похожа на ту программу, которая можетъ быть признана удобною для прогимназій. Учебная программа духовныхъ училищъ должна имѣть въ виду, кажется намъ, двѣ цѣли: вопервыхъ, возможное тождество съ программой низшихъ классовъ гимназій и вовторыхъ нѣкоторую законченность курса, дабы воспитанники довольствующіеся курсомъ духовныхъ училищъ и не идущіе далѣе, получали сколько-нибудь законченное образованіе. Въ этихъ обоихъ отношеніяхъ новая учебная программа духовныхъ училищъ оставляетъ желать довольно многаго.

Спѣшимъ однакоже признать, что основный предметъ общаго образованія — древніе языки — поставленъ новою программой удовлетворительно. На этотъ предметъ назначено, правда, меньше времени, чѣмъ употреблялось доселѣ, но доселѣ, при дурной подготовкѣ учителей и при многолюдности классовъ, бо́льшая часть времени тратилась непроизводительно. Теперь число учениковъ въ классѣ ограничено для духовныхъ училищъ весьма раціонально цифрой 40, такъ что при большемъ числѣ учениковъ требуется учрежденіе параллельныхъ отдѣленій. Съ другой стороны, увеличенное содержаніе и значительно улучшенное положеніе учителей даетъ право надѣяться, что общій уровень учителей повысится. До сихъ поръ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ было вообще въ обычаѣ назначать наставниковъ не справливая о ихъ приготовленности къ возлагаемому на нихъ преподаванію. Этотъ пагубный обычай глубоко укоренился, и для противодѣйствія ему было бы, кажется необходимо учредить особые экзамены на должности наставниковъ по не богословскимъ предметамъ въ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ. При этомъ условіи отъ учебной программы духовныхъ училищъ по древнимъ языкамъ можно ожидать пользы; преподаваніе древнихъ языковъ можетъ быть тамъ поставлено даже лучше чѣмъ въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Но невозможно надѣяться, чтобы преподаваніе закона Божія достигало своей цѣли при томъ числѣ уроковъ, которое назначено на этотъ предметъ. Ихъ положено по три въ каждомъ классѣ, то-есть по четыре часа въ недѣлю, при чемъ имѣ-

лось, конечно, гораздо болѣе въ виду спеціальное назначеніе воспитанниковъ для служенія церкви нежели ихъ возрастъ, еще не зрѣлый для столь продолжительныхъ классныхъ занятій закономъ Божіимъ. Педагогическая практика свидѣтельствуетъ, что продолжительнымъ преподаваніемъ закона Божія въ нижнихъ классахъ обыкновенно достигаются результаты противоположные желаемымъ. Посѣщеніе церковной службы надлежащимъ образомъ совершаемой, чтеніе молитвъ предъ началомъ и въ концѣ уроковъ, краткія, понятныя дѣтямъ поученія, говоримыя не въ классной комнатѣ, а въ церкви, общее религіозное настроеніе наставниковъ,—вотъ что можетъ дѣйствовать благотворно на воспитанниковъ учебнаго заведенія, а не продолжительное классное преподаваніе съ задаваніемъ уроковъ и неизбѣжнымъ въ училищѣ заучиваніемъ ихъ безъ соотвѣтственнаго настроенія и даже безъ смысла, чѣмъ профанируется священное содержаніе уроковъ, а дѣти пріучаются къ кощунству. Особенно въ трехъ нижнихъ классахъ духовнаго училища должно опасаться вредныхъ послѣдствій отъ слишкомъ продолжительнаго преподаванія закона Божія. По нашему мнѣнію, для дѣтей этого возраста, при другихъ средствахъ религіознаго воспитанія, было бы достаточно 6 и много 7 уроковъ закона Божія во всѣхъ четырехъ классахъ.

Что касается прочихъ предметовъ, то по новой программѣ географія отнесена къ III и IV классамъ, между тѣмъ какъ ее общепринято начинать съ низшаго класса. Это было бы полезно и для священной исторіи и позволило бы въ четвертомъ классѣ училища пройдти вкратцѣ всеобщую исторію, столь необходимую для тѣхъ учениковъ, которые не пойдутъ далѣе училища. Для географіи было бы достаточно 5 или 6 уроковъ въ общей сложности, для исторіи 2 или 3. Относительно русскаго языка съ церковно-славянскимъ, слѣдуетъ замѣтить, что непремѣнною цѣлью должно быть правильное грамматическое пониманіе молитвъ и встрѣчающихся въ катихизисѣ текстовъ и совершенное усвоеніе русскаго правописанія; очень можетъ быть, что для этой цѣли понадобится въ четвертомъ классѣ училища больше времени нежели одинъ урокъ въ недѣлю. Наконецъ представляется рѣшительно необходимымъ дозволить введеніе въ духовныхъ училищахъ необязательнаго преподаванія одного изъ новыхъ языковъ, если найдутся къ тому средства, что было бы, конечно, согласно съ общими желаніями духовенства.

№ 164.

Москва, 26-го іюня.

Несомнѣнно то, что въ наше время Европа поражена недугомъ, въ родѣ перемежающейся лихорадки. Ни конференціи, ни свиданія между государями, ни прекрасные проекты всеобщаго разоруженія не могли отвратить возобновленіе періодическихъ припадковъ, которыхъ сила возрастаетъ по мѣрѣ ихъ учащеннаго возврата. По признакамъ, коими отличается теперешнее положеніе Европы, легко видѣть что она снова подвергается одному изъ такихъ припадковъ. Политическій пульсъ—большія биржи материка—бьется неправильно, то съ чрезмѣрною скоростью, то слишкомъ слабо и вяло. Языкъ печати безовязенъ, раздражителенъ, противорѣчивъ, а иногда близокъ къ горячечному бреду. Правда, офиціальные органы заинтересованныхъ правительствъ усиливаются успокоить общее волненіе завѣреніями въ миролюбіи этихъ правительствъ. Но ни берлинскія, ни парижскія газеты не рѣшаются отрицать тотъ, къ сожалѣнію, несомнѣнный фактъ, что обѣ стороны дѣятельно вооружаются. Притомъ офиціальныя увѣренія были такъ часто опровергаемы дѣйствительностію, что въ настоящее время многіе вѣрятъ не тому въ чемъ правительства увѣряютъ, а совершенно противному. На Западѣ почти вошло въ обычай приготовляться къ воинственнымъ рѣшеніямъ увѣреніями въ совершенномъ миролюбіи. Теперь въ Европѣ нѣтъ можетъ-быть двухъ человѣкъ, которые надѣялись бы на сохраненіе мира и не были бы убѣждены, что столкновеніе между Франціей и Пруссіей неизбѣжно. Мнѣнія расходятся только относительно времени, когда это столкновеніе послѣдуетъ.

По нашему сужденію при томъ порядкѣ вещей, до котораго дѣло дошло, чѣмъ скорѣе развязка, тѣмъ лучше. Если столкновеніе неизбѣжно, зачѣмъ откладывать его? Бываютъ болѣзни, при которыхъ опытные врачи всѣми средствами вызываютъ кризисъ; нѣкоторые даже рѣшаются иногда

ускорить его, понимая, что вялая, затяжная болѣзнь истощаетъ силы больного, которыя будутъ нужны ему въ критическую минуту перелома. Притомъ надъ Европой виситъ не одна только тяжба между Франціей и Пруссіей. Въ Европѣ есть на очереди и много другихъ вопросовъ, прямо или косвенно между собою связанныхъ и требующихъ рѣшенія. Сколько бы Омеръ-паша не избивалъ Критянъ въ силу торжественнаго согласія и одобренія обоихъ дворовъ, которые, наперерывъ другъ передъ другомъ, чествовали султана, однако восточный вопросъ не утонетъ въ потокахъ геройской крови. Турецкіе Славяне уже подаютъ руку Грекамъ, и движеніе происходящее въ Балканахъ только развѣ г. Лонгвортъ будетъ и впредь называть разбоемъ; эти мнимые бандиты скоро окажутся патріотами, и на ихъ знамени, въ этомъ можно поручиться, не будетъ написано слово *унія*, вопреки показаніямъ тѣхъ, которые хотятъ повредить Болгарамъ во мнѣніи сочувствующей имъ Россіи. Кто, замѣтимъ мимоходомъ, не видитъ значенія Болгаръ на Востокѣ, тотъ ничего не понимаетъ въ восточномъ вопросѣ. Этого значенія не измѣнитъ ни Мидгадъ-паша, ни самъ г. Лонгвортъ, какъ онъ ни ненавидитъ Славянъ и Россію. Христіанскія населенія Турціи не будутъ обмануты введеніемъ Наполеоновскаго кодекса и установленіемъ братства между падишахомъ и главой латинской церкви. Эти населенія требуютъ права, въ которомъ имъ нельзя отказать, несмотря на упрямое жестокосердіе западной дипломатіи, ибо они требуютъ права жить, существовать, противиться изнуренію нравственному и матеріяльному Но опытъ уже доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ, что пользованіе этимъ правомъ не совмѣстимо съ оттоманскимъ владычествомъ, и что восточнымъ христіанамъ можно обладать этимъ правомъ только въ томъ случаѣ, если они будутъ предоставлены себѣ самимъ, то-есть когда имъ дадутъ организацію самостоятельную, независимую отъ власти, имѣющей основой и существеннымъ, религіей предписаннымъ правиломъ угнетеніе и истребленіе христіанъ, многоженство и разслабляющее вѣрованіе въ неизбѣжность рока.

Итальянскій вопросъ, не будучи столь же безотлагателенъ и важенъ какъ восточный, требуетъ однако также окончательнаго рѣшенія. Сколько бы ни заключалось конвенцій, какіе бы ни формировались полки папскихъ зуавовъ, сколько бы не посылалось генераловъ съ болѣе или менѣе признанными и даже вовсе непризнаваемыми порученіями, все-таки нельзя остановить на трехъ четвертяхъ пути 24 милліона людей, которыхъ ринули по отвѣсной крутизнѣ къ цѣли ихъ вѣковыхъ стремленій. Италія не будетъ считать себя соединенною, сильною, полною, пока не овладѣетъ Римомъ. Если не полагалось возможнымъ пожертвовать для этой цѣли свѣтскою властью папства, то не слѣдовало освобождать Италію отъ австрійскаго господства, не слѣдовало ослаблять эту свѣтскую власть и допускать разрушеніе всѣхъ прочихъ государствъ на полуостровѣ. Провидѣніе, властвующее въ исторіи, не даетъ силы устройствамъ, носящимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. Оно не охраняетъ слабосильныхъ недоносковъ, какими иные европейскимъ политикамъ хотѣлось бы населить весь міръ. Оно побуждаетъ населеніе Востока стремиться къ освобожденію, а Итальянцевъ—къ довершенію и упроченію ихъ національнаго единства, съ которымъ неразрывно связано существенное измѣненіе въ характерѣ римской церкви.

Германія представляетъ зрѣлище не менѣе обильное и дѣйствительными, и могущими впредь возникнуть замѣшательствами. Этотъ Гордіевъ узелъ, который г. фонъ-Бисмаркъ надѣялся разсѣчь ударомъ меча, еще остался въ цѣлости, или лучше сказать, сплетенія его, расторгнутыя при Кенигрецѣ, запутались снова. Жители Эльбскихъ герцогствъ объявляютъ, что они не хотятъ даже посылать депутатовъ въ союзный парламентъ, и ихъ новѣйшая прокламація дышетъ сильною враждой къ Пруссіи, которую три года назадъ величали они своею освободительницей и благодѣтельницей. Такія же чувства обнаруживаются и во многихъ другихъ, присоединенныхъ къ Пруссіи областяхъ. Глубокое и всеобщее неудовольствіе поселилось въ умахъ и проявляется при всякомъ удобномъ случаѣ. Мѣры насильственнаго и спѣшнаго сліянія, которыми дѣйствуетъ прусское правительство, не таковы, чтобъ измѣнить это расположеніе умовъ. Г. Бисмаркъ дѣйствуетъ съ хладнокровіемъ и рѣшимостью полковаго хирурга; онъ рубитъ, рѣжетъ, прижигаетъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на вопли больнаго, который, подъ вліяніемъ

стародавнихъ теорій о единствѣ Германіи, уже не впадаетъ въ безпамятство, какъ бывало прежде. Вслѣдствіе несообразности, очень впрочемъ понятной въ Германіи, странѣ, гдѣ теоріи наименѣе согласуются съ практикой, населенія второстепенныхъ государствъ склоняются къ Пруссіи, или вѣрнѣе сказать, хотятъ воспользоваться ея алчностью къ присоединеніямъ, дабы свергнуть свои династіи, а ихъ государи обращаютъ свои взоры къ Франціи, пилигримствуютъ въ Парижъ и цѣпляются за австро-французскій союзъ, какъ за послѣднее средство спасенія.

Таково въ короткихъ словахъ общее положеніе Европы. Оно до крайности не надежно, и самые миролюбивые люди едва ли не предпочтутъ великой и рѣшительной катастрофы продолженію столь жалкаго порядка вещей.

Миротворство есть дѣло доброе, и если бы мы могли предполагать, что, устраняя несогласія, по мѣрѣ того какъ они возникаютъ, мы сдѣлаемъ войну въ Европѣ невозможною, не дѣлая однакоже невозможнымъ прогресса, то нечего бы и колебаться; тогда даже съ ущербомъ нашихъ собственныхъ интересовъ мы были бы обязаны посвятить себя столь святому дѣлу. Но отсрочить столкновеніе не значитъ еще устранить его. Часто отъ этого только скопляются затрудненія и возрастаетъ опасность. Мы недавно еще вполнѣ расквитались съ этимъ нашимъ долгомъ въ качествѣ европейской державы. Теперь несомнѣнно доказано, что намъ однимъ Европа обязана мирнымъ исходомъ Люксембургскаго дѣла. Былъ ли намъ за это кто-нибудь благодаренъ? Напротивъ, когда опасность миновала, на всѣ наши представленія и настоянія въ пользу несчастныхъ Критянъ намъ отвѣчали обиняками или даже отказомъ подъ предлогами пустыми, достойными посмѣянія? Оцѣнилъ ли кто-нибудь всю важность самоотверженія, которое мы оказали при этомъ случаѣ, умиротворить Европу, тогда какъ война въ ней облегчила бы дѣло освобожденія нашихъ восточныхъ единовѣрцевъ, съ чьею участью столь тѣсно связаны наши сочувствія и интересы? Мы вознаграждены за это самоотверженіе почестями воздушными султану; мѣрами Австріи противъ Славянъ; наконецъ враждебною намъ пропагандой между Болгарами, которыхъ, если вѣрить слухамъ, старается совратить въ унію и отвлечь отъ Россіи, увѣряя ихъ будто Россія, эта единственная держава имѣ искренно доброжелательная, ничего не въ состояніи для нихъ сдѣлать. Должно ли миролюбіе идти до того, чтобы мы забыли объ этомъ несчастномъ многочисленномъ народѣ, котораго судьбы составляютъ, и вообще и въ особенности для насъ средоточіе восточнаго вопроса.

№ 165.

Москва, 28-го Іюля.

Въ сегодняшнемъ № напечатанъ Высочайшій указъ правительствующему сенату объ учрежденіи въ Петербургѣ высшаго учебнаго заведенія для образованія учителей гимназій и вообще среднихъ учебныхъ заведеній, подъ именемъ Императорскаго Историко-Филологическаго Института. Новое заведеніе не потребуетъ новыхъ средствъ отъ государственнаго казначейства; оно будетъ содержаться тѣми деньгами, которыя отпускались доселѣ на содержаніе такъ называемыхъ педагогическихъ курсовъ при университетахъ, Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ, Дерптскомъ и университетѣ Св. Владиміра, а также на выдачу стипендій для приготовленія въ университетахъ Московскомъ и Дерптскомъ учителей въ западныя губерніи. Послѣдній расходъ естественно переходитъ на новоучреждаемый институтъ, на которомъ будетъ лежать и обязанность снабжать западныя губерніи учителями. Что же касается до педагогическихъ курсовъ, нынѣ упраздняемыхъ, то надобно сознаться, что они оказались на практикѣ учрежденіемъ совершенно неудачнымъ. Отъ управленія Императорскимъ Историко-Филологическимъ Институтомъ будетъ зависѣть, чтобъ онъ приносилъ пользу, соотвѣтственную весьма значительной суммѣ казенныхъ денегъ, на него опредѣленной (88.000 р.); но сравнительно съ прежнимъ употребленіемъ этихъ денегъ нельзя не ожидать, что они будутъ затрачиваемы теперь болѣе производительно; хотя мы остаемся при высказанномъ нами мнѣніи, что главный недостатокъ учителей заключается у насъ въ слабой гимназической подготовкѣ, и что потому было бы несравненно болѣе пользы, еслибы, вмѣсто учрежденія новаго историко-филологическаго

факультета въ дополненіе къ столькимъ уже существующимъ, но пустымъ, было устроено такое заведеніе, которое бы готовило для нихъ съ молодыхъ лѣтъ хорошихъ студентовъ, а стало-быть и хорошихъ будущихъ педагоговъ, то-есть образцовая гимназія, теперешняя же экстраординарная потребность въ учителяхъ могла бы быть удовлетворена учрежденіемъ при двухъ или трехъ университетахъ временныхъ учительскихъ семинарій.

Учрежденіе Историко-Филологическаго Института есть возвращеніе къ мысли, лежавшей въ основаніи бывшаго Главнаго Педагогическаго Института, но эта мысль подверглась нынѣ нѣкоторымъ измѣненіямъ. Въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ былъ особый физико-математическій факультетъ; при нынѣшнемъ числѣ студентовъ въ физико-математическихъ факультетахъ большей части русскихъ университетовъ оказалось не нужнымъ принимать особенныя мѣры для приготовленія учителей по этимъ наукамъ, и усилія новаго заведенія будутъ сосредоточены на наукахъ историко-филологическихъ, что конечно облегчаетъ предстоящую ему задачу. Съ другой стороны опытомъ было дознано, что Главный Педагогическій Институтъ вредно дѣйствовалъ на историко-филологическіе факультеты русскихъ университетовъ тою своею привилегіей, которая предоставляла его воспитанникамъ преимущество въ занятіи учительскихъ должностей предъ кандидатами университетовъ: студенты историко-филологическаго факультета въ университетахъ рисковали остаться безъ мѣстъ вслѣдствіе того что учители присылались изъ Главнаго Педагогическаго Института, и если въ началѣ сороковыхъ годовъ Московскій историко-филологическій факультетъ былъ поставленъ лучше чѣмъ въ большей части другихъ университетовъ, что отражалось и на гимназіяхъ Московскаго учебнаго округа, которыя тогда, говоря сравнительно, процвѣтали, то причиной тому была заботливость тогдашняго окружнаго начальства въ Москвѣ о доставленіи хода питомцамъ университета, чего въ другихъ округахъ, за исключеніемъ Дерптскаго, не было. Новоутвержденный уставъ Историко-Филологическаго Института не предоставляетъ ему этой вредной для университетовъ привилегіи. Если окажется избытокъ въ лицахъ имѣющихъ право занимать учительскія должности, то отъ этого не пострадаютъ кандидаты историко-филологическаго факультета въ нашихъ университетахъ. Впрочемъ, теперь еще рано говорить о томъ. Классическая система ученія признана у насъ, но до сихъ поръ у насъ слывутъ подъ именемъ классическихъ гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, то-есть, по употребительной въ Германіи терминологіи, гимназіи реальныя. Тамъ эти гимназіи не имѣютъ права выпускать своихъ воспитанниковъ въ университеты и предназначаются для приготовленія молодыхъ людей къ низшимъ профессіямъ, а у насъ большинство университетскихъ слушателей получаютъ свое образованіе въ гимназіяхъ съ однимъ латинскимъ языкомъ, хотя къ тѣмъ основаніямъ, которыя дѣлаютъ греческій языкъ въ западной Европѣ обязательнымъ предметомъ приготовленія къ университету, у насъ присоединяется то особенное значеніе, которое греческій языкъ имѣетъ для насъ по религіи и исторіи. Уставъ гимназій предоставляетъ министерству народнаго просвѣщенія право превращать мнимо-классическія гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ въ настоящія классическія съ двумя древними языками, но министерство почти не пользуется этимъ правомъ, и напримѣръ въ цѣломъ Московскомъ учебномъ округѣ, за исключеніемъ гимназій столичныхъ, есть только двѣ классическія гимназіи, тогда какъ въ прибалтійскомъ краѣ издавна, а въ сѣверо-западномъ по распоряженію предмѣстника нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія почти во всѣхъ гимназіяхъ введены оба древніе языка. Нѣтъ сомнѣнія, что на этомъ дѣло остановиться не можетъ, и что мнимо-классическія гимназіи будутъ постепенно и безъ замедленія превращаться въ классическія, для чего будутъ требоваться новые учители греческаго языка. Равнымъ образомъ спросъ на учителей вообще долженъ возрасти, когда будетъ прибавленъ къ гимназіямъ восьмой классъ, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отсрочено и чего въ одинъ голосъ требуютъ всѣ педагогическіе авторитеты. Не подлежитъ сомнѣнію, что какъ питомцы университетовъ, такъ и питомцы Историко-Филологическаго Института будутъ еще долго размѣщаться по должностямъ не мѣшая другъ другу, еслибъ и не учреждалось новыхъ гимназій и прогимназій. Но развѣ есть возможность, чтобы

Россія осталалась при теперешнемъ ихъ числѣ? Успѣхи высшаго образованія у насъ зависятъ главнѣйшимъ образомъ отъ улучшенія и размноженія гимназій, которыхъ у насъ поразительно мало — такъ мало, что даже больно сравнивать въ этомъ отношеніи Россію съ сосѣдними государствами, не только съ Пруссіей, но и съ Австріей. Правительство наше, вступивъ на путь справедливости къ народу, создавшему Русское государство, должно снять съ себя по крайней мѣрѣ тотъ укоръ, что внутреннія губерніи, по числу гимназій, поставлены гораздо хуже западнаго и прибалтійскаго края. Это вопіющее неравенство есть позоръ для Россіи; оно должно быть устранено какъ можно скорѣе, а чтобъ устранить его, надобно *утроить* число гимназій и прогимназій, существующихъ нынѣ во внутреннихъ и восточныхъ губерніяхъ Россіи. Прекрасный, вполнѣ справедливый и мудрый способъ, избранный при введеніи новыхъ штатовъ духовныхъ семинарій и училищъ, можетъ быть примѣненъ съ пользой и при учрежденіи новыхъ гимназій: гдѣ мѣстныя корпораціи, земскія, дворянскія или городскія, обяжутся болѣе жертвовать на учрежденіе гимназій и прогимназій, тамъ должно и правительство оказывать помощь, не останавливаясь предъ расходами, въ сущности незначительными, лишь бы имѣлась возможность набрать для новоучреждаемаго заведенія удовлетворительный личный составъ. Не только нельзя ожидать избытка въ кандидатахъ на учительскія должности, но и по учрежденіи Историко-Филологическаго Института наши средства приготовленія учителей не будутъ соотвѣтствовать потребностямъ самаго необходимаго прогресса въ Россіи.

Впрочемъ, численное усиленіе педагогическаго сословія еще мало значитъ. До улучшенія штатовъ гимназій удовлетворительность личнаго состава гимназическихъ преподавателей была невозможна. Но улучшенные штаты не принесли бы никакой пользы, а напротивъ повели бы къ безплодной растратѣ казенныхъ денегъ, столь дорогихъ у насъ при нашихъ дефицитахъ и при тяжести нашихъ податей, еслибъ улучшеніе штатовъ не состояло въ связи съ возвышеніемъ уровня требованій отъ лицъ, проходящихъ педагогическую службу въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Самые удовлетворительные уставы ничего не поправятъ, если нѣтъ удовлетворительныхъ исполнителей. При плохомъ исполненіи даже было бы лучше не вводить хорошихъ уставовъ, чтобы не уронить въ глазахъ публики и правительства тѣхъ высокихъ началъ, которыя въ хорошихъ уставахъ находятъ себѣ выраженіе: вѣдь нѣтъ ничего высокаго что не могло бы быть унижено непризванными людьми. Главныя основанія нашихъ новыхъ учебныхъ уставовъ превосходны, но именно потому-то дѣло проведенія и переживаетъ теперь у насъ критическую пору. Какъ во многомъ другомъ, такъ и въ учебномъ дѣлѣ Россія должна пройдти чрезъ испытаніе, изъ котораго она выйдетъ либо сильнѣе прежняго, и тогда она прочно займетъ мѣсто между историческими народами міра, либо несравненно слабѣе, потому что будутъ подорваны надежды поддерживавшія насъ среди нашей прежней скудной дѣйствительности.

Нельзя не видѣть съ признательностью и радостью, что вѣдомство народнаго просвѣщенія, вводя новый уставъ гимназій и озабочиваясь его дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ, не довольствуется формальною, такъ сказать бумажною стороной педагогическаго дѣла, а желаетъ войдти въ его сущность и потрудиться надъ дѣйствительнымъ осуществленіемъ вводимыхъ имъ уставовъ. При новыхъ штатахъ, какъ гимназій, такъ и семинарій, недостатка въ охотникахъ занимать учительскія мѣста не будетъ; если теперь онъ чувствуется, то это происходитъ лишь отъ того, что слишкомъ много мѣстъ открылось разомъ, да и новые штаты еще не введены всюду. Вопросъ теперь не въ томъ, чтобы были замѣщаемы учительскія должности, а въ томъ чтобъ уровень педагогическаго сословія въ нашихъ гимназіяхъ и семинаріяхъ постепенно и правильно возвышался. Только при этомъ условіи реформа среднихъ учебныхъ заведеній, такъ дорого стоящая государству, принесетъ должные плоды. Долго размышлять объ этомъ дѣлѣ, мы можемъ указать на три условія, тутъ необходимыя.

Во-первыхъ, наше учебное вѣдомство никакъ не можетъ обойдтись одними своими средствами. Надобно ввести въ составъ русскаго педагогическаго сословія нѣсколько новыхъ элементовъ, чрезъ вызовъ молодыхъ педагоговъ изъ-за границы, именно изъ славянскихъ странъ, чему могутъ содѣйствовать оживившіяся тамъ теперь сим-

патіи къ Россіи. Русскіе Галичане, Словаки и Чехи, прусскіе и саксонскіе Лужичане доставятъ обильную жатву для улучшенія нашего педагогическаго сословія, если мы заведемъ правильныя сношенія съ довѣренными лицами тамъ и назначимъ переселяющимся небольшія стипендіи для практическаго изученія русскаго литературнаго языка. Если вызовы будутъ происходить правильно, то весьма многіе, привлекаемые хорошимъ положеніемъ учителей въ Россіи, будутъ уже на родинѣ учиться русскому языку. Лужичане, напримѣръ, обучаются въ университетахъ Берлинскомъ и Лейпцигскомъ, принадлежащихъ къ первокласснымъ въ Европѣ, но такъ какъ имъ дома почти нѣтъ иного хода, какъ по духовной службѣ, то они идутъ обыкновенно на богословскій факультетъ. Имѣй они виды на полученіе мѣстъ въ Россіи, они шли бы отчасти и на историко-филологическій факультетъ, и мы получили бы въ нихъ учителей самаго высокаго филологическаго образованія. Что касается до русскаго языка, то и теперь, безъ всякихъ надеждъ на переселеніе въ Россію, не менѣе двадцати гимназистовъ въ Будишинѣ добровольно учатся порусски. Чтобы воспользоваться такими благопріятными обстоятельствами, надобно только опредѣлить небольшую сумму на стипендіи и устроить въ Россіи одно какое-нибудь мѣсто для сношеній съ Славянскими землями по выпискѣ оттуда молодыхъ филологовъ.

Вовторыхъ, надобно имѣть въ виду, что выборъ дѣйствительно достойныхъ кандидатовъ на учительскія должности невозможенъ безъ учрежденія особыхъ испытаній на званіе учителя, того что въ Германіи называютъ *Staatsexamen*. Учительская карьера должна начинаться съ пробныхъ годовъ, въ продолженіи которыхъ начинающій испытывалъ бы свои силы на дѣйствительномъ преподаваніи, неся полную отвѣтственность учителя, но еще не получая утвержденія въ должности и не пользуясь полнымъ учительскимъ жалованьемъ. Въ Германіи такіе учителя, находящіеся на испытаніи, называются *Hilfslehrer*, *Supplent* и т. п. Въ эти пробные годы обнаруживается вполнѣ степень ихъ педагогической способности, и въ продолженіе этихъ же пробныхъ лѣтъ они держатъ экзаменъ на званіе учителя, экзаменъ весьма строгій, требующій прилежнаго приготовленія. Такимъ образомъ они принуждены все это время серіозно заниматься своею наукой, безъ чего нельзя выдержать экзаменъ, и изо всѣхъ силъ стараться о возможно лучшемъ преподаваніи, чтобы зарекомендовать себя и получить утвержденіе въ должности. Подобный порядокъ надобно будетъ рано или поздно ввести и у насъ. Въ уставѣ духовныхъ семинарій есть весьма полезный параграфъ, которымъ опредѣляется что учитель можетъ получить полный окладъ жалованья (900 р. за 12 уроковъ и по 60 р. за уроки сверхъ того) не ранѣе какъ черезъ пять лѣтъ службы, а до тѣхъ поръ получаетъ окладъ уменьшенный (700 руб. за 12 уроковъ и по 50 рублей за уроки сверхъ этого числа). Этотъ параграфъ было бы весьма полезно распространить и на гимназіи, причемъ онъ, конечно, долженъ имѣть силу только для вновь вступающихъ; въ дополненіе можно было бы постановить, что въ продолженіе этихъ первыхъ пяти лѣтъ службы долженъ быть выдержанъ экзаменъ на званіе учителя предъ особою коммиссіей, независимою ни отъ университета, ни отъ директоровъ гимназій. Нельзя отрицать что это послѣднее правило было бы трудно ввести разомъ во всей Россіи; для перваго опыта можно было бы начать съ одного какого-нибудь округа, и наиболѣе удобнымъ для того представляется округъ Московскій; но и въ Московскомъ учебномъ округѣ нельзя на первое время ограничиться учрежденіемъ экзаменаціонной коммиссіи. Надобно чтобы приготовляющимся къ экзамену оказывалась дѣятельная помощь посредствомъ совѣта, руководства, упражненій и даже преподаванія. Только при такой дѣятельной помощи можетъ быть выдержана, безъ нарушенія справедливости, та строгость требованій, которая необходима чтобы поднять уровень ученаго образованія нашихъ учителей.

Втретьихъ, необходимы мѣры поощренія учителей къ продолженію занятій науками. Въ Германіи нѣтъ учителя, который не считалъ бы своею обязанностью издать какую-нибудь книгу, дабы пріобрѣсти право на повышеніе по службѣ, и каждый учитель проходитъ тамъ чрезъ цѣлый рядъ повышеній. Начинающій службу получаетъ самое незначительное жалованье, но по мѣрѣ заслугъ жалованье возрастаетъ. У насъ та же постепенность принята для службы профессорской, а учители остаются иногда

по 25 и 30 лѣтъ на одномъ и томъ же жалованьи. Единственное повышеніе для нихъ — должность инспектора и директора, но не всякій учитель по характеру и наклонностямъ своимъ способенъ къ прохожденію этихъ должностей, въ которыхъ учебная и воспитательная дѣятельность соединяются съ административною. Превосходный учитель бываетъ иногда посредственнымъ инспекторомъ и плохимъ директоромъ. Учительская карьера должна быть такъ устроена, чтобы повышеніе было возможно и помимо назначенія въ инспекторы или директоры. Въ особенности необходимо, чтобы жалованье учителя постепенно возрастало по мѣрѣ возрастанія его потребностей. Нельзя, не возбуждая ропота, оставлять на одномъ и томъ же жалованьи и молодаго человѣка, только что сошедшаго съ университетской скамьи, и отца семейства, обязаннаго воспитывать своихъ дѣтей. Если начинающаго службу справедливо выдерживать не менѣе пяти лѣтъ на уменьшенномъ окладѣ, то еще справедливѣе давать заслуженнымъ учителямъ прибавку къ жалованью. А при этомъ могло бы быть постановлено, что преимущественное право на прибавку къ жалованью имѣютъ тѣ учители, которые издали какую-нибудь учебную или ученую книгу, заслужившую одобреніе; такое правило послужило бы для учителей сильнымъ поощреніемъ къ продолженію занятій науками и благодѣтельно отозвалось бы на общемъ уровнѣ нашего педагогическаго сословія.

№ 168.

Москва, 29-го Іюля.

А.

Черезъ недѣлю, 5-го августа, исполнится пятьдесятъ лѣтъ со времени посвященія въ архіерейскій санъ старѣйшаго русскаго архипастыря, высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Со временъ перваго митрополита на Руси, Св. Михаила, прибывшаго въ Кіевъ при Владимірѣ Равноапостольномъ, еще ни одинъ изъ русскихъ архипастырей, не правилъ церковію въ продолженіе столь долгаго періода *) Не знаемъ, были ли примѣры столь долговременнаго архіерейства въ православной церкви внѣ предѣловъ нашего отечества, но если и были, то конечно немногочисленные.

Столь многолѣтнее достославное служеніе старѣйшаго русскаго архипастыря навсегда останется памятно въ исторіи Русской церкви, и вообще Россіи.

Проповѣди митрополита Филарета, отличающіяся тѣмъ высшимъ краснорѣчіемъ, которое можетъ быть названо краснорѣчіемъ мощной и глубокой мысли, отпечатлѣвающейся не только въ каждомъ словѣ, но и въ каждомъ оттѣнкѣ, въ каждомъ оборотѣ рѣчи, обратили на него всеобщее вниманіе еще въ то время, когда онъ, будучи архимандритомъ Новгородскаго Юрьева монастыря и ректоромъ Петербургской духовной академіи, проповѣдывалъ въ Петербургѣ **). Живой памятникъ нашего языка и краса нашей литературы, его рѣчи и слова извѣстны во всемъ христіанскомъ мірѣ, вмѣстѣ съ знаменитымъ именемъ своего автора. Его *Библейская Исторія* — трудъ высокой цѣны, уважаемый не только нашими, но и инославными богословами. По его *Православному Катехизису* не одно поколѣніе русскихъ людей изучало вѣру отцовъ своихъ. Ему принадлежитъ переводъ на русскій языкъ значительнѣйшей части Новаго Завѣта, Пятикнижія Моисеева и Псалтири. До посвященія во епископа, высокопреосвященный Филаретъ, будучи ректоромъ Петербургской духовной академіи, славился какъ отличный преподаватель богословія; изъ его тогдашнихъ многочисленныхъ слушателей вышли: одинъ митрополитъ (покойный Григорій Новгородскій и Петербургскій), десять архіепископовъ и одинъ епископъ. Въ послѣдствіи, подъ его руковод-

*) По 40 и болѣе лѣтъ находились въ архіерейскомъ санѣ: два предмѣстника митрополита Филарета на Московской каѳедрѣ, митрополиты Платонъ (1768—1812) и Серафимъ (1799—1843) — оба по 44 года; крутицкій (въ Москвѣ) епископъ Сильвестръ 41 годъ (1761—1802; послѣдніе 31 годъ на покоѣ); митрополитъ петербургскій Амвросій (1778—1818) и знаменитый поборникъ православія въ западномъ краѣ архіепископъ могилевскій Георгій Конисскій (1755—1795) оба по 40 лѣтъ. До XVIII столѣтія никто изъ русскихъ архіереевъ не находился въ санѣ и сорока лѣтъ. Дольше всѣхъ былъ въ санѣ епископа митрополитъ ростовскій Іона (1652—1691)—тридцать девять лѣтъ.

**) Еще въ 1813 году, императоръ Александръ I прислалъ ему изъ Германіи, гдѣ находился съ войсками, побѣждавшими Наполеона, Владимірскую звѣзду „за отличную дѣятельность по должности и особенный даръ краснорѣчія въ проповѣди Слова Божія,“ какъ сказано было въ рескриптѣ.

ствомъ, образовались 25 архіереевъ, бывшихъ при немъ или викаріями Московской епархіи, или ректорами Московской духовной академіи и семинаріи, и въ томъ числѣ два митрополита: покойный Никаноръ и нынѣ первоприсутствующій въ св. синодѣ высокопреосвященный Исидоръ. Извѣстно, что нашъ архипастырь, какъ членъ святѣйшаго синода, уже около 25 лѣтъ не присутствовалъ въ немъ; однако всѣ важнѣйшія распоряженія по дѣламъ церкви постоянно присылались къ нему на предварительное разсмотрѣніе.

Троицкая лавра своимъ устройствомъ и приведеніемъ въ настоящее, столь блистательное положеніе обязана своему священно-архимандриту, управляющему ею уже 46 лѣтъ.

Ревностно заботясь о врученной ему паствѣ, высокопреосвященный Филаретъ не мало потрудился и для обращенія отдѣлившихся отъ православной церкви такъ-называемыхъ старообрядцевъ: онъ писалъ для вразумленія ихъ сочиненія, отличающіяся духомъ христіанской кротости и такъ замѣтно отдѣляющіяся отъ подобнаго рода сочиненій, писанныхъ пастырями церкви въ прошломъ столѣтіи. Обращеніе къ единовѣрію значительнаго числа московскихъ старообрядцевъ, единовѣрческія церкви на Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ, устройство въ Москвѣ мужскаго и женскаго единовѣрческихъ монастырей, изъ коихъ въ первомъ, въ числѣ братіи находятся четверо бывшихъ раскольническихъ архіереевъ,—вотъ послѣдствія ревностной дѣятельности московскаго архипастыря въ отношеніи къ расколу.

Высокопреосвященный Филаретъ въ царствованіе трехъ императоровъ, принималъ дѣятельное участіе въ особенно-важныхъ вопросахъ государственныхъ, и ни одинъ изъ такихъ не разрѣшался безъ его совѣта или благословенія. Вспомнимъ кстати, что митрополитъ Филаретъ участвовалъ въ редакціи величайшаго изъ государственныхъ актовъ нынѣшняго столѣтія, манифеста 19-го февраля 1861 года. Онъ пользовался уваженіемъ трехъ Государей, въ царствованіе коихъ протекла его дѣятельность. О степени царскаго къ нему довѣрія достаточно сказать, что когда Императоръ Александръ I совершалъ актъ, предоставлявшій, по его кончинѣ, престолъ второму брату его, только два лица посвящены были въ эту тайну: митрополитъ Филаретъ и князь А. Н. Голицынъ, тогда какъ даже самому наслѣднику Императоръ еще не вполнѣ ясно высказалъ свое рѣшеніе *).

День 5-го августа будетъ торжественно праздновать московская церковь; и не одна она, но и вся церковь русская не можетъ не принять участія въ этомъ торжествѣ. Въ Москвѣ по всѣмъ приходамъ уже дѣлаются приготовленія, чтобъ ознаменовать этотъ день богоугоднымъ дѣломъ. Московская городская дума постановила отправить въ лѣтнее мѣстопребываніе высокопреосвященнаго митрополита, Гефсиманскій скитъ, депутацію изъ городскаго головы и сословныхъ старшинъ для поднесенія адреса отъ лица первопрестольной столицы. Императорское Человѣколюбивое Общество, въ лицѣ Московскаго попечительнаго о бѣдныхъ комитета, членомъ котораго высокопреосвященный Филаретъ состоитъ 46 лѣтъ, Московскій попечительный о тюрьмахъ комитетъ, Московскій университетъ, разныя ученыя общества, въ которыхъ владыка состоитъ членомъ, московскіе единовѣрцы и проч. такъ же собираются отправить въ Гефсиманскій скитъ депутацію.

Нѣтъ сомнѣнія, что это торжество русской церкви отзовется и въ другихъ православныхъ церквахъ, гдѣ имя нашего маститаго архипастыря пользуется столь заслуженною славой.

Б.

„Слова, которыя Государь Императоръ сказалъ въ Ригѣ представителямъ балтійскихъ провинцій, должны были въ сердцахъ всѣхъ пробудить радостный отголосокъ," такъ говоритъ *Revalsche Zeitung*. Дѣйствительно, въ каждомъ честномъ русскомъ гражданинѣ эти царственныя слова должны были пробудить радостный отголосокъ, и намъ, въ Москвѣ, пріятно встрѣтить свидѣтельство о томъ въ газетѣ издаваемой въ Ревелѣ на нѣмецкомъ языкѣ; но еще пріятнѣе было бы убѣдиться, что радостный отголосокъ есть въ то же время и вѣрный отголосокъ. Прежде всего

*) Высшую изъ государственныхъ наградъ—ордена Андрея Первозваннаго митрополитъ Филаретъ получилъ еще въ 1831 году; кромѣ особъ Императорской Фамиліи, получающихъ этотъ орденъ при крещеніи, онъ въ настоящее время самый старшій кавалеръ сего знака ордена Имперіи.

требуется вѣрно понять сказанное слово, и радоваться тому что имъ дѣйствительно сказано, а не вносить въ него чуждый или даже противный ему смыслъ. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, въ корреспонденціи съ мѣста, была слегка замѣчена неточность, съ какою были переданы въ балтійской печати нѣкоторыя выраженія Высочайшей рѣчи; ниже помѣщаемъ мы только что полученное нами изъ Риги письмо отъ образованнаго Латыша раскрывающее маленькія проказы корифеевъ балтійской печати. Мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на это письмо: пусть судятъ они по этому обращику какъ безцеремонно обращаются балтійскіе журналисты съ народными латышскими массами.

Но отвага, съ которою балтійская печать обходитъ истину, не ограничивается латышскою или эстонскою публикой. Въ той самой нѣмецкой газетѣ, откуда мы выписали приведенныя въ началѣ нашей статьи слова о радостномъ отголоскѣ, который должна „произвести въ сердцахъ всѣхъ“ рѣчь сказанная Государемъ Императоромъ въ Ригѣ, тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, измѣнено и лишено своего значенія одно изъ самыхъ существенныхъ, одно изъ самыхъ дорогихъ выраженій этой достопамятной рѣчи, именно то, которое должно было дѣйствительно возбудить повсюду въ Россіи радостный отголосокъ, и на которое обращалось особенное вниманіе, такъ что при передачѣ рѣчи на нѣмецкій языкъ именно это выраженіе, для большей точности, было вставлено подлинными русскими словами въ нѣмецкій текстъ. Государь Императоръ, милостиво выразивъ Свое благоволеніе и довѣріе къ населеніямъ балтійскихъ губерній, присовокупилъ слѣдующія, столь знаменательныя слова: „*но Я желаю, господа, чтобы вы не забывали, что вы принадлежите къ единой семьѣ русской.*“

Сомнѣваться въ силѣ и значеніи этихъ словъ не возможно; еще менѣе дозволительно замѣнить ихъ другими словами. И однакоже *Ревельская Газета* нашла возможнымъ поправить это выраженіе, и вмѣсто *единой русской семьи* заговорить о *великой семьѣ*. „То было отеческое слово, говоритъ она, которое при этомъ случаѣ напомнило, что то *великая семья*, которую образуетъ Русское государство и которая насъ, обитателей балтійскаго края, также объемлетъ какъ и *другія народы* обширной имперіи (dass' es eine grosze Familie sei welche der russische Staat bildet und die uns Bewohner der baltischen Lande ebenso umfasst wie die übrigen Völker des weiten Reiches.). Итакъ *Ревельская Газета* полагаетъ, что было нужно напомнить, съ высоты трона, обитателямъ балтійскихъ губерній, что русское государство обширно и что оно составляетъ большую семью! Все дальнѣйшее разсужденіе, которое подъ заглавіемъ „государство и національность“ разбито на три нумера *Ревельской Газеты*, клонится къ тому, чтобъ убѣдить балтійскую публику, что она не принадлежитъ къ русской семьѣ, что у ней есть своя нѣмецкая семья, и что Русское государство должно быть союзомъ многихъ отдѣльныхъ національностей.

Въ этомъ сочетаніи двухъ словъ: Русское государство, значитъ ли что-нибудь первое слово или ничего не значитъ? Если оно что-либо значитъ, то всякій принадлежащій къ Русскому государству не можетъ отрекаться отъ русской національности. Если рѣчь идетъ о *Русскомъ* государствѣ, то всѣ его подданные, какого бы ни были они происхожденія и какую бы вѣру они ни исповѣдывали, должны принадлежать къ національности своего государства. Слово національность можетъ быть употребляемо въ какомъ угодно смыслѣ; споръ о словахъ есть самый пустой изъ всѣхъ возможныхъ споровъ. Вопросъ только въ томъ, можетъ ли государство имѣть свою національность или оно должно быть только случайною связью разнородныхъ и чуждыхъ одна другой частей? Если русское государство есть только отвлеченная и случайная связь, какъ желаютъ представить его нѣкоторые наши политики, то почему же должно оно удерживать свой національный эпитетъ? Зачѣмъ называть его русскимъ? Есть въ Европѣ государство, которое, по самому существу своему, лишено національнаго характера. Австрійская имперія не представляетъ собою никакой національности, и слово „австрійскій“ ничего не значитъ; за то Австрійская имперія и не есть государство, въ такомъ смыслѣ какъ другія государства Европы. Австрійская имперія есть только династія. Австрія есть сегодня два государства, завтра она можетъ превратиться въ пять государствъ, а послѣзавтра, при измѣненіи условій европейскаго равновѣсія, можетъ исчезнуть и самое имя Австріи, вмѣстѣ съ династіей, которая представляетъ собою только слу-

чайную связь разнородныхъ и взаимно другъ друга исключающихъ частей.

Глубокомысленный публицистъ *Ревельской Газеты* старается убѣдить насъ, что національность есть понятіе, не имѣющее ничего общаго съ понятіемъ государства. По его толкованію, національность есть не что иное какъ племенное единство, котораго выраженіе есть языкъ. Что языкъ есть выраженіе національности въ этомъ мы не сомнѣваемся, и мы очень рады что балтійскіе публицисты приходятъ къ этому убѣжденію; но что національность есть то же что и племенное единство, это ихъ изобрѣтеніе. Національность создается и образуется исторіей. Первобытное племя, не имѣющее исторіи, не жившее самостоятельною политическою жизнію, не можетъ быть названо націей въ томъ смыслѣ, какъ употребляемъ мы это слово, говоря о націи французской, англійской, германской, а также и русской. Въ Европѣ нѣтъ ни одной изъ великихъ раздѣляющихъ ее національностей, которая не слагалась бы изъ многихъ элементовъ. Разнообразіе элементовъ входящихъ въ составъ великаго историческаго народа есть его богатство и залогъ его производительнаго развитія; ихъ сліяніемъ опредѣляется его физіономія.

Но мы отлагаемъ до другаго времени разглагольствія съ балтійскими публицистами о національности и государствѣ, и спѣшимъ дать мѣсто упомянутому выше интересному эпизоду изъ ихъ практики.

№ 167.

Москва, 31-го іюля.

А.

Свобода, простая свобода, безъ всякой примѣси, никогда не можетъ быть опасна, и вредъ, который можетъ быть причиняемъ злоупотребленіями свободы, всегда перевѣшивается суммою добра, которая изъ нея проистекаетъ. Свобода ведетъ къ свѣту и истинѣ; она служитъ лучшею пробой всякому дѣлу, и никакое правое и сильное дѣло не имѣетъ повода бояться свободы. Законная и безспорная власть, сильная всею силою своего народа и единая съ нимъ, не имѣетъ повода бояться никакой свободы; напротивъ, свобода есть вѣрная союзница и надежная опора такой власти. Что такое свобода? Свобода есть откровенное, прямое и стало-быть честное дѣйствіе. Свобода есть личное мнѣніе, которое не имѣетъ надобности скрываться; свобода есть общественный интересъ, который заявляетъ себя съ полною откровенностію. Какая была бы, напримѣръ, для Россіи опасность въ томъ, еслибы даже самыя непріязненныя ей направленія высказывались съ полною откровенностію? Выходя на свѣтъ, они уничтожали бы сами себя. Врагъ безъ маски есть почтенный и добрый врагъ, который стоитъ друга. Опасность дѣйствительная для государства начинается тамъ, гдѣ въ глазахъ людей начинаетъ двоиться правительство. Злоупотребленія простой свободы, каковы бы они ни были, суть ничто въ сравненіи съ злоупотребленіями власти. Всѣ дурныя партіи, противугосударственныя или противуобщественныя, оказались бы сразу несостоятельными и немедленно сложили бы свое оружіе, еслибъ онѣ не находили себѣ питанія и поддержки въ правительственныхъ сферахъ. Всѣмъ извѣстно, что польское дѣло, напримѣръ, развилось и организовалось не изъ собственныхъ элементовъ, которые были бы слишкомъ для того ничтожны, а изъ тѣхъ вліяній и пособій, которые постоянно притекали къ нему изъ правительственныхъ сферъ. Всѣмъ извѣстно, что главный виновникъ польскаго вопроса въ Россіи былъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ министровъ русскаго правительства; всѣ знаютъ также, что несмотря на сильную организацію, которую получило тогда польское дѣло, оно не могло бы долго держаться и стать серіозною опасностію, еслибы всѣ мѣры, которыя правительство считало нужнымъ принимать противъ него, не отводились отъ него или не обращались въ пользу ему самимъ же правительствомъ, то-есть разными административными лицами, имѣвшими большее или меньшее вліяніе на дѣла.

Говорятъ о вредныхъ направленіяхъ возникавшихъ въ нашей литературѣ, говорятъ о лжеученіяхъ развращавшихъ нашу молодежь, которыя она распространяла. Но отвѣтственность за такія направленія отнюдь не можетъ падать на свободу, по той простой причинѣ, что ея вовсе не было. Наша литература вся находилась въ рукахъ административныхъ властей. Этого мало: можно доказать, съ документами въ рукахъ, что всѣ тѣ направленія,

которыя оказывались у насъ вредными, возникали, плодились и развивались именно благодаря вліяніямъ и пособіямъ изъ административныхъ сферъ, и часто въ тѣхъ изданіяхъ, которыя создавались самою администраціей, служили ей органами и получали, прямыми или косвенными путями, внушенія отъ нея.

Мы были бы рады, еслибы при полной независимости печати, антирусскія партіи, напримѣръ, имѣли у насъ свои открытые органы. Мы бы знали съ кѣмъ имѣемъ дѣло, и можно ручаться, что еслибъ эти партіи были предоставлены самимъ себѣ, то онѣ не могли бы держаться и во всякомъ случаѣ перестали бы быть опасностію. Пусть бы напримѣръ газета *Вѣсть* сбросила съ себя свою консервативную маску съ патріотическими гримасами; пусть бы она свободно и прямо объявила себя тѣмъ что она есть въ дѣйствительности, и мы совершенно помирились бы съ нею; она была бы безвредна, а быть-можетъ даже и полезна, между тѣмъ какъ теперь, при всей своей ничтожности, она является признакомъ весьма тревожнаго положенія дѣлъ.

Но рѣчь не о *Вѣсти*; мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу удивительнаго казуса, которому театромъ послужила третьяго дня другая петербургская газета.

Съ нѣкоторыхъ поръ почти всѣ наши газеты приняли національный тонъ. Съ Поляками нигдѣ не церемонятся, и вездѣ идетъ рѣчь о необходимости серіозныхъ мѣръ къ обрусенію западнаго края. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ общественное мнѣніе въ Россіи очень созрѣло и возмужало. Люди мыслящіе и добросовѣстные не могли не почувствовать и не научиться многому въ эти годы столь полные событій и откровеній. Къ настроенію общественнаго мнѣнія принуждены подлаживаться и тѣ, кто не сочувствуетъ ему. Патріотическій тонъ сталъ еще болѣе необходимостію въ виду того направленія государственныхъ дѣлъ, которое столь рѣшительно указано непосредственно Верховною Властію. Именно, для того чтобъ успѣшно вести интригу противъ этого направленія, стало необходимостію рядиться въ его цвѣта.

Не думаемъ, чтобы намъ довелось когда-нибудь говорить о *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, еслибъ у насъ была полная независимость печати; объ этой газетѣ не могло бы быть и рѣчи уже потому, что ея не было бы тогда на свѣтѣ. Она создана администраціей, получаетъ субсидіи и имѣетъ временно-обязанныхъ читателей. Вотъ почему казусъ, который произошелъ въ этой газетѣ, имѣетъ нѣкоторое значеніе, обязывающее насъ обратить на него вниманіе. Рѣчь идетъ о передовой статьѣ субботняго нумера (№ 200) *Биржевыхъ Вѣдомостей*.

Авторъ статьи считаетъ нужнымъ заявить сначала о патріотическомъ направленіи своей газеты. „Мы надѣемся," говоритъ онъ, „что изъ прежнихъ статей „наши читатели убѣдились въ нашемъ „искреннемъ желаніи обрусенія западнаго „края." Онъ признаетъ „таковую мѣру „государственною необходимостью, залогомъ будущей безопасности и спокойствія, залогомъ будущаго благоденствія „и силы Россіи." Онъ осѣняетъ покойное Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ; и свидѣтельствуетъ, что эта мѣра была пустая „какъ стаканъ воды — безъ воды," распространяется о канцелярскихъ формальностяхъ, и указываетъ на вредъ административнаго вмѣшательства въ частные экономическіе интересы. „Все дѣло представляло собою „фразы, фразы и фразы," говоритъ онъ, и весьма благоразумно спрашиваетъ: „могли ли и могутъ ли фразы подвигать рус„ское землевладѣніе и измѣнять народный „строй края, содѣйствовать русской на„родной жизни?" и основательно отвѣчаетъ: „ясно, нѣтъ." Затѣмъ почтенный публицистъ офиціозной газеты толкуетъ о какой-то мѣрѣ, состоящей въ продажѣ казенныхъ фермъ. Онъ сомнѣвается въ ея успѣхѣ и распространяется при этомъ „о нескончаемой формалистикѣ," о „люстраціи," о „бюрократической отпискѣ и перепискѣ." Въ полуграмотной и полурусской рѣчи, одушевляясь все болѣе и болѣе, онъ приходитъ въ патріотическое негодованіе на то что какіе-то казенные участки выдаются будто бы „Полякамъ „или Нѣмцамъ, а не лицамъ кровнаго рус„скаго происхожденія, которыя бы есте„ственно содѣйствовали (sic) распростра„ненію русскаго языка и народности и вы„зывали бы симпатіи къ русскому центру..." Онъ добродѣтельно восклицаетъ: „дайте „Полякамъ, заслужившимъ награду своею „преданностію Россіи что хотите, хоть „домъ на Невскомъ, обезпечивайте пен-

„сіями, русскими имѣніями,... но не про„тиворѣчьте же такимъ назначеніемъ на„грады самимъ себѣ...“

Заявивъ такимъ образомъ свою ревность о русской народности, авторъ наконецъ находитъ удобнымъ перейдти къ сущности дѣла. Онъ подвергаетъ осмѣянію мысль будто бы польскіе помѣщики въ западномъ краѣ могутъ быть опасны Россіи. Весьма убѣдительно доказываетъ онъ, что землевладѣніе въ западномъ краѣ можетъ оставаться въ рукахъ польскихъ помѣщиковъ не только безъ вреда, но даже съ пользою для Россіи, ибо „землевладѣлецъ, по„ка земля у него, невольно работаетъ на „ней, стало быть хотя поневолѣ, но слу„житъ Россіи.“ Авторъ не вѣритъ, чтобы польскіе землевладѣльцы были политически заинтересованы удерживать землю въ своихъ рукахъ; онъ не вѣритъ, что они „не „хотятъ продавать свои имѣнія въ руки „Русскихъ и тѣмъ противодѣйствуютъ ви„дамъ правительства,“ и такое невѣріе свое именуетъ пессимизмомъ. Это мѣсто такъ прелестно, что стоитъ выписать его: „Мы скажемъ откровенно: положительно „не вѣримъ этому! Нашъ пессимизмъ осно„вывается на томъ, вопервыхъ, что такое „упорство не имѣло бы никакой цѣли, а „вовторыхъ, что оно скорѣе вводило бы „русскій элементъ чѣмъ самое распоря„женіе, именно возбуждая непремѣнное „стремленіе таковое упорство побѣдить.“

Этого мало: мы узнаемъ, что Россія подвергнется большой опасности, если будетъ серіозно исполненъ указъ 10-го декабря, и подлежащія обязательной продажѣ польскія имѣнія будутъ дѣйствительно скуплены у нихъ; ибо получивъ цѣнность своихъ имѣній въ пятипроцентныхъ бумагахъ, польскіе помѣщики уѣдутъ съ ними изъ Россіи, и Россія такимъ образомъ будетъ обездолена, потрясена въ своихъ финансахъ, разорена въ своемъ хозяйствѣ, и станетъ данницей той страны, гдѣ польскіе помѣщики водворится. Изобразивъ въ яркихъ краскахъ картину бѣдствій угрожающихъ нашему отечеству вслѣдствіе исполненія указа 10-го декабря, публицистъ офиціозной газеты, издаваемой съ правительственными пособіями и имѣющей приписную публику, обрушиваетъ всю тяжесть своего негодованія на самый этотъ указъ: Онъ безъ церемоніи называетъ его коммунизмомъ. Это уже значитъ пойдти немножко далѣе чѣмъ газета *Вѣсть*: та говорила о коммунизмѣ администраціи западнаго края...

„Исходя изъ *коммунистическихъ началъ*,“ говоритъ нашъ публицистъ, „отвер„гающихъ неприкосновенность собствен„ности; и вводя произволъ и насиліе въ „отправленіи администраціи, онѣ (мѣры „предписанныя указомъ 10-го января) ка„саются самыхъ существенныхъ основъ „строя русской государственной жизни. „Притомъ, представляя въ самой своей „сущности непрочность основаній, онѣ не„минуемо поколеблютъ нашъ экономиче„скій бытъ, и возбудятъ тамія всеобщія и „основательныя жалобы, что неминуемо „отразятся на ходѣ всѣхъ условій обще„ственнаго развитія; потому во всѣхъ ис„тинно любящихъ свое отечество, истин„но преданныхъ *славѣ своего Государя*, „возбуждаютъ искреннее *желаніе ихъ от„мѣны*.“

Итакъ послѣ исторіи съ Товариществомъ Пріобрѣтателей Имѣній и Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, вотъ наконецъ до какихъ откровенностей дошло дѣло!

Б.

Считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе читателей на помѣщаемую ниже рубрику *Англія*, гдѣ излагается отвѣтъ лорда Станлея на запросъ по критскому дѣлу. Лордъ Мальмесбери однажды сказалъ въ верхней палатѣ, что не помнитъ въ точности всѣхъ получаемыхъ имъ донесеній, и за то былъ осмѣянъ, какъ человѣкъ сознающійся самъ въ неспособности занимать должность министра иностранныхъ дѣлъ. Если лордъ Станлей не опасается испортить свою репутацію заявленіемъ, что онъ не помнитъ точнаго содержанія телеграммъ, которыя, какъ онъ самъ говоритъ, были однакоже прочтены имъ (а телеграммы бываютъ гораздо короче донесеній), то объясняется это очевидною несеріозностью этого заявленія, служащаго лишь отговоркой, чтобы не сказать ни прямой истины, ни прямой лжи.

№ 168.

Москва, 1-го августа.

Сегодня печатаемъ мы весьма важный документъ, проливающій свѣтъ на исторію

искусственной полонизаціи западныхъ губерній: мы разумѣемъ офиціальное письмо митрополита Литовскаго высокопреосвященнаго Іосифа, писанное имъ въ январѣ 1855 года къ тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода, графу Протасову. Этотъ важный государственный документъ давно уже ходилъ по рукамъ и появился заграницей не только въ газетахъ, но и въ отдѣльныхъ сборникахъ.

Говорить ли, что письмо это, уясняя наше недавнее прошлое въ западныхъ губерніяхъ и служа назидательнымъ урокомъ для настоящаго, пріобрѣтаетъ особенную важность по авторитету лица, отъ котораго оно исходитъ? Великая заслуга, оказанная православной церкви, въ 1839 году іерархомъ Виленскимъ и его сподвижниками, достаточно оцѣненная и въ наше время, но полной оцѣнки еще ожидающая отъ исторіи, дѣлъ каждой мысли, высказанной въ этомъ письмѣ, каждому слову въ немъ высокое значеніе. Мятежъ 1831 года указалъ на необходимость коренныхъ преобразованій въ западномъ краѣ: преобразованія были рѣшены въ принципѣ, и администраціи западныхъ губерній указалъ надежный путь, дабы привести край въ желанное положеніе. Для слѣдованія по указанному пути требовались болѣе всего добросовѣстность и точное, неуклонное исполненіе предначертаній верховной власти. Но администрація, подъ вліяніемъ ловкой интриги, мало-по-малу уклоняется отъ указаннаго ей пути, дѣятельно помогаетъ польщизнѣ подняться и укрѣпиться послѣ разгрома 1832 года, разными канцелярскими уловками обходитъ указанныя ей мѣры, а въ то же время прикрываетъ свои дѣйствія успокоительными увѣреніями, что предначертанная верховною властію политическая программа исполняется строго, и что въ недалекомъ будущемъ уже достигнется желанная цѣль. Не сомнѣваемся, что увѣренія эти тогда по большей части дѣлались лишь вслѣдствіе беззаботности, равнодушія къ интересамъ Россіи и непризнаванія національной политики; но для дѣла было все равно, дѣйствовала ли администрація сознательно въ ущербъ русскимъ интересамъ или служила только слѣпымъ орудіемъ тѣхъ стремленій, съ которыми она призвана была бороться. Интрига, дѣйствительно успѣла овладѣть, чрезъ посредство разныхъ органовъ власти; главными колесами административной машины, управлявшей въ Петербургѣ и на мѣстѣ дѣлами западнаго края; въ однихъ случаяхъ она достигала въ Вильнѣ того, чего не могла добиться въ Петербургѣ, въ другихъ — изъ Петербурга тормозила или направляла дѣла, представляемыя изъ Вильны и Кіева. Дѣла, производившіяся въ то время, поражаютъ силою польской интриги. По начинанію генералъ-губернаторовъ: кіевскаго — генерала Бибикова 1-го, и виленскаго — генерала Миркковича, задумывается въ обширныхъ размѣрахъ землевладѣльческая реформа въ западныхъ губерніяхъ раздачей конфискованныхъ имѣній въ майораты русскимъ помѣщикамъ; — реформа, встрѣтившая въ высочайшей сферѣ самую энергическую готовность къ поддержкѣ; но одно изъ центральныхъ учрежденій въ Петербургѣ, выказывая, по нарушности, большое сочувствіе предположенной реформѣ, создаетъ цѣлую систему неодолимыхъ препятствій къ осуществленію опаснаго для польщизны плана и, послѣ долгихъ бумажныхъ споровъ, дѣло оканчивается въ сѣверо-западномъ краѣ пожалованіемъ одного крупнаго майората русскому вельможѣ, въ юго-западномъ — выдѣломъ въ казну всего 2.700 душъ, изъ 58.000 слишкомъ, причемъ въ майораты поступило только 1.400. Задумывается коренное преобразованіе учебной части въ западныхъ губерніяхъ, съ допущеніемъ низшихъ сословій къ образованію столь же широкому какъ образованіе польскаго дворянства, и учреждается значительное число училищъ, если не для крестьянъ, о которыхъ тогда не смѣли думать, то по крайней мѣрѣ для мѣщанъ; но не проходитъ пяти лѣтъ, и всѣ мѣщанскія училища переименовываются въ спеціальныя дворянскія, то-есть польскія, и за тѣмъ мѣщанамъ формально закрывается доступъ въ среднія учебныя заведенія. Польскій языкъ по Высочайшему повелѣнію изгоняется изъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній; но въ то же время министерство государственныхъ имуществъ самовольно дѣлаетъ распоряженіе о разрѣшеніи преподавать его въ школахъ приходскихъ, гдѣ онъ служитъ орудіемъ уже не поддержки только, но побѣдоноснаго распространенія польщизны, а потомъ польскій языкъ внесенъ въ число русскихъ началъ какъ *необходимый* органъ для религіозныхъ потребностей римско-католическихъ населеній края. Верховная власть настойчиво и энергически требуетъ сосредоточенія ад-

министраціи западныхъ губерній въ рукахъ русскаго чиновничества; въ 1831 году предписано въ какія должности дозволяется вновь опредѣлять только Русскихъ (это предписаніе было подтверждено въ 1855 году); причемъ особенно указано было на членовъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, прокуроровъ, стряпчихъ и почтмейстеровъ; но именно послѣ этихъ предписаній и именно въ тѣхъ должностяхъ, которыя этими предписаніями указывались, появляются Поляки. Въ ихъ руки попадаетъ почти вся почтовая часть, и почти всѣ мѣста, съ коими сопряжено вліяніе на народъ и духовенство. И вотъ западный край наполняется цѣлою тучей чиновниковъ, которые, подъ прикрытіемъ вицъ-мундира, изо всѣхъ силъ работаютъ въ руки пановъ, унижаютъ и оскорбляютъ православное духовенство, грабятъ и душатъ русское населеніе, внушительно намекая, что все это дѣлается по требованію московскаго правительства. Проходитъ 25 лѣтъ послѣ мятежа и, благодаря неисполненію Монаршихъ предначертаній, западный край принимаетъ, повидимому, еще болѣе польскую физіогномію чѣмъ прежде: администрація не хочетъ знать того, что огромное большинство мѣстнаго населенія не знаетъ по-польски; она начинаетъ относиться къ установившемуся, по ея же винѣ, преобладанію польщизны явно къ силѣ могущественной, и не смѣя высказать горькую истину въ верховныхъ сферахъ, гдѣ полагаютъ, что предначертанныя мѣры исполнены и произвели свое дѣйствіе, — принимаетъ въ краѣ положеніе оборонительное, дабы не раздражить населенія, разумѣя подъ населеніемъ исключительно пановъ, ксендзовъ и польскихъ чиновниковъ. Потерявъ точку опоры, указанную верховною властью, администрація принуждена опираться на эти враждебные ей самой элементы; она идетъ впередъ ощупью, какъ-авось, все болѣе и болѣе становясь предметомъ посмѣянія для Поляковъ.

Въ такую-то пору вступаемъ мы въ борьбу съ европейскою коалиціей. Въ Вильну начинаютъ приходить изъ края вѣсти одна другой тревожнѣе о враждебномъ намъ настроеніи умовъ; администрація не имѣетъ уже другаго средства помочь бѣдѣ, какъ дѣйствовать черезъ Поляковъ же. Изъ Ковенской губерніи приходятъ слухи о враждебномъ настроеніи дворянства (разрѣшившемся въ послѣдствіи сформированіемъ шайки): туда командируется довѣренный Полякъ; онъ возвращается съ извѣстіями успокоительными относительно шляхты, но при этомъ сваливаетъ всю вину на тамошнихъ русскихъ чиновниковъ. Приходятъ вѣсти изъ Минска еще болѣе тревожнаго характера: въ Минскъ несется на курьерскихъ другой довѣренный Полякъ и доноситъ, что дворянство наканунѣ вооруженнаго мятежа. По краю только и рѣчи, что о высадкѣ союзниковъ между Полангеномъ и Либавой; за побѣды Англичанъ, Французовъ, Турокъ шляхта провозглашаетъ тосты и мѣстныя власти смиренно внушаютъ агитаторамъ, чтобъ они впредь этого не дѣлали. Между тѣмъ мѣстное русское населеніе, закрѣпощенное панамъ, такъ хорошо ограждалось русскою властью, что почти совсѣмъ забыло про инвентари, которыми столько лѣтъ собирались защитить его отъ польской власти, а русское возсоединенное духовенство было поставлено, именно со времени елитія съ православною церковью, въ положеніе совершенно страдательное.

Вотъ при такихъ-то обстоятельствахъ приходитъ въ Петербургъ письмо виленскаго іерарха, громкій протестъ противъ уклоненія администраціи отъ исполненія Монаршей воли; оно открываетъ горькую истину, которую такъ долго и такъ заботливо скрывали отъ верховной власти, и указываетъ средства къ поправленію зла, вполнѣ совпадающія съ тѣми, которыя въ теченіи двадцати пяти лѣтъ настоятельно указывались къ исполненію Монаршею волей. Понятно впечатлѣніе, произведенное въ высшихъ сферахъ, письмомъ возсоединителя уніи, исполненнымъ высокой мудрости, христіанскаго смиренія и столь разительной истины. Но послѣдствія показали, что даже и это впечатлѣніе было мимолетное. Требовался урокъ 1863 года, чтобы расположить умы къ выслушанію истины, которая, еслибы была надлежащимъ образомъ принята во вниманіе въ 1855 году, когда была высказана виленскимъ архипастыремъ, могла бы предотвратить неисчислимыя бѣдствія. „Больно,“ писалъ этотъ столько же скромный, сколько великій подвижникъ и печальникъ православія и русской народности, „что десять милліоновъ русскаго и литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ подчиняются вновь болѣе и болѣе преобладанію 40 или 50 тысячъ такъ-называемыхъ польскихъ семействъ,

но это измѣнилось бы при первомъ вѣрномъ взглядѣ правительства.“ Лишь теперь всѣ начинаютъ понимать, что такъ-называемый польскій вопросъ, какъ порожденіе правительственныхъ ошибокъ, весь находится въ рукахъ правительства, то-есть главныхъ исполнителей Высочайшихъ рѣшеній. „Вѣрный взглядъ“ на польскій вопросъ установился повсюду, и уклоненія отъ вѣрнаго взгляда уже не могутъ дѣлаться по одному беззаботному легкомыслію, или не могутъ быть вмѣняемы безсознательною слѣпотой.

Отрадно, и именно теперь весьма своевременно, вспомнить, что раздавшійся въ 1855 году голосъ виленскаго митрополита былъ поддержанъ тогда въ Москвѣ. Его знаменитый архипастырь, котораго достославное пятидесятилѣтнее служеніе въ архіерейскомъ санѣ Москва будетъ надняхъ праздновать, и тогда принялъ горячо къ сердцу положеніе дѣлъ, о которомъ такъ неразмышленно свидѣтельствовалъ великій предстоятель и поборникъ православія въ Вильнѣ. Въ заграничныхъ изданіяхъ напечатанъ также и текстъ письма высокопреосвященнаго митрополита Филарета, по этому поводу, къ тогдашнему виленскому генералъ-губернатору: „Предметъ сей не принадлежитъ къ кругу дѣлъ возложеннаго на меня служенія,“ писалъ нашъ маститый іерархъ къ генералъ-адъютанту В. И. Назимову, „но долгъ вѣрности Престолу заставляетъ меня не иначе какъ съ крайнею заботой помышлять о томъ, извѣстно ли сіе Государю Императору. Отношеніе писано 10-го января 1855 года. Нѣтъ причины сомнѣваться въ томъ, что графъ Протасовъ представилъ оное въ Бозѣ почившему Государю Императору. Но какъ сіе было извѣстно до Его кончины, то принято ли это въ разсужденіе? Извѣстно ли оно нынѣ царствующему Государю? Вотъ о чемъ забота.“

№ 169.

Москва, 2-го августа.

„То слово должны они оставить какъ оно есть, и имѣть надобность благодарить насъ за это.“ (Das Wort sie sollen lassen stahn und keinen Dank dafür haben). Это изреченіе нѣмецкаго реформатора, сказанное противникамъ реформаціи, мы вынуждены теперь обратить къ балтійской журналистикѣ. Въ новѣйшемъ нумерѣ *Рижской Газеты* напечатана выдержка изъ письма одного Латыша (если не ошибаемся, такого, который, подобно многимъ другимъ, подвергался преслѣдованіямъ какъ *юный Латышъ*), выдержка по формѣ очень скромная, но по содержанію высказывающая *точь-въ-точь* то же что въ № 166 *Московскихъ Вѣдомостей* говоритъ нашъ корреспондентъ г. К. о переводѣ слова: „нововведенія“ на Латышскій языкъ. Точно такъ же какъ нашъ корреспондентъ, г. Аллунанъ доказываетъ, что это слово со всѣми своими оттѣнками можетъ быть передано общеупотребительными выраженіями: на латышскомъ языкѣ *јаунас ѣевѣшанас*, на нѣмецкомъ *Neugestaltungen*. Далѣе г. Аллунанъ доказываетъ, что латышское слово *шаскайдрошана*, произвольно употребленное ученымъ нѣмецкимъ редакторомъ митавской латышской газеты, для передачи русскаго слова „нововведенія,“ означаетъ не иное что какъ *разъясненіе, разчищеніе*, понѣмецки: *Erklärung, Erläuterung, Reinigung*, какими словами не только слово *нововведенія*, но даже слово *реформы* не можетъ быть передано. Въ результатѣ выходитъ, что при употребленіи реченія *шаскайдрошана* для передачи русскаго реченія „нововведенія,“ смыслъ Высочайшихъ словъ совершенно затемняется.

Точно такія же заявленія получены нами и по выпускѣ въ свѣтъ № 166 съ разныхъ сторонъ, такъ что мы не можемъ теперь имѣть о сущности этого дѣла ни малѣйшаго сомнѣнія. Употребленное Государемъ Императоромъ русское реченіе „нововведенія“ надобно понѣмецки передать словомъ *Neugestaltungen*, а не словомъ *Reformen*, означающимъ „преобразованія.“ Впрочемъ, если употребить по-нѣмецки *Reformen* вмѣсто *Neugestaltungen*, то хотя оттѣнокъ выраженія измѣнится выраженіе все-таки будетъ имѣть смыслъ, но если вмѣсто слова „нововведенія“ поставить слово „разъясненіе,“ то фраза очевидно лишается смысла. А это именно и сдѣлалъ г. Фирфуфъ при передачѣ Высочайшихъ словъ на латышскомъ языкѣ. Пусть читатели сами разсудятъ, какъ это могло случиться, какъ могъ человѣкъ ученый и притомъ знатокъ латышскаго языка пройдти не запутавшись чрезъ куріозные силлогизмы, которые мы, для разъясненія дѣла, попробуемъ выставить со всею точностью.

Нововведенія все то же что реформы. Реформація называется иногда реформой.

Стало-быть русское слово „нововведенія" можетъ быть передано по-латышски тѣмъ выраженіемъ, которое по-латышски означаетъ реформацію.

Уже это умозаключеніе весьма странно, потому что и понѣмецки никто никогда не называлъ реформаціи реформами, *die Reformen*. Но дальнѣйшее умозаключеніе еще удивительнѣе. Вотъ оно:

Русское слово „нововведенія" можетъ быть передано словомъ „реформація."

Слово реформація переводится на латышскій выраженіемъ „разъясненіе вѣры."

Стало-быть, если нововведенія не относятся къ вѣрѣ, то русское реченіе „нововведенія" должно быть по-латышски передано реченіемъ „разъясненіе," а потому слова Государя Императора должно перевести для Латышей такъ, что Его Величество надѣется найдти въ сословіяхъ балтійскаго края содѣйствіе къ приведенію въ исполненіе *тѣхъ мѣръ и разъясненій*, которыя Его Величество считаетъ полезными и необходимыми для того края.

Въ оправданіе своего перевода, скрывающаго смыслъ Высочайшихъ словъ, ученый г. Фиргуффъ, слывущій за знатока латышскаго языка, не можетъ теперь ссылаться на неразвитость этого языка: теперь доказано, что русское слово „нововведенія" очень легко переводится на латышскій языкъ и притомъ словами употребительными въ этомъ языкѣ и извѣстными всякому простому Латышу, а не только ученымъ знатокамъ.

Что же надобно было сдѣлать? Надобно бы исправить ошибку, перевести Высочайшія слова какъ слѣдуетъ и тотчасъ же напечатать вѣрный переводъ ихъ. Такъ слѣдовало бы, думаемъ мы, поступить г. Фиргуффу. Но до сихъ поръ г. Фиргуффъ этого не сдѣлалъ. Далѣе, *Рижская Газета*, еще недавно напыщенно объявлявшая, будто „всѣ лингвисты латышскаго ученаго общества не найдутъ латышскаго слова для „понятія нововведенія, хотя бы ихъ заключили „пыткой," — *Рижская Газета* теперь должна бы, думаемъ мы, тоже переобѣщать свое мнѣніе, уступая очевидности, и не пытаясь защищать явное искаженіе предъ краемъ, гдѣ почти всѣ читатели ея понимаютъ по-латышски. Но, къ сожалѣнію, ея новое заявленіе не утѣшительнѣе прежняго. „Мы не считаемъ себя въ правѣ, говоритъ она, спорить о вѣрности латышскаго перевода того слова, о которомъ идетъ рѣчь, не можемъ однако согласиться, чтобы въ переводѣ пастора Фиргуффа слѣдовало видѣть ослабленіе слова *нововведенія*. Слово *реформа* и *реформація* означаютъ гораздо болѣе глубокое преобразованіе существующаго порядка вещей нежели совершенно общее выраженіе *Neugestaltungen*. Выбравъ для нашего нѣмецкаго перевода, вмѣсто общаго *Neugestaltungen*, *Neuerungen*, техническое слово *реформа*, мы еще *усилили* смыслъ русскаго слова, не только что не ослабили его, и точно то же сдѣлалъ пасторъ Фиргуффъ, употребивъ латышское слово, означающее *реформацію*." *Рижская Газета* принимаетъ видъ, будто не понимаетъ, въ чемъ дѣло. Это крайне прискорбно. Мы думаемъ, что словъ такой важности нельзя ни усиливать, ни ослаблять, а тѣмъ паче дѣлать непонятными. Если слово, произнесенное съ высоты трона, не можетъ въ неискаженномъ видѣ дойдти до вѣрныхъ подданныхъ Монарха, и если даже въ этомъ случаѣ искаженіе несомнѣнно доказанное можетъ быть защищаемо публично, что же должно статься съ другими менѣе важными распоряженіями правительства, съ отдѣльными параграфами законовъ, и проч.? О газетныхъ статьяхъ послѣ этого нечего и толковать, и мы очень сожалѣемъ, что просили на дняхъ *Рижскую Газету* исправить невѣрную передачу передовыхъ статей *Московскихъ Вѣдомостей*; какъ теперь оказывается, это было съ нашей стороны самое наивное простодушіе.

Кстати, мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу ряда статей, помѣщенныхъ въ *Ревельской Газетѣ* о преподаваніи въ балтійскихъ гимназіяхъ исторіи на русскомъ языкѣ. Эти статьи вызваны слухомъ, что черезъ годъ (черезъ годъ только?) въ одной (только одной!) изъ балтійскихъ гимназій всеобщая исторія должна быть въ видѣ опыта преподаваема по-русски. Мы не знаемъ на чемъ основанъ слухъ, что это будетъ сдѣлано *въ видѣ опыта*; но *Ревельская Газета*, подъ[illegible]ясь этимъ оттѣнкомъ сообщаемаго ею слуха, спѣшитъ заявить, что стало-быть и высшее правительство сомнѣвается въ исполнимости и успѣхѣ такой мѣры. Она высказываетъ, правда, увѣренность, что всякое *измѣненіе*, вводимое центральнымъ вѣдомствомъ народнаго просвѣщенія должно быть *улуч-*

шеніемъ, но черезъ нѣсколько строкъ послѣ того прямо и заранѣе утверждаетъ, что даже и самый опытъ тутъ невозможенъ, и еслибы былъ сдѣланъ, то вызвалъ бы рѣшительное противорѣчіе въ каждомъ разумномъ учителѣ. Замѣчанія свои *Ревельская Газета* заключаетъ слѣдующими словами: „Государство всюду предъявляетъ „свои требованія не дѣтямъ, а взрослымъ, „которымъ даетъ гражданскія права. Только отъ тѣхъ можетъ государство требовать знанія русскаго языка, отъ кого „ожидаетъ службы.“ Но что же, спросимъ, правительство должно дѣлать въ балтійскихъ губерніяхъ, чтобы взрослые хорошо знали русскій языкъ, если ему не научается юношество въ гимназіяхъ? Вѣчно ли намъ вращаться въ фальшивомъ кругу: взрослые въ балтійскихъ губерніяхъ не знаютъ порусски, потому что не учились ему въ дѣтствѣ, а дѣти не должны ему учиться, потому что государство съ своими требованіями должно обращаться не къ дѣтямъ, а ко взрослымъ! Первое говорятъ намъ, когда рѣчь идетъ о неизбѣжномъ введеніи русскаго языка въ судопроизводство; второе выставляется на видъ, когда предполагается усилить изученіе русскаго языка въ балтійскихъ гимназіяхъ. Но что-нибудь одно изъ двухъ. *Ревельская Газета*, принимаясь говорить противъ усиленія русскаго языка, утверждаетъ теперь, что русскій языкъ въ балтійскихъ гимназіяхъ преподается очень хорошо, и что ему выучиваются съ успѣхомъ. Она говоритъ, что при окончаніи курса гимназисты достигаютъ тѣхъ познаній въ русскомъ языкѣ, которыя требуются призваніемъ врача, пастора, учителя, юриста. Но если такъ, то нѣтъ препятствія ко введенію судопроизводства на русскомъ языкѣ, и на незнаніе русскаго языка нечего въ этомъ случаѣ ссылаться. Не подлежитъ сомнѣнію, что знаніе русскаго языка гораздо болѣе распространено въ балтійскомъ краѣ чѣмъ утверждаютъ тѣ, которые хотятъ доказать, что русскій языкъ не можетъ быть тамъ официальнымъ языкомъ; не съ другой стороны также не подлежитъ сомнѣнію, что русскій языкъ долженъ быть съ полною рѣшимостью вводимъ въ преподаваніе въ тамошнихъ гимназіяхъ. Въ педагогическомъ отношеніи, на первыхъ порахъ, — только на первыхъ порахъ, — могутъ возникнуть отъ этого нѣкоторыя неудобства, но во-первыхъ они будутъ постепенно уменьшаться, а во-вторыхъ съ ними надобно мириться, какъ съ неизбѣжными послѣдствіями ненормальнаго положенія дѣлъ. Коронныя гимназіи суть государственныя учрежденія, назначенныя для *всѣхъ* жителей губерніи, а не для однихъ Нѣмцевъ. Если Нѣмцамъ трудно, кромѣ нѣмецкаго, хорошо выучиться и русскому языку, то Эстамъ и Латышамъ *еще труднѣе*, кромѣ своего роднаго, изучить хорошо два языка, нѣмецкій и русскій. Балтійскія гимназіи должны вполнѣ обрусѣть (къ чему преподаваніе всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ было бы первымъ шагомъ), чтобы Нѣмцы, Латыши и Эсты были *вполнѣ уравнены* между собою относительно изученія языковъ. Всѣ инородцы этого края будутъ тогда, кромѣ роднаго языка, изучать въ коронныхъ заведеніяхъ русскій, всѣ привыкнутъ свободно выражаться на немъ, всѣ будутъ равно приготовлены къ занятію публичныхъ должностей, при которыхъ нельзя обойдтись безъ знанія языка употребляемаго во всей имперіи. Вотъ что мы возразимъ *Ревельской Газетѣ* на ея замѣчаніе, что въ ревельской гимназіи въ прошломъ году изъ 252 и 244 мальчиковъ было только 26 и 30 мальчиковъ русскаго происхожденія, и что тамъ въ послѣднія 13½ лѣтъ выпускной экзаменъ въ университетъ выдержали 132 Нѣмца (?) и только 4 Русскихъ. *Ревельская Газета* полагаетъ, что такое меньшинство даже и на глаза *Московскихъ Вѣдомостей* покажется столь незначительнымъ, что ради его нельзя требовать, чтобы большинству Нѣмцевъ навязывали изученіе чужаго имъ языка. Никто не думаетъ о *навязываніи* русскаго языка. Сколько намъ извѣстно, и въ Эстляндіи никому не навязываютъ вступленія въ коронную гимназію; кто не можетъ терпѣть русскаго языка, можетъ вступить въ уравненную съ гимназіями Ritter-u-Domschule, или въ частныя, на гимназическихъ правахъ состоящія, школы въ Феллинѣ, Верро и проч.; никто никого не принуждаетъ учиться по-русски. Но тѣмъ, которые русскій языкъ считаютъ не *мертвымъ*, а живымъ, будетъ полезно, учась всеобщей исторіи въ высшихъ классахъ по-русски, привыкнуть свободно выражаться на этомъ языкѣ. Поэтому было бы очень хорошо, еслибы какъ можно скорѣе, не для опыта и не въ одной только коронной гимназіи, но окончательно и въ *высшихъ классахъ* всѣхъ *этихъ* заведеній было вве-

дено преподаваніе исторіи на русскомъ языкѣ.

№ 170.

Москва, 3-го августа.

Намъ неоднократно приходилось говорить объ обманахъ, къ которымъ считаютъ полезнымъ прибѣгать политическіе люди въ наше время. Политическое искусство, повидимому, клонится къ тому, чтобы стать окончательно искусствомъ обманывать. Мы не рѣшаемъ въ какой мѣрѣ бываетъ полезно прибѣгать къ обманамъ въ международной сферѣ, гдѣ борются и соперничаютъ между собою чуждыя и часто непріязненныя одна другой націи; но тутъ обманы все то же что и военныя хитрости. Если въ борьбѣ народовъ между собою дѣло доходитъ до пролитія крови, то весьма понятно, что между ними бываютъ и всяческіе обманы, и политика одного государства считаетъ себѣ все позволительнымъ относительно другихъ, съ которыми она находится въ тайной или явной борьбѣ. Но если политика и нравственность суть два различныя понятія въ международной сферѣ, то горе тому государству, въ которомъ разныя классы или разныя части его населенія поставлены такъ что побуждаются вести другъ противъ друга политику осуждаемую основными началами нравственности!

Обманы бываютъ фактическіе и логическіе. Одними пускаются въ ходъ ложныя извѣстія или искажаются факты; другими изобрѣтаются и распространяются лжеученія, извращаются понятія. Обманъ есть все обманъ, къ чему бы онъ ни относился, къ фактамъ или понятіямъ. Но обманъ разчитанный на понятія вообще хуже, и свидѣтельствуетъ о болѣе глубокой безнравственности нежели выдумка небывалаго факта. Чѣмъ наивнѣе и грубѣе обманъ, тѣмъ онъ безопаснѣе, и фактическая ложь опровергается легко и скоро; но обманъ разчитанный на понятія дѣйствуетъ проницательнѣе и глубже, и въ своихъ послѣдствіяхъ труднѣе настигается и уловляется; во всякомъ же случаѣ, обманъ требующій затраты умственныхъ средствъ болѣе роняетъ людей, болѣе портитъ ихъ, глубже разлагаетъ ихъ съ началами нравственности. Чѣмъ дороже матеріалъ, который идетъ на предосудительное дѣло, тѣмъ хуже, а умственный матеріалъ есть самый дорогой въ человѣкѣ.

Мы отнюдь не хотимъ думать, чтобы наши нѣмецкіе публицисты въ Ригѣ или Ревелѣ хотѣли обманывать насъ своими политическими теоріями; но мы сожалѣемъ, что они такъ легко вдаются въ заблужденія и не отдаютъ себѣ отчета въ тѣхъ логическихъ невѣрностяхъ и неточностяхъ, которыя прокрадываются въ ихъ мнѣнія и ведутъ ихъ къ неправильнымъ заключеніямъ. Они кичатся своею культурой, и дѣйствительно пользуются предъ всѣми прочими мѣстностями нашего общаго отечества наибольшими средствами для умственнаго развитія. Что было бы простительно въ Стерлитамакѣ, то непозвительно и, признаемся, совсѣмъ непонятно въ Ревелѣ или Ригѣ.

Въ *Ревельской Газетѣ* говорятъ намъ, что національность и государство суть разныя понятія. Для чего говорятъ это? Для того чтобъ изъ предполагаемой разницы между тѣмъ и другимъ вывести заключеніе, что можно быть русскимъ подданнымъ и не принадлежать къ русской національности, а принадлежать къ нѣмецкой. На этомъ основаніи строится извѣстное нашимъ читателямъ ученіе о Россіи, долженствующей состоять изъ многихъ различныхъ національностей. Еслибъ эти разсужденія были только разсужденія, то можно было бы предоставить каждому вертѣть калейдоскопъ своихъ понятій какъ угодно; но эти тонкія различенія и выводы клонятся къ весьма существеннымъ практическимъ результатамъ. Это, повидимому, столь незначительное и столь скромное различеніе должно, перейдя въ дѣло, выразиться въ громадныхъ измѣненіяхъ; что, оставаясь на словахъ, кажется выводомъ легкимъ и во всякомъ случаѣ очень невиннымъ, то на практикѣ должно выразиться переворотами, которыхъ послѣдствія невозможно исчислить. Ошибку въ мысляхъ исправить не трудно, была бы лишь добрая воля; но ошибку въ дѣлахъ исправить гораздо труднѣе, а вредъ, причиняемый ею, возвратить невозможно. Мы очень рады, что вопросъ остается только въ области отвлеченій и что ошибки, въ которыя вовлекаются наши балтійскіе противники, происходятъ только въ ихъ головѣ. Намъ, на этотъ разъ, приходится обсуждать не какія-либо общественныя дѣйствія, а игру словъ и скачки понятій, ко-

торые выдаются намъ за серіозные и убѣдительные выводы.

Различать дѣло хорошее. Кто не различаетъ, тотъ ничего не видитъ, ничего не понимаетъ. На то и данъ намъ разумъ чтобы различать. Но разумъ данъ намъ также и на то, чтобы мы въ различіи умѣли находить общее, и знали какъ одно относится къ другому. Все въ какомъ-либо отношеніи между собою различно и все въ какомъ-либо отношеніи сходно. Дерево и столъ суть понятія различныя, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы деревянный столъ не имѣлъ ничего общаго съ деревомъ.

Государство и національность суть два слова, а потому и два понятія, и сталобыть должны чѣмъ-нибудь между собою разниться. Вопервыхъ, они разнятся уже тѣмъ, что первое относится къ категоріи сущности, а второе къ категоріи качества, и потому оба не могутъ быть поставляемы рядомъ. Съ понятіемъ государства, для различенія или сличенія, надобно ставить на ряду не національность, а націю. Въ какомъ смыслѣ разнятся между собою эти два понятія, государство и нація, и въ какомъ они сходствуютъ? Государство безъ народа есть ничто: это всякому понятно. Но, скажутъ, государство можетъ состоять изъ многихъ народовъ. Можетъ, когда оно еще не сложилось или когда оно разлагается. Гдѣ есть въ государствѣ многіе народы, тамъ есть и нѣсколько особыхъ государственныхъ организацій, либо стремящихся врозь, либо спѣшащихъ объединиться. Если въ государствѣ есть элементъ обладающій силой объединенія, то какъ бы ни былъ разнороденъ составъ его населеній, они сливаются въ одну національность; и такое государство имѣетъ въ себѣ жизнь. Если въ государствѣ такого элемента нѣтъ, то оно можетъ поддерживаться лишь внѣшними условіями, и должно находиться въ постоянной борьбѣ со внутреннимъ разложеніемъ. Такія государства у насъ передъ глазами: Австрія и Турція. Впрочемъ англійскіе политики и Турцію называютъ націей.

Теперь, что такое нація, безъ государства? Націи безъ государства нѣтъ, такъ какъ нѣтъ государства безъ націи. Племя не составляющее государства не называется націей; оно дробится на части не имѣющія между собой никакой связи. Народъ есть нація когда у него есть собственная власть, то-есть когда онъ составляетъ свое государство. Славянскія племена, обитавшія въ до-историческую пору въ нынѣшней Россіи, не составляли самостоятельнаго цѣлаго и не были націей. Сказаніе нашего древняго лѣтописца совершенно согласно съ природой вещей и съ аналогическими явленіями, которыя мы можемъ наблюдать въ наше время на земномъ шарѣ; славянскіе предки наши жили отдѣльными родами, и уже въ тѣ времена глубоко разнились между собою и въ своемъ бытѣ и въ нарѣчіяхъ. Съ теченіемъ времени отдѣльныя племена и роды разошлись бы еще далѣе, и одни могли бы исчезнуть вовсе, какъ исчезли тѣ Славяне, что вошли въ составъ нѣмецкаго народа или нѣмецкихъ государствъ въ сѣверной Германіи, или они могли бы разрозниться какъ разрознились между собой Голландецъ, Датчанинъ и Нѣмецъ,—народы одного племени, но совершенно чуждые другъ другу по національности. Но посреди разрозненныхъ родовъ и мелкихъ общинъ явилось на Руси государственное начало, которое связало все воедино, и вотъ явилось политическое тѣло, русскій народъ, или русское государство. Въ этотъ общій составъ вошли не только славянскіе роды, но и разныя другія племена; славянское племя было однако самое многочисленное, наиболѣе связное, и вотъ славянскій языкъ сталъ языкомъ русскаго народа, хотя племя Русовъ, давшихъ ему свое имя, не было славянское. Начало русскаго государства на берегахъ Волхова и Днѣпра было рожденіемъ націи, которой суждена была жизнь и всемірное значеніе. Эта нація перешла тысячелѣтнюю эпоху испытаній, перенесла всевозможныя бѣдствія, подвергалась всевозможнымъ разгромамъ, была въ тяжкой неволѣ, томилась въ оковахъ, дробилась на части, но какъ она была намѣчена при самомъ началѣ своемъ, такъ и осталась, и вышла изъ всѣхъ испытаній цѣла и невредима. Подъ ударами она крѣпла, разрозненная она собиралась; она усилилась всѣми элементами, которые пріобрѣтала то силой меча, обороняясь, то путемъ естественнаго разселенія, ища предѣловъ, то вслѣдствіе добровольныхъ присоединеній, то въ лицѣ множества чужеземныхъ выходцевъ, находившихъ въ ней второе отечество.

Въ новѣйшій періодъ своей исторіи Россія испытала рядъ правительственныхъ ошибокъ, которыя отчасти были неизбѣж-

ны вслѣдствіе новости занятаго ею въ Европѣ положенія и молодости ея цивилизаціи. Объ одной изъ этихъ ошибокъ скорбно напомнитъ читателямъ помѣщаемая ниже выдержка изъ рѣчи нюландскаго губернатора, графа Валлена. Теперь этими правительственными ошибками хотятъ воспользоваться и создать изъ нихъ государственную для Россіи теорію. Ей говорятъ, что каждую племенную особенность, которая въ ней окажется, должна она признать за особую національность и дать ей власть, и что каждое религіозное вѣрованіе, которое она допускаетъ въ своихъ предѣлахъ, должна она возводить въ силу особаго и чуждаго себѣ политическаго начала.

Мы,—такъ говорятъ въ балтійскихъ газетахъ,—*мы* принадлежимъ къ составу Русскаго государства, но съ русскою національностію не имѣемъ ничего общаго и принадлежимъ къ національности нѣмецкой. Прекрасно; но прежде всего желательно знать кто эти „мы?“ Идетъ ли рѣчь обо всемъ населеніи прибалтійскихъ губерній? Идетъ ли рѣчь о какихъ-либо классахъ этого населенія, или о нѣсколькихъ лицахъ составляющихъ кругъ знакомства издателей этихъ газетъ?

Народныя массы, которыми населены эти губерніи, не имѣютъ ничего общаго съ нѣмецкою національностію, и во всякомъ случаѣ онѣ никакъ не могли уполномочить этихъ господъ говорить отъ ихъ лица; точно также невозможно думать, чтобы то или другое организованное сословіе въ прибалтійскихъ губерніяхъ заявляло о своей національности въ газетахъ. Остается непонятнымъ, зачѣмъ нѣкія лица имѣютъ надобность возвѣщать публикѣ о томъ къ какой національности имъ угодно причислять себя.

Вольному воля. Если балтійскіе публицисты не соединяютъ съ понятіемъ о національности ничего политическаго, какъ имъ угодно увѣрять насъ, то для публики нѣтъ ни малѣйшаго интереса знать, къ какой національности кто-либо изъ нихъ причисляетъ себя. Никакого спора между ими и нами не могло бы возникнуть, и балтійскимъ публицистамъ не было бы надобности прибѣгать къ недозволительнымъ изворотамъ, для того чтобы затемнить смыслъ словъ, имѣющихъ авторитетъ возвышенный надъ всякими пререканіями. О чемъ бы въ самомъ дѣлѣ спорить, если національность не есть нѣчто политическое? Жить, мыслить и говорить по-нѣмецки, также какъ и по французски, никому не возбраняется. Можно жалѣть о положеніи людей, которые чуждаются своего отечества и всѣмъ своимъ нравственнымъ существомъ принадлежатъ другимъ народамъ и странамъ; можно сожалѣть о состояніи общества, въ которомъ такія явленія не случайности. Можно желать, чтобы такихъ явленій не было; но мало ли чего можно желать? Можно желать, чтобы всѣ граждане одного государства были одного образа мыслей и одной вѣры. Почему, наконецъ, не желать, чтобы всѣ были равно умны и равно добродѣтельны? Область желательнаго безгранична, хотя и желательно, чтобъ она не выходила изъ предѣловъ возможнаго, и чтобы желанія людей были искренни, а не налганы, и чтобы люди знали сами, чего желаютъ. Все желательное предоставляется свободѣ людей. Но въ человѣческомъ общежитіи есть еще нѣчто имѣющее силу обязательную. Все обязательное, и только обязательное, принадлежитъ государству. Мы совершенно согласны, что языкъ есть непосредственное выраженіе народности или національности. На нашемъ древнемъ церковно-славянскомъ языкѣ народъ значитъ языкъ. Весьма естественно, что въ *Русскомъ* государствѣ ничто нѣмецкое не должно ни для кого быть обязательнымъ, и что нѣмецкій языкъ, также какъ и французскій, ни въ какой части Россіи не долженъ быть языкомъ законовъ, судовъ, администраціи, и всего что идетъ отъ государства, или имъ подпирается.

Балтійскіе публицисты хотятъ убѣдить насъ, что національность значитъ племя и состоитъ только въ языкѣ, а съ государственнымъ началомъ не имѣетъ ничего общаго. Если такъ, то пусть же они покажутъ примѣръ тому на самихъ себѣ. Если они говорятъ искренно, то, оставаясь Нѣмцами, они должны стараться о томъ чтобы нѣмецкій языкъ былъ очищенъ отъ несвойственнаго ему политическаго характера въ ихъ краѣ, и переставъ быть тамъ органомъ государственныхъ учрежденій. Такъ ли они поступаютъ? Къ тому ли направляютъ свои усилія? Скоро минетъ двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Верховная Власть постановила прекратить тѣ неестественныя отношенія, въ которыхъ находится къ Россіи эта нераздѣльная часть

ея государственнаго состава. Еще въ 1850 году требовалось предоставить нѣмецкій языкъ лишь свободѣ частныхъ лицъ и уволить его отъ неестественной для него государственной службы въ русскихъ губерніяхъ: почему же замедлилось исполненіе этого настоятельнаго требованія, которое должно быть принято къ сердцу всякимъ честнымъ и вѣрнымъ русскимъ подданнымъ какъ въ этомъ краѣ, такъ и повсюду въ Россіи?

Балтійскіе политики, въ своей игрѣ, употребляютъ весьма наивный пріемъ: они совѣтуютъ намъ отличать національное отъ государственнаго, но ставятъ это правиломъ только для русской національности, нѣмецкая же, по ихъ мнѣнію, должна быть началомъ государственнымъ въ ихъ краѣ, хотя онъ есть нераздѣльная часть Россіи и населенъ народными массами не имѣющими ничего общаго съ Германіей. Они мѣряютъ національность двумя аршинами и даютъ ей то или другое значеніе, смотря по тому, въ какую сторону поворачивается вопросъ.

При нормальномъ порядкѣ вещей, нельзя быть русскимъ подданнымъ и вмѣстѣ Нѣмцемъ, потому, что нѣмецъ не есть только племенный терминъ, но означаетъ принадлежность къ извѣстной политической народности. Спросите Эльзасца, Нѣмецъ ли онъ? Онъ скажетъ вамъ, что онъ такой же Французъ какъ и житель Нормандіи, или Бретани, или Прованса. Русскіе Нѣмцы есть выраженіе нелѣпое и обозначаетъ только ненормальность образовавшагося у насъ вслѣдствіе ошибочной политики порядка вещей.

Русскій подданный не можетъ быть Нѣмцемъ, потому что нѣмецъ есть терминъ означающій гражданъ нѣмецкаго государства. Гдѣ же, наивно спрашиваютъ насъ балтійскіе публицисты, государство, которое называлось бы нѣмецкимъ или германскимъ? Эти почтенные публицисты забыли, что Германія есть политическій терминъ. И Шведъ, и Датчанинъ, и Голландецъ, и даже отчасти Англичанинъ суть народы одного *племени* съ Нѣмцами, но они не принадлежатъ къ Германіи и не причисляютъ себя къ нѣмецкой или германской *національности*. Нѣмецкихъ государствъ составлявшихъ Германскій Союзъ было много, теперь стало ихъ менѣе и положеніе дѣлъ въ Германскомъ Союзѣ нѣсколько измѣнилось; но измѣнившееся положеніе Германіи, кажется, не уменьшило политическаго значенія германской націи.

Могутъ быть многія государства одной и той же національности, болѣе или менѣе самостоятельныя, или болѣе или менѣе тѣсно связанныя между собою. Существованіе такихъ государствъ не имѣетъ въ себѣ ничего ненормальнаго. Оно клонится къ созиданію, единенію и можетъ способствовать наилучшимъ цѣлямъ исторіи. Но не дай Богъ чтобъ одно государство состояло изъ многихъ національныхъ организацій! Такое положеніе клонится не къ жизни, а къ смерти, гніенію и разрушенію.

№ 171.

Москва, 4-го августа.

Среди всѣхъ овацій, всѣхъ заявленій энтузіазма, симпатіи, удивленія и преданности, которыя расточаемы были султану Абдулъ-Азизу при большей части дворовъ западной Европы, ничто не можетъ идти въ уровень съ тѣмъ, чѣмъ заявила себя по этому поводу вѣнская печать. Англичане, правда, не ударили здѣсь, какъ говорится, лицомъ въ грязь; ихъ восклицанія при видѣ падишаха вырывались съ шумною рѣзкостью свиста локомотива, они обнаружили энтузіазмъ высокаго давленія, они на всѣхъ парахъ ринулись по пути празднествъ: не только королева Викторія соблаговолила своею августѣйшею рукой наложить знаки ордена Подвязки на мусульманскую ногу и приставить своего сына, будущаго наслѣдника Великобританскаго престола, къ султану въ качествѣ безсмѣннаго ординарца на все время его пребыванія въ Англіи; но въ официальной кантатѣ, пѣтой въ Хрустальномъ дворцѣ въ присутствіи двора и всей англійской аристократіи, торжественно обращена была ко Всевышнему молитва „сокрушить (to crush) всѣхъ враговъ Турціи, тайныхъ и явныхъ.“ Пріемы въ Парижѣ и Кельнѣ отличались также своимъ безспорно блестящимъ и знаменательнымъ характеромъ, но только Вѣнской печати принадлежитъ честь извлеченія букета изъ этого великаго фейерверка, пущеннаго христіанскимъ и цивилизованнымъ міромъ въ честь того самаго преемника Магомета, котораго лордъ Станлей недавно во всеуслышаніе

провозгласилъ „безсильнымъ воспрепятствовать, еслибъ онъ и хотѣлъ, тѣмъ жестокостямъ, которые совершаются отъ его имени и по его повелѣнію на островѣ Критѣ.“

Офиціальные и офиціозные органы Вѣнскаго кабинета выполнили свою задачу такъ что могутъ затмить всѣ прежде бывшія демонстраціи и изумить міръ какъ чрезвычайнымъ самоотреченіемъ, такъ и отвагой своего языка. Вотъ тема австрійскаго концерта, исполняемаго съ замѣчательнымъ ансамблемъ газетами: *Abendpost*, *Debatte*, *Presse* и другими органами, коими располагаетъ г. фонъ-Бейстъ. „Австрія и Турція предназначены одна для другой (Oesterreich und die Türkei sind auf einander angewiesen). Агломерація различныхъ національностей составляющихъ эти двѣ имперіи образуетъ сходство, подтверждаемое положеніемъ финансовымъ и религіознымъ. *Политическая и религіозная пропаганда Россіи* (!?) угрожаетъ одинаково обоимъ государствамъ. Австрія дѣйствуетъ въ видахъ собственнаго сохраненія, поддерживая еликовозможно существованіе Турціи.“

Трудно простереть далѣе самоотреченіе и уничиженіе. Подобныя признанія слишкомъ драгоцѣнны и слишкомъ поучительны, и общественное мнѣніе должно на нихъ остановиться и вывести изъ нихъ надлежащія заключенія. Было бы дѣйствительно жаль удержать сдѣланную вѣнскою печатью аналогію въ столь тѣсной рамѣ. Тема эта благодарная, и ее надобно развить вполнѣ.

Не одна только агломерація различныхъ національностей образующихъ обѣ монархіи, но и условія существованія, коими эти національности обставлены, а равно ихъ отношенія къ соотвѣтственнымъ центральнымъ властямъ, создаютъ разительную аналогію между Австріей и Турціей Единственная разница та, что въ Турціи человѣкъ попадаетъ въ классъ притѣснителей или притѣсненныхъ, смотря по тому исповѣдуетъ ли онъ Евангеліе или Коранъ, тогда какъ въ Австріи это вопросъ племени и происхожденія, и здѣсь кромѣ того дѣлаются время отъ времени попытки политическаго уравновѣшенія, исходящія изъ личнаго усмотрѣнія того или другаго государственнаго человѣка управляющаго дѣлами. Но въ сущности выходитъ одно и то же. Послѣднее слово системы, развиваемой нынѣ Вѣнскимъ кабинетомъ, *pia desideria* г. фонъ-Бейста, состоитъ въ томъ, чтобы низвести всѣхъ Славянъ Австріи, то-есть значительное большинство населенія соединеннаго подъ скипетромъ Габсбурговъ, на степень райевъ, и передать ихъ, связанныхъ по рукамъ и по ногамъ, во власть венгро-мадьярскаго меньшинства,—„прижать ихъ къ стѣнѣ,“ по энергическому заявленію этого государственнаго человѣка, который, погубивъ Саксонію, обольщаетъ себя теперь надеждой спасти Австрію подобными средствами.

Въ Вѣнѣ, какъ и въ Константинополѣ, одинаково смущаются воздушными призраками русскихъ интригъ, вожделѣній и пропаганды. Въ Вѣнѣ, какъ и въ Константинополѣ, не хотятъ понять, что у Россіи своего слишкомъ достаточно, чтобы не желать ничего чужаго, и еслибы даже она расположена была низойдти до интриги и пропаганды, то она взяла бы на себя совершенно лишній трудъ, такъ какъ политика Порты и Вѣнскаго кабинета, гораздо дѣйствительнѣе чѣмъ бы могла сдѣлать Россія, способствуетъ паденію и гибели обоихъ государствъ.

Сходство финансовое, признанное самими австрійскими органами, обнаруживается признаками совершенно однородными.

По обѣ стороны Дуная терпятъ большой недостатокъ въ деньгахъ, все говорятъ о сокращеніяхъ, объ экономіяхъ, о равновѣсіи бюджета, а безпрерывно прибѣгаютъ къ начетистымъ займамъ (дай только Богъ чтобы мы были избавлены отъ этой необходимости, у насъ совершенно неестественной, и чтобы какимъ-нибудь чудомъ нашъ кредитъ не упалъ на степень турецкаго), и всего хуже еще то, что зло такимъ образомъ не только увеличивается, но и становится неисправимымъ, вслѣдствіе истощенія всѣхъ источниковъ богатства и національнаго благоденствія посредствомъ несправедливаго и ошибочнаго направленія внутренней политики. Измѣнчивые, прерывистые и противорѣчивые пріемы обоихъ дворовъ одни и тѣ же. Въ Вѣнѣ возвращаютъ изъ ссылки Кошута, въ Константинополѣ—Мустафу-Фазиля. Графъ Андрашь, присужденный къ смертной казни три года тому назадъ, привозитъ въ Пешть тѣ самыя уступки, въ которыхъ Венгерцамъ такъ долго и такъ положительно отказывали. Египетскій вице-король, этотъ наслѣдникъ мятежнаго

наши, великаго врага Турціи, Мегеметъ-Али, въ свою очередь получаетъ отъ султана якобы признаніе своей власти и столь значительныя уступки, какихъ самъ Мегеметъ-Али никогда не осмѣливался требовать. Но главнымъ образомъ тождество въ принципахъ и дѣйствіяхъ оказывается между Вѣной и Константинополемъ по предметамъ внѣшней политики. Въ обѣихъ столицахъ французское вліяніе преобладаетъ. Г. фонъ-Бейстъ и Фуадъ-паша съ примѣрнымъ послушаніемъ слѣдуютъ внушеніямъ Тюльерійскаго кабинета. Компасомъ и лозунгомъ для нихъ служитъ личное желаніе императора Наполеона, и несмотря на уроки прошедшаго, не смотря на грозящія опасностью затрудненія настоящаго, они ни на йоту не уклоняются изъ французской орбиты, хотя движась по ней они уже претерпѣли столько тягостныхъ превратностей. Иниціативѣ и настойчивой волѣ Тюльерійскаго кабинета Турція два года тому назадъ обязана была отсѣченіемъ одной изъ своихъ частей, то-есть созданіемъ Румынской автономіи подъ властью иностраннаго принца, вопреки буквѣ и духу Парижскаго трактата. Очевидно, что эта автономія уничтожаетъ какъ фактически, такъ и юридически, договоры 1856 года, и что движеніе Сербовъ, Болгаръ и Эллиновъ есть ея логическое, неизбѣжное и законное послѣдствіе. А между тѣмъ турецкіе государственные люди обнаруживаютъ безграничное довѣріе тому самому двору, который нанесъ ихъ государству столь смертельный ударъ. Точь-въ-точь также дѣйствуютъ и государственные люди Австріи. Какъ прежде, такъ и теперь, династія Габсбурговъ всегда искупала тяжкою цѣной свои попытки сближенія съ Франціей. Марія-Антуанетта, Марія-Луиза и эрцъ-герцогъ Максимиліанъ были несчастными орудіями самыхъ безплодныхъ политическихъ жертвъ. Ни потеря Ломбардіи, ни потеря Венеціи, не могли вразумить Вѣнскій дворъ относительно опасностей французскаго союза. Князь Шварценбергъ похвалялся, что онъ удивилъ свѣтъ смѣлостью своей неблагодарности въ отношеніи къ Россіи, которая спасла Австрійскую монархію въ ту самую минуту, когда она готова была разлетѣться на обломки. Въ то время онъ удивилъ этимъ только людей болѣе великодушныхъ, чѣмъ проницательныхъ, которые еще считали Австрію способною на что либо иное, кромѣ неблагодарности и предусмотрительности. За то нынѣ г. фонъ-Бейстъ удивляетъ весь свѣтъ своимъ наивнымъ и необъяснимымъ довѣріемъ къ побѣдителю при Сольферино, также какъ своимъ ослѣпленіемъ предъ самыми осязательными поученіями опыта многовѣковой исторіи австрійскихъ политическихъ системъ.

Но, какъ не удивительны настойчивыя заблужденія Вѣнскаго кабинета, то что пишется въ австрійскихъ газетахъ, еще болѣе изумительно. Привѣтствовать султана, желать успѣха его оружію, направленному противъ 12 милліоновъ христіанъ, снимать съ себя, чтобы возложить на него, орденъ Подвязки, Почетнаго легіона или звѣзду Св. Стефана,—все это еще до нѣкоторой степени понятно. Но произносить свой собственный смертный приговоръ изъ угодливости къ мусульманскому гостю, проводить гибельную аналогію между монархіей Габсбурговъ и монархіей Османа, ложиться добровольно бокъ-о-бокъ съ „умирающимъ," это значитъ простирать слишкомъ далеко добродѣтель гостепріимства: это превосходитъ границы самоотверженія и смиренія и ведетъ къ моральному самоубійству.

Изъ вниманія къ государству христіанскому и просвѣщенному мы никогда не позволили бы себѣ провести до конца эту грустную параллель между Австріей и Турціей; но такъ какъ сами признанные органы австрійскаго правительства торопятся разоблачить то что давно было нашимъ убѣжденіемъ, то мы можемъ отбросить всѣ сомнѣнія и вмѣстѣ съ ними признать, что на Востокѣ Европы есть два государства, больные неизлѣчимо и находящіеся при послѣднемъ издыханіи, которыя тѣсно прислонились другъ къ другу, ища взаимной поддержки и которыхъ неизбѣжное паденіе послѣдуетъ одновременно.

№ 172.

Москва. 5-го августа.

Сегодня всецерковно праздновалось пятидесятилѣтіе архіерейскаго служенія высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго и Коломенскаго. Особенно важнымъ, быть-можетъ знаменательнымъ событіемъ этого торжественнаго дня былъ съѣздъ епископовъ изъ разныхъ епархій Россійской Имперіи, хотя не для со-

вѣщаній, однако по церковному дѣлу. Явленіе давно у насъ небывалое. Да будетъ же оно хотя бы отдаленнымъ предвѣстіемъ обновленія нашей церковной жизни, въ которомъ она такъ глубоко нуждается!

Митрополитъ Филаретъ родился въ Коломнѣ 26-го декабря 1782 г.; окончилъ курсъ наукъ въ Сергіево-Лаврской семинаріи въ 1803 году; принялъ иночество въ Лаврѣ въ 1808 году; посвященъ въ іеромонаха въ Пасху 1809 г.; возведенъ въ санъ архимандрита въ 1811 г.; былъ ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи съ 1812 г. до 1819 г.; въ этомъ званіи, въ 1817 году, посвященъ въ епископа Ревельскаго; въ 1819 году, возведенный въ архіепископа, назначенъ на Тверскую каѳедру, въ слѣдующемъ 1820 году на Ярославскую, и въ 1821 г. на Московскую; митрополитомъ съ 1826 года.

Столь долговременное служеніе церкви ознаменовано непрерывнымъ рядомъ всѣми признанныхъ заслугъ нашего архипастыря, изъ коихъ самая высшая есть его жизнь, есть онъ самъ.

Люди оказываютъ заслуги не только тѣмъ что они дѣлаютъ, но и тѣмъ что они суть. Въ служеніи церкви это имѣетъ особенную силу. Да теплится еще многія лѣта, на благо церкви, свѣтъ жизни нашего славнаго архипастыря!

Но говоря о дѣятельности митрополита Филарета посвященной служенію церкви, мы не должны забывать его государственное значеніе.

Издревле у насъ святители церкви были съ тѣмъ вмѣстѣ, говоря древнимъ словомъ, и печальниками земли. Нашъ славный архипастырь вѣренъ этому преданію. При высокомъ и ясномъ политическомъ разумѣніи, живо и крѣпко всегда принималъ онъ къ сердцу интересы Россіи. Его исполненное духовной силы и столь выразительное слово отзывалось на все великое, какъ скорбное, такъ и радостное, въ жизни нашего отечества. На этихъ дняхъ довелось намъ указать на одинъ изъ примѣровъ того глубокаго участія, которое нашъ архипастырь принималъ въ вопросахъ имѣющихъ самое жизненное въ настоящее время для Россіи значеніе.

Нравственная сила народа, его достоинство, его богатство заключаются въ совокупности того что исходя изъ его нѣдръ имѣетъ значеніе всеобщее. Великіе нравственные характеры и сильные умы, въ которыхъ узнаетъ себя человѣчество и въ которыхъ чествуетъ благороднѣйшее проявленіе даровъ своихъ,—люди стоящіе на стражѣ священныхъ завѣтовъ или идущіе во главѣ благодатныхъ движеній къ возстановленію ихъ святыни и къ прославленію истины, подвижники добра и правды, виновники дѣйствій благословляемыхъ всѣми народами и вѣками, виновники дѣйствій ускользающихъ отъ оцѣнки человѣческой, но въ своей святой сокровенности дающихъ для жизни плоды неоцѣнимые,—вотъ въ чемъ достоинство и богатство исторической жизни народа, вотъ чѣмъ зиждется его сущность, вотъ чѣмъ исполняетъ онъ свое призваніе и въ чемъ заключается сила и оправданіе его вѣры въ свое будущее.

Историческая жизнь нашего народа, если взглянуть на нее со стороны, можетъ показаться и скудною, и пустынною. Въ ней мало совершилось тѣхъ развитій, которыя составляютъ славу другихъ народовъ, опередившихъ его въ дѣлѣ гражданственности, наукъ и искусствъ. Пантеонъ нашихъ умственныхъ знаменитостей не слишкомъ полонъ и не очень блистателенъ. Это не радостно, и мы можемъ утѣшать себя только тѣмъ, что причина нашей скудости объясняется обстоятельствами, которыя не всегда же будутъ имѣть силу. Но мы въ избыткѣ найдемъ у себя то въ чемъ видимъ преимущество другихъ народовъ надъ нашимъ, если будемъ искать наши сокровища тамъ гдѣ они дѣйствительно находятся. У насъ были и великіе характеры и сильные умы, у насъ совершались дѣла дорогія для человѣчества и благодатныя въ своей сокровенной силѣ, и отсюда мы можемъ объяснить себѣ то чувство внутренней силы, которая живетъ въ нашемъ народѣ, и его вѣру въ свое будущее, которая не колебалась въ немъ ни при какихъ испытаніяхъ. Въ церковной жизни нашего народа были отъ начала великіе дѣятели и великія дѣла, и если мы мало знаемъ ихъ и мало умѣемъ цѣнить ихъ значеніе и пользу ихъ труда, то они тѣмъ не менѣе составляютъ богатство нашего народа, которое мы инстинктивно чувствуемъ. Неужели кто-нибудь можетъ оставаться при мысли, что та великая борьба, которую люди призванные ведутъ во глубинѣ своего собственнаго существа, что святой героизмъ ихъ самоотверженія и духовная высота, которой они достигаютъ,

что все это остается безплодно для окружающей жизни и не отзывается ничѣмъ въ исторіи народовъ? Церковь чтитъ своихъ подвижниковъ, и народъ, изъ котораго они исходятъ и которому они принадлежатъ, можетъ также чтить въ нихъ своихъ героевъ, зиждителей своей силы.

№ 173.

Москва, 7-го августа.

Въ № 170 *Московскихъ Вѣдомостей* перепечатано изъ *Сѣверной Почты* новое правительственное постановленіе касающееся печати. По представленію г. министра внутреннихъ дѣлъ, принята мѣра ограничивающая публичность земскихъ, дворянскихъ, а также и городскихъ собраній. Мѣра эта находится въ связи съ тѣми существенными измѣненіями, которымъ, не задолго предъ симъ, подверглось вообще положеніе этихъ собраній, и которыми они поставлены въ большую зависимость отъ мѣстной администраціи и совершенно подчинены своимъ предсѣдателямъ такъ что подъ усиленною отвѣтственностію сихъ послѣднихъ, почти исчезаетъ самостоятельность гласныхъ, какъ въ ихъ личныхъ мнѣніяхъ, такъ и въ представляемыхъ ими общественныхъ интересахъ. Въ дополненіе къ тому, новою вышеупомянутою мѣрой возстановляется предварительная цензура для оглашенія въ печати не только текста постановленій принимаемыхъ въ означенныхъ собраніяхъ, какъ значилось прежде въ уставѣ печати, но и рѣчей произносимыхъ въ нихъ преніяхъ, и вообще отчетовъ о ихъ засѣданіяхъ. Все подобное, прежде чѣмъ поступить въ печать, должно получить на то разрѣшеніе отъ мѣстныхъ губернскихъ властей.

Нельзя сказать, чтобы до сихъ поръ печать наша была слишкомъ много занята отчетами о засѣданіяхъ мѣстныхъ собраній; теперь же, очевидно, публика будетъ еще менѣе занята ими. Собранія эти совсѣмъ скроются изъ виду. Но не слѣдуетъ роптать на это: впервыхъ потому что съ Божіей помощію, на доброй почвѣ, все обращается къ лучшему; а вовторыхъ, надобно думать, были достаточныя причины побудившія правительство, посреди обстоятельствъ, ему свѣдомыхъ и подлежащихъ его оцѣнкѣ, принять упомянутыя мѣры противъ этихъ новыхъ, только что созданныхъ реформами нынѣшняго царствованія учрежденій. Надобно не роптать, а напротивъ надѣяться, что обстоятельства побуждающія къ нѣкоторому стѣсненію едва начавшейся земской жизни, которая такъ еще нуждается въ ободреніи и поощреніи, дабы давать желанные плоды,—что эти обстоятельства минуютъ съ теченіемъ времени, дѣла разъяснятся и стѣснительныя мѣры окажутся излишними.

Новоучрежденныя мѣстныя собранія наши, земскія и городскія (не говоримъ о дворянскихъ, утратившихъ почти все свое значеніе вслѣдствіе реформъ крестьянской, судебной и земской, и существующихъ только какъ superstitio, почти безъ всякой надобности ни для себя, ни для другихъ) не принесли быть можетъ той пользы, которая отъ нихъ ожидается; быть можетъ, они нуждались бы въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ своею устройства, чтобы приносить всю ожидаемую отъ нихъ пользу; за то нельзя сказать, чтобъ они причинили чему нибудь вредъ. Въ этихъ собраніяхъ, быть можетъ, вообще мало духа, но дурнаго духа не оказалось нигдѣ. Ихъ можно упрекнуть, быть можетъ, въ недостаткѣ силы начинанія, энергіи и усердія къ дѣлу; для нихъ можно было бы пожелать болѣе живаго чувства увѣренности въ себѣ, большей сноровки къ дѣлу, большей опытности, которая пріобрѣтается впрочемъ лишь временемъ, между тѣмъ какъ они только днями считаютъ время своего существованія; для нихъ можно было бы пожелать большаго убѣжденія въ томъ что трудъ, котораго требуетъ ихъ дѣло, не напрасенъ, и результаты окупятъ полагаемыя на нихъ средства. Правда, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ собраній было сказано нѣсколько заносчивыхъ словъ и принято нѣсколько опрометчивыхъ рѣшеній. Но мѣстныя собранія не находятся между собою ни въ какой связи, ни въ какой солидарности. Каждое стоитъ само по себѣ, и отвѣчаетъ лишь за собственныя дѣйствія. То земскія учрежденія, которыя навлекли на себя въ прошломъ году сильное дѣйствіе власти, суть учрежденія принадлежащія лишь одной губерніи и притомъ не какой-либо изъ тѣхъ что находятся во глубинѣ страны, удаленныя отъ вліянія и контроля правительственныхъ лицъ: то были земскія учрежденія Петербургской губерніи, то было земское собра-

ніе имѣвшее свои засѣданія въ самомъ центрѣ всей нашей администраціи, состоявшее изъ лицъ не только не чуждыхъ администраціи; но принадлежащихъ и примыкающихъ къ ней, и характеризующихъ собою не столько русское земство сколько Петербургъ. Если въ Петербургѣ земство оказалось въ томъ или другомъ отношеніи несостоятельнымъ, то это можетъ свидѣтельствовать только о свойствѣ вліяній, подъ которыми оно находилось, а не о характерѣ земства вообще; это можетъ свидѣтельствовать не противъ, а въ пользу тѣхъ великихъ реформъ, которыя начали призывать къ жизни силы земли, бывшія доселѣ въ бездѣйствіи, ибо все что ни дѣлалось у насъ до сихъ поръ, дѣлалось только одною бюрократіей, которая высилась надъ страной и наполнялась элементами часто совершенно ей чуждыми и даже завѣдомо ей непріязненными, не столько соединяя, сколько разобщая ее съ верховнымъ началомъ ея государства.

Но маленькая бурливость, которою сопровождалось первое движеніе начавшейся земской жизни,—и то большею частію не въ дали отъ центральной администраціи, а непосредственно подъ ея рукой,—вся эта пѣна словъ, эта опрометчивость рѣшеній, эти шумы, признакъ болѣе малокровія нежели полнокровія, болѣе недостатка нежели избытка жизни, — все это было естественнымъ явленіемъ перваго начала, все это миновало бы само собою, и теченіе жизни, предоставленное собственнымъ инстинктамъ, должно было бы съ каждымъ днемъ становиться спокойнѣе, глубже и плодотворнѣе. Такъ и будетъ! Безопасность Россіи, ея процвѣтаніе, вся ея будущность основываются не на развитіи бюрократіи по французскимъ или нѣмецкимъ образцамъ, а на коренныхъ силахъ ея земли, столь испытанныхъ, столь благонадежныхъ и столь здоровыхъ. Если бы въ этихъ силахъ могло быть какое-либо сомнѣніе, то не во что было бы и вѣрить, и мы должны были бы отчаяться не только въ нашемъ будущемъ, но и въ нашемъ настоящемъ. Лишь недруги Россіи могутъ желать бездѣйствія ея народныхъ силъ; лишь мгла недоразумѣній, въ которыхъ, къ сожалѣнію, мы воспитаны, можетъ склонять нашъ слухъ къ навѣтамъ внушаемымъ враждой. Все что есть въ Россіи чуждаго и непріязненнаго ей, все что куетъ противъ нея козни, что дѣйствуетъ ко вреду и погубѣ ея государства, заинтересовано болѣе всего тѣмъ, чтобы не развивалась жизнь въ нѣдрахъ ея народа, чтобы не дѣйствовали ея живыя силы, чтобъ онѣ были подавлены механизмомъ бюрократіи, чтобы великія преобразованія, которыя должны онлодотворить ихъ, остались безъ дѣйствія и обратились въ ничто. А если такъ, то тѣмъ болѣе надобно надѣяться, что случайныя соображенія, побудившія правительство къ нѣкоторымъ мѣрамъ ограниченія, утратятъ свою силу въ непродолжительномъ времени.

Что касается до установленной теперь предварительной цензуры для обнародованія актовъ мѣстныхъ собраній, то не считая себя въ правѣ разсуждать о причинахъ, побудившихъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, мы осмѣлимся обратить вниманіе только на способъ достиженія предположенной цѣли. Дѣло въ томъ, что та цѣль, которую правительство могло имѣть въ виду, постановляя, чтобъ отчеты о засѣданіяхъ собраній и произнесенныя въ нихъ рѣчи печатались не иначе какъ съ разрѣшенія губернскихъ властей, достигалась простымъ разъясненіемъ дѣйствующихъ нынѣ законовъ о печати. Дабы изъ мѣстныхъ собраній не могло проникнуть въ печать что-либо предосуждаемое закономъ, требуется только разъяснить общую отвѣтственность издателей и редакторовъ по этому спеціальному пункту, и подтвердить, что правила, постановленныя для печати вообще, простираются и на рѣчи, произносимыя въ мѣстныхъ собраніяхъ. Такимъ образомъ издатель точно такимъ отвѣчалъ бы за напечатаніе чего-либо предосудительнаго, воспрещеннаго закономъ, что могло бы проскользнуть въ преніяхъ земскаго, городскаго или дворянскаго собранія, какъ если бы то находилось въ статьѣ, писанной непосредственно для печати. Правда, рѣчь произнесенная въ дворянскомъ, земскомъ или городскомъ собраніи есть фактъ совершившійся не въ печати; тѣмъ не менѣе такъ какъ подобный фактъ состоитъ въ выраженіи мнѣнія, а мнѣнія или ихъ выраженіе могутъ принадлежать къ числу предосужденныхъ закономъ для печати, то воспроизведеніе такихъ мнѣній въ печати можетъ быть нарушеніемъ относящагося къ ней закона и подвергать виновныхъ въ томъ издателей постановленіямъ въ законѣ взысканіямъ и карамъ. При такомъ разъясненіи высшіе интересы правительства были

бы ограждены вполнѣ и быть-можетъ не предвидѣлось бы надобности возстановлять цензуру для этого разряда извѣстій, и притомъ возстановлять ее въ ея наиболѣе тяжелой формѣ, какъ по мѣсту жительства цензоровъ на всемъ пространствѣ Россіи, такъ и по ихъ спеціальному характеру. Губернаторы поставлены относительно земскихъ собраній въ положеніе прокуроровъ, блюдущихъ за исполненіемъ законовъ, но въ то же время, какъ члены администраціи, они сами заинтересованы во многихъ дѣлахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію земскихъ собраній, вслѣдствіе чего и законъ, предусматривая дозволительныя столкновенія между губернаторами и земскими собраніями, установилъ порядокъ разрѣшенія этихъ столкновеній административнымъ судомъ правительствующаго сената по 1-му департаменту. Нерѣдко бывало, что и сенатъ и высшее правительство находили мнѣнія земскихъ собраній болѣе правильными, нежели мнѣнія губернскихъ властей. Въ случаяхъ подобнаго разногласія, губернаторы находятся въ положеніи партіи, и хотя должно думать, что по большей части сами они не нашли бы приличнымъ подавлять дѣлаемыя имъ возраженія, не пропуская ихъ въ печать, но при многосложности своихъ занятій они не всегда будутъ въ состояніи сами исполнять возложенную на нихъ цензорскую должность относительно всѣхъ дворянскихъ, земскихъ, и городскихъ собраній, и она неизбѣжно перейдетъ на второстепенныхъ чиновниковъ. Тутъ еще въ большей силѣ должны проявиться доказанныя опытомъ неудобства цензуры вообще и цензуры спеціальной въ особенности. Всѣмъ извѣстно, что высшіе интересы правительства нисколько не ограждались цензурой, и всѣмъ извѣстно напротивъ, что отмѣна цензуры сопровождалась у насъ очевиднымъ, разительнымъ улучшеніемъ печати. Въ виду такихъ результатовъ, превзошедшихъ ожиданія, правительство можетъ считать себя вполнѣ обезпеченнымъ законною отвѣтственностію издателей, тѣмъ болѣе что за исключеніемъ чрезвычайныхъ и рѣдкихъ случаевъ, дѣла мѣстныхъ собраній очень просты и не представляютъ ничего сомнительнаго; собранія же эти имѣютъ публичность главнымъ условіемъ своего преуспѣянія, которое равно желательно и для обществъ представляемыхъ этими собраніями, и для правительства.

№ 174.

Москва, 8-го августа.

Газета *Вѣсть* перепечатала изъ нашей газеты отношеніе высокопреосвященнаго Іосифа къ синодальному оберъ-прокурору графу Протасову и заявляетъ притомъ свой патріотизмъ, но едва ли введетъ кого-нибудь въ заблужденіе. Какъ о людяхъ судятъ по всей послѣдовательности ихъ дѣйствій, а не по случайнымъ заявленіямъ и поступкамъ, такъ и о газетахъ. Къ чему клонится направленіе *Вѣсти*, этого нельзя замаскировать патріотическими перепечатками или телеграммами изъ Москвы о совершеніи обрѣзанія надъ издателями *Московскихъ Вѣдомостей*. Какъ турецкіе христіане, еслибы до нихъ доходила *Вѣсть*, все-таки не смѣшали бы насъ съ Турками, такъ и русская публика не смѣшаетъ направленія *Вѣсти* съ тѣми направленіями въ русской печати, которыя могутъ быть горячо оспариваемы, не становясь однакоже предметомъ того, что *Вѣсть* называетъ *табу*. Эта почтенная газета вздумала воспользоваться въ интересахъ своего направленія даже и письмомъ литовскаго митрополита Іосифа, направленнымъ противъ польской бюрократіи. Видите ли, говоритъ она, что такое русская бюрократія: вѣдь послѣ мятежа 1831 года, *конечно*, въ край были назначены русскіе чиновники, а какъ убереглись они русское дѣло! Какъ же не „хлестать“ русскихъ чиновниковъ, какъ не желать ихъ замѣны чиновниками польскими? Нечего сказать, силлогизмъ безукоризненный! *Вѣсть*, очевидно, упрекаетъ тогдашнихъ русскихъ чиновниковъ въ добровольной уступкѣ своихъ мѣстъ Полякамъ. Она нападаетъ на смѣшаемыхъ вмѣсто того чтобы порицать смѣшавшихъ. Это *quiproquo* было бы черезчуръ наивно, еслибы не обличало хитрости, имѣющей въ виду сбить съ толку Панургово стадо. Неужели *Вѣсть* не понимаетъ, что тутъ рѣчь идетъ не о чиновникахъ, которые могутъ искать мѣстъ, но сами себя опредѣлять на мѣста не имѣютъ права, а о властяхъ, отъ которыхъ зависитъ раздача должностей? Впрочемъ, тутъ не только кажущееся *quiproquo*, а самая куріозная проруха: послѣ мятежа 1831 года правительство не принимало да и не могло принимать, относительно чиновничества въ западномъ краѣ, тѣхъ мѣръ, которыя послѣдовали

за мятежомъ 1863 года, и которыя, конечно, не должны, несмотря на всѣ возгласы *Вѣсти*, подлежать отмѣнѣ пока существуетъ Русское государство. Вопросъ, о необходимости русской администраціи въ западныхъ губерніяхъ, до появленія у насъ доблестной партіи, имѣющей *Вѣсть* своимъ органомъ, не подлежалъ спору: онъ былъ столько же ясенъ въ 1831 году какъ въ 1863. Въ Бозѣ почивающій императоръ Николай I тогда же настоятельно требовалъ замѣщенія открывавшихся въ западныхъ губерніяхъ должностей лицами русскаго происхожденія, и эти требованія верховной власти высказывались тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ болѣе проходило времени послѣ польскаго возстанія. Но осуществленіе этихъ требованій сдѣлалось возможно лишь послѣ отмѣны въ западномъ краѣ возстановленныхъ при императорѣ Павлѣ I польскихъ учрежденій и должностей: литовскаго трибунала, городскихъ и подкоморскихъ судовъ, съ ихъ маршалами, подкоморьями, хорунжими и проч. Хотя неблагонадежность польскихъ чиновниковъ дознана была тогда столь же тяжкимъ опытомъ какъ въ 1863 году, но при господствѣ литовскаго статута, покровительствовавшаго помѣщикамъ въ ущербъ прочему населенію, и при судопроизводствѣ на польскомъ языкѣ и по мѣстнымъ законамъ, положеніе русскихъ чиновниковъ, даже чисто административныхъ, не могло быть привлекательнымъ, и потому туда шли на службу неохотно. Лишь по возсоединеніи уніи, именно въ 1840 году, было окончательно упразднено различіе въ управленіи между западною и восточною половинами Россіи, въ суды введенъ русскій языкъ, и обязательная сила *Свода Законовъ* распространена на западный край; съ этихъ поръ служебныя должности могли быть, безъ всякаго затрудненія, замѣщаемы лицами, не знающими польскаго языка, и мы видимъ дѣйствительно, что съ этихъ поръ Русскіе начинаютъ охотно идти на службу въ западныя губерніи. Администрація сперва этому содѣйствуетъ. Законодательство принимаетъ мѣры съ своей стороны; въ 1837 году уроженцамъ западныхъ губерній вмѣнено въ обязанность начинать службу во внутреннихъ губерніяхъ и не ранѣе, какъ по истеченіи пяти лѣтъ, возвращаться на родину; съ 1840 года приказано выборныхъ лицъ, занимающихъ должности судей и засѣдателей уѣздныхъ судовъ, замѣщать Русскими, служащими отъ короны. Въ университетахъ учреждены стипендіи для подготовленія студентовъ на должности учителей въ гимназіяхъ и дворянскихъ училищахъ. Сущность всѣхъ этихъ мѣръ заключается въ томъ, чтобы, привлекая польскихъ шляхтичей на службу во внутреннія губерніи и даже переводя ихъ туда иногда помимо ихъ воли, всѣ должности въ западныхъ губерніяхъ замѣщать по возможности Русскими. Опытъ, правда, вскорѣ показалъ всю несостоятельность разчета на исправленіе шляхтичей русскою службой и весь вредъ замѣщенія должностей во внутреннихъ губерніяхъ и арміи лицами, не переставшими держаться враждебной Россіи національности, но и такая система, при всей своей слабости, могла бы принести нѣкоторую пользу, еслибы Монаршая воля не полнота была добросовѣстно, то-есть еслибъ администрація не ограничивалась высылкой къ намъ на службу изъ западныхъ губерній мелкой шляхты, видѣвшей въ службѣ лишь средство къ безбѣдному существованію, а въ западномъ краѣ предоставляла, служебныя должности Русскимъ, которые уже тѣмъ самымъ что были бы Русскіе не давали бы разгораться мечтамъ о нашей несостоятельности въ борьбѣ съ полонизмомъ и о возможности для польской справы въ недальнемъ будущемъ овладѣть всею администраціей западныхъ губерній и затѣмъ смѣло повести впередъ дѣло великаго будованія.

На дѣлѣ предначертанія державной воли исполнены были только въ юго-западномъ краѣ, во время управленія имъ Дмитрія Гавриловича Бибикова. Въ теченіе шестнадцатилѣтняго пребыванія своего въ краѣ, генералъ Бибиковъ, со свойственною ему энергіей, неуклонно замѣщалъ вакантныя въ краѣ должности лицами исключительно русскими, въ послѣдніе годы управленія онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ утѣшеніе видѣть, что во всемъ краѣ нѣтъ ни одного Поляка на службѣ въ полиціи. Не споримъ, что и при этомъ условіи бывали въ краѣ отдѣльные случаи злоупотребленій, которыми тогдашняя польская партія искусно пользовалась для возбужденія въ Петербургѣ общественнаго мнѣнія противъ грознаго для польщизны начальника края, но во первыхъ эти разсказы о злоупотребленіяхъ нельзя принимать безъ должной критики, а во вторыхъ что

были всѣ эти злоупотребленія, даже еслибъ они не подлежали никакому сомнѣнію, сравнительно съ тѣми, которыя творились чиновниками въ сѣверо-западномъ краѣ? Тамъ дѣло шло совсѣмъ инымъ путемъ. Тамъ уже въ сороковыхъ, а еще болѣе въ пятидесятыхъ годахъ, встрѣчаемъ мы чиновниковъ называющихъ себя Поляками, посвященныхъ во всѣ тайны администраціи, исполнявшихъ самыя секретныя и деликатныя порученія и обнаружившихъ себя, тѣмъ или другимъ способомъ, лишь въ 1861—1863 годахъ. При такой служебной обстановкѣ и при полномъ преобладаніи въ краѣ польщизны, отъ которой администрація требовала лишь соблюденія наружныхъ полицейскихъ порядковъ да офиціальнаго почтенія къ властямъ, Русскіе, разумѣется, неохотно шли туда на службу, а по возвращеніи оттуда во внутреннія губерніи своими разказами о козняхъ, которыхъ они были жертвою, и о недостаткѣ поддержки со стороны высшей администраціи, отбивали у другихъ охоту пытать счастія на службѣ въ нашей сѣверо-западной окраинѣ. Администрація въ свою очередь, какъ бы не вѣдая, что она сама была главною виновницей удаленія русскихъ чиновниковъ, съ негодованіемъ сѣтовала на то что Русскіе будто бы не сочувствуютъ водворенію въ западномъ краѣ русскихъ началъ. Но противъ этихъ сѣтованій краснорѣчивѣе всѣхъ доводовъ, говоритъ слѣдующій фактъ: во время управленія югозападнымъ краемъ генерала Д. Г. Бибикова и сѣверо-западнымъ графа Муравьева, въ дѣльныхъ и честныхъ русскихъ чиновникамъ недостатка не ощущалось, а былъ почти постоянно избытокъ въ кандидатахъ на должности; напротивъ того, при начальникахъ края, дозволявшихъ польщизнѣ пріобрѣтать вѣсъ и значеніе въ ущербъ мѣстному русскому населенію, изъ края начиналась эмиграція русскихъ чиновниковъ, спѣшившихъ возвратиться во свояси. Апатія была значитъ не причиной, а слѣдствіемъ.

Такимъ-то путемъ ко времени крымской кампаніи сложилось то положеніе дѣлъ, о которомъ говоритъ митрополитъ литовскій въ отношеніи къ графу Протасову. Запутавшись въ послѣдствіяхъ своихъ собственныхъ дѣйствій, высшая администрація сѣверо-западнаго края очутилась въ необходимости искать себѣ опоры въ польщизнѣ и наконецъ принуждена была ея устами *отстаивать въ Петербургѣ необходимость* удержанія Поляковъ на службѣ въ западномъ краѣ. Это случилось между прочимъ именно по поводу полученія въ Вильнѣ офиціальнымъ путемъ извѣстія о письмѣ высокопреосвященнаго митрополита Іосифа и о послѣдовавшемъ тогда Высочайшемъ повелѣніи относительно немедленнаго исполненія уже прежде того предписанныхъ мѣръ къ исправленію зла. Повелѣніе это формуловано было коротко, но такъ точно и опредѣлительно, что о канцелярской проволочкѣ дѣла нельзя было думать. Въ такомъ критическомъ положеніи, вмѣсто дѣла, изъ Вильны было отправлено въ Петербургъ ходатайство умолявшее объ оставленіи Поляковъ на службѣ въ западныхъ губерніяхъ; Поляки-чиновники, говорилось въ этомъ ходатайствѣ, вслѣдствіе перевода во внутреннія губерніи, будутъ затруднены переѣздомъ туда съ своими семействами, а потому могутъ выйдти въ отставку и такимъ образомъ увеличатъ собою число недовольныхъ въ западномъ краѣ. Лучше было-бы, говорилось наконецъ въ этомъ ходатайствѣ, совсѣмъ отмѣнить подобное распоряженіе, по крайней мѣрѣ до другаго, болѣе благопріятнаго времени. Нечего и говорить, что, несмотря на это ходатайство, прежнее распоряженіе было подтверждено во всей силѣ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ.

Но и при послѣдовавшей затѣмъ перемѣнѣ въ личномъ составѣ высшей администраціи сѣверо-западнаго края, вопросъ о русскихъ чиновникахъ не много подвинулся впередъ; занятые внутренними дѣлами, возбужденными по окончаніи Крымской компаніи, мы совсѣмъ почти забыли объ этомъ важномъ дѣлѣ, пока 1861, а затѣмъ 1863 годъ не заставили насъ дорого поплатиться за прошлые грѣхи. Оказалось, что то самое благонамѣренное польское чиновничество, которое такъ отстаивала наша администрація, принялось за агитацію противъ русской власти. Западный край представилъ въ то время свѣту зрѣлище невиданное: противъ русскаго правительства, за одно съ дворянствомъ и ксендзами, возстали русскіе правительственные органы. Не находя болѣе выгоднымъ смиренно заявлять о своей благонамѣренности, эти представители правительства, въ форменныхъ вицъ-мундирахъ, иногда съ орденомъ Св. Станислава на шеѣ или въ петлицѣ, открыто пѣли въ костелахъ ре-

волюціонные гимны, руководили революціонными процессіями, участвовали въ уличныхъ скандалахъ противъ русскихъ полицейскихъ властей, срывали съ присутственныхъ мѣстъ русскіе орлы и замѣняли ихъ польскими, и наконецъ, почти всѣ вліятельные чиновники оказались членами революціонныхъ организацій. Гнетъ, которому они подвергались со стороны революціонеровъ, былъ невѣроятный; революціонеры направили всѣ усилія на то чтобы волей-неволей привести ихъ къ присягѣ подпольному жонду. Въ самомъ дѣлѣ кто лучше могъ доставлять свѣдѣнія о намѣреніяхъ правительства какъ не полицейскій чиновникъ, или пересылать официальную корреспонденцію жонда какъ не почтмейстеръ? Гдѣ было печатать революціонныя воззванія какъ не въ казенной типографіи, подвѣдомственной польскому чиновнику? Кому удобнѣе было распорядиться въ Ковнѣ о наведеніи 31-го іюля 1861 года моста черезъ Нѣманъ, для переправы процессіи на берегъ Царства Польскаго, какъ не путейскому офицеру, считавшему нужнымъ даже лично участвовать въ ней? Кто могъ вѣрнѣе увѣдомить начальника шайки о секретномъ движеніи противъ него русскаго отряда какъ не довѣренное лицо того начальника который командовалъ отрядомъ? Кому было настоять предъ властями объ отправкѣ отряда для усмиренія крестьянъ бунтовавшихъ противъ собиравшихся въ шайки помѣщиковъ, какъ не мировому посреднику?

Могли ли русскіе чиновники, положимъ, самые ненадежные, поставить законную власть, а съ нею и все русское населеніе края, въ такое отчаянное положеніе? Надо сознаться вообще о нашей административной средѣ, что она еще не отличается удачнымъ подборомъ лицъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и въ западномъ краѣ тоже бывали случаи, повтореніе которыхъ отнюдь не желательно. Но вообще говоря, въ западномъ краѣ относительный составъ служащихъ, не ниже, а скорѣе выше нежели въ остальной Россіи. Положеніе русскаго чиновника, въ западномъ краѣ, выставленнаго тамъ мишенью для клеветы со стороны враждебныхъ Россіи партій, крайне тяжело. За каждымъ шагомъ его зорко слѣдитъ цѣлая масса враждебныхъ ему пановъ и ксендзовъ, старающихся воспользоваться малѣйшими его промахами, чтобы выжить его изъ края. Онъ опасенъ этой массѣ, потому что стѣсняетъ ея шляхетскій разгулъ, мѣшаетъ ей дѣйствовать въ пользу великаго будованія, не даетъ ей въ обиду русскаго мужика, ограждаетъ православнаго священника. Было бы странно, еслибы шляхта не вопила противъ русскаго чиновничества, не прибѣгала ко всѣмъ средствамъ, чтобы замарать его въ общемъ мнѣніи Россіи и всей Европы. Но еще страннѣе было бы, еслибы мы давали вѣру всѣмъ этимъ клеветамъ. *Вотъ* напримѣръ хватается за малѣйшій случай съ цѣлью обобщить его и тѣмъ накинуть тѣнь на все русское чиновничество западныхъ губерній, но почти всѣ эти случаи оказываются невѣрными.

№ 173.

Москва, 9-го августа.

Печатая статью г. Герстфельда, одного изъ лицъ служащихъ въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, о ссудахъ для пріобрѣтенія Русскими имѣній въ западномъ краѣ, мы должны оговориться. Мы не можемъ признать правильнымъ обсужденіе этого важнаго государственнаго вопроса на той почвѣ, которую избралъ г. Герстфельдъ. Превратить этотъ вопросъ въ тяжбу между Товариществомъ Пріобрѣтателей Имѣній и Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита значитъ сузить его до такой степени, что ему было бы даже не во что разрѣшиться. Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній, какъ извѣстно, закрыто, а Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, хотя и не совсѣмъ благополучно, но все-таки существуетъ, и какъ оно ни слабосильно, ему не трудно побѣдить мертвеца. Вопросъ о ссудахъ русскимъ пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ долженъ обсуждаться на болѣе широкой почвѣ. Это вопросъ внутренней политики, гдѣ правительство можетъ дѣйствовать имѣя въ виду лишь государственную пользу. Оно тутъ ничѣмъ не связано въ своей свободѣ поступить какъ лучше. Лишь при этомъ предположеніи полной самостоятельности правительства имѣетъ смыслъ обсужденіе этого вопроса въ печати. Содѣйствовать отысканію лучшаго пути къ достиженію важной государственной цѣли, вотъ та задача, которая имѣлась въ виду и нами, когда мы раз-

суждали объ упомянутыхъ двухъ учрежденіяхъ. Совсѣмъ иное было бы дѣло, еслибы какая-нибудь внѣшняя, для правительства обязательная сила предписывала ему избрать для этой цѣли именно Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита: тогда этотъ вопросъ въ самомъ дѣлѣ принялъ бы тотъ видъ, который данъ ему въ статьѣ г. Герстфельда, и рѣчь шла бы только о томъ, какое слѣдуетъ избрать приспособленіе пятимилліоннаго фонда, оставшагося послѣ Товарищества, къ данному положенію дѣлъ въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Пока намъ кто-нибудь не доказалъ присутствія въ этомъ дѣлѣ силы непреодолимаго рока или международныхъ трактатовъ, ограничивающихъ свободу рѣшеній правительства, мы не можемъ принять преній на такой тѣсной почвѣ.

Г. Герстфельдъ не совсѣмъ правильно понялъ наши статьи по этому вопросу, полагая, что мы сперва доказывали необходимость сохранить Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній и возражали противъ передачи его фонда Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, а потомъ будто бы стали разсматривать вопросъ нѣсколько иначе, признавая фактъ закрытія Товарищества необходимымъ послѣдствіемъ его несостоятельности, и отыскивая наилучшій способъ достиженія цѣли, для которой Товарищество оказалось недостаточнымъ. Никакого измѣненія въ нашей точкѣ зрѣнія не было, но измѣнился самый фактъ, подлежавшій разсмотрѣнію. Пока рѣшеніе правительства о закрытіи Товарищества не было объявлено и только шли толки объ этой мѣрѣ, мы доказывали необходимость не сохранить Товарищество какъ оно было, а дать ему возможность дѣйствовать, предоставивъ правительственную гарантію его закладнымъ листамъ. При тогдашнемъ положеніи дѣла, это было всего нужнѣе. Рѣчь о другихъ подробностяхъ устава Товарищества была умѣстна прежде нежели онъ былъ утвержденъ, и мы вели эту рѣчь усердно, указывая заранѣе на тѣ неудобства, которыя въ послѣдствіи оказались на практикѣ; но послѣ того какъ Товарищество было устроено и приступило къ дѣйствіямъ, надобно было брать фактъ, какъ онъ былъ, и разсуждать не о Товариществѣ въ воображеніи возможномъ, а о Товариществѣ дѣйствительномъ и его главной жизненной потребности, правительственной гарантіи. Мы доказывали, что это условіе осуществимо, и наши доводы не были да и не могутъ быть опровергнуты. Мы не считали серіозными разказы, будто министръ финансовъ никакъ не соглашается на правительственную гарантію закладныхъ листовъ этого правительственнаго учрежденія, ссылаясь на то, что гарантированныя бумаги стѣсняютъ рынокъ для дальнѣйшихъ выпусковъ гарантированныхъ бумагъ Это объясненіе совершенно опровергалось тѣмъ фактомъ, что тотъ же министръ финансовъ въ то же самое время находилъ возможность разрѣшать выпуски гарантированныхъ бумагъ не только для покрытія дефицита, но и для постройки желѣзныхъ дорогъ и притомъ такихъ гарантированныхъ бумагъ, по которымъ гарантія дается въ предвѣдѣніи неизбѣжныхъ приплатъ изъ средствъ государственнаго казначейства, между тѣмъ какъ по гарантированнымъ закладнымъ листамъ казна не приплатила бы ни одной копѣйки, пока не оказались бы несостоятельными всѣ до одного заемщики. Если гарантированныя облигаціи желѣзныхъ дорогъ разрѣшались къ выпуску, то отказъ въ гарантіи закладныхъ листовъ Товарищества могъ основываться не на опасности сопряженной съ выпускомъ гарантированныхъ бумагъ вообще, а на томъ соображеніи, что проведеніе напримѣръ елецко-грязской или шуйско-ивановской дороги несравненно важнѣе для государства нежели водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Но этотъ вопросъ о сравнительной важности того или другаго государственнаго интереса уже не входитъ въ спеціальный кругъ вѣдѣнія министра финансовъ, а потому имъ однимъ, конечно, и не рѣшался. Какъ ни важно для Россіи проведеніе желѣзныхъ дорогъ, но даже самыя главныя линіи не могутъ быть признаны болѣе настоятельною потребностью государства чѣмъ разрѣшеніе польскаго вопроса и устраненіе колебаній его, столь изнурительно дѣйствующихъ на государственный организмъ. Между тѣмъ упорно распускались слухи, что правительство отказываетъ Товариществу въ гарантіи закладныхъ листовъ и что вслѣдствіе того Товарищество должно рушиться, и въ объясненіе не приводилось ничего болѣе кромѣ невозможности для правительства гарантировать закладные листы. Нечего говорить, какъ эти слухи были

благопріятны агитаторамъ противъ указа 10-го декабря, и какъ невыгодно для дѣла отзывались они въ средѣ людей, собиравшихся покупать имѣнія въ западномъ краѣ. Многими овладѣло совершенное отчаяніе, и мы сочли долгомъ разъяснить имъ, что правительственная гарантія закладныхъ листовъ Товарищества есть дѣло вовсе не такое трудное, какимъ изображали его слухи, столь упорно распускавшіеся. Таково было положеніе дѣла, пока не было обнародовано Высочайшее повелѣніе о закрытіи Товарищества. Послѣ того, само собою разумѣется, уже не могло быть повода разсуждать о необходимости и возможности даровать гарантію закладнымъ листамъ учрежденія переставшаго существовать. Но изъ Высочайшаго повелѣнія было видно, что эта мѣра была принята вслѣдствіе жалобъ на Товарищество, а эти жалобы — въ томъ не было тайны — шли отъ лицъ, изъ коихъ многія находятся въ связяхъ съ Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Въ то же время другія лица еще болѣе находящіяся въ связяхъ съ этимъ Обществомъ и имѣющія *Вѣсть* своимъ органомъ громогласно заявляли о своемъ желаніи послужить дѣлу водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ прошли слухи, въ послѣдствіи оправдавшіеся, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, или лица стоящія во главѣ его, хлопотали о передачѣ Обществу пятимилліоннаго фонда и объ отвлеченіи этого фонда отъ того спеціальнаго назначенія, которое ему было усвоено правительствомъ. Г. Герстфельдъ изображаетъ это дѣло такъ, что не Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита ходатайствовало о передачѣ ему пятимилліоннаго фонда, а само правительство *предложило* Обществу взять на себя выдачу ссудъ пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ и представить свои соображенія на счетъ дальнѣйшаго употребленія пятимилліоннаго фонда. Мы не сомнѣвается въ правдивости этого показанія, но не можемъ не замѣтить съ своей стороны, что г. Герстфельду, вѣроятно, извѣстна только наружная сторона дѣла, а всякое подобное дѣло имѣетъ еще и закулисную сторону, гораздо болѣе важную для вѣрной его оцѣнки. Мы напримѣръ весьма опасаемся, что патріотическій пылъ, съ которымъ иныя вліятельныя въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита лица собирались содѣйствовать водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, очень скоро остынетъ, и что они поведутъ теперь рѣчь о встрѣченныхъ ими препятствіяхъ, дѣлающихъ безполезными всѣ ихъ усилія. Этого ожидаемъ не мы одни; въ этомъ совершенно увѣрены люди польскаго лагеря, уже торжествующіе побѣду. Если бы не было увѣренности въ томъ, что все дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ рухнуло, развѣ издатель *Биржевыхъ Вѣдомостей* осмѣлился бы заговорить уже и объ указѣ 10-го декабря, упрекая его въ коммунистическихъ началахъ и требуя его отмѣны для славы нынѣшняго царствованія? Такая неслыханная дерзость въ газетѣ, существующей казенными подпищиками и вполнѣ зависимой, есть краснорѣчивый признакъ положенія дѣлъ весьма печальнаго. Откуда же могла взяться такая рѣзкая перемѣна во взглядахъ на будущій ходъ польскаго вопроса, какъ не отъ предположенія, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита вступитъ въ наслѣдство закрытаго Товарищества и погубитъ дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ? Во всемъ остальномъ по внутренней политикѣ нѣтъ ни малѣйшей перемѣны, а *Виленскій Вѣстникъ* наполненъ самыми положительными и самыми офиціальными подтвержденіями того, что указъ 10-го декабря будетъ въ точности исполненъ. Но на это не обращается вниманія, а всѣ разчеты на будущее примыкаютъ къ одному факту, къ предстоящей замѣнѣ Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Есть же стало-быть что-нибудь особенное въ этомъ фактѣ, и мы стало-быть не ошиблись, когда съ самаго начала старались разсѣять дымъ фальшивыхъ надеждъ, среди котораго Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита протягивало руку за пятимилліоннымъ фондомъ русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Мы доказывали двѣ вещи:

1. Что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, по своему характеру и своей обстановкѣ, не можетъ исполнить то дѣло, которое было возложено на упраздненное Товарищество.

2. Что пятимилліонный фондъ Товарищества можетъ и по его закрытіи быть съ полнымъ успѣхомъ употребленъ для той цѣли, которая была первоначально дана ему правительствомъ.

Мы равно настаивали на томъ и на другомъ изъ этихъ положеній. Кто хочетъ подвергнуть наши мнѣнія основательной критикѣ, тотъ долженъ разобрать оба ряда нашихъ доводовъ. Г. Герстфельдъ, къ сожалѣнію, этого не дѣлаетъ. Онъ не опровергаетъ сказаннаго нами о коренныхъ условіяхъ неуспѣшности операцій Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Онъ ни слова не говоритъ о томъ упущеніи въ уставѣ этого Общества, что закладные листы предположено выпускать не серіями чрезъ значительные промежутки лѣтъ, а непрерывно, и даже утверждаетъ будто бы „постоянно повторяющіеся выпуски суть отличительное свойство закладныхъ листовъ подъ недвижимую собственность," — утвержденіе удивляющее насъ тѣмъ болѣе что мы ссылались на примѣръ Польскаго Поземельнаго Кредита, который, какъ извѣстно, выпустилъ вторую серію закладныхъ, или, какъ по-польски называютъ, *заставныхъ* листовъ чрезъ пятнадцать лѣтъ послѣ первой, и только этимъ упрочилъ курсъ ихъ. Г. Герстфельдъ ни слова также не говоритъ на наше указаніе, что банкъ, выдающій, подобно Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, ссуды на долгіе сроки и имѣющій своимъ райономъ цѣлое государство, не можетъ сколько-нибудь успѣшно развивать свои операціи въ странѣ гдѣ курсъ денежной единицы колеблется.

Вотъ главныя, хотя и не единственныя, условія, дѣлающія вообще успѣхъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита невозможнымъ. Еслибы г. Герстфельдъ обратилъ вниманіе на эти указанныя нами причины внутренней несостоятельности Общества, которому онъ посвящаетъ свою дѣятельность, то и не раздѣляя нашихъ опасеній насчетъ политическаго характера этого Общества, онъ естественно пришелъ бы къ вопросу: слѣдуетъ ли ввѣрять важное государственное дѣло учрежденію внутренно-несостоятельному? Тогда онъ усомнился бы и въ вѣрности своего предположенія, будто бы, по нашему мнѣнію, *все равно какое кредитное учрежденіе будетъ избрано правительствомъ для выдачи ссудъ подъ имѣнія, пріобрѣтаемыя въ западномъ краѣ, хотя всею выгоднѣе и проще передать это дѣло выкупному учрежденію.* Мы этого не говорили въ томъ смыслѣ, въ какомъ понялъ наши слова г. Герстфельдъ. Они сказаны при разсмотрѣніи вопроса объ употребленіи пятимилліоннаго фонда. Мы старались показать, что этотъ фондъ можетъ быть съ пользой всецѣло употребленъ на содѣйствіе пріобрѣтенію имѣній въ западномъ краѣ, все равно какое бы кредитное учрежденіе ни было избрано правительствомъ для выдачи ссудъ. Для примѣра мы взяли самую невыгодную комбинацію: выдачу ссудъ изъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, и на этомъ примѣрѣ старались разъяснить, что даже и въ этомъ случаѣ весьма возможно не отклонять пятимилліоннаго фонда отъ его первоначальнаго назначенія. Это разъясненіе ни въ чемъ не опровергнуто со стороны г. Герстфельда. Та *коренная неправильность*, которая, по его мнѣнію, дѣлаетъ нашъ проектъ неисполнимымъ, заключается не въ немъ, а единственно въ точкѣ зрѣнія г. Герстфельда, весьма естественной впрочемъ въ лицѣ посвящающемъ свои труды Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Г. Герстфельдъ вѣрно понимаетъ положеніе своего Общества и предусматриваетъ неудобства сопряженныя съ развитіемъ его операцій. Съ одной стороны уставъ Общества, предписывающій непрерывные выпуски закладныхъ листовъ, а съ другой стороны положеніе нашего денежнаго рынка дѣлаютъ то, что усиленный выпускъ закладныхъ листовъ неминуемо долженъ понизить ихъ цѣну. Это совершенно вѣрно, но что же изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, при данныхъ условіяхъ, оказывается неспособнымъ къ развитію своихъ операцій? Но это самое говорили и мы: хорошъ банкъ, который поставленъ такъ, что желательно не развитіе, а сокращеніе его операцій!

Когда Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита учреждалось для поддержки землевладѣнія во всей Имперіи, тогда не говорили, что оно не будетъ въ состояніи выдавать ссуды, то-есть исполнять свое единственное назначеніе: тогда, напротивъ, обѣщали, что оно быстро разовьетъ свои операціи. Но развивать операціи ему все равно что въ губерніяхъ внутреннихъ, что въ западномъ краѣ. Съ этимъ оно тоже было само согласно, когда, ходатайствуя о разныхъ льготахъ, указывало на свои будущія заслуги предъ отечествомъ по обрусенію западнаго края. Да и въ самомъ дѣлѣ, если при правильныхъ оцѣнкахъ Общество не подвергается риску во внутреннихъ

губерніяхъ, то при равно правильныхъ, что̀ совершенно зависитъ отъ него, оцѣнкахъ въ западномъ краѣ оно не можетъ подвергаться риску: тамъ, напротивъ, интересы его еще болѣе обезпечены, потому что вѣрнѣе сбытъ продуктовъ и доходы съ имѣній менѣе измѣнчивы. Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, стало-быть, не имѣетъ причины пугаться операцій въ западномъ краѣ и требовать отъ правительства вознагражденія за свое согласіе производить тамъ операціи. Само по себѣ, оно заинтересовано распространеніемъ операцій: вѣдь онѣ доставляютъ ему средства содержать свое управленіе. Было бы несправедливо, еслибы кто сталъ увѣрять, что оно намѣренно сокращаетъ свои операціи. Дѣйствуя такимъ образомъ, оно поступало бы въ интересѣ заемщиковъ будущихъ, еще не состоящихъ его членами, и противъ интереса своихъ членовъ, уже получившихъ отъ него ссуду и слѣдовательно нисколько не заинтересованныхъ дальнѣйшею цѣной закладныхъ листовъ. На дѣлѣ оно такъ и не поступаетъ, и если операціи его не развиваются, то причиной тому вовсе не его воздержность, а нежеланіе публики занимать деньги на слишкомъ тяжкихъ условіяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что казенная субсидія могла бы до нѣкоторой степени поправить это положеніе петербургскаго поземельнаго банка. Съ перваго взгляда можетъ поэтому казаться, что такая субсидія была бы желательна. Но кто такъ думаетъ, тотъ сильно ошибается. Субсидія есть привилегія, и какъ всякая привилегія, убиваетъ конкурренцію. А русское землевладѣніе сильно заинтересовано тѣмъ, чтобы въ дѣлѣ поземельнаго кредита была допущена полная свобода конкурренціи: чѣмъ больше банковъ, тѣмъ болѣе обезпечены заемщики, что имъ будутъ предлагаться ссуды на выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Но на ряду съ банкомъ получающимъ субсидію отъ казны, другому банку основаться не возможно, какъ бы дурно ни велъ свои дѣла банкъ привилегированный, и слѣдовательно нельзя ожидать, чтобъ услуги поземельнаго кредита мало-по-малу удешевлялись. Мы говорили о коренныхъ недостаткахъ устава Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Безъ предоставленія ему субсидіи, рядомъ съ нимъ могло бы дѣйствовать нѣсколько другихъ банковъ съ уставами болѣе совершенными Субсидія пресѣкла бы эти улучшенія. Наконецъ, надобно вспомнить, что у насъ уже есть одинъ мѣстный поземельный банкъ, Херсонскій. Дать субсидію Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита не значитъ ли оказать несправедливость банку Херсонскому?

Итакъ, назначеніе субсидіи Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита есть вообще дѣло вредное для правильнаго развитія поземельнаго кредита въ Россіи. Но что̀ сказать о субсидіи, которая была бы дана не просто изъ государственнаго казначейства, а отнята отъ дѣла первостепенной государственной важности, каково водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ?

№ 176.

Москва, 10-го августа.

Нѣсколько дней назадъ, ставя на видъ тревожные признаки, которыми знаменуется въ сію минуту общее положеніе Европы, мы лишь слегка коснулись затрудненій предстоящихъ Пруссіи при довершеніи дѣла, столь отважно предпринятаго г-мъ фонъ-Бисмаркомъ. Теперь, когда приближается время перваго съѣзда новаго союзнаго парламента, будетъ, думаемъ, не безполезно и неумѣстно принять въ соображеніе вопросы, интересы и страсти, возбужденные въ центральной Европѣ. Устрашенная, ошеломленная, опрокинутая тяжкими ударами при Кениггрецѣ, Лангензальцѣ и Вирцбургѣ, Германія, которая тогда, смирясь предъ судьбой, повидимому рѣшилась навсегда покориться Пруссіи, теперь пробуждается, волнуется и съ каждымъ днемъ становится смѣлѣе: вотъ фактъ, который господствуетъ и даетъ характеръ всему положенію дѣлъ въ центральной Европѣ.

Какъ въ присоединенныхъ къ Пруссіи государствахъ, такъ и въ тѣхъ, которыя г. фонъ-Бисмаркъ оставилъ по ту сторону Майна въ запасѣ для скораго поглощенія, неудовольствіе и озлобленіе обнаруживаются со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ классахъ общества. Какую бы прусское правительство не принимало вѣру для ускоренія сліянія, всякую встрѣчаютъ возраженія и ропотъ.

Правда, мѣры эти принимаются не съ цѣлью доставить удовольствіе населеніямъ, которыхъ онѣ касаются. Чтобы содержать армію въ милліонъ людей, прусское пра-

вительство было вынуждено наложить на присоединенныя населенія военную повинность, до крайности обременительную, удвоить налоги и прибѣгнуть ко всякаго рода фискальнымъ мѣрамъ, которыми стѣсняется множество интересовъ. Эти мѣры нельзя ему ставить въ вину; онѣ являются неизбѣжнымъ послѣдствіемъ совершившихся фактовъ. Ступивъ на избранный путь, прусское правительство не можетъ остановиться и во что бы ни стало принуждено идти впередъ. Съ другой стороны весьма естественно также, что населенія, на которыя падаетъ тяжесть совершившихся фактовъ, не остаются безмолвны. Несмотря на свою умственную неповоротливость, несмотря на мечты о соединенной Германіи и на плохое сочувствіе къ своимъ прежнимъ правительствамъ, жители бывшаго Ганноверскаго королевства, Кассельскаго курфиршества и герцогства Нассаускаго, какъ только очнулись и пришли въ себя, должны были почувствовать, что имъ не слишкомъ выгодно платить по 20 талеровъ вмѣсто 10, вступать всѣмъ безъ изъятія, доживъ до 21 года отъ роду, въ прусскую армію и находиться до 24-хъ лѣтъ въ постоянной тревогѣ, что можетъ-быть его величеству ихъ новому королю вздумается поднять *ландштурмомъ* все мужское населеніе. Вотъ что приходитъ теперь на умъ всѣмъ сельчанамъ присоединенныхъ къ Пруссіи областей. Что же касается до классовъ среднихъ и высшихъ, которые еще болѣе разсуждаютъ, то къ этимъ жалобамъ, вызваннымъ поводами матеріальными, они присоединяютъ еще много другихъ соціальнаго и политическаго свойства. Всѣ понимаютъ, что столь быстрое и чрезмѣрное увеличеніе Пруссіи вызываетъ противъ нея сильную непріязнь, что Австрія и Франція помышляютъ о мести и готовятся къ ней, и что этотъ близкій и неизбѣжный разчетъ потрясетъ Европу въ самомъ основаніи. Они страшатся будущности и ненавидятъ настоящее, не представляющее имъ ничего кромѣ избытка обременительныхъ повинностей, кромѣ униженія и всякаго рода испытаній. О такомъ настроеніи единогласно свидѣтельствуютъ журналы и частныя письма изъ разныхъ странъ присоединенной и полуприсоединенной Германіи. Это же подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что само прусское правительство, повидимому, понимаетъ опасность ему угрожающую; оно колеблется, и уже отмѣнило нѣкоторыя мѣры, принятыя имъ въ послѣднее время съ цѣлью ускорить сліяніе, которое становится тѣмъ труднѣе, чѣмъ настоятельнѣе и неотложнѣе требуется.

Правда, въ южной Германіи еще есть „приверженцы объединенія,“ готовые, можетъ-быть, подчиниться прусскому владычеству, столь нужному для устройства великой, единодержавной Германіи, о которой они мечтаютъ; но ихъ число съ каждымъ днемъ уменьшается, и участь, постигшая населенія уже присоединенныя къ Пруссіи, не такова, чтобы доставить прусскому правительству новыхъ приверженцевъ. Притомъ, это тающее меньшинство сдерживается въ бездѣйствіи мѣстными интересами, особенно же весьма естественнымъ желаніемъ династій, царствующихъ въ Баваріи, Виртембергѣ и Баденѣ, сохранить свое бытіе и независимость. Участи постигшей короля Ганноверскаго и курфирста Гессенъ-Кассельскаго никто завидовать не можетъ, и чтобъ избѣжать ея, правительства трехъ второстепенныхъ южныхъ государствъ принимаютъ всѣ возможныя внутреннія и внѣшнія мѣры. Въ газетахъ извѣщали, что короли Виртембергскій и Баварскій сбирались въ Зальцбургъ, чтобы присутствовать при свиданіи Наполеона III съ Францемъ-Іосифомъ. Предположенія эти не состоялись: телеграммы изъ Зальцбурга ничего не говорятъ о прибытіи туда кого-либо изъ владѣтельныхъ особъ Германіи, уцѣлѣвшихъ или низложенныхъ. Но если политическая осторожность посовѣтывала не придавать слишкомъ вызывающаго характера Зальцбургскому свиданію, то значеніе его не становится отъ того менѣе тревожнымъ для Пруссіи. Если германскіе государи не принимаютъ самолично участія въ Зальцбургскихъ конференціяхъ, то они, никакого нѣтъ сомнѣнія, тамъ не позабыты. Ихъ раздраженныя тѣни носятся тамъ. Всѣ августѣйшія жертвы г. фонъ-Бисмарка, всѣ жаждующія мести, всѣ устраненные и оскорбленные присутствуютъ тамъ въ лицѣ г. фонъ-Бейста. Впрочемъ ни Тюльерійскій, ни Вѣнскій кабинеты и не считаютъ нужнымъ скрывать значеніе Зальцбургскаго свиданія. Телеграммы, отправляемыя по всему свѣту изъ Зальцбурга, довольно прозрачны, особенно полученная нами сегодня, которыя совершенно совпадаютъ съ помѣщенными ниже показаніями парижскаго корреспонден-

та нашей газеты. Пруссія уже начинаетъ заискивать у Австріи и органъ г. фонъ-Бисмарка, *Всеобщая Сѣверо-Германская Газета*, основанная имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ предвидѣніи Сѣверо-Германскаго Союза, уже заявляетъ готовность пожертвовать Австріи христіанскими насеніями Востока, лишь бы купить ея дружбу, о чемъ тоже сообщаетъ телеграфъ. Зальцбургское свиданіе, котораго наконецъ добился гордый Габсбургскій домъ, получаетъ характеръ важнаго политическаго событія. Въ офиціозныхъ статьяхъ, которыя одна за другою появляются въ *Journal des Débats* за подписью секретаря редакціи и которыя по всему вѣроятію сообщены ей изъ канцеляріи князя Меттерниха, совсѣмъ не двусмысленно излагается программа совѣщаній между императорами Наполеономъ Ш и Францемъ-Іосифомъ. Въ предпослѣднемъ нумерѣ нашей газеты сообщена существенная часть первой статьи, которая касается восточнаго вопроса; сегодня, какъ значится ниже въ *Послѣдней Почтѣ*, пришла вторая статья, гдѣ рѣчь идетъ о дѣлахъ германскихъ.

Но какъ бы ни были велики затрудненія, возникающія для Пруссіи вслѣдствіе Зальцбургскаго свиданія, не съ ними только приходится ея правительству бороться.

Либеральная прусская партія, которая послѣ побѣды при Кениггрецѣ, повидимому, отказалась отъ своей систематической вражды противъ политики г. фонъ-Бисмарка, теперь снова подняла голову, ободрилась и опять принялась за непріязненныя манифестаціи. Письмо депутата Якоби, которымъ такъ усердно занимались недѣли три назадъ газеты какъ французскія, такъ и австрійскія, было довольно знаменательно и уже свидѣтельствовало о готовившемся возобновленіи парламентской борьбы. Между тѣмъ на выборахъ въ Кельнѣ, весьма вліятельный политическій дѣятель, г. Классенъ-Каппельманнъ, сказавъ рѣчь гораздо болѣе тревожнаго свойства, обнаружилъ реакцію, которая совершилась въ нѣдрахъ прусскаго *бюргерства*. Были приняты строжайшія мѣры, чтобы въ прусскихъ газетахъ рѣчь эта не могла появиться, но ее тотчасъ же подхватила печать южной Германіи. Сообщаемъ самыя замѣчательныя мѣста этой рѣчи, такъ какъ ими дополняется сказанное выше, и они могутъ дать читателямъ точное понятіе о затрудненіяхъ, ожидающихъ прусское правительство въ сѣверо-германскомъ парламентѣ, котораго засѣданія имѣютъ вскорѣ открыться.

„Вооруженная нація, говоритъ г. Классенъ-Каппельманнъ, одержала великую побѣду; по призыву короля она проливала свою кровь, не щадила своего золота. За это она была награждена уменьшеніемъ своихъ правъ и вольностей и увеличеніемъ своихъ повинностей. Прежде утверждали, что Пруссія, имѣя только 20 милліоновъ жителей, должна была нести, сравнительно, гораздо болѣе тяжелое бремя чѣмъ другія германскія государства, потому что на ней одной лежала обязанность оборонять общее дѣло Германіи, но что какъ скоро Пруссія увеличится, то облегчится и бремя на ней тяготѣющее. Теперь число жителей Пруссіи, съ присоединенными къ ней областями, возросло до 25 милліоновъ, а съ жителями Сѣверо-Германскаго Союза оно простирается до 30 милліоновъ; однако обременяющія насъ повинности не только не уменьшились, но увеличились. Къ Пруссіи присоединены Ганноверъ, курфиршество Гессенъ-Кассельское, герцогство Нассауское и Шлезвигъ-Гольштейнъ. Жители этихъ провинцій были въ правѣ полагать, что такъ какъ имъ нѣтъ уже надобности содержать свои прежніе дворы, то подати, съ нихъ взимаемыя, будутъ сокращены. Вышло не то: напротивъ, они должны теперь платить болѣе прежняго.... Имъ навязываютъ новые налоги, ихъ угощаютъ новыми полицейскими, журнальными и учебными уставами и даже журнальнымъ штемпелемъ. Вотъ внутренніе результаты нашего великаго военнаго торжества! Что касается внѣшнихъ результатовъ, то мы видимъ, что мы должны были утратить Лимбургъ и Люксембургъ, за которыми въ свою очередь послѣдуетъ сѣверный Шлезвигъ. Южная Германія не имѣетъ уже никакого сочувствія къ нашему великому военному государству, гдѣ повинности и налоги возрастаютъ, а муниципальная свобода остается дѣломъ лишнимъ.... Военщина восторжествовала при Кениггрецѣ не въ одной только Германіи, но и во всей Европѣ. Теперь кабинеты не занимаются болѣе правами и свободой народовъ и думаютъ только объ увеличеніи своихъ военныхъ силъ, о преобразованіи своихъ армій, о снабженіи ихъ нарѣзными пушками да игольчатыми ружьями. Сотни милліоновъ, выработанныхъ народами

въ потѣ лица и съ величайшими лишеніями, употребляются не на благо народовъ, но во вредъ имъ, такъ какъ война.... есть истинное посягательство на жизнь, на собственность, на благосостояніе людей, на трудъ и образованіе."

Вотъ въ какомъ положеніи находятся дѣла. Пруссія, тѣснимая извнѣ, волнуемая внутри, должна будетъ уступить и войдти въ комбинацію, которая дастъ иной видъ Европѣ... Можетъ ли Россія оставаться равнодушна въ виду возможной, готовящейся въ Европѣ комбинаціи? Россія предотвратила столкновеніе между Франціей и Пруссіей, казавшееся неизбѣжнымъ, и вынудила такимъ образомъ противниковъ искать почвы для соглашенія. Вопросъ теперь въ томъ, какъ воспользуется теперешними обстоятельствами Россія для того, чтобы при новыхъ возможныхъ комбинаціяхъ не потерпѣть ущерба и не навлечь на себя опасности. Безопасный и вѣрный путь для нея одинъ,— путь національной политики, которая должна быть въ полной мѣрѣ правдой для того, чтобы быть успѣшной....

№ 177.

Москва, 11-го августа.

Возвращаемся къ статьѣ г. Герстфельда, напечатанной нами третьяго дня, и разсмотримъ отдѣльно одинъ пунктъ ея,—вопросъ о правахъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита на извѣстный пятимилліонный фондъ. По мнѣнію г. Герстфельда, эти права основаны на томъ, что Общество принимая на себя обязанности бывшаго Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ, имѣетъ право требовать себѣ въ вознагражденіе и тотъ фондъ, который былъ предоставленъ Товариществу. Повидимому, что можетъ быть яснѣе и убѣдительнѣе этой аргументаціи? Въ самомъ же дѣлѣ вся эта аргументація есть только игра словъ, основанная на неправильномъ употребленіи слова *обязанности*. Товарищество было учрежденіе правительственное, имѣвшее цѣлью не просто выдачу ссудъ пріобрѣтателямъ имѣній западнаго края, а выдачу ссудъ на извѣстныхъ, для нихъ особенно выгодныхъ условіяхъ. Чтобы поставить это свое учрежденіе въ возможность взимать съ заемщиковъ меньше чѣмъ сколько они должны были бы платить Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита или какому-либо другому частному кредитному обществу, которое могло основаться, правительство предоставило Товариществу ренту съ пяти милліоновъ рублей пятипроцентныхъ билетовъ. Эта рента вполнѣ покрывала всѣ издержки управленія, и потому Товарищество, взимая съ заемщиковъ $6^1/_2\%$ интересовъ и погашенія, могло выпускать не пятипроцентные, а шестипроцентные закладные листы, которые должны были вслѣдствіе того цѣниться на биржѣ дороже, то-есть ближе къ ихъ номинальной цѣнѣ. Другими словами, фондъ предоставленный Товариществу ставилъ его въ возможность взимать съ заемщиковъ только то, что оно само платило бы своимъ кредиторамъ, владѣльцамъ закладныхъ листовъ*), и не облагать заемщиковъ какимъ-либо платежомъ за оказываемыя заемщикамъ услуги,—за свое банкирское посредничество. Но рента съ предоставленнаго Товариществу фонда была такъ значительна (250 тысячъ рублей ежегодно), что за покрытіемъ издержекъ посредничества (издержекъ по управленію) оставалась бы еще нѣкоторая часть субсидіи, и эту часть предполагалось употреблять въ пособіе при реализаціи закладныхъ листовъ, дабы уменьшить потерю сопряженную для заемщиковъ съ ихъ продажей на рынкѣ. Вотъ каково было назначеніе пятимилліоннаго фонда и вотъ въ чемъ заключались по отношенію къ нему *обязанности* Товарищества. Спрашивается, эти ли обязанности возлагаетъ правительство на Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита? Нѣтъ, самъ г. Герстфельдъ говоритъ, что Общество не принимаетъ на себя обязанности предоставлять пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ какія-

*) Мы должны оговорить непріятный недосмотръ, происшедшій при печатаніи статьи г. Герстфельда. Въ примѣчаніи, гдѣ онъ, возражая противъ одной подробности въ нашихъ статьяхъ, указываетъ на то, что въ Товариществѣ заемщики должны были платить 6% роста, а въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита 5% съ номинальной цѣны, мы въ отвѣтъ на это возраженіе прибавили въ скобкахъ слова: „Товарищество ничего не брало на издержки управленія". За этими словами, внутри скобокъ, слѣдовало прибавить: *Прим. ред.*, что по недосмотру забыто. Въ той подробности, которая указана г. Герстфельдомъ, нѣтъ недоразумѣнія сравнительно 65 и 70, 82 и 87 близко подходятъ къ обѣщаннымъ 100, при бумагахъ выкупнаго учрежденія мы имѣли бы 90, что еще ближе.

либо исключительныя выгоды предъ другими заемщиками. Ни по ежегоднымъ взносамъ, ни по реализаціи закладныхъ листовъ пріобрѣтатели имѣній въ западномъ краѣ не получатъ отъ Общества особенныхъ льготъ, подобныхъ тѣмъ, какія предоставлялись имъ по уставу Товарищества А если такъ, то что же разумѣется подъ заявленіемъ, что на Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не можетъ быть возложена обязанность выдачи ссудъ пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ безъ какого-либо вознагражденія со стороны правительства? Когда говорится о возложеніи обязанности, то разумѣется какая-нибудь тягость, съ исполненіемъ этой обязанности сопряженная. Какую же тягость приметъ на себя Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, если будетъ выдавать ссуды пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ? Судя по первому заявленію *Виленскаго Вѣстника*, можно было бы думать, что эти ссуды будутъ выдаваться на условіяхъ, хотя и иныхъ, но еще болѣе льготныхъ чѣмъ прежде. Еслибъ это заявленіе оправдалось, то могла бы идти рѣчь о вознагражденіи Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита за улучшенный ходъ дѣла. Но какъ вознаграждать за содѣйствіе замѣнѣ лучшихъ условій худшими? Скажемъ болѣе: даже при такой вредной для дѣла замѣнѣ могла бы остаться на Обществѣ хоть какая-нибудь тягость; Общество могло бы нести меньше тягостей чѣмъ Товарищество, но все-таки нести хоть какія-нибудь. А мы и этого не видимъ: оно сбросило съ себя всѣ тягости; оно хочетъ быть вольнымъ барономъ самаго добраго феодальнаго времени, хочетъ вознагражденій именно за то что не хочетъ нести тяжестей. Или можетъ-быть расширеніе операцій назовутъ тягостью? Но вотъ торгашъ открылъ лавку; рядомъ съ нимъ открывается другая лавка, которая съ нимъ конкуррируетъ, и съ которою онъ конкуррировать не можетъ, потому что она имѣетъ средства продавать товаръ на болѣе выгодныхъ условіяхъ: если эта другая лавка закроется, то лучше или хуже станетъ положеніе торгаша, и можетъ ли онъ, не удовольствовавшись прекращеніемъ конкурренціи, претендовать еще на предоставленіе ему всего имущества закрывшейся лавки, и притомъ безъ обязанности продавать товаръ по такимъ же, какъ она, выгоднымъ для покупателей цѣнамъ?

А именно въ такомъ отношеніи находится Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита къ Товариществу Пріобрѣтателей Имѣній. Было два банка, имѣвшіе право дѣйствовать въ западномъ краѣ; теперь остался одинъ: это можетъ быть во всѣхъ другихъ отношеніяхъ дурно, но банку, оставшемуся въ живыхъ, отъ этого можетъ быть только лучше. Къ району его безраздѣльнаго господства присоединяется обширное пространство девяти губерній, могущихъ предъявить сильный спросъ на кредитъ. За это можно только благодарить; этому, съ точки зрѣнія банка, надобно радоваться, но находить въ этомъ основаніе для требованія какихъ-то вознагражденій значитъ смѣяться надъ человѣческою логикой, надъ тою логикой, которая въ наше время имѣетъ и въ политикѣ должную силу. Мы говоримъ это серіозно. Финансовые вопросы считаются обыкновенно мудреными, но тутъ мудренаго нѣтъ ничего. Всякій, кто захочетъ очень не много подумать, долженъ видѣть, что на Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не возлагается ни одного изъ условій, которыя было бы можно, не играя словами, называть обязанностями. На него не возлагается даже обязанности непремѣнно расширить свои операціи. Право производить операціи въ западномъ краѣ оно уже имѣло, но не имѣло возможности производить ихъ, пока существовало Товарищество, которое, несмотря на всѣ слышавшіяся противъ него жалобы, выдавало ссуды на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ чѣмъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Теперь, по упраздненіи Товарищества, Обществу открывается возможность производить эти ссуды, то-есть возможность расширить свои операціи, но этою возможностью Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита будетъ и впредь пользоваться по своему усмотрѣнію. Оно не принимаетъ на себя обязанности расширить свои операціи до извѣстныхъ размѣровъ, и если будетъ предоставленъ ему пятимилліонный фондъ, то оно будетъ нользоваться этимъ фондомъ, хотя бы не выдало даже ни одной ссуды для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Еще былъ-бы какой-нибудь смыслъ говорить объ обязанностяхъ и ихъ тяжести, еслибы фондъ передавался условно, то-есть съ обязательствомъ, чтобъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, если хочетъ пользоваться фондомъ, производило

каждый годъ непремѣнно на извѣстную сумму ссудъ, или чтобы субсидія соразмѣрялась операціямъ Общества по западному краю. Тогда было бы еще какое-нибудь обезпеченіе, что фондъ достанется Обществу не совсѣмъ даромъ. Но вѣдь и этого условія не возлагается на Общество. Какая же колоссальная несообразительность предполагается въ публикѣ при всѣхъ этихъ толкахъ о возлагаемой будто бы на Общество обязанности и о необходимости вознаградить его за сопряженное съ нею бремя? Убѣдительнѣйше просимъ читателя вникнуть въ эту аргументацію, именно потому что она такъ далеко выходитъ за предѣлы вѣроятности: въ дѣйствительности невѣроятнаго всякій естественно долженъ удостовѣриться самъ.

Эта черезчуръ рыцарская игра въ слово *обязанность* можетъ однакоже кончиться весьма плачевно. Она можетъ кончиться тѣмъ, что государственная казна потеряетъ пятимилліонный фондъ безвозвратно. По слухамъ, Общество намѣрено пользоваться этимъ фондомъ до тѣхъ поръ пока складочный капиталъ его не возрастетъ до пяти милліоновъ рублей, то-есть пока оно не выдастъ ссудъ на сто милліоновъ. Но этого не увидятъ и наши дѣти, а между тѣмъ коль скоро Общество выпуститъ хоть на одну тысячу рублей закладныхъ листовъ послѣ окончательной передачи ему пятимилліоннаго фонда, правительство уже потеряетъ право отобрать этотъ фондъ, даже еслибъ оно и убѣдилось что Общество не извлекаетъ изъ него никакой пользы для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. А такъ какъ отъ этой цѣли русскому правительству невозможно отказаться, какъ бы ни замедлялось ея осуществленіе, то пришлось бы пріискивать средства для составленія новаго фонда, что и вообще было бы для государства чувствительно, при теперешнемъ же состояніи финансовъ можетъ оказаться дѣломъ весьма нелегкимъ.

Мы разобрали вопросъ о правѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита на вознагражденіе за открывающуюся для него возможность производить операціи въ западномъ краѣ. Слѣдовало бы поговорить еще о томъ употребленіи, которое, какъ видно изъ статьи г. Герстфельда, предполагается сдѣлать изъ требуемаго пятимилліоннаго вознагражденія, но чтобы не развлекать вниманія читателей, мы отлагаемъ эту рѣчь до другаго раза.

№ 178.

Москва, 12-го августа.

Новый законъ о преобразованіи учебныхъ заведеній по части торговаго мореплаванія, Высочайше утвержденный 27-го іюня и обнародованный дней десять тому назадъ, есть весьма важный шагъ впередъ въ нашемъ національномъ и коммерческомъ развитіи. Нельзя не порадоваться этой новой реформѣ, которой давно требовали самые настоятельные интересы Россіи. Правда, изданный законъ не есть еще созданное дѣло; но законъ открываетъ почву и полагаетъ начала плодотворному развитію. Законодательство сдѣлало свое; очередь теперь за разумнымъ и усерднымъ исполненіемъ закона со стороны администраціи, и за частною иниціативой, которая по преимуществу имѣется въ виду закономъ. Будемъ ожидать отъ министерства финансовъ дальнѣйшаго содѣйствія развитію нашего коммерческаго мореходства; будемъ надѣяться, что законъ не останется только на бумагѣ, какъ иногда, къ сожалѣнію, бываетъ.

Основанныя у насъ въ 1828 г., по иниціативѣ графа Канкрина, навигаціонныя школы не принесли желаемаго плода. Виной неудачи были отчасти недостаточность самаго проекта и неправильное возврѣніе у насъ на это дѣло, — а главнымъ образомъ то обстоятельство, что сдѣланныя тогда распоряженія въ принципѣ удержались до сихъ поръ безъ всякой перемѣны, и что до нынѣ ни одинъ министръ финансовъ не имѣлъ ни досуга, ни побужденія заняться этимъ дѣломъ, исправить вкравшіяся въ него ошибки и постепенно устранить невѣрныя начала въ его устройствѣ. Въ послѣднія 30 — 40 лѣтъ, въ чужихъ краяхъ, заведенія этого рода подвергались разнообразнѣйшимъ измѣненіямъ и улучшеніямъ, неизбѣжнымъ въ дѣлѣ столь спеціальномъ и находящемся въ зависимости отъ столькихъ условій. Понятно, что для подобныхъ заведеній нельзя дать сразу удовлетворительные уставы и учебныя программы. Открываемыя въ опредѣленныхъ мѣстностяхъ и назначаемыя для потребностей мореходства, заведенія эти должны быть одарены достаточною гибкостію и

подвижностію для того чтобы приноровляться къ измѣняющимся мѣстнымъ условіямъ, приспособляться къ развивающимся непрерывно потребностямъ мореходства. Требуется пріискивать путемъ эмпирическимъ наиболѣе соотвѣтствующія дѣлу программы, а измѣнчивыя условія морской торговли, также какъ и мѣстностей, гдѣ она происходитъ или гдѣ она должна развиться, налагаютъ на посвященныя морскому дѣлу учебныя заведенія обязанность постоянно примѣняться къ обстоятельствамъ.

Мыслью, подъ вліяніемъ которой сложилось наше старое, нынѣ, къ счастію, отмѣненное устройство морскихъ школъ, было предположеніе, будто русскія населенія только какими-нибудь чрезвычайными побужденіями со стороны правительства могутъ быть привлечены къ мореходному промыслу. Такое общее предположеніе было совершенно ошибочно; но ошибка усложнялась еще тѣмъ, что наши судоходныя школы были совершенно недоступны именно для тѣхъ самыхъ населеній, изъ которыхъ по преимуществу могли выходить мореходцы. Вотъ почему эти школы, обходившіяся казнѣ довольно дорого, не могли даже послужить повѣркой тому печальному предположенію будто все громадное населеніе Россіи неспособно къ морскому промыслу. Новый законъ ставитъ главнымъ началомъ предпріимчивость самихъ населеній, предоставляя администраціи приступать немедленно къ устройству мореходныхъ классовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ общества уже заявили или впредь заявятъ желаніе учредить такіе классы и сдѣлать для устройства ихъ нѣкоторыя пожертвованія, долженствующія состоять либо въ ежегодномъ взносѣ опредѣленной суммы на содержаніе класса, либо въ отводѣ для него приличнаго, на счетъ общества, помѣщенія съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, либо въ единовременномъ пособіи на устройство класса. Нельзя не сочувствовать этимъ столь разумнымъ распоряженіямъ, передающимъ самой жизни дѣло, которое только ею можетъ быть развито и оплодотворено,—распоряженіямъ, которыя предоставляютъ самому заинтересованному дѣломъ обществу заняться организаціей преподаванія судоходныхъ свѣдѣній въ Россіи. Ежегодное пособіе отъ правительства на каждый открываемый мореходный классъ опредѣляется отъ 500 до 1.000 руб., между тѣмъ какъ по старой системѣ морская школа обходится казнѣ: одна въ Кронштадтѣ почти въ 15.000 рублей, одна въ Херсонѣ въ 7.000 рублей. Школы на Бѣломъ морѣ, въ Архангельскѣ и Кеми стоили, правда, меньше: но эти двѣ школы и не предполагаются къ закрытію. Дѣйствительно, нѣтъ причины закрывать ихъ при введеніи въ дѣйствіе новаго закона; но было бы желательно, чтобы впредь онѣ становились все доступнѣе и доступнѣе для прибрежнаго населенія.

Итакъ, министръ финансовъ, на основаніи настоящаго закона, будетъ теперь же въ состояніи, не обременяя казны новыми расходами, вмѣсто Херсонскаго и Кронштадскаго училищъ торговаго мореплаванія открыть около тридцати навигаціонныхъ училищъ по всѣмъ прибрежьямъ нашихъ морей, главныхъ озеръ и судоходныхъ рѣкъ. Не нужно быть особеннымъ знатокомъ статистики нашего отечества, для того чтобы сообразить какъ много въ немъ мѣстностей, гдѣ открытіе такихъ училищъ можетъ принести неисчислимую пользу. Помѣщаемая въ сегодняшнемъ нумерѣ воскресныхъ прибавленій къ *Московскимъ Вѣдомостямъ* статья г. Вольдемара, на которую мы обращаемъ особенное вниманіе читателей, заключаетъ въ себѣ важныя указанія по этой части, основанныя не на общихъ статистическихъ соображеніяхъ, а на спеціальныхъ данныхъ.

Правда, бо́льшая часть суммы, требующейся для предполагаемыхъ навигаціонныхъ школъ, будетъ свободна только по закрытіи Кронштадтской роты торговаго мореплаванія, а закрытіе это можетъ послѣдовать не прежде какъ по соглашеніи морскаго министерства съ министерствомъ финансовъ, но неспособность этого заведенія приноситъ ту пользу, которая отъ него ожидалась, такъ очевидна и такъ давно была доказана, что, по всему вѣроятію, закрытіе не замедлится. Къ возможно скорѣйшему упраздненію его должно также побудить и то сознаніе, что заведенія, отживающія, обреченныя къ сломкѣ, лишаются и послѣдней возможности приносить какую бы то ни было пользу. Впрочемъ, для начатія дѣла, министерство финансовъ не имѣетъ надобности въ закрытіи упомянутаго учебнаго заведенія: если не ошибаемся, въ управленіи Кронштадтской роты торговаго мореплаванія, обреченной къ упраздненію, имѣется капиталъ превышаю-

щій 20.000 рублей серебромъ Этотъ капиталъ, если онъ цѣлъ, можетъ быть немедленно обращенъ на поддержку и основаніе новыхъ навигаціонныхъ школъ на Балтійскомъ побережьи, а также по озерамъ и рѣкамъ принадлежащимъ къ его району, между тѣмъ какъ закрытіе Херсонской старой школы, вмѣстѣ съ предполагаемыми пособіями отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, на первыхъ порахъ доставитъ средства для первоначальныхъ морскихъ школъ на моряхъ Черномъ и Азовскомъ, открытіемъ которыхъ также невозможно медлить ни минуты. Надобно только наблюсти, чтобъ изъ назначенныхъ для этой цѣли денегъ не было ни копѣйки обращаемо на другіе предметы, а всѣ эти деньги сполна употреблялись на поднятіе интеллигенціи нашихъ приморскихъ, при-рѣчныхъ и при-озерныхъ населеній.

При самыхъ первыхъ малѣйшихъ успѣхахъ образованія этихъ населеній обнаружится ясно, что у насъ есть элементы вполнѣ годные къ мореходному, столь для Россіи необходимому промыслу. Нѣтъ сомнѣнія, что *морскіе извощики* должны не только умѣть читать и писать, но знать нѣсколько и географію и математику, коль скоро они должны разъѣзжать по морямъ доселѣ имъ не извѣстнымъ, посѣщать чужіе края и соперничать съ иностранными моряками, которые почти всѣ учились въ народныхъ и морскихъ школахъ. А затѣмъ, смотря по способностямъ, каждый легко уже будетъ пріобрѣтать болѣе глубокія и обширныя свѣдѣнія при занятіи своимъ промысломъ. Школы сами по себѣ недостаточны для того чтобы развить мореходство; но несомнѣнно то, что безъ нихъ развитіе мореходства обойдтись не можетъ и что въ нихъ заключается самое первое и необходимое средство для достиженія этой цѣли.

Тѣмъ желательнѣе было бы ускорить практическое примѣненіе новаго закона, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ населенія уже давно чувствуютъ потребность въ школахъ предполагаемыхъ новымъ закономъ. Такъ латышскіе крестьяне въ Лифляндіи уже много лѣтъ назадъ просили морскихъ школъ и изъявляли готовность дѣлать для устройства ихъ пожертвованія. Эти общины не получили въ ту пору ни малѣйшаго пособія, а наконецъ, когда одна изъ нихъ устроила на свой счетъ подобную школу, то школа эта не могла добиться того, чтобъ ея воспитанники были допущены къ экзамену. Почему не могла добиться? Потому что въ Ригѣ экзаменоваться можно было *только на нѣмецкомъ языкѣ*; а въ то время онѣмеченіе латышскихъ населеній не совершалось еще въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ и съ такою поразительною быстротой какъ это дѣлается теперь въ виду правительства и даже при пособіи его властей. Что же касается до Кронштадта, то тамъ не было такой экзаменаціонной коммисіи, гдѣ могли бы подвергаться испытанію ученики низшихъ судоходственныхъ школъ. Надобно ожидать, что министерство финансовъ прежде всего озаботится соотвѣтственнымъ закону и сущности дѣла учрежденіемъ экзаменаціонныхъ коммисій, при чемъ необходимо, чтобы въ первыя пять лѣтъ экзамены были сколь можно легче, да еще то, чтобы бѣднѣйшимъ изъ учениковъ давались путевыя деньги на проѣздъ въ Петербургъ для держанія экзамена. Кронштадтская рота торговаго мореплаванія, въ силу своего устава, выдаетъ каждому изъ своихъ уже экзаменованныхъ и выходящихъ воспитанниковъ значительную сумму наличными деньгами, не обязывая ихъ ни къ какой сопряженной съ расходами поѣздкѣ.

Въ новомъ законѣ есть однако два пункта, которые могутъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ, парализовать его благодѣтельную силу. Дабы эти вкравшіеся въ столь важную законодательную мѣру распорядки оставались безвредны, необходима зоркая личная бдительность министра финансовъ. Одинъ изъ этихъ двухъ сомнительныхъ пунктовъ есть предоставленіе губернской администраціи права открывать школы. Надобно взять въ соображеніе, что не всякій губернаторъ при своихъ занятіяхъ столь разнообразныхъ и не имѣющихъ ничего общаго съ предметомъ, о которомъ идетъ рѣчь, можетъ оцѣнить государственную важность мореходства, и разумѣть средства для его поднятія, какъ можетъ министръ финансовъ и избранные имъ для этого спеціальные люди. Отсюда слѣдуетъ, что вся отвѣтственность при устройствѣ морскихъ школъ, которая по закону раздѣлена между министромъ финансовъ и губернаторомъ, на практикѣ должна сосредоточиваться только на первомъ, кромѣ тѣхъ особенныхъ случаевъ, когда главный администраторъ края, зна-

комый съ дѣломъ въ его спеціальности, изъ любви къ нему обратитъ на него вниманіе, по собственному побужденію. Безъ этого послѣдняго условія не рѣдко можетъ случиться, что прошеніе поданное скромною крестьянскою общиной объ открытіи школы и не подкрѣпленное сильнымъ покровительствомъ будетъ брошено подъ столъ нерадивымъ секретаремъ или столоначальникомъ, и крестьянамъ придется прождать пожалуй лѣтъ двадцать прежде чѣмъ исполнится ихъ желаніе. Второй пунктъ касается того, впрочемъ весьма благоразумнаго со стороны закона, требованія, чтобъ община сама обязалась на нѣкоторыя пожертвованія по устройству школы, буде желаетъ имѣть таковую. До сихъ поръ правительство у насъ почти не успѣло ничего сдѣлать для умственнаго образованія крестьянскихъ населеній, и потому готовности къ пожертвованію можетъ не оказаться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ школы наиболѣе нужны,—именно между коренными русскими населеніями, которыя находились у насъ въ особенномъ пренебреженіи. Тутъ министерству надобно дѣйствовать косвенными средствами дабы вызвать въ населеніяхъ готовность къ пожертвованіямъ. Желательно также, чтобъ и всякія вліятельныя и вообще частныя лица энергически содѣйствовали побужденію крестьянскихъ и городскихъ обществъ, пользующихся выгоднымъ для сего географическимъ положеніемъ, искать средствъ къ развитію или введенію у себя морскаго промысла.

№ 179.

Москва, 14-го августа.

Печатая статью г. Герстфельда въ № 175 *Московскихъ Вѣдомостей*, мы сказали, что не можемъ принять преній на той почвѣ, которая избрана въ этой статьѣ. Вопросъ о землевладѣніи западнаго края есть важный политическій вопросъ. Онъ долженъ быть разрѣшенъ наилучшимъ способомъ, какой только отыщется. Если выдача ссудъ не можетъ быть ведена удовлетворительно Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, то нѣтъ причины возлагать надежды исключительно на это Общество и нѣтъ препятствія устроить ссуды инымъ способомъ, избравъ для ихъ выдачи иное учрежденіе. Мы указывали на выкупное учрежденіе. Г. Герстфельдъ говоритъ, что это учрежденіе правительственное, а правительственное учрежденіе уже однажды признано несостоятельнымъ. Но если *одно* изъ правительственныхъ учрежденій было признано несостоятельнымъ для извѣстной цѣли, то развѣ изъ этого слѣдуетъ, что для этой цѣли окажется несостоятельнымъ *всякое* правительственное учрежденіе? Сдѣлавъ такое предположеніе, г. Герстфельду было уже легко придти къ заключенію, что безъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита въ этомъ случаѣ нѣтъ спасенія. Онъ могъ бы и не говорить о городскихъ кредитныхъ обществахъ, Петербургскомъ и Московскомъ, потому что указывать на нихъ нельзя иначе какъ въ шутку, а шутка не подходитъ подъ серіозный тонъ его статьи. Херсонское кредитное общество есть банкъ мѣстный и потому тоже не соотвѣтствуетъ условіямъ того дѣла, о которомъ рѣчь. Нечего было ссылаться на эти учрежденія, если не имѣлось въ виду дать почувствовать публикѣ, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, освободившись отъ конкуррентовъ, можетъ теперь предписывать правительству какія угодно условія. Какъ видно, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, предписывая свои условія, не намѣрено соображаться съ интересомъ обрусенія западнаго края. Тотъ планъ, который излагается въ статьѣ г. Герстфельда, составленъ съ точки зрѣнія полнаго индифферентизма къ этому интересу, хотя, конечно, отнюдь не вызванъ какими-либо своекорыстными видами Общества: извѣстно, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не есть спекуляція. Вѣрно одно: иное, для дѣла обрусенія болѣе выгодное употребленіе пятимилліоннаго фонда было бы возможно даже при передачѣ этого фонда Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Хочетъ ли оно или нѣтъ принять это иное употребленіе, это другой вопросъ; для насъ очевидно, что не хочетъ. Но оно могло бы, еслибы хотѣло. Вотъ это именно мы и постараемся доказать сегодня.

Дабы не подать повода къ недоразумѣніямъ, мы еще разъ повторимъ, что не считаемъ выгодною для правительства передачу пяти-милліоннаго фонда Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Та почва, на которую этотъ вопросъ поставленъ въ статьѣ г. Герстфельда, не можетъ, какъ уже не разъ сказано, считаться удовле-

творительною. Но даже становясь на эту почву, еще нѣтъ необходимости рѣшать этотъ вопросъ такъ, какъ онъ рѣшенъ въ статьѣ г. Герстфельда. Еслибъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита пожелало, то оно весьма могло бы дать пяти-милліонному фонду употребленіе болѣе выгодное для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ чѣмъ то, которое предлагается въ статьѣ г. Герстфельда. Защищая свой проектъ, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита можетъ пользоваться обстоятельствами и говорить, что оно другаго проекта принять не хочетъ,—sic volo, sic jubeo,—но оно не должно ссылаться на *невозможность* дѣйствовать иначе. Оно не должно говорить: я бы радо сдѣлать что-нибудь лучшее, но это не зависитъ отъ моей воли.

Г. Герстфельдъ, очевидно излагая соображенія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, аргументируетъ такъ: Закладные листы Общества не могутъ имѣть никакого хода, если ихъ выпускать въ значительномъ количествѣ. Надобно сдѣлать ихъ болѣе привлекательными для публики, чтобы заемщики могли сбывать ихъ безъ затрудненія. Поэтому необходимо воспользоваться пяти-милліоннымъ фондомъ такъ, чтобъ отъ того выигралъ курсъ закладныхъ листовъ. Если же этого не будетъ сдѣлано, то пріобрѣтатели имѣній въ западномъ краѣ не будутъ имѣть возможности пользоваться услугами, которыя Общество желаетъ оказывать имъ. Посмотримъ въ какой степени вѣрна эта аргументація.

Прежде всего какъ-то необыкновенно слышать отъ лица, принадлежащаго къ какому-либо предпріятію, такой неблагопріятный отзывъ о бумагахъ этого предпріятія, что ихъ будто бы нельзя будетъ сбыть ни по какой цѣнѣ, если разовьются его операціи. Это былъ бы необычайный отзывъ, еслибъ онъ былъ и вѣренъ. Но въ настоящемъ случаѣ такой отзывъ даже не вѣренъ. Закладные листы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита продаются теперь по 82 кредитныхъ рубля за 100 р. металлическихъ. Переводя эту цѣну на металлъ по курсу *à vista* и принимая курсъ въ 340 сантимовъ, мы получимъ цѣну въ $69^{3}/_{8}$ рубля. Это цѣна не высокая, но она много выше той, по которой сбывались за границей пяти-процентныя гарантированныя облигаціи многихъ желѣзныхъ дорогъ. Эта цѣна приблизительно равна теперешнему курсу выкупныхъ свидѣтельствъ. Этотъ послѣдній курсъ держится, несмотря на то что выкупныя свидѣтельства постоянно выпускаются въ значительномъ количествѣ. Нѣтъ, стало-быть, причины предполагать чтобъ и курсъ закладныхъ листовъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита сильно упалъ бы, еслибъ и эти закладные листы выпускались въ гораздо большемъ чѣмъ теперь количествѣ. Предполагать это тѣмъ менѣе умѣстно, что закладные листы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита писаны на звонкую монету, а это дѣлаетъ ихъ привлекательными для всякаго, кто заботится о сохраненіи своего капитала отъ разорительнаго вліянія колебаній нашей денежной системы. Нѣтъ спора, что значительные выпуски закладныхъ листовъ могутъ оказать нѣкоторое дѣйствіе на ихъ биржевую цѣну, но это дѣйствіе размѣщается на всю массу процентныхъ бумагъ, обращающихся на нашемъ рынкѣ, а при громадности этой массы, та доля дѣйствія, которую выпускъ закладныхъ листовъ предположительно окажетъ на цѣну закладныхъ листовъ, не можетъ быть значительна. Предсказывать тутъ, конечно, было бы трудно, еслибы требовалось точное предсказаніе, но приблизительно можно утверждать, что ежегодный выпускъ закладныхъ листовъ даже на 10 милліоновъ едва ли бы понизилъ цѣну болѣе чѣмъ на 2 или 3%. Это можно утверждать на основаніи опыта, много разъ повторявшагося съ выкупными свидѣтельствами. Напротивъ позволительно даже думать, что при большемъ распространеніи закладныхъ листовъ, публика, ознакомившись съ ними, оцѣнила бы ихъ превосходство предъ выкупными свидѣтельствами, не имѣющими тиража, и брала бы ихъ охотнѣе, а въ такомъ случаѣ цѣна ихъ скоро поднялась бы до теперешняго уровня, и можетъ-быть превысила бы его. Слабость Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита вовсе не въ опасеніи что закладные листы его будутъ падать или что ихъ невозможно будетъ сбывать, а въ томъ что ихъ курсъ не можетъ значительно возвыситься противъ теперешняго уровня. Не въ покупателяхъ закладныхъ листовъ терпитъ недостатокъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, а въ заемщикахъ, которые согласились бы брать ссуды на теперешнихъ условіяхъ.

Г. Герстфельдъ изображаетъ дѣло такъ, что закладные листы Общества Взаимнаго

Поземельнаго Кредита значительно упадутъ въ цѣнѣ, если Общество будетъ развивать свои операціи. Пятимилліонный фондъ долженъ служить, по его мнѣнію, къ предотвращенію этой опасности. Мы утверждаемъ напротивъ, что *паденіе* курса закладныхъ листовъ, вслѣдствіе усиленнаго выпуска ихъ, не можетъ быть весьма чувствительно, и что пятимилліонный фондъ былъ бы лишь тогда употребленъ въ прокъ, еслибъ онъ могъ значительно содѣйствовать *возвышенію* ихъ курса. Въ какой же мѣрѣ можно ожидать возвышенія курса закладныхъ листовъ при томъ употребленіи, которое г. Герстфельдъ предлагаетъ для пятимилліоннаго фонда? *A priori* отвѣчать на этотъ вопросъ нельзя; это дѣло эмпирическое и судить о немъ можно лишь на основаніи свѣдѣній о положеніи и расположеніи денежнаго рынка. Г. Герстфельдъ указываетъ, что предлагаемыя имъ условія имѣютъ цѣлію сдѣлать возможнымъ помѣщеніе закладныхъ листовъ Общества на заграничныхъ рынкахъ. Но положимъ, что эти условія осуществились: по какой же цѣнѣ можно было бы продать тогда закладные листы крупными партіями биржевымъ людямъ за границей? Мы полагаемъ, что около 70 за 100, никакъ не больше, и притомъ за вычетомъ не менѣе 2% комиссіи. Мы утверждаемъ, что о цѣнѣ 75 за 100 невозможно и думать. Если Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита иного мнѣнія, пусть заявитъ о томъ: тогда можно будетъ обсудить его показанія и рѣшить споръ чрезъ обращеніе къ биржевымъ авторитетамъ. Мы увѣрены, что такимъ путемъ подтвердилось бы наше мнѣніе о невозможности получить за его облигаціи 75 за 100. Покамѣсть мы беремъ свою цифру, принимая на себя, разумѣется, полную отвѣтственность за нее. Итакъ, при всѣхъ тѣхъ условіяхъ, которыя изложены въ статьѣ г. Герстфельда, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не помѣститъ своихъ листовъ за границей дороже 70 за 100. Но и теперь, безъ пятимилліоннаго фонда, какъ мы видѣли, цѣна ихъ $69^3/_4$. Полагая, что при усиленномъ выпускѣ она упала бы даже на 3%, то-есть приблизительно до 67 за 100 (это возможный *тахітит*, если не будетъ другихъ причинъ, равно дѣйствующихъ при большомъ и маломъ выпускѣ), мы приходимъ къ заключенію, что проектируемое г. Герстфельдомъ употребленіе пятимилліоннаго фонда, въ самомъ выгодномъ случаѣ, прибавило бы не болѣе 3 коп. на номинальный рубль въ цѣнѣ закладныхъ листовъ. Пусть же каждый скажетъ себѣ, равносильна ли эта выгода пожертвованію. Пятимилліонный фондъ даетъ 250.000 р. ренты. Обращая эту ренту на сокращеніе платежей, слѣдующихъ съ заемщиковъ подъ имѣнія западнаго края, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита имѣло бы возможность понизить платежи въ первое время болѣе чѣмъ на половину; даже при выдачѣ ссудъ на 50 милліоновъ платежи могли бы быть понижены приблизительно на $^1/_2$%. Полъ-процента съ тысячи рублей капитала составляетъ 5 руб., между тѣмъ какъ 3% съ тысячи рублей составляетъ 30 р. Что же выгоднѣе, получить ли при займѣ лишніе 30 р., или пользоваться ежегоднею сбавкой въ платежѣ, сперва по 25 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобъ эта сбавка постепенно уменьшалась, никогда вирочемъ и въ послѣдствіи не падая ниже 5 р.? Можетъ ли тутъ быть сомнѣніе въ выборѣ?

Мы не имѣемъ претензіи переубѣдить Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Наша цѣль—возстановить истину. Это Общество не должно утверждать, что *не можетъ* употребить пятимилліонный фондъ съ большею выгодой для дѣла. Оно *не хочетъ* того.

№ 180.

Москва, 16-го августа.

Разрѣшить польскій вопросъ, окончательно усвоивъ Россіи и замиривъ западный край, а чрезъ это самое упразднивъ въ корнѣ и тѣ мечтательныя стремленія возстановителей древней Польши, которыя по своей неосуществимости ведутъ ихъ къ нескончаемому ряду измѣнническихъ замысловъ и преступныхъ дѣйствій, — вотъ та цѣль, которая опредѣляетъ собой политику провозглашенную правительствомъ по отношенію къ западному краю. Главнымъ условіемъ къ достиженію этой цѣли, — такимъ условіемъ, безъ коего всѣ другія мѣры были бы безсильны и только изнуряли бы Русское государство, признаетъ правительство и признаютъ всѣ понимающіе дѣло люди—водвореніе въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія, мѣра, исполненіе которой уже само по

себѣ почти окончательно упразднило бы польскій вопросъ и слѣдовательно могло бы придать Россіи небывалую доселѣ силу. Не говоря о другихъ высшихъ точкахъ зрѣнія, даже съ точки зрѣнія чисто-финансовой, для Россіи было бы чрезвычайно выгодно принести этому дѣлу весьма значительныя жертвы. Размѣнъ, столь непонятнымъ образомъ начатый въ 1862 году, когда уже ни отъ кого не могла укрываться неизбѣжность польскаго возстанія, стоилъ Россіи 100 милліоновъ рублей, которые пропали даромъ, потому что польское возстаніе не позволило воспользоваться результатами этой мѣры, а вслѣдъ затѣмъ министерство финансовъ начало снова выпускать кредитные билеты. Сверхъ того, подавленіе возстанія обошлось, по самому уменьшенному разчету, въ 70 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ государство, единственно вслѣдствіе возстанія 1863 года, потеряло по меньшей мѣрѣ 170 милліоновъ рублей, а могло бы потерять въ десять разъ больше, еслибы русская внѣшняя политика была менѣе рѣшительна, и дозволила западнымъ державамъ зайдти такъ далеко, что нельзя было бы мирно отступить. Очевидное дѣло, что Россіи было бы чрезвычайно выгодно истратить эти 170 милліоновъ безъ остатка на мѣры, которыя могли бы предотвратить возстаніе, потому что въ такомъ случаѣ государство понесло бы финансовыя потери, которыя теперь и такъ понесены, но избавилось бы отъ другихъ, болѣе чувствительныхъ ущербовъ, никакими деньгами неоцѣнимыхъ. Это положеніе дѣла нисколько не измѣнилось и теперь. Нельзя добросовѣстно утверждать, что польскій вопросъ утратилъ свое опасное для Россіи значеніе вслѣдствіе неудачи, постигшей возстаніе 1863 года. Онъ утратитъ это значеніе только въ томъ случаѣ, если возстаніе 1863 года поведетъ къ органическимъ мѣрамъ, ограждающимъ будущее Россіи; но предположимъ на часъ что такихъ мѣръ не будетъ принято или онѣ будутъ парализованы при исполненіи, и спросимъ себя, въ какомъ видѣ предстанетъ тогда предъ нами польскій вопросъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ принялъ бы тогда гораздо болѣе грозный видъ чѣмъ когда-либо прежде. .

Итакъ, теперь нисколько не менѣе чѣмъ въ 1862 году для Россіи было бы несказанно выгодно пожертвовать на упраздненіе польскаго вопроса всю вышеупомянутую сумму; было бы выгодно напримѣръ скупить просто на казенныя деньги столько имѣній, сколько можно на эту сумму. Этой суммы было бы совершенно достаточно для прочнаго водворенія въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія и слѣдовательно для окончательнаго подрыва польскихъ притязаній на этотъ край, составляющихъ сущность польскаго вопроса; у русскаго народа свалилась бы гора съ плечъ. Но, по счастію, отъ польскаго вопроса можно отдѣлаться несравненно меньшею жертвой: для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ была бы достаточна ничтожная субсидія въ 250 тысячъ рублей ежегодно, еслибы только правительственныя лица приложили къ этому дѣлу должное усердіе, и употребили означенную субсидію съ дѣйствительною пользой. Можно ли было затрудниться дарованіемъ этой субсидіи въ виду той цѣли, для которой она предназначалась? Конечно, нѣтъ; и дѣйствительно субсидія была назначена, въ видѣ извѣстнаго пятимилліоннаго капитала, состоящаго изъ пятипроцентныхъ билетовъ, которые даютъ ежегодной ренты 250 тысячъ рублей. Итакъ, денежныя средства оказались; но оказалось ли усердіе? Дѣло Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ погибло, потому что не нашло дружнаго содѣйствія въ тѣхъ лицахъ, которыя держали въ своихъ рукахъ его судьбу. Ничего не можетъ быть проще и легче того дѣла, которое предстояло этимъ лицамъ, но четырнадцать мѣсяцевъ пошло на выработку устава и иструкцій ссуднымъ кассамъ, — четырнадцать мѣсяцевъ самаго дорогаго времени, которое слѣдовало бы ловить на лету. А какъ только дѣло начало переходить изъ сферы сочиненій въ среду дѣйствительности, тотчасъ же оказалось, что тѣ четырнадцать мѣсяцевъ потрачены безплодно, ибо не стоило трудиться надъ уставомъ и инструкціями, если не имѣлось надежды *выхлопотать* гарантію закладныхъ листовъ Товарищества (да извинятъ насъ читатели, что мы повторяемъ этотъ обычный въ Петербургѣ оборотъ рѣчи, который не можетъ не поразить своею странностью всякаго свѣжаго человѣка: какъ будто нужно еще выхлопатывать то, въ чемъ главнѣйшая потребность государства!). Фактъ тотъ, что Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній

перестало существовать, едва успѣвъ назначить ссудъ на 800 тысячъ рублей, и что это обстоятельство толкуется теперь какъ торжество польскаго дѣла. По всему вѣроятію, польскіе патріоты ошибутся въ разчетѣ, какъ ошибались уже много разъ, но впечатлѣніе, которое сдѣлано на нихъ закрытіемъ Товарищества, тоже не подлежитъ сомнѣнію, какъ не подлежитъ сомнѣнію и то, что лишь послѣ толковъ о закрытіи Товарищества *Биржевыя Вѣдомости* дерзнули называть Высочайшій указъ 10-го декабря порожденіемъ коммунизма и утверждать, что отмѣна его требуется для славы нынѣшняго царствованія Эти признаки говорятъ очень много, и хотя позволительно съ полною увѣренностью полагать, что указъ 10-го декабря будетъ приводиться въ дѣйствіе, однакоже для пользы дѣла совершенно необходимо возстановить прерванную выдачу ссудъ. Чтобы поправить всеобщее впечатлѣніе произведенное закрытіемъ Товарищества, мало было бы выдавать ссуды на тѣхъ же льготныхъ условіяхъ, какъ было въ Товариществѣ: необходимо въ чувствительной мѣрѣ улучшить эти условія. Только объ этомъ можетъ теперь идти рѣчь, а Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита (то-есть полномочные фактическіе руководители его) смотритъ преспокойно, какъ на дѣло естественное, на такой порядокъ, при которомъ покупатели имѣній западнаго края будутъ совершенно сравнены съ заемщиками внутреннихъ губерній! Указъ 10-го декабря состоитъ изъ двухъ частей. Первая относится къ имѣніямъ подлежащимъ обязательной продажѣ; вслѣдствіе временнаго прекращенія ссудъ эти имѣнія только упадутъ въ цѣнѣ; тѣ изъ нихъ, которыя не запутаны въ процессахъ, можно будетъ купить теперь еще выгоднѣе чѣмъ прежде, и кто имѣлъ въ виду пріобрѣтеніе имѣній этого разряда, тотъ если располагаетъ деньгами, отнюдь не долженъ оставлять своего намѣренія, и въ накладѣ, конечно, не будетъ. Пожалѣютъ продавцы, что не продали своимъ имѣній прежде, но и они не въ правѣ винить кого-либо или что-либо, кромѣ своего легковѣрія; двухгодичный срокъ, имъ предоставленный, ограждалъ ихъ интересы, и многимъ изъ нихъ предлагались цѣны весьма хорошія, какихъ теперь имъ не получить. Но имѣнія подлежащія обязательной продажѣ—капля въ морѣ. Главное значеніе указа 10-го декабря заключается во второй его части относящейся ко всѣмъ вообще имѣніямъ, продаваемымъ изъ вольныхъ рукъ и съ аукціона. Только эта вторая часть указа 10-го декабря можетъ быть признана обезпеченіемъ того, что западный край будетъ постепенно становиться поистинѣ русскимъ, а польскій вопросъ терять свою силу. Но для того чтобы покупка имѣній изъ вольныхъ рукъ шла успѣшно, необходима помощь кредита. Прежде была мода говорить, что и кредитомъ не заманишь русскихъ покупщиковъ въ западный край: теперь этого говорить уже не смѣютъ, потому что улика на глазахъ у всѣхъ. Въ охотникахъ покупать имѣнія недостатка не будетъ, лишь бы ихъ не отпугивали, но тѣмъ не менѣе необходимо, чтобы кредитъ, во вниманіи къ положенію денежнаго рынка, былъ соединенъ съ экстренными льготами. Вслѣдствіе безконечныхъ займовъ, какъ русскаго, такъ и другихъ правительствъ, цѣна капитала теперь страшно возросла, и занимать капиталъ на теперешнихъ процентахъ для долгосрочнаго помѣщенія въ покупку имѣній западнаго края невозможно. Успѣхъ дѣла зависитъ тутъ единственно отъ дарованія субсидіи, которая, въ той или другой формѣ, облегчала бы тяжесть ежегодныхъ платежей. На правильномъ употребленіи субсидіи, уже дарованной правительствомъ для этой цѣли, держится все дѣло, и вотъ причина, почему вопросъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита имѣетъ чрезвычайную политическую важность. Опасность состоитъ въ томъ чтобы не осуществилась мысль, которую нѣсколько недѣль тому назадъ никто не счелъ бы за серіозную, но которую теперь открыто высказываютъ какъ нѣчто могущее подлежать обсужденію. Мы разумѣемъ толки о томъ, что субсидія назначенная правительствомъ на дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, и для него совершенно необходимая, будто бы можетъ быть отвлечена отъ ея цѣли и обращена, вмѣсто поощренія ссудъ въ девяти губерніяхъ этого края, на содѣйствіе развитію кредитныхъ операцій въ тридцати или сорока губерніяхъ, гдѣ она сойдетъ наконецъ, что̀ называется, на *нѣтъ*. Что эта мысль такъ явно высказывается, въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ проявленій того ошибочнаго взгляда на русскую внутреннюю политику, который воз-

буждаетъ теперь столько неосуществимыхъ надеждъ въ защитникахъ польскаго дѣла. Поводомъ къ этимъ проявленіямъ послужило закрытіе Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній безъ одновременной замѣны его тѣмъ или другимъ учрежденіемъ. Но можно ли по поводу мѣры, которой мотивы неизвѣстны, а слѣдовательно не могутъ быть обсуждены основательно и со всѣхъ сторонъ, дѣлать заключенія, стоящія въ столь явномъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ чему Россія была свидѣтельницей во время нынѣшняго царствованія? Не измѣнчивость и колебанія, а постоянно превосходившая всѣ ожиданія твердость по главнымъ вопросамъ, вотъ характеристическая черта той внутренней политики, которая на вѣки ознаменовала освобожденіе крестьянъ, дѣломъ встрѣчавшимъ столько препятствій и грозившимъ повидимому столькими опасностями. Колебаній мы не отрицаемъ, но они касались подробностей предоставленныхъ рѣшенію тѣхъ или другихъ исполнителей; что же касается до главнаго направленія и до указаній на это направленіе идущихъ изъ высочайшей сферы, то всѣхъ постоянно поражала ихъ не уклонность и твердость. Польскій вопросъ есть несомнѣнно одинъ изъ главныхъ вопросовъ, занимающихъ нашу внутреннюю политику, и направленіе, которое должно быть дано этому вопросу, указано такъ явно, что для сомнѣній не остается мѣста. Исполнители могутъ дѣйствовать болѣе или менѣе усердно, болѣе или менѣе добросовѣстно, могутъ расходиться между собой не только во взглядахъ на средства, но и въ примѣненіи средствъ, что̀ впрочемъ должно причинять не мало вреда, но общая цѣль останется неизмѣнна, и только эта общая цѣль должна служить регуляторомъ при сужденіяхъ о той или другой частной мѣрѣ. Западный край долженъ сдѣлаться русскимъ, и русское землевладѣніе должно быть водворено тамъ, вотъ твердыя положенія, которыхъ слѣдуетъ держаться всякому, кто не хочетъ впасть въ ошибку при сужденіяхъ о возможности или невозможности той или другой мѣры и въ особенности о ихъ прочности. Но если такъ, то что̀ бы ни было, слѣдуетъ хранить увѣренность что дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ можетъ идти только впередъ, а никакъ не назадъ, можетъ получать приращенія къ своимъ средствамъ, а не терять и тѣ, которыя уже назначены для него. Пятимилліонный фондъ можетъ быть переданъ какому бы то ни было учрежденію только на томъ условіи, что будетъ употребленъ согласно своему назначенію, а не будетъ отъ него отвлеченъ. Если мы такъ настойчиво говоримъ противъ приписываемаго Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита намѣренія расширить употребленіе этого фонда и тѣмъ ослабить его полезное дѣйствіе на обрусеніе западнаго края, то вовсе не потому чтобы мы сомнѣвались въ непоколебимой твердости главныхъ основаній русской внутренней политики, а потому что имѣемъ серіозныя основанія опасаться недоразумѣній въ этомъ дѣлѣ столь важномъ. Съ недавняго времени видимо распространился у насъ одинъ остроумный пріемъ политическаго дѣйствія, который состоитъ въ томъ чтобы говорить одно, а дѣлать другое, говорить съ энтузіазмомъ въ пользу обрусенія западнаго края, а подъ прикрытіемъ этихъ сочувственныхъ заявленій, ограничивающихся словами, дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ. Одни говорятъ: я сочувствую цѣли, но не сочувствую средствамъ, и подъ этимъ предлогомъ отвергаютъ одно за другимъ всѣ средства, которыя могутъ привести къ этой цѣли. Другіе идутъ еще далѣе: съ кажущимся энтузіазмомъ они берутся за дѣло, но все то что̀ могло бы быть полезно не удается имъ и всѣ ихъ усилія разрѣшаются во вредъ. Чтобъ обезпечить себя отъ подобныхъ хитростей, должно цѣнить только тѣ слова, которыя подкрѣпляются дѣлами. Въ кругахъ, гдѣ теперь рѣчь идетъ о передачѣ пятимилліоннаго фонда Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, говорится очень много о намѣреніи содѣйствовать обрусенію западнаго края. Но что̀ значатъ эти разговоры, когда въ тѣхъ же самыхъ кругахъ говорятъ, какъ о дѣлѣ не выходящемъ изъ порядка вещей, объ отвлеченіи пятимилліоннаго фонда отъ его назначенія? Всякій скажетъ, что это маскарадъ, хотя это очень не нравится газетѣ *Вѣсть*. Если кто-нибудь чувствуетъ на себѣ тяжесть отвѣтственности въ дѣлѣ, на которое обращены взоры всей Россіи,—а на кого-нибудь должна очень тяжко падать эта отвѣтственность, — тотъ можетъ легко очистить себя, заявивъ, что не имѣетъ и не одобряетъ намѣренія присвоить пятимилліонный фондъ новому назначенію. Само

собою разумѣется, что подобныя заявленія имѣли бы значенія только до рѣшенія дѣла въ общемъ собраніи Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Еслибы это рѣшеніе состоялось въ смыслѣ статьи г. Герстфельда, и еслибы лишь послѣ того исполнители этого рѣшенія стали жаловаться на судьбу, принуждающую ихъ исполнять рѣшенія, которымъ они не сочувствуютъ, то эти жалобы, вѣроятно, не могли бы оградить никого отъ нареканій за участіе въ политическомъ маскарадѣ.

№ 181.

Москва, 17-го августа.

Въ балтійской печати теперь только и рѣчи что̀ о предположеніи правительства ввести черезъ годъ, въ какую-то одну гимназію этого края, преподаваніе исторіи на русскомъ языкѣ. Балтійскія газеты и рвутъ и мечутъ, говоря объ этомъ предметѣ, и вопіютъ о нарушеніи святыни. Лица, которыя ведутъ эту агитацію, очень хорошо разумѣютъ, что правительство не только въ правѣ, но и обязано принимать мѣры для распространенія государственнаго языка въ этихъ провинціяхъ, гдѣ онъ считается мертвымъ и гдѣ господствуетъ государственный языкъ иноземной державы, и что именно въ настоящее время со стороны правительства было бы ничѣмъ необъяснимымъ упущеніемъ, еслибъ оно не стало принимать самыя дѣятельныя въ этомъ отношеніи мѣры. Агитаторы очень хорошо знаютъ, что упомянутая выше столь робкая попытка русскаго языка войдти въ балтійскія учебныя заведенія ничего не значитъ, что дѣло германизаціи, которое творится теперь въ этомъ краѣ, не потерпитъ отъ этого ни малѣйшаго ущерба, точно такъ же какъ не потерпѣла бы ущерба и наука, если бы во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ балтійскаго края вводилось преподаваніе не одного, а многихъ предметовъ на русскомъ языкѣ; но балтійская печать съ умысломъ преувеличиваетъ значеніе этой безобидной мѣры, въ тѣхъ видахъ, вѣроятно, чтобы произвести впечатлѣніе на правительство, какъ будто бы дѣло шло о какомъ-нибудь великомъ и трудномъ начинаніи, а съ другой стороны — возбудить мѣстное общественное мнѣніе и усилить энергію, съ которою и безъ того идетъ тамъ дѣло германизаціи.

Дѣло германизаціи, дѣйствительно, исполинскими шагами подвигается впередъ въ этихъ провинціяхъ Россіи, хотя началось оно очень недавно, — не далѣе какъ лѣтъ за пятнадцать предъ симъ, а усилилось и приняло колоссальные размѣры лишь въ послѣднія пять лѣтъ. Въ прежнее время, господствующее сословіе этихъ губерній не только не имѣло наклонности къ онѣмеченію Латышей и Эстовъ, но даже противилось тому. Крѣпостные тамъ были полными рабами, и нѣмецкій языкъ оставался привилегированнымъ языкомъ господствующихъ классовъ и вообще свободныхъ людей какъ въ городахъ, такъ и селахъ. Можно смѣло утверждать, что въ первой трети текущаго столѣтія въ тогдашнихъ, не очень многочисленныхъ, общественныхъ и частныхъ училищахъ, ежегодно онѣмечивалось не болѣе двухъ сотъ Латышей и Эстовъ, такое же, или почти такое же число ихъ, пріучалось къ нѣмецкому языку, находясь въ услугахъ у дворянъ, или въ городахъ, куда, за нѣмецкими цехами невозможно было проникать туземцамъ. Еслибы распространіе нѣмецкаго языка оставалось и теперь въ такихъ же скромныхъ размѣрахъ, то мы не имѣли бы настоятельнаго повода говорить объ онѣмеченіи этого приморскаго, столь необходимаго Россіи края. Но дѣло не могло оставаться долго въ такомъ видѣ послѣ того какъ личная свобода начала становиться истиною, ибо благодаря нѣмецкому языку, который здѣсь и до сихъ поръ остается языкомъ правительственнымъ, для крестьянъ-туземцевъ становилась доступною бо́льшая степень свободы и болѣе почетное положеніе, а потому многіе даровитые Латыши и Эсты (послѣдніе меньше чѣмъ первые) стремились пріобрѣсти такое положеніе, отрекаясь отъ своего племени и усиливаясь попасть въ „Нѣмцы.“ Въ слѣдовавшее за тѣмъ время, онѣмеченіе замѣтно усиливалось, такъ какъ частію число школъ увеличилось, частію цехи уже не съ прежнею строгостію отвергали не-Нѣмцевъ. Но дѣятельное и систематическое онѣмеченіе, съ политическою цѣлью, началось уже послѣ 1850 года. Нѣмецкая печать въ Германіи обратила тогда вниманіе своей публики на возможность великаго для нѣмецкой націи пріобрѣтенія въ этомъ протестантскомъ побережьи. Воззванія въ этомъ смыслѣ дѣй-

ствовали возбудительно, благодаря тайнѣ съ какою листки подобнаго содержанія ввозились изъ-заграницы и распространялись въ балтійскихъ губерніяхъ. Хотя дворянство и состоящее въ зависимости отъ него духовенство не хотѣли и слышать о планахъ онѣмеченія Латышей и Эстовъ, однако вліяніе сложившихся въ то время обстоятельствъ было таково, что они не могли долго противиться. И вотъ, дѣло дошло до того, что въ 1863 году, глава лютеранскаго духовенства въ Лифляндіи прямо указалъ предъ собраніемъ дворянства на онѣмеченіе туземцевъ какъ на священную задачу нынѣшняго поколѣнія. Г. Вальтеръ былъ органомъ вліятельной партіи, имѣющей въ рукахъ своихъ правительственныя средства, и слово его не было брошено на вѣтеръ. Съ тѣхъ поръ, дѣло германизаціи чинится въ краѣ съ лихорадочною поспѣшностію.

Можно смѣло сказать, что за все продолженіе текущаго столѣтія, Латышей и Эстовъ было онѣмечено гораздо менѣе чѣмъ въ эти послѣднія пять лѣтъ, особенно въ Лифляндской губерніи. Дѣло это ведется съ необыкновенною энергіей, и совершенно ускользаетъ отъ правительственнаго контроля, хотя не можетъ не быть свѣдомо кому-либо изъ правительственныхъ лицъ. Не только въ гимназіяхъ и другихъ одной степени съ ними учебныхъ заведеніяхъ, но и въ уѣздныхъ, и въ Лифляндской губерніи и въ приходскихъ училищахъ, иностранный языкъ господствуетъ какъ органъ преподаванія. Этого мало: нѣмецкій языкъ начинаетъ господствовать уже и въ первоначальныхъ народныхъ школахъ, прикрываясь только для вида мѣстными языками, латышскимъ или эстонскимъ. Сами крестьяне, видя что дѣти ихъ не могутъ продолжать свое ученіе въ приходскихъ училищахъ иначе какъ при посредствѣ нѣмецкаго языка, принуждены просить чтобъ и въ первоначальныхъ школахъ учили ихъ дѣтей по-нѣмецки.

Такимъ образомъ, учебныя заведенія, начиная отъ народной школы до университета, стали какъ бы фабрикой германизаціи, которая ведетъ къ полному отчужденію тамошнихъ населеній отъ государственной народности Россіи. И вотъ, быть-можетъ, на глазахъ нашихъ, подъ русскимъ правительствомъ, въ областяхъ составляющихъ нераздѣльную часть Россіи, населенія, совершенно чуждыя германству, претворятся въ германскій народъ, и во второй половинѣ XIX столѣтія Россіи придется пожать горькіе плоды своей политики, предавшей столь жизненно-важныя для нея провинціи подъ власть иноземной государственной національности,—провинціи, которыя оставались не онѣмеченными въ продолженіе цѣлыхъ шести вѣковъ исключительно нѣмецкаго владычества! Правда, мы были свидѣтелями, также подъ русскимъ правительствомъ, распространенія польскаго языка въ западныхъ губерніяхъ: правда, изъ рѣчи графа Валлена, губернатора Ковенской губерніи, въ Финляндіи, мы узнаемъ, что и въ этомъ краѣ, по присоединеніи его къ Россіи, шведскій языкъ гораздо болѣе распространился и вошелъ въ силу чѣмъ при шведскомъ владычествѣ. Дѣйствительно, мы народъ удивительный: мы подавляемъ все чѣмъ можетъ быть оплодотворена и поднята русская народность въ Россіи, и всемѣрно стараемся водворить и распространить въ ея владѣніяхъ патріотизмъ шведскій, польскій, нѣмецкій, и именно въ тѣхъ владѣніяхъ, откуда могутъ угрожать ей опасности. Для людей мыслящихъ нѣтъ надобности доказывать, что при господствующихъ обстоятельствахъ онѣмеченіе балтійскихъ провинцій есть наизлѣйшее зло, какое только можемъ мы посѣять для нашего потомства и которое быть-можетъ дастъ свой плодъ въ ближайшемъ будущемъ.

Теперь вопросъ только въ томъ, какъ бы поправить сдѣланныя ошибки?

Не подлежитъ сомнѣнію, что теперь гораздо труднѣе остановить отчужденіе отъ Россіи латышскихъ и эстонскихъ населеній нежели лѣтъ 10 тому назадъ. Къ прежнимъ 120.000 Нѣмцамъ балтійскихъ губерній присоединилось еще около 100.000 новоонѣмеченныхъ Латышей и Эстовъ, изъ коихъ можетъ быть $^1/_3$ причисляетъ себя рѣшительно къ Нѣмцамъ, между тѣмъ какъ двѣ трети остаются въ положеніи неопредѣленномъ, и смотря по дальнѣйшему ходу нашихъ дѣлъ, либо еще удержатся, либо забудутъ и племя свое, и государство, къ которому принадлежатъ, и сольются окончательно съ національностію иноземною. При дальнѣйшемъ господствѣ нѣмецкаго языка въ судахъ, администраціи учебныхъ заведеніяхъ края, германизація будетъ возрастать прогрессивно даже безъ всякихъ усилій нѣмецкой партіи, тѣмъ болѣе, что каждый новоонѣмеченный тузе-

мецъ влечетъ за собою нѣсколько другихъ изъ своихъ соплеменниковъ. Спрашивается, можетъ ли правительство не имѣть этого въ виду при своихъ преобразованіяхъ?

И вотъ, посреди этой безостановочно идущей и прогрессивно возрастающей германизаціи края, предполагается, въ видахъ водворенія здѣсь русскаго языка, черезъ годъ, ввести въ одной гимназіи преподаваніе исторіи по-русски,—и противъ этого то вопіетъ благимъ матомъ балтійская печать! Она возглашаетъ, что эта мѣра есть несправедливость и неслыханное закланіе интересовъ науки въ жертву государственному Ваалу; но она не думаетъ напомнить своей публикѣ, что въ краѣ уже столь давно составляющемъ нераздѣльную часть Русскаго государства нельзя оттоваривать-ся незнаніемъ его языка или считать этотъ языкъ мертвымъ, и напомнить еще, что правительство неоднократно уже заявляло необходимость введенія здѣсь русскаго языка, полагало этому сроки, и приглашало общество готовиться къ этому необходимому нововведенію. Бо́льшаго долготерпѣнія невозможно желать. Балтійская печать должна была бы также припомнить, какой былъ результатъ этихъ долготерпѣливыхъ отсрочекъ и предувѣдомленій. Именно съ 1850 года, который былъ назначенъ крайнимъ срокомъ для введенія русскаго языка въ балтійскихъ губерніяхъ, тамъ и началась та усиленная германизація туземныхъ населеній, которая принимаетъ теперь столь колоссальные размѣры. Кто же виноватъ, если учащееся юношество въ этихъ провинціяхъ воспитывается въ полномъ презрѣніи къ языку своего отечества, какъ надобно заключать изъ показаній балтійскихъ газетъ, увѣряющихъ, что воспитанники гимназій будто бы не могутъ съ успѣхомъ слѣдить за преподаваніемъ исторіи на русскомъ языкѣ, которое, какъ извѣстно, начинается не съ низшихъ классовъ? Почему же мѣстное учебное начальство не хочетъ озаботиться, чтобы преподаваніе русскаго языка въ низшихъ классахъ шло успѣшнѣе и чтобъ онъ не былъ для воспитанниковъ языкомъ не совсѣмъ чужимъ и мертвымъ? Если въ прежнее время было въ этомъ отношеніи упущеніе, то не слѣдуетъ ли теперь употребить соотвѣтственныя усилія для того, чтобъ упущенное нагнать?

Преподаваніе того или другаго изъ предметовъ учебнаго курса удобнѣе для балтійскаго юношества по-нѣмецки нежели по-русски. Положимъ, что такъ; но мало ли что удобнѣе! Въ Москвѣ и Петербургѣ есть учебныя заведенія, пользующіяся правами гимназій, гдѣ всѣмъ предметамъ обучаютъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, хотя большинству воспитанниковъ несравненно удобнѣе было бы учиться на русскомъ языкѣ: педагоги (большею частію изъ балтійскихъ губерній), стоящіе во главѣ такихъ заведеній, не находятъ этого неудобнымъ, и ведутъ исключительно на нѣмецкомъ языкѣ преподаваніе даже такихъ предметовъ, которые, какъ языки древніе, могутъ быть съ полною пользой преподаваемы лишь черезъ посредство языка, который для воспитанниковъ есть совершенно *свой*. Отчего же то что возможно въ Москвѣ и Петербургѣ невозможно въ Ревелѣ и Ригѣ? Отчего педагоги, стоящіе во главѣ Аннинской или Петропавловской школы въ Петербургѣ, или такого же рода заведеній въ Москвѣ, находятъ возможнымъ обучать своихъ воспитанниковъ въ низшихъ классахъ нѣмецкому языку на столько, чтобы вести преподаваніе всѣхъ предметовъ на этомъ языкѣ, безъ особенныхъ, какъ они полагаютъ, неудобствъ,—а въ балтійскихъ гимназіяхъ оказывается невозможнымъ выучиться русскому языку въ низшихъ классахъ на столько, чтобы въ послѣдующихъ съ пользою слѣдить за преподаваніемъ только одного предмета на русскомъ языкѣ? Москва и Петербургъ не составляютъ нераздѣльной части какого-либо германскаго государства; но какъ Митава, такъ Ревель и Рига, сколько мы знаемъ, входятъ въ составъ Русскаго государства, и какого бы ни были племени ихъ жители, русскій языкъ все-таки есть языкъ ихъ отечества. Если они считаютъ дѣломъ серіознымъ свою принадлежность къ Россіи, то имъ слѣдуетъ радоваться заботливости правительства о томъ, чтобы дѣти ихъ наконецъ усвоили себѣ языкъ своего отечества, и сожалѣть только о томъ, что эта заботливость не выразилась какъ-нибудь рѣшительнѣе и плодотворнѣе.

Если преподаваніемъ исторіи можетъ быть сдѣланъ первый шагъ въ примѣненіи русскаго языка къ учебному дѣлу въ балтійскихъ гимназіяхъ, то было бы желательно по крайней мѣрѣ, чтобы шагъ этотъ былъ сдѣланъ вполнѣ и рѣшительно, чтобъ эта мѣра была принята для всѣхъ бал-

тійскихъ гимназій, тѣмъ болѣе что способные для этого преподаватели могутъ быть безъ труда найдены въ мѣстномъ педагогическомъ сословіи, и чтобы подобная мѣра не замедлила и относительно уѣздныхъ училищъ еще въ бо́льшемъ объемѣ.

Какъ рѣшительно надобно дѣйствовать, чтобы сколько-нибудь нагнать упущенное, это очевидно для всякаго, кому сколько-нибудь знакомо положеніе дѣлъ. Вышеупомянутая реформа, даже въ томъ случаѣ, еслибъ она была одновременно и теперь исполнена во всѣхъ гимназіяхъ балтійскаго края, сама по себѣ была бы дѣломъ незначительнымъ и не остановила бы успѣховъ германизаціи.

Важнымъ пріобрѣтеніемъ могъ бы почесться этотъ шагъ только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ оказался первымъ въ этихъ мѣстахъ рѣшительнымъ шагомъ русскаго правительства въ интересахъ Россіи (а стало-быть также и въ истинныхъ интересахъ самого края и поскольку онъ есть составная часть Россіи), и еслибы неуклонно вмѣстѣ съ этимъ шагомъ и вслѣдъ за нимъ послѣдовали другія, болѣе существенныя реформы въ томъ же смыслѣ.

№ 182.

Москва, 18-го августа.

Намъ пишутъ изъ Вильны, что въ сѣверозападномъ краѣ имѣется нѣсколько вакансій на должность мироваго посредника, и что будто не находятъ благонадежныхъ охотниковъ занять эти важныя и почетныя мѣста, съ которыми въ западномъ краѣ соединяется значеніе особой высокой отвѣтственности. Какъ много говоритъ это обстоятельство! Это прискорбное явленіе есть новость послѣ того, еще всѣмъ памятнаго времени, когда съ такимъ горячимъ энтузіазмомъ пробудилось было у насъ народное чувство, и когда Россія вспомнила о своей западной половинѣ, которая, подъ ея собственнымъ правительствомъ, отнималась у нея измѣной. Русскій мировой институтъ, сформированный въ этомъ краѣ по упраздненіи польскаго, компрометированнаго послѣднимъ мятежомъ, былъ поставленъ на такую высоту, что служба въ немъ могла быть предметомъ соисканія для людей способныхъ отозваться на требованія гражданскаго долга. Съ разныхъ концовъ Россіи стекались бодрые дѣятели на службу въ западномъ краѣ, и особенно значительный контингентъ выставило русское помѣстное дворянство, за которое становится теперь нѣкая партія, работающая противъ существенныхъ интересовъ русскаго государства, а стало-быть и русскаго землевладѣнія. Мировые посредники въ западномъ краѣ, точно также какъ и та многочисленная фаланга честныхъ и энергическихъ дѣятелей, которая была сформирована въ Царствѣ Польскомъ, съ самаго начала представили собою явленіе новое въ нашей администраціи, смутившее польскихъ пановъ, привыкшихъ презирать чиновничество, съ которымъ такъ легко сводились счеты. Мировые посредники и вообще русская администрація въ западномъ краѣ сразу стали предметомъ неутомимой интриги, не отступающей ни предъ какими средствами, — интриги, главный узелъ которой былъ, конечно, въ Петербургѣ. Клевета, ложные доносы, извращеніе фактовъ въ спеціально для этого созданномъ органѣ, все было пущено въ ходъ. Всякій промахъ, всякій неосторожный шагъ кого-либо изъ мировыхъ посредниковъ немедленно обобщался ихъ врагами, принимавними личину друзей порядка, и оглашался какъ плодъ коммунизма и нигилизма. Теперь мировые посредники западнаго края могутъ, по крайней мѣрѣ, утѣшать себя тѣмъ, что въ коммунизмѣ обвиняются не они одни, и что имъ, въ этомъ качествѣ, довелось находиться не въ дурной компаніи...

Милостивое слово, сказанное Государемъ Императоромъ въ проѣздъ Его Величества черезъ Вильну, должно быть для мировыхъ посредниковъ западнаго края наградой и поощреніемъ. Благодаря добросовѣстному исполненію заключающейся въ Высочайшихъ словахъ программы, мировыя учрежденія въ западномъ краѣ оказали историческія заслуги, которыя будутъ вполнѣ оцѣнены, когда будетъ вполнѣ разоблаченъ смыслъ предательской интриги, считающей себя теперь торжествующею. Мировые посредники достойно поддержали честь своего призванія. Они не сдавались ни на соблазны, ни на устрашенія. Находясь между вчерашними повстанцами-панами и несчастнымъ, забитымъ, раздавленнымъ крестьяниномъ въ этомъ краѣ, они дѣйствовали справедливо, неподкупно и безпристрастно,

ограждая его свободу отъ преобладанія и насилія его прежнихъ господъ и враговъ его великаго отечества.

Что же за причина такого охлажденія къ службѣ по мировымъ учрежденіямъ въ западномъ краѣ? Сколько можно судить по *Виленскому Вѣстнику* (а еще болѣе по *Кіевлянину*), со стороны высшей административной власти края мировымъ учрежденіямъ оказывается уваженіе и содѣйствіе. Что же за причина? Неужели въ самомъ дѣлѣ объяснять это явленіе, какъ увѣряютъ иные, выходками нѣсколькихъ инородцевъ космополитовъ, недавно, какъ пишутъ намъ, наѣхавшихъ въ Вильну и старающихся держаться поодаль отъ всего остальнаго, въ видѣ какой-то самостоятельной фракціи, открыто братающейся съ польскими панами и съ презрѣніемъ отзывающейся о мировыхъ учрежденіяхъ, придавая словамъ своимъ таинственный тонъ знающихъ много и имѣющихъ силу людей? До насъ не разъ доходили слухи объ этой кликѣ, но мы всегда считали ее ничтожною среди тамошней русской администраціи, и не опасались вліянія ея на судьбы края. Мы и теперь такъ думаемъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, выходки въ родѣ: „il faut être canaille pour servir aux *мировыя учрежденія*," могутъ позорить кого-нибудь кромѣ своихъ авторовъ? Мы имѣемъ, напротивъ, основаніе думать, что люди этого сорта фальшиво придаютъ себѣ важность и значеніе, и что если имъ удается морочить другихъ своимъ мнимымъ могуществомъ, то вина уже тутъ не ихъ, а тѣхъ кто имъ вѣритъ.

Причину охлажденія къ службѣ въ западномъ краѣ надобно искать глубже. Такое охлажденіе въ людяхъ чести и долга является обыкновенно вслѣдствіе унынія, въ виду какихъ-либо неодолимыхъ препятствій встрѣчаемыхъ дѣломъ, которому они служатъ и которое даетъ смыслъ ихъ дѣятельности. Имѣются ли въ настоящемъ случаѣ такія препятствія или нѣтъ, не беремся пока говорить утвердительно. До сихъ поръ, надобно однако сознаться, мы не видимъ данныхъ, изъ которыхъ можно было бы заключать, что дѣло возвращенія западнаго края русскому народу, дѣло внутренняго сліянія его съ государствомъ, котораго онъ есть существенная часть, что дѣло это подвигается успѣшно впередъ. Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ закрыто, а что будетъ въ замѣнъ его, никто не знаетъ. Оно закрыто; за то, открыто, вѣроятно, весьма полезное общество врачей въ Минскѣ — общество, новоутвержденный уставъ котораго, на этихъ дняхъ былъ напечатанъ въ *Сѣверной Почтѣ*, и изъ устава котораго мы узнаемъ о существованіи новаго санитарнаго округа, именуемаго *сѣверозападнымъ краемъ*, ибо это общество минскихъ врачей будетъ простирать свои дѣйствія на весь сѣверо-западный край, будетъ разсылать во всѣ его мѣстности своихъ агентовъ, дабы они входили въ сношенія съ народомъ и старались искоренять въ сельчанахъ разные суевѣрные предразсудки; далѣе, будетъ имѣть обширную организацію, свой фондъ, и во главѣ своей надѣется видѣть какое-либо высоко-стоящее лицо, которое можетъ оградить его отъ придирокъ мѣстной администраціи, зараженной, какъ свидѣтельствуетъ *Вѣсть*, коммунизмомъ, и соціализмомъ. Между тѣмъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Виленскаго Вѣстника*, по поводу какой-то полемики, высказано довольно интересное признаніе, что русскіе дѣятели въ этомъ краѣ пріуныли, а Поляки (всѣмъ извѣстно, что значитъ этотъ національный терминъ) дохнули полною грудью. Въ *Вѣсти* даже сказано, что общественное мнѣніе (польское) въ сѣверозападномъ краѣ какъ-то *хлещетъ* тамошнихъ русскихъ чиновниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, польскіе патріоты и здѣсь и за границей не скрываютъ увѣренности, что для нихъ наступаютъ времена благопріятныя. Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній въ западномъ краѣ закрыто, и что касается до его личнаго состава, то нѣтъ причины скорбѣть объ этомъ, потому что оно еще не показало себя на дѣлѣ, а нѣкоторые изъ товарищей числятся членами того кредитнаго общества, которое должно ему наслѣдовать и которое какъ и подобаетъ наслѣднику, похоронило его. Но со смертью этого недолговѣчнаго Товарищества, составлявшіяся внутри Россіи общества землевладѣльцевъ для покупки имѣній въ западномъ краѣ опустили руки, и считаютъ дѣло это конченнымъ. Между тѣмъ римско-католическія населенія края, массы которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ польскою національностію, обязываются по прежнему быть ея оплотомъ и поддерживать ея власть въ этомъ краѣ, который она у Россіи оспариваетъ. Польская рѣчь торжественно из-

гоняемая изъ прошеній на имя генералъ-губернатора, попрежнему, поставляется въ непремѣнную обязанность для церковнаго употребленія. Это противорѣчіе теперь тѣмъ страннѣе, что обращенія въ православіе прекратились, и тѣ лица мѣстной администраціи, которыя добросовѣстно старались служить русскому дѣлу посредствомъ церковной пропаганды, удалены или удалились; за то остались дѣятели „которые подъ видомъ ревности къ православію спасаютъ польское національное учрежденіе. Эти импровизованные фанатики православія, отчетливо исполняющіе программу бывшаго издателя брюссельскихъ *Отголосковъ Русской печати*, извѣстнаго поборника русской народности и православія, остаются и процвѣтаютъ, а князь Хованскій, дѣйствовавшій по искреннему убѣжденію, отправляется въ Туркестанскую область. Въ то время какъ подъ видомъ охраненія православной вѣры не дозволяется употреблять русскій языкъ въ римско-католическихъ молитвенникахъ, остается и подтверждается въ прежней силѣ несвойственное иновѣрному исповѣданію право уличныхъ оказательствъ, какимъ продолжаетъ пользоваться римско-католическая церковь въ западномъ краѣ, сохраняя вовсе не принадлежащій ей характеръ польскаго національнаго учрежденія; поддерживается въ силѣ учрежденіе римско-католическихъ братствъ, вовсе не требуемыхъ догматами этой церкви и распространяющихся сѣтью по всему краю; съ другой стороны, нѣтъ и рѣчи о чемъ-либо, что могло бы существенно возвысить характеръ православія и русской народности въ краѣ, подлежащемъ обрусенію, и совершенно замято бывшее прежде въ ходу предположеніе основать въ Вильнѣ православную духовную академію, которая была бы открыта для всѣхъ сословій и которая, конечно, была бы самымъ могущественнымъ способомъ для того, чтобы поднять духъ православнаго элемента въ этомъ краѣ, во всякомъ случаѣ болѣе дѣйствительнымъ чѣмъ обращеніе крестьянъ черезъ посредство полицейскихъ чиновниковъ.

Въ то время когда въ русскомъ обществѣ начинаетъ падать духъ, замѣтно оживленіе дурныхъ притихшихъ партій. Даже пріостановленный (должно-быть въ силу какого-нибудь предостереженія) *Колоколъ* намѣренъ зазвучать опять съ будущаго года. Какъ слышно, его издатель возымѣлъ новыя надежды, и вступилъ въ новые весьма аристократическіе союзы: очень не мудрено, что возрожденный *Колоколъ* зазвучитъ въ унисонъ съ *Вѣстью*, и пустится во дворянство.

А между тѣмъ положеніе дѣлъ и внутри и внѣ вовсе не таково, чтобы можно было спокойно видѣть пониканіе духа въ русскомъ обществѣ...

№ 183.

Москва, 19-го августа.

Впадающая въ Волгу при Рыбинскѣ, относительно глубокая рѣка Шексна, которая и теперь уже принадлежитъ къ истинно благодѣтельнымъ естественнымъ силамъ Россіи, при тщательномъ и систематическомъ попеченіи могла бы еще несравненно болѣе содѣйствовать ея торговымъ интересамъ. Водяное сообщеніе, производящееся посредствомъ Шексны между Волгой и Балтійскимъ моремъ, имѣетъ очевидно наибольшую будущность изъ трехъ водяныхъ системъ, служащихъ совмѣстно для одной цѣли: шекснинская система углублена болѣе другихъ, и легче чѣмъ другія можетъ быть еще болѣе углублена. Несмотря на то, бывшіе здѣсь въ минувшемъ іюлѣ безпорядки, которые можно было бы очень легко предотвратить, побудили бо́льшую часть колоссальной въ семъ году торговли хлѣбомъ, въ ущербъ для всей внутренней Россіи, обратиться на систему Тверцы, Мсты и Волхова, далеко не столь глубокую. Ужаснымъ бичемъ нашихъ водяныхъ сообщеній продолжаетъ быть конская зараза, появившаяся въ нынѣшнемъ году опять съ большой силой, такъ что стало почти невозможно посылать по Шекснѣ въ значительномъ количествѣ унжаки и другія суда. Буксирные пароходы, которые въ прошломъ году тянули отъ Рыбинска до Нижнихъ суда съ хлѣбомъ за 3 к. съ пуда, теперь требуютъ по 10 коп., то-есть болѣе чѣмъ втрое дороже, хотя, сколько извѣстно, на пароходахъ еще не обнаруживалось заразы. Причина такого возвышенія цѣнъ заключается главнѣйше въ томъ, что по Шекснѣ вообще ходитъ очень мало паровыхъ судовъ. Только въ текущемъ году число ихъ увеличилось; считаютъ, что въ нынѣшнемъ году на Шекснѣ

будетъ 60 — 70 пароходовъ. Главное затрудненіе для рѣчнаго судоходства наступаетъ когда унжаки доводятся вверхъ по рѣкѣ буксиромъ или лошадьми до Ниловицъ. Тутъ начинается сильная быстрина рѣки, продолжающаяся на протяженіи 17 верстъ, но представляющая очень большія трудности только на пространствѣ 4—5 верстъ. По мнѣнію большинства нашихъ торговцевъ, слѣдовало бы на этихъ 4—5 верстахъ буксировать суда *только пароходами*, съ платою по $1^1/_2$—$1^1/_4$ копѣйки за пудъ. Но къ сожалѣнію только шесть пароходовъ-туэровъ ходящихъ на проложенной въ рѣкѣ цѣпи, занимаются буксированіемъ унжаковъ вверхъ по теченію, а потому проходитъ нѣсколько мѣсяцевъ пока они успѣютъ перебуксировать лишь тѣ суда, которыя уже находятся на Шекснѣ, между тѣмъ какъ всѣ остальные грузы принуждены идти теперь изъ Рыбинска, вверхъ по Волгѣ, и Тверцѣ, на плоскодонныхъ баркахъ, которыя, по причинѣ Боровицкихъ пороговъ, могутъ сидѣть только на одинъ аршинъ въ видѣ; эти барки должны въ позднее время поспѣшно строиться въ Рыбинскѣ, и можно представить себѣ сколько на это уходитъ времени и денегъ.

Корень всего зла—въ лошадиной заразѣ, которая въ послѣднее время возобновляется здѣсь почти ежегодно. Эта зараза виною тому что пароходство на Шекснѣ вдругъ иногда очутится безъ благодѣтельной конкурренціи, а также и тому, что въ удобную пору оказывается невозможною перевозка грузовъ, такъ что иногда зима наступитъ прежде чѣмъ поспѣютъ изъ Рыбинска въ Петербургъ богатые хлѣбные запасы доставленные по Волгѣ, ибо система Тихвинскаго канала, по которой ходятъ только самыя малыя суда, тихвинки, вмѣщающія каждая хлѣба не болѣе 2.000—3.000 пудъ, не можетъ оказать большаго пособія; къ тому же и тутъ бываетъ падежъ лошадей, точно также какъ на системѣ Шексны и Волхова.

Итакъ, вотъ неудобства: наши торговые интересы на всемірномъ рынкѣ требуютъ настоятельно устраненія ихъ, въ виду безпрерывно возрастающей международной торговой конкурренціи. Эти неудобства оказываются особенно вредными именно въ самые урожайные годы; они препятствуютъ Россіи воспользоваться выгоднѣйшими цѣнами на всемірномъ рынкѣ и вообще разстраиваютъ правильное сообщеніе между Рыбинскомъ, важнѣйшимъ хлѣбнымъ рынкомъ цѣлой Европы, и Балтійскимъ моремъ. Можно отчасти оцѣнить значеніе этого центра нашей торговли на основаніи слѣдующихъ офиціальныхъ цифръ: съ 1858 по 1862 годъ отсюда ежегодно пересылалось среднимъ числомъ по 40.671.599 пудъ товаровъ на сумму 29.852.320 рублей, причемъ масса товаровъ ежегодно оставалась еще зимовать въ Рыбинскѣ. Въ числѣ товаровъ, главную статью составляли хлѣбные грузы: ихъ приходится среднимъ числомъ въ годъ 31.590.845 пудъ. По этимъ среднимъ числамъ можно себѣ составить понятіе о томъ какъ велики должны быть массы отпускнаго хлѣба въ урожайные годы, или вѣрнѣе, въ годы слѣдующіе за урожайными. Здѣсь Россія буквально задыхается въ своемъ обиліи, вмѣсто того чтобъ обагащаться и улучшать свой кредитъ, пользуясь, подобно другимъ государствамъ, благопріятными для торговли годами.

Скажутъ, конечно, и не безъ основанія, что изъ Рыбинска въ Петербургъ слѣдуетъ проложить желѣзную дорогу, если возможно, прямо чрезъ Тихвинъ, и что тогда всѣ затрудненія будутъ устранены разомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по этой желѣзной дорогѣ будетъ сильное товарное движеніе, и она окажется доходною дорогой. Но, во-первыхъ, на проложеніе желѣзной дороги длиною въ 500 верстъ, по огромнымъ болотистымъ пространствамъ, потребуется много времени и денегъ, и вовторыхъ, какъ бывало на Московско-Козловской и Николаевской желѣзныхъ дорогахъ, товары могутъ и на желѣзной дорогѣ иногда ждать по нѣскольку мѣсяцевъ; на Рыбинской желѣзной дорогѣ это было бы тѣмъ болѣе возможно, что товарные вагоны шли бы съ грузомъ только въ Петербургъ, а оттуда возвращались бы почти пустые и управленіе желѣзной дороги не захотѣло бы или даже не было бы въ состояніи предпочитать интересъ общественной торговли своимъ частнымъ интересамъ. Надобно полагать что Рыбинская желѣзная дорога имѣла бы обратныхъ грузовъ вчетверо или впятеро меньше чѣмъ грузовъ идущихъ изъ Рыбинска до Петербурга. Слѣдовательно, посылаемые въ Петербургъ товары должны были бы оплачивать путь взадъ и впередъ, и перевозка обходилась бы не дешево; а потому интересы управленія дороги потребовали бы, по возможности, рав-

номѣрнаго распредѣленія транспортовъ *на весь годъ*. При такихъ условіяхъ, желѣзная дорога, хотя бы и несомнѣнно была полезна для нашей торговли, но далеко не была бы въ состояніи одна удовлетворять ея огромнымъ потребностямъ. Съ другой стороны, надобно надѣяться, что постепенное усиленіе пароходной службы на глубокой Шекснѣ,—которое, mirabile dictu! началось лишь за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, — устранитъ много неудобствъ, затрудняющихъ водяное сообщеніе. Впрочемъ, неудобства эти могутъ быть вполнѣ устранены только при усовершенствованіи всѣхъ средствъ перевозки, а также и стараго способа посредствомъ тяги лошадьми. Страшные конскіе падежи часто бываютъ послѣдствіемъ только крайней безпечности. И теперь, какъ бывало встарь, первыя отъ заразы павшія лошади бросаются погонщиками въ рѣку. Чрезмѣрное напряженіе и дурной кормъ предрасполагаютъ лошадей къ принятію заразы, которая весьма естественно распространяется между ними вслѣдствіе того что они пьютъ воду изъ рѣкъ, куда бросаются трупы околѣвшихъ, — и вотъ такимъ образомъ заражается вся мѣстность отъ Шексны до Волхова и даже до Петербурга (можетъ-быть заразу разносятъ и мухи, насосавшись лошадиныхъ труповъ плывущихъ по рѣкѣ). Мѣста наибольшаго развитія заразы суть берега Шексны, Мологи, Волхова; отсюда она расходится по всему краю. Здѣсь-то особенно требуется хорошо устроенное высшее ветеринарное учебное заведеніе. Это было бы малѣйшимъ и вмѣстѣ первымъ пожертвованіемъ отъ казны для отвращенія такого бѣдствія какъ скотскіе падежи. Только при пособіи подобнаго заведенія и на основаніи наблюденій, которыя оно дастъ, можно будетъ принять удовлетворительныя сельско-полицейскія мѣры, дабы остановить эту такъ-называемую Сибирскую язву; только чрезъ посредство воспитанниковъ подобнаго заведенія можно будетъ устроить правильный надзоръ за надлежащимъ примѣненіемъ предписанныхъ мѣръ. Воспитанники, еще въ школѣ, занимались бы практически своимъ предметомъ, собирая наблюденія надъ этою страшною язвой, которыя приносили бы большую пользу ихъ наукѣ и ставили бы ихъ самихъ въ возможность дѣйствовать въ послѣдствіи съ пользой. Этою мѣрою, которой разумная часть мѣстнаго населенія нетерпѣливо ожидаетъ, правительство ободрило бы напуганный народъ и пріобрѣло бы въ ней средство успѣшно бороться противъ заразы. Считаемъ не лишнимъ напомнить при этомъ о Дерптской ветеринарной школѣ, которая въ Дерптѣ, какъ уже доказано, не приноситъ никакой пользы; перенесенная сюда, на соотвѣтствующее ей мѣсто, она была бы истиннымъ благодѣяніемъ. Въ № 84 *Московскихъ Вѣдомостей* было даже указано на казенное зданіе, теперь праздно стоящее, достаточно обширное и очень удобное, такъ что перемѣщеніе упомянутой школы обошлось бы, вѣроятно, весьма не дорого правительству.

По новѣйшимъ донесеніямъ сельско-хозяйственнаго департамента Соединенныхъ Штатовъ, тамъ въ нынѣшнемъ году урожай необыкновенно обильный, и жатва цѣнится на 500 милліоновъ долларовъ выше обыкновеннаго средняго урожая. Прошлогодній плохой урожай далъ только 180 милліоновъ бушелей пшеницы, а въ текущемъ году считаютъ 250 милліоновъ бушелей, слѣдовательно 12-ю милліонами четвертей болѣе чѣмъ въ прошломъ году. Равнымъ образомъ, и въ западной Европѣ жатва въ нынѣшнемъ году круглымъ числомъ значительно превышаетъ прошлогоднюю. Если-бы наши пути сообщенія на югѣ и сѣверѣ дозволили намъ, при заключеніи прошлогодняго и при началѣ навигаціоннаго періода въ нынѣшнемъ году, вывезти весь нашъ отпускной запасъ хлѣба заблаговременно къ морскимъ берегамъ и отправить за границу, то Россія пріобрѣла бы черезъ то многіе милліоны.

№ 184.

Москва, 21-го августа.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было напечатано нѣсколько писемъ, вызывавшихъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита на отвѣтъ о его видахъ относительно выдачи ссудъ подъ имѣнія пріобрѣтаемыя въ западномъ краѣ. На одно изъ этихъ писемъ, помѣщенное въ № 164 нашей газеты, Правленіе Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита сочло нужнымъ отвѣчать въ *Кіевлянинѣ*. Но этотъ отвѣтъ, перепечатанный нами третьяго дня, нисколько не разъясняетъ дѣла. Правленіе говоритъ, что по закрытіи Товарищества Пріі-

обрѣтателей Имѣній оно получило правительственное сообщеніе о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ предполагается „возложить“ на Общество выдачу этихъ ссудъ, но ни основаній, сообщенныхъ ему правительствомъ, ни своихъ ветрѣчныхъ предположеній, которыя еще обсуждаются правительствомъ, оно не обозначило ни однимъ намекомъ, если только намекъ не заключается въ словѣ „возложить,“ показывающемъ, что выдача ссудъ должна быть сопряжена съ какими-нибудь *обязанностями*, конечно, въ пользу заемщиковъ. Именно эти обязанности и интересуютъ пріобрѣтателей имѣній, а тревожитъ и ихъ и всю русскую публику опасеніе, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита только воспользуется наслѣдствомъ Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній и никакихъ обязанностей по отношенію къ западному краю на себя не приметъ. Вотъ что требуетъ разъясненія, и что въ общихъ чертахъ весьма можетъ быть разъяснено безъ всякаго ущерба веденію переговоровъ между Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита и правительствомъ: вѣдь эти переговоры не международные, гдѣ бываютъ необходимы разныя военныя хитрости; равнымъ образомъ это не состязаніе между конкурентами, требующее до поры до времени секрета. Тутъ нѣтъ оправданій для утайки, причиняющей несказанный вредъ весьма многимъ интересамъ, какъ общимъ, такъ и частнымъ. Газета *Вѣсть*, ограничившаяся по этому дѣлу перепечаткой статьи г. Герстфельда изъ *Московскихъ Вѣдомостей*, приводитъ, какъ образецъ преувеличенія, наше замѣчаніе, что, по мнѣнію многихъ, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита можетъ погубить то дѣло, которое предполагается на него „возложить.“ Еслибъ эта газета имѣла въ виду разъяснить возбужденный вопросъ, а не напустить на него побольше тумана, то она не отдѣлалась бы отъ помянутаго замѣчанія одними междометіями, ничего не прибавляющими къ прискорбному молчанію Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита на дѣлаемые ему запросы. Въ помянутомъ замѣчаніи нашемъ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Оно основано не на слухахъ и толкахъ, идущихъ со сторонъ неблагопріятныхъ для Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Оно совершенно гармонируетъ съ единственною появившеюся въ нашей журналистикѣ статьей, которая несомнѣнно благопріятна этому Обществу,—съ статьей г. Герстфельда, потому что тотъ планъ, который излагается въ этой статьѣ, уже самъ по себѣ совершенно достаточенъ чтобы разстроить дѣло возвращенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ.

Въ чемъ заключаются главныя черты положенія этого дѣла? Западный край, который теперь долженъ быть усвоенъ Россіей, былъ долгое время отчужденъ отъ нея тою политикой, которая вступила въ силу со времени императора Павла I и нашла себѣ полное выраженіе въ системѣ управленія князя Чарторыйскаго. Обособленіе края было нужно чтобъ остановить его обрусеніе и сдѣлать напротивъ возможнымъ его ополяченіе, а потому были приняты всѣческія мѣры, чтобъ искусственно устранить всякія связи между нимъ и внутренними губерніями. Всего живѣе была забота о томъ, чтобы не проникало туда русское землевладѣніе. Въ предыдущемъ № *Московскихъ Вѣдомостей* перепечатано изъ *Кіевлянина* письмо одного Поляка-помѣщика Подольской губерніи къ русскому покупщику его имѣнія, повѣствующее объ одномъ изъ безчисленныхъ случаевъ вмѣшательства предводителей дворянства въ запродажныя сдѣлки между Поляками и Русскими съ цѣлію воспрепятствовать ихъ заключенію: предводитель укорялъ продавца, что тотъ продаетъ имѣніе не кому-либо изъ своихъ, а Русскому, и обѣщалъ принять всѣ мѣры чтобы не допустить русскаго покупщика до покупки имѣнія. При такомъ ходѣ дѣлъ весьма естественно, что западный край былъ почти закрытъ для русскихъ покупщиковъ, и что русскіе капиталы не могли приливать туда. Цѣны на тамошнія имѣнія, за малочисленностью конкурентовъ при ихъ покупкѣ, стоятъ низкія, между тѣмъ какъ имѣнія во внутреннихъ губерніяхъ, менѣе удобныя для хозяйства, несоразмѣрно дорожали, но политическій интересъ побуждалъ польскихъ владѣльцевъ подчиняться этимъ убыточнымъ для нихъ условіямъ, и не только русскіе покупатели были систематически отстраняемы, но былъ распространяемъ повсюду въ Россіи ошибочный взглядъ, будто западный край есть край бѣдный и будто тамошнія хозяйства находятся въ плохомъ положеніи. Эти противоположныя истинѣ понятія, а также совершенное отсутствіе торговыхъ сношеній и наконецъ неудовлетворительность путей сообщенія бы-

ли причиной того, что жители внутреннихъ губерній привыкли чуждаться западнаго края.

Привычки не скоро измѣняются. То, что укоренялось въ продолженіе столь значительнаго времени, не можетъ исчезнуть само собой. Русское землевладѣніе нельзя водворить въ западномъ краѣ, если не предоставить пріобрѣтателямъ тамошнихъ имѣній какихъ-нибудь льготъ предъ пріобрѣтателями имѣній въ губерніяхъ внутреннихъ. Теперь повсюду въ Россіи можно покупать имѣнія съ выгодой. Безъ упомянутыхъ исключительныхъ льготъ всякій покупщикъ предпочтетъ идти обычнымъ, знакомымъ ему путемъ, гдѣ всѣ шансы ему извѣстны, и напротивъ почти никто не отважится на рискъ въ краѣ для него новомъ, гдѣ ошибка гораздо возможнѣе и гдѣ на первыхъ порахъ даже нельзя обойдтись безъ ошибокъ. Правительство вѣрно понимало положеніе дѣлъ, когда въ видахъ водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ рѣшило предоставить покупщикамъ тамошнихъ имѣній такія кредитныя льготы, какія нельзя имѣть при покупкѣ имѣній въ губерніяхъ внутреннихъ. Только при этомъ условіи можетъ идти дѣло. Что же намѣревается сдѣлать Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита? Оно намѣревается уравнять условія выдачи ссудъ въ западномъ краѣ и въ губерніяхъ внутреннихъ, то-есть сдѣлать именно то, что наиболѣе вѣрнымъ образомъ устранило бы возможность совершенія дѣла, на него „возлагаемаго.“ Оно предполагаетъ употребить субсидію въ 250.000 руб. на усиленное погашеніе по закладнымъ листамъ его. Не думаемъ, чтобъ эта мѣра много подняла биржевую цѣну этихъ листовъ. Но положимъ, что ожиданія Общества исполнятся. Не будетъ ли вслѣдствіе того льготнѣе чѣмъ прежде покупать имѣнія повсюду въ Россіи? Не усилится ли привлекательность покупокъ на спекуляцію? Но такъ какъ удобства покупки будутъ равны повсюду, то не направится ли возбужденная такимъ образомъ предпріимчивость по прежнимъ путямъ и не поглотятъ ли эти пути такъ много свободныхъ капиталовъ, что еслибы правительство потомъ и рѣшилось возвратиться къ прежней вѣрной мысли о привлеченіи покупателей въ западный край какими-либо исключительными льготами, то будетъ поздно, потому что предпріимчивые люди уже успѣютъ завязать во внутреннихъ губерніяхъ такія дѣла, которыя не позволятъ имъ двинуться съ мѣста?

Вотъ почему весьма позволительно утверждать, что планъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, если только осуществится, не только можетъ, но непремѣнно долженъ повредить дѣлу водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Этотъ планъ состоитъ въ отмѣнѣ всѣхъ исключительныхъ льготъ, которыми правительство предполагало привлекать русскихъ покупщиковъ въ западный край, когда предоставляло пятимилліонный фондъ Товариществу Пріобрѣтателей Имѣній. Назначеніемъ этого фонда было открыть новое направленіе для русскихъ капиталовъ и русской сельско-хозяйственной предпріимчивости. Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита намѣренно напротивъ усиленно закрѣпить дѣла въ томъ положеніи, въ какомъ они теперь находятся, и для этой цѣли употребить тотъ самый фондъ, который былъ данъ на то, чтобъ измѣнить это положеніе! Бо́льшаго противорѣчія въ цѣляхъ, конечно, быть не можетъ.

№ 185.

Москва, 22-го августа,

Между тѣмъ какъ официозные органы Вѣнскаго кабинета усиливались приписать Зальцбургскому свиданію весьма важное политическое значеніе, между тѣмъ какъ они прибѣгали и къ утаеніямъ, и къ разнымъ таинственнымъ перифразамъ, дабы внушить вѣру въ заключеніе союзнаго, по крайней мѣрѣ оборонительнаго договора между Франціей и Австріей, парижская журналистика съ своей стороны разсыпалась въ варіяціяхъ на ту же тему, и даже пользующаяся внушеніями свыше газета сенатора Лагерроньера утверждала положительно, будто судьба Востока была рѣшена въ Зальцбургѣ и будто тамъ составился союзъ между Франціей, Англіей и Австріей дабы внушить Россіи и Пруссіи, этимъ строптивымъ державамъ, уваженіе къ трактатамъ. Цѣль этого союза могла казаться неопредѣленною; но сенаторъ-публицистъ потщился опредѣлить ее точнѣе, указавъ къ какимъ трактатамъ имѣется въ виду внушить уваженіе. Эти трактаты суть Парижскій 1856 г., который должна уважать Россія, и Пражскій 1866 г.,

котораго не должна нарушать Пруссія. Мы не возьмемъ на себя труда разъяснять неприличіе этого вызова, заявленнаго совершенно не кстати относительно Россіи. Парижскій трактатъ былъ недавно нарушенъ, но не Россіей, а тѣми державами, которыя поставили его противъ Россіи. Если Востокъ замутился вслѣдствіе сорванной съ этого международнаго обязательства печати, то это не вина Россіи. Не воевать же ей для поддержанія того порядка вещей, который основанъ на этомъ трактатѣ, и который вмѣстѣ съ нимъ нарушенъ. Что касается Пруссіи, то эти запоздалыя и безплодныя демонстраціи двухъ державъ, претерпѣвшихъ военныя и дипломатическія пораженія, могутъ казаться только смѣшными неловкостями. Разбитой на голову при Кениггрецѣ и Садовой, потерявшей Венеціанскую область, Австріи ли принимать на себя роль европейскаго жандарма? Г. фонъ-Бейстъ, безспорно, человѣкъ ловкій, но онъ никому не внушаетъ страха, и счастливый соперникъ только посмѣется надъ его международною ферулой. Почти то же можно сказать и о Франціи. Послѣ того какъ она требовала отъ Берлинскаго кабинета вознагражденій на Рейнѣ, въ которыхъ получила такой рѣшительный и сухой отказъ, было бы съ ея стороны ребячествомъ выставлять себя защитницей трактата, заключеннаго вопреки ей, или даже противъ нея, и утвердившаго порядокъ вещей, которому она тщетно пыталась воспротивиться.

Офиціозные комментаторы Зальцбургскаго свиданія распорядились по своему политикой Англіи. Они съ замѣчательною безцеремонностью утверждаютъ, будто Сентъ-Джемскій кабинетъ очертя голову бросился въ австро-французскій союзъ, тогда какъ, напротивъ, по всему надобно полагать, что британскіе государственные люди тщательно устранялись отъ этой политической импровизаціи и что теперешнее министерство королевы Викторіи болѣе чѣмъ когда-либо намѣрено не мѣшаться въ континентальныя дѣла, а втайнѣ и не совсѣмъ доброжелательно слѣдить за безпорядочными движеніями своего искренняго за-Ламаншскаго союзника.

Не довѣряя вполнѣ хвастовству австро-французскихъ газетъ, не тревожась упомянутымъ дѣйствительнымъ или мечтательнымъ „союзомъ," мы припоминаемъ однако французскую пословицу: „нѣтъ дыма безъ огня." Когда журналъ г-на де-Лагерроньера, имѣющій столько офиціальныхъ связей, печатаетъ прокламацію въ родѣ упомянутой выше, то остается узнать какой огонь скрывается за этимъ дымомъ и съ какою цѣлью произведенъ весь этотъ шумъ по поводу Зальцбургскаго свиданія. Напрасно разгадку этого стали бы мы искать въ словахъ, недавно произнесенныхъ Наполеономъ III въ Аррасѣ. Эти слова столь же непонятны какъ нѣкогда изреченія дельфійскаго оракула. Наполеонъ III сказалъ меру этого города, что лишь слабыя правительства „ищутъ во внѣшнихъ запутанностяхъ отвода для внутреннихъ затрудненій," и что „продолжая высоко держать національное знамя, не должно однако поддаваться безвременнымъ увлеченіямъ, сколько бы ни было въ нихъ патріотизма." Это истины неоспоримыя, которыхъ не могъ не знать и городъ Аррасъ, родина Робеспьера; но онѣ ни сколько не проливаютъ свѣта на вопросы, тревожащіе нынѣ общественное мнѣніе. Считаетъ ли правительство Наполеона III себя сильнымъ или слабымъ? Ищетъ ли оно или не ищетъ возбудить *внѣшнія запутанности*, дабы избѣгнуть внутреннихъ затрудненій? Это рѣшитъ уже исторія. Изъ фактовъ всѣмъ извѣстныхъ проистекаетъ только то, что императоръ Французовъ счелъ умѣстнымъ посѣтить единственнаго государя, не пріѣзжавшаго въ Парижъ, и что офиціозные органы обоихъ правительствъ наперерывъ другъ предъ другомъ старались приписать этому свиданію характеръ угрожающій и даже наступательный относительно двухъ другихъ великихъ державъ.

Рѣчь, сказанная Наполеономъ III меру города Лилля, столь же загадочна и темна, какъ и произнесенная имъ въ Аррасѣ. Она запечатлѣна какимъ-то меланхолическимъ оттѣнкомъ. Царственный ораторъ сознается, что не все ему улыбается, и что на его горизонтѣ появились „черныя точки." Подобно Шиллерову Донъ-Карлосу, онъ сообщаетъ жителямъ Лилля, что die schönen Tage von Aranjuez sind vorüber,—но прибавляетъ, что „мимолетныя невзгоды не могутъ повергнуть его въ уныніе, „что Франція должна сознавать свою силу и не смущаться мечтательными опасеніями."

Все это очень справедливо, и быть-можетъ очень трогательно; но во всемъ этомъ рѣшительно не высказано ничего положи-

тельнаго, ничего что̀ могло бы успокоить тревоги вызванныя Зальцбургскимъ свиданіемъ и рѣзкимъ тономъ австро-французской журналистики, на что не менѣе рѣзко отвѣчала, до сихъ поръ еще грубоватая, берлинская печать. Если принимать печать за барометръ политическаго положенія, то оно отличается нынѣ напряженностью и раздраженіемъ. При официальномъ молчаніи, общественное мнѣніе принуждено ограничиваться догадками, дабы разобрать что̀ было сдѣлано въ Зальцбургѣ, или что̀ тамъ пытались сдѣлать. Если слухъ, и одна вѣнская газетка, какъ приводится ниже въ „Послѣдней Почтѣ," излагаетъ его довольно обстоятельно,— слухъ будто Зальцбургское свиданіе было направлено не столько противъ Пруссіи, сколько противъ Россіи, на которую будто бы весьма скоро должна будетъ ополчиться европейская коалиція, а первымъ шагомъ къ этой коалиціи должно будто бы быть стараніе Франціи отвлечь Пруссію отъ союза съ Россіей. Надобно думать, что этотъ слухъ основанъ лишь на догадкахъ, вызванныхъ отчасти официозными завѣреніями, будто въ Зальцбургѣ даже не было и рѣчи о южно-германскомъ союзѣ, а отчасти извѣстіемъ, что г. Руэръ, будто бы видѣвшійся гдѣ-то въ Германіи съ графомъ Бисмаркомъ, имѣетъ порученіе отправиться въ Вѣну, куда онъ теперь и прибылъ. Возможность подобной коалиціи отрицать нельзя, и надобно имѣть ее въ виду, дабы предотвратить ее, но теперь, повидимому, до нея еще довольно далеко. Пруссіи теперь вовсе не разчетъ ссориться съ Россіей, еслибы даже она и не считала для себя поучительнымъ примѣръ Австріи, все потерявшей послѣ той неблагодарности, которая должна была удивить міръ. Пока гораздо ближе и для Франціи, и для Австріи забота объ ограниченіи слишкомъ быстро возвысившагося могущества Пруссіи. Въ Парижѣ, какъ и въ Вѣнѣ, должны желать и придумывать возмездіе: тамъ не хотятъ и не могутъ помириться съ тѣмъ, чтобы могущество Пруссіи упрочилось въ тѣхъ размѣрахъ, какіе оно пріобрѣло недавно. Эта взаимность страстей и интересовъ должна была повести къ обмѣну идей, которыя послужили бы основой для совокупности будущаго дѣйствія. Оба правительства понимаютъ опасность игры, на которую они замыслили отважиться; они естественно усиливаются собрать всѣ шансы успѣха. Съ этою цѣлью они ласкались содѣйствіемъ южной Германіи и съ этою надеждой приглашали ее прочно соединиться вокругъ императоровъ австрійскаго и французскаго. Надежда эта, повидимому, оказалась не совсѣмъ вѣрною; но несомнѣнно то, что поѣздка Наполеона III была военно-политическая рекогносцировка на непріятельскихъ аванпостахъ.

Что касается до восточнаго вопроса, который австрійскіе журналы преимущественно ставили на первый планъ, то о немъ, по всему вѣроятію, въ Зальцбургѣ говорили только случайно и по своекорыстному запросу Вѣнскаго кабинета. Г. фонъ-Бейстъ, который несмотря на свои блестящія неудачи, ни въ чемъ не сомнѣвается, а въ себѣ самомъ еще менѣе нежели въ чемъ бы то ни было, не довольствуются покушеніемъ отмстить за Кениггрецъ и мечтой о возстановленіи могущества Австріи въ Германіи; онъ помышляетъ о территоріальныхъ вознагражденіяхъ за утрату Венеціанской области и надѣется найдти эти вознагражденія именно въ Босніи и Герцеговинѣ, на что̀, повидимому, и Англія была бы готова смотрѣть сквозь пальцы, еслибы можно было ожидать уступчивости со стороны Россіи.

Таковы, по всему вѣроятію, были мысли обмѣненныя въ Зальцбургѣ. Время покажетъ исполнимы ли эти мысли. Все что̀ мы пока можемъ сказать о вознагражденіяхъ на Востокѣ, состоитъ въ томъ, что „союзникамъ зальцбургскимъ лучше бы отказаться отъ нихъ. Россія не имѣетъ завоевательныхъ видовъ на Востокѣ, но не потерпитъ, чтобы другія державы присвоили себѣ хотя малѣйшую часть изъ турецкаго наслѣдія. Востокъ принадлежитъ его народамъ.

Въ заключеніе мы не можемъ не обратить вниманія на дипломатическое событіе гораздо большей важности чѣмъ Зальцбургское свиданіе. Вмѣшательство западныхъ державъ въ дѣла Америки дало Соединеннымъ Штатамъ поводъ и право принять участіе въ восточномъ вопросѣ. Нота правительства могущественной республики, переданная Высокой Портѣ по критскому дѣлу, открываетъ собой новую эпоху международныхъ отношеній. Система политическаго равновѣсія существенно измѣняется съ появленіемъ новаго могущественнаго члена новой великой державы. Политиче-

скіе планы, дѣланные безъ разчета на это событіе, теперь никуда не годятся.

№ 186.

Москва, 23-го августа.

Намъ пишутъ изъ Вильны, что тамъ снова возбуждается вопросъ о проведеніи желѣзной дороги изъ Пинска въ Бѣлостокъ и дальнѣйшемъ протяженіи ея до пристани Дубровицъ, на Горынѣ, въ сѣверной части Волынской губерніи.

Странное явленіе представляютъ эти столь часто возбуждаемые у насъ вопросы, клонящіеся къ чьей-нибудь пользѣ, только не къ пользѣ Россіи. Неожиданно возникаютъ они вблизи той или другой административной среды, на казенный счетъ собираются для нихъ данныя, и русскіе чиновники приводятъ эти данныя въ желаемую систему, дабы доказать великую пользу предлагаемаго рѣшенія. Продолжительная и упорная борьба требуется для того чтобы дѣло обнаружилось наконецъ въ его истинномъ видѣ, и чтобы проектъ былъ отложенъ въ сторону. Не много пройдетъ послѣ того времени, и старое дѣло вдругъ воскреснетъ, въ видоизмѣненной формѣ, но съ прежнимъ характеромъ и съ прежними пріемами. Еще недавно опровергнутые доводы повторяются сызнова какъ ни въ чемъ не бывало, и опять начинается работа ихъ опроверженія. Хорошо еще, если такому періодически возраждающемуся вопросу дается нѣкоторая гласность; но иногда онъ ведется келейно, и публика случайно узнаетъ о немъ уже когда все дѣло близко къ окончанію. Всякія партіи, домашнія и заграничныя, работаютъ такимъ образомъ для достиженія своихъ цѣлей. Графъ Бисмаркъ объявлялъ открыто въ парламентѣ, что держитъ въ Петербургѣ особаго агента, дабы распространять въ нашей администраціи правильныя, то-есть выгодныя для Пруссіи понятія политической экономіи. Не этимъ ли учителямъ обязаны мы отвлеченіемъ торговли отъ нашихъ балтійскихъ портовъ и привлеченіемъ ея къ портамъ прусскимъ, или проведеніемъ Ковенско-Вержболовской вѣтви Варшавской желѣзной дороги, въ исключительныхъ выгодахъ Кенигсбергскаго порта и прусской сухопутной торговли?

Впервые мысль о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ возникла вовсе не въ Россіи. Въ 1861 году, въ Пруссіи, именно въ Познани, была напечатана брошюра о важности Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги и необходимости соединенія ея черезъ Лыкъ съ Кенигсбергомъ. Въ то время только что начиналась постройка желѣзной дороги въ Восточной Пруссіи изъ Кенигсберга къ Летцену и далѣе на Лыкъ. Дорога эта, соединяющая прусскія крѣпости Кенигсбергъ и Летценъ, весьма важна для Пруссіи въ военномъ отношеніи; но имѣя малое протяженіе и проходя по странѣ не изобильной ни сельскими произведеніями, ни мануфактурами, дорога эта не обѣщала быть доходною, еслибы не имѣла видовъ на продолженіе въ глубь Россіи. Напротивъ, продолженіемъ этой линіи, Пруссаки очевидно вознаградили бы себя за издержки, на которыя они рѣшились въ стратегическихъ видахъ. Доходность Лыко-Кенигсбергской дороги усилилась бы, еслибъ удалось искуственно притянуть къ Кенигсбергскому порту произведенія сѣверной части юго-западнаго края и губерній Гродненской, Виленской и Минской. Сверхъ того, соединяя нѣмецкія колоніи въ Бѣлостокѣ и въ ближайшихъ мѣстностяхъ (Супрасль, Хорощь и т. д.) съ Германіей, желѣзная дорога изъ Лыка въ Пинскъ обезпечивала бы въ будущемъ успѣхи нѣмецкаго Drang nach Osten, и Царство Польское отрѣзывалось бы нѣмецкою полосой отъ сѣверо-западной Россіи. Все это сильно побуждало Нѣмцевъ поднять вопросъ *о важности для Россіи* Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги и необходимости соединенія Бѣлостока съ Лыкомъ. Тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ прусской брошюры, въ Вильнѣ была составлена *пояснительная записка* о необходимости и важности сооруженія Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, соединенія ея съ Лыкомъ и продолженія на Волынь. Эта пояснительная записка представляла лишь наборъ словъ на основаніи невѣрныхъ цифръ, почерпнутыхъ главнымъ образомъ изъ познанской брошюры. Свойство всякаго проекта желѣзной дороги есть возбужденіе агитаціи въ той мѣстности, по которой предполагается провести ее, потому что нѣтъ такой мѣстности, которая не желала бы для себя желѣзной дороги. Въ 1862 году нѣсколько помѣщиковъ западнаго края вошли уже къ глав-

ноуправляющему путей сообщенія съ просьбою составить общество Литовской желѣзной дороги и приступить къ необходимымъ изысканіямъ. Варшавскія газеты наполнялись въ то же время статьями по поводу новой желѣзной дороги, и мы не помнимъ, чтобы какая-либо тема обсуждалась ими съ такою подробностью какъ эта, а при тогдашнемъ состояніи петербургской журналистики нетрудно было достигнуть, что и въ Петербургѣ появился рядъ газетныхъ статей, усиленно ратовавшихъ за эту линію. Правительство дозволило произвести изысканія, но концессіи не обѣщало. Вспыхнувшій вскорѣ мятежъ прекратилъ дѣло объ устройствѣ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги. Въ настоящее же время, когда приходитъ къ окончанію постройка дороги изъ Кенигсберга на Лыкъ, возникаетъ снова вопросъ о Пинско-Бѣлостокской линіи. Если теперь не говорятъ о соединеніи Бѣлостока съ Лыкомъ, то потому только, что этотъ вопросъ еще въ будущемъ. Нельзя въ самомъ дѣлѣ допустить, чтобы товары пришедшіе по Пинско-Бѣлостокской дорогѣ шли потомъ на Либаву и Ригу, черезъ Вильну или Динабургъ, а не направлялись бы по прямому пути на Кенигсбергъ, черезъ Лыкъ. Еслибъ еще не было соединительной вѣтви между Бѣлостокомъ съ Лыкомъ, то товары дѣлали бы этотъ малый переходъ на колесахъ. Пинско-Бѣлостокская дорога, оказавъ такимъ образомъ существенную поддержку прусской Кенигсбергско-Лыкской желѣзной дорогѣ, внутри страны имѣла бы главнѣйшимъ образомъ только то дѣйствіе, что подорвала бы окончательно Ковенскую вѣтвь Главнаго Общества, и затруднила бы постройку Либавской линіи. Сама же Бѣлостокско-Пинская дорога не приносила бы достаточнаго дохода. Полѣсье изобилуетъ только лѣсными продуктами, а между тѣмъ значительныя рѣки, Припѣть, Пина, Ясельда, Стырь, Горынь, Случь, перерѣзываютъ его во всѣхъ направленіяхъ. Каналы Днѣпровско-Бугскій и Огинскаго связываютъ его съ бассейнами Вислы и Нѣмана. Помощью этихъ рѣкъ и каналовъ соединяются моря Черное и Балтійское, юго-западная Россія съ сѣверо-западною. Судоходство продолжается въ году 7½ (Огинскій каналъ), 8 (Припеть) и 9 мѣсяцевъ (Стырь). Главныя препятствія для судоходства заключаются въ мелководіи каналовъ въ сухое лѣто и нерасчисткѣ рѣчныхъ руслъ, но эти недостатки общи всѣмъ нашимъ водянымъ сообщеніямъ и исправимы безъ большаго труда. Размѣры судовъ, двигающихся по рѣкамъ и каналамъ Полѣсья, довольно значительны и свидѣтельствуютъ объ удобствахъ судоходства. Такъ суда идущія по Припети подымаютъ: барки отъ 5 до 20 тыс. пудовъ, берлины отъ 4 до 12 тыс., тиляры до 2 тыс. и дубы отъ 300 до 500 пудовъ. Суда идущія по Огинскому каналу подымаютъ: барки 2 тыс пудовъ, полубарки 1 тыс., лодки 300 пудовъ. Суда идущія по Днѣпровско-Бугскому каналу подымаютъ: барки отъ 3 до 5 тыс. пудовъ, полубарки отъ 1 до 2 тыс., лодки отъ 100 до 800 пудовъ. Огинскій каналъ болѣе всѣхъ подвергается охулкѣ; но этимъ каналомъ, въ періодъ 1844 — 1847 годовъ, прошло 507 барокъ, 92 полубарки и 5.138 лодокъ.

Цѣны за провозъ съ пуда, принимая въ разсужденіе громоздкость товаровъ (ленъ, хлѣбъ, льняное сѣмя, пенька, соль, смола, водка и т. п.) и протяженіе ими проходимое, весьма невелики:

Отъ Пинска	до	Кременчуга . . .	11—18 коп.
„ „	„	Кіева	10—16 „
„ „	„	Бреста	5—8 „
„ „	„	Новаго двора . . .	8—15 „
„ „	„	Гродна.	12—20 „
„ „	„	Варшавы.	12—20 „
„ „	„	Данцига	25—30 „

За буксированіе пароходомъ барки отъ Кременчуга до Пинска берется отъ 400—600 рублей. Такимъ образомъ, провозъ пуда отъ Кременчуга до Данцига обходится 36—48 коп., отъ Кременчуга до Варшавы 23—35 коп. Едва ли перевозъ по желѣзной дорогѣ, на тѣхъ же разстояніяхъ, можетъ когда-либо обходиться дешевле.

Бездоходность проектируемой Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги слишкомъ очевидна. По изысканію, сдѣланному въ 1862 году, протяженіе дороги составитъ 294 версты; стоимость версты исчислена въ 59.000 р., а всей дороги въ 3.480.960 фунтовъ стерлинговъ, или 21.756.000 р. Просимая у правительства гарантія (5 % съ основнаго капитала и 1½ на его погашеніе) составляетъ 1.088.000 р. Если въ основаніе для разчетовъ о возможной доходности дороги принять самые благопріятные для пинской торговли года: 1855, 1856 и 1857, когда стоимость товаровъ,

грузившихся и разгружавшихся въ Пинскѣ и прошедшихъ мимо него, простиралась среднимъ числомъ ежегодно до 5.188.000 рублей, то и тогда общество не можетъ разчитывать на какой-либо доходъ отъ дороги. Вычти изъ этой суммы 2.187.860 рублей за стоимость грузовъ отправлявшихся непосредственно въ города Брестъ, Кобринъ, Слонимъ и мѣстечко Телехалы, получимъ что изъ Пинска въ Царство Польское и Пруссію ежегодно проходитъ грузовъ каналами Огинскимъ и Днѣпровско-Бугскимъ на сумму около 2.998.140 руб. Если допустить въ пользу прожектеровъ, что весь этотъ грузъ оставитъ водяное сообщеніе и двинется по желѣзной дорогѣ, то валовой сборъ за провозъ его можетъ дойдти до 300.000 руб. сер. При этомъ не только нельзя разчитывать на какіе-нибудь барыши, но едва ли будетъ чѣмъ поддерживать подвижной и личный составъ желѣзной дороги.

Но скажутъ, экономическія невыгоды Пинско-Бѣлостокской линіи выкупятся ея стратегическимъ значеніемъ. Именно стратегическаго-то значенія (то-есть для Россіи) никакъ невозможно признать за этою дорогой. Она ни въ какомъ случаѣ не устранитъ необходимости, въ военномъ отношеніи, открыть прямое рельсовое сообщеніе Варшавы съ Москвой. Какія войска будутъ двигатьси въ военное время изъ Полѣсья къ Бѣлостоку? Можетъ ли Полѣсье служить операціоннымъ базисомъ или театромъ войны? Или (если допустить, что армія собранная подъ Бѣлостокомъ, вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ будетъ вынуждена отступать), развѣ можно предположить, чтобы нашелся генералъ, который повелъ бы отступающую армію въ Полѣсье, гдѣ ей нечего защищать, на безкормицу, бездорожье и вѣрную гибель? Наконецъ, Бѣлостокъ есть одинъ изъ слабѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ на нашей западной границѣ, и въ случаѣ войны съ Пруссіей, мы всегда должны ожидать перерыва сообщенія въ этомъ пунктѣ между Петербургомъ и Варшавой. Ставить слѣдовательно Бѣлостокъ узломъ желѣзныхъ дорогъ отнюдь нельзя въ интересахъ Россіи.

Какое дѣйствіе оказала бы Пинско-Бѣлостокская желѣзная дорога въ политическомъ отношеніи?

Привислянскій край уже находится нынѣ въ зависимости отъ Данцигскаго порта, который уже оказываетъ сильное германизующее дѣйствіе на весь внутренній районъ, находящій въ немъ сбытъ для своихъ продуктовъ. Пинско-Бѣлостокская дорога стала бы для Кенигсберга тѣмъ что теперь Висла для Данцига; она привязала бы къ Кенигсбергу весь районъ окружающій Полѣсье, благодаря обильнымъ водянымъ сообщеніямъ весьма обширный, простирающійся даже до Кіева и Кременчуга. Поставивъ эти пространства въ зависимость отъ Кенигсберга, она искусственно предала бы ихъ германизаціи. Пруссія теперь наша добрая сосѣдка; мы знаемъ, что она дорожитъ дружбой съ нами. Но мы не должны искусственно создавать тяготѣнія, которыя невольно вызывали бы въ Пруссіи виды на нашъ западный край. Что эти виды уже теперь искушаютъ иныхъ прусскихъ патріотовъ, тому можно привести не мало доказательствъ, и мы считаемъ не лишнимъ обратить въ этомъ отношеніи вниманіе публики на замѣчательныя, тщательно выработанныя статьи, появляющіяся именно теперь въ весьма распространенномъ брауншвейгскомъ изданіи *Unsere Tage*, подъ заглавіемъ *Призваніе Пруссіи на Востокъ* (*Preussen's Beruf im Osten*) Этихъ статей появилось въ помянутомъ изданіи не менѣе семи: на нѣкоторыя изъ нихъ уже было указано въ нашей газетѣ. На этотъ разъ мы остановимся на IV статьѣ, разсуждающей о значеніи конгресской Польши для Россіи и для Пруссіи. Опору для неминуемаго въ будущемъ завоеванія этого края Пруссіей авторъ находитъ въ польскихъ Евреяхъ, которые „уже восемь сотъ „лѣтъ говорятъ нѣмецкимъ языкомъ, вла„дѣютъ всею торговлею страны“ и замѣтно размножаются: въ 1860 году ихъ считалось въ Варшавѣ 42.723 души, а въ 1865 году 72.776. Не менѣе надеждъ онъ возлагаетъ и на тѣхъ Нѣмцевъ, которыхъ, по его показанію, русское правительство все болѣе и болѣе привлекаетъ въ страну, стараясь дать отпоръ преобладающему польскому племени. Авторъ прямо заявляетъ, что эти Нѣмцы „скорѣе обраща„ются въ Поляковъ чѣмъ въ Русскихъ, „но по большей части сохраняютъ свою „національность и тогда всѣ ихъ симпа„тіи невольно стремятся къ родному за„паду.“ Въ случаѣ войны съ Пруссіей, говоритъ онъ „русское войско, среди „враждебнаго населенія, окруженное съ

„обоихъ фланговъ врагами, едва ли избѣ„жало бы печальной участи быть отрѣ„заннымъ и уничтоженнымъ."

Считаемъ не лишнимъ привести изъ этой статьи нѣсколько болѣе обширныхъ отрывковъ.

„Въ стратегическомъ отношеніи наступательное положеніе Россіи на Вислѣ заслуживаетъ большаго вниманія... Политика не можетъ и не должна основываться въ своихъ мѣрахъ на временномъ положеніи дѣлъ. Родство царствующихъ домовъ не представляетъ для государствъ прочной защиты отъ взаимныхъ обмановъ и взаимной вражды; исторія доказываетъ это на каждой страницѣ; она доказываетъ это и на отношеніяхъ Россіи и Пруссіи. Тѣмъ не благоразумнѣе было бы разчитывать на дружбу основанную на династическихъ связяхъ, когда эти связи вновь не закрѣпляются. Нѣтъ, Пруссія должна быть готова на то, что рано или поздно ея могущественная сосѣдка воспользовавшись своимъ грознымъ военнымъ положеніемъ въ Польшѣ, подвергнетъ величайшей опасности цѣлость Прусскаго государства, начавъ съ провинціи Пруссіи. А потому вожди Прусскаго государства обязаны, въ предотвращеніе этой случайности, вытѣснить Россію изъ ея выгоднаго положенія, покуда не ушло время.

„Не менѣе важное значеніе для Пруссіи имѣетъ Польша въ финансовомъ и политико-экономическомъ отношеніяхъ. Она обладаетъ по большей части плодоносною почвой, большими лѣсами; въ нѣдрахъ ея земли хранятся значительныя минеральныя сокровища, преимущественно каменный уголь, желѣзная руда, цинкъ. У нея есть всѣ существенныя условія крупной промышленности, которая отчасти уже теперь достигла значительной степени развитія. Далѣе Польша есть естественное поприще торговой дѣятельности для прусскихъ городовъ: Вреславля, Познани, Бромберга, Торна, Кенигсберга, Данцига и даже Штеттина.

Уяснивъ по своему всю безполезность и даже вредъ Польши для Россіи и всю ея важность для Пруссіи, авторъ предлагаетъ даже и способы для завладѣнія этою страной.

Не трудно привлечь, хотя на короткое время, именно при нападеніяхъ на Россію, легкомысленные умы Поляковъ и употребить ихъ какъ средство для водворенія въ странѣ прусскаго владычества. Теперешнее любезничанье съ ними австрійскаго правительства не можетъ долго служить препятствіемъ: это правительство ничего не дастъ Полякамъ; ему въ пору неутомимо работать у себя дома, чтобъ удержать государство отъ быстро приближающагося паденія.

Въ заключеніе авторъ дѣлаетъ такой выводъ:

Владѣніе *нѣмецкими* прибалтійскими губерніями чрезвычайно важно для Пруссіи въ финансовомъ и политическомъ отношеніи; но еще болѣе причинъ дорожить ими имѣетъ Россія, для которой онѣ драгоцѣнны во всѣхъ отношеніяхъ, не исключая и стратегическаго. По этому она будетъ защищать ихъ до послѣдней капли крови. Изъ этого слѣдуетъ, мнѣ кажется, что Пруссія должна исполнить сперва болѣе легкую задачу, то есть завладѣть Польшей, не теряя изъ виду пріобрѣтенія остзейскаго края.

№ 187.

Москва, 24-го августа.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ Вильнѣ напечатана — исключительно для офиціальной публики — брошюра *Значеніе Пинско-Бѣлостокско и Ковенско-Либавской желѣзныхъ дорогъ*, составленная, какъ сказано въ ея заглавіи, при управленіи генералъ-губернатора. Авторъ этой брошюры есть, очевидно, лицо офиціальное, пользующееся нѣкоторымъ вѣсомъ, но сама брошюра, всѣмъ своимъ содержаніемъ, свидѣтельствуетъ, что этотъ вѣсъ ея автора долженъ быть объясняемъ единственно тою трудностью, съ которою сопряжено для начальниковъ распознаваніе людей, старающихся обращаться къ нимъ, разумѣется, лишь своею выгодною стороной. Такой чиновникъ, какъ авторъ помянутой брошюры, можетъ все доказать: онъ передѣлаетъ и сгруппируетъ по-своему данныя, которыя тѣмъ не менѣе будутъ имѣть въ рукахъ его видъ офиціальныхъ данныхъ, заслуживающихъ довѣрія, а право на довѣріе къ своимъ мыслямъ онъ постарается пріобрѣсти заявленіемъ своей ревности къ самымъ благонамѣреннымъ цѣлямъ. Пріемы такого свойства легко дозволятъ напр. доказывать, что въ видахъ обрусенія края

русскій языкъ долженъ быть воспрещаемъ въ этомъ краѣ для религіознаго употребленія инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, хотя они и должны быть терпимы, или что съ цѣлію освобожденія русской торговли отъ подчиненія заграничнымъ портамъ непремѣнно должно строить желѣзные пути, ведущіе прямо въ одинъ изъ иностранныхъ портовъ, какъ напримѣръ въ Кенигсбергъ. Эту послѣднюю задачу авторъ виленской брошюры и избралъ темой своего упражненія. Ему понадобилось воскресить поданный было въ 1862 году, но отложенный въ сторону проектъ такъ-называвшейся тогда Литовской желѣзной дороги (Бѣлостокъ-Корецъ), которая, вмѣстѣ съ украинскою (Корецъ-Бердичевъ и далѣе на западъ и югъ), должна была изолировать западный край отъ внутреннихъ губерній и привязать его интересы къ Кенигсбергу. Тогда было время откровенное, и помянутая цѣль довольно прямо указывалась въ литографированной Пояснительной Запискѣ къ прошенію учредителей Общества Литовской желѣзной дороги. „Съ построеніемъ этой дороги, было тамъ сказано, многіе пути въ этомъ пространствѣ Россіи получили бы другое и *притомъ выгоднѣйшее* направленіе: такъ сообщеніе Одессы и всего новороссійскаго края съ Петербургомъ было бы уже не черезъ Кіевъ, а посредствомъ Литовской желѣзной дороги черезъ Бѣлостокъ; отъ самаго даже Кіева гораздо выгоднѣе было бы ѣхать въ Петербургъ не на Москву, а до Корца по шоссе, и оттуда желѣзною дорогой къ сѣверу.“ Далѣе въ той запискѣ допускалось, что проведеніе желѣзной дороги съ Волыни къ иностранному порту послужило бы въ ущербъ всѣмъ прибалтійскимъ городамъ, для которыхъ и безъ того всякая конкурренція съ Кенигсбергомъ, послѣ отмѣны въ Пруссіи транзитной пошлины, становится дѣломъ совершенно невозможнымъ, но въ утѣшеніе говорилось, что Кенигсбергъ, хотя и иностранный портъ, въ сущности для насъ будетъ портофранко, и притомъ болѣе удобнымъ чѣмъ всякій изъ нашихъ портовъ, а судьба нашихъ прибалтійскихъ портовъ должна имѣть для насъ значеніе второстепенное и заботиться слѣдуетъ не о какихъ-либо частныхъ выгодахъ нѣкоторыхъ изъ приморскихъ городовъ нашихъ, а напротивъ о томъ, какимъ бы образомъ удержать за *всею* Россіей первенство въ европейской хлѣбной торговлѣ. На такихъ соображеніяхъ былъ основанъ проектъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, поданный въ 1862 году въ главное управленіе путей сообщенія. И что же? Теперь этотъ проектъ вынимается изъ-подъ зеленаго сукна безъ всякаго измѣненія, кромѣ возвышенія просимой гарантіи съ 2.250 р. на версту до 3.700, то-есть слишкомъ на 60%. Помимо этого возвышенія, въ самомъ проектѣ не перемѣнено ни іоты, и тѣмъ не менѣе, брошюра, написанная въ его защиту, прямо утверждаетъ, что онъ клонится къ предоставленію Либавѣ тѣхъ грузовъ, которые идутъ теперь на Кенигсбергъ и Мемель, то-есть утверждаетъ то, что прямо противоположно тѣмъ послѣдствіямъ, которыя должно имѣть проведеніе желѣзной дороги, предлагаемой въ брошюрѣ. Какъ бы въ насмѣшку надъ читателемъ, даже въ заглавіи брошюры Пинско-Бѣлостокская желѣзная дорога связана во едино съ Ковенско-Либавскою, и авторъ съ виду ратуетъ и за ту и за другую, хотя въ дѣйствительности нѣтъ линіи, которая была бы для Ковенско-Либавской дороги убійственнѣе чѣмъ Пинско-Бѣлостокская. Взглядъ на карту показываетъ, что для сбыта по ковенско-либавскому пути требуется прямое продолженіе его на югъ отъ Ландварова, между тѣмъ какъ Пинско-Бѣлостокская линія есть прямое продолженіе прусской Лыко-Кёнигсбергской дороги. Для Либавы нуженъ путь не по бѣднымъ и болотистымъ уѣздамъ западнаго края, а по богатой мѣстности на Новогродокъ или Минскъ и далѣе (по водораздѣлу) на Слуцкъ и Петриково, отъ котораго Припеть становится удобнѣе для судоходства. Но еслибы надобно было избрать во что бы то ни стало именно Пинскъ, а не какой-либо иной пунктъ отправленія, стараясь впрочемъ о соглашеніи интересовъ Пинска съ Либавой, то и тогда нельзя было бы придти къ мысли о направленіи желѣзной дороги изъ Пинска на Бѣлостокъ, потому что путь на Бѣлостокъ удлиняетъ сообщеніе Пинска съ Либавой на 240 верстъ и наоборотъ сокращаетъ сообщеніе его съ Кенигсбергомъ на 140 верстъ, слѣдовательно налагаетъ на торговлю чрезъ Либаву ущербъ равняющійся стоимости 380 верстъ перевоза, то-есть $9^1/_2$ к. съ пуда и 80 коп. съ четверти, причемъ, разумѣется, никакая конкурренція невозможна.

Однимъ уже этимъ достаточно характе-

ризуется названная брошюра: Мы не дадимъ себѣ труда подробно разбирать отрывочныя мысли, фантазіи и воздыханія, приводимыя въ ней, но по необыкновенности дѣла разсмотримъ справедливость главныхъ фактическихъ данныхъ, на которыхъ она основывается.

Трудно объяснить какъ могло появиться въ печати показаніе этого офиціальнаго автора, что губерніи сѣверо-западнаго края производятъ крайне мало хлѣба. Губерніи эти исключительно земледѣльческія. Въ нихъ не развиты ни промыслы, ни мануфактуры, и за исключеніемъ неурожайныхъ годовъ, бывающихъ вездѣ, губерніи сѣверозападнаго края сами сбываютъ ежегодно излишекъ своего хлѣба въ Пруссію и Царство Польское: иначе изъ чего бы мѣстное населеніе,—какъ сказано, не промышленное, а земледѣльческое,—выплачивало государственныя подати и покупало ежегодно ввозимые въ западный край мануфактурные и колоніяльные товары? По мнѣнію автора брошюры, этому краю постоянно угрожаетъ голодъ, и авторъ не жалѣетъ красокъ чтобы порядкомъ напугать своихъ читателей. Общій торговый застой, экономическое оцѣпенѣніе, сонъ охватившій цѣлый край, производительность уменьшающаяся съ каждымъ годомъ и угрожающая окончательнымъ разореніемъ, все это попадается чуть не на каждой страницѣ (см. напр. стр. 10, 11, 12, 13 и 14); увлеченіе доводитъ автора даже до увѣренія будто всѣ четыре времени года проходятъ для населенія большаго пространства этой страны въ совершенномъ бездѣйствіи. (Такъ сказано буквально на стр. 11). Это впрочемъ говорится мимоходомъ для характеристики положенія дѣлъ, столь жалкаго подъ русскимъ управленіемъ, что во *всѣхъ* нынѣшнихъ западныхъ губерніяхъ торговая дѣятельность далеко не такъ развита теперь какъ въ царствованіе великаго князя Витовта (стр. 6). Для офиціальнаго доказательства такихъ невѣроятныхъ истинъ приведены цифры собранныя будто бы отъ коммиссій народнаго продовольствія, и показывающія, что на мѣстное продовольствіе и на другія надобности въ 1865 г. не доставало одного озимаго хлѣба:

Въ Виленской губерніи	664.058	четвертей.
„ Ковенской „	68.143	„
„ Гродненской „	318.306	„
„ Минской „	779.011	„
„ Витебской „	140.129	„
„ Могилевской „	277.201	„

Прибавимъ къ этому 300.000 четвертей озимаго хлѣба, необходимаго для довольствія войскъ расположенныхъ въ сѣверозападномъ краѣ, и получимъ, что въ 1865 году не доставало тамъ не менѣе 2.246.848 четвертей озимаго хлѣба. Край, слѣдовательно, долженъ былъ купить хлѣба, для избѣжанія голодной смерти, minimum на 11.234.240 р. (считая по 5 р. за четверть). Выводъ стоящій ссылки на каналы и шоссе временъ Витовтовыхъ! Чтобы понять всю нелѣпость этого вывода, надобно вспомнить, что все количество ржи, которое Россія сбываетъ за границу, черезъ моря Бѣлое, Балтійское, Черное и Азовское, и по всей нашей Европейской сухопутной границѣ, вмѣстѣ съ отпускомъ изъ Финляндіи, простиралось:

Въ 1860 году	на	12.117.309	р.
„ 1861 „	„	11.683.714	„
„ 1862 „	„	10.385.492	„
„ 1863 „	„	7.179.249	„
„ 1864 „	„	6.034.361	„

то-есть что весь излишекъ ржи производимый цѣлымъ государствомъ недостаточенъ для покрытія одного недочета ея въ западномъ краѣ, такъ какъ урожай 1865 года былъ тамъ обыкновенный.

Дѣйствительность, по счастію, далека отъ мрачной картины, набросанной увлекающимся виленскимъ авторомъ. Застой, оцѣпенѣніе, производительность уменьшающаяся *съ каждымъ годомъ* и угрожающая окончательнымъ разореніемъ не мѣшаютъ тому что, по свидѣтельству самого автора, количество товаровъ доставляемыхъ въ Пинскъ увеличивается *съ каждымъ годомъ* (стр. 10), а экономическій сонъ и совершенное бездѣйствіе, въ которомъ населенія проводятъ всѣ четыре времени года, не препятствуютъ этимъ самымъ населеніямъ „прокладывать себѣ дорогу для удовлетворенія взаимныхъ нуждъ, преодолѣвая всѣ трудности отдаленнаго пути и всѣ неудобства безпутья, не обращая даже вниманія на большую затрату и порчу матеріаловъ, взаимно пересылаемыхъ съ одного на другой рубежъ государства,“—изъ чего видна замѣчательная энергія этихъ населеній въ борьбѣ съ невзгодами, отличающими наше время отъ времени Витовта. Если всмотрѣться ближе, то и голодъ, о которомъ говорится въ брошюрѣ, только угрожаетъ западному краю въ случаѣ неурожая и только тогда истощатся хозяйственныя его силы. Пока этого не случи-

лось, самъ авторъ, конечно, позволитъ намъ вѣрить ему не болѣе чѣмъ *Матеріаламъ для географіи и статистики Россіи*, собраннымъ офицерами генеральнаго штаба. Здѣсь мы находимъ, что Виленская губернія сбываетъ ежегодно за границу до 350.000 четвертей разнаго хлѣба. *) Въ Гродненской губерніи ежегодный остатокъ озимаго и яроваго хлѣба и картофеля можно тоже положить до 350.000 четвертей. **) Въ 1859 году при урожаѣ въ $3^1/_2$, $2^5/_8$ и 4, одинъ городъ Гродно вывезъ за границу изъ сосѣднихъ уѣздовъ до 100.000 четвертей ржи. Въ 1860 году по Бугу и Мухавцу грузилось 52.000 четвертей. ***) Въ Минской губерніи ежегодный излишекъ хлѣба можетъ быть исчисленъ: озимаго въ 76.000 четвертей, яроваго въ 92.000 и картофеля въ 369.000 четвертей. ****) Всѣ эти данныя совершенно подтверждаются цифрами *Статистическаго Временника* о нашей отпускной торговлѣ по сухопутной границѣ, чрезъ таможни Юрбургскую и Нешавскую (нынѣ Вержболовскую). Эти же показанія офицеровъ генеральнаго штаба мы можемъ подтвердить и ссылкой на тотъ документъ, которому авторъ брошюры придаетъ особенную вѣру. Въ упомянутой выше Пояснительной Запискѣ къ прошенію учредителей Литовской желѣзной дороги (1862) мы читаемъ: „Литва хотя не изобилуетъ хлѣбомъ въ такомъ избыткѣ, чтобы можно было оный вывозить въ *значительномъ* количествѣ за границу или во внутреннія великороссійскія губерніи, но имѣетъ онаго все-таки не только въ *достаточномъ* количествѣ для потребленія собственныхъ жителей, но и *не малую* его часть можетъ обращать въ гонку хлѣбнаго вина и спирта". Авторъ брошюры заимствуетъ изъ этой Записки, что̀ клонится къ невыгодѣ края; зачѣмъ же не взялъ онъ изъ нея и этого мѣста въ соображеніе? Начертанная имъ картина вышла бы тогда менѣе яркою.

Итакъ Полѣсье не страдаетъ постояннымъ голодомъ, который требовалъ бы сооруженія желѣзной дороги чрезъ этотъ край по долгу человѣколюбія. Но онъ не страдаетъ и такою негодностью своихъ системъ водянаго сообщенія, какая чудится уму автора брошюры. Эту негодность онъ доказываетъ чрезмѣрною будто бы разностью въ цѣнахъ на хлѣбъ въ Пинскѣ и другихъ городахъ сѣверо-западнаго края. Въ брошюрѣ его мы читаемъ: „Въ послѣднее десятилѣтіе, среднею цифрой четверти ржи въ Пинскѣ нужно принять 3 р., а въ Гроднѣ и Бѣлостокѣ 4 р. 65 к. Въ 1859 году четверть ржи продавалась въ Пинскѣ по 2 р. 50 к., въ Гроднѣ по 5 р., а въ балтійскихъ портахъ по 6 р. 25 к. Въ 1855 году четверть ржи стоила въ Пинскѣ около 5 р., а въ Гроднѣ 12 р." Всѣ эти цифры взяты совершенно произвольно: онѣ заимствованы не изъ дѣлъ генералъ-губернаторскаго управленія, а изъ вышедшей въ 1861 году въ Познани польской брошюры о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ (безъ ссылки на эту брошюру). По имѣющимся даннымъ, среднія торговыя цѣны ржи въ Пинскѣ были слѣдующія:

1854	г.	5 р.	95 к.
1855	„	6 „	25 „
1856	„	6 „	90 „
1857	„	3 „	80 „
1858	„	3 „	38 „
1859	„	3 „	81 „
1860	„	4 „	14 „

Стало-быть за среднюю торговую цѣну на рожь въ Пинскѣ можно принять 4 р. 89 к. *) Въ 1855 году четверть ржи стоила въ Пинскѣ не 5 руб., а 6 р. 25 к. Въ это же время четверть муки стоила въ Гроднѣ не 12 р., а 9 р. 12 к. и въ Бѣлостокѣ 7 р. 60 к.

Разность въ цѣнахъ на хлѣбъ въ Пинскѣ, Вильнѣ, Гроднѣ и Бѣлостокѣ, очевидно, есть, но въ этой разности нѣтъ ничего подобнаго тому что̀ приводится въ брошюрѣ какъ доказательство необходимости построить на казенную гарантію желѣзный путь изъ Пинска въ Бѣлостокъ. Среднія торговыя цѣны съ 1857 по 1860 годъ были:

	Въ Пинскѣ.	Вильнѣ.	Гроднѣ.	Бѣлостокѣ.
1857	3—80	5—62	6—21	5— 7
1858	3—38	3—70	3—45	4—14
1859	3—81	— —	3—75	4—87**)
1860	4—14	— —	4—60	— —

*) Мат. для геогр. и стат. Виленск. губ. Кореа. Стр. 452—455.

**) Мат. для геогр. и стат. Гродненск. губ. Бобровскаго Т. II стр. 59.

***) Idem Стр. 53.

****) Мат. для геогр. и стат. Минск. губ. Зеленскаго. Т. II стр. 34, 35 и 280, 283.

*) Мат. для геогр. и стат. Минской губ. Зелен. табл. къ стр. 44 т. II.

**) Idem. Минская губернія. Т. II, стр. 44. Виленская губернія стр. 459 и Гродненская губернія. Т. II, стр. 74 и 367.

И если, какъ сейчасъ сказано, средняя стоимость четверти ржи въ Пинскѣ была 4 р. 89 к., то и средняя стоимость ея въ Гроднѣ была почти та же. Среднія базарныя цѣны на четверть ржи въ Гроднѣ за десятилѣтіе 1850—1859 гг. были 5 р., по среднему же выводу за 12 лѣтъ... казна платила за поставку въ Гродненскую губернію за четверть 4 р. 75 к. *).

Нѣтъ даже чрезмѣрной разницы въ цѣнахъ на хлѣбъ между юго-западнымъ краемъ, сѣверо-западнымъ краемъ и Царствомъ Польскимъ. Среднія цѣны за подрядъ четверти муки для войскъ съ 1861 по 1866 годъ въ военныхъ округахъ Варшавскомъ, Виленскомъ и Кіевскомъ были слѣдующія:

Варшавскомъ	5— 7
Виленскомъ.	4—29¼
Кіевскомъ.	3—50½

Такимъ образомъ, если предположить, съ авторомъ брошюры, что западный край крайне нуждается въ подвозѣ хлѣба изъ юго-западнаго края, и что этотъ подвозъ производится въ обширныхъ размѣрахъ, то при разности цѣнъ четверти ржи въ Кіевѣ и Вильнѣ, за провозъ съ пуда и версты (принимая четверть ржи вѣсомъ въ 9 пудъ) приходилось бы менѣе $^1/_{50}$ копѣйки и притомъ предприниматель не имѣлъ бы никакого барыша за совершаемую имъ операцію. Рѣшительно непонятно, къ чему авторъ брошюры упоминаетъ тотъ случай, что интендантство 1-й арміи заготовило въ 1860 году часть провіанта въ Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ съ доставкой на свой счетъ 66 копѣйками на четверть дешевле противъ цѣнъ стоявшихъ въ Царствѣ Польскомъ. Въ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго: эти 66 копѣекъ остались въ казнѣ вслѣдствіе коммиссіонерскаго способа заготовленія, а при заподрядномъ способѣ они составили бы барышъ предпринимателя, и надобно сказать барышъ самый незначительный сравнительно съ затрачиваемымъ капиталомъ и рискомъ. Составители первоначальнаго проекта Литовской желѣзной дороги доказывали напротивъ, на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ Тенгоборскимъ, что въ Курской и Черниговской губерніяхъ хлѣбъ дороже чѣмъ въ Волынской, и именно этимъ поясняли, что Литовская желѣзная дорога нужна для всего государства.

*) Бобров. Т. стр. 61, 402.

Не только приведенныя нами, но и другія цифры въ разсматриваемой брошюрѣ взяты совершенно произвольно. Такъ при разчетѣ выгодъ, которыя казна можетъ имѣть на довольствіи войскъ провіантомъ отъ постройки желѣзной дороги изъ Пинска въ Бѣлостокъ, полагается, что провозъ съ пуда отъ Пинска до Бреста стóитъ теперь 9 копѣекъ, когда дѣйствительная цѣна отъ 5 до 8 копѣекъ *). Точно также, чтобы придать значеніе Бѣлостоку, указывается, что на окрестныхъ фабрикахъ выдѣлывается сукна, трико и другихъ шерстяныхъ матерій на сумму до пяти милліоновъ, тогда какъ по свѣдѣніямъ статистическаго комитета цѣнность *всего* фабричнаго и заводскаго производства по всей Гродненской губерніи составляла среднимъ числомъ за 7 лѣтъ (съ 1854 — 1865 г.) 2.878.824 руб. (minim. въ 1856 г. 1.661.351, maxim. въ 1860 г. 3.554.374), **) включая въ это число и производство вина и пива. Неизвѣстно также откуда взято, что по направленію изъ Пинска ежегодно двигается около 100.000 одноконныхъ подводъ и около 50,000 паръ (и болѣе) конныхъ еврейскихъ фуръ: оттуда же и изъ Бѣлостока съ кладью, въ общей сложности, около $4^1/_2$ милл. пудъ. Если допустить вѣроятность этой цифры, то выйдетъ, что Пинскъ занимаетъ одно изъ важныхъ мѣстъ въ Имперіи по извозу, и изъ него ежедневно (за исключеніемъ праздничныхъ дней) выходитъ среднимъ числомъ отъ 300 до 500 подводъ. Наконецъ, на стр. 9 виленской брошюры говорится, что нагружаемые на плотахъ хлѣбъ и льняное сѣмя остаются будто бы подъ открытымъ небомъ (въ литографированной Пояснительной Запискѣ 1862 года было сказано: *чуть не подъ открытымъ небомъ*, но это *чуть не* исчезло въ силу прогресса) не менѣе четырехъ и до пяти мѣсяцевъ, при чемъ отъ перемѣнъ погоды (!) теряютъ въ своей стоимости, по *принятому* коммерческому разчету, до 20%. А на стр. 16 той же брошюры разказывается объ исключительно несчастномъ сплавѣ грузовъ интендантства въ 1860 и 1861 годахъ, и какъ примѣръ *разительной* потери, приводится, что казна понесла убытки до $5^1/_4$% стоимости провіанта и сверхъ того отъ 15 до 20 ф. на четверть ржи и

*) Зеленскій. Т. II.
**) Бобровскій.

муки, и отъ 20 до 27 фун. на четверть ячменя и крупъ, то-есть среднимъ числомъ никакъ не болѣе 10%. Какую же силу имѣютъ цифры и показанія, приводимыя съ подобною основательностью, и для какой цѣли пишутся и великолѣпно печатаются (хотя и не выпускаются въ публику) подобныя брошюры, при ихъ очевидной тенденціозности?

Что же сказать вообще о мнимой потребности Полѣсья въ желѣзной дорогѣ? Проведеніе желѣзной дороги не обогатитъ и не оживитъ этихъ мѣстъ, гдѣ, несмотря на множество рѣкъ перерѣзывающихъ край во всѣхъ направленіяхъ, сообщенія между пунктами лежащими поодаль судоходныхъ рѣкъ весьма затруднительны, а многіе пункты даже не во всѣ времена года и досягаемы. Не водяныя системы здѣсь дурны, а дороги непроходимы; вотъ отчего цѣны за провозъ къ пристанямъ чрезвычайно высоки и часто удваиваютъ стоимость грузовъ. За провозъ на стоверстное разстояніе платится обыкновенно отъ 2 р. 50 до 3 р. 50 к. съ четверти. Возможность развитія имѣютъ только мѣста непосредственно прилегающія къ судоходнымъ рѣкамъ. Но при этомъ условіи и желѣзная дорога не оживитъ Полѣсья: вѣдь желѣзную дорогу нельзя прокладывать къ каждой деревнѣ или къ каждому поселку; она не пройдетъ и десятой доли протяженія тамошнихъ судоходныхъ рѣкъ. Нигдѣ въ Россіи, соразмѣрно пространству, не приходится такого длиннаго протяженія водянаго пути какъ въ Полѣсьѣ, и не смотря на это въ немъ ни одинъ пунктъ не имѣетъ самостоятельнаго промышленнаго или хозяйственнаго значенія. Хотя въ Пинскѣ и есть нѣсколько фабрикъ, но значеніе его не въ нихъ, а въ географическомъ положеніи между бассейнами Припети, Нѣмана и Вислы. Пинскъ созданъ судоходствомъ и отъ него зависитъ. Съ прекращеніемъ судоходства по Припети, Пинскъ теряетъ значеніе и вся дѣятельность въ немъ прекращается; онъ становится такимъ же городкомъ Полѣсья какъ и другіе городки. Само по себѣ Полѣсье нуждается въ ничтожномъ привозѣ и производитъ незначительный отпускъ хлѣба, сала, льна, пеньки и лѣса. Торговля лѣсомъ изъ пинской части Полѣсья неважна и въ общемъ числѣ торговыхъ оборотовъ Пинска отпускъ лѣса и всѣхъ произведеній лѣсной промышленности едва составляетъ $2^1/_2$%, простираясь ежегодно всего до 89.852 руб. *). Вотъ почему не Полѣсье, а болѣе восточную часть сѣверозападнаго края должно связать рельсами съ Либавой, если имѣть въ виду дѣйствительный общій интересъ и сѣверозападнаго края, и всей русской торговли, какъ внутренней, такъ и заморской.

№ 188.

Москва, 25-го августа.

Какая причина той непріязни противъ Россіи, которая замѣчается въ печати и политикѣ иностранной? Не слѣдуетъ ли объяснять это явленіе тѣмъ, что Россія есть какъ бы особый міръ, по самому существу своему антипатическій Европѣ? Мнѣніе это, взятое вообще, имѣетъ многое въ свою пользу; но въ его примѣненіяхъ требуется осмотрительность. Европа и Россія, вотъ, говорятъ, великая историческая антитеза, въ основаніи которой находится религія. Противуположность между Европой и Россіей, приведенная къ своему основному выраженію, была бы, съ этой точки зрѣнія, ничѣмъ инымъ какъ противоборствомъ между восточнымъ православіемъ и западнымъ латинствомъ. Тѣ вопросы, въ которыхъ интересы русской политики постоянно сталкиваются съ интересами другихъ державъ, можно было бы легко и огуломъ объяснять изъ религіознаго антагонизма, раздѣляющаго міръ на Россію и не-Россію. Выходило бы, что западная Европа пользуется всякими предлогами для того чтобы ратовать противъ Россіи, въ сущности же покорствуя только возбужденіямъ латинства и враждуя только противъ православія. Православіе — вотъ стало-быть истинная причина той глубокой антипатіи, которую питаетъ современный міръ къ Россіи. Вотъ будто отчего европейская печать наполняется злоумышленною клеветой на все что касается Россіи; вотъ будто отчего нельзя никакою очевидностію разубѣдить европейское общественное мнѣніе, одержимое духомъ латинства. Вотъ будто отчего русская политика въ восточныхъ дѣлахъ встрѣчаетъ со стороны Европы столь злобное, упорное, ничѣмъ

---

*) *Мат. для геогр. и стат.* Зеленскаго, т. II, стр. 321.

незамиримое противодѣйствіе, которое такъ губительно отзывается на судьбѣ православныхъ населеній Турецкой имперіи.

Было бы удобно принять столь простую и широкую формулу для объясненія положенія дѣлъ въ современномъ мірѣ; къ сожалѣнію, дѣйствительность не во всемъ соотвѣтствуетъ ей. Современный міръ упрекаютъ обыкновенно въ матеріализмѣ и равнодушіи къ церковнымъ интересамъ, а отнюдь не въ избыткѣ церковной ревности. Во всякомъ случаѣ, положеніе дѣлъ въ современной Европѣ не являетъ собою ничего похожаго на эпоху крестовыхъ походовъ, когда по манію римскаго первосвященника двигались народныя массы и когда его перуновъ трепетали цари и царства. Нынѣ римскій первосвященникъ еле держится въ своемъ Ватиканѣ; уже давнымъ-давно половина покорствовавшей ему Европы отложилась и отъ его власти, и отъ его церкви, а теперь его перуны утратили всякую силу даже и въ тѣхъ странахъ, гдѣ большинство населенія осталось за его церковію; на глазахъ нашихъ Италія, гдѣ центръ папства и резиденція папы, отобрала силой его владѣнія и теперь ждетъ только минуты, чтобы выгнать его изъ самаго Рима; папскія буллы и силабусы предаются осмѣянію въ печати не только протестантскихъ, но и латинскихъ странъ. Что же касается до восточныхъ дѣлъ, то всѣмъ извѣстно, что Россія сталкивается здѣсь всего болѣе съ Англіей, а эта держава не только не имѣетъ ничего общаго съ папствомъ, но находится въ глубокомъ съ нимъ антагонизмѣ, и напротивъ, въ церковныхъ сферахъ своихъ оказываетъ тяготѣніе къ православному Востоку. Не есть ли это доказательство, что въ столкновеніяхъ Запада съ Россіей нисколько не участвуютъ церковныя побужденія? Изо всѣхъ державъ Европы, самая западная и самая упорная и незамиримая противница наша на Востокѣ есть именно та, которая съ одной стороны болѣе всѣхъ враждуетъ съ папизмомъ, а съ другой прежде всѣхъ обнаруживаетъ потребность сближенія съ православнымъ Востокомъ въ церковномъ отношеніи. Надобно взять въ соображеніе еще то, что во всѣхъ европейскихъ государствахъ, за исключеніемъ Россіи, Рима и отчасти Испаніи, свобода человѣческой совѣсти не только не стѣсняется, но ограждается и обезпечивается государствомъ; что же касается до православнаго исповѣданія, то оно нигдѣ не встрѣчаетъ себѣ отказа. Послѣ Англіи, наиболѣе сталкивается съ Россіей на Востокѣ Австрія; и однакожъ, не смотря на то что имперія Габсбурговъ есть держава римско-католическая, что римская церковь пользуется тамъ государственными правами, въ австрійской политикѣ не замѣчается ни церковныхъ побужденій вообще, ни вражды къ православію въ частности. Между разноплеменными и разновѣрными населеніями этой имперіи есть не мало чисто православныхъ, каковы Сербы, Румыны и Русскіе (кромѣ галицкихъ уніатовъ), находящіеся съ давнихъ поръ подъ австрійскимъ скипетромъ, но сохранившіе неприкосновенно свое православіе. Въ австрійской Буковинѣ, которая граничитъ отчасти съ нашимъ западнымъ краемъ,—мы должны сознаться въ этомъ,—учрежденія православной церкви находятся въ положеніи несравненно болѣе удовлетворительномъ нежели въ прилежащихъ областяхъ Россійской Имперіи, а православное духовенство поставлено гораздо выше и обезпечено гораздо лучше чѣмъ гдѣ-либо въ нашемъ православномъ отечествѣ. Это не есть мнѣніе: это фактъ, и притомъ близкій, открытый и доступный для повѣрки. Какъ ни прискорбно намъ сознаваться въ этомъ, но правда должна быть выше всего, и знать правду во всякомъ случаѣ полезнѣе чѣмъ оставаться въ заблужденіи, какъ бы оно ни льстило намъ.

Итакъ, гдѣ же тотъ церковный антагонизмъ, который будто бы воздвигаетъ въ Европѣ ненависть и вражду къ Россіи и изъ котораго можно было бы объяснить замѣчаемое недоброжелательство къ ней въ европейскомъ общественномъ мнѣніи? Напротивъ, именно въ настоящее время, восточное каѳолическое православіе начинаетъ привлекать къ себѣ симпатіи религіозныхъ людей всѣхъ странъ и всѣхъ вѣроисповѣданій. Православные храмы воздвигаются въ европейскихъ значительныхъ центрахъ; случаи обращенія въ православіе какъ изъ латинскаго, такъ и изъ протестантскаго духовенства бываютъ все чаще. Извѣстный аббатъ Гетте (отецъ Владиміръ), обратившійся изъ латинства и удержавшій за собою священство въ православіи, не только живетъ въ Парижѣ, не подвергаясь никакимъ притѣсненіямъ и не лишаясь правъ французскаго гражданства, но издаетъ сильныя изобличительныя про-

тивъ папства книги. На всѣхъ европейскихъ языкахъ появляются болѣе или менѣе основательныя сочиненія объ исторіи и догматахъ православной церкви. Читателямъ *Русскаго Вѣстника* извѣстенъ замѣчательный, посвященный нашей церкви трудъ оксфордскаго профессора Станлея. Недавно въ Вильнѣ вышелъ переводъ сочиненія нѣмецкаго богослова Овербека: *Свѣтъ съ Востока*, и заглавіе книги уже достаточно свидѣтельствуетъ какъ ея авторъ смотритъ на православіе. На этихъ дняхъ получили мы обширный, посвященный добросовѣстному изученію нашей церкви трудъ французскаго реформатскаго пастора г. Буассара, являющійся новымъ доказательствомъ того какъ повсемѣстно пробуждается въ религіозныхъ умахъ симпатическое вниманіе къ православію (*Eglise de Russie*, par Boissard, pasteur á Glay, près Montbéliard, Doubs; въ двухъ большихъ томахъ). Выше упомянули мы о церковномъ движеніи въ Англіи, имѣющемъ цѣлію соединеніе съ православною восточною церковію; въ послѣднемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* сообщено свѣдѣніе о бывшемъ въ прошломъ іюнѣ собраніи Общества по восточной церкви и приведены отзывы по этому поводу англійской церковной печати. Общество это уже числитъ въ себѣ многія тысячи членовъ, во главѣ его стоятъ епископы англійской церкви и многія уважаемыя въ обществѣ лица. Оно усердно работаетъ надъ своею задачей, вступаетъ въ дѣятельныя сношенія съ патріархами и епископами православныхъ церквей на Востокѣ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе проникается величіемъ своей цѣли и вѣрою въ ея достиженіе. Примасъ епископальной церкви въ Шотландіи навѣщалъ въ прошломъ году Москву для свиданія съ ея знаменитымъ іерархомъ, и нынѣ принялъ усердное участіе въ нашемъ московскомъ, русскомъ, православномъ торжествѣ 5-го августа. Года за три предъ симъ, пріѣзжалъ въ Москву священникъ Йонгъ (нынѣ епископъ) американской епископальной церкви, родственной съ англійскою: мы помнимъ съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ говорилъ онъ о своей миссіи, съ какимъ умиленіемъ о своемъ свиданіи съ нашимъ митрополитомъ, и какъ онъ жаждалъ принять отъ него благословеніе! Церковное движеніе, начавшееся въ Сѣверной Америкѣ, продолжается и растетъ. Катехизисъ, по которому учатся наши дѣти, переведенный на англійскій языкъ, введенъ тамъ для преподаванія во многія школы.

Въ скоромъ времени предстоитъ событіе, которое должно имѣть особенный интересъ. Въ нынѣшнемъ сентябрѣ, то-есть черезъ нѣсколько дней, по иниціативѣ первенствующаго предстоятеля англійской церкви, архіепископа Кантерберійскаго, откроется въ Англіи соборъ, на которомъ вопросъ о сближеніи съ православною церковію долженъ стать предметомъ серіознаго обсужденія.

Итакъ, вотъ явленія, которыя нельзя не признать характеристическими, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на нихъ. Что бы ни вышло изъ этихъ движеній, нельзя однако сказать, чтобъ они свидѣтельствовали о повсемѣстной и глубокой враждѣ къ православной восточной церкви.

Да и почему бы ей быть предметомъ всеобщей и слѣпой ненависти? Она не замѣшана въ историческихъ распряхъ Европы; она возвышается надъ религіозными партіями, которыя въ ней установились. Къ православной церкви не относятся упреки, которые протестантство справедливо дѣлаетъ Риму: ея не могутъ касаться анаѳемы Рима, падающія на протестантство, отрекшееся отъ апостольскаго преемства и утратившее почву церковнаго единенія; она стоитъ на основаніяхъ апостольскихъ и соборныхъ, которыя для нея непреложны, ибо въ нихъ заключается сущность христіанства, и не признаетъ такого авторитета, который могъ бы что-либо обязательно прибавить къ нимъ, и не допускаетъ произвола, который могъ бы что-либо, по усмотрѣнію, изъ нихъ убавить. Имѣя непреложными основаніями только то, въ чемъ заключается сущность христіанства, она обладаетъ мѣрой для различенія между вѣчнымъ и временнымъ, существеннымъ и случайнымъ, обязательнымъ и предоставленнымъ свободѣ и можетъ согласовать начало незыблемаго авторитета съ свободой христіанскаго разумѣнія и разнообразіемъ христіанской жизни. Умы добросовѣстные, ищущіе истины, не могутъ не усматривать этихъ внутреннихъ свойствъ ея, и не отдавать ей тѣмъ большей справедливости чѣмъ ближе узнаютъ ее. Историческія судьбы ея были печальны; народы оставшіеся ей вѣрными были преданы плѣну, рабству и униженію, изъ которыхъ

и теперь еще не вышли. Какъ апокалиптическая жена, она долго пребывала въ пустынѣ, не только ни признанная, но почти не знаемая. Но умы обладающіе даромъ испытанія проникающаго въ глубину, приходя въ соприкосновеніе съ нею, не могутъ не чувствовать, что ей принадлежитъ будущее.

Нѣтъ, православная церковь не могла бы ослаблять положеніе Россіи въ современномъ мірѣ и навлекать на нее всеобщую незамиримую ненависть; напротивъ, можно съ убѣжденіемъ сказать, что еслибы церковь наша была у насъ поставлена вполнѣ соотвѣтственно своему достоинству, еслибъ ея учрежденія на нашей почвѣ были совершенно согласны съ ея истинными требованіями, если бы свѣтъ и жизнь ея не были подавляемы невѣжествомъ и грубостію окружающей среды, еслибъ она болѣе походила у насъ на церковь нежели на бюрократическое учрежденіе; словомъ, еслибъ она была у насъ болѣе тѣмъ что она есть въ своей сущности, таящейся подъ спудомъ, то она могла бы только усилить положеніе Россіи, возвысить уваженіе къ ней и растворить въ ея народѣ источники жизни, которой еще не достаетъ ему и которая могла бы дать ему высокое значеніе и цѣну для человѣчества.

Что Россія сталкивается въ своихъ интересахъ съ другими государствами, этого нельзя отрицать. Всѣ государства находятся между собою въ большемъ или меньшемъ антагонизмѣ, всѣ они находятся въ неизбѣжномъ соперничествѣ и борьбѣ. Россія отнюдь не можетъ разчитывать на доброжелательство другихъ державъ по отношенію къ тѣмъ изъ своихъ интересовъ, въ которыхъ они такъ или иначе сталкиваются съ нею. Англійская политика противодѣйствуетъ Россіи на Востокѣ, но въ томъ же смыслѣ какъ она противодѣйствовала бы всякой другой державѣ, которая могла бы казаться ей опасною для ея интересовъ. Въ томъ же смыслѣ противодѣйствовала она и французскому вліянію въ Египтѣ въ Сиріи. Всѣмъ памятно, какіе извороты употребляла она, чтобы не допустить прорытія Суэсскаго перешейка, и какъ интриговала, чтобы подчинить Францію своимъ интересамъ и превратить ее въ орудіе своихъ цѣлей.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на помѣщаемое ниже письмо нашего сотрудника о бесѣдѣ его съ извѣстнымъ англійскимъ дипломатическимъ агентомъ, г. Лонгвортомъ, заклятымъ врагомъ Россіи на Востокѣ. Вражды много, — но есть ли хоть одна искра религіознаго возбужденія въ это враждѣ?

Мы не будемъ однако отрицать то, что противъ Россіи нерѣдко обнаруживается чувство глубокаго недоброжелательства, которое не всегда можетъ быть достаточно объяснено столкновеніями между ея интересами и политикой другихъ государствъ. Откуда же происходитъ эта непріязнь къ Россіи, замѣчаемая въ остальной Европѣ? Прежде чѣмъ обвинять другихъ, не лучше ли поступимъ и не вѣрнѣе ли попадемъ на слѣдъ истины, если обратимся къ самимъ себѣ? Увы! Злѣйшій ядъ этой ненависти къ Россіи вырабатывается не гдѣ-либо за ея предѣлами, а въ ней самой. Дѣла ея страннымъ образомъ устроились такъ, что она у себя дома стала партіей, противъ которой непрерывно и усиленно дѣйствуютъ другія, солидарныя въ своей ненависти къ ней. Всякому извѣстно, что элементы враждебные Россіи обильно плодятся въ ней, и изъ ней изливаются въ міръ. Довольно указать на одно польское дѣло. Но это еще не все: сколько бы ни было въ Россіи враждебныхъ ей элементовъ, они не могли бы ей быть опасными, и еще менѣе могли бы заражать цѣлый міръ непріязнію и недовѣріемъ къ ней Зло заключается въ томъ, что эти противорусскіе элементы въ Россіи постоянно были въ ней самой главными дѣйствующими силами, что они создавали въ ней общественное мнѣніе и захватывали власть въ ней.

Мы жалуемся на злоумышленныя клеветы, которыми осыпаетъ насъ иностранная печать; но $^{9}/_{10}$ всего злоумышленнаго, что печатается противъ Россіи за границей, высылается изъ ней же самой, и притомъ не изъ какихъ-либо темныхъ закоулковъ, а при содѣйствіи вліятельныхъ лицъ и партій, и нерѣдко при пособіи изъ русской государственной казны. Всякій мыслящій человѣкъ легко отличитъ пустое вранье какого-нибудь иностраннаго писаки, который самъ не знаетъ что пишетъ и имѣетъ въ виду лишь получить столько то за строчку, или грубую ложь, которую бывало въ 1863 году разбрасывали польскіе повстанцы въ заграничной печати. Не въ этомъ зло, которымъ дѣйствительно страдаетъ наше отечество, а въ

тѣхъ направленныхъ противъ него интригахъ, которыя исходятъ изъ его же собственныхъ вліятельныхъ сферъ. Что должны думать тѣ изъ иностранцевъ, которые знаютъ или догадываются объ истинномъ происхожденіи клеветъ, обмановъ и интригъ, направляемыхъ противъ самыхъ очевидныхъ государственныхъ интересовъ Россіи?

Россія глубоко разнится съ остальнымъ міромъ, но не потому, что народъ ея слѣдуетъ православной вѣрѣ. Оригинальность ея заключается въ другомъ. Гдѣ, напримѣръ, видано, чтобы государство не только само способствовало отчужденію отъ своей народности разныхъ мелкихъ племенныхъ особенностей, входящихъ въ его составъ, но давленіемъ своего могущества подчиняло разныя части своей территоріи началу какой-либо иностранной и несовмѣстной съ русскимъ государствомъ политической національности? Ничего подобнаго не бывало во всемъ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ законы человѣческаго разумѣнія имѣютъ силу; но въ отечествѣ нашемъ подобный фактъ совершался въ колоссальныхъ размѣрахъ, превосходящихъ всякую возможность преувеличенія.

Провинціи прилегающія къ Балтійскому морю и составляющія нераздѣльную часть Россійской имперіи, столь жизненно существенную, что не обладая этимъ побережьемъ, она не могла бы удерживать свое великое европейское положеніе, а ея народъ не имѣлъ бы будущности, и тѣ громадныя пространства, черезъ которыя она должна была добираться до морскаго берега, утратили бы характеръ органической цѣлости и способность служить поприщемъ самостоятельному національному развитію,—провинціи эти искони заселены племенами разнородными и другъ другу чуждыми, но не чуждыми Русскому государству, при рожденіи котораго они присутствовали, и въ образованіи котораго они болѣе или менѣе участвовали и въ составъ котораго изначала болѣе или менѣе входили; въ давнія времена край этотъ былъ захваченъ нѣмецкими рыцарями, которые не могли создать тамъ самостоятельнаго государства, поочередно подпадали подъ верховное начало другихъ государствъ, но крѣпко владѣли землею и мѣстными населеніями въ качествѣ феодальныхъ господъ; многія столѣтія длилось господство этихъ рыцарей на балтійскомъ побережьѣ, но оно не становилось германскою землей, и населенія его, исповѣдывавшія христіанство сначала по римской церкви, потомъ по протестантской, не становились нѣмецкими, но теперь ставъ частію Россійской имперіи, эти провинціи объявляютъ себя землею германскою и населенія ихъ подвергаются не только систематическому національному отчужденію отъ Россіи, но усиленному уподобленію иноземной государственной національности посредствомъ правительственныхъ учрежденій Россійской имперіи и стараніями лицъ не только состоящихъ въ ея подданствѣ, но и на ея государственной службѣ, не скрывающими своихъ тенденцій и приводящими ихъ въ дѣйствіе съ помощію правъ и власти сопряженныхъ съ ихъ служебными должностями. Недавно, какъ читателямъ нашимъ извѣстно, одно изъ значительныхъ административныхъ лицъ въ краѣ, уже отчужденномъ отъ Россіи, съ торжествомъ свидѣтельствовало публично о томъ, что подъ Русскою державой шведская національность сдѣлала въ этомъ краѣ (мы говоримъ о Финляндіи) такія завоеванія, какихъ не сдѣлала бы и подъ державой шведскою: вотъ фактъ официально и торжественно засвидѣтельствованный. Спрашивается, въ виду такихъ небывалыхъ фактовъ, что должно думать общественное мнѣніе какой бы то ни было части Европы, центральной или западной, южной или сѣверной? Говорить ли еще о нашемъ западномъ краѣ, который подъ польскимъ владычествомъ былъ русскимъ краемъ, а подъ русскимъ сталъ польскимъ? Этотъ скорбный и кровавый фактъ, столь громадныхъ размѣровъ, теперь хорошо уже извѣстенъ всѣмъ и во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Полонизація этого края, развитіе въ немъ польскаго патріотизма, который въ этихъ мѣстахъ есть не что иное какъ государственная измѣна, сильная организація этой раздирающей государство измѣны, — все это совершилось, шагъ за шагомъ, въ продолженіе нынѣшняго столѣтія не только не вопреки законнымъ властямъ, но при ихъ содѣйствіи, безъ котораго всѣ эти успѣхи такъ-называемаго польскаго дѣла не могли бы быть достигнуты. Недавно случилось намъ представить нѣсколько ретроспективныхъ очерковъ недавняго былаго въ этихъ мѣстахъ: какія поразительныя и непонятныя въ европейскомъ мірѣ явленія! Законныя служебныя власти дѣй-

ствуютъ не только вопреки очевиднымъ государственнымъ пользамъ, которыя не могутъ не быть въ намѣреніяхъ верховной власти, ибо ея интересы суть одно и то же съ пользами государства, но и прямо вопреки ея рѣшеніямъ и повелѣніямъ. Все шло въ дѣло: и злоупотребленіе идеями гуманности и либерализма, и грубые предразсудки временъ татарщины, и мягкость и жестокость, и превышеніе и бездѣйствіе власти, все направлялось къ одной цѣли, противной интересамъ государства. И вотъ теперь когда въ дѣлахъ нашего отечества долженъ послѣдовать великій и спасительный поворотъ, когда корни зла открыты и обнажены, и державною волей указано съ полною рѣшимостію новое національное направленіе ея дѣламъ, та же интрига начинаетъ работать, примѣняясь къ новымъ условіямъ, но съ прежнею неутомимостью, стараясь обезсилить и извратить мѣры предписанныя свыше. Въ западномъ краѣ, гдѣ зло пустило слишкомъ глубокіе корни, такъ что поверхностными средствами можно только усиливать и раздражать его, требуется измѣнить національный характеръ землевладѣнія. Ничего не можетъ быть справедливѣе, разумнѣе и полезнѣе такой мѣры, которая не касаясь права собственности, только сломила бы печать запрета, лежащую на тамошнемъ землевладѣніи, такъ чтобъ оно перестало быть заповѣднымъ польскимъ и чтобы пріобрѣтеніе поземельной собственности тамъ перестало быть фактически установившеюся монополіей Поляковъ; для этого надобно было временно ограничить право пріобрѣтенія здѣсь имѣній, отвлечь однихъ и привлечь другихъ. Такая мѣра была принята; Высочайшимъ указомъ, до извѣстной поры, пріостановлено у лицъ извѣстной категоріи право вновь пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ постановлено организовать для этой цѣли пособія кредита, дабы привлечь сюда пріобрѣтателей имѣній изъ внутренней Россіи. Польза этой мѣры для Россіи очевидна; но легко понять пользу ея и по отношенію къ нынѣшнимъ землевладѣльцамъ западнаго края, запертымъ въ заколдованномъ кругу, гдѣ волею или неволею служатъ они органами дѣлу, которое отравляетъ ихъ существованіе и вноситъ разореніе и смерть въ ихъ семейства. Для тѣхъ изъ нихъ, кто не утратилъ свободы и ясности разумѣнія, мѣра эта должна казаться благодѣтельною, по скольку она пособила бы имъ выйдти изъ положенія столь ложнаго и пагубнаго. Кому же можетъ не нравиться эта мѣра? Изъ какихъ побужденій можно оспаривать ее, не желать ей успѣха, наконецъ противодѣйствовать ей? И однакожъ, всѣмъ извѣстно, что мѣра эта оспаривалась, и что она встрѣчаетъ себѣ противниковъ, дѣйствующихъ противъ нея гдѣ явно, гдѣ тайно,—противниковъ не изъ однихъ Поляковъ, но и подъ русскими именами, не въ какихъ-либо оппозиціонныхъ партіяхъ, но въ сферахъ весьма вліятельныхъ...

Большинство людей не входитъ въ подробности и не проникаетъ въ глубину, но у всякаго слагается мнѣніе на основаніи непосредственныхъ впечатлѣній, а впечатлѣнія производимыя Россіей должны быть очень смутны. Людямъ на сторонѣ она можетъ по временамъ казаться чѣмъ-то въ родѣ Золотой Орды, какую знали наши предки. Зоркіе политики и простые люди, одни резонируя, другіе безотчетно, могутъ невольно приходить къ убѣжденію, что эта громада есть явленіе случайное, лишенное всякой прочности, не имѣющее будущности, что въ ея нѣдрахъ неутомимо работаетъ страсть саморазрушенія. Можетъ ли то, что само въ себѣ дѣлится и двоится, внушать довѣріе другимъ? Можетъ ли то, что само себя ненавидитъ и презираетъ, ожидать любви и уваженія отъ постороннихъ?

Гдѣ же однако корень исключительности дающей Россіи дѣйствительно видъ какого-то особаго міра, непохожаго на все остальное?

Основный фактъ есть тотъ, что для Россіи иностранный міръ начинается не заграницей, а въ ней самой. Дѣла сложились такъ, что элементы чуждые Россіи стали какъ бы ея естественною принадлежностію, какъ бы ея необходимостью, какъ-бы ея народнымъ началомъ, какъ бы условіемъ ея существованія. Вотъ что поразительно, и вотъ въ чемъ заключается странность производимаго ею впечатлѣнія! Россія признаетъ своимъ закономъ вѣротерпимость; въ ней, какъ и вездѣ, есть населенія иновѣрныя; но особенность ея состоитъ въ томъ, что иновѣрцамъ, вошедшимъ въ разныя времена въ составъ русскаго государства, съ предоставленіемъ всѣхъ правъ русскаго гражданства, поставляется въ обязанность, чтобъ они счи-

тали себя иностранцами и были естественными недругами національности того государства, къ которому принадлежатъ. Они русскіе подданные, дѣти одного отечества, они живутъ съ нами, связаны съ нами тысячью интересовъ, и такіе же какъ мы (иногда болѣе) хозяева во всякомъ русскомъ дѣлѣ; но они обязательно должны оставаться не-Русскими. Не допускать вовсе разновѣрія или отказывать иновѣрцамъ въ правахъ, это понятно, это система какъ и всякая другая, и это дѣло бывалое. Но еще нигдѣ не бывало положеніе, при которомъ иновѣрцамъ предоставлялись бы всѣ наличныя права, даже нѣсколько больше, но не предоставлялось бы простое право на національность государства, котораго они члены и на употребленіе языка ихъ страны въ сферѣ ихъ религіозныхъ потребностей.

Съ другой стороны, дѣла у насъ сложились такъ, что иновѣріе не просто допускается какъ дѣло свободы совѣсти, но правительство беретъ на себя заботу о развитіи и поддержаніи разныхъ чуждыхъ русскому народу и русскому православію учрежденій, и возводитъ ихъ въ силу властей Въ видахъ охраненія православной церкви, отрицаются самыя неотъемлемыя и священныя права свободы совѣсти; а въ то же время, въ явный ущербъ и православію, и государству, и русскому народу, организуются и поддерживаются правительственными способами, иногда насильно, учрежденія не имѣющія ничего общаго ни съ государствомъ, ни съ православіемъ.

При содѣйствіи разныхъ другихъ условій, въ Россіи создались такимъ образомъ цѣлыя массы интересовъ, обязательно чуждыхъ и непріязненныхъ ей и въ то же время поставленныхъ въ жизненную для ней необходимость. Своимъ дѣйствіемъ они наполняютъ нашу атмосферу и оказываютъ неотразимое вліяніе на всѣхъ и все. Въ Россіи нѣтъ ничего легче и привольнѣе какъ дѣйствовать во всякомъ чуждомъ или противномъ ей интересѣ: все манитъ въ эту сторону, все здѣсь поощряетъ, пособляетъ и поддерживаетъ; но кому случалось въ чемъ-нибудь прокладать путь для интереса несомнѣнно русскаго, тотъ знаетъ, какой это тяжкій, неровный и тернистый путь, и сколько нужно энергіи и преданности, чтобы не свернуть съ него на первыхъ же шагахъ. Измѣна своему стала дѣломъ легкимъ, почти естественнымъ, даже какъ бы законнымъ. Для того чтобъ измѣнять русскимъ интересамъ, не нужно выходить изъ русскихъ предѣловъ и вступать въ недозволительныя сношенія съ иностранными правительствами. Можно измѣнять имъ, оставаясь у себя дома, незамѣтно, безотчетно, спокойно, иногда не зная самъ, что дѣлаешь, какъ Мольеровъ мѣщанинъ говорилъ прозой, самъ о томъ не зная. Быть либеральнымъ значитъ у насъ отрекаться отъ своего народа, ставить его во всемъ на послѣднее мѣсто, считать все слишкомъ для него хорошимъ, и его силами нитать чужія и фальшивыя существованія. Охранять по нашему, значитъ опять не что иное какъ держать въ черномъ тѣлѣ свои народныя силы, клеветать на свой народъ и лишать охраняемое духа и жизни.

№ 189.

Москва, 28-го августа.

Послѣ довольно долгаго молчанія, *Сѣверная Почта* краткою замѣткой отвѣчаетъ на высказанное почти во всѣхъ газетахъ прискорбное, возбужденное въ обществѣ чувство, по поводу внезапныхъ ограниченій, которымъ подверглись едва вступившія въ силу реформы. *Сѣверная Почта* находитъ, что мнѣніе, высказанное по этому поводу въ нашей печати, „основано на невѣрномъ пониманіи закона или превратномъ его толкованіи.“ Изъ объясненія *Сѣверной Почты* слѣдуетъ, что, вопреки общему мнѣнію, постановленіе состоявшееся 13-го минувшаго іюня, не только не стѣсняетъ, но напротивъ даже расширяетъ права предоставленныя общественнымъ и сословнымъ собраніямъ.

Къ сожалѣнію, сущность вещей не измѣняется отъ призмы, сквозь которую мы смотримъ на нихъ и которая придаетъ имъ тотъ или другой цвѣтъ. Мы полагаемъ, что нѣтъ надобности называть ограниченіе расширеніемъ, и думаемъ, что если оказалось нужнымъ ограничить права означенныхъ собраній, то нужно и понимать это не иначе какъ въ собственномъ смыслѣ.

Прежній законъ, какъ свидѣтельствуетъ *Сѣверная Почта*, давалъ поводъ къ недоразумѣніямъ, то-есть, онъ могъ быть толкуемъ въ смыслѣ благопріятномъ или неблагопріятномъ для общества относитель-

но пункта весьма для него существеннаго; новый же законъ имѣетъ въ виду прекратить недоразумѣнія и привести дѣло въ ясность. Но въ какомъ смыслѣ прекращаются недоразумѣнія, благопріятномъ или неблагопріятномъ?

Въ прежнемъ законѣ было сказано, что постановленія общественныхъ и сословныхъ собраній не могутъ быть печатаемы безъ согласія подлежащихъ административныхъ властей. Почему законъ нашелъ нужнымъ подвергнуть постановленія собраній такому условію, — объ этомъ можно судить такъ или иначе; но смыслъ текста закона былъ довольно ясенъ: ограниченіе относилось только къ постановленіямъ, которыя и суть собственно акты собранія, а не къ сужденіямъ ихъ членовъ, остающимся лишь въ области частныхъ мнѣній. Всякій имѣлъ право думать — да иначе нельзя было и думать, — что законъ полагалъ различіе между актами собранія, имѣющими официальную силу, и рѣчами и заявленіями членовъ, которые могутъ подлежать лишь общимъ правиламъ о печати. Постановленія общественныхъ и сословныхъ собраній вступаютъ въ силу болѣе или менѣе съ согласія административныхъ властей, а потому законъ, какъ можно было предполагать, имѣлъ въ виду предупредить преждевременное оглашеніе актовъ еще не получившихъ обязательной силы. Никакія рѣчи, произносимыя въ засѣданіяхъ собраній, не могутъ считаться актами собраній въ собственномъ смыслѣ этого слова. Если текстъ постановленія можетъ, въ какихъ-либо видахъ, требовать ревизіи со стороны административной власти, то едва ли было основаніе распространять это требованіе на ходъ и содержаніе преній вообще. Толковать такимъ образомъ законъ — значило бы ставить его въ противорѣчіе съ самимъ собою. Устраняя предварительную цензуру вообще, законъ отнюдь не могъ подвергать ей только тѣ мнѣнія и сужденія, которыя были высказаны публично, въ засѣданіи того или другаго собранія. Что касается до правъ этихъ собраній, то относящіеся къ нимъ законы могутъ предоставлять или не предоставлять какихъ-либо льготъ ихъ членамъ въ выраженіи мнѣній по разнымъ предметамъ подлежащимъ ихъ обсужденію, расширять или стѣснять сферу этихъ предметовъ, подвергать большей или меньшей отвѣтственности печать за рѣчи, сказанныя въ засѣданіяхъ собранія; но остается въ силѣ то, что одинъ и тотъ же законъ не можетъ, въ одно и то же время, и отмѣнять, и вводить предварительную цензуру. *Сѣверная Почта*, въ выраженіяхъ не совсѣмъ для насъ ясныхъ, говоритъ: „Если „печатаніе постановленій собраній допуска„лось только съ разрѣшенія администра„тивной власти, то очевидно, что безъ это„го разрѣшенія не могли быть печатаемы „сужденія, въ послѣдствіе которыхъ со„стоялись постановленія, и отдѣльныя рѣ„чи членовъ собраній. *Это тѣмъ очевид„нее*, что ни одно въ собраніяхъ произне„сенное слово не имѣло законнаго права „на печатную гласность.“ Мы не ясно видимъ связь между этими двумя предложеніями, и не вполнѣ понимаемъ что значитъ слова: *это тѣмъ очевиднѣе*, которыми начинается послѣднее. Но всякій согласится, что мнѣніе, сказанное публично, не можетъ вслѣдствіе того терять общее право предоставленное мнѣніямъ частныхъ лицъ на „печатную гласность.“ Мы пойдемъ, если намъ скажутъ, что произнесеніе рѣчи въ какомъ-либо собраніи не освобождаетъ мнѣній въ ней заключающихся и выраженій въ ней употребленныхъ отъ общей, установленной закономъ, отвѣтственности при появленіи въ печати. Такъ, мы поймемъ, что редакція газеты не освобождается отъ отвѣтственности за напечатаніе мнѣній и выраженій, запрещаемыхъ закономъ, хотя бы эти мнѣнія и выраженія принадлежали не редакціи, а были высказаны въ публичномъ засѣданіи какого-либо собранія. Все это можно понять, и это не противорѣчило бы сущности закона о печати. Но нельзя было бы понять, какимъ образомъ одно и то же мнѣніе или одни и тѣ же выраженія должны были бы подвергаться или не подвергаться предварительной цензурѣ, смотря по тому, были они или не были сказаны въ публичномъ засѣданіи какого-либо собранія, и чтобы цензурѣ подвергалось именно то, что еще и до печати стало болѣе или менѣе достояніемъ публики. Какъ объяснить, что редакція газеты или писатель были бы освобождены отъ предварительной цензуры при обнародованіи мнѣній и выраженій, которыя лягутъ подъ ихъ перо, и подлежали бы установленной отвѣтственности, а для напечатанія такихъ же выраженій и мнѣній, если только они были сказаны гдѣ-нибудь въ законно-организованномъ собраніи, была бы необходима предварительная цензура. Да наконецъ возмо-

женъ ли контроль за тѣмъ, чтобы такое постановленіе исполнялось на практикѣ? Та же самая мысль и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, какія были употреблены въ засѣданіи членомъ того или другаго собранія, можетъ же быть напечатана въ видѣ статьи. А какъ смотрѣть на рѣчь заготовленную для собранія, но еще не произнесенную?

Итакъ, если вѣрно то, о чемъ свидѣтельствуетъ въ своей замѣткѣ *Сѣверная Почта*, то-есть, если законъ о печати остается въ полной своей силѣ, то постановленіе состоявшееся 13-го минувшаго іюня надобно понимать такъ, что имъ опредѣляется только печатаніе официальнаго текста происходящихъ въ собраніи преній. Для установленія официальнаго текста отчетовъ обо всемъ происходящемъ въ засѣданіяхъ общественныхъ и сословныхъ собраній, требовалось бы такимъ образомъ нѣкоторое участіе административныхъ властей, и вышеозначенное постановленіе имѣло бы силу не вообще для печати, а лишь для официальныхъ протоколовъ, или для изданій исходящихъ непосредственно отъ общественныхъ и сословныхъ учрежденій и имѣющихъ вслѣдствіе того официальное значеніе. Но и при такомъ толкованіи вышесказаннаго постановленія, нельзя не признать существеннаго ограниченія, которымъ подвергаются—будемъ надѣяться, лишь на время, — права общественныхъ и сословныхъ собраній, которыя до сихъ поръ считали себя въ правѣ печатать свои акты подъ собственною отвѣтственностію.

Есть истины окончательно выработанныя политическою практикой. Къ числу таковыхъ принадлежитъ и то, что публичность можетъ быть полезна только въ своемъ широкомъ и полномъ значеніи, то-есть чрезъ посредство печати. Коль скоро двери какого-либо собранія или учрежденія отворяются для публики, то этимъ самымъ все происходящее становится достояніемъ не случайнаго сборища, а именно публики, и падаетъ въ область печати. Въ противномъ случаѣ, какой смыслъ имѣло бы допущеніе бо́льшаго или меньшаго числа лицъ въ залу собранія или присутствія? Какое значеніе могла бы имѣть такого рода публичность, еслибъ ей не сопутствовало обнародованіе дѣла, или еслибъ обнародованіе его встрѣчало какія-либо особенныя затрудненія и задержки? Отъ публичности такого рода нельзя было бы ожидать никакой пользы: публичность безъ печати есть міръ сплетни и интриги.

№ 190.

Москва, 31-го августа.

А.

Куріозная виленская брошюра, о которой мы говорили на дняхъ, усиливается выставить въ пользу Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги не только экономическія, но и стратегическія соображенія. Эти послѣднія играли не малую роль и въ литографической запискѣ 1862 года, составленной инженеромъ Лундомъ. Вообще не рѣдко случается замѣчать, что стратегіей злоупотребляютъ у насъ то въ ту, то въ другую сторону. Чтобы содѣйствовать установкѣ ясныхъ понятій по этой части, представляется рѣшительно необходимымъ обозрѣть стратегическія условія всего западнаго края въ общей связи, дабы получить твердыя точки опоры для разрѣшенія частныхъ возникающихъ въ послѣднее время вопросовъ.

Съ тридцатыхъ годовъ установилось въ разныхъ кругахъ нашего общества, и особенно въ военномъ, глубокое убѣжденіе въ безусловной недосягаемости Россіи для внѣшняго нападенія по западной сухопутной границѣ. Россія дѣйствительно сильна и пожалуй недосягаема, но только въ томъ случаѣ, если будетъ пользоваться всѣми благопріятными условіями, въ которыхъ находится. Для этого ей не только надобно зорко слѣдить за ходомъ дѣлъ въ Европѣ, но и догонять другія европейскія державы на поприщѣ истиннаго прогресса, а покамѣсть мы находимся только на добромъ пути къ тому, но не можемъ еще похвалиться особенно успѣшною дѣятельностію въ этомъ отношеніи. Исторія наша свидѣтельствуетъ и внутренній голосъ говоритъ нашему народу, что онъ способенъ чернать новыя силы въ испытаніяхъ, которымъ можетъ подвергаться, но эта вѣра есть достояніе нашего народа и предполагать ее въ нашихъ сосѣдяхъ нельзя. Напротивъ, многое, что у насъ происходитъ, вводитъ нашихъ сосѣдей въ искушеніе, внушая имъ надежды, по ихъ мнѣнію, весьма осуществимыя, и вызывая въ нихъ естественное желаніе пользоваться обстоятельствами, которыя они считаютъ

да и не могутъ не считать благопріятными для себя, а для насъ крайне затруднительными. Мы привели недавно выдержки изъ одного весьма распространеннаго въ Германіи изданія, гдѣ, въ статьяхъ обдуманныхъ, весьма подробно разсматривалось, какъ выгодно и какъ легко было бы для Пруссіи отвоевать у Россіи сперва Царство Польское, а потомъ и Прибалтійскій край. Такихъ статей появляется въ Германіи не мало, и толки о выводѣ военныхъ дѣйствій противъ Россіи тамъ довольно популярны. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ чтобы то же самое было уже теперь на мысли у прусскаго правительства, но нельзя оставлять безъ вниманія, что мысль, пріобрѣтающая популярность, должна вліять на правительство въ странѣ поставленной въ такія политическія условія какъ Пруссія. Если мы дорожимъ дружбой Пруссіи, то въ интересѣ этой самой дружбы должны мы озаботиться устраненіемъ условій могущихъ вызывать въ прусскихъ политическихъ сферахъ виды вредные для ея прочности. Международная дружба только тогда обезпечена, когда не выгодно измѣнять ей, то есть когда положеніе дѣлъ таково, что съ войной не соединяется никакихъ шансовъ успѣха. Въ такомъ ли положеніи Россія относительно Пруссіи? Мы слишкомъ живемъ въ области прошедшаго и не вполнѣ оцѣниваемъ то что вокругъ насъ совершается. Мы видимъ, конечно, что Пруссія стала сильнымъ государствомъ, что она стремится объединить Германію и все болѣе и болѣе начинаетъ представлять собой общіе нѣмецкіе интересы, отнюдь не тождественные съ нашими; мы видимъ также, что желѣзныя дороги давно сосредоточили прусскія военныя силы и средства на нашей границѣ. Но мы сохраняемъ прежнюю вѣру въ нашу неуязвимость, и попрежнему, основываемъ эту вѣру на фразахъ: „1812 годъ невозможенъ;“ и „за Пруссію можно поручиться не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ.“ Повторяя подобныя фразы, мы, очевидно, грѣшили бы противъ здраваго смысла, если бы не подкрѣпляли ихъ мыслію о громадности нашихъ средствъ защиты. Безъ этой мысли, мы легко усмотрѣли бы, что наше государство можетъ быть потрясено въ своихъ основахъ и безъ движенія къ Москвѣ; и что въ войну 1853—1855 годовъ о наступленіи внутрь Россіи не было и рѣчи; мы усмотрѣли бы, что наше слабое мѣсто не центръ, а окраины, — и если бы мы это усмотрѣли съ полною ясностью, то нѣтъ сомнѣнія, что наша политика относительно окраинъ была бы рѣшительнѣе, и что мы были бы живѣе теперешняго заинтересованы не только устраненіемъ возможности возстаній въ западномъ краѣ, но и прочнымъ усвоеніемъ нашему государству какъ этого края, такъ и вообще нашихъ окраинъ, чтобъ онѣ никому не казались лакомымъ кускомъ, легко отдѣлимымъ отъ Россіи. Многіе у насъ считаютъ излишнимъ спѣшить достиженіемъ этихъ цѣлей и предаются квіетизму именно потому, что открытое нападеніе на Россію принято признавать невозможнымъ. Подобная же увѣренность лежитъ въ основѣ и того страннаго расположенія, которое нерѣдко обнаруживается въ нашей публикѣ, — отдавать рѣшительное предпочтеніе такъ-называемымъ экономическимъ интересамъ предъ политическими и стратегическими при выборѣ линій для желѣзныхъ дорогъ. Не будь этой увѣренности, неужели мы до сихъ поръ не принялись бы за проведеніе желѣзной дороги изъ Москвы на Смоленскъ въ Варшаву; и еще болѣе, неужели было бы возможно заводить рѣчь о дорогѣ Пинско-Бѣлостокской, какъ о дорогѣ будто бы столько же не полезной для Россіи, сколько и для Пруссіи? Но не преувеличена ли эта увѣренность въ неприступности Россіи на ея западной сухопутной границѣ? Есть ли основаніе намъ полагаться на военныя средства защиты до того, чтобы смотрѣть равнодушно на другія условія государственнаго могущества, чтобы не заботиться всѣми мѣрами объ ихъ улучшеніи? Эти вопросы заслуживаютъ критическаго разсмотрѣнія уже въ виду той пользы, которая проистекла бы, если бъ общее вниманіе было привлечено съ большею чѣмъ прежде силой къ интересамъ высшаго порядка, которые теперь остаются на заднемъ планѣ лишь потому, что Россія считается достаточно обезпеченною и безъ ихъ удовлетворенія. Никогда не ведетъ къ добру возлагать всѣ свои надежды на матеріальную охрану государственной безопасности!

Наши военные видятъ какую-то особенную силу въ геометрическомъ очертаніи нашей западной сухопутной границы. Нельзя, конечно, отрицать, что выдающіяся и вдающіяся части границы могутъ вліять на первоначальный ходъ войны насту-

тательной и оборонительной, но это можетъ быть признано лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ и весьма условно. Полѣсье раздѣляетъ наше западное пограничное пространство на три театра военныхъ дѣйствій: Царство Польское, сѣверо-западный край и юго-западный край съ Бессарабіей и Херсонскою губерніей. Каждый изъ этихъ театровъ представляетъ всѣ данныя, дабы военныя дѣйствія въ немъ, при нашествіи непріятельскомъ, были самостоятельны и независимы отъ другихъ театровъ войны.

Глубоко врѣзываясь въ Пруссію и Австрію, Царство Польское способно играть важную роль въ случаѣ наступательной войны со стороны Россіи въ Германію. Говоря сравнительно, столицы Пруссіи, Австріи и Саксоніи легко и удобно достигаемы изъ этого авангарда русской территоріи, хотя и тутъ положеніе значительно измѣнилось, вслѣдствіе того, что уступая Краковъ Австріи, мы не захотѣли поставить условіемъ срытіе тамошнихъ укрѣпленій. Но какъ бы то ни было, чтобъ извлечь всѣ выгоды изъ положенія Царства въ наступательной войнѣ, намъ надобно или находиться въ мирѣ съ однимъ изъ двухъ сосѣднихъ государствъ, или въ предварительной кампаніи поразить войска одной изъ воюющихъ сторонъ, дабы при наступательномъ движеніи имѣть обезпеченные фланги и тылъ: то и другое есть случайность, которою можно воспользоваться, когда она представится, но на которую нельзя разчитывать. Наши разчеты должны быть оборонительные. Въ случаѣ войны оборонительной, Царство Польское играетъ также важную роль, но различную, смотря потому, будетъ ли Россія находиться въ войнѣ съ одною Австріей, съ одною Пруссіей, или въ одно время и съ Австріей, и съ Пруссіей.

При войнѣ съ Австріей наша армія расположенная въ Царствѣ Польскомъ предотвращаетъ движеніе главныхъ силъ непріятеля на Волынь, угрожая въ противномъ случаѣ ударить ему во флангъ и тылъ и оттѣснить его къ Карпатамъ.

При войнѣ съ Пруссіей Царство Польское могло бы играть такую же роль относительно сѣверо-западнаго края, еслибы предусмотрительные Пруссаки не воздвигли въ послѣднее тридцатилѣтіе въ восточной Пруссіи цѣлой системы крѣпостей, съ цѣлью предупредить или затруднить движеніе нашихъ войскъ въ эту провинцію, и съ другой стороны облегчить себѣ доступъ въ Россію. Въ случаѣ войны съ Россіей, Пруссія очевидно имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ нежели Австрія.

Если же Россія будетъ имѣть противъ себя коалицію Австріи и Пруссіи, то наша армія въ Царствѣ Польскомъ, самою силой вещей ставится въ положеніе страдательное, и либо сѣверо-западному, либо юго-западному краю будетъ угрожать непріятельское вторженіе. Если, напримѣръ, австрійская армія движется противъ нашей, расположенной въ Царствѣ Польскомъ, ничто не помѣшаетъ Пруссакамъ идти на Литву. Парализованная движеніемъ австрійской арміи и связанная обороною такихъ крѣпостей какъ Новогеоргіевскъ, Александровская цитадель и Брестъ-Литовскъ, наша армія не будетъ въ силахъ оказать какое-либо вліяніе на движеніе непріятельскихъ войскъ въ Литву. Точно также, если Пруссаки двинутся на Царство Польское, ничто не помѣшаетъ австрійской арміи безпрепятственно устремиться на Волынь. Мы стало-быть вовсе не на столько ограничены, какъ обыкновенно намъ кажется и на сколько мы можемъ быть, если захотимъ, въ-время. Какова же наша оборона? Царство Польское укрѣплено достаточно, но можно ли сказать то же самое о средствахъ обороны сѣверо-западнаго и юго-западнаго края? Въ тридцатыхъ годахъ былъ составленъ особый комитетъ, который долженъ былъ изыскать оборонительную систему наиболѣе удобную для нашего государства. Но не было ли тогда принято за одно изъ существенныхъ основаній предположеніе, что наступательная война противъ насъ возможна при обстоятельствахъ подобныхъ 1812 году, и что совершенное пренебреженіе къ намъ не только въ настоящемъ, но и *въ будущемъ* со стороны Австріи и Пруссіи, въ особенности со стороны первой, можетъ обезпечено? Выдерживать ли это предположеніе критику въ наше время? Кромѣ того, тогда принималось за аксіому, что Царство Польское, сильно укрѣпленное, совершенно прикрываетъ собой сѣверо-западный и юго-западный край, а развѣ на самомъ дѣлѣ оно не подлежитъ обходу? Результатомъ изысканій этого комитета было то, что за исключеніемъ крѣпостей Царства Польскаго, правительство окончательно остановилось на постройкѣ Динабурга, Боб-

руйска и Кіева. Взглянемъ же на значеніе этой системы крѣпостей. Читатели найдутъ, можетъ быть, страннымъ, если мы скажемъ, что при такомъ расположеніи крѣпостей, въ случаѣ вторженія непріятеля, весь сѣверо-западный и юго-западный край, послѣ первой нашей неудачи въ полѣ, цѣликомъ отдаются въ руки непріятеля, и наша оборонительная линія по Двинѣ и Днѣпру не принесетъ намъ существенной пользы. Вотъ доказательства тому.

Быстрымъ занятіемъ Вильны наша армія, расположенная отъ Поневѣжа до Бѣлостока, и теперь, точно также какъ въ 1812 г., можетъ быть разрѣзана на двѣ части, которымъ нельзя будетъ соединиться ближе Витебска или Смоленска. Свойство мѣстности, направленіе путей сообщенія, центральное положеніе непріятеля въ Вильнѣ, откуда онъ всегда имѣетъ возможность предупредить соединеніе разрозненныхъ арміи, прямымъ или косвеннымъ движеніемъ части своихъ войскъ къ Минску, все это было бы въ пользу непріятеля и въ ущербъ нашей сѣверной арміи. Заключить-ся же одной части арміи въ Динабургѣ, то-есть самой занять фланговую позицію и предоставить другую часть вѣрной гибели, будетъ невозможно, какъ было невозможно въ 1812 году оставаться въ лагерѣ при Дриссѣ. Въ этомъ случаѣ важными въ оборонительномъ отношеніи пунктами оказываются Витебскъ и Смоленскъ, — 12-й годъ выказалъ ихъ важность, — но комитетъ оставилъ ихъ безъ вниманія. При большой войнѣ, Динабургъ можетъ играть ту же роль, какую въ 12-мъ году играли Дриса и Рига. Дриса была покинута, а Ригу довольно было блокировать. Динабургу приписываютъ важность вслѣдствіе его положенія на прямомъ и главномъ пути изъ западныхъ губерній въ Петербургъ. Но это обстоятельство только тогда имѣло бы значеніе, когда бы сѣверо-западныя губерніи составляли особое государство или были заняты непріятелемъ продолжительное время. Внѣ этихъ обстоятельствъ, Динабургъ имѣетъ значеніе только второстепеннаго опорнаго пункта, надежнаго мѣста для складовъ и сбора войскъ, но *какъ позиція* не имѣетъ никакого. Къ защитѣ Петербурга онъ не можетъ служить уже по той простой причинѣ, что ни одинъ непріятель (надо же признавать разумъ и у своихъ непріятелей) никогда не пойдетъ на Петербургъ въ этомъ направленіи, никогда не изберетъ цѣлью такого предмета дѣйствій, достиженіе котораго потребовало бы семисотверстнаго операціоннаго пути по мѣстности незаселенной, лѣсистой, частью болотистой, а частью песчаной. Мы не хотимъ утверждать, чтобы взятіе Петербурга вовсе не могло входить въ разчетъ нашихъ непріятелей, но для этой цѣли они навѣрное предпочтутъ высадку въ окрестностяхъ Выборга или Нарвы, что для нихъ будетъ несравненно удобнѣе и къ чему теперь есть столько техническихъ средствъ.

Въ 1812 году Динабургъ былъ уже нѣсколько укрѣпленъ, но остался незамѣтенъ. Сначала, правда, Удино имѣлъ въ виду взять его (1-го іюля), но вскорѣ оставилъ его безъ вниманія, а вслѣдъ затѣмъ нашъ гарнизонъ, никѣмъ не тѣсненный, самъ покинулъ крѣпость, которая и была срыта Французами. Все это не имѣло ни малѣйшаго вліянія на ходъ войны даже на придвинскомъ театрѣ. Построеніе вновь Динабурга было вызвано, по всей вѣроятности, тѣми преувеличенными и частью ложными толкованіями, которыя были даны дѣйствіямъ Витгенштейна. Въ годину бѣдствій, когда несчастіе слѣдуетъ за несчастіемъ, пораженіе за пораженіемъ, всякій народъ, особенно имѣющій блестящую военную исторію, мирится съ неудачами неохотно и ловитъ на лету даже мечту объ успѣхѣ, а не только успѣхъ дѣйствительный, хотя незначительный. Подъ вліяніемъ такого настроенія сложилось у насъ сужденіе о той роли, которую игралъ въ 12-мъ году корпусъ Витгенштейна. Оставленный на правомъ берегу Двины, онъ имѣлъ противъ себя сначала корпусы Макдональда и Удино, Полководцы Наполеона, безпрепятственно перейдя Двину въ Полоцкѣ и Якобштадтѣ, намѣревались двинуться на Себежъ, дабы соединиться тамъ въ тылу у Витгенштейна, отрѣзать его отъ его сообщеній и уничтожить, оттѣснивъ къ Двинѣ. Спросимъ же себя, что было бы, еслибъ этотъ планъ имъ удался. Тогда погибъ бы корпусъ Витгенштейна, но можно ли сказать, что тогда погибъ бы и Петербургъ? Есть ли какая-нибудь вѣроятность, чтобы Макдональдъ и Удино помышляли о движеніи на Петербургъ? Витгенштейнъ узналъ о переправѣ и намѣреніяхъ непріятеля слишкомъ поздно и когда двинулся на полоцко-себежскую дорогу, Клястицы были уже заняты корпусомъ Уди-

но, что и повело къ сраженію подъ Клястицами. Самое сраженіе было ведено хорошо, но затѣмъ Витгенштейнъ преслѣдовалъ непріятеля слабо и допустилъ пораженіе Кульпева Въ общемъ ходѣ кампаніи побѣдителемъ остался не онъ, а Сенъ-Сиръ (замѣнившій Удино), ибо назначеніемъ французскаго корпуса было вовсе не двигаться на Петербуръ, а парализовать дѣйствія Витгенштейна и охранить фланги и тылъ главной арміи, двигавшейся на Москву, что и было достигнуто. При чрезмѣрномъ растяженіи операціонной линіи, въ непріятельской странѣ, такіе корпуса всегда оставляются на флангахъ арміи. Въ Петербургѣ, въ то время, можетъ-быть, и опасались нашествія Французовъ, но мало ли чего опасаются дамы? Сенъ-Сиръ и Удино успѣшно выполнили возложенную на нихъ задачу: они продержались на Двинѣ сколько имъ было нужно и во-время соединились съ Наполеономъ. Въ чемъ же состояла задача Витгенштейна? Ему слѣдовало оттѣснить французскій корпусъ далеко за Двину, и своимъ наступательнымъ движеніемъ поставить тылъ Наполеона въ опасное положеніе; но этого сдѣлано не было. Спрашивается: могъ ли помочь Динабургъ исполненію этой задачи? Будь онъ уже въ 1812 году такою какъ теперь крѣпостью, онъ не оказалъ бы замѣтнаго вліянія на ходъ войны, и кампанія совершилась бы такъ же какъ она происходила.

Динабургъ пріобрѣлъ нѣкоторое военное значеніе для сѣверо-западнаго края только въ послѣднее время, послѣ проведенія Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, когда ближайшій путь отъ Москвы до Вильны пошелъ не черезъ Смоленскъ и Минскъ, какъ было прежде, а благодаря желѣзной дорогѣ, на Петербургъ и Псковъ. Только съ проведеніемъ желѣзной дороги, наша армія, отступивъ къ Динабургу, *если только ей удастся отступить къ нему*, при вторженіи непріятеля изъ восточной Пруссіи въ сѣверо-западный край, можетъ выждать въ немъ помощь. Мы сказали: *если только ей удастся отступить къ нему*, имѣя въ виду, что этого можетъ и не удаться, если непріятель одновременно съ движеніемъ къ Вильнѣ займетъ Вильковиръ (а это непремѣнно будетъ), и попытается воспрепятствовать фланговому маршу нашей арміи изъ Вильны на Динабургъ. Этотъ весьма возможный маневръ облегчается непріятелю тѣмъ, что при отступленіи изъ Вильны и при движеніи на Динабургъ, нашей арміи придется совершить переправу черезъ рѣку Вилію. Единственно вполнѣ вѣрное для насъ отступленіе отъ Вильны—по направленію къ Смоленску, но тутъ намъ не поможетъ ни Динабургская крѣпость, ни Варшавская желѣзная дорога. Вотъ между прочимъ одна изъ причинъ, почему такъ необходима для насъ желѣзная дорога отъ Москвы на Смоленскъ къ Брестъ-Литовску.

Переходимъ къ Бобруйску. Нельзя не согласиться, что это прекрасная крѣпость и что взять ее довольно трудно. *Благодаря какимъ-однако военнымъ комбинаціямъ наша армія, или даже значительный корпусъ войскъ попадетъ въ Бобруйскъ!* Если это будетъ вынужденная къ отступленію армія, которая въ началѣ кампаніи была расположена въ окрестностяхъ Вильны, то что побудитъ ее отступать въ Полѣсье, въ глубину болотъ, когда она имѣетъ прямое и наивыгоднѣйшее отступленіе на Минскъ и Витебскъ или Смоленскъ? Если же это будетъ армія, потерпѣвшая пораженіе въ Царствѣ Польскомъ, уступившая непріятелю и Новогеоргіевскъ и Брестъ-Литовскъ, и, по стеченію обстоятельствъ, не имѣвшая возможности отступить ни на Вильну, ни на Волынь, а ретировавшаяся въ Полѣсье, то Бобруйскъ отстоитъ черезчуръ далеко отъ Бреста, чтобы доставить этимъ остаткамъ арміи своевременное укрытіе. И въ томъ и въ другомъ случаѣ армія можетъ быть спасена лишь Смоленско-Варшавскою желѣзною дорогою, а отнюдь не крѣпостью Бобруйскомъ. Если вникнуть въ дѣло, то съ стратегической точки зрѣнія нѣтъ надобности вести на Бобруйскъ даже эту желѣзную дорогу: она будетъ гораздо полезнѣе въ стратегическомъ отношеніи когда пройдетъ сѣвернѣе, по болѣе прямому пути, гдѣ къ тому же и мѣстность благопріятнѣе, какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и въ видахъ удешевленія строительныхъ работъ. Въ такомъ случаѣ Бобруйскъ было бы всего выгоднѣе соединить желѣзною дорогой съ Вильной или Ландваровымъ: обезпечивая всему сѣверозападному краю сбытъ продуктовъ черезъ Либаву, и имѣя вслѣдствіе того важное экономическое значеніе, эта линія соединила бы Бобруйскъ и съ Вильной, и съ Брестомъ (черезъ Смоленскую дорогу), что дало бы возможность, въ случаѣ войны, извлечь изъ Бобруй-

ских складовъ всевозможную выгоду. Можно ли серіозно сравнивать съ этою дорогой дорогу Пинско-Бѣлостокскую? Исходный пунктъ Пинскъ вмѣсто Бобруйска? конечный пунктъ Бѣлостокъ вмѣсто Вильны? Какое тутъ можетъ быть сравненіе? Но, повторяемъ, нѣтъ причины вести Смоленскую дорогу на Бобруйскъ и далѣе по направленію теперешняго шоссе; Бобруйскъ не нуждается въ соединеніи съ внутренними частями Полѣсья. Правда, онъ сдѣланъ крѣпостью (по предложенію графа Опперманна), дабы служить оплотомъ Полѣсью, и въ предположеніи, что онъ играль важную роль въ 1812 году. Но какъ оплотъ для Полѣсья, онъ, конечно, не имѣетъ значенія. Полѣсье настолько неприступно для дѣйствія большихъ силъ, что само служитъ для себя оплотомъ, для опоры же партизанскимъ отрядамъ довольно было бы и форта, а теперь, когда Бобруйскъ построенъ, довольно проведеннаго по этому направленію шоссейнаго пути, и нѣтъ никакой надобности строить въ болотахъ Полѣсья желѣзную дорогу, въ экономическомъ отношеніи невыгодную, а въ стратегическомъ ненужную. Кромѣ опоры партизанскихъ отрядовъ, Бобруйскъ можетъ имѣть значеніе лишь безопаснаго склада. Въ 1812 году онъ играль самую ничтожную роль. Полагаютъ, что Бобруйскъ не позволилъ маршалу Даву, находившемуся въ Игуминѣ, пресѣчь путь отступленія князя Багратіона, который былъ тогда въ Слуцкѣ. Но если даже и положить что это такъ, то нельзя не замѣтить, что будь укрѣпленъ Минскъ, соединеніе арміи состоялось бы ранѣе, и о Бобруйскѣ не было бы и рѣчи. Наводецъ Бобруйскъ не потому не былъ занятъ въ 1812 г., что занять его было трудно (укрѣпленія составленныя изъ земляныхъ насыпей не были далеко окончены), а потому, что онъ не имѣетъ значенія стратегическаго пункта, и что занятіе Могилева представляло для Даву больше выгодъ. Могилевъ былъ и ближе къ главнымъ силамъ французской арміи, и изъ него одинаково можно было прерѣзать путь второй арміи движеніемъ на Пропойскъ, Чириковъ или Мстиславль. Въ рѣшительный же моментъ переправы Наполеона черезъ Березину Бобруйскъ остался въ сторонѣ; о немъ тогда никто серіозно и не думалъ. О немъ много не будутъ думать и въ случаѣ вторичной войны въ этихъ мѣстахъ.

Итакъ, что же оказывается? Ни Динабургъ, ни Бобруйскъ не могутъ задержать непріятеля, и участь сѣверо-западнаго края предоставлена исключительно полевымъ войскамъ. Въ случаѣ неудачи въ полѣ, имъ не на что опереться и даже не откуда получить своевременныя подкрѣпленія,—пока не сооружена Смоленская желѣзная дорога.

Б.

— Газета *Вѣсть* теряетъ равновѣсіе и выходитъ изъ себя. Это было бы хорошимъ предзнаменованіемъ, еслибы только другіе признаки характеризующіе положеніе дѣлъ были также благопріятны, чего, къ сожалѣнію, сказать нельзя. Эта почтенная газета наступаетъ на насъ съ самыми энергическими требованіями и *категоріями*, чтобы мы перепечатывали въ своихъ столбцахъ ея статьи, и отвѣчали на ея запросы. „Мы!“ такъ говоритъ *Вѣсть*, обращаясь къ намъ. Очень рады познакомиться, не кто эти „мы?“ Когда *Вѣсть* обращается къ намъ, то ей извѣстно къ кому она обращается, а равно и публикѣ которая берется въ свидѣтели. Но кто эти „мы“ *Вѣсти*, съ которыми приглашаютъ насъ бесѣдовать! Не угодно ли имъ будетъ назвать себя по имени,—и мы охотно будемъ къ ихъ услугамъ. Если они хотятъ довести дѣло до публичной гласности, то мы готовы имъ въ этомъ содѣйствовать, но для этого требуется чтобъ они выглянули изъ-за кулисъ. Пусть пожалуютъ они на сцену, и мы тогда посмотримъ: Эти господа „мы,“ гласящіе черезъ *Вѣсть*, объявляютъ, что лица нижущія въ этой газетѣ обращались къ намъ, хотя и безполезно, съ своими заявленіями, чѣмъ даютъ поводъ заключать, что они намъ извѣстны. Но къ намъ обращалось множество всякаго рода лицъ, разныхъ направленій и разныхъ національностей, не исключая и помѣщиковъ западнаго края, и подъ своими, и подъ вымышленными именами, и безъименно, и лично, и съ статьями для печати, и съ письмами. Вѣрно только то, что н. г. Пензинъ, который подписывается подъ *Вѣстью* за редактора, и котораго мы вовсе не имѣемъ чести знать, ни т. Скарятинъ, который состоитъ офиціальнымъ редакторомъ этой газеты, не обращались къ намъ ни съ какими сообщеніями. Что касается до послѣдняго, то мы имѣли удовольствіе печатать его интересныя письма изъ-заграницы въ

Русскомъ Вѣстникѣ и въ выходившей при немъ *Современной Лѣтописи*, еще до поступленія *Московскихъ Вѣдомостей* въ наши руки. Намъ пріятно отдать справедливость ихъ автору, который, помнимъ мы, съ большою энергіей и остроуміемъ клеймилъ тогда дворянскіе предразсудки итальянскихъ *codini*, ничему не научившихся, ничего не позабывшихъ, осужденныхъ жизнію, и оказавшихся противниками своего отечества, которое возрождалось къ новой жизни. Но къ намъ дѣйствительно обращались, прямо или черезъ посредство близкихъ намъ людей, съ разными заявленіями лица, которыя считаются состоящими въ связи съ *Вѣстью*. Объясненія съ нѣкоторыми, хотя и безполезныя для нихъ, были для насъ довольно поучительны. Всего любопытнѣе то, что они начинали и оканчивали всегда тѣмъ, что горячо отказывались отъ солидарности съ общимъ направленіемъ этого органа. Итакъ, пусть же будетъ объявлено, кто эти „мы“ *Вѣсти?* Кто несетъ на себѣ нравственную отвѣтственность за этотъ органъ, хвалившійся сочувствіемъ какихъ-то „лучшихъ государственныхъ мужей;“ — органъ, отъ котораго люди, являясь подъ своимъ именемъ, усердно отрекаются?

Г-да *мы* могутъ быть увѣрены, что мы сдѣлаемъ свое для того чтобы разъяснить свойство ихъ органа. А на сей разъ предлагаемъ имъ прочесть объ этомъ интересномъ для нихъ предметѣ нижеслѣдующія строки изъ послѣдняго нумера *Кіевлянина*, судьи весьма компетентнаго относительно направленія газеты, такъ усердно занимающейся дѣлами западнаго края:

„Послѣ многочисленныхъ анонимныхъ и псевдонимныхъ корреспонденцій изъ юго-западнаго края, въ № 87 газеты *Вѣсть* появилась, наконецъ, корреспонденція съ подписью полнаго имени и фамиліи автора. Нѣкто Карлъ Сейбленскій сообщаетъ почтенной газетѣ, что „громадное количество инвентарной земли, сверхъ показанной по грамотамъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ юго-западнаго края, открыто мировыми дѣятелями неутѣшительными собаками, и что эти результаты получаются въ *русскомъ* краѣ, не путемъ закона, а просто-акы въ землѣ вражьей.“ Въ доказательство и въ примѣръ дѣйствій мировыхъ дѣятелей „неутѣшительными собаками въ русской землѣ, акы вражьей,“ г. Карлъ Сейбленскій указываетъ на выкупной актъ въ имѣніи помѣщика Русановскаго, Подольской губерніи, Литинскаго уѣзда, села Микулинецъ, гдѣ предоставлено крестьянамъ на выкупъ земли на 333 д. 804 с. болѣе того количества, какимъ они пользовались по инвентарю, и въ томъ числѣ 147 д. отданы даромъ.

По поводу такихъ неутѣшительныхъ дѣйствій повѣрочнаго отдѣленія Литинскаго мироваго съѣзда, г. Карлъ Сейбленскій восклицаетъ: „Неужели этому отдѣленію „дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія? И слѣдуетъ ли удивляться „обиженной сторонѣ, если она вынуждена „обратиться съ жалобами къ другимъ здравымъ, охранительнымъ и доброжелательнымъ силамъ, указаннымъ въ манифестѣ „12-го мая 1866 г.?“ Въ заключеніе г. Карлъ Сейбленскій сообщаетъ, что дѣйствія повѣрочнаго отдѣленія утверждены единогласнымъ постановленіемъ губернскаго присутствія и дѣло отправлено въ главное выкупное учрежденіе; но тѣмъ не менѣе владѣльцемъ послана жалоба и министру внутреннихъ дѣлъ.

Итакъ забрало поднято. Мы можемъ, наконецъ, видѣть въ лицо этихъ таинственныхъ рыцарей, появляющихся на столбцахъ газеты *Вѣсти* во всеоружіи ненависти къ русскому дѣлу въ западномъ краѣ, лжи и клеветы, безпримѣрныхъ въ нашей печати по своему нахальству и цинизму, — этихъ рыцарей польской идеи и польскаго плакетства, не останавливающихся ни предъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей.

Мы знали ихъ давно и узнавали вездѣ, гдѣ бы они ни появлялись. Самыя непроницаемыя забрала и маски, подъ которыми они скрывали свои лица, разнообразные костюмы, въ какіе они наряжались, поддѣльные флаги, какими они прикрывали свою контрабанду для провоза ея въ русскую публику, ничто не могло обмануть насъ. Многолѣтній опытъ борьбы научилъ насъ распознавать врага, въ какой бы формѣ и въ какомъ бы мѣстѣ онъ не являлся.

Но довольно днесь сего злобы. Теперь юго-западные рыцари *Вѣсти* почему-то находятъ уже неумѣстнымъ являться передъ русскою публикою съ опущенными забралами. Они признаютъ возможнымъ продолжать войну тѣми же средствами — откры-

то. Тѣмъ лучше: открытый врагъ честнѣе и достойнѣе ложнаго друга. Мы отдаемъ полную справедливость такой рѣшимости, не входя въ изслѣдованіе причинъ, вызвавшихъ ее; но нельзя не замѣтить, что мы быстро идемъ по пути обрусенія западнаго края: *Вѣсть* дѣлается высшею инстанціей, куда польская шляхта приноситъ свои жалобы на неутѣшительныя для нея дѣйствія мировыхъ учрежденій, именуя югозападный край — русскимъ. Прогрессъ изумительный, превосходящій самыя смѣлыя надежды!

Если г. Карлъ Сейбленскій и обиженная сторона въ выкупномъ дѣлѣ по Микулинскому имѣнію, съ точки зрѣнія польскаго землевладѣнія въ русскомъ краѣ, не хотятъ знать изданныхъ русскою верховною властью законовъ и, чествуя дѣйствія русскихъ исполнителей этихъ законовъ вражьими, аппеллируютъ въ инстанцію *Вѣсти* по дѣлу, которое, совершенно разсмотрѣно и окончательно утверждено законною властью, то мы, съ точки зрѣнія права и уваженія къ власти, не можемъ ни вести тяжбу передъ непризнанною еще въ законодательномъ порядкѣ инстанціею, ни придавать какое-либо значеніе подобной аппелляціи.

Мы воспользуемся только настояннимъ случаемъ, чтобы познакомить нашихъ читателей съ нѣкоторыми, мало или совершенно имъ неизвѣстными фактами крестьянскаго землевладѣнія въ югозападномъ краѣ.

Г. Карлъ Сейбленскій находитъ способы, которыми открыто громадное количество инвентарной земли, сверхъ показанной по грамотамъ, неутѣшительными. И онъ правъ, потому что искрененъ и откровененъ на этотъ разъ. Съ точки зрѣнія польской идеи, способы эти дѣйствительно могутъ назваться неутѣшительными, потому что они разрушили такъ долго лелѣемыя и бывшія такъ близко къ выполненію надежды польскаго шляхетства на обезземеленіе кореннаго русскаго населенія края и на совершенную полонизацію его.

За симъ *Кіевлянинъ* входитъ въ спеціальное изложеніе вопроса, которое въ этомъ нумерѣ не кончено, и съ которымъ мы не преминемъ познакомить нашихъ читателей.

№ 191.

Москва, 1-го сентября.

Во вчерашнемъ № *Московскихъ Вѣдомостей*, обозрѣвая значеніе крѣпостей на нашей западной границѣ, мы сказали, что онѣ едва ли могутъ принести ту пользу, которая отъ нихъ ожидается. Царство Польское, хотя и сильно укрѣпленное, подлежитъ въ случаѣ коалиціи противъ насъ со стороны Австріи и Пруссіи непріятельскому обходу, и даже безъ большаго труда. При войнѣ оборонительной, оно представляетъ для арміи въ немъ расположенной надежный театръ военныхъ дѣйствій, но отнюдь не прикрываетъ собой ни сѣверо-западнаго, ни юго-западнаго края. И тотъ и другой могутъ быть предметомъ самостоятельныхъ военныхъ дѣйствій. Положеніе, что Царство Польское, выдавшись впередъ, даетъ возможность расположенной въ немъ арміи угрожать флангу и тылу непріятеля, идущаго на Литву или Волынь, — весьма условно. Въ случаѣ австро-прусской коалиціи, буде австрійская армія направится противъ нашей арміи, расположенной въ царствѣ Польскомъ, ничто не помѣшаетъ Пруссакамъ идти въ сѣверо-западный край, и наоборотъ, въ случаѣ движенія Пруссаковъ на Царство Польское, — Австрійцамъ идти на Волынь. Независимо отъ этого, Пруссія, при нынѣшнемъ развитіи своихъ военныхъ силъ, послѣ присоединенія къ себѣ королевства Ганноверскаго и другихъ владѣній, послѣ подчиненія Саксоніи и всей сѣверной Германіи, послѣ заключенія и съ южно-германскими государствами оборонительныхъ и наступательныхъ союзовъ, — Пруссія и одна, безъ Австріи, при поддержкѣ какого-нибудь другаго государства, благодаря искусно проведенной сѣти желѣзныхъ дорогъ, въ силахъ предпринять движеніе въ сѣверо-западный край изъ провинціи Восточной Пруссіи, такъ какъ можно быть увѣреннымъ, что обстоятельства никогда не позволятъ намъ сосредоточить наши силы на одномъ пунктѣ. Стоитъ только кому-нибудь начать войну противъ Россіи, чтобы намъ тотчасъ же угрожали и на сѣверѣ и на югѣ. Выгоды нападенія на Литву такъ велики, а рискъ сравнительно такъ малъ, что намъ непремѣнно должно ожидать, въ случаѣ войны, движенія прусской арміи на Вильну. Возможность подобнаго

движенія, вѣроятно, уже входила въ соображенія прусскихъ государственныхъ людей. Въ послѣдніе тридцатилѣтіе было обращено ими особенное вниманіе на усиленіе провинціи Восточной Пруссіи, и въ этотъ періодъ времени употреблены всѣ усилія чтобы сдѣлать ее надежнымъ базисомъ для арміи наступающей на Литву. Провинція эта испрещена крѣпостями, и всѣ эти крѣпости, Кёнигсбергъ, Пилау, Данцигъ, Грауденцъ, Торнъ, Летценъ, дѣятельно устраивались и укрѣплялись именно во время совершенной дружбы Пруссіи съ нами, скрѣпленной союзомъ царственныхъ домовъ. Многія военныя учрежденія и склады здѣсь устроенные дѣлаютъ снабженіе арміи весьма удобнымъ. Здѣсь она имѣетъ все подъ рукой: *провіантскіе магазины* въ Кёнигсбергѣ, Данцигѣ, Грауденцѣ, Торнѣ и Пилау; *главный коммиссаріатскій складъ* и пунктъ коммиссаріатскихъ заготовленій—въ Грауденцѣ; *депо* для устройства и снабженія обозовъ и парковъ— въ Кёнигсбергѣ; мастерскія: *оружейную*, *артиллерійскую* и *клинковую фабрику*—въ Данцигѣ; наконецъ во всѣхъ крѣпостяхъ находятся хорошо наполненные арсеналы. Если не противъ насъ, то противъ кого воздвигались эти крѣпости? Не повстанцы же въ самомъ дѣлѣ имѣлись въ виду при ихъ постройкѣ: для повстанцевъ было бы довольно построить нѣсколько тюремъ и не было бы надобности расходоваться на фортификаціонныя дорого стоящія сооруженія. Не противъ Поляковъ конечно, укрѣплялись еще въ 1866 г. плѣнными Австрійцами Кёнигсбергъ и Данцигъ. Было бы ребячествомъ сѣтовать на это и обижаться тѣмъ, что Пруссія не достаточно довѣряетъ намъ: каждое государство обязано, не только въ интересѣ войны, но и въ интересахъ мира, обезпечивать себя отъ сосѣдей, и со стороны Пруссіи весьма естественно, что она старалась и старается затруднить намъ нарушеніе дружескихъ къ ней отношеній, столь для нея выгодныхъ. При этомъ она оставляетъ за собой, разумѣется, наибольшую свободу дѣйствій. Сдѣлавъ все отъ нея зависѣвшее по укрѣпленію своей территоріи, Пруссія развила и свои дѣйствующія боевыя силы, особенно въ послѣднее время. Теперь она безъ особаго напряженія можетъ выставить въ случаѣ рѣшительныхъ военныхъ дѣйствій, до четырехъ сотъ тысячъ войскъ. Сосредоточить эти силы на любомъ пунктѣ своей территоріи, при искусно проведенной сѣти желѣзныхъ дорогъ и сравнительно небольшомъ протяженіи государства, не потребуетъ для нея много времени. Если Пруссія направитъ напримѣръ 150—200 тысячную армію на сѣверную или сѣверо-западную часть Царства Польскаго, дабы парализовать дѣйствія нашей арміи тамъ находящейся, она можетъ бросить остальныя 200 тысячъ въ Литву. Положимъ, одна Пруссія не въ силахъ долго бороться съ Россіей, но нельзя утверждать чтобъ она не могла выиграть блестящую кампанію. Къ тому же ей никогда не придется бороться одной: принимая это рѣшеніе, она во всякое время найдетъ себѣ союзника изъ числа государствъ, заинтересованныхъ ослабленіемъ Россіи или въ Европѣ или въ Азіи. Мы имѣемъ огромное войско, и конечно не можетъ идти рѣчь о его увеличеніи. Но тѣмъ не менѣе очевидно что при общей численности всей нашей арміи по военному времени въ 977.000*) человѣкъ, разсѣянныхъ по Европѣ и Азіи, мы не будемъ въ состояніи дать непріятелю отпоръ численностію войскъ.

Въ случаѣ удачи, особенно съ занятіемъ Вильны, Пруссаки достигаютъ огромныхъ и для насъ тяжелыхъ результатовъ. Расположеніемъ въ Литвѣ непріятельская армія отрѣзываетъ Царство Польское отъ прямаго сообщенія съ Петербургомъ и внутреннею Россіей и можетъ безпрепятственно дѣйствовать на легкомысліе Поляковъ, возбуждая ихъ къ малой войнѣ. Чѣмъ долѣе продержится непріятельская армія около Вильны, тѣмъ болѣе можетъ причинить намъ вреда.

При неудачѣ, прусская армія не рискуетъ особенно ничѣмъ и отступаетъ въ Восточную Пруссію подъ прикрытіемъ своихъ крѣпостей. Еслибы случилось даже, что соединенными усиліями нашихъ армій прусскія войска были бы оттѣснены и далѣе первой (въ этомъ случаѣ) линіи своихъ крѣпостей, Летцена, Торна и Грауденца, то они отошли бы къ Кёнигсбергу и Данцигу, имѣющимъ между собою надежное сообщеніе по Фришгафу и рукаву Вислы, и подъ прикрытіемъ этихъ крѣпостей выждали бы подкрѣпленій. На разсматриваемомъ театрѣ военныхъ дѣйствій всѣ шансы успѣха и всѣ выгоды на сторонѣ

*) 977.429 *Статист. Врем.*

непріятеля; а никакъ не нашей сторонѣ.

Если Вильна будетъ избрана непріятелемъ предметомъ дѣйствія, то нужно замѣтить, что доступы къ ней изъ Восточной Пруссіи замѣчательно удобны для большой дѣйствующей арміи. На этомъ пути все содѣйствуетъ быстрому ея движенію. Въ Ковнѣ сосредоточиваются рѣка Нѣманъ, доступная для движенія пароходовъ, дорога изъ Тильзита, желѣзная дорога изъ Кенигсберга и шоссе отъ Сувалокъ (Сувалки въ 20 верстахъ отъ прусской границы). Все разстояніе отъ Ковна до прусской границы около 80 верстъ, такъ что на Ковно могутъ быть двинуты изъ Восточной Пруссіи и при Ковнѣ сосредоточены большія силы безъ малѣйшаго затрудненія. Боковыя колонны главныхъ силъ найдутъ себѣ параллельные пути изъ Летцена, на Олецко, Сувалки и Меречь (переправа на Нѣманѣ) и изъ Летцена же, на Лыкъ, Августовъ и Гродно (отъ Олецка до Мерча съ небольшимъ 100 верстъ, отъ Лыка до Гродна менѣе 100 верстъ). При вторженіи непріятельской арміи въ Литву, Гродно непремѣнно будетъ занято, ибо занятіе его разъединяетъ войска расположенныя и дѣйствующія въ Царствѣ Польскомъ отъ войскъ дѣйствующихъ въ сѣверо-западномъ краѣ, и кромѣ того охраняетъ правый флангъ наступающей на Литву арміи.

Двинувшись изъ Восточной Пруссіи, прусская армія на третій уже день можетъ явиться на переправѣ у Нѣмана и въ случаѣ удачной переправы на 7-й или 8-й день сосредоточится въ окрестностяхъ Вильны. Одинъ неудачный бой поставитъ насъ тогда въ положеніе весьма трудное. Переправа черезъ Нѣманъ, при энергическомъ движеніи непріятеля, не представитъ ему большаго труда и воспрепятствовать ей будетъ отнюдь не легко. Даже необходимыя для переправы средства могутъ быть заранѣе заготовлены въ Пруссіи и доставлены въ нужную минуту буксирными пароходами. При такихъ условіяхъ вѣроятно ли, чтобы непріятель не рѣшился идти на Вильну? Гродно и Бѣлостокъ находятся ближе отъ границы нежели Вильна, но занятіемъ ихъ непріятель не можетъ довольствоваться, потому что оно далеко не доставитъ ему тѣхъ выгодъ, какія онъ получитъ, захвативъ Вильну. Гродно и Бѣлостокъ могутъ быть предметомъ частнаго успѣха, даже предметомъ набѣга, Вильна же можетъ рѣшить участь и успѣхъ цѣлой кампаніи.

Въ стратегическомъ отношеніи занятіе Вильны отрѣзываетъ отъ Имперіи Царство Польское. Московско-Брестское шоссе — плохое и отдаленное средство сообщенія при настоящихъ способахъ и образѣ веденія войны. Армія расположенная въ Царствѣ Польскомъ, вынужденная получать подкрѣпленія людьми и военными припасами издалека, по обыкновеннымъ дорогамъ, въ то время когда къ непріятелю будетъ доходить все это съ легкостью и быстротой по желѣзной дорогѣ, имѣетъ мало шансовъ на успѣхъ. Къ тому же и войны теперь не длятся долго, да и не могутъ длиться. Государства выставляютъ такія массы войскъ, военные припасы расходуются въ такомъ множествѣ и стоятъ такъ дорого, что одинъ мѣсяцъ войны уже истощаетъ казну необычайно. Подкрѣпленія изъ Москвы къ Варшавѣ не могутъ придти ранѣе двухъ мѣсяцевъ, а въ это время вся кампанія можетъ быть окончена. Кромѣ того, при быстромъ занятіи непріятелемъ Вильны, даже и войска расположенныя въ сѣверо-западномъ краѣ разъединяются. Такъ было въ 1812 году, такъ можетъ повториться и теперь, а это одно уже громадная для насъ невыгода. Удержаться непріятелю въ Вильнѣ, послѣ занятія ея, будетъ не трудно. Флангы его будутъ защищены не только обсерваціонными корпусами у Тильзита, Вилькомира и Гродна, но и естественными и искусственными препятствіями, какъ-то: рѣками Вилію и Нѣманомъ, а тылъ его будетъ обезпеченъ крѣпостями Восточной Пруссіи. Въ тылу непріятельской арміи не будетъ недостатка и въ путяхъ сообщенія. Желѣзная дорога изъ Вильны въ Кенигсбергъ, въ военное время, будетъ дѣйствовать точно такъ же какъ дѣйствуетъ въ мирное, только съ большею энергіей и большею пользой. Желѣзную дорогу трудно испортить на столько, чтобъ ея нельзя было вскорѣ починить. Разность въ широтѣ между рельсами почти не препятствіе для движенія заграничнаго подвижнаго состава. Перекладку рельсовъ на желаемое разстояніе обученная этому дѣлу команда произведетъ очень скоро.

Въ политическомъ отношеніи Вильна также очень важный центръ. Это узелъ всей польской интриги, жаждущей границъ 1772 г. Есть всѣ данныя думать, что Прус-

сія, рѣшившись на войну съ Россіей и занявъ Вильну, не затруднилась бы дѣйствовать путемъ инсурреціоннымъ, возбуждая слабые польскіе умы и содѣйствуя возстанію шляхты. Хотѣли же Пруссаки поднять Венгрію въ послѣднюю войну, разсылали же они прокламаціи и ласкали Кошута и другихъ вожаковъ венгерской революціи. Пруссіи теперь нечего опасаться возбужденія Поляковъ. Не только Познань, но и западная окраина Царства Польскаго почти уже онѣмечены, первая Нѣмцами, вторая нами, Русскими. Самое возстановленіе Польши теперь не было бы опасно для Пруссіи. Польша самостоятельная, слабая, отрѣзанная отъ моря, будетъ въ рукахъ у нея и отдалитъ отъ Германіи сильную Россію. Пруссія можетъ и не избрать такаго образа дѣйствія, какъ и вообще очень можетъ быть, что въ виду многихъ политическихъ интересовъ она вовсе не рѣшится на войну съ Россіей, но намъ надобно разсчитать всѣ возможности и принять противъ нихъ всѣ мѣры. Слѣдуя въ этомъ случаѣ примѣру самой Пруссіи, мы должны поставить себя въ такое положеніе, чтобы дружескія отношенія къ намъ Пруссіи не зависѣли отъ ея доброй воли, а были для нея по возможности обязательны. Мы оказали бы плохую услугу тѣмъ дружескимъ связямъ съ Пруссіей, которыми мы не можемъ не дорожить, еслибы оставляли въ силѣ положеніе дѣлъ, вызывающее если не въ правительственныхъ сферахъ Пруссіи, то по крайней мѣрѣ въ прусской публикѣ разныя дурныя мысли въ родѣ тѣхъ, которыя высказаны въ извѣстныхъ читателямъ статьяхъ изданія *Unsere Tage*.

Кто не сознаетъ важности обороны и ставить на первомъ планѣ въ государствѣ интересы экономическіе, тотъ пусть дастъ себѣ трудъ подумать, какой громадный экономическій интересъ соединенъ для насъ съ сохраненіемъ дружественныхъ отношеній къ Пруссіи. Для этого стоитъ только припомнить то огромное вліяніе, которое берлинская биржа успѣла пріобрѣсти на биржу петербургскую, болѣе или менѣе управляющую всѣми прочими биржами въ Россіи. Трудно даже и представить себѣ какими бѣдствіями отозвался бы для нашей торговли разрывъ между Россіей и Пруссіей. Не слѣдуетъ ли и съ экономической точки зрѣнія всячески желать, чтобъ этотъ разрывъ принадлежалъ къ числу невозможностей? Но какъ достигнуть этой цѣли, если не заботами о томъ, чтобъ устранилось изображенное выше положеніе вещей, при которомъ Россія такъ легко уязвима, что Пруссакамъ даже трудно устоять отъ искушенія? Въ чемъ состоитъ опасность, мы показали. Она можетъ быть выражена въ двухъ положеніяхъ: Пруссіи легко отрѣзать Царство Польское отъ западнаго края и внутреннихъ губерній; Пруссіи легко разрѣзать русскую армію, расположенную въ сѣверо-западномъ краѣ, на двѣ части, какъ было въ 1812 году. Такова опасность. Средства къ ея устраненію представляются сами собой: связать Царство Польское съ внутренними губерніями такою желѣзною дорогой, которая была бы менѣе подвержена непріятельскому захвату, чѣмъ дорога Петербурго-Варшавская; связать Вильну, стратегическое и политическое средоточіе западнаго края, съ тою дорогой, которая будетъ соединять Царство Польское съ внутренними губерніями. Изъ слиянія этихъ двухъ требованій оказывается, что въ стратегическомъ отношеніи выгодно дать этой послѣдней дорогѣ возможно прямое направленіе. Главные пункты этой дороги не подлежатъ спору: это—Москва, Смоленскъ, Брестъ-Литовскъ. Сомнѣнію подлежитъ только направленіе между Смоленскомъ и Брестомъ. Если будетъ избрано прямое направленіе, то желѣзная дорога пройдетъ на Оршу, Минскъ, Слоним и Пружаны. Еслибы допустить уклоненіе на югъ, то промежуточными пунктами были бы Могилевъ, Бобруйскъ, Слуцкъ и Пружаны. Первое направленіе выгоднѣе по прямизнѣ, уменьшающей число верстъ подлежащихъ стройкѣ, но болѣе благопріятнымъ въ техническомъ отношеніи условіямъ мѣстности, составляющей почти на всемъ протяженіи водораздѣлъ, по большей производительности края прилегающаго къ этой линіи, наконецъ потому что въ этомъ направленіи нѣтъ шоссейной дороги, между тѣмъ какъ на Бобруйскъ идетъ шоссе. Всѣ эти экономическія условія совершенно совпадаютъ съ стратегическими, которыя также требуютъ и прямизны линіи и направленія ея невдалекѣ отъ Вильны, которая при всякой войнѣ должна быть главнымъ средоточіемъ военныхъ силъ сѣверо-западнаго края. Тутъ стало-быть экономическіе интересы тождественны съ стратегическими. Нѣсколько иначе представляется вопросъ о той дорогѣ, которая должна послужить

соединительною линіей между Московско-Брестскою дорогой и Вильной. Въ экономическомъ отношеніи эта соединительная линія имѣетъ значеніе какъ продолженіе Ковенско-Либавской дороги внутрь страны. Спрашивается какое же направленіе этой соединительной линіи было бы всего выгоднѣе, съ экономической точки зрѣнія. Едва ли тутъ возможно сомнѣніе: всего выгоднѣе было бы направленіе на Слуцкъ, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи эта линія была продолжена до Петрикова на Припети и далѣе на Овручь, Житоміръ и Бердичевъ. Въ этомъ направленіи и издержки постройки были бы, вѣроятно, менѣе значительны, потому что дорога прошла бы сначала вдоль по верхнему теченію Нѣмана, а потомъ по водораздѣламъ. Стратегическое значеніе эта линія имѣла бы въ своемъ участкѣ между Вильной или Ландваровымъ (станція близь Вильны, гдѣ отдѣляется отъ Варшавской дороги Ковенская вѣтвь) и своимъ пересѣченіемъ съ дорогой Московско-Брестскою, верстахъ въ пятидесяти на западъ отъ Минска. Повидимому, этотъ участокъ былъ бы достаточенъ для удовлетворенія стратегическимъ требованіямъ. Но очень можетъ быть что стратегическія соображенія побудятъ избрать для этой соединительной линіи нѣсколько болѣе восточное направленіе, такъ чтобы она прошла на Минскъ, Игуменъ и Бобруйскъ. Въ экономическомъ отношеніи это будетъ нѣсколько хуже, потому что тогда эта линія пройдетъ верстъ на 50 ближе къ линіи Орловско-Витебской и къ судоходной рѣкѣ Березинѣ; сверхъ того, Волынь не получитъ тогда прямыхъ путей сбыта въ Либаву. Впрочемъ очень большой разницы не будетъ и въ экономической выгодѣ дороги: только измѣнится ея дальнѣйшее естественное направленіе, и ее придется продолжать въ послѣдствіи на Гомель, Черниговъ и Нѣжинъ до соединенія съ Курско-Кіевскою дорогой. Въ такомъ случаѣ эта линія имѣла бы важное стратегическое значеніе на всемъ своемъ протяженіи: проходя по лѣвому берегу Днѣпра, она усиливала бы днѣпровскую линію обороны и связала бы Бобруйскъ съ Кіевомъ, а черезъ Десну (въ Черниговѣ) и съ Брянскомъ.

Таковы двѣ взаимно пересѣкающіяся желѣзныя дороги, которыя необходимы для огражденія Россіи на случай войны въ сѣверо-западномъ краѣ и которыя въ то же время послужили бы могущественнымъ средствомъ для его благосостоянія. Въ связи съ Либавско-Ковенскою вѣтвью онѣ сильно содѣйствовали бы и внѣшней торговлѣ Россіи, а за Либавскимъ портомъ упрочили бы значеніе первокласснаго торжища. Пруссія не имѣла бы тогда никакого разчета рисковать военными дѣйствіями противъ Россіи, и столь желательная дружба этихъ двухъ державъ получила бы вѣрный залогъ, не подлежащій вліянію измѣнчивыхъ политическихъ комбинацій. Желѣзныя дороги сдѣлались бы нашими надежнѣйшими крѣпостями.

Говоря это, мы далеки впрочемъ отъ мысли отрицать важность и пользу осмотрительно придуманной фортификаціонной системы. Въ дорогихъ крѣпостяхъ Россія не имѣетъ надобности, но само собою разумѣется, что и при удовлетворительной сѣти желѣзныхъ дорогъ нельзя обойдтись безъ нѣсколькихъ укрѣпленій, и нельзя не видѣть, что сѣверо-западный край сильно нуждается въ нихъ. Дабы поставить тамошній театръ войны въ независимое и вполнѣ обезпеченное положеніе, необходимо устроить укрѣпленный лагерь подъ Вильной и соорудить небольшія крѣпостцы въ Ковнѣ, Гроднѣ и Вилькомирѣ. Тогда все промежутное пространство будетъ представлять сильную позицію удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ современнаго искусства веденія войны, ибо время большихъ крѣпостей прошло и, кажется безвозвратно. Нѣтъ никакой надобности устраивать въ Вильнѣ и укрѣпленный лагерь въ родѣ Линца, съ безконечнымъ числомъ каменныхъ и дорого стоящихъ сооруженій. Достаточно пяти или шести, много семи люнетовъ, или небольшихъ сомкнутыхъ построекъ, сильныхъ профилей, поставленныхъ на главнѣйшихъ тактическихъ пунктахъ сѣверо-западной и юго-западной окрестности Вильны (Вилькомирская дорога и окрестности Панаръ). Такія постройки, снабженныя орудіями дальняго полета, слѣдовало бы, разумѣется, расположить такимъ образомъ, чтобы въ случаѣ военныхъ дѣйствій, можно было построить между ними и въ связи съ ними цѣлый рядъ временныхъ или хоть полевыхъ укрѣпленій, средствами имѣющимися при войскахъ. Мѣстность въ окрестностяхъ Вильны какъ нельзя болѣе способствуетъ устройству и расположенію укрѣпленнаго лагеря, при помощи котораго

даже и быстрое наступленіе непріятеля не помѣшаетъ нашей арміи своевременно сосредоточиться подъ Вильной. Небольшія крѣпостцы въ Ковнѣ и Гроднѣ необходимы для обезпеченія переправъ черезъ Нѣманъ. Мѣстность и здѣсь благопріятствуетъ ихъ постройкѣ. Расположенные на высотахъ, онѣ будутъ господствовать надъ городомъ и охранять подступы къ рѣкѣ. Подъ ихъ прикрытіемъ сильные авангарды, высланные изъ Вильны, могутъ долго задержать непріятеля на переправѣ и дадутъ возможность главнымъ силамъ или совершенно ей воспрепятствовать, или поставить непріятеля въ крайнее положеніе тотчасъ послѣ переправы. По отступленіи нашихъ войскъ къ Вильнѣ, пока крѣпостцы въ Ковнѣ и Гроднѣ не будутъ взяты, до тѣхъ поръ непріятель не будетъ имѣть возможности возстановить свои сообщенія по желѣзной дорогѣ, и слѣдовательно будетъ болѣе или менѣе затрудненъ въ подвозѣ боевыхъ и жизненныхъ потребностей для арміи. Крѣпостца въ Вильковирѣ можетъ имѣть важное значеніе, препятствуя непріятелю занять въ одно время и Вильну и Вилькомиръ, и дѣйствовать изъ этого послѣдняго на сообщенія между Вильной и Динабургомъ, или угрожать изъ Вилькомира пресѣченіемъ отступательнаго фланговаго движенія нашей арміи, когда она будетъ вынуждена оставить Вильну и поспѣшать отступить къ Динабургу.

Постройка небольшихъ крѣпостей не сдѣлаетъ Ковна, Гродна и Вильковира недосягаемыми. Самая незначительность предлагаемыхъ нами построекъ уже говоритъ противъ этого. Но онѣ создадутъ непріятелю такія трудности, а нашимъ войскамъ дадутъ такія точки опоры, которыхъ теперь нѣтъ, и сдѣлаютъ разрѣшеніе борьбы сомнительнымъ. При нихъ непріятель не пройдетъ отъ Ковна до Вильны въ три дня, а употребитъ на это три или четыре мѣсяца, а это уже много. На войнѣ выигрышъ времени есть одинъ изъ главныхъ выигрышей. Что же касается до укрѣпленій подъ Вильной, то они доставятъ выгоды несомнѣнныя. Стоятъ они будутъ весьма не дорого, но тѣмъ не менѣе дадутъ арміи прочную опору въ сѣверо-западномъ краѣ.

№ 192.

Москва, 2-го сентября.

А.

Вопросъ объ оборонѣ нашей сухопутной западной границы, есть вопросъ первостепенной важности. Если мы здѣсь потерпимъ пораженіе, намъ можетъ предстоять не одинъ годъ самыхъ тяжкихъ испытаній. Россія—теперь держава почти исключительно континентальная. Черное море уже заперто для насъ; балтійскій флотъ незначителенъ для борьбы съ первоклассными морскими державами; къ тому же недалеко то время когда соединенный прусско-германскій флотъ приблизится къ нему, если и не числомъ пушекъ, то ихъ силою. Нашему балтійскому флоту стоитъ нанести одинъ ударъ, чтобъ онъ долго не поднялся. Мы только начинаемъ помышлять о развитіи нашего торговаго мореходства, которое должно служить подспорьемъ военному флоту и находиться къ нему въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ народъ находится къ войску. При крайней слабости частнаго мореходства, у насъ нѣтъ готовыхъ моряковъ. Каждаго матроса, каждаго морскаго техника, каждаго юнгу, правительство должно образовать само. Было время когда нашъ военный флотъ игралъ во всѣхъ войнахъ видную, иногда блестящую роль, но если мы своевременно не достигнемъ извѣстнаго успѣха въ развитіи торговаго флота, то печально наше будущее, какъ морской державы. Тѣмъ сильнѣе и неотразимѣе должны мы стоять на сухомъ пути и преимущественно на нашей западной европейской окраинѣ, какъ важнѣйшей части нашей сухопутной границы.

Вчера и третьяго дня мы попытались предоставить обзоръ стратегическихъ условій сѣверо-западнаго края и показать, какія линіи желѣзныхъ дорогъ и какія фортификаціонныя работы необходимы для его надежной обороны. Обращаясь теперь къ юго-западному краю, мы находимъ его въ настоящую минуту столько же беззащитнымъ, какъ и сѣверо-западный. Здѣсь также все предоставлено удачѣ или неудачѣ полевыхъ войскъ. Въ случаѣ коалиціи, юго-западный край подвергся бы опасности безнаказаннаго нападенія со стороны Австріи. Единственная тамошняя крѣпость, Кіевъ, отстоитъ на 400 верстъ отъ гра-

ницы, и въ случаѣ пораженія, нашимъ войскамъ не на что ближе опереться. Предпріимчивый непріятель легко можетъ не только захватить Волынь и Подолъ со всѣми средствами этого края для веденія войны, но и воспрепятствовать соединенію нашихъ войскъ, расположенныхъ на прибрежьи Чернаго моря, съ войсками дѣйствующими подъ Кіевомъ; буде они пожелали бы соединиться для дѣйствій совокупныхъ. Но счастію, такое невыгодное положеніе скоро будетъ устранено. Желѣзная дорога, которая, если не черезъ годъ, то черезъ два, свяжетъ Москву съ Кіевомъ и Кіевъ съ австрійскою границей, дастъ намъ возможность въ короткій срокъ сосредоточить на Волыни значительныя силы, и мы будемъ тогда въ этомъ отношеніи на равной ногѣ съ Австріей, которая тоже безъ труда можетъ стянуть къ Галиціи значительную массу войскъ, особенно если ничто не угрожаетъ ея сѣверной границѣ.

Но и при желѣзной дорогѣ, Кіевъ, какъ опорный пунктъ, лежитъ слишкомъ далеко отъ границы. Если на это неудобство не было обращено вниманія уже въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, то причиной тому было великодушное убѣжденіе покойнаго императора въ благонадежности австрійскаго правительства; императоръ Николай I былъ увѣренъ, что Австрія никогда не нарушитъ союза съ Россіей, такъ же какъ и онъ никогда не разсчитывалъ нарушать его. Но Австрія уже въ 1853 году угрожала двинуть свои войска въ тылъ нашей арміи, и не только парализовала этимъ наши успѣхи на берегахъ Дуная, но и отвлекла на все время войны до 200 тыс. нашихъ войскъ. Тогда было приступлено къ возведенію укрѣпленій при Луцкѣ и къ нѣсколькимъ верстахъ отъ него при Рожищѣ. Это были временныя укрѣпленія, оставленныя тотчасъ по заключеніи мира, въ ожиданіи окончательнаго выбора пункта фортификаціонныхъ построекъ. Потомъ дѣло затянулось. Между тѣмъ приступлено къ постройкѣ юго-западной сѣти желѣзныхъ дорогъ, и стратегическія условія мѣстности вслѣдствіе того значительно измѣнились. Нынѣ важнѣйшею точкой опоры для арміи расположенной на Волыни и прикрывающей Кіевъ, при дѣйствіяхъ противъ Австрійцевъ, должно, какъ намъ кажется, считать не Ровно, Дубно, или Луцкъ, а Староконстантиновъ: говоримъ, — важнѣйшею, потому что не отрицаемъ относительнаго значенія и названныхъ пунктовъ. Расположенная между Ровнымъ, Дубномъ и Луцкомъ, вся волынская армія въ случаѣ пораженія легко можетъ быть отрѣзана отъ Кіева, и отброшена къ Пинскимъ болотамъ. Но этого никогда не случится, если армія будетъ расположена въ Староконстантиновѣ. Городъ этотъ лежитъ довольно близко къ строящейся желѣзной дорогѣ; но и помимо того онъ есть центральный пунктъ между Полѣсьемъ, австрійскою границей и Бессарабіей. Находясь на прямомъ направленіи изъ Кіева въ Волочискъ, онъ есть пунктъ пересѣченія дорогъ изъ Новограда-Волынска, Острога, Ровна, Дубна, Волочиска и Каменецъ-Подольска. Онъ довольно далеко отстоитъ отъ границы, чтобы дать возможность арміи расположенной на Волыни и въ Подолѣ сосредоточиться при наступленіи непріятеля, и безпрепятственно маневрировать по всѣмъ направленіямъ. Въ Староконстантиновѣ наша армія, при войнѣ съ Австріей, можетъ быть взята только съ фронта. Непріятель не двинется между нимъ и Полѣсьемъ, изъ опасенія быть отброшеннымъ къ послѣднему, не пойдетъ точно также и южнѣе, дабы не потерять своихъ сообщеній. Вотъ почему, кажется намъ, желательно было бы, чтобы Староконстантиновъ былъ избранъ какъ опорный пунктъ для войскъ дѣйствующихъ на Волыни и чтобы въ немъ былъ устроенъ, какъ и въ Вильнѣ, укрѣпленный лагерь. Дубно и Луцкъ останутся всегда важными пунктами, охраняющими прямое сообщеніе Царства Польскаго съ его западнымъ краемъ; и слегка укрѣпить ихъ полезно, но на разсматриваемомъ нами театрѣ военныхъ дѣйствій, они имѣютъ значеніе второстепенное.

Вообще при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ надобно всего болѣе заботиться о томъ, чтобы не смѣшать главнаго съ второстепеннымъ. Какъ желѣзныя дороги были бы повсюду полезны, такъ, хотя и не въ такой же мѣрѣ, могутъ быть во многихъ мѣстахъ полезны, не большія дешево стоящія укрѣпленія, но не всѣ укрѣпленія годны быть центральными опорными пунктами. Обезпеченіе сообщеній повсюду желательно, но тѣмъ не менѣе есть различіе между линіями сообщеній по ихъ относительной стратегической важности, и не замѣчать этого различія значитъ подвергать

себя опасности трубыхъ ошибокъ. Такъ мы видимъ, что иные крайне преувеличиваютъ значеніе сообщеній между Царствомъ Польскимъ и Кіевомъ. Едва была высказана мысль о проведеніи желѣзной дороги изъ Москвы къ Бресту, какъ начали предлагать взамѣнъ ея дорогу изъ Кіева въ Брестъ. Защитники этой послѣдней дороги указывали, что она свяжетъ Кіевъ съ Брестомъ, и находили въ этой связи чуть не спасеніе Россіи отъ всѣхъ возможныхъ опасностей. Тогда, говорили они, Царство Польское не только будетъ получать подкрѣпленія людьми и военные припасы черезъ Кіевъ, но и въ случаѣ наступательнаго движенія непріятельской арміи на сѣверо-западный край и перерыва сообщеній по Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, желѣзная дорога изъ Кіева будетъ служить сообщеніемъ Царства Польскаго съ Имперіей. Можно ли признать правильнымъ такое разсужденіе? Лица, указывающія на ненадежность, въ случаѣ войны, сообщенія по Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ вслѣдствіе ея близости къ Прусской границѣ, сами предлагаютъ другое сообщеніе, столь же близкое къ австрійской пограничной черѣ, сколько первое къ прусской! Безспорно, соединеніе театра войны въ юго-западномъ краѣ съ театромъ войны въ Царствѣ Польскомъ желѣзною дорогою представляетъ своего рода удобства, но далеко не такія какъ дорога Московско-Брестская. Нѣтъ, повторяемъ, желѣзной дороги, которая не принесла бы какихъ-нибудь выгодъ, но сѣть желѣзныхъ дорогъ можетъ прокладываться лишь послѣдовательно и постепенно, а потому слѣдуетъ сооружать не тѣ дороги, которыя представляютъ какія-нибудь выгоды, а тѣ, которыя обѣщаютъ ихъ наиболѣе. Въ военномъ отношеніи, точно такъ же какъ и въ политическомъ, нѣтъ особенной надобности связывать юго-западный край съ Царствомъ Польскимъ. Юго-западный край не есть источникъ, изъ котораго Россія черпаетъ войско. Онъ самъ, въ военное время, требуетъ присутствія значительной арміи и такихъ же подвозовъ, какъ и Царство Польское. Крѣпость Кіевъ не заключаетъ въ себѣ ни пороховыхъ, ни пушечно-литейныхъ, ни оружейныхъ заводовъ; напротивъ она сама все, кромѣ, кажется, пушечныхъ лафетовъ, получаетъ изъ другихъ мѣстъ Имперіи,— людей изъ внутренней Россіи, артиллерію изъ Брянска, порохъ изъ Шостки. Но оттуда же комплектуются и довольствуются войска и крѣпости Царства Польскаго, гдѣ между прочимъ работаются и свои лафеты. Вотъ стало-быть мѣстность, которая въ видахъ быстроты довольствія должна быть соединена съ Царствомъ Польскимъ прямыми сообщеніями, а не косвенными чрезъ Кіевъ. Съ другой стороны, и юго-западному краю нечего получать изъ Брестскаго склада, рѣшительно необходимы этому краю, въ стратегическомъ отношеніи, только дороги изъ Москвы въ Кіевъ и изъ Кіева къ австрійской границѣ. Благодаря этимъ дорогамъ, армія, стоящая на нашей юго-западной окраинѣ, будетъ связана съ внутренней Россіей, источникомъ своихъ подкрѣпленій, и слѣдовательно будетъ имѣть всѣ данныя для дѣйствія. Объ эти дороги находятся теперь въ постройкѣ. Пути такого же свойства необходимы и для сѣверо-западнаго края, имѣющаго въ настоящее время непосредственной и на случай войны вполнѣ надежной связи съ внутреннею Россіей. Желѣзная дорога изъ Москвы на Брестъ, идущая черезъ Смоленскъ, Минскъ и Слонимъ, имѣетъ тотъ громадный перевѣсъ предъ дорогой Кіево-Брестскою, что удовлетворяетъ въ одно и тоже время и потребностямъ театра военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ и потребностямъ театра военныхъ дѣйствій въ сѣверо-западномъ краѣ, обезпечивая за Россіей полную свободу военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ. Превосходствомъ этой позиціи мы будемъ въ состояніи пользоваться только по сооруженіи Московско-Брестской желѣзной дороги. Если бы она и не имѣла экономическаго значенія, то окупилась бы уже потому, что упрочила бы независимо кредитъ Россіи и дала бы возможность держать подъ ружьемъ цѣлою сотней тысячъ человѣкъ менѣе теперешняго. Но она будетъ имѣть и въ экономическомъ отношеніи громадную важность: стоитъ взглянуть на карту, чтобъ убѣдиться въ значеніи линіи, служащей прямымъ сообщеніемъ между Нижнимъ и Варшавой или, что то же, между Сибирью и Центральною Европой: Екатеринбургъ, Сарапулъ, Нижній, Москва, Смоленскъ, Минскъ, Брестъ-Литовскъ, всѣ эти города стоятъ на одной, совершенно прямой линіи, — магистральной линіи всей этой части свѣта.

Возвратимся еще разъ къ общимъ за-

ключеніемъ выводимаго изъ всего сказаннаго о стратегическихъ условіяхъ западнаго края. На всей нашей западной европейской границѣ, только одно Царство Польское владѣетъ сильною оборонительною крѣпостью Новогеоргіевскъ, Александровская цитадель и Ивангородъ составляютъ надежную передовую линію, трудную для обхода (на мѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій), и предоставляющую огромныя удобства въ войнѣ наступательной и оборонительной. Подъ прикрытіемъ этихъ крѣпостей и поддерживаемая желѣзною дорогой изъ Бреста, наша армія можетъ удобно маневрировать на обоихъ берегахъ Вислы. Потерпѣвъ неудачу на Вислѣ, она найдетъ близкое укрытіе въ Брестѣ. Еслибы Царство Польское не прилежало обходу, это была бы превосходная передовая позиція для всей нашей западной границы. Тогда дѣйствительно крѣпости на Вислѣ составляли бы нашу первую оборонительную линію, Брестъ-Литовскъ вторую, а Динабургъ, Бобруйскъ и Кіевъ, хотя и отдаленную, но тѣмъ не менѣе третью линію. Но такъ какъ Царство Польское подлежитъ обходу и оборонительная линія на Вислѣ не прикрываетъ собою ни сѣверо-западнаго, ни юго-западнаго края, то понятно, что ихъ оборона должна быть построена самостоятельно. Двѣ желѣзныя дороги, Московско-Кіевская и Московско-Брестская съ ихъ вѣтвями, и два укрѣпленные лагеря въ Вильнѣ и Старокостянтиновѣ, съ нѣсколькими второстепенными укрѣпленіями, вотъ, сколько можемъ судить, главные элементы этой обороны. Пока мы не обладаемъ этими элементами, до тѣхъ поръ Россія не можетъ извлечь выгоды для себя изъ своей могущественной позиціи въ Царствѣ Польскомъ, и до тѣхъ поръ нельзя сказать, что она заняла въ международномъ мірѣ подобающее ей мѣсто. Мы можемъ что угодно думать о нашей силѣ и о нашей недоступности, — это не помѣшаетъ одному непріятелю напасть именно на наши слабыя мѣста и разрушить очень скоро нашу мечтательную самоувѣренность, какъ и случилось въ Крымскую войну. Наша прямая обязанность заблаговременно поставить театръ войны въ сѣверо-западномъ и юго-западномъ краѣ въ такое положеніе, чтобы наши полевыя войска нашли въ нихъ твердые опорные пункты и легко могли противостать даже сильнѣйшему непріятелю, не дозволяя ему безъ большаго труда и риска одержать такіе успѣхи, которые гибельно отозвались бы на нашемъ государственномъ организмѣ. Если мы желаемъ мира, то вѣрнѣе всего найдемъ его въ полномъ огражденіи себя отъ непріятельскихъ покушеній.

Б.

Печатая заявленіе бывшаго Уфимскаго (нынѣ Самарскаго) губернатора, мы не можемъ не замѣтить, что дѣлаемъ это съ особенною и искреннею готовностію. Признаемся, мы упустили изъ виду, что губернаторъ, о которомъ шла рѣчь въ корреспонденціи, сообщавшей свѣдѣнія о возмутительномъ поступкѣ Бирскаго исправника, былъ Г. С. Аксаковъ, лицо издавна намъ извѣстное и пользующееся вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ. Имѣя это въ виду, мы, безъ сомнѣнія, выпустили бы изъ корреспонденціи нѣкоторыя выраженія, подавшія поводъ г. Аксакову къ объясненію. Мы имѣемъ, однако, основаніе думать, что лицо, сообщившее намъ вышеупомянутыя свѣдѣнія, не было движимо какимъ-либо злонамѣреннымъ побужденіемъ. Предъ нимъ былъ фактъ, несомнѣнно засвидѣтельствованный, что купецъ Севастьяновъ, подвергшійся возмутительному насилію, обращался неоднократно къ жандармскому штабъ-офицеру, къ генералъ-губернатору и къ министру внутреннихъ дѣлъ. Дѣло было такъ возмутительно, возбужденное имъ чувство горечи и негодованія долженствовало быть такъ сильно, что само собой объясняется то безпокойство и нетерпѣніе, съ какими жертва чудовищнаго поступка старалась обезпечить себѣ неукоснительное и вѣрное правосудіе. Всякое, хотя бы и совершенно законное промедленіе, въ подобныхъ обстоятельствахъ, могло весьма естественно возбуждать преувеличенныя опасенія за ходъ дѣла какъ въ самомъ пострадавшемъ, такъ и въ обществѣ.

Кстати упомянуть о полученномъ нами за нѣсколько времени предъ симъ письмѣ со ссылкою на законъ о печати, за подписью самого героя этой исторіи, бывшаго Бирскаго исправника, Васильева, и двухъ другихъ соприкосновенныхъ тому же дѣлу лицъ. Мы не сочли удобнымъ печатать это заявленіе, исполненное грубѣйшихъ оскорбительныхъ выходокъ противъ г. Севастьянова, противъ нашего корреспонден-

та, противъ слѣдователей и суда. Печатать заявленія этихъ господъ значило бы дать имъ еще разъ случай нарутаться надъ своею жертвой. Къ тому же, виновные въ преступномъ дѣйствіи и признанные таковыми по суду, они не могутъ претендовать на право непосредственнаго обращенія къ публикѣ. За исключеніемъ ругательныхъ выходокъ фактическая сущность ихъ объясненія состоитъ въ слѣдующемъ: они свидѣтельствуютъ, что г. Севастьяновъ велъ себя неприлично и укорялъ ихъ во взяткахъ, а они, вознегодовавъ на него за это, предложили ему на выборъ либо быть застрѣленнымъ либо лечь подъ розги. Съ удивительною наглостію, они присовокупляютъ, что Севастьяновъ добровольно избралъ послѣднее, и къ своему показанію присовокупляютъ еще то, что ему было дано не 200 ударовъ, а только 40. Сообщая все это, они сохраняютъ полнѣйшее спокойствіе и видъ достоинства людей, что бы совершившихъ весьма рыцарское дѣло.

№ 193.

Москва, 4-го сентября.

Чтобы довершить обсужденіе вопроса о желѣзныхъ дорогахъ въ западномъ краѣ, намъ остается прибавить къ сказанному въ №№ 190, 191 и 192 нашей газеты еще нѣсколько словъ о линіи Ковенско-Либавской. Либава прекрасный, почти никогда не замерзающій портъ, но кромѣ того многіе считаютъ Либаву и стратегическимъ пунктомъ. Когда высказываются предположенія о возможныхъ нападеніяхъ на Россію, то нерѣдко чуть не на первомъ планѣ ставится высадка въ Либавѣ. На этомъ пути не разъ производились даже рекогносцировки. Нельзя однако не предложить вопроса: можетъ ли высадка въ Либавѣ быть предметомъ главнаго военнаго дѣйствія? Занятіе этого пункта вполнѣ возможно для демонстраціи, или для частнаго успѣха. Поляки и въ 1831, и въ 1854, и 1863 году указывали нашимъ политическимъ недругамъ на необходимость занять пространство между Полангеномъ и Либавой, и шайки повстанцевъ постоянно стремились открыть сообщенія съ моремъ. Но пространство это могло бы имѣть для нашихъ непріятелей самостоятельное значеніе только въ случаѣ несомнѣннаго нейтралитета Пруссіи, а при этомъ условіи занятіемъ Либавы непріятель не пріобрѣтаетъ никакихъ особенныхъ выгодъ. Это не Севастополь, въ которомъ нужно было уничтожить Черноморскій флотъ, это не базисъ и для дальнѣйшаго движенія внутрь страны. По направленію изъ Либавы могутъ быть предметами непріятельскаго дѣйствія два пункта: Рига и Вильна. Но еслибы непріятель избралъ операціонный путь на Газенпотъ, Фрауэнбургъ и Митаву, онъ создалъ бы себѣ безчисленныя затрудненія при подвозѣ необходимыхъ для арміи припасовъ, да еще добровольно подвергся бы опасности быть отрѣзаннымъ отъ своихъ сообщеній и оттиснутымъ къ морю: чтобы нападать на Ригу, гораздо выгоднѣе высадиться въ окрестностяхъ Риги. Что же касается до движенія изъ Либавы на Вильну, то оно возможно лишь когда Пруссія входитъ въ составъ враждебной Россіи коалиціи, а безъ поддержки со стороны Пруссіи оно неосуществимо. Но есть ли какой-нибудь разчетъ идти изъ Пруссіи на Вильну черезъ Либаву? На этомъ пути, при длинной операціонной линіи, при необезпеченныхъ флангахъ, непріятелю нѣтъ возможности вполнѣ охранить свои сообщенія, и наступательное движеніе нашихъ войскъ со стороны Двины въ Восточную Пруссію за Нѣманъ можетъ всегда отбросить его. При союзѣ съ Пруссіей, непріятель очевидно изберетъ операціонный путь изъ Кенигсберга, какъ наиыгоднѣйшій и обѣщающій наибольшіе результаты, а отнюдь не путь изъ Либавы, представляющій одни неудобства. Въ 1863 году занятіе Либавы или Полангена, дѣйствительно, могло поднять духъ польскихъ мятежниковъ и вызвать къ жизни двѣ, три банды повстанцевъ, но теперь и эта попытка не имѣла значенія, ибо хотя организація бандъ въ западномъ краѣ и возможна, но для нея требуется теперь что-нибудь поболѣе отдаленнаго появленія непріятеля. Вблизи же непріятель могъ бы бунтовать только Латышей, но развѣ Латыши возстали бы противъ Россіи, а не противъ Нѣмцевъ? Понимаетъ еще дѣла наши не до того испорчены, чтобы можно было возбуждать между Латышами волненія съ цѣлью повредить Россіи.

На основаніи этихъ соображеній мы думаемъ, что при избраніи направленія для линіи Ковенско-Либавской слѣдуетъ руководствоваться лишь экономическими мате-

ресами. Эти интересы очевидны. Цѣль Ковенско-Либавской линіи состоитъ въ томъ, чтобы дать продуктамъ сѣверозападнаго края удобный національный портъ и освободить ихъ отъ необходимости идти черезъ Пруссію. Въ этомъ смыслѣ эта линія имѣетъ государственное значеніе, котораго не было бы, еслибъ она предназначалась лишь для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей сообщенія между нѣсколькими пунктами Курляндской и Ковенской губерній. Что же нужно для того чтобы Ковенско-Либавская линія соотвѣтствовала своему государственному значенію, ради котораго единственно и можетъ быть оказана ей теперь обще-государственная поддержка, состоящая въ правительственной гарантіи? Экономическія условія Ковенско Либавской линіи, какъ линіи государственной, совершенно ясны. Они опредѣляются конкурренціей съ Кенигсбергомъ и его гаванью Пиллау. Отъ Ковна до Либавы по прямому пути разстояніе почти то же самое, что отъ Ковна до Пиллау; и еслибы не перегрузка товаровъ изъ русскихъ вагоновъ въ прусскіе (необходимая вслѣдствіе разности въ ширинѣ рельсовъ), то конкуренція Либавы съ Пиллау была бы рѣшительно невозможна. Пруссія нѣсколько лѣтъ тому назадъ отмѣнила транзитныя пошлины; стало-быть доставка товаровъ до гавани по прусской или русской территоріи должна, безъ перегрузки, обходиться въ одну и ту же цѣну. Но въ Кенигсбергѣ товары найдутъ гораздо болѣе удобствъ: это, что называется, насиженное мѣсто, и купцы Кенигсбергскіе въ финансовомъ отношеніи неизмѣримо сильнѣе Либавскихъ. Всѣ эти обстоятельства, говорящія въ пользу Кенигсберга, могутъ уравновѣситься единственно сбереженіемъ издержекъ перегрузки изъ русскихъ вагоновъ въ прусскіе. Но эти издержки незначительны. Ихъ можно считать равными провозу на двадцативерстное разстояніе. А изъ этого слѣдуетъ что Ковенско-Либавская линія совершенно утратитъ возможность конкуррировать съ линіей Ковенско-Кенигсбергскою, если будетъ лишь на 20 верстъ длиннѣе ея.

Такимъ образомъ мы получаемъ ясное предписаніе экономической необходимости относительно Ковенско-Либавской желѣзной дороги. Она должна быть проведена такъ прямо какъ только возможно. Чѣмъ она будетъ короче, тѣмъ болѣе будетъ у Либавы средствъ вести трудную борьбу съ Кенигсбергомъ. Если же эта дорога удлинится на столько, что различіе между ея длиной и длиной Ковенско-Пиллауской линіи дойдетъ до 20 верстъ, то всѣ шансы конкурренціи исчезнутъ, и стало-быть предполагаемая дорога вовсе не будетъ отвѣчать той цѣли, для которой она предполагается. Поэтому еслибы напримѣръ разысканія показали, что условія мѣстности требуютъ удлиненія Ковенско-Либавской линіи противъ линіи Ковенско-Кенигсберской на 20 верстъ, то надобно было бы бросить всякую мысль объ этомъ предпріятіи, какъ о дѣлѣ ни къ чему не ведущемъ. Должно помнить, что конкурренція съ такимъ торговымъ мѣстомъ какъ Кенигсбергъ, гдѣ столько старинныхъ и богатыхъ торговыхъ домовъ, есть для Либавы чистѣйшая невозможность безъ какой-нибудь выгоды въ цѣнѣ привоза грузовъ, а при невозможности конкуррировать съ Кенигсбергомъ Либава лишается всякихъ правъ на гарантированную концессію желѣзной дороги.

Съ этой точки зрѣнія становится весьма легко обсудить достоинство разныхъ проектовъ проведенія Ковенско-Либавской линіи. Отклоненіе ея на востокъ соотвѣтствуетъ мѣстнымъ интересамъ, потому что приближаетъ ея къ Митавѣ, а чѣмъ короче будетъ соединительная вѣтвь отъ Ковенско-Либавской дороги до Митавы, тѣмъ, разумѣется, будетъ выгоднѣе. Но предѣлъ отклоненія дается тѣмъ соображеніемъ, что Ковенско-Либавская линія никакъ не должна быть длиннѣе линіи Ковенско-Кенигсбергско-Пиллауской

Разысканія по Ковенско-Либавской желѣзной дорогѣ еще только предписаны, а потому точныя цифры ея протяженія неизвѣстны, но одного взгляда на карту достаточно чтобъ убѣдиться что направленіе ея на Шавли неосуществимо: при столь значительномъ отклоненіи этой линіи на востокъ, отъ Ковна было бы дальше до Либавы чѣмъ до Кенигсбергской гавани Пиллау.

№ 194.

Москва, 5-го сентября.

Сегодня праздновалось въ Москвѣ открытіе новаго важнаго учрежденія, которымъ мы обязаны нынѣшнему царствованію. Военный судъ, организованный на

общихъ началахъ, хотя и съ видоизмѣненіями, которыхъ требуетъ особенность военнаго устройства и которыми болѣе или менѣе вездѣ военный судъ отличается отъ общаго, открытъ, и въ скоромъ времени начнутся публичныя засѣданія. Мы сообщаемъ ниже подробности открытія, рѣчи по этому поводу сказанныя и текстъ письма, которымъ маститый архипастырь Москвы, изъ своего пустынножительнаго уединенія, благословляетъ новое учрежденіе, долженствующее вмѣстѣ со многими другими послѣдовавшими въ недавнее время преобразованіями, возвысить и улучшить у насъ условія военнаго быта. Правильно организованный судъ есть существенная потребность всякаго общежитія; въ немъ нуждается и военное общежитіе, подчиненное своимъ особымъ законамъ. Объ уставѣ новой военно-судной организаціи мы высказывались недавно, вслѣдъ за его обнародованіемъ. Мы высказывались откровенно, хотя и безо всякой претензіи на безошибочность своего мнѣнія. Въ той или другой подробности, высказанное нами мнѣніе можетъ быть ошибочно, но въ его сущности мы убѣждены. Время и практика покажутъ, что въ новомъ уставѣ есть прочнаго и незыблемаго, и что потребуетъ улучшеній. Болѣе всего кажется намъ несомнѣннымъ то, что истинные интересы правосудія никогда не могутъ столкнуться съ другими существенными интересами человѣческаго общежитія, и что отъ обезпеченнаго всѣми необходимыми гарантіями правосудія государственный порядокъ вообще, а военная дисциплина въ особенности, могутъ только пріобрѣсть новую силу. Съ обезпеченіемъ правосудія самостоятельнаго должно возвыситься и укрѣпиться въ обществѣ нравственное начало, безъ котораго всякій порядокъ и всякій законъ остаются условіями лишенными внутренней обязательной силы.

Одно изъ самыхъ главныхъ требованій обезпеченнаго правосудія состоитъ въ публичности его отправленія. Новымъ военно-суднымъ уставомъ признано и принято начало публичности; но уставъ усомнился допустить это еще столь новое у насъ начало въ его полномъ развитіи. Военный судъ открытъ для публики, но уставъ не допускаетъ обсужденія его рѣшеній въ печати, и не рѣшается предоставить его всѣмъ органамъ гласности право самимъ составлять отчеты о его засѣданіяхъ. Въ силу устава, генералъ-аудиторъ выдѣляетъ лишь нѣкоторые для этого органы; всѣмъ же прочимъ предоставляется только перепечатывать отчеты, и притомъ вполнѣ и безъ всякаго измѣненія. Уставъ, очевидно, имѣлъ при этомъ въ виду обезпечить гласность судебныхъ преній отъ всякихъ, умышленныхъ или неумышленныхъ, искаженій, которые могли бы колебать довѣріе къ суду въ военныхъ сферахъ и вредно дѣйствовать на дисциплину. Неточность въ передачѣ свидѣтельскихъ показаній, пристрастіе въ сообщеніи доводовъ той или другой изъ состязающихся сторонъ суда, невѣрная группировка обстоятельствъ мотивирующихъ судебныя рѣшенія, могутъ представлять эти рѣшенія въ ложномъ свѣтѣ и давать о нихъ фальшивое понятіе. По отношенію къ общимъ судамъ это не возбуждаетъ никакихъ опасеній и можетъ дискредитовать только тѣ органы печати, которые повели бы такимъ образомъ свое дѣло недобросовѣстно или небрежно; но по отношенію къ военному суду оказались поводы къ опасеніямъ, чтобы невѣрные отчеты не колебали дисциплины въ войскахъ составляющихъ свой особый, искусственный міръ. Быть-можетъ, опасенія эти напрасны; но еслибы мы стали доказывать это, намъ могли бы возразить, что общія соображенія недостаточны для заключеній по предмету столь спеціальному и искусственному, какъ военная организація, и что въ дѣлѣ такой важности какъ военная дисциплина лучше принять излишнюю предосторожность нежели упустить такую, которая могла бы оказаться необходимою. Не входя въ сужденія о томъ, въ какой мѣрѣ необходимы требуемыя военно-суднымъ уставомъ предосторожности относительно возможныхъ злоупотребленій гласности въ дѣлѣ военнаго суда, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о характерѣ предосторожностей. Вмѣсто предосторожностей положительнаго свойства, не вѣрнѣе ли достигали бы цѣли и не лучше ли были бы предосторожности отрицательныя? Военно-судная администрація предоставляетъ нѣкоторымъ органамъ, предпочтительно предъ другими, составленіе отчетовъ о судебныхъ засѣданіяхъ; но не лучше ли было бы, еслибъ она только удержала за собой право устранять тѣ органы, которые допустили бы злоупотре-

бленіе или вредную небрежность въ печатаніи отчетовъ? Мы думаемъ что при правильномъ ходѣ дѣлъ, одного соревнованія между органами общественнаго мнѣнія было бы достаточно, чтобъ обезпечить удовлетворительность судебныхъ отчетовъ. Но такъ какъ считается нужнымъ принятіе предосторожностей, то не было ли бы достаточнымъ обезпеченіемъ для военнаго суда, еслибъ его власть удержала за собою выше-сказанное право? Справедливѣе и для дѣла полезнѣе исключать то что оказалось на дѣлѣ несостоятельнымъ, нежели прибѣгать къ системѣ предварительнаго предпочтенія. Система предпочтенія имѣетъ то весьма важное неудобство, что однихъ она оскорбляетъ, а другихъ ставитъ въ положеніе неловкое и затруднительное.

Намъ объявлено, что военная администрація назначила въ Москвѣ нашу газету для публикаціи преній военнаго суда. Мы высоко цѣнимъ это оказанное намъ довѣріе. Въ этомъ видимъ мы не столько право, сколько повинность, которую мы рады нести, но которая при данныхъ условіяхъ, соединяется съ отвѣтственностію не совсѣмъ для насъ пріятною. Правда, мы ни къ чему не обязываемся, и въ выборѣ процессовъ для печати руководствуемся собственнымъ усмотрѣніемъ; но потому то самому мы и находимъ возлагаемую на насъ отвѣтственность затруднительною. То, что мы не найдемъ достаточно важнымъ или что мы упустимъ по какимъ-либо причинамъ, могло бы быть сдѣлано другими въ интересѣ публики и къ выгодѣ дѣла. Съ другой стороны, данное на нашу газету назначеніе, котораго мы отнюдь не домогались и не ожидали, хотя мы и цѣнимъ его какъ выраженіе довѣрія, не можетъ не тяготить насъ въ томъ отношеніи, что оно имѣетъ видъ исключительной привилегіи. Казалось бы, въ Москвѣ легко можно было избѣжать этого. Здѣсь органы печати не такъ малочисленны, чтобы нужно было дѣлать между ними выборъ, и имѣть такихъ, которыя надобно было бы устранять предварительно, ante actum. О систематической злонамѣренности не можетъ быть рѣчи; что же касается до случайныхъ небрежностей и промаховъ, то отъ нихъ никто не можетъ считать себя совершенно обезпеченнымъ и противъ нихъ наилучшимъ средствомъ можетъ служить свободное въ общемъ дѣлѣ соревнованіе.

Мы понимаемъ, что въ интересѣ истинной публичности нельзя ограничиться изданіями официальными, и мы готовы служить дѣлу публичности въ новой открывающейся для ней сферѣ съ такимъ же усердіемъ какъ и вездѣ. Подъ это знамя обязаны мы являться гдѣ бы оно ни развернулось. Но принимая на себя новую повинность и изъявляя искреннее усердіе отбывать ее по силамъ, мы имѣемъ право надѣяться, что насъ не оставятъ въ положеніи неловкомъ, которое только затруднитъ насъ безъ всякой для кого бы то ни было надобности. Пусть то право, которое намъ предоставлено, если только оно есть право, утратитъ не свойственный ему видъ исключительной привилегіи; пусть оно станетъ болѣе общимъ. Приглашивъ и другія московскія изданія способствовать гласности своихъ преній, военный судъ можетъ только выиграть, ничѣмъ не рискуя. Во всякомъ случаѣ, онъ вслѣдствіе этого не потеряется въ счетѣ изданій, которыя стали бы, вслѣдствіе этого приглашенія, публиковать его пренія и которыхъ въ Москвѣ — одинъ-другой-обчелся.

№ 195.

Москва, 6-го сентября.

А.

Недѣли двѣ тому назадъ упомянули мы мимоходомъ объ уставѣ только что учредившагося Общества Минскихъ Врачей. Сегодня публикуемъ мы полный текстъ этого любопытнаго устава. Всякій читая этотъ уставъ можетъ легко убѣдиться въ пользѣ стопы обширнаго учено-практическаго предпріятія. Вотъ блистательный отвѣтъ на недоброжелательныя нападки дѣлаемыя противъ насъ иностранными публицистами. Намъ колетъ глаза тѣмъ, что у насъ общественная и личная предпріимчивость не развѣваются, встрѣчая на каждомъ шагу затрудненія и препятствія. Пусть наши недоброжелатели говорятъ все это: мы можемъ спокойно указать имъ въ отвѣтъ на организацію общества врачей въ городѣ Минскѣ. Правда, Минскъ не Москва; но тѣмъ разительнѣе и краснорѣчивѣе говоритъ фактъ. Учрежденіе подобнаго Общества въ Москвѣ или Саратовѣ ничего бы не значило и не могло бы свидѣтель-

ствовать о нашей либеральности въ дѣлѣ общественныхъ организацій. Развитіе русской общественной организаціи въ Россіи никого бы не удивило. Всякая русская организація въ Россіи есть ея сила, и ничего не можетъ быть консервативнѣе какъ свободное и широкое развитіе всякаго полезнаго дѣла на русской почвѣ. Гораздо удивительнѣе для иностранца, что напримѣръ русское технологическое общество въ Петербургѣ хлопотало лѣтъ семь прежде чѣмъ получило разрѣшеніе организоваться; гораздо удивительнѣе для него видѣть въ Россіи противодѣйствіе русскимъ интересамъ или развитіе чего-нибудь нерусскаго; напримѣръ, удивительно ему видѣть, какая въ настоящую минуту идетъ въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ ожесточенная агитація противъ государственныхъ русскихъ интересовъ, очевидныхъ для всякаго и торжественно поставленныхъ на видъ правительствомъ, агитація посредствомъ газетъ находящихся подъ правительственною цензурою и въ завѣдываніи правительственныхъ агентовъ. Иностранный наблюдатель не менѣе долженъ быть пораженъ богатою учено-практическою организаціей, которая возникаетъ въ Минскѣ и должна разбросаться на весь сѣверо-западный край. Что̀ такое, спроситъ онъ, сѣверо-западный край? Этотъ терминъ явился вслѣдствіе мятежа, которымъ и обозначены предѣлы упомянутаго края. Мы называемъ этотъ край русскимъ; но другіе называютъ его польскимъ, то-есть не только не русскимъ, но и радикально враждебнымъ Россіи. Край этотъ еще не остылъ послѣ мятежа; еще не высохла кровь, которая была пролита въ немъ; онъ еще находится на военномъ положеніи; правительство должно еще принимать и поддерживать въ немъ исключительныя мѣры, чтобы бороться со зломъ, которое еще и не тронуто въ своихъ корняхъ; правительство видитъ себя въ этомъ краѣ предъ лицомъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ необходимо для безопасности государства, но къ разрѣшенію которыхъ еще не приступлено. И вотъ, среди такихъ-то обстоятельствъ, на такой-то почвѣ и въ такой-то средѣ, устраивается общество на широкихъ основаніяхъ, обладающее всѣми способами для дѣйствія. Мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о характерѣ лицъ, которыя задумали планъ этой новой общественной организаціи въ сѣверо-западномъ краѣ, такъ легко явившейся на свѣтъ. Но каковъ бы ни былъ образъ мыслей и намѣренія лицъ, которыя войдутъ въ составъ этого общества, интересъ для наблюдателя заключается въ томъ, что оно организуется на почвѣ, которую еще только требуется усвоить Россіи, хотя она и есть не раздѣльная часть ея и искони заселена массами русскаго народа. Общество это имѣетъ ученый характеръ, но умный иностранецъ тотчасъ же сообразитъ, что значеніе общественной силы опредѣляется тою стихіей, изъ которой она создается, тою національною почвой, на которой она организуется. Религіозный, ученый, художественный, экономическій или коммерческій характеръ какого-либо общества ни за что не ручается, пока не рѣшенъ вопросъ о его національно-политическомъ характерѣ. Лукаво-памятливый, гораздо болѣе насъ памятливый иностранный наблюдатель, пожалуй, припомнитъ при этомъ покойное Варшавское Агрономическое Общество. Ученое медицинское общество сѣверо-западнаго края столь же безукоризненно и полезно по своему предмету, какъ и сельскохозяйственное. Но почему оно непремѣнно есть общество сѣверозападнаго края? Какая медицинская сила заключила его въ предѣлы этого края? Почему должно оно направить свои „просвѣтительныя“ дѣйствія изъ Минска на Витебскъ, а не на Смоленскъ,—на Ковно, а не на Черниговъ? Что̀ общаго имѣетъ районъ сѣверо-западнаго края съ медицинскими науками?

Изъ устава усматривается, что въ составъ общества будутъ входить не только медики, ветеринарные врачи и фармацевты, но и всякій любитель естествознанія, стало-быть всякій, кому угодно. Впрочемъ бѣдному, неученому, крестьянскому люду будетъ, конечно, недоступно лоно ученаго общества; православные священники тоже не пойдутъ въ него; чиновникамъ прибывшимъ извнутри Россіи недосугъ за службой, да они и не прочны: гонимые торжествующею *Вѣстію*, оклеветанные и обруганные въ качествѣ русскихъ дѣятелей, они уже толпами убираются оттуда. Кому же войдти въ организацію Общества Минскихъ Врачей? Русскимъ землевладѣльцамъ? Но ихъ нѣтъ, и вопросъ о нихъ считается уже почти покончennымъ, и въ западномъ краѣ остается во всей силѣ только польское землевладѣніе. Въ сферѣ польскаго землевладѣнія найдется, конечно, не

мало лицъ, интересующихся „просвѣтительными," какъ выражается *Виленскій Вѣстникъ*, цѣлями, не мало поклонниковъ медицины и любителей природы. Здѣсь обильный запасъ элементовъ для новоучреждаемаго общества.

Бѣдные смоленскіе помѣщики, такъ усердно хлопотавшіе составить изъ себя общество дабы сослужить службу Россіи, способствовать заявленнымъ видамъ правительства и систематически содѣйствовать обрусенію землевладѣнія въ западномъ краѣ! Они хлопотали, ходатайствовали, домогались, но ничего изъ ихъ плановъ не вышло, а между тѣмъ организація, которая могла бы устроиться на тѣхъ началахъ, которыя ими предполагались, была бы истинно русскою силой. Изъ этихъ и многихъ другихъ такого рода плановъ ничего не вышло; за то помѣщики сѣверо-западнаго края получаютъ теперь готовую организацію, которая можетъ, если они захотятъ замѣнить имъ другіе способы общенія и взаимно-дѣйствія, отнятые у нихъ вслѣдствіе ненормальнаго положенія края. Мы отнюдь не хотимъ сказать, чтобъ они должны были имѣть какія-нибудь злоумышленныя или вообще затаенныя цѣли; мы не можемъ говорить о томъ чего не знаемъ, да намъ нѣтъ и надобности допытываться, съ добрыми или съ дурными намѣреніями стали бы сходиться между собою туземцы сѣверо-западнаго края, интересующіеся естествознаніемъ и метеорологическими станціями. Дѣло въ томъ, что они снова пріобрѣтаютъ почву для законной общественной организаціи, а это несомнѣнно есть сила.

Мы охотно заявляемъ, что все это есть не болѣе какъ фантазія или предположеніе; на дѣлѣ, быть-можетъ, ничего подобнаго не будетъ; мы вполнѣ допускаемъ это, но винюю тому будетъ уже добрая воля мѣстныхъ жителей, а не организація самого учрежденія, которая широко открыта для нихъ и приспособлена къ краю, недавно кипѣвшему мятежомъ и еще далеко не вышедшему изъ-подъ вопроса. Когда обсуждается программа учрежденія, то имѣется въ виду не то чего еще нѣтъ, а то что можетъ быть; и вотъ въ виду того что можетъ быть, нельзя не отдать должной справедливости уставу ново-учрежденной общественной организаціи въ сѣверо-западномъ краѣ. Вотъ колоссальное ученопрактическое общество, обнимающее цѣлыхъ шесть губерній, хоть и русскихъ, но именуемыхъ также и польскими!

Медицинское общество можетъ оказывать большую пользу, особенно при тѣхъ размѣрахъ, какіе получаетъ Общество Минскихъ Врачей. Врачъ есть вездѣ желанный гость; ему, какъ и служителю церкви, открытъ повсюду доступъ. А какъ энергически и плодотворно дѣйствовали служители церкви въ западномъ краѣ,— это всѣмъ очень хорошо извѣстно.

Между тѣмъ мы получили *Виленскій Вѣстникъ*, гдѣ напечатана замѣтка президента Общества Минскихъ Врачей, д-ра Берга, направленная противъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Г. Бергъ объявляетъ, что онъ 14 лѣтъ тому назадъ воспитывался въ Московскомъ университетѣ, и обязанъ ему своими познаніями и убѣжденіями. „Мнѣ", говоритъ г. Бергъ, безъ всякаго сомнѣ„нія, очень пріятно читать отзывъ именно „изъ Москвы объ обществѣ, президентомъ „котораго я имѣю честь состоять. Но за „то всѣ несправедливости и пререканія, „распространяемыя изъ Москвы, очень при„скорбны для меня, если они составляютъ „результатъ преднамѣренно искаженныхъ „фактовъ." Прискорбіе г. Бергу причинили мы. Какихъ же преднамѣренно искаженныхъ фактовъ вышли результатомъ наши слова, огорчившія д-ра Берга?

Мы сказали, что Общество Минскихъ Врачей будетъ простирать свои дѣйствія на весь сѣверо-западный край и черезъ своихъ агентовъ будетъ входить въ сношенія съ народомъ и стараться объ искорененіи вредныхъ предразсудковъ въ сельчанахъ. Что же? Все это можетъ дѣлать Общество, основываясь на точномъ смыслѣ первыхъ параграфовъ Устава, который находится теперь предъ глазами нашихъ читателей. Д-ръ Бергъ выражается такъ: „Положимъ, что редакція *Московскихъ Вѣ„домостей*, по некомпетентности своей въ „дѣлахъ медицинскихъ обществъ, полага„етъ, что всѣ ихъ дѣйствія ограничива„ются только словами и что предразсудки „въ сельчанахъ можно искоренять только „посылкою агентовъ; допустимъ также, что „по незнанію сѣверо-западнаго края, ре„дакція думаетъ, что вся здѣшняя публи„ка состоитъ только изъ сельчанъ; но все „это не даетъ ей права передѣлывать ус„тавъ *Общества Минскихъ Врачей* по своему..." Вѣримъ нашему ученому возражателю, что дѣйствія медицинскихъ обществъ

не ограничиваются только словами, и рады узнать, что предразсудки въ сельчанахъ можно искоренять не одною только посылкой агентовъ, не менѣе рады узнать и то, что публика въ сѣверо-западномъ краѣ состоитъ не изъ однихъ сельчанъ. Все это очень поучительно,—но въ чемъ же мы передѣлали уставъ? Далѣе, мы сказали, что во главѣ своей Общество „надѣется видѣть какое-либо высокостоящее лицо, которое можетъ оградить его отъ придирокъ мѣстной администраціи". Президентъ Общества Минскихъ Врачей говоритъ: „Въ § 3 устава объ этомъ ничего „не говорится; общество нигдѣ не жало„валось на придирки мѣстной администра„ціи, и имѣетъ право избирать лицо вовсе „не высокопоставленное." Но кто же оспаривалъ у Общества право избирать лицо не высокопоставленное? Въ § 3 устава сказано: „Въ почетные президенты избираетъ„ся лицо или пріобрѣвшее въ медицин„скомъ мірѣ ученую извѣстность, или *вы„сокопоставленное въ администраціи, мо„гущее способствовать процвѣтанію Об„щества своимъ личнымъ или служебнымъ „вліяніемъ.*" Что же сказано нами противнаго смыслу этого параграфа? Г. Бергъ свидѣтельствуетъ, что Общество нигдѣ не жаловалось на придирки мѣстной администраціи. Но какъ же было жаловаться Обществу когда оно еще не существовало, и когда только писался его уставъ? Если д-ръ Бергъ заглядываетъ въ газету *Вѣсти*, столь любимую въ сѣверо-западномъ краѣ, то ему извѣстно, что русскимъ чиновникамъ въ этомъ краѣ приписываются весьма непріятныя свойства: стало-быть весьма возможно, что Общество Минскихъ Врачей будетъ съ ними ссориться, и „высокопоставленное въ администраціи лицо, могущее способствовать процвѣтанію общества своимъ личнымъ или служебнымъ вліяніемъ", можетъ, въ случаѣ надобности, оградить его отъ придирокъ мѣстной администраціи.

Въ заключеніе, почтенный президентъ врачебнаго общества изъявляетъ, повидимому, готовность полѣчить насъ отъ разстройства душевныхъ способностей. Жаль только, что мы по мѣсту нашего жительства не входимъ въ районъ попеченій Общества Минскихъ Врачей.

Почти въ одно время съ *Виленскимъ Вѣстникомъ* пришла къ намъ интересная корреспонденція изъ Вильны, помѣщаемая въ нынѣшнемъ нумерѣ. Она обращаетъ вниманіе на зло, которое за годъ предъ симъ было предметомъ внимательнаго обсужденія въ нашей газетѣ, и сообщаетъ утѣшительное извѣстіе, что высшая администрація края обратила серіозное вниманіе на это важное зло.

Б.

Печатая ниже (см. № 195 *Московскихъ Вѣдомостей* 1867 г.) замѣтку А. А. Кирѣева, мы имѣемъ сказать по ея поводу слѣдующее. Въ ней высказывается мысль, что для успѣшнаго водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ необходима правительственная гарантія всѣхъ закладныхъ листовъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Но г. Кирѣеву извѣстно, что Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній оказалось несостоятельнымъ именно потому, что ему не было дано правительственной гарантіи. Что же было легче, гарантировать ли закладные листы, выпускаемые правительственнымъ учрежденіемъ, только для содѣйствія покупкѣ имѣній западнаго края, или гарантировать закладные листы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, учрежденія частнаго и выдающаго свои бумаги въ ссуду подъ залогъ имѣній на всемъ пространствѣ Имперіи?

№ 196.

Москва, 7-го сентября.

Вчера мы напечатали письмо къ намъ А. А. Кирѣева, относящееся къ вопросу о содѣйствіи, которое можетъ быть оказано Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Намъ очень пріятно, что въ обсужденіи этого вопроса принимаетъ участіе лицо, одновременно состоявшее членомъ правленія какъ въ упраздненномъ Товариществѣ Пріобрѣтателей Имѣній, такъ и въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Еще пріятнѣе видѣть со стороны одного изъ членовъ правленія этого послѣдняго Общества публичное заявленіе какъ нельзя болѣе правильныхъ взглядовъ на чрезвычайную государственную важность русскаго землевладѣнія въ тѣхъ частяхъ Имперіи, гдѣ землевладѣльцы доселѣ считаютъ себя принадлежащими

къ національности не только чуждой, но и враждебной Русскому государству. Подобныя заявленія, если достаточно опредѣлены, могутъ дѣйствовать на публику успокоительно, а политической печати они даютъ почву для публичнаго обмѣна мыслей съ Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита: пренія возможны только тамъ, гдѣ есть хотя въ чемъ-нибудь согласіе между спорящими. Если напримѣръ прочіе члены правленія этого Общества признаютъ, вмѣстѣ съ г. Кирѣевымъ, важность интереса, о которомъ идетъ рѣчь, и силу риска, коему онъ подвергается, угрожая отнять все обаяніе, весь „престижъ“ у русскаго правительства, то они должны признать необходимость публичнаго обсужденія мѣръ, коими можетъ быть отвращена столь великая опасность. Эта необходимость представилась бы помянутому правленію въ видѣ неустранимой обязанности, еслибъ оно вмѣстѣ съ г. Кирѣевымъ полагало, что въ настоящее время „довольно трудно“ указать на лучшій способъ употребленія пятимилліоннаго фонда, который правленіе повидимому готовится забрать, не посовѣтовавшись на счетъ его употребленія ни съ обще-генеральнымъ мнѣніемъ, ни даже съ общимъ собраніемъ своего Общества. Мы уже имѣли случай указывать, что для правленія этого Общества не можетъ быть побужденій къ молчанію о его взглядахъ на дѣло, съ которымъ связанъ первостепенный государственный интересъ и по которому оно ведетъ переговоры съ правительствомъ, очевидно безъ достаточнаго полномочія отъ Общества. Тайна, необходимая иногда въ переговорахъ международныхъ, здѣсь совсѣмъ не кстати, потому что здѣсь не должно быть мѣста для военныхъ хитростей. Равнымъ образомъ не имѣетъ здѣсь цѣли и та секретность, которая соблюдается при состязаніяхъ, дабы не предоставить выгодной позиціи конкурентамъ: въ этомъ дѣлѣ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не имѣетъ конкурентовъ. Поэтому, весьма желательно, чтобы другіе члены правленія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита послѣдовали примѣру г. Кирѣева, и разъяснивъ истинное положеніе дѣла, дали печати возможность разсуждать о немъ съ практическою для него пользой, въ чемъ оно, какъ видно, крайне нуждается. Отдѣльный членъ правленія естественно не могъ войдти во всѣ тѣ подробности, которыхъ можно было бы коснуться, еслибы между большинствомъ членовъ правленія послѣдовало соглашеніе, благопріятное для гласнаго вѣденія дѣла. Мы отказываемся понять, почему такого соглашенія до сихъ поръ не состоялось: вѣдь не опасаются же члены правленія, что правительство можетъ быть сбито съ толку тѣми сужденіями, которыя были бы въ такомъ случаѣ высказаны въ печати. Не подлежитъ сомнѣнію, что эта совершенно-непонятная секретность бросаетъ крайне невыгодную тѣнь на правленіе, ибо отъ нея страдаетъ самое дѣло водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. На членахъ правленія лежитъ личная, очень тяжкая отвѣтственность, и чѣмъ сомнительнѣе успѣхъ дѣла, за которое они берутся, тѣмъ труднѣе имъ будетъ уйдти отъ нея. Г. Кирѣевъ говоритъ о возможности колоссальнаго „фіаско,“ если къ стыду и несчастію Россіи послѣдуетъ это „фіаско,“ то не будетъ ли каждый Русскій обязанъ клеймить, какъ его виновниковъ, нынѣшнихъ членовъ правленія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита?

А до „фіаско“ недалеко, какъ можно заключить и изъ письма къ намъ г. Кирѣева. Онъ настаиваетъ на необходимость даровать правительственную гарантію закладнымъ листамъ Общества Мы уже вчера замѣтили, какъ странно это требованіе, послѣ того что случилось съ Товариществомъ. Если рѣшаться на правительственную гарантію, то всего проще возстановить упраздненное Товарищество, которое оказалось несостоятельнымъ именно потому что листамъ его было отказано въ правительственной гарантіи: легче гарантировать малое число закладныхъ листовъ Товарищества, чѣмъ несравненно большее число закладныхъ листовъ Общества. Но положимъ, что правительство перемѣнитъ свой взглядъ и дастъ частному Обществу то, въ чемъ отказало Товариществу, учрежденію правительственному. Что тогда будетъ? Правительствомъ гарантированныя пятипроцентныя бумаги продаются теперь заграницей, за вычетомъ банкирской комиссіи, по 71, 70 и иногда еще менѣе за сто. Получатели ссудъ закладными листами Общества должны будутъ нести, конечно по меньшей мѣрѣ всѣ тѣ расходы помѣщенія продаваемыхъ ими бумагъ, которые несутъ компаніи желѣзныхъ дорогъ. Они выручатъ никакъ не больше того что выручаютъ компаніи. Они будутъ принуж-

дены платить за банкирское посредничество при продажѣ своихъ бумагъ не менѣе платимаго желѣзнодорожными компаніями. А изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что правительственная гарантія не поставитъ ихъ въ возможность продавать закладные листы выгоднѣе чѣмъ они продаются теперь, безъ прямой правительственной гарантіи. Теперь закладные листы Общества сбываются приблизительно по 80 рублей на кредитныя деньги: переводя эту цѣну въ звонкую монету, мы получимъ на цѣлковые рубли (на которые писаны закладные листы Общества) около 69—70 р., то-есть почти ту же самую цѣну, по которой теперь, при правительственной гарантіи, покупаются банкирами облигаціи многихъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Никто однакоже не беретъ ссудъ по этой цѣнѣ изъ Общества для покупки имѣній въ западномъ краѣ, потому что эта цѣна слишкомъ низка, хотя ничто не препятствовало бы и теперь брать изъ Общества ссуды на покупку имѣній въ западномъ краѣ. Обстоятельства не перемѣнятся вслѣдствіе того, что какъ принято говорить, на Общество будутъ „возложены обязанности упраздненнаго Товарищества.“ По возложеніи этихъ обязанностей, какъ и безъ возложенія ихъ, Общество имѣло, имѣетъ и будетъ имѣть право выдавать ссуды въ западномъ краѣ, а покупщики имѣли, имѣютъ и будутъ имѣть право брать изъ Общества ссуды, если пожелаютъ. Теперь они не берутъ ссудъ, потому что находятъ цѣну закладныхъ листовъ Общества для себя невыгодною. Но эта цѣна, какъ мы видѣли, не измѣнится вслѣдствіе правительственной гарантіи; слѣдовательно, можно навѣрное сказать, что и тогда покупщики не будутъ брать ссудъ. Напротивъ, въ Товарищество обращались за ссудами весьма многія лица. Почему же они обращались въ Товарищество? Отвѣтъ на лицо: Товарищество было обязано выдать первые пять милліоновъ ссудъ наличными деньгами рубль за рубль, а не по 70 за 100, и взимать ежегодныхъ платежей по $6\frac{1}{2}\%$ со включеніемъ погашенія. Вотъ условія, которыя *по меньшей мѣрѣ* должно предложить Общество заемщикамъ. Говоримъ, *по меньшей мѣрѣ*, потому что правительство обѣщало передать дѣла упраздненнаго Товарищества такому учрежденію, которое будетъ предоставлять заемщикамъ *больше* выгодъ. Чтобъ удовлетворить такому обѣщанію и не ввести публику въ обманъ, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита должно бы браться за это дѣло только въ томъ случаѣ, когда имѣло бы возможность принять на себя не только вышеупомянутыя обязанности Товарищества, но и что-нибудь сверхъ того. Думаетъ ли объ этомъ правленіе? Г. Кирѣевъ косвенно подтверждаетъ сообщеніе г. Герстфельда, что Общество, то-есть правленіе его намѣревается обратить доходъ съ пятимилліоннаго фонда на усиленное погашеніе своихъ закладныхъ листовъ. Но при такомъ употребленіи пятимилліоннаго фонда, условія для заемщиковъ не только не могутъ быть лучше условій Товарищества, а должны оказываться хуже. И однакоже, будучи завѣдомо не въ состояніи исполнить обѣщаніе, данное правительствомъ относительно улучшенія условій предоставляемыхъ пріобрѣтателямъ имѣній въ западномъ краѣ, правленіе Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита протягиваетъ руку за пятимилліоннымъ фондомъ. Благовидно ли это? Въ правѣ ли Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита сѣтовать на всеобщее негодованіе, которое возбуждаетъ противъ себя такой образъ дѣйствій его правленія?

Положеніе дѣла слѣдующее: Товарищество было обязано выдать первые пять милліоновъ ссудъ наличными деньгами и взимать съ заемщиковъ не болѣе $6\frac{1}{2}\%$. При закрытіи Товарищества, правительство обѣщало, что заемщики отъ того не только не потеряютъ, но даже выиграютъ. Если Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита прикоснется къ наслѣдству Товарищества, оно должно исполнить это обѣщаніе; члены правленія, ведущіе все это дѣло, отвѣчаютъ за то своею честью.

№ 197.

Москва, 9-го сентября.

Надъ французскими публицистами сотворилось чудо: они не только выучились географіи, но и знаютъ прекрасно по-русски, слѣдятъ за нашими дѣлами, читаютъ наши газеты, переводятъ наши статьи и съ замѣчательною правильностью пишутъ наши имена по-французски. Иногда имъ оказываются знакомыми такія подробности нашихъ дѣлъ, которыя неизвѣстны или ма-

ло извѣстны даже русской публикѣ. При всемъ этомъ французскіе публицисты обнаруживаютъ замѣчательную непріязнь къ русскому народу, съ языкомъ котораго они такъ хорошо ознакомились. Съ большимъ рвеніемъ стараются они, при всякомъ случаѣ, возбуждать противъ Россіи общественное мнѣніе своей страны. Органы разныхъ партій и противоположныхъ оттѣнковъ обнаруживаютъ въ этомъ отношеніи удивительное единодушіе. Журналы наиболѣе *респектабельные* по своимъ лѣтамъ и положенію, лишь только дѣло коснется Россіи, повинуются тѣмъ же таинственнымъ внушеніямъ, что и площадные крикуны самаго дурнаго тона. И вотъ они же гнѣвно обращаются къ намъ съ укорами въ недостаткѣ у насъ французскихъ симпатій и въ смѣлости, съ какою мы позволяемъ себѣ обсуждать, съ своей точки зрѣнія, французскія дѣла. По мнѣнію ихъ, мы должны въ изъявленіяхъ нашей преданности французскому правительству, въ сочувствіи его образу дѣйствій и въ одобреніи его политики превзойдти самихъ Французовъ, г. Тьера напримѣръ, или г. Жюль-Фавра, и даже рукоплескать элукубраціямъ въ родѣ недавно появившейся въ *Revue des deux Mondes* статьи г-на Клячко о славянскомъ съѣздѣ въ Москвѣ, гдѣ просто на-просто объявляется Россіи война, дабы отнять у ней то, что почтенный авторъ этой статьи именуетъ польскими провинціями. Полинявшій въ своемъ либерализмѣ, *Journal des Débats*, воспроизводя одну изъ нашихъ статей, недавно негодовалъ на своеволіе нашей печати и возлагалъ за нее отвѣтственность на наше правительство. Не досадно ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ Россіи, гдѣ, какъ недавно разказывала одна англійская газета (въ передовой статьѣ, носящей на себѣ всѣ признаки петербургскаго происхожденія), люди не умѣютъ ни ѣсть, ни пить, ни спать, что въ этой варварской, полудикой Россіи есть однако люди, умѣющіе сохранять независимость своего мнѣнія и слова, есть органы, которыхъ нельзя ни закупить, ни застращать, есть перья, которыя дадутъ скорѣе сломать себя нежели станутъ писать по заказу или по принужденію, какъ все это слишкомъ часто бываетъ во Франціи.

Мы не думаемъ однако пускаться въ пренія съ французскими публицистами о русскихъ дѣлахъ. Полезнѣе бесѣдовать съ ними о дѣлахъ французскихъ. Мы радуемся внезапно сошедшему на нихъ знанію и русскаго языка, и русскихъ дѣлъ; но все-таки полагаемъ, что французскія дѣла имъ знакомѣе, понятнѣе и гораздо интереснѣе. За ихъ заботы о насъ, мы всего лучше можемъ имъ отплатить дружескимъ содѣйствіемъ въ разъясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся ихъ страны и собственнаго ихъ положенія. Мы имѣемъ претензію думать, что знаемъ ихъ болѣе чѣмъ они знаютъ насъ. Прежде всего мы желали бы спросить ихъ, отдаютъ ли они сами себѣ ясный отчетъ въ томъ, что они дѣлаютъ, и какую роль играютъ, возбуждая въ своей публикѣ слѣпую ненависть къ Россіи? Изъ личнаго ли убѣжденія они это дѣлаютъ? Мы оставляемъ тонъ ироніи, и говоримъ серіозно. Въ самомъ ли дѣлѣ французскіе политики и публицисты настолько знаютъ русскія дѣла, что могутъ имѣть о нихъ самостоятельное сужденіе? Скажемъ проще: имѣютъ ли они хотя малѣйшее понятіе о томъ, что разказывается въ ихъ журналахъ и подъ чѣмъ они подписываютъ свое имя? Можетъ ли, напримѣръ, г. де-Мазадъ, не краснѣя, вспомнить о знаменитой статьѣ своей, появившейся въ прошломъ году въ *Revue des deux Mondes* и вошедшей потомъ въ *Annuaire* этого журнала? Мы даже не увѣрены, знаетъ ли онъ самъ, изъ какихъ источниковъ первоначально произошелъ этотъ памфлетъ, подъ которымъ онъ выставилъ свое имя, и для чего онъ былъ составленъ. Еслибъ онъ имѣлъ возможность дѣйствительно провѣрить тѣ свѣдѣнія, которыя изложены въ статьѣ подписанной его именемъ, быть-можетъ онъ устыдился бы той роли, которую заставили его играть; по крайней мѣрѣ, онъ узналъ бы въ рукахъ какой партіи и для какихъ цѣлей очутился орудіемъ.

Но пусть французскіе публицисты говорятъ о томъ чего не знаютъ; пусть пишутъ они съ чужаго голоса; пусть подписываются подъ чужими памфлетами. Быть-можетъ ихъ побуждаетъ къ тому чувство національной вражды къ Россіи; быть-можетъ они дѣйствуютъ такъ, увлекаемые какими-либо дѣйствительными интересами французскаго народа. Спрашивается, изъ какого чисто-французскаго интереса можетъ быть объяснено это направленіе французской печати, такъ охотно становящейся органомъ враговъ Русскаго народа? Какой собственно-французскій интересъ приводитъ ихъ въ

связь и солидарность со всѣмъ, что только есть измѣннического въ Россіи?

Если руководители общественнаго мнѣнія во Франціи захотятъ отдать себѣ серіозный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, то имъ придется убѣдиться, что они играютъ не только не достойную, но и жалкую роль.

Пусть не говорятъ намъ о польскомъ вопросѣ. Мы понимаемъ, что этотъ вопросъ можетъ служить революціоннымъ средствомъ противъ Россіи. Но нѣтъ ни одного человѣка обладающаго политическимъ смысломъ въ самой Франціи, кто принималъ бы этотъ польскій вопросъ за что-нибудь положительное. То что называется польскимъ вопросомъ есть не что иное какъ вопросъ о будущности Россіи, о ея существованіи. Что же можетъ побуждать Францію ставить такой вопросъ? Въ возрожденіе Польши никто не можетъ вѣрить, и только легкомысленнѣйшіе изъ Поляковъ, столько разъ обманутыхъ и ничему не научившихся, могутъ имѣть увѣренность, что Европа заботится именно о нихъ, когда возбуждаетъ Польскій вопросъ. Но если никто серіозно не помышляетъ о возстановленіи Польши, то могутъ быть интересы, которые пользуются Поляками какъ и другими средствами, для того, чтобы вредить Россіи, ослаблять ее и возбуждать въ ней смуты. Мы знаемъ, что такіе интересы есть; но напрасно спрашиваемъ, гдѣ тѣ интересы Франціи, которые требовали бы ослабленія Россіи, возбужденія въ ней смутъ?

Правда, мы это видимъ, французская политика теперь не усматриваетъ для себя иного исхода, кромѣ замысловъ, въ которыхъ она, по необходимости, должна сталкиваться съ Россіею. Но на истинныхъ ли путяхъ находится французская политика? Въ отвѣтъ на это могутъ послужить сужденія самихъ Французовъ о политикѣ ихъ правительства, а еще болѣе тѣ „черныя точки,“ которыя наконецъ, усмотрѣлъ на своемъ горизонтѣ самъ императоръ Французовъ. Все время начиная отъ Крымской войны до Мексиканской экспедиціи до возбужденія Польскаго вопроса включительно, политика французскаго правительства была, какъ теперь очевидно для всѣхъ, диктована не только чуждыми, но и противными національнымъ интересамъ Франціи, побужденіями. Она была болѣе англійская нежели французская политика, точно также какъ политика Россіи (мы говоримъ о прежнемъ времени) была болѣе нѣмецкая нежели русская. Крымская война показала Россіи, къ чему могла вести ее политика, которая жертвовала, для чужой національности, нравственными и матеріальными силами своего народа. Положеніе въ которомъ находится теперь Франція, точно также показываетъ ей, къ чему можетъ привести политика, которая такъ щедро проливала кровь Франціи въ угоду и на пользу ея естественныхъ враговъ. Императоръ Французовъ, казалось, стоялъ во главѣ Европы, и все повидимому совершалось по его волѣ: увы! теперь всякому ясно, что Франція была чествуема и превозносима только затѣмъ, чтобы удобнѣе было направлять ея силы во вредъ ей самой. И какъ въ Россіи, подъ гнетомъ чуждой политики, подавлялись живыя силы ея народа, такъ равно и Франція, въ подобномъ положеніи, чувствуетъ себя внутри обезславленною, униженною и пораженною во всѣхъ источникахъ своей нравственной жизни. Изъ одинаковыхъ причинъ истекаютъ и послѣдствія одинаковыя.

Если Франція не французская, Франція англійская, враждебно сталкивается съ Россіей не русскою, Россіей нѣмецкою, то мы спрашиваемъ, найдется ли на всемъ пространствѣ міра хоть одна точка, гдѣ могли бы сталкиваться интересы Франціи чисто-французской съ интересами русской Россіи? Вопросъ этотъ стоитъ того, чтобы подумать о немъ серіозно и въ Россіи, и во Франціи.

Многое пошло бы иначе, еслибы французская политика могла поставить себя въ такія же естественныя отношенія къ Россіи, въ какихъ находится къ ней Германія. Нѣмецкая политика, въ своемъ развитіи, есть сила естественно антипатическая и враждебная какъ всему славянскому міру, такъ и Россіи и въ Германіи хорошо знаютъ русскія дѣла, и умѣютъ взяться за нихъ для достиженія своихъ цѣлей. Французская же печать, служа усерднымъ органомъ всякой анти-русской интригѣ, безсознательно способствуетъ дальнѣйшему торжеству германской политики и въ самой Германіи, и далѣе за предѣлами ея. Русскія измѣнническія партіи, которыя пользуются перьями французскихъ публицистовъ, заставляютъ ихъ работать противъ истинныхъ интересовъ

самой Франціи. Русская Россія—вотъ къ чему естественно должны клониться національныя симпатіи Франціи.

Ища исхода изъ своихъ затрудненій, французское правительство обращается къ Австріи. Нѣтъ ли надежды возвратить имперію Габсбурговъ въ Германію, изъ которой она выброшена? Нѣтъ, судьба Австріи рѣшена безвозвратно, и французскому правительству придется поддерживать ее въ томъ новомъ положеніи, которое создано для ней послѣдними событіями. Но Австрія, обращенная на Востокъ, входитъ какъ нельзя лучше въ планы прусской политики. Австрія, выбывшая изъ Германіи и получившая вознагражденіе на Востокѣ, становится естественною союзницей Пруссіи. Имперія Габсбурговъ никогда не будетъ въ состояніи отказаться отъ своего нѣмецкаго характера; внѣ Германіи, она все-таки останется державою нѣмецкой. Какого же результата достигнетъ Франція, слѣдуя далѣе путемъ принятой ею политики? Благодаря этой политикѣ, она теперь привѣтствуетъ въ своемъ сосѣдствѣ Германію, которая располагаетъ силой сорока милліоновъ народа; а когда осуществятся тѣ замыслы, въ которыхъ теперь ищетъ спасенія себѣ французская политика, Франція будетъ имѣть рядомъ съ собою 70 милліонную германскую силу.

Продолжая дѣйствовать на Востокѣ противъ Россіи, Франція будетъ только способствовать подавленію тѣхъ народностей, которыя томятся не только въ турецкомъ, но и въ австрійскомъ плѣну. Пораженіе Россіи и торжество Австріи на Востокѣ, что бы это значило?—Это значило бы конецъ славянскимъ народностямъ: мелкія, разрозненныя и теперь уже полуонѣмеченныя онѣ не были бы въ силахъ противостоять германизаціи. Съ ослабленіемъ Россіи, лишаются надежды славянскіе элементы, а только славянскій Востокъ можетъ дать естественную границу Германіи и образовать силу, которая имѣла бы будущность, силу близкую и родственную Россіи, но отдѣльную отъ ней и самостоятельную.

№ 198.

Москва, 11-го сентября.

Насъ извѣщаютъ, что въ настоящее время возобновляется замолкшая было рѣчь о постройкѣ на счетъ казны желѣзной дороги отъ Кременчуга до Харькова. Читатели помнятъ, что года три-четыре тому назадъ линія отъ Балты на Харьковъ была предметомъ не только оживленной полемики, но и агитаціи, необыкновенной у насъ: тогда поборники этой линіи старались доказать ненужность и даже опасность линіи Кіевской, которая тѣмъ не менѣе, благодаря Богу, состоялась, и этимъ непререкаемо засвидѣтельствовано, что правительство не признало основательности соображеній, которыя были приводимы противъ нея, въ пользу линіи Кременчугской, будто бы гораздо болѣе полезной. Но пока не послѣдовало правительственнаго рѣшенія относительно постройки Кіевской линіи, можно было еще доказывать необходимость направленія рельсоваго пути изъ Балты въ Харьковъ, потому что безъ линіи Кіевской это былъ бы единственный желѣзный путь изъ Москвы къ Черному морю, а соединеніе Москвы съ Чернымъ моремъ, и именно съ портомъ Одесскимъ, было предметомъ и общихъ желаній, и очевидной государственной потребности. Теперь этого побужденія уже быть не можетъ, и проектъ Кременчугской линіи лишился своего главнаго аргумента. Теперь это не болѣе какъ проектъ параллельнаго пути къ желѣзной дорогѣ только что строящейся, и притомъ строящейся на правительственную гарантію. Не подлежитъ сомнѣнію, что движеніе между Курскомъ и Балтой черезъ Кіевъ будетъ довольно значительное и что съ теченіемъ времени оно должно возрастать, придавая новый характеръ всѣмъ внутреннимъ сношеніямъ, и освобождая ихъ изъ-подъ вліянія неблагопріятныхъ для торговли географическихъ условій. Но пока движеніе еще не началось и рискъ возлагаемый на правительство гарантіей не устраненъ совершенно, было бы непонятною непредусмотрительностью затрачивать деньги, въ которыхъ вовсе нѣтъ избытка, на искусственное созданіе конкурренціи въ подрывѣ доходности Курско-Балтской линіи. Надобно выждать того времени, когда чистый доходъ этой линіи превзойдетъ весьма значительную гарантію, по ней дарованную, и лишь послѣ того интересъ казны дозволитъ приступить къ сооруженію конкуррирующей параллельной дороги.

Въ такомъ видѣ представляется это дѣ-

ло теперь, послѣ того какъ приступлено къ сооруженію и Кіево-Курской и Кіево-Балтской желѣзныхъ дорогъ. Еслибы путь изъ Харькова на Кременчугъ въ Балту и требовался какими-нибудь серіозными интересами, то браться за него было бы невозможно, пока съ правительства не снятъ рискъ приплаты по гарантіи, уже дарованной на путь изъ Курска въ Балту. Но какіе интересы могли бы требовать рельсоваго сообщенія между Харьковомъ и Одессой черезъ Кременчугъ и Балту? Интересы стратегическіе и политическіе совершенно удовлетворены линіей Кіевскою. Остаются интересы экономическіе, и на нихъ обыкновенно ссылаются. Но какіе это интересы? Харькову не можетъ быть не пріятно, если правительство построитъ рельсовый путь на Кременчугъ, но и Харькову было бы крайне непріятно, — скажемъ болѣе, Харькову было бы гибельно, еслибы путь на Кременчугъ былъ купленъ цѣной отказа въ пути къ Азовскому морю. Доставка товаровъ отъ Харькова къ морю по Азовской дорогѣ требуетъ, если не ошибаемся, пробѣга 465 верстъ, а по Одесской 817 верстъ. Итакъ 352 версты лишняго пути, вотъ перспектива, которая открылась бы предъ Харьковомъ, еслибъ Азовская линія была принесена въ жертву Кременчугской. Очевидно, что съ устройствомъ этой послѣдней пришлось бы насиловать торговлю, направляя ее длиннѣйшимъ и болѣе дорогимъ путемъ, или же рѣшиться на сооруженіе Азовской линіи и отнять у Кременчугской наибольшую часть ея дохода, истративъ многіе милліоны на ея постройку. Что Харькову нужна не Кременчугская, а Азовская желѣзная дорога, это признаютъ теперь всѣ жители этого города. Харьковская губернская земская управа въ прошедшемъ году заявляла правительству, что построеніе Харьковско-Одесской дороги не только не будетъ полезно Харькову, но напротивъ нанесетъ экономическому быту того края, уже сильно потрясенному, новый ударъ, который можетъ быть отклоненъ только проведеніемъ дороги къ Азовскому морю.

По части желѣзныхъ дорогъ, для югозападнаго края уже сдѣлано довольно много. Нѣтъ никакой разумной причины расширять кругъ дѣйствій Одесскаго порта далѣе рѣки Днѣпра. Онъ и безъ того огроменъ. Будущность Одесскаго порта совершенно обезпечена Кіево-Одесскою дорогой съ вѣтвями къ Волочиску, Кишиневу и Кременчугу. Еще недавно Одесса имѣла право жаловаться, что она забыта; но временная забывчивость вознаграждена съ избыткомъ, и теперь нѣтъ въ Россіи порта, для котораго было бы столько сдѣлано, сколько дѣлается для Одессы. Скорѣе опасаться можно, что Одесскій портъ не справится съ угрожающимъ ему нагроможденіемъ грузовъ, и если можно желать чего-нибудь для оживленія сельскаго хозяйства въ восточной части прилегающаго къ Одессѣ края, то предметомъ желаній, по всей справедливости, должно быть проведеніе вѣтви отъ Балтско-Кременчугской линіи къ Николаеву. Вотъ вѣтвь, которая дѣйствительно нужна и къ постройкѣ которой слѣдуетъ приступить какъ скоро окажутся къ тому средства. Но и эта вѣтвь требуется интересами мѣстными и никакъ не должна идти въ параллель съ тѣми линіями, которыя необходимы съ точки зрѣнія общихъ потребностей государства.

Желѣзно-дорожное дѣло приняло у насъ теперь выгодное направленіе. Мы строимъ много,—такъ много, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ люди знающіе сомнѣвались въ возможности строить желѣзныя дороги въ такихъ размѣрахъ безъ потрясенія экономическаго быта, и въ особенности безъ чрезмѣрнаго возрастанія заработанной платы. Эти опасенія опровергнуты фактами. Вездѣ, гдѣ дѣло ведется въ порядкѣ, рабочихъ оказывается достаточно, и цѣны на нихъ стоятъ довольно умѣренныя. Строители, особенно въ нынѣшнемъ году, заработали себѣ крупные барыши, и ихъ примѣръ долженъ благодѣтельно подѣйствовать на усиленіе конкурренціи, отъ которой единственно зависитъ правильное удешевленіе будущихъ желѣзно-дорожныхъ построекъ. Въ пріисканіи капиталовъ не обошлось, правда, безъ того, что купцы называютъ заминкой, но на это нельзя жаловаться, имѣя въ виду обширность и многочисленность предпріятій нуждавшихся въ сбытѣ бумагъ. Испытанныя въ нынѣшнемъ году заминки не такого свойства, чтобъ остановить дальнѣйшее движеніе дѣла, и мы недавно имѣли случай сообщить читателямъ что англійскіе капиталисты и строители, уже составившіе въ Лондонѣ общество для исходатайствованія концессіи по Курско-Таганрогской желѣзной дорогѣ, отнюдь не ослабѣваютъ въ своей рѣшимости,

и надѣются собрать нужный для этой дороги капиталъ, несмотря на неудачу правительственнаго займа подъ Николаевскую дорогу. Положеніе дѣлъ, повторяемъ, довольно благопріятно, но надобно дорожить и пользоваться имъ, а не портить его, что вовсе не трудно. Мы строимъ теперь желѣзныхъ дорогъ, среднимъ числомъ, по 500 верстъ въ годъ: таковъ размѣръ который теперь приняло это дѣло. Идти дальше этой цифры значитъ рисковать. Какъ велика она, можно судить по тому, что даже Англія, гдѣ желѣзно-дорожное дѣло получило развитіе сверхъ всякаго ожиданія громадное, строила въ послѣднія 15 лѣтъ не болѣе какъ по 600 верстъ въ годъ. Это оказывается изъ появившагося на дняхъ новаго труда статистическаго департамента въ англійскомъ министерствѣ торговли (Board of Trade), и должно прибавить, что приведенная цифра относится ко всему Соединенному Королевству, со включеніемъ Шотландіи и Ирландіи *). Чтобы не испортить теперешняго положенія дѣлъ, надобно всячески заботиться о двухъ вещахъ: вопервыхъ о томъ чтобы постройка желѣзныхъ дорогъ продолжалась и впредь въ теперешнемъ размѣрѣ, и чтобы строители и рабочіе не оставались безъ дѣла; вовторыхъ о томъ чтобы желѣзно-дорожное дѣло, не сокращаясь противъ теперешняго, не было и форсируемо. Мы не должны браться за постройку болѣе чѣмъ 500 верстъ въ годъ, изъ опасенія разстроить все дѣло, а потому ясно, какъ необходимъ строгій выборъ между проектируемыми линіями. Увлеченія тутъ вдвойнѣ пагубны. Строя менѣе нужныя линіи, мы лишаемъ себя возможности строить тѣ линіи, безъ которыхъ нашему государству нельзя жить. Рѣшеніе строить на казенный счетъ желѣзную дорогу изъ Кременчуга въ Харьковъ можетъ отдалить срокъ осуществленія дорогъ Азовской и Московско-Брестской, имѣющихъ для государства первокласную важность. Пока Россія не имѣетъ этихъ двухъ дорогъ, до тѣхъ поръ она не можетъ чувствовать себя въ обладаніи всѣхъ своихъ силъ, и не можетъ быть въ ней правильнаго и вѣрнаго движенія на пути къ преуспѣянію. За тѣмъ по степени необходимости слѣдуютъ дороги Либавско-Бобруйская и Уральская. Но во всѣхъ этихъ дорогахъ безъ малаго 3.000 верстъ, сталобыть на шесть лѣтъ усиленной работы. При такихъ потребностяхъ въ самонужнѣйшихъ линіяхъ, есть ли возможность браться за дорогу въ родѣ Кременчугско-Харьковской? Какъ мѣстная, она для самого Харькова желательная лишь послѣ Азовской. Что же касается до Полтавской губерніи, то тамошнее земство подробно разсматривало вопросъ о Кременчугско-Харьковской дорогѣ и признало что она будетъ полезна лишь для тѣхъ уѣздовъ Полтавской губерніи, черезъ которые пройдетъ, а для большей части губерніи не сдѣлаетъ ровно ничего. Наконецъ, эксплуатація ея не можетъ быть выгодна по дороговизнѣ топлива и неблагопріятному движенію грузовъ. Для обезпеченія топливомъ всей системы нашихъ южныхъ дорогъ необходима дорога Харковско-Азовская, которая пройдетъ чрезъ Донецкія каменно-угольныя копи и будетъ доставлять каменный уголь по направленію съ юга на сѣверъ, между тѣмъ какъ торговые грузы будутъ направляться по ней въ противоположную сторону. Это уменьшитъ перевозку порожнихъ обратныхъ вагоновъ и слѣдовательно удешевитъ эксплуатацію. Напротивъ, по Харьковско-Одесской дорогѣ пришлось бы возить каменный уголь въ направленіи движенія грузовъ, увеличивая по этой причинѣ число вагоновъ, идущихъ къ югу, и гонять ихъ назадъ порожними. Еслибы средства позволили, то вмѣсто того чтобы строить эту параллельную дорогу въ 200 верстахъ отъ Кіевской, было бы гораздо полезнѣе взяться за линію параллельную къ Харьковско-Азовской, именно за линію Воронежско-Ростовскую, которая тоже прошла бы черезъ каменно-угольный бассейнъ. Эта линія, снабжая топливомъ тотъ узелъ желѣзныхъ дорогъ, который составится самъ собой около дороги Козловской (въ Моршанскъ, въ Тамбовъ, въ Саратовъ), усилила бы вмѣстѣ съ тѣмъ производительность донецкаго края и ускорила бы его развитіе, для котораго онъ имѣетъ всѣ данныя: обиліе каменнаго угля и желѣза, и близость къ морю. Въ Россіи нѣтъ мѣстности болѣе удобной для мануфактурнаго производства, а близость къ Азіи обезпечиваетъ сбытъ оттуда мануфактурныхъ товаровъ въ какомъ угодно количествѣ. Именно въ этомъ краѣ, прежде чѣмъ гдѣ-либо, можно было бы рѣшиться на построеніе параллельныхъ

*) „Statistical Abstract for the United Kingdom in each of the last 15 years, from 1852 to 1866.

линій желѣзныхъ дорогъ: онъ скоро сдѣлается золотымъ днемъ Россіи.

№ 199.

Москва, 12-го сентября.

Печатая сегодня письмо, адресованное къ намъ княземъ Хованскимъ и вызванное выходками *Вѣсти* какъ вообще противъ бывшаго управленія сѣверо-западнымъ краемъ, такъ и противъ него лично, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи выразить еще разъ наше искреннее уваженіе къ его честной дѣятельности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ людей призванныхъ къ дѣлу требуется не только формальное исполненіе служебныхъ обязанностей, но искреннее убѣжденіе и высоковозбужденное патріотическое чувство. Намъ тѣмъ пріятнѣе отдать справедливость какъ ему, такъ и вообще бывшему управленію въ сѣверо-западномъ краѣ, что насъ нельзя укорить въ пристрастіи. Мы высказывали съ полною откровенностью желаніе, чтобы въ западномъ краѣ принимались органическія мѣры, коихъ результаты остались бы въ силѣ и при измѣненіи въ настроеніи административныхъ лицъ и способахъ административнаго дѣйствія; мы не утаивали сомнѣнія въ успѣхѣ системы начинавшей, какъ намъ казалось, съ конца, тогда какъ нужно было налегать всѣ силы на первое начало, и тѣмъ вызвали противъ себя въ средѣ тогдашнихъ виленскихъ доктринеровъ яростное негодованіе, выставлявшее насъ на поворъ какъ орудіе іезуитовъ, какъ органъ „шляхетско-псендзовской" интриги. Мы предвидѣли чѣмъ должно было все это кончиться, но слабый голосъ нашъ раздавался напрасно, и намъ очень скоро суждено было съ грустнымъ чувствомъ видѣть какъ въ точности сбылись наши предсказанія. Церковное единство есть идеалъ, котораго нельзя не желать, но котораго требовать невозможно и съ котораго сразу быть нельзя начинать, когда дѣло идетъ объ упроченіи государственнаго единства. Дѣло успѣшно и правильно начинается лишь съ того что требуется первою необходимостію, съ того что для всѣхъ обязательно и чего можетъ достигнуть государство своими средствами, и лишь когда это сдѣлано, когда достигнуто обязательное и государство упрочено, открывается мѣсто для того что желательно.

Но что имѣетъ силу относительно доктринъ, то не можетъ быть поставлено въ упрекъ личному дѣйствію, вытекавшему изъ простаго сердечнаго желанія добра и пользы. Результаты достигнутые княземъ Хованскимъ были бы возможны и при другой системѣ. По своему служебному посту онъ имѣлъ весьма ограниченный и скромный кругъ дѣйствій. Князь Хованскій былъ военнымъ уѣзднымъ начальникомъ и находился въ непрерывномъ соприкосновеніи съ простымъ народомъ. Онъ умѣлъ привлечь къ себѣ искреннія симпатіи бѣднаго сельскаго люда тѣхъ мѣстъ, полоненнаго и забитаго, никогда не знавшаго отъ своихъ ближайшихъ властей ни ласковаго русскаго слова, ни добраго одушевленнаго сочувствіемъ дѣла. Склоняя мѣстныя населенія къ православію, князь Хованскій не прибѣгалъ ни къ понужденію, ни къ хитрости; это начало дѣлается само собою, по живому сочувствію, которое установилось между нимъ и сельскимъ людомъ.

Задача, которая поставлена въ западномъ краѣ, успѣла одушевить русское общество и вызвала не мало убѣжденныхъ и добросовѣстныхъ дѣятелей. При данныхъ силахъ можно было бы достигнуть блистательныхъ результатовъ, еслибы дѣло не парализовалось съ разныхъ сторонъ. Патріотическое одушевленіе не возбуждается въ обществѣ по заказу, и когда оно дано, надобно дорожить имъ и умѣть имъ пользоваться, пока обстоятельства не измѣнились и не ушло время. Къ сожалѣнію, катастрофа происшедшая въ сѣверо-западномъ краѣ не осталась безъ послѣдствій. Духъ въ русскомъ обществѣ замѣтно поникъ, и одинъ за другимъ отстаютъ отъ дѣла люди, принявшіеся за него съ горячимъ усердіемъ. Оживленіе партіи, которая имѣетъ своимъ органомъ *Вѣсти*, лучше всего свидѣтельствуетъ объ упадкѣ духа въ русскомъ обществѣ. Дай Богъ, чтобъ это было только мимолетнымъ явленіемъ! Русскій чиновникъ, котораго трудъ не согрѣтъ одушевленіемъ, плохой ходокъ русскому дѣлу въ западномъ краѣ: онъ хуже чѣмъ Полякъ, потому что менѣе его остерегается. Не появились ли уже теперь въ Вильнѣ русскіе чиновники, которые открыто говорятъ что задачей тамошней администраціи послѣ 10-го декабря должно быть такое исполненіе указа 10-го декабря, чтобы въ сущности онъ не имѣлъ силы, причемъ, по ихъ мнѣнію, былъ бы избѣгнутъ

скандалъ явной отмѣны столь важнаго закона, а желаемая цѣль была бы тѣмъ не менѣе достигнута? Однѣ льготы и привилегіи, безъ сильныхъ патріотическихъ побужденій, не привлекутъ въ западный край полезныхъ дѣятелей.

Съ упадкомъ русскаго духа долженъ неминуемо возрастать тамъ духъ польскій, что уже и есть. На этихъ дняхъ пришлось намъ говорить о новоустроенномъ въ сѣверозападномъ краѣ обществѣ Минскихъ Врачей. *Виленскому Вѣстнику* не понравились наши замѣчанія. Но при теперешнемъ положеніи дѣлъ спрашивается, какой духъ можетъ развиваться въ подобномъ обществѣ, если не польскій? Тутъ нѣтъ надобности ни въ догадкахъ, ни въ личныхъ обвиненіяхъ. Врачебное сословіе въ западномъ краѣ имѣетъ опредѣленный политическій цвѣтъ, а чѣмъ сильнѣе корпоративность, тѣмъ этотъ цвѣтъ становится обязательнѣе.

Мы собрали, въ подтвержденіе нашего замѣчанія, не лишенныя интереса свѣдѣнія о характерѣ врачебныхъ дѣйствій въ этомъ краѣ за прежнее время. Въ Каменецъ-Подольскѣ было уже подобное общество врачей, только въ гораздо болѣе скромныхъ размѣрахъ, которое было закрыто въ 1864 или въ 1865 году, бывшимъ тогда подольскимъ губернаторомъ генераломъ Сухотинымъ. Интересно то, что общество это вело свои дѣла на двухъ языкахъ, для виду по-русски, а про себя по-польски. Оно выдавало даже дипломы на польскомъ языкѣ. Мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній о дѣятельности этого Общества Подольскихъ Врачей. Но вотъ факты относящіеся къ сѣверозападному краю и почерпнутые изъ офиціальныхъ источниковъ. Начнемъ съ циркулярныхъ распоряженій графа Муравьева. Въ *Сборникѣ* г. Цылова (стр. 207—208) ихъ помѣщено три:

1) *Отъ 13-го августа 1863 г.*

Многіе изъ медиковъ польскаго происхожденія, *состоящихъ на государственной службѣ*, во время настоящихъ политическихъ смутъ и безпорядковъ въ краѣ, оказались *неблагонадежными въ политическомъ отношеніи и при исполненіи служебныхъ своихъ обязанностей обнаруживали видимое сочувствіе къ враждебнымъ правительству лицамъ польской партіи.*

2) *Отъ 16-го декабря 1863 г.*

По случаю *сомнительной благонадежности, въ политическомъ отношеніи*, медиковъ польскаго происхожденія, занимающихъ нынѣ должности *уѣздныхъ, градскихъ и другаго званія врачей* во вверенномъ управленію моему краѣ...

3) *Отъ 14-го августа 1864 г.*

Нѣкоторые медики польскаго происхожденія и римско-католическаго исповѣданія заключаютъ условія съ волостями временнообязанныхъ крестьянъ насчетъ лѣченія тѣхъ крестьянъ и за тѣмъ ходатайствуютъ о предоставленіи имъ, по бывшимъ примѣрамъ правъ государственной службы.

Находя съ своей стороны не только неудобнымъ зачислять такихъ врачей на службу, *но и необходимымъ вовсе устранить ихъ отъ принятыхъ ими на себя обязательствъ по отношенію къ крестьянамъ*, я предлагаю и проч.

Въ періодъ демонстрацій Поляки-студенты нашихъ университетовъ, въ томъ числѣ и Московскаго (послѣднее прибавляемъ собственно для свѣдѣнія доктора Берга) и Медико-Хирургической академіи, пріѣзжавшіе въ сѣверо-западный край на каникулы, а также *лекаря*, художники и проч. были въ числѣ самыхъ ревностныхъ агитаторовъ. Въ канцеляріяхъ велись даже особыя дѣла: „О наблюденіи за студентами, актерами, *лекарями* и проч., прибывающими въ западныя губерніи.“

Въ періодъ мятежа Поляки-медики, какъ оказалось, смотрѣли на свою профессію съ той же точки зрѣнія, съ какой смотрѣли на свой духовный санъ ксендзы.

Слѣдствія, произведенныя при графѣ Муравьевѣ, обнаружили, что медики въ сѣверо-западномъ краѣ принимали на себя, во время мятежа, по большей части такого рода революціонныя должности, при исполненіи которыхъ они могли бы въ глазахъ властей прикрываться своими медицинскими обязанностями: напримѣръ, разъѣзжали по уѣздамъ, подъ предлогомъ лѣченія больныхъ, принимали у себя многочисленныхъ посѣтителей, обходили крестьянскія хаты и пр. Таковы были должности *повѣтовыхъ* и *градоначальниковъ* (*начальники мѣста*). Первые завѣдывали, по номинаціи конца, уѣздами, послѣдніе—городами. На обязанность тѣхъ и другихъ, между прочимъ, возлагалось: наблюдать за

состояніемъ городовъ и уѣздовъ въ моральномъ отношеніи; *замѣчать личности болѣе вредныя дѣлу возстанія* и доносить о томъ *воеводскому* (революціонному начальнику губерніи), собирать подати, организовать революціонную почту, слѣдить за дѣйствіями законныхъ властей и движеніями войскъ, распространять печатныя воззванія, распускать слухи полезные дѣлу мятежа и служащіе въ подрывъ русскому правительству и проч.

Въ Гродненской губерніи были повѣтовыми: Волковискимъ—докторъ Г—чь, который вскорѣ скрылся и его мѣсто заступилъ докторъ П—ть; Слонимскимъ—докторъ С—ичь, высланный въ послѣдствіи въ Пермскую губернію; градоначальниками: Гродненскимъ—докторъ Ц—скій, Слонимскимъ — докторъ В—скій, города Соколки — докторъ Л — скій. То же самое встрѣчаемъ мы и въ Минской организаціи: коммиссаръ города Минска—докторъ О — ко; прочіе врачи, участвовавшіе въ ней, были: К— скій, Н—цкій, В—цкій, Я—скій, двое Ч—скихъ, Ц—ко, С—дзскій, Р—ичь. Въ Новогрудскомъ уѣздѣ этой губерніи главнымъ и самымъ энергическимъ вожакомъ мятежа былъ докторъ Б—ый, успѣвшій въ іюлѣ 1863 года скрыться, оставивъ жену, мать и двоихъ малолѣтнихъ дѣтей. Передъ бѣгствомъ Б—ый передалъ свою должность помѣщику Д—скому, православному, въ томъ разчетѣ, что на послѣдняго, *какъ на Русскаго* (?), меньше будетъ обращено вниманіе законныхъ властей; вскорѣ за тѣмъ Д — скій былъ уволенъ и на его мѣсто жондъ назначилъ доктора Н—скаго. Кромѣ того, въ этомъ уѣздѣ преданы были суду за участіе въ мятежѣ медики: два брата названнаго Б—го, вольно практикующіе врачи Ц—ко и М—чь. Начальникомъ Игуменскаго уѣзда былъ докторъ Н—цкій. Но мы не станемъ утомлять читателей этимъ голымъ перечнемъ; съ своей стороны прибавимъ только, что, по сознанію самихъ слѣдователей, изъ числа виновныхъ въ 1863 и 1864 годы обнаружена лишь нѣкоторая часть, что организація была весьма распространена, что всѣ ея члены присягали жонду, и что жондъ, прекращая свои дѣйствія, оставилъ эту присягу въ силѣ, а римско-католическое духовенство еще не приступало къ разъясненію для своей паствы вопроса о преступности и слѣдовательно необязательности этой присяги.

№ 200.

Москва. 13-го сентября.

Повидимому, поочередное посѣщеніе учебныхъ округовъ входитъ въ общій планъ дѣйствій нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія графа Д. А. Толстаго: въ прошедшемъ году были имъ осмотрѣны учебныя заведенія Московскаго и преимущественно Казанскаго округовъ; въ нынѣшнемъ онъ предпринялъ осмотръ учебныхъ заведеній Одесскаго округа. Этотъ учебный округъ представляетъ не мало особенностей, которыя, безъ сомнѣнія, не могутъ укрыться отъ вниманія министра. Недавно еще Одесскій округъ былъ поприщемъ административной агитаціи, направленной противъ классической системы ученія; въ немъ раздавались возгласы, которые свидѣтельствовали о чудовищныхъ педагогическихъ теоріяхъ; въ немъ учителямъ русской словесности официально вмѣнялось въ обязанность преподавать этотъ предметъ по критическимъ статьямъ *Современника*. Все это было, конечно, до назначенія нынѣшняго министра и нынѣшняго попечителя Одесскаго учебнаго округа; но ото всего этого могли еще уцѣлѣть болѣе или менѣе значительные слѣды, и для того чтобы совершенно искоренить зло, недостаточны общія мѣры, а нужны личныя усилія. Сверхъ того, въ Одесскомъ учебномъ округѣ есть четыре болѣе или менѣе значительныя группы инородцевъ. На первомъ планѣ стоятъ Евреи. Здѣсь они болѣе чѣмъ гдѣ-либо обнаружили наклонность къ полному усвоенію русскаго языка; но, къ сожалѣнію, быть-можетъ не всѣ мѣстныя власти поддерживаютъ эти стремленія, а пожалуй найдутся и такіе дѣятели, которые предпочтутъ, чтобы *Жидъ* навсегда оставался вполнѣ *Жидомъ*. Были попытки со стороны одесскихъ Евреевъ къ изданію въ русскомъ переводѣ Библіи, молитвъ и ученія еврейской вѣры, но эти попытки встрѣчали иногда непреодолимыя препятствія: посѣщеніе Одессы министромъ народнаго просвѣщенія, который въ то же время есть и синодальный оберъ-прокуроръ, можетъ послужить къ устраненію подобныхъ препятствій и разрѣшенію многихъ мѣстныхъ вопросовъ по еврейскимъ училищамъ, вызываемыхъ или недоразумѣніями или недостаткомъ полномочія мѣстныхъ властей.

Сверхъ того, въ Одесскомъ учебномъ округѣ привлекаютъ къ себѣ вниманіе молдаванскія населенія въ Бессарабіи, а также Татары и Караимы въ Крыму. Высшіе классы и духовенство въ Бессарабіи ничѣмъ не разнятся отъ Русскаго народа; но въ сельскихъ массахъ просвѣщеніе, а съ нимъ и русскій языкъ, могли бы распространяться дѣятельнѣе и быстрѣе. Что касается до крымскихъ Татаръ и Караимовъ, то массы ихъ пока лишены орудія для прямаго общенія съ Русскимъ народомъ: они почти вовсе не говорятъ по-русски. Отнюдь не желательно оставлять ихъ долѣе въ этомъ положеніи. Въ прошедшемъ году министръ народнаго просвѣщенія обратилъ особенное вниманіе на инородцевъ восточной окраины: наши южные инородцы (не говоря уже о Закавказьи) требуютъ отъ него не меньшихъ заботъ.

Вообще говоря, въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія личное вліяніе главы учебнаго вѣдомства, пользующагося довѣріемъ и Государя, и общества, нужнѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ дѣлѣ. Здѣсь прежде всего необходимо водвореніе повсюду одного добраго духа и добраго ученія: колеблющіеся преподаватели и воспитатели должны быть утверждены въ добромъ направленіи, твердые въ немъ должны быть ободрены и поощрены, вовсе неблагонадежные удалены съ того поприща, на которомъ они могутъ только причинять вредъ; сверхъ того, сами воспитанники должны вынести убѣжденіе, что и высшія власти обращаютъ серіозное вниманіе на ихъ ученіе и воспитаніе; наконецъ въ обществѣ должны быть поддержаны, поощрены, вызваны добрыя стремленія къ просвѣщенію. Авторитетъ высшихъ административныхъ лицъ у насъ громаденъ, и нѣсколькихъ ободрительныхъ словъ бываетъ иногда достаточно чтобъ одушевить къ дѣятельности и жертвамъ, чему доказательствомъ можетъ служить нынѣшнее пребываніе министра въ Ростовѣ-на-Дону. Во многихъ случаяхъ требуется только устранить препятствія и затрудненія, которыя, надобно повторять это какъ можно чаще, непрерывно встрѣчаетъ у насъ частная и общественная иниціатива въ общеполезныхъ дѣлахъ. Наше народное образованіе въ самомъ жалкомъ положеніи; по этой части мы *притча во языцѣхъ* среди Европы; между тѣмъ какъ во многихъ частяхъ Германіи одинъ учащійся приходится на 6 человѣкъ населенія и въ большинствѣ странъ Европы одинъ на 7, 8, 9 и 10 человѣкъ, у насъ отношеніе это такъ неблагопріятно, что даже процентное вычисленіе его не имѣетъ интереса. Малому количеству учащихся соотвѣтствуетъ и низкое качество ученья, производимаго обыкновенно людьми, которые сами не прошли надлежащей школы, или занимаются дѣломъ какъ дѣломъ для нихъ случайнымъ. Между тѣмъ расходы государства на учебную часть вовсе не малы у насъ; если взять вмѣстѣ относящіеся сюда расходы по разнымъ вѣдомствамъ, то русскій бюджетъ по народному просвѣщенію даже выйдетъ значительнѣе чѣмъ бюджеты другихъ государствъ, гдѣ народное просвѣщеніе находится въ цвѣтущемъ состояніи. Главную причину непроизводительности нашихъ расходовъ надобно искать въ томъ, что они распредѣлены не соотвѣтственно потребности, — на основаніи общихъ канцелярскихъ или кабинетныхъ соображеній, а не живаго знакомства съ дѣйствительностью и ея средствами. Административное лицо, одушевленное желаніемъ общей пользы и снабженное достаточными полномочіями дабы отступать, въ случаѣ надобности, отъ штатныхъ назначеній, могло бы у насъ въ короткое время удвоить и утроить производительность затратъ государственнаго казначейства на народное просвѣщеніе. Но для этого надобно входить въ подробности дѣла на мѣстахъ и доброжелательно вникать въ мѣстныя потребности и средства, не узнаваемыя изъ канцелярскихъ докладовъ и вообще изъ бумажныхъ порядковъ, а это всего легче достигается личнымъ обзоромъ разныхъ частей управленія. Другая причина малой производительности нашихъ громадныхъ затратъ на учебную часть заключается въ томъ что можно назвать канцелярскимъ способомъ обращенія съ людьми. Тѣмъ жалобамъ, которыя часто слышатся у насъ на крайній недостатокъ въ людяхъ, слѣдуетъ противопоставить фактъ, что у насъ чаще чѣмъ гдѣ-либо способные и достойные люди или вовсе не имѣютъ хода, или не употребляются въ дѣло въ мѣру ихъ силъ и усердія, вслѣдствіе чего нерѣдко и силы ихъ слабѣютъ, и усердіе ихъ оскудѣваетъ. Правильное дѣйствіе администраціи должно не только пользоваться данными личными средствами, но и расширять и умножать ихъ,

возбуждая усердіе, поощряя дѣятельность, располагая къ напряженію силъ. Дѣйствовать въ этомъ направленіи нельзя безъ широкихъ полномочій, но самое широкое полномочіе оказалось бы безплоднымъ безъ живаго соприкосновенія съ личнымъ составомъ даннаго вѣдомства. Наша учебная часть именно теперь находится въ такомъ положеніи, что личный составъ педагогическаго сословія долженъ сдѣлаться главнымъ предметомъ заботъ и изученія со стороны высшихъ лицъ администраціи, прежде всего министра, а затѣмъ и попечителей округовъ и ихъ помощниковъ. Наконецъ надобно упомянуть, что нигдѣ на свѣтѣ, а тѣмъ паче у насъ, невозможны серіозные успѣхи народнаго просвѣщенія, въ особенности по низшимъ, собственно народнымъ училищамъ, безъ допущенія и поощренія частной и общественной иниціативы. Въ этомъ отношеніи наше общество, такъ долго устраненное отъ участія въ дѣлахъ общей пользы, нуждается въ возбужденіяхъ со стороны доброжелательной администраціи. Въ повторяющихся слишкомъ часто жалобахъ на равнодушіе публики къ дѣлу просвѣщенія есть своя правда; интересъ къ этому дѣлу постоянно былъ подавляемъ въ нашемъ обществѣ, и теперь нужно поднять его. У насъ еще возможны случаи, когда въ общественныхъ собраніяхъ (какъ теперь въ Московскомъ земскомъ собраніи) ведется рѣчь о необходимости закрыть, за недостаткомъ средствъ, существующія училища и принять на себя отвѣтственность за это своего рода святотатство, хотя бы и невольное, упуская изъ вида, что слѣдовало бы рѣшиться на всякія сокращенія расходовъ и на самыя усиленныя ходатайства, лишь бы не заносить руки на народныя школы, столь у насъ малочисленныя: къ этому, скажемъ кстати, подаетъ поводъ передача земству многихъ учрежденныхъ другими вѣдомствами школъ безъ передачи всѣхъ тѣхъ средствъ, на которыя онѣ содержались, и которыя стало-быть могли-бы быть сполна переданы земству; средства его, дѣйствительно, весьма ограничены ноябрьскимъ узаконеніемъ прошлаго года; но ихъ, конечно, все-таки достало бы на временное содержаніе школъ, пока не разрѣшился бы вопросъ объ уравненіи добавочныхъ расходовъ на школы между разными губерніями, или о другомъ какомъ-нибудь временномъ воспособленіи, дабы освободить земство центральныхъ губерній отъ тяжкой необходимости закрывать школы, которыя не безъ основательныхъ причинъ неравномѣрно распредѣлены между губерніями. Но нерѣдко отсутствіе желательной поддержки школьнаго дѣла происходитъ не отъ равнодушія къ нему и не отъ недостатка средствъ, а отъ непривычки взяться за него и неумѣнья примѣниться къ дѣйствующимъ законамъ: тутъ администрація могла бы оказать обществу самую плодотворную помощь, облегченіемъ и уравненіемъ путей въ этомъ новомъ для него дѣлѣ. Нерѣдко бываетъ также, что частныя или общественныя начинанія глохнутъ вслѣдствіе формальныхъ препятствій и медлительности нашего канцелярскаго дѣлопроизводства, сложившагося такъ, что частная и общественная иниціатива встрѣчаетъ въ немъ цѣлый рядъ томительныхъ задержекъ, отбивающихъ охоту предпринимать какое-либо ходатайство въ общемъ интересѣ. Эти задержки часто происходятъ вовсе не отъ недостатка доброжелательства, а отъ самаго свойства канцелярскихъ порядковъ. Нетрудно было бы указать изъ разныхъ частей Россіи примѣры, что задумывалась та или другая школа, собирались пожертвованія, нанимался и устраивался домъ для нея, приглашались учителя и ученики къ началу курса, а разрѣшеніе открыть школу не приходило, и не потому чтобъ было какое-нибудь сомнѣніе въ пользѣ задуманной школы, а единственно вслѣдствіе формальной необходимости вести о ея открытіи переписку и устраивать совѣщанія въ разныхъ инстанціяхъ. Въ подобныхъ случаяхъ никто лично не бываетъ виноватъ; иногда всѣ, отъ кого дѣло зависитъ, желаютъ успѣха предпріятію, и радуются тому что оно возникло, а тѣмъ не менѣе оно отсрочивается съ мѣсяца на мѣсяцъ; жертвователи падаютъ духомъ и съ отвращеніемъ бросаютъ задуманное благое дѣло. Здѣсь помочь бѣдѣ можетъ только личное вмѣшательство начальствующихъ лицъ. Министръ можетъ въ четверть часа рѣшить дѣло, которое канцелярскимъ порядкомъ протянулось бы навѣрное болѣе года. Намъ кажется, что развитіе учебной части не мало выиграло бы въ Россіи, еслибы и попечителямъ округовъ было разрѣшено временно разрѣшать открытіе училищъ, и дѣлать другія необходимыя временныя распоряженія по дѣламъ этого рода, въ которыхъ они не встрѣчаютъ препятствій, кромѣ чисто-формаль-

ныхъ. Частная и общественная иниціатива у насъ дѣло новое; законодательство еще не приспособлено къ ней, и нельзя напередъ предусмотрѣть всѣ ея потребности и всѣ тѣ пути, которые она можетъ избрать; а потому лицамъ, которыя облечены довѣріемъ, необходимо предоставить извѣстное полномочіе, дабы они имѣли возможность не только предотвращать прискорбныя задержки убивающія въ обществѣ интересъ къ дѣлу просвѣщенія и охоту приносить для него жертвы, но и вызывать этотъ интересъ, и поощрять эту охоту. Чѣмъ болѣе будетъ сдѣлано въ этомъ направленіи, и вообще чѣмъ болѣе будетъ предоставлено свободы обществамъ и частнымъ лицамъ дѣлать все то, что несомнѣнно полезно, хотя и не подходитъ подъ общія правила, тѣмъ менѣе будетъ поводовъ сѣтовать на равиодушіе публики къ великому дѣлу народнаго просвѣщенія, крайняя необходимость котораго теперь все болѣе и болѣе сознается.

Подобныя потребности училищнаго дѣла могутъ доходить до свѣдѣнія правительства и быть удовлетворяемы всего удобнѣе посредствомъ тѣхъ объѣздовъ, которые, какъ видно, входятъ въ постоянный планъ управленія, принятый, по Высочайшей волѣ, нынѣшнимъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Что касается до нынѣшней поѣздки министра народнаго просвѣщенія, то мы вслѣдъ за нимъ сообщаемъ о ней нѣсколько подробностей, которыя дошли до насъ.

№ 201.

Москва, 15-го сентября.

Въ одной изъ передовыхъ статей своихъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* доказывала, что италіянское правительство, къ сожалѣнію, не можетъ принять строгія мѣры противъ Гарибальди и его приверженцевъ, ибо не можетъ не сообразоваться съ общественнымъ мнѣніемъ, которое все въ пользу аспромонтскаго плѣнника, нынѣ сдѣлавшагося, вопреки *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, алессандрійскимъ арестантомъ. Сожалѣя объ этой невозможности, берлинская газета вслѣдъ затѣмъ говоритъ о нашихъ балтійскихъ губерніяхъ и находитъ будто тутъ русское правительство дѣлаетъ уступку какой-то „великорусской партіи," также заслуживающую сожалѣнія. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, проповѣдующая о необходимости уступокъ общественному мнѣнію въ Италіи, даже въ ущербъ государственнымъ интересамъ этой страны, очевидно признаетъ для Россіи обязательнымъ уважать не русское, а нѣмецкое общественное мнѣніе, и требуетъ чтобъ изъ угожденія этому нѣмецкому общественному мнѣнію Россія воздерживалась отъ рѣшительныхъ мѣръ, хотя бы эти мѣры и предписывались государственнымъ интересомъ. Сопоставленіе Италіи съ Россіей оказывается во всѣхъ отношеніяхъ столь же страннымъ, какъ странно и то, что вся Россія названа „великорусскою партіей," а давняя забота правительства, внушенная ему самыми существенными интересами государства, изображается какъ нѣчто въ родѣ той энергической мѣры, на которую однакоже рѣшилось италіянское правительство, хотя и предвидѣло что она не можетъ не вызвать въ городахъ Италіи довольно значительныя волненія. Что такова именно мысль офиціознаго органа нынѣшняго сѣверо-германскаго канцлера видно изъ ссылки на *сильное волненіе*, будто бы объявшее всѣ классы населенія въ балтійскихъ губерніяхъ, какъ только явилось опасеніе, что фактъ производимой коронными властями усиленной германизаціи балтійскаго края можетъ обратить на себя вниманіе правительства и напомнить ему о требованіяхъ государственнаго интереса, издавна признанныхъ и даже узаконенныхъ, но доселѣ не получившихъ должнаго удовлетворенія. Неужели органъ графа Бисмарка, имѣющій во всемъ прочемъ весьма вѣрныя свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ, такъ мало знаетъ Россію, что считаетъ для русскаго правительства опаснымъ даже подумать о пріостановкѣ германизаціи балтійскаго края, производящейся коронными чиновниками и на казенный счетъ? Мы очень хорошо понимаемъ, что для прусской газеты можетъ казаться полезнымъ онѣмеченіе нашихъ балтійскихъ губерній, но вѣдь и намъ можетъ-быть очень понравилось бы обрусить или *олитвить* восточныя провинціи Пруссіи, и притомъ на счетъ прусскаго правительства, которое однакоже, не взирая на эти весьма возможныя желанія наши, на означенной границѣ для тамошняго чисто-литовскаго населенія содержитъ повсюду нѣмецкія народныя училища. Упомянутая статья *Nord-*

deutsche Allgemeine Zeitung гласитъ слѣдующее:

„Образцомъ такихъ уступокъ, которыя правительство должно дѣлать національному стремленію народной партіи, служатъ предписанія изданныя недавно русскимъ правительствомъ въ балтійскихъ провинціяхъ. Настоянію великорусской партіи, которая со времени послѣдняго польскаго мятежа требуетъ безусловной національной нивеллизаціи, надобно приписать жестокіе удары претерпѣваемые (!) нѣмецкимъ элементомъ въ остзейскомъ краѣ. За предписаніемъ преподавать исторію въ балтійскихъ гимназіяхъ на русскомъ языкѣ, послѣдовалъ теперь императорскій указъ, повелѣвающій, чтобы всѣ дѣла въ такъ-называемыхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ были производимы на русскомъ языкѣ, то-есть чтобъ этотъ языкъ употреблялся всѣми административными органами и властями, прямо правительствомъ назначаемыми, слѣдовательно у губернаторовъ, въ губернскихъ правленіяхъ, въ полицейскомъ вѣдомствѣ, въ палатѣ государственныхъ имуществъ и ея подчиненными, даже лѣсничими, наконецъ въ казенныхъ палатахъ и казначействахъ, во всемъ акцизномъ вѣдомствѣ и во всѣхъ почтамтахъ, даже станціонными писарями. Далѣе всѣ купеческія книги впредь должны быть ведены на русскомъ языкѣ (?). Эти предписанія, которыми преобразуется вся соціальная жизнь упомянутыхъ провинцій и извращается весь законный до сихъ поръ существовавшій тамъ порядокъ, произвели въ населеніи *сильное волненіе*. Въ скоромъ времени будетъ подано императору прошеніе объ отмѣнѣ этихъ предписаній.“

Статья эта составлена на основаніи частнаго письма въ *Крестовую Газету*, которая получила его якобы отъ *надежнаго человѣка*. Въ виду обнародованія этой корреспонденціи, полученной отъ надежнаго человѣка, мы можемъ сообщить, что русскій языкъ въ коронныхъ училищахъ никогда не былъ такъ пренебрегаемъ какъ въ послѣднія 5 — 6 лѣтъ, и повидимому, много еще времени пройдетъ прежде чѣмъ возстановлено будетъ по крайней мѣрѣ то, что за десять лѣтъ предъ симъ уже было достигнуто. О томъ, съ чего въ этомъ краѣ предполагается начать, заимствуемъ извѣстіе изъ мѣстнаго источника, гдѣ сообщаются свѣдѣнія гораздо болѣе вѣроятныя, и гдѣ, хотя и говорится о введеніи русскаго языка въ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ, но перемѣны, предполагаемыя по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, изображаются въ такомъ незначительномъ видѣ, что изъ нихъ ровно ничего выйдти не можетъ.

Митавская корреспонденція *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* говоритъ, что для усиленія изученія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ балтійскаго края предположено: 1) открыть черезъ годъ *русскую* гимназію въ Ригѣ; 2) учредить при каждомъ изъ четырехъ *низшихъ* классовъ гимназій Дерптскаго учебнаго округа параллельные классы русскаго языка и увеличить число преподавателей этого предмета однимъ лицомъ, съ окладомъ содержанія *младшихъ* учителей; 3) назначить учителя русскаго языка въ дерптскую учительскую семинарію и учредить въ ней *четыре* (на три губерніи!) стипендіи *„исключительно для Русскихъ*, изъявившихъ желаніе готовиться къ занятію должности *элементарнаго* учителя въ учебныхъ заведеніяхъ округа;“ 4) составить *новую программу* (!) ученія для тамошнихъ учителей русскаго языка; 5) дерптское элементарное одноклассное училище для тамошнихъ Русскихъ преобразовать въ двухклассное; 6) съ 1-го августа 1868 г. *въ видѣ опыта*, въ одной изъ гимназій округа, *по выбору попечителя*, ввести преподаваніе всеобщей исторіи на русскомъ языкѣ, и 7) окладъ содержанія православныхъ законоучителей въ тамошнихъ гимназіяхъ сравнить съ содержаніемъ законоучителей лютеранскаго вѣроисповѣданія. Кромѣ исчисленныхъ мѣръ разыскиваются *еще другія* средства для усиленія изученія русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа, но еще только разыскиваются.

Что касается до перваго пункта, то мы въ немъ находимъ не содѣйствіе русскому языку, а напротивъ новое препятствіе, котораго прежде не было. Какую пользу извлечетъ государство изъ того, что нѣсколько дюжинъ гимназистовъ въ качествѣ Русскихъ, при своемъ обученіи, будутъ отдѣлены отъ прочихъ учащихся, какъ не Русскихъ? Всякому очевидно, что именно устройствомъ *особенной русской* гимназіи государство явило бы неимѣвшееся прежде доказательство, что существующія до сихъ поръ гимназіи останутся недоступны для русскаго элемента. Это не только поведетъ къ значительному увеличенію государствен-

ныхъ расходовъ, и безъ того несоразмѣрныхъ, на балтійскія школы, но эта новая издержка обратится въ новый ущербъ для государственнаго языка. Денегъ, которыя пойдутъ на новую гимназію, было бы достаточно не только на устройство двухъ учительскихъ семинарій для образованія учителей въ Латышскія и Эстскія народныя школы, но и на покрытіе небольшихъ расходовъ, потребныхъ для того чтобы сдѣлать вполнѣ дѣйствительнымъ русское преподаваніе въ коронныхъ школахъ. Когда въ Рижской государственной гимназіи устроятся чисто-русскіе параллельные съ теперешними классами, и въ трехъ или по крайней мѣрѣ двухъ высшихъ классахъ сначала всеобщая исторія, а потомъ и всѣ предметы будутъ преподаваться на русскомъ языкѣ, то этого будетъ достаточно какъ для коренныхъ Русскихъ, живущихъ въ Ригѣ, такъ и для Латышей и для всѣхъ именующихся Нѣмцами. Ни одна изъ трехъ категорій не будетъ въ правѣ жаловаться; ни въ чемъ не окажется непослѣдовательности или разъединенія между мирными русскими согражданами, членами „единой русской семьи.“ Глаголемый Нѣмецъ будетъ учиться въ своихъ четырехъ низшихъ параллельныхъ классахъ, гдѣ преподаваніе производится на нѣмецкомъ языкѣ, и постепенно изучитъ русскій языкъ теоретически, а въ высшихъ онъ будетъ уже въ состояніи говорить по-русски и слѣдить за преподаваніемъ учебныхъ предметовъ на языкѣ своего отечества. Коренные Русскіе въ своихъ четырехъ низшихъ параллельныхъ классахъ, гдѣ преподаваніе будетъ производиться только по-русски, также какъ и въ высшихъ классахъ, найдутъ только русскій языкъ; если иные родители изъ коренныхъ Русскихъ будутъ отдавать своихъ дѣтей въ низшіе нѣмецкіе классы для лучшаго изученія нѣмецкаго языка, то это не причинитъ вреда, а купцамъ часто можетъ принести большую пользу; но они подготовятъ къ тому своихъ дѣтей, и во всякомъ случаѣ это будетъ дѣлаться добровольно, безъ теперешняго принужденія. Латышамъ также было бы вольно вступать или въ русскіе или въ нѣмецкіе параллельные классы, по ихъ желанію. Такіе же параллельные классы слѣдуетъ непремѣнно устроить для Латышей и Эстовъ и въ тѣхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, гдѣ коренныхъ Русскихъ учится мало или и вовсе нѣтъ. Но само собою разумѣется, что простое приличіе не дозволяетъ держать русскихъ учителей на жалованіи *младшаго* учителя, каковыхъ къ тому же по новому уставу и не полагается. Не станемъ однако заранѣе много толковать о будущемъ. Примемъ во вниманіе одно то, что основаніе особенной *русской* гимназіи не только мало соотвѣтствуетъ волѣ Государя, но и поведетъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ: она сдѣлается препятствіемъ къ обрусенію казенныхъ учебныхъ заведеній, препятствіемъ, которое едвали возможно будетъ въ послѣдствіи устранить.

Относительно третьяго пункта не подлежитъ сомнѣнію, что при прежнемъ попечителѣ Дерптскаго округа воспитанники учительской семинаріи превосходно знали и говорили по-русски, и предлагаемая реформа теперь не возстановитъ и того, что было недавно. Что касается до программы, какъ бы усилить преподаваніе русскаго языка и контроль надъ учителями этого предмета, а въ то же время унизить ихъ предъ ихъ товарищами, то въ подобной программѣ недостатка никогда не было. Слѣдовательно 4-й пунктъ не представляетъ ничего новаго. Наконецъ 5-й пунктъ дастъ бѣдному коренному русскому населенію Дерпта только то что̀ ему давно нужно и на что оно имѣетъ столь же неотъемлемое право, какъ и православные законоучители на уравненіе ихъ содержанія съ законоучителями протестантскими.

Итакъ, вотъ въ чемъ состоятъ тѣ посягательства на верховныя права нѣмецкаго языка, о которыхъ съ громомъ и молніей говорятъ и въ нашихъ балтійскихъ, и въ сосѣднихъ прусскихъ газетахъ. Вотъ то положеніе дѣла, подавшее аугсбургской *Allgemeine Zeitung* (14-го сентября, № 260) поводъ напечатать слѣдующее:

„Мы получили изъ Нарвы, отъ надежнаго человѣка, извѣстіе, что въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи, *почти исключительно населенныхъ Нѣмцами*, въ настоящее время руссификація производится столь же рѣшительно какъ и въ Польшѣ. Жителямъ говорятъ: вы Русскіе (именно это благоразумная *Allgemeine Zeitung* сама говорила въ прежнее время нашимъ балтійскимъ согражданамъ), и для того, чтобы вамъ быть Русскими, языкъ русскій долженъ быть вашимъ языкомъ. *Во всѣхъ общественныхъ и частныхъ училищахъ*, единственнымъ языкомъ преподаванія былъ

до сихъ поръ только нѣмецкій, впредь языкомъ преподаванія долженъ быть русскій языкъ, а если онъ не можетъ быть тотчасъ же введенъ, то въ распредѣленіи классовъ для обученія по-русски должно быть назначено вдвое болѣе часовъ чѣмъ для каждаго другаго языка", и проч.

Таковы сообщенія, получаемыя нѣмецкими газетами отъ *надежныхъ* людей изъ прибалтійскаго края. А между тѣмъ, если вѣрить *Börsenund Handelsseitung*, въ Германіи имѣется въ виду *дипломатически* вмѣшаться въ дѣла нашихъ балтійскихъ губерній. Распуская слухи о небываломъ волненіи въ прибалтійскихъ губерніяхъ въ средѣ тамошнихъ Нѣмцевъ и онѣмеченныхъ Латышей, составляющихъ будто бы огромное большинство населенія, эти *надежные* люди дѣйствительно хотятъ вызвать *сильное волненіе* въ Германіи, надѣясь запугать русское правительство. Но они забываютъ, что русское правительство еще весьма недавно не позволило запугать себя большей части цѣлой Европы. Подобная агитація всегда оказывалась благопріятною для добраго русскаго дѣла.

№ 202.

Москва, 16-го сентября.

Г. Герстфельдъ, статья котораго по вопросу о ссудахъ для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ была напечатана въ № 175 нашей газеты и вызвала съ нашей стороны нѣсколько замѣчаній, счелъ теперь нужнымъ представить публикѣ свои разъясненія и отвѣты на эти замѣчанія чрезъ посредство *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*. Прежде всего онъ старается опровергнуть высказанное нами мнѣніе (№ отъ 12 сентября) что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не можетъ развивать съ успѣхомъ свои операціи. Мы указали, въ подтвержденіе этого мнѣнія, на два главныя, хотя и не единственныя обстоятельства, препятствующія успѣшности дѣйствій этого Общества: на непрерывный выпускъ закладныхъ листовъ и на колебаніе нашей денежной единицы. Г. Герстфельдъ говоритъ что отступить отъ перваго изъ этихъ условій значило бы стѣснить заемщиковъ, а освободиться отъ втораго не зависитъ отъ воли Общества. Противъ этого мы не споримъ, но чтобъ опровергнуть сущность нашихъ замѣчаній требовалось бы доказать, что при непрерывномъ выпускѣ закладныхъ листовъ, выдаваемыхъ въ значительномъ количествѣ учрежденіемъ дѣйствующимъ на всю Россію, можетъ держаться ихъ цѣна, и что колебанія вексельнаго курса причиняютъ поземельному кредитному банку учрежденному для всего государства не болѣе вреда чѣмъ другимъ кредитнымъ учрежденіямъ, разчитаннымъ или на кредитъ краткосрочный, или на ограниченный районъ, въ предѣлахъ котораго они и сбываютъ свои закладные листы. Но ни того, ни другаго доказать нельзя. Г. Герстфельдъ говоритъ совершенно вѣрно, что выдача закладныхъ листовъ серіями, черезъ значительные промежутки времени, весьма неудобна для заемщиковъ такого банка, который дѣйствуетъ на всю Россію: оцѣнка огромнаго количества имѣній потребовала бы нѣсколькихъ лѣтъ, и потому пришлось бы на нѣсколько лѣтъ отсрочить удовлетвореніе настоятельной потребности въ поземельномъ кредитѣ; къ этому можно было бы прибавить, что для выпуска крупныхъ серій закладныхъ листовъ надобно было бы выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ денежнаго рынка, а это еще болѣе отсрочило бы помощь ожидаемую отъ поземельнаго кредита. Все это такъ. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Покупателя нельзя этими доводами расположить въ пользу бумаги, которая продается сегодня по одной цѣнѣ, а завтра, если будетъ заложено разомъ нѣсколько большихъ имѣній, въ большей части губерній Россіи, можетъ упасть на нѣсколько процентовъ. Всякій предпочтетъ бумагу менѣе выгодную, но болѣе прочную въ капитальной цѣнѣ своей. Вотъ почему мы утверждали и утверждаемъ, что курсъ закладныхъ листовъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита нельзя поддержать на извѣстной высотѣ никакими субсидіями или привилегіями, и что предотвратить дальнѣйшее пониженіе ихъ курса можетъ только такая неудовлетворительность его, при которой заемщикамъ не выгодно брать ссуды. Какъ скоро курсъ сталъ бы поправляться и слѣдовательно условія займовъ становились бы льготнѣе, то увеличилось бы число охотниковъ закладывать свои имѣнія, усилились бы выпуски закладныхъ листовъ и опять испортилась бы цѣна ихъ. Банкъ подобный Обществу Взаимнаго Поземель-

наго Кредита могъ мы доставлять дешевый поземельный кредитъ только въ томъ случаѣ, еслибы соединились слѣдующія условія: 1) еслибы большая часть имѣній была уже заложена и опытъ многихъ лѣтъ показалъ бы, что ежегодно закладывается имѣній не болѣе какъ на извѣстную сумму; 2) еслибы страна сберегала ежегодно значительно болѣе этой суммы; 3) еслибы притомъ прочность денежной системы обезпечивала заемщиковъ отъ измѣненій въ суммѣ ежегодныхъ платежей, которые въ центральномъ банкѣ не могутъ взиматься иначе какъ на звонкую монету. Но ни того, ни другаго, ни третьяго изъ этихъ необходимыхъ условій не существуетъ для Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, а потому его и нельзя считать состоятельнымъ въ томъ смыслѣ чтобъ оно могло совершать сколько-нибудь обширныя операціи. Г. Герстфельдъ говоритъ, что многіе поземельные банки устроены также какъ этотъ, но этихъ многихъ банковъ не называетъ. Въ параллель къ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита онъ не могъ бы однакоже указать ни на одинъ поземельный банкъ въ Европѣ за исключеніемъ французскаго *Crédit foncier*. Положеніе этого банка безъ всякаго сравненія выгоднѣе: онъ дѣйствуетъ въ странѣ обладающей совершенно правильною денежною системой и притомъ обильной капиталами ищущими вѣрнаго помѣщенія; онъ пользуется поддержкой правительства и его закладные листы приносятъ премію: но тѣмъ не менѣе ему не удается расширить свои операціи по поземельному кредиту; онъ принужденъ зарабатывать деньги оборотами, къ поземельному кредиту не относящимися, и французское землевладѣніе лишено дешеваго кредита, существующаго тамъ, гдѣ это дѣло устроено иначе. Если же о французскомъ *Crédit foncier* нельзя сказать, чтобъ онъ соотвѣтствовалъ своему назначенію, то что слѣдуетъ сказать о Русскомъ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита?

Высказаннаго нами положенія нельзя оспорить. Но въ такомъ случаѣ спрашивается: благоразумно ли нарушать въ пользу Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита принятое нашимъ кредитнымъ законодательствомъ начало свободной конкурренціи? Положимъ, чего нѣтъ,—положимъ что правительство совершенно отказалось отъ мысли содѣйствовать водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, а потому готово обратить фондъ, назначавшійся для этого дѣла, на поддержку какого-нибудь другаго полезнаго дѣла, стоящаго на очереди. Положимъ также что такимъ дѣломъ признанъ поземельный кредитъ. Но даже и тогда было бы вредно назначать Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита какую-либо субсидію изъ фонда, при такомъ предположеніи остающагося безъ цѣли. Субсидія, какъ мы уже прежде сказали, была бы вредна для правильнаго развитія поземельнаго кредита въ Россіи. Г. Герстфельдъ не различаетъ вещей совершенно различныхъ, когда сравниваетъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита съ компаніями желѣзныхъ дорогъ. Развѣ назначеніе субсидіи или гарантіи какой-нибудь одной желѣзной дорогѣ можетъ сдѣлать навсегда невозможнымъ образованіе компаній для постройки другихъ дорогъ? Съ Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита могла бы идти въ параллель только такая желѣзно-дорожная компанія, которой было бы предоставлено право строить повсюду въ Россіи какія угодно желѣзныя дороги. Еслибы такой компаніи была дана постоянная ежегодная субсидія, то само собой разумѣется, что другимъ компаніямъ было бы трудно возникать, и желѣзно-дорожное дѣло было бы лишено благотворной конкурренціи; не подлежитъ также сомнѣнію, что тогда желѣзныя дороги строились бы и хуже и дороже чѣмъ можно. Поземельному кредиту, долгосрочному и особенно краткосрочному, правительство, думаемъ мы, должно, при настоящихъ обстоятельствахъ, оказывать нѣкоторое содѣйствіе или, лучше, оно должно имѣть его постоянно въ виду какъ государственный интересъ. Мы утверждаемъ однако, что это правительственное содѣйствіе должно выражаться лишь въ такихъ общихъ мѣрахъ, которыми могли бы равно воспользоваться всѣ кредитныя учрежденія, по мѣрѣ развитія ихъ операцій. На первомъ планѣ здѣсь стояло бы упроченіе денежной системы; затѣмъ можно было бы постановить правиломъ, что правительство выдаетъ каждому поземельному банку въ продолженіи напримѣръ первыхъ десяти лѣтъ его существованія ежегодную субсидію соразмѣрно итогу выданныхъ имъ ссудъ. Но дать субсидію въ видѣ привилегіи какому-нибудь одному банку значитъ остановить въ Россіи правильное развитіе по-

земельнаго кредита. Если и вообще мы видимъ, что лишь мѣстные поземельные банки дѣйствуютъ успѣшно (только окрестные жители могутъ имѣть точныя свѣдѣнія о добросовѣстности оцѣнокъ), то тѣмъ паче это должно оказаться теперь въ Россіи, когда выпускъ закладныхъ листовъ на звонкую монету, въ центральномъ банкѣ необходимый, дѣлаетъ займы чрезвычайно рискованными. Существенную услугу поземельному кредиту могутъ теперь оказать мѣстные банки, учреждаемые въ такихъ городахъ, гдѣ, какъ напримѣръ въ Москвѣ, собирается значительное число сбереженій. Бумаги московскаго земскаго банка, скажемъ мимоходомъ, шли бы выше бумагъ московскаго кредитнаго общества, коихъ кредитъ, какъ извѣстно, условливается состоятельностью страховыхъ обществъ. Но всякая привилегія данная Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита затруднила бы возникновеніе мѣстныхъ банковъ, а слѣдовательно лишила бы землевладѣльцевъ возможности занимать деньги на выгодныхъ условіяхъ.

Что касается до примѣненія поземельнаго кредита къ спеціальной цѣли водворенія русскаго землевладѣленія въ западномъ краѣ, то здѣсь, полагаемъ мы, необходимо прямое правительственное дѣйствіе, однакоже такъ разчитанное, чтобъ и заемщики, и завѣдывающіе выдачей ссудъ чиновники были заинтересованы превращеніемъ черезъ нѣсколько времени казенныхъ банковъ въ частные. Несмотря на рѣшительное отрицаніе со стороны г. Герстфельда возможности связать это дѣло съ выкупнымъ учрежденіемъ, и при самой полной готовности принять къ свѣдѣнію и взвѣсить всѣ возраженія противъ сдѣланнаго нами указанія, мы не видимъ причины отступиться отъ него. Выкупныя бумаги суть бумаги правительственныя, обезпеченныя не только крестьянскими землями, поступившими въ залогъ, но и всѣмъ достояніемъ государства. Владѣльцы выкупныхъ бумагъ вѣрятъ не заложеннымъ крестьянскимъ землямъ, а правительству. До назначенія выкупныхъ бумагъ и до степени ихъ обезпеченности залогами нѣтъ никакого дѣла тѣмъ кто покупаетъ выкупныя бумаги; всѣмъ этимъ заинтересовано только правительство, а потому если оно имѣетъ въ виду какое-нибудь другое назначеніе въ государственномъ отношеніи не менѣе важное, и залоги другаго свойства не менѣе, а напротивъ еще болѣе вѣрные, то оно очень можетъ выпустить для этого назначенія и подъ эти залоги сколько окажется нужнымъ выкупныхъ бумагъ, и отъ того ни на волосъ не пострадаетъ довѣріе къ нимъ публики. Удобства же этихъ бумагъ заключаются въ томъ, что онѣ общеизвѣстны, имѣютъ сравнительно прочный курсъ и выдаются въ такомъ порядкѣ, который не позволяетъ имъ оказывать на рынокъ слишкомъ рѣзкое дѣйствіе; кромѣ того, для нихъ утверждены уже правила, и слѣдовательно при ихъ употребленіи на выдачу ссудъ въ западномъ краѣ было бы сбережено длинное время, идущее у насъ на разсмотрѣніе нововведеній. Всѣ эти удобства чрезвычайно важны, а при теперешнемъ положеніи дѣлъ не замѣнимы. Но само собой разумѣется, что назначеніе ссудъ нельзя да и нѣтъ надобности возлагать на выкупное учрежденіе. Г. Герстфельдъ совершенно правъ, что выкупное учрежденіе не организовано для оцѣнки имѣній, поступающихъ въ залогъ, и мы сами никогда не думали о возложеніи на выкупное учрежденіе этой обязанности. Для этой цѣли необходимо было бы учредить ссудныя кассы, и, сколько мы понимаемъ дѣло, эти кассы всего лучше было бы устроить въ тѣхъ губерніяхъ западнаго края, гдѣ особенно требуется усилить русское землевладѣніе. Таковы губерніи Ковенская, Гродненская, Волынская и Подольская; къ нимъ слѣдовало бы присоединить отдѣльныя кассы для уѣздовъ Виленскаго и Кіевскаго. Каждой изъ такихъ губернскихъ кассъ слѣдовало бы предоставить по одному милліону фонда, а двумъ уѣзднымъ, Виленской и Кіевской, по полумилліону съ тѣмъ, чтобы проценты съ фонда шли отчасти на содержаніе кассъ, а отчасти на сбавку вносимыхъ заемщиками ежегодныхъ платежей. Ссуды должны выдаваться безъ круговаго ручательства (требовать круговой поруки за оцѣнку чиновниковъ, какъ было въ Товариществѣ Пріобрѣтателей Имѣній, или за оцѣнку агентовъ, не находящихся подъ контролемъ заемщиковъ, какъ въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, есть вопіющая несправедливость и вмѣстѣ существенное препятствіе развитію операцій) и въ весьма небольшомъ размѣрѣ, но въ случаѣ учрежденія обществъ, подобныхъ предполагавшемуся въ Смоленскѣ, и основанныхъ на

круговомъ ручательствѣ, размѣръ ссудъ можетъ быть увеличенъ, и онѣ могутъ быть выдаваемы не только подъ имѣніе, покупаемое въ западномъ краѣ, но и подъ имѣніе принадлежащее покупщику во внутреннихъ губерніяхъ. Дѣйствіе каждой изъ губернскихъ ссудныхъ кассъ должно быть прекращено когда будетъ ею выдано въ ссуду выкупныхъ бумагъ на десять милліоновъ рублей по ихъ номинальной цѣнѣ, а кассъ уѣздныхъ—по выдачѣ бумагъ на сумму, соразмѣрную числу имѣній принадлежащихъ въ этихъ уѣздахъ помѣщикамъ не русскаго происхожденія. Наконецъ въ случаѣ согласія заемщиковъ получившихъ въ ссуду не менѣе двухъ или трехъ милліоновъ рублей въ совокупности составить отдѣльное кредитное общество съ обязанностью собирать платежи за круговою порукой и вносить ихъ разомъ и безнедоимочно въ выкупное учрежденіе, можно было бы предоставлять такимъ обществамъ фондъ въ десять разъ меньшій итога ссудъ и взимать съ нихъ въ пользу выкупнаго учрежденія уже только проценты и погашеніе, уступая въ ихъ пользу тотъ излишекъ, который сверхъ того платятъ крестьяне, какъ премію, за страхъ недоимокъ и который платили бы также и пріобрѣтатели имѣній западнаго края, въ случаѣ выдачи имъ ссудъ выкупными бумагами. Вмѣстѣ съ тѣмъ можно было бы выдавать чиновникамъ, производившимъ оцѣнку имѣній такихъ заемщиковъ, извѣстную премію или же назначать пенсію соразмѣрную суммѣ ссуднаго капитала, которую подобное кредитное общество приняло бы на свою отвѣтственность.

При такомъ порядкѣ каждая губернская ссудная касса могла бы состоять изъ трехъ членовъ, при канцеляріи изъ двухъ или трехъ писцовъ; выдача ссудъ могла бы производиться два раза въ годъ, а въ остальное время года члены могли бы объѣзжать губернію для оцѣнокъ. Издержки на содержаніе кассы и на эти разъѣзды не превышали бы въ годъ пятнадцати тысячъ рублей на губернію, и изъ процентовъ съ предполагаемаго нами милліоннаго фонда оставалось бы ежегодно на каждую губернію по 35 тысячъ рублей. При выдачѣ перваго милліона ссудъ, этотъ излишекъ далъ бы стало-быть возможность сбавить платежи на $3^1/_2\%$, то-есть на половину, что было бы, конечно, весьма чувствительнымъ облегченіемъ, но даже и при выдачѣ всѣхъ десяти милліоновъ предполагаемыхъ нами на губернію сбавка ежегодныхъ платежей составляла бы около $^1/_3\%$, и слѣдовательно покупать имѣнія въ западномъ краѣ было бы выгоднѣе чѣмъ въ губерніяхъ внутреннихъ, что и имѣется въ виду, и чего именно не будетъ, если пятимилліонный фондъ будетъ употребленъ такъ, какъ предполагаетъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита.

Вотъ что мы имѣемъ отвѣтить г. Герстфельду на сущность его замѣчаній. Передачу пятимилліоннаго фонда Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита защищать невозможно, если нельзя доказать, что при ней будетъ достигнуто привлеченіе капиталовъ именно къ покупкѣ имѣній въ западномъ краѣ, до сихъ поръ не бывшей у насъ въ обычаѣ. Мы утверждаемъ, пока не будетъ доказано противное, что передать пятимилліонный фондъ банку графа Бобринскаго значитъ:

1) отвратить этотъ фондъ отъ его первоначальнаго назначенія и вмѣсто содѣйствія водворенію русскаго землевладѣнія употребить его на поддержку Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита;

2) этою поддержкой остановить правильное развитіе поземельнаго кредита въ Россіи, затруднивъ возникновеніе новыхъ поземельныхъ банковъ.

Въ заключеніе замѣтимъ, что въ подобномъ дѣлѣ члены правленія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита не должны забывать, что обязанности ихъ, какъ русскихъ подданныхъ, стоятъ выше обязанностей ихъ какъ членовъ правленія, и что, взявъ въ свое распоряженіе пятимилліонный фондъ, они подвергаются тяжкой отвѣтственности, если не будутъ въ состояніи оправдать заявленіе правительства, что кредитное учрежденіе которому этотъ фондъ будетъ переданъ окажется болѣе удовлетворяющимъ своему назначенію, чѣмъ упраздненное Товарищество. Какъ ни дороги для нихъ интересы своего Общества, они не вправѣ приносить имъ въ жертву интересы Россіи. Мы отъ души имъ желаемъ не быть ни виновниками, ни орудіемъ дѣла, слѣдствіемъ котораго была бы отсрочка благополучнаго и мирнаго разрѣшенія польскаго вопроса въ нынѣшнее счастливое царствованіе.

№ 203.

Москва, 18-го сентября.

Одна изъ статей нашихъ, воспроизведенная во французской печати, подала поводъ къ полемикѣ между *Journal des Débats* и нашимъ *Journal de St.-Pétersbourg*. Упомянутая статья не понравилась парижской газетѣ за то, что ея „авторъ, недовольный тѣмъ, что Россіи напомнили о Парижскомъ трактатѣ, въ свою очередь напоминаетъ Австріи о битвѣ при Садовой, а Франціи о ея напрасныхъ прошлогднихъ попыткахъ найдти себѣ вознагражденія соотвѣтственныя расширеніямъ Пруссіи.“ Мало ли что кому не нравится? Но *Journal des Débats* въ томъ обстоятельствѣ, что русская печать позволяетъ себѣ помнить о битвѣ при Садовой и о притязаніяхъ Франціи на Сарръ-Луи и Люксембургъ, находитъ достаточный предлогъ не только обвинять русскую печать въ преступномъ образѣ мыслей, и возлагаетъ за то отвѣтственность на правительство русское. Такъ какъ печать въ Россіи, по мнѣнію вышеозначенной парижской газеты, можетъ говорить только то, что дозволяетъ ей правительство, то правительство и должно нести на себѣ отвѣтственность за смыслъ и тонъ ея отзывовъ. Какъ будто въ сферу дозволительнаго не входитъ прежде всего защита интересовъ и чести своей страны, и какъ будто правительство, вышедшее не изъ революціи какъ во Франціи, должно ежедневно измѣнять область дозволительнаго! Вотъ что называется французскій взглядъ на вещи! *Journal de St.-Pétersbourg* не замедлилъ отвѣтомъ на эту выходку. Петербургская газета указала на враждебный къ Россіи тонъ, который господствуетъ во французской печати, и который лишаетъ ея права жаловаться на какіе бы то не было рѣзкіе отзывы о французскихъ дѣлахъ въ русской печати. При этомъ *Journal de St.-Pétersbourg*, въ доказательство тому, что между печатью и правительствомъ нѣтъ солидарности, припомнилъ рядъ административныхъ предостереженій и запрещеній, которымъ подвергались русскія газеты. *Journal des Débats* ловитъ на этомъ своего антагониста: оставляя въ сторонѣ вопросъ о тонѣ французской журналистики по отношенію къ Россіи; онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на произнесенномъ въ *Journal de St.-Pétersbourg* словѣ объ административныхъ предостереженіяхъ. Изъ того-де самаго, что въ Россіи принята французская система предостереженій, *Journal des Débats* и заключаетъ о солидарности между мнѣніями находящими себѣ выраженіе въ печати и политикой русскаго правительства по отношенію къ иностраннымъ державамъ. Для того, чтобы не было повода заключать о таковой солидарности и дабы правительство не было постоянно въ отвѣтѣ за частныя мнѣнія, которыя высказываются въ печати, оно должно отказаться отъ системы административныхъ предостереженій, и говоря это, *Journal des Débats* пользуется случаемъ похвалиться эманципаціей французской печати отъ этой системы,—эманципаціей, которая впрочемъ еще не вошла въ силу закона, а только обѣщана въ извѣстномъ письмѣ императора Наполеона отъ 19-го января. Парижская газета показываетъ видъ, что она была бы рада, еслибъ и русское правительство, переняшее отъ французскаго систему административнаго вмѣшательства, послѣдовало его примѣру и въ отмѣнѣ этой системы, оказавшейся несостоятельною на своей родинѣ. Зная, съ какою готовностью *Journal des Débats* служитъ органомъ всякой непріязни къ Россіи и всякой дурной партіи въ ней, мы не совсѣмъ вѣримъ искренности его желаній видѣть русскую печать въ положеніи, которое лучше обезпечивало бы ея независимость и этимъ давало бы ей возможность приносить бо́льшую пользу. Но намъ пріятно замѣтить, что *Journal de St.-Pétersbourg*, находящійся въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ правительственныхъ сферъ, соглашается также, что система административныхъ предостереженій не есть положеніе удовлетворительное, и изъявляетъ надежду, что русская печать доживетъ до реформы, которая поставитъ ее подъ управленіе общаго закона. Полагаемъ, что *Journal de St.-Pétersbourg* простираетъ свои надежды не на XX столѣтіе, а относитъ ихъ къ текущей эпохѣ, и рады принять это заявленіе къ свѣдѣнію. Но признаемся, мы не такъ настроены, чтобы бодро предаваться надеждамъ, въ виду замѣчаемыхъ всѣми постоянныхъ и неутомимыхъ усилій извратить и лишить значенія, совершившіяся въ нынѣшнее царствованіе реформы, къ которымъ относится и это новое въ мірѣ явленіе,—печать

служащая органомъ русскому общественному мнѣнію и русскимъ національнымъ интересамъ. Признаемся откровенно въ нашемъ малодушіи: мы боимся за прочность пріобрѣтеннаго. Чѣмъ дѣйствительнѣе, полезнѣе и благотворнѣе оказываются дарованныя русскому народу льготы, вышедшія изъ свободной воли Монарха, призваннаго Провидѣніемъ обновить наше отечество, тѣмъ настойчивѣе дѣйствуетъ клевета и интрига, которыя стараются подкопаться подъ новый едва установившійся порядокъ вещей. Много нужно условій для того, чтобы благое дѣло вошло въ жизнь, приладилось къ ея условіямъ, возбудило, возвысило и оплодотворило ее; но немногаго требуется для того, чтобъ испортить всякое дѣло, какъ бы оно ни было хорошо поставлено, и какія бы оно ни давало ручательства въ своей благонадежности. Наша едва начавшаяся печать подвергается такимъ же опасностямъ со стороны не дремлющихъ зложелателей, какъ и наши новые суды, и какъ всѣ прочія преобразованія, которыя начали было оказывать свое благотворное дѣйствіе. Для того, чтобы потрясти новое учрежденіе, часто бываетъ достаточнымъ коснуться какой-либо не всѣмъ замѣтной подробности въ его условіяхъ: нужно только, чтобъ оно потеряло вѣру въ себя, лишилось уваженія къ себѣ, и дѣло съ нимъ покончено.

Миновало не болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ печать была освобождена отъ предварительной цензуры, и вотъ уже кратковременная свобода ея подвергается вопросу, и рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ освободить ее отъ французскихъ предостереженій, а возвратить ее въ первобытное ничто, въ состояніе подцензурное, изъ котораго она только что вышла. Случилось такъ, что она вдругъ лишилась права отвѣчать за себя, и снова подчиняется опекѣ административныхъ лицъ въ сферѣ одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей. Независимая печать, въ краткій періодъ своего существованія, какъ признаютъ всѣ, успѣла принести нѣкоторую пользу государственнымъ интересамъ Россіи, между тѣмъ какъ система предварительной цензуры, которая дотолѣ господствовала, привела насъ къ умственному и нравственному банкротству, къ упадку общественнаго духа, къ смутѣ всѣхъ понятій и къ господству грубыхъ лжеученій, которыя повсюду распространили свою отраву. Тѣмъ не менѣе, при первомъ возникшемъ вопросѣ, печать подцензурная получила предпочтеніе предъ печатью самоотвѣтственною. Какъ извѣстно, наша печать лишилась права передавать подъ своею отвѣтственностію отчеты о происходящемъ въ общественныхъ и сословныхъ собраніяхъ. Для насъ это равносильно запрещенію, потому что подъ цензуру мы не возвратимся ни въ чемъ и ни за что.

Ходятъ слухи, что партія, которой ненавистны реформы обновляющія Россію и особенно печать, пользуясь первою брешью, хлопочетъ о томъ какъ бы незамѣтно отнять у ней еще нѣкоторыя сферы, и такимъ образомъ привести ее въ совершенное отчаяніе и подготовить возвращеніе къ старому порядку.

Мы не должны однако предаваться малодушному унынію. Ничто не обходится безъ временныхъ недоразумѣній и уклоненій. Надежнымъ и вѣрнымъ обезпеченіемъ всего лучшаго для насъ остается та же самая Державная Воля, которой отечество наше обязано всѣмъ лучшимъ въ настоящее время, и которая, вѣрнѣе чѣмъ всякое тщательно формулированное право, до сихъ поръ ограждала и обезпечивала независимость мнѣнія въ нашей печати, несмотря на французскіе порядки, которыми она обставлена. Благодаря этому верховному обезпеченію, печать у насъ могла быть также независима въ своихъ сужденіяхъ какъ и тамъ, гдѣ она пользуется безусловною свободой.

№ 204.

Москва, 19-го сентября.

Наша обычная корреспонденція за буквой X напоминаетъ намъ о куріозномъ происшествіи, случившемся на этихъ дняхъ въ столбцахъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, и побуждаетъ насъ сказать кое-что по этому поводу. Въ упомянутой газетѣ, напечатано письмо г. Кулиша къ ея редактору, подъ заглавіемъ: *о г. Катковѣ и Аксаковѣ*. Недовольный двумя московскими газетами авторъ этого сказанія захотѣлъ совершить надъ виновными актъ торжественнаго правосудія, схвативъ одного изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей* и издателя газеты *Москва*, съ тѣмъ чтобы разомъ отрубить имъ голову. Бли-

жайшая вина этихъ несчастныхъ состоитъ въ томъ, что они не напечатали письма г. Кулиша: первый, къ которому оно было адресовано, безъ всякихъ объясненій, а другой „подъ тѣмъ предлогомъ," что оно адресовано не къ нему,—„но умыселъ другой тутъ былъ," восклицаетъ обвинитель, не поясняя однако какой тутъ могъ быть таинственный умыселъ.

„Г. Каткову и г. Аксакову", говоритъ обвинитель, „иногда приходитъ охота ратовать за свободу печати, за права человѣческой личности, и тому подобныя хорошія слова, но прочимъ смертнымъ предписываютъ они или молчать или смиренно соглашаться съ ихъ разглагольствованіями."

Придавалъ ли г. Кулишъ какой-либо смыслъ этимъ словамъ своимъ, когда онъ ихъ писалъ? По крайней мѣрѣ, въ печати они лишены всякаго смысла. Если ему предписано молчать, то какъ же онъ говоритъ, а если онъ говоритъ, то что̀ значитъ предписаніе, на которое онъ такъ слезно жалуется? Г. Кулишъ не просто говоритъ, но кричитъ; онъ не только защищается, но нападаетъ Обвиняемыя имъ лица предписываютъ ему, какъ онъ выражается, смиренно соглашаться съ ихъ разглагольствіями, но онъ не обнаруживаетъ никакого смиренія и ни въ чемъ не соглашается, и клеймитъ какъ ему угодно и мнѣнія, и характеръ обоихъ выведенныхъ имъ лицъ. Этого мало: онъ очень хорошо знаетъ, что чѣмъ рѣзче его выходки, тѣмъ болѣе могутъ онѣ въ разныхъ сферахъ стяжать ему рукоплесканій. Имя того изъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, на котораго палъ его гнѣвъ, издавно предавалось всяческому поношенію въ печати, безъ всякаго препятствія съ чьей бы то ни было стороны и всего менѣе съ его. Г. Кулишу предоставляется удвоить и удесятерить силу негодованія противъ мнѣній, дѣйствій и личности этого зловреднаго человѣка, опровергать, обличать и позорить его какъ угодно. Г. Кулишу и друзьямъ его дѣло это не новое: никогда не были они въ необходимости молчать, и не молчали, какъ только возникалъ вопросъ, въ которомъ они видѣли себя заинтересованными. Они имѣли всякую возможность не только защищаться, но и нападать, и даже пытаться застращивать. Если г. Кулишъ забылъ, то мы напомнимъ ему, напримѣръ, о томъ, какою хворостиной, въ своемъ журналѣ *Основа*, намѣревался онъ загонять въ свое стадо одесскихъ „жидовъ."

Всѣмъ извѣстно, и г. Кулишу извѣстно не менѣе чѣмъ всякому другому, что между двумя лицами, которыя навлекли на себя его гнѣвную расправу, нѣтъ солидарности ни во мнѣніяхъ, ни въ дѣйствіяхъ. Если органы нашей печати, при всей разнородности и даже противоположности въ своихъ взглядахъ, начинаютъ сходиться въ понятіяхъ по предметамъ политическаго свойства, то нельзя не радоваться этому какъ признаку созрѣвающаго общественнаго мнѣнія и политическаго смысла. Изъ того, что двѣ газеты сошлись въ своихъ сужденіяхъ объ образѣ мыслей г. Кулиша въ такъ-называемомъ украйнофильскомъ вопросѣ, слѣдуетъ заключать отнюдь не о солидарности между ихъ издателями, а только о томъ, что по этому предмету не можетъ быть двухъ разныхъ сужденій.

Прежде чѣмъ продолжать объясненіе, на которое вызываетъ насъ г. Кулишъ, слѣдуетъ замѣтить, что мы имѣемъ право говорить только за себя, и мѣстоименіе *мы* означаетъ только нашу газету.

Если г. Кулишъ, такъ энергически предъявляетъ свои права на свободу мнѣній и дѣйствій, то какъ же онъ можетъ отказывать другимъ въ этомъ правѣ? Нашелъ же онъ органъ, гдѣ охотно напечатали его заявленіе: зачѣмъ же было непремѣнно нужно, чтобы *Московскія Вѣдомости* сдѣлались органомъ его заявленій? Могъ ли бы онъ требовать, чтобы мы напечатали его статью безъ всякаго возраженія? Былъ ли бы онъ удовлетворенъ, если бы мы напечатали ее, но тутъ же слово за словомъ возразили на нее? Что онъ не былъ бы удовлетворенъ, это видно изъ того, что онъ еще болѣе негодуетъ на газету *Москва*, которая позволила себѣ высказаться въ томъ листкѣ, гдѣ помѣстила его рекламацію. Итакъ, чего же хочетъ г. Кулишъ? Того ли, чтобы никто не смѣлъ высказываться о его мнѣніяхъ и дѣйствіяхъ? Онъ имѣлъ бы право требовать этого, еслибы рѣчь шла о его семейныхъ или частныхъ дѣлахъ; но рѣчь идетъ о вопросѣ общемъ. Въ силу какихъ же началъ можетъ онъ требовать, чтобы люди несогласные съ его образомъ мыслей и дѣйствій по вопросу общаго свойства смиренно молчали? Г. Кулишъ выставляетъ насъ на видъ какъ своихъ враговъ; но онъ знаетъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго личнаго повода нахо-

диться во враждебныхъ къ нему отношеніяхъ. Мы едва знакомы съ нимъ; никогда ни въ чемъ не приходилось намъ дѣлиться съ нимъ или быть ему соперниками. Мы не имѣемъ причины не желать ему всякихъ успѣховъ въ его частныхъ дѣлахъ, хотъ бы выиграть главный выигрышъ по 1-му или 2-му внутреннему лотерейному займу. Но гнѣвный ревнитель свободы мнѣній и дѣйствій не можетъ сѣтовать на насъ за то, что мы считаемъ себя также въ правѣ имѣть свои мнѣнія. Если мы ошибаемся, онъ можетъ сколько ему угодно раскрывать и порицать наши ошибки; но надобно же дозволить намъ поступать не такъ какъ ему хочется, а какъ велитъ намъ собственный смыслъ и совѣсть, предъ которыми прежде всего обязаны мы отвѣтственностію. Если мы убѣждены во лжи какого-либо мнѣнія, мы не можемъ оставлять его безъ возраженія. Если мы убѣждены во вредѣ какого-нибудь дѣйствія, мы не можемъ оставлять его безъ сопротивленія. Изъ претензіи г. Кулиша явствуетъ, что мы должны въ этихъ случаяхъ „молчать или смиренно соглашаться.“

Вотъ превосходная теорія общественныхъ обязанностей, разчитанная на идіотовъ!

Г. Кулишъ смѣется надъ своею публикой, говоря будто мы воображаемъ себя „привилегированными стражами отечества.“ Ни у кого не отнято право заботиться объ интересахъ отечества. Мы нисколько не препятствуемъ г. Кулишу заботиться объ этихъ интересахъ и ревностнѣе, и лучше нежели мы. Мы были бы рады, еслибъ онъ превзошелъ насъ въ противодѣйствіи тенденціямъ, которыя проповѣдывались въ *Основѣ*. Г. Кулишъ скажетъ, что онъ считаетъ эти тенденціи истинными и спасительными. Мы не можемъ запретить ему думать такъ; пусть же и онъ не запрещаетъ намъ думать, что онѣ ложны и пагубны.

Г. Кулишъ изъявляетъ свой контингентъ негодованія на Поляковъ; но, говоря откровенно, украйнофильская идея безконечно хуже нежели польская, ибо клонится къ тому чтобы расколоть въ самой сердцевинѣ народъ русскій. Она не имѣетъ серіознаго значенія, потому что не перетла въ дѣло; но еслибы по какому-нибудь недоразумѣнію могла она осуществиться, то это было бы самымъ проклятымъ на русской почвѣ дѣломъ. Оно не могло бы найти себѣ оправданія ни въ какомъ соображеніи; оно не можетъ льстить даже какому-нибудь фантастическому идеалу. Есть фантазеры, которые увлекаются мыслію о федераціи; но федерація, или лучше сказать, относительная самостоятельность частей одного политическаго цѣлаго, имѣетъ смыслъ только при условіи полнаго національнаго единства. Лишь тамъ, гдѣ населенія, при всемъ разнообразіи типовъ, характеровъ, обычаевъ, экономическихъ интересовъ и даже вѣрованій, имѣютъ одинъ равно общій всѣмъ органъ въ языкѣ и литературѣ, возможна бо́льшая или меньшая самостоятельность въ развитіи частей. Единство языка и литературы было главною и великою силой германской народности, разрозненной между многими отдѣльными государствами. Точно также и Соединенные Штаты Америки могутъ составлять цѣлое только потому что между ними нѣтъ вопроса о національности: могло ли бы держаться это политическое цѣлое, еслибы къ антагонизму другихъ интересовъ въ его населеніяхъ присоединялась слѣпая страсть національныхъ инстинктовъ? Надобно, чтобъ этотъ вопросъ былъ навсегда покончень, для того чтобы возможно было, не оскорбляя здраваго смысла и не обманывая себя и другихъ, помышлять о самостоятельномъ развитіи частей одного цѣлаго.

Было время, когда г. Кулишъ и его друзья пользовались нѣкоторою силой и могли надѣяться на нѣкоторый успѣхъ. Это было время страшной анархіи, которая овладѣла нашимъ обществомъ, особенно въ 1861 и 1862 годахъ. Такъ-называемая украйнофильская партія опиралась на поддержку, которая ей оказывалась въ сферахъ вліятельныхъ и безъ которой она не могла бы возымѣть свои надежды. Мы были на волосъ отъ офиціальнаго признанія новой народности въ Россіи, которой еще не было пріискано имя. Работа шла дѣятельно; былъ уже въ полномъ ходу проектъ ввести въ южно-русскія школы, какъ языкъ преподаванія, мѣстное нарѣчіе образовавшееся въ эпоху распаденія Россіи, подъ вліяніемъ польскимъ,—нарѣчіе никогда не бывшее языкомъ государства, ни религіи, ни науки, ни искусства, ни образованнаго быта. Уже разсылались административные агенты для спроса мѣстныхъ деревенскихъ населеній по предмету языка для школъ; уже Священное

Писаніе перелагалось на этотъ языкъ будущаго, который еще нужно было образовать и объединить ad hoc, и которому надобно было еще выучить мѣстныя населенія. Агитація силилась распространиться повсюду, а особенно въ учащейся молодежи. Уже начинали группироваться, подъ видомъ особой національности, чуждой русскому народу, люди той части его, гдѣ началось его историческое бытіе, гдѣ зародилась его духовная жизнь, гдѣ явились первые памятники его языка и литературы, гдѣ стоитъ Кіевъ, этотъ первоначальный и въ то же время самый возвышенный, самый безспорный и самый чистый символъ русскаго единства и его истинное средоточіе. Была пущена въ ходъ мысль, что русскій языкъ есть лишь принадлежность какого-то особаго велико-русскаго племени, а не общій органъ всего русскаго народа, выработавшійся исторически и принявшій въ себя, какъ основный элементъ, церковно-славянское слово. Пользуясь административною поддержкой, которая давала отпечатокъ реальности этимъ затѣямъ, безсмысленнымъ и фальшивымъ, такъ-называемое украйнофильство отвлекло не мало свѣжихъ и здоровыхъ силъ отъ полезнаго дѣла, и поставило ихъ въ ложное положеніе, изъ котораго не всѣмъ легко было высвободиться. Дѣйствуя такимъ образомъ внутри, эта партія не забывала и заграничныхъ родичей въ Галиціи. Въ *Основѣ* подвергались рѣзкому порицанію усилія галицкихъ литераторовъ сохранить за своею рѣчью характеръ общерусскаго литературнаго языка, и давались имъ указанія какъ можно болѣе отчуждать и обособлять мѣстную рѣчь. Именно по этому поводу мы впервые, еще въ 1861 году, обратили вниманіе на украйнофильскія затѣи и столкнулись съ партіей, во главѣ которой находился г. Кулишъ. Послѣ, когда мы убѣдились, что эти затѣи пріобрѣтали значеніе вслѣдствіе поддержки, оказанной имъ въ административныхъ сферахъ, мы сочли своимъ долгомъ дѣйствовать противъ нихъ всею силою нашего слова, несмотря на ожесточенную брань, которая сыпалась на насъ со всѣхъ сторонъ.

Слава Богу, фальшивая сила, которую пріобрѣли украйнофильскія затѣи, мало-по-малу исчезла, и затѣи не сбылись. Болѣе ясныя понятія взяли верхъ, и разогнали туманъ, который овладѣлъ умами. Мы имѣли наконецъ радость видѣть какъ и между нашими галицкими соплеменниками возникла живая реакція противъ возбужденій вносившихъ къ нимъ зло междуусобной розни и ненависти. Языкъ и тонъ тамошней печати совершенно измѣнились; явились люди, которые подняли высоко истинное русское знамя. Особенно уважаемымъ изъ этихъ поборниковъ русскаго народнаго дѣла въ Галиціи былъ Я. Ѳ. Головацкій.

Г. Кулишъ, молчавшій долгое время, вдругъ поднялъ теперь голосъ именно противъ той части галицкой печати, которая можетъ быть ненавистна польскимъ патріотамъ, но которую нельзя не привѣтствовать съ русской точки зрѣнія. Г. Кулишу посчастливилось столкнуться именно съ тѣми изъ галицкихъ дѣятелей, которые отстаиваютъ единство русской народности, и ему вздумалось избрать нашу газету органомъ для своихъ гнѣвныхъ противъ нихъ выходокъ. Корреспондентъ X, кому г. Кулишъ возражаетъ, былъ только предлогомъ и поводомъ для того, чтобы бросить въ Галицію, въ тамошнюю русскую печать, наконецъ въ г. Головацкаго украйнофильскій перунъ изъ Москвы, гдѣ этотъ почтенный поборникъ русскаго народнаго дѣла былъ недавно съ такимъ сочувствіемъ всѣми чествуемъ.

Въ чемъ же однако состоитъ претензія г. Кулиша на г. Головацкаго? Въ томъ, что г. Головацкій напечаталъ во львовскомъ *Словѣ* полученное имъ отъ г. Кулиша письмо. Читателямъ извѣстно, что это за письмо. Въ напечатанной части его нѣтъ ни одного слова, которое имѣло бы домашнее, семейное или чисто-личное значеніе, и нѣтъ также ни одного слова, которое могло бы г. Кулиша уронить во мнѣніи честныхъ людей или повредить ему на честныхъ путяхъ. Письмо это относится къ такъ-называемому украйнофильскому вопросу, и есть не что иное какъ протестація г. Кулиша во имя русскаго народнаго единства противъ розни неизбѣжно возникавшей изъ украйнофильскихъ попытокъ и злоупотребленій, къ которымъ онѣ подаютъ поводъ. Въ этихъ строкахъ своихъ, если только онѣ были искренни, г. Кулишъ подавалъ прекрасный примѣръ суда надъ собственною ошибкой, что никогда не роняетъ, а напротивъ всегда возвышаетъ нравственное достоинство человѣка; этими строками, если только онѣ были искренни, онъ болѣе нежели чѣмъ-

нибудь пріобрѣталъ право на уваженіе всѣхъ мыслящихъ и честныхъ людей. Никакая побѣда не бываетъ такъ плодотворна и прекрасна, какъ побѣда надъ собой. Заявленіе противъ украйнофильства со стороны тѣхъ, отъ кого оно исходило и на кого опиралось, было бы его блаженною и мирною кончиной. Какъ же было не порадоваться рѣшимости г. Кулиша опустить и бросить знамя нестерпимой и оскорбительной для русскаго чувства розни? Чѣмъ болѣе приходилось г. Головацкому бороться со зломъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ цѣнить сообщеніе сдѣланное ему г. Кулишомъ. Либо это сообщеніе не имѣло смысла, либо оно не должно было оставаться въ секретѣ, и самъ г. Кулишъ не изъявлялъ желанія, чтобъ оно оставалось въ секретѣ. Могъ ли бы г. Головацкій не ссылаться на письмо г. Кулиша, еслибы въ тѣхъ кругахъ, гдѣ приходилось ему дѣйствовать словомъ убѣжденія, рѣчь касалась началъ, которыя нѣкогда проповѣдывались и распространялись издателями *Основы?* Не былъ ли онъ обязанъ показывать и читать это письмо какъ протестацію противъ злоупотребленій, къ которымъ подавали поводъ эти начала? Г. Головацкій могъ бы опасаться компрометтировать г. Кулиша оглашеніемъ его письма только въ томъ предположеніи, что оно разчитано на какой-нибудь обманъ: спрашивается, пріятно ли г. Кулишу допустить возможность такого предположенія? А если допустить такое предположеніе, еще менѣе слѣдовало затрудняться оглашеніемъ письма, которое не имѣло секретнаго характера.

Мы не теряемъ надежды, что г. Кулишъ сдѣлаетъ еще одинъ шагъ въ направленіи своего письма къ г. Головацкому, подтвердитъ это письмо, и одобритъ его оглашеніе. Всякое заявленіе въ такомъ смыслѣ и всякое за тѣмъ сообщеніе г. Кулиша, увѣряемъ его, будутъ приняты въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* съ живѣйшимъ сочувствіемъ и радушіемъ.

№ 205.

Москва, 20-го сентября.

Въ какомъ роковомъ сцѣпленіи слѣдуютъ одно за другимъ событія въ мірѣ, и какъ мало ходъ ихъ соотвѣтствуетъ мнѣніямъ и предположеніямъ, которыя имъ сопутствуютъ! Логика событій поражаетъ своею отвагой и въ то же время вѣрностію своихъ заключеній; она приводитъ въ связь самое разнородное и сближаетъ самое отдаленное; она создаетъ послѣдствія, которыхъ не было въ предыдущемъ, но которыя тѣмъ не менѣе изъ него неизбѣжно проистекаютъ. Никто изъ двигателей событій не предусматривалъ, конечно, тѣхъ послѣдствій, которыя неизбѣжно проистекли изъ событій 1863 г. Въ польскомъ вопросѣ, который хитрая политика возбудила въ Россіи, не заключалось раздробленія Даніи, изгнанія Австріи изъ Германіи подъ прусскою державой. И однакожь эти событія послѣдовали одно за другимъ съ удивительною логикой, и теперь, когда они совершились, можно легко усматривать внутреннюю связь ихъ между ними. Предполагалось создать затрудненія для Россіи и возбудить въ ней разрушительныя потрясенія: зачѣмъ и кому было это нужно? Вопросъ этотъ мы оставимъ въ сторонѣ; но вѣрно то что Франція, которая была тогда впереди и, казалось, управляла ходомъ событій, никакъ не ожидала, что ближайшимъ послѣдствіемъ должна произойдти громадная перемѣна въ ея собственномъ положеніи. При другихъ обстоятельствахъ ни датская война, ни послѣдовавшая за ней австро-прусская кампанія не были бы возможны, по крайней мѣрѣ не могли бы принять тѣ размѣры, которые привели къ нынѣшнему положенію дѣлъ. Теперь это ясно для всякаго.

Въ сію минуту возникаетъ новый рядъ событій, которымъ характеризуется нынѣшнее положеніе дѣлъ. Общее вниманіе снова обращается на Италію; снова поднимается римскій вопросъ, который, казалось, былъ на долго усыпленъ знаменитою сентябрьскою конвенціей. Положеніе дѣлъ образовавшееся въ Европѣ таково, что Италія не можетъ не воспользоваться имъ, какъ не могла не воспользоваться Пруссія обстоятельствами, которыя были созданы событіями 1863 г. Вотъ еще новый счетъ, который эти событія подаютъ императорской Франціи. Ожидала ли она, чтобъ Италія могла такъ скоро уйдти изъ ея рукъ и стать на свои ноги? Французская политика не могла ожидать этого, какъ не ожидала и столь быстро на глазахъ у ней совершившагося объединенія Германіи. Италія пріобрѣла свободу именно благодаря

тому что совершилось въ Германіи. Италія стала на свои ноги, какъ только очутилась между Франціей и Пруссіей. Скоро миновала та пора, когда французское правительство предписывало законы создавшейся его помощію Италіи, и когда по манію императора Наполеона и падали, и составлялись министерства короля Виктора-Эммануила. Не прошло десятилѣтія какъ новое королевство уже получаетъ возможность снять съ себя иго благодарности наложенное на него Французскою имперіей, которой приходится теперь признать услуги свои достаточно уплаченными присоединеніемъ Савойи и Ниццы. Для императорской Франціи былъ нуженъ блескъ военной славы, и она удовлетворила эту надобность свою на поляхъ Сольферино и Мадженты. Здѣсь сокрушила она свою давнюю соперницу; торжество ея было полное, но въ сущности она лишь расточительно проживала свое будущее и своими блестящими успѣхами подготовляла тѣ затрудненія, въ которыхъ ей теперь приходится видѣть себя. Италіянское единство, казалось, должно было стать новымъ элементомъ силы для Франціи въ европейскомъ положеніи; и вотъ, на повѣрку, оно оказывается такимъ же минусомъ въ ея счетахъ, какимъ должна признать она единство германское. Италія уходитъ изъ ея рукъ и становится чуждою ей силой, у которой есть кругъ своихъ интересовъ и тяготѣній, и которая можетъ стать силой непріязненною. И чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе должна возрастать и рознь, и возможность столкновеній между этими двумя сосѣдними державами.

Кто бы ни находился во главѣ италіянскаго правительства, оно не можетъ не послѣдовать влеченію событій и указаніямъ обстоятельствъ. Въ прошломъ году Италія овладѣла Венеціей безъ французской помощи, ибо посредничество императора Наполеона въ этомъ случаѣ было тщеславнымъ излишествомъ, которое могло только оскорбить національное чувство Италіянцевъ. Теперь Италіи предстоитъ овладѣть Римомъ и почти вырвать его у Франціи. Вчерашняя телеграмма извѣщаетъ, что италіянское правительство находитъ себя вынужденымъ возбудить въ Европѣ вопросъ о сентябрьской конвенціи, которою наложенъ запретъ на вѣчный городъ, столь дорогой и столь необходимый для объединяющейся Италіи. Разительная перемѣна въ характерѣ отношеній между обѣими державами, изъ которыхъ одна еще такъ недавно не смѣла имѣть свою волю и казалась столь безсильною предъ лицомъ дузей! *Les apparenses sont sauvées*, и Гарибальди, схваченный при своемъ покушеніи, отправленъ домой на островокъ Капреру. Италіянское правительство не хочетъ отдать столь важный вопросъ, какъ обладаніе Рима, въ руки партіи дѣйствія; оно не хочетъ выпускать его изъ своихъ рукъ. Какъ передаетъ сегодняшняя телеграмма, возстаніе въ Римѣ уже прорвалось, и папа, если вѣрить слухамъ, оставилъ Ватиканъ и скрылся въ стѣнахъ Чивита-Веккіа, гдѣ долго оставаться ему было бы неудобно. Не беремся предусматривать что изъ этого послѣдуетъ, если все это подтвердится, но несомнѣнно то, что римскій вопросъ есть вмѣстѣ и папскій вопросъ. Довольно сказать это, чтобъ обозначить всю важность готовящихся событій. Какой громадный вопросъ! Сколько великихъ перемѣнъ предвѣщается имъ, если дѣйствительно наступила пора для его разрѣшенія! Перемѣны происшедшія въ Италіи уже глубоко потрясли принципъ свѣтской власти римскаго первосвященника; уже близится день послѣдней катастрофы.

Въ виду этого, какое положеніе должна принять Франція? Во всякомъ случаѣ, вотъ для ней еще новое и весьма не маловажное затрудненіе! Будетъ ли она поддерживать запретъ наложенный ею на Римъ и настаивать на точномъ соблюденіи сентябрьскаго трактата? Но одного изъявленія воли едва ли будетъ достаточно въ настоящемъ случаѣ; надобно обнаружить рѣшимость настоять на исполненіи своихъ требованій. А это не значило ли бы окончательно порвать всѣ узы соединяющія Францію съ Италіей? Тѣснимая Италія бросится въ объятія Пруссіи, съ которою она и безъ того въ наилучшихъ отношеніяхъ, и изъ колеблющагося союзника станетъ рѣшительнымъ врагомъ. Но отдать Италіи Римъ и пожертвовать ей папой не значило ли бы это возбудить противъ себя въ цѣломъ мірѣ католическую клерикальную партію, которая припомнитъ теперь что всѣми своими пораженіями она обязана императорской Франціи, а потому на нее и возложитъ отвѣтственность и за результатъ этихъ пораженій?

Положеніи дѣлъ осложняется все болѣе и болѣе, и невольно спрашиваешь себя,

чѣмъ все это разрѣшится? Какъ отзовется все это на другой католической державѣ, которая еще считается по старой памяти великою, но уже утратила всѣ данныя къ тому, если только, какъ позволительно надѣяться, ей не удастся захватить въ свои руки судьбу турецкихъ христіанъ? Австрія переживаетъ тяжкій кризисъ: естественное разрѣшеніе его было бы не только торжествомъ славянскаго дѣла, но и залогомъ счастливаго развитія всей восточной половины Европы. Среди этихъ событій Россіи грѣхъ жаловаться на свою судьбу. Она можетъ вынести изъ нихъ небывалое доселѣ обезпеченіе всей своей будущности. Для этого ей нужно одно—неуклонно держаться избранной ею въ послѣднее время національной политики. Національная политика внушитъ уваженіе къ ней и вызоветъ симпатіи, безъ коихъ нынѣ ей невозможно держаться, и которыя не только сохранятъ за нею, но и расширятъ ея международное значеніе.

№ 206.

Москва, 21-го сентября.

На прошлой недѣлѣ появились въ *Русскомъ Инвалидѣ* три статьи Н. Х. Бунге о нашей денежной и банковой системѣ. Эти статьи рѣзко выдѣляются изъ того что у насъ пишется по этому важному государственному вопросу. Ихъ нельзя не рекомендовать особенному вниманію публики: теоретическую сторону дѣла онѣ излагаютъ и разъясняютъ мастерски, безо всякой односторонности и безъ увлеченій, обнимая всю совокупность его сложнаго содержанія, чего весьма трудно достигнуть въ статьяхъ небольшаго газетнаго размѣра и что удалось ученому автору вполнѣ. Но практическія мѣры предлагаемыя имъ кажутся намъ недостаточными для той цѣли, которую самъ онъ имѣетъ въ виду и которую имѣть въ виду слѣдуетъ, — для упроченія нашей денежной и банковой системы. Не входя на этотъ разъ въ подробное разсмотрѣніе дѣла, мы только замѣтимъ, что мѣры такой великой государственной важности не могутъ быть проектируемы безъ полной оцѣнки ихъ политической стороны, то-есть ихъ связи съ данными условіями, въ коихъ находится государство. Г. Бунге говоритъ, напримѣръ, что по его мнѣнію банковая часть теперешней дѣятельности государственнаго банка можетъ быть предоставлена частной конкурренціи, но что при допущеніи частной предпріимчивости слѣдуетъ соблюдать постепенность. Это дѣйствительно путь вѣрный, но дабы на этомъ пути была достигнута цѣль, требуется продолжительное, неослабное и ничѣмъ не тревожимое дѣйствіе финансоваго управленія, не отступающее ни на шагъ отъ плана однажды начертаннаго. Но гдѣ данныя, чтобы считать подобное дѣйствіе не только желательнымъ, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, но и возможнымъ? Дѣла не могутъ измѣниться разомъ, и если ходъ ихъ не отличается строгою послѣдовательностью, то нельзя основывать какой-либо серіозный проектъ на предположеніи систематическаго послѣдовательнаго дѣйствія, продолжающагося цѣлый рядъ лѣтъ. Предоставляя банковую часть свободной конкурренціи, г. Бунге считаетъ полезнымъ возложить на государственный банкъ ликвидацію по прежнимъ вкладамъ и выпускамъ кредитныхъ билетовъ. Но что выйдетъ изъ всего этого плана, если государственный банкъ, вмѣсто того чтобы ликвидировать, будетъ выпускать кредитные билеты, то-есть дѣлать то, что онъ именно теперь дѣлаетъ? Самъ же г. Бунге говоритъ, что внѣшніе займы поддерживаютъ курсъ только временно, а въ послѣдствіи причиняютъ еще большее паденіе его. Но мы видимъ, что государственный банкъ, пользуясь теперешнею случайною твердостью вексельнаго курса, расширяетъ денежное обращеніе. Что должно быть слѣдствіемъ того? Теперешняя цѣна кредитнаго рубля не есть ли цѣна искусственная? Не гораздо ли она выше цѣны естественной? Не то же ли это самое, что было прежде когда вексельный курсъ поддерживался казенною трассировкой? Какъ тогда, такъ и теперь, имѣетъ ли у насъ золото свою настоящую цѣну и слѣдовательно можетъ ли оно держаться въ странѣ? Звонкая монета, которую г. Бунге желаетъ водворить въ обращеніи, не можетъ быть вполнѣ вытѣснена изъ него однимъ только существованіемъ бумажныхъ денегъ: она вытѣсняется, въ такой мѣрѣ какъ у насъ, только въ томъ случаѣ, если бумажныя деньги почему бы то ни было имѣютъ неестественно высокую цѣну. Этого не было въ продолженіе тѣхъ пятнадцати лѣтъ отъ 1824 по 1839 годъ, на ко-

торыя г. Бунге указываетъ какъ на образецъ заслуживающій, по его мнѣнію, если не ошибаемся, подражанія почти безусловнаго. Тогда, напротивъ, была возвышаема *дѣйствительная* цѣна ассигнацій; она была возвышена изъятіемъ продолжавшимся съ 1817 г. по 1824 и не сопровождавшимся новыми выпусками, какъ теперь сопровождается ими изъятіе произведенное въ 1862 и 1863 годахъ; она была поддерживаема усиленіемъ спроса на ассигнаціи, которыя, при существованіи звонкой монеты въ обращеніи, были объявлены единственнымъ средствомъ платежа при взносѣ податей и при другихъ взносахъ во всѣ казенныя мѣста. Тогда это было возможно безъ особенныхъ усилій. Въ Европѣ было политическое затишье, и дѣло мира или войны было въ рукахъ Россіи. Русскій бюджетъ продолжалъ, правда, возрастать, и образцовой бережливости отнюдь не обнаруживалъ, но онъ возрасталъ гораздо тише чѣмъ теперь, и еще было возможно обходиться безъ заграничныхъ займовъ. Наконецъ тогда не было ликвидаціи кредитныхъ установленій; та кредитная система, за которую теперь государство расплачивается, только водворялась, и министръ финансовъ только принималъ мѣры, сдѣлавшія потомъ для правительства обязательнымъ подавленіе всякаго экономическаго успѣха въ странѣ, дабы могла невозмутимо существовать кредитная система ложная въ своемъ основаніи, какъ прекрасно показываетъ г. Бунге. Нѣтъ мѣры того времени не могутъ быть образцомъ для нашего времени; онѣ могутъ быть только урокомъ, и мы должны брать изъ нихъ только то, что выдерживаетъ критику. Но выдерживаетъ ли критику та медлительность, съ которою дѣйствовалъ графъ Канкринъ по отношенію къ денежной системѣ? Министръ знающій свое дѣло и доброжелательный къ странѣ могъ ли оставлять въ силѣ тотъ порядокъ, изъ котораго возникало такое чудовищное явленіе какъ лажъ? Лажъ того времени есть явленіе крупное, нигдѣ на свѣтѣ невиданное и до сихъ поръ еще достаточно не объясненное. Г. Бунге правильно намекаетъ, что лажъ былъ основанъ на существованіи денежной единицы, называвшейся рублемъ ходячей монеты, подъ чѣмъ первоначально разумѣлся рубль мѣдью, который и былъ въ Россіи общею узаконенною денежною единицей. Рядомъ съ этою единицей, *для нѣкоторыхъ платежей*, былъ узаконенъ ассигнаціонный рубль. Такимъ образомъ были двѣ узаконенныя денежныя единицы: ходячій рубль для однихъ платежей, ассигнаціонный рубль для другихъ. Это было хуже чѣмъ совмѣстное существованіе двухъ денежныхъ единицъ, золотой и серебряной, встрѣчаемое въ теперешней Франціи. Это было особенно дурно тѣмъ, что одна изъ этихъ двухъ единицъ, именно рубль ходячей монеты, лежавшая въ основаніи народнаго денежнаго обращенія, въ дѣйствительныхъ сдѣлкахъ оказывалась величиной отвлеченною и замѣнялась соотвѣтствующимъ количествомъ ассигнацій или золотой либо серебряной монеты. Такимъ образомъ ходячій рубль отдѣлился отъ своего матеріальнаго выраженія въ мѣдной монетѣ и превратился въ нѣчто мысленное. При этомъ порядкѣ свободное курсированіе ассигнацій и всякой звонкой монеты было явленіемъ естественнымъ, не слѣдствіемъ дѣятельности законодательства, а слѣдствіемъ его бездѣятельности. Но такъ какъ за мѣдною монетой остался характеръ размѣнной монеты для дробей ассигнаціоннаго рубля и такъ какъ въ этомъ значеніи она принималась и казначействами, то между мѣдною монетой и ассигнаціями удерживалось извѣстное отношеніе, и курсированіе ассигнацій не могло идти далѣе извѣстнаго предѣла, не ведя за собой и курсированія мѣдной монеты. Изъ этого произошло, что мѣдная монета, матеріальное выраженіе ходячаго рубля, сама получила лажъ, и единицей курсированія сдѣлался ходячій рубль, уже лишенный всякаго матеріальнаго выраженія или обозначенія. Направленіе же курсированія опредѣлилось воспитанною выпусками ассигнацій привычкой плательщиковъ удовлетворять кредиторовъ не сполна, а съ извѣстною неправильною уступкой въ свою пользу. По этому курсъ ассигнацій на ходячій рубль не падалъ, а вмѣсто того являлся лажъ на мѣдь, что въ сущности было то же самое. Въ послѣднее время предъ 1839 годомъ на ассигнаціи и на мѣдь держался почти одинаковый лажъ; 10 рублей на ассигнаціи по большей части стоили 12 рублей ходячею монетой; 10 копѣекъ мѣдью стоили 12 копѣекъ тою же мысленною ходячею монетой. Правительство, заботившееся о поддержаніи цѣны ассигнацій, оставило ходячій рубль на произволъ случая, и вотъ

причина, почему могла тогда держаться въ обиліи звонкая монета. Въ Петербургѣ и тогда не было лажа; тамъ ассигнаціонный рубль, ходячій рубль и рубль мѣди совпадали въ цѣнѣ, а курсировала только звонкая монета изъ драгоцѣнныхъ металловъ, какъ русская, такъ и иностранная. Сравнительная прочность тамошняго курса условливалась тѣмъ, что излишекъ монеты уходилъ въ страну, причиняя возвышеніе лажа на мѣдь, а недостатокъ пополнялся также изъ страны, причемъ возвышался лажъ на серебро и золото, а иногда и на ассигнаціи. Въ сущности эти колебанія относились не къ мѣди, а къ ассигнаціонному рублю. Цѣной такихъ-то колебаній выкупалась тогда несокращаемость ассигнаціоннаго обращенія. Еслибы ходячій рубль не былъ денежною единицей, то безъ размѣна ассигнацій *по опредѣленной цѣнѣ* (на звонкую ли монету или на процентныя бумаги) курсъ ассигнаціоннаго рубля не могъ бы упрочиться, и графъ Канкринъ не могъ бы отложить опредѣленіе узаконенной цѣны звонкой монеты на ассигнаціи до того времени когда эта цѣна казалась уже прочно установившеюся на биржѣ.

Обращаясь къ нынѣшнему положенію нашей денежной системы, мы видимъ, что государственный банкъ уже *опредѣлилъ* выше чего не долженъ идти курсъ кредитнаго рубля. Банкъ покупаетъ звонкую монету по опредѣленной цѣнѣ, и слѣдовательно не позволяетъ ей дешевѣть (то-есть кредитному рублю возвышаться). Но если дозволительно было опредѣлить выше чего не долженъ стоить кредитный рубль, то почему же нельзя было бы назначить предѣлъ и его удешевленію, то-есть дорожанію золота? Щекотливость могла бы удержать отъ установки *максимума*, но это уже сдѣлано: желательно разсмотрѣть, что мѣшаетъ установить *минимумъ?* Размѣнъ на процентныя бумаги предоставлялъ бы биржѣ по необходимости достаточный просторъ для колебаній курса, но тогда все-таки былъ бы предѣлъ колебаніямъ. Отъ г. Бунге не укрывается, что наша денежная система виситъ на волоскѣ: первая пріостановка въ стройкѣ желѣзныхъ дорогъ, первое политическое затрудненіе, или даже вторичная неудача какого-нибудь довольно значительнаго правительственнаго займа, поведутъ за собой страшное паденіе курса. Упроченіе денежной системы должно бы предотвратить эту катастрофу. Что же мѣшаетъ тому? Если, какъ мы думаемъ, мѣшаютъ тому дефициты и значительность текущаго долга (серій и 4% металлическихъ билетовъ) при наклонности производить даже среди мира новые выпуски кредитныхъ билетовъ, то вотъ стало-быть на какіе пункты должно быть обращено главное вниманіе при разрѣшеніи вопроса о наилучшемъ для насъ устройствѣ банковой системы. Для каждой страны и въ каждое время требуются по каждому серіозному дѣлу свои особенныя мѣры.

№ 207.

Москва, 22-го сентября.

Въ вѣнской газетѣ *Neue Freie Presse* былъ недавно напечатанъ разказъ о поѣздкѣ Фуадъ-паши въ Ливадію, основанный на какомъ-то мнимомъ турецкомъ меморандумѣ. *Journal de St.-Pétersbourg* указалъ тотчасъ же, что этотъ меморандумъ не можетъ быть подлинный, и что о существованіи подобнаго документа никому неизвѣстно. Но вѣнская газета настаивала на своемъ показаніи; она утверждала что помянутый меморандумъ существуетъ, и что его нельзя считать подложнымъ, пока само турецкое правительство не признаетъ его за таковой. Это побудило *Journal de St.-Pétersbourg* еще разъ возвратиться къ этому дѣлу. Предоставляя себѣ, въ случаѣ напечатанія того документа, исправить могущія оказаться въ немъ невѣрности, наша петербургская газета останавливается на показаніи, будто Россія предлагала Фуадъ-пашѣ въ Ливадіи исключительный союзъ между Турціей и Россіей, по примѣру извѣстнаго союза заключеннаго въ 1833 году въ Ункіаръ-Скелесси, и что будто бы Фуадъ-паша отвергъ это предложеніе. Само собой разумѣется, какими разчетами могла быть внушена подобная выдумка.

Не задолго предъ симъ та же самая газета, вмѣстѣ со многими другими, обвиняла Россію въ возбужденіи волненій между подвластными Турціи христіанами и въ поощреніи ихъ къ возстанію противъ власти султана. Россіи приписывалось тогда желаніе ускорить паденіе Оттоманской имперіи, въ надеждѣ воспользоваться те-

перешнимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, при которомъ ни Франція, ни Австрія не могли бы дѣятельно вмѣшаться въ турецкія дѣла, будучи затруднены опасеніемъ торжества прусской политики въ Германіи, торжества, дѣйствительно не допускаемаго интересами Россіи, если одновременно съ нимъ не послѣдовало бы событій, освобождающихъ Востокъ отъ возможности австрійскаго вліянія и навсегда упраздняющихъ извѣстную программу графа Бисмарка, что Австрія призвана быть восточною имперіей, и изъ *Oesterdeich* превратиться въ *Ostreich*. Дѣйствительно, только при такомъ рѣшеніи Восточнаго вопроса, которое обезпечило бы самостоятельную будущность всего славянскаго міра въ Европѣ, Россія могла бы потерпѣть, безъ ущерба для всеобщаго мира и равновѣсія, образованіе въ центрѣ Европы колоссальной державы, объединительницы всего германскаго міра. Связь Восточнаго вопроса съ германскимъ не подлежитъ сомнѣнію. Она имѣетъ наибольшую силу съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ, но она имѣетъ силу съ другой стороны, напримѣръ и для Франціи. По поводу австро-прусскаго столкновенія одинъ маститый французскій публицистъ еще въ нынѣшнемъ году неоднократно задавалъ себѣ вопросъ: ужь не на Дарданеллы ли и Константинополь слѣдуетъ искать пути къ лѣвому берегу Рейна? Почему же австрійскія газеты не обвиняютъ Францію въ возбужденіи Восточнаго вопроса? Это было бы нѣсколько ближе къ фактическому положенію дѣла: вѣдь первое нарушеніе Парижскаго трактата въ Дунайскихъ Княжествахъ совершилось подъ вліяніемъ именно этой державы и при содѣйствіи Пруссіи, которая естественно желаетъ купить цѣной Восточнаго вопроса задуманное ею объединеніе Германіи. Теперь волненіе распространяется по всему Балканскому полуострову, но оно вызвано сдѣланнымъ въ ущербъ Россіи нарушеніемъ Парижскаго трактата; оно распространяется въ Дунайскихъ Княжествахъ, и притомъ конечно не подъ вліяніемъ Россіи. Россія доказала до самоотверженія что желаетъ мира. Она первая поспѣшила, въ нынѣшнюю весну, затушить уже разгоравшуюся искру войны. Какъ не искажено и не умалено недоброжелательнымъ толкованіемъ значеніе услуги, оказанной нами въ этомъ случаѣ спокойствію Европы, но всякому нынѣ извѣстно, что Франція болѣе всего обязана Россіи предотвращеніемъ борьбы, столь несвоевременной для нея.

И вотъ, отрицая эту услугу и приписывая ее своему канцлеру, австрійская печать принимается распускать слухъ объ иномъ проявленіи русскаго миролюбія. Россія будто бы предлагала Турціи такой же союзъ, какой Австрія была бы, повидимому, рада предложить Франціи. При этомъ Россія будто бы такъ поспѣшила изліяніемъ своихъ чувствъ, что не освѣдомилась даже заранѣе о томъ какъ это изліяніе будетъ принято нашимъ ливадійскимъ гостемъ, совѣтникомъ султана. *Journal de St.-Pétersbourg* замѣчаетъ, что самымъ этимъ слухомъ, распускаемымъ австрійскою печатью всего лучше доказывается, какъ мало вѣрила она тѣмъ другимъ вѣстямъ, которыя ею же распускались, о русскихъ-козняхъ порождающихъ волненіе и кровопролитіе въ турецкихъ областяхъ. Что-нибудь одно: либо ускорять паденіе Турецкой имперіи, либо возобновлять съ нею договоръ 1833 года, заключенный въ Ункіаръ-Скелесси. Совмѣстить это труднѣе чѣмъ повѣрить французскимъ циркулярамъ, будто Франція радуется германскому единству. Злой умыселъ, лежащій въ основѣ послѣдней выдумки вѣнской *Neue Freie Presse*, очевиденъ: надобно воспользоваться весьма естественною вѣжливостію, съ которою въ Ливадіи были приняты поздравленія султана, переданныя его министромъ, и представить эту вѣжливость какъ заискиваніе союза, надѣясь на политическую неопытность населеній Востока, дабы поколебать въ нихъ довѣріе къ Россіи.

Безсмысленный слухъ, такъ доброжелательно пущенный изъ Вѣны, подалъ поводъ къ возстановленію истины относительно характера нашей политики на Востокѣ. Вотъ что между прочимъ сказано въ упомянутой нами замѣткѣ *Journal de St.-Pétersbourg*:

„Въ виду стремленія восточныхъ христіанъ къ политической и гражданской жизни, стремленія, проявляющагося съ энергіей, которой нельзя отрицать, русское правительство постоянно приглашало великія державы не воздвигать преградъ, но открыть путь этому потоку, угрожающему залить кровью благодатныя страны.

„Всѣ депеши, обнародованныя съ 1860 г.,

то-есть съ тѣхъ поръ какъ факты доказали заблужденіе тѣхъ, кто полагалъ, будто Восточный вопросъ порѣшенъ Парижскимъ трактатомъ, свидѣтельствуютъ о примирительныхъ усиліяхъ русскаго правительства.

„Голосу его не вняли, когда еще было время. Тѣмъ не менѣе оно продолжаетъ свое дѣло, въ томъ убѣжденіи:

„Что мирное и прочное рѣшеніе Восточнаго вопроса невозможно иначе какъ при общемъ соглашеніи Европы;

„Что сущность Восточнаго вопроса состоитъ только въ соперничествѣ державъ, а потому какъ скоро между державами установится соглашеніе, то задача уже будетъ рѣшена;

„Что это соглашеніе возможно, если стать на почву мира, цивилизаціи и человѣколюбія, то-есть интересовъ общихъ всей Европѣ, и устранить всѣ виды честолюбія или исключительнаго вліянія;

„Что соглашеніе великихъ державъ на этихъ основаніяхъ не можетъ имѣть въ виду никакого рѣшенія, кромѣ основаннаго на удовлетвореніи законныхъ желаній и потребностей христіанскаго населенія находящагося подъ скипетромъ султана.

„Безъ сомнѣнія, было бы всего желательнѣе, чтобы Порта сама присоединилась къ этому порядку идей ради собственныхъ ея интересовъ.

„Не нужно быть ни довѣреннымъ лицомъ канцелярій, ни политическимъ прорицателемъ, чтобы предполагать, что такова была цѣль совѣщаній въ Ливадіи.

„Всякое другое истолкованіе, откуда бы оно ни исходило, мы объявляемъ невѣрнымъ и лживымъ.“

Паденіе Византіи неразлучно связало съ Россіей судьбы всего православія. Россія сдѣлалась естественнымъ и единственнымъ оплотомъ турецкихъ христіанъ. Это историческое положеніе казалось неудобнымъ западной Европѣ. Послѣ крымской компаніи политика западныхъ державъ избрала цѣлью поколебать вѣрованіе восточныхъ Славянъ въ спасительное для нихъ призваніе Россіи. Была изобрѣтена пресловутая программа, имѣвшая въ виду немыслимое сліяніе турецкихъ подданныхъ въ одну націю (fusion des races): мнимыми благодѣяніями этой неосуществимой программы дипломаты надѣялись доказать не только турецкимъ Славянамъ, но и всему православному Востоку превосходство своего протектората надъ упраздненнымъ Восточною войной исключительнымъ протекторатомъ Россіи. Эти замыслы не удались, и Турцію только ослабили. Мистификація турецкихъ танзиматовъ и гати-гумаюна—таковъ былъ единственный результатъ западныхъ дипломатическихъ эмпириковъ надъ ихъ паціентомъ изнемогающимъ подъ бременемъ уже ни одной своей болѣзни, но также и не соотвѣтствующаго его природѣ врачеванія. Неоднократно приведенныя нами донесенія англійскихъ дипломатическихъ агентовъ на Востокѣ не дозволяютъ сомнѣваться въ дѣйствительномъ свойствѣ этой мистификаціи. Вопреки обѣщаніямъ западной дипломатіи, на востокѣ и понынѣ, ни овцы не остались цѣлы, ни волки не сыты. Замыслы дипломатіи были направлены прямо противъ вліянія Россіи на Востокѣ, но какъ будто въ силу справедливаго предопредѣленія, всѣ усилія этого рода обращались до сихъ поръ въ пользу Россіи и во вредъ ея соперникамъ на Востокѣ. Россія дѣйствовала совершенно добросовѣстно. Она изобличала лживость принятой системы и предсказывала не только ея неминуемую безплодность для улучшенія быта турецкихъ христіанъ, но и страшное отягощеніе, которымъ предписанное Турціи мертворожденное законодательство непремѣнно ляжетъ на судьбы этихъ *парій* великой европейской семьи. Не Россія виновна въ заблужденіи, побуждавшемъ западную Европу отвергать неоднократныя ея предложенія рѣшить общими силами этотъ нескончаемый Восточный вопросъ. Дипломатія упорствовала и до сихъ поръ упорствуетъ; но чѣмъ болѣе старается она вредить вліянію Россіи, тѣмъ болѣе это естественное вліяніе растетъ и упрочивается.

Несмотря на пораженіе нанесенное намъ въ Крыму коалиціею почти всей южной и западной Европы, вліяніе и значеніе Россіи на Востокѣ не только не умалились, но даже значительно расширились со времени заключенія Парижскаго мира. Чѣмъ объяснить этотъ фактъ, какъ не результатами благодѣтельнаго для насъ разочарованія въ дружбѣ Австріи, побудившаго насъ впервые стряхнуть съ себя иго Священнаго Союза, который подчинялъ Россію интересамъ политики не русской, а нѣмецкой? Положеніе Россіи теперь весьма выгодное. При нынѣшнемъ положеніи дѣлъ вся задача ея состоитъ въ томъ, чтобъ опять не подчиниться нѣмецкой политикѣ черезъ Пруссію.

№ 208.

Москва, 23-го сентября.

А.

Нѣмецкіе балтійскіе органы обнаруживаютъ теперь изумительное воинственное настроеніе и являются съ статьями, которыя, какъ по оригинальности изобрѣтенія, такъ и по силѣ выраженія, мало чѣмъ уступаютъ заявленію *Вѣсти* перепечатанному нами третьяго дня и напоминающему стиль подпольныхъ изданій 1863 г., выходившихъ какъ на польскомъ, такъ и на русскомъ языкѣ. Какъ будто по командѣ, *Рижская Газета* и нѣмецкая (академическая) *С.-Петербургская Газета* яростно бросаются на насъ, вмѣняютъ намъ въ вину государственные интересы Россіи и возлагаютъ на насъ отвѣтственность за мѣры принимаемыя русскимъ правительствомъ въ виду этихъ интересовъ.

Дня два предъ симъ (*Моск. Вѣд.* № 206) мы упоминали объ австрійской газетѣ *Wanderer*, которая разказывала своимъ читателямъ, якобы генералъ Кауфманъ теперь болѣе прежняго свирѣпствуетъ въ Вильнѣ. *Dziennik Poznanski* обладаетъ свѣдѣніями еще болѣе точными, которыми усердно пользуются нѣмецкія газеты. Тѣмъ достовѣрнѣе должны быть сообщаемыя польскою газетой свѣдѣнія, что она съ большими подробностями повѣствуетъ о привилегіяхъ, дарованныхъ балтійскому дворянству королемъ Польскимъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1561 году. О дѣлахъ же современныхъ она, между прочимъ, сообщаетъ слѣдующее, что и аугсбургская *Allgemeine Zeitung* поспѣшила воспроизвести въ своихъ столбцахъ:

„Уже давно готовился ударъ нѣмцамъ; славянскій конгрессъ въ Москвѣ укрѣпилъ и оживилъ старо-русскую партію Каткова, партію, которою съ одинаковою ненавистью преслѣдуетъ все нѣмецкое, какъ и все польское. Правда, въ Польшѣ до сихъ поръ, повидимому, благопріятствовали Нѣмцамъ, но лишь потому что они евангелическаго исповѣданія, и цѣлью имѣлось отдѣлить ихъ отъ католическихъ Поляковъ. Графъ Бергъ, дѣйствительно благоволящій къ Нѣмцамъ, теперь не можетъ ничего для нихъ сдѣлать."

Къ этому корреспонденту почтенной аугсбургской газеты, пишущій „съ польской границы" отъ 24-го сентября, прибавляетъ:

„Катковъ, какъ насъ извѣщаютъ сегодня, подалъ правительству записку относительно обрусенія и притяженія къ Русской имперіи всѣхъ прочихъ Славянъ Европы, и эта записка принята съ признательностью. Въ ней, между прочимъ, сказано: „Всѣ разсѣянныя въ Европѣ славянскія племена присоединились бы къ Россіи, какъ скоро послѣдняя рѣшилась бы во главѣ своей арміи (sic!) провозгласить великое единое Славянское царство. Но дабы ускорить образованіе этого великаго національнаго могущества и укрѣпить притягательную силу Россіи, надобно съ величайшею энергіей совершить обрусеніе нѣмецкихъ и финскихъ провинцій, также какъ Польши и Литвы, дабы Россія, какъ компактное національное единство, тѣмъ легче и быстрѣе могла поглотить остальные славянскіе элементы."

Можно ли не повѣрить извѣстію, когда оно сопровождается буквальными цитатами изъ *записки!* Рѣшительно, мы возвращаемся къ 1863 году. Чѣмъ лучше эта нѣмецкая ложь, чѣмъ тогдашняя польская? Такія же продѣлки, такая же наглость подлога....

Но мы можемъ сообщить публикѣ извѣстіе еще болѣе вѣрное, разчитанное отчасти также на то чтобы прогнѣвать Европу противъ Россіи. Этимъ *nec plus ultra* вѣрности отличилась *Рижская Газета*, которая выходитъ въ самой Россіи, подъ строгою русскою цензурой (такъ сказано, съ нѣкоторою похвальбой, въ той жестатьѣ), и слѣдовательно говоритъ не болѣе, а вѣроятно гораздо менѣе того что есть на самомъ дѣлѣ. Вотъ что между прочимъ сказано въ этой статьѣ:

Уже нѣсколько лѣтъ все что этой странѣ (балтійскимъ губерніямъ) свято и драгоцѣнно подвергается оскорбленію и поруганію. *Ни вѣра, ни языкъ, ни національность не безопасны отъ разбойничьихъ рукъ, которыя хотятъ лишить насъ этихъ благъ....* Но *есть еще болѣе обширный міръ*, въ которомъ мы, конечно, не много значимъ, но который не забываетъ занести въ свои лѣтописи все правое и неправое (здѣсь, по всему вѣроятію, намекъ на европейское вмѣшательство, чтобы напугать пятилѣтнихъ русскихъ дѣтей), и если онъ (этотъ болѣе обширный міръ) не можетъ спасти, то по крайней мѣрѣ

онъ охранитъ честь и незапятнанно передастъ ее потомству... *Положеніе нашихъ провинцій относительно имперіи подъ отравляющимъ вліяніемъ русскихъ know-nothings должно сдѣлаться неправильнымъ* (schief). Не мы въ этомъ виноваты.

Виной всѣхъ этихъ злосчастій оказываемся мы:

Московскія Вѣдомости, безъ сомнѣнія, еще долго будутъ продолжать свои злобныя нападки на насъ, и мы опасаемся, что онѣ жили довольно долго чтобы въ случаѣ *если милосердое Провидѣніе освободитъ насъ отъ нихъ*, оставитъ потомство, которое не откажется отъ своего происхожденія. Нѣмецкія балтійскія газеты говорятъ теперь о насъ постоянно съ величайшимъ раздраженіемъ совершенно въ тонѣ *Дневнику Познанскому*, принявшему нѣмецкую національность подъ свое покровительство, и манифестамъ *Вѣсти*. А нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы читали въ *Рижской Газетѣ* передовыя статьи гдѣ основательно доказывалось, что мнѣніе (ею же впрочемъ распространенное) будто *Московскія Вѣдомости* враждебны нѣмецкому элементу, есть совершенное заблужденіе; и вообще изъявлялось намъ сочувствіе и высказывались весьма лестные о нашей дѣятельности отзывы. Что же теперь побуждаетъ эту газету представлять своимъ читателямъ совершенно противное въ видѣ истины? Неужели почтенная балтійская газета не пугается здраваго смысла своихъ читателей, то называя насъ своимъ другомъ (въ противоположность прочимъ русскимъ органамъ), то злѣйшимъ врагомъ своимъ, между тѣмъ какъ мы, въ продолженіе всей нашей дѣятельности, никогда въ отношеніи къ ней не измѣнялись и не хотимъ измѣняться? Что за капризный нравъ у этой красавицы!

Но сущность заключается совсѣмъ не въ нашихъ воззрѣніяхъ или въ воззрѣніяхъ русской печати вообще, а въ положеніи, которое принимаютъ балтійскія газеты относительно мѣръ правительства. Русскія газеты не читаются въ томъ краѣ, тамошнія населенія узнаютъ то, что печатается въ Москвѣ или въ Петербургѣ только черезъ фальшивую передачу *Рижской* и другихъ балтійскихъ газетъ. Нападенія на русскую печать, очевидно, дѣлаются только для того чтобы возбуждать мѣстную публику противъ мѣръ, которыя всегда, и еще при покойномъ Императорѣ, были постоянною заботой правительства, противъ тѣхъ необходимыхъ нововведеній, которыя возвѣщены были недавно съ высоты трона, и къ содѣйствію которымъ призывались всѣ честные и преданные Россіи люди. Эти мѣры и нововведенія не насилуютъ ни чьей совѣсти, ни у кого не отнимаютъ ни вѣры, ни языка, и клонятся лишь къ тому, чтобы населенія этого края дѣйствительно принадлежали къ *русскому* единству и чтобъ онъ былъ нераздѣльною, органическою частію *Русскаго* государства. О гоненіяхъ на протестантскую вѣру нѣтъ и рѣчи; если какая вѣра стѣснена въ этомъ краѣ, то не протестантская. Напротивъ, жителямъ балтійскихъ губерній именно въ эти послѣдніе годы, къ которымъ, относятся желчныя жалобы тамошнихъ газетъ, предоставлена такая доля религіозной свободы, какая нигдѣ въ цѣлой имперіи еще не допущена. Вотъ благодарность, какою отвѣчаютъ балтійскія газеты на льготу, поднимающую право протестантскаго исповѣданія въ уровень съ господствующею въ имперіи церковью! Говорить ли о языкѣ? Никакой ни у кого не отнимается языкъ; но возводится въ подобающую силу языкъ государства, часть котораго суть эти провинціи. Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ тѣхъ преданныхъ и честныхъ слугъ Государя и Россіи, которые выходили и выходятъ изъ этого края, понимаетъ и необходимость, и справедливость этой мѣры не сопряженной ни съ какимъ насиліемъ. Никогда ни одного слова не было нами сказано, что не соотвѣтствовало бы духу принимаемыхъ правительствомъ мѣръ и истиннымъ обязанностямъ жителей балтійскаго края. Ужели говорить и дѣйствовать въ согласіи съ интересами государства, съ волей Государя и мѣрами справедливости значитъ быть разбойникомъ? Только этого не доставало!

И по какому праву нѣмецкія балтійскія газеты говорятъ намъ свое: „Мы,“ разумѣвая подъ этимъ все населенія края? Дабы *имѣть возможность* говорить отъ имени большинства, онѣ весьма естественно должны придумывать способы какъ бы взволновать массы; сочинять сказки и какъ можно громче ихъ сказывать. Говорить спокойнымъ тономъ, выставлять точныя числа, дѣлать вѣрныя показанія, имъ рѣшительно невозможно; этого не допускаетъ ихъ ложная точка зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія можно дѣйствовать на массы лишь

посредствомъ той части населенія, которая уже вполнѣ или на половину онѣмечена, и которая не получаетъ никакихъ извѣстій кромѣ искусственно прикрашенныхъ балтійскою печатью, а потому волей - неволей должна имъ вѣрить. Чтобы внушить довѣріе къ сказкамъ о предстоящемъ религіозномъ гоненіи, когда въ дѣйствительности ослаблена для этихъ провинцій сила закона о смѣшанныхъ бракахъ, нужна особая уловка, къ которой балтійская печать и прибѣгаетъ. Изъ словъ *Рижской Газеты* о цензурѣ прямо слѣдуетъ, что если даже цензура сочла наконецъ своимъ долгомъ пропускать въ печать эти тревожныя для совѣсти массъ жалобы на притязанія разбойниковъ отнять у нихъ вѣру и другія блага, то стало-быть эти жалобы справедливы: такъ долженъ судить каждый доморощенный политикъ, а хорошихъ политиковъ мы не можемъ ожидать въ массахъ, особенно на нашемъ балтійскомъ побережьи.

О рижской цензурѣ только затѣмъ упоминается въ статьѣ *Рижской Газеты*, чтобъ окружить сіяніемъ мученичества силу ея рѣчи. Но не слѣдуетъ ли при ссылкѣ на рижскую цензуру спросить: какже могло случиться, что люди, подобные гг. Бесбардису и Петерсону, высылаются изъ балтійскихъ губерній только за то, что ихъ искренняя преданность Русскому государству не подлежитъ соомнѣнію? О г. Бесбардисѣ мы въ свое время достаточно говорили, такъ что ни другу, ни врагу невозможно сомнѣваться, что причиной его ничѣмъ еще не вознагражденнаго бѣдствія было заявленное имъ чистосердечное тяготѣніе къ Россіи. То же самое еще яснѣе доказывается относительно г. Петерсона сенатскими актами. Почему же людямъ такого рѣшительно-честнаго образа мыслей не позволяется издавать газетъ хотя бы на нѣмецкомъ или на какомъ-нибудь иномъ мѣстномъ языкѣ? Почему не стараются такихъ людей энергически поддерживать на ихъ родинѣ, а напротивъ дозволяютъ разорять ихъ и обращаться съ ними какъ съ преступниками? Почему недавно еще отказано въ изданіи газеты на латышскомъ языкѣ? Не потому ли что были причины опасаться, что въ этихъ газетахъ императорское слово *нововведенія* было бы *вѣрно* передано, чего теперешнія латышскія газеты, какъ извѣстно, не могутъ сдѣлать *не вредя себѣ*? Можно ли думать, чтобы ненавидимыя теперешними балтійскими агитаторами лица были враждебнѣе настроены относительно Россіи и справедливыхъ мѣръ принимаемыхъ ея правительствомъ чѣмъ *Рижская* и *Ревельская* газеты? Къ чему же такая неосторожная игра балтійскими дѣлами? Думаютъ ли, что эти лживыя декламаціи суть только милая дѣтская игра, невинное упражненіе въ слогѣ? Но хотя бы и такъ, почему же другимъ журналамъ не дозволяютъ сказать балтійскимъ населеніямъ, которыя довѣряютъ имъ: „все это неправда что здѣшніе политики говорятъ вамъ; они и сами не вѣрятъ этому, и хотятъ только обмануть васъ: Россія не разбойникъ и не варваръ; она не хочетъ отнять у васъ ни вѣры вашей и ничего что по справедливости свято и дорого для васъ“. Чему или кому могло бы это повредить?

До насъ доходятъ слухи, не знаемъ въ какой степени они вѣрны, что высшая администрація балтійскаго края имѣетъ въ виду основать мѣстный органъ на русскомъ языкѣ въ родѣ *Кіевлянина*, который можно бы считать органомъ для нея. Если это такъ, то нельзя не пожелать полнаго успѣха этой полезной мысли. Всѣмъ кто понимаетъ значеніе періодической печати должно было не разъ приходить на мысль какъ было бы желательно въ Ригѣ, гдѣ такъ много Русскихъ, существованіе русскаго органа, который отнялъ бы возможность у нѣмецкихъ изданій говорить за весь край съ точки зрѣнія односторонней. Такое изданіе оживило бы русскій элементъ въ одномъ изъ важнѣйшихъ городовъ Россіи, ничѣмъ никого не стѣсняя. Органомъ Остзейскаго края вообще, и Риги въ особенности, служитъ теперь *Рижская Газета;* интересуется ли кто политическими извѣстіями или телеграфическими депешами, нужно ли кому узнать время отхода поѣздовъ желѣзной дороги, часы отправленія пароходовъ въ дальнія путешествія или къ ближнимъ мѣстечкамъ (Деббельну Кеммерну и т. п.), въ лѣтнюю пору столь оживленнымъ, необходимо ли кому слѣдить за движеніемъ торговыхъ судовъ, за состояніемъ рынка и биржи, пожелаетъ ли кто обратить вниманіе на торговыя объявленія: во всѣхъ этихъ случаяхъ общественной жизни надобно теперь обращаться къ *Рижской Газетѣ*, нѣмецкому органу края.

Поддержанное правительствомъ, печата-

ющее *les primeurs* въ видѣ хорошо обработанныхъ полуофиціальныхъ извѣстій, предполагаемое русское изданіе заинтересовало бы и людей обыкновенно порусски не читающихъ, и избавило бы жителей всего края отъ неизбѣжной необходимости черпать въ мутныхъ источникахъ всѣ нужныя для нихъ свѣдѣнія.

Б.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщенный въ сегодняшнемъ № *Современной Лѣтописи* обзоръ вопросовъ подлежавшихъ разсмотрѣнію въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Читатели замѣтятъ ту осмотрительность, умѣренность и безпристрастную справедливость, которою отличаются постановленныя въ нынѣшнюю сессію рѣшенія. Важный вопросъ объ обложеніи подвергся серіозному обсужденію, и по этому началу можно ожидать большой пользы отъ предстоящей дальнѣйшей разработки его. Переложеніе натуральной повинности въ денежную рѣшено въ принципѣ вопреки крикамъ тѣхъ подстрекателей, которые стараются напугать русское землевладѣніе противъ этой мѣры, требуемой и интересами народнаго хозяйства, и самою элементарною справедливостью.

№ 209.

Москва, 25-го сентября.

Намъ суждено было, по силамъ, способствовать разъясненію нѣкоторыхъ педагогическихъ началъ, имѣющихъ великую важность вообще, а особенно для нашего отечества въ настоящую пору. Дѣло шло не просто о теоріи учебнаго дѣла, но о разрѣшеніи вопросовъ, о которыхъ впервые предлежало высказаться нашему законодательству, и о направленіи реформы, отъ которой зависѣла судьба русскаго образованія и стало-быть будущее развитіе нашей народности. Надобно было не только разъяснять, но и бороться. Въ эту борьбу положили мы свою душу; мы слѣдили за ея перипетіями съ трепетомъ и сердечною болью. Чѣмъ яснѣе представлялось намъ дѣло, чѣмъ глубже были мы убѣждены въ жизненной важности вопроса подлежавшаго рѣшенію, тѣмъ воспріимчивѣе были мы ко всему что могло возбуждать опасеніе за благополучный исходъ его. То была истинная мука Сизифа. Сколько разъ дѣло казалось выиграннымъ, и сколько разъ снова все подвергалось сомнѣнію и замѣшательству! Вскорѣ увидѣли мы себя въ положеніи людей, которые, приложивъ плечо къ общему дѣлу, вдругъ почувствовали на себѣ чуть не всю его тяжесть. Само собою развилось въ насъ чувство какъ бы нравственной отвѣтственности предъ этимъ дѣломъ, подъ тяжестію котораго мы не разъ изнемогали. Оно стало для насъ какъ бы фактомъ нашей жизни, и мы не вольны не принимать сердечнаго участія въ судьбахъ его.

Слава Богу, борьба была не безплодна. Наше законодательство признало, къ вѣчной славѣ нынѣшняго царствованія, тѣ педагогическія начала, въ которыхъ заключается тайна самостоятельнаго, сильнаго и плодотворнаго развитія умственной жизни великихъ историческихъ народовъ современнаго міра.

Но отъ признанія началъ еще далеко до развитія ихъ въ соотвѣтственной системѣ. Всякій разумѣющій дѣло и принимающій его къ сердцу не могъ не вздохнуть свободно, когда наконецъ появился, пропѣдній столько трудностей, новый уставъ нашихъ гимназій. Это было истиннымъ торжествомъ русской народности. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы новый уставъ представлялъ собою вполнѣ удовлетворительное развитіе признанныхъ нашимъ законодательствомъ педагогическихъ началъ. Новый уставъ слишкомъ отзывается борьбой, изъ которой онъ вышелъ; въ немъ слишкомъ замѣтны слѣды противодѣйствія тому что должно быть его основой и въ чемъ должна состоять его сила; въ немъ есть нѣчто какъ бы двусмысленное и нерѣшительное. Онъ какъ бы не увѣренъ въ дѣйствительности принятыхъ имъ началъ, или какъ будто начала эти приняты имъ не охотно, и онъ какъ будто удержалъ за собой возможность отбросить ихъ въ удобную для того минуту и вывести дѣло на противный путь. Кто изучалъ этотъ новый уставъ, тотъ не могъ не вынести убѣжденія, что въ немъ все дѣло реформы виситъ какъ бы на волоскѣ, и что нѣтъ ничего легче какъ направить его, при исполненіи, въ противоположную сторону, особенно если не церемониться, какъ это не рѣдко бываетъ, съ закономъ. Стоитъ только обойти одинъ какой-нибудь маленькій

параграфъ, едва замѣтный въ цѣломъ уставѣ; стоитъ только ослабить обязательную силу одного какого-нибудь пункта; стоитъ только при введеніи устава сдѣлать какое-нибудь косвенное распоряженіе, которое можетъ прокрасться въ дѣло путемъ канцелярскихъ извилинъ, почти безъ вѣдома высшихъ правительственныхъ лицъ, на которыхъ лежитъ отвѣтственность за ходъ дѣла, и оно можетъ быть поражено въ самое сердце, реформа можетъ быть совершенно уронена, и тѣ начала, которыя въ ней, повидимому, восторжествовали, могутъ въ результатѣ понести окончательное пораженіе. Уставъ гимназій, дабы соотвѣтствовать своему назначенію, долженъ быть пересмотрѣнъ тщательно и добросовѣстно, съ ясною руководящею мыслію, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ истинѣ положенныхъ въ основаніе ему началъ, съ рѣшимостію дать имъ надлежащее развитіе и устранить все что придаетъ этому уставу характеръ полумѣры, ставитъ его въ зависимость отъ всякой случайности и подвергаетъ опасности отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра. Есть основаніе надѣяться, что такой пересмотръ будетъ предпринятъ правительствомъ вскорѣ, пока новый уставъ не успѣлъ еще войдти въ полную силу, такъ что всякая перемѣна въ немъ можетъ быть сдѣлана безъ потрясеній и ломки установившагося порядка, что всегда сопровождается бо̀льшимъ или меньшимъ нарушеніемъ разныхъ уважительныхъ интересовъ.

Сейчасъ говорили мы о разстояніи, которымъ отдѣляется признаніе началъ отъ развитія ихъ въ опредѣленной системѣ. Еще большее разстояніе бываетъ между системой, какъ бы хорошо ни была она выработана, и ея исполненіемъ на практикѣ. Мы можемъ ожидать всего лучшаго отъ предстоящаго пересмотра новаго устава гимназій; но вполнѣ обезпеченнымъ дѣло русскаго образованія и русской науки можно признать только тогда, когда оно съ бумаги перейдетъ въ жизнь и установится въ дѣйствительности, когда вмѣсто параграфовъ устава будутъ предъ нами многочисленныя процвѣтающія заведенія, гдѣ будетъ жить духъ новой системы, ежедневно оказывая свое дѣйствіе на многихъ тысячахъ учащагося отрочества. Чтобы придти къ такому результату нужно много времени, усилій и заботъ. Тутъ только поистинѣ начнется дѣло реформы, тутъ только покажетъ она свою силу и заслужитъ благословеніе Россіи какъ въ ея живущихъ, такъ и будущихъ поколѣніяхъ. Великая и славная задача для правительственныхъ лицъ, которымъ суждено блюсти за исполненіемъ этой реформы, касающейся самыхъ высшихъ и вмѣстѣ самыхъ настоятельныхъ потребностей нашего народа въ эту критическую пору! Но ихъ ожидаютъ и большія трудности, неизбѣжныя при всякомъ новомъ дѣлѣ, особенно при дѣлѣ такого свойства какъ учебная реформа, гдѣ почти незамѣтная и ускользающая отъ оцѣнки причина можетъ породить неисчислимыя послѣдствія. Если во всякомъ дѣлѣ, одно дѣйствіе правительства, даже при самыхъ лучшихъ условіяхъ, при всевозможной добросовѣстности, усердіи и просвѣщенности дѣятелей, оказывается недостаточнымъ, то тѣмъ паче должны оказаться недостаточными одни бюрократическіе способы при водвореніи новой учебной системы.

Если желательно, чтобы новая учебная система не просто только накрыла наши школы, какъ общая мѣра, но выработалась на опытѣ, какъ плодъ данный самою почвой, въ которую брошено сѣмя, то для этого недостаточно однихъ казенныхъ заведеній. Требуется, чтобы въ общественной средѣ оказалось энергическое движеніе на встрѣчу благотворной реформѣ. Это требуется и по свойству самаго дѣла, и по особеннымъ обстоятельствамъ, среди которыхъ оно начинается у насъ. Преобразованіе нашего ученаго дѣла не есть частное улучшеніе въ условіяхъ дѣйствующей системы; у насъ все должно начаться сызнова, потому что существовавшій доселѣ порядокъ вещей по этой части былъ не чѣмъ инымъ какъ систематическимъ отрицаніемъ тѣхъ началъ, которыя теперь впервые должны вступить въ силу. Учебная реформа у насъ имѣетъ своею цѣлію не просто, какъ бываетъ въ другихъ странахъ, дать лучшее или болѣе полное развитіе началамъ господствующимъ и безспорнымъ, доказавшимъ свою силу въ продолженіе многовѣковаго плодотворнаго развитія, создавшимъ могущественную организацію, вошедшимся въ многочисленныхъ учрежденіяхъ и людяхъ, преемственно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, служащихъ дѣлу, на нихъ основанному, — у насъ реформа должна впервые положить эти начала, не имѣя ни преданій, ни образцовъ.

Еще въ то время когда только шла рѣчь

объ этой реформѣ, когда еще самыя основанія ея подвергались спору, мы рѣшились способствовать ея успѣху до конца. Чувство нравственной отвѣтственности не только не утратило теперь своей обязательной силы, но еще болѣе даетъ чувствовать себя, когда споръ о началахъ конченъ и когда предстоитъ ихъ осуществленіе на практикѣ. Всею душой были бы мы рады, еслибы оказались другіе болѣе достойные и способные дѣлатели, которые раздѣлили бы съ нами эту отвѣтственность или вовсе сняли бы ее съ нашихъ плечъ. Но слѣдуетъ ли отступать и увольняться вслѣдствіе сознанія нашей недостаточности и слабости? Скромность есть дѣло похвальное; но она становится дѣломъ постыднымъ, когда служитъ только личиной, которою прикрываются малодушіе и нерадѣніе.

Давно уже задумали мы положить основаніе учебному заведенію, которое по своей организаціи давало бы полную возможность выработать на опытѣ всѣ условія необходимыя для обезпеченія правильнаго и плодотворнаго развитія признанныхъ нашимъ законодательствомъ педагогическихъ началъ. Казенныя заведенія, какъ замѣтили мы выше, не могутъ съ полнымъ успѣхомъ послужить для этой цѣли. По самой натурѣ своей, они лишены той свободы движенія, которая необходима для того чтобы новое дѣло могло создать для себя удовлетворительную организацію, воспользоваться всѣми средствами, какія только могутъ оказаться для него пригодными, и примѣниться ко всѣмъ условіямъ и потребностямъ окружающей среды. Казенное управленіе связано неизбѣжными формальностями. Оно можетъ дѣйствовать только посредствомъ общихъ мѣръ, а подробности, индивидуальности, особенности, болѣе или менѣе ускользаютъ отъ него, между тѣмъ какъ въ нихъ-то вся сила, когда требуется ввести въ жизни новыя начала. Оно подчинено общимъ условіямъ государственной службы при опредѣленіи и увольненіи лицъ, а равно при распредѣленіи обязанностей между ними, что̀ затрудняетъ сформированіе вполнѣ удовлетворительнаго личнаго состава и употребленіе каждой способности съ наибольшею пользой для дѣла. Именно потому что у насъ еще нѣтъ педагогической опытности, опирающейся на вѣковыя преданія, нѣтъ педагогическаго сословія, которое могло бы давать направленіе общественному мнѣнію и освѣщать пути для правительственныхъ мѣръ, именно потому что это еще впереди и что этому требуется подготовить почву и положить первое начало, нужно что-нибудь еще кромѣ системы казенныхъ заведеній, гдѣ никто не можетъ дѣйствовать какъ хозяинъ. Требуется такое управленіе, которое именно чувствовало бы себя хозяиномъ въ своемъ дѣлѣ. Съ другой стороны, частное учебное заведеніе также не могло бы соотвѣтствовать предполагаемой цѣли. Частное заведеніе имѣетъ характеръ случайности; оно есть собственность своего содержателя, и слишкомъ тѣсно связано съ его личностію. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, оно все-таки есть болѣе или менѣе промышленное предпріятіе. Требуется такой типъ педагогическаго заведенія, который отличалъ бы его и отъ казенныхъ и отъ частныхъ заведеній, но соединялъ бы въ себѣ нѣкоторыя выгоды тѣхъ и другихъ. Оно не должно быть частною собственностію, оно должно имѣть характеръ общественный; но оно должно быть такъ организовано, чтобъ управленіе его имѣло полную свободу дѣйствій. Требуется заведеніе, которое имѣло бы свой особый уставъ, получившій законодательную санкцію, твердый въ своихъ главныхъ чертахъ, но оставляющій просторъ для личной инициативы и обладающій достаточною подвижностью въ развитіи подробностей, въ примѣненіяхъ и приноровленіяхъ.

Уставъ подобнаго заведенія, проектированный нами, находится теперь, съ Высочайшаго соизволенія, на разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ. Если проектъ этотъ удостоится утвержденія, то, не теряя времени, можно будетъ сдѣлать первый шагъ къ его осуществленію съ января 1868 года.

Предполагаемое заведеніе задумано въ размѣрахъ лицея и должно обнимать какъ гимназическій, такъ и университетскій курсъ ученія. Ожидаемая отъ этого заведенія услуга должна состоять именно въ томъ, чтобы провести новую у насъ систему воспитанія отъ начала до конца и взявъ дѣтей съ первыхъ лѣтъ отрочества, выпустить зрѣлыхъ и готовыхъ къ жизни юношей. Педагогическая задача, полагаемая въ основаніе предпріятію, не была бы вполнѣ разрѣшена, еслибъ ограничиться только гимназическимъ курсомъ. При тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится у насъ наука, ощутительная польза окажется толь-

ко въ томъ случаѣ, если то же заведеніе возьметъ на себя обязанность руководить своихъ воспитанниковъ въ ихъ факультетскихъ занятіяхъ, причемъ они могутъ отчасти посѣщать общія лекціи университета, отчасти слушать курсы спеціально для нихъ устроенные. Но всѣ эти подробности будутъ сообщены въ послѣдствіи: теперь, въ виду возможности открыть первые классы въ январѣ будущаго года, мы сочли нужнымъ заявить о нашемъ предположеніи лишь въ общихъ чертахъ.

Въ какихъ отношеніяхъ будемъ находиться къ этому заведенію мы, его учредители? Если правительство утвердитъ наши предположенія, то мы будемъ имѣть въ немъ право распоряженія, подлежащее правильному контролю на основаніяхъ установленныхъ закономъ. Но заведеніе не будетъ нашею собственностью, и съ нимъ не должны соединяться никакія для насъ матеріальныя выгоды, такъ что оно ни въ какомъ отношеніи не будетъ имѣть характера промышленнаго предпріятія. Мы вносимъ въ его капиталъ свой посильный вкладъ, отказываясь отъ всякаго участія въ доходѣ, равно какъ и отъ всякаго вознагражденія за трудъ, который отъ насъ потребуется. Мы беремъ на себя отвѣтственность въ направленіи дѣла по плану, давно нами обдуманному, и въ выборѣ лицъ достойныхъ и способныхъ нести педагогическія обязанности. Публичная дѣятельность наша, по изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, будетъ много способствовать намъ при устройствѣ этого новаго общественнаго дѣла.

Мы были бы счастливы, еслибы Богъ судилъ намъ дождаться первыхъ плодовъ задуманнаго нами посѣва. Предполагаемое заведеніе должно, вмѣсто теоріи, представить опытъ полнаго примѣненія классической системы на русской народной почвѣ; оно послужитъ къ выработкѣ учебнаго плана и соотвѣтствующихъ ему учебниковъ, къ согласованію обученія съ воспитаніемъ, къ систематическому выбору педагогическихъ пріемовъ, наконецъ, вообще къ самостоятельной постановкѣ русскаго педагогическаго дѣла; вмѣстѣ съ тѣмъ оно будетъ приготовлять къ жизни людей, въ которыхъ особенно нуждается наше отечество, людей, прошедшихъ крѣпкую и добрую школу, людей, которые, въ своемъ званіи Русскихъ, были бы въ полной силѣ дѣтьми Европы. Европа есть то историческое человѣчество, которое имѣетъ за собою богатое прошедшее. Дальнѣйшее развитіе человѣчества совершается на основаніи этого великаго прошедшаго: высшее образованіе каждаго отдѣльнаго лица есть какъ бы повтореніе этого общаго процесса. Европейская школа есть классическая школа, основанная на изученіи обоихъ языковъ древней Европы, школа, которая, служа могущественнымъ средствомъ къ развитію и укрѣпленію умственныхъ силъ, параллельно съ физическимъ возрастаніемъ, въ то же время ставитъ своихъ воспитанниковъ на почву исторіи, и вводитъ ихъ въ общее наслѣдіе человѣчества.

Подробности о характерѣ, планѣ и устройствѣ предполагаемаго нами лицея могутъ быть обнародованы лишь по утвержденіи его устава. Но дабы облегчить желающимъ приготовленіе дѣтей ко вступленію въ это заведеніе, если на открытіе его послѣдуетъ разрѣшеніе правительства, мы считаемъ полезнымъ объявить нынѣ же слѣдующее:

1. Въ январѣ мѣсяцѣ предполагается открыть три низшіе класса гимназическаго курса.

2. При лицеѣ предполагается, по мѣрѣ надобности, учреждать пансіоны, находящіеся подъ его контролемъ, для содержанія его воспитанниковъ, практическаго обученія ихъ новымъ языкамъ и надзора за приготовленіемъ уроковъ.

3. Плату за преподаваніе въ лицеѣ предполагается назначить 300 р. въ годъ, а за содержаніе въ пансіонахъ при лицеѣ 350 руб. и болѣе по соглашенію съ родителями; сверхъ того при вступленіи въ лицей единовременно 50 р. с.

4. Лучшіе ученики будутъ приняты отчасти безплатно, отчасти за половинную плату.

5. Пріемные экзамены будутъ произведены во второй половинѣ декабря по слѣдующей программѣ:

Въ I классъ.

Законъ Божій. Употребительнѣйшія молитвы по-славянски съ переводомъ на русскій. Важнѣйшія повѣствованія изъ исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

Латинскій и русскій языки. Латинскія правильныя склоненія и спряженія. Спряженіе глагола *sum*. Разли-

ченіе частей рѣчи измѣняемыхъ. Понятіе о подлежащемъ и сказуемомъ. Пять басенъ Крылова наизустъ. Диктовка по одной линейкѣ.

Ариѳметика. Четыре дѣйствія надъ цѣлыми числами. Таблица умноженія безъ ошибокъ. Употребительныя русскія единицы мѣры и вѣса; русскія монеты; годъ, сутки и ихъ дѣленія. Раздробленіе и превращеніе именованныхъ чиселъ.

Географія. Обозрѣніе всѣхъ частей свѣта. Самыя главныя моря, заливы, проливы, острова, полуострова, озера и рѣки, горы и мысы, столичные города.

Французскій и нѣмецкій языки. Чтеніе и письмо.

Во II классъ.

Все требуемое для вступленія въ I классъ и кромѣ того:

Законъ Божій. Священная исторія Ветхаго Завѣта и евангельская исторія по чтеніямъ четырехъ Евангелистовъ.

Латинскій и русскій языки. Главныя части латинской этимологіи, а именно: для учащихся по Кюнеру—первый и третій курсы; для учащихся по пространному руководству Смирнова — вся этимологія безъ склоненій греческихъ именъ и безъ глаголовъ уклоняющихся, недостаточныхъ и безличныхъ; для учащихся по краткому руководству Смирнова (предназначенному для трехъ низшихъ классовъ гимназій—этимологія до синтаксиса, съ переводомъ соотвѣтствующихъ фразъ съ латинскаго на русскій. Этимологическій разборъ по-русски и по-латыни. Писаніе склоненій и спряженій по-русски и по-латыни.

Ариѳметика. Четыре дѣйствія надъ дробями.

Географія. Краткая географія Азіи и Африки. Отвѣты по нѣмымъ картамъ.

Французскій языкъ. Членъ и переводъ русскихъ падежей. Образованіе множественнаго числа существительныхъ и прилагательныхъ. Родъ употребительныхъ именъ. Женскій родъ и степени сравненія прилагательныхъ. Письменные переводы легкихъ разказовъ съ французскаго.

Нѣмецкій языкъ. Склоненіе и правильныя спряженія. Членъ и родъ. Степени сравненія. Письменные переводы легкихъ разказовъ съ нѣмецкаго языка.

Въ III классъ.

Все требуемое для вступленія въ I и II классы и кромѣ того:

Законъ Божій. Священная исторія апостольская и краткій катихизисъ по Начаткамъ христіанскаго ученія.

Латинскій и русскій языки. Латинская этимологія вся. Для учащихся по Кюнеру—четыре первые курса. Для учащихся по пространному руководству Смирнова—весь первый выпускъ. Для учащихся по грамматикамъ Цумпта или Тишера—этимологія вся за исключеніемъ примѣчаній. Важнѣйшія синтаксическія правила какъ ablativus absolutus, accus. c. inf., употребленіе главнѣйшихъ союзовъ, герундій и герундивъ. Писаніе по-русски и по-латыни подъ диктовку безъ ошибокъ въ окончаніяхъ. Этимологическій и синтаксическій разборъ. Не менѣе десяти главъ изъ Корнелія Непота (переводъ); пять басенъ Федра (наизусть съ переводомъ).

Исторія и географія. Географія Европы съ политическимъ дѣленіемъ странъ. Краткій обзоръ древней исторіи съ необходимыми свѣдѣніями по древней географіи.

Ариѳметика. Десятичныя дроби. Тройное правило простое (чрезъ приведеніе къ единицѣ). Пропорціи.

Французскій языкъ. Неправильныя спряженія. Писаніе подъ диктовку безъ ошибокъ въ окончаніяхъ. Письменные переводы легкихъ разказовъ съ русскаго на французскій.

Нѣмецкій языкъ. Неправильныя спряженія и употребленіе предлоговъ. Писаніе подъ диктовку безъ ошибокъ въ окончаніяхъ. Письменные переводы легкихъ разказовъ съ русскаго на нѣмецкій.

Примѣчаніе. Испытаніе будетъ произведено по обоимъ новымъ языкамъ, но будетъ дозволено экзаменоваться и по одному изъ нихъ.

№ 210.

Москва, 27-го сентября.

Снова, послѣ краткаго перерыва, въ злополучной Кандіи полилась кровь, съ новымъ ожесточеніемъ воспламенилась борьба, какой мало примѣровъ представляетъ исторія. Сегодняшняя почта наша полна

извѣстій оттуда. Ни амнистія, ни обѣщаніе реформъ не подѣйствовали, и инсургенты не бросили оружія.

Невольно еще разъ возвращаемся мы къ объясненіямъ, которыми *Journal de St.-Pétersbourg* отвѣчалъ на лжесплетенія австрійской журналистики по поводу переговоровъ въ Ливадіи. Объясненія эти были необходимы. Дѣло не въ томъ, чтобы мы сами могли хотя на минуту повѣрить клеветамъ, которыя, съ цѣлью весьма понятною, распространяются органами кабинетовъ австрійскаго и оттоманскаго, и не въ томъ, что европейская публика, съ неизмѣннымъ легкомысліемъ, вѣритъ всему что̀ ей разказываютъ о Россіи; всего важнѣе то, что наши несчастные единовѣрцы могли бы не разгадать этой вѣроломной мистификаціи. Раздраженные своими страданіями, которымъ не предвидится ни конца, ни исхода, они могли бы подумать, что Россія покинула ихъ, отступила отъ своей преемственной политики на Востокѣ и вступила въ соглашеніе съ ихъ притѣснителями.

Многократно повторенныя отрицанія въ офиціальномъ органѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ не оставляютъ ни въ комъ сомнѣнія, и имѣя въ виду общій столь рѣшительный тонъ этихъ заявленій, мы не станемъ придираться къ редактору *Journal de St.-Pétersbourg* за иныя выраженія, которыя нашимъ братьямъ на Востокѣ быть-можетъ прискорбно будетъ встрѣтить въ столбцахъ этой газеты. Въ самомъ дѣлѣ, было бы можетъ-быть лучше не напирать съ такою выразительностью на поддержаніе власти султана; было бы можетъ-быть лучше не ставить оттоманское владычество на ряду съ „государствами, которыя не могутъ быть покончены почеркомъ пера или ударомъ штыка,“ тѣмъ болѣе что и нѣтъ разумной причины для существованія этого владычества, которое внутренно подорвано и держится вовсе не своею силой. Наконецъ, было бы можетъ-быть лучше не ссылаться на трактатъ 1856 года; отъ котораго остались только условія посягающія на интересы и достоинство Россіи. Но сущностью и общимъ направленіемъ возраженій искупаются всѣ подобныя обмолвки. Намъ пріятно надѣяться, что органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ не уклонится и впредь съ этого пути, и возражая на прочія увѣренія австро-турецкой журналистики, прольетъ на весь этотъ вопросъ свѣтъ, требуемый обстоятельствами, интересами и достоинствомъ Россіи.

Фуадъ-паша, постоянно отличавшійся своимъ недоброжелательствомъ къ Россіи и восточнымъ христіанамъ, устроившій въ 1854 г. избіеніе въ Эпирѣ и исполненный озлобленія противъ Критянъ, безъ сомнѣнія, не есть такая личность, отъ которой можно ожидать искренняго начинанія въ дѣлѣ серіознаго разрѣшенія вопросовъ, возникшихъ на Востокѣ. Но онъ все-таки просвѣщеннѣйшій изъ министровъ султана, пользующійся его полнымъ довѣріемъ, его прибытіе въ Ливадію, естественная дань тому великому значенію, какое Россія имѣетъ на Востокѣ, могло казаться въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полезнымъ, а серіознаго вреда причинить не могло: историческая необходимость, руководящая русскою политикой на Востокѣ, ясность началъ, коимъ она нынѣ слѣдуетъ, и твердая рѣшимость нашего кабинета держаться однажды принятаго пути, отнюдь не отрицаемая даже лживыми извѣстіями о свиданіи въ Ливадіи, могли служить для турецкихъ христіанъ достаточнымъ ручательствомъ, что отъ этого свиданія они не въ правѣ ожидать какого-либо ущерба для себя. Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что поѣздка Фуадъ-паши въ Ливадію была съ его стороны дипломатическою хитростью. Критскій вопросъ достигъ своей крайней фазы, и Портѣ было весьма желательно освободиться отъ коллективнаго настоянія Россіи, Италіи и Франціи. Дабы разстроить это совокупное настояніе, турецкому правительству нужно было возбудить недовѣріе западной Европы къ Россіи и притвориться будто оно готово предаться сѣверному колоссу. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлось можетъ-быть въ виду внушить христіанскимъ населеніямъ мысль, будто Россія отступается отъ нихъ. Фуадъ-паша былъ принятъ въ Ливадіи съ тою деликатностью, отъ которой напа Августѣйшая Императорская Фамилія никогда не уклоняется предъ гостемъ, какъ бы мало ни внушалъ онъ сочувствія и довѣрія къ себѣ (орденъ Александра Невскаго, дарованный Фуадъ-пашѣ не означаетъ ничего особеннаго: это общій обычай относительно иностранныхъ пословъ, пріѣзжающихъ съ чрезвычайными порученіями); но едва возвратившись въ Константинополь, турецкій министръ поспѣшилъ привести въ исполненіе свой лукавый дипломатическій замыселъ. Немедленно от-

правилъ онъ въ Вѣну разказъ о своемъ разговорѣ съ Государемъ Императоромъ, очевидно окрашенный въ невѣрный цвѣтъ. *Neue Freie Presse* поспѣшила напечатать этотъ разказъ съ тою готовностью, которую всякая подобнаго рода махинація встрѣчаетъ въ австрійской печати, и именно въ той части ея, которая находится подъ ближайшимъ вліяніемъ правительства. Изъ архивовъ клеветы тотчасъ же извлечены были воспоминанія о 1854, дабы снова заговорить объ Ункіаръ-Скелесскомъ трактатѣ, и генерала Игнатьева едва было не облекли въ историческое пальто князя Меншикова. Вслѣдъ за тѣмъ, дабы не терять времени и быстро покончить Критскій вопросъ, пользуясь недовѣріемъ возбужденнымъ въ Лондонѣ и Парижѣ, Порта поспѣшно приступила къ дѣлу. Телеграфъ извѣстилъ Европу, „что султанъ даровалъ Кандіотамъ амнистію, что коммиссія подъ предсѣдательствомъ самаго великаго визиря отправилась въ Критъ для установленія тамъ новаго административнаго порядка, и наконецъ, что Критяне будутъ пользоваться тѣми же льготами, какія султану благоугодно даровать всѣмъ своимъ не мусульманскимъ подданнымъ.

Нечего, кажется, и говорить, что эта амнистія есть насмѣшка оскорбительная не только для Критянъ, но и для европейскихъ державъ, настаивающихъ уже болѣе шести мѣсяцевъ на томъ, чтобы Критъ былъ успокоенъ, или, лучше сказать, возвращенъ Греціи, развязка, на которую было указано Фуадъ-пашѣ, по его же свидѣтельству и въ Ливадіи, какъ на единственно возможную при теперешнемъ положеніи дѣлъ. Говорить объ установленіи новаго административнаго порядка для населенія, которое рѣшилось лучше погибнуть нежели остаться подъ турецкимъ игомъ, значитъ испытывать долготерпѣніе міра. Въ виду такой осанки Оттоманской Порты, Императорское правительство менѣе чѣмъ когда-либо можетъ остановиться бездѣйственно на пути, предначертанномъ ему исторіей и интересами Россіи. Не нарушая общаго мира, не обременяя своего народа пожертвованіями, Россія можетъ пребыть вѣрною своему вѣковому минувшему, спасти будущее и оградить настоящее: для этого нужно только предоставить Турціи всѣмъ послѣдствіямъ ея безумія, а христіанскимъ населеніямъ ея обезпечить, по крайней мѣрѣ, свободу защищать свои права на существованіе, чего европейская дипломатія до сихъ поръ не могла или не хотѣла вполнѣ признать за ними. Отказавшись во всеуслышаніе отъ солидарности съ турецкимъ правительствомъ, которую Фуадъ-паша хотѣлъ навязать намъ, мы можемъ поддерживать принципъ невмѣшательства на Востокѣ, требовать его соблюденія, отвергать всѣ невозможныя реформы, основу которымъ пріискиваютъ въ гатть-гумаюнѣ, и наконецъ, поставивъ на видъ все что мы старались сдѣлать въ пользу нашихъ единовѣрцевъ, предоставить Божьему правосудію дѣло, котораго не могла уладить человѣческая мудрость.

№ 211.

Москва, 28-го сентября.

Куріозныя явленія происходятъ предъ нашею публикой. Разчеты на ея несообразительность доходятъ до дерзости неимовѣрной. Требуется ли подорвать мѣры предположенныя для усиленія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ: вмѣсто того чтобы такъ и говорить, не просто заводятъ рѣчь, а поднимаютъ крикъ, начинаютъ на всѣ лады трубить о великой важности этого вопроса и подъ прикрытіемъ патріотическихъ словоизверженій поддерживаютъ именно то что всего вѣрнѣе отдалитъ или даже сдѣлаетъ невозможнымъ достиженіе цѣли. Недавно такой пріемъ былъ употребленъ въ дѣлѣ, которое повидимому нѣтъ никакой возможности запутать и которое сводится къ математической аксіомѣ, что прямая линія короче кривой. Нашъ превосходный, почти никогда не замерзающій Либавскій портъ съ нѣкотораго времени привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе; мысль о значеніи этого порта для Россіи сдѣлалась популярною мыслію и, сперва громко высказанная, потомъ какъ бы забытая, теперь снова и сполна оцѣнена правительствомъ, которое и рѣшило произвести изысканія для Ковенско-Либавской желѣзной дороги. Оспаривать пользу этой линіи теперь не привело бы ни къ чему, и кто взялся бы за такую задачу, не имѣлъ бы никакого успѣха. Что же дѣлается? Выходитъ брошюра, озаглавленная такъ: *Значеніе Пинско-Бѣлостокской и Ковенско-Либавской желѣзныхъ дорогъ*, брошюра не пущенная

въ публику, но напечатанная и какъ бы обнародованная для публичнаго обсужденія, и въ этой брошюрѣ съ большимъ сочувствіемъ говорится о важности Ковенско-Либавской желѣзной дороги. Авторъ даже настаиваетъ, что надобно продолжить эту линію внутрь страны и съ этою цѣлію предлагаетъ, — что бы вы думали? — Постройку желѣзной дороги изъ Пинска по направленію не къ Либавѣ, а къ Кенигсбергу. Чѣмъ объяснить такую неожиданность. Авторъ самымъ страннымъ образомъ преувеличиваетъ значеніе Пинска. Но согласимся съ нимъ, признаемъ это мнимое значеніе: что же далѣе? Авторъ признаетъ также важность Либавскаго порта, и въ этомъ случаѣ ничего не преувеличиваетъ. Повидимому, всякій читатель долженъ вывести изъ этихъ посылокъ заключеніе, что весьма желательно соединить Пинскъ желѣзною дорогой съ Либавой. Самъ авторъ распространяется о томъ, что это не только желательно, но и необходимо. Читатель видитъ его на своей сторонѣ и готовъ встрѣтить съ сочувствіемъ его выводы, на такомъ правильномъ разсужденіи основанные. Но именно этою минутой довѣрія авторъ пользуется, чтобы внушить читателю мысль о желѣзной дорогѣ изъ Пинска не къ тому мѣсту, гдѣ Ковенско-Либавская вѣтвь отдѣляется отъ Петербурго-Варшавской желѣзной дороги,—не къ Ландварову, станціи лежащей близъ Вильны, а къ Бѣлостоку, который отстоитъ отъ Ландварова на 208 верстъ и лежитъ на прямомъ пути изъ Пинска не къ Либавѣ, а къ Кенигсбергу.

Мы сочли долгомъ раскрыть въ истинномъ свѣтѣ этотъ образъ дѣйствій и представили рядъ статей о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ, въ которыхъ показали, что она будетъ въ подрывъ, а не въ пользу либавской вѣтви. Дѣло было совершенно ясно; для спора не оставалось мѣста. Тѣмъ не менѣе до насъ доходили слухи, что намъ готовится отвѣтъ, который будетъ не только оспаривать, но и опровергнетъ безспорныя какъ *дважды два четыре* положенія. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали этого отвѣта, наше любопытство было возбуждено шарадой, которую предстояло намъ разрѣшить. Но вмѣсто остроумной шарады появились статьи, коихъ успѣхъ можетъ основываться единственно на томъ, что публика уже успѣла позабыть, что было сказано за мѣсяцъ предъ симъ, и по своей несообразительности, пожалуй, не замѣтитъ, что предполагаемая желѣзная дорога должна направиться изъ Пинска не къ Либавѣ на Ландварово, а къ Кенигсбергу на Бѣлостокъ. Дабы за словами публика не добралась до дѣла, въ этихъ статьяхъ опять не безъ пафоса говорится о важности Либавскаго порта.

Если господа дѣйствующіе такимъ образомъ думаютъ, что мы не захотимъ повторять однажды сказанное и будемъ ждать отъ нихъ болѣе дѣльнаго возраженія, предоставляя имъ между тѣмъ слово къ публикѣ, то они ошибаются. Мы лучшаго чѣмъ они мнѣнія о русской публикѣ, но это не помѣшаетъ намъ облегчить ей правильное сужденіе о подобномъ обращеніи съ нею, и прежде нежели мы войдемъ въ разборъ этихъ статей и даже прежде нежели назовемъ ихъ въ нашей газетѣ, мы возстановимъ главныя черты дѣла.

Вопросъ о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ возникъ не въ Россіи, а въ Пруссіи. Въ 1861 году была напечатана въ Познани брошюра о важности Пинско-Бѣлостокской линіи и необходимости соединить ее съ прусскою желѣзною дорогою изъ Кенигсберга въ Лыкъ, направленною прямо на Бѣлостокъ. Выходъ этой брошюры былъ сигналомъ для составленія общества „Литовской желѣзной дороги“ изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, обратившихся въ мартѣ 1862 года къ главноуправляющему путями сообщенія съ просьбой о разрѣшеніи линіи и дарованіи правительственной гарантіи. Въ то время правительство не препятствовало дѣлать изысканія, но вопросъ о гарантіи оставило въ сторонѣ. Тогда ни отъ кого не скрывали, что Пинско-Бѣлостокская желѣзная дорога строится за тѣмъ чтобы составить одну линію съ Лыко-Кенигсбергскою; тогда не считали нужнымъ умалчивать, что произведенія западнаго края оттянутся вслѣдствіе этого къ Кенигсбергскому порту отъ нашихъ балтійскихъ портовъ, а потому тогда вовсе не было рѣчи о необходимой связи „Литовской“ желѣзной дороги съ Либавскою; напротивъ, доказывалось, что намъ выгоднѣе торговать черезъ Кенигсбергъ, что этотъ городъ будетъ для насъ не что иное какъ порто-франко и т. п. Теперь—времена иныя, и о той же самой дорогѣ, которая предназначалась тогда для Кенигсбергскаго порта съ пожертвованіемъ Либавой, теперь утверждается, что имен-

но она способна привлечь грузы къ Либавѣ и отвлечь ихъ отъ Кенигсберга!

Чтобъ еще больше запутать публику, непривычную къ подлогамъ, ее увѣряютъ, будто и *Московскія Вѣдомости* не отрицали экономической пользы Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, хотя и возставали противъ нея подъ вліяніемъ страха, внушаемаго нашей газетѣ призраками ея болѣзненнаго воображенія. Въ виду такой стратагемы не обязаны ли мы повторить, что по нашему мнѣнію, выраженному въ первыхъ же нашихъ статьяхъ, постройка этой дороги не вызывается никакою надобностью, и будетъ болѣе вреда нежели пользы и въ экономическомъ, и въ политическомъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ? Дорога эта не обогатитъ того края: не въ желѣзной дорогѣ нуждается Полѣсье, эта область скудно населенныхъ лѣсовъ и болотъ. Странно намъ думать о процвѣтаніи Полѣсья, когда у насъ мѣстности дѣйствительно богатыя ждутъ и не дождутся желѣзныхъ дорогъ. Но еслибы въ виду интересовъ Полѣсья забыть объ остальной Россіи, то даже и тогда мысль о Пинско-Бѣлостокской дорогѣ не имѣетъ смысла. Она подорветъ Либаву; она понизитъ сборъ съ Ковенской вѣтви Петербургско-Варшавской желѣзной дороги, но Полѣсья, какъ сказано, она не обогатитъ и процентовъ на свой капиталъ не выручитъ. Ни одна мѣстность въ Россіи не имѣетъ такого множества значительныхъ судоходныхъ рѣкъ, какъ Полѣсье. Припеть, Пина, Ясельда, Стырь, Горынь, Случь, перерѣзываютъ его во всѣхъ направленіяхъ и судоходны отъ 8 до 9 мѣсяцевъ въ году. Каналы Днѣпровско-Бугскій и Огинскій связываютъ бассейны Днѣпра и Припети съ бассейнами Нѣмана и Вислы. Для страны, гдѣ не развиты, да и не могутъ быть успѣшно развиты ни промышленность, ни земледѣліе, этого уже весьма довольно. Бездоходность проектируемой Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги очевидна, и постройка ея, выгодная Пруссакамъ, ляжетъ всею своею тяжестію на наши и безъ того разстроенные финансы. Одна 5% гарантія съ погашеніемъ, испрашиваемая для этой дороги у правительства, составляетъ уже 1.088.000. Думать о подобномъ доходѣ на этой дорогѣ нельзя не только въ настоящемъ, но и въ отдаленномъ будущемъ. *Если принять что весь грузъ, который въ настоящее время направляется изъ Пинска въ Царство Польское или Пруссію, водянымъ путемъ, оставитъ каналы и двинется по желѣзной дорогѣ (чего очевидно допустить нельзя), то и тогда Пинско-Бѣлостокская желѣзная дорога не можетъ разчитывать на валовой сборъ болѣе 300 тысячъ рублей или за вычетомъ расходовъ по эксплуатаціи не болѣе чѣмъ ½% на капиталъ, по которому надо гарантировать 5%.* Въ блестящіе годы пинской торговли 1855, 1856 и 1857 г. среднимъ числомъ проходило мимо Пинска и грузилось въ немъ товаровъ на сумму 5.187.000 рублей. Въ томъ числѣ непосредственно въ крѣпость Брестъ-Литовскій, въ Кобринъ, Слонимъ и мѣстечко Телеханы направлялось грузовъ на 2.180.860 руб., и слѣдовательно, maximum, на который можетъ разчитывать желѣзная дорога будетъ грузъ на сумму всего 2.898.140 руб. Пассажирскаго движенія на этой линіи не будетъ, да пойдетъ ли и названный грузъ по желѣзной дорогѣ или предпочтетъ держаться цѣликомъ либо отчасти прежняго водянаго пути, это—вопросъ будущаго.

Безъ всякаго сомнѣнія, водяные пути западнаго края требуютъ нѣкоторыхъ улучшеній; но неслишкомъ ли преждевременно оглашать чрезъ посредство администраціи о ихъ совершенной негодности? На дѣлѣ этой негодности не видно. По Припети ходятъ буксирные пароходы до самаго Пинска и барки поднимающія отъ 5.000 до 20.000 пудовъ. По Огинскому каналу ходятъ барки поднимающія до 2.000 пудовъ, по Днѣпровско-Бугскому — отъ 3.000 до 5.000 пуд. Это вовсе не такъ дурно. Въ сухое лѣто случается пріостановка навигаціи, вообще на очень короткое время, но официальные же источники показываютъ, что требуется незначительная сумма для обводненія каналовъ и рѣкъ Полѣсья. Плата за провозъ по водянымъ сообщеніямъ весьма не велика:

Отъ Пинска до	Кременчуга	11—18	коп.
— —	Варшавы	12—20	—
— —	Данцига	25—30	—

Разность въ цѣнахъ на хлѣбъ въ Пинскѣ, Гроднѣ и Вильнѣ вовсе не чрезмѣрная. Намъ говорятъ: „въ послѣднее десятилѣтіе среднею цѣною ржи въ Пинскѣ нужно принять 3 р., а въ Гроднѣ и Бѣлостокѣ 4 р. 25 к.; въ 1855 году четверть ржи въ Пинскѣ стоила около 5 р., а въ

Гродно—12 р., въ 1859 году четверть ржи продавалась въ Пинскѣ по 2 р. 50 к., въ Гродно по 5 р.[1] и т. д. Что же оказывается? Средняя торговая цѣна ржи въ Пинскѣ не 3 р., а 4 р. 89 к.,[2]) въ то же время средняя торговая цѣна ржи въ Гродно 4 р. 94 к.;[3]) а средняя заподрядная казенная цѣна ржи въ Гродно 4 р. 75 к.[4]) *(слѣдовательно дешевле пинскихъ торговыхъ цѣнъ)*. Въ 1855 году четверть ржи стоила въ Пинскѣ не 5 р., а 6 р. 25 к.[5]) Въ то же время четверть муки въ Гродно стоила не 12 р., а только 9 р. 12 к., а въ Бѣлостокѣ—7 р. 60 к.[6]) Въ 1859 году четверть ржи въ Пинскѣ среднимъ числомъ продавалась не по 2 р. 50 к., а по 3 р. 81 к.[7]); въ то же время въ Гродно она стоила 3 р. 73 к., то-есть опять была *дешевле* нежели въ Пинскѣ[7]).

Въ экономическомъ отношеніи эта дорога не принесетъ пользы ни Россіи вообще, ни западному краю въ отдѣльности. Она будетъ полезна только Пруссіи, искусственно притянувъ на русскіе капиталы большой сбытъ къ кенигсбергскому порту. Она доставитъ современемъ и большій дивидендъ Лыко-Кенигсбергской дорогѣ, построенной Пруссіей для соединенія крѣпостей Летцена и Кенигсберга, въ видахъ исключительно военныхъ, дабы облегчить наступательныя дѣйствія прусскихъ войскъ, въ случаѣ войны съ Россіей. Въ политическомъ отношеніи она усилитъ нѣмецкій Drang nach Osten и соединитъ съ Пруссіей наши нѣмецкія колоніи въ Супрасли, Бѣлостокѣ и пр. Въ стратегическомъ отношеніи она будетъ безполезна для Россіи, ибо въ Пинскѣ, въ глубинѣ Полѣсья, очевидно у насъ нѣтъ ни войскъ, ни военныхъ складовъ и никогда ихъ не будетъ, а слѣдовательно оттуда нельзя будетъ ожидать и подкрѣпленій для дѣйствующей арміи.

Предвидя эти возраженія, защитники проекта Пинско-Бѣлостокской линіи выставляютъ ее какъ первый участокъ болѣе значительной линіи соединяющей Волынь съ Бѣлостокомъ. Но если давать дѣлу такой оборотъ, надобно доказать, что желѣзную дорогу можно, безъ громадныхъ пожертвованій, построить черезъ болота, лежащія на югъ отъ Пинска, что еще не доказано, а по нашему мнѣнію и доказано быть не можетъ. Сверхъ того Пинскъ тогда уже перестанетъ быть необходимымъ пунктомъ рельсоваго сообщенія, какъ перестанетъ быть имъ и Бѣлостокъ. Вопросъ приметъ тогда такой видъ: какой путь всего выгоднѣе для соединенія Волыни съ Либавой? Такъ какъ цѣлью будетъ не Бѣлостокъ, а Либава, то путь долженъ будетъ пройдти много восточнѣе Пинска, и само собой представится болѣе выгоднымъ вести дорогу не по болотамъ и пущамъ, а по мѣстамъ имѣющимъ сравнительно густое населеніе. Тогда выборъ несомнѣнно останется за направленіемъ на Бердичевъ, Житоміръ, Петроковъ, Слуцкъ и Вильну (или Ландварово). Этотъ путь былъ бы значительно короче; дорога, проведенная по этому пути, была бы безъ сравненія доходнѣе; къ тому же и Припеть пересѣкла бы она въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка совершенно удобна для судоходства, между тѣмъ какъ между Петроковымъ и Пинскомъ она бѣдна водой.

Таковы *экономическія* соображенія, которыя были нами высказаны по поводу вопроса о Пинской желѣзной дорогѣ, и ни одно изъ этихъ соображеній не было ослаблено нашими возражателями. Возстановивъ дѣло въ главныхъ чертахъ его, мы можемъ теперь приступить къ разбору подробностей, приведенныхъ возражателями, что мы на дняхъ и исполнимъ.

---

1) *Матер. для геогр. и стат. Россіи Минск. губ.* т. II, табл. къ стр. 44.
2) *Гродн. губ.* т. II, стр. 62.
3) Idem. стр. 402.
4) *Минск. губ.* т. II, стр. 44.
5) *Гродн. губ.* т. II, стр. 74.
6) *Минск. губ.* т. II, табл. къ стр. 44.
7) *Гродн. губ.* т. II, стр. 74.

№ 212.

Москва, 20-го сентября.

А.

Мѣсяцъ спустя послѣ нашихъ статей о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ и почти одновременно появились статьи о томъ же предметѣ въ *St.-Petersburger Zeitung*, въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* и въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Газета Императорской Академіи Наукъ есть, какъ извѣстно, органъ германскихъ интересовъ, а потому ей естественно стоять за столь выгодную для Пруссіи Пинско-Бѣлостокскую дорогу, но она довольствуется пересказомъ содержанія виленской брошюры *Значеніе Пинско-Бѣлостокской и Ковен-*

ско-Либавской желѣзныхъ дорогъ, и вовсе не входитъ въ разсмотрѣніе представленныхъ нами доводовъ, хотя изъ заключительныхъ словъ послѣдней статьи *St.-Petersburger Zeitung* и видно, что эти доводы ей извѣстны. Петербургская германская газета такимъ образомъ дѣйствій стало-быть уклоняется отъ „всесторонняго и правильнаго разрѣшенія вопроса о проектируемой дорогѣ.“ *Биржевыя Вѣдомости* избрали путь болѣе рѣшительный. Не приводя въ пользу Пинско-Бѣлостокской дороги ничего новаго кромѣ того что изысканія по этой дорогѣ уже сдѣланы, эта газета старается убѣдить публику, что подрывающая Либаву Пинско-Бѣлостокская дорога будетъ полезна Либавѣ. Въ подтвержденіе этой насмѣшки надъ здравымъ смысломъ, эта официозная газета увѣряетъ насъ, что Лыко-Бѣлостокская дорога разрѣшена не будетъ, и потому привозимые изъ Пинска товары принуждены будутъ идти на Либаву. Но при этомъ не объясняется что̀ побуждаетъ принуждать эти товары дѣлать ненужный лишній путь отъ Бѣлостока до Ландварова на протяженіи 208 верстъ. *Биржевыя Вѣдомости* ограничиваются приглашеніемъ публики взглянуть на карту — приглашеніемъ имѣющимъ смыслъ только при увѣренности, что никто на карту не посмотритъ. Наконецъ, и въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* (№ 109) появился „Отвѣтъ *Московскимъ Вѣдомостямъ*,“ за подписью „сообщено,“ помѣщенный нами ниже цѣликомъ.

Мы не говорили, что цифры приведенныя въ брошюрѣ о недостаткѣ хлѣба въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ *подложныя* (какъ сказано въ отвѣтѣ), но говорили и говоримъ, что онѣ *не вѣрны*. Мы находили и находимъ страннымъ, что изъ официальныхъ сферъ оповѣщается постоянный голодъ въ сѣверо-западномъ краѣ, когда голода тамъ нѣтъ, и что изъ тѣхъ же сферъ указывается на цвѣтущее состояніе этого края при Витовтѣ (!) и на такой упадокъ его благосостоянія при русскомъ правительствѣ, что онъ доведенъ до *экономическаго застоя* (стр. 10) и *оцѣпенѣнія* (стр. 11), что *производительность все уменьшается съ каждымъ годомъ* (стр. 13), что *населеніе большаго пространства страны проводитъ всѣ четыре времени года въ бездѣйствіи* (стр. 11) и *что здѣсь люди утратили даже способность различать движеніе знаки* (стр. 11).

Писать подобныя вещи отъ имени управленія главнаго начальника сѣверо-западнаго края и потомъ прикрываться авторитетомъ этого управленія, конечно, не значитъ правильно пользоваться довѣріемъ онаго. Видя это, мы имѣли право усомниться въ вѣрности показаній, которыя авторъ брошюры приписываетъ коммиссіямъ народнаго продовольствія. Теперь *Виленскій Вѣстникъ* официально заявляетъ, что эти показанія переданы вѣрно, но изъ этого не слѣдуетъ чтобъ они сами были вѣрны и чтобы позволительно было передавать ихъ въ брошюрѣ, изготовленной при главномъ управленіи краемъ для спеціальной цѣли и по спеціальному порученію главнаго начальника. Данныя, собранныя (правильнѣе предположенныя) коммиссіями народнаго продовольствія, свидѣтельствовали, что на 1865—1866 годъ не достанетъ на продовольствіе жителей сѣверо-западнаго края до 2.246.848 четвертей хлѣба (принимая въ то число и потребность войскъ, не считая потребностей винокуренія, на которое пошла не одна сотня тысячъ четвертей). Судя по этимъ даннымъ, краю угрожалъ страшный голодъ, и коммиссіи продовольствія, предвидя дороговизну, причиняемую значительною численностью расположеннаго въ краѣ войска, могли высказывать свои опасенія съ тою или другою цѣлію, тѣмъ болѣе что онѣ говорили о будущемъ. Но 1865—1866 годъ прошелъ вполнѣ благополучно, и виленская брошюра вышла послѣ того. Составитель ея не могъ не знать, что въ краѣ не было ни голода, ни особенной дороговизны, подати оплатились исправно, контрибуція съ землевладѣльцевъ то же. Край и въ томъ году вовсе не нуждался въ привозѣ хлѣба, а напротивъ, по обыкновенію, значительное количество его было вывезено. Привозъ хлѣба въ край не такая вещь, которую можно скрыть. Пусть авторъ брошюры укажетъ намъ мѣста разгрузки хлѣба, который привозился въ край для распродажи. Мы же укажемъ ему не одинъ пунктъ складки хлѣба туземнаго производства съ цѣлью отправленія его за границу и въ Царство Польское. Но еслибъ и случился тамъ однажды голодъ, изъ этого еще нельзя было бы заключать объ обычномъ ходѣ дѣлъ, принимаемомъ въ разчетъ при построеніи желѣзныхъ дорогъ. Только въ восточную часть Минской гу-

берніи, но Березинѣ, привозится обыкновенно небольшое количество хлѣба (преимущественно для военныхъ заподрядовъ), но за то изъ западной части этой губерніи вывозится несравненно большое количество. Даже первоначальные составители проекта Литовской желѣзной дороги признавали, что сѣверо-западная Россія въ хлѣбѣ не нуждается и имѣетъ его въ достаточномъ количествѣ не только для собственнаго потребленія, но и для винокуренія *).

Даннымъ изъ смѣты военнаго министерства мы отнюдь не отвергали. Напротивъ, мы привели ихъ какъ цифры очевидно говорящія о безполезности Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги для западнаго края. Хлѣбъ не подешевѣетъ ни въ Вильнѣ, ни въ Варшавѣ отъ проведенія этой дороги. Еслибы желѣзная дорога соединила не только Пинскъ съ Бѣлостокомъ, но Кіевъ съ Вильной и Кіевъ съ Варшавой, то и тогда были бы справедливы наши показанія. Разстояніе отъ Кіева до Вильны (черезъ Пинскъ) болѣе 800 верстъ, а отъ Кіева до Варшавы — 863 версты, если полагать за провозъ цѣны сообразныя съ цѣнами на Николаевской желѣзной дорогѣ, то провозъ пуда хлѣба обойдется

Изъ Кіева въ Вильну . 20 к.
Изъ Кіева въ Варшаву 22 к.

или провозъ четверти (10-пудоваго вѣса) въ Вильну будетъ стоить 2 р., а въ Варшаву — 2 р. 20 к. Среднія цѣны военныхъ заготовленій близко подходятъ къ среднимъ торговымъ цѣнамъ. Хлѣбъ купленный въ Кіевѣ по 3 р. 50 к. и провезенный по желѣзной дорогѣ въ Вильну стоилъ бы тамъ 5 р. 50 к., а провезенный въ Варшаву — 5 р. 70 к. Говорить о пользѣ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, якобы имѣющей удешевить заготовленія военнаго министерства — невозможно. Коль скоро среднія сложныя цѣны на четверть муки заподряженной для войскъ съ 1861 по 1866 годъ въ военныхъ округахъ были

въ Варшавскомъ 5 р. 7 к.
„ Виленскомъ . 4 р. 99¼ к.
„ Кіевскомъ . 3 р. 50½ к.

(беремъ цифру обозначенную въ брошюрѣ, а не въ „Отвѣтѣ“ намъ, гдѣ приводится цѣна 5 р. 50½ к., вѣроятно, по опечаткѣ), то выходитъ что и безъ Пинской дороги военное министерство заподряжало въ западномъ краѣ хлѣбъ довольно выгодно, выгоднѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, ибо среднія заготовительныя цѣны военнаго министерства были

въ 1862 г. . . 7 р. 40 к.
„ 1863 „ . . 6 „ 48 „
„ 1864 „ . . 5 „ 45½ „
или средняя . . 6 „ 41½ „

Что же касается остальныхъ цифръ, то въ „Отвѣтѣ“ намъ говорится лишь вообще, что онѣ взяты изъ *вѣрныхъ* источниковъ. Какіе это вѣрные источники? Прошенія купцовъ и фабрикантовъ городовъ Бѣлостока и Пинска! Хороши вѣрные источники для офиціальной брошюры. Заинтересованные купцы и фабриканты могли взять невѣрныя цифры и даже защищать ихъ всевозможными средствами, но въ запискѣ, составленной по приказанію высоко-стоящаго административнаго лица, такимъ даннымъ не должно быть даваемо мѣста, безъ критической ихъ провѣрки. Въ „Отвѣтѣ“ *Виленскаго Вѣстника* сказано уже черезчуръ простодушно, что пинское и бѣлостоковое купечество не могло хлопотать о дѣлѣ въ прямой ущербъ своимъ интересамъ, какъ будто кто-нибудь предполагалъ, что Пинско-Бѣлостокская дорога можетъ причинить ущербъ пинскому или бѣлостокскому купечеству. Еще страннѣе защищать данныя виленской брошюры, зная, что они все-таки имѣютъ своимъ источникомъ познанскую брошюру, хотя это и отрицается, съ двусмысленнымъ пояснеміемъ, что существованіе познанской брошюры, *можетъ-быть*, неизвѣстно управленію главнаго начальника сѣверо-западнаго края. Относить ли къ этому управленію и составителя виленской брошюры нынѣшняго года? Если да, то для двусмысленнаго *можетъ-быть* нѣтъ мѣста. Мы не позволили бы себѣ сказать безъ достаточныхъ данныхъ, что составитель виленской брошюры 1867 года пользовался познанской брошюрой 1861 года, и хотя „Отвѣтъ“ намъ напечатанъ въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* за подписью „сообщено,“ мы принуждены въ свою защиту замѣтить, что помянутое выраженіе *можетъ-быть* несогласно съ истиной, если только составитель виленской брошюры, какъ видно изъ „Отвѣта,“ принадлежитъ къ генералъ-губернаторскому управленію въ Вильнѣ. Тѣ цѣны, которыя приведены на стр. 19 и

*) *Пояснительная записка* стр. 58 и 59.

которыя болѣе другихъ требовали опроверженія съ нашей стороны; взяты изъ познанской брошюры, и никакъ нельзя объяснять ихъ однимъ совпаденіемъ. На указанной страницѣ приводится между прочимъ цѣна балтійскихъ портовъ. Что въ познанской брошюрѣ подъ балтійскими портами могли разумѣться порты прусскіе, это естественно, потому что познанская брошюра появилась въ Пруссіи, но виленскій авторъ, еслибъ онъ приводилъ цифры изъ собственныхъ данныхъ, не могъ бы упустить изъ виду что тутъ слѣдовало ему говорить не о прусскихъ, а о русскихъ балтійскихъ портахъ, по крайней мѣрѣ о столь интересующей его Либавѣ; онъ не могъ бы употребить выраженіе „балтійскіе порты“ въ томъ смыслѣ какъ оно употребляется только въ Пруссіи. Въ 1862 году была отлитографирована пояснительная записка къ поданному тогда проекту Литовской желѣзной дороги, и въ этой пояснительной запискѣ 1862 года сказано: „Цѣны эти (нижеслѣдующія) взяты изъ одной „брошюры, изданной въ 1861 году въ По„знани, по поводу той же самой желѣз„ной дороги отъ Пинска на Сѣверъ. Авторъ „брошюры говоритъ: На Волынскомъ По„лѣсьи четверть ржи продавалась по 1 р. „75 копѣекъ, а въ южной части губерніи „еще дешевле; въ тоже время въ Пинскѣ „платилось за тотъ же самый хлѣбъ по „2 р. 50 к., а въ балтійскихъ портахъ „(прускихъ), принимая въ соображеніе и „заграничный курсъ денегъ,—6 р. 25 к. за четверть.“ *) Несмотря на то что въ Волынскомъ Полѣсьѣ не только въ 1859 году, но и никогда не продавали ржи по 1 р. 75 к. за четверть, *или еще дешевле*, и что въ 1859 году въ Пинскѣ цѣна на рожь была вовсе не 2 р. 50 к., чего не можетъ не знать русское офиціальное лицо, цифры познанской брошюры цѣликомъ и безъ всякой критики, даже безъ упоминанія о переложеніи ихъ по вексельному курсу, вошли въ брошюру, составленную въ Вильнѣ. **)

Ни познанская брошюра, ни пояснительная записка не скрывали, что окончательно Пинско-Бѣлостокская линія должна быть продолжена на соединеніе съ Лыко-Кенигсбергскою желѣзною дорогой. Въ этихъ видахъ и хлопотали провести ее изъ Пинска на Бѣлостокъ, а не на Гродно и ужъ никакъ не на Вильну. Гродно отстоитъ отъ Пинска почти на столько же, какъ и Бѣлостокъ, но пояснительная записка находила, въ числѣ другихъ причинъ, что гораздо легче для Пруссаковъ соединить Лыкъ съ Бѣлостокомъ нежели съ Гродномъ. Это, по крайней мѣрѣ, было откровенно. Теперь же толкуютъ о необходимости облегчить сбытъ къ нашимъ портамъ (Либавскому), а между тѣмъ предлагаютъ вести дорогу изъ Пинска на Бѣлостокъ, тогда какъ проведеніе линіи на Гродно сократитъ разстояніе къ Либавѣ на 80 верстъ, а изъ Пинска на Вильну (Ландварово)—на 208 верстъ. Если имѣть въ виду Либаву, то очевидно о Пинско-Бѣлостокской линіи не можетъ быть и рѣчи. Для Либавско-Ковенской желѣзной дороги можетъ быть полезна только линія изъ Ландварова на Петроковъ или Мозырь, линія которая пройдетъ по мѣстамъ обильнымъ и не отвлечетъ ихъ грузовъ къ Кенигсбергу.

Не можемъ не пожалѣть, что составленная въ Вильнѣ брошюра напечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. Желательно было бы, чтобы большее число лицъ убѣдилось въ несостоятельности Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги. Теперь у насъ едва ли найдется много людей, которые бы удовольствовались наборомъ фразъ, основанныхъ вдобавокъ на невѣрныхъ данныхъ, не совсѣмъ даже ловко сгруппированныхъ. Цифры имѣютъ одно хорошее свойство: неправильность въ манипуляціи ими замѣтна даже неопытному глазу.

Мы бы, конечно, не дали себѣ труда разъяснять брошюру разсматриваемую нами, еслибъ она не имѣла офиціальнаго происхожденія. Невыгодность Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги очевидна всякому. Безъ административнаго покровительства она осуществиться не можетъ, какъ не осуществилась въ 1862 году, несмотря на все искусство, съ которымъ дѣло было тогда ведено.

Б.

Ниже мы сообщаемъ весьма важный документъ, касающійся одной изъ самыхъ зловредныхъ аномалій нашего западнаго края. Это циркуляръ главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ о мѣрахъ къ упраздненію кагальнаго устройства тамошнихъ еврейскихъ об-

*) *Пояснительная записка* стр. 10 и 11.

**) *Значеніе Пинско-Бѣлостокской и Ковенско Либавской желѣзныхъ дорогъ* стр. 19.

ществъ. Проектированная въ циркулярѣ отмѣна этого устройства должна подорвать въ самомъ основаніи ту отчужденность и замкнутость, которыя были доселѣ обильнымъ источникомъ многихъ прискорбныхъ явленій въ общественномъ быту русскихъ Евреевъ. Предоставленный самъ себѣ, находясь внѣ всякаго разумнаго контроля, кагалъ, какъ это обыкновенно бываетъ, переступалъ свои законныя полномочія, старался подчинить себѣ религіозную совѣсть своихъ общественниковъ и былъ всегда самымъ заклятымъ, самымъ непримиримымъ противникомъ всякой правительственной мѣры, клонившейся къ тому, чтобы мало-по-малу стереть съ Евреевъ тотъ характеръ исключительности, который, не имѣя ничего общаго съ ихъ вѣроученіемъ, только ставитъ ихъ особнякомъ, внѣ общенія съ окружающими ихъ умственными и нравственными интересами населенія христіанскаго. Этимъ объясняется между прочимъ, то постановленіе циркуляра, по коему для дѣйствительности общественныхъ рѣшеній требуется, чтобы въ подачѣ голосовъ участвовало не менѣе $^2/_3$ наличнаго числа христіанъ, и чтобы большинство христіанъ было съ приговоромъ согласно: иначе Евреи, съ свойственною имъ ловкостью и ревнивостью, успѣли бы захватить въ свои руки управленіе общественными дѣлами, и все осталось бы по прежнему. Проведеніе новой мѣры будетъ, конечно, сопряжено съ большими затрудненіями, ибо кагалъ всѣми доступными ему способами будетъ отстаивать свое жалкое существованіе, но тутъ много можетъ пособить доброжелательное содѣйствіе мѣстныхъ образованныхъ Евреевъ, которымъ, конечно, хорошо знакомо это дѣло съ его тайными и явными пружинами. Освобожденіе отъ кагала равносильно для Евреевъ освобожденію отъ крѣпостной зависимости.

Читая этотъ циркуляръ, всякій оцѣнитъ истинно-государственный разумъ, который виденъ въ общихъ чертахъ изложеннаго въ немъ предложенія. Вотъ такія-то мѣры, при соотвѣтственномъ исполненіи ихъ, ведутъ къ благимъ и прочнымъ результатамъ!

№ 213.

Москва, 30-го сентября.

А.

Въ № 199 *Московскихъ Вѣдомостей* было помѣщено письмо князя Хованскаго, вызванное выходкою *Вѣсти*. Князь Хованскій служилъ въ Виленской губерніи, въ должности военнаго уѣзднаго начальника; онъ служилъ съ честію, заслуги его были признаны, и добросовѣстность его пріобрѣла ему уваженіе въ средѣ сослуживцевъ. Ни съ какой стороны не подвергался онъ упреку въ чемъ-либо предосудительномъ, въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ или уклоненіяхъ; на него ни въ какомъ отношеніи не могли падать и тѣ нарекалія въ демократизмѣ, соціализмѣ и коммунизмѣ, которыми краковскій *Часъ*, *Познанскій Дневникъ*, авторъ извѣстной статьи г. де-Мазада и газета *Вѣсть* клеймятъ администрацію въ западномъ краѣ, съ тѣхъ поръ какъ она, по своему составу и направленію, стала русскою. Самое имя лица, о которомъ идетъ рѣчь, казалось бы, должно располагать въ его пользу партію нашихъ *codini*. Казалось бы, вотъ готовый человѣкъ для сочувствій *Вѣсти*, выдающей себя за органъ не только дворянскихъ интересовъ, но и дворянскаго патріотизма; вотъ человѣкъ, дѣйствовавшій въ смыслѣ патріотическомъ и не имѣющій ничего общаго съ демагогами и пролетаріями. Тѣмъ не менѣе *Вѣсть* проводила свистомъ и князя Хованскаго, который со множествомъ другихъ лицъ, служившихъ въ сѣверо-западномъ краѣ, удалился оттуда. Онъ имѣетъ несчастіе быть *искреннимъ* русскимъ патріотомъ, и этимъ все сказано. Дворянинъ или мѣщанинъ, крупный землевладѣлецъ или пролетарій, всѣ по необходимости подвергаются равному осужденію въ извѣстныхъ сферахъ, если только они искренно мыслятъ и дѣйствуютъ въ качествѣ Русскихъ. Было время, когда въ чести были нигилисты; времена измѣнились, и вошли въ честь дворянскіе интересы. Мы вполнѣ допускаемъ, что большинство лицъ, стоящихъ за *Вѣстью*, весьма простодушно увѣрены, что дѣло въ ней идетъ о томъ какъ бы упрочить принципъ собственности въ Россіи или поднять землевладѣльческіе интересы. Имъ пріятно читать эти статейки,

гдѣ непремѣнно десятое слово есть либо „собственность," либо „дворянство," они въ восторгѣ отъ этихъ заявленій, которыя ихъ гладятъ по шерсти, тѣмъ болѣе что ихъ собственнымъ невиннымъ статейкамъ о порубкѣ лѣсовъ и бюрократахъ краснаго цвѣта открывается широкій доступъ въ столбцы газеты, которая отъ этого вдвойнѣ становится имъ мила. Эти добрые люди также мало видятъ концы, какъ и нигилисты 1862 г.; но когда минуетъ въ нихъ надобность, ихъ осмѣетъ будущая *Вѣсть*, точно такъ какъ настоящая тѣснится надъ покойными нигилистами.

Курiозно то, что письмо князя Хованскаго оставалось безъ отвѣта почти ровно двѣ недѣли. На письмо это обратила вниманіе почти вся наша печать, и оно было воспроизведено во многихъ газетахъ. *Вѣсть*, къ которой оно относилось, замѣтила его только въ своемъ нумерѣ отъ 25-го сентября. Странно какъ она не нашла досуга высказаться вскорѣ послѣ появленія упомянутаго письма, а между тѣмъ придаетъ ему столь большое значеніе, что даже по прошествіи почти двухъ недѣль сочла нужнымъ поднять о немъ рѣчь.

Спѣшимъ отдать справедливость литературнымъ достоинствамъ статейки, о которой мы говоримъ, и аттической соли, какою она пересыпана. Князь Хованскій трактуется, comme de raison, пренебрежительно и насмѣшливо. Авторъ чувствуетъ себя на неизмѣримой высотѣ предъ „молодымъ неопытнымъ офицеромъ." Князю Хованскому, по упраздненіи его должности, не дали мѣста, и вотъ онъ, не оцѣненный другими, самъ написалъ себѣ панегирикъ: такъ объясняетъ его заявленіе авторъ статейки, отличающейся тономъ знатной особы или государственнаго мужа procul a negotiis.

Отпустивъ потребную долю превознесенія князю Хованскому, консулъ in otio обращается къ намъ, и игривый тонъ его принимаетъ нѣсколько строгій характеръ. Насъ называетъ онъ людьми опытными, и укоряетъ во „флюгерствѣ." Онъ находитъ, что мы поспѣшили воспользоваться заявленіемъ князя Хованскаго, для того чтобы возвысить прежнюю администрацію сѣверо-западнаго края въ ущербъ нынѣшней. Прежде будто бы, „въ припадкахъ откровенности," высказывали мы горькія истины на счетъ бывшаго управленія сѣверо-западнымъ краемъ, находя, что оно не достигало прочныхъ результатовъ, а теперь будто бы восхваляемъ его. Странно! Зачѣмъ бы намъ было это дѣлать? Обыкновенно люди льстятъ тому что въ силѣ, и повертываются въ другую сторону съ перемѣной обстоятельствъ. Но если мы, отдавая должную справедливость прежнему управленію, не льстили ему въ то время, когда оно было въ силѣ, то теперь, когда оно смѣнилось другимъ, мы точно также отдаемъ справедливость руководившимъ его намѣреніямъ. Не думаемъ, чтобъ это походило на вліяніе флюгера. Въ нашей статьѣ въ № 199, вызванной заявленіемъ князя Хованскаго, мы откровенно, какъ и всегда, высказались о прежней администраціи сѣверо-западнаго края, и не понимаемъ, какъ досточтимый критикъ нашъ не замѣтилъ того что весь тонъ ясно значится въ самомъ началѣ статьи, удостоившейся его вниманія.

Кое-что въ прежнемъ управленіи сѣверо-западнымъ краемъ, казалось намъ не соотвѣтствующимъ цѣли, или направленнымъ не въ ту сторону куда слѣдовало, и мы постоянно, а не въ „припадкахъ" только высказывались съ полною откровенностію. Но мы всегда цѣнили и уважали намѣренія даже тамъ, гдѣ не всегда могли согласиться съ мнѣніями.

Съ самаго начала, какъ только послѣдовало назначеніе нынѣшняго генералъ-губернатора въ Вильнѣ, старались мы успокоить общественное мнѣніе, взволнованное слухами о томъ, что въ видахъ правительства по управленію этимъ краемъ должна произойдти радикальная перемѣна. Публицистъ *Вѣсти* ставитъ намъ на видъ циркуляры опубликованные и рѣчи произнесенныя нынѣшнимъ Виленскимъ генералъ-губернаторомъ. Мы очень хорошо помнимъ ихъ, и если приведенныя *Вѣстью* слова графа Баранова изобличаютъ кого-нибудь, то конечно не насъ. Вотъ эти слова, которыя мы въ свою очередь считаемъ не лишнимъ поставить на видъ:

„Господа! до свѣдѣнія моего дошло, что злонамѣренные люди распространяли между вами слухи, будто съ моимъ назначеніемъ измѣнится система управленія здѣшнимъ краемъ. Будьте увѣрены, что всѣ Высочайшіе указы, всѣ правительственныя распоряженія, относящіяся до здѣшняго края, будутъ непремѣнно исполнены."

Дѣйствительно, были злонамѣренные люди, которые не только распространяли слу-

хи о предстоявшей перемѣнѣ въ системѣ управленія сѣверо-западнымъ краемъ, но и трубили объ этомъ въ печати. Мы очень рады, что *Вѣсть* припомнила вышеприведенныя слова, которыя свидѣтельствуютъ, что не мы одни, но и авторитетъ гораздо болѣе значительный находитъ злонамѣренными тѣхъ агитаторовъ, которые подкапываются подъ систему принятую правительствомъ относительно западнаго края.

Никогда не произносили мы осудительныхъ приговоровъ о нынѣшней виленской администраціи. Напротивъ, мы имѣемъ основаніе высоко цѣнить намѣренія и дѣйствія мѣстныхъ властей какъ въ юго-западномъ, такъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, и съ радостію служимъ отголоскомъ общаго убѣжденія, что дѣла какъ въ томъ, такъ и въ другомъ, находятся въ рукахъ способныхъ и достойныхъ. Еще вчера имѣли мы случай отдать справедливость не только намѣреніямъ, но и обдуманной мѣрѣ, которая такъ вѣрно и мѣтко касается одного изъ самыхъ глубокихъ золъ западнаго края.

Но отсюда не слѣдуетъ, что мы не должны замѣчать явленій тревожныхъ или прискорбныхъ.

Что касается нынѣшней администраціи сѣверо-западнаго края, то факты, которые приходилось намъ заявлять, нисколько не падаютъ на отвѣтственность ея главнаго начальника. Мѣстныя власти, какъ бы ни были обширны ихъ полномочія, не имѣютъ въ своей рукѣ всѣхъ нитей вопроса подлежащаго ихъ заботамъ. Вотъ почему намъ иногда случалось высказывать мысль, что край столь обширный и столь обремененный долгами прошедшаго, какъ наше Заднѣпровье, гдѣ правительству предлежитъ столько многосложныхъ и требующихъ спеціальнаго вниманія задачъ, могъ бы легче и успѣшнѣе придти въ соотвѣтствіе съ требованіями государства, еслибы всѣ дѣла его были временно сосредоточены въ одномъ центральномъ правительственномъ органѣ. Мы высказывали это не въ смыслѣ проекта, а только для поясненія тѣхъ особенностей, въ которыхъ край этотъ находится. Въ обществѣ сѣтуютъ, и мы неоднократно были отголосками этихъ сѣтованій, что вопросъ о введеніи кореннаго русскаго элемента въ составъ землевладѣльческихъ классовъ западнаго края, — вопросъ безспорной важности, съ разрѣшеніемъ котораго соединяются самые жизненные интересы Россіи и достоинство правительства, — встрѣчаетъ однако на каждомъ шагу затрудненія и препятствія, которыя не достаточно объясняются силою обстоятельствъ. Факта этого нельзя не заявить, но всѣмъ извѣстно, что ни кіевская, ни виленская администраціи не несутъ на себѣ отвѣтственности въ судьбахъ этого дѣла, которое отнюдь не сосредоточено въ ихъ рукахъ. Точно также мѣстная администрація, при всей просвѣщенности своего взгляда, при всей готовности и усердіи, ничего не можетъ сдѣлать въ виду того страннаго явленія, что въ краѣ, гдѣ польскій элементъ признанъ вреднымъ, гдѣ правительство ведетъ противъ него борьбу, самимъ же правительствомъ поддерживается, подъ видомъ латинской церкви, польское національное (стало-быть, политическое) учрежденіе. Концы этого вопроса точно также не находятся въ рукахъ мѣстной власти, и она по необходимости должна впадать въ противорѣчіе съ собственными распоряженіями, воспрещая, напримѣръ, употребленіе польскаго языка и въ то же время вынуждая мѣстное населеніе употреблять этотъ языкъ въ одномъ изъ самыхъ существенныхъ предметовъ; или обязывая употреблять русскій языкъ, и въ то же время не дозволяя его употребленія. Безъ всякаго сомнѣнія, изъ подобныхъ противорѣчій не могутъ выходить удовлетворительные результаты; но справедливо ли возлагать отвѣтственность за нихъ на мѣстную администрацію?

Предположеніе, составляющее содержаніе приведеннаго нами вчера циркуляра главнаго начальника сѣверо-западнаго края, имѣетъ великую важность; но при всей твердости и ясномъ разумѣніи дѣла, съ какими поставленъ этотъ вопросъ, его разрѣшеніе, въ самыхъ существенныхъ условіяхъ своихъ, не зависитъ отъ доброй воли главнаго начальника мѣстнаго управленія. Дай Богъ однако, чтобы мѣстныя предположенія по этому безконечно важному для западнаго края и вообще для Россіи вопросу не встрѣтили противодѣйствія, которое можетъ убить ихъ въ самомъ зародышѣ!

Нельзя не замѣтить также и того обстоятельства, на которое указываетъ петербургская корреспонденція въ нынѣшнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій*: противодѣйствіе видамъ и начинаніямъ вла-

стей развивается не рѣдко и въ ихъ собственныхъ канцеляріяхъ. Подчиненные агенты, дѣйствуя изъ разныхъ побужденій, иногда овладѣваютъ самыми важными мѣрами, успѣваютъ лишить ихъ значенія, даютъ имъ ложное направленіе и компрометтируютъ ихъ или въ началѣ, или при исполненіи. При самыхъ лучшихъ условіяхъ, власть не всегда можетъ оградить себя отъ элементовъ такого рода. Вотъ гдѣ, между прочимъ, важная услуга, которую должна оказывать гласность для благожелательной власти. Свѣтъ публичности, который вноситъ независимая печать во всѣ закоулки администраціи, прежде и болѣе всего служитъ обезпеченіемъ для самой власти, ограждая ее отъ недобросовѣстности или неразумія ея агентовъ, предотвращая роковыя ошибки, способствуя къ очищенію должностныхъ сферъ и къ поддержанію въ нихъ добраго духа. Самая лучшая и зрѣло обдуманная мѣра обращается въ ничто, если у исполнителей иное на умѣ.

Изъ сѣверо-западнаго края, въ послѣдніе мѣсяцы, начали одинъ за другимъ и во множествѣ уходить должностныя лица, которыя послѣ мятежа были приглашены туда изъ внутреннихъ губерній Россіи, которыя сообщали администраціи этого края русскій характеръ, способствовали водворенію въ немъ порядка, были главными орудіями при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, подлежащаго здѣсь многимъ исключительнымъ условіямъ и нуждавшагося въ дѣятеляхъ не только добросовѣстныхъ и честныхъ, но и русскихъ по чувству. Умалчивать объ этомъ фактѣ нельзя, да и нѣтъ надобности. Но въ заявленіи этого факта *Вѣсть* хочетъ видѣть укоръ правительственному лицу, которому ввѣрено управленіе сѣверо-западнымъ краемъ. Вотъ что называется: *съ больной головы на здоровую*. Между должностными лицами, удаляющимися изъ края, могутъ быть всякіе, и весьма вѣроятно что въ этомъ числѣ есть не мало такихъ, объ удаленіи которыхъ жалѣть нечего; но несомнѣнно, что въ этомъ же числѣ есть много и такихъ, чья дѣятельность въ краѣ была полезна и которыхъ замѣнить, не легко. Очевидно, что этотъ процессъ ухода вообще есть не столько очищеніе, сколько ослабленіе русской администраціи края; очевидно также, что между мѣстными дѣятелями распространилось уныніе за дѣло, къ которому они были призваны и которое давало смыслъ ихъ пребыванію въ краѣ. Уныніе, о которомъ мы говоримъ, замѣчается не только въ мѣстныхъ дѣятеляхъ сѣверо-западнаго края, но и вообще въ русской публикѣ: причиною тому отнюдь не образъ дѣйствій начальствующаго лица въ сѣверо-западномъ краѣ, — причина тому въ томъ, что говоря словами графа Баранова, „есть злонамѣренные люди,“ которые съ самаго начала распространяли слухи о перемѣнѣ системы и которымъ дѣйствительно удалось отчасти увѣрить въ этомъ публику. Агитація въ этомъ смыслѣ была тѣмъ успѣшнѣе, что она могла опираться на нѣкоторыя непонятныя и весьма прискорбныя явленія, на нѣкоторые факты, заставлявшіе публику думать, будто эти злонамѣренные слухи не лишены основанія. Дѣло не ограничивалось однимъ распространеніемъ слуховъ; всѣмъ было замѣтно сильное противное движеніе въ сферахъ весьма вліятельныхъ, которое казалось торжествующимъ. Коварное и, слава Богу, не заслуженное сочувствіе, которое партія *Вѣсти* изъявляетъ нынѣшней администраціи западнаго края, клонится къ тому, чтобы выставить ее солидарною съ направленіемъ этого почтеннаго органа. Могло ли это не причинять унынія и не возбуждать паники? Къ счастію, эта паника была только послѣдствіемъ недоразумѣнія; но она произвела свое дѣйствіе. Есть вопросы, которые не могутъ быть успѣшно разрѣшены безъ живаго содѣйствія общественныхъ силъ, и къ таковымъ, безъ сомнѣнія, относится задача предлежащая правительству въ Заднѣпровскомъ краѣ. Упадокъ общественнаго духа — цѣль всѣхъ усилій партіи *Вѣсти* — не могъ не выразиться въ соотвѣтственныхъ явленіяхъ.

Б.

Въ послѣднихъ нумерахъ своихъ, *Вѣсть* весьма игриво полемизируетъ противъ газеты *Москва*, и полемика эта не совсѣмъ лишена интереса. Рѣчь, вопервыхъ, зашла о латинствѣ. *Вѣсть* съ жаромъ нападаетъ на московскую газету за ея нетерпимость въ дѣлѣ религіи, и уличаетъ ее въ непослѣдовательности. Утверждая, что римскій католицизмъ не можетъ быть терпимъ въ Россіи, газета *Москва* въ то же самое время сочувствуетъ-де переселенію Чеховъ въ Россію и широко отворяетъ имъ воро-

та, между тѣмъ какъ Чехи исповѣдуютъ латинскую вѣру. Аргументъ убѣдительный; но газета *Москва* оставила его безъ вниманія. Она поняла выходку *Вѣсти* въ томъ смыслѣ, будто бы эта газета поддерживаетъ мнѣніе о необходимости и пользѣ дать право на русскій государственный языкъ иновѣрцамъ, и *денаціонализовать* римскій католицизмъ въ западномъ краѣ, гдѣ онъ имѣетъ характеръ польскаго національнаго учрежденія. Газета *Москва*, къ сожалѣнію, не раздѣляетъ этого мнѣнія и не хочетъ войдти въ его доводы, но она ошибочно приписываетъ его *Вѣсти*. *Вѣсть* отнюдь не хлопочетъ объ этомъ, точно также какъ не объ этомъ хлопочутъ публицисты *Часа* и *Познанскаго Дневника*, какъ не объ этомъ хлопоталъ авторъ памфлета *Que fera-t-on de la Pologne* и таинственный авторъ знаменитой статьи г-на де-Мазада. Эти послѣдніе авторитеты, къ которымъ во всѣхъ пунктахъ примыкаетъ *Вѣсть*, съ величайшею энергіей протестуютъ противъ этой мѣры, и хотятъ того, чтобы латинство; равно какъ и другія допускаемыя въ Россіи вѣроисповѣданія, оставались политически враждебными ей учрежденіями, способствуя ея разложенію.

Кстати. Недавно въ *Вѣсти* замѣтили мы одну весьма куріозную статейку, написанную какъ бы съ цѣлію выставить на видъ не только патріотизмъ, которымъ одушевлена, но и ревность ея о православіи. Статейка, о которой мы говоримъ, задаетъ вопросъ, какія причины препятствуютъ водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Причинами этими вопервыхъ оказываются Евреи, а вовторыхъ ксендзы. Всякому можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ Евреи и даже ксендзы могутъ имѣть вліяніе на ходъ этого вопроса; всякій подумаетъ, что если кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, то конечно не Евреи и даже не ксендзы. Но простодушный читатель, во глубинѣ души своей отдастъ по крайней мѣрѣ справедливость патріотическимъ и православнымъ чувствамъ газеты, которую недоброжелатели укрепаютъ въ противу-русскихъ тенденціяхъ. Этого мало: въ той же статейкѣ, съ нѣкоторымъ негодованіемъ, говорится даже о шляхтѣ. Чего же болѣе? Вотъ вамъ та самая „шляхетско-ксендзовская интрига,“ о которой столько было рѣчи въ прежнемъ *Виленскомъ Вѣстникѣ*! Но болѣе внимательный читатель не долго останется въ заблужденіи; онъ замѣтитъ, что зловредные ксендзы *Вѣсти* знаменуются постоянно, будто Гомеровскіе герои, однимъ и тѣмъ же эпитетомъ: зловредные ксендзы, равно какъ и закланная на алтарѣ патріотизма шляхта, суть *босые* ксендзы и *босая* шляхта. Дабы не оставалось сомнѣнія, авторъ статейки поясняетъ, что ксендзы хорошо обутые, образованные и вліятельные представители латинской церкви въ западномъ краѣ, напротивъ, отличаются искреннею преданностію Россіи! Дѣло въ томъ, что изъ *босыхъ* ксендзовъ иной нѣтъ-нѣтъ, да и перейдетъ со всѣмъ приходомъ въ православіе: какъ же не зловредные? Дѣло въ томъ, что и оставаясь при своей церкви, ксендзы этого рода, сами по себѣ, совершенно безвредны; и при иныхъ условіяхъ, при другомъ направленіи сверху, были бы готовы превратиться въ мирныхъ гражданъ Русскаго государства. Какъ же они не зловредные? Надобно, стало-быть, босыхъ ксендзовъ, равно какъ и босую шляхту, отдать покрѣпче въ руки обутымъ прелатамъ и папалъ.

Но возвратимся къ полемикѣ *Вѣсти* противъ *Москвы*. Другая выходка касается вопроса о землевладѣніи. *Москва*, привѣтствуя назначеніе генерала Черткова въ Вильну, припоминаетъ его заслуги на Волыни, гдѣ онъ служилъ губернаторомъ, и свидѣтельствуетъ, что любимою мыслію бывшаго волынскаго губернатора было усиленіе русскаго элемента въ той мѣстности посредствомъ „переселенія помѣщиковъ изъ Россіи.“ *Вѣсть*, съ „развязностію военнаго человѣка,“ подхватываетъ эту замѣтку московской газеты, и остротничаетъ слѣдующимъ образомъ:

„Люди постоянно читающіе *Вѣсть* поймутъ, какъ пріятно было намъ прочитать вышеприведенныя строки *Москвы*. Намъ пріятно было убѣдиться, что означенная газета аплодируетъ такимъ здравымъ мыслямъ, какъ обрусеніе края посредствомъ помѣщиковъ; это — мысль зрѣлая, вполнѣ выработанная, и нельзя не порадоваться, что и *Москва* поддерживаетъ ее..... У насъ является не безосновательная надежда, что въ весьма непродолжительномъ времени *Москва* окончательно войдетъ *въ совершенныя лѣта*, и станетъ помогать намъ проводить тѣ идеи, которыя въ *Вѣсти* проводятся съ перваго же дня ея основанія. Эта надежда дозволяетъ намъ взирать, не безъ отеческаго снисхожденія, на нѣко-

торыя еще проявляющіяся время отъ времени уклоненія блуднаго сына..."

Какъ это мило, игриво и весело, какое спокойствіе совѣсти!

Вѣсть основана за два года предъ симъ, или лучше сказать, она вышла въ люди съ тѣхъ самыхъ поръ какъ землевладѣніе въ западномъ краѣ подверглось опасности въ своемъ польскомъ элементѣ, и потребовало себѣ органа; а до тѣхъ поръ газетка, изъ которой выработалась нынѣшняя *Вѣсть*, была лишена всякаго значенія и средствъ, и служила только посмѣщемъ для литературныхъ зубоскаловъ. Когда въ правительствѣ возникла мысль о принятіи рѣшительныхъ мѣръ къ измѣненію національнаго характера землевладѣнія въ западномъ краѣ и къ привлеченію туда русскихъ помѣщиковъ, мысль эта встрѣтила себѣ ожесточенное противодѣйствіе не въ комъ-либо, а именно въ руководителяхъ нынѣшней *Вѣсти* и въ ея столбцахъ. Еще наканунѣ обнародованія указа 10-го декабря *Вѣсть* изъ всѣхъ силъ оспаривала основную мысль этого закона, и вотъ теперь она выдаетъ себя ревностнымъ двигателемъ этой мысли, исконно преданнымъ ей! И если этотъ вопросъ подвергнется теперь сомнѣнію, если русская публика охладѣла къ нему, если русскіе землевладѣльцы, бодро послѣдовавшіе на призывъ правительства, опустили теперь руки; если общества, которыя состоялись въ ихъ средѣ для этой цѣли (какъ напримѣръ, въ смоленскомъ дворянствѣ) разстроились и разошлись; если вообще дѣло это утратило свой истинный характеръ: то не думаютъ ли руководители *Вѣсти*, съ похвальною скромностію, приписать славу такого результата махинаціямъ газеты *Москва*?

№ 214.

Москва, 2-го октября.

Напечатанный въ воскресномъ № нашей газеты процессъ Умецкихъ есть дѣло какихъ бываетъ мало въ уголовной практикѣ. Оно замѣчательно по своимъ исполненнымъ драматизма эпизодамъ, по всему содержанію своему, представляющему сплетеніе психологическихъ явленій походящихъ болѣе на невѣроятный вымыселъ, чѣмъ на дѣйствительность подтвержденную судебнымъ слѣдствіемъ, наконецъ оно замѣчательно и по состоявшемуся о немъ судебному рѣшенію. На этомъ необычайномъ, еще подлежащемъ протесту рѣшеніи, сосредоточенъ теперь интересъ правосудія. Обстоятельства дѣла разбиравшагося въ Каширѣ 15-го, 16-го и 17-го сентября, вполнѣ разъяснились на судѣ. Свидѣтели подтвердили, что обращеніе Умецкихъ-родителей съ ихъ дочерью Ольгой было самое безчеловѣчное. Присяжные прямо объявили, что она была вовлечена въ преступленіе чрезъ злоупотребленіе родительской власти. Но судъ тѣмъ не менѣе оставилъ безъ соотвѣтствующаго наказанія Умецкаго-отца, а Умецкую-мать подвергъ наказанію только за нанесеніе дочери Ольгѣ поврежденія (вывихъ пальца). Присяжные обвиняютъ, а судъ оставляетъ безъ наказанія! Считалъ ли судъ приговоръ присяжныхъ объ Умецкомъ-отцѣ неправильнымъ? Въ такомъ случаѣ могла вступить въ силу ст. 818 устава уголовнаго судопроизводства, въ которой сказано, что если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, то постановляетъ опредѣленіе о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ. Но судъ не сдѣлалъ этого, изъ чего можно заключить, что единогласія въ судѣ не было, и мы дѣйствительно получили отъ лица имѣвшаго по праву доступъ къ разсмотрѣнію судебнаго протокола сообщеніе, что судебный приговоръ состоялся по большинству голосовъ. Итакъ, судъ не находился въ тѣхъ условіяхъ, которыя давали бы ему право стать выше приговора присяжныхъ. Помимо этихъ условій, наши судебные уставы опредѣленно и точно обозначаютъ тѣ случаи, когда преступленіе, признанное присяжными, можетъ быть судомъ оставлено безъ наказанія. Вотъ эти случаи, кромѣ смерти приговореннаго: истеченіе давности, примиреніе въ дѣлахъ, которыя могутъ быть окончены миромъ; Высочайшій указъ, или общій милостивый манифестъ. Далѣе ст. 823 прямо постановляетъ, что послѣ обвинительнаго приговора присяжныхъ даже не можетъ быть и рѣчи о недостовѣрности признанныхъ присяжными дѣяній. Правда, что подсудимый и защитникъ могутъ оспаривать наказуемость этихъ дѣяній, но для этого они должны доказать, что эти дѣянія не запрещены закономъ (та же ст. 823), чего въ процессѣ Умецкихъ, повидимому, доказать нельзя. Еслибы суду было предоставлено не принадлежащее ему

нынѣ право отмѣнять приговоры присяжныхъ, не передавая дѣла другимъ присяжнымъ, то весь этотъ институтъ, обѣщающій такъ много плодотворнаго въ будущемъ, обратился бы въ пустую формальность и въ новомъ судѣ повторилась бы та же исторія, съ которою мы такъ часто встрѣчались въ нашихъ прежнихъ учрежденіяхъ, гдѣ выборные отъ общества засѣдатели и другіе члены, зная свою безпомощность и безполезность для дѣла, считали за лучшее уклоняться отъ исполненія лежавшихъ на нихъ занятій. Еслибы съ легкой руки временнаго отдѣленія Тульскаго окружнаго суда такая практика укоренилась въ нашихъ новыхъ судебныхъ установленіяхъ, то можно было бы серіозно опасаться за судебную реформу. На присяжныхъ должна лежать тяжесть полной отвѣтственности за ихъ приговоры; постановляя ихъ, они должны знать, что рѣшаютъ судьбу подсудимыхъ. Изъ затрудненій, въ которыя судъ можетъ быть поставленъ приговоромъ присяжныхъ, судьи должны выходить по своему крайнему разумѣнію, но не выступая изъ предѣловъ вердикта. Только этимъ путемъ юриспруденція можетъ достигать столь желательнаго согласованія съ общественною совѣстію, выражаемою въ приговорахъ присяжныхъ; только на этомъ пути возможно живое примѣненіе и развитіе уголовнаго права, которое безъ того оставалось бы неподвижнымъ, окаменѣлымъ въ своей кодификаціи, а суду не рѣдко приходилось бы подпадать обвиненію въ бездѣйствіи власти. Эти затрудненія предусмотрѣны судебными уставами. Статьей 16 устава уголовнаго судопроизводства воспрещено останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, а статьей 15-ю предписано рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, въ случаѣ же неполноты, неясности или противорѣчія законовъ, *коими судебное дѣяніе воспрещается подъ страхомъ наказанія*, основывать рѣшеніе на общемъ смыслѣ законовъ. Въ данномъ процессѣ образъ дѣйствій Умецкихъ-родителей принадлежитъ къ дѣяніямъ, которыя не только воспрещены закономъ, но воспрещены именно подъ страхомъ наказанія. Если статья 172 гражданскаго закона (Т. X ч. 1) предписывающая, чтобы родители давали несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе, доброе и честное, по своему состоянію, не имѣетъ соотвѣтствующей себѣ статьи въ уголовномъ законѣ, а потому дѣйствія, противорѣчащія ей, еще не могутъ считаться воспрещенными *подъ страхомъ наказанія*, то съ другой стороны въ уставѣ мироваго судопроизводства есть статья 51-я, по которой за допущеніе дѣтей къ прошенію милостыни, родители подвергаются аресту до 15 дней или денежному взысканію до 50 рублей. Кромѣ того, за умышленное развращеніе нравственности дѣтей (въ смыслѣ не только непотребства, но и *другихъ* пороковъ) родители, по смыслу 1588 и 993 статей уголовнаго уложенія, приговариваются къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Наконецъ по ст. 1587 уголовнаго уложенія, на которую по этому дѣлу Московская судебная палата собственно и указала въ обвинительномъ актѣ, родители, черезъ употребленіе во зло своей власти вовлекшіе *умышленно* несовершеннолѣтнихъ дѣтей своихъ въ какое-либо преступленіе, подвергаются высшей мѣрѣ наказаній за то преступленіе въ законѣ опредѣленныхъ. Въ данномъ случаѣ, правда, не предполагается *умышленное* вовлеченіе въ совершившееся преступленіе (поджогъ), вслѣдствіе чего ни судъ не предлагалъ присяжнымъ вопроса, ни присяжные не давали приговора объ умышленномъ вовлеченіи Ольги Умецкой родителями ея въ преступленіе. Тѣмъ не менѣе вопросъ предложенный судомъ очевидно держался смысла 1587 ст., и стало-быть судъ, пропуская въ своемъ вопросѣ выраженіе *умышленно*, вслѣдствіе чего утвердительный отвѣтъ присяжныхъ уже не давалъ ему возможности рѣшить дѣло по этой статьѣ, считалъ однакоже себя въ правѣ, опираясь на статью 151 уголовнаго уложенія, приговорить подсудимаго къ одному изъ наказаній, предназначенныхъ за преступленія, по важности и роду своему, наиболѣе сходныя съ предполагаемымъ преступленіемъ Умецкаго-отца.

Присяжные, отвѣчая на вопросы суда, постановили, что Владиміръ Умецкій (отецъ) виновенъ въ томъ, что черезъ употребленіе во зло своей родительской власти вовлекъ малолѣтнюю дочь свою въ совершеніе поджоговъ; но что по обстоятельствамъ дѣла онъ заслуживаетъ снисхожденія. Этотъ приговоръ былъ принятъ судомъ. И однакоже судъ рѣшилъ: Владиміра Умецкаго по обвиненію его въ вовлеченіи дочери сво-

ей, Ольги, въ совершеніи поджоговъ, наказанію не подвергать. Судъ не воспользовался статьей 151-ю, которую однакоже при постановкѣ допросовъ, очевидно, имѣлъ въ виду, и на которую указала ему судебная палата. Вотъ судебный фактъ, который можетъ сдѣлаться, какъ сказали мы, опаснымъ для нашихъ судебныхъ учрежденій прецедентомъ, и потому требуетъ внимательнаго обсужденія.

Нѣтъ сомнѣнія, что суду, въ минуту рѣшенія, это дѣло представилось не съ той стороны, съ которой мы представляемъ его теперь читателямъ. Судъ, конечно, руководствовался какими-либо серіозными соображеніями, когда рѣшилъ оставить приговоръ присяжныхъ безъ примѣненія. Судебная палата, въ обвинительномъ актѣ, указала суду на вышеприведенную статью 151 уголовнаго уложенія, предписывающую, буде нѣтъ въ законѣ опредѣленнаго наказанія за подлежащее разсмотрѣнію преступное дѣяніе, приговаривать по аналогіи. Поэтому нельзя предполагать, чтобы судъ неимѣлъ въ виду этой статьи, на которую къ тому же и самъ онъ ссылается въ своемъ рѣшеніи. Но постановляя не подвергать подсудимаго наказанію, судъ вмѣстѣ съ этою статьей ссылается на статью 90-ю уголовнаго уложенія, и это указаніе даетъ понятіе, о тѣхъ соображеніяхъ, коими судъ руководствовался. Въ статьѣ 90-й сказано, что наказанія за преступленія и проступки опредѣляются не иначе какъ на точномъ основаніи постановленій закона. Затрудненіе суда не могло быть вызвано предположеніемъ о противорѣчіи этой статьи съ статьей 151. Въ случаѣ такого предположенія, затрудненіе разрѣшилось бы статьей 12-й устава уголовнаго судопроизводства, которая предписываетъ при разрѣшеніи противорѣчій въ законахъ руководиться общимъ смысломъ законовъ. Судъ не могъ затрудниться даже и тѣмъ что не предложилъ присяжнымъ вопроса о фактѣ прощенія Ольгой Умецкой милостыни (ст. 51 мироваго судопроизводства), или тѣмъ что оправдательный приговоръ присяжныхъ объ Ольгѣ Умецкой не давалъ суду права предполагать фактъ вовлеченія ея, чрезъ злоупотребленіе родительской власти, вообще въ пороки (ст. 1.588 и. 992 уголовнаго уложенія). Суду не было надобности удостовѣряться въ этихъ фактахъ, если задача состояла въ томъ чтобы тотъ фактъ, который былъ признанъ присяжными, не не подходилъ подъ ст. 1.587 (*умышленное вовлеченіе въ поджогъ*), а потому не давалъ суду возможности постановить приговоръ „на точномъ основаніи“ (по ст. 90-й угол. улож.) статьи 1587-й,—чтобъ этотъ фактъ теоретически сблизить съ „преступленіями, по важности и роду своему наиболѣе съ нимъ сходными“ (по ст. 151-й угол. улож.). Изъ этого, сколько мы понимаемъ, слѣдуетъ, что, имѣя предъ собой задачу примѣнить законъ къ факту, судъ встрѣтилъ затрудненіе не въ неполнотѣ или неясности или противорѣчіи законовъ, а въ неясности факта.

Въ чемъ же состоитъ неясность факта въ томъ его видѣ, какъ онъ выразился въ приговорѣ присяжныхъ? Во-первыхъ, присяжные признали Владиміра Умецкаго (отца) виновнымъ въ томъ, что онъ вовлекъ малолѣтнюю дочь свою въ совершеніе поджога. Во-вторыхъ, присяжные признали Ольгу Умецкую (дочь) невиновною въ совершеніи поджога. Но если поджога не было, то не могло быть и вовлеченія въ поджогъ. Вотъ, кажется намъ, очевидная причина затрудненій суда. Она такъ сильна, что должна бы побудить судъ къ устраненію приговора присяжныхъ и передачѣ дѣла, на основаніи 818 ст. уст. угол. судопр., на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, еслибы судъ сомнѣвался въ виновности Умецкаго отца. Что судъ принялъ приговоръ присяжныхъ, этимъ онъ въ сущности изъявилъ свое ему сочувствіе. Но когда пришлось произносить рѣшеніе, и судъ естественно обратился отъ живыхъ впечатлѣній процесса къ точному смыслу законовъ, тогда противорѣчіе, которое, предъ лицомъ формальнаго закона, открывается въ приговорахъ присяжныхъ объ Умецкомъ и его дочери, должно было обратить на себя вниманіе суда.

Мы отнюдь не намѣреваемся колебать силу приговора присяжныхъ, но считаемъ нужнымъ въ виду другихъ возможныхъ случаевъ замѣтить, что присяжные, отрицая виновность Ольги Умецкой (дочери) въ совершеніи поджога и утверждая виновность Владиміра Умецкаго (отца) въ вовлеченіи ея къ поджогу, конечно, разумѣли что преступленіе поджога дѣйствительно совершилось и что собственное сознаніе Ольги Умецкой въ этомъ случаѣ правдиво, но что слѣдуетъ отрицать вмѣняемость поджога въ вину Ольгѣ Умецкой. Мысль о

невмѣняемости преступленія была высказана въ судебныхъ преніяхъ и защитникомъ Ольги Умецкой. Тутъ однакоже крылось недоразумѣніе насчетъ смысла этого юридическаго выраженія *невмѣняемость*. Оно понималось въ смыслѣ гораздо болѣе обширномъ чѣмъ понимаетъ его нашъ законъ. Здѣсь могла идти рѣчь не о невмѣняемости преступленія, а о смягченіи наказанія, которое, на точномъ основаніи закона (ст. 137 угол. улож.), слѣдовало понизить до отдачи въ исправительный пріютъ и притомъ на время весьма короткое. Это обстоятельство слѣдовало бы, кажется намъ, разъяснить присяжнымъ, и тогда можетъ-быть они произнесли бы приговоръ свободный отъ противорѣчій. Во всякомъ случаѣ судъ, въ виду впечатлѣнія произведеннаго процессомъ, могъ бы предусмотрѣть возможность полнаго оправданія подсудимой, и на этотъ случай долженъ былъ бы предложить вопросы и по статьямъ 1588 и 993 угол. улож. и 51 устава мир. суд. Этого онъ не сдѣлалъ и въ этомъ, повидимому, заключается вторая причина затрудненій суда при рѣшеніи дѣла.

Оправдательному приговору присяжныхъ объ Ольгѣ Умецкой дивиться не слѣдуетъ. Судъ присяжныхъ, какъ выраженіе общественной совѣсти, нерѣдко переступаетъ предѣлы, указанные закономъ для невмѣняемости, и расширяя ихъ, совсѣмъ освобождаетъ подсудимыхъ отъ наказаній за преступленія, которыя однакоже считаетъ несомнѣнно совершенными и которыхъ совершеніе приписываетъ именно подсудимымъ. Возможность такихъ отступленій отъ формальнаго закона есть одно изъ незамѣнимыхъ преимуществъ суда присяжныхъ. Въ такихъ случаяхъ судъ, постановляя на основаніи приговора присяжныхъ свои рѣшенія, долженъ, кажется, имѣть въ виду не наружную его форму, а внутреннюю логику общественной совѣсти. Рѣшеніе суда должно быть вѣрно приговору присяжныхъ, хотя бы оно и погрѣшило можетъ-быть противъ формальной логики. Въ судѣ, подобномъ учрежденному у насъ, первое гораздо важнѣе послѣдняго, и самымъ основнымъ правиломъ должно быть признаваемо, что судьи не въ правѣ отмѣнять приговоры присяжныхъ иначе какъ „на точномъ основаніи закона".

№ 215.

Москва, 3-го октября.

А.

Событія происходящія въ Италіи, а еще болѣе тѣ, которыя тамъ готовятся, требуютъ нашего серіознаго вниманія. Тутъ не просто только интересная драма, за ходомъ которой могли бы мы слѣдить простыми зрителями; въ развязкѣ этой драмы мы сами заинтересованы отчасти косвенно, а отчасти и прямо.

Намъ важно чтобъ объединеніе Италіи довершилось, а довершиться можетъ оно только въ Римѣ, ея естественной столицѣ. Для Россіи, въ качествѣ члена европейской семьи, не можетъ не быть желательно упроченіе державы, которой интересы во многомъ совпадаютъ съ нашими и которая можетъ благотворно содѣйствовать общему равновѣсію. Наконецъ, мы заинтересованы въ успѣхѣ Италіянцевъ еще потому что успѣхъ ихъ долженъ неминуемо повлечь за собою паденіе свѣтской власти папы. Какъ скоро римскій первосвященникъ будетъ вынужденъ руководствоваться святымъ ученіемъ Того чьимъ намѣстникомъ онъ себя провозглашаетъ, какъ скоро будетъ положенъ конецъ скандалезному смѣшенію дѣлъ міра сего съ дѣлами царства небеснаго, исчезнетъ или изнеможетъ главное начало смуты въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ. Съ того дня какъ римскій государь снова станетъ поистинѣ архіереемъ, христіанскимъ пастыремъ, будетъ пресѣчена въ своемъ источникѣ великая язва отравляющая не только духовную, но и гражданскую жизнь стольких народовъ и сказывающая свое губительное дѣйствіе повсюду и во всемъ. Неисчислимы послѣдствія, которыя должны развиться одно за другимъ изъ этихъ событій, такъ неуклонно и такъ стремительно совершающихся въ Италіи. Въ этихъ гарибальдійскихъ крикахъ: „Долой папство!" „Смерть папству!" слышится голосъ не одной мятущейся Италіи, которая домогается своей столицы; въ ней слышится голосъ цѣлаго міра, ибо свѣтская власть римскаго епископа не есть только мѣстное неудобство: это вопросъ всемірнаго значенія. Еслибы возможно было представить себѣ удовлетворительную организацію папскаго правительства въ его области, тѣмъ хуже было бы для Италіи; еслибы

можно было изыскать основанія для удовлетворительной сдѣлки между свѣтскою властью римскаго первосвященника и требованіями возрождающейся Италіи, тѣмъ хуже было бы для церкви, во главѣ которой стоитъ римскій государь; еслибы наконецъ эта церковь, превращенная въ государство, имѣла силы продлить себя, еслибъ она соотвѣтствовала какимъ-либо потребностямъ времени, тѣмъ хуже было бы для человѣчества и для дѣла истинной церкви. Къ счастію, тѣ причины, которыя создали и поддерживали свѣтскую власть папы, давно утратили свою силу, и мечъ еще остающійся въ ослабѣвшей рукѣ римскаго первосвященника есть столько же смѣшной анахронизмъ, сколько и пагубная аномалія. Признаки времени говорятъ ясно: наступила пора великаго паденія и великаго торжества! Церковь, измѣнившая своему духовному началу и возлюбившая власть міра сего, церковь нѣкогда возносившая мечъ свой надъ народами и царствами, церковь превратившаяся потомъ въ повсемѣстный заговоръ и революцію, должна возвратиться къ своему началу. Отравленные источники духовной жизни должны очиститься; задержанныя и подавленныя силы христіанскаго міра должны возымѣть свое животворное дѣйствіе. Паденіе свѣтской власти римскаго первосвященника не есть ли это торжество православія въ самомъ Римѣ? Не есть ли это заря обновленія на пробуждающемся Востокѣ?

Нѣтъ, мы не можемъ присутствовать только въ качествѣ зрителей при нынѣшнихъ событіяхъ въ Италіи. Если правда, что правительство короля Виктора-Эммануила, явивъ доказательство своей энергіи и обуздавъ нетерпѣливые порывы Гарибальди, рѣшилось освободиться отъ французской опеки, требуя пересмотра конвенціи 15-го сентября, то, кажется, намъ слѣдуетъ высказаться въ пользу этого законнаго требованія, и опираясь на наши добрыя отношенія къ французскому правительству, способствовать удовлетворенію этихъ требованій. Мы тѣмъ легче можемъ это сдѣлать, что министерство Ратацци не можетъ подвергаться подозрѣнію въ единомыслія съ революціонерами. Явленная этимъ министерствомъ рѣшимость, при двукратномъ арестѣ популярнаго героя, котораго оно держитъ въ заперти на островѣ Капрерѣ, представляетъ въ пользу порядка достаточное ручательство. Теперь уже не шайка авантюреровъ, бросающихся на удачу низвергать троны и захватывать королевства, а правильное, законное правительство должно приблизиться къ воротамъ Рима и потребовать столицы, безъ которой Италія не можетъ быть цѣльнымъ, сильнымъ и цвѣтущимъ государствомъ. Поддержать подобное дѣло, успѣхъ котораго можетъ имѣть столь великое для цѣлаго міра значеніе, мы не только имѣемъ право, но и обязаны. Намъ будетъ это и не трудно, ибо если вѣрить телеграфнымъ сообщеніямъ, Наполеонъ III самъ, повидимому, отказался отъ опаснаго притязанія препятствовать неотразимому ходу событій, поддерживать то, чего нельзя поддержать, поднирать власть, которая невозвратно отжила свое время и осуждена къ смерти и Богомъ, и людьми. Правда, Наполеонъ III желаетъ чтобъ эта власть продлилась по крайней мѣрѣ до кончины Пія IX. Мягче неумолимый чѣмъ парижскій префектъ, г. Гаусманнъ, императоръ Французовъ не хочетъ разрушить зданіе папства прежде чѣмъ окончить дни свои его теперешній жилецъ? но это продолженіе пожизненнаго контракта едва ли можетъ устоять предъ напоромъ обстоятельствъ. На дѣлѣ свѣтская власть папы прекратится какъ скоро въ Римъ вступитъ хотя одинъ берсальеръ, а мы ласкаемся надеждой, что это не замедлитъ случиться.

Б.

Въ *Indépendance belge*, отъ 7-го сентября, напечатана корреспонденція изъ Петербурга, о которой мы не спѣшили говорить, въ ожиданіи какихъ-либо поясненій или дополненій въ *Journal de St.-Pétersbourg*. Въ этой корреспонденціи идетъ рѣчь объ извѣстной промеморіи, напечатанной въ *Neue Freie Presse* и опровергнутой въ *Journal de St.-Petersbourg*. Опроверженіе это поддерживается замѣткой вѣнской *Abendpost*, и такимъ образомъ пресловутая промеморія, какъ замѣчаетъ корреспондентъ, должна быть отнесена въ области вымысла.

Далѣе корреспондентъ, основываясь, какъ онъ увѣряетъ, на подлинныхъ свѣдѣніяхъ, подтверждаетъ показанія *Journal de St.-Pétersbourg*, что въ упомянутомъ документѣ истина очень ловко смѣшана съ ложью, что придаетъ вѣроятность всему разсказу, и присовокупляетъ, что инціатива изло-

женной въ немъ бесѣды принадлежитъ не Государю Императору, и что не Фуадъ-паша объявилъ невозможнымъ соглашеніе на основаніяхъ предложенныхъ въ продолженіе этой бесѣды.

„Бесѣда, о которой идетъ рѣчь," продолжаетъ корреспондентъ, „была, дѣйствительно, вызвана турецкимъ дипломатомъ, и послѣдній отнюдь не утверждалъ, какъ увѣряетъ *Neue Freie Presse*, что онъ не получилъ отъ своего правительства никакого полномочія для вступленія въ переговоры, а напротивъ того очень ясно далъ понять, что настоящею цѣлію его прибытія было желаніе достигнуть соглашенія съ Россіей, и лишь вслѣдствіе этихъ предложеній турецкаго министра, Государь Императоръ рѣшился изложить ему свой взглядъ на восточный вопросъ. Виды Его Величества были вѣрно воспроизведены въ той части промеморіи, которая посвящена этому воспроизведенію, и искажено только начало бесѣды, то-есть та часть, гдѣ будто бы Императоръ Всероссійскій предлагаетъ Фуадъ-пашѣ прямое и отдѣльное соглашеніе между Россіей и Турціей. Ничего подобнаго не было сказано Государемъ; напротивъ того, все что относится къ необходимости, въ которую можетъ быть поставлена Россія, перестать быть консервативною относительно Турціи, и къ возможности борьбы между нами и Портой, совершенно достовѣрно."

Показаніе петербургскаго корреспондента *Indépendance belge* подвергаетъ высказанное нами предположеніе о характерѣ и возможныхъ результатахъ свиданія въ Ливадіи. Благодаря этому событію, наши собратья на Востокѣ, въ своей тьмѣ, одушевятся новыми надеждами и новою вѣрой въ Россію.

„Я могу сообщить вамъ," продолжаетъ корреспондентъ, „ту особенность, что благосклонный пріемъ, сдѣланный лично Фуадъ-пашѣ въ Ливадіи, имѣлъ именно цѣлію усладить турецкому дипломату впечатлѣніе произведенное на него словами Императора. Въ окончательномъ результатѣ Фуадъ-паша отправился изъ Крыма, убѣжденный вполнѣ, что русское правительство отнюдь не намѣрено отступить отъ той политики настоянія на правахъ, принадлежащихъ турецкимъ христіанамъ, и обезпеченія этихъ правъ, которую оно рѣшительно усвоило себѣ въ послѣднее время."

Вотъ истина, которую мы предугадывали и которая ясна была, несмотря на всѣ искаженія и подлоги.

№ 216.

Москва, 4-го октября.

Люди мало знакомые съ ходомъ обсужденія и разрѣшенія нашихъ общественныхъ вопросовъ, конечно, не безъ недовѣрія выслушаютъ насъ, если мы скажемъ, что стоитъ только возникнуть какому-нибудь проекту явно неблагопріятному русскимъ интересамъ, чтобъ извѣстныя котеріи, теперь, по счастію не такъ многочисленныя какъ прежде, съ жадностію подхватили его и съ неимовѣрнымъ нахальствомъ, какъ бы считая всѣхъ идіотами, принялись восхвалять и доказывать его пользу. Вы можете разъяснять вопросъ сколько вамъ угодно,—на ваши слова не будутъ обращать вниманія, и попрежнему будутъ доказывать, что дважды-два пять, и сыпля фразами, заминать все, что касается сущности вопроса. Стоило появиться въ Вильнѣ брошюрѣ *Значеніе Нижне-Двинской и Ковенско-Либавской желѣзныхъ дорогъ*, имѣющей цѣлію содѣйствовать сооруженію на русскія деньги дороги, которая отвлекла бы торговлю значительной части нашего Заднѣпровья отъ Либавы, долженствующей быть его главнымъ портомъ, и даже отчасти отъ нашихъ черноморскихъ портовъ, чтобы тотчасъ же явились жаркіе защитники этой дороги, несмотря на ея явную несостоятельность. *St.-Petersburger Zeitung* какъ бы руководитъ тою частію нашей журналистики, которая, повинуясь интригѣ, ратуетъ за интересы Пруссіи въ ущербъ Россіи. Въ предыдущихъ статьяхъ нашихъ мы уже достаточно разъяснили, что такое виленская брошюра. Наши доводы, наши цифры остаются безъ вниманія, и публикѣ говорятъ, что надобно возражать на эту брошюру не фразами, а доводами и цифрами. Мы указывали каждый разъ на источникъ приведенныхъ нами цифръ болѣе вѣрныхъ чѣмъ цифры виленской брошюры: въ № *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, полученномъ нами сегодня говорятъ, что *Виленскій Вѣстникъ* объявилъ источникъ цифръ виленской брошюры, и что возражатели теперь обязаны поступить такъ, изъ чего довѣрчивая публика можетъ заключать, что

мы источника нашихъ цифръ не показывали.

На дняхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* подробно разобранъ проектъ такъ неудачно и недобросовѣстно написанный въ Вильнѣ. Официальная газета военнаго вѣдомства подтвердила правильность нашихъ замѣчаній о нелѣпости цифръ виленской брошюры. Оказывается, что и цифры провіянта, необходимаго для войскъ расположенныхъ въ западномъ краѣ, въ брошюрѣ показаны также невѣрно какъ и всѣ остальныя. Мы не имѣемъ здѣсь мѣста, чтобы сообщить нашимъ читателямъ извлеченіе изъ этой статьи *Русскаго Инвалида*, но сдѣлаемъ это въ ближайшемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій*. Упомянутый выше совѣтъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* пущенъ въ публику и какъ разъ вслѣдъ статьи *Русскаго Инвалида*.

Статья *Русскаго Инвалида* даетъ намъ новое основаніе сказать, что виленская брошюра опирается на цифрахъ или невѣрныхъ, или ложныхъ, и служитъ. яснымъ доказательствомъ, въ какія ошибки могутъ быть введены высшія административныя лица подчиненными агентами. Мы доказали, что брошюра эта есть не что иное какъ старый проектъ временъ графовъ Велёпольскаго и Старжинскаго, прикрывшійся только сообразно съ обстоятельствами русскимъ вицъ-мундиромъ, и несмотря на то съ легкой руки нѣмецкой петербургской газеты нѣкоторыя петербургскія газеты продолжаютъ даже и послѣ разоблаченій въ *Русскомъ Инвалидѣ*, отрицать истинный характеръ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, рекомендуя ее своимъ читателямъ. Не желательно ли этимъ господамъ чтобы въ Россіи имѣли мѣсто явленія происходящія только въ Турціи? Тамъ, напримѣръ, проводятся желѣзныя дороги; но только не тѣ, которыя полезны Турціи, а которыя нужны почему-либо другимъ европейскимъ государствамъ. Таковы обѣ турецкія дороги отъ Дуная къ Черному Морю, до сихъ поръ единственныя въ европейской Турціи. Политическія и стратегическія соображенія тутъ оставлены въ сторонѣ, да и изъ экономическихъ интересовъ приняты въ разчетъ только чужеземные. Обѣ эти дороги, изъ Черноводы въ Кюстенджи и изъ Рущука въ Варну, какъ нельзя болѣе напоминаютъ всѣмъ своимъ характеромъ тотъ проектъ, который еще недавно предлагался Россіи, былъ отвергнутъ, но теперь, говорятъ, опять готовъ вынырнуть не безъ надежды на поддержку въ томъ или другомъ органѣ нашей печати, — проектъ пути отъ Черновицы въ Одессу, составленный въ интересѣ австрійскомъ. Когда шла рѣчь объ этой послѣдней дорогѣ, выставляли ея преимущество предъ полезною для Россіи Кіево-Балтскою дорогой. Въ этомъ же родѣ теперь разными полу-словами стараются внушить публикѣ, что слѣдуетъ можетъ-быть пріостановиться сооруженіемъ линіи ведущей извнутри западнаго края къ Либавѣ, и отдать предпочтеніе предъ нею линіи Пинско-Бѣлостокской, ведущей не на Либаву, а на Кенигсбергъ. Само собой разумѣется, что нельзя разомъ изборождить западный край желѣзными дорогами во всѣхъ направленіяхъ. Построится желѣзная дорога къ Кенигсбергу, — надолго придется отложить желѣзную дорогу къ Либавѣ. Иные такъ прямо и намекаютъ, что это можетъ-быть лучше. Но верхъ нахальства состоитъ въ томъ, что другіе, предлагая линію, которою Либавская линія упраздняется, имѣютъ мѣдный лобъ говорить, что предлагаемая ими линія задумана ими въ интересѣ Либавы и должна не подорвать этотъ лучшій изъ нашихъ балтійскихъ портовъ, а возвысить его.

С.-Петербургскія Вѣдомости вслѣдъ за *S.-Petersburger Zeitung* и *Биржевыми Вѣдомостями* подали, какъ сказано, голосъ за Пинско-Бѣлостокскую желѣзную дорогу. Пользу ея онѣ доказываютъ не фактами и не цифрами, и даже вовсе не доказываютъ, а только стараются двусмысленными фразами опутать своихъ читателей. Они удивляются напримѣръ весьма наивно: отчего „ни одному изъ нашихъ „публицистовъ даже не пришла на умъ „слѣдующая *очень простая* мысль: если „дѣйствительно Поляки когда-нибудь со„знавали важность Пинско-Бѣлостокской „дороги, если они дѣйствительно намѣре„вались вести эту дорогу, то могли дѣ„лать это потому только что, домогаясь „господства и популярности въ краѣ и „признавая дорогу дѣйствительно полез„ною и необходимою, они мечтали усилить „этимъ путемъ свое вліяніе; теперь же ког„да на первомъ планѣ стоитъ у насъ за„бота о возможномъ обрусеніи края, эту „услугу должны оказать краю русское пра„вительство и русское общество.“ Какова логика!

Въ возраженіяхъ противъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги *С.-Петербургскія Вѣдомости* усматриваютъ желаніе обречь западный край на вѣчную неподвижность и мертвенный застой. Гдѣ нашли, однако, *С.-Петербургскія Вѣдомости* людей желающихъ для западнаго края такихъ ужасовъ? Всѣ газеты, возставшія противъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, говорили о необходимости улучшенія водяныхъ системъ западнаго края, а также о продолженіи Ковенско-Либавской желѣзной дороги внутрь страны на Минскъ или Слуцкъ къ низовьямъ Припети, для дальнѣйшаго веденія линіи на Житоміръ и Бердичевъ, или изъ Вильны на Минскъ и Бобруйскъ къ среднему теченію рѣки Днѣпра и далѣе до Кіево-Курской желѣзной дороги. Никто и никогда изъ здравомыслящихъ людей не былъ противъ развитія и процвѣтанія западнаго края. Тутъ нѣтъ никакого повода къ антагонизму между общими интересами государства и интересомъ мѣстнымъ. Но если дѣйствительно думать о пользахъ всего западнаго края, то надобно предлагать не Пинско-Бѣлостокскую желѣзную дорогу долженствующую пройдти по одному небольшому участку его, а именно такую линію, которая наикратчайшимъ путемъ соединила бы Волынь съ Либавой.

Не полагаясь на собственный авторитетъ, *С.-Петербургскія Вѣдомости* со скромностью, вѣроятно оцѣненною ихъ читателями, приводятъ въ подтвержденіе своего хитраго заступничества за Пинско-Бѣлостокскую дорогу, одну старинную статью напечатанную въ 1863 году въ *Сѣверной Почтѣ* и перепечатываютъ ее цѣликомъ, черезъ четыре года, какъ нѣкую драгоцѣнность. Въ статьѣ этой, Пинско-Бѣлостокская дорога разсматривалась какъ долженствующая *необходимо въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи соединиться съ Лыко-Кенигсбергскою*. Кажется, одного этого было бы достаточно, чтобы не приводить этой статьи въ пользу проекта обѣщающаго облагодѣтельствовать Либаву. Есть ли смыслъ возлагать на русское правительство заботы о благосостояніи прусскихъ портовъ и проводить въ ихъ пользу желѣзныя дороги, когда нужно заботиться о русскихъ путяхъ и портахъ? Къ тому же статья *Сѣверной Почты* очевидно принадлежитъ перу лица либо несвѣдущаго, либо заинтересованнаго. Въ статьѣ говорится, напримѣръ, о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ въ военномъ отношеніи; но въ этомъ отношеніи помянутая дорога или не имѣетъ никакой важности, или имѣетъ важность только для Пруссіи. Соединеніе сѣверо-западнаго съ юго-западнымъ краемъ въ военномъ отношеніи весьма полезно, но это соединеніе должно произойдти не по линіи отъ Бѣлостока на Вильну, а изъ Минска на Житоміръ: это засвидѣтельствуетъ всякій не лишенный сообразительности человѣкъ, и подтвердятъ спеціалисты. Такими же несообразностями отличаются и экономическія данныя помянутой статьи *Сѣверной Почты*. Говорится, напримѣръ, что на фабрикахъ въ Бѣлостокѣ и въ уѣздѣ имѣется однихъ рабочихъ 20.000 человѣкъ, или что бѣлостокскія фабрики терпятъ недостатокъ въ топливѣ. На фабрикахъ всей Гродненской губерніи имѣется всего 5.112 рабочихъ (*Статистическій Временникъ* стр. 55), слѣдовательно въ Бѣлостокѣ никакъ не можетъ быть 20.000. Точно также только человѣкъ мало знакомый съ мѣстными условіями повѣритъ, что Бѣлостокскія фабрики нуждаются въ топливѣ. Бѣлостокъ расположенъ среди лѣсовъ, а съ юго-восточной стороны онъ даже непосредственно примыкаетъ къ лѣсу, который тянется съ незначительными перелѣсками до самой Бѣловѣжской пущи. Супрасль (суконныя фабрики) расположена среди дремучихъ лѣсовъ, тянущихся съ одной стороны въ Княщину и Домброву, съ другой на соединеніе съ Бѣловѣжскою пущей.

Сѣверная Почта, въ виду неумѣстной перепечатки статьи напечатанной въ ея столбцахъ за четыре года предъ симъ, сочла должнымъ отказаться отъ всякой солидарности съ нею, тѣмъ болѣе что и тогда, помѣщая статью, редакція оговорилась такимъ образомъ: „въ Россіи есть мѣстно„сти, въ которыхъ желѣзныя дороги пред„ставляютъ гораздо бо́льшую государствен„ную важность въ сравненіи съ дорогой, „проектируемой авторомъ статьи.“ Но даже и это заявленіе не ослабило рѣшимости *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* адвокатствовать за Пинско-Бѣлостокскую желѣзную дорогу. Теперь не достаетъ только, чтобы гдѣ-нибудь напечатали, что, говоря о выгодномъ для западнаго края направленіи путей, мы служимъ орудіемъ польщизны, а предприниматели Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги вступаютъ съ нею въ отважную борьбу.

№ 217.

Москва, 5-го октября.

Уже довольно давно не имѣли мы случая говорить объ участіи поземельнаго кредита въ дѣлѣ водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Но этотъ вопросъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, и въ какомъ безнадежномъ видѣ онъ теперь не представляется, къ нему необходимо по временамъ возвращаться. Относительно самаго дѣла никто теперь болѣе не сомнѣвается, что указъ 10-декабря 1865 года будетъ въ точности примѣненъ къ имѣніямъ подлежащимъ обязательной продажѣ. Эти имѣнія описываются; владѣльцы ихъ пріискиваютъ покупщиковъ, если можно подставныхъ, а если нельзя, то и настоящихъ. Намъ пишутъ изъ Вильны, что и настоящихъ покупщиковъ является тамъ не мало, хотя они по большой части предпочитаютъ выжидать публичныхъ торговъ, опасаясь заключать преждевременныя сдѣлки съ продавцами, коимъ не довѣряютъ. Друзья польщизны всячески старались нарушить правильный ходъ этого дѣла, но какъ всегда, своими заботами о польщизнѣ они только повредили Полякамъ: отпугивая покупщиковъ, они уменьшили число ихъ, а чѣмъ меньше покупщиковъ, тѣмъ бываетъ невыгоднѣе продавцу, что теперь и испытывается, хотя далеко не въ той мѣрѣ, какъ можно было ожидать; содѣйствіе поземельнаго кредита отстранено, но это опять отзывается только на продавцахъ, лишившихся такимъ образомъ возможности пользоваться тою оживленною конкурренціей, которая развилась бы въ обширномъ размѣрѣ, еслибы не были пріостановлены ссуды. Продавцы могутъ пенять за все это лишь на друзей польщизны, внушившихъ имъ несбыточныя надежды, да на себя, что, повѣривъ имъ, не воспользовались тѣмъ льготнымъ двухлѣтнимъ срокомъ, который правительство имъ предоставило въ заботливомъ вниманіи къ ихъ интересамъ. Какъ бы то ни было, имѣнія подлежащія обязательной продажѣ будутъ проданы, и объ этомъ говорить болѣе нечего. Интересъ сосредоточивается на томъ, что будетъ далѣе. Имѣнія, подлежащія обязательной продажѣ,—капля въ морѣ. Въ юго-западномъ краѣ ихъ очень мало; въ сѣверо-западномъ—больше, но почти всѣ они мелкія, и переходъ ихъ въ русскія руки отнюдь не измѣнитъ характера мѣстнаго землевладѣнія. Главная сила указа 10-го декабря, та часть его, которая можетъ оказать дѣйствительное вліяніе на мирное разрѣшеніе польскаго вопроса, заключается въ предписаніяхъ, относящихся ко всѣхъ вообще имѣніямъ западнаго края, продаваемымъ какъ по принужденію, за долги и недоимки, такъ и по вольнымъ цѣнамъ. Указъ 10-го декабря имѣлъ въ виду, что обычный повсюду переходъ поземельной собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія послужитъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ водворенію тамъ русскаго землевладѣнія. До сихъ поръ польское землевладѣніе ревниво ограждало свою исключительность. Это не можетъ быть долѣе терпимо; этому долженъ быть положенъ конецъ. Западный край долженъ сдѣлаться столь же доступенъ русскому покупателю, какъ любая изъ внутреннихъ губерній. Онъ долженъ быть поднятъ въ этомъ отношеніи на одинаковый уровень съ остальными частями Россіи; говоримъ поднятъ, потому что исключительность польскаго землевладѣнія лежала тяжкимъ гнетомъ на краѣ, препятствуя тамъ естественному возвышенію цѣнъ на землю. Ограниченный кругъ покупателей съ одной стороны и недовѣріе къ политической будущности края съ другой были причиной того, что имѣнія до сихъ поръ цѣнятся тамъ много ниже, чѣмъ какъ бы слѣдовало и какъ непремѣнно будетъ, когда указъ 10-го декабря, въ точности исполняемый, начнетъ оказывать свое благотворное дѣйствіе. Ничѣмъ другимъ, кромѣ точнаго исполненія указа 10-го декабря, не можетъ быть достигнута эта цѣль, не можетъ быть устранена пагубная, къ сожалѣнію до сихъ поръ еще весьма распространенная увѣренность, что друзья польщизны имѣютъ сильное вліяніе на образъ дѣйствій русскаго правительства, несмотря на всѣ уроки, данные Россіи 1863 годомъ. Въ политическомъ мірѣ нѣтъ болѣе вѣрной аксіомы чѣмъ та, что польскій вопросъ, такъ губительно изнуряющій наше государство, зависитъ исключительно отъ образа дѣйствій нашего правительства.

Итакъ главное значеніе указъ 10-го декабря имѣетъ какъ мѣра не карательная, а органическая. Имѣнія подлежащія обязательной продажѣ будутъ проданы. Но что значатъ какихъ-нибудь 600 мелкихъ имѣній, когда всѣхъ имѣній числится въ

край слишкомъ 20.000? Что произойдетъ въ западномъ краѣ нынѣшнею зимой, то будетъ лишь первымъ шагомъ и пропало бы непроизводительно, возбудивъ только повсюду ропотъ, еслибы за этимъ шагомъ не послѣдовали другіе вѣрные шаги къ къ той же цѣли, обезпечивающіе западному краю спокойствіе, а всему государству благоденствіе, доставляемое внутреннею безопасностью и внѣшнимъ могуществомъ.

Какъ мѣра органическая, указъ 10-го декабря не можетъ успѣшно дѣйствовать безъ помощи поземельнаго кредита, и вотъ почему друзья польщизны, желающіе польскому вопросу продолжительнаго существованія, употребляютъ всѣ усилія, чтобы если не тѣмъ, такъ другимъ путемъ отвратить отъ западнаго края благодѣянія поземельнаго кредита какъ средства замирить его нейтрализаціей польскаго землевладѣнія. До сихъ поръ, надобно признаться эта интрига имѣла успѣхъ и находила для себя удобныя орудія. Именно въ настоящую минуту предстоитъ этому дѣлу серіозное испытаніе. Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита должно рѣшить, сдѣлается ли оно или нѣтъ однимъ изъ главныхъ орудій интриги, подкапывающейся подъ русское дѣло и подъ всю его будущность.

Вопросъ, ожидающій рѣшенія себѣ въ настоящую минуту, очень простъ и ясенъ. Желая обезпечить и вмѣстѣ смягчить исполненіе указа 10-го декабря, правительство признало нужнымъ организовать поземельный кредитъ для привлеченія и поддержки русскихъ покупщиковъ имѣній въ западномъ краѣ, и съ этою цѣлію отдѣлило особый фондъ въ 5 милліоновъ рублей 5% билетами, приносящій ежегодно дохода 250.000 р., ввѣривъ этотъ фондъ особому ссудному учрежденію, учрежденному подъ названіемъ Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній. Это Товарищество было устроено не совсѣмъ правильно. Оно дѣйствовало слишкомъ медленно и вызвало жалобы, которыя повели къ его закрытію, очевидно съ тѣмъ чтобъ устроить дѣло на лучшихъ основаніяхъ. Такъ и было объявлено во всеобщее свѣдѣніе. Но единовременно разошлись слухи, что закрытіе Товарищества свидѣтельствуетъ объ измѣненіи правительственной системы, подъ вліяніемъ будто бы какой-то сильной партіи, желающей удержать въ западномъ краѣ польщизну и признающей его обрусеніе за несбыточную мечту. Что эти слухи дѣйствительно распространены, что они повергаютъ Русскихъ въ уныніе, а въ польскомъ лагерѣ питаютъ фальшивыя, во всѣхъ отношеніяхъ вредныя надежды, кто будетъ отрицать это? Столь же несомнѣнно, что въ настоящую минуту отъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита зависитъ опровергнуть или подтвердить эти слухи. Оно подтвердитъ ихъ, если сдѣлается орудіемъ интриги и, принявъ на себя обязанность содѣйствовать водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ съ бо̀льшимъ успѣхомъ чѣмъ Товарищество, возьметъ пятимилліонный фондъ его на тѣхъ условіяхъ, которыя, какъ несомнѣнно доказано, должны все это дѣло не только не подвинуть впередъ противъ прежняго, а совершенно погубить.

Въ чемъ главное затрудненіе, которое надобно побѣдить, чтобы водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ сдѣлалось возможнымъ? Не въ томъ ли что русскіе покупщики не привыкли обращаться въ западный край и искать тамъ выгодныхъ помѣщеній для своего капитала и труда? Не въ томъ ли еще, что тамошніе продавцы, относясь къ русскимъ покупщикамъ враждебно, стараются запутывать ихъ и вводить въ рядъ ошибочныхъ дѣйствій, за которыя покупщикамъ приходится дорого отплачиваться? Не въ томъ ли что этотъ образъ дѣйствій польскихъ продавцовъ требуетъ отъ русскаго покупщика многихъ усилій и лишнихъ расходовъ, дабы не попасться въ ловушку? Имѣнія западнаго края очень хороши по своимъ естественнымъ условіямъ и по условіямъ сбыта своихъ продуктовъ; въ этомъ отношеніи русская публика уже освободилась отъ прежнихъ заблужденій, и уже никто не считаетъ теперь западнаго края краемъ безплоднымъ и бѣднымъ. Покупка имѣній въ западномъ краѣ - дѣло выгодное: въ этомъ всѣ согласны. Но мало ли есть на свѣтѣ выгодныхъ дѣлъ, за которыя однако никто не берется, если это дѣла новыя, сопряженныя съ рискомъ неожиданныхъ ошибокъ, сосѣдскихъ шиканъ и изъ земли выростающихъ процессовъ? Ничто подобное не угрожаетъ фабриканту, а тѣмъ не менѣе правительство установляетъ пошлины, дабы тарифомъ привлекать капиталы къ предпріятіямъ выгоднымъ, но не привычнымъ. При водвореніи русскаго землевла-

дѣнія въ западномъ краѣ подобныя поощренія еще болѣе необходимы. Это и было сознано, а потому былъ отдѣленъ пятимилліонный фондъ, дабы предоставить покупщикамъ имѣній въ западномъ краѣ такія льготы, которыя могли бы привлекать туда предпріимчивыхъ людей. Льготы эти были не велики, но въ подмогу имъ можно было разчитывать на патріотическія побужденія, которыя дѣйствительно не замедлили обнаружить свою силу. Что же предпринимаетъ теперь Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита? Оно намѣрено взять пятимилліонный фондъ, назначенный для этихъ льготъ, и употребить его въ пользу всѣхъ своихъ заемщиковъ какъ въ западномъ краѣ, такъ и въ губерніяхъ внутреннихъ, т.-е. сдѣлать нѣчто равносильное тому чѣмъ была бы совершенная отмѣна тарифа въ примѣненіи къ фабричному производству. Что вышло бы, если бы правительство, отмѣнивъ разомъ покровительственныя пошлины, ввело для всѣхъ товаровъ равномѣрную пошлину напримѣръ въ 5% съ цѣны? А именно это сдѣлаетъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита по отношенію къ покупщикамъ имѣній, если отвративъ пятимилліонный фондъ отъ его спеціальнаго назначенія, употребитъ его для равномѣрной поддержки всѣхъ своихъ заемщиковъ. Но этого мало: чтобы провести параллель, надобно предположить, что правительство, предъ введеніемъ равномѣрной пошлины, обѣщало оказать фабрикантамъ покровительство еще болѣе серіозное чѣмъ прежде, что признавъ прежнее покровительство недостаточнымъ, оно потомъ, вмѣсто обѣщанныхъ усиленныхъ мѣръ покровительства, совершенно отмѣнило и тѣ, которыя существовали прежде. Какъ не явиться бы тогда убѣжденію, что правительство совершенно измѣнило свой взглядъ на фабричное производство, что оно уже считаетъ его полезнымъ, что напротивъ оно хочетъ отвлекать отъ него капиталы? Какое же заключеніе должно будетъ сдѣлать, если Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита уравняетъ покупщиковъ имѣній въ западномъ краѣ съ покупщиками имѣній въ остальной Россіи, то-есть отмѣнитъ льготу существующую для первыхъ, и сдѣлаетъ это какъ разъ послѣ того какъ правительство возбудило надежду на льготы болѣе широкія и болѣе прочныя? Это будетъ не только прекращеніемъ содѣйствія, это будетъ противодѣйствіемъ водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, и по неволѣ всякій долженъ будетъ заключить, что правительство отказалось отъ заявленнаго прежде намѣренія признавать западный край русскимъ краемъ, и что обрусеніе его уже несогласно съ видами правительства. Какихъ можно было бы послѣ того ожидать патріотическихъ побужденій въ русскомъ обществѣ!

Вотъ какая отвѣтственность лежитъ теперь на Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Отвлечь пятимилліонный фондъ отъ службы дѣлу замиренія западнаго края, взять въ свою пользу 250.000 ежегоднаго дохода и учредить для формы какія-нибудь двѣ кассы, которыя будутъ стоить не болѣе 25.500 рублей и ничего полезнаго не сдѣлаютъ,—Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита повидимому можетъ сдѣлать это, но члены его не могутъ одного: они не могутъ надѣяться, что имъ будетъ позволено ссылаться потомъ, когда польскій вопросъ возстанетъ съ небывалою доселѣ силой, на безсознательность и безвинность своей ошибки.

№ 218.

Москва, 6-го октября.

Въ *Journal de St.-Pétersbourg* сообщаютъ полученныя изъ Аѳинъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Критѣ, которыя мы спѣшимъ въ свою очередь передать нашимъ читателямъ. Кандіоты не хотятъ принимать никакія предложенія отъ коммиссіи, присланной Портою. Международная слѣдственная коммиссія, вотъ чего они требуютъ, и на что Порта не благоволила согласиться, ссылаясь на статью 9-ю Парижскаго трактата, коимъ признана независимость ея внутренняго управленія отъ вмѣшательства со стороны другихъ державъ.

Но, какъ справедливо замѣчаетъ *Journal de St.-Pétersbourg*, эта статья вводима была въ трактатъ въ виду фирмана, которымъ Порта обѣщала своимъ христіанскимъ подданнымъ великолѣпныя реформы. Исполнены ли въ какой-либо мѣрѣ эти обѣщанія, и въ такомъ ли положеніи находится Турція, чтобъ ея правительство не нуждалось въ посредствѣ державъ, милостію которыхъ она держится на свѣтѣ?

Сочувствующія кандійскому движенію, иностранныя газеты, указывая на упор-

ство турецкой политики и жертвы, принесенныя греческимъ народомъ въ пользу своихъ возставшихъ братьевъ, приходятъ къ заключенію, что средства Грековъ изсякли, и что возстаніе должно прекратиться, а возставшіе принуждены будутъ неминуемо покориться условіямъ турецкаго правительства. Можно ли однако повѣрить, чтобы Кандіотамъ въ самомъ дѣлѣ пришлось снова уступить Туркамъ островъ, большая часть котораго принадлежитъ уже бойцамъ за свободу? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ вновь возникающій, взглянемъ на положеніе дѣлъ, коимъ обусловливалось и поддерживалось критское возстаніе.

Клочекъ земли, носящій громкое названіе греческаго королевства, не богатъ, средства Грековъ королевства истощились, это правда. Но съ первой минуты возстанія всѣмъ было извѣстно, что подданные короля Георгія могутъ жертвовать только своею кровью. Взоры Кандіотовъ обратились за денежнымъ пособіемъ не къ Грекамъ королевства, а къ богатымъ эллинскимъ колоніямъ въ главныхъ городахъ Европы.

Кандійское возстаніе было событіемъ внезапнымъ и неожиданнымъ для Грековъ. Оно не было возбуждено, какъ писали о томъ враждебныя Греціи газеты, подстрекательствомъ греческихъ эмиссаровъ. Съ возстанія 1858 г. (прекратившагося, благодаря обѣщаніямъ Порты даровать острову особыя права), Кандійцы выносили самыя тяжкія, самыя вопіющія насилія. Имъ не оставалось иного исхода, какъ только обратиться къ султану съ жалобой на своихъ правителей и съ просьбой какъ-нибудь облегчить ихъ участь. Но просьба ихъ, какъ извѣстно, была отвергнута Блистательною Портой, въ отвѣтъ на жалобы она отправила въ Кандію 30-тысячное войско для усмиренія мятежа, котораго тогда еще не было, но который немедленно разыгрался вслѣдствіе такого образа дѣйствій въ Константинополѣ. И вотъ Кандійцы взялись снова за оружіе, съ твердою рѣшимостью не полагать его, доколѣ не добьются независимости острова. Что возстаніе было дѣломъ внезапнымъ, это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что на всемъ островѣ имѣлись только кремневыя ружья. О нарѣзныхъ же, тѣмъ паче игольчатыхъ ружьяхъ Кандійцы, въ началѣ возстанія, не имѣли и понятія.

Греки королевства, къ которымъ обратились Кандійцы за помощью, составили немедленно комитетъ для изысканія средствъ чѣмъ бы и какъ бы пособить имъ. Учрежденный въ Сирѣ центральный комитетъ издалъ воззваніе ко всѣмъ Эллинамъ, приглашая ихъ жертвовать чѣмъ кто можетъ, для содѣйствія начавшейся священной борьбѣ. Первыми откликнулись на зовъ Кандійцевъ греческіе моряки. Владѣльцы мелкихъ купеческихъ судовъ тотчасъ же принялись перевозить къ возставшему острову съѣстные припасы, одежду и волонтеровъ, спѣшившихъ на помощь къ бойцамъ подъ знаменемъ Креста. Примѣру мелкихъ судовладѣльцевъ послѣдовало вскорѣ Общество греческаго пароходства. Движимые чувствомъ патріотизма, главные акціонеры этого общества, негоціанты острова Сиры тотчасъ же отдали въ распоряженіе возставшихъ одинъ изъ своихъ пароходовъ. Лондонскіе, ливерпульскіе, марсельскіе, александрійскіе и другихъ мѣстностей Греки, наперерывъ другъ предъ другомъ, слали въ Сиру денежныя пособія.

Великая жертва, принесенная въ Аркадійскомъ монастырѣ, этотъ подвигъ святаго патріотизма, не осталась безъ послѣдствій. Никакая блистательная побѣда не могла бы такъ высоко поднять духъ Эллиновъ, какъ эта геройская гибель столькихъ людей подъ сѣнію алтаря.

Дѣятельность комитетовъ въ Сирѣ и Аѳинахъ усилилась. Критское возстаніе рѣшительно приняло характеръ общаго эллинскаго дѣла. Въ Аѳинахъ образовался главный комитетъ, принявшій на себя обязанность руководить общимъ ходомъ возстанія, вести переписку съ греками проживающими за границей и заботиться о содержаніи семействъ переселившихся изъ Кандіи. На долю же Сирскаго центральнаго комитета досталась обязанность снаряжать экспедиціи въ Кандію и заботиться о матеріяльной сторонѣ возстанія.

Греки, находящіеся внѣ предѣловъ королевства, а въ особенности лондонскіе и ливерпульскіе, снабдили волонтеровъ оружіемъ новѣйшихъ усовершенствованныхъ системъ; они отдали въ распоряженіе центральнаго комитета три быстрые купленные ими въ Лондонѣ парохода: знаменитый *Аркадіонъ*, *Соединенные* и *Критъ*. Нынѣ, по словамъ аѳинскихъ газетъ, лондонскіе и ливерпульскіе Греки купили отлично вооруженный быстроходный мониторъ,

который отправляется ими въ Сиру также въ даръ возстанію.

Греческіе торговые дома въ Лондонѣ и Ливерпулѣ принадлежатъ къ самымъ прочнымъ и богатѣйшимъ фирмамъ Соединеннаго Королевства. Значительныя денежныя приношенія, сдѣланныя ими въ пользу возстанія, не только не ослабили, но усилили ихъ рвеніе. На ихъ содѣйствіе опирается и правительство Греціи, озабоченное усиленіемъ своего военнаго флота и приготовленіями къ оборонѣ, которыя заставили его прибѣгнуть къ займу. Итакъ, средства есть: все теперь зависитъ отъ стойкости кандійскихъ бойцовъ.

Но положеніе дѣлъ въ Кандіи теперь не такъ мрачно, какъ было въ началѣ военныхъ дѣйствій Омеръ-паши. Тогда нужно было отражать нападенія свѣжихъ турецкихъ войскъ, тогда на сердцѣ возставшихъ была судьба нѣсколькихъ десятковъ тысячъ женщинъ, старцевъ и дѣтей, которые ежеминутно подвергались гнусному неистовству турецкихъ солдатъ. Теперь эти несчастные спасены; военныя дѣйствія Кандійцевъ увѣнчались успѣхомъ, и пресловутый сердарь-экремъ, столь превознесенный туркофильскою печатью, потерпѣлъ полно *fiasco*, еще болѣе позорное чѣмъ его предмѣстникъ Мустафа-Киритли-паша. Благодаря мужеству и стойкости возставшихъ, единодушію и дарованіямъ главныхъ предводителей Кандіотовъ, Коронеоса и Зимвракаки, положеніе воюющихъ сторонъ на островѣ довольно утѣшительно. Омеръ-паша сидитъ безвыходно въ Канеѣ.

Великій визирь отправился, по повелѣнію султана, въ Кандію въ сопровожденіи Риза-паши, Кабули-паши и трехъ христіанъ. Поѣздка его вовсе не имѣетъ цѣлью, какъ извѣщали сначала западныя газеты, изслѣдовать причины неудовольствія кандіотовъ. Аали-пашѣ поручено предложить возставшему народу новое устройство. Но однихъ именъ спутниковъ Аали-паши достаточно, чтобы показать, какъ было бы поведено ими дѣло реформъ въ Критѣ. Риза-паша прославилъ себя турецкимъ правосудіемъ при слѣдствіи по Кулелійскому заговору (въ 1859 году). По его распоряженію (онъ былъ тогда военнымъ министромъ), безъ дальнѣйшихъ околичностей были брошены въ воду, въ мѣшкахъ, болѣе десяти человѣкъ, которые осмѣлились обвинить его на засѣданіи суда въ лихоимствѣ и казнокрадствѣ. Утопленники были все магометане, чего же послѣ этого ждать кандійскимъ христіанамъ? Кабули-паша хорошо извѣстенъ Кандіотамъ. Тамъ, конечно, помнятъ слѣдствіе, произведенное имъ послѣ возстанія 1857 года, и жестокости которыми оно сопровождалось.

И находятся еще въ Европѣ органы, которые осмѣливаются прославлять благость турецкаго правительства и совѣтуютъ Кандіотамъ безусловно покориться Портѣ! И это пишется въ то время, когда оружіе Кандіотовъ одержало столько блистательныхъ побѣдъ надъ лучшими генералами Порты, и когда Омеръ-паша, эта живая гордость Турціи, ея генералиссимусъ, загнанъ ими въ стѣны крѣпости.

№ 219.

Москва, 7-го октября.

Засѣданіе Московской судебной палаты 4-го октября, отчетъ о которомъ изложенъ въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты, имѣетъ особое и очень важное значеніе не столько по тому дѣлу, которое подлежало судебному рѣшенію, сколько по важности общественныхъ вопросовъ, этимъ дѣломъ возбуждаемыхъ. Преслѣдованію подвергался мировой судья по претензіи полицейской власти. Дѣло рѣшалось въ публичномъ засѣданіи высшей судебной инстанціи округа, въ полномъ собраніи ея членовъ.

Мы сказали, кто подвергался преслѣдованію; теперь спрашивается, что было предметомъ преслѣдованія? За что г. Даниловъ, мировой судья Лефортовскаго участка, былъ привлеченъ къ дисциплинарному разбирательству? За что прокурорскій надзоръ счелъ должнымъ требовать преданія его даже уголовному суду?

Разсмотрите дѣло, и вы увидите, что преслѣдованію подвергался человѣкъ не за то, что онъ нарушилъ благочиніе и законный порядокъ, а за то что онъ принялъ къ сердцу интересы общественнаго благочинія и порядка; подвергался преслѣдованію общественный дѣятель не за то что онъ поступилъ въ противность закону, а за то, что онъ ревностно исполнялъ обязанность, возложенную на него закономъ. Вотъ явленіе глубоко характеристическое!

Мы часто жалуемся на печальныя послѣдствія недуга, и чураемся того въ чемъ заключается врачующая сила и тайна здо-

ровья. Въ кругъ нашихъ понятій вошли идеи изъ чужихъ системъ, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ міромъ, въ которомъ мы живемъ, и въ вещи насъ окружающія мы вносимъ смыслъ имъ несвойственный и придаемъ имъ видъ не имѣющій ничего общаго съ ихъ дѣйствительнымъ видомъ. Мы стоимъ на твердой почвѣ, а ступаемъ по ней будто по утлой доскѣ колеблемой волнами; мы имѣемъ безспорное законное правительство, единое съ народомъ, но руководствуемся въ нашихъ сужденіяхъ такими понятіями, какъ еслибы у насъ было правительство чужое и пришлое, незаконное и революціонное, долженствующее стоять среди народа укрѣпленнымъ лагеремъ. *Мнимая* болѣзнь есть *дѣйствительная* болѣзнь мнѣнія; развиваясь и усиливаясь, она можетъ стать столько же опасною, какъ и всякая дѣйствительная болѣзнь.

Какое состояніе общества должно признать удовлетворительнымъ или нормальнымъ: то ли, когда люди остаются равнодушны къ общимъ интересамъ, или когда каждый принимаетъ ихъ къ сердцу, — то ли когда общество *пульверизовано*, обращено во прахъ, и когда никто не знаетъ и не хочетъ знать ничего, что выходитъ изъ сферы его экономическихъ интересовъ, или когда общество представляетъ живую нравственную силу связующую людей, и когда каждый чувствуетъ себя призваннымъ заботиться, по мѣрѣ силъ своихъ, объ общемъ благѣ на основаніи существующаго порядка; — то ли когда государственная безопасность и общественное благочиніе находятся лишь на официальномъ попеченіи чиновниковъ, съ рѣшительнымъ исключеніемъ всѣхъ прочихъ, или когда каждый полноправный гражданинъ сознаетъ себя слугой своего государя, сыномъ своей страны и дѣятельнымъ органомъ общей пользы и добра? Можно ли колебаться въ отвѣтѣ?

Преступное покушеніе, въ прошломъ году поразившее ужасомъ всю Россію, привело къ раскрытію зла, которое развилось въ нашемъ обществѣ. Откуда оно произошло, и что способствовало его развитію? Оно развилось въ нѣдрахъ общества, которое систематически было отучаемо отъ всякаго участія въ интересахъ возвышающихся надъ личнымъ интересомъ каждаго, — изъ нѣдръ общества, въ которомъ люди были поставлены такъ, что никому не было дѣла до того что дѣлалось не на его дворѣ. Умственный развратъ и нравственная порча, все это является вѣрнымъ выраженіемъ общественной среды, которая поражена апатіей и лишена жизненной силы отпора. Бюрократія и полиція не могутъ пожаловаться, чтобы кто-нибудь вмѣшивался въ ихъ дѣла, или чтобъ онѣ не были достаточно вооружены; онѣ не встрѣчали никакого сопротивленія, онѣ господствовали исключительно; все прочее молчало. Люди злонамѣренные пользовались такимъ положеніемъ общества, и у насъ вошло въ силу мнѣніе, что заботиться объ устраненіи или предупрежденіи зла, грозящаго пагубными послѣдствіями, значитъ быть сикофантомъ. Между обществомъ и правительствомъ образовалась бездна, и въ то время когда все приносилось въ жертву тому, чтобы поднять авторитетъ полиціи, она все болѣе и болѣе падала въ общественномъ мнѣніи, и обратилась въ институтъ ненавистный всему окружающему. Почтенная должность полицейскаго агента въ общественномъ мнѣніи стала презрительною, и каждый старался держать себя какъ можно далѣе отъ всякой солидарности съ полиціей. Что находилось въ исключительномъ завѣдываніи какъ бы особой организованной дружины, то стало чуждо для всѣхъ остальныхъ, и потеряло въ ихъ глазахъ нравственное достоинство. Въ то время какъ полиція, именно въ силу своей монополіи, теряла общественное уваженіе, уклонялась отъ своихъ истинныхъ обязанностей и употребляла во зло предоставленную ей власть, съ другой стороны падалъ общественный духъ, люди становились равнодушны къ общественному добру и злу, и полагали либерализмъ въ томъ, чтобы злорадствовать великимъ предметамъ государственной пользы. Все дурное и тлетворное, оказавшееся въ нашей средѣ, родилось и взошло въ силу когда еще не было и мысли ни объ одной изъ благодатныхъ реформъ пересоздающихъ нынѣ Россію, — когда не было ни судовъ, правильно организованныхъ; ни мировой юстиціи, ни земскихъ учрежденій, ни независимой печати.

Въ здоровомъ и нормальномъ гражданскомъ обществѣ каждый долженъ быть блюстителемъ закона, оберегателемъ и пособникомъ общихъ интересовъ; каждый долженъ быть въ извѣстномъ смыслѣ какъ бы правительственнымъ агентомъ и какъ бы

полицейскимъ служителемъ. Только тамъ, гдѣ это возможно, только тамъ, гдѣ это есть дѣло гражданской чести, государство находится въ полной безопасности, правительство обезпечено отъ злоупотребленія и нерадѣнія своихъ органовъ, и общество пользуется всѣми желанными условіями благосостоянія и гражданственности. Къ такому-то результату клонятся спасительныя реформы, которыя одна за другою вступаютъ посреди насъ въ дѣйствіе.

Вы идете, и встрѣчаете сцену грубаго злоупотребленія, безчинства или насилія. Вы можете спокойно пройдти мимо, не обращая вниманія на происходящее, какъ бы оно ни было возмутительно и гнусно; но вы останавливаетесь, забывая свои частныя дѣла; вы указываете на происходящее офиціальному блюстителю порядка, который при этомъ присутствуетъ; вы напоминаете ему о его обязанностяхъ, вы не отходите, вы призываете свидѣтелей, и наконецъ быть можетъ способствуете прекращенію зла. Въ которомъ случаѣ поступили бы вы соотвѣтственнѣе нравственному долгу, и какой порядокъ вещей долженъ считаться болѣе удовлетворительнымъ: тотъ ли, гдѣ человѣкъ можетъ поступать по совѣсти и долгу, или тотъ, гдѣ это считается неудобнымъ и предосудительнымъ? Но, скажутъ, наблюденіе за благочиніемъ и порядкомъ поручено офиціальнымъ лицамъ, а частный человѣкъ не долженъ вмѣшиваться не въ свое дѣло; злоупотребленія или нерадѣніе агентовъ власти вѣдаются ихъ начальствомъ, а частный человѣкъ, напоминая имъ о ихъ обязанностяхъ, присвоиваетъ-де себѣ право ихъ начальника. Но если офиціальные дѣятели имѣютъ соотвѣтственную своимъ обязанностямъ долю власти, то всякій неопороченный и честный человѣкъ въ благоустроенномъ обществѣ имѣетъ право поступать, въ предѣлахъ допускаемыхъ закономъ, соотвѣтственно своему нравственному долгу. Вы не имѣете права начальнически распоряжаться надъ лицами вамъ не подчиненными, но вы имѣете право, предоставляемое благоустроеннымъ обществомъ каждому изъ своихъ членовъ, свободно выразить ваше мнѣніе въ видахъ общей пользы, или оказать противодѣйствіе зависящими отъ васъ способами злу, которое творится въ вашемъ присутствіи. Гдѣ должностныя лица открыты для общественнаго контроля, тамъ прежде всего обезпечена сама власть въ добросовѣстномъ и правильномъ исполненіи ея порученій. Авторитетъ власти отъ этого не умаляется, а пріобрѣтаетъ новую силу и значеніе, новое право на общественное уваженіе, и ничто такъ не улучшаетъ и не облагораживаетъ характера офиціальныхъ дѣятелей, какъ широкій общественный контроль, которому они открыты. Но, скажутъ, мнѣнія могутъ быть ошибочны и несправедливы, выраженіе ихъ можетъ быть оскорбительно, сопровождающія ихъ дѣйствія могутъ оказаться вредными. Все можетъ быть, и нѣтъ ничего въ мірѣ, что было бы совершенно обезпечено отъ ошибокъ и злоупотребленій. Право каждаго принимать къ сердцу дѣла общаго интереса можетъ въ томъ или другомъ случаѣ выразиться предосудительнымъ образомъ; но каждый случай долженъ подлежать индивидуальной оцѣнкѣ, и самъ за себя нести отвѣтственность. Естественное право людей свободно двигаться можетъ вести къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ, но никому не можетъ придти въ голову стѣснить или запретить свободу движенія въ виду возможныхъ случаевъ злоупотребленія.

Чѣмъ серіознѣе понимаетъ общественный дѣятель предоставленныя ему полномочія, тѣмъ болѣе соотвѣтствуетъ онъ требованіямъ своего призванія. Есть обязанности, неисполненіе которыхъ преступно; есть обязанности, исполненіе которыхъ оставляется на совѣсть, и только исполненіе этихъ послѣднихъ имѣетъ цѣнность. Исполнять только то чего нельзя не исполнять, не подвергаясь взысканію, не есть заслуга; только усердное и добросовѣстное исполненіе того что въ нашей возможности, опредѣляетъ мѣру для оцѣнки положительнаго достоинства нашей дѣятельности.

Мировой судья, г. Даниловъ, проѣзжая въ 1 часу ночи, видитъ въ трактирѣ огонь, — а только наканунѣ было обнародовано по полиціи Высочайшее повелѣніе, чтобы въ эту пору въ трактирныхъ заведеніяхъ торговля не производилась. Онъ могъ бы проѣхать мимо и ранѣе легъ бы въ постель. Но онъ остановился и вошелъ въ заведеніе, залы котораго были наполнены посѣтителями, а въ одной изъ нихъ играла музыка и шли танцы съ участіемъ женщинъ. Онъ пригласилъ квартальнаго надзирателя, который объявилъ ему, что не успѣлъ наблюсти за исполненіемъ объявленнаго наканунѣ Высочайшаго повелѣнія,

потому что, утомленный дневными занятіями, спалъ. Мировой судья составилъ обо всемъ найденномъ протоколъ, а хозяина заведенія приговорилъ къ штрафу. Спустя нѣкоторое время, проѣзжая опять мимо того же трактира и также ночью, мировой судья замѣтилъ, что въ немъ по прежнему производится торговля, и опять нашелъ тамъ много посѣтителей и женщинъ, несмотря на то что чины полиціи, и въ томъ числѣ помощникъ квартальнаго надзирателя, находились по близости. Не выступая изъ предѣловъ своего полномочія, онъ обратилъ вниманіе послѣдняго на столь явное нарушеніе Высочайшаго повелѣнія, поручилъ ему произвести предварительное дознаніе, и обо всемъ происшедшемъ увѣдомилъ письмомъ оберъ-полицеймейстера. Вотъ фактъ: кто бы подумалъ что мировой судья долженъ подвергнуться за это преслѣдованію предъ судомъ? Ему поставлено въ вину, что онъ якобы дѣлалъ внушеніе полицейскому чиновнику, который можетъ получать внушенія только отъ своего начальства. Но если мировой судья не имѣетъ права дѣлать то что называется внушеніемъ, то и нѣтъ причинъ признавать слова, съ которыми онъ обратился къ полицейскому чиновнику, за внушеніе. Что бы онъ ни сказалъ, если только въ выраженіяхъ его не было чего-нибудь оскорбительнаго (а ничего оскорбительнаго обвиненіе въ словахъ его не показываетъ), онъ могъ безъ вреда сказать въ качествѣ лица не только совмѣстно дѣйствующаго по обязанности, но даже совсѣмъ посторонняго.

Представимъ себѣ, вмѣсто мироваго судьи, частнаго человѣка, который обратилъ бы вниманіе полицейскаго чиновника на безчиніе происходящее въ его присутствіи, и даже укорилъ бы его, разумѣется, въ выраженіяхъ приличныхъ и неоскорбительныхъ, за допущеніе безпорядка; спрашивается, какой отъ этого могъ бы произойдти вредъ? Что дурнаго можно было бы усмотрѣть въ такой, весьма естественной со стороны всякаго честнаго человѣка заботливости объ общественномъ благочиніи? Общество ли существуетъ для полиціи, или полиція для общества? Взысканіе и кара, безъ сомнѣнія, принадлежатъ только начальству; но у частнаго лица не отнято право мнѣнія въ дѣлѣ общаго интереса, который для всякаго долженъ быть болѣе или менѣе своимъ. Чѣмъ же начальству формализоваться въ подобномъ случаѣ? Въ чемъ могло бы оно видѣть здѣсь узурпацію своихъ правъ?

Но мировой судья дѣйствовалъ въ предѣлахъ положительно-предоставленнаго ему права. Обвинительная власть не можетъ отрицать, что мировымъ судьямъ даровано право возбуждать дѣла по личному усмотрѣнію; но она полагаетъ, что въ столицахъ, гдѣ полицейскихъ чиновниковъ много, въ этомъ нѣтъ надобности. Однако уставъ какъ для столичныхъ, такъ и для уѣздныхъ мировыхъ судей одинъ и тотъ же; стало-быть, законъ призналъ ту же надобность и въ столицахъ. Именно случай, за который г. Даниловъ былъ призванъ къ суду, и служитъ разительнымъ доказательствомъ, что такая надобность имѣется и въ столицахъ, и что многочисленность полицейскаго персонала не ручается за неуклонное и точное исполненіе даже Высочайшей воли. Вопросъ только въ томъ, имѣетъ или не имѣетъ мировой судья право возбуждать дѣла по личному усмотрѣнію? Но право это непререкаемо значится въ уставѣ. Въ мотивахъ къ ст. 42 и къ п. 3-му, сюда относящемуся, сказано, что мировой судья находился бы въ положеніи крайне затруднительномъ и даже неестественномъ, будучи очевидцемъ преступнаго дѣйствія и не имѣя права подвергнуть виновнаго заслуженному наказанію. Прокурорскій надзоръ выставляетъ, какъ похвальную черту характеризующую дѣятельность мировыхъ судей въ Москвѣ, то, что они не возбуждаютъ дѣлъ по личному усмотрѣнію. Но какъ признать нормальнымъ положеніе общественныхъ дѣятелей, которые, быть-можетъ въ чувствѣ тѣсноты своей и по благоразумію, удерживаются отъ пользованія присвоенными ихъ должности правами? Люди могутъ не пользоваться правами, которыя лично имъ принадлежатъ: это добродѣтель; но не пользоваться правами присвоенными должности, это отнюдь не есть достоинство, ибо право присвоенное должности есть для лица его носящаго обязанность. Говорятъ, что мировой судья превысилъ свою власть, сдѣлавъ внушеніе полицейскому чиновнику? Но въ этомъ ли дѣло? Навѣрное не вышло бы никакой тревоги, еслибы мировой судья и во второй разъ только обратилъ вниманіе помощника квартальнаго надзирателя на замѣченные безпорядки, а не поручилъ ему произвести предварительное дознаніе. Поручать же полицейскимъ чи-

намъ произвести предварительное дознаніе мировые судьи имѣютъ полное право на основаніи ст. 52 Уст. Угол. Судопр.

Таковы или почти таковы всѣ прочіе пункты обвиненія противъ г. Данилова. Арестанты въ Лефортовскомъ частномъ домѣ жаловались ему на голодъ, которымъ ихъ тамъ морили, на негодную, червивую пищу, которую имъ тамъ давали; мировой судья записалъ ихъ показанія и препроводилъ къ оберъ-полицеймейстеру, какъ вице-президенту тюремнаго комитета, на зависящее распоряженіе. Что же тутъ преступнаго? Въ чемъ тутъ вина? Мировой судья, — говоритъ прокурорскій надзоръ, — составилъ протоколы о неудовлетворительномъ содержаніи арестантовъ въ Лефортовскомъ частномъ домѣ. Но еслибъ это было и такъ (хотя отдѣльныхъ протоколовъ положительно не было), то развѣ можетъ такое обстоятельство быть предметомъ судебнаго преслѣдованія?

Мировому судьѣ поставлено въ вину то, что по заявленію обратившихся къ нему лицъ, онъ возбудилъ переписку съ полиціей для опредѣленія ихъ подсудности, дѣйствуя на основаніи ст. 231 Уст., которая гласитъ: „каждое судебное мѣсто само разрѣшаетъ, подлежитъ ли дѣло его вѣдомству и ни въ какомъ случаѣ не должно представлять суду высшему о разрѣшеніи своихъ сомнѣній о подсудности.“

На полицейскаго унтеръ-офицера поступила жалоба, подкрѣпленная свидѣтельскими показаніями, въ нанесеніи побоевъ: мировой судья вноситъ въ протоколъ показанія свидѣтелей, и потомъ дѣло, какъ ему неподсудное, передаетъ оберъ-полицеймейстеру. Что же? Полиція формализуется и этимъ. Прокуроръ, при всей необходимости поддерживать во что бы то ни стало обвиненіе, долженъ былъ признать что судья имѣлъ право передать дѣло оберъ-полицеймейстеру,—только не въ той формѣ, какъ онъ это сдѣлалъ. Но законъ нигдѣ не устанавливаетъ особенной формы для такого рода сообщеній. Судья, говоритъ обвиненіе, могъ передать дѣло на разсмотрѣніе полицейской власти, но онъ не могъ сообщать при этомъ своего заключенія о дѣлѣ: почему же не могъ? Законъ этого не воспрещаетъ, а можно ли возбуждать передъ судомъ обвиненіе не на точномъ основаніи закона? И можетъ ли заключаться что-либо вредное или оскорбительное для полицейской власти въ томъ обстоятельствѣ, что мировой судья, при передачѣ дѣла, сообщилъ о немъ свое мнѣніе?

Г. Данилову поставлено въ преступленіе даже то обстоятельство, что лицо служившее у него письмоводителемъ приняло на себя защиту дѣла возбужденнаго въ мировомъ съѣздѣ. Обвиненіе это такъ странно, что прокуроръ даже не рѣшился ввести его въ свое заключеніе.

Мировой судья, вынужденный дѣйствіями частнаго пристава, какихъ примѣровъ представлено не мало предъ судомъ, счелъ нужнымъ выписать статьи закона относящіяся до исполненія полицейскими чинами своихъ служебныхъ обязанностей. Это послужило основаніемъ къ обвиненію мироваго судьи въ томъ, что онъ дозволилъ себѣ давать полицейскимъ чинамъ инструкціи. Какъ будто ссылка на текстъ закона можетъ быть названа инструкціей!

Судебная палата оправдала г. Данилова по пяти пунктамъ, а по одному признала его не подлежащимъ взысканію.

Дѣло это бросаетъ ясный свѣтъ на недоразумѣнія, которыми окружены новыя учрежденія, на трудности, которыя приходится имъ преодолѣвать для того чтобы занять надлежащее мѣсто посреди учрежденій принадлежащихъ къ старому порядку, и нельзя не порадоваться, что г. генералъ-прокуроръ, уступая настояніямъ полицейскихъ властей, допустилъ разсмотрѣніе этого дѣла въ дисциплинарномъ порядкѣ, и что оно происходило публично; нельзя не поблагодарить прокурорскій надзоръ за то, что онъ, настойчивостью и даже придирчивостію своего заключенія, предотвратилъ всякій поводъ со стороны полицейскихъ властей сѣтовать, что претензія ихъ не была достаточно энергически заявлена и поддержана предъ судомъ. Да послужитъ этотъ случай къ прекращенію прискорбныхъ недоразумѣній между властями, призванными къ служенію одному и тому же дѣлу! Это тѣмъ желательнѣе, что полицейскія учрежденія въ нашихъ столицахъ значительно возвысились въ своемъ характерѣ и сами все болѣе и болѣе становятся достойными того новаго порядка, который вокругъ нихъ водворяется; имъ нѣтъ надобности быть слишкомъ ревнивыми и щекотливыми въ своихъ отношеніяхъ къ судебнымъ учрежденіямъ, тѣмъ болѣе, что именно это и бросаетъ въ общественномъ

мѣнии тѣнь на полицію, и препятствуетъ искорененію еще остающихся злоупотребленій, такъ какъ подчиненные агенты ошибочно разчитываютъ на солидарность начальства вслѣдствіе слишкомъ оборонительнаго положенія, принимаемаго цѣлымъ вѣдомствомъ.

№ 220.

Москва, 9-го октября.

Въ настоящее время рѣшается вопросъ величайшей для Россіи важности. Должно ли Балтійское побережье, нераздѣльная часть Россіи, быть Россіей или Германіей? И населенія этихъ провинцій должны ли принадлежать къ единой семьѣ русской или видѣть свое истинное отечество въ сосѣднемъ могущественномъ государствѣ, напирающемъ на насъ съ запада? Все подошло одно къ одному и обстоятельства сложились такъ, что нельзя ни минуты колебаться и медлить. Невозможно сдѣлать ни одного, хотя бы самаго малаго шага безъ того чтобы рѣшеніе этого вопроса не склонилось безвозвратно въ ту или другую сторону. Съ одной стороны, Германія на нашихъ глазахъ пріобрѣтаетъ новое громадное государственное значеніе въ Европѣ, подготовленное долгими постоянными, неуклонными усиліями прусскаго правительства, дѣйствовавшаго по глубоко обдуманному плану. Объединеніе Германіи есть совершившійся фактъ, и нѣмецкая національность, до сихъ поръ раздробленная и разрозненная политически, имѣвшая свое средоточіе лишь въ единствѣ языка и литературы, становится силою по преимуществу политическою. Съ другой стороны великія реформы, совершившіяся въ нашемъ отечествѣ, не позволяютъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ оставаться прежнему порядку, который измѣняется даже просто по силѣ вещей, безъ правительственнаго дѣйствія, собственными постановленіями сословій. Время беретъ свое: оно оказываетъ свое дѣйствіе и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, въ этихъ послѣднихъ притонахъ средневѣковаго феодализма въ самой грубой его формѣ, и какъ только начали заявлять себя требованія времени, началъ мало-по-малу возникать вопросъ о національности. Балтійскія газеты представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, что вопросъ этотъ будто бы искусственно возбужденъ московскими журналистами, коихъ „фанатическія похотѣнія“ (die fanatischen Gelüste) потребовали энергическаго отпора. Ничто не можетъ быть фальшивѣе этого обвиненія. Вопросъ о національности въ балтійскихъ губерніяхъ возникъ изъ тѣхъ измѣненій, которыя совершаются тамъ вслѣдствіе естественнаго хода дѣлъ и въ совершеніи которыхъ доселѣ почти не принимало никакого участія даже центральное правительство Имперіи, а тѣмъ менѣе могла принимать какое-либо участіе русская политическая печать. *Московскія Вѣдомости*, на которыя балтійскія газеты имѣютъ обыкновеніе почти исключительно указывать, не поднимали, да и не могли поднимать вопроса о національности въ прибалтійскомъ краѣ. Мы говорили не о вопросѣ, а о фактѣ, о колоссальномъ фактѣ германизаціи, производящейся тамъ, съ достойною лучшаго дѣла энергіей, посредствомъ правительственнаго вліянія. Отъ насъ не укрылось въ какой мѣрѣ этотъ образъ дѣйствій противорѣчитъ государственнымъ интересамъ. Требуютъ ли отъ насъ, чтобы мы, видя ясно всю бездну этого противорѣчія, своимъ молчаніемъ становились какъ бы соучастниками самаго возмутительнаго дѣла, какое только можетъ быть совершено надъ Русскимъ государствомъ? На дняхъ въ *Рижской Газетѣ* (№ 232 отъ 3-го октября) появилась статья, котбрая сама придаетъ себѣ полуофиціальный характеръ, потому что говоритъ отъ имени правительственныхъ органовъ (Die Organe der Staatsregierung), которые „ежедневно встрѣчаются въ балтійскихъ губерніяхъ съ помощью дѣйствительной жизни.“ Эти органы не могутъ быть ничѣмъ инымъ кромѣ губернскихъ учрежденій. Статья, говорящая отъ имени этихъ органовъ, направлена противъ Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ о приведеніи наконецъ въ дѣйствіе закона 3-го января 1850 года относительно официальнаго употребленія русскаго языка въ балтійскихъ губерніяхъ. Общая тема этой статьи состоитъ въ томъ, что правительственные органы этого края вѣроятно знаютъ что дѣлаютъ, когда колеблются приступить къ серіозному исполненію упомянутаго Высочайшаго повелѣнія. Весь смыслъ статьи тотъ, что это повелѣніе не можетъ быть исполнено. Прикажетъ ли намъ *Рижская Газета* сочув-

ствовать подобнымъ статьямъ офиціальнаго происхожденія, то-есть статьямъ, идущимъ отъ лицъ, на коихъ возложена обязанность исполнять Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, ревностно наблюдать за его исполненіемъ и честно настаивать, чтобъ и оно не сдѣлалось *мертвою буквой*, чѣмъ доселѣ оставался законъ 3-го января 1850 года, по выраженію комитета министровъ? Въ той же полуофиціальной статьѣ *Рижской Газеты* иронически говорится, что вслѣдствіе изложенныхъ въ ней затрудненій, *имѣющихся, вѣроятно, въ виду и у правительства*, „обрусеніе балтійскихъ губерній подвигается впередъ не такъ быстро какъ хотѣлось бы корреспонденту *Москвы* въ № 138 этой газеты.“ Обрусеніе подвигается впередъ не очень быстро; но стало-быть оно хоть сколько-нибудь подвигается впередъ, если давать этой статьѣ *Рижской Газеты* ту вѣру, которой она должна бы заслуживать по своему полуофиціальному характеру. Должны ли мы и это косвенное заѣреніе о совершающихся будто бы, хотя и медленно, успѣхахъ въ обрусеніи балтійскаго края, принимать за чистую монету въ угоду тамошнимъ „правительственнымъ органамъ“ и въ насмѣшку надъ истиной? *Amicus Plato, sed magis amica veritas.* Мы предоставляемъ балтійскимъ полуофиціальнымъ статьямъ говорить о медленномъ ходѣ обрусенія тамошняго края, — довольно ужь и этого!—а сами останемся вѣрными своему призванію служить истинѣ и будемъ посильно содѣйствовать ея торжеству. Балтійскія газеты стараются запугать насъ своимъ гнѣвомъ. Какое право имѣютъ онѣ ожидать или требовать, чтобы мы признали этотъ гнѣвъ за дѣйствительный, когда мы ясно видимъ, что онъ притворный, не болѣе какъ средство агитаціи? Мы будемъ очень рады, если онѣ измѣнятъ свой тонъ, но чтобы мы замолкли предъ ними, для этого онѣ должны говорить правду, а пока этого не будетъ, до тѣхъ поръ мы не можемъ и не должны имъ вторить. И чѣмъ офиціознѣе тонъ ихъ статей, тѣмъ непозволительнѣе было бы намъ оставлять ихъ безъ должнаго обсужденія. У *Рижской Газеты* нѣтъ тувемнаго читателя который бы не зналъ, что германизація того края совершается нынѣ съ неимовѣрною быстротой и что происходящія тамъ политическія измѣненія все болѣе и болѣе усиливаютъ ее. Обрусенія тамъ не отыщешь и съ фонаремъ. Въ 1850 году этотъ край былъ болѣе русскимъ чѣмъ въ 1858-мъ. Указъ 3-го января 1850 года послужилъ только предлогомъ и средствомъ возбудить германизаторскія стремленія. Еще въ 1858 году край былъ гораздо ближе къ обрусенію чѣмъ теперь, черезъ девять лѣтъ послѣ того какъ запрещено опредѣлять тамъ къ должностямъ чиновниковъ не знающихъ по-русски. И именно теперь, громче чѣмъ когда-либо, германизаторы края начали не сѣтовать, а вопить, что ихъ немилосердно угнетаютъ, что они жертвы фанатическихъ похотѣній московитскихъ газетчиковъ, добыча разбойничьихъ рукъ, наконецъ что краю угрожаетъ *разложеніе всего юридическаго быта*, если будетъ исполнено—что? не какая-нибудь затѣя газетчиковъ, а Высочайше утвержденное положеніе комитета министровъ, подтверждающее черезъ 17 лѣтъ силу закона 3-го января 1850 года!

Балтійскому краю предстоятъ два исхода: либо германизація, либо обрусеніе, смотря по тому какой языкъ будетъ тамъ правительственный и слѣдовательно каждому тѣмъ болѣе необходимый, чѣмъ болѣе развивается гражданская жизнь. Средняго не можетъ быть, потому что поддержаніе status quo сдѣлалось невозможнымъ, послѣ того какъ сами сословія сочли нужнымъ, повинуясь голосу времени, вступить на путь реформъ. Германизаторы хотятъ этимъ воспользоваться, надѣясь придать реформамъ направленіе, отчуждающее край отъ остальной Россіи. Государственный интересъ, напротивъ, требуетъ, чтобы всѣ улучшенія и нововведенія клонились къ сближенію балтійскаго края съ Россіей. На чьей же сторонѣ и право и правда? Въ комъ тутъ фанатизмъ? въ чемъ тутъ разбой? Не на противоположной ли государственному интересу сторонѣ и то и другое? Добросовѣстные люди должны принять въ разчетъ, что съ каждымъ успѣхомъ германизаціи положеніе честныхъ гражданъ и вѣрныхъ подданныхъ становится тамъ щекотливѣе и неправильнѣе. Вѣрноподданскія чувства огромнаго большинства населенія не обезпечиваютъ края отъ случайностей, которыми грозятъ ему германизаторы въ будущемъ. Смѣнятся поколѣнія, и теперешнее настроеніе населеній сдѣлается достояніемъ прошедшаго: возникнутъ новыя тяготѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ нельзя будетъ узнать края. Вотъ почему всякій добро-

совѣстный житель балтійскаго края, желающій сохранить на вѣки политическую честность огромнаго большинства земляковъ своихъ, долженъ всѣми силами содѣйствовать Верховной власти, которая въ своей благожелательной мудрости указала на непререкаемую обязанность каждаго тамошняго вѣрноподданнаго. Эта обязанность должна быть признана въ полной силѣ, а коль скоро такъ будетъ, средства найдутся сами собой. Безъ искусственной агитаціи, возбужденной фанатизмомъ германизаторовъ и безъ оказываемой имъ поддержки, исполненіе Высочайше утвержденнаго положенія комитета министровъ не встрѣтило бы никакихъ серіозныхъ препятствій. Но всякая мѣра потерпитъ крушеніе, если непремѣнно захотятъ того ея главные исполнители.

№ 221.

Москва, 10-го октября.

Ordre, contre-ordre, désordre. Въ продолженіи двадцати-четырехъ часовъ была, и рѣшена, и отмѣнена французская экспедиція въ Римъ. Сначала телеграфъ извѣщалъ, что Франція воздержится отъ вмѣшательства въ италіянскія дѣла. Потомъ всѣ официозные органы парижской журналистики единогласно увѣдомили міръ, что если итальянскія войска переступятъ черезъ папскую границу, то въ Чивита-Векіи высадится французскій экспедиціонный корпусъ. Вскорѣ телеграфъ донесъ сюда, что въ Тулонѣ уже готова къ отплытію эскадра, на которую по первому сигналу будутъ посажены три тысячи человѣкъ войска. Вслѣдъ затѣмъ, дѣйствительно, Европа узнала, что цѣлая бригада уже сѣла на суда, и значительная флотилія уже готовилась къ отплытію. Новая телеграмма изъ Парижа успокоила европейскую публику извѣстіемъ, что экспедиція не состоится, что въ итальянскомъ министерствѣ произойдетъ перемѣна, что во главѣ Флорентійскаго кабинета, вмѣсто г. Ратацци, станетъ генералъ Чальдини, и что парижская биржа, подъ вліяніемъ этихъ извѣстій, оживилась и воспрянула духомъ. Наконецъ сегодня получена депеша о томъ, что войска въ Тулонѣ, сѣвшія на суда въ воскресенье вечеромъ, теперь обратно высаживаются на берегъ. Что же произошло въ этотъ краткій промежутокъ врѣмени? Что было виной этихъ великихъ колебаній? Почему генералъ Чальдини, смѣняя г. Ратацци, побуждаетъ французскую бригаду въ Тулонѣ съѣхать обратно на берегъ? Г. Ратацци изъ всѣхъ государственныхъ людей Италіи всегда пользовался особеннымъ благоволеніемъ Тюльерійскаго двора и всегда умѣлъ ладить съ французскою политикой; теперь онъ мужественно сталъ поперекъ гарибальдійскому движенію, и арестовалъ самого Гарибальди. Что же касается до генерала Чальдини, то, сколько извѣстно, онъ являетъ никакъ не болѣе чѣмъ г. Ратацци залоговъ для поддержанія папской власти или для интересовъ французской политики. Остается думать что перемѣна въ италіянскомъ министерствѣ происходитъ только за тѣмъ, чтобы былъ формальный предлогъ отказаться отъ экспедиціи, къ которой надобно было оказать готовность для удовлетворенія клерикальной партіи. Только удовлетворится ли эта партія маневромъ французской бригады въ Тулонѣ?

Въ виду только что миновавшей опасности вторичнаго посѣщенія Рима французскимъ экспедиціоннымъ корпусомъ, невольно припоминаются обстоятельства, побудившія Францію, за двадцать лѣтъ предъ симъ, матеріально вмѣшаться въ дѣла Италіи.

Въ 1848 году, когда предстояли выборы президента французской республики, генералъ Каваньякъ и принцъ Лудовикъ-Наполеонъ были поставлены въ необходимость обезпечить себѣ голоса клерикальной партіи обязательствами въ пользу папской власти. Нынѣшній императоръ Французовъ одолѣлъ своего соперника. Содѣйствіе духовенства было необходимо для успѣшнаго исполненія его плановъ, такъ какъ изъ всѣхъ избирательныхъ орудій во Франціи нѣтъ ни одного столь способнаго увлечь массы сельскаго люда, какъ орудіе клерикальное. Сдѣлка быстро была заключена между заинтересованными сторонами. Президентъ французской республики обѣщалъ возвратить папу изъ Гаэты, куда онъ бѣжалъ послѣ умерщвленія Росси, и возстановить во всей силѣ его свѣтскую власть. Съ своей стороны, духовенство обязалось всѣми силами поддерживать президента, и его-то вліянію принцъ президентъ обязанъ милліонами голосовъ, которые были подаваемы въ его пользу.

Экспедиція въ Римъ была отправлена.

Тѣмъ не менѣе, дабы скрыть истинную цѣль ея и не возбудить подозрѣній ни внутри, ни внѣ, надобно было дѣйствовать искусно. Предъ Европой прикрылись конвенціей, которую заключили съ Испаніей, Австріей и Наполеомъ, разумѣется питая втайнѣ твердое намѣреніе со временемъ освободиться отъ обременительнаго содѣйствія этихъ державъ. Предъ учредительнымъ собраніемъ, которое недовѣрчиво смотрѣло на экспедицію назначаемую въ отдаленную страну, и съ цѣлью двусмысленною съ точки зрѣнія республиканской, разсыпались въ либеральныхъ увѣреніяхъ. Тогдашніе министры, гг. Одилонъ Барро и Друэнъ-де-Люисъ, ручались честью, что французскія войска не нападутъ на Римскую республику. Учредительное собраніе, утомленное внутреннею борьбою, хотя и не вполнѣ убѣжденное доводами министровъ, согласилось однако—впрочемъ весьма неохотно—на экспедицію въ Римъ.

Высадясь въ Чевита-Веккіи, французскія войска были встрѣчены протестаціей національнаго правительства, образовавшагося въ Римѣ. Тутъ французское учредительное собраніе поняло опасность, въ которую вовлекло его согласіе, у него выманенное. Собраніе сильно протестовало, и тогда былъ отправленъ въ Италію, съ чрезвычайнымъ порученіемъ, одинъ изъ корифеевъ либеральной партіи, г. Лессепсъ, коего явное назначеніе состояло въ томъ, чтобы не допустить французскую армію до борьбы съ римскими республиканцами. Генералъ Удино держалъ его въ заблужденіи до тѣхъ поръ пока учредительное собраніе не было распущено, и тотчасъ послѣ того пошелъ прямо на Римъ, которымъ и овладѣлъ послѣ шестинедѣльной осады, несмотря на отчаянное сопротивленіе его защитниковъ, въ числѣ коихъ былъ и Джузеппе Гарибальди, засаженный надняхъ подъ арестъ на островѣ Капрерѣ. Пій IX былъ возвращенъ въ Ватиканъ со всѣми своими кардиналами. Клерикальная партія ликовала во Франціи, и заявила свою признательность Лудовику Наполеону, дѣятельно пособивъ возстановленію имперіи. Съ другой стороны, либералы всѣхъ оттѣнковъ громко вопіяли противъ реакціонныхъ жестокостей, совершавшихся въ Римѣ съ помощью французскихъ штыковъ и подъ сѣнію трехцвѣтнаго знамени. Для удовлетворенія этимъ противорѣчивымъ требованіямъ, императоръ Наполеонъ, не переставая держать въ Римѣ свои войска, началъ знаменитымъ письмомъ своимъ къ генералу Нею тотъ длинный рядъ либеральныхъ совѣтовъ и увѣщаній, на которые Ватиканъ до сихъ поръ непоколебимо отвѣчаетъ одними и тѣми же словами: „non possumus.“

Было бы излишне продолжать обзоръ событій, совершившихся съ 1848 года по настоящее время. Всѣмъ извѣстно, какимъ образомъ сила идей и обстоятельствъ, искусство графа Кавура, слѣпой героизмъ Гарибальди и безпрерывныя ошибки Австріи привели Наполеона III къ тому, что онъ далъ первый толчокъ италіянскому движенію, — какъ старался онъ остановиться на полпути, чтобы подъ рукой Франціи удержать Италію, освобожденную отъ Австріи,—и какъ, тѣмъ не менѣе, въ сосѣдствѣ Франціи сложилась значительная держава, которая теперь исполнена самаго непріязненнаго ко Франціи чувства и ежеминутно готова присоединиться къ ея врагамъ. Что послѣдуетъ теперь? Что принесетъ намъ слѣдующая телеграмма? Несомнѣнно только то, что въ настоящее время дѣятельное вмѣшательство Франціи въ римскія дѣла сопровождалось бы для Франціи очень невыгодными послѣдствіями.

Но кто бы ни былъ во главѣ Флорентійскаго кабинета, г. Ратацци или генералъ Чальдини, правительство короля Виктора-Эммануила не можетъ долго состоять въ должности папскаго жандарма. Оно дошло до крайнихъ предѣловъ самоотверженія, обуздывая попытки Гарибальди, несмотря на то что этимъ оно подвергается опасности навлечь на себя народную ненависть и возбудить междуусобную войну. Невозможно требовать отъ италіянскаго правительства, чтобъ оно на неопредѣленное время способствовало продолженію существующаго порядка вещей, и жертвовало своими жизненными интересами поддержанію власти, которая и умирая осыпаетъ его проклятіями: это значило бы предписывать ему постыдное и безполезное самоубійство.

Пора бы наконецъ столько разъ провозглашенному принципу невмѣшательства стать правдой. Это необходимо чтобы Европа вышла изъ тѣхъ затрудненій, въ которыхъ запутались всѣ ея дѣла. Въ настоящую минуту Россія особенно заинтересована примѣненіемъ этого принципа, когда упрямство Турціи и вялый образъ

дѣйствій западной дипломатіи доводятъ восточныхъ христіанъ до отчаянія. Россія, кажется, могла бы дружелюбно поддержать Францію въ политикѣ невмѣшательства по римскому дѣлу, требуемой прежде всего ея собственными интересами въ виду теперешняго положенія Европы. Что же касается до вмѣшательства въ Босніи и Герцеговинѣ, къ которому повидимому приспособляется Австрія, то здѣсь нуженъ самый энергическій и рѣшительный отпоръ.

Сейчасъ только полученныя послѣднія телеграммы изъ Флоренціи и Парижа рисуютъ предъ нами картину смятенія, царствующаго въ этихъ обѣихъ столицахъ. Мы не ошиблись, начавъ эту статью словами: Ordre, contre-ordre, désordre.

№ 222.

Москва, 11-го октября.

Просимъ извиненія у г. Юнгъ-Штиллинга, секретаря Лифляндскаго статистическаго комитета, за то что мы замедлили напечатаніемъ его рекламаціи, помѣщаемой въ нынѣшнемъ нумерѣ. Признаемся, мы не имѣли досуга послѣдовать за нимъ въ область умозрѣнія и ученыхъ соображеній. Признаемся также, что мы не совсѣмъ понимаемъ, изъ какихъ побужденій и ради какихъ цѣлей присылаются къ намъ подобныя рекламаціи. Говоримъ это потому что намъ нерѣдко приходилось слышать въ подобныхъ случаяхъ сѣтованія, зачѣмъ-де мы доводимъ дѣло до ясности. Одно изъ двухъ: либо не предлагать загадокъ, либо не гнѣваться за разгадки.

Г. Юнгъ-Штиллингу показались наши замѣчанія невѣрными и обидными. Невѣрными, пусть; но почему обидными? Потому что выводы, къ которымъ пришелъ Лифляндскій статистическій комитетъ, объясняли мы, какъ выражается нашъ почтенный корреспондентъ, „единственно изъ лихорадочнаго стремленія прибалтійскихъ губерній выдавать себя за нѣмецкія.“ Но, вопервыхъ, мы не имѣли въ виду *единственности* побужденія, которымъ могли руководствоваться члены означеннаго комитета; вовторыхъ, мы всегда были далеки отъ мысли приписывать вообще балтійскимъ губерніямъ стремленіе выдавать себя за нѣмецкія: напротивъ, мы всегда ставили на видъ, что здравомыслящіе и благонамѣренные люди въ этихъ губерніяхъ признаютъ ихъ, согласно истинѣ, за русскія, яко составляющія нераздѣльную часть русскаго государства, и искренно желаютъ, чтобъ онѣ вышли изъ того двусмысленнаго положенія, въ которомъ доселѣ находятся, благодаря устарѣвшему порядку вещей, теперь несовмѣстному ни съ интересами цѣлаго государства, ни съ интересами этого края. Мы такъ были убѣждены въ этомъ, что противъ дурныхъ агитацій, которыя въ этомъ краѣ замѣчаются, всегда апеллировали къ здравому смыслу и добросовѣстности самихъ его жителей.

Итакъ, обиднымъ г. Юнгъ-Штиллингъ признаетъ то, что мы въ основаніи его и его товарищей статистическихъ трудовъ, при исчисленіи національностей населяющихъ балтійскія губерніи, усматривали лихорадочное стремленіе выдавать эти губерніи за нѣмецкія. Мы готовы трижды просить извиненія у г. Юнгъ-Штиллинга и его товарищей, буде дѣйствительно это показалось имъ обиднымъ. Еслибы все возраженіе почтеннаго секретаря Лифляндскаго статистическаго комитета ограничивалось этимъ заявленіемъ, то намъ оставалось бы только выразить наше сочувствіе ему и согласиться съ нимъ, что для всякаго благомыслящаго уроженца балтійскихъ губерній должно быть обидно всякое предположеніе, что онъ хочетъ видѣть ихъ чужестранными, а не русскими. Но въ такомъ случаѣ г. Юнгъ-Штиллингу слѣдовало бы прежде обратиться съ словомъ обличенія противъ агитаторовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, расплодилось слишкомъ много въ балтійскихъ губерніяхъ и которые завладѣли всею тамошнею печатью. Эти агитаторы думаютъ иначе, и полагаютъ, что край этотъ долженъ быть непремѣнно нѣмецкимъ, и что надобно спѣшить его германизаціей.

Лица, живущія въ отвлеченномъ мірѣ науки, иногда не замѣчаютъ что вокругъ ихъ творится, а потому мы считаемъ не лишнимъ указать г. Юнгъ-Штиллингу на слѣдующій фактъ. Въ августѣ 1863 года, тогдашній генералъ-суперинтендентъ, д-ръ Вальтеръ, при открытіи дворянскаго собранія Лифляндской губерніи, сказалъ рѣчь, которою поставлялъ въ обязанность нынѣшнему поколѣнію озаботиться германизаціей латышскихъ и эстскихъ населеній, составляющихъ народную массу балтійскихъ

губерній. Случайно экземпляръ этой рѣчи попалъ въ наши руки, и мы заявили, почти безъ всякихъ комментарій, о ея содержаніи. Этого было достаточно чтобы произвести страшную бурю. Мы были засыпаны укоризнами за то что придали значеніе якобы пустословнымъ разсужденіямъ, хотя оныя были высказаны въ торжественномъ случаѣ и лицомъ стоявшимъ на значительной высотѣ. Мысль о германизаціи балтійскихъ губерній казалась тогда до такой степени предосудительною, что правительство сочло нужнымъ немедленно отрѣшить д-ра Вальтера отъ должности. Съ того времени прошло только четыре года, и вотъ теперь въ балтійскихъ газетахъ, издаваемыхъ подъ строгой, какъ онѣ жалуются, цензурой, рѣчь идетъ о германизаціи латышскихъ и эстскихъ населеній какъ о дѣлѣ рѣшенномъ, неуклонно преуспѣвающемъ, а всякая помѣха ему или задержка провозглашается дѣломъ безнравственнымъ и вопіющимъ насиліемъ. Вотъ какой прогрессъ совершился въ четыре года? Что тогда было признано предосудительнымъ какъ мнѣніе, то высказывается теперь съ увѣренностію факта и съ гордостію права.

Вотъ прогрессъ, который поистинѣ можно назвать лихорадочнымъ!

Къ сожалѣнію, нашъ почтенный оппонентъ не ограничился одною протестаціей противъ предосудительности лихорадочнаго стремленія выдавать балтійскія губерніи за нѣмецкія. Дабы оправдать выводы Лифляндскаго статистическаго комитета, онъ счелъ нужнымъ преподать намъ теорію національности, которою руководствуются въ означенномъ комитетѣ.

Неопредѣленность въ употребленіи слова „національность“ даетъ поводъ къ двусмыслію, которое можетъ вносить смуту въ понятія, а иногда и въ дѣла. Подъ національностію разумѣютъ и племенное происхожденіе и принадлежность къ государству. Національность является то терминомъ чисто-этнографическимъ, то терминомъ политическимъ. Но г. Юнгъ Штиллингъ, руководствуясь балтійскою философіей, нашелъ, что національность не есть ни то, ни другое. По его понятіямъ, національность есть понятіе нравственное. Когда спрашиваютъ о національности человѣка, то слѣдуетъ разумѣть не племя, изъ котораго онъ или его родители произошли, а также не государство или политическую націю, которой онъ членъ; но слѣдуетъ разумѣть его „умственное и душевное направленіе.“ Вотъ что значитъ провести благополучно свою барку между Сциллой и Харибдой.

Итакъ, всѣ споры о значеніи національности прекращаются. Понятіе національности относится къ той же категоріи понятій, какъ *умное* и *глупое*, *доброе* и *злое*. Спросить человѣка о національности значитъ то же что спросить: все ли вы въ добромъ здоровьи? какое у васъ душевное настроеніе, или какой у васъ образъ мыслей?

Пусть такъ! Спорить о словахъ недозволительно. Но если балтійскіе мыслители такъ разумѣютъ значеніе національности, то намъ непонятно, почему она попала въ кругъ статистическихъ изслѣдованій. До сихъ поръ было не слыхано, чтобы статистическіе изслѣдователи переписывали населенія по образу мыслей и душевному настроенію.

Какъ бы то ни было, предположивъ себѣ опредѣлить къ какому душевному и умственному направленію принадлежатъ люди живущіе въ балтійскихъ городахъ, Лифляндскій статистическій комитетъ былъ весьма естественно въ большомъ затрудненіи. По какимъ признакамъ помѣтить человѣка въ графѣ того или другаго умственнаго и душевнаго направленія? Какъ уловить внутренняго человѣка ускользающаго отъ чувственнаго наблюденія? Въ своемъ затрудненіи, комитетъ произвелъ нѣсколько глубокихъ ученыхъ изслѣдованій и пришелъ къ той мысли, что при опредѣленіи національности лица, надобно брать въ основаніе языкъ. Какой языкъ человѣкъ употребляетъ въ своемъ обиходѣ, къ той національности онъ и долженъ причисляться. Пусть будетъ онъ по происхожденію Еврей, Латышъ или Эстонецъ, пусть будетъ онъ полноправный гражданинъ Русскаго государства,—все это не имѣетъ никакого отношенія къ національности; но если онъ говоритъ въ своемъ обиходѣ понѣмецки, то національность его есть нѣмецкая.

Такъ зачѣмъ же было прямо не начать съ того, что національность заключается въ языкѣ? Зачѣмъ было нужно дѣлать крюкъ черезъ область нравственныхъ понятій?

Что языкъ и народъ суть понятія близкія, противъ этого мы отнюдь не будемъ

спорить. На древнемъ славянскомъ богослужебномъ языкѣ народъ иначе и не называется какъ языкомъ, и въ этой связи понятій выразился глубокій разумъ. Но въ вопросѣ который причинилъ столько хлопотъ Лифляндскому статистическому комитету, мы черезъ это не подвигаемся ни на шагъ. Языкъ указываетъ на народъ, а народъ указываетъ на языкъ. Но какъ разумѣть народъ? Если въ смыслѣ племени, то мы будемъ въ области этнографіи, и языкъ въ этомъ смыслѣ будетъ терминъ этнографическій. Такъ напримѣръ есть языкъ германскій въ обширномъ значеніи, соотвѣтствующемъ цѣлому германскому племени. Съ болѣе общей точки зрѣнія можетъ идти рѣчь даже о языкѣ индоевропейскомъ, который лежитъ въ основаніи великой группы языковъ, распространенной по всему земному шару. Очевидно, что говорить о *языкѣ*, имѣя въ виду племя или народу, значитъ выражаться не точно: тутъ можетъ быть рѣчь о многихъ отдѣльныхъ языкахъ, точно такъ же какъ о многихъ отдѣльныхъ народахъ, а не о народѣ. Отсюда явствуетъ, что слова *народъ*, *нація*, *національность*, употребляемыя въ смыслѣ *племени*, употребляются не собственно и не точно. Имѣя это въ виду, мы можемъ опредѣлить въ точности значеніе національности. Къ германскому племени равно относятся и Нѣмцы, и Датчане; къ общегерманскому языку—и нѣмецкій, и датскій. Но извѣстно какими аргументами недавно доказывалось различіе между національностію нѣмецкою и національностію датскою. Вотъ фактъ, непререкаемый въ своей грубости, предъ которымъ всякій споръ будетъ пустословіемъ. Различіе національности доказывается пушками и запечатлѣвается кровью: вотъ фактъ. Какъ же утверждать, будто національность не есть политическій терминъ?

Въ настоящее время въ Европѣ нѣтъ вопроса, въ основаніи котораго не было бы вопроса о національности: а намъ говорятъ, что національность не есть политическій терминъ. Всѣ политическіе интересы группируются около этого вопроса: а насъ хотятъ увѣрить, что національность не есть политическій терминъ. Въ настоящее время не бываетъ ни одного дипломатическаго документа, который не исходилъ бы изъ вопроса о національности или не приходилъ бы къ нему; изъ-за этого вопроса страшныя войны недавно колебали Европу, рушились троны, падали царства: а насъ хотятъ убѣдить, что національность есть идиллія и метафизика.

Насъ до крайности удивляетъ плохое состояніе науки въ балтійскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Письмо г. Юнгъ-Штиллинга причинило намъ большое разочарованіе. Тутъ только поняли мы, почему министерство народнаго просвѣщенія, предположивъ сдѣлать русскій языкъ органомъ преподаванія въ балтійскихъ гимназіяхъ, прежде всего обратило вниманіе на географію и исторію. Дѣйствительно, эти предметы въ Балтійскомъ учебномъ округѣ должно-быть очень бѣдствуютъ. Представьте себѣ: секретарь статистическаго комитета полагаетъ, что Восточная Индія, а также Канская колонія, входятъ въ составъ Соединеннаго Королевства Великобританіи и Ирландіи! Дабы доказать, что національность не есть политическое понятіе, ученый корреспондентъ нашъ сослался на населенія есть-индскихъ и южно-африканскихъ владѣній Великобританіи! Секретарю статистическаго комитета неизвѣстно, что страны, о которыхъ онъ упоминаетъ, не входятъ въ составъ Великобританіи, а суть только ея *dependencies* и *colonies*! Ему неизвѣстно, что Великобританіи подвластны многія страны міра, точно такъ же какъ древнему Риму были подвластны многія страны Европы, Азіи и Африки, куда посылалъ онъ своихъ проконсуловъ. Ость-Индія еще не такъ давно управлялась, или, лучше сказать, эксплуатировалась купеческою компаніей. Полагать, что племена Индіи, или Новой Зеландіи пользуются правами англійскаго гражданства, что Готтентоты входятъ въ составъ Соединеннаго Королевства, что королевство Ауденское находится въ такомъ же къ Англіи отношеніи какъ Шотландія, это превышаетъ всякое вѣроятіе! Къ довершенію бѣдствія, г. Юнгъ-Штиллингъ, повидимому, думаетъ, что въ Шотландіи употребляется не тотъ языкъ, какой въ Англіи. Шотландія была когда-то самостоятельнымъ королевствомъ, она имѣетъ нѣкоторыя особенности; но всѣмъ извѣстно, что Шотландцы и Англичане составляютъ одну политическую націю и имѣютъ одинъ языкъ, котя по исторической памяти Шотландцы называются Шотландцами, а Англичане Англичанами. Что касается до Ирландіи, то и тамъ господствуетъ англійскій языкъ, и эти несчастные Феніи, которые теперь бунтуютъ

противъ британскаго правительства, говорятъ между собою по-англійски: Если Ирландія соединенная съ Великобританіей не слилась съ нею въ полное національное единство, то это потому что между ними не было полнаго политическаго единства. Въ своемъ соединеніи съ Великобританіей, Ирландія находилась на особомъ положеніи; она составляла отдѣльную, униженную, неполноправную по отношенію къ Великобританіи политическую организацію.

Итакъ, вопреки доктринамъ Лифляндскаго статистическаго комитета, языкъ, какъ выраженіе національности, есть по преимуществу терминъ политическій, такъ же какъ и сама національность. Національное чувство, въ основаніи своемъ, есть всегда сила политическаго свойства. Дабы могло развиться національное чувство между населеніями, надобно чтобъ они имѣли одно общее отечество; надобно, по крайней мѣрѣ, чтобы въ ихъ историческихъ воспоминаніяхъ или въ ихъ стремленіяхъ жила идея общаго отечества, то-есть политическаго единства. Безъ этого говорить о національности было бы пустословіемъ. Зачѣмъ обманывать себя? Коль скоро возникаетъ національное стремленіе, то возникаетъ заодно и потребность особой политической организаціи. Гдѣ допущенъ въ какой-либо мѣрѣ принципъ отдѣльныхъ національностей, тамъ eo ipso допущенъ и принципъ отдѣльныхъ политическихъ существованій. Изъ какихъ бы многочисленныхъ племенъ ни слагалось единое государство, какъ бы ни были своеобычны его населенія, сколькими языками и нарѣчіями ни оглашались бы его пространства, оно можетъ имѣть только одну національность, въ собственномъ смыслѣ этого слова, одну общую власть и одинъ общій государственный языкъ. Какъ выраженіе національнаго единства, государственный языкъ есть органъ, всего что имѣетъ въ странѣ обязательную силу. А затѣмъ, языкъ служитъ органомъ всякому свободному общенію людей между собою и нравственной жизни отдѣльныхъ лицъ; но въ этомъ смыслѣ, языкъ отнюдь не служитъ признакомъ національности. Нужны ли для убѣжденія нашего почтеннаго корреспондента доказательства? Доказательства есть, и притомъ самыя убѣдительныя, имѣющія силу точнаго опыта.

Опытъ легко сдѣлать. Пусть г. Юнгъ-Штиллингъ представитъ себѣ, что ученый комитетъ, котораго онъ секретарь, избралъ поприщемъ своихъ операцій столицу Россійской Имперіи, не въ дальнемъ разстояніи отъ Риги лежащую, именно С.-Петербургъ. Задача та же что и въ Ригѣ, то-есть перечислить жителей по національностямъ, принимая въ основаніе языкъ, какой употребляется каждымъ въ своемъ обиходѣ. Нечего и говорить, что въ столицѣ Россійской Имперіи, въ числѣ полноправныхъ русскихъ гражданъ, всѣхъ чиновъ и званій, оказалась бы въ записяхъ комитета тьма сыновъ германскаго отечества и еще множество другихъ національностей; но, къ изумленію нашему и т. Юнгъ-Штиллинга, въ высшихъ сферахъ столичнаго общества, на высшихъ чредахъ государственной службы, оказалось бы въ Петербургѣ множество истыхъ Французовъ. Въ скромной тишинѣ своихъ созерцательныхъ занятій, рижскіе ученые быть-можетъ не знаютъ, что наши оптиматы употребляютъ преимущественно французскій языкъ, и не только въ салонахъ, но и въ семейномъ быту. Въ этихъ сферахъ, на французскомъ языкѣ объясняется и любовь и дружба, и находитъ себѣ органъ всякое нравственное движеніе, всякая мысль и чувство; въ этихъ сферахъ встрѣчается не мало лицъ, которымъ французскій языкъ ближе и поручнѣе чѣмъ русскій. Однако неужели это все Французы, не въ фигуральномъ, а въ собственномъ смыслѣ? Въ виду этого факта, почтенные рижскіе статистики должны же согласиться, что національность лица не можетъ быть опредѣляема на основаніи того языка, который имъ обыкновенно употребляется. Есть разныя историческія обстоятельства, есть обычай, есть мода, есть случайности личнаго развитія, которыя усвояютъ тотъ или другой иноземный языкъ людямъ или цѣлымъ общественнымъ группамъ, однако не измѣняютъ ихъ національности. Это можетъ пожалуй дать обильную пищу для моралиста, но отнюдь не для статистика, изучающаго процентное содержаніе національностей!

Не прошло и столѣтія съ тѣхъ поръ какъ при всѣхъ германскихъ дворахъ употреблялся почти исключительно французскій языкъ: спрашивается, какой же національности были эти дворы? Въ нѣмецкомъ пантеонѣ есть король-воинъ, которому Германія обязана силою своего національно-политическаго объединенія; мы говоримъ о Фридрихѣ Великомъ. Въ силу

доктрины, которою руководствовался Лифляндскій статистическій комитетъ, Фридрихъ Великій, говорившій и писавшій преимущественно на французскомъ языкѣ (который былъ органомъ „его умственнаго и душевнаго направленія“), не терпѣвшій нѣмецкаго языка и честившій его собачьимъ, выходитъ истымъ Французомъ по своей національности...

Нѣтъ, какъ бы плохо не преподавалась исторія и другіе политическіе предметы въ Дерптскомъ университетѣ, нельзя думать, чтобы столь почтенныя лица, имѣвшія возможность собственнымъ трудомъ пополнить недостатки школьнаго ученія, не можетъ быть, чтобъ они имѣли столь смутныя понятія о предметахъ столь элементарныхъ! Мы убѣждены, что имъ все это свѣдомо еще лучше нашего. Съ какою же цѣлію они износятъ свою теорію? Зачѣмъ г. Юнгъ-Штиллингъ адресовалъ къ нимъ столь загадочное письмецо?...

Мы нашли слово разгадки.

Ученые, составляющіе Рижскій статистическій комитетъ, движимые истинно-патріотическимъ духомъ, вознамѣрились вразумить насъ, въ виду той интриги обмана и хищенія, которая теперь такъ неутомимо работаетъ посреди мирныхъ и честныхъ населеній балтійскаго края, а также въ виду той ошибочной и небрежной политики, которой Россія держалась по отношенію къ этому, столь цѣнному для нея краю. Скромные и застѣнчивые мыслители, они сочли неудобнымъ выйдти прямо съ словомъ обличенія и назиданія, и, въ тѣснотѣ своей, предпочли высказаться намекомъ и загадкой. Мы не даромъ изучали письмецо г. Юнгъ-Штиллинга: мы его поняли.

Вотъ что хочетъ онъ сказать намъ: „Балтійскій край есть нераздѣльная часть Россіи. Въ прежнюю пору, при полномъ господствѣ феодальнаго порядка, вопросъ о національности въ этомъ краѣ не имѣлъ значенія. Полноправностью гражданскою пользовались лишь нѣкоторыя общественныя группы, и языкъ, который они употребляли, имѣлъ болѣе характеръ сословнаго нежели національнаго отличія. Времена перемѣнились. Исторія коснулась крыломъ своимъ и этого заброшеннаго, заглохшаго края. Здѣсь теперь во всей силѣ возникаетъ вопросъ національный. Долженъ ли этотъ край стать нѣмецкимъ или быть русскимъ? Смотрите: мы не безъ умысла отнесли къ нѣмецкой національности всѣхъ говорящихъ въ этомъ краѣ по-нѣмецки; мы не напрасно трудились, чтобы каждаго мало-мальски употребляющаго этотъ языкъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ зачислить въ Нѣмцы. Какого бы они ни были происхожденія и вѣрованія, Евреи или Латыши, Эсты или Славяне, всѣ они дѣйствительно становятся въ Балтійскомъ краѣ истыми дѣтьми Германіи и усвояются нѣмецкой націи. Знаете ли почему? Потому что въ этомъ краѣ нѣмецкій языкъ есть начало политически объединяющее, есть органъ всего общеобязательнаго въ общественной жизни, и край этотъ такимъ образомъ пріобрѣтаетъ отдѣльное существованіе и становится для каждаго изъ его жителей своимъ отечествомъ, отрывающимъ его отъ Россіи. Языкъ, которому вы даете такую силу, есть языкъ чужаго государства, иностраннаго народа. Что же вы дѣлаете? Вы сами продолжаете владычество иностранной національности въ предѣлы вашихъ владѣній, вы сами даете ей у себя обязательное, государственное значеніе. Вы поступаете неслыханно и безпримѣрно. Мудрено ли, что населенія чуждыя нѣмецкому племени германизуются такъ быстро и такъ успѣшно, живя въ нѣмецкомъ государствѣ? Вы дѣлаете то что могло бы дѣлать только прусское правительство въ этомъ краѣ, еслибъ онъ входилъ въ составъ Пруссіи. Вы принудительно усвояете жителей этого края иностранной политической народности. Подумайте, нормальное ли явленіе будетъ представлять собою этотъ край, если благодаря интригѣ, которая всѣхъ насъ хочетъ обморочить, чужая нація „овладѣетъ умственнымъ и душевнымъ направленіемъ“ его населеній (мы нарочно употребили это выраженіе, дабы дать вамъ сильнѣе почуять сущность вопроса). При такихъ условіяхъ, какую же будущность готовите вы балтійскому краю, составляющему нераздѣльную часть Русскаго государства и въ то же время усвояемому иноземной политической націи, которая овладѣваетъ „всѣмъ умственнымъ и душевнымъ направленіемъ его жителей,“ безъ различія происхожденія и вѣроисповѣданія?

„Вы не можете не признать, что такое положеніе вещей не есть нормальное. Всѣ благомыслящіе люди въ балтійскомъ краѣ хорошо понимаютъ это; но частнымъ людямъ трудно бороться съ интригой, которая часто является вооруженная должно-

стнымъ авторитетомъ и пользуется всѣми способами вліянія и понужденія, и частные люди невольно увлекаются искусственно-возбужденнымъ потокомъ. Теперь, на самомъ поворотѣ, нѣтъ ничего легче какъ вывести дѣла на правильный путь. Рѣшительная, но только рѣшительная правительственная политика, можетъ сразу спасти этотъ край и вырвать его у интриги; дѣйствительная національная политика будетъ здѣсь благотворна и благоуспѣшна. Но опасайтесь полумѣръ: онѣ только раздражатъ безъ пользы, и усилятъ дѣйствіе въ противномъ смыслѣ. Ввести русскій языкъ въ официальное употребленіе можно легко, но легко только въ томъ случаѣ если это будетъ полная и дѣйствительная мѣра. Дѣло въ томъ, что какія бы мѣры ни были принимаемы, онѣ не только останутся безуспѣшны, но и усилятъ движеніе въ противномъ смыслѣ, еслибъ оказалось, что мѣстные исполнители ихъ сами же стали бы противодѣйствовать имъ и компрометтировать ихъ. Надобно чтобы люди *вѣрили* въ серіозность мѣръ, въ твердо-принятый планъ правительства, — а могутъ ли мѣстныя балтійскія населенія вѣрить, что предположенія правительства относительно этого края вытекаютъ изъ глубоко сознаваемой необходимости, видя, что противъ мѣръ принимаемыхъ правительствомъ творится грубѣйшая агитація подъ рукой правительственныхъ же агентовъ? Никто и не вѣритъ. Честные люди пожимаютъ плечами, а интрига заранѣе торжествуетъ."

Вотъ что прочли мы между строками письма нашего почтеннаго корреспондента. Намъ остается только изъявить полное согласіе и сочувствіе всѣмъ этимъ мыслямъ, если только мы вѣрно вычитали ихъ.

№ 223.

Москва, 12-го октября.

Читателямъ нашимъ извѣстно о совѣтѣ министровъ, который состоялся подъ предсѣдательствомъ самого императора Наполеона, 4-го (16-го) октября, въ Сенъ-Клу. Совершенно исключительное значеніе этого совѣта обозначается уже тѣмъ, что къ участію въ немъ были приглашены члены тайнаго совѣта (conseil privé), бывшіе министры, гг. Друэнъ-де-Люисъ, Персиньи, Мань, иронически прозванные „побѣжденными 1-го октября," вслѣдствіе полнаго фіаско постигшаго присовѣтованное и подготовленное ими Зальцбургское свиданіе. Болѣе всего пострадалъ отъ этой неудачи г. Друэнъ-де-Люисъ, плодовитый изобрѣтатель извѣстной политической программы, въ видахъ которой и было задумано это свиданіе. Всѣ извѣстія изъ Біаррица свидѣтельствуютъ, что на г. Друэнъ-де-Люиса обрушилось все бремя опалы за эту новую неудачу французской политики; а между тѣмъ, едва дворъ успѣлъ возвратиться въ столицу, какъ для развязки узла запутаннаго ошибками министерства г. Друэнъ-де-Люиса, Наполеонъ III обратился къ совѣту и содѣйствію этихъ же самыхъ „побѣжденныхъ 1-го октября," того же самаго мечтателя-дипломата, который завершилъ Зальцбургскимъ фіаско длинную вереницу своихъ неудачъ въ Польшѣ, Мексикѣ, Германіи и Италіи.

Каждый разъ какъ Франція не могла опираться на добрыя отношенія къ Россіи, она принуждена была слѣдовать тяготѣніямъ англійской политики, которыя существенно несогласны съ національною французскою программой. Продолжительное подчиненіе указаніямъ идущимъ съ той стороны Канала не могло не повести къ тѣмъ результатамъ, которые теперь на лицо, къ тѣмъ почти безвыходнымъ затрудненіямъ, которыми теперь отовсюду окружено правительство императора Наполеона. Англія сдѣлала свое дѣло, и теперь принимаетъ видъ, что уклоняется отъ участія въ дѣлахъ материка, но за то нити европейской политики, по скольку она касается Франціи, очевидно переходятъ въ руки Пруссіи, и Франція начинаетъ уже ощущать свое безсиліе для противодѣйствія смѣлой политической игрѣ графа Бисмарка. Есть много основаній думать, что теперешнія событія въ Италіи произошли не безъ прусскаго вліянія. Удачные результаты прусско-италіянскаго союза въ прошломъ году открыли прусскому правительству путь ко вліянію на италіянскія дѣла, и графъ Бисмаркъ, кажется, воспользовался этимъ вліяніемъ, чтобъ обнадежить Италію къ болѣе смѣлому образу дѣйствій относительно Рима. Но само собой разумѣется, что Пруссія, употреблявшая въ 1866 году Италію какъ орудіе противъ Австріи, интересуется Италіей въ 1867 году лишь какъ орудіемъ противъ Франціи.

Дружба Италіи сама по себѣ далеко не имѣетъ для Пруссіи такого значенія, какое она имѣетъ для Франціи, которая много потеряла бы въ своемъ европейскомъ положеніи, еслибы возбудила противъ себя народныя страсти въ населеніяхъ Аппенинскаго полуострова. Это послѣднее обстоятельство значительно развязало бы Пруссіи руки, а потому оно несомнѣнно входитъ въ планы графа Бисмарка. Спѣша ковать желѣзо покуда оно горячо, этотъ отважный политикъ пользуется находящимися въ рукахъ его средствами, чтобы поссорить Францію съ Италіей. Пруская печать, въ особенности ближайшій органъ графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, въ продолженіе цѣлаго года поощрявшая Италію къ энергическому дѣйствію, теперь вдругъ мѣняютъ тонъ, и уже не Италію заманиваютъ ко вмѣшательству въ дѣла Рима, а Францію къ противодѣйствію этому вмѣшательству.

Именно въ послѣднее время, въ означенной газетѣ, появился рядъ статей противъ вмѣшательства Италіи въ дѣла Рима, и парижскій корреспондентъ газеты *le Nord*, повидимому, не ошибается, объясняя статьи эти поворотомъ прусской политики относительно Италіи, которую органъ графа Бисмарка постоянно чевствовалъ какъ вѣрную союзницу Пруссіи, поддерживая права ея на Римъ, а теперь неожиданно покидаетъ на произволъ Франціи. Но французскому правительству нечего гордиться этимъ успѣхомъ: это успѣхъ мнимый. Сдержанное положеніе, которое въ противность ожиданіямъ Италіи приняла теперь Пруссія по Римскому вопросу, сдѣлало возможнымъ рѣшеніе императора Наполеона отправить въ Римъ свои войска, но въ этомъ отнюдь нельзя видѣть какое-нибудь торжество для Тюльерійскаго кабинета, и нельзя не придать серіознаго значенія извѣстію, которое по этому поводу сообщаетъ упомянутый корреспондентъ. Онъ говоритъ, будто французское правительство, рѣшившись вмѣшаться въ дѣла Рима, увѣрило Берлинскій кабинетъ въ своемъ полномъ согласіи на событія, которыя могутъ совершиться въ Германіи въ смыслѣ объединенія. На это откровеніе послѣдовалъ будто бы отвѣтъ отъ графа Бисмарка, предоставившій Франціи полную свободу дѣйствій въ Италіи. Это весьма правдоподобно. Такимъ неожиданнымъ согласіемъ объяснилась бы и предположенная экспедиція въ Римъ, пріостановленная, какъ извѣщаютъ насъ телеграммы, перемѣной италіянскаго министерства.

Какъ бы то ни было, прусское правительство, повидимому, дѣятельно приводитъ въ исполненіе свои честолюбивые замыслы, нисколько не опасаясь какого-либо противодѣйствія со стороны Франціи. Въ вѣнскихъ газетахъ, отъ 17-го октября, напечатаны телеграммы изъ Парижа и Берлина, извѣщающія, будто уже подготовляется и послѣдуетъ въ скоромъ времени формальное соединеніе Саксонскаго королевства и четырехъ саксонскихъ герцогствъ съ Пруссіей, на томъ же основаніи какъ присоединено къ этой державѣ княжество Вальдекское. Пруссія крѣпко надѣется на невмѣшательство Франціи, которая не сдѣлала никакого возраженія противъ присоединенія маленькой землицы съ населеніемъ въ 53.000 душъ, потому что изъ-за этого не стоило ссориться съ Пруссіей. Теперь и новыя присоединенія въ три милліона жителей, населяющихъ одну изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ Германіи, не встрѣтятъ, быть-можетъ, никакихъ возраженій со стороны Франціи, хотя изъ-за нихъ, конечно, стоило бы поссориться съ Пруссіей. Но за то Франція можетъ свободно дѣйствовать въ Италіи... Пруссія между тѣмъ не остановится на окончательномъ присоединеніи государствъ Сѣверо-Германской федераціи; повидимому, южно-германскія государства не замедлятъ примкнуть къ ней тѣснѣе прежняго, и вотъ уже палаты Баденскаго великаго герцогства утвердили, въ засѣданіи 18-го октября, союзный договоръ съ Пруссіей, заключенный ею съ баденскимъ правительствомъ 17-го августа 1866 г., а если вѣрить извѣстію, полученному изъ Берлина газетою *Liberté* отъ 19-го октября, баденское правительство уже формально изъявило желаніе примкнуть къ Сѣверо-Германской федераціи. Такъ быстро идутъ событія подъ ловкимъ руководствомъ сѣверо-германскаго федеральнаго канцлера.

Какъ бы ни были значительны въ Римѣ династическіе интересы императора Французовъ, которому возстановленіе свѣтской власти папы послужило самымъ мощнымъ средствомъ къ достиженію престола: оказать этой власти въ настоящее время какое-нибудь содѣйствіе, въ ея борьбѣ съ Италіей, Тюльерійскій кабинетъ могъ бы только въ томъ случаѣ, еслибъ онъ уже

заранѣе согласился на всѣ виды прусской политики, и заранѣе помирился бы съ результатами, къ которымъ она стремится. Въ случаѣ же если французское правительство сохраняетъ до сихъ поръ болѣе или менѣе затаенное намѣреніе противиться теченію дѣлъ въ Германіи, то нѣтъ сомнѣнія, что ему необходимо воздерживаться отъ дѣятельной поддержки *statu quo* въ Римѣ и не трогаясь смотрѣть на вторженіе италіянскихъ войскъ хотя бы въ самыя улицы „вѣчнаго града," хотя бы въ ворота Ватикана, даже при увѣренности въ неизбѣжной внутренней борьбѣ, какою грозитъ Франціи мстительная реакція французскаго духовенства, — борьбѣ, которой первые признаки уже начинаютъ появляться. Разумѣется, имѣя въ виду неминуемость этой борьбы, въ случаѣ паденія свѣтской власти папы, нимъ какъ и въ 1861 г., Наполеону III необходимо обезпечить за собой, внутри самой Франціи, новыя точки опоры: въ этомъ случаѣ ему пришлось бы разчитывать на либеральныя партіи, и въ этихъ видахъ сообщить рѣшительно либеральное направленіе своей внутренней политикѣ. Мы и доселѣ видѣли, что всякое содѣйствіе, оказанное французскимъ правительствомъ успѣхамъ италіянскаго дѣла, всегда естественно влекло за собою успѣхъ либеральнаго направленія внутри самой Франціи, между тѣмъ какъ союзъ ея съ Пруссіей долженъ отзываться систематическимъ внутреннимъ стѣсненіемъ. Вотъ та связь между политикой внутреннею и внѣшнею, вотъ та борьба политики династической съ національною, которая поглощаетъ теперь вниманіе императора Наполеона, и около которой должны были вращаться совѣщанія въ Сенъ-Клу какъ 16-го, такъ и 19-го октября. На первый разъ удалось отсрочить кризисъ, — но надолго ли? Тулонскій маневръ сопровождался временнымъ успѣхомъ, но этотъ успѣхъ положилъ уже невыгодную для Франціи зарубку въ умахъ населеній Апеннинскаго полуострова, и Пруссія, въ случаѣ надобности, не преминетъ тѣмъ воспользоваться.

Статья въ офиціозной *Patrie*, о которой извѣщаетъ сегодняшняя телеграмма, повидимому, намекаетъ на новый оборотъ, къ которому рѣшается прибѣгнуть политика Тюильрійскаго кабинета. Поставленная между двухъ огней, она, повидимому, рѣшается отважнымъ международнымъ скачкомъ вырваться изъ этого нестерпимаго положенія. Приличіе соблюдено, и сентябрьская конвенція поддержана: Франція и вмѣшалась и не вмѣшалась въ дѣло Италіи съ Римомъ, и вотъ теперь она котѣла бы перебросить съ своихъ плечъ на руки Европы бремя римскаго вопроса...

№ 224.

Москва, 13-го октября.

Возбужденный крестьянскою реформой и обязательнымъ выкупомъ сызнова вопросъ о поіезуитскихъ имѣніяхъ въ западномъ краѣ подаетъ поводъ припомнить ту старую истину, что систематическое ополяченіе западной Руси и Литвы возможно было единственно при содѣйствіи нашей администраціи, и что если устраненіе этого зла пока еще не трудно, тѣмъ не менѣе и теперь крайне необходимо для полнаго успѣха единодушное дѣйствіе всѣхъ органовъ правительственной власти. Вопросъ о поіезуитскихъ имѣніяхъ имѣетъ сверхъ того значительную важность по тому вліянію, какое развязка его можетъ имѣть на водвореніе въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія: правильное разрѣшеніе этого вопроса, выведеніе его изъ той запутанности, которая была слѣдствіемъ противорѣчившихъ одно другому распоряженій, откроетъ возможность выгодной продажи русскимъ покупщикамъ немалаго числа имѣній, бывшихъ до сихъ поръ въ исключительномъ пользованіи лицъ причисляющихъ себя къ польской національности. Такъ какъ коренныя основанія, на которыхъ зиждется у насъ владѣніе поіезуитскими имѣніями, положены еще законодательствомъ бывшей польской республики и подверглись невыгоднымъ для насъ перемѣнамъ лишь послѣ возвращенія западныхъ губерній подъ русское владычество, то необходимо сдѣлать общій ретроспективный очеркъ законодательныхъ мѣръ по этому предмету.

Съ упраздненіемъ ордена іезуитовъ въ 1773 году, буллой папы Климента XIV, бывшее польское правительство постановило: принадлежавшія этому ордену имѣнія въ королевствѣ и Литвѣ раздать древнимъ польскимъ дворянамъ съ тѣмъ, чтобы новые владѣльцы ихъ вносили по 1½% съ оцѣночной, особыми коммиссіями опре-

дѣленной суммы въ такъ-называемый эдукаціонный фундушъ, предназначенный на содержаніе училищъ. Въ обезпеченіе исправнаго взноса ежегодныхъ платежей владѣльцы обязывались представить залогъ, равняющійся трети оцѣночной суммы. За недоимку, имѣніе подлежало секвестру и черезъ шесть мѣсяцевъ передавалось, на прежнихъ условіяхъ, новому владѣльцу. Наконецъ эти имѣнія не могли быть обременяемы долгами и дробимы на части. Таковы были главныя основанія перехода іезуитскихъ имѣній въ руки частныхъ лицъ по конституціи 1775 года. Владѣлецъ іезуитскаго имѣнія могъ считать себя его хозяиномъ лишь пока исполнялъ принятое на себя обязательство; такое отношеніе владѣльца къ имѣнію очевидно нельзя назвать правомъ собственности: это было владѣніе по безсрочному и потомственно передаваемому договору.

Эти основанія, за незначительными измѣненіями, подтверждены были и позднѣйшими конституціями. Существенное измѣненіе введено было только конституціей 1789 года, въ силу которой владѣльцы іезуитскихъ имѣній были обложены добавочнымъ платежомъ съ дополнительной оцѣнки (superata) и общимъ съ земскихъ имѣній сборомъ въ государственную казну, а вмѣстѣ съ тѣмъ получили право, съ вѣдома и разрѣшенія эдукаціонной коммиссіи, во всякое время вносить оцѣночные капиталы и такимъ образомъ пріобрѣтать имѣнія въ полную собственность. Но конституція 1793 года отмѣнила это право, и съ имѣній эдукаціоннаго фундуша установила взносъ 5% вмѣсто прежнихъ $4^1/_2$.

Эти коренныя основанія сохранились во всей чистотѣ только въ предѣлахъ Польши конгрессовой, гдѣ, несмотря на перемѣны въ правительствахъ, они не только не подверглись отмѣнѣ, но интересы эдукаціоннаго фундуша были еще болѣе ограждены: декретомъ короля Саксонскаго, изданнымъ въ 1812 году, іезуитскія имѣнія приравнены къ коронным, и съ тѣхъ поръ взысканіе съ нихъ срочныхъ взносовъ производилось уже не судебнымъ, а административнымъ порядкомъ. Декретъ этотъ былъ подтвержденъ императоромъ Александромъ I въ 1816 и 1818 годахъ, и оставался безъ перемѣны до 1849 года.

Что же касается до западныхъ губерній, то тамъ встрѣчаемъ мы обратное явленіе. Губерніи эти, по присоединеніи къ Россіи, заключали въ себѣ столько элементовъ для быстраго объединенія съ восточною половиной имперіи, и польщизна, по разрушеніи Рѣчи Посполитой, была такъ глубоко проникнута сознаніемъ своей несостоятельности, что двухъ-трехъ десятковъ лѣтъ національной политики было бы намъ совершенно достаточно для того, чтобы безъ всякихъ потрясеній почти совсѣмъ изгладить слѣды четырехсотъ-лѣтняго владычества Польши. Въ такую-то опасную для польщизны минуту, спасителемъ ея явился князь Адамъ Чарторыйскій, воспользовавшійся, для достиженія своей цѣли, всею силой русской администраціи. Одною изъ важнѣйшихъ задачъ въ политической программѣ тогдашнихъ польскихъ патріотовъ было увеличеніе въ западномъ краѣ массы польскихъ землевладѣльцевъ, съ присвоеніемъ имъ въ возможной степени независимости отъ русской администраціи; съ этой точки зрѣнія увеличеніе помѣщичьихъ правъ на іезуитскія имѣнія являлось логическимъ требованіемъ системы. Но задача эта оказалась тѣмъ труднѣе, что русское правительство, со времени послѣдняго раздѣла Польши, не только поддерживало постановленія польскихъ конституцій относительно іезуитскихъ имѣній, но и приняло нѣсколько мѣръ къ еще большему огражденію правъ казны, на эти земли. Екатерина II повелѣла охранить въ восприсоединенныхъ губерніяхъ личныя и имущественныя права всѣхъ тѣхъ, кто приметъ присягу на вѣрность и представитъ доказательства на право владѣнія. Но вслѣдствіе возникшаго черезъ годъ мятежа, повелѣніе это подверглось измѣненіямъ: имѣнія всѣхъ тѣхъ помѣщиковъ, которые, нарушивъ присягу, приняли участіе въ бунтѣ, были причислены къ казеннымъ; помѣщики, вернувшіеся въ предѣлы Россіи до 1-го января 1795 года и не участвовавшіе въ мятежѣ, допущены были ко владѣнію только собственными имѣніями, старостинства же причислены къ казеннымъ землямъ, а не явившіеся по призыву лишались права быть включенными въ число русскихъ подданныхъ и обязывались продать свои имѣнія въ теченіе года и шести недѣль. Подъ эти же правила подведены были и іезуитскія имѣнія. Затѣмъ императоръ Павелъ I повелѣлъ: находившійся въ Вильнѣ университетъ и богоугодныя заведенія западнаго

края содержать изъ доходовъ съ іезуитскихъ имѣній, въ огражденіе же этихъ имѣній отъ раззоренія ихъ владѣльцами, всѣ приписанные къ нимъ лѣса отобрать въ казну, ибо, какъ сказано въ указѣ, „въ случаѣ неисправности владѣльца, имѣніе сего рода поступаетъ въ казенное вѣдомство или продается на томъ же основаніи другому," а въ иныхъ имѣніяхъ лѣсъ составляетъ главную цѣнность. При этомъ ежегодные взносы владѣльцевъ понижены соразмѣрно цѣнности отошедшихъ въ казну лѣсовъ.

Въ первые годы царствованія императора Александра I, правительство неуклонно держится прежней системы относительно іезуитскихъ имѣній. Такъ въ указѣ 1803 года о Виленскомъ университетѣ постановлено: отпускать на его содержаніе 105.000 р. по ассигновкамъ государственнаго казначея изъ доходовъ съ іезуитскихъ имѣній; въ слѣдующемъ году, при оказавшейся недостаточности этой суммы, приказано и остальной доходъ съ этихъ имѣній, поступавшій въ казну (около 16.000 руб.), присовокупить къ общей массѣ іезуитскихъ доходовъ, опредѣленныхъ на училища; въ 1805 году взносъ съ владѣльцевъ іезуитскихъ имѣній увеличенъ до 6% и собирать его велѣно, на основаніи прежнихъ конституцій, звонкою монетой (и именно серебряною, а не золотою); чѣмъ ограждался эдукаціонный фундушъ отъ послѣдствій упадка курса. Тѣмъ болѣе поражаетъ своею неожиданностію указъ 21-го декабря 1807 года: имъ какъ бы предаются забвенію всѣ юридическія и историческія права казны на эти имѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ водворяются новыя, никому не приходившія до того времени въ голову, начала. Указъ этотъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія новыя основанія: 1) іезуитскія имѣнія, составляющія эдукаціонный фундушъ, остаются (?) неотъемлемою и полною собственностью владѣльцевъ, *пріобрѣвшихъ ихъ покупкой* (?); 2) владѣльцы обязаны платить по 6%, но особыхъ обезпеченій на эти суммы не полагается, а въ платежѣ отвѣчаетъ само имѣніе; 3) лѣса возвращаются владѣльцамъ и надзоръ за ихъ сохранностью воспрещается; 4) допускаются дѣлежи и продажи имѣній по частямъ; 5) ежегодный сборъ увеличивается на 25%.

Такимъ образомъ прежніе безсрочные владѣльцы превратились въ собственниковъ, пріобрѣли право дѣлить имѣніе, продавать его по частямъ, обременять долгами и проч. Они отличались отъ прочихъ помѣщиковъ единственно взносомъ 6% въ фундушъ.

Всего для насъ интереснѣе и поучительнѣе то, что всѣ эти льготы, дарованныя владѣльцамъ іезуитскихъ имѣній въ ущербъ интересамъ училищной части, изображаются въ указѣ 21-го декабря 1807 г. какъ необходимыя мѣры строгости, вызванныя открытіемъ „весьма важныхъ неудобствъ и затрудненій" и разными „отступленіями отъ первоначальныхъ правилъ, на коихъ эдукаціонный фундушъ былъ установленъ." Далѣе въ указѣ сказано, что „къ разбору и рѣшенію дѣлъ отъ сего возникшихъ дѣйствіе судебныхъ мѣстъ въ обыкновенномъ ихъ порядкѣ было бы весьма продолжительно, а потому дабы „предохранить училищный фундушъ отъ смѣшенія и затрудненія," завѣдываніе іезуитскими имѣніями отбирается изъ казенныхъ палатъ, изъемлется изъ вѣдѣнія судовъ и передается Виленскому университету подъ наблюденіемъ попечителя и подъ главнымъ надворомъ министра просвѣщенія. Въ поясненіе этого указа достаточно сказать, что попечителемъ Виленскаго университета и округа былъ тогда князь Адамъ Чарторыйскій, другъ императора Александра, тотъ самый, который около того же времени исходатайствовалъ и учрежденіе въ Петербургѣ новаго комитета для разсмотрѣнія ленныхъ правъ на казенныя имѣнія, при чемъ важный для государства вопросъ о ленномъ владѣніи былъ перенесенъ съ почвы юридической на почву милосердія, такъ что въ 1861 году владѣльцевъ ленныхъ имѣній пришлось, какъ сказано въ одной официальной запискѣ, уже не въ видѣ милости, а по праву, признать собственниками. Оба указа 1807 г., какъ указъ 19-го апрѣля о ленныхъ имѣніяхъ, такъ и нѣсколько позднѣйшій указъ 21-го декабря объ имѣніяхъ іезуитскихъ, были не что иное какъ обманъ, и послѣдствія этого обмана для іезуитскихъ обнаружились скоро: недоимка, вслѣдствіе отмѣны залоговъ, стала возрастать; владѣльцы, безъ вѣдома фундушевой коммиссіи, продавали свои имѣнія, дѣлили ихъ, отдавали въ обезпеченіе долговъ и совершали другія сдѣлки; цѣлости имѣній грозила опасность, которая не могла не озаботить и самого Чарторыйскаго, потому

что отражалась прямо на эдукаціонномъ фундушѣ. Въ видахъ обезпеченія фундуша, по представленію Чарторыйскаго, въ 1818 году, сдѣланы были слѣдующія дополненія къ указу 21-го декабря 1807 года; если помѣщикъ пожелаетъ совершить сдѣлку относительно поіезуитскаго имѣнія, то обязанъ войти о томъ съ прошеніемъ въ фундушевую коммиссію, которая дѣлаетъ о томъ постановленіе и представляетъ на утвержденіе въ Петербургъ; а при раздѣлѣ имѣній, представляется залогъ, равняющійся трети оцѣночной суммы. Но и эти предосторожности не поправили дѣла, и недоимка продолжала, по прежнему, расти; въ 1821 году ея накопилось до 400.000 руб., а въ 1835 году до 700.000 руб.; ее пришлось капитализировать и пріобщить къ первоначальной оцѣночной суммѣ. Вопросъ о недоимкѣ былъ не разъ на разсмотрѣніи высшихъ государственныхъ учрежденій. Она была тѣмъ чувствительнѣе, что уже съ 1803 года расходы правительства на училищную часть въ западномъ краѣ *вдвое* превышали доходъ съ поіезуитскихъ и другихъ на эту часть пожертвованныхъ имѣній. Между тѣмъ взгляды императора Александра I на польское дѣло измѣнились, и вслѣдствіе того могла возникнуть рѣчь о необходимости возстановить прежнія правила о владѣніи поіезуитскими имѣніями. Таково было мнѣніе министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя Голидына; съ нимъ согласился и сенатъ. Государственный совѣтъ, по разсмотрѣніи дѣла, мнѣніемъ положилъ: владѣльцевъ поіезуитскихъ имѣній обязать представить въ шестимѣсячный срокъ залоги, соотвѣтствующіе трети оцѣночной суммы, на основаніи конституціи 1775 года, а по истеченіи этого срока отъ владѣльцевъ, не представившихъ залога, имѣнія отобрать и продать на прежнихъ условіяхъ вѣчнаго пользованія съ публичнаго торга, со взятіемъ съ покупщика залога, соотвѣтственнаго трети той суммы, какая съ торгу за нимъ останется. Владѣльцы, на которыхъ накопились недоимки, приглашены представить въ шестимѣсячный срокъ обезпеченіе въ ихъ уплатѣ, по истеченіи же срока отъ непредставившихъ залога положено отбирать имѣнія и тоже продавать съ публичнаго торга. Если бы на торгахъ не явилось покупщиковъ, то имѣнія предположено отдавать въ аренду. Указъ объ этотъ состоялся 17-го февраля 1825 года; онъ служилъ, хоть и нѣсколько позднимъ, исправленіемъ ошибки, совершенной въ 1807 году.

Этотъ указъ такъ глубоко затрогивалъ интересы польщизны, что не могъ не вызвать съ ея стороны противодѣйствія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Александръ I скончался; промежутокъ времени между его кончиной и восшествіемъ на престолъ императора Николая I, когда въ Петербургѣ еще считалось возможнымъ возареніе Цесаревича Константина,—этотъ промежутокъ времени и выбрала польщизна для того чтобы повернуть дѣло на свой ладъ. Мнѣніемъ государственнаго совѣта 7-го декабря (манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая I былъ изданъ 12-го декабря) указъ 1807 года былъ возстановленъ въ прежней его силѣ, а 19-го января сенатскимъ указомъ продажа имѣній, за непредставленіе залоговъ, пріостановлена.

Съ этой поры вопросъ о поіезуитскихъ имѣніяхъ казался окончательно рѣшеннымъ въ интересахъ польщизны: ни мятежъ, ни рядъ послѣдовавшихъ за нимъ преобразованій въ западномъ краѣ не коснулись его. Въ 1829 году управленіе этими имѣніями было передано въ министерство финансовъ; въ 1834 году всѣ имѣнія и капиталы, составляющіе эдукаціонный фундушъ, обращены въ общую массу казенныхъ; наконецъ въ 1840 году имѣнія эти переданы въ вѣдѣніе учрежденнаго тогда министерства государственныхъ имуществъ, и законодательство о нихъ, почти безъ измѣненія, сохранилось до 1860 года. Говоримъ: *почти* безъ измѣненія, потому что до нѣкоторой степени оно продолжало совершенствоваться въ польскомъ смыслѣ, посредствомъ невинныхъ поправокъ въ слогѣ, сдѣланныхъ для большей ясности въ редакціи относящихся сюда законовъ, когда они вносились въ составъ Свода Законовъ и въ учрежденіе государственныхъ имуществъ. Дѣло въ томъ, что хотя указъ 1807 года и призналъ владѣльцевъ поіезуитскихъ имѣній собственниками, но такъ какъ подобную мѣру можно было провести лишь украдкой, и слѣдовательно надобно было замаскировать ее, то въ томъ же самомъ указѣ есть мѣста изъ коихъ слѣдуетъ, что поіезуитскія имѣнія суть собственность училищъ Виленскаго учебнаго округа. *Разъяснить* это противорѣчіе было чрезвычайно важно для владѣльцевъ поіезуитскихъ

имѣній, и ловкость ихъ доброжелателей сумѣла воспользоваться даже кодификаціей, хотя работа эта и была не законодательная, а компиляціонная и редакціонная. Впрочемъ, даже и въ нынѣ дѣйствующемъ изданіи Свода Законовъ остались еще черты, доказывающія, что владѣльцы іезуитскихъ имѣній не имѣютъ на нихъ права полной собственности, и что это право, хотя и безъ права владѣнія, принадлежитъ казнѣ. Этотъ послѣдній исторически вѣрный, а отчасти еще и юридически сохранившій силу свою взглядъ выразился въ замѣчательномъ указѣ отъ 12-го іюня 1860 года (внесенномъ въ лѣсной уставъ по продолженію VIII т. Св. Зак. ст. 1.452). Тутъ высказано впервые послѣ 1825 года вполнѣ правильное опредѣленіе отношеній казны къ этимъ имѣніямъ: „іезуитскія имѣнія, *состоя во владѣніи частныхъ лицъ по безсрочнымъ договорамъ*“ и т. д. За тѣмъ въ указѣ 29-го января 1862 г. владѣльцамъ іезуитскихъ имѣній предоставлено право оставшуюся за надѣломъ крестьянъ землю *пріобрѣсть въ потомственное владѣніе на правѣ полной собственности* посредствомъ взноса въ казну оцѣночной суммы безсрочными государственными облигаціями.

Эти два указа, казалось, возстановили согласное съ историческими и юридическими правами казны воззрѣніе на іезуитскія имѣнія: право собственности окончательно признано за казной; нынѣшніе владѣльцы объявлены владѣющими по безсрочному договору. Но на ряду съ этими законодательными актами встрѣчаемъ мы, опять неожиданно, указъ 28-го сентября 1864 года, поводы къ которому намъ неизвѣстны, и которымъ владѣльцы іезуитскихъ имѣній освобождаются отъ всякихъ обязательствъ къ казнѣ, ибо проценты съ оцѣночнаго капитала, которые они до 1-го мая 1863 года сами платили въ казну, приказано на будущее время удерживать изъ поступающаго въ уѣздныя казначейства отъ крестьянъ іезуитскихъ имѣній оброчнаго и выкупнаго сбора, и затѣмъ никакихъ взысканій съ владѣльцевъ не производить, хотя бы выкупные платежи крестьянъ были и меньше слѣдовавшаго съ покупщиковъ оцѣночнаго взноса.

Такъ какъ послѣдній изъ трехъ названныхъ указовъ находится въ очевидномъ противорѣчіи съ двумя первыми, и такъ какъ въ виду послѣдовавшаго за тѣмъ указа 10-го декабря 1865 года о запрещеніи лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать въ западномъ краѣ имѣнія, несомнѣнно отмѣняется право на пріобрѣтеніе ими впредь и іезуитскихъ имѣній, то разъясненіе столь сложнаго и важнаго вопроса нынѣ представляется дѣломъ неотложной необходимости. Посмотримъ же въ какомъ соотношеніи между собой находятся теперь указы 1862 и 1864 года.

По указу 1862 года помѣщики и крестьяне имѣютъ одинаковое право, за извѣстную сумму, пріобрѣтать землю іезуитскихъ имѣній въ собственность. Но это равенство въ правѣ крестьянина и помѣщика только мнимое: крестьянинъ пріобрѣтаетъ землю по оцѣнкѣ, произведенной на основаніи положенія 19-го февраля, тогда какъ помѣщикъ только доплачиваетъ ту сумму, на которую выкупная ссуда меньше оцѣночнаго капитала по ластраціи 1773 и 1774 годовъ (возвышеннаго указомъ 1807 года на 25%). Но отношеніе одной оцѣнки къ другой таково, что выкупная ссуда за надѣлъ оказывается иногда больше той оцѣночной суммы всего имѣнія, съ которой платился помѣщикомъ годовой взносъ. Если примѣнить къ такимъ имѣніямъ указъ 1864 года, то иной владѣлецъ, вслѣдствіе того что крестьяне внесутъ деньги за свой надѣлъ, не только даромъ пріобрѣтетъ въ собственность остальную часть имѣнія, но получитъ еще отъ казны денежное вознагражденіе за то, что принялъ даромъ казенную землю въ собственность. Это, очевидно, не входило и не могло входить въ виды законодательства, и понятно, что вопросъ о іезуитскихъ имѣніяхъ требуетъ новаго справедливаго разрѣшенія.

Теперь положеніе вопроса о правахъ владѣльцевъ на іезуитскія имѣнія представляется въ слѣдующемъ видѣ:

На основаніи польскихъ конституцій и указа 1805 года ежегодные платежи должны быть требуемы съ іезуитскихъ имѣній не кредитными рублями, а звонкою, и именно серебряною монетой. Имѣя въ виду, что оцѣнки произведены въ 1775 году и съ тѣхъ поръ возвышены (въ 1807 году) лишь на 25%, надобно признать, что казна не имѣетъ ни малѣйшаго основанія отказываться отъ этого своего права въ пользу владѣльцевъ іезуитскихъ имѣній.

Въ случаѣ недоимки, имѣніе должно быть на основаніи польскихъ конституцій черезъ шесть недѣль послѣ платежнаго срока съ-

вестуемо, а черезъ шесть мѣсяцевъ и шесть недѣль совсѣмъ отбираемо и на основаніи указа 10-го декабря 1865 года предоставляемо лицамъ русскаго происхожденія, со взиманіемъ съ нихъ залога, равняющагося одной трети цѣнности предоставляемаго имѣнія.

Узаконенное надѣленіе крестьянъ землей можетъ вести лишь къ пропорціональной надѣлу сбавкѣ ежегоднаго платежа, подобно тому какъ было сдѣлано при императорѣ Павлѣ I, когда у владѣльцевъ іезуитскихъ имѣній были отобраны лѣса.

Предполагаемое за владѣльцами іезуитскихъ имѣній полное право собственности не можетъ быть признано за ними, ибо оно:

1. несогласно съ историческимъ правомъ;

2. находится въ противорѣчіи съ нѣкоторыми чертами, сохранившимися даже въ положительномъ законодательствѣ.

3. было не разъ утрачено владѣльцами: даже въ томъ случаѣ, еслибы смыслъ указа 1807 года не подлежалъ никакому сомнѣнію, право собственности могло бы считаться остающимся въ силѣ лишь при безнедоимочномъ взносѣ ежегодныхъ платежей, но мы видѣли, что на іезуитскихъ имѣніяхъ послѣ 1807 года накопилась громадная недоимка, которая въ 1835 году возрасла до 700.000 р. Правительство имѣло тогда право отобрать въ казну всѣ тѣ имѣнія, на которыхъ числилась недоимка, но оно поступило снисходительно: накопившаяся тогда недоимка была капитализована и причислена къ оцѣночному капиталу. Слѣдовательно владѣльцы, воспользовавшіеся этою льготой, владѣютъ нынѣ іезуитскими имѣніями уже не по праву, а по милости, которая для правительства необязательна.

Изъ этого видно, что не только по существу дѣла и по справедливости, но и съ строго-юридической точки зрѣнія, правительство, по отношенію къ іезуитскимъ имѣніямъ, можетъ пользоваться значительною свободой дѣйствій.

№ 225.

Москва, 14-го октября.

Балтійскія газеты всѣми своими голосами и на всѣ лады извѣщаютъ свою публику, что по причинамъ отъ нихъ независящимъ, онѣ не могутъ продолжать полемику съ русскою журналистикой. Въ подобныхъ случаяхъ подъ причинами, отъ редакціи независящими, обыкновенно разумѣется цензура. Итакъ, выходитъ, что цензура почему-то препятствуетъ балтійской журналистикѣ объясняться съ московскою и петербургскою печатью. Нѣчто подобное было уже года за два предъ симъ, когда было сдѣлано по цензурѣ распоряженіе, давшее балтійской журналистикѣ поводъ прикинуться жертвой и жаловаться на несправедливость и притѣсненія. На всѣхъ европейскихъ площадяхъ предавалось поруганію русское правительство за этотъ „актъ насилія и фанатизма;“ хотя распоряженіе, о которомъ рѣчь, вполнѣ соотвѣтствовало желаніямъ самихъ балтійскихъ публицистовъ, и было какъ бы вызвано ими, ибо почти наканунѣ этого распоряженія, въ *Ревельской Газетѣ* была высказана мысль, что въ интересахъ извѣстной партіи выгодно прекратить всякую полемику по вопросамъ касающимся этого края, дабы отнять у московской печати поводъ разъяснять эти вопросы. Теперь, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, балтійскія газеты волновали свою публику разсужденіями о мѣрахъ принимаемыхъ правительствомъ въ этомъ краѣ, не отступая ни предъ какимъ извращеніемъ факта, ни предъ какимъ лжетолкованіемъ и преувеличеніемъ, и систематически вводя въ заблужденіе всѣ мѣстные интересы; все было пускаемо въ ходъ, для того чтобы соединить различные элементы мѣстной жизни въ общую оппозицію не только противъ этихъ мѣръ, но противъ самой сущности тѣхъ государственныхъ интересовъ, которые имѣются при этихъ мѣрахъ въ виду, и замѣчательно что какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и прежде, самыя рѣшительныя въ этомъ смыслѣ заявленія печатались въ балтійскихъ газетахъ съ характеромъ полу-официальнымъ. Населенія пугались тѣмъ, что у нихъ *разбойнически* отнимутъ вѣру ихъ отцовъ и все что есть дорогаго и священнаго для человѣка; отцамъ семействъ внушалось, что ихъ дѣти будутъ принесены въ жертву государственному Молоху, такъ какъ въ гимназіяхъ будутъ учить ихъ не на отечественномъ ихъ языкѣ, а на чужомъ: „нашимъ сыновьямъ хотятъ затруднить ученіе, восклицала *Ревельская Газета*, изъ-за того только чтобы провинціи наши не подверг-

лись германизаціи.... Никакой педагогъ со смысломъ, никакой мыслящій государственный человѣкъ (Staatsmann von Einsicht) не можетъ думать что оказываетъ дѣлу обрусенія услугу, если, несмотря на всѣ наши объясненія, будетъ поддерживать означенную мѣру" (то-есть введеніе преподаванія исторіи на русскомъ языкѣ въ ревельской гимназіи съ будущаго года). Полуонѣмеченнымъ Латышамъ и Эстамъ внушалось, что дѣло клонится какъ бы къ тому, чтобъ отнять у нихъ выгоды сопряженныя съ образованіемъ и съ гражданскимъ возвышеніемъ: „Дабы остановить процессъ германизаціи, такъ разсуждаетъ *Рижская Газета*, необходимо отнять у Латышей и Эстовъ всѣ благодѣянія, которыми они теперь пользуются, гордаго крестьянина-собственника возвратить въ барщинное состояніе, дабы онъ свой полный кошель не употреблялъ на лучшее воспитаніе своихъ сыновей, съ которымъ соединяется стремленіе къ высшей, то-есть къ нѣмецкой культурѣ, дабы онъ не селился въ городахъ, гдѣ жадное нѣмецкое бюргерство втягиваетъ его въ себя; надобно отнять у крестьянскаго состоянія его свободныя учрежденія и пр." Введеніе русскаго языка въ правительственныя учрежденія балтійскихъ губерній выставлялось на видъ какъ пагубное разложеніе всего юридическаго быта и т. д.

Спрашивается, какимъ образомъ было возможно, что въ такъ недавнемъ времени органы находящіеся подъ цензурой и въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ мѣстными властями поддерживали систематическую оппозицію противъ правительства не въ какомъ-либо отдѣльномъ пунктѣ, относительно котораго могли быть недоразумѣнія и несогласія въ самихъ правительственныхъ сферахъ, но въ интересахъ общихъ и существенныхъ для государства, не задолго предъ тѣмъ поставленныхъ на видъ самою Верховною Властію, призывавшею всѣхъ благомыслящихъ людей къ содѣйствію ея предначертаніямъ и предвозвѣстившею для балтійскихъ губерній нововведенія, признанныя ею необходимыми и полезными? Вотъ, если нужно, новое доказательство несостоятельности цензуры; вотъ доказательство, что интересамъ государства можетъ вредить отнюдь не независимая печать, которая въ балтійскомъ краѣ быть-можетъ представила бы иное зрѣлище, если бы тамъ было допущено свободное развитіе мнѣній. Все что можно было сказать для того чтобы возбудить страсти и направить ихъ въ сторону противную интересамъ государства и истиннымъ видамъ правительства, было сказано; на каждую группу общественныхъ интересовъ произведено разсчитанное дѣйствіе; собраны подъ общія точки зрѣнія и формулованы всѣ возраженія, какія могли съ разныхъ сторонъ возникнуть изъ ошибочнаго разумѣнія правительственныхъ предположеній. И вотъ, когда все это сдѣлано, и дальнѣйшее разъясненіе могло бы обнаружить только несостоятельность балтійскихъ газетъ, онѣ торжественно возглашаютъ, что цензура препятствуетъ свободному выраженію ихъ мнѣній, и какъ два года тому назадъ, такъ и теперь, выставляютъ то же самое правительство какъ притѣснителя и гонителя, а себя какъ жертву украшенную ореоломъ мученичества. А между тѣмъ партія, которая пользуется этими газетами для агитаціи, ни въ какомъ случаѣ не лишается возможности дѣйствовать, и будетъ дѣйствовать тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ менѣе гласности и свѣта будетъ вокругъ. Къ тому же, въ Германіи печать всѣхъ оттѣнковъ къ ея услугамъ Вотъ ужь и невинные французскіе публицисты какъ разъ приспѣли чтобы заняться дѣлами балтійскихъ губерній. Въ послѣдней книжкѣ *Revue des deux Mondes*, публицистъ этого журнала изъявляетъ свое негодованіе на образъ дѣйствій русскаго правительства въ балтійскихъ провинціяхъ, совершенно такимъ же тономъ и въ томъ же смыслѣ, какъ высказывались *Рижская* или *Ревельская Газета*, и съ такимъ же увлеченіемъ, какъ еслибы французская печать была непосредственно заинтересована въ дѣляхъ этого края и какъ еслибъ она призвана была служить выраженіемъ національнаго нѣмецкаго чувства или органомъ политики графа Бисмарка Публицистъ *Revue des deux Mondes* сумѣлъ связать вопросъ о русскомъ языкѣ въ балтійскихъ провинціяхъ даже съ римскимъ вопросомъ и съ папой!

Итакъ, цензура послужила сначала къ тому, что придала для мѣстныхъ населеній особую силу и значеніе противу-правительственной агитаціи въ балтійской печати, а теперь подаетъ поводъ обвинять правительство въ нетерпимости, такъ что вся неправда какъ бы остается на его сторонѣ, а вся правда какъ бы переходитъ на сторону балтійской печати.

Что такое русская печать въ противоположность печати въ трехъ балтійскихъ губерніяхъ? Всѣмъ извѣстно, что газеты ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ ни въ чемъ не солидарны между собою и сталкиваются между собою какъ въ отдѣльныхъ вопросахъ, такъ и въ общемъ направленіи. Объ общемъ дѣйствіи русской печати не можетъ быть рѣчи; рѣчь можетъ идти только о русскихъ интересахъ, которые такъ или иначе весьма естественно находятъ себѣ выраженіе въ различныхъ органахъ русской печати. Что бы значила печать, еслибъ она не служила органомъ интересовъ своего государства? Дѣло вовсе не въ полемикѣ между газетами, а въ этихъ интересахъ. Вопросы, которые были возбуждены въ балтійской печати и по отношенію къ которымъ не могла оставаться безучастною журналистика Москвы и Петербурга, суть вопросы Россіи, а не журналистовъ.

Балтійская печать или та партія, которая ею пользуется, властвуетъ безгранично въ своемъ краѣ. Голосъ петербургской и московской печати не проникаетъ въ тамошнюю публику; ея мнѣнія становятся тамъ извѣстными только сквозь призму *Рижской Газеты* или *Ревельской Газеты*. Высшая администрація края не имѣетъ тамъ своего органа, который служилъ бы къ разъясненію истинныхъ видовъ правительства для мѣстныхъ населеній. Латышскія и эстонскія населенія, которыя особенно нуждались бы въ такомъ разъясненіи, лишены всякаго средства знать что-либо иначе какъ черезъ посредство органовъ той же партіи. Балтійская нѣмецкая печать жалуется на претерпѣваемыя ею притѣсненія, хотя эти мнимыя притѣсненія не препятствуютъ ей высказывать все что она считаетъ нужнымъ; но она не стыдилась клеветать на все что въ этомъ краѣ удерживало свою независимость, и не подчинялось однимъ съ нею внушеніямъ. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ издавался въ Петербургѣ на латышскомъ языкѣ листокъ, котораго вина состояла только въ томъ, что онъ удерживалъ свою независимость отъ партіи германизаторовъ; онъ цензуровался въ Ригѣ, и рижская цензура, столь снисходительная къ выраженію мнѣній антирусскихъ и анти-правительственныхъ, была къ нему безпощадна, такъ что наконецъ онъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Недавно испрашивалось разрѣшеніе на изданіе двухъ газетъ также на латышскомъ языкѣ, но тѣ же самые германизаторскіе интересы, которые сократили вѣкъ газеты г. Вольдемара, повидимому, не нашли для себя полезнымъ открытія этихъ новыхъ изданій, и дѣло не состоялось. Балтійская журналистика требуетъ вовсе не развитія независимаго мнѣнія, а молчанія и мрака, которые всего вѣрнѣе могутъ благопріятствовать ея видамъ.

Нечего удивляться, если балтійско-нѣмецкія газеты своею агитаціей успѣютъ внушить полуонѣмеченнымъ частямъ мѣстныхъ населеній, что для нихъ не остается ничего иного какъ сдѣлаться вполнѣ Нѣмцами. *Рижская Газета* уже объявила, что съ балтійскими губерніями поступаютъ „разбойнически,“ что у нихъ хотятъ отнять и вѣру, и все драгоцѣнное и священное для человѣка. Мудрено ли, что такія увѣренія въ рядахъ ново-германизованныхъ создадутъ фанатиковъ нѣмечины, притомъ фанатиковъ враждебныхъ Россіи въ полномъ смыслѣ этого слова? Но удивительно то обстоятельство, что въ виду такой колоссальной лжи въ нѣмецкой журналистикѣ, состоящей подъ вліяніемъ балтійской цензуры, правительство не можетъ найдти путь, дабы открыть истину предъ латышскою и эстонскою читающей публикой. Въ каждой изъ трехъ балтійскихъ губерній имѣются офиціальныя, еженедѣльно выходящія *Губернскія Вѣдомости*, которыхъ матеріальное существованіе совершенно обезпечено, и которыя *должны* находиться въ каждомъ помѣстьи, и сверхъ того въ каждомъ крестьянскомъ управленіи. Языкъ этихъ газетъ смѣшанный; постановленія правительства печатаются на русскомъ, нѣмецкомъ, латышскомъ (или эстонскомъ) языкахъ; но особенно интересныя извѣстія печатаются *только* по-нѣмецки. Мѣстнымъ губернскимъ властямъ не стоило бы ни малѣйшаго труда опровергать на мѣстныхъ языкахъ грубыя заблужденія, которыми наполнены нѣмецкія балтійскія газеты. Къ сожалѣнію, балтійскія губернскія вѣдомости нимало не заботятся о возстановленіи истины. Въ этомъ-то и состоитъ балтійская тайна.

№ 226.

Москва, 16-го октября.

Въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* на-дняхъ снова появилась замѣтка по поводу Пин-

ско-Бѣлостокской желѣзной дороги и тоже съ подписью „сообщено.“ Въ замѣткѣ этой объясняется, что цѣль изданія брошюры о *значеніи Пинско-Бѣлостокской и Ковенско-Либавской желѣзныхъ дорогъ* состояла въ возбужденіи полемики противъ односторонникъ заявленій партизановъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги. „Чтобы вызвать публичные органы на полемику, сказано въ замѣткѣ, признано было: имѣть въ виду для окончательнаго заключенія все уже сказанное нашими органами противъ этого предпріятія и сгруппировать все что говорилось въ пользу его, для чего указаны были изданныя записки, статьи и другіе источники. По нѣкоторымъ соображеніямъ, сознавалось весьма важнымъ, не теряя времени, вызвать періодическую печать на безпристрастный, строгій анализъ совершенно односторонникъ заявленій партизановъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги.“

Среди многаго не вполнѣ понятнаго въ этомъ объясненіи, выражающемся столь загадочными словами, мы должны прежде всего остановиться на томъ пунктѣ, которымъ обозначается отношеніе виленской брошюры къ публикѣ, и въ особенности къ публичнымъ органамъ, то-есть къ газетамъ. Виленская брошюра, узнаемъ мы, написана съ цѣлію вызвать обсужденіе проекта, составленнаго учредителями Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги и основаннаго, какъ сказано въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, на заявленіяхъ „совершенно односторонникъ.“ Этой цѣли, которая была указана, конечно, главнымъ начальствомъ края, нельзя не сочувствовать, но исполненіе ея подчиненными агентами вышло весьма слабымъ и даже страннымъ, о чемъ также нельзя умолчать въ объясненіе характера полемики, вызванной виленскою брошюрой. Что дѣлается, когда нужно вызвать обсужденіе какого-нибудь труда? Этотъ трудъ не только печатается, но и публикуется, то-есть дѣлается доступнымъ публикѣ. Для этого лучшій путь — книжная торговля. Но виленская брошюра не была пущена въ продажу и доселѣ остается для публики секретомъ. Для чего бы это нужно? Не для того ли, чтобы газеты, въ родѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, согласившіяся защищать виленскую брошюру, могли быть спокойны, что ихъ читателямъ не по чемъ провѣрить ихъ показанія о ней? Далѣе, изъ словъ „сообщенія“ видно, что было предположено по крайней мѣрѣ разослать брошюру по редакціямъ газетъ. На это мы должны сказать, что *намъ виленская брошюра не была доставлена*. Мы добыли ее частнымъ путемъ и не безъ труда. Слѣдовательно, исполнители отступили и въ этомъ случаѣ отъ указаній своего главнаго начальства; они сдѣлали выборъ между газетами; въ однѣ газеты послали брошюру, въ другія не послали. Такимъ же произвольнымъ образомъ дѣйствій должны быть, думаемъ мы, объяснены и другія странности проекта: онѣ должны падать на отвѣтственность исполнителей, а не на тѣхъ, кто далъ этимъ исполнителямъ, указанія, клонившіяся къ общей пользѣ.

На исполнителей же, а не на періодическую печать слѣдуетъ пенять, если она въ послѣднее время выражаетъ неудовольствія о ходѣ дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Какъ въ самомъ дѣлѣ понимать такія дѣйствія, какъ изданіе двухъ брошюръ: *„Значеніе Пинско-Бѣлостокской и Ковенско-Либавской желѣзныхъ дорогъ*, и еще *О введеніи русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе?* Намѣренія, о которыхъ только теперь говоритъ *Виленскій Вѣстникъ*, не могли быть извѣстны публикѣ, а фактъ былъ тотъ, что Пинско-Бѣлостокская дорога, безполезная для края въ отношеніи экономическомъ, безполезная въ отношеніи военномъ и вредная въ общегосударственномъ, принималась подъ защиту мѣстною администраціей. При управленіи генералъ-губернатора издана брошюра, въ которой сводятся всѣ данныя, заявленныя кѣмъ-либо и когда-либо въ пользу дороги, безъ всякаго разсмотрѣнія вѣрны ли онѣ или не вѣрны, а о данныхъ противоположнаго свойства совершенно умалчивается. Изданіе этой брошюры, дѣлается на казенный счетъ, несмотря на то что большая часть доводовъ повторяемыхъ брошюрой, давно уже опровергнута правительственнымъ же изданіемъ почерпавшимъ свои данныя изъ мѣстныхъ источниковъ (*Матеріалы для Геогр. и Стат.* изд. ген. шт. Минская губ. полк. Зеленскаго). Какъ могла бы догадаться публика, что все *это* дѣлается для проекта, къ которому администрація равнодушна, и что чиновникъ составлявшій брошюру отнюдь не раздѣляетъ высказанныхъ въ ней мнѣній о пользѣ дороги? Въ то же время ад-

министрація несомнѣнно желаетъ введенія русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе, что̀ выразилось и въ рѣшеніи ревизіонной коммиссіи, и не разъ высказывалось прямо и косвенно въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*. Но когда печатается брошюра о введеніи русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе, то въ ней помѣщаются только мнѣнія членовъ говорившихъ о невведеніи русскаго языка, мнѣнія же предсѣдателя и членовъ подавшихъ голосъ за введеніе русскаго языка, на сторонѣ которыхъ было и большинство, и разумѣніе дѣла, а также окончательное постановленіе коммиссіи, не напечатаны. Эти мнѣнія придется отыскивать развѣ въ газетахъ и то въ сокращенномъ, а иногда и невѣрномъ видѣ. Оба эти случая такъ совпадаютъ по своему характеру, что считать ихъ за случайность невѣроятно."

Сличая объ „сообщенныя" въ *Виленскій Вѣстникъ* статьи (№№ 109 и 119), нельзя не удивляться ихъ разногласію. Въ первой изъ нихъ сказано:

„По распоряженію г. главнаго начальника края, для разрѣшенія вопроса о пользѣ и значеніи проектированныхъ къ достройкѣ Пинско-Бѣлостокской и Ковенско-Либавской желѣзныхъ дорогъ, затребованы были оффиціальныя свѣдѣнія и мнѣнія лицъ спеціально знакомыхъ съ дѣломъ. На основаніи таковыхъ данныхъ составлена брошюра при управленіи его сіятельства и напечатана въ небольшомъ числѣ экземпляровъ."

И далѣе:

„Вотъ источники, служившіе основаніемъ при составленіи брошюры, а не какая-то Познанская брошюра, коей существованіе управленію г. главнаго начальника края можетъ быть неизвѣстно и которая *во всякомъ случаѣ* не могла служить руководствомъ для работы, совершенной при управленіи г. главнаго начальника."

Итакъ, въ противность вышеприведенному сообщенію, данныя виленской брошюры заимствованы изъ оффиціальныхъ свѣдѣній, а не изъ „заявленій, „совершенно односторонникъ," идущихъ отъ партизановъ проектированной дороги. Но изъ другой, также „сообщенной" статьи того же оффиціальнаго *Виленскаго Вѣстника* (№ 116) оказывается, что въ брошюру вовсе и не должны были входить оффиціальныя данныя, а нужно было лишь *сгруппировать все то, что говорилось въ пользу предпріятія въ разныхъ поданныхъ запискахъ, статьяхъ и другихъ источникахъ*. Стало-быть и познанская брошюра *могла* послужить источникомъ, чѣмъ она и дѣйствительно послужила (см. послѣдній № *Совр. Лѣт.*, гдѣ въ одномъ изъ петербургскихъ писемъ приведены доказательства этого заимствованія). А между тѣмъ это было скрываемо и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что вмѣстѣ съ публикой была введена въ заблужденіе и администрація, по распоряженію которой напечатано первое изъ двухъ „сообщенныхъ" заявленій *Виленскаго Вѣстника*, гдѣ сказано, что даже существованіе познанской брошюры могло быть неизвѣстно управленію г. главнаго начальника края, и что во всякомъ случаѣ она *не могла служить руководствомъ* для работы исполненной при управленіи г. главнаго начальника.

Мы недоумѣваемъ, какъ редакція *Виленскаго Вѣстника*, печатая второе „сообщеніе," не замѣтила его противорѣчія съ первымъ, и какъ рѣшилась она объявить уже не оффиціально, а оффіозно, отъ своего имени, что проектъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги „не раздѣлялся (то-есть не раздѣлялось мнѣніе о пользѣ его) даже и редакціей брошюры." Чиновники пишутъ иногда не то что̀ думаютъ, а то что̀ имъ прикажутъ писать, отчего написанное и выходитъ такъ часто необдуманнымъ, но на этотъ разъ нельзя не усомниться въ вѣрности словъ *Виленскаго Вѣстника*. Еслибы показаніе его было вѣрно, мы не читали бы на стр. 37 и 38 виленской брошюры, что „нѣтъ надобности говорить какое громадное значеніе въ послѣдствіи получитъ эта дорога" (то-есть Пинская), и что едва ли не этимъ только средствомъ возможно возстановить на прочномъ основаніи какъ финансово-экономическое, такъ во многихъ отношеніяхъ и нравственно-политическое положеніе обѣихъ полосъ западнаго края. Это говоритъ авторъ брошюры отъ себя; этого онъ не заимствовалъ изъ „односторонникъ" заявленій партизановъ дороги. Никто изъ проэкторовъ Пинско-Бѣлостокской линіи не позволялъ себѣ также увѣрять, что она ведетъ въ Либаву. Этого нѣтъ ни въ запискахъ прежнихъ учредителей, прямо говорившихъ о Кенигсбергѣ, ни въ запискахъ теперешняго учредителя князя Витгенштейна. Никто изъ нихъ также не увѣрялъ, что западный край *совершенно умиротворенъ* (стр. 21), а равно никто изъ нихъ не го-

ворилъ противъ объединенія западнаго края съ Россіей *иными искусственными мѣрами* (стр. 46). Изъ сличеній, напечатанныхъ въ послѣднемъ № *Современной Лѣтописи*, видно, что авторъ брошюры вообще передѣлывалъ „совершенно одностороннія“ заявленія партизановъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, придавая этимъ заявленіямъ еще болѣе смѣлую форму. Онъ тутъ оказался *plus royaliste que le roi*, а редакція *Виленскаго Вѣстника* увѣряетъ, что онъ вовсе не раздѣляетъ мнѣнія партизановъ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги! Почтенная редакція сдѣлалась очевидно сама предметомъ той мистификаціи, которая ею отрицается и которая была замѣчена газетами, получающими за то отъ *Виленскаго Вѣстника* отеческія наставленія,—можетъ-быть вполнѣ доброжелательныя, но къ настоящему дѣлу не приложимыя и весьма комическія въ устахъ редакціи, не только попавшей въ разрядъ *des dupes*, но даже до сихъ поръ, какъ видно, этого не замѣчающей.

Едва ли какой вопросъ былъ нашею печатью обработанъ обстоятельнѣе чѣмъ вопросъ о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ. Обращались къ первымъ источникамъ, были собраны подробныя статистическія данныя, вопросъ исчерпанъ до основанія, и даже незрячему стало ясно, что Пинско-Бѣлостокская желѣзная дорога ведетъ не въ Либаву, а въ Кенигсбергъ, что она болѣе въ интересахъ Пруссіи нежели Россіи, что она не соединитъ, а разъединитъ западный край съ центральною Россіей, что она ни мало не облегчитъ заготовленій военнаго министерства, что она будетъ бездоходна, а при нѣкоторомъ улучшеніи водяныхъ путей, безполезна даже и тому краю, по которому пройдетъ, что въ военномъ отношеніи она не нужна, а въ отношеніи экономическомъ отвлечетъ грузы отъ національныхъ портовъ и привлечетъ ихъ къ иностраннымъ. Наши газеты не только раскрыли все это, но и разобрали, какія дороги дѣйствительно полезны западному краю и на какія слѣдуетъ обратить вниманіе. Какже послѣ этого понять слова замѣтки, напечатанныя въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, гдѣ сказано: „къ не„счастію, она (возбужденная полемика) не „указала съ достаточною полнотою того, „что стремилась узнать администрація. На„падки посыпались преимущественно на со„ставителя и на внѣшнюю сторону издан„ной брошюры и весьма слабо коснулись „существа дѣла, внутренняго его содер„жанія.“

Но довольно на этотъ разъ о Пинско-Бѣлостокской желѣзной дорогѣ, тѣмъ болѣе что намъ придется возвратиться къ ней вскорѣ, по поводу напечатанной въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* записки князя Витгенштейна. Послѣдній № *Виленскаго Вѣстника* сообщаетъ интересную новость о принятіи Я. Ѳ. Головацкаго на русскую государственную службу, въ Вильнѣ, для разработки историческихъ памятниковъ мѣстной жизни, и поднимаетъ вопросъ о проведеніи желѣзной дороги изъ западнаго края къ сердцу Россіи, дорогѣ Московско-Смоленско-Пинско-Брестской, составляющей для Россіи первѣйшую необходимость. Недавно мы приводили въ нашей газетѣ замѣчательный циркуляръ главнаго начальника сѣверо-западнаго края о Евреяхъ. Побольше бы такихъ новостей и поменьше проектовъ въ родѣ Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, да такихъ удивительныхъ выходокъ какъ напечатаніе книги о введеніи русскаго языка, заключающей въ себѣ лишь сводъ мнѣній лицъ, говорившихъ противъ этой мѣры,—и общее сочувствіе къ Вильнѣ могло бы только возрастать и укрѣпляться.

№ 227.

Москва, 17-го октября.

Сколько бы ни были важны вопросы возникшіе въ настоящее время въ центрѣ Европы, мы не можемъ исключительно имъ посвящать наше вниманіе. Наше сочувствіе и наши національные интересы, еще болѣе выставляемые на видъ этими грозно возбужденными вопросами, влекутъ насъ къ Востоку, съ которымъ только что соединили насъ новыя узы, бывшія сегодня предметомъ торжественнаго благодаренія въ здѣшней столицѣ. Къ сожалѣнію, наши корреспонденціи съ Востока свидѣтельствуютъ, что Турки не только отвергаютъ совѣты и увѣщанія великихъ державъ, но какъ будто еще поддразниваютъ ихъ, дѣйствуя совершенно наперекоръ ихъ совѣтамъ. Никогда, даже въ самое цвѣтущее время Оттоманской имперіи, Порта не обнаруживала столько упорства, не дѣйствовала такимъ, можно сказать, задорнымъ

образомъ. Она отвѣчала самымъ рѣзкимъ отказомъ на требованіе самое непритязательное и законное—допустить европейскихъ коммиссаровъ къ слѣдствію, которое поручено Аали-пашѣ произвести въ Кандіи. Правда, нельзя было бы многаго ожидать отъ этого слѣдствія, даже еслибъ оно было произведено только европейскими коммиссарами. Было бы ребячествомъ освѣдомляться о желаніяхъ Критянъ, уже такъ энергически ими выраженныхъ. Опытъ съ избыткомъ доказалъ ничтожность всѣхъ этихъ дипломатическихъ съѣздовъ, которые на Востокѣ ведутъ только къ пышнымъ, но безплоднымъ протоколамъ, или къ обѣщаніямъ нарушаемымъ тотчасъ послѣ того какъ они даны. Однако все же такое дипломатическое посредничество имѣло бы по крайней мѣрѣ видъ нѣкотораго покровительства и заступленія за Кандіотовъ, и христіанскимъ державамъ не слѣдовало бы отъ него отказываться, хотя бы для того чтобы дѣйствія Порты подверглись провѣркѣ на мѣстахъ. Державы, подписавшія протоколы 1830 г., въ силу коихъ островъ Кандія былъ условно возвращенъ Туркамъ, имѣли предъ Портой *право*, а предъ христіанами *обязанность* настоять на этомъ. Это право и эта обязанность проистекаютъ изъ исторіи и основаны на трактатахъ. Послѣ войны за независимость Греціи, Турки не покорили Критянъ. Эти послѣдніе энергически требовали присоединенія своего къ новому Эллинскому королевству и держались во всѣхъ укрѣпленныхъ мѣстахъ острова. Вопреки всѣмъ усиліямъ Россіи и Франціи (тогда Франція умѣла цѣнить героизмъ, и не отказывала въ дѣйствительной помощи несчастнымъ жертвамъ мусульманскаго изувѣрства),—вопреки усиліямъ двухъ этихъ державъ, Лондонская конференція рѣшила, что Кандія будетъ возвращена подъ турецкое владычество. Но тѣмъ не менѣе державы подписавшія протоколъ 20-го февраля 1830 года выговорили себѣ формально „право коллективно и отдѣльно пользоваться своимъ вліяніемъ на Порту, если при турецкомъ владычествѣ произойдетъ что-либо безчеловѣчное.“ Мало того, Порта не имѣетъ даже права противиться вмѣшательству, ибо формальнымъ объявленіемъ отъ 9-го сентября 1829 года она обязалась и обѣщала: „согласиться безусловно на всякое рѣшеніе, которое постановитъ Лондонская конференція.“

Только въ силу этихъ рѣшеній и этихъ обезпеченій, Критяне, которые продолжали борьбу еще цѣлый годъ, согласились наконецъ положить оружіе, и мы, Русскіе, не должны упускать изъ виду тотъ достопримѣчательный фактъ, что они только *русскому адмиралу* сдали крѣпость Грабузу, гдѣ они еще держались. И что же? Неужели въ настоящее время достаточно отказа Фуадъ-Паши и нѣсколькихъ лживыхъ обѣщаній Аали-паши, для того чтобы христіанская Европа отступилась отъ права столь неоспоримаго и отказала христіанамъ въ обезпеченіяхъ, столь торжественно имъ обѣщанныхъ? Неужели дерзость Турокъ должна именно теперь выйдти изъ предѣловъ? Между тѣмъ какъ Аали-паша предваряетъ возобновленіе военныхъ дѣйствій жалкою комедіей умиротворенія Крита, его товарищи, въ отвѣтъ на требованіе въ пользу христіанъ серіозныхъ соціальныхъ и административныхъ обезпеченій, отмѣняютъ привилегіи и вольности, которымъ островъ Хіо былъ обязанъ своимъ спокойствіемъ и благоденствіемъ. Этотъ островъ управлялся самъ собою; на немъ не было ни войскъ, ни чиновниковъ мусульманскихъ. Онъ платилъ султану ежегодную дань и даже имѣлъ при Портѣ своего аккредитованнаго полномочнаго. Хіо былъ самымъ цвѣтущимъ островомъ Архипелага. Жители его были счастливы, а ихъ цивилизація, торговля и промышленность сдѣлали замѣчательные успѣхи. Недавно Порта однимъ почеркомъ пера уничтожила независимость, которою они пользовались. На островъ Хіо посланъ коммиссаръ, дабы водворить тамъ нищету и опустошеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что слѣдуетъ и тутъ ввести систему *вилайетовъ*, и излить щедрою рукой благодѣянія гатъ-гумаюна. Почетнѣйшіе изъ жителей, которые хотѣли протестовать противъ этой мѣры, были посажены въ тюрьму и, какъ увѣряютъ, подверглись истязаніямъ.

Очевидно, что Порта не могла бы дѣйствовать съ такою рѣшимостью, еслибы не имѣла причинъ считать соглашеніе между державами призрачнымъ, еслибъ не была увѣрена что кромѣ Россіи всѣ прочія державы неискренни въ своихъ настояніяхъ.

Не все однако можетъ быть объясняемо только изъ дипломатическихъ интригъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ турецкой дерзости, повергающей Болгаръ преданныхъ Россіи въ уныніе, которое въ свою оче-

редь не можетъ не придавать силы помянутымъ интригамъ. Русскій консулъ въ Рущукѣ имѣлъ двоихъ *кавасовъ* изъ христіанъ. Отецъ одного изъ нихъ отправился въ Рущукъ навѣстить своего сына. Это было въ исходѣ мая и въ началѣ іюня, когда Митхадъ-паша пришелъ въ бѣшенство отъ появленія болгарскихъ инсургентовъ. Не довольно было съ него, что онъ повѣсилъ и загубилъ немалое число совершенно невинныхъ людей,—онъ далъ волю Туркамъ и Черкесамъ убивать безъ разбора всякаго попадавшагося имъ навстрѣчу инсургента, такъ что подъ этимъ предлогомъ они перебили много безоружныхъ и невинныхъ путешественниковъ. Въ это время отецъ консульскаго каваса, шестидесятилѣтній старикъ, повидавшись съ своимъ сыномъ, возвращался въ свое село безоружный. На пути онъ повстрѣчался съ тремя Турками, и одинъ изъ нихъ, желая показать другимъ, что можетъ безнаказанно убивать *гяуровъ*, выстрѣлилъ въ него и положилъ его на мѣстѣ. Съ тѣхъ поръ прошло три съ половиной мѣсяца, а убійца Турокъ и до сихъ поръ въ Рущукѣ не отданъ подъ судъ, хотя сынъ убитаго, какъ кавасъ консульства, находится подъ русскимъ покровительствомъ.

Подобные случаи, какъ намъ пишутъ, не рѣдкость: такъ напримѣръ, за нѣсколько дней до убіенія отца консульскаго каваса, турецкія власти въ Ловечѣ арестовали проѣзжавшаго черезъ этотъ городъ Болгарина, русскаго подданнаго, Аѳанасія Гіокова, торговца, человѣка почтеннаго и мирнаго; подъ предлогомъ, будто бы онъ бунтуетъ Болгаръ, его сперва препроводили въ Терновъ, а оттуда въ Рущукъ. Здѣсь его не хотѣли признать русскимъ подданнымъ, на томъ основаніи, что этотъ Болгаринъ имѣлъ турецкую подорожную, хотя извѣстно, что всякій иностранецъ, какъ только прибудетъ въ Турцію, получаетъ турецкое *тескере*, ибо турецкія начальства не отмѣчаютъ иностранныхъ паспортовъ. Несчастный Гіковъ былъ отправленъ подъ стражей опять въ Терновъ, гдѣ онъ цѣлый мѣсяцъ просидѣлъ въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ преступниками; его не отпустили до тѣхъ поръ, пока онъ не израсходовалъ 30.000 піастровъ за свою свободу.

Еще одинъ случай: двое изъ знатныхъ гражданъ въ Виддинѣ, хаджи Цанко и Цане, въ 1864 году, были отправлены въ Константинополь, гдѣ ихъ осудили на заточеніе, только *потому что они посѣщали русское консульство*. И вотъ уже три года какъ они сидятъ въ тюрьмѣ...

№ 228.

Москва, 18-го октября.

А.

Мы печатаемъ сегодня Высочайшій манифестъ возвѣщающій Россіи о вступленіи въ бракъ Государыни Великой Княгини Ольги Константиновны съ Его Величествомъ королемъ Эллиновъ. Въ первый разъ одна изъ дочерей Августѣйшаго Всероссійскаго Дома становится королевою православной страны, гдѣ именно храмъ будетъ болѣе всего напоминать ей о Россіи. Провидѣніе избрало Ея Величество, чтобъ оживить воспоминанія, связующія Россію съ Грецією и утвердить взаимное между ними сочувствіе. Взирая на свою молодую королеву да припомнятъ Эллины о той знаменитой сѣверной императрицѣ, которая въ теченіе двадцати лѣтъ приготовляла дѣло греческой независимости, о тѣхъ двухъ императорахъ, которые достигли того, что эта независимость была признана Европой, и о томъ народѣ, который сначала своими усердными приношеніями, а потомъ кровію послужилъ своимъ греческимъ единовѣрцамъ. Эллинское королевство находится наканунѣ событій, и Русскимъ утѣшительно думать, что нововѣнчанная королева, среди новаго своего отечества, будетъ вѣрнымъ залогомъ и прекраснымъ символомъ живыхъ симпатій къ нему Россіи.

Б.

Гарибальдійская драма быстро близится къ развязкѣ. Вспышка яркая и мгновенная, импровизація исполненная движенія и страсти, но странная и несвязная, и болѣе похожая на безпорядочный сонъ, на игру слишкомъ возбужденнаго воображенія, нежели на дѣйствительное событіе! Почему, однако, именно въ эту пору вдругъ возникъ вопросъ о Римѣ, и неудержимо разыгралось народное движеніе, огласившее Италію крикомъ: *Roma o morte*, Римъ или смерть? Почему теперь, а не нѣсколько прежде или не нѣсколько послѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что Римъ для Италіи есть необходимость, что вопросъ о Римѣ есть для

нея дѣйствительно вопросъ о жизни и смерти. Безъ Рима, Италія не можетъ ощущать себя прочнымъ и живымъ существованіемъ; безъ Рима, единая Италія есть только временное положеніе, подверженное всевозможнымъ случайностямъ и не увѣренное въ завтрашнемъ днѣ. Либо Италія должна пасть, либо она должна получить свою столицу. Но это было также вѣрно вчера, какъ и сегодня: почему же именно сегодня, повторимъ вопросъ, такъ разыгралось италіянское народное движеніе, неудержимо устремившееся къ Риму? Почему не только энтузіасты партіи дѣйствія и герои въ красныхъ рубашкахъ были увлечены этимъ движеніемъ, но и люди политическіе, люди правительства? Что въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ было способнаго воспламенить мысль о Римѣ и внушить даже здравомысленнымъ и опытнымъ въ дѣлахъ умамъ надежды на скорое и успѣшное разрѣшеніе вопроса, сопряженнаго со столькими трудностями? Въ этомъ вопросѣ, послѣ Италіи, особенно заинтересовано правительство той націи, которая имѣла столь могущественное вліяніе на судьбы Италіи въ послѣднее время и подъ давленіемъ которой она теперь находится. Чтобы достигнуть завѣтной цѣли своихъ стремленій, Италія должна разорвать узы, которыми она прикована ко Франціи. Война съ этою державой была бы для Италіи, въ ея нынѣшнемъ положеніи, невозможностію; но узы, которыхъ давленіе она такъ нетерпѣливо чувствуетъ, ослабѣли бы и разрѣшились бы сами собою, еслибъ европейское положеніе Франціи потерпѣло какое-нибудь невыгодное для этой державы измѣненіе. А такое измѣненіе дѣйствительно произошло. Теперь положеніе Франціи далеко не то, чѣмъ оно было назадъ тому лѣтъ десять, когда императоръ Наполеонъ III казался властелиномъ судебъ Европы и принималъ тонъ своего дяди. Въ Италіи и прежде, и болѣе чѣмъ гдѣ-либо было почувно измѣнившееся европейское положеніе ея могущественной союзницы. Новый союзъ, въ который Италія, благодаря послѣднимъ событіямъ, неожиданно вступила, ослабилъ узы, которыми она прикрѣплена ко Франціи. Что еще такъ недавно казалось непреодолимымъ, недоступнымъ, невозможнымъ, теперь предстало италіянскимъ патріотамъ какъ дѣло сбыточное и близкое къ осуществленію. Были ли изъ Берлина поданы какія-либо надежды Италіи, какъ настаиваютъ нѣкоторыя газеты, мы не знаемъ; но сейчасъ полученная изъ Флоренціи телеграмма официально свидѣтельствуетъ, что между обоими кабинетами было по Римскому вопросу соглашеніе. Сильныя возбужденія заключались въ самомъ положеніи дѣлъ, и этими возбужденіями можно было, конечно, пользоваться, употребляя тотъ или другой изъ тысячи способовъ, находящихся въ распоряженіи политики, умѣющей во всему примѣняться и изо всего извлекать для себя подспорье и выгоды. Италіянскіе патріоты были увлечены потокомъ, который, Богъ знаетъ, принесетъ ли ихъ къ Капитолію, но который будетъ сопровождаться многими немаловажными для Европы послѣдствіями. Италіянская кровь пролита, для Италіи возникли новыя затрудненія, ея правительство подвергается кризису, элементы неурядицы и анархіи пріобрѣтутъ быть можетъ новую силу. Но италіянское движеніе, вызвавшее въ Чивита-Веккію французскія войска, принесетъ хорошо разчитанную пользу для берлинской политики. Окажется ли у кормила италіянскихъ дѣлъ другой Кавуръ, который сумѣлъ бы воспользоваться обстоятельствами для самой Италіи и для ней сбереченъ жертвы, которыми воспользуются другіе?

У насъ не рѣдко слышится теперь въ разныхъ кругахъ вопросъ о союзѣ, въ который слѣдовало бы вступить Россіи посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ. Начинаютъ смутно обрисовываться двѣ партіи, изъ коихъ одна стоитъ какъ бы за французскій, другая какъ бы за прусскій союзъ. Союзъ безъ опредѣленной программы, безъ твердо принятаго рѣшенія дѣйствовать въ ясно-сознаваемомъ направленіи, союзъ не разчитанный шагъ въ шагъ и минута въ минуту, есть кабала. Тѣмъ, кто толкуетъ о томъ или другомъ союзѣ, можно напомнить о мудрецѣ древности, который на вопросъ: что требуется для достиженія извѣстной цѣли, исчислилъ много вещей, но къ каждой присовокупилъ какъ непремѣнное дополненіе: „и умъ.“ Въ политикѣ требуется единственно лишь ясное разумѣніе положенія дѣлъ. Ничего нельзя сказать заранѣе противъ или въ пользу какого бы то ни было союза, пока не будетъ сказано, какія цѣли имѣются въ виду. Но союзъ слишкомъ громкое слово. Въ международной сферѣ всякій шагъ имѣетъ значеніе. Искусная политика умѣ-

етъ и безъ формальнаго союза заставить другихъ дѣйствовать заодно съ нею въ тѣхъ вопросахъ, которыми она заинтересована, и искусство заключается въ томъ, чтобы возбудить и усилить въ тѣхъ, кто намъ нуженъ, токъ идей соотвѣтственный нашимъ видамъ. Интрига политическихъ мастеровъ проникаетъ внутрь страны, которую требуется эксплуатировать въ извѣстныхъ видахъ, умѣетъ возбудить въ ней какіе-либо дремлющіе интересы, расшевелить какія-либо симпатіи или антипатіи, поднять на ноги какія-либо имѣющіяся въ ней партіи, которыя могутъ въ данную минуту сообщить такое или другое направленіе ея правительству или ея общественному мнѣнію. Въ настоящее время мы не можемъ не замѣтить усилій направленныхъ къ тому чтобы склонить политику Россіи соотвѣтственно видамъ прусской политики. Дѣйствіе съ этой стороны легко находитъ себѣ пути и элементы для поддержки, и можетъ незамѣтно овладѣть даже зрѣлыми и осмотрительными умами. Мы полагаемъ, что теперь всякое усиленное возбужденіе антипатій ко Франціи было бы подспорьемъ для агитаціи въ прусскомъ смыслѣ. Россія далека отъ заключенія какого-либо съ Франціей союза; хотя нѣтъ сомнѣнія, что изо всѣхъ европейскихъ державъ, при естественномъ и невозмущаемомъ посторонними вліяніями ходѣ дѣлъ, съ Франціей наименѣе могутъ быть у насъ столкновенія въ національныхъ интересахъ. Дѣла осложняются многими элементами, возникающими и изъ общаго положенія Европы, и изъ внутреннихъ ненормальныхъ условій. Во Франціи, къ ея невыгодѣ, есть теперь двѣ политики, которыя между собою разнятся: національная и династическая. Но во всякомъ случаѣ нѣтъ причины не желать добрыхъ, хотя бы далеко не союзныхъ, отношеній между нашимъ отечествомъ и Франціей. Все, что могло бы испортить ихъ, послужило бы непосредственно въ пользу другимъ державамъ, а черезъ то быть-можетъ въ ущербъ постояннымъ и самымъ существеннымъ интересамъ Россіи.

Положеніе нашего отечества благопріятно въ томъ отношеніи, что оно не имѣетъ надобности выходить изъ своихъ предѣловъ для того чтобъ усилить себя. Завоеванія, въ которыхъ Россія нуждается, предстоятъ ей не внѣ, а внутри ея предѣловъ. Чѣмъ болѣе будетъ она становиться Россіей въ своихъ владѣніяхъ, тѣмъ національнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ и благонадежнѣе для всѣхъ великихъ интересовъ европейскаго міра будетъ оказываться ея международное дѣйствіе. При развитіи истинно національной политики внутри, Россія пріобрѣтаетъ ничѣмъ незамѣнимыхъ естественныхъ союзниковъ во многихъ населеніяхъ примыкающихъ къ ней, и только въ ней находящихъ себѣ опору, только на нее возлагающихъ надежды, Россія возвращенная самой себѣ, Россія вполнѣ русская, всегда найдетъ въ этихъ естественно союзныхъ населеніяхъ, сосѣднихъ и родственныхъ ей, силу тѣмъ болѣе надежную, что Россія, понимающая свои истинные интересы и вѣрная себѣ, не можетъ имѣть здѣсь никакихъ властолюбивыхъ видовъ. Ни въ какихъ иныхъ союзахъ Россія не нуждается. Ей только нужно быть русскою и стоять крѣпко на стражѣ, зорко слѣдя за дѣлами и пользуясь всѣмъ что можетъ способствовать ей въ разрѣшеніи ея задачи на Востокѣ, съ которою не соединяется для нея никакихъ вопросовъ властолюбія и въ которой по этому-то самому и заключается ея истинная сила.

№ 229.

Москва, 19-го октября.

Съ каждымъ днемъ, почти можно сказать съ каждымъ часомъ измѣняется положеніе дѣлъ въ Европѣ. Событія слѣдуютъ одно за другимъ съ поразительною быстротой. Въ 24 часа рождаются и приходятъ къ концу громаднаго значенія вопросы, которые въ прежнюю пору не легко давались и воображенію. Дѣйствительность опережаетъ самыя смѣлыя комбинаціи.

Итакъ вопросъ о свѣтской власти папы уже покончен, и италіянскія событія были дѣломъ предусмотрѣннымъ: они входили въ политическій планъ хорошо разчитанный и дѣйствительно, какъ можно было предполагать, находятся въ непосредственной связи съ великими, такъ быстро совершившимися въ Европѣ перемѣнами. Кардиналъ Антонелли, конечно, не ошибался, обращаясь къ Англіи какъ главной виновницѣ событій наносящихъ послѣдній ударъ римской теократіи. Устраняясь повидимому отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла материка и принимая личину полна-

го ко всему равнодушія, политика коварнаго Альбіона вездѣ и во всемъ даетъ чувствовать свою руку. Ея дѣло дѣлала Франція на Востокѣ во время крымской кампаніи; она, оставаясь какъ бы въ сторонѣ, направляла въ своемъ смыслѣ италіянскія дѣла, въ которыхъ повидимому главную роль играла Франція; она успѣла расторгнуть начинавшійся союзъ нашъ съ Франціей въ 1863 году кровавою мистификаціей польскаго вопроса; она же допустила эту новую организацію Германіи, которая такъ глубоко и такъ согласно съ видами англійской политики измѣнила положеніе Европы; ей обязана Франція своею несчастною мексиканскою экспедиціей и ей же обязана своими нынѣшними затрудненіями, посреди которыхъ ей остается только le choix des fautes. Это политическое движеніе, котораго нити главнымъ образомъ сосредоточиваются въ Лондонѣ, нашло себѣ отличнаго пособника на материкѣ въ прусскомъ министрѣ, нынѣ канцлерѣ сѣверо-германской конфедераціи. Послѣднія италіянскія событія обнаружили во всей силѣ банкрутство императорской Франціи. Вотъ положеніе, въ которое приведено это правительство переходившее роковымъ образомъ отъ ошибки къ ошибкѣ; вотъ печальный итогъ всѣхъ его минусовъ! Послѣ мучительныхъ колебаній, французское правительство рѣшилось послать свои войска въ Римъ для поддержанія сентябрьской конвенціи. Утромъ отданъ былъ наконецъ рѣшительный приказъ войскамъ въ Тулонѣ садиться на суда и отправляться къ Чивитта-Веккіи, а черезъ нѣсколько часовъ въ тотъ же самый день король Вильгельмъ въ Берлинѣ, распуская сеймъ германской „имперіи," съ особеннымъ выраженіемъ возвѣстилъ о дружбѣ Пруссіи съ Италіей и о великихъ интересахъ, которые соединяютъ эти двѣ державы. Какъ будто въ Берлинѣ только и ждали того, чтобы Франція отправила свои войска для занятія вѣчнаго города. А между тѣмъ за два дня передъ симъ въ газетахъ служащихъ органомъ графа Бисмарка порицалась опрометчивость италіянскихъ патріотовъ и поощрялось французское правительство къ настойчивому соблюденію сентябрьской конвенціи, которою ограждается свѣтская власть римскаго первосвященника. Италіянское правительство казалось потеряннымъ и не знало что дѣлать; строгій, почти повелительный тонъ, переходившій въ угрозы, какимъ говорилъ, обращаясь къ нему, Парижскій кабинетъ, казалось, приводилъ его въ смущеніе и трепетъ; пало министерство Ратацци, пало, не успѣвъ сформироваться, министерство Чальдини и едва составилось наконецъ нынѣшнее министерство Менабрея: три министерства на одной недѣлѣ! Но какъ только французское судно пристало къ берегамъ Италіи, вдругъ все измѣнилось, и италіянское правительство возымѣло способность къ энергическимъ рѣшеніямъ. Оно предписало войскамъ своимъ немедленно вступить въ Папскую область, гдѣ Гарибальди стоялъ уже подъ стѣнами Рима. Италіянскій герой высланный на свой островокъ подъ надзоръ полиціи обманулъ ея бдительность и бѣжалъ не куда-либо, а прямо во Флоренцію, гдѣ открыто обращался къ народу съ своими воспламеняющими рѣчами и потомъ очутился въ церковныхъ владѣніяхъ, разбилъ папскихъ зуавовъ и подошелъ къ Риму, прежде чѣмъ французскія войска успѣли высадиться. И вотъ теперь телеграфъ изъ Флоренціи извѣщаетъ насъ, что Гарибальди во главѣ 22 батальоновъ волонтеровъ соединился съ королевскими войсками. Телеграмма нашего корреспондента изъ Парижа, сообщающая изъ вѣрныхъ источниковъ о послѣднемъ рѣшеніи, которое принято правительствомъ императора Наполеона, дорисовываетъ образовавшееся положеніе дѣлъ. Какъ можно было предвидѣть, французское правительство въ послѣдней крайности прибѣгаетъ къ посредству Европы, съ тѣмъ чтобы сложить съ себя отвѣтственность за дальнѣйшія судьбы Рима и свѣтской власти папы. Императоръ Наполеонъ отказывается отъ вмѣшательства, на другой день послѣ того какъ войска его вступили на чужую почву. Приказъ и отказъ, и снова приказъ и отказъ. Но возметея ли Европа рѣшать вопросъ, который передается на ея судъ, изъявятъ ли державы согласіе принять участіе въ конференціи? Если нѣтъ, то папская власть падаетъ сама собою ибо Франція, сложивъ съ себя всякую отвѣтственность, не будетъ уже считать себя обязанною защищать и поддерживать ее и воевать за нее съ Италіей.

Нельзя будетъ не радоваться, если дѣла придутъ наконецъ къ этому исходу, который давно требуется истиннымъ прогрессомъ христіанскаго міра и если представляется неожиданнымъ, то лишь потому,

что съ этимъ признакомъ обыкновенно является на свѣтъ все великое. Такъ какъ послѣднее изъ извѣстныхъ намъ рѣшеній Тюльерійскаго кабинета принято въ бытность Австрійскаго императора въ Парижѣ, то можно предполагать, что свѣтская власть папы не найдетъ себѣ поддержки и въ Австріи. Быстрая развязка дѣла должна быть всего болѣе желательна самой Франціи, чтобы не совсѣмъ испортились ея отношенія къ Италіи. Эти отношенія уже измѣнились. Хотя Франція и уклоняется отъ вмѣшательства на свою руку въ роковое дѣло папы Пія IX, но на дружбу Италіи она уже не можетъ попрежнему полагаться, какъ не можетъ разчитывать теперь и на южно-германскія государства, гдѣ, не безъ вліянія конечно новѣйшихъ событій, парламентъ за парламентомъ высказывается въ пользу тѣснѣйшаго соединенія съ Пруссіей. Ходъ событій упреждаетъ разчеты тюльерійской политики. Если Франція будетъ держаться своей теперешней системы дѣйствій, то рано или поздно то же самое, можетъ-быть съ такою же неожиданностью, должно оказаться и въ Австріи: тамошніе нѣмецкіе элементы сходятся съ Венгріей въ стремленіяхъ, несравненно благопріятнѣйшихъ для Пруссіи чѣмъ для Франціи, и эти стремленія, какъ видно, готова поощрять Англія. Сближеніе кабинетовъ Парижскаго и Вѣнскаго не можетъ противодѣйствовать тому; имъ ускорится осуществленіе не французской, а англійской программы на Востокѣ, въ ущербъ не одной Россіи, но и Франціи, которая снизойдетъ совсѣмъ на степень второстепенной державы, когда очутится разомъ противъ Пруссіи, первенствующей въ Германіи и Австріи, распространившейся на Востокѣ. Остановится ли вовремя Франція на этомъ пути, ведущемъ ее отъ пораженія къ пораженію?

Политическая система маркиза Мутье потерпѣла заслуженное крушеніе. Справедливость требуетъ однакоже признать, что вина за совершающіяся надъ Франціей событія не можетъ быть возложена исключительно на французскихъ политиковъ. Только Россія въ силахъ поправить положеніе дѣлъ, и только идя рука-объ-руку съ Россіей Франція можетъ держаться своей національной политики. Въ послѣдніе годы мы не разъ указывали на эту очевидную истину.

№ 230.

Москва, 20-го октября.

Слишкомъ четыре столѣтія протекли съ тѣхъ поръ какъ Азія въ послѣдній разъ ринула на Европу дѣтей своихъ пустынь, и мусульманская орда воцарилась надъ христіанскими народами въ одной изъ самыхъ благословенныхъ странъ историческаго міра, столь дорогой по своимъ воспоминаніямъ для человѣчества. Весь міръ съ тѣхъ поръ измѣнился; христіанская цивилизація возобладала повсюду на земномъ шарѣ; нѣтъ могущества, которое могло бы противустать ей; ежедневно совершаетъ она новыя завоеванія, покоряя себѣ и силы природы, и одичалыя, отторгшіяся отъ человѣчества вѣтви его. И что же? Османская орда, немощная, неспособная къ жизни, не имѣющая будущности, продолжаетъ попрежнему подавлять и срамить своимъ господствомъ христіанскіе народы посреди столь могущественной христіанской Европы. Напрасны ихъ усилія разорвать свои оковы: роковая необходимость каждый разъ повергаетъ ихъ во прахъ. Напрасно могущественныя націи Европы протестуютъ въ ихъ пользу: самыя могущественныя оказываются безсильными, и дорого платятся за попытку дѣятельно помочь этимъ бѣдствующимъ христіанскимъ населеніямъ. Чѣмъ несостоятельнѣе является это одряхлѣвшее мусульманское царство посреди Европы, тѣмъ болѣе повидимому обезпечивается его существованіе; чѣмъ рѣзче противорѣчитъ оно всѣмъ требованіямъ цивилизованнаго христіанскаго міра, тѣмъ бо́льшимъ окружается оно уваженіемъ. Будучи отрицаніемъ всякаго права и всякаго начала гражданственности, оно само возводится въ силу великаго международнаго права и облекается въ достоинство священнаго принципа. Падаютъ славныя династіи, рушатся государства, возникаютъ новыя, измѣняется въ основахъ своихъ система европейскаго равновѣсія, измѣняются условія политическаго быта народовъ, упраздняются во имя высшихъ требованій самыя несомнѣнныя права; но Османская имперія свято ограждается въ своей неприкосновенности. Христіанскія державы обнажали мечъ и жертвовали своею лучшею кровью для ея поддержанія и для подавленія подвластныхъ ей христіанскихъ народовъ. Поразительная аномалія, безпримѣрный скандалъ!

Благодаря обязательной благосклонности его сіятельства, государственнаго канцлера, мы имѣемъ возможность сегодня сообщить публикѣ изъ первыхъ рукъ два документа особенной важности, относящіеся къ восточному вопросу. Четыре державы, благодаря усиліямъ императорскаго правительства, соединились наконецъ въ общемъ заявленіи, съ которымъ и обратились къ Портѣ. Россія, Франція, Италія и Пруссія, то-есть всѣ великія державы, за исключеніемъ Англіи и Австріи, рѣшились сказать Портѣ свое общее и послѣднее слово. Декларація, которую печатаемъ мы и въ подлинномъ французскомъ текстѣ, и въ русскомъ переводѣ, уже передана Портѣ. Сегодняшняя константинопольская телеграмма, извѣщающая о депешѣ полученной отъ имени четырехъ державъ оттоманскимъ правительствомъ, разумѣетъ, безъ сомнѣнія, эту декларацію, которая не можетъ не произвести впечатлѣнія на султана и его совѣтниковъ. Сила этого акта заключается именно въ томъ, что подписавшіяся подъ нимъ державы отрекаются отъ всякой солидарности съ оттоманскимъ правительствомъ, отъ всякой отвѣтственности за него, и оставляютъ его наединѣ съ подвластными ему народами. Въ этомъ актѣ впервые поставлено по отношенію къ Турціи начало невмѣшательства. Вотъ въ чемъ тайна мусульманскаго владычества посреди Европы надъ христіанскими племенами; Турція обязана продолженіемъ своего бытія единственно вмѣшательству европейскихъ державъ, прямому или косвенному, въ ея дѣла; христіанскіе народы, стенающіе подъ ея гнетомъ, обязаны своими страданіями и рабствомъ соперничеству христіанскихъ державъ. Предоставленное собственнымъ судьбамъ, мусульманское владычество не могло бы держаться доселѣ, и давно бы пало подъ ударами порабощенныхъ имъ народовъ.

Тонъ и сила декларація свидѣтельствуютъ о важности кризиса, наступившаго, наконецъ, для оттоманскаго владычества. Что касается до христіанскихъ населеній Турціи, то этотъ актъ есть какъ бы первое европейское признаніе за ними свободы дѣйствій. Самое дѣятельное и горячее участіе въ судьбѣ этихъ населеній могло придти только къ тому, что европейскія державы, и то не всѣ, отреклись отъ вмѣшательства, направленнаго прямо или косвенно къ ихъ подавленію.

Дай Богъ чтобы всѣ подписавшія этотъ актъ правительства поступили въ этомъ случаѣ съ полною искренностью, какъ Россія. Трудно защититься отъ сомнѣній, особенно въ виду тѣхъ другихъ державъ, которыя устранились отъ этого совокупнаго акта. Требуется вся зоркость и мудрость Императорскаго кабинета, чтобы при данныхъ обстоятельствахъ Россія не оказалась изолированною, къ чему несомнѣнно клонятся замыслы ея враговъ.

Европейская Турція вся теперь въ броженіи; все въ ней напряжено, все ожидаетъ событій. Объ стороны чуютъ приближеніе рѣшительнаго мгновенія. Восточный вопросъ, такъ долго тяготѣвшій надъ Европой, дѣйствительно близится наконецъ къ разрѣшенію. Неизбѣжное должно совершиться. Дай Богъ, чтобы катастрофа была непродолжительна, благополучна въ своемъ исходѣ, и сколь можно менѣе прискорбна для человѣчества въ своемъ развитіи. Послѣдствія ея будутъ громадны и неисчислимы. Не можетъ быть, чтобы порабощеніе, въ которомъ находятся христіанскіе народы Востока, чтобы варварство и запустѣніе, властвующія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ родилось европейское образованіе и установились основы христіанской церкви, чтобъ это зло не отзывалось на судьбахъ міра и не было виной многихъ прискорбныхъ недочетовъ въ общемъ ходѣ дѣлъ. Освобожденіе этихъ подавленныхъ христіанскихъ силъ Востока не можетъ не имѣть всемірнаго значенія; оно должно внести въ міръ новыя стихіи, новыя творческія движенія. Многія неясности исчезнутъ, многое фальшивое упразднится, многое окажется напрасным и смѣнится съ очереди, многое вступитъ въ дѣйствіе въ жизни народовъ и между народами. Европейская система восполнится и получитъ быть-можетъ лучшія и болѣе прочныя основы для своего равновѣсія, и во всякомъ случаѣ надъ ней перестала бы тяготѣть фальшивая необходимость, вносящая во всѣ отправленія ея жизни неправильность, смуту и противорѣчія.

Мыслящая Россія оцѣнитъ этотъ важный актъ, плодъ усилій Императорскаго кабинета, столь неуклонныхъ и энергическихъ, столь высокобезкорыстныхъ и въ то же время столь соотвѣтственныхъ всѣмъ завѣтамъ нашего прошедшаго, всѣмъ требованіямъ нашего будущаго. Циркуляръ Императорскаго кабинета къ представите-

лямъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, которымъ сопровождается этотъ документъ, ставитъ насъ на высоту великаго вопроса и въ выразительныхъ чертахъ характеризуетъ достойное положеніе принятое въ немъ Россіей. Да успокоитъ и ободритъ нашихъ братьевъ, христіанъ на Востокѣ, это слово самообладающей силы и твердой рѣшимости, которое такъ убѣдительно свидѣтельствуетъ имъ, что они не забыты Россіей!

№ 231.

Москва, 21-го октября.

Мы обѣщали поговорить обстоятельнѣе о запискѣ князя Витгенштейна или лучше о выдержкѣ изъ нея, появившейся недавно въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и знакомящей публику съ его ходатайствомъ о концессіи на Пинско-Бѣлостокскую желѣзную дорогу. Эта дорога въ послѣднее время такъ усердно обсуждалась нашими газетами, что было бы совершенно излишнимъ еще разъ повторять сказанное и приводить статистическія данныя, доказывающія съ такою ясностью ненадобность и даже вредъ этой дороги. Но возбужденное помянутой запиской дѣло имѣетъ серіозный формальный интересъ; имъ характеризуется положеніе вещей, и прочтя записку князя Витгенштейна, мы еще менѣе чѣмъ прежде расположены согласиться съ *Виленскимъ Вѣстникомъ*, что печать должна была обращать больше вниманія на сущность проекта Пинско-Бѣлостокской желѣзной дороги, нежели на способъ его защиты въ виленской брошюрѣ и въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ. Теперь оказывается, что сторонніе защитники этого предпріятія обнаружили гораздо болѣе слѣпой ревности чѣмъ учредитель его; они старались отрицать связь проекта съ прежнимъ проектомъ Литовской дороги, чего князь Витгенштейнъ, разумѣется, не отрицаетъ; они старались убѣдить публику въ важности проектируемой дороги для Либавскаго порта, между тѣмъ какъ князь Витгенштейнъ указываетъ на ея отношеніе къ порту кенигсбергскому. Далѣе князь Витгенштейнъ, въ запискѣ своей, отстаиваетъ не одну Пинско-Бѣлостокскую желѣзную дорогу; еще болѣе и еще сильнѣе говоритъ онъ въ пользу дороги Московско-Брестской, и хотя ходатайствуетъ о дарованіи концессіи на Пинско-Бѣлостокскую желѣзную дорогу, какъ на предпріятіе ему сподручное, но самъ признаетъ, что эта дорога не принесетъ государству пользы иначе какъ въ соединеніи съ цѣлою системой другихъ дорогъ. Если же Пинско-Бѣлостокская дорога не можетъ быть полезна безъ Московско-Брестской, а наоборотъ Московско-Брестская будетъ имѣть и безъ Пинско-Бѣлостокской огромное значеніе, то ясное дѣло какой изъ этихъ двухъ рекомендуемыхъ княземъ Витгенштейномъ дорогъ слѣдуетъ дать первенство въ порядкѣ сооруженія. Практическій вопросъ такимъ образомъ въ сущности разрѣшается. Приступить слѣдуетъ и приступить немедленно къ построенію линіи Московско-Брестской. Это прямо выходитъ изо всего того, что князь Витгенштейнъ говоритъ о желѣзныхъ дорогахъ западнаго края. Было бы странно пенять на крупнаго землевладѣльца за то, что онъ желаетъ желѣзной дороги для своей мѣстности; пенять можно было бы на князя Витгенштейна, еслибъ онъ старался поставить мѣстный интересъ выше общаго государственнаго и доказывалъ напримѣръ, что Пинско-Бѣлостокская дорога нужнѣе Московско-Брестской. Но этого онъ не дѣлаетъ какъ не утверждаетъ и того, что Пинско-Бѣлостокская линія ведетъ не въ Кенигсбергъ, а въ Либаву. Еслибы также поступали и другіе защитники его проекта, то желаніе *Виленскаго Вѣстника* легко могло бы исполниться, и полемика могла бы ограничиться разсмотрѣніемъ доходовъ, выставляемыхъ въ пользу проекта. Съ княземъ Витгенштейномъ можно вести правильныя пренія о существѣ дѣла, чего нельзя было съ людьми, не предполагающими человѣческой логики въ своихъ читателяхъ.

Мы не согласны впрочемъ съ княземъ Витгенштейномъ, чтобы Пинско-Бѣлостокская желѣзная дорога могла имѣть сколько-нибудь серіозное общее значеніе даже и въ связи съ тою системой желѣзныхъ дорогъ, которыми онъ окружаетъ ее въ своемъ проектѣ. Эти дороги, по его предположенію, должны идти изъ Пинска съ одной стороны на Брестъ-Литовскъ, съ другой на Бобруйскъ и Смоленскъ, кромѣ того на Дубровицы, Корецъ и Житоміръ, для соединенія съ Кіево-Одесскою дорогой, и наконецъ, изъ Дубровицъ черезъ Луцкъ по направленію къ Львову. Такимъ обра-

зомъ, испрашивая концессію на линію имѣющую 294 версты протяженія, князь Витгенштейнъ разсматриваетъ значеніе этой линіи *въ предположеніи, что вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ построено около 1.500 верстъ желѣзнаго пути въ другихъ направленіяхъ*. Тогда, говоритъ онъ, Пинско-Бѣлостокская дорога будетъ кратчайшимъ путемъ между Одессой и балтійскими портами. Между тѣмъ какъ отъ Одессы черезъ Кіевъ, Курскъ и Москву въ Петербургъ 2.173 версты, отъ Одессы черезъ Бердичевъ и Пинскъ въ Петербургъ было бы 1.941 верста, такъ что если проложить дорогу чрезъ Пинскъ, то разстояніе отъ Одессы до Петербурга сократится на 234 версты. По такимъ же разчетамъ разстояніе отъ Одессы до Риги сократится на 503 версты. Таковы цифры, которымъ князь Витгенштейнъ придаетъ большое значеніе. Но этими цифрами доказывается еще очень мало. Сокращеніе пути на 234 и 503 дѣло хорошее только въ томъ случаѣ, если заботясь о немъ, мы не упустимъ возможности сокращенія еще бо́льшаго. Имѣя въ виду кратчайшее сообщеніе между Чернымъ моремъ *и нашими* балтійскими портами, нѣтъ никакой надобности вести линію изъ Пинска на Бѣлостокъ. Прямымъ путемъ отъ Пинска до Вильны 270 верстъ, а отъ Пинска черезъ Бѣлостокъ на Вильну 490; между тѣмъ указываемый княземъ Витгенштейномъ *кратчайшій* путь изъ Одессы въ Петербургъ и Ригу идетъ на Вильну. Не выгоднѣе ли было бы для этой цѣли вести изъ Пинска линію на Вильну, тѣмъ болѣе, что эта линія, на значительной части своего протяженія, могла бы служить и для сообщенія Брестъ-Литовска съ Смоленскомъ и Москвой? Тогда было бы достигнуто сокращеніе не только пути между Одессой и нашими балтійскими портами, но и расходовъ на сооруженіе сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Отъ Пинска чрезъ Бѣлостокъ до Вильны было бы 490 верстъ и потребовалось бы построить 294 версты новой желѣзной дороги. Между тѣмъ отъ Пинска на Минскъ и Вильну было бы 350 верстъ, слѣдовательно даже самому Пинску было бы лучше при дорогѣ изъ Пинска на Вильну, потому что онъ приближался бы тогда къ каждому изъ нашихъ балтійскихъ портовъ, и къ Петербургу, и къ Ригѣ, и къ Либавѣ на 140 верстъ (36 коп. сбереженія съ четверти пшеницы), но въ то же время участокъ отъ Пинска до Минска былъ бы однимъ изъ участковъ дороги Брестско-Московской, а участокъ отъ Минска до Вильны—однимъ изъ участковъ дороги изъ Либавы въ Бобруйскъ и далѣе внутрь Россіи. Такимъ образомъ интересъ самого Пинска требуетъ желѣзной дороги не на Бѣлостокъ, а на Вильну, и совершенно совпадаетъ съ общими интересами государства. Остается Бѣловѣжская пуща, эксплуатація которой была такъ заманчиво разрисована въ бывшемъ проектѣ Литовской дороги. Но можно ли строить желѣзную дорогу въ 300 верстъ, чтобъ облегчить вырубку казеннаго лѣса? Впрочемъ еще вопросъ, слѣдуетъ ли давать топору волю въ Бѣловѣжской пущѣ. То что происходило тамъ 7—8 лѣтъ тому назадъ, побуждаетъ напротивъ желать, чтобы дорога чрезъ Бѣловѣжскую пущу не строилась, особенно если тогдашніе авантюристы принимаютъ живой интересъ въ построеніи этой дороги.

На недоразумѣніи основанъ и дѣлаемый княземъ Витгенштейномъ экономическій разчетъ выгодъ, которыя можетъ доставить Бѣлостоко-Дубровицкая желѣзная дорога. Среднія цѣны, говоритъ князь Витгенштейнъ, за 1862, 1863 и 1864 годы на четверть пшеницы были:

По Рижскому и Либавскому портамъ	10 р. 93 к.
По Одесскому порту.	7 „ 33 „
Разность. .	3 р. 60 к.

Онъ продолжаетъ:

„Принимая разстояніе между Одессой и Ригой или, что то же, Либавой черезъ Пинскъ въ 1.648 верстъ, а за провозъ пшеницы съ пуда и съ версты $^1/_{10}$ коп., со скидкой 15%, такъ какъ товаръ провозится на разстояніе больше 500 верстъ и полагая четверть пшеницы въ 10 пудовъ вѣсомъ, подучимъ: $1648 \times 0{,}25 - 412 \times 0{,}15 = 3$ руб. 50 коп.“

Выходитъ, что когда Пинско-Дубровицкая желѣзная дорога соединится съ Кіево-Одесскою, о чемъ теперь нѣтъ еще и рѣчи, производителямъ будетъ все равно сбывать свой хлѣбъ въ Одессѣ, или въ Либавѣ. Положимъ, что это осуществилось, что построено нѣсколько сотъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, на югъ отъ Дубровицъ, но и тогда условія сбыта еще улучшились бы, еслибы желѣзная дорога была проведена изъ Пинска не на Бѣлостокъ, а какъ сказано выше, на Минскъ и Вильну. Вмѣ-

сто 1.648 верстъ пути было бы тогда 1.500 верстъ и провозъ четверти пшеницы обошелся бы не въ 3 р. 50 к., а въ 3 руб. 45 коп. Впрочемъ все это вопросы отдаленнаго будущаго. Покамѣсть дорога изъ Дубровицъ въ Бѣлостокъ могла бы имѣть значеніе лишь какъ одна изъ боковыхъ вѣтвей Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, съ чѣмъ соглашается и князь Витгенштейнъ. Онъ приводитъ въ примѣръ выгодности подобныхъ вѣтвей Рижско-Динабургскую желѣзную дорогу. По его словамъ, правительство приплачиваетъ по Рижской дорогѣ ежегодной гарантіи свыше 300.000 р., но такъ какъ въ 1865 г. съ этой дороги на Петербурго-Варшавскую *и обратно* перешло 28,939 пассажировъ и 2.641.700 пуд. клади, отчего Петербурго-Варшавская выиграла 331.283 руб., то стало-быть правительство заплатило на эту сумму менѣе изъ причитавшейся гарантіи Петербурго-Варшавской линіи. Но вопервыхъ comparaison n'est pas raison, вовторыхъ иные переходящіе пассажиры и грузы дѣлаютъ лишь весьма малый перевѣдъ по той дорогѣ, съ которой переходятъ, втретьихъ обратные переходы значатся въ этомъ разчетѣ *вдвойнѣ*, а вчетвертыхъ значительная часть изъ приведеннаго итога пассажировъ и грузовъ попала бы на Петербурго-Варшавскую желѣзную дорогу и въ томъ случаѣ, еслибы Рижско-Динабургской желѣзной дороги вовсе не было. Впрочемъ, какъ сказано, князь Витгенштейнъ очевидно сознаетъ слабость экономическихъ доводовъ въ пользу проектированной имъ желѣзной дороги. Онъ самъ не придаетъ большаго экономическаго значенія линіи, которую имѣетъ въ виду строить; онъ указываетъ „какъ вѣрноподданный Государя, на неотлагательную необходимость „сооруженія этого желѣзнаго пути: *въ интересахъ самого правительства почечно, „наиболѣе въ смыслѣ военномъ, для усиленія нашей обороны со стороны западной Европы.*“ Но тутъ къ сожалѣнію мы еще менѣе видимъ возможности согласиться съ княземъ Витгенштейномъ.

Бѣлостоко-Дубровицкая желѣзная дорога, проходя между двумя передовыми пунктами Полѣсья, соединила бы театры военныхъ дѣйствій въ сѣверо и юго-западномъ краѣ весьма не выгодно и въ военномъ отношеніи. Соединеніе названныхъ театровъ полезно, но соединительная вѣтвь должна пройдти черезъ пункты, расположенные *въ тылу* вѣроятныхъ военныхъ дѣйствій. Петербурго-Варшавская желѣзная дорога потому и не надежна въ военномъ отношеніи, что часть ея между Гроднымъ и станціей Лапами, на пространствѣ 100 верстъ, проходитъ параллельно къ границѣ, въ такомъ незначительномъ отъ нея разстояніи, что прежде начала военныхъ дѣйствій, сообщеніе по ней можетъ быть легко прервано партизанскими отрядами. Самъ князь Витгенштейнъ говоритъ объ этомъ участкѣ желѣзной дороги слѣдующее:

„Невозможно не замѣтить весьма важнаго недостатка этой длинной рельсовой линіи, направляющейся отъ нашей сѣверной столицы въ центральную часть Царства Польскаго, именно того, что она подходя, на протяженіи отъ Гродна до Бѣлостока, на близкое разстояніе къ прусской границѣ, могла быть подвержена непріятельскому нападенію отъ города Лыка, къ которому уже строится и скоро будетъ окончена желѣзная дорога отъ Кенигсберга чрезъ крѣпость Летценъ. Пруссакамъ предстояли бы два усиленные перехода отъ своей границы, чтобы достигнуть Гродна или станціи Лапы и, испортивъ мосты на Нѣманѣ и Наревѣ, прервать наше сообщеніе посредствомъ желѣзной дороги съ Царствомъ Польскимъ. Въ особенности было бы трудно скоро исправить металлическій мостъ въ Гроднѣ,, имѣющій высоты 15,86 саженъ надъ поверхностью воды.

Какъ же въ виду этихъ словъ признать стратегически-выгоднымъ узломъ соединительной вѣтви желѣзной дороги изъ юго-западнаго края въ сѣверо-западный, Бѣлостокъ, пунктъ расположенный именно на этомъ столь невыгодномъ участкѣ С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги? Если теперь съ порчей желѣзной дороги между Гроднымъ и Лапами прерывается сообщеніе по Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, то тогда уничтожатся кромѣ того и всѣ плоды отъ проведенія соединительной вѣтви. Если военныя дѣйствія будутъ происходить только въ Царствѣ Польскомъ, то въ Пинско-Бѣлостокской и Пинско-Дубровицкой желѣзныхъ дорогахъ нѣтъ никакой надобности. Царство Польское только тогда будетъ представлять надежный театръ военныхъ дѣйствій, когда желѣзная дорога соединитъ его непосредственно съ центромъ Имперіи.

Для Царства Польскаго нужна одна дорога: изъ Бреста черезъ Смоленскъ въ Москву, — та дорога, важность которой убѣдительно показывается княземъ Витгенштейномъ и вполнѣ признается органомъ нашего военнаго вѣдомства *Русскимъ Инвалидомъ*. При этой дорогѣ Царство Польское становится весьма сильнымъ театромъ военныхъ дѣйствій, а тамошнія крѣпости пріобрѣтаютъ способность ограждать весь сѣверо-западный край, но Пинско-Бѣлостокская дорога здѣсь ни причемъ. Если же мы будемъ вести оборонительную войну одновременно и въ Царствѣ Польскомъ и въ сѣверо-западномъ краѣ, то сверхъ того необходимо еще и непосредственное соединеніе сѣверо-западнаго края съ центральною Россіей. Въ этомъ случаѣ, буде желѣзная дорога изъ Смоленска въ Брестъ пройдетъ черезъ Оршу и Минскъ, нужна соединительная вѣтвь отъ Вильны къ Минску, буде же она пройдетъ черезъ Могилевъ и Бобруйскъ, нужна гораздо болѣе длинная дорога изъ Вильны черезъ Минскъ къ Бобруйску. Опять и въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ дорогѣ изъ Пинска въ Бѣлостокъ. О ней органъ военнаго министерства даетъ слѣдующій отзывъ:

„Въ военномъ отношеніи, значеніе Пинско-Бѣлостокской дороги представляется ничтожнымъ. Полѣсье не можетъ служить театромъ большихъ операцій; самое большое, что въ немъ будутъ происходить мелкія партизанскія дѣйствія. Сосредоточивать тамъ многочисленную армію для дебушированія изъ болотъ никому не придетъ въ голову, какъ будетъ нелѣпостью и отступать туда съ большою арміею. Обширныя военныя операціи могутъ происходить впереди Полѣсья, то-есть въ Царствѣ Польскомъ или къ сѣверу, либо къ югу отъ Полѣсья. Для наибольшаго обезпеченія дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ нужна дорога не отъ Пинска на Бѣлостокъ, а изнутри Россіи черезъ Бобруйскъ или Минскъ, къ Бресту. Для связи же въ дѣйствіяхъ между сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ театрами желательно, конечно, имѣть соединительные пути, но не черезъ Пинскъ, а скорѣе черезъ Слуцкъ или Бобруйскъ или Мозырь. Соединительный путь намъ въ особенности можетъ быть важенъ въ случаѣ потери сообщеній черезъ Брестъ. Коль скоро мы допускаемъ, что Брестъ уже потерянъ, мы не можемъ представлять себѣ нашу армію отсиживающеюся подъ Пинскомъ (котораго, не удержавшись въ Брестѣ, она уже не въ состояніи будетъ удерживать), а должны предполагать ее гдѣ-нибудь ближе къ Березинѣ и Днѣпру, ближе къ источникамъ своихъ силъ.“

Князь Витгенштейнъ весьма много говоритъ о Смоленско-Брестской желѣзной дорогѣ и дѣйствительно важность ея несомнѣнна. Это вопросъ рѣшенный. Но какое отношеніе имѣетъ эта дорога къ Пинско-Дубровицкой? Первая столько же необходима для обороны нашей западной границы, сколько вторая безполезна. Сдѣлать центральнымъ пунктомъ нашей оборонительной системы Пинскъ, расположенный въ глубинѣ неприступныхъ болотъ, и построить отъ Пинска желѣзныя дороги къ Бѣлостоку и Львову, было бы до крайности странно. Главная услуга желѣзной дороги въ военное время заключается въ подвозахъ, которые она доставляетъ арміи, всѣ же военно-оперативныя движенія, какъ и въ прежнее время, совершаются и будутъ совершаться по обыкновеннымъ дорогамъ. Сосредоточить наши силы въ Пинскѣ, центрѣ бездорожья, окруженномъ непроходимыми болотами, значитъ лишить ихъ возможности дѣйствовать, значитъ добровольно вовлечь ихъ въ такую трущобу, куда не могъ бы ихъ загнать цѣлый рядъ непріятельскихъ пораженій. Окрестности Пинска совершенно непроизводительны; не только каждый кусокъ хлѣба, но чуть ли не каждый возъ соломы, потребный для войска, необходимо будетъ доставлять туда изнутри Россіи. Полководецъ старается, предъ началомъ военныхъ дѣйствій, поставить свои войска въ выгодное положеніе и удержать за ними свободу дѣйствій во всѣхъ направленіяхъ, а не загонять ихъ, безъ всякой надобности, въ болота. Сколько намъ извѣстно, до сего времени даже повстанскія шайки, за исключеніемъ одной, признавали невозможность военныхъ дѣйствій въ Полѣсьи.

№ 232.

Москва, 23-го октября.

Въ *Рижской Газетѣ* напечатаны (№№ 239 и 241) одно за другимъ два объясненія о томъ, что московскія газеты заблуждаются, полагая, будто нѣкоторыя статьи

ея о введеніи русскаго языка въ балтійское дѣлопроизводство, и особенно статья въ № 229, внушены мѣстною администраціей и вообще имѣютъ официозный характеръ. Статьи эти, какъ она утверждаетъ, составлены въ самой редакціи и высказанныя въ нихъ мнѣнія лишь случайно совпали со взглядами „власть имущихъ (maassgebend) сферъ". „Взгляды здѣшнихъ органовъ правительства, говоритъ *Рижская Газета*, мы лучше знаемъ и цѣнимъ чѣмъ въ Москвѣ, гдѣ осмѣливаются сочинять эти взгляды, но отсюда еще не дозволительно дѣлать выводы объ источникѣ нашихъ замѣчаній." Такъ говоритъ *Рижская Газета*. Опровергая повидимому наши показанія объ официозномъ характерѣ помянутыхъ статей, основанныя на ея же собственныхъ выраженіяхъ, она сама подтверждаетъ, что эти статьи совпадаютъ съ официальнымъ взглядомъ; точно также, какъ подъ предлогомъ прекращенія полемики, она продолжаетъ попрежнему вести полемику противъ признанныхъ правительствомъ государственныхъ интересовъ. Называть свои статьи официозными она не позволяетъ; однакожъ онѣ проводятъ взгляды мѣстныхъ органовъ правительства: на это она считаетъ нужнымъ весьма ясно намекнуть даже въ томъ опроверженіи, котораго насъ удостоиваетъ. Итакъ, мы нимало не ошиблись. Да намъ и нельзя было на этотъ разъ ошибиться по причинѣ весьма простой: въ статьѣ, о которой шла рѣчь, *Рижская Газета* говорила *отъ имени* мѣстныхъ органовъ правительства. Нѣтъ никакого интереса знать, случайно или не случайно совпадаютъ мнѣнія *Рижской Газеты* со взглядами мѣстныхъ органовъ администраціи. Важно то, что они совпали въ порицаніи правительственной мѣры, предложенной въ балтійскомъ краѣ къ исполненію, и еще важнѣе что объ этомъ совпаденіи заявлено балтійскимъ населеніямъ, а слѣдовательно и всѣмъ тѣмъ мѣстамъ и лицамъ, которымъ предстояло исполнять ее. Какъ это важно, видно изъ того, что *Рижская Газета*, даже опровергая насъ и газету *Москва*, не преминула воспользоваться этими обоими случаями, чтобъ еще разъ заявить, какъ о дѣлѣ ей извѣстномъ, о согласіи своемъ съ мѣстными вліятельными кругами и мѣстными органами правительства. Въ интересѣ опроверженія, было бы выгоднѣе сказать, что взгляды губернскихъ властей на Высочайшее повелѣніе о введеніи русскаго языка въ балтійское дѣлопроизводство неизвѣстны *Рижской Газетѣ*, но тогда балтійская публика могла бы подумать, что проводимыя въ *Рижской Газетѣ* мнѣнія принадлежатъ только ей, и что изъ официальныхъ лицъ можетъ-быть только ея цензоръ гнѣвается на помянутое Высочайшее повелѣніе. Такая мысль, еслибы распространилась въ балтійской публикѣ, повредила бы искусственной агитаціи, производимой тамъ противъ этого Высочайшаго повелѣнія. Подчиненныя мѣста и лица не были бы вполнѣ увѣрены, что противодѣйствуя введенію русскаго языка въ дѣлопроизводство, найдутъ поддержку и поощреніе въ своемъ ближайшемъ начальствѣ. *Рижская Газета* не хотѣла дать ходъ такому заблужденію. Она предпочла ослабить свою позицію противъ насъ. Отрицая официозность своихъ статей, въ то же самое время она еще болѣе чѣмъ прежде подтверждаетъ ее: статьи эти совпадаютъ съ мнѣніями губернскихъ властей. Какимъ путемъ однакоже провѣдала *Рижская Газета* объ этомъ совпаденіи? Откуда береть она эту увѣренность, съ которою говоритъ, что „взгляды мѣстныхъ органовъ правительства знаетъ лучше нашего?" Говоритъ такъ прямо нельзя не имѣя сообщеній; еслиже сообщенія были, то официозность статей *Рижской Газеты* не можетъ быть случайная. Вотъ въ какое противорѣчіе поставила себя *Рижская Газета*, умышленно избравъ способъ защиты, содѣйствующій поддержанію фальшивой агитаціи. Ей, очевидно, вовсе и не нужно было защищаться; нужно было только воспользоваться случаемъ, чтобъ еще сильнѣе подѣйствовать на мѣстную публику, и авторитетомъ властей подорвать довѣріе къ правительственной мѣрѣ.

Какова фальшивость этой агитаціи, можно видѣть изъ недавняго нумера *Рижской Газеты*, гдѣ напечатано нѣсколько строкъ по поводу праздновавшейся 19-го октября годовщины реформаціи. „Лютеранство, сказано тамъ, есть еще и теперь одна изъ крѣпчайшихъ узъ, соединяющихъ населенія между Мемелемъ и Нарвой. Изъ всѣхъ враждебныхъ нападеній, которымъ лютеранская вѣра подвергалась въ теченіе временъ, она выходила еще болѣе крѣпкою и сдѣлалась твердымъ средоточіемъ, изъ котораго мы постоянно черпаемъ вѣрность языку, обычаю и праву нашихъ предковъ. Крѣпкая твердыня въ нашихъ сердцахъ,

лютеранство будетъ и впредь вѣрною охраной всѣхъ нашихъ святынь." Итакъ, въ немногихъ строкахъ замѣтки, вызванной торжественнымъ воспоминаніемъ годовщины протестантизма, потребовалось придать ему политическій характеръ, коего онъ не имѣетъ и имѣть не долженъ, и кромѣ того помянуть о его торжествѣ надъ враждебными нападеніями, къ чему нѣтъ никакого повода. Не приличнѣе ли было бы сказать слово благодарности за ту небывалую въ Россіи льготу, которая была недавно дана лютеранству въ балтійскихъ губерніяхъ? Но на это трудно рѣшиться: еслибы льготы не были выставляемы тамошними агитаторами за посягательства, то прекратилась бы вся агитація. Чтобы поддерживать ее въ населеніяхъ, такъ мало сходящихся по своимъ интересамъ, надобно распускать въ народѣ слухи, будто его вѣра подвергается опасности, будто надъ нею занесены „разбойничьи руки."

Какъ ни фальшива и злокозненна подобная агитація, она не имѣла бы значенія, и мы по всему вѣроятію мало занимались бы ею, еслибъ она была дѣломъ нѣсколькихъ частныхъ лицъ. Вредный характеръ она принимаетъ только потому что ведется подъ надзоромъ цензуры, который уже самъ по себѣ придаетъ ей офиціальность, а еще болѣе потому что идетъ изъ сферъ пользующихся правительственнымъ авторитетомъ. *Рижская Газета* съ прискорбіемъ объявляетъ, что принуждена прекратить полемику со столичными газетами по вопросу о введеніи русскаго языка въ балтійское дѣлопроизводство. Мы еще болѣе скорбимъ о томъ, если это правда. Какая будетъ польза отъ молчанія *Рижской Газеты*, если губернскія власти одного съ нею мнѣнія? Можно ли сравнивать средства *Рижской Газеты* съ тѣми безчисленными средствами, коими располагаетъ мѣстная администрація? Балтійской публикѣ уже столько налгано, что прибавить нечего. Балтійская печать сдѣлала все что отъ нея зависѣло, чтобы раздражить и напугать населенія. Дальнѣйшее разъясненіе могло бы только исправлять зло и успокоивать публику. Для русскаго дѣла, которое въ томъ краѣ, какъ и вездѣ, есть дѣло правды и не боится свѣта, было бы невыгодно, еслибы балтійская печать замолкла именно въ то время когда она волей-неволей была бы принуждена содѣйствовать разрушенію призрака, созданнаго клеветой и ложью. Если ужъ воздерживать, то слѣдовало бы воздерживать отъ фальши, когда можно было предупредить агитацію, а не теперь когда агитація произведена и пріостановка полемики только дастъ агитаторамъ возможность отмалчиваться.

Говорятъ, что полемика раздражаетъ. Но о какой полемикѣ тутъ говорится? Кто съ кѣмъ въ полемикѣ? Развѣ съ нами ведутъ балтійскія газеты полемику? Нѣтъ, онѣ ведутъ полемику съ русскимъ правительствомъ, съ Россіей. Или развѣ мы полемизируемъ съ балтійскими газетами? Отнюдь нѣтъ. Мы бы о нихъ совсѣмъ забыли, еслибъ онѣ не представляли собой мѣстныхъ властей. Дѣло не въ газетахъ, а въ администраціи. Какая нужда въ цензурѣ, предупреждающей неправильности, когда было бы совершенно достаточно, еслибъ администрація устраняла ихъ посредствомъ опроверженій? Было напримѣръ доказано, что даже Всемилостивѣйшія слова Государя Императора были сообщены балтійскому населенію въ невѣрномъ смыслѣ; но офиціальной поправки (а она болѣе чѣмъ когда-либо была бы умѣстна) мы не видали. Было неоднократно доказано, что важныя мѣста въ законахъ были сообщаемы публикѣ въ извращенномъ видѣ: намъ отвѣчали пустымъ наборомъ словъ, а дѣйствительной поправки для населенія опять не было сдѣлано. *Рижская Газета* давала знать, будто предполагаемыя реформы похитятъ у балтійскихъ губерній вѣру и все что человѣку свято; и эта лживая прокламація, имѣвшая цѣлью во *всемъ* балтійскомъ населеніи возбудить страхъ и раздраженіе, не отведена къ своему истинному значенію. Два-три офиціальныя возраженія совершенно уничтожили бы это систематическое сплетеніе лжи, ибо громадное большинство населенія въ балтійскомъ краѣ еще вѣрно русскому отечеству.

Лишь искаженіемъ истины было возможно придать возмутительный характеръ *справедливымъ* и *гуманнымъ* требованіямъ русскаго правительства въ балтійскихъ губерніяхъ. Теперь, когда мы видимъ въ иностранныхъ газетахъ плоды агитаціи, и когда происходятъ даже искусственныя демонстраціи, нельзя сказать, чтобы все это были невинныя и безвредныя случайности. Мы пристально наблюдали за ходомъ дѣла и знаемъ, что именно здѣсь кроется зло.

Губернская администрація ни одному изъ такъ-называемыхъ юно-Латышей или юно-Эстовъ не дозволитъ возражать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ на исполненныя клеветы статьи *Рижской* или *Ревельской Газеты*. Статьи, идущія отъ мѣстнаго населенія, немедленно убѣдили бы громадное большинство балтійскаго населенія въ справедливости требованій правительства, и теперешняя недостойная агитація превратилась бы въ ничто. Не потому ли эта безкорыстная и полезная дѣятельность благонамѣренныхъ людей ни за что на свѣтѣ и не допускается? А между тѣмъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* имѣетъ уже постоянную рубрику для выраженія симпатій этому будто бы нѣмецкому дѣлу, хотя помянутая газета недавно сама поучала насъ, что въ числѣ жителей нашихъ прибалтійскихъ губерній не болѣе семи и восьми процентовъ нѣмецкаго происхожденія Пусть же она пользуется нравственною слабостью нашей позиціи въ этомъ краѣ.

Въ прибалтійскомъ краѣ никакихъ насильственныхъ мѣръ не нужно, чтобы привести тамъ къ торжеству русское дѣло; нужно напротивъ только освободить тамошнее общественное мнѣніе отъ гнета, производимаго немногими вліятельными лицами. Еслибы большинство балтійскаго населенія могло высказывать свои мнѣнія въ печати, то безъ сомнѣнія тонъ мѣстныхъ газетъ совершенно измѣнился бы.

Балтійскій край не Эльзасъ, не Лотарингія, гдѣ коренное населеніе нѣмецкое и гдѣ еще могла бы идти рѣчь о поддержаніи нѣмецкой національности изъ уваженія къ существующему положенію дѣлъ. Въ балтійскомъ краѣ нѣмецкій языкъ, допущенный Петромъ Великимъ какъ языкъ *сословія*, никогда не былъ языкомъ страны. Лишь теперь начинаютъ распространяться гражданскія права и на тамошніе низшіе классы. Мѣстные жители, выходя изъ своего порабощенія, будутъ все болѣе и болѣе соприкасаться съ администраціей и судомъ. Сдѣлать нѣмецкій языкъ обязательнымъ для нихъ значитъ искусственно и насильственно онѣмечить ихъ. Поступая такъ, правительство готовило бы себѣ самыя серіозныя затрудненія въ ближайшемъ будущемъ, и оно рѣшило не поступать такъ. И вотъ балтійская журналистика, служа, по собственному признанію, отголоскомъ мѣстныхъ властей, подняла вопль негодованія, какъ будто-бы замышлялась какая-нибудь вандальская мѣра.

Вотъ фактъ въ его чистотѣ, и несправедливо утверждать, будто бы столичныя газеты несутъ на себѣ долю вины въ этой возмутительной агитаціи. Пусть *Рижская Газета*, вмѣсто того чтобъ отмалчиваться отъ насъ, напримѣръ укажетъ, какая изъ нашихъ статей послужила поводомъ къ полемикѣ балтійскихъ газетъ. Тонъ, который мы приняли когда были обнародованы вѣчно памятныя Высочайшія слова, былъ самый примирительный. Онъ могъ раздражить только людей злонамѣренныхъ. Кто не вполнѣ убѣжденъ въ этомъ, того мы просимъ прочесть передовую статью въ № 143 *Московскихъ Вѣдомостей*. Мы полагаемъ, что рижская цензура не воспретила бы *Рижской Газетѣ* напечатать полный переводъ этой статьи, не заключающей въ себѣ ничего полемическаго по отношенію къ балтійскимъ губерніямъ. Впрочемъ, мы это *только полагаемъ*, а ручаться не будемъ...

№ 233.

Москва, 24-го октября.

А.

Въ послѣднее время совершился фактъ не лишенный важнаго значенія: Австрія не присоединилась къ деклараціи четырехъ державъ, которой текстъ мы имѣли недавно удовольствіе сообщить читателямъ и которая была представлена Портѣ только уполномоченными Россіи, Франціи, Италіи и Пруссіи. До сихъ поръ Вѣнскій кабинетъ по крайней мѣрѣ показывалъ видъ, будто онъ дѣйствуетъ въ Восточномъ вопросѣ согласно съ этими четырьмя державами. Г. фонъ-Бейстъ выставлялъ себя защитникомъ христіанскихъ населеній Турціи, и своимъ усердіемъ увлекался до того, что предлагалъ пересмотръ Парижскаго трактата 1856 г. Наше правительство безъ труда разгадало причины этой услужливости, и отказалось отъ всякой солидарности съ этими лукавыми предложеніями. Дабы понять причины положенія, принятаго Вѣнскимъ кабинетомъ, не надобно терять изъ виду, что въ то время, когда г. фонъ-Бейстъ дѣлалъ упомянутое предложеніе, было, повидимому, неизбѣжно

столкновеніе между Турціей и Сербіей, и что въ видахъ этой вѣроятности Австрія уже сосредоточивала войска на границѣ Босніи и Герцеговины, готовясь воспользоваться общею свалкою въ Турціи и захватить что-нибудь пригодное себѣ. Короче, предполагалось ловить рыбу въ мутной водѣ, и ожидалось, что Россія легко дастся въ грубую поставленную ей ловушку. Въ Вѣнѣ не вѣрили безкорыстію Россіи въ восточныхъ дѣлахъ; но эти разчеты на своекорыстіе Россіи не удались, и г. фонъ-Бейстъ былъ вынужденъ отложить до болѣе благопріятнаго времени исполненіе своихъ проектовъ. Онъ чувствовалъ, что было бы неловко вдругъ отдѣлиться отъ прочихъ державъ, вступающихся за христіанскія населенія предъ Портой, и проповѣдывать крестовый походъ противъ тѣхъ же христіанъ, за которыхъ еще такъ недавно онъ самъ, казалось, хлопоталъ весьма усердно. Поэтому вѣнскій кабинетъ присталъ къ первому дипломатическому предостереженію, данному Турціи, но какъ-то не-хотя, придирался къ словамъ и выраженіямъ, и всячески старался ослабить ихъ значеніе. Когда надобно было спасать несчастныхъ критскихъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, Вѣнскій кабинетъ сдѣлалъ предложеніе, жестокая иронія котораго не была еще достаточно оцѣнена. Онъ предложилъ высаживать бѣжавшихъ Критянъ.... въ Турцію, то-есть онъ совѣтовалъ тремъ христіанскимъ державамъ подвергнуть себя вѣчному позору тѣмъ, чтобъ онѣ привлекли на свои военные корабли бѣдствующихъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, и потомъ предали ихъ палачамъ, даже хуже нежели палачамъ. Это, предложеніе, которое исторія внесетъ въ формуляръ своего виновника, разумѣется, было отвергнуто. Тогда г. фонъ-Бейстъ немедленно приступилъ къ другимъ изворотамъ. Онъ затѣялъ Зальцбургскій спектакль, и еще прежде чѣмъ были приготовлены для него декораціи и добыты актеры, выставилъ посредствомъ оффиціозныхъ журналовъ множество программъ, въ которыхъ вѣнскій политикъ распоряжался по своему Восточнымъ вопросомъ. Публика вскорѣ узнала значеніе этихъ программъ. Великая зальцбургская піеса оказалась только мрачнымъ опытомъ панихиды въ память несчастнаго эрцгерцога Максимиліана.

Наконецъ, когда вслѣдствіе пагубнаго упрямства Порты, европейскія державы отказались отъ всякой солидарности съ ея политикой, Россія, вѣрная своимъ національнымъ интересамъ и обязанностямъ, предложила декларацію, которой энергическое значеніе не ослабляется умѣренностью ея формы. Эта декларація предоставляетъ Турцію послѣдствіямъ ея упрямства, и торжественно лишаетъ ее со стороны Европы всякой поддержки, даже моральной. Циркуляръ нашего государственнаго канцлера пополняетъ и развиваетъ смыслъ декларація. Въ немъ положительно установленъ принципъ невмѣшательства въ восточныя дѣла, и такимъ образомъ признано за христіанами право добиться условій благосостоянія и безопасности, въ которыхъ Порта отказываетъ имъ вопреки настоянію европейскаго большинства. Мы не ослѣпляемся относительно непосредственнаго значенія этой декларація; мы не будемъ отрицать, что Франція, Италія, Пруссія, принявъ русское предложеніе, руководились болѣе требованіями своего собственнаго положенія, нежели прямымъ желаніемъ содѣйствовать благу христіанскихъ населеній въ Турціи. Можетъ-быть та или другая изъ державъ, подавшихъ Портѣ эту коллективную ноту, втайнѣ предоставляетъ себѣ не исполнить своего заявленія; но такъ какъ мы твердо вѣримъ въ окончательное торжество праваго дѣла, то радуемся, что первое зерно этого начала невмѣшательства по отношенію къ Турціи положено рукою нашего правительства. Первымъ удовлетворительнымъ результатомъ этого дѣйствія оказывается тотъ фактъ, что Вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ разоблачить свои виды на Востокѣ. Какъ скоро зашла рѣчь о невмѣшательствѣ, то не смотря на присутствіе императора Франца-Іосифа и его канцлера въ Парижѣ, Австрія формально отдѣлилась отъ четырехъ державъ. Этимъ очевидно доказывается, что Австрія имѣетъ въ виду вмѣшательство, то-есть говоря яснѣе, она еще не отказалась отъ химерической надежды вознаградить себя на Востокѣ за утрату Ломбардіи и Венеціанской области. Такимъ образомъ, двусмысленная политика Австріи разоблачена предъ Европой, и заинтересованнымъ въ дѣлѣ сторонамъ она раскрылась въ своемъ настоящемъ видѣ. Ясность и сила заявленій, содержащихся въ объяснительной депешѣ князя Горчакова, также не оставляютъ никакого сомнѣнія относительно видовъ и намѣреній Россіи.

Она хочетъ и требуетъ того чего всегда хотѣла и требовала, то-есть прогрессивнаго развитія, благосостоянія и безопасности христіанскихъ населеній въ Турціи. Истощивъ предъ Портою весь запасъ совѣтовъ и дружескихъ увѣщаній, Россія не объявляетъ ей войны, потому что ни въ теперешнихъ обстоятельствахъ, ни въ истинныхъ интересахъ нашихъ единовѣрцевъ нѣтъ повода предпринимать борьбу, которая могла бы обобщиться и повести къ ненужному кровопролитію; но въ согласіи съ другими, Россія предоставляетъ Турціи роковымъ послѣдствіямъ ея упрямства, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявляетъ, что этотъ международный остракизмъ не долженъ быть ни ослабленъ, ни устраненъ ничьимъ внѣшнимъ вмѣшательствомъ. „Россія, сказано въ циркулярѣ, будетъ уважать принципъ невмѣшательства до тѣхъ поръ, пока его будутъ уважать другіе.“ Это ясно и вразумительно. Австрія можетъ видѣть чего ей слѣдуетъ ожидать, и можетъ оцѣнить во что ей обойдется попытка на Боснію и Герцеговину. Телеграфъ извѣстилъ насъ, что на-дняхъ г. фонъ-Бейстъ отправится въ Англію. Удастся ли ему увѣрить нынѣшнихъ министровъ королевы Викторіи въ благотворности вмѣшательства, которое онъ намѣренъ поддерживать вопреки большинству Европы? Суетливая дѣятельность г. фонъ-Бейста побудитъ ли опытныхъ британскихъ государственныхъ людей усвоить себѣ такой образъ дѣйствій, изъ опасныхъ послѣдствій котораго самымъ меньшимъ было бы ускореніе гибели Турецкой имперіи?

Вчерашняя телеграмма изъ Парижа сообщаетъ о статьѣ появившейся въ газетѣ *La Presse* и повѣствующей о какомъ-то соглашеніи, будто бы установившемся между Франціей и Австріей по всѣмъ европейскимъ вопросамъ, въ томъ числѣ по Римскому и Восточному. Прежде чѣмъ оцѣнивать значеніе этого факта, подождемъ подтвержденія, точно ли съ фактомъ имѣемъ мы дѣло, или съ скороспѣлымъ соображеніемъ журналиста. Что касается до итальянскихъ дѣлъ, то телеграмма за телеграммой сообщаютъ намъ конецъ перваго акта. Бѣдный энтузіастъ съ своею дружиной потерпѣлъ кровавое пораженіе, и отвезетъ уже не на Капреру, а на Спецію. Увы! можно было предвидѣть это... Это странное движеніе, вдругъ поднявшееся въ Италіи, не донесло ея патріотовъ въ Капитолій. Дѣло кончилось несчастно для нихъ, и эта напрасная вспышка страсти, эта безплодная жертва, эта безумно пролитая кровь, быть-можетъ пагубно отзовутся на Италіи съ ея едва установившимся единствомъ. За то, какъ безпрерывно доноситъ намъ другой рядъ телеграммъ, ускоренно совершается объединеніе Германіи подъ Пруссіей....

Б.

Въ Ригѣ предположено открыть мужскую и женскую русскія гимназіи. Нельзя отрицать, что послѣдняя нужна. Но вмѣсто мужской русской гимназіи, смѣемъ думать, было бы совершенно достаточно открыть въ казенныхъ гимназіяхъ русскіе параллельные классы. Новая гимназія потребуетъ болѣе 20.000 рублей въ годъ новаго расхода на балтійскія учебныя заведенія, которыя уже и теперь ежегодно поглощаютъ 400.000 руб. Отпускаемая до сихъ поръ сумма болѣе чѣмъ достаточна дабы способствовать въ балтійскихъ губерніяхъ какъ наукѣ и просвѣщенію, такъ и государственнымъ интересамъ. Напротивъ, отдѣленіе русскаго населенія въ Ригѣ отъ прочаго, посредствомъ особенной гимназіи, намъ кажется ошибкой, которая можетъ повести къ результатамъ противнымъ предположенію. Между прочимъ это явится какъ бы доказательствомъ, что правительство не признаетъ за собой права ввести русскій языкъ въ теперешнихъ, имъ самимъ содержимыхъ балтійскихъ училищахъ. Для такого невѣрнаго предположенія не было до сихъ поръ повода, а между тѣмъ мы и теперь видимъ какъ легко ложныя теоріи укореняются въ нѣкоторыхъ кругахъ. Надобно взять еще въ соображеніе, что многіе, изнутри Россіи поселившіеся въ Ригѣ, купцы будутъ и впредь имѣть надобность въ основательномъ знаніи нѣмецкаго языка, такъ какъ имъ естественно надобно будетъ стараться поставить свои дѣла такъ, чтобы непосредственно вести торговлю съ чужими краями, а для этого надобно хорошо знать иностранные языки. Если существующія казенныя гимназіи были бы преобразованы такъ, что въ четырехъ низшихъ классахъ были бы учреждены параллельныя отдѣленія, между тѣмъ какъ въ высшихъ классахъ тѣхъ же гимназій языкомъ преподаванія былъ бы русскій, то были бы удовлетворены потребности всѣхъ кто бы какой ни былъ рѣчи, русской, нѣмецкой

или латышской, и притомъ съ весьма незначительнымъ расходомъ, который едва простирался бы до 5—10 тысячъ рублей. Дѣти въ низшихъ параллельныхъ классахъ учились бы на такомъ языкѣ, который имъ сподручнѣе, и послѣ достаточнаго приготовленія въ этихъ классахъ, дѣти какъ нѣмецкаго, такъ и латышскаго происхожденія могли бы безъ труда пользоваться въ трехъ высшихъ классахъ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ. Латышъ или Эстъ не былъ бы обзываемъ „перебѣжчикомъ въ русскій лагерь," не былъ бы за это притѣсняемъ, и ему не было бы препятствія усвоить себѣ русскій языкъ. Люди же нѣмецкой рѣчи не могли бы предъявить никакой сколько-нибудь основательной жалобы, или же въ послѣдствіи торжествовать, что гимназія на русскомъ языкѣ имѣетъ мало учениковъ, несмотря на большіе расходы, дѣлаемые правительствомъ *для обрусенія Русскихъ, живущихъ въ Римѣ*. Всѣ эти причины совершенно ясны. Поневолѣ подумаешь, что именно по тому-то подобное убыточное и неполитическое раздѣленіе членовъ единой русской семьи въ школѣ, которая должна бы соединять ихъ, не встрѣчаетъ возраженій и такъ охотно приводится въ исполненіе.

№ 234.

Москва, 25-го октября.

Переданное третьяго дня телеграфомъ извѣстіе парижской газеты *Presse* о новой фазѣ, въ которую вступила австрійская политика, подтверждается. Если вѣрить *Кельнской Газетѣ*, баронъ Бейстъ разослалъ къ дипломатическимъ агентамъ Австріи при иностранныхъ дворахъ циркуляръ, въ которомъ свидѣтельствуетъ о полномъ согласіи Вѣнскаго кабинета съ Франціей по всѣмъ европейскимъ вопросамъ. Телеграфъ сообщаетъ, что въ сегодняшнемъ № *Дрезденскаго Журнала* объявлено почти то же, и притомъ, какъ надобно думать, официозно. Если все это такъ, то Вѣнскій дворъ находится въ полномъ согласіи не только съ Франціей, но и съ другими державами, къ которымъ отношенія его казались до сихъ поръ сомнительными. Что Австрія не отказывается принять участіе въ предлагаемой Франціей конференціи по Римскому вопросу, это ни мало неудивительно; гораздо интереснѣе то, что и съ Пруссіей Вѣнское правительство находится повидимому въ наилучшемъ согласіи, ибо судя по сообщенію *Кельнской Газеты* о циркулярѣ барона Бейста, Австрія отрекается отъ всякаго вмѣшательства въ германскія дѣла и примиряется со всѣми послѣдствіями прошлогодней войны. Ничего болѣе не можетъ требовать отъ Австріи берлинская политика. Если эта держава отрекается отъ всякаго иного отношенія къ объединяющейся Германіи кромѣ добраго сосѣдства, то этимъ прекращается всякое соперничество и всякій поводъ къ антагонизму между Вѣной и Берлиномъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если отношенія между этими обѣими державами установятся на такихъ основаніяхъ, то онѣ не только могутъ пребывать въ добромъ между собою согласіи, но и должны быть по всѣмъ пунктамъ совершенно солидарны. Какъ бы ни были въ настоящее время дружелюбны отношенія между императорами Францемъ Іосифомъ и Наполеономъ III, отношенія эти далеко не могутъ имѣть такого значенія какъ союзъ, который самъ собою устанавливается между имперіею Габсбурговъ и Пруссіей, съ прекращеніемъ ихъ борьбы за обладаніе Германіей. Австрія, отказавшаяся отъ Германіи и примирившаяся съ ея объединеніемъ подъ прусскою гегемоніей, тѣмъ самымъ превращается изъ врага въ неразрывнаго союзника Пруссіи. Австрія, переставившая центръ своей тяжести на Востокъ, всегда входила въ программу графа Бисмарка какъ ея существенная часть. Если интересъ тюльерійской политики состоитъ въ томъ, чтобъ изъ двухъ державъ до сихъ поръ парализовавшихъ другъ друга взаимнымъ соперничествомъ, образовалось въ центрѣ Европы громадное и во всѣхъ отношеніяхъ солидарное могущество, то интересъ этотъ можетъ считать себя удовлетвореннымъ. Утративъ свое положеніе въ Германіи, имперія Габсбурговъ не перестанетъ быть въ сущности нѣмецкою не только по своей династіи и преданіямъ, но еще болѣе въ силу господствующаго въ ней элемента, которымъ объединяются ея населенія по правую сторону Лейты, между тѣмъ какъ другая ея половина, Венгрія, того только и желаетъ, чтобъ Австрія, отрекшаяся отъ Германіи, пребывала съ нею въ дружбѣ, ставъ державой восточною, и чтобы славянскіе элементы были также подчинены нѣмецкому

въ не-венгерской половинѣ Австріи, какъ въ ея венгерской половинѣ подчиняются они мадьярскому элементу. Этотъ послѣдній не имѣетъ никакой внутренней положительной силы, а во всѣхъ своихъ противодѣйствіяхъ и отрицаніяхъ совершенно сходится съ интересами германскими и пролагаетъ имъ пути.

Но всего неожиданнѣе то обстоятельство, что Австрія, какъ явствуетъ изъ сказаній о циркулярѣ г. фонъ-Бейста, является согласною съ Тюльерійскимъ кабинетомъ во всемъ что касается Восточнаго вопроса. Не странно ли это? Австрія только что отказалась принять совокупно съ Франціей участіе въ важномъ относящемся къ этому вопросу дипломатическомъ актѣ, и вдругъ теперь Европа узнаетъ, что Вѣнскій кабинетъ солидаренъ съ Тюльерійскимъ относительно положенія дѣлъ на Востокѣ! Не слѣдуетъ ли отсюда заключать, что Австрія возвратилась къ лучшимъ чувствованіямъ и вошла въ виды четырехъ державъ подписавшихъ только-что обнародованную и только что переданную Оттоманской Портѣ декларацію? Нельзя же думать, чтобы державы, какъ Франція, ни во что ставила свою только-что данную подпись; остается полагать, что въ силу дружелюбныхъ совѣщаній между обоими императорами въ Парижѣ, Вѣна присоединяется къ заявленію четырехъ державъ. А отсюда не слѣдуетъ ли, что Вѣнскій кабинетъ, находящійся въ сердечномъ согласіи съ Тюльерійскимъ и въ неменьшемъ съ Берлинскимъ, оказывается въ таковомъ же и съ С.-Петербургскимъ, по самому существенному пункту, въ которомъ между политикой Австріи и Россіи можно было опасаться столкновеній? Сколько согласій! Вотъ какъ счастливо улаживаются дѣла, которыхъ положеніе еще такъ недавно казалось столь сомнительнымъ и тревожнымъ!...

Остается наконецъ думать, что поѣздка предпринятая австрійскимъ государственнымъ канцлеромъ въ Лондонъ имѣетъ цѣлію привлечь и Англію къ общему по восточнымъ дѣламъ соглашенію. Г. фонъ-Бейстъ, ревностно старающійся устранить всякія недоразумѣнія между Россіей и Англіей по Восточному вопросу,—какая неожиданность, и какое утѣшительное явленіе! Только этого не доставало, чтобы праздновать торжество всеобщаго миролюбія.

Говоря о европейской политикѣ Австріи, мы не можемъ не упомянуть о курiозѣ, появившемся въ чешской, издаваемой въ Прагѣ, газетѣ *Народные Листы*. Кто-то изъ Вѣны сообщилъ ей, какъ совершенно достовѣрное извѣстіе о имѣющемъ быть въ Берлинѣ съѣздѣ трехъ государей сѣверныхъ державъ, какъ будто бы мы еще жили во времена Священнаго Союза. Въ нынѣшнемъ нумерѣ этой газеты строятся, на основаніи того извѣстія, разныя соображенія и что особенно для насъ интересно, сообщается будто бы напечатанное въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* удостовѣреніе, что между Австріей и Россіей устанавливаются отношенія тѣснѣйшей дружбы. Даже приводятся во вносныхъ знакахъ наши слова по этому предмету! Мы были бы очень рады дать такое удостовѣреніе, но никогда не давали его, приписанныхъ намъ словъ никогда не произносили, и должны признаться, что не чувствуемъ себя достаточно убѣжденными, чтобы высказываться въ томъ смыслѣ, какъ заставляютъ говорить насъ добрые соплеменники наши. Мы рады вѣрить всему, даже полному согласію австрійской политики съ русскою по Восточному вопросу, даже солидарности интересовъ Россіи съ прусскими, но удостовѣрять въ этомъ отнюдь не можемъ.

Состоится ли предположеніе французскаго правительства о европейской конференціи по Римскому вопросу, который такъ неожиданно ознаменовался кровавыми событіями и встревожилъ Европу? Гарибальдійскія шайки выгнаны изъ Папской Области; итальянскія войска, занявшія нѣкоторые въ ней пункты, совсѣмъ очистили ее; честь Франціи вполнѣ удовлетворена. Но сентябрьская конвенція уже не существуетъ, и дѣла пришли въ то положеніе, въ какомъ находились они до заключенія этой конвенціи. Надобно думать, что рѣшимости, съ какою французское правительство дѣйствовало въ этихъ послѣднихъ событіяхъ, не мало способствовало пребываніе въ это время императора Австрійскаго и его министровъ въ Парижѣ. Посреди затрудненій, въ которыхъ находилось правительство императора Наполеона III, оно радо было опереться на дружбу Австріи. Свѣдѣнія, помѣщаемыя въ нынѣшнемъ листкѣ нашей газеты, показываютъ между тѣмъ, какъ ловко и двусмысленно дѣйствовала берлинская политика во всемъ этомъ дѣлѣ, и какъ сумѣла она воспольз-

зоваться обстоятельствами для того чтобъ обдѣлать свои дѣла.

№ 235.

Москва, 26-го октября

Печатая въ сегодняшнемъ № окончаніе статьи волынскаго губернскаго предводителя дворянства, князя Н. Д. Имеретинскаго, заключающую въ себѣ поучительныя предостереженія русскимъ покупателямъ имѣній въ юго-западномъ краѣ, считаемъ нужнымъ напомнить нашимъ читателямъ, что статья эта — далеко не первое указаніе на злоупотребленія вкрадывающіяся въ дѣло водворенія въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія. Въ теченіе минувшаго лѣта и осени мы не разъ печатали письма изъ западныхъ губерній, съ указаніемъ разнаго рода маневровъ и уловокъ, имѣющихъ цѣлію устранить русскихъ покупщиковъ на quasi-легальномъ основаніи отъ пріобрѣтенія имѣній. Русскіе покупщики, направляющіеся въ западный край, вовсе не разчитываютъ попасть тамъ въ ту же родную семью землевладѣльцевъ какъ и въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; они знаютъ напередъ, что имъ, вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ имѣній, предстоитъ борьба долгая и упорная. Но чтобы борьба эта была имъ по силамъ, шансы ихъ должны быть по крайней мѣрѣ уравновѣшены съ шансами Поляковъ, а это возможно только при *дѣйствительной* поддержкѣ со стороны мѣстной администраціи.

Князь Имеретинскій вполнѣ признаетъ эту очевидную истину: онъ указываетъ учрежденія и должностныхъ лицъ въ Житомірѣ, къ которымъ, для избѣжанія обмана и интриги со стороны польщизны, рекомендуетъ онъ покупщикамъ обращаться за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Избранный г. волынскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства практическій путь внушаетъ увѣренность, что въ этой губерніи, не на словахъ только, принимаются мѣры къ приведенію въ исполненіе указа 10-го декабря, и что Русскій, прибывъ туда, встрѣтитъ дѣйствительное сочувствіе по крайней мѣрѣ со стороны мѣстной администраціи.

Это тѣмъ пріятнѣе, что въ настоящую минуту далеко не вездѣ, по крайней мѣрѣ не на всѣхъ степеняхъ администраціи западнаго края, можетъ быть ожидаемо такое же содѣйствіе дѣлу, отъ котораго зависитъ будущее Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ средѣ высшихъ административныхъ лицъ западнаго края нѣтъ ни явныхъ, ни тайныхъ противниковъ указа 10-го декабря; напротивъ, есть основаніе думать, что сочувствіе къ этой государственной мѣрѣ общее и полное. Но между сочувствіемъ и дѣломъ есть еще значительная разница. Много ли принесло бы практической пользы самое патріотическое сочувствіе главныхъ руководителей, еслибы напримѣръ, второстепенные органы власти, имѣющіе непосредственное отношеніе къ покупщику, прикрываясь глубокимъ уваженіемъ къ указу 10 декабря, дѣйствовали, изъ личныхъ разчетовъ, прямо въ противность ему? А подобное явленіе возможно. Теперь, напримѣръ, въ Вильнѣ только и рѣчи, что о бывшихъ ссудахъ изъ Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній, причемъ будто бы въ оцѣнкахъ имѣній были допущены въ ущербъ казны разныя неправильности. Надобно желать, чтобы людямъ сомнительнымъ или уже заявившимъ свою недобросовѣстность, не были ввѣряемы дѣла такой первостепенной важности какъ водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Участіе такихъ лицъ можетъ незамѣтнымъ образомъ затормозить это важное дѣло. Съ водвореніемъ русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ связаны не только интересы, но и честь русскаго правительства. Нельзя не желать, чтобы по крайней мѣрѣ это дѣло было ограждено отъ опасности.

Князь Имеретинскій указываетъ на необходимость содѣйствія общими законодательными и административными мѣрами: а) продажѣ имѣній добровольной, б) продажѣ съ публичныхъ торговъ, в) скорѣйшей передачѣ конфискованныхъ имѣній въ руки русскихъ частныхъ людей. Совершенно соглашаясь съ его указаніями, мы находимъ въ нихъ поводъ сказать нѣсколько словъ о предстоящей развязкѣ по имѣніямъ подлежащимъ обязательной продажѣ. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* не разъ уже было доказываемо, что обязательная продажа нѣкотораго числа имѣній, которыхъ владѣльцы были замѣшаны въ послѣднемъ мятежѣ, сама по себѣ не можетъ имѣть серіозныхъ послѣдствій для дѣла. Малочисленность и малозначительность этихъ

имѣній указываетъ на крайнюю необходимость не только поддерживать въ полной силѣ всѣ прочія части указа 10-го декабря 1865 года, но и принимать всѣ возможныя мѣры къ облегченію его дѣйствія посредствомъ кредита, соотвѣтственнаго потребности (а не такого, какой сулило Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита), и другихъ способовъ еще болѣе зависящихъ отъ правительства. Тѣмъ не менѣе однакоже обязательная продажа, какъ первый шагъ, имѣетъ большую важность, которая увеличивается вслѣдствіе крушенія постигшаго Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній. Мы должны заявить, что въ послѣднее время нами полученъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе обдуманныхъ и выработанныхъ проектовъ, клонящихся къ облегченію развязки предстоящей послѣ 10-го декабря. Не есть ли это свидѣтельство живости общественнаго интереса, который вызванъ въ разныхъ частяхъ Россіи дѣломъ водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ? Изъ дошедшихъ до насъ проектовъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ два, которые мы здѣсь и приводимъ.

Бо́льшая часть капиталовъ въ Россіи помѣщена въ настоящее время въ процентныхъ бумагахъ правительственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ. Владѣльцы этихъ бумагъ, напуганные безпощадными относительно ихъ финансовыми операціями, съ охотою промѣняли бы свои капиталы на имѣнія въ западномъ краѣ. Спрашивается только какъ устроить такой обмѣнъ?

По Высочайшему повелѣнію, имѣнія непроданныя съ публичнаго торга поступаютъ въ казну, а владѣльцы этихъ имѣній должны получать изъ казны пятипроцентный доходъ съ суммы, въ которую имѣнія оцѣнены. Такъ какъ прежніе владѣльцы должны получать не капиталъ, а ренту, то правительство можетъ безъ всякаго ущерба для казны сдѣлать существенныя льготы покупателямъ. Эти льготы могутъ быть двоякія:

А. Для казны было бы выгодно, а для водворенія русскихъ землевладѣльцевъ весьма полезно, чтобы помянутыя имѣнія пріобрѣтались, по поступленіи въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, на процентныя правительственныя и правительствомъ гарантированныя бумаги, сообразно платимому казной бывшимъ помѣщикамъ проценту. Можно быть увѣрену, что всѣ выставленныя на продажу имѣнія немедленно будутъ раскуплены, а чтобы дать покупателямъ возможность устроить имѣніе и завести хозяйство въ надлежащемъ размѣрѣ, можно было бы предоставить имъ изъ извѣстнаго пятимилліоннаго фонда занимать подъ залогъ покупаемаго имѣнія десятую часть его стоимости. Пять милліоновъ ассигнованныхъ въ пособіе этому дѣлу были бы употреблены согласно своему назначенію, и изъ народнаго обращенія было бы извлечено значительное количество бумажныхъ цѣнностей. Нельзя не прибавить, что это было бы и справедливо относительно владѣльцевъ упомянутыхъ процентныхъ бумагъ, доведенныхъ въ послѣднія десять лѣтъ до потери почти половины ихъ цѣнности.

Б. Такъ какъ имѣнія подлежащія обязательной продажѣ и непроданныя до 10-го декабря сего года сдѣлаются даже до торговъ собственностью казны, то къ нимъ, при публичныхъ торгахъ можетъ быть примѣнено правило установленное для продажи казенныхъ фермъ. Эти фермы, какъ извѣстно, раздаются или за особенныя заслуги съ платой 5% съ оцѣночной суммы въ продолженіи 20 лѣтъ, или передаются желающимъ на условіи внести $^2/_5$ долю оцѣнки, а $^3/_5$ оставляются на имѣніи какъ долгъ и уплачиваются, на основаніи банковыхъ правилъ, въ 37-лѣтній срокъ. Это послѣднее правило могло бы быть безъ затрудненій примѣнено къ имѣніямъ подлежащимъ обязательной продажѣ. Имъ будетъ сдѣлана оцѣнка, и затѣмъ они будутъ продаваться съ публичнаго торга. Если на торгахъ будетъ дано не менѣе оцѣнки, то имѣніе будетъ признано проданнымъ, и покупщикъ получитъ на него данную. Если же на торгахъ будетъ предложено меньше оцѣнки, то имѣніе поступитъ въ казну. И въ томъ и въ другомъ случаѣ прежній владѣлецъ пріобрѣтетъ право на полученіе ренты соразмѣрной оцѣнкѣ. Примѣняя къ этимъ имѣніямъ, еще на торгахъ, правила имѣющія силу для продажи казенныхъ фермъ, правительство избѣжало бы убыточнаго казеннаго управленія непроданными имѣніями и ускорило бы переходъ ихъ въ частныя руки, а съ тѣмъ вмѣстѣ подвинуло бы водвореніе русскаго землевладѣнія въ краѣ. Положимъ, что имѣніе оцѣненное въ 10.000 р. пошло на торгахъ за 12.000 р. Тогда $^2/_5$

оцѣнки оставляются на имѣніи; слѣдовательно, покупщикъ освобождается отъ немедленнаго платежа 8.000 р., которые онъ уплачиваетъ въ 37-лѣтній срокъ. Затѣмъ онъ вноситъ $^1/_5$ долю оцѣнки (2.000 р.) и то что дано имъ на торгахъ сверхъ оцѣнки (2.000 р.) процентными правительственными бумагами, а прежній владѣлецъ пріобрѣтаетъ право на полученіе 5% съ 12.000 руб. Такая операція была бы въ юридическомъ отношеніи совершенно правильна: прежній владѣлецъ, который не продалъ своего имѣнія въ льготный двухлѣтній срокъ, имѣетъ по закону право лишь на полученіе 5% съ оцѣночной суммы, то-есть въ данномъ случаѣ съ 10.000 р. Но правительство назначитъ ему ренту не съ 10.000 р., а съ 12.000 р., слѣдовательно бо́льшую чѣмъ могъ онъ ожидать на основаніи закона. Съ другой стороны, пріобрѣтатели будутъ благодарны за разсрочку 8.000 р. на 37 лѣтъ и за пріемъ остальныхъ 4.000 руб. не наличными деньгами, а процентными бумагами. Наконецъ, правительство, доставивъ выгоды и прежнему владѣльцу и пріобрѣтателю, не затратитъ на то съ своей стороны ни копѣйки, потому что будетъ выплачивать прежнему владѣльцу тѣ самые проценты, которые будетъ получать отчасти отъ вносимыхъ пріобрѣтателемъ 4.000 р. процентныхъ бумагъ, отчасти отъ пріобрѣтателя за оставленную въ долгу на имѣніи сумму 8.000 р. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и при способѣ описанномъ подъ буквой А, хотя и не въ такой же мѣрѣ, сократится число обращающихся на нашемъ денежномъ рынкѣ процентныхъ бумагъ, а это въ свою очередь будетъ содѣйствовать улучшенію ихъ курса.

№ 236.

Москва, 27-го октября.

Едва римская теократія получила нѣкоторыя призрачныя надежды на упроченіе своего дряхлаго существованія подъ покровительствомъ французскихъ штыковъ, какъ ультрамонтанская печать уже поспѣшила возвратиться къ защитѣ своего другаго идола, — теократіи стамбульской, — временно забытаго подъ вліяніемъ ужаса, который навели на клерикаловъ нѣсколько шаекъ отважныхъ кондотьеровъ, слабыхъ числомъ, слабыхъ также по своему революціонному происхожденію, но сильныхъ какъ протестъ противъ вопіющаго анахронизма, противъ святотатственной аномаліи нашего вѣка. Увлеченныя своимъ мгновеннымъ, по всей вѣроятности даже мнимымъ торжествомъ и озабоченныя единственно увѣнчаніемъ его, клерикальныя *Gazette de France*, *Union*, и особенно буйный *Univers* напрягаютъ всѣ свои силы, дабы убѣдить Францію въ какой-то непонятной необходимости не удовлетворяться завѣреніями прокламаціи Виктора-Эммануила, какъ расходящимися съ программой Гарибальди будто единственно по вопросу о борьбѣ съ духовною властью, а отнюдь не о необходимости бороться со свѣтскою властью папы. Эти газеты оказываютъ относительно выполненія условій покорныхъ Виллафранкскаго и Цюрихскаго трактатовъ, хотя бы, такъ сказать, и задними числомъ, такую же мнительную щепетильность, какую Тюльерійскій кабинетъ, внезапно, какъ будто съ просонка, обнаружилъ нынѣ насчетъ условій сентябрьской конвенціи.....

Но пока эти страстные защитники всего отжившаго, на смѣхъ просвѣщенному міру, требуютъ, чтобы Наполеонъ III оберегъ себя на дѣло насильственнаго возстановленія упраздненныхъ правъ герцоговъ Модены, Пармы, Тосканы и короля Неаполитанскаго, газета *le Monde*, этотъ неуклонный защитникъ европейскаго магометанства, — какъ естественнаго угнетателя восточнаго православія, — этотъ настойчивый проповѣдникъ нелѣпаго сліянія всѣхъ племенъ въ Турціи, путемъ замысловато изобрѣтенныхъ *миссіонов для оттоманскихъ дѣвицъ*, какъ выражался недавно, въ офиціальномъ документѣ, одинъ изъ западныхъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, — *le Monde*, ни съ того ни съ сего, возобновляетъ свои ожесточенныя филиппики противъ несчастныхъ Критянъ, съ чисто іезуитскимъ лицемѣріемъ проливая, какъ говорятъ Французы, „крокодиловы слезы“ объ ихъ бѣдственной участи, но въ сущности не находя другаго средства доказать имъ свое сочувствіе, какъ предлагая еще большее отягощеніе этой участи. Не скрывая ни своей досады, ни даже своей жажды мести къ Критянамъ за торжественную неудачу дресловутой поѣздки верховнаго визиря, *le Monde* съ негодованіемъ признается, что „Критяне яростно изорвали прокламацію объ амнистіи...“ „На сло-

ва забвенія и соглашенія, говоритъ *le Monde* далѣе, принесенныя имъ Аали-пашей по волѣ султана, *мятежники*, какъ ни ограничено число ихъ, и фанатизированные ими *туземцы* отвѣтили надменнымъ вызовомъ и требованіемъ войны до послѣдней крайности..." Никакого выраженія сочувствія, или даже только почтенія не вызвала, въ іезуитской газетѣ, эта геройская рѣшимость горсти Критянъ; напротивъ, она-то и внушаетъ клерикальной газетѣ всякаго рода наставленія, съ которыми она тутъ же обращается къ европейской дипломатіи, совѣтуя ей оказать еще разъ поддержку магометанскому игу и признать за нимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, право исключительнаго пользованія принципомъ невмѣшательства. „Еслибы дипломатія," продолжаетъ этотъ куріозный органъ римско-магометанской пропаганды, „хотѣла предупредить на Востокѣ грозныя столкновенія, которыя можетъ причинить дальнѣйшая борьба между мусульманами и христіанами, то предавъ забвенію свои несчастныя предложенія Портѣ насчетъ уступки Кандіи Греціи, она должна бы отречься, *разъ навсегда*, отъ этихъ предложеній и предупредить Грековъ, чтобъ они отложили до *другихъ временъ* (à d'autres temps, то-есть въ долгій ящикъ) осуществленіе своихъ надеждъ." Забывъ, при этомъ, о своихъ лицемѣрно-сочувственныхъ завѣреніяхъ, іезуитская газета отзывается съ досадой даже о спасеніи, европейскими флотами, несчастныхъ семействъ кандійскихъ христіанъ, о спасеніи, въ которомъ она находитъ косвенную помощь, будто бы оказанную Европой православнымъ бойцамъ, такъ какъ оно разомъ избавило ихъ и отъ заботъ объ участи своихъ семействъ, которыя были бы иначе предоставлены въ жертву турецкому неистовству, и отъ „лишнихъ ртовъ!" И то и другое признается газетой *le Monde* за нарушеніе международнаго права. Едва ли свирѣпый Омаръ или кровожадный Тимуръ оказали бы въ этомъ случаѣ болѣе циническое пренебреженіе ко всѣмъ правамъ человѣчества.

Всѣ эти выходки, разумѣется, предприняты газетой *le Monde* не иначе какъ подъ предлогомъ желанія умиротворить Востокъ, но только на основаніи тѣхъ же началъ, которыя предлагаются тою же газетой для насильственнаго умиротворенія Италіи.... Не противъ Порты совѣтуетъ она произвесть, съ этою цѣлью, заслуженное нескончаемыми мистификаціями дипломатическое движеніе, а противъ Греціи, для обузданія которой достаточно было бы-де „вымолвить лишь одно слово," какъ будто и въ Стамбулѣ, также какъ и въ Римѣ, въ основаніи всѣхъ неурядицъ, раздоровъ и междуусобій лежитъ какая-нибудь посторонняя причина, а не единственно пресловутое *non possumus*,—фактическое, хотя и не гласное въ Стамбулѣ, явное въ Римѣ,—и какъ будто и въ Римѣ и въ Стамбулѣ это безвыходное *non possumus* можетъ продлиться иначе какъ при помощи и подъ покровительствомъ предразсудковъ ослѣпленнаго Запада! По мнѣнію *le Monde*, не для Европы, а для Турціи настала нынѣ пора положить предѣлъ многолѣтней долготерпимости въ восточномъ вопросѣ, долготерпимости, сдѣлавшейся наконецъ несовмѣстною съ достоинствомъ всякой великой державы... Стамбулъ готовится-де нанесть Греціи страшную кару, дать ей жестокій, „но заслуженный урокъ." Эта кара, этотъ урокъ будутъ даны, когда Турціи заблагоразсудится (jugera à propos); нуждается же она, для этого, „лишь въ невмѣшательствѣ Европы." Точь въ точь, что отвѣтила Порта на декларацію четырехъ державъ, если вѣрить сегодня принесенному телеграфомъ извѣстію двухъ вѣнскихъ газетъ.

Такимъ образомъ выходитъ, что нынѣ сами защитники Турецкой ѳеократіи требуютъ, чтобы ей лишь развязали руки, и чтобы Европа обратилась въ простаго зрителя событій на Востокѣ... Какъ ни противоположны наши убѣжденія съ мнѣніями французскихъ клерикаловъ, но на этой почвѣ мы вполнѣ сходимся съ ними. Пусть Турція одна рѣшаетъ свою распрю съ малосильнымъ сосѣдомъ, но пусть она одна же рѣшаетъ свою четырехвѣковую борьбу и съ христіанскими мучениками Востока... Пусть точно также Европа остается спокойнымъ зрителемъ естественныхъ затрудненій отживающей свой вѣкъ римской ѳеократіи, и не предпринимаетъ для ея упроченія даже и труда устроить конференцію, въ этомъ случаѣ, повидимому несбыточную. Пусть не вливаетъ дипломатія вина стараго въ мѣхи новые, пусть не связываетъ умиротворенія Европы съ упроченіемъ свѣтской власти римскаго папы и стамбульскаго падишаха. Одна возрожденная Россія оставалась до сихъ поръ вѣрною вездѣ и всегда принципу международнаго

невмѣшательства: она постоянно требовала признанія его, какъ для себя, такъ и для другихъ. Пусть изберетъ этотъ путь и вся Европа. Пусть живетъ въ ней и развивается на свободѣ все то, что одарено собственною, внутреннею жизненностью, и пусть покорится приговорамъ судьбы все то, что живетъ лишь чужими силами и ихъ заѣдаетъ. Въ признаніи этого принципа, безъ сомнѣнія, кроется вѣрнѣйшій залогъ мира и благоденствія Европы...

№ 237.

Москва, 28-го октября.

Положеніе нашей горной промышленности съ нѣкоторыхъ поръ обращаетъ на себя особенное вниманіе правительства. Въ обширной сферѣ занятій податной коммиссіи это одинъ изъ наиболѣе важныхъ предметовъ, и притомъ такой, относительно котораго время не терпитъ. На нашихъ глазахъ западная Европа сдѣлала колоссальные успѣхи въ металлургическомъ, особенно желѣзномъ производствѣ, а Россія, обладающая величайшими въ Европѣ естественными минеральными богатствами, утратила даже то значеніе въ этой отрасли промышленности, которое имѣла прежде, и нынѣ занимаетъ въ этомъ отношеніи послѣднее мѣсто между великими державами. Такъ, по статистическимъ свѣдѣніямъ за 1864 годъ, производство важнѣйшихъ для промышленности и народнаго благосостоянія металловъ было (въ тысячахъ пудовъ) слѣдующее:

	Чугуна.	Желѣза.	Стали.	Мѣди.
Великобританія.	255.612	100.000	12.000	2.244
Франція . . .	73.959	50.559	1.401	538
Пруссія	44.395	27.569	4.366	177
Соединенные Штаты . . .	54.837	25.190	650	850
Россія съ Польшей и Финлянд.	18.256	13.251	176	276

Уже изъ этихъ цифръ достаточно обнаруживается чрезвычайная слабость Россіи, въ особенности по желѣзному производству, которое менѣе мѣднаго находится въ зависимости отъ богатствъ природы; эта слабость выказалась бы еще рѣзче, если бы мы имѣли цифры производства за самые послѣдніе годы, и въ особенности еслибы сравнить его съ количествомъ народонаселенія. Наконецъ, дешевизна цѣнъ иностранныхъ металлическихъ издѣлій въ сравненіи съ нашими всего убѣдительнѣе выставляетъ нашу отсталость. Но при нынѣшнихъ условіяхъ земледѣльческаго и мануфактурнаго производства и при господствѣ въ немъ механическихъ двигателей, слабость страны въ металлургической промышленности, особенно желѣзной, есть признакъ, а отчасти и причина слабости этой страны во всѣхъ отношеніяхъ; при нынѣшнемъ значеніи желѣзныхъ дорогъ, пароходства и металлическихъ приспособленій къ военной оборонѣ, эта слабость должна пагубно отзываться и на политическомъ могуществѣ государства. Можно сказать, что нынѣ промышленная и политическая независимость народа если не измѣряется, то по крайней мѣрѣ въ значительной степени обусловливается количествомъ производимаго имъ желѣза. Вотъ почему такъ необходимо въ общемъ интересѣ озаботиться поднятіемъ нашей горной промышленности, которая именно въ желѣзномъ производствѣ обладаетъ всѣми естественными условіями, чтобы получить первостепенное значеніе въ Европѣ, и вотъ почему всѣ такъ сочувствуютъ намѣренію правительства передать въ частныя руки казенные горные заводы на Уралѣ. Казенное горное хозяйство, которое было у насъ основано, съ одной стороны, на обязательномъ трудѣ и отсутствіи правильнаго учета въ употребленіи казенныхъ денегъ, а съ другой, на удовлетвореніи потребностей арміи и флота, нынѣ послѣ освобожденія горнозаводскаго народонаселенія, послѣ введенія новыхъ правилъ единства кассъ и государственнаго контроля и при заготовленіи военныхъ припасовъ путемъ частной промышленности, оказалось совершенно несостоятельнымъ. Разумно ли было бы подчинять новыя условія времени требованіямъ казенной промышленности, только для того чтобы поддерживать казенные горные заводы, которые, не смотря на всѣ жертвы государственнаго бюджета, неуклонно шли у насъ къ упадку?

Но чтобы предположенная продажа казенныхъ заводовъ могла удаться, необходимо прежде всего поставить нашу частную горную промышленность въ условія благопріятныя для ея успѣховъ. Причины разстройства этой промышленности, претерпѣвшей жестокій кризисъ въ послѣднее время, приблизительно съ 1858 г., весьма сложны. Многое въ этихъ печальныхъ об-

стоятельствахъ обусловлено общимъ ходомъ нашего народнаго хозяйства, и многое принадлежитъ исключительно мѣстнымъ и спеціальнымъ условіямъ горнаго дѣла; но многомъ надобно видѣть зло временное и преходящее, а многое есть зло хроническое. Къ послѣдней категоріи относятся недостатки нашего горнаго законодательства и горной администраціи, въ которыхъ сохранились до сихъ поръ постановленія находящіяся въ полномъ противорѣчіи съ требованіями промышленнаго быта современной Россіи. Предположивъ отказаться отъ казенной горной промышленности въ пользу частной, правительство не можетъ не озаботиться прежде всего устраненіемъ тѣхъ затрудненій встрѣчаемыхъ частною промышленностію, которыя зависятъ отъ его воли, тѣмъ болѣе что измѣненіе нынѣшней системы по отношенію къ частному горному промыслу не только не будетъ сопряжено ни съ какими для казны жертвами, но значительно облегчитъ ее.

Дѣло въ томъ, что частная горная промышленность подлежитъ у насъ стѣсненіямъ, которыя совершенно отнимаютъ у нея характеръ свободнаго промысла и лишаютъ ее всѣхъ жизненныхъ условій развитія. Горный промыселъ подчиненъ у насъ бюрократической опекѣ, какой онъ не испытываетъ нигдѣ въ остальной Европѣ. Эта опека была обусловлена у насъ двумя обстоятельствами, нынѣ потерявшими всякую силу: вопервыхъ крѣпостнымъ правомъ, которое требовало безпрерывнаго правительственнаго вмѣшательства въ отношенія рабочихъ къ заводамъ, и во вторыхъ, многочисленными пособіями казны частнымъ заводчикамъ, получавшимъ отъ казны не только земли, лѣса, рудники, но и людей и деньги (на такъ-называемыхъ поссессіонныхъ заводахъ). Ограниченія права собственности на поссессіонныхъ заводахъ и казенный надзоръ за ихъ дѣйствіемъ таковы, что ихъ почти нельзя называть частными заводами, какими они однако именуются въ нашихъ законахъ и какими хотѣло видѣть ихъ правительство. Еще въ прошедшемъ столѣтіи мы встрѣчаемъ энергическія заботы правительства о развитіи частной горной промышленности преимущественно предъ казенною; лишь въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія оно перешло къ противоположной системѣ, которая привела къ теперешнему порядку вещей. Чтобы дать понятіе о правительственной опекѣ, тяготѣющей надъ поссессіонными заводами, достаточно сказать, что по закону владѣлецъ такого завода не можетъ выстроить его вновь, усилить, уменьшить или вовсе прекратить заводское дѣйствіе, иначе какъ съ дозволенія горнаго правленія. Между тѣмъ поссессіонные заводы господствуютъ во всей нашей частной горной промышленности (на одномъ Уралѣ ихъ считалось въ 1866 году 72 при 1540 рудникахъ и до 56.700 десятинахъ земли), выгоды доставленныя ими казнѣ нельзя считать малозначительными: казна получала главный доходъ свой не съ казенныхъ, а съ поссессіонныхъ заводовъ (такъ съ 1858 по 1860 годъ уральскіе поссессіонные заводы выплачивали ежегодно горныхъ податей, по средней сложности, болѣе 750.000 р.). Говоря формально, правительству невозможно отказать въ правѣ наблюдать за поссессіонными заводами, которые оно снабдило пособіями при ихъ учрежденіи, и на которые ему принадлежитъ теоретическое право собственности, но въ какой степени это наблюденіе было плодотворно, можно видѣть на результатахъ казеннаго надзора за поссессіонными лѣсами, которые должны бы составлять предметъ особенной заботливости горнаго вѣдомства и по закону подлежать строжайшей регламентаціи: разстройство лѣснаго хозяйства есть, какъ извѣстно, величайшее зло на Уралѣ, столько же на заводахъ поссессіонныхъ, какъ и казенныхъ; заводы отличающіеся наиболѣе благоустроеннымъ лѣснымъ хозяйствомъ суть частные (каковы напримѣръ Строгановскіе), изъятые отъ строгаго надзора горнаго вѣдомства, и если въ послѣднее время нѣкоторые поссессіонные заводы, вслѣдствіе крайняго оскудѣнія лѣсовъ, принялись за лѣсоустройство, то случилось это, кажется, по собственной ихъ иниціативѣ, безъ всякаго принужденія со стороны горныхъ властей.

Впрочемъ, не одни только поссессіонные заводы были подчинены правительственной опекѣ, но даже заводы состоящіе на правѣ полной частной собственности. На нихъ также распространились правила нераздробимости горнозаводскихъ имѣній, столь вредно дѣйствовавшія на развитіе у насъ горной собственности. Право вмѣшательства казны въ частные интересы горнаго промысла такъ велико, что на всѣхъ безъ изъятія частныхъ заводахъ бергъ-инспек-

торъ можетъ требовать по своему усмотрѣнію разныхъ измѣненій въ ходѣ работъ и дѣйствіи машинъ. Еще сильнѣе отрицательное дѣйствіе правительственной опеки, поддерживающей существованіе плохо управляемыхъ заводовъ и дающей имъ возможность продавать свои продукты по такой дешевой цѣнѣ, которая подрываетъ прочихъ заводчиковъ. Кромѣ того, поссессіонные заводы не могутъ быть продаваемы за частные долги владѣльцевъ, пока они не пришли *въ упадокъ и. бездѣйствіе*. Понятно вліяніе подобныхъ порядковъ на заводское хозяйство, въ особенности когда съ другой стороны казна, выдавая денежныя пособія лишь наиболѣе разстроеннымъ заводамъ, искусственно поддерживаетъ ихъ *дѣйствіе*, въ ущербъ заводчикамъ состоятельнымъ, подпадающимъ невыносимому неудобству неправильной конкурренціи.

Не трудно угадать результаты этой системы отживающей свой вѣкъ: она подчиняетъ всѣхъ частныхъ горныхъ заводчиковъ начальству казенныхъ заводовъ и заставляетъ ихъ искать своихъ промышленныхъ выгодъ въ болѣе или менѣе дружелюбныхъ отношеніяхъ къ начальствующимъ лицамъ, которыя располагаютъ правомъ смягчать и усиливать правила надзора; сверхъ того, она благопріятствуетъ безпорядочнымъ заводчикамъ, которые получаютъ субсидіи пропорціонально упадку своихъ дѣлъ, и конечно всего менѣе расположены жертвовать чѣмъ-нибудь для ихъ исправленія? При этой системѣ вести дурно свое хозяйство выгоднѣе, нежели вести его исправно и тѣмъ самымъ лишать себя права на казенныя пособія.

Въ настоящее время пересматривается въ податной коммиссіи горный уставъ, и именно та его часть, которая относится до частныхъ заводовъ. Нельзя не посѣтовать на скудость свѣдѣній, сообщаемыхъ публикѣ объ этомъ пересмотрѣ: въ томъ обзорѣ, который читатели найдутъ въ сегодняшнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ* къ нашей газетѣ, ему помѣщено лишь нѣсколько строкъ. Надо надѣяться, что коммиссія, въ которую приглашены и частные заводчики, обратитъ вниманіе на преобразованіе горнаго законодательства въ такомъ смыслѣ, чтобы горный промыселъ былъ поставленъ въ общія условія свободной промышленности и подведенъ подъ дѣйствіе общаго гражданскаго права. Первымъ необходимымъ для этого шагомъ было бы полное разобщеніе надзора надъ частными заводами съ вѣдомствомъ казенныхъ заводовъ. Это вѣдомство находится въ совершенно неестественныхъ условіяхъ, вслѣдствіе возложенной на него обязанности покровительствовать развитію частной промышленности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже распоряжаться ею и въ то же время конкуррировать съ нею. Ожидать ли еще, что начальство казенныхъ заводовъ будетъ содѣйствовать успѣхамъ предполагаемой мѣры, которая должна замѣнить его дѣло развитіемъ частной предпріимчивости? Надзоръ за частными заводами долженъ ограничиваться сборомъ горныхъ податей, который можетъ производиться и внѣ горнаго вѣдомства; что же касается до безопасности рудничныхъ и заводскихъ работъ, дающей обыкновенно поводъ къ наблюденію за ними со стороны горнаго вѣдомства, то эта часть должна входить въ вѣдѣніе общихъ полицейскихъ властей, какъ во всѣхъ прочихъ отрасляхъ заводской промышленности. Вотъ, если не ошибаемся, главныя потребности нашихъ горныхъ заводчиковъ; вотъ ихъ главныя желанія, заявляемыя ими нынѣ съ большимъ знаніемъ дѣла. Въ непродолжительномъ времени мы не преминемъ напечатать нѣсколько статей, начинающихъ теперь доходить до насъ отъ горныхъ заводчиковъ по этому первоклассному вопросу нашего времени.

№ 238.

Москва, 30-го октября.

Насъ часто обвиняли будто мы вызываемъ мечтательные призраки на берегахъ Вислы и Балтійскаго моря. Нѣкоторые изъ этихъ приверженцевъ польщизны или нѣмечины внутри Русскаго государства старались распространить мнѣніе, будто мы проповѣдуемъ междуусобную вражду.

Не трудно однакоже доказать, основываясь на сознаніи самихъ обвинителей нашихъ, что къ несчастію польскій вопросъ еще существуетъ со всѣми свойственными ему опасностями,—но и съ тѣмъ постояннымъ свойствомъ своимъ, что онъ наша собственная ошибка и что онъ опасенъ не самъ по себѣ, а только какъ орудіе враждебныхъ Россіи политическихъ интригъ. Это въ самомъ дѣлѣ призракъ, только не *Московскими Вѣдомостями* вызванный, а

напротивъ, ими изобличаемый въ его призрачности, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ иностранныя вліянія начали залугивать имъ Россію. Бояться слѣдуетъ не этого призрака, а того настроенія въ насъ самихъ, которое дозволило бы намъ убаюкивать себя безсмысленными надеждами на примиреніе съ польщизной, враждебною нашему государству и въ немъ одномъ почерпающею силы вредить ему сообразно интересамъ того или другаго иностраннаго правительства.

Дабы доказать что польскій вопросъ еще шевелится, стоитъ лишь сгруппировать факты, которые такъ знаменательно сцѣпляются и совпадаютъ между собою, что не предстоитъ никакой надобности въ ихъ истолкованіи.

Вотъ, напримѣръ, что съ мѣсяцъ назадъ, именно 2-го октября, было сказано въ органѣ ультрамонтанской журналистики, въ парижской газетѣ *l'Union*. „Наконецъ-то опять заговорили о героической и злополучной Польшѣ! И говорятъ о ней то что мы уже предсказывали много лѣтъ назадъ!.. Признаютъ справедливость нашихъ всегдашнихъ настояній; что перемѣны совершившіяся или имѣющія совершиться въ положеніи Запада требуютъ возстановленія государства, котораго исторія столь достославными узами связана съ исторіей христіанства; что для отпора усиліямъ нарушить европейское равновѣсіе надобно возстановить государство лежащее между Германіей и Россіей; что это государство должно быть славянское, дабы служить оплотомъ отъ панславизма, католическое дабы остановить распространеніе схизмы; и что одно лишь Польское королевство способно исполнить это призваніе."

Это былъ первый сигналъ, первое полонофильское воззваніе отъявленнаго органа папской нунціатуры въ Парижѣ. Только этого повидимому и ждали, чтобъ обнищими силами приняться за дѣло: *Черезъ двое сутокъ* послѣ того, то-есть *4-го октября*, вице-президентъ австрійскаго рейхсрата, г. Земляковскій, высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ, излагая программу польской партіи въ Австріи: „Мы хотимъ, сказано въ этой программѣ, чтобъ Австрія была сильна, способна исполнить выпавшее на ея долю назначеніе развить политику и жизнь національностей, составить оплотъ противъ русскаго абсолютизма и азіатскаго варварства... Въ государствѣ, такомъ какъ Австрія, составленномъ изъ разныхъ національностей, необходимо дать имъ свободу... Тогда австрійскіе народы, вмѣсто наклонности къ иностранцамъ, будутъ, напротивъ, привлекать къ себѣ *своихъ братьевъ по племени живущихъ внѣ Австріи.*"

Четыре дня спустя, то-есть 8-го октября, въ *Liberté* писали слѣдующее изъ Константинополя: „Бывшій польскій диктаторъ Лянгевичъ получилъ отъ султана позволеніе вербовать польскихъ выходцевъ, живущихъ въ Австріи, Франціи и Швейцаріи, дабы сформировать изъ нихъ два отряда волонтеровъ, которымъ сборными пунктами назначены деревни Тульча и Исакча. Этимъ отрядамъ будетъ поручено наблюдать за происками русскихъ агентовъ въ Болгаріи."

Изъ этого уже можно получить понятіе о той солидарности усилій, въ которой, какъ не разъ было замѣчено, поборники папы сходятся съ защитниками оттоманскаго владычества надъ христіанами Балканскаго полуострова, а тѣ съ возстановителями Польши въ предѣлахъ 1772 г. Но вотъ, послѣ этой мелкой перестрѣлки, не замедлило раздаться и слово главнокомандующаго: оно прогремѣло съ высоты римскаго престола 17-го октября, папа Пій IX издалъ энциклику, въ которой, послѣ сильныхъ изліяній гнѣва противъ Италіи, сыплетъ свои проклятія на Россію, утверждая будто католическая церковь и ея дѣти въ Русской имперіи и Царствѣ Польскомъ предаются стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ," исчисляетъ всѣ клеветы, распространяемыя противъ нашего правительства, и прибѣгаетъ ко всѣмъ пособіямъ ватиканскаго краснорѣчія, дабы побудить польское духовенство къ продолженію мрачныхъ козней противъ Россіи. Наконецъ, въ своемъ раздраженіи, Пій IX не скупится и на духовныя щедроты римской церкви, обѣщая полное отпущеніе грѣховъ тѣмъ, кто молитвами своими присоединится къ этимъ гнѣвнымъ демонстраціямъ римской куріи.

Вникнемъ однакоже въ сущность дѣла. Папа Пій IX съ своимъ гнѣвомъ не есть что-либо роковое. Это случайность, и мы должны же наконецъ сознаться,—случайность нами вызванная и поддерживаемая. Самъ по себѣ римскій католицизмъ не имѣетъ повода враждовать съ Россіей бо-

лѣе чѣмъ съ какою-либо другою не-католическою державой; онъ враждуетъ съ нами потому, что въ нашихъ предѣлахъ онъ связанъ съ полонизмомъ,—а не въ нашей ли было власти содѣйствовать ихъ разъединенію? Съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія онъ гораздо ближе къ православію чѣмъ къ протестантизму; онъ былъ бы столько же, если еще не болѣе, непріязненъ къ Пруссіи, еслибъ эта держава поставила себя въ такое же какъ мы отношеніе къ нему. Но какъ поступаетъ Пруссія? Недавно обнародованная депеша графа Бисмарка по италіянскимъ дѣламъ — документъ весьма интересный и даже поучительный.

Тотчасъ по обнародованіи папской энциклики, Австрійскій императоръ и его государственный канцлеръ отправились въ Парижъ. Они взяли съ собою туда князя Сапѣгу, который принадлежалъ къ корифеямъ послѣдняго мятежа и былъ президентомъ жонда въ Галиціи. Это, говорятъ намъ, не простая демонстрація, это первый шагъ въ томъ крестовомъ походѣ противъ Россіи, который провозглашенъ въ Римѣ. И вотъ предъ нашимъ воображеніемъ рисуется баронъ Бейстъ какъ фанатикъ папской энциклики, желающій заслужить себѣ отпущеніе тяжкихъ грѣховъ совершаемыхъ имъ въ борьбѣ съ конкордатомъ. Не поспѣшитъ ли намъ отказаться отъ всякаго сочувствія австрійскимъ Славянамъ, даже тѣмъ которые пострадали за свою поѣздку въ Москву? Австрійскіе Славяне охладѣютъ къ Россіи, а Австрія успокоится, но изъ благодарности къ намъ не воспользуется унынiемъ своихъ славянскихъ населеній для враждебныхъ славянскому элементу дѣйствій какъ на востокѣ, такъ и въ своихъ предѣлахъ. Но этого мало. Во французскихъ газетахъ напечатано множество подробностей о пріемѣ сдѣланномъ князю Сапѣгѣ въ Парижѣ. Его представилъ Наполеону III самъ императоръ Францъ-Іосифъ. Онъ былъ приглашенъ къ семейному завтраку въ Сенъ-Клу. Императрица Евгенія осыпала его ласками. На банкетѣ, въ Парижской ратушѣ, князь Сапѣга едва не удостоился почестей, подобающихъ коронованнымъ особамъ. Самыя сокровенныя и знаменательныя подробности о пребываніи князя Сапѣги въ Парижѣ сообщаетъ австрійская газета *Neue freie Presse* отъ 2-го ноября. Въ ней напечатано, между прочимъ, слѣдующее: „Въ Парижѣ, подъ предсѣдательствомъ князя Сапѣги, происходили совѣщанія о польскихъ дѣлахъ. Съ этою цѣлію князь созвалъ въ Парижѣ многихъ членовъ первыхъ польскихъ фамилій русской, австрійской и прусской Польши. Какъ слышно, князь Сапѣга намѣренъ составить прокламацію отъ имени Поляковъ, въ которой они выскажутъ предъ всею Европой свои желанія и намѣренія. Увѣряютъ также, что князь Сапѣга дѣйствуетъ съ одобренія правительствъ австрійскаго и французскаго.“

Таково будто бы положеніе дѣлъ. Австрія, которая дѣлаетъ теперь въ Галиціи уступки русскому элементу, рискуя озлобить польскую партію, въ то же время будто бы помогаетъ стремленіямъ, долженствующимъ вести къ возстановленію старой Польши и слѣдовательно, рано или поздно, къ раздробленію Австріи: вѣроятно ли это? Франція, которая теперь такъ запуталась въ затрудненіяхъ безъ числа рѣшается на дѣйствія, раздражающія противъ нее и Россію, одну изъ великихъ державъ, которая менѣе чѣмъ всякая другая расходится съ нею въ своихъ національныхъ интересахъ и болѣе чѣмъ всякая другая могла бы дѣйствовать съ нею сообща по всѣмъ европейскимъ вопросамъ: какимъ ослѣпленіемъ объяснить такую странную политику? Франція стоитъ теперь противъ Пруссіи, и если не рѣшается на войну съ нею, то въ ней единственно видитъ опасность для своего будущаго международнаго положенія, а потому употребляетъ всѣ средства своей политики, чтобъ оградить себя отъ этой опасности. Не очевидно ли, что каждый шагъ, который дѣлаетъ Франція противъ Россіи, долженъ быть направленъ только противъ предполагаемой прусской союзницы? Ведя съ Пруссіей подземную борьбу, Франція тѣмъ болѣе принуждена лавировать, что за Пруссіей въ большей части случаевъ стоитъ Англія. Стараясь дать намъ себя почувствовать, Франція не можетъ не принимать въ разчетъ видовъ своей морской сосѣдки, и вотъ, какъ самое дешевое орудіе, является на сцену польскій вопросъ, о которомъ ни Франція, ни Англія, ни Австрія серіозно не думаютъ и которому теперь онѣ даже не могутъ дать хода, еслибъ онъ возникъ помимо ихъ воли.

Совокупность возобновленія польскихъ козней и опасностей, которыми оно угрожаетъ, не укрылась отъ бдительности ор-

гановъ Берлинскаго кабинета. Надняхъ мы упоминали о статьѣ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которая вдругъ, забывъ всѣ дѣла: и римскій вопросъ, и договоры съ южно-германскими государствами, встревожилась за успѣхъ руссификаціи нашего западнаго края и осыпала достодолжными порицаніями угрозы поджогомъ и убійствомъ, дѣлаемыя польскимъ помѣщикамъ западнаго русскаго края, если они будутъ продавать свои помѣстья въ русскія руки. *Cavete, caeste ne quid detrimenti capiatis*, какъ бы взываетъ къ намъ прусскій официозный органъ, а въ сущности только запугиваетъ насъ, чтобы мы живѣе почувствовали потребность въ пожертвованіи всѣми нашими интересами союзу съ Пруссіей.

Вотъ польскій вопросъ со всѣми его страхами. Какъ въ 1863 году, такъ и теперь, онъ есть лишь средство вліять на союзы Россіи.

Всякій союзъ хорошъ, если согласенъ съ національными интересами, которые въ Россіи вполнѣ тождественны съ интересами династическими. Всѣ интересы наши были въ Германіи на сторонѣ второстепенныхъ державъ и Даніи. Пруссія, во имя союза съ нами, потребовала отъ насъ, чтобы мы ей пожертвовали этими интересами; — но чѣмъ она вознаградила насъ, чѣмъ она можетъ вознаградить насъ? Объ уступкѣ по германскимъ дѣламъ было бы напрасно заводить съ ней рѣчь. Объединеніе Германіи есть призваніе Пруссіи, и она вѣритъ, что, идя этимъ путемъ, совершаетъ великую историческую задачу. Но есть другія области европейской политики, въ которыхъ, казалось бы, Пруссія можетъ безъ ущерба для себя оказать намъ услугу; казалось бы, она можетъ пособить намъ на Востокѣ. Но это ошибка. Пруссія есть главный врагъ славянскаго міра, гдѣ центръ нашихъ историческихъ симпатій и главныя основанія нашей истинной силы въ Европѣ. Наконецъ, Пруссія естественно связана съ Англіей, и никогда не сдѣлаетъ ничего вопреки ей въ столь существенномъ для Англіи вопросѣ, какъ Восточный. Искательство нашей дружбы со стороны Пруссіи есть не что иное какъ политическая интрига, портящая наше международное положеніе и вредящая ходу событій въ мірѣ греко-славянскомъ. Дружба наша съ Пруссіей можетъ только обдѣлать дѣла этой державы, во вредъ намъ самимъ. Жертвами, которыя принесли бы мы на алтарь этого союза, купимъ мы въ будущемъ гораздо бо́льшія затрудненія и опасности чѣмъ какія предстоятъ намъ теперь.

Телеграфъ принесъ намъ сегодня вѣсть, что Франція разослала циркуляры о конференціи ко всѣмъ державамъ, кромѣ Турціи и Греціи. Что Турція не приглашается къ сужденію о свѣтской власти папы, это въ порядкѣ вещей, но какъ объяснить, что обойдена Греція, когда приглашены всѣ самыя мелкія государства Европы? Мы не сомнѣваемся, что достоинство, такъ ревниво охраняемое нашею дипломатіей, не дозволитъ Россіи принять участіе въ общей европейской конференціи, изъ которой исключена Греція, которая очевидно расплачивается тутъ единственно за нашъ союзъ съ Пруссіей. Печальнѣе всего то, что декларація четырехъ державъ поданная Портѣ нисколько не поколебала ея фондовъ, но отозвалась паденіемъ греческихъ... Значитъ, дѣйствіе оказалось не то какое ожидалось.

№ 239.

Москва, 31-го октября.

Въ иностранныхъ газетахъ появилась телеграмма, извѣстившая Европу, что одна изъ петербургскихъ газетъ подверглась дѣйствію карательной цензуры за порицаніе политики Наполеона III по италіянскому вопросу. Такъ-называемыя предостереженія суть предметъ трудный и не всегда ясный для изученія, а потому, во избѣжаніе недоразумѣній, мы безъ особенныхъ поводовъ не касаемся этихъ актовъ и рѣдко вникаемъ въ нихъ, дабы извлечь что-либо поучительное для публики. Но благодаря вышеупомянутой телеграммѣ, маленькій официяльный текстъ зазвучалъ живымъ краснорѣчіемъ, и предостереженіе данное газетѣ *Голосъ* пріобрѣло европейскій интересъ, и стало предметомъ политическихъ соображеній въ иностранной печати.

Въ статьѣ *Голоса*, подвергшейся предостереженію, дѣйствительно обсуждаются отношенія, въ которыя поставилъ себя императоръ Наполеонъ III къ Риму и Италіи, по случаю послѣднихъ событій. Въ предостереженіи указано, впрочемъ, только на тонъ сужденія этой газеты, который найденъ неприличнымъ. Приличіе тона есть вопросъ весьма неопредѣленный; но въ

нашемъ законодательствѣ о печати очень опредѣленно предусмотрѣнъ случай оскорбленія иностранныхъ коронованныхъ особъ, и установлены за то соотвѣтственныя кары. Въ какой мѣрѣ отзывы объ императорѣ Наполеонѣ въ упомянутой статьѣ могутъ считаться предосудительнымъ оскорбленіемъ коронованной особы? Еслибы возникъ такой вопросъ, то рѣшить его могъ бы только судъ, которому предоставлено примѣненіе закона. Что же касается до министерскихъ предостереженій, или дѣйствій такъ-называемой карательной цензуры, то они не стѣсняются положеніями закона, и въ своихъ основаніяхъ ускользаютъ отъ оцѣнки. Это не есть примѣненіе закона; это есть дѣло личнаго усмотрѣнія, не рѣдко остающагося въ своихъ побужденіяхъ тайной не только для публики, но и для лицъ, имъ постигнутыхъ.

Но въ настоящемъ случаѣ, въ публикѣ распространяется съ большою настойчивостію слухъ, который невозможно оставить безъ протестаціи, потому что онъ вноситъ смуту въ умы, бросаетъ тѣнь на правительство, и глубоко оскорбляетъ высоко поднятое въ нашемъ обществѣ чувство національнаго достоинства. Разказываютъ, съ разными подробностями, будто бы предостереженіе, о которомъ идетъ рѣчь, дано *Голосу* непосредственно по настоянію французскаго посла, и будто бы вопреки единогласному мнѣнію совѣта по дѣламъ печати, о которомъ обязательно упоминается въ текстѣ предостереженій. Вотъ еще новый признакъ той неутомимой интриги, которая пользуется всѣми средствами для того чтобы распространять всяческую ложь въ нашемъ обществѣ, подкапываясь подъ національную, соотвѣтственную интересамъ и достоинству страны политику, провозглашенную нашимъ правительствомъ. Замѣчательно, что слухъ этотъ пущенъ почти тотчасъ же вслѣдъ за весьма энергическими и исполненными достоинства объясненіями въ *Journal de St.-Petersbourg*, въ которыхъ органъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, по поводу возбужденнаго во французскихъ газетахъ вопроса, засвидѣтельствовалъ о полной независимости русскаго общественнаго мнѣнія въ его сужденіяхъ о предметахъ политическихъ. Иностранный посолъ не властенъ обращаться къ нашему правительству съ своими претензіями иначе какъ чрезъ государственнаго канцлера, управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Но можно ли хотя на минуту допустить мысль, чтобы князь А. М. Горчаковъ взялся быть исполнителемъ требованій иностраннаго правительства по отношенію къ русскому общественному мнѣнію или печати? Можно ли допустить, чтобъ именно князь Горчаковъ, столь чуткій ко всему что̀ касается чести русскаго имени, національнаго достоинства Россіи, дозволилъ обратиться къ себѣ съ такими требованіями, признаніе которыхъ ослабляло бы нашу національную политику и подчиняло бы русскую печать чужеземной власти, какъ будто бы дѣло шло не о Россіи, а о какомъ-нибудь третьестепенномъ государствѣ, въ которомъ всякій посторонній потентатъ можетъ распоряжаться по произволу? Независимость и достоинство державы не допускаютъ, чтобъ иностранное правительство могло преслѣдовать въ ней даже своихъ преступниковъ, иначе какъ предъ судомъ, на основаніи законовъ. Какъ же думать, чтобы правительство Россіи могло низойдти до степени исполнительнаго органа повелѣній иностраннаго государя или требованій его посла? Пусть статья упомянутой петербургской газеты дѣйствительно заключаетъ въ себѣ то, что̀ предусматривается закономъ какъ преступное оскорбленіе иностраннаго государя: тѣмъ проще дѣло, тѣмъ яснѣе путь который открытъ для иностраннаго правительства въ подобномъ случаѣ. Представителю его нѣтъ повода обращаться къ административнымъ властямъ; онъ долженъ поступить такъ, какъ принужденъ былъ бы въ подобномъ случаѣ поступить представитель Россіи при иностранномъ дворѣ, то-есть обратиться къ закону, или что̀ то же къ суду, который дѣйствуетъ одинаково, кто бы къ нему ни обращался, имѣя въ виду только примѣненіе закона.

Мы безусловно и рѣшительно отрицаемъ основательность слуха, насколько по крайней мѣрѣ онъ можетъ касаться министерства иностранныхъ дѣлъ.

Еслибы можно было повѣрить, что этотъ возмутительный слухъ, пущенный въ ходъ неразборчивою въ своихъ средствахъ интригой, имѣетъ какое-либо основаніе, еслибы дѣйствительно иностранное правительство распорядилось безъ суда съ русскимъ подданнымъ внутри Россіи, и дало предостереженіе одному изъ органовъ ея общественнаго мнѣнія, то это было бы самымъ

тяжкимъ оскорбленіемъ, какое только можно было бы нанести нашей народной чести въ лицѣ всякаго мыслящаго Русскаго; это было бы случаемъ еще безпримѣрнымъ у насъ. И еслибы подобный случай могъ статъ прецедентомъ, то всякому честному публицисту въ Россіи оставалось бы только сломать свое перо. Въ прежнюю пору, у насъ печати не было, а была только цензура, и о русскомъ общественномъ мнѣніи никто не спрашивалъ. Проступки печати были собственно проступками цензуры, и если при отвѣтственности цензора издатели и писатели не освобождались отъ взысканій, то дѣла подобнаго рода не имѣли публичнаго характера и не подлежали судамъ, ибо въ то время не было ни судовъ устроенныхъ такъ чтобъ они могли вѣдать проступки печати, ни закона о печати, ни самой печати, впервые созданной закономъ опредѣлившимъ ея права и обязанности.

Распространенный въ публикѣ слухъ о томъ, будто бы французскій посолъ обращался къ нашей администраціи съ требованіемъ безъ суда подвергнуть карѣ русскую газету, между тѣмъ какъ французское правительство, въ случаѣ какого-либо неудовольствія со стороны Россіи, не могло бы удовлетворить ее подобнымъ образомъ,—такъ нелѣпъ, что мы не сочли бы нужнымъ опровергать его, еслибъ онъ, повторяемъ, не распространялся слишкомъ настойчиво и не грозилъ внести еще новую смуту въ наши отношенія къ Франціи. Чѣмъ желательнѣе, чтобы между Россіей и Франціей установились дружелюбныя отношенія, чѣмъ настоятельнѣе требуютъ этого истинные интересы обѣихъ націй, тѣмъ неутомимѣе должна дѣйствовать интрига для того чтобъ усиливать недоразумѣнія и возбуждать безпредметныя антипатіи между ними. Что значитъ какая бы то ни была газетная статья предъ тѣмъ чувствомъ глубокаго и справедливаго оскорбленія, которое почувствовала бы русская публика, еслибы въ самомъ дѣлѣ произошло что-либо подобное тому что молва разсказываетъ? Мы сочли своимъ долгомъ протестовать отъ имени русской печати, повинуясь двоякому побужденію: съ одной стороны, чтобы пресѣчь эту фальшивую молву, которая роняетъ достоинство нашего правительства предъ чужестранною державой, глубоко оскорбляетъ нашу народную честь и ставитъ русскую печать въ фальшивое положеніе; съ другой,—чтобы способствовать по возможности устраненію и предваренію всего что могло бы внести новый элементъ недоразумѣнія и смуты между двумя націями, взаимныя отношенія которыхъ, къ сожалѣнію, рѣдко соотвѣтствуютъ ихъ истиннымъ интересамъ и естественнымъ тяготѣніямъ.

№ 240.

Москва, 1-го ноября.

Римъ, Италія, французское вмѣшательство, европейская конференція о свѣтской власти папы, вотъ около чего вращаются теперь всѣ политическіе толки въ Европѣ, и о чемъ гласятъ всѣ телеграммы.

Надняхъ еще вокругъ „вѣчнаго города“ стояли четыре лагеря, ожидавшіе только сигнала, или просто случая, дабы начать кровопролитіе. Достаточно было малѣйшаго упущенія, малѣйшей неосторожности, чтобы произошло столкновеніе, которое отозвалось бы въ цѣлой Европѣ. Слѣпая случайность, казалось, должна была рѣшить судьбу всего образованнаго міра; но истинная сила была въ тѣхъ побужденіяхъ, которыя таятся въ основаніи даннаго положенія дѣлъ.

Силой, влекущею къ безотлагательному кровопролитію, является въ настоящемъ случаѣ свѣтская власть христіанскаго пастыря, вовлеченнаго неестественностью своего положенія въ противорѣчіе съ тѣмъ ученіемъ, коего блюстителемъ онъ считаетъ себя на землѣ. Только римское правительство желаетъ, чтобы миръ былъ нарушенъ, чтобы прорвалась война и чтобы война была поведена до послѣдней крайности. Оно требуетъ не только упроченія за нимъ его настоящихъ владѣній, но и возвращенія прежнихъ; оно можетъ успокоиться только на развалинахъ Италіи.

Что бы ни говорили ультрамонтанскіе публицисты, но стоитъ безпристрастно вникнуть въ желанія главныхъ враговъ папизма, чтобъ убѣдиться, что для нихъ война была бы самою прискорбною необходимостью. Даже гарибальдійской партіи нужно было только одно: устраненіе тѣхъ вліяній, которыми искусственно и насильственно поддерживается существованіе политическаго тѣла, уже давно лишеннаго всякой жизненности, всякой внутренней силы. Предоставленная защитѣ однихъ сво-

ихъ зуавовъ, папская власть не была бы въ состояніи совладать даже и съ собственными подданными; главная защита папы была въ Антибскомъ легіонѣ,—контингентѣ, который, въ прямое нарушеніе сентябрьской конвенціи, составился при содѣйствіи французскаго правительства,—и въ нравственной опорѣ этого правительства, стоявшей въ видѣ резерва за Антибскимъ легіономъ. Не будь всего этого, и зданіе свѣтской власти римскаго епископа пало бы даже безъ вторженія гарибальдійскихъ волонтеровъ....

Но теперь дѣло уже не между гарибальдійскими дружинами и папскими войсками, теперь дѣло между Италіей и Франціей,—и легко понять что ни та, ни другая не имѣютъ побужденія вступить въ борьбу, а напротивъ обѣ имѣютъ основательныя причины избѣгать столкновенія. Всякому понятно, что первый французскій выстрѣлъ противъ итальянской арміи тяжело отзовется во Франціи и въ ея дѣлахъ съ Германіей; всякому понятно также, что война съ Франціей неотвратимо подчинила бы Италію замысламъ алчной и властолюбивой берлинской политики. Что такія соображенія руководятъ всѣми дѣйствіями Италіи и Франціи, это доказывается рядомъ документовъ, обнародованныхъ обоими правительствами въ послѣднее время,—итальянскимъ, подъ гнетомъ вопроса о самомъ существованіи Италіи,—французскимъ, въ виду волненія домашнихъ ультрамонтановъ, сердито попрекающихъ Наполеону III содѣйствіемъ, оказаннымъ ими избранію и воцаренію его. Нѣтъ сомнѣнія, что оба правительства, итальянское какъ и французское, находятся теперь въ положеніи стѣсненномъ, и что вопросъ для каждаго изъ нихъ заключается не въ томъ, *желаетъ* ли, а въ томъ, *можетъ* ли противная сторона согласиться на какія-нибудь уступки. Вотъ черта довольно характеристическая: какъ французскій, такъ и итальянскій министръ должны были пожертвовать своими личными, всѣмъ извѣстными сочувствіями, уступая необходимости даннаго положенія дѣлъ. Маркизъ де-Мутье, подписавшій циркуляръ отъ 25-го октября, которымъ Франція слагаетъ на Европу заботу о сохраненіи свѣтской власти папы, есть шуринъ и другъ монсиньйора де-Мерода; а генералъ Менабреа подписавшій циркуляръ отъ 30-го октября, которымъ оправдывается вторженіе итальянскихъ войскъ въ Папскую Область, едва ли не ревностнѣйшій папистъ всей сѣверной Италіи, что засвидѣтельствовано даже епископомъ Дюпанлу. Но для Италіи, разрѣшеніе Римскаго вопроса стало теперь центромъ ея династическихъ, монархическихъ и національныхъ интересовъ; для Франціи же, разрѣшеніе этого вопроса въ интересѣ савойской династіи итальянскаго единства стало вопросомъ о сохраненіи ея собственнаго значенія въ Европѣ, хотя бы и цѣною внутренней борьбы съ властолюбіемъ ультрамонтановъ.

Наполеонъ III, очевидно, имѣетъ въ виду удовлетворить потребностямъ Италіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя бы только на первое время, успокоить волненіе французскаго ультрамонтанства. Эта двоякая цѣль высказана весьма ясно первымъ циркуляромъ маркиза де-Мутье, гдѣ, въ угоду Италіи, обѣщалось, что занятіе Рима будетъ только временное, и намекалось на возможность пересмотра сентябрьской конвенціи: а въ успокоеніе французскихъ ультрамонтановъ давалось разумѣть, что свѣтская власть папы будетъ запечатлѣна ручательствомъ цѣлой Европы. На дѣлѣ оказалось, что эта попытка не удовлетворила никого: Италія не могла безъ ущерба своему достоинству допустить, чтобы Папскія Владѣнія были заняты лишь одною изъ договорныхъ сторонъ сентябрьской конвенціи; французскіе ультрамонтаны не безъ причины признали обѣщанную имъ конференцію по Римскому вопросу за уловку Тюльерійскаго кабинета, искавшаго освободиться отъ тяготѣющей надъ нимъ отвѣтственности; наконецъ, изъ европейскихъ державъ, Англія, какъ сообщали намъ изъ Парижа, уже объявила словесно французскому министру иностранныхъ дѣлъ, что она не находитъ возможнымъ принять участіе въ конференціи для разрѣшенія Римскаго вопроса, если въ основаніи созываемой конференціи будетъ со стороны Франціи замѣтно предвзятое рѣшеніе о сохраненіи свѣтской власти папы.

Въ виду новыхъ затрудненій, немедленно пріисканы новыя мѣры. Писанная собственною рукой императора (намъ сообщаютъ это за вѣрное) и напечатанная безъ вѣдома министровъ, нота *Монитера* заявила, въ отвѣтъ Англіи, что Римскій вопросъ безусловно предоставляется обсужденію и рѣшенію цѣлой Европы. Но отвѣчать на вторженіе Италіи въ Папскія

Владѣнія и на циркуляръ генерала Манабреи отъ 30-го октября было трудно въ виду волненій ультрамонтановъ, ободренныхъ успѣхомъ своей агитаціи въ пользу занятія Рима. Какъ выраженіе этой трудности, появилась депеша отъ 1-го ноября, которою маркизъ де-Мутье извѣщалъ французскаго повѣреннаго во Флоренціи, что вступленіе италіянскихъ войскъ въ Папскую Область признается французскимъ правительствомъ за „дѣйствіе“ противное „международному праву,“ и что Италія отнюдь не можетъ ожидать, со стороны Тюльерійскаго кабинета, даже „безмолвнаго одобренія“ (adhésion tacite) поступка, который онъ постоянно „порицалъ и отсовѣтывалъ.“ Эта выдержка есть самое грозное мѣсто депеши отъ 1-го ноября. Клерикальная французская печать уже замѣтила, что при подобныхъ обстоятельствахъ, въ 1860 году, французское правительство протестовало несравненно сильнѣе и даже отозвало своего уполномоченнаго изъ Турина, два года спустя, хотя оно же признало совершившіеся факты. Ослѣпленные своими антипатріотическими враждами, французскіе клерикалы не замѣчаютъ значительнаго, созданнаго событіями, различія между отношеніями Франціи къ Италіи, въ 1860 и въ 1867 году. Въ первомъ случаѣ рѣшался вопросъ объ италіянскомъ единствѣ; теперь же предстояло избѣжать того, что могло бы принудить Италію обратить свое единство во вредъ Франціи и на поддержку ея враговъ. Дѣйствительно, не только французскій повѣренный во Флоренціи не былъ отозванъ, но 3-го ноября, въ девять часовъ утра, несмотря на назначенную въ тотъ день поѣздку въ Компьенъ и завтракъ у императора Австрійскаго, Наполеонъ III давалъ продолжительную аудіенцію, съ глазу на глазъ, прибывшему въ ту же ночь генералу Ламармерѣ, и, какъ видно, результаты этой аудіенціи согласны съ потребностями французской позиціи на Рейнѣ, не смотря на досаду и злобу тѣхъ Французовъ, по убѣжденію которыхъ интересы ихъ отечества должны безусловно подчиняться интересамъ чужаго государства, поставляемаго ими въ неразрывную и вмѣстѣ фальшивую связь съ ихъ религіозными требованіями.

Наконецъ, Италія вывела свои войска изъ Папской Области, и тѣмъ уравняла для Тюльерійскаго кабинета путь устуnокъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ замѣтка въ *Монитерѣ*, о которой извѣщаетъ сегодняшняя телеграмма изъ Парижа.

Телеграмма передала намъ сегодня сущность новаго, только что обнародованнаго италіянскимъ правительствомъ циркуляра, который является какъ бы результатомъ переговоровъ и соглашеній съ императоромъ Французовъ. Италіянскій министръ заявляетъ, что французское вмѣшательство становится теперь излишнимъ. Такое напоминаніе казалось нужнымъ для того чтобы поддержать достоинство италіянскаго правительства и колеблющійся авторитетъ его въ самой Италіи. Дѣйствительно, слухи довольно положительные, о которыхъ сообщается въ сегодняшнемъ нашемъ нумерѣ, увѣряютъ, что французскія войска возвратятся въ Тулонъ къ 20-му ноября. Но особенно важно и знаменательно то, что генералъ Менабреа именно теперь, въ виду французскихъ войскъ занимающихъ Римъ, въ дипломатическомъ документѣ, настаиваетъ на трудности продолженія свѣтской власти папы и предоставляетъ самой Италіи разрѣшеніе Римскаго вопроса.

№ 241.

Москва, 2-го ноября.

Въ виду той медленности съ которою подвигается впередъ, если только подвигается, обрусеніе западнаго края, и при всеобщемъ теперь, благодаря Бога, сознаніи важности этого дѣла не только для будущаго Россіи, но даже для ея существованія въ настоящемъ, невольно вкрадывается въ публику унылое чувство безпомощности и западаетъ сомнѣніе: нѣтъ ли въ природѣ Русскаго человѣка какихъ-либо условій неблагопріятныхъ для исполненія предлежащей ему задачи? Подобное сомнѣніе громко высказывается противниками водворенія за Днѣпромъ русскаго землевладѣнія; но вотъ однако замѣчательный фактъ изъ нашего недавняго прошлаго, на который было недавно съ такою живостью указано въ одной публичной лекціи нашимъ уважаемымъ сотрудникомъ П. К. Щебальскимъ.

Въ 1775 году Россія пріобрѣла обширный край, названный въ послѣдствіи Новороссійскимъ, а въ то время сплошную

степь въ 500 верстъ длины и 200 верстъ поперечника, на которой, по довольно точному исчисленію, было не болѣе 100.000 жителей, то-есть по одному человѣку на квадратную версту, а того класса людей, которыхъ можно было бы назвать помѣщиками, вовсе не было. Прошло 12 лѣтъ, и на этихъ едва обитаемыхъ степяхъ уже считалось 700.000 жителей, а еще черезъ пять лѣтъ эта цифра возрасла до милліона, и новороссійское дворянство могло съ гордостію записать въ протоколъ одного изъ своихъ собраній слѣдующія слова: „Край продовольствовалъ армію, несмотря на неурожай и затруднительныя сообщенія по случаю прорывавшейся чумной заразы. Во время осады Очакова продолжавшейся довольно долго, пушки, ядра и снаряды привозились обывателями изъ кременчугскихъ заводовъ. Въ то же время, съ неимовѣрнымъ рвеніемъ, по деревнямъ перепекались сухари и доставлялись въ армію безденежно. Послѣ взятія крѣпости собрано было до 10.000 лошадей съ повозками, и всѣ почти войска перевезены во внутренность губерніи для зимовки. Кромѣ того новороссійское дворянство доставило 4.000 воловъ, 1.000 фуръ и 3.000 лошадей для артиллеріи и транспортовъ.“

Какъ же случилось, что пустыня обратилась съ такою быстротой въ край довольно населенный и довольно производительный чтобы своими средствами содержать армію? Это сдѣлалось очень просто. Императрица поручила устройство этого края человѣку глубоко проникнутому убѣжденіемъ въ необходимости дать ему въ кратчайшій срокъ возможно широкое развитіе, и этотъ человѣкъ употребилъ всю свою энергію, чтобы сдѣлать ввѣренный ему край способнымъ выдержать всѣ случайности тогдашней политики, весьма враждебной Россіи. Обширныя земли розданы были въ Новороссіи русскимъ помѣщикамъ съ одною лишь обязанностію заселить ихъ въ опредѣленный срокъ, и Потемкинъ самъ подавалъ тому примѣръ; онъ вызывалъ купцовъ и фабрикантовъ, раскольниковъ и иностранныхъ колонистовъ, принималъ Сербовъ, Грековъ и Армянъ, а по преданію и бѣглецовъ всякаго рода, лишь бы они прочно водворялись; онъ сооружалъ города и дороги; прорывалъ каналы, учреждалъ гавани и строилъ суда; разводилъ виноградные сады. И всѣмъ и всему въ Новороссійскій край открыты были двери. Средствъ было тогда у всей Имперіи меньше чѣмъ теперь у одного западнаго края, но это не мѣшало кипѣть работѣ. Въ 1775 г. во всей Новороссіи считалось 232 церкви, а два года спустя—345: это одно обстоятельство уже даетъ довольно ясное понятіе о томъ движеніи, о томъ приливѣ силъ, которые оживили въ это время Новороссію. По окраинамъ ея существовали до 1775 года всего четыре русскіе города: Азовъ, Ростовъ, Таганрогъ и Елисаветградъ; во время шестнадцати-лѣтняго управленія краемъ Потемкина возникли: Херсонъ, Екатеринославъ, Александровъ, Берославъ, Николаевъ, Павлоградъ, Константиноградъ, Мелитополь, Маріуполь и Нахичевань, и въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ уже завязывалась торговля и устраивались торговыя конторы; мѣстами въ краѣ заводились фабрики, на Черномъ морѣ сооружался военный флотъ и въ обходъ Днѣпровскихъ пороговъ проводился каналъ.

Всѣ эти факты столько же краснорѣчивы, какъ и поучительны; Новороссійскій край создался такъ быстро, что стóитъ вникнуть въ тѣ условія которымъ Россія обязана столь успѣшнымъ его устройствомъ. Мы замѣчаемъ, вопервыхъ, что императрица Екатерина, обсудивъ какое важное значеніе долженъ былъ имѣть этотъ край при ожидаемой войнѣ съ Турціей, избрала между своими приближенными именно того, кто былъ наиболѣе проникнутъ убѣжденіемъ въ необходимости нанести сильный ударъ оттоманской власти и кому приписываютъ первую мысль такъ-называемаго *греческаго проекта*. Для успѣшнаго исполненія возложеннаго на него дѣла, Потемкинъ былъ облеченъ и полнымъ довѣріемъ государыни. Предъ этимъ довѣріемъ поникала всякая интрига; обширныя полномочія давали Потемкину возможность направить къ опредѣленной цѣли всѣ силы и всѣ сравнительно съ теперешнимъ ничтожныя средства, которыми онъ могъ располагать. Первою мѣрой Потемкина было обратить въ мирныхъ гражданъ запорожское *товарищество*. Сѣчь была разорена, и войсковое имущество, движимое и недвижимое, взято въ казну, но земли которыя считались за частными лицами и ихъ движимость были утверждены за ними; множество чиновныхъ казаковъ-собственниковъ превратилось такимъ образомъ въ помѣщиковъ, и даже весьма зажиточныхъ. Затѣмъ началось ото-

всюду переселеніе на оставшіяся свободными земли. Потемкинъ раздавалъ земли помѣщикамъ съ обязанностію заселить ихъ въ продолженіе опредѣленнаго срока. Одни изъ такихъ помѣщиковъ по сознанію большой выгоды какую могли принести новороссійскія имѣнія, другіе изъ желанія угодить императрицѣ и Потемкину переводили крестьянъ своихъ изъ внутреннихъ губерній, и, сколько извѣстно, не раскаивались въ томъ: въ политикѣ не было тогда колебаній; дѣло дѣлаемое одной рукой не раздѣлывалось другою. Надобно припомнить какъ малолюденъ былъ тогда помѣщичій классъ въ Россіи, какъ рѣдко было вообще ея населеніе, какъ были неудобны пути сообщенія и какъ ограничена была гласность, столь необходимая для успѣшнаго хода общественныхъ предпріятій, подобныхъ переселенію значительнаго числа помѣщиковъ и купцовъ. Но всѣ эти неудобства восполнялись послѣдовательностію дѣйствій администраціи. Потемкинъ пользовался всѣми средствами, какія были у него подъ руками. Онъ умѣлъ привлечь въ новороссійскія степи толпы раскольниковъ, между тѣмъ какъ мы теперь отпугиваемъ проволочками и озадачиваемъ разговорами на польскомъ языкѣ русскихъ раскольниковъ, которые сами просятся къ намъ изъ Пруссіи. По вызову Потемкина двинулись многочисленныя партіи Грековъ и Армянъ изъ Пелопоннеса и Закавказья, всего не менѣе 30.000 человѣкъ, и они не голодали, и не мерзли, какъ случилось въ наше время съ болгарскими колонистами въ Крыму. Мы теперь не можемъ направить къ себѣ хоть часть тока переселеній, происходящихъ изъ славянскихъ земель въ Америку; тогда обычай переселяться не имѣлъ еще никакого развитія, а національныхъ стремленій въ славянскихъ земляхъ не было и въ поминѣ, но тѣмъ не менѣе въ Новороссійскій край прибывали изъ-за границы Славяне; небольшая партія колонистовъ пришла даже съ отдаленнаго Сѣвера, съ острова Даго. Пріемы соотвѣтствовали духу времени и господствовавшимъ тогда понятіямъ; Потемкинъ былъ пашой въ своемъ намѣстничествѣ: но и всѣ намѣстники были пашами въ это время. Правительство воспользовалось, для заселенія новороссійскихъ степей, крѣпостнымъ правомъ: но крѣпостное право съ другой стороны затрудняло ходъ дѣла, потому что лишало населенія свободы передвиженія, и кому неизвѣстно что одинъ свободный переселенецъ стóитъ десяти подневольныхъ? Не въ томъ ли и состоитъ задача администраціи, чтобы пользоваться имѣющимися подъ рукой средствами и извлекать выгоду даже изъ несовершенныхъ учрежденій, пока они существуютъ? Замѣтимъ при этомъ, что дѣло, возложенное на Потемкина, представляло такія трудности, какія встрѣчаются весьма рѣдко. Ему предстояло не перезвать изъ одной части Россіи въ другую, состоящую въ болѣе или менѣе сходныхъ условіяхъ, одинъ какой-либо классъ населенія въ подмогу другимъ классамъ уже живущимъ на мѣстахъ,—но создать цѣлое населеніе, и помѣщиковъ, и крестьянъ, и горожанъ. Помѣщики, которые отправлялись по его вызову, имѣли предъ собой не усадьбы болѣе или менѣе разстроенныя съ хозяйствомъ болѣе или менѣе разстроеннымъ вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, но окруженныя самыми благопріятными условіями и относительно пріисканія привычныхъ къ дѣлу людей и относительно сбыта, и наконецъ относительно климата, благодаря которому въ западномъ краѣ неизвѣстно что̀ такое значитъ засуха: Потемкинскихъ переселенцевъ ожидала голая степь, гдѣ надо было все создать, — и жилье, и земледѣльческія орудія и рабочій скотъ, и привлечь вслѣдъ за собой рабочія силы и устроить эти послѣднія среди края дикаго, не имѣющаго гаваней и вдобавокъ подлежащаго губительному дѣйствію засухъ. Купцы фабриканты и промышленники переселяясь въ Херсонъ или Николаевъ, должны были опасаться не конкурренціи, которая нестрашна для дѣятельнаго и опытнаго человѣка изъ великорусскихъ губерній, а недостатка въ запросѣ на ихъ услуги и произведенія, противъ чего безсильны и опытность, и прозорливость, и энергія. И однако все шло, все стремилось на призывъ *свѣтлѣйшаго*, и цѣлое сословіе новороссійскаго дворянства встрѣтило императрицу Екатерину II въ Херсонѣ, когда она, прославленная русскими государственными людьми, ею избранными, вздумала посѣтить край, только за 12 предъ тѣмъ лѣтъ бывшій поприщемъ крымскихъ набѣговъ, и гдѣ разстоянія считались отъ „кургана до буерака.“ И однако чрезъ 13 лѣтъ послѣ поступленія этого края подъ русское владычество, онъ снабжалъ дѣйствующую армію

и провіантомъ и перевозочными средствами.

А мы что дѣлаемъ? Указъ 10-го декабря 1865 года изданъ, и Высочайшая воля относительно обрусенія западнаго края выражена ясно и торжественно. Но цѣлый годъ прошелъ въ совѣщаніяхъ и пререканіяхъ по поводу устава Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній. Затѣмъ оно приступило къ дѣйствіямъ, но на первыхъ же шагахъ назначена была ссуда, оказывающаяся теперь неправильною, а наконецъ обнаружилось, что и самый уставъ Товарищества, такъ долго обсуждавшійся, требуетъ существеннаго измѣненія (дарованія гарантіи). Только что серіозные покупатели начали смотрѣть съ довѣріемъ на дѣло, которому, какъ предполагали тогда, со стороны властей нельзя ожидать противодѣйствія, какъ Товарищество было закрыто, и вотъ уже цѣлые полгода прекращено даже назначеніе ссудъ хотя необходимость ихъ признана правительствомъ. Была попытка организовать товарищества покупателей въ губерніяхъ внутреннихъ; составленъ былъ разумный проектъ подобнаго устройства въ Смоленской губерніи, но вмѣсто того чтобъ ухватиться за эту мысль и вызвать подражаніе ей въ другихъ губерніяхъ, даже и смоленскому проекту не было дано хода. За упраздненіемъ Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній оставалось у насъ Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, которое могло бы продолжать выдачу ссудъ, хотя и на условіяхъ болѣе тяжкихъ, но это Общество уклонялось отъ дѣла, не взирая на выгоду, которую оно могло бы извлечь изъ него и для себя,—уклонялось подъ пустымъ предлогомъ, что выдаетъ ссуды подъ имѣнія проданныя, а не подъ имѣнія продаваемыя. Дѣло имѣло такой видъ, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита не соглашается на выгодное для него расширеніе своихъ операцій (онѣ не были сопряжены съ рискомъ, потому что оцѣнка имѣнія зависѣла бы отъ Общества), если не будетъ такъ-сказать закуплено правительствомъ. Цѣной соизволенія означеннаго Общества выдавать подъ продаваемыя имѣнія ссуду на условіяхъ невыносимо тяжелыхъ для покупателя было поставлено невѣроятное требованіе, чтобы назначенный правительствомъ на облегченіе этихъ ссудъ, и находившійся въ распоряженіи Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній фондъ въ 5 милліоновъ 5% билетовъ былъ предоставленъ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита съ правомъ употреблять оный не на облегченіе условій именно по ссудамъ для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, а вообще въ интересахъ Общества. Это значило поставить заемщиковъ въ западномъ краѣ наравнѣ съ заемщиками въ губерніяхъ внутреннихъ, то-есть другими словами отнять у переселяющихся въ западный край всякое, даже самое необходимое поощреніе. Когда такая стратегема была наконецъ всѣми понята, возникъ проектъ сдѣлать уступку требованіямъ здраваго смысла, но уступку по возможности микроскопическую. Фондъ предположено, говорятъ, оставить въ распоряженіи Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, но проценты съ фонда выдавать заемщикамъ въ западномъ краѣ, только не безвозвратно, какъ слѣдовало бы (вѣдь правительство отдаетъ эти проценты Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита безвозвратно), а взаймы и притомъ не иначе какъ на короткій срокъ, то-есть не на покупку имѣній, а на веденіе хозяйства въ послѣдствіи, и притомъ такъ чтобы заемщикъ не могъ быть вполнѣ увѣренъ удастся ли ему получить даже эту краткосрочную ссуду когда она понадобится. Такое случайное пособіе ничтожно для дѣла, и довольствоваться имъ можно было бы только въ томъ предположеніи, что дѣло водворенія русскихъ землевладѣльцевъ въ западномъ краѣ принуждено нищенски выхлопатывать себѣ подачку, которая была бы хоть немногимъ лучше чѣмъ ничто. Словомъ, дѣло простое запутывается всяческими способами, и публика не только ни привлекается къ нему, но отталкивается отъ него, а въ то же время сочиняются жалобы на нее же, эту приводимую въ уныніе русскую публику, что она будто бы безсильна взяться за дѣло требуемое и государственнымъ интересомъ, и ея собственными выгодами. Можетъ ли идти успѣшно дѣло обрусенія, когда на публику напущенъ страхъ, что люди направляющіе свою предпріимчивость въ западный край будутъ пожалуй подлежать гоненію со стороны тѣхъ вліятельныхъ сферъ, которыя тормозятъ дѣло обрусенія западнаго края или которымъ по крайней мѣрѣ приписывается столь патріотическій образъ дѣйствій? Вотъ нѣсколько причинъ того, что въ нашей пуб-

ликѣ пришибена всякая бодрость нужная для обезпеченія національныхъ интересовъ, а все то что этимъ интересамъ или чуждо или враждебно, питаетъ несбыточныя надежды на успѣхъ. Это мы видимъ во всемъ. Послѣ того какъ рѣшено строить Кіевскую желѣзную дорогу, хотя и съ изгибами, которыхъ можно было бы избѣжать, естественно было сосредоточиться всѣмъ усиліямъ на другомъ и для обрусенія западнаго края, и для улучшенія стратегическихъ условій Россіи необходимомъ сооруженіи,—на прямой желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Брестъ; которая, прорѣзывая весь сѣверо-западный край, оживила бы его вообще была бы не лишена значительной важности и въ экономическомъ отношеніи. Въ пользу скорѣйшаго приступа къ этому дѣлу говорила бы, кажется, предстоящая въ будущемъ году пріостановка столь полезныхъ для государства желѣзнодорожныхъ сооруженій, которыя въ нынѣшнемъ году занимали около 100 тысячъ рабочихъ, а въ предстоящемъ году едва будутъ занимать 10 или 15 тысячъ, оставляя прочихъ безъ занятія, уже привычнаго для нихъ. Въ пользу того же говоритъ, кажется, голодъ, предстоящій будущею весной многимъ изъ тѣхъ губерній черезъ которыя прошла бы Московско-Брестская желѣзная дорога и особенно тяжкими бѣдствіями угрожающій губерніи Смоленской. Но несмотря на все это, вмѣсто желѣзной дороги Московско-Смоленско-Брестской, за которую при этихъ обстоятельствахъ надобно бы схватиться что называется обѣими руками, возникаютъ и находятъ себѣ защитниковъ проекты въ родѣ Пинско-Бѣлостокскаго. Или еще другое. Одну изъ главныхъ препонъ обрусенію западнаго края полагаетъ правительственное требованіе, чтобы польскій языкъ изгоняемый тамъ изъ сферъ гражданскихъ отношеній оставался обязательнымъ языкомъ въ сферѣ религіи для всѣхъ населеній этого края, не исповѣдующихъ православной вѣры. Неправильность этого требованія бросается въ глаза; устранимость вопіющаго противорѣчія не подлежитъ сомнѣнію. Но вотъ являются на сценѣ отчасти предразсудки и недоразумѣнія, отчасти сознательно недоброжелательная русскому дѣлу интрига, а голосъ истины заглушается, такъ чтобы ему нельзя было даже дойдти до общаго свѣдѣнія. Мы разумѣемъ тотъ непонятный случай что мнѣнія поданныя въ виленской ревизіонной коммиссіи за допущеніе русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе оставлены подъ спудомъ, а мнѣнія противныя тому изданы особою брошюрой, распространяемою въ сферахъ, отъ коихъ зависитъ рѣшеніе этого дѣла,—тою брошюрой, которая подробно разобрана въ вышедшей сегодня книжкѣ *Русскаго Вѣстника*.

Можетъ ли при такихъ обстоятельствахъ успѣшно идти дѣло обрусенія западнаго края? Можетъ ли русскій человѣкъ, среди столь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, обнаружить въ этомъ дѣлѣ ту способность къ колонизаціи, которая проявлена и доказала имъ недавно въ Новороссіи, какъ еще прежде въ Сибири и всемъ волжскомъ бассейнѣ?

№ 242.

Москва, 3-го ноября.

Нынѣшній пересмотръ нашего таможеннаго тарифа обусловленъ обстоятельствами не совсѣмъ обычными, которыя, конечно, не укрываются отъ вниманія лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Пересмотру тарифа предшествовала на этотъ разъ сильная агитація, въ смыслѣ протекціонизма, заявившая себя въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; эту агитацію видѣли мы въ печати, въ прошеніяхъ, поданныхъ высшимъ правительственнымъ лицамъ, въ прошеніяхъ, оставшихся въ карманѣ просителей; дабы не напугать правительственныхъ лицъ многими тысячами подписей, собранныхъ въ средѣ безграмотнаго фабричнаго класса, наконецъ въ шумныхъ публичныхъ собраніяхъ, гдѣ сильно доставалось не однимъ фритредерамъ,—о которыхъ у насъ почти и не слышно, — но даже людямъ, только не видящимъ необходимости возвышать и безъ того высокія таможенныя пошлины и вводить новыя, какъ напримѣръ пошлину на машины. Эту агитацію и слѣдующій за нею пересмотръ тарифа нельзя не назвать явленіемъ необычайнымъ, имѣя въ виду, что пересмотры тарифовъ въ другихъ европейскихъ государствахъ всегда подготовляются и вызываются противоположнымъ движеніемъ, въ пользу ослабленія таможеннаго покровительства, то-есть въ смыслѣ такъ-называемой свободной торговли. Не менѣе замѣчателенъ въ сравненіи съ разрѣшеніемъ

многихъ другихъ законодательныхъ вопросовъ самый порядокъ нынѣ принятый для преобразованія таможеннаго тарифа: въ среду особой правительственной коммиссіи, на которую возложено это дѣло, призваны депутаты по выбору отъ главныхъ мануфактурныхъ мѣстностей и нѣкоторыхъ портовыхъ городовъ. Нельзя не сочувствовать общему смыслу этой мѣры, которая ставитъ совершеніе реформы въ зависимость не отъ однихъ только бюрократическихъ элементовъ, но и отъ самихъ интересовъ, ею затрогиваемыхъ. При этомъ не слѣдуетъ однакоже забывать, что съ таможеннымъ тарифомъ связаны насущные интересы не однихъ только производителей и продавцовъ товаровъ покровительствуемыхъ тарифомъ, но также и ихъ потребителей, и что къ числу послѣднихъ принадлежитъ болѣе или менѣе все населеніе государства, а равно и фабриканты, для которыхъ между прочимъ многіе предметы, непомѣрно дорогіе вслѣдствіе таможеннаго покровительства, служатъ матеріаломъ и орудіями производства. Къ числу производителей, страдающихъ отъ тарифа, должно отнести у насъ преимущественно землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ, которые однакоже не имѣютъ въ коммиссіи своихъ представителей: неправильность, значительно уменьшающая авторитетъ ея. Если можно желать, чтобы дѣло затрогивающее чьи-либо привилегіи на разрѣшалось безъ выслушанія привилегированныхъ лицъ, то не менѣе должно быть желательно, чтобы при этомъ были также выслушиваемы непривилегированные, ибо иначе представительство интересовъ было бы односторонее, и частные интересы одержали бы верхъ надъ общими. Было бы несправедливо предоставить опредѣленіе обязательныхъ крестьянскихъ оброковъ однимъ помѣщикамъ, какъ было бы несправедливо предоставить это опредѣленіе и однимъ крестьянамъ; еще несправедливѣе было бы, напримѣръ, предоставить коннозаводчикамъ опредѣленіе субсидіи, которую они должны получать отъ государственнаго казначейства въ видѣ премій и т. п., или отдать на усмотрѣніе пароходнаго общества на значеніе помильной платы, которая должна идти въ его пользу. Коннозаводчикамъ и пароходному обществу было бы, разумѣется, выгодно назначить себѣ возможно высокую субсидію и никакъ не соглашаться на ея пониженіе. Положеніе фабрикантовъ мало отличается отъ положенія коннозаводчиковъ или пароходнаго Общества. Они охотно согласятся на пониженіе тарифа по тѣмъ статьямъ, гдѣ оно останется безъ вліянія, а за то потребуютъ возвышенія пошлинъ въ тѣхъ частяхъ тарифа, которыя имѣютъ практическое значеніе. Вотъ почему по большей части принимается за правило что фабрикантовъ слѣдуетъ выслушивать при рѣшеніи тарифныхъ вопросовъ, но самое рѣшеніе должно быть свободно отъ ихъ вліянія. Оно должно соображаться съ ихъ доводами, но не съ ихъ волей. Бывшія привилегированныя губерніи никогда не согласились бы на уравненіе питейнаго акциза, еслибъ это зависѣло исключительно отъ ихъ воли.

Въ составѣ коммиссіи министерства финансовъ по пересмотру таможеннаго тарифа будутъ находиться 10 выборныхъ лицъ, два отъ московскаго отдѣленія мануфактурнаго и коммерческаго совѣтовъ, и по одному отъ биржевыхъ комитетовъ с.-петербургскаго, московскаго и рижскаго, отъ отдѣленій коммерческаго совѣта: одесскаго, ростовскаго и таганрогскаго, отъ владимірскаго мануфактурнаго комитета и мануфактурнаго совѣта Царства Польскаго. Ничего не предосуждая, позволительно ожидать, что всѣ эти депутаты будутъ относиться къ тарифу въ томъ духѣ, въ какомъ постоянно заявляло свои коммерческія желанія огромное большинство ихъ избирателей. Вмѣстѣ съ этими 10 депутатами, будутъ засѣдать въ коммиссіи 12 должностныхъ лицъ, всѣ назначенныя исключительно по роду своихъ служебныхъ обязанностей, болѣе или менѣе прикосновенныхъ къ вопросамъ о таможенныхъ пошлинахъ, причемъ весьма замѣчательно, что между этими членами, назначенными отъ правительства, нѣтъ ни одного лица, подпавшаго гнѣву нашего протекціонистскаго лагеря, а напротивъ есть нѣсколько имѣющихъ, пользующихся въ немъ популярностію. Послѣ этого, кажется, нашимъ протекціонистамъ трудно жаловаться, и въ особенности трудно продолжать свою старинную мистификацію, что правительственная среда, имѣющая вліяніе на разрѣшеніе промышленныхъ вопросовъ, заражена будто бы у насъ фритредерствомъ. Подобное обвиненіе трудно взвести именно на наше министерство финансовъ, при направленіи, данномъ нынѣ работамъ по пересмотру тарифа. Самый фактъ учрежденія спеціаль-

ной для этого дѣла коммиссіи получаетъ особое значеніе, когда извѣстно, что уже существуетъ коммиссія для преобразованія всей нашей податной системы, и что измѣненія таможеннаго тарифа признается всюду необходимымъ производить не иначе какъ совокупно съ соотвѣтствующими измѣненіями во внутреннихъ налогахъ. Особенное сочувствіе должны были бы возбудить къ кругу протекціонистовъ матеріялы, опубликованные министерствомъ финансовъ къ пересмотру тарифа. Въ предположеніяхъ г. вице-директора департамента таможенныхъ сборовъ Колесова, которыя помѣщены въ этихъ *Матеріялахъ*, проектировано, наряду съ весьма незначительными пониженіями по нѣкоторымъ статьямъ тарифа, столько повышеній по другимъ, и столько таможенныхъ пошлинъ по самымъ существеннымъ предметамъ потребленія оставлено безъ измѣненія, и что особенно требуетъ упоминанія, въ этихъ предположеніяхъ приводятся мотивы такого свойства, что прочитывая ихъ никакъ не можешь рѣшить вопросъ: предполагается ли ослабить покровительственный и запретительный характеръ дѣйствующаго тарифа, или же имѣется въ виду усилить его?

Чѣмъ инымъ кромѣ желанія произвести на публику и на членовъ коммиссіи впечатлѣніе въ пользу необходимости возвысить размѣры нашихъ таможенныхъ пошлинъ, можно, напримѣръ, объяснить сдѣланное въ *Матеріялахъ* и въ соображеніяхъ сравненіе нашего тарифа исключительно съ общими тарифами Франціи, Пруссіи и Австріи, тогда какъ эти тарифы потеряли нынѣ всякое значеніе послѣ новѣйшихъ таможенныхъ трактатовъ, распространившихся на всѣ государства Европы, кромѣ Россіи и Португаліи, и произведшихъ своими чрезвычайными пониженіями пошлинъ полны переворотъ въ торговой политикѣ Европы?

Въ связи съ сказаннымъ надобно имѣть въ виду, что въ распубликованномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ г. министра финансовъ не только вовсе не упоминается о самомъ важномъ мотивѣ, всюду побуждающемъ къ постепенному пониженію таможенныхъ тарифовъ, — о необходимости удешевленія жизни, — но даже прямо сказано, что дабы удешевить многіе вывозимые изъ-за границы предметы непосредственнаго у насъ потребленія пришлось бы рѣшиться на такое значительное пониженіе пошлинъ, какое недоступно для нынѣшнихъ средствъ государственнаго казначейства. Эта мысль высказана несмотря на упоминаемое въ томъ же документѣ самимъ г. министромъ финансовъ, постоянное пониженіе цѣнъ на всѣ мануфактурные товары въ западной Европѣ, которое уже само по себѣ усиливаетъ относительный размѣръ нашихъ таможенныхъ пошлинъ и заключающуюся въ нихъ премію въ пользу нашихъ фабрикантовъ.

Полагаемъ, что изложенные нами факты взвѣшены здравомыслящими изъ нашихъ мануфактуристовъ. Они не будутъ такъ легко вѣрить на слово людямъ безпрерывно произносящимъ отъ имени русской торговли и промышленности горькія жалобы на недостаточное уваженіе нашихъ правительственныхъ сферъ къ капиталамъ, затраченнымъ на фабрики подъ вліяніемъ таможеннаго тарифа, и на господствующее въ этихъ сферахъ вліяніе иноземныхъ и русскихъ фритредеровъ. Они не дадутъ своего одобренія лицемѣрнымъ увѣреніямъ будто въ основѣ стремленій каждаго изъ нашихъ протекціонистовъ лежитъ національное чувство, а всѣ возражатели противъ дикаго намѣренія возвышать существующія пошлины или вводить новыя должны быть огуломъ вычеркнуты изъ числа патріотовъ. Они въ особенности признаютъ заслуживающими порицанія попытки иныхъ протекціонистовъ застращивать своимъ крикомъ людей не сходящихся съ ними во мнѣніяхъ о государственной пользѣ.

Изложенные выше факты должны быть въ особенности оцѣнены въ настоящее время, когда вывозъ нашихъ товаровъ чрезвычайно усилился, а привозъ иностранныхъ товаровъ упалъ, и когда таможенный доходъ совершенно утратилъ силу возрастанія свойственнаго всякой отрасли косвенныхъ налоговъ, такъ что правительствомъ заявлено какъ главное побужденіе къ пересмотру тарифа *возможное усиленіе таможеннаго дохода и облегченіе правильной торговли въ ущербъ контрабандѣ*. Это послѣднее показаніе свидѣтельствуетъ, что избѣжать непріятнаго для нихъ пересмотра тарифа протекціонисты всего лучше могли бы, еслибы менѣе тратили силъ своихъ на заподазриваніе политической экономіи и ея цѣнителей, а по больше вмѣстѣ съ ними заботились о возможномъ содѣйствіи исправленію нашихъ финансовъ,

преимущественно страдающихъ отъ разстройства денежной системы.

Условія, которыми обставлены нынѣшнія работы по пересмотру тарифа, заявляются нами далеко не въ видѣ жалобы, для которой нѣтъ достаточно сильной причины, а единственно потому, что налагаютъ особенныя обязанности какъ на органы общественнаго мнѣнія, такъ и на лицъ, участвующихъ въ правительственныхъ работахъ. Эти условія обязываютъ всякаго безпристрастнаго и равно ко всѣмъ классамъ гражданъ доброжелательнаго человѣка громче высказываться за интересы, терпящіе ущербъ отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Въ прежнее время когда голосъ капиталовъ затраченныхъ въ наши мануфактуры дѣйствительно былъ слишкомъ мало слышимъ и на первомъ планѣ стояла отвлеченная бюрократическая обработка законодательныхъ вопросовъ, представителямъ здравыхъ теоретическихъ понятій о народномъ хозяйствѣ приходилось искусственно брать на себя роль представителей тѣхъ частныхъ интересовъ, которые требуютъ постепенности въ самыхъ общеполезныхъ реформахъ, затрогивающихъ эти интересы. Теперь потребности иныя, и обязанность органовъ общественнаго мнѣнія состоитъ въ томъ, чтобы содѣйствовать возстановленію очевидно нарушеннаго равновѣсія.

Принужденные заняться разсмотрѣніемъ опубликованныхъ правительствомъ матеріяловъ отдѣльно по вопросамъ, возбуждаемымъ важнѣйшими статьями тарифа, мы не придаемъ однако всему этому дѣлу той государственной важности, какую въ немъ хотятъ видѣть многіе и какую оно могло бы имѣть при иныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Весьма чувствительно будетъ для нашей промышленности, далеко еще не процвѣтающей, безплодное потрясеніе кредита и капиталовъ, по необходимости производимое продолжительнымъ пересмотромъ тарифа, если онъ не будетъ сопровождаться сколько-нибудь значительными измѣненіями въ пошлинахъ и если такимъ образомъ это потрясеніе не окупится какими-либо серіозными результатами или для государственнаго казначейства, или для народнаго благосостоянія. Существенныя измѣненія въ системѣ таможенныхъ сборовъ едва ли возможны безъ соотвѣтствующихъ реформъ въ системѣ внутреннихъ налоговъ, что лучше всего доказывается многими соображеніями г. Колесова, а также безъ совокупнаго принятія разныхъ финансовыхъ и вообще административныхъ мѣръ, обусловливающихъ дальнѣйшее развитіе нашего народнаго хозяйства. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, и въ особенности на обороты нашей иностранной торговли имѣютъ гораздо болѣе могущественное вліяніе колебанія нашей монетной единицы, выражающіяся въ подвижности вексельныхъ курсовъ, нежели размѣры таможеннаго тарифа, отдѣльно взятые. Мы видимъ, что при дѣйствіи одного и того же тарифа привозъ и вывозъ быстро у насъ измѣняются отъ упадка и повышенія вексельныхъ курсовъ, которые могутъ сами по себѣ, безъ всякой перемѣны въ биржевыхъ цѣнахъ товаровъ, измѣнять эти цѣны какъ для покупщиковъ, такъ и для продавцевъ въ предѣлахъ 30% (т.-е., въ предѣлахъ крайняго до сихъ поръ бывшаго паденія цѣнности кредитныхъ билетовъ и возвышенія лажа на звонкую монету). Эти предѣлы колебанія цѣны русскихъ и иностранныхъ товаровъ, при переводѣ ея съ иностранной звонкой монеты на нашу бумажную, уже обусловливаютъ собою возможность огромныхъ убытковъ и барышей, но могутъ еще далеко расшириться подъ вліяніемъ быстрыхъ колебаній лажа, не имѣющихъ никакой границы. Выдача золота изъ государственнаго банка въ 1862—1863 гг. искусственно парализовала нашъ отпускъ: противоположное этой мѣрѣ привлеченіе нынѣ золота въ кассы государственнаго банка, посредствомъ пріема его по возвышенному курсу, въ обмѣнъ на кредитные билеты, дастъ усиленное движеніе нашему отпуску, дѣлая операцію покупки русскихъ товаровъ (и именно хлѣба) на эти кредитные билеты, добытые по дешевой цѣнѣ, выгодною для спекулянтовъ. Спекуляція на курсы и бумаги сдѣлались, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы главною операціей на нашихъ биржахъ, и въ сравненіи съ нею спекулятивныя сдѣлки на товары (т.-е., на товарныя цѣны *независимо отъ измѣненій вексельнаго курса*) играетъ самую ничтожную роль.

Улучшеніе нашего денежнаго обращенія, вотъ первенствующій вопросъ въ государственныхъ финансахъ и народномъ хозяйствѣ Россіи; только съ этой точки зрѣнія и можетъ быть важно въ нашихъ глазахъ то или другое значеніе пріобрѣтаемое у насъ протекціонистскими воззрѣ-

ніями на финансовые вопросы. Къ несчастію, какъ мы уже не разъ заявляли, наши протекціонисты соединили дѣло охраны отечественнаго производства посредствомъ таможеннаго тарифа съ самыми неправильными понятіями о денежномъ обращеніи и такъ-называемомъ торговомъ балансѣ, и съ чудовищнымъ требованіемъ усиленныхъ выпусковъ неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Вотъ въ какомъ отношеніи было бы особенно гибельно, еслибы, при обсужденіи финансовыхъ вопросовъ, понятіямъ нашихъ протекціонистовъ былъ придаваемъ излишній вѣсъ.

№ 243.

Москва, 4-го ноября.

Декларація четырехъ державъ Портѣ до сихъ поръ остается дѣломъ проблематическаго значенія. Толки о ней отличаются неопредѣленностію и двусмысліемъ. Еще на дняхъ парижская офиціозная *Patrie* отозвалась о ней весьма пренебрежительно, замѣтивъ, что это только „уступка сдѣлан„ная тремя державами, особенно же Франціей, настояніямъ четвертой, именно Россіи," и этимъ давая разумѣть, что со стороны Франціи актъ этотъ не имѣетъ серіознаго значенія. *Patrie* при этомъ упрекаетъ Французовъ за то, что они слишкомъ легко даются въ обманъ на счетъ бѣдствій, какимъ якобы подвергаются христіане на Востокѣ, и прибавляетъ: „Наше легковѣ„ріе возбуждаетъ неудовольствіе мусуль„манъ, а наше доброжелательство къ хри„стіанамъ оказывается недостаточнымъ для „ихъ удовлетворенія. „*Journal des Débats*, трунія надъ газетой, находящеюся въ сношеніяхъ съ богами, замѣчаетъ: „*Patrie* „могла бы сознаться, что такого же ре„зультата какъ въ Константинополѣ, фран„цузская политика достигла и въ Италіи, „и что глубоко оскорбляя Италіянцевъ, мы „не удовлетворяемъ страсти той партіи, „которая побудила насъ возвратиться въ „Римъ. Что же касается до русскаго цир„куляра, то князь Горчаковъ, повидимому, „восхищенъ декларацією четырехъ державъ. „Французское правительство объявляетъ въ „своихъ офиціозныхъ газетахъ, что оно „очень довольно оказавъ Россіи эту услу„гу, а Турція на ноту четырехъ державъ „объявляетъ, что ее чрезвычайно радуетъ „предоставленная ей полная воля у себя „дома. Видано ли когда-нибудь, чтобы ди„пломатическій документъ такимъ образомъ „удовлетворялъ разомъ всѣхъ на свѣтѣ?"

Дѣло въ томъ, что сила этого документа зависитъ отъ свойства отношеній, которыя установятся между державами. Что актъ этотъ есть уступка настояніямъ Россіи, это правда, и французскіе органы не сказали ничего новаго, заявивъ этотъ фактъ, который достаточно поставленъ на видъ и въ циркулярѣ князя Горчакова, сопровождающемъ декларацію. Только благодаря усиліямъ Императорскаго кабинета, состоялось это соглашеніе четырехъ державъ, съ участіемъ Франціи. Но вѣрно также и то, что до сихъ поръ это торжественное заявленіе не имѣло того дѣйствія, какое отъ него ожидалось, и даже, быть-можетъ, оказало дѣйствіе противнаго свойства. Порта, это правда, не была имъ встревожена; турецкіе фонды, какъ уже было замѣчено нами, ни мало не поколебались, а упали греческіе. Вмѣстѣ съ появленіемъ декларації, изъ которой какъ бы явствуетъ полное согласіе между Россіей и Франціей по восточнымъ дѣламъ, прошла по всей европейской печати вѣсть о циркулярѣ барона Бейста, удостовѣряющемъ въ свою очередь о полномъ согласіи по этимъ же дѣламъ между Франціей и Австріей, хотя эта послѣдняя уклонилась отъ участія въ деклараціи. Австрійскій циркуляръ являлся окруженный облакомъ таинственности, которое и скрывало, и открывало его; всѣ, не исключая и офиціозныхъ австрійскихъ газетъ, говорили о немъ какъ о фактѣ и одинаково передавали его содержаніе, а въ то же время до сихъ поръ поддерживается какъ будто сомнѣніе относительно этого документа. Дѣло въ томъ, что вопросу подлежитъ не существованіе этого циркуляра, а его сила, точно также какъ и сила декларації четырехъ державъ. Дѣло въ томъ, какъ надобно думать, что Франція, въ виду политическихъ обстоятельствъ, не рѣшила для себя окончательно, какимъ путемъ ей слѣдовать въ восточныхъ дѣлахъ. Ей нѣтъ причины не дѣйствовать въ согласіи съ Россіей, еслибъ она могла убѣдиться что имѣетъ въ ней не врага; но нѣтъ основанія ожидать, чтобы Франція стала въ этомъ важномъ пунктѣ заодно съ Россіей, не зная, съ кѣмъ она имѣетъ дѣло. Нельзя ожидать, чтобы въ дѣлѣ имѣющемъ для насъ столь существенное значе-

ніе въ главномъ пунктѣ нашей европейской политики, въ жизненномъ интересѣ, который завѣщанъ намъ исторіей, оказывали намъ пособіе и шли съ нами рука объ руку тѣ, кто сомнѣвается въ насъ или кто думаетъ, что есть основаніе видѣть въ насъ возможное орудіе политики столько же чуждой нашимъ интересамъ, сколько и враждебной тѣмъ, отъ кого мы ожидаемъ добрыхъ услугъ.

Въ случаѣ неискренности Франціи, этотъ коллективный актъ не только утратитъ свое значеніе, но и дѣйствительно можетъ обратиться во вредъ христіанскимъ населеніямъ Востока, заботы о которыхъ вызвали его. Неискренность Франціи въ этомъ актѣ означала бы, что она готова присоединиться къ обѣимъ уклонившимся отъ декларація державамъ, Англіи и Австріи. Но всякій на Востокѣ хорошо понимаетъ, что при такихъ условіяхъ платоническое присоединеніе Пруссіи и Италіи къ Россіи ровно ничего не значитъ. Россія, запутанная въ искусственныхъ отношеніяхъ, уловленная въ сѣти чужой политики и лишенная свободы дѣйствій, была бы ежеминутно въ опасности оказаться изолированною.

Эта сомнительность, эта неясность въ положеніи дѣлъ была тотчасъ же почуяна на Востокѣ.

Сегодня телеграфъ извѣщаетъ насъ о событіи, которому нельзя не придать важнаго значенія при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ въ Турціи. Мы разумѣемъ отставку сербскаго министра г. Гарашанина, если только основательна выраженная въ телеграммѣ догадка, что отставка его послѣдовала по причинѣ разногласія съ княземъ по Рущукскому дѣлу. Сербское правительство, какъ извѣстно, потребовало удовлетворенія за это возмутительное злодѣйство, покрытое авторитетомъ Порты и ею одобренное. Назадъ тому нѣсколько дней пришло извѣстіе, что Порта въ просимомъ удовлетвореніи отказала. Телеграмма изъ Бѣлграда, отъ 13-го ноября, сообщала о натянутости отношеній между Портой и сербскимъ правительствомъ, передавая слѣдующія слова сербской газеты, *Свѣтовида*: „нынѣшній миръ между Турціей и Сербіей „есть миръ вооруженный, и, если Порта „не уступитъ справедливымъ требованіямъ „Сербіи, то въ Турціи разразится гроза, „въ которой Сербіи достанется главное „дѣйствіе.“

Вопросъ, поднятый Сербіей по Рущукскому дѣлу, дѣйствительно сосредоточиваетъ теперь весь интересъ минуты, всю силу положенія дѣлъ на Востокѣ. Доселѣ Порта шагъ за шагомъ уступала всѣмъ требованіямъ Сербіи, стараясь всячески замирить ее и слѣдуя внушеніямъ державъ заботившихся о предотвращеніи кризиса. Но теперь, по Рущукскому дѣлу, Турція отвѣчала упорнымъ отказомъ.

Считаемъ нелишнимъ возобновить теперь память объ этомъ случаѣ, и сообщить о немъ точныя подробности, почерпнутыя изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ.

Болгарскій учитель Николай Варбанъ Войводовъ, уроженецъ Врацы (въ Болгаріи), и сербскій ножевщикъ, Светко Павловичъ, уроженецъ бѣлградскій, оба имѣвшіе жительство въ Браиловѣ, отправились 6-го августа изъ этого города на пароходѣ *Германія* австрійской компаніи въ Бѣлградъ. По прибытіи ихъ въ Рущукъ, къ нимъ явились два полицейскіе агента, сопровождаемые чиновникомъ австрійскаго консульства, и потребовали ихъ паспортовъ, которые тотчасъ же и были ими предъявлены. Осмотрѣвъ паспорты, чиновникъ консульства отдалъ эти бумаги одному изъ бывшихъ при немъ заптіевъ, которые бросились схватить обоихъ пассажировъ. Войводовъ и Павловичъ, подвергшись такому неожиданному нападенію, къ которому они не подали ни малѣйшаго повода, выхватили свои револьверы и изъявили твердую рѣшимость не даваться живыми. Капитанъ парохода, г. Чичевичъ, съ своей стороны, объявилъ заптіямъ, что онъ не можетъ дозволить такого насилія на своемъ пароходѣ, выкинулъ свой флагъ, и хотѣлъ тотчасъ же отчалить. Но вдругъ пришелъ приказъ отъ австрійскаго консула въ Рущукѣ очистить пароходъ, оставивъ на немъ только двухъ упомянутыхъ пассажировъ, и предать ихъ въ распоряженіе турецкихъ властей. Напрасно одинъ уважаемый браиловскій негоціантъ предлагалъ поручиться за двухъ несчастныхъ, которые были ему извѣстны какъ лица весьма почтенныя: на него не посмотрѣли; Митхадъ-паша заранѣе обрекъ гибели этихъ обоихъ несчастныхъ. Человѣкъ до шестидесяти солдатъ окружили на лодкахъ пароходъ, и принялись стрѣлять въ окна по двумъ пассажирамъ, которые заперлись и загородились въ каютѣ: другіе солдаты изрубили топорами дверь и ворвались въ убѣжище несчастныхъ:

подъ ударами столь многочисленныхъ противниковъ, одинъ изъ этихъ несчастныхъ палъ мертвый, а другой полумертвый, при послѣднемъ издыханіи. Солдаты привязали имъ къ ногамъ веревки и потащили ихъ по грязи до пароходнаго агентства австрійской компаніи, продолжая между тѣмъ бить ихъ, особенно по лицу, ружейными прикладами и топтать ногами. Всѣ прочіе пассажиры были поражены ужасомъ, когда снова взошли на пароходъ; полъ каюты былъ залитъ кровью и изрытъ пулями турецкихъ солдатъ; оконныя стекла, лампы, зеркала, были избиты въ дребезги. Тутъ же составили они протестъ противъ свирѣпаго насилія, и въ тотъ же день послали его изъ Турно-Магорелли въ букарештскую газету *Романулъ*.

Изъ двухъ пассажировъ сдѣлавшихся жертвами этого ужаснаго убійства. Светко Павловичъ, какъ уже сказано, былъ природный Сербъ, родившійся въ Бѣлградѣ отъ сербскихъ родителей и былъ снабженъ правильнымъ паспортомъ. Уже четыре года занимался онъ ножевымъ промысломъ въ Браиловѣ, гдѣ слылъ искуснымъ и честнымъ ремесленникомъ и пользовался уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его. Онъ ѣхалъ въ Бѣлградъ для свиданія съ родными и для полученія доставшагося ему небольшаго наслѣдства. Надобно замѣтить, что Павловичъ никогда не дѣлалъ шагу на турецкую территорію, а потому не могъ тамъ совершить никакого предосудительнаго поступка. Другой погибшій, Николай Варбанъ Войводовъ, былъ молодой болгарскій преподаватель, учившійся во французской школѣ лазаристовъ въ Константинополѣ, называемой Бебекъ, гдѣ пріобрѣлъ общее уваженіе какъ между своими сотоварищами, такъ и преподавателями. Кончивъ ученіе, онъ отправился въ Браиловъ, вступилъ въ румынское подданство и давалъ уроки французскаго и болгарскаго языковъ въ лучшихъ семействахъ этого города. Онъ ѣхалъ въ Бѣлградъ за тѣмъ чтобы напечатать тамъ сочиненіе о болгарской литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ присутствовать на открывавшихся засѣданіяхъ литературнаго общества.

На какомъ основаніи турецкое правительство сочло себя въ правѣ преслѣдовать этихъ двухъ пассажировъ?

Рущукская газета *Дунай*, органъ Митхадъ-паши, объявляя и описывая это несчастное событіе, увѣряетъ, будто оба эти человѣка были знаменитые разбойники, недавно прибывшіе въ Браиловъ добыть денегъ и навербовать товарищей. Въ доказательство, *Дунай* приводитъ донесенія тайной турецкой полиціи, и прибавляетъ будто одинъ изъ нихъ уже потому былъ подозрителенъ, что имѣлъ при себѣ оружіе и разбойничій мундиръ, найденный въ его багажѣ, а другой (Войводовъ), потому что ѣхалъ присутствовать въ бѣлградскомъ литературномъ собраніи.

Но въ противность увѣреніямъ органа Митхадъ-паши, всѣмъ несомнѣнно извѣстно, что Светко и Войводовъ жили въ Браиловѣ уже нѣсколько лѣтъ. Жители этого города поспѣшили протестовать, посредствомъ письменнаго свидѣтельства, что погибшіе были честные люди, не разбойники, будто бы недавно прибывшіе изъ Турціи, но постоянные жители Браилова, занимавшіе почетное мѣсто въ тамошнемъ обществѣ.

Что же значитъ отставка г. Гарашанина? Въ чемъ заключалось возникшее между имъ и княземъ Михаиломъ несогласіе по Рущукскому дѣлу? Отступается ли Сербія отъ своихъ требованій, или рѣшилась идти до конца?

№ 244.

Москва, 6-го ноября.

3-го ноября, въ Московскомъ окружномъ судѣ, было засѣданіе необыкновенное. Разсматривалось дѣло о дворянинѣ Дитрихѣ, обвинявшемся въ сбытѣ завѣдомо фальшивой серіи въ одномъ магазинѣ, гдѣ его очень хорошо знали. Серія, которая была предъявлена на судѣ какъ вещественное доказательство, оказалась дѣйствительно фальшивою, но поддѣланною довольно искусно. Впрочемъ тождество этой серіи съ тою, которая была отдана подсудимымъ въ магазинѣ, не было доказано; не было также доказано и то, что подсудимый, если отдалъ въ магазинѣ именно эту серію, то зналъ о томъ, что она фальшивая. Уликой противъ подсудимаго были, правда, сбивчивость его показаній на предварительномъ слѣдствіи, гдѣ онъ сперва, напримѣръ, говорилъ, что серія найдена имъ на улицѣ близъ театра, и лишь потомъ сознался, что она получена имъ отъ одного знако-

маго, который, освѣдомившись въ послѣдствіи, что она оказалась фальшивою и что дѣло о томъ поступаетъ на судебное разсмотрѣніе, просилъ подсудимаго не запутывать его и не открывать его имени, что подсудимый и исполнилъ. Присяжные оправдали его. По содержанію своему, дѣло это не представляетъ особеннаго интереса, и обратило на себя общее вниманіе лишь сопровождавшими его случайностями. Въ самомъ началѣ засѣданія, какъ только предсѣдавшій объявилъ, что „засѣданіе открыто," и сдѣлалъ предварительные вопросы о свидѣтеляхъ, явилась г-жа Керфъ и просила судъ допустить ее въ качествѣ гражданской истицы для взысканія съ подсудимаго цѣны фальшивой серіи. Предсѣдавшій, г. товарищъ предсѣдателя Арсеньевъ, высказался въ пользу исполненія просьбы г-жи Керфъ, но защитникъ, князь Урусовъ, протестовалъ противъ такого распоряженія, такъ какъ г-жа Керфъ заявила о своемъ желаніи лишь по открытіи судебнаго засѣданія. Возникъ вопросъ, считать ли засѣданіе открытымъ, послѣ того какъ предсѣдатель провозгласилъ, что оно открыто. Защитникъ находилъ, что да; предсѣдавшій и представитель прокурорскаго надзора, что нѣтъ. Это разногласіе было предложено на усмотрѣніе суда, и судъ рѣшилъ не допускать г-жи Керфъ въ качествѣ гражданской истицы, предоставивъ ей, по окончаніи уголовнаго процесса, обратиться съ своею просьбой въ гражданскій судъ. Затѣмъ было приступлено къ составленію присутствія присяжныхъ; заявлены были отводы, вынуты жребіи, провозглашены имена 12 очередныхъ и 2 запасныхъ присяжныхъ, а остальнымъ дозволено разойдтись по домамъ, какъ вдругъ защитникъ заявилъ, что въ составъ присутствія присяжныхъ попало одно лицо, имъ отведенное. Пришлось ворочать удалявшихся присяжныхъ и сызнова составлять присутствіе. Но тутъ опять произошла странная случайность. Въ составѣ присутствія оказался одинъ присяжный умершій. Было необходимо взяться за дѣло въ третій разъ, но и тутъ странная судьба хотѣла удержать за этимъ засѣданіемъ его оригинальный характеръ. Даже и въ третій разъ простое дѣло составленія присутствія присяжныхъ не обошлось безъ приключенія: когда предсѣдавшими клались въ урну билетики съ именами присяжныхъ, этихъ билетиковъ оказалось однимъ больше чѣмъ слѣдовало. Лишь по устраненіи этого недосмотра, обычная формальность была благополучно совершена, и начался самый процессъ. Ему суждено было послужить поводомъ уже не къ тѣмъ маленькимъ случайностямъ, какими было ознаменовано его начало, а къ явленію серіозному, совершенно новому въ судебной практикѣ и крайне прискорбному.

Къ судебному слѣдствію былъ вызванъ одинъ лишь свидѣтель, 14-ти лѣтній магазинный мальчикъ Афросимовъ, который долженъ былъ объяснить суду и присяжнымъ подробности прихода подсудимаго въ магазинъ г-жи Керфъ, гдѣ была сбыта фальшивая серія. При допросѣ Афросимова со стороны защиты, допросѣ довольно продолжительномъ, предсѣдавшій обратился къ защитнику подсудимаго съ приглашеніемъ не сбивать и не запутывать свидѣтеля. Это приглашеніе было вызвано вопросами защитника, которые клонились къ тому чтобъ обнаружить время сбыта серіи въ магазинѣ Керфъ. Свидѣтель показалъ сначала, что это было въ полдень; а потомъ что послѣ обѣда. Этимъ былъ вызванъ вопросъ защитника, что значитъ *послѣ обѣда*, и когда они въ магазинѣ обѣдаютъ. Мальчикъ отвѣчалъ что хозяева обѣдаютъ въ два часа, а онъ, мальчикъ, послѣ хозяевъ. Защитникъ сдѣлалъ свидѣтелю замѣчаніе, что стало-быть серія могла быть отдана въ 4 или 5 часовъ, но тутъ былъ остановленъ предсѣдавшимъ, который, вѣроятно, полагалъ, что свидѣтель ужь слишкомъ утомленъ продолжительностью допроса и отвѣчаетъ безъ яснаго сознанія своихъ словъ. Такое предположеніе могло быть весьма основательно, и мы отнюдь не отрицаемъ, что свидѣтели, особенно несовершеннолѣтніе, нуждаются иногда въ дѣятельной защитѣ со стороны предсѣдателя, но для этой цѣли было бы достаточно пріостановить засѣданіе и дать свидѣтелю время оправиться. Предсѣдавшій предпочелъ просто прервать допросъ и лишить защитника возможности разъяснить дѣло по своему усмотрѣнію, въ чемъ защитникъ стѣсняемъ быть не долженъ. Защитникъ возразилъ, что вопросы, имъ предлагаемые, онъ считаетъ важными и что прекратить дальнѣйшій допросъ свидѣтеля, если предсѣдающій не предоставитъ ему должной свободы въ этомъ отношеніи. На вторичное замѣчаніе предсѣдавшаго, что онъ не можетъ дозволить отступленія отъ закона, защитникъ про-

силъ записать объ этомъ случаѣ въ протоколѣ, какъ о стѣсненіи защиты, несогласномъ съ 612 статьею Уст. Угол. Судопроизв. *) По окончаніи допроса продолжавшагося еще минутъ десять, предсѣдавшій указавъ защитнику на статьи 154 и 157 Учр. Суд. Уст. **) поставилъ ему на видъ, что онъ не имѣлъ права дѣлать ему замѣчанія насчетъ нарушенія 612 ст., и предупредилъ его, что въ случаѣ новаго нарушенія онъ будетъ удаленъ изъ залы судебнаго засѣданія, и дѣло рѣшится безъ его словесныхъ объясненій. Защитникъ желалъ возразить на это, но предсѣдавшій объявилъ, что засѣданіе пріостанавливается на нѣсколько минутъ, и судъ удалился изъ залы. Минутъ чрезъ десять засѣданіе снова было открыто. Защитникъ всталъ и на основаніи 2 п. 630 ст. Уст. Угол. Судопр. ***) просилъ позволить ему сдѣлать заявленіе. „Г. предсѣдательствующій, началъ защитникъ, сдѣлалъ мнѣ предостереженіе, которое я не могу признать правильнымъ...“ На этихъ словахъ защитникъ былъ остановленъ словами предсѣдавшаго: „Не угодно ли вамъ оставить залу судебнаго засѣданія?“ Защитникъ хотѣлъ сказать еще нѣсколько словъ, но предсѣдавшій повторилъ свое приглашеніе. Тогда защитникъ, собравъ свои книги, сталъ удаляться, и приближаясь къ двери замѣтилъ, что, оставляя залу засѣданія, протестуетъ противъ нарушенія правъ защиты. Тутъ предсѣдавшій, возвысивъ голосъ, приказалъ защитнику молчать и прибавилъ, что онъ, какъ кандидатъ на судебныя должности, будетъ подвергнутъ дисциплинарному взысканію. „Я уже болѣе не кандидатъ,“ были послѣднія слова защитника. По удаленіи его, предсѣдавшій обратился съ краткимъ словомъ къ присяжнымъ, приглашая ихъ быть теперь, при отсутствіи защитника, сугубо внимательными къ дѣлу.

Затѣмъ судебное засѣданіе шло обыкновеннымъ порядкомъ. Послѣ обвинительной рѣчи г. товарища прокурора, продолжавшейся слишкомъ часъ, подсудимому дано было полчаса времени для соображенія своихъ оправданій. Присяжные выслушали наконецъ предсѣдательскую рѣчь, весьма благопріятную для подсудимаго и дали упомянутый выше оправдательный приговоръ.

На другой день, въ общественныхъ собраніяхъ и клубахъ, только и было рѣчи что объ этомъ страшномъ засѣданіи. Общее вниманіе было тѣмъ болѣе обращено на него, что это уже вторичный случай подобнаго образа дѣйствій товарищей предсѣдателя здѣшняго окружнаго суда. Первый случай былъ за мѣсяцъ предъ симъ, 5-го октября, когда шло дѣло о пожарномъ служителѣ Сургушинѣ, обвинявшемся въ укрывательствѣ краденой съ пожара лампадки. Въ тотъ разъ судебное слѣдствіе и судебныя пренія были уже окончены, и стороны приступили къ препирательству о постановкѣ вопросовъ, когда возникъ запальчивый разговоръ между предсѣдавшимъ (г. Дейеръ) и защитникомъ (г. Розенбергъ). Защитникъ просилъ включить въ число вопросовъ новый, который потомъ и былъ принятъ судомъ. Въ подтвержденіе своей просьбы, защитникъ сказалъ, что на содержаніи этого вопроса была основана вся сила защиты. Возражая ему, предсѣдавшій спросилъ его, чѣмъ же онъ доказалъ въ своей рѣчи это основаніе Въ этихъ словахъ заключалось сужденіе, которое могло подѣйствовать на присяжныхъ, а потому въ устахъ предсѣдавшаго едва ли было умѣстно. Защитникъ счелъ нужнымъ просить о записаніи этихъ словъ въ протоколъ. Но такъ какъ эта бросьба послѣдовала уже по объявленіи вопросовъ, то предсѣдавшій счелъ себя въ правѣ объявить, что замѣчанія защитника въ протоколъ внесены не будутъ. Этотъ отвѣтъ предсѣдавшаго защитникъ снова просилъ записать въ протоколъ, ссылаясь на 3 п. 63-й статьи, дающей защитнику право дѣлать замѣчанія о всякомъ дѣйствіи на судѣ. Но тогда предсѣдавшій приказалъ судебному приставу предложить защитнику, не угодно ли ему будетъ оставить залу засѣданій. Этотъ случай, при которомъ защитникъ не былъ даже предваренъ, что будетъ выведенъ изъ залы засѣданій, произвелъ тогда самое прискорбное, самое тягостное впечатлѣніе

*) „Предсѣдатель суда долженъ предоставлять каждому подсудимому всевозможныя средства къ оправданію.“

**) Этими статьями, не относящимися, впрочемъ, къ уголовнымъ дѣламъ, предсѣдателю дано право предостерегать и затѣмъ удалять изъ присутствія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, если они, во время доклада дѣлъ, нарушаютъ правила благопристойности, порядокъ или тишину и не будутъ въ этомъ отношеніи безпрекословно повиноваться распоряженіямъ предсѣдателя.

***) Этимъ пунктомъ защитнику предоставляется предлагать, съ разрѣшенія предсѣдателя, свидѣтелямъ вопросы и возражать противъ свидѣтельскихъ показаній.

на публику. Если мы не сочли нужнымъ говорить о немъ, то причиной тому было вопервыхъ то, что это нарушеніе правъ защиты произошло въ концѣ процесса, а во-вторыхъ то, что г. Розенбергъ подалъ въ правительствующій сенатъ жалобу на предсѣдавшаго, прося предать его суду за превышеніе власти. Мы видѣли тутъ дѣло недоразумѣнія или лучше случайную ошибку, и не хотѣли упреждать рѣшеніе верховной судебной инстанціи. Но засѣданіе 3-го ноября свидѣтельствуетъ, что подобный образъ дѣйствій грозитъ перейдти въ обычай и развиваться прогрессивно. Случай 5-го октября сдѣлался прецедентомъ и какъ бы ободрилъ къ дальнѣйшему шагу: 5-го октября былъ выведенъ защитникъ съ ущербомъ для своей личной чести и для чести своего сословія, но безъ ущерба для подсудимаго; 3-го ноября сочтено уже возможнымъ выслать защитника, едва приступившаго къ исполненію своего дѣла, и подсудимый оставленъ безъ помощи юриста лицомъ къ лицу съ обвинителемъ-юристомъ. Прогрессъ скоротечный! Еще нѣсколько шаговъ на этомъ пути, и руками самихъ судей можетъ быть разоренъ судебный уставъ, ихъ создавшій.

Защита есть дѣло священное. Возвышенное положеніе суда условливается тѣмъ значеніемъ, которое великодушная мудрость законодателя предоставила защитѣ. Стѣсняя защиту, судьи измѣняютъ законное положеніе всѣхъ тѣхъ милліоновъ людей которые подлежатъ дѣйствію суда, отнимаютъ у цѣлаго народа право, ему дарованное и колеблютъ основаніе судебной организаціи. Не наше дѣло обсуждать дѣйствія защитниковъ въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ. Нѣтъ спору, что и тутъ возможны уклоненія, и что съ другой стороны законный авторитетъ предсѣдающихъ на судѣ долженъ быть охраняемъ въ неприкосновенности, хотя и надобно согласиться, что авторитетъ ученаго судьи не можетъ быть пріобрѣтаемъ по одному велѣнію закона, а заслуживается, какъ всякая ученая репутація, продолжительною дѣятельностью. Но во всякомъ случаѣ законъ долженъ быть охраняемъ въ мудромъ равновѣсіи своего цѣлаго состава, и на ряду съ законнымъ авторитетомъ судьи должны также признаваться законныя права защиты.

Эти права ясны. Защитникъ пользуется въ судебномъ состязаніи одинаковыми правами съ прокуроромъ. Вотъ коренное правило, изложенное въ статьѣ 630 устава угол. суд. Если прокурора нельзя выслать изъ залы засѣданій, развѣ онъ впадетъ въ умоизступленіе и совершитъ буйство, причемъ должно послѣдовать закрытіе засѣданія; то нельзя безъ одинаковаго повода выслать изъ залы засѣданій и защитника, при чемъ также должно послѣдовать закрытіе засѣданія. Статьи 154 и 157 общаго учрежденія судебныхъ мѣстъ, предоставляющія предсѣдателю суда право удалять, въ извѣстныхъ случаяхъ, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, никакъ не могутъ относиться къ защитникамъ. Въ этомъ легко убѣдиться, сравнивъ съ ними ст. 611—619 уст. угол. суд. и комментарій на эти статьи, изданный государственною канцеляріей. Въ этихъ статьяхъ уголовнаго устава излагаются права предсѣдателя совсѣмъ иначе чѣмъ въ статьяхъ 154 и 157 общаго устава, изъ чего слѣдуетъ, что эти послѣднія статьи имѣютъ полное примѣненіе только къ гражданскому процессу. Именно въ уголовномъ процессѣ единоличная власть предсѣдателя ограничена извѣстными предѣлами и въ комментаріи сказано, что „далѣе этихъ предѣловъ она простираться не можетъ," а въ ст. 619 читаемъ: „Всѣ распоряженія, выходящія изъ предѣловъ предоставленной предсѣдателю суда власти и всѣ постановленія *по спорамъ и пререканіямъ сторонъ* могутъ исходить только отъ суда, который въ вопросахъ, относящихся къ порядку производства дѣла, выслушиваетъ предварительно заключеніе прокурора." Было бы крайне странно думать, будто предсѣдатель въ уголовномъ засѣданіи имѣетъ всѣ тѣ права, которыя предоставлены ему ст. 611—618 Уст. Уголов. Суд., въ соединеніи со всѣми тѣми, которыя указаны въ ст. 154 и 157 общаго учрежденія. Кто имѣетъ такое ошибочное мнѣніе, тому стоитъ прочесть комментарій къ ст. 611 Уст. Уг. Суд., и онъ удостовѣрится въ своемъ заблужденіи. Въ этомъ комментаріи сказано, что въ уставѣ уголовнаго судопроизводства опредѣлено, какія распоряженія и мѣры по управленію ходомъ дѣла въ судебномъ засѣданіи могутъ быть предоставлены единоличной власти предсѣдателя суда (ст. 611—618), и какія затѣмъ должны быть принимаемы *не иначе* какъ по постановленіямъ цѣлаго присутствія суда (ст. 619). Какія же права пре-

доставлены предсѣдателю въ уголовномъ засѣданіи? Тождественны ли они съ тѣми коими онъ снабженъ въ процессѣ гражданскомъ? Еслибъ они были тождественны, то не было бы повода говорить о никъ особо въ уставѣ уголовномъ. Сличивъ оба изложенія, мы видимъ, что въ Уст. Угол. Судопр. пропущено выраженіе „во время доклада," употребленное въ общемъ уставѣ и очевидно относящееся тамъ только къ процессу гражданскому. Точно также пропущены слова: „кѣмъ-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ." Для чего этотъ пропускъ? Не для того ли, чтобы выгородить прокуроровъ? Но если выгораживаются прокуроры, то тѣмъ самымъ выгораживаются и защитники, ставимые съ нимъ на равной ногѣ. Въ этомъ еще болѣе убѣждаетъ то обстоятельство, что вмѣсто упоминанія объ участвующихъ въ дѣлѣ лицахъ, то-есть о сторонахъ, Уставъ Угол. Суд. трактуетъ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ не о сторонахъ, а о публикѣ, и воспрещаетъ ей выражать одобреніе и неодобреніе сдѣланныхъ показаній, входить въ сношенія съ свидѣтелями и присяжными и т. д. Здравый смыслъ показываетъ, что все это не касается ни прокурора, ни защитника, которымъ, напримѣръ, статья 630 даетъ право возражать противъ свидѣтельскихъ показаній и дѣлать замѣчанія по каждому дѣйствію, происходящему въ судѣ, а стало-быть и выражать одобреніе или неодобреніе дѣлаемымъ показаніямъ, что публикѣ запрещено.

Итакъ, за помѣщеніемъ въ Уст. Угол. Суд. статей 611—619, примѣненіе ст. 154 и 157 общаго учрежденія къ уголовному процессу никакъ не можетъ имѣть мѣсто, и ссылка предсѣдавшаго въ засѣданіи 3-го ноября на эти статьи должна считаться неправильною. Чтобы дѣйствовать на основаніи этихъ статей, требуется не единоличное рѣшеніе предсѣдателя, а рѣшеніе суда. Но и судъ приступая къ законному дѣйствію, долженъ имѣть въ виду одинаковость правъ прокурора и защитника, указанную въ ст. 630, а потому, удаляя защитника, суду предстоялобы непремѣнно удалить и прокурора, то-есть совсѣмъ закрыть засѣданіе суда и отложить процессъ до другаго времени. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого кореннаго правила можетъ быть тотъ случай, когда подсудимый добровольно согласился бы обойдтись безъ защитника и самъ просилъ бы продолжать процессъ.

Вотъ взглядъ на порядокъ устраненія защитниковъ, въ которомъ, мы увѣрены, согласится съ нами всякій опытный юристъ. Въ подтвержденіе этого взгляда считаемъ нелишнимъ прибавить слѣдующее соображеніе: устраняя защитника и продолжая процессъ безъ согласія подсудимаго, судъ наноситъ ему ущербъ и дабы избѣжать обвиненія въ вопіющей несправедливости, естественно долженъ озаботиться уравненіемъ вѣсовъ правосудія. Вычеркнутая изъ судебныхъ преній рѣчь защитника въ такомъ случаѣ появится до нѣкоторой степени въ предсѣдательской рѣчи, предшествующей удаленію присяжныхъ въ комнату совѣщаній. Но предсѣдательская рѣчь всегда сильнѣе дѣйствуетъ на присяжныхъ чѣмъ адвокатская, и такимъ образомъ вѣсы правосудія могутъ перекачнуться на сторону подсудимаго въ ущербъ правосудію. Изъ одной несправедливости судъ можетъ впасть въ другую, потому что пострадаютъ законные интересы всего общества, защищаемые стороной обвиненія.

№ 245.

Москва, 7-го ноября.

Одна за другою высказались три великія державы въ лицѣ своихъ государей. За три дня предъ симъ телеграфъ сообщилъ намъ содержаніе тронной рѣчи произнесенной королемъ Вильгельмомъ при открытіи законодательныхъ палатъ его расширеннаго королевства. Вчера долетѣли до насъ звуки вчера же произнесенной тронной рѣчи императора Французовъ. Сію минуту получили мы телеграмму передающую главное содержаніе тронной рѣчи королевы Викторіи. Всѣ три документа за одно свидѣтельствуютъ о миролюбивомъ настроеніи державъ, и выражаютъ увѣренность, что спокойствію Европы не угрожаетъ никакая опасность. Пруссія съ прискорбіемъ присутствовала при тѣхъ замѣшательствахъ, къ которымъ подалъ поводъ вопросъ о Римѣ и свѣтской власти папы; но она надѣется, что объ равно ей дружелюбныя великія націи, Франція и Италія, найдутъ способъ къ соглашенію, и спокойствіе Европы не будетъ нарушено. Франція, въ свою очередь, признаетъ съ

полною искренностію всѣ перемѣны, которыя совершились въ сосѣдней странѣ, не смотря на свои недавнія протестаціи противъ этихъ перемѣнъ. Что же касается до отношеній Франціи къ Италіи и до Римскаго вопроса, то рѣчь императора Наполеона совершенно успокоительна: „принятое нами положеніе, сказалъ царственный ораторъ, не заключаетъ въ себѣ ничего враждебнаго къ единству и независимости Италіи; миръ возстановленъ вполнѣ и скоро предстоитъ возвращеніе нашихъ войскъ.“ Вмѣсто сентябрьской конвенціи, которая оказалась несостоятельною, предложена европейская конференція, которая сниметъ съ Франціи отвѣтственность и уладитъ дѣло удовлетворительно для всѣхъ сторонъ. Восточный вопросъ еще менѣе представляетъ затрудненій и опасностей, ибо всѣ державы равно согласны въ необходимости сохраненія цѣлости Турецкой имперіи и улучшенія участи ея христіанскихъ населеній.

Англійская тронная рѣчь еще успокоительнѣе, сколько можно видѣть изъ телеграфнаго отчета о ея содержаніи. Англія какъ бы даже и не знаетъ о самомъ существованіи тѣхъ вопросовъ, которыхъ благополучное разрѣшеніе даютъ предвидѣть французская и прусская рѣчи. Италіянскія замѣшательства, по толкованію правительства королевы, состоятъ только въ томъ, что гарибальдійскіе волонтеры вторглись въ Папскую Область, не получивъ на то разрѣшенія отъ своего государя, чѣмъ и побудили императора Французовъ выслать свои войска на защиту папы. Теперь, когда эта цѣль достигнута, дружины волонтеровъ разогнаны, и опасность угрожавшая Церковной Области миновала, то королева вполнѣ увѣрена, что императоръ Французовъ не замедлитъ выводомъ своихъ войскъ, чѣмъ и устранился бы всякій поводъ къ недоразумѣніямъ между Франціей и Италіей. Ни о какой европейской конференціи по Римскому вопросу королева, повидимому, не знаетъ, ибо телеграфъ, конечно, не преминулъ бы передать въ точности, всякое слово, которое было бы молвлено по этому предмету съ высоты Британскаго трона. Равномѣрно ничего не извѣстно королевѣ ни о какомъ-то Восточномъ вопросѣ, вызвавшемъ нѣсколько утѣшительныхъ словъ въ рѣчи императора Французовъ. Изъ англійской тронной рѣчи узнаемъ мы о положеніи Европы только то, что королева отъ всѣхъ дружественныхъ державъ, какъ и весьма естественно, получаетъ увѣреніе въ дружественныхъ чувствахъ, и не видитъ никакого повода опасаться за нарушеніе европейскаго мира; такъ что въ ближайшемъ будущемъ иной войны не предвидится кромѣ абиссинской, которую Англія предпринимаетъ единственно для освобожденія г. Камерона и его спутниковъ, томящихся въ заключеніи у полудикаго властелина страны, прилежащей къ Красному морю.

Вотъ и все. Значитъ, никогда законодательная сессія не открывалась при знаменіяхъ болѣе благопріятныхъ и успокоительныхъ. Все исполнено миролюбія. Затрудненій либо вовсе нѣтъ, либо они близки къ благополучному исходу.

Иначе и быть не можетъ. Странно было бы, еслибы государи, открывая собранія представителей своихъ народовъ, стали изображать имъ положеніе дѣлъ въ чертахъ мрачныхъ и безнадежныхъ. Но чѣмъ успокоительнѣе или сдержаннѣе тонъ этихъ тронныхъ рѣчей, тѣмъ иногда труднѣе и тревожнѣе бываетъ истинное положеніе дѣлъ. Нѣтъ въ Европѣ политическаго человѣка, который не понималъ бы, что именно въ настоящее время переживаетъ она одинъ изъ самыхъ трудныхъ и всеобъемлющихъ кризисовъ. Всѣ условія ея равновѣсія измѣнились. Нѣтъ ни одного вопроса, который могъ бы считаться улаженнымъ. Никто не можетъ предусмотрѣть, какой исходъ примутъ замѣшательства возникшія по поводу столь внезапно возбужденнаго Римскаго вопроса. Между Италіей и Римомъ не оказывается никакой основы для соглашенія или сдѣлки. Сентябрьская конвенція рушилась; французскія войска опять въ Римѣ; но Франція обязуется вывести ихъ въ непродолжительномъ времени, съ тѣмъ однако, чтобъ Европа приняла на себя обязанность рѣшить полюбовно этотъ Римскій вопросъ. А между тѣмъ эта полюбовная конференція, о которой теперь столько рѣчи, есть сама не болѣе какъ вопросъ, или даже и не вопросъ, ибо едва ли кто вѣритъ въ возможность этой конференціи, а еще менѣе въ то, что она могла бы привести дѣло къ какому-либо удовлетворительному результату. Римское затрудненіе остается во всей своей силѣ. Сообщаемыя одною изъ нѣмецкихъ газетъ свѣдѣнія, переданныя намъ сегодняшнимъ телеграфомъ объ отвѣтѣ папскаго прави-

тельства на приглашеніе къ конференціи, можетъ-быть и не изъ подлинныхъ источниковъ почерпнуты, но нельзя сомнѣваться, что папское правительство не дастъ по этому предмету болѣе благопріятнаго отвѣта. Оно согласится только на такую конференцію, которая имѣла бы своею цѣлію утвердить и упрочить то что требуется отмѣнить. Броженіе во всей Италіи не уменьшается, а ростетъ, и циркуляръ Флорентійскаго кабинета свидѣтельствуетъ, что Италія въ настоящее время не можетъ отступить ни на шагъ отъ своихъ требованій, ни даже отсрочить разрѣшеніе тяготѣющаго надъ нею вопроса о Римѣ и свѣтской власти римскаго первосвященника.

Правительство императора Наполеона согласно признать перемѣны совершившіяся въ Германіи, но оно не можетъ не признать также и тѣхъ перемѣнъ, которыя вслѣдствіе событій въ Германіи произошли въ европейскомъ положеніи Франціи и вообще въ системѣ европейскаго равновѣсія. Ораторы законодательнаго сословія, конечно, не преминутъ раскрыть и оцѣнить всю силу этихъ перемѣнъ. Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣла, нельзя не признать по крайней мѣрѣ того, что въ европейской политикѣ должны произойдти совершенно новыя комбинаціи соотвѣтственно совершенно новому и столь неожиданному размѣщенію силъ. Пройдутъ ли эти перемѣны безъ потрясеній, — вотъ вопросъ, который не можетъ не заботить Европы и особенно Франціи.

Нельзя сказать, чтобъ и Востокъ представлялъ зрѣлище совершенно успокоительное. Едва ли когда нибудь его населенія были въ такомъ броженіи, какъ именно въ настоящую минуту. Всѣ идущія оттуда свѣдѣнія гласятъ о неизбѣжности и близости кризиса.

Если когда-нибудь, то именно въ эту трудную столь чреватую событіями пору должна показать свою силу та національная политика, которую поставило себѣ правительство Россіи и которой Россія не знавала съ давнихъ временъ до нынѣшняго царствованія. Только въ національной политикѣ внутри и внѣ, заключается для правительства тотъ жизненный инстинктъ, который можетъ безошибочно руководить его дѣйствіями и ручаться за вѣрность каждаго шага. Слѣдуя дѣйствительно-національной политикѣ, Россія при всевозможныхъ кризисахъ и потрясеніяхъ въ Европѣ сохранитъ безопасное свое положеніе. Она обладаетъ великими силами для международнаго дѣйствія, лишь бы она не забыла о нихъ. Мы говоримъ не только о тѣхъ силахъ, которыя она заключаетъ внутри своихъ предѣловъ, но и о тѣхъ которыми она обладаетъ въ естественныхъ симпатіяхъ, соединяющихъ ее съ цѣлымъ міромъ родственныхъ ей народностей, видящихъ въ ней свой единственный оплотъ и спасеніе. Въ поддержаніи этихъ народностей заключается для ней истинное могущество. Здѣсь тѣ ея союзники, которые дѣлаютъ для ней излишними всякія заботы о союзахъ. Напротивъ, очень возможно, что сближеніе Россіи съ тою или другою державой не усилитъ, а ослабитъ ее, лишивъ ее естественныхъ союзниковъ, на которыхъ единственно можетъ она разчитывать. Въ этомъ славянскомъ мірѣ, который тяготѣетъ къ Россіи и съ запада и съ юга, она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе политика ея, руководимая здравымъ инстинктомъ, будетъ имѣть какіе-либо властолюбивые виды. Чѣмъ болѣе Россія будетъ давать этимъ племенамъ, тѣмъ болѣе она пріобрѣтетъ отъ нихъ. Не подавленіе, не поглощеніе, не присоединеніе этихъ народностей можетъ обезпечить ея положеніе въ Европѣ и развитіе внутри, а напротивъ, возможно болѣе полная самостоятельность ихъ существованія. Не одна Турція переживаетъ кризисъ; Австрія находится также въ состояніи разложенія, и Россія не можетъ оставаться равнодушною въ виду того что происходитъ не только въ первой, но и въ послѣдней. Отъ дальнѣйшихъ шаговъ русской политики здѣсь будутъ зависѣть дальнѣйшія историческія судьбы какъ ея, такъ и тѣхъ народовъ, которые тяготѣютъ къ ней своими симпатіями, и которые, повторимъ, будутъ для ней тѣмъ болѣе надежною опорой, чѣмъ независимѣе и самостоятельнѣе устроится ихъ участь. Эти народы Россія должна поддерживать всею своею силой, всѣмъ своимъ вѣсомъ, и эту поддержку должны чувствовать и на нее должны надѣяться всѣ тѣ дѣятели заграничнаго славянскаго міра, коимъ случилось бы пострадать за сочувствіе къ Россіи.

№ 246.

Москва, 8-го ноября.

Мы перепечатываемъ ниже изъ *Сѣверной Почты* отчетъ о засѣданіи Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, бывшемъ 5-го ноября. Оно было ознаменовано рѣчью Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича и интереснымъ сообщеніемъ нѣкоторыхъ указаній о сдѣлкѣ съ иностранными банкирами относительно сбыта закладныхъ листовъ Общества за границей. Кромѣ того, это засѣданіе имѣло предметомъ своимъ вопросъ о передачѣ Обществу того пятимилліоннаго капитала, который назначался было правительствомъ на содѣйствіе водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Это дѣло, о которомъ до сихъ поръ можно было говорить только по слухамъ болѣе или менѣе сомнительнымъ, наконецъ разъясняется въ своемъ истинномъ видѣ. Пятимилліонный фондъ, въ значительной своей части, потерянъ для того назначенія, которое было дано ему и ради котораго онъ только и могъ быть выдѣленъ изъ средствъ государственной казны. Почти все, что̀ ходило въ видѣ толковъ публики объ этомъ замѣчательномъ дѣлѣ, къ сожалѣнію, оправдалось.

Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита нуждалось въ правительственной поддержкѣ, которая могла быть оказана ему или въ видѣ гарантіи закладныхъ листовъ его, или въ видѣ субсидіи. Правительство не рѣшилось на первое; ожидать втораго, при нынѣшнемъ состояніи финансовъ, тоже было нельзя. Надобно было пріискать такія казенныя средства, которыя были бы уже на что-либо назначены, но могли бы быть отвлечены отъ своего прежняго назначенія и обращены на субсидію Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. По справедливости, можно было возымѣть подобное притязаніе только на тѣ средства, которыя были собраны прежними кредитными установленіями. Еслибы напримѣръ Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита была необходима субсидія въ 200.000 руб. сер. ежегодно, то было бы справедливо желать, чтобъ источникомъ для этой субсидіи послужило сокращеніе расходовъ на содержаніе заведеній вѣдомства Императрицы Маріи. Эти заведенія обязаны своимъ существованіемъ поземельному кредиту; они расширились и развились на счетъ кредита страны: кому какъ не имъ слѣдовало бы взять на себя тяжесть пособія, которое поземельному кредиту страны оказалось нужнымъ? Это было бы справедливо и нельзя отрицать, что это было весьма исполнимо: громадные расходы этихъ заведеній очень можно сократить процентовъ на десять; въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но правильный путь на практикѣ не всегда оказывается путемъ кратчайшимъ. Пособіе поземельному кредиту оказалось удобнѣе отнести не на счетъ помянутыхъ заведеній, всѣмъ своимъ существованіемъ обязанныхъ поземельному кредиту, а на счетъ тѣхъ средствъ, которыя правительство рѣшилось было удѣлить на содѣйствіе водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Почему это оказалось удобнѣе, мы не знаемъ и не станемъ разыскивать. Но такъ было. Всѣмъ извѣстно, что Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній которому былъ предоставленъ доходъ съ пятимилліоннаго фонда или, говоря иначе, была дана ежегодная субсидія въ 250.000 рублей, дѣйствовало вяло и вызвало жалобы, клонившіяся къ тому, чтобы дѣлу былъ данъ болѣе правильный ходъ. Жаловавшіеся хотѣли, чтобы дѣло шло лучше прежняго; они, разумѣется, и не предчувствовали, что ихъ ожидаетъ горькая иронія. Впрочемъ это такъ трудно было предчувствовать, что даже по закрытіи Товарищества въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* появилась офиціальная замѣтка, подававшая надежду не только на сохраненіе тѣхъ льготъ, которыя были предоставлены покупщикамъ имѣній по уставу Товарищества, но и на возвышеніе этихъ льготъ и утвержденіе всей операціи на болѣе прочныхъ основаніяхъ. „Вскорѣ затѣмъ," читаемъ мы въ напечатанномъ нынѣ докладѣ, „правительство предложило передать Обществу пятимилліонный капиталъ *съ условіемъ выдачи ссудъ* подъ имѣнія, покупаемыя лицами не польскаго происхожденія въ западномъ краѣ, и открытія двухъ конторъ въ Вильнѣ и Кіевѣ для содѣйствія этому дѣлу." Что̀ такое можетъ значить это выраженіе: „съ условіемъ выдачи ссудъ?" Естественно было разумѣть, что правительство, предлагая Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита пятимилліонный капиталъ, могло вести рѣчь не просто о выдачѣ ссудъ, а о выдачѣ ихъ на такихъ же льготныхъ условіяхъ, какія существо-

вали въ закрытомъ Товариществѣ и для которыхъ собственно и назначена была ему субсидія. Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, и безъ пятимилліоннаго фонда, имѣло *право* выдавать ссуды покупщикамъ имѣній въ западномъ краѣ. Если же этимъ выраженіемъ означалась *обязанность*, то эта обязанность должна чѣмъ-нибудь отличаться отъ права и могла состоять лишь въ выдачѣ ссудъ на извѣстныхъ льготныхъ условіяхъ, не худшихъ, конечно, чѣмъ тѣ, какія были въ закрытомъ Товариществѣ. Такъ понималъ дѣло *Виленскій Вѣстникъ*; такъ понимала дѣло и вся публика, а тѣмъ паче тѣ покупщики, которые жаловались на Товарищество; въ такомъ смыслѣ, надобно думать, было сдѣлано и правительственное предложеніе о передачѣ пятимилліоннаго капитала. Но вскорѣ прошелъ слухъ, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита намѣрено просто присвоить себѣ пятимилліонный фондъ, а ссуды въ западномъ краѣ выдавать на общемъ основаніи, безъ всякихъ льготъ. Какъ ни маловѣроятенъ былъ этотъ слухъ, но онъ упорно держался, и правленіе Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита само содѣйствовало тому, оставляя свои планы въ секретѣ. Печать не могла молчать въ виду такого положенія дѣлъ, и мы подробно разбирали тѣ предположенія, которыя молва приписывала правленію Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Не разъ приходилось намъ слышать упреки въ томъ, что мы приписываемъ подобные планы Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, зная очень хорошо, что общаго собранія этого Общества еще не было, и слѣдовательно, не могло быть принято никакого рѣшенія, ибо подобныя дѣла превышаютъ полномочіе правленія. Теперь оказывается, какъ неосновательны были подобные упреки. Изъ доклада мы узнаемъ, что дѣло объ употребленіи пятимилліоннаго капитала окончательно рѣшено именно правленіемъ, безъ полномочія Общества. Еслибы мы ждали общаго собранія, то очутились бы какъ теперь предъ *fait accompli*, о которомъ разсуждать безполезно. Мы старались предупредить то неблагопріятное водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ рѣшеніе, которое однако послѣдовало. Это рѣшеніе, если перевести содержаніе доклада на обыкновенный языкъ, состоитъ въ слѣдующемъ:

Ежегодный доходъ въ 250.000 р., назначенный первоначально на содѣйствіе водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, отнынѣ поступаетъ въ распоряженіе Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, которое беретъ изъ него себѣ 200.000 р., а на содѣйствіе водворенію русскаго землевладѣнія оставляетъ 50.000 р. Употребляя свою львиную часть на общія финансовыя потребности своихъ операцій, Общество обязуется расходовать остальныя 50.000 на содержаніе двухъ конторъ въ Кіевѣ и Вильнѣ, вслѣдствіе чего ежегодные платежи пріобрѣтателей имѣній въ западномъ краѣ уменьшаются на $^1/_2\%$ сравнительно съ тѣмъ, что будутъ платить заемщики въ остальныхъ частяхъ Россіи. Этимъ, да еще преимущественнымъ правомъ на полученіе краткосрочныхъ ссудъ ограничивается вся льгота, даруемая Обществомъ дѣлу водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Но при этомъ надобно еще замѣтить, что въ то же время Общество вводитъ такой порядокъ погашенія своихъ закладныхъ листовъ, при которомъ оно уже не будетъ имѣть прежнихъ средствъ для выдачи краткосрочныхъ ссудъ, и единственнымъ источникомъ этихъ послѣднихъ ссудъ будетъ опять та же самая казенная субсидія, получаемая Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита во имя содѣйствія водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Двѣ конторы, которыя Общество заводитъ на получаемыя имъ казенныя деньги въ Кіевѣ и Вильнѣ, обойдутся Обществу 50.000 р., а съ казны оно получитъ за то 250.000 р., значитъ въ пять разъ больше. Другими словами: изъ ежегодной субсидіи въ 250.000 руб. берутся 200.000 руб. и отвлекаются отъ своего первоначальнаго назначенія дабы превратиться въ субсидію, долженствующую поддерживать Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита въ конкурренціи съ другими подобными кредитными обществами, а на водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ оставляется сумма, въ пять разъ меньшая прежняго. Но отвлекаемая отъ своего первоначальнаго назначенія часть ежегодной субсидіи будетъ получаться Обществомъ изъ казны нѣсколькими мѣсяцами прежде чѣмъ потребуется для его расходовъ, и въ это-то время она будетъ выдаваема въ ссуду заемщикамъ западнаго края предпочтительно предъ прочими. Впрочемъ и на это удобство предо-

ставляется не исключительное, а только преимущественное право. Такова сдѣлка, съ точки зрѣнія Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита очевидно выгодная, но отнюдь не выгодная съ точки зрѣнія обрусенія западнаго края.

Изъ доклада правленія можно заключить, что эта сдѣлка — дѣло почти конченное, которое уже нельзя передѣлать. Правительство, повидимому, уже лишено свободы распоряженія пятимилліонымъ фондомъ: *maître de la situation* есть Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, и дальнѣйшія льготы покупщикамъ имѣній западнаго края совершенно зависятъ отъ усмотрѣнія общаго собранія, которое будетъ, говорятъ, созвано въ это воскресенье. Мы не исполнили бы своей обязанности, еслибы не обратились къ чувству справедливости членовъ этого собранія съ слѣдующимъ вопросомъ: Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита выдавало доселѣ въ долгосрочную ссуду $^{2}/_{3}$ оцѣнки, не потому, чтобы считалось рискованнымъ выдавать половину оцѣнки, а потому, что при выдачѣ $^{2}/_{3}$ оцѣнки въ долгосрочную ссуду, Общество могло выдавать сверхъ того подъ то же обезпеченіе $^{1}/_{10}$ оцѣнки въ ссуду краткосрочную. Всего Общество выдавало въ ссуду не $^{2}/_{3}$, а половину оцѣнки. Съ измѣненіемъ порядка погашенія это удобство заемщиковъ устраняется. При развитіи операцій, тѣ краткосрочныя ссуды, которыя теперь могутъ быть выдаваемы, будутъ такъ малы, что о нихъ не стоитъ говорить и никто не будетъ на нихъ разчитывать. Въ виду этого измѣненія, не найдетъ ли общее собраніе Общества справедливымъ предоставить покупщикамъ имѣній въ западномъ краѣ ту нисколько не рискованную для Общества льготу, чтобъ они получали въ ссуду не $^{2}/_{3}$, а $^{1}/_{2}$ оцѣнки? Изъ доклада правленія видно, что оно само имѣло въ виду предоставить покупщикамъ имѣній въ западномъ краѣ право на ссуду еще большихъ размѣровъ, но не получило соизволенія правительства. По нашему мнѣнію, правительство должно было отказать правленію Общества въ томъ ходатайствѣ. Но въ томъ возвышеніи размѣра ссудъ, которое мы предлагаемъ для западнаго края, не заключается никакого риска. Даровавъ, испрашиваемую нами льготу, Общество хоть сколько-нибудь отплатило бы тому дѣлу, которому оно будетъ обязано упроченіемъ своего положенія на денежномъ рынкѣ.

№ 247.

Москва, 9-го ноября.

Полгода тому назадъ какъ шумно и весело было въ нашихъ обѣихъ столицахъ, какія встрѣчи и какіе праздники! То были славянскіе праздники. Вездѣ сверху до низу только рѣчи было, что о славянскихъ братьяхъ. Сколько тостовъ было поднято, сколько хлѣба-соли было поднесено, сколько горячихъ пожеланій было высказано! Было ли все это явленіемъ безъ сущности, увеселительнымъ спектаклемъ, *этнографическою выставкою*, демонстраціей пригодившеюся ко времени? или же въ этомъ движеніи, которое, казалось, шло такъ горячо и широко со всѣхъ концовъ славянскаго міра, отъ береговъ Адріатики, Дуная, Молдавы и отъ Карпатскихъ высотъ до самой Москвы, было нѣчто дѣйствительное? Чѣмъ разнообразнѣе и разнороднѣе были элементы, тѣмъ сильнѣе и знаменательнѣе, повидимому, было то общее чувство, которое собирало ихъ воедино. Какъ бы то ни было, мысль о славянскомъ единствѣ вышла тогда изъ темныхъ затворовъ, въ которыхъ она постоянно находилась у насъ, и въ Россіи какъ будто поняли, что для Россіи нѣтъ ничего опаснаго и страшнаго въ этомъ панславизмѣ, о которомъ бывало нельзя говорить иначе какъ шепотомъ. Славянская идея являлась, повидимому, самою желанною и самою дружелюбною изъ всѣхъ возможныхъ въ Россіи идей.

Мы заявляемъ фактъ, не произнося никакого сужденія; мы оставляемъ открытымъ вопросъ о значеніи и силѣ этой славянской идеи, которая праздновалась въ Москвѣ и Петербургѣ, и находила себѣ столько краснорѣчивыхъ выраженій. Будетъ ли имѣть какія-либо послѣдствія это проявленіе славянской идеи? Какія послѣдствія можетъ имѣть это въ будущемъ, мы не знаемъ; но намъ извѣстно, какія послѣдствія имѣетъ это теперь. Угрозы, которыми провожали въ Россію нашихъ славянскихъ гостей нѣмецкіе, мадьярскіе и польскіе органы, не были праздными звукомъ. Возвратившись домой, наши славянскіе гости увидѣли себя въ положеніи весьма плачевномъ. Многіе изъ нихъ подверглись преслѣдованію и явились мучениками своихъ славяно-русскихъ сочувствій. Всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, что этотъ

славянскій съѣздъ въ Петербургѣ и Москвѣ не заключалъ въ себѣ не только ничего революціоннаго, но и ничего политическаго; тѣмъ не менѣе онъ сопровождался если не для всѣхъ, то для нѣкоторыхъ изъ его участниковъ, такими послѣдствіями какъ еслибы дѣло шло о государственномъ преступленіи. Что славянская идея не есть призракъ, въ этомъ пришлось удостовѣриться прежде всего изъ гоненій, которымъ подверглись виновники невиннѣйшей изъ всѣхъ возможныхъ манифестацій, происходившей во имя этой идеи. Нѣкоторые лишились куска хлѣба, другіе подверглись грубымъ насиліямъ, какъ напримѣръ почтенный католическій священникъ Данило, умный, симпатическій и просвѣщенный издатель газеты *Il nazionale*, попавшій теперь въ тюрьму за возраженія, которыя онъ готовилъ противъ извѣстнаго польскаго памфлета г. Клячко, гдѣ со скрежетомъ зубовъ осмѣивается и славянская идея, и славянскій съѣздъ въ Москвѣ, и проповѣдуется война противъ Россіи для востановленія Польши. Г. Субботичъ, пользующійся между сербскими населеніями Австріи, славою какъ даровитый писатель, и занимавшій важную судебную должность; лишился и мѣста, и содержанія, и выслуженной пенсіи. Ему оставался еще путь адвокатуры, но и тотъ былъ прегражденъ ему. У него взяли все, что только можно было взять, единственно за путешествіе его въ Россію. Напрасно предполагалось въ обществѣ открыть въ его пользу подписку; всякому движенію въ этомъ смыслѣ положена преграда нѣмецко-мадьярскимъ либерализмомъ, и г. Субботичъ остался безъ всякихъ средствъ къ содержанію своего семейства.

Мы умѣли устраивать обѣды и говорить на нихъ спичи, и мрачно добродѣтельныя, и пріятно игривыя о славянскомъ братствѣ; мы умѣли возглашать кстати и не кстати о славянскомъ единствѣ и восклицать *слава* и *живіо*: неужели оставимъ мы безъ поддержки и помощи людей очень серіозно расплатившихся у себя дома за наши простосердечныя клики и невинныя демонстраціи?

Если же эти выраженія сочувствія, которыя раздавались въ Петербургѣ и Москвѣ и на всемъ пути нашихъ „славянскихъ гостей,“ были не простая потѣха отъ нечего дѣлать, если въ нихъ дѣйствительно была мысль и сколько-нибудь сердца и сколько-нибудь разумѣнія обстоятельствъ, то мы тѣмъ болѣе должны озаботиться положеніемъ нашихъ соплеменниковъ въ нынѣшней Австріи.

Испытавшая въ короткое время столько превратностей, имперія Габсбурговъ, благодаря смѣлымъ операціямъ своего саксонскаго министра, удивительно обернулась, ставъ именно тѣмъ самымъ, противъ чего за двадцать лѣтъ предъ симъ боролась до послѣднихъ силъ, и отъ чего была спасена дѣятельнымъ вмѣшательствомъ Россіи. Всѣ извѣстія изъ Австріи подтверждаютъ, что положеніе славянскихъ народностей въ этой многонародной державѣ, подвергается не меньшему кризису чѣмъ въ самой Турціи. Особенно жутко приходится Славянамъ въ земляхъ короны Св. Стефана. Тѣ самые Хорваты и Сербы, которые въ 1848 году бились до изнеможенія, спасая погибавшую монархію Габсбурговъ, ею же великодушно отдаются теперь въ кабалу врагамъ, отъ которыхъ они ее спасали. Разрозненныя, раздробленныя и издавна лишенныя политической самостоятельности, эти народности не имѣютъ въ средѣ своей сильныхъ и вліятельныхъ общественныхъ классовъ; вся интеллигенція ихъ заключается въ людяхъ занимающихъ общественныя должности, въ учителяхъ и священникахъ. И вотъ, на этихъ людей обрушилась кара за *здорово живешь*: пользуясь всякимъ предлогомъ, отнимаютъ у нихъ мѣста, и лишаютъ ихъ всякихъ способовъ не только къ полезной дѣятельности, но и къ существованію. Все что сколько-нибудь возвышается надъ массой, все что способно мыслить и дѣйствовать въ Славянахъ, унижается, оскорбляется, повергается во прахъ. Такъ дѣйствуютъ Поляки въ Галиціи, подавляя тамошнюю русскую народность во имя польской политической идеи, и Австрія въ этой части своихъ владѣній признаетъ себя какъ бы Польшей, и поступаетъ почти также какъ поступали мы сами, являясь ревностными полонизаторами и германизаторами населеній не польскихъ и не германскихъ. Въ *Транслейтаніи*, то-есть въ земляхъ приписанныхъ къ Венгріи, монархія Габсбурговъ является теперь державою Мадьярскою, и энергически объединяетъ въ смыслѣ этой національности столь разнородныя населенія столь чуждыя другъ другу земли. Въ такъ-называемой *Цислейтаніи*, имперія Габсбурговъ, хотя и выгнанная изъ Гер-

маніи, все-таки хочетъ быть государствомъ Германскимъ, и дѣятельно подготовляетъ славянскія народности этой части своихъ владѣній къ тому чтобъ ихъ въ близкомъ будущемъ прихватила къ себѣ объединяющаяся Германія. Эта имперія Габсбурговъ, утратившая центръ тяжести и всякое основаніе для бытія, хлопочетъ теперь о томъ, чтобъ истребить въ концѣ тѣ элементы въ себѣ, которые одни только могли бы создать въ этой части Европы нѣчто положительное, нѣчто прочное, нѣчто имѣющее будущность.

Мы оставляемъ въ сторонѣ всякія племенныя сочувствія и всякіе толки о славянской идеѣ; мы только спрашиваемъ, можемъ ли мы пребывать совершенно равнодушными при видѣ этого хаотическаго броженія, надъ которымъ носится духъ неразумія и истребленія? Должны ли мы отказать въ сочувствіи и поддержкѣ тому, что̀ стремится выйдти изъ этого хаоса, что̀ ищетъ свѣта и жизни и что̀ имѣетъ въ себѣ задатки того и другаго? Должны ли мы, при нашей исторически завѣщанной политикѣ относительно Востока, отказать въ сочувствіи тѣмъ же самымъ племенамъ, которыя при теперешнемъ ходѣ дѣлъ подвергаются въ Австріи еще бо̀льшимъ чѣмъ въ Турціи опасностямъ? племена эти всѣ свои надежды возложили на русскія симпатіи: захотимъ ли мы обмануть эти надежды?

О дипломатическомъ вмѣшательствѣ не можетъ быть рѣчи; было бы нелѣпостію помышлять о чемъ-либо подобномъ. Такая нелѣпость допускается только по отношенію къ Россіи, только въ русскихъ дѣлахъ не считается страннымъ дипломатическое вмѣшательство, и только русскіе подданные имѣютъ привилегію отдѣлять себя отъ Россіи и поднимать о себѣ международные вопросы. Итакъ, по отношенію къ австрійскимъ Славянамъ дѣло идетъ не о какомъ-либо дипломатическомъ вмѣшательствѣ, не о какомъ-либо официально правительственномъ дѣйствіи. Все чего требуется, состоитъ только въ томъ, чтобы мы немножко поддержали на дѣлѣ тѣ сочувствія, которыя такъ парадно и съ такимъ грохотомъ высказывали на словахъ. Ничто не мѣшаетъ намъ, не входя въ политику, оказывать этимъ народностямъ поддержку въ ихъ матеріальныхъ и нравственныхъ потребностяхъ; ничто не мѣшаетъ намъ принимать дѣятельное участіе въ людяхъ, которые подвергаются лишеніямъ и невзгодамъ за свое сочувствіе къ Россіи. Еслибъ оказалось, что эта славянская идея, эта взаимность и общеніе славянскихъ народностей, такъ громогласно возвѣщавшія себя, были только праднымъ звукомъ, что всѣ эти торжественныя встрѣчи и праздники, которыми мы подчивали „славянскихъ братьевъ,“ были только случайною демонстраціей, о которой на другой же день мы позабыли, то было бы лучше, въ тысячу разъ лучше, никакихъ праздниковъ не затѣвать и никакихъ рѣчей не говорить,—лучше было бы и для „братьевъ Славянъ“ и для насъ самихъ. Еслибы все это оказалось съ нашей стороны пустымъ звукомъ, движеніемъ автомата или какою-нибудь неискренностію, то мы очутились бы въ большомъ проигрышѣ. Мы стяжали бы себѣ великіе *мусы*—презрѣніе и ненависть, тѣмъ болѣе глубокія и ожесточенныя, чѣмъ живѣе были обманутыя нами сочувствія. Нѣтъ хуже враговъ, какъ друзья ставшіе врагами.

Взоры австрійскихъ Славянъ съ тоскою обращены теперь къ Россіи; они считаютъ себя въ правѣ ожидать отъ насъ поддержки и пособія. Нашими славянскими праздниками мы приняли на себя обязательства, которыя мы должны исполнить, если не хотимъ потерять всякій кредитъ. А требуется очень не многаго для того чтобы поддержать нашъ кредитъ и упрочить за собою тѣ сочувствія, которыя, особенно при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, были бы ничѣмъ незамѣнимою силой нашею въ Европѣ. Здѣсь, давать значитъ получать, и здѣсь каждая русская копѣйка тотчасъ же становится для Россіи большимъ и превосходно помѣщеннымъ капиталомъ.

№ 248.

Москва, 10-го ноября.

Теперь, повидимому, вошло въ моду говорить о необходимости *самостоятельной* русской политики. Къ немалому удивленію эти голоса слышны даже съ такихъ сторонъ, откуда ихъ всего менѣе можно было ожидать. Это очень пріятно, но таково свойство человѣка что онъ все хорошее можетъ употребить во зло, а потому и толки въ пользу національной и самостоятельной политики нельзя всегда принимать

за чистую монету, а надобно смотрѣть къ чему они клонятся. Даже газета *Вѣсть* заговорила о самостоятельной русской политикѣ. На повѣрку оказывается, что эта самостоятельная политика должна просто-на-просто заключаться въ возвышеніи существующихъ таможенныхъ пошлинъ и введеніи новыхъ. Свою новую заботливость о національныхъ интересахъ Россіи *Вѣсть* простираетъ до того, что находитъ зараженными фритредерствомъ даже опубликованные министерствомъ финансовъ *Матеріалы по пересмотру тарифа*, о коихъ мы надняхъ упоминали и коихъ авторъ, г. Колесовъ, между прочими вещами того же рода, предлагаетъ возвышеніе пошлинъ на значительнѣйшую часть всѣхъ отраслей хлопчатобумажныхъ издѣлій.

Крайность вызываетъ другую, говорятъ намъ; не слѣдовало-де заводить рѣчь о пониженіи пошлинъ, и тогда не было бы теперешней агитаціи въ противномъ смыслѣ. Намъ кажется, что дѣло было не совсѣмъ такъ. О пониженіи пошлинъ у насъ почти никто не говорилъ. Если какъ-то разъ въ Петербургѣ собралось человѣкъ-десятокъ, чтобы пообѣдать вмѣстѣ съ г. де-Молинари, и если нѣкоторые изъ нихъ сказали нѣсколько словъ въ смыслѣ свободной торговли, впрочемъ довольно умѣренныхъ, то изъ этого еще ничего не слѣдуетъ, и странно слышать будто бы этотъ обѣдъ былъ виной волненія, побудившаго между прочимъ 18.000 рабочихъ сочинить просьбу къ министру финансовъ. Объ этомъ обѣдѣ не могло бы быть рѣчи, еслибы можно было пріискать болѣе серіозное объясненіе того, что мы, впрочемъ, не безъ ироніи назвали однажды агитаціей. Но серіознаго объясненія нельзя было пріискать для дѣла, которое само похоже на миѳъ, какъ видно изъ той роли, какую въ немъ играетъ это, никому не поданное, прошеніе 18.000 рабочихъ. Никакого волненія не видно, а видно лишь то, что нѣсколько фабрикантовъ, и особенно машинныхъ заводчиковъ, заявляютъ желаніе, съ ихъ точки зрѣнія весьма естественное, чтобы по случаю пересмотра тарифа были отчасти возвышены, отчасти вновь наложены пошлины на предметы ими производимые. Заявляя это желаніе свое, они поднимаютъ большой крикъ, въ надеждѣ на уступчивость лицъ, призванныхъ ограждать общіе интересы государства отъ разныхъ противодѣйствующихъ имъ притязаній. Такъ бываетъ всегда и вездѣ, какъ всегда и вездѣ подкрѣпленіемъ подобныхъ притязаній бываетъ призывъ къ патріотизму, приглашеніе къ жертвамъ во имя національныхъ интересовъ. Все это въ порядкѣ вещей. Пересмотръ тарифа долженъ былъ вызвать тѣмъ большіе крики, чѣмъ податливѣе относительно протекціонистовъ старалась быть, или по крайней мѣрѣ казаться, администрація. Особенно много патріотическихъ возглашеній должны были вызвать заключительныя слова всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ, что „тарифъ нашъ можетъ быть улучшенъ единственно на началахъ самостоятельной торговой политики, соотвѣтственной интересамъ отечественной промышленности и торговли, а равно и финансовому положенію государства, и что затѣмъ тарифные вопросы не должны быть, при настоящемъ положеніи Россіи, подчиняемы условіямъ торговыхъ договоровъ.“ Хотя и безъ пересмотра тарифа найдется не мало финансовыхъ улучшеній, которыхъ можно пожелать въ интересахъ отечественной промышленности и торговли, и которыя, конечно, не были бы противны и интересамъ нашей самостоятельной политики, все-таки нельзя не сочувствовать приведеннымъ словамъ въ томъ прямомъ и ясномъ смыслѣ, въ какомъ они, конечно, сказаны. Кто можетъ желать, чтобы какіе бы то ни было государственные вопросы, не только тарифные, но даже и не столь заживо затрогивающіе внутреннюю жизнь государства, а въ особенности государства съ такими неблагоустроенными финансами какъ Россія, были подчиняемы требованіямъ иностранныхъ державъ? Кто можетъ желать, чтобы нашъ таможенный тарифъ былъ измѣняемъ не въ интересахъ русской торговли и промышленности, а напримѣръ по указаніямъ германскаго купечества? Таможенные договоры сами по себѣ еще не суть прегрѣшенія противъ національной политики. Мы видимъ, что они заключаются всѣми европейскими государствами при весьма ревнивомъ соблюденіи обоюдныхъ выгодъ, и вслѣдствіе этого весьма популярны тамъ въ средѣ промышленныхъ классовъ. Еслибъ удалось пріобрѣсть черезъ таможенный договоръ какую-нибудь существенную выгоду для государства, то не было бы причины упускать такой счастливый случай изъ того только, что таможенные договоры не могутъ быть призна-

ны за наилучшій и наиболѣе удобный способъ къ таможеннымъ преобразованіямъ. Но, съ другой стороны, справедливо и то, что подобные случаи могутъ крайне рѣдко представляться для Россіи, которой, при нынѣшнихъ низкихъ размѣрахъ иностранныхъ тарифовъ, почти нечего выговаривать въ свою пользу у иностранныхъ державъ. Итакъ, за сказанною оговоркой, мы сами не можемъ не присоединиться къ желаніямъ, выраженнымъ въ словахъ г. министра финансовъ.

Но слова эти, при нынѣшней обстановкѣ пересмотра тарифа, столь очевидно благопріятной для домогательствъ нашихъ протекціонистовъ, сдѣлались предметомъ удивительныхъ съ ихъ стороны толкованій. Такъ коммиссія наряженная с.-петербургскимъ биржевымъ купечествомъ, въ мнѣніи своемъ по поводу пересмотра тарифа, говоря съ ожесточеніемъ о политико-экономическихъ ученіяхъ, то-есть, о наукѣ признанной въ цѣломъ мірѣ, и заявляя о своемъ полномъ единодушіи съ убѣжденіями выказанными въ докладѣ г. министра финансовъ, находитъ, что въ этомъ документѣ есть только одно упущеніе, именно умолчано о водвореніи у насъ новыхъ промышленностей посредствомъ новыхъ запретительныхъ и покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ, причемъ дѣлается незаслуженная честь и нашей газетѣ, изъ которой цитуется нѣсколько словъ, даже со вносными знаками. Въ этомъ умолчаніи о финансовыхъ мѣрахъ, осужденныхъ и опытомъ, и теоріей,—мѣрахъ, которыя обрекли бы Русскій народъ на новыя лишенія,—коммиссія видитъ *единственную уступку* г. министра финансовъ проклинаемымъ ею ученіямъ экономистовъ.

Нельзя кстати не замѣтить, что коммиссія своими свѣдѣніями и излагаемыми ею понятіями объ экономистахъ весьма плохо рекомендуетъ свое право судить о нихъ. Коммиссія между прочимъ говоритъ, что послѣдователи *несостоятельныхъ* ученій отрицаютъ пользу мануфактурнаго образованія въ Россіи, что они желаютъ, чтобы мы пожертвовали всѣми нашими мануфактурами и не заводили никакихъ новыхъ; наконецъ, она называетъ этихъ людей *экономическими регламентаторами*, и пр. Это все говорится о послѣдователяхъ науки, которая славится своею заботливостію объ успѣхахъ именно фабричной промышленности и своею борьбой противъ регламентаціи! Желательно, чтобы представители петербургскаго купечества указали источники, откуда они почерпнули столь просвѣщенныя понятія. Обращиками этихъ понятій могутъ также служить разные доводы, даже числовые, которыми коммиссія разчитываетъ доказать, что торговые обороты Англіи, послѣ реформъ сэръ-Роберта Пиля и г. Гладстона, лишь весьма незначительно усилились. Замѣчательны также свѣдѣнія петербургскихъ коммерсантовъ о томъ что дѣлается въ самой Россіи. Такъ коммиссія говоритъ, будто нашъ слишкомъ свободный тарифъ убилъ наши желѣзодѣлательные заводы. Коммиссіи стало-быть остались неизвѣстными столь всѣмъ извѣстныя причины медленныхъ успѣховъ нашего горнаго дѣла, причины несостоятельности нѣкоторыхъ заводовъ, причины несостоятельности всей системы нашей горной администраціи. Выгодность горной промышленности въ Россіи поистинѣ изумительна, когда, не смотря на эту систему и на всѣ внутреннія невзгоды, постигшія наше горное хозяйство, весьма многіе заводы все-таки находятся въ весьма цвѣтущемъ положеніи. Коммиссія оспариваетъ всякое вліяніе искусственнаго развитія хлопчато-бумажной промышленности на льняную, на томъ основаніи, что эта послѣдняя начинаетъ усиливаться теперь, несмотря на сильное развитіе хлопчато-бумажныхъ фабрикъ. Но кто не знаетъ, что наши льняныя фабрики поднялись преимущественно въ эпоху послѣдняго хлопковаго кризиса, когда конкурренція ихъ съ хлопчато-бумажными стала особенно выгодна? Петербургская коммиссія, въ интересахъ затѣяннаго ею дѣла, должна была бы по крайней мѣрѣ знать заявленіе однородной съ нею московской коммиссіи 1865 года, требовавшей отъ правительства значительнаго повышенія пошлины на льняныя издѣлія и предрекавшей, что въ противномъ случаѣ, по минованіи американскаго кризиса, непремѣнно погибнутъ всѣ механическія льняныя фабрики въ Россіи,—хотя эти предсказанія не сбылись, какъ вообще никогда не сбываются предсказанія протекціонистовъ, чему примѣровъ можно набрать тысячами изо всѣхъ государствъ, ибо, не смотря на сильное паденіе цѣнъ на хлопокъ, ни одна значительная льняная фабрика не разстроилась, кромѣ развѣ одной, которая пришла въ упадокъ еще

до этихъ предсказаній. Русскія полотна, какъ видно, не пользуются особеннымъ сочувствіемъ петербургскаго купечества; однакоже, думаемъ мы, при столь притязательныхъ заявленіяхъ предъ правительствомъ, не мѣшаетъ справляться о доводахъ, къ которымъ прибѣгали заявленія того же самаго направленія. Несоблюденіе этого правила напоминаетъ о томъ протекціонистѣ, который, пока владѣлъ желѣзодѣлательнымъ заводомъ, весьма убѣдительно доказывалъ, что налагать пошлину слѣдуетъ на желѣзо, а отнюдь не на машины; когда же пріобрѣлъ машинный заводъ, то еще убѣдительнѣе изображалъ весь вредъ пошлины съ желѣза и неизмѣримую пользу пошлины съ машинъ.

Но всего непріятнѣе бываетъ читать разсужденія протекціонистовъ, когда они, за истощеніемъ другихъ доводовъ, считаютъ нужнымъ облекаться въ мантію филантропіи и отстаивать интересы меньшей братіи. Эта меньшая братія всѣхъ болѣе страдаетъ отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ. Пересмотръ 1857 года понизилъ тарифъ по нѣкоторымъ статьямъ, но почти всѣ эти пониженія были такого свойства, что ими воспользовались только высшіе классы. Дѣйствительный, серіозный успѣхъ въ этомъ дѣлѣ требуетъ такъ-сказать демократизаціи тарифа. Тарифъ есть та область, гдѣ демократизація не только не сопряжена съ какимъ-либо рискомъ, но обезпечиваетъ отъ опасностей могущихъ сопровождать соотвѣтственное направленіе въ области политической. То же самое должно и вообще сказать о податной системѣ: чѣмъ она справедливѣе и равномѣрнѣе для классовъ общества, тѣмъ менѣе бываетъ поводовъ къ пагубному для политической жизни страны раздраженію между ними. Вотъ почему въ исторіи государственныхъ учрежденій видимъ мы, что здоровая политическая жизнь развивается обыкновенно тамъ, гдѣ предварительно бываетъ осуществлено уравненіе гражданъ по отношенію къ налогамъ. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить Англія, гдѣ низшіе классы обложены сравнительно съ своимъ состояніемъ меньшею податью чѣмъ высшіе, между тѣмъ какъ напримѣръ мнимо-демократическая Франція представляетъ собою совершенно обратное явленіе. Въ Россіи одна изъ плодотворнѣйшихъ задачъ, ожидающихъ исполнителя одушевленнаго истиннымъ патріотизмомъ, состоитъ въ томъ чтобы посредствомъ длиннаго ряда хорошо разчитанныхъ мѣръ, безъ нарушенія интересовъ имѣющихъ право на уваженіе, постепенно измѣнить основанія податной системы и привести ее наконецъ въ согласіе съ справедливостью. Правильное движеніе законодательства относительно таможенныхъ пошлинъ должно также слѣдовать этому направленію, составляющему залогъ успѣховъ на всѣхъ другихъ поприщахъ государственной жизни. Ближайшимъ вѣрнымъ началомъ къ достиженію этой цѣли былъ бы такой пересмотръ тарифа, который сдѣлалъ бы для низшихъ классовъ то что тарифъ 1857 года отчасти сдѣлалъ для классовъ достаточныхъ. Но, повторяемъ, желательно чтобъ этотъ важный шагъ былъ сдѣланъ осмотрительно, съ должнымъ вниманіемъ къ справедливымъ интересамъ фабрикантовъ и безъ ущерба для дальнѣйшаго развитія отечественнаго мануфактурнаго дѣла. Министръ финансовъ, который совершилъ бы этотъ шагъ и при томъ соблюлъ бы показанныя условія, заслужилъ бы себѣ вѣчную славу. Вотъ политика въ благородномъ смыслѣ популярная, вотъ на что должны быть направлены нелицемѣрныя заботы о меньшей братіи, а не на возвышеніе пошлинъ, требуемое нерѣдко какъ бы изъ сочувствія къ „труженикамъ.“ Притворность и фальшь этихъ аппелляцій къ труженикамъ бросается въ глаза изъ слѣдующихъ примѣровъ. Всѣмъ извѣстно, что въ числѣ доводовъ за удержаніе и даже повышеніе пошлинъ взимаемыхъ съ хлопчато-бумажной пряжи и приготовляемыхъ изъ нея тканей, не малую роль играетъ ссылка на многочисленность людей занятыхъ у насъ этимъ производствомъ. Но извѣстно также во сколько разъ болѣе людей занято ткачествомъ и набивкой нежели пряденіемъ. Не менѣе извѣстно, также что вотъ уже нѣсколько лѣтъ дешевые народные ситцы продаются въ убытокъ, такъ что „труженики“ по этому промыслу скоро должны остаться безъ дѣла. Въ интересѣ „тружениковъ“ надобно желать, чтобы заведенная фабрикація не была сокращаема; въ интересѣ всего простаго народа, потребителя дешевыхъ ситцевъ, надобно желать того же, потому что съ сокращеніемъ производства должны подняться цѣны на эти ситцы, безъ которыхъ простой народъ въ большей части Россіи уже не можетъ обходиться. Въ чемъ же состоитъ правильно поставленная за-

дача? Не въ томъ ли, чтобы поддержать производство дешевыхъ ситцевъ въ его теперешнихъ размѣрахъ и дать ему возможность снабжать простой народъ этимъ предметомъ его потребности по цѣнѣ не выше теперешней? Этого нельзя достигнуть иначе какъ удешевленіемъ суровья, коимъ въ настоящемъ случаѣ служитъ пряжа низкихъ нумеровъ, а удешевленія этого сорта пряжи въ свою очередь можетъ быть достигнуто не иначе какъ пониженіемъ ввозной пошлины. Необходимое для этой цѣли пониженіе пошлины весьма возможно; оно будетъ сопряжено съ нѣкоторымъ ущербомъ въ доходности бумагопрядилень, но не поведетъ къ закрытію ни одной изъ нихъ. Произойдетъ только справедливое уравненіе барышей, доставляемыхъ различными отраслями хлопчато-бумажной фабрикаціи. Быстро богатѣющіе прядильщики уступятъ часть своихъ барышей быстро разоряющимся ткачамъ и набивщикамъ, но не потеряютъ ни одной копѣйки изъ капитальной стоимости своихъ фабрикъ. При осмотрительномъ пониженіи пошлины на низшіе сорта пряжи, даже доходность бумагопрядилень почти нисколько не пострадаетъ. Съ фунта пряжи они будутъ получать меньше барыша чѣмъ теперь, но за то будутъ имѣть болѣе обширный сбытъ чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы сократилось потребленіе дешевыхъ ситцевъ вслѣдствіе ихъ вздорожанія. Собственно говоря, пострадала бы только спекуляція пряжей, потому что были бы предотвращены колебанія цѣнъ. Вотъ положеніе дѣла, и вотъ указанія на правильный, съ интересами „тружениковъ“ и всего простонародья согласный выходъ изъ теперешняго затрудненія. Что же заговорятъ наши протекціонисты, такъ чувствительно разглагольствующіе о меньшей братіи? Въ одной газетѣ разсуждалось объ этомъ дѣлѣ не далѣе какъ въ нынѣшнемъ августѣ мѣсяцѣ, по поводу Нижегородской ярмарки, и доказывалось самымъ безжалостнымъ образомъ, что ткачи и набивщики должны разориться и дешевые ситцы вздорожать,—то-есть сотни человѣкъ должны разориться, тысячи человѣкъ платить за необходимый для нихъ фабрикатъ дороже чѣмъ прежде, и единственно для того чтобъ одинъ человѣкъ, прядильщикъ, получилъ азартные барыши. Такъ разоблачила себя нелицемѣрная филантропія нашего протекціонизма. Но этого мало. Высшіе сорта ситца идутъ очень хорошо, несмотря на тарифъ 1857 года, который покровительствуетъ имъ менѣе чѣмъ ситцамъ дешевымъ. Это фактъ замѣчательный: предъ нами двѣ отрасли одного и того же производства, изъ коихъ одна ограждается тарифомъ болѣе, другая менѣе, и мы видимъ, что первая блекнетъ, вторая процвѣтаетъ. Отъ протекціонистовъ нельзя, конечно, ожидать, чтобъ они оцѣнили этотъ фактъ, но можно и должно было ожидать, что они по крайней мѣрѣ посовѣстятся предлагать возвышеніе пошлинъ для огражденія производства, которое и такъ уже процвѣтаетъ и слѣдовательно въ усиленномъ огражденіи не нуждается. Кто въ самомъ дѣлѣ заботится лишь о томъ, чтобы защищать отечественную промышленность отъ иностранной конкурренціи, тотъ не можетъ придти къ мысли о возвышеніи пошлины, взимаемой съ высшихъ сортовъ ситца, миткаля или пряжи, и наоборотъ, кто въ данномъ случаѣ предлагаетъ возвысить пошлину, тотъ самъ обличаетъ себя, что заботится не объ огражденіи отечественной промышленности, а объ увеличеніи неправильныхъ барышей, получаемыхъ подъ кровомъ этого фальшиваго, фабрикантовъ портящаго и народъ обирающаго протекціонизма.

Что могло бы быть благопріятненно русскимъ народнымъ интересамъ какъ не желаніе, чтобы Русскій народъ платилъ дешевле за выписываемый имъ чай, за столь необходимое для него желѣзо, за привычное ему бѣлье? Въ глазахъ того, кому извѣстны условія нашего народнаго быта и свойства нашей податной системы, что можетъ быть разумнѣе желанія, чтобы посредствомъ облегченія таможеннаго тарифа увеличилось число плательщиковъ таможенныхъ пошлинъ, и чрезъ это сумма, выручаемая нынѣ казною изъ податей, могла распредѣлиться преимущественно между достаточными людьми, а не неимущими, какъ нынѣ, и чтобъ ослабилась необходимость прибѣгать къ пьянству, какъ главному источнику государственныхъ доходовъ? Что могло бы быть патріотичнѣе желанія, чтобы русскіе подданные могли покупать въ Россіи тѣ самые товары, ради дешевизны которыхъ они вынуждаются проживать за границей? Все это кажется самые насущные интересы Россіи, а не Германіи, не Англіи, которой промышленное могущество, конечно, нисколько не умалится, еслибы даже и совсѣмъ прекратилась ея торговля съ Россіей.

№ 249.

Москва, 11-го ноября.

Французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отправлена къ его дипломатическимъ агентамъ новая циркулярная депеша, по предмету конференціи для разрѣшенія Римскаго вопроса. Если вѣрить французскимъ газетамъ, документъ этотъ отнюдь не имѣетъ еще характера прямаго приглашенія: онъ ограничивается только наказомъ представителямъ Франціи вступить въ переговоры съ кабинетами, при которыхъ они аккредитованы, „дабы привесть ихъ къ порядку идей изложенному въ циркулярѣ отъ 25-го октября, настаивая на важности событій. Самое же приглашеніе предполагало бы уже совершенное согласіе всѣхъ державъ относительно принципа этого дипломатическаго собранія; а такого согласія еще нѣтъ. Лишь по полученіи отвѣта отъ этихъ кабинетовъ, представится возможность обратиться къ нимъ съ помянутымъ приглашеніемъ".

Таковъ смыслъ, въ которомъ французская, преимущественно клерикальная печать, толкуетъ значеніе ведущихся нынѣ переговоровъ о созваніи конференціи по Римскому вопросу. Въ чемъ же состоитъ „этотъ порядокъ идей," который долженъ находиться въ основаніи предполагаемой конференціи? Циркуляромъ отъ 25-го октября Франція, прежде всего, принимаетъ на себя обязательство оставить римскую территорію, „какъ только въ ней будетъ возстановлена безопасность". Согласно съ этимъ обязательствомъ, непремѣннымъ условіемъ согласія державъ на участіе въ предлагаемомъ Франціей дипломатическомъ съѣздѣ, должно было бы быть предварительное очищеніе римской территоріи и возвращеніе, такимъ образомъ, взаимныхъ отношеній Рима, Франціи и Италіи къ *statu quo ante*. Затѣмъ, циркуляръ отъ 25-го октября, находя что „всѣ державы, наравнѣ съ Франціей, заинтересованы тѣмъ чтобы въ Европѣ господствовали начала порядка и спокойствія, не сомнѣвается, что онѣ искренно займутся изысканіемъ способовъ разрѣшить вопросы, съ которыми, для значительной части ихъ подданныхъ, соединяются правительственные и духовные интересы самаго возвышеннаго свойства".

Въ сущности, здѣсь довольно прозрачно выражается надежда, что представители европейскихъ державъ соберутся единственно съ предвзятымъ рѣшеніемъ замѣнить, совокупною гарантіей Европы, тѣ обезпеченія, которыя одна Франція давала до сихъ поръ римской теократіи. Не въ этомъ ли заключается тотъ основный „принципъ" предполагаемаго дипломатическаго съѣзда, предварительнымъ принятіемъ котораго будто бы обусловится приглашеніе къ участію въ этомъ съѣздѣ? Замѣщеніе г. де-Лаваллета, единственнаго французскаго министра отстаивавшаго, уже болѣе мѣсяца, на почвѣ Римскаго вопроса, политику невмѣшательства и умѣренности,—г. Пинаромъ извѣстнымъ своими ультрамонтанскими влеченіями, и возвращеніе не менѣе клерикальному г-ну де-Маларе, несмотря на многократныя просьбы и жалобы итальянскаго правительства, должности французскаго министра во Флоренціи, и на этотъ разъ, какъ слышно, съ порученіемъ настоять на отмѣнѣ рѣшенія, которымъ итальянскій парламентъ провозгласилъ, 27-го марта 1852 года, *Римъ столицею Италіи*,– все это ясно указываетъ на безусловное преобладаніе, въ настоящее время, ультрамонтанскаго духа въ совѣтахъ императора Наполеона, а указанія этого достаточно, чтобы допустить въ этихъ совѣтахъ возможность появленія самыхъ несбыточныхъ проектовъ.

Но какова бы ни была благодушная податливость, оказанная въ послѣднее время Европою на всякаго рода дипломатическіе съѣзды, можно опасаться, что въ настоящемъ случаѣ, Тюльерійскій кабинетъ готовитъ себѣ лишь новыя разочарованія, новую торжественную неудачу. Эта конференція не нужна никому кромѣ Тюльерійскаго кабинета, которому давно уже надоѣли и расходы, и заботы, и недочеты принятой имъ въ 1849 году обязанности сторожа римской теократіи и сопряженныя съ этою обязанностью опасенія итальянской мести, и который, въ сущности, не домогается нынѣ иной цѣли, какъ сложивъ на всю Европу отвѣтственность за собственныя ошибки, открыть себѣ какой-нибудь выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ привелъ себя своею вторичною Римскою экспедиціей?

По сказанію сейчасъ полученной нами парижской телеграммы, папа изъявилъ согласіе на проектъ конференціи, предложенной французскимъ правительствомъ. Мы узнаемъ также, что Виртембергъ и Бава-

рія уже приняли сдѣланныя имъ приглашенія. Едва ли, однако, вслѣдствіе этихъ принятій и согласій, дѣло значительно подвинулось впередъ. Едва ли и тѣ правительства, которыя отъ приглашенія въ принципѣ не отказываются, серіозно увѣрены, что дѣло состоится. Въ чемъ должно состоять это международное совѣщаніе. Въ томъ ли, чтобъ удержать за римскимъ первосвященникомъ его мірское владычество, какъ того требуетъ Римъ, или въ томъ, чтобы положить конецъ этому владычеству, какъ настаиваетъ Италія? Вопросы такого свойства разрѣшаются не совѣщаніями, а ходомъ событій, предупреждающимъ всякое совѣщаніе. Только сила вещей, возбудившая самый вопросъ, можетъ неожиданно покачнуть его въ ту или другую сторону.

Итальянскія событія и вторичное занятіе Рима Французами не останутся безъ важныхъ послѣдствій какъ для Франціи, такъ вообще и для Европы. И послѣдствія начинаютъ уже оказываться. Императоръ Наполеонъ вынужденъ теперь опереться на клерикальную партію, а возобладаніемъ этой партіи въ правительствѣ будутъ непремѣнно пробуждены революціонно-республиканскія начала въ нѣдрахъ общества. Ужь и теперь начинаютъ показываться зловѣщіе признаки. Вмѣстѣ съ тѣмъ, французская политика должна поневолѣ понизить свой тонъ въ Европѣ и смириться на Рейнѣ. Вотъ новая благопріятная для Пруссіи комбинація! Чѣмъ далѣе будутъ затягиваться дѣла въ этомъ направленіи, тѣмъ болѣе выиграетъ она, и тѣмъ труднѣе въ послѣдствіи будутъ всякіе разсчеты съ ней. Событія, столь роковыя для Италіи и угрожающія ея новосложившемуся единству тяжкимъ кризисомъ, оказываются какъ нельзя болѣе счастливыми для объединяющейся Германіи. Польскій вопросъ и разладъ, причиненный имъ въ Европѣ, помогли Пруссіи раздробить Данію, а затѣмъ порѣшить свой давній споръ съ Австріей и положить начало полному объединенію Германіи. Въ короткое время, Пруссія изъ державы сомнительно первостепенной заняла преобладающее положеніе и измѣнила въ свою пользу условія европейскаго равновѣсія. Тѣмъ не менѣе, ей еще предстоялъ трудный и опасный разчетъ съ сосѣднею державой, которой европейское положеніе измѣнилось глубоко вслѣдствіе германскихъ событій и которая видѣла себя въ необходимости такъ или иначе возстановить свое значеніе. И вотъ вдругъ поднимается Римскій вопросъ, возникаютъ новыя для Франціи затрудненія, и новыя благопріятныя обстоятельства для прусской политики. Но обстоятельства сами по себѣ ничего не значатъ; благопріятными становятся они лишь при условіи, что есть люди, которые имѣютъ ими воспользоваться. Во главѣ прусскихъ дѣлъ оказался государственный человѣкъ, который съ удивительнымъ искусствомъ и рѣдкою энергіей сумѣлъ дѣятельно воспользоваться всѣми выгодами, которыя возникали для Пруссіи изъ общаго хода дѣлъ. Благопріятныя обстоятельства и, по всему вѣроятію, возникали и возникаютъ не для одной Пруссіи, но не вездѣ оказываются условія нужныя для того чтобъ ими воспользоваться. Всѣми своими успѣхами Пруссія обязана дѣйствительно національному характеру своей политики, которая одна только можетъ сообщать государственнымъ людямъ и зоркость, и рѣшимость.

№ 250.

Москва, 13-го ноября.

Въ Парижѣ появилось одно изъ тѣхъ офиціозныхъ сочиненій, которыя Тюльерійскій дворъ обыкновенно пускаетъ въ свѣтъ при затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Этой брошюрѣ предшествовали обычныя рекламы. Офиціозныя газеты извѣстили о ней таинственными полу-откровеніями, имѣвшими цѣлью возбудить любопытство. Происхожденіе ея приписывали предварительно лицамъ высоко стоящимъ, то частному секретарю императора Французовъ, г. де-Конти, то одному изъ его духовниковъ, аббату Бауэру. Нѣкоторые журналы намекали даже, будто брошюру сочинялъ самъ Наполеонъ III, или по крайней мѣрѣ внушилъ ее.

Этого было болѣе чѣмъ достаточно, дабы привлечь общественное вниманіе къ новорожденному чаду политической печати. Поэтому мы надѣемся оказать услугу читателямъ, предоставивъ имъ анализъ этой брошюры и выписавъ изъ нея нѣсколько важнѣйшихъ мѣстъ.

Брошюра *Наполеонъ III и Европа въ 1867 году* начинается исчисленіемъ многочисленныхъ европейскихъ вопросовъ; въ

ней доказывается важность этихъ вопросовъ, необходимость рѣшить ихъ, и съ самаго начала заявляется, „что большею „частью эти вопросы, рѣшеніе коихъ столь „необходимо для Европы, могутъ быть рѣ„шены только Франціей, или по крайней „мѣрѣ только при ея широкомъ и дѣя„тельномъ участіи.“

Первымъ изъ этихъ европейскихъ вопросовъ, о которыхъ Франція, по словамъ брошюры, призвана произнести свой верховный приговоръ, выставленъ *Польскій вопросъ*. Правда, авторъ воздерживается высказать какъ польскій вопросъ долженъ быть рѣшенъ, правда также, что въ остальной части брошюры объ этомъ вопросѣ вовсе не говорится; однако мѣсто отведенное ему во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о намѣреніи держать его въ запасѣ на всякій случай, разумѣется, въ томъ предположеніи, что Россія не сумѣетъ упразднить его.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, при помощи которыхъ авторъ пытается накинуть на себя личину скромности, онъ предъявляетъ будто на одной Франціи лежитъ долгъ „управлять Европой и отвѣтствовать за ея будущую судьбу.“ Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу:

„Мы полагаемъ, что само Провидѣніе „предназначило Франціи произнести въ на„стоящую минуту одно изъ тѣхъ торже„ственныхъ словъ, которыя полагаютъ ко„нецъ безызвѣстностямъ, окончательно оп„редѣляютъ силу минувшаго, придаютъ на„стоящему должную форму, и яркимъ свѣ„томъ озаряютъ пути будущаго.“

Какъ видно, въ Парижѣ все еще вѣруютъ въ ту теорію Наполеоновскаго предназначенія, въ то промыслительное и всемірное призваніе, которое столь мистически и обширно изложено въ предисловіи къ исторіи Юлія Цезаря, написанной самимъ Наполеономъ III.

По словамъ автора брошюры, „дабы положить конецъ безызвѣстностямъ и озарить пути будущаго,“ Франціи стоитъ только произнести единое слово, „которое одна „она въ состояніи осуществить; это слово: „миръ“.

Нельзя не признаться, что надобно имѣть вѣру чрезмѣрно твердую, или лучше сказать крайне простодушное легковѣріе, дабы провозглашать такимъ образомъ магическое вліяніе этого слова, которое Наполеонъ III съ самаго начала сказалъ въ Бордо и которое такъ прискорбно было опровергнуто многократными войнами и безпрерывными смутами.

Этотъ миръ, по словамъ автора, долженъ основываться на слѣдующихъ принципахъ:

„1. Должны быть откровенно, вполнѣ, „сочувственно приняты факты, совершив„шіеся въ Германіи или готовые тамъ со„вершиться, во всемъ что относится къ „ея внутреннему устройству.

„2 Надобно добросовѣстно исполнить „конвенцію 15-го сентября, или замѣнить „ее равносильнымъ ей обезпеченіемъ.

„3. Необходимо развить прогрессивно „либеральныя идеи, выраженныя въ пись„мѣ 19-го января 1867.“

Другими словами, Франціи остается только, ни говоря ни слова, смириться предъ всѣмъ тѣмъ, что г. фонъ-Бисмаркъ сдѣлалъ, дѣлаетъ и будетъ дѣлать въ Германіи, вознаградить себя за это въ Италіи, продолжая невыносимыя терзанія ея теперешняго положенія, и забавлять Францію ничего не значащими обѣщаніями *увѣнчать либеральное зданіе*. Такова программа, которая, по словамъ автора брошюры, „осуществляетъ на долгія времена миръ „съ честью, съ побѣдой безъ битвъ, и съ „разрѣшеніемъ предстоящихъ затрудне„ній.“

Въ опору этого тезиса авторъ выставляетъ на видъ и смиренно-мудро вычисляетъ факты совершившіеся въ Германіи. Онъ говоритъ, и то и дѣло повторяетъ, что „Германія составилась, что Майнъ, „черезъ который переступило единство тор„говыхъ интересовъ Германіи и единство „ея военачалія, есть уже граница только „воображаемая, и что будетъ достаточно „и малѣйшаго внѣшняго посягательства, „дабы возбудить въ Германіи одно изъ „тѣхъ общихъ движеній, коими сокруша„ются всѣ разчеты, всѣ препоны“.

Развивъ очень подробно эту тему и похвѣривъ такимъ образомъ Оксерскую рѣчь, знаменитый циркуляръ г. де-Лавалетта и все что Тюльерійскій кабинетъ говорилъ и дѣлалъ не далѣе какъ полгода назадъ, авторъ ставитъ два слѣдующіе вопроса:

„*Должна ли* Франція препятствовать „объединенію Германіи? Можетъ ли Фран„ція помѣшать этому объединенію?“ И на этотъ двойственный вопросъ онъ не колеблясь отвѣчаетъ: „*Нѣтъ*, Франція *не* „*должна* и *не можетъ* сдѣлать это.“

Доводы, коими авторъ оправдываетъ свое двойственное отрицаніе, онъ почерпнулъ изъ философіи исторіи. Вотъ что онъ говоритъ:

„Одна изъ идей, которыми съ особен„ною страстью увлекался, да и теперь еще „увлекается нашъ вѣкъ, состоитъ въ идеѣ „ассоціаціи.... *Магическое дуновеніе*, по„буждающее къ единству, находитъ выс„шее выраженіе свое въ жизни собственно „политической. Здѣсь оно пытается упразд„нить раздробленіе на мелкія государства, „и вызываетъ, въ будущности, которую те„перь не возможно еще въ точности опредѣ„лить, образованіе великихъ національныхъ „скопленій, то-есть такихъ скопленій, кото„рыя составятся вслѣдствіе нѣкоторой од„нородности народовъ, проистекающей отъ „ихъ происхожденія, языка, исторіи, ре„лигіозныхъ связей, и наконецъ ощути„тельныхъ практическихъ интересовъ.“

Эту теорію, которой примѣненіе къ прусификаціи Германіи, совершенной г. фонъ-Бисмаркомъ при помощи средствъ самыхъ насильственныхъ, могло бы подать поводъ къ спору, авторъ совершенно теряетъ изъ виду какъ скоро дѣло идетъ объ Италіи. Тутъ нѣтъ ни *однородности*, ни *магическаго дуновенія*, ни *величественныхъ уступокъ историческимъ и національнымъ необходимостямъ*.

„Конвенція 15-го сентября,“ говоритъ авторъ, „есть непреодолимая преграда ме„жду свѣтскою властью папства и ея вра„гами, поставленная очевидною необходи„мостью вещей, вѣковою логикой фактовъ, „и наконецъ энергическою волей Наполе„она III.“

Эта воля, кажется, столь же энергически заявляетъ намѣреніе отказать христіанамъ Востока въ выгодахъ теоріи, которую Наполеонъ III такъ благосклонно примѣняетъ къ Германіи. Судя по рѣчи, произнесенной императоромъ Наполеономъ при открытіи французскихъ палатъ, главная забота его на Востокѣ состоитъ въ поддержаніи власти оттоманскаго правительства. Какъ же могло случиться, что Франція заботится о поддержаніи двухъ властей, папской и султанской, являющихъ собой рѣшительное отрицаніе тѣхъ же самыхъ началъ, на примѣненіе которыхъ къ Германіи Тюльерійскій кабинетъ соглашается съ такою снисходительностью? Пій IX не выпускаетъ ли въ свѣтъ *силлабусы*, исполненные проклятій принципамъ 89 года, которымъ Наполеоновская династія обязана своимъ происхожденіемъ? Абдулъ-Азисъ не предписываетъ ли истребленіе восточныхъ христіанъ? Зачѣмъ же говорить о принципахъ, правахъ и идеяхъ? Пусть просто провозгласятъ владычество грубаго факта и воздержатся по крайней мѣрѣ отъ лицемѣрнаго пустословія!

Въ заключеніе, въ разбираемой брошюрѣ страницы полторы посвящены темнымъ и мечтательнымъ увѣреніямъ, что впредь Франціи будутъ дарованы какія-то великія права и льготы. Вотъ что тутъ сказано: „Либеральная жатва ежедневно бо„лѣе и болѣе спѣетъ. Объ этомъ спѣяніи „молится отецъ, который въ одной и той „же любви соединяетъ своего сына и Фран„цію: о полномъ наступленіи этой зрѣло„сти пророчески предвѣщаетъ мощное ду„новеніе, смѣсь власти и свободы.“

Довольствоваться такими священно-мистическими обѣщаніями дѣло не наше, дѣло Франціи: но для членовъ европейской семьи занимательно возвращеніе къ идеѣ о конгрессѣ государей, на которомъ эта офиціозная брошюра подъ конецъ усердно настаиваетъ. Вотъ что сказано по этому поводу въ брошюрѣ:

„Можетъ-быть Европа, наученная въ „школѣ своихъ бѣдствій и утомленная столь „многими безплодными агитаціями. Европа „жаждущая мира, будетъ рада услышать, „что тотъ же самый голосъ скажетъ ей: „*Надобно, чтобы меня выслушали во имя „Франціи.*“

Нѣтъ сомнѣнія, Европа *жаждетъ мира*; она не только утомлена *безплодными агитаціями*, которыя навязываютъ ей, но и негодуетъ на эти агитаціи. Однако, для того чтобъ Европа стала слушать что ей говорятъ, не достаточно говорить отъ имени Франціи: надобно говорить отъ имени истины, справедливости и логики.

Что касается до Франціи, то теперь всякій и безъ особенной проницательности легко усмотритъ, что политика ея правительства отошла далеко и съ каждымъ днемъ отходитъ все далѣе отъ тѣхъ путей, которые Франція могла бы поистинѣ назвать своими. Политика, которой теперь принуждена она слѣдовать, не есть французская,—не есть та, которая соотвѣтствовала бы интересамъ этой страны и ея національному достоинству. Судъ исторіи уже начинается. Еще нѣсколько шаговъ въ томъ же направленіи, и Франція отъ

своего лунатизма пробудится къ тяжкой дѣйствительности....

№ 251.

Москва, 15-го ноября.

Сегодня предлагаемъ мы нашимъ читателямъ много болѣе или менѣе интересныхъ телеграммъ. Особенную для насъ важность имѣютъ извѣстія изъ Бѣлграда, свидѣтельствующія о рѣшимости, которою одушевлена Сербія. На первомъ планѣ, однако, все еще конференція по Римскому вопросу и италіянскія затрудненія. Нѣкоторыя частныя полученныя нами изъ Парижа свѣдѣнія побуждаютъ насъ коснуться положенія, принимаемаго Тюльерійскимъ кабинетомъ относительно Италіи.

Гарибальдійскія шайки разсѣяны, италіянскія войска отступили, свѣтская власть папы еще разъ поддержана силою иностранныхъ штыковъ, французскимъ генераламъ удалось наконецъ сдѣлась давно желанные ими, интересные опыты, *in anima vili*, надъ смертоноснымъ дѣйствіемъ ружей Шасспо: этимъ, очевидно, ограничивается весь успѣхъ новаго вмѣшательства Франціи въ домашнія распри *великой италіанской семьи*, не успѣвшей стяжать себѣ того почтенія, котораго отъ Тюльерійскаго кабинета удостоилась *великая нѣмецкая семья*, благодаря своимъ игольчатымъ ружьямъ и колкимъ депешамъ графа Бисмарка. Впрочемъ, чего бы еще и желать тѣмъ патріотамъ, которые совѣтовали императорскому правительству Франціи предпринять вторую римскую экспедицію? А между тѣмъ оказывается, что они-то особенно и разочарованы результатами этой экспедиціи, и что этому разочарованію не чуждо и правительство, поддавшееся ихъ внушеніямъ.

Дѣйствительно, если вникнуть въ результатъ второй римской экспедиціи, то нельзя не придти къ заключенію, что кромѣ выше исчисленныхъ успѣховъ, результатъ этотъ въ сущности очень рѣзко противорѣчитъ всѣмъ офиціально заявленнымъ цѣлямъ, въ виду которыхъ было предпринято вмѣшательство. Главною цѣлью была выставлена необходимость упрочить свѣтскую власть папы; а между тѣмъ власть эта теперь становится вопросомъ, и этотъ вопросъ передается на европейскую конференцію. Однимъ изъ главныхъ предлоговъ ко вмѣшательству была, какъ извѣстно, громко возвѣщенная императоромъ Французовъ необходимость подавить въ Италіи первыя движенія революціонной гидры. Всего проще было бы лишить эту гидру того что̀ служитъ главнымъ источникомъ ея жизненной силы, въ чемъ заключается ея *raison d'être*. Всѣ національныя стремленія Италіи обращены къ Риму. Надъ Италіей носится, какъ незамиримый призракъ, приговоръ, которымъ ея первый парламентъ провозгласилъ, въ засѣданіи 27-го марта 1861 года, Римъ столицею Италіи. Вырвавъ у революціи этотъ могучій двигатель патріотическихъ страстей Италіи и передавъ его въ руки флорентійскаго правительства, Наполеонъ III обрекъ бы революціонное начало на совершенную немощь, а правительству короля Виктора-Эммануила далъ бы непоколебимую прочность. Вышло наоборотъ. Революціонное начало усилилось въ Италіи, и это приращеніе его энергіи, какъ прямое послѣдствіе кровопролитія при Ментанѣ и оскорбленій, нанесенныхъ иностранною державой италіянскому правительству, обнаруживается повсемѣстнымъ волненіемъ принимающимъ со дня на день все болѣе опасный характеръ. Впрочемъ, этотъ печальный результатъ вмѣшательства Франціи въ Римскій вопросъ не ограничивается одною Италіей: оживленіе революціоннаго духа отзывается и въ самой Франціи, гдѣ оно осложняется не только неудовольствіемъ возбужденнымъ противъ правительства его прежними ошибками и недочетами, не только возрастающею дороговизною всѣхъ предметовъ народнаго продовольствія, но также и мстительною досадой самой ультрамонтанской партіи, разочарованной въ своихъ надеждахъ, ибо она ожидала что императоръ Наполеонъ не ограничится возстановленіемъ силы сентябрьской конвенціи, но нанесетъ рѣшительный ударъ единству Италіи, и что онъ насильственно возвратитъ ее къ *statu quo* прежде Цюрихскаго трактата. И ультрамонтаны, и друзья Италіи теперь одинаково не довѣряютъ политикѣ французскаго правительства: первые подозрѣваютъ его въ тайномъ намѣреніи избавиться отъ всякихъ обязательствъ къ Римскому двору и предоставить папу его собственнымъ силамъ, тогда какъ послѣдніе высказываютъ опасеніе, чтобы, вступивъ открыто на путь реакціи противъ политики, коей онъ самъ держался съ 1859 по 1862 годъ, императоръ Наполе-

онъ не призналъ полезнымъ возбудить въ Италіи междуусобіе, результатомъ котораго было бы ея распаденіе либо безусловное подчиненіе ея правительства Тюльерійскому кабинету.

Кто изъ нихъ болѣе правъ, это разрѣшитъ время. Изъ послѣдовавшаго недавно преобразованія французскаго министерства видно однакожь, что власть берутъ клерикалы, а заключеніе тронной рѣчи императора даетъ основаніе думать, что онъ рѣшился на энергическую борьбу со всякимъ проявленіемъ, несогласнымъ съ принятою имъ политикой.

Полученныя нами письма, сообщая изъ вѣрныхъ источниковъ о мѣрахъ, задуманныхъ французскимъ правительствомъ, подтверждаютъ это соображеніе. Французскому министру при Флорентійскомъ дворѣ, г. де-Маляре, поручено сдѣлать все возможное, дабы настоять на томъ чтобъ итальянское правительство торжественно отмѣнило помянутый выше приговоръ парламента отъ 27-го марта 1861 года, и убѣдить короля опереться единственно на личную къ нему преданность арміи, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ наималѣйшей протестаціи со стороны парламента или народа, совершить *государственный ударъ* (coup d'état), которымъ прекратилось бы дѣйствіе всѣхъ политическихъ правъ возрожденной Италіи. За необъявленіемъ войны Франціи, Викторъ-Эммануилъ былъ бы такимъ образомъ вынужденъ объявить войну своему собственному народу, что окончательно поставило бы его въ безвыходную зависимость отъ императора Наполеона.

Спрашивается, какъ будутъ встрѣчены эти совѣты въ Palazzo Pitti? Не на глазахъ ли нашихъ точно такія же наущенія были первою причиной кровавой Керетарской развязки? Въ виду такого оборота дѣла, что будетъ дѣлать Пруссія, несомнѣнно причастная причинамъ бѣдствій италіянскаго правительства и прямо заинтересованная не только своею политикой, но и честью, въ безопасности и независимости Италіи?

№ 252.

Москва, 16-го ноября.

Одно изъ немногихъ здѣсь лицъ, коротко знакомыхъ съ западнымъ краемъ, среди разговора о чрезвычайныхъ выгодахъ, ожидающихъ покупщика тамошнихъ имѣній, если только онъ человѣкъ денежный, высказало надняхъ надежду, что дѣло покупки имѣній, несмотря на слабую помощь кредита, должно пойдти и непремѣнно пойдетъ успѣшно, что въ немъ, какъ коммерческомъ предпріятіи, нетрудно заинтересовать весьма многихъ людей, располагающихъ и средствами, и вліяніемъ, и что безъ всякаго сомнѣнія само Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита, побуждаемое простымъ коммерческимъ разчетомъ, приметъ въ немъ дѣятельное участіе, въ видахъ развитія своихъ операцій. „Вы ошибаетесь, замѣтилъ на это собесѣдникъ: въ Обществѣ Взаимнаго Поземельнаго Кредита дѣло обработано такимъ порядкомъ, что оно изъ коммерческаго разчета *не можетъ* желать развитія своихъ операцій въ западномъ краѣ. Рижскій цензоръ, не получающій жалованья, съ матеріальной точки зрѣнія заинтересованъ не тѣмъ чтобъ оставаться цензоромъ, а тѣмъ чтобъ его освободили отъ обузы: такъ точно и Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Оно дисконтировало впередъ свои услуги дѣлу водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ; оно взяло съ правительства субсидію на такихъ условіяхъ, что правительство уже не властно отнять ее у него, хотя бы и не было выдано ни одной ссуды ни одному изъ множества людей, которые весьма желали бы воспользоваться ссудой на условіяхъ сколько-нибудь разумныхъ. Послѣ блистательной побѣды, освободившей его отъ правительственнаго вліянія, Общество сочло нужнымъ оградить себя и отъ вліянія собственныхъ коммерческихъ разчетовъ. Правда, что всякое кредитное общество должно желать развитія своихъ операцій, но почему это такъ бываетъ? Потому что кредитныя общества взимаютъ съ каждаго заемщика извѣстный процентъ или извѣстную часть процента на покрытіе расходовъ управленія, и чѣмъ болѣе возрастаетъ взимаемая такимъ образомъ сумма, тѣмъ болѣе у кредитнаго общества средствъ, и стало-быть тѣмъ большій дивидендъ можетъ оно давать своимъ акціонерамъ, если складочный капиталъ составленъ на акціяхъ, или тѣмъ болѣе можетъ оно понизить ежегодные платежи, если оно есть общество заемщиковъ и если имъ принад-

лежать всѣ барыши его. Всякое кредитное общество, будетъ ли оно общество акціонерное или общество заемщиковъ, заинтересовано развитіемъ своихъ операцій, но это бываетъ только потому, что всѣ кредитныя общества взимаютъ по ссудамъ извѣстный сборъ на покрытіе своихъ расходовъ сверхъ того сбора, который идетъ на платежи слѣдующіе владѣльцамъ закладныхъ листовъ, въ качествѣ интереса и погашенія. А именно отъ этого-то сбора на покрытіе своихъ расходовъ и отказалось Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита въ пользу заемщиковъ западнаго края. Оно получило отъ Государственной казны ежегодную субсидію въ 50.000 р. Хотя вся эта субсидія была предназначена въ пособіе водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита успѣло подѣлить ее весьма выгоднымъ для себя образомъ: оно безъ церемоніи взяло себѣ 200.000 рублей, а для спеціальнаго дѣла, на которое субсидія предназначалась, оставило 50.000 руб. На эту сумму 50.000 р. и будутъ заведены конторы Общества въ Вильнѣ и Кіевѣ. Такимъ образомъ всѣ расходы по операціямъ Общества, не оплачиваемые заемщиками при самомъ полученіи ссуды, падаютъ на правительственную субсидію, то есть на ту пятую долю этой субсидіи, которую Общество не сочло за благо присвоить себѣ за одно съ остальными четырьмя частями. Можно только пожалѣть о такой деликатности. Отказавшись отъ 50.000 р., Общество отказалось вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ взиманія съ заемщиковъ западнаго края того сбора, который идетъ на покрытіе операціонныхъ расходовъ, а этимъ оно поставило себя, съ коммерческой точки зрѣнія, въ фальшивое положеніе относительно своихъ операцій въ западномъ краѣ. Чѣмъ этихъ операцій будетъ меньше, тѣмъ болѣе будетъ эта сумма 50.000 р. превышать дѣйствительныя потребности; наоборотъ, при развитіи операцій должны будутъ возрасти и расходы по содержанію конторъ въ Вильнѣ и Кіевѣ, сумма 50.000 руб. можетъ оказаться недостаточною, и тогда недостатокъ придется покрывать изъ сбора взимаемаго съ заемщиковъ въ другихъ частяхъ Имперіи. Другими словами: если Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита будетъ расширять свои операціи въ другихъ частяхъ Имперіи, то будутъ возрастать его средства; если же оно выдастъ много ссудъ въ западномъ краѣ, то возрастутъ лишь расходы, а средства не увеличатся ни на одну копѣйку. Все это дѣло поставлено такъ, что коммерческій разчетъ долженъ побуждать Общество не къ расширенію, а къ сокращенію операцій въ западномъ краѣ. Если оно будетъ выдавать тамъ ссуды, то это будетъ дѣломъ благодарности за субсидію, и прибавлю, благодарности великодушной, потому что исполненіе ея потребуетъ не только безкорыстія, но и самоотверженія. Операціи въ западномъ краѣ для Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита не сопряжены отнынѣ съ какою-либо корыстью; этого мало: онѣ сопряжены съ увеличеніемъ расходовъ, то есть требуютъ отъ Общества готовности на нѣкоторыя, хотя и небольшія пожертвованія. Сумма 50.000 р. будетъ достаточно на покрытіе расходовъ по операціямъ при выдачѣ 10.000.000 р. въ ссуду; чтобы довести ссуду въ западномъ краѣ до этой цифры, потребуется только безкорыстіе; развитіе операцій сверхъ этой цифры будетъ въ извѣстной степени уже дѣломъ самоотверженія. Да, отвѣтилъ на это оптимистъ: все это дѣло обработано страннымъ образомъ, но тѣмъ не менѣе водвореніе русскаго землевладѣнія къ западномъ краѣ должно идти своимъ чередомъ. Успѣхъ его достаточно обезпеченъ Высочайшею волей, ясно и твердо выраженною, и всеобщимъ сочувствіемъ всей Россіи. Но онъ обезпеченъ и условіемъ низшаго порядка, чрезвычайною выгодой дѣла въ коммерческомъ отношеніи, а это послѣднее условіе весьма важно. Покупка имѣній есть дѣло коммерческое, но все не принадлежащее къ той сферѣ, гдѣ дѣйствуютъ патріотизмъ и другія возвышенныя побужденія. Изъ патріотизма люди могутъ жертвовать своимъ достояніямъ, но никто еще никогда не покупалъ имѣній единственно изъ патріотизма.

Оба собесѣдника говорили дѣло. Патріотизмъ требуется для успѣшнаго водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, но онъ требуется въ правительственныхъ лицахъ, руководящихъ этимъ дѣломъ, а не въ покупщикахъ имѣній. Вотъ почему такъ много и было рѣчи о содѣйствіи кредита, какъ о средствѣ привлечь покупателей въ западный край. Нужно было усилить притокъ туда капиталовъ

и покупателей, и лучшимъ средствомъ къ тому былъ бы кредитъ. Возможность удешевленія кредита была дана патріотическою рѣшимостью правительства отдѣлить на это дѣло, несмотря на ограниченность средствъ государственнаго казначейства, значительный капиталъ, дающій ежегодной ренты 250.000 р. Никакой трудности не представлялось употребить эту ренту согласно ея назначенію. Всего было бы, конечно, лучше, еслибъ она пошла, какъ предполагалось первоначально, на удешевленіе кредита: тогда она была бы употреблена самымъ производительнымъ образомъ. Но если существующее кредитное общество дѣлало затрудненія и ставило невозможныя условія, а правительство находило неудобнымъ взять кредитную операцію на себя, то можно было бы удовольствоваться худшимъ средствомъ, при которомъ пожертвованіе государственной казны все-таки пошло бы вполнѣ на водвореніе русскаго землевладѣнія: стоило бы просто-напросто раздавать 250.000 р. ежегодно тѣмъ русскимъ помѣщикамъ, которые водворились бы въ западномъ краѣ и имѣли бы постоянное жительство въ купленныхъ ими имѣніяхъ. На первыхъ порахъ это послужило бы сильнымъ побужденіемъ спѣшить покупкой имѣній, потому что на долю покупателей первыхъ лѣтъ досталась бы значительная субсидія. Но и въ послѣдствіи времени это удерживало бы покупателей въ западномъ краѣ, потому что съ выѣздомъ оттуда они теряли права на субсидію. Легко было бы придумать много подобныхъ комбинацій, при желаніи употребить данную правительствомъ ренту единственно на водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Но суждено было иначе. Четыре пятыя доли правительственной субсидіи переданы Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредиза на упроченіе этого общества; одна пятая доля осталась покамѣсть вѣрна своему первоначальному назначенію, но эта вѣрность обставлена такъ, что съ коммерческой точки зрѣнія оказывается хуже невѣрности.

Таковъ совершившійся фактъ и такъ какъ поправить его нельзя, то оставалось бы только обратить отъ него взоры къ будущему, для отысканія иныхъ путей ведущихъ впередъ, еслибы не опасеніе, что по своей полновѣсности и по всей своей обстановкѣ онъ можетъ произвести на публику неправильное впечатлѣніе и подать поводъ къ толкованіямъ, не отвѣчающимъ дѣйствительности. Противъ польской интриги слѣдуетъ быть на сторожѣ; что она дѣйствуетъ и дѣйствуетъ не безъ нѣкотораго успѣха, это не подлежитъ сомнѣнію. Но было бы странно приписывать ей какую-то волшебную силу, съ которою никакая борьба невозможна. Вредно умалять въ своихъ понятіяхъ силы противника, но столь же вредно и преувеличивать ихъ, потому что этимъ порождается пагубное уныніе. Не менѣе вредно и не менѣе ошибочно было бы полагать, что теперешняя Россія есть нѣчто въ родѣ Швеціи или Польши XVIII столѣтія, когда въ этихъ странахъ царила иноземная интрига, потому что все было продажно. Неумѣстность подобнаго взгляда въ настоящемъ случаѣ бросается въ глаза. Съ другой стороны, однако же извѣстно, что нѣсколько почтенныхъ лицъ вышли изъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, не сочтя для себя удобнымъ принадлежать къ нему, а для этого были, конечно, какія-нибудь серіозныя основанія. Равнымъ образомъ нельзя приписать чистому случаю и тотъ самый шагъ, который это Общество рѣшилось сдѣлать, присвоивъ себѣ капиталъ, имѣвшій столь важное патріотическое назначеніе. Этотъ шагъ не могъ быть сдѣланъ безсознательно. Дѣло было разъяснено до своихъ послѣднихъ подробностей; печать, можно сказать, надрывалась, чтобы сдѣлать сужденіе о немъ безспорнымъ. Если та рука, которая протянулась за пятимилліоннымъ фондомъ, не дрогнула, значитъ она считала себя нѣкоторымъ образомъ въ правѣ. На чемъ же могло въ данномъ случаѣ основываться подобное право? Отвѣчать на этотъ вопросъ было бы весьма трудно, если бы не помогла тутъ та мѣра свободы, которая нынѣ, въ общемъ государственномъ интересѣ, предоставлена у насъ политической печати. Еще недавно этого не было. Когда рѣшался крестьянскій вопросъ, интересы не имѣли возможности вполнѣ высказаться. Очень можетъ быть, что тогда какія-нибудь серіозныя соображенія препятствовали даровать печати тѣ льготы, которыя были даны ей въ послѣдствіи и благодаря которымъ она можетъ теперь приносить существенную пользу. Но будь тогда эти льготы, интересы заявили бы себя явственнѣе и можетъ-быть было бы удовлетворено въ нихъ многое такое, что

теперь, оставаясь не замиреннымъ, продолжаетъ возмущать правильное движеніе нашей національной жизни. Теперь все это болѣе или менѣе отражается, какъ въ зеркалѣ, въ нашей періодической печати, а потому по крайней мѣрѣ относительно будущаго наши потребности яснѣе. Газета *Вѣсть*, состоящая въ несомнѣнныхъ связяхъ съ нѣкоторыми вліятельными членами Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, имѣетъ, не смотря на свои отрицанія, видъ газеты издающейся въ интересѣ польско-нѣмецкомъ, но главный пафосъ этой газеты есть раздраженность противъ русскаго крестьянства, — раздраженность очевидно не разумная, потому что крестьянство ни душой, ни тѣломъ не повинно въ томъ, отъ чего по собственному увѣренію *Вѣсти*, оно само всѣхъ болѣе страдаетъ. Раздраженіе противъ крестьянства, нишутъ намъ, слышалось и въ иныхъ рѣчахъ, сказанныхъ въ засѣданіи 12-го ноября. Раздраженіе всегда слѣпо, оно можетъ переходить и въ ненависть и въ злорадство. Вотъ гдѣ корень зла, а не во враждебныхъ русскому національному интересу интригахъ, которыя были бы безсильны, еслибы не встрѣчали сочувствія у тѣхъ людей крайняго направленія въ нашей средѣ, коихъ *Вѣсть* называетъ консерваторами. Эти люди способны только растравлять свои и чужія раны; они ничего уврачевать не въ силахъ; ихъ вліяніе можетъ только отсрочивать дѣйствительное и долговѣчное исправленіе того, что въ нашемъ быту еще должно быть исправлено. Было надобно, чтобъ они заявили себя. Чѣмъ болѣе обнаруживаетъ себя какое-либо крайнее направленіе, тѣмъ болѣе должны становиться политически-невозможными люди, ему подчиняющіеся. Въ этомъ состоитъ историческій успѣхъ, и иногда тяжкая жертва оказывается въ послѣдствіи легкою, если ведетъ къ этой цѣли.

Теперешняя невзгода случилась съ дѣломъ водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ неожиданно. Когда Товарищество Пріобрѣтателей Имѣній было закрыто, *Виленскій Вѣстникъ*, официальная газета западнаго края, объявилъ, что выдача ссудъ вскорѣ возобновится на основаніяхъ, еще болѣе выгодныхъ и болѣе прочныхъ. Въ дѣйствительности вышло на оборотъ, какъ можно убѣдиться изъ петербургскаго письма, напечатаннаго нами вчера. Еслибъ это можно было предвидѣть, то, конечно, не появилась бы замѣтка *Виленскаго Вѣстника*, которая, что бы ни говорили, очевидно имѣла официальное происхожденіе. Подобныя неожиданности, правда, весьма прискорбны, но уже какъ неожиданности онѣ сами говорятъ о себѣ, что ни принадлежатъ къ системѣ, а это главное. Правительственная система не измѣнилась въ западномъ краѣ. Слово сказанное о его обрусеніи твердо, и будетъ продолжать свое благотворное дѣйствіе. Неудача по части кредита не преграждаетъ еще другихъ путей, которыя остаются открытыми. Покупка имѣній въ западномъ краѣ, особенно въ западной полосѣ его, и преимущественно въ губерніяхъ Ковенской и Подольской, есть дѣло чрезвычайно выгодное, если покупщикъ располагаетъ необходимымъ оборотнымъ капиталомъ. Она выгодна уже теперь, а предстоящее содѣйствіе желѣзныхъ дорогъ увеличитъ выгоды покупщиковъ, которые рѣшатся затратить тамъ свои деньги; наконецъ водворившееся русское землевладѣніе вырветъ край изъ рукъ революціи, что еще болѣе возвыситъ цѣнность тамошнихъ земель. Охотниковъ покупать въ западномъ краѣ имѣнія было не мало. Нѣкоторыя изъ нихъ не замедлятъ соединиться въ акціонерную компанію и весьма можетъ быть что такихъ компаній составится нѣсколько. Если имъ будетъ данъ своевременный ходъ, то за водвореніе русскаго землевладѣнія нельзя опасаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ выиграютъ отъ усилившейся конкурренціи покупателей и тѣ продавцы, которые или обстоятельствами или силой закона побуждаются промѣнять свои имѣнія либо на деньги, либо на имѣнія, лежащія въ губерніяхъ внутреннихъ.

№ 253.

Москва, 17-го ноября.

Трудности, встрѣчаемыя русскими пріобрѣтателями имѣній въ западномъ краѣ, не ограничиваются нежеланіемъ польскихъ помѣщиковъ продавать имѣнія въ русскія руки. Есть много другихъ условій, съ которыми бороться не подъ силу частному лицу, дѣйствующему отдѣльно и нуждающемуся въ поддержкѣ. Мы не говоримъ уже о пособіи дѣятельномъ,—такомъ на-

примѣръ, какое встрѣчаютъ русскіе пріобрѣтатели въ Познани, гдѣ водвореніе нѣмецкаго элемента не было громогласно объявлено дѣломъ государственной необходимости и гдѣ не было ни указа 10-го декабря, ни шумныхъ толковъ о нѣмецкомъ землевладѣніи, но гдѣ каждый чиновникъ молча ему содѣйствуетъ, а еслибы не содѣйствовалъ, то рисковалъ бы потерять свое мѣсто. Наши покупатели, пріѣзжая изъ внутреннихъ губерній въ неизвѣстный имъ край, принуждены вступать въ борьбу со множествомъ пикантъ, опирающихся иногда на суды, и съ массой непроходимыхъ канцелярскихъ формальностей. Мы не печатали десятой доли того что доходило до насъ по этой части, но нами помѣщено нѣсколько корреспонденцій изъ западнаго края, въ которыхъ выставляютъ тягостное положеніе пріѣзжавшихъ туда русскихъ покупщиковъ.

Недавно въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* волынскій губернскій предводитель дворянства, князь Имеретинскій, съ полною откровенностью указывая на затруднительное положеніе покупщиковъ въ этомъ отношеніи, указалъ имъ и средства помочь горю, назвавъ офиціальныя лица и учрежденія въ Житомірѣ, изъявившія готовность содѣйствовать имъ совѣтомъ и вліяніемъ къ устраненію противозаконныхъ препятствій. Но это пока единственный, печатно заявленный для свѣдѣнія всей Россіи, примѣръ готовности серіознаго содѣйствія мѣстныхъ административныхъ органовъ водворенію русскаго землевладѣнія; по извѣстіямъ изъ многихъ другимъ мѣстностей западнаго края, покупщики, пріѣзжая туда, находятъ со стороны иныхъ людей, громогласно кричащихъ о необходимости обрусенія края, встрѣчу довольно холодную.

Изъ числа второстепенныхъ препятствій упомянемъ о слѣдующемъ: отъ Русскаго, желающаго воспользоваться, при покупкѣ имѣнія, льготами и преимуществами установленными Высочайше утвержденнымъ 5-го марта 1864 г. положеніемъ и дополнительными къ нему правилами, требуется полицейское удостовѣреніе въ его „политической благонадежности.“ Необходимость такого свидѣтельства, не будучи офиціально обнародована, является разумѣется сюрпризомъ для покупщиковъ и камнемъ преткновенія при ихъ желаніи пріобрѣсти имѣнія. Эта формальность придумана была еще лѣтомъ 1866 года въ Вильнѣ, прежде чѣмъ стали являться туда покупщики, —придумана въ видахъ сколь можно лучшей сортировки личнаго состава будущихъ землевладѣльцевъ; она и до сего времени удержалась тамъ въ полной силѣ. Мы не отрицаемъ, что въ иныхъ случаяхъ это требованіе можетъ быть употребляемо какъ полезное орудіе въ рукахъ администраціи, но зачѣмъ же превращать его въ формальность, зависящую отъ полиціи? Само собой разумѣется, что аттестатъ благонадежности покупщика, даваемый бюрократическимъ путемъ, не заключаетъ въ себѣ никакого дѣйствительнаго обезпеченія; это только тормазъ, удерживающій серіозныхъ пріобрѣтателей отъ заключенія скорыхъ сдѣлокъ съ продавцами. Прибывъ въ сѣверо-западный край, покупщикъ, не запасшійся свидѣтельствомъ, о которомъ ни слова не говорится въ законѣ, попадаетъ въ затруднительное положеніе: онъ принужденъ либо войдти въ продолжительную переписку съ присутственными мѣстами той губерніи, гдѣ онъ жилъ предъ выѣздомъ въ западный край, либо ходатайствовать о томъ предъ мѣстными властями, которыя его вовсе не знаютъ. При этомъ встрѣчаются иногда трудности неодолимыя. Такъ одинъ покупатель прожилъ послѣдній годъ въ четырехъ губерніяхъ, другой пробылъ цѣлый годъ за границей; ни тотъ ни другой не знаютъ теперь, откуда выхлопотать имъ свидѣтельство. Мѣстная администрація сама иногда выдаетъ такія свидѣтельства, но очень не охотно, и полученіе ихъ этимъ путемъ требуетъ еще большихъ хлопотъ и потери времени, чѣмъ исходатайствованіе оныхъ изъ внутреннихъ губерній. Одна вдова русскаго генерала (сама тоже дочь русскаго генерала) приторговала въ сѣверо-западномъ краѣ имѣніе и уже болѣе трехъ мѣсяцевъ хлопочетъ въ Вильнѣ о свидѣтельствѣ. Не говоримъ уже о затруднительномъ положеніи этой дамы, но и продавецъ громко ропщетъ теперь, что вступилъ съ нею въ сдѣлку, конца которой не предвидится: онъ совершенно справедливо видитъ въ этомъ ущербъ для себя, ибо съ наступленіемъ 10-го декабря, имѣніе его будетъ считаться въ числѣ непроданныхъ. Это примѣръ, кажется, не единственный. Покупщикъ, желающій пріобрѣсти имѣніе Нарбутовизна Оширянскаго уѣзда, давно и пока безуспѣшно хлопочетъ въ Вильнѣ о свидѣтельствѣ, и въ польскомъ лагерѣ не безъ иронія толку-

ютъ, будто одинъ изъ мѣстныхъ служащихъ желалъ бы самъ пріобрѣсти это имѣніе. Задержки по выдачѣ разрѣшеній пріобрѣли въ сѣверо-западномъ краѣ такую славу, что даютъ поводъ къ самымъ невыгоднымъ толкамъ.

Веденіе дѣлъ по землевладѣльческой реформѣ въ Вильнѣ, сосредоточенное прежде въ *особой канцеляріи по водворенію русскихъ землевладѣльцевъ* распредѣлено въ послѣднее время между двумя учрежденіями, этою же канцеляріей и недавно учрежденною *коммиссіей по устраненію практическихъ затрудненій, возникающихъ при исполненіи закона 10-го декабря*. Канцелярія есть учрежденіе исполнительное; въ коммиссіи же сосредоточиваются всѣ вопросы по землевладѣльческой реформѣ, и дѣла въ ней почему-то ведутся съ строгою тайной. Эта непостижимая таинственность по вопросу, благопріятное разрѣшеніе котораго возможно только при полной гласности, разумѣется даетъ поводъ къ самымъ разнорѣчивымъ толкамъ. Что касается до канцеляріи, то она до послѣдняго времени была учрежденіемъ не доступнымъ для покупщиковъ и добиться отъ нея нужныхъ для нихъ свѣдѣній было невозможно. Временно завѣдывающее ею лицо, также какъ и предсѣдатель коммиссіи, проживаетъ между Вильной и Петербургомъ, такъ что пріѣзжающіе въ Вильну для покупки имѣній не знаютъ даже въ чьихъ рукахъ сосредоточено теперь веденіе дѣла. Какъ эти центральныя учрежденія относились къ водворенію русскаго землевладѣнія, показываетъ слѣдующій случай: двое чиновниковъ, командированныхъ нынѣшнимъ лѣтомъ отъ министра государственныхъ имуществъ въ Ковенскую губернію для собранія о тамошнихъ имѣніяхъ статистическихъ данныхъ, нужныхъ для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ по землевладѣнію, не могши получить отъ центральнаго учрежденія въ Вильнѣ никакихъ свѣдѣній и были вынуждены искать ихъ въ Ковнѣ. Понятно, что частному человѣку должно быть еще затруднительнѣе получать подобныя свѣдѣнія. Нѣкоторый успѣхъ тутъ возможенъ только *viribus unitis*.

Мы упомянули вчера, что теперь формируется общество съ цѣлью пріобрѣтенія имѣющихъ поступать въ продажу имѣній западнаго края. Такому обществу будетъ легче дѣйствовать чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ, и при осмотрѣ имѣній, и при собираніи справокъ, и, наконецъ, при веденіи, повидимому, неминуемыхъ процессовъ. Общество можетъ сберечь много ненужнаго труда и ненужныхъ издержекъ. Къ тому же оно можетъ скупать имѣнія группами, что дастъ возможность и покупателямъ селиться группами. Пожелаемъ, чтобъ администрація оказала доброжелательное содѣйствіе этому важному предпріятію.

№ 254.

Москва, 18-го ноября.

Съ 1-го августа нынѣшняго года государственный банкъ сталъ принимать золото и серебро по биржевой ихъ цѣнѣ на кредитные билеты (полуимперіалъ по 5 р. 98 к., цѣлковый по 1 р. 17½ к.). Эта операція получила нынѣ довольно серіозные размѣры, и ея дѣйствіе на нашъ торговый и денежный рынокъ не можетъ оставаться не упомянутымъ. Мы воспользуемся имѣющимися у насъ свѣдѣніями, чтобы ближе вникнуть въ ходъ этой операціи и ея значеніе. До сихъ поръ пріобрѣтено банкомъ драгоцѣнныхъ металловъ на сумму до 30 милліоновъ рублей (на кредитные билеты). Сумма эта не обозначается особою статьей въ публикуемыхъ балансахъ банка; часть ея, около 5 милліоновъ, поступила въ размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ, другая заключается въ 18.143.096 монеты и слитковъ, показанныхъ по оборотной кассѣ (по балансу 13-го ноября) и, наконецъ, остальная часть (приблизительно до 7 милл.) должна поступить по квитанціямъ, которыя горное вѣдомство выдаетъ золотопромышленникамъ за добытое ими золото и которыя банкъ скупаетъ. Приливъ драгоцѣнныхъ металловъ не прекращается, такъ что, напримѣръ, съ 6-го по 13-е ноября поступило до 600.000 р. Говорятъ, гораздо болѣе значительныя суммы еще ожидаются на дняхъ изъ-за границы.

Цѣли, предположенныя при этой операціи правительствомъ и банкомъ, не были заявлены и не обнаруживаются изъ прочихъ операцій банка и дѣйствій правительства. Поэтому мы должны ограничиться сужденіемъ о тѣхъ непосредственныхъ послѣдствіяхъ пріобрѣтенія банкомъ драгоцѣнныхъ металловъ, которыя отчасти уже отразились на его оборотахъ и на денеж-

ныхъ дѣлахъ государства, отчасти могутъ быть ожидаемы въ ближайшемъ будущемъ.

1-го августа металлическая часть размѣннаго фонда кредитныхъ билетовъ составляла круглыми цифрами 59.600.000 р.; 13-го ноября въ фондѣ находилось уже 65.800.000 р. металла, то-есть металлическій фондъ возросъ на 6.200.000 р. или на 10%, что для $3^1/_2$ мѣсяцевъ есть значительное приращеніе. Увеличеніе металлическаго размѣннаго фонда могло бы быть даже несравненно значительнѣе; онъ увеличился бы болѣе чѣмъ на половину (до 89 милліоновъ), еслибы къ нему была причислена вся поступившая въ банкъ сумма драгоцѣнныхъ металловъ. Надо однако взглянуть и на другую сторону этой операціи. Въ тотъ же самый періодъ времени, съ 1-го августа по 13-е ноября, общее количество кредитныхъ билетовъ, находящихся въ обращеніи, возросло съ 691 милл. (въ томъ числѣ значащіеся подъ рубрикой „на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій“ и вновь выпущенные подъ серіи) до 715 милл., т.-е. на 24 милл. Если взять отношеніе металлическаго фонда къ массѣ обращающихся билетовъ, то происшедшую въ этомъ отношеніи перемѣну можно признать удовлетворительною. Въ самомъ дѣлѣ, посредствомъ выдачи государственнымъ банкомъ кредитныхъ билетовъ за покупаемые металлы и пріема металловъ въ платежи вмѣсто кредитныхъ билетовъ, общее количество обращающихся бумажныхъ денегъ возросло почти въ три раза менѣе нежели ихъ обезпечительный размѣнный фондъ, и стало-быть пропорція этого фонда къ массѣ обращающихся билетовъ стала нѣсколько благопріятнѣе прежняго; она была бы несравненно благопріятнѣе, и именно фондъ, вмѣсто 8% (приблизительно), какъ онъ былъ 1-го августа, составлялъ бы нынѣ около 12% всей массы кредитныхъ билетовъ, еслибы пріобрѣтенныя банкомъ металлы были сполна зачислены въ фондъ. Итакъ, въ этомъ отношеніи перемѣна происшедшая въ нашемъ бумажномъ денежномъ обращеніи могла бы быть признана удовлетворительною, еслибы только пропорція обезпечительнаго размѣннаго фонда къ массѣ находящихся въ обращеніи билетовъ не играла весьма второстепенной роли въ бумажной денежной системѣ, и особенно въ нашей, при неразмѣнности билетовъ и ихъ обезпеченіи всѣмъ достояніемъ государства.

Можетъ казаться, что пріобрѣтеніе банкомъ драгоцѣнныхъ металловъ почти нисколько не участвовало въ увеличеніи количества обращающихся кредитныхъ билетовъ, такъ какъ въ этотъ самый промежутокъ времени цифра серій, подъ обезпеченіе которыхъ банку предоставлено въ нынѣшнемъ году право выпускать кредитные билеты, возросла въ его активѣ съ 3 милл. до 23.706.000, и стало-быть на этотъ излишекъ, то-есть до 20.700.000, и безъ покупки металловъ, могли бы быть вновь выпущены кредитные билеты. Но дѣло въ томъ, что выпускъ бумажныхъ денегъ даже съ принудительнымъ курсомъ, когда существующая въ обращеніи масса ихъ превосходитъ потребности рынка и когда выпускъ производится банковымъ учрежденіемъ, а не непосредственно государственною казной, не такъ легко дѣлается, если только выпускающее учрежденіе не рѣшается на безразсудныя и рискованныя дѣла. Въ этомъ нельзя не признать относительнаго преимущества выпуска бумажныхъ денегъ черезъ посредство банка предъ выпускомъ ихъ прямо на государственные расходы, хотя дальнѣйшіе результаты того и другаго способа могутъ оказаться тождественными. Безъ операціи по пріобрѣтенію драгоцѣнныхъ металловъ количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи нельзя было бы увеличить въ $3^1/_2$ мѣсяца слишкомъ на 20 милліоновъ,—само собою разумѣется, еслибы банкъ, чтобы выпустить во что бы то ни стало новые билеты, не расширялъ, въ чрезвычайныхъ размѣрахъ, свои кредиты государственному казначейству и частнымъ лицамъ, понизивъ учетный процентъ и всѣ условія ссудъ. На этотъ разъ этого не было. Сравнивая балансы 1-го августа и 13-го ноября, мы напротивъ видимъ, что текущіе долги государственнаго казначейства банку уменьшились съ 37.500.000 до 7.900.000, а суммы принадлежащія казначейству на счету банка возросли съ 28.400.000 до 29.400.000. Вмѣстѣ съ тѣмъ ссуды частнымъ лицамъ возросли весьма незначительно, собственно только по учету векселей (съ 9 милл. до 10), и банкъ все время держалъ учетный процентъ довольно высоко. Банкъ выпускалъ новые билеты не для содѣйствія усиленію сверхсмѣтныхъ расходовъ государственнаго казначейства и не для того чтобы накопить въ своемъ портфелѣ разныя неблагонадеж-

ныя цѣнности частныхъ лицъ, а въ торговомъ мірѣ искусственно возбудить фальшивый духъ спекуляціи. Вмѣсто всего этого добра банкъ имѣетъ нынѣ въ своей кассѣ звонкую монету и драгоцѣнные металлы. Сверхъ того оказывается еще другое благопріятное явленіе—уменьшеніе въ народномъ обращеніи серій, на которыя, замѣтимъ кстати, спросъ такъ слабъ, что болѣе 23 милл. (какъ значится въ балансѣ банка) прилило въ платежи по казеннымъ кассамъ.

Сущность этого движенія состоитъ въ слѣдующемъ. Мы добыли въ Сибири и заняли за границей больше звонкой монеты нежели сколько было нужно для платежа процентовъ по государственному долгу и для уплаты за купленныя нами принадлежности желѣзныхъ дорогъ (рельсы, подвижной составъ и пр.). Излишекъ долженъ былъ придти къ намъ либо въ видѣ звонкой монеты, либо въ видѣ какихъ-нибудь товаровъ. Въ то же время заграничные неурожаи увеличили нашъ отпускъ, такъ что и по этой статьѣ мы должны были получить изъ-за границы извѣстный излишекъ также либо звонкою монетой, либо какимъ-нибудь товаромъ. Но что стала бы дѣлать у насъ звонкая монета? При избыткѣ бумажныхъ денегъ она не могла бы обращаться, а держать ее въ сундукахъ, не получая съ нея дохода, частные люди не могутъ. Волей неволей она отправилась бы обратно за границу, и мы волей-неволей приняли бы за нее какой-нибудь товаръ, хотя бы и не очень для насъ нужный. Но вотъ банкъ рѣшился принимать звонкую монету, чтобы держать ее въ сундукахъ; этимъ онъ устранилъ необходимость усиленнаго привоза иностранныхъ товаровъ. Но принимая звонкую монету, банкъ долженъ платить за нее: откуда могъ бы онъ взять средства на то? Его кассы наполняются серіями, а серій никто охотно бы не принялъ. Затрудненіе было устранено тѣмъ, что банкъ получилъ право выпускать подъ серіи новые кредитные билеты. Эта мѣра должна была съ своей стороны облегчить нашъ вывозъ, въ особенности хлѣба. Вотъ почему драгоцѣнные металлы приливали въ банкъ главнѣйше изъ-за границы; пропорція иностранной монеты несравненно значительнѣе нежели русской (такъ напримѣръ на $10^1/_2$ милл. руб. французскими двадцати-франковиками, поступило только 700 тысячъ рублей полуимперіалами). Усиленіе привоза какого бы то ни было иностраннаго товара должно усиливать вывозъ. Такъ какъ оказалось удобнымъ везти къ намъ золото, то и покупать наши сырые продукты оказалось удобнѣе чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы лишній противъ прежняго купленный у насъ хлѣбъ было надобно оплачивать непремѣнно какимъ-нибудь товаромъ. Такъ подтвердилось обще-принятое экономическое ученіе и обнаружилась ошибочность теорій, пропевѣдуемыхъ нашими протекціонистами. Еслибы протекціонисты захотѣли опровергать указанный сейчасъ очевидный фактъ, то пусть они справятся прежде въ банкѣ: отъ вкладчиковъ звонкой монеты онъ получалъ нерѣдко прямыя порученія расплатиться, посредствомъ переводовъ, за вывезенный хлѣбъ; эти порученія давались даже, кажется, такими лицами, которыя обыкновенно не занимаются хлѣбною торговлей. Посылка въ Россію звонкой монеты и вывозъ въ обмѣнъ за нее русскихъ товаровъ сдѣлались весьма выгодны; цѣна, по которой сбывалась эта монета, стояла выше цѣны иностранныхъ векселей, которыми до того расплачивались за русскіе товары: вексельный курсъ (346 на Парижъ) стоялъ 1-го августа только 13% ниже пари, то-есть иностранная или звонкая монета въ векселяхъ цѣнилась только на 13% выше номинальной цѣны русской или бумажной монеты, а банкъ сталъ принимать звонкую монету въ натурѣ на 16% (золотую) и $17^1/_2$% (серебряную) выше той же бумажной монеты. Выгода ясная. Государственный банкъ при этомъ нисколько не возвысилъ цѣны звонкой монеты; онъ взялъ только существующую биржевую ея цѣну (даже нѣсколько ниже). Дѣло въ томъ, что лажъ на звонкую монету у насъ уже давно стоитъ выше вексельнаго курса, который, если вычесть изъ него лажъ (какъ и слѣдуетъ), оказывался въ послѣдніе два года постоянно и значительно въ нашу пользу. Это не во гнѣвъ будь сказано нашимъ протекціонистамъ, толкующимъ о какомъ-то мнимомъ невыгодномъ торговомъ балансѣ Россіи. Какъ только звонкая монета получила нѣкоторое право гражданства въ нашихъ денежныхъ оборотахъ, какъ только государственный банкъ сталъ принимать ее въ настоящей цѣнѣ по своимъ разчетамъ, составляющимъ столь громадную цифру, такъ звонкая монета начала усиленно приливать

къ намъ. Это между прочимъ показываетъ, какъ тщетны опасенія относительно трудности пріобрѣтенія и опасности потери драгоцѣнныхъ металловъ: подобно всякому другому товару, они являются туда, гдѣ на нихъ возникаетъ спросъ. Нѣтъ ничего легче накопленія звонкой монеты въ какихъ угодно размѣрахъ; но удержать ее не въ подвалахъ банка, а въ народномъ обращеніи, когда въ немъ избытокъ денежныхъ знаковъ и когда закономъ охраняется ихъ хожденіе наравнѣ съ монетой, это другое дѣло.

Замѣчательно, до какой степени въ настоящемъ случаѣ не оправдались предсказанія протекціонистовъ. Самый упорный органъ этихъ господъ (*Торговый Сборникъ* № 31 5-го августа) положительно предсказывалъ, что пріобрѣтеніе государственнымъ банкомъ звонкой монеты задержитъ отливъ ея за границу для расплаты по нашему балансу, и что если банкъ станетъ копить ее въ своихъ подвалахъ, то пониженіе вексельныхъ курсовъ будетъ *неизбѣжно* и значительно. Ни того, ни другаго не случилось: въ дѣйствительности оказалось то, что протекціонисты признаютъ безъ возвышенія таможенныхъ пошлинъ невозможнымъ, — оказался значительный приливъ драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы въ Россію, и вексельные курсы послѣ разныхъ колебаній, посреди которыхъ они нѣсколько возвышались, удержались до сихъ поръ на той же высотѣ, какъ были къ 1-му августа. Пониженіе ихъ можетъ послѣдовать лишь когда начнетъ оказываться излишекъ денежныхъ знаковъ, количество которыхъ такъ быстро увеличилось вслѣдствіе выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ подъ серіи. Этотъ излишекъ уже даетъ теперь чувствовать себя въ Петербургѣ, чему есть нѣсколько признаковъ, на которыя на дняхъ и указалъ нашъ петербургскій биржевой корреспондентъ. Эти признаки обнаружились бы еще прежде, еслибы нельзя было получать въ банкѣ подъ звонкую монету кредитные билеты и отправлять ихъ внутрь Россіи для закупки сырыхъ продуктовъ.

До сихъ поръ мы видѣли только отрицательную пользу новой операціи государственнаго банка: она пока предотвратила болѣе вредныя послѣдствія, какими могъ бы сопровождаться при иныхъ условіяхъ выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніе. Дальнѣйшія послѣдствія будутъ зависѣть отъ того направленія, которое банкъ дастъ этой операціи, и отъ того, въ какой мѣрѣ онъ воспользуется нѣкоторыми благопріятными обстоятельствами. Эти 24 милліона, на которые еще разъ увеличилась громадная масса кредитныхъ билетовъ въ обращеніи и которыми были внутри Россіи уплачены наши вывозные товары, должны быть на что-нибудь употреблены людьми, коихъ платежные способы усилились на всю эту сумму. То или другое употребленіе ихъ будетъ совершенно зависѣть отъ обстоятельствъ времени: если время будетъ благопріятно для спекуляціи, или если расположеніе къ непроизводительному потребленію, какъ это всегда бываетъ въ этихъ случаяхъ, будетъ значительно, то оживится спросъ на разные мануфактурные товары и возрастетъ дороговизна нѣкоторыхъ. При этомъ всего естественнѣе ожидать, что усилится потребленіе иностранныхъ предметовъ роскоши, и стало-быть искусственно расширится привозъ, и тогда, если не будетъ большихъ заграничныхъ займовъ, начнутъ падать вексельные курсы. Если же обстоятельства будутъ неблагопріятны для спекуляціи, — а такое дѣйствіе могутъ имѣть ожиданія, связанныя съ пересмотромъ тарифа, — ты избытокъ кредитныхъ билетовъ будетъ искать для себя помѣщенія въ процентныхъ бумагахъ и банковыхъ вкладахъ, откуда государственный банкъ будетъ снова имѣть возможность вытолкнуть ихъ въ обращеніе, но гдѣ онъ можетъ и удержать кредитные билеты для ихъ консолидаціи и сокращенія массы бумажныхъ денегъ. Уже теперь, повидимому, представляется къ этому удобный случай въ 29 милл., принадлежащихъ государственному казначейству на текущемъ счету банка. Въ связи съ этимъ можно усилить размѣнный фондъ кредитныхъ билетовъ, посредствомъ зачисленія въ него всѣхъ пріобрѣтаемыхъ драгоцѣнныхъ металловъ, если банкъ рѣшится лишиться прибылей отъ спекулятивныхъ на нихъ операцій. Теперешнія обстоятельства благопріятны для принятія надлежащихъ мѣръ къ упроченію нашей монетной единицы, которой колебанія будутъ всегда связаны съ искусственнымъ возбужденіемъ торговли то въ одномъ, то въ другомъ направленіи. Жертвы, которыя потребовались бы для мѣры этого рода отъ государственнаго казначейства, облегчаются его теперешнимъ положеніемъ. Какъ

видно и слышно, его кассовые или наличные способы нынѣ блистательны: иначе и быть не можетъ послѣ нѣсколькихъ займовъ, слѣдовавшихъ одни за другими, послѣ сокращенія расходовъ въ прошедшемъ году и весьма выгодныхъ, какъ слышно, результатовъ дѣйствительнаго исполненія бюджета 1866 г. Не побуждаетъ ли благоразуміе подумать объ исправленіи недостатковъ хозяйства въ благопріятную минуту, подумать о томъ, что гораздо болѣе затруднительныя чѣмъ нынѣ внѣшнія обстоятельства могутъ заставить въ будущемъ тяжко поплатиться за эти недостатки.

№ 255.

Москва, 20-го ноября.

Ударъ большаго кремлевскаго колокола, раздавшійся вчера въ необычное время, возвѣстилъ жителямъ первопрестольной столицы о кончинѣ одной великой жизни. Господь отпустилъ съ миромъ раба своего. Маститый іерархъ, предстоятель московской церкви, оставилъ паству свою и перешелъ въ вѣчность.

Старѣйшій изъ русскихъ архипастырей, знаменитый учитель и витія, богословъ справедливо прославленный во всемъ христіанскомъ мірѣ, строгій подвижникъ церкви, и мужъ поистинѣ государственный, отъ ранней юности до послѣдняго дня долгой жизни своей постоянно горѣвшій любовью къ Россіи, блаженно почившій митрополитъ полвѣка священноначальствовалъ и почти полвѣка занималъ каѳедру святителя Петра, и пастырскою дѣятельностью своею неизгладимо вписалъ свое имя въ лѣтописи московской, всероссійской, вселенской православной церкви.

Ровно три мѣсяца и двѣ недѣли миновало съ тѣхъ поръ, какъ Москва и вся православная Россія, съ своимъ Государемъ во главѣ, единственнымъ въ мірѣ нѣпоносцемъ православнаго исповѣданія, привѣтствовали усопшаго нынѣ владыку съ совершившимся пятидесятилѣтіемъ его архіерейскаго служенія. Вселенскіе патріархи и автокефальныя церкви, кромѣ русской, сербская и аѳинская, воздали хвалу знаменитому архипастырю. На закатѣ дней своихъ, почти наканунѣ своей кончины, принималъ онъ привѣтствія со смиренномудріемъ христіанскаго пастыря, отдавая славу единому Богу, устроившему жребій его святительства. Мы живо помнимъ святителя въ этотъ день. Онъ предстоялъ собравшемуся сонму будто жилецъ другаго міра. Изможденное тѣло его было какъ бы обликомъ духовнаго видѣнія.

Уже нѣсколько лѣтъ отягощенный недугами преклонной старости, маститый архипастырь рѣдко могъ самъ совершать Божественную службу. Но ему было суждено счастье въ послѣдній разъ священнодѣйствовать въ послѣдній день своей жизни. По возвращеніи своемъ изъ Лавры, владыка трижды совершалъ литургію, 8-го ноября, въ день Архистратига Михаила, 12-го ноября и 19-го въ самый день своей кончины. То былъ также день кончины императора Александра Павловича, который питалъ къ нынѣ усопшему святителю особенную дружбу, такъ что ему преимущественно довѣрилъ великую въ свое время государственную тайну о наслѣдіи Русскаго престола. Бывшіе въ церкви замѣтили, что владыка служилъ этотъ разъ съ большею бодростію чѣмъ въ прежніе разы, и голосъ его звучалъ тверже обыкновеннаго. Казалось, покинувшія старца тѣлесныя силы возвращались къ нему. Нѣтъ, то были уже не тѣлесныя силы! Его мгновенія были изочтены. Онъ уже былъ позванъ, и часа черезъ два послѣ того, какъ пріобщился въ послѣдній разъ совершенныхъ имъ Св. Таинъ, онъ отошелъ. Неутомимо дѣятельный во все время долговѣчной жизни своей, преосвященный скончался на мѣстѣ своего обычнаго труда, у своего рабочаго стола.

Всѣ видѣвшіе знаменитаго іерарха въ послѣдніе годы его жизни помнятъ его исхудалый ликъ, его желтѣвшія сѣдины, его немощный видъ, но также его живые, столь выразительные глаза, его столь проницательный взоръ, горѣвшій ясностію разума. Его великій умъ, обширная память, быстрота и глубина соображенія не только не ослабѣвали съ лѣтами, но какъ бы восходили изъ силы въ силу. Имѣвшіе доступъ къ нему не забудутъ впечатлѣній его рѣчи всегда мудрой, умѣвшей восходить и исходить до всякаго разумѣнія, и съ годами преклонной старости не старѣвшей, но пріобрѣтавшей какъ бы бо́льшую мягкость и согрѣвавшейся духовною теплотой. Мы, пишущіе эти строки, во глубинѣ души нашей, благодарно сохранимъ сокровище его сочувствія, его благослове-

нія, которыя нравственно укрѣпляли насъ посреди трудовъ и борьбы общественной дѣятельности.

Вѣсть о кончинѣ митрополита Филарета отзовется не только во всѣхъ концахъ Россіи, но и во всѣхъ частяхъ вселенской восточной церкви. Россія лишилась въ немъ одного изъ преданнѣйшихъ сыновъ своихъ, русская церковь знаменитѣйшаго изъ своихъ іерарховъ, церковь вселенская одного изъ твердыхъ столповъ своихъ. Въ Бозѣ почившій архипастырь былъ крѣпкій хранитель,—хранитель по преимуществу, остерегавшійся касаться даже того что застѣняетъ чистоту и славу хранимаго. Его исполненная дней и заслугъ жизнь, вся посвященная служенію церкви, являетъ собою поистинѣ цѣльный характеръ. Преосвященный Филаретъ вполнѣ соотвѣтствовалъ требованіямъ эпохи своего пятидесятилѣтія во архіерействѣ, и вполнѣ принадлежалъ ей. Но служа выпавшей ему въ ходѣ временъ задачѣ, онъ духомъ своимъ возвышался надъ временами, и разумъ его не былъ плѣненъ ни въ какую тѣсноту. Кто зналъ его ближе, тотъ знаетъ, что на высотахъ своего разумѣнія, онъ усматривалъ относительное значеніе всѣхъ явленій въ христіанскомъ мірѣ какъ въ предѣлахъ, такъ и за предѣлами православной церкви. Онъ не позволялъ называть ересью христіанскія разномыслія, не осужденныя вселенскими соборами, и возникшія въ послѣдующія, по раздѣленіи церкви, времена. Какъ подобаетъ истинно-православному богослову, онъ былъ свободенъ отъ духа фанатизма въ своихъ сужденіяхъ; какъ подобаетъ стоящему выше, онъ зналъ предѣлы и мѣру того, что находится ниже.

У гроба усопшаго святителя пожелаемъ и помолимся, да явятся къ новой наступающей эпохѣ дѣлатели достойные его памяти.

№ 256.

Москва, 22-го ноября.

Французскія газеты съ увѣренностью, можетъ-быть болѣе притворною чѣмъ искреннею, утверждаютъ, будто за исключеніемъ Пруссіи и Англіи почти всѣ державы, и въ томъ числѣ Россія, приняли предложеніе Тюльерійскаго кабинета о конференціи по римско-италіянскому дѣлу. Довольно трудно согласить это увѣреніе съ тѣмъ, что заявляли въ британскомъ парламентѣ министры королевы Викторіи, и еще труднѣе съ высокомѣрнымъ и рѣзкимъ тономъ органовъ Берлинскаго кабинета. Что касается до нашего правительства, то оно самымъ положеніемъ вещей поставлено въ настоящемъ случаѣ выше пристрастія къ какой-либо изъ сторонъ, на которыя распадается по этому дѣлу Европа. Правда, Россія, какъ великая держава и притомъ какъ держава имѣющая многочисленныхъ подданныхъ римскаго исповѣданія, не можетъ быть равнодушна къ вопросу о будущихъ судьбахъ папства; она не имѣетъ никакого повода затруднять Италію въ ея стремленіи къ возрожденію и даже сама заинтересована въ благопріятномъ для Италіи устройствѣ Апеннинскаго полуострова. Однакоже, Россія отнюдь не на столько заинтересована въ этихъ вопросахъ, чтобы присоединяться къ дѣйствіямъ или демонстраціямъ враждебнымъ Франціи, и очень могла бы встрѣтить французское предложеніе съ большею вѣжливостію чѣмъ Пруссія или Англія, еслибы напримѣръ Франція продолжала идти съ нею рука-объруку въ Восточномъ вопросѣ. Послѣдняго однакоже не видно, а потому согласіе на конференцію, будто бы изъявленное нашимъ правительствомъ, было по всему вѣроятію не безусловное; прежде чѣмъ принять участіе въ совѣщаніяхъ столь щекотливыхъ и сложныхъ, Россія, конечно, потребуетъ достаточнаго обезпеченія противъ разнаго рода неожиданностей, которыя могутъ быть припасаемы по этому поводу и про насъ; она приметъ во вниманіе и измѣнившійся характеръ французскаго дѣйствія по несчастному критскому дѣлу, если только онъ дѣйствительно измѣнился въ такой мѣрѣ, какъ можно заключать, судя по газетнымъ извѣстіямъ. Да и вѣрить ли вообще въ осуществленіе конференціи? Самый порядокъ ея созванія, къ которому прибѣгнулъ Тюльерійскій кабинетъ, не таковъ, чтобы можно было предвидѣть благопріятный исходъ предположенныхъ совѣщаній. Несмотря на всѣ настоянія Англіи и Пруссіи, маркизъ Мутье, повидимому, упорно отказывается предъявить основы совѣщаній. Въ его новѣйшемъ циркулярѣ, какъ и въ прежнихъ, не сказано о томъ ровно ничего; изъ этого циркуляра невозможно вывести никакого, даже самаго неопре-

дѣленнаго заключенія касательно программы, которую французское правительство усвоило себѣ въ италіянскомъ вопросѣ. Вотъ уже четыре недѣли какъ телеграфъ съ лихорадочною дѣятельностью разноситъ депеши по всѣмъ направленіямъ, а положеніе дѣла все еще остается въ прежней неясности. Во Флоренцію даютъ знать, что Римъ согласенъ на конференцію, а въ Римѣ говорятъ, что на нее согласны во Флоренціи; между тѣмъ какъ на дѣлѣ, и Флоренція и Римъ отказываются, или — что тоже—подчиняютъ свое согласіе условіямъ, которыя не могутъ быть исполнены. Къ такимъ же телеграфнымъ ухищреніямъ, благодаря тому же телеграфу слишкомъ скоро обнаруживающимся, французская дипломатія, повидимому, прибѣгаетъ и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ. Что касается до Берлина, то французское правительство, какъ видно, не упустило случая уколоть по этому поводу Пруссію. Препровождая особенныя приглашенія Саксоніи, Гессену и другимъ второстепеннымъ государствамъ, входящимъ въ составъ Прусской федераціи, Франція показываетъ видъ, что не хочетъ и знать о политическомъ существованіи этой федераціи; она весьма внушительно комментируетъ смыслъ своихъ завѣреній, изъ коихъ можно было бы заключить, что она съ совершеннымъ смиреніемъ признала это существованіе какъ совершившійся фактъ. Наконецъ, кто не помнитъ, сколько разъ Тюльерійскій кабинетъ признавалъ трактаты 1815 года отмѣненными, сколько разъ заявлялъ онъ свое отвращеніе къ нимъ? А теперь трактаты 1815 года пригодились какъ основаніе для предположенія устроить нѣчто въ родѣ международной всеобщей подачи голосовъ, предоставляя Португаліи или Нидерландамъ голосъ наравнѣ съ Россіей, Англіей и Пруссіей, дабы посредствомъ массы голосовъ навязать меньшинству то рѣшеніе, которое можетъ-быть удастся предписать номинальному, искусственно составленному большинству въ средѣ государствъ, участвовавшихъ въ Вѣнскихъ трактатахъ. Нельзя сказать, чтобы все это могло располагать великія державы къ согласію на созывъ конференціи.

Тѣмъ не менѣе, нельзя заранѣе отрицать, что руководясь желаніемъ возстановить спокойствіе въ Европѣ и избавить Италію отъ пагубныхъ послѣдствій ея теперешняго невыносимаго положенія, европейскія державы можетъ-быть и рѣшатся отбросить второстепенныя соображенія и сойдтись на конференцію, принявъ, разумѣется, предварительно, нѣкоторыя необходимыя предосторожности. Имѣя это въ виду, теперь весьма своевременно въ точности разъяснить себѣ цѣли и требованія обѣихъ спорящихъ сторонъ, Римской куріи и Италіи. Такое разъясненіе послужило бы въ свою очередь матеріаломъ къ рѣшенію вопроса объ осуществимости предполагаемой конференціи.

Всѣмъ извѣстно чего желаетъ Римская курія: она хочетъ поддержанія свѣтской власти папства, съ ея клерикальною администраціей и преданіями неограниченной теократіи. На всѣ обращенія къ нему Италіи Римъ отвѣчалъ доселѣ двумя словами: *non possumus*, или лучше сказать: *non volumus*. Что же говоритъ Италія Риму? У ней есть также два слова не менѣе выразительныя: *Roma o morte*! Римъ или смерть! Но это не крикъ ненависти и угрозы; это вопль мольбы и отчаянія. Въ августѣ 1861 года баронъ Риказоли, тогда министръ новосложившагося королевства, обратился, по волѣ короля Италіи, съ письмомъ къ папѣ; онъ напомнилъ Пію IX, что движеніе, отъ котораго нынѣ изнемогаетъ Италія и страдаетъ римская церковь, вызвано имъ самимъ и имъ самимъ одобрено въ 1848 году въ томъ письмѣ къ императору Австрійскому, гдѣ папа совѣтовалъ этому послѣднему рѣшиться на уступку жителямъ Ломбардо-Венеціянскаго королевства, „справедливо ревнивымъ къ своей національности“. Ни чѣмъ другимъ, писалъ баронъ Риказоли, не побуждается и нынѣ Италія въ своихъ отношеніяхъ къ папскому престолу: для себя она желаетъ независимости отъ иностраннаго господства или вмѣшательства, но папскій престолъ она желаетъ не унизить, а возвеличить. Она желаетъ чтобы папа былъ „превыше царей земныхъ“ и самъ освободилъ себя отъ „жалкой государственной власти,“ которая равняетъ его съ ними. Такъ писалъ баронъ Риказоли и предлагалъ Пію IX слѣдующія условія окончательнаго примиренія съ Италіей:

1. Государь первосвященникъ сохраняетъ достоинство, неприкосновенность и всѣ прерогативы верховной власти, и сверхъ того имѣетъ, согласно обычаю, первый

шагъ предъ королемъ Италіи и другими государями. Кардиналы признаются князьями и удерживаютъ всѣ почести сопряженныя съ ихъ званіемъ.

2. Правительство короля Италіи обязуется не оказывать ни въ какомъ случаѣ никакого противодѣйствія актамъ государя-первосвященника, совершаемымъ на основаніи божественнаго права въ качествѣ главы церкви и на основаніи права каноническаго, въ качествѣ патріарха Запада и примаса Италіи.

3. Итальянское правительство признаетъ за государемъ-первосвященникомъ право посылать нунціевъ за границу и обязуется покровительствовать имъ, пока они будутъ находиться на территоріи государства.

4. Государь - первосвященникъ будетъ имѣть полную свободу сношеній съ епископами и паствой, и наоборотъ они съ нимъ, безъ вмѣшательства со стороны правительства. Онъ будетъ имѣть право созывать въ тѣхъ мѣстахъ и формахъ, которыя найдетъ приличными, церковные соборы и синоды.

5. Епископы въ ихъ епархіяхъ и священники въ ихъ приходахъ будутъ совершенно независимы отъ правительственной власти при исполненіи обязанностей своего званія.

6. Они подчиняются однакоже общему праву въ случаѣ проступковъ, предусмотрѣнныхъ законами королевства.

7. Король Италіи совершенно отказывается отъ права раздавать духовныя мѣста (отъ патроната надъ бенефиціями).

8. Итальянское правительство отказывается отъ всякаго участія въ назначеніи епископовъ.

9. Оно обязуется выплачивать на содержаніе римскаго престола опредѣленную сумму, которой размѣры будутъ назначены съ общаго согласія и которая не можетъ быть задерживаема.

10. Дабы всѣ римско-католическія державы могли участвовать въ содержаніи римскаго престола, правительство короля Италіи откроетъ съ этими державами переговоры, которыми будетъ опредѣлена доля участія каждой изъ нихъ въ вышеупомянутой суммѣ.

11. Переговорами будутъ также установлены гарантіи всего вышеизложеннаго.

12. На основаніи этихъ условій, государь-первосвященникъ и правительство его величества короля Италіи придутъ ко взаимному соглашенію чрезъ посредство особыхъ, назначенныхъ для этой цѣли повѣренныхъ.

Таковы были условія предложенныя Италіей папѣ Пію IX въ 1861 году, и должно сказать, что никогда, даже въ самыя цвѣтущія времена папства, римскій престолъ не требовалъ себѣ столь важныхъ уступокъ отъ какого бы то ни было правительства. Баронъ Риказоли предложилъ Риму полное освобожденіе римско-католической церкви, расширеніе и упроченіе духовной власти первосвященниковъ римскихъ. Но, какъ можно было ожидать, Пій IX не захотѣлъ „быть превыше царей земныхъ," онъ не захотѣлъ „освободить себя отъ жалкой государственной власти," онъ отвѣчалъ и продолжаетъ отвѣчать: *non possumus, non volumus*.

Готова ли Европа, полагая конецъ этому упорству, сказать въ свою очередь: *possumus, volemus?*

№ 257.

Москва, 23-го ноября.

Въ № 240 *Московскихъ Вѣдомостей* былъ изложенъ анализъ французской такъ-называемой *Синей Книги*, или отчета о положеніи имперіи, раздаваемаго членамъ палатъ, при открытіи законодательной сессіи. Вмѣстѣ съ этимъ, законодатели Франціи получаютъ еще по экземпляру *Желтой Книги*, или сборника дипломатическихъ документовъ, коими французское правительство обмѣнялось съ иностранными дворами въ промежутокъ между двумя сессіями. Въ нынѣшнемъ году эта *Желтая Книга* раздѣляется на двѣ части: первая относится къ дѣламъ и переговорамъ политическимъ, вторая къ дѣламъ и переговорамъ торговымъ. Первая заключаетъ въ себѣ много интересныхъ документовъ, а потому мы считаемъ не лишнимъ представить читателямъ анализъ ея; онъ обрисуетъ нынѣшнее направленіе французской политики,— направленіе, къ сожалѣнію, не соотвѣтствующее ни интересамъ, ни достоинству этой великой державы.

Политическій отдѣлъ *Желтой Книги* въ нынѣшнемъ году исключительно посвященъ дѣламъ Италіи и Востока. Въ немъ не упоминается ни о Германіи, ни о Мексикѣ,

Обозрѣніе, поставленное во главѣ дипломатическихъ документовъ, заявляетъ только о рѣшеніи Люксембургскаго вопроса и выражаетъ удовольствіе, что „великое герцогство, „освобожденное на будущее вре„мя, подобно Лимбургу, отъ узъ, „кото„рыя съ 1815 года соединяли его съ Гер„манскою федераціей, пріобрѣло совершен„но новыя условія независимости, обезпе„ченныя ему его нейтралитетомъ". Затѣмъ обозрѣніе присовокупляетъ:

„Правительство императора не задумалось обратиться къ рѣшенію европейскихъ державъ по вопросу, который могъ нарушить общее спокойствіе. Оно могло во всеуслышаніе воздать хвалу справедливости, которую онѣ оказали его намѣреніямъ, и порадоваться той иниціативѣ, которою оно, въ дѣлѣ второстепенномъ, *подготовило переустройство европейскаго согласія (concert européen), единственнаго истиннаго основанія для сохраненія мира.*"

Эта послѣдняя фраза, которую мы съ намѣреніемъ подчеркнули, свидѣтельствуетъ, что императоръ Наполеонъ III не отказался отъ своей любимой мысли о европейскомъ конгрессѣ.

Отмѣтимъ въ этомъ же обозрѣніи весьма дружественный параграфъ относительно Соединенныхъ Штатовъ.

„Сношенія наши съ Соединенными Штатами приняли снова обычный характеръ дружескаго расположенія. Вѣрные воспоминаніямъ нашей исторіи, мы съ искреннимъ чувствомъ слѣдимъ за усиліями великаго Американскаго Союза завершить дѣло своего переустройства и изгладить слѣды междуусобныхъ распрей, его терзавшихъ. Благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ тѣсно связано съ благосостояніемъ всего міра, и въ желаніяхъ имъ полнаго преуспѣянія наши интересы согласуются съ преданіями нашей старинной дружбы."

Ничего любезнѣе нельзя было сказать. За то о Россіи и Англіи ничего не говорится въ обозрѣніи. Сказано только вообще по поводу всемірной выставки, что „не напрасно посѣтили Францію августѣйшіе гости. Личныя отношенія, которыя „начались или скрѣпились тѣснѣе вслѣд„ствіе этихъ посѣщеній, суть новые и дра„гоцѣнные залоги, ручающіеся за прочность „всеобщаго мира."

Особенно много помѣщено документовъ относящихся къ Италіи, но бо́льшая часть ихъ уже была обнародована. Мы находимъ въ нихъ, однако (въ депешѣ французскаго посланника при Флорентійскомъ дворѣ отъ 2-го мая), фактъ довольно любопытный и до сихъ поръ остававшійся неизвѣстнымъ. Дѣло въ томъ, что въ это время Гарибальди адресовалъ представителямъ Россіи, Англіи и Пруссіи, аккредитованнымъ при Флорентійскомъ дворѣ, циркулярную ноту, въ которой онъ, протестуя противъ верховной власти папы и напоминая, что римское учредительное собраніе назначило его губернаторомъ Рима, утверждалъ, что этого званія можетъ лишить его только новое народное собраніе и какъ бы возвѣщалъ Европѣ, что онъ, Гарибальди, считаетъ себя единственною законною властію въ Римѣ: претензія, нельзя не сознаться, довольно оригинальная. Чтеніе всѣхъ этихъ документовъ, подробный анализъ коихъ не представилъ бы особеннаго интереса по ихъ крайнему однообразію, оставляетъ одно общее впечатлѣніе: италіянское правительство до самаго ареста Гарибальди въ Азиналунгѣ искренно желало остановить его попытки противъ Рима, но вскорѣ должно было уступить отчасти напору партіи дѣйствія, а еще болѣе всенароднымъ заявленіямъ общественнаго мнѣнія, равно высказавшагося въ пользу гарибальдійской попытки, во всѣхъ сферахъ общества, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ. Въ виду этихъ заявленій національнаго чувства, г. Раттаци долженъ былъ отказаться отъ репрессивныхъ мѣръ и удалиться отъ дѣлъ, генералъ Чальдини обнаружилъ нерѣшительность и не успѣлъ составить министерство; наконецъ генералъ Менабреа, пытавшійся было удовлетворить требованіямъ французскаго правительства, вынужденъ былъ однако, наперекоръ ему, ввести италіянскія войска въ Папскую Область, когда французскій экспедиціонный корпусъ прибылъ въ Чивита-Веккію. Дипломатическіе документы, напечатанные въ *Желтой Книгѣ*, каковы корреспонденціи и депеши, коими обмѣнялся министръ иностранныхъ дѣлъ съ своими дипломатическими агентами во Флоренціи и Римѣ, не принимаютъ впрочемъ въ соображеніе этого національнаго движенія. Они представляютъ все дѣло заговоромъ европейскихъ революціонеровъ соединившихся съ партіей дѣйствія въ Италіи; толкованіе, которымъ французское правительство можетъ только само себя обманывать.

Документы относительно дѣлъ Востока гораздо интереснѣе, хотя помѣщены на заднемъ планѣ. Они свидѣтельствуютъ о напряженномъ вниманіи съ какимъ французское правительство слѣдитъ за всѣмъ что̀ касается Востока, о той неусыпной дѣятельности, какую французское правительство сосредоточиваетъ на ежеминутномъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Турціи. Страсть учительствовать, никогда не симпатическая, является тутъ нерѣдко въ самомъ комическомъ видѣ. Французскій кабинетъ дѣйствуетъ относительно турецкаго правительства то подобно опекуну, снисходительному и ласковому, похваливая своего питомца за то, что тотъ послушался добраго совѣта, или поощряя его не уклоняться отъ добраго пути, указаннаго опекуномъ; то, напротивъ, является строгимъ и суровымъ педагогомъ, хотя все-таки исполненнымъ нѣжной заботливости о благѣ своего питомца. Судя по этимъ документамъ, императорское правительство также горячо заботилось о благосостояніи населеній Востока, христіанскихъ или мусульманскихъ, какъ и о благосостояніи жителей Франціи; противники обвиняли его въ томъ, что оно переноситъ турецкія учрежденія во Францію, а оно, при каждомъ случаѣ и по всякому поводу, высказываетъ самое пламенное желаніе перенести французскія учрежденія въ Турцію.

Дипломатическіе документы по дѣламъ Востока относятся: 1) къ сербскимъ крѣпостямъ, 2) ко внутреннимъ реформамъ и 3) къ дѣламъ Крита.

Документы относящіеся къ Сербіи принадлежатъ къ промежутку времени между 18-мъ января и 18-мъ апрѣля 1867 года и теперь не представляютъ никакого интереса. Но по вопросу о реформахъ встрѣчаются ноты и депеши дѣйствительно очень любопытныя. Такъ, напримѣръ, въ одной нотѣ, помѣченной 22-мъ февраля сего года, по предмету гатти-гумаюна 1856 года, французское правительство заявляетъ, что изъ 35 статей, составляющихъ этотъ актъ, 19 остались неисполненными вслѣдствіе косности турецкаго правительства. Тѣмъ не менѣе оно настаиваетъ на ихъ исполненіи и въ особенности приглашаетъ Турцію поспѣшить основаніемъ университета, среднихъ полу-мусульманскихъ школъ и устройствомъ публичныхъ библіотекъ; оно указываетъ „на пренебреженіе, въ которомъ находится женское воспитаніе,“ выражая при томъ наивное сожалѣніе, что права и обычаи страны позволяютъ упомянуть объ этомъ только *для сегодня*, — для чьего, не поясняется. Оно приглашаетъ приступить къ изданію новаго торговаго кодекса, въ который „необходимо внести всѣ „статьи французскаго кодекса, примѣняе„мыя къ торговымъ дѣламъ“, и присовокупляя къ этому примѣчаніе не совсѣмъ лестное для редакторовъ оттоманскаго кодекса, „которые ограничились ско„пированіемъ нѣкоторыхъ постановленій „нашего торговаго кодекса, не подумавъ „о томъ, что общіе принципы по этимъ дѣ„ламъ находятся въ гражданскомъ кодек„сѣ, откуда ихъ слѣдовало извлечь и из„ложить на приличномъ мѣстѣ въ кодексѣ „торговомъ.“ Затѣмъ оно приглашаетъ установить бюджетъ и общую систему публичныхъ работъ, разработки рудниковъ и казенныхъ лѣсовъ при содѣйствіи частной промышленности, наконецъ „учредить въ „столицѣ и большихъ городахъ муниципа„литеты и поощрять ихъ къ производству „улучшеній,—вѣроятно, чтобы перестроить Константинополь, какъ перестроился Парижъ стараніями барона Гауссмана. Всего же болѣе оно настаиваетъ на вопросѣ объ обученіи, и министръ иностранныхъ дѣлъ (въ депешѣ отъ 15-го марта) извѣщаетъ французскаго посла въ Константинополѣ, что онъ бесѣдовалъ съ товарищемъ своимъ г. Дюрюи объ открытіи въ Константинополѣ „большаго лицея, гдѣ „обученіемъ пользовались бы вмѣстѣ хри„стіане и мусульмане, сообразно съ нача„лами народнаго просвѣщенія во Франціи,“—того самаго, какъ оказывается, лицея, который теперь дѣйствительно учреждается, какъ извѣстила надняхъ наша константинопольская телеграмма. „Мы не отдѣляемъ,“ говоритъ г. Бурре въ другой депешѣ (отъ 22-го марта), „въ нашей за„ботливости мусульманскихъ подданныхъ „отъ христіанскихъ населеній имперіи, мы „не проводимъ различія между національ„ностями; мы убѣждены, что благосостоя„ніе тѣхъ и другихъ связано неразрывно, „и что все сдѣланное для одной національ„ности принесетъ пользу имъ всѣмъ.“ Но, само собой разумѣется: вопервыхъ, должно быть сдѣлано все то, что̀ можетъ наиболѣе офранцузить турецкія учрежденія. Такъ напримѣръ, г. Утре, французскій повѣренный въ дѣлахъ въ Константинополѣ, пишетъ отъ 10-го іюля министру иностран-

ныхъ дѣлъ, что вышеуказанный въ торговомъ кодексѣ пробѣлъ, къ счастью, будетъ въ скоромъ времени пополненъ. „Во время пребыванія вашего въ Константинополѣ," говоритъ далѣе г. Утре,

„они приготовили обширный трудъ по этому предмету. Аали-паша принялъ въ соображеніе выраженныя вами идеи. Онъ поручилъ особой коммиссіи извлечь изъ Наполеоновскаго кодекса всѣ статьи, которыя могутъ быть непосредственно примѣнены къ дѣлу съ приспособленіемъ ихъ къ потребностямъ Турціи, то-есть согласуя ихъ, въ предѣлахъ возможнаго, съ мусульманскимъ закономъ шаріата; затѣмъ трудъ этотъ будетъ представленъ на одобреніе шейхъ-уль-ислама до утвержденія его султаномъ."

Нѣсколько времени спустя (23-го августа), министръ иностранныхъ дѣлъ, въ отвѣтъ на депешу г. Утре, сообщавшаго ему о пріятныхъ впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ султаномъ изъ поѣздки его въ Парижъ, писалъ слѣдующее:

„Государь этотъ не можетъ выразить свою благодарность ничѣмъ инымъ, какъ принятіемъ во вниманіе дружественныхъ совѣтовъ императора и изысканіемъ средствъ ко благу народовъ, *съ дѣятельностью, болѣе чѣмъ когда-либо необходимою для государей.*"

Что можетъ быть злѣе этой эпиграммы? Но послушаемъ что̀ сказано въ заключеніе этой куріозной депеши:

„Все въ Европѣ подвинулось впередъ съ быстротой не бывалою въ теченіе многихъ лѣтъ. Толчекъ былъ данъ правительствомъ императора, и не одно царствованіе не было столь плодотворно не только для Франціи, но и для цѣлой Европы. Я не желалъ бы сказать, что Турція осталась совершенно неподвижною, но она не послѣдовала за быстрымъ развитіемъ идей и интересовъ, и для нея гибельно было бы не присоединиться къ нему въ свою очередь. Будемъ надѣяться, что путешествіе султана начнетъ въ этомъ отношеніи новую эру, и что съ этого событія водворится здѣсь разумная и постоянная дѣятельность, благопріятная для всякаго прогресса."

Не нужно близкаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Турціи и съ турецкимъ бытомъ, чтобы предсказать заранѣе, какъ плодотворны должны быть усилія, тратимыя въ этомъ направленіи. Слитіе національностей и всяческій прогрессъ на турецкой почвѣ, это амальгамированіе христіанъ съ мусульманами и Наполеонова кодекса съ шаріатомъ, все это въ сущности то же самое, что учрежденіе женскихъ институтовъ для приготовленія дѣвицъ къ поступленію въ гаремы. Все это имѣло бы смыслъ какъ мистификація въ видахъ оттяжки рѣшенія восточнаго вопроса пока Англія не завладѣетъ какими-нибудь пунктами черезъ Суэсъ въ Индію; но обманывать всѣмъ этимъ не другихъ, а себя, можетъ только политика вовсѣмъ сбившаяся съ пути.

Была минута, когда педагогическая дѣятельность Тюльерійскаго кабинета начинала принимать болѣе трезвый характеръ, когда тонъ, которымъ опекунъ говорилъ съ своимъ воспитанникомъ, хотя и отеческій, не лишенъ былъ нѣкоторой строгости. Строгость эта выступаетъ въ документахъ по критскимъ дѣламъ. Франція, какъ извѣстно, предложила коллективное слѣдствіе державъ о состояніи и потребностяхъ острова Крита. Порта отказалась отъ этого предложенія (нота Фуадъ-паши къ представителямъ Высокой порты въ Петербургѣ, Парижѣ, Вѣнѣ, Берлинѣ и Флоренціи отъ 20-го іюля). Министръ иностранныхъ дѣлъ очень сурово отзывается объ этомъ отказѣ. Въ депешѣ отъ 4-го октября онъ говоритъ слѣдующее:

„Рѣшаясь одна произвести слѣдствіе, Порта принимаетъ на будущее время всю отвѣтственность на одну себя. Стараніе, съ которымъ она устранила отъ себя содѣйствіе кабинетовъ, и торжественность, которую она придаетъ своей иниціативѣ, только заставитъ общественное мнѣніе съ бо́льшимъ вниманіемъ слѣдить за ея дѣйствіями. Во всякомъ случаѣ оттоманское правительство жестоко ошиблось бы относительно настоящаго положенія дѣлъ и настроенія умовъ, еслибы считало возможнымъ отвѣчать полумѣрами на всѣ тревоги, возбужденныя критскими дѣлами. Что̀ касается до насъ, то сдѣлавъ въ общемъ интересѣ все что̀ возможно было, дабы склонить Порту къ принятію рѣшенія, долженствовавшаго устранить великія опасности, мы принуждены теперь ограждаться только тѣмъ, чтобы слѣдить съ бдительнымъ вниманіемъ за развитіемъ плановъ, къ исполненію коихъ она намѣрена приступить, и будучи освобождены, по желанію самой Порты отъ всякой солидарности съ ея предпріятіями, мы будемъ соразмѣрять на-

ши сужденія съ дѣйствительными результатами, ею полученными."

Декларація, которую представитель Франціи вручилъ 29-го октября турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, по соглашенію съ представителями Россіи, Пруссіи и Италіи, написана въ выраженіяхъ суровыхъ.

Но послѣдняя депеша, помѣченная 6-мъ ноября и адресованная французскимъ посломъ въ Константинополѣ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, смягчаетъ до нѣкоторой степени суровый тонъ декларації. Вотъ что пишетъ г. Бурре:

„Сильное впечатлѣніе, произведенное на министровъ султана декларацією, которую мнѣ поручено было вручить имъ по критскимъ дѣламъ, нынѣ нѣсколько смягчается. Они, повидимому, понимаютъ, что вручение означенной декларації было естественнымъ слѣдствіемъ предыдущимъ событій и что отказъ ихъ принять наши соображенія, побуждаетъ насъ сложить съ себя всякую отвѣтственность. Къ тому же Портѣ извѣстно, что если она уже не можетъ требовать отъ насъ содѣйствія, которое она сама отклонила, и которое помогло бы ей избавиться отъ затрудненій причиняемыхъ ей критскими дѣлами, то мы тѣмъ не менѣе не имѣемъ намѣренія увеличивать трудности ея положенія. Вслѣдствіе этого, считая обсужденіе этого предмета вполнѣ покончennымъ, я избѣгаю всякихъ ретроспективныхъ преній и посвящаю мои заботы вопросу объ улучшеніяхъ предположенныхъ или начатыхъ и пр.

Строгій опекунъ снова становится ласковъ и снисходителенъ къ своему питомцу, столь охотно принимающему наполеоновскій кодексъ и идеи г. Дюрюи въ дѣлѣ воспитанія. Избѣгая преній о дѣлѣ серіозномъ, учитель посвящаетъ свои заботы вопросу объ улучшеніяхъ предположенныхъ или начатыхъ, то-есть задачѣ напоминающей того живописца у Горація, что хлопочетъ *humano capiti cervicem equinam jungere.*

№ 258.

Москва, 24-го ноября.

Въ критическія минуты 1861—63 годовъ, когда мѣстное населеніе въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, преднамѣренно вводимое въ заблужденіе польскими агитаторами, уже начинало колебаться, бывшій попечитель Виленскаго учебнаго округа, князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ, входилъ съ представленіемъ объ изданіи въ Вильнѣ народной газеты, которая могла бы между прочимъ, служить правительству органомъ для разъясненія истины въ народныхъ массахъ. Представленіе это было одобрено, и 3-го января 1863 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ ежегодномъ отпускѣ на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства шести тысячъ рублей.

При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, изданіе подобной газеты является дѣломъ еще большей необходимости чѣмъ прежде. Въ періодъ революціонныхъ манифестацій и мятежа, отношенія между польскимъ паномъ и только-что выходившимъ изъ крѣпостной зависимости хлопомъ, вслѣдствіе столкновенія интересовъ, были до того натянуты, что о взаимномъ довѣріи не могло быть и рѣчи, а оттого и революціонныя затѣи не могли идти успѣшно. Теперь поводы ко взаимному неудовольствію между крестьянами и панами или устранены, или близки къ устраненію; крестьянинъ, по прежнему оставленный глазъ на глазъ съ польскою интеллигенціей, подвергается несравненно большему испытанію чѣмъ прежде. Извѣстно, что со времени мятежа и до сихъ поръ систематическое распространеніе въ крестьянской средѣ ложныхъ слуховъ не прекращалось, что всѣ распоряженія мѣстной администраціи, невыгодныя для польщизны, истолковывались крестьянамъ въ превратномъ видѣ, и что даже въ послѣднее время нерѣдко бывали случаи, когда интрига производила желанное злонамѣреннымъ людямъ дѣйствіе и ставила администрацію и мировыя учрежденія въ затруднительное положеніе. Вся тайна успѣха агитаторовъ какъ въ недавнее тревожное время, какъ и теперь, заключается въ томъ, что крестьянинъ живетъ въ невѣдѣніи своихъ правъ и обязанностей, и не имѣя возможности провѣрить степень справедливости распространяемыхъ интриганами слуховъ безсознательно дѣлается орудіемъ ихъ замысловъ. Еслибъ ему извѣстна была истина посредствомъ періодическаго, распространеннаго въ народѣ органа, анти-русское движеніе было бы обезсилено, а между высшею администраціей и мѣстнымъ простымъ людомъ сама собою установилась бы прочная связь, при которой непрошеные тол-

ковали правительственныхъ предначертаній лишились бы возможности эксплуатировать довѣрчивость крестьянина.

Понятно, что еслибы, при такихъ условіяхъ, Высочайшее повелѣніе 3-го января 1863 года было, при первой возможности, приведено въ исполненіе, народная газета давно служила бы въ рукахъ высшей мѣстной администраціи мощнымъ органомъ для благотворнаго вліянія на умы мѣстныхъ населеній.

Но видно не такъ-то легко приводятся въ исполненіе начинанія способныя принести дѣйствительную пользу. Въ теченіе 1863 года къ изданію газеты не было приступлено по понятной причинѣ. Въ 1864 году тоже дѣло не состоялось, хотя препятствій уже никакихъ не встрѣчалось. Только въ исходѣ этого года новымъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа разосланъ былъ печатный циркуляръ, въ которомъ говорилось о предположеніи приступить къ изданію журнала, подъ названіемъ *Русское Чтеніе*, имѣющаго состоять изъ семи отдѣловъ: 1) духовно-нравственнаго, 2) педагогическаго, 3) историческаго, 4) естественнаго, географическаго, статистическаго и этнографическаго, 5) хозяйственнаго, 6) медицинскаго и 7) повѣствовательнаго. Какое богатство отдѣловъ! Забыты только тѣ отдѣлы, которые и могли бы дать значеніе изданію подобной газеты,—отдѣлы правительственныхъ распоряженій, свѣдѣній по крестьянскому вопросу и вообще извѣстій о текущихъ дѣлахъ, на сколько они могутъ интересовать простыхъ грамотныхъ людей. Изданіе очищенное такимъ образомъ отъ того что могло бы сдѣлать его органомъ живой современности и ея практическихъ потребностей, разумѣется, не имѣетъ надобности выходить въ формѣ газеты. Предположено было выпускать его отдѣльными тетрадями „въ болѣе или менѣе опредѣленный срокъ,“ какъ сказано въ циркулярѣ, то-есть даже не періодически. Каждый выпускъ, неизвѣстно зачѣмъ долженъ былъ заключать въ себѣ законченное цѣлое по одному или нѣсколькимъ отдѣламъ. Въ томъ же циркулярѣ объявлялись имена главнаго редактора (г. Кулинъ) и редакторовъ отдѣловъ, по большей части изъ мѣстныхъ чиновниковъ учебнаго округа. Такимъ образомъ, вмѣсто газеты для народа, приноровленной къ насущнымъ потребностямъ мѣстнаго населенія, задумали издавать какой-то сборникъ, въ родѣ христоматіи, окрестивъ его прозвищемъ *Русскаго Чтенія*.

Но и это предположеніе ограничилось только циркуляромъ. Въ *Западно-русскомъ Мѣсяцесловѣ* на 1865 годъ (стр. 90) было въ послѣдній разъ печатно объявлено объ изданіи чего-то для народнаго чтенія, и то по поводу отпускаемой изъ государственнаго казначейства въ управленіе учебнаго округа суммы въ 6.000 рублей. Эта печатная замѣтка была похоронною пѣснью народной газеты.

Въ № 40 *Современной Лѣтописи* было упомянуто объ этомъ несбывшемся предположеніи издавать народную газету въ Вильнѣ и о пользѣ отъ такого изданія, при умѣньи взяться за дѣло, въ настоящее время въ томъ краѣ. *Виленскій Вѣстникъ* отвѣчалъ на эту статью, и изъявляя сочувствіе мысли о подобной газетѣ, въ то же время рѣшительно объявилъ, что *въ настоящее время изданіе въ Вильнѣ народной газеты невозможно* (курсивъ въ подлинникѣ). Невозможность объясняетъ онъ тѣмъ, что такая „псевдонародная“ газета сдѣлалась бы органомъ „клерикальной партіи, пристроившейся въ Вильнѣ.“ Правда, *Виленскій Вѣстникъ* объявляетъ эти препятствія „не непреодолимыми,“ но въ то же время знаменательно намекаетъ, что есть и другія препятствія, въ родѣ тѣхъ, которыя помѣшали открытію въ Вильнѣ историко-филологическаго журнала и учрежденію историко-литературнаго общества.

Считаемъ нужнымъ оговориться. *Виленскій Вѣстникъ* есть газета *офиціальная*, казенная, органъ мѣстной администраціи. Такого характера газеты не только могутъ, но и должны быть принимаемы за отголосокъ воззрѣній той администраціи, которой онѣ служатъ органомъ. По объявленію офиціальной виленской газеты, такъ называемая „клерикальная партія“ служитъ тормазомъ для дѣла, весьма важнаго въ краѣ. Но при той централизаціи власти, какая установлена въ сѣверо-западномъ краѣ, ни одно управленіе, ни одна мѣра не изъяты изъ ея непосредственнаго вѣдѣнія. Ничто не препятствуетъ не только ввѣрить редакцію народнаго изданія лицу по собственному выбору власти, но начертать программу изданія и сообщить ему направленіе. Это не только право, но и прямая обязанность власти, коль скоро рѣчь идетъ о

правительственномъ на казенныя деньги предпринимаемомъ изданіи. При такихъ условіяхъ, можетъ ли газета сдѣлаться органомъ какой бы то ни было *партіи?* По той же самой причинѣ, и существованіе въ административныхъ сферахъ партіи, парализующей дѣло обрусенія края, было бы явленіемъ ненормальнымъ.

Перейдемъ къ другимъ замѣчаніямъ *Виленскаго Вѣстника* по вопросу о народной газетѣ.

Высказывая желаніе, чтобы вопросъ о выдаваемой съ 1863 года по сіе время ежегодной субсидіи въ 6.000 руб. на народное изданіе „получилъ надлежащее разъясненіе," *Виленскій Вѣстникъ* положительно утверждаетъ, что главное управленіе края никакихъ шести тысячъ рублей на изданіе народной газеты не получало и не получаетъ. Не наше дѣло входить въ изслѣдованіе вопроса, въ томъ или другомъ казначействѣ края получаются эти деньги; дѣло въ томъ, что онѣ получаются спеціально на народное изданіе и что о нихъ было напечатано въ *Западно-русскомъ Мѣсяцесловѣ* на 1865 г. и въ выше упомянутомъ циркулярѣ попечителя Виленскаго учебнаго округа. Въ Вильнѣ это дѣло должно быть ближе извѣстно чѣмъ здѣсь.

Гораздо интереснѣе замѣчаніе *Виленскаго Вѣстника* о программѣ народнаго изданія: Почтенная газета полагаетъ, что, „изданіе повременныхъ сборниковъ, *предназначаемыхъ для народныхъ училищъ* (?), въ которыхъ дѣти обучаются по-русски, могло бы быть *цѣлесообразнѣе* чѣмъ изданіе народной газеты." Но цѣль народной газеты есть, прежде всего государственная или гражданская, учебный элементъ становится при этомъ на задній планъ. Польза грамотности безспорна, но народная газета предназначается вовсе не для народныхъ училищъ, а для читателей уже взрослыхъ, которые будутъ искать въ ней не какихъ-либо историческихъ или богословскихъ свѣдѣній, а того что требуется главнымъ образомъ въ гражданскомъ бытѣ, указаній на распоряженія и предположенія правительства относительно мѣстнаго населенія, разъясненія тѣхъ или другихъ мѣръ, принимаемыхъ администраціей, въ особенности если онѣ подвергаются превратнымъ толкованіямъ, опроверженія ложныхъ слуховъ, преднамѣренно распространяемыхъ между крестьянами и пр. Чѣмъ всѣ эти данныя будутъ полнѣе, тѣмъ болѣе будутъ они содѣйствовать развитію гражданскаго смысла въ населеніи, тѣмъ изданіе будетъ *цѣлесообразнѣе*. Такая цѣль достигается очевидно не учебниками, не сборниками, а газетой. Сверхъ того, полезно знакомить мѣстныя населенія съ тѣмъ что происходитъ въ русскомъ мірѣ, и привлекать ихъ вниманіе къ общимъ интересамъ народной жизни, соблюдая разумную краткость, не входя въ отвлеченныя разсужденія, избѣгая пустословія и не забывая что подобное изданіе должно имѣть въ виду всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданія, а потому не оскорблять ни въ комъ религіознаго чувства какими-либо рѣзкостями. Такимъ условіямъ можетъ удовлетворять только газета появляющаяся часто и сообщающая свѣдѣнія современныя и свѣжія.

Въ заключеніе, *Виленскій Вѣстникъ* предлагаетъ слѣдующій вопросъ: „На какомъ языкѣ издавать газету въ краѣ, гдѣ столько племенъ и нарѣчій?" Вотъ тебѣ на! Признаемся, мы находимся въ немаломъ затрудненіи отвѣчать на этотъ вопросъ и готовы просить почтенную редакцію обсудить это сообща, напримѣръ съ тѣми господами, которые, толкуя объ обрусеніи края, доказываютъ необходимость принуждать русскаго католика молиться по-польски. Быть-можетъ такого рода обсужденія и приведутъ наконецъ къ разрѣшенію вопроса, не выгоднѣе ли намъ, въ интересахъ русскаго дѣла, издавать народную газету на нѣмецкомъ языкѣ. Кстати было бы, при такихъ обсужденіяхъ, разрѣшить также вопросъ, не удобнѣе ли было бы и *Виленскій Вѣстникъ* издавать по прежнему на польскомъ или по новому на нѣмецкомъ языкѣ?

Поляки понимаютъ очень ясно, что тысячи разнаго рода возмутительныхъ прокламацій, распространявшихся въ былое время по западному краю, да и теперь еще распространяемыхъ, и тысячи разнаго рода клеветъ вводимыхъ агитаторами на Россію, имѣютъ нѣкоторую силу оттого только, что интригѣ не дается никакого дѣйствительнаго отпора и крестьянину не доставляется возможности знать истину.

№ 259.

Москва, 25-го ноября.

Помѣщая въ сегодняшнемъ нумерѣ *Воскресныхъ Прибавленій* заслуживающую особаго вниманія статью г. Вольдемара о торговомъ флотѣ, мы, не боясь наскучить читателямъ, намѣрены сказать нѣсколько словъ о томъ же вопросѣ. Общественное мнѣніе начинаетъ въ послѣднее время серіозно интересоваться этимъ важнымъ для нашей національной будущности вопросомъ, и нельзя не видѣть въ такомъ интересѣ залога благихъ результатовъ. Люди живущіе далеко отъ морскихъ береговъ перестаютъ думать, что дѣло нашего торговаго мореплаванія не касается ихъ; они мало-помалу приходятъ къ убѣжденію, что развитіе морскаго дѣла есть жизненный вопросъ для всей страны. Мы не станемъ говорить о флотѣ какъ элементѣ государственнаго могущества. Эта сторона дѣла понятна сама собой. Но теперь наша публика начинаетъ понимать, что и отъ высокихъ фрахтовъ страдаютъ интересы не однихъ приморскихъ жителей, что каждая лишняя копѣйка на фрахтѣ имѣетъ значеніе для всего населенія Имперіи, производящаго отпускаемые продукты, что весь излишекъ барыша, на основаніи экономическаго закона, достается (въ видѣ ренты) производителю-землевладѣльцу, чему явственный примѣръ видимъ на желѣзныхъ дорогахъ, возвышающихъ цѣну продукта на мѣстахъ производства, а не понижающихъ ея, какъ опасались прежде, въ мѣстахъ ближайшихъ къ портамъ.

Производители хлѣба, напримѣръ, въ Саратовской и Полтавской губерніяхъ выигрывали бы при продажѣ каждаго милліона четвертей хлѣба ежегодно отъ 900.000 до милліона рублей, если бы стоимость перевозки нашего хлѣба понизилась среднимъ числомъ въ Балтійскомъ морѣ на три копѣйки съ пуда (теперь тамъ платятся отъ 80 к. до 1 р. 60 к. за четверть, то есть отъ 8—16 коп. за пудъ), а въ Черномъ и Азовскомъ морѣ на десять копѣекъ (теперь тамъ, какъ надобно полагать, платятся отъ 25 до 50 коп. за перевозъ каждаго пуда до Англіи). Удешевленіе фрахтовъ становится тѣмъ болѣе насущною необходимостію, что русскіе производители хлѣба находятся теперь въ непосредственной конкурренціи съ производителями хлѣба Сѣверной Америки и даже Австраліи (откуда Англія уже получаетъ нынѣ грузы хлѣба); въ виду этой конкурренціи, производителямъ хлѣба въ Россіи никакъ уже не можетъ быть все равно, развивается ли нашъ торговый флотъ или нѣтъ, ибо удешевленіе фрахта у насъ, какъ и вездѣ, возможно лишь при развитіи своего національнаго торговаго флота. Давно опытомъ дознано, что свой торговый флотъ перевозитъ товары дешевле чужестранныхъ судовъ, приходящихъ только по особенному приказу. Собственный флотъ преимущественно удешевляетъ цѣны перевозки товаровъ изъ гаваней тѣхъ странъ, гдѣ какъ у насъ, есть много громоздкаго товара для вывоза; и откуда слѣдовательно ни одно домашнее судно не рискуетъ отправляться съ балластомъ, чтобъ искать фрахта въ чужихъ портахъ.

Законъ 27-го іюня, объ устройствѣ навигаціонныхъ школъ для прибрежнаго населенія, передаетъ это важное дѣло иниціативѣ самой публики. Правительство обязалось выдавать тому городскому, сельскому, купеческому и т. п. обществу, которое учредитъ навигаціонную школу, отъ 500 до 1.000 руб. ежегодно на ея поддержаніе. Однимъ этимъ со стороны правительства сдѣлано уже весьма много, и дай Богъ, чтобы публика воспользовалась по возможности скорѣе и въ возможно обширнѣйшемъ размѣрѣ этимъ раціональнымъ предложеніемъ. Мѣстнымъ обществамъ предстоитъ въ этомъ дѣлѣ случай оказать положительныя заслуги, и заявивъ тѣмъ свою способность къ самоуправленію, положить твердый фундаментъ мѣстной, общественной и частной, предпріимчивости и въ другихъ дѣлахъ. Практическій результатъ общественной дѣятельности въ настоящемъ случаѣ долженъ быть такой, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, на всѣхъ нашихъ важнѣйшихъ прибрежныхъ пунктахъ, были учреждены низшія, самыя нужнѣйшія навигаціонныя школы. Было бы самообольщеніемъ думать, что достиженіе такого результата есть дѣло легкое: отъ учредителей подобныхъ школъ требуется много усердія; нужно не только открывать школы, но и привлекать въ нихъ учениковъ, а это вовсе не легко при необразованности низшихъ классовъ, еще мало понимающихъ у насъ пользу ученія вообще, сверхъ начальнаго обученія грамотѣ. Но возрастающее общее сочувствіе публики къ дѣлу

поможетъ и здѣсь; оно поддержитъ первыя начинанія.

За изданіемъ указа 27-го іюня, правительству предстоитъ другая серіозная забота,—обезпеченіе личной свободы береговыхъ жителей, безъ чего они не могутъ по большей части браться за мореходство. Нѣтъ рѣчи о томъ, чтобъ обезпечить въ этомъ отношеніи личную свободу нашихъ согражданъ въ той степени, въ какой это возможно въ Англіи и Сѣверной Америкѣ, гдѣ вовсе нѣтъ обязательныхъ рекрутскихъ наборовъ. Это было бы желаніе праздное. Но мы можемъ поступать по примѣру Пруссіи и Франціи. Прусскій способъ отбыванія государственныхъ повинностей не мѣшаетъ ни одному человѣку отправляться куда онъ захочетъ. Военной повинности тамъ, правда, подлежитъ каждый взрослый мущина, и мореходство не освобождаетъ отъ этой наиболѣе тяжкой изо всѣхъ повинностей. Но она облегчается для моряковъ до того, что бѣгство матросовъ съ купеческихъ судовъ въ чужіе края для избѣжанія военной службы есть въ Пруссіи очень рѣдкое явленіе: число бѣжавшихъ составляетъ тамъ самый ничтожный процентъ общаго числа матросовъ. У насъ, вмѣсто этихъ порядковъ, ближе всего подходящихъ къ нашимъ условіямъ, существуетъ двѣ крайности: съ одной стороны—освобожденіе моряковъ (въ незначительномъ числѣ) вовсе отъ военной службы, съ другой — подчиненіе ихъ всей строгости сухопутной службы, несмотря на то что они предпочли бы военно-морскую службу для отбыванія падающей на нихъ личной повинности. Цехъ пользующихся важною льготой, освобожденіемъ отъ рекрутства, вотъ нашъ первый и легко устранимый вредъ. Для надежнаго развитія мореходства необходимо, чтобы не одни члены цеха, но каждый, кто только захочетъ сдѣлаться моряком, могъ поступить въ матросы безъ всякихъ препятствій пользуясь всѣми выгодами, какими правительство находитъ возможнымъ обезпечить этотъ промыселъ. Цехи предоставляютъ сказанныя выгоды исключительно своимъ членамъ и являются такимъ образомъ помѣхой въ развитіи мореходства, а потому упразднены вездѣ въ западной Европѣ. У насъ они еще существуютъ въ Ригѣ, Либавѣ и на Чёрномъ морѣ; каждый изъ этихъ цеховъ пользуется *различными* льготами отъ правительства. Разныя неудобства и злоупотребленія дѣлаютъ эти цехи совершенно несостоятельными для возвышенія мореходства, если не устроить одинъ большой цехъ для всѣхъ моряковъ, какъ во Франціи „l'inscription maritime.“ Но чего лучше какъ принять у насъ прусскую систему и не освобождая дѣйствительныхъ моряковъ отъ военной службы, облегчить эту службу такъ, какъ она облегчена въ Пруссіи? Тамъ морякъ, доказавшій, что онъ извѣстный срокъ дѣйствительно былъ матросомъ на торговомъ флотѣ (дальняго плаванья 1—2 года, а каботажнаго плаванья 3—4 года), можетъ быть привлеченъ къ отправленію военной повинности только на военномъ флотѣ, притомъ на самый короткій срокъ (2—3 года) и съ гораздо высшимъ жалованьемъ, смотря по доказаннымъ способностямъ. Затѣмъ морякъ, сдавшій экзаменъ на штурмана или шкипера, долженъ быть освобождаемъ отъ несенія военной повинности въ мирное время, хотя и можетъ быть призываемъ къ службѣ на военномъ флотѣ въ случаѣ морской войны. Въ Даніи моряки, сдавшіе экзаменъ на званіе шкипера торговаго флота, фактически совершенно освобождены отъ военной службы; они обязаны служить лишь во время войны, на хорошемъ жалованьѣ и на правахъ унтеръ-офицеровъ, но лишь въ томъ случаѣ, *если* военное начальство найдетъ это нужнымъ,—чего почти не бываетъ. Вотъ въ чемъ состояло бы могущественное поощреніе прибрежныхъ жителей къ занятію мореходствомъ. Оно было бы тѣмъ могущественнѣе, чѣмъ тяжеле у насъ рекрутская повинность и чѣмъ болѣе прибрежные жители боятся ея.

Если мы не оградимъ личной свободы нашихъ моряковъ, облегченіемъ для нихъ военной повинности, то они будутъ имѣть побужденіе переселяться въ чужіе края, гдѣ личная свобода допущена въ большихъ размѣрахъ: моряки — самый подвижный элементъ населенія; ихъ нѣтъ средствъ прикрѣпить къ землѣ, коль скоро они начинаютъ заниматься дальнимъ плаваніемъ. Но, повторяемъ, сказанныя облегченія должны быть соглашены съ нашими постановленіями и обезпечивать усиленіе комплекта нашего военнаго флота *въ случаѣ необходимости*. Настоящее положеніе, которое безусловно лишаетъ государство возможности пользоваться ловкостью и силами даже нашихъ цеховыхъ матросовъ, нельзя признать за естественное.

Обезпечивъ по мѣрѣ возможности личную свободу и содѣйствуя небольшими пожертвованіями необходимѣйшему образованію моряковъ, правительство сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ. Выдача субсидій судостроителямъ можетъ имѣть только самый ограниченный успѣхъ, особенно если эти субсидіи не условливаются судоходствомъ. Мы не хотимъ отрицать, что временныя субсидіи для судоходства и судоустройства въ хорошо обдуманной формѣ могутъ дать толчокъ дѣлу на извѣстныхъ пунктахъ; но за ними, какъ за таможенными пошлинами, трудно удержать ихъ *временный* характеръ, и еще труднѣе избрать для нихъ мѣру. Во всякомъ случаѣ онѣ никакъ не могутъ восполнить недостатокъ личной свободы и недостатокъ образованія. Если неоспоримо, что морской промыселъ самъ по себѣ чрезвычайно доходенъ, то со стороны правительства будетъ все нужное сдѣлано, если оно устранитъ главнѣйшія препятствія къ этому промыслу, а о возвышеніи его доходности нечего заботиться: она сама сдѣлаетъ свое дѣло. Будемъ помнить, что частныя лица и общества могутъ дѣйствовать для развитія флота гораздо лучше и дешевле, нежели правительство. Вотъ почему не слѣдуетъ, какъ желаетъ г. Окуневъ и другіе, навязывать правительству коммерческую сторону этого дѣла, какъ бы ни была велика его государственная важность.

№ 260.

Москва, 27-го ноября.

Недавно въ британскомъ парламентѣ произошелъ случай, съ перваго взгляда имѣющій второстепенную важность, но не лишенный значенія.

Въ *Times* 21-го сентября было напечатано письмо, въ которомъ сказано, что г. Эллиоту (теперешнему великобританскому послу въ Константинополѣ) поручено было въ 1862 году англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ сообщить греческому правительству, что Англія была бы очень довольна присоединеніемъ къ Греціи Эпира и Оессаліи и сочла бы это залогомъ мира и спокойствія на Востокѣ. Членъ палаты общинъ г. Бейли-Кокрэнъ, въ засѣданіи 28-го ноября, предложилъ лорду Стэнлею по этому поводу запросъ, требуя объясненій.

Лордъ Стэнлей отвѣчалъ уклончиво. Онъ не отрицалъ, что г. Эллиотъ дѣйствительно высказалъ приписываемыя ему слова; онъ сознался даже, что одно изъ порученій возложенныхъ на г. Эллиота при его посылкѣ въ Аѳины состояло въ развѣдкахъ по вопросу о территоріальномъ увеличеніи Греціи; но онъ старался ослабить политическое значеніе этого факта, утверждая что представитель королевы Викторіи сообщалъ въ Аѳинахъ взглядъ не англійскаго правительства, а одного турецкаго дипломата, мнѣніе котораго, какъ потомъ узналъ г. Эллиотъ, „свое личное мнѣніе.“ Когда это дошло до свѣдѣнія правительства, лордъ Россель приказалъ прекратить всякія сношенія по этому предмету.

Парламентскія оттоворки такого рода никого не могутъ ввести въ заблужденіе. Трудно повѣрить, чтобы дипломатъ, какъ г. Эллиотъ, на котораго было возложено въ 1862 г. весьма серіозное порученіе, а теперь возложено порученіе еще болѣе трудное, оказался столь неблагоразумнымъ, что сталъ бы сообщать аѳинскому правительству что-то личное мнѣніе подобной важности. Во всякомъ случаѣ нынѣшній министръ королевы Викторіи не опровергъ появившихся въ *Times* показаній, и самъ ввѣряетъ г. Эллиоту должность посла въ Константинополѣ.

Надобно возвратиться къ событіямъ 1862 г. дабы оцѣнить побудительныя причины тогдашнихъ фил-эллинскихъ стремленій Лондонскаго кабинета. Въ то время король Отонъ былъ низвергнутъ революціоннымъ движеніемъ, котораго зачинщиками были отъявленные приверженцы англійской политики въ Аѳинахъ. Греческая нація должна была избрать себѣ другого государя. Была выставлена кандидатура принца Альфреда, вопреки воспрещавшимъ это международнымъ договорамъ. Ея величество королева Викторія именно въ это время замѣтила, что обладаніе Іоническими островами было для Англіи убыточно, и что справедливость предписывала удовлетворить тѣмъ самымъ требованіямъ эллинскихъ жителей этихъ острововъ, въ которыхъ до того времени имъ отказывали съ безпощадною суровостью. Именно въ это время и г. Эллиотъ въ первый разъ увлекся въ своихъ бесѣдахъ до заявленія *личныхъ мнѣній* какого-то неизвѣстнаго турецкаго дипломата.

Изо всего этого очевидно истекаетъ слѣдующее:

1. Что есть обстоятельства, при которыхъ Англія не считаетъ цѣлость Оттоманской имперіи необходимымъ условіемъ общаго равновѣсія и своей внѣшней политики.

2. Что Англія признаетъ теперешнія границы Эллинскаго королевства неудовлетворительными и для спокойствія на Востокѣ ненадежными, и что какъ скоро она водворила бы въ Греціи государя сподручнаго, то не поколебалась бы упрочить его власть посредствомъ территоріальнаго увеличенія даже въ ущербъ Турціи.

3. Что наконецъ мѣриломъ и компасомъ англійская политика принимаетъ только собственные интересы въ самомъ тѣсномъ ихъ значеніи и безъ всякаго вниманія къ тому, послѣдовательны ли ея дѣйствія, или нѣтъ.

Мы не поставимъ этого въ упрекъ англійскому правительству; мы даже не пожалѣемъ объ этомъ. Въ государственныхъ людяхъ блюдущихъ національные интересы есть что то величавое: эти люди стоятъ на стражѣ за многіе милліоны людей. Еслибы всѣ націи были руководимы правительствами проникнутыми такимъ національнымъ эгоизмомъ, человѣчеству отъ этого не было бы хуже. Во всякомъ случаѣ, даже для сосѣднихъ народовъ такой эгоизмъ несравненно лучше необдуманнаго самоотверженія, которому мы предавались нѣкогда и котораго горькіе плоды испытали горькимъ опытомъ. Этотъ эгоизмъ, который въ сущности есть вѣрная служба своей странѣ, лучше и мнимыхъ „провидѣніальныхъ призваній," которыхъ образецъ являетъ намъ теперь Франція, — провозглашаемыхъ кстати и не кстати и не ведущихъ ни къ чему, кромѣ тревогъ и накопленія нагрудненій въ ближайшемъ будущемъ. Общая польза народовъ всего лучше обезпечивается правильнымъ образомъ дѣйствій ихъ правительствъ, а правильнымъ нельзя назвать такой образъ дѣйствій, когда правители заставляютъ служить не себя, въ своей частной жизни, а свою страну или чужимъ, хотя бы и сочувственнымъ потребностямъ, или какимъ бы то ни было, хотя бы и самымъ возвышеннымъ идеямъ.

Но посѣщаемъ прибавить, что служеніе государственныхъ людей національнымъ интересамъ своей страны не должно переходить за предѣлы логики. Одобривъ, даже подстрекнувъ стремленія греческаго народа къ территоріальному увеличенію, необходимому для его безопасности и для развитія его благосостоянія, пожертвовать для содѣйствія выбору англійскаго принца владѣніями, столь важными для морской державы какъ Іонійскіе острова, Англія начертала новый путь для своей политики. Уступка Іонійскихъ острововъ и дипломатическія мѣры, разоблаченныя при послѣднихъ преніяхъ палаты общинъ, могутъ считаться ручательствомъ въ томъ, что въ извѣстныхъ случаяхъ можно ожидать возвращенія Англіи къ той политикѣ, отъ которой она отступила вслѣдствіе неудачи кандидатуры принца Альфреда. Она не можетъ не желать пріобрѣтенія и сохраненія въ средѣ населенія Востока той доли уваженія и довѣрія, которая составляетъ необходимую потребность и націй, какъ частныхъ лицъ. Она не имѣетъ интереса, такъ сказать, безкорыстно вредить себѣ во мнѣніи этихъ населеній, и ея государственные люди, конечно, найдутъ выгоднымъ для нея либеральный путь къ восточной политикѣ, какъ скоро будутъ обезпечены колоссальные интересы, заключающіеся въ безпрепятственности ея сношеній съ Индіей, однимъ изъ главныхъ источниковъ ея богатства. Существенны для Англіи только эти интересы, и только они побуждаютъ англійскихъ государственныхъ людей къ той политикѣ, которая такъ тяжко отзывается на христіанскихъ населеніяхъ турецкой имперіи.

Взаимная враждебность Англіи и Россіи условливается лишь этою безпощадною политикой Сентъ-Джемсскаго кабинета на ближайшемъ Востокѣ. Она прекратилась бы, еслибъ Англіи представились средства обезпечить иными путями свое господство на Востокѣ отдаленномъ. Тамъ интересы Россіи и Англіи не сталкиваются; тамъ Россія можетъ искренно желать Англіи самаго полнаго успѣха. Въ одной телеграммѣ говорится объ усиливающемся вліяніи Англіи въ Египтѣ. Пусть это вліяніе усиливается: Россія ничего не имѣетъ противъ того. Сегодня же подъ рубрикой *Англія*, представимъ краткій обзоръ преній, происходившихъ въ англійской палатѣ общинъ по вопросу объ абиссинской экспедиціи. Изъ этихъ преній видно, что помянутая экспедиція подготовлялась въ величайшемъ секретѣ, причемъ былъ даже несомнѣнно нарушенъ обычный парламентскій порядокъ. Съ другой стороны,

изъ этихъ же прецій можно извлечь заключеніе о чрезмѣрности приготовленій сравнительно съ ближайшею цѣлью экспедиціи. Для того, чтобы наказать императора или короля Ѳеодора, было бы достаточно войска втрое или вчетверо меньшаго чѣмъ то, которое отправляется въ Абиссинію. Кромѣ ближайшей цѣли мы въ правѣ такимъ образомъ предполагать существованіе цѣли болѣе отдаленной, которую и слѣдовало маскировать,—разумѣется не отъ парламента, а отъ иностранныхъ государствъ. Надобно ожидать, что побѣда надъ властителемъ Абиссиніи поведетъ къ утвержденію Англіи на Черномъ морѣ. Не получатъ ли тогда англійскіе государственные люди возможности смотрѣть съ меньшими опасеніями на благосостояніе турецкихъ христіанъ и держаться по отношенію къ нимъ болѣе доброжелательнаго образа дѣйствій? Въ такомъ случаѣ Англія могла бы идти на Балканскомъ полуостровѣ рука въ руку съ Россіей, а Франціи пришлось бы только удивляться этой неожиданности, утѣшая себя успѣхами женскихъ училищъ, учрежденныхъ для подготовки турецкихъ дѣвицъ къ гаремной жизни.

Французскія газеты нерѣдко жалуются на безучастіе Англіи къ политическимъ вопросамъ на материкѣ Европы. Странная жалоба въ виду того несомнѣннаго факта, что сама Франція во всей своей внѣшней политикѣ въ сущности только исполняетъ англійскую программу! По всему вѣроятію, немного пройдетъ времени, и вся эта теорія объ англійскомъ безучастіи къ материку разсѣется, какъ дымъ. Уже теперь, несмотря на важность внутреннихъ вопросовъ, каковы, напримѣръ, избирательная реформа, феніанизмъ, ссоры между рабочими и хозяевами, дороговизна съѣстныхъ припасовъ и т. д., массы въ Англіи волнуются внѣшними вопросами. Такъ, напримѣръ, 5-го декабря н. ст. лондонскій народъ произвелъ манифестацію противъ папы и въ пользу Гарибальди. Въ продолженіе многихъ лѣтъ обычная церемонія въ память пороховаго заговора утрачивала болѣе и болѣе свой анти-папскій характеръ, а на сей разъ въ Лондонѣ не удовольствовались попеніемъ по улицамъ уродливой куклы, изображающей заговорщика Гей-Фокса (Guy-Fawkes), и сожженіемъ ея на кострѣ: Гей-Фоксъ былъ только второстепеннымъ актеромъ этого религіознаго карнавала, и во многихъ кварталахъ Лондона его изображеніе замѣняли изображеніемъ самаго Пія IX. Эти народныя демонстраціи во всякомъ случаѣ свидѣтельствуютъ объ интересѣ, который принимаетъ теперь англійская публика въ дѣлахъ, спеціально занимающихъ Францію.

№ 261.

Москва, 28-го ноября.

Московскій биржевой комитетъ получилъ вчера телеграмму, сообщающую что предполагаемыя въ таможенныхъ пошлинахъ измѣненія войдутъ въ силу не прежде 1-го января 1869 года. Мы не могли сообщить вчера это извѣстіе, потому что получили частную телеграмму о томъ уже послѣ выхода газеты, а московскій биржевой комитетъ не передалъ намъ своей телеграммы, повидимому не признавая за этимъ извѣстіемъ такой важности, чтобы пользоваться всѣми зависящими способами для скорѣйшаго распространенія его въ публикѣ.

Въ газетахъ безпрерывно сообщались извѣстія о пагубномъ вліяніи пересмотра тарифа на ходъ мануфактурной промышленности и внутренней торговли, парализованныхъ неизвѣстностью тѣхъ измѣненій, которыя могутъ произойдти въ размѣрѣ пошлинъ, и слѣдовательно въ цѣнахъ товаровъ, а нѣкоторые мануфактуристы ходатайствовали предъ правительствомъ, чтобы новый тарифъ воспріялъ свое дѣйствіе лишь съ 1869 г. Нынѣ правительство согласилось на то. Нельзя не сочувствовать этой мѣрѣ, которая внушается уваженіемъ къ праву собственности. Правительство не можетъ не оказывать вниманія къ капиталамъ, которые имъ же самимъ, вслѣдствіе высокаго тарифа, привлечены къ той или другой отрасли промышленности. Какъ бы ни была велика польза, ожидаемая отъ уступокъ со стороны однихъ интересовъ въ пользу другихъ, самая простая справедливость требуетъ чтобы первые имѣли возможность и время приготовиться и примѣниться къ новымъ обстоятельствамъ. Это соображеніе, какъ и всѣ благоразумныя мѣры для охраны промышленныхъ капиталовъ, отнюдь не находится въ противорѣчіи съ самою либеральною торговою политикой. Напротивъ, именно благоразумные защитники такой политики всегда настаивали на необходи-

мости заблаговременнаго объявленія сроковъ приведенія въ дѣйствіе пониженныхъ тарифовъ. Въ настоящемъ случаѣ впрочемъ наши мануфактурные и торговые капиталы питали надежду не только на неизмѣняемость, но даже на возвышеніе тарифа. Протекціонисты-агитаторы, хотя и запугивали купечество цѣлыми заговорами многочисленныхъ и могущественныхъ будто бы русскихъ фритредеровъ, но сами не могли же не знать, что такое на самомъ дѣлѣ эти такъ-называемыя фритредерскія движенія въ Петербургѣ. Кто изъ заинтересованныхъ не зналъ въ Петербургѣ и Москвѣ, что эти движенія, коимъ признавалось необходимымъ противопоставить протекціонистскія демонстраціи, заключались единственно въ пріятельскихъ бесѣдахъ нѣсколькихъ наперечетъ всѣмъ извѣстныхъ людей, и ни отъ кого не скрывавшихъ своихъ собраній, которыя однакожъ были печатно называемы въ органахъ нашего протекціонизма, то *революціонными митингами*, то правительственными совѣщаніями? Кто не зналъ, что политико-экономическія ученія не пользуются популярностью въ бюрократическихъ сферахъ? Иныя дѣйствія самого правительства, какъ напримѣръ относительно таможенныхъ пошлинъ на сахаръ, содѣйствовали ожиданіямъ въ томъ же направленіи, и порядокъ установленный для составленія новаго тарифа значительно оправдалъ эти ожиданія. Если большинство тарифной коммиссіи, о дѣйствіяхъ которой въ духѣ либеральной политики распространяются слухи,—сколько намъ извѣстно, положительно преувеличенные, — если оно противодѣйствуетъ притязаніямъ на усиленіе таможеннаго покровительства, то это противодѣйствіе есть его долгъ, а вызвано оно надеждами, въ свою очередь слишкомъ розовыми, на возвышеніе тарифа. Если плодомъ трудовъ коммиссіи не будетъ возвышеніе тарифа, или введеніе новыхъ пошлинъ, то, конечно, только потому, что здравый смыслъ и патріотизмъ членовъ ея восторжествуютъ надъ столь неблагопріятною обстановкой. Отъ этого, надѣемся, не можетъ пострадать ни одинъ затраченный капиталъ. Впрочемъ, положительнымъ доказательствомъ намѣреннаго преувеличенія опасеній и тревогъ, якобы объявшихъ нынѣ весь нашъ коммерческій міръ, служитъ значительное распространеніе хлопчато-бумажнаго дѣла возведеніемъ новыхъ фабрикъ и расширеніемъ прежнихъ, въ прошедшемъ и нынѣшнемъ годахъ. Нельзя не пожалѣть, что упущенъ самый благопріятный моментъ для пониженія пошлинъ на хлопчато-бумажныя издѣлія (въ особенности на пряжу), какой едва ли скоро повторится,—именно хлопковый кризисъ бывшій слѣдствіемъ американской войны... Тогда и внезапное пониженіе пошлинъ на пряжу имѣло бы своимъ послѣдствіемъ только отвлеченіе отъ затратъ въ хлопчато-бумажное дѣло новыхъ капиталовъ; и предотвратило бы замѣшательства, происшедшія въ нынѣшнемъ году отъ излишняго возбужденія хлопчато-бумажнаго производства. Но какъ бы то ни было, основательны или не основательны были ожиданія, распространяемыя агитаторами, также какъ и противоположныя ожиданія, во всякомъ случаѣ ходатайство мануфактуристовъ объ отсрочкѣ новаго тарифа до 1869 г. заслуживало уваженія и вступленіе его въ силу послѣ будущей навигаціи не можетъ быть, кажется, сопряжено ни съ какимъ существеннымъ ущербомъ. Само собою однако разумѣется, что отсрочка приведенія новаго тарифа въ дѣйствіе не должна послужить поводомъ, какъ тому бывали примѣры, къ промедленіямъ въ введеніи дѣла по его законодательному разсмотрѣнію: такой ходъ дѣла, можетъ статься, входящій въ разчеты нѣкоторыхъ ходатайствъ, открылъ бы путь къ спекуляціямъ и интригамъ, подвергъ бы промышленность потрясеніямъ, а потребителей лишнимъ расходамъ, и на цѣлый годъ продолжилъ бы застой дѣлъ. Все это можетъ быть предотвращено заблаговременнымъ и по возможности скорымъ обнародованіемъ новаго тарифа, которое совершенно необходимо; зло не въ пересмотрѣ тарифа, а въ неизвѣстности, и чѣмъ скорѣе оно прекратится, тѣмъ будетъ лучше.

Отсрочкѣ могли бы однако не подлежать нѣкоторыя частныя мѣры. Мы разумѣемъ прежде всего отмѣну различія между пошлинами взимаемыми съ товаровъ ввозимыхъ сухимъ путемъ или моремъ,—различія дающаго премію иностраннымъ торговцамъ предъ національными: исключеніе могло бы быть сдѣлано только для тѣхъ статей, гдѣ измѣненіе теперешнихъ пошлинъ потрясло бы внутренніе интересы. Кромѣ того въ тарифѣ есть части, почти не заключающія въ себѣ никакой охраны для туземныхъ производствъ и имѣющія по преимуществу фискальный или податной характеръ. Та-

новъ по преимуществу отдѣлъ такъ-называемыхъ жизненныхъ припасовъ, въ томъ числѣ въ особенности колоніальныхъ товаровъ. По нѣкоторымъ статьямъ этого отдѣла русская промышленность не нуждается въ таможенномъ покровительствѣ, но другимъ нѣтъ вовсе однородныхъ русскихъ произведеній. Чѣмъ ниже размѣры пошлинъ на эти предметы, тѣмъ болѣе могутъ выиграть всѣ безъ изъятія интересы, связанные съ торговлей ими, а ни одинъ правильно поставленный интересъ не можетъ существенно пострадать. Нѣкоторое исключеніе тутъ составляетъ развѣ только чай, привозимый черезъ западную нашу границу, хотя столь укоренившееся въ прежнее время мнѣніе о томъ, что въ обмѣнъ на чай по восточной границѣ идутъ исключительно русскіе мануфактурные товары, а по западной — драгоцѣнные металлы, до крайности преувеличено. Значительное пониженіе и даже отмѣна нѣкоторыхъ пошлинъ на жизненные припасы, и въ особенности на колоніальные товары, по которымъ нашъ тарифъ въ особенности оказывается высокъ въ сравненіи со всѣми иностранными, сильно содѣйствовало бы удешевленію жизни. Для примѣра возьмемъ нѣсколько предметовъ этого отдѣла, потребленіе которыхъ способно значительно распространиться въ случаѣ ихъ удешевленія, и посмотримъ на пошлины наложенныя на нихъ въ другихъ государствахъ, по *общимъ* тарифамъ. Какъ ни утомительны для читателей цифры, но мы надѣемся, что ниже помѣщаемыя не покажутся скучными. Какао въ зернахъ платитъ съ пуда въ Россіи 2 р. 20 к. моремъ и 1 р. 37½ к. сухопутно, въ Пруссіи 1 р. 96 к., Австріи 1 р. 62 к., во Франціи 1 р. Кофе (всякій) платитъ въ Россіи съ пуда 2 р. 75 к. моремъ и 2 р. 58½ к. сухопутно, въ Пруссіи—натуральный 1 р. 51 к., цикорій — 20 к., сушеный—15 к., въ Австріи—всякій 1 р. 62½ к.; во Франціи—2 р. 5 к. до 2 р. 10 к. Сахаръ сырецъ — съ пуда въ Россіи 3 р. (моремъ) и 2 р. 50 к. (сухопутно), въ Пруссіи 1 р. 83 к., въ Австріи 1 р. 28 к. до 1 р. 92 к., во Франціи — отъ 1 р. 45 к. до 1 р. 85 к. Медъ платитъ въ Россіи *съ пуда* 66 к., въ Пруссіи *съ бочки* — 31 к., въ Австріи *съ бочки*—21 к., во Франціи привозится безпошлинно. Табакъ въ листахъ въ Россіи платитъ съ пуда 6 р. 60 к., въ Пруссіи 1 р. 22 к., въ Австріи — 2 р. 13 к., во Франціи привозится исключительно регальною компаніей на особыхъ правилахъ. Чай платитъ съ фунта въ Россіи — цвѣточный 55 к., черный — 38½ к., въ Пруссіи — всякій 6½ к., въ Австріи—8 к., во Франціи—8¾. Пробѣгая эти цифры, столь краснорѣчивыя для характеристики дѣйствующаго у насъ таможеннаго тарифа, можемъ ли удивляться дороговизнѣ у насъ жизни въ сравненіи съ заграничною? А между тѣмъ у насъ и безъ таможенныхъ пошлинъ слишкомъ много причинъ содѣйствующихъ дороговизнѣ, и искусственно вызывающихъ столь вредный абсентеизмъ. Сравнивая вышеприведенныя цифры, не должно еще забывать, что по торговымъ договорамъ между всѣми государствами Европы (кромѣ Россіи и Португаліи), таможенныя пошлины значительно сбавлены противъ указанныхъ нами размѣровъ. Во всѣхъ иностранныхъ государствахъ отечественныя условія, могущія побуждать къ возвышенію пошлинъ по всѣмъ взятымъ нами товарамъ, никакъ не слабѣе, а во многихъ случаяхъ сильнѣе (какъ напримѣръ для сахара) чѣмъ въ Россіи. Наконецъ цѣнность всѣхъ этихъ товаровъ такова, что тотъ или другой размѣръ таможенныхъ пошлинъ составляетъ важный элементъ въ ихъ вздорожаніи или удешевленіи. Такъ напримѣръ кофе при нынѣшней пошлинѣ оплачивается на фунтъ 7 к., которыя въ нашихъ его сортахъ возвышаютъ его продажную цѣну на треть и болѣе, въ то время какъ эта же пошлина на цѣну высшихъ сортовъ кофе, потребляемыхъ богатыми людьми, въ видѣ предмета роскоши, составляетъ несравненно менѣе значительный процентъ къ его цѣнѣ. Стоитъ ли фунтъ кофе 35 к. или только 26 к., отъ этого для сотенъ тысячъ людей небогатаго класса зависитъ употребленіе или непотребленіе напитка, могущаго освѣжать силы въ теченіе цѣлаго дня работы. Вотъ какіе вопросы народнаго благосостоянія заключаются въ пересмотрѣ таможеннаго тарифа. Они затрогиваютъ интересы не однихъ только фабрикантовъ. Мы нарочно взяли для примѣра кофе, котораго удешевленіе угрожаетъ развѣ только интересамъ его поддѣлывателей,—интересамъ всего менѣе отечественнымъ. Предполагаемая въ *Матеріалахъ*, опубликованныхъ министерствомъ финансовъ, сбавка пошлины на кофе съ 2 р. 58½ к. и 2 р. 75 к. до 3 р. такъ не велика, что не можетъ прекратить кон-

трабанду, а равно не можетъ быть выгодна для недостаточныхъ классовъ, которые платятъ по множеству товаровъ, оплачиваемыхъ таможенными пошлинами, налогъ гораздо бо́льшихъ размѣровъ чѣмъ высшіе классы. Высокіе размѣры нашего тарифа по этому отдѣлу мало выгодны и для финансовъ: какъ они препятствуютъ усиленію народнаго потребленія, можно видѣть изъ того, что таможенный доходъ по этому отдѣлу въ шестилѣтіе 1859—1864 г. (по средней сложности 14.200.000 въ годъ), несмотря на пониженіе пошлинъ въ 1857 г., упалъ сравнительно съ трехлѣтіемъ 1851—1852 (15.600.000 руб.) на 9%. А между тѣмъ таможенные доходы именно по этому отдѣлу наиболѣе способны къ естественному возрастанію, съ увеличеніемъ народонаселенія и съ постепеннымъ распространеніемъ вкуса къ болѣе изысканнымъ способамъ продовольствія, если только въ размѣрахъ пошлинъ не заключается къ тому препятствій.

Въ *Матеріалахъ*, опубликованныхъ министерствомъ финансовъ (проектъ г. Колесова), предположено по отдѣлу жизненныхъ припасовъ чуть не болѣе возвышеній пошлинъ нежели пониженій; тѣ и другіе впрочемъ незначительны и въ общемъ своемъ направленіи не могутъ существеннымъ образомъ измѣнить ни финансовыхъ результатовъ этой важнѣйшей отрасли таможеннаго дохода, ни характера нынѣшняго потребленія этихъ товаровъ. Казалось бы всего естественнѣе воспользоваться для финансовыхъ цѣлей тою категоріей таможенныхъ пошлинъ, которая наименѣе связана съ покровительствомъ русской промышленности: согласить интересъ потребителей съ интересомъ казны тутъ было бы, кажется, не трудно. Но многія и главнѣйшія статьи должны остаться здѣсь безъ измѣненія, вслѣдствіе акцизовъ, не подлежащихъ пересмотру тарифной комиссіи: таковы спиртные напитки, табакъ и двѣ статьи особенно важныя въ этомъ отношеніи: соль и сахаръ. Вотъ существенное неудобство разобщенія реформы тарифа съ внутренними государственными налогами, которыхъ соразмѣрность съ таможенными пошлинами есть главный финансовый вопросъ относительно тарифа и вмѣстѣ съ тѣмъ самый правильный интересъ отечественной промышленности и торговли. Говорятъ, что сами торговцы жизненныхъ припасовъ противятся пониженію таможенныхъ пошлинъ, и въ этомъ смыслѣ будто бы дѣйствовали въ коммиссіи эксперты отъ самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ. Такого рода домогательства не могутъ заслуживать уваженія; имъ не достаетъ всего того, что можетъ быть приведено въ оправданіе, даже преувеличенныхъ притязаній на таможенное покровительство со стороны фабрикантовъ. Когда торговцы, а не фабриканты находятъ свой интересъ въ высокихъ таможенныхъ пошлинахъ, то этого, конечно, нельзя ни чѣмъ инымъ объяснить какъ самыми дурными коммерческими наклонностями, то-есть противодѣйствіемъ расширенію торговли и развитію конкурренціи, даже несопряженной для нихъ съ какимъ-либо рискомъ.

Неопредѣленность задачъ, которыя призвана разрѣшить тарифная коммиссія, и неизвѣстность результатовъ ея трудовъ порождаетъ въ торговомъ мірѣ множество толковъ. Порядокъ разработки законодательныхъ вопросовъ въ совѣщательныхъ собраніяхъ, съ участіемъ депутатовъ и экспертовъ, неизбѣжно влекутъ за собою эти толки, но съ ними надобно свыкаться, какъ свыклись во всѣхъ другихъ государствахъ, гдѣ тѣ же самыя неудобства значительно еще усиливаются посредствомъ народнаго представительства. Въ настоящемъ случаѣ должно желать, чтобъ этому порядку сопутствовала необходимая его принадлежность—гласность работъ. Тарифная коммиссія предотвратитъ много напрасныхъ толковъ и недоразумѣній своевременнымъ опубликованіемъ своихъ преній, которыя нередаются въ печати на основаніи слуховъ, болѣе или менѣе ошибочныхъ. Затѣмъ останется желать устраненія всѣхъ ненужныхъ проволочекъ между разсмотрѣніемъ дѣла въ разныхъ инстанціяхъ и его рѣшеніемъ.

№ 262

'Москва,' 29-го ноября.

Наконецъ наступила пора привыкнуть къ великой утратѣ, понесенной нашею церковью и нашимъ отечествомъ. Рядъ скорбныхъ торжествъ, сколько церковныхъ, столько же и народныхъ, завершенъ. Смертные останки великаго іерарха возвращены землѣ. „Теперь, по окончаніи всѣхъ этихъ печальныхъ торжествъ, пишутъ намъ изъ Лавры, у насъ гробо-

вая и поистинѣ тяжелая тишина.“ И не въ одной Лаврѣ долго будетъ ощущаться пустота, оставленная этимъ погребеніемъ. Въ лицѣ почившаго, взятъ у насъ старѣйшій изъ нашихъ іерарховъ, пятьдесятъ лѣтъ украшавшій собою церковь,—но также и старѣйшій изъ историческихъ вѣчнопамятныхъ дѣятелей нашей эпохи и нашей страны, великій умъ, какихъ во всякую эпоху и во всякой странѣ бываетъ немного. Пятьдесятъ лѣтъ много времени, но многоплодная дѣятельность Филарета простирается далеко за предѣлы этого срока, объемлетъ все столѣтіе наше, которое уже близится къ своей послѣдней четверти. Въ своей памяти отшедшій владыка оставилъ намъ и потомкамъ нашимъ богатое наслѣдіе. Отнынѣ онъ становится неистощимымъ предметомъ изученія, которое не преминетъ внести новыя силы въ наше сознаніе, въ наше просвѣщеніе. Прошедшая жизнь великаго ума, слѣдившаго за всѣмъ, на все отзывавшагося и во всемъ принимавшаго участіе, снова вступитъ въ дѣйствіе для созерцающей мысли и разумѣнія.

Помѣщаемъ сегодня описаніе всего происходившаго въ Троицкой Сергіевской лаврѣ 28-го при погребеніи тѣла, съ которымъ за три дня предъ симъ простилась Москва, и послѣднюю надгробную рѣчь при этомъ произнесенную, также какъ и знаменательное сообщеніе досточтимаго намѣстника Лавры, о. архимандрита Антонія. Къ сожалѣнію, мы не можемъ помѣстить сегодня слово, сказанное предъ погребеніемъ проф. протоіереемъ Сергіевскимъ, какъ вчера, при описаніи дней 26-го и 27-го ноября, мы не могли помѣстить рѣчи, сказанныя ректоромъ Виѳанской семинаріи, архимандритомъ Сергіемъ и бакалавромъ академіи, іеромонахомъ Іоанномъ. Завтра мы пополнимъ пропущенное, считая своимъ долгомъ, въ возможной для нашей газеты полнотѣ, сообщить все, что имѣетъ отношеніе къ событіямъ этихъ дней, наполнявшимъ собою нашу первопрестольную столицу и имѣющимъ столь великое значеніе въ нашей народной жизни.

Могила закрылась, послѣднее слово сказано. Да будетъ теперь позволено положить на эту великую могилу благоухающій цвѣтокъ, который сохранила для нея наша поэзія.

Мы восходимъ къ давнему времени, за сорокъ лѣтъ предъ симъ. Это было въ 1828 году. У Пушкина, въ одну изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ душевнаго разлада, когда меркнетъ свѣтъ и жизнь теряетъ свое значеніе, минуты всѣмъ болѣе или менѣе знакомыхъ, вырвался стихъ, изображающій это болѣзненное состояніе упадка, унынія и ропота:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Изъ ничтожества возвалъ,
Душу мнѣ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ?

Цѣли нѣтъ передо мною,
Сердце пусто, праденъ умъ,
И томитъ меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

На этотъ стонъ потерявшейся души, на этотъ ропотъ самопожирающаго отчаянія, вскорѣ появился въ одномъ изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій безымянный отвѣтъ:

Не напрасно, не случайно,
Жизнь отъ Бога мнѣ дана;
Не безъ воли Бога тайной
И на казнь осуждена.

Самъ я своенравной властью
Зло изъ темныхъ безднъ возвалъ,
Душу самъ наполнилъ страстью,
Умъ сомнѣньемъ взволновалъ.

Вспомнись мнѣ, забытый мною!
Прозрѣй сквозь мрачныхъ думъ!
И созиждется Тобою
Сердце чисто, правый умъ!

Не всѣмъ, быть-можетъ, извѣстно, что этотъ кроткій возстановляющій, врачующій голосъ шелъ отъ нынѣ-почившаго архимандрита. И вотъ какъ отозвалась тогда чуткая душа поэта на это святое слово назидающей любви:

Въ часы забавъ иль праздной скуки,
Бывало, лирѣ я моей
Ввѣрилъ изнѣженные звуки
Безумства, лѣни и страстей.

Но и тогда струны лукавой
Невольно звонъ я прерывалъ,
Когда твой голосъ величавый
Меня внезапно поражалъ.

Я лилъ потоки слезъ нежданныхъ,
И рано въ совѣсти моей
Твоихъ рѣчей благоуханныхъ
Отрадонъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной
Мнѣ руку простираешь ты,

И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,
Отвергла прахъ земныхъ сует,
И внемлетъ аре серафима
Въ священномъ ужасѣ поэт.

Въ какихъ чудныхъ неувядающихъ чертахъ запечатлѣлся здѣсь обликъ нынѣ оплакиваемаго іерарха!

№ 263.

Москва, 30-го ноября.

Изъ области журнальной полемики Римскій вопросъ перешелъ, во Франціи, въ область парламентскихъ преній. И въ сенатѣ, и въ законодательномъ сословіи, разыграно первое дѣйствіе борьбы общественнаго мнѣнія по дѣлу римской теократіи. Вопросу этому, по всѣмъ вѣроятіямъ, суждено появляться неоднократно, въ продолженіе настоящей сессіи, на парламентской аренѣ Франціи. Поэтому, не входя въ разборъ подробностей этихъ состязаній, въ сущности безплодныхъ, не лишнимъ считаемъ остановиться на положеніи этого вопроса въ общественномъ мнѣніи Франціи.

Ультрамонтанская партія имѣетъ во Франціи прочныя основы развѣ лишь въ нѣсколькихъ тысячахъ лицъ, принадлежащихъ, по большей части, къ крупнымъ землевладѣльцамъ, особенно въ женщинахъ. Но благодаря препятствіямъ съ которыми боролось возстановленіе второй имперіи, ультрамонтаны успѣли, уже съ 1849 г., слить свои интересы съ интересами крайней консервативной партіи, которая, благодаря опорѣ правительства, составляетъ большинство народнаго представительства Франціи. Что же касается сената, то не говоря уже о кардиналахъ, въ первоначальный составъ его вошла бо́льшая часть того меньшинства палаты 1849 г., стачкой котораго съ тогдашнимъ министерствомъ было обмануто бо́льшинство палаты, когда допустило вмѣшательство Франціи въ дѣла освобожденнаго Рима. Такимъ образомъ обезпечилась за ультрамонтанскою партіей значительная опора въ средѣ двухъ основныхъ учрежденій конституціи 1852 года, опора, впрочемъ, случайная, отъ воли правительства зависящая. Далѣе, при первомъ разладѣ своемъ съ правительствомъ, въ 1860 году, ультрамонтаны успѣли привлечь на свою сторону ту часть либеральной оппозиціи, по мнѣнію которой систематическому сопротивленію дѣйствіямъ правительства должны быть приносимы въ жертву всѣ прочія убѣжденія. Слѣдствіемъ этого былъ замѣчательный куріозъ современнаго французскаго парламентаризма: въ области Римскаго вопроса преданное правительству консервативное бо́льшинство палаты неоднократно сходилось съ самыми опасными его врагами. Но такъ какъ это сближеніе было результатомъ лишь искуснаго маневра ультрамонтановъ, то правительство смѣло могло пренебречь шумною обстановкой этого призрачно-грознаго куріоза. Ультрамонтаны, правда, самая безпокойная, прикливая и дерзкая политическая партія Франціи, но весь этотъ шумъ не возбуждаетъ рѣшительно никакого сочувствія въ бо́льшинствѣ населенія Франціи. Кажущаяся сила ультрамонтановъ есть естественное произведеніе той аномаліи, что во Франціи вся нація лишена свободы слова и печати, права сходокъ и ассоціацій, тогда какъ ультрамонтаны, подъ прикрытіемъ правъ церкви, пользуются и свободой слова въ проповѣдяхъ и конференціяхъ, и свободой печати въ пастырскихъ посланіяхъ, и правомъ сходокъ подъ предлогомъ духовныхъ требъ паствы, и наконецъ правомъ политическихъ ассоціацій, подъ личиной религіозныхъ обществъ, братствъ и конгрегацій. Къ этимъ особенностямъ, или такъ сказать исключительнымъ привилегіямъ партіи ультрамонтановъ присоединяется быть-можетъ излишняя династическая заботливость французскаго правительства, преувеличивающая силы этой партіи, а замѣчая эту мнительность, ультрамонтаны, разумѣется, должны еще выше поднимать тонъ, и вліяніе ихъ должно распространяться: теперь французское духовенство гораздо болѣе отличается ультрамонтанскимъ характеромъ чѣмъ напримѣръ при Людовикѣ Филиппѣ. Тогда въ духовенствѣ преобладало направленіе галликанское, и всѣ отчаянныя усилія ультрамонтановъ, въ продолженіе всѣхъ восемнадцати лѣтъ царствованія этого государя до самаго конца его, были не въ состояніи пошевелить и однимъ камнемъ парижской мостовой. Во Франціи силенъ не какой-нибудь принципъ, а единственно прави-

тельственный механизмъ. Ультрамонтанская партія, сама по себѣ слабая, пріобрѣтаетъ именно ту силу, которую даетъ или придаетъ ей правительство. Хотя съ 1851 г. она и введена самимъ правительствомъ въ составъ правительственнаго механизма; но все-таки осталась въ немъ „лишнею спицей въ колесницѣ," и лишь идя рука объ руку съ правительствомъ, она пріобрѣла себѣ опору въ сенатѣ и законодательномъ сословіи. Повидимому, правительство, спохватившись, теперь сдѣлалось осмотрительнѣе въ выборѣ членовъ сената: консервативное же большинство палаты избрано всеобщею подачей голосовъ не въ качествѣ соратниковъ ультрамонтанства, а въ качествѣ кандидатовъ правительства: оно принадлежитъ правительству, а не партіи ультрамонтанской.

Внезапное повтореніе римской экспедиціи 1849 г., какъ убѣдительно показалъ г. Жюль-Фавръ, противорѣчитъ политическимъ интересамъ Франціи. Какъ же объяснить, что Наполеонъ III рѣшился на этотъ шагъ? Соображая все, надобно думать, что при этомъ имѣлось главнымъ образомъ въ виду возстановить обаяніе французскаго правительства, несомнѣнно умаленное неудачами въ Мексикѣ и Германіи. „Вамъ довѣрилась Австрія, вы Австрію предали (livrée); вамъ довѣрился Максимиліанъ, вы предали Максимиліана; вамъ довѣрился папа.... вамъ остается предать и его." Этотъ аргументъ было бы, правда, можно привесть и въ пользу Виктора-Эммануила, который тоже довѣрился Франціи; должна ли Франція предать его? должна ли она вооружить противъ себя Италію и добровольно истребить заранѣе всѣ плоды благодѣянія, оказаннаго ею этой родственной странѣ? На сторону папы перекачнули чашку вѣсовъ, какъ кажется, необдуманныя выходки парижскихъ друзей Италіи, грозившихъ Франціи заступничествомъ Пруссіи за Италію: при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, подобная угроза имѣла характеръ вызова, оскорбительнаго для чести Франціи. Вотъ причина того, что Италія утратила теперь свою прежнюю популярность во французскомъ общественномъ мнѣніи. Здѣсь же, а не въ сочувствіи публики ультрамонтанамъ заключается объясненіе того, что наоборотъ содѣйствіе папѣ сдѣлалось популярнѣе прежняго. Предстоящее открытіе законодательной сессіи и выборы 1869 ставили правительство въ необходимость воспользоваться этою обстановкой Римскаго вопроса, лишь бы этотъ шагъ не обошелся слишкомъ дорого, то-есть не привелъ бы къ войнѣ съ Италіей, грозною предположеніемъ о поддержкѣ Пруссіи... Нынѣ программа эта выполнена буквально: обаяніе французскаго правительства возстановлено, репутація французскаго усовершенствованнаго оружія утверждена, гарибальдійцы побиты. Италія унижена, но война съ нею избѣгнута... Тутъ надобно было остановиться, и тутъ дѣйствительно намѣревалось остановиться французское правительство.

Вотъ программа лежавшая въ основаніи и тронной рѣчи, и рѣчей правительственныхъ ораторовъ, за исключеніемъ г. Руэра, который увлекся на новый путь, повидимому, неожиданно для самого себя. Все искусство правительственныхъ заявленій клонилось къ тому, чтобъ избѣжать всякаго категорическаго объясненія намѣреній правительства на счетъ свѣтской власти папы. Вторая римская экспедиція предпринята-де единственно для удовлетворенія оскорбленной чести Франціи: вотъ основаніе очевидно избранное для парламентскихъ толкованій, и нѣтъ причины думать, чтобы правительство говорило въ этомъ случаѣ неискренно. Оно было увѣрено, что достигнутые имъ результаты будутъ приняты общественнымъ мнѣніемъ какъ успѣхъ и даже успѣхъ блистательный. Но что ожидало его на другой день этого успѣха? Ультрамонтаны прославляютъ теперь этотъ успѣхъ какъ торжественное возобновленіе обязательства Наполеона III увѣковѣчить существованіе свѣтской власти папы. Неужели, однакоже, они не видятъ, что Наполеону III не можетъ быть ни выгодно, ни лестно, ни пріятно осѣнять знаменемъ Франціи безнаказанное похищеніе младенцевъ Евреевъ, дерзкое пренебреженіе его собственными требованіями и вообще политику правительства, провозгласившаго своимъ принципомъ ученіе преслѣдуемаго *Syllabus*? Они это, конечно, видятъ, но разсчитываютъ на мнительность императора, вызываемую династическими заботами, а г. Тьеръ своею рѣчью помогъ имъ въ этомъ разчетѣ.

Напечатавъ сегодня довольно подробный анализъ рѣчи г. Жюля-Фавра, мы на дняхъ представимъ читателямъ отчетъ о томъ засѣданіи, въ которомъ говорили гг. Тьеръ и Руэръ. Сущность рѣчи г. Руэра уже

извѣстна по телеграфическимъ депешамъ, и по тѣмъ свѣдѣніямъ которыя сообщены о ней въ *Послѣдней Почтѣ*. Покамѣстъ мы ограничимся однимъ замѣчаніемъ. Г. Руэръ, говоря свою рѣчь, находился подъ очевиднымъ вліяніемъ того впечатлѣнія, которое было произведено на палату г. Тьеромъ, отстаивавшимъ свѣтскую власть папы. Эти слова: „свѣтская власть“ доселѣ были избѣгаемы правительственными ораторами. Г. Руэръ первый употребилъ ихъ и принужденъ былъ высказаться о нихъ настолько ясно, что по общему мнѣнію, предложенная Франціей конференція уже не можетъ состояться. Входилъ ли такой важный шагъ въ виды товарищей г. Руэра и особенно входилъ ли онъ въ виды императора Наполеона? Не думаемъ, и даже сомнѣваемся, одобренъ ли этотъ смѣлый шагъ императоромъ. Всего вѣроятнѣе, что нѣтъ, и что правительство должно будетъ возвратиться къ прежней программѣ. Нужно было бы совершенное ослѣпленіе, чтобы связывать свѣтскую власть папы съ интересами Франціи. Поборники свѣтской власти указываютъ на 200 милліоновъ католиковъ, которыхъ Франція должна-де поддерживать какъ поддерживаетъ Россія православныя населенія Востока. Но Россія поддерживаетъ православныя *населенія*, а развѣ католическія населенія поддерживаетъ Франція, когда слѣдуетъ политикѣ враждебной единству Италіи?

№ 264.

Москва, 1-го декабря.

Покореніе и умиротвореніе Кавказа есть, конечно, одно изъ самыхъ счастливыхъ и славныхъ дѣлъ, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе. Россія пріобрѣла въ неотъемлемое и спокойное обладаніе край, какихъ не много,—край полный всѣхъ чудесъ природы, надѣленный всѣми дарами ея и находящійся въ такихъ климатическихъ условіяхъ, какими пользуются лишь весьма малыя частицы громадной территоріи Русскаго царства,—край, обладаніе которымъ имѣетъ для Россіи важность величайшую, какъ одно изъ самыхъ жизненныхъ условій ея могущества и процвѣтанія въ будущемъ. Необходимость этого края для Россіи засвидѣтельствована исторіей. Кавказъ является уже въ древнѣйшихъ преданіяхъ нашей Руси, еще въ ея кіевскій періодъ, когда удалые князья намѣчали копьемъ своимъ ея предѣлы; въ нынѣшнемъ столѣтіи за обладаніе Кавказомъ были пролиты рѣки крови и трудоваго народнаго пота. И вотъ теперь эти величавые верхи и благодатные доли Кавказа очищены отъ полудикихъ и разбойничьихъ ордъ, которыя тамъ гнѣздились; вся правая сторона его, склонившаяся къ Черному морю, во всѣхъ отношеніяхъ особенно важная, теперь вполнѣ открыта для гражданственности и ждетъ мирныхъ населеній, которыя могли бы воспользоваться ея богатствами и дарами ея климата. Весь этотъ юго-западный склонъ Кавказа окаймленъ приморскою полосой, простирающеюся на цѣлыхъ 200 верстъ. Трудно въ полной мѣрѣ оцѣнить значеніе этой приморской полосы доставшейся Россіи вмѣстѣ съ покореніемъ Кавказа, стоившимъ ей столько жертвъ. Вотъ и еще новая у Россіи мархія, новая окраина, и еще приморская. Россія изнемогаетъ въ своихъ безконечныхъ материковыхъ протяженіяхъ; съ величайшимъ усиліемъ дотянулась она до открытыхъ морей, въ разобщеніи съ которыми не можетъ успѣшно развиваться государство такого значенія какъ Россія. Береговыя линіи Россіи, ея приморскія мѣстности совершенно незначительны въ сравненіи съ ея внутренними пространствами. Моря, которыми она омывается, либо вовсе не могутъ входить въ разчетъ, какъ Сѣверный Океанъ съ его непроходимыми льдами, съ его недоступными для человѣческой жизни берегами, либо разобщены, либо заперты, либо легко могутъ быть заперты. Морскія побережья Россіи отчасти необитаемы, отчасти и не могутъ быть обитаемы, отчасти тамъ отдаленны, что имѣютъ значеніе болѣе колоніальныхъ владѣній, нежели составной части государственной территоріи. Даже тѣ приморскія окраины Россіи, на которыхъ главнымъ образомъ основано ея морское могущество, находятся къ ней, благодаря политикѣ, которой она слѣдовала, въ отношеніяхъ страннаго и двусмысленнаго свойства, дающихъ поводъ видѣть въ нихъ край какъ бы не русскій, находящійся какъ бы только въ случайной и временной связи съ ней. Весьма естественно, что намъ слѣдуетъ особенно дорожить всякимъ пріобрѣтеніемъ, которое приводитъ насъ въ соприкосновеніе съ моремъ. И вотъ Русскому народу

досталась съ боя значительная полоса, омываемая южнымъ моремъ, лишенная обитателей и требующая колонизаціи. Кому же воспользоваться угодьями этого новоприобрѣтеннаго Россіей края, о которомъ разказывають чудеса, кому какъ не ея обитателямъ? Недавно одна газета провозглашала съ свойственнымъ ей патріотическимъ одушевленіемъ: *Россія для Русскихъ*! Вотъ Кавказъ съ своими минеральными богатствами, съ своею мѣстами почти тропическою растительностію, наконецъ съ своимъ морскимъ побережьемъ, ставшій неотъемлемою частію Россіи: для кого Кавказъ? Для коренныхъ ли обитателей Россіи, ея гражданъ, ея подданныхъ, ея дѣтей, которые своимъ трудомъ и кровію стяжали этотъ край, или для иностранныхъ выходцевъ, которые придутъ воспользоваться удобствами мирнаго обладанія этимъ краемъ, несомнѣнно имѣющимъ блистательную будущность? Для Русскихъ ли эта часть Россіи, или для иностранцевъ, кто бы они ни были? Казалось бы, невозможно и ставить подобный вопросъ. Однакожь въ дѣлахъ міра сего нерѣдко и невозможное бываетъ возможнымъ.

За нѣсколько времени предъ симъ, въ нашей печати, съ нѣкотораго рода торжествомъ, извѣщалось, что на юго-западный склонъ Кавказа приглашаются переселенцы изъ разныхъ иностранныхъ государствъ; но не было слышно, чтобы кто-нибудь приглашался въ этотъ новый русскій край изнутри Россіи; напротивъ слышно, что желавшіе переселиться туда изъ разныхъ мѣстъ Россіи задерживались то прямо, то косвенно. Скоро, быть-можетъ, Кавказъ и его побережье заселятъ цѣлымъ Вавилономъ разноплеменныхъ и разноязычныхъ населеній, между которыми, для соблюденія порядка и благочинія останутся разбросаны казачьи станицы, придвинувшіяся сюда по долгу службы. Было писано, что много разноплеменныхъ семей изъ турецкихъ владѣній въ Малой Азіи, изъ Австріи, изъ Южной Германіи, собираются на Кавказъ, и высылаютъ своихъ депутатовъ для выбора удобнѣйшихъ мѣстностей на его юго-западномъ склонѣ. Но если этотъ людъ находитъ выгоднымъ для себя переселяться изъ мѣстъ своего нынѣшняго обитанія въ этотъ чужой для нихъ край, то очень можетъ-быть, что изъ числа семидесяти или восьмидесяти милліоновъ населяющихъ Россію, отобрались бы многіе десятки и сотни тысячъ людей, которые нашли бы не менѣе для себя выгоднымъ переселиться въ этотъ пустынный край, составляющій неотъемлемую часть ихъ отечества. Почему же преимущество колонизаціи русскаго края предоставляется не Русскимъ, а выходцамъ иностраннымъ? Почему, по крайней мѣрѣ, не сравнены въ этомъ отношеніи права тѣхъ и другихъ? Историческія судьбы оттѣснили громадныя массы нашего народа въ мѣстности, гдѣ можно жить только по нуждѣ, самыя негостепріимныя, самыя неблагопріятныя для цивилизованнаго быта. А между тѣмъ русскія населенія, какъ доказано исторіей, обладаютъ большою способностью и имѣютъ большую охоту къ колонизаціи. Нѣтъ сомнѣнія, не только посреди иперборейскихъ снѣговъ и тундръ, но и въ центральныхъ, мѣстами слишкомъ людныхъ губерніяхъ нашлось бы много охотниковъ, изъ которыхъ можно было бы сдѣлать отличный выборъ для заселенія лучшихъ и наиболѣе важныхъ мѣстностей Кавказа, особенно его приморскаго склона. Или, въ государственныхъ интересахъ Россіи желательнѣе, чтобъ и эта новая окраина ея территоріи пріобрѣла, соотвѣтственно прочимъ ея окраинамъ, характеръ сколь можно чуждый ей, сколь можно менѣе русскій?—чтобъ эта новая приморская полоса принадлежала всѣмъ, кому угодно, только не Русскимъ? Внутри Россіи есть прибрежныя и приозерныя населенія, смышленныя и дѣятельныя, навыкшія въ судоходномъ и рыболовномъ промыслѣ, которыя, при благопріятныхъ условіяхъ, могли бы дать значительный контингентъ для колонизаціи юго-западнаго склона Кавказа. Въ Россіи есть и населенія приморскія, которыя охотно выслали бы на кавказскій берегъ Чернаго моря своихъ колонистовъ, и мы спѣшимъ прибавить, что отнюдь не исключаемъ изъ этой категоріи ни Эстовъ, ни Латышей, какъ и вообще считаемъ долгомъ признавать Русскимъ всякаго того, кто имѣетъ Россію своимъ отечествомъ и на ней одной сосредоточиваетъ свою преданность и свои надежды. Намъ нужно наконецъ развить свое національное мореходство. На черноморскомъ берегу Кавказа, правда, почти нѣтъ удобныхъ гаваней, за то здѣсь раздолье для каботажнаго промысла, наилучшей первоначальной школы для образованія моряковъ.

Всякое государство старается всего бо-

лѣе о томъ, чтобы въ своихъ окраинахъ упрочить и поставить внѣ всякаго вопроса свой національный характеръ. Неужели одна Россія должна оставаться въ этомъ отношеніи непонятнымъ исключеніемъ? Неужели Россіи суждено отрицаться отъ себя въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ она по преимуществу должна быть собою? Гдѣ видано, чтобы тѣ пункты государственной территоріи, которыми она соприкасается съ остальнымъ міромъ, и гдѣ, стало-быть, должны быть особенно дѣятельны національныя силы, держались въ искусственномъ отчужденіи отъ ея народа, пріурочивались къ національности сосѣднихъ государствъ, или просто-на-просто отдавались иностранцамъ и запирались для своихъ?

№ 265.

Москва, 2-го декабря

На дняхъ въ прусской палатѣ депутатовъ произошла очень куріозная сцена. Сегодня берлинскія газеты принесли намъ подробности о ней. Нѣкто г. Лёве вздумалъ обратиться къ правительству съ запросомъ о русскихъ балтійскихъ провинціяхъ, которыя угодно ему, согласно съ ученіемъ нѣкоторыхъ партій въ этихъ провинціяхъ, считать нѣмецкими. Упрекая прусское правительство въ томъ, будто бы оно вращается въ сферѣ тяготѣнія Россіи, этотъ почтенный г. Лёве находитъ тому доказательства въ тяжкихъ преслѣдованіяхъ, которымъ будто бы подвергаются протестантская вѣра и нѣмецкій элементъ въ Россіи, такъ что положеніе лицъ, употребляющихъ нѣмецкій языкъ въ разговорѣ и исповѣдующихъ протестантизмъ, въ Россіи, по его мнѣнію, гораздо бѣдственнѣе чѣмъ положеніе христіанскихъ населеній въ Турціи. Въ своихъ заключеніяхъ слѣдовалъ онъ такой логикѣ: если Россія считаетъ себя въ правѣ принимать участіе въ судьбахъ христіанскихъ населеній Востока, то такое же точно право имѣетъ и Пруссія по отношенію къ протестантскимъ подданнымъ Россійской Имперіи; а такъ какъ протестанты въ Россіи находятся въ положеніи гораздо болѣе бѣдственномъ чѣмъ христіане въ Турціи, то отсюда явствуетъ что прусское правительство не исполняетъ своего долга и не пользуется своимъ правомъ, дозволяя Россіи поступать такимъ образомъ, и слѣдовательно пасуетъ передъ ней.

Какое жалкое понятіе пришлось бы составить о политическихъ людяхъ Пруссіи, еслибы подобныя разсужденія къ палатѣ ея представителей можно было принять за что-нибудь серіозное и предположить, что ораторъ самъ вѣрилъ въ значеніе своихъ словъ! Нельзя однако не сознаться, что въ дѣлахъ нашихъ есть кое-что дающее основаніе къ подобнымъ разсужденіямъ, какъ ни кажутся они нелѣпыми и безсмысленными. Вѣдь никто же въ Германіи, даже никто изъ такихъ проницательныхъ политиковъ какъ г. Лёве, не считаетъ возможнымъ поднимать подобные вопросы по отношенію къ Франціи, гдѣ имѣются цѣлыя массы протестантскихъ населеній и гдѣ есть цѣлыя области, дѣйствительно составлявшія нѣкогда часть Германіи. Дѣло въ томъ, что во Франціи, какъ и во всякомъ цивилизованномъ государствѣ, религія не служитъ мѣркой національности, и всѣ французскіе подданные, какого бы они ни были племеннаго происхожденія и какую бы вѣру ни исповѣдывали, считаются Французами. Эльзасъ и Лотарингія суть исконныя нѣмецкія земли, сплошь заселенныя кореннымъ нѣмецкимъ племенемъ; но ни кому здѣсь не приходитъ въ голову считать себя Нѣмцемъ, и видѣть свое отечество не во Франціи, а въ Германіи. Житель Лотарингіи и Эльзаса точно въ такой же силѣ считается Французомъ, какъ и житель Сенскаго департамента, и г. Гизо, протестантъ, не менѣе считается Французомъ по своей національности, какъ и г. Тьеръ, католикъ. У насъ это еще не совсѣмъ такъ. Очень недавно было у насъ въ ходу и силѣ политическое ученіе, которое клонилось къ тому, чтобы Россію привести дѣйствительно на положеніе Турціи. Ученіе это было отвергнуто съ негодованіемъ; но если оно утратило свою силу для мнѣнія, то въ дѣлахъ остается еще много такого что служитъ ему подтвержденіемъ, что питаетъ его, какъ бы оправдываетъ его и даетъ нѣкоторымъ умамъ и партіямъ основаніе для соотвѣтственныхъ надеждъ. Изъ ничего ничто не бываетъ, и никакого польскаго вопроса не было бы въ Россіи, еслибъ ея собственная политика не создавала національнымъ польскимъ учрежденій изъ двухъ столь важныхъ силъ какъ религія и землевладѣніе. Добрые люди хотѣли убѣдить Россію въ пріятностяхъ того состоянія, которое называется разложеніемъ. Каждая религія и племенная осо-

бенность въ ней долженствовала быть возведена на степень политической національности, и русскій народъ долженствовалъ быть только одною частію этого конгломерата національностей, а дабы масса русскаго народа не подавляла своею громадностію другія національности, казалось полезнымъ раздробить и его на отдѣльныя національности, по разнымъ особенностямъ, какія могутъ оказаться въ говорѣ его частей.

Г. фонъ-Бисмаркъ одержалъ весьма легкую побѣду надъ своимъ совопросникомъ. Онъ между прочимъ посовѣтовалъ ему почитать московскія газеты, которыя будто бы точно также укоряютъ русскую политику въ несамостоятельности относительно Пруссіи, какъ г. Лёве укоряетъ прусскую политику въ несамостоятельности по отношенію къ Россіи. Графъ Бисмаркъ, конечно, только для остраго словца поставилъ въ параллель московскую національную печать съ заявленіемъ г. Лёве. Никому въ Россіи не приходило въ голову желать, чтобы русское правительство вступалось въ дѣла сосѣдней державы и предлагало ей совѣты какъ устроить, напримѣръ, таможенное дѣло или какъ дѣйствовать въ Познани. Русское общественное мнѣніе можетъ желать только того чтобы Россія въ международной сферѣ дѣйствовала какъ держава самостоятельная, имѣющая свой кругъ интересовъ, свое призваніе, свое будущее, и чтобъ она не приносила въ жертву ни матеріальныхъ, ни нравственныхъ интересовъ своихъ, какъ бывало во времена Священнаго Союза, по признанію, торжественно сдѣланному покойнымъ канцлеромъ графомъ Нессельроде въ одной изъ депешъ его предъ восточною войной. Г. фонъ-Бисмаркъ могъ бы весьма поучительно припомнить г-ну Лёве событія послѣднихъ годовъ. Конечно не въ интересахъ Россіи дѣйствовала Пруссія, раздробивъ Данію; конечно, не ею побуждаемая, въ прошломъ году, натворила она столько дѣла, упразднила столько государствъ и облегчила столькимъ государямъ бремя правленія. Положеніе, въ которомъ находятся теперь европейскія дѣла, создаетъ для Пруссіи цѣлый кругъ интересовъ, заботъ и предусмотрѣній, который не во всемъ можетъ-быть совпадаетъ съ требованіями русской политики: вотъ что говорила московская печать. Что же въ этомъ общаго съ притязаніями г. Лёве? Россія находится къ Пруссіи въ дружескихъ отношеніяхъ, этому нельзя не порадоваться, но нѣтъ причины, чтобы Россія не желала находиться точно также въ дружескихъ отношеніяхъ и къ другимъ европейскимъ державамъ.

Что касается до балтійскихъ провинцій, то прусскій министръ-президентъ напрасно тревожится опасеніемъ будто бы выходка г. Лёве можетъ въ чемъ-нибудь повредить той части населенія этихъ провинцій за которую означенный ораторъ столь великодушно вступился. Онъ не сказалъ ничего такого что не высказывалось бы, только несравненно сильнѣе, въ печати по сю сторону границы. Гоненіе протестанской вѣры, несправедливость и насилія русскаго правительства относительно нѣмецкаго элемента, безнравственность (sic) принимаемыхъ имъ мѣръ,—все это высказывалось, и теперь высказывается въ безчисленныхъ корреспонденціяхъ, которыя высылаются съ устьевъ Двины въ заграничную нѣмецкую печать и нерѣдко въ газеты, состоящія непосредственно подъ рукой графа Бисмарка. Итакъ ни малѣйшей опасности не предвидится. Но мы должны поблагодарить графа Бисмарка за показаніе весьма поучительное не для однихъ прусскихъ слушателей его, но для кое-кого и по сю сторону границы. Графъ Бисмаркъ, въ своемъ отвѣтѣ, засвидѣтельствовалъ, что та часть балтійскаго населенія, за которую вступился г. Лёве, какъ за нѣмецкую, относится къ общей массѣ этого населенія, какъ 1 : 1000. Московская печать въ этомъ отношеніи совершенно согласна съ прусскимъ министромъ-президентомъ; она никогда иного не говорила, и отъ всей души желаетъ чтобы слова его были столь же искренно сказаны, какъ они справедливы, и чтобы въ разныхъ сферахъ произвели они надлежащее дѣйствіе. Еслибъ и въ самомъ дѣлѣ какая-либо часть населенія въ одной изъ русскихъ областей могла считать себя по своей національности чужою русскому государству, то при такомъ отношеніи какъ 1:1000 было бы ни съ чѣмъ не сообразно видѣть въ балтійскихъ провинціяхъ нѣмецкій край.

Одна передовая статья *Сѣверной Почты*, появившаяся недѣли за двѣ предъ симъ, надѣлала много хлопотъ въ заграничной нѣмецкой печати, и до сихъ поръ вызываетъ въ ней заключенія, которыя не слѣдуетъ оставлять безъ оговорки. Выше-

означенная статья касается вопроса о балтійскихъ губерніяхъ, и разъясняетъ правительственные относительно этого вопроса виды, въ предупрежденіе ошибочныхъ и вредныхъ толкованій. Тотчасъ по ея появленіи, въ иностранныя газеты были отправлены изъ Петербурга телеграммы, которыя старались придать ей несвойственное значеніе и объясняли ее какъ офиціальное предостереженіе сдѣланное всей нашей печати за сужденія о балтійскомъ краѣ. Статья *Сѣверной Почты*, о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно порицаетъ сужденія, высказанныя въ нѣкоторой части печати, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ она свидѣтельствовала о какомъ-либо разногласіи между видами правительства и настроеніемъ общественнаго мнѣнія относительно столь важнаго для Россіи предмета. Напротивъ, вышеозначенная статья, если только она имѣетъ офиціальный источникъ, можетъ служить лишь подтвержденіемъ тому, что ни въ чемъ существенномъ нѣтъ разногласія между здравомысленною частію публики и видами правительства.

Что же касается московской печати, съ которою графъ Бисмаркъ совѣтовалъ прусскимъ депутатамъ познакомиться, то намъ было особенно пріятно еще разъ убѣдиться, что начало, котораго мы въ сужденіяхъ нашихъ постоянно держались, есть именно то самое, которое принято нашимъ правительствомъ въ основаніе его политики. Начало это есть государственное единство Россіи. Читателямъ нашимъ извѣстно, что на балтійскій вопросъ, какъ и на всѣ подобные вопросы, мы смотрѣли единственно съ этой точки зрѣнія. *Довлѣетъ дневи злоба его*, и главною заботой текущаго дня, которая неизмѣнно направляла нашу дѣятельность, было это великое начало. Все разсматривали мы въ его свѣтѣ, все пробовали на его критеріи. Никакой прогрессъ не можетъ быть плодотворенъ, никакой порядокъ не можетъ быть прочень и надеженъ, пока государственное единство не утвердилось во всей своей силѣ и истинѣ, пока оно не перестало быть вопросомъ въ какомъ бы то ни было отношеніи. Говоря о балтійскихъ губерніяхъ, мы никогда ничего иного не имѣли въ виду, кромѣ того что требуется точнымъ разумомъ государственнаго единства. Что высказывали мы по вопросу о балтійскихъ губерніяхъ? Въ отвѣтъ на это намъ стоитъ только привести изъ вышеупомянутой статьи *Сѣверной Почты* слѣдующія строки:

Высочайше утвержденное 1-го іюля Положеніе комитета министровъ, подтверждающее приведеніе въ исполненіе Высочайшаго повелѣнія 1850 года о распространеніи должностнаго употребленія русскаго языка въ прибалтійскомъ краѣ, одинаково соотвѣтствуетъ общимъ государственнымъ пользамъ и потребностямъ мѣстнаго населенія. Распространеніе знанія русскаго языка въ этомъ краѣ вызывается его собственными нуждами. Съ другой стороны, при постоянно возрастающей между нимъ и внутренними губерніями солидарности политическихъ, торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, при увеличивающемся въ краѣ числѣ жителей русскаго происхожденія и при давно ощущаемыхъ неудобствахъ дѣлопроизводства, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, въ мѣстныхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ и административныхъ учрежденіяхъ, не предстоитъ сомнѣнія въ необходимости расширить, въ этихъ мѣстахъ и учрежденіяхъ, кругъ обязательнаго употребленія русскаго языка. Эта мѣра принята правительствомъ; но она ни въ чемъ не измѣняетъ мѣстнаго законодательства и не сопровождается никакимъ стѣсненіемъ для мѣстнаго населенія не русскаго происхожденія. Правительство не относится съ пренебреженіемъ къ тому, что дорого для той или другой части этого населенія по историческимъ условіямъ и формамъ его гражданскаго и общественнаго образованія. Оно не стремится къ принудительному сглаживанію всѣхъ оттѣнковъ и не имѣетъ въ виду безразличнаго уничтоженія всѣхъ особенностей края. Оно охраняетъ признанныя закономъ права различныхъ вѣроисповѣданій и предоставляетъ надлежащій просторъ употребленію не только нѣмецкаго языка, но и мѣстныхъ народныхъ нарѣчій. Оно требуетъ отъ прибалтійскаго края, какъ и отъ другихъ частей Имперіи, безусловнаго подчиненія общимъ началамъ государственнаго единства; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно оставляетъ въ силѣ сводъ мѣстныхъ узаконеній, развиваетъ поземельное устройство сельскаго населенія на основаніи особыхъ условій, и имѣетъ въ виду особые оттѣнки при распространеніи на прибалтійскія губерніи главныхъ началъ судебной реформы.

Ничего иного не говорили мы въ на-

шихъ статьяхъ. Смѣло могли бы мы предоставить самому придирчивому разбирательству найдти въ нашихъ статьяхъ что-либо несоотвѣтствующее смыслу вышеприведенныхъ строкъ, характеризующихъ съ правительственной точки зрѣнія балтійскій вопросъ, если только можно назвать его вопросомъ. Стало-быть, та ожесточенная и неразборчивая въ средствахъ полемика, которой мы предметомъ, относится собственно не къ намъ, а къ видамъ правительства.

Говоря о государственномъ единствѣ, мы конечно разумѣемъ не пустую отвлеченность, а опредѣленное государственное единство, то-есть *русское*. Государственное единство есть то же что и національное единство. Это два выраженія одного и того же понятія.

Мы не можемъ не имѣть вѣры въ будущее нашего отечества; мы не можемъ относить Россію къ разряду тѣхъ политическихъ существованій, которыя, какъ Турція или Австрія, лишены внутренней объединяющей силы и держатся лишь до времени, какъ случайность, какъ результатъ внѣшнихъ условій, какъ созданіе обстоятельствъ. Россія, въ убѣжденіи каждаго Русскаго, принадлежитъ къ тѣмъ великимъ историческимъ формаціямъ, которыя въ самихъ себѣ имѣютъ силу своего существованія. Нѣтъ ни одного великаго, обладающаго внутреннею силой государства, нѣтъ ни одного исторически сложившагося народа, которые вышли бы изъ одного какого-нибудь племени. Государственный народъ создается изъ многихъ племенныхъ стихій: это всеобщій фактъ, это историческій законъ. Простое этнографическое племя лишено внутренней силы государственнаго бытія. Изъ какого разнообразія племенныхъ элементовъ создалась эта великая историческая индивидуальность, называемая Англіей, или другая, называемая Франціей! Чѣмъ разнороднѣе элементы, тѣмъ могущественнѣе выходитъ сложившееся изъ нихъ политическое или національное единство. Одноплеменная Германія давно, въ своемъ безсиліи, утратила бы политическое бытіе, еслибъ у ней не было Бранденбургской *марки*, еслибы на окраинѣ ея не случилась Пруссія, которая объединила въ себѣ множество чуждыхъ германскому племени элементовъ. Вся сила Пруссіи, главная масса ея населеній не только не нѣмецкаго въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, но даже и вообще не германскаго происхожденія; это Славяне разныхъ сортовъ и Литва. Сказаніе нашего древняго лѣтописца о началѣ русской исторіи отличается въ этомъ отношеніи особенною знаменательностію: племена совершенно другъ другу чуждыя соглашаются призвать еще новое, равно чуждое имъ племя, дабы положить начало единой власти, единому государству. Русскій народъ есть единство не только многихъ вошедшихъ въ него славянскихъ племенъ, но и другихъ чуждыхъ славянскому корню племенъ. Самое имя русскаго получилъ онъ отъ принятой имъ племенной стихіи, чуждой остальнымъ, изъ которыхъ онъ сложился. И потомъ, въ продолженіе всей многовѣковой исторіи русскаго народа, непрерывно входили въ него, и верхнимъ, и нижнимъ теченіемъ, самыя разнородныя стихіи, которыя претворялись въ его существо, и въ разнообразіи которыхъ заключается залогъ великаго и богатаго развитія въ будущемъ.

Перечитывая упомянутую статью *Сѣверной Почты*, мы не могли не порадоваться ясно выраженному въ ней основному воззрѣнію на сущность государственнаго единства. Вопреки неточному словоупотребленію, которымъ часто пользуются политическія лжеученія, дабы вносить смуту въ умы, а черезъ нихъ въ дѣла, въ этой статьѣ нѣтъ рѣчи о какихъ-либо разныхъ *національностяхъ* въ Россіи; съ совершенною точностію, какъ бы въ предупрежденіе всякихъ лжетолкованій, она говоритъ только о разныхъ *племенахъ* входящихъ въ русское единство. Статья *Сѣверной Почты* не знаетъ между русскими подданными людей нѣмецкой *національности*. Всякій русскій подданный какого бы онъ ни былъ племеннаго происхожденія, нѣмецкаго или латышскаго есть по своей національности Русскій. При свѣтѣ государственнаго единства не можетъ быть никакой разницы между русскою національностью и русскимъ подданствомъ. Къ сожалѣнію, какъ понятія, такъ и дѣла еще не совсѣмъ установились у насъ, и государственное единство Россіи не есть еще дѣло во всѣхъ отношеніяхъ конченное и вышедшее изъ всякихъ недоразумѣній. Потому-то требуется ставить понятія со всевозможною точностію. Признавать въ государствѣ разныя національности значитъ *eoipso* отрицать его единство, ибо то

что называется національностью всегда есть болѣе или менѣе развитая государственная организація. Сколько насчитывалось бы въ странѣ особыхъ національностей, столько было бы въ ней особыхъ государствъ въ зародышѣ.

Итакъ, сужденія, которыя мы постоянно высказывали относительно балтійскаго края, были только развитіемъ тѣхъ общихъ началъ, которыя заявлены правительствомъ. Мы отстаивали эти начала и ограждали ихъ отъ всякаго неразумнаго или злонамѣреннаго противодѣйствія. Мы не выступали изъ сферы тѣхъ идей, которыми опредѣляется государственное единство, но въ этой сферѣ мы считали своимъ долгомъ, по мѣрѣ силъ нашихъ, способствовать установленію понятій во всей ихъ чистотѣ, правильности и ясности. Точно также какъ статья *Сѣверной Почты*, мы доказывали, что государственное единство совмѣстимо съ полною вѣротерпимостію и свободнымъ разнообразіемъ всѣхъ мѣстныхъ особенностей. Мы энергически протестовали противъ того слѣпаго и грубаго фанатизма, который людей имѣющихъ съ нами во всемъ равную долю отталкиваетъ какъ чужестранцевъ, потому что они не одной съ нами вѣры, или противъ того неразумія которое полагаетъ возможнымъ опредѣлять національность людей на основаніи ихъ племеннаго происхожденія, какъ будто, кромѣ дикарей, остающихся въ первобытномъ состояніи, есть въ Россіи хоть одинъ человѣкъ, который могъ бы сказать, что онъ произошелъ изъ одного какого-нибудь племени. Мы особенно цѣнимъ германскую племенную стихію, на сколько она входитъ въ наше національное единство. И чѣмъ дороже мы всегда цѣнили эту стихію, тѣмъ болѣе желали, чтобъ она не оставалась въ средѣ нашей чужимъ элементомъ. Поставленный между Европой и Азіей, открытый для наплыва всевозможныхъ элементовъ съ Востока, русскій народъ не можетъ замкнуться для элементовъ идущихъ съ запада. Все идущее къ намъ изъ Европы идетъ, если такъ можно выразиться, верхнимъ теченіемъ, и принимается съ почетомъ.

Правительство рѣшилось привести въ исполненіе мѣру принятую имъ почти за двадцать лѣтъ предъ симъ и состоящую въ томъ чтобъ офиціальнымъ-языкомъ въ балтійскихъ губерніяхъ былъ общій языкъ Россійской Имперіи, которой часть онѣ составляютъ. Могли ли мы не привѣтствовать этой мѣры, и не стать на сторону всѣхъ здравомыслящихъ людей въ самомъ балтійскомъ краѣ, которые признаютъ ея необходимость и пользу вопреки агитаціи, немногочисленной, хотя и очень вліятельной партіи? Но мы были далеки отъ всякаго желанія видѣть нѣмецкій языкъ изгоняемымъ изъ тѣхъ сферъ, на которыя мѣра эта не простирается, и гдѣ онъ можетъ оставаться безъ всякой невыгоды для государства, именно изъ мѣстныхъ сословныхъ учрежденій края. Желательно только одно, — и это мы высказывали, — чтобъ языкъ имперіи пользовался въ этихъ учрежденіяхъ по крайней мѣрѣ равноправностью съ нѣмецкимъ. Согласно ли съ достоинствомъ и пользами государства, чтобъ языкъ его въ какой бы то ни было части его территоріи и въ какихъ бы то ни было учрежденіяхъ былъ лишенъ права? Если напримѣръ въ городскихъ учрежденіяхъ Риги употребляется нѣмецкій языкъ, то нѣтъ причины не допускать въ этихъ учрежденіяхъ употребленіе русскаго языка на равныхъ правахъ съ нѣмецкимъ. Равноправность языка имперіи со всякимъ другимъ въ какихъ бы то ни было мѣстныхъ учрежденіяхъ, вотъ что мы считали полезнымъ ставить на видъ, когда возникала рѣчь объ этомъ предметѣ. Точно также всею душею отстаивали мы принятое правительствомъ рѣшеніе ввести, не изгоняя нѣмецкаго языка, отчасти и русскій языкъ какъ органъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ балтійскаго края. Мы считали своимъ долгомъ защищать эту мѣру противъ кривыхъ толковъ, которые она возбудила, и противъ интриги, которая усиливается подорвать ее. Признавая ее вполнѣ справедливою и во всѣхъ отношеніяхъ полезною, мы старались только разъяснить способы, какими она можетъ быть удобно и безъ стѣсненій для кого бы то ни было приведена въ исполненіе.

Въ *Сѣверной Почтѣ* замѣчено, что предполагаемая въ балтійскихъ губерніяхъ судебная реформа будетъ имѣть нѣкоторый оттѣнокъ условленный мѣстными особенностями. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что судебная реформа въ балтійскомъ краѣ, какъ и въ остальной Россіи, замѣнитъ собою доселѣ бывшіе сословные суды учрежденіями общаго характера. Если въ судахъ замкнутыхъ для публики и при письменномъ дѣлопроизводствѣ, могъ безъ вся-

кихъ неудобствъ держаться въ употребленіи нѣмецкій языкъ, то положеніе совершенно измѣняется при новомъ судопроизводствѣ, публичномъ, устномъ, состязательномъ, съ коронными судьями. Мы недоумѣвали и спрашивали: можетъ ли нѣмецкій языкъ быть органомъ такого рода судебныхъ учрежденій въ провинціяхъ Россійской Имперіи, при томъ такихъ, гдѣ жители нѣмецкой рѣчи составляютъ незначительное меньшинство и относятся къ остальному населенію, по справедливому показанію графа Бисмарка, какъ 1 къ 1000? Еслибы нѣмецкій языкъ сталъ органомъ новыхъ судовъ въ балтійскихъ губерніяхъ, то этимъ онъ пріобрѣлъ бы права, какими еще никогда не пользовался, ибо здѣсь никогда не было публичныхъ состязательныхъ судовъ. Ничѣмъ такъ успѣшно нельзя бы германизировать этотъ край, какъ посредствомъ новыхъ судебныхъ учрежденій, если дать имъ характеръ нѣмецкихъ національныхъ учрежденій.

Что же касается національности уроженцевъ балтійскаго края, то объ этомъ недавно былъ вопросъ не только въ печати, но и въ правительственныхъ сферахъ.

Вотъ важный документъ, который прочли мы въ *Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, отъ 11-го ноября:

Г. генералъ-губернаторъ сообщилъ начальнику Курляндской губерніи, при предложеніи отъ 31 октября сего года подъ № 110, копію съ полученной имъ отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ бумаги отъ 28-го октября, подъ № 2,298, слѣдующаго содержанія:

Вслѣдствіе возникшихъ сомнѣній о способѣ приведенія въ дѣйствіе той части Высочайшаго повелѣнія 10-го декабря 1865 года, гдѣ сказано, что высланнымъ изъ западнаго края владѣльцамъ секвестрованныхъ имѣній предоставляется право, въ теченіе двухлѣтняго срока, ихъ имѣнія въ западномъ краѣ продать лицамъ русскаго происхожденія православнаго и протестантскаго вѣроисповѣданія, или, вмѣсто продажи, обмѣняться своими имѣніями съ этими лицами, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ:

1. Виленскому генералъ-губернатору сообщить, что Его Императорское Величество соизволилъ и нынѣ рѣшительно соизволяетъ подъ выраженіемъ „лица русскаго происхожденія“ между прочимъ разумѣть и уроженцевъ балтійскихъ губерній.

2. Сообщить о семъ также генералъ-губернатору балтійскихъ губерній.

Итакъ, уроженцы балтійскихъ губерній, какого бы они ни были племени и вѣроисповѣданія, должны быть признаваемы за лица русскаго происхожденія по національности. Это не чье-либо мнѣніе высказанное въ газетѣ. Это есть истинное положеніе дѣла, поставленное на видъ высочайшимъ въ государствѣ авторитетомъ.

До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, вышеприведенное объявленіе, напечатанное въ *Курляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, не вызвало никакихъ протестацій ни въ мѣстной, ни въ заграничной печати.

№ 266.

Москва, 4-го декабря.

Мы уже говорили о *Желтой Книгѣ* французскаго правительства; впечатлѣніе вынесенное изъ ея изученія французскою печатью состоитъ въ томъ, что ея содержаніе самымъ безцеремоннымъ образомъ противорѣчитъ благодушнымъ завѣреніямъ тронныхъ рѣчей, сказанныхъ при открытіи законодательныхъ сессій Франціи, Англіи и Пруссіи. Такъ въ области римскаго вопроса, объ враждующія по немъ стороны французской печати сошлись однако въ общемъ убѣжденіи, что между Италіей и Римомъ не оказывается никакой основы для соглашенія или сдѣлки, а это явно противорѣчитъ надеждѣ торжественно заявленной въ тронной рѣчи императора Французовъ, что на развалинахъ сентябрьской конвенціи, содѣйствіемъ всей европейской дипломатіи, состоится наконецъ это вожделѣнное соглашеніе: нынѣ само французское правительство повидимому отказалось отъ мысли о соглашеніи. Такъ какъ оно не хотѣло поддерживать итальянское единство противъ папы, то оно и склонилось на сторону послѣдняго. Франція никогда не желала итальянскаго единства, и всѣ ея заботы всегда ограничивались тѣмъ, чтобы вытѣснить изъ Италіи Австрію, а теперь, вслѣдствіе сближенія Италіи съ Пруссіей, французское общественное мнѣніе еще менѣе прежняго расположено къ итальянскому единству. Такое настроеніе должно быть съ руки рим-

скому престолу и французскимъ ультрамонтанамъ, которые торжествуютъ, но само собой разумѣется, что вслѣдствіе того свѣтская власть папы еще не становится особенно дорога для европейской дипломатіи. По пословицѣ: „у семи нянекъ дитя безъ глаза,“ европейскій скептицизмъ видимо отстаетъ нынѣ отъ старинаго, тронную рѣчь императора французовъ одушевлявшаго вѣрованія въ дѣйствительность политическихъ консультацій. Для Европы будетъ лучше, если свѣтская власть папы останется исключительно на отвѣтственности французскаго правительства. Поэтому едва ли можно считать вѣроятными извѣстія, сообщаемыя нынѣ телеграфомъ, будто дѣло о конференціи возобновляется. Телеграфъ упоминаетъ о содѣйствіи, которое при этомъ оказывается Россіи: не знаемъ на чемъ основано это извѣстіе, сообщаемое вѣнскою газетой, но если она заключаетъ въ себѣ долю истины, то надобно думать, что папа Пій IX рѣшился наконецъ исполнить справедливое желаніе, идущее съ русской стороны, и объявить недѣйствительною присягу данную народному жонду членами польской организаціи. Пусть бы клерикальныя газеты продолжали свои нелѣпыя нападки на Россію, хотя и тутъ слѣдовало бы ожидать перемѣны, еслибъ оказывалось нужнымъ содѣйствіе Россіи по вопросу о конференціи, но по крайней мѣрѣ римскій престолъ не долженъ продолжать войну противъ Россіи, допуская возмутительное злоупотребленіе религіей въ видахъ поддержки мятежнаго настроенія въ римско-католическихъ населеніяхъ западнаго края.

Послѣ римскаго вопроса, вниманіе французской печати обратилось на документы *Желтой Книги*, относящіяся до восточнаго вопроса; здѣсь тоже настоятельныя завѣренія официознаго *Etendard* не въ силахъ совладать съ быстрымъ распространеніемъ въ публикѣ убѣжденія въ неизбѣжности и близости грознаго кризиса. Само собой разумѣется, что подобное убѣжденіе не могло быть высказано французскою клерикальною печатью, не подавъ ей повода къ возобновленію своихъ нападокъ на Россію. „Возрастающая важность извѣстій получаемыхъ изъ Турціи,“ говоритъ *la Presse* записавшаяся съ прошлаго 1866 г. въ число газетъ внушаемыхъ папскимъ нунціемъ въ Парижѣ, „и успѣхъ русскихъ интригъ въ областяхъ, сосѣднихъ Балканамъ, придаютъ особенный интересъ документамъ *Желтой Книги* о восточныхъ дѣлахъ, документамъ опредѣляющимъ характеръ нашего дипломатическаго вмѣшательства. Эти документы указываютъ на надежды, къ несчастію не всегда оправдываемыя событіями. Первымъ доказательствомъ этого служитъ Сербія.“ По мнѣнію *la Presse*, доказательство это заключается въ слѣдующемъ: депешей отъ 18-го января г-ну Буре поручается завѣрить Порту, что очищеніемъ Бѣлграда отъ занятія его турецкими войсками она обезпечитъ „себѣ добрыя отношенія къ Княжествамъ; а между тѣмъ смерть сербскаго разбойника, убитаго во время сопротивленія, оказаннаго имъ вооруженною рукой турецкимъ жандармамъ, которымъ было приказано арестовать его на австрійскомъ пароходѣ, послужила князю Михаилу предлогомъ къ заявленію разныхъ требованій и угрозъ Портѣ.“ Читателямъ нашимъ извѣстны возмутительныя подробности убіенія шестидесятью турецкими солдатами сербскаго ремесленника Цвѣтка Павловича; букарештская газета *Романулъ* напечатала протестъ всѣхъ пассажировъ парохода противъ этого свирѣпаго злодѣйства турецкихъ властей, но *la Presse* не стѣсняется подобными мелочами. Ей нужно, чтобы князь Михаилъ былъ признанъ орудіемъ и агентомъ русской интриги, а для этого необходимо, чтобы несчастный Цвѣтко Павловичъ былъ ославленъ разбойникомъ. Кому тутъ дѣло до истины? Разыскивать ее будетъ исторія; въ области же политики іезуиты постановили правиломъ, что *цѣль оправдываетъ средства*. Въ этомъ случаѣ цѣль: препятствовать распространенію смертоноснаго вліянія Россіи на цивилизацію, а средство: ославить разбойникомъ невинную жертву турецкой свирѣпости.

Но увлекаясь усердіемъ новообращеннаго, *la Presse* не замѣчаетъ до какой степени бо́льшая часть ея завѣреній противорѣчитъ главнымъ основаніямъ филиппики противъ естественнаго вліянія Россіи на православныя населенія Востока. Такъ напримѣръ *le Monde* и *Mémorial Diplomatique* уже нѣсколько мѣсяцевъ сряду увѣдомляютъ Европу, будто спасая на своихъ корабляхъ погибавшія семейства Критянъ, Европа въ угодность Россіи, попираетъ ногами всѣ принципы международнаго права. Это ученіе проповѣдывалось съ замѣчательною настойчивостью, но вдругъ

la Presse, начитавшись документовъ *Желтой Книги*, какъ бы съ просонка заявляетъ, что напротивъ „сами инсургенты противились посадкѣ на суда несчастныхъ жителей Крита.“ Не возьмется ли папскій нунцій въ Парижѣ согласить эти куріозныя противорѣчія внушаемыхъ имъ газетъ? *Mémorial Diplomatique* и до сихъ поръ утверждаетъ, будто пресловутое слѣдствіе о бѣдствіяхъ христіанъ, произведенное въ 1860 году турецкими властями, но жалобамъ Россіи подъ предсѣдательствомъ „либеральнаго и просвѣщеннаго“ великаго визиря (умѣрявшаго собственноручными пощечинами неумѣстную откровенность допрашиваемыхъ имъ христіанъ), сдѣлало Порту достойною полнаго довѣрія Европы, кромѣ Россіи. Между тѣмъ *la Presse*, вѣрная своей роли enfant terrible клерикальной печати, замѣчаетъ съ негодованіемъ, ссылаясь на депеши маркиза Мутье отъ 7-го марта и отъ 7-го октября, что Тюльерійскій кабинетъ повидимому рѣшительно не довѣряетъ мистификаціямъ слѣдственныхъ коммиссій Оттоманской Порты, такъ какъ онъ самъ заявляетъ, въ первомъ случаѣ „чтобы Критяне были спрошены не для формы, а серіознымъ образомъ,“ а въ послѣднемъ, что „если слѣдствіе будетъ произведено одною Портой, то она одна же и понесетъ отвѣтственность за него“.

Къ прискорбію восточныхъ христіанъ, нельзя не замѣтить, что съ нѣкоторыхъ поръ эти нападки на нихъ производятся не однѣми клерикальными газетами. Такъ, 29-го августа 1866 г. газета *Liberté* восклицала: „При настоящемъ положеніи дѣлъ, употребленіе силы можетъ лишь увеличить затрудненія. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, употреблять силу? Кандіи надоѣло (Candi est fatiguée) правительство Порты: жители острова жалуются на это правительство; затѣмъ возстаютъ какъ отчаянные.“ Въ продолженіе всего 1867 года *Liberté* объясняла единственно этимъ „отчаяніемъ“ возстаніе критянъ, и это объясненіе кажется тѣмъ болѣе соотвѣтствующимъ репутаціи маститаго публициста, что оправдывается донесеніями агентовъ самой Англіи. Но годъ спустя на мѣсто этихъ статей, столь сочувственныхъ Критянамъ, *Liberté*, отъ 16-го ноября, печатаетъ статью, которая прежде всего приписываетъ возстаніе Крита интригамъ Россіи. Объ „отчаяніи“ уже ни слова.... Объясненіе этой загадки можно найдти въ самомъ содержаніи этихъ статей. Въ статьѣ 1866 г. *Liberté*, отвергая „употребленіе силы,“ не находитъ другаго справедливаго способа противъ возстанія, кромѣ немедленнаго присоединенія Крита къ Египту; въ статьѣ же 1867 года главною ошибкой турецкихъ министровъ, являющихся, благодаря ей, какъ бы „пособниками“ (complices) Россіи, выставляется вооруженное содѣйствіе, испрошенное Турціей у Египта, для усмиренія Крита. Все дѣло въ томъ, что въ промежутокъ времени между августомъ 1866 и ноябремъ 1867 г., *veto* Англіи и настойчивое желаніе Критянъ присоединиться къ королевству Эллиновъ совсѣмъ устранили мысль о присоединеніи Крита къ Египту цѣною уступки Франціи одной изъ превосходныхъ гаваней этого острова, предназначавшейся служить ей въ Средиземномъ морѣ какимъ же *tête de pont* Суэсскаго канала, какимъ островъ Перимъ служитъ Англіи въ Черномъ морѣ. Съ упраздненіемъ этой мечты измѣнился и взглядъ *Liberté* на возстаніе Критянъ. Оно стало для нея плодомъ интриги, имѣвшей цѣлью надѣлить русскую Великую Княжну, невѣсту короля Эллиновъ, дешевымъ приданымъ, оплаченнымъ Турціей. Печатая подобную нелѣпость, сама же *Liberté* приводитъ статью *Journal de St.-Pétersbourg*, указавшую еще въ 1858 г., когда никто не думалъ ни о низверженіи престарѣлаго короля Оттона, ни о замѣщеніи его холостымъ и молодымъ датскимъ принцемъ, ни о свадьбѣ, ни о приданомъ малолѣтней Великой Княжны,—на необходимость присоединить Критъ къ Греціи, во избѣжаніе неминуемыхъ безъ этого кровопролитій.

Все это, какъ говорятъ Французы, „шито бѣлыми нитками.“ Подобныя нелѣпости и непослѣдовательности г. де-Жирарденъ могъ бы предоставить газетамъ въ родѣ *la Presse*, приписывающей *интригамъ Россіи* и нынѣшнее расположеніе умовъ въ Сербіи. Франція вступается въ Римѣ во имя интересовъ римскаго католицизма; для этого вмѣшательства попираетъ она ею же провозглашенное право національностей. Россія тяготѣетъ къ восточнымъ христіанамъ интересами своей вѣры и интересами своей національности; но *la Presse* настаиваетъ на вмѣшательство Франціи въ дѣла Италіи и негодуетъ противъ Россіи, не за вмѣшательство, котораго нѣтъ, а за сочувствіе ея къ восточному православно-

му міру. Гдѣ тутъ логика, гдѣ тутъ хоть самая элементарная справедливость? Пора бы наконецъ этимъ знаменитостямъ французской повременной печати признать, что въ Польшѣ, какъ и въ Турціи, Россія одна осталась послѣдовательна и вѣрна своимъ принципамъ. Въ обоихъ случаяхъ она ограничивается простымъ требованіемъ, чтобъ Европа отреклась наконецъ отъ всякаго вмѣшательства во внутренніе раздоры той или другой ея семьи... Чѣмъ пустословить безъ толку о мирныхъ системахъ Россіи на Востокѣ, не лучше ли французскимъ публицистамъ познакомиться съ своею собственною литературой въ области восточнаго вопроса, и обратить, напримѣръ, вниманіе на слѣдующія мнѣнія ихъ соотечественника, г. Пужада, успѣвшаго изучить этотъ вопросъ въ бытность французскимъ консуломъ въ Букарештѣ *). „Сама Турція, говоритъ г. Пужадъ, создала себѣ угрожающія ей нынѣ опасности: при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ все, какъ дѣятельность, такъ и инерція, все одинаково служитъ ко вреду поколебленныхъ правительствъ... Не Россію слѣдуетъ обвинять нынѣ въ возстаніяхъ Славянъ, подчиненныхъ Турціи... Возстанія эти происходятъ подъ вліяніемъ болѣе глубокихъ, нравственныхъ причинъ. Россія уклоняясь отъ всякаго участія, исполняла роль чисто пассивную..."

№ 267.

Москва, 5-го декабря.

Не такъ давно, въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, обсуждался вопросъ о наилучшемъ способѣ образованія инородцевъ въ восточной полосѣ Имперіи, именно Татаръ, Чувашъ, Черемисъ и т. д. Рѣчь была о томъ, въ какой мѣрѣ полезно обучать дѣтей изъ инородцевъ, обращенныхъ въ христіанство, на ихъ родномъ языкѣ, и возводить его не только въ органъ школы, но и самой церкви. Между редакціей означеннаго официальнаго журнала и попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, въ кругъ заботъ котораго входитъ образованіе восточныхъ иновѣрцевъ, возникли недоразумѣнія, которыя впрочемъ легко разъяснились и уладились. Редакція выразила нѣкоторое весьма умѣстное и полезное у насъ сомнѣніе касательно возможныхъ увлеченій въ разработкѣ инородческихъ языковъ и въ возведеніи ихъ на степень языка школы и церкви. Попечитель Казанскаго учебнаго округа отстаивалъ путь, принятый для обученія инородцевъ двумя почтенными дѣятелями на этомъ поприщѣ, гг. Ильминскимъ и Золотницкимъ, которые и подали первоначально поводъ къ замѣчаніямъ со стороны редакціи. Весьма естественно, что инородцевъ, совершенно чуждаго языка, незнакомыхъ или мало знакомыхъ съ русскимъ, нельзя обучать по-русски; само собою разумѣется, что обученіе должно происходить на языкѣ для нихъ совершенно понятномъ. Вопросъ можетъ заключаться только въ томъ, слѣдуетъ ли *заботиться* о литературномъ развитіи этихъ языковъ, или пользоваться ими только для того чтобы знакомить учащихся какъ можно лучше и полнѣе съ языкомъ русскимъ, который открываетъ имъ путь для дальнѣйшаго и высшаго образованія. Еще менѣе можно сомнѣваться въ томъ, что первоначальная проповѣдь христіанства должна совершаться на языкѣ самомъ понятномъ, близкомъ и родномъ для людей, къ которымъ она обращается; но истинное благодѣяніе окажетъ инородцу тотъ кто шагъ за шагомъ наведетъ его изъ тѣсноты въ великій христіанскій міръ и пріобщитъ его къ жизни историческаго народа, въ составъ котораго онъ входитъ. Христіанская проповѣдь должна спускаться во всякую низину и проникать во всякую тѣсноту; но тамъ, гдѣ нѣтъ почвы для самостоятельнаго развитія народной, общественной и христіанской жизни, вѣрно направленное и успѣшно идущее дѣло просвѣщенія поступаетъ хорошо, открывая для просвѣщаемыхъ новую жизнь въ языкѣ ихъ великаго христіанскаго отечества.

Относительно распространенія учебнаго и литературнаго значенія инородческихъ языковъ, намъ кажется, нельзя ставить какія-либо общія отвлеченныя правила. Въ каждомъ особомъ случаѣ являются особыя условія и требуется соотвѣтственный взглядъ на дѣло. Что касается до татарскаго языка, который главнымъ образомъ имѣлся въ виду при возникшемъ по этому предмету спорѣ, то мы думаемъ, что нѣкоторая разработка этого языка для школы и церкви можетъ быть дѣломъ очень полезнымъ. Въ этомъ племени, гдѣ мусульманство, благодаря нашимъ же усиліямъ, пус-

*) Chrétiens et Turcs par Eugène Poujade.

тило глубокіе корни, христіанство можетъ прочно водвориться только при полномъ развитіи христіанской проповѣди на этомъ языкѣ. Пользуясь имъ какъ органомъ болѣе или менѣе обширнаго обученія, можно способствовать дѣятельному распространенію христіанства повсюду гдѣ татарскій языкъ господствуетъ, — а онъ очень распространенъ на Востокѣ, — и въ то же время сближать татарскія населенія съ русскимъ народомъ. Это конечно не то что насильственное распространеніе печатнаго Корана между Татарами или искусственное развитіе мусульманской цивилизаціи способами христіанскаго государства. Христіанская проповѣдь можетъ успѣшно войдти въ татарствѣ лишь тогда когда проповѣдники и учители появятся изъ его собственныхъ нѣдръ, и когда рядомъ съ мусульманиномъ грамотеемъ станетъ Татаринъ вышедшій изъ христіанской школы. Татарскій языкъ уже имѣетъ нѣкоторую обработку и обладаетъ письменностью, но мусульманскою: не было ли бы во всѣхъ отношеніяхъ полезно, еслибы рядомъ съ этою искусственно развиваемою мусульманскою письменностью появилась на татарскомъ языкѣ письменность христіанская? Только пробужденная въ самихъ нѣдрахъ татарскаго міра, христіанская мысль можетъ побѣдоносно встрѣтиться съ духомъ ислама и подорвать его силу.

Впрочемъ, мы не имѣли въ виду входить въ подробности этого вопроса; мы хотимъ обратить вниманіе на одно явленіе, къ которому вышесказанное служитъ какъ бы приступомъ. Въ началѣ минувшаго ноября, въ *Сѣверной Почтѣ* (въ №№ 241, 242, 243) помѣщенъ отчетъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ за 1866 годъ. Мы рады отдать полную справедливость трудамъ этого Общества въ его великомъ дѣлѣ, усердію съ какимъ оно слѣдовало своему призванію и успѣху, съ какимъ, судя по его отчету, увеличивалась его дѣятельность въ разныхъ мѣстахъ; но насъ поразило замѣченное нами въ этомъ отчетѣ обстоятельство. Кавказское Общество, внося христіанское просвѣщеніе и первоначальное образованіе въ среду разныхъ горскихъ племенъ, разумѣется, начинаетъ грамотою ихъ собственнаго языка, но этимъ не ограничивается, и въ школахъ своихъ обучаетъ дѣтей болѣе или менѣе основательно еще грузинскому языку, а также нѣсколько и русскому, выучивая своихъ воспитанниковъ по крайней мѣрѣ читать и писать по-русски. Не слишкомъ ли это большая лингвистика для бѣдныхъ полудикихъ ребятишекъ абхазскихъ или осетинскихъ? Выучиться грамотѣ своего собственнаго языка, узнать болѣе или менѣе основательно по-грузински, и наконецъ познакомиться немножко и съ русскимъ языкомъ, на столько по крайней мѣрѣ чтобъ умѣть разбирать и складывать буквы! Мы совершенно понимаемъ, что Самурзаканца, Абхазца или Осетина учатъ грамотѣ на родномъ языкѣ каждаго изъ нихъ, употребляютъ его родной языкъ какъ органъ преподаванія, проповѣдуютъ на немъ слово Божіе, совершаютъ на немъ богослуженіе; но мы затрудняемся понять, зачѣмъ эти разноязычныя горскія дѣти должны посвящать значительную долю своего труда и времени изученію грузинскаго языка, почти равно имъ чуждаго, равно труднаго и равно, какъ намъ кажется, безполезнаго. Языки поименованныхъ, также какъ и другихъ горскихъ племенъ, на которыхъ обращена дѣятельность Общества возстановленія христіанства на Кавказѣ, не имѣютъ ничего общаго съ языкомъ грузинскимъ, и принадлежатъ къ совершенно различнымъ системамъ, какъ по своимъ корнямъ, такъ и по своему грамматическому складу. Языкъ Осетина, напримѣръ, имѣетъ столь же мало общаго съ грузинскимъ сколько съ французскимъ. Однако же дѣти этого племени обязаны выучиваться въ школахъ по-грузински, отвлекая такимъ образомъ значительную долю своего труда и времени отъ другихъ быть-можетъ болѣе полезныхъ занятій. Желательно было бы знать, зачѣмъ требуется грузинскій языкъ въ программѣ первоначальныхъ школъ посреди населеній, которымъ этотъ языкъ не есть природный. Не достаточно ли было бы дѣтямъ выучиться грамотѣ на своемъ языкѣ и переходить непосредственно къ языку русскому, который, полагаемъ, былъ бы для нихъ гораздо полезнѣе, какъ языкъ ихъ государства, и какъ органъ открывающій пути къ высшему образованію? Изъ *Отчета* мы усмотрѣли что и богослуженіе между Осетинами совершается поочередно то на осетинскомъ, то на грузинскомъ языкѣ. Если въ офиціальныхъ сферахъ заботливо задается вопросъ, нѣтъ ли неудобства развивать искусственно письменность для инородческихъ племенъ на собственномъ каждаго языкѣ и

не полезнѣе ли послѣ первыхъ необходимыхъ шаговъ вводить воспитанниковъ прямо въ сферу русскаго языка, то кольми паче возникаетъ вопросъ, зачѣмъ выбирается одинъ изъ инородческихъ языковъ для того, чтобъ обязательно обучались ему населенія совершенно ему чуждыя? Зачѣмъ можетъ быть нужно объединять разныя мелкія горскія племена на Кавказѣ посредствомъ языка грузинскаго, между тѣмъ какъ языкъ науки и правительства для самихъ грузинскихъ населеній есть общій языкъ Имперіи, русскій? Не замедляется ли, не задерживается ли дѣло просвѣщенія между горцами вслѣдствіе обязательнаго обученія ихъ чуждому имъ и столь мало для нихъ полезному грузинскому языку?

Сказанное нами мы вовсе не думаемъ обращать въ упрекъ почтеннымъ дѣятелямъ, посвятившимъ трудъ свой къ просвѣщенію полу-дикихъ племенъ Кавказа; но намъ кажется, что они умножаютъ трудъ и для самихъ себя, и для учащихся не только безъ пользы, но быть-можетъ и во вредъ дѣлу.

№ 268.

Москва, 7-го декабря.

Помѣщенная въ сегодняшнемъ нумерѣ сводная таблица шести послѣднихъ ежемѣсячныхъ отчетовъ государственнаго банка выдѣляется отъ предыдущихъ *) всего болѣе тѣми своими цифрами, которыя относятся къ операціи по покупкѣ драгоцѣнныхъ металловъ. Эти цифры показываются въ точности лишь съ 1-го октября, когда былъ въ первый разъ обозначенъ составъ такъ-называемой оборотной кассы государственнаго банка, сколько въ ней находится металла и сколько кредитныхъ, 4% металлическихъ и другихъ билетовъ. Вотъ движеніе этихъ любопытныхъ цифръ за три послѣдніе мѣсяца:

	Металла.	Кредит., металлич. и др. билетовъ.
Къ 1-му октября было .	10.801.351	8.234.900
„ 1-му ноября „ .	17.210.401	12.533.512
„ 1-му декабря „	25.293.783	11.729.874

*) См. №№ 102 и 244 1864 г., №№ 96 и 248 1865 г., №№ 102 и 244 1866 г. и № 134 1867 г. Кромѣ того въ № 244 1866 года помѣщены сравнительные результаты баланса государственнаго банка за три года, начиная съ декабря 1863 г. по ноябрь 1866 г.

Итакъ въ оборотной кассѣ банка лежитъ теперь слишкомъ 25 милл. р. звонкой монеты и слитковъ. О значеніи этой цифры мы говорить не будемъ, потому что недавно вели о томъ обстоятельную рѣчь. Здѣсь замѣтимъ только, что эта операція закупки драгоцѣнныхъ металловъ, каково бы ни было впрочемъ ея назначеніе, непререкаемо свидѣтельствуетъ, несмотря на всѣ увѣренія въ противномъ о неправильной постановкѣ нашего государственнаго банка. Въ самомъ дѣлѣ, что такое значитъ держать наличныя деньги въ своей кассѣ? Не значитъ ли это не получать съ нихъ никакого дохода? Банкъ отказывается отъ дохода съ 25 милліоновъ рублей: потеря весьма чувствительная для кредитнаго учрежденія, капиталъ коего не доходитъ до 20 милліоновъ рублей. Еслибы банкъ внесъ эти 25 милліоновъ рублей въ размѣнный фондъ и получилъ подъ нихъ 25 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, то онъ могъ бы пустить эти послѣдніе въ оборотъ и они приносили бы ему каждый мѣсяцъ не менѣе 125.000 р. Недавно, въ одной офиціозной статьѣ доказывалось, что устройство государственнаго банка не нуждается въ измѣненіяхъ, и что коммерческая часть его операцій идетъ правильно. Но вѣдь закупка металловъ для оборотной кассы есть операція коммерческая, а какой на коммерческомъ разчетѣ основанный банкъ сталъ бы производить подобную операцію въ такихъ размѣрахъ? Говоря это, мы отнюдь не думаемъ предлагать новаго выпуска кредитныхъ билетовъ на 25 милліоновъ рублей, даже и со внесеніемъ 25 милліоновъ рублей въ размѣнный фондъ. Мы хотимъ только наглядно разъяснить неестественность положенія, въ которомъ находится нашъ государственный банкъ.

Переходимъ ко второму важному въ отчетахъ банка пункту. Въ № 134 *Московскихъ Вѣдомостей* напечатано объявленіе отъ государственнаго банка съ прописаніемъ Высочайшаго повелѣнія, разрѣшающаго банку произвести, въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости для подкрѣпленія его кассъ временный выпускъ кредитныхъ билетовъ, подъ обезпеченіе на равную сумму билетами государственнаго казначейства (серіями). Такихъ временныхъ кредитныхъ билетовъ было выпущено:

Къ 1-му августа	3.000.000
„ „ сентября	5.500.000
„ „ октября	14.906.368

Къ 1-му ноября	23.706.368
„ „ декабря	23.706.368

Всѣхъ же бумажныхъ денегъ, выпущенныхъ въ обращеніе, было къ 1-му декабря 715.766.695 р., между тѣмъ какъ къ 1-му іюля ихъ было только 686.965.416 р. Для вычисленія этихъ итоговъ мы приняли въ соображеніе три цифры банковыхъ отчетовъ: 1) цифру кредитныхъ билетовъ, значащихся по отчетамъ выпущенными въ обращеніе; 2) цифру кредитныхъ билетовъ, отпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій; 3) цифру кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ подъ обезпеченіе билетовъ государственнаго казначейства (серій). Движеніе по этимъ составнымъ частямъ общаго итога было:

	Къ 1-му іюля.	Къ 1-му декабря.
По первому разряду .	650.965.416	657.360.327
„ второму „ .	36.000.000	34.700.000
„ третьему „ .	—	23.706.368
Итого .	686.965.416	715.766.695

Такимъ образомъ денежное обращеніе возросло, среди мирнаго времени, въ полгода на 28.801.279 р. Если столь значительный выпускъ кредитныхъ билетовъ еще мало сказался на вексельномъ курсѣ, то причиной тому былъ усиленный отпускъ и заключеніе желѣзно-дорожныхъ займовъ; къ тому же постройка желѣзныхъ дорогъ распредѣлила значительное количество кредитныхъ билетовъ между рабочими на желѣзныхъ дорогахъ и пока эти деньги не будутъ получившими ихъ израсходованы, до тѣхъ поръ, разумѣется, вексельный курсъ не можетъ чувствовать на себѣ дѣйствіе помѣщеннаго такимъ избытка. Но уже теперь избытокъ начинаетъ сказываться на цѣнѣ нѣкоторыхъ процентныхъ бумагъ, въ особенности лотерейныхъ займовъ, чрезмѣрно идущей въ гору, и на всеобщей дороговизнѣ, уже весьма ощутительно возрастающей. Нельзя не обратить вниманія на этотъ признакъ приближающейся опасности, нынѣ еще замаскированной совершенно исключительными обстоятельствами. Коль скоро уменьшится вліяніе этихъ обстоятельствъ, вексельный курсъ начнетъ падать, и если банкъ будетъ задерживать это паденіе продажей своего золота, то это будетъ искусственною поддержкой вексельнаго курса и поведетъ ко всѣмъ вреднымъ послѣдствіямъ искусственной поддержки курса,—къ поощренію привоза и стѣсненію отпуска, а эти послѣдствія тяжко отзовутся на нашей производительности и вообще на нашемъ народномъ богатствѣ. Единственное безопасное средство упрочить вексельный курсъ состоитъ въ томъ чтобы сокращать, а не расширять бумажное обращеніе: торговля драгоцѣнными металлами тутъ не окажетъ правильной помощи.

Въ Высочайшемъ повелѣніи, на основаніи коего производятся временные выпуски кредитныхъ билетовъ, сказано что цѣль ихъ заключается въ предоставленіи банку возможности „выполнять возложенныя на него уставомъ обязанности въ отношеніи воспособленія торговлѣ, особенно въ томъ нуждающейся при усилившемся нынѣ движеніи ея.“ Посмотримъ насколько выпускъ 28.801.279 р. содѣйствовалъ развитію операцій, воспособляющихъ торговлѣ. Банкомъ было выдано:

	Къ 1-му іюля.	Къ 1-му декабря.
Подъ учетъ векселей .	7.267.059	10.033.810
Подъ залогъ товаровъ.	729.038	150.082
„ „ государственныхъ бумагъ. .	7.616.825	7.209.900
Подъ залогъ акцій и облигацій.	2.209.072	2.130.192
Итого	17.821.994	19.523.984

То-есть, на воспособленіе торговлѣ банкъ употребилъ къ 1-му декабря лишь 1.701.990 р., болѣе чѣмъ сколько было употреблено имъ къ 1-му іюля. Такъ незначительна доля, которою воспользовалась петербургская торговля изъ общей суммы вновь выпущенныхъ 28.801.271 руб. Посмотримъ, какова была доля удѣленная торговлѣ внутреннихъ губерній. Мы уже говорили неоднократно, что операціи производимыя конторами и отдѣленіями банка нисколько не поддерживаютъ торговли и производительности внутреннихъ губерній. Если-бы банкъ, говорили мы, снабжалъ свои конторы и отдѣленія средствами для оживленія внутренней предпріимчивости, то конторы и отдѣленія были бы въ долгу у банка, а мы видимъ наоборотъ, что банкъ въ долгу у нихъ и слѣдовательно не только не снабжаетъ внутреннихъ губерній капиталами, а напротивъ самъ извлекаетъ капиталы изъ внутреннихъ губерній. Долгъ петербургскаго банка конторамъ и отдѣленіямъ значится въ балансахъ подъ двумя рубриками: а) подъ рубрикой переводныхъ билетовъ на конторы и отдѣленія и б) подъ рубрикой счетовъ съ конторами и отдѣленіями. Возьмемъ цифры этихъ

рубрикъ, по ихъ важности, за цѣлый годъ.

	Перев. билеты.	Счетъ.	Итого.
Къ 1-му декабря 1866 г.	14.331.304	1 908.621	16.284.925
— 1-му января 1867 г.	10.168.241	2.897.428	13.065.669
— 1-му февраля —	10.993.835	8.278.222	19.272.057
— 1-му марта —	14.144.141	4.461 797	18.605.868
— 1-му апрѣля —	10.353.418	13.513.114	23.916.532
— 1-му мая —	10.787 746	13.790.380	24.578.126
— 1-му іюня —	16.040.325	11.107.812	27.148.137
— 1-му іюля —	13.030.880	14.184.076	27.214.956
— 1 му августа —	16.982.023	10.872.694	27.804.717
— 1-му сентября —	21.047.864	8.681.859	29.729.723
— 1-му октября —	25.486.106	10.511.826	35.997.932
— 1-му ноября —	22.889 013	12.056.928	34.945.941
— 1-му декабря —	15.255.208	17.652.705	32.907.908

Изъ этихъ цифръ ясно, что не государственный банкъ снабжаетъ капиталомъ внутреннія губерніи, а наоборотъ внутреннія губерніи, получивъ отъ банка, въ видѣ капитала конторъ и отдѣленій, 9.500.000, доставляютъ ему слишкомъ 30.000.000 р. Изъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ торговля внутреннихъ губерній сталобыть не воспользовалась ничѣмъ.

Движеніе по вкладамъ представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Вклады изъ 2-хъ проц.	Вклады гос. банк.	Итого.
Къ 1-му декабря 1866 г.	38.045.681	78.510.216	116.555.897
— 1-му іюня 1867 г.	34.451.145	68 266.232	102.718.377
— 1-му декабря.	31.752.397	61.600.417	93.352.814

Мы видимъ, что въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ вытребовано обратно вкладовъ на 9.365.463, между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе тому шесть мѣсяцевъ было вытребовано 13.837.520. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи послѣдніе шесть мѣсяцевъ были благопріятны, и увеличеніе бумажнаго обращенія на 28 милліоновъ рублей не можетъ быть объяснено сильнымъ востребованіемъ вкладовъ. На учетъ векселей и пр. и на возвратъ вкладовъ употреблено всего 11 милліоновъ, а новыхъ кредитныхъ билетовъ выпущено слишкомъ 28 милліоновъ, да изъ конторъ извлечено больше противъ прежняго на 5 милліоновъ слишкомъ. Итакъ изъ 34 милліоновъ новыхъ средствъ, употреблена на оживленіе предпріимчивости въ странѣ всего только одна третья доля (11 милліоновъ).

Спрашиваемъ еще разъ: можно ли считать удовлетворительною постановку нашего государственнаго банка, когда онъ при весьма выгодныхъ обстоятельствахъ принужденъ выпускать массами кредитные билеты, то подъ одною, то подъ другою формой и въ то же время такъ мало помогаетъ національной предпріимчивости? Всѣ сознаютъ, что затрудненія банка проистекаютъ изъ его отношеній къ государственному казначейству, но въ этихъ-то отношеніяхъ и заключается та постановка банка, которая характеризуетъ его и отъ которой зависитъ все его устройство.

Счеты банка съ государственнымъ казначействомъ обозначены главнѣйшимъ образомъ подъ тремя рубриками: по активу банка (долгъ государственнаго казначейства банку)—подъ рубрикой: „расходы за государственное казначейство;“ по пассиву банка (долгъ банка государственному казначейству)—подъ рубриками: „безпроцентные текущіе счеты“ и „долгъ государственнаго казначейства по займамъ изъ прежнихъ банковъ.“ Вотъ отношеніе этихъ счетовъ:

	Расходы за казнач.	Долгъ гос. каз. прежнихъ кред. уст.	Безпроц. тек. счеты.
Къ 1-му іюля.	36.885.922	36.815.513	19.200.539
— 1-му августа.	37.596.572	36.815.513	23.468.905
— 1-му сент.	37.688.210	36.815.513	20.799.350
— 1-му октяб.	8.275.111	15.302.425	26.535.203
— 1-му ноября.	8.432.143	15.302 425	26.176.236
— 1-му декабря.	8.977.336	14.182.138	28.332.910

Эти цифры весьма благопріятны. По выписаннымъ тремъ рубрикамъ долги государственнаго казначейства банку къ 1-му іюля превышали долги банка государственному казначейству на 54.500.896. Наоборотъ къ 1-му декабря долгъ банка государственному казначейству былъ уже больше чѣмъ долгъ государственнаго казначейства банку разница 5.173.436 р.

Но это измѣненіе повидимому лишь номинальное. Въ продолженіе сентября съ пассива государственнаго казначейства списано разомъ 50.926.187 р., но за то въ то же время убавилось число лежащихъ на отвѣтственности банка металлическихъ билетовъ на 56 милліоновъ рублей.

№ 269.

Москва, 8-го декабря.

Мы не разъ уже имѣли случай указывать на дѣятельность нашего кассаціоннаго суда поставленнаго во главѣ учрежденій 20-го ноября 1864 года. Начавшись лишь осенью прошедшаго года, она быстро расширяется вмѣстѣ съ расширеніемъ круга дѣйствій судебныхъ уставовъ и усложненіемъ юридическихъ вопросовъ возникающихъ въ нашей юной судебной практикѣ, и, что особенно важно, авторитетъ,

который она пріобрѣтаетъ въ глазахъ общества и въ средѣ судебнаго сословія, заключается не только въ высокомъ по закону положеніи кассаціоннаго суда, но еще болѣе въ достоинствѣ и зрѣлости трудовъ его. *Сборникъ рѣшеній кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената*, изданный до сихъ поръ, составляетъ томъ въ 2.000 страницъ; онъ сдѣлался настольною книгой для всякаго члена судебнаго сословія: онъ полагаетъ прочное начало развитію въ нашемъ отечествѣ практическаго правовѣдѣнія и уже теперь представляетъ цѣнный матеріалъ для будущей теоретической обработки отечественнаго права: не только многія сомнѣнія, возникшія изъ примѣненія на практикѣ судебныхъ уставовъ, получили полное разъясненіе, но и нѣсколько запутанныхъ вопросовъ по матеріальному праву, въ чемъ особенно настоитъ у насъ потребность. Всѣмъ этимъ однако не ограничивается значеніе кассаціоннаго суда: онъ есть регуляторъ отправленія правосудія въ странѣ; отъ него зависитъ чтобы новосозданный судъ у насъ исполнялъ свое призваніе — не имѣть въ виду ничего кромѣ правосудія. Въ судебной практикѣ нашей уже не мало возникало вопросовъ, восходившихъ въ постепенномъ разбирательствѣ до кассаціоннаго суда, при разрѣшеніи которыхъ приходилось затрогивать, кромѣ юридической ихъ стороны, нѣкоторые другіе пункты довольно щекотливаго свойства, ибо они касались вопроса о кругѣ дѣйствій, правахъ и обязанностяхъ органовъ новой судебной власти и ихъ отношеніяхъ къ другимъ прежде установившимся властямъ. Здѣсь отъ кассаціоннаго суда требуется строжайшее безпристрастіе, самая полная свобода какъ отъ чувства сословной солидарности, такъ и отъ вліянія другихъ вѣдомствъ и какихъ бы то ни было притязаній. Здѣсь малѣйшее уклоненіе съ прямаго пути тотчасъ отзовется на всѣхъ судебныхъ мѣстахъ имперіи и внесетъ въ ихъ дѣятельность фальшивый тонъ. Продолжительная, послѣдовательная дѣятельность кассаціоннаго суда можетъ создать намъ магистратуру, но кассаціонный судъ можетъ уронить въ судейскомъ сословіи теперешній духъ его.

Мы не могли не высказать этихъ размышленій въ виду двухъ новыхъ рѣшеній, состоявшихся двѣ недѣли тому назадъ въ кассаціонныхъ департаментахъ правительствующаго сената по двумъ, весьма серіознымъ вопросамъ, которые въ свое время подвергались и въ нашей газетѣ подробному обсужденію. Объ одномъ изъ этихъ рѣшеній — по дѣлу г. мироваго судьи Данилова — мы говорить сегодня не будемъ: подождемъ когда будетъ напечатана полная резолюція суда. Общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ сената отвергло обвиненія прокурорскаго надзора, коихъ придирчивость, превосходящая всякое вѣроятіе, такъ смутила общественную совѣсть, и признало, вмѣстѣ съ здѣшнею судебною палатой, лишь легкое нарушеніе порядка подсудности въ двухъ неважныхъ случаяхъ, но рѣшило дать г. Данилову предостереженіе, вѣроятно на томъ основаніи, что именно по этимъ двумъ случаямъ г. Даниловъ самъ далъ неосновательное предостереженіе полицейскимъ чиновникамъ. Другое рѣшеніе, — на коемъ мы и остановимся, — относится къ вопросу о правѣ предсѣдателя суда удалять защитника изъ судебнаго засѣданія. Обращаемъ особенное вниманіе ихъ на заключеніе оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, г. Ковалевскаго, которое приведено у насъ въ довольно подробномъ извлеченіи, и которое достаточно разъясняетъ объявленную покамѣсть лишь вкратцѣ резолюцію кассаціоннаго суда.

Въ сущности г. оберъ-прокуроръ Ковалевскій, равно какъ уголовный кассаціонный департаментъ, разрѣшаютъ вопросъ объ удаленіи защитника согласно съ тѣмъ господствующимъ въ публикѣ взглядомъ, который былъ изложенъ въ № 244 нашей газеты. Г. Ковалевскій приходитъ къ тому заключенію, что продолженіе судебнаго засѣданія безъ защитника можетъ быть допущено лишь въ такомъ случаѣ, если подсудимый самъ заявитъ желаніе, чтобы процессъ былъ оконченъ безъ защитника. Между нашимъ взглядомъ и взглядомъ г. оберъ-прокурора есть только кажущееся противорѣчіе. Мы привыкли придавать цѣну тѣмъ мнѣніямъ, которыя этотъ почтенный юристъ высказываетъ на судѣ, а потому просимъ у читателей позволенія разъяснить это противорѣчіе, несмотря на его маловажность. Оно заключается въ томъ, что мы считаемъ ст. 157 Учр. Суд. Уст. не относящеюся до защитниковъ по уголовнымъ дѣламъ, тогда какъ г. Ковалевскій говоритъ положительно, что ст. 157

относится и къ нимъ. Но это различіе, повторяемъ, только кажущееся. Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ ст. 617 Уст. Уг. Суд., которую приводитъ г. Ковалевскій въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, тогда какъ по нашему мнѣнію она относится лишь до лицъ постороннихъ, а не до участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, мы замѣтимъ, что изъ самаго заключенія, къ которому приходитъ г. Ковалевскій, ясно слѣдуетъ, что 157 ст. Учр. Суд. Уст. не должна быть примѣняема къ защитникамъ по уголовнымъ дѣламъ. Въ статьѣ этой сказано: „что за нарушенія въ судебномъ засѣданіи правилъ благопристойности, порядка и тишины кѣмъ-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, или ихъ повѣренныхъ, предсѣдатель, или первоприсутствующій въ правѣ сдѣлать виновному предостереженіе или выговоръ, предваривъ, что въ случаѣ повторенія сего, онъ будетъ удаленъ изъ присутствія, и дѣло рѣшится безъ его словесныхъ объясненій. Затѣмъ, при повтореніи тѣхъ же нарушеній, виновный можетъ быть удаленъ изъ присутствія.“ Итакъ взысканіе налагаемое за вторичное нарушеніе кѣмъ-либо изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ состоитъ въ удаленіи виновнаго изъ присутствія *и въ рѣшеніи дѣла безъ его словесныхъ объясненій*. Взысканіе это нераздѣльно, и если примѣнять его и къ дѣламъ уголовнымъ, то по необходимости должно придти къ тому заключенію, къ которому пришелъ Московскій окружный судъ, то-есть, что съ удаленіемъ защитника дѣло рѣшается безъ его словесныхъ объясненій. Но г. Ковалевскій, а съ нимъ повидимому и кассаціонный судъ, полагаютъ, что продолженіе судебнаго засѣданія по удаленіи защитника должно непремѣнно имѣть своимъ послѣдствіемъ отмѣну рѣшенія суда. А отсюда ясно, что рѣшеніе уголовнаго дѣла *безъ словесныхъ объясненій защитника* немыслимо и что стало-быть ст. 157 Учр. Суд. Уст. къ уголовному судопроизводству непримѣнима.

Настаивая на высказанномъ нами мнѣніи, мы далеки отъ мысли, что защитники по уголовнымъ дѣламъ должны пользоваться какимъ-то особымъ привилегированнымъ положеніемъ и что они могутъ позволять себѣ безнаказанно то, что воспрещено всѣмъ прочимъ лицамъ присутствующимъ въ залѣ суда подъ страхомъ болѣе или менѣе строгаго взысканія. Благоговѣйное уваженіе къ достоинству суда есть одно изъ существенныхъ условій правильнаго отправленія правосудія, и нельзя допустить присутствія, а тѣмъ менѣе участія на судѣ того, кто дозволитъ себѣ какое-либо дѣйствіе нарушающее должное уваженіе къ судебной власти. Мы думаемъ, что отвѣтственность за подобнаго рода нарушенія, отвѣтственность какъ нравственная, такъ и юридическая, должна падать на защитника, особенно если онъ принадлежитъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ или кандидатовъ на судебныя должности, въ большей мѣрѣ чѣмъ на лицъ посторонннихъ; но отвѣтственность эта должна быть чисто личная и ни въ какомъ случаѣ не можетъ наносить какой бы то ни было ущербъ дѣлу защиты. Потому мы вполнѣ согласны, что въ случаѣ нарушенія постановленія 154 ст. Учр. Суд. Уст. защитникомъ подсудимаго, засѣданіе должно быть пріостановлено. Но вопервыхъ, то же правило относится и до представителя обвинительной власти, а вовторыхъ, при закрытіи судебнаго засѣданія не можетъ уже быть рѣчи объ *удаленіи* защитника на основ. ст. 157 Учр. Суд. Уст., ибо при закрытіи засѣданія изъ залы суда удаляются всѣ присутствующія въ ней лица. Какъ бы то ни было, но благодаря разъясненію кассаціоннаго суда, отнынѣ невозможно болѣе повтореніе тѣхъ прискорбныхъ случаевъ, о которыхъ намъ пришлось сообщить въ № 244 нашей газеты.

№ 270.

Москва, 9-го декабря.

По словамъ *Кіевлянина*, въ послѣднее время, въ Волынскую губернію стало переходить на временное и на постоянное жительство множество поселянъ изъ Царства Польскаго и изъ-за границы. Съ 1861 года прибыло изъ-за границы 1.007 семействъ, въ числѣ 4.498 человѣкъ, и изъ Царства Польскаго 2.050 семействъ, въ числѣ 9.450 человѣкъ. Судя по статьѣ *Кіевлянина*, всѣ, или почти всѣ, эти 13.948 переселенцевъ, не исключая и тѣхъ, кои вышли изъ Царства Польскаго, суть иностранные подданные и желаютъ остаться таковыми. 1.000 семействъ пріобрѣли собственность, еще большее число наняли земли на продолжительные сроки; но только 46 семействъ вступили въ русское подданство.

Не странно ли это? Понятно, что иностранные переселенцы не спѣшили стать подъ покровительство русскихъ законовъ, когда наши законы подвергали податнаго человѣка тѣлеснымъ наказаніямъ, не ограждали его личности отъ оскорбленій; и когда всякій податной человѣкъ и особенно всякій крестьянинъ въ сущности принадлежалъ на правѣ собственности или помѣщику, или казнѣ; но теперь въ Россіи, крестьянинъ признанъ свободнымъ человѣкомъ, и скоро, по крайней мѣрѣ отчасти, расторгнутся его обязательныя отношенія къ землѣ, которыя впрочемъ и теперь на переселенцевъ не распространяются; ему открытъ доступъ въ земскія собранія и, безъ сомнѣнія, въ непродолжительномъ времени на всѣхъ крестьянъ Имперіи распространится благодѣяніе мироваго суда, праваго, гласнаго, скораго, для всѣхъ русскихъ гражданъ общаго. Во всякомъ случаѣ, русскій простолюдинъ переставъ значиться на счету парій, и званіе Русскаго понемногу начинаетъ входить въ честь даже въ Россіи. Казалось бы, мы уже далеки отъ того времени когда иноземныхъ поселянъ нужно было привлекать въ Россію громадными льготами и изъятіями изъ общаго законодательства. А вотъ, однако, только 44 семейства изъ 3.057 прибывшихъ въ Волынскую губернію пожелали сдѣлаться русскими подданными, хотя это званіе прямо всякому дается въ руки, и не требуетъ какъ право гражданства въ другихъ государствахъ болѣе или менѣе продолжительнаго искуса.

Эту кажущуюся странность объясняетъ намъ XII томъ Свода Законовъ, гдѣ цѣлый отдѣлъ посвященъ положеніямъ объ иностранцахъ. Разсматривая его, мы убѣждаемся, что оставаться у насъ въ качествѣ иностранца все-таки несравненно выгоднѣе чѣмъ вступать въ русское подданство. Вездѣ право гражданства есть дорогое право; у насъ оно все еще считается тягломъ. Не говоримъ объ особомъ сословіи такъ-называемыхъ *колонистовъ*, которые все еще сохраняютъ свое исключительное положеніе посреди Русскаго народа. Они были вызваны, когда положеніе русскаго крестьянина не могло не показаться ужаснымъ для иностранцевъ, а потому необходимо было создать для нихъ совершенно особое существованіе, которое ограждало бы ихъ и отъ военной службы, поглощавшей цѣлую человѣческую жизнь, и отъ общей полиціи, и отъ общаго суда. Итакъ, пропустимъ пока раздѣлы и статьи, гдѣ излагается управленіе колонистовъ, и обратимся къ тѣмъ статьямъ, которыя опредѣляютъ юридическое положеніе иностранцевъ водворяющихся на пріобрѣтенныхъ ими въ собственность земляхъ и на земляхъ частныхъ собственниковъ. Такимъ переселенцамъ даруются слѣдующія льготы: они избавляются на 10 лѣтъ отъ платежа податей и исправленія повинностей (ст. 505), кромѣ земскихъ (506); точно также, на все время пребыванія ихъ въ Россіи, они избавлены отъ военной и гражданской (?) службы (523). Вотъ обширныя преимущества, дарованныя у насъ крестьянину-Пруссаку или Швабу предъ туземцами. Вотъ средства, которыя законодательство ему открываетъ чтобы въ короткое время превзойти сосѣда-туземца въ благосостояніи и затѣмъ смотрѣть на него какъ на человѣка низшей породы. Сообразивъ какую важность имѣетъ для земледѣльца освобожденіе отъ всякаго рода государственныхъ податей и повинностей, въ особенности отъ самой тяжкой изъ нихъ, рекрутской, мы должны дивиться не тому, что только 46 семействъ изъ 3.057 переселившихся на Волынь приняли русское подданство, а тому что и эти 46 семействъ не пожелали остаться иностранцами. Но это не все. По сообщенію *Кіевлянина*, деревни и поселки Волынскихъ пришельцевъ уже теперь замѣтно отличаются отъ сосѣднихъ селъ и деревень русскихъ: вездѣ заведены школы, во многихъ мѣстахъ уже построены церкви. Это, скажутъ, есть результатъ высшей цивилизаціи переселенцевъ въ сравненіи съ русскими крестьянами,—нѣтъ, ато еще вопросъ, но не вопросъ то что все это есть прямое послѣдствіе лучшихъ экономическихъ условій, въ которыя переселенцы поставлены предъ туземцами. Молоканскія колоніи въ Таврической губерніи отличались еще бо́льшимъ процвѣтаніемъ чѣмъ нѣмецкія меннонитскія, съ коими они устроились было рядомъ: это фактъ, но и то также фактъ, что меннонитскія колоніи и досель благоденствуютъ, а молоканы, исповѣдующіе одинаковыя съ меннонитами религіозныя вѣрованія, подверглись за нихъ преслѣдованіямъ, и ихъ процвѣтавшія поселенія разорены, а сами они выгнаны за Кавказъ.

Кто не знаетъ что устроить у насъ школу дѣло весьма не легкое? Нужно получить на это право, и ужь одно заявленіе со стороны частнаго лица о желаніи завести школу тотчасъ возбуждаетъ противъ него подозрѣніе; учитель долженъ тоже имѣть на это особое право, а между тѣмъ учительскихъ семинарій нѣтъ и въ поминѣ. Малѣйшее отступленіе отъ регламента, отъ установленныхъ формальностей, возбуждаетъ вопросъ восходящій высоко. Жертвуются суммы на учебное дѣло, а жертвователи должны хлопотать до упада силъ, чтобъ ихъ приношенія были приняты, и иногда приходится спрятать обратно въ кошель вынутыя деньги и отказаться отъ плодотворнѣйшихъ предположеній. Для высшихъ народныхъ школъ эти затрудненія существуютъ во всей Россіи; но тамъ, гдѣ не введено земскихъ учрежденій, они существуютъ и для низшихъ народныхъ школъ, для школъ грамотности: недавно одно значительное должностное лицо, получивъ имѣніе на 20-ти-лѣтнемъ правѣ, принуждено было отказаться отъ своего намѣренія завести въ этомъ имѣніи крестьянскую школу. „Мужики во мно„гихъ мѣстахъ," говоритъ *Кіевлянинъ*, „вы„строили школы, и не допросятся назна„ченія учителей, да безъ разрѣшенія на„чальства этого сдѣлать нельзя. За шко„лой нужно имѣть надзоръ, а надзирате„ля нѣтъ; къ нанятому мужиками учите„лю довѣрія имѣть нельзя, а казеннаго „экзаменованнаго учителя нѣтъ; мѣстному „священнику поручить инспекцію тоже по„чему-то невозможно и т. д. Словомъ ска„зать, на русской землѣ иностранцы-ино„вѣрцы, ихъ пасторы и учители пользуют„ся бо́льшимъ довѣріемъ и большею сво„бодою, нежели русскіе мужики и право„славные священники." И точно, не то у иностранцевъ. Въ учителя волынскіе переселенцы „нанимаютъ своихъ же, нанимаютъ дешево; позволеній ни у кого не испрашиваютъ, отчетовъ никому не даютъ, программъ никакихъ не сочиняютъ, объ уставахъ и помину нѣтъ!"

Что́ скажетъ на это *Вѣсть*, провозглашавшая съ торжественностію очень комическою въ ея устахъ: *Россія для Русскихъ! Вѣсть* сокрушается чтобы Россію не отдали Славянамъ; объ этомъ еще не было рѣчи,—но то о чемъ теперь пришлось намъ заговорить, есть фактъ, повторяющійся уже слишкомъ сто лѣтъ. Въ продолженіе болѣе ста лѣтъ каждая частица земли завоеванная русскою кровью, получала исключительное положеніе и устраивалась въ отдѣльный организмъ; въ продолженіе болѣе ста лѣтъ вызывались и приходили безъ зову иностранные поселяне и ремесленники, и точно также снабжались преимуществами какихъ лишены туземцы: есть ли это *Россія для Русскихъ?*

Устройствомъ иностранныхъ особняковъ среди Русскаго государства мы готовимъ себѣ большія затрудненія въ будущемъ. Переселеніе иностранцевъ въ Россію, при ея малолюдствѣ, есть, конечно, дѣло очень желательное; но мы думаемъ, что положеніе нашихъ земледѣльческихъ классовъ поставлено законодательствомъ нынѣшняго царствованія въ условія достаточно благопріятныя (хотя нѣкоторыя партіи и негодуютъ на это, *Вѣсть* принимаетъ за кровную себѣ обиду даже то, какъ смѣютъ судьи говорить русскому простолюдину наравнѣ съ французскимъ куаферомъ или нѣмецкимъ сапожникомъ *вы*, а не *ты*), и нѣтъ надобности предоставлять иностранцамъ еще особенныя преимущества, когда обширныя и плодоносныя земли, которыя они могутъ пріобрѣтать у насъ по дешевой цѣнѣ служатъ достаточною для нихъ приманкой. Пусть же они приходятъ и селятся между нами, въ качествѣ ли русскихъ подданныхъ или иностранцевъ (хотя едва ли могутъ быть желательны поселенія иностранныхъ подданныхъ *en masse*, особенно въ окраинныхъ мѣстностяхъ), но во всякомъ случаѣ не въ качествѣ привилегированныхъ людей и пользуясь лишь тѣми же льготами, которыя могутъ быть предоставлены переселенцамъ изъ русскихъ подданныхъ. Равноправные переселенцы увеличивая собою экономическую силу Россіи, принося съ собою и новыя понятія, разнообразя племенной составъ Русскаго народа, будутъ для насъ существенно полезнымъ пріобрѣтеніемъ; въ противномъ же случаѣ зло, которое мы себѣ приготовили въ западномъ краѣ, будетъ разрастаться и являться въ столькихъ видахъ сколько создадимъ мы у себя искусственныхъ національностей. Если какое-либо удобство признается вообще необходимымъ для благоустроеннаго быта, то пусть же дается оно наравнѣ и туземцамъ, и пришельцамъ, а не послѣднимъ предъ первыми, чего нигдѣ никогда не бывало.

Въ самомъ дѣлѣ мы замѣчаемъ, что между законодательствомъ объ иностранцахъ приходящихъ въ Россію сотнями и тысячами семействъ и законодательствомъ относительно областей присоединенныхъ къ Россіи въ послѣдніе полтора вѣка есть поразительная аналогія: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ господствующею мыслію было не допускать сліяніе инородческаго элемента съ туземнымъ. Въ другихъ странахъ и въ прежнія времена у насъ, въ подобныхъ случаяхъ принимались усиленныя мѣры къ ассимиляціи чужеземнаго элемента. У насъ совершенно противное: иновѣрцамъ напримѣръ дозволялось свободное отправленіе ихъ богослуженія, но за то всѣ мѣры были принимаемы чтобы на нихъ утвердилась печать иноземства: даже племена именно русскаго происхожденія, будучи иновѣрцами, обязывались (да и теперь еще обязываются въ западномъ краѣ) быть національностію чужою и враждебною. Ихъ старались держать особнякомъ, и имъ запрещали (и теперь запрещаютъ) употреблять русскій языкъ въ ихъ молитвахъ.

№ 271.

Москва, 11-го декабря.

На этихъ дняхъ, въ Петербургѣ, вышелъ первый выпускъ *Военно-статистическаго Сборника*, составляемаго офицерами генеральнаго штаба, подъ редакціей генералъ-маіора Обручева. Этотъ выпускъ, или, лучше, томъ заключаетъ въ себѣ не однѣ военно-статистическія данныя о первоклассныхъ государствахъ Европы, но также обстоятельныя статистическія свѣдѣнія о ихъ территоріи, населеніи, промышленности, торговлѣ, путяхъ сообщенія, о ихъ народномъ богатствѣ, финансахъ, состояніи церкви, образованности и нравственности. Особенно интересна та часть лежащей предъ нами книги, которая относится къ Пруссіи. Какъ съ прошлаго года измѣнилось положеніе этой державы! Пруссія не только пріобрѣла территорію въ 1.308 квадратныхъ миль, съ населеніемъ въ 4.286.000 человѣкъ, но и подчинила своей власти всю сѣверную Германію. Пруссія и Сѣверо-Германская конфедерація теперь одна держава. Сѣверо-германская армія есть не что иное, какъ армія прусская, усиленная нѣсколькими контингентами, совершенно одинакаго съ нею образца и большею частью совершенно съ нею слитыми. Къ сѣверо-германской арміи примѣнены всѣ прусскіе военные законы и положенія. Король Прусскій, какъ федеральный главнокомандующій, принимаетъ отъ всѣхъ войскъ присягу въ вѣрности и полномъ повиновеніи, и на всей своей волѣ распоряжается ими какъ въ мирное, такъ и въ военное время. Онъ рѣшаетъ приведеніе арміи или частей ея на военное положеніе, и назначаетъ главныхъ начальниковъ надъ федеральными контингентами.

Многіе у насъ все еще не могутъ отрѣшиться отъ прежнихъ взглядовъ на Пруссію, и все еще представляютъ ее себѣ государствомъ слабымъ, находящимъ въ Россіи главную опору своего существованія. Пора бы, наконецъ, приладить наши взгляды къ дѣйствительности. Въ рѣчи, сказанной королемъ Вильгельмомъ при открытіи сейма, 3-го ноября, выражается полное сознаніе силы Пруссіи и совершенная увѣренность въ ея будущемъ. „Военная организація Сѣверо-Германскаго Союза, сказалъ король, установлена на испытанныхъ основаніяхъ прусской системы. Устройство военныхъ силъ общаго отечества (то есть и всей остальной Германіи, кромѣ Австріи) въ основныхъ чертахъ окончено. Дѣло національнаго объединенія началось. Пруссія, преобразовавшись въ Сѣверо-Германскій Союзъ, пріобрѣла болѣе увѣренности для своего развитія. Общіе экономическіе интересы съ южно-германскими государствами и интересы охраняющіе всѣ величайшія блага національной жизни обезпечены.“ И дѣйствительно прусское правительство, одушевляемое такимъ способнымъ довѣреннымъ человѣкомъ короля, какъ графъ Бисмаркъ, не упустило ничего для утвержденія національнаго могущества. Что касается до организаціи военныхъ силъ, то Пруссія уже въ послѣднюю австро-прусскую войну одна легко выставила 560 тысячъ войска. По заключеніи мира, прусское правительство прежде всего занялось усугубленіемъ своихъ военныхъ средствъ. Въ короткій періодъ времени, послѣдовавшій за войною, оно прибавило къ своимъ войскамъ три дѣйствующіе корпуса и сформировало 16 полковъ пѣхоты, 2 стрѣлковые баталіона, 16 полковъ кавалеріи и 3 полка артиллеріи. Во-

оруженныя силы Сѣверо-Германскаго Союза, состоящія въ полномъ распоряженіи Пруссіи, согласно показаніямъ *Военно-Статистическаго Сборника*, по штатамъ военнаго времени суть слѣдующія.

Постоянная армія:

	Офицер.	Нижн. чиновъ.
Прусскія войска	10.196	415.698
Войска мелкихъ государствъ	228	12.024
Мекленбургскія войска . . .	208	9.074
Брауншвейгскія войска . . .	89	3.906
Ольденбургскія войска . . .	93	4.036
Гессенскія войска	283	13.540
Саксонскій корпусъ	865	39.136
Итого . . .	11.962	507.408
Запасныя войска	2.736	165.391
Ландверъ	4.566	202.986

Всего союзныхъ войскъ 686 баталіоновъ, 444 эскадрона и 1.538 орудій съ численностью 19.264 офицеровъ, 875.785 нижнихъ чиновъ и 128.475 лошадей.

Но эти громадныя силы еще не все что находится въ распоряженіи нашего сосѣда. Сюда надо прибавить и арміи южногерманскихъ государствъ. Трактаты этихъ государствъ съ Пруссіей гарантировали имъ по ту сторону Майна цѣлость ихъ владѣній, но подъ условіемъ, что въ случаѣ войны ихъ арміи будутъ дѣйствовать нераздѣльно съ прусскою и поступятъ подъ начальство Прусскаго короля. Штутгартскимъ трактатомъ 5-го февраля 1867 г., Баварія, Виртембергъ и Баденъ согласились принять прусскую военную организацію, трехлѣтній срокъ службы и ландверную систему. Численность арміи южныхъ государствъ, по военному положенію, слѣдующая:

Баварскія войска	96.240
Виртембергскія	27.470
Баденскія	24.150

Итого 147.860 чел., кромѣ значительной массы резервныхъ и ландверныхъ войскъ (въ Баваріи 211.000, въ Баденѣ 15.000).

Такимъ образомъ, въ случаѣ войны Пруссія обладаетъ арміей свыше милліона, при громадномъ числѣ артиллеріи. Во всякое время она можетъ выставить, безъ особаго напряженія, и безъ помощи южно-германскихъ государствъ, однихъ *дѣйствующихъ* войскъ около 600.000 человѣкъ.

Австрія въ минувшую войну была угрожаема съ двухъ сторонъ и выставила одинаково сильныя арміи въ Италіи и Богеміи. Боевая сила выставленныхъ ею армій простиралась до 407.212 строевыхъ чиновъ; на продовольствіи числилось 627.098 человѣкъ. Война имѣла для Австріи пагубныя послѣдствія и повлекла за собою потерю Венеціанской области съ $2^1/_2$ милліонами населенія. Эта потеря побудила Австрію обратить все свое вниманіе на усиленіе военныхъ средствъ и реорганизацію арміи. Уже въ концѣ 1866 года изданъ былъ новый законъ о военной повинности, увеличенъ ежегодно взимаемый на службу контингентъ и усилены штаты арміи. Все это привело австрійскую армію къ слѣдующей численности по военному времени:

	Офиц.	Нижн. чиновъ.
Пѣхоты	14.010	592.614
Кавалеріи	1.457	40.383
Артиллеріи 1.352 орудія .	2.003	60.083
Инженерныхъ войскъ . . .	411	16.290

Всего въ дѣйствующихъ войскахъ 581 баталіонъ, 235 эскадроновъ, 1.352 орудія, 17.881 офицеръ и 709.370 нижнихъ чиновъ.

Эти цифры ясно показываютъ намъ до какой степени измѣнилось отношеніе въ силахъ между Россіей съ одной стороны и Пруссіей и Австріей съ другой, существовавшее со времени Ахенскаго конгресса. Полная числительная сила нашей регулярной арміи (считая строевыхъ и нестроевыхъ, офицеровъ и нижнихъ чиновъ), по военному положенію, включая сюда и линейные баталіоны кавказскіе, оренбургскіе, западно-сибирскіе и восточно-сибирскіе, простирается до 977.429 человѣкъ *). Но этой арміи приходилось бы дѣйствовать на пространствѣ отъ Финляндіи и Дуная до Кавказа и Небесныхъ горъ.

Одна численность войскъ еще ничего впрочемъ не доказываетъ: въ военномъ отношеніи не менѣе важно вооруженіе войскъ и устройство артиллерійской части, въ чемъ наши сосѣди еще болѣе опередили насъ; важное дѣло также составъ корпуса офицеровъ и генераловъ и, наконецъ, возможность быстраго сосредоточенія всѣхъ или значительной части силъ на любой окраинѣ государства. Небольшое протяженіе обоихъ сосѣднихъ намъ государствъ, не требующее отъ войскъ утомительныхъ передвиженій, и удобство путей сообщенія, при изобиліи желѣзныхъ дорогъ, дѣлаютъ тамъ сосредоточеніе

*) *Статистическ. Времен.*

войскъ во всякое время нетруднымъ. Нужно ли Пруссіи придвинуть войска къ границамъ Франціи или Даніи, Австріи или Россіи, она можетъ это исполнить безъ труда, благодаря нѣсколькимъ параллельнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ вдоль и поперекъ прусскую территорію. Точно также связаны желѣзнымъ путемъ всѣ провинціи и города имѣющія хотя нѣкоторое значеніе. Австро-прусская война привела нашу сухопутную границу совершенно въ то положеніе, въ какомъ мы поставлены на югѣ войною 1853 — 1856 годовъ. Пока, мы дѣйствительно еще состоимъ въ добрыхъ отношеніяхъ съ Пруссіей и не совершенно непріязненныхъ съ Австріей; но не слѣдуетъ забывать, что добрыя отношенія между державами основываются лишь на взаимномъ уваженіи, а уваженіе — на могуществѣ. Всякое усиленіе одной стороны на столько же ослабляетъ другую, и понуждаетъ ее заботиться о возстановленіи равновѣсія. Лучшимъ доказательствомъ того, что за Нѣманомъ чувствуютъ перемѣну происшедшую въ положеніи Пруссіи относительно сосѣдней Россіи является та притязательность, которую стала въ послѣднее время обнаруживать прусская печать въ обсужденіи нашихъ домашнихъ дѣлъ. Вопросъ о введеніи русскаго языка въ русскія правительственныя учрежденія прибалтійскаго края обсуждался прусскими газетами, какъ свой собственный, и притомъ съ удивительною запальчивостью. Наконецъ, когда бывало это? Чисто русскій внутренній вопросъ становится предметомъ преній въ берлинскихъ палатахъ...

Въ мирное время трудно отличить друга отъ врага. Въ мирное время даже самыя враждебныя дѣйствія и начинанія, самыя незаконныя вмѣшательства дѣлаются подъ покровомъ дружбы, но когда приключится война, никто уже не помнитъ о дружбѣ и, прибавимъ, не можетъ помнить, потому что всякая держава *обязана* пользоваться обстоятельствами чтобы возвысить свое могущество и тѣмъ обезпечить будущее своихъ подданныхъ. Въ интересахъ нашего будущаго мы не должны скрывать отъ себя наши слабыя стороны. Прежде всего слабость наша заключается въ нашихъ чрезмѣрныхъ разстояніяхъ и, вслѣдствіе этого, въ разбросанности нашихъ вооруженныхъ силъ. Мы уже испытали это на Дунаѣ и въ Крыму. Въ случаѣ континентальной войны намъ пришлось бы еще разъ испытать тоже въ Царствѣ Польскомъ или въ западномъ краѣ, смотря потому которое изъ этихъ пространствъ стало бы театромъ военныхъ дѣйствій. Единственный желѣзный путь, связующій центръ Россіи съ Царствомъ Польскимъ черезъ Петербургъ, во-первыхъ, чрезмѣрно длиненъ и коленъ, во-вторыхъ, постоянно загроможденъ грузами, втретьихъ, часть его отъ Вильны до Лапъ проходитъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ границы, что нѣтъ сомнѣнія въ чрезмѣрной легкости прекратить по немъ сообщеніе въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій. Въ случаѣ войны мы можемъ очутиться въ крайнемъ затрудненіи, и наша армія въ Царствѣ Польскомъ, а при иномъ ходѣ военныхъ событій, въ Сѣверо-Западномъ краѣ, можетъ быть поставлена въ самое тяжкое, безвыходное положеніе; а это не можетъ не ослаблять нашего положенія, какъ европейской державы, и въ мирное время. Никакая армія, каковъ бы ни былъ составъ ея, получая подкрѣпленія и военные и жизненные припасы по простымъ дорогамъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, не была бы въ состояніи бороться съ арміей, имѣющею за собою нѣсколько желѣзныхъ дорогъ и сражающеюся вблизи источниковъ своей силы. Въ этомъ отношеніи Московско-Смоленско-Брестская дорога есть первая неотлагательная государственная необходимость. Только при этой дорогѣ наша передовая позиція въ Царствѣ Польскомъ можетъ считаться надежною, даже грозною, особенно еслибъ была, хотя слегка, усилена фортификаціонная часть въ обѣихъ полосахъ западнаго края. Въ экономическомъ отношеніи эта дорога будетъ имѣть то важное значеніе, что устранитъ возможность голода въ западномъ краѣ, дастъ движеніе въ этотъ край мануфактурнымъ произведеніямъ нашего промышленнаго центра, и доставитъ намъ выгодныя условія торговыхъ сношеній съ славянскими землями Австріи, которыя теперь не могутъ выдерживать въ торговлѣ съ нами прусское соперничество.

№ 272.

Москва, 12-го декабря.

Сегодня заключается въ нашей газетѣ рядъ обнародованныхъ Императорскимъ ка-

бинетомъ документовъ относящихся къ его политикѣ по Восточному вопросу за послѣдніе два года. Нельзя не порадоваться столь широкому примѣненію принципа гласности, хотя нельзя было бы не подивиться правительству, которое предпочло бы оставить подъ спудомъ и лишить свѣта публичности акты столь высокаго значенія, столь несомнѣннаго достоинства. Мы съ гордостью можемъ противопоставить этотъ нашъ Blue Book всѣмъ другимъ подобнымъ публикаціямъ. Въ этомъ рядѣ сообщеній Императорскаго кабинета, представляющихъ собою цѣлое, исполненное высокаго интереса, выразилась политика, которой должны отдать справедливость и другъ и не-другъ и которая рано или поздно восторжествуетъ. Всѣ эти документы тѣсно связаны между собой, всѣ вытекаютъ изъ единой мысли, которая нигдѣ не измѣняетъ себѣ, нигдѣ не померкаетъ, во всякой подробности сохраняетъ всю свою высоту и силу. Воззрѣнія, которыя находятся въ основаніи всѣхъ настояній и предположеній Россіи, побѣдоносно выдерживаютъ самую придирчивую критику съ какой бы то ни было стороны. Положеніе, принятое Россіей въ Восточномъ вопросѣ, по скольку оно раскрывается въ этихъ блистательныхъ характеристикахъ и доводахъ, можно по истинѣ назвать центральнымъ, въ которомъ уравновѣшиваются и приходятъ къ соглашенію всѣ сколько-нибудь уважительные интересы замѣшанные въ этомъ вопросѣ. Неоднократно доводилось намъ высказывать ту мысль, что русская политика въ Восточномъ вопросѣ сильна именно тѣмъ что ея интересы совпадаютъ какъ съ общими интересами Европы, такъ равно и съ требованіями справедливости по отношенію къ народамъ Востока. Этого мало: путь ею указываемый есть единственный, на которомъ само существованіе турецкаго государства въ Европѣ можетъ быть соглашено съ требованіями справедливости и цивилизаціи. Всякій другой путь есть нарушеніе самыхъ священныхъ интересовъ человѣчества; всякій другой путь есть грубый, поворный, противоестественный порядокъ вещей, который не можетъ продлиться и неминуемо погубитъ эту власть, которую съ такою, повидимому, заботливостію охраняютъ теперь европейскія правительства. Россіи нѣтъ надобности лукавить даже предъ Портой, которая, слѣдуя ея совѣтамъ, вѣрнѣе могла бы обезпечить свое существованіе на неопредѣленное время. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли Турція, оставаясь Турціей, входить въ тѣ условія государственнаго развитія, которыя составляютъ отличительный признакъ христіанской націи? можетъ ли мусульманская орда, лишенная силы жизни и развитія, стать объединяющимъ началомъ многочисленныхъ христіанскихъ народностей? По самой натурѣ своей и въ силу религіознаго закона, опредѣляющаго ея сущность, турецкая народность остается нерастворимою, и не можетъ вступать ни въ какія органическія сочетанія съ христіанскими народностями, населяющими главнымъ образомъ Европейскую Турцію. Турки и христіане, оставаясь подъ общею властію, могутъ находиться лишь въ чисто механическихъ отношеніяхъ другъ къ другу и жить рядомъ отдѣльными автономіями.

На почвѣ Ислама невозможно отдѣленіе религіознаго начала отъ свѣтскаго, отдѣленіе, въ которомъ заключается вся тайна христіанской цивилизаціи; Коранъ не знаетъ того великаго начала, которое заключается въ словѣ Христа, повелѣвающемъ воздавать Божіе Богу и Кесарево Кесарю, и полагающемъ предѣлъ между тѣмъ что̀ предоставлено міру и тѣмъ что не отъ міра сего. Хотя и на христіанской почвѣ это великое начало не всегда соблюдается, но здѣсь нарушенія его суть случайности и злоупотребленія, которыя тотчасъ же даютъ знать себя тяжкими недугами жизни: въ магометанскомъ мірѣ эти случайности и недуги суть законъ и непреложное правило. Какъ бы ни была въ христіанскихъ обществахъ тѣсна связь между церковію и государствомъ, никогда христіанская совѣсть не можетъ согласиться, чтобы государство ставило себя на мѣсто церкви и придавало себѣ религіозное значеніе; но государство мусульманское, по самой натурѣ своей, есть не что иное какъ грубая религіозная организація, исполненная духа исключительности, нетерпимости и фанатизма. А потому власть султана могла бы быть сохранена безъ нарушенія самыхъ существенныхъ интересовъ человѣчества и спокойствія Европы, только на тѣхъ основаніяхъ, которыя такъ блистательно изложены въ запискѣ Императорскаго кабинета находящейся въ числѣ обнародованныхъ документовъ и воспроизведенной во вчерашнемъ нумерѣ нашей га-

зеты. Только эти, глубоко обдуманныя, основанія соотвѣтствуютъ истинѣ и силѣ вещей. Турція не можетъ быть единымъ національнымъ цѣлымъ не потому чтобы въ томъ препятствовали ей какіе-либо враждебные ей замыслы, а потому что того *не хочетъ* ея собственная мусульманская сущность. Всѣ планы преобразовать ее въ смыслѣ государства соотвѣтствующаго условіямъ европейской гражданственности суть либо грубое заблужденіе, либо (и это вѣрнѣе) попытки столь же нечестной и безсовѣстной, сколько и близорукой политики нѣкоторыхъ правительствъ, создавшихъ призракъ какого-то всепожирающаго властолюбія Россіи, для того чтобы подъ этимъ предлогомъ эксплуатировать этотъ несчастный Турецкій Востокъ. Планъ устройства Турціи предложенный Императорскимъ кабинетомъ несравненно болѣе соотвѣтствуетъ разумнымъ интересамъ самой Порты, еслибы тамъ между совѣтниками султана оказались люди способные отдать себѣ отчетъ въ нихъ, чѣмъ тѣ недостойныя комедіи которыя заставляютъ ее разыгрывать мнимые друзья султана, будто бы ревнующіе о сохраненіи цѣлости его имперіи.

Дѣла однако сложились такъ, что по отношенію къ Турціи даже самому практическому плану суждено, повидимому, оказаться утопіей. Турція едва ли послѣдуетъ совѣтамъ Императорскаго правительства. Она слѣпо стремится въ бездну, готовую поглотить ее. Всю Европейскую Турцію ожидаетъ то же что мы видимъ въ Критѣ, этомъ геройскомъ островѣ, выдержавшемъ натискъ всѣхъ силъ Оттоманской имперіи и теперь продолжающемъ борьбу съ новыми силами и новымъ успѣхомъ, когда въ Европѣ всѣ начинали уже отчаиваться за критское дѣло. Считать ли послѣ того возможнымъ какое-либо иное рѣшеніе критскаго вопроса кромѣ присоединенія этого острова къ королевству Эллинскому?

Въ числѣ документовъ, относящихся къ восточнымъ дѣламъ и включенныхъ въ *Синюю Книгу*, представленную англійскому парламенту, есть депеша лорда Лайонса изъ Константинополя, отъ 8-го апрѣля 1867 г., адресованная на имя лорда Станлея. Въ этой депешѣ англійскій посолъ при Портѣ сообщаетъ о своемъ разговорѣ съ Омеръ-пашей, накануѣ отъѣзда этого оттоманскаго военачальника на островъ Критъ.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ составлена эта депеша:

„Милордъ! Третьяго дня, предъ отъѣздомъ своимъ въ Критъ, сердарь-экремъ Омеръ-паша пріѣзжалъ проститься со мною. Онъ сказалъ мнѣ, что съ тѣми войсками, какія тамъ находятся въ настоящее время, и съ подкрѣпленіями, которыя будутъ доставлены, онъ будетъ имѣть достаточныя средства для быстраго и полнаго подавленія инсурреккіи... Онъ думаетъ что армія питаетъ къ нему большую довѣренность, и съ своей стороны убѣжденъ, что лучше Турокъ не можетъ быть солдатъ, и что имъ нуженъ только хорошій начальникъ. Онъ надѣется, что Богъ окажетъ ему Свое покровительство, какъ и постоянно оказывалъ во все продолженіе его военной службы.....Я отвѣчалъ Омеръ-пашѣ, что по моему мнѣнію онъ долженъ смотрѣть на порученіе возложенное на него въ Критѣ, какъ на дѣло не чуждое человѣколюбія. Я распространился о страданіяхъ, которыми инсурреккія обременила жителей острова, и обратилъ особенное вниманіе Омеръ-паши на бѣдствія женщинъ и дѣтей... Я настаивалъ на этомъ, говоря, что лучшая услуга, какую онъ можетъ оказать Портѣ, состоитъ въ томъ, чтобы положить конецъ страданіямъ этихъ невинныхъ жертвъ инсурреккіи. Омеръ-паша сказалъ мнѣ, что самъ понимаетъ это очень хорошо, и сдѣлаетъ все въ его власти состоящее, дабы избавить не сражающееся населеніе отъ всѣхъ бѣдствій сопровождающихъ войну. Онъ просилъ меня питать совершенную увѣренность, что постарается всячески облегчить страданія женщинъ и дѣтей и сохранить ихъ собственность отъ расхищенія. Цѣль возложеннаго на меня порученія, прибавилъ онъ, возстановить миръ, порядокъ и благоденствіе, и доставить Портѣ возможность примѣнить къ управленію островомъ ея великодушныя и либеральныя намѣренія.“

Всѣмъ извѣстно какъ оттоманскій главнокомандующій исполнилъ свою военную программу. Всѣ знаютъ, что стоя во главѣ *несравненныхъ солдатъ*, онъ былъ разбитъ горстью Кандіотовъ плохо вооруженныхъ, голодныхъ, истощенныхъ 18-ти мѣсячною борьбой. Подвиги сердарь-экрема ограничились сожженіемъ и грабежомъ многихъ деревень и опустошеніемъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ проходилъ, и кончились

не послужившимъ къ его прославленію отозваніемъ его въ Константинополь.

Но съ другой стороны недостаточно еще извѣстно какъ онъ исполнилъ *свое человѣколюбивое призваніе*, неизвѣстны и средства, къ какимъ онъ прибѣгалъ, дабы „избавить женщинъ и дѣтей отъ страданій;“ наконецъ неизвѣстна также мѣра, въ какой турецкій главнокомандующій считалъ себя связаннымъ тѣми обѣщаніями, которыя онъ далъ англійскому послу, и которыя сей послѣдній съ такимъ простодушнымъ довѣріемъ передалъ своему правительству.

Ниже, подъ рубрикой *Критъ*, помѣщаемъ мы полученный нами изъ вѣрнаго источника документъ, который невозможно читать безъ ужаса, содраганія и омерзенія. Вотъ фактъ, которымъ могутъ полюбоваться англійскіе филантропы. Это жалоба, поданная 10-го (22-го) минувшаго ноября шестидесятилѣтнимъ врачомъ Паліо Стравріано, уроженцемъ деревни Комитадесъ, въ критской провинціи Малевизіонъ, великому визирю Аали-пашѣ.

Въ виду того, что это ужасное обвиненіе возведено на величайшую знаменитость и гордость Оттоманской имперіи, на государственнаго человѣка, послѣ Фуадъ-паши и Аали-паши, самаго образованнаго, засѣдающаго въ совѣтахъ султана и лично при немъ занимающаго высокую должность, нельзя подумать безъ ужаса къ какимъ неслыханнымъ злодѣйствамъ должны быть способны низшіе агенты Порты, исконные Турки, составляющіе администрацію имперіи и распоряжающіеся участью 12 милліоновъ христіанъ, то-есть *собакъ*, какъ они убѣждены въ своей религіозной совѣсти. Въ виду подобныхъ фактовъ, и слѣпому должно быть очевидно какъ правъ былъ нашъ кабинетъ, высказывая христіанской Европѣ въ *Запискѣ о реформахъ въ Турціи*, находящейся въ числѣ обнародованныхъ документовъ, что на Востокѣ предстоитъ одно изъ двухъ: „либо предать „христіанскія населенія Востока явному „гнету мусульманъ, осудить ихъ на ту „*подчиненность*, которую Турки хотятъ на „нихъ наложить, и такимъ образомъ увѣ„ковѣчить на Востокѣ смуты и *взрывы*; „либо надо придумать средство отдѣлить „интересы христіанъ отъ интересовъ му„сульманъ, соглашая параллельное и про„грессивное развитіе національностей и раз„личныхъ вѣроисповѣданій, поставленныхъ „подъ общую власть султана, съ требо„ваніями европейскаго равновѣсія.“

Ни въ какой, ни *Синей*, ни *Желтой* книгѣ мы не находимъ отвѣта на это безотлагательное и добросовѣстное требованіе, и потому вынуждены заключить, что есть въ Европѣ кабинеты, предпочитающіе „увѣковѣчить смуты и взрывы на Востокѣ.“

№ 273.

Москва, 13-го декабря.

Наши земскія учрежденія подвергаются нападкамъ съ самыхъ противоположныхъ точекъ врѣнія. Нельзя впрочемъ не видѣть, что критика направляется большею частью въ духѣ, враждебномъ вообще ко всѣмъ великимъ реформамъ нынѣшняго царствованія, и со стороны не благорасположенной ко всякимъ гражданскимъ успѣхамъ нашего народа: въ этомъ, конечно, нѣтъ еще большой бѣды для земскихъ учрежденій; напротивъ, это можетъ только придать имъ новую жизнь и одушевленіе ихъ дѣятелямъ. Какъ не сбылись предсказанія неизбѣжности всеобщаго въ Россіи голода послѣ упраздненія крѣпостнаго права (вывозъ хлѣба изъ Россіи, даже въ несовсѣмъ урожайный годъ, каковъ нынѣшній, доходитъ до размѣровъ неслыханныхъ въ прежнее время), также точно, надо надѣяться, и земскія учрежденія не разорятъ Россіи въ оправданіе предсказаній ихъ недоброжелателей.

Многаго еще не достаетъ въ дѣятельности земскихъ учрежденій, но они уже настолько лучше прежнихъ губернскихъ комитетовъ для раскладки земскихъ повинностей, на сколько мировые судьи, въ случаяхъ даже самаго неудачнаго выбора (что при вторыхъ выборахъ должно исправиться), лучше прежнихъ уѣздныхъ судовъ и полицейской судебной расправы. Чтобъ оцѣнить добро, оказываемое мировыми и земскими учрежденіями, надобно заглянуть въ тѣ края нашего отечества, гдѣ этихъ учрежденій еще нѣтъ, и послушать съ какимъ нетерпѣніемъ ихъ ожидаютъ тамъ всѣ сословія. Во многихъ отношеніяхъ нельзя даже не удивляться, какъ быстро и повсемѣстно принялись у насъ столь многосложныя учрежденія, какъ земскія, и какъ удалось имъ восторжествовать надъ столькими неблагопріятными для нихъ условія-

ми, особенно надъ противодѣйствіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ со стороны бюрократическихъ властей, и также надъ апатіей и абсентіизмомъ нашихъ высшихъ, образованныхъ классовъ, при столь замѣтномъ во многихъ мѣстахъ отчужденіи отъ дѣлъ и даже несуществованіи средняго зажиточнаго дворянства. Были поводы опасаться, что новыя учрежденія вовсе не смогутъ организоваться, а между тѣмъ они не только организовались, но и дѣйствуютъ такъ, какъ будто бы существовали издавна, и въ кругу благонамѣренныхъ земскихъ дѣятелей, посреди трудной борьбы съ суровыми условіями нашей природы и съ разными искусственно созданными и отъ прежняго времени остающимися преградами, замѣчается гораздо менѣе унынія нежели въ средѣ критиковъ и судей земскаго дѣла. Здѣсь нельзя не упомянуть, что въ средѣ дворянъ земскія учрежденія сгруппировали около себя много людей, прежде не участвовавшихъ въ службѣ по выборамъ, а теперь взявшихся за дѣло съ серіознымъ желаніемъ трудиться на общую пользу; нельзя не упомянуть также о заслугахъ купечества: хотя по роду своихъ занятій оно мало призвано къ участію въ мѣстномъ самоуправленіи, оно во многихъ уѣздахъ успѣшно пополнило недостатокъ въ мѣстныхъ дѣятеляхъ и явилось во главѣ земства. Особенно утѣшительно то, что въ земскихъ учрежденіяхъ не обнаружилось никакого антагонизма между сословіями. Живымъ опытомъ были опровергнуты предсказанія людей, судящихъ о нашемъ народѣ по иностраннымъ, преимущественно французскимъ образцамъ. Въ противность ожиданіямъ крестьяне, и вообще низшія сословія оказались бережливыми на земскія деньги, а высшія наиболѣе расположенными къ развитію расходовъ и стало-быть къ самопожертвованію. Похоже ли это на тревожныя предсказанія, что неимущіе будутъ большинствомъ своихъ голосовъ установлять расходы на счетъ имущихъ? Высказывались, правда, въ земскихъ собраніяхъ и мнѣнія болѣе или менѣе враждебныя, уравненію земской тягости между всѣми сословіями, какъ напримѣръ противъ замѣны земскихъ натуральныхъ повинностей денежными, но надо удивляться не тому, что такія мнѣнія высказывались, а скорѣе тому, какъ рѣдко, несмотря на подстрекательства газеты *Вѣсть*, такія мнѣнія высказывались, какъ мало встрѣчаютъ они сочувствія и какъ слабо ихъ вліяніе на рѣшенія земскихъ собраній. Вспомнимъ, что наши сословія находились въ полномъ разобщеніи, что земскія учрежденія вступили въ дѣйствіе непосредственно вслѣдъ за отмѣной крѣпостнаго права, тотчасъ послѣ крутаго переворота, которому подверглись помѣщичьи хозяйства, и что кастообразная организація нашихъ общественныхъ классовъ и теперь еще удерживается въ силѣ: какъ же не удивляться и не радоваться земскому міру, который у насъ господствуетъ, предвѣщая нашему народу великую будущность? Взявъ все въ разчетъ, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что едва ли найдется другая общественная среда, гдѣ, при подобныхъ обстоятельствахъ, оказывалась бы такая общественная гармонія. Такъ мало кичливости въ высшихъ классахъ и такъ мало завистливыхъ инстинктовъ въ низшихъ! Столько единства между всѣми соціальными группами въ земской средѣ, отличающейся однакоже величайшимъ разнообразіемъ воспитанія, имущества и общественныхъ положеній! Не видимъ ли мы, что все питающее у насъ какія-нибудь наклонности къ сословному разобщенію и раздраженію, заявляетъ себя не иначе какъ принявъ цвѣтъ анти-русскаго духа и въ союзѣ съ наносными, среди подлиннаго русскаго земства совершенно безсильными партіями не національнаго свойства?

Формы, въ которыхъ организованы земскія учрежденія, могутъ современемъ измѣниться; нѣкоторые, отчасти уже ощущаемые, недостатки нынѣшней ихъ организаціи,—особенно разрозненность ея съ другими мѣстными учрежденіями, — легко устранимы; весьма желательно, какъ въ политическомъ, такъ и въ финансовомъ отношеніи, большее пріуроченіе земскихъ учрежденій къ мировымъ. Но на первыхъ порахъ важнѣе всего то, чтобы дѣятельность земства стала на вѣрный путь, и для этого можетъ-быть требовалось временное привлеченіе къ земскимъ учрежденіямъ бо́льшаго числа личныхъ силъ чѣмъ сколько общество будетъ въ состояніи удѣлять имъ въ послѣдствіи. Земскія учрежденія должны получить опредѣленный характеръ въ качествѣ института хозяйственнаго. Нужно, чтобъ они вращались въ сферѣ, имъ неотъемлемо принадлежащей, гдѣ они не могутъ быть замѣнены ни казной, ни частною предпріимчивостью. Земское

хозяйство, какъ нѣчто среднее между казеннымъ и частнымъ хозяйствомъ, легко смѣшивается съ тѣмъ и другимъ; не разграниченное строго, оно легко можетъ захватывать области ему не принадлежащія и тѣмъ порождать вредныя для себя недоразумѣнія. Впрочемъ, до сихъ поръ само земство гораздо менѣе выходило изъ границъ свойственной ему дѣятельности нежели критики его, которые безпрерывно порицаютъ земскія учрежденія съ двухъ противоположныхъ сторонъ, находя, что они дѣлаютъ слишкомъ мало, или что они дѣлаютъ слишкомъ много. Чѣмъ болѣе выяснятся свойства земскаго хозяйства отличающія его отъ казеннаго и частнаго, тѣмъ менѣе будетъ этихъ недоразумѣній.

Намъ кажется, что земскія учрежденія могутъ быть источникомъ великой пользы, сдѣлавшись орудіемъ тѣхъ стремленій, которыя въ другихъ государствахъ, съ величайшимъ трудомъ и неудобствомъ, исполняются черезъ центральныя государственныя учрежденія и казенное хозяйство. Есть цѣлая сфера общественныхъ нуждъ, которыя нигдѣ, а въ особенности въ Россіи, при ея протяженіяхъ и рѣдкомъ народонаселеніи, не могутъ быть удовлетворены посредствомъ частной предпріимчивости и промышленной конкурренціи, и вызываютъ теперь повсемѣстно содѣйствіе государства. Такова вся сфера государственной опеки надъ всѣми тѣми народными потребностями, которыхъ удовлетвореніе посредствомъ частной предпріимчивости не обѣщаетъ достаточнаго вознагражденія предпринимателю и капиталисту, или даже вовсе не можетъ стать предметомъ промышленнаго предпріятія, между тѣмъ какъ пренебреженіе ихъ было бы пагубно для успѣховъ цивилизаціи. Таковы, напримѣръ, разныя санитарныя мѣры, даровыя медицинскія пособія, которыя съ одной стороны оказываются въ видахъ благотворительности людямъ, неимѣющимъ достаточно средствъ для вознагражденія врача, съ другой стороны предупреждаютъ развитіе заразительныхъ и эпидемическихъ болѣзней. Сюда также относятся народныя школы, гдѣ плата за ученіе установлена ниже той, которая взималась бы частными содержателями школъ. Сюда наконецъ относятся почтовыя сообщенія по проселочнымъ дорогамъ, улучшеніе этихъ дорогъ и вообще путей сообщенія, а отчасти даже гарантіи желѣзныхъ дорогъ.

Есть много причинъ, почему во всей этой сферѣ попечительства и общественныхъ пособій должно отдать предпочтеніе земскому хозяйству предъ казеннымъ. Всюду осужденное, а въ особенности у насъ, когда оно вступаетъ въ область частной дѣятельности и промышленности, казенное хозяйство не имѣетъ многихъ важныхъ преимуществъ земскаго хозяйства. Вонервыхъ, послѣднее, находясь ближе къ народнымъ нуждамъ и болѣе подлежа гласности, обладаютъ гораздо большими способами контроля надъ раздачею пособій нежели казна. Вовторыхъ, государство расходуетъ деньги по общему плану и тратится иногда, такъ сказать, для симметріи, гдѣ въ затратахъ нѣтъ дѣйствительной потребности, между тѣмъ какъ земство, особенно уѣздное, не можетъ положить ни копѣйки на какую-нибудь только мнимую потребность. Втретьихъ, при расходованіи земскихъ денегъ на общественныя нужды можетъ быть соблюдено гораздо болѣе справедливости нежели при раздачѣ казенныхъ субсидій, которыя производятся на счетъ всего государства, а благодѣтельствуютъ или только одному краю, или разнымъ мѣстностямъ въ неодинаковой степени. Съ этой точки зрѣнія было бы весьма желательно участіе земства въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ. Давно уже всѣхъ въ Европѣ занимаетъ вопросъ о явной несправедливости системы постройки желѣзныхъ дорогъ только при содѣйствіи со стороны государства, такъ какъ возвышая общій уровень благосостоянія всего государства, всякая желѣзно-дорожная линія преимущественно выгодна для мѣстностей, черезъ которыя она проходитъ и которыя соединяетъ, а нѣкоторымъ другимъ мѣстностямъ можетъ даже вредить, заставляя ихъ глохнуть. Справедливость требуетъ, чтобы земство принимало на себя извѣстную долю гарантіи, даваемой правительствомъ. При этомъ могла бы соблюдаться самая справедливая градація. Къ гарантіи, даваемой губернскимъ земствомъ, можетъ присоединиться особенная гарантія со стороны уѣздовъ, которые пересѣкаются сооружаемою линіей: такъ напримѣръ ослибы государство приняло на себя половину платежей по гарантіи, то четверть платежей могла бы лежать на губернскомъ, и четверть на уѣздномъ земствѣ. Это было бы полезно и для контроля надъ эксплуатаціей, потому что

земство, ближайшій он свидѣтель, было бы заинтересовано въ ея правильности.

Земское хозяйство призвано замѣнить во многихъ отношеніяхъ казенное и принести всѣ тѣ выгоды, къ которымъ казенное хозяйство неспособно; но въ то же самое время оно никакъ не можетъ замѣнить собою частную предпріимчивость, и ему не слѣдуетъ вторгаться въ эту область. Только при этомъ условіи можетъ быть извлечена изъ земскихъ учрежденій вся польза правительственнаго попечительства и устранена его убыточность. Желательно, чтобы земское хозяйство не брало на себя операцій, которыя могутъ быть исполнены частными лицами или товариществами. Земству не слѣдуетъ браться, напримѣръ, за постройку желѣзныхъ дорогъ: какъ учредитель, земство всегда будетъ оказываться или тормазомъ, или паразитомъ. Или вотъ другой примѣръ. Пособія со стороны земства въ случаяхъ неурожая и голода, вызывающихъ мѣры государственной необходимости, могутъ быть весьма благодѣтельны, если земство ограничится выдачею денежныхъ ссудъ на закупку хлѣба или даже даровою раздачею хлѣба наиболѣе нуждающимся и бѣдствующимъ населеніямъ: земство безъ сомнѣнія можетъ это сдѣлать лучше и выгоднѣе чѣмъ казна. Но оно приняло бы весьма несообразный путь, еслибы вздумало, въ видахъ предупрежденія дороговизны хлѣба, постоянно закупать запасы хлѣба и распродавать его по цѣнѣ пониженной противъ рыночной, другими словами торговать хлѣбомъ, для уравненія его цѣнъ. Не говоря о разорительности подобныхъ операцій для земства, отъ нихъ слѣдуетъ ожидать результатовъ противоположныхъ заданнымъ цѣлямъ. Такого рода операціи парализовали бы развитіе торговли и спекуляціи, которыя сами собою всегда противодѣйствуютъ слишкомъ крутымъ колебаніямъ цѣнъ, а при удобныхъ путяхъ сообщенія обезпечиваютъ народное продовольствіе лучше всякихъ общественныхъ запасовъ. Высказываемъ это, потому что замѣчаемъ что въ этомъ направленіи земству дается уже не мало ошибочныхъ совѣтовъ. Такъ недавно былъ поднятъ вопросъ объ общественныхъ запашкахъ для обезпеченія народнаго продовольствія. Можно ли придумать что-нибудь болѣе противное здравымъ понятіямъ объ общественномъ хозяйствѣ и истиннымъ цѣлямъ земскихъ учрежденій, какъ навязываніе имъ подобныхъ операцій? Достаточно вспомнить съ какою радостью недавно освободились удѣльные крестьяне отъ своихъ общественныхъ запашекъ: въ этомъ выразилось инстинктивное сознаніе одного изъ главныхъ законовъ доказываемыхъ политическою экономіей. Точно таковъ же вопросъ объ обязательномъ наймѣ мѣрами земства свободныхъ земель у частныхъ землевладѣльцевъ для обезпеченія заработковъ сельскому люду и уплаты лежащихъ на нихъ податей. Не менѣе странно было бы земскимъ учрежденіямъ браться за исполненіе казенныхъ подрядовъ, требующее чисто-коммерческихъ условій; а между тѣмъ и на это указывали земству, какъ будто забывая что всякій подрядъ сопряженъ съ рискомъ и нуждается въ капиталѣ, земскія же учрежденія могутъ составлять капиталы только посредствомъ налога, который отъ того, что онъ земскій, не менѣе отяготителенъ для плательщиковъ, и не имѣютъ никакого права подвергать риску общественныя деньги. Въ исполненіи подрядовъ земскія управы будутъ мало тѣмъ лучше канцелярій и департаментовъ.

№ 274.

Москва, 14-го декабря.

Государственное единство есть безспорно первая и безусловная государственная необходимость; но кто захочетъ себѣ дать трудъ вникнуть въ вопросъ, тотъ убѣдится, что эта необходимость есть невозможность при тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя досель господствовали у насъ и отъ которыхъ мы и теперь еще не можемъ освободиться. Воззрѣнія, которыя мы разумѣемъ, могли быть умѣстны въ старомъ Московскомъ государствѣ, отчлененномъ къ волжскому бассейну и разобщенномъ съ цѣлымъ историческимъ міромъ; но они становятся непонятною, необъяснимою и пагубною аномаліей въ политикѣ великой европейской державы, называемой Россійскою Имперіей, которая возстановила свою исконную границу на западѣ и снова вступила въ обладаніе почти всѣми частями своего первобытнаго единства, подвергавшимися, въ разобщеніи съ ней, столь многимъ превратностямъ. Россійская Имперія, выдвинувшаяся къ западу, простирающаяся отъ

Балтійскаго побережья до южнаго Черноморскаго, и вдавшаяся внутрь Германіи, содержитъ въ себѣ многочисленныя населенія разныхъ вѣроисповѣданій, числитъ въ себѣ до восьми милліоновъ римскихъ католиковъ, и не одинъ милліонъ протестантовъ. Граница ея открыта, и число иновѣрцевъ растетъ въ ея предѣлахъ безпрерывно. При такомъ положеніи единство церковное, которое отнюдь нельзя смѣшивать съ единствомъ государственнымъ, давно уже перестало быть фактомъ. Какъ бы ни было желательно церковное единство, оно въ такомъ государствѣ какъ Россія есть совершенная невозможность до тѣхъ поръ пока въ мірѣ будетъ вообще оставаться религіозная рознь, пока въ планы Божественнаго домоправительства входитъ допущеніе разновѣрія и разномыслія. Вѣротерпимость стала необходимымъ условіемъ государственнаго порядка. Иновѣрцы въ Россійской Имперіи не суть уже только люди пришлые, какъ бывало. Въ огромныхъ массахъ принадлежатъ они къ кореннымъ жителямъ Имперіи, входятъ въ ея государственный составъ, суть часть ея народа, пользуются всѣми правами и подлежатъ всѣмъ повинностямъ ея гражданъ. Законодательство и правительство не могутъ отказывать имъ въ покровительствѣ. И дѣйствительно за вѣротерпимостью дѣло у насъ не стало; всевозможныя обезпеченія предоставляются разнымъ признаваемымъ религіознымъ вѣрованіямъ. Не только сами иновѣрцы пользуются всею полнотой правъ русскаго гражданства, но и религіозныя учрежденія ихъ пользуются значительными правами, иногда даже преимуществами надъ учрежденіями православной церкви, исповѣдуемой громаднымъ большинствомъ народа и признаваемой за господствующую. Но всѣ права, обезпеченія и преимущества, предоставляемыя иновѣрцамъ, предоставляются имъ не иначе какъ подъ условіемъ, чтобъ они воспитывались и жили въ чувствѣ отчужденія отъ Россіи и вносили въ нее начало государственнаго разложенія. Мы говоримъ этимъ людямъ: вотъ вамъ все; вы здѣсь дома, вы здѣсь хозяева и господа; пользуйтесь всѣми нашими правами, участвуйте во всѣхъ нашихъ дѣлахъ, распоряжайтесь всѣмъ нашимъ достояніемъ, достигайте всѣхъ степеней власти надъ нами; но все это вамъ предоставляется лишь подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вы были чужестранцами между нами, чтобы вы составляли какую-нибудь особую національность, чтобы вы принадлежали вашими симпатіями къ какому-нибудь иному существующему или воображаемому отечеству, наконецъ, чтобы вы вездѣ и во всемъ были врагами нашей національности, чтобы вы были постояннымъ источникомъ слабости нашего государства, вѣчнымъ недугомъ парализующимъ его силы. И вотъ на основаніи разныхъ религіозныхъ вѣрованій, принимаемыхъ за принципъ разныхъ національностей, мы создаемъ, растимъ и усиливаемъ чужеядныя тѣла въ нашемъ организмѣ, и развиваемъ тяготѣнія несовмѣстимыя съ государственнымъ единствомъ.

Язва, отъ которой такъ глубоко страдаетъ нашъ государственный организмъ, съ которою такъ напряженно боремся мы въ нашемъ Заднѣпровьѣ, этотъ полонизмъ, о которомъ столько рѣчи и хлопотъ, имѣетъ почти единственнымъ источникомъ своимъ эту чудовищную аномалію, находящую себѣ нѣкоторое подобіе только въ Турціи. Дѣло самое простое, ясное какъ день, столько же консервативное, сколько и человѣколюбивое, столько же политическое, сколько и христіанское, не нарушающее ни чьихъ интересовъ, не оскорбляющее никакого права, легко исполнимое, не требующее никакихъ жертвъ, поражающее только зло, отъ котораго мы тщимся избавиться, встрѣчаетъ самыя ожесточенныя сопротивленія, въ которомъ польскому патріоту подаютъ руку люди кипятящіеся ревностію о *русскомъ дѣлѣ*, и дѣйствуютъ съ нимъ дружно, не отступая ни предъ какими уловками, не пренебрегая никакими софизмами, лишь бы только обмануть себя и другихъ въ вопросѣ имѣющемъ столь жизненную для Россіи важность. Всякій кто дѣйствительно захочетъ отдать себѣ отчетъ въ этомъ вопросѣ, не можетъ не убѣдиться, что здѣсь, въ этомъ грубомъ и нелѣпомъ фанатизмѣ, выдаваемомъ за признакъ будто бы русскаго національнаго направленія, есть первоначальная причина того зла, которое ощущается повсюду и отъ котораго нельзя избавиться преслѣдованіемъ пораждаемыхъ имъ болѣзненныхъ явленій.

Порицать іезуитскій образъ дѣйствій есть дѣло весьма похвальное; но еще лучше не поступать самимъ по-іезуитски. Къ сожалѣнію, у насъ образовался своего рода іезуитизмъ, который въ подражаніе пресловутому правилу: цѣль оправдываетъ всякія средства, считаетъ для себя дозволи-

тельнымъ прибѣгать ко всевозможнымъ маневрамъ лишь бы затемнить истину въ одномъ изъ самыхъ важныхъ для государства вопросовъ и сбить съ толку общественное мнѣніе. Разница только въ томъ, что ученики Лойолы дѣйствительно всегда имѣли какую-нибудь опредѣленную цѣль и знали что дѣлали, а маленькіе подражатели ихъ у насъ, какъ мы сказали вчера, не рѣдко сами не знаютъ изъ-за чего бьются и для кого работаютъ. Весь вопросъ, о которомъ теперь рѣчь, состоитъ только въ томъ, чтобы допустить употребленіе русскаго языка въ общественное богослуженіе терпимыхъ въ Россіи религій, и тѣмъ дать возможность русскимъ гражданамъ, хотя и не православнаго исповѣданія, быть вполнѣ Русскими по своей національности. Вопросъ этотъ поднятъ преимущественно по отношенію къ западному краю Россіи, гдѣ живутъ многочисленныя населенія римско-католической вѣры, гдѣ это исповѣданіе имѣетъ публичныя, признаваемыя государствомъ и содержимыя имъ церковныя учрежденія, и гдѣ въ то же время правительство поставило себѣ задачей прекратить то двусмысленное положеніе дѣлъ, которое отчуждаетъ этотъ край отъ Россіи и дѣлаетъ его предметомъ враждебныхъ ей притязаній. Заднѣпровскій край есть нераздѣльная часть Россіи, есть ея исконное достояніе, и послѣ прискорбныхъ смутъ которыхъ край этотъ недавно былъ театромъ и которыя раскрыли корень зла, правительство, въ полномъ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ всей страны, не щадитъ усилій для того чтобы искоренить зло враждебной національности, засѣвшей въ этомъ краѣ и отравляющей существованіе множества людей изъ поколѣнія въ поколѣніе, усиливаясь и становясь все пагубнѣе съ теченіемъ времени. Заднѣпровскій край долженъ стать поистинѣ русскимъ, но требованіе, чтобъ онъ сталъ русскимъ, не значитъ пресѣчь въ немъ во что бы то ни стало всякое иновѣріе, не значитъ, чтобы здѣсь, вмѣстѣ съ утвержденіемъ государственнаго единства, должно было тѣмъ же путемъ водвориться и единство церковное, чтобы всѣ жители этого края должны были принять православіе, а всѣ другія религіи должны быть изгнаны. Такой задачи правительство себѣ не ставило, да и не могло бы поставить. Дабы прекратить всякое иновѣріе въ западномъ краѣ, надобно было бы прекратить его во всемъ государствѣ, и вычеркнуть вѣротерпимость изъ законовъ Россійской Имперіи. Задача правительства въ западномъ краѣ, разрѣшеніе которой есть неотложная государственная необходимость, заключается лишь въ томъ чтобы положить конецъ польскимъ національнымъ притязаніямъ на этотъ край. Если Заднѣпровскій край долженъ быть русскимъ, то въ немъ не можетъ быть мѣста для какихъ бы то ни было не-русскихъ національныхъ учрежденій, а между тѣмъ римско-католическое учрежденіе существуетъ въ этомъ краѣ именно съ характеромъ польскаго національнаго учрежденія, потому что католикамъ, также какъ и другимъ иновѣрцамъ, отказывается въ правѣ быть Русскими. Вышло такъ, что отрицаемое въ Россіи Польское государство имѣетъ въ ней, тѣмъ не менѣе, снабженное значительными правами и средствами свое національное учрежденіе въ римско-католической церкви. Только могущественныя государства имѣютъ свои національныя учрежденія, свою національную церковь. Здѣсь же мы видимъ національную церковь не существующаго государства. Польское государство не существуетъ, но вышло такъ, что въ русскихъ губерніяхъ, посреди кореннныхъ русскихъ населеній, содержится русскимъ правительствомъ польская государственная церковь. Въ Россіи національная церковь есть православная; всѣ прочія вѣроисповѣданія, какія бы льготы не предоставлялись имъ, не могутъ имѣть характеръ національныхъ учрежденій; тѣмъ не менѣе римско-католическая церковь существуетъ у насъ въ качествѣ польской церкви. Люди какого бы то ни было племеннаго происхожденія, даже коренныя русскія населенія, обязываются признавать себя польскими и чуждаться русскаго имени. Весь вопросъ заключается въ этомъ. Если римско-католическое, равно какъ и другія вѣроисповѣданія, терпимы въ Россіи, то надобно допустить, чтобы люди принадлежащіе къ нимъ могли войдти въ русское національное единство, надобно дать имъ возможность видѣть въ Россіи свое отечество и быть ей вѣрными сынами. Только грубое варварство можетъ не признавать силы принципа, и не трогая его, преслѣдовать его послѣдствія. Для того чтобы католицизмъ пересталъ быть польскимъ національнымъ учрежденіемъ, требуется только чтобы съ рус-

ского языка былъ снятъ запретъ для инов'рцевъ.

Весьма естественно, что изъ непріязненныхъ Россіи лагерей являются противники этой м'ры, которой необходимость признана правительствомъ давно и которой начало положено было введеніемъ преподаванія римско-католическаго закона Божія сначала въ военныхъ, а потомъ и въ прочихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ на русскомъ языкѣ. Но удивительно, что противниками русскаго языка являются также люди ревнующіе о русской національности, и что въ этомъ столь существенномъ предметѣ, съ замѣчательною настойчивостію, они д'йствуютъ заодно съ первыми. Понятно какія побужденія одушевляютъ первыхъ, но трудно понять, что одушевляетъ ихъ союзниковъ изъ русскаго лагеря. Читатели *Русскаго Вѣстника* знакомы съ содержаніемъ одной удивительной брошюры, состоящей изъ четырехъ полуофиціальныхъ записокъ посвященныхъ этому предмету. Читая эти записки и другія въ томъ же направленіи писанія, невозможно не усмотр'ть, что авторы ихъ сами нисколько не уб'ждены въ силѣ своихъ доводовъ и не в'рятъ собственнымъ словамъ, ибо безпрерывно противор'чатъ себѣ и сами разрушаютъ силу своихъ доводовъ и смыслъ своихъ словъ. Откуда же у нихъ эта ревность въ сопротивленіи м'рѣ, которой справедливость и польза такъ очевидны? Русскіе противники этой м'ры извиваются, какъ говорится, ужомъ и жабой, чтобы въ д'лѣ, къ которому по малой м'рѣ могли бы они быть равнодушны, не произошло перем'ны, требуемой столько же интересами государства, сколько здравымъ смысломъ и еще бол'е человѣколюбіемъ, котораго не можетъ быть чужда политика благоустроеннаго христіанскаго государства. Они пользуются всякими предлогами, принимаютъ всякій тонъ и всякій цв'тъ, и смотря по надобности, пускаютъ въ ходъ самые противор'чивые аргументы. Изъ ревностныхъ консерваторовъ преобразуются они въ отъявленныхъ либераловъ, и наоборотъ, смотря по надобности. То принимаютъ тонъ фанатическихъ ревнителей православія и изъявляютъ опасеніе, что вслѣдствіе употребленія католиками русскаго языка въ ихъ молитвословіи и проповѣди поколеблется православная церковь и вся Россія совратится въ латинство; то протестуютъ во имя свободы совѣсти. Рукоплещутъ обращеніямъ крестьянскихъ населеній, en masse, посредствомъ жандармовъ, акцизныхъ чиновниковъ и даже Евреевъ, и вслѣдъ затѣмъ какъ ни въ чемъ не бывало, съ видомъ ужаса отступаютъ предъ мыслію о предоставленіи русскаго языка русскимъ населеніямъ для ихъ религіозныхъ потребностей, якобы предъ мрачнымъ насиліемъ и нарушеніемъ святыни совѣсти. Всякому извѣстно, что польскій языкъ не есть догматъ римско-католическаго в'роисповѣданія; но для того только чтобы не допустить денаціонализаціи этой церкви въ Россіи, чтобы удержать ее въ качествѣ польскаго національнаго учрежденія, противники м'ры, о которой идетъ р'чь, находятъ въ упраздненіи обязательности польскаго языка для католиковъ посягательство на догматы этой церкви и оскорбленіе в'ротерпимости. По ихъ мнѣнію, в'ротерпимость состоитъ въ томъ, чтобы прижать людей къ стѣнѣ, предоставляя имъ на выборъ, либо отказаться отъ своей в'ры, либо остаться на счету революціонеровъ, быть в'чно подъ ударомъ, и имѣть въ перспективѣ для себя или дѣтей своихъ изгнаніе, ссылку и взсѣлицу.

Мы уважаемъ религіозное чувство даже въ его уклоненіяхъ. Чистая христіанская ревность не есть фанатизмъ; но и слѣпой фанатизмъ можетъ быть уваженъ, или по крайней м'рѣ извиненъ, если въ немъ есть правда и искренность. Но мы не в'римъ искренности этого внезапно воспламенившагося религіознаго рвенія къ обращенію римско-католическихъ населеній въ западномъ краѣ. Въ Россіи, даже не очень далеко отъ Москвы, по сю пору живутъ въ сосѣдствѣ христіанскихъ православныхъ храмовъ густыя населенія, коснѣющія въ грубѣйшемъ язычествѣ. Вотъ куда прежде всего направился бы избытокъ религіознаго рвенія, если бы таковой оказался. Что же было побудительною причиной ревностныхъ стараній объ обращеніи бѣлорусскихъ мужиковъ римскаго закона въ православіе? Очевидно, соображенія политическаго свойства. Мы готовы, впрочемъ, и этимъ соображеніямъ отдать должную справедливость. Но немного требуется проницательнотти для того чтобъ усмотр'ть здѣсь ошибочность политическихъ побужденій направленныхъ въ этомъ смыслѣ. Нѣсколько сотъ тысячъ бѣлорусскихъ кре-

стьянъ исповѣдующихъ латинскую вѣру никогда не были и не могутъ быть опасностію для Русскаго государства. Обращеніе нѣсколькихъ десятковъ тысячъ изъ этой массы — не великое пріобрѣтеніе ни для церкви, ни для государства. Было бы несравненно и полезнѣе, и справедливѣе, не насилуя совѣсти людей, не заставляя ихъ играть дѣломъ религіи, дать имъ прежде право быть Русскими, снявъ для нихъ запретъ съ русскаго языка. Среди этихъ населеній и ближе и легче всего разобщить терпимое въ государствѣ вѣроисповѣданіе съ національностію, которая въ Россіи не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ организованною государственною измѣной и которая находитъ всю свою силу въ этой связи съ терпимой религіей, считающею подъ русскою державой милліоны послѣдователей. Та сила, которую польская національная идея, бывшая виной столькихъ бѣдствій и потрясеній, черпаетъ въ религіозномъ учрежденіи, рушилась бы сама собою какъ только оказалась бы возможность иновѣрцу въ Россіи не быть иностранцемъ, какъ только среди римско-католическихъ населеній въ Россіи явились бы люди не обязанные прибѣгать къ польскому языку и считать себя Поляками, люди, которымъ была бы дана возможность быть въ полной мѣрѣ Русскими. А такіе люди во множествѣ явятся тотчасъ же въ русскихъ, по своему происхожденію, крестьянскихъ населеніяхъ западнаго края, которыя теперь должны съ усиліями усвоивать себѣ польскій языкъ для удовлетворенія своихъ религіозныхъ потребъ.

Мудрая политика щадитъ и бережетъ людей; добрая и плодотворная борьба есть борьба не съ людьми, а съ началами. Какія бы ни принимались мѣры, пользы не будетъ, если останется въ силѣ начало.

№ 275.

Москва, 15-го декабря.

Что могло бы содѣйствовать возвышенію православія и вмѣстѣ русской народности въ сѣверо-западномъ краѣ наравнѣ съ предполагавшимся много разъ и до сихъ поръ остающемся въ предположеніи, а можетъ быть и совсѣмъ отложеннымъ учрежденіемъ православной духовной академіи въ Вильнѣ? Ревнители православія должны бы соединить всѣ свои усилія для осуществленія этой мысли. Они должны вѣдь, кажется, желать, чтобы православіе тамъ укрѣплялось внутренно, ограждало себя духовными средствами, а не полицейскими или цензурными запретами, возвышалось надъ католицизмомъ и распространялось церковнымъ превосходствомъ пастырской дѣятельности своего духовенства. Что же мы видимъ? Мы видимъ, что чѣмъ съ бо́льшимъ кто фанатизмомъ выставляетъ себя поборникомъ православія въ сѣверо-западномъ краѣ, тѣмъ тотъ равнодушнѣе къ мысли о виленской духовной академіи, а иные даже противоборствуютъ этой мысли, хотя въ ней нѣтъ и тѣни какой-нибудь опасности. Этого нельзя не признать за знаменательный фактъ, и въ виду этого факта нельзя не усомниться въ искренности тѣхъ ревнителей православія, которые или забываютъ, или не хотятъ знать и слышать о столь важномъ и столь согласномъ съ его природой условіи его преуспѣянія. Нельзя не скорбѣть, что подобная, очевидно налганная ревность къ православію имѣетъ вліяніе на ходъ политическихъ дѣлъ въ этомъ краѣ. Другая половина западнаго края въ этомъ отношеніи счастливѣе: тамъ менѣе усердствуютъ ревнители подобнаго сорта, и ихъ голосъ оттуда почти не слышится. Тамъ правильный политическій взглядъ на положеніе и потребности края приводитъ администрацію къ проектированію мѣръ, которыя совершенно совпадаютъ съ высшими интересами православной церкви. Духовная академія въ юго-западномъ краѣ уже существуетъ издавна. Возвышенію православія политическая власть можетъ тамъ содѣйствовать лишь измѣненіемъ общихъ государственныхъ условій быта православнаго духовенства, и насъ извѣщаютъ, что главное управленіе юго-западнымъ краемъ съ разительною вѣрностью усмотрѣло главную потребность въ этомъ отношеніи.

Изъ помѣщаемаго въ сегодняшнемъ нумерѣ письма нашего кіевскаго корреспондента видно, что капитальный вопросъ объ устройствѣ быта и правахъ дѣтей тамошняго православнаго духовенства обратилъ на себя просвѣщенное вниманіе тамошней высшей администраціи и что проектъ серіозныхъ преобразованій по этой части уже представленъ въ Петербургъ. По смыслу проекта, многочисленный теперь классъ сыновей священно- и церковно-служителей

долженъ послужить основой будущаго средняго сословія въ юго-западномъ краѣ. Стоя по умственному образованію на одной степени съ тамошнею польскою интеллигенціей, этотъ классъ, и по чувству своей народности, и по религіи, принадлежитъ къ коренному мѣстному населенію и можетъ стать надежною опорой русскаго народа противъ мятежныхъ замысловъ привилегированной тамъ партіи польскихъ патріотовъ. Но для того, чтобъ эта опора оказалась дѣйствительною, необходимо прежде всего освободить дѣтей бѣлаго духовенства отъ сословной замкнутости. Сущность проекта заключается, сколько мы понимаемъ, въ томъ, чтобы считать въ духовномъ званіи только лицъ дѣйствительно занимающихъ церковныя должности; дѣтямъ священно-служителей предоставить права личнаго дворянства, такъ чтобъ они могли поступать во всѣ учебныя заведенія и затѣмъ во всѣ роды не только казенной, но и частной службы по своимъ документамъ о происхожденіи, не испрашивая особаго увольненія изъ духовнаго званія, а дѣтямъ церковно-служителей—право, по окончаніи курса въ духовныхъ семинаріяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, опредѣляться на службу въ юго-западномъ краѣ не въ одни духовныя правленія и консисторіи, а во всѣ мѣста и должности гражданскаго вѣдомства. Далѣе, такъ какъ духовенство пользуется правомъ безплатнаго обученія своихъ дѣтей въ духовныхъ училищахъ, то предположено сохранить за нимъ это право, но въ то же время распространить оное на всѣ учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства, въ особенности облегчая вступленіе дѣтей лицъ духовнаго званія въ тѣ гимназіи, гдѣ большинство учащихся—католики.

Наше законодательство относительно дѣтей священно-и церковно-служителей образовалось подъ вліяніемъ различныхъ системъ, иногда одна другой противоположныхъ, дѣйствовавшихъ у насъ въ теченіе прошлаго и нынѣшняго столѣтій, а потому пересмотръ его и согласованіе съ требованіями времени является не только для югозападнаго края, но и для всей Россіи дѣломъ настоятельной необходимости. Дѣти лицъ бѣлаго духовенства причисляются по родителямъ своимъ къ *духовному вѣдомству*, не подлежа обязанности избрать другой родъ жизни; только *лишніе* или неспособные увольняются, по ихъ просьбамъ или по волѣ мѣстныхъ епископовъ, въ гражданское вѣдомство (IX т. Св. Зак. о сост. ст. 274). Но такъ какъ вакансіи священно-и церковно-служителей открываются у насъ по большей части только со смертью, то духовное вѣдомство весьма многихъ епархій переполнено массой лицъ, по большей части окончившихъ курсъ въ семинаріи и въ праздности ожидающихъ открытія вакансій. На каждую является обыкновенно 10—15 кандидатовъ, и по замѣщеніи ея избраннымъ счастливцемъ, прочіе кандидаты остаются безъ дѣла. Кажущееся удобство этого порядка для выбора достойнѣйшихъ изъ кандидатовъ на дѣлѣ не оправдывается Служба церкви дѣлается исканіемъ куска хлѣба, и чувство призванія до такой степени глохнетъ въ этихъ многочисленныхъ искателяхъ мѣстъ, что для самыхъ настоятельныхъ потребностей церкви оказывается недостатокъ въ годныхъ исполнителяхъ, и напримѣръ миссіонерство крайне терпитъ отъ совершеннаго безлюдія. Именно въ текущемъ году церковь не имѣетъ средствъ даже просто принимать въ свое лоно тѣ многія тысячи Киргизовъ, которые пришли въ волненіе вслѣдствіе возстанія Дунгановъ и готовы перейдти въ христіанство, но ждутъ не дождутся священниковъ. Крѣпостное состояніе, въ коемъ находится у насъ бѣлое духовенство, не въ силахъ обезпечить церковь даже личными средствами. А между тѣмъ множество *своихъ людей* остающихся безъ занятій и куска хлѣба побуждаетъ епископовъ размножать церковныя мѣста или по крайней мѣрѣ воздерживаться отъ сокращенія нхъ численности, хотя бы она и была несоразмѣрна со средствами прихожанъ и слѣдовательно вела къ нищетѣ причтовъ. Съ другой стороны безпріютность священнослужительскихъ дѣтей, остающихся безъ мѣстъ, ложится тяжкимъ гнетомъ на родителей, лишая ихъ той помощи, которую родители другихъ сословій находятъ въ своихъ взрослыхъ дѣтяхъ. Лишь немногіе изъ воспитанниковъ семинарій, при невозможности или нежеланіи занять священническое мѣсто, поступаютъ либо въ гражданскую службу, либо въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній: эти рѣдкіе случаи остаются исключеніемъ изъ общаго правила; большинство же смотритъ на вы-

ходъ изъ духовнаго званія со страхомъ, потому что законодательство дѣйствительно обставило его такими запугивающими условіями, что переступить завѣтный порогъ касты можно только при извѣстной степени мужества. Этотъ страхъ особенно силенъ въ западномъ краѣ, гдѣ несмѣтное дворянство до сихъ поръ совсѣмъ оттѣсняло священнослужительскихъ дѣтей отъ государственной службы.

Наше законодательство предоставляетъ дѣтямъ священнослужителей поступать въ гражданскую службу *на равныхъ правахъ съ дѣтьми личныхъ дворянъ*, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно же постановляетъ, что если кто изъ священническихъ или дьяконскихъ дѣтей, обращаемыхъ духовнымъ начальствомъ, за излишествомъ, въ распоряженіе губернскаго правленія для избранія рода жизни, объявитъ желаніе вступить въ гражданскую службу и не поступитъ въ нее въ теченіи года, тотъ „по распоряженію казенной палаты, записывается *непремѣнно* въ одно изъ податныхъ состояній, по его избранію“ (IX т. Св. Зак. ст. 291). Въ отношеніи церковнослужительскихъ (дьячковскихъ и пономарскихъ) дѣтей, увольняемыхъ изъ духовнаго званія „не за пороки, а по собственному желанію или за излишествомъ и по неспособности къ причетническимъ должностямъ,“ законъ еще требовательнѣе: если они въ теченіе года не запишутся въ военную службу и не изберутъ податнаго состоянія, то съ ними поступается *какъ съ праздношатающимися*“ (Тамъ же ст. 293).

Такимъ образомъ, сынъ священнослужителя пользуется правами сына личнаго дворянина, но только въ случаѣ поступленія въ государственную службу; при нежеланіи же служить въ коронныхъ должностяхъ или при невозможности получить мѣсто, онъ лишается этихъ правъ и низводится въ податное состояніе Прежде, когда духовное сословіе было малочисленнѣе, когда гражданская служба, во внутреннихъ губерніяхъ, страдала отъ недостатка кандидатовъ на должности, а частная служба не имѣла никакого развитія и не представляла сколько-нибудь выгодныхъ условій, этотъ порядокъ могъ еще считаться сноснымъ. Теперь онъ оказывается крайнимъ и явно несправедливымъ стѣсненіемъ. На дѣтей лицъ духовнаго званія не распространяется даже дѣйствіе закона, по которому право почетнаго гражданства теряется лишь вслѣдствіе преступленій, влекущихъ за собой лишеніе правъ состоянія. (Тамъ же ст. 606).

Сравнивая положеніе сына нашего священника съ положеніемъ сына лютеранскаго пастора, не трудно убѣдиться, что гражданскія права ихъ, *повидимому одинаковыя*, въ сущности не имѣютъ между собою ничего общаго. Законодательство не грозитъ сыну пастора ни податнымъ состояніемъ, ни рекрутскою повинностью; оно не возбраняетъ ему и частной, нынѣ столь прибыльной дѣятельности. Вотъ что говоритъ законъ.

„Дѣти протестантскихъ не изъ дворянъ проповѣдниковъ, кромѣ рожденныхъ послѣ оставленія ими духовнаго званія, *пользуются всѣми правами, присвоенными дѣтямъ личныхъ дворянъ*.“ (Тамъ же ст. 385).

Предоставленіе такой же гражданской безопасности сыну православнаго священника оградило бы его положеніе, открыло бы ему широкую дорогу на поприщѣ служебной и частной дѣятельности и разсѣяло бы тотъ страхъ, который нападаетъ на него при мысли о выходѣ изъ духовнаго званія. Дарованіе гражданскихъ правъ дѣтямъ священно-и-церковно-служителей поведетъ за собой исключеніе изъ духовнаго званія лицъ, не посвященныхъ служенію церкви, и приписку ихъ къ городскимъ или сельскимъ обывателямъ, съ сохраненіемъ правъ по рожденію. Духовное званіе сдѣлается какъ и слѣдуетъ, достояніемъ лицъ, посвятившихъ себя службѣ у алтаря, а не ихъ женъ, сыновей и дочерей; оно не будетъ лежать тяжелымъ ярмомъ на цѣлой массѣ людей, насильно объединяемыхъ законодательствомъ въ какую-то особую породу, чуждую общей государственной жизни. Этотъ порядокъ, противорѣчащій основнымъ канонамъ церкви, держится даже въ губерніяхъ внутреннихъ лишь силой косности. Въ юго-западномъ краѣ онъ чувствуется тѣмъ тяжеле, что тамъ духовенство еще не успѣло привыкнуть къ нему, и у всѣхъ на памяти время когда въ цѣломъ краѣ не было ничего похожаго на левитство. Оттуда всего естественнѣе идти мѣрѣ, которая, будучи исполнена въ смыслѣ, согласномъ съ вышеупомянутымъ проектомъ главнаго начальника югозападнаго края, должна послужить 19-мъ февраля для нашего православнаго духовенства. Левитство не можетъ не вести къ уродливымъ послѣдствіямъ, и нѣкото-

рыя изъ нихъ, какъ напримѣръ отдача приходовъ въ приданое, нынѣ уже устраняются, не ожидая общей реформы. Но такія частныя исправленія болѣзненно отзываются на интересахъ лицъ духовнаго званія; они отнимаютъ обезпеченіе у людей, которые не могутъ имъ похвалиться. Безспорно справедливѣе начинать дѣло не отнятіемъ, а дарованіемъ правъ.

Въ западномъ краѣ допущеніе дѣтей бѣлаго духовенства къ законному пользованію ихъ гражданскими правами имѣетъ и первостепенное политическое значеніе. Какъ справедливо указываетъ нашъ кіевскій корреспондентъ, оно положитъ прочныя основы къ образованію тамъ средняго класса изъ мѣстнаго, кореннаго русскаго населенія, класса, который послужитъ естественнымъ противовѣсомъ четырехсотъ-тысячному польскому дворянству въ его революціонныхъ замыслахъ противъ Россіи.

Дворянство западныхъ губерній есть нѣчто совершенно особенное, нигдѣ не бывалое. Оно является тамъ отдѣльнымъ сословіемъ лишь по тѣмъ правамъ и преимуществамъ, которыми пользуется; само же по себѣ, оно не столько сословіе, сколько status in statu, отдѣльная нація чуждая коренному мѣстному населенію, среди котораго она разселилась, и состоящая изъ лицъ всѣхъ состояній и классовъ общества, начиная отъ землевладѣльцевъ и купцовъ и кончая земледѣльцами, мастеровыми и домашнею челядью. Мы назвали его четырехсотъ-тысячнымъ; по самымъ вѣрнымъ разчетамъ, оно скорѣе выше чѣмъ ниже этой цифры (въ которую не вошли еще 80 т. личныхъ дворянъ): 325 т. приходится на сѣверо-западный край и до 78 т. на юго-западный. Насколько оно должно одною численностью своею вліять на ходъ дѣлъ въ краѣ, можно судить по тому, что напримѣръ на Ковенскую губернію приходится дворянъ 94 т. душъ, на Минскую 73 т. и т. д.

Такая масса дворянства вовсе не слѣдствіе причинъ историческихъ, и не дѣло случая, она результатъ усиленной, подземной работы производившейся съ особенною дѣятельностью въ сѣверо-западномъ краѣ въ теченіи сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Правда, уже послѣ паденія Рѣчи Посполитой, въ западныхъ губерніяхъ оказалось больше дворянъ, чѣмъ во всѣхъ внутреннихъ губерніяхъ взятыхъ вмѣстѣ, но до теперешнихъ размѣровъ тамошнее дворянство разрослось лишь подъ русскимъ владычествомъ и именно въ то самое время когда повелѣно было принять энергическія мѣры къ уменьшенію его численности, и когда вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было затруднить переходъ въ потомственное дворянство даже кореннымъ Русскимъ, отмѣной петровскаго закона въ силу коего чины прапорщика арміи и коллежскаго ассессора давали право на потомственное дворянство. До какой степени безцеремонно и успѣшно шла польщизна наперекоръ твердо и опредѣлительно выраженной монаршей волѣ, видно изъ того, что съ 1844 по 1863 годъ, то-есть въ теченіи девятнадцати лѣтъ, численность ея увеличилась *въ одиннадцать разъ*: такъ въ Виленской губерніи въ 1844 году считалось $5\frac{1}{2}$ тыс. душъ дворянъ, въ 1857—уже 51 тыс., а въ 1863—свыше 60 тыс.

Заграничные коноводы польщизны, какъ видно, поняли, что возведеніе мѣстныхъ католиковъ въ польское дворянство Россійской имперіи есть вѣрнѣйшее средство къ ихъ ополяченію и вмѣстѣ удобнѣйшій способъ затруднить русскую администрацію чиновными шляхтичами, столько же полезными дѣлу польскихъ патріотовъ, сколько вредными Россіи. Въ западномъ краѣ явилось нѣсколько польско-еврейскихъ фабрикъ для изготовленія фальшивыхъ дворянскихъ дипломовъ XVII и XVIII столѣтій; эти дипломы продавались, какъ говорится, дешевле пареной рѣпы. Нѣкоторые изъ этихъ фабрикъ были, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ безопаснаго существованія, обнаружены, причемъ были захвачены и всѣ принадлежности для составленія подложныхъ актовъ: старые пергаменты, штампы съ *fac simile* польскихъ королей, королевскія печати и проч.; но дѣла объ этихъ фабрикахъ ловко были залушены; виновные, нажившіе болѣе или менѣе крупные капиталы, избѣжали отвѣтственности, а масса возведенныхъ этими фабрикантами во дворянство Россійской Имперіи лакеевъ, кучеровъ, мастеровыхъ, канцеляристовъ католическаго исповѣданія, была признана геральдіей и красуется теперь въ родословныхъ книгахъ нашего столбоваго дворянства. Работа эта продолжалась до самаго послѣдняго времени. Не далѣе какъ въ 1865 дочь одной православной крестьянки въ простотѣ душевной объявила себя на слѣдствіи дворянкой, потому-де что „отецъ

(незаконный) добылъ ей дипломъ на дворянство."

Между этою четырехъ-сотъ-тысячною массой привилегированныхъ и мѣстнымъ русскимъ народомъ нѣтъ посредствующаго сословія, достаточно сильнаго чтобы вліяніемъ своимъ сдерживать ея политическія увлеченія. Администрація, какъ бы ни была она сильна и благонамѣренна, не въ состояніи до такой степени войдти въ жизнь мѣстнаго населенія, чтобы служить посредствующимъ звеномъ во всѣхъ ежедневныхъ столкновеніяхъ крестьянина съ паномъ. А потому мѣстныя русскія силы, при всей способности ихъ къ развитію, до сихъ поръ въ загонѣ, до сихъ поръ еще обязаны склоняться предъ польскою національностью. Ожидаемое или по крайней мѣрѣ желаемое измѣненіе въ личномъ составѣ землевладѣльческаго класса, при всей громадной политической важности своей, не можетъ еще освободить край отъ гнета производимаго на мѣстный русскій народъ привилегированною четырехсотъ-тысячною націей польскихъ шляхтичей. Чтобы сколько-нибудь возстановить равновѣсіе, необходимо возвысить сословныя привилегіи той части мѣстнаго русскаго населенія, которая представляетъ для того наиболѣе данныхъ.

№ 276.

Москва, 16-го декабря.

А.

Появившійся въ свѣтъ первый выпускъ издаваемаго военнымъ министерствомъ *Военнаго Статистическаго Сборника*, столь замѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ, о которомъ на дняхъ довелось намъ упомянуть, наводитъ насъ на размышленія, составлявшія неоднократно предметъ нашихъ бесѣдъ съ читателями. Мы не можемъ не придавать особенной въ настоящее время важности вопросу о національной оборонѣ. Крымская война выказала нашу слабость не на одномъ морѣ. Она показала, что и наша сухопутная граница точно также можетъ быть предметомъ непріятельскаго нападенія, и что она защищена недостаточно. Въ то время, когда наша армія сражалась на югѣ, двуличное положеніе, принятое Австріей, понудило насъ не только держать во все время войны сильный корпусъ на Волыни, но и озаботиться вооруженіемъ укрѣпленнаго лагеря при Луцкѣ и Рожищѣ. Пруссія сохраняла тогда нейтралитетъ, и мы съ этой стороны не подвергались по крайней мѣрѣ непосредственной опасности. Конечно, только благодаря этому обстоятельству не была всѣми замѣчена наша слабость и въ сѣверо-западномъ краѣ.

Послѣдняя Австро-Прусская война совершенно измѣнила положеніе на нашей западной границѣ. Вмѣсто прежней слабой Пруссіи, мы имѣемъ теперь въ сосѣдствѣ могущественное государство, собравшее въ одно плотное цѣлое силы всей Германіи, которымъ придано чрезвычайное, доселѣ небывалое развитіе. Съ утратой итальянской части своихъ владѣній, другой нашъ сосѣдъ, Австрія избавилась отъ постояннаго врага, державшаго силы ея въ непрерывномъ напряженіи и отвлекавшаго ихъ на западъ. Испытавъ послѣднее пораженіе, Австрія реорганизовала свою армію и поставила ее совершенно на новую ногу. Только наши оборонительныя силы за это время не возрасли или возрасли, относительно, весьма мало.

Нѣсколько времени тому назадъ, мы попытались обозрѣть, въ стратегическомъ отношеніи, положеніе нашей западной границы (*Моск. Вѣд.* №№ 190, 191 и 192). Мы не могли не сознаться, что на всей этой границѣ, только Царство Польское обладаетъ сильными оборонительными средствами. Крѣпости Новогеоргіевскъ, Александровская цитадель и Ивангородъ составляютъ надежную передовую линію, трудную для обхода (при локализаціи военныхъ дѣйствій) и представляющую одинаковыя удобства какъ въ наступательной, такъ и въ оборонительной войнѣ. Подъ прикрытіемъ этихъ крѣпостей и при желѣзной дорогѣ изъ Бреста въ Варшаву, наша армія можетъ удобно маневрировать на обоихъ берегахъ Вислы, а потерпѣвъ неудачу на Вислѣ, она найдетъ себѣ близкое укрытіе въ Брестѣ. Еслибы Царство Польское не подлежало обходу, это была бы превосходная передовая позиція для всей нашей западной границы. Тогда, дѣйствительно, крѣпости на Вислѣ составляли бы нашу первую оборонительную линію, Брестъ-Литовскъ вторую, и Динабургъ, Бобруйскъ и Кіевъ третью, хотя и слишкомъ отдаленную. Когда воздвигались эти крѣпости,

соотношеніе силъ Россіи, Австріи и Пруссіи было таково, что обходъ нашей позиціи въ Царствѣ Польскомъ вовсе и въ разчетъ не принимался. Наши силы казались едва ли не значительнѣе соединенныхъ силъ Пруссіи и Австріи, а объ этихъ державахъ можно было предполагать, что соединенное дѣйствіе ихъ не будетъ долговременнымъ и не доведетъ никакой серіозной войны до рѣшительнаго конца. Теперь причинъ къ антагонизму между Австріей и Пруссіей стало меньше, а интересовъ, способныхъ соединять ихъ, стало больше, и въ то же время военныя силы и того и другаго изъ этихъ государствъ порознь почти равняются нашимъ. Но этого мало; въ прежнюю пору, когда желѣзныхъ дорогъ не было, силы Пруссіи и Австріи не были сосредоточены, какъ теперь, и удаленіе Царства Польскаво отъ центра Имперіи было менѣе чувствительно. Въ случаѣ войны наши сосѣди легко могутъ теперь, въ одно и то же время, не только выставить армію достаточно сильную для дѣйствія противъ насъ въ Царствѣ Польскомъ, но и одновременно двинуть другую армію на Вильну, въ сѣверо-западномъ краѣ, или на Волынь. Въ этомъ случаѣ обнаружилась бы, на самомъ дѣлѣ, полная беззащитность нашей западной границы. Съ одними полевыми войсками на театрѣ военныхъ дѣйствій, лишенномъ крѣпостей, дающихъ возможность продолжительно удерживать за собою обороняемое пространство, и не связанномъ желѣзными дорогами со средоточіемъ государства, военныя дѣйствія могутъ принять характеръ случайный и дать мѣсто событіямъ неожиданнымъ и несовмѣстнымъ съ достоинствомъ великой державы. Нельзя не согласиться, что коль скоро Царство Польское подлежитъ обходу, оборонительная линія на Вислѣ не прикрываетъ собою ни сѣверо-западнаго, ни юго-западнаго края, и каждый изъ нихъ долженъ имѣть самостоятельную систему обороны. Въ цитованныхъ выше статьяхъ нашихъ мы старались показать первенствующее для обороны значеніе такихъ пунктовъ какъ Вильна для сѣверо-западнаго края и Староконстантиновъ для юго-западнаго. Мы не могли не убѣдиться также и въ крайней необходимости Московско-Брестской желѣзной дороги, а также линіи долженствующей соединить сѣверо-западный и юго-западный театры военныхъ дѣйствій, отъ Вильны черезъ Минскъ на Бобруйскъ и Житоміръ, или на Бобруйскъ, Черниговъ и Нѣжинъ. Вильна есть дѣйствительный центръ сѣверо-западнаго края какъ административный, такъ и военный. Это естественный пунктъ сосредоточенія нашихъ войскъ и ключъ театра войны въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ политическомъ отношеніи Вильна всегда была центральнымъ узломъ польской интриги, мечтающей о границахъ 1772 года. Съ занятіемъ Вильны непріятель могъ бы достигнуть огромныхъ и самыхъ бѣдственныхъ для насъ результатовъ. Занятіемъ ея было бы отрѣзано Царство Польское отъ прямаго сообщенія съ Петербургомъ и съ внутреннею Россіей, и открылся бы широкій просторъ для дѣйствія на легкомысліе поляковъ и для возбужденія ихъ къ малой войнѣ. При быстромъ занятіи Вильны непріятель раздѣлилъ бы наши войска занимающія сѣверо-западный край, и не встрѣтилъ бы серіозныхъ препятствій къ дальнѣйшему вторженію.

Въ юго-западномъ краѣ, гдѣ единственная крѣпость Кіевъ отстоитъ на 400 верстъ отъ границы, предпріимчивый непріятель не только можетъ легко захватить Волынь и Подолію и воспользоваться всѣми средствами этого богатаго края для веденія войны, но и воспрепятствовать соединенію нашихъ войскъ, расположенныхъ на побережьи Чернаго моря, съ войсками дѣйствующими подъ Кіевомъ. Здѣсь важное стратегическое значеніе имѣетъ Староконстантиновъ. Городъ этотъ лежитъ довольно близко къ строящейся желѣзной дорогѣ, онъ есть центральный пунктъ между Полѣсьемъ, австрійскою границей и Бессарабіей. Находясь на прямомъ пути изъ Кіева въ Волочискъ, онъ есть пунктъ пересѣченія дорогъ изъ Новграда-Волынска, Острога, Ровна, Дубна, Волочиска и Каменецъ-Подольска. Онъ довольно далеко отстоитъ отъ границы, чтобы дать возможность расположенной на Волыни и Подолѣ арміи сосредоточиться при наступленіи непріятеля и безпрепятственно маневрировать во всѣхъ направленіяхъ. Въ Староконстантиновѣ наша армія при войнѣ съ Австріей, можетъ быть взята только съ фронта. Непріятель не двинется между нимъ и Полѣсьемъ, изъ опасенія быть отброшеннымъ къ послѣднему; не пойдетъ точно также и южнѣе, дабы не потерять своихъ сообщеній.

Желѣзныя дороги Московско-Брестская

и Московско-Кіевская, съ ихъ вѣтвями, и два укрѣпленные лагеря въ Вильнѣ и Староконстантиновѣ, съ нѣсколькими второстепенными укрѣпленіями (въ Гроднѣ и Ковнѣ для обороны переправъ на Нѣманѣ и прегражденія желѣзныхъ дорогъ, въ Дубнѣ или Луцкѣ для охраненія сообщеній между Царствомъ Польскимъ и юго-западнымъ краемъ), вотъ главныя опоры для обороны Задвѣнровья. Пока этихъ опоръ не имѣется, Россія не можетъ извлечь для себя выгоды изъ своей мощной позиціи въ Царствѣ Польскомъ, и до тѣхъ поръ нельзя сказать, что она занимаетъ въ международномъ мірѣ вполнѣ подобающее ей мѣсто. Еслибы даже никогда дѣло не дошло до войны, то самая возможность нашего пораженія въ этихъ мѣстахъ есть уже величайшая невыгода, ослабляющая европейское положеніе Россіи и понижающая для ея сосѣдей цѣну союзовъ съ нею. Если мы желаемъ прочнаго мира и вѣрныхъ союзниковъ, то лучше всего обезпечимъ эти блага уничтоженіемъ такой возможности.

Стратегія, въ своемъ высшемъ значеніи, идетъ объ-руку съ политикой. Если радикально измѣнилось въ отношеніи къ намъ европейское положеніе Пруссіи и Австріи, если первая изъ слабой державы сдѣлалась сильною, изъ положенія оборонительнаго перешла въ наступательное, а вторая изъ державы дружественной стала державой готовою ежеминутно къ непріязненнымъ столкновеніямъ съ нами, то очевидно, что система обороны, построенная при прежнихъ условіяхъ, можетъ и не соотвѣтствовать новымъ. Прежде мы могли много думать о наступленіи и мало объ оборонѣ, и потому не мудрено, что тогда у насъ имѣли популярность противники крѣпостей и систематической обороны. Россія недосягаема, говорятъ у насъ нерѣдко, вслѣдствіе своей обширности. Если понадобится, войска могутъ отступать въ глубь государства на сотни и тысячи верстъ; какъ бы ни былъ силенъ непріятель, онъ погибнетъ при этомъ движеніи до Волги и Урала, и мы всегда выйдемъ побѣдителями, какъ вышли въ 1812 году. Надо спросить у этихъ господъ, возводящихъ въ систему отступленіе 1812 года, дѣйствительно ли они думаютъ то что говорятъ. Генералъ Фуль и полковникъ Вольцогенъ могли предлагать отступленіе до Урала, и возводить такое отступленіе до значенія системы. Теоретики и люди чуждые русскому народу, они не принимали къ сердцу ни разоренія государства, ни страданія милліоновъ русскихъ людей. Но отъ сочиненія такого рода теоріи до ея примѣненія къ дѣлу — разстояніе большое. Въ отечественную войну, наша армія предпочитала смерть отступленію; она рвалась своими трупами оградить цѣлость государства, и отступленіе ея было вынуждено частію ошибочнымъ расположеніемъ предъ началомъ кампаніи, а еще болѣе чрезмѣрнымъ превосходствомъ непріятельскихъ силъ. Полагать, что армія 1812 года отступала когда могла не отступать, значило бы наносить ей незаслуженную обиду, и не цѣнить ея геройскаго самоотверженія.

Отчасти взглядъ этотъ на оборону нашего государства обозначился выборомъ оборонительныхъ линій по Двинѣ и Днѣпру, тогда какъ для защиты государства крѣпости должны быть выдвигаемы къ границѣ, а не располагаемы глубоко внутри страны. Динабургъ, Бобруйскъ и Кіевъ могутъ задержать непріятеля только въ ту пору, когда онъ, вторгнувшись внутрь, уже займетъ и разоритъ цѣлую треть Европейской Россіи. Но тогда поздно будетъ собираться съ силами. Войска и крѣпости для того и имѣются, чтобы предотвратить бѣду вовремя, и не допустить государство до разоренія. Въ 1812 году, мы могли хладнокровно смотрѣть на занятіе непріятелемъ нашего западнаго края. Вѣковая рознь разобщила обѣ половины Россіи, и нѣсколько лѣтъ соединенія, при взглядѣ господствовавшемъ тогда на западныя губерніи какъ на чужія провинціи, не могли сблизить ихъ. Теперь не то. Сознаніе государственнаго единства уже созрѣло у насъ. 1863 годъ будетъ въ этомъ отношеніи эпохой. Обѣ половины Руси узнали другъ друга и теперь неразрывны. Прежде, обороняя только восточную половину Имперіи, мы могли отодвигать наши укрѣпленія до Двины и Днѣпра; теперь, въ нашей національной оборонѣ, мы должны крѣпко стоять на Нѣманѣ и Вислѣ.

Б.

18-го декабря совершится сто лѣтъ со дня рожденія митрополита Евгенія, одного изъ тѣхъ славныхъ іерарховъ русскихъ, которые, проповѣдуя слово Божіе и строго исполняя священныя обязанности, па-

стыреначальника, вмѣстѣ съ тѣмъ близко принимали къ сердцу интересы науки и заняли почетное мѣсто въ средѣ ея дѣятелей. Алкающій знанія умъ сказался въ знаменитомъ архипастырѣ еще въ ранней молодости. Прибывъ изъ Воронежской семинаріи въ Московскую духовную академію, онъ записался и въ Московскій университетъ, гдѣ будущій митрополитъ Кіевскій слушалъ лекціи нравственной философіи и политики, физики, французскаго и нѣмецкаго языковъ. Многостороннее полученное имъ образованіе отразилось на ученыхъ трудахъ его, которые, кромѣ догматическаго богословія, исторіи церкви и духовнаго краснорѣчія оставили глубокій и плодотворный слѣдъ въ русской исторіи, библіографіи, палеографіи, этнографіи, археологіи и правѣ, даже въ филологіи и естествовѣдѣніи. Такая, можно сказать, всеобъемлющая умственная дѣятельность едва вѣроятна среди безпрерывныхъ пастырскихъ трудовъ іерарха, занимавшаго послѣдовательно Вологодскую, Псковскую и Кіевскую каѳедры, принимавшаго участіе въ правительственныхъ трудахъ св. синода, дѣятельно способствовавшаго устройству училищъ духовнаго вѣдомства и установленію отношеній церкви къ раскольникамъ. Ученая дѣятельность митрополита Евгенія была въ свое время почтена призваніемъ его въ почетные члены академіи наукъ, всѣхъ русскихъ университетовъ и едва ли не всѣхъ ученыхъ обществъ.

И теперь столѣтняя годовщина его рожденія приводитъ въ движеніе наши ученыя общества. Московское Общество Любителей Россійской Словесности предположило устроить завтра, въ воскресенье, особое засѣданіе, посвященное памяти бывшаго своего почетнаго члена. Воронежскій статистическій комитетъ предполагаетъ издать его переписку съ графомъ Н. П. Румянцовымъ. Въ Новгородѣ приготовляется къ печати собраніе его писемъ, къ бывшему профессору Казанскаго университета Городчанинову; въ Полтавѣ — особое посвященное его ученымъ заслугамъ изслѣдованіе; въ *Вологодскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* уже напечатанъ рядъ статей о немъ; въ Кіевѣ, въ *Трудахъ* тамошней духовной академіи, напечатано также нѣсколько важныхъ статей, касающихся жизни и ученыхъ его заслугъ; наконецъ при Императорской публичной библіотекѣ приготовляется особый сборникъ неизданныхъ о немъ свѣдѣній, подъ названіемъ *Евгіевскаго Сборника*.

Мы съ живѣйшимъ сочувствіемъ заносимъ въ столбцы нашей газеты эти свидѣтельства признательности русскаго общества къ заслугамъ оказаннымъ просвѣщенію знаменитымъ іерархомъ; чтя память умершихъ дѣятелей науки, общество побуждаетъ къ труду и живыхъ. Безъ сомнѣнія, оно обнаружитъ не менѣе сочувствія къ памяти и другаго замѣчательнаго дѣятеля русской литературы, со дня рожденія котораго чрезъ нѣсколько недѣль минетъ столѣтіе и имя котораго принадлежитъ къ популярнѣйшимъ между русскими писателями, — Крылова.

№ 277.

Москва, 18-го декабря.

Можно сказать, что при современномъ состояніи военнаго искусства оборонительную силу государства образуютъ три главные элемента: армія, правильно устроенная сѣть желѣзныхъ дорогъ и система укрѣпленій заранѣе сооруженныхъ на вѣроятномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Мы не говоримъ, конечно, о характерѣ народа и о развитія народныхъ силъ: эти основы всякой государственной дѣятельности создаются исторіей и не подлежатъ измѣненію въ короткій срокъ. Россія можетъ гордиться своею арміей. Имѣя за собою славное прошедшее, проникнутая чувствомъ преданности къ престолу и отечеству, доходящимъ до дѣйствительнаго и притомъ спокойнаго самоотверженія, она способна занять видное мѣсто въ ряду европейскихъ армій. Введеніе раціональныхъ основаній въ ея хозяйственную часть, преобразованія въ организаціи ея управленія, отмѣна тѣлесныхъ наказаній, многія мѣры по устройству военныхъ училищъ и особенно по распространенію образованія въ нижнихъ чинахъ, наконецъ недавнее весьма серіозное улучшеніе формъ военнаго судопроизводства, могутъ считаться весьма цѣннымъ придаткомъ нынѣшняго времени къ тому что было имъ унаслѣдовано. Нашъ солдатъ перерождается. Теперь это уже не автоматъ, выдѣлавшій ударами палки по извѣстному образцу и предназначенный для того чтобы вѣчно учиться, ничему не выучиваясь. Нашъ теперешн-

ній солдатъ смотритъ бодро, разсудительно и открыто; онъ ловокъ и по большей части грамотенъ; онъ видитъ, что о его благѣ заботятся, и сочувственно относится къ службѣ. Дисциплина въ арміи стоитъ высоко, и на ослабленіе ея могутъ жаловаться развѣ только тѣ, кому трудно подняться до уровня теперешняго времени. Въ 1863 году значительной части нашей арміи пришлось вести партизанскую войну на западной окраинѣ государства, и нашъ солдатъ оказался неутомимымъ, смѣтливымъ и послушнымъ: не его вина, если мятежъ длился болѣе нежели долженъ былъ длиться. Нѣтъ ни малѣйшей причины смотрѣть на нашу армію пессимистическими глазами; не видно причины смущаться опасеніями за будущее и останавливаться на серединѣ раціонально избраннаго пути улучшеній: дѣйствительную силу, особенно въ европейской войнѣ, даетъ арміи не одинъ составъ нижнихъ чиновъ, который у насъ, какъ матеріалъ для войны, безподобенъ, не одно устройство административной или хозяйственной части въ арміи, но и составъ корпуса офицеровъ и генераловъ, усовершаемый такою системой повышенія, которая выдвигала бы людей достойныхъ и боевыхъ, а не случайныхъ, коихъ боевыя качества сомнительны; одинаковое значеніе имѣютъ и система строеваго обученія соотвѣтствующая боевымъ требованіямъ, поддерживающая живую связь между отдѣльными частями арміи, и надлежащее вооруженіе, ручное и артиллерійское, и наконецъ раціональное въ педагогическомъ и политическомъ отношеніи устройство военно-учебной части. Все въ арміи должно совершенствоваться одностепенно, въ общей связи и гармоніи; при улучшеніи въ одной части, недостатки по другимъ частямъ выставляются въ болѣе яркомъ свѣтѣ. Это относится и къ тѣмъ элементамъ обороны, о которыхъ упомянуто выше наряду съ арміей. Хорошо, если государство обладаетъ войскомъ удовлетворительно организованнымъ, правильно дисциплинированнымъ, вооруженнымъ не хуже сосѣдей и способнымъ для дѣйствій наступательныхъ, но еще лучше, если и войско хорошо и другіе элементы государственной обороны, сѣть желѣзныхъ дорогъ и систематическое размѣщеніе укрѣпленій, также соотвѣтствуютъ требованіямъ времени. Успѣшно воевать безъ желѣзныхъ дорогъ, когда противникъ владѣетъ ими въ изобиліи, не можетъ никакая армія, ибо армія дѣйствующая безъ ихъ пособія будетъ повсюду опаздывать и во всемъ нуждаться. Безъ желѣзныхъ дорогъ быстрое сосредоточеніе арміи предъ войной—невозможность; а мы видимъ, что всѣ войны послѣдняго времени начинались и быстро и неожиданно. За нѣсколько дней до начала Италіянской (1859) и Австро-Прусской (1866) войнъ нельзя было сказать съ достовѣрностію идетъ ли дѣло къ войнѣ или къ миру; въ эти нѣсколько дней войска были быстро сосредоточены; военныя дѣйствія начинались сразу, и притомъ огромными массами. Кто будетъ отрицать, что прежде-временное сосредоточеніе войскъ на извѣстномъ пунктѣ для Россіи труднѣе нежели для какой-либо другой европейской державы? Если мы сосредоточимъ войска на югѣ, война можетъ вспыхнуть въ Литвѣ; сосредоточимъ ихъ въ Литвѣ—опасность можетъ грозить намъ на Волыни, въ Бессарабіи или за Кавказомъ. Имѣть сильныя арміи всюду, какъ хотѣли мы въ войну 1853—1856 годовъ, не значитъ ли это истощать свое государство и быть слабымъ вездѣ? Да и что назвать теперь сильными арміями, когда сосѣди могутъ въ нѣсколько дней высылать въ поле по 200 тысячъ человѣкъ? Ни одинъ Русскій не хочетъ чтобы Россія сошла съ мѣста великой державы. Россія не можетъ бояться войны,—не можетъ руководиться чувствомъ страха въ своей политикѣ, какъ внѣшней, такъ и внутренней. Но нельзя подумать безъ содраганія сколько лишней крови будетъ пролито и сколько денегъ погублено, если Россіи придется вести войну на своей западной границѣ прежде нежели Царство Польское будетъ соединено рельсами съ Москвой. Нельзя также не видѣть, что отсутствіе этого пути должно ободрять нашихъ сосѣдей къ излишней притязательности и располагать ихъ къ такимъ комбинаціямъ, изъ которыхъ можетъ произойдти столкновеніе. Медлить сооруженіемъ этой необходимѣйшей послѣ событій 1866 г. линіи значитъ рисковать самыми существенными интересами государства. Кровь человѣческая не можетъ быть оцѣнена никакими деньгами, но тѣ лишніе расходы, въ которые, при неимѣніи этой линіи, въ случаѣ войны должна будетъ войдти Россія, будутъ значительно больше того, во что

обошлась бы вся дорога отъ Москвы до Бреста. Противъ этого никто не споритъ, но многіе высказываютъ мнѣніе, будто эта дорога невыгодна въ экономическомъ отношеніи и будто бы потому Россія не имѣетъ возможности строить ее, а должна во что бы то ни стало избѣгать войны и дружить съ Пруссіей, дабы не подвергнуться опасности со стороны этой державы. Что можетъ быть однако недостойнѣе такой политики? Скажемъ болѣе: что можетъ быть безразсуднѣе ея? Ухаживать за Пруссіей не значитъ ли это содѣйствовать усиленію сосѣда имѣющаго множество отдѣльныхъ, иногда противоположныхъ нашимъ интересовъ, и слѣдовательно ставить себя къ нему въ положеніе все болѣе и болѣе зависимое? Кто дорожитъ союзомъ съ Пруссіей, тотъ именно долженъ желать такого положенія вещей, при которомъ Пруссія не была бы вводима въ искушеніе измѣнить дружбѣ съ нами. Пруссія усиливаетъ средства не только своей обороны, но и своего наступленія: волей или неволей мы должны дѣлать то же, если хотимъ оставаться великою державой. Вглядимся пристально въ европейскія дѣла, и нетрудно будетъ усмотрѣть, что теперешнимъ довольно почетнымъ положеніемъ своимъ въ совѣтахъ Европы, Россія обязана единственно той напряженности, которая еще господствуетъ между европейскими державами вслѣдствіе событій 1866 года, и при которой Россія, воздерживаясь отъ союзовъ, можетъ являться рѣшительницей спорныхъ вопросовъ. Но это положеніе дѣлъ зависитъ отъ случайныхъ обстоятельствъ, сила которыхъ не можетъ продержаться долго. А какъ только исчезнетъ теперешняя напряженность международныхъ отношеній, и за Россіей останется лишь ея собственный вѣсъ, она разомъ упадетъ въ ничтожество, если не воспользуется теперешнимъ временемъ и не поставитъ себя въ возможность бороться съ Пруссіей. То, что мы говоримъ, не есть пессимизмъ, не есть предположеніе, не есть одна мысль. Зависимость Россіи отъ Пруссіи есть реальность, всѣми сознаваемая и всѣми принимаемая въ разчетъ. Примиримся ли мы съ этимъ положеніемъ? Если нѣтъ, то мы должны энергически заботиться о своей защитѣ сообразно новымъ обстоятельствамъ происшедшемъ изъ Австро-Прусской войны 1866 года. Мы должны по меньшей мѣрѣ сдѣлать у себя то же, что сдѣлано Австріей. Въ какихъ же размѣрахъ должны мы увеличить нашу армію, чтобы возстановить прежнее отношеніе силъ каждой изъ трехъ сѣверныхъ державъ? Не будетъ ли *экономически* выгоднѣе избѣжать увеличенія войска построеніемъ той желѣзной дороги, которая дозволитъ намъ держать на сто или даже на двѣсти тысячъ меньше солдатъ чѣмъ теперь, и пользоваться всѣми результатами нашихъ прежнихъ международныхъ успѣховъ? Тутъ прямая экономическая выгода. Построивъ Московско-Смоленско-Брестско-Варшавскую желѣзную дорогу, мы разомъ возстановимъ себя въ Европѣ; мы предотвратимъ возможность европейской коалиціи противъ насъ и обезпечимъ европейскій миръ; мы сбережемъ не только громадную часть издержекъ возможной войны, но и будемъ сберегать ежегодно значительную долю издержекъ на содержаніе требуемой нашимъ европейскимъ положеніемъ арміи. До Австро-Прусской войны настоятельнѣйшей необходимостью была лишь Московско-Кіевско-Одесская желѣзная дорога: со времени этой войны общее благосостояніе отечества, его миръ, его успѣхи внутренніе, можно сказать вся его будущность условливается скорѣйшимъ сооруженіемъ Московско-Смоленско-Брестской желѣзной дороги, безъ которой Россія только случайно можетъ играть свою прежнюю роль великой державы. Умѣстно ли затрудняться вопросомъ о доходности дороги столь настоятельно нужной? Колебаться тутъ нечего и никогда. Вопросъ о доходности этой дороги рѣшитъ будущее. Оно докажетъ, что не можетъ быть малодоходна дорога дающая Москвѣ и всѣмъ пунктамъ примыкающимъ къ ней желѣзными дорогами прямое сообщеніе съ сѣверо-западнымъ краемъ, Царствомъ Польскимъ и центральною Европой.

Теперь самая благопріятная минута, чтобы взяться за это великое дѣло. На заграничные капиталы для него нельзя разчитывать, но положеніе нашихъ финансовъ въ нынѣшнемъ году на столько благопріятно, что не подлежитъ сомнѣнію возможность удѣлить изъ средствъ казначейства потребную сумму для серіознаго приступа къ работамъ. Такое рѣшеніе было бы тѣмъ благовременнѣе, что доставило бы заработки мѣстностямъ, сильно страдающимъ отъ неурожая: кто отрицаетъ эти страда-

нія, тотъ скрываетъ истину или не знаетъ ея. Наконецъ и въ урожайный годъ сокращать число людей работающихъ при стройкѣ желѣзныхъ дорогъ со ста тысячъ человѣкъ (столько работало прошлымъ лѣтомъ на желѣзныхъ дорогахъ центральной Россіи) на какія-нибудь десять тысячъ значитъ производить чувствительное потрясеніе въ экономическихъ интересахъ страны, что вовсе нежелательно, ни вообще, ни въ особенности, въ тѣхъ видахъ, чтобы развитіе желѣзно-дорожнаго дѣла совершалось у насъ правильно и послѣдовательно, безъ перерывовъ.

Но, какъ сказано, и желѣзныя дороги еще не все. Наши пространства такъ велики, что и при желѣзныхъ дорогахъ мы болѣе какой бы то ни было другой страны нуждаемся въ томъ обезпеченіи обороны, которое даютъ крѣпости, укрѣпленные лагери и вообще опорные пункты, воздвигаемые заранѣе и въ обдуманной связи, на вѣроятномъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Они придаютъ дѣйствіямъ полевой арміи извѣстную стойкость, и дозволяютъ численно-слабому отряду выдержать сильный напоръ.

Пренебреженіе этимъ элементомъ обороны не разъ отзывалось горькими послѣдствіями для первоклассныхъ европейскихъ государствъ. Послѣ потрома 1805 года, Австрія обратила все свое вниманіе на устройство и усовершенствованіе арміи. Все ей при этомъ благопріятствовало. Побѣды Наполеона заставляли напрягать всѣ способности для правильнаго развитія военныхъ силъ, а личный составъ австрійской арміи, генераловъ и солдатъ, былъ боевой по преимуществу. Наполеонъ былъ однако болѣе искусный полководецъ нежели эрцгерцогъ Карлъ, и потому, отразивъ его, въ 1809 г., въ пятидневномъ бою въ окрестностяхъ Регенсбурга, Наполеонъ безпрепятственно достигъ до Вѣны. Отлично устроенная армія не спасла государства, ибо всякая армія сильна, а часто даже и существуетъ только до перваго пораженія, тогда какъ укрѣпленія, вовремя устроенныя подъ Линцомъ или Энномъ, спасли бы Австрію или по крайней мѣрѣ дали бы ей возможность собраться съ силами.

По поводу статей нашихъ (№ 190, 191 и 192), въ которыхъ мы разсматривали стратегическое положеніе нашего западнаго пограничнаго пространства и указывали на средства усиленія въ немъ обороны, *Русскій Инвалидъ* высказалъ согласіе съ нами въ необходимости проведенія Московско-Брестской желѣзной дороги и соединительной вѣтви между сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ краями; онъ видитъ въ этихъ путяхъ лучшихъ помощниковъ для дѣятельной обороны, но онъ не раздѣляетъ нашего мнѣнія о необходимости сооружать укрѣпленія подъ Вильной и Старокоистантиновомъ и нѣкоторыя второстепенныя постройки на другихъ пунктахъ. Несогласіе свое *Русскій Инвалидъ* основываетъ на слѣдующихъ трехъ положеніяхъ: 1) крѣпости не имѣютъ теперь того значенія, какое имѣли въ прежнее время; 2) постройка ихъ обходится дорого, и 3) Россіи болѣе приличествуетъ оборона активная, нежели пассивная, заставляющая отсиживаться въ крѣпостяхъ. Противъ послѣдняго изъ этихъ положеній мы никогда не говорили, а напротивъ самое укрѣпленіе нашей западной границы мотивировали именно необходимостью доставить нашимъ арміямъ возможность активной обороны. Мы тоже совершенно согласны со вторымъ положеніемъ, но оно къ намъ не относится, потому что у насъ шла рѣчь о дешевыхъ укрѣпленіяхъ. Что же касается до перваго положенія, то хотя мы признаемъ его силу, однако не можемъ принять его безъ нѣкоторыхъ ограниченій.

„Хорошо было щедриться на крѣпости въ прежнее время, когда дѣйствія производились небольшими арміями, и укрѣпленія, даже самыя плохенькія, представляли уже серіозную задачу для атаки. Тогда онѣ дѣйствительно могли расти какъ грибы. Не то теперь.“ Все это совершенно вѣрно. Намъ кажется однако, что взятіе крѣпостей и въ настоящее время вовсе не такъ легко, а напротивъ составляетъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ современнаго искусства. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значеніе крѣпостей даже усилилось. Прежде занятіе крѣпости было тождественно съ занятіемъ одного какого-нибудь пункта; теперь, когда крѣпости располагаются въ системѣ, весь ходъ оборонительной войны много зависитъ отъ болѣе или менѣе раціональнаго ихъ расположенія и умѣнья полководца пользоваться доставляемымъ ими прикрытіемъ. Сомнѣніе въ пользѣ крѣпостей въ первый разъ было возбуждено странною сдачей прусскихъ крѣпостей въ 1806 году, бывшею слѣдствіемъ совершеннаго упадка духа въ націи и арміи. Эта

сдача была причиной, что въ послѣдовавшій за нею періодъ нашлись люди, полагавшіе, что защита страны должна основываться на однихъ дѣйствующихъ войскахъ, то-есть на элементѣ подвижномъ. Но уже австрійская война 1809 года опровергла этотъ парадоксъ. А что говорятъ намъ новѣйшія войны? Въ австрійско-итальянскую войну занятіе Вероны способствовало Радецкому, послѣ очищенія Ломбардіи, удержаться на Эчѣ и выждать подкрѣпленій. Потеря Венеціи и упорная ея оборона Итальянцами замедлили окончаніе кампаніи и подавленіе возстанія въ сѣверной Италіи. Въ венгерскую войну, взятіе Венграми Коморна повлекло для Австрійцевъ потерю Офена и дало возстанію возможность держаться на Дунаѣ и значительно усилиться. Въ первую датскую войну, еслибы Датчане потеряли Фридерицію, они не могли бы овладѣть Ютландіей. Въ Севастополѣ наша армія продержала Англо-Французовъ на одномъ мѣстѣ 11 мѣсяцевъ, отчего вся война окончилась осадой одного пункта. Подъ Севастополемъ наша армія сражалась со славой, тогда какъ та же армія не могла бороться въ полѣ и часть ея понесла пораженіе подъ Альмой, несмотря на выгодную позицію. Наконецъ въ 1859 году, побѣдоносное движеніе Французовъ остановилъ созданный Австріей классическій четыреугольникъ. Иные разчеты побудили австрійское правительство заключить миръ, но еще теперь памятно общее впечатлѣніе отъ прекращенія военныхъ дѣйствій въ такое время, когда успѣхъ безъ сомнѣнія могъ еще вернуться на сторону Австрійцевъ. Во всякомъ случаѣ только австрійскимъ крѣпостямъ Италія должна приписывать то, что не освободилась до Адріатическаго моря еще въ 1859 году, а въ 1866 году Австрія имѣла успѣхъ только въ предѣлахъ того же своего знаменитаго четыреугольника.

№ 278.

Москва, 19-го декабря.

Австро-прусская война 1866 г. совершенно измѣнила соотношеніе между силами Россіи, Австріи и Пруссіи, существовавшее со временъ Ахенскаго конгресса почти безъ измѣненія. Пруссія не только преобразовалась въ Сѣверо-Германскій Союзъ, или правильнѣе подчинила себѣ сѣверную Германію, но и силы южной Германіи находятся также въ ея распоряженіи. Въ случаѣ войны Пруссія обладаетъ арміей свыше милліона. Конечно, это такія силы, которыми никогда не придется ей воспользоваться въ полномъ составѣ, но съ тѣмъ большею легкостью и удобствомъ могутъ получить примѣненія меньшія, все еще чрезмѣрныя силы. Нельзя не согласиться съ сообщенными намъ сегодня по телеграфу словами французскаго министра; въ наше время, когда истинныя отношенія между государствами еще не выяснились вполнѣ, дѣйствительно слѣдуетъ быть готовымъ на многое. Въ свое время Пруссія подала намъ прекрасный примѣръ. Съ 1813 года она была единственнымъ государствомъ въ Европѣ, съ которымъ наша дружба и искренность отношеній, при союзѣ царственныхъ домовъ, не подлежала ни малѣйшему сомнѣнію. Несмотря на это, въ 1842 г. прусское правительство рѣшило соорудить въ сторонѣ нашихъ границъ первоклассную крѣпость въ Кенигсбергѣ, второклассную въ Летценѣ и частью переустроить, частью усилить всѣ остальныя крѣпости, лежавшія на восточной границѣ Пруссіи. Работы эти начались тогда же; въ послѣдніе годы онѣ требовали экстренныхъ ассигновокъ и въ будущемъ году приходятъ къ совершенному окончанію. Одновременно съ этимъ развивались и военныя силы. Пруссія отъ этого только выиграла. Если мы прежде не покусились бы на ея спокойствіе вслѣдствіе дружескихъ отношеній, то очевидно, что теперь этому покушенію поставлены болѣе серіозныя преграды, нежели шаткая увѣренность въ политической дружбѣ сосѣда.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить, что при современномъ положеніи дѣлъ важнѣйшій и наименѣе оборонительный пунктъ на нашей западной границѣ, пунктъ, занятіе котораго непріятелемъ поставило бы насъ въ самое тягостное положеніе, есть Вильна. Городъ этотъ находится не вдалекѣ отъ Восточной Пруссіи, гдѣ разнообразіе сообщеній дѣлаетъ удобнымъ быстрое сосредоточеніе войскъ, а множество крѣпостей доставляютъ странѣ возможность устойчивой обороны. Занятіе Вильны отрѣзываетъ Царство Польское отъ прямаго сообщенія по желѣзной дорогѣ съ Петербургомъ и ставитъ армію

дѣйствующую въ Царствѣ, при отсутствіи Московско-Брестской желѣзной дороги, въ уединенное положеніе. Въ настоящее время при вторженіи въ сѣверо-западный край, едва ли не щекотливѣйшее наше мѣсто, непріятель не встрѣтитъ никакихъ особенныхъ препятствій, кромѣ полевыхъ войскъ, и слѣдовательно одно полевое сраженіе можетъ дать ему значительный перевѣсъ на все продолженіе кампаніи. Вотъ причина, побудившая насъ сказать наше слово о необходимости укрѣпленнаго лагеря подъ Вильной, который далъ бы войскамъ возможность въ случаѣ нужды, продержаться впереди этого важнаго пункта, не отступая внутрь страны, до тѣхъ поръ пока, при разбросанности нашихъ силъ и средствъ, мы успѣемъ ихъ сосредоточить. Мы впрочемъ отнюдь не полагаемъ и не высказывали, чтобы подъ Вильной требовалось устроить укрѣпленный лагерь, въ родѣ Линца, съ безконечнымъ числомъ каменныхъ и дорого стоящихъ сооруженій. Наше мнѣніе таково, что подъ Вильной было бы совершенно достаточно всего отъ 5 до 7 люнетовъ или небольшихъ сомкнутыхъ построекъ, сильныхъ долговременныхъ профилей, расположенныхъ на главнѣйшихъ тактическихъ пунктахъ сѣверо-западной и юго-западной окрестности этого города (Вилькомирская дорога и окрестности Панара). Такія постройки, снабженныя орудіями дальняго полета, можно было бы расположить такъ, чтобы въ случаѣ военныхъ дѣйствій построить между ними и въ связи съ ними, тѣми средствами, которыя имѣются при войскахъ, рядъ временныхъ или хотя полевыхъ укрѣпленій. Одни полевыя укрѣпленія—слабая защита, но въ связи съ долговременными постройками и полевыя укрѣпленія могутъ дать отличные результаты. Мы упоминали еще о небольшихъ крѣпостцахъ или фортахъ въ Ковнѣ и Гроднѣ, для обороны переправъ и прегражденія желѣзнаго пути. Эти малыя сооруженія также не могутъ дорого стоить. Мы говорили въ пользу этихъ издержекъ только на томъ условіи чтобъ онѣ были невелики, и въ той увѣренности, что и при этихъ малыхъ издержкахъ Россія была бы все-таки гораздо болѣе обезпечена со стороны Пруссіи нежели теперь.

Итакъ, возраженіе, что Россіи несвоевременно затрачивать значительныя бюджетныя средства на мертволежащія укрѣпленія, къ намъ не относится. Столь же мало можемъ мы принять на свой счетъ возраженія противъ мысли, будто Россіи приличествуетъ оборона *пассивная* ограничивающаяся защитой одного пространства за другимъ и ищущая спасенія въ крѣпостяхъ.

Говоря о необходимости укрѣпить нашу западную границу, мы отнюдь не признавали необходимости усвоить нашему государству дѣйствія исключительно оборонительныя, приличныя лишь державамъ второстепеннымъ. Напротивъ, указывая на эту необходимость, мы имѣли въ виду активную, а не пассивную оборону страны. Но мы видимъ, что слова наши подали поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ, отчасти высказавшимся въ *Русскомъ Инвалидѣ*, и потому считаемъ нужнымъ разъяснить нашу мысль въ интересѣ дѣла, которому нельзя не придавать значенія и которое не должно быть затемняемо недоразумѣніями. Понятіе объ активной оборонѣ есть понятіе сравнительно недавнее: два столѣтія тому назадъ его не было. Оно возникаетъ въ военномъ искусствѣ, именно съ тѣхъ поръ когда на театрѣ военныхъ дѣйствій являются большія крѣпости и укрѣпленные лагери, прикрываясь которыми обороняющаяся сторона не рискуетъ маневрировать въ виду сильнѣйшаго непріятеля. Въ случаѣ пораженія она только отступитъ за линію своихъ укрѣпленій и находясь внѣ риска быть совершенно уничтоженною, не угрожаемая безконечнымъ отступленіемъ, можетъ выждать подкрѣпленія и снова предпринять наступательныя дѣйствія опять противъ сильнѣйшаго противника. Активная оборона возможна лишь при живой связи укрѣпленій съ дѣйствующею арміей. Одна полевая армія, если она слабѣе непріятельской и не опирается на укрѣпленія, не можетъ держаться активной обороны; слабѣйшая сторона просто оборовяется, а будучи разбита или находя себя очень слабою, просто отступаетъ, какъ отступали напримѣръ мы въ 1812 году, или какъ отступали Австрійцы въ 1805 и 1809 годахъ. Развѣ мы не думали въ 1812 году объ активной оборонѣ? Думали и у Дрисы и у Смоленска, но не могли привести наше желаніе въ исполненіе, несмотря на отличный духъ арміи, на ея составъ и на превосходныхъ боевыхъ генераловъ, ею руководившихъ. Большому государству очевидно приличествуетъ толь-

ко активная оборона. Всѣ большія государства Европы по этому и озаботились обезпечить себѣ на границахъ возможность такой обороны и средствомъ къ этому послужило воздвиженіе укрѣпленій. Австрія, владѣя бывшимъ Ломбардо-Венеціанскимъ королевствомъ и ожидая съ этой стороны нападенія французскихъ и итальянскихъ войскъ, устроила знаменитый четыреугольникъ изъ крѣпостей Мантуи, Пескьеры, Вероны и Леньяго. Это была сильная позиція устроенная въ видахъ *самой дѣятельной активной обороны*. Только обстоятельства подобныя 1866 году, побудившія Австрію уступить эту часть владѣній даже послѣ побѣды на мѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, могли заставить австрійскую армію такъ скоро оставить эту знаменитую позицію. Въ видахъ такой же активной обороны построенъ обширный укрѣпленный лагерь подъ Линцемъ. Раскинувшись на обоихъ берегахъ Дуная, онъ предоставляетъ австрійской арміи свободное маневрированіе на обоихъ берегахъ рѣки и преграждаетъ путь къ Вѣнѣ. Съ тою же цѣлью активной обороны построены Краковъ, Ольмюцъ, Комарнъ. Активная оборона Пруссіи обезпечивается: на сѣверо-востокѣ Пруссіи крѣпостями Кенигсбергомъ, Данцигомъ, Торномъ, Грауденцемъ, Летценомъ и крѣпостцами въ Мемелѣ, Пилау и Маріенбургѣ, въ направленіи же отъ Царства Польскаго на Берлинъ крѣпостями Познанью, Глогау и Кюстриномъ. Наконецъ наши крѣпости въ Царствѣ Польскомъ: Новогеоргіевскъ, Александровская цитадель въ Варшавѣ, съ устраиваемымъ при ней нынѣ укрѣпленнымъ лагеремъ, Ивангородъ и Брестъ-Литовскъ воздвигнуты именно въ видахъ активной обороны. При помощи этихъ крѣпостей наша армія, на мѣстномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, можетъ свободно и безопасно маневрировать на обоихъ берегахъ Вислы и Буга-Нарева. Непріятелю нельзя переправиться чрезъ эти рѣки не взявъ крѣпостей, а взятіе ихъ потребуетъ много времени и средствъ.

Пока соотношеніе нашихъ силъ съ силами сосѣднихъ государствъ было таково, что предполагать обходъ нашей позиціи въ Царствѣ Польскомъ было бы трудно, можно было хладнокровнѣе смотрѣть на слабую защиту сѣверо-западнаго и юго-западнаго края. Теперь же, при измѣнившихся обстоятельствахъ, когда вооруженныя силы Пруссіи сравнялись съ нашими, а силы Австріи приблизились къ нимъ, прежнія хладнокровныя воззрѣнія могутъ повлечь за собою большія утраты; несвоевременное сбереженіе сравнительно небольшихъ суммъ въ этомъ случаѣ можетъ причинить потерю значительной доли народнаго достоянія, сопряженную съ ущербомъ народной чести.

Ставить въ противуположность крѣпости и армію, или что то же выбирать между тѣмъ и другимъ, имѣя въ виду серіозную оборону, невозможно, какъ нельзя напримѣръ выбирать между ружьемъ и солдатомъ, кораблемъ и матросомъ. Все важно лишь въ общей связи, при общемъ содѣйствіи. Крѣпость, взятая отдѣльно, есть груда камней или масса земли, правильно и обдуманно расположенныхъ; но эти камни, эта земля даютъ защиту людямъ. Пространство оцѣпленное бывшими севастопольскими укрѣпленіями наша армія удерживала 11 мѣсяцевъ, а безъ нихъ она не продержалась бы тамъ и 11 дней. Всякая армія дѣйствующая въ полѣ, какъ бы она хорошо не была устроена, можетъ понести пораженіе, а за пораженіемъ всегда падаетъ духъ и слѣдуетъ отступленіе. Вотъ почему возлагать оборону государства исключительно на полевую армію и не подготовить заранѣе прочныхъ опорныхъ пунктовъ, особенно въ такомъ государствѣ какъ Россія, гдѣ вслѣдствіе его пространности приходится собираться съ силами мѣсяцы, когда другимъ государствамъ для этого довольно нѣсколькихъ дней, значитъ строить дѣло защиты на шаткихъ основаніяхъ.

Еще разъ скажемъ: все хорошо лишь въ общей связи. Все должно совершенствоваться одновременно. Нельзя пожертвовать ни однимъ изъ необходимыхъ элементовъ обороны въ пользу другаго; нельзя противопоставлять армію крѣпостямъ или крѣпости желѣзнымъ дорогамъ. Конечно, еслибы финансовыя средства или иныя обстоятельства вынуждали поставить вопросъ такимъ образомъ: армія или желѣзныя дороги, мы отвѣчали бы—армія; желѣзныя дороги или крѣпости? мы отвѣчали бы—желѣзныя дороги. Но это были бы крайности, которыя очевидно должны устраняться правильнымъ теченіемъ государственной жизни.

№ 279.

Москва, 20-го декабря.

Одну изъ важнѣйшихъ статей разсматриваемаго теперь коммиссіей III отдѣла таможеннаго тарифа, то-есть фабричныхъ матеріяловъ, составляютъ металлы (не въ дѣлѣ). По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, окончательно разсмотрѣны только пошлины на цинкъ и свинецъ; большинство членовъ коммиссіи, послѣ продолжительныхъ споровъ, склонилось въ пользу пониженія пошлинъ: съ цинка въ кускахъ съ 66 к. съ пуда до 30 к. (меньшинство высказалось въ пользу пониженія до 15 к.), съ цинка въ листахъ, съ 50—99 к. до 50 к. и съ свинца съ 5½ к. до 5 к. Упомянувъ о большинствѣ голосовъ въ тарифной коммиссіи, мы должны оговориться. Сколько мы знаемъ, въ коммиссіи принятъ такой порядокъ занятій, что мнѣнія не баллотируются, и она не постановляетъ никакихъ рѣшеній, а въ протоколы ея записываются всѣ безъ изъятія высказавшіяся въ засѣданіяхъ мнѣнія, изъ коихъ ни одно не считается окончательнымъ: всѣ работы коммиссіи суть только подготовительныя, предназначенныя послужить основаніемъ для соображеній г. министра финансовъ, который, представляя въ законодательномъ порядкѣ проектъ новаго тарифа, можетъ по усмотрѣнію принять въ основаніе собственнаго своего заключенія любое изъ заявленныхъ въ коммиссіи мнѣній и даже не принять ни одного изъ нихъ, а представить на утвержденіе новое заключеніе. Тѣмъ не менѣе въ преніяхъ коммиссіи само собой обнаруживается мнѣніе большинства ея членовъ, и публика весьма естественно интересуется знать какъ высказалось большинство. Когда послѣ спора, большинство голосовъ, и къ тому же въ кругу людей, представляющихъ собою весьма разнообразные интересы и понятія о тарифѣ, склоняется въ пользу какого-нибудь одного заключенія, то нельзя не предполагать, что доводы, которыми въ спорѣ было подкрѣпляемо это заключеніе, одержали верхъ надъ доводами выраженными въ защиту противныхъ мнѣній, а можетъ ли такое весьма естественное предположеніе остаться совершенно безъ вліянія при окончательномъ разсмотрѣніи законодательныхъ проектовъ въ высшихъ инстанціяхъ? Иначе не было бы надобности подвергать законодательные вопросы предварительному обсужденію коммиссій, которыхъ задача именно и состоитъ въ томъ, чтобы вызвать, до окончательнаго рѣшенія, это необходимое для его зрѣлости состязаніе мнѣній и интересовъ, въ видахъ, конечно, какого-нибудь между ними соглашенія. Для этой цѣли коммиссіи и образуются изъ представителей разныхъ болѣе или менѣе значительныхъ въ публикѣ мнѣній; поэтому законодательные проекты выработанные коммиссіями и считаются цѣннѣе бюрократическихъ, которые могутъ быть продуктами личнаго и случайнаго мнѣнія, даже прихоти и фантазіи. Нынѣшняя тарифная коммиссія, по своему составу, находится, правда, въ особыхъ условіяхъ: половина ея членовъ призвана, по самому характеру своего избранія, дѣйствовать въ одномъ извѣстномъ и крайне опредѣленномъ направленіи, а эта половина, при неизбѣжныхъ разногласіяхъ прочихъ членовъ между собой, и составляетъ собственно большинство. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что члены тарифной коммиссіи должны заботиться преимущественно о полномъ и убѣдительномъ изложеніи доводовъ по каждому мнѣнію, а не объ искусственномъ составленіи большинства? Соглашеніе интересовъ весьма важно, но оно не должно быть соглашеніемъ насчетъ третьяго. Этотъ послѣдній образъ дѣйствій могъ бы лишить всякаго значенія составляемые коммиссіей проекты и побудилъ бы правительство, въ интересѣ государственномъ и въ видахъ справедливости, учредить для пересмотра этихъ проектовъ новую коммиссію. Но такой ходъ работъ по тарифу увеличилъ бы затрудненія переходнаго состоянія внутренней торговли причиняемыя пересмотромъ тарифа.

Изъ всѣхъ металловъ, на которые ввозныя пошлины обсуждаются нынѣ въ тарифной коммиссіи, главное мѣсто принадлежитъ безъ сомнѣнія желѣзу (т.-е. чугуну, желѣзу и стали) и мѣди, даже преимущественно первому, ибо мѣдь не въ дѣлѣ есть гораздо болѣе нашъ вывозный нежели привозный товаръ. Нынѣшнія пошлины на чугунъ въ сыромъ видѣ 5½ к. съ пуда, на желѣзо полосовое, рельсовое и въ лому—38½ к., сортовое 49½ к., котельное, кубовое и листовое—77 к. Всѣ эти пошлины установлены 19-го іюня 1859 года, а до этого времени, по тарифу 1857 года, онѣ были гораздо выше: на чугунъ—

15 к. и на желѣзо отъ 50 до 90 к.; до изданія же тарифа 1857 г. привозъ чугуна и желѣза моремъ вовсе не допускался что было равнозначительно съ полнымъ воспрещеніемъ привоза. По желѣзнодѣлательной части мы прошли чрезъ продолжительный опытъ не только покровительной, но и запретительной системы, и этотъ опытъ показалъ ея безсиліе для развитія промысла, который имѣетъ для страны первостепенную важность и для котораго страна представляетъ нѣсколько весьма выгодныхъ условій. Опытъ показалъ также, что пониженіе пошлинъ на чугунъ и желѣзо въ 1857—59 гг. нисколько не стѣснило отечественнаго производства. Въ послѣдніе годы средній годовой привозъ чугуна, оплаченнаго пошлиной, составлялъ не много болѣе 200 т. пудъ, а привозъ желѣза всѣхъ сортовъ хотя и доходилъ до одного милліона пудъ, но двѣ трети этой цифры были привозимы собственно для желѣзныхъ дорогъ. Это послѣднее обстоятельство существенно важно, ибо характеризуетъ конкурренцію чинимую иностраннымъ желѣзомъ русскому: первое гораздо дешевле и гораздо хуже русскаго, такъ что пріобрѣтеніе русскаго желѣза потребовало бы отъ компаній желѣзныхъ дорогъ затраты бо́льшихъ капиталовъ, между тѣмъ какъ доброта его отчасти не нужна, отчасти не входитъ въ разчеты строителей, которые, при нынѣшней формѣ концессій, мало заинтересованы сокращеніемъ будущихъ издержекъ по ремонту дороги. Съ 1861 года дозволенъ безпошлинный ввозъ чугуна и желѣза для механическихъ заводовъ; эта мѣра не успѣла еще много содѣйствовать развитію машиностроительнаго дѣла въ Россіи, которое ввозило съ тѣхъ поръ среднимъ числомъ около полумилліона пудъ чугуна и 400 т. пудъ желѣза въ годъ. Всѣ эти цифры ничтожны въ сравненіи съ потребностями Россіи въ этихъ металлахъ. Здѣсь замѣтимъ кстати, что для машиностроительнаго дѣла недостаточно безпошлинное полученіе сырого металла; машиностроеніе могло бы значительно у насъ расшириться, еслибъ имѣло право на безпошлинное полученіе частей машинъ, оплачиваемыхъ нынѣ высокими пошлинами, какъ издѣлія: указываемъ въ этомъ отношеніи на помѣщенную ниже корреспонденцію изъ Петербурга, гдѣ приводятся важныя показанія г. Струве имѣющаго весьма значительныя и быстро развивающіяся машиностроительныя заведенія. Какъ бы то ни было, есть неопровержимыя фактическія доказательства тому, что иностранные чугунъ и желѣзо не дѣлаютъ чувствительной конкурренціи отечественнымъ. Продажныя цѣны разныхъ сортовъ желѣза съ 1857 года, на Нижегородской ярмаркѣ, *неуклонно возрастали*, несмотря на случайныя колебанія по отдѣльнымъ сортамъ желѣза (каково напримѣръ сильное возрастаніе цѣнъ на листовое желѣзо около 1860 г. и потомъ паденіе ихъ въ самые послѣдніе годы, вслѣдствіе усиленія выдѣлки этого сорта желѣза). Полосовое желѣзо вздорожало за послѣднія 15 лѣтъ на 37%, а листовое на 41%. Ни пониженіе тарифа на эти предметы въ 1857 г., ни разрѣшеніе безпошлиннаго ввоза чугуна и желѣза для механическихъ заведеній въ 1861 г., ни наконецъ чрезвычайно усилившійся въ послѣдніе годы (съ 2 мил. руб. въ 1856 г. до 10 милл. въ 1866 г.) безпошлинный ввозъ машинъ не произвели замѣтнаго дѣйствія на цѣны Нижегородской ярмарки, которыми однакоже устанавливаются внутреннія цѣны на эти металлы. Съ другой стороны, въ Петербургѣ, главномъ и почти единственномъ рынкѣ иностраннаго желѣза, цѣны на разные сорты желѣза стоятъ гораздо выше чѣмъ на Нижегородской ярмаркѣ, и разница даже далеко превосходитъ стоимость перевозки: такъ въ 1866 году, по прейсъ-курантамъ петербургской биржи, полосовое желѣзо продавалось 1 р. 70—1 руб. 75 коп. и листовое 3 р.—3 р. 60 к., а на Нижегородской ярмаркѣ того же года полосовое желѣзо 1 р. 28 к.—1 р. 40 к. и листовое 2 р. 35 к.—2 р. 60 к. Сверхъ всего этого надобно упомянуть, что на заводахъ уцѣлѣвшихъ послѣ кризиса, начавшагося около 1860 г.,—а уцѣлѣло все-таки большинство заводовъ,—производство чугуна и желѣза чрезвычайно усилилось въ послѣдніе годы, въ особенности съ 1864 г. Не ясно ли, что не въ недостаткѣ таможеннаго покровительства заключаются затрудненія испытываемыя нашимъ горнымъ хозяйствомъ? Какъ мы уже неоднократно имѣли случай замѣтить, наше горное законодательство и мѣстныя условія развитія нашего горнаго промысла подаютъ поводъ ко многимъ другимъ несравненно болѣе важнымъ вопросамъ, отъ разрѣшенія коихъ зависятъ и

возрастаніе количества нашего металлическаго производства и удешевленіе его. Какъ ни высоки нынѣшнія цѣны на желѣзо, онѣ все-таки убыточны для заводчиковъ, ибо расходы производства, по многимъ причинамъ, непомѣрно велики. А между тѣмъ вслѣдствіе постояннаго возвышенія нашихъ внутреннихъ цѣнъ на металлы, вывозъ ихъ за границу не только не возрасталъ, но даже падалъ, хотя съ другой стороны, качества нашего желѣза столь высоки, что нѣкоторые его сорты, несмотря на дороговизну, продолжаютъ проникать въ самыя отдаленныя страны. Во всемъ этомъ обнаруживается болѣзненное состояніе нашей горной промышленности, которое никакіе покровительственные, ни даже запретительные таможенные тарифы не въ состояніи излѣчить. Такіе тарифы способны лишь причинять вздорожаніе металловъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Россіи, куда вовсе не проникаютъ металлы отечественнаго производства, и чрезъ то препятствовать распространенію привычки употреблять желѣзо въ обыкновенномъ быту. Но отъ этого нисколько не выигрываютъ, а напротивъ терпятъ желѣзные заводы, потому что чѣмъ менѣе распространено употребленіе желѣза, тѣмъ меньше и спросъ на него, а чѣмъ меньше и неправильнѣе спросъ, тѣмъ болѣе зависятъ заводчики отъ торговцевъ. Истинный интересъ желѣзныхъ заводчиковъ двоякій: устраненіе тѣхъ условій, которыя препятствовали ихъ промыслу развиваться даже когда тарифъ былъ вовсе запретительный, и расширеніе потребленія желѣза въ русскомъ народѣ.

Условія хозяйства на нашихъ горныхъ заводахъ весьма разнообразны; одни совершаютъ всѣ свои обороты на казенныя деньги, на ссуды, иногда безпроцентныя; другіе производятъ металлы единственно насчетъ занятыхъ съ уплатой высокаго роста капиталовъ; третьи при изобиліи собственныхъ оборотныхъ средствъ сами продаютъ свои издѣлія въ кредитъ вслѣдствіе недостаточности спроса на нихъ. Однимъ доставка металловъ къ водянымъ путямъ обходится по 30 коп. съ пуда, другимъ по 5 коп., третьи стоятъ на самомъ этомъ пути. Одни обременены 25%, а другіе 40% накладныхъ расходовъ, и т. д. Вслѣдствіе всего этого, заводская стоимость одного и того же сорта желѣза разнится у насъ въ одномъ и томъ же краѣ, напримѣръ уральскомъ, на разныхъ заводахъ отъ 75 к. до 1 р. 50 к. Какова же разница въ стоимости желѣза для заводчиковъ съ доставкой на Нижегородскую ярмарку, и какова разница во всѣхъ условіяхъ сбыта, когда желѣзо идетъ, напримѣръ, съ восточнаго склона Урала съ Алапаевскихъ заводовъ, или изъ Нижегородской губерніи съ заводовъ Выксунскихъ? Какими способами опредѣлить при такихъ обстоятельствахъ мѣру таможеннаго покровительства, необходимаго для русскаго желѣза? Еслибы взять за норму этой мѣры самые высокіе расходы производства между всѣми нашими горными заводами, то съ этою нормой была бы связана ничѣмъ не заслуженная огромная премія въ пользу заводовъ, находящихся въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Наше горное дѣло страдаетъ не отъ тарифа, который не развилъ его, когда ввозъ чугуна и желѣза моремъ былъ совсѣмъ запрещенъ. Корень зла даже и вообще не въ фискальныхъ условіяхъ. Но если ограничиваться этою точкой зрѣнія, то для нашихъ горныхъ заводчиковъ гораздо важнѣе таможеннаго тарифа вопросъ о внутреннихъ горныхъ податяхъ. Эти подати безмѣрно отягощаютъ горнозаводскую промышленность. Составляя принадлежность регальнаго права государства на нѣдра земли, не существующаго въ Россіи, онѣ не имѣютъ у насъ никакого раціональнаго финансоваго основанія (за исключеніемъ поссессіонныхъ заводовъ), какъ это прекрасно доказано въ замѣчательныхъ статьяхъ г. Дашкова о горной промышленности, напечатанныхъ недавно въ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ*. Но хотя регальнаго права казны на нѣдра земли у насъ не существуетъ, тѣмъ не менѣе, по странной аномаліи, наши горныя подати далеко превосходятъ нынѣ существующія въ другихъ государствахъ, даже въ тѣхъ, гдѣ регальное право казны на всѣ подземныя богатства развилось, какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ Германіи, въ самыхъ рѣзкихъ формахъ. Горная подать съ чугуна ($2^1/_2$ к. съ пуда на владѣльческихъ заводахъ, и $3^3/_4$ к. на поссессіонныхъ, сверхъ 60 р. въ годъ съ каждой доменной печи на тѣхъ и другихъ) можетъ казаться ничтожною, но не должно забывать что эта подать взимается съ самаго первоначальнаго матеріала, который въ большей части иностранныхъ государствъ не оплачивается никакою податью и на ко-

торомъ буквально каждая копѣйка сбереженія расходовъ въ пудѣ составляетъ предметъ самыхъ заботливыхъ разчетовъ въ горномъ хозяйствѣ; $2^1/_2$ к. съ пуда чугуна составляютъ уже во всякомъ случаѣ 5 к., а $3^3/_4$ к. даже $7^1/_2$ к. подати въ пудѣ желѣза. Это уже значительный элементъ стоимости желѣза, при которомъ на иной Нижегородской ярмаркѣ наши заводчики не могутъ выгадать себѣ пользы и 5 к. на пудѣ (на низшихъ сортахъ). Еще значительнѣе горная подать съ мѣди. Ея размѣры не могутъ быть ни чѣмъ инымъ оправданы кромѣ даровато обязательнаго труда, коимъ прежде пользовались наши горные заводчики: эта подать, уплачиваемая натурой (то-есть мѣдью), составляетъ 10% на владѣльческихъ и 15% на поссессіонныхъ заводахъ со всего валоваго количества (брутто) выплавляемой мѣди. На поссессіонныхъ заводахъ она доходитъ до 1 р. 80 к. и 2 р. с. на пудъ мѣди, или около 18% съ продажной ея цѣны, и до 20% и болѣе съ ея заводской стоимости. Нерѣдко она *помощаетъ и даже превышаетъ* всю чистую прибыль заводчиковъ отъ этого производства. Подать съ мѣди есть весьма серіозное въ настоящее время препятствіе успѣхамъ нашего горнаго хозяйства: на многихъ заводахъ прибыли отъ производства мѣди могли бы вознаграждать за убытки производства желѣза, а при теперешней подати мѣдь даетъ какую-нибудь прибыль только при исключительно выгодныхъ обстоятельствахъ добычи. Правительство, пересматривая горный уставъ, безъ сомнѣнія обратитъ вниманіе на это затрудненіе въ развитіи нашей горной промышленности. Горный промыселъ есть основаніе силы государства. Если какой другой, то именно онъ заслуживаетъ покровительства. Можетъ ли оставаться въ силѣ тотъ порядокъ вещей, при которомъ весьма многія, несравненно менѣе нужныя производства пользуются сильнымъ покровительствомъ, а горный промыселъ обложенъ тяжкою податью, отгоняющею отъ него капиталы? Горные заводчики имѣютъ полное право ходатайствовать о значительныхъ облегченіяхъ въ системѣ внутреннихъ горныхъ податей. На ихъ отмѣну или по крайней мѣрѣ на ихъ пониженіе они должны обратить всѣ свои заботы, а не вступать въ неправильныя соглашенія, ведущія къ обремененію народа высокими ввозными пошлинами.

Пошлины на желѣзо и чугунъ препятствуютъ успѣхамъ народной жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Онѣ ложатся всею своею тяжестью на людей недостаточныхъ и на ихъ производительный трудъ. Нѣтъ производства, которое не нуждалось бы въ чугунѣ и желѣзѣ, и всего болѣе нуждается въ нихъ земледѣліе. Нашъ крестьянинъ почти не знаетъ употребленія желѣза. Окованная телѣга есть еще рѣдкость въ нашихъ деревняхъ. Желѣзныя бороны рѣдкость еще бо́льшая. На сколько уменьшается производительность нашихъ земель отъ одной неудовлетворительности употребленныхъ у насъ боронъ! Сколько русскаго труда пропадаетъ даромъ на безпрестанныя починки предметовъ сельско хозяйственнаго инвентаря, которые слѣдовало бы изготовлять изъ желѣза, но которые у насъ по недостатку желѣза дѣлаются изъ дерева! Этотъ потерянный трудъ земледѣльца оплачивается цѣлою страной; онъ сказывается на возвышеніи заработной платы, на уменьшеніи народнаго производства, на дороговизнѣ продуктовъ сельскаго хозяйства, препятствующей усиленію ихъ вывоза. Для сбереженія земледѣльческаго труда всего необходимѣе у насъ улучшеніе земледѣльческихъ орудій, а для улучшенія орудій нужны два условія: въ помѣщичьемъ хозяйствѣ нужны дешевыя машины, въ крестьянскомъ—дешевое желѣзо. Что же можетъ быть противоположнѣе общимъ государственнымъ интересамъ и особенно интересамъ главнаго нашего народнаго промысла, земледѣльческаго, какъ не пошлины съ машинъ и желѣза?

А между тѣмъ нѣкоторые изъ владѣющихъ механическими и металлургическими заводами готовы, повидимому, предпочесть высокія пошлины на сырые металлы и даже упраздненіе нынѣшней льготы безпошлиннаго ввоза чугуна и желѣза въ пользу механическихъ заведеній, съ тѣмъ только чтобы при такой съ ихъ стороны уступкѣ интересамъ горныхъ заводчиковъ, были возвышены ввозныя пошлины на всѣ металлическія издѣлія и введены новыя пошлины на машины. Протекціонисскія домогательства какой-нибудь одной группы производителей, чтобы сколько-нибудь выдерживать критику противоположныхъ имъ интересовъ большинства публики и казаться послѣдовательными, иногда ищутъ союзовъ съ интересами прочихъ производителей, поощряя ихъ къ подобнымъ же до-

могательствамъ, но это путь ошибочный и несправедливый. На этомъ пути всего легче повредить самому дѣлу протекціонизма. Чѣмъ болѣе расширяется кругъ издѣлій, покровительствуемыхъ таможеннымъ тарифомъ, тѣмъ болѣе система протекціонизма оказывается противоположною общимъ государственнымъ пользамъ. Съ одной стороны, тѣмъ менѣе представляется разумныхъ основаній лишать покровительства какую бы то ни было другую отрасль отечественнаго производства,—а есть ли какая-нибудь возможность составить такой тарифъ, въ которомъ всякое отечественное издѣліе пользовалось бы равносильною со всѣми другими премісй? Съ другой стороны, чѣмъ болѣе распространяется область покровительства, тѣмъ болѣе дорожаетъ жизнь и падаетъ промышленная дѣятельность въ государствѣ.

Недавно по поводу вопроса о пониженіи нѣкоторыхъ пошлинъ на жизненные припасы и въ особенности на колоніальные товары мы замѣтили, что оно содѣйствовало бы удешевленію жизни и уменьшило бы дороговизну, выгоняющую Русскихъ изъ своей страны за границу. Возражавшіе намъ сосчитали, на сколько удешевилась бы жизнь русскихъ абсентіистовъ, еслибъ они потребляли ежегодно каждый по пуду кофе, какао, меда, табаку, по три пуда сахару и по 12 ф. чаю, даже не оплачивая ихъ никакою пошлиной: оказалось, что даже тогда жизнь каждаго изъ нихъ удешевилась бы только на 27 руб. 81 к. въ годъ. Несообразительные люди, можетъ-быть, нашли это возраженіе серіознымъ, но тѣмъ не менѣе удивительно, что оно было высказано въ серіозной съ вида статьѣ. 20 р. въ годъ съ одного лица немного, но это уже значитъ съ семейства состоящаго изъ пяти лицъ, 100 р.; а сюда надобно еще прибавить издержки няньки, служанки, слуги и пр. по причинѣ той же пошлины. Хлѣба человѣку еще меньше нужно, а вздорожаніе хлѣба на 1 к. въ фунтѣ причиняетъ, какъ всѣмъ извѣстно, дороговизну жизни, невыносимую для людей небогатыхъ. Дѣло въ томъ, что пошлины на какой-нибудь предметъ потребленія оплачивается каждымъ семействомъ не только въ видѣ издержекъ на покупку этого самаго предмета потребленія. Приходится приплачивать за его обложеніе каждому портному, сапожнику, столяру, каждому лавочнику, каждому купцу, даже домостроителямъ, домовладѣльцамъ или управляющимъ домами. Въ Москвѣ напримѣръ нѣтъ человѣка который не платилъ бы за квартиру дороже, по причинѣ пошлинъ съ колоніальныхъ товаровъ. Что относится къ колоніальнымъ товарамъ, то еще въ большей мѣрѣ относится къ желѣзу, потому что оно удовлетворяетъ болѣе необходимымъ потребностямъ и служитъ не столько предметомъ потребленія, сколько орудіемъ производства.

№ 280.

Москва, 21-го декабря.

Одинъ корреспондентъ *Крестовой Газеты* (№ 291), обозначавшій свою корреспонденцію съ русской границы мѣсяцемъ декабремъ, съ простодушіемъ, котораго мы не могли ожидать отъ нашихъ благоразумныхъ сосѣдей, говоритъ слѣдующее о проектѣ желѣзной дороги изъ Лыка чрезъ Бѣлостокъ въ Брестъ-Литовскъ: „Этотъ „проектъ благосклонно принятъ въ Петер„бургскомъ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ. „Извѣстіе о томъ чрезвычайно обрадовало „маленькую нѣмецкую колонію въ Бѣлосто„кѣ, такъ какъ упомянутая дорога долж„на сообщить новое развитіе транзитной „торговлѣ. Богатѣйшія“ (а намъ успѣли вѣдь натолковать будто сѣверо-западный край есть край бѣдный!) „провинціи Рос„сіи получатъ при ней возможность свои „сырыя произведенія, доставляемыя по Бу„гу въ Брестъ-Литовскъ, пересылать да„лѣе до Кенигсберга. *Конечно эта доро„га подавитъ въ самомъ зародышѣ проектъ „Ковно-Либавской дороги*, и даже вступитъ „въ конкурренцію съ Брестско-Варшавскою „желѣзною дорогой.“ Затѣмъ корреспондентъ свидѣтельствуетъ что русская національная партія, *разумѣется*, питаетъ чрезвычайное отвращеніе къ Лыкской дорогѣ. Приписывая это отвращеніе ненависти Русскихъ къ Нѣмцамъ, корреспондентъ находитъ весьма полезнымъ, что экономическое благосостояніе всей западной Россіи передается на попеченіе прусскаго торговаго сословія. По его словамъ, эта дорога раскроетъ для прусской торговли десять богатѣйшихъ русскихъ областей.

Что же мы скажемъ въ виду этого столь яснаго и простаго указанія, дабы защитить себя отъ страшнаго обвиненія будто мы фанатическіе враги Нѣмцевъ? Не слѣ-

дуетъ ли намъ для сохраненія дружбы съ нашими сосѣдями вовсе отказаться отъ спора и предоставить имъ устройство всѣхъ нашихъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ? Не слѣдуетъ ли намъ изъ опасенія за доброе мнѣніе о насъ германскаго міра признать заранѣе, что всякій интересъ прусской торговли, уже самъ по себѣ и безусловно, даже въ нашихъ собственныхъ глазахъ, заслуживаетъ предпочтенія всякому интересу торговли русской?

Мы помнимъ, не далѣе года тому назадъ, въ прусской палатѣ депутатовъ, одинъ изъ членовъ завелъ рѣчь о пограничныхъ сношеніяхъ Россіи съ Пруссіей, и трогательно повѣствовалъ о страданіяхъ, претерпѣваемыхъ прусскимъ населеніемъ отъ придирокъ русскихъ пограничныхъ властей. Графъ Бисмаркъ отвѣчалъ, что эти страданія вполнѣ вознаграждаются громадными выгодами, которыя доставляетъ прусскимъ пограничнымъ жителямъ контрабанда. Прусскій министръ-президентъ находилъ тогда, что вслѣдствіе этой контрабанды Россія теряетъ на таможенныхъ доходахъ отъ 30 до 40 милліоновъ р. с. Мы прислушивались къ этимъ рѣчамъ, но не замѣтили, чтобы кто-либо въ прусской палатѣ высказалъ хотя одно слово въ порицаніе воровскому промыслу, именуемому контрабандой, или поставилъ на видъ, что такое явное нарушеніе русскихъ таможенныхъ доходовъ есть недружелюбное дѣйствіе противъ Россіи. Мы знаемъ изъ опыта, что наши прусскіе сосѣди не только не считаютъ провоза контрабанды въ Россію дѣломъ безчестнымъ, но даже ставятъ себѣ въ большую честь лишать на практикѣ всякой силы наши таможенные законы. Цѣлый край обогащается мошенничествомъ, грабежомъ и убійствомъ, коему нерѣдко подвергаются наши стражники, и организаторы этого порядка вещей, въ виду его прибыльности для края, признаются чѣмъ-то въ родѣ двигателей и героевъ европейской цивилизаціи въ ея побѣдоносномъ шествіи на Востокъ. По ту сторону русской границы контрабанда ходитъ безъ личины. У самой границы собираются огромные запасы товаровъ, предназначаемые для контрабаднаго ввоза, и если наши таможенные чиновники бываютъ вынуждены просить у прусскихъ властей объясненій, то имъ отвѣчаютъ, что эти товары за тѣмъ и собираются здѣсь, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ провезти ихъ контрабандой за границу! Для этого, по большей части, достаточно бываетъ темной ночи, болѣзни, отлучки, малѣйшей небрежности какого-нибудь пограничнаго чиновника. Пограничные жители увѣряютъ, что и 20-й доли контрабандной доставки стража не бываетъ въ состояніи изловить. Наши прусскіе друзья, надобно отдать имъ эту справедливость, сами придумывали средства какъ бы избавить насъ отъ зла, причиняемаго столь благонамѣренными ихъ дѣйствіями Они посовѣтовали намъ понизить пошлину на „самонужнѣйшіе товары“ (!!) привозимые чрезъ сухопутную границу, и увеличить пошлину съ товаровъ, привозимыхъ моремъ. Слѣдуя національной политикѣ, ужь если непремѣнно требовалось бы установить какое-либо различіе въ пошлинахъ, то надобно было бы установить различіе между пошлинами въ обратномъ смыслѣ, то-есть въ пользу нашихъ приморскихъ городовъ, понизивъ пошлину съ товаровъ привозимыхъ моремъ. Для Россіи, очевидно, желательнѣе, чтобы нужные ей товары выписывались купцами петербургскими, рижскими, ревельскими, либавскими и проч., и чтобъ отъ торговли ими обогащались наши приморскіе города, а не Мемель, Кенигсбергъ, Данцигъ и Штеттинъ. Но намъ присовѣтывали совершенно противное тому, что приписывается самымъ простымъ благоразумiемъ, и мы послѣдовали совѣту, чтобы по возможности угодить нашимъ сосѣдямъ, надѣясь тѣмъ ослабить контрабанду, которою они насъ угощаютъ. Но успѣли ли мы въ этомъ? Увы! Вышеупомянутое показаніе графа Бисмарка свидѣтельствуетъ о громадности контрабанды. Это показаніе преувеличено, тоже не безъ разчета, конечно на нашу довѣрчивость, и не безъ надежды побудить насъ еще къ чему-нибудь другому въ родѣ дифференціальныхъ пошлинъ. Но что намъ до показаній прусскаго министра-президента? Мы можемъ заключать изъ общаго положенія нашей торговли что дифференціальная пошлина въ пользу сухопутной границы не только не воспрепятствовала контрабандѣ, но содѣйствовала ея усиленію. Послушавшись добрыхъ совѣтовъ нашихъ сосѣдей, мы достигли совершенно противнаго тому чего хотѣли; мы отвлекли торговлю отъ ея морскаго пути и вынудили ее обратиться къ сухопутной границѣ, гдѣ гнѣздится контрабанда. Товары, которые могли бы быть доставляемы къ намъ, напримѣръ, изъ Лон-

дона или Гамбурга моремъ, идутъ теперь; вслѣдствіе дифференціальной пошлины, изъ Лондона и Гамбурга моремъ въ прусскіе порты, Штеттинъ, Данцигъ, Кенигсбергъ, и уже оттуда сухимъ путемъ въ Ригу и Петербургъ. Въ № 560 газеты *Ostsee-Zeitung*, выходящей въ Штеттинѣ, находимъ слѣдующія свѣдѣнія по этой части: „Кенигсбергское торговое общество, въ рукахъ „котораго находится бо́льшая часть рус„ской привозной торговли, обратило наше „вниманіе на то обстоятельство, что диф„ференціальная пошлина съ привозимаго „въ Россію чая отмѣнена, и что этотъ то„варъ обложенъ и на сухомъ пути, также „какъ на морѣ, одинаковою пошлиной по „35 копѣекъ съ фунта. Вмѣстѣ съ тѣмъ „въ циркулярѣ одной кенигсбергской кон„торы транспортовъ поставляется на видъ, „что вслѣдствіе *бо́лѣе низкой* сухопутной „пошлины и *дешеваго* привоза, при отправ„кѣ товаровъ въ Россію чрезъ Кенигсбергъ „сберегается, напримѣръ, 15 зильбергро„шей съ центнера сахара и перца, и 10 „зильбергрошей съ пуда индиго и масла, „если вмѣсто того чтобы везти эти то„вары моремъ въ Петербургъ, отправить „ихъ въ этотъ городъ сухимъ путемъ чрезъ „Кенигсбергъ. Съ привозимаго моремъ тол„ченаго сахара всякаго рода, безъ при „мѣси кусковъ, взимается пошлины три „рубля, а съ привозимаго сухимъ путемъ „два рубля; съ перца привозимаго моремъ „2 руб. 30 коп., а сухимъ путемъ 1 р. „80 к.; съ деревяннаго масла и лака, при„возимыхъ моремъ, 1 р. 85 к., а сухимъ „путемъ 1 р. 25 коп.; съ индиго привози„маго моремъ 3 р., а съ привозимаго су„химъ путемъ 2 р. 50 к. Привозъ дере„вяннаго масла чрезъ Кенигсбергъ въ *по„слѣдніе* годы также весьма значительно „увеличился благодаря болѣе низкой су„хопутной пошлинѣ дорогѣ въ Пиллау и „никогда почти не замерзающей гавани „этого города, такъ какъ испанскіе ко„рабли съ деревяннымъ масломъ, приходя„щіе позднею осенью, могутъ сдавать свои „грузы въ Пиллау, не забираясь въ Пе „тербургъ.“ Таковъ фактъ. Въ дальнѣйшее поясненіе его надобно замѣтить, что каждый товаръ, который доставляется къ намъ чрезъ Кенигсбергъ дешевле чѣмъ чрезъ наши гавани, тянетъ за собой и другіе товары. Кто въ Петербургѣ и Москвѣ выписываетъ сахаръ, деревянное масло, индиго и перецъ изъ Кенигсберга, тотъ имѣетъ надобность и во многихъ другихъ товарахъ, которые онъ будетъ готовъ заодно выписывать также изъ Кенигсберга, хотя по разчету пошлинъ и могло казаться, что они обойдутся нѣсколько дороже. Къ тому же противъ лишняго расхода постарается принять мѣры прусскій корреспондентъ. Столичнымъ закащикамъ нѣтъ дѣла до того, какимъ путемъ они получатъ свои товары изъ Кенигсберга. Они не захотятъ сами участвовать въ контрабандомъ промыслѣ, но если кенигсбергскій торговый домъ можетъ *per fas et nefas* доставить имъ заказанные товары дешевле обыкновеннаго, то они кинутъ свои прежнія заморскія сношенія и станутъ выписывать всѣ товары изъ Кенигсберга. Прусскіе же торговцы найдутъ средства всячески угождать имъ: эти средства доставляетъ въ обиліи контрабанда. Такимъ образомъ вслѣдствіе дифференціальныхъ пошлинъ развились на прусской границѣ изумительно обширныя торговыя сношенія, и эти же сношенія съ другой стороны содѣйствовали нынѣшнему, небывалому прежде процвѣтанію контрабанды: серіозное препятствіе контрабанда встрѣчаетъ лишь въ трудности сбыта товаровъ въ Россіи, такъ какъ многіе въ нашемъ купечествѣ руководствуются нравственнымъ понятіемъ, что законы ихъ государства должны быть уважаемы, а другихъ останавливаетъ страхъ, что явная тайна будетъ какъ-нибудь раскрыта усердіемъ опытнаго чиновника. Хотя контрабанда и не доходитъ еще до тѣхъ размѣровъ, коими пугаетъ насъ графъ Бисмаркъ, но тѣмъ не менѣе справедливо, что дифференціальныя пошлины искуственно развили нашу супопутную торговлю въ ущербъ торговли морской и, отнявъ значительное количество дѣлъ у національныхъ гаваней, передали эти дѣла гаванямъ и торговцамъ Пруссіи. Въ *Видахъ россійской внѣшней торговли* за 1866 годъ показано, что изъ Пруссіи, считая только законную торговлю, было привезено товаровъ въ 1865 году болѣе чѣмъ на 50.610.578 рублей, а въ 1866 году уже болѣе чѣмъ на 69.723.416 рублей, между тѣмъ какъ вывезено было въ Пруссію въ 1865 только на 27.632.920 рублей, а въ 1866 году на 29.896.960 рублей. Въ это же самое время было привезено въ Россію изъ Великобританіи товаровъ на 48.744.019 рублей и на 59.393.518 рублей, но *вывезено* туда на 98.159.101 рубль и на 101.851.975

рублей. Въ Австрію въ 1865—1866 привезено на 5.870.392 рубля и на 8.458.296 рублей, а вывезено туда на 7.148.049 и на 6.033.050 рублей. Изъ сопоставленія этихъ цифръ ясно видно, что мы нашу торговлю (если присоединить контрабандную торговлю, хоть и не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ изображаетъ ее графъ Бисмаркъ) большею частью уже передали прусскому купечеству, надѣясь посредствомъ дифференціальныхъ пошлинъ въ его пользу *примирить* его съ нами! Не доставало только Бѣлостоко-Лыкской желѣзной дороги, которая, по словамъ *Кельнской Газеты*, сама собою убьетъ Ковенско-Либавскую дорогу. Итакъ мы должны навсегда отказаться отъ надежды имѣть цвѣтущіе приморскіе города, вмѣсто этихъ жалкихъ поселковъ, какъ Либава и Виндава, и превосходныя гавани этихъ городовъ надобно будетъ завалить мусоромъ. И все это сдѣлано искуственно нами самими! По естественнымъ условіямъ, Пиллау и Мемель не лучше Либавы и Виндавы. Не прусскимъ, а нашимъ приморскимъ городамъ слѣдовало бы быть богатыми и многолюдными, ибо прусскіе не имѣютъ за собой огромнаго пространства внутреннихъ земель какъ наши.

Мы не враги Нѣмцевъ, это разумѣется само собой, но также само собой разумѣется, что мы не можемъ, для убѣжденія ихъ въ томъ, быть врагами своего государства. Они позволятъ намъ хоть въ равной мѣрѣ доброжелательствовать и русской и прусской торговлѣ. Если желѣзная дорога изъ Лыка въ Бѣлостокъ и Брестъ будетъ строиться, то тѣмъ болѣе будемъ мы желать двухъ вещей: отмѣны дифференціальныхъ пошлинъ и одновременнаго сооруженія Ковенско-Либавской вѣтви, противъ которой идетъ кабала не только со стороны Кенигсберга, но, къ сожалѣнію, и со стороны Риги, отчасти даже Митавы. Митавско-Шавельская дорода вовсе не нужна Россіи: нужна только дорога Ковенско-Либавская.

№ 281.

Москва, 22-го декабря.

А.

Вчера мы имѣли случай указать въ общихъ чертахъ на ненормальность развитія нашей торговли, идущей черезъ Пруссію помимо нашихъ торговыхъ городовъ. Считаемъ не лишнимъ возвратиться къ этому дѣлу, и именно потому, что знаемъ, какъ неимовѣрно трудно у насъ устрапить какую-нибудь льготу, которая дана, хотя бы лишь на время, Пруссіи. Важнѣйшая льгота въ настоящее время, которую напрасно оспариваютъ въ теченіи цѣлаго десятилѣтія всѣ наши прибалтійскіе портовые города, есть различіе пошлинъ на сухопутной границѣ въ пользу Пруссіи. Еслибы такое различіе было установлено только для необходимѣйшихъ пограничнымъ жителямъ товаровъ (а лишь подъ этимъ предлогомъ и защищается это различіе), то нашлась бы возможность, мы не говоримъ оправдать, по крайней мѣрѣ объяснить себѣ эту мѣру; но кто можетъ причислить перецъ, сахаръ, индиго, деревянное масло и проч. къ подобнымъ необходимѣйшимъ для пограничныхъ жителей товарамъ? Въ общей суммѣ 69.723.416 руб. составляющей цѣнность товаровъ, привезенныхъ въ 1866 году черезъ прусскую границу, бо́льшая часть падаетъ не на прусскій или вообще германскій товаръ, а на товаръ колоніальный, привозимый морскимъ путемъ въ прусскія гавани. Самое видное мѣсто въ числѣ привезеннаго изъ Пруссіи товара занимаетъ хлопчатая бумага, сырецъ, болѣе милліона пудъ, цѣнностью на 16.367.190 руб. сер. (между тѣмъ какъ изъ Великобританіи привезено 1.199.222 пудовъ, цѣнностью на 17.988.330 р. с. и изъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ 61.674 пуд. на 925.110 р. с.). Потомъ сахаръ сырецъ на 1.772.900 р. (изъ Англіи только на 184.000 р. с.); чай на 5.258.730 р. с. (изъ Англіи на 5.240.000 р. с.); бумаги пряденой на 2.300.000 р. с. (изъ Англіи только на 1.200.000 р. сер.); шелка пряденаго на 2.343.600 р. сер. (изъ Англіи только на 145.800 руб. сер.); шерсти пряденой на 2.830.000 р. с. (изъ Англіи на 2.758.000 р. с.); шелковыхъ тканей на 1.718.000 р. с. (изъ Англіи на 27 000 р. с.); полотна на 1.358.000 р. с. (изъ Англіи на 117.351 р. с.); машинъ на 3.850.000 р. с. (изъ Англіи на 6.090.000 р. с.). Изъ этого перечня мы видимъ совершенно ясно, что большинство привозимыхъ изъ Пруссіи товаровъ не-прусскіе и не-германскіе, и что нашему купечеству было бы выгоднѣе получать ихъ не изъ рукъ Пруссаковъ, а изъ рукъ Англичанъ и *прямо мор-*

сухимъ путемъ. Перевозъ пуда товаровъ *моремъ* изъ Англіи и Франціи въ Петербургъ обходится отъ 5 к. до 20 коп. за пудъ, а перевозъ пуда товаровъ *сухимъ путемъ* изъ Кенигсберга и Пиллау въ Петербургъ по желѣзной дорогѣ обходится 40 к. и дороже.

Какимъ образомъ объяснить себѣ это неимовѣрное нарушеніе всѣхъ экономическихъ правилъ нашею торговлей, которая вмѣсто того, чтобы получать хлопокъ прямо изъ производящей его Сѣверной Америки, теперь начинаетъ получать его даже не прямо изъ Англіи, а изъ Пруссіи (или, что то же чрезъ Пруссію)? Тутъ очевидно совокупное дѣйствіе многихъ, весьма важныхъ, причинъ, и лишь этимъ совокупнымъ дѣйствіемъ можетъ быть объяснено результатъ недостаточнаго развитія нашей торговли и прискорбное положеніе, въ которомъ она находится. Во-первыхъ у насъ нѣтъ гаваней, которыя бо́льшую часть зимы были бы свободны отъ льдовъ; притомъ у насъ нѣтъ, вѣроятно, такихъ капиталовъ, на которые можно было бы закупать количество товаровъ достаточное для слѣдующаго года; къ этому присоединились еще въ послѣдніе годы спекуляція и колебаніе цѣнъ на капиталы. Но всѣхъ этихъ причинъ недостаточно, чтобъ объяснить привозъ черезъ Пруссію хлопка, и особенно нѣкоторыхъ другихъ предметовъ; многое тутъ было бы непонятно, еслибы не вліяніе дифференціальной пошлины и контрабанды. При недостаточной развитости нашихъ торговыхъ дѣлъ различіе пошлинъ съ *нѣкоторыхъ* товаровъ, самымъ естественнымъ образомъ причиняетъ то, что тѣмъ же сухимъ путемъ получаются и другіе, именно дорогіе товары, для которыхъ не установлено различной пошлины. Если же такимъ образомъ бо́льшая часть привозной торговли сосредоточилась на сухопутной границѣ, которую особенно трудно оградить отъ контрабанды, если наше купечество волею-неволею *принуждено* получать этимъ путемъ нужные ему товары, то пусть сообразятъ какія великолѣпныя средства, при господствующихъ между прусскими пограничными жителями воззрѣніяхъ, открыты для контрабандной торговли. Съ нашей же стороны эти средства не только не пресѣкаются для контрабанды, а напротивъ облегчаются. Живущіе внутри Россіи купцы очень часто даже не знаютъ, что полученные ими отъ контористовъ товары провезены черезъ границу контрабандою (въ которой русскіе купцы совсѣмъ не принимаютъ участія). Замѣчая, что товаръ обходится относительно дешевле черезъ Кенигсбергъ, нежели черезъ Петербургъ и Ригу, иные приписываютъ эту дешевизну большей честности прусскихъ купцовъ, тогда какъ ее слѣдовало бы приписать противоположнымъ качествамъ.

Несомнѣнно, что много ли, мало ли будутъ въ слѣдующемъ году понижены таможенныя пошлины, но во всякомъ случаѣ контрабандная торговля съ образцовою безсовѣстностью устроенная на прусской границѣ будетъ представлять еще много выгодъ. Это прекратилось бы развѣ только тогда когда мы на этой границѣ вовсе не стали бы взимать пошлины, или установили бы самую незначительную. Но это сдѣлать намъ невозможно. Слѣдовательно намъ еще долго надобно будетъ заботиться о томъ, чтобы затруднить развитіе контрабанды. Первое средство для достиженія этой цѣли очевидно должно состоять въ полной отмѣнѣ дифференціальной пошлины въ пользу сухопутной границы, и даже быть-можетъ въ замѣнѣ ея нѣкоторою разностію въ пользу нашихъ приморскихъ городовъ; такая дифференціальная пошлина была бы гораздо справедливѣе, и притомъ она необходима для устраненія вредныхъ послѣдствій противоположной системы. Могущій послѣдовать при этой политикѣ убытокъ для Эйдкуненско-Петербургской желѣзной дороги — пунктъ второстепенный. Прибыль въ 200.000 руб. не значитъ ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что ради нея мы вынуждены выписывать черезъ Пруссію 1 милліонъ пудовъ хлопка, цѣною на 16 милл. рублей, и что ради нея же косвенно поддерживается наша торговая несамостоятельность и доставляется столько удобствъ контрабандной торговлѣ. Никто до сихъ поръ еще не высказалъ сколько-нибудь основательнаго довода въ пользу дифференціальныхъ пошлинъ нашего тарифа. Такъ напримѣръ, *Кельнская Газета* отвѣчая намъ, ссылается на то, что наши гавани большую часть года заперты льдомъ. Очень странная логика: стало-быть нужно давать костыль не хромому, а тому у кого обѣ ноги здоровы? *Биржевыя Вѣдомости*, а иногда и *Рижская Газета* печатаютъ кое-что въ пользу розничной пошлины, но и ихъ заявленія

не содержать ничего кромѣ мысли, что уменьшеніе пошлины въ какой бы то ни было формѣ всегда полезно. Согласимся ли мы съ этимъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это ничего не доказываетъ. Равнымъ образомъ нѣтъ разумной причины утверждать, будто при отмѣнѣ дифференціальной пошлины контрабанда скорѣе увеличится нежели уменьшится. Сказанныя графомъ Бисмаркомъ въ палатѣ депутатовъ въ январѣ 1867 года слова о контрабандѣ, доказываютъ, что контрабанда получила сильное развитіе несмотря на дифференціальную пошлину, или лучше по причинѣ этой пошлины. Контрабанда можетъ быть уменьшена только соотвѣтственными этой цѣли таможенными мѣрами съ нашей стороны. Благопріятствуя напримѣръ нашей морской торговлѣ или, по меньшей мѣрѣ, уравнявъ ее съ сухопутною, мы *уменьшимъ* контрабандную торговлю, потому что тогда уменьшится число покупателей товаровъ, привозимыхъ сухимъ путемъ. Серіозно стараться объ этомъ уменьшеніи пора именно теперь, когда Пруссія все ближе и ближе подвигаетъ свои желѣзныя дороги къ нашей границѣ, доставляя все болѣе и болѣе удобствъ своей обширной контрабандной торговлѣ съ нами.

Б.

Послѣ неудачной войны 1853 — 55 годовъ нашъ дипломатическій языкъ естественно долженъ былъ понизить свой тонъ, но это пониженіе не могло быть продолжительно, и недавно обнародованныя столь высокаго достоинства депеши императорскаго кабинета, равно какъ незабытыя депеши 1863 года, доказываютъ, что Россія успѣла уже занять подобающее ей положеніе. Это отражается, конечно, и на образѣ дѣйствій дипломатическихъ агентовъ нашихъ, особенно на Востокѣ; они должны теперь еще живѣе чувствовать высокую лежащую на нихъ отвѣтственность въ охраненіи чести своего правительства и интересовъ, которые имъ ввѣрены.

Говоря это, мы имѣемъ въ виду образъ дѣйствій г. Золотарева, русскаго консула въ Адріанополѣ, по поводу столкновенія, которое онъ имѣлъ съ офицеромъ турецко-польскаго казачьяго полка. Иностранныя газеты не замедлили дать большую гласность этому случаю, который и мы не имѣемъ никакого повода скрывать.

/ Въ Адріанополѣ расположенъ турецкій казачій полкъ, составленный изъ бѣглыхъ Поляковъ, и состоящій подъ главнымъ начальствомъ извѣстнаго Садыкъ-паши (Чайковскаго). Поляки эти распространяютъ между жителями самое невыгодное понятіе о Россіи и даже устроили пропаганду между Болгарами, побуждая ихъ присоединиться къ Римской церкви. Понятно, что значеніе коимъ пользуется русское консульство въ Адріанополѣ раздражаетъ ихъ, и они, можетъ быть по внушенію самого Садыкъ-паши, стараются, при каждомъ случаѣ, выказать свое пренебреженіе къ русскому дипломатическому агенту. 23-го октября г. Золотаревъ отправился въ сопровожденіи своей жены и драгомана консульства на прогулку въ Эски-Сарай (мѣсто общественнаго гулянья, весьма памятное для Русскихъ, потому что здѣсь въ 1829 году была главная квартира графа Дибича); впереди консула, по принятому обыкновенію, шелъ его кавасъ. Въ одной узкой и грязной улицѣ имъ повстрѣчался польскій казачій офицеръ, нѣкто Терлецкій, который вмѣсто того чтобы, по заведенному порядку, уступить дорогу иностранному агенту, въ отвѣтъ на требованіе каваса обратился къ г. Золотареву въ выраженіяхъ столь дерзкихъ и грубыхъ, что г. Золотаревъ нашелъ невозможнымъ повторить ихъ въ официальной нотѣ, препровожденной имъ губернатору. На выходку Терлецкаго онъ не отвѣчалъ и, предоставивъ своему кавасу объясниться съ нимъ, продолжалъ свой путь. Но Терлецкій не удовольствовался одною дерзостію, и присоединилъ къ ней другую: онъ подошелъ на гуляньѣ къ г. Золотареву и бросилъ перчатку къ его ногамъ со словами: „Здѣсь же на мѣстѣ.“ Будучи лицомъ официальнымъ, представителемъ государства, которое имѣетъ всѣ способы истребовать ему и себѣ удовлетвореніе, г. Золотаревъ немедленно обратился къ мѣстному генералъ-губернатору съ энергическою нотой, въ которой изложивъ все съ нимъ случившееся, требовалъ: 1) чтобъ оскорбившій его офицеръ былъ примѣрно наказанъ; 2) чтобъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ того полка явился въ консульство въ полной формѣ и выразилъ свое сожалѣніе о случившемся. Въ случаѣ неисполненія этого требованія въ теченіи 24-хъ часовъ г. Золотаревъ предупреждалъ, что спуститъ свой флагъ, прекра-

тить всѣ сношенія съ мѣстными властями и выѣдетъ со всѣмъ консульствомъ въ Константинополь.

Турецкія власти пропустили срокъ, назначенный консуломъ и спохватились тогда только, когда г. Золотаревъ дѣйствительно спустилъ флагъ на консульскомъ домѣ. Тогда Садыкъ-паша принужденъ былъ наказать виновника и самъ явился въ консульство съ примирительными объясненіями. Послѣ этого г. Золотаревъ счелъ возможнымъ снова поднять свой флагъ, но отнесся къ адріанопольскому губернатору съ нотою слѣдующаго содержанія:

„По возобновленіи сношеній," писалъ онъ, „я считаю долгомъ заявить вашему „превосходительству, что если я удовольствовался запоздалымъ удовлетвореніемъ, „даннымъ мнѣ по прошествіи назначеннаго „мною срока, то я поступилъ такъ изъ „внимательнаго снисхожденія относительно мѣстныхъ властей, за которое онѣ „должны быть мнѣ признательны, но которое ни въ какомъ случаѣ повториться не можетъ.

„При семъ считаю долгомъ своимъ довести до свѣдѣнія вашего превосходительства слѣдующее: Высокая Порта „объявила его превосходительству г. послу, что если какой бы то ни было офицеръ, принадлежащій къ полкамъ, расположеннымъ въ этомъ городѣ, дозволитъ „себѣ когда-либо хотя малѣйшій знакъ „неуваженія относительно императорскаго „агента, то правительство его величества „султана всѣ послѣдствія такого поступка возложитъ на *личную* отвѣтственность „дивизіоннаго генерала, командующаго войсками (т. е. Садыкъ-паши)."

Положеніе консуловъ въ Турціи совершенно исключительное, ни мало не похожее на положеніе этого рода агентовъ въ западной Европѣ. На Востокѣ они не просто коммерческіе агенты, коимъ поручаются въ западныхъ государствахъ торговые интересы ихъ соотечественниковъ, а политическіе представители своего правительства предъ мѣстными властями и, сверхъ того, покровители мѣстныхъ христіанскихъ населеній. Дабы это покровительство могло быть дѣйствительно, необходимо, чтобъ они „высоко и честно" блюли званіе политическихъ представителей своего правительства. Это тѣмъ болѣе обязательно для нихъ, что покровительство турецкимъ христіанамъ есть для Россіи не только политическая система, но историческая необходимость, одно изъ существенныхъ условій ея значенія; какъ великой державы, ея священная обязанность, какъ первенствующей страны восточнаго православія.

№ 282.

Москва, 23-го декабря.

Почти сто лѣтъ тому назадъ хитрая интрига выпустила на политическую арену искательницу приключеній, назвавъ ее дочерью императрицы Елисаветы Петровны, имѣвшею право на русскую корону. Это была извѣстная самозванка, которую неправильно называли княжной Таракановой. Это особа составила между прочимъ проектъ о заселеніи Кавказа. Вотъ что она говорила о немъ при производствѣ надъ нею формальнаго слѣдствія въ Петропавловской крѣпости: „Я хотѣла, при помощи русскаго правительства, пріобрѣсти полосу земли на Кавказѣ. Здѣсь я намѣрена была посѣять первыя сѣмена цивилизаціи, посредствомъ приглашенныхъ мною къ поселенію французскихъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Я намѣревалась образовать такимъ образомъ небольшое государство, которое находясь подъ верховнымъ владычествомъ русскихъ государей, служило бы связью Россіи съ Востокомъ и оплотомъ Русскаго государства противу дикихъ горцевъ."

Потоками русской крови, ливнейся слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ, цѣною громадныхъ пожертвованій, Россія достигла наконецъ давно желанной цѣли: весь Кавказскій край отъ Терека и Кубани до Арарата, и отъ Чернаго моря до Каспійскаго покоренъ и умиротворенъ. Щедро одаренный естественными богатствами, заключающій въ нѣдрахъ своихъ драгоцѣнные минералы, покрытый роскошною, мѣстами почти тропическою растительностію, омываемый моремъ, Кавказъ сдѣлался наконецъ неотъемлемымъ достояніемъ Россіи. Остатки хищническихъ горскихъ племенъ или сдѣлались мирными подданными Русскаго императора, или ушли къ Туркамъ. Послѣ нихъ остались земли, покрытыя садами персиковыхъ, грушевыхъ и каштановыхъ деревьевъ и виноградниками, сады, которые безъ преувеличенія можно

назвать лѣсами. Рядомъ съ ними, ближе къ главному хребту, огромныя пространства вѣковыхъ лѣсовъ съ разными породами строеваго лѣса, отъ сѣверной сосны до южной пальмы, въ долинахъ тучныя пажити, кромѣ того множество удобныхъ мѣстъ для пчеловодства, шелководства, огородничества, табачныхъ, хлопковыхъ и рисовыхъ плантацій. И все это подлѣ моря представляющаго удобный путь къ сбыту тамошнихъ произведеній и остальныя части Россіи и за границу.

Казалось бы, потъ и кровь, пролитые тремя поколѣніями русскихъ людей на мѣстахъ и въ ущельяхъ Кавказа, давали бы кореннымъ обитателямъ Россіи полное и неотъемлемое право пользоваться богатствами новоприобрѣтеннаго края. Раздача участковъ въ этомъ благодатномъ краѣ для поселенія сыновьямъ и братьямъ его покорителей, казалось, была бы дѣломъ справедливости и логической послѣдовательности. Это было бы и дѣломъ политической мудрости, ибо заселеніе окраинъ государства иностранными выходцами, кромѣ неизбѣжныхъ затрудненій, разныхъ вопросовъ и опасностей въ будущемъ ничего не представляетъ.

У насъ населеніе вообще рѣдко. Въ европейской Россіи приходится среднимъ числомъ только по 14 человѣкъ на квадратную версту, но есть мѣстности гдѣ приходится болѣе 50 и даже 60 человѣкъ на версту. Тамъ жить стало тѣсно, и избытокъ народа уже нѣсколько десятковъ лѣтъ переселяется на „новыя мѣста.“ Изъ внутреннихъ губерній этихъ переселенцевъ направляютъ въ пустыни Сибири, даже на Амуръ. Почему бы, казалось, не указать нѣкоторой части ихъ дороги на черноморскій берегъ Кавказа.

Нѣтъ. Въ 1866 году была образована особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ управляющаго лѣсною частію на Кавказѣ и за Кавказомъ, которая, обозрѣвъ, приморскій край Кавказа, составила проектъ о значеніи этого благодатнаго уголка Россіи. И что же мы видимъ въ этомъ проектѣ? Справедливо сказано: ничто не ново подъ луною. Предположенія коммиссіи какъ разъ совпадаютъ съ планомъ, созданнымъ за сто лѣтъ предъ симъ, о которомъ упомянули мы въ началѣ нашей статьи. Земли черноморскаго прибрежья раздѣлить на двѣ части—въ сѣверной далеко не такъ одаренной природою поселить казаковъ и среди ихъ переселенцевъ изъ внутренности Россіи, а въ лучшую часть призвать Нѣмцевъ изъ южной Германіи, Армянъ и Грековъ изъ Турціи.

Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на корреспонденцію изъ Черноморскаго края, которую мы помѣщаемъ въ сегодняшнемъ № нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій*. Въ этой корреспонденціи хорошо характеризуется край и излагаются виды и доводы коммиссіи. Итакъ, благословенный край, имѣющій безспорно самую блестящую будущность, пріобрѣтенъ Россіей, но стѣсняемые недостаткомъ земли во внутреннихъ губерніяхъ русскіе люди пойдутъ проторенным путемъ въ холодную Сибирь, въ пустыни Амура, а эти фруктовые лѣса, эта кипящая богатствами природы полоса новопріобрѣтенной земли сдѣлается жилищемъ Нѣмцевъ и разныхъ выходцевъ изъ турецкой Анатоліи. Какъ самозванка Таракановa хотѣла посѣять на Кавказѣ первыя сѣмена цивилизаціи посредствомъ нѣмецкихъ колонистовъ, такъ предполагаетъ это и коммиссія, съ тою только разницей, что первая задумывала свой планъ въ то время, когда Кавказъ еще не принадлежалъ Россіи, не былъ ея кровнымъ достояніемъ, и потому не требовалось изощряться въ доводахъ для того чтобы дать на него право иностранцамъ и сдѣлать его недоступнымъ для Русскихъ.

Читая эти доводы, приходится перевернуть извѣстную поговорку и сказать: „что Нѣмцу здорово, то Русскому смерть.“ Когда нужно отклонить колонизацію изъ Россіи, на черноморскомъ побережьи Кавказа являются лихорадки; для иностранныхъ же выходцевъ климатъ здѣсь оказывается совершенно здоровымъ, кромѣ устьевъ нѣкоторыхъ рѣчекъ гдѣ отъ морскаго прибоя образуются застои воды, и гдѣ вовсе нѣтъ надобности располагать хуторы или поселки, въ виду столь значительныхъ пространствъ пустопорожней земли, представляющихъ наилучшія удобства для поселенія. Впрочемъ, какъ явствуетъ изъ нашей черноморской корреспонденціи, и Русскіе могутъ селиться въ этомъ краѣ, но не иначе какъ на солдатскомъ или казачьемъ положеніи, въ качествѣ тяглыхъ силъ, служебныхъ геніевъ, безъ собственности, безъ свободы, безъ одушевленія въ трудѣ, полулюдьми, лишенными всѣхъ условій гражданскаго быта. Они должны теперь крѣпостнымъ тру-

домъ прокладывать дороги для будущихъ свободныхъ гражданъ этого края, которые пожелаютъ туда изъ южной Германіи и Анатоліи и будутъ послѣ возить по этимъ дорогамъ продукты своего вольнаго труда. Этимъ — всякая льгота и свобода, всѣ условія процвѣтанія и лучшія земли. Нѣмцы изъ Бургаса, пріѣзжавшіе осматривать тотъ край, пожелали, чтобъ имъ еще даны были казенныя пособія и объ этомъ требованіи ихъ, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ изъ черноморскаго края, уже со всею поспѣшностію начато ходатайство гдѣ и какъ слѣдуетъ. Мудрено ли, что эти Нѣмцы изъ Бургаса поселившись вмѣстѣ съ другими иностранными выходцами, въ южной части края, между Туапсе, и Бзыбью, яко живое звено, долженствующее связать Россію съ ея Закавказскими владѣніями, будутъ съ презрѣніемъ смотрѣть и на эти казачьи и полуказачьи станицы вокругъ, и вообще на русскій народъ, въ которомъ изо всѣхъ его 70 милліоновъ, живущихъ на огромномъ пространствѣ, посреди самыхъ разнообразныхъ климатическихъ условій, не нашлось и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей, достойныхъ и способныхъ воспользоваться прекраснымъ краемъ, пріобрѣтеннымъ ихъ потомъ и кровью, и селиться въ немъ, по крайней мѣрѣ, на равныхъ съ иностранцами правахъ.

Повидимому члены коммиссіи, основательно изучившей изслѣдованную ими приморскую часть Кавказа, или совсѣмъ не знаютъ или плохо знаютъ Россію и ея обитателей. По мнѣнію ихъ, вся Россія однообразное пространство, на которомъ ничѣмъ болѣе и не занимаются какъ обработкой полей подъ рожь, овесъ и пшеницу. Кто хотя немного знаетъ Россію, тотъ не можетъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Садовъ, оставленныхъ Горцами, и дикорастущихъ фруктовыхъ деревьевъ въ прибрежьи между устьями рѣкъ Туапсе и Бзыби столько, что по обширности своей они могутъ назваться фруктовыми лѣсами. Въ нихъ родится множество персиковъ, грушъ, яблонь, орѣховъ, каштановъ и винограда, но всѣ эти плоды гибнутъ непроизводительно и оставленные въ послѣдніе три года по уходѣ горцевъ въ Турцію безъ всякаго присмотра, деревья стали перерождаться, такъ что теперь необходимо нѣкоторое время правильно ухаживать за ними, чтобы поднять самое качество плодовъ. Русскіе крестьяне, если-бы были переселены сюда, не были бы въ состояніи, по мнѣнію коммиссіи, принять на свои руки такое хозяйство и съ успѣхомъ заниматься садоводствомъ по горамъ. Но развѣ нѣтъ у насъ мѣстностей, гдѣ садоводство доведено до возможной степени совершенства? Не говоря о Крымѣ и вообще о Новороссійскомъ краѣ, сколько есть у насъ мѣстностей, гдѣ русскій человѣкъ, борясь съ природою, далеко не столь щедрою, какъ на черноморскомъ прибрежьи Кавказа, развелъ такіе сады, какіе на его мѣстѣ не развелъ бы можетъ-быть и столь желаемый коммиссіей Нѣмецъ изъ Бургаса или Армянинъ изъ Анатоліи. Такъ, напримѣръ, въ Курской губерніи, а особенно въ Корочанскомъ уѣздѣ, гдѣ жить уже тѣсно (49 чел. на квадратную версту), и откуда уже не мало людей выселено въ западную Сибирь, не рѣдкость встрѣтить садъ, гдѣ на двухъ десятинахъ растетъ болѣе тысячи фруктовыхъ деревьевъ: французскихъ сливъ, дуль, бергамотовъ, вишень, всякихъ яблонь и даже волошскихъ орѣховъ. До полутораста тысячъ населенія Курской губерніи занято исключительно садоводствомъ, и эти садоводы давно овладѣли рынками почти всей средней Россіи; они славятся какъ отличные прививщики, уходятъ за многія сотни верстъ для прививки деревьевъ. Полтавская губернія наполнена прекрасными садами, гдѣ разводятся и черешни, и виноградъ, и волошскіе орѣхи, особенно въ Зеньковскомъ уѣздѣ, гдѣ людямъ также становится тѣсно жить (58 жителей на версту). Тамъ изъ одного мѣстечка Опошни поступаетъ на продажу ежегодно болѣе 5.000 пудъ сушеныхъ фруктовъ и до полуторы тысячи ведръ соленыхъ сливъ. Въ губерніи Харьковской, особенно въ Валковскомъ уѣздѣ (45 жителей на версту), множество садовъ, и изъ нихъ нѣкоторые по тысячи и болѣе десятинъ; отъ города Валковъ во всѣ стороны до селеній Люботина, Огульцевъ и Черемниной, на нѣсколько верстъ тянутся непрерывные сады. Но обратимся далѣе къ сѣверу, гдѣ природа менѣе благопріятствуетъ садоводству и гдѣ, не смотря на морозы, которые, какъ было напримѣръ въ 1835 и 1836 гг., совершенно истребляютъ сады, русскій человѣкъ, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ всякаго рода, безъ всякихъ льготъ и пособій, умѣлъ раз-

вить садоводство до замѣчательной степени. Вишневые сады Владимірской губерніи, центръ которыхъ въ Опольщинѣ (Владимірскаго уѣзда), извѣстны повсюду. Для нихъ русскій садоводъ придумалъ особую технику орошенія, защиты созрѣвшихъ плодовъ отъ птицъ и т. п. И это тамъ, гдѣ въ тридцать, сорокъ лѣтъ морозъ непремѣнно истребитъ всѣ деревья, и ихъ приходится разводить заново. Коммиссія, о которой мы говоримъ, думаетъ, что русскіе крестьяне, какъ жители равнины, не сумѣютъ управиться съ горнымъ садоводствомъ. А посмотрите на фруктовые сады Поволжья, начиная отъ Нижняго Новгорода, особенно въ Симбирской и Саратовской губерніяхъ. Конечно, горы сопровождающія правый берегъ Волги не Эльбрусъ, не Казбекъ, но все же это утесистыя, почти отвѣсныя возвышенія на 50, 60 и болѣе саженъ. По ребрамъ этихъ возвышенностей, живущіе на нихъ люди, сумѣли же развести сады, устроить ихъ ирригацію и несмотря на неблагопріятныя физическія условія: морозы, засухи, скудость почвы, вслѣдствіе чего хорошій урожай яблокъ бываетъ обыкновенно черезъ годъ, неутомимо борясь съ климатомъ, умѣютъ поддерживать свои насажденія. Такъ напримѣръ въ Нижегородскомъ уѣздѣ (гдѣ 60 человѣкъ на версту), по нагорному берегу Волги, на протяженіи болѣе чѣмъ десяти верстъ, тянутся сады съ разными ягодами, изъ которыхъ мѣстные жители приготовляютъ массу варенья, подъ именемъ Кіевскаго расходящагося съ Нижегородской ярмарки по внутреннимъ губерніямъ. Фруктовые сады въ Симбирской губерніи и въ Саратовской, особенно близъ Хвалынска, Вольска, Саратова и Камышина, составляютъ весьма производительную отрасль мѣстнаго хозяйства. Въ одной Саратовской губерніи садовъ болѣе полуторы тысячи, изъ коихъ многіе весьма обширны и при всей дешевизнѣ фруктовъ приносятъ хозяевамъ дохода отъ 4 до 7 тысячъ рублей.

Что касается до огородничества, то оно въ разныхъ мѣстахъ внутреннихъ губерній развито въ видѣ отдѣльнаго и самобытнаго промысла. Такъ въ Ярославской губерніи, въ селеніяхъ около города Ростова, разводятся обширные огороды, гдѣ каждая десятина доставляетъ по 500 рублей и болѣе годоваго дохода. Тамъ одного зеленаго горошка получается до 10 тысячъ пудовъ; онъ расходится по значительной части Россіи, а съ 1844 года сдѣлался предметомъ и отпускной торговли. Ростовскіе огородники извѣстны повсюду на Руси; изъ числа семи тысячъ человѣкъ, они содержатъ при многихъ большихъ городахъ огороды и снабжаютъ тамошнихъ жителей ранними овощами. Огородничество вокругъ Суздаля, гдѣ кромѣ овощей разводятъ и нѣкоторыя аптекарскія травы въ огромномъ количествѣ, въ Подновскихъ слободахъ около Нижняго, въ селеніяхъ находящихся подъ Муромомъ, въ Безсоновкѣ (Пензенской губерніи), гдѣ вся земля обращена подъ разведеніе лука, и двѣ тысячи людей заняты разведеніемъ этого овоща... Но нужно ли плодить примѣры и доказательства, что изъ 70 милліоновъ людей населяющихъ Россію, найдемъ не мало способныхъ заниматься и не однимъ земледѣліемъ, но и огородничествомъ и садоводствомъ, при томъ на почвѣ не благодарной, при климатическихъ (и однихъ ли климатическихъ?) условіяхъ самыхъ неблагопріятныхъ?

Разработка горныхъ богатствъ Кавказа съ полною надеждой на успѣхъ можетъ быть предоставлена переселенцамъ изъ Пермской и Оренбургской губерній, которые вполнѣ освоились съ горнымъ дѣломъ и знаютъ его по крайней мѣрѣ не хуже Армянъ изъ Турціи. Въ Россіи есть, наконецъ, населенія прирѣчныя и приозерныя, и переселенцы изъ этихъ мѣстностей, водворясь на морскомъ берегу Кавказа, могутъ быть отличными каботажными судоходцами.

Нельзя по совѣсти согласиться ни съ однимъ изъ доводовъ коммиссіи обозрѣвшей въ минувшемъ году приморскій край Кавказа, и пришедшій къ заключенію, что въ наилучшей части его, между неусвоенными еще Россіи инородческими населеніями Абхазіи, и тяглыми военными и полувоенными поселеніями, слѣдуетъ селить на всей волѣ, съ разными льготами и пособіями, предпочтительно иностранныхъ выходцевъ. Въ прежнія времена такіе взгляды, быть-можетъ, не были бы неумѣстны; въ настоящее время, въ нынѣшнее благословенное царствованіе, они не имѣютъ ни смысла, ни почвы. Досужій и умѣющій уживаться во всякомъ климатѣ, умѣющій бороться съ природою при всевозможныхъ ея противодѣйствіяхъ труду, русскій человѣкъ безспорно сумѣетъ освоиться съ

Кавказомъ и разовьетъ въ благодатномъ краѣ разныя стороны хозяйства сельскаго, горнаго, морскаго и пр. Только допустите его въ тѣ мѣста, гдѣ селиться выгодно, и забывъ о тяглѣ и общинѣ, предоставьте ему хоть тамъ, на этихъ новыхъ мѣстахъ, свободу личнаго труда и личной собственности.

№ 283.

Москва, 28-го декабря.

Вотъ уже нѣсколько дней какъ мы безпрерывно получаемъ письма изъ Кіева отъ разныхъ лицъ по одному и тому же дѣлу, какъ видно, взволновавшему весь городъ. „Здѣшнее русское общество, пишутъ намъ, дѣйствительно въ такомъ негодованіи какого намъ здѣсь никогда не случалось видѣть и къ какому мы не считали свой городъ способнымъ. Казалось, что онъ начинаетъ мало-по-малу примиряться съ нескончаемыми преградами безсильной затѣе обрусенія здѣшняго края, но нынѣшній случай проявилъ въ здѣшнемъ русскомъ обществѣ такое единодушіе и такіе отрадные признаки жизни, что дѣло обрусенія и умиротворенія кіевской украйны, пожалуй, и не окажется безсильною затѣей.“ Случай этотъ слѣдующій: Г. Мюдецкій, одинъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ юго-западнаго края, замѣшанный въ мятежѣ 1863 года, былъ высланъ изъ края, и имѣнія его подлежали силѣ указа 10-го декабря 1865 г.: они могли оставаться въ его владѣніи лишь въ продолженіи двухъ лѣтъ. Былъ вопросъ, какъ слѣдуетъ по закону поступить съ ними по истеченіи этого срока. Имѣнія эти ленныя, то-есть право собственности на нихъ принадлежитъ казнѣ, а владѣлецъ имѣетъ право пользованія, наслѣдственнаго только въ мужскомъ колѣнѣ; онъ не можетъ ни продать ихъ, ни завѣщать, ни заложить, по пресѣченіи мужскаго потомства они должны возвратиться во владѣніе казны. Таково было положеніе этихъ имѣній до 19-го февраля 1861 года. Но одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ была принята относительно ленныхъ имѣній весьма важная мѣра, либеральная и милостивая. Было постановлено, что въ тѣхъ ленныхъ имѣніяхъ, гдѣ владѣльцы предоставятъ крестьянамъ въ собственность ихъ надѣлъ, вся земля остающаяся за надѣломъ перестаетъ быть ленною землей и поступаетъ въ полную собственность владѣльца. Смыслъ этой мѣры очевиденъ: она не есть вознагражденіе за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, ибо въ такомъ случаѣ переходъ ленаго владѣнія въ вотчинное долженъ бы совершиться одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ; она не есть и вознагражденіе за обязательный для помѣщика выкупъ, ибо единственный обязательный для помѣщика выкупъ, установленый въ Положеніи 19-го февраля,—выкупъ усадебной осѣдлости,—не влекъ за собой перехода лены въ вотчину. Къ тому же было бы несправедливо вознаграждать за общую мѣру освобожденія крестьянъ или за выкупъ, равно для всѣхъ обязательный, только ленныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ меньшее право, а полноправныхъ вотчинниковъ оставлять безъ вознагражденія; скорѣе слѣдовало бы поступить на оборотъ, ибо земли вотчиннаго владѣнія имѣютъ несравненно бо́льшую цѣнность для владѣльца, чѣмъ ленныя, и слѣдовательно вотчинникъ, уступая крестьянамъ равное количество земли, уступаетъ гораздо больше чѣмъ ленникъ. Цѣль упомянутой мѣры, повторяемъ, очевидна: законодательство имѣло въ виду устранить заключавшіеся въ свойствѣ ленаго владѣнія препятствія къ предоставленію надѣла въ собственность крестьянъ, а потому должно было снять ленный характеръ съ той части ленныхъ имѣній, которая поступала въ надѣлъ: ленному владѣльцу надобно было разрѣшить отдачу надѣла на выкупъ. Но такъ какъ переходъ надѣла къ крестьянскую собственность былъ признанъ вообще за главную цѣль крестьянской реформы, то для поощренія ленныхъ владѣльцевъ къ сдѣлкамъ согласнымъ съ видами законодательства, было естественно постановить, что ленные владѣльцы, предоставляющіе крестьянамъ въ собственность весь надѣлъ ихъ, получатъ и сами въ свою собственность тѣ земли, которыя останутся за надѣломъ. Это было поощреніе весьма сильное, но въ немъ нельзя видѣть что-нибудь похожее на даровую привилегію, односторонно данную единственно въ пользу ленныхъ владѣльцевъ. Вспомнимъ, что выкупъ надѣла былъ первоначально установленъ какъ актъ добровольный и со стороны крестьянъ, и со стороны владѣльца. Чѣмъ больше вы-

годъ пріобрѣталъ съ выкупомъ владѣлецъ, тѣмъ бо̀льшихъ льготъ для себя могли при добровольной сдѣлкѣ требовать съ него и крестьяне. Отъ нихъ зависѣло допустить владѣльца или нѣтъ до пользованія важною льготой, состоявшею въ возможности пріобрѣсти значительную часть лены въ полную собственность, то-есть удвоить для себя ея цѣнность. Ленный владѣлецъ въ виду этой льготы, долженъ былъ оказаться гораздо уступчивѣе, и цѣнность льготы была бы такъ-сказать раздѣлена имъ съ крестьянами по взаимному согласію. Такимъ образомъ льгота давалась не только владѣльцу, но и крестьянамъ, и крестьяне имѣли еще больше возможности извлечь изъ нея выгоду для себя чѣмъ владѣлецъ. Только при этомъ условіи льгота была справедлива и не давала прочимъ владѣльцамъ, не леннымъ, права просить для себя такого же вознагражденія. Но само собой очевидно, что вся эта система держалась на добровольномъ выкупѣ, къ которому помянутая льгота долженствовала быть приманкой. При замѣнѣ добровольнаго выкупа обязательнымъ, ленный владѣлецъ не имѣетъ уже никакого основанія ожидать для себя какихъ-нибудь исключительныхъ льготъ: еслибы льготы были найдены нужными, то начинать слѣдовало съ вотчинниковъ, обязательно уступавшихъ крестьянамъ свою полную собственность, а не собственность казны, имѣющую къ ней возвратиться въ будущемъ и состоящую въ частномъ пользованіи, безъ права продавать ее, завѣщевать или закладывать. Изъ этого слѣдуетъ непререкаемо, что тѣ ленные владѣльцы, которые не хотѣли или не успѣли отпустить своихъ крестьянъ на выкупъ, пока это зависѣло отъ добровольнаго соглашенія, утратили право на льготу съ той минуты, когда былъ узаконенъ обязательный выкупъ. Къ этой категоріи относится и г. Млодецкій. Въ какомъ же юридическомъ положеніи находились его имѣнія во время изданія закона объ обязательномъ выкупѣ? Это были имѣнія ленныя, и стало-быть этимъ закономъ пути для перехода ихъ въ полную собственность владѣльца были отрѣзаны. Затѣмъ послѣдовалъ указъ объ обязательной продажѣ имѣній, принадлежащихъ лицамъ замѣшаннымъ въ мятежѣ. Этотъ указъ, заставшій, какъ сказано, имѣнія г. Млодецкаго ленными, предписывалъ продать ихъ. Но ленное имѣніе продать нельзя. Указъ 10-го декабря стало-быть или вовсе не былъ приложимъ къ имѣніямъ г. Млодецкаго, что̀ не можетъ быть допущено, потому что въ такомъ случаѣ было бы оказано ему не заслуженное ничѣмъ предпочтеніе предъ другими замѣшанными въ мятежѣ лицами, или указъ 10-го декабря долженъ былъ повести къ отобранію имѣній г. Млодецкаго въ казну. Такое отобраніе не есть конфискація. Оно должно было совершиться на тѣхъ же правилахъ, которыя будутъ примѣнены къ непроданнымъ до 10-го декабря нынѣшняго года имѣніямъ подлежащимъ обязательной продажѣ. Имѣнія г. Млодецкаго слѣдовало оцѣнить, а ему выдать соотвѣтствующую ренту, причемъ, конечно, слѣдовало обратить вниманіе на то обстоятельство, что эти имѣнія не составляютъ полной собственности владѣльца.

Такъ представляется намъ вопросъ о ленныхъ имѣніяхъ западнаго края, подлежащихъ обязательной продажѣ. Это вопросъ совершенно ясный, но еслибъ онъ требовалъ разъясненія, то разъясненіе можетъ быть дано лишь общимъ узаконеннымъ въ государствѣ порядкомъ и никакъ не входитъ въ кругъ права лицъ завѣдывающихъ нотаріальною частью мѣстныхъ судебныхъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе однакоже кіевская палата гражданскаго суда совершила купчую на имѣнія г. Млодецкаго. Въ этомъ слѣдовало бы видѣть превышеніе власти, даже еслибъ имѣнія г. Млодецкаго были проданы и безъ нарушенія указа 10-го декабря 1865 года. Но при той продажѣ о которой идетъ рѣчь, нарушена и буква этого указа и существенный смыслъ его. Г. Млодецкій продалъ свои имѣнія своему тестю князю Любомірскому, къ дочери котораго, находящейся замужемъ за г. Млодецкимъ, они перейдутъ по праву наслѣдства. Если эта купчая останется въ силѣ, то законъ 10-го декабря будетъ обойденъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. Понятно, что подобное дѣло должно было взволновать весь Кіевъ: тамошнее русское общество видѣло тутъ не отдѣльный случай, а новый образчикъ того издѣвательства надъ распоряженіями закона, которымъ такъ часто сопровождаются продѣлки, совершаемыя во имя польской справы при содѣйствіи или явномъ попущеніи со стороны офиціальныхъ лицъ, поставленныхъ для

охраненія закона и для борьбы со всѣмъ тѣмъ, что ему противорѣчитъ и подъ него подрывается.

Совершенно понимая раздраженіе кіевскаго общества, мы считаемъ однакоже нужнымъ выставить на видъ, что было бы неосновательно считать продажу имѣній г. Млодецкаго дѣломъ оконченнымъ. Во-первыхъ, все это случилось въ отсутствіе кіевскаго генералъ-губернатора, на которомъ спеціально лежитъ забота о приведеніи указа 10-го декабря 1865 года въ дѣйствіе, и нѣтъ никакого повода думать, чтобъ отъ А. П. Безака укрылась важность этого дѣла. Во-вторыхъ, пересмотръ его не только возможенъ, но и не можетъ быть обойденъ, если только вѣрно доходящее до насъ извѣстіе, что кіевскій прокуроръ протестовалъ противъ резолюціи гражданской палаты, допустившей совершеніе купчей крѣпости. Итакъ путей, чтобы поправить ошибку, остается много, и нѣтъ недостатка въ людяхъ, обязанныхъ воспользоваться этими путями. Тревожиться пока еще нечего. Скандалезнаго прецедента, по всему вѣроятію, не будетъ, и законъ 10-го декабря не подвергнется посмѣянію. Требуется только разъяснить юридическую сторону дѣла, и устранить недоразумѣнія, коими могли руководиться чиновники, совершавшіе купчую крѣпость. *Кіевлянинъ* оказалъ уже въ этомъ отношеніи серіозную услугу. Его аргументація вполнѣ убѣдительна, и въ интересѣ дѣла остается только желать, чтобы тѣ лица, которыя не убѣдились доводами *Кіевлянина*, потрудились защитить свои убѣжденія или свои предложи публично.

Мы говорили выше о юридическихъ послѣдствіяхъ того, что имѣнія г. Млодецкаго суть имѣнія ленныя. Но положимъ, что этихъ послѣдствій не существуетъ, и что имѣнія г. Млодецкаго, во время совершенія купчей крѣпости, уже не были имѣніями ленными. Имѣлъ ли онъ даже въ этомъ случаѣ право продать ихъ своему тестю князю Любомірскому, а князь Любомірскій имѣлъ ли право купить ихъ? Князь Любомірскій, во вниманіе къ его политической благонадежности, изъятъ Высочайшею милостію изъ дѣйствія указа 10-го декабря. Что это значитъ? Изъятіе изъ указа есть освобожденіе отъ его запрещеній. Что же запрещается этимъ указомъ? Запрещается лицамъ польскаго происхожденія покупать имѣнія въ западномъ краѣ: князь Любомірскій, въ силу изъятія, имѣетъ право покупать имѣнія въ томъ краѣ наравнѣ со всѣми лицами не польскаго происхожденія. Но одного изъятія изъ силы указа 10-го декабря не достаточно для того, чтобы можно было признать князя Любимірскаго лицомъ русскаго происхожденія или чтобы на него можно было смотрѣть какъ на лицо не римско-католическаго, а православнаго или протестанскаго исповѣданія, что именно требуется для права покупать имѣнія подлежащія обязательной продажѣ. Недавно былъ случай, относящійся къ тому же дѣлу и его разъясняющій. Обыватели балтійскихъ губерній, не польскаго происхожденія, имѣютъ право покупать въ западномъ краѣ имѣнія, не подлежащія обязательной продажѣ, но объ этихъ послѣднихъ имѣніяхъ въ законѣ прямо сказано, что они могутъ быть продаваемы лишь лицамъ русскаго происхожденія, православнаго и протестантскаго исповѣданій, а потому возникалъ вопросъ, можно ли обывателей балтійскихъ губерній допускать къ покупкѣ этихъ имѣній, признавая ихъ за лицъ русскаго происхожденія, не смотря на ихъ не русскія имена. Этотъ вопросъ былъ разъясненъ въ такомъ смыслѣ, что обывателей балтійскихъ губерній слѣдуетъ признавать за лицъ русскаго происхожденія протестантскаго исповѣданія. Еслибы имѣлось въ виду уравнять съ ними князя Любомірскаго, то было бы повелѣно признавать и его за лицо русскаго происхожденія. Но и этого было бы не достаточно: чтобы на его имя могла быть совершена купчая по имѣнію подлежащему обязательной продажѣ, надобно было бы прибавить, что по отношенію къ указу 10-го декабря онъ признается за лицо не только русскаго происхожденія, но и православнаго или протестантскаго исповѣданія. Судебное дѣло требуетъ точности. Оно допускаетъ фикціи. Когда было бы велѣно предоставить князю Любомірскому всю полноту правъ, какъ если бы онъ не принадлежалъ римско-католическому исповѣданію, то судебное мѣсто было бы обязано дѣйствовать на основаніи этой фикціи. Но судъ не вправѣ самъ, помимо законовъ, сочинять фикціи; онъ обязанъ руководиться только тѣмъ, что прямо сказано ему подлежащею властью. Онъ долженъ смотрѣть на князя Любомірскаго какъ на лицо не польскаго происхожденія, и допускать его къ пользо-

ванію всѣми правами, принадлежащими лицамъ этой категоріи, но онъ не имѣетъ основанія не видѣть въ немъ лица принадлежащаго къ исповѣданію римско-католическому, или признавать его за лицо происхожденія русскаго. Какъ изъятый изъ дѣйствія закона 10-го декабря, князь Любомірскій имѣетъ равныя права со всѣми тѣми, на кого сила закона 10-го декабря не простиралась, какъ не простиралась она и на обывателей балтійскихъ губерній. Всѣ эти лица были совершенно изъяты изъ дѣйствій этого закона, но этого было недостаточно чтобы допустить ихъ къ покупкѣ имѣній подлежащихъ обязательной продажѣ. Для этого, кромѣ изъятія, коимъ они уже сами по себѣ пользовались, требовалось еще нѣчто другое,—требовалось признаніе ихъ за лицъ русскаго происхожденія. Они получили это признаніе; что-бы князь Любомірскій былъ уравненъ съ ними, для этого нужно чтобы кромѣ изъятія, онъ былъ признанъ за лицо русскаго происхожденія. Но это признаніе не было дано ему. Какъ изъятый, князь Любомірскій имѣетъ право покупать всѣ тѣ имѣнія въ западномъ краѣ, которыя могутъ быть куплены всѣми русскими и не-русскими подданными, не принадлежащими къ числу лицъ польскаго происхожденія. Но безъ спеціальнаго разрѣшенія, котораго доселѣ не послѣдовало, онъ не имѣетъ права покупать тѣ имѣнія, которыя могутъ быть куплены только лицами русскаго происхожденія православнаго или протестантскаго исповѣданія,—онъ не имѣетъ права покупать имѣнія подлежащія обязательной продажѣ.

Вѣрность этого толкованія подтверждается возникшимъ нынѣ вопросомъ. Если бы за княземъ Любомірскимъ было признано право купить имѣніе своего зятя, г. Млодецкаго, то это право, признанное за княземъ Любомірскимъ, оказалось бы въ то же время правомъ г. Млодецкаго продать свои имѣнія такому лицу, отъ коего они должны достаться по закону дѣтямъ г. Млодецкаго. Но о такомъ правѣ г. Млодецкій не ходатайствовалъ, и тѣмъ менѣе оно можетъ считаться ему даннымъ.

№ 284.

Москва, 29-го декабря.

Многіе жалуются, что введеніе судебной реформы во всей Россіи подвигается слишкомъ тихо. Конечно, было бы весьма желательно видѣть новый порядокъ распространеннымъ какъ можно скорѣе до послѣднихъ уголковъ страны, но при настоящихъ средствахъ это неисполнимо. Лишь бы по крайней мѣрѣ всѣ могли быть увѣрены, что дѣло введенія судебной реформы не остановилось, что оно постоянно движется, хотя медлительно, но вѣрно и послѣдовательно; а въ этомъ отношеніи, кажется, не можетъ быть сомнѣнія. Съ 1-го января вступаетъ въ силу судебная реформа, съ нѣкоторыми мѣстными измѣненіями, на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ; въ слѣдующемъ же году, по всей вѣроятности, откроется Одесскій судебный округъ, а за нимъ, Богъ дастъ, и другіе. Въ Высочайшемъ указѣ обѣщано повсемѣстное введеніе судебной реформы въ теченіе четырехъ лѣтъ; безъ сомнѣнія, къ исполненію Высочайшей воли будутъ приняты всѣ возможныя мѣры, сообразно наличнымъ средствамъ государственнаго казначейства,—условіе безъ котораго никакіе разчеты не могутъ быть приведены въ исполненіе. Говорятъ, будто бы предполагается установить заранѣе, законодательнымъ порядкомъ, общую программу, по коей должно совершаться введеніе судебной реформы во всѣхъ частяхъ Россіи. Для правильнаго хода реформы, дѣйствительно, было бы необходимо предварительное примѣрное расписаніе мѣстностей, гдѣ послѣдовательно будетъ учреждаема новая судебная организація. Особенно важнымъ дѣломъ государственной политики будетъ избраніе центральныхъ пунктовъ для резиденціи судебныхъ палатъ. Съ одной стороны тѣмъ меньше будетъ издержекъ чѣмъ меньше округовъ судебныхъ, и напротивъ, чѣмъ чаще устроена будетъ сѣть судебныхъ палатъ, тѣмъ больше потребуется расходовъ. Но съ другой стороны неправильно было бы смотрѣть на этотъ предметъ исключительно съ финансовой точки зрѣнія. У насъ есть города историческіе, которые не слѣдуетъ забывать, въ которыхъ необходимо поддерживать узлы, завязанные исторіей, если мы хотимъ, чтобы прогрессъ совершался на

надежной исторической почвѣ. Эти узлы завязаны не даромъ: гдѣ останавливалась исторія народа и положила печать свою, тамъ вѣрно есть явный или скрытый источникъ жизни. Эти источники надобно питать и разрабатывать. Еслибы, положимъ, нельзя было учредить судебныя палаты и въ Одессѣ и въ Кіевѣ, и надобно было дѣлать выборъ между этими двумя городами — въ которомъ изъ нихъ должна быть учреждена судебная палата, — могла ли бы Одесса устоять противъ Кіева, какъ бы ни было превосходно въ первой предъ послѣднимъ торговое и промышленное движеніе? Въ Кіевѣ коренная, историческая, народная сила, къ Кіеву идетъ изо всего края, и изъ цѣлой Россіи, могучая тяга не однѣхъ только промышленныхъ, но и нравственныхъ силъ. Въ политическомъ отношеніи для Россіи выгодно все что возвышаетъ значеніе Кіева. Назовемъ еще городъ о которомъ ходятъ разные толки по поводу учрежденія судебныхъ округовъ. Это Смоленскъ. Слышится мнѣніе будто нѣтъ никакой нужды учреждать судебную палату въ Смоленскѣ, будто Смоленскую губернію весьма удобно будетъ, для экономіи, присоединить къ Московскому округу, а Бѣлорусскія губерніи отчислить къ Петербургу, доколѣ не представится возможность учредить судебную палату въ Вильнѣ. Такія рѣчи понятны лишь въ устахъ петербургскихъ собесѣдниковъ, никогда не покидавшихъ сѣверной столицы. Не мудрено если для нихъ иногда вся Россія представляется ровнымъ полемъ — tabula rasa — на которомъ можно дѣлать всякіе разчеты и вычисленія съ карандашомъ и линейкой. Смоленскъ городъ совсѣмъ особенный; его нельзя смѣшивать съ остальными. Важное значеніе его въ исторіи не утратилось въ народномъ сознаніи и оказывается донынѣ на практикѣ. Несмотря на совершенное почти отсутствіе въ немъ торговаго и промышленнаго движенія, несмотря на свою бѣдность и скудость почвы, Смоленскъ есть сила дѣйствительная, сила притягательная и объединительная. Въ этомъ краю бывшемъ столь долго подъ польскою властью и подъ польскими законами, населеніе отличается глубиной и живостью русскаго національнаго чувства и крѣпкою привязанностью къ своей мѣстности (признакъ весьма значительный). Весьма важно поставить въ этомъ, а не въ иномъ какомъ-либо мѣстѣ центръ судебнаго управленія и къ этому пункту направить движеніе мѣстныхъ интересовъ изъ сосѣднихъ бѣлорусскихъ и литовскихъ губерній, съ полною увѣренностью, что здѣсь будетъ неподвижный пунктъ русскаго вліянія, источникъ русской притягательной силы. Вотъ почему, кажется, Смоленскъ ни въ какомъ случаѣ обходить не слѣдуетъ при распредѣленіи новыхъ судебныхъ палатъ, и можно надѣяться, что его не обойдутъ.

Вопросъ о повсемѣстномъ введеніи новыхъ судовъ встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи съ важными затрудненіями. Есть исключительныя обстоятельства, напримѣръ, въ сѣверныхъ отдаленныхъ губерніяхъ, обширныя пространства, малочисленность населенія, которыя потребуютъ особаго примѣненія судебныхъ учрежденій къ этимъ мѣстностямъ. Какъ напримѣръ, при обширности пространствъ, удержать обязательность личной явки тяжущихся на судъ? Какъ учреждать коллегіальные суды, когда въ нихъ дѣлъ почти не будетъ? Но за этими особыми обстоятельствами едва ли признано будетъ невозможнымъ введеніе судебной реформы и въ этихъ мѣстностяхъ, слышно, будто бы предполагается установить для нихъ суды подвижные не только по уголовнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ, и дать особенное развитіе мировому суду. Вообще и въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ судебная реформа еще не можетъ быть введена въ скоромъ времени, было бы, надобно думать, полезно, не дожидаясь срока, ввести учрежденіе мировыхъ судей и пріурочить ихъ къ существующимъ судебнымъ учрежденіямъ. Введеніе мировой юстиціи особенно затруднительно въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ еще не введены земскія учрежденія: здѣсь нѣтъ земскихъ собраній, на которыхъ выбираются мировые судьи, а положеніе нѣкоторыхъ мѣстностей, напримѣръ, западнаго края, таково что и предвидѣть нельзя, когда здѣсь могутъ быть введены земскія учрежденія. Говорятъ, что вопросъ о примѣненіи мировой юстиціи къ этимъ мѣстностямъ серіозно уже обсуждается для внесенія на законодательное разсмотрѣніе Многіе полагаютъ, что было бы возможно предоставить въ западномъ краѣ назначеніе мировыхъ судей административной власти; но въ обществѣ слышатся и другіе голоса, рѣшительно оспаривающіе это мнѣніе. Утверждаютъ, что если мировые судьи бу-

дутъ назначаемы отъ правительства въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, то отъ этого существенно измѣнится характеръ всего учрежденія мировой юстиціи; что при назначеніи судей мѣстною административною властью, мировые судьи утратятъ самостоятельность, которую обезпечили имъ общіе судебные уставы и которую необходимо удержать за ними, особливо при обширной подсудности имъ предоставленной; что этимъ путемъ, безъ сомнѣнія, попадутъ въ мировые судьи многіе люди мало способные или недостойные судебнаго званія, такъ какъ мѣстной администраціи не изъ кого дѣлать выборъ и придется довольствоваться тѣми же кандидатами изъ коихъ нынѣ набираются люди въ полицейскія должности, и такимъ образомъ унижено будетъ въ общемъ мнѣніи значеніе должности, для которой въ особенности потребны непоколебимая честность и чувство доблести гражданской.

При введеніи въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ учрежденій одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ: что дѣлать съ прежними судебными мѣстами и со старыми дѣлами въ нихъ производящимися? До сихъ поръ, при введеніи новыхъ учрежденій въ Петербургскомъ и Московскомъ округахъ, старыя судебныя мѣста оставляемы были въ дѣйствіи на ряду съ новыми, впредь до окончанія старыхъ дѣлъ; только принимались мѣры къ сокращенію старыхъ штатовъ. Но эта двоякая одновременная дѣятельность старыхъ и новыхъ учрежденій оказалась во многихъ отношеніяхъ неудобною. Не говоря уже о двойныхъ издержкахъ на содержаніе двойныхъ учрежденій, большая невыгода происходила отъ того что одни дѣла производились новымъ судомъ, а другія въ то же время старымъ, что было весьма ощутительно для тяжущихся, а еще болѣе для подсудимыхъ. Притомъ, дѣятели новыхъ судовъ на первое время должны были оставаться безъ дѣла, между тѣмъ какъ въ старыхъ судахъ было еще много работы которую надлежало вести старымъ порядкомъ, въ общемъ мнѣніи уже потерявшимъ свое прежнее значеніе; слѣдовательно и люди поставленные додѣлывать старое дѣло легко могли относиться къ нему съ равнодушіемъ, если не съ пренебреженіемъ, что во всякомъ случаѣ не соотвѣтствовало интересамъ и цѣлямъ правосудія, одинаковымъ и для новаго и для стараго суда. Подсудимыя лица имѣли основаніе роптать, что въ старыхъ судахъ дѣла ихъ ведутся вяло и небрежно, въ то время когда дѣйствуетъ уже новый судъ къ которому привлечено общее вниманіе. Остатки старыхъ учрежденій и теперь еще доживаютъ свой срокъ въ Петербургскомъ и Московскомъ округахъ; но на будущее время желательно чтобы при дальнѣйшемъ введеніи судебной реформы не повторялись неудобства отъ совмѣстной дѣятельности старыхъ и новыхъ учрежденій. Говорятъ, принята будетъ другая система: будто бы уже рѣшено, что старыя судебныя мѣста должны закрываться повсюду одновременно съ открытіемъ новыхъ учрежденій, и что окончаніе старыхъ дѣлъ остающихся нерѣшеными возложено будетъ на новые суды и на новыхъ судебныхъ дѣятелей. По Харьковскому округу отчасти уже приняты подобныя мѣры: прежде открытія въ этомъ округѣ новыхъ судовъ, лица опредѣленныя въ новыя должности отправлены были на мѣсто, съ тѣмъ чтобы заранѣе приступить къ ревизіи и разбору дѣлъ въ старыхъ судахъ и принять мѣры къ скорѣйшему ихъ окончанію. Ликвидація старыхъ дѣлъ представляла немалыя затрудненія повсюду, гдѣ только вводилась новая система судопроизводства на мѣсто старой, письменной, на иныхъ началахъ устроенной. Мы имѣемъ предъ собой недавній примѣръ многихъ германскихъ государствъ, гдѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе совершались реформы подобныя нашей. Главнѣйшее затрудненіе то что введеніе новаго суда застигаетъ старыя дѣла въ разныхъ періодахъ развитія соотвѣтственно старому порядку, который весьма трудно или совсѣмъ невозможно согласить съ новымъ, такъ чтобы старый процессъ перевесть на новый порядокъ. Между тѣмъ справедливость требуетъ, по возможности, сохранить для тяжущихся всѣ совершившіеся въ старомъ порядкѣ факты, связанные съ ихъ законными интересами, соблюсти и оградить всякія права, пріобрѣтенныя во время стараго процесса въ его формахъ и духѣ, сохранить неприкосновенными всѣ послѣдствія различныхъ дѣйствій, хотя бы и потерявшихъ всякое значеніе въ новомъ. Поэтому составленіе правилъ о переводѣ старыхъ дѣлъ въ новый порядокъ, на различныхъ ступеняхъ развитія ихъ, представляло повсюду труднѣйшую задачу для законодателя. Но у насъ

разрѣшеніе этой задачи значительно облегчается тѣмъ, что для старыхъ дѣлъ въ послѣднее время установлены были особыя правила производства, средина между старою системой суда по X и XV тому Свода и новыми уставами. Правилами 11-го октября 1865 года, имѣвшими въ виду именно подготовленіе старыхъ дѣлъ къ новому порядку, были уже введены въ судопроизводство многія начала и формы новаго суда и значительно сокращены или вовсе отмѣнены многія формы старой обрядности. Благодаря тому, кажется, безъ особыхъ затрудненій можно будетъ, при самомъ введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій, передавать въ вѣдѣніе новыхъ дѣятелей всѣ неоконченныя дѣла изъ упраздняемыхъ судебныхъ мѣстъ, съ тѣмъ чтобы дѣла эти оканчивались въ особыхъ отдѣленіяхъ новаго суда по правиламъ 11-го октября 1865 года.

№ 285.

Москва, 30-го декабря.

Истекающій годъ оставляетъ европейскія дѣла въ положеніи крайне запутанномъ и мудреномъ. Послѣднія основы стараго, столь долго державшагося международнаго права окончательно рухнули, а новаго ничего не установилось, и силы Европы находятся въ смутномъ броженіи, не зная въ какія отношенія придется имъ стать другъ къ другу, и какъ опредѣлятся условія ихъ равновѣсія. Все предано движенію, все подлежитъ вопросу; нѣтъ проторенныхъ путей для правительствъ, нѣтъ общихъ мѣстъ для политики. Если когда-нибудь, то именно теперь требуются отъ людей политическихъ всего болѣе чуткость и зоркость. Ни на что нельзя прочно положиться, и ко всему надобно особо примѣняться. Что могло быть хорошо вчера, то можетъ стать завтра опаснымъ или невыгоднымъ для тѣхъ же самыхъ интересовъ. Въ эти послѣднія минуты истекающаго года мы не можемъ не порадоваться, что Россія, благодаря принятой ею ясной и твердой національной политикѣ, благодаря мудрости, искусству и достоинству, съ какими были ведены ея дѣла, заняла во всей силѣ подобающее ей въ Европѣ положеніе. Можно безъ преувеличенія сказать, что судьбы Европы были въ рукахъ ея правительства. Но нельзя не признать также и того, что такому могущественному положенію Россіи способствовало запутанное положеніе европейскихъ дѣлъ, которое, слава Богу, не застигло ея въ расплохъ. Она одна посреди этой сумятицы сохранила твердость, и благодаря ей, спокойствіе Европы не было нарушено. Она еще разъ блистательно доказала, что ея присутствіе въ европейской системѣ есть могущественный элементъ мира и устойчивости, вопреки тѣмъ наглымъ обвиненіямъ, которыя сыплются на нее тѣмъ упорнѣе и ожесточеннѣе, чѣмъ менѣе подаетъ она повода къ нимъ. Въ истинно-національной политикѣ Россіи нѣтъ и не можетъ быть никакихъ стремленій къ захватамъ на европейской почвѣ. Ея интересы въ Европѣ суть чисто нравственнаго свойства; вся сила ея заключается только въ храненіи и развитіи того чѣмъ она уже обладаетъ; всѣ источники ея могущества и процвѣтанія находятся въ ней самой, и ея благосостояніе не требуетъ поддержанія гдѣ-либо вопіющихъ аномалій, несправедливостей и насилій. Восточный вопросъ, за который особенно возлагаютъ на нее отвѣтственность, не ею созданъ и не ею питается; не ею поддерживается то возмутительное положеніе, которое представляетъ собою турецкій востокъ, принятый въ систему европейскихъ государствъ; не она своекорыстно эксплуатируетъ это чудовищное положеніе дѣлъ; не въ ея интересахъ сохранять, во что бы то ни стало, это варварское государство, въ которомъ двухмилліонная мусульманская орда, лишенная всѣхъ условій гражданственности и національнаго развитія, властвуетъ надъ многочисленными христіанскими населеніями, и не Россія приводитъ эти населенія въ отчаяніе. Если восточные христіане обращаютъ къ ней свои взоры и возлагаютъ на нее всѣ свои надежды, то слѣдуетъ ли ее винить за это, вмѣсто того чтобы соединиться съ нею въ общемъ дѣлѣ справедливости и освобожденія? Пусть не вѣрятъ безкорыстію Россіи, пусть будутъ основательны опасенія ея противниковъ, видящихъ угрозу для Европы въ покровительствѣ, которое она оказываетъ христіанскимъ народамъ Турціи; но пусть въ то же время эти противники Россіи отдадутъ себѣ отчетъ въ томъ, кто виной этого положенія дѣлъ, которое кажется имъ такъ опаснымъ? Не сами ли они обращаютъ всѣ надежды Востока на Россію? Еслибы

вмѣсто историческихъ симпатій, которыя дѣйствительно связываютъ Россію съ этими населеніями, она была совершенно чужда имъ, то и тогда политика принятая другими державами, по необходимости, заставила бы ее войдти въ положеніе этихъ народовъ. Могла ли бы Россія отказать имъ въ своемъ участіи? Естественно ли было бы со стороны могущественнаго государства отталкивать народы, ищущіе въ немъ покровительства и опоры? Но не будучи заинтересована въ поддержаніи Турецкой имперіи, Россія точно также не имѣетъ своекорыстныхъ причинъ желать ея насильственнаго паденія. Недавно обнародованный рядъ дипломатическихъ документовъ ея правительства доказываетъ съ полною очевидностію, что она находитъ возможнымъ согласовать поддержаніе власти султана съ удовлетвореніемъ существенныхъ требованій его христіанскихъ подданныхъ, изъ коихъ главнымъ образомъ состоитъ населеніе европейской Турціи. Предложенный Императорскимъ кабинетомъ планъ устройства Турціи есть единственная разумная формула для существованія верховной мусульманской власти надъ христіанскими населеніями въ современной Европѣ. Всѣ эти неискренніе и нечестные голоса, которые шумливо раздались въ Европѣ по случаю обнародованныхъ Императорскимъ кабинетомъ дипломатическихъ депешъ, не могли сказать ничего сколько-нибудь уважительнаго противъ этого плана, столько же доброжелательнаго къ самому султану, сколько и къ его христіанскимъ подданнымъ. Пусть правительства, которыя такъ усердно ратуютъ за цѣлость и неприкосновенность Турецкой имперіи, озаботятся прежде привести ее въ такое положеніе. чтобы возможно было, не оскорбляя самыхъ элементарныхъ требованій здраваго смысла, не говоря уже о христіанской нравственности, поддерживать ея существованіе, — и тогда пусть охраняется ея цѣлость и неприкосновенность общимъ ручательствомъ Европы. Интересы Россіи отнюдь не требуютъ какой-либо насильственной катастрофы на Востокѣ. Правда, не отказываясь отъ самой себя, Россія не можетъ, въ угоду какимъ бы то ни было партіямъ, отказаться отъ своего положенія на Востокѣ; она не можетъ уничтожить этотъ Восточный вопросъ, который ставятъ ей въ упрекъ и въ которомъ она менѣе всѣхъ виновна; она не можетъ обмануть довѣріе этихъ страждущихъ народовъ, которые возбуждаются къ жизни ходомъ событій въ самой Европѣ и которымъ та же Европа отказываетъ въ жизни. Но съ другой стороны, ихъ же собственный интересъ, сколько и собственный интересъ Россіи, запрещаютъ ей торопить событія. Враги Россіи, а еще болѣе ея *друзья*, стараются распространять и явно, и подъ рукой, тревожныя опасенія касательно Восточнаго вопроса, и возбуждать недовѣріе къ русской политикѣ, якобы заинтересованной тѣмъ, чтобы въ эту минуту неурядицы господствующей въ Европѣ произвести взрывъ на Востокѣ. Напротивъ, именно въ виду этихъ неопредѣленностей и запутанностей, которыя характеризуютъ теперешнее положеніе дѣлъ въ Европѣ, вся тайна успѣха для русской политики заключается теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, въ мудромъ самообладаніи. Не роняя духа въ христіанскихъ народахъ Востока, не охлаждая ихъ справедливыхъ стремленій, не лишая ихъ надеждъ, неутомимо предстательствуя за нихъ предъ Европой, въ то же время по возможности успокоивать ихъ, воздерживаться отъ всякаго отдѣльнаго дѣйствія, не вызваннаго другими державами,—вотъ та политика, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ образовавшемуся положенію дѣлъ, и которая можетъ поддержать силу европейскаго положенія Россіи и тѣмъ способствовать дѣйствительному и благополучному разрѣшенію Восточнаго вопроса Ошибочно было бы думать, что въ Восточномъ вопросѣ Россія можетъ благонадежно разчитывать на союзъ съ Пруссіей. Ничего не можетъ быть обманчивѣе тѣхъ возбужденій, которыя могутъ со стороны Пруссіи проникать въ сферу русской политики. Россіи стоитъ только послѣдовать этимъ возбужденіямъ, какъ она тотчасъ же почувствуетъ весьма невыгодную перемѣну въ своемъ европейскомъ положеніи....

Цѣна 3 руб.

Складъ изданія въ конторѣ типо-литографіи
В. В. Чичерина, Москва, Мясницкая улица, домъ
Духовной Конеисторіи.